ПОСЛѢДНІЯ 10 ЛѢТЪ

ПЕРВАГО

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ

существованія

С. ПЕТЕРБУРГСКАГО

СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО

ОБЩЕСТВА.

U.B.C. LIBRARY

UBC
LIBRARY
NOT
DISCARD

NOT
UBC LIBRARY
DISCARD

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of British Columbia Library

http://www.archive.org/details/posliedniiadesia00slav

ПОСЛѢДНІЯ 10 ЛѢТЪ

ПЕРВАГО ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ

СУЩЕСТВОВАНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

ПО ПРОТОКОЛАМЪ ОБЩИХЪ СОБРАНІЙ ЕГО ЧЛЕНОВЪ,

состоявшимся въ 1883—1893 г.г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій пр., № 136—138.
1893.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1883 г., къ 15-лѣтней годовщинѣ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, по его порученію, мною были собраны, приведены въ порядокъ и напечатаны въ сборникѣ: „**Первыя 15 лѣтъ**“ протоколы общихъ собраній гг. членовъ Общества, состоявшихся въ 1868—1883 гг.

За тѣмъ, общимъ собраніемъ, состоявшимся 20 Декабря минувшаго года, мнѣ же было поручено собрать и напечатать, къ 25-лѣтію существованія Общества, протоколы общихъ собраній 1883—1893 гг.

И это порученіе мною нынѣ исполнено: предъ Вами лѣтопись: „**Послѣднія 10 лѣтъ перваго 25-лѣтія существованія Славянскаго Общества**“.

Предоставляя моимъ сочленамъ судить—на сколько умѣло исполнено мною возложенное ими на меня порученіе, я вѣрую, что чтеніе этой лѣтописи вызоветъ въ нихъ воспоминанія, подобныя тѣмъ, какія 10 лѣтъ тому назадъ пробудилъ въ душѣ почетнаго члена нашего Общества, К. Н. Бестужева-Рюмина, первый сборникъ.

Вотъ что писалъ глубокоуважаемый профессоръ въ 1884 году:

„Получивъ сегодня изданіе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества: „Первыя пятнадцать лѣтъ“, спѣшу писать къ Вамъ, чтобы просить Васъ выразить Совѣту мою глубокую признательность за память, которая мнѣ очень и очень дорога.

Перебирая сборникъ протоколовъ 1868—1883 гг., я снова переживалъ и радости и тяжкіе дни, нѣкогда пережитые нами; но теперь, отойдя въ прошлое, радостные дни выдвигаются на первый планъ: вѣрится, что тотъ подъемъ народнаго духа, то великое мгновеніе народнаго самосознанія, свидѣтелями котораго мы были и въ которомъ и намъ суждено было принять участіе не только достояніе прошлаго, но и залогъ великаго будущаго. Вѣрится, что если не мы, то слѣдующія за нами поколѣнія увидятъ осуществленіе тѣхъ надеждъ, которыя наполняли насъ въ ту великую годину. Счастливъ будетъ тотъ изъ насъ, кому суждено повторить слова Симеона: „Нынѣ отпущаеши, Владыко, раба Твоего съ миромъ, яко видѣста очи моя спасеніе Израиля“. Да, стократъ будетъ счастливъ этотъ избранникъ, какъ бы много горя и разочарованій ни видалъ онъ въ своей жизни.

Когда я перелистывалъ страницы глубоко-поучительной книги, присланной мнѣ Совѣтомъ, передо-мною, какъ живые, вставали нѣкогда бывшіе дѣятели: мнѣ слышались пылкія страстныя рѣчи А. Б. Иваницкаго, мнѣ видѣлся изящный образъ Гильфердинга, соединявшаго въ изумительной соразмѣрности и цѣльности глубокое знаніе славянства, вѣру въ его будущее и ясный, практическій умъ; передо мною вставалъ добрый, кроткій, но непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, А. В. Фрейгангъ; снова вижу Н. А. Кирѣева, такъ много потрудившагося для нашего Общества и получившаго высокую честь первому въ наши дни закрѣпить своею героическою смертью связь славянскихъ народовъ; снова проходила передо мною безустанная, безупречная, святая дѣятельность И. И. Петрова и снова слышалось мощное слово великаго учителя земли русской, котораго мы имѣли счастіе видѣть, хотя и не надолго, между нами.

Да, дѣло, основанное такими людьми, покоящееся на коренныхъ свойствахъ великаго народа, умѣющаго и ждать и терпѣть, не можетъ умереть. Дѣло это прочно и если ждутъ новыя затрудненія, то ихъ бояться нечего — и не такія затрудненія побѣждалъ нашъ народъ. Богъ существуетъ, Онъ справедливъ, и нашъ день наступитъ для торжества правды надъ ложью, внутренняго намъ внѣшнимъ, истиннаго надъ условнымъ.

В. Аристовъ.

11 Мая 1893 г.

1883 ГОДЪ.

Въ 1883 г. состоялось 8 засѣданій, въ томъ числѣ одно—14 февраля—торжественное. Протоколы первыхъ пяти засѣданій напечатаны въ Сборникѣ: «ПЕРВЫЯ 15 ЛѢТЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА», изданномъ въ началѣ 1883 г. Въ послѣднихъ трехъ засѣданіяхъ происходило слѣдующее:

I.

21 ІЮНЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Прочитанъ и утвержденъ проектъ протокола общаго собранія, состоявшагося 23 апрѣля.

Избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Доложено заявленіе В. П. Аристова и заключеніе Совѣта по поводу этого заявленія, объ увеличеніи на 2.000 р. ассигнованнаго 16 января 1883 г. кредита на покрытіе указанныхъ въ заявленіи издержекъ на изданіе Сборника протоколовъ общихъ собраній, состоявшихся въ 1868—1883 гг., съ позаимствованіемъ этой суммы изъ запаснаго капитала и погашеніемъ овой на тѣхъ же условіяхъ, какія были опредѣлены при позаимствованіи первоначально ассигнованнаго на этотъ же предметъ кредита.

По докладѣ заявленія и заключенія, г. предсѣдатель предложилъ собранію баллотировать вопросъ объ увеличеніи кредита, ассигнованнаго на изданіе Сборника протоколовъ, на 2.000 р., на предложенныхъ Совѣтомъ условіяхъ.

По баллотировкѣ вопросъ этотъ собраніе разрѣшило единогласно въ утвердительномъ смыслѣ.

II.

17 НОЯБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Были прочитаны:

а) М. О. Кояловичемъ:

Сообщеніе объ апелляціи въ папѣ галицкаго уніатскаго священника, Іоанна Наумовича, отлученнаго отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ, и о значеніи этого памятника съ русской и общеславянской точки зрѣнія.

Мм. гг.

Прежде, чѣмъ приступлю къ указанному сейчасъ предмету моего сообщенія, считаю необходимымъ заявить, что въ моихъ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ я устраняю всякіе политическіе вопросы и никакихъ и вичьихъ сферъ или, пожалуй, атмосферъ, такъ называемыхъ политическихъ интересовъ касаться не намѣренъ и не имѣю къ тому ни малѣйшаго желанія.

Здѣсь, въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ, мы служимъ по мѣрѣ нашихъ силъ дѣлу человѣколюбія. Во всякомъ истинномъ человѣколюбіи есть непремѣнно большая или меньшая доля служенія общечеловѣческому благу,—не того, конечно, служенія общечеловѣческому благу, которымъ такъ много и такъ смѣло гордятся народы западной Европы, осуществляя его то во всемірномъ господствѣ папскаго латинства, то въ формѣ слѣдующаго вездѣ за папствомъ безбожія, то, наконецъ, въ упованіяхъ возсозлать на развалинахъ папскаго латинства и безбожія жидовское, талмудическое единобожіе.

Наше служеніе человѣческому благу мы понимаемъ безхитростно, въ прямомъ христіанскомъ смыслѣ, и выражаемъ его въ нашей дѣятельности въ томъ съуженномъ видѣ, на какой прямо указываетъ Священное Писаніе Новаго Завѣта. Тѣмъ же убо, пишетъ апостолъ Павелъ къ Галатамъ,—тѣмъ же убо, дондеже время имамы, да дѣлаимъ благое ко всѣмъ, паче же къ присным въ вѣрѣ *).

*) Гал., VI, ст. 10.

Мы не сдѣлаемъ отступленія отъ смысла этого текста, если будемъ такъ прилагать его къ нашей дѣятельности: да дѣлаемъ благое всѣмъ, паче-же людямъ русской вѣры и русской народности и вообще славянамъ.

Теперь уже не составляетъ никакого секрета и не можетъ представить никакой новости заявленіе, что на отдаленной юго-западной, русской, этнографической окраинѣ, за предѣлами русскаго государства, въ Галиціи, страдаетъ наша родная плоть и кровь,—страдаютъ лучшіе галичане по извѣстному, оказавшемуся напраснымъ, дѣлу о государственной измѣнѣ, и лучшіе не по нашему только мнѣнію, а по признанію тамошняго русскаго народа.

Въ особенности страдаютъ тѣ изъ нихъ, которые, хотя и оправданы, какъ и всѣ другіе, даже польскими присяжными, по обвиненію въ государственной измѣнѣ, но обвинены въ волненіи народа по извѣстному дѣлу о попыткѣ уніатовъ-галичанъ перейти въ православіе. Страдаютъ особенно слѣдующія лица: священникъ м. Скалата отецъ Іоаннъ Наумовичъ, редакторъ галицкой газеты „Слово" Площанскій и крестьяне Залусскій и Шпундеръ.

Высшій вѣнскій судъ не уважилъ ихъ апелляціи; о помилованіи ничего не слышно. Но извѣстно достовѣрно, что эти присужденные къ тяжкому заключенію сами съ чисто славянскою доблестью пришли и стоятъ у дверей темницы. Но за ними, какъ самое тяжкое испытаніе ихъ доблести, стоятъ обездоленныя ихъ семейства, а за этими еще вдали, въ какомъ-то захолустьи у Скалата, несчастный бывшій дьячекъ отца Іоанна Наумовича—Андрей Соя, котораго прогнали съ мѣста и не принимаютъ нигдѣ на другое мѣсто страха ради іудейска, котораго годъ содержалъ самъ отецъ Іоаннъ Наумовичъ, но теперь, конечно, уже не можетъ, и несчастный Андрей Соя долженъ съ семьей протягивать руки за подаяніемъ Христа ради.

Однако даже больше Андрея Сои страдаетъ, почитаемый въ Галиціи выше всѣхъ пострадавшихъ, отецъ Іоаннъ Наумовичъ. Онъ кромѣ мірскаго судебнаго приговора пораженъ еще церковной анаѳемой, лишенъ прихода, запрещено даже духовенству имѣть съ нимъ общеніе, и вотъ, съ этимъ нравственнымъ и общественнымъ уединеніемъ, онъ готовится скрыться и физически за дверями темницы для долговременнаго заключенія.

Мм. гг.! Когда случается, что близкіе намъ люди находятся вдали, мы желаемъ что либо знать о нихъ, а когда они въ трудномъ, тяжеломъ положеніи, то душа наша жаждетъ малѣйшаго извѣстія, жаждетъ слышать какимъ-либо образомъ ихъ голосъ, знать ихъ мысли, чувства.

Голосъ одного изъ этихъ страдальцевъ, именно отца Іоанна Наумовича, мы можемъ слышать вотъ изъ этой небольшой книжки, которая продается въ синодальной книжной лавкѣ и стоитъ 10 копѣекъ. Въ этой книжкѣ—апелляціи къ папѣ противъ отлученія—изложены главнѣйшія мысли отца Іоанна и высказаны чувства, наполняющія его душу.

Въ этой книжкѣ мы видимъ полнѣйшую готовность отца Іоанна страдать за свои убѣжденія (стр. 36); видимъ далѣе, что страданія его и единомысленныхъ съ нимъ лицъ уже давнія страданія (стр. 68); что страданія эти коренятся въ самой уніи (стр. 53); что эти страданія особенно увеличиваютъ чужіе люди—іезуиты и воскресенцы (стр. 20—21) и что даже напрасна надежда на защиту отъ нихъ со стороны папы (стр. 46—47) *).

Но зло уніи гораздо больше и глубже, чѣмъ то, которое здѣсь изображаетъ отецъ Іоаннъ. Зло скрывается во всякой уніи, во всякомъ соединеніи той или другой части церкви восточной съ западною церковію.

Римскій папа есть западный патріархъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ—служеніи, бумагахъ, мнѣніяхъ проводитъ строй западной церкви,—обрядъ западный, воззрѣнія запада.

Вооруженный главенствомъ и даже непогрѣшимостью и подчиняя себѣ соединенную церковь, папа тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе проводитъ въ нее свой западный церковный строй и тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе разрушаетъ строй соединившейся съ нимъ церкви.

Въ апелляціи отца Іоанна Наумовича и нарисована поражающая картина разрушенія въ галицкой уніи всего строя восточной церкви.

Но зло единенія съ папскимъ латинствомъ, разрушительно дѣйствующее на весь греко-восточный и русскій строй въ галицкой уніатской церкви, изображаемое отцомъ Іоанномъ съ такою поражающею силою, идетъ еще дальше.

Папа есть не только представитель западнаго обряда. Онъ и по вѣковымъ преданіямъ и въ дѣйствительной жизни значительной части западно-европейскихъ народовъ есть представитель западно-европейской цивилизаціи. Поэтому тѣ, которые безразборчиво усвояютъ эту цивилизацію, этимъ уже самымъ, сами того не сознавая, приближаются къ папскому латинству. Это въ особенности разрушительно дѣйствуетъ на нашихъ южныхъ славянъ, стремящихся съ особенною жаждою къ цивилизаціи, и больше всего это разрушительно дѣйствуетъ на славянство юношей изъ южныхъ славянъ, воспитывающихся въ западно-европейскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Австріи, Франціи. Эти питомцы западно-европейской цивилизаціи суть большею частью носители разрушительной для славянства силы папства, или слѣдующаго за нимъ и столь же разрушительнаго безбожія. Результаты этого мы видимъ въ Сербіи, отчасти, можетъ быть, въ Болгаріи...

Неизъяты отъ этого зла даже и тѣ славя-

*) Въ собраніи членовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества прочитаны были всѣ указанныя здѣсь мѣста изъ апелляціи отца Іоанна. Выдержки изъ апелляціи, съ освѣщеніемъ главнѣйшихъ ея особенностей, сообщены М. О. Кояловичемъ въ рядѣ статей, напечатанныхъ имъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ", гдѣ сполна напечатано и настоящее „Сообщеніе".

не, которые давно свыклись съ латинствомъ и съ западомъ. Образецъ порчи отъ этого зла - поляки, обуреваемые страстью разрушать и свое славянство и все русское во имя папы и западно-европейской цивилизаціи. Это особенно ясно обнаружилось на юбилеѣ извѣстнаго польскаго писателя Крашевскаго и еще яснѣе въ недавнемъ празднованіи трехсотлѣтія побѣды Яна Собѣсскаго надъ турками подъ Вѣной. На томъ и другомъ торжествѣ поляки прямо объединили папство и западно-европейскую цивилизацію и ставили это главнѣйшею цѣлью своей славянской жизни.

Мм. гг.! Мы, члены Славянскаго Общества, не можемъ не заботиться объ охраненіи славянства отъ разрушительныхъ вліяній и не обдумывать средствъ къ возстановленію и поддержанію внутренняго единства между славянами.

Чего же намъ желать и чего ждать въ виду такихъ явленій?

Желать и ждать, чтобы всѣ славяне сдѣлались православными.

Да, желать и ждать этого, несмотря ни на что, чтобы ни говорили о насъ. Но, конечно, при этомъ ни у кого изъ насъ не повернется языкъ и не двинутся руки для рѣчей и дѣлъ насилія и хитростей.

Но необходимо признать, что эта перемѣна въ жизни славянъ не можетъ совершиться ни скоро, ни легко; необходимо даже думать, что это крайне трудно осуществимо, а между тѣмъ единеніе славянъ крайне и настоятельно нужно. Поневолѣ приходится разсматривать другіе болѣе близкіе пути къ единенію. Какіе же? Чего другого желать и ждать?

Можно бы желать, чтобы папа бросилъ свою мечтательную непогрѣшимость, свое несуществующее главенство и сталъ въ свое старое и совершенно законное положеніе западнаго патріарха. Тогда была бы равноправность его и всѣхъ другихъ патріарховъ подъ равнымъ для всѣхъ верховенствомъ невидимой главы—Христа и при видимомъ высшемъ выраженіи единства церквей—вселенскихъ соборахъ.

Тогда не было бы рѣчи и ни о какомъ разрушеніи обряда—восточнаго или западнаго, которые равно древни и равно законны. Тогда было бы возможно дѣйствительное, прочное соединеніе церквей, или ихъ унія. Желать этого слѣдуетъ, слѣдуетъ и стараться объ этомъ. Но надѣяться на близкое осуществленіе этого тоже нельзя. Грѣхи папства слишкомъ стары, еще слишкомъ сильны, и, если бы даже какой либо папа согласился отречься отъ этихъ грѣховъ,—грѣховъ непогрѣшимости и главенства, и стать въ законное положеніе западнаго патріарха, то гордость старыхъ латинскихъ народовъ Европы возстала бы противъ такого, съ ихъ точки зрѣнія, приниженія представителя ихъ воображаемой всемірной цивилизаціи. Мѣшала бы этому, вѣроятно, даже либеральнѣйшая Италія, такъ недавно освободившаяся отъ свѣтской власти папы. Развѣнчать своего вѣкового представителя имъ не легко, и легче этимъ народамъ развѣнчать его во имя безбожія, чѣмъ во имя вселенской истины и братства съ славянами.

Въ виду всего этого вѣрнѣе и скорѣе ожидать возстановленія единенія между славянами посредствомъ, такъ называемаго, старокатоличества, отвергающаго главенство папы. Къ сожалѣнію старокатолическое оказалось въ нѣмецкихъ рукахъ, превратилось въ книжную вѣру и изсыхаетъ. Желательно, чтобы оно перешло въ славянскія руки, оживилось славянскою сердечностію, славянскимъ чувствомъ вѣры и выразилось въ славянскомъ богослуженіи, хотя бы то и по западному обряду.

Отецъ Іоаннъ Наумовичъ не представляетъ въ такой широтѣ всего этого дѣла въ своей апелляціи. По самому характеру его протеста къ папѣ, этой широты не могло у него быть. Онъ пока еще держится и папы и уніи. Но сущность этого дѣла онъ знаетъ, и по мѣстамъ у него пробиваются черты, какъ бы намѣчивающія всю широту задачи дѣйствительнаго примиренія христіанъ. Это особенно ощутительно, когда мы читаемъ на 69 страницѣ его апелляціи слѣдующее мѣсто: „Святѣйшій отецъ! Отцы наши согласились на догматическую церковную унію въ той, быть можетъ, надеждѣ, что она распространится по всему востоку, что вслѣдъ за нею утвердятся въ церкви миръ, согласіе душъ и искренняя христіанская любовь, а теперь мы видимъ, что распространеніе уніи затруднено, что въ нынѣшнемъ своемъ состояніи должна быть названа скорѣе постояннымъ рабствомъ и приноситъ намъ вмѣсто мира—напасти, вмѣсто единомыслія—охужденіе и униженіе всѣхъ установленій греческой церкви, вмѣсто любви—презрѣніе къ церкви и народности нашей, даже ненависть и преслѣдованіе“.

Еще яснѣе отецъ Іоаннъ высказываетъ свои упованія на дѣйствительное, всеобщее единеніе въ концѣ своей апелляціи.

„Мы нуждаемся, говоритъ онъ, со стороны соединенныхъ съ нами въ догматахъ вѣры отцовъ и братьевъ обряда латинскаго въ той любви, которую мы готовы оказать взаимно, которую единодушно совѣтуютъ во всемъ св. отцы и всѣ св. апостолы съ св. Павломъ во главѣ, и которая, какъ самъ Спаситель міра непогрѣшимо учитъ, составляетъ критерій христіанства и на которой, по Его же ученію, утверждается весь законъ и пророки“.

Эти явные признаки высшаго пониманія дѣлъ, эта способность стать выше наконецъ нихся горькихъ чувствъ и жестокихъ личныхъ страданій придаютъ еще больше значенія и цѣны и апелляціи отца Іоанна Наумовича, и его личному характеру.

Мм. гг.! Въ нынѣшнемъ году я имѣлъ великое счастіе моей жизни видѣть одного изъ галицкихъ страдальцевъ и поклониться ему. Я такъ прямо и сказалъ ему: кланяюсь до земли и воздаю должную честь исповѣднику русской вѣры и русской народности! Я не сомнѣваюсь, что здѣсь, въ средѣ Славянскаго Общества, мы всѣ жаждемъ этого счастія. Но такъ какъ намъ нельзя ни идти къ на-

шимъ русскимъ страдальцамъ въ Галиціи, ни даже звать ихъ къ себѣ, то позвольте предложить другое средство выразить наше участіе въ ихъ положеніи.

Укажу на одинъ подходящій случай изъ нашей русской исторической жизни. Въ XVI столѣтіи, въ первой его половинѣ, у насъ было и много свѣтлаго, и много мрачнаго. То озарялъ нашу жизнь духовную и даже гражданскую свѣтъ высокихъ воззрѣній необыкновеннаго подвижника Нила Сорскаго; то вдругъ изъ глубокой нашей русской древности падалъ подобный свѣтъ на тогдашнія дѣла и вызывалъ сознаніе, что нужно возстановить древній совѣтъ русскихъ людей въ земскихъ соборахъ. Но были и страшно мрачныя, разрушительныя направленія и вызывали суровое, жесткое отношеніе къ нимъ. Въ то время прибылъ къ намъ иноземецъ Максимъ Грекъ. Онъ понялъ лучшія русскія идеи, усвоилъ ихъ, облекъ въ научность, логическую стройность; но за это пострадалъ, былъ заточенъ и вотъ однажды онъ взывалъ изъ своего заточенія о помощи къ русскому митрополиту—къ Іоасафу или Макарію, окончательно не рѣшено. вѣрнѣе—къ Макарію. Митрополитъ далъ ему отвѣтъ, исполненный великой христіанской любви и великой гражданской немощи. „Узы твоя, отвѣчалъ онъ, лобзаемъ, яко единаго отъ святыхъ, пособити же тебѣ не можемъ".

Я не буду разсуждать о второй половинѣ этого отвѣта и рѣшать, немощны ли и мы, можемъ ли или не можемъ пособить нашимъ галицкимъ исповѣдникамъ вѣры и народности. Это дѣло практическихъ лицъ нашего Общества и дѣло сердечнаго произволенія каждаго изъ насъ. Но что касается первой половины этого отвѣта, то я убѣжденъ, что здѣсь, въ средѣ Славянскаго Общества, мы всѣ, обращаясь мысленно къ нашимъ галицкимъ исповѣдникамъ русской вѣры и русской народности, стоящимъ теперь у дверей темницы, а можетъ быть уже и заключеннымъ, можемъ сказать имъ: „узы ваши лобзаемъ!"

б) В. И. Аристовымъ:

Стихотвореніе М. М. Кояловича:

У памятника Достоевскому.

Осенній день, ненастный и дождливый,
Весь памятникъ слезами омочивъ,
Въ насъ пробудилъ опять вопросъ тоскливый,
Но угасалъ, его не разрѣшивъ.

И въ мутныхъ небесахъ ища просвѣта,
Царицу-мысль я въ стихъ переложилъ,
Среди руинъ, заброшенныхъ могилъ,
Предъ мѣднымъ бюстомъ скорбнаго поэта.

***

Умеръ ты. Въ предѣлъ эѳира
Вознесенъ великій духъ.
Но въ цѣпяхъ земного міра,
Тамъ, гдѣ хладно, голо, сиро,
Пламень свѣточа потухъ.

То пылалъ онъ, то искрился,
Блѣдной звѣздочкой мигалъ.
Но къ нему всегда стремился
Тотъ, кто въ жизни утомился,
Кто былъ нагъ, кто упадалъ.

И любви Христовой сила
Въ той страдающей груди—
Къ сирымъ духомъ говорила
И упадшихъ возносила
Смѣлымъ, пламеннымъ: „гряди!"

***

Что-жъ, о, что-жъ, когда въ томъ хорѣ
Гимновъ страждущей любви—
Съ звукомъ звукъ бывали въ спорѣ?
Вѣдь и волны бьются въ морѣ,
Мчась въ далекіе краи?

Но въ служеньи правдѣ вѣчной,
Вѣрный, онъ не уставалъ,
И въ треногѣ быстротечной,
Не надменно, не безпечно,
Эту правду сохранялъ.

Вѣра въ Русь и вѣра въ Бога,
И въ союзъ, и въ мощь славянъ,
Вотъ во что онъ вѣрилъ много,
Вотъ была его дорога
Сквозь разсѣянный туманъ!

Позабыть-ли то ученье?
Сердцемъ хладно-ль отойти?
Иль безъ рабскаго сомнѣнья,
Съ полной жаждой уноенья,
Съ нимъ и шествовать въ пути?

***

Но для чего-жъ мы памятникъ создали?
И для чего молились передъ нимъ?
Нѣтъ, мы почившему въ молитвахъ обѣщали,
Что мы его наслѣдье сохранимъ.

Что въ пору бѣдъ и тягости народной,
Хоть трудно жить, и вѣрить, и любить,
Мы ставемъ все-таки вездѣ, свободно,
Его завѣтъ, вездѣ, благовѣстить!

Такъ передъ бюстомъ скорбнаго поэта
Я отвѣчалъ на внутренній призывъ.
И гаснулъ день,—до новаго разсвѣта—
Весь памятникъ слезами омочивъ.

в) О. Ѳ. Миллеромъ:

Воспоминанія о покойномъ И. И. Петровѣ.

Только что прочитанные стихи напомнили намъ о томъ памятникѣ, при открытіи котораго нѣкоторые изъ насъ недавно присутствовали. Этотъ памятникъ воздвигнутъ на пожертвованія русскаго общества, такъ какъ имя нашему покойному товарищу предсѣдателя было: Ѳ. М. Достоевскій. Но нынѣшнимъ лѣтомъ мы схоронили сочлена, которому памятникъ обязаны поставить своими силами мы—Петербургское Славянское Общество. Да, мы обязаны это сдѣлать, если дорожимъ своею дѣятельностью въ 1876 г., тою дѣятельностью, которую, правда, нѣкоторые изъ насъ и теперь еще готовы считать выходившею за предѣлы нашей программы, но которая была вполнѣ законна, потому что отвѣчала тѣмъ требованіямъ, съ какими обратился

тогда къ Славянскому Комитету русскій народъ. Эта страница вашей дѣятельности несомнѣнно сохранится въ исторіи, главнымъ-же, хотя и скромнымъ участникомъ въ ней является покойный П. П. Петровъ. Онъ потрудился въ Славянскомъ Обществѣ болѣе чѣмъ кто либо за все время существованія Общества; онъ главнымъ образомъ вынесъ на своихъ хрупкихъ плечахъ всю тяжелую страду нашей славной дѣятельной поры, ему же главнымъ образомъ досталась и вся горечь ея послѣдствій. П. П. Петровъ, по совѣсти должно сказать,—подобно тѣмъ изъ нашихъ добровольцевъ, которые сложили свои головы въ Сербіи, принесъ въ жертву нашему дѣлу свою жизнь.

Вмѣстѣ съ памятникомъ Достоевскому появляется и его біографія. Мы, сотрудники Петрова, обязаны сверхъ заботы о памятникѣ ему, подумать и о составленіи его біографіи. Послѣднія страницы въ ней также будутъ казаться взятыми изъ мученическаго житія, какъ и большая часть страницъ въ біографіи Достоевскаго. Геніальный писатель и скромный жизненный дѣятель въ этомъ вполнѣ сойдутся.

Лицо, долго работавшее въ Славянскомъ Обществѣ при П. П. Петровѣ и въ этомъ смыслѣ особенно близко къ нему стоявшее, лицо, хорошо намъ извѣстное, но не желающее, чтобы его называли, написало уже довольно подробный некрологъ покойнаго вмѣстѣ со своими воспоминаніями о немъ. Позвольте мнѣ познакомить Васъ съ этимъ трудомъ.

„Жизнь покойнаго, не очень долгая, была несомнѣнно интересна по массѣ лицъ, съ которыми онъ встрѣчался и былъ въ сношеніяхъ, но, къ сожалѣнію, послѣ него не осталось никакихъ записокъ. Покойный все собирался писать свои записки, но, отвлекаемый то службою, то работами по „Морскому Сборнику", то изданіемъ „Кронштадтскаго листка", то по „Березинскому лексикону", то, наконецъ, дѣлами Славянскаго Комитета, такъ и не успѣлъ. Жаль конечно, что мы не могли усвоить своей памяти тѣхъ или другихъ взглядовъ покойнаго на много интересныхъ и выдающихся лицъ, а взглядъ его, надо сказать, былъ свѣтелъ и правдивъ. Поэтому къ некрологу его, напечатаввому въ 17 № „Русп," приходится прибавить очень мало, а иное и повторить.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ и до старости въ немъ присутствовала какая-то способность всецѣло проникаться тѣмъ или другимъ дѣломъ. Онъ изучалъ его теорію, вникалъ въ детали, рисовалъ въ своемъ воображеніи тѣ или другіе фазы его и, затѣмъ уже, отдавшись весь избранному предмету, старался вести его къ ясно намѣченной цѣли, минуя всякія скалы и мели, которыя всегда такъ не кстати появляются на путяхъ человѣческихъ. Вотъ почему, можетъ быть, ему многое и удалось въ жизни, но также много приходилось испытывать и огорченій глубокихъ, обидныхъ, пожалуй убійственныхъ. И только вѣра въ свою правоту и нравственная чистота давали ему тѣ силы, которыя онъ проявлялъ, несмотря на свою хилую оболочку. Согрѣваемый внутреннимъ жаромъ убѣжденія, въ немъ вспыхивалъ тотъ огонекъ, который въ наше апатично-холодное время такъ рѣдокъ, но который одинъ свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ призваніи къ проведенію въ жизнь идей, одушевляющихъ человѣчество и движущихъ его. Самая натура его, болѣзненная, страдающая, какъ бы оживлялась и крѣпла при встрѣчѣ съ препятствіями и жизненными невзгодами.

Насколько была богата способностями натура покойнаго—можно судить по тому, что, будучи еще 13 лѣтнимъ мальчикомъ, онъ зналъ астрономію. Когда онъ сдалъ выпускной экзаменъ, то директоръ Штурманскаго Корпуса, генералъ Давыдовъ, глядя на маленькую румяную фигурку свѣтлоголоваго Петрова, не могъ допустить, чтобы подобный мальчуганъ такъ сразу и сталъ офицеромъ и продержалъ его лишній годъ въ корпусѣ, чтобы онъ возмужалъ. Надо ли было ему мужать, мы можемъ судить изъ того, что по выпускѣ въ офицеры, молодой человѣкъ вмѣсто того, чтобы красоваться своею красивою формою, скромно пріютясь подъ родительскимъ кровомъ, ежедневно, несмотря ни на какую погоду, бѣгалъ въ университетъ слушать лекціи, добивался попасть въ то или другое учебное заведеніе, чтобы слѣдить за методой преподаванія, сравнивать, доискиваться наилучшей. Что заставляло молодого Петрова полюбить педагогическую дѣятельность? Не то ли, что педагоги 40 годовъ не могли удовлетворить любознательности юношей или самый строй преподаванія? Мы полагаемъ, что и то и другое вмѣстѣ. Онъ, между прочимъ, разсказывалъ, какъ на экзаменахъ педагоги позволяли себѣ обращаться къ кадетамъ, выпускаемымъ въ офицеры, напр., съ подобными вопросами: „какой Вы вѣры?"—Православной! „Да вѣдь и турка говоритъ, что православной. Не знаете, стыдно,—надо сказать: восточно-греко-каѳолической".

Было-ли у покойнаго призваніе къ педагогической дѣятельности? Можно утверждать, что было. Во время лекцій, когда онъ былъ уже преподавателемъ исторіи въ томъ же корпусѣ, гдѣ и самъ воспитывался, онъ выражался образно, вдохновлялся и жестикулировалъ. Такъ было и въ одно изъ посѣщеній, которыми въ былое время часто счастливилъ Штурманскій корпусъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Великій Князь обратилъ особое вниманіе къ читанной молодымъ педагогомъ лекціи, пробылъ нѣсколько времени въ классѣ и, уходя, спросилъ директора: „всегда онъ такъ читаетъ" и. на утвердительный отвѣтъ послѣдняго, многозначительно одобрилъ.

Когда П. П. вынужденъ былъ оставить педагогическую дѣятельность, кадеты старшихъ классовъ ходили къ нему, жаловались, что имъ насильно навязали другого учителя, что они не хотятъ его слушать, что новый учитель не умѣетъ читать, ниньчитси съ книжкой, по которой читаетъ, плакали, бур-

лили, попадали подъ штрафы, и покойный, самъ истинно братски любя ихъ, утѣшалъ и уговаривалъ, чтобы не дурили.

Послѣ 9-лѣтней педагогической дѣятельности *) покойный обратился къ военно-морской и тутъ, въ горячее время Англо-Франко-Турецкой войны 1853—1856 г., онъ, будучи старшимъ офицеромъ балтійской гребной флотиліи, успѣвалъ слѣдить и за обученіемъ морскихъ ратниковъ и работать по промѣру побережья Финскаго залива. Составленная имъ промѣрная карта бухты Лисьяго носа—одна изъ самыхъ точныхъ и подробныхъ, гдѣ промѣръ сдѣланъ посаженно.

Закончивъ кампанію, И. И. занялся тотчасъ сведеніемъ итоговъ: что стоило снаряженіе гребной флотиліи, ея содержаніе и какіе дала результаты. Отчетъ объ этомъ, написанный бойко, не ограничивался одними цифрами и графами, но давалъ понятіе о постройкѣ канонерокъ, состояніи и успѣхахъ флотиліи и составѣ ея, т. е., отчетъ представлялъ воочію, какъ ведось все дѣло. Отчетъ этотъ, представленный по Начальству, удостоился Высочайшаго благоволенія Великаго Князя Константина Николаевича и Петровъ,—о чудо для того времени и былыхъ порядковъ,—награжденъ прямо орденомъ Св Анны, а вслѣдъ за тѣмъ назначенъ въ Каспійскую флотилію для изслѣдованія устьевъ фарватера рѣки Волги.

Дѣлая изслѣдованія Волги при впаденіи ея въ Каспій, онъ, житель нашего холоднаго сѣвера, пораженъ былъ богатствомъ южнаго моря. Когда въ первый разъ, говорилъ онъ, мнѣ довелось остановиться съ партіею на ночлегъ на песчаномъ островкѣ среди моря, послѣ многотруднаго дня, я уснулъ, закутавшись въ шинель, и проспалъ лишь до первыхъ солнечныхъ лучей. Съ появленіемъ солнца, непривычный для меня шумъ поразилъ мое чуткое ухо и, проснувшись, я съ вниманіемъ осматривался кругомъ, не понимая причины слышаннаго мною шума. Затемняя солнце, въ высотѣ тянулись огромныя тучи птицъ, знакомыхъ намъ въ то время большею частію по одинмъ иллюстраціямъ. Эти стада птицъ летѣли на приморье за добычею. Богатство рыбы тутъ изумительное и человѣкъ, несмотря на жадность стяжанія, оставляетъ въ иное время множество ея неприбранной на отмеляхъ рѣчекъ во время спада водъ и тогда ее пожираютъ не только собаки, но даже волки и коровы.

Впослѣдствіи И. И. былъ переведенъ въ промѣрную партію Каспійскаго моря. Здѣсь, сдѣлавъ промѣръ Петровскаго рейда, промѣрная партія, состоящая подъ его командою изъ двухъ офицеровъ, 30 матросовъ и нѣсколькихъ киргизовъ или башкиръ, подвигалась далѣе. Въ одномъ изъ глухихъ мѣстъ при Каспіи, гдѣ расположилась команда, одинъ изъ матросовъ сталъ привередничать, жаловаться на тягость работы, мутилъ своихъ товарищей и наконецъ дошелъ до того, что оскорбилъ одного изъ помощниковъ И. И. Покойный, хорошо понимая, что этотъ проступокъ и ропотъ команды не можетъ быть игнорированъ, грозятъ перейти въ буйство и заставляетъ опасаться за самую жизнь офицеровъ въ безлюдномъ краѣ, вынужденъ былъ наказать виновнаго нарядомъ на караулъ на нѣсколько часовъ. По возвращеніи партіи въ Астрахань, команда отдана была подъ судъ, который, признавъ ее виновною, приговорилъ къ наказанію. Однако, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, не обращая вниманія на положеніе подвергшихся насилію команды и на то, что, если бы не былъ положенъ своевременно предѣлъ возмущенію данными наказаніемъ виновнаго, команда, выйдя окончательно изъ повиновенія, могла если не перебить офицеровъ, то оставить въ всобитаемомъ мѣстѣ и сама скрыться въ Персію, чему бывали примѣры,—въ Петербургѣ взглянули на дѣло иначе: о виновности команды ни слова, а нашли, что зачинщикъ неповиновенія былъ наказанъ строго, что командиръ превысилъ свою власть и, не отдавая его подъ судъ, административно лишили его производства на нѣсколько лѣтъ. Горькія минуты пришлось пережить тогда И. И. И, только послѣ подачи бывшему морскому министру Краббе докладной записки, принимая которую послѣдній выразился: а, такъ вы такъ-то, жалуетесь... однако разобралъ дѣло и не въ обычное время, И. И. дали слѣдующій чинъ.

Работая по изслѣдованію и промѣру устьевъ Волги, изучая ея своеправный характеръ, полный причудъ, онъ выработалъ проектъ устройства канала, устраняющій препятствія, представляемыя судоходству перекатами устьевъ Волги у Астрахани. Множество чертежей сопровождало этотъ проектъ, но такъ какъ время послѣ Севастопольской войны было тяжелое, а осуществленіе проекта требовало огромныхъ затратъ, то проектъ такъ и остался проектомъ, а Волга ежегодно болѣе и болѣе покрывающеюся отмелями и менѣе и менѣе способною къ судоходству.

Перейдемъ теперь къ тому времени, когда вашъ Петербургъ посѣтили Западные Славяне, лицомъ къ лицу встрѣтившіеся братья. Огромно было обаяніе встрѣчи на тѣхъ и другихъ. Много высказывалось тогда надеждъ и упованій, многія изъ надеждъ и исполнились, хотя и не такъ, какъ бы должно, но въ этомъ мы, русскіе, не совсѣмъ виноваты.

Однимъ изъ ревностнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ образовавшагося въ Петербургѣ Комитета по пріему славянскихъ гостей былъ И. И. Петровъ, тогда уже бывшій членомъ Славянскаго Комитета въ Москвѣ. Онъ всюду ѣздилъ, вездѣ хлопоталъ, какъ и что устроить, какъ придать славянскимъ праздникамъ подобающій имъ характеръ, шевелилъ апатичныя души, погруженныя въ обломовщину, и когда это ему удавалось, онъ былъ въ такомъ восторженномъ состояніи, какъ никто, фантазировалъ о всеславянскомъ духовномъ союзѣ и всеславянскомъ языкѣ, въ основу котораго, по его мнѣнію, долженъ лечь нашъ русскій языкъ. Это было время радужныхъ надеждъ и глубокой вѣры въ

*) Съ Окт. 1844 г. по Сент. 1853 г.

славянскій геній. Онъ увлекался, увлекъ и другихъ, но можемъ ли мы сказать, что онъ ошибался. Несмотря ни на какія Сциллы и Харибды, ни на какіе тормазы, мы, однако, видимъ, что надежды наши 1867 г., уже чрезъ 10 лѣтъ, въ 1877 г., частію осуществились. Уже существуютъ свободныя славянскія государства—Сербія и Черногорія и призвана къ жизни Болгарія.

Духовная связь съ нашими западными братьями существуетъ, поддерживается, растетъ; знаніе русскаго языка между Славянами возростаетъ; мы имъ не чужды, наша литература и исторія ими усваиваются.

Въ тяжкіе годы 1875—76, выпавшіе на долю Славянства, И. И. неуклонно, несмотря на свое болѣзненное положеніе, съ рѣдкимъ воодушевленіемъ, бросивъ всѣ свои личныя дѣла, всецѣло посвятилъ себя дѣятельности по Комитету. Для него одно Славянство являлось завѣтнымъ дѣломъ, въ него онъ вѣровалъ, въ немъ онъ находилъ и свою радость, въ немъ былъ, можно сказать, культъ его.

Воззваніе другого высокаго подвижника Славянства, высокопреосвященнаго Сербскаго митрополита Михаила, было тою великою искрою, зажегшею сердца славянскія на искреннюю и близкую помощь страждущимъ братьямъ, которая такъ не лицемѣрно, а чисто христіански выказалась въ великомъ народѣ нашемъ, начиная отъ дворцовъ и кончая курною избою. Кто что могъ, несъ въ Славянскіе Комитеты на помощь страдальцамъ и все принималось съ равною благодарностью. Тутъ объ руку съ богатымъ даромъ богача шла и лепта вдовицы. Всякъ даръ совершенъ. Хорошо было время это, великъ тотъ народъ, который не отъ избытка, но и отъ скудости своей, движимый однимъ чувствомъ, безъ всякаго расчета, отдавалъ свое послѣднее и самого себя за други своя. Геройская смерть Н. Кирѣева и П. Раевскаго, навшихъ подъ турецкими нулями, была новымъ, какъ бы усиленнымъ, сигналомъ къ приливу пожертвованій и высокому самопожертвованію. Съ утра до глубокой почи толпы жертвователей и жертвующихъ собою наполняли все, тогда обширное помѣщеніе Комитета, стояли на лѣстницахъ и на площади. Вотъ это то страдное для Славянства время было страдными и для И. И. Ему казалось немыслимымъ дать себѣ отдыхъ, требуемый природою человѣка, онъ готовъ былъ работать безпрерывно и дѣйствительно работалъ до изнеможенія. Военные успѣхи Славянъ его оживляли, неудачи же, не умаляя энергіи, дѣлали его сосредоточеннымъ, но не обезнадеживали. Онъ вѣрилъ въ дѣло, которому служилъ. Дьюнишъ и Плевна его не устрашали, онъ вѣрилъ, что разъ поднятое Россіею дѣло не погибнетъ и дастъ всходы.

Такъ и совершилось.

Страдная пора Славянства миновала, но страдное время для И. И. еще продолжалось.

Идейные диллетанты, играющіе роль вездѣ, прикрывая свои эгоистическіе помыслы—жать тамъ гдѣ не сѣяли, ненавистники дѣла, въ которомъ не замѣшанъ ихъ личный интересъ, тайные мстители своимъ соперникамъ, не постыдились пустить клевету—Славянскій Комитетъ собралъ милліоны, а казначей не даетъ отчета. Клевета, подхваченная и внесенная въ прессу, вырастала, истолковывалась, становилась фактомъ... Фактомъ—не провѣреннымъ, но вѣдь мы охотно вѣримъ на слово всякому слуху про нашего ближняго, а провѣрять намъ не время, пусть другіе... Наконецъ и провѣрки покончились. Изъ ничего и оказалось ничего.

Но каково было во все это время И. И. Онъ говорилъ, что подобнаго тяжелаго положенія не дай Богъ никому, когда (такъ ему казалось) даже ближайшіе товарищи по дѣлу относились къ нему съ какою то снисходительною одержанностію, съ обиднымъ увѣреніемъ сочувствія.

Намъ кажется, что на этотъ разъ онъ ошибался въ сочувствіи товарищей, но что отъ клеветы, самой по себѣ грязной, всегда остается извѣстный осадокъ въ мнѣніи людей, въ этомъ покойный правъ и только „мертвые срама не имутъ".

Петровъ умеръ въ бѣдности и даже похороненъ на счетъ братьевъ.

Вся жизнь покойнаго проносится передъ глазами отъ самыхъ его молодыхъ лѣтъ до старости, нѣтъ на ней пятенъ безчестныхъ, стяжательныхъ. Онъ истинно христіански дѣлился съ ближнимъ, даже въ ущербъ своихъ мизерныхъ средствъ. Онъ не могъ отказать просящему и бѣдствующимъ давалъ руку помощи. Въ самыя послѣднія минуты онъ винилъ себя въ одномъ—чрезмѣрномъ самолюбіи.

Миръ праху твоему, честный труженикъ, не мало потрудившійся на славянской нивѣ!

г) И. И. Барсовымъ:

Черты изъ жизни Иннокентія, архіепископа Таврическаго, и нѣсколько замѣчаній о его отношеніи къ Славянству.

Мм. гг.

Императорская публичная библіотека обогатилась въ недавнее время весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ: дѣйств. ст. сов. Н. Х. Палаузовъ принесъ въ даръ главному отечественному книгохранилищу часть посмертнаго собранія бумагъ знаменитѣйшаго изъ русскихъ архипастырей настоящаго столѣтія, Иннокентія, архіепископа херсово-таврическаго.—собранія, полученнаго имъ въ наслѣдство отъ покойнаго. Въ девяти весьма большихъ томахъ содержится около пяти тысячъ писемъ къ Иннокентію разныхъ лицъ, полученныхъ имъ на пространствѣ времени отъ 1828 по 1857 годъ включительно [1]).

Иннокентій—не чужой человѣкъ Славянскому Благотворительному Обществу: между знаменитыми именами новѣйшей славянской

[1]) Это далеко не всѣ письма, какія получены были Иннокентіемъ. Въ одномъ письмѣ онъ замѣчаетъ своему корреспонденту: „вы знаете, что я не берегу писемъ". Рус. Старина, т. XXIII (1879 г.), стр. 368.

исторіи ему принадлежитъ по всей справедливости одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ энергическихъ и даровитыхъ ревнителей славянскаго духовнаго единенія и взаимности. Близкій другъ Погодина, онъ былъ весь до мозга костей проникнутъ тѣми симпатіями къ славянству, которыя составляютъ жизненный нервъ и главный импульсъ всей дѣятельности нашего знаменитаго историка. Съ непрерывнымъ вниманіемъ, вмѣстѣ съ своимъ московскимъ другомъ, слѣдилъ онъ за всѣми перипетіями и сколько-нибудь выдающимися явленіями въ гражданской и умственной жизни нашихъ западныхъ и южныхъ соплеменниковъ, раздѣляя всѣ чаянія и мечтанія своего друга въ этомъ направленіи. Другой изъ ученыхъ друзей Иннокентія, О. М. Бодянскій сообщалъ ему результаты своихъ сношеній съ ученными славистами, равно какъ плоды своихъ собственныхъ работъ въ области славистики [1]). Со времени назначенія Иннокентія на одесскую архіепископскую каѳедру ему пришлось стать въ непосредственныя отношенія къ славянству въ качествѣ члена одесскаго болгарскаго попечительства и практически немало принести пользы южнымъ славянамъ и своимъ ходатайствомъ за нихъ, и денежными средствами, и содѣйствіемъ къ сообщенію въ высшія сферы свѣдѣній о ходѣ у нихъ умственнаго образованія и гражданственности, объ угнетеніяхъ и истязаніяхъ, ими претерпѣваемыхъ отъ враговъ Христа и славянства.

Оставляя сообщеніе подробныхъ свѣдѣній по этому предмету до полной біографіи Иннокентія, мною предпринятой, я въ настоящій разъ позволю себѣ лишь выразить тѣ общія впечатлѣнія, которыя производитъ изученіе этой колоссальной по объему корреспонденціи. Нельзя, конечно, не пожалѣть, что во всѣхъ этихъ письмахъ о дѣятельности Иннокентія и о предметахъ, занимавшихъ его умъ и энергію, говоритъ не самъ Иннокентій, а его безчисленные корреспонденты; но за всѣмъ тѣмъ объ этихъ письмахъ до нѣкоторой степени будетъ вполнѣ справедливо сказать то же, что нѣкогда говорили о письмахъ Цицерона: quas qui legat, non multum desideret historiam contextam eorum temporum. Прежде всего по этимъ письмамъ личность Иннокентія, въ своемъ нравственномъ достоинствѣ, вырастаетъ до громадныхъ размѣровъ, открываются новыя, доселѣ неизвѣстныя сферы его вліянія въ теченіе болѣе двадцатипятилѣтія на современную ему жизнь Россіи не только церковно-общественную, но и на государственную; возстаетъ предъ нами наглядная картина самой этой жизни, прежде всего — религіозной, но за тѣмъ—и общественной; во всей полнотѣ открывается тотъ энтузіазмъ въ русскомъ обществѣ и правительственныхъ сферахъ, какой возбуждали его дѣятельность, его личность, его умъ. Я не говорю уже о массѣ совершенно новыхъ фактовъ изъ его личной біографіи и изъ исторіи его времени, о которыхъ впервые узнаемъ изъ этихъ писемъ, долженствующихъ имѣть особую цѣну въ глазахъ его біографа и историка его времени въ виду того, что Иннокентій, какъ личность, доселѣ у насъ не только не изображенъ со всею полнотою и рельефностію, но и не опредѣленъ вѣрно: знаютъ у насъ его какъ знаменитаго проповѣдника, отчасти какъ ученаго; все прочее въ его жизни, что въ его біографіи имѣетъ значеніе отнюдь не второстепенное, доселѣ не обращало на себя вниманія его панегиристовъ (говорю *панегиристовъ*, потому что пока у него не было простыхъ біографовъ) и остается доселѣ невѣдомымъ русскому обществу.

Въ настоящемъ чтеніи я буду имѣть честь предложить на основаніи тѣхъ новыхъ данныхъ, какія содержатся въ изучаемой мною корреспонденціи, нѣсколько замѣчаній: 1) о значеніи Иннокентія въ исторіи русскаго духовнаго образованія; 2) о его дѣятельности проповѣднической; 3) о его занятіяхъ въ области археологіи и исторіи, и вообще о его научныхъ занятіяхъ; 4) о его отношеніяхъ къ современному ему обществу и 5) о характерѣ его, какъ іерарха.

I.

Въ продолженіе шестнадцати лѣтъ (1824—1840)—первыхъ лѣтъ его общественной дѣятельности—Иннокентій принадлежалъ наукѣ исключительно и безраздѣльно, сначала въ качествѣ профессора и инспектора с.-петербургской, потомъ профессора и ректора кіевской духовныхъ академій. Поучительное зрѣлище представлялъ для окружавшей его среды этотъ молодой монахъ,—оставшійся до послѣднихъ дней своей жизни молодымъ, т. е. человѣкомъ съ всегда свѣжею мыслью и горячимъ чувствомъ, воспріимчивымъ и впечатлительнымъ ко всему прекрасному и благородному,—не знавшій другого наслажденія, кромѣ умственнаго труда, другого времяпровожденія, кромѣ научной и духовно-литературной дѣятельности, ни на одну минуту не отрывавшійся отъ бесѣды съ музами, постоянно занятый и окруженный книгами, старыми и новыми, усвоявшій всякаго рода знанія, старыя и новыя, съ изумительною легкостію, съ творческою изобрѣтательностію вос-

[1]) Вотъ какъ между прочимъ Бодянскій пишетъ объ отношеніяхъ Иннокентія къ славянству, въ письмѣ къ нему отъ 19 мая 1844 г.: „Разныя работы не позволяли мнѣ, къ крайнему сожалѣнію, по сію пору взяться за перо для новой бесѣды съ вами о дѣлѣ, равно любезномъ намъ обоимъ, нашемъ безцѣнномъ славянствѣ. Я отъ всей глубины души своей повторяю и не перестану повторять словъ вашего преосвященства, которыми такъ прекрасно и точно выразили вы дѣйствительно существующее сходство въ нынѣшнемъ и прежнемъ положеніи нашихъ соплеменниковъ съ судьбою народа Божія въ Египтѣ: елико удручаху ихъ, толико множахуся. Да пошлетъ Господь и имъ Моисея! Тогда была бы пасха по истинѣ всеславянская! О, да пошлетъ, да пошлетъ имъ помазанника Своего! Да не искушаетъ долготерпѣнія раба своего, Іова". VIII, 162.

производившій эти знанія то въ своихъ литературныхъ и научныхъ произведеніяхъ, то въ лекціяхъ и импровизаціяхъ предъ своими слушателями въ аудиторіи, всѣхъ и все въ академической жизни наполнявшій своею энергіею, во всѣхъ съумѣвшій поселить воодушевленіе и любовь къ наукѣ и, такимъ образомъ, поднять ученость въ академіяхъ до небывалаго дотолѣ въ нихъ уровня. Извѣстно, что для каждой академической каѳедры, какъ и университетской, нуженъ особый спеціалистъ, къ ней нарочитымъ образомъ подготовленный, и рѣдко случается, чтобы профессоръ по одной каѳедрѣ могъ съ полнымъ достоинствомъ преемственно или временно занимать другую каѳедру, даже по предмету изъ однородной группы наукъ. Иннокентій въ продолженіе своего шестнадцатилѣтняго профессорства послѣдовательно читалъ въ академіяхъ с.-петербургской и кіевской богословія: основное (иначе „общее", или по его терминологіи такъ называемую „религіозистику"), практическое (пастырское) и обличительное (иначе „сравнительное"), догматическое (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ), нравственное (христіанское ученіе о нравственности), экклезіастику съ символикой (ученіе о Церкви, ея началахъ, внутренней жизни и исторіи ея символовъ) и, отчасти, церковное право, экзегетику и герменевтику. Въ исторіи образованія не только духовнаго, но и свѣтскаго, трудно найти другой подобный примѣръ, чтобы одно и то же лицо профессорствовало на столькихъ каѳедрахъ, на каждой изъ нихъ являясь въ равной степени подготовленнымъ и компетентнымъ. Это не былъ только диллетантизмъ въ наукѣ, но самая наука во всей своей спеціальности. Равнымъ образомъ Иннокентій не былъ труженикъ-компиляторъ, простой „сочинитель". Нѣкоторыя науки (богословіе основное, практическое и обличительное) отъ него получили у насъ впервые самое свое опредѣленіе, программу и ея осуществленіе. Другія имъ были вполнѣ своеобразно поставлены и совершенно самобытно разработаны. Къ сожалѣнію изъ этихъ лекцій его сохранилось весьма немногое, и то больше въ запискахъ лишь его слушателей, а не въ его собственномъ письменномъ изложеніи [1]; ему просто некогда было самому записывать и составлять свои лекціи, ему не совладать было съ умственнымъ богатствомъ, кишѣвшимъ въ его головѣ. Но ректоръ Иннокентій былъ зиждитель и новаторъ въ академіи не только въ области образованія собственно богословскаго, но также и въ другой половинѣ академическаго курса, общеобразовательной, къ которой относятся философія, исторія, литература, филологія съ ихъ развѣтвленіями и подраздѣленіями. И въ эту сферу онъ внесъ замѣчательное оживленіе, указывая для свѣтскихъ наукъ, преподававшихся въ академіи, новые методы, расширяя и обновляя программы, учреждая новыя каѳедры, входя ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ во всѣ частности, во весь строй академическаго преподаванія [2]. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова doctor universalis: не было науки, въ которой онъ не былъ бы компетентнымъ судьею и руководителемъ. Его изумительная память съ удивительною легкостію воспринимала въ себя все богатство постоянно пріобрѣтаемыхъ новыхъ знаній не только въ области богословія, но и науки вообще, его творческій умъ съ такою же легкостію усвоялъ и перерабатывалъ эти знанія, комбинируя ихъ въ систему и классифицируя по соотвѣтственнымъ научнымъ группамъ; затѣмъ подъ вліяніемъ ихъ въ его головѣ создавались новыя построенія научныхъ теорій, блиставшія своеобразными воззрѣніями и идеями. И вотъ на любой академической каѳедрѣ онъ является одинаково компетентнымъ, и изъ устъ его всегда льется вполнѣ самобытная вдохновенная рѣчь, блистающая и новизною воззрѣній и обиліемъ фактическихъ данныхъ [3].

Такимъ образомъ еще прежде возведенія въ санъ епископскій Иннокентій былъ извѣстенъ всей Россіи, какъ первоклассный русскій богословъ, отличавшійся самобытностію въ постановкѣ научныхъ богословскихъ вопросовъ и въ методѣ ихъ изслѣдованія, какъ смѣлый и счастливый новаторъ

[1] Въ весьма хорошей записи студентовъ сохранились его лекціи по богословію основному (или общему), обличительному или практическому (въ библіотекѣ рукописей с.-петербургской духовной академіи). Онѣ доселѣ не изданы. Второй экземпляръ «Богословія общаго» имѣется въ библіотекѣ рукописей П. И. Савваитова. Въ собраніи сочиненій Иннокентія, изд. Вольфомъ (1872—1877 гг.). напечатано нѣчто изъ его лекцій (томы X и XI) также по записямъ студентовъ. Подробныя фактическія свѣдѣнія о профессорской и ректорской дѣятельности Иннокентія содержатся въ многочисленныхъ «воспоминаніяхъ» его учениковъ, напечатанныхъ въ «Вѣнцѣ» Погодина, а также разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Списокъ этихъ статей см. въ «Русской Старинѣ» за 1879 г., въ статьѣ г. Востокова.

[1] Особенное вниманіе обращалъ онъ на студенческія сочиненія, семестровыя и писанныя на степень, самъ назначалъ темы для тѣхъ и другихъ, имѣя въ виду приготовить спеціалистовъ-ученыхъ по той или другой отрасли науки, многія изъ нихъ самъ перерабатывалъ и издавалъ (таковы напримѣръ извѣстныя сочиненія: историческое обозрѣніе «Богослужебныхъ книгъ греко-россійской церкви», имѣвшее четыре изданія и бывшее учебникомъ въ духовныхъ училищахъ, и др.) Результатомъ его заботъ въ этомъ направленіи была цѣлая серія студенческихъ сочиненій, явившихся въ печати и въ видѣ сборниковъ и отдѣльно.

[2] Въ такомъ смыслѣ излагается исторія научной производительности ректорской и профессорской дѣятельности во всѣхъ извѣстныхъ въ печати воспоминаніяхъ его учениковъ. Въ собраніи бумагъ Иннокентія, имѣющемся въ нашемъ распоряженіи, къ сожалѣнію, находится очень немного свѣдѣній о его профессорской дѣятельности: большею частію эти бумаги относятся къ послѣдующему періоду его жизни.

въ этой сферѣ, съумѣвшій порвать связи съ прежнимъ схоластическимъ строемъ духовнаго образованія въ Россіи, не только безъ ущерба для истины православія, но и къ его вящшей славѣ и силѣ. Слушатели его сдѣлали извѣстными его лекціи въ безчисленныхъ спискахъ по всей Россіи. Наставники и ректоры духовныхъ семинарій, сами архіереи считали своею обязанностію обзавестись списками этихъ лекцій и изъ нихъ почерпали содержаніе и направленіе для своего преподаванія и для своей проповѣдническої дѣятельности. Особенность его богословскаго метода состояла въ томъ, что онъ старался вывести христіанское ученіе изъ тѣхъ абстрактныхъ, такъ называемыхъ, схоластическихъ, формъ, въ какія оно включено было въ средніе вѣка, и поставить его лицомъ къ лицу съ современными направленіями научной мысли и общественнаго сознанія, обосновывая свои идеи не на латинскихъ компендіумахъ стараго и новаго времени, а на первоисточникахъ христіанскаго ученія—св. Писаніи и твореніяхъ отцовъ Церкви, широко пользуясь при этомъ строго-научными пріемами историко-критическаго метода, насколько такой методъ гармонировалъ съ теологическимъ принципомъ. Онъ глубоко былъ убѣжденъ въ необходимости и полной возможности совершенной гармоніи и солидарности вѣры и знанія, религіи и науки, водобно тѣмъ средневѣковымъ западнымъ богословамъ, которые девизомъ своего богословія ставили изреченіе: вѣра, ищущая разумѣнія (fides, quaerens intellectum). Такъ какъ такая постановка богословія несовсѣмъ согласовалась съ практиковавшимися въ то время методамв, ведшими начало, чрезъ кіевскую академію, отъ католичества, то на первыхъ порахъ она возбудила противъ себя неудовольствіе: Иннокентія, какъ и Павскаго, называли „неологомъ"; назначено было „секретное дознаніе объ образѣ его мыслей", которое, однако, привело къ полному оправданію Иннокентія и—къ возведенію его въ епископа [1])

Прибывъ, въ 1830 году, въ Кіевъ, въ качествѣ ректора тамошней духовной академіи, Иннокентій на первыхъ же порахъ, съ благословенія іерарха столь же просвѣщеннаго и мудраго, кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова, отмѣнилъ преподаваніе въ ней наукъ на латинскомъ языкѣ и такимъ образомъ разсѣкъ этотъ гордіевъ узелъ, безъ всякой пользы, а, напротивъ, даже со вредомъ для православія, связывавшій свободную богословствующую мысль и научную производительность кіевскихъ ученыхъ. Изъ его учениковъ и слушателей академій с.-петербургской и кіевской образовался контингентъ снѣжихъ умственныхъ силъ въ русской Церкви: между ними не было людей индефферентныхъ и холодныхъ къ преподанному имъ ученію; это все почти были энтузіасты [2]),

проникнутые горячею любовію къ своему „великому учителю", какъ обыкновенно его они называли, исповѣдывавшіе сердцемъ и устами его ученіе, которое впрочемъ отнюдь никогда не имѣло характера какой-либо оппозиціи чему-либо, а всецѣло было направлено на пользу Церкви, на разумную научную интерпретацію православнаго вѣрученія. Отъ Иннокентія и Павскаго ведетъ у насъ свое начало то богословіе, которое составляетъ дѣйствительную силу нашей православной Церкви и отличіе православной духовной школы отъ католической,—ученіе, котораго столь горячимъ адептомъ былъ Хомяковъ [1]). Такимъ образомъ Иннокентій освѣжилъ и вновь возбудилъ въ Россіи замѣчательную дѣятельность церкви ученій, сообщилъ новую энергію дѣятельности русскихъ богослововъ. Около него группируется цѣлая богословская и проповѣдническая школа, къ которой принадлежатъ, напримѣръ, такія знаменитости нашей церкви, какъ недавно умершій его преемникъ по одесской каѳедрѣ—преосв. Димитрій Муретовъ, протоіерей Ѳ. Ѳ. Сидонскій, авторъ „Умозрительнаго богословія" Годубинскій, Филаретъ Гумилевскій, его преемникъ по каѳедрѣ харьковской, Іоаннъ, епископъ смоленскій, и нѣкоторые другіе.

II.

Кромѣ лекцій и ряда учено-богословскихъ сочиненій (вродѣ „послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа"—сочиненія, относящагося къ петербургскому періоду его ученой службы, которому во степени популярности нѣтъ равнаго во всей нашей духовной литературѣ) одновременно съ ними Иннокентій достигалъ той же цѣли оживленія высшихъ духовно-нравственныхъ интересовъ въ обществѣ, въ сферахъ, интересовавшихся религіозными вопросами и соприкасавшихся съ сферою духовно-церковной,—путемъ проповѣди. Къ періоду его академической службы въ Кіевѣ относится изданіе его знаменитыхъ „седмицъ страстной и свѣтлой" (сборники проповѣдей, сказанныхъ въ эти недѣли). Трудно представить себѣ тотъ энтузіазмъ, какой возбуждали эти и послѣдующія проповѣди Иннокентія (равно какъ и „Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа") не только въ обществѣ [2]), но и среди самаго ду-

[1]) См. объ этомъ нашу статью въ «Христіан. Чтеніи» 1883 г. №№ 11—12.

[2]) См. напр. VIII, 135. II. 323. IV, 288, 410. 445. VII. 40. VIII, 185. 225. Здѣсь, какъ и въ послѣдующихъ цитатахъ, римская цифра указываетъ № тома собранія бумагъ Иннокентія, которыми мы пользуемся, а арабская—№ письма въ этомъ томѣ.

[1]) См. объ этомъ въ нашихъ „Историческихъ и критическихъ опытахъ". Спб. 1879 г. въ статьѣ: „Новый методъ въ богословіи".

[2]) При дворѣ и въ высшемъ обществѣ проповѣди Иннокентія сдѣлались предметомъ особеннаго вниманія послѣ того, какъ оберъ-прокуроръ св. синода Ночаевъ въ своемъ годовомъ отчетѣ (за 1834 годъ) доложилъ государю императору «о новомъ блестящемъ даровании краснорѣчія духовнаго, достигшемъ полнаго своего развитія въ древней колыбели нашего духовнаго просвѣщенія», о каковомъ докладѣ самъ Нечаевъ сообщилъ Иннокентію осо-

ховенства и іерархіи. Обаяніе его проповѣди было всеобщее, всеобъемлющее. Иннокентій имѣлъ обыкновеніе, по выходѣ каждаго тома его проповѣдей, разсылать по экземпляру его своимъ друзьямъ и высшимъ гражданскимъ и церковнымъ сановникамъ, находившимся съ нимъ въ сношеніяхъ, прежде чѣмъ новый томъ появлялся на книжномъ рынкѣ. Этотъ экземпляръ обыкновенно обходилъ, какъ говорится, весь городъ, въ которомъ появлялся прежде, чѣмъ кто-либо успѣвалъ выписать книгу изъ Москвы, гдѣ изданіемъ проповѣдей Иннокентія завѣдывалъ М. И. Погодинъ, его преданнѣйшій другъ, въ продолженіи всей жизни Иннокентія не перестававшій восторгаться имъ и всячески радѣть о немъ. Томъ распредѣлялся для прочтенія по часамъ между городскими „сановниками"; дѣлались нарочитыя собранія кружковъ, для прочтенія его въ этихъ собраніяхъ. Для книги, такимъ образомъ въ продолженіе незначительнаго времени успѣвавшей порядочно попутешествовать, выдумывались особенные переплеты; воображеніе энтузіастовъ обыкновенно истощалось въ изобрѣтеніи эмблематическихъ украшеній на нихъ; устроились особые столики, на которыхъ книга полагалась въ гостиной, на самомъ почетномъ мѣстѣ. Были примѣры, что книга списывалась и распространялась въ рукописныхъ экземплярахъ, за невозможностью имѣть новые ея экземпляры по причинѣ медленности тогдашней почты [1]). А когда она успѣвала разойтись изъ книжныхъ лавокъ путемъ продажи, изъ самыхъ отдаленныхъ захолустьевъ, какъ изъ столицъ и городовъ, неслись въ Кіевъ или Вологду, позже—въ Харьковъ и Одессу, къ Иннокентію отъ совершенно неизвѣстныхъ ему лицъ иногда безъимянныя письма, наполненныя чувствами восторга и благоговѣйнаго уваженія къ нему, въ которыхъ говорилось, что книга его вся залита слезами читавшихъ, слезами умиленія и скорби о грѣхахъ, что она обратила на путь истины такого-то и т. п. [2]).

Въ средѣ духовенства сочиненія Иннокентія сразу получали значеніе пастольной книги и руководства въ проповѣди. Обыкновенно ихъ заучивали наизусть и произносили съ церковной каѳедры, иногда какъ свои собственныя. Затѣмъ слѣдовали подражанія ему [3]), проповѣдь успилась въ Россіи количественно и измѣнялась къ лучшему качественно. Это былъ настоящій переворотъ у насъ въ проповѣди. Возникла пѣлая школа проповѣдниковъ — Иннокентіевская, параллельно другой — Филаретовской, уступавшей впрочемъ въ численности первой. Большинство лучшихъ проповѣдниковъ настоящаго времени воспиталось на проповѣдяхъ Иннокентія, примѣромъ и манерой проповѣднической дѣятельности Иннокентія былъ возбужденъ и заохоченъ къ дѣлу проповѣди. Любопытно впечатлѣніе проповѣдей Иннокентія на современную ему высшую церковную іерархію. Маститый митрополитъ Серафимъ, въ качествѣ первенствующаго члена св. синода рекомендовавшій его опредѣленіе о секретномъ дознаніи относительно образа мыслей Иннокентія, по поводу его лекцій, дошедшихъ до митроп. Филарета въ недовольно точной записи студентовъ, не задолго до своей кончины, прочитавъ его проповѣди, сказалъ: „читаешь проповѣди Иннокентія—словно медъ пьешь" [4]), и написалъ Иннокентію: „Богъ далъ вамъ великій даръ слова: употребляйте оный ко сланѣ его, въ назиданіе въ вѣрѣ и благочестіи [5]), и затѣмъ за каждый томъ проповѣдей его благодарилъ его особымъ собственноручнымъ письмомъ. Общее впечатлѣніе проповѣдей Иннокентія было впечатлѣніе геніальныхъ твореній, и самая придирчивая критика ихъ, безъ которой не обошлось дѣло, заканчивалась восторженными похвалами ему и горячими мольбами о сбереженіи здоровья (котораго Иннокентій дѣйствительно не берегъ, трудясь непомѣрно за письменнымъ столомъ,—такъ по разсказу, сообщенному въ „Русской Старинѣ" [6]), онъ однажды, будучи кіевскимъ ректоромъ, написалъ въ двѣ недѣли восемьдесятъ листовъ), „столь драгоцѣннаго для пользы церкви и наукъ", которыхъ—де онъ служитъ лучшимъ украшеніемъ. Даже самъ м-тъ Филаретъ московскій, желавшій, „чтобы спокойный разсудокъ прошелъ по работѣ живаго и сильнаго воображенія" въ проповѣдяхъ Иннокентія, не могъ не сознаться, что въ нихъ „отлично много способности" [7]). Екатерина II имѣла обыкновеніе комплиментировать своимъ придворнымъ проповѣдникамъ сравненіемъ ихъ съ тѣми или другими

еще при жизни Иннокентія, весьма часто повторяютъ всѣ пріемы проповѣднической манеры Иннокентія, не только мысли, но даже самыя фразы его проповѣдей. Другимъ его подражателемъ и послѣдователемъ въ дѣлѣ проповѣди можно считать вологодскаго протоіерея В. П. Нордова, недавно скончавшагося въ глубокой старости. Оба были близкими людьми къ Иннокентію и его горячими почитателями.

[1]) См. письмо петербургскаго анонима.

[2]) См. письмо Серафима къ Иннокентію въ нашей статьѣ объ Иннокентіи въ „Христ. Чтеніи" за 1883 г. № 11—12.

[3]) 1879 г. Біографическій очеркъ Иннокентія, составленный Н. М. Востоковымъ.

[4]) См. въ письмахъ Филарета къ Иннокентію, напечатанныхъ нами въ 1-й книгѣ „Христ. Чтенія" за 1884 г., письмо 3-е.

бымъ письмомъ (VIII, 41). Государь пожаловалъ проповѣднику орденъ Владиміра 3-й ст. и, при встрѣчѣ съ митрополитомъ Серафимомъ, отзывался о немъ съ отличною похвалою (III, 322).

[1]) См. объ этомъ (по нашему алфавитному указателю къ бумагамъ Иннокентія) въ письмахъ Кочетова, анонимнаго петербургскаго корреспондента, Сербиновича, Войцеховича, Позняка и многихъ другихъ лицъ.

[2]) Такихъ писемъ цѣлые десятки, по нѣсколько въ каждомъ томѣ сборника. См. напр. т. VIII, 99, 100, 119, 157, 161, 264, 168, 169 и др.

[3]) Самымъ близкимъ подражателемъ Иннокентія въ проповѣди былъ одесскій протоіерей М. Павловскій: его проповѣди, изданныя отдѣльною книгой

проповѣдниками временъ Людовика XIV. Анастасій Братановскій былъ у нея „россійскій Массильонъ“. Платонъ—то „россійскій Фенелонъ“, то „россійскій Босюэтъ“. Любопытно, съ кѣмъ бы сравнила остроумная государыня Иннокентія, если бы онъ жилъ въ ея время: если кто изъ нашихъ проповѣдниковъ по степени достоинства и по самой манерѣ проповѣдничества могъ быть сопоставленъ съ знаменитостями французской проповѣднической литературы, то, конечно, прежде всего Иннокентій. Первыя проповѣди его, напечатанныя въ „опытахъ студентовъ кіевской академіи“ (Кіевъ, 1824 г., стр.68, 121. 151, 178), носятъ даже на себѣ несомнѣнные признаки подражанія Массильону (изученіемъ котораго онъ съ особенною любовію занимался въ бытность свою студентомъ), на что было уже указано въ литературѣ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что Иннокентій не былъ просто пастырь-проповѣдникъ, но одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ церковныхъ ораторовъ. Все соединялось въ немъ для того: богатство знаній и духовныхъ дарованій, присутствіе въ нравственной организаціи его того духовнаго нерва, который подымаетъ на неизмѣримую высоту мысль и чувство оратора, подъ живымъ воздѣйствіемъ свѣтлой религіозной идеи. Въ его прекрасной дикціи, жестикуляціи и мимикѣ всегда замѣчалось то, что называется на языкѣ ораторства высшимъ вдохновеніемъ и озареніемъ: орлиный полетъ мысли, творческая фантазія подсказывали ему формы изложенія и образы рѣчи замѣчательной, художественной прелести и красоты. Предъ обѣдную содержаніемъ мысль современнаго ему общества онъ возносилъ и поставлялъ, со всею осязательностію и съ истинно-великою простотою, христіанскій идеалъ жизни, который въ его изображеніи поражалъ, трогалъ, плѣнялъ умы и сердца и наполнялъ ихъ неизъяснимымъ религіознымъ ощущеніемъ и трепетнымъ восторгомъ [1].

Какъ оригинальное явленіе тогдашней русской жизни стоитъ отмѣтить отношеніе къ Иннокентію тогдашней печати. „Журналъ м—ва народнаго просвѣщенія“ сообщалъ на своихъ страницахъ о каждой проповѣди Иннокентія, появлявшейся въ печати, какъ о событіи первостепенной важности въ умственной жизни общества, также, какъ академія наукъ въ своихъ „Извѣстіяхъ по отдѣленію русскаго языка и словесности“. Въ „Москвитянинѣ“, гдѣ Погодинъ печаталъ или перепечатывалъ лучшія изъ проповѣдей Иннокентія, первый русскій мыслитель-публицистъ той эпохи, И. В. Кирѣевскій, писалъ рецензіи его проповѣдей [2]), а также С. П. Шевыревъ [3]). То же дѣлали журналы: „Маякъ“ [4]), „Современникъ“ [1]), „Молва“ [2]), „Финскій Вѣстникъ“ [3]), газеты: „С.-Петербургскія Вѣдомости“ [4]), „Отечественныя Записки“ [5]), „Сѣверная Пчела“ [6]), „Справочный энциклопедическій словарь“ Крайя. Послѣ 1857 г. (годъ его смерти) оцѣнкой его проповѣдей занимались, кромѣ перечисленныхъ изданій, а также духовныхъ журналовъ—„Христ. Чтеніе“, „Странникъ“, „Духовный Вѣстникъ“ и др., и епархіальныхъ вѣдомостей (Херсонскихъ, Кіевскихъ, Полтавскихъ, Вологодскихъ и др.). „Отечественныя Записки“, „Херсонскія Вѣдомости“, „Чтенія въ москов. обществѣ исторіи“, „Вѣстникъ Западной Россіи“, „Одесскій Вѣстникъ“, „Русскій Дневникъ“, „Русскій Міръ“, „Гражданинъ“, „Русскій Архивъ“, „Русская Правда“, „Утро“, „Разсвѣтъ“, „Русскій“, „Памятная книжка Кіевской губерніи“, „Вѣрныя вѣдомости“ и др., такъ что вся печать наша, вообще мало расположенная къ произведеніямъ духовной литературы, отдала должную дань хвалы нашему великому оратору (намъ неизвѣстно ни одной критической статьи, которая въ проповѣдяхъ Иннокентія указывала бы какія-либо слабыя стороны, тѣмъ болѣе недостатки). Сатрдза, одинъ изъ лучшихъ дипломатовъ—стилистовъ своего времени, превосходно переводилъ проповѣди Иннокентія на французскій языкъ [7]), и въ иностранной литературѣ талантъ русскаго проповѣдника, вопреки обычному въ то время въ ней игнорированію самыхъ замѣчательныхъ явленій русской жизни или непріязненному къ нимъ отношенію [8]), находилъ себѣ безпристрастную оцѣнку и восторженныя похвалы (въ журналахъ: Semeur и Revue critique, изд. Cherbuliez) такихъ знаменитостей, какъ Vinet [9]). Такимъ образомъ проповѣди Иннокентія сдѣлались извѣстными западу едва-ли не раньше, чѣмъ главнѣйшія произведенія нашихъ великихъ поэтовъ. Затѣмъ еще при его жизни проповѣди его были переведены (не всѣ, а по чистимъ, конечно) на языки: польскій, сербскій, нѣмецкій, греческій и армянскій [10]).

[1]) Въ такомъ именно тонѣ и смыслѣ передается впечатлѣніе его проповѣдей въ безчисленныхъ благодарственныхъ письмахъ къ нему лицъ простыхъ и интеллигентныхъ, архіереевъ и свѣтскихъ сановниковъ. См. напр. VIII, 164, 168, 169.

[2]) См. Полн. собр. его сочин., т. II, стр. 205—209.

[3]) Москвитянинъ, 1842 г. ч. II.

[4]) 1842 г. т. 3. ч. I. 1843 г. т. 11 и 12, 1844 г. т. 13 и 14. 1845 г. т 20-й.

[1]) 1844 г. т. 35.

[2]) 1836 г. ч. II.

[3]) 1845 г. т. 8.

[4]) 1848 г. № 90.

[5]) 1857 г. т. CXII.

[6]) 1855 г. № 160.

[7]) „Первая седмица“ переведена Стурдзой въ 1846 г. въ бытность его въ Италіи и напечатана въ Парижѣ (VIII. 155). Часть другихъ проповѣдей изданы на французскомъ языкѣ имъ же въ С.-Петербургѣ въ 1848 г.

[8]) Такъ одновременно съ изданіемъ проповѣдей Иннокентія на французскомъ языкѣ въ журналѣ der Katholik была напечатана въ высшей степени непріятная православію и Россіи статья, о которой Сербиновичъ писалъ: «всѣ уже привыкли къ той мысли, что враги Россіи считаютъ для себя позволительною всякую клевету противъ нея» VIII, 27.

[9]) Отзывы эти имѣются въ копіяхъ въ бумагахъ Иннокентія: VI, 340—343. О Вине, какъ критикѣ Иннокентія, см. VIII, 152.

[10]) Греческій переводъ изданъ въ Аѳинахъ въ

III.

Всего больше въ личности Иннокентія насъ изумляетъ необыкновенная всесторонность его умственнаго кругозора, универсальность его знаній и практическаго ума. Это былъ поистинѣ человѣкъ науки, не только великій богословъ и ораторъ. Философія во всѣхъ ея отрасляхъ и естествознаніе, исторія всеобщая и русская, церковная и гражданская, археологія и палеографія—были ему извѣстны не много развѣ мевѣе, чѣмъ богословіе и слово Божіе. Неизвѣстно, изучалъ-ли онъ, чрезъ методическое чтеніе соотвѣтственной литературы, политическую экономію и государственное право; но въ переписке съ государственными сановниками своего времени онъ обнаруживаетъ недюжинный государственный умъ—въ понираніи народныхъ, общественныхъ и государственныхъ потребностей своей эпохи.

Свою любовь къ философіи и свои обширныя познанія въ ней онъ обнаруживалъ еще въ бытность свою студентомъ, когда, какъ разсказываютъ лица компетентныя, излагая товарищамъ содержаніе прочитанныхъ имъ новыхъ философскихъ сочиненій или объясняя какой-либо частный вопросъ изъ области философіи, затмѣвалъ лекціи самихъ профессоровъ [1]), въ числѣ которыхъ были истинныя знаменитости того времени, вродѣ протоіерея П. М. Скворцова. Въ бытность кіевскимъ ректоромъ онъ приводилъ въ изумленіе всѣхъ своими блестящими импровизаціями на экзаменахъ, о которыхъ сохранилось не мало разсказовъ въ матеріалахъ для его біографіи [2]) Собственныя его сочиненія по философіи [3]), весьма немногочисленныя, правда, высоко цѣнились современными ему русскими представителями философіи — Кирѣевскимъ, Карповымъ, Голубинскимъ, Скворцовымъ.— По естественнымъ наукамъ онъ собираетъ въ своей библіотекѣ лучшія сочиненія, составляетъ ботаническія и минералогическія коллекціи; въ частности геологію штудируетъ во время своихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Кіева, особенно же во время своихъ поѣздокъ по Крыму. Объ астрономіи, по поводу солнечнаго затмѣнія въ 1851 году, онъ ведетъ компетентную бесѣду съ академикомъ-спеціалистомъ Савичемъ [4]); съ нимъ же, а также съ Хавскимъ и Сомовымъ [2]), разсуждаетъ о всеобщей географіи и космографіи; съ Ѳ. П. Литке трактуетъ о нумизматикѣ и этнографіи, сообщая цѣнныя свѣдѣнія изъ области послѣдней, результатъ своихъ собственныхъ наблюденій и изслѣдованій [3]); съ Снегиревымъ и Терещенко—о произведеніяхъ русскаго и славянскаго народнаго творчества; съ Бодянскимъ, Невоструевымъ и кн. М. Оболенскимъ—о предметахъ славянской и русской палеографіи и о памятникахъ древне-русской литературы; съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Ѳеоф. Новицкимъ, бар. Шодоаромъ — о предметахъ славянской и въ частности польской древности и новой исторіи; съ А. С. Уваровымъ, Ашикомъ, А. Будбергомъ и Мурзакевичемъ—о древностяхъ и исторіи Херсонеса, Крыма и Кавказа; съ графомъ М. Толстымъ — о сельскомъ хозяйствѣ южной Россіи; съ ученымъ евреемъ Мазохомъ — о разностяхъ между іудействомъ и христіанствомъ, католичествомъ, протестантствомъ и православіемъ (на латинскомъ языкѣ); съ Пальмеромъ—объ англиканской и католической церквахъ; съ Стурдзой—о церквахъ и политическихъ дѣлахъ востока, также о новостяхъ западной литературы; съ Бурачкомъ, Казначеевымъ и Палаузовымъ—о политикѣ западныхъ державъ и о будущемъ христіанскаго востока; съ архимандритами Софоніей и Антониномъ, а также съ извѣстнымъ святогорцемъ Серафимомъ—о классическихъ и христіанскихъ древностяхъ Греціи и Аѳона; съ нѣмецкимъ профессоромъ Типальдосомъ—объ исторіи древняго востока, его религіяхъ и литературѣ, съ графомъ Остенъ-Сакеномъ—о вопросахъ стратегіи и военнаго дѣла и т. д. и т. д. Великій князь генералъ-адмиралъ шлетъ ему на редакцію вновь составленный „морской уставъ", съ просьбой исправить въ немъ то, что относится къ дѣятельности священниковъ, служащихъ во флотѣ, а также сдѣлать и другія, какія найдетъ нужнымъ, указанія; графъ Строгановъ, попечитель московскаго университета, проситъ его избрать для этого университета профессора философіи; другой Строгановъ А. Г., новороссійскій генералъ-губернаторъ, проситъ его о составленіи историческихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о Крымѣ и въ частности — Одессѣ, для доставленія таковыхъ въ „географическое общество", въ виду предпринятаго овымъ составленія путеводителя по Россіи для отправляющагося въ путешествіе по ней великаго князя Константина Николаевича; Я. И. Ростовцевъ посылаетъ ему для исправленій и дополненій корректурные листы грамматикъ Грева, издаваемыхъ для военноучебныхъ заведеній [4]); князь Ю. Долгорукій, воронежскій губернаторъ, проситъ Ни-

1846 г., вѣроятно при содѣйствіи Типальдоса. Отдѣльно издано было слово по случаю манифеста 1848 г. Оно же было въ сербскомъ переводѣ помѣщено во «всеобщихъ юго-славянскихъ и сербскихъ новинахъ», въ Пештѣ, VII. 35. На нѣмецкій языкъ переведены три слова о знмѣ: въ 1850 г. С. Шафрановымъ, VII, 182. Армянскій переводъ сдѣланъ Н. Артюховымъ. VIII. 117.

[1]) См. Рус. Старину за 1879 г.

[2]) См. въ „Вѣнкѣ" Погодина.

[3]) Двѣ статьи „О неологизмѣ или раціонализмѣ", „взглядъ на греческую философію" напечатаны были сначала въ исторіи философіи архимандрита Гавріила и перепечатаны въ X томѣ собранія его сочиненій, изд. Больфомъ. Доселѣ неизвѣстное его сочиненіе—о неоплатонической философіи, написанное для журнала м—ва нар. просвѣщенія, умомъ. въ письмахъ. VIII. 38.

[1]) VI. 61, 66.

[2]) VII. 46. 304.

[3]) VIII. 154. IV. 4.

[4]) Съ подобнымъ же письмомъ обращался Ростовцевъ и къ Г. П. Павскому, который послалъ ему обширную рецензію на объ грамматики Греча, которая будетъ напечатана въ „Русской Старинѣ".

покентія помочь ему въ устройствѣ въ Воронежѣ цистернъ—доставленіемъ плановъ цистернъ въ Одессѣ [1]), и т. д. и т. д.

Чтобы оцѣнить значеніе Иннокентія въ области русской археологіи, достаточно сказать, что по его энергическому призыву возобновлено изученіе нашими учеными обществами классическихъ и восточныхъ древностей Крыма, а также Кавказа, и ему спеціально принадлежитъ возстановленіе изъ праха забвенія крымскихъ древностей христіанскихъ, начиная отъ крипт Инкермава и развалинъ Херсонеса [2]). Ему принадлежитъ мысль объ ученомъ описаніи московской синодальной библіотеки, осуществленіе которой поручено, по его указанію [3]) знаменитому ученому Горскому, а также планъ собранія всѣхъ рукописныхъ сокровищъ, хранившихся въ монастыряхъ, въ духовно-научные центры—въ библіотеки духовныхъ академій [4]). Эта мысль осуществлена уже послѣ него, митрополитомъ Григоріемъ, но по его плану. Въ каждой изъ епархій, въ которыхъ онъ епископствовалъ—вологодской [5]), харьковской [6]), одесской [7]), а равно въ Кіевѣ, въ бытность тамъ ректоромъ академіи, имъ—или самимъ начаты мѣстныя этнографическія и историко-статистическія работы, или избраны для такихъ работъ компетентныя и способныя лица [8]). Всѣ кіевскія ученыя коммиссіи „для изданія древнихъ актовъ южной Россіи", позже — археографическая, давшія трудами Писарева, Юзефовича, Антоновича и другихъ лицъ такую обширную литературу матеріаловъ для мѣстной южно-русской исторіи, ему обязаны своимъ возникновеніемъ, въ силу его вліянія на Д. Г. Бибикова, которому онъ не переставалъ твердить о необходимости разработки мѣстной южно-русской исторіи и сообщалъ даже многіе матеріалы [9]) для оной. Его указанію, содѣйствію и руководству обязаны своимъ происхожденіемъ многіе историческіе труды Максимовича и Аскоченскаго [10]).

Одиннадцать компактныхъ томовъ, напечатанныхъ доселѣ сочиненій Иннокентія (въ изданіи Вольфа 1872—1875 годовъ) [11]), отношеніяхъ, начиная съ этнографіи. Русск. Стар. т. XXIII, стр. 374. О занятіяхъ Иннокентія древностями въ Харьковѣ см. также въ письмахъ къ нему архіеп. Филарета Гумилевскаго (по указателю) и въ письмахъ къ О. П. Литке—IV, 4.

[1]) О своихъ занятіяхъ археологіей въ бытность въ Одессѣ Иннокентій пишетъ (Р. Стар. XXIII, 702): „Меня одолѣли археологическія помыслы. Не только всѣ старыя заѣзи лѣзутъ въ глаза, поднимаясь изъ архива даваняго забвенія, но и новыя предположенія готовы испорхнуть цѣлымъ стадомъ. Я хлопочу провѣдать теперь, нѣтъ-ли чего для нашей церковной исторіи въ патріаршемъ константинопольскомъ архивѣ: вѣдь по теоріи тамъ многое должно быть, особенно о крымской іерархіи".

[2]) О трудахъ его для археологіи Кіева см. въ письмахъ къ нему И. М. Скворцова, вмѣстѣ съ которыми онъ, между прочимъ, составилъ планъ описанія и изданія церковныхъ древностей Кіева. По его настоянію изданы Максимовичемъ акты луцкаго и кіевскаго братства.

[3]) См. VIII, 58, 66, 67. Вообще письма Бибикова къ Иннокентію (по указателю).

[4]) IV, 288, 410, 445, а также вообще письма названныхъ лицъ по указателю.

[5]) Изданіи, кстати замѣтимъ, крайне неудовлетворительномъ. Не говоря уже о неудобочитаемомъ, хотя и затѣйливомъ шрифтѣ, какимъ напечатано это изданіе, оно лишено всякой системы и какого-бы то ни было плана. Хронологія сочиненій Иннокентія, и вообще какого-бы то ни было вида ученый аппаратъ, отсутствуетъ въ изданіи. Одиннадцати-томному изданію не предпослано никакой, хотя бы то самой краткой біографіи. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ съ необычайною дороговизною (28 рублей за 11 томовъ), служатъ причиною, что изданіе не имѣетъ того успѣха въ обществѣ, какого заслуживалъ-бы такой авторъ. Какъ не позавидовать русскимъ людямъ въ этомъ случаѣ иностранцамъ! Напримѣръ, изданное въ прошломъ году *полное* собраніе сочиненій недавней англійской знаменитости, методистскаго проповѣдника Карла Спурсона, въ шести томахъ, стоитъ всего нѣсколько шиллинговъ!

[1]) На письмѣ Долгорукаго Иннокентій отмѣтилъ: „прошу покорно приказать знающему человѣку сдѣлать просимое для князя: оно пойдетъ на пользу цѣлаго Воронежа". Планы одесскихъ цистернъ, послѣдствіе этой резолюціи, при посредствѣ графа Строганова, были сняты въ канцеляріи генералъ-губернатора и отосланы въ Воронежъ на имя тамошняго преосвященнаго, такъ какъ князь Долгорукій въ это время уже получилъ новое назначеніе. Письма лицъ, о которыхъ упоминается въ предъидущемъ перечнѣ, здѣсь не цитуются по ихъ многочисленности. См. ихъ по алфавитному указателю къ сборнику бумагъ Иннокентія, нами составленному. Между прочимъ сюда относятся письма VIII, 94. 176. IV. 373. 405. 373. 384.

[2]) Несправедливо иногда упрекаютъ русскую науку и ученыхъ въ томъ, что будто бы починъ археологическихъ розысканій въ нашей русской Помпеѣ, Херсонесѣ, принадлежитъ англо-французамъ во время занятія Херсонеса Ламарморой и Канробером въ 1854 г. Дѣйствительно тогда англо-французы сдѣлали тамъ не мало расконокъ и увезли съ собою не мало археологическихъ находокъ; но еще до нихъ Иннокентій обращалъ вниманіе Воронцова на необходимость ученыхъ изысканій въ Херсонесѣ, и послѣдствіе его инициативы графъ А. С. Уваровъ еще въ 1853 г. производилъ тамъ раскопки, въ качествѣ уполномоченнаго московскаго археологическаго общества, сообщая о каждомъ тамъ своемъ дѣйствіи Иннокентію, какъ епархіальн. начальнику, собственнику мѣстности, въ которой происходили изысканія (см. VI, 167, II, 175).

[3]) Русск. Старина 1879 г. апрѣль, стр. 654.

[4]) Тамъ же. Иннокентій говорилъ о продолагаемомъ участіи въ этомъ отношеніи Погодина и Бодянскаго, но имѣетъ этихъ лицъ помощникомъ Горскому сдѣлался К. П. Невоструевъ.

[5]) См. по указателю письма Нордова, Волховскаго и нѣкот. другихъ, также „Русск. Старину" 1879 г.

[6]) О дѣятельности своей въ Харьковѣ въ этомъ отношеніи Иннокентій такъ выражается въ одномъ изъ писемъ къ Сербиновичу: теперь можно сказать, что харьковская епархія мнѣ извѣстна во всѣхъ

нюдь не даютъ надлежащаго понятія о всемъ объемѣ его дѣятельности въ области науки. Многія изъ его ученыхъ работъ остались не изданными, многія изъ его „программъ“ и начинаній—не осуществленными по недостатку времени, а также необходимаго содѣйствія, поощренія и разрѣшенія. Мы, пока, не привели еще въ систему всѣхъ свѣдѣній и указаній по этому предмету, разсѣянныхъ въ письмахъ къ Иннокентію его безчисленныхъ ученыхъ друзей и корреспондентовъ, и потому не можемъ дать пока полнаго обзора этихъ работъ, который самъ по себѣ можетъ составить отдѣльную монографію. Назовемъ здѣсь лишь нѣкоторыя изъ его изданій. Къ числу оконченныхъ, но не изданныхъ его работъ относятся: 1) „Памятникъ вѣры“ или „догматическій сборникъ“—собраніе вѣроизложеній древней христіанской (а также русской) Церкви (въ двухъ параллельныхъ изданіяхъ—въ подлинникахъ и въ русскомъ переводѣ)—трудъ колоссальный по объему. Этимъ изданіемъ Иннокентій занимался въ продолженіе всего архіерейскаго періода своего служенія, постоянно прерываемый въ своихъ занятіяхъ то частыми перемѣщеніями — изъ Кіева въ Вологду, изъ Вологды въ Харьковъ, отсюда въ Одессу—и тремя поѣздками въ С.-Петербургъ (первая—для посвященія въ архіереи, изъ Кіева, двѣ—для присутствованія въ св. синодѣ); къ концу его жизни, послѣ замѣчаній и поправокъ въ св. синодѣ, онъ былъ уже одобренъ послѣднимъ къ изданію и отчасти отпечатанъ, но отосланный къ Иннокентію для вторичныхъ исправленій во 2-мъ томѣ, такъ и не увидѣлъ свѣта Божія, за смертію Иннокентія въ 1857 году [1]; 2) исторія христіанской церкви въ Польшѣ, изъ которой нѣсколько статей были напечатаны въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ (именно намъ извѣстны двѣ статьи: „о началѣ христіанства въ Польшѣ“ и „о реформаціи въ Польшѣ“) [2]: этимъ предметомъ Иннокентій занимался съ особенною любовію и при помощи своихъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ (между прочимъ—варшавскаго протоіерея Ѳеофила Новицкаго, своего товарища по академіи) собралъ массу матеріаловъ, которые не всѣ успѣлъ обработать [3]; 3) переводъ литургіи и годоваго круга богослужебныхъ нѣсненій на польскій языкъ [4]; 4) переводъ на польскій языкъ катихизиса м-та Филарета [5]; 5) переводъ того же катихизиса на молдавскій языкъ [6]. Затѣмъ имъ заготовлены были матеріалы и составлена подробная программа для слѣдующихъ изданій: 1) „Вертоградъ духовный“—хронологическій сборникъ лучшихъ произведеній христіанской проповѣди всѣхъ временъ — вродѣ позднѣйшей Нессельмановой Buch der Predigt [7]; 2) исторія соборовъ въ актахъ или дѣяніяхъ ихъ [8]; 3) „Церковный архивъ“—библіотека древнихъ и новыхъ историческихъ сочиненій о правосл. Церкви, съ присоединеніемъ сборника иностранныхъ сочиненій о русской Церкви, на подобіе Штритеровой „memoria populorum“, (писалъ Иннокентій): подробная программа этого изданія, для котораго имъ собрано было значительное количество матеріаловъ, была представлена въ св. синодъ, но затерялась въ бумагахъ Сербиновича, а когда была имъ найдена и доложена синоду, то была одобрена имъ, и кіевской академіи предписано было осуществить ее [9]; 4) переводъ „Кормчей книги“ на русскій языкъ, одно изъ раннихъ ученыхъ предпріятій Иннокентія, за которое онъ взялся во мысли оберъ-прокурора св. синода Нечаева, съ отставкою котораго прекратилась и его подготовка къ осуществленію этой мысли, возникшей въ головѣ Нечаева въ связи съ идеей объ обученіи будущихъ пастырей церкви въ семинаріяхъ и академіяхъ гражданскому законовѣдѣнію одновременно съ церковнымъ [10]; 5) „Исторія Церкви россійской въ связи съ исторіей Церкви другихъ единовѣрныхъ намъ племенъ славянскихъ“ [11]; 6) богословскій словарь, подробный, въ замѣнъ краткаго, составленнаго протоіереемъ А. П. Маловымъ [12]; 7) жизнеописаніе кіевскаго протоіерея І. В. Леванды [13]; 8) изданіе „Палинодіи“ Захаріи Копыстенскаго, какъ лучшаго памятника противокатолической полемики, по подлиннику, находившемуся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, доставленному И. М. Скворцовымъ; этой работой занимался Иннокентій будучи уже въ Харьковѣ и, окончивъ ее, отослалъ ее къ Д. Г. Бибикову, для изданія кіевскою археографическою комиссіею, но издана она не была [14]; 9) отысканіе и

[1]) Подробности о процессѣ этой многотрудной работы Иннокентія содержатся въ письмахъ къ нему Сербиновича, архим. Макарія Булгакова и И. М. Скворцова.

[2]) См. въ письмахъ Сербиновича по указателю.

[3]) Относящіяся къ этой работѣ подробности содержатся въ письмахъ Сербиновича и Скворцова. VIII, 27. 71.

[4]) VIII, 33.

[5]) Этотъ переводъ представленъ былъ Иннокентіемъ въ св. синодъ и разсматривался тамъ одновременно съ другимъ переводомъ той же книги, сдѣланнымъ минскимъ епископомъ Михаиломъ.

[6]) VIII. 35. Разсмотрѣніе его поручено было кишиневскому епископу Пріварху.

[7]) Объ этомъ изданіи говорится въ письмахъ къ Иннокентію Филарета м. м., Скворцова и І. С. Кочетова, который доставилъ ему и значительное количество матеріаловъ для этого изданія.

[8]) VIII, 35. Мысль Иннокентія осуществлена казанской академіей, издавшей „дѣянія соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ“; прагматическая исторія соборовъ принадлежитъ преосв. Іоанну.

[9]) См. VII. 482. Также въ письмахъ Сербиновича.

[10]) Это изданіе осуществлено въ наше время почтеннымъ обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ.

[11]) VIII, 26.

[12]) VIII, 35.

[13]) VIII. 38. Матеріалы, бывшіе въ распоряженіи Иннокентія, послужили для недавняго труда о Левандѣ, напечатанваго въ „Трудахъ Кіев. Академіи“.

[14]) О ней очень большая переписка съ Скворцо-

изданіе записокъ Петра Могилы [1]), а равно редакція перевода сочиненія Могилы „Православное исповѣданіе вѣры"; 10) „Памятникъ уніи"—сборникъ всего напечатаннаго и написаннаго по этому предмету [2]). Къ этому слѣдуетъ присоединить труды по редакціи журнала „Воскресное Чтеніе", которою Иннокентій занимался самъ, наполняя журналъ главнымъ образомъ своими статьями, эпизодами изъ исчисленныхъ выше своихъ работъ, которыя всѣ Иннокентій велъ одновременно, почему, можетъ быть, и не успѣлъ окончить вполнѣ многихъ изъ нихъ. Наконецъ есть указанія на сотрудничество его въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей" [3]), въ харьковскомъ „Молодикѣ", издававшемся И. Бецкимъ [4]), въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія [5]) и въ „Извѣстіяхъ II-го отдѣленія академіи наукъ" [6]). Повторяемъ: исчисленное нами далеко не все, что дѣлалось Иннокентіемъ въ области науки и литературы. Между прочимъ изъ вышеприведеннаго перечня, которымъ я утомилъ ваше, мм. гг., вниманіе, вы можете видѣть, что и здѣсь симпатіи ученаго іерарха тяготѣли главнымъ образомъ въ сторону славянства. Вообще же мысль, которая руководила Иннокентіемъ въ этомъ страстномъ служеніи его наукѣ, которую онъ выражалъ многократно и въ проповѣдяхъ и въ письмахъ, была та, что религія, которой онъ былъ призваннымъ и избраннымъ представителемъ, вполнѣ совмѣстима съ наукой, можетъ и должна быть солидарна съ нею въ стремленіи къ одной общей цѣли—направленія человѣчества къ его высшему духовному назначенію. Въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ онъ дѣлаетъ все то употребленіе изъ науки въ ея обширномъ смыслѣ и полномъ объемѣ, какого можно только пожелать отъ богослова. Знаніе философіи и естествознанія, которое онъ обнаруживаетъ въ этихъ своихъ сочиненіяхъ, не какое-либо элементарное, но въ полномъ смыслѣ учено-спеціальное [7]).

Наконецъ къ числу заслугъ Иннокентія для науки слѣдуетъ отнести постоянное ходатайство его предъ лицами, власть имѣющими, за тружениковъ науки и матеріальную помощь, оказываемую имъ постоянно изъ своихъ личныхъ средствъ всѣмъ безъ различія происхожденія и состоянія.

Въ числѣ многихъ, помощью и протекціей Иннокентія пользовались М. А. Максимовичъ, И. М. Снегиревъ, О. Новицкій, О. Михневичъ, В. Н. Карповъ, Я. К. Амфитеатровъ, Б. П. Аскоченскій, издатель „Одесской Флоры" Горбановскій, прот. П. М. Скворцовъ, Метлинскій (профессоръ харьков. ун—та), протоіерей Нордовъ, Палимпсестовъ, Смолодовичъ, Синайскій, А. Ашикъ (хранитель керченскаго музея), Надежинъ О. (авторъ нѣсколькихъ сочиненій по философіи), Троиновскій, Бобровницкій, свящ. Яковкинъ [1]) и многіе другіе. Кто-бы и когда-бы изъ дѣятелей науки и литературы ни обращался къ нему за указаніями, помощью и содѣйствіемъ съ его стороны, никогда не встрѣчалъ отказа; Иннокентій дѣлалъ обыкновенно все, что могъ сдѣлать.

Энергія къ ученымъ занятіямъ и ко всякаго рода полезной общественной дѣятельности съ годами не уменьшалась въ Иннокентіи, а росла, несмотря на то, что здоровье его значительно пошатнулось и онъ началъ часто хворать лѣтъ за восемь до смерти, и, несмотря на то, что его ученымъ занятіямъ страшно мѣшали его частыя перемѣщенія и переселенія, а также зависть, неисправность и медленность почты и другія причины. Его „ученая горячка", какъ называли его страсть къ научнымъ работамъ, достигла своего апогея къ началу крымской войны. Живя въ Одессѣ, какъ раньше—въ Харьковѣ, онъ то и дѣло выписывалъ то изъ Москвы, чрезъ Погодина и Бодянскаго, то изъ Кіева, чрезъ своего друга протоіерея И. М. Скворцова и другихъ, то изъ С.-Петербурга чрезъ разныхъ должностныхъ лицъ [2]) и своихъ знакомыхъ, изъ казенныхъ и частныхъ книгохранилищъ нужныя ему рѣдкія печатныя изданія и рукописи: пріобрѣталъ ихъ покупкой изъ за границы чрезъ Ригу [3]) и изъ Императорской публичной библіотеки изъ С.-Петербургѣ (баронъ, впослѣдствіи графъ, И. А. Корфъ, самымъ аккуратнымъ образомъ сообщалъ ему списки новыхъ, пріобрѣтаемыхъ библіотекой изданій, а также поступившихъ въ нея въ продажу книгъ, на нѣсколько сотенъ рублей ежегодно, какъ это видно изъ имѣющихся въ его бумагахъ счетовъ. Крымская война пріостановила эту горячку, давъ его энергіи другое направленіе. Продолжая устроять свой русскій Аѳонъ—рядъ скитовъ въ предѣлахъ Тавриды, онъ велъ въ то же время въ этотъ періодъ своей дѣятельности непрерывную переписку съ духовенствомъ, командированнымъ имъ въ тѣ мѣстности, въ которыхъ происходили военныя дѣйствія.

вымъ, Воронцовымъ и архим. Антоніемъ, ректоромъ кіевской академіи.

[1]) См. объ этомъ въ письмахъ къ Иннокентію архимандрита Димитрія (Муретова) и Скворцова.

[2]) «Русск. Бесѣда» 1857 г. № 5. Критика, стр. 51.

[3]) Въ письмахъ Бодянскаго.

[4]) VIII, 110.

[5]) Въ письмахъ Сербиновича за первые годы.

[6]) Въ письмахъ И. А. Ширинскаго-Шихматова и И. И. Давыдова.

[7]) См томы VII, VIII, X и XI полнаго собранія его сочиненій, изданныхъ Вольфомъ.

[1]) См. письма этихъ лицъ по указателю, IV, 32 и до.

[2]) VIII, 26, 35 Иннокентій спрашиваетъ Сербиновича, можетъ-ли онъ надѣяться на содѣйствіе правительства въ доставленіи ему нужныхъ для его ученыхъ работъ книгъ, которыхъ нельзя имѣть иначе, какъ при его посредствѣ. Ищутъ этихъ рукописей повсемѣстно, по всему спб. округу чрезъ цирбуляры, арх. Порфирій—въ вѣнскихъ библіотекахъ, самъ Сербиновичъ чрезъ своего корреспондента—въ Мюнхенѣ.

[3]) Чрезъ рижскаго книгопродавца Кимля при посредствѣ Щербинина (VIII, 106).

Предъ нами болѣе пятисотъ писемъ къ Иннокентію приходскихъ священниковъ, іеромонаховъ и архимандритовъ изъ мѣстностей, находившихся въ районѣ военныхъ дѣйствій, а также находившихся въ плѣну у непріятелей (архим. Геронтій, его ученикъ по кіевской академіи, впослѣдствіи юрьевскій архимандритъ), съ самыми разнообразными замѣчаніями, помѣтами и резолюціями Иннокентія, показывающими—съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ и пониманіемъ дѣла слѣдилъ онъ за ходомъ военныхъ операцій. Сестры милосердія, госпитали, духовенство въ вихъ, были предметомъ особой его пастырской заботливости: чрезъ нихъ раненые снабжались нерѣдко предметами продовольствія, собранными Иннокентіемъ, духовными книгами и иконами. Изъ писемъ къ Иннокентію всѣхъ этихъ лицъ можетъ составиться самая подробная хроника войны, неоффиціальная, которая можетъ быть во многомъ измѣнитъ имѣющуюся доселѣ оффиціальную исторію событій того времени, составленную по реляціямъ, освѣтивъ ее съ новыхъ точекъ зрѣнія и дополнивъ характеристиками дѣйствовавшихъ лицъ и множествомъ интересныхъ деталей къ этой грандіозной эпопеѣ. Независимо отъ этой переписки, отчасти лишь при помощи ея, по разсказамъ, слышаннымъ нами отъ лица, состоявшаго при Иннокентіи въ это время и въ теченіе многихъ лѣтъ. Иннокентій превосходно зналъ интимную исторію крымской эпопеи, всѣ злоупотребленія, намѣренныя и невамѣренныя ошибки дѣйствующихъ лицъ ея съ русской стороны и степень ихъ умственнаго и нравственнаго достоинства и ихъ характеры. По разсказамъ того же лица, онъ удостоился въ это время посѣщеній (инкогнито) великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, пріѣзжавшихъ въ Севастополь. Личные подвиги Иннокентія во время войны, въ Одессѣ, гдѣ во время бомбардированія, при сотрясеніи стѣнъ собора и всеобщемъ ужасѣ молящихся, онъ совершалъ спокойно священнодѣйствіе выносъ плащаницы, и въ Севастополѣ, гдѣ онъ подъ непріятельскими выстрѣлами безстрашно ходилъ по рядамъ войскъ, ободряя солдатъ и полководцевъ, и разъѣзжалъ по бухтѣ, тогда, какъ въ нее спереди и сзади сыпались бомбы,—эти подвиги мужества и безстрашія всѣмъ извѣстны, равно какъ и его проповѣди этого времени, перепечатывавшіяся во всѣхъ газетахъ, изъ которыхъ составилось цѣлыхъ два тома. Государь наградилъ его за эту доблесть брилліантами на клобукъ (изъ письма къ Иннокентію видно, что всѣ ждали для него брилліантовой панагіи на георгіевской лентѣ). Въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій Иннокентій объѣхалъ весь Крымъ и представилъ графу Протасову „дневникъ“ этой „любопытной и опасной“, какъ выражается Протасовъ въ своемъ письмѣ къ нему, поѣздки [1]). Во время самой войны онъ ведетъ непрерывную переписку съ военно-начальствующими—графомъ Остенъ-Сакеномъ (комендантомъ Севастополя во время войны) и другими о госпиталяхъ, о религіозномъ утѣшеніи раненыхъ, о снабженіи ихъ предметами продовольствія и т. д. Въ высшей степени любопытны вопросы, предложенные имъ Остенъ-Сакену отвосительно тѣхъ или другихъ частностей военныхъ операцій и общихъ вопросовъ стратегіи: они показываютъ въ нашемъ богословѣ-ораторѣ не только горячаго патріота, но и не послѣдняго знатока предметовъ военнаго искусства. Вопросы эти, вмѣстѣ съ отвѣтами на вихъ графа Остенъ-Сакена, напечатаны въ военномъ сборникѣ за 1861 годъ (т. XX, стр. 134—138).

[1]) I, 34.

IV.

Заслугами для развитія въ Россіи богословскаго образованія, проповѣдничества и науки вообще не ограничивается историческое значеніе Иннокентія. Въ числѣ его корреспондентовъ насчитывается десятка два высшихъ государственныхъ сановниковъ и около пятидесяти лицъ изъ высшей родовой аристократіи въ Россіи. Между прочимъ это были: предсѣдатель государственнаго совѣта—графъ Д. Н. Блудовъ, министры народнаго просвѣщенія: кн. А. И. Голицынъ, графъ С. С. Уваровъ, А. С. Норовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Л. А. Перовскій, министръ финансовъ Княжевичъ, министръ государственныхъ имуществъ П. Д. Кисслевъ, министры военные: Сухозанетъ, кн. Меньшиковъ и кн. В. А. Долгоруковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Нессельроде, фельдмаршалъ Паскевичъ, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцевъ, знаменитый устроитель Крыма и Кавказа кн. М. С. Воронцовъ, кіевскіе генералъ-губернаторы: Д. Г. Бибиковъ и кн. В. П. Васильчиковъ, оберъ-прокуроры св. синода: Нечаевъ, гр. Протасовъ и гр. А. П. Толстой; графы Строгановы, московскій и одесскій; кн. И. А. Ширинскій-Шихматовъ; главно-управляющій почтовымъ департаментомъ Ѳ. И. Прянишниковъ, наказной атаманъ войска донскаго—М. Д. Хомутовъ, и другіе. Изъ родовой русской аристократіи: нѣсколько князей Голицыныхъ, два Долгоруковыхъ, три Долгорукихъ, нѣсколько графовъ Толстыхъ, князь Орловъ, графъ Орловъ-Денисовъ, графиня А. А. Орлова-Чесменская, графъ и графиня Левашовы, графы Гендриковы, князья Шаховскіе, кн. Репнины, Корфъ, Потоцкіе, Буксгевдены, Ободенскіе, Ламбертъ, П. А. Вяземскій, Мусинъ-Пушкинъ, Потемкины, А. М. и Т. Б., графъ, Кочубей, графъ Никитинъ, Загрятскіе, Завадовскіе, Вревскіе, Булацель, Сен-При, князь Давыдовъ, Тучковы, Шабельскіе, Красинскіе, Конёбу, Одоевскіе, Багговутъ, Лазаревъ, М. И. Мальцовы, Левшинъ, Аненковъ, И. И. Остенъ-Сакенъ, Рикордъ, Будбергъ, первоприсутствующій сенаторъ Горголи и множество другихъ. Далѣе слѣдуетъ рядъ „дѣльцовъ“ въ разныхъ министерствахъ, стоявшихъ на іерархической лѣстницѣ на второй ступени, каковы: А. Н. Муравьевъ, Щербининъ, Сербиновичъ, Троицкій, Брадке, Дурасовъ, Красовскій и др. Изъ литераторовъ и ученыхъ, кромѣ исчисленныхъ выше, замѣчательными корреспон-

дентами Иннокентія были: П. В. Гоголь, разсуждавшій въ своихъ письмахъ къ нему о великомъ призваніи и будущности Россіи и новѣрявшій ему свои мучительныя думы въ самыя тяжелыя для него времена послѣ изданія „переписки съ друзьями“ и послѣ убійственной критики на эту переписку—Бѣлинскаго; К. А. Неволинъ, знаменитый юристъ, графъ А. К. Толстой, Кукольникъ, Квитка, Щербина, Гулакъ-Артемовскій.

Всѣ эти лица, начавъ съ восторга къ проповѣдямъ Иннокентія, переходили къ личнымъ сношеніямъ съ нимъ, вводили его въ свою частную жизнь и въ сферу своихъ общественныхъ отношеній, просили его совѣтовъ о предметахъ своей личной духовной жизни, о дѣлахъ совѣсти и семейныхъ, а затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, и о дѣлахъ своей служебной и оффиціальной дѣятельности. Отношенія къ Иннокентію этихъ лицъ не были отношенія простой любезности и какого-либо оффиціальнаго „высокопочитанія“, во отношенія самой искренней неподдѣльной любви и симпатіи этихъ лучшихъ дѣятелей своей эпохи къ замѣчательно-свѣтлой и благородной личности Иннокентія, безграничнаго уваженія къ его глубокому и проницательному, истинно-государственному уму. Такъ постепенно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, открывалась предъ Иннокентіемъ совершенно новая область—общественнаго и государственнаго вліянія помимо оффиціальныхъ полномочій церковнаго іерарха.

Естественно, что планы разныхъ нововведеній и проекты реформъ, выходившіе изъ подъ пера Иннокентія, прежде всего относились къ духовному вѣдомству. Оберъ-прокуроры Нечаевъ и гр. Протасовъ самымъ безцеремоннымъ образомъ эксплоатировали его силы для разработки разныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ этомъ вѣдомствѣ, начиная съ того времени, когда Иннокентій былъ лишь кіевскимъ ректоромъ. Такъ Нечаевъ поручаетъ ему составленіе конспектовъ наукъ, преподававшихся въ духовныхъ академіяхъ, переводъ и изданіе Кормчей, совѣщается съ нимъ о введеніи въ семинарскій курсъ изученія гражданскихъ законовъ наравнѣ съ церковными; Иннокентію принадлежитъ мысль, осуществленная въ самое позднѣйшее время, объ изданіи при св. синодѣ особаго оффиціальнаго органа подъ названіемъ: „Синодскія Вѣдомости“ въ параллель съ „Сенатскими Вѣдомостями“ [1]; изъ писемъ къ нему Погодина видно, что имъ составленъ былъ и представленъ въ св. синодъ проектъ улучшенія матеріальнаго быта духовенства [2]. Для того, чтобы оцѣнить всю степень вліянія Иннокентія на ходъ дѣлъ въ духовномъ вѣдомствѣ, мы, впрочемъ, въ настоящее время пока не имѣемъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ.

Въ области гражданской жизни нашего отечества мы можемъ пока отмѣтить слѣдующіе факты дѣятельности Иннокентія. 1) Графъ Протасовъ посылаетъ ему на окончательную редакцію (уже послѣ Филарета, м—та московскаго) проекты законовъ о бракѣ, долженствовавшихъ войти въ издававшійся графомъ Блудовымъ „Сводъ законовъ россійской имперіи“. и, кажется, доселѣ дѣйствующее законодательство наше о бракѣ—плодъ труда Иннокентія. 2) Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій испрашиваетъ его мнѣнія по чрезвычайно важному и въ то время еврейскому вопросу, каковое и получаетъ въ видѣ обширной „записки“, составленной Иннокентіемъ. 3) Д. Г. Бибиковъ Иннокентіемъ, между прочимъ, представленъ въ разное время три записки политическаго содержанія: „о политическомъ значеніи духовенства въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи“, „объ устройствѣ кіевскаго университета. по поводу происходившихъ на югѣ политическихъ движеній“, и „взглядъ на управленіе учебными округами“, каковыя записки, по выраженію Бибикова, „раскрыли ему предметы сіи въ яснѣйшемъ видѣ и доставили ближайшія свѣдѣнія о настоящемъ ихъ положеніи“ [1]. 4) Изъ писемъ къ Иннокентію М. С. Воронцова видно участіе Иннокентія въ ходѣ законодательства и мѣстныхъ въ южной Россіи административныхъ распоряженій по дѣламъ раскола, причемъ Иннокентій не всегда соглашается съ мнѣніями ко многимъ вопросамъ этого рода весьма либеральнаго генералъ-губернатора. Вообще же для Д. Г. Бибикова и М. С. Воронцова Иннокентій былъ постоянный интимный совѣтникъ во всемъ объемѣ ихъ важной государственной дѣятельности, равно какъ, повидимому, для министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, съ которымъ постоянно находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Графъ Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія, „зная, съ какимъ вниманіемъ Иннокентій слѣдитъ за ходомъ народнаго образованія въ Россіи“, а равно графъ Киселевъ, министръ государственныхъ имуществъ, имѣли обыкновеніе присылать ему экземпляры своихъ печатныхъ отчетовъ по ввѣреннымъ имъ министерствамъ, и Иннокентій, не обинуясь, въ отвѣтныхъ письмахъ имъ по этому поводу. высказываетъ свое откровенное мнѣніе о значеніи ихъ дѣятельности и указываетъ для нея новыя задачи и предметы. Подобнымъ же образомъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, „по особому уваженію“, какъ онъ выражается, къ Иннокентію, „вмѣняетъ себѣ въ обязанность препроводить къ нему экземпляръ составленнаго имъ и Высочайше одобреннаго наставленія для образованія вос-

[1]) См. объ этомъ въ письмахъ къ Иннокентію Аскоченскаго и Погодина.

[2]) Въ бумагахъ Иннокентія имѣется одинъ проектъ съ этимъ заглавіемъ, но, повидимому, онъ не ему принадлежитъ, а присланъ къ нему кѣмъ-либо изъ синода въ коніи для отзыва. См. также VI, 239.

[1]) VIII, 62. Въ 1839 г. Бибиковъ прислалъ Иннокентію доставить ему также читанное въ 1831 г. по церквамъ юго-западнаго края воззваніе главнокомандовавшаго первою арміею къ помѣщичьимъ крестьянамъ о сохраненіи вѣрноподданническаго долга въ случаѣ возстанія владѣльцевъ противъ законной власти. VIII. 60.

питанницъ женскихъ учебныхъ заведеній"; императрица Александра Ѳеодоровна была съ нимъ въ перепискѣ по предмету устройства тѣхъ же заведеній. Наконецъ мы упоминали выше объ участіи Иннокентія въ составленіи нынѣ дѣйствующаго морского устава, учебниковъ по русскому языку для военно-учебныхъ заведеній.—Чтобы читатель наглядно могъ убѣдиться въ сказанномъ нами о чувствахъ къ Иннокентію его корреспондентовъ, приведемъ нѣсколько извлеченій изъ нѣкоторыхъ писемъ.

„Цѣню вполнѣ ваше милостивое ко мнѣ расположеніе и доблій трудъ вашъ, пишетъ Бибиковъ Иннокентію въ 1840 году. Душа и сердце полны къ вамъ живѣйшею благодарностію" [1]. „Конечно васъ никто столько не любитъ и не уважаетъ, какъ я, пишетъ онъ Иннокентію въ 1842 году, хотя на этотъ счетъ вы мною избалованы. Харьковскіе жители вамъ преданы не менѣе кіевскихъ,—я слышу это отъ всѣхъ пріѣзжихъ, и въ первый разъ понялъ чувства зависти,—только въ этомъ случаѣ это не смертельный грѣхъ. Я здѣсь одинъ, семейство мое въ С.-Петербургѣ, судьба меня бросила какъ корабль, который волны мчатъ сильно, норовисто, а берега невидимы. Да будетъ воля Всемогущаго! Молю, чтобы до конца я могъ выдержать свой девизъ: fais ce que doit, advienne que faussa. Хотѣлось бы съ вами о многомъ переговорить, есть о чемъ поповѣствовать. Нынѣшній годъ былъ богатъ началами, послѣ будетъ конецъ. Царя мысли велики, чисты, сильны; но наши татары не поймутъ и сами въ нетлю лѣзутъ. Пословица русская справедлива: громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится. Слово мужикъ можно бы перемѣнить" [2]. „Съ невыразимымъ удовольствіемъ получилъ я письмо в. пр—ва, пишетъ Бибиковъ въ 1843 г. Радостно, пріятно мнѣ было получить привѣтъ вашъ, привѣтъ знакомый и дорогой по воспоминаніямъ, которыя навѣялъ онъ на мое воображеніе и напомнилъ о томъ незабвенномъ времени, когда мы вмѣстѣ здѣсь бесѣдовали. Отъ всего сердца, отъ всей души благодарю васъ и за поздравленіе и за вашу память обо мнѣ. Много, много хотѣлось бы поговорить—побесѣдовать съ вами. Скажу на ваши слова, что мы не забываемъ исторіи здѣшняго (т. е. кіевскаго) края и принимаемся за разборку древностей его, для чего уже учреждена здѣсь комиссія въ Кіевѣ. Поручаю себя вашимъ архипастырскимъ молитвамъ, вашему дружественному благорасположенію и прошу васъ быть увѣреннымъ въ моемъ глубокомъ, неизмѣнномъ къ вамъ почтеніи и безграничной преданности" [3]. „Зная васъ, любя и почитая, мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы судили меня строже. Вашъ умъ и великія дарованія должны и могутъ исправить и просвѣтить пути каждаго" [4]. „Дорога мнѣ ваша память и ваше расположеніе ко мнѣ, и я отъ глубины души приношу вамъ мою живѣйшую благодарность" [5]. „Помню наши разговоры и благодарю Бога и Царя. Идите впередъ, и человѣчество не будетъ страдать" [6].

Между прочимъ Бибиковъ горячо принималъ къ сердцу научныя занятія Иннокентія: по его просьбѣ онъ хлопочетъ въ С.-Петербургѣ объ отысканіи и доставкѣ ему официальнымъ путемъ рѣдкихъ книгъ, необходимыхъ для тѣхъ занятій [7], а также доставляетъ ему оныя отъ себя непосредственно, прося принять ихъ въ даръ отъ него, взамѣнъ присланныхъ ему Иннокентіемъ его сочиненій [8]. Иннокентій знакомитъ его съ Погодинымъ, чему Бибиковъ былъ особенно радъ [9], изъ Харькова посылаетъ ему Палмидію Кочыстенскаго [7]. Въ свою очередь Бибиковъ проситъ Иннокентія доставить ему всѣ тѣ акты, какіе имѣлись или извѣстны были уже Иннокентію, и обѣщаетъ озаботиться отысканіемъ записокъ Петра Могилы, о существованіи которыхъ извѣщалъ Иннокентій [8]. Въ 1847 г. онъ посылаетъ Иннокентію плоды трудовъ комиссіи — 2-й томъ памятниковъ, ею изданныхъ [3], при чемъ извѣщаетъ, что комиссія, собравъ значительное количество актовъ объ уніи, предположила напечатать ихъ особымъ изданіемъ, на которое уже исходатайствовала отъ щедротъ Государя особое денежное пособіе.

Графъ Перовскій, между прочимъ, пишетъ Иннокентію: „напомнивъ мнѣ о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя проведены мною въ просвѣщенныхъ бесѣдахъ вашихъ, письмо ваше вмѣстѣ съ тѣмъ послужило мнѣ доказательствомъ, что вы, милостивѣйшій государь, и въ отдаленности сохраняете ко мнѣ чувства лестной для меня признаки и расположенія. Позвольте увѣрить васъ, что столь же неизмѣнны и во мнѣ чувства глубокаго моего къ вамъ уваженія" (21 сент. 1850 г.) [10]. Дозвольте мнѣ, пишетъ къ Иннокентію Блудовъ, еще разъ увѣрить васъ, что я умѣю вполнѣ цѣнить ваши чувства ко мнѣ, и всегда съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю о минутахъ, проведенныхъ мною въ пріятныхъ и поучительныхъ бесѣдахъ съ вашимъ высокопреосвященствомъ. Надѣюсь, что онѣ возобновятся прежде окончанія моей полупечальной полукомической (?) и близкой уже къ послѣднему акту драмы, которую называютъ жизнію" [11]. 10 января 1852 г. онъ же пишетъ: „спѣшу отвѣчать вамъ, чтобы выразить вамъ искреннюю душевную благодарность мою

[1]) См. VIII, 56.
[2]) См. VII, 57. Мы затрудняемся сказать, о чемъ собственно говоритъ въ этихъ словахъ Бибиковъ.
[3]) VIII, 58. 1843 г.
[4]) VIII, 68.
[5]) VIII, 65.
[6]) VIII, 59. 1845 г.
[7]) VIII, 56, 64.
[8]) VIII, 60.
[9]) VIII, 57.
[10]) VIII, 66. 58.
[8]) VIII, 66.
[9]) VIII, 67.
[10]) VII, 380.
[11]) VII, 406.

какъ за память вашу обо мнѣ, такъ и за изъявляемыя вами чувства благорасположенія,—осмѣлюсь ли прибавить и дружбы? Не повторяя увѣреній, что умѣю вполнѣ цѣнить ихъ, я воспользуюсь симъ случаемъ... чтобы пожелать вамъ отъ сердца на сіе новое лѣто и многія другія послѣдующія всевозможныхъ благъ, особенно же того, что для в. в—ва всего важнѣе и дороже—успѣховъ слова Божія, съ такимъ блескомъ и чувствомъ вами проповѣдуемаго. Мы теперь лишены счастія слышать его отъ васъ лицомъ къ лицу и даже не имѣемъ утѣшенія видѣть ваши прекрасныя рѣчи на письмѣ или въ печати; но продолжаемъ надѣяться, что вы не замедлите подарить насъ томомъ, хотя и не большимъ, бесѣдъ вашихъ съ новою паствою“ [1]). „Я имѣлъ честь получить письмо в. в—ва и къ особенному удовольствію своему нашелъ въ приложеніи къ нему три экземпляра словъ ко случаю пашествія иноплеменниковъ. Примите, владыко, дань моей живѣйшей искреннѣйшей благодарности за сей новый знакъ вашего ко мнѣ вниманія; примите также съ благосклонностью и выраженіе, весьма слабое, чувства благоговѣйнаго умиленія, съ коимъ мы читали и перечитывали сіи прекрасныя истинно-пастырскія рѣчи. Такія слова и всѣ дѣйствія в. в—ва въ настоящую годину искушеній принадлежатъ къ числу тѣхъ немногихъ явленій, которыя утѣшаютъ и ободряютъ душу даже въ самыхъ смутныхъ и тягостныхъ обстоятельствахъ, миря насъ съ человѣчествомъ, хотя и напоминая съ тѣмъ вмѣстѣ, что мы должны ожидать спасенія и земнаго отечества нашего не отъ однихъ земныхъ средствъ и усилій“ [2]). „Не знаю, какъ выразить и какъ назвать то чувство, съ которымъ я и дочь моя Антонина читали и перечитывали слова ваши, пишетъ Блудовъ, отъ 21 ноября 1855 г. Славный Баркъ говорилъ, что о прерванной дружбѣ своей съ Фоксомъ онъ вспомнилъ съ грустнымъ удовольствіемъ, mith a melancholy pleasure. Мы могли бы сказать тоже, переносясь мыслію къ мѣстамъ и обстоятельствамъ, въ коихъ многочисленные слушатели, народъ и войска, внимали вашему вдохновенному краснорѣчію. И въ насъ также чувство прискорбія сливалось съ наслажденіемъ не только эстетическимъ, а и другимъ, еще высшимъ, когда мы вмѣстѣ съ вами согрѣтые, если смѣю употребить сіе выраженіе, вашею пастырскою любовію, въ одно и тоже время и дозволяли себѣ надѣяться, и смирялись предъ непостижимыми путями Провидѣнія. Исполнятся ли сіи надежды, увидимъ ли мы или хотя не мы, но Россія, ту благотворную измѣну десницы Вышняго, которую предвидѣлъ и предвѣщалъ царь—пророкъ? Это принадлежитъ также къ тайнамъ небеснаго Промысла, но, но словамъ в. в—ва, не можемъ ли и не должны ли мы надѣяться потому именно, что будущее въ рукахъ Божіихъ, а не человѣческихъ“ [3]). „Эти назидательныя и душеспасительныя слова (проповѣди Иннокентія), пишетъ П. Д. Кисслевъ, будутъ навсегда для меня драгоцѣнны, какъ память обо мнѣ многочтимаго архипастыря и какъ одинъ изъ краснорѣчивыхъ памятниковъ славной брани, подъятой во имя креста Спасителя“ [4]). „Изъ всѣхъ привѣтствій, пишетъ графъ Уваровъ Иннокентію, въ отвѣтъ на поздравленіе съ новымъ годомъ, при которыхъ мы обыкли встрѣчать годовое круговращеніе времени, какое могло бы мнѣ быть благопріятнѣе привѣта отъ архипастыря Церкви, призывающаго на насъ благодать того, во свѣтѣ котораго истинное просвѣщеніе? Напутствуемый вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ, съ упованіемъ вступаю въ новый годъ моего дѣланія въ вертоградѣ народнаго образованія, и приношу благодарность за строки, коими вы меня порадовали“ [5]). „Мы любимъ и почитаемъ васъ, пишетъ одинъ изъ Долгоруковыхъ, и какъ архипастыря, и какъ знаменитаго мужа, составляющаго честь, украшеніе и гордость Россіи, и какъ человѣка съ благороднѣйшей чистѣйшею душою. Оба мы (я и жена) остаемся на вѣки вамъ сердечно преданными, и самое пламенное желаніе наше состоитъ въ новомъ свиданіи съ вами, и въ возобновленіи нашихъ бесѣдъ, которыя навсегда неизгладимы въ нашей душѣ“ [3]). „И какъ подумаешь, пишетъ онъ же въ другомъ письмѣ, что самый великій изъ русскихъ архипастырей, мужъ, какіе родятся вѣками, имѣетъ пребываніе въ Одессѣ“ [4]). Князь Долгорукій, харьковскій губернаторъ, получивъ извѣстіе о назначеніи Иннокентія въ Харьковъ, пишетъ: „Извѣстные всѣмъ ученые труды и высокія пастырскія доблести вашего преосвященства не оставляютъ никакого сомнѣнія, что новое назначеніе ваше съ единодушною радостію привято будетъ всею Высочайше ввѣренною вамъ нынѣ паствою. Въ дѣлѣ общаго нашего служенія отечеству мнѣ особенно пріятно будетъ пользоваться совѣтами и назиданіями вашими, которыми я заранѣе прошу васъ не оставлять меня“ [5]).

Замѣтимъ кратко: въ такомъ тонѣ и почти въ такихъ же или еще болѣе сочувственныхъ выраженіяхъ написаны всѣ письма къ Иннокентію. Вся эта многотысячная коллекція писемъ къ нему есть не что иное, какъ сплошной непрерывный дифирамбъ его уму, его пастырской доблести, его многоплодному и благотворному вліянію на безчисленное множество людей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ профессій, положеній и знаній [6]).

[1]) VII, 213.
[2]) I, 108.
[3]) VI, 174.

[1]) VI. 176.
[2]) VIII, 51.
[3]) II, 28.
[4]) VI, 14.
[5]) VIII, 8.
[6]) Весьма значительная часть этихъ писемъ, сама по себѣ, независимо отъ біографіи Иннокентія, будетъ нами напечатана, какъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русскаго общества за цѣлое двадцатипятилѣтіе и какъ характеристика авторовъ этихъ писемъ, личностей все болѣе или менѣе замѣчательныхъ.

V.

Можно было опасаться, повидимому, что при такомъ обилiи и многосторонности научныхъ и литературныхъ занятiй и общественныхъ отношенiй Иннокентiй былъ плохой архiерей. Ничуть не бывало [1]. Между iерархами его времени послѣ Филарета, митрополита московскаго, мы не знаемъ, кто былъ бы такъ рачителенъ и дѣятеленъ въ области своихъ непосредственныхъ обязанностей. Во всѣхъ мѣстахъ его архiерейскаго служенiя ему удалось значительно поднять своей энергiей умственный и нравственный уровень духовенства и отчасти его матерiальный бытъ. Въ продолженiе своего девятимѣсячнаго пребыванiя въ Вологдѣ онъ успѣлъ объѣхать и осмотрѣть если не всю громадную территорiю вологодской епархiи, то значительную часть ея и притомъ самые глухiе ея закоулки, изучить ея нужды до послѣднихъ мелочей и сдѣлать массу соотвѣтственныхъ распоряженiй, которыя приведены были въ исполненiе при немъ лишь отчасти [2]. Здѣсь же, какъ позже въ харьковской и херсонской епархiяхъ, онъ возстановлялъ пришедшiе въ упадокъ монастыри (м-рь Ѳеодосiя тотемскаго „настоящая лавра“, писалъ онъ Сербиновичу), считая ихъ необходимыми для духовнаго просвѣщенiя народа, устроялъ крестные ходы, возобновлялъ и строилъ вновь церкви и часовни, совмѣстно съ гражданскою администрацiей и городскимъ обществомъ, въ которыхъ всегда умѣлъ возбудить самую живую симпатiю ко всѣмъ своимъ начинанiямъ, устроилъ нѣсколько благотворительныхъ учрежденiй. Тайна необычайнаго успѣха этихъ его предпрiятiй и быстроты осуществленiя разнообразныхъ проектовъ, которые кишмя кишѣли въ его головѣ, заключалась въ томъ, что съ одной стороны онъ съ перваго же раза, прибывши въ свою епархiальную резиденцiю, успѣвалъ сблизиться до интимности со всѣми мѣстными властями, начиная съ губернатора (въ Кiевѣ—съ Д. Г. Бибиковымъ, въ Вологдѣ—съ Волховскимъ, въ Харьковѣ—съ кн. Ю. Долгорукимъ, въ Одессѣ съ М. С. Воронцовымъ), и всѣхъ воодушевлялъ силой своего авторитета и своей энергiи на дѣла общественной благотворительности и религiозно-церковнаго благоустройства. Вологодскiй губернаторъ Волховской находился съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ, переписывались съ нимъ до самой его кончины. Когда онъ былъ назначенъ въ Харьковъ, тамошнiй губернаторъ князь Долгорукiй привѣтствовалъ его еще до прибытiя его въ Харьковъ, какъ своего совѣтника и сотрудника по управленiю краемъ. Чѣмъ онъ былъ для Д. Г. Бибикова въ бытность свою въ Кiевѣ и послѣ, а равно для князя М. С. Воронцова, знаменитаго устроителя Крыма и Кавказа, это мы видѣли выше. Въ своихъ подчиненныхъ Иннокентiй всегда умѣлъ возбудить къ себѣ самую глубокую симпатiю взамѣнъ того рабскаго страха и трепета, съ какимъ у насъ на Руси имѣли обыкновенiе относиться въ старое время къ архiерею,—своею крайнею простотою обхожденiя съ ними и тою близостiю, съ какою онъ держалъ всегда себя по отношенiю къ священникамъ. Довольно сказать, что каждый священникъ, если хотѣлъ, не только имѣлъ право во всякое время являться къ нему лично, но могъ и писать къ нему о своихъ дѣлахъ чрезъ почту или съ оказiей, вмѣсто того, чтобы по требованiю начальства, бросая свой долгъ, хозяйство и дѣла пастырскаго служенiя, тратя на путевыя издержки послѣднiе гроши, ѣхать самому въ резиденцiю преосвященнаго за сотни верстъ. Когда однажды, въ бытность Иннокентiя въ Одессѣ, одинъ сельскiй священникъ изъ дальняго уѣзда, нѣсколько лѣтъ молчавшiй о своихъ крайнихъ нуждахъ и стѣсненныхъ обстоятельствахъ, рѣшился наконецъ написать ему, Иннокентiй положилъ на его письмѣ такую резолюцiю: „Боже мой, да чего же вы молчали доселѣ? Неужели у васъ не нашлось листа бумаги?“ Извѣстно, какое роковое безапелляцiонное значенiе имѣли въ старое время секретныя аттестацiи благочинныхъ въ формулярахъ. Иннокентiй никогда не давалъ вѣры дурнымъ аттестацiямъ безъ опроса аттестованнаго и безъ разслѣдованiя. Вслѣдствiе такихъ отношенiй архипастыря къ духовенству, послѣднее всегда съ необычайной энергiей и добросовѣстностью трудилось по указанiю и подъ руководствомъ его. Подобнымъ образомъ Иннокентiй умѣлъ привязать къ себѣ и воодушевить энергiей къ исполненiю своихъ обязанностей наставниковъ семинарiй въ Вологдѣ, Харьковѣ и Одессѣ, не говоря о его сослуживцахъ въ кiевской академiи, а равно въ воспитанникахъ ея: всѣ они сохранили привязанность къ нему во всю свою жизнь. Самъ трудясь болѣе всѣхъ, онъ умѣлъ заставить трудиться своихъ подчиненныхъ, не столько словами власти, сколько вліянiемъ дружбы и знаками признанiя. Такъ въ Вологдѣ и Харьковѣ онъ устроялъ разъ въ недѣлю въ своемъ архiерейскомъ домѣ вечера для наставниковъ семинарiй и гимназiй, на которыхъ почтенные педагоги въ научныхъ и литературныхъ бесѣдахъ отдыхали отъ своихъ трудовъ, проводя время въ залахъ архiерея какъ у себя дома. Можно сказать, что у Иннокентiя никогда не было враговъ въ той средѣ, въ которой онъ пробылъ хотя нѣкоторое время. По зато чѣмъ дольше онъ жилъ, тѣмъ болѣе и болѣе росло число его друзей-энтузiастовъ, до тѣхъ поръ, пока, подъ конецъ своей жизни, онъ не сдѣлался одною изъ самыхъ популярныхъ и авторитетныхъ личностей по всей Россiи. Изъ пяти тысячъ

[1]) Самъ Иннокентiй въ письмѣ къ Ѳ. П. Литке, приглашавшему его къ участiю въ трудахъ вновь основаннаго географическаго общества, такъ опредѣляетъ значенiе своихъ научныхъ занятiй въ общемъ составѣ своей дѣятельности: «посильное углубленiе въ отечественную исторiю, особенно исторiю русской церкви, и необходимо сопряженное съ тѣмъ изслѣдованiе о разныхъ видахъ древностей отечественныхъ, всегда принадлежало къ любимѣйшимъ занятiямъ моимъ въ часы досуга отъ дѣлъ званiя, на мнѣ возлежащаго» (IV, 4).

[2]) См. письма Нордова и Волховскаго, также Русск. Старину за 1879 г.

слишкомъ писемъ къ нему разныхъ лицъ, со всей Россіи, которыя у насъ подъ руками, нѣтъ ни одного, которое не было бы выраженіемъ самыхъ задушевныхъ сердечныхъ отношеній, а было бы сухимъ оффиціально-холоднымъ.

Во время двукратнаго присутствованія Иннокентія въ св. синодѣ ему постоянно принадлежала одна изъ главныхъ ролей. Его кипучая энергія сообщалась его коллегамъ, а его замѣчательная находчивость давала ему возможность, не будучи первенствующимъ въ синодѣ, давать направленіе ходу дѣлъ и ихъ рѣшенію. Иннокентій оба раза съ крайнею неохотою покидалъ свою епархію, для того, чтобы за двѣ тысячи верстъ ѣхать въ сѣверную столицу; но графъ Протасовъ такъ настойчиво требовалъ его присутствія въ синодѣ, давая ему отсрочки и всевозможныя льготы, что ему не было возможности отказываться отъ пріѣзда въ С.-Петербургъ. Около двадцати архіереевъ, управлявшихъ епархіями, имѣли въ немъ въ это время своего оратора въ синодѣ, чрезъ него частнымъ образомъ достигая болѣе скораго и, когда слѣдовало, благопріятнаго для нихъ рѣшенія ихъ оффиціальныхъ представленій. Лишь по общимъ церковнымъ вопросамъ голосъ отсутствующаго Филарета московскаго выслушивался иногда предпочтительно предъ мнѣніями Иннокентія и бралъ иногда перевѣсъ. Протопресвитеръ В. Б. Бажановъ былъ всегда его сторонникомъ въ синодѣ и горячимъ защитникомъ его мнѣній.

Наконецъ еще со времени своего ректорства Иннокентій—интимный совѣтникъ для всѣхъ трехъ оберъ-прокуроровъ синода, при которыхъ онъ проходилъ поприще своего служенія св. Церкви. Письма оберъ-прокуроровъ: Нечаева, Протасова и гр. А. П. Толстаго, равно испр. должн. оберъ-прокурора Карасевскаго, а также Позняка, Войцеховича и особенно Сербиновича, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ, по крайней мѣрѣ со времени своего архіепископства, былъ душею нашего церковнаго правительства цѣлое десятилѣтіе.

Въ полуторачасовомъ чтеніи нѣтъ возможности, хотя бы то въ видѣ простаго перечня, исчерпать все богатство детальныхъ свѣдѣній о дѣятельности Иннокентія и объ исторіи его времени. Но мы считаемъ необходимымъ для полноты характеристики Иннокентія указать еще на одну черту въ его личности.

Нашъ знаменитый ораторъ былъ не только славянофилъ, но и филеллинъ. Его всегда возмущала вражда двухъ единовѣрныхъ національностей, жившихъ въ предѣлахъ турецкихъ. Защищая турецкихъ болгаръ противъ фанаріотскаго духовенства въ Болгаріи, онъ въ Константинополѣ и свободной Греціи зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ церковныхъ и политическихъ. Русскіе архимандриты и іеромонахи, состоявшіе при нашихъ миссіяхъ въ Аѳинахъ, Іерусалимѣ, Константинополѣ, особенно Антонинъ, Поликарпъ и Софонія, ученики его по кіевской академіи, а также извѣстный своими письмами объ Аѳонѣ святогорецъ Серафимъ, сообщали ему довольно подробныя свѣдѣнія о дѣлахъ на востокѣ, и Иннокентій, чрезъ греческихъ дипломатическихъ агентовъ у насъ—Зографа, Негри, Деліани и Метаксу съ одной стороны, и чрезъ русскихъ дипломатическихъ представителей на востокѣ (Базили, В. И. Титова и др.) старался направлять ходъ дѣлъ церковныхъ, а по возможности и политическихъ въ духѣ религіознаго единенія и мира между греками и славянами. Въ оффиціальныхъ памятникахъ нашихъ дипломатическихъ и церковныхъ сношеній мы напрасно стали бы искать слѣдовъ вліянія на восточныя дѣла знаменитаго одесскаго архипастыря; но изъ частныхъ писемъ названныхъ лицъ къ Иннокентію это вліяніе открывается съ несомнѣнностію. Такимъ образомъ результатомъ его заботъ о примиреніи грековъ съ славянами было построеніе въ Константинополѣ, съ разрѣшенія султана и согласія константинопольскаго патріарха, княземъ Богоридесомъ болгарской церкви и возведеніе въ санъ епископа лаодикійскаго образованнаго славянскаго патріота Стефана Ковачевича, которому и назначено было состоять при этой церкви въ качествѣ оффиціальнаго представителя болгарской національности по дѣламъ религіознымъ въ столицѣ турецкой имперіи. Въ бумагахъ Иннокентія сохранились документы [1]), относящіеся къ этому назначенію, и два адреса болгаръ преосв. Стефану, показывающіе, съ какимъ восторгомъ и надеждами встрѣчено было ими это назначеніе. По ходатайству Иннокентія, знаменитому греческому богослову и проповѣднику Константину Икономосу по Высочайшему повелѣнію дано было званіе члена конференціи с.-петербургской духовной академіи съ содержаніемъ въ 2000 рублей. Весьма любопытны также письма къ Иннокентію нѣкоего Лулудаки, Пантели, переводчика на греческій языкъ исторіи Карамзина, Попандопуло, переводчика на греческій языкъ богословія Макарія, аѳинскаго грека Вальянова, престарѣлаго греческаго митрополита Агаѳангела (удалившагося въ Одессу со времени убіенія въ Константинополѣ священномученика константинопольскаго патріарха Григорія) и его брата аѳинскаго профессора, знаменитаго историка, Типалдоса [2]). Иннокентій лелѣялъ и нянчилъ старца митрополита, ссужалъ крупныя суммы Типалдосу и чрезъ нихъ сносился съ Греціей и Константинополемъ, гдѣ пользовался чрезвычайною популярностію, какъ это видно изъ писемъ Вальянова, и вліялъ чрезъ нихъ на греческую іерархію и особенно на молодое поколѣніе греческаго духовенства. Въ 1851 году греческій король прислалъ ему орденъ Спасителя 1-й степени „въ воздаяніе, какъ сказано въ рескриптѣ, денежныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ имъ въ пользу греческихъ церквей [3]), и за назидательныя творенія, пере-

[1]) VI, 71, 74, 111.

[2]) См. письма этихъ лицъ въ сборникѣ по алфавитному указателю.

[3]) Между прочимъ Иннокентій сдѣлалъ пожертво-

веденныя на греческій языкъ". Такимъ образомъ къ началу крымской войны Иннокентій отлично зналъ положеніе дѣлъ на востокѣ и повсемѣстное настроеніе умовъ среди грековъ и славянъ, а когда открылись военныя дѣйствія, прикомандированный къ русскому главнокомандующему „для сношеній съ болгарами" по рекомендаціи Иннокентія его молодой въ то время другъ П. Х. Палаузовъ съ большимъ успѣхомъ организовалъ содѣйствіе болгаръ русскому войску и формированіе дружинъ болгарскихъ и греческихъ волонтеровъ, начавъ свою дѣятельность съ водруженія креста и колоколовъ на мачивской церкви, дотолѣ не виданныхъ и не слышанныхъ среди христіанскаго населенія Турціи. Въ бумагахъ Иннокентія сохранился рядъ донесеній ему Палаузова, изъ которыхъ видно, что послѣдній дѣйствовалъ во всемъ сообразно мыслямъ и даннымъ ему наставленіямъ Иннокентія. Донесенія эти оканчиваются съ отступленіемъ русскаго войска отъ Силистріи, послѣдовавшимъ, вслѣдствіе приказа вновь прибывшаго главнокомандующаго, Паскевича, по словамъ Палаузова, ни раньше, ни позже, какъ за два часа до несомнѣннаго ея взятія русскими. Они живо рисуютъ яркую картину внѣшняго состоянія и внутренняго настроенія нашихъ соплеменниковъ - страдальцевъ въ этотъ роковой моментъ ихъ исторіи, когда въ виду несомнѣннаго на ихъ взглядъ торжества русскаго оружія они готовы были возстать поголовно, и вдругъ, неожиданно, были брошены на произволъ судьбы и своихъ вѣковыхъ угнетателей. Не менѣе любопытно и то обстоятельство, что еще до начала войны Иннокентій, чрезъ оберъ-прокурора св. синода, доводилъ до свѣдѣнія государя императора Николая Павловича о желаніи какого-то греческаго митрополита (не Агаѳангела) сдѣлать секретно весьма важныя политическія сообщенія, но государь отклонилъ эти предложенія, написавъ на докладѣ оберъ-прокурора: „благодарить за усердіе, но теперь еще не время" [1].

Заканчивая свою рѣчь, я позволю себѣ выразить увѣренность, что и этихъ немногихъ замѣчаній, которыя составляютъ плодъ лишь первоначальнаго ознакомленія съ матеріаломъ для біографіи Иннокентія, достаточно для того, чтобы признать личность Иннокентія заслуживающею болѣе тщательнаго изученія, вежели какое существуетъ въ нашей литературѣ доселѣ, въ видѣ спеціальной и подробной біографіи, вродѣ тѣхъ, какія существуютъ уже для нѣсколькихъ болѣе выдающихся историческихъ дѣятелей нашего отечества, къ числу которыхъ, по всей справедливости, долженъ быть отнесенъ и Иннокентій.

III.

18 ДЕКАБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ собранія, состоявшагося 21 іюня.

По предложенію г. предсѣдателя, секретарь прочиталъ: а) заявленіе нѣсколькихъ членовъ объ избраніи въ почетные члены Славянскаго Общества И. И. Смоляра и б) предложеніе Совѣта объ избраніи въ почетные члены Общества В. И. Ламанскаго, слѣдующаго содержанія:

а) „Въ ряду людей, съ честью и успѣхомъ потрудившихся въ дѣлѣ славянскаго возрожденія, одно изъ самыхъ выдающихся и почетныхъ мѣстъ принадлежитъ маститому лужицко-сербскому дѣятелю Ив. Ив. Смолярю. Его бодрому почину и неусыпнымъ трудамъ его и его сподвижниковъ и послѣдователей обязанъ своимъ воскресеніемъ братскій намъ лужицко-сербскій народъ, который полвѣка назадъ считался похороненнымъ, а теперь твердо стоитъ на ногахъ и съ надеждою смотритъ на будущее. Исторія возрожденія этого народа и труды въ этомъ дѣлѣ Смоляра извѣстны изъ статей А. Ѳ. Гильфердинга [2] и П. И. Срезневскаго [3], а также изъ Исторіи Славянскихъ Литературъ Пыпина, поэтому нѣтъ надобности объ этомъ здѣсь распространяться; скажемъ только, что 70-лѣтній Смоляръ и въ настоящее время неустанно трудится для своего народа, являясь всюду ходатаемъ о его нуждахъ и для обще-славянскаго дѣла, готовя новый переводъ на лужицкій языкъ св. Евангелій, который онъ намѣревается издать кириллицею на сербо-лужицкомъ языкѣ, параллельно съ русскимъ и старо-славянскимъ текстами. Въ виду сказаннаго, предлагая И. И. Смоляра въ почетные члены Славянскаго Общества, мы не сомнѣваемся, что Совѣтъ съ готовностью внесетъ это предложеніе въ общее собраніе и поддержитъ его въ собраніи своимъ вліяніемъ".

б) „Весною нынѣшняго года исполнилось 25 лѣтъ ученой и профессорской дѣятельности многоуважаемаго сочлена нашего В. И. Ламанскаго. Ученый міръ достойно почтилъ по этому поводу многолѣтнюю, глубоко плодотворную дѣятельность славнаго ученаго, заслуги котораго наукѣ общепризнаны. Своими учеными трудами по славянской исторіи,

---

вавіе на построеніе въ Аѳинахъ храма св. Ирины, отстроившагося въ память пятнадцатилѣтія освобожденія Греціи на сборныя деньги. Государь императоръ Николай Павловичъ пожертвовалъ для этого храма великолѣпный иконостасъ. IV, 37.

[1] IV, 83.
[2] Русская Бесѣда 1856 г., кн. 1.
[3] Ж. М. Н. Н. 1844 г., кн. 43.

литературѣ, археологіи, этнографіи и языкознанію онъ обогатилъ русскую ученую литературу, а его профессорской дѣятельности въ С.-Петербургскомъ Университетѣ русская наука обязана образованіемъ ученой школы славистовъ, съ честью занимающихъ нынѣ каѳедры славяновѣдѣнія въ русскихъ университетахъ и академіяхъ. Строгій ученый и спеціалистъ-изслѣдователь, В. И. Ламанскій является вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокимъ политическимъ мыслителемъ: умудренный опытомъ исторіи, обладая обширнѣйшими познаніями въ области современныхъ отношеній Славянства и Европы, Владиміръ Ивановичъ въ нѣсколькихъ своихъ блестящихъ статьяхъ выяснилъ истинныя культурныя и политическія отношенія міра восточно-православнаго къ западному и далъ прочное историческое обоснованіе славянской идеѣ. Его многочисленные труды несомнѣнно содѣйствовали просвѣщенію и отрезвленію нашего общественнаго сознанія отъ безотчетнаго раболѣпства Западу, составляющаго величайшее зло русской жизни. Отзывчивый на всѣ крупныя явленія политической жизни Славянства, Влад. Ив. оказалъ русскому обществу большія услуги, разъясняя въ своихъ статьяхъ истинный смыслъ текущихъ событій, а новѣйшій, только что вышедшій, ученый трудъ его „о государственныхъ тайнахъ Венеціи", внося богатый вкладъ въ науку, заключаетъ въ себѣ рядъ блестящихъ и глубокихъ мыслей о современныхъ отношеніяхъ Европы и Славянства и замѣчательнымъ образомъ освѣщаетъ горизонтъ грядущихъ политическихъ отношеній. Перечень 163-хъ сочиненій и изданій В. И. Ламанскаго, помѣщенный въ „Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію", составленномъ и изданномъ его учениками къ его 25-лѣтнему юбилею, наглядно свидѣтельствуетъ о широтѣ его кругозора, обширности и разносторонности знаній и необыкновенныхъ трудахъ на пользу славянской науки и для славянскаго дѣла вообще.

Наше Славянское Общество въ особенности обязано В. И. Ламанскому. Съ самаго его основанія, за все время 15-лѣтняго его существованія, В. И. Ламанскій всегда принималъ самое живое и плодотворное участіе въ его дѣятельности. Приномнимъ, что *первое* засѣданіе Петерб. Отдѣла Славянскаго Комитета *7 мая 1868 года* происходило подъ его предсѣдательствомъ и самымъ своимъ учрежденіемъ Славянскій Комитетъ много ему обязанъ. Незабвенны также заслуги нашего многоуважаемаго сочлена по устройству Славянскаго Съѣзда въ Москвѣ, по Издательской Комиссіи, по организаціи научныхъ чтеній въ засѣданіяхъ Славянскаго Общества. Самому Владиміру Ивановичу принадлежатъ наиболѣе цѣнныя и содержательныя чтенія въ Славянскомъ Обществѣ по разнымъ вопросамъ славянской исторіи и литературы. Всѣ мы хорошо помнимъ, затѣмъ, то недалекое прошлое, когда В. И. раздѣлялъ нелегкіе труды членовъ Комиссіи по сбору пожертвованій въ пользу жертвъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ и по снаряженію добровольцевъ. Ему же принадлежитъ мысль, столь удачно осуществленная—изданія сборника: „Братская помочь", въ пользу жертвъ возстанія.

Въ мирное время дѣятельности Славянскаго Общества, В. И. Ламанскій былъ незамѣнимымъ, по своимъ знаніямъ и опытности, членомъ Совѣта и товарищемъ предсѣдателя: близко зная отношенія въ славянскихъ земляхъ, по которымъ онъ не разъ путешествовалъ, и находясь въ сношеніяхъ со всѣми выдающимися учеными, общественными политическими славянскими дѣятелями, В. И. Ламанскій всегда былъ для Совѣта незамѣнимымъ свѣдущимъ человѣкомъ но всѣмъ славянскимъ вопросамъ.

Высоко цѣня всѣ эти важныя заслуги В. И. Ламанскаго для славянскаго дѣла, Совѣтъ Общества считаетъ для себя пріятнымъ долгомъ предложить общему собранію гг. членовъ избрать В. И. Ламанскаго почетнымъ членомъ Славянскаго Общества".

По прочтеніи этихъ заявленій г. предсѣдатель предложилъ собранію избрать И. И. Смоляра и В. И. Ламанскаго въ почетные члены Славянскаго Общества.

Предложеніе это принято собраніемъ при рукоплесканіяхъ, единогласно.

Послѣ сего г. предсѣдатель сдѣлалъ собранію слѣдующее предложеніе:

„Въ Славянскомъ Обществѣ издавна существовалъ обычай въ память почившихъ членовъ, оказавшихъ особенныя услуги Обществу, присвоивать пособіямъ, выдаваемымъ стипендіатамъ Общества, имена такихъ лицъ.

Въ недавнее время, а именно 31 октября 1882 г., по докладу Совѣта, дорогія для Славянскаго Общества имена: А. Ѳ. Гильфердинга, А. Б. Иванишкаго, Н. А. Кирѣева, М. Д. Скобелева, О. И. Скобелевой и князя В. А. Черкасскаго присвоены пособіямъ, выдаваемымъ Обществомъ воспитывающимся въ Россіи славянамъ.

Нынѣ Совѣтъ Общества, въ засѣданіи 11 декабря, въ уваженіе къ трудамъ и заслугамъ почетнаго члена Общества В. И. Петрова, постановилъ: предложить общему собранію гг. членовъ Общества присвоить имя почившаго одному изъ пособій, назначенныхъ Совѣтомъ для выдачи молодымъ славянамъ, получающимъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи. Угодно ли собранію принять это предложеніе?"

И это предложеніе собраніе единогласно постановило привести въ исполненіе.

Вслѣдъ затѣмъ г. предсѣдатель, объяснивъ собранію, что при бывшемъ Петербургскомъ Отдѣлѣ Славянскаго Комитета, по постановленію общаго собранія, 27 апрѣля 1869 г., была учреждена Издательская Комиссія, что восьми-лѣтняя дѣятельность этой Комиссіи изложена въ напечатанномъ 1 марта 1877 г. отчетѣ: что Комиссію эту общее собраніе 20 марта 1877 г. постановило слить съ Исполнительнымъ Присутствіемъ Комитета въ виду того, что большинство членовъ Издательской Комиссіи въ одно и тоже время состояли и членами Присутствія; что въ Совѣтъ Общества поступило въ послѣднее время

заявленіе нѣкоторыхъ членовъ о возстановленіи Издательской Комиссіи, и что Совѣтъ Общества, вполнѣ раздѣляя мысль о возстановленіи этой Комиссіи, въ засѣданіи 11 декабря выработалъ правила для оной,—предложилъ собранію: а) возстановить Издательскую Комиссію и б) утвердить выработанныя для нея Совѣтомъ правила слѣдующаго содержанія:

ПРАВИЛА

для Издательской Комиссіи, состоящей при Совѣтѣ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

§ 1.

Согласно примѣчанія къ 13 § дѣйствующаго устава С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, учреждается при Совѣтѣ онаго особая „Издательская Комиссія".

§ 2.

Дѣятельность Комиссіи заключается въ изданіи сочиненій, относящихся до умственной, нравственной и общественной жизни славянскихъ племенъ и народовъ.

§ 3.

Необходимыя для своей дѣятельности денежныя средства Комиссія получаетъ или изъ суммъ, ассигнуемыхъ на то Обществомъ, или изъ суммъ спеціальныхъ, жертвуемыхъ въ издательскій фондъ или самою Комиссіею выручаемыхъ отъ продажи ея изданій.

§ 4.

Комиссія состоитъ изъ 6 членовъ: трехъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ гг. членовъ Общества изъ своей среды, и трехъ членовъ Совѣта: одного изъ товарищей предсѣдателя, по выбору Совѣта, библіотекаря и редактора „Извѣстій" Общества.

Примѣчаніе. Комиссія имѣетъ право приглашать въ свои засѣданія, по своему усмотрѣнію, и посторонних лицъ.

§ 5.

Первые три члена Комиссіи избираются общимъ собраніемъ на 3 года изъ 6 кандидатовъ, предлагаемыхъ Совѣтомъ.

Примѣчанія: 1) Началомъ трехлѣтія считается 1 января.

2) Изъ трехъ избранныхъ общимъ собраніемъ членовъ Комиссіи ежегодно выбываетъ одинъ членъ. На первое трехлѣтіе бросается жребій, кому изъ трехъ членовъ слѣдуетъ выбыть изъ состава Комиссіи.

3) На мѣсто выбывшаго члена избирается новый изъ числа двухъ кандидатовъ, предложенныхъ Совѣтомъ.

§ 6.

Предсѣдательствуетъ въ Комиссіи товарищъ предсѣдателя Общества; секретарь избирается Комиссіею изъ среды ея членовъ.

§ 7.

Комиссія собирается для совѣщаній по приглашенію своего предсѣдателя, ведетъ протоколы своихъ засѣданій и каждый годъ представляетъ Совѣту, для доклада общему собранію, подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

§ 8.

Переписка Комиссіи ведется ея предсѣдателемъ и за его подписью чрезъ Канцелярію Совѣта.

§ 9.

Суммы Комиссіи, какъ ассигнуемыя по смѣтѣ, такъ и спеціально жертвуемыя въ издательскій фондъ, или же выручаемыя самою Комиссіею отъ продажи ея изданій, хранятся казначеемъ Общества и приходо-расходуются, согласно постановленіямъ Комиссіи, по ордерамъ, подписываемымъ ея предсѣдателемъ и секретаремъ.

Сдѣлавшія г. предсѣдателемъ предложенія собраніемъ приняты единогласно.

5. Въ заключеніе казначей Общества прочиталъ составленный имъ и утвержденный Совѣтомъ докладъ о присоединеніи нѣкоторыхъ капиталовъ къ запасному капиталу, и затѣмъ, одобренный Совѣтомъ проектъ смѣты прихода и расхода суммъ Общества на 1884 г.

Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній, сдѣланныхъ по новому смѣтнымъ назначеній А. В. Васильевымъ, и объясненій на эти замѣчанія А. А. Боголюбова и г. предсѣдателя, докладъ Совѣта о присоединеніи нѣкоторыхъ капиталовъ къ запасному капиталу принятъ собраніемъ единогласно, проектъ же смѣты на 1884 г. утвержденъ безъ измѣненій.

1884 ГОДЪ.

Въ 1884 г. состоялось 6 засѣданій, въ томъ числѣ два—14 февраля и 11 мая—торжественныя. Въ этихъ засѣданіяхъ происходило слѣдующее:

I.

15 ЯНВАРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

По утвержденіи проекта протокола собранія, состоявшагося 18 декабря 1883 г. В. И. Ламанскій, обратился къ собранію съ краткою рѣчью, въ которой выразилъ собранію свою глубокую признательность за избраніе его въ почетные члены Общества и заявилъ, что дорогое для него выраженіе сочувствія Общества къ его трудамъ онъ надѣется он-

равдать своими послѣдующими трудами на пользу Славянскаго дѣла.

Слова В. И. Ламанскаго были покрыты громкими рукоплесканіями присутствовавшихъ.

Затѣмъ г. предсѣдатель, доводя до свѣдѣнія собранія о полученныхъ письмахъ почетныхъ членовъ: К. И. Бестужева—Рюмина, Сербскаго митрополита Михаила и А. Д. Башмакова, поручилъ г. секретарю прочитать слѣдующія письма первыя:

1) „Позднее полученіе мною вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ извѣщенія о высокой чести, оказанной мнѣ Обществомъ, было причиною, что до сихъ поръ я не благодарилъ еще Общество, такъ много разъ и прежде оказывавшее мнѣ свое довѣріе выборомъ сначала въ члены Исполнительнаго Присутствія, а затѣмъ въ предсѣдатели. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что и прежде, оказывая мнѣ довѣріе и теперь оказывая мнѣ честь избраніемъ въ почетные члены, Общество наградило не мои слабыя силы, не мои ничтожныя заслуги, а мое искреннее желаніе служить ему, мою вѣру въ ту цѣль, которую оно себѣ поставило, въ ту идею, на службу которой оно посвятило свою дѣятельность. Дѣйствительно, я давно усвоилъ себѣ мысль о высокомъ призваніи вашего славянскаго племени и о преимущественномъ значеніи среди его русской его вѣтви, явно сознавъ, что наступающая эпоха всемірной исторіи будетъ по преимуществу эпохою славянскою, какъ народа, который усвоилъ себѣ истину христіанства въ самомъ чистомъ ея видѣ, сохранилъ въ нѣдрахъ своихъ много такого, что утрачено другими народами и что можетъ послужить исходною точкою новаго развитія, принялъ во географическому своему положенію и историческимъ судьбамъ вліяніе и Востока, и Запада, можетъ явить грядущимъ поколѣніямъ нѣчто новое, и не Востокъ и не Западъ, а нное, новое соединяющее и Западъ и Востокъ. Всѣ свои слабыя силы употребилъ я на то, чтобы проводить это сознаніе въ массы и посредствомъ устнаго слова и посредствомъ слова печатнаго. Вотъ эту-то готовность служить общему дѣлу— я вѣрю въ то—и желало поощрить Славянское Общество избраніемъ меня въ почетные члены".

2) „Получивъ сегодня изданіе Славянскаго Благотворительнаго Общества: „Первыя пятнадцать лѣтъ", спѣшу писать къ Вамъ, чтобы просить Васъ выразить Совѣту мою глубокую признательность за память, которая мнѣ очень и очень дорога. Перебирая сборникъ протоколовъ, и снова переживалъ и радости и тяжкіе дни, вѣкогда нережитые нами; но теперь, отойдя въ прошлое, радостные дни выдвигаются на первый планъ: вѣрится, что тотъ подъемъ народнаго духа, то великое мгновеніе народнаго самосознанія, свидѣтелями котораго мы были и въ которомъ и намъ суждено было принять участіе— не только достояніе прошлаго, но и залогъ великаго будущаго. Вѣрится, что если не мы, то слѣдующія за нами поколѣнія увидятъ осуществленіе тѣхъ надеждъ, которыя наполняли насъ въ ту великую годину. Счастливъ будетъ тотъ изъ насъ, кому суждено повторить слова Симеона: „Нынѣ отпущаеши, Владыко, раба Твоего съ миромъ, яко видѣста очи моя спасеніе Израиля". Да, стократъ будетъ счастливъ этотъ избранникъ, какъ бы много горя и разочарованій ни видалъ онъ въ своей жизни.

Когда я перелистывалъ страницы глубокопоучительной книги, присланной мнѣ Совѣтомъ, передо-мною какъ живые вставали нѣкогда бывшіе дѣятели: мнѣ слышались пылкія, страстныя рѣчи А. Е. Иваницкаго, мнѣ видѣлся изящный образъ Гильфердинга, соединявшаго въ изумительной соразмѣрности и цѣльности глубокое знаніе Славянства, вѣру въ его будущее и ясный, практическій умъ; передо мною вставалъ добрый, кроткій, но непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ А. В. Фрейгангъ; снова вижу И. А. Кирѣева, такъ много потрудившагося для нашего Общества и получившаго высокую честь первому въ наши дни закрѣпить своею геройческою смертью связь славянскихъ народовъ; снова проходила передо мною безустанная, безупречная, святая дѣятельность В. И. Петрова и снова слышалось мощное слово великаго учителя земли русской, котораго мы имѣли счастіе видѣть, хотя и недолго, между нами.

Да, дѣло, основанное такими людьми, покоящееся на коренныхъ свойствахъ великаго народа, умѣющаго и ждать и терпѣть, не можетъ умереть. Дѣло это прочно и если ждутъ новыя затрудненія, то ихъ бояться нечего—и не такія затрудненія побѣждалъ нашъ народъ. Богъ существуетъ, Онъ справедливъ, и нашъ день наступитъ для торжества правды надъ ложью, внутренняго надъ внѣшнимъ, истиннаго надъ условнымъ".

Письма эти были выслушаны съ полнѣйшимъ вниманіемъ. Послѣ того г. предсѣдатель сообщилъ собранію о письмахъ, полученныхъ отъ высокопреосвященнаго Михаила, митрополита Сербскаго, въ которыхъ онъ благодаритъ Совѣтъ Общества за присланный ему сборникъ: „Первыя 15 лѣтъ", призываетъ на Славянское Общество благословеніе Господа и желаетъ Обществу полнѣйшаго успѣха въ благородныхъ предпріятіяхъ его въ пользу всѣхъ Славянъ и во славу покровительницы ихъ великодушной Россіи, и отъ А. Д. Башмакова, въ которомъ онъ, благодаря Совѣтъ за присылку ему того-же сборника, проситъ Совѣтъ предложить общему собранію выразить составителю сборника, почетному члену Общества и секретарю Совѣта В. И. Аристову искреннюю признательность Общества за его трудъ.

Предложеніе это было принято собраніемъ весьма сочувственно и покрыто рукоплесканіями.

Затѣмъ, г. предсѣдатель, доведя до свѣдѣнія собранія, что одинъ изъ членовъ въ теченіе 7-лѣтъ ежемѣсячно вноситъ въ кассу Общества по 10 р., предложилъ зачислить его въ число пожизненныхъ членовъ Общества.

Предложеніе это собраніемъ принято еди-

ногласно и названный затѣмъ г. секретаремъ членъ Общества П. П. Висаревскій избранъ собраніемъ въ число пожизненныхъ членовъ Общества.

Приняты въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Заявленное г. предсѣдателемъ предложеніе Совѣта объ утвержденіи въ должности библіотекаря Общества, члена Совѣта А. А. Кирѣева, вмѣсто члена Совѣта и редактора „Извѣстій“ Н. П. Страхова собраніемъ принято единогласно.

Сообщеніе г. предсѣдателя объ избраніи Совѣтомъ, согласно правиламъ Издательской Комиссіи, предсѣдателемъ оной—товарища предсѣдателя П. А. Васильчикова и членами Комиссіи—редактора „Извѣстій“ Н. П. Страхова и предлагаемаго Совѣтомъ къ утвержденію въ должности библіотекаря А. А. Кирѣева—собраніемъ принято къ свѣдѣнію.

Въ заключеніе, по предложенію г. предсѣдателя, приступлено было къ баллотировкѣ трехъ членовъ въ составъ Издательской Комиссіи изъ числа пяти, предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ, такъ какъ шестой кандидатъ—М. О. Кояловичъ отъ участія въ трудахъ этой Комиссіи отказался.

Выбранными въ составъ Комиссіи, по большинству голосовъ, оказались: В. П. Лиманскій, Е. Е. Замысловскій и Ѳ. М. Истоминъ.

Заявленіе г. предсѣдателя о результатахъ выборовъ было покрыто рукоплесканіями.

II.

14 ФЕВРАЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященнѣйшіе: Платонъ, митрополитъ кіевскій, Іоанникій, митрополитъ московскій, Савва, архіепископъ тверскій, многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и до 600 посторонникъ посѣтителей.

Собраніе было открыто г. предсѣдателемъ Общества, причемъ онъ, обратясь къ прибывшему въ собраніе высокопреосвященнѣйшему Платону, митрополиту кіевскому, просилъ его принять на себя почетное предсѣдательство, на что его высокопреосвященство и изъявилъ свое согласіе.

Затѣмъ, съ благословенія маститаго архипастыря, была провѣта хоромъ студентовъ с.-петербургской духовной академіи молитва: „Царю небесный“.

Послѣ молитвы, по установившемуся обычаю, г. предсѣдатель предложилъ г. секретарю прочитать слѣдующій отчетъ о дѣятельности Общества въ минувшемъ году:

„7 мая минувшаго года исполнилось 15 лѣтъ со времени учрежденія бывшаго Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета, переименованнаго въ 1877 г. въ С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество. Въ изданномъ, съ разрѣшенія общаго собранія гг. членовъ Общества, ко дню его пятнадцати-лѣтней годовщины сборникѣ: „Первыя 15 лѣтъ“ собраны всѣ протоколы общихъ собраній, состоявшихся въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ существованія Славянскаго Общества. Въ этомъ сборникѣ съ особенною ясностію рисуется дорогое прошлое нашего Общества. По изданнымъ протоколамъ можно прослѣдить шагъ за шагомъ всю дѣятельность Общества, неустанно и неотступно стремившагося къ достиженію намѣченныхъ имъ цѣлей, освѣжить въ памяти идеи, одушевлявшія членовъ Общества и направленіе ихъ трудовъ и, на основаніи прошедшаго опыта, точно и ясно опредѣлить будущія задачи Общества.

„Эта глубокопоучительная книга“, по отзыву почетнаго члена и бывшаго предсѣдателя Славянскаго Общества, К. Н. Бестужева-Рюмина, „вызываетъ, между прочимъ, въ памяти славныхъ дѣятелей Общества: А. Ѳ. Гильфердинга, А. Б. Иваницкаго, А. В. Фрейганга, П. А. Кирѣева, П. П. Петрова и Ѳ. М. Достоевскаго, положившихъ прочное основаніе нашему Обществу и запечатлѣвшихъ своею дѣятельностію искреннюю, неноколебимую преданность идеѣ, въ него вложенной“.

Будемъ же, вступая въ періодъ четвертаго пятилѣтія существованія нашего Общества, бодро и неустанно идти по пути, указанному намъ славными нашими предшественниками.

Приступая за симъ къ чтенію отчета о дѣятельности Славянскаго Общества въ 1883 г., позвольте, Мм. Гг., остановить Ваше просвѣщенное вниманіе, прежде всего, на стараніяхъ Общества усилить его издательскую дѣятельность, ибо старанія эти всего прямѣе ведутъ Общество къ его главной цѣли—къ духовному общенію славянскихъ народностей.

Въ минувшемъ году Общество издало, какъ уже выше сказано, сборникъ: „Первыя 15 лѣтъ“.

Въ томъ же году, съ октября мѣсяца, Общество начало издавать свой ежемѣсячный органъ: „Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“, подъ редакціею Н. П. Страхова и П. П. Соколова.

Эти два изданія оживляющимъ образомъ подѣйствовали на издательскую дѣятельность Общества: въ средѣ его членовъ возникла мысль возстановить Издательскую Комиссію. Мысль эта была одобрена Совѣтомъ Общества, который выработалъ для названной Комиссіи правила и въ общемъ собраніи, 18 декабря 1883 г., Издательская Комиссія была возстановлена. Вновь учрежденная Комиссія, имѣя предъ собою 8-лѣтній опытъ прежней Издательской Комиссіи и одушевляемая идеею посильнаго служенія славянству, употребитъ, конечно, всѣ свои старанія для того, чтобы своею дѣятельностью способствовать распро-

странению въ средѣ русскаго общества знаній о славянахъ, ихъ прошломъ и настоящемъ и ихъ умственной и духовной жизни.

Мы вѣримъ, что и русское общество своимъ сочувствіемъ будетъ оказывать поддержку въ достиженіи благотворныхъ результатовъ дѣятельности Издательской Комиссіи во имя славянскаго единенія и взаимнаго познанія отдѣльныхъ племенъ славянскихъ, безъ котораго немыслимо прочное знаніе какъ всего славянскаго міра, такъ и своего только—узкоплеменного.

Къ 1 января 1884 г. въ Обществѣ состояло членовъ: почетныхъ 30, пожизненныхъ 47 и дѣйствительныхъ, уплатившихъ взносы за 1883 г., 131.

Въ теченіе 1883 г. избраны: а) въ почетные члены слѣдующія лица; высокопреосвященнѣйшій Іоаннкій, митрополитъ московскій, одинъ изъ трехъ учредителей Славянскаго Общества проф. В. И. Ламанскій и извѣстный дѣятель сербо-лужицкаго народа И. И. Смоляръ; въ пожизненные члены: М. В. Дурново, графъ Ѳ. Э. Келлеръ, Н. П. Писаревскій, П. А. Черевинъ и 27 лицъ—въ дѣйствительные члены.

Привѣтствуя этотъ, хотя и небольшой, приростъ членовъ нашего Общества, мы съ великою скорбію должны указать и на тяжелыя, понесенныя Обществомъ, утраты.

Въ минувшемъ году скончались: почетный членъ И. П. Петровъ (23 іюля), пожизненный членъ О. И. Гербель (26 ноября) и дѣйствительные члены: А. П. Бураго (9 декабря), П. В. Гербель (8 марта) и Р. А. Фадѣевъ (29 декабря).

Всѣ почившіе были старѣйшими членами Славянскаго Общества и въ нихъ Общество потеряло незамѣнимыхъ дѣятелей. Особенно тяжела для Общества утрата П. П. Петрова. Незабвенная, неусыпная дѣятельность его на пользу Славянскаго Общества достаточно извѣстна гг. членамъ Общества, лично знавшимъ покойнаго, и вамъ, Мм. Гг., изъ напечатанныхъ о немъ воспоминаній въ 17 № Руси и 2 и 3 №№ нашихъ „Извѣстій". Вотъ слова многоуважаемаго сочлена нашего К. П. Бестужева-Рюмина, котораго мы, по случаю постигшей его болѣзни, около двухъ лѣтъ не имѣемъ удовольствія видѣть въ нашей средѣ, вырвавшіяся у него при извѣстіи о смерти П. П. Петрова: „Славянское Общество лишилось одной изъ своихъ самыхъ сильныхъ опоръ, лишилось дѣятеля незамѣнимаго, для котораго и на одрѣ болѣзни сведшей его, наконецъ, въ могилу, не было ничего болѣе важнаго, какъ славянское дѣло: о себѣ онъ никогда не думалъ".

Миръ праху почившихъ и вѣчная имъ память!

По почину Совѣта надъ могилою почившаго П. П. Петрова будетъ воздвигнутъ памятникъ.

Въ 1883 г. членскіе взносы уплачены 129 лицами, въ количествѣ 1.925 р.

Въ составѣ Совѣта Общества въ 1883 г. произошли слѣдующія перемѣны: исправлявшій должность предсѣдателя, товарищъ предсѣдателя П. П. Дурново, въ общемъ собраніи 27 марта избранъ въ предсѣдатели Общества, а на мѣсто его—въ товарищи предсѣдателя—членъ Совѣта граф. М. А. Домонтовичъ, въ члены же Совѣта графъ Ѳ. Э. Келлеръ и Н. П. Писаревскій.

Въ 1883 г. состоялось 8 общихъ собраній, въ томъ числѣ одно торжественное 14 февраля. Обычное торжественное чествованіе 11 мая, дня памяти славянскихъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія, не могло состояться, такъ какъ большинство членовъ Совѣта и Общества, по случаю священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора и Государыни Императрицы, находились въ Москвѣ.

Общія собранія 23 января, 14 февраля, 23 апрѣля и 17 ноября были посвящены чтеніямъ. Въ первомъ изъ этихъ собраній читали: М. О. Кояловичъ статью: „Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности", О. Ѳ. Миллеръ — отрывокъ изъ романа одного славянскаго писателя: „Безъ отечества на родинѣ" и Н. П. Барсовъ:— „Взглядъ на жизнь и дѣятельность московскаго святителя, митрополита Филарета"; во второмъ—читали: В. И. Аристовъ—стихотвореніе нашего сочлена М. П. Розенгейма, посвященное „памяти В. А. Жуковскаго". О. Ѳ. Миллеръ—статью: „О просвѣтительной дѣятельности Стефана Пермскаго", графъ А. П. Голенищевъ-Кутузовъ—стихотвореніе, посвященное памяти Жуковскаго, какъ воспитателя Царя-Освободителя, и М. А. Хитрово—стихотвореніе „Корабль".

Собраніе 14 февраля почтили своимъ высокимъ посѣщеніемъ высокопреосвященнѣйшіе: Платонъ, митрополитъ кіевскій, и Леонтій, архіепископъ холмскій и варшавскій.

23 апрѣля М. О. Кояловичъ въ сжатомъ очеркѣ познакомилъ Общество съ тяжкимъ положеніемъ русскаго народа въ Галиціи, и 17 ноября онъ же сдѣлалъ сообщеніе объ апелляціи къ папѣ галицкаго уніатскаго священника Іоанна Наумовича, отлученнаго отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ, и о значеніи этого памятника съ русской и общеславянской точки зрѣнія". Въ томъ же собраніи читали: В. И. Аристовъ—стихотвореніе М. М. Кояловича: „У памятника Ѳ. М. Достоевскому", О. Ѳ. Миллеръ—„Воспоминанія о почетномъ членѣ П. П. Петровѣ" и Н. П. Барсовъ: „Черты изъ жизни Иппокентія, архіепископа таврическаго, и нѣсколько замѣчаній о его отношеніи къ славянству".

По поводу воззванія М. О. Кояловича къ Обществу о пособіи пострадавшимъ Галичанамъ, Совѣтъ Общества открылъ подписку. Участь семействъ галицкихъ русскихъ, заточенныхъ теперь въ темницы, ничѣмъ не обезпечена и придти къ нимъ на помощь есть наша святая обязанность. Подписка въ пользу Галичанъ продолжается и галицкіе страдальцы ждутъ Вашей братской помощи.

Въ общихъ собраніяхъ 16 января, 27 марта, 23 апрѣля, 21 іюня и 18 декабря были доложены: а) смѣта доходовъ и расходовъ Общества на 1883 г., б) отчетъ о дѣятельности

Общества въ 1882 г., в) объ изданіи сборника протоколовъ общихъ собраній, состоявшихся въ теченіе 15-лѣтняго существованія Общества, г) о чествованіи 5 апрѣля 1885 г. 1000-лѣтней годовщины кончины св. Меѳодія, д) о возстановленіи Издательской Комиссіи, е) объ отпускѣ изъ запаснаго капитала 13.000 р. въ помощь нѣкоторымъ славянскимъ народностямъ, особенно нуждающимся въ поддержкѣ.

Засѣданій Совѣта въ 1883 г. состоялось 19.

Засѣданія эти были посвящены обычной дѣятельности Совѣта, какъ-то: разсмотрѣнію просьбъ: а) пріѣзжихъ славянъ, однихъ о пособіи, другихъ о назначеніи имъ стипендій для слушанія ими курсовъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ (изъ числа 22 просьбъ 13 удовлетворены, а 9 переданы въ Комиссію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ); б) просьбъ добровольцевъ и ихъ вдовъ (изъ нихъ 67 удовлетворены, а 13 отклонены); в) разработкѣ правилъ для Издательской Комиссіи; г) обсужденію мѣръ къ предполагаемому 5 апрѣля 1885 г. чествованію 1000-лѣтія блаженной кончины св. Меѳодія и обсужденію вопроса о возобновленіи кружечнаго церковнаго сбора въ пользу нуждающихся славянъ. Ходатайство Общества по сему предмету предъ св. синодомъ увѣнчалось успѣхомъ: св. синодъ разрѣшилъ Обществу производить кружечный сборъ во всѣхъ православныхъ церквахъ,—и д) обсужденію вопросовъ, соединенныхъ съ изданіемъ „Извѣстій“ Общества.

Стипендіатовъ на попеченіи Славянскаго Общества въ 1883 г. было 26 человѣкъ.

На содержаніе ихъ израсходовано 4.522 р. 62½ к.

Въ настоящее время на попеченіи Общества состоятъ 19 стипендіатовъ въ разныхъ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По національностямъ стипендіаты состоятъ: изъ 10 сербовъ, 7 болгаръ, 1 чеха и 1 русскаго-галичанина.

Въ 1883 г. три стипендіата Общества окончили курсъ: два—въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и одинъ—въ гимназіи, шестеро же выбыли на родину до окончанія курса.

На единовременныя пособія пріѣзжимъ въ Россію славянамъ израсходовано 675 р.

На разсылку въ славянскія земли русскихъ газетъ и журналовъ и на покупку книгъ для болгарскихъ школъ употреблено 191 р. 13 к.

На выдачу постоянныхъ и единовременныхъ пособій раненымъ добровольцамъ и семействамъ убитыхъ—израсходовано 2.135 р. 15 к.

По ходатайству Славянскаго Общества, сербское правительство назначило пенсіи нѣкоторымъ раненымъ добровольцамъ 1876 г., но размѣры этихъ пособій не освобождаютъ, однако же, Общество отъ выдачи получающимъ ихъ единовременныхъ пособій.

На наемъ квартиры Общества, общія собранія, веденіе дѣла и наемъ служащихъ израсходовано 3.679 р. 59 к.

Кромѣ названныхъ расходовъ, въ 1883 г. былъ еще расходъ непредвидѣнный. Общество не могло остаться глухимъ къ воплямъ славянскихъ народностей, стонущихъ подъ гнетомъ религіозной и національной нетерпимости, и удѣлило въ помощь имъ изъ своихъ средствъ 7.000 р.

Въ 1883 г. Общество получало, въ обмѣнъ на свои „Извѣстія“, слѣдующія газеты и журналы: „Новое Время“, „Московскія Вѣдомости“, „Благовѣстъ“, „Церковный Вѣстникъ“, „Христіанское Чтеніе“, „Виленскій Вѣстникъ“, „Слово“, „Проломъ“, „Српски листъ“, „Съединеніе“, „Державенъ Вѣстникъ“, „Марица“, „Български Гласъ“, „S.-Petersburger Zeitung“, „Московскія Церковныя Вѣдомости“, „Вѣстникъ Народнаго Дома“, „Русскій Филологическій Вѣстникъ“, „Русь“, „Вѣкъ“, „Русское Богатство“, „Странникъ“, „Періодическое Списаніе“, и „Церковно-Общественный Вѣстникъ“. Съ 1 января 1884 г. получается въ обмѣнъ на „Извѣстія“ болѣе 50 періодическихъ изданій, русскихъ и славянскихъ.

Для чтенія этихъ газетъ, а также въ видахъ сближенія членовъ Общества и для обмѣна мыслей, по постановленію общаго собранія, открыто по понедѣльникамъ помѣщеніе Общества съ 8 до 12 ч. вечера.

Общество, съ своей стороны, высылало въ славянскія земли, въ 48 пунктовъ, кромѣ „Извѣстій Общества“ слѣдующіе газеты и журналы, безплатно предоставленные ему почтенными редакціями: „Новое Время“, „Русь“, „Современныя Извѣстія“, „Новости“, „Московскія Вѣдомости“, „Биржевыя Вѣдомости“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Христіанское Чтеніе“, „Церковный Вѣстникъ“, „Нива“, „Живописное Обозрѣніе“, „Искусство“ и „Огонекъ“.

Состояніе кассы Общества представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Руб.	К.
Къ 1 января 1883 г. въ кассѣ Общества состояло . .	233.108	38¼
Въ теченіе года *поступило*:		
Въ расходный капиталъ . .	15.379	17
Въ основной	1.840	1
Въ запасный, оборотныхъ поступленій	20.155	60
Въ спеціальные капиталы доходовъ и оборотныхъ поступленій	5.688	8
Въ издательскій фондъ . .	575	62
Итого .	13.638	48¼
Израсходовано		
На пособіе церквамъ	1.356	62½
На воспитаніе славянъ . .	4.522	62½
На пособіе добровольцамъ .	2.135	15
На разсылку газетъ и книгъ въ славянскія земли	796	63
На пособіе пріѣзжимъ славянамъ	675	—
На администрацію	3.679	59
Передано суммъ по назначенію	1.701	50
Пособіе славянскимъ народностямъ	7.000	—

На изданіе сборника: „Первыя 15 лѣтъ“	3.395 85
На изданіе „Извѣстій“ . . .	405 58½
Оборотныхъ расходовъ по вродажѣ и покупкѣ бумагъ .	25.561 92½
Итого .	51.230 48
Въ остаткѣ къ 1 января 1884 года	225.516 38
А именно:	
Расходнаго капитала . . .	1.575 38¾
Основнаго	56.883 51½
Запаснаго	160.833 71¾
Спеціальныхъ суммъ:	
На премію А. Ѳ. Гильфердинга и за описаніе Червонной и Угорской Руси	4.477 47
Издательскаго фонда . . .	1.746 26

Заключимъ нашъ отчетъ вѣщими словами нашего почетнаго члена К. Н. Бестужева-Рюмина, заимствуемыми нами изъ его послѣдняго письма изъ Рима отъ 30 декабря 1883 г. (10 января 1881 г.): „Дѣло, основанное нашими славными предшественниками, покоящееся на коренныхъ свойствахъ великаго народа, умѣющаго и ждать и терпѣть, не можетъ умереть. Дѣло это прочно и, если ждутъ насъ новыя затрудненія, то ихъ бояться нечего,—и не такія затрудненія побѣждалъ нашъ народъ. Богъ существуетъ. Онъ справедливъ и нашъ день наступитъ для торжества правды надъ ложью, внутренняго надъ внѣшнимъ, истиннаго надъ условнымъ“.

По прочтеніи этого отчета, г. секретаремъ Общества были объявлены двѣ темы на соисканіе премій Общества: Кирилло-Меѳодіевской и въ память покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга, слѣдующаго содержанія:

1) *Тема на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи* отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (исключительно для студентовъ университетовъ и духовныхъ академій, на 1 годъ):

„Представить критическій разборъ Паннонскихъ житій и житія св. Климента, съ обзоромъ литературы предмета съ 1842 года (послѣ изслѣдованія Горскаго) до послѣдняго времени и съ приложеніемъ критической оцѣнки—прежде извѣстныхъ и новооткрытыхъ римскихъ источниковъ, относящихся до славянскихъ апостоловъ и славянскаго богослуженія въ Моравіи“.

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ Совѣтъ Общества (въ Спб., на площади Александринскаго театра, въ домѣ Русскаго Музыкальнаго Общества, № 7), не позже 14 февраля 1885 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпиграфомъ. Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ, конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны девизъ или эпиграфъ рукописи.

За лучшій трудъ на эту тему автору будетъ выдана, въ торжественномъ собраніи Общества, 5 апрѣля 1885 года, Кирилло-Меѳодіевская премія въ двѣсти рублей и онъ сохранитъ всѣ авторскія права на свою рукопись.

2) Тема на соисканіе преміи отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества *въ память А. Ѳ. Гильфердинга* (на 2 года):

„I. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ внѣшнюю исторію:

а) *Венгріи*—въ правленіе короля Коломана (1095—1114), Стефана II (1114—1131), Белы II Слѣпаго (1131—1141);

б) *Чехіи*—въ правленіе Брячислава II (1092—1100), Боривоя II, Святополка, Владислава I († 1125), Собѣслава I (1125—1140);

в) *Польши*—въ правленіе Владислава Германскаго и Болеслава Кривоустаго († 1139).

г) *Руси*—въ правленіе великаго князя Святополка-Михаила (1093—1113), Владиміра Мономаха (1113—1125), Ярополка Владиміровича (1125—1139), Всеволода Ольговича (1139—1146).

II. Представить отношенія этихъ странъ, съ одной стороны, къ нѣмецкой имперіи и къ папству, съ другой—къ восточному императору и патріарху Константинопольскому.

III. Прослѣдить взаимныя отношенія этихъ странъ между собою, при чемъ описать внутреннее состояніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности, объяснить, въ чемъ заключается ихъ сходство и въ чемъ состоятъ ихъ отличительныя особенности“.

Примѣчаніе. Автору предоставляется ограничиться двумя странами (Чехіи и Венгріи, Чехіи и Польши, Венгріи и Польши, Венгріи и Руси), но при условіи, въ такомъ случаѣ, довести обзоръ событій въ этихъ странахъ до конца XII вѣка.

Сочиненія на изложенную тему должны быть доставлены въ Совѣтъ Общества (въ Спб., на площади Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, № 7) не возже 25 декабря 1885 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпиграфомъ. Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ, конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны девизъ или эпиграфъ рукописи.

За лучшій трудъ на указанную тему автору будетъ выдана, въ торжественномъ собраніи 14 февраля 1886 года, премія въ память А. Ѳ. Гильфердинга, въ **триста рублей**, при чемъ онъ (авторъ) сохранитъ всѣ авторскія права на свою рукопись.

Затѣмъ, по предложенію г. предсѣдателя, г. секретаремъ было прочитано полученное отъ одного изъ членовъ Общества приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу Галичанъ слѣдующаго содержанія:

„Выдающіеся дѣятели среди Галичанъ за свою честную, самоотверженную, народную дѣятельность постоянно подвергались безчисленнымъ преслѣдованіямъ со стороны своихъ враговъ. Несмотря на то, энергія ихъ не ослабѣвала и, не поддаваясь чувству страха, они открыто и честно продолжали отстаивать права, дарованныя Богомъ, исполнять свято обязанности, предписанныя совѣстью и спра-

ведливостью и заключающіяся въ поддержкѣ духовной и нравственной связи со своими единоплеменниками.

Но враги ихъ восторжествовали и въ прошломъ году эти борцы за правду были осуждены самымъ возмутительнымъ образомъ.

Невинно-страждущія жертвы фанатическихъ страстей,—они вынѣ томятся въ Львовской тюрьмѣ. Не только ихъ самихъ лишили всякихъ средствъ, но и семьи ихъ обречены на борьбу съ нуждою.

Ни одинъ русскій не можетъ, конечно, не сочувствовать этимъ несчастнымъ страдальцамъ, но въ борьбѣ за существованіе, кромѣ сочувствія, нужна и помощь матеріальная, въ которой имъ, Богъ дастъ, добрыя сердца не откажутъ".

По поводу этого приглашенія высокопреосвященнѣйшій Платонъ ,митрополитъ кіевскій и галицкій, сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о христіанской братской любви, заповѣданной намъ Спасителемъ, о святомъ долгѣ придти на помощь страждущимъ братьямъ и первый подписалъ на сборномъ листѣ—въ пользу Галичанъ—300 р. Его примѣру послѣдовали высокопреосвященные: Іоаникій, митрополитъ московскій (300 р.), Савва, архіепископъ тверскій (100 р.), предсѣдатель Общества, Н. И. Дурново (1,000 р.) и многіе другіе.

Предложенные Совѣтомъ кандидаты избравы въ члены Общества.

Затѣмъ по программѣ слѣдовало прочесть стихи М. П. Розенгейма. Но прежде чѣмъ приступить къ прочтенію ихъ, О. Ѳ. Миллеръ попросилъ у присутствующихъ позволенія прочесть стихи, доставленные ему по городской почтѣ кѣмъ-то изъ учащейся молодежи, стихи, заслуживающіе, по мнѣнію прослышаго о томъ, живѣйшаго къ нимъ вниманія, какъ голосъ того поколѣнія, которое должно будетъ придти къ намъ на смѣну. Стихи посвящены святымъ братьямъ Кириллу и Меѳодію:

Не знаетъ міръ какое племя
Гордиться можетъ вашимъ дѣломъ,
Святымъ, апостольскимъ призваньемъ!
Но если, братья—вы—*Славяне*,
Какое счастіе въ созваньи,
Что просвѣтители Россіи,
Востока дальняго и Юга—
Намъ соплеменники, родные...
Что міру мы сказали слово,—
Въ груди, слабѣвшей ужъ, народовъ
Вновь „душу живу" пробудивъ.

Но если, братья, вы и *Греки*,
Мы преклоняемся предъ вами!
О, сколько силъ въ душѣ нашли вы
Стать выше всякихъ предразсудковъ,
Сковавшихъ міръ цѣпями мрака!...
И съ драгоцѣннымъ переводомъ
Пошли въ невѣдомую землю:
Страдать, бороться ради правды,
И свѣтъ Христовъ всѣмъ проливать!

Погибла Грецiя въ томъ мірѣ,
Давъ жертвой злобы, эгоизма;
Но мощный духъ ея воспрянулъ
И міру новому, средь мрака,
Христовымъ свѣтомъ засверкалъ.
Такъ буря сломитъ дубъ могучій,
Но корни въ сокахъ жизнь спасли
И отпрыскъ юный, мощный, чудный
Изъ Божій свѣтъ плютъ изъ земли...
И пепелъ такъ холодный, мертвый
Хранитъ источникъ теплоты...

За симъ были прочитаны стихи М. П. Розенгейма:

Въ годы скорбные, въ годы тревогъ и сомнѣнія,
Когда сердце за Русь изболится,
Я въ исторіи нашей ищу утѣшенія—
И надеждой душа оживится.

Не напрасно-жъ Господь нашу Русь православную
Воздвигалъ и, въ путяхъ Сокровенный,
Онъ облекъ ее силой и мощью державною,
Въ сонмѣ царствъ и народовъ вселенной!

Не напрасно народъ нашъ велъ Провидѣніе
Въ вѣкъ изъ вѣка тернистой дорогой,
Воспиталъ въ тяжелыхъ вертяхъ терпѣнія,
Закалило насъ страдою многой!

И рождается вѣра во мнѣ некрушимая,
Что настанетъ пора возданья
Для тебя, ваша Русь; и свершивъ ты, родимая,
Свое славное въ мірѣ призваніе:

Быть для слабыхъ щитомъ, быть грозой угнетенія,
И во имя лишь правды и права—
И насилья, и кривды смирять вожделѣнія,
Не гонясь за суетной славой.

Вѣра въ Русь и въ себя—вотъ что нужно лишь братія!
Все по вѣрѣ намъ Богомъ дается.
Открывайте-жъ той вѣрѣ широко объятія,
А ужъ силы въ насъ вдоволь найдется.

Въ глубинѣ неизвѣданной духа народнаго
Эта дивная кроется сила;
И не разъ, и не разъ въ пору часа невзгоднаго
Подымалась она, выходила.

Какъ пришивъ океана, она, необъятная,
Исполинской волной выступала,
Разражалась грозой и, врагамъ непонятная,
Чудеса, чудеса совершала!

Во время перерыва хоръ пѣвцовъ исполнилъ духовный концертъ:

„Сей день, его же сотвори Господь"...

Второе отдѣленіе посвящено было чтенію В. И. Ламанскаго слѣдующаго содержанія:

Западно-славянскіе вопросы занимательны для насъ и въ мирное время.

I.

Мм. гг. Давно уже не имѣлъ я чести говорить съ каѳедры въ Славянскомъ Благо-

творительномъ Обществѣ. Невольно припоминаю себѣ два послѣднія мои чтенія: первое происходило весною, тотчасъ послѣ объявленія войны Турціи, а второе вскорѣ по ея окончаніи, передъ заключеніемъ санъ-стефанскаго прелиминарнаго мира. Въ то время славянскія дѣла и вопросы представляли, что называется, интересъ животрепещущій. Въ наши дни, слава Богу, мира, тишины и покоя, общественное вниманіе естественно обращено къ задачамъ внутренняго строенія и развитія, и славянскія земли и народности, понятно, не могутъ къ себѣ привлекать прежняго возбужденнаго и горячаго участія русскаго общества. Приглашенный нашимъ почтеннымъ предсѣдателемъ прочесть что-нибудь сегодня, я рѣшился, милостивые государи и милостивыя государыни, представить вашему вниманію нѣсколько соображеній и замѣтокъ о томъ, что намъ, русскимъ, нельзя относиться и въ нынѣшнее, мирное, время уже совсѣмъ невнимательно или равнодушно къ современной жизни западнаго славянства. Мнѣ сдается, что нѣкоторые западно-славянскіе вопросы и въ настоящую пору довольно занимательны и даже безъ нашего живого участія просто неразрѣшимы, въ благопріятномъ для всего Славянства смыслѣ.

Какъ ни дорогъ и ни желателенъ продолжительный миръ, какъ ни представляется онъ всѣмъ надолго обезпеченнымъ, ни одна большая страна не можетъ совершенно устранить всякія попеченія о своихъ военныхъ силахъ и всякія заботы о внѣшнихъ дѣлахъ. Царствуютъ миръ и тишина въ Европѣ, но всюду, вблизи и вдалекѣ отъ насъ, арміи обучаются и совершенствуются, являются новыя изобрѣтенія въ дѣлѣ обороны и нападенія, воздвигаются и усиливаются крѣпости, сооружаются новые стратегическіе пути. Среди мира и тишины возникаютъ разнородныя ученія, зрѣютъ противоположные интересы, которые ранѣе или позже приходятъ въ столкновеніе. Эти коллизіи часто устраняются путемъ дипломатическимъ, иногда же приводятъ цѣлые государства и народы къ разорительнымъ и кровопролитнымъ войнамъ. Можно скорбѣть о такомъ порядкѣ вещей, можно мечтать вмѣстѣ съ Бернарденомъ де-С.-Пьеромъ, съ Шиллеромъ и Мицкевичемъ, В. Гюго, Достоевскимъ и Львомъ Толстымъ о томъ, болѣе или менѣе близкомъ, будущемъ, когда

...народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

Можно припомнить и то, что еще римлянинъ Виргилій и гораздо раньше его разные вдохновленные люди предвидѣли и предвѣщали скорое наступленіе вѣчнаго мира; можно не забыть, что болѣе глубокіе знатоки души человѣческой, великіе, истинно геніальные поэты Эллады, отъ Омира до Аристофана, или новѣйшіе—Шекспиръ и Сервантесъ, Гете и Пушкинъ такого мира не предвидѣли и не пророчили. Какъ бы то ни было, но настоящее человѣчество не дастъ права надѣяться на скорое появленіе этого вѣчнаго мира и на близкое водвореніе на землѣ всеобщаго счастья и благополучія. Можно съ увѣренностью полагать, что нашимъ внукамъ и правнукамъ еще придется поступать въ солдаты и платить налоги для покрытія военныхъ бюджетовъ.

Пока не наступило перерожденіе человѣчества, искони и понынѣ полнаго удивительной зрячести и тупѣйшей ограниченности, высочайшихъ помысловъ, грубѣйшихъ инстинктовъ и самыхъ низкихъ вожделѣній, нѣжнѣйшей доброты и звѣрской жестокости, пока такое преображеніе человѣчества только еще прорицается и ожидается, естественная любовь къ дѣтямъ и внукамъ и забота объ ихъ благосостояніи заставляетъ нынѣ дѣйствующія поколѣнія всѣхъ образованныхъ странъ и народовъ ни на минуту не забывать, что войны въ будущемъ еще весьма возможны и даже вѣроятны. Нынѣ предстоитъ помышлять не о томъ главнѣйшемъ, чтобъ онѣ совсѣмъ не были, ибо онѣ будутъ конечно, но чтобъ онѣ бывали, когда, къ сожалѣнію и по несчастію, будутъ, какъ можно рѣже и какъ можно непродолжительнѣе. Нашъ знаменитый писатель, могучій художникъ и глубоко искренній человѣкъ, но слабый критикъ-мыслитель, недавно съ ревностью, напоминающею многихъ старыхъ сектаторовъ, между прочимъ и славянина Хельчицкаго, въ помыслахъ отдѣльныхъ людей и народовъ о самозащитѣ и самообороне обличалъ одно содержаніе, глубоко безнравственное и антихристіанское. Но неужели графу Толстому не представлялся никогда возможнымъ хотя бы такой случай: въ домъ семьянина, человѣка добросердечнаго, кроткаго, чистаго праведника, врывается злодѣй, грабитъ и смертельно ранитъ его. Умирая, прощая злодѣя, желая ему спасенія и, слѣдовательно, раскаянія, не можетъ развѣ нашъ праведникъ, не измѣняя себѣ, искренно пожелать поимки этого злодѣя вовсе не изъ чувства мщенія, а изъ страха, чтобы злодѣй на волѣ не погубилъ другихъ невинныхъ людей, не принялъ на свою душу новыхъ преступленій. Толстой признаетъ необходимость покаянья, но возможно ли оно злодѣю, не принявшему и избѣгающему наказанія? А вѣдь поимка злодѣевъ, судъ и наказаніе вадъ ними, все это средства общественной самозащиты.

Нѣтъ ничего безнравственнаго и антихристіанскаго и въ самозащитѣ и самообороне народовъ и государствъ отъ внѣшнихъ на нихъ нападеній. Для славянства и для народовъ, тѣсно съ нимъ исторически и географически связанныхъ, для грековъ, румынъ, самозащита является всего болѣе предметомъ первой необходимости: ихъ права на независимое существованіе и самостоятельное будущее энергически оспариваются, подвергаются сомнѣнію и даже совершенному отрицанію. Настоящее и ближайшее будущее этого христіанскаго Востока такъ и прозваны Европою вопросомъ восточнымъ. Для нашего міра это вопросъ западный, ибо тутъ идетъ рѣчь собственно о томъ, гдѣ именно начинаются западныя границы или окраины славянства и восточнаго христіанства и гдѣ кон-

чаются восточные предѣлы романо-германскаго запада или Европы Карла В. и Григорія VII?

При подобномъ значеніи для Европы восточнаго, а для насъ западнаго, вопроса, и въ мирное время изученіе и наслѣдованіе положенія западно-славянскихъ земель и народностей представляетъ для русскихъ немалую занимательность. Въ предѣлахъ русскаго государства живетъ нѣсколько милліоновъ поляковъ, нѣсколько десятковъ тысячъ чеховъ и болгаръ, народностей западно-славянскихъ. И Россія не досчитываетъ 3-хъ слишкомъ милліоновъ русскаго народа, живущихъ смежно и плотно въ восточной Галиціи, въ сѣверо-восточной Венгріи и въ Буковинѣ. Благодаря тому, что въ Россіи имѣется нѣсколько милліоновъ поляковъ, согражданъ русскаго народа и подданныхъ русской имперіи, а въ сосѣдней съ ней Австро-Венгріи находится слишкомъ 3 милліона русскихъ согражданъ поляковъ, чеховъ, словаковъ, словенцевъ, хорватовъ и сербовъ, и подданныхъ Габсбургской монархіи, благодаря этому обстоятельству, намъ, русскимъ, иные вопросы западно-славянскіе представляются не только вопросами внѣшними, но и внутренними. Наконецъ, другіе славяне, какъ независимые, такъ и подданные Турціи и Австро-Венгріи—болгары княжества, Румеліи и Македоніи, сербы—Сербіи, Червой горы, Босніи, Герцеговины, Далмаціи, Хорватіи, Славоніи и собственной Венгріи связаны съ нами узами единовѣрія и принадлежатъ къ одной съ нами Церкви. Опять-таки связи внутреннія.

Судьбы, упадокъ или успѣхи народной жизни Руси Галицкой, Угорской и Буковинской, какъ доброй и прекрасной части русской земли и русскаго народа, положеніе русской Польши, какъ важной окраины и области нашего государства, состояніе болгаръ и сербовъ, какъ единовѣрныхъ братій и членовъ одной съ нами Церкви, не могутъ не возбуждать въ нашемъ обществѣ живаго участія даже въ самое мирное время, когда оно наименѣе расположено интересоваться вопросами внѣшней политики или внутренними дѣлами иностранныхъ государствъ.

По народность сербская такъ соединена на сѣверо-западѣ съ хорватскою, что, говоря о сербахъ въ культурномъ или въ политическомъ отношеніи, нельзя не говорить и о хорватахъ. Они же въ свою очередь непосредственно связаны со словенцами и въ иныхъ мѣстностяхъ совсѣмъ съ ними перемѣшались: хорваты, живущіе въ собственной Хорватіи, въ городахъ Загребѣ, Варажданѣ, Крижевцѣ и ихъ жупаніяхъ,—не настоящіе хорваты, а охорваченные словенцы. При тѣсныхъ и постоянныхъ связяхъ русскихъ поляковъ съ прусскими и австрійскими, при общности ихъ литературныхъ преданій и національныхъ стремленій, мы, русскіе, никогда не будемъ ясно и вѣрно понимать ни современнаго положенія, ни разныхъ направленій русско-польскаго общества, если не будемъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ единовременно у поляковъ австрійскихъ и прусскихъ. Положеніе Угорской Руси, отданной щедрою Вѣною на съѣденіе мадьярамъ, какъ Русь Галицкая отдана на то же полякамъ, совершенно одинаково съ положеніемъ словаковъ, этихъ непосредственныхъ сосѣдей и исконныхъ друзей Угорской Руси, связанныхъ съ нею единствомъ общихъ интересовъ. Словаки, въ числѣ 2-хъ слишкомъ милліоновъ, почти цѣлотную занимаютъ всю сѣверо-западную Венгрію до самаго Пресбурга на Дунаѣ, отдѣльными поселками подходя подъ самую Вѣну, а сѣвернѣе выступаютъ изъ Венгріи и занимаютъ восточную часть Моравіи. Тамъ на западѣ они непосредственно сливаются съ чехами, какъ здѣсь на востокѣ съ Русью. Здѣсь въ нѣкоторыхъ комитатахъ есть не мало словаковъ, принадлежащихъ къ восточной Церкви и потому называющихъ себя русскими, хотя по языку они не малоруссы, а словаки.

Этихъ частныхъ эмпирическихъ указаній, кажется, довольно, чтобы разглядѣть тѣсную связь и болѣе отъ насъ дальнихъ славянскихъ земель и народностей съ близкими и непосредственно насъ касающимися. Изо всего западнаго, нерусскаго славянства такимъ образомъ только словенцы, на крайнемъ юго-западѣ, да чехи, на крайнемъ сѣверо-западѣ, не имѣютъ, повидимому, непосредственнаго и живаго близкаго отношенія къ особенно занимательнымъ для русскаго общества вопросамъ въ мирное время.

II.

Никакой миръ и тишина не освобождаютъ образованныя общества и страны ни отъ академическихъ занятій военными науками, ни отъ изученія и обработки вопросовъ и задачъ теоретической политики. Да и не странно ли вообще думать, что въ мирное время общественное сознаніе должно ограничиваться извѣстнаго лишь рода вопросами, напр. экономическаго свойства. Не въ мирное ли время ожидать русскому обществу необходимаго простора для свободы мнѣній и сомнѣній, для откровенныхъ споровъ и оживленной полемики самыхъ разнообразныхъ литературныхъ и научныхъ направленій, всѣхъ этихъ необходимыхъ условій для мирныхъ завоеваній русской мысли, для подъема русскаго искусства и русской науки на высоту, подобающую великому народу и имѣющую прославить новое царствованіе Государя, уже доказавшаго свою искреннюю любовь къ русскому искусству и свое уваженіе къ русской наукѣ? Въ провлое царствованіе, посвященное великимъ реформамъ, обновившимъ Россію, невозбѣжно произошла нѣкоторая остановка въ развитіи государственной помощи на пользу искусствъ и наукъ. Не въ нынѣшнее ли царствованіе ожидать русской наукѣ возобновленія многихъ монументальныхъ предпріятій 30-хъ и 40-хъ гг., приносящихъ великую честь императору Николаю за его энергическій починъ и высокое покровительство? Обращаясь къ наукамъ историко-нравственнымъ, не въ сферахъ ли изученія собственно азіатскаго Востока съ одной стороны и Востока христіанскаго или міра греко-славянскаго съ другой.

всего естественнѣе ожидать новыхъ самостоятельныхъ изысканій и наблюденій, крупныхъ предпріятій и научныхъ подвиговъ? Если тутъ русскій умъ, гдѣ онъ у себя дома, не съумѣетъ проявить своей оригинальности, то можно ли ожидать, чтобъ онъ повѣдалъ міру что вновь новое и важное человѣчеству о мірѣ древне-классическомъ или о странахъ культурно намъ несродныхъ и отъ насъ далекихъ, о тѣхъ или другихъ краяхъ европейскаго Запада или Африки, Америки и Австраліи?

Правда, новыя идеи и большія произведенія художниковъ, мыслителей и ученыхъ созрѣваютъ и создаются въ тиши мастерскихъ и кабинетовъ, вдали отъ свѣтскаго шума и криковъ толпы, но онѣ всегда нуждаются въ сочувственномъ вниманіи общества. Ссылкою на внѣшнія причины и независящія обстоятельства люди неудачно оправдываютъ свою умственную сонливость, свое равнодушное безучастіе къ духовнымъ интересамъ, къ сомнѣнію и знанію, а слѣдовательно и къ вѣчно-живымъ вопросамъ вѣры и нравственности. Общества, погруженныя въ матеріализмъ и преданныя одной злобѣ дня, не вѣрятъ въ силы свободнаго духа, проникаются какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ передъ чудотворнымъ дѣйствіемъ всякаго насилія, даже въ области духа и въ дѣлѣ умственнаго развитія.

Современное русское общество далеко, впрочемъ, отъ такого состоянія. Разнообразіе направленій, въ немъ бродящихъ, извѣстная разорванность на кружки, нѣкоторая вялость и скука, всѣхъ одолѣвающая, не представляютъ еще неодолимыхъ препятствій къ энергической работѣ однихъ для постановки и посильнаго рѣшенія новыхъ вопросовъ теоретической и практической важности, а другихъ для обобщенія и распространенія результатовъ такихъ изысканій.

Всего менѣе можно отрицать въ русскомъ обществѣ извѣстное сознаніе внутренней связи вопросовъ практическихъ съ теоретическими и искреннее его желаніе нашему отечеству долголѣтняго мира и внутренняго благоденствія.

Полагаю, что у насъ всѣ одинаково желаютъ установленія правильныхъ, постоянныхъ и благодушныхъ отношеній всѣхъ западно-славянскихъ народностей къ Россіи, устраненія между ними и нами всѣхъ возможныхъ непріятностей, взаимныхъ пререканій и столкновеній, развитія дружественныхъ торговыхъ, промышленныхъ, художественныхъ, научныхъ, литературныхъ сношеній, словомъ, постепеннаго образованія между ними и нами извѣстнаго мирнаго сожитія и союза, для взаимной самообороны и самопомощи, для общаго нашего внѣшняго и внутренняго преуспѣянія.

Противъ такой формулы едва ли можетъ быть много возраженій со стороны какой-либо изъ западно-славянскихъ народностей или ихъ многочисленныхъ партій. Возраженія посыплются при первой же попыткѣ рѣшенія вопросовъ: какъ же это все устроить и какъ это провести въ подробностяхъ? Но опять-таки никто изъ русскихъ и даже западныхъ славянъ не станетъ отвергать, что для успѣшнаго осуществленія этой программы или извѣстной ея части, необходимо намъ возможно-полное уясненіе себѣ главныхъ явленій славянскаго прошлаго, настоящихъ причинъ упадка западно-славянскихъ народностей и ихъ новѣйшаго возрожденія, точнѣйшее опредѣленіе наличныхъ, духовныхъ и матеріальныхъ, силъ и средствъ каждой славянской земли и народности отдѣльно, съ обозначеніемъ, что бы онѣ могли дать и внести, и чего они могутъ ожидать или на что разсчитывать съ поступленіемъ въ такое славянское согласіе.

Не надо думать, что для подготовки ко всѣмъ этимъ вопросамъ потребуется начинать дѣло все сызнова. Съ конца прошлаго столѣтія началось всестороннее изученіе славянства на прочныхъ научныхъ основаніяхъ и съ постепеннаго возрожденія всѣхъ самыхъ малыхъ сохранившихся разновидностей западнаго славянства, до настоящаго времени включительно, собрана громадная масса матеріала. Онъ съ пользою можетъ быть употребленъ для достаточнаго разъясненія многихъ изъ этихъ вопросовъ. Конечно, далеко не все нужное количество данныхъ уже собрано или въ одинаковой степени обработано. Многое еще остается передѣлать или доводить новыми изученіями и наблюденіями. Прежде всего по предмету отношеній Россіи къ каждой изъ западно-славянскихъ народностей желательно выработать цѣлую программу вопросовъ. Полагаю, что на многіе изъ нихъ можно было бы и теперь представить болѣе или менѣе точные и удовлетворительные отвѣты. Само собою, что для этой программы потребуются новые пути и пріемы изысканій и самостоятельныя изслѣдованія, не по части археологіи, филологіи, этнографіи, исторіи, а по дѣлу изученія недавняго прошлаго и близкаго настоящаго, политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ, и религіозныхъ отношеній, литературныхъ стремленій и т. д. Особенную важность имѣютъ тутъ вопросы о крестьянскомъ земледѣліи, о сельскомъ духовенствѣ и проч.

Но не могу скрыть и умолчать о тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинахъ, которыя главнѣйше могутъ мѣшать успѣхамъ въ Россіи такой теоретической и практической обработки подобной программы вопросовъ объ отношеніяхъ каждой изъ западно-славянскихъ народностей къ Россіи.

Прежде всего мѣшаютъ тутъ нѣкоторыя дурныя привычки нашего воспитанія, всего болѣе извѣстное самомнѣніе и самодовольство, очень нерѣдкое у людей извѣстнаго возраста и положенія. Такъ, многіе у насъ любятъ говорить, что имъ-де учиться уже поздно и не у кого, что они сами все давно и лучше другихъ знаютъ. Затѣмъ, смотря по темпераменту, оптимисты изъ нихъ прибавляютъ: все это славянское дѣло, и разные славянскіе вопросы въ частности, въ сущности очень просты и ясны; стоитъ только сдѣлать то и се, третье, десятое, и все дѣло будетъ въ

шляпѣ; другіе же, пессимисты, утверждаютъ, что все это славянское дѣло вообще и любой изъ славянскихъ вопросовъ въ частности до такой степени дурно теперь поставлены и такъ испорчены нашими предшественниками, что чѣмъ больше предметъ изучаешь и чѣмъ больше въ эти дѣла углубляешься, тѣмъ яснѣе становится, что тутъ ничего нельзя придумать, развѣ только одно Провидѣніе...

Другой порокъ и предразсудокъ, очень у насъ распространенный и не менѣе перваго мѣшающій у насъ успѣхамъ теоретическаго и практическаго изученія славянскихъ вопросовъ, состоитъ въ нашемъ общемъ неумѣньи разговаривать съ людьми, хотя бы и вполнѣ заслуживающими нашего уваженія, но несогласными съ нами въ нѣкоторыхъ убѣжденіяхъ и даже мнѣніяхъ. Всѣ мы ночти, и большіе и малые, старики и юноши, вообще не выносимъ противорѣчій. Какая мысль можетъ созрѣть и какое дѣло спорпться, если человѣкъ, во время работы, не выслушиваетъ иногда нѣкоторыхъ замѣчаній и возраженій, мысленно иногда не становится въ ряды своихъ зрителей, критиковъ и противниковъ? Человѣкъ обрекаетъ самъ себя на безъисходное невѣжество, если только будетъ считать одни свои предположенія и мнѣнія за истинныя и полезныя, а чужія—за ложныя и вредныя. Людей, вообще, имѣющихъ свои собственныя мнѣнія о разныхъ предметахъ, всегда и вездѣ гораздо меньше числа людей, пробавляющихся чужими мнѣніями, подслушанными или вычитанными. Слѣдовательно, слѣпое упорство въ своихъ мнѣніяхъ и рѣшительное невниманіе къ чужимъ просто даже смѣшно. Наконецъ, не надо забывать, что всякая истина, отъ возраженій и нападокъ на нее дѣлаемыхъ, только яснѣетъ и все болѣе и болѣе оправдывается. Да и никакая ложь не существенна. Существенна только истина. Ложь есть тоже истина, только односторонне понятая или не на свое мѣсто поставленная. Не даная парадоксамъ и ложнымъ мнѣніямъ высказываться противъ ученія истиннаго, люди ревностные не по разуму обличаютъ только свое маловѣріе въ силу истины, помогаютъ лишь утвержденію и распространенію лжи, дѣлая ее запретною, либеральною, популярною, и такимъ образомъ задерживаютъ неминуемое иначе самообличеніе лжи и самооправданіе истины.

Третій недугъ заключается въ страсти нашей къ поспѣшнымъ выводамъ и заключеніямъ: по немногимъ, часто не взвѣшеннымъ и не провѣреннымъ, даннымъ, бѣглымъ наблюденіямъ и даже просто по однимъ слухамъ, мы зачастую составляемъ огульные приговоры и выводимъ изъ нихъ новыя соображенія и заключенія. Въ согласіи съ такимъ направленіемъ ума строится и наша дѣятельность: мы такъ же торопливы въ ожиданіи результатовъ всякой практической, единичной или совокупной, дѣятельности, мы требуемъ, немедленно, и самыхъ что ни на есть прекрасныхъ плодовъ отъ всѣхъ нашихъ насажденій. Неудачи, ошибки насъ приводятъ въ ужасъ и мы безоглядочно готовы рушить старое учрежденіе и также легкомысленно строить новое. Мы не умѣемъ подражать умнымъ педагогамъ, земледѣльцамъ и садовникамъ, которые, терпѣливо трудясь, не погоняютъ и не наспѣшаютъ природы, умѣютъ ждать и не опускаютъ рукъ отъ первой неудачи и даже бѣды.

Славянское дѣло вообще и всѣ западнославянскіе вопросы въ частности принадлежатъ не къ области только прошедшаго, не одного настоящаго, но и дальняго будущаго. Всѣ эти вопросы далеко не такъ просты и ясны, какъ оно представляется многимъ оптимистамъ, во, не во гнѣвъ будь сказано, и пессимистамъ, при всей своей трудности и запутанности, эти вопросы всячески принадлежатъ къ разряду вопросовъ, доступныхъ человѣческому разумѣнію и поддающихся энергическимъ усиліямъ и совокупной дѣятельности нѣсколькихъ поколѣній. Это, во всякомъ случаѣ, вопросы чисто человѣческіе и историческіе, и потому, такъ или иначе, разрѣшимые въ семъ мірѣ, а не въ будущемъ. Божья помощь въ этомъ дѣлѣ необходима, какъ и во всякомъ другомъ, не менѣе и не болѣе, ибо никакое дѣло человѣку не удается, если онъ надѣется только на Бога, а самъ плошаетъ и, рабъ лѣнивый и лукавый, предаваясь безплоднымъ и праздпымъ размышленіямъ, ищетъ только знаменій у Бога.

Есть и внѣшнія причины, отчасти мѣшающія у насъ успѣхамъ теоретическаго и практическаго разрѣшенія славянскихъ вопросовъ. Эти причины заключаются въ громадномъ историческомъ фактѣ: есть чужая внѣшняя сила, которая работаетъ надъ собраніемъ и соединеніемъ разрозненныхъ и разбитыхъ славянскихъ силъ, на гибель же ему, славянству, и во вредъ Россіи. Эта сила ведетъ свое дѣло сознательно и систематически уже тысячу лѣтъ. Она себя знаетъ и въ себя вѣритъ. Она западныхъ славянъ не боится, называя ихъ нулями, но не скрываетъ, какъ замѣтилъ одинъ австрійскій министръ, что изъ нулей, поставленныхъ рядомъ за единицею, получаются сотни и тысячи.

Помня, что Русь наша росла и создавалась тысячу лѣтъ и вѣря въ нее и въ ея будущее, мы не можемъ и не должны отступать передъ этой силой или опускать руки и падать духомъ. Всего ужаснѣе, ибо что ужаснѣе глупости во всякомъ большомъ дѣлѣ, всего глупѣе думать, что славянское дѣло подлежитъ извѣстному установленному на то вѣдомству, и никого, въ немъ не служащихъ, не касается, что оно есть просто на просто безчисленный рядъ бывшихъ и будущихъ входящихъ и исходящихъ, бумагъ, занумерованныхъ, подшитыхъ и записываемыхъ въ журналъ, рядъ дѣлъ, подлежащихъ извѣстному департаменту и его столоначальникамъ. Представляя само собою предметъ постоянной и обширной оффиціальной переписки, славянскіе вопросы такъ разносторонни, что, касаясь всевозможныхъ явленій жизни, требуютъ самыхъ разнообразныхъ дарованій, знаній и трудовъ, которые могутъ и должны проявляться не въ одной оффиціальной сферѣ, но

и въ сферѣ общественной, гдѣ нужны личное творчество, частная и общественная инициатива и значительный просторъ для ихъ проявленія. На сторонѣ намъ противной всѣ эти силы давно уже пущены въ ходъ.

Привести западное славянство къ извѣстнымъ соглашеніямъ—дѣло въ высшей степени трудное и, при многихъ нынѣшнихъ условіяхъ его жизни и образованности, почти невозможное. Западные славяне разбиты и раздроблены, преслѣдуютъ нерѣдко наравнѣ съ ясными, и болѣе или менѣе осуществимыми, цѣлями самыя иногда туманныя и недостижимыя. Почти всѣ эти народности имѣютъ свою великую идею, какъ говорятъ греки, или свое manifest destiny, какъ ее называютъ американцы. Всѣ онѣ одинаково искренно толкуютъ о всеславянствѣ и носятся съ такъ называемою идеею славянской взаимности. И съ тѣмъ вмѣстѣ большая часть этихъ великихъ идей совершенно другъ другу враждебны. Такъ, великая идея польская и великая идея чешская предъявляютъ равно свои права на Силезію, (не только австрійскую, но и прусскую) и даже чуть ли не ва сербскія Лужицы. Не даромъ нѣкогда Польша и Чехія такъ долго и постоянно враждовали между собою за Силезію. Великая идея чешская, для блага и цѣлости чешскаго королевства, требуетъ прежде всего—цѣлости Австріи, и отъ всѣхъ австро-венгерскихъ народовъ — такого австрійскаго патріотизма, который долженъ заглушить не только разныя великія идеи, но и очень скромныя чаянія и весьма практическія національныя стремленія многихъ другихъ народностей Габсбургской монархіи, именно румынъ, сербовъ, русскихъ, нѣмцевъ... Великая идея чешская идетъ такимъ образомъ наперекоръ самымъ завѣтнымъ желаніямъ и самымъ справедливымъ національнымъ интересамъ не только Румыніи и Германіи, но и Черногоріи, Сербіи и Россіи... Великая идея хорватская совершенно исключаетъ великую идею сербскую, а она въ свою очередь таковую же хорватскую и болгарскую. Великая идея болгарская совершенно противоположна и хорватской, и сербской, и греческой.

III.

Западное славянство распадается на два отдѣла: южный и сѣверный, оторванные другъ отъ друга двумя инородческими клиньями: нѣмецкимъ и мадьярскимъ. Къ первому отдѣлу, какъ извѣстно, принадлежатъ болгары, сербы, хорваты, словенцы—всего около 13 милліоновъ, ко второму—поляки, чехи, словаки, сербы-лужичане, кашубы—всего 17 милліоновъ съ небольшимъ. Австро-Венгріи принадлежитъ изъ южныхъ славянъ около 7 милліоновъ, изъ сѣверныхъ—около 10 милліоновъ съ небольшимъ. Трехъ слишкомъ милліонной Руси мы сюда не включаемъ, ибо она относится къ славянству восточному, а мы говоримъ только о западномъ. Такимъ образомъ, изъ 30 слишкомъ милліоновъ западнаго славянства болѣе половины, но менѣе $^2/_3$ принадлежитъ Австро-Венгріи, причемъ южнаго почти настоящая половина, а сѣвернаго большая половина. Остальная половина сѣверо-западнаго славянства распредѣлена между Германіею и Россіею, но русская часть почти вдвое превышаетъ германскую. Остальная половина юго-западнаго славянства пользуется независимостію или еще находится подъ властью турокъ. Въ послѣднее время произошло для западнаго славянства событіе великой важности и неизмѣримыхъ послѣдствій. Подъ вліяніемъ внѣшняго и внутренняго кризиса, Габсбургская монархія вынуждена была совершить надъ собою опасную операцію, впрочемъ, издавна подготовленную политикою Меттерниха, который искусственно подымалъ мадьярскую народность, видя въ ней главный оплотъ противъ Россіи, столь къ нему, въ свое время, почтительной и исполненной высокаго благоговѣнія къ его спасительнымъ идеямъ. Это *цесарское съченіе* разрѣзало Австрію на Цис- и Транс-Лейтанію, съ гегемоніею нѣмцевъ въ первой и мадьяръ во второй. Въ настоящее время Цислейтанію принадлежатъ поляки, чехи, словенцы, сербы и хорваты Истріи и Далмаціи, Босніи и Герцеговины, а Транслейтаніи—словаки, хорваты, сербы и частью словенцы. Это раздѣленіе монархіи на двѣ Австріи: нѣмецкую и мадьярскую представляетъ величайшее зло для имперіи. Но едва ли оно исправимо безъ страшнаго внутренняго кризиса, а къ нему легко можетъ присоединиться и внѣшній. Трудности положенія и опасности раздѣленія ясно сознаются государственнымъ традиціоннымъ смысломъ Вѣны. Въ помышленіяхъ объ исправленіи послѣдствій ложнаго шага придумали наконецъ австрійскій панславизмъ. На этомъ основавіи рѣшено ни Босніи съ Герцеговиною, ни Далмаціи не причислять, какъ бы того хотѣли хорваты, къ Транслейтаніи. Нѣмецкаго языка и нѣмецкой административной въ мадьярской Австріи вводить нельзя, а мадьярскій языкъ въ Далмаціи, Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ нѣтъ ни души мадьярской, могъ бы имѣть смыслъ развѣ только на вывѣскахъ казенныхъ зданій. Въ этихъ трехъ провинціяхъ славянскихъ существуетъ сильное недовольство и броженіе, хотя и не изъ того, какъ полагаютъ хорваты, что этихъ провинцій долго не присоединяютъ къ землямъ короны Звонимира. Огромнѣйшее большинство населенія Босніи и Герцеговины, искренно ненавидящее австрійцевъ, и немалая часть населенія Далмаціи, только въ началѣ столѣтія присоединенной къ Австріи и слишкомъ мало проникнутой обще-австрійскимъ чувствомъ, правда, не желаютъ очень принадлежать Цислейтаніи, но не особенно рвутся и въ Транслейтанію.

Въ нѣмецкомъ населеніи Австріи распаденіе ея на двѣ половины, нѣмецкую и мадьярскую, образованіе новой Германской имперіи съ ея военною славой и могуществомъ, равно какъ и открывшійся въ ней культуркампфъ, произвели страшное потрясеніе. У австрійскихъ нѣмцевъ образовался расколъ: слабые, терпимостные католики-нѣмцы стали тяготѣть къ Пруссіи. Горячіе католики-нѣмцы

сомкнулись около престола Габсбурговъ, подняли во всей Австріи католическую агитацію въ защиту ватиканскаго узника и противъ врага христіанской вѣры, князя Бисмарка, ловко пользуясь нѣкоторыми его ошибками въ этой культурной борьбѣ. Все, что было ультрамонтанскаго въ католическомъ славянствѣ Австріи, особенно въ его аристократіи и въ высшемъ духовенствѣ, примкнуло къ нѣмцамъ-католикамъ. Въ соглашеніи съ Римомъ, австрійскіе ультрамонтаны вступили въ крѣпкій союзъ съ отлично организованною партіею центра Германской имперіи. Такъ нѣмецкое населеніе Австро-Венгріи распалось на два лагеря. Одинъ желаетъ просто на просто присоединенія нѣмецкихъ частей Австро-Венгріи къ Германіи прусской. Другого же лагеря австрійскіе нѣмцы утверждаютъ, что не надо отчаиваться въ счастливой звѣздѣ Габсбурговъ, припоминаютъ счастье и Божье покровительство, такъ блистательно и неотступно сопровождавшее великаго и святаго Фердинанда II, вспоминаютъ побѣду паиства надъ Гогенштауфенами, указываютъ на сильную оппозицію Бисмарку со стороны католиковъ, прогрессистовъ и соціальныхъ демократовъ въ Германіи. Эта партія, понятно, побѣдила, и вотъ началось новое, уже четвертое съ 1849 г., (если не считать министерства Голуховскаго и Гогенварта) преображеніе Австріи, открылась еще новая, уже четвертая эра ея возрожденія (Neugestaltung). Явился австрійскій панславизмъ. Поляки чехи, хорваты, даже словенцы, всѣ эти Slaven, *Шлявенъ*, изъ недавнихъ золушекъ превратились вдругъ, къ немалому своему изумленію, въ нѣжно-любимыхъ Веніаминовъ. Въ Чехіи, въ Прагѣ, понадобилось открыть еще новый университетъ, чешскій, рядомъ съ нѣмецкимъ. Для 2½ милліоновъ поляковъ оказалось мало одного польскаго университета въ Краковѣ, и обратили въ польскій другой университетъ, во Львовѣ. Австрійскіе эргерціи внезапно заразились славянофильствомъ, возлюбили чешскую Мельпомену, восхищаются романами Крашевскаго и поклоняются памяти Мицкевича. Наконецъ, изъ любви къ Габсбургамъ, самъ непогрѣшимый папа вдругъ объявился славянофиломъ, возгорѣлъ любовью къ славянской Церкви и даже нашелъ нелишнимъ, въ 1880 году, очень мило польстить русскому, даже московскому, самолюбію. Есть-де, говоритъ, преданіе, что римскіе миссіонеры св. Кириллъ и Меѳодій посѣтили не только Кіевъ, но даже и Москву. Добрый отецъ іезуитъ Мартыновъ, увлекшись своимъ русскимъ чувствомъ, вѣроятно, не премину̀лъ шепнуть, что упоминаніе Москвы въ IX в. понравится очень московскимъ славянофиламъ и что такая невинная передержка можетъ имѣть очень хорошее дѣйствіе на балканскихъ славянъ православныхъ: пусть-де себѣ думаютъ, что и Кіевъ и Москва обращены въ христіанство Римомъ. Въ австрійскомъ панславизмѣ пріискано пайлучшее пока средство парализовать какъ дурныхъ католиковъ-нѣмцевъ, тиготѣющихъ къ Германіи, такъ и мадьяръ. Австрійскій панславизмъ вмѣстѣ съ буддою Grande mamas открываетъ новые блестящіе виды на Балканскомъ полуостровѣ.

Ознакомимся поближе съ этимъ любопытнымъ ученіемъ, которое то по частямъ, то въ цѣлости, проповѣдуется и принимается съ немалымъ успѣхомъ въ различныхъ земляхъ и у разныхъ интеллигенцій западно-славянскихъ.

Главныя положенія этого австрійскаго панславизма заключаются въ слѣдующемъ: трехнедѣльная война и Пражскій трактатъ, вытѣснившій австрійскую монархію изъ германскаго союза, принесли-де ей величайшую пользу. Отнынѣ имперія Габсбурговъ навсегда-де порываетъ съ Германіею и исключительно принимаетъ на себя традиціи и задачи Ягеллоновъ. Съ этою новою эрою открываются передъ ней новые безконечные горизонты. Ее ждетъ блестящее будущее. Она не даромъ называется Oesterreich. Это, дѣйствительно, будущая Восточная имперія, только съ западною цивилизаціею. Она имѣетъ собрать и объединить все западное славянство, южное и сѣверное. Большая половина сербскаго народа, большая половина сербскихъ земель вошли уже въ составъ подданныхъ и въ число австро-венгерскихъ провинцій. Дарованныя Босніи и Герцоговинѣ права должны быть, при первомъ удобномъ случаѣ, распространены на Албанію и Македонію. Солунь долженъ сдѣлаться австрійскимъ портомъ. Но Сербія и Болгарія войдутъ въ австрійско-славянскую федерацію на другихъ основаніяхъ. Болгарскій князь ставетъ королемъ и его министры австрійскими баронами, по примѣру сербскихъ. Принявъ на себя исполненіе завѣта сербскаго царя Стефана Душана и болгарскаго царя Симеона, Австрія займетъ Константинополь. Только обладаніе Константинополемъ обезпечиваетъ владѣніе Солункомъ. Но не даромъ Габсбурги были въ свойствѣ съ Ягеллонами, не даромъ Собѣсскій былъ спасителемъ Вѣны. Изъ нея долженъ выйти мститель и возстановитель старой Рѣчи-Посполитой. Возстанетъ изъ мертвыхъ, воскреснетъ, наконецъ, и Польско-Литовское королевство. Не добровольно ли соединились въ люблинской уніи два братственные народа: Польша и Русь, связанные-де общею солидарностію и единствомъ чувствъ? Не пробилъ ли часъ для устройства жизни на свободныхъ и разумныхъ началахъ, для широкой автономіи личной и мѣстной? Не приглашаютъ ли къ тому же самъ *батько Кулішъ* и *женіальный*, какъ говорятъ славяне, *Драгомановъ*? Такимъ образомъ Варшава, Вильна и Кіевъ съ разными городами и пригородами, съ Полтавою, Харьковомъ, Одессою, возьмѣютъ право и обязанность войти въ эту будущую австрійско-славянскую федерацію. Такъ соединятся, наконецъ, все настоящее славянство. Всѣ славянскія народности и парѣчія будутъ пользоваться полною равноправностью. Вездѣ будутъ гимназіи, университеты и академіи на мѣстныхъ парѣчіяхъ. Нѣмецкій панславистическій языкъ останется только для ораторскаго краснорѣчія славянскихъ патріотовъ

въ общемъ австрійскомъ парламентѣ, въ вѣнскомъ рейхстагѣ, да въ трехъ, четырехъ нѣмецкихъ университетахъ: въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, въ Градцѣ и въ Черновцахъ, на случай, если славянская молодежь когда пожелаетъ серьезно чему-нибудь научиться.

Но что же тутъ, спрашивается, новаго и славянскаго, когда Габсбурги въ XVI, въ XVII и въ XVIII вв. постоянно, сколько могли и умѣли, мутили славянъ турецкихъ, подымали у нихъ народныя возстанія и многократно пытались завладѣть разными славянскими землями Балканскаго полуострова? Въ эти же былые годы Габсбурги не разъ протягивали свои руки и къ коронѣ польской, тутъ и тамъ слѣдуя не слабымъ и безхарактернымъ Ягеллонамъ, а своимъ фамильнымъ традиціямъ и преданіямъ средневѣковыхъ германскихъ императоровъ, которые, съ Карла Великаго и потомъ съ Оттона I, такъ послѣдовательно стремились къ порабощенію и покоренію различныхъ западно-славянскихъ народностей. Еще въ IX в. и у франковъ были *свои* славяне и *союзники: Sclavi nostri, foederati.* Тѣмъ паче и тѣмъ больше ихъ стало, такихъ *нашихъ* славянъ у позднѣйшей имперіи Нѣмецкой.

Какимъ же образомъ стало возможнымъ, послѣ всѣхъ этихъ славянскихъ національныхъ движеній и увлеченій послѣднихъ десятилѣтій, столь быстрое распространеніе въ Австріи этого римско-нѣмецкаго направленія, которое такъ всецѣло выражается въ австрійскомъ панславизмѣ? Люди указываютъ на успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время славянами Австріи. Взгляните, говорятъ, какое количество книгъ и книжекъ, какая масса журналовъ и газетъ печатается теперь ежегодно на всѣхъ почти славянскихъ нарѣчіяхъ, заводятся школы, печатаются учебники, преподаются высшіе курсы, издаются академическіе труды. Вездѣ-де поются національные славянскіе гимны: Hej Slovane и проч.,—равноправность-де съ нѣмцами чуть не полная. Но крайней мѣрѣ что заведутъ у себя нѣмцы, то сейчасъ же заводятъ или спѣшатъ у себя завести и славяне. У нѣмцевъ турнферейны, у славянъ,—чехи всегда тутъ впереди всѣхъ, — свои *тѣлоспичные сполки.* Нѣмцы поютъ: Wo ist des Deutschen Vaterland? Славяне передѣлываютъ и поютъ: Hde domuv muj.

Но это множество книгъ, книжекъ и листовъ печатной бумаги на языкахъ славянскихъ еще не свидѣтельствуетъ о богатствѣ и самобытности славянской поэзіи, славянской науки и образованности. Народность не въ сарафанѣ, говорилъ Гоголь; то же часто можно сказать и про языкъ. Народность въ содержаніи и въ мысли. Во французскихъ брошюрахъ Хомякова проявились русская оригинальная мысль и творчество гораздо ярче и сильнѣе, чѣмъ въ сотняхъ томовъ разныхъ русскихъ книгъ. Громадная масса печатнаго русскаго хлама XVIII и нынѣшняго столѣтія вплоть до нынѣшнихъ дней, всего этого великаго множества одъ, трагедій, романовъ, повѣстей, элегій, идиллій, водевилей и оперетокъ нерѣдко ничего русскаго и оригинальнаго въ себѣ не заключаетъ. Славяне по формѣ, по языку, по костюмамъ становились, правда, болѣе и болѣе какъ бы на славянскую почву, но вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно для себя все болѣе и болѣе подчинялись нѣмецко-австрійской культурѣ. Оправдались и безпрестанно оправдываются слова барона Брука, одного изъ высоко-даровитѣйшихъ, общественныхъ и государственныхъ, дѣятелей Германіи. Ему принадлежитъ, по дарованіямъ, а не по стремленіямъ, едва ли не первое почетное мѣсто въ ряду нѣмецкихъ государственныхъ людей между Штейномъ и Бисмаркомъ. Въ своей написанной для императора и напечатанной по смерти запискѣ (Die Aufgaben Oesterreichs), онъ говорилъ: чѣмъ болѣе вы дадите свободы мелкимъ славянскимъ нарѣчіямъ и народностямъ, чѣмъ менѣе будете ихъ стѣснять, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе подчинятся они германской образованности. Скажутъ, что австрійскіе славяне теперь еще болѣе, чѣмъ быть можетъ прежде, не любятъ нѣмцевъ. Пусть такъ, но это не мѣшаетъ имъ все болѣе и болѣе подчиняться ихъ вліянію и проникаться ихъ воззрѣніями на другихъ славянъ, и безсознательно работать на пользу римско-нѣмецкихъ интересовъ, на свою погибель и во вредъ другимъ славянамъ, не имѣющимъ счастья принадлежать Австро-Венгріи. Внѣшнее возрастаніе этихъ словесностей, проникнутыхъ австрійскимъ духомъ, все болѣе разноситъ и утверждаетъ въ массахъ славянскихъ римско-нѣмецкія или австрійскія воззрѣнія, заглушая непосредственное народное чувство и забивая славянскіе инстинкты.

Любовь къ Россіи не мѣшаетъ видѣть и указывать намъ русскіе грѣхи и недостатки. Точно также и любовь къ славянству не должна закрывать намъ глазъ на то, что есть въ немъ печальнаго. Знать объ отрадныхъ явленіяхъ и движеніяхъ въ западномъ славянствѣ мы должны: они есть, и мы можемъ, глядя на нихъ, не приходить ни въ сомнѣніе, ни въ отчаяніе. Но говорить о многихъ изъ этихъ явленій публично, или распространяться печатно иногда совсѣмъ неудобно и неумѣстно. Этимъ мы часто безсознательно вредимъ лишь дѣлу и нашимъ друзьямъ.

Не думаю утверждать, что изъ всей этой комедіи съ переодѣваньемъ волковъ въ овчины, прямыхъ потомковъ Вѣдогорскихъ побѣдителей и средневѣковыхъ кайзеровъ въ чешскія чамары и въ польскіе кунтуши, никакого проку для славянъ не выйдетъ. Напротивъ, изъ нынѣшняго движенія въ пользу федераціи на основаніи историческаго права, непремѣнно рано или поздно разовьется другое, болѣе серьезное и разумное движеніе въ пользу австрійской федераціи на началахъ народности. Какъ нѣмцы-ультрамонтаны стоятъ за первую, заодно съ чехами и поляками, такъ нѣмцы не-паписты станутъ заодно съ другими славянами и съ румынами, за вторую. Таковъ неудержимый процессъ *расклубленія* Австріи, обусловленный внутреннимъ ростомъ Россіи, объединеніемъ Италіи и Гер-

маніи, распаденіемъ Турціи. Точно также изъ нынѣшняго запрыванія Рима со славянскою Церковью и съ привязанностью западныхъ славянъ къ именамъ и къ дѣлу св. Кирилла и Меѳодія неизбѣжно, ибо столь же логически возникнетъ современемъ у разныхъ славянъ-католиковъ искреннее и живое желаніе покинуть латинскій и возвратиться къ славянскому обряду, а затѣмъ, Богъ дастъ, возродится и созрѣетъ въ нихъ энергическое стремленіе къ возстановленію, какъ нѣкогда мечталъ великій чехъ, аббатъ Добровскій, *церкви до-Гильдебрандовской*, къ отмѣнѣ обязательнаго целибата для бѣлаго духовенства, къ развитію соборнаго начала и проч. и проч. Такъ сама осудится и сама накажется эта ложь... ein Theil von jener Kraft, Die stets das Böse will und stets das Gute schafft.

Борьба и соперничество славянъ съ романизмомъ и германизмомъ, съ великими западными національностями не требуетъ вовсе горячечной переимчивости и ревнивой подражательности. Ни переводы и копіи, близкія и болѣе или менѣе вольныя, съ переноскою сюжетовъ на славянскую почву, или съ переодѣваніемъ чужихъ типовъ въ славянскіе костюмы, ни кропотливое трудолюбіе въ изысканіяхъ по указаннымъ путямъ и подъ удручающимъ вліяніемъ чужихъ идей, не создадутъ еще ни славянскаго искусства, ни славянской науки, ни славянской образованности.

Для того потребны другія, именно творческія силы; нуженъ крѣпкій и своеобразный бытъ народа со смѣлымъ и самодѣятельнымъ умомъ, нуженъ величественный просторъ, открывающій мысли новые, далекіе кругозоры; но для того же совершенно безполезны и даже вредны чувства международной зависти и вражды, пошлаго провинціальнаго самохвальства и сентиментальнаго обожанія всѣхъ внѣшнихъ и случайныхъ даже пріемѣтъ своей народности или своей мѣстности.

Настоящее положеніе западнаго славянства содержитъ такимъ образомъ въ себѣ не мало для насъ занимательнаго. Нынѣшнее мирное время особенно можетъ быть благопріятно для необходимыхъ взаимныхъ разъясненій между нами и каждою изъ западно-славянскихъ народностей, для прямаго и откровеннаго изложенія нашихъ недоразумѣній и несогласій. Онѣ безспорно существуютъ и мѣшаютъ взаимному нашему пониманію и соглашенію. Намѣренное о нихъ умалчиваніе или притворное поддакиваніе само по себѣ нечестно да и никогда противниковъ нашихъ не обманетъ. Искренность же въ спорахъ и благонамѣренность полемики необходимо приведетъ рано или поздно къ желанному примиренію и объединенію разныхъ противоположныхъ и повидимому несогласимыхъ стремленій и интересовъ. Едва-ли и теперь, въ разгарѣ австрійскаго панславизма, каждый разсудительный человѣкъ любой западной славянской народности, отозванный въ сторону, положа руку на сердце, не отвѣтитъ отрицательно на вопросъ: можетъ ли хоть одинъ значительный западно-славянскій вопросъ быть рѣшенъ удовлетворительно для славянства, безъ живого участія русскаго общества и вопреки интересамъ Россіи?

Для насъ, русскихъ, не подлежитъ спору, какъ давно уже несомнѣнно для европейскаго запада, что если славянству должно принадлежать великое будущее и всемірно-историческое значеніе, то главнѣйше потому, что сверхъ западныхъ славянъ, южныхъ и сѣверныхъ, есть еще Россія и что она представляетъ собою наше племя съ иною ролью въ человѣчествѣ, чѣмъ какая досталась, послѣ тысячи слишкомъ лѣтъ исторической жизни, западно-славянскимъ землямъ и народностямъ.

Живя среди западныхъ славянъ, я полюбилъ ихъ за многія прекрасныя ихъ качества, за то, что, находясь на чужбинѣ, я находилъ въ нихъ много близкаго и родного, что у нихъ же я научился дорожить громадностью и внѣшнею силою нашей Россіи. Вспоминая о нашихъ войнахъ и нашихъ побѣдахъ надъ врагами, я благословлялъ судьбу за то, что не принадлежу къ народамъ побѣжденнымъ, утратившимъ свою политическую независимость или никогда ея не знававшимъ, радовался тому, что не находилъ въ себѣ ни къ кому чувства ненависти и злобы и обѣщалъ себѣ, возвратясь на родину, никогда не позволять себѣ презирать или обижать народности малыя и слабыя. Я горжусь и дорожу необъятнымъ просторомъ Россіи, радуюсь единству и нѣльности русскаго народа, потому что убѣдился живымъ опытомъ и постоянно моимъ историческимъ занятіямъ укрѣпляюсь въ той мысли, что малыя общества и маленькія народности гораздо менѣе располагаютъ людей къ смѣлымъ полетамъ фантазіи, къ великимъ завоеваніямъ мысли и къ высокимъ нравственнымъ подвигамъ. И если когда славянскому міру удастся создать великую самобытную образованность, то это будетъ потому, что въ немъ наконецъ явился народъ, съумѣвшій и успѣвшій создать великую міровую державу.

Послѣ этого чтенія Ор. Ѳ. Миллеръ посвятилъ нѣсколько словъ памяти А. П. Кошелева и Р. А. Фадѣева. Приготовленная имъ статья, посвященная названнымъ почившимъ дѣятелямъ, за недостаткомъ времени, не была прочитана. Вотъ эта статья:

А. И. Кошелевъ и Р. А. Фадѣевъ.

Смерть недавно соединила этихъ людей, которые такъ существенно расходились во взглядахъ и только подъ конецъ сошлись, благодаря тому, что Фадѣевъ значительно измѣнилъ свое направленіе. Это рѣдко случается съ людьми подъ 60 лѣтъ, и тѣмъ болѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ „Чѣмъ намъ быть“ застигнутъ былъ смертію прежде-временно. Ровно 18-ю годами старше его былъ Кошелевъ и еще наканунѣ смерти принималъ участіе въ одномъ изъ общественныхъ собраній—участіе въ настоящемъ смыслѣ слова, со всею полнотою живаго и ревностнаго вниманія. Но при всей своей неистощимой до смерти молодости, Кошелевъ, однакоже, не былъ подвиженъ и впечатлителенъ до того, чтобы, какъ утверждаютъ нѣкоторые, посту-

ниться подъ конецъ жизни чѣмъ либо существеннымъ въ своихъ убѣжденіяхъ.

Можно сказать, что убѣжденія Кошелева опредѣлились еще при А. С. Хомяковѣ, раньше всѣхъ, по словамъ Кошелева, окрѣпшемъ въ такъ называемомъ славянофильствѣ, но чуждомъ фанатической исключительности и узкой односторонности. Столько же чуждымъ этихъ качествъ всегда былъ и Кошелевъ, т. е. не былъ тѣмъ, что называется доктринеромъ. Жизнь всегда оказывала на его взгляды то равномѣрно видоизмѣняющее воздѣйствіе, при которомъ немыслимы какіе либо рѣзкіе переходы.

Р. А. Фадѣевъ былъ, какъ извѣстно, членомъ нашего Славянскаго Общества. А. И. Кошелевъ, напротивъ, не значится въ нашихъ спискахъ. И неромъ и на дѣлѣ Фадѣевъ принималъ живое участіе въ нашихъ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ славянамъ. Кошелевъ, какъ извѣстно, кромѣ кратковременнаго эпизода своей государственной службы въ Польшѣ, всецѣло былъ занятъ нашими собственными внутренними вопросами. Но онъ ихъ рѣшалъ и служилъ имъ въ томъ духѣ, помимо котораго нѣтъ и не можетъ быть блага для всего славянства, въ томъ духѣ, котораго, къ сожалѣнію, долго, слишкомъ долго не сознавалъ Фадѣевъ.

Имя А. И. Кошелева напоминаетъ намъ столько дорогихъ именъ — именъ тѣхъ столповъ первоначальнаго славянофильства, которые были всѣ имъ пережиты, какъ пережитъ имъ и стоявшій внѣ этой школы, но на дѣлѣ сходившійся съ ней, славной памяти И. А. Милютинъ. Имя Кошелева напоминаетъ намъ всѣхъ тѣхъ дѣятелей, которые подняты были „могучею волною всеобновленья“, ознаменовавшею, по словамъ поэта, благодатное воцареніе государя Александра Николаевича. Помнимъ всѣхъ этихъ дѣятелей, большею частью перешедшихъ въ ту жизнь равѣе того, кто далъ имъ возможность дѣйствовать, невольно думаешь, что они относятся къ намъ словами Лермонтовскаго ветерана:

Да, были люди въ наше время—
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри, не вы!

Эти люди являлись прямыми преемниками тѣхъ, которые, выступая на широкое общественное поприще еще при „великой Екатеринѣ“, попадали за то или въ Шлиссельбургскую крѣпость или въ Сибирь. А. И. Кошелевъ, „не сдерживая“, подобно имъ, по народному выраженію о богатыряхъ, „своего сердца ретиваго“, составилъ проектъ освобожденія крестьянъ еще при государѣ Николаѣ Павловичѣ. Конечно, проектъ былъ тогда признанъ „преждевременнымъ“, хотя великодушныя струны въ душѣ государя сочувственно отозвались на него. Также точно и многое въ ученьи славянофиловъ приходилось тогда по душѣ государю,—и они однако же не могли проводить въ печати свои воззрѣнія. Но уже въ первыхъ годахъ новаго царствованія Кошелеву оказалось возможнымъ приступить къ изданію „Русской Бесѣды“ (1856—1860). Въ видѣ приложенія къ ней въ 1858 г. стало имъ же издаваться „Сельское Благоустройство“ — сослужившее статьями какъ самого издателя, такъ и Ю. О. Самарина, кн. Черкасскаго и др., такую добрую службу задуманному государемъ великому дѣлу освобожденія крестьянъ. Незначительное меньшинство дѣйствительно просвѣщенныхъ и благородныхъ людей изъ благороднаго класса опять завело старый споръ съ громаднымъ его большинствомъ, но то, за что прежде попадали въ опалу, теперь являлось сотрудничествомъ съ самимъ Царемъ.

И равенъ сталъ неравный споръ!

„Не однѣми статьями, по выраженію И. С. Аксакова, сподобился Кошелевъ быть споспѣшникомъ святаго дѣла освобожденія, призвавшаго всю Россію къ новой жизни, освободившаго не только крестьянъ отъ рабскаго ярма, но и насъ всѣхъ отъ гнетущаго срама. Онъ принялъ самое пылкое участіе въ трудахъ одной изъ губернскихъ комиссій и затѣмъ редакціонной комиссіи, какъ депутатъ второго призыва“ *).

Дружными усиліями дѣйствительно „лучшихъ“ русскихъ людей, дѣло проводилось, несмотря на всяческія преграды, въ томъ направленіи, на которое указывалъ Кошелевъ въ своихъ повременныхъ изданіяхъ.

„Скорѣе вода пойдетъ противъ обычнаго своего теченія, чѣмъ русскій поселянинъ можетъ быть оторванъ отъ земли, пропитанной его потомъ“, не даромъ говорилъ Александръ Ивановичъ въ „Р. Бесѣдѣ“ 1857 г. (кн. IV, на стр. 161).

„Освобожденіе крестьянъ *съ землею* должно быть *нашимъ*, т. е. русскимъ способомъ разрѣшенія великой подлежащей намъ общественной задачи.....Общинное устройство, *при общинномъ землевладѣніи*, представляетъ вѣрнѣйшее средство къ обезпеченію осѣдлости и благосостоянія крестьянъ“, не даромъ утверждалъ онъ въ „С. Благ.“ за 1859 г.

Но Кошелевъ шелъ даже далѣе другихъ, доказывая, *что за крестьянами должно быть удержано право общаго съ помѣщиками выгона* **).

Будто въ отвѣтъ на возвѣщенное какъ разъ передъ тысячелѣтіемъ Россіи освобожденіе крестьянъ, открывавшее для нашего отечества совершенно новую эру, послѣдовало польское возмущеніе. Оказалось, что слишкомъ рано почудился Хомякову, на зло событіямъ 1831 г., дружный полетъ славянскихъ орловъ съ сѣвернымъ орломъ во главѣ, что слишкомъ рано онъ утверждалъ:

Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей.
И будущихъ баяновъ струны
Поютъ согласье и покой.

*) „Русь“ 1883 г., № 22.

**) См. некрологъ его, составленный М. Ковалевскимъ въ Юр. Вѣст. 1883 г., дек., стр 659. Какъ тутъ, такъ и далѣе, курсивъ принадлежитъ мнѣ.
Ор. М.

Извѣстно также, что отвѣтомъ на польское возмущеніе былъ новый подвигъ Освободителя русскихъ крестьянъ—надѣленіе землею ихъ братьевъ въ Польшѣ. Дѣло, котораго не пришлось приводить у насъ въ исполненіе самому Н. А. Милютину, у болѣе счастливыхъ въ этомъ случаѣ сотрудниковъ нашихъ было не только задумано, но и выполняемо этимъ, по выраженію поэта, умѣвшимъ ковать желѣзо, пока оно горячо, „честнымъ кузнецомъ — гражданиномъ". Къ участію въ той же преобразовательной работѣ въ Польшѣ, въ числѣ другихъ русскихъ дѣятелей не заурядного чиновничьяго пошиба, призванъ былъ и А. И. Кошелевъ. Въ теченіе своего двухлѣтняго управленія финансами царства, онъ съумѣлъ достигнуть того, что Польша перестала требовать на себя расходовъ изъ казначейства имперіи, но не могъ угодить тѣмъ, кто не желалъ ограничиться однимъ экономическимъ переворотомъ въ усмиренномъ краѣ, а добивался его такъ называемаго „обрусѣнія". Зато Кошелевъ въ этомъ отношеніи оставался вполнѣ вѣрнымъ преданіямъ Хомякова и первоначальнаго славянофильства вообще, какъ можно судить по статьямъ о польскомъ вопросѣ, печатавшимся въ „Днѣ", и по письму Хомякова, не такъ давно обнародованному „Русскою Мыслью".

Оставивъ административное поприще въ Польшѣ, Кошелевъ является рьянымъ труженикомъ по земству въ родной ему Рязанской губерніи. Не даромъ же, представлялось ему, за великой крестьянской реформой Обновителя русской жизни слѣдовала реформа земская: должна же она въ самомъ дѣлѣ дать снова возникнуть и выступить на помощь государю тѣмъ живымъ земскимъ силамъ, которыя смогли бы уберечь и первое его великое дѣло—крестьянское—отъ загаенныхъ, но упорныхъ подъ него подкоповъ какъ обиженнаго въ правахъ своихъ барства, такъ и подслуживающагося ему и обиженнаго въ свою очередь появленіемъ земскихъ учрежденій чиновничества. День ото дня настоятельнѣе становились заботы объ упроченіи экономическаго положенія только что освобожденныхъ, нашихъ крестьянъ, чтобы положенное въ основу реформы начало поземельнаго надѣла не представлялось недостигающимъ своего назначенія, а злорадствующіе недруги освобожденія не имѣли повода говорить: „пускай же они увидятъ, поганны, какова она такова хваленая ихъ свобода" *). Говорятъ, что въ рѣдкое засѣданіе земства А. И. Кошелевъ являлся безъ какой нибудь записки или проекта. Въ связи съ его земскою дѣятельностью находятся и статьи, напечатанныя имъ въ издававшемся при его же денежной помощи въ 1871 и 72 гг. журналѣ „Бесѣда". Въ первой же ея книжкѣ, касаясь разосланнаго по земствамъ правительственнаго проекта податной реформы, онъ предлагалъ земству высказаться противъ раздѣленія сословій на податныя и неподатныя.

*) Слова, мѣтко вложенныя въ уста нашимъ крѣпостникамъ Щедринымъ.

„Мы убѣждены, писалъ онъ, что податная комиссія не рѣшилась положить въ основу своего проекта обязательность для всѣхъ платежа прямыхъ податей только потому, что находила починъ этого дѣла болѣе приличнымъ со стороны земства, гдѣ привилегированныя сословія имѣютъ первенствующій голосъ". Когда же наши земства обнаружили свою способность къ такому почину, Кошелевъ съ чувствомъ гражданской удовлетворенности высказался объ этомъ: „Самымъ неопровержимымъ, самымъ блистательнымъ доказательствомъ присутствія въ насъ земскаго духа, служитъ единодушный отзывъ на проектъ правительства о податной реформѣ, отзывъ, данный всѣми губернскими земскими собраніями, въ которыхъ, какъ извѣстно, вездѣ дворяне составляютъ огромное большинство. Правительство ограничивалось измѣненіемъ способа раскладки податей, не расширяя круга плательщиковъ... Дворянство, въ составѣ земства, совершенно свободно и спокойно изъявило готовность нести, наравнѣ съ прочими сословіями, тягость налоговъ. Это безпримѣрное событіе въ лѣтописяхъ исторіи долженъ бы убѣдить всѣхъ нашихъ англо- и германо-мановъ, всѣхъ желающихъ создать у насъ какую-то аристократію, что живъ и могучъ у насъ только духъ земскій, что всякое обособленіе дворянства и отдѣленіе его отъ земства столько-же гибельно для перваго, сколько и для послѣдняго, и что силы нашего государства заключаются въ земствѣ и ни въ чемъ иномъ".

Въ числѣ этихъ „англо- и германо-мановъ" Кошелевъ могъ тогда подразумѣвать и Р. А. Фадѣева, направленіе котораго было давно извѣстно. Въ томъ же 1875 г., когда написаны были только что приведенныя строки Кошелева, онъ издалъ свою книжку „Чѣмъ намъ быть". Между тѣмъ Кошелевская „Бесѣда", вслѣдствіе сожженія нѣсколькихъ ея книжекъ, должна была прекратиться. Слишкомъ не по вкусу тѣмъ, кто подводилъ подкопы подъ великія реформы покойнаго государя, былъ ея, вѣрный ихъ смыслу, прямой и вполнѣ высказывающійся земскій духъ, чуявшій въ его „новизнахъ" возрожденіе нашей „старины" (какъ выразились въ своемъ извѣстномъ адресѣ старообрядцы), жаждавшій дальнѣйшаго непрерываемаго развитія нашихъ общественныхъ силъ *). Александру Ивановичу пришлось высказываться въ отдѣльныхъ брошюрахъ, печатавшихся какъ и „Окраины Россіи" Самарина, а на первыхъ порахъ даже и богословскія сочиненія Хомякова, въ иностранныхъ типографіяхъ. А проводилось въ нихъ то же, что служило основою всей его предшествующей дѣятельности—дѣятельности въ духѣ великихъ начинаній самого государя.

„Мы глубоко убѣждены, писалъ онъ въ 1875 г., что освобожденіе крѣпостныхъ людей

*) Проявленіемъ административной оппозиціи преобразованіямъ служило и сожженіе полнаго собранія сочиненій Радищева, какъ перваго провозвѣстника освобожденія крестьянъ съ надѣломъ.

и прочія преобразованія совершились... только по милости самодержавія "и что они въ свою очередь существенно содѣйствовали придать ему большей силы и крѣпости... На Руси всего болѣе усиливали верховную власть реформы, произведенныя ею въ видахъ предоставленія народу большихъ правъ и въ эти времена самодержавіе было особенно могущественно".

Хорошо помня недавнее прошлое — какъ свое, такъ и дѣятелей, подобныхъ Самарину и Милютину, Кошелевъ со спокойною совѣстью признавалъ благотворную принудительность мѣръ, которыхъ исполнителями они являлись. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ Вольтеръ могъ писать въ наше Вольно-экономическое Общество, что можно пригласить господъ къ освобожденію крестьянъ, но не обязать ихъ это сдѣлать *).

Въ духѣ такой философской умѣренности могъ состояться въ 1803 г. указъ о „вольныхъ хлѣбопашцахъ". Но уже въ ту пору дѣдушка Крыловъ (этотъ чуть ли не ретроградъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нашихъ либераловъ), пользуясь своими правами баснописца, говорящаго обиняками, выразился въ совершенно противномъ смыслѣ:

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,
Гдѣ надо власть употребить.

Какъ мало пользы оказалось на дѣлѣ отъ рекомендованной Вольтеромъ „пригласительной мѣры" (далѣе ея не совѣтовалъ идти и радикальный въ своемъ историческомъ курсѣ Лагарпъ), видно изъ того, что въ теченіе всего царствованія императора Александра I было всего 160 случаевъ освобожденія крестьянъ по соглашенію съ помѣщиками **).

„Мы вовсе не за насиліе вообще и не за навязанныя благодѣянія въ особенности, говорилъ Кошелевъ, но есть случаи, когда самодержавіе должно дѣйствовать рѣшительно и даже насильственно. Такими случаями были: *уничтоженіе въ имперіи крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей и обезпеченіе въ такъ называемомъ Царствѣ Польскомъ земельныхъ надѣловъ уже прежде освобожденныхъ тамошнихъ крестьянъ. Такимъ случаемъ должно быть окончательное упраздненіе извѣстныхъ остзейскихъ привилегій*".

Кошелевъ хорошо помнилъ, чѣмъ думали вознаградить себя наши завзятые поборники крѣпостнаго права за отнятіе его у нихъ самодержавною властью. И вотъ онъ писалъ въ томъ же 1875 г. (и тутъ, можетъ быть, подразумѣвая и Р. А. Фадѣева): „Нѣсколько дворянъ, мечтавшихъ быть перами или лордами, или, пожалуй, боярами, могли, послѣ освобожденія крестьянъ, думать о введеніи у насъ конституціоннаго образа правленія... Нѣтъ, отвѣчалъ онъ на это, конституціи, во 1-хъ, завоевываются, а не даромъ получаются; онѣ должны исходить изъ народа, а не падать съ неба; а во 2-хъ, онѣ требуютъ разнообразія дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ силъ". Этого разнообразія силъ не находилъ онъ у насъ, потому что не находилъ у насъ настоящихъ сословій.

„Мы народъ безсословный, говорилъ онъ; намъ навязали какія то нѣмецкія сословія и теперь стараются ихъ поддерживать... Несчастная мысль объ усиленіи и возвеличеніи дворянства, нынѣ преобладающая въ верхнихъ административныхъ и общественныхъ сферахъ, особенно вредитъ намъ, дворянамъ, ставя насъ въ земствѣ въ какое то обособленное положеніе".

Съ этимъ никакъ не хотѣли согласиться наши такъ называемые консерваторы.

„Указываютъ, говорилъ про нихъ Кошелевъ, на существованіе дворянства, какъ на необходимое условіе благоустроенной и сильной монархіи... Опытъ послѣднихъ 85 лѣтъ, отвѣчалъ онъ, достаточно показалъ всю неосновательность такого утвержденія. Въ самой Англіи, гдѣ существуетъ дворянство по преимуществу, т. е. дворянство сильное не геральдическими претензіями, не барскими затѣями и не пустозвонными словопрженіями, а своими земельными богатствами, и тамъ лорды перестали быть главною опорою королевскаго престола. У насъ дворянство, вдревле не существовавшее, вненное въ нашъ бытъ по образцамъ нѣмецкимъ и французскимъ... *само едва держится, какъ же ему служить чему либо опорою?* Надежнѣйшія опоры русскаго престола суть: общій духъ русскаго народа, его приверженность къ своимъ царямъ, его общее благосостояніе и въ особенности оземленіе крестьянства, какъ самаго многочисленнаго и самаго устойчиваго состоянія въ государствѣ". Между тѣмъ, люди заинтересованные все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе становились между престоломъ и народомъ — прежде всего не давая самому „оземленію крестьянства" достигать своего назначенія.

„Выгода государя и народа, говорилъ Кошелевъ, несомнѣнно заключается въ ихъ единодушіи, въ большей, по возможности, взаимной любви... по бюрократія, чуя въ этомъ свой конецъ, всячески старается противодѣйствовать этому вожделѣнному союзу, поселяя въ первомъ подозрѣнія и опасенія, и лишая послѣдній прежде дарованныхъ ему льготъ и тѣмъ возбуждая вездѣ неудовольствіе и ропотъ".

Въ образѣ дѣйствій нашей бюрократіи Кошелевъ усматривалъ нѣчто вродѣ *узурпаціи*, напоминающей тотъ помѣщичій классъ, котораго представителями она пополнилась.

„Прежніе помѣщики, писалъ онъ, признавали себя особеннымъ какимъ-то поколѣніемъ, относились съ презрѣніемъ къ хамову отродью и позволяли себѣ относительно его все, что душѣ ихъ было угодно. Наши чиновники не далеко ушли отъ этихъ помѣщиковъ; они думаютъ, что съ вицмундиромъ существо ихъ

*) См. статью В. И. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II" въ „Отеч. Запискахъ" 1879 г. т. CCXLVII, отд. 1, стр. 207.

**) См. В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ царствованіе имп. Александра I" въ „Русской Мысли" 1883 г. кн. X, стр. 15.

преобразуется, что они пріобщаются къ самодержавію и что они должны быть совершенно иными, чѣмъ они дотолѣ были".

О способѣ устранить разлучниковъ между престоломъ и народомъ Кошелевъ говорилъ: „Если царскіе совѣтники и исполнители царской воли будутъ взяты изъ среды людей, не случайно попавшихъ на берега Невы и тамъ забывшихъ, что есть иная Россія, кромѣ той, которая разъѣзжаетъ и расхаживаетъ по Невскому проспекту... то всѣ преобразованія пойдутъ успѣшнѣе".

Тутъ заключается указаніе на старое земское начало въ нашей русской исторіи. Кошелевъ, однако же, оговаривается: „Теперь не пригодны намъ соборы прежнихъ вѣковъ, соотвѣтствовавшіе прежнимъ потребностямъ... Намъ нужны не чрезвычайные, кой-когда созываемые соборы, а постоянныя учрежденія, могущія почти всегда за насъ объясняться и правительству помогать". Но Кошелевъ остается вѣрнымъ исторической нашей старинѣ, отстаивая *совѣщательный* характеръ той общей земской думы изъ мѣстныхъ земскихъ выборныхъ, планъ которой ясно слагался у него въ головѣ.

Предполагая возраженія съ такъ называемой консервативной стороны (той, которую Самаринъ называлъ консервативно-революціонной), Кошелевъ говорилъ:

„Можно положительно сказать, что нетолько дума, нами предполагаемая, но и никакой парламентъ такъ не ограничитъ верховной власти, какъ ее стѣсняютъ и подтачиваютъ издаваемые неудобоисполнимые законы и самоуправство огромнаго большинства чиновниковъ". „Едва ли такъ называемый неограниченный самодержецъ продолжаетъ онъ, не болѣе ограниченъ въ своей дѣятельности, чѣмъ большинство его подданныхъ"... „Вовсе не таковъ настоящій самодержецъ. Онъ можетъ быть свободнымъ, всего болѣе и всего лучше знающимъ и всѣхъ мудрѣе повелѣвающимъ человѣкомъ въ своемъ государствѣ... Это достигается... установленіемъ законовъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ народа, и точно добросовѣстнымъ исполненіемъ этихъ законовъ. Первое возможно только при участіи въ этомъ дѣлѣ самого народа, ибо онъ одинъ знаетъ, что ему нужно..."

Никто, со времени Посошкова, не указывалъ такъ ясно на „народосовѣтіе", какъ на надежнѣйшую опору самодержавной власти. „Какимъ могуществомъ будетъ обладать такой (т. е. опирающійся на народъ) самодержецъ, говорилъ Кошелевъ, по отношенію къ другимъ державамъ! Политика русская не можетъ не быть либеральною... Въ этомъ духѣ Россія дѣйствовала въ отношеніи къ народамъ, бывшимъ и еще находящимся подъ игомъ Турціи... Но какъ скоро мы поддавались вліянію Меттерниха... и воображали быть призванными полиціймейстерами Европы, то тотчасъ наше вліяніе сокращалось, мы возстановляли противъ себя народы, а тамошніе кабинеты, всегда къ намъ не расположенные, пользовались первымъ случаемъ для образованія тайныхъ или явныхъ... союзовъ противъ насъ во имя цивилизаціи... Россія можетъ стать во главѣ Европы только подъ условіемъ прямаго и искренняго вступленія ея на путь общенародныхъ интересовъ, что ей, и только ей возможно и удобно, по ея дѣйствительной безсословности и по ея самодержавію, опирающемуся на народъ вообще. И тогда какая будетъ у насъ сила! Не одни славяне, которыхъ насчитывается до 30 милліоновъ, съ любовью и довѣріемъ къ намъ обратятся, но и народныя массы другихъ племенъ отнесутся къ намъ сочувственно".

Для этого, разумѣется, нужно, чтобы у насъ сохранялась та „сильная власть", о которой такъ много говорятъ теперь, но которую вѣрно понимаетъ только тотъ, кто вмѣстѣ съ И. С. Аксаковымъ считаетъ ее „прикладною силой". Жизнь, призваніе, сущность власти въ неустанномъ удовлетвореніи ею нуждъ, стремленій и чаяній роднаго народа и въ лицѣ его—человѣчества, въ неусыпномъ стояніи на стражѣ по завѣту старорусскаго князя: „не вдадите сильнымъ погубити человѣка". По совѣсти можно сказать, что настоящая сила власти у насъ теперь въ охраненіи отъ всякихъ преградъ и подкоповъ ея же собственныхъ преобразованій, той ея „новизны", въ которой слышится „старина". Уже въ самомъ началѣ этихъ преобразованій верховная власть взяла подъ свою охрану тотъ устой народнаго быта, который, вмѣстѣ съ земельнымъ надѣломъ, такъ ревностно охранялся и Кошелевымъ въ его первыхъ изданіяхъ. Оборонителемъ этого устоя является онъ и въ своихъ позднѣйшихъ брошюрахъ. „Наши либеральные люди", пишетъ онъ въ 1875 г., „почти всѣ ученики западной школы. Тамъ идеи не общества, а *общины*, такой, какая существуетъ на Руси, — не существуетъ. Взамѣнъ этой идеи возникла тамъ идея о *коммунѣ*, которая есть не что иное какъ... каррикатура нашей общины... Община у насъ... самородокъ — наслѣдіе отъ временъ минувшихъ; тамъ она создается и притомъ неестественно, неспокойно... вслѣдствіе измышленныхъ теорій, поддерживаемыхъ крайне неудовлетворительнымъ общественнымъ положеніемъ массы и возбудевными страстями. Наша община спокойна, миролюбива, до высшей степени консервативна. Изъ иностранцевъ... только одинъ понялъ ея сущность—то былъ живой, геніальный Кавуръ... Онъ мнѣ сказалъ: *„вы имѣете такое учрежденіе, которое спасетъ васъ отъ многихъ бѣдствій, такъ терзающихъ Европу... для васъ будущность не страшна"*. Кошелеву пріятно было прочесть объ этомъ и въ книгѣ Лаведе объ общинѣ, гдѣ слова геніальнаго итальянца передаются такимъ образомъ: „Владычество въ Европѣ доставитъ Россіи не ея многочисленная армія, а ея общинныя учрежденія". Но Кошелевъ продолжаетъ: „Найдутся, пожалуй, люди, которые скажутъ или подумаютъ: потому то мы и не хотимъ общиннаго землевладѣнія, что видимъ въ немъ элементы, благопріятные для демократіи".

„Но неужели вы еще думаете поддерживать и усиливать на Руси аристократію?“ отвѣчаетъ онъ на это вопросомъ.

„Намъ нечего опасаться демагогіи, ибо на Руси нѣтъ аристократіи, а есть настоящая демократія — настоящій народъ, состоящій изъ всѣхъ жителей страны, преданный своему Государю и олицетворяемый въ земскихъ учрежденіяхъ, которымъ и остается развиваться, расширяться и крѣпнуть“... „Это пишетъ“, считаетъ онъ нужнымъ прибавить, „не юноша, не обобыль, не выходецъ изъ нижнихъ слоевъ общества... даже не книжный теоретикъ, а старецъ на 7-мъ десяткѣ лѣтъ, владѣлецъ значительныхъ помѣстій... дворянинъ древняго рода... притомъ человѣкъ, принимавшій участіе въ государственномъ правленіи“. Но вотъ тутъ-то и пришлось Кошелеву прямо столкнуться съ Р. А. Фадѣевымъ.

„Мы только что прочли, пишетъ онъ, книжку г. *Фадѣева*: „Чѣмъ намъ быть“?.. Изобразивши дворянство хотя и въ настоящемъ, но вовсе не въ лестномъ для него видѣ, г. Ф. предполагаетъ изъ разрозненныхъ, безличныхъ членовъ такого сословія образовать ядро къ объединенію и сплотненію всего сущаго на Руси. Въ это ядро должно войти не преимуществу дворянство, но не все, а только то, которое имѣетъ ежегоднаго дохода не менѣе 1,000 р.; сверхъ того могутъ туда входить изъ нижняго слоя народа лишь отличающіеся особыми заслугами, или наслѣдовавшіе въ продолженіе трехъ поколѣній значительную торговлю или значительныя промышленныя предпріятія. Это ядро, называемое *культурнымъ сословіемъ*, должно быть строго обособлено отъ остальнаго народа, т. е. отъ черни, организовано самостоятельно и облечено большими правами по мѣстному и даже по общему самоуправленію. *Не правда ли*, спрашиваетъ Кошелевъ, *что оригинальная мысль обратить въ ядро народа то, что, по словамъ самого автора, не имѣетъ въ себѣ ни связи, ни единства, ни самостоятельности*“? И тутъ опять въ вопросѣ заключается весь отвѣтъ А. И. Кошелева.

До какой степени раздражали его какія либо проявленія не земскаго, а узко-дворянскаго духа, видно по выпискѣ, приводимой г. Скалономъ изъ письма къ нему Александра Ивановича отъ 18 декабря 1880 г.

„Вчера совершилось дѣло ужасное... Тщательно составленный докладъ... по пересмотру положенія... о народныхъ школахъ возбудилъ сильныя пренія и принято предложеніе объ отсрочкѣ... Нѣтъ, наши собранія, особенно съ выборами — еще вовсе не земскія, а чисто дворянскія“ *).

Подъ самый уже конецъ жизни нашъ неустанный земскій дѣятель съ живѣйшимъ радушіемъ обѣщалъ г. Скалону постоянное свое участіе въ задуманной имъ газетѣ „Земство“. Въ письмѣ къ нему по этому поводу отъ 17 августа 1880 г. обнаруживается прежняя широта народно-человѣчныхъ воззрѣній Кошелева:

„Желалъ бы, чтобы вы помѣщали въ вашемъ изданіи и статьи, съ которыми вы несогласны, оговаривая, что въ слѣдующемъ нумерѣ представите возраженія. Такъ я дѣлалъ при изданіи „Сельскаго Благоустройства“ и велъ полемику со своими сотрудниками. Ничто мнѣ такъ не противно, какъ исключительность нѣкоторыхъ изданій... *Надѣюсь, что и въ своемъ изданіи не будете только либеральны и притомъ на западный ладъ.* Я за свободу, за интересы народа, а не какихъ либо сословій; но народомъ считаю не однихъ крестьянъ, а и себя и васъ... Я противъ всякой исключительности и привилегированности. *Такъ называемыхъ красныхъ и русскихъ соціалистовъ я ставлю на одну доску съ крѣпостниками*“... И Кошелевъ былъ, конечно, правъ въ томъ смыслѣ, что наши красные со своимъ революціоннымъ починомъ вслѣдъ за вольскимъ возстаніемъ, за-одно съ крѣпостниками, тормозили дѣло преобразованій и вызывали у насъ реакцію. Внутренно они, можетъ быть, уже и начинаютъ сознавать это, но сатанинское ихъ самолюбіе не позволяетъ имъ въ этомъ сознаться.

До какой степени откровенно и честно высказывался Кошелевъ, несмотря ни на кого и ни на что, видно изъ его готовности возставать даже противъ людей, издавна ему близкихъ и дорогихъ уже по одному имени, чуть только онъ замѣчалъ въ нихъ какое либо уклоненіе отъ руководящихъ началъ еще болѣе ему дорогихъ покойныхъ единомышленниковъ и сотрудниковъ. Когда поднятое въ 1882 г. дѣло о выкупныхъ платежахъ приняло невѣрное, по его мнѣнію, направленіе, онъ высказался объ этомъ такимъ образомъ:

„При рѣшеніи вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей... исходили изъ ложнаго... и противнаго Положенію 19 февраля измышленія, что выкупаются крестьянами не земли, а лежавшія на нихъ крѣпостныя повинности... Это мнѣніе упорно защищалось въ „Руси“ и въ совѣщаніи свѣдущихъ людей однимъ и тѣмъ же земцемъ“.

Слова эти высказаны были въ той самой брошюрѣ Кошелева, гдѣ онъ, съ другой стороны, принялъ водъ свою защиту нашихъ такъ называемыхъ „либераловъ“.—„Страны, говоритъ онъ тутъ, полны фразы и насмѣшки нѣкоторыхъ такъ называемыхъ консерваторовъ и народниковъ по поводу „правоваго порядка“, выдвинутаго и отстаиваемаго либеральными изданіями. Конечно, „правовой порядокъ“ не есть еще все, и онъ одинъ еще не обезпечитъ благодѣтельнаго страны: но развѣ оно мыслимо безъ правоваго порядка, т. е. безъ исполненія законовъ, безъ обезпеченія гражданамъ личной свободы и пользованія имущественными ихъ правами?... Неужели они дѣйствительно за произволъ, а не за правовой, законный порядокъ“? Слова эти подали поводъ къ недоразумѣніямъ, къ слухамъ о томъ, что Кошелевъ подъ старость лѣтъ окончательно протянулъ руку западникамъ. Недоразумѣніемъ должно быть, повидимому, объясненіе и то, что г. Ковалевскій въ своемъ некрологѣ А. И. Кошелева высказался такимъ

*) Юрид. Вѣст. 1883 г. дек., стр. 655.

образомъ: „иностранцы не ошибались, утверждая, что въ брошюрахъ Кошелева слѣдуетъ видѣть программу большинства либеральной партіи“ *). Пріятно было бы думать, что оно въ самомъ дѣлѣ такъ; тогда бы у насъ, наконецъ, оказалась положительная почва для единенія между враждебными партіями. Но стоитъ только вникнуть въ вышеприведенныя слова Кошелева о „правовомъ порядкѣ“, и невольно убѣдишься, что онъ понималъ это выраженіе въ томъ *буквальномъ смыслѣ*, въ какомъ всегда были готовы признать такой порядокъ и славянофилы. Но многіе западники-либералы понимаютъ это выраженіе *иносказательно*, употребляютъ его вмѣсто другаго, настоящій смыслъ котораго выясненъ былъ еще въ 1846 г. въ словарѣ иностранныхъ словъ Петрашевскаго. Вотъ какъ истолковывается тамъ *конституція*: „этотъ образъ правленія въ западныхъ государствахъ былъ слѣдствіемъ сильнаго развитія сословій... Защитники его доказываютъ, что онъ основанъ на правѣ каждаго члена общества участвовать въ управленіи того цѣлаго, котораго онъ часть, но на практикѣ это начало неосуществимо въ большихъ государствахъ... Вездѣ необходимость заставляетъ ограничить число лицъ, имѣющихъ право выбрать депутата отъ провинціи или отъ сословія. А такъ какъ единственная мѣра, которою вездѣ руководствуются, состоитъ въ количествѣ имущества гражданина, то на практикѣ до сихъ поръ это хваленое правленіе есть не что иное, какъ аристократія богатства... Защитники конституціи забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не въ *собственности*, а въ *личности*, и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую сильную деспотію. 200.000 богатыхъ управляющихъ 33-мя милліонами бѣдныхъ и нищихъ, то же самое, что каста аѳинскихъ или римскихъ гражданъ, которые утопали въ нѣгѣ и роскоши, попирая личность милліоновъ людей, оффиціально называвшихся вещами **). За такого рода порядокъ, хотя бы его и замаскировывали названіемъ *правоваго*, Кошелевъ не стоялъ ни прежде, ни въ послѣдней своей брошюрѣ. Худъ онъ или хорошъ, но Кошелевъ находилъ его прежде всего неосуществимымъ у насъ уже по нашей, какъ онъ всегда утверждалъ, *сесословности*. Между тѣмъ, наши либералы, ради того, что они называютъ „правовымъ порядкомъ“, становятся готовыми защищать *сословность*, прямо даже сочувствовать *дворянскимъ вожделѣніямъ*. Прежніе противники книги Фадѣева „Чѣмъ намъ быть“ обращаются въ настоящее время въ горячихъ защитниковъ его ума и таланта.

Дѣло же вовсе не въ этихъ его неосторожныхъ *умѣ* и *талантѣ*, а въ томъ, что изъ своего рода оппортунизма наши либералы начинаютъ сочувствовать „культурному классу“ Фадѣева, пономиному на основаніи *ценза*, т. е. сочувствовать тому, отъ чего онъ самъ потомъ отступился. Даже „платоническія“, по выраженію одной либеральной газеты, пожеланія дворянству со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“ очевидно предпочитаются сю той, вызванной этими пожеланіями „новой анаѳемѣ“ на интеллигенцію, какою будто бы отвѣтилъ И. С. Аксаковъ (въ очень умѣренной на самомъ дѣлѣ статьѣ) М. Н. Каткову. Самое провозглашеніе петербургскимъ предводителемъ дворянства русскаго государя первымъ изъ русскихъ дворянъ должно придтись по душѣ запоздалымъ цѣнителямъ Фадѣева, такъ какъ вѣдь это только переводъ съ западнаго: „primus inter pares“, а вѣдь западъ на почвѣ своей сословности произвелъ наконецъ то, что они называютъ „правовымъ порядкомъ“, тогда какъ у насъ крестьянинъ Иванъ Посошковъ, указывая Петру Великому, что на Руси государь „не аристократъ, ниже демократъ“, въ то же время признавалъ, что онъ „самый властительный и всецѣлый монархъ“ *). Переводъ гр. Бобринскаго, однако не новъ—стоитъ вспомнить тотъ „дворянскій мундиръ“, въ который совѣтовалъ одѣваться русскому государю не кто другой, какъ Карамзинъ въ своей знаменитой „Запискѣ о древней и новой Россіи“. Ради ея между тѣмъ, по свойственному намъ недомыслію, Карамзина объявили предтечей славянофильства—въ сущности, только на основаніи его нелюбви къ Петру Великому, изъ-за его пролагаемой дороги и развочищаемъ тафели о рангахъ. Но если такъ, то предтечами славянофильства уже были при Екатеринѣ II кн. Щербатовъ и Болтинъ—эти старые яко бы „самобытники“, съ такою же примѣсью боярщины, т. е. только по русски прозваннаго лендлордства. Отпрыскомъ этой же чужеядной вѣтви такъ называемаго славянофильства былъ одно время и Р. А. Фадѣевъ, но, при своемъ большомъ умѣ и при своей честности, онъ наконецъ понялъ, что надѣваніе боярскаго кафтана есть все тотъ же заморскій маскарадъ, и вотъ, въ своихъ „Письмахъ о современномъ положеніи Россіи“, онъ высказался уже такимъ образомъ: „такъ называемая интеллигенція у насъ ничего собою не представляетъ, а потому выраженіемъ народной мысли и воли можетъ служить только земская сила, въ которой развитые люди выражаютъ чувство народной массы и имъ руководятся“ **).

Но для того, чтобы „земская сила“ въ самомъ дѣлѣ могла послужить недостающею намъ „общественною склейкою“, по окончательному мнѣнію Фадѣева, земство „должно быть заложено не узко и не примѣнялись къ удобствамъ бюрократіи“ и такимъ образомъ не „оказываться въ государственномъ отношеніи безплодными“. Вести къ тому могло бы уже и задуманное преобразованіе мѣстнаго управленія—подъ тѣмъ лишь условіемъ,

*) Юридич. Вѣстн., декабрь, стр. 659.

**) См. Матеріалы для біографіи Ѳ. М. Достоевскаго, стр. 86 (въ I т. собранія его сочиненій).

*) Эта выписка изъ Посошкова прислана мнѣ однимъ начитаннымъ крестьяниномъ вскорѣ послѣ появленія въ газетахъ рѣчи петербургскаго предводителя дворянства.

**) Стр. 153, по 4-му изданію (Спб. 1882 г.).

чтобы оно подготовлено было не въ канцеляріи. П. А. П. Кошелевъ въ послѣдней своей брошюрѣ, не отказываясь отъ своего плана общей земской думы, какъ увѣнчанія будущаго земскаго зданія, останавливался *пока* на перестроеніи самаго его фундамента—перестроеніи также не по канцелярскому плану. Вся разница между взглядомъ его и Фадѣева заключалась въ томъ, что Кошелевымъ предполагались для начертанія плана зданія губернскіе комитеты изъ земскихъ выборныхъ, а Фадѣевымъ такіе же комитеты уѣздные. „Наружность и фразы, говорилъ покойный Ростиславъ Андреевичъ, отвлекаютъ насъ отъ живого дѣла, вслѣдствіе чего тьма людей нисколько не заботятся о конституціи въ уѣздѣ, безъ которой намъ нельзя долѣе жить, а мечтаетъ о конституціи въ имперіи, которая была бы только праздникомъ и лицемѣрнымъ зрѣлищемъ". Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ сошелся и съ П. С. Аксаковымъ въ тѣхъ его статьяхъ объ „уѣздѣ", которыми открылась „Русь", такъ огорчившая ими нашихъ либераловъ, собирающихся вѣнчать зданіе *безъ прочнаго и удобнаго для всего населенія фундамента.*

Заканчивая свой некрологъ А. П. Кошелева, редакторъ „Руси" говоритъ: „Крупные общественные дѣятели, сильные убѣжденіемъ, крѣпкіе духомъ, не угасившіе священный гражданскій пламень до края могилы, сходятъ съ поприща. Кто же является имъ на смѣну? Гдѣ же вы, столько бы нужныя теперь, новыя свѣжія силы, предназначенныя смѣнить силы убывающія и оскудѣвающія? Еще не видать и не слыхать отвѣта!"

Но не всегда же оно будетъ такъ! Вѣдь не даромъ же говоритъ поэтъ:

Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Дохнуть пошире, повольнѣй,—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.

Въ заключеніе хоръ пѣвчихъ исполнилъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію.

По закрытіи засѣданія, многіе изъ присутствовавшихъ въ немъ пожелали отправить привѣтствіе высокопреосвященнѣйшему митрополиту Сербскому Михаилу и послали ему въ Рущукъ телеграмму слѣдующаго содержанія: „Славянское Общество, чествуя памятъ св. Кирилла и вспоминая о Вашихъ архипастырскихъ подвигахъ, шлетъ Вамъ, Владыко, свой привѣтъ, моля Господа силъ быть Вашимъ помощникомъ и покровителемъ".

Въ отвѣтъ получена была отъ высокопреосвященнѣйшаго митрополита слѣдующая телеграмма:

„Благодарю за братскій привѣтъ. Прошу Господа благословить Ваши труды, столь полезные Славянамъ.

III.

8 МАЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

По открытіи засѣданія, сообщивъ собранію о кончинѣ почетнаго члена Общества, настоятеля церкви при Императорскомъ Русскомъ Посольствѣ въ Вѣнѣ, о. прот. М. Ѳ. Раевскаго, послѣдовавшей 2 мая, г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія гг. членовъ Общества, что Совѣтъ Общества предполагалъ чествовать ночившаго въ день пятидесятилѣтія его пастырскаго служенія поднесеніемъ отъ имени Общества адреса и альбома съ фотографическими карточками, доставленными для сего гг. членами, и поручилъ г. секретарю прочитать проектъ адреса, который было предположено послать юбиляру.

Вотъ содержаніе этого адреса:

„Глубокоуважаемый отецъ протоіерей Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Нынѣ исполнилось полвѣка вашего пастырскаго служенія на чужбинѣ.

Возсылая благодареніе Господу, что Онъ не тщетными явилъ въ васъ дары священства, мы, члены Славянскаго Благотворительнаго Общества въ С.-Петербургѣ, привѣтствуемъ васъ въ знаменательный день вашей жизни, привѣтствуемъ—какъ достойнаго представителя православной Руси среди иноземцевъ.

Еще въ юныхъ лѣтахъ судьба разобщила васъ съ отечествомъ. Но вы не поддались искушающимъ вліяніямъ западнаго уклада жизни. Вы остались русскимъ человѣкомъ въ душѣ, семьѣ, на службѣ. Среди всѣхъ знавшихъ васъ вы были и гостепріимнымъ хозяиномъ, и совѣтникомъ, и помощникомъ въ нуждахъ; къ вамъ съ любовію обращались всѣ русскіе пріѣзжіе гости. Благолѣпнымъ и представительнымъ служеніемъ вы украшали нашу скромную посольскую церковь и привлекали въ нее всѣхъ православныхъ славянъ.

Когда возникла мысль о московской этнографической выставкѣ, вы чутко отозвались на призывъ. Вы отгадали значеніе, которое эта выставка могла имѣть на развитіе общеславянскаго сознанія, и при осуществленіи выставки въ 1867 г. много содѣйствовали посѣщенію нашей родной Москвы западными братьями. Лучшаго посредника не могло и быть. Близкія и основанныя на глубокомъ къ вамъ уваженіи и довѣріи отношенія, разъ установившись, не прекращаются и до настоящаго времени. Наше Благотворительное Общество не перестаетъ пользоваться вашими трудами при раздачѣ посильной братской помощи разореннымъ церквамъ, монастырямъ, школамъ, голодающимъ и бѣдствующимъ славянамъ. И тѣмъ болѣе цѣнимъ мы ваши труды, что знаемъ, какъ иногда тяжко приходилось вамъ нести это святое служеніе. Въ глазахъ недоброжелателей нашихъ часто самое простое дѣло казалось опаснымъ замысломъ. Но вы все переносили съ христіанскою твердостію и смиреніемъ и теперь, озираясь

на пережитое, можете съ радостнымъ сознаніемъ исполненнаго долга вспомнить о прошломъ.

Да хранитъ же васъ Господь во славу русской земли и на пользу всего православнаго славянства".

По выслушаніи адреса г. предсѣдатель, отъ имени Совѣта, предложилъ собранію въ память о почившемъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ назвать его именемъ одно изъ пособій, выдаваемыхъ молодымъ славянамъ, получающимъ образованіе въ петербургской духовной академіи.

Предложеніе это, встрѣченное гг. членами Общества весьма сочувственно, было принято единогласно.

Затѣмъ А. А. Кирѣевъ сообщилъ собранію о ковчежцѣ другаго члена Общества, Ѳеодора Матѣевича Левшина, всегда сочувствовавшаго задачамъ Славянскаго Общества и принимавшаго самое дѣятельное участіе въ заботахъ Общества объ изысканіи мѣръ къ обезпеченію русскихъ добровольцевъ, раненыхъ во время войны за сербскую независимость.

Послѣ того былъ утвержденъ безъ измѣненій проектъ протокола собранія, состоявшагося 15 января, и приняты въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Послѣ сдѣланнаго, за 14мъ, г. предсѣдателемъ, отъ имени Совѣта, предложенія о выборѣ въ почетные члены Общества Николая Яковлевича Данилевскаго, П. П. Страховъ познакомилъ присутствующихъ съ многосторонней и чрезвычайно важной для Россіи общественною и литературно-ученою дѣятельностью Н. Я. Данилевскаго.

По предложенію г. предсѣдателя и сообщенію П. П. Страхова были покрыты громкими рукоплесканіями и собраніе единогласно постановило—считать Н. Я. Данилевскаго почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ заключеніе г. предсѣдатель доложилъ собранію, что, обсудивъ всесторонне ходатайство правленія Сербо-Лужицкой Матицы въ Будышинѣ о выдачѣ ей въ ссуду на три года 2.000 талеровъ или по нашему курсу 3.000 р., подъ залогъ имущества Матицы, Совѣтъ Общества нашелъ съ своей стороны возможнымъ предложить общему собранію удовлетворить это ходатайство и разрѣшить позаимствовать просимые 3.000 р. изъ запаснаго капитала, съ тѣмъ, чтобы сумма эта была возвращена Обществу въ теченіе трехъ лѣтъ.

И это предложеніе собраніе единогласно постановило—привести въ исполненіе.

IV.

11 МАЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

По открытіи засѣданія г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія собранія о полученныхъ поздравительныхъ телеграммахъ: а) изъ Софіи, отъ предсѣдателя учительскаго общества и б) изъ Варшавы, отъ редакціи „Варшавскаго Дневника". Затѣмъ, по исполненіи хоромъ пѣвчихъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка концерта: „Да воскреснетъ Богъ", О. Ѳ. Миллеръ прочиталъ слѣдующую статью, принадлежащую пожелавшему остаться неизвѣстнымъ кандидату с.-петербургскаго университета, подписавшемуся псевдонимомъ Янко Краля:

Панславистъ Людевитъ Штуръ и его ученіе.

Въ настоящій торжественный день, когда Православная Церковь празднуетъ память святыхъ апостоловъ Славянскихъ, въ памяти нашей воскресаютъ картины историческихъ судебъ славянскаго міра, предъ нашимъ воображеніемъ проходитъ цѣлыми рядъ героевъ и мучениковъ за славянскую идею. Объ одномъ изъ такихъ героевъ и мучениковъ, о словакѣ Людевитѣ Штурѣ и будетъ наша рѣчь. Этотъ человѣкъ посвятилъ свою жизнь на служеніе своему народу, своей родинѣ, которую любилъ страстно. Въ этой-то горячей любви къ отчизнѣ и заключается, по нашему мнѣнію, разгадка панславистскихъ убѣжденій Штура.

Великій словенскій патріотъ и писатель Людевитъ Штуръ родился, по преданію, 28 октября 1815 г. въ Зай-Угрошѣ. Изъ вполнѣ достовѣрнаго письменнаго документа видно, что онъ былъ крещенъ 29 октября того-же года *).

Зай-Угрошъ находится въ Венгріи, въ Словенской области, въ Тренчинскомъ округѣ. Отецъ Людевита былъ начальникомъ Угрошской школы и руководилъ хоромъ мѣстной церкви. Въ этой школѣ учился его знаменитый сынъ, въ ней-же пробылъ три года не менѣе знаменитый Палацкій. Мать Людевита была добродушная, честнѣйшая женщина, благочестивая, тихаго нрава. Домашняя жизнь дышала семейнымъ, чистымъ счастьемъ и несомнѣнно дѣйствовала на сына самымъ лучшимъ образомъ. Въ этомъ домѣ любили народъ и все народное и часто рядомъ съ церковною пѣснью пѣли и народныя. Почти съ колыбели Людевитъ уже безсознательно привыкъ ко всему народному, безсознательно полюбилъ свой народъ. Эти же народныя сѣмена запали и въ душу Палацкаго.

Угрошъ лежитъ въ чудесной горной мѣстности, по которой протекаетъ бурныя потокъ: вокругъ высятся Рокошъ (Rokoš). Княжовъ

*) См. журналъ Slovenské Pohľady за 1881 г., біографію Штура, написанную Гурбаномъ (Ludovít Štúr, píše dr. Jozef Miloslav Hurban) и журналъ „Русская Бесѣда" 1860, I (смѣсь).

Стодъ (Kňažov Stôl) и другіе величавые верхи, о которыхъ народъ сложилъ много сказокъ и преданій. И впослѣдствіи Штуръ не забылъ своихъ родныхъ горъ и воспѣлъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ. Штуръ и въ дѣтствѣ и всю жизнь свою страстно любилъ природу; народъ и природа для него составляли весь смыслъ жизни. среди нихъ онъ отдыхалъ отъ своихъ трудовъ и запасался новыми силами. Подъ такими вліяніями и долженъ былъ сложиться характеръ идеальный, не созданный для практической жизни; этотъ разладъ между характеромъ и дѣятельностью Штура въ эпоху политическихъ бурь выразился въ нерѣшительности и даже нѣкоторой робкости.

Въ условіяхъ дѣтства Штура слѣдуетъ искать также разгадку элегичности и мягкости его характера. Любимымъ его удовольствіемъ были путешествія по горамъ. Во время своего студенчества, когда его товарищи отплясывали на балахъ и веселились на вечеринкахъ, онъ уходилъ въ горы, несмотря ни на какую погоду, даже зимой.

Учился Штуръ превосходно и отличался замѣчательными способностями. Въ августѣ 1827 г. Штуръ былъ отданъ въ Рабскую гимназію, гдѣ прекрасно изучилъ мадьярскій языкъ и обратилъ на себя вниманіе профессора Пеца (Pec); въ гимназіи Штуръ пробылъ два года и много занимался славяновѣдѣніемъ, а потомъ поступилъ въ Пресбургскій (Братиславскій) евангелическій лицей. Въ лицеѣ уже было *студенческое словенское общество*, котораго душою скоро сдѣлался Штуръ. Собранія этого общества мало по малу утрачивали нѣмецкій характеръ, вмѣсто обычнаго „gaudeamus igitur“ пѣли народныя словенскія пѣсни. Во главѣ общества стояли Само Халупка, Шафарикъ, Карлъ Штуръ (старшій братъ Людевита), Главачекъ, Голько и другіе. Особенно выдавался Халупка, высокій, красивый юноша съ блестящими глазами; Людевита привлекали къ нему его поэтическія наклонности; когда Халупка вышелъ изъ лицея, Штуръ говорилъ про него своимъ товарищамъ, какъ про будущаго словенскаго Ипполита или Горація. Штуръ особенно изучалъ въ это время „Slavy Dcera“ Колара („Дочь Славы“), произведеніе панславистскаго характера; хотя, кромѣ начала, не отличающееся поэтическими достоинствами.

Каникулы 1830—31 г. Штуръ провелъ на родинѣ, съ товарищами Кишомъ (Kiš). Мельферберомъ и Іерингомъ (Iehring). Обыкновенно гдѣ нибудь подъ старымъ дубомъ молодежь ложилась на траву и Штуръ читалъ и объяснялъ „Дочь Славы“, или говорилъ о древнихъ событіяхъ славянской исторіи.

Въ 1833 г. Карлъ, братъ Штура, уѣхалъ въ Берлинскій университетъ; расходы на воспитаніе дѣтей заставили родителей Людевита взять его домой; ему нашли мѣсто управляющаго имѣніемъ, но онъ не долго выжилъ на немъ и объявилъ родителямъ, что хочетъ докончить образованіе и что средства къ жизни будетъ добывать себѣ самъ. Они должны были уступить и Штуръ поступилъ въ Братиславскій лицеи.

Когда Штуръ пріѣхалъ въ Братиславль (Пресбургъ), общество тамъ было самое смѣшанное: словаки, мадьяры и нѣмцы. Лицей привлекалъ въ особенности много словаковъ. Исторія его представляетъ имена славныхъ словаковъ—Бела, Мошовскаго, Данковскаго, Тренчанскаго, Палковича и другихъ дѣятелей словенской литературы. Лицей игралъ огромную роль въ словенскомъ просвѣщеніи, а студенческое словенское общество послужило и для политическихъ цѣлей. Во главѣ этого общества скоро сталъ Штуръ. Это былъ стройный, высокій молодой человѣкъ съ темными, огненными глазами. Дѣйствіе его на студентовъ было необычайное: ихъ увлекала сила его краснорѣчія и искренности. Профессора относились къ нему съ уваженіемъ. Среди нихъ выдавался профессоръ философіи Грегушъ, который хотя держался стороны мадьяръ, но къ лучшимъ ученикамъ благоволилъ, не разбирая ихъ національности. Его курсы естественнаго права, логики, метафизики и философіи исторіи особенно усердно посѣщались словенскими студентами. Грегушъ называлъ ихъ своими лучшими студентами. („Moji najlepší študenti sú Slováci“). Особенно же Грегушъ любилъ Людевита Штура.

Физику и математику преподавалъ Гаврілъ Ковачъ-Мартини; онъ очень благоволилъ къ Словакамъ и сочувствовалъ ихъ народному движенію; на мѣстномъ конвентѣ, гдѣ его очень уважали, онъ всегда подавалъ голосъ въ пользу Словаковъ.

Теологію преподавалъ Матвѣй Шеврлай (Ševrlay), родомъ словакъ изъ Турчанской столицы. Часто въ своихъ лекціяхъ онъ говорилъ о славянскомъ будущемъ; на словенскихъ студентовъ онъ имѣлъ большое и благодѣтельное вліяніе; чтобы облегчить словакамъ борьбу съ мадьяризаціей, онъ издалъ мадьярскую грамматику, говоря, вполнѣ основательно, что выучиться по мадьярски еще не значитъ омадьяриться („Vedet' mad'arsky, nezmamená pomad'arčit'sa“). Со Штуромъ и его товарищами онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; онъ же былъ предсѣдателемъ словенскаго общества и не разъ говорилъ въ немъ о цѣляхъ и высшихъ задачахъ словенской молодежи.

Старѣйшимъ изъ профессоровъ былъ (нѣмецъ родомъ) Янъ Гршъ, ученый историкъ. Мадьяры смѣялись надъ его старостью, но словаки относились къ нему съ величайшимъ уваженіемъ; онъ читалъ лекціи свои по латыни. Людевитъ нерѣдко во время его болѣзни заступалъ его мѣсто. Нѣмецкую литературу читалъ Шроеръ; онъ высоко цѣнилъ словенскую, и въ особенности чешскую литературу, которую зналъ превосходно. Штуръ бывалъ у него частымъ гостемъ и, благодаря ему, познакомился съ лучшими нѣмецкими кружками.

Въ лицеѣ было три студенческихъ общества: мадьярское, состоявшее подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ Грегуша, нѣмецкое, руководимое Шроеромъ, и словенское подъ предсѣдательствомъ Шеврлая; помощни-

комъ послѣдняго и душой всего общества былъ Людевитъ Штуръ.

Штуръ далъ обществу прочное устройство. Онъ умѣлъ соединять студентовъ для служенія народному дѣлу. Среди нихъ онъ выбиралъ себѣ въ помощники наиболѣе способныхъ, какъ-то: Червенака, Михаловича, Блашковича и другихъ. Изъ нихъ особенно выдавался ученостью и твердостью характера Червенакъ. Штуръ, но отъѣздѣ въ Галльскій университетъ, именно на него возложилъ руководительство обществомъ. Къ концу учебнаго года, предъ каникулами, Штуръ собралъ товарищей и каждому поручилъ во время каникулъ разыскивать въ странѣ молодые таланты и посылать ихъ въ Братиславъ, собирать народныя пѣсни, сказки, записывать обычаи и т. под. Какъ справлялся Штуръ со всѣми этими дѣлами, это трудно понять; дѣятельность его была изумительно разнообразна: работая безъ устали надъ своимъ собственнымъ образованіемъ, онъ въ обществѣ читалъ и объяснялъ всевозможныхъ славянскихъ поэтовъ, и русскихъ, и польскихъ, и чешскихъ, и словенскихъ, помогая студентамъ совѣтами, велъ большую переписку съ друзьями, и много другихъ дѣлъ лежало на немъ.

Собранія студенческаго общества бывали по средамъ и по субботамъ; на нихъ читали произведенія классическихъ славянскихъ поэтовъ и членовъ общества; послѣ чтенія обсуждали, критиковали, причемъ пренія записывались. Кромѣ того въ обществѣ разрабатывали грамматику чешско-словенскаго языка, изучали славянскую литературу и исторію. Червенакъ излагалъ начала хорватосербскаго языка и исторію южныхъ славянъ, Верховскій (Vrchovský) поучалъ студентовъ новымъ языкамъ европейскимъ—англійскому, французскому и итальянскому. Самъ Штуръ и Червенакъ учились у него этимъ языкамъ. Верховскій часто спорилъ со Штуромъ изъ-за Байрона, котораго Штуръ не любилъ за его нѣсколько языческій романтизмъ. Въ иные дни Штуръ держалъ рѣчь о чистотѣ чехо-словенскаго языка и нападалъ на множество германизмовъ, вошедшихъ въ чешскій языкъ; онъ любилъ также говорить о внутреннемъ единствѣ славянскихъ языковъ. Онъ внушалъ студентамъ любовь ко всякому славянину, будь онъ русскій, полякъ, или сербъ, все равно, и онъ научилъ ихъ любить все славянство.

Штуръ водилъ знакомство съ хорватами, являвшимися въ Пресбургъ на сеймъ; такъ онъ познакомился съ Бужаномъ, съ Дражковичемъ, съ барономъ Кульмеромъ и другими. Въ лицеѣ было много студентовъ изъ сербовъ, съ которыми Штуръ также былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Сербскій патріархъ Раячичъ особенно покровительствовалъ сербскому и словенскому студенчеству. Ему Штуръ посвятилъ свою „Nauka reči slovenskej". Это сближеніе Штура съ хорватами и сербами имѣло большое значеніе для народнаго дѣла. Въ собраніяхъ общества, въ присутствіи хорватовъ и сербовъ, Штуръ много и часто говорилъ о славянской взаимности.

Въ отношеніи къ профессорамъ Штуръ превосходилъ всѣхъ студентовъ; превосходный латинистъ, знавшій хорошо и греческій языкъ, онъ часто замѣнялъ профессоровъ въ младшихъ курсахъ лицея и въ высшихъ. Его особенно любили профессора за идеальныя воззрѣнія, за его искреннее, теплое отношеніе къ наукѣ, за его неутомимую, горячую дѣятельность. Его слушались даже буйные мадьярскіе студенты, которые иного профессора даже и въ грошъ не ставили. Особенно дѣйствовало на всѣхъ его пламенное краснорѣчіе. Штуръ обладалъ прекраснымъ звучнымъ голосомъ и необыкновеннымъ даромъ слова; каждая его рѣчь (когда онъ преподавалъ за профессоровъ) сопровождалась такими „vivaty", „ëljenami" и „ažžije", что изъ сосѣднихъ аудиторій профессора посылали просить студентовъ успокоиться. Штуръ работалъ съ утра до ночи, такъ что ему буквально некогда было даже завязать галстухъ и очинить перо—все это дѣлали за него друзья. До поздней ночи иногда писалъ онъ письма или работалъ, и чтобы не заснуть, пилъ крѣпкій черный кофе. Въ клубы и на балы онъ никогда не ходилъ, единственнымъ удовольствіемъ его были путешествія по горамъ. На веселыхъ вечеринкахъ его нельзя было увидать, а въ собраніяхъ общества онъ иногда нѣлъ свою любимую грустную пѣсню „Nitra milá, Nitra", а потомъ обыкновенно блестящимъ образомъ импровизировалъ рѣчь о славянствѣ.

Среди ближайшихъ друзей Штуръ часто говорилъ о политическихъ дѣлахъ и внимательно изучалъ политику. Между прочимъ онъ былъ домашнимъ учителемъ у книгопродавца Швайгера и у доктора Фидлера. Чрезъ перваго онъ доставалъ французскія, нѣмецкія и польскія книги. Не разъ онъ говорилъ о польскомъ возстаніи; среди молодежи лицея рѣдко кто не сочувствовалъ полякамъ; самъ Халупка собирался идти помогать полякамъ. Но Штуръ критически отнесся къ возстанію, причемъ пришелъ къ выводу, что поляки и русскіе могутъ примириться въ единствѣ славянскаго духа, если же будутъ враждовать, то общій ихъ врагъ сотретъ оба народа съ лица земли. Возможность примиренія онъ выводилъ изъ сопоставленія сочиненій Пушкина, Хомякова, Мицкевича, Колара. Какъ и во всѣхъ политическихъ щекотливыхъ вопросахъ всего важнѣе объективное, безпристрастное изслѣдованіе, такъ и въ польско-русскомъ распрѣ Штуръ умѣлъ сохранить эту объективность воззрѣнія; поэтому и въ той и въ другой враждовавшей сторонѣ онъ усмотрѣлъ истинно геройскіе подвиги. „Что же, говаривалъ онъ, могутъ совершить эти польскіе и русскіе, когда они братски соединятся вмѣстѣ: Тогда они непобѣдимы".

Эти мнѣнія онъ чаще всего высказывалъ во время прогулокъ по горамъ, за скромнымъ завтракомъ, состоявшимъ изъ хлѣба и молока, въ кругу ближайшихъ друзей. О чемъ только тутъ ни говорили! И о Маркѣ Кралевичѣ, и о народныхъ пѣсняхъ, и о малорусскихъ думахъ, и объ исторіи Великой Мо-

равіи, и о многомъ другомъ, касающемся славянства.

Мѣстами для прогулокъ (výletov) избирались обыкновенно „Козій верхъ", „Задунайскіе луга", „Batzenhäusle". Тутъ, въ тѣни горъ или на зеленой травѣ, усаживались студенты вокругъ Штура и онъ говорилъ имъ объ ихъ обязанностяхъ къ народу, къ самимъ себѣ, онъ повѣрялъ имъ свои думы, говорилъ о жалкомъ положеніи словенскаго народа. Всѣ тихо слушали молодаго пророка, и когда онъ кончалъ свою одушевленную рѣчь, восторженно привѣтствовали его. Пѣли пѣсни, читали Колара, Мицкевича и другихъ славянскихъ поэтовъ. Новыя мысли зарождались въ молодыхъ головахъ и потомъ слагались въ прочныя убѣжденія. Тутъ именно возникла мысль объ изданіи книгъ и произведеній членовъ общества, что и было выполнено. Изданы были „Plody učencou řeči a literatury československé na ústavě břetislavském", „Truchlozpěv", изданный въ память умершаго словенскаго патріота Стефана Дуги (Štefana Dugu), хотѣли издать „City vděčnosti", но это не удалось.

Однажды Штура не было въ Пресбургѣ; безъ него все пошло врозь; студенты словаки сблизились со студентами мадьярами, вмѣстѣ гуляли по кофейнямъ и вечеринкамъ и, наконецъ, учинили бунтъ противъ профессоровъ, во время котораго одинъ изъ профессоровъ отъ страха залѣзъ подъ столъ и сидѣлъ тамъ пока не кончилась смута. Виновниковъ, конечно, подержали нѣкоторое время въ карцерѣ, но Штуру, по его пріѣздѣ, стоило немалаго труда привести все опять въ прежній порядокъ.

Въ 1839 году Штуръ пріѣхалъ въ Галле и поступилъ студентомъ въ тамошній университетъ. Пресбургское общество онъ оставилъ подъ руководствомъ Червенака. Въ Галле онъ пробылъ два года и занимался историко-политическими науками и филологіей индо-европейскихъ языковъ подъ руководствомъ знаменитаго профессора Франца Потта. По окончаніи курса ему предлагали каѳедру философіи въ Кесмаркскомъ евангелическомъ лицеѣ, но онъ отказался отъ этого лестнаго и выгоднаго предложенія и вернулся въ Пресбургъ, гдѣ сталъ исправлять должность профессора Палковича (онъ былъ собственно помощникомъ послѣдняго). Среди словенскихъ патріотовъ возникла мысль дать Штуру особую каѳедру и съ этой цѣлью собранъ былъ значительный капиталъ; на дистриктуальномъ конвентѣ депутатъ Липтовскаго сеніората Годжа выразилъ желаніе, чтобы экстраординарная каѳедра славянскаго языка въ Пресбургскомъ лицеѣ была сдѣлана ординарною и принята была подъ покровительство конвента; но это предложеніе встрѣтило возраженія и было передано на обсужденіе Пресбургскаго конвента, который въ засѣданіи 18 апрѣля 1841 г. отказалъ въ исполненіи предложенія Годжи. Студенческое Пресбургское общество въ это время процвѣтало, не смотря на противодѣйствіе мадьярскихъ газетъ и евангелическихъ конвентовъ, во главѣ которыхъ стояли самые ярые мадьяроны. Въ концѣ іюня 1843 г. назначено было новое слѣдствіе; представителемъ слѣдственной комиссіи былъ баронъ Гавріилъ Пропай, честный и доброжелательный человѣкъ, но зато члены комиссіи набраны были изъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ словаковъ. Слѣдствіе продолжалось пять дней и, по окончаніи его, общество признано было невиннымъ.

Пресбургское церковное собраніе въ февралѣ 1844 г. рѣшило удалить Штура отъ исправленія профессорской должности, благодаря проискамъ его враговъ, бывшихъ членами попечительства о школахъ. Но Штуръ, получивъ отставку, не оставилъ Пресбурга и продолжалъ слѣдить за дѣятельностью словенскаго и сербскаго юношества; послѣднее, по его настояніямъ, завело славянскую библіотеку и читальню и устроило общество для усовершенствованія сербскаго языка; на вечерахъ этого общества онъ часто бывалъ, говорилъ рѣчи, читалъ славянскихъ поэтовъ. Въ это время Штуромъ изданы два сочиненія въ защиту правъ словаковъ: „Жалобы и сѣтованія словаковъ на притязанія мадьяръ" *) и „Девятнадцатое столѣтіе и мадьярство" **). Первое сочиненіе появилось безъ имени Штура, второе съ его именемъ. Молодая національная словенская партія со Штуромъ во главѣ рѣшила оставить чешскій языкъ, непригодный для борьбы съ мадьярами, и обратиться къ своему родному словенскому. Въ 1844 году уже является на словенскомъ языкѣ сборникъ „Питра", изданный Гурбаномъ (именно 2-й томъ, первый же былъ изданъ въ 1842 по чешски). Въ томъ же 1844 году устроилось литературное общество „Татранъ", подъ предсѣдательствомъ Годжи. Черезъ годъ собрались „выборные" общества (Штуръ, Гурбанъ, Цохъ), въ присутствіи 30 членовъ; рѣшили просить императора принять общество подъ свое покровительство. Въ 1846 г. общество насчитывало 60 членовъ и рѣшило вопросъ о словенскомъ языкѣ; Годжа написалъ его грамматику въ 1847 г. Въ томъ же году третья депутація въ Вѣнѣ добилась, наконецъ, императорскаго письма къ венгерскимъ властямъ объ утвержденіи общества. Но въ Пештѣ депутація общества съ этимъ письмомъ принята была палатиномъ сурово, и обществу отказано было въ утвержденіи. Общество продолжало существовать, но въ революцію прекратило свою дѣятельность (издательскую и вспомогательную). Кромѣ общества Штуръ замыслилъ изданіе словенской газеты и, послѣ долгихъ мытарствъ, получилъ, наконецъ, дозволеніе на ея изданіе. 1 августа 1845 г. вышелъ первый номеръ газеты „Словенскія Народныя Новины", а вслѣдъ затѣмъ беллетристическое приложеніе къ ней „Орелъ Татранскій". Редакторомъ былъ Штуръ. Въ 1846 г. на словенскомъ же языкѣ стало выходить учено-литературное изданіе Гурбана

*) „Klagen und Beschwerden der Slovaken". 1844. Leipzig.

**) „Das XIX Jahrhundert und der Madiarismus". 1845. Leipzig.

„Slovenskje Pohlady“ (съ 1846 по 1851 г. вышло пять выпусковъ). Противъ Штура и его предпріятій на словенскомъ языкѣ поднялись чехи, въ особенности Чешская Матица съ Палацкимъ во главѣ, даже Коларъ и Палковичъ неодобрительно относились къ реформаторской дѣятельности Штура и его молодой партіи. Въ спорѣ объ партіи, и чешская и Штурова доходили до крайностей.

Но газета Штура сдѣлала эпоху въ жизни Словаковъ: она была истиннымъ руководителемъ народа въ политическихъ дѣлахъ. Штуръ имѣлъ огромное вліяніе и значеніе, такъ что въ 1847 г. городъ Зволенъ выбралъ его своимъ депутатомъ на сеймъ.

Въ качествѣ депутата отъ города Зволена (Altsohl), Штуръ явился на сеймъ 1847—8 г. На засѣданіяхъ онъ силою своего краснорѣчія заставлялъ себя слушать даже мадьяръ, ненавидѣвшихъ его. Тутъ же Штуръ ближе познакомился съ сербскимъ патріархомъ Раячичемъ, который, уѣзжая, снабдилъ его денежными средствами на поддержаніе народнаго дѣла.

Въ мартѣ 1848 года пребываніе въ Пресбургѣ стало опаснымъ, и Штуръ, по настоянію друзей, уѣхалъ въ Вѣну и, затѣмъ, принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ, вызванныхъ мадьярскимъ возстаніемъ. Не разъ его жизни грозила опасность и голова его была оцѣнена мадьярами. Послѣ смуты 1848—49 годовъ, онъ удалился въ Модру, гдѣ занялся воспитаніемъ сиротъ своего брата. Покончивъ съ общественною дѣятельностію, онъ занялся славянской поэзіей и плодомъ этихъ занятій были двѣ книги: „O národnich písních a pověstech plemen Slovanských“. Это сочиненіе издано въ 1853 году Чешскою Матицею. Вторая книга тоже вышла въ 1853 г. подъ заглавіемъ „Spevy a piesne“. Обѣ книги занимаютъ почетное мѣсто въ чешско-словенской литературѣ. Онъ оставилъ много недоконченныхъ работъ по славяновѣдѣнію. 22 декабря 1855 г., на охотѣ, онъ нечаянно ранилъ себя и отъ этой раны умеръ 12 января 1856 года.

До сихъ поръ понятіе о панславизмѣ не вполнѣ выяснено. На западѣ подъ нимъ обыкновенно разумѣютъ объединеніе и усиленіе славянскихъ народовъ подъ властью Россіи. Это воззрѣніе не подтверждается историческими данными: не говоря уже о 1849 годѣ, и въ послѣднюю войну Россія, освободивъ Болгарію, вовсе не думала создавать единаго славянскаго союза подъ своимъ верховенствомъ. И это очень понятно: устройство такого союза, хотя и возможно, но не въ близкомъ будущемъ; великіе перевороты долго подготовляются. Уже въ тридцатыхъ годахъ въ западной Европѣ обратили вниманіе на національное движеніе въ славянскихъ земляхъ, надо было какъ нибудь объяснить это движеніе—и придумали объясненіе такого рода: славяне стремятся къ такому же объединенію, какъ Германія и Италія, и это стремленіе для Европы опасно. Боязнь панславизма продолжается и донынѣ. Прежде, когда Россію мало знали, и считали ее „полуазіатскимъ“ государствомъ, эта боязнь имѣла свое основаніе, теперь, когда Россія считается уже „европейскимъ“ государствомъ, боязнь панславизма, кажется, еще болѣе усилилась. Но подъ панславизмомъ прежде всего сдѣдуетъ разумѣть *совокупность теоретическихъ ученій о славянскомъ объединеніи*. Панславизмъ, взятый въ такомъ смыслѣ, долженъ занять важное мѣсто въ исторіи политическихъ ученій. Всѣ эти ученія, очень разнообразныя по своимъ конечнымъ цѣлямъ, выросли на исторической почвѣ, причемъ возникновеніе ихъ относится къ эпохѣ возрожденія славянскихъ народностей. Съ конца прошлаго вѣка пробуждается у славянъ народное самосознаніе; то-же явленіе происходитъ и у германскихъ и романскихъ народовъ. Цѣлый рядъ національныхъ движеній въ XIX вѣкѣ далъ поводъ къ созданію въ наукѣ особой теоріи національностей, особенно развитой въ современной итальянской литературѣ. Сущность этой теоріи заключается въ новомъ ученіи *о государствѣ, какъ о національномъ организмѣ, въ противоположность существующимъ государствамъ*, создавшимся исторически, случайными приращеніями и завоеваніями. Современное государство, по словамъ *Лоранa* *), представляетъ „случайное соединеніе отдѣльныхъ лицъ, скорѣе собранныхъ, чѣмъ соединенныхъ по собственному желанію подъ одною верховною властью, надъ ними господствующей“. Самый рѣзкій типъ такого государства представляетъ Австрія. На мѣсто этихъ, насильственно образовавшихся государствъ, человѣчество, по словамъ Лорана, стремится создать новыя, основанныя на естественномъ національномъ началѣ.

Логически проведенное начало національности требуетъ разрушенія историческихъ государствъ. Такое историческое государство, какъ напр. Австрія, распадается тогда по народностямъ, но тутъ-то и обнаруживается не состоятельность теоріи національностей—она ведетъ къ крайнему дробленію ихъ; является множество народовъ и народцевъ, и всѣ они требуютъ для себя независимости, отказать въ которой имъ нельзя, если руководиться теоріею національностей. Но панславизмъ явленіе другого порядка, служащее противовѣсомъ національному объединенію. Онъ невозможенъ, пока господствуютъ чисто національныя воззрѣнія, такъ какъ онъ требуетъ, чтобы отдѣльные народы и народцы стали частью одного сключеннаго національнаго цѣлаго. Наше время представляетъ господство національной обособленности у славянъ, тогда какъ германскіе и итальянскіе народы уже прошли этотъ предварительный періодъ и объединились въ большія, крупныя единицы, проникнутыя единствомъ, несмотря на различіе составныхъ частей. Поэтому, до осуществленія панславизма на дѣлѣ очень далеко; славянскимъ народамъ

*) *Laurent.* Histoire de droit des gens, t. XVIII, p. 523 et suiv. *Его-же:* Le droit civil international. Bruxelles, p. 621 et suiv.

предстоитъ еще много работать и, можетъ быть, бороться и страдать, прежде чѣмъ отъ частнаго самосознанія они перейдутъ къ общему.

Панславистическія ученія разнообразны; по національностямъ ихъ можно свести къ нѣсколькимъ группамъ. Во первыхъ, польскія теоріи: 1) Тоцинскаго и Мицкевича. 2) Духинскаго; сущность этихъ теорій заключается въ слѣдующемъ: Польшѣ принадлежитъ въ исторіи великая роль—бороться съ Россіею, въ защиту христіанскаго духа, котораго Россія будто бы не понимаетъ и потому даже не заслуживаетъ названія христіанской державы. Жители средней Россіи не славяне, а азіаты, говорящіе по славянски; настоящими же славянами могутъ быть названы только поляки съ ихъ вѣтвью—Русью, къ которой принадлежатъ и Новгородцы. Борьба съ Москвой—святое дѣло, такъ какъ само христіанство и народность преднисываютъ его. Природный союзникъ Польши въ этомъ дѣлѣ—Турція, а не Франція съ Англіей. Силы Турціи надо противопоставить съ одной стороны противъ нѣмцевъ, съ другой—противъ москалей. Кромѣ турокъ, Польша должна заключить союзъ съ мадьярами. Тогда Польша станетъ во главѣ всего славянства, которое приведетъ въ нѣдра единой римско-католической церкви. Такимъ образомъ въ единомъ національномъ цѣломъ будетъ единая душа.

Кромѣ польскихъ теорій не менѣе любопытны теоріи австрійскаго панславизма. Одна изъ нихъ высказана галицко-русскимъ журналомъ „Мета“. По этой теоріи Австрія необходима для славянъ; она должна проникнуться славянскимъ духомъ и вмѣсто централистической нѣмецкой системы принять славянскія федеративно-автономныя начала. Австріи тогда образуетъ изъ себя сильный центръ славянской жизни, къ которому долженъ присоединиться весь малорусскій народъ и объявить борьбу московскому правительству. Послѣднее будетъ оттѣснено на востокъ Азіи, гдѣ его настоящее мѣсто. Въ новѣйшей Австріи славянской должна быть единая римско-католическая вѣра, или, по крайней мѣрѣ, унія, а никакъ не православіе.

То-же проповѣдывала хорватская теорія Гая (такъ называемая иллирская), которою австрійское правительство пользовалось для усиленія своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Эта теорія требуетъ единаго сербохорватскаго языка для хорватовъ, сербовъ, словинцевъ и болгаръ; она проповѣдуетъ о великомъ призваніи Габсбурговъ на славянскомъ югѣ: Габсбурги должны присоединить къ своимъ владѣніямъ Боснію и Герцеговину (что уже и сдѣлано) и всѣ юго-славянскія земли Турціи; княжество (а теперь королевство) Сербское, также какъ и Болгарія, войдутъ въ составъ Австро-славянской монархіи.

Чешская теорія Палацкаго, Гавличка и Ригера также придерживается съ нѣкоторыми уклоненіями австрійскаго панславизма; однако нельзя сказать, чтобы проповѣдники этой послѣдней теоріи враждебно относились къ Россіи, но крайней мѣрѣ Гавличекъ любилъ поучать нѣмцевъ Россіей. Въ органѣ Палацкаго „Народъ“ за 1864 г. (№ 262) было сказано слѣдующее: „Если нѣмцамъ въ Австріи позволительно толковать объ обще-нѣмецкомъ парламентѣ во Франкфуртѣ, то никто намъ не запретитъ повести рѣчь о русскомъ *парламентѣ* всѣхъ славянскихъ народностей“.

Ученіе Штура болѣе послѣдовательное и опредѣленнѣе, чѣмъ всѣ эти ученія. До такой силы, ясности, убѣдительности и высоты не поднялся еще ни одинъ проповѣдникъ всеславянщины. Не ограничиваясь политическою борьбою, Штуръ написалъ рядъ сочиненій, изъ которыхъ въ послѣднемъ (посмертномъ) изложилъ свои взгляды на славянское объединеніе. Сочиненіе это называется: „Славянство и міръ будущаго. Посланіе славянамъ съ береговъ-Дуная“ *).

Штуръ надѣялся на тѣсное сближеніе славянскихъ племенъ съ Россіей. Онъ признавалъ, кромѣ того, общеславянское значеніе русскаго языка. Эти убѣжденія подсказаны ему были великимъ чувствомъ любви къ Россіи. Судьба не дала увидѣть ему ни великой эпохи нашего внутренняго возрожденія 60-хъ годовъ, ни послѣднихъ смутныхъ лѣтъ. Со времени его смерти прошли годы, промчалась буря событій, перевернувшихъ, повидимому, Россію вверхъ дномъ; но подобно неизмѣримымъ глубинамъ океана, не боящагося никакихъ бурь, грознаго и могучаго, обновленная Россія стоитъ твердо и непоколебимо, и еще болѣе прежняго въ нее вѣритъ славян-

*) Исторія его изданія такова: По смерти Штура оно осталось въ рукописи (на нѣмецкомъ языкѣ) (Stur, L. Das Slaventhum und die Welt der Zukunft. Eine Botschaft an alle Slavischen Völker von der Donau). Въ 1862 г. профессоръ В. И. Ламанскій путешествовалъ по Венгріи и тамъ друзья покойнаго Штура подарили ему названную рукопись. Потомъ нашелся еще одинъ списокъ, собственноручно исправленный авторомъ, въ рукахъ одного изъ русскихъ друзей Штура. Оказалось, что еще въ концѣ 50-хъ годовъ предполагалось напечатать сочиненіе Штура въ Россіи, но, вѣроятно, по цензурнымъ условіямъ того времени, эта мысль не осуществилась. В. И. Ламанскій въ 1863 г. передалъ этотъ второй списокъ одному редактору, но и въ этотъ разъ рукопись пролежала два года въ редакціи даже не разсмотрѣнной. Наконецъ въ 1867 г. сочиненіе Штура издано было Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденномъ при московскомъ университетѣ, въ русскомъ переводѣ, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Ламанскаго; напечатано оно было въ московской университетской типографіи и въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость. Это очень жаль: такая книга, изданная при томъ такъ научно, должна быть настольною книгою каждаго славянина (западные славяно вовсе даже не знакомы съ нею). Что касается до рукописнаго нѣмецкаго подлинника, то онъ хранится у В. И. Ламанскаго и есть надежда, что въ скоромъ времени онъ будетъ изданъ вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ.

скій міръ. Но, если обратиться къ современному образованному русскому обществу, то мы, къ сожалѣнію, увидимъ глубокое равнодушіе къ судьбамъ славянъ. Послѣ могучаго одушевленія, охватившаго весь русскій народъ въ 1876 году и приведшаго къ войнѣ 1877 года, столь славной подвигами и столь относительно бѣдной послѣдствіями, настало время разочарованія и утомленія. На панславизмъ преобладаетъ теперь въ Россіи отрицательный взглядъ. Панславизмъ слишкомъ дерзкая, слишкомъ идеальная для нашего времени мечта, чтобы не считаться очень вредной утопіей. Все, что прошлое царствованіе дало живаго, народнаго, великаго, подвергается теперь жестокимъ нападкамъ, самой несправедливой критикѣ. Очень распространено у насъ мнѣніе, что панславизмъ ученіе вредное и потому-то вредитъ нашимъ „добрымъ отношеніямъ“ къ Европѣ. Тамъ говорятъ, что это ученіе грозитъ гибелью нѣмецкой (считаемой почему-то за всемірную) цивилизаціи, у насъ сейчасъ же рабски повторяютъ тоже самое. Не достаетъ только, чтобы упразднить все русское и славянское! Отношеніе западной Европы къ Россіи понятно, если обратить вниманіе на тѣ начала, которыя внесены въ русскую жизнь реформами прошлаго царствованія и которыя на Западѣ считаются противоположными западно-европейскимъ. Довольно привести въ примѣръ реформу 19 февраля, освободившую народъ *съ землею*, довольно указать на узаконенную „Положеніемъ о крестьянахъ“ сельскую общину, это исконное учрежденіе русскаго народа, наиболѣе соотвѣтствующее потребностямъ его славянскаго духа, чтобы понять, что для Запада составляетъ глубокую разницу между Россіей и западной Европой. Тамъ боятся не панславизма, а именно этихъ началъ, которыя способны будто бы перевернуть вверхъ дномъ весь современный европейскій строй, насквозь проникнутый индивидуализмомъ. Вотъ почему пугаетъ западную Европу союзъ Россіи съ другими славянскими народами, вотъ почему слово „панславизмъ“ тамъ не менѣе страшно, чѣмъ призракъ „красной республики“. Но столкновеніе неизбѣжно. Никакая дипломатія, никакая политика не могутъ предупредить его: народы, какъ и отдѣльныя лица, имѣютъ свою роковую судьбу.

„Пора, братья, сговориться намъ. Настоящее своимъ строгимъ, важнымъ голосомъ призываетъ насъ къ дѣлу, а для этого *всего нужнѣе предварительное соглашеніе*“. Такъ начинаетъ Штуръ свое посланіе.

„Искренна и откровенна, строга и мужественна будетъ эта рѣчь, исходя изъ груди человѣка, котораго вниманіе съ ранней юности живо занято судьбами нашего племени, взоръ котораго печально созерцалъ наше многострадальное прошедшее и сіялъ радостно предъ картиною нашей великой, чудной будущности, который *самъ трудился и страдалъ для нашего племени* и никогда не поддавался внѣшнимъ противнымъ вліяніямъ“.

„Никакая сила, говоритъ Штуръ, никакія правительства уже болѣе не въ состояніи потоптать наши народности, носящія въ себѣ идеи будущаго“. Эти гордыя слова Штура уже оправдались блистательно. Славянскіе народы съумѣли отстоять свою независимость на всѣхъ поприщахъ. Но политическое раздробленіе славянства зашло такъ далеко, что на первый взглядъ мысль о *соединеніи* этихъ обломковъ въ одно стройное, живое цѣлое, дѣйствительно, кажется утопіей. Въ настоящее время, кромѣ Россіи, Черногоріи, части Сербіи и части Болгаріи все остальное славянство политически зависимо. Нѣкоторыя славянскія народности сломлены непосильнымъ игомъ. „Жалостно видѣть, говоритъ Штуръ, какъ значительная часть этого народа на берегахъ Лабы и Одры, по берегамъ поморья Балтійскаго, уже вся вымерла подъ тяжкимъ игомъ нѣмцевъ, на сѣверѣ отъ Италіи перешла въ чужую народность, а въ Турціи отпала отъ вѣры своихъ отцовъ и стала главною опорою угнетателей своей родины“.

Но было когда-то время соединенія, а не раздѣленія. Штуръ упоминаетъ про славянское преданіе о трехъ братьяхъ, Чехѣ, Ляхѣ и Русѣ. Эти три брата, по преданію, *вселились изъ одной и той-же земли*. По словамъ одной старинной сказки, братья эти, вслѣдствіе домашнихъ раздоровъ, покинули свой отчій домъ и пошли блуждать по дальнему свѣту, за исключеніемъ старшаго вступили въ службу къ чужеземцамъ, и, наконецъ, послѣ тяжелыхъ испытаній, съ примиреннымъ духомъ, всѣ снова возвратились домой и уже всѣ жили потомъ въ мирѣ и согласіи.

Эта сказка, такъ сказать, прообразъ судьбы славянскихъ народовъ; рано или поздно, но они объединятся крѣпкимъ, братскимъ союзомъ.

Въ извѣстныя эпохи исторіи славянскихъ народовъ мысль о славянскомъ единствѣ вспыхивала яркимъ огнемъ, но скоро гасла. Такъ, *Гусситы* стремились привести все славянство въ нѣдра единой Греко-Славянской Церкви, о чемъ входили въ сношенія съ Цареградскимъ патріархомъ. *Нѣкоторые славянскіе короли и князья* также старались объ объединеніи славянскихъ народовъ. Но эти старанія не увѣнчались успѣхомъ. Причинъ тому было много. Штуръ разсматриваетъ, какимъ образомъ могло случиться, что „*славянскій міръ подпалъ такой злой участи и по большей части достался въ добычу чужеземцамъ*“?

Одна изъ главныхъ причинъ, по мнѣнію Штура, лежитъ въ особенной любви славянъ къ *семейной жизни*. Нигдѣ слово „родина“ (семья) не имѣетъ такого глубокаго значенія, какъ у славянъ. Отъ этого великаго значенія семьи, такъ удачно подмѣченнаго Штуромъ, получила свое начало и въ томъ же духѣ развилась *славянская община*. Общинный бытъ, по вѣрному замѣчанію Штура, составляетъ слабую и вмѣстѣ съ тѣмъ сильную сторону славянства. Капиталистическій строй современнаго хозяйства, развитый на западѣ, прямо противоположенъ общинному строю;

вотъ почему у насъ, по мѣрѣ успѣхія западныхъ началъ, го мѣрѣ успѣхія вліянія капитала, все больше и больше раздаются голоса противъ общины. Мы же убѣждены, что, какъ ни тяжело современное положеніе русскаго крестьянства, но оно стало бы невыносимо, если бы общинный бытъ его былъ уничтоженъ. У всѣхъ славянскихъ народовъ община представляетъ весьма древнее и повсемѣстное учрежденіе. Задачу ея въ древности составляла, главнымъ образомъ, забота о благосостояніи всѣхъ ея членовъ. Эта цѣль достигалась легко, потому что *право поземельной собственности* принадлежало не отдѣльнымъ лицамъ, а общинѣ, какъ юридическому лицу. Славянская община въ такомъ смыслѣ дожила до нашихъ дней и составляетъ отличительную черту современнаго крестьянскаго быта.

Соединеніе общинъ составляло *округъ* или *округу*, иначе *жупу*.

Общины управлялись старостами, т. е. сходкой отдѣльныхъ домохозяевъ, а жупы сходкой всѣхъ землевладѣльцевъ округовъ. Такъ явились русскія *вѣча*, польскіе *сеймики*, угорскія *конференціи*, юго-славянскія *скупштины*.

Соединеніе округовъ или жупъ составляетъ уже *землю*, *государство*. Славянскія государства создавались медленно и неудачно. Это зависѣло отъ того, что славяне не могли помириться съ безусловнымъ характеромъ государства, призваннаго заботиться о благосостояніи цѣлаго, и нерѣдко, для этой цѣли, жертвующаго интересами отдѣльныхъ частей. Государство было чѣмъ-то слишкомъ отвлеченнымъ, слишкомъ далекимъ для славянскаго духа, не видѣвшаго въ немъ любезной и близкой славянину семейной и общинной жизни. Вотъ чѣмъ объясняется *борьба общинъ съ князьями*, когда тѣ хотѣли создавать крѣпкія государства. Благодаря такой борьбѣ, нельзя было явиться сильнымъ государствомъ; а прямымъ послѣдствіемъ этого было подчиненіе славянскихъ народовъ западнымъ государствамъ, какъ болѣе сильнымъ и единымъ.

Въ исторіи славянскихъ народовъ было время, когда Великая Моравія почти готова была къ объединенію другихъ славянскихъ державъ, но въ самую рѣшительную минуту отъ велико-моравскаго союза отдѣлились два чешскіе князя и соединились съ нѣмцами. Это раздѣленіе было причиною гибели и Моравіи и Чехіи. Другія славянскія государства постигла та же участь: Хорватія подпала подъ власть мадьяръ, Хорутанія сдѣлалась добычею нѣмцевъ, Сербія покорена была турками, которые покорили также Боснію и Болгарію.

„Печально и грустно для друга славянъ, говоритъ Штуръ, глядѣть на этотъ міръ, погибшій отъ своей собственной вины“. . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Окончивъ чтеніе статьи Янко Краля, О. О. Миллеръ обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

„Мы только что слышали вѣщія рѣчи о великомъ славянскомъ призваніи Россіи на поприщѣ служенія человѣчеству. Рѣчи эти впервые раздались при только что занимавшейся зарѣ русскаго и еще непредвидѣнной зарѣ болгарскаго 19-го февраля. Когда преждевременно угасъ Штуръ, не прошло еще и года послѣ коронаціи Государя, которому при его рожденіи его будущій воспитатель пожелалъ быть „человѣкомъ на тронѣ“. Этого воспитателя-человѣка, чью память мы отпраздновали въ прошломъ году, недавно обозвали у насъ „добродушнымъ поэтомъ-мечтателемъ“. И такія слова о Жуковскомъ раздались въ той самой первопрестольной, намъ всѣмъ дорогой Москвѣ, гдѣ родился тотъ, о комъ выразился поэтъ:

„На древней высотѣ Кремля
„Въ великій праздникъ воскресенья
„Узрѣла русская земля
„Прекрасный день его рожденья.

Вспомнимъ тогдашнее пожеланіе „добродушнаго поэта-мечтателя“ Наслѣднику престола „быть на тронѣ человѣкомъ“, ежедневный печатный органъ Москвы счелъ нужнымъ замѣтить, что это „слово трогательное, но мало сказавшее“. Нѣтъ, отвѣтимъ мы за Жуковскаго и за чествовавшую его Россію, нѣтъ, отвѣтимъ мы и за весь славянскій міръ, для котораго, по замѣчанію Штура, все именно и заключается въ словѣ „человѣкъ“, какъ понимаетъ его христіанство, нѣтъ, этимъ словомъ все сказано—имъ предсказано и русское и болгарское освободительное число, въ немъ вполнѣ предначертанъ тотъ Царь-Освободитель, который, по словамъ Достоевскаго, слишкомъ нуженъ Россіи, нуженъ, прибавимъ, и всему славянству, нуженъ, наконецъ, всему человѣчеству, далеко еще не свободному отъ общественныхъ золъ и въ самыхъ, что называется, свободныхъ странахъ. Сколько бы ни мѣшали съ разныхъ концовъ великому освободительному подвигу царственнаго питомца Жуковскаго, при его исполненной горькихъ разочарованій жизни, сколько бы ни кидали камней въ этотъ его освободительный подвигъ, послѣ его страдальческой смерти, различные мнимые и сознательно-фальшивые охранители патріоты—этотъ подвигъ изъ года въ годъ будетъ становиться въ сужденіи потомства свѣтлѣе и краше. Не успѣетъ воздвигнуться на мѣстѣ безумнаго преступленія храмъ, какъ всѣ мы, посыпавъ голову пепломъ, пойдемъ туда молиться о томъ, чтобы кровь царственнаго мученика не осталась на насъ и на чадахъ нашихъ. Но историческая анаѳема, несмотря ни на что, останется вѣчнымъ удѣломъ не только виновниковъ преступленія, но и тѣхъ малодушныхъ, которые возмущаютъ безумнымъ укоромъ страдальческую тѣнь того, кому, будто пророчески, писалъ однажды Жуковскій, что отъ насъ зависитъ наши дѣла, но не отъ насъ зависитъ ихъ участь. Нѣтъ, не съ лукаво-затаенной насмѣшкой должны мы помнить „добродушіе поэта-мечтателя“ и его будто бы мало сказавшее слово о томъ, что значитъ быть человѣкомъ на тронѣ, а всею силою души

желать побольше такихъ поэтовъ-мечтателей у ступеней трона, желать и молить, чтобы подобно мысли пророка Иліи, ниспосланной съ неба созерцавшему его горній полетъ Елисею, — даръ Жуковскаго былъ ниспосланъ тѣмъ, кто призванъ къ воспитанію только что достигшаго установленнаго совершеннолѣтія нынѣшняго Наслѣдника—будущей надежды Россіи. Почтимъ въ прошедшемъ году вмѣстѣ со всею Россіею память „поэта-мечтателя", Славянское Общество въ настоящее время на недавнее радостное торжество земли Русской всего лучше отзовется простымъ повтореніемъ предъ Наслѣдникомъ трогательныхъ и многосказавшихъ его великому дѣду пожеланій Жуковскаго:

„Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
„Да славнаго участникъ славный будетъ!
„Да на чредѣ высокой не забудетъ
„Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*,
„Жить для нѣковъ въ величіи народномъ,
„Для блага *всѣхъ—свое* позабывать,
„Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
„Съ смиреніемъ дѣла свои читать,—
„Вотъ правила царей великихъ внуку.

Къ этимъ многосказавшимъ словамъ — на основаніи замѣчанія того же Жуковскаго, что отъ насъ зависятъ наши дѣла, но не ихъ участь—всѣмъ намъ остается только прибавить горячую молитву объ удачѣ, о счастіи, о духовномъ благорастореніи воздуха для всѣхъ благихъ начинаній Наслѣдника—въ дальнемъ будущемъ, его Державнаго Родителя—въ настоящемъ".

Рѣчь О. Ѳ. Миллера вызвала громкія рукоплесканія присутствовавшихъ.

Послѣ О. Ѳ. Миллера гр. Голенищевъ-Кутузовъ прочиталъ отрывокъ изъ его драмы „Самуилъ Болгарскій", содержаніе которой заимствовано изъ исторіи Болгаріи X и начала XI вѣка, а хоръ пѣвчихъ исполнилъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію.

Послѣ небольшаго перерыва В. И. Ламанскій обратился къ собранію съ рѣчью, посвященною памяти почившаго почетнаго члена Общества, настоятеля русской посольской Церкви въ Вѣнѣ, протоіерея М. Ѳ. Раевскаго. Замѣтивъ, что Славянское Общество, празднуя настоящій разъ день памяти славянскихъ первоучителей, не можетъ не почтить горести по случаю утраты одного изъ своихъ сочленовъ, похищеннаго смертью въ то время, когда оно собиралось праздновать его пятидесятилѣтній юбилей, В. И. Ламанскій обратилъ вниманіе на то, что еще недавно о. Раевскій уѣхалъ совершенно бодрый, и что онъ радовался приближенію своего юбилея, до котораго, говорилъ онъ одному своему знакомому, боялся не дожить. Смерть разстроила эти надежды, еще разъ доказавъ, какъ шатки наши упованія. Сдѣлавъ очеркъ жизни и дѣятельности о. Раевскаго, г. Ламанскій, чтобы лучше обрисовать его личность, прочиталъ нѣсколько выдержекъ изъ его писемъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ о. Раевскій живо интересовался славянскими дѣлами и какъ вѣрно понималъ славянскія отношенія. Несмотря на то, что о. Раевскій не былъ ни великимъ ученымъ, ни ораторомъ, ни проповѣдникомъ и не оставилъ по себѣ замѣчательныхъ ученыхъ трудовъ, онъ успѣлъ и съумѣлъ развить необычайно широкую дѣятельность. Рѣчь свою, полную живаго интереса, В. И. Ламанскій заключилъ замѣчаніемъ, что со времени св. Меѳодія и его апостольской дѣятельности въ Моравіи и Панноніи до М. Ѳ. Раевскаго не было въ продолженіе столѣтій церковнаго дѣятеля съ такимъ всеславянскимъ значеніемъ.

Рѣчь почтеннаго профессора выслушана была собраніемъ съ живѣйшимъ вниманіемъ и покрыта громкими рукоплесканіями.

Собраніе закончилось пѣніемъ хоромъ пѣвчихъ концерта: „Тебе, Бога, хвалимъ".

V.

15 НОЯБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ высокопреосвященные архіепископы: Леонтій—Холмскій и Варшавскій, Никандръ—Тульскій, Ѳеогностъ—Владимірскій, Палладій—Казанскій и Тихонъ—Волынскій и епископы: Макарій — Нижегородскій, Александръ — Костромскій, Донатъ—Рижскій, Виталій—Могилевскій, Ѳеоктистъ—Рязанскій, Арсеній—Ладожскій и Сергій—Выборгскій, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и болѣе 500 посторонних посѣтителей.

Собраніе было открыто г. предсѣдателемъ причемъ онъ, обратясь къ прибывшему въ собраніе высокопреосвященному Леонтію, архіепископу Холмскому и Варшавскому, просилъ его принять на себя почетное предсѣдательство, на что его высокопреосвященство и изъявилъ свое согласіе.

При этомъ членъ Совѣта В. К. Саблеръ обратился къ прибывшимъ преосвященнымъ съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

„Высокопреосвященнѣйшіе владыки, милостивые отцы и архипастыри!

„Нежданно выпала на мою счастливая доля привѣтствовать васъ, прибывшихъ отъ всѣхъ концовъ земли Русской въ престольный градъ, на юбилей нашего архипастыря, и нынѣ участіемъ въ нашемъ собраніи сдѣлавшихъ особую честь Славянскому Обществу.

„Позвольте, высокопреосвященные архипастыри, выразить вамъ отъ Славянскаго Общества искреннюю за то благодарность.

„Отрадно намъ видѣть въ средѣ нашей сонмъ іерарховъ отечественной церкви, отрадно потому, что присутствіе ваше свидѣтельствуетъ о сочувствіи вашемъ къ дѣятельности Славянскаго Общества. Въ своихъ поне-

ченіяхъ объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей нашихъ единовѣрныхъ братій, въ своихъ заботахъ объ огражденіи ихъ самаго дорогаго достоянія—вѣры православной, Общество Славянское нуждается въ вашемъ содѣйствіи. Отрадно намъ видѣть васъ и потому, что нынѣшній день для насъ какъ-бы предпраздненство 6 апрѣля и, думается, что знаменательное торжество православной Россіи—тысячелѣтіе со дня блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго, будетъ свѣтло и всенародно отпраздновано.

„Проникнутое сознаніемъ историческаго значенія этого дня и желаніемъ достойно воздать хвалу просвѣтителямъ странъ славянскихъ, св. Кириллу и Меѳодію, Славянское Общество уповаетъ, что при томъ несомнѣнномъ сочувствіи, съ которымъ іерархи церкви Россійской отнеслись къ предложенію о чествованіи приснопамятнаго дня 6 апрѣля 1885 г., празднество это будетъ свидѣтельствовать всему христіанскому міру, насколько дорога православной Россіи память св. Первоучителей, которые да умолятъ Владыку всѣхъ, всѣ языки Славянскіе утвердить въ православіи и единомысліи".

За тѣмъ, съ благословенія почетнаго предсѣдателя, архіепископа Леонтія, былъ пропѣтъ хоромъ А. А. Архангельскаго концертъ Бортнянскаго: „Пойте Богу нашему".

Послѣ концерта, профессоръ О. Ѳ. Миллеръ, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ:

„Наше нынѣшнее собраніе, столь выдающееся по своей торжественной обстановкѣ, представляется, однако-же, неполнымъ. Въ немъ недостаетъ дорогаго намъ, старымъ членамъ Славянскаго Общества, бывшаго предсѣдателя нашего К. Н. Бестужева-Рюмина. К. Н., издавна посвятившій себя на служеніе дорогому для насъ Славянскому Обществу, въ настоящее время, по болѣзни, поставленъ въ невозможность самъ прочитать составленное имъ сообщеніе и проситъ меня предложить это сообщеніе вниманію Общества. Вотъ оно:

По поводу тысячелѣтняго чествованія памяти св. Меѳодія.

Въ ветхомъ Римѣ, у подножія Целійскаго холма, стоитъ старая церковь св. Климента. Сравнительно недавно вспомнили, что эта церковь стоитъ на развалинахъ другой, разрушенной въ XI в. И когда раскопали эту еще болѣе древнюю церковь, въ ней оказались фрески, изображающія дѣянія апостоловъ славянства, а подъ фресками кирпичный выступъ, который, по преданію, обозначаетъ мѣсто погребенія честнаго тѣла св. Кирилла. Заброшено и не нужно было въ Римѣ это мѣсто; понадобилось оно тогда лишь, когда въ 1881 г. появились въ Ватиканѣ славянскіе пилигримы; тогда и звуки славянской литургіи огласили собою стѣны стараго хра̀ма. Понадобится оно и теперь, когда близится новая тысячелѣтняя годовщина, когда снова вспоминаютъ разрозненные славяне свое древнее племенное единство. Грустно и больно думать, что на торжество этого воспоминанія нигдѣ не соберутся представители всѣхъ племенъ, чтобы славить его „единымъ сердцемъ и едиными устами", что вражда племенная не забыта, что непреоборимыя по видимости препятствія лежатъ на пути духовнаго единенія славянскихъ племенъ, что теперь, еще только готовясь къ торжеству, мы уже знаемъ, что не въ одно мѣсто собираются представители славянства: не могутъ собраться они ни въ Велеградѣ, мѣстѣ проповѣди св. Меѳодія, на Нитрѣ, которая „всѣмъ славянамъ мати", ни въ Римѣ, у скромной усыпальницы св. Кирилла, ни въ старомъ Кіевѣ, ни въ златоглавой Москвѣ, ни въ городѣ Петра Великаго, а соберутся въ разныхъ мѣстахъ, соберутся съ чувствами, увы, далеко не сходными, съ воззрѣніями часто противоположными до послѣдней крайности. Грустно это и больно, повторяю опять, но за этимъ тяжелымъ чувствомъ, котораго не можетъ не ощущать ни одно истинно славянское сердце, проникнутое любимымъ нашими предками стихомъ Псалмопѣвца: „се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ";—за этимъ тяжелымъ чувствомъ—встаетъ въ душѣ и другое, отрадное: при всѣхъ разнородныхъ, недружелюбныхъ и съ виду какъ бы непримиримыхъ между собою заявленіяхъ слышатся одни имена, имена великихъ просвѣтителей Славянства, имена такъ долго остававшіяся почти въ полномъ забвеніи въ цѣлой половинѣ славянскаго міра, да рѣдко поминавшіяся и въ другой, жившей однако ихъ дѣломъ и оставшейся вѣрною ихъ преданію, т. е. сохранившей по крайней мѣрѣ ихъ языкъ. Снова громко слышатся эти имена, имена напоминающія единство славянскаго племени, то единство, которое казалось уже навсегда потопленнымъ волнами европейской цивилизаціи. Вотъ почему не съ отчаяніемъ смотритъ тотъ, въ комъ живо славянское чувство, на эти разнообразныя чествованія памяти святыхъ Первоучителей, а, напротивъ, съ надеждою. Пусть по всѣмъ самымъ отдаленнымъ угламъ славянскаго міра проносятся эти имена. Пусть повсюду привыкаютъ соединять съ ними мысль, что ихъ посредствомъ совершилось пріобщеніе Славянства къ высшему благу—къ познанію истинъ христіанскихъ, что это благо даровано было нашему племени въ формѣ, доступной всѣмъ и каждому, на родномъ его языкѣ. Какъ бы ни смотрѣли разно въ разныхъ мѣстахъ Славянства на дѣло св. Первоучителей, но всѣ должны сознаться въ томъ, что языкъ, на которомъ они писали, есть старшій братъ всѣхъ славянскихъ языковъ. Изученіе этого языка, нынѣ распространяемое повсюду, есть самое могущественное орудіе славянскаго единенія.

Два высшія блага народа соединились здѣсь въ одномъ и тѣхъ же лицахъ, въ одномъ и томъ же дѣлѣ: истина Христова просвѣтила души и доступна стала всѣмъ, а не однимъ ученымъ и образованнымъ.—Этотъ великій подвигъ святыхъ Первоучителей не можетъ быть скрытъ отъ міра,—и тамъ, въ католическомъ храмѣ, гдѣ слова богослуже-

нія произносятся всегда и всюди на языкѣ латинскомъ, языкѣ, чуждомъ для большинства народовъ,—послышались славянскіе звуки. Одинъ искренній славянскій патріотъ, хотя, къ сожалѣнію, и свободномыслящій, какъ нынѣ говорятъ, въ дѣлѣ вѣры, признавался мнѣ, что, услышавъ въ церкви св. Климента славянскій возгласъ священника: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите", почувствовалъ особое умиленіе и сильное желаніе пріобщиться вмѣстѣ съ другими. Да, въ языкѣ Кирилла и Меѳодія есть особая сила, которой суждено нравственно и духовно связать Славянство и привести его къ высшему единству, единству правды и любви; единству, которое одно только и желательно. Западъ вѣритъ въ то, что у насъ здѣсь человѣческія пожеланія:—желаніе власти надъ другими племенами, желаніе употребить ихъ орудіемъ для міродержавнаго владычества въ томъ духѣ, который такъ свойственъ Западу, въ духѣ всемірныхъ монархій, ибо въ иномъ духѣ наслѣдники языческаго Рима и не могутъ представлять себѣ племеннаго единенія. Но не къ владычеству „огнемъ и желѣзомъ" должны направляться мысли и пожеланія истинныхъ друзей Славянства. Да ляжетъ въ основу нашихъ пожеланій святое дѣло Кирилла и Меѳодія, да проникнемся мы ихъ духомъ, да устремимся всѣми нашими силами къ тому, чтобы въ жизни нашей водворилась истина Христова въ томъ духѣ, который проповѣдывали всей своей дѣятельностью наши св. Первоучители. Не будемъ смущаться существующею рознью, ибо должны же мы вѣрить тому, что языкъ Кирилла и Меѳодія объединяетъ Славянство, а еще болѣе тому, что не даромъ же совершился ихъ подвигъ, не даромъ громко вспоминаются ихъ имена,—нужды нѣтъ, что иногда вспоминаются не такъ, какъ бы мы хотѣли. Не будемъ этимъ смущаться, не будемъ тревожиться тѣмъ, что не вездѣ одинаково вспоминаются эти имена, что не каждый изъ насъ можетъ принять участіе въ каждомъ изъ совершающихся празднествъ, будемъ готовить торжество по своему и укрѣпимъ въ себѣ самихъ и въ присныхъ нашихъ и во всемъ народѣ память первыхъ святыхъ представителей славянскаго единства. Не весь славянскій міръ соединяется съ нами въ сознаніи ихъ дѣла, но мы твердо должны вѣрить въ то, что наше сознаніе правое, и какъ бы враждебныя силы ни отвлекали насъ отъ этого сознанія, мы должны стоять на немъ крѣпко, а крѣпкое стояніе въ концѣ должно одолѣть. Позволю себѣ повторить здѣсь, что я сказалъ семь лѣтъ тому назадъ: „Заря новой исторической эры занимается; предразсвѣтный туманъ еще покрываетъ землю; работники выходятъ въ поле, до полудня далеко; ждутъ ихъ, быть можетъ, и грозы и дожди, а быть можетъ и градобитія, но мы вѣримъ, что какъ грозы минувшаго не только не повредили Русской землѣ, но еще послужили ей въ пользу, такъ и въ будущемъ послѣ каждой грозы Славянство будетъ вставать еще могущественнѣе и сильнѣе. Недаромъ одинъ изъ самыхъ вѣщихъ поэтовъ Славянства сказалъ:

„Не вѣрь въ святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой,—
И Богъ побѣды не отсрочитъ
Въ угоду трусости людской".

Пойдемъ же каждый на свое дѣло: каждому въ этомъ дѣлѣ есть своя доля, какъ бы скроменъ удѣлъ его ни былъ. Да будутъ только въ этой дѣятельности постоянно предъ умственнымъ взоромъ нашимъ высокія слова тропаря изъ службы св. Кириллу и Меѳодію: „Яко апостоловъ единоравніи и Словенскихъ странъ учителіе, Кирилле и Меѳодіе богомудріи, Владыку всѣхъ молите, вся языки Словенскіе оутвердити въ православіи и единомысліи, оумирити міръ, и спасти души наша".

Сообщеніе К. Н. Бестужева-Рюмина, прочитанное О. О. Миллеромъ, произвело на присутствующихъ глубокое впечатлѣніе.

По исполненіи хоромъ гусятскаго гимна, г. секретарь прочиталъ письмо, полученное отъ Сербскаго митрополита Михаила, въ отвѣтъ на посланное ему, по телеграфу, 8 ноября, поздравленіе со днемъ тезоименитства, слѣдующаго содержанія:

„Сердечно благодарю Славянское Благотворительное Общество за вниманіе и молитву, къ коей присоединяю и свою грѣшную молитву: да преблагій Пастыреначальникъ нашъ и Спаситель, Господь Іисусъ Христосъ сохранитъ несчастную Сербію отъ всѣхъ золъ, которыми ведутъ ее въ погибель эгоисты и атеисты, да сохранитъ въ сердцахъ народа сербскаго, многострадальнаго, вѣру православную, которая оберегала его во все время тяжелаго ига мусульманскаго,—и, надѣюсь, съ вѣрою онъ побѣдитъ всѣхъ своихъ развращенныхъ и недостойныхъ сыновъ и внѣшнихъ враговъ. Повторяю свои душевныя чувства благодарности Обществу за его благотворительность моимъ землякамъ и за братское вниманіе ко мнѣ.

„Съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію, призывая благословеніе Божіе на многополезное Общество, на всѣхъ достославныхъ и родолюбивыхъ членовъ и сотрудниковъ его,—остаюсь" и пр.

Послѣ этого, профессоръ В. И. Ламанскій прочиталъ слѣдующую рѣчь:

Чего намъ особенно желать и что намъ нужнѣе дѣлать въ Западно-Славянскихъ земляхъ?

Достойнѣйшіе архипастыри и отцы, милостивые государи и государыни!

Отъ поры до времени Славянское Общество нуждается, передъ большинствомъ своихъ членовъ, передъ русскою и славянскою публикою, въ разъясненіи важнѣйшихъ своихъ потребностей и задачъ. Цѣль Общества одна, но разнообразны запросы и требованія, въ разныя времена ему предлагаемыя. Многія изъ нихъ имѣютъ частный характеръ, болѣе или менѣе случайный и, по мѣрѣ силъ и возможности, удовлетворяются немедленно и единовременно. Другія же, немногія, имѣютъ

общее значеніе, требуютъ постоянныхъ заботъ, продолжительныхъ и большихъ затратъ.

Изъ нихъ, въ настоящее время и на многіе еще годы впереди, не могутъ у насъ не считаться самыми главными и существенными три особенно задачи.

I. Улучшеніе изданія „Извѣстій Славянскаго Общества“ и пріобрѣтеніе ими все большаго круга читателей и подписчиковъ. Съ этимъ связано вящаніе новыхъ сотрудниковъ, умноженіе корреспондентовъ, обогащеніе библіотеки Общества различными славянскими изданіями, литературными, политическими и научными. Заботы редакціи и малая подписная цѣна позволяютъ надѣяться, что черезъ годъ-другой „Извѣстія Славянскаго Общества“ будутъ имѣть достаточное число подписчиковъ, и годовое ихъ изданіе будетъ покрываться. Смѣемъ уповать, что значительное большинство членовъ Общества будетъ не только само состоять въ числѣ подписчиковъ „Извѣстій“, но и распространять подписку на нихъ въ средѣ своихъ знакомыхъ, не членовъ Славянскаго Общества. Такимъ участіемъ и содѣйствіемъ Обществу будетъ предоставлена возможность приступить къ другаго рода изданіямъ, болѣе обширнымъ, чѣмъ „Извѣстія“, но посвященнымъ той же цѣли: распространенію въ Россіи свѣдѣній о земляхъ и народностяхъ славянскихъ.

II. Второю главною задачею нашего Общества должно быть распространеніе русскихъ книгъ въ заграничныхъ славянскихъ земляхъ. Знакомство западныхъ славянъ съ русскою литературою, распространеніе, среди ихъ образованныхъ классовъ, русскаго языка не разъ служило предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ и горячихъ преній. Его связывали съ вопросомъ, возможно ли когда для славянъ единство литературнаго языка и нуженъ ли для нихъ общій дипломатическій органъ для взаимнаго общенія и разумѣнія, долженъ ли имъ стать какой нибудь языкъ иноплеменный, напр. французскій, нѣмецкій, или языкъ русскій, на подобіе тому, какъ языкъ верхне-нѣмецкій или тосканскій объединилъ литературно нѣмцевъ и итальянцевъ? И у насъ въ Россіи, и въ западныхъ славянскихъ земляхъ этотъ вопросъ рѣшается, полагаютъ какъ извѣстно, различно. Одни, напримѣръ, что литературное объединеніе славянъ посредствомъ русскаго языка, съ сохраненіемъ всѣхъ отдѣльныхъ народныхъ словесностей, есть дѣло прекрасное, желательное и возможное. Другіе же думаютъ, что оно прекрасно и желательно бы, но неосуществимо. Третьи, наконецъ, говорятъ, что оно вовсе и не прекрасно, ибо нарушило бы только въ самомъ дѣлѣ прекрасное и славянамъ любезное начало народной равноправности, а потому оно и не желательно, да, во счастью, и невозможно.

Понимаемый столь различно и всегда возбуждая горячую борьбу, этотъ вопросъ въ практическомъ смыслѣ есть вопросъ болѣе или менѣе далекаго будущаго, а, въ настоящее время, теоретически онъ принадлежитъ къ вопросамъ еще неразрѣшеннымъ и открытымъ. Но какъ ни различны взгляды на будущее значеніе русскаго языка въ славянскомъ мірѣ, всѣ знакомые съ дѣломъ согласно вамъ отвѣтятъ, что живое и книжное знаніе русскаго языка въ западныхъ земляхъ славянскихъ сдѣлало въ послѣднія десятилѣтія успѣхи громадные. Если дѣтъ пятьдесятъ тому назадъ надо было считать единицами людей знающихъ по русски среди славянъ Австро-Венгріи и Балканскаго полуострова, то лѣтъ двадцать назадъ они уже считались десятками; теперь же ихъ будетъ не одна тысяча. Не одна сотня ихъ свободно читаетъ и пишетъ по русски; другіе свободно говорятъ и читаютъ, третьи легко понимаютъ устную и письменную нашу рѣчь. Въ литературныхъ и интеллигентныхъ кружкахъ всѣхъ западно-славянскихъ народностей, знакомство съ русскимъ языкомъ и литературою считается теперь все болѣе и болѣе дѣломъ нравственно и умственно обязательнымъ, хотя оно и не требуется на государственныхъ экзаменахъ *). Потребность въ учебникахъ русскаго языка, въ русскихъ словаряхъ, въ исторіяхъ русской литературы постоянно и всюду возрастаетъ. Было бы въ высшей степени желательно составленіе полнаго библіографическаго указателя всѣхъ появившихся, въ послѣднія два-три десятилѣтія, на различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, русскихъ учебниковъ и напечатанныхъ отдѣльно и въ журналахъ переводовъ изъ различныхъ русскихъ авторовъ. Составился бы очень порядочный и любопытный каталогъ. Онъ бы намъ наглядно показалъ, въ какихъ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ западнаго славянскаго міра, на югѣ и сѣверѣ, нынѣ извѣстно и любимо много русскихъ именъ, читаются съ увлеченіемъ различныя русскія произведенія. Всѣ бывавшіе въ западно-славянскихъ земляхъ, или состоящіе въ сношеніяхъ съ ними, знаютъ по опыту, какъ нуждаются тамъ въ русскихъ книгахъ. Правда, и теперь бываетъ, что въ однихъ славянскихъ земляхъ спросъ на русскія книги иной разъ какъ бы утихаетъ и падаетъ, зато въ это же время онъ усиливается и поднимается въ другихъ земляхъ. По вообще этотъ спросъ ни ослабѣть, ни упасть уже не можетъ. Что бы ни кричали недобросовѣстные софисты, продажные писаки и тѣ недоброхоты русскаго просвѣщенія, коимъ прежде всего нужно поскорѣе замѣстить опустѣлыя каѳедры Петербургской Академіи Наукъ разными приплыми и остзейскими нѣмцами или евреями, что бы у насъ ни кричали о современномъ упадкѣ русской науки и русскихъ университетовъ, истинная правда заключается въ томъ, что русская наука и русскіе университеты хотя и не стоятъ еще на желанной высотѣ, все же никогда еще не стояли такъ высоко, какъ сто-

---

*) Было бы въ высшей степени желательно имѣть изъ каждой славянской земли отдѣльно приблизительныя свѣдѣнія о числѣ въ ней людей (мужчинъ, женщинъ, учащихся) знающихъ по русски, притомъ по тремъ указаннымъ категоріямъ.

ять теперь *). Русская наука начнетъ истинно процвѣтать въ нашемъ отечествѣ, когда русское государственное казначейство будетъ въ состояніи отпускать хотя половину тѣхъ суммъ, которыя отпускаются во Франціи или Германіи на ученыя экспедиціи, на научныя изданія, на устройство лабораторій, кабинетовъ и клиникъ, когда сильные, вліятельные и богатые люди наши перестануть относиться къ русскимъ ученымъ съ подозрительнымъ недовѣріемъ и съ оскорбительнаго съ-высока и возьмутъ къ нимъ хотя частичку того уваженія, съ коимъ относятся въ Европѣ и къ своимъ и къ нашимъ ученымъ, къ задачамъ отечественной науки. Но, несмотря на всѣ неблагопріятныя для роста науки и высшаго образованія въ Россіи условія, русская наука, двигаемая и распространяемая русскими университетами и другими высшими нашими заведеніями, все же постоянно развивается и дѣлаетъ несомнѣнные успѣхи. Слѣдовательно, сирось на русскую книгу, и въ Европѣ и въ западныхъ земляхъ славянскихъ, долженъ постепенно увеличиваться и возрастать, а никакъ не уменьшаться и не падать. Время отъ времени, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ событій и особенныхъ обстоятельствъ, изученіе русскаго языка и литературы у западныхъ славянъ получаетъ новые и сильные толчки. Послѣ того у славянъ вдругъ прибываетъ на то и энергіи, и охоты. Такъ было послѣ славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г. Такъ было во время герцеговинскаго возстанія, сербской и болгарской войны. Не нужно ни дара пророчества, ни особенной проницательности, дабы предвидѣть два-три такихъ новыхъ толчка, ожидаемыхъ въ наступающемъ 1885-мъ году.

Въ апрѣлѣ имѣетъ совершиться торжественное празднованіе памяти славянскихъ Первоучителей. Воспоминаніямъ о великихъ стародавнихъ событіяхъ обыкновенно свойственно возбуждать въ народномъ сознаніи цѣлый рядъ вопросовъ современной важности. Единство церковнаго и книжнаго языка, данное было славянскими Первоучителями всему славянству и, впослѣдствіи, различными славянскими вѣтвями утраченное.—вотъ общая тема, которая послужитъ, вездѣ и всюду у славянъ, предметомъ различныхъ приноминаній и размышленій и непремѣнно приведетъ къ возбужденію вновь вопроса о возможности въ будущемъ литературнаго славянскаго единства. Такъ вновь возникнутъ горячіе споры, выскажутся новые доводы, какъ въ защиту единства, такъ и въ защиту раздробленія на мелкія нарѣчія и словесности. При этомъ опять, конечно, долженъ всплыть наружу вопросъ о русскомъ языкѣ. Защитники литературнаго единства станутъ на него указывать, какъ на готовое, выработанное исторической жизнью, орудіе. Противники же будутъ доказывать неспособность и неготовность русскаго языка стать такимъ объединяющимъ органомъ, начнутъ раскрывать тотъ вредъ, который бы, по ихъ мнѣнію, произошелъ для славянства отъ такого литературнаго объединенія. Тѣмъ и другимъ, защитникамъ и противникамъ, придется немало тогда говорить о русскомъ языкѣ и литературѣ, понадобится размышлять и писать объ этихъ предметахъ. Тѣ и другіе постараются освѣжить свои знанія, занастись новыми свѣдѣніями, переработать и провѣрить свои прежнія понятія и знанія о Россіи и русскомъ языкѣ. Весь такой неизбѣжно вызываемый ходъ мыслей и занятій будетъ въ высшей степени благопріятенъ для новѣйшихъ успѣховъ изученія русскаго языка и литературы въ западныхъ земляхъ славянскихъ.

Нельзя не ожидать новаго толчка и оживленія этимъ русскимъ завятіямъ у западныхъ славянъ еще отъ другаго обстоятельства, совершенно иного свойства. Въ весьма скоромъ времени долженъ выйти въ свѣтъ, подъ редекціей проф. Миклошича, задуманный и предпринятый по мысли и почину покойнаго принца Ольденбургскаго, словарь русскаго языка, составленный по образцу четырехъ-язычнаго словаря Рейфа. Русскій языкъ взятъ тутъ въ основаніе: на первомъ столбцѣ являются русскія слова въ алфавитномъ порядкѣ, а на другихъ столбцахъ слѣдуютъ однозначительныя слова: 1) болгарскія, 2) сербскія, 3) чешскія и 4) польскія. Многозаслуженный славистъ, пятидесятилѣтній юбилей котораго недавно праздновалъ весь ученый міръ и всѣ славянскіе народы, этимъ трудомъ достойно вѣнчаетъ свою плодотворную дѣятельность, посвященную всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Въ этомъ словарѣ не представлены только Хорваты и Словенцы. Словаки и Сербо-Лужичане, но для первыхъ годится сербская часть, а для послѣднихъ чешская и польская. Въ заключеніе своихъ многолѣтнихъ трудовъ и думъ надъ разнообразнымъ прошлымъ и настоящимъ славянскихъ народностей, великій западно-славянскій ученый предлагаетъ всему западному славянству прекрасное пособіе для чтенія русскихъ книгъ, для изученія русской литературы. Какое знаменательное явленіе, какое пророческое прообразованіе въ этомъ случаѣ!

*) Безо всякаго преувеличенія можно сказать, что теперь одинъ хотъ Петербургскій Университетъ въ теченіе года выпускаетъ въ свѣтъ болѣе ученыхъ трудовъ, чѣмъ бывало въ 40-хъ и 50-хъ годахъ выходило ихъ въ цѣлой Россіи въ продолженіе 5 и болѣе лѣтъ. Справедливость ьрочемъ требуетъ прибавить, что въ то время гораздо болѣе работали нѣкоторыя офиціальныя учрежденія. Напр. Археографическая Комиссія какъ много дѣлала въ то время и какъ упала въ послѣдніе годы! Въ этомъ отношеніи Русское государство дѣлаетъ невѣроятно мало для отечественной исторіи. Сравните, что дѣлаютъ Германія, Италія, Англія. Даже Мадьярская и Краковская Академіи издаютъ теперь болѣе источниковъ и матеріаловъ, чѣмъ наша Археографическая Комиссія съ своими недостаточными денежными средствами. Но тутъ уже Русскіе университеты не виноваты. Бѣда въ томъ, что нѣтъ у насъ сильныхъ дѣятелей-организаторовъ, одушевленныхъ просвѣщеною любовью къ Россіи и знаніемъ ея интересовъ.

Въ годъ тысячелѣтняго торжества памяти славянскихъ Первоучителей, величайшій въ настоящее время дѣятель западнаго славянства завѣщаетъ всѣмъ его разрозненнымъ нѣтямъ изготовленный имъ словарь русскаго языка, какъ бы говоря: да будетъ онъ настольною книгою каждаго образованнаго западнаго славянина. Лебединая пѣснь великаго западно-славянскаго труженика какъ бы оканчивается словами: In hoc signo vinces. Этотъ словарь Миклошича будетъ вторымъ сильнымъ толчкомъ въ ожидаемомъ оживленіи изученія русскаго языка у западныхъ славянъ.

Третьимъ неслабымъ толчкомъ должно считать появленіе въ томъ же году на нѣмецкомъ языкѣ весьма добросовѣстно и обстоятельно, судя по началу, составленной почтеннымъ соотечественникомъ нашимъ Александромъ ф. Рейнгольдтомъ исторіи русской литературы. У германскихъ и австро-венгерскихъ славянъ, въ образованныхъ кругахъ, эта книга, безъ сомнѣнія, будетъ встрѣчена съ великимъ сочувствіемъ. При всеобщемъ у этихъ славянъ распространеніи нѣмецкаго языка (чего, увы, еще нельзя сказать про русскій), эта нѣмецкая исторія русской литературы найдетъ себѣ въ западномъ славянствѣ еще болѣе быть можетъ ревностныхъ читателей, чѣмъ въ самой Германіи. Изъ этого труда огромнѣйшее большинство западно-славянской интеллигенціи впервые ознакомится съ общимъ ходомъ развитія нашей литературы и съ массою совершенно новыхъ свѣдѣній; на западно-славянскихъ нарѣчіяхъ еще не было сколько нибудь полнаго курса исторіи нашей литературы. Русскій отдѣлъ, писанной впрочемъ по нѣмецки, исторіи славянскихъ литературъ Шафарика очень недостаточенъ, совершенно устарѣлъ, какъ устарѣлъ трудъ Греча, по которому онъ составленъ. Честь и слава нашему соотечественнику, искреннее ему спасибо за прекрасный его трудъ. Это не первая и не послѣдняя конечно услуга, оказываемая нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкою культурою въ пользу распространенія русскаго языка среди нѣмецкихъ или подъ-нѣмецкихъ славянъ. Знакомству австрійскихъ славянъ съ Россіею много также помогутъ замѣчательное Берлинское изданіе Роскошнаго: „Russland. Land und Leute“ и нѣмецкій переводъ прекраснаго труда Леруа-Больё о Россіи. Про славянъ намъ единовѣрныхъ, болгаръ и сербовъ, наименѣе образованныхъ, культурныхъ, можно сказать, что они знаютъ и понимаютъ Россію инстинктивно, непосредственно лучше славянъ иновѣрныхъ, болѣе образованныхъ, т. е. поляковъ, чеховъ, хорватовъ, словенцевъ, у коихъ только малая и незначительная часть интеллигенціи, „не мудрствующая лукаво“, приближается нѣсколько къ инстинктивному пониманію Россіи—славянъ православныхъ. Огромное же большинство такъ сказать высшей польской (преимущественно прусско- и австрійско-польской), чешской, хорватской интеллигенціи, особенно желающей *не отставать отъ Европы*, знаетъ и понимаетъ Россію и нашу литературу гораздо менѣе французовъ, англичанъ, нѣмцевъ. Эти западные славяне стали восхищаться Тургеневымъ, когда его уже прославили въ Европѣ. Льва Толстаго нѣмцы мало знаютъ, и славяне его дарованія еще не подозрѣваютъ; Пушкина такъ и до сихъ поръ не разобрали: настоящей его оцѣнки у нѣмцевъ еще не появлялось. Посмотримъ, какъ справится съ нею Рейнгольдтъ. Тѣмъ не менѣе западные славяне на нашего брата сердятся, когда имъ въ простотѣ сердечной скажешь, что оригинальности и самостоятельности въ нихъ не замѣчается. Въ знакомствѣ съ Россіею, съ русскимъ языкомъ, литературою чехи, поляки, хорваты, строго говоря, куда какъ еще отстали отъ нѣмцевъ, англичанъ и французовъ. Этого бы конечно не было, если бы ихъ интеллигенція была меньше римскою и австрійскою, чѣмъ славянскою. Но останется ли она вѣчно во хвостѣ Германіи католической по преимуществу, или станетъ больше славянскою, въ томъ и другомъ случаѣ, тянясь ли за нѣмцами или увлекаемая народнымъ чувствомъ, она будетъ впредь все больше и больше изучать Россію, русскій языкъ и литературу.

Наше Славянское Общество и вообще мы, русскіе, не можемъ и не должны относиться равнодушно къ этимъ предвидимымъ и назрѣваемымъ движеніямъ и порывамъ къ изученію Россіи и русскаго языка. Наше живое участіе всего бы, кажется, лучше могло выразиться слѣдующимъ образомъ.

Желательно бы было предстоящій день тысячелѣтней памяти славянскихъ Первоучителей, нашихъ просвѣтителей и создателей перваго обще-литературнаго славянскаго языка, почтить съ нашей стороны назначеніемъ единовременной *Кирилло-Меводіевской* преміи, цѣною въ 2.000 рублей, за лучшее сочиненіе или сочиненія, написанныя на извѣстную тему. Срокъ представленія сочиненій, рукописей или печатныхъ книгъ, долженъ быть трехлѣтній. Тему я бы предложилъ слѣдующую: „Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италіковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка у словаковъ, у поляковъ,—польскаго въ Западной Руси: у малороссовъ и бѣлороссовъ,—сербскаго у хорватовъ; прослѣдить по возможности, со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней, успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя, появлявшіяся, начиная съ Križanića до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ славянскомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ.

Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предъидущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, не исчезнувшей и не прерывавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Если представленныя сочиненія не заслужатъ полной преміи, то она можетъ быть раздѣлена на части. За лучшее будетъ присуждено полторы тысячи, за второе по достоинству пятьсотъ рублей. Сочиненіе можетъ быть написано по русски и на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или же на одномъ изъ извѣстнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ. Если Общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) лучшее сочиненіе, то оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и не русскій. При присужденіи преміи имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

Въ славянствѣ вообще нѣтъ не только внутренняго мира и согласія, но и общенія и соглашенія. Каждая народность занята исключительно нуждами о своемъ самосохраненіи, своими частными задачами. Этотъ исключительный партикуляризмъ славизма составляетъ главную его слабость. Онъ же главная причина успѣховъ надъ нимъ германизма. Нельзя славянамъ и прійти къ извѣстнымъ соглашеніямъ, пока ихъ сознанію не будетъ предноситься нѣсколько общихъ, ясно опредѣленныхъ вопросовъ. Вопросъ, предлагаемый на эту премію, принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ важныхъ и вмѣстѣ первоначальныхъ вопросовъ, касающихся всего славянства вообще и каждой его народности въ частности. Безъ общихъ началъ и идей ни одному народу и племени не занять самостоятельнаго, независимаго положенія въ исторіи. Одними вздохами и толками о равноправности народовъ ничего не достигнуть. Да и эта равноправность добывается съ бою, дается энергическому труду, готовому на нѣкоторыя жертвы и способному къ извѣстнымъ лишеніямъ. Чѣмъ борьба труднѣе, тѣмъ совершеннѣе нужно орудіе. Чѣмъ непріятель многочисленнѣе и сильнѣе, тѣмъ необходимѣе общее соглашеніе и дисциплина. Можно быть добрымъ славяниномъ, любить свое племя и понимать ясно, что самымъ даже образованнымъ вѣтвямъ никоимъ образомъ не совладать и не достичь равноправности съ нѣмцами, пока онѣ выступаютъ противъ нихъ какъ чехи и поляки, малые народы съ малыми языками и съ провинціальнаго характера словеностями. Никакіе крики негодованія противъ безсердечія нѣмцевъ тутъ не помогутъ. Для успѣха надъ славянами теперь нѣмцы ни въ какой жестокости и суровости не нуждаются, а если и прибѣгаютъ къ ней, по старой дурной привычкѣ, то совершенно напрасно для своего дѣла, и развѣ только на пользу славянамъ.

Славянинъ, не будучи врагомъ славянства, можетъ сознавать, что славяне тѣ же человѣки, и какъ въ своемъ прошломъ не обходились, такъ конечно и въ будущемъ не обойдутся *безъ крови и желѣза*. И слѣдовательно сентиментально, по вовсе неумно попрекать постоянно нѣмцевъ этимъ желѣзомъ и кровью. Сентиментально, но неумно предполагать, что славяне, какъ *народъ голубиный*, придутъ въ любовь и согласіе, достигнутъ духовнаго единства безо всякихъ взаимныхъ переговоровъ и уступокъ, безъ общаго органа взаимнаго разумѣнія и пониманія. Сентиментально, но неумно воображать, что славяне могутъ получить и литературное единство, но не готовясь къ нему и не размышляя о немъ предварительно, а просто *такъ*, разомъ, какъ бы по вдохновенію и по наитію Св. Духа.

Еще въ 1838 г. достойнѣйшій славянскій дѣятель К. Кузманн (словакъ) убѣдительно доказывалъ, что литературное славянское единство не должно быть смѣшиваемо съ единствомъ политическимъ. Дѣйствительно, съ самой строгой государственной точки зрѣнія ни въ Россіи, ни въ Австро-Венгріи не считается вовсе предосудительнымъ то, что нѣмцы, какъ русскіе, такъ и австро-венгерскіе подданные, говорятъ и пишутъ обще-литературнымъ языкомъ нѣмецкимъ, объединены литературно съ нѣмцами германскими. Какъ Россія этотъ литературный пангерманизмъ не представляетъ ни малѣйшей опасности, такъ точно и господствующіе въ Австро-Венгріи элементы нѣмецкій и мадьярскій, боясь и пугаясь панславизма политическаго, не чувствуютъ уже, слава Богу, ни малѣйшаго страха передъ панславизмомъ литературнымъ. Еще недавно, по поводу отмѣнно длинной и столь же неудачной рѣчи Гигера объ отношеніяхъ чеховъ къ мадьярамъ, одинъ оффиціозный органъ нынѣшняго кабинета Таафе, въ такомъ же, кажется, смыслѣ выразился о литературномъ панславизмѣ: „съ политической же точки зрѣнія онъ еще менѣе опасенъ, чѣмъ литературныя сношенія австрійскихъ итальянцевъ съ итальянцами королевства“, и, прибавить бы слѣдовало, чѣмъ даже литературное общеніе австрійскихъ нѣмцевъ съ германскими. Der politische Panslawismus allein ist gefährlich—только-де политическій панславизмъ опасенъ" *).

Австрійскія славянскія газеты зачастую выходятъ на свѣтъ съ бѣлыми столбцами, что свидѣтельствуетъ о большой строгости предварительной цензуры, хотя бы она и называлась прокурорскимъ надзоромъ. Но и эта строгая цензура не запрещаетъ различнымъ органамъ славянской печати толковать о

*) «Presse», 1884, 13 Dec.

пользѣ изученія русскаго языка. Такъ еще недавно хорватская газета Pozor, въ своей передовой статьѣ, по поводу обѣда, даннаго въ Петербургѣ президенту юго-славянской академіи наукъ, канонику Рачкому, г. Спасовичемъ и его пріятелями, напечатаны, между прочимъ, слѣдующія строки. Похваливъ г. Спасовича за то, что онъ, будучи полякомъ, говорилъ на обѣдѣ по-русски, газета прибавила: „Что поляки, сверхъ роднаго языка, учатся и по русски, то оно служитъ славянству только на пользу. Нѣмецкіе журналы отмѣчали, что Русскій царь, бывши въ Варшавѣ, похвалилъ учащихся польскихъ дѣтей за то, что они хорошо говорятъ по русски, какъ будто это было какое для нихъ несчастье. Мы бы сказали, что и хорватскія дѣти скорѣе выучатся по русски, чѣмъ по мадьярски. И для этого не нужно предполагать никакихъ политическихъ мотивовъ, довольно однихъ педагогическихъ: русскій языкъ сроднѣе нашему. Однажды мы читали вслухъ передъ однимъ хорватскимъ вельможею какой-то русскій журналъ, такъ онъ все повѣрялъ, что это по русски: „Да я понимаю почти все, что вы читали, а никогда я не видалъ русской книги“. Хорвату не велика трудность выучиться по русски, а между тѣмъ такъ открывается ему обширное поле русской литературы. На это еще у насъ слишкомъ мало обращаютъ вниманія, ибо до сихъ поръ русская литература была мало намъ доступна, и мы не догадывались, какъ она теперь богата во всѣхъ отношеніяхъ. И прославилъ ее не одинъ Тургеневъ, о которомъ у насъ теперь каждый знаетъ, и не одни русскіе журналисты, на коихъ теперь часто ссылаются фанатическіе мадьяры и нѣмцы, но и строго научныя русскія сочиненія Менделѣева, Иржевальскаго, Мартенса, Соловьева, Веселовскаго и т. д., которыя теперь внимательно изучаются во всей образованной Европѣ“.

Органъ другой хорватской, радикальной, партіи, газета Sloboda гораздо больше Pozor'a преслѣдуется предварительною цензурою или прокурорскимъ надзоромъ и выходитъ почти постоянно съ бѣлыми столбцами (на коихъ крупнымъ шрифтомъ бываетъ напечатано: „конфисковано“). Въ этой *Слободѣ*, органѣ г. Старчевича, уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ печатаются статьи гораздо болѣе умныя и откровенныя о всеславянскомъ значеніи русскаго литературнаго языка. Вотъ еще новое доказательство, что противъ такъ называемаго литературнаго панславизма австро-венгерскія начальства дѣйствительно ничего не имѣютъ. Оно впрочемъ и неудивительно: австрійской монархіи тутъ нѣтъ ничего опаснаго. Само австрійское военное вѣдомство усиленно заботится объ обученіи русскому языку австрійскихъ офицеровъ, а между мадьярами въ послѣднія двадцать лѣтъ значительно возросло число людей, прилежно изучающихъ русскій языкъ и литературу. Такимъ образомъ, прежнихъ внѣшнихъ препятствій распространенію русскаго языка между славянами Австро-Венгріи нынѣ уже быть не можетъ. Всякія искусственныя и внѣшнія мѣры противъ русскаго литературнаго языка только бы помогали его распространенію. Теперь въ Австро-Венгріи все чаще и чаще дѣлаются попытки къ установленію правильной въ ней торговли русскими книгами; но пока это устроится, не можетъ и не должно Славянское Петербургское Общество, да и вообще говоря вся образованная Россія относиться равнодушно и отрицательно къ многочисленнымъ и постоянно поступающимъ изъ разныхъ концовъ западнаго славянскаго міра какъ въ Общество, такъ и къ частнымъ лицамъ, просьбамъ о присылкѣ къ нимъ русскихъ газетъ и журналовъ, полныхъ собраній русскихъ поэтовъ, русскихъ романовъ, повѣстей, ученыхъ трудовъ и изданій...

Признаюсь, я мало знаю, по отношенію къ нашимъ соплеменникамъ и къ самой Россіи, другихъ, столь же настоятельныхъ и обязательныхъ для всѣхъ образованныхъ русскихъ людей, задачъ, какъ забота объ устройствѣ на извѣстное время правильной и постоянной доставки и разсылки массы русскихъ книгъ литературнаго и научнаго содержанія въ различныя западно-славянскія земли, преимущественно въ тѣ мѣстности и города, куда наши общества и отдѣльные писатели и ученые своихъ изданій обыкновенно не посылаютъ, гдѣ не имѣется большихъ, старыхъ или новыхъ, хорошихъ библіотекъ, водобныхъ библіотекамъ въ Прагѣ, Загребѣ, Бѣлградѣ, Софіи и Филиппополѣ. Такъ особенно напр. филиппопольская библіотека имѣетъ очень большой русскій отдѣлъ и постоянно покупаетъ много русскихъ книгъ, выписывая ихъ прямо изъ Одессы и тамъ же заказывая имъ переплеты. Въ софійской публичной библіотекѣ также не бѣденъ русскій отдѣлъ, но, къ сожалѣнію, до послѣдняго почти времени, эта библіотека находилась въ жалкомъ помѣщеніи и не въ лучшемъ порядкѣ. Въ другихъ городахъ Болгаріи немало также находится русскихъ книгъ, и вообще едва-ли въ другой землѣ славянской найдется столько людей, отлично знающихъ по русски и такъ любящихъ русскую литературу. Затѣмъ знакомство съ нашимъ языкомъ и литературою всего больше распространено въ Сербіи, въ Черногоріи, въ Чехіи, въ Галичинѣ, у Словаковъ, слабѣе въ Угорской Руси, въ Буковинѣ, у Словинцевъ, въ Хорватіи. Славоніи и Далмаціи, въ Босніи и Герцеговинѣ. Австрійскіе и прусскіе поляки сами, правда, въ этомъ не любятъ сознаваться, но конечно въ изученіи русскаго языка и въ знакомствѣ съ русскою литературою, въ послѣднія два десятилѣтія, сравнительно сдѣлали точно также большіе успѣхи. О русскихъ полякахъ нечего и говорить: для нихъ оно внѣшне-обязательно. Такимъ образомъ надо прежде всего позаботиться о снабженіи русскими книгами такихъ славянскихъ земель, гдѣ ихъ еще мало и гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждаются. Первыя посылки надо направить въ такіе углы и центры, гдѣ имѣются матицы, такъ называемые народные дома, ученическіе или студенческіе кружки

и читальни. Кое что уже и прежде дѣлалось въ этомъ отношеніи, но все еще довольно слабо. Слѣдовало бы также устроить выдачу постояннаго, извѣстнаго вознагражденія и пособія тѣмъ туземнымъ преподавателямъ-добровольцамъ, которые бы занимались обученіемъ молодежи русскому языку какъ въ главныхъ центрахъ, такъ и въ различныхъ захолустьяхъ западно-славянскаго міра.

Составленіе такого рода библіотечекъ, разсылка ихъ въ разные края, пособія преподавателямъ русскаго языка само собою потребовали бы отъ насъ довольно значительныхъ издержекъ, немало времени и трудовъ, не только со стороны нашихъ славянскихъ обществъ, но и русскихъ писателей, ученыхъ, журналистовъ, книгопродавцевъ и ученыхъ обществъ. „Возня, пожертвованія! Какъ, скажутъ, все это скучно и несносно". Но оставимъ точку зрѣнія благотворительную: это дѣло личной совѣсти каждаго. Взглянемъ на это со стороны чисто-матеріальной. Посмотримъ на всѣ эти затраты и пожертвованія, какъ на временный добровольный налогъ, коимъ бы себя обложила русская литература и наука, русская книжная торговля и вообще Россія, въ виду несомнѣнныхъ выгодъ и прибылей, ожидаемыхъ отъ такихъ предварительныхъ затратъ. Взглянемъ на русскую книгу просто какъ на товаръ, которому требуется найти новые постоянные рынки. Поступимъ такъ, какъ дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ купцы всего міра и всѣхъ временъ. Дабы пріобрѣсть новыхъ покупателей и открыть новые рынки, они нерѣдко, на первыхъ порахъ, продаютъ свой товаръ за безцѣнокъ, что называется себѣ въ убытокъ. Нужно прежде всего пріохотить будущихъ покупателей къ своему товару, развить въ нихъ вкусъ и привычку къ нему. Посылайте повсюду въ славянскія земли массы русскихъ книгъ, развивайте къ нимъ охоту въ публикѣ, создавайте и умножайте имъ читателей. Придетъ время,—и тѣмъ скорѣе, чѣмъ съ большею энергіею будете теперь дѣйствовать,— когда всѣ эти старанія и затраты станутъ излишними и болѣе ненужными, когда онѣ станутъ окупаться, приносить плодъ сторицею: явятся вездѣ и всюду, въ западной славянщинѣ, цѣлыя группы людей (теперь ихъ только единицы или десятки), которые будутъ уже не въ состояніи отказывать себѣ въ подпискѣ на русскія повременныя изданія, въ покупкѣ русскихъ книгъ. За сильнымъ спросомъ явятся многія предложенія. Въ различныхъ городахъ Австро-Венгріи и Балканскаго полуострова немпнуемо откроются русскія книжныя лавки,—заведутъ ли ихъ нѣмцы или евреи, русскіе или туземцы, это все равно; заведутъ вѣроятно и тѣ и другіе. Успѣхи М. А. Балакирева въ постановкѣ оперъ Глинки въ Прагѣ, концертовъ г. Славянскаго на славянскомъ юго-западѣ, замѣтное распространеніе, среди западныхъ славянъ, различныхъ русскихъ пѣсенъ, романсовъ и музыкальныхъ пьесъ показываетъ, что съ русскими книжными магазинами устроятся и нотные, что за русскимъ языкомъ и русскою книгою войдутъ въ общее употребленіе и созданія русской музыки и русскія театральныя представленія.

Эти возрастающіе въ западно-славянскихъ земляхъ привычка и вкусъ, влеченіе и сочувствія къ русскому искусству, литературѣ и наукѣ не останутся безъ воздѣйствія на русскую жизнь и образованность. Станетъ расти и множиться число русскихъ туристовъ и путешественниковъ въ этихъ прекрасныхъ странахъ славянскаго юго- и сѣверо-запада. Величавыя и прелестныя картины природы карпатскихъ, балканскихъ и родопскихъ странъ, Чехіи, Моравіи, Стиріи, Крайны, Хорватіи, Далмаціи, Босніи, Герцеговины, Черной Горы и Македоніи, разнообразнѣйшіе народные костюмы, орнаменты, типы, нравы, различныя явленія прошлаго и современнаго быта всѣхъ юго- и сѣверо-западныхъ славянскихъ народовъ послужатъ сюжетами, темами и мотивами будущихъ картинъ, оперъ и другихъ музыкальныхъ созданій, поэмъ, драмъ и романовъ, сдѣлаются предметомъ разнообразнѣйшихъ и глубокихъ розысканій послѣдующихъ русскихъ антропологовъ, языковѣдовъ, археологовъ и историковъ. И тогда духовныя наши связи со всѣми западно-славянскими землями еще болѣе укрѣпятся. Вмѣстѣ съ тѣмъ завяжутся и утвердятся и связи экономическія и торговыя.

„Все это, скажутъ, мечты и гаданія о будущемъ". Но вѣдь о будущемъ не помышляютъ и не задумываются только дикари да развѣ еще общества совершенно изжившія, самодовольныя, вредь ничего себѣ не ожидающія. Люди же, общества и народы, желающіе жить и развиваться, не пренебрегаютъ правда прошедшимъ, но всегда заняты и мыслью о будущемъ. Въ этихъ мечтахъ и гаданіяхъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, невѣроятнаго и невозможнаго. Если бы кто у насъ черезъ годъ послѣ Парижскаго мира сказалъ, что не пройдетъ и тридцати лѣтъ, какъ вся почти Болгарія отъ Дуная до Балкановъ и отъ Балкановъ до Филиппополя и Бургаса будетъ свободна, русскій языкъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Австро-Венгріи распространится до нынѣшнихъ размѣровъ и на Черномъ морѣ снова будетъ русскій военный флотъ, то вѣдь всѣ благоразумные и даже просто ношлые люди единогласно бы воскликнули: такія-де мечты и гаданія просто бредъ съумасшедшаго. Еще въ моей молодости, въ первое мое, слишкомъ двухлѣтнее, путешествіе по славянскимъ землямъ, я пораженъ былъ влеченіемъ разной славянской молодежи къ нашей литературѣ, и тогда же пришелъ къ убѣжденію въ великомъ будущемъ русскаго языка за предѣлами Россіи. Слѣдя постоянно за славянскими текущими новостями, заглядывая вновь, время отъ времени, въ славянскія земли, и никогда совершенно не прерывая письменныхъ съ ними сношеній, я только радовался послѣдующимъ успѣхамъ русскаго языка въ земляхъ славянскихъ. Но нынѣшнимъ лѣтомъ я поѣзжалъ у сербовъ и проѣхалъ на долгихъ по Болгаріи и Румеліи слишкомъ шестьсотъ верстъ, и долженъ откровенно сознаться, я былъ

истинно изумленъ и пораженъ тѣмъ распространеніемъ русскаго языка, которое я самъ видѣлъ и осязалъ. Ни разу въ моей молодости, когда всѣ мы не любимъ видѣть большихъ преградъ нашей любимой мечтѣ, я не смѣлъ помышлять, что лѣтъ черезъ двадцать и гдѣ-нибудь въ славянскихъ земляхъ увижу нѣчто подобное тому, что видѣлъ нынѣшнимъ лѣтомъ у сербовъ и особенно въ Болгаріи. Дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія. Мы, русскіе интеллигенты, любимъ вообще какъ-то раскисать, предаваться довольно впрочемъ спокойному отчаянію, преувеличивать всякія трудности дѣла, особенно когда въ немъ требуется наше дѣятельное участіе. Мы охотно въ такихъ случаяхъ хватаемся за кого-нибудь третьяго, накидываемся на него съ упреками, что онъ все дѣло намъ испортилъ и что теперь уже ничего не поправишь и ничего не подѣлаешь. Приходится, говоримъ мы себѣ, сложить руки и ожидать лишь новыхъ неудачъ или ударовъ. Но дѣло въ томъ, что какія бы ошибки ни были надѣланы и ни дѣлаются нами относительно славянства, нѣтъ тутъ ничего такого, что бы оправдывало часто нынѣ слышимыя рѣчи: „тамъ-де у насъ все потеряно". Пусть были ошибки, но вѣдь ошибокъ было много и на сторонѣ нашихъ противниковъ. Постараемся же чужія понять и ими воспользоваться, дабы поправить свои. И время не ушло и обстоятельства не неблагопріятны. Нѣкоторыя ошибки наши были впрочемъ неизбѣжными, и онѣ исправлены или исправляются дѣйствіями нашихъ противниковъ. Это замѣчаніе наше особенно относится къ Сербіи. Какъ въ области механики, такъ и въ исторической жизни нельзя ничего выиграть, чего нибудь не потерявши. Но смѣшно слышать, что теперь-де у насъ, послѣ берлинскаго трактата, все потеряно. Какъ онъ для насъ ни непріятенъ, все же странно его сравнивать съ парижскимъ и не замѣчать, что, и послѣ берлинскаго, *тамъ* не только все не потеряно, но напротивъ очень много выиграно. Нужно только ясно смотрѣть на вещи, не преувеличивать силъ противниковъ и не умалять своихъ силъ ни въ своемъ, ни въ чужомъ мнѣніи. Точно также смѣшно и напрасно предаваться унынію и отчаянію и по отношенію къ русской литературѣ. Она не должна и не можетъ уходить въ одну публицистику. Да и стѣсненіе и пониженіе послѣдней можетъ быть только временнымъ. Словесность и наука всегда могутъ проложить себѣ новые пути, привлечь къ себѣ свѣжія и сильныя дарованія. Человѣческій духъ и мысль, только сами предварительно павши и понизившись, могутъ быть стѣсняемы и уродуемы извнѣ. Привычка извѣстныхъ обществъ все жаловаться и плакаться на умственное безсиліе и на отсутствіе систематическихъ плановъ въ одномъ мѣстѣ, на апатію и недостатокъ энергіи въ другомъ, есть дурная привычка. Практическія и распорядительныя силы никогда съ неба не падаютъ, а берутся изъ тѣхъ же странъ и обществъ, и всегда служатъ имъ же отраженіемъ. Взятая Гоголемъ въ эпиграфъ Ревизора старинная наша пословица: „На зеркало неча пенять..." справедлива и понынѣ. Идеи и система, бодрость и энергія являются въ обществахъ, не ждя приказаній и разрѣшеній. Но идеи и система не выходятъ готовыми и совершенными, какъ Паллада во всеоружіи изъ головы Зевсовой, добываются не нахрапомъ, а медленнымъ трудомъ и созрѣваютъ постепенно, органически. Надо воспитывать въ себѣ привычки самодѣятельности, не бояться траты времени и усилій, не пренебрегать падающимъ на руки дѣломъ, какъ бы оно мало ни казалось. Всякая добрая и дѣльная мысль, приводимая въ осуществленіе даже малою кучкою людей, уже разгоняетъ въ окружающихъ сонливость и апатію, возбуждаетъ въ нихъ энергію мысли и воли. Задача снабженія славянскихъ земель русскими книгами не касается однихъ только членовъ Петербургскаго и другихъ Славянскихъ Обществъ, но относится до всѣхъ русскихъ людей, кому только дороги интересы русской литературы и образованности. Смѣю думать, что какъ Петербургское, такъ и другія Славянскія Общества оказали бы большую услугу Россіи, еслибъ рѣшились заняться этимъ дѣломъ, подобно тому, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по почину покойнаго И. П. Петрова, Петербургское наше Общество занималось сборомъ и посылкою русскихъ книгъ въ Болгарію и Румелію.

III. Третья важная задача нашего Общества заключается, по моему мнѣнію, въ возможной помощи и содѣйствіи единовѣрнымъ намъ болгарамъ и сербамъ въ ихъ благородныхъ успѣхахъ къ развитію высшаго образованія въ ихъ народномъ духовенствѣ. Освобожденіе Болгаріи и, еще не окончательное и состоявшееся пока только de facto, присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи, открыло Балканскій полуостровъ самому широкому вліянію европейскаго запада, и съ тѣмъ вмѣстѣ самой усиленной пропагандѣ римско-католической и протестантской. Довольно грязная волна австро-венгерской культуры самой низшей пробы разливается теперь безпрепятственно по Сербіи и по Болгаріи главнѣйше черезъ Бѣлградъ и черезъ Рущукъ. Мы, русскіе, на себѣ испытали, въ прошломъ особенно столѣтіи, что значитъ это умственное подчиненіе восточнаго славянства западной Европѣ. Но какая громадная разница между Россіею Петра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ и между Сербіею короля Милана Обреновича или Болгаріею князя Александра Баттенберга! Великая же разница и между Европою тогдашнею и нынѣшнею. Тогда Европа не имѣла и сотой доли современныхъ свободныхъ капиталовъ, не имѣла понятія о нынѣшней системѣ кредита, не страдала ни излишествами индустріализма, ни избыткомъ населенія, не знала желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и телеграфовъ, не располагала и малостью нынѣшнихъ наступательныхъ средствъ культурнаго себѣ порабощенія странъ малыхъ и неразвитыхъ. Съ громомъ Полтавской побѣды вошла Россія въ политическую

систему тогдашней Европы, не спрашивая ея соизволенія, не ища ея покровительства. У Россіи тотъ же часъ старыя великія державы стали заискивать, домогаться ея союза и помощи. Таково ли отношеніе современныхъ европейскихъ державъ къ слабой и малой Сербіи Обреновича или къ малой и слабой Болгаріи Баттенберга? Вытѣсненная изъ Италіи, выгнанная изъ союза германскаго, Габсбургская монархія, въ короткое время, безъ особыхъ усилій и мудрости, обратила Сербію, только что оффиціально провозглашенную независимою и королевствомъ, въ вассальное къ себѣ отношеніе, въ экономическую и политическую отъ себя зависимость. Та-же судьба неминуемо угрожала бы только что освобожденной отъ турокъ Болгаріи, если бы Баттенбергу удалось подольше насладиться устроеввымъ имъ *преваторомъ*.

Сближеніе наше съ Европою съ начала XVIII в. породило духъ подражательности со всѣми его крайностями. Но она охватила не всю Россію и не весь народъ русскій. Все ограничивалось Петербургомъ, Москвою и однимъ служилымъ сословіемъ, дворянствомъ, одними только верхними слоями общества. Но и въ нихъ, благодаря непрерывному теченію прежней самобытной исторіи и цѣлому ряду новѣйшихъ побѣдъ русскаго оружія надъ лучшими арміями Европы, шведской, турецкой, прусской, французской, жила и развивалась національная гордость, всегда мѣшавшая полнѣйшему торжеству неразборчивой подражательности. Громадность русскихъ разстояній, неудовлетворительность путей сообщенія, крѣпкій бытъ многочисленнаго крестьянства, вѣками сложившаяся своеобычность духовнаго и купеческаго сословія, чисто-народный характеръ русской арміи были всегда несокрушимыми преградами всякимъ страстнымъ попыткамъ объевропеизованія или онѣмеченія Россіи. У сербовъ, у болгаръ самостоятельная народная исторія совершенно оборвалась за три, за четыре столѣтія назадъ. У первыхъ она началась собственно только въ XII в., у вторыхъ начавшись въ половинѣ IX-го она прерывалась затѣмъ почти на два вѣка (XI—XII вв.). Въ продолженіе четырехъ слишкомъ вѣковъ турецкаго владычества (съ конца XIV, съ начала XV в.). сербы и болгаре не имѣли своего государства, ни своей національной династіи, ни войска, ни администраціи. Богатые независимые классы бояръ и крупныхъ землевладѣльцевъ обратились въ мусульманство и стали турками; сколько нибудь сильное и независимое купечество и высшее духовенство турчилось и гречилось; прекратилось и пошло даже назадъ, на цѣлыя столѣтія, всякое умственное движеніе въ народѣ, рѣдѣли и исчезали школы. Есть у насъ правда охотники сравнивать и отожествлять турецкое иго надъ югозападными славянами, съ татарскимъ владычествомъ надъ сѣверною и восточною Русью. Но тутъ гораздо меньше сходства, чѣмъ различія. Въ самую тяжелую пору зависимости нашей отъ орды, отъ Калкинской (1224 г.) до Куликовской битвы (1380 г.), сѣверная и восточная Русь сохраняла своихъ князей, свое войско, свою администрацію. Нельзя сказать, но крайней мѣрѣ, про сѣверъ, что тогда падала грамотность, остановилось развитіе образованія, словесности, искусствъ. Русская гражданственность и образованность уже видимо развиваются и успѣваютъ въ XV в. Еще несомнѣннѣе поступательное ихъ движеніе въ XVI и XVII в., когда уже состоялось воссоединеніе части южной и западной Руси съ сѣверо-восточною. Къ началу XVIII в., ко времени открытаго наступленія на насъ Европы, Россія уже не находилась относительно ея въ такомъ младенческомъ и безпомощномъ состояніи, въ какомъ находится теперь славянское населеніе Босніи, Герцеговины, Македоніи и даже отчасти нынѣшней Болгаріи, Румеліи и самой Сербіи. Хотя положеніе Сербіи, Болгаріи и Румеліи неосновримо выше положенія несчастныхъ австрійско-турецкихъ земель: Босніи, Герцеговины, Македоніи, но и первыя для разумной и успѣшной борьбы съ наступающимъ и подчиняющимъ ихъ европейскимъ вліяніемъ также вовсе неготовы. Въ значительной части ихъ интеллигенціи нѣтъ еще сознанія всей опасности ихъ положенія. Для этого нужно обширное образованіе и привычка къ критикѣ разнообразныхъ явленій высшаго порядка. Эти же силы духовныя развиваются только общественно. Въ строгомъ же смыслѣ у болгаръ и сербовъ, хотя немало, особенно у послѣднихъ, образованныхъ людей, настоящее общество еще не успѣло сложиться. Правда, и въ этомъ отношеніи серьбы подвинулись уже гораздо дальше болгаръ.

Но, повторяю, и у нихъ, какъ и у болгаръ настоящаго общества не имѣется, потому что средній уровень женскаго образованія у тѣхъ и у другихъ довольно еще низокъ, почти нѣтъ независимаго класса людей зажиточныхъ и состоятельныхъ съ хорошимъ образованіемъ, съ литературными и художественными вкусами, вся текущая періодическая литература состоитъ почти исключительно изъ однихъ, большею частью, дрянныхъ или тощихъ газетъ. Правда, сербская литература въ этомъ отношеніи гораздо богаче и выше болгарской, но и она очень еще обѣдна книгами для общаго чтенія людей образованныхъ. Есть у сербовъ нѣсколько отдѣльныхъ ученыхъ и нѣсколько научныхъ крупныхъ трудовъ (Караджича, Даничича) и нѣсколько болѣе или менѣе основательныхъ ученыхъ изслѣдованій, въ десяткахъ томовъ Гласника, сборника Чупича, Отачбины, Лѣтописи сербской Матицы, но все это довольно случайно, частно и мелочно, и науки настоящей еще не составляетъ. Такой недостатокъ ученой литературы объясняется отсутствіемъ въ Сербіи настоящаго высшаго учебнаго заведенія. Такой недостатокъ въ свою очередь извиняетъ и оправдываетъ это самое отсутствіе. Въ самомъ дѣлѣ, главная школа бѣлградская никоимъ образомъ не можетъ быть приравниваема къ университету. Но нынѣшней спеціализаціи наукъ и по громадности требуемыхъ расходовъ на заведеніе и содержаніе всѣхъ

необходимыхъ при университетѣ научныхъ учрежденій, какъ-то: библіотеки, кабинетовъ, лабораторій, клиникъ, обсерваторій, Сербія со своимъ экономическимъ положеніемъ еще долго будетъ не въ состояніи подумать объ устройствѣ настоящаго университета. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалось бы и преобразованіе гимназій, дабы поднять и приблизить ихъ къ университетскому преподаванію. Для всего этого понадобится столько денежныхъ и умственныхъ силъ, что о близкомъ ихъ появленіи въ Сербіи рано еще мечтать. Нѣтъ ничего удивительнаго, что у болгаръ среднее, высшее и спеціальное образованіе стоитъ еще гораздо ниже, чѣмъ у сербовъ. Между тѣмъ и у сербовъ и у болгаръ все сильнѣе даетъ себя чувствовать потребность въ людяхъ высшаго и спеціальнаго образованія. Это же образованіе молодежь обречена получать только за границею. Проживая подолгу напр. въ западной Европѣ или Америкѣ, молодые сербы и болгары незамѣтно для себя пріобрѣтаютъ не мало общихъ воззрѣній и частныхъ пристрастій австрійскихъ, германскихъ, швейцарскихъ, французскихъ, сѣверо-американскихъ и, возвратившись на родину, чаще невольно и безсознательно, а иногда завѣдомо и умышленно, помогаютъ завоевательному напору западной культуры, которая съ каждымъ теперь годомъ все сильнѣе обхватываетъ со всѣхъ сторонъ сербовъ и болгаръ. Большая часть этой сербской и болгарской интеллигенціи представляетъ изъ себя удивительную и несогласимую смѣсь самыхъ разнообразныхъ понятій и воззрѣній, привычекъ, вкусовъ и влеченій. Все это служитъ не къ образованію и скрѣпленію общества, а къ преждевременному разложенію его зачатковъ, къ раздѣленію и дробленію интеллигенціи на разныя противоположные толки и партіи, источники и начала коихъ находятся внѣ родины. Все это проценты съ чужаго капитала. Если очень немногіе изъ этихъ сербовъ и болгаръ ворочаются на родину убѣжденными католиками и протестантами, то большинство ихъ всячески привозитъ домой полнѣйшее равнодушіе, а иногда и презрѣніе къ Церкви, къ православію, словомъ западно-европейскія воззрѣнія на него, возникшія и созрѣвшія на почвѣ католической и протестантской. Но православіе у болгаръ и сербовъ вмѣстѣ съ своеобразнымъ крѣпкимъ бытомъ ихъ сельскаго люда составляетъ единственную силу, опираясь на которую они могутъ успѣшно бороться съ наступающимъ на нихъ австро-венгерскимъ вліяніемъ, съ германизмомъ, съ католическою и протестантскою пропагандою. Вслѣдствіе грубаго индиферентизма къ вопросамъ вѣры и нравственности, къ духовнымъ идеаламъ, и подъ вліяніемъ не опознанныхъ, обыкновенно принимаемыхъ за общечеловѣческія, мѣстныхъ и національныхъ, западно-европейскихъ, католическихъ или протестантскихъ воззрѣній или ученій, выросшихъ на католической и протестантской почвѣ, въ сербской интеллигенціи, а частію уже и въ болгарской, начинаетъ укореняться убѣжденіе, что о просвѣщеніи духовенства нечего заботиться. Для народовъ-де нужны теперь реальныя, положительныя знанія, а заботы о церквахъ, о духовномъ образованіи — это-де *биготерія*, какъ мнѣ сказалъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Бѣлградѣ одинъ изъ сербскихъ сановниковъ. Также, конечно, думаетъ и извѣстный своимъ цинизмомъ молодой король Миланъ, столь отличившійся и въ дѣлѣ митрополита Михаила и въ знаменитомъ усмиреніи Зайчарскаго мятежа. Также начинаютъ уже думать и разные горожане сербы, лавочники, купцы, просвѣтившіе себя въ торговыхъ поѣздкахъ въ Пештъ и въ Вѣну. Черезъ нѣсколько дней послѣ бесѣды съ министромъ въ Бѣлградѣ, мнѣ случилось разговаривать съ однимъ сербомъ, содержателемъ гостинницы въ одномъ изъ придунайскихъ городовъ Болгаріи. Говоря о новой большой церкви и о новой гимназіи, построенныхъ въ этомъ городѣ послѣ освобожденія, сербъ трактирщикъ замѣтилъ мнѣ: „постройку гимназіи я одобряю, это дѣло полезное, но на церковь я бы не далъ ни гроша, это совершенно безполезная трата денегъ. На построеніе церквей прошло уже время: „то су, господине, поповски даħани“...,—„это, сударь, поповскія лавочки и больше ничего“. Разлейся и утвердись въ цѣлой Сербіи эта *образованность, свободная отъ предразсудковъ*, столь ревностно распространяемая въ Сербіи теперешнимъ правительствомъ и массою заѣзжихъ и запружающихъ Балканскій полуостровъ австрійскихъ и прочихъ культуртрегеровъ и барышниковъ, и вопросъ объ обращеніи юго-славянскихъ земель полуострова въ южно-германскіе Мекленбурги, Бранденбурги, Помераніи и Силезіи будетъ вопросомъ только времени. Распространите и утвердите то же гнилое направленіе и въ туземной интеллигенціи болгарской, и болгарамъ ничто не помѣшаетъ раздѣлить участь, уготовляемую Австро-Венгріею и ея вассалами въ Бѣлградѣ для сербовъ. Но по счастью для славянства, въ народахъ сербскомъ и болгарскомъ и въ лучшихъ изъ ихъ образованныхъ представителей уже явилось и растетъ сознаніе опасности положенія и необходимости правильной борьбы съ этимъ напирающимъ на нихъ съ запада завоевательнымъ движеніемъ. Уже довольно давно извѣстная часть сербовъ и значительная часть болгаръ привыкла получать высшее свое образованіе не въ западной Европѣ, а въ Россіи. Положимъ во время нашего Sturm- и Drang-Periode немало было печальныхъ и мрачныхъ явленій въ нашей школѣ и образованности, но и тогда не вся же наша молодежь, а только меньшая часть ея окончательно надламывалась и погибала. За это время немало можетъ быть свихнулось и между учащеюся въ Россіи болгарскою и сербскою молодежью. Но и тутъ былъ извѣстный только процентъ. Быть можетъ неменьшій процентъ пропадалъ и среди юго-славянской молодежи, учившейся въ это время въ Европѣ. Зато большинство болгарской и сербской, воспитанной въ Россіи, мо-

лодежи никогда почти не проникалось горделивымъ презрѣніемъ европейскаго запада къ своему народу, къ своей бѣдной, некультурной родинѣ и къ ея наивнымъ, по формѣ, но глубокимъ, по содержанію, идеаламъ. Какъ про сербскую, такъ и про болгарскую интеллигенцію, получившую образованіе въ Россіи, можно съ увѣренностью сказать, что если она иногда отличается меньшимъ лоскомъ и ловкостью, чѣмъ такъ называемые парижіи, швабы, или у болгаръ англизованные и американизованные протестанты (воспитанники константинопольскаго Robert-College или воспитанные въ Америкѣ), зато она всегда почти ближе къ своему народу, глубже понимаетъ насущныя потребности и задачи своихъ отечествъ, серьезнѣе глядитъ на трудности сопринкновенія ихъ народной жизни съ европейскою. Примѣръ знакомой имъ Россіи съ ея недостатками и достоинствами, съ труднымъ прогрессомъ ея новаго развитія, научилъ эту часть сербской и болгарской интеллигенціи понимать всѣ опасности этого необходимаго, однако, сближенія ихъ народовъ съ Европою. Хотя и внутри этой русско-болгарской и русско-сербской интеллигенціи есть разногласія и партіи, но все же въ ней больше единства и согласія, чѣмъ между европейско-болгарскою и европейско-сербскою интеллигенціею. Оно и понятно, ибо первая всегда и рѣшительно народнѣе, чѣмъ послѣдняя. Есть одна спеціальность высшаго образованія, для изученія которой болгарская и сербская молодежь исключительно теперь (прежде первая еще ѣздила въ Аѳины) должна ѣздить въ Россію. Разумѣю богословское образованіе. Потребность въ немъ для Болгаріи и Сербіи все сильнѣе теперь возрастаетъ съ современнымъ усиленіемъ средствъ все возрастающей нынѣ на Балканскомъ полуостровѣ католической и протестантской пропаганды. Въ нынѣшнемъ устройствѣ дѣла духовнаго образованія сербовъ и болгаръ въ Россіи есть немалыя неудобства. Средняя школа въ Болгаріи и въ Сербіи стоитъ гораздо ниже нашей. Если болгары и сербы пріѣзжаютъ въ Россію для богословскаго образованія еще мальчиками, то они успѣваютъ вступать въ академію совершенно приготовленными къ слушанію высшихъ курсовъ; если же они пріѣзжаютъ уже взрослыми юношами, то изъ уважительнаго сипсхожденія къ ихъ иностранному происхожденію и къ тому обстоятельству, что они не остаются въ Россіи, а уѣзжаютъ на родину по окончаніи курса, имъ даются разныя льготы скорѣе, впрочемъ въ ущербъ, чѣмъ въ пользу ихъ высшему образованію. Этихъ взрослыхъ славянскихъ молодыхъ людей принимаютъ нерѣдко въ духовныя наши академіи, хотя они не въ состояніи выдержать окончательнаго испытанія въ семинаріи. Они обыкновенно бываютъ незнакомы ни съ еврейскимъ, ни съ греческимъ, ни часто даже и съ латинскимъ языкомъ, не знаютъ и философскихъ и богословскихъ предметовъ въ объемѣ нашихъ семинарскихъ требованій.

Второй случай, само собою, имѣетъ нѣкоторыя удобства передъ первымъ. Десяти—двѣнадцатилѣтній мальчикъ ни самъ себѣ еще не можетъ уяснить, ни другимъ не позволяетъ опредѣлить и предугадать, способенъ ли онъ къ высшему и именно духовному образованію. Далѣе болгаринъ и серъ, прожившіе лѣтъ 8—10 въ Россіи, отвыкаетъ отъ своей родины, разучивается своему языку, между тѣмъ, какъ близость къ народу и отличное знаніе своего роднаго языка—необходимыя условія успѣшнаго дѣйствія проповѣди и вообще благотворнаго вліянія на народъ духовныхъ его пастырей. Второй же случай, когда пріѣзжаютъ для поступленія въ академіи взрослые болгары и сербы, неудобенъ тѣмъ, что по неподготовленности своей они никогда почти не могутъ получить у насъ настоящаго высшаго богословскаго образованія.

Есть одно только средство для исправленія указанныхъ неудобствъ и недостатковъ нынѣшняго духовнаго образованія болгаръ и сербовъ въ Россіи. Средство это такого рода, что удайся его осуществленіе, оно можетъ имѣть громадное и въ высшей степени благотворное значеніе не для одной Сербіи или Болгаріи, но и для Россіи и даже для всѣхъ странъ и народовъ нашего православнаго Востока. Это такого рода предпріятіе, которое превосходитъ и средства и кругъ дѣйствія нашего Общества. Но мы, члены его, какъ русскіе люди, какъ граждане русскаго государства и какъ сыны Церкви, можемъ и, кажется, имѣемъ священную обязанность дѣйствовать словомъ и убѣжденіемъ въ пользу успѣха этой мысли. Она состоитъ въ томъ, чтобъ исподатайствовать ко дню празднованія тысячелѣтія блаженной памяти славянскихъ Первоучителей, разрѣшеніе открыть въ народѣ по Имперіи подписку и общій по всей Россіи церковный кружечный сборъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, на образованіе капитала для устройства и заведенія, по близости отъ сооружаемаго на Шипкѣ въ Балканахъ православнаго русскаго храма, примѣрно въ г. Габровѣ *) (городѣ съ крѣпкимъ народнымъ духомъ, съ самою старою и лучшею въ Болгаріи гимназіею)—*Кирилло-Меѳодіевской* богословской семинаріи высшихъ курсовъ съ еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языкомъ, съ отдѣленіями, въ коихъ бы преподавались для желающихъ, по выбору, болгарскій, сербскій, ново-греческій, румынскій языки. Должно бы тутъ образовать отдѣленіе съ арабскимъ и турецкимъ языкомъ для приготовленія миссіонеровъ среди мусульманъ болгарскаго и сербскаго происхожденія; наконецъ въ М. Азіи, въ на-

*) У насъ, въ Россіи, нѣмцы имѣютъ, какъ напримѣръ въ Петербургѣ, нѣмецкія Петер- и Анненшуле съ правами русскихъ гимназій. Въ Болгаріи протестанты свободно заводятъ протестантскія школы для болгарскихъ дѣтей. Не сомнѣваемся, что габровцы не только не встрѣтятъ препятствій, но, напротивъ, примутъ эту мысль съ сочувствіемъ и не откажутся помогать ея осуществленію.

селеніи подъ Синопомъ и Трапезундомъ сохраняются еще преданія христіанскія и тайное расположеніе къ вѣрѣ предковъ.

Въ эту Кирилло-Меѳодіевскую семинарію съ русскими профессорами и мѣстными преподавателями (болгарскаго, сербскаго, румынскаго языковъ, литературы и исторіи) могли бы поступать не только болгарскіе юноши изъ Болгаріи, Румеліи и Македоніи для приготовленія въ духовныя наши академіи или для примаго вступленія на служеніе Церкви. Сюда бы могли пріѣзжать и юноши сербскіе изъ Сербіи, Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи, Черной Горы, Далмаціи и изъ Венгріи. Сюда бы могли поступать и юноши румынскіе изъ Добруджи и Валахіи. Здѣсь бы, наконецъ, могли пребывать по два, по три года русскіе молодые богословы-академики, заявившіе свою любовь и интересъ къ исторіи восточныхъ церквей. Они бы спеціально могли заниматься, живя въ Габровѣ и разъѣзжая въ лѣтнее время по разнымъ краямъ Болгаріи и сосѣднихъ странъ, изученіемъ мѣстныхъ нарѣчій, церковныхъ древностей, исторіи, современнаго положенія различныхъ помѣстныхъ православныхъ церквей. Такимъ бы образомъ воспитывалось и приготовлялось среди болгаръ, сербовъ, румынъ прекрасно образованное національное духовенство, готовое для полемики и борьбы съ католиками и протестантами, для миссіи среди мусульманскихъ единоплеменниковъ: невѣроятно и неестественно полагать, что сербы и болгары потурченики и номаки навѣчно уже оторваны отъ духовнаго общенія и единства со своими единокровными братьями-христіанами, и что эти ариѣцы по крови и давніе нѣкогда христіане такъ на всегда и останутся мусульманами. Въ такой семинаріи среди мѣстнаго населенія могла бы выработаться и закалиться цѣлая школа русскихъ духовныхъ дѣятелей, глубокихъ и живыхъ знатоковъ не русскаго православнаго міра. Нынѣ въ цѣломъ православномъ мірѣ все живѣе и живѣе ощущается потребность выйти, наконецъ, изъ той разрозненности, отчужденности и взаимнаго невѣдѣнія, въ которыхъ къ немалому своему несчастію пребываютъ и томятся помѣстныя православныя церкви. Русская церковь должна же наконецъ имѣть постоянныхъ представителей при каждой изъ иностранныхъ помѣстныхъ православныхъ церквей. Она должна имѣть въ средѣ своей іерарховъ, пастырей, ученыхъ богослововъ, преподавателей, писателей и спеціалистовъ практиковъ, которые бы во всякое время владѣли самыми современными и точными свѣдѣніями обо всѣхъ текущихъ явленіяхъ и происшествіяхъ внутренней и внѣшней жизни каждой изъ помѣстныхъ церквей, дабы наше церковное правленіе и государственныя власти никогда не были застигаемы врасплохъ и не приходили въ недоумѣніе, при каждомъ новомъ особенномъ случаѣ, требующемъ участія и голоса Россіи, въ духовныхъ дѣлахъ Востока, всегда были готовы немедленно принять наилучшія мѣры для отраженія ударовъ противника, силенъ ли онъ внѣшнею своею организаціею и дисциплиною или наукою и личною инціативою и энергіею. Только обладая цѣлою грудою такихъ людей, высокообразованныхъ, ученыхъ и вмѣстѣ живыхъ знатоковъ Востока, во всемъ его разнообразіи, Церковь наша воспріиметъ и осуществитъ въ возможной полнотѣ присущій духу и преданіямъ православія характеръ и организмъ вселенской соборной Церкви.

Говоря о важнѣйшихъ потребностяхъ и задачахъ Славянскаго Общества въ настоящее время, я невольно перешелъ къ обще-русскимъ задачамъ по отношенію къ западному славянству и странамъ намъ единовѣрнымъ. Столь же невольно соединились оба предложенія мои съ наступающимъ празднованіемъ тысячелѣтней памяти славянскихъ Первоучителей.

Уже нѣсколько лѣтъ назадъ было задумано двумя, даже тремя нашими учеными обществами одно важное предпріятіе—ученая экспедиція на Балканскій полуостровъ. По нѣкоторымъ ея отдѣламъ была выработана въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, особою комиссіею, при пособіи многихъ ученыхъ, цѣлая программа вопросовъ. По важности и обширности своихъ задачъ, эта экспедиція, хорошо снабженная учеными и матеріальными силами и пособіями, продлилась бы года четыре и потребовала бы крупной суммы денегъ. Было бы въ высшей степени умѣстно и цѣлесообразно двинуть и это прекрасное и великое дѣло ко дню празднованія тысячелѣтія славянскихъ Первоучителей, бывшихъ, со своими учениками, уроженцами и просвѣтителями разныхъ краевъ полуострова.

Какъ цѣлый рядъ ученыхъ русскихъ экспедицій въ Азіи обогатилъ міръ знанія массою новыхъ открытій и свѣдѣній, навсегда прославившихъ русское имя въ наукѣ, такъ точно и давно задуманная ученая экспедиція на Балканскій полуостровъ могла бы составить эпоху въ лѣтописяхъ просвѣщенія и пріобрѣла бы Россіи новое право на благодарность всего образованнаго міра.

Каждое новое замѣчательное царствованіе преемниковъ Петра Великаго ознаменовывало себя рядомъ славныхъ научныхъ предпріятій, совершенныхъ подъ ближайшимъ покровительствомъ и съ могучею непосредственною помощью вѣнценосныхъ вождей русскаго народа, этихъ прирожденныхъ охранителей и покровителей православнаго Востока, христіанскаго населенія Балканскаго полуострова. Внуку и Сыну двухъ Царей, совершившихъ военныя экспедиціи на Балканскій полуостровъ для освобожденія нашихъ единовѣрцевъ и сонлеменниковъ, не суждено ли судьбой прославить Свое царствованіе между прочимъ и снаряженіемъ мирной ученой экспедиціи въ страны, прославленныя подвигами и памятниками древнихъ грековъ и римлянъ, связанныя кадрекле съ нашимъ отечествомъ самыми торжественными и трогательными преданіями и воспоминаніями, усѣянныя костями и политыя кровью нашихъ славянскихъ и русскихъ братьевъ со временъ Олега и Свя-

тослава до новѣйшихъ дней, наконецъ освобожденныя и призванныя къ новой жизни цѣлымъ рядомъ изумительныхъ жертвъ и подвиговъ русскаго народа?..

Послѣ рѣчи В. И. Ламанскаго, покрытой рукоплесканіями, М. О. Кояловичъ сообщилъ объ имѣющейся у него и приготовленной имъ къ изданію тайной переписке іезуитовъ при Петрѣ I, пробравшихся въ Москву въ 1698 г., подъ видомъ простыхъ латинскихъ священниковъ. Переписка эта представляетъ высокій интересъ. Изъ нея видно, какіе широкіе планы имѣли іезуиты касательно Россіи и съ какимъ искусствомъ ихъ развертывали, какъ они завели въ Москвѣ училище и заманивали въ него дѣтей знатныхъ людей, какъ они подкапывались подъ славяно-греко-латинскую академію, какъ они, наконецъ, пріобрѣтали себѣ друзей среди тогдашнихъ государственныхъ людей. Въ заключеніе М. О. Кояловичъ указалъ на важность изученія этого рода дѣлъ въ виду новыхъ замысловъ іезуитовъ и на средства противодѣйствія подобнымъ замысламъ, при чемъ кратко очертилъ основныя положенія такъ называемыхъ славянофиловъ.

Въ заключеніе засѣданія были избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

VI.

9 ДЕКАБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

По открытіи засѣданія г. предсѣдателемъ былъ доложенъ собранію и собраніемъ утвержденъ, безъ измѣненій, проектъ смѣты доходовъ и расходовъ Общества на 1885 г.

Затѣмъ, г. секретарь доложилъ собранію, что:

а) собраніемъ, состоявшимся 8 мая 1884 г., было, между прочимъ, постановлено: согласно доклада Совѣта о ходатайствѣ Сербо-Лужицкой Матицы въ Будышинѣ выдать ей въ ссуду, на три года, изъ запаснаго капитала, 2.000 талеровъ или, по нашему курсу, около 3.000 р., подъ залогъ имущества Матицы, для погашенія ея долга конкурсу А. Д. Башмакова, въ 6.000 талеровъ; б) конкурсъ по дѣламъ г. Башмакова изъявилъ согласіе принять означенную сумму въ погашеніе долга Матицы конкурсу; в) правленіе Сербо-Лужицкой Матицы ходатайствовало о выдачѣ ей ссуды подъ долговое лишь обязательство, а не подъ залогъ имущества Матицы; обязываясь погасить ссуду въ теченіе трехъ лѣтъ; и г) Совѣтъ Общества, принимая въ соображеніе положеніе названной Матицы и выгоды, представляемыя для нея отъ соглашенія съ конкурсомъ г. Башмакова, полагалъ-бы удовлетворить это послѣднее ея ходатайство.

По выслушаніе этого доклада, г. предсѣдатель предложилъ на разрѣшеніе собранія вопросъ: угодно-ли собранію выдать конкурсу А. Д. Башмакова подъ обязательство правленія Сербо-Лужицкой Матицы, на предлагаемыхъ ею условіяхъ, 2.000 талеровъ, по курсу, изъ запаснаго капитала?

Вопросъ этотъ собраніемъ рѣшенъ единогласно въ утвердительномъ смыслѣ.

Послѣ того, В. К. Саблеръ доложилъ собранію о предположеніяхъ, выработанныхъ Меѳодіевскою комиссіею и Совѣтомъ Общества относительно чествованія 6 апрѣля 1885 г.—дня 1000-лѣтія блаженной кончины славянскаго Первоучителя св. Меѳодія.

По выслушаніи этого доклада, нѣкоторыми изъ гг. членовъ Общества были сдѣланы новыя предложенія: о внесеніи 6 апрѣля въ календарь, объ установленіи въ этотъ день поѣзда, о провозглашеніи имени св. Первоучителей во время богослуженія послѣ имени св. Николая чудотворца, объ устройствѣ церковнаго празднованія на мѣстѣ родины св. Первоучителей и въ мѣстахъ ихъ первоначальной проповѣднической дѣятельности, о паломничествѣ въ Велеградъ, о приглашеніи славянъ въ Россію и нѣкоторыя другія.

Всѣ эти предложенія, какъ необышія въ разсмотрѣніи Совѣта, собраніе постановило передать въ Совѣтъ, на его обсужденіе, съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ въ слѣдующемъ же собраніи представилъ свои по означеннымъ предположеніямъ соображенія и заключенія.

Послѣдовавшее, затѣмъ, предложеніе г. предсѣдателя, о выраженіи благодарности И. С. Пальмову за труды его по разсмотрѣнію присланныхъ соискателями премій жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія и объ увеличеніи кредита въ 6.000 р., разрѣшеннаго собраніемъ на предметъ чествованія 6 апрѣля 1885 г. къ позаимствованію изъ запаснаго капитала—еще на 1000 р. изъ того же капитала, безвозвратно, въ виду того, что для одобренныхъ къ напечатанію жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія потребуется вдвое болѣе бумаги, а также въ виду выраженнаго многими желанія сброшюровать эти жизнеописанія въ обложку съ виньеткою,—собраніе рѣшило также въ утвердительномъ смыслѣ.

Значительнѣйшая часть времени была занята, за тѣмъ, обсужденіемъ предложенія В. И. Ламанскаго—объ объявленіи 6 апрѣля конкурса на соисканіе Меѳодіевской преміи, въ 2.000 р., съ позаимствованіемъ означенной суммы изъ запаснаго капитала и съ погашеніемъ ея въ теченіе десяти лѣтъ условными частями.

Предложеніе В. И. Ламанскаго собраніемъ было принято единогласно, причемъ В. И. Ламанскій, по просьбѣ собранія, взялъ на себя трудъ выработать въ подробностяхъ тему на соисканіе означенной преміи, которую и предположено объявить въ торжественномъ собраніи 7 апрѣля.

Въ заключеніе были избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

1885 ГОДЪ.

Въ 1885 г. состоялось 8 засѣданій, въ томъ числѣ четыре—14 февраля, 7 апрѣля, 13 мая и 21 ноября—торжественныя. Въ этихъ засѣданіяхъ происходило слѣдующее:

I.

20 ЯНВАРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

По открытіи засѣданія, г. секретарь прочиталъ докладъ Совѣта по поводу ходатайства одной Славянской Матицы о выдачѣ ей въ ссуду 2.000 талеровъ, на условіяхъ, нѣсколько отличныхъ отъ принятыхъ общимъ собраніемъ, состоявшимся 8 мая 1884 г.

Въ виду изложенныхъ въ ходатайствѣ Матицы соображеній и согласно заключенія Совѣта, собраніе единогласно разрѣшило выдать изъ запаснаго капитала въ ссуду испрашиваемые Матицею 2.000 талеровъ, по курсу, подъ ея долговое обязательство, срокомъ на три года.

Затѣмъ предсѣдатель Меѳодіевской комиссіи, В. К. Саблеръ, доложивъ собранію о работахъ комиссіи и ея предположеніяхъ о возможно торжественномъ чествованіи блаженной памяти св. Меѳодія и обративъ особенное вниманіе собранія на труды П. С. Пальмова, разбиравшаго, по просьбѣ комиссіи, жизнеописанія славянскихъ Первоучителей, представленныя на соисканіе объявленныхъ Обществомъ премій, довелъ до свѣдѣнія собранія, что изъ числа разсмотрѣнныхъ г. Пальмовымъ рукописей, двѣ, признанныя за наилучшія, уже печатаются. Но такъ какъ самый объемъ печатаемыхъ сочиненій превыситъ предположенный ранѣе, а именно: одна рукопись займетъ три печатныхъ листа, а другая будетъ напечатана на двухъ листахъ, на что потребуется кредитъ болѣе опредѣленнаго въ 6.000 р., и такъ какъ многими членами Общества заявлено желаніе имѣть жизнеописанія въ обложкѣ, украшенной рисункомъ, а также отпечатать какой-либо гимнъ св. Кириллу и Меѳодію, то Меѳодіевская комиссія и постановила, съ согласія Совѣта, ходатайствовать предъ собраніемъ объ увеличеніи опредѣленнаго уже кредита въ 6.000 р. еще на 1.000 р., съ ассигнованіемъ этой суммы изъ запаснаго капитала.

Докладъ этотъ собраніе утвердило единогласно.

Послѣдовавшія за тѣмъ заявленія нѣкоторыхъ членовъ, по поводу чествованія 6 апрѣля, собраніе постановило передать въ Меѳодіевскую комиссію, на ея усмотрѣніе.

Послѣ того, В. И. Ламанскій предложилъ собранію разрѣшить Совѣту: объявить въ торжественномъ собраніи, имѣющемъ быть въ память тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, конкурсъ на соисканіе премій въ 2.000 р. за лучшее сочиненіе на тему объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ.

Собраніе, принявъ предложеніе В. И. Ламанскаго, просило его изложить предлагаемую имъ для конкурса тему болѣе подробно и, затѣмъ, поручило Совѣту доложить эту тему, а также и условія конкурса въ одномъ изъ слѣдующихъ общихъ собраній.

Въ заключеніе г. предсѣдатель предложилъ собранію, отъ имени Совѣта, избрать въ почетные члены Общества: галицко-русскаго уніатскаго священника Іоанна Григорьевича Наумовича и редактора галицкой газеты „Слово" В. М. Площанскаго и въ дѣйствительные члены—предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ.

Предложеніе это собраніемъ принято единогласно.

II.

14 ФЕВРАЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный Леонтій, архіепископъ варшавскій и холмскій, епископъ Флавіанъ, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и болѣе 1000 посторонніхъ посѣтителей. Собраніе было открыто г. предсѣдателемъ, при чемъ онъ, обратясь къ архіепископу Леонтію, просилъ его принять на себя почетное предсѣдательство, на что его высокопреосвященство и изъявилъ свое согласіе.

Затѣмъ, съ благословенія архипастыря, былъ пропѣтъ хоромъ А. А. Архангельскаго концертъ: „Вознесу Тя, Боже мой".

Послѣ того, по установившемуся обычаю, г. секретарь, по предложенію г. предсѣдателя, прочиталъ слѣдующій отчетъ Совѣта о дѣятельности Славянскаго Общества въ 1884 г.

Мм. Гг.

Истекаетъ 17-й годъ со времени учрежденія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ этотъ относительно недолгій срокъ своего существованія Славянское Общество уже во второй разъ беретъ на себя починъ въ дѣлѣ пробужденія въ русскомъ народѣ сознанія необходимости торжественнаго чествованія памяти св. Кирилла и Меѳодія, Первоучителей славянскихъ.

Въ первый разъ это было въ 1869 г., по случаю исполнившагося тогда 1000-лѣтія со дня блаженной кончины св. Кирилла, составителя славянской азбуки, а во второй разъ, въ минувшемъ году, по случаю приближающагося 1000-лѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія.

И то, и другое событія несомнѣнно имѣютъ и для насъ, и для всего славянства глубокое, міровое значеніе.

Но можно убѣжденно сказать, что эти событія могли бы пройти совершенно незамѣтными въ общественной жизни, если бы, въ свое время, но вочину мужей истинно православныхъ и истинно русскихъ, не возникли Славянскія Общества, поставившія себѣ задачею сохраненіе и очищеніе высокихъ истинъ православнаго христіанства отъ всякихъ новшествъ и накопившихся вѣками чуждыхъ православію придатковъ, сохраненіе народныхъ обычаевъ и охраненіе своего хорошаго отъ слѣпаго порабощенія чужому.

Въ западномъ мірѣ, часть обитателей котораго исповѣдуетъ православную вѣру, памятъ о св. Кириллѣ и Меѳодіи жива, но въ мірѣ, отторгшемся отъ православія, въ мірѣ католическомъ, день 1000-лѣтія кончины св. Кирилла, въ 1869 г., прошелъ незамѣченнымъ. Только въ 1882 г. католическій міръ придалъ громадное, по преимуществу—политическое значеніе чествованію славянскихъ первоучителей — св. Кирилла и Меѳодія и принимаетъ нынѣ чрезвычайныя мѣры, чтобы возможно пышно, по своему, отпраздновать въ Велеградѣ 1000-лѣтіе кончины св. Меѳодія.

Насъ обвиняютъ, что мы не принимаемъ такихъ же мѣръ, какъ тамъ, на западѣ, въ мірѣ для насъ если не совсѣмъ чуждомъ, то все-таки отдѣленномъ послѣ раздѣленія Церкви, и мы обязаны и должны заявить во всеуслышаніе, что, глубоко чтя память и заслуги славянскихъ Просвѣтителей, мы находимъ немыслимымъ придавать такому высокому духовному торжеству характеръ ему несвойственный, могущій умалить самое торжество, долженствующее быть — въ своей идеѣ — чистымъ и высокимъ, безъ малѣйшихъ политическихъ оттѣнковъ. Мы находимъ вполнѣ достаточнымъ, если вся православная Русь—великое наслѣдіе просвѣтительно-религіозной заботливости нашихъ Первоучителей — будетъ чтить и славить ихъ имена во всѣхъ святыхъ храмахъ своихъ отъ моря и до моря...

Убѣждены мы и въ томъ, что и другіе православные народы будутъ чествовать великій день 6 апрѣля молитвами, а не демонстраціями.

И такъ, наше Общество сослужило уже службу въ религіозномъ сознаніи русскаго народа, вызвавъ въ памяти его заслуги славянскихъ Первоучителей — св. Кирилла и Меѳодія.

Сознаніе это подерживаетъ насъ въ дальнѣйшемъ служеніи нашемъ на пользу православной Руси и всего славянства. Чуждые манифестацій, мы стараемся неуклонно идти по стопамъ тѣхъ мужей, которые положили основу Славянскимъ Обществамъ, не обращая никакого вниманія на политическій барометръ. Мы идемъ ихъ же дорогою, знакомя Русь со славянствомъ и славянство съ Русью, въ предѣлахъ намъ доступныхъ, помогая, по мѣрѣ средствъ, тѣмъ нашимъ славянскимъ родичамъ, которые въ насъ нуждаются и къ которымъ мы не иначе относимся, какъ къ самымъ близкимъ, дорогимъ нашимъ братьямъ.

И внутренній голосъ говоритъ намъ, что, служа этимъ цѣлямъ, по мѣрѣ средствъ нашихъ, мы служимъ высоко-нравственному дѣлу, которому прежде насъ посвятили свои силы лучшіе, благороднѣйшіе люди, именами которыхъ гордится весь славянскій міръ.

Теперь позвольте ознакомить васъ съ дѣятельностью Общества въ минувшемъ году.

Къ 1 января 1885 г. въ Обществѣ состояло членовъ: почетныхъ 29, пожизненныхъ 52 и дѣйствительныхъ, уплатившихъ взносы за 1884 г., 140 ч.

Въ теченіе 1881 г. избраны въ почетные члены: Николай Яковлевичъ Данилевскій, извѣстный своими учеными и общественными заслугами, въ пожизненные—архіепископы: Леонтій—холмскій и варшавскій, Макарій—нижегородскій, Никандръ—тульскій, Тихонъ—волынскій преосвященный Гервасій, епископъ левкійскій и членъ Государственнаго Совѣта Григорій Павловичъ Галаганъ, и въ дѣйствительные: архіепископы: Іоаѳанъ—ярославскій, Палладій—казанскій и Палладій—тамбовскій; епископы: Александръ—костромскій, Арсеній — ладожскій, Донатъ—рижскій, Неофитъ—туркестанскій, Феогностъ—владимірскій, Ѳеоктистъ—рязанскій и 36 другихъ, предложенныхъ совѣтомъ кандидатовъ.

Съ глубочайшею сыновнею признательностію привѣтствуемъ мы столь знаменательное вступленіе высокопочтенныхъ святителей земли русской въ составъ членовъ нашего Общества, надѣясь, при ихъ благотворной помощи, осуществить многія изъ задачъ, предлежащихъ намъ въ нашей дѣятельности по отношенію къ православнымъ славянскимъ народамъ.

Въ минувшемъ году наше Общество понесло и тяжелыя утраты. Почили два почетные члена Общества: протоіерей Михаилъ Ѳеодоровичъ Рлевскій и извѣстный серб.-лужицкій патріотъ и ученый Иванъ Ивановичъ Смоляръ, и дѣйствительный членъ Общества Иванъ Ѳеодоровичъ Шрамекъ.

Миръ праху почившихъ дѣятелей, много потрудившихся и для нашего Общества и для всего славянскаго міра, и вѣчная имъ память!

Въ 1884 г. состоялось 6 общихъ собраній (въ томъ числѣ 2 торжественныя—14 февраля и 11 мая).

Собранія 15 января, 8 мая и 9 декабря

были посвящены обсужденію нѣкоторыхъ вопросовъ по текущимъ дѣламъ, по внесеннымъ въ Совѣтъ предложеніямъ о чествованіи 6 апрѣля 1885 г.—1000-лѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія—и о выдачѣ ссуды одной славянской матицѣ. Собранія же—14 февраля, 11 мая и 15 ноября были посвящены чтеніямъ, предложеннымъ нашими многоуважаемыми сочленами, профессорами: М. О. Кояловичемъ, В. И. Ламанскимъ и О. О. Миллеромъ.

Первый ознакомилъ собраніе съ „происками іезуитовъ въ Москвѣ при Петрѣ Великомъ"; второй—выяснилъ „западно-славянскіе вопросы, занимательные для насъ и въ мирное время", сообщилъ воспоминанія „о покойномъ протоіереѣ М. О. Раевскомъ" и представилъ свои соображенія о томъ, „чего намъ особенно желать и что намъ нужнѣе дѣлать въ западно-славянскихъ земляхъ", а послѣдній прочиталъ статью Янко Краля: „О Людевитѣ Штурѣ" и сообщеніе почетнаго члена К. Н. Бестужева-Рюмина: „По поводу честнованія 1000-лѣтія памяти св. Меѳодія".

Въ торжественномъ собраніи 14 февраля, послѣ прочитаннаго г. секретаремъ отчета о дѣятельности Общества въ 1883 г., были объявлены двѣ темы на соисканіе премій: Кирилло-Меѳодіевской и въ память А. Ѳ. Гильфердинга. Темы на эти премія были въ свое время опубликованы и въ нашихъ „Извѣстіяхъ" и въ разныхъ журналахъ и газетахъ.

Въ томъ же собраніи 14 февраля, послѣ прочитаннаго г. секретаремъ приглашенія къ пожертвованіямъ въ пользу страждущихъ Галичанъ, высокопреосвященнѣйшій Платонъ, митрополитъ кіевскій и галицкій, напомнивъ присутствующимъ о христіанской братской любви и святомъ долгѣ братской помощи, показалъ первый своимъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ помогать ближнимъ, подписавъ отъ себя 300 р. Его примѣру послѣдовали присутствовавшіе въ собраніи: высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ московскій, высокопреосвященный Савва, архіепископъ тверскій, предсѣдатель Общества П. П. Дурново и др., такъ что подписка въ тотъ же вечеръ дала болѣе 1.700 р. Деньги эти отправлены по назначенію.

Въ день памяти св. Кирилла и Меѳодія, 11 мая, утромъ, въ Исаакіевскомъ соборѣ были отслужены особенно торжественно литургія и молебенъ св. Первоучителямъ всѣми синодальными членами. Слово предъ молебномъ сказалъ членъ Общества, свящ. М. И. Соколовъ. Вечеромъ состоялось торжественное собраніе членовъ въ большомъ залѣ городской думы.

Особенною торжественностію отличалось общее собраніе 15 ноября. Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ 12 русскихъ іерарховъ. Въ жизни Петербургскаго Славянскаго Общества такое событіе нельзя не отмѣтить, ибо такого собора іерарховъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ обществъ никогда не бывало, и память о высокой чести, какой удостоилось наше Общество, должна сохраниться навсегда въ его лѣтописяхъ.

Прибывшихъ іерарховъ привѣтствовалъ отъ имени Общества, членъ Совѣта, В. К. Саблеръ.

Засѣданій Совѣта въ 1884 г. состоялось 19. Онѣ посвящены были обычной его дѣятельности и разсмотрѣнію просьбъ пріѣзжающихъ въ Россію славянъ о пособіи и назначеніи имъ стипендій (изъ числа первыхъ 19 удовлетворено, 8—переданы на разсмотрѣніе въ Комиссію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ, пять же изъ нихъ, какъ не подходящія подъ условія обязательной дѣятельности Общества, отклонены).

Въ 1884 г. на попеченіи Общества было 20 стипендіатовъ.

На содержаніе ихъ израсходовано 2.653 р.

Изъ числа стипендіатовъ—12 окончили свое образованіе и одинъ—галицкій-русскій, Владиміръ Наумовичъ, сынъ свящ. І. Г. Наумовича, раздѣлявшій вмѣстѣ съ почтеннымъ родителемъ своимъ заточеніе по извѣстному Львовскому процессу, безвременно угасъ... Миръ праху его!

Къ 1885 г. на попеченіи Общества остались: 1 болгаринъ—въ пансіонѣ г. Минкова, въ г. Николаевѣ, 1 болгаринъ—въ пріютѣ „Ясли", въ Петербургѣ и 5 сербовъ изъ Герцеговины—въ с.-петербургской духовной семинаріи.

На единовременныя пособія 19 пріѣзжимъ славянамъ выдано 649 р.

Въ пособіе славянскимъ школамъ отправлено 500 р.

На высылку въ славянскія земли русскихъ газетъ и журналовъ и на покупку и пересылку книгъ употреблено 866 р. 46 к.

На выдачу постоянныхъ и единовременныхъ пособій раненымъ добровольцамъ и семействамъ убитыхъ израсходовано 2.080 р. 50 к.

На пособіе православнымъ церквамъ употреблено 1.293 р. 75 к.

На наемъ квартиры для помѣщенія Совѣта Общества и библіотеки, на общія собранія, засѣданія Совѣта, собранія гг. членовъ еженедѣльно по понедѣльникамъ, на веденіе дѣла и на наемъ служащихъ израсходовано 4.075 р.

Кромѣ исчисленныхъ расходовъ, въ 1884 г. Совѣтъ Общества изъ отпущенныхъ въ его распоряженіе общими собраніями кредитовъ послалъ въ пособіе нѣкоторымъ славянскимъ семействамъ 2.800 р. и употребилъ на приготовленіе къ чествованію дня 1000-лѣтія кончины св. Меѳодія 3.482 р.

Изданіе въ 1884 г. „Извѣстій" Обществу обошлось въ 3.874 р. 31 к.

Въ 1884 г. Обществу получало въ обмѣнъ на свои „Извѣстія" до 50 газетъ и журналовъ русскихъ и заграничныхъ.

Кромѣ „Извѣстій", въ славянскія земли высылалось въ 41 пункта 116 экземпляровъ русскихъ газетъ и журналовъ.

На соисканіе объявленныхъ отъ имени Общества премій за жизнеописаніе св. Кирилла и Меѳодія въ Совѣтъ Общества къ 1 сентября 1884 г. поступило 36 сочиненій. По просьбѣ Совѣта, разсмотрѣніе всѣхъ представленныхъ сочиненій приняль на себя П. С. Пальмовъ.

На основаніи представленнаго имъ разбора сочиненій и заключенія Издательской Комиссіи, Совѣтъ Общества одобрилъ къ напечата-

нію два лучшія изъ представленныхъ соискателями Меѳодіевскихъ премій сочиненія, съ девизами, первое: „Воспойте Господеви пѣснь нову“ и второе: „Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но сѣть ихъ сокрушися, и избави ны отъ истлѣнія ихъ“, причемъ Совѣтъ, въ засѣданіи 18 ноября, постановилъ: объявить имена авторовъ въ торжественномъ собраніи 14 февраля 1885 г. и выдать въ томъ же собраніи премію: первому—въ 300 р., а второму—въ 150 р., сочиненія же ихъ напечатать каждое въ количествѣ 50.000 экз.

Имена авторовъ напечатанныхъ нынѣ жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія: перваго—*Павелъ Михайловичъ Зиковъ* и втораго: членъ нашего Общества — *Зинаида Гавріиловна Вилькъ*.

Для всесторонней разработки спеціальныхъ вопросовъ и для успѣшнаго веденія нѣкоторыхъ дѣлъ, Совѣтъ Общества въ минувшемъ году выдѣлилъ изъ своей среды особыя комиссіи: одну для обсужденія вопросовъ о чествованіи 1000-лѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія, другую—для установленія церковнаго сбора въ пользу „нуждающихся славянъ“ и третью—для устройства литературно-музыкальныхъ вечеровъ и концертовъ. Въ составъ этихъ комиссій вошли члены Совѣта: В. И. Аристовъ, В. К. Саблеръ и В. Г. Чубинскій.

Дѣятельность первой комиссіи была сосредоточена на составленіи общаго плана всенароднаго чествованія 1000-лѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія, на основаніи поступившихъ на ея разсмотрѣніе предложеній по этому предмету, на изданіи къ этому дню изготовленнаго, по ея приглашенію, академикомъ М. О. Микѣшинымъ изображенія св. Кирилла и Меѳодія и двухъ лучшихъ жизнеописаній св. Первоучителей, представленныхъ соискателями Меѳодіевской преміи, и на выработку общаго плана чествованія 6 апрѣля.

Вторая комиссія исходатайствовала разрѣшеніе святѣйшаго синода на сборъ пожертвованій „въ пользу нуждающихся славянъ“ и получила отъ всѣхъ почти епархіальныхъ преосвященныхъ увѣдомленія о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ о разстановкѣ въ церквахъ ввѣренныхъ имъ епархій кружекъ для сбора пожертвованій съ указанною цѣлью.

Третья комиссія въ минувшемъ году устроила: 11 марта—духовный концертъ въ залѣ дворянскаго собранія. 13 апрѣля—литературно-музыкальный вечеръ въ залѣ Кононова и 8 и 19 іюля—два спектакля въ императорскомъ петергофскомъ театрѣ. Послѣдній изъ этихъ спектаклей изволили удостоить своимъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица. Результатъ дѣятельности этой послѣдней комиссіи выразился въ поступленіи въ кассу Общества 996 р.

Въ заключеніе Совѣтъ Общества считаетъ долгомъ ознакомить васъ съ исполненіемъ смѣты, утвержденной нами на 1884 г.

По смѣтѣ ожидалось поступленій 14.711 р. 1 к., поступило же 17.819 р. 53½ к., а именно:

	По смѣтѣ: руб.	к.	Поступило: руб.	к.
по расходному капиталу вмѣсто.	12.818	31 —	13.479	48½
по основному капиталу.	1.171	32 —	2.608	59
по запасному капиталу	—	—	717	—
по издательскому фонду	213	7 —	803	12
и по спеціальнымъ капиталамъ. . .	211	34 —	211	31

А всего—вмѣсто 14.714 4 — 17.819 53½ т. е. болѣе на 3.105 р. 49½ к.

Расходъ по смѣтѣ на 1884 г. былъ опредѣленъ въ 13.818 р., дѣйствительно же израсходовано 13.142 р. 76 к.

а именно:	По смѣтѣ: руб.	к.	Израсход. руб.	к.
на администрацію—вмѣсто.	3.600	—	4.075	2
на пособіе церквамъ . .	1.360	—	1.293	75
на воспитаніе славянъ .	3.500	—	2.653	—
на пособіе раненымъ добровольцамъ	2.558	—	2.080	60
на пособіе школамъ . .	700	—	500	—
на разсылку книгъ, газетъ и журналовъ въ славянскія земли. . .	500	—	866	46
на пособіе пріѣзжимъ славянамъ	500	—	649	—
на пособіе литературнымъ предпріятіямъ .	500	—	1.324	93
Всего.			13.442	76

т. е., менѣе противу смѣты на 375 р. 24 к.

Въ остаткѣ къ 1 января 1885 г. въ кассѣ Общества было:

	руб.	к.
расходнаго капитала. . .	626	33
передаточныхъ суммъ . .	672	32
основнаго капитала . . .	59.490	13½
запаснаго капитала . . .	151.784	41½
капитала болгарскаго братства просвѣщенія . . .	149	94
на преміи: А. Ѳ. Гильфердинга	4.152	45½
на описаніе Червоиной и Угорской Руси	386	11½
Всего .	217.263	64½

Они заключаются: въ % бумаг.—212.100 р., на текущемъ счетѣ учетно-ссуднаго банка—1.694 р. 31 к. и въ наличныхъ деньгахъ—3.469 р. 33½ к.

Предложенный благосклонному вниманію вашему отчетъ за 1884 г. свидѣтельствуетъ, что дѣятельность нашего Общества не измѣняетъ своему первоначальному направленію и остается неуклонно вѣрною своимъ задачамъ.

Затѣмъ проф. М. О. Кояловичъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

О Грюнвальденской битвѣ 1410 г.

Преосвященнѣйшіе архипастыри,
милостивые государи и государыни.

Чѣмъ ближе къ намъ великій славянскій день, 6-е апрѣля, тѣмъ естественнѣе и намъ переноситься мыслями къ старымъ славянскимъ временамъ, и, имѣя въ виду великую объединительную силу подвига нашихъ славянскихъ апостоловъ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаться на тѣхъ моментахъ нашей славянской исторіи, когда разные славянскіе племенные ручьи сливались въ единое русло и затѣмъ разбѣгались опять въ разныя стороны и почему разбѣгались. На одномъ изъ такихъ моментовъ, когда славянскія силы объединились и сейчасъ же разъединились, я и остановлю ваше, мм. гг., вниманіе.

Прошу перенестись почти за четыреста семьдесятъ пять лѣтъ отъ настоящаго времени,—къ 1410 году, къ половинѣ іюля, когда у Грюнвальда и Танненберга или, какъ обозначаютъ мѣстности наши русскія лѣтописи, „межи грады Дубровны и Острода", происходила знаменитая битва соединенныхъ силъ Литовскаго княжества и Польскаго королевства съ Прусскимъ рыцарскимъ орденомъ. Это выйдетъ на правой сторонѣ нижней Вислы, на югъ отъ Маріенбурга, въ нынѣшней восточной Пруссіи.

Въ польскихъ книгахъ, во многихъ нѣмецкихъ, насколько ихъ знаю, и даже въ нѣкоторыхъ русскихъ побѣдная слава въ этой битвѣ приписывается полякамъ. Въ такомъ видѣ эта побѣда воспроизведена и на извѣстной картинѣ художника Матейки.

Я представлю вашему вниманію, мм. гг., картину значительно иного рода. На этой картинѣ, если съумѣю ясно нарисовать ее передъ вами, вы, можетъ быть, увидите вверху отраженіе нравственной силы нашей славной Куликовской битвы. Затѣмъ вы увидите великій сборъ военныхъ силъ Литовскаго княжества, Польскаго королевства и силъ другихъ странъ, даже не славянскихъ! Въ подробностяхъ битвы передъ нами, безъ сомнѣнія, обрисуется выдающаяся доблесть русскихъ полковъ Смоленской области, до сихъ поръ мало признанная. Еще ниже вы увидите темныя краски, обозначающія величайшее славянское неразумѣніе. Затѣмъ еще ниже увидите еще болѣе темныя краски возмутительнаго оскорбленія и униженія, какимъ вскорѣ подвергнуты были русскія силы западной Россіи.

Эти послѣднія краски, а, можетъ быть, и вся картина, будутъ яснѣе, когда вы увидите рѣжущій глаза блескъ и свѣтъ вѣроисповѣднаго вопроса, ударившіе въ эти темныя краски. На этомъ вѣроисповѣдномъ вопросѣ я остановлю нѣсколько ваше вниманіе, сдѣлаю сближеніе съ современнымъ настроеніемъ умовъ въ славянскомъ мірѣ и выскажу нѣкоторыя пожеланія непритязательнаго свойства.

Такова моя программа. Прошу вашего снисходительнаго вниманія къ посильному выполненію ея.

Наша Куликовская битва имѣла великое значеніе не въ одной восточной Россіи. Кромѣ восточной Россіи и татарскаго міра, нравственное ея вліяніе простиралось далеко на западъ, въ тогдашнее Литовское княжество, и отразилось даже на Грюнвальденской битвѣ, которая походила на Куликовскую даже внѣшнимъ своимъ ходомъ.

Знаменитымъ побѣдителямъ Мамая на Куликовомъ полѣ не пришлось пожинать сейчасъ же законнѣйшихъ плодовъ ихъ великаго подвига,—сознанія и признанія, что за этимъ подвигомъ послѣдуютъ благотворнѣйшія для ихъ родины послѣдствія его,—сверженіе татарскаго ига. Ихъ, конечно, встрѣчали при возвращеніи на родину побѣдные клики; замѣчали они, безъ сомнѣнія, въ своихъ сограждanахъ новый подъемъ народнаго духа; но все это на значительное время заглушалъ плачъ русской земли о множествѣ погибшихъ на Куликовомъ полѣ, а, затѣмъ, на Россію опять налегло хотя разбитое, но снова слаженное татарское иго со всѣми ужасами азіатскаго ига,—убійствами, плѣненіемъ, разореніемъ. Въ сохранившихся сказаніяхъ о Куликовской побѣдѣ, даже позднѣйшихъ, и нѣтъ сознанія, что эта побѣда разрушила татарское иго.

Но въ отдаленной отъ Москвы и Куликова поля русской странѣ,—въ бѣлорусскихъ лѣсахъ и болотахъ какой-то книжникъ усмотрѣлъ въ Куликовской побѣдѣ зарю освобожденія Россіи отъ татарскаго ига, и не только усмотрѣлъ эту зарю, но и прослѣдилъ ее отъ самаго возникновенія ея на русскомъ горизонтѣ. Мало того: онъ даже увидѣлъ и ощутилъ животворные лучи взошедшаго уже солнца старой русской свободы. Передѣлывая одно изъ сказаній о Куликовской битвѣ, онъ внесъ въ него свое разсужденіе, что московскіе и тверскіе князья, особенно Симеонъ Іоанновичъ и Дмитрій Іоанновичъ (Донской) сбросили съ русскихъ вый татарское иго и возстановили старую свободу своей государственности.

Можно думать, что такъ смотрѣлъ на Куликовскую битву не одинъ этотъ книжникъ, а и многіе его соотечественники. Есть основаніе думать, что ревность къ славѣ Куликовской побѣды запала въ великую душу знаменитаго тогдашняго литовскаго князя Витовта. Несомнѣнно, что онъ долго и сильно былъ занятъ мыслію не только поразить татаръ и свергнуть всякое иго ихъ надъ русскими, но и покорить татаръ своей власти. Съ этою мыслію онъ въ 1399 г. собралъ громадныя военныя силы, двинулъ и тогдашнее новое оружіе—артиллерію, и пошелъ, подобно Донскому, къ самымъ владѣніямъ татаръ; но на берегахъ рѣки Ворсклы потерпѣлъ страшное пораженіе,—потерпѣлъ пораженіе, „понеже отверженся православныя вѣры", замѣтилъ другой бѣлорусскій книжникъ, лѣтописецъ Авраамко, какъ бы поясняя мысль прежняго книжника тѣмъ, что дѣйствительное сверже-

ніе татарскаго ига возможно только русскими православными силами.

Но искорѣ пришлось русскимъ западной Россіи, повидимому, забыть этотъ высшій принципъ ихъ жизни, стать на другую точку зрѣнія и собирать свои силы и соединяться съ поляками во имя другихъ началъ для дѣла тоже великаго.

На отдаленной западной славянской окраинѣ, у той же нижней Вислы, незадолго до того времени, какъ въ битвѣ русскихъ съ татарами на Калкѣ сказалось предвѣстіе татарскаго ига, неразумными польскими руками мазовецкихъ князей заложено нѣмецкое гнѣздо, получившее названіе Прусскаго рыцарскаго ордена. Гнѣздо это устроилось, наполнилось птенцами, къ которымъ стали прилетать новые птенцы изъ разныхъ странъ Европы, по преимуществу изъ нѣмецкихъ странъ, и всѣ они сейчасъ же дали знать себя всему, что окружало ихъ. Кровію обливалась несчастная языческая Литва и превращалась въ пустыню. Не разъ даже бросали ее на произволъ судьбы сами литовскіе князья и уступали рыцарямъ, а когда не уступали или возвращали назадъ, то проливалась кровь и историческихъ сосѣдей Литвы—бѣлоруссовъ и вообще западноруссовъ. Изнывали отъ сосѣдства прусскихъ рыцарей и славянскія племена Поморской страны, сдавленныя нѣмецкою силою съ двухъ сторонъ—прусскимъ орденомъ и Бранденбургіей. Изнывали отъ той же причины и славяне Силезіи. Доставалось не разъ отъ рыцарей и Польшѣ. Прусскіе рыцари посягнули даже на достояніе своихъ историческихъ благодѣтелей, мазовецкихъ князей, и отняли у нихъ область Добрынскую или по польски Добржинскую. Изъ за этой то области, да изъ за Жмуди и подготовилась война, завершившаяся Грюнвальденской битвой.

Война эта оказывалась очень трудною даже для соединенныхъ силъ Литвы и Польши. Рыцари имѣли на своей сторонѣ много союзниковъ даже въ славянскихъ странахъ. Они уже успѣли произвести страшное разложеніе въ славянской средѣ. Они имѣли друзей и даже набирали полки и въ Поморской странѣ, и въ Силезіи. Ихъ сторону явно держалъ чешскій король Вячеславъ, избранный третейскимъ судьею для рѣшенія распри между Литовско-польскимъ государствомъ и Прусскимъ орденомъ изъ-за Добрынской земли и Жмуди и рѣшившій это дѣло самымъ пристрастнымъ образомъ. На ихъ сторонѣ былъ и венгерскій король Сигизмундъ—родственникъ тогдашняго польскаго короля Ягайлы, даже нашептывавшій коварные планы Витовту. И чешскій и венгерскій короли не скрывали, что, въ случаѣ войны, они будутъ поддерживать прусскихъ рыцарей. Съ другой стороны, собирали свои силы и готовились идти на помощь историческіе союзники прусскихъ рыцарей—ливонскіе рыцари. Внимательно присматривалась къ готовящейся войнѣ и восточная Россія, какъ видно изъ русскихъ лѣтописей. Можно сказать, что вся Европа внимательно смотрѣла на эту готовившуюся борьбу славянъ съ нѣмцами, получая жалобы на неправды отъ обѣихъ сторонъ, и не только присматривалась, но и высылала на защиту ордена своихъ борцовъ. Благодаря этому, прусскіе рыцари могли собрать и выставить слишкомъ восемьдесятъ тысячъ войска.

Въ Литвѣ и въ Польшѣ хорошо понимали историческую важность этого момента. Забывались разные племенные и областные счеты этихъ недавно и непрочно соединенныхъ государствъ, и всѣ бодро выходили на борьбу съ общимъ врагомъ. Бодро пошли литовскіе полки; пошли бѣлорусскіе полки и въ числѣ ихъ полки Смоленской области, подъ начальствомъ доблестнаго Юрія Лугвеніевича, тогдашняго князя мстиславскаго. Пошли многіе отряды малороссійскіе изъ Волынской, Кіевской и Подольской областей. Быстро и шумно собирали свои силы и поляки. Пошли на соединеніе съ этими силами многіе отряды изъ Чехіи, то наемныя дружины искателей приключеній, готовыхъ воевать и защищать всякаго, то ратоборцы за дѣло славянства—будущіе гуситы.

Къ соединеннымъ силамъ литовскимъ, русскимъ, польскимъ, чешскимъ привлечены были и войска татарскія, литовскіе и татарскіе колонисты и чисто татарское сарайское войско, слишкомъ тридцать тысячъ. Всего войска на сторонѣ Литвы и Польши было слишкомъ полтораста тысячъ.

Это громадное войско и подошло къ 15-му іюля къ названнымъ мѣстамъ—къ Грюнвальду и Таненбергу.

Грюнвальденская битва ясна и для неспеціалиста, и я изложу ея ходъ въ самомъ краткомъ видѣ не для военныхъ цѣлей и, тѣмъ менѣе, для цѣлей воинственныхъ.

Если смотрѣть со стороны монхъ достоуважаемыхъ слушателей, то литовско-польскія войска расположились почти на прямой линіи, съ небольшими загибами впередъ, почтъ тупымъ угломъ. На правой сторонѣ (со стороны слушателей) были литовско-русскія войска, на лѣвой—польскія. Сзади этихъ войскъ были резервы и обозы. За поляками стояло ордынское татарское войско.

Впереди литовско-польскихъ войскъ стало прусское рыцарское войско, за которымъ находились опорные его пункты—слѣва Грюнвальдъ, справа Таненбергъ, отъ которыхъ шли дороги къ центру литовско-польскаго войска. Нѣмцамъ необходимо было гдѣ-либо прорвать это войско, потому что обойти его съ какой-либо стороны было едва-ли возможно. Оно занимало слишкомъ большое пространство, и притомъ оба крыла его упирались въ болота, рѣчки, озера.

Передъ началомъ битвы въ литовско-русской и польской частяхъ соединеннаго славянскаго войска обнаружились рѣзко противоположныя особенности. Витовтъ и его литовско-русское войско скоро устроились и стояли нетерпѣніемъ сразиться. Ягайло медлилъ, и польское войско плохо устраивалось. Ягайло горячо отдавался дѣламъ благочестія. Извѣстно, что и нашъ Димитрій Донской отдавался, передъ походомъ на Донъ, великому благочестію. Но у Ягайлы вышло нѣчто иное

утрированное. Еще до прихода на поле битвы все войско (т. е. христіанская его часть) и его вожди исполнили христіанскія обязанности, исповѣдались и пріобщились. Ягайло счелъ нужнымъ еще исповѣдаться и пріобщиться и потому отстоялъ обѣдню, но затѣмъ опять сталъ слушать вторую обѣдню, а непріятель уже подходилъ, былъ на виду. Витовтъ понукалъ Ягайлу выѣзжать къ войску, начинать битву и насилу убѣдилъ его сѣсть на лошадь, но и на лошади Ягайло сталъ еще исповѣдываться. Подозрѣвали, впрочемъ, что онъ переговаривался съ духовникомъ на счетъ мирныхъ предложеній, которыхъ ожидалъ отъ рыцарей. Время, между тѣмъ, подходило къ полудню и непріятель стоялъ, готовый къ битвѣ, даже прислалъ Ягайлѣ и Витовту обидный вызовъ на битву. Витовтъ съ своимъ войскомъ такъ и началъ битву, не дождавшись общаго сигнала.

Понятно, что нѣмцы направили всю свою энергію, прежде всего, на это смѣлое литовско-русское войско. Они смяли первый его рядъ, затѣмъ они же и остатки самихъ смятыхъ надавили на второй рядъ, второй на третій, и большая часть праваго литовско-русскаго крыла ударилась въ бѣгство.

Предстояла опасность, что обнаружится правый бокъ польскаго войска; предстояла опасность, что обнаружится передъ нѣмцами даже часть тыла польскаго войска, потому что нѣмцы шли наискось и пробирались уже къ обозамъ; стала колебаться и подаваться назадъ и польская часть войска. Битва склонялась явно въ пользу нѣмцевъ. Литовскіе бѣглецы уже принесли въ Литву извѣстіе о совершеномъ пораженіи отъ нѣмцевъ. Въ побѣдѣ своей убѣждены были и нѣмцы и уже пѣли: Христосъ воскресе.

Но въ этотъ критическій моментъ спасли славянское дѣло и дали ему совсѣмъ иное направленіе доблестные смоленскіе полки. Они, какъ скала, стояли противъ нѣмцевъ и выдерживали всѣ ихъ натиски. Легъ костьми первый отрядъ, но устояли второй и третій, и это было тѣмъ важнѣе, что смоленскіе полки занимали мѣсто у центра войска, подлѣ поляковъ и почти противъ соединенія дорогъ изъ Грюнвальда и Таненберга, по которымъ двигались съ особенною силою нѣмцы. Смольняне защитили собою бокъ польскаго войска, дали ему время собраться опять съ силами и даже стали бить въ бокъ нѣмцамъ, уносившимся за литовскими бѣглецами.

Витовтъ, изнемогавшій въ усиліяхъ остановить, собрать и устроить бѣглецовъ, имѣлъ, однако, достаточно присутствія духа, чтобы понять величіе момента и доблести смольнянъ. Онъ послалъ имъ подкрѣпленіе, сталъ понукать Ягайлу, бывшаго сзади войска, выѣхать въ переднюю часть польскаго войска, чтобы одушевить его; самъ между тѣмъ сталъ командовать и своимъ оставшимся войскомъ и польскимъ.

Въ это время, неизвѣстно по чьей мысли, можетъ быть самого Витовта, отдѣлился одинъ отрядъ польскаго войска, пошелъ въ обходъ къ Грюнвальду и ударилъ въ бокъ подвинувшимся впередъ нѣмцамъ. Этотъ обходъ, возможный, какъ всякому очевидно, только при стойкости центра, т. е. при доблести смольнянъ, далъ значительно иной оборотъ битвѣ, которую польскіе писатели и назвали отъ этого Грюнвальденскою. За этимъ обходнымъ отрядомъ уже, безъ сомнѣнія, по указанію Витовта, понеслось къ Грюнвальду татарское войско и показало обычную свою способность побивать непріятеля сбоку и сзади. Одинъ новѣйшій нѣмецкій историкъ Польши, Каро, татарамъ и приписываетъ побѣду Грюнвальденскую, что, какъ видимъ, не можетъ быть принято, да и не одни татары понеслись за обходнымъ польскимъ отрядомъ. Понеслись и малороссійскіе конные отряды, казаки и забрались не только къ Грюнвальду, но и къ Таненбергу и даже оттуда били нѣмцевъ.

Послѣ этого уже ясенъ былъ исходъ битвы. Правда, было еще много дѣла, и дѣла уже больше всего для польскаго войска. Было тутъ еще не мало и важныхъ стычекъ. Даже жизнь Ягайлы была въ опасности, такъ какъ онъ оказался было слишкомъ впереди, причемъ обнаружилъ такую трусость, что звалъ для охраны себя отрядъ изъ самаго боя. Палъ храброю смертію и магистръ прусскаго ордена, Ульрихъ фонъ-Юнгингерръ.

Все это были, конечно, весьма важныя дѣла, въ которыхъ поляки много поработали, и понятно, почему польскіе писатели и Матейко остановили на нихъ главное свое вниманіе. Но всякому очевидно, что это были дѣла второстепенныя, третьестепенныя и такъ далѣе, а главное и первое дѣло, основа всего успѣха была въ доблести смольнянъ и въ Витовтѣ, который въ этой битвѣ проявилъ едва ли не въ высшей степени свой военный талантъ. Благодаря прежде всего этой доблести смольнянъ и этому таланту Витовта, и разбиты были нѣмцы на голову. Однихъ ихъ убитыхъ считали до сорока тысячъ; въ плѣнъ взяли до пятнадцати тысячъ; Прусскій орденъ могъ быть совершенно уничтоженъ.

Такъ кончилась славная Грюнвальденская битва. Но тутъ и конецъ ея славы. Затѣмъ слѣдовало невѣроятное неразумѣе. Ягайло обнаружилъ обычную свою медлительность и пристрастіе къ церемоніямъ, на этотъ разъ не только религіознымъ, но и побѣднымъ, и пропустилъ драгоцѣнное время для уничтоженія Прусскаго ордена. Только черезъ нѣсколько дней онъ двинулся съ войсками дальше, но дальше пришлось засѣсть у Мариенбурга, пришлось терпѣть и пораженія, а въ слѣдующемъ 1411 г. пришлось заключить миръ, по которому не только былъ признанъ Прусскій орденъ, но и получилъ назадъ всѣ свои земли; даже участь Жмуди не была рѣшена окончательно. Только уже почти черезъ полстолѣтіе, послѣ новыхъ войнъ, Прусскій орденъ поставленъ былъ въ ленныя отношенія къ Польшѣ, т. е. нѣмецкое гнѣздо отдано подъ надзоръ славянъ, непримиримымъ славянамъ, и всѣмъ извѣстно, какъ потомъ выросло это гнѣздо и какъ опять стало чувствительно славянамъ.

Но, что еще печальнѣе, ссйчасъ же послѣ

Грюнвальденской побѣды возникло странное раздумье—нужно ли добивать Прусскій орденъ; лучше ли будетъ, когда не станетъ ордена, а могущество Польши вырастетъ до небывалой степени. Это раздумье запало въ душу Витовта, который подъ разными предлогами и увелъ въ Литву свои войска изъ-подъ Маріенбурга, а вскорѣ затѣмъ раздумье это овладѣло и умами всей Западной Россіи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1413 г., побѣдители подъ Грюнвальденомъ—представители Литвы и Польши—собрались на общій сеймъ въ Городлѣ. На этомъ Городельскомъ сеймѣ скрѣплено новыми узами непрочное соединеніе Литвы съ Польшей, т. е. Литва поступилась новою долею своей независимости. Она тогда даже согласилась не имѣть особаго князя въ случаѣ смерти Витовта раньше Ягайлы. Представители Литвы и Польши тоже сближались, братались. Поляки пріобщали литовскихъ представителей къ своимъ панскимъ привилегіямъ и даже раздавали имъ свои гербы. Но польскіе гербы и панскія привилегіи раздавались только тѣмъ изъ литовскихъ представителей, которые приняли латинскую вѣру. А что же громадное большинство православныхъ русскихъ Литовскаго княжества? Они, въ томъ числѣ и доблестные смольняне, новогрудцы были болѣе и болѣе въ безправное положеніе; съ ними вскорѣ заговорили и о церковной особенности отъ восточной Россіи и о церковной уніи съ латинянами.

Такимъ образомъ, вѣроисповѣдный вопросъ, повидимому, совсѣмъ закрытый славянскою борьбою съ нѣмцами, предсталъ вдругъ во всей силѣ, сталъ могущественнѣе и узъ гражданскаго общежитія и даже узъ военнаго, побѣднаго братства соединенныхъ народовъ, и онъ раздѣлилъ ихъ.

И это была не случайная, не кратковременная сила вѣроисповѣднаго вопроса. Извѣстно, какъ твердо и тяжело она легла на дальнѣйшія историческія судьбы западной Россіи и самой Польши. Я не буду объ этомъ распространяться. Укажу лишь на три факта, одвородныхъ съ грюнвальденскимъ объединеніемъ Литвы и Польши. Въ началѣ XVI в. знаменитый литовскій гетманъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, вѣрнѣйшій слуга литовско-кольскаго государства, доказавшій эту вѣрность и тѣмъ, что не хотѣлъ оставаться въ восточной Россіи, куда попалъ въ плѣнъ, и даже тѣмъ, что потомъ побилъ восточно-русское войско, съ великимъ трудомъ былъ допущенъ въ соединенный литовско-польскій сенатъ потому только, что былъ православный. Черезъ столѣтіе, въ 1621 г., въ Хотинской битвѣ, большая доля побѣды поляковъ надъ турками принадлежитъ казакамъ, бывшимъ подъ начальствомъ знаменитаго гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, и однако сейчасъ же послѣ этой побѣды православные жители литовско-кольскаго государства объявлялись измѣнниками отечества и подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ за свою православную вѣру. Черезъ полстолѣтіе съ небольшимъ затѣмъ въ извѣстной Вѣнской побѣдѣ Собѣсскаго надъ турками не мало тоже поработали казаки, но неизвѣстно, знали-ли они, что передъ этой войною закидывалась, но неудачно, хитрая сѣть на западную Малороссію, чтобы притянуть ее, посредствомъ уніи, къ Польшѣ; а когда возвратились назадъ вѣнскіе побѣдители изъ русскихъ, то уже несомнѣнно и ясно увидѣли, что и вѣра ихъ вновь преслѣдуется, и заботливо уничтожается самое казачество.

Очевидно, сила вѣроисповѣднаго вопроса крѣпко держалась и сильно чувствовалась: по этимъ-то путямъ исторія дѣлала свое дѣло. Она скловила рѣшеніе этого вопроса на сторону правды,—возстановила въ концѣ-концовъ въ западной Россіи и старую православную вѣру, и старое законное преобладающее значеніе русскаго племени.

Не то-же-ли и теперь? Не такъ-же-ли велика и теперь сила вѣроисповѣднаго вопроса, и не вырабатываетъ-ли исторія и теперь данныя для его рѣшенія?

Гуманисты призываютъ во имя благороднѣйшихъ, не чуждыхъ и христіанству благъ цивилизаціи оставить въ сторонѣ вѣроисповѣдный вопросъ; реалисты призываютъ къ тому же во имя практическихъ благъ цивилизаціи или просто по пренебреженію къ вопросамъ вѣры, а вѣроисповѣдный вопросъ предстоитъ во всей силѣ и владѣетъ сердцами славянъ. И неудивительно. Онъ держится не только внутреннею силою христіанства, но и величіемъ міроваго подвига нашихъ славянскихъ апостоловъ.

На Западѣ давно это поняли. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ папа самымъ неожиданнымъ и страннымъ образомъ воздалъ честь нашимъ славянскимъ апостоламъ,—пріобщилъ ихъ къ лику святыхъ всей латинской церкви и ясно указалъ всему этому тотъ смыслъ, что церковная унія, какъ она теперь существуетъ, есть лучшее разумѣніе подвига нашихъ славянскихъ апостоловъ. Затѣмъ, тотъ же папа, въ союзѣ съ мрачнымъ полчищемъ іезуитовъ болѣе и болѣе закидываетъ на славянъ сѣть латинства и самое Велеградское торжество старается обратить въ средство, чтобы сильнѣе притянуть къ Риму славянъ и даже насъ потянуть или хотя посрамить.

А что-же мы, славяне православнаго, греко-славянскаго обряда? Есть у насъ или нѣтъ,—есть-ли такое слово, которое мы могли бы сказать другимъ славянамъ, которое откликнулось бы въ ихъ сердцахъ и направило бы ихъ въ иную сторону? Есть у насъ такое слово или нѣтъ? Безъ сомнѣнія, есть. Безъ сомнѣнія, оно уже на устахъ многомилліоннаго множества православныхъ славянъ, многими уже сказывается, да и сейчасъ (въ отчетѣ Славянскаго Общества) его можно было слышать, а только оно еще не объявлялось во всеобщемъ нашемъ сознаніи. Поэтому и я, не по какому-либо самомнѣнію, а просто потому, что и я—одинъ отъ этого множества православныхъ славянъ, могу думать, что и въ томъ, что сейчасъ скажу, будетъ хотя слабѣйшее отраженіе этого великаго слова православныхъ славянъ.

Мы, славяне православнаго вѣроисповѣданія, особенно мы, русскіе, безспорно законнѣйшіе и богатѣйшіе наслѣдники сокровища, оставленнаго нашими славянскими апостолами. Мы, славяне православные, особенно мы, русскіе, сберегли и пріумножили его въ нашихъ храмахъ. Мы, русскіе, пріумножили его въ нашей государственности, безспорно славянской, несмотря на давнія странія, можно сказать, всей Европы сдѣлать ее не славянскою. Мы пріумножили его въ нашей наукѣ, литературѣ, безспорно славянскихъ, при всѣхъ ихъ уклоненіяхъ, а нашъ русскій языкъ безспорно есть вѣрнѣйшій и богатѣйшій сынъ церковно-славянской грамоты св. Кирилла и Меѳодія.

Намъ, славянамъ православнымъ, особенно намъ, русскимъ, но всѣмъ правамъ принадлежитъ, не будемъ говорить первенство чести въ предстоящемъ славянскомъ торжествѣ, а первенство обязанностей,—обязанности сознать во всей полнотѣ величіе подвига нашихъ славянскихъ апостоловъ и достойнѣйшимъ образомъ почтить его 6 апрѣля.

Если будетъ у насъ эта полнота сознанія и торжества, то она сама собою, никого не насилуя и не оскорбляя, потянетъ къ намъ другихъ славянъ.

Къ намъ пойдутъ прежде всего разные уніаты греко-славянскаго обряда. Да, они уже и идутъ къ намъ. Извѣстно, какъ твердо до сихъ поръ стоятъ въ средѣ галицкихъ русскихъ уніатовъ рѣшеніе праздновать тысячелѣтіе смерти св. Меѳодія не по новому календарю, съ латинянами, а по старому, вмѣстѣ съ нами. А кто знаетъ, можетъ быть они пойдутъ и дальше. Начало вѣдь положено въ Галичкахъ,—начало неудавшееся, но оно закрѣплено страданіями, даже узами.

Извѣстно далѣе, что въ средѣ западныхъ славянъ латинскаго закона живетъ преданіе о славянской у нихъ литургіи и есть желаніе возстановить ее. Желаніе это можетъ повести и къ осуществленію его, и какъ мы радовались бы, еслибы, напримѣръ, извѣстный двигатель оживленія югозападнаго славянства, епископъ Штроссмайеръ, полагающій не мало трудовъ и для предстоящаго Велеградскаго торжества, совершилъ 6 апрѣля въ Велеградѣ славянскую литургію латинскаго обряда, хотя бы въ формахъ глаголицы и, для достойнѣйшаго прославленія св. Кирилла и Меѳодія, прочиталъ бы на церковно-славянскомъ языкѣ евангеліе по Остромирову ли списку, или по какому либо другому изъ старѣйшихъ, а чехи—хозяева Велеградскаго торжества—вспомнили бы завѣты своего учителя и мученика Гуса и святую чашу на литургіи, отнятую у мірянъ папами. Какъ желательно было-бы, чтобы и столь-же хлопотливые устроители Велеградскаго торжества, поляки, положили въ этнографическихъ предѣлахъ своего племени основаніе народной польской церкви, польской отъ начала до конца ихъ литургіи и вообще богослуженія. Какъ мы, русскіе, радовались бы этому и какъ братски протянули бы имъ наши руки! Такое славянское оживленіе польскаго племени гораздо лучше было бы заботъ распространять польскій языкъ на востокъ отъ Польши, среди русскихъ западной Россіи, двигать постепенно твореніе, созданіе половизма по мѣрѣ распространенія поляковъ на востокъ, что уже тѣмъ однимъ не выгодно, что соединяется съ потерями польскаго племени въ чисто польскихъ странахъ. Наконецъ, мы, безъ сомнѣнія, тоже радостно встрѣтили бы, если бы русскіе латинскаго закона въ западной Россіи устроили въ своихъ костелахъ русское богослуженіе и, не задаваясь излишнимъ трудомъ, брали себѣ и наши церковно-славянскія молитвы и пѣснопѣнія, общія у насъ съ латинскою церковью.

Вообще, чѣмъ больше юго-западные славяне возвратятся къ своему славянству, тѣмъ вѣрнѣе и ближе къ намъ они пойдутъ и къ призванію великаго подвига св. Кирилла и Меѳодія, и къ достойному прославленію его.

Все это, конечно, pia desideria, и человѣческому уму не дано предвидѣть, когда это сбудется и въ какой мѣрѣ сбудется. Но развѣ не позволительно сказать и теперь, при всемъ нашемъ современномъ всевѣдѣніи—газетномъ и телеграфномъ: кто знаетъ, что теперь зрѣетъ въ славянскихъ сердцахъ? А еще съ большею вѣроятностію можно предполагать, что въ славянствѣ немного есть такихъ черствыхъ сердецъ, чтобы въ нихъ не отразилась хотя малѣйшая доля этихъ pia desideria. Во всякомъ случаѣ я признаю несомнѣннымъ, что въ средѣ нашего Славянскаго Общества и въ средѣ лицъ намъ сочувствующихъ, эти pia desideria суть наши упованія и не только благія, но и прочныя. Въ нихъ одна изъ лучшихъ основъ нашего нравственнаго единенія съ славянами и нашей любви къ нимъ".

Послѣ этой рѣчи И. С. Пальмовъ прочиталъ сообщеніе:

Объ историческомъ значеніи нынѣшняго Велеграда.

(По поводу предстоящаго паломничества славянъ-латинниковъ въ Велеградъ).

Преосвященнѣйшіе архипастыри, милостивые государи и государыни,

Давно въ славянскомъ мірѣ идутъ приготовленія ко дню чествованія тысячелѣтія со времени блаженной кончины св. Меѳодія. Эти приготовленія, по почину С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, дѣлаются и у насъ въ Россіи: въ „Извѣстіяхъ" нашего Общества напечатава уже программа чествованія 6 апрѣля, хотя сю далеко еще не исчерпываются всѣ проектируемыя приготовленія. Безъ сомнѣнія, эта программа въ своей основѣ будетъ принята и другими православными славянами, которые, какъ и мы, намѣрены отпраздновать праздникъ 6 апрѣля у себя дома, не принимая участія въ устраиваемомъ латинниками паломничествѣ въ Велеградъ. А между тѣмъ, къ этому паломничеству въ Велеградъ съ какимъ-то непонятнымъ лихорадочнымъ напряженіемъ, по указанію Рима, готовятся наши братья-латинники: пишутъ воззванія и посылаютъ приглашенія не только своимъ

единовѣрцамъ, но и православнымъ, устраиваютъ въ Велеградѣ для паломниковъ бараки, и въ такомъ количествѣ, что газеты еще давно ихъ цифру опредѣляли въ 300.000. Теперь, можетъ быть, эта цифра возросла и цѣлый нынѣшній Велеградъ, состоящій только изъ строеній бывшаго цистерціанскаго монастыря, съ небольшимъ прилегающимъ къ нему селеніемъ позднѣйшихъ переселенцевъ, обратился пожалуй въ большой, застроенный городъ. Вообще, цифра бараковъ очевь внушительна и свидѣтельствуетъ съ одной стороны о распорядительности комитета по устройству кирилло-меѳодіевскаго торжества 6 апрѣля на Велеградѣ, а съ другой—о значительныхъ видахъ на паломниковъ, сочувствующихъ устраиваемому торжеству. Предполагается, слѣдовательно, собраніе въ Велеградѣ многолюдное, съ участіемъ духовной и свѣтской аристократіи латинско-славянской; предполагается тамъ и торжество, повидимому, неописанное. Какія будутъ подробности торжества,—намъ въ точности неизвѣстно, и вообще онѣ тщательно скрываются. Но болѣе или менѣе достовѣрные слухи объ этомъ изъ сферъ компетентныхъ всетаки проникаютъ въ печать и даютъ нѣкоторыя основанія судить объ общемъ характерѣ велеградскаго, будто-бы кирилло-меѳодіевскаго(?), торжества. Разумѣется, демонстративныя выходки латинниковъ противъ православныхъ займутъ тамъ не послѣднее мѣсто: объ этомъ уже извѣщаютъ даже иностранныя газеты, и указываютъ, напримѣръ, на факты благодарственныхъ адресовъ славянъ-латинниковъ папѣ за открытіе юбилейнаго торжества на 6 апрѣля съ молитвенными воззваніями о соединеніи съ Римомъ славянъ-православныхъ, на проекты хорватско-латинскаго епископа Штроссмайера и другихъ его единомышленниковъ ознаменовать девь тысячелѣтней кончины св. Меѳодія образованіемъ новой латинской епископіи въ Буковинѣ, съ подчиненіемъ ея варшавскому польско-латинскому архіепископу (вѣроятно съ цѣлію распустить новыя сѣти пропаганды между православными Буковины), и на многое другое *). А до насъ доходятъ частные слухи о томъ, что пропаганда латинниковъ среди австрійскихъ славянъ православныхъ съ приглашеніемъ въ Велеградъ идетъ неустанно: зовутъ православныхъ въ Велеградъ, чтобы имъ же самимъ участвовать въ готовящихся противъ нихъ демонстраціяхъ надъ невзвѣстною могилою св. Меѳодія. Странны эти приглашенія! Они имѣли бы для васъ нѣкоторое значеніе, если бы звали въ Велеградъ другой—*старый* **), гдѣ дѣйствительно находилась, но теперь неизвѣстно заросла могила св. Меѳодія, и гдѣ ранѣе этотъ святынь вмѣстѣ съ братомъ своимъ св. Кирилломъ жилъ и подвизался на пользу просвѣщенія славянъ *). По дѣло въ томъ, что разсылаются приглашенія въ Велеградъ *новый*, правда отстоящій отъ *стараго* на одинъ только часъ пути, но не представляющій—вообще для славянъ и въ особенности для православныхъ—какихъ-либо достопамятныхъ святынь; напротивъ, его исторія вызываетъ въ насъ столько грустныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительныхъ воспоминаній, что если бы мы и не знали новѣйшихъ примѣровъ готовящихся противъ насъ тамъ демонстрацій, то мы могли-бы ихъ предполагать на основаніи прошлаго, всегда—исторически существовавшаго тамъ латинскаго духа и направленія. Чтобы пояснить эту мысль, я позволю себѣ войти въ нѣкоторыя историческія подробности, не лишенныя и современнаго интереса, особенно въ виду готовящагося латино-славянскаго паломничества въ Велеградъ *новый*.

Нашествіе мадьяръ на средне-дунайскую равнину было зловѣщимъ признакомъ паденія нѣкогда сильнаго, но раздираемаго внутренними неурядицами и внѣшними интригами сосѣдей-враговъ, велико-моравскаго государства: въ началѣ X вѣка окончательно пала Великая Моравія и разрушена до основанія ея столица—Велеградъ; а вмѣстѣ съ этимъ уничтожена была велеградская святыня, напоминавшая славную апостольскую дѣятельность св. нашихъ Просвѣтителей Кирилла и Меѳодія,—уничтоженъ былъ храмъ, гдѣ учили св. братья и гдѣ одинъ изъ нихъ, св. Меѳодій, былъ даже похороненъ **) Тѣмъ не менѣе воспоминанія о Ве-

*) См. подробнѣе въ «Извѣстіяхъ» № 1 (м. январь), стр. 4—7.

**) По мнѣнію ученыхъ (Шафарика, Палацкаго, Вольнаго, Г. Иречка, Брандля, Горскаго, Лавровскаго, Будиловича и др.), старый Велеградъ находился, вѣроятно, близъ нынѣшняго города (при станціи желѣзной дороги, идущей отъ Кракова въ Вѣну) «Угорское Городище» (Ungarisch Hradisch), въ мѣстности, извѣстной теперь подъ именемъ «Старое Мѣсто», въ четверти часа разстоянія отъ Угорскаго городища, и одного часа отъ новаго Велеграда. Есть ученые, которые иначе опредѣляютъ положеніе стараго Велеграда, отождествляя его съ паннонскимъ Мосбургомъ (такъ прежде думалъ Дудикъ и др. Ср. новѣйшія, печатающіяся съ конца прошлаго года въ галицко-русскомъ «Словѣ» изысканія А. С. Петрушевича).

*) Въ пользу славянскаго паломничества 6-го апрѣля на старый Велеградъ высказался у насъ проф. А. С. Будиловичъ, и его проектъ, недостаточно еще у насъ оцѣненный, встрѣтилъ—по частнымъ сообщеніямъ изъ славянскихъ компетентныхъ сферъ—большое сочувствіе у славянъ-латинниковъ австрійскихъ, преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которые цѣнятъ кирилло-меѳодіевскую старину, сохранившуюся только у славянъ православныхъ, и которые потому благоразумно удерживаются отъ готовящихся демонстрацій въ новомъ Велеградѣ противъ православныхъ (самый проектъ перепечатанъ въ «Извѣстіяхъ» за 1884 г., № 12).

**) Въ Паннонскомъ житіи св. Меѳодія г корится, что онъ умеръ въ Велеградѣ и погребенъ въ соборной церкви (гл. 17); а въ сербскомъ житіи св. солунскихъ братьевъ еще точнѣе опредѣляется мѣсто погребенія св. Меѳодія, именно: св. Меѳодій былъ положенъ въ великой моравской церкви, по лѣвую сторону, въ стѣнѣ за алтаремъ Св. Богородицы.

леградѣ и его кирилло-меѳодіевской святынѣ несомнѣнно жили въ памяти народа и хранились какъ дорогое наслѣдіе но все послѣдующее время борьбы западныхъ славянъ съ ихъ латино-нѣмецкими противниками. Въ чешской рифмованной хроникѣ Далимила, слѣдовательно въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вв., старый Велеградъ еще вспоминается какъ мѣсто служенія и проповѣди св. Меѳодія въ духѣ ученія и по обрядамъ Церкви православной восточной:

Prosi Křista Bořivoj ot Svatopluka, krale moravského,
a ot Metuděje, arcibiscupa velehradského.
Ten arcibiscup *Rusín* bieše,
mšiu svu slovensky služieše
Ten Velehradě křstie Čecha prvého,
Bořivoje kněze českého *).

Меѳодій называется *Русиномъ* конечно не въ смыслѣ происхожденія, принадлежности къ племени славяно-русскому, а въ смыслѣ исповѣданія имъ—какъ и вообще въ Велеградѣ и во всей тогдашней Моравіи—той вѣры, которую хранили и исповѣдывали русскіе славяне. Такимъ образомъ, народное преданіе еще въ XIV в. помнило *старый* Велеградъ и связывало съ нимъ воспоминанія о старой кирилло-меѳодіевской вѣрѣ, принесенной сюда съ Востока и нерушимо сохранившей на Востокѣ.

Но сила враждебная еще гораздо ранѣе стала брать верхъ и мало-по-малу затемняла въ народной памяти православныя кирилло-меѳодіевскія преданія о Велеградѣ, то истребляя ихъ какъ ересь, то замѣняя ихъ новыми, собственными латино-нѣмецкими вѣроисповѣдными и обрядовыми особенностями. Подтасовка коснулась, прежде всего, самаго даже имени „Велеградъ": вмѣсто *стараго* Велеграда, въ часовомъ отъ него разстояніи, въ концѣ XII в. явился Велеградъ *новый* и узурпировалъ себѣ имя перваго. Въ 1198 г. два брата, наслѣдники чешскаго престола, враждовавшіе изъ-за короны, заключили между собою договоръ, по которому одинъ изъ нихъ, старшій, Пшемыслъ Оттокаръ вступилъ на престолъ чешскій, а младшій, Владиславъ Генрихъ, добровольно отказавшись отъ чешскаго престола, взялъ себѣ маркграфство Моравію на правахъ лена чешской короны. Этотъ-то Владиславъ Генрихъ въ 1198 г. первый и положилъ въ Моравіи, въ узкой котловинѣ между невысокими горами, въ часовомъ разстояніи отъ Угорскаго Городища на западъ, основаніе *новому* Велеграду устройствомъ монастыря, который вскорѣ за тѣмъ, при усиліяхъ латинской пропаганды, превратился въ мнимый *древній* Велеградъ. Надѣливъ новоосновавшій монастырь имѣніями, нѣсколько разъ подтвержденными затѣмъ чешскими королями, маркграфъ Владиславъ, для обитанія въ немъ, призвалъ латинскихъ монаховъ-цистерціанцевъ и поручилъ просвѣтительной ихъ дѣятельности окрестности *новаго* Велеграда и другія части земли чешско-моравской, а римскій папа съ радостію принялъ ихъ подъ свое особое покровительство *).

Замѣтьте, мм. гг., въ *новый* Велеградъ призваны были цистерціанцы, правда на этотъ разъ съ своимъ аббатомъ Тицелиномъ пришедшіе изъ Чехіи (гдѣ они появились съ 1146 г.), но имѣвшіе первоначальною своею родиною Францію—изъ цистерціанскихъ монастырей линіи такъ называемой моримондской, съ спеціально-латинскою окраской **). Какая странная нронія! Древній кирилло-меѳодіевскій Велеградъ возстановляется совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ и передается врагамъ православія, слѣдовательно врагамъ дѣла и ученія св. нашихъ Первоучителей, первымъ самымъ послѣдовательнымъ латинизаторамъ православныхъ славянскихъ церквей — цистерціанцамъ, которые какъ-будто и были введены въ Моравію не для того, чтобы поддержать кирилло-меѳодіевскія православныя преданія, а чтобы убить ихъ совсѣмъ и на ихъ развалинахъ (если позволительно такъ выразиться) укрѣпить и распространить въ массѣ народной ученіе и обряды церкви латинской. И вотъ, дѣйствительно, завладѣвши *новымъ* Велеградомъ, цистерціанцы скоро затѣмъ отбросили эпитетъ „новый" и поспѣшили укрѣпить за нимъ названіе вообще Велеграда, съ которымъ народъ соединялъ дорогія ему кирилло-меѳодіевскія преданія. Таковъ пріемъ латинской пропаганды: тамъ, гдѣ невозможно совсѣмъ уничтожить въ памяти народной православныя кирилло-меѳодіевскія преданія, латинянки прибѣгаютъ къ поддѣлкамъ, замѣнѣ православныхъ святынь аналогичными латинскими,—и такими поддѣлками изоби-

*) Rýmovaná kronika česka dle vydání Jos. Jirečka, 1877 г. стр. 40. Въ русскомъ переводѣ: „Просилъ Боривой крещенія отъ Святополка, короля моравскаго, и отъ Меѳодія архіепископа велеградскаго. Этотъ архіепископъ былъ *Русинъ*, служилъ свою литургію по славянски, на Велеградѣ крестилъ чеха перваго, Боривоя князя чешскаго".

*) Велеградскіе цистерціанцы пользовались особымъ покровительствомъ папъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ одинъ монахъ велеградскій, Энгель Германъ († 1744), въ своемъ рукописномъ сочиненіи: „Archivum Welehradense" (хранящемся теперь въ Брьненскомъ земскомъ архивѣ). Уже въ 1208 г. папа Иннокентій III началъ оказывать велеградскимъ цистерціанцамъ особое покровительство, которое затѣмъ постоянно проявляли къ нимъ и другіе послѣдующіе папы: *Monasterium Welehradense tuit assumptum in specialem protectionem s. sedis... in tota Moravia* alia nulla recensentur monasteria hac gaudere praerogativa, praeterquam... (Рукоп. Archivum Welehradense, p. 29 Ср. Sbornik Velehradsky, 1883 III. стр. 20).

**) Поэтому въ гербѣ велеградскихъ цистерціанцевъ былъ между прочимъ знавъ „MORS", принадлежавшій Моримонду. Рукоп. Брьненскаго земскаго архива „Nova et Vetera Loci Welehrad. monimenta", стр. 121. Ср. Památky archeol, V, стр. 300. Ср. также Sbornik Velehradsky, 1881 г. II, стр. 41.

луетъ въ особенности исторія западно-славянскихъ церквей...

Въ настоящемъ случаѣ, по отношенію къ Велеграду, дѣло подтасовокъ не остановилось на одномъ только имени „Велеградъ": пришлые цисперціанцы продолжали свое дѣло далѣе и, постепенно втягивая въ свое братство мѣстный и со стороны приходящій славянскій элементъ, дѣйствовали затѣмъ сообща съ нимъ въ пользу латинизаціи Велеграда и его еще живущихъ въ народѣ православныхъ кирилло-меѳодіевскихъ воспоминаній. Правда, новѣйшіе латино-славянскіе писатели, желающіе сблизить православно-славянское дѣло св. Кирилла и Меѳодія съ Римомъ, усиливаются показать, что и пришлые цисперціанцы будто бы имѣли въ виду поддерживать на Велеградѣ кирилло-меѳодіевское дѣло и что они дѣйствительно поддерживали (?) его почти до самаго конца XVIII в., когда, при австрійскомъ императорѣ Іосифѣ II, монастырь былъ закрытъ и на его мѣстѣ оставлена была только фара (приходская церковь). Но серьезныхъ основаній для подобнаго рода сужденій, разумѣется нѣтъ, а нѣкоторыя изъ приводимыхъ просто поражаютъ своею наивностью, или, пожалуй, бездеремонною смѣлостью и удивительно искусственными сближеніями. Такъ, напр., говорятъ: „Меѳодій и братъ его Кириллъ были горячими чтителями Богородицы Маріи, посвятивши Ей главный свой храмъ на Велеградѣ, а вотъ затѣмъ утверждаются на Велеградѣ преносходные чтители св. Маріи, цисперціанцы, сыны св. Бернарда, почитателя Маріи, и здѣсь же 28 ноября 1228 г. ими освященъ, по правиламъ ихъ ордена, храмъ и монастырь во имя Божіей Матери, и даже до сихъ поръ велеградскій храмъ посвященъ во имя Успенія (лат. на небовзятія) св. Маріи" *). Не смѣшно-ли выставлять намѣренное приспособленіе цисперціанцевъ къ мѣстному преданію о Богородичномъ храмѣ *стараго* Велеграда за основаніе расположенности ихъ къ кирилло-меѳодіевской проповѣди и дѣятельности среди моравскихъ славянъ? То обстоятельство, что „цисперціанцы, чтители св. Маріи", посвятили свой ново-устроенный велеградскій храмъ Пресвятой Богородицѣ, во имя которой былъ посвященъ храмъ и *древняго* Велеграда—мѣсто служенія и погребенія св. Меѳодія,—это обстоятельство, говорю, свидѣтельствуетъ только о характерѣ латинизаторскихъ пріемовъ цисперціанцевъ, ихъ стремленіи къ подтасовкамъ и лукавымъ примѣненіямъ (смотря но обстоятельствамъ), ради идеи пропаганды латинства, но всего менѣе можетъ говорить о ихъ сочувствіи къ дѣлу св. Кирилла и Меѳодія.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи больше вниманія заслуживали-бы случаи почитанія нѣкоторыми велеградскими цисперціанцами памяти св. Кирилла и Меѳодія. Таковъ между ними былъ, между прочимъ, Христіанъ Гиршментцель (1638 — 1703), по происхожденію нѣмецъ изъ Силезіи: по словамъ латинскихъ писателей, онъ много говорилъ, писалъ и вообще содѣйствовалъ введенію и распространенію въ Моравіи чествованія памяти св. Кирилла и Меѳодія 9 марта *). Да, это замѣчательно, что цисперціанецъ—нѣмецъ такъ помнилъ о святыхъ славянскихъ первоучителяхъ и въ своихъ сочиненіяхъ, которыя въ рукописяхъ хранятся въ Брьнепскомъ земскомъ архивѣ, оставилъ весьма много указаній относительно чествованія св. Кирилла и Меѳодія въ Моравіи. Въ одномъ своемъ сочиненіи „Cineres Velehradenses" (стр. 58—59) онъ записалъ даже „Litaniae ad sanctos Patronos Ecclesiae Velehradensis, quorum primario post dei Latriam honori et Dulie sacella et Altaria sunt erecta". Въ этихъ литаніяхъ послѣ имени Пресв. Богородицы, „св. Петра—князя Апостоловъ, св. Павла—учителя народовъ", вспоминаются имена св. Кирилла и Меѳодія рядомъ съ св. Венедиктомъ, Бернардомъ, Николаемъ, Августиномъ, Вячеславомъ, Флоріаномъ, Климентомъ, Маріею Магдалиною, Ядвигою и „всѣми святыми ордена цисперціанцевъ".

Всѣ подобныя свидѣтельства велеградскаго цисперціанца-нѣмца, разумѣется, имѣютъ свое значеніе для исторіи отношеній къ памяти св. Кирилла и Меѳодія въ Чехіи и Моравіи, но едва-ли могутъ идти въ подтвержденіе той мысли, что велеградскіе цисперціанцы были истинными хранителями кирилло-меѳодіевскихъ преданій, какъ стараются представить то латинскіе писатели. Сопоставляя эти свидѣтельства съ другими историческими данными, которыя отчасти представляетъ тотъ же цисперціанецъ Гиршментцель, невольно приходишь опять къ тому же заключенію о „подтасовкахъ", которыя цисперціанцы вообще практиковали для искорененія на Велеградѣ православныхъ кирилло-меѳодіевскихъ преданій: для этого, по непонятнымъ причинамъ, 9-е марта установлено было днемъ чествованія св. Кирилла и Меѳодія, а на Велеградѣ, до времени дѣятельности Гирмиентцеля, какъ видно, это чествованіе и не было „распространено"; введено же оно здѣсь только какъ уступка народнымъ мѣстнымъ преданіямъ, сохранившимъ воспоминанія о святой дѣятельности солунскихъ братьевъ въ Велеградѣ и вообще въ Моравіи. Поэтому неудивительно, что въ литаніяхъ имя св. Кирилла и Меѳодія вспоминается рядомъ съ именами спеціально-латинскихъ святыхъ, какъ, напр., съ именемъ цисперціанскаго патрона св. Бернарда: ясно, что сдѣлана уступка народнымъ преданіямъ, но прибавлены къ нимъ новыя латинскія черты, затемняющія и даже искажающія сущность кирилло-меѳодіевскихъ воспоминаній въ народѣ.

Но таковы, какъ мы указали выше латинизаторскіе пріемы цисперціанцевъ, которые въ своемъ стремленіи къ латинизаціи Велеграда или еще далѣе: они успѣли даже возвеличить Яна Непомука святымъ, еще ранѣе его формальной канонизаціи въ 1729 г. Вмѣсто

*) См. Sbornik Velehradsky, 1881, II, стр. 41.

*) *Středowsky*, Sacra Moraviae Historia, p. 453.

любимаго народомъ борца противъ латинизаціи церкви въ Чехіи и Моравіи, Яна Гуса, писперціанцы вмѣстѣ съ іезуитами поспѣшили выдвинуть изъ мрака неизвѣстности Яна Непомука,—окружили его ореоломъ мученичества за тайну латинской исповѣди (въ концѣ XIV в. брошенъ былъ въ Прагѣ въ рѣку Волтаву будто-бы за то, что не открылъ чешскому королю Вячеславу IV исповѣди королевы Софіи), прославляютъ его какъ твердаго исповѣдника латинства, какъ строгаго блюстителя того, противъ чего чешскій народъ всегда боролся, отстаивая свои старыя кирилло-меѳодіевскія преданія и защищая казненнаго своего духовнаго вождя и любимца, Яна Гуса. Поэтому, въ самомъ новомъ Велеградѣ, еще ранѣе, чѣмъ въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ Чехіи и Моравіи, появились статуи подставнаго чешско-латинскаго святаго Яна Непомука (вмѣсто Яна Гуса), и съ успѣхомъ распространяемо было въ народѣ его почитаніе. Такъ, напр., въ самомъ Велеградѣ на статуяхъ и каплицахъ можно замѣтить слѣдующую надпись: „Veneration sancti Joannis De Nepomuco 1715“. Чешско-латинскіе писатели придаютъ этому факту особенное значеніе; да и вообще фактъ чрезвычайной привязанности велеградскихъ писперціанцевъ къ Яну Непомуку, разставленныя въ разныхъ мѣстахъ бывшихъ монастырскихъ владѣній его статуи, посвященныя ему часовни и каплицы считаются „разительнымъ доказательствомъ живучести въ писперціанскомъ велеградскомъ монастырѣ кирилло-меѳодіевской идеи“ *).

Какая опять злая иронія надъ кирилло-меѳодіевскою святынею, какая безцеремонная смѣлость связывать съ этою святынею искусственно выдвинутаго (подставнаго) латинскаго святаго Яна Непомука, имя котораго служило только орудіемъ для окончательнаго подавленія законныхъ протестовъ чехо-моравъ противъ латинизаціи, для заглушенія въ народѣ дорогихъ ему кирилло-меѳодіевскихъ преданій и, слѣдовательно, для помраченія, а не для возвеличенія славы св. Кирилла и Меѳодія! Странно, что новѣйшіе чешско-славянскіе писатели не обращаютъ на это болѣе серьезнаго вниманія, хотя ихъ предки—гуситы живо понимали всю фальшь латинизаціи ихъ древнихъ церковныхъ преданій и обычаевъ и, защищая „честь своихъ отповъ и правду Божью“, рѣшительно выражали свой протестъ противъ насилія латинизаторовъ. Поэтому-то въ гуситскую эпоху, наравнѣ съ другими убѣжищами латинизаторовъ, подвергался опустошеніямъ между прочимъ и велеградскій писперціанскій монастырь, а братія его поспѣшно спасалась отъ грознаго мщенія гуситовъ, такъ что монастырь во время этихъ погромовъ оставался пустымъ и заброшеннымъ. Только послѣ окончанія гуситскихъ войнъ, съ началомъ нѣмецко-латинской реакціи въ Чехіи при Габсбургахъ, латинство стало опять укрѣпляться въ странѣ и Велеградъ снова попалъ въ руки возвратившихся писперціанцевъ, которые теперь еще рѣшительнѣе чѣмъ прежде выступили противъ кирилло-меѳодіевскихъ преданій и ненавистныхъ имъ гуситскихъ идей. Къ этому-то именно времени и относится усиленная агитація велеградскихъ писперціанцевъ въ пользу почитанія Яна Непомука, изображеніями и статуями котораго усѣяна вся чешско-моравская земля и въ частности велеградская монастырская поземельная собственность. Эти-ли памятники Яна Непомука считать „разительнымъ доказательствомъ живучести кирилло-меѳодіевскихъ идей“ на писперціанскомъ Велеградѣ?..

Такъ, постепенно шла латинизація Велеграда съ начала XIII в. до закрытія мѣстнаго писперціанскаго монастыря въ концѣ XVIII вѣка! Ни гуситскія войны, ни два раза постигавшіе монастырь пожары (1681 и 1719 гг.) не ослабляли энергіи латинизаторовъ-писперціанцевъ: послѣ гуситскихъ войнъ выдвинутъ на Велеградѣ новый латинскій святой, Янъ Непомукъ, какъ покровитель (?!) кирилло-меѳодіевскихъ святынь, а на мѣсто сгорѣвшихъ храмовъ воздвигнутъ въ 1735 г. новый, въ стилѣ романскомъ и стилѣ возрожденія, довольно вмѣстительный храмъ, съ небольшими измѣненіями во внутренней и внѣшней отдѣлкѣ, существующій до сихъ поръ. Разумѣется, при каждой реставраціи дѣлались подновленія въ строго-латинскомъ духѣ и съ цѣлію отнести отъ древнихъ преданій умы и сердца народа внѣшнею помпою и украшеніями, спеціально латинскими: украшеніемъ между прочимъ служили статуи Яна Непомука; а объ изображеніяхъ св. Кирилла и Меѳодія нѣтъ и помину въ письменныхъ и вещественныхъ велеградскихъ памятникахъ. Какъ будто ничто не напоминало народу о древней, кирилло-меѳодіевской, величественной византійской простотѣ, а все вѣяло однимъ только подавляющимъ духомъ латинства. Правда, во время секуляризаціи монастырей въ Австріи, въ царствованіе Іосифа II, опустошеніямъ подвергся и велеградскій писперціанскій монастырь: какъ уже замѣчено выше, въ 1784 г., по распоряженію императора Іосифа II, этотъ монастырь былъ закрытъ и обращенъ въ простую фару съ однимъ только священникомъ (на первый разъ изъ разогнанныхъ писперціанцевъ). При этомъ многочисленныя монастырскія имѣнія были конфискованы и впослѣдствіи были проданы. Вмѣстѣ съ ними было продано и зданіе бывшаго писперціанскаго монастыря, которое теперь перешло въ руки барона de Castries, родственника пресловутаго француза Макъ-Магона; богатства и драгоцѣнности церковныхъ украшеній были тогда расхищены; остался непроданнымъ одинъ только храмъ, который все-таки предназначался опять для богослуженія. Чешско-латинскіе писатели слезно описываютъ этотъ погромъ и съ нескрываемыми скорбными сѣтованіями говорятъ о послѣдовавшихъ затѣмъ смутныхъ временахъ на Велеградѣ: богослуженіе было регламентировано до мелочей, торжественные крестные ходы, латинскія процессіи были ограничены до край-

*) Sbornik Velehradsky, II, стр. 49.

ности, а при этомъ, говорятъ, не было возможности поддерживать прежнее чествованіе св. Кирилла и Меѳодія, слѣдовательно долженъ былъ угаснуть на Велеградѣ и кирилло-меѳодіевскій (?) духъ.

Повидимому, всѣ эти опустошенія и ограниченія должны были упростить латинскій богослужебный культъ на Велеградѣ и какъ будто обѣщали пріостановить латинизаторскіе успѣхи изгнанныхъ цисперціанцевъ. И дѣйствительно, теперь стало меньше латинскихъ церемоній, искусственно введенныхъ и распространенныхъ въ народѣ, съ цѣлію отвлечь его воспоминанія отъ кирилло-меѳодіевской старины въ пользу позднѣйшаго спеціально-латинскаго культа. Но латинизація, между тѣмъ, и послѣ закрытія монастыря и образованія на его мѣстѣ фары, не прекращалась, а продолжалась послѣдовательно, благодаря усилившемуся теперь повсюду въ Австріи нѣмецкому вліянію. Съ этого именно времени, т. е. со времени Іосифа II, нѣмецкое вліяніе, усилившееся повсюду въ Австріи, сильнѣе сказывалось и въ Велеградѣ, такъ что, по замѣчанію чешскихъ писателей, даже въ дѣлопроизводствѣ прежній латинскій языкъ былъ замѣненъ нѣмецкимъ,—и эта практика продолжалась до самаго позднѣйшаго времени. Это господство нѣмечины, по словамъ даже самихъ чешскихъ историковъ, представляло неблагопріятныя условія для существованія и развитія кирилло-меѳодіенской идеи, возрожденіе которой началось только въ настоящемъ столѣтіи. Съ своей стороны мы замѣтимъ, что это возрожденіе искусственно начато на основахъ сближенія кирилло-меѳодіевскаго дѣла съ Римомъ только въ половинѣ настоящаго столѣтія, когда въ 1863 г., ко дню тысячелѣтія прибытія въ Моравскую землю св. Кирилла и Меѳодія, поднята была агитація для прославленія ихъ памяти. Къ этому времени были дѣлаемы демонстративно-искусственныя приготовленія: предпринято было обновленіе бывшаго цисперціанскаго храма, только теперь къ юбилею тысячелѣтія смерти св. Меѳодія оканчивающееся, изготовлены и поставлены по сторонамъ главнаго престола справа и слѣва статуи св. Кирилла и Меѳодія. Все это — твореніе рукъ недавняго времени, начатое съ благословенія Рима и прикрытое печистою латинскою цѣлью обставить живучія въ народѣ кирилло-меѳодіевскія преданія признаками позднѣйшей спеціально-латинской формаціи, связывающей только для славянъ имена св. Кирилла и Меѳодія съ ихъ служеніемъ (?) дѣлу Рима. Съ такою латинскою обстановкою стоитъ теперь обновленный въ смѣшанномъ стилѣ — романскомъ и стилѣ возрожденія — велеградскій храмъ, правда, великолѣпно убранный и вмѣстительный, но не представляющій ровно никакихъ святынь, напоминающихъ православную кирилло-меѳодіевскую древность и слѣдовательно дорогихъ для всякаго православнаго—безъ различія національностей—и въ особенности для православнаго славянина. Говорятъ и показываютъ въ теперешнемъ велеградскомъ храмѣ, на алтарѣ (престолѣ) въ честь латинскаго святого Бенедикта, малѣйшую частичку мощей св. Кирилла, пожертвованную папою Львомъ XIII и принесенную въ Велеградъ въ 1881 г. (30 сент.)—въ годъ паломничества славянъ-латинниковъ въ Римъ на поклоненіе папѣ. Но любопытна прежде всего исторія этой частички мощей будто-бы св. Кирилла: эта частичка — говорятъ — добыта Райградскими монахами (въ Моравіи) изъ Брьна (гдѣ она въ большемъ видѣ хранилась до 1811 г.) и подарена папѣ Льву XIII, который въ годъ паломничества славянъ въ Римъ (въ 1881 г.) раздѣлилъ подаренную ему часть мощей св. Кирилла и малѣйшую ея частицу послалъ въ Велеградъ, гдѣ она и выставляется какъ единственное, впрочемъ еще не засвидѣтельствованное болѣе или менѣе основательными историческими указаніями, напоминаніе о св. Кириллѣ.

Въ новомъ Велеградѣ, кромѣ храма, чешско-латинскіе писатели съ особеннымъ удовольствіемъ указываютъ еще на одну будтобы древнюю велеградскую святыню, извѣстную подъ именемъ „Кирилки". Это теперь небольшая церквица (по греч. параклисъ), находящаяся въ сѣверо-западномъ направленіи отъ главнаго велеградскаго храма, близъ самой ограды бывшаго цисперціанскаго монастыря, а во время существованія самаго монастыря—въ его оградѣ. Происхожденіе ея сами даже чешско-латинскіе писатели не осмѣливаются относить къ очень древнему времени: готическій стиль „Кирилки", заставляетъ нѣкоторыхъ знатоковъ архитектуры относить ее къ XIV в.; но защитники ея мнимой древности, ради доказательствъ живучести на Велеградѣ „кирилло-меѳодіевской идеи" привыкшіе и сомнительные памятники возводить къ сѣдой древности, безъ всякихъ основаній, разумѣется, утверждаютъ древность „Кирилки" и говорятъ, что даже мѣсто, на которомъ стоитъ теперешняя „Кирилка", то самое, на которомъ стояла прежняя „Кирилка", получившая свое начало отъ времени св. Кирилла и Меѳодія *). Не будемъ спорить, что можетъ быть на этомъ мѣстѣ и существовала во время жизни и дѣятельности въ Моравіи св. нашихъ Первоучителей церковь или часовня, которую народъ и до сихъ поръ помнитъ какъ остатокъ кирилло-меѳодіевской проповѣдничекой дѣятельности въ Моравіи подъ именемъ „Кирилки". Однако мы не безъ основанія полагаемъ, что съ народнымъ преданіемъ о старой „Кирилкѣ" пришлые цисперціанцы сдѣлали то-же, что съ народными преданіями вообще о Велеградѣ, т. е. постарались опять латинизовать ее на столько, что даже изгнали, по крайней мѣрѣ изъ оффиціальнаго употребленія, самое названіе „Кирилка" и замѣнили его своимъ новымъ: въ оффиціальныхъ цисперціанскихъ метрикахъ „Кирилка" называется костеликомъ „Тѣла Господня" или „Вечери Господней" **), а не

*) Ср. Sbornik Velehrad., 1883 г., III, стр. 3—9.

**) Рукоп. Nova et vetera loci Velehrad monimenta, p. 60—61. Ср. Sbornik Velehradsky 1883, III, стр. 4.

своимъ настоящимъ именемъ, жившимъ въ устахъ народа. Такимъ образомъ „Кирилка“ — памятникъ проповѣднической дѣятельности св. солунскихъ братьевъ въ Моравіи, получила затѣмъ названіе имени того праздника, который былъ введенъ въ латинской церкви въ половинѣ XIII в. и окончательно установленъ въ 1311 г. папою Климентомъ V. и который, вѣроятно, наши св. Первоучители, какъ и вся вообще Православная Церковь, отвергли бы (если бы явились съ неба на землю), какъ позднѣйшее неосновательное нововведеніе латинства, вслѣдствіе видѣнія одной какой-то монахини Юліаніи въ Люттихѣ. Неужели такое неестественное сближеніе спеціально-латинскаго праздника „Тѣла Господня“ съ кирилло-меѳодіевскими преданіями о „Кирилкѣ“ считать „доказательствомъ живучести кирилло-меѳодіевскихъ идей“ среди велеградскихъ цисперціанцевъ?—Ясно, что они всячески старались убить этотъ духъ и въ „Кирилкѣ“, столь популярной, по крайней мѣрѣ по имени, въ народѣ. „Кирилка“, такимъ образомъ, за время пребыванія цисперціанцевъ на Велеградѣ испытывала ту же судьбу, какъ и весь вообще Велеградъ, подвергаясь систематической латинизаціи.

Съ изгнаніемъ цисперціанцевъ изъ Велеграда въ 1784 г., ихъ традиціи все-таки продолжались: латинизація Велеграда, какъ мы видѣли, и со времени возворенія тамъ „фары“, не переставала, а „Кирилка“, оставаясь кладбищенскою церквицею, постепенно теряла и то значеніе, которое успѣли придать ей цисперціанцы. Около половины настоящаго столѣтія (въ 30-хъ г.) дѣло дошло до того, что одинъ велеградскій священникъ, Янъ Рудольфъ, предлагалъ совсѣмъ уничтожить еще ранѣе заброшенную „Кирилку“. Если тогда она не была уничтожена, то совершенно была заброшена: кладбище отъ нея было отнесено въ другое мѣсто, а сама она стала служить для хозяйственныхъ цѣлей владѣтелей и арендаторовъ велеградскихъ имѣній. По описаніямъ очевидцевъ, въ промежутокъ 1855—57 гг., въ „Кирилкѣ“ сберегалось сѣно и солома, и это запустѣніе святаго мѣста навело одного путешественника въ 1859 г. на слѣдующія печальныя размышленія: „Не ужасайтесь, славяне, тому, что теперь услышите! Чрезъ конюшню, узенькою тропинкою, проблтою набожными моравами, затѣмъ мимо садовой зелени, добрались мы до невзрачной каплицы. Переступили чрезъ порогъ— о Боже! ноги не двигались, глаза прослезились, дрожащія уста невольно говорили: Моравія, неблагодарная Моравія! Куда дѣвалась слава твоя!? Обратимъ свой взоръ — о новая скорбь! Какое злоехидное посмѣяніе надъ этимъ запустѣніемъ, нѣтъ—какой грозный перстъ Провидѣнія неблагодарному народу! Перо выпадаетъ у меня изъ рукъ, ноги отступаютъ назадъ, не хочу осквернять святое мѣсто гнѣвомъ надъ своею кровію“ *).

Между тѣмъ какъ раздавались подобныя жалобы о запустѣніи „Кирилки“, приближался 1863-й г., который западные славяне намѣревались праздновать какъ годъ прибытія къ нимъ на проповѣдь св. Кирилла и Меѳодія. Къ этому времени и успѣла была работа о возобновленіи „Кирилки“. Но замѣчательно, почти всю тяжесть этихъ заботъ и издержекъ взялъ на себя оломуцкій архіепископъ Фридрихъ Фирстенбергъ, нѣмецъ по происхожденію, который получилъ и патронатъ „Кирилки“ отъ владѣтеля велеградскихъ помѣстьевъ барона de Castries. Поэтому нечего удивляться, что „Кирилка“ архіепископомъ нѣмцемъ возстановлена опять въ томъ же латинскомъ духѣ и съ такими-же тенденціями, какъ велеградскій храмъ и монастырь пришлыми цисперціанцами. Внѣшній видъ и форма „Кирилки“ оставлены прежніе **), въ стилѣ готическомъ; внутренность ея также удержала свой прежній строго-латинскій характеръ. Прежде всего, освящена она опять во имя спеціально латинскаго праздника „Трехъ королей“ (въ день 6 января, когда православные празднуютъ Богоявленіе или Крещеніе Господне), украшена также латинскими изображеніями: на алтарѣ есть изображеніе „Трехъ королей“ хотя тутъ же рѣзныя изображенія св. Кирилла и Меѳодія но образцу латинскому; на стѣнахъ подъ изображеніями латинскія подписи **). Не отсутствуютъ въ „Кирилкѣ“ указанія потомству и на новаго ея патрона, Оломуцкаго архіепископа Фридриха Фирстенберга, знаки котораго можно видѣть на алтарѣ (ex voto a o. 1862), на стѣнахъ и столбахъ, поддерживающихъ небольшіе своды ***); даже надъ входомъ вверху, вокругъ круглаго окна, стоитъ слѣдующая надпись: „Fridericus Archiepiscopus Olomucensis a. d. 1863“ (т. е. что этотъ архіепископъ содѣйствовалъ обновленію „Кирилки“ въ 1863 г.). Однимъ словомъ, все въ „Кирилкѣ“ даетъ знать, что она обновлена латинскимъ архіепископомъ, кардиналомъ нѣмцемъ, и—для указанія ея прошлаго значенія за время цисперціанцевъ, а не для напоминанія о кирилло-меѳодіевской старинѣ въ Моравіи.

Впрочемъ, есть въ „Кирилкѣ“ другаго рода особенности, которыя отчасти обличаютъ ея общій латинскій характеръ. Я разумѣю живописное изображеніе Спасителя (на главной церковной предалтарной аркѣ), Который правою рукою благословляетъ по образцу благословенія, употребляющагося въ Православной Церкви, а въ лѣвой держитъ книгу, на которой написано по гречески: Α ω, т. е.

*) Hvězda Olomoucká 1859, стр. 151, Sbornik Velehradsky I, стр. 48.

*) Въ длину около 3-хъ саженей, въ ширину около 3-хъ и въ высоту также около 3-хъ.

**) Напр.: In nomine Jesu omne genu flectatur. Philip. c. 2; Laudemus viros gloriosos, Sap. 44. ver. 1; Initium sapientiae timor Domini prov. 9; Laudate Dominum omnes gentes. Psal. 116.

***) „FF“, съ короной „красный орелъ на золотомъ полѣ“, „черная орлица съ бѣлою звѣздою на золотомъ полѣ“, и „бѣлые зубы на красномъ полѣ“ и т. д.

альфа и омега, начало и конецъ, — образъ, взятый изъ Апок. 1, 8. Другая особенность „Кирилки“ еще болѣе напоминающая о кирилло-меѳодіевскихъ временахъ въ Моравіи,— это православная икона св. Кирилла и Меѳодія. Икона эта вмѣстѣ съ лампадою для нея (изъ золота и серебра) послана была въ Велеградъ отъ С.-Петерб. Отдѣла Славянскаго Общества, ко дню тысячелѣтія смерти св. Кирилла въ 1869 году, и по дозволеніи архіепископа оломуцкаго повѣшена была въ „Кирилкѣ“ съ правой стороны на стѣнѣ между двумя окнами, нѣсколько ниже ихъ *). При этой иконѣ съ лампадою отъ имени Славянскаго Общества послано было небольшое, но содержательное посланіе въ Велеградъ слѣдующаго содержанія: „Возлюбленнымъ братьямъ чехамъ и моравянамъ о Христѣ радоваться! Вы всегда, возлюбленные братья, высоко чтили нашихъ славянскихъ первоучителей, св. Кирилла и Меѳодія. Мы, русскіе, пользующіеся, по преимуществу, ихъ священнымъ наслѣдіемъ, дорожимъ этою памятью, какъ знаменіемъ всеславянскаго единства, которое нынѣ, въ смыслѣ духовнаго общенія, во очію всѣмъ является. Въ нынѣшнемъ году исполнится тысячелѣтіе со дня кончины преподобнаго Кирилла. Приносимъ вамъ для велеградской церкви икону его и брата его Меѳодія, у васъ подвизавшагося. Присоединяемую лампаду просимъ возжечь предъ нимп. Да будетъ сей малый даръ свидѣтельствомъ нашей горячей къ вамъ пріязни и усерднаго призыванія лучшихъ и славнѣйшихъ временъ для всего славянскаго міра. Января 10 дня 1869 г. Градъ св. Петра“.

Къ сожалѣнію, это теплое, братское посланіе русскихъ принято было въ ультрамонтанской чешско-моравской средѣ какъ знакъ примиренія православныхъ славянъ съ латинствомъ подъ главенствомъ папы, и въ свое время вызвало, какъ и до сихъ поръ еще вызываетъ, преждевременную радость о единеніи всѣхъ славянъ на Велеградѣ въ лонѣ латинской церкви. Такъ, напримѣръ, одинъ велеградскій священникъ писалъ тогда по этому поводу слѣдующее: „Великодушные жертвователи этимъ посвященнымъ велеградской церкви приношеніемъ (иконы св. Кирилла и Меѳодія съ лампадою) хотятъ показать свое религіозное почтеніе къ св. Кириллу и Меѳодію, которыхъ они справедливо считаютъ основателями своего христіанскаго образованія. Намъ, католикамъ, можно только радоваться, что въ отношеніи почитанія и празднованія святыхъ схизматики (?) согласны съ нами. Кажется, что давно ожидаемое его святѣйшествомъ (т. е. папою), равно какъ и всѣми истинными католиками, время дѣйствительной и искреннѣйшей уніи западной и восточной церкви приближается“ *). Ту же мысль повторяли еще такъ недавно, при случаѣ перенесенія частицы мощей св. Кирилла на алтарь св. Бенедикта въ велеградскомъ храмѣ и возженіи предъ ними присланной въ 1869 г. русской лампады **): „Члены С.-Петербургскаго Отдѣла Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, посылая образъ, достаточно ясно понимали, что для всѣхъ славянъ общею связью служатъ св. Кириллъ и Меѳодій и Велеградъ, гдѣ была епископская каѳедра какъ Кирилла, такъ и Меѳодія. Спѣшить усильнѣйшимъ образомъ къ единенію, къ единенію въ вѣрѣ, проповѣданной св. Кирилломъ и Меѳодіемъ—это желаніе его святѣйшества папы Льва XIII очевидно для всѣхъ славянъ, и поэтому было-ли неумѣстно предъ *останками св. Кирилла повѣсить русскую лампаду?* Было-ли неумѣстно постушть такъ на Велеградѣ въ ту самую недѣлю, когда въ недѣльномъ Апостолѣ читались слова: *Одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе* (Еф. 4, 5)? Положивши тогда съ должнымъ благоговѣніемъ и торжественностью свято-кирилловскія мощи на алтарь св. Бенедикта и повѣсивши предъ ними русскую лампаду, мы обратились къ проповѣдническо каѳедрѣ“ ***). Вѣроятно, съ этой каѳедры была затѣмъ произнесена проповѣдь, въ которой говорилось о единеніи русскихъ и другихъ „схизматиковъ“ съ Римомъ на Велеградѣ, какъ это и до сихъ поръ еще дерзаютъ говорить на Велеградѣ нѣкоторые чешско-моравскіе ультрамонтане, восклицая: „Въ какомъ прекрасномъ и отличнѣйшемъ согласіи пребываютъ на Велеградѣ Римъ и Петроградъ“! Но пусть даютъ такое ложное и тенденціозное толкованіе нашему русскому приношенію! Мы знаемъ, что есть въ Чехіи и Моравіи, а можетъ быть и въ самомъ Велеградѣ, люди, вѣрящіе въ искренность русскаго приношенія и понимающіе его истинное значеніе, равно какъ и фактъ до сихъ поръ существовавшаго на Велеградѣ анти-кирилло-меѳодіевскаго направленія ****). Можетъ быть

*) Небольшая, сдѣланная изъ дерева, икона представляетъ на золотомъ полѣ православныя изображенія св. Кирилла и Меѳодія, изъ которыхъ (съ правой стороны отъ зрителя—св. Кириллъ) первый держитъ въ рукахъ грамоту съ славянскою кирилловскою азбукою, а св. Меѳодій (съ лѣвой стороны отъ зрителя) правою рукою благословляетъ а лѣвою держитъ открытую книгу съ начальными словами Евангелія отъ Іоанна. Между двумя св. братьями изображенъ нѣсколько поднятый осьмиконечный крестъ. Внизу подъ изображеніями стоитъ число 1869 года, вверху надъ ними 14 февраля а также: „Просвѣтители Славянъ“.

*) Ср. Sbornik Velehradsky, III, стр. 37.

**) Посланная русскими вмѣстѣ съ иконою св. Кирилла и Меѳодія лампада, съ 1881 г. перенесена въ главный храмъ Велеградскій къ алтарю св. Бенедикта, гдѣ обыкновенно выставляются остатки мощей (будто бы) св. Кирилла.

***) Ср. Hlas. 1881, № 84.

****) Мы имѣемъ основаніе вѣрить, что есть немало подобныхъ личностей среди западныхъ славянъ; только немногіе изъ нихъ позволяютъ себѣ высказываться и еще меньше осмѣливаются рѣшительнѣе выступить въ защиту „чести отцевъ и правды Божьей“ противъ злонамѣренной лжи враговъ славянства и православія. Тѣмъ больше, слѣдовательно, заслуживаютъ вниманія тѣ немногіе борцы противъ этой злонамѣренной лжи, ко-

православное изображеніе св. Кирилла и Меѳодія, присланное отъ единокровнаго русскаго народа, будетъ собою напоминать объ истинномъ характерѣ дѣятельности и проповѣди св. нашихъ Первоучителей въ Велеградѣ въ Моравіи и вообще среди западныхъ славянъ: можетъ быть, это изображеніе оживитъ среди нихъ тотъ кирилло-меѳодіевскій духъ, который еще помнитъ народъ и въ западно-славянскомъ мірѣ, сохраняя хотя и смутныя преданія о Кириллѣ и Меѳодіи въ разнаго рода легендахъ, сказаніяхъ и пр., удерживая нѣкоторые православные обычаи (какъ напр. православный крестъ, привязанность къ обычаямъ и обрядамъ Православной Церкви, водоосвященію и пр. *), охраняя какъ священную кирилло-меѳодіевскую древность во множествѣ уцѣлѣвшіе въ Чехіи и Моравіи и вообще въ другихъ славянскихъ латинизованныхъ земляхъ старые византійскіе кресты и пр.

Не хочу утомлять вашего вниманія, мм. гг., другими, болѣе частными, сообщеніями относительно прошлой судьбы и современнаго положенія *новаго* Велеграда. Достаточно, кажется, и приведенныхъ указаній, чтобы судить о томъ, какія воспоминанія соединяетъ съ собой современный Велеградъ. Основанный совсѣмъ на иномъ мѣстѣ (чѣмъ гдѣ находился *древній* Велеградъ) пришлыми цисперціанцами, самыми страшными изъ всѣхъ тогдашнихъ монашескихъ латинскихъ орденовъ, гонителями всего православнаго, *новый* Велеградъ постепенно подвергался латинизаціи, служилъ нѣкотораго рода центромъ, откуда эта латинизація распространялась и въ другія части Чехіи и Моравіи, подавляя въ народной памяти дорогія преданія о кирилло-меѳодіевскихъ временахъ чрезъ разнаго рода подтасовки, замѣны древнихъ преданій новшествами, какъ напр. торжественными процессіями въ честь цисперціанскаго патрона св. Бенедикта, легендами о страданіяхъ подставнаго латинскаго св. Яна Неномука и т. п. Однимъ словомъ, на теперешнемъ Велеградѣ происходило систематическое гоненіе противъ кирилло-меѳодіевскаго духа, хотя бы иногда и подъ благовидными предлогами его охраненія чрезъ несистественныя сближенія съ спеціально—латинскими нововведеніями: происходило, слѣдовательно, то, что послѣ смерти св. Меѳодія начато было латино-нѣмецкими врагами славянъ на *старомъ* Велеградѣ и что остановлено было тамъ мадьярскимъ погромомъ. А между тѣмъ на этотъ-то *новый* Велеградъ готовятся теперь многолюдное паломниче тво славянъ-латинниковъ, чтобы (6 апрѣля) 25 марта отпраздновать тамъ тысячелѣтіе со дня блажевной кончины св. Меѳодія. Спрашивается: что они будутъ вспоминать на этомъ Велеградѣ, который былъ столько вѣковъ и до сихъ поръ остается безсердечнымъ свидѣтелемъ искорененія въ Чехіи и Моравіи истиннаго кирилло-меѳодіевскаго духа? Естественнѣе всего было бы предварительно назначить имъ здѣсь день покаянія за содѣянные противъ памяти св. Кирилла и Меѳодія грѣхи предковъ и ихъ духовныхъ вождей—латинизаторовъ и затѣмъ дать торжественное обѣщаніе отселѣ неуклонно слѣдовать завѣту нашихъ первоучителей. Не мѣсто здѣсь разъяснить сущность этого завѣта, тѣмъ болѣе, что многіе даже изъ преступившихъ его нашихъ братьевъ-латинниковъ достаточно разумѣютъ его смыслъ, а только напомнимъ теперь о немъ, насколько онъ выражается въ предсмертныхъ словахъ нашихъ св. Первоучителей. 1016 лѣтъ тому назадъ, именно въ этотъ самый день, 14 февраля, св. Кириллъ въ своей предсмертной молитвѣ взывалъ: *Господи Боже мой!., послушай моя молитвы и вѣрное Твое стадо сохрани, емуже мя Ты приставилъ неключимаго и недостойнаго раба Твоего. Избавляя вся отъ всякія безбожныя и поганскыя злобы, и отъ всякаго многорѣчиваго и хульнаго еретическаго языка, хлаголюща на Тя хулу, погуби трѣязычную ересь, и возрасти Церковь Свою множествомъ, и вся въ единодушіе совокупль, створи изрядны люди, единомысляща о истинѣ вѣрѣ Твоей и правымъ исповѣданіи, вдвожи же въ сердца ихъ слово Твоего ученія, Твой бо есть даръ. Аще мы еси пріялъ недостойныя на проповѣданіе имъ Евангелія Христа Твоего, остряща на добрыя дѣла и творяща угодная Тебѣ, еже мнѣ бѣ далъ, яко Твое, и Тебѣ предаю я, устрой я сильною Твоею десницею, покрый я кровомъ крилу Твоею, да вси хвалятъ и славятъ имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки, аминь.* *).

Какъ видите, св. Кириллъ молился между прочимъ о погубленіи *трѣязычной* ереси, той ереси, послѣдователи которой (папа и латинское духовенство) считали достойнымъ прославлять Бога только на 3-хъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ, но отнюдь не на славянскомъ. Теперь спросимъ мы: осуждалась-ли эта трѣязычная ересь на современномъ Велеградѣ и не поддерживается-ли она тамъ даже теперь въ богослужебной практикѣ (признающей право богослужебнаго языка обыкновенно за однимъ только латинскимъ), въ общемъ духѣ латинства, все централизующаго около римскаго папы и не дающаго никакихъ правъ народному началу въ церкви?

Не менѣе поучительно и должно быть незгладимо напечатлѣно въ сердцахъ послѣдователей Христовыхъ и св. нашихъ первоучителей предсмертное наставленіе своей православной паствѣ другого первоучителя славянъ, св. Меѳодія:

торыхъ мы видимъ въ Австріи какъ среди славянъ-уніатовъ, такъ латинниковъ и протестантовъ, помнящихъ и защищающихъ кирилло-меѳодіевскую старину въ церкви и жизни.

*) Въ Чехіи и Моравіи сохранился обычай три раза въ году святить воду (наканунѣ Богоявленія, въ Великую субботу и предъ Троицынымъ днемъ) —обычай, давно уже исчезнувшій въ латинской церкви. Ср. мою статью въ „Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, изд. учениками В. И. Ламанскаго". Спб. 1883 г., стр. 41—56.

*) Паннонское житіе св. Кирилла, гл. 18.

„Возлюбленныя мои дѣти! Вы знаете силу сретиковъ въ злобѣ и какъ они, искажая слово Божіе, всячески стараются напоить ближнихъ ученіемъ нечистымъ, принимая и употребляя для этого два средства, убѣжденіе и жестокость, одно для простыхъ, а другое для боязливыхъ; я же надѣюсь, что вы сохраните свои души неповинными ни въ томъ, ни въ другомъ, и молюсь, да не увлечетесь ни убѣдительностію словъ, ни пустою лестію не соблазнитесь, ибо вы утверждены на камнѣ апостольскаго исповѣданія и ученія, на которомъ основана и Церковь, которой не одолѣютъ и врата адовы... Увѣщевайте остальныхъ хранить завѣтъ, который мы приняли отъ святыхъ апостоловъ и св. отцевъ и который потребуютъ отъ насъ въ день воздаянія... Смотрите, осторожно ходите, не какъ неразумные, но какъ мудрые и со всею бдительностію старайтесь охранять сердца ваши и братьевъ вашихъ; ибо вы будете ходить среди сѣтей и будете восходить на вершины городовъ; ибо послѣ моей кончины придутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада, чтобы увлечь за собой народъ: имъ противустоите вы, твердые въ вѣрѣ, какъ завѣщаетъ вамъ чрезъ меня св. ап. Павелъ. Всемогущій Богъ и Отецъ и отъ Него предвѣчно рожденный Сынъ и Св. Духъ, Который отъ Отца исходитъ, научитъ васъ всякой истинѣ и къ радости моей представитъ васъ непорочными въ день Христа" *).

Не ясно ли обличается здѣсь и другая современная нашимъ Первоучителямъ ересь *іонаторская*, по которой Духъ святый исходитъ *и отъ Сына*, которая слѣдовательно допускаетъ Filioque. А между тѣмъ эта ересь и до сихъ поръ поддерживается на Велеградѣ и еще имѣетъ горячихъ защитниковъ, распространяющихъ ее среди своихъ единовѣрцевъ и даже въ средѣ православныхъ славянъ.

Исполняя завѣщаніе нашего Первоучителя св. Меѳодія, который повелѣлъ намъ „увѣщевать остальныхъ хранить завѣтъ, который мы приняли отъ св. апостоловъ и св. отцевъ",— мы обращаемся теперь къ своимъ братьямъ-латинянамъ и протестантамъ съ искреннимъ словомъ увѣщанія: пусть они теперь, хоть наканунѣ своего велеградскаго торжества, вспомнятъ предсмертный завѣтъ нашихъ Первоучителей: можетъ быть, тогда они сознали бы и другія свои заблужденія, которыхъ не знали св. наши Первоучители; а тогда при этомъ было бы легко всѣмъ славянамъ сойтись на Велеградѣ, и вмѣстѣ отпраздновать тысячелѣтнюю память св. Меѳодія по старому календарю и по старымъ богослужебнымъ книгамъ, которыя были переведены св. нашими Первоучителями съ греческаго языка на славянскій и до сихъ поръ употребляются въ православно-славянскихъ церквахъ. Къ сожалѣнію, наши братья-латинники не обнаруживаютъ именно такого настроенія къ предстоящему велеградскому торжеству; оттого ихъ празднество и принимаетъ характеръ по преимуществу демонстративный, главнымъ образомъ противъ славянъ православныхъ, не заключая въ себѣ никакой другой, болѣе или менѣе достойной памяти великаго славянскаго учителя, идеи. Мы же, славяне православные, несмотря на приготовляемыя со стороны латинниковъ противъ насъ демонстраціи, будемъ, какъ и всегда, честно готовиться достойнымъ образомъ отпраздновать приближающійся день 6-го апрѣля, и отъ злохидныхъ козней нашихъ враговъ да избавитъ насъ Господь, къ Которому 1016 лѣтъ тому назадъ, въ этотъ именно день, 14 февраля, предъ смертію, въ молитвѣ о своей славянской паствѣ, взывалъ полный твердой и несокрушимой вѣры св. Кириллъ: *Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ враговъ нашихъ, но сѣть ихъ сокрушися и избави ны отъ истязанія ихъ!* *)

Послѣ И. С. Пальмова проф. Ѳ. Ѳ. Миллеръ произнесъ слѣдующую рѣчь **):

Передъ великимъ днемъ.

Родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка. Матѳ. гл. XII, ст. 39.

Этотъ евангельскій текстъ невольно приходитъ на память при шумныхъ требованіяхъ отъ насъ какихъ-то грандіозныхъ манифестацій (оставляю умышленно эти иностранные термины) въ отвѣтъ и отпоръ тѣмъ манифестаціямъ, къ которымъ готовятся на славянскомъ Западѣ. Намъ давно уже указываютъ на 300,000 человѣкъ, на цѣлую армію паломниковъ,—и никто, прибавляютъ къ этому, тамъ ничего не боится, никто не стыдится".

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ только что пріумолкшею — дай-то Богъ не на долго! — „Русью", эта армія окажется, можетъ быть, и не столь громадною, а къ тому же и слишкомъ однородною по своему составу; — но допустимъ, что ея будетъ на лицо даже болѣе 300,000 человѣкъ,—все дѣло вѣдь въ томъ, что при этомъ дѣйствительно, какъ намъ выставляютъ въ примѣръ, „тамъ никто ничего не боится, никто не стыдится". Да, никто не боится вопроса: да гдѣ же въ вашей духовной арміи настоящій кирилло-меѳодіевскій духъ? никто не стыдится неизбѣжной улики въ томъ, что на поверку этого духа совсѣмъ не оказывается.

Нѣтъ, не завидовать намъ подобаетъ тому „помраченію", къ какому подчасъ оказываются способными и умные люди и общества, не соперничать съ непричастными боязни и непричастными стыду въ придумываніи суетныхъ знаменій, а думать о знаменіи, составляющемъ единое на потребу, — о великомъ знаменіи воскресенія, воскресенія чистаго духа нашихъ Первоучителей.

*) Болгар. легенда или греч. Житіе св. Климента, гл. 6.

*) Паннонское житіе св. Кирилла, гл. 18.

**) Высказанныя въ рѣчи Ѳ. Ѳ. Миллера замѣчанія по поводу 100-лѣтняго юбилея дворянской грамоты составляютъ его личное мнѣніе. Рѣчь оратора (не была предварительно прочитана въ Совѣтѣ Общества.

Готовясь къ теперь уже столь недалекому тысячелѣтію св. Меѳодія, мы, разумѣется, не должны также и утѣшать себя и успокоивать свою совѣсть тѣмъ, что у тѣхъ, чьимъ примѣромъ намъ колютъ „глаза, на самомъ дѣлѣ оказываются при этомъ „гробы повапленные“ а должны, испытуя самихъ себя, задать себѣ страшный вопросъ: мы-то сами въ должной ли мѣрѣ пріумножили тѣ таланты, которые намъ достались на долю уже болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ? Не будемъ отуманивать себѣ голову и давно опошлившеюся фразой о нашей *юности*—хороша тысячелѣтняя слишкомъ юность! Бросимъ, наконецъ, и эту несостоятельную уловку все той же тлетворной гордости. Вспомнимъ и тутъ того, чьи слова мы такъ часто приводимъ, но всегда ли ихъ понимая вполнѣ?

Не любитъ Богъ людской гордыни.—
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
Мы соль земли, мы столпъ святыни,
Мы—Божій мечъ, мы—Божій щитъ.
. . . . . .
Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Своею не прельщался славой,
Себя кумиромъ не творилъ...
. . . . . .
Онъ съ тѣмъ, кто мира и свободы
Ему иринесетъ онміамъ,
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ.

Этотъ духовный міръ, эту живую Божью Церковь ставилъ выше всего Хомяковъ, ее-то считалъ онъ святотатственно придавленною тѣмъ государственнымъ тѣломъ, которое завѣщано было языческимъ Римомъ христіанской Византіи, Византіи, по мнѣнію Хомякова, не имѣвшей никакого права удостоить Христову вѣру своей протекціи и вовсе не достойной признанія со стороны христіанства. Вотъ чего намъ особенно не слѣдуетъ забывать, готовясь къ предстоящему торжеству. Намъ не слѣдуетъ забывать, что это торжество Церкви въ ея верховномъ смыслѣ — въ смыслѣ духовной руководительницы и вдохновительницы государства, въ смыслѣ его очистительницы отъ золъ, присущихъ тому „земному праху“, какимъ представлялись Хомякову и всякій блескъ и всяческая слава. Если намъ не перестаютъ твердить, что наши Первоучители—это „духовные виновники нашей государственной силы и нашего политическаго значенія“, то это вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что настоящая, въ самомъ дѣлѣ прочная политическая сила немыслима безъ той *внутренней правды*, которой истинная полнота достигается только Христовой Церковью.

Когда, болѣе двадцати лѣтъ тому, исполнилось тысячелѣтіе нашей церковной грамотности, то торжество это болѣе или менѣе совпало съ политическимъ торжествомъ тысячелѣтія Россіи. Призывая наше тысячелѣтнее государство, такъ сказать, на судъ нашей тысячелѣтней Церкви, издававшій тогда свой не заходящій въ нашей памяти „День“ И. С. Аксаковъ не усумнился привести въ немъ тѣ стихи Хомякова, въ которыхъ онъ призывалъ Россію къ покаянію во всѣхъ ея историческихъ грѣхахъ. О, какъ недостаетъ намъ въ настоящее время такъ некстати замолкшаго Аксаковскаго голоса! Но мы вѣримъ, что онъ скоро вернется къ намъ, что снова раздастся такъ чудно опять окрѣпшее именно въ послѣднюю пору его прямое, безстрашное неумытое слово!

Но когда Аксаковъ устами Хомякова призывалъ насъ къ покаянію въ нашихъ историческихъ грѣхахъ, мы могли его слушать съ успокоенною совѣстью: мы только что освободились тогда отъ грѣха, противъ котораго издавна раздавался голосъ нашей Церкви, такъ какъ этотъ грѣхъ, по взгляду вѣрнаго ея преданьямъ Жуковскаго, былъ самымъ вопіющимъ уклоненіемъ отъ той *правды Божіей*, мысль о которой лежала въ основѣ его воспитательной дѣятельности. И пусть укоряются намъ внушить, что въ этой мысли сказался только „добродушный мечтатель“, — мы не перестанемъ вѣрить, что такія добродушныя мечты „отъ духа истины“, а всякія, противныя имъ внушенія, отъ „духа лестча“. „Добродушная мечта“, благодаря твердой, безбоязненной волѣ державнаго питомца Жуковскаго, была уже совсѣмъ не мечтой къ той порѣ, когда исполнилось тысячелѣтіе со дня кончины св. Кирилла (14 февраля 1869 г.). Съ ужасомъ и негодованіемъ мы начинали уже слѣдить тогда за первыми проявленіями той подпольной силы, которая въ безумномъ чаду ополчилась противъ того, чьи преданія являются въ наши дни предметомъ другой, не менѣе ошалѣлой ненависти, считающей себя и даже величаемой благонамѣренною, на самомъ же дѣлѣ, повторяю, происходящей отъ „духа лестча“. Но какъ ни значительны были уже тогда наше недоумѣніе и наше разочарованіе, все же мы съ крѣпкой вѣрой слушали и повторяли стихи, еще въ 1856 г. написанные Майковымъ:

О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но, хлѣбомъ золота просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И неногодами нестубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно —
О! Дай намъ солнышка! Пошли, Ты, ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть очершись на внуковъ, старикамъ
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: „Господи! Какая благодать“!

Если намъ еще долго придется повторять эту молитву при все откладываемомъ и откладываемомъ осуществленіи заключающихся въ ней желаній, тѣхъ желаній, несомнѣнное осуществленіе которыхъ заключалось, повидимому, уже въ самыхъ задаткахъ, дарованныхъ намъ нашими Первоучителями, то и тутъ опять намъ придется призвать къ отвѣту нашу заспавшуюся совѣсть. Недавно

совершившееся ежегодное торжество православія *) невольно напомнило намъ о томъ что все происходящее „отъ духа лестча", должны мы постоянно и тщательно отлучать отъ себя. Но Церковь въ продолженіе всего поста постоянно намъ напоминаетъ о томъ, каковы проявленія противоположнаго ему духа правды. Между тѣмъ, молясь каждогодно о дарованіи намъ духа *цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви*, мы, должно быть, только клали поклоны, а внутренно плохо молились о томъ,—если были „застигнуты труднымъ временемъ неготовыми къ трудной борьбѣ", если на встрѣчу благимъ и великимъ преобразованіямъ въ нашей жизни, мы пошли не съ печатію дара Божія, а съ духомъ *праздности, унынія, любоначалія и празднословія*. Въ первую пору на той нивѣ, на которую призвалъ насъ державный сѣятель, оказались настоящіе дѣятели, знавшіе хорошо эту родную кормилицу ниву, и готовые въ потѣ лица потрудиться на ней.

Но слишкомъ скоро оказалось, что большинство призванныхъ на встрѣчу ускорившему жениху — кто полѣнился, а кто даже прямо не захотѣлъ запастись елеемъ. Вмѣсто живаго и усерднаго дѣланія и необходимой для него доброй воли, мы или празднословили о меньшемъ братѣ и картинно горячились о добрѣ, или, позабывъ объ обязанности загладить свой старый грѣхъ, заговаривали о какихъ-то правахъ, долженствующихъ насъ вознаградить за поздвюю и не совсѣмъ то добровольную жертву,—а не то умышленно портили на самомъ дѣлѣ то, чему только притворно сочувствовали въ идеѣ, а затѣмъ уже прямо и откровенно злорадствовали при неуспѣхахъ ея осуществленія. Но ко всѣмъ этимъ болѣе или менѣе сознательнымъ, вольнымъ грѣхамъ, присоединился еще грѣхъ невольный, грѣхъ непредумышленнаго, но все же непростительнаго невѣдѣнія — полнаго невѣдѣнія родной земли, съ высокомѣрной мыслью о томъ, что знать ее и не стоитъ, что ничему отъ нея и не выучишься, зато со слѣпымъ упованіемъ на ту или другую вычитанную доктрину, съ неудержимымъ зудомъ сейчасъ же и начать оперировать во имя ея—чѣмъ смѣлѣе, тѣмъ лучше. Нѣкоторые, быть можетъ, уже и близки къ тому, чтобы понять, но гордостью удерживаются отъ того, чтобы сознать ошибку. И вотъ, между тѣмъ, какъ та же гордость или властолюбіе мѣшаетъ придти къ сознанію своихъ заблужденій и нашимъ подпольнымъ операторамъ, тѣ, которые открыто и явно, но неумышленно, по невѣдѣнію, работали на руку имъ, впадаютъ въ бездѣйственное уныніе или фаталистическое равнодушіе. „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", говорятъ одни;—„хоть трава не рости", говорятъ другіе. И всѣ непростительно скоро забыли, что кровь вѣнценоснаго мученика остается „на насъ и на чадахъ нашихъ"!

Такъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ и въ какомъ настроеніи готовимся мы къ тысячелѣтнему чествованію одного изъ нашихъ Первоучителей. Выходитъ, что и мы тоже ничего не боимся и ничего не стыдимся, хотя и нѣсколько конфузимся при рѣчахъ о недостаточно эффектныхъ демонстраціяхъ... „Родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка".

Но если бы намъ въ самомъ дѣлѣ далось это великое знаменіе! Если бы въ самомъ дѣлѣ въ насъ возродилось все то, что не отъ „духа лестча", а отъ духа Божія!

Какъ ни мало еще воздѣлана духовная нива нашего простаго народа (а дѣло нашихъ Первоучителей позволяло расчитывать на самую обильную жатву съ нея), въ народѣ уже сказываются признаки духовнаго возрожденія. Едва ли не онъ одинъ среди насъ готовъ, оставаясь, хотя и не вполнѣ сознательно, въ лонѣ Церкви, сознавать свои собственные грѣхи, какъ постоянно намъ напоминалъ и ставилъ на видъ нашъ глубокій сердцевѣдъ Достоевскій. Скоро, черезъ нѣсколько дней, наступитъ число, которое народъ нашъ всегда будетъ благоговѣйно чествовать *). Черезъ годъ исполнится уже двадцатипятилѣтіе этого числа, и народъ отпразднуетъ его, несмотря ни на что, благодарно поминая его виновника, не поминая лихомъ тѣхъ, кто плохо ему помогалъ въ святомъ дѣлѣ, не извиняя своихъ собственныхъ грѣховъ тѣмъ, что мы называемъ средою. Но и для насъ, для такъ называемаго интеллигентнаго класса, за тысячелѣтіемъ св. Меѳодія послѣдуетъ другое торжество. Извѣстно, что 21 апрѣля настоящаго года мы готовимся праздновать столѣтіе жалованной дворянству грамоты. Нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, усиленно хлопоча о политически демонстративномъ чествованіи св. Меѳодія, въ тоже время проповѣдуютъ намъ своего рода воскресительное, съ перенесеніемъ на мірскую почву, знаменіе — вспрыснутіе живою водою хотя и недавней, но все же *ископаемости* нашего философскаго вѣка — чтобы создать съ ея помощью какую-то заново осмысленную *дворянскую эру*. Указывая на недостатокъ у насъ людей, на нравственную нашу дряблость и расшатанность, намъ готовятъ цѣлебный елей въ политическомъ первенствѣ „достойнѣйшей, какъ насъ увѣряютъ, части русскаго народа", въ оживленіи ея традиціонной части,—ужъ лучше бы сказали *гонора* или honneur'а! Относясь къ подобнымъ затѣямъ съ той широкой церковной почвы, на которую ставитъ насъ чествованіе нашего Первоучителя, мы должны будемъ прямо признать, что и это „отъ духа лестча". И хотя бы наши ландлорды одумались при внушительномъ зрѣлищѣ современныхъ бѣдствій, разомъ обрушившихся на голову той старой политической грѣшницы, сила которой основывалась совсѣмъ уже не на правдѣ Божіей!

Не даромъ, и ослѣпленный ея чуднымъ

*) Рѣчь эта была читана на 2-й недѣлѣ великаго поста. *Авт.*

*) Рѣчь эта была читана 14-го февраля, т. е. за пять дней до 19-го. *Авт.*

блескомъ, и пророчески предвидя ея Валтасаровъ пиръ, обращался къ ней Хомяковъ:

Дочь любимая свободы,
Благодатная земля,
Какъ кипятъ твои народы,
Какъ цвѣтутъ твои поля...
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна...
Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божія суда,
Но за то, что Церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной:
Для тебя, морей царица,
День придетъ и близокъ онъ!
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ, какъ сонъ!

День погибели, можетъ быть, и теперь еще не такъ близокъ, но такъ называемая „любимая дочь свободы" уже не видитъ въ своихъ учрежденіяхъ оплота противъ той динамитной силы, которая столько же грозитъ ей, какъ и всей остальной Европѣ со всѣми ея „либеральными учрежденіями". Сбывается и другое пророчество, сбывается надо всею Европою, а преимущественно надъ Англіей съ ея миссіями къ отдаленнѣйшимъ дикарямъ и тѣмъ домашнимъ вполнѣ одичавшимъ людомъ, который, среди блеска и умственнаго свѣта ея богатой столицы, до сихъ поръ остается

Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи.

Да, явно сбывается и другое пророчество—пророчество Достоевскаго съ горькимъ кличемъ его чисто христіанской души: „не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ какъ рабомъ". Нѣтъ, не грѣшными гарантіями правъ и удобствъ одной этой части, выдаваемыми за вѣрный оплотъ настоящей свободы съ настоящимъ порядкомъ, соблазниться намъ, не ими увѣнчивать зданіе, красугольнымъ камнемъ котораго, если мы вѣрны духу нашихъ Первоучителей, долженъ оставаться Христосъ, призывающій всѣхъ насъ стать другъ для друга братьями и нескончаемо повторять, во имя братской любви, великое чудо умноженія хлѣбовъ. Здоровымъ и зоркимъ глазомъ оглянувшись вокругъ, пора же наконецъ убѣдиться, какъ безконечно мала именно у насъ, какъ слаба и безпочвенна та отборная часть, на процвѣтанье которой уходилъ до сихъ поръ весь историческій трудъ человѣчества. Выйти наконецъ на широкій для всѣхъ просторъ, добровольно отдать свои руки для дружной работы на той всенародной нивѣ, объ урожаѣ которой, физическомъ и духовномъ, вдохновенно молится поэтъ—можетъ ли быть задача, болѣе достойная настоящихъ учениковъ великихъ славянскихъ Первоучителей?

Еще въ XVII в. извѣстный писатель хорватъ Крижаничъ въ своемъ трудѣ о Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ говорилъ на своеобразномъ своемъ языкѣ: „кралева честь, слава, должность и настояніе есть—людство свое учинити блажено". Обращаясь же къ нашему „людству", какъ было оно тогда, и позаимствовавшись при своей податливой славянской натурѣ западно-европейскимъ аристократизмомъ, онъ отчасти осуждаетъ ту своего рода роскошь въ одеждѣ, которую онъ замѣтилъ у нашего простаго народа. „Рубашки, говоритъ онъ, обшиваются золотомъ и шелкомъ; сапоги ся шьютъ мѣдными нитьми, мужи носятъ бисеръ: таково неспособіе нигдѣ въ Европѣ ся не дѣть... Нагогрши черняки носятъ свилную пратежь (шелковую одежду), черняцкихъ женъ нѣсть разозвать отъ напредніхъ боярынь". Зато онъ вполнѣ одобряетъ то, что простой народъ на Руси питается гораздо лучше, чѣмъ рабочій людъ въ западной Европѣ, что если нѣтъ у насъ такихъ огромныхъ единичныхъ богатствъ, какъ тамъ, то нѣтъ зато и такого иерархенства въ состояніяхъ. О, если бы эта картина, перенесенная въ наше время, и дополненная всѣми признаками стольже равномѣрнаго благосостоянія духовнаго, стала на глазахъ если не у нашихъ дѣтей, то хотя бы у нашихъ внуковъ, живою осязаемою дѣйствительностью! Кто не знаетъ, что „Наказъ" Екатерины II заключается словами: „не дай Богъ, чтобы какая нибудь страна могла быть благополучнѣе Россіи,—несчастье, до котораго я дожить не желаю". Что если бы это не оставалось либеральною фразою, совмѣстимою съ сохраненіемъ крѣпостнаго права и исключительною заботливостью объ одномъ дворянствѣ, а обратилось въ задушевный обѣтъ всѣхъ и каждаго не щадить своихъ силъ и своихъ личныхъ выгодъ для полнаго достиженія великой цѣли? „Страненъ величіемъ передъ нами, но милостивъ безконечно, говорилъ Достоевскій про великаго чудотворца Галилейской Каны: намъ изъ любви уподобился и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ, чтобы не пресѣклась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ безпремѣнно зоветъ и уже на вѣки вѣковъ. Вотъ и вино несутъ новое, видишь, сосуды несутъ"...

О, если бы это чудное зрѣлище всѣмъ доступной Христовой трапезы явлено было нами въ примѣрѣ и на удивленіе міру! Въ этомъ былъ бы настоящій залогъ всякой силы, несокрушимаго мірового могущества. Въ этомъ, и только въ этомъ одномъ наше: „сими побѣдиши!"

Но добрыя, чистосердечно добрыя намѣренія служить благу общему несомнѣнно сказывались у насъ,—откуда жъ такая страшная неудача столь многихъ добрыхъ намѣреній? Все отъ невольнаго грѣха невѣдѣнія своей родной земли, вытекающаго изъ грѣха нашей гордости тѣмъ, что называемъ мы своею культурою. Почти уже доживая девятнадцатый вѣкъ, мы все еще держимся философскихъ преданій XVIII-го „Tout pour le peuple, rien par le peuple", говорили его

умственные вожди, потомъ, правда, пустившіе въ дѣло и народъ, но какъ слѣпую, повинующуюся имъ силу, т. е оставшіеся далекими отъ того, чтобы чему нибудь научиться, съ чѣмъ нибудь ознакомиться чрезъ народъ. И все это было отъ духа лестча съ его завѣтной гордынѣй. Но въ началѣ того же XVIII в. простой русскій человѣкъ, вполнѣ сочувствовавшій просвѣтительнымъ мѣрамъ Петра, но въ тоже время носившій въ себѣ, какъ выражаются наши старообрядцы, разумъ Христовъ, предостерегалъ великаго преобразователя: „безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно, понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумѣнія не далъ, но раздѣлилъ на малыя дробинки комуждо по силѣ его... обаче нѣсть такого человѣка, кому бы не далъ Богъ ничего", т. е. не далъ по крайней мѣрѣ того разумѣнья своихъ собственныхъ нуждъ, какого положительно не признавали, а частію и теперь не признаютъ въ народѣ различные культурные умники. Но не то ли же, что говорилъ Петру Посошковъ, передалъ намъ, какъ свой предсмертный завѣтъ, также носившій въ себѣ разумъ Христовъ, Достоевскій? Провожая его бездыханное тѣло, всѣ мы читали въ тутъ же раздававшемся послѣднемъ его дневникѣ: „есть одно магическое словцо, именно: „оказать довѣріе". Да, нашему народу можно оказать довѣріе, ибо онъ достоинъ его. Позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ вамъ правду, и мы всѣ въ первый разъ, можетъ быть, услышимъ настоящую правду". О томъ же самомъ еще такъ недавно напоминала только что замолкшая „Русь", говоря о волнѣйшей безплодности всякой канцелярской работы и, по поводу назначенія въ одну многозначительную для народа комиссію эксперта—профессора, замѣчая, что гораздо полезнѣе былъ бы въ ней голосъ хотя бы одного крестьянина.

Отъ грѣха кабинетной самоувѣренности да послужитъ намъ наконецъ врачествомъ то смиренномудріе, о которомъ никогда не переставала говорить Церковь. Только проникнувшись ея истиннымъ духомъ, духомъ дѣятельной, неунывающей и чуждой всякаго властолюбія, братской любви, тѣмъ духомъ, который еще за тысячу лѣтъ сдѣлался намъ доступенъ благодаря нашимъ великимъ Первоучителямъ, но который особенно надобно намъ теперь обновить въ себѣ,—можно будетъ и въ наши всемірносмутные дни повторить съ поэтомъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Глядимъ впередъ мы безъ боязни!

Всѣ сообщенія, прочитанныя въ этомъ собраніи, были выслушаны присутствовавшими съ живѣйшимъ вниманіемъ и покрыты рукоплесканіями.

Въ заключеніе были избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

III.

7 АПРѢЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново *):

Собраніе это имѣло характеръ величественный, эффектный, поражающій. Зала дворянскаго собранія, украшенная по всей длинѣ хоругвями славянскихъ народностей, съ ихъ гербами, была освѣщена a giorno. Всѣ восемь громадныхъ люстръ лили потоки свѣта на массу публики, наполнявшую партеръ, а канделябры въ промежуткахъ между колоннами и газовыя линіи на хорахъ еще болѣе увеличивали блескъ картины. Въ концѣ залы возвышалась красивая эстрада и среди нея царила хоругвь св. Кирилла и Меѳодія, величественная, изъ золотой парчи, съ образами святыхъ, драпированная красивымъ бархатомъ и кистями, съ ниспадавшими сверху ея лентами славянскихъ цвѣтовъ, на которыхъ золотомъ начертано было: на бѣлой—„православіе", на красной—„самодержавіе", на синей—„народность". Подъ сѣнію этой хоругви на эстрадѣ заняли мѣста въ первомъ ряду: г. предсѣдатель Общества, по правую сторону его славянскіе гости: г. Ристичъ, въ русской аниенской лентѣ, о. І. Г. Наумовичъ, В. М. Площанскій, О. А. Марковъ, П. А. Добрянскій, М. П. Король, Ѳ. К. Бѣлецкій и др. славянскіе гости: по лѣвой сторонѣ предсѣдателя, посрединѣ эстрады, высокопреосвященный Савва, архіепископъ тверской, преосвященные: Палладій тамбовскій, Митрофанъ черногорскій, Серапіонъ екатеринославскій и

*) Вотъ описаніе торжественнаго празднованія тысячелѣтія памяти св. Меѳодія въ С.-Петербургѣ:

Великій, незабвенный день 6 апрѣля честно и свѣтло отпраздновала наша столица вмѣстѣ со всею Россіей и со всѣмъ православнымъ славянствомъ. Великій день, свѣтлое воспоминаніе! Трудно было бы, при незначительномъ объемѣ нашего издавія, дать хотя приблизительное понятіе о размѣрахъ и столь разнообразныхъ проявленіяхъ высоко-торжественнаго въ этотъ день настроенія православнаго народа на всемъ необъятномъ пространствѣ Русской земли! А между тѣмъ желательно было бы сохранить въ памяти и современниковъ и потомства высоко-поучительный образъ этого свѣтлаго торжества. Вотъ почему намъ кажется весьма счастливою мысль, возникшая въ средѣ нашего Общества, издать юбилейный сборникъ, въ который имѣетъ войти подробное описаніе всероссійскаго и всеславянскаго празднества, церковнаго и свѣтскаго, на всемъ широкомъ пространствѣ православно-славянскаго міра,

*) Напечатано въ № 4 «Извѣстій» 1885 г.

Арсеній ладожскій; далѣе заняли мѣста министры: народнаго просвѣщенія—И. Д. Деляновъ, иностранныхъ дѣлъ—Н. К. Гирсъ, юстиціи—Д. Н. Набоковъ; графъ Н. П. Игнатьевъ, генералъ-адъютантъ Грейгъ, генералъ-адъютантъ П. С. Ганецкій, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ—г. Влангали, генералъ-лейтенантъ Махотинъ, начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, графъ А. П. Игнатьевъ. Второй рядъ весь блестѣлъ генеральскими эполетами и звѣздами. Тутъ были по преимуществу военные; между ними генералы: Черняевъ, Мирковичъ, Куропаткинъ, Глуховской; предсѣдатель географическаго общества, сенаторъ П. П. Семеновъ, управляющій азіатскимъ департаментомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ тайный совѣтникъ И. А. Зиновьевъ; еще два ряда были заняты членами Совѣта Общества, академиками и профессорами. За членами Совѣта на возвышеніи расположился хоръ г. Славянскаго. Засѣданіе началось пѣніемъ тропаря, кондака и величанія св. Кириллу и Меѳодію—древняго знаменнаго распѣва. Превосходное, художественное пѣніе, вмѣстѣ съ торжественностью обстановки производило сильное впечатлѣніе. Всѣ присутствующіе, стоя, благоговѣйно выслушали это чудное пѣніе. Потомъ, старѣйшій изъ присутствовавшихъ іерарховъ, архіепископъ тверской Савва преподалъ всему собранію архипастырское благословеніе, на которое капелла г. Славянскаго отвѣтила пѣніемъ «Εἰς πολλὰ ἔτη, Δέσποτα».

Затѣмъ г. предсѣдатель, открывая собраніе, сказалъ:

„Считаю долгомъ отъ имени Славянскаго Общества привѣтствовать прибывшихъ представителей славянскихъ народовъ, которые удостоиваютъ своимъ присутствіемъ наше торжество. Да послужитъ ихъ пріѣздъ къ намъ новымъ доказательствомъ той связи, которая существуетъ между всѣми славянскими народами, и да послужитъ ихъ присутствіе между нами предзнаменованіемъ того единства славянскаго племени, къ которому неустанно стремится наше Общество, и прочное начало которому, тысячу лѣтъ назадъ, положили чествуемые нами святые Первоучители“.

Хоръ г. Славянскаго исполнилъ древне-славянскую пѣснь: „Боже муй“. Затѣмъ выступилъ впередъ къ каѳедрѣ г. Ристичъ и произнесъ по сербски слѣдующую рѣчь:

„Многоуважаемые господа!

„Если бы мнѣ и было о чемъ пожалѣть въ эту торжественную минуту, то единственно о томъ, что я не въ состояніи высказать мои чувства въ прекрасной русской рѣчи, которая была-бы понятна каждому изъ васъ; но, въ виду оказанной мнѣ братской предупредительности, я рѣшаюсь высказать на материнскомъ языкѣ, насколько благодаренъ я Славянскому Обществу и его достойному предсѣдателю, г. Дурново, что они почтили меня приглашеніемъ къ участію въ этомъ великомъ славянскомъ празднествѣ вѣроисповѣднаго, народнаго и культурнаго значенія. Я счастливъ, что мнѣ выпалъ этотъ случай лучше узнать величіе Россіи, такъ какъ въ эти дни я видѣлъ то, чего можетъ быть иные тщетно искали. Обыкновенно принято думать,

---

во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ благоговѣйной признательности къ святымъ нашимъ Просвѣтителямъ! Просматривая наши и славянскіе газеты и журналы, поражаешься массою сообщаемыхъ самыхъ отрадныхъ и разнообразныхъ извѣстій изъ всѣхъ уголковъ русско-славянскаго міра о необыкновенномъ воодушевленіи и глубоко-сознательномъ отношеніи къ совершившемуся торжеству не только въ средѣ служителей Церкви и школы, но и во всѣхъ слояхъ православнаго населенія. Это былъ поистинѣ національный праздникъ, во-очію убѣдившій всѣхъ и каждаго, что сильна вѣра въ русской землѣ, что глубоки ея нравственныя начала, что несокрушима она единствомъ народнаго бытія со святынею нашей Церкви. Въ ней, св. Церкви, по выраженію „Московскихъ Вѣдомостей“, начало нашей жизни, ею держится наше государственное величіе, ею обезпечиваются судьбы нашего великаго отечества. Священное торжество 6 апрѣля было воистину всенароднос не только потому, что оно было повсемѣстное, но потому, что здѣсь, въ царствующемъ градѣ св. Петра, на свѣтломъ торжествѣ народномъ былъ весь Русскій народъ въ лицѣ своего Державнаго Вождя...

Оставляя полное изображеніе празднества, со всѣми его подробностями, до изданія предположеннаго юбилейнаго сборника, ограничимся здѣсь лишь краткимъ напоминаніемъ послѣдовательности происходившаго чествованія священной памяти нашихъ Первоучителей.

Торжество началось еще наканунѣ, 5 апрѣля, всенощнымъ бдѣніемъ во всѣхъ церквахъ столицы и торжественнымъ архіерейскимъ богослуженіемъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Каѳедральный храмъ, освѣщенный снаружи по пасхальному, былъ переполненъ молящимися, какъ въ Свѣтлый праздникъ. Передъ началомъ и во время богослуженія раздавались жизнеописанія св. Первоучителей, изданныя Славянскимъ Обществомъ, и Троицкіе листки: „Славянскіе Апостолы“, „Завѣты нашихъ св. Первоучителей“ и „Уроки нашему времени“.

На другой день, 6 апрѣля, народъ уже съ 8 часовъ утра покрывалъ густыми массами весь путь крестнаго хода по Невскому проспекту и Адмиралтейской площади до Исаакіевскаго собора.

Въ Казанскій соборъ еще наканунѣ, ко всенощной, гласные Думы принесли сооруженную городомъ хоругвь св. Кирилла и Меѳодія. Къ 9 ч. утра праздника были принесены и освящены двѣ хоругви: Казанскаго собора и Славянскаго Общества; къ этому же времени пришли и депутаты отъ Думы и ремесленныхъ цеховъ со значками. Ровно въ 9 час. началась процессія: вышли архіереи, начался молебенъ и при пѣніи: „Благословенъ грядый во имя Господне“ изъ собора,

что Россія велика, собственно, потому, что въ ней солнце не заходитъ. Такъ могутъ думать только тѣ, кто не имѣлъ случая видѣть и оцѣнить этотъ сугубый энтузіазмъ, который наполняетъ сердце и умъ великаго русскаго народа: съ одной стороны, энтузіазмъ къ вѣрѣ и народности, а съ другой—энтузіазмъ къ своему Царю. Въ этомъ лежитъ, думается мнѣ, тайна величія русскаго народа, и до тѣхъ поръ, пока этотъ сугубый энтузіазмъ останется во всей своей силѣ и свѣжести, онъ будетъ для великаго братскаго русскаго народа источникомъ непобѣдимой силы, славы и гордости, а въ насъ, славянскихъ народахъ на Балканскомъ полуостровѣ, онъ будетъ вселять чувство безопасности и надежды. И такъ, да здравствуетъ Царь, да здравствуетъ Россія". (Живіо Цар, живила Русија).

Все собраніе единодушно и громко рукоплескало г. Ристичу, который говорилъ съ замѣчательной выразительностью и силой.

Послѣ г. Ристича выступилъ убѣленный сѣдинами старецъ, о. Іоаннъ Наумовичъ, и произнесъ слѣдующія слова въ отвѣтъ на привѣтствіе г. предсѣдателя: „Долгомъ считаю, именемъ мопхъ земляковъ—Галичанъ, искренно поблагодарить высокоуважаемаго г. предсѣдателя Славянскаго Общества за теплый привѣтъ и поздравить Васъ, мм. гг., съ настоящимъ праздникомъ. Наша галицкая Русь —вѣтвь великаго русскаго народа, отдѣленная политической границею, но связанная со всею Русью народностью, Церковью и исторіею. Она не можетъ не раздѣлить съ вами этой радости, которая наполняетъ сегодня всѣ ваши сердца. Мнѣ остается только пожелать, чтобы тѣ пожеланія, которыя сейчасъ высказалъ высокоуважаемый представитель свободной Сербіи, съ Божьей помощью осуществились".

Слова почтеннаго представителя галицкой Руси встрѣчены были выраженіями искренняго сочувствія.

Затѣмъ г. секретарь прочиталъ адресы и телеграммы, полученные Обществомъ къ празднику 6 апрѣля. Такъ какъ въ засѣданіи не было возможности прочитать всю массу привѣтствій, то прочтены были лишь немногія.

Вотъ всѣ полученныя Обществомъ привѣтствія:

Изъ Львова „отъ учащейся молодежи".

„Раздѣленная политической границей, но не отдѣльная вѣрою и духомъ отъ всего русскаго міра, наша Прикарпатская Русь поздравляетъ васъ, сыновъ Великой Руси, именемъ всей молодежи, съ торжественнымъ праздникомъ святыхъ учителей и Просвѣтителей славянъ, Кирилла и Меѳодія.

„Какъ по всей великой Россіи, такъ и на нашей родинѣ, благовѣстятъ сегодня колокола всеславянское торжество и тѣ же пѣснія, и тѣ же молитвы изливаются къ Царю-царствующихъ отъ юго-западныхъ рубежей Русской земли изъ по-за-карпатскихъ горъ до дальняго востока и сѣвера одинмъ стройнымъ хоромъ, однимъ глубокимъ чувствомъ — да будетъ миръ и духовное единеніе въ славянской семьѣ, а звеномъ, соединяющимъ насъ всѣхъ — имена нынѣ чествуемыхъ святыхъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія!

„Прими, великая и могучая Русь, сей го-

при звонѣ всѣхъ колоколовъ, вышла величественная процессія, въ порядкѣ, указанномъ церемоніаломъ, утвержденнымъ его высокопреосвященствомъ митрополитомъ Исидоромъ. Впереди, за открывавшими шествіе діакономъ и псаломщиками съ фонаремъ и крестомъ, несли хоругвь св. Кирилла и Меѳодія, сооруженную городской Думой, и образъ святыхъ Первоучителей; за ними шло многочисленное, въ бѣлыхъ блестящихъ ризахъ, духовенство. Крестный ходъ состоялъ изъ шести отдѣленій; въ каждомъ находилось по одной изъ особо чтимыхъ святынь Петербурга: кромѣ иконъ св. Кирилла и Меѳодія, Александра Невскаго, Николая Чудотворца, несли чудотворныя иконы Казанской и Скорбящей Божіей Матери, Нерукотворенный образъ Спасителя изъ домика Петра Великаго, крестъ съ частію Древа Господня и ковчежецъ съ частію мощей св. Андрея Первозваннаго. Въ одномъ изъ отдѣленій шли іеродіаконы, іеромонахи и игумены Александроневской лавры; передъ иконою Казанской Божіей Матери несли хоругвь св. Кирилла и Меѳодія, сооруженную старостою и причтомъ Казанскаго собора.

Въ послѣднемъ отдѣленіи шествовали семь архимандритовъ, лампадчикъ, протодіаконы съ кадилами, діаконы съ рипидами, трикиріями и дикиріями и преосвященные архіереи въ золотомъ облаченіи, впереди два викарія с.-петербургской митрополіи, ректоръ духовной академіи, епископъ ладожскій Арсеній и епископъ выборгскій Сергій; за ними членъ Св. Синода, высокопреосвященный Савва, архіепископъ тверской и кашинскій.

Вслѣдъ за духовенствомъ, предшествуя хоругви Славянскаго Общества, шла капелла Д. А. Славянскаго, пѣвшая, подъ его управленіемъ, пасхальный канонъ во все время слѣдованія процессіи.

За хоругвью слѣдовали члены Славянскаго Общества, члены Чешскаго Вспомогательнаго Общества и прѣзжіе русскіе изъ Галиціи, за ними представители Городской Думы, далѣе депутаціи отъ ремесленныхъ цеховъ; ихъ пестрые значки красивой гирляндой колыхались въ воздухѣ надъ огромною массою народа, присоединившагося сзади къ процессіи. За ремесленными цехами тянулись длинною вереницею учащіеся учебныхъ заведеній. На западномъ портикѣ Исаакіевскаго собора крестный ходъ встрѣтилъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Исидоръ, который, принимая св. иконы, при помощи двухъ о. протоіереевъ, служащихъ литургію, осѣнилъ ими народъ и затѣмъ св. иконы внесены были въ соборъ, а равно и хоругви св. Кирилла и Меѳодія.

Но прибытіи процессіи въ Исаакіевскій со-

лось молодыхъ Галичанъ въ приснопамятный сей день, какъ залогъ братской къ тебѣ любви и преданности единовѣрныхъ и единокровныхъ твоихъ братьевъ". *Въ Львовѣ, ко дню 6-го апрѣля 1885 года.* (Слѣдуютъ 55 подписей).

Изъ Львова отъ Галицкихъ русскихъ (изящный адресъ церковно-славянскаго письма).

Словѣнскому Благотворительному Обществу въ Петроградѣ.

„Братіе! Днесь радуются роди Словенстіи священную память Богомудрыхъ своихъ Апостолъ Кирилла и Меѳодія свѣтло празднующе, иже тріязычную ересь поправше, письмены и словомъ Словенстѣмъ просвѣтиша Словенскія земли свѣтомъ вѣры и благочестія.

Радуется днесь и веселится древній Галичь купно съ матерью русьскихъ градовъ Кіевомъ, откуду возсія ему солнце правды; радуется и торжествуетъ купно съ богоспасаемыми царствующими грады Москвою и Петроградомъ и съ всею русьскою землею и странами словенстѣми, идѣже повѣдаются ва сроднемъ словенстѣмъ языцѣ величія Божія.— Божественное и всечестное сіе совершающе празднество, молимъ Христа Бога даровати словенстѣмъ церквамъ миръ и единеніе и душамъ нашимъ велію и богатую милость".

Въ Львѣградѣ, априлія къ ѕ҃. дню ҂аѿпе

(Затѣмъ слѣдуютъ 70 подписей).

Львовъ.

Ура! да воскреснетъ идея славянскихъ Первоучителей! *Львовскіе русскіе.*

Львовъ.

Да будетъ сей свѣтлый день началомъ новой счастливой эры славянскимъ родамъ. *Редакція „Науки".*

Львовъ.

Въ устраиваемомъ вами праздникѣ общеславянскомъ мы духомъ участвуемъ. Честь и слава несокрушимой жизненности славянскаго генія! *Редакція „Новаго Пролома".*

Львовъ.

Вѣчная слава славянскимъ апостоламъ, честь и поклонъ чествующимъ ихъ память. *Лужницкій, издатель „Русской Библіотеки".*

Вѣна.

Слава и поклоненіе основателямъ славянскаго единства св. Кириллу и Меѳодію. Честь и слава ихъ послѣдователямъ, глашатаямъ славянскаго единенія, единодушія славянскаго проповѣдникамъ! *Общество „Буковина".*

Вѣна.

Слава св. Кириллу и Меѳодію, Просвѣтителямъ славянства; счастливы, братья, что можете безъ страха и восторженно славить это національное торжество. Слава народной письменности. *Далматинско-сербская молодежь Вѣнскаго университета.*

Вѣна.

Вѣнскіе славянскіе студенты поютъ и прославляютъ память апостоловъ славянскихъ.

Софія.

Сегодня болгарскій народъ повсемѣстно, а также въ столицѣ Болгаріи, въ лицѣ нарочито собранныхъ отовсюду представителей, торжественно празднуя тысячелѣтній юбилей

боръ, высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ Исидоромъ. архіепископомъ тверскимъ Саввою, епископами: тамбовскимъ Палладіемъ, екатеринославскимъ Серапіономъ, ладожскимъ Арсеніемъ и выборгскимъ Сергіемъ былъ хиротонисованъ во епископа цетиньскаго управляющій черногорскою митрополіею, архимандритъ Митрофанъ Банъ. По окончаніи обряда архіерейской присяги, вновопосвящаемый епископъ принялъ благословеніе отъ архіереевъ, при чемъ, по обычномъ возглашеніи многолѣтія Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, было возглашено многолѣтіе владѣтельному князю Черныя Горы Николаю, всероссійскому Сvноду и рукоположенному во епископа цетиньскаго архимандриту Митрофану. Такого многознаменательнаго и свѣтлаго торжества, какъ въ этотъ день. не было еще въ Исаакіевскомъ соборѣ со времени его основанія.

Четыре іерарха совершали литургію: высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Исидоръ, преосвященные: Палладій, Арсеній и новорукоположенный Митрофанъ, сонмъ архимандритовъ и духовенства. Богослужебное пѣніе было великолѣпное, восхитительное; пѣли три хора пѣвчихъ: на правомъ клиросѣ—полный придворный хоръ, а на лѣвомъ—полный-же хоръ Исаакіевскихъ пѣвчихъ и Александро-Невской лавры.

Придворные пѣвчіе исполнили: Херувимскую, Вѣрую и двухорный причастенъ: „Въ память вѣчную будетъ праведникъ".

На богослуженіи присутствовали министры, оберъ-прокуроръ Св. Сvнода, нѣкоторые изъ товарищей министровъ, первые и вторые чины двора, придворные кавалеры, генералъ-адъютанты и лица военной свиты Его Величества, генералы, штабъ и оберъ-офицеры войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, знатныя особы обоего пола, члены Славянскаго Общества со значками и Чешскаго Благотворительнаго Общества, славянскія депутаціи съ г. Ристичемъ и о. Іоанномъ Наумовичемъ во главѣ, гласные Городской Думы, представители цеховъ, воспитанники учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія съ попечителемъ учебнаго округа во главѣ. Военные и гражданскіе чины были въ полной парадной формѣ.

Во время божественной литургіи въ соборъ прибыли члены Императорской Фамиліи: великая княгиня Александра Іосифовна съ августѣйшимъ семействомъ, великіе князья, генералъ-фельдмаршалы: Николай и Михаилъ Николаевичи съ августѣйшими сыновьями, принцы Ольденбургскіе и Лейхтенбергскіе, великіе князья, августѣйшіе братья Государя, и великій князь, командующій войсками петербургскаго военнаго округа, Владиміръ Александровичъ съ августѣйшею супру-

славянскихъ Просвѣтителей, святыхъ солунскихъ братьевъ, Меѳодія и Кирилла, доставляетъ мнѣ драгоцѣнный случай въ это многознаменательное празднество принести отъ имени православнаго болгарскаго народа сердечное поздравленіе вамъ и въ вашемъ лицѣ всему православному братскому намъ народу русскому, который дорогими жертвами завоевалъ намъ свободу. Возсылаемъ теплыя сердечныя молитвы, да всеблагій Богъ молитвами святыхъ славянскихъ Просвѣтителей сохранитъ и укрѣпитъ на вѣчныя времена связь между православными славянскими племенами и дорогими нашими единоплеменными славянскими братьями и да дастъ намъ духовное единеніе. *Предсѣдатель комиссіи тысячелѣтія: Терновскій митрополитъ Климентъ.*

Пловдивъ.

Населеніе Восточной Румеліи, празднуя торжественно тысячелѣтній юбилей славянскаго Просвѣтителя святаго Меѳодія, привѣтствуетъ въ вашемъ лицѣ всѣхъ трудящихся о преуспѣяніи славянства. *Отъ комиссіи праздника: предсѣдатель, епископъ Левкійскій Гервасій.*

Румелія, Сливно.

Изъ нашей земли вышло первое славянское слово и святой православной вѣры. За слово же святыхъ Кирилла и Меѳодія Россія возвратила намъ утраченную свободу. Слава и честь храброму русскому народу. *Комитетъ торжества.*

Татаръ—Базарджикъ.

Болгарское населеніе города Татаръ-Базарджика и округа, празднуя юбилей св. всеславянскаго Просвѣтителя Меѳодія, по случаю этого великаго праздника шлетъ привѣтъ своимъ русскимъ братьямъ. *Кметъ города Пентовъ.*

Ломпаланка.

По случаю юбилея тысячелѣтія всеславянскихъ славныхъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, пріятнымъ долгомъ считаю отъ лица всѣхъ жителей города Ломпаланки поздравить въ лицѣ вашемъ всѣхъ истинныхъ послѣдователей Виѳинниковъ настоящаго торжества. *Кметъ Стаменовъ.*

Рущукъ.

Празднуя тысячелѣтіе славянскихъ Первоучителей, имѣемъ здоровье всѣхъ славянскихъ дѣтелей. *Городской голова Дановъ.*

Варна.

Варненскіе болгары при торжественномъ чествованіи сегодня перваго тысячелѣтія памяти св. Меѳодія возносятъ Всевышнему теплыя молитвы о преуспѣяніи славянскихъ народовъ на пути, предначертанномъ славянскими Первоучителями. Вѣримъ, что могучая рука Царя-Покровителя водворитъ свободу и на родинѣ солунскихъ братьевъ, тамъ, гдѣ теперь слышатся только вопли. *Городской кметъ Нойковъ.*

Константинополь, Пера.

Болгарская колонія въ Константинополѣ, празднуя тысячелѣтіе св. Меѳодія, считаетъ долгомъ поздравить Славянское Общество съ праздникомъ. *Стойковичъ, Шоповъ, Кальчевъ.*

Цетинье.

Съ югозападнаго предгорія православнаго славянства на Адріатическомъ морѣ, съ Черногорою и великая княгиня Екатерина Михайловна.

Величественъ былъ видъ собора, ярко освѣщеннаго, наполненнаго избранной публикой. Отъ западныхъ вратъ до алтаря шла по ковру широкая дорога, обрамленная слѣва сплошной стѣной военныхъ, выдѣлившихъ то синія, то красныя, то бѣлыя группы мундировъ, а справа—смѣшанная пестрая линія и дамъ, и генераловъ, и штатскихъ въ мундирахъ, у амвона—группа придворныхъ, въ ихъ залитыхъ золотомъ камергерскихъ мундирахъ, а у самыхъ западныхъ дверей выравнялся красный отрядъ казаковъ собственнаго Его Величества конвоя.

По окончаніи божественной литургіи очереднымъ архимандритомъ было прочтено съ амвона „Посланіе Св. Сунода чадамъ россійской церкви„, изданное и разосланное къ этому дню по всѣмъ православнымъ церквамъ Россіи.

По прочтеніи посланія Св. Сунода, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ съ членами Св. Сунода и сослужившими преосвященными направился со крестомъ и св. водою къ главнымъ вратамъ храма навстрѣчу Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Ихъ прибытіе возвѣстило громовое „ура„ многотысячной толпы, стоявшей внѣ храма. Государь Императоръ изволилъ войти въ храмъ подъ руку съ Государынею Императрицею, за ними слѣдовали Августѣйшіе Сыновья: Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и великій князь Георгій Александровичъ, въ сопровожденіи свиты.

Духовенство заняло свои мѣста, и началось молебствіе св. Меѳодію и Кириллу.

Молебствіе совершалъ митрополитъ Исидоръ соборнѣ съ архіепископомъ тверскимъ Саввою, епископами: Палладіемъ, Серапіономъ, Арсеніемъ, Сергіемъ и новопосвященнымъ во епископа четиньскаго Митрофаномъ, протопресвитеромъ Янышевымъ, придворнымъ и городскимъ духовенствомъ. Въ ряду сослужившихъ протодіаконовъ былъ и черногорскій протодіаконъ Филиппъ Радичевичъ, прибывшій изъ Цетинье на хиротонію своего епископа. Во время молебствія придворные пѣвчіе превосходно исполнили тропарь и кондакъ св. Первоучителямъ по древнему знаменному распѣву, весьма своеобразному и величественному. По окончаніи молебствія было провозглашено многолѣтіе Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому. При восторженныхъ кликахъ народа, наполнявшаго площадь и улицы, Государь Императоръ изволилъ отбыть изъ собора, а затѣмъ крестный ходъ, въ томъ же порядкѣ, двинулся обратно въ Казанскій соборъ по Большой Морской улицѣ и Невскому проспекту въ сопровожденіи несмѣтнаго мно-

ной Горы, прославивши память славянскаго апостола Меѳодія, поздравляемъ васъ, братья, которые сошлись въ столицѣ защитника православнаго славянства праздновать первое тысячелѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ вѣчное дѣло Меѳодія и брата его—славянское православіе и славянское письмо, желаемъ, чтобы осуществилась скоро идея вашихъ апостоловъ въ объединенномъ славянствѣ.

Слѣдуютъ 16 подписей, между ними можно разобрать: *Вуковичъ, д-ръ Лазарь Костичъ, Марко и Живко Драговичи, Дречъ, Павловичъ, Вукотичъ, Огняновичъ, Ивановичъ, Татаръ Мариновичъ, Павелъ Ровинскій, Поповичъ.*

Сербія, Бѣлградъ (черезъ Землинъ).

Въ день памяти блаженной кончины св. равноапостольнаго учителя славянскаго Меѳодія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ день празднованія тысячелѣтняго торжества его духа между славянами, которымъ онъ со своимъ святымъ братомъ Кирилломъ далъ славянскія письмена и славянскую книгу, общество поощренія словесности въ Сербіи, исполненное любви къ единоплеменнымъ русскимъ братьямъ, посылаетъ свой привѣтъ русской столицѣ, прославляющей имя нашихъ солунскихъ Просвѣтителей, съ пожеланіемъ, чтобы вывѣшнее общеславянское празднество послужило новымъ укрѣпленіемъ славянской взаимности на общую его пользу и славу его имени.

Предсѣдатель общества поощренія словесности въ Сербіи, генералъ Белимарковичъ.

Бѣлградъ.

Славянскими книгами и языкомъ охранялъ Ростиславъ, князь Панноніскій, свою народность, славянскими книгами и языкомъ утвердилъ княжичъ Ростиславъ Нѣманичъ, святый Савва, сербство, славянская вѣра, книга и единеніе и теперь, послѣ тысячи лѣтъ, нашъ идеалъ, защита народности, спасеніе будущности. Ревность святыхъ славянскихъ апостоловъ отъ 863 до 885 года, въ виду у насъ, славянскихъ ихъ сегодня. *Сербское ученое дружество.*

Бѣлградъ.

Въ день святой памяти блаженной кончины святаго славянскаго апостола Меѳодія, воспользовались и мы случаемъ вамъ, какъ наиболѣе сильной вѣтви славянской, засвидѣтельствовать увѣренія въ вдохновляющихъ насъ чувствахъ, мысляхъ и желаніяхъ, вамъ, такъ величественно прославляющимъ память нашихъ безсмертныхъ Первоучителей св. Кирилла и Меѳодія и этимъ показывающимъ всему свѣту, какъ силенъ славянскій духъ и какъ живуча великая славянская идея, которая черпаетъ свою силу изъ того божественнаго источника, который открыли намъ и первые указали святые Первоучители наши. Мы, сербы, смотримъ на дорогое православіе какъ на лучшій залогъ вашей будущности. Оно, какъ и доселѣ, сохранитъ насъ въ единеніи и единомысліи съ вами, наиболѣе сильными братьями нашими, и со всѣми остальными православными славянами и этимъ обезпечитъ нашу лучшую будущность и дастъ намъ силу противъ всѣхъ нашихъ враговъ. Слава, вѣчная слава, нашимъ святымъ Про-

---

жества народа, занявшаго всѣ улицы, прилегающія къ Исаакіевскому собору.

Церковное торжество этого дня въ С.-Петербургѣ произвело на всѣхъ участвовавшихъ въ немъ неотразимо сильное впечатлѣніе. Особенно величественное и умилительное зрѣлище представлялъ крестный ходъ. „Никогда не видано было здѣсь столько хоругвей и иконъ, сколько въ этомъ ходу,—скажемъ словами одного изъ очевидцевъ, корреспондента московской газеты „Голосъ Москвы",—никогда не носили прежде иконъ отцы архимандриты и протоіереи; никогда не было этихъ трехъ хоругвей съ изображеніемъ святыхъ Славянскихъ Просвѣтителей; и совершенною неожиданностью было видѣть, что въ Петербургѣ, при недостаткѣ въ православныхъ приходскихъ храмахъ, относительно говоря, не мало духовенства. Бархатъ, блестящее шитье и позолота хоругвей, серебряный глазетъ ризъ на всемъ духовенствѣ, большіе хоры преносходныхъ пѣвчихъ въ парадныхъ кафтанахъ, залитое людьми всякаго чина и званія все пространство отъ Казанской площади по Невскому проспекту до Адмиралтейскаго бульвара и Исаакіевской площади, окна домовъ, занятыя множествомъ зрителей, даже желтый песокъ, которымъ усыпанъ былъ путь шествія крестнаго хода, густой слой искусно разсыпанныхъ на манеръ цвѣтнаго бархатнаго ковра разноцвѣтныхъ опилокъ на Казанской площади и повсюду флаги и флаги—все это въ соединеніи съ неисчислимыми массами, двигавшимися за крестнымъ ходомъ, вся эта живая картина напрашивалась на полотно и могла бы вдохновить не одного живописца, еслибы нашлись способные такъ же глубоко и любовно вдохновиться внутреннимъ содержаніемъ совершавшагося, какъ одушевлены были эти массы людей, съ непокрытыми головами сопровождавшихъ крестный ходъ".

Тотъ же краснорѣчивый авторъ такъ изображаетъ впечатлѣнія, пережитыя участниками этого небывалаго высокаго торжества: „Никогда, конечно, прибывшія на праздникъ депутаціи отъ православныхъ западныхъ славянъ, и хпротонисуемый владыка Черногорской Церкви съ сопутствующимъ ему и сослужившимъ съ нимъ протодіакономъ и нашими родные іерархи, рукополагавшіе во епископа молодаго іерарха для небольшаго братскивернаго Русскому народу черногорскаго племени, да и всѣ мы, благоговѣйно присутствовавшіе при совершеніи великаго для православнаго пониманія таинства,—никогда никто не видалъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не увидитъ при жизни своей чего-либо столько же высокоторжественнаго и равно глубокознаменательнаго. Самый соборъ намъ не только казался, но и дѣйствительно былъ свѣтлѣе обыкновеннаго".

свѣтителямъ Кириллу и Меѳодію, создавшимъ намъ ковчегъ спасенія, въ которомъ мы до днесь сохранились и отнынѣ будемъ въ немъ спасаться и плыть къ доброму пристанищу нашей великой славянской будущности. Искреннее братское поздравленіе православному народу русскому. Да здравствуетъ Императоръ Всероссійскій и весь славянскій народъ.
(Слѣдуютъ подписи).

Бѣлградъ.

Прославляя сегодня тысячелѣтіе всеименитаго славянскаго Первоучителя Меѳодія, молюсь, да его и Кирилловъ великій духъ славянскій утвердитъ православную Церковь и благословитъ славянскую духовную общину. *Архимандритъ Дудичъ.*

Бѣлградъ.

Въ день тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, благоговѣйно вспоминая среди прочихъ—угодника Божія за огражденіе славянскаго стада отъ лютыхъ волковъ латинства и швабства, горячо желаемъ, чтобы среди братій нашихъ хищники эти уносили какъ можно меньшее количество жертвъ. *Лавровъ, Лопатинъ, Млаковъ.*

Нишъ.

Изъ роднаго мѣста св. царя Константина великаго, перваго императора христіанскаго, изъ Ниша, втораго города дорогаго намъ королевства сербскаго. Празднуемъ общее славянское торжество тысячелѣтія памяти православныхъ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія. Празднуемъ вмѣстѣ и тысячелѣтіе славянскаго письма, славянской книги, славянскаго православія и славянской мысли. Пусть все тверже и крѣпче сплачивается великое славянское племя подъ щитомъ православія. Мы, сербы, возносимъ Богу теплыя моленья, да благословитъ Онъ насъ,—чтобы въ тѣхъ братскихъ земляхъ, гдѣ колыбель святыхъ православныхъ братьевъ апостоловъ славянскихъ, можно было свободно читать и проповѣдывать писаніе. Идея, которая одушевляла все славянство, есть выраженіе славы свитителямъ нашимъ, славы апостоламъ славянскимъ. Православный привѣтъ носителямъ славянской идеи, вѣрнымъ ея послѣдователямъ. *Предсѣдатель общества по-ширенія сербской литературы Никола Колебашичъ.*

Крагуевацъ.

Всякій народъ любитъ свою прадѣдовскую вѣру, уважаетъ и чествуетъ заслуги своихъ великихъ духовныхъ пастырей, которые сохраняли свою паству въ лонѣ истины и Церкви Христовой. И великій народъ русскій и единокровные и единовѣрные братья наши свѣтло празднуютъ сегодня тысячелѣтіе, воздавая глубокое почтеніе и благодареніе великимъ славянскимъ Первоучителямъ и апостоламъ св. Кириллу и Меѳодію. При этомъ выдающемся празднествѣ общество сербской литературы изъ Крагуевца, древней столицы сербской, стремится выразить свою радость уважаемымъ братьямъ по поводу этого, полнаго значенія, торжества, съ пожеланіемъ, да утвердитъ Всемилостивый Богъ православную вѣру и Церковь среди всѣхъ славянскихъ народовъ. Да здравствуетъ Императоры Да здравствуетъ братская Русь и славянскій народы! (Слѣдуютъ 16 подписей).

Многихъ удивляли столь необычайныя массы народа, участвовавшія въ крестномъ ходѣ: для Петербурга это было совсѣмъ необычайное явленіе. „Портики и площадь Казанскаго собора и прилегающія къ нимъ части Невскаго и обоихъ береговъ Екатерининскаго канала составляли одну сплошную цвѣтную массу человѣческихъ головъ и лицъ обоего пола. Нельзя не отмѣтить и необычайнаго порядка, царившаго на всемъ пространствѣ совершавшагося торжества". Передавая затѣмъ свои впечатлѣнія этого дня, упомянутый авторъ справедливо говоритъ, что „церковное торжество оставило во всѣхъ впечатлѣніе глубоко всѣхъ затрогивающее и успокаивающее, примиряющее и радующее. А какъ подумаешь, что нѣчто въ томъ же родѣ совершалось и по всему лицу необъятной земли Русской, то свѣтло-праздничнo становится въ глубинѣ русской души, зане вся она, Русь Святая, въ этомъ церковномъ торжествѣ своемъ,—вся, то-есть Царь и народъ,—слилась въ одну, чувствомъ торжественнымъ объятую душу"... „Одному человѣку нѣтъ никакой возможности видѣть и пересказать все, чѣмъ въ своихъ храмахъ и учено-литературныхъ обществахъ торжествовалъ Петербургъ тысячелѣтнюю годовщину блаженной кончины святителя Меѳодія. По всему видно, что праздникъ сдѣлался всеобщимъ: и общество, и народъ празднуютъ его и отзываются о немъ обо всемъ, въ чемъ принимаютъ личное участіе, или о чемъ лишь читаютъ въ газетахъ, отзываются съ неподдѣльнымъ, глубокимъ радостнымъ и многое высказывающимъ одушевленіемъ. Однимъ словомъ, это былъ праздникъ совсѣмъ *нашъ*, русскій, *національный*".

Въ тотъ же день для народа устроены были въ нѣсколькихъ мѣстахъ народныя чтенія съ туманными картинами; зала городской думы была полна слушателями благочестиваго чтенія, на которомъ присутствовали многіе и изъ образованныхъ классовъ; посѣтили чтеніе г. министръ народнаго просвѣщенія и пріѣзжіе русскіе гости изъ Галиціи. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ были устроены торжественные акты, на которыхъ читались рѣчи о св. Первоучителяхъ, пѣлись гимны св. братьямъ и произносились учащимися стихотворенія, посвященныя ихъ памяти. Наканунѣ праздника 6 апрѣля въ академіи наукъ устроено было торжественное засѣданіе, посвященное памяти славянскихъ Первоучителей. Въ этомъ собраніи академикъ И. В. Игичъ произнесъ рѣчь объ историческомъ развитіи изученія Кирилло-Меѳодіевскаго дѣла.

На другой день послѣ духовнаго торжества, 7 апрѣля, состоялось празднество гражданскаго характера. С.-Петербургскимъ Славянскимъ Обществомъ устроенъ былъ днемъ въ Михайловскомъ манежѣ общедоступный концертъ, а вечеромъ въ дворянскомъ залѣ со-

*Пирот*ъ.

Празднуя нынѣ тысячелѣтнюю память славянскаго Первоучителя св. Меѳодія, присоединяемъ наши пожеланія къ вашимъ, моля Бога, да это духовное празднество произведетъ соединеніе всего православія на пользу цѣлаго человѣчества и христіанской культуры. (Слѣдуютъ 7 подписей представителей городскаго населенія Пирота).

Крушевацъ.

Прославляя тысячелѣтнюю память славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія въ старой церкви вашего святаго мученика князя Лазаря, проникнутые однимъ одушевленіемъ, какъ и братья наши русскіе, поздравляемъ съ празднествомъ и молимъ Всевышняго, да укрѣпитъ Онъ матушку Россію, какъ щитъ славянъ и ихъ будущаго единства. (Слѣдуютъ 12 подписей крушевскихъ гражданъ).

Нишъ.

Сегодняшнее торжество тысячелѣтія святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія, Просвѣтителей славянскихъ, въ славномъ Петроградѣ, какъ и въ дорогомъ нашемъ отечествѣ, да дастъ тѣ-же плоды, какіе дали дѣла вашихъ Покровителей вездѣ, куда они проникали на славу и величіе славянскаго народа! Это наше желаніе. Пусть оно будетъ и желаніемъ русскихъ, болгаръ, моравовъ, словаковъ, чеховъ и всего славянства. Да помогутъ вамъ въ этомъ и всѣ святители наши. Желая вамъ братскаго согласія и любви, какъ братья по крови и вѣрѣ, провозглашаемъ: да здравствуетъ славянство на славу и гордость своего рода! (Слѣдуютъ 29 подписей выдающихся нѣготинскихъ гражданъ).

Лозница.

Отдѣленіе общества поощренія сербской литературы съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣетъ честь принести Славянскому Обществу свое поздравленіе съ сегодняшнимъ торжествомъ тысячелѣтія славянскихъ апостоловъ, святыхъ Кирилла и Меѳодія, и желаетъ, да пріобрѣтетъ всеславянская литература первенство среди всѣхъ остальныхъ, а славянская идея да получитъ свое осуществленіе какъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ и въ томъ, чтобы во всѣ вѣка осталась нераздѣльною братская вѣра, согласіе и любовь во славу и честь сегодняшняго торжества. Да исполнится общая радость нашихъ братьевъ славянъ и да продолжается всеобщее наше преуспѣяніе. (Слѣдуетъ подпись товарища предсѣдателя и дѣлопроизводителя).

Пожаревацъ.

При празднованіи во всѣхъ земляхъ дня полученія гражданственной мудрости и патріотической энергіи, основы независимости нашего народа, и надежды на осуществленіе золотаго сна всего сербства, участвуемъ мы съ милліонами прочихъ славянъ въ прославленіи святыхъ славянскихъ апостоловъ. Да осуществитъ сегодняшній день духовное единство и истинное братство всѣхъ славянъ, которые чтятъ Первоучителей св. Кирилла и Меѳодія, и на которыхъ непрестанно зіяетъ прожорливая пасть врага. (Слѣдуютъ 25 подписей).

Зайчаръ.

Присоединяемся и мы къ чувствамъ всего

стоялось торжественное собраніе гг. членовъ Общества. Для народа въ педагогическомъ музеѣ въ Соляномъ городкѣ, въ 2½ часа. было устроено чтеніе о св. Кириллѣ и Меѳодіи, съ туманными картинами, сопровождавшееся музыкой и пѣніемъ. Въ залѣ городской думы, какъ и наканунѣ, комиссіей народныхъ чтеній было устроено безплатно по три чтенія въ день о св. Кириллѣ и Меѳодіи, также съ туманными картинами. На чтеніяхъ раздавались присутствующимъ листки: „Святые Кириллъ и Меѳодій, Просвѣтители славянъ", изданные на средства постоянной комиссіи народныхъ чтеній. Кромѣ того, во всѣхъ народныхъ аудиторіяхъ комиссіи 6 и 7 апрѣля происходили чтенія о славянскихъ Просвѣтителяхъ.

Большой общедоступный концертъ въ манежѣ можно считать вполнѣ удавшимся. Громадный манежъ во всю длину по стѣнамъ былъ декорированъ славянскими флагами, а въ самомъ концѣ его возвышалась громадная эстрада, занятая исполнителями, въ числѣ 800 человѣкъ; тамъ же, возвышаясь, стояли славянскія хоругви съ гербами славянскихъ народностей. По правой сторонѣ отъ эстрады музыкальной была устроена другая эстрада и на ней царскій павильонъ, весь составленный изъ роскошныхъ персидскихъ ковровъ и шалей и убранный дорогой турецкой и персидской мебелью. Манежъ уже съ перваго часа дня сталъ наполняться публикой. Въ 2 часа дня прибыла Ея Императорское Высочество, великая княгиня Марія Павловна съ августѣйшимъ сыномъ Кирилломъ Владиміровичемъ.

На эстраду возлѣ царской ложи приглашены были славянскіе гости, а на почетныя мѣста многія высокопоставленныя лица.

Концертомъ управлялъ В. В. Вурмъ, завѣдующій хорами музыки войскъ гвардіи.

Концертъ начался съ гимна св. Кириллу и Меѳодію (слова М. П. Розенгейма, музыка В. П. Главача), исполненнаго хорами полковъ лейбъ-гвардіи Коннаго, Преображенскаго, Семеновскаго, Гренадерскаго, Кавалергардскаго и Гвардейскаго Экипажа, хорами полковыхъ пѣвчихъ первой гвардейской дивизіи и л.-гв. Гренадерскаго полка и капеллою Д. А. Славянскаго. Пѣвчіе въ кафтанахъ съ разноцвѣтными кушаками (но юлкамъ) и капелла г. Славянскаго въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ съ бѣлыми галстухами и славянскими кокардами стояли впереди на первомъ планѣ эстрады.

Пѣніе гимна св. Кириллу и Меѳодію публика выслушала стоя и потребовала повторенія, причемъ вызванъ былъ авторъ г. Главачъ.

Настроеніе присутствовавшихъ было самое торжественное. Съ невыразимымъ восторгомъ принятъ былъ нашъ родной гимнъ: „Боже,

православнаго міра, въ день памяти тысячелѣтія апостоловъ Кирилла и Меѳодія и братски поздравляемъ съ празднованіемъ ихъ дня, которое нашло такое достойное выраженіе у братьевъ русскихъ. (Слѣдуютъ 12 подписей).

Шабацъ.

Шабацкое общество сербской литературы поздравляетъ русскихъ братьевъ съ торжествомъ тысячелѣтія славянскихъ учителей св. Кирилла и Меѳодія, основателей славянскихъ письменъ и проповѣдниковъ православія во всемъ славянствѣ съ торжествомъ, которое и мы празднуемъ и горячо желаемъ, да присоединятся къ празднеству въ С.-Петербургѣ у православныхъ славянъ и остальные славяне въ чествованіи святыхъ братьевъ. *Предсѣдатель общества Константинъ Деничъ.*

Алексинацъ.

Торжество тысячелѣтія славянскихъ апостоловъ и Просвѣтителей Кирилла и Меѳодія, которыхъ сегодня милліонами устъ какъ одно тѣло и одна душа славятъ православные славяне, привѣтствуемъ и мы изъ того края королевства Сербіи, который наиболѣе видѣлъ и ощутилъ помощь братства въ дни борьбы при Дюнишѣ въ 1876 г. Желаемъ, чтобы этотъ общеславянскій праздникъ сдѣлалъ какъ можно болѣе для сближенія раздѣленныхъ, но единовѣрныхъ братій. Во имя этого провозглашаемъ: да чтится вѣчно память св. Кирилла и Меѳодія! Слава Славянскому Благотворительному Обществу и его предсѣдателю, какъ устроителямъ этого праздника! Да здравствуютъ славяне отъ Каспія до Адріатики! (Слѣдуютъ 10 подписей представителей Алексинацкаго населенія).

Ядовинъ.

На сегодняшнемъ общемъ всеславянскомъ празднествѣ тысячелѣтія святыхъ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія помолимся вмѣстѣ Богу, да приметъ Онъ подъ свою всемогущую защиту всѣ вѣтви славянскихъ народовъ, для которыхъ трудились св. апостолы.

Сердечный привѣтъ братьямъ русскимъ. Живіо! (Слѣдуютъ 13 подписей).

Горній Милановацъ.

Наши предки прежде всего и всегда лелѣяли мысль объ освобожденіи. 15 лѣтъ тому назадъ помощью Россіи отвоевали мы себѣ самостоятельность. Оставаясь всегда вѣрными преданію и въ нашемъ новомъ испытаніи, изъявляемъ искреннее сочувствіе великому прославленію нашихъ святыхъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія съ пожеланіемъ, да проникнетъ великая идея славянства во всѣ народы великой славянской націи, въ увѣренности, что Россія—наша наилучшая опора и покровительница. (Слѣдуютъ 16 подписей).

Венеція.

Въ день памяти св. апостола, взываю вмѣстѣ съ Вами и я, да соединитъ Господь въ духѣ правды народы славянскіе и да поможетъ имъ сохранить священныя преданія св. Меѳодія. *Бестужевъ.*

Кіевъ.

Искренно благодарю членовъ Славянскаго Общества и братій Галичанъ за доброе расположеніе ко мнѣ. Молю Господа, да хранитъ ихъ подъ Своимъ покровомъ и устроятъ все

Царя храни", повторенный по требованію публики и сопровождавшійся криками „ура!" 5-ти тысячной толпы. Затѣмъ исполнены были славянскіе гимны: черногорскій, болгарскій и сербскій; всѣ они были повторены, и всѣ ихъ публика слушала стоя, съ обнаженными головами. Всѣхъ пьесъ исполнено 12, въ томъ числѣ собственно капеллой г. Славянскаго три старочешскіе хорала 1602 г. (Tešme se blagou nadĕji) особенно понравившіеся публикѣ, прекрасно исполненные. Весь концертъ состоялъ изъ народныхъ гимновъ и маршей и закончился исполненіемъ „Славься" изъ оперы „Жизнь за Царя", а затѣмъ, по требованію публики, народнымъ гимномъ. 8 апрѣля вечеромъ, въ залѣ дворянскаго собранія устроенъ былъ Славянскимъ Обществомъ славянскій концертъ, исполненный капеллою Д. А. Славянскаго подъ его личнымъ управленіемъ. Программа концерта была слѣдующая:

Отдѣленіе I.

1. Былина про Святогора богатыря, съ соблюденіемъ стариннаго напѣва. *Л. Малашкина.* Исполнилъ Д. А. Славянскій и его капелла.

2. „Силъ семъ просо", 3. „Першивало енъ се лило"—чешскія народныя пѣсни, переложенныя и переведенныя *О. Х. Славянской.* Исполнила капелла.

4. „Ай чобы бола"—словацкая народная пѣсня. Исполнилъ Д. А. Славянскій.

5. а) Менъ ма мама. б) Сноити ми Янка—народныя болгарскія пѣсни (хоро). Исполнила капелла.

6. Сербскій народный гимнъ.

7. „Шуми Марица", болгарскій маршъ, переложеніе *О. Х. Славянской.* Исполнила капелла.

Отдѣленіе II.

1. Легенда о святой княгинѣ Людмилѣ (крещенной въ Велеградѣ св. Меѳодіемъ). Переложеніе *О. Х. Славянской.* Исполнила капелла.

2. „Темне се благоу надѣи", гуситская пѣсня. Исполнила капелла.

3. Кало Перо. } Сербскія народныя
4. Дѣвойка се купа. } пѣсни.

Исполнилъ Д. А. Славянскій и капелла.

5. Онамо! Онамо! (Туда, туда!) Черногорскій гимнъ, соч. Князя Николая Черногорскаго. Исполнила капелла.

6. Болгарскій гимнъ, посвященный князю болгарскому, слова и музыка *О. Х. Славянской.* Исполнила капелла.

7. Народная славянская полька (слова чешскія). Исполнилъ Д. А. Славянскій и капелла.

Почти всѣ нумера программы по требованію публики были повторены.

во благо славянскимъ народамъ! Да расточатся враги наши. *Митрополитъ Платонъ.*

Кіевъ.

Поздравляю членовъ и гостей Общества, проси Господа, да сохранитъ вѣрныхъ людей своихъ въ вѣрѣ, любви, надеждѣ. *Митрополитъ Михаилъ.*

Ялта.

Съ береговъ Чернаго моря, изъ тѣхъ предѣловъ Россіи, гдѣ раздавалась проповѣдь славянскихъ Первоучителей, привѣтствую Общество съ настоящимъ торжествомъ славянскаго самосознанія, подвигомъ ихъ воздвигнутаго на основѣ христіанскаго всечеловѣческаго братства. Помянемъ и всѣхъ для нынѣшняго праздника потрудившихся и недоживши хъ. *Аксаковъ.*

Владиміръ.

Усерднѣйше привѣтствую отъ себя, отъ духовной семинаріи, духовныхъ училищъ и всего духовенства Владимірской епархіи съ свѣтлымъ всеславянскимъ торжествомъ. *Ѳеогностъ, архіепископъ Владимірскій.*

Ревель.

Возносся горячую молитву святымъ Первоучителямъ за Помазанника Божія, Государя Императора, какъ охранителя нашей православной вѣры и языка, на которомъ святые Кириллъ и Меѳодій научили нашихъ предковъ молиться и письменно выражать свои чувства,—славяне и всѣ сочувствующіе русскому дѣлу въ городѣ Ревелѣ въ торжественномъ собраніи постановили: выразить живѣйшее свое сочувствіе дѣятельности Славянскаго Благотворительнаго Общества по охранѣ православія и народности. Послѣ утвержденія общимъ собраніемъ текста настоящей телеграммы прибыли депутаціи отъ эстляндскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества, отъ нѣкоторыхъ гласныхъ городской думы, отъ православныхъ эстонцевъ, отъ эстонскаго литературнаго общества, отъ эстонскаго сельско-хозяйственнаго общества въ Дерптѣ и отъ эстонскихъ редакцій газетъ: „Эстпостимесъ“ и „Вальгуса“, отъ обществъ „Лотусъ“ и „Эстонія“, отъ православныхъ Аренкюльскаго прихода, отъ александровской гимназіи, отъ русскихъ учебныхъ заведеній, отъ нѣмецкаго общества „Гусли“, отъ церковно-приходскихъ школъ и городскаго училища и просили присоединить свои благоноженія дальнѣйшей благотворной дѣятельности Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Подробный текстъ нѣкоторыхъ рѣчей депутацій будетъ немедля высланъ по ночтѣ. *Предсѣдатель комитета празднества 6 апрѣля Р. Батеневъ. Секретарь А. А. Ивичъ.*

Астрахань.

Толпы народа сопровождали сегодня крестный ходъ. Открывается кирилло-меѳодіевское общество,—подробности письмомъ.

Вильна.

Только что смолкли священные звуки молебнаго пѣнія святымъ Кириллу и Меѳодію, на площади предъ соборомъ, среди громадной массы народа, подъ сѣнію хоругвей всѣхъ виленскихъ церквей; только что кончились рѣчи и гимнъ во славу Первоучителей на актахъ виленскихъ учебныхъ заведеній. Тор-

---

Въ заключеніе исполненъ былъ русскій народный гимнъ.

---

9 апрѣля во вторникъ въ честь славянскихъ гостей данъ былъ обѣдъ г. предсѣдателемъ, П. П. Дурново. На обѣдъ приглашены были члены Совѣта и почетные гости: г. министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода К. П. Побѣдоносцевъ, графъ Н. П. Игнатьевъ, членъ Государственнаго Совѣта Г. П. Галаганъ и почетный членъ Общества В. П. Ламанскій. Обѣдъ имѣлъ домашній, неоффиціальный характеръ, безъ рѣчей и тостовъ, а на другой день 10 апрѣля въ честь пріѣзжихъ гостей устроенъ былъ членами Общества по подпискѣ товарищескій обѣдъ.

Въ послѣдовавшіе затѣмъ дни еще нѣсколько разъ собирались пріѣзжіе гости для дружеской бесѣды у отдѣльныхъ членовъ Общества: у В. В. Комарова, И. П. Корнилова, а съ пріѣздомъ изъ Кіева словацкихъ гостей: г. Свѣтозара Гурбана, І. Шкультетаго и П. Валашка устроена была дружеская вечеря въ честь дорогихъ славянскихъ гостей здѣшними славистами.

На обѣдѣ 11 апрѣля у В. В. Комарова произнесено было нѣсколько рѣчей присутствовавшими. Отмѣтимъ вызвавшую общее сочувствіе здравицу за И. С. Аксакова, провозглашенную О. О. Миллеромъ:

„Хотѣлось бы мнѣ, какъ члену Славянскаго Общества и притомъ принимавшему участіе въ его дѣятельности въ 1876 г., сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ достопочтенному г. Ристичу, на его высокое мнѣніе о такъ называемыхъ *заслугахъ* Славянскаго Общества передъ славянскимъ міромъ. Я настаиваю на выраженіи—*такъ называемыя*, и полагаю, что присутствующіе здѣсь члены Славянскаго Общества будутъ согласны со мною. На самомъ дѣлѣ, наши, такъ называемыя, заслуги, были гораздо скромнѣе, чѣмъ это представлялось издалека. Все дѣло въ томъ, что въ великія историческія годины у насъ внезапно сказывается могучій подъемъ народнаго духа снизу и до верха, особенно же снизу;—и вотъ эта-то могучая, по преимуществу низовая сила поднята тогда своею неотразимою волною и насъ, наше Славянское Общество, потребовавъ отъ насъ сбора пожертвованій именно на то, о чемъ намъ самимъ сперва и не снилось. Конечно, сила эта остается всегда, такъ сказать, стихійною и руководящее начало для вея нужно; но и это руководящее начало оказалось не здѣсь въ Петербургѣ, который вы пріучаете насъ называть *Петроградомъ*, тогда какъ, мнѣ кажется, его все же вѣрнѣе попрежнему называть историческимъ его именемъ *Петербургъ*. Руководящее начало было въ Москвѣ. На нашемъ торжественномъ вечерѣ 7 числа, вы могли замѣтить, что, послѣ словъ В. И. Ла-

жество необычайное, небывалое, знаменательное. Виленская учебная семья, полная радостныхъ, благоговѣйныхъ чувствъ, шлетъ сердечный привѣтъ Славянскому Благотворительному Обществу, такъ много содѣйствовавшему устройству этого всероссійскаго торжества. *Попечитель учебнаго округа Сергіевскій.*

Самара.

Городъ Самара привѣтствуетъ Общество съ великимъ всеславянскимъ торжествомъ. *Городской голова Алабинъ.*

Керчь.

Керченскія гимназіи шлютъ сердечный привѣтъ по случаю всеславянскаго праздника. *Ладога.*

Общественный Новоладожскій клубъ, празднуя тысячелѣтіе святыхъ Первоучителей, присоединяется къ общему торжеству, служащему къ объединенію славянъ. *Дирекція клуба.*

Ирбитъ.

Ирбитское Городское Общество, чествуя память славянскихъ Первоучителей, выражаетъ сочувствіе благотворной дѣятельности Славянскаго Общества и желаетъ ему полнаго успѣха. *Голова Иконниковъ.*

Кишиневъ.

Чествуя празднество великихъ Первоучителей святыхъ Кирилла и Меѳодія, болгарское общество шлетъ сердечный привѣтъ. Да послужатъ одушевляющія насъ всѣхъ въ сей день чувства къ душевному единенію славянъ во главѣ съ освободительною Россіею. *Предсѣдатель Ивановъ.*

Арзамасъ.

Празднуя тысячелѣтіе святыхъ Просвѣтителей славянъ, тысяча учащихся, ихъ учащіе, родители и представители сословій, съ администраціею во главѣ, поздравляютъ съ этимъ торжественнымъ днемъ Славянское Общество, желая ему процвѣтанія на пользу славянъ. *Предводитель дворянства Степановъ.*

Болградъ.

Празднуя сегодня съ небывалымъ торжествомъ юбилей тысячелѣтней кончины св. Меѳодія, городъ привѣтствуетъ съ настоящимъ торжествомъ Славянское Общество, молясь, да послужитъ память славянскихъ Просвѣтителей Кирилла и Меѳодія звеномъ духовнаго единенія славянъ и да прославляются имена ихъ во вѣки вѣковъ. *Городской голова Фитовъ.*

Майкопъ.

Кружокъ православныхъ славянъ въ лицѣ представителей отъ города и школъ со всѣми учащимися въ г. Майкопѣ, въ стѣнахъ Александровскаго городского училища, чествуя тысячелѣтнюю память равноапостольныхъ Просвѣтителей нашихъ Меѳодія и Кирилла, свидѣтельствуютъ теплоту восторженныхъ религіозныхъ чувствъ вашему начинанію торжественнаго празднованія нынѣшняго дня всѣхъ славянъ на Руси. *Майкопскій городской голова Зиновенкій. Инспекторъ Александровскаго училища Потаповъ.*

Перново.

Перновское Эстонское сельско-хозяйственное общество, сочувственно празднуя вмѣстѣ со всею Россіею день свѣтлой памяти святыхъ Просвѣтителей славянскихъ народовъ Кирилла и Меѳодія, упрочившихъ своими апостольскими трудами на твердомъ камнѣ и защитившихъ отъ враждебныхъ элементовъ народныя, религіозныя и политическія основы

манскаго о Черной Горѣ, вызвавшихъ взрывъ рукоплесканій, наболѣе единодушный взрывъ ихъ послѣдовалъ и при одномъ указаніи на телеграммы отъ И. С. Аксакова. Да, *одно уже имя его* вызвало цѣлую сочувственную бурю. Вчера на нашемъ обѣдѣ съ такимъ же единодушнымъ сочувствіемъ была отправлена къ нему привѣтственная телеграмма. Мы твердо вѣрили въ его выздоровленіе и въ возвращеніе его къ дѣятельности во всемъ ея прежнемъ объемѣ. Когда дѣло касается чести и достоинства Россіи, защитникомъ ея выступаетъ Самъ Государь. Новыя доказательства тому мы видѣли еще на этихъ дняхъ. Вѣря въ народный духъ Русскаго Государя, мы вѣримъ и въ полное возстановленіе дѣятельности Аксакова.

И такъ, господа, выньемъ отъ всего сердца за здоровье Ивана Сергѣевича!"

Петербургскіе литераторы устроили 16-го апрѣля въ честь пріѣзжихъ гостей оффиціальный обѣдъ, подробно описанный въ газетѣ „Новости".—На всѣхъ этихъ собраніяхъ происходилъ живой обмѣнъ мыслей и чувствъ съ пріѣзжими дорогими гостями, не оставшійся, безъ сомнѣнія, безслѣднымъ какъ для васъ, такъ и для нашихъ рѣдкихъ гостей.

10 апрѣля состоялся товарищескій, по подпискѣ, обѣдъ въ честь дорогихъ славянскихъ гостей, пріѣхавшихъ на Меѳодіевскій праздникъ. Участвовавшихъ въ обѣдѣ было 63 человѣка, въ томъ числѣ много именитыхъ гостей: члены государственнаго совѣта Г. П. Галаганъ, Ѳ. П. и И. П. Корниловы, Н. П. Стояновскій; графъ П. А. Зубовъ, екатеринославскій предводитель дворянства Г. П. Алексѣевъ, Т. И. Филипповъ, генералы: М. Г. Черняевъ, Г. И. Бобриковъ и многіе другіе; почетный членъ Общества генералъ-адъютантъ И. С. Ганецкій, комендантъ с.-петербургской крѣпости, въ письмѣ на имя предсѣдателя Общества извѣщая о невозможности, по болѣзни, пріѣхать на товарищескій обѣдъ въ честь нашихъ дорогихъ и желанныхъ гостей, просилъ передать братьямъ—славянамъ его душевный привѣтъ. Обѣдъ устроенъ былъ въ залѣ князя Волконскаго (на углу Гагаринской и Набережной). Великолѣпная зала была украшена флагами съ гербами славянскихъ народностей (по рисункамъ Микѣшина). Надъ главнымъ столомъ царила славянская хоругвь св. Кирилла и Меѳодія, изъ золотой парчи, декорированная красными бархатомъ и лаврами съ лентами, на которыхъ значилось: „Православіе, самодержавіе, народность". За первымъ столомъ заняли мѣста: черногорскій митрополитъ Митрофанъ, по сторонамъ его: товарищъ предсѣдателя Славянскаго Общества П. А. Васильчиковъ и почетный членъ Общества Т. И. Филипповъ. Въ началѣ обѣда, меню котораго было составлено въ древнерусскомъ стилѣ, были прочтены г. секрета-

ихъ, желаетъ и дальнѣйшаго успѣха имъ въ развитіи этихъ основъ, съ полной надеждой, что и эстонскій народъ, составляющій часть государства великаго славянскаго народа и стремящійся къ тѣсному единенію во всемъ съ нимъ, сохранитъ также въ этомъ единеніи свою народность, свои нравы, свой языкъ и воспользуется для своего дальнѣйшаго благополучія плодами его историческаго и культурнаго развитія. *Предсѣдатель протоіерей Суйгусаръ.*

Вознесенская пристань.

Вознесенскій мореходный классъ, празднуя день тысячелѣтія Первоучителей святыхъ Кирилла и Меѳодія, душевно помолился и за Славянское Общество, прося Бога о дарованіи ему той-же силы и энергіи, коими обладали наши Первоучители.

Славянскому Благотворительному Обществу.

Поздравительный адресъ отъ бывшаго профессора И. В. Платонова изъ Харькова.

Къ вамъ, достопочтенные члены Совѣта Славянскаго Общества, какъ представителямъ всего достославнаго учрежденія, шлю изъ Украйны мое привѣтственное слово, по поводу настоящаго празднованія памяти святыхъ Первоучителей славянъ, безсмертныя памяти Кирилла и Меѳодія.

По вашему предрѣшенію составлены и распространены въ народѣ, въ тысячахъ экземпляровъ, общедоступныя жизнеописанія святыхъ Первоучителей, да вѣдаетъ вся православная Россія оказанныя ими услуги святой вѣрѣ и здравому просвѣщенію.

По вашимъ предуказаніямъ написаны и возможно вѣрными изображеніи приснопамятныхъ угодниковъ Божіихъ, да будутъ еще ближе къ разумѣнію и почитанію народному.

По вашему предстательству и высшимъ духовнымъ правительствомъ введены въ церковное чиноположеніе извѣстные способы празднственнаго чествованія досточтимыхъ святыхъ.

Словомъ: вашими благовременно принятыми и здраво обдуманными мѣрами вся Россія возставлена и уготовлена къ достойному чествованію памяти святыхъ ея Просвѣтителей, такъ что славное имя ихъ одинаково слышится и въ величественныхъ храмахъ столицъ и другихъ городовъ, и въ смиренныхъ церквахъ крестьянскихъ селъ.

Признавая всѣ эти заслуги и многія другія, о которыхъ мы не упомянули, за Славянскимъ Обществомъ, мы, не по заслугамъ пользующіеся его благосклоннымъ къ намъ вниманіемъ, вмѣняемъ себѣ въ святую обязанность съ особеннымъ усердіемъ привѣтствовать его съ благознаменитымъ праздникомъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, и, участвуя въ немъ на мѣстѣ, купно съ тысячами другихъ чтителей ихъ имени, молимъ Подателя всѣхъ благъ, Бога, предстательствомъ святыхъ угодниковъ Божіихъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, нынѣ во славѣ предстоящихъ Престолу Божію:

да распространится, умножится и усилится Славянское Благотворительное Общество безконечнымъ числомъ членовъ, такъ, чтобы каждый, не чуждый разумѣнія дѣлъ (интеллигенція) по мѣрѣ своихъ силъ, отъ высшаго слоя общества до низшаго, охотно въ немъ

ремъ Общества многія телеграммы, непрочитавныя за недостаткомъ времени въ торжественномъ собраніи 7-го апрѣля или подоспѣвшія послѣ. Послѣ чтенія телеграммъ первый тостъ предложилъ П. А. Васильчиковъ за здоровье Государя Императора, сопровождавшійся восторженнымъ, долго несмолкавшимъ „ура". Затѣмъ послѣдовалъ тостъ за Князя Николая Черногорскаго. Продолжительное единодушное „ура" раздалось и въ честь любимаго русскимъ народомъ славянскаго Князя Николая. При этомъ прот. А. А. Лебедевъ, обратясь къ преосвященному Митрофану, сказалъ:

„Ваша Черная Гора впродолженіе пяти вѣковъ мужественно и доблестно отстаивала свою свободу отъ натиска азіатскихъ ордъ и для всѣхъ своихъ соплеменниковъ была очагомъ свободы. Въ настоящее время вамъ грозитъ опасность отъ натиска латинства: желаю, чтобы и въ борьбѣ съ нимъ Черная Гора служила оплотомъ православія и народности для единовѣрныхъ и единоплеменныхъ сосѣдей. Ваше преосвященство призваны стоять на стражѣ православія, — да поможетъ вамъ Господь въ вашемъ высокомъ служеніи!"

Т. И. Филипповъ провозгласилъ тостъ за митрополита сербскаго Михаила. П. П. Корниловъ за А. И. Добрянскаго, — оба тоста приняты были восторженно. Единодушно рѣшено было послать митрополиту Михаилу телеграмму, которая тутъ-же и редактирована была въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„На торжественномъ обѣдѣ Славянскаго Общества предложена Т. И. Филипповымъ и покрыта восторженными рукоплесканіями слѣдующая здравица: въ честь отсутствующаго, но духомъ съ нами пребывающаго, вѣрнаго хранителя церковныхъ уставовъ и преданій, испытаннаго и неизмѣннаго друга русскаго народа, славнаго участника въ освобожденіи родной сербской земли, изгнаннаго правды ради и потому, по слову Христову, „блаженнаго" митрополита Михаила, единаго законнаго и истиннаго пастыря сербской церкви".

Чтеніе телеграммы сопровождалось восторженными и долго несмолкавшими рукоплесканіями.

Затѣмъ прочитано было нѣсколько телеграммъ, вновь полученныхъ.

Послѣ чтенія телеграммъ, преосвященный Митрофанъ, твердымъ, сильнымъ голосомъ произнесъ рѣчь на сербскомъ языкѣ о единеніи народа черногорскаго съ Великой Россіей. „Вѣра и любовь народа черногорскаго къ великому народу русскому,—сказалъ онъ,— также тверда, какъ тверда и несомнѣнна храбрость сыновъ Черной Горы". Эти слова вызвали бурю рукоплесканій. Затѣмъ П. А. Васильчиковъ провозгласилъ тостъ за преосвященнаго Митрофана, о. І. Г. Наумовича,

принималъ участіе и содѣйствовалъ его цѣлямъ;

да благословятся свыше всѣ его начинанія и мѣропріятія, ко благу Россіи и всего славянскаго рода клонящіяся;

да поддерживается и утверждается его дѣйствіемъ непоколебимо святое православіе во всемъ славянскомъ родѣ, въ особенности среди южныхъ и западныхъ славянъ, подверженныхъ прираженію иновѣрія и немощныхъ для отраженія;

да привьется и усвоится русскому народу, его содѣйствіемъ, изобрѣтенная святыми учителями славянская грамота, эта чистая носительница всего святаго, доброхальнаго, благочестиваго, божественнаго, и да возстановитъ и укрѣпитъ въ нашемъ народѣ вѣру и благочестіе, такъ сильно упавшія, въ послѣднее время, отъ наноса вѣтшихъ тлетворныхъ „вѣяній“:

да послужитъ высоко-образованное Общество къ соединенію не политическому,—нѣтъ!— а къ умственному и научному, всѣхъ славянскихъ племенъ, а издаваемыя имъ „Извѣстія“ да будутъ органомъ взаимнаго обмѣна умственныхъ плодовъ каждаго изъ нихъ.

За всѣмъ этимъ, да исчезнетъ въ глазахъ подозрительной Европы тотъ грозный призракъ, какой она думаетъ видѣть въ образѣ Славянскаго Общества, воображая себѣ, что оно вырабатываетъ панславизмъ, долженствующій подавить ее, и пусть убѣдится, что стремленія его самыя невинныя, миролюбивыя и ко благу человѣчества клонящіяся.

Вся сія да исполнятся и осуществятся, молитвами и предстательствомъ святыхъ покровителей славянскаго рода, празднуемыхъ нынѣ нами Кирилла и Меѳодія, ко благу любезнаго нашего отечества и всей родственной намъ славянской семьи. Харьковъ. 1885 года, марта 31 дня.

Всѣ адресы и телеграммы были привѣтствованы общими продолжительными рукоплесканіями и сочувственными восклицаніями. Особенный восторгъ вызвало чтеніе телеграммъ: черногорской, отъ П. С. Аксакова и отъ высокопреосвященнѣйшаго Михаила, митрополита сербскаго. Едва названо было имя П. С. Аксакова, какъ въ залѣ раздались единодушныя, долго несмолкавшія рукоплесканія, долго непозволившія приступить къ чтенію его привѣтствія. Самое чтеніе телеграммъ сопровождалось взрывомъ рукоплесканій и восторженныхъ возгласовъ. Передавая впечатлѣнія этого вечера, корреспондентъ „Голоса Москвы“ по этому поводу справедливо замѣчаетъ: „На душѣ у всѣхъ должно быть родилось сожалѣніе, зачѣмъ не было здѣсь на лицо этого достославнаго борца въ Московскомъ Славянскомъ Комитетѣ, зачѣмъ нѣтъ теперь этого Комитета, зачѣмъ какъ нарочно на это праздничное время умолкъ и печатный органъ Ивана Сергѣевича!...“. „Въ рукоплесканіяхъ публики прочитанному привѣтствію, присланному митрополитомъ сербскимъ Михаиломъ изъ Кіева—выразилось, по замѣчанію „Новаго Времени“, сочувствіе столько же къ его прекраснымъ словамъ, какъ и къ его печальной судьбѣ“.

Не имѣя возможности отвѣтить въ отдѣльности на всѣ полученныя Обществомъ привѣтствія, Совѣтъ Общества постановилъ: благодарить г. Площанскаго, г. Маркова и за всѣхъ дорогихъ гостей славянскихъ,—и снова восторженные крики „ура!“ и „живіо!“.

Въ отвѣтъ на этотъ тостъ о. І. Г. Наумовичъ благодарилъ Общество и провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, сказавъ:

„Искренно благодаря Славянское Благотворительное Общество за сдѣланную намъ честь быть причастниками сей братской трапезы, мы, галичане, привѣтствуемъ Васъ, достопочтенныхъ членовъ того же Общества, задушевнымъ желаніемъ, чтобы эти дни радостнаго восторга, которые мы въ этомъ царственномъ городѣ переживаемъ, были началомъ новой эры свѣта, правды, любви и мира для всѣхъ славянскихъ народовъ, чтущихъ святую память своихъ Первоучителей. При всеобщемъ вашемъ восторгѣ, позвольте и намъ, пользующимся вашимъ славянымъ гостепріимствомъ, поднять тостъ за великаго Отца и Вождя Россіи, Государя Императора! (*Оглушительное ура*).

Послѣ о. Наумовича говорилъ О. Ѳ. Миллеръ:

„При чтеніи въ торжественномъ нашемъ собраніи стиховъ М. П. Розенгейма, намъ пришлось уже коснуться того, что не всѣ мы въ сборѣ“. Къ сожалѣнію и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ это замѣчено у поэта—какъ вчера такъ и сегодня, — мы (разумѣя подъ этимъ только насъ, хозяевъ, и нашихъ дорогихъ гостей) всетаки оказываемся „не въ сборѣ“. Вчера, по милости нашего суроваго климата, вамъ, владыко (*обращаясь къ преосвященному Митрофану*), нельзя было быть вмѣстѣ съ нами у нашего предсѣдателя, подобно тому, какъ нездоровье же, надо думать, не позволило этого и нѣкоторымъ изъ нашихъ братьевъ-Галичанъ. Сегодня къ нашей общей радости и вы, владыко, и почти всѣ они—съ нами; зато мы съ грустью не видимъ между собою г. Ристича. Позвольте же, владыко, въ лицѣ вашемъ привѣтствовать не только славныхъ юнаковъ Черной Горы, но и Сербовъ Королевства, наконецъ весь великій народъ сербскій. Но что же можемъ мы пожелать ему, чего бы уже не желали вы сами, о чемъ бы постоянно не взносились къ Господу ваши усердныя архипастырскія молитвы? Наши братскія чувства однакоже невольно ищутъ себѣ исхода въ совершеніи, положимъ, малыхъ, но настоятельно вырывающихся наружу пожеланіяхъ: да дождутся наконецъ красныхъ дней и тѣ доблестные сыны великой сербской семьи, которые первые подняли знамя свободы передъ послѣднею восточною войною, а при дѣлежѣ добытыхъ ею плодовъ оказались послѣдними! Но и тѣ изъ Сербовъ, которымъ досталась при этомъ полная политическая независимость, приведшая наконецъ и къ возведенію княжества сербскаго на степень королев-

годарить искренно всѣ учрежденія и лица, почтившія Общество выраженіями своего сочувствія, посредствомъ напечатанія въ „Извѣстіяхъ“ Общества слѣдующаго заявленія:

„Получивъ съ разныхъ концовъ земли Русской и всего Славянскаго міра многочисленныя привѣтствія, Славянское Благотворительное Общество шлетъ отправителямъ ихъ свой благодарственный братскій отвѣтъ: „Да сбудутся выраженныя въ этихъ привѣтствіяхъ пожеланія—на радость славянскому міру и во славу святымъ Первоучителямъ“!

Послѣ народнаго гимна, необыкновенно тонко и художественно исполненнаго хоромъ г. Славянскаго и трижды повтореннаго по требованію публики, послѣдовали рѣчи: проф. К. Н. Бестужева-Рюмина, за его отсутствіемъ изъ Петербурга произнесенная г. предсѣдателемъ, проф. В. П. Ламанскаго, проф. М. О. Кояловича, прочитанная, за его отсутствіемъ, по болѣзни, секретаремъ Общества, проф. О. Ѳ. Миллера и стихотворенія: М. П. Розенгейма, прочитанное О. Ѳ. Миллеромъ, и К. К. Случевскаго. Всѣ эти рѣчи и стихотворенія, печатаемыя ниже, выслушаны были съ величайшимъ вниманіемъ и сопровождались единодушными одобреніями; особенное сочувствіе вызвала рѣчь В. П. Ламанскаго, не разъ прерывавшаяся рукоплесканіями, а то мѣсто рѣчи, гдѣ упоминалось о храбрыхъ и стойкихъ сынахъ Черногоріи, вызвало неудержимый восторгъ публики, выразившійся въ долго несмолкавшихъ возгласахъ одобренія и шумныхъ рукоплесканіяхъ.

Засѣданіе съ 8 часовъ продолжалось до 11-ти, но, по заявленію московскаго корреспондента, „всѣ испытывали не утомленіе, а сожалѣніе о томъ, что ни завтра, ни послѣ завтра не повторится ничего подобнаго“. Предоставимъ о впечатлѣніяхъ этого вечера говорить другимъ. Вотъ что писали очевидцы: „Насколько глубоко даетъ теперь о себѣ знать сознаніе національнаго духа, или, что то же, насколько выразительны совершающіяся теперь проявленія нашего національнаго самосознанія, наглядно можно было убѣдиться на торжественномъ собраніи Славянскаго Общества. Никогда доселѣ ничего подобнаго этому собранію ни у насъ въ Петербургѣ, ни у васъ въ Москвѣ, не было и быть не могло. Не было, скажете, повода къ чему-либо подобному? Но если-бъ и поводъ былъ, то не самый же поводъ могъ бы создать художественный строй въ мелочныхъ подробностяхъ постановки или установки празднованія и соединить въ одной залѣ весь цвѣтъ избранниковъ, носителей и представителей русской мысли и жизни, и вызвать столько депутацій изъ западно-славянскихъ земель, и слить все это множество разнородныхъ, разнохарактерныхъ людей въ живомъ одушевленіи, которымъ внутренно волновалась и мощно дышала вся зала“.—„Я бы не могъ, еслибъ и желалъ, представить вамъ сколько-нибудь обстоятельное описаніе всего, что на немъ видѣлось и слышалось: цѣлаго нумера газеты не достало бы на одни адресы, телеграммы, привѣтствія и рѣчи, прочитанныя и сказанныя въ большой залѣ дворянскаго собранія. Общій духъ и смыслъ всего прочитаннаго и сказаннаго можетъ быть выраженъ кратко: духовное единеніе Славянъ и Славянства въ

ства, да найдутъ и они въ себѣ силу снова проявить и прочнымъ образомъ водворить у себя и ту внутреннюю независимость, ту самостоятельность народнаго духа и строя, безъ которой слишкомъ мало имѣетъ цѣны и такъ называемая политическая свобода! Да сохранятся на вѣчныя времена великія доблести Черной Горы, которая самой себѣ и обязана тѣмъ, что всегда была независимою! Да цвѣтетъ же, да крѣпнетъ и развивается свободное въ полномъ и настоящемъ смыслѣ, единое Сербство, Сербство, связанное тою братской любовью, которую намъ завѣщали наши св. Первоучители! (*Живіо!*).

„Переходя къ нашимъ дорогимъ братьямъ—русскимъ изъ Галичины, не стану считать даже *гостемъ* достопочтеннаго Ивана Григорьевича: онъ уже не въ первый разъ съ нами и мы привыкли его считать совершенно *своимъ*. Обращаюсь къ тому, кто является здѣсь передъ нами единственнымъ представителемъ самой основной стихіи Галицкой Руси, той ея стихіи, въ которой, вмѣстѣ съ бѣлымъ ея духовенствомъ, заключаются единственные, но зато прочные устои въ ней русской народности. Уже въ прошлый пріѣздъ къ намъ отца Наумовича выдающійся представитель этой стихіи возникъ передъ нами въ лицѣ того 70-лѣтняго старика, о которомъ разсказывалъ намъ тогда достопочтенный Иванъ Григорьевичъ. Этотъ 70-лѣтній старикъ побывалъ на Руси и самъ, но такъ, что никто изъ нашего образованнаго общества и понятія не имѣлъ объ этомъ. Знали о старикѣ только тѣ простые и бѣдные русскіе люди, которые поддерживали его своими грошами, когда у него не стало денегъ, вырученныхъ имъ за послѣднюю проданную нередъ отъѣздомъ корову. Продалъ же онъ ее затѣмъ, чтобы съѣздить поклониться тѣлу и присутствовать при погребеніи нашего дорогаго, во вѣки незабвеннаго Государя Александра Николаевича. Попросимъ теперешняго нашего гостя-крестьянина, если этотъ чудесный старикъ еще живъ, сказать ему ваше братское спасибо за такія святыя чувства къ Тому, Кто со стороны многихъ и очень многихъ почтенъ былъ только самой черной неблагодарностью за свой тройной освободительный подвигъ: въ пользу русскихъ и польскихъ крестьянъ и въ пользу христіанъ на востокѣ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ пожмемъ крѣпко руку нашему дорогому гостю, единственному здѣсь представителю русскаго крестьянства, и выпьемъ отъ всей души за процвѣтаніе и развитіе не только въ Галиціи и вообще на Руси, но и въ цѣломъ Славянствѣ той основной стихіи, которая является въ немъ въ видѣ могучихъ, несворотимыхъ съ мѣста корней, безъ нихъ же, по мудрому замѣчанію дѣдушки Крылова, не можетъ прочнымъ образомъ красоваться листва.

союзѣ Христовой любви и христіанскаго мира, при чемъ о какомъ бы то ни было союзѣ политическомъ не было и помина. И скажу вамъ, мое русское чувство радостно волновалось тѣмъ, во-первыхъ, что на всемъ праздникѣ не послышалось ни съ какой стороны ни полслова, ни тѣни и полутѣни ропота на кого бы и на что бы то ни было, и во-вторыхъ потому, что „братья-славяне" могли лично видѣть кто и что мы, Русскіе, въ лучшихъ представителяхъ нашихъ и созданіяхъ нашего національнаго генія, — могли полюбить насъ вполнѣ сознательно, сами своими же глазами лично удостовѣрившись, за что насъ нельзя не любить такъ же безкорыстно, какъ безкорыстно любимъ мы всѣхъ братьевъ-славянъ".

Другой авторъ выражается такъ о впечатлѣніяхъ этого вечера: „Въ общемъ это торжественное собраніе оставляло впечатлѣніе сильное, бодрящее. Общая мысль, общія симпатіи, общее одушевленіе привлекли сюда людей самыхъ различныхъ положеній, профессій и т. д. Но это былъ цвѣтъ русскаго общества, это была русская интеллигенція въ лучшемъ смыслѣ слова. Знаменательно и отрадно, что наша учащаяся молодежь по численности занимала видное мѣсто среди посѣтителей собранія. Но особенно важный смыслъ придавало собранію присутствіе многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Скажемъ кратко: это было собраніе, достойное той идеи, во имя которой оно было созвано. Лучшее русское общество со своими дорогими гостями собралось, чтобы сказать во всеуслышаніе: славянство—живая сила, которая увѣровала, наконецъ, въ себя"...

Собраніе закончилось пѣніемъ „Хвалебной пѣсни" св. Кириллу и Меѳодію, сочиненной Д. Н. Соловьевымъ.

И такъ—за наше крестьянство, за широкое развитіе его—вещественное и духовное,—подъ знаменемъ нашихъ Первоучителей, за такое его развитіе духовное, которымъ оправдалось бы первоначальное тождество слова *крестьянство* со словомъ *христіанство*!

Затѣмъ О. Ѳ. Миллеръ предложилъ здравицу за высокопреосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго и галицкаго Платона, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Полагаю, что какъ наши дорогіе гости Галичане, такъ и всѣ мы задушевно отнесемся и къ здравицѣ того, кто носитъ историческое названіе митрополита не только кіевскаго, но и *галицкаго*. За высокопреосвященнѣйшаго Платона, красу отечественной нашей Церкви, вѣрнаго представителя духа нашихъ Первоучителей!"

Здравица за отсутствующаго изъ Петербурга преосвященнѣйшаго митрополита Кіевскаго и Галицкаго Платона принята была съ живѣйшимъ сочувствіемъ, причемъ послана была его высокопреосвященству привѣтственная телеграмма.

Затѣмъ всталъ галицкій гость Ѳеодоръ Константиновичъ Вѣлецкій, крестьянинъ изъ Долины подъ Карпатами, и произнесъ слѣдующую рѣчь:

Высокочестны Господа!

„Позвольте мнѣ простымъ словомъ поблагодарити Васъ за ваше гостепріимство!

„Я, якъ видите, сынъ далекихъ отъ васъ Карпатскихъ горъ, а на нихъ и при нихъ по сію и другую сторону живетъ численный крѣпкій корінноруссѣкій народъ: у него все русское, и вѣра, якъ алмазъ, тверда, и языкъ русскій, той самъ, что и у васъ, только-что тутъ немножко мякшій, а у насъ, въ горахъ, грубшій, такъ якъ то сукно моего сѣрака грубшое, а у васъ тоншое и мякшое. Но якъ я тутъ вижду,—чтобъ правду сказати, то такой *мы, вы*—все одно. Такъ наша ровна мати Русь святая, якъ и ваша, и Церковь одна святая, славянская. Галицкая Русь точно якъ вы праздновала день св. Меѳодія—такъ—повторюю еще разъ—*мы—вы* то одно, хотя и подъ двоми Царями живемъ.

„Я православный, когда-то бывшій уніятъ, не безъ важныхъ причинъ обратилъ я ся опять къ вѣрѣ св. православной, къ вѣрѣ отцевъ и праотцевъ моихъ. Отъ давна сердце мое не тягнуло мене тамъ до Италіи, до Рима—а туда на востокъ, туди, откуда вся Славянщина и цѣлая Русь приняли свѣтло вѣры Христовой, отъ св. Андрея первозваннаго, св. Владиміра равноапостальнаго и св. Кирилла и Меѳодія, пришодшихъ отъ

народамъ пережило у народовъ Запада самое господство латинскаго языка. Стоитъ только вспомнить, какъ относится англичанинъ къ подданнымъ Британской имперіи или даже ко всѣмъ, кто не родился англичаниномъ; также и нѣмецъ относится къ славянству. Если сѣверо-американецъ во времена рабства объяснялъ законность закрѣпощенія негровъ особою этнографическою теоріею, то и нѣмцы изобрѣли не одну теорію для того, чтобы доказать свое превосходство передъ славянами. Если другой великій своимъ просвѣщеніемъ народъ древности, Греки, принявъ христіанство, и дозволяли переводы священнаго писанія и богослуженія на другіе языки, то, дозволяя это, по необходимости не переставали смотрѣть свысока на другіе народы и кичиться передъ ними; не даромъ же вѣщій поэтъ славянскій такъ передаетъ гласъ Божій:

За вѣру безбожную, лесть и развратъ,
За *гордость Царьграда слѣпую*
Осману и далъ сокрушительный млатъ,
Громовыя стрѣлы и острый булатъ
И силу коварную, злую.

Были и славянскіе народы, которые приняли въ себя эту языческую нетерпимость къ инымъ народамъ, рядомъ съ другими задатками чуждой славянскому міру средневѣковой гражданственности: огнемъ и мечемъ, лестію и коварствомъ втягивалъ въ себя западный міръ славянскія племена и калѣчилъ ихъ основныя начала. Чрезвычайно поучительно взглянуть на карту Европы въ IX вѣкѣ и сравнить ее съ картою XIX столѣтія. Въ IX вѣкѣ племена славянскія живутъ широко отъ Лабы до Оки и Волги, отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго и Эгейскаго, отъ Ильменя до Чернаго моря. Нынѣ не то, на Западѣ—сильно обрѣзано племя славянское: гдѣ оно осталось только въ видѣ небольшихъ острововъ (Лужичане. Кашубы), а гдѣ и совсѣмъ исчезло; зато далеко распространилось оно на Востокъ и Сѣверъ, прошло до Сѣвернаго и Великаго океановъ, заняло Алтай и засѣло на рѣкахъ Средней Азіи. Заняло оно ту землю, о которой современный поэтъ говоритъ:

И за Татрою идетъ
На другое море,
На полночь и на востокъ,
Гдѣ въ святомъ просторѣ
Уготованы поля,
Долы и дубравы,
Какъ святая колыбель
Для великой Славы!

Та отрасль славянскаго племени, которая заняла эту землю—великая своими подвигами, великая своими страданіями—племя русское. Оно сохранило во все свое многовѣковое существованіе языкъ Кирилла и Меѳодія, оно же, согласно съ завѣтомъ святыхъ братьевъ, не относилось кичливо ни къ какому народу; отъ того-то и до сихъ поръ живутъ между нами племена иного происхожденія, и народъ русскій смотритъ на нихъ спокойно и уважаетъ ихъ вѣры. Рѣдко, рѣдко отступалъ онъ отъ начала проповѣди мирной, отъ того и успѣхи русской проповѣди не такъ быстры, какъ успѣхи проповѣди западной, но зато прочнѣе ихъ: вспомнимъ дѣятельность св. Стефана пермскаго или покойнаго митрополита московскаго, высокопреосвященнаго Иннокен-

---

востока съ Царограда въ Моравію. А теперь, когда въ нашъ вертоградъ, въ мое тѣснѣйшее отечество напяли непрошены гости, непрошены опекуны, езуиты, змартвыхвстанцы и Богъ вѣсть якъ ихъ тамъ назвати—а прійшли они, чтобъ намъ ужасны накости творити, Церковь нашу ругати, вѣру святу товтати, монастыри наши забрати, имѣнія нашой Церкви посѣсти! Когда они тое сдѣлали, такъ я сказалъ: унія прощай, и въ мою хату уже не вертай!..

А нашъ народъ—тихо—цитъ,
Онъ знаетъ все, а лишь молчитъ,
Молчитъ, молчитъ, а все знаетъ,
И въ Божу милость уповаетъ.
То мы теперь въ Меѳодіевъ день
Ударимо въ стаканы: дзень,—дзень.
Вотъ я за Русь святую нашу пью,
За братство братьевъ всѣхъ Славянъ
Выпиймо дружно сей стакавъ!

Произнесенный выразительно, твердымъ, мужественнымъ голосомъ, тостъ этотъ вызвалъ восторженное „ура“ присутствовавшихъ. Всѣ подходили къ Федору Константиновичу и привѣтствовали его, многіе лобызались.

Съ необыкновеннымъ сочувствіемъ принята была и слѣдующая рѣчь одного изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ славянскихъ гостей:

Мм. гг.

На концертѣ въ Михайловскомъ манежѣ, почтеннѣйшій нашъ и милѣйшій распорядитель назначилъ мнѣ, вмѣсто одного, два мѣста: одно посреди гостей русскихъ, другое между господами славянами.

Я принялъ ихъ оба одинаково охотно, чувствуя себя въ одинаковой степени и русскимъ и славяниномъ. Я таковымъ чувствовалъ себя всю мою жизнь, не ощущая ни разу въ душѣ ни малѣйшаго противорѣчія. Напротивъ, чѣмъ далѣе я подвигаюсь въ жизни и дѣятельности, тѣмъ болѣе растетъ въ силѣ и русское и славянское чувство, тѣмъ полнѣе становлюсь я и русскимъ и славяниномъ.

Но то, что во мнѣ есть результатъ происхожденія и обстоятельствъ, нѣчто природное, непроизвольное, то замѣчаю я, особенно въ новѣйшее время, и въ другихъ, какъ плодъ глубокаго размышленія и обдуманнаго опыта. Все чаще встрѣчаю я славянъ разныхъ народностей, такъ уяснившихъ себѣ значеніе Россіи, что рядомъ съ любовью къ своей родинѣ у нихъ является не менѣе сильною и любовь къ носительницѣ судебъ славянскаго міра. Я говорю объ интеллигенціи; народъ славянскій повсюду давно уже сердцемъ своимъ постигъ эту истину. Все чаще встрѣчаю я и русскихъ, нераздѣляющихъ и мысленно Россію отъ славянства, не ищущихъ для Россіи другой мировой задачи, какъ освобожденія всѣхъ славянъ и объединенія

тія; нигдѣ народъ русскій самъ не сѣетъ ненависти, а встрѣчая ее на пути, употребляетъ всѣ усилія отстранить ее; оттого и приближеніе его на Востокъ къ предѣламъ власти другихъ европейскихъ народовъ кажется для нихъ зловѣщимъ признакомъ. Но, уважая чужую вѣру, народъ русскій готовъ постоять за свою: и дома (вспомнимъ 1612 г. и казацкія войны, въ которыхъ унія играетъ важную роль), и за предѣлами своими, въ средѣ единоплеменниковъ. На нашей памяти по темному слуху объ угнетеніяхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ устремился народъ русскій жертвовать и имуществомъ и жизнію; вставали забытыя времена крестовыхъ походовъ, вставали именно въ своей первой порѣ, когда толпы темныхъ людей шли куда-то вдаль, по слову проповѣди, когда еще не поднимались въ путь искатели славы и владѣній. Мы видѣли это движеніе своими глазами и мы, близкіе свидѣтели, не могли не вѣрить ему, не могли не понять, какъ глубоко коренится его источникъ въ народномъ духѣ. Промышленная и биржевая Европа не понимаетъ этого движенія, оно и въ прошедшемъ кажется ей какой-то сказкою, она изсушила въ груди своей родникъ чистыхъ дѣлъ и чистыхъ помышленій, она перестала вѣрить въ человѣка потому, что тамъ каждый вѣритъ только въ себя и себя считаетъ центромъ вселенной,—такъ думаетъ тамъ каждый человѣкъ. Наша отзывчивость, наше умѣніе понимать другіе народы—черта, такъ мѣтко указанная Достоевскимъ въ его рѣчи о Пушкинѣ—туго дается другимъ народамъ и мало понимается ими. Безкорыстность русской политики (иногда, сказать правду, ложно направленная) есть выраженіе того же нравственнаго начала. Ее также точно не понимаютъ и клевещутъ въ Западной Европѣ, съ голоса которой то же обвиненіе повторялось иногда и у насъ. Дай Богъ, чтобы болѣе не повторялось. Богъ благодаря, мы еще молоды, врожденныя силы не улеглись еще въ законченный, а слѣдственно и узкій строй, народъ русскій еще не вошелъ въ свои географическія границы, еще не вполнѣ освоилъ занятую территорію; передъ нимъ великое будущее; но мы вѣримъ и надѣемся, что, вступая въ свой зрѣлый періодъ, къ которому готовился многовѣковыми трудами и тяжкими испытаніями, народъ русскій не растратитъ, но сохранитъ и сторицею умножитъ тѣ силы, которыя проявилъ онъ въ годы своей юности, продолжавшейся долго, думаемъ, потому, что дологъ долженъ быть его вѣкъ: не одинъ срокъ положенъ росту сельной травы и могучаго дуба. Вѣримъ мы, что не втунѣ останется для народа нашего проповѣдь святыхъ братьевъ, проникнутая сознаніемъ братства народовъ, а не господства одного надъ другими, не рабства одного передъ другимъ. На русской почвѣ школѣ чужеземщины былъ особый почетъ: это иногда вело къ печальнымъ послѣдствіямъ, мудрость вѣка сего требуетъ иного; но придетъ время, когда сознается, что были, конечно, увлеченія въ эту сторону; но что лучше было увлекаться любовью, чѣмъ ненавистью. Къ любви, къ примиренію, къ уваженію чужаго всегда призывали Русскую землю ея лучшіе люди. Наступятъ года созванія, и они близки, тогда станетъ яснымъ, что иногда чужому приносятся слишкомъ большія жертвы, и на этой грани остановится общество, уже достигшее полнаго созванія, но и тогда признаетъ оно,

---

ихъ въ одну самобытную группу народовъ, въ одинъ самостоятельный культурный типъ.

Съ радостью вижу я это двоякое движеніе, страстно желаю я его усиленія и ускоренія. Я желалъ бы, чтобы каждый славянинъ проникся убѣжденіемъ, что никакая искусственная комбинація не сравнится съ основанною на славянской природѣ, съ завѣщанною славянской исторіей, что никакое глубокое и прочное благо не можетъ быть постигнуто ни одною славянской народностью, не только противъ, но и безъ Россіи. Я желалъ бы, чтобы каждый русскій былъ вмѣстѣ и славянскимъ дѣятелемъ, чтобъ вся Россія составила одно благотворительное и освободительное славянское общество, въ которомъ бы, по примѣру общедоступнаго концерта прошлаго воскресенья, были взносы различныхъ размѣровъ, во 100 р., въ 10 р., въ 1 р., въ 10 к. и въ 1 к. Когда будетъ 100.000.000 копѣечныхъ взносовъ, вопросъ славянскій будетъ рѣшеннымъ.

Вѣрный своей двоякой натурѣ, я какъ русскій, радостно привѣтствую братьевъ славянъ (по сербски:), между коими я счастливъ видѣть нынѣшняго духовнаго главу геройской, славной, столь дорогой мнѣ и милой Черногоріи; сожалѣю, что не могу сказать того же и о бывшемъ главѣ сербскаго правительства, одномъ изъ первыхъ государственныхъ мужей, не только сероства, но и всего славянства *).

(По-русски:). Какъ славянинъ, я привожу русскимъ братьямъ привѣтъ несчастнаго изъ всѣхъ племенъ славянскихъ!..

Герцеговина и Боснія, двѣ издревле православныя сербскія земли, выдерживаютъ нынѣ, безъ всякой помощи, подвигъ, страшный напоръ громадныхъ, могущественныхъ силъ съ цѣлаго латинско-германскаго Запада. Этотъ мученическій народъ не хочетъ своими горькими жалобами омрачать вашъ нынѣшній праздникъ; онъ и самъ находитъ въ немъ утѣшеніе, сознавая себя членомъ великой славянской семьи, въ которой, несмотря на его слабость и немощь, братская любовь ваша даетъ ему не послѣднее мѣсто; онъ уповаетъ на правду Божію, на предстательство св. апостоловъ славянскихъ, завѣтамъ которыхъ, не взирая на всѣ насилія, на всѣ соблазны, народъ этотъ остается и всегда останется непоколебимо вѣрнымъ.

Отъ имени монахъ земляковъ и ближайшихъ родичей, предлагаю вамъ тостъ за освобожденіе, внѣшнее и духовное, всѣхъ

*) Г. Ристичъ по нездоровью на обѣдѣ не присутствовалъ.

что прошедшее прожито было не безплодно, что, слѣдуя безсознательному влеченію своего исконнаго начала, Русь принесла себѣ болѣе пользы, чѣмъ когда поддавалась обаянію чужихъ началъ. Не для развитія узкаго народнаго эгоизма такое громадное пространство предназначено было русскому народу; не для того поставленъ былъ онъ между Востокомъ и Западомъ, введенъ въ связь съ разнообразнѣйшими гражданственностями, не для того, съ самыхъ первыхъ шаговъ его дано было услышать на своемъ языкѣ Слово Евангельское, да приметъ его всякъ и выноситъ въ своемъ сердцѣ. Вѣримъ и надѣемся, что великая будущность ждетъ народъ русскій, что когда наступитъ ему время сойти со чреды,—но, по слову Карамзина, ничто не безсмертно, кромѣ души человѣческой,—оставитъ онъ по себѣ высокій образецъ другимъ народамъ; вѣримъ, что онъ явитъ ясно для всѣхъ очей то начало любви, которое такъ глубоко сказалось въ словахъ святаго Кирилла, вѣримъ, что ему суждено осуществить и разнести по міру тѣ начала, которыя калѣчила языческая цивилизація, слишкомъ ясно сказывающаяся въ исторіи христіанскихъ народовъ. Мы вѣримъ всему этому, а потому и вѣримъ, что на народѣ нашемъ сбудутся когда либо вдохновенныя слова великаго еврейскаго пророка: „Я воззвалъ орла отъ востока, изъ дальней страны исполнителя опредѣленія моего... я приблизилъ правду мою, она не далеко, и спасеніе мое не замедлитъ" (Исаія XL, VI, 11, 13).

славянскихъ народовъ, за объединеніе ихъ въ братской любви и согласіи между собою и святою Русью. (*Единодушныя одобренія*).

Одною изъ послѣднихъ рѣчей была рѣчь редактора-издателя „Слова" г. Площанскаго, высказавшаго слѣдующее:

Не мнѣ, мм. гг., описать приблизительно вѣрными словами впечатлѣніе послѣднихъ дней, не мнѣ же достойно благодарить васъ за братскую хлѣбъ-соль; въ одномъ, однако, могу увѣрить васъ отъ себя и товарищей, что мы, видѣвши свѣтъ ясный и вся елика праведна, елика совершенна въ великой русской землѣ, не измѣнимъ вамъ во вѣки и не удивимъ свѣтъ неблагодарностію.

Этимъ облегчивъ немножко свою совѣсть въ отношеніи къ вамъ и сваливъ почившее на сердцѣ бремя, перейду къ предмету счастливаго нашего свиданія. Мы прибыли къ вамъ, чтобъ какъ счастливые современники тысячелѣтняго торжества и какъ родные братья, вмѣстѣ съ вами, въ семейномъ кружкѣ отпраздновать памятный день святаго учителя нашего Меѳодія. Запалъ, не отставшій насъ и теперь безъ своего вниманія, приглашалъ насъ отправиться ко дню 6-го апрѣля въ *Велеградъ* моравскій, въ м сто дѣятельности и, по мнѣнію однихъ, ко чины св. апостола славянъ. Но такъ какъ настоящая Русь не могла рѣшиться выслать своихъ участниковъ въ страну, покоренную германо-латинствомъ, въ страну, гдѣ даже по случаю празднованія Кирилло-Меѳодіевскаго дня не до-

Рѣчь проф. В. И. Ламанскаго.

Кирилло-Меѳодіевская идея.

Православная Русь чествуетъ тысячелѣтнюю память и славитъ великій просвѣтительный подвигъ солунскихъ братьевъ, славянскихъ Первоучителей. Церковь нарекла ихъ святыми и равноапостольными. Подобные подвижники у древнихъ назывались благодѣтелями человѣчества. На языкѣ современной науки они слышутъ всемірно-историческими дѣятелями, которые родятся не вѣками, а тысячелѣтіями.

Къ десяткамъ милліоновъ русскаго народа и къ его свѣтлому торжеству въ Россіи сочувственно присоединяются сотни тысячъ различныхъ христіанскихъ нашихъ инородцевъ. И принявшіе отъ грековъ же, но задолго до славянъ, христіанство, подобно армянамъ, грузинамъ, или подобно нѣмцамъ и другимъ, отъ Рима, или, какъ большая часть нашихъ инородцевъ, отъ русскихъ, всѣ они одинаково благоговѣютъ передъ подвигомъ славянскихъ апостоловъ, освятившихъ начало народности въ Церкви. Цѣлый рядъ русскихъ миссіонеровъ отъ св. Стефана пермскаго до Иннокентія камчатскаго и курильскаго, вѣрныхъ преданіямъ славянскихъ апостоловъ, безъустно трудились надъ обращеніемъ множества инородцевъ въ христіанскую вѣру, надъ переводомъ священнаго писанія и пѣснопѣній церковныхъ на ихъ нарѣчія.

Да и всѣ инородцы наши, даже не христіане, еслибъ могли сознавать, съ признатель-

---

пускается языкъ этихъ святыхъ въ богослуженіи моравскаго народа, то мы, какъ представители части, примкнули къ цѣлому и явились въ его центрѣ, гдѣ самымъ достойнымъ образомъ чествуется память общихъ намъ Первоучителей. Намъ совсѣмъ нельзя было отправляться въ страну, гдѣ кромѣ преданія ничего больше не осталось; точно также какъ странникъ тяжело повернуть въ родной домъ, занятый чужими, которые, уничтоживъ бывшіе тутъ дорогіе ему памятники, приглашаютъ его какъ бы для поруганія священныхъ его чувствъ, принять участіе въ праздникѣ на развалинахъ его домашняго очага. Не имъ, не противникамъ Кирилло-Меѳодіевской славянской рѣчи, а почитателямъ ея слѣдовало легально отпраздновать и къ празднованію приглашать единомышленниковъ. И кому же, по справедливости, принадлежитъ право устраивать у себя празднованіе тысячелѣтней годовщины св. Кирилла и Меѳодія? Кто долженъ принять починъ и исполнить эту задачу прежде всего предъ лицемъ всего міра и всего славянства? Не тотъ-ли, кто свято сохранилъ завѣтъ св. мужей, ихъ вѣру, ихъ Церковь и священное письмо, кто, несмотря на страшныя гоненія, какимъ онъ подвергался, спасъ эти сокровища до нашихъ дней? Да, это право, эта задача выпала на долю тѣмъ славянскимъ народамъ, которые сохранили въ церковной и гражданской своей жизни старый свой языкъ и старое свое Кирилло-Меѳодіевское письмо. Пер-

ностью бы поминали подвигъ славянскихъ апостоловъ, ибо тѣмъ добромъ, что они отъ насъ приняли и принимаютъ, они главнѣйше обязаны благотворному вліянію ихъ подвига на русскій народъ; испытанныя же ими отъ насъ зло и обиды проистекаютъ преимущественно изъ того, что неумолкаемая нашихъ апостоловъ проповѣдь слишкомъ еще мало проникла въ наше сознаніе и еще мало смягчила наши нравы.

Нельзя ожидать, ибо нѣтъ имъ разумнаго оправданія, равнодушія и безучастія къ нашему торжеству и со стороны иноплеменныхъ единовѣрцевъ нашихъ, грековъ, арабовъ, румынъ. Для грековъ подвигъ славянскихъ Первоучителей напоминаетъ лучшія времена ихъ имперіи и образованности, то счастливое и вновь желанное для всего христіанскаго Востока время, когда въ грекахъ сильно было чувство братолюбія къ ихъ ближайшимъ сосѣдямъ и союзникамъ славянамъ. Православнымъ арабамъ-сирійцамъ, давшимъ въ свое время христіанству столько боговдохновенныхъ поэтовъ и мыслителей, сколь дорога ихъ народная Церковь, столь же сочувственна и славянская. Румынамъ же можетъ ли быть не священна и не дорога тысячелѣтняя славянскихъ апостоловъ память, когда молдаване, валахи до XVI—XVII вѣка имѣли у себя вездѣ славянское богослуженіе, читали славянскія книги, употребляли славянскій языкъ въ своемъ дѣлопроизводствѣ и послѣ, съ переложеніемъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ на свой народный языкъ, до новѣйшаго времени повсюду пользовались, а часто и понынѣ еще пользуются кирилловскимъ, а не латинскимъ письмомъ въ своихъ книгахъ?

Заодно съ нами сливаются въ общемъ благодарномъ воспоминаніи и ближайшіе, лихою долею отъ насъ отлученные, братья наши, трехъ слишкомъ милліонный русскій народъ въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорщинѣ и милліоны дорогихъ единовѣрцевъ и, благодареніе Богу, большею частью нынѣ уже свободныхъ, любезныхъ соплеменниковъ нашихъ болгаръ и сербовъ отъ Пештъ—Будина до устьевъ Дуная, отъ Тріеста до общей гордости и любимицы всего славянства богатырской, юнацкой Черной Горы, и на всемъ просторѣ благословенныхъ своихъ земель между Чернымъ, Адріатическимъ и Эгейскимъ морями.

Чтутъ и ублажаютъ, хотя и не заодно съ нами, а совершенно особенно и по своему, тысячелѣтнюю память славянскихъ апостоловъ и всѣ прочіе наши соплеменники, горькою судьбою лишенные драгоцѣннѣйшаго ихъ завѣтя. Одни изъ нихъ, впрочемъ, далеко не большинство, искренно сожалѣютъ, что мы, православные славяне, не употребляемъ латинской азбуки, не молимся въ костелахъ и поминаемъ теперь славянскихъ апостоловъ не латинскимъ богослуженіемъ въ нашихъ храмахъ. Другіе изъ нихъ истинно скорбятъ объ утратѣ ими славянскаго богослуженія и приписываютъ это лишь печальному недоразумѣнію, легко, по ихъ мнѣнію, устранимому посредствомъ новаго, еще болѣе блистательнаго паломничества въ Ватиканъ. Ихъ совѣсть смущена тѣмъ, что еще недавно признавъ святыми славянскихъ Первоучителей, римскій первосвященникъ не хочетъ допускать въ костелахъ славянскаго богослуженія. Третьи наконецъ, глядя глубже, идутъ дальше въ своихъ мечтаніяхъ и уповаютъ посред-

---

вымъ же такимъ народомъ въ славянщинѣ и въ мірѣ самый могущественный народъ русскій. И онъ, понявъ свое призваніе, стоитъ на стражѣ славянскихъ интересовъ съ полнымъ успѣхомъ, къ стыду незванныхъ своихъ соперниковъ, которые давно стремятся вырвать изъ рукъ его духовное кормило. Остается вопросъ, кто является этимъ соперникомъ Руси и въ настоящемъ чествованіи памяти славянскихъ Первоучителей, кто приглашалъ насъ обойти это торжество русскаго народа и всего славянства съ нимъ? Это тѣ, которые употребляемое нами славянское письмо, составленное св. Кирилломъ, ругаютъ китайщиною, отъ которой слѣдовало бы вамъ отказаться, чтобы достигнуть чести быть цивилизованнымъ народомъ, чтобъ принадлежать къ европейской семьѣ и вмѣстѣ съ ними вкушать отъ плодовъ ея цивилизаціи! Это люди, которые, сами не имѣя своего письма, навязываютъ намъ насильно чужой латинскій алфавитъ. Но вѣрно ли то, что совѣтники наши желаютъ добра намъ? Вѣрно ли то, что латинскіе знаки одни дѣлаютъ человѣчество образованнѣйшимъ, гуманнѣйшимъ, благороднѣйшимъ? Къ сожалѣнію, ни совѣтники наши намъ недоброжелательны, ни латинскіе знаки намъ не спасительны.

О совѣтникахъ нашихъ въ сію торжественную минуту лучше умолчимъ, или пожелаемъ имъ, чтобы образумились и вступили на путь своего спасенія. Касательно же упомянутаго предлагаемаго цивилизаціоннаго средства, спрашиваю, какая польза для насъ и для другихъ народовъ выходитъ изъ латинскихъ знаковъ въ мадьярской или финской литературахъ? Понятенъ ли для кого нибудь безъ изученія языкъ гунновъ, хотя бы онъ былъ начертанъ латинскими знаками и не былъ ли греческій съ своими не-латинскими знаками выше латинскаго языка? Впрочемъ, представьте себѣ хаотическія правописи народовъ, употребляющихъ, по неимѣнію своей собственной, латинскую азбуку! Не добавили ли бы мы къ этому хаосу еще значительную свою часть, если бы мы пожелали удовлетворить нашимъ добрымъ друзьямъ; развѣ не извѣстно намъ, что во сто разъ легче изучить славянское письмо или его произношеніе, чѣмъ одно правильное чтеніе, и пр., на англійскомъ языкѣ. Говорятъ, что не легко изучить наши китайскіе знаки, чтобъ узнать, о чемъ думаемъ и чего желаемъ. Мы очень сожалѣемъ надъ ихъ затрудненіемъ, потому что мы въ состояніи изучить, когда намъ нужно, не только всякаго рода знаки, но и самый языкъ. Мы всякому оставляемъ полную свободу употреблять какіе угодно алфавиты. Но счастливое славянское племя должно гордиться

ствомъ Кирилло-Меѳодіевскихъ праздествъ пробудить въ своихъ народностяхъ твердое убѣжденіе въ необходимости возстановленія самостоятельнаго моравскаго архіепископата съ нѣсколькими славянскими же діоцезами и вообще возврата латинскаго христіанства къ чистымъ апостольскимъ преданіямъ и обычаямъ древней римской, до-Гильдебрандовской церкви. Эта мысль была любимѣйшею мечтою великаго западно-славянскаго дѣятеля, незабвеннаго аббата Іосифа Добровскаго и его многихъ друзей изъ чешскаго духовенства старшаго и младшаго поколѣнія. Потомъ, казалось, было совсѣмъ умерщвлена, эта мысль долго созрѣвала въ тиши и въ настоящее время имѣетъ уже горячихъ приверженцевъ среди многихъ достойнѣйшихъ представителей низшаго католическаго духовенства у чеховъ, моравянъ, словаковъ, словинцевъ... Нѣтъ сомнѣнія, этой мысли принадлежитъ будущее; всѣ оживленія кирилло-меѳодіевскихъ воспоминаній въ западно-славянскихъ массахъ только подготовляютъ почву для ея воспріятія и развитія. Въ успѣхѣ этой мысли начало не фиктивнаго, а истиннаго примиренія, разрѣшенія *стараго спора славянъ между собою*. Въ этой мысли привѣтствуемъ зарю новой лучшей жизни славянской.

Въ сознаніи предковъ нынѣшнихъ западно-европейцевъ, всѣ европейскія страны, лежавшія между ними и Азіею, составляли какъ бы отдѣльный, отличный отъ нихъ міръ, который они и обозначали двумя названіями—Имперія Константинопольская, или Грецiя, и Славія или Славонія. „Славонія, говоритъ одинъ средневѣковый писатель, заключаетъ въ себѣ Сербію, Венгрію, Далмацію, Чехію, Польшу, Русь и другія подвластныя имъ земли. Всѣ онѣ какъ бы употребляютъ одинъ языкъ и другъ друга разумѣютъ". Новѣйшіе ученые, въ отличіе отъ Западной Европы или міра романо-германскаго, стали правильно называть Еврову Восточную міромъ греко-славянскимъ. Если романо-германскій міръ или Западную Европу вѣрно называютъ Европою Карла Великаго, то Европу Восточную или міръ греко-славянскій по всей справедливости можно назвать Европою св. Кирилла и Меѳодія.

Какъ вся западно-европейская государственность и культура вышла и развилась изъ монархіи Карла Великаго, какъ съ IX в. по новѣйшее время романо-германскій міръ не зналъ другаго историческаго и легендарнаго имени и дѣятеля болѣе популярнаго и общаго всѣмъ романскимъ и германскимъ народностямъ, такъ точно и Восточная Европа не знаетъ и не укажетъ третьяго имени, столь же дорогаго, высокозначительнаго, столь же общаго и извѣстнаго, какъ имена славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія. Проповѣдники царствія Божія, служители вселенской идеи и славянскаго слова, основатели славянскаго просвѣщенія, провозвѣстники и поборники правъ славянскаго языка и славянскаго племени на одно изъ первоклассныхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества, въ ряду такихъ всемірно-историческихъ народовъ, каковы были Евреи, Греки, Римляне, славянскіе первоучители въ теченіе вѣковъ были и навсегда останутся незримыми вдохновителями, хранителями и строителями славянскаго единства.

Дарованное романо-германцамъ единство

своими знаками, вполнѣ отвѣчающими его звукамъ, и потому пожелаемъ, чтобы всѣ славяне полюбили свое родное письмо, и тогда не одолѣетъ ихъ никакая иражеская сила. (*Рукоплесканія*).

Затѣмъ послѣдовали уже частныя рѣчи. Бесѣда гостей приняла интимный характеръ и долго продолжалась въ задушевномъ тонѣ въ разныхъ кружкахъ. Пили между прочимъ за Славянское Общество, за товарища предсѣдателя П. А. Васильчикова, Т. И. Филиппова, за почетныхъ членовъ И. П. Корнилова, В. П. Аристова и др.

Затѣмъ одинъ изъ ораторовъ высказалъ, что онъ пользуется случаемъ пожелать, чтобы начатое дѣло освобожденія славянъ въ политическомъ и духовномъ отношеніи завершилось къ общему единенію славянскаго міра, и если намъ не суждено дождаться его осуществленія, то пусть воспользуются нашими трудами и идеями наши внуки, наше грядущее поколѣніе. „Дай Богъ силы и здоровья всѣмъ и на всѣхъ поприщахъ подвизающимся во имя братства славянъ славянскимъ дѣятелемъ: духовнымъ, политическимъ и военнымъ".

При этомъ присутствующими предложена была здравица за борца за освобожденіе сербовъ М. Г. Черняева, покрытая бурными рукоплесканіями. О. І. Г. Наумовичъ вспомнилъ при этомъ скромныхъ галицко-русскихъ борцовъ въ области духовной—за кирилловскую письменность, сказавъ слѣдующее:

Мы пили за здоровье героя Михаила Григорьевича, доблесть котораго была предметомъ удивленія не только славянъ, которымъ онъ служилъ своимъ геніемъ и своею жизнью, но и всего свѣта. Мы благоговѣемъ предъ такими героями, которые мечемъ вступаются за права порабощенныхъ народовъ, покрывая свои имена безсмертною славой.

Но есть и другаго рода герои, которые мирно мъ образомъ воюютъ и побѣждаютъ враговъ свѣтомъ правды и неустрашимостью характеровъ.

Галицко-русскій народъ живетъ въ такой постоянной борьбѣ уже пять съ половиною вѣковъ, но не ушалъ до сихъ поръ духомъ. Годъ 1885 имѣетъ для насъ, Галичанъ, двоякое значеніе. Кромѣ 1000-лѣтняго юбилея св. Меѳодія, будетъ у насъ 25-ти-лѣтній юбилей нашей побѣды надъ злобою и ненавистью въ нашемъ отечествѣ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ насъ постигло нашествіе на то сокровище, которое мы сохранили и подъ татарскимъ игомъ и подъ самою Польшею. Намъ съ 1860 г. хотѣли навязать латинскую азбуку и устранить совсѣмъ русскую въ школахъ, чтобы такимъ образомъ учащуюся Русь отдѣлать совершенно отъ ея

Карла Великаго было чисто внѣшнее и искусственное, вскорѣ послѣ его смерти распалось и никогда болѣе вполнѣ не возобновлялось, если не считать исполинской попытки Наполеона I, сокрушенной по преимуществу энергіею и согласіемъ двухъ, громаднѣйшихъ въ исторіи, имперій, двухъ величайшихъ въ мірѣ національностей—англо-саксонской и русской. Имъ обѣимъ довольно мѣста на землѣ, и въ видахъ собственнаго интереса каждая изъ нихъ можетъ и даже должна стремиться ко взаимному согласію и мирному житію, не роняя своего національнаго достоинства и не стыдясь взаимныхъ уступокъ въ Азіи и Европѣ, насчетъ ли горныхъ проходовъ или морскихъ проливовъ. Онѣ однѣ изо всѣхъ новыхъ государствъ никогда не признавали монархіи Карла Великаго и не томились безплоднымъ желаніемъ единства европейскаго.

Преподанное св. Кирилломъ и Меѳодіемъ единство славянское было совсѣмъ инаго рода. Они раскрыли славянству вселенскую идею и изъ славянства же взяли матеріалъ и образовали форму для ея воплощенія. Они создали славянамъ органъ просвѣщенія, обративъ ихъ къ познанію и божественнаго откровенія и сокровищъ человѣческой мудрости, собранныхъ вѣковыми усиліями образованнѣйшихъ народовъ міра. Они дали славянамъ и общій органъ взаимнаго разумѣнія. Безъ общихъ началъ и идей, безъ грамоты и письменности, племена самыя близкія по происхожденію съ теченіемъ времени дробятся и раскалываются, расходятся врозь, подпадаютъ чужой враждебной власти и чужимъ вліяніямъ, лишаются своей цѣлости, теряютъ даже память объ общемъ своемъ происхожденіи и первоначальномъ единствѣ, парѣчія ихъ до того расходятся, что они перестаютъ понимать другъ друга. Когда сплеменныя народности при взаимныхъ сношеніяхъ начинаютъ уже прибѣгать къ чужому, иноплеменному языку, то онѣ тѣмъ самымъ показываютъ свое взаимное отчужденіе и большую свою близость къ иноплеменникамъ, чѣмъ сродичамъ.

Кирилло-Меѳодіевская идея, неся славянамъ христіанскую проповѣдь о царствіи Божіемъ, о мирѣ и благоволеніи въ людяхъ, вызвала въ нихъ и стремленія къ совершенствованію гражданскихъ отношеній и формъ государственнаго общежитія.

Люди не безплотные духи, не ангелы и не небожители. Что сдѣлаетъ человѣкъ и съ самыми высшими дарами духа, когда онъ совершенно истощенъ физически и обреченъ неминуемой смерти? Такъ и народамъ для доступнаго имъ воплощенія принятой ими вселенской идеи, для осуществленія высокихъ человѣческихъ идеаловъ на землѣ, необходимы извѣстныя внѣшнія условія прочной обезпеченности.

Судьбы развитія Кирилло-Меѳодіевской идеи въ тысячелѣтней жизни славянства тѣсно связаны съ судьбами всѣхъ его опытовъ государственнаго строенія.

Переложеніе слова Божія на языкъ славянскій вызывало и требовало осуществленія христіанскаго общежитія въ славянскомъ государствѣ. Независимое государство нужда-

---

Церкви, которая одна спасла нашу народность отъ ополяченія. Планы у враговъ были смѣлые и рѣшительные, и составлялись они подъ видомъ того, чтобы не лишить насъ общенія съ цивилизованными народами, употребляющими латинскія письмена".

„Мужественно опровергли наши патріоты мудрованія враговъ и побѣда ваша была полная, разрыва школы съ Церковью не послѣдовало, азбука наша осталась, ни одного ерика мы не отдали. Но удивительно, что такая борьба велась почти цѣлый годъ, пана римскій, увѣряющій насъ, уніатовъ, постоянно въ своей безграничной къ намъ любви, не счелъ нужнымъ поднять протестъ противъ разрыва Церкви со школою. Онъ равнодушно принималъ къ свѣдѣнію, что ученики, ковчившіе школу, не будутъ въ состояніи прочитать ни одной молитвы въ церкви, писанной не четкимъ латинскимъ письмомъ, но письмомъ св. Кирилла и Меѳодія. А при такомъ равнодушіи паны мы видѣли, что дѣло шло о томъ, чтобы у насъ съ нашею азбукою поступить такъ, какъ при Викингѣ въ Моравіи. Оттого мы научаемся тѣмъ болѣе цѣнить письмена св. Кирилла, чѣмъ болѣе противъ нихъ поднималась злоба невѣжества, ратующая за осуществленіе своихъ воздушныхъ плановъ.

Мы же въ Галичинѣ высоко чтимъ заслуги устоявшихъ въ этой жестокой борьбѣ. Изъ нихъ трое уже покойниковъ: митрополитъ Спиридонъ, Михаилъ Куземскій, бывшій послѣ епископомъ въ Холмѣ, и Іоаннъ Жуковскій, протоіерей. Прочіе старики еще въ живыхъ: Яковъ Фед. Головацкій, протоіерей; Антоній Петрушевичъ, Григорій Шашкевичъ, Михаилъ Малиновскій и священникъ Іосифъ Лозинскій. Они спасли наше молодое поколѣніе отъ совершеннаго ополяченія. Честь имъ за то и всѣмъ мужественнымъ борцамъ на лонѣ духовномъ, научномъ, за стойкость въ защитѣ народныхъ правъ у всѣхъ славянъ, продолжающихъ пока еще вѣковую борьбу за существованіе!...

Послѣ этихъ словъ, вызвавшихъ общее сочувствіе, о. Наумовичъ прибавилъ слѣдующія заключительныя слова:

Прежде чѣмъ отсюда разойдемся, позвольте мнѣ, мм. гг., еще нѣсколько словъ. Было время, и оно не очень далекое, когда о существованіи трехмилліоннаго галицко-русскаго народа знали здѣсь въ Россіи только ученые слависты. Галицію считали провинціею нѣмецкою или польскою, и долго не знали, что нашъ Львовъ не есть нѣмецкій городъ Лембергъ. Теперь, слава Богу, вся Русь уже знаетъ, что и у насъ есть Русь, и вы, господа, принимаете насъ уже какъ своихъ родныхъ. Великую въ томъ заслугу положило Славянское Благотворительное Общество, слава ему за то! И пью въ лицѣ товарища предсѣдателя за Славянское Общество.

лось въ національной Церкви и національная Церковь нуждалась въ самостоятельномъ государствѣ.

Задумавъ избавить свой народъ отъ участи славянъ балтійскихъ и добыть себѣ свободу и независимость отъ монархіи Карла Великаго, моравскій князь Ростиславъ обратился въ Царьградъ съ просьбою о присылкѣ ему славянскихъ духовныхъ учителей. Въ пребываніе св. братьевъ въ Моравіи и Панноніи и при покровительствѣ славянской государственной власти, на югѣ и сѣверѣ отъ Дуная начала устраиваться славянская Церковь, а славянское богослуженіе и письмо проникло на Вислу, въ Чехію, къ Хорватамъ. Когда же воинственный и лукавый, но грубый и недальновидный Святополкъ, не умѣя цѣнить истиннаго народнаго блага, сошелся съ врагами славянскихъ апостоловъ и по кончинѣ св. Меѳодія силою изгналъ изъ своей страны его учениковъ, то славянская Церковь погибла въ Моравіи и Панноніи, славянское письмо и богослуженіе стало быстро исчезать въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ, оставшись, наконецъ, только кое-гдѣ въ глаголическихъ монастыряхъ у хорватовъ.

Гонимымъ ученикамъ св. Кирилла и Меѳодія дали пріютъ и оказали свое сильное покровительство умные государи Болгаріи, князь Борисъ и царь Симеонъ. Расцвѣтъ славянской письменности, торжество славянской Церкви на югѣ совпадаетъ съ лучшими временами Болгарскаго государства при Симеонѣ и Асѣняхъ и Сербскаго при Нѣманичахъ. Съ паденіемъ политической и національной независимости Болгаръ и Сербовъ въ XIV и XV в., не исчезла уже, какъ въ Моравіи и Чехіи, въ Польшѣ и Хорватіи, Церковь славянская, но она никла и падала, по мѣрѣ вторженія грубаго невѣжества, вслѣдствіе постепеннаго исчезновенія высшей народной іерархіи, отъ измѣны вѣрѣ и народности богатыхъ классовъ, отъ отреченія и отученія множества народа, отъ внѣшняго насилія и грубыхъ притѣсненій турецкаго произвола.

Но счастью для человѣчества и христіанства, великая Кирилло-Меѳодіевская идея, въ исходѣ X в., въ Руси Владиміра святаго и мудраго Ярослава вашла себѣ новую благодарную почву. Все богатство трудовъ славянскихъ апостоловъ и ихъ учениковъ въ Македоніи, Царьградѣ, Моравіи, Панноніи и Болгаріи перешло теперь всецѣло къ многолюднѣйшему народу славянскому. Дальнѣйшая судьба славянской Церкви и письменности тѣсно связана съ историческимъ ростомъ Русскаго государства. Съ распространеніемъ Руси на сѣверъ, востокъ, югъ и западъ, воздвигались русскіе храмы, раздавалось слово Божіе на славянскомъ языкѣ въ такихъ краяхъ земнаго шара, гдѣ отъ сотворенія міра не знали христіанства, не слыхали славянскихъ звуковъ. Въ подражаніе переложенію Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ на языкъ славянскій, трудами славянскихъ Первоучителей создалась на Руси цѣлая обширная библіотека переводовъ Слова Божія на различные инородческіе, большею частью азіатскіе языки.

Если утвержденію и распространенію Кирилло-Меѳодіевской идеи много способствовало славянское царство, то еще быть можетъ болѣе помогала она его росту и крѣпости. Она не повинна въ насиліяхъ и кровопролитіи, безъ конца, по человѣческому несовершенству, никогда не обходилось ни одно государство въ мірѣ, тѣмъ болѣе созидавшееся столько вѣковъ и окруженное такимъ множествомъ внѣшнихъ враговъ. По Кирилло-Меѳодіевскіе завѣты и предавія благословляли, освящали и въ значительной степени воспитывали стремленія русскаго населенія къ единству государственному.

Еще другою формою нашего національнаго единства обязаны мы, русскіе, Кирилло-Меѳодіевскому подвигу. Нашъ литературный языкъ возникъ и развился на основѣ церковно-славянскаго письменнаго языка. Какъ русское государство сложилось и крѣпло общими совокупными усиліями всѣхъ частей обширной Руси, южной и сѣверной, восточной и западной, такъ и нашъ могучій литературный языкъ и наша дорогая словесность въ теченіе вѣковъ слагались дружными об-

---

Послѣ дружеской бесѣды всѣ разошлись въ 10 часовъ вечера.

По единодушному желанію присутствовавшихъ на обѣдѣ, отправлены были телеграммы преосвященному митрополиту кіевскому Платону, побѣдителю афганцевъ генералу Комарову, бывшему предсѣдателю Славянскаго Общества К. П. Бестужеву-Рюмину и И. С. Аксакову.

Кіевъ.

Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Платову.

Члены Славянскаго Общества и русскіе изъ Галиціи, собравшись на братскую трапезу, молятъ Господа, да продлитъ Онъ еще на многія лѣта драгоцѣнную вашу жизнь, владыко, на радость и во украшеніе отечественной Церкви.

Ашхабадъ.

Генералу Комарову.

Члены Славянскаго Общества, собравшіеся чествовать славянскихъ гостей, прибывшихъ на Меѳодіевскій праздникъ, вмѣстѣ съ ними провозглашаютъ вашу здравицу при громкомъ единодушномъ „ура!“

Венеція.

Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину.

Привѣтъ сердечный старому предсѣдателю. Да исцѣлитъ Врачъ душъ и тѣлесъ вашу немощь. Живите долго на пользу Славянскаго міра.

Ялта.

Ивану Сергѣевичу Аксакову.

Истинному славянофилу слава! Петербургское Славянское Общество шлетъ свой сердечный привѣтъ своему старшему брату.

Чтеніе этихъ телеграммъ сопровождалось восторженными восклицаніями и рукоплесканіями.

щими трудами малорусскихъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ писателей, художниковъ и ученыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Всѣ они незамѣтно вносили въ общую сокровищницу національнаго языка слова и обороты, различныя, часто неуловимыя тонкости и особенности своихъ мѣстныхъ нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ. Въ новѣйшее время, въ рядахъ служителей русскаго слова стали все больше и чаще являться отдѣльные писатели, ученые, педагоги изъ другихъ славянскихъ народностей, русская литература уже можетъ указать на извѣстное число русскихъ писателей изъ поляковъ и болгаръ, изъ чеховъ и сербовъ, изъ хорватовъ и словаковъ, словинцевъ и сербо-лужичанъ.

Церковно-славянскій языкъ, какъ языкъ не живой, не употребляемый никѣмъ въ разговорной рѣчи, остается наилучшимъ органомъ церковнаго богослуженія. Языкъ старый, отвлеченный отъ текущихъ интересовъ, онъ наилучше способенъ для народныхъ моленій въ храмахъ, съ отложеніемъ всякихъ житейскихъ поученій. Но славянство нуждается въ живомъ общемъ языкѣ, для взаимнаго пониманія и общенія, для разсѣянія многочисленныхъ недоразумѣній, накопившихся въ теченіе долговѣчной разлуки между различными его народностями...

Наши общія торжества и вспоминанія о великихъ славянскихъ апостолахъ любви и единенія да возбудятъ же въ насъ, во всѣхъ раздѣленныхъ славянахъ, жажду взаимнаго согласія и мирнаго сожитія.

Рѣчь проф. М. О. Кояловича.

Нѣсколько данныхъ изъ литературной исторіи Паннонскихъ житій св. Кирилла и Меѳодія и церковно-славянской грамоты.

Мм. гг. Сказывается во всемъ величіи тысячелѣтняя сила подвиговъ нашихъ славянскихъ апостоловъ. Воскресаютъ въ славянскихъ сердцахъ лучшіе завѣты прожитой тысячелѣтней исторіи и съ ними связываются лучшія задачи нашей современности.

Наше слово, по крайней мѣрѣ скажу о моемъ словѣ, можетъ быть лишь слабымъ выраженіемъ настроенія въ эти дни многомилліоннаго множества славянъ, и сильно оно развѣ тѣмъ, что можетъ располагати поражающимъ богатствомъ содержанія настоящаго нашего торжества.

Изъ этого богатства я избираю двѣ параллели явленій, въ которыхъ наша древность и наша современность, развиваясь независимо, сливаются воедино къ великой славѣ нашихъ славянскихъ апостоловъ. Призываю къ этимъ параллелямъ ваше, мм. гг., благосклонное вниманіе.

Первая параллель. Наше Славянское Общество, св. Суподъ, другія учрежденія и многія частныя лица издали къ настоящему торжеству жизнеописанія св. Первоучителей Кирилла и Меѳодія и издали ихъ въ такомъ числѣ, какого никогда не бывало для книгъ этого рода, такъ что теперь русскій міръ можетъ читать ихъ съ небывалымъ удобствомъ.

Въ основѣ всѣхъ этихъ жизнеописаній лежатъ знаменитыя паннонскія житія св. Кирилла и Меѳодія. Двѣ необыкновенныя особенности поражаютъ въ исторической судьбѣ этихъ паннонскихъ житій: ихъ вѣрно берегла и заботливо умножала ихъ списки наша русская древность, можно сказать, съ самаго начала нашей христіанской жизни, и ихъ признаетъ теперь современная наука лучшимъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о дѣятельности нашихъ славянскихъ апостоловъ.

Но не скоро и не легко сошлись и объединились эта наша древняя драгоцѣнность и современная наученость.

Много и долго западно-европейскіе ученые, особенно изъ славянскаго міра, блуждали въ поискахъ извѣстій о нашихъ славянскихъ Первоучителяхъ. Собирали они и изучали итальянскія, моравскія легенды, искали уразумѣнія дѣла въ ненадежномъ указаніи папскихъ буллъ и приходили къ выводу, что мало знаютъ достовѣрныхъ извѣстій; а между тѣмъ эти достовѣрныя извѣстія въ поражающемъ изобиліи находились именно въ Паннонскихъ житіяхъ, сохраненныхъ нашею русскою древностію, и находились не подъ спудомъ, не въ рѣдкихъ только, мало доступныхъ рукописяхъ, но и въ прологахъ и четьихъ-миней старѣйшихъ и новѣйшихъ временъ. Ихъ знали и духовно питался ими русскій православный міръ, а въ концѣ XVII вѣка, на рубежѣ нашего стараго и новаго образованія, житія эти сдѣлались еще доступнѣе,—онѣ изложены нашимъ приснопамятнымъ святителемъ Димитріемъ Ростовскимъ и изданы въ его трудѣ,—печатной четьи-минеѣ.

Драгоцѣнный кладъ, открытый передъ старымъ русскимъ міромъ, былъ закрытъ передъ западными учеными. Закрывало его ихъ разобщеніе съ этимъ міромъ, ихъ незнаніе этого міра,—незнаніе даже того, что было изложено съ очевидными признаками научности и напечатано.

Естественно было ожидать, что когда со временъ Петра Великаго уничтожено было это разобщеніе, уничтожится и это незнаніе и драгоцѣнный кладъ нашей благочестивой древности объявится и передъ западно-европейскою ученостью. Но случилось иначе, потому что не одно внѣшнее разобщеніе и не одно невольное незнаніе мѣшало знать лучшій источникъ свѣдѣній о подвигахъ нашихъ славянскихъ апостоловъ. Кладъ нашей древности со временъ Петра надолго закрылся еще больше, закрылся даже передъ тѣмъ русскимъ міромъ, который сталъ усвоять западно-европейское просвѣщеніе, и это было тѣмъ удивительнѣе, что частицы этого клада видны были и въ древнѣйшей, и въ позднѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ, подвергавшихся изученію этого просвѣщаемаго Западной Европой русскаго міра. На этотъ кладъ мелькомъ лишь взглянулъ даже такой усердный изыскатель нашей древности, какимъ былъ историкъ Татищевъ, а другіе историки XVIII в. совсѣмъ его не видѣли. Просвѣщеніе Запада точно ослѣпило ихъ для того, чтобы видѣть драгоцѣнности своей старины. Кладъ этотъ замѣ-

тилъ въ концѣ XVIII в. извѣстный многошумящій ученый нѣмецъ Шлецеръ. Онъ вычиталъ извѣстіе объ немъ у Татищева, справился по его указанію у св. Димитрія Ростовскаго, пришелъ въ восторгъ и перекладалъ изложеніе Паннонскихъ житій, сдѣланное этимъ святителемъ въ его четьи-минеѣ. Но ни самъ Шлецеръ не дошелъ до самаго клада, — до подлинныхъ паннонскихъ житій,—ни другихъ не подвинулъ на это. Мало того. Его восторги отъ нашего русскаго клада и его насмѣшки надъ латинскими изыскателями этого дѣла произвели даже большое зло. Въ отворъ Шлецеру брошено было уже чисто протестантское предубѣжденіе противъ такихъ книгъ, какъ четьи-минеи, и къ великому прискорбію это предубѣжденіе раздѣлилъ и высказалъ даже знаменитый славянскій ученый Добровскій. Древній русскій кладъ опять закрылся передъ наукой. Русскіе ученые, окружавшіе знаменитаго покровителя и двигателя нашей науки, графа Румянцева, передавая русскою рѣчью изысканія Добровскаго о св. Кириллѣ и Меѳодіи въ 1825 г., выставили лишь робкую защиту этого клада,—издали проложныя житія этихъ святыхъ, — т. е. краткія и не совсѣмъ точныя, а самыхъ подлинниковъ,—минейныхъ житій даже совсѣмъ не знали. Узнали ихъ и выдвинули лишь въ первыхъ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія знаменитые московскіе ученые: Горскій,Undольскій, Водянскій, а самыя Паннонскія житія изданы были только въ 1864—5 гг., т. е. спустя слишкомъ полтораста лѣтъ послѣ того, какъ были приведены въ извѣстность печатно нашей старой Русью въ четьи-миней святителя Димитрія Ростовскаго *). Тогда только нашъ драгоцѣнный кладъ объявился всему ученому міру и произвелъ переворотъ въ изученіи дѣлъ нашихъ славянскихъ апостоловъ, такъ что теперь простѣйшій русскій человѣкъ читаетъ о нашихъ славянскихъ апостолахъ въ сущности то самое, что въ ученомъ мірѣ признается самымъ достовѣрнымъ.

Длиненъ и печаленъ путь этого сближенія нашего древняго сокровища и научности; но теперь, когда этотъ путь пройденъ, сближеніе совершилось, мы можемъ сказать: это сближеніе нашей древности и современной научности есть величайшая честь, воздаянная нашею современностію нашимъ славянскимъ апостоламъ; это величайшее наше славянское торжество; это наша всеславянская слава!

Другая параллель. Создали мы, русскіе, безъ настоятельной нужды особую, гражданскую грамоту, устроили ее при содѣйствіи иноземцевъ и удалили отъ церковно-славянской не только внѣшнимъ образомъ, но и нравственно,—удалили отъ того содержанія, съ которымъ связана церковно-славянская грамота. Для успѣшнаго преподаванія этой гражданской грамоты мы обошли всѣ страны міра, перенимая лучшіе пріемы изученія ея. Переняли мы, конечно, не мало и хорошаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко превратили обученіе грамотѣ въ бездушный механизмъ и дошли до поражающихъ крайностей,—дошли до посрамленія педагогіи передъ крестьянскими мальчиками, которымъ въ начальной книгѣ открывали міръ знаній сообщеніемъ свѣдѣній, что такое баранъ, корова; дошли до величайшаго униженія человѣческаго достоинства дѣтей въ такъ называемыхъ Фребелевскихъ садахъ.

Но къ этимъ и имъ подобнымъ крайностямъ давно приближался неумытный судъ исторіи и высшаго знанія,—судъ нашей благочестивой древности и судъ дѣйствительной научности.

На великомъ морѣ славяновѣдѣнія, съ двухъ противоположныхъ береговъ и отъ совершенно различныхъ вѣлній поднимались и шли навстрѣчу двѣ волны. Въ глухихъ, архангельскихъ какъ говорятъ, мѣстахъ Россіи изучали по прежнему старую церковно-славянскую грамоту и по старому открывали черезъ нее дѣтямъ міръ знаній. Только въ городахъ,—средоточіяхъ новаго нашего просвѣщенія—эта волна нашей старины или останавливалась и отливала назадъ, или разсыпалась на малыя, невидимыя для просвѣщенныхъ людей теченія,

Въ то же время дѣйствительно ученые люди наши и во главѣ ихъ вышедшій изъ народа геній русской земли, Ломоносовъ, и ученые другихъ странъ, славянскихъ и не-славянскихъ, яснѣе и яснѣе доказывали, что безъ знанія церковно-славянской грамоты невозможно знаніе русскаго языка. Эта научная волна сильнѣе и сильнѣе пробивалась въ среднее-учебныя заведенія и лучшіе педагоги теперь хорошо знаютъ, что безъ этого знанія церковно-славянской грамоты ученикамъ ихъ нельзя ни понимать строеніе словъ русскаго языка, ни правильно писать по-русски.

Наконецъ, въ эти послѣднія времена передъ тысячелѣтіемъ кончины св. нашего Первоучителя Меѳодія у насъ какъ бы по какому-то чутью, чутью безспорно историческому, дѣти самаго большаго по числу сословія, — дѣти труда и бѣдности, какъ выражался Карамзинъ, призываются вездѣ уже прямо къ изученію церковно-славянской грамоты, и на пользу этого дѣла выступаютъ уже и трудятся и образованнѣйшіе наши люди. Историческая волна нашей старой Руси и волна дѣйствительной славянской научности сливаются въ единую волну и, безъ сомнѣнія, больше и больше будутъ сносить съ лица русской земли наши западническія и незападническія увлеченія, односторонности, крайности. Въ нашихъ многочисленныхъ уже церковно-приходскихъ училищахъ воспроизводятся теперь тѣ самыя картины, какія мы знаемъ изъ жизни нашихъ Первоучителей, когда они у моравскаго князя Ростислава и Блатенскаго Коцеля сидѣли, окруженные учениками и обу-

*) Мы разумѣемъ полное изданіе Паннонскихъ житій по разнымъ спискамъ. Неполныя изданія дѣлались и раньше 1864—5 г., именно дѣлались Шафарикомъ и Мацѣевскимъ. Вся исторія приведенія въ извѣстность Паннонскихъ житій изложена въ «Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ» 1863 г., въ помѣщенномъ тамъ изслѣдованіи объ этомъ покойнаго А. Е. Викторова.

чали ихъ новоустроенной ими славянской грамотѣ. Воскресаетъ во-очію передъ нами наша тысячелѣтняя древность и свидѣтельствуетъ всему славянскому міру объ ея жизненности въ нашей православной Руси.

Это, безъ сомнѣнія, еще большая честь, воздаваемая нами нашимъ славянскимъ апостоламъ! Это наше поистинѣ великое славянское торжество! Это безспорно наша всеславянская слава!

Вспоминается при этомъ одинъ изъ величественныхъ моментовъ земной жизни Спасителя. Множество народа окружало божественнаго Учителя, возвѣщавшаго богооткровенную истину. Были тутъ и невѣрующіе книжники и фарисеи, и подавляющее большинство сердечно жаждавшихъ истины и добра. Потянулись къ божественному Учителю и родители съ дѣтьми. Влекла ихъ всеобъемлющая любовь Христа и ихъ вѣра въ силу Его благословенія и молитвы. Но взрослые затрудняли доступъ дѣтямъ. Спаситель тогда воззвалъ: „оставите дѣтей и не возбраняйте имъ приходити ко Мнѣ!“

Мы можемъ вѣровать, что наши славянскіе апостолы, взирающіе теперь изъ сонмовъ блаженныхъ селеній на наши дѣла, ва наши добрыя начинанія и наши уклоненія, взываютъ къ намъ: оставите дѣтей и не возбраняйте имъ приходити къ намъ!..

И кто знаетъ, можетъ быть надъ этими русскими дѣтьми, усѣвшимися теперь за грамоту нашихъ славянскихъ апостоловъ, станетъ сбываться и въ земныхъ дѣлахъ то, что въ другомъ случаѣ указалъ Спаситель, когда, поднявъ дитя, сказалъ, что такихъ-то и есть царствіе небесное. Можетъ быть въ средѣ этихъ-то дѣтей возбудятся съ новою силою таланты русской земли для новаго уразумѣнія и прославленія славянства. Тѣмъ съ большею вѣрою мы можемъ думать, что наши славянскіе апостолы взываютъ къ намъ: „оставите дѣтей и не возбраняйте имъ приходити къ намъ!“

Рѣчь проф. О. Ѳ. Миллера.

Послѣ великаго дня.

Опередивъ насъ въ своемъ календарѣ, какъ и во многомъ другомъ, наши западные братья ранѣе насъ отпраздновали тысячелѣтнюю годовщину св. Меѳодія, но послѣ того, *какъ* ее тамъ отпраздновали, мы можемъ, кажется, убѣдиться, что не зачѣмъ было намъ такъ тревожиться этой ожидавшейся такъ называемой „демонстраціей“ противъ насъ. Жалко только тѣхъ немногихъ изъ русскихъ, которые, въ своемъ качествѣ газетныхъ глашатаевъ, должны были до того спѣшить въ нынѣшній мнимый Велеградъ (новый, а не старый Меѳодіевскій), что провели въ дорогѣ великую пасхальную ночь, эту чудную ночь, которая, послѣ Іерусалима, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не празднуется такъ, какъ у насъ на Руси. Но и пріѣхавшимъ на мѣсто и присутствовавшимъ при богослуженіи въ день торжества, имъ не пришлось услышать въ родныхъ нашему слуху звукахъ вѣчно радостную вѣсть о томъ, что „Христосъ воскресъ!“ Только одна похвала Богородицѣ и была пропѣта на родномъ для насъ языкѣ,—все остальное богослуженіе совершилось, какъ и всегда, по латыни. Но хотя обычная и разрѣшилъ на этотъ разъ (какъ сдѣлалъ, въ подобномъ же случаѣ, его покойный предшественникъ) славянское богослуженіе, то развѣ бы это значило, что Римомъ окончательно признанъ и возстановленъ духъ проповѣди св. Меѳодія и св. Кирилла? Вѣдь они-то не въ извѣстные только дни, а всегда и служили и читали слово Божіе по-славянски, вѣдь по ихъ выраженію, возвѣщать вѣру Христову на языкѣ не вразумительномъ для народа, все равно, что „писать на водѣ“. Но если бы даже папство,—вообразимъ себѣ даже несбыточное,—и на всегда допустило народное богослуженіе на родномъ языкѣ *для славянъ*, то вѣдь и этимъ еще не былъ бы окончательно признанъ и возстановленъ духъ проповѣди Кирилло-Меѳодіевской. Это значило бы только, что папа рѣшился наконецъ сопричислить славянъ къ тѣмъ великимъ народамъ, которые, по выраженію современника св. братьевъ, Императора Михаила III „имѣютъ право славить Бога на своемъ языкѣ“. Но вѣдь святые братья не смотрѣли на это, какъ на преимущество однихъ передъ другими; вѣдь они признавали это право за всѣми народами. Вѣдь не даромъ же св. Кириллъ въ своихъ спорахъ съ латино-нѣмецкими „трёзычниками“, постоянно ссылался на великаго апостола языковъ—Павла. Не даромъ и въ древней службѣ св. Кириллу говорится о немъ самомъ какъ о вселенскомъ учителѣ: „Павлу блаженному ученикъ бысть, его же дѣтелемъ послѣдуя, проиде до край западныхъ, слово разсѣвая въ языцѣхъ“. Не даромъ и въ службѣ св. Меѳодію говорится: „стопами всю вселенную освяти... слово раздая всѣмъ страпамъ новымъ языкомъ... обрѣтеся новый Павелъ, весь міръ Богови пріобрѣте“.. Не даромъ и у насъ на Руси прямымъ преемникомъ св. братьевъ признавался св. Стефанъ пермскій, изобрѣтатель азбуки для обращенныхъ имъ въ вѣру Христову Зырянъ, которыхъ онъ, конечно, и не думалъ сопричислить чрезъ это къ великимъ народамъ, а думалъ только сознательно ввести въ великое стадо Христово. Нѣтъ, вполнѣ признать св. братьевъ, значитъ вполнѣ отречься не только отъ трёзычной, но и отъ четырехъ-язычной и всякой подобной ереси, значитъ не мѣшать постоянно творяться на благо цѣлому міру великому чуду Пятидесятницы.

Но можетъ ли папство признать это Божіе чудо, любвеобильное чудо проповѣди на *всѣхъ языкахъ*, если уже и во дни св. братьевъ папа, хотя и признавая славянское богослуженіе, предписывалъ однако читать Евангеліе и Апостолъ *сперва* по латыни? Вотъ уже когда сказалась, да и не могла не сказаться, та идея преобладанія христіанскаго Рима надъ цѣлымъ міромъ, которая была имъ воспринята отъ міровой имперіи языческой и осталась старымъ виномъ, только влитымъ въ новый какъ будто бы мѣхъ папскаго міроваго единовластія. Если однако же намъ,

православнымъ славянамъ, несмотря на римскую примѣсь въ самой, надѣлившей насъ вѣрою, Византіи, удалось соблюсти идею равноправности всѣхъ народовъ въ непосредственномъ доступѣ ко всепросвѣщающему свѣту Христову, а славянамъ римско-католическимъ пришлось на самомъ праздникѣ св. Меѳодія болѣзненно почувствовать у насъ на глазахъ, что значитъ быть лишенными этого доступа даже и въ такой день, то мы, конечно, не должны этимъ превозноситься, а тѣмъ паче злорадствовать.

Вспомнимъ: мы—родные братья,
Дѣти матери одной,
Братьямъ—братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!
. . . . . .
Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!
Пронесется мракъ ненастный,
И нежданный давно
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно!..

И мы не станемъ превозноситься не только назъ состраданья и братской любви, но и потому, что между западными нашими братьями есть народъ, на знамени котораго написано имя, ярко сіяющее въ воспоминаніяхъ славянства на ряду съ именами солунскихъ братьевъ. Когда папство, не удовольствовавшись запретомъ на народный языкъ, запретило народу и доступъ къ Христовой чашѣ, святотатственно обративъ ее, страшно сказать! въ монополію одного духовенства, тогда смѣло возсталъ за Христовы слова: „пійте отъ нея вси!“, какъ и за благодатный даръ Духа Святаго, даръ языковъ, для всѣхъ тотъ великій славянскій мученикъ, о грѣшномъ судѣ надъ которымъ, конечно, не могли позабыть, да и не позабыли Чехи. И если славянскому мученику, при видѣ той благочестивой старушки, которая постаралась подложить дровъ къ его костру, пришлось добродушно воскликнуть: „простота блаженная!“, то не всегда же и намъ, при видѣ все еще продолжающагося подкладыванія дровъ въ пользу папства нашими западными братьями, придется повторять тѣ же убійственныя слова Гуса: „sancta simplicitas!“ Мы вѣримъ, что отъ непотухшаго еще въ сознаніи славянства костра чешскаго мученика рано или поздно разнесены будутъ искры во всѣ концы римско-католическаго славянства,—и, воспламененное ими, оно окажется, наконецъ, въ одномъ съ нами стадѣ!

Но въ гуситствѣ сказалось еще и такое широкое пониманіе христіанства, такое страстное стремленіе воплотить его въ жизни, что противъ него возстало не одно уже папство, но и весь тогдашній, только крестившійся, но не облекшійся во Христа, феодальный міръ. Не могъ онъ допустить такого громкаго напоминанія о тѣхъ временахъ, когда у всѣхъ вѣрующихъ „было одно сердце и одна душа“, когда не былъ никто между ними нищъ, потому что владѣльцы домовъ и селъ, продавая ихъ, приносили всю цѣну проданнаго и полагали ее къ ногамъ апостоловъ *). Ожесточенный отпоръ со стороны Запада доселѣ, это правда, и самихъ гуситовъ до яраго, уже вовсе не христіанскаго озлобленія. Несмотря на это, только наши западники прежней поры (такихъ, надо думать, теперь уже нѣтъ) могли утверждать, что славянамъ нечего хвалиться и своимъ Гусомъ, потому что дѣло удалось лишь тогда, когда перешло въ руки нѣмца — Лютера. Дѣло Лютера было совершенно другое дѣло. Въ немъ вовсе не оказывалось того широкаго жизненнаго пониманія общественной идеи христіанства, ради котораго и возсталъ противъ небольшой славянской страны весь тогдашній западный міръ. Борьба оказалась неравною. Въ подобной борьбѣ можно будетъ устоять лишь тогда, когда весь міръ славянскій сольется въ единое стадо.

Казалось, наши святые Первоучители дали ему прочный залогъ единства, но многіе въ славянской семьѣ не сберегли ихъ наслѣдства—кто отъ изнеможенія въ борьбѣ со врагами, кто отъ неумѣнья достаточно оцѣнить великій первоучительскій даръ.

Мы, русскіе, позже многихъ другихъ услышали, слово Божіе, но какъ услышали, такъ и сохранили его на языкѣ Кирилло-Меѳодіевскомъ. И вотъ, благодаря тому, что въ то время онъ былъ еще болѣе чѣмъ теперь доступенъ всему народу, прямо въ сердце русскому человѣку стали западать простыя, такъ ясно говорящія сердцу, слова Галилейскихъ рыбарей. Да; не даромъ въ церквахъ у насъ раздалось: „елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся“, если лѣтописецъ, разсказавъ про прежнія кровавыя дѣла Владиміра, выставилъ его послѣ крещенія убоявшимся убивать, т. е. казнить смертью, даже разбойниковъ? А другой, болѣе поздній Владиміръ уже самъ въ извѣстномъ своемъ поученіи внушалъ вообще своимъ дѣтямъ: „ни права, ни крива не убивайте и не повелѣвайте убити“. И тотъ же чисто христіанскій духъ заставилъ его внушать имъ также и непосредственную заботливость государя о всѣхъ и каждомъ: „вдову и сироту оправданте сами; не вдадите сильнымъ погубити человѣка“. Эта заботливость верховной власти именно о слабыхъ, которую христіанство съ успѣхомъ порою внушало даже самимъ византійскимъ царямъ—этимъ прямымъ наслѣдникамъ римскихъ языческихъ императоровъ—у насъ, на почвѣ славянскихъ патріархальныхъ понятій о власти, освѣщенной и согрѣтой сіяніемъ Христовой правды, выразилась въ возвышенномъ образѣ служилаго государя, проникновеннѣмъ, несмотря ни на что, черезъ рядъ вѣковъ и ярко опять сказавшемся въ лицѣ основателя уже новой Россіи. Если Петръ со своею, по выраженію Пушкина, кровавою реполюціею сверху уже не помнилъ въ этомъ отношеніи о кротчайшемъ завѣтѣ старорусскаго князя, то онъ точно будто бы усиленно помнилъ о немъ въ дру-

*) Дѣянія апостольскія, гл. IV, ст. 32, 34–35.

гомъ смыслѣ—въ смыслѣ того труженичества, ради котораго и теперь народъ говоритъ о Петрѣ: „вотъ царь, такъ царь,—даромъ хлѣба не ѣлъ, лучше всякаго бурлака работалъ". Но Церковь, духъ которой вполнѣ въ немъ сказывался, въ этомъ смыслѣ напоминала Петру о себѣ и въ другомъ, ею, стало быть, не забытомъ мономаховскомъ смыслѣ,—старалась его сдержать и умилостивить во время стрѣлецкихъ казней, подобно тому, какъ гораздо ранѣе она еще гораздо смѣлѣе, хотя и столько же неуспѣшно, пыталась сдержать другаго грознаго государя, того, кто прямо и заслужилъ это прозвище и чью жертвою сдѣлался великій митрополитъ Филиппъ. Если такимъ образомъ наша родная, трудами святыхъ Первоучителей создавшаяся Церковь, отвернувшись отъ того мірскаго соблазна, который издавна возставалъ передъ нею въ видѣ „градскаго закона" Византійской имперіи, не переставала охранять отъ него нашу свѣтскую власть, то тѣмъ паче, конечно, ей предстояло блюстись и самой отъ того же соблазна, передъ которымъ не устояла даже духовная власть не только въ Римѣ, но и въ Византіи. Долго оставалась наша святая Церковь вполнѣ чуждою и тѣмъ ужасамъ, съ которыми соединялось на Западѣ, даже послѣ реформаціи, преслѣдованіе такъ называемаго колдовства, и тѣмъ еще большимъ ужасомъ какими ad majorem Dei gloriam прославила себя тамъ инквизиція. Между тѣмъ соблазнительные примѣры и этого рода ревности издавна представлялись намъ самой Византіей, а къ нимъ наконецъ въ исходѣ XV в. присоединился и возбудительный слухъ о примѣрной ревности „испанскаго короля". Святыя преданія незвающаго ни огня, ни меча, чистаго христіанства нашихъ Первоучителей все болѣе и болѣе стали уступать передъ напливомъ вѣроисповѣдныхъ началъ и пріемовъ, переходившихъ къ намъ черезъ югозападную школу изъ Польши. И вотъ, между тѣмъ какъ всероссійскому патріарху не удалось удержать царя Петра отъ стрѣлецкихъ казней, этому самому Петру, уже императору, пришлось, несмотря на полнѣйшее отсутствіе въ немъ религіознаго фанатизма, допустить въ Москвѣ казнь за вѣру въ угоду мѣстоблюстителю патріаршаго престола, воспитаннику юго-западной школы, Стефану Яворскому. Напрасно наши старообрядцы указывали на то, что Христосъ и апостолы не проповѣдывали съ помощію костра и урѣзанныхъ языковъ; напрасно „западному духу ратному" противопоставляли они уже при Петрѣ „восточный духъ благодатный"... Мы можемъ уже, слава Богу, съ облегченнымъ сердцемъ припоминать объ этой печальной порѣ забвенія благодатнаго духа нашихъ Первоучителей, такъ какъ христіанскимъ изволеніемъ нашего Государя преслѣдованія за расколъ уже окончательно переходятъ теперь въ область прошлаго.

Изъ той же единоплеменной, но не единовѣрной Польши, издавна уже сталъ проникать къ намъ и другой соблазнъ со стороны уже не церковнаго, а политическаго запада, —соблазнъ *вельможности*. Казалось бы, довольно благодарная почва для его воспріятія находилась въ тѣхъ родовыхъ княжескихъ преданіяхъ нашей удѣльной поры, выдающимся представителемъ которыхъ является древній нашъ эмигрантъ кн. Курбскій. Но недаромъ и тамъ, на чужбинѣ, оставался онъ вѣрнымъ родной своей Церкви: она своимъ чистымъ ученіемъ христіанскаго братства и равенства спасла его отъ окончательнаго увлеченія духомъ барской гордыни и любоначалія, только она могла внушить и ему въ его исторіи Грознаго слѣдующія соображенія: „Царь аще и почтенъ царствомъ, а дарованій, которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ, понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной". Приводящій слова эти въ своемъ трудѣ о боярской думѣ профессоръ Ключевскій по поводу ихъ замѣчаетъ: „надменный родословный боярин признавъ и одобрилъ политическое явленіе XVI вѣка, которое своимъ демократизмомъ, казалось бы, должно было претить боярству, земскій совѣтъ или соборъ всѣхъ чиновъ государства". Кажется только, что слово *демократизмъ* тутъ не кстати: оно чуждо той же церковной почвѣ, на которую опиралось наше земское народосовѣтіе. Гдѣ демократизмъ, тамъ и любоначаліе, т. е. любоначаліе народной массы, котораго, какъ и всякаго другаго любоначалія, не благословляетъ и не можетъ благословить Церковь. Для нея всякая власть—не сама себѣ цѣль, а лишь средство, средство вѣрнѣйшаго достиженія человѣческаго блага. Это земское ученіе Церкви во всей своей полнотѣ было выражено у насъ уже при Петрѣ Великомъ крестьяниномъ Посошковымъ. Признавая единую нераздѣльную волю въ представителѣ верховной власти основнымъ условіемъ ея вѣрной службы землѣ, онъ, точно будто-бы далѣе развивая слова князя Курбскаго, не могъ не признать и геніальнѣйшаго представителя верховной власти, Петра Великаго, неизбѣжно лишеннымъ одного дарованія — *божескаго всевѣдѣнія*. Вотъ этотъ-то естественный недостатокъ и долженъ пополнять ся тѣмъ совѣтомъ *всенародныхъ человѣкъ*, о которомъ говоритъ Курбскій. Имъ, свободно заявляющій о своихъ нуждахъ, голосъ есть не ихъ *право* а ихъ *обязанность*, святая обязанность оказывать верховной власти ту помощь, безъ которой она безсильна на то, къ чему ее призываетъ Церковь—на вѣрное служеніе человѣчеству. На этой вовсе не политической почвѣ вполнѣ сходятся потомокъ удѣльныхъ князей и „мизинный человѣкъ" или „простецъ", какъ называлъ себя Посошковъ. Они сходятся на ней не какъ аристократъ съ демократомъ, которымъ никогда и нигдѣ не сойтись, а какъ сыны той единой Христовой Церкви, въ лонѣ которой всѣ братья и только братья.

Между тѣмъ по другому вопросу—по вопросу о борьбѣ Церкви съ ея отщепенцами,

князь-писатель XVI в. и писатель-крестьянинъ XVIII-го уже далеко расходятся. Противникъ „презлаго осифлянства“, близкій человѣкъ для старца Артемія, вѣрнаго послѣдователя Нила Сорскаго съ его духомъ кротости, Курбскій не могъ и въ Литвѣ стать причастнымъ тому „папежскому духу“, которымъ, вторя Стефану Яворскому, соблазнился, не сознавая того, Посошковъ. Такое неправославное направленіе въ человѣкѣ, непосредственно вышедшемъ изъ народа, конечно, объясняется тѣмъ упадкомъ у насъ христіанскаго просвѣщенія, на которое жалуется самъ Посошковъ. Продолжая еще, не смотря на это, сказываться въ его понятіи о власти и ея отношеніи къ землѣ, чистая струя церковнаго духа представляется уже совершенно изсякшею у него, когда онъ признаетъ и одобряетъ не только кровавыя политическія мѣры Петра, но и инквизиторскій духъ „Камня Вѣры“,—этого, столь полюбившагося самимъ іезуитамъ, труда Стефана Яворскаго. Упадокъ христіанскаго просвѣщенія, издавна подготовлявшійся на Руси стеченіемъ тяжелыхъ историческихъ обстоятельствъ, дошелъ наконецъ до того, что Посошкову пришлось писать тому же Стефану Яворскому: „мы, Россіяне, носимъ на себѣ зазоръ, понеже ни вѣры своей, какова она есть, ни благочинія духовнаго ниже естественнаго добронравія, ни гражданства добраго, какъ надлежитъ жить, не разумѣемъ же, но живемъ, чуть не подобны безсловеснымъ“. А въ книгѣ, поданной имъ самому Петру, Посошковъ говорилъ про отцовъ духовныхъ: „о семъ всѣхъ бы своихъ дѣтей духовныхъ увѣщевали, чтобы они дѣтей своихъ юныхъ, не токмо градскіе, но и поселяне, учили бы грамотѣ“... Именно недостаткомъ церковнаго просвѣщенія и объясняется у него то, о чемъ онъ говоритъ далѣе: „я истинно таковыхъ стариковъ много и при Москвѣ видѣлъ, что лѣтъ подъ шестьдесятъ и больше житія своего имѣютъ, а у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бывали... И тако иніи и не доживъ до старости и умирали“.

Къ несчастью, и по сію пору у насъ далеко еще не высокъ уровень церковнаго просвѣщенія въ народѣ,—томъ самомъ, чуткомъ душою, воспріимчивомъ русскомъ народѣ, на долю которому достались отъ нашихъ Первоучителей такіе богатые задатки широчайшаго развитія въ христіанскомъ духѣ. Отъ печальной задержки этого развитія вслѣдствіе все усиливавшагося упадка церковнаго просвѣщенія не только въ народѣ, но и въ самыхъ верхахъ русскаго общества, и вышло такъ, что многимъ прекраснымъ задаткамъ древне-русской жизни пришлось почти совершенно заглохнуть, и только съ устремленіемъ всѣхъ нашихъ усилій на возстановленіе утраченнаго и намъ можно будетъ снова почуять въ себѣ тотъ спасительный духъ нашихъ Первоучителей, при которомъ уже немыслимы станутъ никакія ни *папежскія*, ни, такъ сказать, *шляхетныя* позаимствованія. Почуявъ же въ себѣ этотъ духъ уже со всею полнотою сознанія, хотя бы черезъ тысячу лѣтъ послѣ того, какъ угасъ на землѣ Меѳодій, мы уже твердо пойдемъ за небеснымъ свѣточемъ св. братьевъ, и они возведутъ насъ на ту духовную гору преображенія, съ высоты которой представятся намъ такими крохотными и такими жалкими всѣ эти мірскія затѣи и выдумки, всѣ эти человѣческія надбавки къ „единому на потребу“, что намъ уже не захочется сходить внизъ, а останется только повторять отъ полноты благодарнаго сердца: „Господи, добро есть намъ здѣ быти“.

Дѣло великихъ солунскихъ братьевъ было не только дѣломъ понятнаго народу богослуженія, но и дѣломъ цвѣтущей христіанской школы, дѣломъ неуставной пастырской проповѣди, проповѣди, конечно, столь же свободной въ устахъ архіепископа Меѳодія, какъ и пресвитера Константина. То была та свобода, о которой говорилъ Самъ Христосъ: „духъ идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ“. Объ ней, объ этой-то свободѣ пастырскаго слова, которой не лишенъ на Руси какъ католическій патеръ, такъ и не признающій священства пасторъ, вопіютъ къ намъ изъ своихъ безвѣстно сокрытыхъ отъ насъ могилъ наши святые Первоучители. Раскинувшая свою спасительную сѣть по всей землѣ русской христіанская школа и невозбраная, прямо по вдохновенію, по наитію Духа Божія, проповѣдь пастыри—вотъ ихъ требованіе отъ насъ въ эту великую тысячелѣтнюю годовщину!

Какъ чудно, съ какимъ особеннымъ ликованіемъ довелось намъ ее справлять! Кто изъ насъ когда нибудь позабудетъ этотъ крестный ходъ, сопровождаемый пѣніемъ канона „празднику праздниковъ, дню, его же сотвори Господь, да возрадуемся и возвеселимся въ онь“, этотъ возобновленный ради вчерашняго праздника чудный, что-то пробуждающій даже въ невѣрующемъ—потому что идея воскресенія, такъ или иначе, все же таится и въ немъ—неумолкающій цѣлодневный пасхальный звонъ!

Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ,—
Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются-ль упрямыя колѣна?
Смиряются-ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?!

Стихотвореніе М. И. Розенгейма.

6 апрѣля 885—1885.

Сегодня, братья, день великой годовщины
Тысячелѣтія апостоловъ Славянъ,
День преподобнаго Меѳодія кончины,
День приснопамятный для всѣхъ славянскихъ странъ.
Когда средь западныхъ Славянъ во время оно,

Христовымъ именемъ прикрывъ насплья гнетъ,
Тяжелая рука враждебнаго Тевтона
Духовно придушить пыталась тамъ народъ.
Тогда, въ страну Славянъ, по изволенью Божью,
Явился онъ, апостолы креста.
И имъ повѣдали, еще латинской ложью
Неискаженное, ученіе Христа.
И не чужой языкъ, а нашъ глаголъ славянскій
Служилъ апостоламъ для проповѣди той.
На немъ завѣтъ любви и правды христіанской
Воспринятъ былъ тогда славянскою душой.
И чтобы тотъ завѣтъ хранился между нами
И въ той же чистотѣ прошелъ сквозь тьму временъ,
Онъ былъ славянскими начертанъ письменами,
На связь духовную для нашихъ всѣхъ племенъ.
Но не съумѣлъ народъ сберечь свое единство.
Въ среду славянскую, какъ тать ночной порой,
Ворвался гордый Римъ, лукавое латинство
Внесло въ нее разладъ съ духовною враждой.
И раздѣлилося Славянство на два стана,
И на вѣкъ Римъ сковалъ отпадшихъ племена!..
И съ вѣрой ихъ отцовъ, не устыдясь обмана,
Онъ подмѣнилъ языкъ и выкралъ письмена.
И огласилися славянскіе амвоны
Тамъ словомъ Божіимъ на языкѣ чужомъ,
И въ храмахъ раздались латинскіе каноны,
И вторить пѣнью сталъ органовъ звычный громъ.
И вотъ, въ день памяти Меѳодья и Кирилла,
Имъ нечѣмъ помянуть учителей своихъ;
Какъ сгибла между нихъ Меѳодія могила,
Такъ и завѣты всѣ апостоловъ святыхъ.
Явленье скорбное! На праздникъ примиренья,
На свѣтлый праздникъ нашъ легла разлада тѣнь.
Печалить насъ она, но камень осужденья
Мы въ братьевъ западныхъ не бросимъ въ этотъ день.
У нихъ исторія, у насъ была—другая:
Тамъ церковь бранная, воинствующій клиръ.
Для власти ни предъ чѣмъ они не отступая,
Стремятся покорить подъ эту власть весь міръ.
У насъ же Церковь — мать, твердыня православія,
Христовой правдою и кротостью сильна,
Не знаетъ похотей земнаго суесловья
И властолюбія не вѣдаетъ она.
У насъ святители душею безграничво
Съ народомъ слитые, печальники о немъ.
Смиренные въ своемъ величіи владычномъ,
Великіе въ святомъ смиреніи своемъ,
Они и самый санъ свой въ подвигъ обращали
Служенья страднаго землѣ своей родной;
Въ годины грозныя, въ дни скорби и печали
Ей путеводною являлися звѣздой.
Мы, чада Церкви той, и Сербы и Болгары,
Какъ любящую мать, ее мы берегли.
Ни сила мусульманъ, ни папства злыя чары
Насъ съ нею разлучить до нынѣ не смогли;
И Церковь та среди насъ спасла и сохранила
Во всѣ невзгодныя былыя времена
Наслѣдіе святыхъ Меѳодья и Кирилла:
Ихъ вѣру правую, языкъ и письмена.
Та Церковь нашъ народъ могучій воспитала,
Который все за Русь и вынесъ, и стерпѣлъ,
Та Церковь въ немъ жила, та Церковь съ нимъ страдала
И съ нею только онъ въ семьѣ Славянъ съумѣлъ
Держать славянскій стягъ и честно, и высоко,
Повсюду и всегда, подъ шумомъ бурь и грозъ,
И имя и языкъ славянскіе далеко
По свѣту Божьему побѣдами разнесъ,
Отъ моря льдистаго до гранеи Гималая,
И отъ Карпатскихъ горъ до тѣхъ далекихъ странъ,
Гдѣ берегъ, бурными волнами омываи,
Широко охватилъ восточный океанъ.
И вотъ сегодня, въ день великой годовщины
Тысячелѣтія апостоловъ Славянъ,
Въ день преподобнаго Меѳодія кончины,
Въ день приснопамятный для всѣхъ славянскихъ странъ
Вся эта даль и ширь громаднаго пространства,
Гдѣ только русскій есть, гдѣ рѣчь его слышна,
Повсюду чествуютъ апостоловъ славянства
И славословятъ ихъ святыя имена.
Зачѣмъ же въ этотъ день не все славянство въ сборѣ?...
Здѣсь Сербъ, Болгаринъ, Чехъ... Зачѣмъ же нѣтъ другихъ,
Чтобъ въ мирѣ и любви, въ единомъ братскомъ хорѣ
Достойно помянуть учителей своихъ?...
Мы нетерпимости не знаемъ исповѣдной,
И въ этотъ свѣтлый день на нашъ духовный пиръ
Зовемъ мы всѣхъ Славянъ съ любовью безъ-завѣтной
Да будетъ онъ, нашъ пиръ, на весь славянскій міръ!..

Стихотвореніе К. К. Случевскаго.

Тысячелѣтіе—885 и 1885 гг.

Св. Кириллъ и Меѳодій.

Два брата жили. Имъ, обласканнымъ судьбой,
Родни богатая была дана. Въ Царьградѣ
Стояли братья близко къ трону, и въ нарядѣ
Придворномъ выситься могли, и надъ толпой
Высоко подниматься,—по велѣньемъ
Господнимъ, эти братья, со смиреньемъ,
Всѣмъ славамъ міра, почестямъ земли,
Сойти въ людскія души предпочли.

***

Два брата жили. Блескъ и роскошь Рима
И царство гордое ласкали ихъ, маня
Къ себѣ. Тамъ тоже тронъ! и блескъ и злоба дня,
И та-же близость къ трону... Но, храняма
Самимъ Создателемъ, та братская чета,
Увидѣвъ Римъ, ему предпочитала
Землель славянскихъ тишь, гдѣ бѣдность, про сгота
И некрещеная народность обитала.
Гдѣ сквозь нѣмую даль синѣющихъ степей
Грядущая Россія проступала —
То было братьямъ лучше и милѣй...

***

Во тьмѣ могущества Перуна и Купалы,
Вдоль шумныхъ капищъ ихъ въ чешуйчатыхъ броняхъ,
Христова проповѣдь чуть слышно зазвучала,
Колебля духъ, струясь въ людскихъ сердцахъ.
Сердца живутъ! Евангельское слово
Отъ вѣка слышится! Оно, изъ вѣщихъ строкъ,
Въ ту душу, что принять въ себя его готова,
Какъ цвѣтень падаетъ на женственный цвѣтокъ!
И если намъ оно такъ ясно и такъ свято,—
Тому начало въ васъ, усопшіе два брата!

***

Отъ буквы греческой съ ея красивой вязью
Возникли очерки и нашего письма;
Въ немъ, въ день рожденья буквъ, сплотились крѣпкой связью
Завѣты вѣры и печать ума.
Такого не было нигдѣ возникновенья
Науки въ вѣрѣ! Азбука взросла
У насъ въ дыханіи церковнаго тепла,
Въ словахъ Евангелья принявъ свое рожденье.
Зачатье полное значеній! Тутъ опять
Усопшихъ братьевъ яркая печать!

***

Привѣтъ, Святители! Привѣтъ, на разстояньи
Поникшихъ долу тысячи годовъ!
Привѣтъ на языкѣ, что вашимъ былъ созданьемъ,
Возникъ изъ вами-же завѣщанныхъ намъ словъ...
Звучатъ-ли къ вамъ онѣ своимъ знакомымъ ладомъ?
Доходитъ-ли до васъ родной вамъ звукъ рѣчей?...
Нѣтъ болѣе у насъ немѣреныхъ степей;
Славяне всѣ живутъ своею жизнью, рядомъ;
Событья тяжкою стопою не могли
Ихъ горсти сокрушить, стереть съ лица земли,
У нихъ общенье есть, понятное, живое;
По торжищамъ рабочаго труда
Стоятъ цвѣтущіе богатствомъ города;
Порою празднество проносится большое;
Въ Россіи есть Москва, есть мощное былое,
И войско тоже есть... и если, свѣтлымъ днемъ,
Оно идетъ и вѣетъ знаменами
Пестрѣя красными и синими р'дами,
И топотомъ коней глуша орудяй громъ,—
Взгляните: стройный полкъ і проходитъ за полкомъ,
Грудь осѣняя быстрыми крестами,
Завидѣвъ Церковь Божью! Божій храмъ,
Онъ, видный глазу, вписанъ по сердцамъ
Въ несложномъ обликѣ древнѣйшаго строенья,
Безмолвнаго, простаго осѣненья
Крестомъ завѣтнымъ... и крестовъ такихъ
Не счесть у насъ на мертвыхъ, на живыхъ!

***

Господь ведетъ безвѣстными путями...
Есть русской крови новые слѣды...
Они вели, на дняхъ, вдоль длинной борозды,
Къ востоку дальнему, намѣченной не нами...
Но, знаемъ мы, что и въ огняхъ степей
Палящихъ, дикихъ ордъ кочевій и угодій,
Святой Кириллъ и братъ его Меѳодій,
Близь умирающихъ довременно людей,
Въ словахъ священника, въ послѣднемъ отпущеньи
Благовѣствуютъ мысль о воскресеньи
Всѣхъ, всѣхъ умершихъ, за кончиной дней!

***

И въ часъ, когда съ долинъ Іосафата
Во всѣ концы раздастся трубный звукъ,—
Съ молитвою за насъ придете вы, два брата.
Мы ваше дѣтище, созданье вашихъ рукъ!
Безсмертье слышится въ невидимомъ общеньи
Васъ, вашей памяти, и насъ, толпы живой,
И десять тутъ вѣковъ въ мгновенномъ воплощеньи
Замѣтно дышатъ цѣльною душой!
Пускай хоть изрѣдка, въ большія годовщины
Къ родному очагу приводятъ всѣ путины...
Такъ, въ ночь библейскую, краснорѣчивъ— и нѣмъ
Звѣзды небесной свѣтъ, онъ велъ на Виѳлеемъ!..

IV.

5 МАЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

По предложенію г. предсѣдателя, г. секретарь прочиталъ отчетъ Меѳодіевской комиссіи о чествованіи тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія.

По прочтеніи этого отчета, принятаго собраніемъ къ свѣдѣнію, г. предсѣдатель предложилъ собранію, отъ имени Совѣта, благодарить членовъ Меѳодіевской комиссіи и въ особенности В. И. Аристова за понесенные ими труды, каковое предложеніе собраніе и приняло при громкихъ рукоплесканіяхъ.

Затѣмъ, въ виду приведенныхъ въ прочитанномъ отчетѣ Меѳодіевской комиссіи данныхъ, г. предсѣдатель предложилъ всѣ расходы, произведенные Меѳодіевскою комиссіею въ дни Меѳодіевскихъ празднествъ, покрыть изъ кредитовъ, ассигнованныхъ общими собраніями 27 марта 1883 и 20 января 1885 г. и изъ поступленій отъ продажи жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія, на что общее собраніе и изъявило свое согласіе.

Вслѣдъ за тѣмъ собраніе, по предложенію г. предсѣдателя, сдѣланному имъ отъ имени Совѣта, избрало при рукоплесканіяхъ въ почетные члены Общества: высокопреосвященнаго Леонтія, архіепископа холмскаго и варшавскаго, 25 лѣтъ благотворно подвизающагося въ святительскомъ санѣ на пользу пра-

вославной Церкви и всего славянства, Константина Петровича Побѣдоносцева, оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода, и Ивана Давыдовича Делянова, министра народнаго просвѣщенія, постоянно оказывающихъ Обществу свои услуги, и въ дѣйствительные члены предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ.

Въ заключеніе г. предсѣдатель предложилъ собранію приступить къ выборамъ должностныхъ лицъ Совѣта, взамѣнъ выбывающихъ за выслугою трехлѣтняго срока.

Въ отвѣтъ на это предложеніе нѣкоторыми членами Общества было заявлено пожеланіе, чтобы настоящій составъ Совѣта остался и на слѣдующіе трехлѣтіе. Благодаря за столь лестное отношеніе собранія къ трудамъ Совѣта, г. предсѣдатель отъ себя и отъ имени прочихъ членовъ Совѣта просилъ, однакоже, собраніе произвести выборы должностныхъ лицъ Совѣта баллотировкою, на точномъ основаніи дѣйствующаго устава Общества.

По произведенной, затѣмъ, баллотировкѣ записками, оказались выбранными по большинству голосовъ: предсѣдателемъ—П. И. Дурново, товарищами его—Н. А. Васильчиковъ и М. А. Домонтовичъ, секретаремъ—В. И. Аристовъ, помощникомъ его—П. П. Пиларевскій, казначеемъ—В. Г. Чубинскій, помощникомъ его—В. К. Саблеръ, библіотекаремъ — А. А. Кирѣевъ и членами Совѣта: Г. П. Галаганъ, В. И. Ламанскій, О. Ѳ. Миллеръ и И. И. Соколовъ.

V.

13 МАЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

По открытіи засѣданія хоръ г. Архангельскаго исполнилъ тропарь и кондакъ славянскимъ Первоучителямъ св. Кириллу и Меѳодію.

Затѣмъ, по предложенію г. предсѣдателя, г. секретарь, заявивъ, что за многочисленностію сообщеній, сдѣланныхъ въ торжественномъ собраніи 7 апрѣля, тогда не представилось возможности объявить объ исполненіи одного изъ постановленій собранія, состоявшагося 20 января текущаго года, имѣющаго весьма важное значеніе и непосредственно связаннаго съ празднованіемъ тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, а именно о разработанной В. И. Ламанскимъ темѣ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 2.000 р. и объ условіяхъ этого конкурса, доложилъ собранію, что Совѣтъ Общества нынѣ представляетъ на его усмотрѣніе слѣдующую тему и условія на соисканіе названной преміи:

„Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка у словаковъ, у поляковъ, — польскаго въ Западной Руси: у малорусовъ и бѣлоруссовъ, — сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить, по возможности, со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней, успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, серbовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя, появлявшіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предыдущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы: возможно-ли и необходимо-ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, не исчезнувшей и не прерывавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Сочиненія на вышеизложенную тему должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (С.-Петербургъ, площадь Александрійскаго театра, № 7), не позже 11 мая 1888 г., безъ означенія имени автора, только съ нумеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны нумеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ торжественномъ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14 февраля 1889 г.

За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1.500 р., за второе же 500 р.

Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ извѣстнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если Славянское Общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) премированное сочиненіе,—то оно печатаетъ его только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и не русскій.

При присужденіи премій имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинства изложенія".

По выслушаніи вышеизложеннаго, собраніе постановило: предоставить Совѣту привести его предположенія объ объявленіи конкурса на сочиненіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ исполненіе.

Вслѣдъ за тѣмъ О. Ѳ. Миллеръ произнесъ рѣчь, посвященную разсмотрѣнію нѣкоторыхъ взглядовъ на дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія.

За симъ хоромъ была пропѣта „Хвалебная пѣснь св. Кириллу и Меѳодію".

По окончаніи пѣнія, А. Л. Петровъ сдѣлалъ, отъ имени Издательской Комиссіи, слѣдующее сообщеніе:

О мѣрахъ къ распространенію русской литературы и русскаго языка въ западно-славянскихъ земляхъ.

Одною изъ главныхъ задачъ Славянскаго Общества должно быть распространеніе русскихъ книгъ въ заграничныхъ славянскихъ земляхъ.

Живое и книжное знаніе русскаго языка въ западныхъ земляхъ славянскихъ сдѣлало въ послѣднее десятилѣтіе успѣхи громадные. Въ литературныхъ и интеллигентныхъ кружкахъ всѣхъ западно-славянскихъ народностей знакомство съ русскимъ языкомъ и литературою считается теперь все болѣе и болѣе дѣломъ нравственно и умственно обязательнымъ. Потребность въ учебникахъ русскаго языка, въ русскихъ словаряхъ, въ исторіяхъ русской литературы постоянно и всюду возрастаетъ.

Всѣ бывшіе въ западно-славянскихъ земляхъ, или состоящіе въ сношеніяхъ съ ними, знаютъ по опыту, какъ нуждаются тамъ въ русскихъ книгахъ.

Время отъ времени, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ событій и особенныхъ обстоятельствъ, изученіе русскаго языка и литературы у западныхъ славянъ получаетъ новые и сильные толчки. Послѣ того у славянъ вдругъ прибываетъ на то и энергіи, и охоты. Такъ было послѣ славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г. Такъ было во время герцеговинскаго возстанія, сербской и болгарской войны.

Такой же побудительный толчекъ въ этомъ направленіи дало недавнее празднованіе тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія.

При приближеніи празднества, стали поступать въ Славянское Общество изъ различныхъ частей славянскаго міра, не только отъ славянъ православныхъ, но можетъ быть еще болѣе отъ славянъ католиковъ, многочисленныя письма, свидѣтельствующія о все возрастающемъ среди славянъ стремленіи изучать Россію, русскій языкъ, литературу и исторію. Указывая на трудность, иногда даже положительную невозможность получать русскія книги, на дорогую ихъ цѣну и дороговизну выписки, авторы этихъ писемъ заявляютъ не только отъ своего имени, но и отъ лица многихъ своихъ земляковъ, о настоятельной нуждѣ въ русскихъ книгахъ. При этомъ они просятъ не о дарованіи только присылкѣ имъ книгъ, но и о доставленіи имъ возможности получать книги по пониженной цѣнѣ, а также объ облегченіи сношеній съ русскими книгопродавцами и издателями.

Съ января мѣсяца такихъ просьбъ поступило уже свыше 30 отъ представителей различныхъ славянскихъ народностей: австрійскихъ русскихъ, австрійскихъ сербовъ, сербовъ княжества, босняковъ, далматинцевъ, хорватовъ, словинцевъ, словаковъ, чеховъ. 13 просьбъ заявлено отъ разныхъ славянскихъ обществъ, читаленъ, редакцій журналовъ, а также лицъ, устроившихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ курсы для изученія русскаго языка и литературы. Остальныя просьбы идутъ отъ учащейся молодежи—гимназистовъ, студентовъ, также преподавателей, профессоровъ и т. п. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ (большая часть ихъ писана по-русски) для характеристики настоятельности и искренности подобныхъ просьбъ.

„Западные славяне, въ особенности мы, словинцы и хорваты, начали очень настойчиво изучать русскій языкъ; но у нашихъ книгопродавцевъ легче получить тысячу нѣмецкихъ, чѣмъ одну русскую книгу. Къ тому же, русскія книги обходятся намъ весьма дорого. Я каждый годъ раздаю нашимъ гимназистамъ и между университетскими слушателями по нѣсколько русскихъ книгъ. Но требованія столь велики, что мнѣ невозможно удовлетворить и десятой доли просьбъ. Результаты такого рвенія видны уже теперь. Пѣть почти у насъ ни одного гимназиста, который бы не читалъ русскихъ книгъ въ оригиналѣ. Въ виду этого я обращаюсь въ Славянское Общество съ просьбой пожертвовать нѣсколько русскихъ книгъ для раздачи нашей учащейся молодежи".

Другой, устроившій у себя курсы русской литературы и получившій отъ нашего Общества нѣкоторыя книги для этой цѣли, благодаря за ихъ присылку, пишетъ, между прочимъ, что, понимая всю цѣнность такого подарка, онъ не рѣшается удержать у себя этихъ книгъ и проситъ Общество указать ему, кому потомъ онъ долженъ переслать книги для пользованія.

Третій, наконецъ, говоритъ: „прошу покорнѣйше, по возможности, подарить мнѣ хотя старыхъ, ненужныхъ вамъ книгъ и газетъ русскихъ".

Въ такомъ же тонѣ написаны и остальныя письма.

Понятно, насколько важно удовлетворить этимъ просьбамъ, поддержать и еще болѣе развить этотъ интересъ къ русской литературѣ. Какъ же приступить къ осуществленію этого дѣла?

Надобно, прежде всего, позаботиться о снабженіи русскими книгами тѣхъ славянскихъ земель, гдѣ ихъ еще мало и гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждаются. Первыя посылки надо направить въ такіе углы и центры, гдѣ имѣются матицы, такъ называемые народные дома, ученическіе или студенческіе кружки и читальни. Кое-что уже и прежде дѣлалось въ этомъ отношеніи, но все еще очень мало.

Пріобрѣтеніе книгъ и разсылка ихъ въ раз-

ные кран, конечно, потребуютъ довольно значительныхъ издержекъ, не мало времени и трудовъ не только со стороны Славянскаго Общества, но и русскихъ писателей, ученыхъ, журналистовъ, книгопродавцевъ и ученыхъ обществъ. Но посмотримъ на эти труды, затраты и пожертвованія не какъ на дѣло благотворительности, а какъ на временный добровольный налогъ, коимъ бы себя обложила русская литература и наука, русская книжная торговля и вообще Россія, въ виду весомѣйшихъ выгодъ и прибылей, ожидаемыхъ отъ такихъ предварительныхъ затратъ. Взглянемъ на русскую книгу просто какъ на товаръ, которому требуется найти новые постоянные рынки. Нужно прежде всего пріохотить будущихъ покупателей къ своему товару, развить въ нихъ вкусъ и привычку къ нему. Нужно повсюду въ славянскія земли посылать русскія книги, развивать къ нимъ охоту въ публикѣ, создавать и умножать имъ читателей. Придетъ время, когда всѣ эти старанія и затраты станутъ излишними и болѣе ненужными, когда они ставутъ окупаться, приносить плодъ сторицею: явится вездѣ и всюду въ западномъ славянскомъ мірѣ цѣлыя группы людей, которые будутъ уже не въ состояніи отказывать себѣ въ подпискѣ на русскія новременныя изданія, въ покупкѣ русскихъ книгъ. За сильнымъ спросомъ явятся многія предложенія. Въ различныхъ городахъ Австро-Венгріи и Балканскаго полуострова немнуемо откроются русскія книжныя лавки. За русскимъ языкомъ и русскою книгою войдутъ въ общее употребленіе и созданія русской музыки и русскія театральныя представленія.

Понятно, что столь великая задача, какъ распространеніе среди славянъ плодовъ русской мысли и знанія, не можетъ быть осуществлена средствами одного Славянскаго Общества. Это есть дѣло всѣхъ русскихъ образованныхъ людей, это почва, на которой могутъ сойтись лица даже противоположныхъ направленій, могутъ принять участіе какъ люди науки и знанія, такъ и люди торговли и практическаго дѣла.

Въ виду этого, С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество рѣшается обратиться ко всѣмъ тѣмъ, кому дорого распространеніе между единоплеменными намъ народностями русскихъ книгъ, съ просьбой оказать посильную помощь и принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

Помощь можетъ заключаться не въ однихъ личныхъ пожертвованіяхъ деньгами или книгами, но и въ нравственной поддержкѣ, въ распространеніи различными путями, среди общества, сознанія важности этого дѣла, въ пріисканіи и указаніи способовъ къ лучшему и скорѣйшему осуществленію мысли о распространеніи нашей литературы среди славянъ, будутъ ли эти указанія дѣлаться посредствомъ печати, или же заявленій въ Совѣтъ Общества.

И это дѣло не терпитъ отлагательства. Вдвойнѣ даетъ, кто скоро даетъ. И если будетъ упущено настоящее время, когда такъ возрастаютъ требованія у славянъ на плоды русской мысли, если мы не пойдемъ на встрѣчу ихъ желаніямъ, то естественно должно наступить у нихъ охлажденіе къ этому дѣлу. Не однимъ блескомъ побѣдъ мы должны привлечь къ себѣ Славянъ и удержать за собою выдающееся мѣсто среди славянскихъ народовъ, но также и еще болѣе мирнымъ трудомъ на поприщѣ мысли и знанія. Пусть русская книга разрѣшитъ задачи славянской будущности.

Обращаясь нынѣ къ содѣйствію русскихъ людей, Славянское Общество питаетъ надежду, что этотъ призывъ не останется безъ отвѣта. Изъ поступающихъ книжныхъ и денежныхъ пожертвованій будетъ образованъ особый фондъ, предназначенный спеціально для покупки и разсылки славянамъ русскихъ книгъ.

Преимущественно желательны пожертвованія книгами беллетристическаго, историческаго, историко-литературнаго и научнаго содержанія".

За симъ, хоромъ былъ пропѣтъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію, сочиненный А. А. Архангельскимъ.

По окончаніи этого гимна, В. И. Аристовъ прочиталъ слѣдующія, присланныя въ Общество, два стихотворенія: первое—учители сувалкской гимназіи, а второе — ученика 1-й с.-петербургской гимназіи.

1) Изобрѣтеніе Славянскихъ письменъ.

Приходилъ къ Меѳодію Кириллъ-философъ,
Говорилъ Меѳодію такія рѣчи:
„Милый братъ мой! Изъ земли Славянъ моравскихъ,
Отъ вонистваннаго князя Ростислава
Къ Михаилу, царю нашему, съ поклономъ
И съ великой просьбою послы явились.
Проситъ князь прислать ему изъ Цариграда
Добрыхъ пастырей, чтобы народъ моравскій
Просвѣтить святою вѣрой христіанской,
Объяснить ему Священное Писанье.
Научить его молиться по-славянски.
Долго царь о томъ бесѣдовалъ со мною,
И теперь меня съ тобой къ нимъ посылаетъ
Оба мы съ тобою родомъ изъ Солуня.
Въ Македоніи, славинамъ сопредѣльной;
Оба мы знакомы съ языкомъ славянскимъ.
Созваю великость нашего призванья,
Сознаю всю святость миссіи высокой,
Ясно вижу въ ней я перстъ благаго Бога:
Избираетъ насъ Господь Своимъ орудьемъ,
Призываетъ на святой, великій подвигъ,—
Да прославятъ Свѣтодавца всѣ языки.
Какъ ни слабъ я, какъ ни удрученъ недугомъ,
Не щадилъ бы я остатка своей жизни
Для такой святой богоугодной цѣли.
Но едва ли волю царскую исполнить
Намъ возможно: самъ ты знаешь, что славяне
Многіе живутъ еще въ лѣсахъ, какъ звѣри,
И въ невѣжественномъ мракѣ утопаютъ.
Грамоты они совсѣмъ не разумѣютъ,
Нѣтъ у нихъ ни книгъ, ни алфавита:
И языкъ славянскій съ греческимъ не сходенъ,—
Алфавитъ нашъ для нихъ вовсе непригоденъ.

Гдѣ-жъ возможность наставлять ихъ въ словѣ Божьемъ?
Какъ учить безъ буквъ читать святыя книги,
Совершать безъ книгъ божественную службу?"
Говоритъ ему Меѳодій: „Не крушися:
Умудрилъ тебя Господь-Богъ не напрасно,
Не напрасно просвѣтилъ твой умъ паукой,
Ты недаромъ именуешься „философъ".
Станемъ Господу усерднѣе молиться,
И Господь насъ въ затрудненьи не оставитъ,
Всѣ твои сомнѣнья Онъ, какъ дымъ, разсѣетъ
И на путь спасительный тебя наставитъ".

—

Сорокъ дней Кириллъ постился и молился;
Не смыкая глазъ и не вкушая пищи,
Сорокъ сутокъ онъ молилъ Творца вселенной
Просвѣтить его Своею благодатью
И явить ему, какими письменами
Обозначить звуки въ языкѣ славянскомъ,
Чтобъ могли потомъ славянскіе народы
Славить Бога и читать святыя книги,
Чтобъ могли они справлять богослуженье
На родномъ своемъ варѣчіи славянскомъ.
И услышалъ Богъ усердную молитву,
И явилъ великую Кириллу милость:
Свѣтъ внезапный озарилъ вдругъ умъ Кирилла;
Передъ умственнымъ избранникомъ окомъ
Письмена славянскія предстали ясно;
Вотъ онѣ: и *азъ*, и *буки*,—вотъ и *вѣди!*
Вотъ овѣ: числомъ ихъ ровно тридцать восемь!
Вотъ онѣ: бери ихъ, и славянской рѣчью
Излагай, что въ книгахъ греческихъ читаешь!
Такъ явилъ Всевышній въ Цареградѣ
Благодать Свою избранникъ святому.
И въ восторгѣ преклонилъ Кириллъ колѣна
Предъ иконою святою Жизнодавца;
Долгимъ бдѣньемъ изможденныя ланиты
Оросились благодарными слезами:
„Слава, слава Тебѣ, свѣтъ намъ показавшій,
Слабый умъ мой горнимъ свѣтомъ просвѣтившій!"
Сотворивъ еще разъ долгую молитву,
Тотчасъ взялъ Кириллъ евангелье святое
И всю первую главу отъ Іоанна
Перевелъ дословно на языкъ славянскій.
И съ тѣхъ поръ мы всѣ внимаемъ ежегодно,
Какъ читаются во храмѣ всенародно
Въ день великій Воскресенія Христова
Словеса святыя: „Искони бѣ Слово".

—

Показалъ Кириллъ свой переводъ Меѳодью,
Объяснилъ ему и письмена и вмѣстѣ
Стали братья преподобные трудиться,
Прелагая на языкъ славянскій книги:
Часословъ, Псалтирь, Евангелье, Апостолъ,
И вечернія, и утреннія службы,
А затѣмъ они явились къ патріарху
Испросить себѣ на путь благословенье.
И пошли Кириллъ и братъ его Меѳодій
По землямъ славянъ моравскихъ и паннонскихъ,
Проповѣдуя повсюду Божье слово,
Прославляя имя чистое Христово,
Призывая невѣрующихъ ко крещенью
И людей неопросвѣщенныхъ къ просвѣщенью.

—

И дивилися славянскіе народы,
Слыша чтеніе Священнаго Писанья
И божественныя службы отправленье
На нарѣчіи родномъ, для всѣхъ понятномъ;
И стекалися толпами отовсюду
Слушать рѣчи братьевъ боговдохновенныхъ,
Слушать мудрыя ихъ въ вѣрѣ поученья,
Принимать отъ нихъ великое крещенье,
Грѣховъ вольныхъ и невольныхъ отпущенье,
Тайнъ святыхъ, животворящихъ причащенье.

—

Какъ вода весною ранней въ половодье
Отовсюду льетъ неудержимымъ токомъ,
Разрушая на пути своемъ преграды,
Проникая во всѣ поры и трущобы,
Омывая, освѣжая всю окрестность,
Обновляя землю для посѣвовъ новыхъ:
Такъ лилось повсюду по землямъ славянскимъ
Просвѣщенье христіанское, проникло
И на югъ, на западъ, и на дальній сѣверъ,
Въ глубину лѣсовъ, степей, пустынь и дебрей.
Всюду стали люди славить имя Божье
На родномъ своемъ нарѣчіи славянскомъ.
И тогда-то стало ясно всѣмъ славянамъ,
Что они между собой родные братья
И что всѣ они одно—*единое стадо.*
О, когда бъ у нихъ и Пастырь былъ единый!
Не было бъ межъ ними ни вражды, ни брани,
Братски бъ простирали другъ ко другу длани,
Братски бъ открывали другъ другу объятья,
Дружно бъ восклицали: „Братья всѣ мы, братья!"

—

И прославилъ Богъ Кирилла и Меѳодья—
Двоицу святыхъ сподвижниковъ великихъ;
Чтится память ихъ по всѣмъ землямъ славянскимъ,
Какъ маякъ сіяетъ путеводнымъ свѣтомъ,
Призывая всѣхъ къ любви и единенью,
Прославляетъ ихъ сегодня вся Россія:
„Просвѣтился свѣтъ ихъ передъ человѣки".
Слава вамъ, Первоучители святые,
Слава вамъ и днесь, и присно, и во-вѣки!

2) Памяти св. Меѳодія.

Отъ теплыхъ морей до покрытыхъ льдомъ водъ
Сѣдаго царя—океана
Широко Славянскій раскинулся родъ
Въ могуществѣ силъ великана.
Но силы дремали въ груди у него.
Онъ былъ окруженъ мракомъ ночи
И онъ назначенья не зналъ своего,
Куда-бъ устремилъ свои очи.
И разумъ его былъ покрытъ пеленой,
И истина скрыта святая,
И тяжко страдалъ онъ во тьмѣ гробовой,
Подъ бременемъ лжи изнывая.
Напрасно онъ Бога живаго искалъ,
Напрасно искалъ утѣшенья,
Пока Самъ Господь ему свѣтъ не послалъ
Святаго живаго ученья.
Два мужа—два брата Господенъ завѣтъ
Исполнить съ любовью спѣшили
И животворящій ученія свѣтъ
Они на славянство излили.
И Божіе слово роднымъ языкомъ
Народу они передали,
И Божье ученье на томъ же родномъ
Они языкѣ записали.

Когда же на нивѣ ученья Кириллъ,
Братъ младшій, умалъ истощенный,
Онъ брату завѣтъ далъ, чтобъ онъ просвѣтилъ
Народъ, еще въ тьму погруженный.
И братское дѣло Меѳодій свершилъ...
Разсѣялся мракъ и унала
Понизка съ очей, и свѣтъ тьму побѣдилъ,
И истина въ свѣтѣ предстала...
И братски славянскія всѣ племена
Другъ другу ее передали...
Славянскій весь родъ встрепенулся отъ сна,
Прочтя тѣ святыя скрижали.

—

Отъ теплыхъ морей до покрытыхъ льдомъ водъ
Сѣдаго царя—океана
Широко Славянскій раскинулся родъ
Въ могуществѣ силъ великана.
Но силы не дремлютъ въ груди у него:
Онъ понялъ свое назначенье,
Онъ понялъ, что жизни у міра всего
Онъ долженъ свершить обновленье.
На мощныя плечи приявъ этотъ трудъ,
Идетъ онъ... Славянскаго рода
Вся сила и слава лишь въ томъ, что живутъ
Въ немъ вмѣстѣ любовь и свобода.
Свобода, что гнета не терпитъ оковъ
Врага надъ родимой землею,
Любовь, что готова и этихъ враговъ
Обнять своей братской рукою.

Могуче славянскія рѣки текутъ,
Ширяясь въ свободномъ просторѣ,
И время наставетъ, всѣ рѣки впадутъ
Въ одно безграничное море.

—

Отъ теплыхъ морей до покрытыхъ льдомъ водъ
Сѣдаго царя—океана
Хвала двумъ Апостоламъ-братьямъ идетъ,
И слышится всюду: осанна!
Въ Славянство духъ жизни вдохнули они,
Вселили святое ученье,
Почь жизни его обратили во дни,
Открыли его назначенье.
Покуда славянскій могучій весь родъ
Живетъ, не умретъ и для міра
Апостолы эти: въ немъ слава пройдетъ
Меѳодья и брата Кирилла.
Такъ пусть же славянскія всѣ племена
Живутъ и съ любовью, какъ братья,
На вѣчныя жизни своей времена
Падутъ всѣ другъ другу въ объятья.
Тогда о нихъ громкая слава пройдетъ,
Все будетъ въ рукахъ великана—
Отъ теплыхъ морей до покрытыхъ льдомъ водъ
Сѣдаго царя—океана!

Избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Въ заключеніе былъ пропѣтъ гимнъ, написанный М. П. Розенгеймомъ и положенный на музыку В. И. Главачемъ.

VI.

27 ОКТЯБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Прочитанные г. секретаремъ доклады Совѣта: а) объ ассигнованіи изъ запаснаго капитала 1.000 р., въ пособіе одному славянскому ученно-литературному обществу, и б) объ ассигнованіи изъ запаснаго же капитала 5.000 р., въ распоряженіе Совѣта, для выдачи пособій нуждающимся южно-славянскимъ уроженцамъ и литературнымъ предпріятіямъ, собраніемъ утверждены единогласно.

Послѣ этого г. предсѣдатель, сообщивъ о имѣющей послѣдовать въ 1888 г. 900-лѣтней годовщинѣ со времени крещенія Руси, предложилъ собранію учредить особую комиссію для обсужденія вопроса о чествованіи этой годовщины.

Собраніе, выслушавъ это предложеніе, единогласно избрало въ комиссію членовъ Совѣта: В. И. Аристова, В. К. Саблера и В. Г. Чубинскаго, съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ представилъ собранію на утвержденіе проектъ чествованія, какой будетъ выработанъ этою комиссіею.

Затѣмъ г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія собранія, что за отказомъ Н. Н. Страхова и П. И. Соколова отъ исполненія обязанностей редакторовъ „Извѣстій", К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и П. Г. Моравекъ, по просьбѣ Совѣта Общества, приняли на себя редакцію „Извѣстій".

При этомъ нѣкоторыми членами Общества было предложено выразить благодарность какъ прежнимъ редакторамъ Н. Н. Страхову и И. И. Соколову, такъ и вновь избраннымъ К. Н. Бестужеву-Рюмину и П. Г. Моравеку, первымъ—за ихъ труды по изданію „Извѣстій" въ 1884—1885 г., а вторымъ—за ихъ согласіе принять на себя многотрудное дѣло редакціи „Извѣстій".

Въ заключеніе избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

VII.

21 НОЯБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Собраніе это удостоили своимъ посѣщеніемъ: высокопреосвященный Палладій, архіепископъ казанскій, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Общества и до 600 посторонникъ посѣтителей.

Засѣданіе было открыто г. предсѣдателемъ съ благословенія его высокопреосвященства, архіепископа Палладія, гимномъ св. Кириллу и Меѳодію (слова М. П. Розенгейма, музыка В. И. Главача), пропѣтымъ хоромъ Л.-гв.

сгерскаго полка, подъ управленіемъ г. Лаврова.

Послѣ гимна г. предсѣдатель произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Объявляя сегодняшнее засѣданіе открытымъ, считаю долгомъ представить на утвержденіе присутствующихъ членовъ Славянскаго Общества послѣднія распоряженія Вашего Совѣта...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Въ Славянское Общество начали поступать заявленія разныхъ отдѣленій обществъ „Краснаго Креста" въ Болгаріи и Румеліи о несоотвѣтствіи средствъ, которыми располагаютъ эти общества, настоящему критическому положенію болгарскаго народа. Совѣтъ Славянскаго Общества тотчасъ-же передавалъ эти заявленія по принадлежности въ главное управленіе общества россійскаго „Краснаго Креста" на его распоряженіе, при чемъ, не ограничиваясь одною ихъ передачею, поручилъ двумъ моимъ товарищамъ, Петру Алексѣевичу Васильчикову и Михаилу Алексѣевичу Домонтовичу, лично ходатайствовать въ россійскомъ обществѣ „Краснаго Креста" о томъ, чтобы обращаемыя къ намъ просьбы болгарскаго „Краснаго Креста" о пособіи не оставались безъ послѣдствій и чтобы какъ болгарамъ, такъ и сербамъ была оказана одинаковая помощь, такъ какъ сербской народъ неповиненъ въ сребролюбивой политикѣ короля Милана. Ходатайства моихъ уважаемыхъ товарищей увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Россійское общество „Краснаго Креста", съ разрѣшенія Государя Императора, послало въ Болгарію и Сербію по 100.000 франковъ и рѣшило отправить туда-же врачебный персоналъ, состоящій изъ 12 врачей и 24 сестеръ милосердія. Такимъ образомъ, судьбу раненыхъ болгаръ и сербовъ можно считать обезпеченною.

Но, кромѣ раненыхъ, и въ Болгаріи, и Сербіи множество жертвъ войны: нуждающіяся семьи убитыхъ и раненыхъ, жители разоренныхъ сербами болгарскихъ селъ, и т. д. На нихъ заботы „Краснаго Креста" естественно не могли быть распространены. Совѣтъ нашего Общества постановилъ открыть подписку въ пользу сихъ жертвъ сербо-болгарской войны и отъ имени Общества стать во главѣ подписки пожертвованіемъ изъ запаснаго своего капитала 10.000 франковъ. Мы послали эти деньги равными частями въ Болгарію—высокопреосвященному Клименту, митрополиту тырновскому, и въ Сербію—извѣстному патріоту Іовану Ристичу.

Сообщая объ этихъ распоряженіяхъ, я прошу членовъ Славянскаго Общества, удостоившихъ сегодняшнее собраніе своимъ посѣщеніемъ, прежде всего утвердить самовольное, въ данномъ случаѣ, постановленіе Совѣта о посылкѣ въ Болгарію и Сербію 10.000 франковъ для указанной выше надобности. (*Общее одобреніе*).

Въ виду вашего единогласнаго утвержденія постановленія Совѣта объ отсылкѣ въ Болгарію и Сербію 10.000 франковъ для немедленной раздачи жертвамъ войны, я позволяю себѣ отъ имени Совѣта принести вамъ искреннюю благодарность, такъ какъ одобреніе ваше нашихъ распоряженій тѣмъ болѣе для насъ дорого, что снимаетъ съ насъ упрекъ въ бездѣйствіи, который проникъ даже въ нѣкоторую часть нашей прессы.

Засимъ, считаю долгомъ прочитать вамъ Высочайшій приказъ по военному вѣдомству отъ 18-го сего ноября.

„Государь Императоръ, обращая особенное вниманіе на извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, съ удовольствіемъ изволилъ усмотрѣть блестящіе результаты добросовѣстной и полезной работы русскихъ офицеровъ, которымъ вѣрено было сформированіе, воспитаніе и обученіе нойскъ Болгаріи и Восточной Румеліи. Глубоко опечаленный братоубійственной войной между славянскими народами, Государь Императоръ находитъ однако же отвагу, самоотверженіе, выносливость и уваженіе къ порядку, обнаруженныя болгарскими и румелійскими войсками, достойной высокой похвалы. Съ удовольствіемъ убѣдившись въ разумной и самоотверженной дѣятельности русскихъ офицеровъ, съумѣвшихъ привить молодымъ войскамъ надлежащія воинскія качества и доблестный воинскій духъ, Его Императорское Величество объявляетъ Свою Высочайшую благодарность бывшему военному министру княжества болгарскаго генералъ-наго штаба генералъ-маіору Кантакузену и Монаршее благоволеніе всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, служившимъ въ болгарскихъ и румелійскихъ войскахъ".

. . . . . .

. . . . . .

По окончаніи рѣчи предсѣдателя *), по требованію присутствующихъ, хоръ два раза пропѣлъ народный гимнъ: „Боже, Царя храни".

Вслѣдъ затѣмъ В. И. Аристовъ прочиталъ слѣдующую статью проф. К. Н. Бестужева-Рюмина:

„Духа не угашайте".

Русскіе книжники XVI в. говорили: „два убо Рима падоша (т. е. Римъ и Византія), а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быть". Въ этихъ гордыхъ словахъ слышалось юношеское сознаніе своихъ силъ, сознаніе своего великаго міроваго призванія. Вѣра эта, живая въ предкахъ, хранится и до сихъ поръ въ сердцахъ народныхъ и постоянно проявляется въ событіяхъ нашей исторіи; но наше настоящее сознаніе внесло существенную поправку въ простодушную формулу отцовъ: мы знаемъ теперь, что *первый* Римъ не умеръ въ своихъ началахъ, но что начала его, переродясь, продолжаютъ жить въ народахъ запада; мы знаемъ также, что *второй* Римъ, попытка примирить государственность запада съ глубиною мысли эллинской и истинами христіанства въ ихъ чистотѣ, палъ подъ ударами перваго Рима: крестовые походы, коварства итальянскихъ республикъ, попытки уніи

*) Рѣчь эта напечатана въ полномъ видѣ въ газетахъ «Московскія Вѣдомости» и «Новости».

и т. п. были ему гибельны болѣе турокъ. Когда же появился *третій* Римъ, первый—старый—употребилъ всѣ усилія, чтобы втянуть его въ свою сферу: обѣщалъ Византію, только бы пришелъ Московскій царь и поклонился. Завидѣлъ старый Римъ, что встаетъ что-то *новое*, узналъ, что Московскій государь *вѣнчался* царскимъ вѣнцомъ съ благословенія патріарховъ, что задумалъ онъ ярославиться къ морю, и вотъ идетъ стараніе обойти его, употребить на свою службу. Но твердо стоитъ въ Москвѣ, не пожертвуютъ своими цѣлями цѣлямъ чужимъ: папѣ поклониться не хотятъ, ибо папа требуетъ себѣ почестей не человѣческихъ, отъ протестантизма тоже отказываются, ибо протестантизмъ ставитъ человѣческій разумъ на мѣсто Божескаго. Хотѣлъ было Римъ подставить своего царя—то бѣглаго русскаго монаха, то королевича польскаго—и то не удалось. Унія въ Руси Литовской кончилась казацкимъ возстаніемъ. Но вотъ потянулась сама Русь къ западному просвѣщенію, почувствовала нужду въ матерьяльныхъ средствахъ, и самъ царь поѣхалъ учиться на западъ. Казалось бы, тутъ начало конца русской самобытности, конецъ *третьяго* Рима, начало обращенія его въ нѣчто служебное *первому*. Такъ было дотолѣ съ государствами славянскими: принятыя ими въ себя чуждыя начала разъѣдали коренныя основы; въ то самое время, какъ поднималось государство русское, быстро шло къ паденію другое великое государство славянское, сильно само подчинившееся Риму и захотѣвшее подчинить ему и русскія свои области. Церковь и школа въ рукахъ іезуитовъ, торговля въ рукахъ евреевъ и средневѣковая неурядица во всей землѣ—вотъ причины гибели Польши! „Славянскіе народы „культурный матерьялъ“, подумали нѣмцы, въ чемъ и сами послѣ сознавались не разъ.

Но тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Русскій народъ вельзя обратить въ культурный матерьялъ, онъ желаетъ сохранить свою самобытную физіономію, сохранялъ ее до сихъ поръ, сохранитъ и впредь; сохранялъ онъ ее въ школьный свой періодъ, названный великими учителями нашими, первыми славянофилами, періодомъ петербургскимъ. Въ этотъ періодъ много разныхъ культурныхъ миражей пронеслось надъ русскимъ обществомъ. Эти марева охватывали его и овладѣвали имъ болѣе или менѣе глубоко, на болѣе или менѣе продолжительное время: то плѣнили его нѣмецкая канцелярія, то французская бюрократія, то аристократизмъ эмигрантовъ, то ученіе энциклопедистовъ, то частью общества овладѣвали революціонныя мечты и т. д. и т. д. Не разъ случалось Россіи печально попадать въ орудіе европейскихъ политиковъ; случалось русскимъ войскамъ изгонять французовъ изъ Италіи, водворять въ Европѣ порядокъ въ угоду Меттерниху и т. п. Въ самое живое начало—въ Церковь—вошло, благодаря европейскому просвѣщенію, кое-что неладное. Все это было понятно: торопились учиться, торопились стать на ряду съ учителями и въ этомъ ставили свою цѣль. Но вотъ запылала Москва; а вслѣдъ за тѣмъ и русскія войска были въ Парижѣ. А между тѣмъ въ тиши ученаго кабинета совершалось „Открытіе древней Руси“—появилась „Исторія государства Россійскаго“. Пробужденіе народнаго сознанія начиналось. школьный періодъ приходилъ къ концу. Дальнѣйшимъ шагомъ было появленіе славянофильской теоріи, а за тѣмъ великій день 19 февраля 1861 г. Не долго пришлось ждать результатовъ этого дня: 1876 г. явилъ міру порывъ чувства, давно невиданный Европою—помнимъ это движеніе, ибо наше общество было его свидѣтелемъ и послужило ему, насколько умѣло и могло. Верховная власть русская, какъ всегда, стала во главѣ народа. Совершилось освобожденіе Болгаріи, какъ прежде, хотя и менѣе сознательно, совершено было освобожденіе Сербіи, Румыніи, Греціи: славянское и православное чувство всегда болѣе или менѣе сознательно жило въ Россіи, ибо безъ него Россія не была бы Россіею. Теперь же оказалось, что *третій* Римъ снова и вполнѣ сознательно идетъ къ своей цѣли. Это поняли и мы, поняли и тѣ, кому непуженъ *третій* Римъ, т. е. новыя начала жизни, стремленіе къ правдѣ внутренней, имѣющей замѣнить правду внѣшнюю, основу и корень римско-европейской жизни. Началась явная и тайная борьба. Совершившіяся событія не должны были удивлять людей, понимающихъ дѣло: Достоевскій давно, еще во время русско-турецкой войны предвидѣлъ, что интеллигенція славянъ дунайскихъ, неокрѣпшая въ наукѣ, не привыкшая къ жизни гражданской потянется къ западной мишурѣ, какъ дѣти тянутся къ яркому, пестрому; предвидѣлъ и то, что они будутъ свысока взирать на насъ, словомъ, повторится фонвизинскій Иванушка, родина котораго, по его мнѣнію, Парижъ. Все это такъ просто, такъ естественно: дѣло дѣтское; но намъ, т. е. русскому обществу слѣдовало бы понять всю естественность этого явленія, стоять на сторожѣ интересовъ духовныхъ и не поддаваться настроенію минуты, а глядѣть вдаль, впередъ. Не то бѣда, когда въ извѣстную минуту совершается не то, что-бы намъ хотѣлось и совершается не такъ, а то бѣда, когда никнетъ духъ, понижается уровень требованій, и люди хотятъ временными, преходящими интересами заглушить вѣчные. А между тѣмъ въ обществѣ и даже въ печати послышались голоса, проповѣдующіе необходимость обратиться къ національнымъ интересамъ—въ данномъ случаѣ конечно матерьяльнымъ, снова услышали мы указанія на великую мудрость „сыновъ вѣка сего“, снова раздалось обвиненіе славянъ въ неблагодарности и т. п. Пора же встать выше всего этого. Пора понять, что славяне не какіе-нибудь дальніе родственники, которымъ мы можемъ благодѣтельствовать и не благодѣтельствовать по произволу, пора понять, что потеря одного члена—важная потеря для всего организма, а намъ суждено (насколько доступно это знать человѣческому предвидѣнію) встать въ

челѣ громаднаго культурнаго организма славянскаго. Какъ нѣкогда усилемъ разныхъ отраслей русскаго народа создавался русскій языкъ, такъ въ будущемъ всѣ народы славянскіе (о еслибы можно было съ увѣренностью сказать: всѣ) призваны создать новый типъ культуры. Къ этому новому творческому дѣлу должны быть призваны всѣ, и обязанность тѣхъ, кто уже всталъ—будить другихъ и указывать имъ, куда и зачѣмъ идти. Великій народъ не живетъ одними матерьяльными интересами, интересы духовные прежде другихъ выдвигаютъ его на чреду великихъ народовъ и придаютъ значеніе его жизни и дѣятельности. Сохнетъ жизнь, гаснетъ духъ въ однихъ матерьяльныхъ интересахъ,—это можетъ казаться смѣшнымъ биржевой и меркантильной европейской современности;—но чѣмъ же инымъ двигались ихъ предки, чѣмъ инымъ они заняли свое высокое мѣсто? Яснымъ становится теперь ограниченность ихъ духовныхъ началъ, всемірная исторія ждетъ новаго слова. Если мы знаемъ, что это слово за вами, то не будемъ суесловить, а будемъ помнить, что знамя побѣды есть знамя духовное; чье духовное начало выше, тотъ и побѣдитъ, ибо какъ ни жадны люди къ матерьяльнымъ прибыткамъ,—но матерьяльные интересы развиваютъ только эгоизмъ. Москва сгорѣла въ 1812 г., и Парижъ сдался въ 1871 г. Нѣтъ, не матерьяльные интересы слѣдуетъ проповѣдывать: они слишкомъ дороги каждому, а слѣдуетъ напомнить объ иныхъ интересахъ, объ интересахъ духа, они забываются легко, но только они поддерживаютъ и въ обществѣ и въ человѣкѣ высокій строй. „Духа не угашайте", повторимъ и мы самимъ себѣ слова великаго апостола языковъ... Въ наступающій періодъ всемірной исторіи мы, славяне, должны выйти на первый планъ, не даромъ Россія такъ долго росла и крѣпла. Не сегодня, не завтра окажется наша правда, но для всемірно-историческихъ явленій иная мѣрка, чѣмъ для эфемерныхъ предпріятій: дѣло историческое — дѣло вѣковое. Только не слѣдуетъ забывать о своемъ дѣлѣ, слѣдуетъ всегда имѣть при себѣ тотъ запасъ масла, о которомъ забыли юродивыя дѣвы, отчего и не попали на торжество брака. Прежде всего, главнѣе всего *„духа не угашайте"*.

Рѣчь эта, какъ и предъидущая, была неоднократно прерываема громкими рукоплесканіями.

Послѣ рѣчи хоръ пѣвчихъ пропѣлъ болгарскій гимнъ: „Шуми Марица".

Послѣ рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина проф. О. Ѳ. Миллеръ прочиталъ два стихотворенія, одно—неизвѣстнаго студента, а другое—члена Общества М. Н. Розенгейма.

Вотъ эти стихотворенія:

I.

Давно ль славянскій міръ, торжественно ликуя,
Тысячелѣтіе Меѳодія справлялъ?
Давно-ль, великій день славянскій знаменуя,
И общій крестный ходъ, и благонѣсть вѣщалъ,
Что живъ Меѳодій въ насъ; жива и та идея
Первоучителей, апостоловъ славянъ,
Которая, какъ свѣтъ могучій, не блѣднѣя,
Указывала путь, достойный христіанъ.
Забыть уже тотъ день и дерзко онъ поруганъ,
И гдѣ идея та, нашъ свѣточъ вѣковой?
Смотрите, Каинъ всталъ и вновь убиты братья,
Павъ жертвой зависти и жадности людской,
Увидя лишь зарю желаемаго счастья
И свѣтлые лучи свободы золотой.
Плачь горько славянинъ. Напишутъ на скрижаляхъ
Твоей исторіи великій этотъ грѣхъ,
Кровавой буквою разсказъ о тѣхъ дѣяньяхъ,
Что тяжкимъ бременемъ легли на память всѣхъ.
Плачь горько славянинъ и, павши на колѣна
Передъ иконою апостоловъ славянъ,
Молись, чтобъ далъ Господь надежду на прощенье,
И смылась-бы та кровь позора съ грѣшныхъ ранъ.

II.

Мы шли путемъ, завѣщаннымъ отцами,
И вѣрили, что онъ насъ доведетъ
До цѣли, чуть мелькавшей передъ нами,
И смѣло шли настойчиво впередъ.

***

Безъ счета жертвъ, безъ мѣры тяжкой страды
Мы приняли, стремяся къ цѣли той,
Не ради мзды пль суетной услады,—
Насъ двигалъ долгъ заѣтный и святой.

***

И мнилось намъ до цѣли ужъ немного,
И вѣрилось, что это не обманъ...
И вдругъ обрывы!.. Уперлася дорога
Въ глухой пустырь, окутанный въ туманъ.

***

И стали мы въ раздумьи надъ обрывомъ.
Намъ кажется, что дальше нѣтъ пути;
И всталъ вопросъ въ сомнѣніи тоскливомъ:
Зачѣмъ мы шли и стоило-ль идти?..

***

Нѣтъ, прочь отъ насъ постыдное сомнѣнье!
Пускай во тмѣ не видно ничего,
Господь вручилъ намъ дѣло Провидѣнья—
Отступимся-ль теперь мы отъ него?..

Стихотворенія эти были привѣтствованы громкими рукоплесканіями.

Послѣ небольшаго перерыва, хоръ пѣвчихъ пропѣлъ сербскую пѣсню: „Сложно братья", а А. Л. Петровъ прочиталъ слѣдующую статью:

Среди Словаковъ.

Въ настоящее время, когда взоры всѣхъ устремлены на Балканскій полуостровъ, можетъ показаться страннымъ, почему я рѣшаюсь предложить вамъ сообщеніе о Словакахъ, народѣ, не имѣющемъ прямаго отношенія къ балканскимъ дѣламъ, да и вообще какъ-то почти забытомъ нашимъ русскимъ обществомъ. Но при этомъ выборѣ до нѣкоторой степени руководили мною именно болгарско-сербскія дѣла—и вотъ какимъ образомъ:

Теперь для всѣхъ очевидно постепенно возрастающее и расширяющееся вліяніе Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ такомъ случаѣ весьма важно для насъ познакомиться съ тѣмъ, что даетъ Австро-Венгрія

переходящимъ подъ ея господство Славянамъ. Конечно, существуетъ сербская пословица, опредѣляющая — что, по мнѣнію сербскаго народа, ожидаетъ его въ Австріи: „у турка будешь рабомъ, у шваба (австрійца) ляжешь въ гробъ". Но можетъ быть мы не имѣемъ права полагаться на справедливость этой пословицы и должны объяснить такой взглядъ сербовъ тѣмъ, что полудикій сербскій народъ не въ состояніи, съ своей узкой точки зрѣнія, оцѣнить всѣхъ благъ, которыми надѣлитъ его высококультурная, либеральная конституціонная Австро-Венгрія? Конечно, гораздо лучше сербовъ могутъ быть въ этомъ дѣлѣ судьями другіе, по вѣрѣ и по культурѣ болѣе близкіе къ романо-германскому міру—*неправославные* австрійскіе славяне, при томъ уже давно наслаждающіеся благодѣяніями австрійскаго управленія.

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, если каждый народъ долженъ хорошо знать свои собственныя силы, то точно также онъ долженъ имѣть правильное понятіе о внутреннемъ состояніи и силахъ своихъ сосѣдей, особенно же своихъ „любезно-вѣрныхъ" друзей и союзниковъ, каковыми для насъ являются австрійцы.

Изъ неправославныхъ австрійскихъ славянъ я выбралъ Словаковъ отчасти потому, что мнѣ пришлось нынѣшнимъ лѣтомъ побывать въ ихъ литературномъ и культурномъ центрѣ-городкѣ св. Мартинѣ, въ турчанской столицѣ, отчасти же потому, что ихъ теперешнее пригнетенное положеніе въ Австро-Венгріи не можетъ быть объяснено боязнью австрійскаго правительства какихъ-либо со стороны Словаковъ политически-сепаративныхъ стремленій, какія несомнѣнно существуютъ у поляковъ, чеховъ, хорватовъ, мечтающихъ о возстановленіи своихъ прежнихъ королевствъ.

Конечно, Словаки не входятъ въ составъ того, что теперь называется собственно Австріей, т. е.—Цислейтаніи. Словаки принадлежатъ къ Венгріи—Транслейтаніи. Но не слѣдуетъ думать, что мадьяры пользуются такимъ вліяніемъ въ Транслейтаніи благодаря своей собственной силѣ и наперекоръ правительству Габсбурговъ. Мадьяры служатъ у Габсбурговъ прекраснымъ орудіемъ для удержанія въ подчиненіи славянъ. Мадьярской самостоятельной культуры нѣтъ, въ будущемъ нѣмцы ея не опасаются и знаютъ, что рано или поздно мадьяры и омадьярившіеся славяне должны будутъ подчиниться культурѣ нѣмецкой. Если-бы австрійское правительство пожелало, власть мадьяръ въ Транслейтаніи весьма скоро могла бы пасть.

Сила того, что называется *мадьяризмомъ*, въ настоящее время не въ простомъ мадьярскомъ народѣ и не въ большей части магнатовъ, а въ средневъ классѣ, въ такъ-называемой интеллигенціи, которая почти вся состоитъ изъ чиновниковъ. Въ распоряженіи чиновничьей интеллигенціи находится администрація, финансы, судъ, войско-конведы, жандармерія. Ряды ея пополняются ренегатами изъ подчиненныхъ мадьярамъ народовъ,—преимущественно славянъ—*мадьяронами*, приманиваемыми обаяніемъ власти и многочисленными чиновничьими синекурами.

Но что такое представляетъ собою правящая мадьярская и мадьяронская интеллигенція и каково положеніе управляемой ею страны? Сами мадьяры вполнѣ увѣрены въ блестящей будущности „мадьярскаго глобуса". Въ парламентѣ постоянно раздаются самовосхваленія премьера Тиссы и депутатовъ, указывающія на „свободное" (!) всестороннее процвѣтаніе Венгріи. Въ газетахъ рисуются такого рода картины: „Черезъ 50 лѣтъ Пешть будетъ имѣть милліонъ обывателей чистыхъ мадьяръ, въ Вѣнѣ населеніе, уменьшившееся до 500.000, все будетъ говорить по мадьярски. Мадьярское государство будетъ опираться на Солунь и Трiестъ. Австрія будетъ существовать лишь въ исторіи, а не на географической картѣ". Одинъ мадьяръ въ отдѣльно изданной брошюрѣ заявляетъ, что „Венгрія должна теперь же взять себѣ часть Балканскаго полуострова отъ Черной Горы до Софіи, и для скорѣйшей ея мадьяризаціи всю эту землю слѣдуетъ раздать участками разорившимся мадьярскимъ дворянамъ на правахъ леннаго владѣнія".

Какой, однако, контрастъ, если отъ этихъ самоувѣренныхъ мечтаній перейдемъ къ печальной дѣйствительности! Недаромъ мадьяры такъ симпатизируютъ туркамъ. Все управленіе Венгріи находится въ такомъ же разстройствѣ, какъ и турецкое. Разница лишь въ томъ, что турокъ мы могли менѣе обвинять въ этомъ, какъ варваровъ, грубыхъ послѣдователей Магомета, тогда какъ Венгрія имѣетъ вполнѣ европейскую конституцію, тщеславится своими свободными установленіями.

Общественный порядокъ, правосудіе, личная и имущественная безопасность, финансы, земледѣліе, промышленность и торговля, подъятіе умственнаго и нравственнаго уровня народа—эти пустыя и ничтожныя вещи совершенно оставлены безъ вниманія правящей мадьярской интеллигенціей. Главными задачами ея являются: во-первыхъ, удержаніе въ своихъ рукахъ власти, проведеніе своихъ кандидатовъ на всѣ выборныя должности, начиная отъ депутатовъ сейма и кончая сельскими „нотарами" (писарями) и „рихтарями" (волостными старшинами). При этомъ не брезгаютъ никакими средствами: подкупъ, обманы, административное давленіе, штыки—все идетъ въ дѣло. Другая задача—мадьяризація во что бы то ни стало всѣхъ немадьярскихъ народностей Венгріи.

Число чиновниковъ въ Венгріи едвали не болѣе чѣмъ въ любой европейской державѣ, и съ каждымъ годомъ выдумываются новыя должности, чтобы доставить синекуры людямъ, могущимъ быть полезными правительству при выборахъ или въ дѣлѣ мадьяризаціи. О нравственныхъ достоинствахъ такого рода представителей администраціи, конечно, и говорить нельзя,—да этого отъ нихъ и не требуютъ. Отсюда — безпрерывныя жалобы на злоупотребленія администраціи, поллоги, расграты и т. п. Высшіе чиновники грабятъ казну. Такъ недавно въ одномъ округѣ всѣ

власти направо и налѣво продавали патенты на торговлю табакомъ. Отъ этой продажи собраны были большія суммы и разошлись по рукамъ чиновниковъ. Когда, долго спустя, узнало объ этомъ правительство Тиссы, оно поскѣпшило замять дѣло, чтобы не компрометировать полезныхъ для себя людей.

Низшіе чиновники, вообще получающіе мало жалованья, грабятъ народъ. Особенные вопли подымаются противъ сборщиковъ податей, съ крайней жестокостью, иногда по два и по три раза взимающихъ съ безграмотнаго и темнаго люда недоимки, также противъ нотаровъ и рихтаровъ. Объ озлобленіи народа свидѣтельствуютъ чуть не еженедѣльныя извѣстія о покушеніяхъ и убійствахъ, часто звѣрскимъ образомъ, сборщиковъ податей, нотаровъ и рихтаровъ.

Попробуйте поискать управы на чиновниковъ у высшаго правительства: венгерское правительство, понимая, что, при конституціонной системѣ, чиновники — его главная опора, постарается ихъ выгородить. На полное отсутствіе справедливости указываютъ и сами мадьярскія газеты.

Объ улучшеніи земледѣлія, промышленности, торговли, о народномъ образованіи мадьярамъ думать некогда; за то—подати дошли теперь до крайнихъ предѣловъ, не говоря уже о сборахъ, незаконно взимаемыхъ и остающихся въ рукахъ администраціи. Несмотря на это увеличеніе податей, долги Венгріи растутъ ежегодно. Одна мадьярская газета пишетъ между прочимъ: „Все въ Венгріи дѣлаетъ долги: государство служитъ дурнымъ примѣромъ, города строятся въ долгъ, папы играютъ въ карты въ долгъ, бѣдняки пьютъ въ долгъ. Лучшія улицы въ Буда-Пештѣ, набережная, мостъ, домъ для сейма построены въ долгъ и доселѣ не оплачены“. Отъ столь восхваленной мадьярами пештской промышленной выставки получился дефицитъ въ 1½ милліона гульденовъ. За послѣднія шесть лѣтъ Венгрія сдѣлала до 300 мил. государственнаго долга, и конца этому не предвидится. Если такъ пойдетъ далѣе дѣло, то какъ государство, такъ и многіе частные люди въ Венгріи будутъ скоро на краю банкротства.

При такихъ порядкахъ въ Венгріи не удивительно, что къ худшему идетъ и нравственное состояніе народа. Дѣйствительно въ послѣдніе годы чрезвычайно умножились кражи, поджоги, разбои, убійства и др. преступленія; простой народъ спивается, спутанный еврействомъ, а учрежденіе обществъ трезвости запрещается правительствомъ, въ виду могущаго быть отъ этого ущерба государственнымъ доходамъ. Во многихъ мѣстахъ слышны жалобы на нападенія солдатъ-гонведовъ на мирныхъ жителей съ цѣлью грабежа. Власти иногда сами поощряютъ такое своеволіе, пользуясь разнузданностью солдатъ для преслѣдованія своихъ политическихъ враговъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, когда извѣстный русско-славянскій дѣятель, старикъ А. Н. Добрянскій, жилъ еще въ Венгріи, мадьярскіе чиновники подговорили гонведовъ напасть на его карету и избить его. Это не удалось лишь благодаря случайности, такъ какъ въ назначенный день самъ Адольфъ Ивановичъ не поѣхалъ, а послалъ своего сына Мирослава, который успѣлъ отбиться отъ гонведовъ.

Въ такихъ нарушеніяхъ общественнаго порядка весьма видную роль играютъ сами блюстители его—жандармы. При терроризмѣ мадьярской администраціи, она особенно нуждается въ помощи жандармовъ, годъ отъ году умножая ихъ число и смотря сквозь пальцы на разныя ихъ продѣлки и насилія. Жандармы, особенно въ селахъ и мелкихъ городахъ, являются маленькими царькамп, обирающіе жителей, пьянствуютъ на ихъ счетъ—но за то прекрасно охотятся на „*панславовъ*“, т. е. славянъ-патріотовъ и путешествующихъ по Венгріи русскихъ ученыхъ. Изъ массы примѣровъ за нынѣшній годъ насилій жандармовъ и озлобленія противъ нихъ народа, я приведу два слѣдующіе: 1) Въ одномъ городкѣ жандармы вели въ полицію бушевавшаго на ярмаркѣ пьянаго солдата. Тотъ просилъ отпустить его домой. Одинъ изъ жандармовъ, раздраженный и его просьбой и тѣмъ, что изъ-за пьянаго приходится покинуть веселую пирушку на ярмарочной площади, ударилъ солдата штыкомъ. Окружившая ихъ толпа, возмущенная этимъ, избила жандармовъ до полусмерти и еле удалось ихъ выручить. Раненый же солдатъ умеръ, еще не донесенный до больницы. 2) Въ другомъ селѣ обыватели напали на домъ ненавистнаго имъ писаря-нотара. Нотаръ позвалъ жандармовъ, но толпа принудила ихъ удалиться. Отойдя на нѣсколько шаговъ, жандармы начали стрѣлять въ толпу и ранили 15 человѣкъ. Чтобы успокоить разъяренную этимъ массу народа, власти должны были вызвать кавалерію. И тому подобное, и тому подобное.

Параллельно съ матеріальнымъ и нравственнымъ упадкомъ идетъ и физическое вырожденіе населенія, особенно замѣчаемое среди коренныхъ мадьяръ, которые, какъ извѣстно, вообще не отличаются силой размноженія и, вѣроятно, безъ подкрѣпленія славянской кровью, давно бы вымерли. Лучшей характеристикой вырожденія могутъ служить цифры послѣдняго воинскаго призыва. Въ одномъ чисто-мадьярскомъ призывномъ округѣ изъ 392 молодыхъ людей призывнаго возраста оказалось годныхъ лишь 28, а требовалось 61 рекрутъ. Въ другомъ изъ 400—годныхъ всего 15, а нужно было 45. Такой же недоборъ замѣчался почти во всѣхъ, за немногими исключеніями, призывныхъ мадьярскихъ округахъ.

Вотъ то благословенное государство, къ которому, по мнѣнію мадьяръ, перейдетъ балканское наслѣдство Турціи, и въ которомъ волею судебъ и Габсбурговъ предопредѣлено влачить жалкое существованіе трехмилліонному словацкому народу! Словаки, какъ извѣстно, населяютъ значительную часть сѣверной Венгріи, входившую нѣкогда въ составъ державы Святополка Моравскаго и

архіепископіи святаго Первоучителя нашего—Меѳодія. Это—народъ богато одаренный духовными силами, благодаря своей малодоступной горной странѣ хорошо сохранившій исконныя черты славянскаго характера и быта, и изъ всѣхъ австрійскихъ, а быть можетъ и не однихъ австрійскихъ, славянъ наиболѣе симпатичный для насъ, русскихъ. Изъ нѣдръ словацкаго народа вышли вдохновенные пророки и дѣятели славянскіе, какъ: Шафарикъ, Колларъ, Штуръ, Гурбанъ, Ходжа, Кузманн и др. мыслители, не зараженные тѣмъ узко-національнымъ духомъ, какой такъ часто проглядываетъ у чеховъ, хорватовъ, поляковъ и др. славянъ, а напротивъ одушевленные всеобъемлющею и горячею любовью ко всѣмъ вѣтвямъ славянскимъ. На собраніи словацкаго женскаго общества „Живена“ *) въ св. Мартинѣ, на которомъ мнѣ удалось быть нынѣшнимъ лѣтомъ, говорилъ извѣстный словацкій писатель, младшій Гурбанъ-Вайнскій: „Мы, Словаки, сильны не матеріальнымъ богатствомъ, не высокой культурой, мы сильны нашимъ любящимъ сердцемъ. И тѣ славяне, которые теперь, какъ поляки и отчасти чехи, отдѣлились отъ славянства, соединились съ нашими врагами—мадьярами, тѣ славяне, отъ политики которыхъ мы страдаемъ, и они намъ дороги, какъ братья. Мы не закрываемъ глазъ на ихъ ошибки, глубоко скорбимъ о нихъ, но не перестаемъ любить нашихъ хотя и заблуждающихся братьевъ-славянъ“. Другой Словакъ, разсказывая о своемъ путешествіи, пишетъ между прочимъ по поводу въѣзда въ Краковъ: „Поляки причинили много зла славянству, въ душѣ чувствуешь горечь противъ нихъ, но при видѣ ихъ стараго славянскаго города Кракова, сердце невольно тренещетъ отъ радости, и любовно открываешь свои объятія для братьевъ поляковъ“.

„Глубоко понимая идею славянства, Словаки ясно уразумѣвали и великую роль русскаго народа, какъ освободителя и главы славянъ, призваннаго осуществить на землѣ братство людей. Подъ покровомъ дореформенной Россіи незабвенный Людевитъ Штуръ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, „славянство и міръ будущаго“ **) съумѣлъ усмотрѣть черты внутренняго величія русскаго народа.

*) Это единственное въ настоящее время словацкое общество, не закрытое мадьярами. Цѣль „Живены“—содѣйствовать развитію словацкихъ женщинъ. Предсѣдатель, вицепредсѣдатель и большая часть членовъ—женщины. На торжественное собраніе этого женскаго общества, бывающее ежегодно въ концѣ іюля, съѣзжаются Словаки изъ разныхъ округовъ—свидѣться съ знакомыми, поговорить о дѣлахъ и повеселиться. Но и совершенно неопасное и невинное общество кажется страшнымъ для нечистой совѣсти мадьяръ: во все время его засѣданій по улицамъ св. Мартина расхаживали жандармы съ ружьями и примкнутыми штыками.

**) Издано по русски В. И. Ламанскимъ въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» 1867 г., кн. 1.

Инстинктивное влеченіе къ Россіи замѣчается несомнѣнно во всѣхъ славянскихъ народныхъ массахъ. Во взглядахъ же на Россію славянской интеллигенціи вообще, за немногими исключеніями, проглядываютъ нѣкоторыя несимпатическія черты. Одни изъ славянскихъ интеллигентовъ, признавая за Россіею ея внѣшнее величіе, относятся къ ея культурѣ нѣсколько свысока, считая себя будущими ея просвѣтителями. Другіе, не задаваясь такими вопросами, видятъ въ помощи Россіи славянамъ лишь результатъ ея собственной необходимости и поэтому, получивъ отъ нея помощь, не считаютъ себя чѣмъ-либо съ Россіей связанными; при первомъ неисполненіи какихъ-либо ихъ желаній, они готовы проклинать ее и отворачиваться отъ нея, и не хотятъ сколько-нибудь вникнуть въ собственные интересы Россіи и въ ея внутреннія дѣла и затрудненія.

Нѣчто другое мы видимъ у Словаковъ. Какъ въ разныхъ сочиненіяхъ словацкихъ писателей, такъ между прочимъ и въ тѣхъ записанныхъ мною рѣчахъ, которыя мнѣ пришлось слышать въ концѣ іюля мѣсяца сего года на торжественныхъ собраніяхъ Словаковъ въ св. Мартинѣ, рѣчахъ, вызвавшихъ продолжительныя рукоплесканія присутствовавшихъ,—проводилась слѣдующая мысль: „Если мы, славяне, до сихъ поръ существуемъ, то лишь потому, что существуетъ Россія. Хотя бы она намъ дѣятельно и не помогала, самый фактъ ея существованія спасителенъ для насъ. Намъ, славянамъ, необходима взаимная любовь и единеніе,—безъ этого мы всѣ погибнемъ, только одна Россія и безъ насъ уцѣлѣетъ. Россія владѣетъ такою культурною силою, которая не только обезпечиваетъ ея дальнѣйшее существованіе, но и принесетъ въ свое время спасеніе всему міру. Своею и матеріальною и культурною силою русскій народъ не гордится, не смотритъ съ презрѣніемъ на другіе народы, и, полный смиренія, не отвергаетъ слабыхъ и угнетенныхъ, не давитъ ихъ, а спускается до нихъ и подымаетъ ихъ до себя. Какъ на наглядное доказательство, посмотрите хотя бы на дѣятельность русскихъ въ Средней Азіи“.

Эта вѣра въ Россію не есть у Словаковъ одно только пылкое гаданіе. Мнѣ пришлось въ послѣднія два лѣта посѣтить разныя славянскія земли—Буковину, Галичину, Моравію, Сербію, Болгарію, бывшую Восточную Румелію. За немногими исключеніями мнѣ почти ни съ кѣмъ нельзя было серьезно поговорить о Россіи, ея внутреннихъ дѣлахъ, культурныхъ отношеніяхъ. При осужденіи или при восторженныхъ похвалахъ Россіи почти всегда проглядывало малое знакомство съ ея современнымъ положеніемъ. Между тѣмъ изъ статей словацкихъ журналовъ, изъ разговоровъ со многими Словаками я убѣдился, что они о многомъ въ Россіи имѣютъ весьма ясное понятіе. Они правильно, съ знаніемъ дѣла судятъ о разныхъ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ... объ отношеніи православія и католицизма, о вопросахъ: польскомъ, украйнофильскомъ, среднеазіатскомъ, о направленіяхъ

западническо-космополитическомъ и русско-славянскомъ, о характерныхъ особенностяхъ русской культуры. Сожалѣя о недостаточности у насъ славянскаго сознанія, объ отсутствіи опредѣленной національной политики, Словаки не обвиняютъ насъ за это, а скорбятъ, ясно понимая невыгодныя условія, въ которыя мы поставлены были въ этомъ отношеніи.

Нигдѣ, конечно, кромѣ Болгаріи не найдете вы столько знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, какъ у Словаковъ,—при томъ не только въ интеллигенціи, но и въ простомъ народѣ, изъ котораго выходятъ тѣ „проволочники-дротарн", тѣ торговцы, которые странствуютъ по всей Россіи. Такъ между прочимъ въ св. Мартинѣ среди многихъ лицъ, бывавшихъ въ Россіи, я встрѣтилъ Словака, прожившаго нѣсколько лѣтъ въ Сибири, приказчикомъ магазина во Владивостокѣ. Другой Словакъ нынѣшнимъ лѣтомъ писалъ въ газету „Národnie Noviny" корреспонденціи изъ Средней Азіи, гдѣ онъ торговалъ при русской арміи, стоявшей у Афганистана.

Сколько въ словацкихъ изданіяхъ, прежнихъ и нынѣшнихъ („Словеески Погляды", „Народные Новины"), вы найдете извѣстій изъ Россіи, прекрасныхъ переводовъ изъ Крылова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстаго и другихъ, весьма не дурно написанныхъ статей о русской литературѣ, русской культурѣ, ея самобытности и т. п.! Русскія пѣсни: „Вихзъ по матушкѣ по Волгѣ", „Солдатушки, браво ребятушки" и другія у нихъ весьма популярны и хорошо исполняются.

Весьма часто упрекали и упрекаютъ у насъ такъ называемыхъ славянофиловъ въ томъ, что будто бы ихъ великая идея всеславянскаго братскаго единенія и самобытной культуры только отвлекаетъ людей отъ служенія насущнымъ интересамъ своего народа. Тотъ же самый упрекъ, повидимому, долженъ быть приложимъ и къ Словакамъ: они тоже грезятъ о самобытной славянской культурѣ: интересуются и изучаютъ далекую отъ нихъ Россію. Но именно дѣятельность Словаковъ на словацкомъ народномъ поприщѣ и показываетъ всю несостоятельность вышеприведеннаго упрека. Напротивъ, люди, одушевленные великой народной идеей повсе не пренебрегаютъ насущными потребностями своего народа, а скорѣе вѣра въ будущность этой народной идеи и даетъ каждому новыя силы и бодрость для повседневныхъ заботъ и трудовъ на пользу своей земли.

Какъ извѣстно, вся крупная аристократія у Словаковъ давно уже омадьярилась. Дѣйствующую силу представляетъ немногочисленная словацкая интеллигенція, состоящая изъ протестантскихъ и частію католическихъ священниковъ, писателей, народныхъ учителей, мелкихъ землевладѣльцевъ и ремесленниковъ. Какъ однако много сдѣлано на пользу своего народа этою малочисленною и небогатою матеріальными средствами интеллигенціей, притомъ не только безъ всякой поддержки со стороны правительства, а напротивъ, при усиленномъ его противодѣйствіи! На мелкія, гроши-вые пожертвованія Словаки въ 60-хъ годахъ основали и прекрасно поставили три гимназіи, учительскую семинарію, много конфессіональныхъ среднихъ и народныхъ школъ. Въ заботѣ о подъемѣ ремеслъ и вообще промышленности завели промышленныя школы, сберегательныя кассы, товарищества взаимнаго вспоможенія и т. п. Въ 1863 г. основали „Матицу"—научно-литературное общество, ставшее центромъ словацкаго возрожденія. „Матица" издавала книги для народа, сочиненія научнаго и литературнаго содержанія, собрала и издала превосходный и дешевый (1½ гульд.) сборникъ словацкихъ народныхъ пѣсенъ (съ мелодіями). — сборникъ равнаго которому по достоинству не имѣется у другихъ славянъ, не исключая и насъ, русскихъ. Для „Матицы" Словаки построили двухъ-этажный каменный домъ, завели типографію, составили фондъ въ 100.000 гульденовъ, снабдили хорошей библіотекой, музеемъ древностей, ботанической, минералогической, зоологической коллекціями и т. п. Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ Словаковъ въ Венгріи, остановится въ изумленіи предъ духовной мощью словацкаго народа.

Успѣхи Словаковъ на поприщѣ національнаго развитія обратили наконецъ на нихъ вниманіе мадьяръ, и послѣдніе рѣшили положить этому предѣлъ. Съ 1874—75 года наступаетъ у Словаковъ пора неслыханнаго попранія законовъ, варварскаго гоненія на нихъ, особенно когда во главѣ управленія въ Венгріи въ 1875 году сталъ ея нынѣшній диктаторъ, фанатикъ-мадьяръ Коломанъ Тисса, бывшій вождь крайней лѣвой партіи въ сеймѣ.

Прежде всего поднялись вопли противъ словацкихъ гимназій, что будто бы онѣ являются разсадниковъ *панславизма*, а это у мадьяръ равносильно обвиненію въ государственной измѣнѣ. Въ чемъ же заключается, по мнѣнію мадьяръ, „панславизмъ"? Даже не въ мечтахъ объ объединеніи славянъ, не въ симпатіяхъ къ Россіи: „панславъ" для мадьяръ всякій, принадлежащій къ интеллигенціи славянинъ, заявляющій себя открыто славяниномъ, любящій свою народность, даже просто подписывающійся на славянскія газеты, говорящій на улицахъ и въ собраніяхъ открыто и громко по славянски.

Такихъ „панславовъ" найти конечно было не трудно, и вотъ, одна за другой закрываются правительствомъ всѣ словацкія гимназіи, учителя и ученики разогнаны, фонды и зданія отобраны для себя мадьярами.

Такая же участь постигла и „Матицу". 9 апрѣля 1875 г. по повелѣнію Тиссы она была закрыта, все движимое и недвижимое имущество ея отобрано въ казну—„на время, до подробнаго разслѣдованія", какъ объявили мадьяры. 10 лѣтъ Словаки ждали этого разслѣдованія, и въ іюнѣ нынѣшняго года все имущество „Матицы" съ фондомъ въ 100.000 гульденовъ передано правительствомъ вновь основанному и составленному изъ ренегатовъ Словаковъ мадьяризаторскому обществу: Felső

magyarországe tőt közmüvelöven egyesület (Верхнеугорское словацко-общеобразовательное общество") безъ вѣдома и несмотря на протесты такъ нагло обобранныхъ членовъ „Матицы", собственность которыхъ, по уставамъ „Матицы", составляло все ея имущество. Императоръ Францъ даже не принялъ депутаціи Словаковъ, просившихъ судебнаго разслѣдованія дѣла о „Матицѣ".

Отнявъ всѣ средства къ образованію народа, мадьяры наградили Словаковъ учрежденіемъ чисто-мадьярскихъ городскихъ и народныхъ школъ и введеніемъ въ большинство словацкихъ народныхъ школъ преподаванія на мадьярскомъ языкѣ,—прогналъ учителей-патріотовъ, замѣстили ихъ учителями-мадьяризаторами. Одинъ, напримѣръ, изъ такихъ учителей постоянно твердитъ ученикамъ Словакамъ, что бы они неремѣнили свои „гнусныя" словацкія фамиліи на мадьярскія; другой на съѣздѣ учителей требуетъ уничтоженія въ школьныхъ библіотекахъ всѣхъ книгъ—писанныхъ по словацки.

Въ то же время начинаются преслѣдованія и конфискація всѣхъ изданій и газетъ словацкихъ, несмотря на установленную законами почти полную свободу печати. Не только выписываніе, но даже чтеніе словацкихъ газетъ является „государственнымъ преступленіемъ" и прямо запрещается распоряженіемъ властей для лицъ состоящихъ на службѣ. Всякій священникъ, учитель, отважившійся на это, уже находится въ подозрѣніи и при первомъ удобномъ случаѣ лишается мѣста.

Рядомъ съ этимъ идутъ всякаго рода гоненія на независимыхъ отъ правительства словацкихъ патріотовъ. Въ этихъ гоненіяхъ принимаютъ участіе и администрація, и пресса, и мадьярское общество. Одинъ изъ такихъ многочисленныхъ фактовъ извѣстенъ, конечно, всему русскому, интересующемуся славянствомъ, обществу: я разумѣю преслѣдованія, которымъ подвергся адвокатъ въ Нитрѣ П. П. Валашекъ за то, что побывалъ въ Россіи на Меѳодіевскомъ праздникѣ.

Гроза мадьяризма съ особенною силою обрушивается на учащуюся словацкую молодежь. Недавно, въ 1884 году, были исключены 14 студентовъ Пресбургскаго лицея, 7 студентовъ Пряшевскаго лицея и 11 учениковъ Лученецкой семинаріи безъ права поступить въ какое-либо учебное заведеніе въ Транслейтаніи, *съ тѣмъ, что и добытые вновь свѣдѣнія въ Цислейтаніи и за границей дипломы не будутъ признаваться въ Венгріи дѣйствительными* (!). Въ какомъ же государственномъ преступленіи были виновны эти юноши? А они, видите ли, составили между собою кружки, гдѣ читали словацкія газеты, книги и дѣлали рефераты на словацкомъ языкѣ.

Въ октябрѣ нынѣшняго года 7 студентовъ „Пресбургской евангелической теологіи" (духовной академіи) и 8 учениковъ другихъ учебныхъ заведеній исключены за то, что частнымъ образомъ собирались въ одной кофейнѣ въ сообществѣ словака-адвоката Куглика, пѣли словацкія пѣсни, говорили рѣчи на словацкомъ языкѣ и на одномъ изъ такихъ собраній пили (пиво) за совершившееся соединеніе Румеліи съ Болгаріей. Одинъ изъ исключенныхъ, шестнадцатилѣтній юноша, по случаю болѣзни, не участвовалъ въ собраніи. Когда это выяснилось, то его рѣшили выгнать за другое преступленіе: благодаря превосходно организованной системѣ шпіонства, дознались, что годъ назадъ онъ говорилъ товарищамъ о своей симпатіи къ русскимъ и о намѣреніи по окончаніи курса уйти въ Россію. Товарищи исключенныхъ устроили имъ прощальный обѣдъ,—изъ-за этого поднялась въ газетахъ и въ самой „теологіи" новая буря противъ нихъ, и неизвѣстно еще чѣмъ дѣло кончится. Адвокату же Куглику студенты мадьяры и мадьяроны выбили въ домѣ стекла.

Въ прошломъ ноябрѣ изъ католической „теологіи" въ Остригомѣ (нѣм. Gran) выгнаны два Словака-студента за то, что, живя въ „теологіи", получали и читали словацкія газеты. Двое другихъ по той же причинѣ принуждены были сами удалиться изъ „теологіи", вслѣдствіе невыносимыхъ гоненій отъ сотоварищей мадьяръ и отъ начальства.

Каково должно быть положеніе всѣхъ этихъ несчастныхъ безъ всякой вины выброшенныхъ на улицу, не имѣющихъ ни средствъ матеріальныхъ, ни возможности продолжать образованіе! Не удивительно, что быстро пополняются ряды ренегатовъ-мадьяроновъ.

Къ духовному гнету мадьяръ присоединился и матеріальный. Народъ съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ, разоряется, результатомъ чего въ послѣднія шесть-семь лѣтъ явилось усиленное выселеніе Словаковъ въ Америку. Но мадьяры теперь спохватились и придумали прекрасное средство къ уменьшенію переселеній: на всѣхъ станціяхъ сѣверныхъ дорогъ разставлены жандармы съ спеціальною цѣлью—ловить переселенцевъ. Если выслѣдятъ кого-либо, отбираютъ скопленныя на дорогу деньги и водворяютъ бѣглеца на мѣсто жительства.

Отчего же однако Словаки не дѣйствуютъ на сеймѣ противъ такихъ насилій, отчего ихъ депутаты не защищаютъ народныхъ интересовъ? Но дѣло въ томъ, что у трехмилліоннаго словацкаго народа нѣтъ на сеймѣ ни одного представителя. Мадьярское правительство не позволяетъ выбирать словацкихъ патріотовъ и проводитъ мадьяръ и мадьяроновъ. Какими средствами пользуются при этомъ—лучше всего обнаруживается въ слѣдующихъ фактахъ. Въ 1879 г. въ одномъ округѣ словацкій патріотъ П. М. Мудронь имѣлъ при выборахъ 800 голосовъ, правительственный кандидатъ всего 30—и Мудронь все-таки не попалъ въ сеймъ, ибо правительство кассировало выборы. Въ 1882 г. тотъ же Мудронь имѣлъ громадное большинство. Когда это при счетѣ голосовъ стало выясняться, мѣстныя власти пустили въ ходъ штыки войско, всегда присутствующее при выборахъ. Нѣкоторые избиратели были ранены, остальные разогнаны,—остались лишь

немногіе вѣрные слуги мадьяръ и выбрали правительственнаго кандидата. Это, конечно, уже крайнія мѣры: водка, подкупы, угрозы и т. п. средства обыкновенно бываютъ достаточны для успѣха и идутъ въ дѣло при всѣхъ выборахъ какъ въ сеймъ, такъ и въ мѣстныя комитатскія собранія. Вездѣ торжествуютъ лишь правительственные кандидаты *).

Вполнѣ справедливо замѣчаніе, что такими мѣрами словаки теперь доведены до того состоянія, когда имъ уже нечего терять, и достойно награжденъ за свою всегдашнюю вѣрность Австро-Венгріи, этой великой „славянской“ (?) державѣ, какъ ее называютъ нѣкоторые изъ австрійскихъ славянъ.

При видѣ страждущихъ братьевъ невольно спрашиваешь себя, чѣмъ же мы можемъ имъ помочь? Въ данномъ случаѣ и въ давное время должно отвѣтить: существенно—ничѣмъ, ибо мы на Австро-Венгрію воздѣйствовать не можемъ. Кое-что однако мы въ состояніи сдѣлать для Словаковъ. Это, во-первыхъ—поддержать въ нихъ нравственно надежду на лучшія времена. Если Словаки знаютъ, что мы интересуемся ихъ дѣлами, пишемъ, говоримъ о нихъ, то это ихъ нѣсколько ободряетъ, показывая имъ, что они не забыты русскимъ народомъ. . . . . Во-вторыхъ, ихъ можетъ ободрить болѣе частое появленіе среди нихъ русскихъ, которые найдутъ у нихъ радушный пріемъ, какъ самые дорогіе гости. Дѣйствительно, пора бы русскимъ туристамъ обратить вниманіе на величественную природу Карпатовъ, могущую также привлекать путешественниковъ, какъ и пресловутая Швейцарія, изъѣзженная уже русскими вдоль и поперекъ. Притомъ уже въ настоящее время путешествіе по Карпатамъ обставлено весьма удобно: вездѣ прекрасныя дороги, во многихъ мѣстахъ—желѣзныя, по горамъ раскинуты хорошо устроенные отели и климатическія станціи. Опасаться мадьяръ нечего: при большемъ числѣ русскихъ путешественниковъ и при дѣятельной поддержкѣ русскихъ заграничныхъ представителей мадьяры поостерегутся и не будутъ въ состояніи причинить какія-либо непріятности русскимъ. Наконецъ послѣднее, что можно сдѣлать—это матеріально помогать преслѣдуемой словацкой учащейся молодежи.

Милостивые государи! Въ настоящую тяжелую пору у многихъ вполнѣ законно является грустное сомнѣніе въ будущности славянства. Но я долженъ высказать мое собственное глубокое убѣжденіе, вынесенное мною изъ личнаго знакомства со славянскимъ міромъ. Какъ бы ни представлялась неразумною и уже испорченною разлагающимъ вліяніемъ австро-католичества значительная часть славянской интеллигенціи, но пока среди ея существуютъ такіе дѣятели-патріоты, какими обладаетъ

*) Подробно объ этомъ см. интересную статью Словака С. О. Гурбана: „Нынѣшнее положеніе Словаковъ“ въ „Кіевскомъ Славянскомъ Ежегодникѣ“ вып. 6, 1884 года.

пригнетенный словацкій народъ и какихъ хоть въ одиночку пришлось видѣть и у другихъ славянъ, до тѣхъ поръ мы можемъ вѣрить и смѣемъ надѣяться на будущее духовное объединеніе и самобытное развитіе славянства, во главѣ котораго станетъ дорогой памъ русскій народъ.

Въ заключеніе проф. О. О. Миллеръ прочиталъ слѣдующую статью:

Старая рознь.

Братоубійственная война пріостановилась. Только совершенно бездушные люди могли къ ней относиться, какъ къ бою „разодравшихся пѣтуховъ“. Если бы такъ выражались иноплеменники, то это было бы гадко, но все-таки понятно; но такъ выражались и русскіе.

Между тѣмъ эта междоусобная война не была только дѣломъ иноплеменныхъ козней. Теперь, какъ и прежде, чужая работа подавна подготовлялась своими же собственными руками. Но вѣдь тѣмъ еще менѣе можно было потѣшаться надъ „разодравшимися пѣтухами“ и такъ долго давать имъ истекать кровью.

Была и у насъ пора на Руси, когда говорилъ братъ брату: „се мое, а то мое же“, и вѣкъ человѣческій коротался въ распряхъ. Вотъ тогда-то старые русскіе люди и приводили въ своихъ писаніяхъ слова псалмопѣвца: „ее коль добро и коль красно, еже жити братіи вкупѣ“. Но тѣ же самыя слова приводились и писателями сербскими во время старыхъ сербскихъ междоусобицъ. На это то и было указано въ адресѣ Петербургскаго Славянскаго Общества по случаю 25-лѣтія архипастырской дѣятельности митрополита сербскаго Михаила. Указаніе соединялось съ увѣренностью, что архипастырь всегда училъ и будетъ учить свою паству христіанскому братолюбію. Къ немалому удивленію писавшихъ адресъ, въ томъ описаніи юбилея митрополита Михаила, которое было затѣмъ издано въ Бѣлградѣ, оказалось выпущеннымъ изъ адреса все то, что касалось именно братолюбія, т. е. и тѣ слова изъ псалма, которыя приведены были въ адресѣ на основаніи древне-русскихъ и древне-сербскихъ писателей.

Между тѣмъ удивляться такому пропуску не слѣдовало. Стоило только вспомнить, что пришлось одному изъ членовъ Славянскаго Общества услышать отъ одного болгарина въ Петербургѣ вскорѣ послѣ многодневнаго сраженія сербовъ и русскихъ добровольцевъ съ турками при Алексинацѣ. Болгаринъ прямо утверждалъ, что никакой даже и битвы то такой не было, т. е. что все это такъ себѣ пустяки. Прочтите съ другой стороны описаніе митинговъ, происходившихъ раннею весною нынѣшняго года въ Нишѣ, и вы увидите, какъ нѣкоторые ораторы договаривались чуть не до того, что болгаръ совсѣмъ нѣтъ, нѣтъ по крайней мѣрѣ въ Македоніи, что болгары тамъ—выдумка, пустяки. Но такъ какъ эта выдумка вообразила себя чѣмъ то дѣйствительно существующимъ, то и надо ее упразднить—подъ знаменемъ науки, но при

помощи, разумѣется, и болѣе осязательной силы *).

Тяжба между сербами и болгарами ведется со стародавнихъ временъ. Ею умѣла пользоваться еще Византія, соблазнявшая своимъ блескомъ и своею міродержавностью тѣхъ и другихъ, стремившихся взапуски поставить на мѣсто ея—себя, т. е. не себя, какъ славянъ вообще, но себя, непремѣнно какъ сербовъ, или какъ болгаръ. Потому то власть и не могла окончательно перейти отъ все болѣе и болѣе дряхлѣвшей, даже заживо разлагавшейся Византіи къ молодымъ и здоровымъ славянамъ, а была унаслѣдована отъ византійскаго труна турками, которыхъ торжество надъ славянствомъ, по свидѣтельству сербскаго эпоса о Коссовской битвѣ, объясняется опять-таки тою-же старо-славянскою „неслогою“ и „невѣрою“.

Но уроки исторіи и въ наше время не принимаются къ свѣдѣнію, несмотря на повторяющіяся ссылки на такъ называемую „науку“. Занимаясь не тѣмъ, чтобы Македонія стала и осталась свободною, чтобы въ ней вмѣсто турчина не завелся швабъ, а тѣмъ, чтобы весь снѣтъ призвалъ, что въ ней сербы, одни только сербы,—иные изъ сербскихъ ораторовъ на мартовскихъ митингахъ ссылались на авторитетъ русскаго ученаго Майкова, другіе несочувственно отзывались о другомъ русскомъ ученомъ, неисправимомъ въ своемъ „болгарофильствѣ“, Ламанскомъ.

Только очень немногіе между сербами (исключительно юноши, ученики великой школы, въ родѣ Любомира Живковича) рѣшились говорить о томъ, что „общая оборона отъ непріятеля должна бы привести балканскіе народы ко взаимному соглашенію“, что „прежде всего такое соглашеніе нужно между сербами и болгарами“, что желательно „поскорѣе показать непріятелю, который радуется спору между народами-братьями, что солнце сильнѣе грѣетъ послѣ разсѣянныхъ тучъ“ **).

Эти тучи, конечно, могли только болѣе и болѣе скопляться отъ тѣхъ рѣчей, рѣшительно преобладавшихъ на митингахъ, въ которыхъ говорилось о неблагодарности болгаръ. „Обязанныхъ будто бы сербамъ своимъ освобожденіемъ“, или о „неумѣньи болгаръ достигнуть объединенія своею собственною силою“, или о томъ, что „болгарамъ недостаетъ того рыцарскаго духа, которымъ въ такой сильной степени одарены сербы“, а между тѣмъ „они остаются въ выгодѣ, потому что имъ изъ жалости помогла великая славянская сила—Русь (лучше и не спрашивать: за что? прибавилъ ораторъ)“ *).

Въ настоящее время, повидимому, сербы могутъ успокоиться на счетъ этого предмета ихъ ревности — русской помощи. Объявивъ, тотчасъ же послѣ Филиппопольскаго переворота, что если слияніе обѣихъ Болгарій, нарушающее Берлинскій трактатъ, будетъ признано, то и Сербія не будетъ считать себя связанною этимъ трактатомъ, сербы добились того, что ревнуемая ими къ болгарамъ Россія отстранила отъ послѣднихъ свою сильную, помогающую руку. Сербы явились такимъ образомъ не только завистниками, но и злыми разлучниками въ славянской семьѣ. Когда же они, въ довершеніе всего, еще и вторглись со своимъ войскомъ въ лишенную русскихъ офицеровъ Болгарію, они окончательно давали, казалось, сбыться чуткому предсказанію одного изъ мартовскихъ (опять-таки юныхъ) ораторовъ: „наша распря—прямая корысть для тѣхъ, вся политика которыхъ—въ словахъ Drang nach Osten“. Къ счастію, дальнѣйшія событія приняли такой оборотъ, что выйдетъ, можетъ быть, по пословицѣ: „вѣтъ худа безъ добра“.

Только одна сербская молодежь (т. е. нѣкоторые ученики великой школы) и высказала то здоровое чутье, которымъ, конечно, она и обязана своей молодости, „когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло“... т. е. еще не заскорузло, и не заплѣснѣвѣло... Часть сербской молодежи, несмотря на всю слѣпоту своихъ взрослыхъ вождей, съумѣла и посмѣла указать на то, что главное вниманіе сербовъ должно бы быть направлено не на болгаръ въ Македоніи, а на швабовъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Тѣ, которые становились на подобную точку зрѣнія, не могли уже, конечно, распаркиваться передъ Европою и тѣми великими милостями, какихъ еще могутъ отъ нея ожидать славяне (въ чемъ пресправно упражнялись въ своихъ рѣчахъ различные зрѣлые граждане и самъ достопочтенный архимандритъ Сава). „Сербскій народъ“, смѣло утверждалъ одинъ изъ юныхъ ораторовъ (Светиславъ Симичъ) былъ тою непробойною стѣной, которая защитила Европу отъ турокъ... Наши предки, въ теченіе цѣлыхъ 400 лѣтъ, боролись не на животъ, а на смерть съ непріятелями общей культуры... На эту не равную, на эту трагическую борьбу была положена вся сила народа нашего. Ну, а если мы спросимъ, что же получилъ народъ сербскій за всѣ свои громадныя, кровью дѣтей своихъ купленныя заслуги, что же получилъ онъ отъ тѣхъ, кого называютъ обыкновенно цивилизованными народами“?... Перейдя затѣмъ къ возстанію сербовъ противъ турецкаго владычества, ораторъ замѣтилъ: „ни одна европейская страна, кромѣ Россіи, и пальцемъ не пошевельнула за тѣхъ, кто отстаивалъ свою свободу“ **).

„О чемъ думали мы, не менѣе смѣло напомнилъ другой юный ораторъ (Николай Стан-

*) До особенной крайности доведенъ этотъ взглядъ въ сербскомъ календарѣ на нынѣшній годъ, изданномъ въ Вѣнѣ подъ заглавіемъ „Вардаръ“. Тутъ въ концѣ исторической статейки о болгарахъ и сербахъ сказано: „Македонія не можетъ быть болгарскою: она не была, не есть, да и не будетъ болгарскою“.

**) Рад сбора Срба-македонаца и старосербијанца држаног 3 марта 1885 г. у Нишу, стр. 200—203. Митинги, происходившіе въ Бѣлградѣ и Вранѣ, отличались вообще меньшею нетерпимостью, чѣмъ митинги въ Нишѣ.

*) Тамъ же стр. 97. 118. 130. 139. 193.

**) Тамъ же стр. 135—136.

ковичъ), когда Австрія заняла, да и до сихъ поръ удерживаетъ за собою такія земли, относительно которыхъ совсѣмъ уже и не нужно доказывать, что тамъ чистѣйшій сербскій народъ?.. Сводя счеты съ болгарскою агитаціею въ Македоніи, потеряемъ ли мы окончательно изъ виду положеніе Босніи и Герцеговины? Наша сосѣдка Австро-Венгрія съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, изыскиваетъ новые поводы—приграбить себѣ что-нибудь еще изъ уцѣлѣвшихъ пока сербскихъ правъ. А самый лучшій для нея поводъ—наши тяжбы между собою и нашъ раздоръ. Не станемъ же болѣе подавать ей подобный поводъ, а его не будетъ, если у насъ завяжутся пріятельскія отношенія не только съ Болгаріей, но и съ Черной Горой, съ Греціей и съ Румыніей, такъ какъ у насъ съ ними въ этомъ отношеніи общія и одинаковыя стремленія... Какъ ни мала наша Сербія, но при единодушіи и братскомъ споразумѣніи со славянскими народами Балканскаго полуострова, она можетъ обратить въ ничто великіе планы и соображенія той политики, у которой такъ и зарятся глаза на славянскія земли...

. . . . . .

Смѣлый и въ тоже время вполнѣ трезвый, здоровый образъ мыслей значительной части сербской молодежи составляетъ своего рода „свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ". Будь теперь живъ Достоевскій, онъ повторилъ бы то, что говаривалъ, не смущаясь ничѣмъ, у себя дома: „я въ молодежь вѣрю, я на нее надѣюсь"

Но прислушаемся къ тѣмъ голосамъ, которые доносились до насъ нынѣшнею же весною изъ несчастной, оспариваемой сербскою интеллигенціею у болгаръ, родины нашихъ Первоучителей. „Источникъ христіанской цивилизаціи для славянскихъ народовъ, писали оттуда тотчасъ же послѣ тысячелѣтней годовщины св. Меѳодія, это—Македонія, которая явила славянамъ Бога, дала имъ языкъ, и письменность. Но увы! эта то страна и есть теперь самая отверженная; она рабствуетъ, она не смѣетъ себя называть славянскою, не смѣетъ говорить, не смѣетъ молиться на своемъ языкѣ... Безъ Македоніи, сама по себѣ болгарская держава на Балканскомъ полуостровѣ не имѣетъ значенія, не имѣетъ смысла. Солунь должна составлять главныя ворота этой державы, Солунь должна быть самымъ свѣтлымъ окномъ для цѣлаго зданія. Пока Македонія не болгарская, и сама Болгарія можетъ еще стать чужою". Но эти-то ворота, это свѣтлое окно, эта святая колыбель славянскихъ Первоучителей оспаривается у славянъ единовѣрными греками, отъ которыхъ еще въ X-мъ вѣкѣ приходилось оборонять новоизобрѣтенную славянскую азбуку черноризцу Храбру. Но къ этой-же славянской святынѣ простираютъ теперь святотатственную руку—и уже безъ малѣйшей тѣни историческаго права,—коварные швабы".

Безномощность Македоніи яркими красками обрисована въ той же книжкѣ, изданной по случаю тысячелѣтней годовщины св. Меѳодія *). Послѣ тѣхъ льготъ, которыя, не смотря даже на Берлинскій конгрессъ, все-таки уцѣлѣли для Болгаріи и даже для насильственно отторгнутой отъ нея Восточной Румеліи, множество македонскихъ „первенцовъ", какъ называется въ книжкѣ македонская интеллигенція, переселились въ эти болѣе или менѣе освобожденныя страны. Другіе, оставшіеся на родинѣ, вскорѣ понали въ турецкія тюрьмы—по доносамъ услужливыхъ грековъ, православнаго греческаго духовенства, спѣшившаго вслѣдъ за тѣмъ вводить богослуженіе на греческомъ языкѣ, вмѣсто Кирилло-Меѳодіевскаго славянскаго. Остальная часть македонской интеллигенціи, соблазняемая матеріальными выгодами, поддавалась эллинизаціи, какъ когда то полячились русскіе баре въ западной Россіи, и теперь еще мадьярятся русскіе и словаки въ Венгріи. При помощи собранныхъ богатыми греками капиталовъ, успѣхи эллинизаціи въ Македоніи, посредствомъ цѣлаго полчища народныхъ учителей, стали отличаться такой быстротой, что гдѣ еще лѣтъ 10 тому назадъ были болгары, теперь уже по крайней мѣрѣ съ виду, все греки да греки. Между тѣмъ значительные успѣхи съ другой стороны сдѣланы въ Македоніи и руководимою австрійскимъ правительствомъ католическою пропагандою. Все, что при скудныхъ сборахъ съ народа, оставленнаго своими „первенцами", противопоставляютъ болгары хитрымъ потомкамъ Ромесвъ (византійскихъ грековъ) и руководимымъ нѣмцами римлянамъ (т. е. католикамъ),—составляетъ только каплю въ морѣ;—а сербы на своихъ митингахъ говорили о могучей, снабженной избыткомъ средствъ болгарской пропагандѣ!

. . . . . .

Авторъ болгарской книжки о Македоніи касается, конечно, и сербскихъ къ ней отношеній. Онъ признаетъ, что часть Македоніи населена сербами, подобно тому, какъ другая ея часть населена греками,—и что та и другая доля должна быть возвращена своимъ. Но онъ утверждаетъ, что остальная часть исключительно принадлежитъ болгарамъ, между тѣмъ какъ сербы, въ пылу разыгравшагося воображенія, увѣряютъ, что чуть ли не вся Македонія населена только ими одними. „Передъ сербами, говоритъ онъ, Босна и Герцеговина, дѣйствительно населенныя только сербами, передъ ними столько сербскихъ провинцій въ Австріи, имъ стало быть нѣтъ недостатка въ просторѣ для работы и для пропаганды, а они объявляютъ свои притязанія на страну, которая вся населена болгарами. Это плохо рекомендуетъ сербовъ, потому напаче, что посѣяетъ ненависть и злобу между двумя братскими, единоплеменными народами... Увы! И впереди это не предвѣщаетъ ничего, кромѣ безцѣльнаго раздора, безполезныхъ междоусобій въ славянскомъ

*) Македонія во время хилядогодишнината а св. Меѳодія отъ Офейкова. Пловдивъ. 1885 г.

семействѣ... Передъ нами, передъ сербами и болгарами, будущее, великое будущее, требующее взаимныхъ, дружескихъ дѣйствій противъ общаго непріятеля!.. Въ послѣднюю войну двѣ провинціи отошли отъ Болгаріи къ Сербіи. Во имя общаго интереса болгары стараются позабыть о томъ. Они имѣютъ въ виду только будущее, требующее братскихъ отношеній между славянскими народами на Балканскомъ полуостровѣ. Сербы держатся совсѣмъ противнаго. Вмѣсто того, чтобы стараться позабыть прошлое, дать зарости тѣмъ ранамъ на болгарскомъ тѣлѣ, которыя нанесены прошлою войною, они напротивъ поднимаютъ новые вопросы, создаютъ новыя причины для недоразумѣній и для вражды" *).

Это писано еще весною. Что же должны говорить теперь не только въ злополучной Македоніи, но и въ Болгаріи и Румеліи, неудачнымъ соединеніемъ которыхъ думала воспользоваться Сербія? Какимъ раздражающимъ образомъ долженъ былъ отозваться въ славянскихъ ушахъ тотъ мотивъ, который сталъ напѣвать европейскій концертъ, говоря Сербіи, что если она заставила Болгарію вывести свои войска изъ Румеліи, то цѣль ея уже достигнута. Если же Сербія главнымъ образомъ руководствовалась завистью къ болгарамъ изъ-за русской помощи, то вѣдь эта помощь была отнята еще до войны. Или сербы, объявляя войну, именно и разсчитывали на то, что этой помощи нѣтъ русскихъ офицеровъ, да не видно и тѣхъ русскихъ добровольцевъ, которые, что тамъ ни говори, сослужили же свою службу сербамъ въ 1876 г.?

Стоитъ только безпристрастно сравнить, кому слѣдуетъ, тотъ 1876 г. и нынѣшній 1885 г. Тогда за Сербію стояло все русское общество.

. . . . . .

. . . . . Гдѣ же теперь хоть согая доля того участія къ Болгаріи, на которую разбойнически напали родные братья?

. . . . . .

. . . . . .

Пусть его величество король Миланъ вспомнитъ тотъ день, когда онъ, еще маленькій князь полузависимой Сербіи, послалъ въ Славянское Общество ту, полную отчаянія, телеграмму, которая, подкрѣпленная сильнымъ въ Россіи голосомъ М. Г. Черняева (*Рукоплесканія, на долго прервавшія рѣчь*), доставила Сербіи ссуду въ 100.000, составившуюся изъ кровныхъ приношеній русскаго народа—именно народа, такъ какъ тутъ было не мало послѣднихъ копѣекъ русскаго мужика. Пусть его величество король Миланъ вспомнитъ также и Дьюнишскій погромъ и тотъ ультиматумъ нашего незабвеннаго Государя Александра Николаевича, тотъ славный его ультиматумъ, который разомъ запретилъ Турціи разгромить Сербію. Въ наше время европейскій концертъ не послалъ ничего подобнаго въ Сербію, чтобы запретить ей напасть на родственную страну. Король Миланъ не могъ жаловаться: конференція предоставляла ему полный просторъ дойти до Софіи. Съ рыцарскимъ духомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, сербы и разсчитывали вполнѣ воспользоваться предоставленною имъ carte blanche. Они были слишкомъ интеллигентны, чтобы остановиться передъ изреченіемъ: „на начинающаго Богъ". Не имъ, конечно, было разсчитывать съ другой стороны на то, что и небо въ данномъ случаѣ должно быть противъ Болгаріи, чтобы наказать Болгарію за ея неблагодарность къ Россіи. Считать же себя прямо орудіемъ Божьей кары за такую неблагодарность совсѣмъ уже имъ, сербамъ, не къ лицу!

Но если небо караетъ, то вѣдь небо и милуетъ. Достаточной карой за „неблагодарность" является, кажется, то, что должны были перечувствовать въ Болгаріи за эти два мѣсяца, когда вмѣсто ожидавшагося всѣми признанія „совершившагося факта" именно Россіею, Россіею первою, несмотря на всѣ провинности передъ нею болгарскаго правительства, послѣдовало отозваніе русскихъ офицеровъ, а затѣмъ, наконецъ, какъ особый, непредвидѣнный, разумѣется, нами выводъ практической логики сербовъ, рыцарскій ихъ наскокъ на Болгарію съ ея новосозданными дружинами.

. . . . . .

. . . . . .

Небо, повидимому, уже смилостивилось, а людя? Невольно припоминается мнѣ великій нашъ сердцевѣдъ Достоевскій. Вѣдь онъ предвидѣлъ неблагодарность къ намъ славянъ (даже всѣхъ славянъ) еще въ 1878 г. „По внутреннему убѣжденію моему, говорилъ онъ тогда, самому полному и непреодолимому, не будетъ у Россіи, и никогда еще не было такихъ ненавистниковъ, завистниковъ, клеветниковъ и даже явныхъ враговъ, какъ всѣ эти славянскія племена, чуть только Россія ихъ освободитъ... И пусть не возражаютъ мнѣ, не оспариваютъ, не кричатъ на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистникъ славянъ! Я напротивъ очень люблю славянъ, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что все точно такъ именно и сбудется, какъ я говорю, и не по низкому неблагодарному будто бы характеру славянъ, совсѣмъ нѣтъ,—у нихъ характеръ въ этомъ смыслѣ какъ у всѣхъ,—а именно потому что такія вещи на свѣтѣ иначе и происходить не могутъ". Великій психологъ понималъ, что это только обычное настроеніе всѣхъ облагодѣтельствованныхъ,—самолюбивое заподозрѣваніе ими тѣхъ, кто имъ сдѣлалъ добро, въ какихъ-то стремленіяхъ заполонить ихъ себѣ этимъ добромъ (заподозрѣваніе, имѣющее впрочемъ свои основанія въ томъ, что иные благодѣтели дѣйствительно держатъ себя высокомѣрно). „Начнутъ они, продолжалъ Достоевскій свою рѣчь о славянахъ, непремѣнно съ того, что внутри себя, если не прямо вслухъ, объявятъ себѣ и уѣдятъ себя въ томъ, что Россіи они не обязаны ни малѣйшею благодарностью, что напротивъ, отъ властолюбія Россіи они едва спаслись, при заключеніи мира, вмѣшательствомъ европейскаго концерта, а не вмѣшайся Европа, такъ

*) Македонія, и т. д., стр. 117—119.

Россія, отнявъ ихъ у турокъ, проглотила бы ихъ тотчасъ же, имѣя въ виду расширеніе границъ и основаніе великой Всеславянской Имперіи, на порабощеніе славянъ жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени".—Если берлинскій конгрессъ и отрекомендовалъ славянамъ европейскій концертъ съ такой стороны, что имъ уже не мудрено было видѣть въ немъ нѣчто предпочтительное русскому властолюбію, то первое впечатлѣніе отъ него современемъ сгладилось, а затѣмъ и самая воюющая враждебность къ славянамъ Европы могла получить съ ихъ стороны именно то истолкованіе, которое предсказываетъ тотъ же Достоевскій: „они выставятъ, какъ политическую и затѣмъ и научную истину, что не будь во всѣ эти сто лѣтъ освободительницы Россіи, такъ они бы давно съумѣли сами освободиться отъ турокъ своею доблестью, или помощью Европы, которая, опять-таки, не будь на свѣтѣ Россіи, не только бы не имѣла ничего противъ ихъ освобожденія, но и сама освободила бы ихъ... Можетъ быть, нѣлое столѣтіе, или еще и болѣе, они будутъ безпрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбія Россіи: они будутъ клеветать на Россію, сплетничать на нее и интриговать противъ нея... Особенно пріятно будетъ для освобожденныхъ славянъ высказывать и трубить на весь свѣтъ, что они—племена образованныя, способныя къ самой высшей европейской культурѣ, тогда какъ Россія—страна варварская, мрачный сѣверный колоссъ, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистникъ европейской цивилизаціи... Россіи надо серьезно приготовиться къ тому, что всѣ эти освобожденные славяне съ упоеніемъ ринутся въ Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и соціальными, и такимъ образомъ должны будутъ пережить цѣлый и длинный періодъ европеизма, прежде чѣмъ постигнутъ хоть что-нибудь въ своемъ славянскомъ значеніи и въ своемъ особомъ славянскомъ призваніи среди человѣчества. Между собой эти земляки будутъ вѣчно ссориться, вѣчно другъ другу завидовать и другъ противъ друга интриговать"... Достоевскій такимъ образомъ предвидѣлъ все—даже эту, разыгравшуюся у насъ на глазахъ братоубійственную войну *). „Долго еще, поясняетъ онъ, не поймутъ теперешніе славяне, что такое восточный вопросъ! Да и славянскаго единенія въ братствѣ и согласіи они не поймутъ тоже очень долго. Объяснять имъ это безпрерывно, дѣломъ и великимъ примѣромъ, будетъ всегдашней задачей Россіи впредь". Онъ такимъ образомъ оставался далекъ отъ того, чтобы Россія могла обидѣться славянской неблагодарностью и, обидѣвшись, махнуть на славянъ рукой, и не безъ особаго рода злорадства потѣшаться зрѣлищемъ братской рѣзни, какъ боемъ „разодравшихся пѣтуховъ". Онъ предвидѣлъ и тѣ вопросы, которые раздаются у насъ теперь: для чего это все наконецъ, и зачѣмъ брать Россіи на себя такую работу? Для чего? Для того, отвѣчалъ онъ, чтобъ жить высшею жизнью, великою жизнью, свѣтить міру великой, безкорыстной и чистой идеей, воплотить и создать въ концѣ концовъ великій и мощный организмъ братскаго союза племенъ, создать этотъ организмъ не политическимъ насиліемъ, не мечемъ, а убѣжденьемъ, примѣромъ, любовью, безкорыстьемъ, свѣтомъ... Если націи не будутъ жить высшими нѣлями служенія человѣчеству, а только будутъ служить однимъ своимъ „интересамъ", то погибнутъ эти націи несомнѣнно, окончѣютъ, обезсилѣютъ и умрутъ *). (*Рукописканія*). О какъ полезно обновлять свои духовныя силы общеніемъ съ такими идеалистами! Пощемъ же спасенія у него, у великаго учителя, отведемъ съ нимъ души отъ тѣхъ низменныхъ думъ, отъ тѣхъ будничныхъ толковъ и сплетней, въ тину которыхъ готова насъ окончательно завести та газетная мелкота, которая ищетъ себѣ вдохновенія по задворкамъ дипломатическихъ канцелярій! (*Рукописканія*).

„Бой разодравшихся пѣтуховъ, которыхъ незачѣмъ преждевременно разнимать"—вотъ до чего договорились наши вѣстовщики. Правда, и сами они вскорѣ стали искать какого-нибудь сворота въ сторону, почуявъ, что дальше по той же дорогѣ ужъ и идти некуда!..

Оставимъ этихъ живыхъ мертвецовъ хоронить свои мертворожденныя мысли,—пойдемъ за живыми, за вѣчно-живыми покойниками, за великими провозвѣстниками историческихъ судебъ.

Мы видѣли, какъ одинъ изъ нихъ заранѣе предвидѣлъ и толковалъ „неблагодарность" славянъ къ Россіи. Но онъ чуялъ при этомъ, что будетъ же и предѣлъ ихъ пресловутой неблагодарности. А что ежели предѣлъ этотъ скажется даже ранѣе, чѣмъ ему казалось? Что ежели эти самые столь „неблагодарные" къ намъ болгары въ самомъ близкомъ времени явятъ міру жизнѣйшее доказательство своей памяти о Томъ. Кто вѣчно останется дорогъ имъ, какъ долженъ быть вѣчно дорогъ и намъ... Не за горами уже великое въ славянскомъ мірѣ число—день подписанія акта объ освобожденіи крестьянъ и день подписанія Санъ-Стефанскаго договора. (*Рукописканія*).

Одно имя общаго нашего Царя-Освободителя должно бы заставить насъ все позабыть и слиться въ одномъ братскомъ чувствѣ съ родными братьями.

*) Несогласіе между славянами было предусмотрѣно также въ одной книжкѣ, вышедшей въ 1877 г. и, къ сожалѣнію, не обратившей на себя вполнѣ заслуженнаго ею вниманія. Авторъ, говоря тутъ преимущественно объ англичанахъ, обращалъ вниманіе на то, что они „постараются такъ устроить освобожденныхъ балканскихъ славянъ, чтобъ съ одной стороны они жили другъ съ другомъ какъ кошки съ собаками, а съ другой—чтобъ всѣ имѣли они образовали для Россіи новую Польшу" (Восточный вопросъ. П. Х. Весселя, стр. XI).

*) „Дневникъ Писателя. 1878 годъ (соч. Достоевскаго, т. XII. стр. 346—351).

Боже, когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ!
Да потечетъ сей потокъ исполнивъ
Ясный, какъ небо, какъ море широкій,
И, увлажая полміра собой,
Землю украсить могучей красой!

—

Оба чтенія были покрыты громкими продолжительными рукоплесканіями.

Въ концѣ засѣданія, избраны въ члены Общества предложенные совѣтомъ кандидаты.

Засѣданіе было закончено пѣніемъ хоромъ пѣвчихъ хвалебной пѣсни св. Кириллу и Меѳодію, составленной Д. Н. Соловьевымъ.

VIII.

22 ДЕКАБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Доложенный г. предсѣдателемъ проектъ смѣты доходовъ и расходовъ Славянскаго Общества въ 1886 г. собраніемъ утвержденъ единогласно.

По утвержденіи проекта смѣты, г. предсѣдатель доложилъ собранію докладъ Совѣта о выборѣ: а) въ почетные члены Общества—профессора Ореста Ѳеодоровича Миллера и б) въ дѣйствительные члены предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ, которые и были избраны собраніемъ единогласно, причемъ избраніе О. Ѳ. Миллера въ почетные члены собраніе встрѣтило громкими, продолжительными рукоплесканіями.

1886 ГОДЪ.

Въ 1886 г. состоялось 5 засѣданій, въ томъ числѣ три—14 февраля, 6 апрѣля и 23 ноября—торжественныя. Въ этихъ засѣданіяхъ происходило слѣдующее:

I.

14 ФЕВРАЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. А. Васильчикова:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ московскій, преосвященные: Германъ, епископъ кавказскій, и Серафимъ, епископъ смоленскій, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и до 1.000 посторонихъ посѣтителей.

Собраніе, за болѣзнію г. предсѣдателя Общества П. П. Дурново, было открыто его товарищемъ—П. А. Васильчиковымъ, при чемъ онъ, обратившись къ высокопреосвященнѣйшему Іоанникію, просилъ его принять на себя почетное предсѣдательство, на что его высокопреосвященство и изъявилъ свое согласіе.

За симъ предсѣдательствующій, заявивъ, что ему приходится открывать торжественное собраніе подъ свѣтомъ скорби общественной и личной по безвременно почившемъ другѣ и гражданинѣ, предложилъ присутствующимъ почтить память почившаго общимъ вставаніемъ.

Послѣ того, съ благословенія его высокопреосвященства, хоромъ А. А. Архангельскаго былъ пропѣтъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію (слова М. П. Розенгейма, музыка В. П. Главача).

По окончаніи гимна, г. секретарь прочиталъ слѣдующій краткій отчетъ Совѣта Славянскаго Общества о дѣятельности Общества въ 1885 г.:

Золотыми буквами долженъ быть вписанъ въ лѣтопись Общества 1885 годъ, ибо въ минувшемъ году, *по почину Славянскаго Общества, вся* земля Русская и *весь* міръ Славянскій торжественно чествовали день 1000-лѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, Просвѣтителя славянъ. Намять объ этомъ чествованіи, переходя изъ рода въ родъ, сохранится въ Русскомъ народѣ и у всѣхъ Славянъ цѣлые вѣка...

Сохранится, вѣримъ мы, также долго и на святой Руси и во всемъ славянствѣ память о Славянскомъ Обществѣ, которому принадлежитъ починъ чествованія 1000-лѣтія блаженной кончины св. Меѳодія.

Возобновляя въ вашей памяти въ сегодняшнемъ торжественномъ собраніи всѣ подробности чествованія 6 апрѣля 1885 г. Совѣтъ Общества не рѣшается, боясь утомить ваше вниманіе, тѣмъ болѣе, что подробное описаніе этого чествованія повсемѣстно въ Россіи Совѣтъ предполагаетъ представить вамъ въ особомъ печатномъ изданіи, если на то, по особому докладу Совѣта, послѣдуетъ ваше разрѣшеніе.

Богатые матеріалы для этого изданія, по просьбѣ Совѣта, уже доставлены въ наше Общество многими епархіальными преосвященными.

Позвольте, затѣмъ, представить вашему вниманію краткій отчетъ о дѣятельности Общества въ 1885 году.

I. Составъ Общества.

Въ 1885 г. въ составѣ Общества состояло членовъ: почетныхъ 36, пожизненныхъ 57 и дѣйствительныхъ 227, всего 320 членовъ. Въ это число, въ теченіе 1885 г., были избраны: въ почетные члены: 20 января—І. Г. Наумовичъ и В. М. Площанскій, 5 мая—министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, оберъ-прокуроръ св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ и высокопреосвященный Леонтій, архіепископъ холмскій и варшавскій, и 22 декабря—проф. с.-петербургскаго университета О. О. Миллеръ; въ пожизненные члены: 20 января—графъ С. В. Орловъ-Давыдовъ, 7 апрѣля—А. А. Журавлевъ, М. П. Ивановъ, В. А. Ратьковъ-Рожновъ и преосвященный Ѳеогностъ, епископъ владимірскій, 27 октября—Д. П. Кладищевъ и А. И. Неустроевъ и 79 лицъ въ дѣйствительные члены.

Изъ числа членовъ, состоявшихъ въ составѣ Общества въ 1885 г., 32 члена не уплатили еще своихъ членскихъ взносовъ за 1885 г. Всѣмъ имъ, согласно постановленія общаго собранія, состоявшагося 14 октября 1879 г., Совѣтомъ были посланы предварительныя напоминанія объ уплатѣ ихъ членскихъ взносовъ.

Въ минувшемъ году Общество понесло незамѣнимую утрату: 7 ноября почилъ одинъ изъ глубочайшихъ мыслителей и ученыхъ, почетный членъ Общества, Николай Яковлевичъ Данилевскій. Миръ праху его и вѣчная ему память!

II. Составъ Совѣта Общества.

Въ общемъ собраніи, состоявшемся 5 мая, были вновь избраны въ составъ Совѣта, по большинству голосовъ: предсѣдателемъ—І. П. Дурново, его товарищами: И. А. Васильчиковъ и М. А. Домонтовичъ, секретаремъ—В. И. Аристовъ, казначеемъ—В. Г. Чубинскій и членами Совѣта: А. А. Кирѣевъ, О. О. Миллеръ, П. П. Писаревскій, В. К. Саблеръ и, въ замѣнъ выбывшихъ за истеченіемъ трехлѣтія—А. А. Боголюбовъ, гр. Ѳ. Э. Келлеръ и Н. Н. Страховъ,—Г. П. Галаганъ, В. П. Ламанскій и П. П. Соколовъ.

III. Составъ редакціи „Извѣстій Общества".

Въ личномъ составѣ редакціи „Извѣстій Общества" въ 1885 г. произошла слѣдующая перемѣна: за отказомъ П. П. Страхова и П. П. Соколова отъ исполненія обязанностей редакторовъ „Извѣстій" обязанности эти приняли на себя: почетный членъ Общества, проф. К. П. Бестужевъ-Рюминъ и П. Г. Моравскъ. Подробный отчетъ редакціи „Извѣстій" о приходѣ и расходѣ суммъ въ 1885 г. будетъ представленъ Совѣтомъ въ слѣдующемъ собраніи.

IV. Комиссіи.

Въ 1885 г. при Совѣтѣ Общества состояли слѣдующія Комиссіи:

а) *Издательская* — для содѣйствія ознакомленію, по возможности, всѣхъ слоевъ русскаго общества съ міромъ славянскимъ и ознакомленія русскаго народа съ другими представителями славянскаго племени, въ составѣ членовъ Совѣта: Н. А. Васильчикова, А. А. Кирѣева и В. И. Ламанскаго, редактора „Извѣстій" К. П. Бестужева-Рюмина и членовъ Общества: Е. Е. Замысловскаго, Ѳ. М. Истомина и А. Л. Петрова.

б) *Меѳодіевская*—для обсужденія вопросовъ о чествованіи тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, въ составѣ членовъ Совѣта: В. И. Аристова, В. К. Саблера и В. Г. Чубинскаго.

в) *Владимірская* — для обсужденія вопросовъ о чествованіи 900-лѣтія со дня крещенія русскаго народа, въ томъ же составѣ.

г) *Ревизіонная* — для повѣрки приходо-расходныхъ книгъ Общества за 1885 г., въ составѣ членовъ Совѣта: Н. А. Васильчикова, П. П. Писаревскаго и П. П. Соколова.

Подробный отчетъ Издательской Комиссіи будетъ доложенъ Совѣтомъ въ слѣдующемъ собраніи.

Изъ представленнаго въ Совѣтъ Общества отчета Меѳодіевской Комиссіи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія цифры: а) На изготовленіе 330.000 изображеній св. Кирилла и Меѳодія употреблено 10.080 р.; б) За рисунокъ для обложки для жизнеописаній, за его клише и за печатаніе на обложкѣ нотъ тропаря и кондака св. Кириллу и Меѳодію заплачено 241 р. 90 к.; в) За бумагу для жизнеописаній, хвалебной пѣсни и за напечатаніе 430.000 экз. жизнеописаній и 1.000 экз. хвалебной пѣсни заплачено 9.988 р. 20 к.; г) Брошюровка, укупорка и разсылка жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія по Россіи и за-границу обошлась въ 6.856 р. 58 к. д) На выдачу премій за жизнеописаніе св. Кирилла и Меѳодія и въ вознагражденіе за разборъ сочиненій, представленныхъ соискателями премій, употреблено 600 р. Итого на изданіе и разсылку жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія израсходовано 27.766 р. 68 к.

Независимо сего Меѳодіевскою Комиссіею израсходовано: 1) Въ день 6 апрѣля, во время крестнаго хода изъ Казанскаго въ Исаакіевскій соборъ, на устройство приспособленій для раздачи народу жизнеописаній—95 р. 45 к. 2) На устройство общедоступнаго концерта, состоявшагося 7 апрѣля въ Михайловскомъ манежѣ—3.187 р. 62 к. 3) На устройство торжественнаго собранія, состоявшагося 7 апрѣля въ дворянскомъ собраніи—1.558 р. 34 к.: 1) На устройство концерта, состоявшагося 8 апрѣля въ томъ же собраніи—1.956 р. 18 к. 5) Артели посыльныхъ, и за печатаніе приглашеній, билетовъ и программъ заплачено 186 р. 60 к.; итого 7.284 р. 19 к.

На покрытіе этого расхода (27.766 р. 68 к.+ 7.284 р. 19 к.=35.050 р. 87 к.) поступило:

а) Отъ продажи жизнеописаній	21.429 р. 53 к.
б) Отъ концертовъ. . .	4.432 р. 20 к.
в) Ожидается къ поступленію за проданные и непроданные экземпляры жизнеописаній. . . .	7.478 р. 86 к.
Итого . .	33.340 р. 59 к.

Выработанный Владимірскою Комиссіею докладъ о чествованіи 900-лѣтія крещенія Русскаго народа будетъ доложенъ Совѣтомъ въ слѣдующемъ собраніи.

Ревизіонная Комиссія, разсмотрѣвъ приходо-расходныя книги Общества за 1885 г. и сверивъ ихъ съ документами, нашла, что отчетность была ведена въ полномъ порядкѣ.

V. Общія собранія членовъ Общества.

Въ 1885 г. состоялось восемь общихъ собраній, въ томъ числѣ четыре торжественныя —14 февраля, 7 апрѣля, 13 мая и 21 ноября.

Въ торжественныхъ собраніяхъ были прочитаны статьи: М. О. Кояловича (авторомъ): а) „О Грюнвальденской битвѣ 1410 г." и б) „Нѣсколько данныхъ изъ литературной исторіи Паннонскихъ житій"; О. Ѳ. Миллера (авторомъ): а) „Предъ великимъ днемъ" и б) „Первоучители славянскіе св. Кириллъ и Меѳодій"; П. С. Пальмова (авторомъ): „Объ историческомъ значеніи нынѣшняго Веденграда"; К. Н. Бестужева-Рюмина: а) (прочитанная П. П. Дурново) „По случаю празднованія 6 апрѣля" и б) (прочитанная В. И. Аристовымъ) „Духа не угашайте"; А. Л. Петрова (авторомъ): „Среди Словаковъ" и стихотворенія М. П. Розенгейма, К. К. Случевскаго и др., написанныя ко дню 6 апрѣля и по поводу сербо-болгарской войны.

Особенно торжественно было собраніе, состоявшееся 7 апрѣля, подробно описанное въ свое время въ газетахъ.

Очередныя собранія, состоявшіяся 20 января, 5 мая, 27 октября и 22 декабря, были посвящены, главнымъ образомъ, разсмотрѣнію докладовъ Совѣта о назначеніи пособій изъ запаснаго капитала нуждающимся южнославянскимъ уроженцамъ и нѣкоторымъ литературнымъ обществамъ и предпріятіямъ, выборамъ предсѣдателя и членовъ Совѣта, вмѣсто прослужившихъ опредѣленное уставомъ 3-хъ-лѣтіе, выборамъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, учрежденію Владимірской Комиссіи, утвержденію доклада Совѣта о назначеніи изъ запаснаго капитала 4.000 р., въ пособіе жертвамъ сербско-болгарской войны, и разсмотрѣнію и утвержденію смѣты доходовъ и расходовъ Общества въ 1886 г.

VI. Засѣданія Совѣта.

Засѣданій Совѣта въ 1885 г. состоялось 19.

Всѣ они были посвящены разрѣшенію неотложныхъ текущихъ вопросовъ, разсмотрѣнію просьбъ о пособіяхъ: церквамъ и литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ, пріѣзжимъ славянамъ, добровольцамъ и ихъ вдовамъ, а также разсмотрѣнію ходатайствъ славянскихъ юношей о назначеніи имъ стипендій и пособій.

Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ просьбъ были удовлетворены (5), а другія (5) переданы на разсмотрѣніе въ Комиссію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ и нѣсколько просьбъ (4), какъ не входящія въ кругъ дѣятельности Общества, отклонены.

VII. Собранія членовъ Общества по понедѣльникамъ.

Въ 1885 г. члены Общества, по примѣру 1884 г., собирались въ помѣщеніи Совѣта, по понедѣльникамъ, по вечерамъ, отъ 8 до 12 часовъ, для чтенія славянскихъ газетъ и журналовъ и для обмѣна мыслей. Всего въ теченіе минувшаго года было 30 такихъ собраній. На этихъ собраніяхъ бывало отъ 10 до 25 членовъ Общества.

VIII. Конкурсы на соисканіе премій.

Въ торжественномъ собраніи, состоявшемся 13 мая 1885 г. по случаю исполнившагося тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, учрежденъ, въ память славянскихъ Первоучителей, конкурсъ съ двумя преміями—одной въ 1.500 р. и другой — въ 500 р. за лучшее сочиненіе „о литературномъ единствѣ народностей славянскихъ".

Сочиненія на эту тему должны быть представлены въ Совѣтъ Общества не позже 11 мая 1888 г.

14 февраля и 25 декабря 1885 г. истекли сроки представленія сочиненій на соисканіе премій, установленныхъ общимъ собраніемъ, состоявшимся 14 февраля 1884 г.—первой—Кирилло-Меѳодіевской—въ 200 р. — на тему: „Представить критическій разборъ Паннонскихъ житій и житія св. Климента, съ обзоромъ литературы предмета съ 1842 года (послѣ изслѣдованія Горскаго) до послѣдняго времени и съ приложеніемъ критической оцѣнки прежде извѣстныхъ и новооткрытыхъ, римскихъ источниковъ, относящихся до славянскихъ апостоловъ и славянскаго богослуженія въ Моравіи", и второй, въ память А. Ѳ. Гильфердинга, въ 300 р., на тему: „Изложить въ хронологическомъ порядкѣ внѣшнюю исторію Венгріи, Чехіи, Польши и Руси—въ періодѣ 1092—1116 гг.

Ни одного сочиненія на эти темы въ Совѣтъ Общества не поступило.

IX. Приходъ и расходъ суммъ Общества.

I. *Приходъ.*

	По смѣтѣ назначено. Руб.	К.	Поступило. Руб.	К.
По расходному капиталу	14.000	—	19.017	86½
По основному капиталу	1.597	—	6.107	32
По запасному . .	600	—	633	—
По издательскому фонду	1.561	10	1.613	68
По специальнымъ капиталамъ . . .	217	6	236	—
Всего . .	17.975	16	27.637	86½

т. е., поступило болѣе противъ смѣты на 9.670 р. 95½ к.

Такое увеличеніе прихода объясняется:

По расходному капиталу, главнымъ образомъ, увеличеніемъ противъ предшествовавшаго года церковнаго сбора, а также отъ единовременныхъ непредвидѣнныхъ пожертвованій.

По основному капиталу — поступленіемъ запѣщанныхъ О. П. Гербель и М. И. Ивановымъ 3.300 р. и поступленіемъ пожизненныхъ членскихъ взносовъ.

II. *Расходъ.*

	По смѣтѣ назначено. Руб.	Израсходовано. Руб.	К.
1) На наемъ квартиры, содержаніе служащихъ, общія собранія и засѣданія Совѣта, на разъѣзды, печатаніе, церковныя службы и вообще веденіе дѣла	3.600	4.488	68
2) На пособіе церквамъ	1.500	1.572	20
3) На содержаніе стипендіатовъ	1.500	1.229	96
4) На пособіе добровольцамъ	1.800	1.941	80
5) На покупку книгъ и разсылку газетъ въ славянскія земли	600	711	—
6) На пособія литературнымъ предпріятіямъ .	—	1.490	50
7) На пособіе пріѣзжимъ славянамъ	600	1.715	60
8) На возмѣщеніе позаимствованныхъ изъ запаснаго капитала на изданіе жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія . . .	600	600	—
9) На уплату 5% сбора съ дохода по бумагамъ въ пользу казны, храневіе бумагъ и мелкія ссуды добровольцамъ подъ сербскія пенсіи.	—	795	43
10) На пособіе издательскому фонду	3.000	3.000	—
11) На Кирилло-Меѳодіевскую премію. . . .	200	—	—
12) На пособіе школамъ въ славянскихъ земляхъ	600	—	—
	14.000	17.535	17

Увеличеніе расходовъ объясняется:

по 1 пункту, главнымъ образомъ, усиленіемъ дѣятельности Канцеляріи Совѣта по случаю Меѳодіевскаго праздника и увеличенія поступленій по церковному сбору.

Излишнія противу смѣты поступленія доходовъ дали возможность Совѣту оказать пособіе литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ, на что по смѣтѣ не было ассигновано суммы, и оказать пособіе въ большемъ противу смѣты размѣрѣ большему числу пріѣзжихъ нуждающихся славянъ.

Кромѣ смѣтныхъ расходовъ, по опредѣленіямъ общихъ собраній, 27 марта и 26 апрѣля 1882 г. и 20 января, 27 октября и 21 ноября 1885 г., израсходовано изъ запаснаго капитала:

Безвозвратно:

	Руб.	К.
1) На пособіе жертвамъ сербско-болгарской войны	5.050	60
2) На пособіе двумъ славянскимъ литературнымъ обществамъ и одной газетѣ. . . .	4.000	—
3) На пособіе нуждающимся герцеговинцамъ	2.000	—

Съ возвратомъ:

4) Въ ссуду на три года одной славянской матицѣ	2.825	40
5) На расходы по Меѳодіевскому празднику.	5.489	86*)
Итого .	19.365	86

За произведенными расходами къ 1 января 1886 г. остается:

	Руб.	К.
Расходнаго капитала .	871	57½
Передаточныхъ суммъ .	957	44
Основнаго капитала . .	65.549	58½
Запаснаго . .	132.418	18¾
Издательскаго фонда . .	411	26
Спеціальныхъ суммъ (болгарскаго братства просвѣщенія, премій Гильфердинга и Алексѣева)	4.910	82½
Всего	205.118	87¼

Отчетъ этотъ собраніемъ принятъ къ свѣдѣнію.

Послѣ отчета, г. секретаремъ была прочитана слѣдующая телеграмма, полученная изъ Москвы отъ его высокопреосвященства Михаила, митрополита Сербскаго:

„Кириллица, прославленная тысячелѣтнею борьбою, теперь выдерживаетъ послѣднее нападеніе враговъ. Надежда утѣшаетъ, что апостольское дѣло Кирилла восторжествуетъ. Господь спасетъ вѣрныхъ славянъ. Помянемъ достославнаго борца, друга, пламеннаго патріота общеславянскаго Ивана Сергѣевича Аксакова. Слава его памяти"!

Вслѣдъ за симъ, проф. В. И. Ламанскій прочиталъ посвященную памяти И. С. Аксакова рѣчь.

Вотъ извлеченіе изъ этой рѣчи:

Дѣятельность И. С. раздѣляется на два періода: 1) съ 1843—1860 г., 2) 1860—1886 г. Ораторъ остановился преимущественно на первой половинѣ дѣятельности И. С., такъ какъ она менѣе извѣстна, чѣмъ вторая. Главнымъ источникомъ для знакомства съ этимъ періодомъ служитъ автобіографическая замѣтка самого И. С., присланная имъ В. И. Ламанскому для напечатанія въ энциклопедическомъ словарѣ П. Гершемана. И. С. Аксаковъ родился 26 сентября 1823 г. въ селѣ Куроѣдово (Надежино тожъ) Оренбургской губерніи, Белебеевскаго уѣзда. Онъ кончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1842 г. и поступилъ на службу въ Московскій сенатъ. Въ 1848 г. И. С. былъ арестованъ неизвѣстно за что, но потомъ освобожденъ. На докладѣ о немъ начальника III отдѣленія Императоръ Николай положилъ слѣдующую резолюцію: „призови, объясни, внуши, отпусти". Въ 1848 г. Аксаковъ поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ командированъ по дѣламъ о раскольникахъ сперва въ Бессарабію, а потомъ въ Ярославскую губернію, въ послѣднюю для обсужденія вопроса о едино-

*) Цифра эта составляетъ расходъ только 1885 г., а въ цифрахъ показанныхъ выше, заключается и расходъ 1884 г.

вѣрію. Въ 1850 г. Аксаковъ вышелъ въ отставку, вслѣдствіе внушенія, что „занятіе стихотвореніемъ неприлично человѣку служащему, облеченному довѣріемъ правительства", сдѣланнаго ему по поводу его поэмы „Бродяга". Въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности Аксаковъ перенесъ не мало преслѣдованій; его рукописи просматривались особенно строго, наконецъ его совсѣмъ лишили права быть редакторомъ какого либо журнала. Аксаковъ собрался было ѣхать въ кругосвѣтное плаваніе, но это ему не было разрѣшено. Во время крымской войны Аксаковъ служилъ въ Сергіуховской дружинѣ, а по окончаніи войны вышелъ въ отставку и предался исключительно литературной дѣятельности—изданію „Русской Бесѣды" и „Паруса". Литературныя произведенія Аксакова этого періода, когда геніевъ не было, а были лишь таланты, могутъ быть поставлены наряду съ произведеніями лучшихъ русскихъ писателей. Его „Утро въ гражданской палатѣ" ничѣмъ не уступаетъ „Обѣдъ" Княжнина.

Затѣмъ, В. И. Ламанскій остановился на характеристикѣ Константина и Ивана Сергѣевичей, между которыми замѣчается значительная разница. Константинъ, человѣкъ святой жизни, умершій съ тоски по отцѣ, идеалистъ, сторонился отъ практической жизни, отъ борьбы, движенія, къ которымъ стремился Иванъ Сергѣевичъ. Упомянувъ о невольномъ молчаніи Аксакова послѣ рѣчи о берлинскомъ трактатѣ, молчаніи, длившемся до 1881 г., когда всякое проявленіе мысли Аксакова преслѣдовалось, а въ то же время свободно развивались всякія заносныя нигилистическія ученія, разразившіяся страшной катастрофой 1 марта, В. И. заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Поминая Аксакова, мы поминаемъ цѣлую семью, цѣлую плеяду славныхъ именъ. Мы поминаемъ его какъ правнука, внука, сына, брата, друга, товарища славныхъ русскихъ дѣятелей, составляющихъ честь и гордость Россіи. Еще свѣжа его могила. Масса телеграммъ, панихиды, собиравшія толпы народа, рѣчи, произнесенныя у гроба, статьи журналистики русской и заграничной—все это показываетъ, кого мы потеряли. Честь, оказанную Аксакову на его похоронахъ, можно развѣ сравнить съ чествованіемъ Пушкина. Скобелева. Другихъ подобныхъ примѣровъ мало найдется..."

Послѣ рѣчи В. И. Ламанскаго, хоръ А. А. Архангельскаго пропѣлъ: „Kyrie eleyson (музыка Кюи). а г. предсѣдательствующій сообщилъ собранію поступившее въ Совѣтъ отъ одного изъ членовъ заявленіе, слѣдующаго содержанія:

Общій взрывъ глубокой скорби по Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ краснорѣчиво доказываетъ, что его смерть есть жестокій ударъ для земли русской и всего славянскаго міра, съ нею связаннаго, незамѣнимая потеря, сознаваемая каждымъ русскимъ, въ которомъ сколько нибудь живо благородное чувство истиннаго патріотизма. Значеніе Аксакова для настоящей эпохи жизни русско-славянскаго міра теперь вполнѣ сознается всѣми лучшими органами нашей печати. Но эта же самая смерть великаго борца за правду и проповѣдника истины должна способствовать къ пробужденію въ русскомъ обществѣ тѣхъ сторонъ его жизни, которыя, въ силу обстоятельствъ, остаются такъ долго заглохшими; онѣ вызывали со стороны Аксакова много могучаго краснорѣчія. далеко не всегда побѣждавшаго закоренѣлые недостатки культурныхъ слоевъ нашего общества. Необходимость закрѣпленія духовной связи великой земли русской съ остальнымъ міромъ славянскимъ, есть одна изъ истинъ, которой Аксаковъ посвятилъ много тяжелыхъ трудовъ и духовныхъ силъ въ борьбѣ. Этой идеѣ вѣрно служатъ, во сколько допускаетъ возможность, и существующія въ Россіи Славянскія Общества. Но и для нихъ много представляется тяжелаго и мало благодарнаго труда. Не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что недостатокъ сознанія русско-славянской идеи и сочувствія въ русскомъ обществѣ служитъ однимъ изъ главныхъ препятствій къ развитію его самостоятельной жизни. Независимо отъ ложнаго направленія жизни нашего общества вообще, этотъ важный недостатокъ происходитъ отчасти и отъ значительнаго пробѣла въ образованіи нашихъ культурныхъ слоевъ, въ которомъ допускается почти совершенное невѣдѣніе исторіи и жизни славянскихъ народностей. Съ ними знакомъ лишь ученый міръ, посредствомъ ученыхъ изслѣдованій и сочиненій: популярныхъ же изданій, способныхъ развить въ массѣ общества знакомство съ самыми даже близкими намъ по крови народностями славянскими и возбуждать къ нимъ живое сочувствіе всѣхъ слоевъ общества, у насъ почти вовсе нѣтъ. и въ нихъ то чувствуется громадный недостатокъ.

Смерть людей, замѣчательныхъ въ сферѣ мысли и поэзіи, обыкновенно вызываетъ потребность увѣковѣчить ихъ полезное для отечества существованіе устройствомъ въ память ихъ, или общеполезныхъ учрежденій, или стипендій ихъ имени и т. п.; среди членовъ Совѣта здѣшняго Славянскаго Общества возникла слѣдующая мысль: въ числѣ всего того, что несомнѣнно будетъ устроено въ память Аксакова, собрать достаточный капиталъ, чтобы посредствомъ его содѣйствовать изданіямъ различныхъ сочиненій, въ видѣ сборниковъ, книгъ, брошюръ и даже иллюстрированныхъ изданій, могущихъ знакомить читающую публику съ исторіею, бытомъ и нынѣшнимъ положеніемъ славянскихъ народовъ, внѣ границъ нашего государства. Такое дѣло будетъ способствовать достиженію цѣли, необходимаго сближенія русскаго общества съ народностями и безъ того намъ близкими по исторіи и племени, но оттолкнутыми отъ живой съ нами связи силою непреодолимыхъ обстоятельствъ.

Заявленіе это принято собраніемъ къ свѣдѣнію.

Затѣмъ хоромъ г. Архангельскаго пропѣтъ псаломъ: „Умягчи мою душу".

Послѣ краткаго перерыва, г. секретарь

прочиталъ написанную проф. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ статью, слѣдующаго содержанія:

„Ровно пять лѣтъ тому назадъ въ первый разъ собрались мы въ торжественное собраніе помянуть Ѳ. М. Достоевскаго. Сегодня пришлось намъ такъ неожиданно собраться на поминки по Аксаковѣ и Даниловскомъ—двухъ благородныхъ сердцахъ и высокихъ умахъ, такъ рано насъ оставившихъ. Рѣдко наше годовое собраніе не омрачалось чувствомъ свѣжей, горькой утраты, но никогда это чувство не было такъ ѣдко, какъ пять лѣтъ тому назадъ и сегодня. Пять лѣтъ тому почилъ великій сердцевѣдецъ, учившій правдѣ и добру молодое поколѣніе. Истинно русскій и православный въ душѣ, онъ былъ и нашимъ учителемъ въ этомъ смыслѣ. Вѣщимъ словомъ своимъ онъ указывалъ на путь духовнаго возрожденія и звалъ всѣхъ на этотъ путь. Скорбью и страданіемъ достигъ онъ той духовной высоты, на которую обращались взоры стоявшихъ долу и которая привлекала ихъ къ себѣ, какъ городъ, стоящій на горѣ.

Сегодня собрались мы вмѣстѣ скорбѣть о новомъ тяжеломъ ударѣ, нанесенномъ судьбою русскому обществу. Отъ насъ ушелъ послѣдній изъ той славной группы, которая первая ясно сознала основы русскаго и славянскаго духа и на нихъ построила величавое зданіе ученія, которое мы принимаемъ всею душою и которому стараемся служить по мѣрѣ силъ каждаго изъ насъ. Давно уже нѣтъ ни одного изъ тѣхъ, которые клали первыя основы этого зданія и только что ушелъ отъ насъ и тотъ изъ созидателей, который, приставъ къ нимъ послѣ другихъ, дойдя до сходныхъ съ ними результатовъ своимъ путемъ, положилъ свой камень въ общее зданіе. Мы говоримъ о Даниловскомъ. Но между нами жилъ и дѣйствовалъ великій боецъ за идеи, высказанныя когда-то великими теоретиками. Онъ пришелъ послѣдній работать на ниву и исполнилъ завѣтъ великаго мыслителя и вѣщаго поэта славянства:

Не кину плуга, рабъ лѣнивый,
Не отъѣду я отъ него,
Покуда не прорѣжу ниву,
Господь, для сѣва Твоего.

Стихи эти пришли на память ему самому въ послѣдніе дни его жизни: мы находимъ ихъ въ письмѣ его къ П. А. Безсонову. Онъ угасъ, не отводя руки отъ плуга. Тридцать лѣтъ онъ неустанно работалъ, отдыхая только тогда, когда обстоятельства или болѣзнь побуждали его къ отдыху. Многочисленное стеченіе людей, собравшихся проводить его въ послѣднее жилище, единогласные отзывы всѣхъ уважающихъ себя органовъ печати—громко говорятъ, что трудъ его принесъ свой плодъ.

Вспомнимъ, многіе ли знали, когда угасъ Хомяковъ, когда сошелъ съ поприща К. Аксаковъ? Въ то время не было еще Славянскихъ Обществъ, а существованіе въ Москвѣ скромнаго кружка, называвшагося Славянскимъ Благотворительнымъ Комитетомъ, почти никому не было извѣстно. Тогда умы заняты были другими вопросами и самая крымская война почти никому не представлялась съ славянской точки зрѣнія. Но вотъ люди, проникнутые славянскою идеею, много послужили великому русскому дѣлу, на вѣки прославившему 19 февраля 1861 г. Появились они и въ рядахъ первыхъ мировыхъ посредниковъ и въ первыхъ земскихъ собраніяхъ. Въ ту же пору чаще и чаще сталъ раздаваться мощный голосъ И. С. Аксакова; начали появляться подъ его редакціею журналы, и хотя всѣ они по обстоятельствамъ не продолжались долго, но къ голосу его стали прислушиваться; славянская идея спустилась съ своей теоретической вершины. Главная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ безспорно Аксакову. Рядомъ съ этимъ и Славянскій Благотворительный Комитетъ началъ выходить изъ своей замкнутости. Во главѣ его стоялъ тогда уже старый, но полный жара молодости „сердитый стоятель за народъ, за Москву, за русскую землю"—М. П. Погодинъ. Приведенная нами характеристика Погодина изъ юбилейной рѣчи тогдашняго московскаго головы столь же хорошо примѣняется и къ Аксакову: онъ былъ такой же „сердитый стоятель" и честно и грозно держалъ онъ свое знамя. Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Погодина, а потомъ Аксакова, дѣлалъ свое дѣло. Погодинъ началъ служить ему давно: его русское чувство, его историческій инстинктъ, который замѣнялъ ему теоретическія соображенія и не покидалъ его почти никогда, подсказалъ ему то, что смутно еще носилось въ умахъ. Еще въ 30-хъ годахъ онъ заговорилъ о славянствѣ и въ актовой рѣчи, и въ оффиціальныхъ запискахъ; ему же въ значительной степени обязаны мы каѳедрами славяновѣдѣнія; обо всѣхъ заслугахъ Погодина говорить здѣсь не мѣсто. Старикъ Погодинъ и молодой еще тогда Аксаковъ, оба рожденные публицисты, оба призванные будить сознаніе, сошлись въ одномъ дѣлѣ. Памятный намъ пріѣздъ славянъ состоялся въ 1867 г. Съ этого событія начинается самое существованіе нашего Общества, тогда еще Отдѣленія Московскаго Комитета. Одинъ изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ даровитыхъ представителей славянской идеи, незабвенный А. Ѳ. Гильфердингъ, сталъ во главѣ Отдѣла. Отдѣлъ былъ въ постоянной тѣсной связи съ Обществомъ, одна и та же мысль руководила и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Погодина, который въ послѣднее время былъ только знаменемъ, не стало; Гильфердингъ угасъ еще ранѣе. Аксаковъ остался во главѣ Общества. Всѣ еще помнятъ это блестящее время его дѣятельности, о которомъ онъ и самъ помянулъ въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей,—о той порѣ много говорено было и въ журналахъ: всѣ помнили и участіе его въ движеніи 1876 г. Московское Общество закрыли; но скоро явилось Аксакову другое поприще дѣятельности — съ конца 1880 г. начала выходить „Русь". Говорятъ, у этого журнала было мало подписчиковъ, но теперь

у гроба Аксакова оказывается, что у нея было много почитателей, а потому и надѣемся, что когда соберутъ и издадутъ его произведенія, окажется и читателей много. Статьи Аксакова писались не для одной минуты, вообще минутъ онъ не служилъ, но минуты бываютъ разныя. Писалъ онъ кровью, если можно такъ выразиться; каждая высказанная имъ мысль была или порывомъ надежды, или горькимъ плодомъ разочарованія; онъ жилъ въ своихъ писаніяхъ и голосъ его

Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ иль бѣдъ народныхъ.

Эти торжества и эти бѣды захватывали все его существованіе. Оттого и къ голосу его прислушивались всѣ мыслящіе люди и, черезъ посредство разныхъ другихъ органовъ, мысли его, хотя и медленно, но переходили въ общее сознаніе. Наступаетъ теперь пора для общества ближе познакомиться съ идеями славянскими изъ первыхъ рукъ. Пусть же соберутъ его статьи и стихотворенія—читать ихъ будутъ, и собранныя онѣ будутъ еще краснорѣчивѣе: окажется, что одно чувство, одна мысль, одна забота—единитъ ихъ всѣ. Чувство любви къ родинѣ, мысль о великомъ призваніи славянскаго племени, забота о томъ, чтобы суета дня не отвлекала бы насъ, хотя бы и на время, отъ великой поставленной намъ исторіей задачи.

Да проникнемся же мы всѣ этимъ чувствомъ, этою мыслію, этою заботою; да не останется безплоднымъ наше горе надъ могилою великаго гражданина, да послужитъ намъ маякомъ его неустанная дѣятельность. Не каждому дано его мощное слово, его любвеобильное сердце, но каждый можетъ и долженъ служить всѣми своими силами тому же дѣлу, которому онъ служилъ.

Послѣ статьи К. Н. Бестужева-Рюмина хоръ г. Архангельскаго пропѣлъ: „Ночь“, Баха.

Въ заключеніе О. Ѳ. Миллеръ сказалъ слѣдующую рѣчь, также посвященную памяти И. С. Аксакова:

Событія все болѣе и болѣе усложняются, въ двери стучится роковой „историческій день“ съ его запросомъ на живыя, твердыя силы, „гроза близится“, какъ выразился въ своей самой послѣдней печатной строкѣ покойный.—

А люди уходятъ, все лучшіе люди!

Содрогнется же ли наконецъ наше вѣтреное племя?

Мы дружно проводили въ могилу Аксакова, проводили именно *дружно* съ забвеніемъ, повидимому, всякихъ старыхъ счетовъ, съ подавленіемъ всякаго духа партіи. Но насъ начинаетъ уже разбирать раздумье. Не слишкомъ ли много мы выказали и высказали относительно покойнаго, не пора ли поудержать свой пылъ, впротрезвиться въ своемъ увлеченіи. Но тѣ, которые задаются такими вопросами, знаютъ ли они хорошенько Аксакова, много ли они прочитали его статей и многое ли изъ нихъ запомнили? Самъ покойный замѣтилъ какъ-то разъ въ своемъ „Днѣ“, что у насъ слѣдовало бы вторично печатать одинъ и тѣ же передовыя статьи, года два спустя послѣ ихъ появленія. Дай-то Богъ, чтобы мысль объ отдѣльномъ изданіи всѣхъ его передовыхъ статей была поскорѣе приведена въ исполненіе. Такое изданіе могло бы послужить для нашего общества самою лучшею школой общественной доблести.

А трудно было Аксакову, ему, какъ и старшимъ, ранѣе его умершимъ сподвижникамъ, вырабатывать въ себѣ эту доблесть. Порою тяжелаго испытанія была для нихъ самая заря жизни. Вотъ какъ вспоминалъ объ ней Иванъ Сергѣевичъ въ передовой статьѣ „Дня“, 1-го января 1862 г.:

„Одинокая нарождалась мысль, созрѣвала и увядала въ одиночествѣ, безъ осуществленія, безъ дѣла, безъ приложенія къ жизни. Казалось, въ непробудный сонъ были погружены и народъ, и общество, и ничто не могло вызвать Русь изъ этого томительнаго застоя! Хоть бы движеніе, хоть бы звукъ живаго вольнаго слова!... Да, помнимъ мы эти печальные годы, когда не знали мы, куда дѣвать ненужный, праздный избытокъ силъ, и проклинали молодость, какъ тягостное бремя!“

Мысль ихъ созрѣвала и увядала въ одиночествѣ, потому что ей, какъ и всякой другой сильной мысли, нельзя было высказываться открыто и открыто вести борьбу съ противною мыслью. Имъ нельзя было выяснять и отстаивать настоящій смыслъ тѣхъ словъ своего исповѣданія, которыя громко раздавались надъ ихъ головой, но опозоренныя и опошленныя. Нельзя было нападать на противниковъ, останавшихся, искренно или притворно, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ такой профанаціи,—нельзя было уже потому, что имъ было такъ удобно ссылаться на свою безотвѣтность и безоружность. Вотъ въ эту-то пору и вылились изъ пылкой, наболѣвшей души И. С. Аксакова стихи, которымъ можно было появиться въ печати только десять лѣтъ спустя.

„Пусть стлѣетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы! Вы не нужны!
Засни ты, духъ! Давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!
Безплодны всѣ труды и дѣянья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ одиночества,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!
Такъ сокрушись, души гордыня,
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Силошнаго зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!
Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ,
Въ борьбѣ тупой, пустой, нѣмой!
Ликуй же, ложь! и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,

Казни, пари и торжествуй!
Слабѣйте-жъ силы, вы не нужны,
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!"

Но такая нота отчаянія, никогда еще, можетъ быть, не звучавшая у насъ такъ сильно, какъ прозвучала она тутъ у Аксакова, не могла оставаться постоянною господствующей нотой въ его поэзіи. Въ немъ было слишкомъ много бодрой силы, и онъ слишкомъ хорошо сознавалъ, что должна же, наконецъ, наступить пора, когда сдѣлается возможна открытая борьба съ ложью... Общее и господствующее впечатлѣніе его поэзіи оставалось закаляющимъ нравственныя силы въ горнилѣ терпѣнія и выносливости. Недаромъ онъ говорилъ про себя въ 1850 г.:

„... Понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла,—и намъ въ замѣну ихъ
Борьбы глухой достался подвигъ скучный.
Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности дукавые порывы
Опасны намъ—затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы!
Есть путь иной, гдѣ вѣра не легла,
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень.
Невзрачный путь! Тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья;
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья..."

Вокругъ себя между тѣмъ замѣчалъ онъ не мало людей, которые только ссылались на трудности борьбы, на невозможность настоящаго жизненнаго дѣла, людей, только извинявшихъ всѣмъ этимъ свою собственную лѣнь и дряблость. Вотъ какую отповѣдь прочиталъ имъ Аксаковъ еще въ 1848 г.

„Смотри! Толпа людей, нахмурившись, стоитъ;
Какой печальный взоръ! Какой здоровый видъ!
Какимъ страданіемъ томятся неизвѣстнымъ,
Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣсным,
Они рѣчь умную, но праздную ведутъ;
О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ,
И тратятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!
Ужели пламя ихъ добра не принесетъ?
Досада тайная подчасъ меня береть,
И хочется мнѣ имъ, взамѣнъ досужей скуки,
Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки;
И, толки прекративъ объ участи людской,
Работниковъ изъ нихъ составить подъ шихой!"

Но вотъ, наконецъ, прошла та пора, на которую жаловались и эти люди фразы, тогда какъ для нихъ она скорѣе была удобною, и именно съ прекращеніемъ ея и должна была оказаться вся ихъ негодность. Съ воцареніемъ Государя Александра Николаевича наступила, наконецъ, пора, когда настоящимъ, притаившимся только, силамъ стало возможно дѣйствовать на просторѣ... Прежде всего стало явнымъ и несомнѣннымъ, что правительство не желаетъ болѣе слушаться мудрости Екатерининскаго „Наказа", утверждавшаго со словъ Монтескье, „будто не слѣдуетъ вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ". Въ 1857 году уже открыто сказалась воля покойнаго Государя порѣшить, наконецъ, не внимая никакимъ застращиваніямъ и воспользовавшись своею самодержавною властью, съ роковымъ крестьянскимъ вопросомъ. И вотъ И. С. Аксакову можно было привѣтствовать наступающій 1858 г. извѣстными стихами:

„День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ.
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день.
Съ соннымъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно, прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ...
Пусть ночіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ.
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.
Слышишь: новому онъ лету
Пѣснь радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ съ братьевъ снявшимъ гнетъ.
Людямъ миръ, благословенье;
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ".

Но трезвый, мужественный духъ поэта, съумѣвшій въ свое время удержаться отъ отчаянія, не могъ окончательно отдать себя и во власть надеждамъ. Онъ чуялъ, какъ трудно идеѣ перейти въ дѣло, какой грубый отпоръ чистотѣ принципа дается обыкновенно неохотно поддающеюся ему дѣйствительностью... Онъ понималъ, что болѣзни, что роковыя послѣдствія болѣзней излечиваются не сразу, онъ видѣлъ, зоркимъ своимъ глазомъ видѣлъ, какъ упорно держатся общественные недуги и тамъ, куда загляпулъ онъ не ради развлеченія и отдыха въ 1860 году, пробираясь въ славянскія земли, на европейскомъ Западѣ, и вотъ въ Мюнхенѣ вылились изъ подъ его пера стихи, въ которыхъ то, что называется у нѣмцевъ *міровою скорбью* (Weltschmerz), звучитъ можетъ быть съ такой силой, какой не бывало ни у одного изъ нашихъ байронистовъ.

„Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою
Мнѣ пора бы склониться давно,
Порѣшить я намѣренъ съ тоскою,—
Но могу-ли? Удастся-ль оно?
Отвращусь-ли отъ грустной юдоли,

Убаюкаю-ль скорбные сны—
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Самъ своей я боюсь тишины.
. . . . . .
Все какъ будто готовлю измѣну
Я великому множеству ихъ—
Обреченныхъ работѣ и плѣну
Бѣдныхъ, страждущихъ братьевъ моихъ!
. . . . . .
А сдается—наль всей безконечной
Жизнью міра проносится стонъ.
Стонъ тоски міровой, вѣковѣчной,
Порожденной въ пучинѣ времепь,—
Въ тѣ творенія дни молодые,
Какъ собравшись на жизненный пиръ
Человѣческимъ вонлемъ впервые
Огласился ликующій міръ...
Съ той поры и новынѣ ты съ нами
Неразлучно проходишь вѣка,
О всесильная, ветхая днями,
О владычица міра, тоска!"

По возвращеніи изъ-за границы, дождавшись, наконецъ, радостнаго дня 19 февраля, но встрѣтивъ его уже не съ отцомъ, не съ братомъ Константиномъ Сергѣевичемъ и не съ А. С. Хомяковымъ (они умерли одинъ за другимъ, на самомъ рубежѣ обѣтованной земли), Иванъ Сергѣевичъ, разставшись съ Русской Бесѣдой, получаетъ, наконецъ, право стать редакторомъ собственнаго органа—еженедѣльной, составившей у насъ своего рода эпоху, газеты „День". Она стала выходить, какъ извѣстно, въ самый годъ освобожденія крестьянъ—съ осенней его поры.

Въ передовыхъ статьяхъ публициста продолжалась поэзія—поэзія въ мысли и въ оборотахъ, самый возвышенный и самый глубокій лиризмъ.

Вспомнимъ начало первой статьи.

„Мелкій дождь мороситъ, не переставая; сыро, мокро, скользко... Безотрадно пустику. Но что же внезапно, сквозь туманную пелену воздуха, поражаетъ и приковываетъ и радуетъ взоръ... Это озими... это зеленые всходы будущей жатвы..."

„И мы всей душой, всѣмъ сердцемъ,—душой, наболѣвшей отъ долгаго, тщетнаго ожиданія, сердцемъ, не устававшимъ любить и вѣрить,—съ радостнымъ упованіемъ, привѣтствуемъ молодые, зеленые всходы Русской земли, первые шаги пробуждающейся народной жизни!... 19-мъ февраля 1861 г. начинается новое лѣтосчисленіе Русской исторіи..."

„Внѣ народной почвы нѣтъ основы..." продолжалъ Аксаковъ, усматривая въ освобожденіи крестьянъ толчекъ и къ будущему развитію на просторѣ, развитію во всю его глубь и ширь настоящаго народнаго духа, прикосновеніе съ которымъ должно послужить живою водою и для насъ—для русскаго образованнаго общества. Въ слѣдующемъ № „Дня" (21 октября) народъ уже прямо представляется Аксакову призывающимъ всѣхъ насъ къ отвѣту:

„Если народъ, наконецъ, подымется усталыя отъ долгой дремоты очи... говорить Аксаковъ, что скажетъ онъ? Куда дѣвали вы порученные вамъ дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили вы духовныя сокровища? Что сталось съ моимъ обычаемъ, вѣрою, преданіемъ, моею прожитою жизнью, моимъ долгимъ и горькимъ опытомъ?.. Гдѣ наука, вами взращенная? Гдѣ мое живое, изобразительное, свободное слово?.. Какого хламу напесли вы на мою почву?.. Нѣтъ, вы не мои, вы безобразные снимки съ другихъ народовъ, поди-те къ нимъ, если они васъ примутъ. и не зваю васъ, вы мнѣ не нужны, вы *чужды мнѣ*, скажетъ народъ, пробуждаясь къ сознанію,— и смететъ ихъ, какъ соръ, свѣжая струя воскреснаго народнаго духа!" Аксаковъ понималъ, что слова его озадачатъ. Но онъ едва ли смягчилъ впечатлѣніе тѣмъ, что „еще не наступила пора". И хотя мы почти увѣрены, заключилъ онъ, что голосъ нашъ раздается напрасно, но примѣняясь къ предмету настоящей рѣчи, скажемъ и мы: „Пусть вовлекающаго въ пустынѣ, уготовайте путь Господень!.. Покайтесь!"

Зорко слѣдя за всѣми явленіями новой поры, далекій отъ безусловнаго увлеченія ею, въ статьѣ 11 ноября 61 г. Аксаковъ замѣчаетъ:

„Потянуло новымъ, еще не передышапнымъ воздухомъ... Но движеніе свѣжей воздушной струи *ускоряетъ* самое разложеніе... Нравственная среда вашего общества исполнена заразительныхъ и мертвящихъ испареній, но противъ нихъ *нѣтъ другаго имѣнія*, какъ преизбытокъ того же воздуха, усилившаго и ускорившаго тлѣнье. ...Настежъ же двери и окна,—пусть безъ помѣхи и затворовъ льется онъ къ намъ свободно вольнымъ, свѣжимъ цѣлебными струями!.."

Обращаясь къ ближайшимъ послѣдствіямъ освобожденія крестьянъ, къ измѣнившемуся положенію общественныхъ классовъ, онъ останавливается на томъ, что такое теперь его собственное сословіе—дворянство? Онъ находитъ, что оно, слава Богу, избавилось отъ своего самаго существеннаго у насъ отличія, своей еще столь недавней печальной „прерогативы", и спрашиваетъ: за что же держаться ему теперь?

„За отличіе *по происхожденію*? По русское дворянство гордится только однимъ русскимъ происхожденіемъ, и всегда признавало и признаетъ, что тщеславиться *породою*—безнравственно само по себѣ и несовмѣстно съ достоинствомъ человѣческимъ... ...Нравственное единство и цѣльность Русской земли, столь желанныя и столь необходимыя для ея преуспѣянія, были бы рѣшительно невозможны, еслибъ въ началѣ втораго тысячелѣтія ея историческаго бытія было создано новое привилегированное сословіе или аристократія на западный ладъ..."

Въ заключеніе Иванъ Сергѣевичъ хотѣлъ бы угадать мысли нашего дворянства, хотѣлъ бы имѣть право отъ его имени заявить, что оно „считаетъ долгомъ выразить правительству свое единодушное и рѣшительное желаніе, чтобы ему было позволено: *торжественно передъ лицомъ всей Россіи совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія*" (№ 6 января 1862 г.). Дворянство, по мнѣнію Аксакова, могло бы удовольствоваться тѣмъ пре-

имуществами образованія, которыя до сихъ поръ были ему болѣе доступны, чѣмъ всѣмъ другимъ классамъ общества, и которыми ему предстоитъ воспользоваться для блага общаго.

Вотъ тутъ-то и открывается рядъ знаменитыхъ статей «Дня» *объ обществѣ*.

17 марта 1862 г. онъ пишетъ:

«Общество создается не верхнимъ и не среднимъ сословіемъ, не мужиками и не дворянами, а создаютъ его только *образованные* люди, или, вѣрнѣе, люди всѣхъ сословій и состояній *безразлично*,—связанные между собою тѣмъ уровнемъ образованія, при которомъ становится возможною дѣятельность общественная, выражающаяся въ наше время въ литературѣ. *Никакіе парламенты*, генеральные штаты, собранія государственныхъ чиновъ не выскажутъ настоящей мысли всенародной; они составляютъ меньшинство по отношенію къ тому множеству, котораго думаютъ быть представителями... Англійскій парламентъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ есть *безъ англійской прессы*... Выше народныхъ, ограниченныхъ въ числѣ, и во времени, и въ пространствѣ представительныхъ собраній—стоитъ самъ народъ или общество, какъ тотъ же народъ, но самосознающій и развивающійся... ему надо поле пошире, и такимъ вполнѣ собственнымъ полемъ для общественнаго слова есть—*печать*».

На печать, какъ на могучее орудіе общественной мысли, Аксаковъ, какъ и вся его школа, имѣлъ свой особый, своеобразно выражаемый взглядъ, подробно развитый Иваномъ Сергѣевичемъ еще въ статьѣ 10 марта:

«Сила общества, какъ явленія не политическаго, есть сила *нравственная*, сила общественнаго мнѣнія». Орудіе дѣятельности общества есть *слово*, и по преимуществу печатное слово, разумѣется, *свободное*. Напрасно воображаютъ вѣкоторые, что свобода слова устнаго или печатнаго есть *политическая* свобода. Послѣ этого и свобода ѣсть, пить, спать, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами есть также политическая «прерогатива». «Между тѣмъ, свобода слова, свободный обмѣнъ мыслей, чувствъ, мнѣній, необходимый для нравственной дѣятельности, относится точно такъ-же къ сторонѣ нравственной человѣка, какъ свобода спать, ѣсть къ сторонѣ физической. Злоупотребленіе слова такъ-же возможно, какъ и злоупотребленіе рукъ, но если бы въ предупрежденіе золъ, которыя можно учинить руками, связать всѣмъ людямъ руки за спину, то уничтожилась бы всякая возможность дѣятельности, слѣдовательно и существованія какъ связываемыхъ, такъ и вяжущихъ...»

Главная бѣда нашей исторической жизни, по мнѣнію Аксакова, и заключалась въ томъ, что «между государствомъ и землею не было той среды, которую мы называемъ *обществомъ* и которая—независимою духовною дѣятельностью народнаго самосознанія—могла бы придать силу земской стихіи и *сдержать напоръ государственнаго начала*; въ теченіе восьми вѣковъ не создалось у насъ ни училищъ, ни литературы, и грѣхъ нашего всенароднаго невѣжества, нашего нравственнаго и умственнаго бездѣйствія далъ временную побѣду стихіи дѣятельной, но чуждой нашей народности...» Иванъ Сергѣевичъ говоритъ тутъ о томъ явленіи нашей древней жизни, которое впослѣдствіи называлось у Ѳ. М. Достоевскаго «недостаткомъ культуры». Именно невыработанность *своей* культуры и по взгляду Достоевскаго вызвала у насъ, наконецъ, нетерпѣливое стремленіе обзавестись ею сразу, выписать ее изъ-за моря при ближайшемъ участіи правительственной власти. Именно такимъ характеромъ нашей запоздалой культуры и объясняется то, что мы уже слишкомъ много заботъ возложили на попечительное правительство. Вотъ что писалъ объ этомъ Аксаковъ 12 января 1863 г. «Правительство награждай въ насъ любовь къ Богу и ближнему, развивай таланть.... забавляй насъ, одѣвай, умывай, молись, сочиняй, вѣруй, надѣйся, люби, негодуй, даже, наконецъ, либеральничай за насъ, или поучи насъ либеральничать, если либерализмъ оказывается нужнымъ и полезнымъ винтомъ въ государственной машинѣ...»

Примѣромъ нашей общественной лѣни служитъ ему слѣдующее:

«Православные храмы въ Бѣлоруссіи находятся въ бѣдности... Но мы совершенно хладнокровно относимся къ этому позору и предоставляемъ строить церкви въ западно-русскомъ краѣ... кому-же? Самому правительству!.. Гдѣ въ мірѣ слыхано и видано, спрашиваетъ Аксаковъ, чтобы правительство строило церкви цѣлому народу»?

Построеніе въ Бѣлоруссіи храмовъ связывалось съ подвитіемъ въ нашемъ Западномъ краѣ забитой русской народности, о которой пришлось, наконецъ, вспомнить при дерзкихъ притязаніяхъ на этотъ край польской справы, заявленныхъ въ 1862—63 гг. Аксаковъ имѣлъ на польскій и западно-русскій вопросъ или, лучше сказать, на способы его рѣшенія свой особенный взглядъ, рѣзко отличавшійся отъ взгляда другаго вліятельнаго московскаго органа.

«Чтобы *обрусить*, писалъ онъ 23 марта 63 г., надо быть *русскимъ*, а *русскимъ то* между нами и нѣтъ... Что дѣлаетъ русское общество въ то самое время, когда мы такъ бѣдны и слабы общественною силою?.. 275.000 русскихъ, ухватившихъ въ 1860 г. за границу, служатъ самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ... Это почти цѣлая четверть русскаго дворянства... Хороши русскіе выйдутъ эти несчастныя дѣти, такъ деспотически лишаемыя родителями всего, что можетъ дать только отчизна: общаго единства жизни съ русскимъ народомъ, роднаго быта, связывающаго дитя неуловимыми нитями съ его землею... впечатлѣній родной природы, непосредственнаго дѣйствія на умъ и душу народнаго ума, народной рѣчи...»

Говоря объ *обрусеніи*, Аксаковъ къ тому же имѣлъ въ виду не что иное, какъ возвращеніе въ лоно русской народности того, что ей несомнѣнно принадлежало. Другіе готовы были въ своемъ особенномъ смыслѣ *обруси-*

вать и чужое, ссылаясь въ сущности не на что иное, какъ на *право меча*. Въ отпоръ этимъ людямъ Аксаковъ писалъ 4 мая 1863 г.: „Мы не считаемъ *цѣну крови* основаніемъ какого либо *права*. Это не принципъ, а фактъ, упраздняемый другимъ подобнымъ же фактомъ... Если-бы всякій послѣдній совершившійся фактъ возводить на степень права, то это бы значило давать торжествовать насилію... т. е. чья возьметъ, кто кого пересилитъ... Человѣкъ не можетъ довольствоваться такимъ основаніемъ для своего права, его совѣсть ищетъ оправданія факту...“

11 мая 63 г. онъ къ этому прибавилъ:

„Мы, русскіе, не должны отказываться отъ коренныхъ свойствъ нашего народнаго характера и насиловать наше народное благодушіе. Намъ незачѣмъ учиться штатсъ-наукѣ у нѣмцевъ, мы никогда не будемъ такими мастерами въ темномъ искусствѣ — угнести, стереть, обезнародить чужую народность, какъ пруссаки или австрійцы“.

Съ окончательною ясностью высказался онъ 20 іюля 1863 г.

„Въ Бѣлоруссіи мы у себя дома, въ Россіи, чувствуемъ и сознаемъ себя вполнѣ и по праву *хозяевами*... здѣсь мы въ правѣ не терпѣть польскаго духу и не только въ правѣ, но положительно и несомнѣнно обязаны. Въ Царствѣ Польскомъ мы *въ Польшѣ*, и едва-ли найдется русскій, который, побывавъ въ Царствѣ хотя мимоѣздомъ, не почувствовалъ бы себя *гостемъ*, пришельцемъ въ этой средѣ— сплошной, компактной, рѣзко опредѣленной... хотящей жить и предъявляющей право на жизнь“... Относительно Польши Аксаковъ, далекій отъ стремленія подавить въ ней польскую народность, вполнѣ признавалъ одну совершенно законную мѣру.

...„Было бы полезно, писалъ онъ тутъ-же, если-бъ Россія не изъ своекорыстныхъ разсчетовъ, но для выгоды самой Польши, выдвинула въ ней новую историческую идею: значеніе и участіе въ общей жизни народнаго организма—простаго народа, крестьянскаго населенія...“ И другіе говорили о томъ же, но имѣя въ виду съ нашей стороны именно тѣ „своекорыстные разсчеты“, которыхъ такъ чуждался Аксаковъ.

„Если мы теперь, писалъ онъ 31 августа 1863 г., надѣлили польское крестьянство землею, крестьянскимъ самоуправленіемъ, гражданскими и политическими правами,— то, нѣтъ сомнѣнія, эти положенія, эти права уже никакою силою не будутъ отъ нихъ отняты польскими панами, даже въ случаѣ совершенной самостоятельности Польши... Мы введемъ въ ея жизнь новую историческую идею, противопоставимъ силу *устоя ея* многовѣковому общественному броженію, дадимъ грузъ, упоръ ея легковѣсному судну, носившемуся до сихъ поръ подъ управленіемъ шляхты, по прихоти волнъ и всяческихъ вѣтровъ!.. Мы въ то же время совершимъ долгъ человѣколюбія относительно значительной части угнетеннаго человѣчества и исполнимъ историческое призваніе Россіи, страны сильной простонародностью, *самой демократической* въ лучшемъ, не политическомъ, а общественномъ и нравственномъ значеніи этого слова“. Люди глядѣвшіе также, да не такъ, желая отмежевать себѣ польскій вопросъ въ монополію, желая совершенно устранить отъ него Аксакова, позволяли себѣ даже клеветать на него.

Вотъ что ему пришлось отмѣтить въ передовой статьѣ 7 сентября 1863 г.

„Московскія Вѣдомости“ приходятъ къ слѣдующимъ, по истинѣ изумительнымъ выводамъ:

„*Газета „День“ учитъ презирать простой народъ и не считаетъ заслуживающими вниманія интересы крестьянъ въ Польшѣ. Для газеты „День“ хлопы ничего не значатъ*, и она жертвуетъ ими панамъ, толкуя въ то же время о крестьянскомъ самоуправленіи въ Россіи, *которое въ Россіи не имѣетъ смысла*“... „Примемъ это къ свѣдѣнію,—отмѣтимъ это презрѣніе „Моск. Вѣдомостей“ къ мірскому устройству простаго русскаго народа“,—прибавляетъ Аксаковъ, въ отвѣтъ на выдумку и клевету, только отмѣчая поучительный фактъ. Онъ продолжаетъ разоблачать „Московскія Вѣдомости“, „Вѣсть“ и всѣхъ двоедушествовавшихъ во всѣхъ сферахъ, и въ статьѣ своей 16 ноября 1863 г. спрашиваетъ: „Какъ вы будете стоять за русскую народность въ западномъ краѣ, если вы ее презираете, пренебрегаете ею въ восточномъ, сѣверномъ, срединномъ краѣ Россіи... Въ правѣ ли вы надѣяться на успѣхъ вашей народной роли, если она только *роль*, и въ душѣ, для „своихъ, entre nous autres, вы остаетесь тѣми же аристократами петербургскихъ салоновъ...“

Относительно *сепаратизма*, который постоянно мерещился „Московскимъ Вѣдомостямъ“, у Аксакова опять таки былъ свой особый взглядъ, связанный съ его общимъ воззрѣніемъ на *общество*, какъ на такую силу, какую во многихъ случаяхъ не можетъ никоимъ образомъ замѣнить государство.

„Если насъ безпокоятъ, писалъ онъ 28 ноября 1864 г., сепаративныя тенденціи, то устремите вашу дѣятельность не столько на внѣшнее искорененіе этихъ тенденцій внѣшними способами (вы ихъ не уничтожите, а заставите притаиться), сколько на возбужденіе той органической силы срощенія въ нашемъ собственномъ организмѣ, о которой вы говорили; направьте ваши удары не на сепаратистовъ, а на тѣ условія, при которыхъ слабѣетъ въ народѣ всепоборающая вѣра въ самаго себя, въ свою народность,—на насъ самихъ, на тѣхъ, которые, будучи преданы идеѣ государственнаго единства, не перестаютъ разрывать свое духовное единство съ народомъ“.

Когда, во время тогдашнихъ на насъ атакъ европейской дипломатіи одно время запахло даже войной, „День“ съ своей точки зрѣнія замѣтилъ (20 іюня 1863 г.): „Война съ Австріей, дѣйствительная, настоящая—небывалое явленіе въ нашей исторіи—была бы для насъ крещеніемъ въ новое политическое вѣроисповѣданіе, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ Австріи и всѣхъ дѣлъ ея...“

„По войну съ Австріей, поясняль онъ въ статьѣ 27 іюля, мы можемъ вести, только водрузивъ славянское знамя, знамя освобожденія славянскихъ племенъ (во томъ числѣ и польскаго) изъ подъ нѣмецко-австрійскаго гнета, для возвращенія ихъ къ свободной и самобытной жизни...

...Можетъ быть Россія еще не созрѣла для выполненія этого своего историческаго призванія; еще мы сами, можетъ быть, не окрѣпли въ сознаніи своей русской народности, *еще въ насъ самихъ много нѣмца*,—и слабы наши русскія общественныя силы... „Съ тѣхъ поръ прошло 23 года, но достаточно ли окрѣпли за это время наши общественныя силы, или же и теперь приходится спрашивать: „въ насъ самихъ-то не слишкомъ ли еще много нѣмца?"

Между тѣмъ какъ мы не только тогда отписывались отъ европейской дипломатіи, но при помощи общественнаго мнѣнія, и въ самомъ дѣлѣ раздѣлывались съ ней, внутренняя мѣровріятія рѣшительнаго свойства продолжались своимъ чередомъ. Прямо восторженный, радостно увлекающійся тонъ послышался въ передовой статьѣ „Дня" 27 апрѣля 1863 г. „Силъ прибываетъ... еще гора свалилась съ плечъ, еще тяготой меньше. Удрученный бременемъ, богатырь выпрямляется...

Плети, кошки, шпицрутены, клейма, торговыя казни—все *это было*, всего этого *нѣтъ*, все рухнуло въ темную бездну минувшихъ золъ, нережитаго русскаго горя. Долой, гласитъ между строкъ Государевъ указъ Сенату— всѣ орудія истязанія и срама, долой сейчасъ же, немедленно по полученіи указа! Вонъ изъ нашей рѣчи, вонъ на вѣки вся эта позорная терминологія, эти выраженія, съ которыми такъ постыдно свыклись наши уста и нашъ слухъ, эти „сквозь строй", „отодрать", „засѣчь", „перепороть", со всѣми ихъ отвратительными безчисленными выраженіями! „Заплечному мастеру" нѣтъ уже дѣла въ русской землѣ" *).

Продолжающіяся преобразованія представлялись вообще Аксакову въ такомъ, опять совершенно своеобразномъ свѣтѣ (статья 17 августа 1863 г.):

„Въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится" писали московскіе старообрядцы въ извѣстномъ своемъ адресѣ Государю. Мы можемъ также сказать, что въ новизнахъ нынѣшняго времени слышится, даетъ себя вѣдать и чувствовать, свидѣтельствуя о своей упорной живучести, русская народная старина. Полуторовѣковой слой петербургскаго періода нашей исторіи еще не вполнѣ сокрушилъ древнія бытовыя, гражданскія и духовныя насажденія Русской земли, не разорвалъ ея союза съ государствомъ,— и сдва только лучъ тепла и свѣта пробился къ ней сквозь густые и толстые пласты чужеземнаго хлама,—она вновь ожила, и схороненныя зерна готовы вновь дать ростки, можетъ быть пышнѣе и краше прежняго. Говоримъ—можетъ быть. Еще бы тепла и свѣта! Еще бы побольше солнца и свѣжаго воздуха!"

Къ „полуторовѣковому періоду" нашей новой исторіи Аксаковъ, какъ извѣстно, очень часто возвращался въ своихъ статьяхъ. Онъ не особенно сочувственно относился къ этому періоду, конечно не ради того, что этому періоду обязаны мы появленіемъ у насъ, наконецъ, науки, а ради того, что, какъ все другое, такъ и самая новозаведенная у насъ наука *была отобрана въ казну*.

„Когда читаешь, писалъ онъ 11 января 1864 г., исторію просвѣщенія Россіи при Петрѣ I, приходишь въ невольное изумленіе предъ тѣми настойчивыми, энергическими усиліями государства создать во что бы то ни стало штатсъ-просвѣщеніе, штатсъ-науку, штатсъ - искусство, штатсъ - журналистику, штатсъ-поэзію, штатсъ-литературу, штатсъ-галантерейность, штатсъ-право, штатсъ-нравственность".

„... Конечно, *ни одно* общество въ мірѣ не стоило такихъ издержекъ казнѣ, какъ русское общество! Нигдѣ вирочемъ и не давалось ему свыше, отъ *казны*, воспитаніе".

„... Скоро оказалось, поясняль Аксаковъ, что государство обременило себя черезъ силу... открылась необходимость въ обществѣ, какъ въ матеріалѣ, въ грузѣ для государственнаго судна, какъ въ посредствующемъ элементѣ между властью и массами. Екатерина вспомнила о земствѣ и передала земству часть попеченій государственныхъ по внутреннему управленію. Отсюда начинается рядъ правительственныхъ дѣйствій, которымъ ничего подобнаго не представляетъ исторія другихъ странъ: правительство само, непринужденно поступается своею властью обществу, удѣляетъ ему, вмѣстѣ съ обязанностями, часть своихъ правъ... и большею частью встрѣчается со стороны самаго общества—если не отпоръ, то равнодушіе или пассивную покорность.. Послѣдпимъ вовѣпшимъ актомъ этого поступленія государствомъ обществу своей власти—являются *земскія учрежденія*. Но для того, чтобы успѣхи государства увѣнчались успѣхомъ, чтобы государство и общество стали въ подлежащее равновѣсіе другъ къ другу... необходимо отрѣшиться отъ прежней Петровской реформы... Необходимо чтобы общество получило не только политическую привилегію, но и нравственную свободу"...

Въ статьѣ этой указывается уже на земскія учрежденія. Къ нимъ, какъ и къ новому суду Аксаковъ относился со всею полнотою сочувствія—т. е. сочувствія въ принципѣ.

*) Тутъ же, однако, Аксаковъ также и оговаривается: „Если тѣлесное наказаніе не включается изъ уголовнаго кодекса... то стало быть оно уничтожено вовсе. замѣтилъ бы вѣроятно какой нибудь иностранный юристъ. Такое ошибочное замѣчаніе совершенно понятно со стороны иностранца, незнакомаго съ особенностями нашей русской жизни. Дѣйствительно, тѣлесному наказанію еще можно подвергнуться, но уже *не по суду*, а *безъ суда* ...по распоряженію исправниковъ, полицеймейстеровъ и вообще блюстителей благочинія, русскіе люди еще могутъ быть наказываемы розгами"...

Но онъ оставался далекимъ и тутъ, какъ вообще, отъ тона похвальнаго слова; онъ даже указывалъ въ выполненіи принципа на такія подробности, которыя, не обнаруживая достаточнаго знакомства съ условіями нашей жизни и слишкомъ отзываясь прямымъ подражаніемъ, могли кое въ чемъ подорвать пользу дѣла. На необходимость для насъ суда присяжныхъ съ его гласностью Аксаковъ указывалъ еще до введенія его у насъ—въ статьяхъ о свободѣ слова, указывая на то, что кара за злоупотребленія этою свободою должна принадлежать не администраціи, а только суду и именно суду присяжныхъ. За новый судъ въ его принципѣ, Аксаковъ, какъ извѣстно, ополчился и въ послѣдніе годы, ополчился уже въ „Руси", и въ сильной мѣрѣ содѣйствовалъ своимъ горячимъ ратованіемъ за новый судъ благополучному исходу той травли, которая была на него направлена „Московскими Вѣдомостями".

Вообще же, въ самые даже пылкіе дни нашихъ увлеченій реформами, Аксаковъ былъ далекъ отъ того, чтобы приписывать имъ чудотворную силу, чтобы видѣть въ нихъ панацею отъ всего. Писалъ же онъ еще 18 декабря 1865 г.: „Не легко живется теперь на Руси. Неможется ей во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ... Освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и свобода (хотя бы даже не полная) печатнаго слова,—самое необходимое мы уже имѣемъ... Но это еще не дастъ намъ здоровья, потому что государственная власть не можетъ же стоять выше общественнаго нравственнаго уровня и сама нуждается въ притокѣ для себя извнутри новой здоровой жизненной силы. Дѣло за нами... По пути внѣшнихъ учрежденій и мѣропріятій двинулись мы далеко. Пора бы, кажется, понять, что это все не болѣе какъ средства къ жизни, ея вѣшнія реформы, а не сама жизнь... Внѣшняя искусственная обстановка государственнаго строя еще не въ силахъ сама по себѣ вдохнуть въ жизнь *ту органическую силу творчества*, которой именно ей недостаетъ и недостатокъ которой сказывается въ насъ такимъ тяжелымъ томительнымъ недугомъ. Когда утратилось непосредственное чутье своего прямаго, прирожденнаго пути, когда мы сбились съ дороги, вся задача въ томъ, чтобъ отыскать эту дорогу, а не въ томъ, чтобы обзавестись конями и экипажемъ, да въ прибавокъ еще казенными".

Распростившись самъ съ своимъ „Днемъ", Аксаковъ, затѣмъ, вернулся къ газетной дѣятельности, но и въ статьяхъ „Москвы" и „Москвича" оставался вѣрнымъ своему широкому взгляду на свободу слова. Къ сожалѣнію, взгляды этотъ далеко не сходился со взглядами нашихъ административныхъ сферъ. Дѣло кончилось, какъ извѣстно, судомъ надъ Аксаковымъ въ Сенатѣ и отнятіемъ у него права что либо издавать. Тогда-то онъ и сосредоточилъ всю энергію своей дѣятельности на Московскомъ Славянскомъ Обществѣ, котораго онъ былъ не только душою, но и безсмѣннымъ труженикомъ, выносившимъ на своихъ плечахъ всю тяготу той страдной поры, которая наступила въ 1876 г. О силѣ народнаго увлеченія, народной готовности пострадать за братьевъ живо вспоминалъ онъ еще въ предсмертной своей статьѣ. Какъ очевидецъ, участникъ и орудіе народнаго увлеченія той поры, онъ тѣмъ съ большимъ негодованіемъ относился къ европейскимъ стремленіямъ вырвать изъ нашихъ рукъ все добытое русскою кровью и готовностью русскаго человѣка жертвовать и послѣднею трудовою копѣйкою. Когда Россія предстала передъ судомъ Европы въ Берлинѣ, онъ произнесъ въ Москвѣ свою рѣчь.

Извѣстно, что послѣ этой рѣчи не только Аксакову нельзя было долѣе оставаться предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго Общества, но и самое Общество въ самомъ скоромъ времени было закрыто. Несмотря на это, онъ продолжалъ проводить свои прежніе взгляды и въ новѣйшее время—проводить ихъ въ послѣднемъ своемъ органѣ „Русь", котораго изданіе, въ силу извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, стало опять возможно съ 1880 г. По прежнему оскорбляясь берлинскимъ конгрессомъ, не признавая, чтобы мы обязаны были сами же и отстаивать передъ Европой его неприкосновенность, онъ навлекъ на себя всѣмъ извѣстный оффиціальный репримандъ въ недостаткѣ „истиннаго патріотизма". Вотъ на этотъ-то упрекъ покойный отвѣчалъ словами, являющимися теперь его лебединой пѣснью. Со всею свѣжестью своей душевной силы писалъ онъ въ ней 6 декабря 1885 г.: „Истинный патріотизмъ для публициста заключается въ томъ, чтобъ мужественно, по крайнему разумѣнію, высказывать правительству правду—какъ бы она горька и жестка ни была, а для правительства—въ томъ, чтобы выслушивать даже и горькую, жесткую правду. По мнѣнію же многихъ въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ, напистинѣйшій патріотизмъ въ подобострастномъ молчаніи...

„Мѣняться, заключалъ онъ, намъ уже поздно, да и не подстать. ..Мы ни мало не расположены, да и не съумѣли бы,—ос бенно уже теперь, въ виду уроковъ внутренней русской исторіи и подъ конецъ нашего публицистическаго поприща,—подлаживать свой патріотизмъ къ оффиціальнымъ, часто мѣняющимся воззрѣніямъ. Правительство можетъ закрыть нашу газету, отнять у насъ право печатнаго слова: это вполнѣ въ его власти. Но пока мы держимъ перо въ рукахъ, оно будетъ все тѣмъ же независимымъ и искреннимъ, и ужъ несомнѣнно истинно-патріотическимъ, какимъ было и есть, теперь и всегда".

Такимъ дѣйствительно и осталось его перо до самыхъ послѣднихъ написанныхъ имъ за нѣсколько дней до смерти строкъ: „Всякія сдѣлки съ германскимъ міромъ для рѣшенія русско-славянскаго вопроса противоестественны и гибельны. Не отъ щедротъ Германіи принимать намъ дары русско-славянской жизни. Мы добудемъ ихъ сами".

И вотъ, наконецъ, надъ свѣжей могилой Аксакова раздалось теплое слово русскаго Го-

сударя, слово, признающее въ немъ настоящій патріотизмъ.

Его не стало,—не стало при этой „близящейся, какъ предсказывалъ онъ, грозѣ".

Но онъ не успѣлъ дожить и до великой, наступающей годовщины, годовщины того, что оставалось для него до конца особенно дорогимъ. Мы положительно знаемъ, что и народъ ожидалъ его слова въ этотъ великій день. И онъ сказалъ бы это слово въ силу той правды внутренней, которая всегда имъ ставилась выше всякаго писаннаго закона, всякаго распоряженія административной власти... Не стало того человѣка, который одинъ лишь и посмѣлъ и съумѣлъ бы достойнымъ образомъ помянуть великаго Государя!.. Плачь Русская земля!.. ...Но когда подобнаго рода призывъ раздавался у насъ въ старину, съ нимъ соединялся и другой призывъ—къ молитвѣ и покаянію. То былъ обычный кличъ древней Руси. Вѣрный ея завѣтамъ, и самъ Аксаковъ, приномнимъ это, еще въ началѣ своего „Дня" обратился къ намъ со словами: „Гласъ вопіющаго въ пустынѣ: уготовайте путь Господень!.. Покайтеся!" Самъ онъ, правда, тогда полагалъ, что слова его прозвучатъ напрасно. О если бы хоть теперь они отозвались въ самомъ дѣлѣ въ сердцахъ нашихъ!.. Пора, давно намъ пора покаяться!

Въ этомъ же собраніи избраны въ почетные члены: предсѣдатель общества—П. И. Дурново, при чемъ избраніе это было привѣтствовано громкими рукоплесканіями, и въ дѣйствительные—предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Собраніе было закончено пѣніемъ хора г. Архангельскаго гимна св. Кириллу и Меѳодію, соч. Д. Н. Соловьевымъ.

II.

23 МАРТА,

подъ предсѣдательствомъ П. И. Дурново:

По предложенію г. предсѣдателя, прокътъ протокола общаго собранія, состоявшагося 22 декабря, напечатаннаго въ январской книжкѣ „Извѣстій Славянскаго Общества" за 1886 г., утвержденъ собраніемъ безъ измѣненій.

Затѣмъ, г. секретарь прочиталъ слѣдующія, выработанныя Владимірскою Комиссіею, предположенія:

1) Принимая во вниманіе съ одной стороны, что день крещенія русскаго народа въ лѣтописяхъ съ точностію не указанъ, а съ другой, что православная Церковь Русская ежегодно чествуетъ 15 іюля память св. равноапостольнаго князя Владиміра, которому Русь обязана своимъ крещеніемъ, Комиссія полагала бы пріурочить къ этому же дню, т. е. къ 15 іюля, празднованіе въ 1888 г. 900-лѣтія со времени крещенія русскаго народа.

2) Признавая необходимымъ обновить въ сознаніи русскаго народа память объ этомъ событіи, Комиссія полагала бы издать къ веснѣ 1888 г. общедоступное описаніе крещенія русскаго народа, въ размѣрѣ одного печатнаго листа, въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, какъ для безплатной раздачи православному народу, такъ и для продажи, по возможно дешевой цѣнѣ, поручивъ составленіе этого описанія одному изъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ Русской исторіи, по выбору Совѣта, съ выдачею автору за трудъ вознагражденія въ размѣрѣ 300 р. Всѣ экземпляры этого изданія Комиссія полагала бы украсить изготовленнымъ по особому заказу хромолитографическимъ изображеніемъ св. равноапостольнаго князя Владиміра.

3) Принимая во вниманіе, что постройка храмовъ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ и Херсонесѣ Таврическомъ можетъ быть окончена въ 1888 г., Комиссія полагала бы просить св. Синодъ совершить освященіе этихъ храмовъ въ день 900-лѣтней годовщины крещенія св. Руси, т. е. 15 іюля 1888 г.

4) Намѣреваясь придать предполагаемому чествованію совершенно церковный характеръ, Комиссія полагала бы заблаговременно просить св. Синодъ сдѣлать распоряженіе о повсемѣстномъ празднованіи Русскою Церковью этого событія: наканунѣ—14 іюля—всенощнымъ бдѣніемъ, а въ самый день чествованія—15 іюля—божественною литургіею, торжественнымъ молебномъ, крестнымъ ходомъ и кодоосвященіемъ на рѣкахъ или источникахъ, подобнымъ совершаемому 1 августа.

За симъ, г. предсѣдатель предложилъ собранію, на его утвержденіе, слѣдующіе вопросы: угодно-ли собранію одобрить предположенія Владимірской Комиссіи и разрѣшить Совѣту израсходовать на приведеніе ихъ въ исполненіе кредитъ въ 5.000 р., съ отнесеніемъ его на запасный капиталъ Общества.

Вопросы эти были разрѣшены собраніемъ въ утвердительномъ смыслѣ, при чемъ, по предложенію нѣкоторыхъ членовъ, предоставлено Совѣту объявить конкурсъ на соисканіе преміи за лучшее описаніе крещенія св. Руси, независимо отъ предполагаемаго изданія, по предложенію Владимірской Комиссіи.

За тѣмъ, г. секретаремъ былъ доложенъ отчетъ Издательской Комиссіи за 1885 г.

Отчетъ этотъ собраніе приняло къ свѣдѣнію и постановило: благодарить предсѣдателя и членовъ Издательской Комиссіи, равно какъ и бывшихъ редакторовъ „Извѣстій" И. И. Страхова и И. И. Соколова, за понесенные ими труды при изданіи „Извѣстій" въ 1883, 1884 и 1885 г.

Вслѣдъ за тѣмъ, г. предсѣдатель, заявивъ собранію, что изъ состава Издательской Комиссіи выбываетъ по очереди проф. Е.Е. Замысловскій, предложилъ вновь просить его быть членомъ Издательской Комиссіи.

Собраніе единогласно приняло это предложеніе.

Въ заключеніе г. предсѣдателемъ было предложено: отчислить 1.000 р. изъ запаснаго капитала въ Аксаковскій фондъ и открыть сборъ пожертвованій на предметъ изданія популярныхъ сочиненій, которыя знакомили бы русскій народъ съ иностранными славянами, и отчислить изъ того же капитала 3.000 р., въ распоряженіе Совѣта, для выдачи пособій нуждающимся южнымъ славянамъ.

Оба эти предложенія собраніемъ приняты единогласно.

Въ этомъ же собраніи были избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

III.

6 АПРѢЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Въ началѣ собранія хоромъ А. А. Архангельскаго исполненъ тропарь св. Кириллу и Меѳодію, соч. Львовскаго, и гимнъ, соч. М. П. Розенгеймомъ, положенный на музыку В. П. Главачемъ.

По окончаніи пѣнія П. А. Ровинскій прочиталъ слѣдующую статью:

Значеніе правленія владыкъ въ исторіи Черногоріи.

Исторія собственно Черногоріи начинается тамъ, гдѣ оканчивается исторія Зеты, иначе называвшейся Діоклея или Превала. Послѣдній государь Зеты Иванъ Черноевичъ, въ народѣ извѣстный подъ именемъ Ивапбега, является основателемъ Черногоріи и ея первымъ государемъ.

Тѣснимый со всѣхъ сторонъ турками и брошенный единственными своими союзниками венеціанцами, онъ отправляется въ Италію, чтобы еще разъ попытать счастья склонить кого либо изъ западнаго христіанства принять участіе въ борьбѣ противъ турокъ. Но западная Европа въ это время была поглощена своими внутренними дѣлами: въ западной церкви тогда произошло уже разстройство, вызвавшее сначала гуситство, а потомъ реформацію; въ политической жизни также совершался переломъ: падалъ феодализмъ, и возникали новыя политическія отношенія. Обаяніе же турецкаго могущества, возрастающаго изъ года въ годъ, было такъ сильно, что всякое одиночное предпріятіе противъ него было немыслимо. Потому обращеніе Ивапбега къ Западу было напрасно.

Тогда, покинутый совершенно всѣми, онъ рѣшается оставить Зету и искать убѣжища въ горахъ. Но и для этого нужны были средства, которыхъ у него не было.

Тогда онъ продаетъ свою провинцію Конявле (contrado di Canali) дуброванамъ за нѣсколько тысячъ перперъ, чтобъ съ этою суммою устроить себѣ новую столицу; и, собравъ всѣ свои пожитки, отправляется на Черную Гору, подъ Ловченъ, гдѣ находились только катуны *) и куда онъ наѣзжалъ по временамъ для охоты и лѣтняго препровожденія времени. Облюбовавъ единственную равнину Ловченскій-долацъ, по которой протекала рѣчушка Цетина и на которой можно было устроить какое нибудь поселеніе, Ивапбегъ начинаетъ заканчиваться и устраиваться.

Прежде всего онъ строитъ тутъ церковь во имя Рождества Богородицы и монастырь, а затѣмъ для себя маленькій дворецъ. По словамъ Болицы, венеціанскаго путешественника конца XVII в., видавшаго лично эти постройки, онѣ были небольшія, но прекрасныя. Это можно видѣть по сохранившимся еще до нашего времени остаткамъ.

Съ Ивапбегомъ переселились и оставшіеся вѣрными ему зетскіе воеводы съ горстью зетанъ, которые скудную жизнь въ горахъ, между голыхъ скалъ, и вѣчную борьбу съ непріятелемъ своей вѣры и народности и съ суровою природой—предпочли плодородным равнинамъ богатой Зеты и всѣмъ благамъ жизни подъ чужимъ игомъ.

Собравшись здѣсь, они постановили между собою слѣдующее: „Покуда будетъ продолжаться война съ турками, ни одинъ черногорецъ не можетъ оставить свой постъ безъ приказанія своего главаря, ни уйти совсѣмъ — подъ страхомъ потери чести и добраго имени между своими братьями и сотоварищами, въ противномъ же случаѣ его, одѣвъ въ женское платье, женщины же прогоняютъ изъ отечества, и онъ объявляется низкимъ предателемъ своихъ братьевъ *).

Строя монастырь и не жалѣя ничего, чтобъ сдѣлать его но истинѣ прекраснымъ, Ивапбегъ задумалъ перенести сюда и зетскую митрополію, находившуюся въ то время въ монастырѣ св. Николая на островѣ Враникѣ, на что охотно согласился тогдашній митрополитъ Вавило.

И вотъ на высотѣ болѣе 2.000 ф., гдѣ только орлы вили свои гнѣзда, да чобаны гоняли со своими стадами, какъ бы кликнулъ-то волшебствомъ возникаютъ церковь съ монастыремъ и дворецъ со службами, и въ нихъ обитаетъ глава всего православнаго населенія на крайнемъ юго-востокѣ и вождь малочисленной дружины, рѣшившейся до послѣдней капли крови защищать свою свободу, вѣру и народность. Они были не только покинуты всѣми, но и отрѣзаны отъ всего остальнаго міра, будучи окружены со всѣхъ сторонъ

*) Лѣтнее пребываніе чобановъ съ ихъ стадами и съ приспособленными къ тому временными жилищами.

*) Вотъ откуда водитъ начало обычай, до позднѣйшаго времени сохранившійся въ Черногоріи, пугать всякаго труса тѣмъ, что ему надѣнутъ *опрегачу*, т. е. женскій передникъ.

своими непріятелями, такъ какъ турки заняли тогда уже всю Боснію и Герцеговину и спустились даже въ Бокку, гдѣ заняли Рисань и Новый, а потомъ и все южное Приморье. И ни откуда ни единаго голоса участія или утѣшенія, ни луча надежды. Съ ними былъ только Богъ, и вся надежда только на него, да на желѣзную волю и юнацкія груди. Въ этой горсти, ничтожной частицѣ сербства, заключалось тогда все сербское дѣло, и положеніе этого народнаго сербскаго дѣла лучше всего рисуется въ душевномъ настроеніи его единственнаго въ то время вождя Иванбега, которое онъ выразилъ въ грамотѣ 1481 г., сопровождавшей основаніе Цетинскаго монастыря.

Вотъ эти трогательныя и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменательныя слова послѣдняго государя Зеты и перваго государя Черногоріи:

„Възлюбленна братіе! нощь успе, а день приближисе; отверьземъ дѣла темна и явимсе чеда свѣту, и услышимъ, что глаголетъ слово Божіе, бессмертное къ человѣкомь: „Пріидете къ Мнѣ вси труждающеисе и обремененны, и азь покою вы". И пакы: „Творей чистоту", юже хвалить, рекы: „Блаженны чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узроть". Тѣмь же и азь, грѣхми смеренны и недостоины рабь Христу нарещисе Иванъ Црноевикъ. Попущеніемь Божіемь заради сьгрѣшеніи моихь изгнанну ми бывшу оть моего отечьствіа измаильтьскымъ царемь султаномь Мехмедемь, иже многа царствіа пріе и многые паре побѣди, и никто же ему супротивити се възможе. И пришедшу ми вь страны Италіе, обрѣтохь пречюдны храмь прѣчистіе Владычице наше Богородице близь града, глаголемаго Якына (Анкона), глаголемы Делорито. И вь немь видѣхъ нерукотворенны образь преславные Матере Бога нашего, яже много чюдеса и знаменіа сьтварасть, еже и очима нашима видѣхомь. И падохь ниць на землю прѣдь тое страшнымъ образомь. И помолихсе аное милосердію и обѣти мое всесердечно вьздахь тое благоутробію, *аще умилосердится на мене недостойнаго раба своего и възаратить ме въ землю отечьствіа моего*, да потьщусе церковь сьтворити вь честное име ее. Тѣмь же по своемь человѣколюбію милостива ми бысть Мати Творца моего и прошеніе мое исполни. И азъ потьщахьсе вьседушне и вьсесердечне обѣти мое исплавити, елико же ми бысть вьзможно. И сьздахь храмь на мѣстѣ, глаголемѣмь Цетинье, въ славу и въ хвалу тое Госпожде Матере Божіе вь име рождьства ее. И монастырь при неи сьтворихь вь успокоеніе мнихомь, еже и *Митрополіа Зетска нарекохомь, аще будетъ угодно милостивни Госпожди*" *).

Уступивъ тому, „кто многими царствами овладѣлъ и многихъ царей побѣдилъ, и кому никто не могъ воспротивиться" и видя въ томъ волю Божію, Иванбегъ не отчаивается что милость Божія когда нибудь возвратитъ его въ свое отечество, если не его самого, то его потомковъ, и водворяетъ съ собою митрополита, который не теряетъ своего титула „Зетскаго", такъ какъ пало только государство; государство покорилось чужому властелину, церковь же Зетская того новаго властелина не признала и не могла признать.

Не долго однако Иванбегъ прожилъ въ своей новой столицѣ: въ 1490 г. онъ умеръ, и ему наслѣдовалъ сынъ его Георгій, женившійся на венеціанкѣ.

25-лѣтнее правленіе Георгія составляетъ не что иное, какъ одну переходную ступеньку отъ мірской державы къ духовной. Въ 1516 г. онъ навсегда удаляется въ Венецію, поручивъ свой народъ владыкѣ. Младшій его братъ Станиша еще раньше отправился въ Цареградъ и тамъ принялъ магометанство; а потомъ, во главѣ турецкаго войска, какъ турецкій паша, нападалъ на свое отечество; но былъ разбитъ и бѣжалъ подъ крыло своего повелителя, который даровалъ ему землю въ Бушаталѣ, близъ бывшей столицы Зетскаго государства Скодра, гдѣ онъ и поселился, чтобы изъ его рода со временемъ вышли злѣйшіе враги его бывшаго отечества.

Теперь народъ остался окончательно одинъ со своимъ владыкой, который былъ для него все: прежде всего, конечно, духовный пастырь, учитель вѣры и наставникъ христіанской нравственности, затѣмъ вождь его въ борьбѣ съ внѣшнимъ непріятелемъ, верховный судья и рѣшитель внутреннихъ распрей и тяжебъ; а главное—стражъ народной сокровищницы, въ которой хранилось высшее благо народа, его духовная мощь и сила, народное самосознаніе, основанное на вѣрѣ и преданіи о славныхъ предкахъ.

Три съ половиною вѣка управляли владыки Черногоріею и изъ нихъ два вѣка прошли для насъ въ совершенной неизвѣстности.

Домашнихъ источниковъ, кромѣ народнаго преданія, нѣтъ почти никакихъ. Какимъ-то чудомъ сохранилась на Цетиньѣ коротенькая лѣтопись, изъ которой мы узнаемъ только имена владыкъ, да иногда о смерти ихъ, если она была необычайна, и о какихъ-либо несчастіяхъ, постигавшихъ народъ, вродѣ неурожая или нашествія турокъ; и все это чрезвычайно кратко, всего на пяти листахъ. Еще меньше можно искать какихъ-либо свѣдѣній о Черногоріи въ иностранныхъ источникахъ, такъ какъ она была всѣми заброшена и забыта. Только въ началѣ XVII вѣка посѣтилъ ее венеціанецъ Болина, оставившій описаніе тогдашней Черногоріи.

Но среди этой непроглядной ночи, скрывающей отъ насъ болѣе отдаленное прошлое Черногоріи, пробѣгаетъ по временамъ слабый лучъ свѣта, подъ которымъ, хотя и не ясно выступаетъ величавый образъ неприступныхъ горъ и на ней горсть непобѣдимыхъ горцевъ, отстаивающихъ свою свободу и отбивающихъ со всѣхъ сторонъ нападающаго непріятеля въ виду склонившей передъ нимъ голову Западной Европы.

*) Имѣя въ виду въ точности передать только смыслъ и духъ этого документа, мы сдѣлали отступленіе отъ орфографіи оригинала въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она могла затруднять чтеніе, и для этого раскрыли вездѣ титла и вставили вмѣсто глухаго ь соотвѣтствующіе ему гласные звуки.

Такимъ освѣщающимъ лучемъ является извѣстіе о какомъ-то большомъ народномъ собраніи 1614 г. 8 сентября, въ Кучахъ, на которомъ присутствовали церковные и мірскіе представители Албаніи, Босніи, Македоніи, Болгаріи, Сербіи, Герцеговины и Далмаціи, а предсѣдательствовалъ печскій патріархъ. Черногорія здѣсь не упомянута, потому что у западныхъ историковъ, у которыхъ находится это извѣстіе, она не отдѣляется отъ Албаніи, да и митрополитъ ея носилъ титулъ „Зетскаго и Скендерійскаго", т. е. тоже албанскаго. Собраніе это составилось вслѣдствіе затѣи герцога Неверскаго, задумавшаго поднять всѣхъ христіанъ противъ турокъ при помощи папы и знаменитаго Пьера Жозефа, довѣреннаго всемогущаго тогда кардинала Ришелье. Черногорія по этому плану предполагалась служить операціоннымъ базисомъ.

Изъ этой затѣи не вышло ничего; но для насъ важно проявленіе не замершаго еще духа въ порабощенномъ христіанствѣ и извѣстіе о Черногоріи, не свернувшей еще своего боеваго знамени.

Изъ тѣхъ же западныхъ источниковъ мы узнаемъ, что съ 1684 года черногорцы являются уже союзниками Венеціи, Австріи и Польши въ ихъ войнѣ противъ турокъ. Черногорцы при этомъ разбили турецкое войско подъ предводительствомъ Топалъ-паши, взяли приступомъ Новый и возвратили его Венеціи.

А въ цетинской лѣтописи читаемъ слѣдующую короткую помѣтку: „въ лѣто 1687 примише латини Нови, и то лѣто епископъ Висаріонъ изведе латине на Цетинье и монастырь, провидура и кавалiера, и владыку Висаріона отровише, и умріе".

Вотъ отплата за помощь и гостепріимство! Помощь, оказанная черногорцами западнымъ державамъ, не обошлась имъ даромъ.

Въ 1690 г. скадарскій визирь Сулейманъ-паша неожиданно вторгнулся въ Черногорію, проникъ до Цетиньи, взорвалъ порохомъ монастырь и дворецъ и, предавъ огню и мечу все, что попалось ему на пути и отмстивъ такимъ образомъ за пораженіе подъ Новымъ, съ торжествомъ удалился.

Помощниками Сулейману-пашѣ и руководителями служили черногорскіе потурченцы, по народному преданію, потомки тѣхъ, которые послѣ пораженія Станиши были захвачены въ плѣнъ и поселились въ Черногоріи.

Это была первая тяжкая рана, нанесенная въ самое сердце Черногоріи и, къ сожалѣнію, не послѣдняя. Вѣда была, однако, не въ разореніи, которому подверглась Черногорія, а въ томъ, что, какъ оказалось, она имѣла злѣйшихъ враговъ въ самой своей серединѣ; и новому владыкѣ ея было надъ чѣмъ задуматься.

Тяжелое положеніе Черногоріи въ то время прекрасно изображено въ „Горскомъ Вѣнцѣ" и потъ эта печальная картина:

Што е ово ено неко доба
Те су наше горе умучале?
Не разлежу ратніем клицима?
Почину ли рдьи на оружье;
Остаде ли земля без главара;
Некрштьо су горе усмрдьеше!
Здружно се турчин с пригорцом;
Оджа виче на равном Цетињу;
Смрад ухвати лава у клюсама;
Затріе се име пригорско;
Не остаде крста од три прсто!
..... мушка прса охладнѣла,
А у вима умрла слобода,
Ка кад зраке умру на планину,
Кад утоне сунце у пучину" *).

„Что же дѣлать и съ кѣмъ?"—задается роковымъ вопросомъ владыка. задумываясь надъ безвыходнымъ положеніемъ своего отечества и своею безпомощностью. „Что я?" говорилъ онъ самъ себѣ:

„Малее рукахъ, малена и снага,
Една сламка медью вихорове;
Сирак тужни безъ пигдье никога.
Мое племе сномъ мртвіем спава;
Суза моя нема родитеља;
Нада мном е небо затворено,
Не примо ми плача, ни молитве.
У ад ми се свіет претворіо,
А сви люди наклени духови.
О прни дане, о прна судбино!
О, кукавно срнство угашено!.. **)

Владыка этотъ былъ однако человѣкъ необыкновенный. То былъ Нико Петровичъ Штепчевичъ изъ Нѣгушей, въ монашествѣ Данінлъ. Еще ребенкомъ бѣжалъ онъ изъ родительскаго дома на Цетинье въ монастырь, гдѣ и остался, чувствуя особое призваніе къ духовной жизни. А не минуло ему еще и 16 лѣтъ, какъ народное собраніе провозгласило его владыкой (1697 г.), и вскорѣ послѣ того привелось ему на себѣ испытать коварство потурченцовъ и грозившую отъ нихъ опасность.

Но приглашенію зетскихъ христіанъ и съ дозволеніемъ подгорицкаго паши онъ отправился въ Зету освящать церковь; но только прибылъ туда, какъ былъ схваченъ и отведенъ въ Подгорицу, гдѣ паша хотѣлъ посадить его на колъ и отпустилъ только за огромный выкупъ, который не могли бы собрать всѣ христіане тамошнихъ краевъ безъ помощи герцеговинскаго митрополита, жив-

*) „Что это значитъ, что вотъ уже столько времени умолкли наши горы? что не раздаются ратные клики? Оружіе наше покрыла ржавчина; земля осталась безъ главарей; горы наши засмердѣли нехристью! Сдружился турчинъ съ черногорцемъ; мулла кричитъ съ минарета на Цетиньѣ; гніетъ левъ, попавши въ ловушку; затерялось черногорское сѣмя; не осталося трехперстнаго сложенья!.. сердца мужей охладѣли; а въ нихъ умеръ духъ свободы, какъ умираютъ на горахъ солнечные лучи, когда солнце тонетъ въ морской пучинѣ".

**) „Мало рукъ у меня, и малая сила; я—соломенка между вихрями; жалкій сирота, у котораго нигдѣ нѣтъ никого; мое племя спитъ мертвымъ сномъ; слезамъ моимъ нѣтъ родителей; надо мною закрылося небо; не принимаетъ отъ меня ни плача, ни молитвы. Весь свѣтъ сдѣлался для меня адомъ, а всѣ люди—адскими духами. О, черный день, о черная судьба! О несчастное, угасшее сербство!"

шаго въ то время въ Савиной пустынѣ близъ Новаго (въ Боккѣ). Но покуда собрали ту сумму, владыка былъ повѣшенъ въ городскихъ воротахъ за руки сзади, и только ночью христіане прокрадывались и поддерживали его на своихъ спинахъ, чтобы облегчить страданія.

Вырвавшись изъ рукъ своихъ мучителей и воротившись на Цетинье, владыка немедленно созвалъ черногорцевъ на скупштину и тутъ же предложилъ истребить въ Черногоріи всѣхъ потурченцевъ, грозя въ противномъ случаѣ сложить съ себя званіе и покинуть Черногорію. Предложеніе его было принято единодушно и срокомъ назначенъ *бадній вечеръ*, т. е. канунъ Рождества.

Мѣра эта, какъ ни жестока, вынуждена была крайнею необходимостью.

Надобно замѣтить, что преданіе, будто всѣ потурченцы въ Черногоріи произошли отъ товарищей Станиши, можно принять только съ значительнымъ ограниченіемъ. Во 1-хъ, ихъ не могло быть много; во 2-хъ, больше резоновъ было имъ поселиться въ Зетѣ, а не въ Черной Горѣ и въ 3-хъ, трудно допустить, чтобы черногорцы такъ охотно приняли въ свою среду измѣнниковъ вѣрѣ и отечеству, да еще не обративши ихъ опять въ христіанство. Но, какъ бы то ни было, а къ концу XVII в. потурченцы на Рѣкѣ были уже вполнѣ господами и въ то же время много ихъ было на Цетиньѣ и въ Цекличахъ, гдѣ они имѣли свои большія мечети *): на Дубовинѣ (между Цекличами и Цетиньемъ) было поселеніе изъ однихъ магометанъ; особенно же много ихъ было въ Цермницѣ. Жили они и между Озринчами и въ Цуцахъ, хотя на это нѣтъ точныхъ указаній. Однимъ словомъ, они цѣлою сѣтью опутывали всю Черную Гору. А что и говорить о Бѣлопавличахъ, Пѣшивцахъ, Никшичѣ, гдѣ они господствовали.

Такое распространеніе ихъ показываетъ, что магометанство захватывало и чисто туземные элементы и что оно росло и все глубже пускало свои корни. Они при этомъ вездѣ имѣли своихъ старшинъ, а на Рѣкѣ былъ ихъ главный кадія, который въ свою очередь получалъ приказанія изъ Скодра или изъ Подгорицы. Живя въ Черногоріи, потурченцы не признавали надъ собою никакой власти, кромѣ властей турецкихъ, съ которыми находились въ самой тѣсной связи. Владыко же, облеченный только духовною властью по отношенію къ своей духовной паствѣ, не могъ имѣть на потурченцевъ никакого вліянія. Потурченцы однимъ словомъ составляли на тѣлѣ Черногоріи язву, которая рано или поздно должна была ее разрушить. Противъ этого нужно было прибѣгнуть къ рѣшительному средству и не медлить.

И вотъ въ 1702 г. отъ вечерней зари наканунѣ Рождества Христова началась кровавая драма, черногорская варооломѣевская ночь: однихъ убивали, другіе крестились и были пощажены, а къ утру во всей Черногоріи не осталось ни одного потурченца.

Это не было однако избіеніемъ безоружныхъ, потому что турки были вооружены не хуже, если не лучше черногорцевъ, и не могли не замѣтить, что противъ нихъ замышлялось что-то недоброе, тѣмъ болѣе, что они имѣли между черногорцами своихъ *присталицъ* (партизановъ), друзей и шпіоновъ. Поэтому настоящая рѣзня была только на Цетиньѣ, гдѣ около владыки собралось больше всего черногорцевъ и гдѣ больше всего было возбужденіе противъ турокъ; а изъ Цекличей они успѣли всѣ заблаговременно бѣжать. Въ Цермницѣ же былъ такой бой, что изъ черногорскаго войска половина погибла на мѣстѣ. Павшихъ въ этой битвѣ черногорцевъ было такъ много, что для могилъ не хватило мѣста въ оградѣ церкви и закапывали по 6 человѣкъ вмѣстѣ.

Въ Дунинѣ (въ Цермницѣ) внутри церкви до сихъ поръ находятся нѣсколько надгробныхъ плитъ, а посрединѣ кругъ, выложенный изъ бѣлаго и краснаго мрамора, въ которомъ вырѣзана слѣдующая надпись: „овдень почиваю кости вучете дьюровича, кои іе погинуо су 70 дупилани на бесац (возвышеніе съ укрѣпленьемъ) у доба кнеза ніколе, а под владомъ владіке данила“.

Очистивъ Черногорію отъ злѣйшихъ ея внутреннихъ враговъ, владыка тотчасъ принялся строить вновь церковь и монастырь, и въ 1704 г. они были уже готовы; въ то же время возобновлены церковь и дома на Ловченѣ и въ Маннахъ; а въ 1706 г. турки напали на черногорскую окраину отъ Никшича въ отомщеніе за избіеніе ихъ братьи въ Черногоріи, но были разбиты и прогнаны. Въ этой битвѣ 157 турокъ погибло на мѣстѣ, а множество было взято въ плѣнъ, и въ томъ числѣ 36 беговъ, которыхъ потомъ обмѣняли на свиней голова за голову *).

Въ этомъ преданіи конечно есть преувеличеніе; такихъ нападеній со стороны турокъ въ то время было много; но это были просто набѣги, частныя предпріятія герцеговинскихъ и боснійскихъ беговъ, въ которыхъ Турція, какъ держава, не принимала участія; иначе предводительствовалъ бы непремѣнно какой нибудь паша. Истребленіе черногорскихъ потурченцевъ произвело такое впечатлѣніе, что Турція не рисковала напасть на Черногорію сразу и стала выжидать благопріятнаго момента.

Между тѣмъ въ 1711 г. является къ черногорцамъ посланникъ отъ русскаго православнаго царя полковникъ Михаилъ Милорадовичъ, родомъ герцеговинецъ, съ письмомъ, призывающимъ ихъ къ возстанію противъ турокъ. Въ письмѣ этомъ Петръ В., напомнивъ имъ славу и великую роль, которую играли прежніе сербскіе крали и князья, призываетъ всѣхъ черногорцевъ возобновить славу своихъ предковъ и соединенными силами ударить на общаго непріятеля за вѣру и отечество, за свою честь и славу, за свободу и независи-

*) Отъ мечети на Цетиньѣ видны были остатки до недавняго времени.

*) Грлица 1835 г., стр. 72—73.

мость свою и своихъ потомковъ. Не обѣщая много, онъ скромно указываетъ, что прежде всего ихъ наградитъ за то Богъ: „А затѣмъ“— продолжаетъ письмо—„будетъ милость и отъ насъ: не только вознаграждены будутъ всѣ издержки, но и каждый получитъ по своей заслугѣ и по желанію; такъ какъ для себя мы не оставляемъ иной славы, какъ только быть въ состояніи освободить отъ ига невѣрныхъ христіанскіе народы, находящіеся на вашей сторонѣ, возобновить православныя церкви и воздвигнуть святой крестъ“. Для этой цѣли онъ обѣщаетъ отдать послѣднюю копѣйку и лично стать во главѣ своего войска, горящаго нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ своей вѣры и испытаннаго въ бояхъ, а конечною цѣлью ставитъ прогнаніе турокъ въ ихъ прежнее отечество, въ пустыни Аравіи. Въ этомъ слышится тонъ увѣренности, которая совершенно умѣстна въ Петрѣ, въ то время побѣдившемъ подъ Полтавой Карла XII, перваго полководца своего времени; но по отношенію къ черногорцамъ онъ не больше какъ братъ по языку и по вѣрѣ и ихъ естественный союзникъ въ борьбѣ съ общимъ непріятелемъ.

Какая простота и правдивость, какое истинно братское отношеніе къ единовѣрному и единоплеменному народу! За то и въ черногорцахъ это произвело восторгъ неописанный.

Возстаніе черногорцевъ произошло моментально: не успѣли турки собраться съ силами, какъ черногорцы пожгли всѣ сосѣднія турецкія поселенія и осадили ихъ укрѣпленные города Никшичъ, Спужъ, Подгорицу и Жаблакъ. Города эти готовы уже были сдаться, какъ получено было роковое извѣстіе, что Петръ, окруженный на Прутѣ турками, заключилъ миръ съ Турціею, которая теперь могла свободно всю свою силу обратить противъ Черногоріи.

Черногорцы однако и послѣ этого одержали еще побѣду надъ большимъ турецкимъ войскомъ въ Царевомъ-лозѣ, которая считается самою знаменитою въ исторіи Черногоріи по числу убитыхъ въ турецкомъ войскѣ и по количеству военныхъ трофеевъ (кромѣ массы оружія, 86 знаменъ); тогда какъ у черногорцевъ погибло только 300 чел. и нѣкоторое число было раненыхъ, между которыми находился и владыка.

Но, по черногорской пословицѣ, „вырви у комара ногу, съ него вылѣзетъ и вся внутренность“, такъ было и съ черногорцами: Турція, какъ ни въ чемъ не бывало, собралась съ новыми средствами; а у черногорцевъ не осталось ничего послѣ того, какъ они потратили всѣ свои средства на предшествовавшія войны. Помощь было получить совершенно не откуда: Петръ былъ поглощенъ войною со Швеціей, а Венеція закрыла для черногорцевъ всѣ свои базары, частью дорожа торговлею съ Турціей, частью изъ страха передъ нею.

Великій визирь Пуманъ-паша Тьюприличъ собралъ громадное войско, но не погнушался въ то же время и обманомъ. Онъ выразилъ желаніе покончить дѣло мирно и для этого позвалъ на договоръ черногорскихъ главарей, но едва они явились, ихъ тутъ же изрубили въ куски, и только тогда визирь двинулся впередъ, разсчитывая не встрѣтить нигдѣ сопротивленья. Въ этомъ послѣднемъ разсчетѣ онъ однако ошибся: Цетинья удалось ему достигнуть только послѣ 5 дней непрерывнаго боя, и тогда только, по словамъ лѣтописи, „пожеже Черну Гору и раскопа церковь и монастырь“.

600 душъ женщинъ, стариковъ и дѣтей, спасшихся на венеціанской территоріи, были преданы венеціанцами туркамъ, которые отобравъ себѣ молодыхъ женщинъ и понравившихся дѣтей, все остальное дали подъ ножъ.

Черногорцы однако и тутъ не пали духомъ, и не успѣли еще турки выйти изъ Черногоріи, какъ они приступили второй разъ къ возобновленію монастыря; но такъ какъ своихъ средствъ было мало, то они рѣшили послать своего владыку въ Россію за сборомъ милостыни.

А вотъ какъ отнесся къ этому несчастію Петръ В. Считая себя причиною этого, онъ спѣшитъ съ утѣшеніемъ пострадавшему народу. Прежде всего онъ заявляетъ, что ему вполнѣ извѣстно, какъ на Черногорію напало огромное войско, какъ притомъ много было изрублено въ куски и отведено въ плѣнъ, съ преданіемъ огню и разоренію церквей и монастырей, и вслѣдствіе того, въ изъявленіе своего христіанскаго состраданія, онъ немедленно велѣлъ во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ православнаго царства вознести молитвы къ Богу за пострадавшихъ за Христову вѣру, да получатъ они награду мучениковъ. Обращаясь затѣмъ къ оставшимся въ живыхъ доблестнымъ воинамъ и воздавъ имъ должную публичную похвалу, онъ съ прискорбіемъ заявляетъ, что вслѣдствіе истощенія Россіи продолжительною войной съ еретическимъ королемъ Швеціи, онъ не можетъ вознаградить ихъ сообразно съ ихъ заслугами и жертвами, а только, чтобы сколько нибудь выразить свою признательность, посылаетъ 160 золотыхъ медалей со своимъ изображеніемъ и 5.000 рублей для раздачи наиболѣе пострадавшимъ и еще 5.000 рублей въ распоряженіе владыки на покрытіе хоть части военныхъ издержекъ; а сверхъ того ассигнуетъ на каждые три года по 500 р. въ Цетинскій монастырь.

„Мы теперь въ мирѣ съ турками—говоритъ онъ въ заключеніе—но если они снова поднимутся противъ насъ и нашего царства, то намъ желательно, чтобы вы, какъ народъ, связанный съ нами вѣрой и народностью, опять притекли на помощь нашему оружію. И обѣщаемъ вамъ наше благорасположеніе и вознагражденіе за все; а также не оставятъ васъ наши милости и послѣ“.

Моментъ вступленія Черногоріи въ сношенія съ Россіей имѣетъ рѣшающее значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ ея исторіи. Но матеріальная помощь, которую съ этого времени она стала получать отъ Россіи, далеко не имѣетъ такого значенія, какъ подъемъ духа у черногорцевъ, вслѣдствіе явившагося съ

того момента убѣжденія, что они не одинокіе на этомъ свѣтѣ и имѣютъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ въ великомъ русскомъ царствѣ. Иначе стали относиться къ нимъ и сосѣди ихъ—Венеція и Турція.

Однажды установившаяся такимъ образомъ связь Черногоріи съ Россіей крѣпла съ годами, и съ тѣмъ вмѣстѣ росъ духомъ народъ черногорскій и Черногорія выступаетъ уже участницею въ дѣлахъ, касающихся цѣлой Европы: именно союзныя державы Россія, Англія и Австрія приглашаютъ ее дѣйствовать заодно противъ французовъ, изгнаніе которыхъ изъ Бокки главнымъ образомъ должно быть приписано черногорцамъ.

Какъ ни безплодно было это участіе Черногоріи въ міровыхъ событіяхъ для нея самой, отозвавшись самымъ тяжелымъ образомъ на ея благосостояніи и внутреннихъ отношеніяхъ, она выиграла въ политическомъ смыслѣ, такъ какъ тѣмъ самымъ признана за нею политическая роль, которую напрасно старались и теперь стараются игнорировать или умалять ея противники.

При владыкѣ Петрѣ I вполнѣ выяснились отношенія Черногоріи къ Россіи; а правленіе Петра II составляетъ уже переходъ къ свѣтскому государству.

Самъ Петръ I назначалъ его для свѣтскаго званія, и только по стеченію обстоятельствъ онъ долженъ былъ сдѣлаться владыкой, къ чему вовсе не имѣлъ признанія, и однажды онъ самъ себя назвалъ „prince de contrabande", т. е. поясняетъ сообщающій это Мармье: „находящійся между Турціей, которая отказывается признать независимость Черногоріи; Австріей, которая ни отвергаетъ ее, ни санкціонируетъ; и Россіей, которая только допускаетъ ее въ своихъ интересахъ".

Послѣднее однако ошибочно, потому что императоръ Николай первый санкціонировалъ княжескій титулъ за Даніиломъ, и вслѣдствіе того только онъ признанъ былъ княземъ и со стороны своего народа.

Вотъ вкратцѣ главныя событія въ исторіи Черногоріи почти за три съ половиной столѣтія, въ продолженіе которыхъ она находилась подъ управленіемъ владыкъ, смѣнявшихся потомъ княжескою властью.

Въ цѣломъ этомъ періодѣ мы замѣчаемъ, что Черногорія до конца XVII в. отстаиваетъ свою индивидуальность, насколько она опредѣляется народностью и вѣрой и кромѣ этихъ двухъ началъ нѣтъ никакой другой связи между отдѣльными сербскими племенами, и ихъ единеніе въ лицѣ владыки не имѣетъ никакого другаго характера, какъ національно-религіозное. Съ началомъ XVIII вѣка является кое-что новое: Черногорія стремится принять политическій обликъ и вступить въ сношенія съ другими государствами, какъ политическая единица, для которой уже недостаточно было имѣть одного духовнаго владыку.

Въ такомъ ходѣ черногорской исторіи бьетъ въ глаза разумность, строгая послѣдовательность и какъ бы какая-то преднамѣренность, въ чемъ, въ свою очередь, нельзя не усматривать прозорливости и глубокаго пониманія положенія дѣлъ въ правителяхъ Черногоріи—владыкахъ. Впрочемъ, начало и первая постановка дѣла принадлежатъ Иванбегу, и потому, вопреки теоріи, отнимающей у личности рѣшающее вліяніе на ходъ историческихъ событій, мы приписываемъ именно личности вліяніе на судьбу Черногоріи.

При томъ, можно сказать, стихійномъ поступательномъ движеніи турокъ, которому нигдѣ не находилось никакихъ преградъ и передъ которымъ все безусловно покорялось или бѣжало, никому не могло и въ голову прійти оказать какое-либо сопротивленіе, и еще меньше могла быть надежда на возможность удержаться передъ нимъ на болѣе продолжительное время, потому что сила турокъ ежеминутно росла, какъ снѣжная лавина. А между тѣмъ Иванбегъ рѣшается на этотъ шагъ и рѣшается на борьбу долгую и упорную; иначе онъ не обстраивался бы такъ, можно сказать, съ роскошью. Онъ какъ бы зналъ и предвидѣлъ, что здѣсь никогда турки не въ состояніи будутъ наложить свои цѣпи на свободныхъ горцевъ и что эти скалы послужатъ центромъ, который современемъ будетъ играть освободительную роль и по отношенію къ остальнымъ сосѣднимъ сербскимъ землямъ. Въ этомъ первомъ шагѣ, въ рѣшимости на такое, повидимому безумное дѣло усматриваемъ мы величіе духа Иванбега.

При томъ онъ уводитъ съ собой въ горы и митрополита, и въ этомъ была его главная цѣль и главная заслуга. Государство безъ территоріи и народонаселенія, лишенное всѣхъ аттрибутовъ государственности, не имѣетъ никакого смысла существованія; тогда какъ Церковь сохраняетъ вліяніе на свою паству, гдѣ бы она ни находилась, хотя бы совершенно въ другомъ государствѣ и на самой отдаленной территоріи. Перенеся столицу зетскаго митрополита на Черную-Гору, Иванбегъ обезпечилъ и этой послѣдней вліяніе на всю прежнюю, въ политическомъ смыслѣ потерянную Зету и, связавъ такимъ образомъ судьбу православнаго населенія въ Зетѣ и Черногоріи съ единымъ духовнымъ пастыремъ ихъ, митрополитомъ, онъ связалъ между собою и эти двѣ разторженныя половины; Церковь же поставилъ при этомъ краеугольнымъ камнемъ того зданія, которое должно было созидаться вѣками, пока эта самая Церковь, одержавъ побѣду надъ врагами своими и своего народа, и упрочивъ народу его свободу, не возстановитъ и самое государство.

Вмѣстѣ съ мудростью мы видимъ въ этомъ шагѣ Иванбега и высокій патріотизмъ. Для его личной выгоды прямой выходъ былъ перемѣнить вѣру и признать надъ собою суверенство султана, и затѣмъ господствовать надъ народомъ, какъ дѣлали многіе въ то время и какъ разсудилъ его собственный сынъ Станиша, и не только господствовать, но и посвящать всего себя заботамъ объ этомъ народѣ и о процвѣтаніи края. Какъ человѣкъ необыкновеннаго ума, имѣющій за собою многолѣтнюю опытность и искушенность въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, онъ

былъ бы оцѣненъ султаномъ и даже могъ бы имѣть на него вліяніе и, пользуясь имъ, быть полезнымъ своему народу.

Не стѣснялись же вѣрой нѣкоторые изъ его предковъ! Развѣ во 2-й половинѣ XI в. дюклейскій жупанъ Михаилъ Воиславовичъ не перемѣнилъ православіе на католичество за королевскій титулъ отъ папы Григорія VII? Точно также поступилъ и одинъ изъ нѣманичей Вуканъ (въ 1199 г.) ради того только, чтобы сбросить съ престола роднаго брата и самому сдѣлаться королемъ. Да и вообще нѣманичи относились благосклонно къ католичеству, дорожа дружбой съ папою и венгерскими королями, отъ которыхъ получали и титулы, и матеріальную помощь.

Но Иванъ Черноевичъ былъ слишкомъ великъ умомъ и характеромъ, чтобы быть суетнымъ и пойти на какую бы то ни было сдѣлку; а вѣра и народность составляли для него нѣчто неотдѣлимое отъ его существа; и потому для него невозможно было отступленіе отъ нихъ ни на шагъ.

Кромѣ этихъ однако естественныхъ или физіологическихъ причинъ, дѣлавшихъ для Иванбега невозможнымъ отреченіе отъ вѣры и народности, мы не можемъ допустить, чтобы онъ въ тоже время не прозрѣвалъ своимъ умомъ далеко въ будущее и чтобы ему не рисовалось, хотя въ самомъ отдаленномъ будущемъ, неминуемое крушеніе турецкаго могущества. На это указываетъ глубокая обдуманность и разсчитанность на продолжительный срокъ во всемъ, что онъ тогда дѣлалъ; какое то величавое спокойствіе, въ виду урагана, который все опрокидывалъ и разносилъ. Къ дальновидѣнію тутъ присоединилась глубокая вѣра, которая крѣпила его душу и успокаивала его чувства, испытывавшія ненмовѣрныя потрясенія.

Поэтому мы вполнѣ увѣрены, что, оставляя своимъ пріемникомъ сына Георгія, онъ предвидѣлъ его неизбѣжное удаленіе изъ Черной-Горы, вслѣдствіе чего и поставилъ рядомъ съ нимъ митрополита. Онъ, однимъ словомъ, предвидѣлъ, что митрополиту рано или поздно приведется принять въ свои руки управленіе не только церковнымъ, но и мірскими дѣлами, и все къ тому подготовилъ: надѣлилъ монастырь средствами, какими въ то время и самъ не обладалъ, и, не щадя ничего на красоту зданія и благолѣпіе, тѣлесному оку черногорскаго народа представилъ въ этомъ зданіи нѣчто никогда имъ не видѣнное, необыкновенное, чтобы еще больше привязать его къ Церкви и больше возвысить ее въ глазахъ народа. Совершенно сознательно онъ создавалъ на Цетиньѣ не мірскую державу, а Церковь, которая должна была управлять всѣми функціями національно-религіозной жизни.

Онъ зналъ, что свѣтскому государю легко было измѣнить вѣрѣ и народности, чему имѣлось уже такъ много примѣровъ въ сербской же исторіи, и что въ то же время ему не вынести было ту жизнь, которая ожидала его въ Черной-Горѣ: жизнь безъ всякихъ средствъ, полная всевозможныхъ лишеній подъ вѣчною грозой, которая, не знаешь откуда, нагрянетъ; безъ всякой государственной организаціи для управленія собственнымъ народомъ. Государственный бытъ, выработанный уже въ Зетѣ, долженъ былъ уступить племенному и родовому, а эти двѣ формы исключаютъ одна другую и не могутъ уживаться вмѣстѣ. При такихъ отношеніяхъ единственно возможная форма была патріархальная, которую мы и встрѣчаемъ въ правленіи владыкъ. Владыки управляли народомъ не физической силой, а чисто моральнымъ вліяніемъ; и не силой собственно, а убѣжденіемъ и молитвой. У нихъ не было своего я, а во всемъ былъ авторитетъ только вѣры и Церкви, передъ которымъ сливалось воедино и пастырь, и его стадо. Это было какое-то духовное братство.

Племенное и родовое начало въ Черногоріи при владыкахъ достигло крайняго развитія, съ чѣмъ никакъ не могъ ни совладѣть, ни ужиться принципъ государственности.

Быть главою народа при такихъ условіяхъ могъ только владыка-монахъ, сливающійся съ нимъ во всемъ, о Христѣ братъ всякому, для котораго отреченіе отъ православія и народности было возложеніемъ рукъ на самого себя.

Владыки черногорскіе были люди безъ науки; но они были лучшіе люди, почему на нихъ и падалъ народный выборъ, и званіе это не держалось исключительно въ одномъ какомъ либо племени или родѣ. При скудости свѣдѣній объ этомъ времени мы скажемъ по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ, что тутъ были: изъ Комани, съ Нѣгушъ, изъ Карпето (Лѣшанской нахіи), изъ Байцъ (на Цетиньѣ), изъ Очинічей (близъ Цетинья). изъ Волевичей (съ Цериницъ), и только съ Данінла это званіе преимущественно остается въ домѣ Петровичей. Да и не было особенно лестнаго домогаться званія владыки, потому что съ нимъ соединялось больше труда и даже страданій, чѣмъ какихъ либо житейскихъ выгодъ и интересовъ. На эту высокую степень поднимало людей ихъ собственное призваніе и народный выборъ; а иногда владыками дѣлались даже по принужденію.

Лишенные науки, это были люди крѣпкаго ума, не терявшагося въ погонѣ за отвлеченными истинами, а державшагося на почвѣ реальныхъ задачъ и цѣлей, которыя ставила вароду самая жизнь, и разрѣшеніе которыхъ предстояло имъ и руководимому ими народу. Они не были и не могли быть догматиками; и пуристы ортодоксіи могутъ сдѣлать имъ массу упрековъ относительно теоретической и обрядовой стороны вѣры; но имъ не было времени ни изучать всѣ тонкости догматики, ни примѣнять на дѣлѣ всѣ формальности, требуемыя обрядомъ. Усвоивая вѣру простымъ чувствомъ, а не умомъ и изученіемъ, они жили ею и за нее готовы были жертвовать собственною жизнью. Въ томъ же духѣ воспитанъ былъ и народъ черногорскій. За что онъ шелъ въ бой и умиралъ? «За честной крестъ!»—Вотъ единственный военный кличъ черногорца, при которомъ всякій возстаетъ и летитъ въ бой, забывая домъ, дѣтей и все, что ему дорого.

И эта простая вѣра спасла народъ не только отъ грубой силы турокъ, но и отъ лукавыхъ покушеній со стороны латинъ, которые дѣйствовали гдѣ хитростью и интригой, а гдѣ и просто насиліемъ. Странно, конечно, такое сопоставленіе на одну ногу христіанъ и магометанъ; но око тутъ совершенно умѣстно, потому что имѣетъ свое основаніе.

Представители католицизма, венеціанцы, были для православныхъ не лучше турокъ, если только не хуже. Въ то время какъ турки, налагая свое иго, не трогали народной святыни, венеціанцы разрушали православные монастыри пушечными ядрами: такъ, въ 1413 г. они разрушили монастырь св. архангг. Михаила на Превлокѣ (въ Боккѣ), отравивши предварительно живущаго тамъ архіепископа со всѣми монахами (72 чел.); а потомъ и монастырь между Баромъ и Спичемъ на мысѣ Ртацъ, другія же церкви просто закрывали или отнимали у православныхъ. Пользуясь богатствомъ, они не одну православную церковь застроили внутрь своей католической, что теперь можно видѣть въ Барѣ. Притѣсненіе православныхъ въ Южномъ Приморьѣ и Боккѣ было нестерпимое, и многіе, поколебавшись въ вѣрѣ отцевъ, принуждены были перейти въ католичество. А когда въ этихъ краяхъ распространилось господство турокъ, то они всегда услуживали имъ тѣмъ, что выдавали имъ православныхъ, были ли то черногорцы, или ихъ подданные приморцы,—все равно.

Всѣ не безъ нѣкотораго укора дѣлаютъ замѣчаніе, что духовенство въ Черногоріи стояло на низкой степени образованности, не исключая и владыкъ, и что поэтому они не въ состояніи были бороться съ хорошо образованнымъ духовенствомъ заналной церкви. Но въ томъ случаѣ орудіемъ борьбы являлась не образованность, а матеріальная сила и въ значительной степени бызстыдство, допускавшее самое грубое предательство.

Да и вообще условія жизни въ Черногоріи не давали мѣста образованности. Иванбегъ, какъ и его сынъ Георгій, безъ сомнѣнія, были люди съ образованіемъ; они завели типографію; но все это было заброшено вслѣдствіе физической невозможности. Зета была когда-то страною культурною; но обстоятельства довели се до совершеннаго одичанія. Въ этомъ отношеніи находились несравненно въ лучшемъ положеніи даже тѣ серби, которые остались подъ турецкимъ господствомъ, потому что у нихъ все-таки былъ досугъ, который они могли посвящать мирнымъ занятіямъ; тогда какъ черногорецъ не зналъ этого досуга ни днемъ, ни ночью, когда онъ спалъ даже съ оружіемъ, и нѣтъ почти мѣста въ Черногоріи, которое бы не было сожжено турками по нѣскольку разъ. Поэтому Черногорія должна была сдѣлаться самою дикою страною; такою она и была въ самомъ дѣлѣ. Но въ томъ мы не можемъ ихъ корить, потому что такого было ихъ положеніе, въ которое они были втиснуты насиліемъ со всѣхъ сторонъ. Владыкамъ приходилось мириться съ этой дикостью, все равно какъ приходилось наравнѣ со всѣми участвовать въ битвахъ. Но они не были заскорузлыми противниками всего честнаго и тѣмъ менѣе противниками культуры; они не затворяли ворота передъ латинами; но какъ они пользовались гостепріимствомъ—мы видѣли изъ исторіи съ митрополитомъ Виссаріономъ. А въ тѣхъ краяхъ, гдѣ венеціанцы были господами, они приносили съ собою только порабощеніе и деморализацію.

Владыки же, хотя не были людьми школьной науки, но не были и полными невѣждами. Судя по уцѣлѣвшимъ спискамъ книгъ, находившихся въ книгохранилищѣ при цетемскомъ монастырѣ, старые владыки еще раньше Даніила были большими любителями книжнаго дѣла, а многое совершенно утратилось для насъ, по чему мы могли бы судить объ ихъ культурномъ уровнѣ. Не были они никогда противниками науки и просвѣщенія и обскурантами; но, обладая природнымъ умомъ и горькимъ опытомъ, боролись не только противъ политическаго, но и противъ культурнаго вліянія Венеціи.

Какъ умный черногорецъ смотрѣлъ тогда на Венецію, прекрасно характеризовано въ „Горскомъ вѣнцѣ". Воевода Дражка, который послалъ былъ владыкою Даніиломъ по политическимъ дѣламъ въ Венецію, воротившись оттуда, разсказываетъ своимъ, что онъ тамъ видѣлъ и что узналъ.

Страшная жадность къ богатству, роскошь, толпы голыхъ нищихъ, вѣчно праздныхъ или таскающихъ на носилкахъ богатыхъ женщинъ, которыя не въ состояніи ходить своими ногами отъ ожирѣнія и лѣни; тѣснота и смрадъ въ узкихъ улицахъ среди многоэтажныхъ домовъ, безсмысленная суетня; объ юначествѣ нечего и говорить: они захватили коварствомъ въ свои руки „соколовъ-далматинцевъ да храбрыхъ хорватовъ" и съ помощью ихъ собираютъ богатства, отнимая чужія земли и города; суды немногимъ лучше турецкихъ; вмѣсто того, чтобы просто убить человѣка за совершенное имъ преступленіе, они его подвергаютъ разнымъ мукамъ, и тысячи томятся въ темницахъ и въ тяжкихъ работахъ, прикованные желѣзными цѣпями. „Глядя на ихъ темницы", говоритъ Дражко, „я вижу, что они совсѣмъ забыли Бога, и не можетъ ихъ царство удержаться, а должно перейти въ лучшія руки. Отъ сыщиковъ и шпіоновъ всякій дрожитъ, боясь своей собственной тѣни. Тамъ, если двое говорятъ на улицѣ, третій наставитъ ухо и подслушиваетъ, да тотчасъ бѣжитъ въ судъ и сказываетъ, что они говорили, а кое-что и прибавитъ и прикраситъ; а судъ тотчасъ тѣхъ двоихъ схватитъ, да потомъ и мучитъ на галерахъ. Оттого они совсѣмъ пропадаютъ; между собою не вѣрятъ одинъ другому. Какъ велика Венеція изъ конца въ конецъ, а нѣтъ въ ней ни одного человѣка, которымъ не считалъ бы всякаго другаго за тайнаго сыщика и шпіона". Вотъ что представлялось тамъ воеводѣ Дражку.

Владыки видѣли еще больше того.

Былъ, впрочемъ, владыка Мардарій Кар-

петяпипъ, который, будучи крайне стѣсненъ турками, въ 1640 г.. самъ предлагалъ папѣ Урбану VIII принять унію въ замѣну, конечно, помощи противъ турокъ. Но помощи этой не послѣдовало, и унія не состоялась, можно сказать, къ счастію Черногоріи, потому что въ противномъ случаѣ не было бы границъ претензіямъ католическаго клира, жаднаго къ захватамъ.

Такимъ образомъ, черногорскіе владыки, при всей своей простотѣ, сохранили во всей неприкосновенности вѣру и народность своей паствы, и обладали настолько моральной силой, что оказывали вліяніе даже на края, подвластные Турціи и Венеціи; а владыка Руфимъ Болевичъ (изъ села Болевичей въ Цермницѣ) около 1675 г. присоединилъ къ православію цѣлое племя Кучей, игравшее въ тѣхъ краяхъ важную роль.

Кромѣ вѣры и народности, правленіе владыкъ сохранило во всей неприкосновенности внутренній бытъ черногорскаго народа, и не только сохранило, но даже очистило отъ зачатковъ феодализма, въ видѣ раздѣленія на сословія и привилегіи на обладаніе землями, которыя мы встрѣчаемъ въ Зетскомъ государствѣ. Въ Черной Горѣ не было мѣста ни торговцу, ни аристократу, а были только пастухи и земледѣльцы по занятію, что было присуще всѣмъ: изъ простой избы выходили всѣ, начиная съ владыки; а также всякій обязательно былъ воинъ, причемъ не было различія между первымъ и послѣднимъ; послѣдняго, впрочемъ, не было, а попадалъ въ послѣдніе только трусъ или никуда негодный человѣкъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Цермницѣ, мы замѣчаемъ слѣды выдѣленія отдѣльныхъ фамилій изъ массы; но то происходило подъ вліяніемъ Венеціанской республики, которая и здѣсь, какъ въ Приморьѣ, надѣляла титулами и даже гербами. Даже роды, имѣвшіе изстари какіе-либо сословныя отличія, привилегіи и титулы, теряли ихъ со вступленіемъ на демократическую почву Черногоріи.

Владыки не создали особеннаго положенія для духовенства, что такъ естественно было бы при іерархическомъ правленіи. Священство здѣсь было вполнѣ народное и вичѣмъ не выдѣлялось изъ массы, неся всѣ обязанности, общія цѣлому народу, и, сверхъ того, свои особыя священническія. Многіе ошибаются, видя въ названіи *попъ* презрительное отношеніе народа къ славянству и объясняя это вообще неуваженіемъ черногорца къ Церкви и ея служителямъ, а также грубостью самихъ священниковъ, которые и не заслуживали уваженія. И то и другое ошибочно.

Священники всегда пользовались уваженіемъ народа, какъ служители Церкви и какъ люди, болѣе знающіе и, по народному понятію, ученые; поэтому многіе изъ нихъ были вождями во время войны; ихъ слушали на народныхъ собраніяхъ, къ нимъ обращались за совѣтомъ, имъ представляли на разбирательство свои тяжбы и распри. Поэтому во всѣхъ болѣе важныхъ или вліятельныхъ родахъ вы встрѣчаете много священниковъ; священнику же часто давалось достоинство воеводы.

Восемнадцатое столѣтіе открывается двумя памятными событіями: очищеніемъ Черногоріи отъ магометанства и вступленіемъ ея въ союзъ съ Россіей. Не боясь уже болѣе за вѣру и народность, владыка Даніилъ начинаетъ думать о внутреннемъ благоустройствѣ своего народа и, сохраняя за собою верховную власть надъ цѣлымъ народомъ, въ 1718 г. ставитъ онъ губернатора, который бы сносился по дѣламъ съ племенными старшинами, предсѣдательствовалъ на всѣхъ народныхъ собраніяхъ и разбиралъ дѣла между черногорцами и иностранными подданными, не предоставляя однако ему политическихъ сношеній съ иностранными державами. По округамъ и племенамъ поставлены были сердари и князы (сельскіе старшины) для суда и разбора менѣе важныхъ дѣлъ и для наблюденія за внутреннимъ порядкомъ. Учрежденіе губернаторства впрочемъ произошло отчасти по иниціативѣ Венеціи, которая скоро обратила губернатора въ свое орудіе, назначивъ ему отъ себя жалованье.

Что касается формулированія сношеній съ другими государствами, то начинъ въ томъ принадлежитъ Россіи. Милорадовичъ, пробывшій на Цетиньѣ, съизвѣстною уже намъ грамотою Петра В., въ то же время, 16 апрѣла 1713 г., на народномъ сборѣ заключилъ нѣчто вродѣ договора, изъ котораго приведемъ здѣсь только тѣ мѣста, которыми характеризуется сущность взаимныхъ отношеній Россіи и Черногоріи. Оцѣнивая на первый разъ оказанную черногорцами услугу, русскій царь допускаетъ имъ полную свободу и управленіе самими собою, *только чтобы не признавали надъ собою никакою государя, кромѣ царя, т. е. русскаго*; духовный пастырь и архіерей чтобы также были отъ нихъ же племени и отечества, т. е. черногорцы; затѣмъ допускается безпошлинная торговля *„въ землѣ, которою бы Богъ допустилъ царю Петру владѣть“*; а они, черногорцы, должны быть всегда готовы съ оружіемъ въ рукахъ воевать за царя *въ своей только странѣ*, для чего имъ со стороны царя должно быть дано все потребное.

Это форменный договоръ, въ которомъ означены общія начала взаимныхъ отношеній, заключающіяся главнымъ образомъ не столько въ признаніи суверенства русскаго царя, сколько въ устраненіи суверенства всякаго другаго. Поэтому и признается полнѣйшая внутренняя свобода и ничѣмъ нѣтъ покушенія на вмѣшательство во внутреннія дѣла. Иначе и быть не могло, потому что Россіи въ лицѣ Черногоріи нуженъ былъ только союзникъ на случай войны съ Турціей, и Черногоріи нечего было бояться Россіи, вслѣдствіе чего народъ черногорскій добровольно и безъ страха становится подъ покровительство русскаго царя, гласно признавая его суверенство надъ собою. Но Венеція достигла этой цѣли прежде Россіи, какъ ни противъ воли черногорцевъ, незамѣтно для нихъ самихъ, какъ ни мудры были черногорскіе вла-

дыки, и какъ ни остерегались они венеціанскихъ сѣтей.

Огромное пространство, отдѣляющее Россію отъ Черногоріи, насколько обезпечивало послѣдней независимость противъ первой, на столько же затрудняло и ихъ взаимную помощь, тогда какъ Венеція одною ногой стояла уже на измученномъ тѣлѣ Черногоріи, а другою готовилась стать ей на голову. И въ это время, какъ бы для спасенія ея, является Петръ Великій.

Геніальный умъ его не могъ не вредвидѣть, къ чему шла Венеція, и этимъ объясняется заключеніе упомянутаго договора. Но что онъ въ дѣйствительности не покушался на „самовластіе" Черногоріи, какъ стоитъ въ договорѣ, а имѣлъ въ виду только устраненіе отъ этого другаго, доказываетъ его письмо, написанное послѣ договора, которое мы цитировали выше. Не подданныхъ себѣ искалъ его великій духъ, чтобъ эксплоатировать ихъ или удовлетворять своему самовластію, а вѣрнаго союзника, съ которымъ тѣснѣе, чѣмъ всякій договоръ, связывала бы общность интересовъ. Его дальновидный умъ не ошибся, остановившись на Черногоріи, которая составляла клинъ, могущій во всякое время, при помощи извнѣ, начать свое разрушающее дѣйствіе не только противъ Турціи, но и противъ всякой другой сосѣдней державы. Говоря о безпошлинной торговлѣ въ землѣ, „которою Богъ допустилъ бы царю Петру овладѣть", составитель договора, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду не Турцію, которой Черногоріи нечего было вродавать, а сосѣднее Адріатическое приморье. Это была его завѣтная мысль, которую, можетъ быть, водсказали ему и поддерживали окружающіе его выходцы изъ Далмаціи и Герцеговины. Но осуществить ее онъ былъ не въ состояніи, потому что имѣлъ много дѣла ближе; а послѣдующіе за нимъ правители о томъ совершенно забыли. Забыли бы они и Черногорію, еслибъ она сама о себѣ не напомнила, и еслибы не нуждались въ ней при всякой войнѣ съ Турціей.

Со стороны Венеціи не было заключено никакого договора съ Черногоріей; но сношенія ея не новы, и имѣется нѣсколько грамотъ, изъ которыхъ можно усмотрѣть, какъ Венеція смотрѣла на свои отношенія къ ней. Вотъ одна изъ этихъ грамотъ, отвѣчающая владыкѣ Даніилу на его просьбу возвратить ему духовную юрисдикцію надъ православнымъ населеніемъ въ Бокѣ и Приморьѣ, которая принадлежала черногорскимъ митрополитамъ изстари и послѣ уступки этихъ земель Венеціанской республикѣ въ XV в., и обусловлена была въ особомъ договорѣ между нею и Стефаномъ Черноевичемъ. Въ этой грамотѣ 1718 г. дожъ Іоаннъ Корнелій, иначе Джіованни Карнаро, поручаетъ своимъ министрамъ призвать къ себѣ черногорскихъ посланниковъ, прибывшихъ съ прошеніемъ отъ владыки и прочитать имъ слѣдующее: „Монсиньоръ епископъ! Къ великой заслугѣ, оказанной нашему государству вашею храбростью и вѣрностью въ прошлую войну, вмѣстѣ съ вашимъ стараніемъ укрѣпить въ любезномъ намъ черногорскомъ народѣ духъ преданности и подчиненности (vassallaggéo) нашей власти, въ настоящее время вы присоединяете новые знаки того подданнымъ отъ вашего имени меморіаломъ, въ которомъ вы со всею искренностью подтверждаете обязательность вашей преданности власти республики и т. д. мы увѣрены, что вы постараетесь внушить нашимъ нрелюбезнымъ *подданнымъ*, сколько мы расположены къ нимъ и постоянно готовы оказывать наше покровительство для охраненія и защиты ихъ жизни и имущества".

Изъ этого ясно видно, что Венеція смотрѣла на владыку, какъ на своего вассала, а на всѣхъ черногорцевъ, какъ на своихъ подданныхъ, которые будто бы сами то призвали, за что и воздаются имъ лестныя похвалы и даются обѣщанія всевозможныхъ благъ.

Имѣя въ Черногоріи губернатора на жалованьи и опредѣливъ также постоянную плату и другимъ чиновникамъ, Венеція уже отчасти и поставила черногорскія власти въ зависимость отъ себя, и впослѣдствіи владыкамъ привелось вести борьбу съ губернаторомъ, который потомъ сдѣлался слугою Австріи.

По смерти Даніила владыкою сдѣлался Савва, человѣкъ не дальняго ума и слабаго характера, пользуясь чѣмъ, венеціавцы совершенно завладѣли имъ. Тогда народное собраніе выбрало ему сонравителя въ лицѣ племянника его Василія, который и управлялъ всѣмъ, а Савва проживалъ на покоѣ въ монастырѣ Станевичахъ.

Василій всю свою жизнь боролся противъ интригъ Венеціи, которая дѣлала всевозможныя притѣсненія черногорцамъ, когда они приходили на ея базары, и въ тоже время сносилась съ турками, возбуждая ихъ противъ черногорцевъ, и старалась внутри Черногоріи внести смуту и разладъ съ ея правителемъ.

Продолжительныя отлучки владыки Василія изъ Черногоріи еще болѣе облегчили венеціанамъ успѣхъ въ интригѣ; а по смерти его, случившейся въ Россіи въ 1766 г., и со вступленіемъ вновь въ управленіе слабаго Саввы, разстройство въ Черногоріи достигло крайней степени; и въ это время появляется самозванецъ Степанъ Малый, который, насколько успѣлъ возстановить внутренній порядокъ и славу черногорскаго оружія, настолько же произвелъ совершенный хаосъ въ умахъ черногорцевъ.

Дѣла поправились только при владыкѣ Петрѣ I, но, въ то время какъ онъ уѣзжалъ изъ Черногоріи для посвященія въ епископы, Махмудъ-паша Скадарскій успѣлъ еще разъ (3-й) разорить Цетинье. Отношенія Черногоріи къ Россіи, а также и къ Венеціи и Австріи мы изложили въ особой статьѣ *); здѣсь же, избѣгая подробностей, мы только охарактеризуемъ эти отношенія.

Владыки обращаются къ Россіи, съ одной стороны ища ея покровительства противъ внѣшнихъ враговъ и за то обѣщаютъ пол-

*) „Отношенія между Черногоріей и Россіей при владыкахъ". Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. кн. 11

нѣйшую преданность ей и готовность служить ей по первому требованію, съ другой указываютъ ей на состояніе внутреннихъ дѣлъ Черногоріи, которое необходимо измѣнить и для чего опять требуется помощь Россіи.

Въ обоихъ случаяхъ выражается преданность Россіи, и есть документъ, изъ котораго видно, что черногорцы передъ портретомъ императрицы Елизаветы Петровны присягали ей въ вѣрности; и потому на одно изъ прошеній владыки Василія, отъ 22 апр. 1753 г., послѣдовало такое рѣшеніе: „что оной черногорскій принципатъ (княжество) никому не подвластенъ, какъ токмо ея императорскому величеству самодержицѣ Всероссійской, и чтобы сей принципатъ въ титулѣ ея императорскаго величества включенъ былъ; то, хотя ея императорское величество сіе его представленіе милостивѣйше принять изволила, однакожъ, на какомъ основаніи и за что оной черногорскій народъ ея императорскому величеству совершенно подвластнымъ быть хочетъ, о томъ обождано будетъ формальное сего народа прошеніе".

Съ неменьшею настойчивостью чего-то добивается отъ Россіи и владыка Петръ I, который съ тою цѣлію отправлялъ въ Россію два посольства. Въ одномъ изъ прошеній императору Павлу Петровичу владыка, изобразивъ тяжелое положеніе Черногоріи, резюмируетъ желанія черногорскаго народа такъ: „А посему и просимъ, дабы высочайшимъ Вашего И. В. благоволеніемъ и милостію повелѣно было сіе наше прошеніе принять и о причисленіи насъ Черныя Горы и Бердъ подъ высочайшую протекцію, помощь и защиту, присовокупить въ единодержаніе владычества вашего, также и государственными утвердить правами и правилами духовными, военными и гражданскими; съ преподаваніемъ открытія наукъ полезныхъ и училищъ; со статами; и со утвержденіемъ пошлинныхъ сборовъ, которые споможествовать полнымъ изобиліемъ, когда будутъ существовать строгости и права, и съ равномѣрнымъ же проискомъ рудоконныхъ металловъ, коихъ повидимому предмету изобильность не оскудѣваетъ. О присылки же сѣмо отъ имени вашего И. В. кого заблагоразсудитъ ваша высоко-монаршая верховнѣйшая власть, для вящшаго обозрѣнія и совершеннѣйшей вѣрности съ полномочнымъ вашего священнѣйшаго величества наставленіемъ, и о томъ учинить милостивѣйшее благоразсмотрѣніе и опредѣленіе".

Въ инструкціи же, данной посланнику, заключаются между прочимъ и слѣдующія двѣ статьи:

I) Если высочайшему двору невозможно будетъ къ семъ времени по прошенію нашему учинить, въ такомъ случаѣ просить, благоволенно было отправить къ симъ мѣстамъ одного офицера съ флагомъ государственнаго императорскаго герба съ надлежащимъ наставленіемъ, которое могло бы при самой нужной необходимости и утѣсненію совершенною защитою намъ послужить, равномѣрно же и со вспомоществованіемъ хотя невеликой суммы денегъ, и военной самонужнѣйшей аммуниціи чрезъ Неаполь: пороху, свинцу и бумаги; вамъ же въ томъ мѣстѣ ожидать тогда другаго повелѣнія".

II) „А ежели наче чаянія высочайшій всероссійскій императорскій дворъ впредь не соблаговолитъ принять народъ сей черногорскій и бердскій подъ явное и неотверженное покровительство, то съ крайнимъ неудовольствіемъ и оскорбленіемъ дозволяется вамъ отъ имени народа дѣлать ограниченіе нашей невинности просить конечнаго навсегда отрѣшенія понеже никакими мѣрами не можетъ болѣе при нынѣшнихъ превратныхъ обстоятельствахъ безъ оной высочайшей протекціи себе содержать, и по обѣту отъ предковъ нашихъ ко всероссійскимъ самодержцамъ данному на вѣрность и услуги продолжать отвынѣ впредь силъ не имѣемъ".

Что же все это значитъ и чего же, наконецъ, добивалась Черногорія отъ Россіи?

Прежде всего конечно требовалось огражденіе противъ покушеній на свободу Черногоріи извнѣ, такъ какъ теперь къ Турціи и Венеціи, съ которыми до сихъ поръ ей приводилось бороться, присоединилась еще Австрія и Франція. А затѣмъ владыки видѣли, что отстоявши вѣру и народность отдѣльныхъ племенъ, они не въ состояніи объединить тѣ племена между собою, слить ихъ въ одно цѣлое, безъ чего они всегда будутъ слабы: и тѣмъ больше чувствовалась необходимость въ томъ объединеніи, что опасности извнѣ увеличились, а въ тоже время и внутреннее разстройство дошло до крайностей, и духовная власть владыки оказалась безсильною.

Чтобы не быть поглощенными другими, что было такъ легко сдѣлать сосѣдямъ Черногоріи, переманивая къ себѣ одно племя за другимъ, ей необходимо было конституироваться на политическомъ началѣ, а не на религіозно-національномъ. Владыки стремились упрочить, узаконить, такъ сказать, положеніе Черногоріи и между другими государствами, но этому мѣшало то, что Черногорія въ то время представляла собою нѣчто странное въ Европѣ: нѣтъ ровно никакихъ государственныхъ учрежденій и никакой власти, кромѣ владыки, который, однако, былъ только духовное лицо, во многія дѣла свѣтскаго характера не имѣвшее и права вмѣшиваться. Самое участіе его въ войнѣ въ глазахъ Европы было чѣмъ-то незаконнымъ. Это была страна безъ опредѣленныхъ границъ; народъ, тоже не имѣющій постояннаго опредѣленнаго числа, притомъ не связанный между собою никакими другими узами, кромѣ народности и вѣры; однимъ словомъ, это не была политическая единица. И такъ смотрѣла на нее вся Европа, не исключая и Россіи. Императрица Екатерина, напр., совершенно игнорировала владыку Черногоріи и потому, зная, что въ Черногоріи одинъ только митрополитъ, относилась къ нему во множественномъ числѣ:

„Священнымъ митрополитамъ и другимъ церковнымъ сановникамъ и всему клиру, достопочтеннымъ и любезнѣйшимъ намъ губернаторамъ, главарямъ, воеводамъ, князьямъ, дворянамъ, а также всѣмъ славнымъ и храб-

рымъ жителямъ Черной Горы и живущимъ въ другихъ мѣстахъ соплеменникамъ паша императорская милость и благоволеніе".

Поэтому заключающіяся въ приведенномъ выше прошеніи владыки Петра I императору Павлу темныя фразы: „присовокупить насъ въ единодержавіе владычества вашего, также и государственными утвердить правами и правилами духовными, воевными и гражданскими" и т. д. ясно указываютъ на желаніе получить государственное устройство со всѣми его учрежденіями. Владыка, считая себя въ такомъ дѣлѣ не подготовленнымъ и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не способнымъ и не компетентнымъ, какъ лицо духовное, не понятіемъ черногорцевъ, не призванное къ свѣтской власти, проситъ Россію послать человѣка, который могъ бы быть облеченъ свѣтскою властью, и въ преданности котораго Россіи былъ бы увѣренъ ея государь. Тогда только Черногорія и могла быть включена въ какой бы то ни было европейскій трактатъ, какъ политическая единица, и для этого, ставя себя подъ протекцію Россіи, она желаетъ явиться тамъ „снабдѣнною защищеніемъ государственнаго флага" и съ опредѣленными отношеніями къ Россіи, какъ страна, имѣющая свое правительство, „со открытіемъ публичнаго правительства (своего) и со учрежденіемъ основательныхъ правъ соразмѣрныхъ этой имперіи (Россіи) и сихъ мѣстъ (Черногоріи)", то-есть, просить дать ей мѣсто въ ряду государствъ Европы, сообразно съ ея размѣрами, силами и важностью положенія.

Такія отношенія въ то время нигдѣ не существовали, и потому такая идея была вовлю, неудобопонятною; да и у самихъ владыкъ она не успѣла принять опредѣленной формы, вотъ почему и выражалась всегда туманно. Имъ она навѣяна была естественнымъ положеніемъ ихъ страны; а выработать для нея опредѣленныя формы и осуществить ее на дѣлѣ они надѣялись при содѣйствіи Россіи, которой отдавались, обѣщая на вѣчныя времена вѣрность и готовность служить по первому призыву, какъ то бывало и прежде.

Русское правительство въ то время понимало тѣ отношенія совершенно иначе, и недоразумѣніе раскрылось вскорѣ во всей наготѣ и при томъ въ формѣ весьма острой. Получивъ отъ людей, интриговавшихъ противъ владыки, сообщеніе, будто онъ намѣренъ предаться Франціи, русское правительство рѣшилось, пользуясь своимъ престижемъ между черногорцами, потребовать владыку на судъ въ Россію для оправданія во всѣхъ возведенныхъ на него обвиненіяхъ. Тогда владыка вынужденъ былъ выступить съ отвѣтомъ, въ которомъ ясно и опредѣленно указываетъ, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ Черногорія къ Россіи, т. е. въ отношеніяхъ совершенно независимыхъ, съ сохраненіемъ однако полнѣйшей преданности Россіи и ея императорамъ *). Приведемъ здѣсь болѣе знаменательныя мѣста изъ отвѣта владыки русскому святѣйшему синоду, отъ котораго и послано было требованіе его на судъ:

„Мы, народъ черногорскій и бердскій, не состоимъ въ подданствѣ Россійской Имперіи, но только подъ ея моральнымъ покровительствомъ. И если мы оказываемъ приверженность, вѣрность и усердіе къ русскому двору, то это единственно только по единовѣрію и по единоплеменности. Мы и на будущее время и на вѣчно будемъ относиться съ такимъ же усердіемъ къ русскому двору, кромѣ, разумѣется, того случая, если сама Россія отолкнетъ насъ отъ себя, чего мы впрочемъ никогда не ожидаемъ. Мы, народъ черногорскій и бердскій, до тѣхъ поръ, пока на Руси будетъ православная вѣра, останемся на вѣки вѣрными и усердными къ Россіи, но съ тѣмъ условіемъ, что мы вовсе не желаемъ вступить въ подданство Россіи, въ какомъ находятся къ ней населяющіе ее народы. Пріобрѣтенную нашими прародителями свободу мы будемъ защищать до самой послѣдней степени и готовы скорѣе умереть съ мечемъ въ рукахъ, нежели поддаться постыдному рабству одной силы. Мы никогда не были въ подданствѣ Россійскаго императора. Мы отдали себя только подъ покровительство Россіи, и то по особымъ договорамъ, не изъ-за какихъ нибудь привилегій, и единственно по усердію къ благочестію. А васъ мы имѣемъ честь самымъ положительнѣйшимъ образомъ увѣрить въ нашемъ усердіи къ русскому двору. Если бы сосѣди наши (т. е. Австрійцы) начали войну съ Россіей (чего изволи Боже), то мы непремѣнно въ это время и съ своей стороны устроили бы диверсію и ратовали бы противъ русскихъ непріятелей до послѣдней капли крови, какъ то дѣлали и наши прародители. А во всякомъ другомъ отношеніи мы не сознаемъ за собою никакихъ обязанностей къ Россіи"... Русское правительство очевидно понимало свои отношенія совсѣмъ иначе, и послѣ этого объясненія со стороны Черногоріи у него какъ бы спала повязка съ глазъ; равнымъ образомъ, дѣйствія русскаго правительства открыли глаза и черногорцамъ.

Разница въ томъ, что Черногорія, несмотря на нанесенную ей обиду, осталась вѣрна завѣту своихъ предковъ, служа Россіи и послѣ того вѣрой и правдой, какъ будто между ними ничего и не бывало, какъ и слѣдуетъ въ дѣлахъ великой важности; Россія же не выдержала своей роли и, участвуя въ заключенныхъ тогда трактатахъ, на которыхъ была первенствующею державой, не сдѣлала ничего въ пользу Черногоріи, не потому что не могла, а потому что не умѣла понять свою собственную выгоду.

И въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлавъ ничего для Черногоріи и отдавъ ее совершенно въ руки Австріи, не повредили ли мы въ то же время самимъ себѣ больше, чѣмъ ей? Развѣ, оставивъ Бокку за Черногоріей, мы не были бы въ ней какъ у себя дома, не требуя отъ черногорцевъ и бокелей, чтобъ они были нашими подданными? Развѣ пришлось бы въ послѣднюю войну отдать Австріи дѣ такія

*) Все дѣло это изложено въ статьѣ г. Жмакина „Россія и Черногорія въ началѣ XIX вѣка". („Древняя и Новая Россія", мартъ, 1881 г.).

важныя провинціи, какъ Босніи и Герцеговина, если бы Черногорія въ то время имѣла море и вообще была бы сильнѣе, чѣмъ какою ее застала тогдашняя война?

Мы приводимъ прискорбный эпизодъ изъ нашихъ сношеній съ Черногоріей, отбросивши всевозможные укоры или оправданія той или другой сторонъ, считая ихъ въ этомъ случаѣ ненужными и безсмысленными и имѣемъ въ виду только уясненіе этихъ отношеній, которыя лучше всего опредѣлились изъ этого эпизода, и съ тѣхъ поръ уже не было такихъ недоразумѣній, кромѣ еще одной, но совершенно легкаго свойства размолвки при князѣ Данилѣ. Считаемъ однако не лишнимъ резюмировать эти отношенія за полтораста лѣтъ.

Оглядываясь на все это прошлое, мы замѣчаемъ, что наша политика по отношенію къ юго-славянамъ какая-то дихорадочная: то мы осыпаемъ ихъ своими благодѣяніями и стараемся всячески привязать къ себѣ, то вдругъ отталкиваемъ и отнимаемъ даже то, что обязаны давать въ силу обѣщаній, закрѣпленныхъ грамотами. Сравните по царствованіямъ, какъ мѣнялись наши отношенія къ нимъ: Петръ Великій открываетъ въ нихъ себѣ союзниковъ; затѣмъ ихъ забываютъ; Елизавета снова благодѣтельствуетъ имъ; Екатерина II опять отталкиваетъ ихъ и оскорбляетъ; Павелъ возвращаетъ имъ всѣ милости; Александръ I гнѣвается и предаетъ ихъ суду; Николай I снова обращается къ нимъ со своимъ милостями; позже—опять новая размолвка. Но какая рѣзкая разница между нами и маленькою, дикою Черногоріей! Въ полтораста почти лѣтъ сношеній съ Россіей при самыхъ тяжелыхъ искушеніяхъ ни одного противорѣчія, ни малѣйшаго уклоненія отъ однажды принятаго направленія, которое достигаетъ наибольшей опредѣленности въ политикѣ владыки Петра I. Онъ былъ настоящій носитель черногорскаго идеала; притомъ въ немъ заканчивается цѣлый періодъ черногорской политики и въ немъ-же заключается начало втораго. Онъ былъ послѣдній правитель Черногоріи, вся дѣятельность котораго вполнѣ сообразовалась съ волею народа, и который во всемъ совершенно сливался со своимъ народомъ, будучи только его лучшимъ представителемъ, истолкователемъ его мысли и желаній, какъ во внутренней жизни, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Никогда не было розни съ народомъ, исключая борьбы противъ невѣжества и дикихъ инстинктовъ.

Императоръ Николай, по вступленіи на престолъ, измѣнилъ свои отношенія къ Черногоріи и послалъ ей положенную сумму за всѣ 17 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ она не получалась. Старый владыка однако не дождался этого. За нѣсколько часовъ до смерти, онъ, не имѣя дровъ, чтобъ отопить свою спальню, пришелъ погрѣться у огня въ кухнѣ; сидѣлъ здѣсь, разговаривая съ собравшимся народомъ, поручая строго исполнить свое завѣщаніе, которое онъ въ то же утро продиктовалъ секретарю своему Симу Милютиновичу, затѣмъ воротился на кровать, легъ и, продолжая разговаривать, безъ всякой боли и страданій постепенно скончался, будто заснулъ, на 81 году своей жизни.

А вотъ заключительныя слова завѣщанія этого великаго мученика.

Предавая проклятію каждаго, кто-бы рѣшился дѣйствовать противъ своего отечества, онъ добавляетъ въ своемъ завѣщаніи и по отношенію къ Россіи:

„Точно также да будетъ проклятъ и тотъ, кто-бы покусился отвратить васъ отъ вѣрности благочестивой и христолюбивой Россіи и всякому, кто-бы изъ васъ, черногорцевъ и брдянъ, пошелъ противъ единоплеменной и единовѣрной намъ Россіи, дай Богъ, чтобъ у него у живаго отпало мясо отъ костей, и не было-бъ ему добра въ этой жизни, ни въ будущей".

Петръ II достигъ уже въ значительной степени политическаго объединенія племенъ, изъ которыхъ состояла Черногорія: при немъ присоединяется къ ней добровольно одно изъ самыхъ многочисленныхъ племенъ — Васоевичи; а всякое неповиновеніе отдѣльнаго племени считается уже преступленіемъ противъ государства и наказывается соединенными силами всѣхъ другихъ племенъ. Какъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, такъ и внутри Черногоріи являются формы уже политическаго характера, и она является вполнѣ политическою единицей; не доставало только свѣтскаго государя, который не замедлилъ явиться въ лицѣ его наслѣдника Даніила.

Итакъ, современная Черногорія представляетъ собою прямой результатъ Черногоріи подъ управленіемъ владыкъ; эта та самая горсть людей, вышедшихъ съ Иваномъ Черноевичемъ изъ Зеты въ Черную-Гору, которая постепенно росла, размножаясь путемъ нарожденія и притокомъ новыхъ доселенцевъ изъ родственныхъ сербскихъ краевъ, бѣжавшихъ изъ турецкой неволи, крѣпла и сплачивалась подъ мудрымъ управленіемъ владыкъ въ одно нераздѣльное цѣлое и закалилась въ борьбѣ съ суровою природой и людьми до такой степени, что нужда и война, ихъ неразлучные спутники, сдѣлались ихъ стихіею. Изъ этой горсти постепенно выросталъ цѣлый народъ, составившійся изъ союза племенъ, а союзъ этотъ, принявъ постепенно политическій обликъ, преобразовался въ государство, самостоятельное и независимое, по внутреннему порядку и благоустройству ставшее на ряду съ другими государствами цивилизованной Европы, крѣпостью же духа и постоянствомъ характера заслужившее всеобщее уваженіе, какъ въ древнемъ мірѣ Спарта, заключая въ себѣ тѣ же добродѣтели и тѣ же недостатки.

Пасъ останавливаетъ теперь еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ эта ничтожная горсть могла сохраниться и удержать свою самостоятельность, когда все кругомъ ея покорилось и признало надъ собою чужое господство?

Большинство объясняетъ это горностою мѣстностью, неприступностью скалъ Черногоріи, голыхъ, ни для кого не привлекательныхъ и

не нужныхъ; ничтожностью самаго населенія и его роли, и наконецъ счастливымъ теченіемъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ на помощь ей притекло и покровительство другихъ сильныхъ державъ.

Да, все это дѣйствительно имѣло значеніе въ исторіи Черногоріи; но, что горы и скалы сами по себѣ не спасаютъ, доказательствомъ служитъ рядомъ стоящая Албанія, которая покорилась туркамъ, несмотря на то, что имѣетъ въ серединѣ своей не одну, а нѣсколько такихъ Черногорій. Да и самимъ черногорцамъ не помогали скалы, когда у нихъ ослабѣвала сила; и чрезъ Черногорію три раза проходили изъ конца въ конецъ турецкіе визири. А если бы они были такъ ничтожны, Турція не напрягала бы противъ нихъ всѣхъ своихъ силъ, не посылала бы противъ нихъ, если не сотни, то во всякомъ случаѣ много десятковъ тысячъ войска подъ предводительствомъ лучшихъ своихъ генераловъ. И зачѣмъ тогда такъ хлопотала около нея Венеціанская республика, стараясь ее поработить или погубить, то лицемѣря и заискивая, то явно передавая ее туркамъ и разрушая ея храмы и святыя обители пушечными ядрами. А помощь сильныхъ державъ большею частью являлась въ видѣ „дара Данаевъ".

Нѣтъ, однихъ скалъ тутъ мало; другой народъ задохнулся-бы въ нихъ или померъ съ голоду; или бросилъ бы ихъ и бѣжалъ вонъ, какъ бѣжитъ узникъ изъ тюрьмы, предпочитая скорую смерть вѣчному тюремному заключенію. Тутъ нужна была особенная сила духа и самоотверженность какъ въ самомъ народѣ, такъ и еще болѣе въ его вождяхъ и представителяхъ. Нужна была слишкомъ глубокая вѣра, чтобы не впасть въ отчаяніе, не потерять духа и устоять противъ безконечнаго ряда тяжкихъ испытаній. Эта ничтожная горсть должна была имѣть великую душу и великихъ людей, какими и являются ея владыки, которые, во имя народа, совершенно отрекались отъ своей личности.

Еслибъ они были узкіе эгоисты, они могли бы отлично жить съ Венеціей и постепенно обратить къ ней симпатіи своего народа; но это были идеалисты, которымъ благо народное и чистое, славное имя въ потомствѣ были выше всѣхъ благъ временныхъ, матеріальныхъ. Во имя этого идеала они и стремились приблизиться къ Россіи, отъ которой единой ожидали его осуществленія. Вотъ почему въ сношеніяхъ съ Россіей они отрекались отъ всякаго личнаго интереса и во имя одушевлявшаго ихъ идеала жертвовали своимъ личнымъ самолюбіемъ, унижаясь до роли простыхъ просителей, обивающихъ пороги сильныхъ русскихъ нельможъ, и прощая всевозможныя обиды и оскорбленія. Это были не только великіе люди, но люди святые, мученики идеи.

Поэтому наши отношенія къ Черногоріи должны быть совершенно противоположны тѣмъ, въ какихъ ставили себя Венеція и Австрія. Онѣ считали своимъ интересомъ, сколько возможно, обрѣзывать Черногорію и ослаблять ее во всѣхъ отношеніяхъ; интересъ же Россіи, напротивъ, въ томъ, чтобъ она была обширнѣе и сильнѣе. На этомъ и основана доказанная почти двумя столѣтіями привязанность Черногоріи къ Россіи; насъ связываетъ не вѣра только и народность, но и обоюдность политическихъ интересовъ. И пока будетъ существовать эта обоюдность интересовъ, до тѣхъ поръ не можетъ и не должна прерываться связь Россіи съ Черногоріей.

Съ переходомъ Черногоріи отъ владычества къ княжеству въ нашихъ отношеніяхъ не произошло ни малѣйшихъ измѣненій. Разница только въ томъ, что тогда мы имѣли дѣло съ союзомъ черногорскихъ племенъ, безформеннымъ, не имѣвшимъ постоянныхъ границъ и не представлявшимъ собою единаго, плотнаго цѣлаго; а теперь Черногорія представляетъ собою политическое цѣлое, крѣпкое и нераздѣлимое, какъ одинъ кристаллъ, на которое можете ополчиться въ полной увѣренности, что она вамъ не измѣнитъ и въ состояніи выдержать давленіе, какого не вынесетъ всякое другое подобное ему самостоятельное государство. И, пока существуетъ Черногорія, славянство имѣетъ въ ней, на самомъ слабомъ своемъ краѣ, не только вѣрную, но и трудно преодолимую опору; пусть же и она знаетъ, что и ей всегда принадлежатъ симпатіи всего славянства и скорая помощь могущественной Россіи *).

*) Въ Русскомъ Архивѣ (1886 г., № 4) помѣщена въ высшей степени интересная записка, въ которой рисуется положеніе Черногоріи во время пребыванія тамъ князя Ю. В. Долгорукаго въ 1769 г. Въ запискѣ этой Черногорцы, начиная съ владыки Саввы, рисуются въ такомъ мрачномъ видѣ и блещутся безпощадно такими позорными эпитетами (Савва—„древній злодѣй и разбойниковъ начальникъ"), что издатель счелъ необходимымъ сдѣлать оговорку, видя въ томъ крайность, и объясняетъ «слишкомъ неблагопріятные отзывы Записки о Черногоріи нѣмецкимъ происхожденіемъ ея автора» (Розенберга). Замѣтка эта вызвана, конечно, добросовѣстностью издателя, которою вообще отличаются всѣ его изданія; но мы съ своей стороны замѣтимъ, что утрировка тутъ есть не сильная, объясняемая отчасти просто невозможностью отнестись правильно человѣку, попавшему сразу въ такую страну, подобія которой тогда не было ничего въ Европѣ; а отчасти, можетъ быть, неумѣніемъ его стать на точку, болѣе безпристрастную и различить правду отъ неправды. Напр. и намъ извѣстно, что озрничи, напр., отдавали своихъ женщинъ, женъ и дочерей нищимчамъ въ голодные годы за хлѣбъ, чтобы спасти цѣлую многочисленную семью отъ голодной смерти, и сами женщины вызывались на такое самопожертвованіе, разсчитывая какъ нибудь потомъ убѣжать, и дѣйствительно убѣгали; а иногда отводили въ заложники и мужчинъ. Но это уже далеко не торговля женщинами, какъ ее представляетъ авторъ записки. А, говоря о военныхъ подвигахъ, черногорцы, какъ и многіе, старались преувеличить свои доблести и съ этою цѣлью показывали несравненно большее число непріятеля, чѣмъ сколько его было въ дѣйствительности, а также увеличивали число павшихъ непріятелей; но не были уже такими плохими, какими старается ихъ

Послѣ г. Ровинскаго, проф. О. Ѳ. Миллеръ прочиталъ стихотвореніе покойнаго И. С. Аксакова, написанное имъ въ 1854 г. и стихотвореніе М. П. Розенгейма, посвященное памяти Ивана Сергѣевича. Послѣднее стихотвореніе, по желанію присутствующихъ, было повторено и покрыто безконечными рукоплесканіями.

Вотъ эти стихотворенія:

I. Пусть сгибнетъ все.

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ,
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы! Вы не нужны!
Засни ты, духъ! Давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!
Безплодны всѣ труды и дѣянья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!
Такъ сокрушись, души гордыня!
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошнаго зла стопчь твердыня,
Царитъ безсмысленная Ложь!
Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!..
Ликуй же, Ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!..

Слабѣйте жъ, силы!.. Вы не нужны!
Засни ты, духъ! Давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

II. Памяти И. С. Аксакова.

Меркнуть и гаснутъ одна за другой
Свѣтлыя звѣзды, что въ пору иную,
Въ темную пору, когда-то былую,
Ярко горѣли надъ русской землей,
Свѣтъ проливая средь ночи глухой;
Сердцу внушали живую мольбу,
Свѣтлыя думы въ умахъ подымали,
Души надеждой и вѣрой питали,
Звали лежащихъ въ духовномъ гробу
Смѣло воспрянуть на трудъ и борьбу.
Быстро рѣдѣетъ дружина бойцовъ,
Множатся вѣщихъ пророковъ могилы,
Гдѣ же вы, свѣжія русскія силы?..
Встаньте, явитесь на смѣну отцовъ,
Божіей правды левитовъ-пѣвцовъ!
Есть въ тебѣ силы тѣ, край мой родной,
Есть онѣ... Вѣрю я въ духъ нашъ народный!
Чуднаго творчества геній свободный,
Съ вѣщимъ глаголомъ и пѣснью живой,
Смолкъ, но не умеръ средь Руси святой.

За отсутствіемъ К. Н. Бестужева-Рюмина, была прочитана В. И. Аристовымъ слѣдующая рѣчь почтеннаго профессора:

Двухсотлѣтнія поминки по В. Н. Татищевѣ.

На днихъ, 19-го апрѣля, минетъ двѣсти лѣтъ отъ дня рожденія перваго по времени русскаго историка В. Н. Татищева. Академія Наукъ намѣрена, по слухамъ, почтить его память особымъ засѣданіемъ и изданіемъ его сочиненій, которыхъ доселѣ не имѣемъ мы не только въ хорошемъ, но ни въ какомъ собраніи *). Вѣроятно, и другія наши ученыя учрежденія такъ или иначе помянутъ этого русскаго первоначальника русской исторической науки. Степень уваженія къ симъ замѣчательнымъ людямъ есть лучшее мѣрило зрѣлости общества. Но и намъ, въ нашемъ спеціальномъ кругѣ не можетъ быть чуждъ этотъ „птенецъ гнѣзда Петрова", стремившійся на первыхъ порахъ примирить реформу съ основами русской жизни, этотъ историкъ Россіи, начинающій свой трудъ съ обозрѣнія славянскихъ племенъ, съ размышленія о славянскихъ языкахъ.

Вотъ почему позволю себѣ напомнить почтенному собранію въ краткомъ очеркѣ высоко-даровитую личность перваго русскаго историка. Много ничего я не скажу, но какъ-то отрадно бываетъ въ извѣстный день

выставить авторъ. Однимъ словомъ, въ «запискѣ» есть преувеличенія или неправильное пониманіе многихъ вещей и вслѣдствіе того ложное освѣщеніе фактовъ, но въ общемъ картина вѣрна и совершенно соотвѣтствуетъ тому безрядному состоянію, въ какомъ Черногорія находилась почти сплошь цѣлое столѣтіе отъ смерти владыки Данила до вступленія владыки Петра II. Этимъ и объясняется, почему всѣ владыки того времени такъ настойчиво преслѣдовали мысль о необходимости заведенія въ Черногоріи твердой свѣтской власти и для большей авторитетности ея искали участія въ томъ Россіи. Состояніе было по истинѣ весьма непригляднае и въ борьбѣ съ нимъ по временамъ падалъ духомъ Петръ II; и хотя совладалъ съ нимъ, но былъ мученикомъ своего положенія, такъ что намѣревался даже оставить совсѣмъ Черногорію. Онъ однако сдѣлалъ весьма много для внутреннаго устройства Черногоріи, такъ что наслѣднику его князю Данилу пришлось больше бороться съ партіею, чѣмъ съ общимъ безначаліемъ.

«Записка» поэтому представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ исторію Черногоріи, тѣмъ болѣе, что рисуетъ намъ внутреннюю, сокровенную отъ постороняго наблюдателя жизнь; но само собою разумѣется, что представляетъ матеріалъ, которымъ можно воспользоваться только при помощи научной критики. А за напечатаніе ея ни въ какомъ случаѣ нужно отнестись съ благодарностью къ ея издателю.

*) Лишь недавно появилось въ Казани прекрасное изданіе „Духовной" Татищева, сдѣланное *Андр. Н. Островскимъ* по рукописямъ. Изъ этого изданія мы узнаемъ, что до сихъ поръ текстъ Татищева извѣстенъ былъ съ посторонними прибавками. Съ хронологическими соображеніями уважаемаго издателя считаемъ невозможнымъ не согласиться я. „Разговоръ" извѣстенъ только по моимъ извлеченіямъ, а другія мелкія статьи разбросаны по разнымъ мѣстамъ, или въ рукописи, а другія можетъ быть и совсѣмъ пропали

вспомнить то, что знаешь объ этомъ днѣ. Мы еще не вполнѣ пережили наши школьные годы, годы, проведенные въ ученіи у Европы, хотя очевидно уже вступаемъ въ новый періодъ исторической жизни; а отъ этого, что мы не вполнѣ пережили эти школьные годы, мы не всегда, далеко не всегда относились къ нимъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Нѣтъ, не всегда исторія есть всемірное судилище, спокойно „зрящее на правыхъ и виновныхъ", до сихъ поръ судъ нашъ времени Петра составительный процессъ въ его началѣ: слышится то строгое обвиненіе прокурора, то горячая рѣчь адвоката, но вотъ близится минута произнесенія безстороняго слова предсѣдателя (т. е. науки), а затѣмъ услышится безапелляціонный приговоръ присяжныхъ (т. е. потомства). Приговоръ еще далекъ, но и теперь внимательный глазъ видитъ и историческую необходимость событій и оригинальныя черты дѣятелей. Цѣли великаго царя были чисто практическія—нужно было поскорѣе усвоить результаты, добытые внѣшнею цивилизаціею запада, нужно было потому, что намъ приходилось бороться съ сосѣдями и имъ уступать или прибѣгать къ нихъ же помощи, вѣчно вызывать къ себѣ иностранцевъ; Петръ самъ пошелъ за наукою на западъ и съ собою повелъ русскихъ людей. Вопросъ былъ чисто практическій; для великаго практика и его дружины и не было другаго вопроса, замѣна русскихъ началъ какими-нибудь заморскими и въ голову не приходила; принималась та или другая мѣра въ виду казавшейся временной необходимости, пробовали, учились и не могли думать о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, о томъ, что при другихъ обстоятельствахъ, при другой обстановкѣ въ самой Европѣ, у насъ будутъ явленія въ духѣ позднѣйшаго западничества. Все это внѣ круга человѣческаго предвидѣнія, даже при болѣе глубокомъ образованіи, при большей опытности. Можемъ ли мы и теперь съ достовѣрностію сказать, какіе окончательные результаты послѣдуютъ изъ совершающихся событій, изъ принимаемыхъ мѣръ. Такъ бываетъ и во всякія времена; благо той эпохѣ, которая удовлетворяетъ насущнымъ нуждамъ: ея дѣло прочно, насколько можетъ быть прочно всякое человѣческое дѣло; при присущей человѣку односторонности народное дѣло имѣетъ двѣ стороны: полезную и вредную; вторая выяснится только впослѣдствіи, да и тогда, какъ въ дѣдѣ Петровскомъ, если бы спросить по совѣсти насъ, цѣнителей его дѣла, что-бы мы сдѣлали, поставленные въ его условія, едва-ли мы имѣли бы право приложить къ иному времени наши мѣрки и наши требованія. Какъ мы себя иногда ни увѣряемъ, но Петръ былъ не одинокъ въ своихъ чаяніяхъ и сочувствіяхъ: крестьянинъ Посошковъ, бояринъ Шереметевъ, стольникъ Татищевъ, даже духовныя лица, какъ Феофанъ, стояли такъ или иначе подъ однимъ съ нимъ знаменемъ. Татищевъ, который принадлежитъ къ числу самыхъ характерныхъ представителей Россіи начала XVIII в. вѣроятно учился въ одной изъ школъ, основанныхъ Петромъ, но едва-ли онъ учился долго, стало быть едва-ли школа положила на него печать, не скорѣе ли допустить то, что въ семьѣ жило уже то неопредѣленное стремленіе къ инымъ внѣшнимъ условіямъ жизни, которое замѣчается уже съ XVI в. и возростаетъ со времени присоединенія Малороссіи. Татищевъ—сказалъ я,—былъ однимъ изъ самыхъ характерныхъ представителей своего времени: Петръ хотѣлъ все знать самъ, но знать не изъ простой любознательности, знать не для знанія, а для того, чтобы примѣнить къ дѣлу. Таковъ былъ и Татищевъ; и въ своей гражданской дѣятельности и въ своихъ научныхъ трудахъ онъ имѣлъ въ виду одно начало: пользу, примѣненіе; онъ не стремился провести въ жизнь какую-нибудь отвлеченную не практическую идею, онъ интересовался и въ наукѣ чѣмъ-либо, въ виду прямаго практическаго примѣненія: въ исторіи видѣлъ арсеналъ примѣровъ для практики и пособіе для географіи, а географія нужна для практическихъ цѣлей управленія. Въ самомъ теоретическомъ изъ своихъ сочиненій въ „Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ", Татищевъ не сходитъ съ практической почвы. Въ этомъ главнѣйшая заслуга Татищева и важнѣйшая причина того интереса, съ которымъ современная намъ наука изучаетъ его практическую и научную дѣятельность. Въ „Разговорѣ" *) Татищевъ разбираетъ вопросъ: чему, какъ и гдѣ учиться; ему приходится защищать необходимость науки такъ же, какъ современнику его князю Кантемиру отъ нападеній съ разныхъ сторонъ. Грудью стоя за европейское просвѣщеніе, заимствуя, очевидно, многія свои мнѣнія изъ читанныхъ книгъ, Татищевъ, однако, указываетъ на вредъ поученія образованія иностранцамъ, на необходимость основательнаго знакомства съ началами вѣры и законами своего отечества. Самъ Татищевъ былъ человѣкъ несомнѣнно религіозный и въ „духовной" требовалъ отъ сына изученія Библіи и твореній св. отцовъ, а также и знакомства съ началами другихъ исповѣданій, чтобы не прельщаться ими. Крѣпко держась отцами завѣщанной вѣры, Татищевъ остается русскимъ и въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ: такому государству, какъ русское, по его понятіямъ, прилична только одна форма правленія: монархическая, неограниченная. Лишь только временно предлагалъ онъ учредить совѣтъ изъ 21 члена и экономическое „правительство" изъ 100 чел., такъ какъ Анна Іоанновна „персона женская и къ такимъ трудамъ неудобна; паче же ей знанія законовъ не достаетъ". Такъ говоритъ онъ въ своей извѣстной „Запискѣ". Черпая свои религіозныя и политическія воззрѣнія изъ преданій отцовъ, Татищевъ и въ нравственномъ отношеніи стоялъ на тѣхъ же преданіяхъ: „отъ службы не отказывайся, на

*) Лѣтъ болѣе десяти тому назадъ я имѣлъ честь впервые познакомить публику съ этимъ сочиненіемъ Татищева въ одномъ изъ засѣданій нашего Общества; позднѣе, это изложеніе вошло въ мою статью: „В. Н. Татищевъ".

службу не напрашивайся", говорилъ ему отецъ, и онъ остался вѣренъ этому правилу всю жизнь; вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся: въ Екатеринбургѣ, въ Оренбургѣ, въ Астрахани онъ думалъ о томъ, какъ бы болѣе пользы принести своему отечеству. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ былъ исключительно шляхетскимъ, какъ тогда говорили, взглядовъ; но эти взгляды не были новостью Петровскаго времени да къ тому же Татищевъ, какъ администраторъ, былъ доступенъ всѣмъ, всюду старался заводить школы, въ своей „Запискѣ" думалъ о выгодахъ другихъ сословій, понимая необходимость, напримѣръ, поощренія промышленности; вѣря въ необходимость сохраненія крѣпостнаго права, онъ, однако, считалъ нужнымъ заботиться о благосостояніи крестьянъ и даже находилъ нужнымъ развивать у нихъ грамотность. Не станемъ же винить его въ этомъ, какъ не можемъ винить его въ теоріи о вознагражденіи служащихъ отъ тѣхъ, кто имѣлъ съ ними дѣло, если служащій употреблялъ особыя усилія и право рѣшилъ дѣло. Эта теорія — отзвукъ еще недавно существовавшихъ кормленій, можетъ намъ казаться странною, но въ то время ей можно найти объясненіе. Будемъ же судить людей каждаго времени по ихъ мѣркѣ. Самою важною заслугою Татищева передъ русскимъ обществомъ является его „Исторія", надъ которою онъ работалъ 30 лѣтъ. Можно смѣло сказать, что мы и до сихъ поръ не исполнили всего плана, намѣченнаго Татищевымъ, не наполнили содержаніемъ указанныхъ имъ рамокъ. Стоитъ только проглядѣть составленную имъ инструкцію для собиранія свѣдѣній географическихъ, этнографическихъ, археологическихъ, чтобы убѣдиться въ ширинѣ его интересовъ, въ глубинѣ его пониманія требованій науки. Конечно, съ того времени возникли нѣкоторые новые запросы, появились лучшіе пріемы для отвѣтовъ; не даромъ же мы прожили почти 150 лѣтъ послѣ его смерти. Наука выиграла въ точности, но ширина и глубина требованій едва ли измѣнились много. Историческій трудъ Татищева служитъ лучшимъ доказательствомъ его высокой практичности и значительной доли самостоятельнаго мышленія. Онъ могъ бы написать исторію литературную; но онъ этого не сдѣлалъ: онъ понялъ, что для того не собраны, не сведены и критически не повѣрены матеріалы. Вотъ почему 30 лѣтъ своей жизни онъ употребилъ на сводъ лѣтописей, къ которому прибавилъ свои объяснительныя примѣчанія. Ясно, что къ этимъ примѣчаніямъ (къ сожалѣнію, не доведеннымъ имъ до конца) мы не можемъ относиться съ нашими учеными требованіями, но, конечно, они представляютъ высокій интересъ, передавая взгляды умнаго и просвѣщеннаго человѣка своего времени, представляя любопытныя для историка аналогіи съ явленіями и событіями временъ, ближайшихъ къ автору. Сохраненіе многихъ извѣстій, не находимыхъ въ имѣющихся у насъ источникахъ, тоже важная заслуга Татищева. Быть можетъ, недалекъ день, когда всѣ эти извѣстія будутъ выдѣлены и насколько возможно критически оцѣнены. Мы знаемъ, что начало такого труда уже готовится къ изданію. Тогда еще очевиднѣе станетъ значеніе Татищевскаго свода. Труду своему Татищевъ предпославъ превосходное по времени введеніе, гдѣ указываетъ связь исторіи съ другими науками, характеризуетъ источники, передастъ найденныя имъ частію въ источникахъ, частію у послѣдователей свѣдѣнія о Русской землѣ до того времени, съ котораго начинается лѣтопись и т. д. Замѣчательно, что лѣтопись Іоакимовская, составлявшая одну изъ главныхъ причинъ недовѣрія къ Татищеву у позднѣйшихъ историковъ, помѣщена имъ отдѣльно, а не въ связи съ остальными списками лѣтописи. Это признакъ высокой добросовѣстности, а не причина къ обвиненію. Соловьевъ высоко цѣнилъ трудъ Татищева: самое названіе его собственнаго труда напоминаетъ Татищевское; трудолюбіе Соловьева, самопожертвованіе, съ которымъ онъ, отрекаясь отъ блеска изложенія, посвящаетъ цѣлыя страницы передачѣ источниковъ, напоминаетъ также Татищева. Теперь, когда появятся всѣ сочиненія Татищева (вздѣмся, что мало по малу они будутъ изданы всѣ), когда наука представитъ оцѣнку его извѣстій, тогда—глубоко вѣримъ въ это—оправдается вполнѣ мнѣніе Соловьева, и Татищевъ окончательно займетъ высокое мѣсто, ему принадлежащее. Будемъ же надѣяться, что русская наука исполнитъ всѣ его завѣты и отвѣтитъ на всѣ поставленные имъ вопросы. Мы вѣримъ, что въ окончательномъ приговорѣ о Татищевѣ вспомянутся его труды, его заслуги, а не недостатки, которые въ значительной степени оправдываются временемъ. Пора же намъ, наконецъ, уважать нашихъ замѣчательныхъ людей и нѣнить въ нихъ то, что въ нихъ было хорошаго, пора намъ начать учиться у нихъ тому, въ чемъ они могутъ и должны служить намъ примѣромъ. Будемъ учиться у Татищева его любви къ родинѣ и наукѣ, его добросовѣстному, внимательному вниканію въ источники, его умѣнью ставить вопросы, широтѣ его взглядовъ, а главное его упорному трудолюбію. Въ теченіе 30 лѣтъ, занятый практическою дѣятельностію, онъ находилъ отдыхъ въ трудѣ ученомъ, да еще въ какомъ трудѣ?—кропотливомъ, мелкомъ, невидномъ; но бываютъ случаи, когда именно такой трудъ является великою заслугою, да и всегда онъ необходимъ, какъ приготовленіе, подкладка. Конечно, еще большаго изумленія заслуживаетъ мужество человѣка, благоразумно ограничившаго себя именно такимъ трудомъ въ виду его полезности для другихъ. Честь и слава Татищеву, русскому первоначальнику русской исторической науки. Всѣдуя нынѣ черезъ двѣсти лѣтъ послѣ дня рожденія Татищева, я не считаю нужнымъ прибавлять, что память его сохранитъ Россія, пока живетъ она: самый фактъ помнокъ черезъ двѣсти лѣтъ громко говоритъ за себя.

—

Въ заключеніе засѣданія профессоръ О. О. Миллеръ произнесъ слѣдующую рѣчь:

И. С. Аксаковъ и 19-ое февраля 1861 г.

„Схоронили", такъ началъ покойный Иванъ Сергѣевичъ одну изъ своихъ статей о Скобелевѣ (3-го іюля 1882 г.).

„Не промчится ужъ онъ вихремъ въ бѣломъ кителѣ на бѣломъ конѣ вдоль страстно трепещущихъ, замирающихъ отъ восторга, при видѣ его, войскъ, одушевляя ихъ не только словомъ, но и, по любимому его выраженію, *показомъ*, къ неравному, лютому, но все-таки побѣдному бою".

„Схоронили", приходится намъ теперь сказать и о томъ, кому принадлежатъ эти пламенныя строки. Не прозвучитъ уже болѣе надъ нами его могучій, призывающій къ подвигу голосъ! Выпало на вѣки перо изъ той твердой руки, которая ни разу не подалась ни на какую сдѣлку! Никогда уже намъ не дождаться новаго пумера его „Руси", которая одушевляла и закаляла уже самою прямотою и смѣлостью своего строя, уже однимъ этимъ Аксаковскимъ языкомъ, замолкшимъ теперь на вѣки среди самаго разгара духовнаго боя, еще столь далекаго отъ предвѣстій побѣды!

Многое другое, сказанное Иваномъ Сергѣевичемъ о Скобелевѣ, мы можемъ всецѣло теперь отнести къ самому Аксакову,—и если найдутся люди, которые въ этомъ усмотрятъ преувеличеніе, то вѣдь и тогда находилъ кое-кто излишество въ словахъ нашего героя мысли о нашемъ военномъ геройѣ.

„Словно утихшая буря лежалъ онъ въ гробу,—словно громада славы, громада силы отвалилась отъ Россіи и зарывалась въ землю... Нѣтъ русскаго, сознающаго и чувствующаго себя русскимъ, который бы не ощущалъ теперь, что его самого убыло... Неисповѣдимы судьбы Божіи... Но не Божья ли это на Россію кара... за то, что тѣсно въ ней русскому духу и уму,—за презрѣніе своей народности, за отступничество отъ народныхъ отечественныхъ преданій"?

Но подъ тяжестью сознанія этой новой, постигшей насъ Божьей кары, постараемся не разставаться по возможности съ тѣмъ, кто у насъ теперь отнятъ—благо это былъ герой вѣчно живущаго слова. Вѣдь и его давно прозвучавшія слова далеко еще не отзвучали, не устарѣли. Будемъ же перечитывать ихъ, благо въ скоромъ времени начнетъ выходить собраніе его передовыхъ статей, будемъ перечитывать тѣмъ внимательнѣе, что и различные новоявленные друзья покойнаго, и различные ихъ совопросники и оспариватели, ссылаясь на него, въ сущности мало знакомы съ нимъ. И тѣ, и другіе только слышали звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ.

Сознаніе нашего сиротства и связанной съ нимъ пустоты особенно давало себя знать въ годовщину того великаго дня, который всегда оставался дорогимъ для Аксакова, того дня, которому минуло уже четверть вѣка—и минуло такъ незамѣтно, такъ безотзывчиво, какъ не могло бы оно быть, если бы оставался въ живыхъ Аксаковъ. Возвеличимъ же себя по крайней мѣрѣ напоминаніемъ того, что сказано было имъ прежде о значеніи этого дня, къ которому онъ постоянно возвращался въ своихъ передовыхъ статьяхъ. Вотъ что писалъ онъ безъ малаго два года спустя послѣ освобожденія крестьянъ, 16 февраля 1863 г.

„Годовщина крестьянской свободы не только нашъ всенародный праздникъ, но и своего рода *memento*, только не *mori*, а *vivere*, т. е. напоминаніе не смерти, а жизни, или, лучше сказать, это для насъ завѣтъ новой будущности, постоянный призывъ къ серьезной, положительной дѣятельности... Урочное періодическое напоминаніе о совершившемся историческомъ дѣлѣ... какъ притягательная сила земли оживаетъ, собираетъ, сосредоточиваетъ къ землѣ, къ настоящей земской исторической почвѣ разбросанныя духовныя силы нашего общества, невольно сдерживаетъ личные, одиночные порывы, и учитъ насъ—безспорно самой трудной изъ мудростей—*историческому терпѣнію*".

Съ небольшимъ годъ спустя, онъ уже принялъ къ свѣдѣнію указанія нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ, начавшихъ сказываться при осуществленіи великаго дѣла, указанія, дѣлавшіяся не безъ затаеннаго злорадства его противниками. Это не помѣшало Аксакову заявлять:

„Кто изъ читателей—быть не можетъ на Руси такого читателя, который бы не помянулъ благодарнымъ и радостнымъ сердцемъ... годовщины манифеста 19-го февраля?.. Невольно переносишься воображеніемъ въ то недавнее время, когда темнымъ-темно было вокругъ, и внезвые, едва-едва, стала заниматься заря свободы... Мы вовсе не *оптимисты*: мы довольно строго относимся къ настоящему и многаго-многаго требуемъ отъ будущаго, но, признаться сказать, многое прощается и забывается и со многимъ примиряешься, какъ только живо вмѣстишь въ свое сознаніе—что долгое чаяніе стало дѣйствительностью, что точно, несомнѣнно, крѣпостныхъ уже нѣтъ и съ 21 милліона людей снали оковы!.. Кто рѣшится—не то что высказать вслухъ, но самому себѣ въ тишинѣ ночи, въ тайной бесѣдѣ съ собою, сознаться въ томъ, что онъ желалъ бы эти 21 милліонъ видѣть еще рабами?

„*Мы сами не беремъ на себя защиту всѣхъ параграфовъ положенія 19 февраля*... Мы видимъ, рядомъ съ добромъ, и такія стороны, которыя могутъ, пожалуй, благодаря слабости нашего общественнаго развитія, обратиться намъ и во вредъ"...

„*Какъ бы ни совершилось освобожденіе, но въ самой свободѣ столько блага, столько животворящей силы,—такое добро этотъ святой даръ, что имъ могутъ уравновѣшиться и самыя раны, исправиться — всѣ недостатки*". Нѣсколько дней позже, 5 марта 1861 г., Аксаковъ прибавилъ: „Крестьянское освобожденіе 19-го февраля—это наша всенародная, всемірно—историческая проповѣдь, это наше знамя—но знамя, которое мы можемъ высоко предносить предъ всѣми иноплеменными народами, которое мы призваны внести, можетъ быть, во всѣ ближайшія къ намъ, по преиму-

ществу славянскія страны. И мы вносимъ его въ Польшу... мы возвращаемъ поляковъ къ тѣмъ славянскимъ экономическимъ и бытовымъ началамъ, отъ которыхъ уже давно укловилась Польша".

Если бы Аксакову суждено было дожить до двадцатипятилѣтія годовщины 19 февраля, онъ бы не преминулъ, конечно, указать и на того великаго государственнаго мужа Англіи, который твердо рѣшился въ наше время внести то же самое, дорогое Аксакову, знамя, въ злосчастную великобританскую Польшу—Ирландію.

Когда наступило двадцатилѣтіе великаго дня, наступило еще при жизни—но уже подъ самый конецъ драгоцѣнной жизни его державнаго виновника, Аксаковъ точно будто предчувствовалъ, что уже окончательно сочтены дни того, кому, по значенію его основнаго подвига, не говоря уже о стольких другихъ, нѣтъ равнаго имени среди государей, можетъ быть, не одной Россіи, но и всего міра". Аксакову точно будто бы особенно захотѣлось высказать свои задушевныя чувства передъ тою чашею горечи, которая давно уже переполнилась для царственнаго мученика. Не даромъ вылилось у него 20 февраля 1881 г. „Святой, незабвенный въ народной памяти день отпраздновалъ свою 20-тилѣтнюю годовщину. 20 лѣтъ выросло тому великому и величавому событію не только русской, но и всемірной исторіи, которое окрещено простыми словами: *19 февраля 1861 г.* Истинной благодатной радости, по праву, сподобился отъ Бога виновникъ освобожденія: увидѣть во очію цѣлое новое племя вольныхъ людей, цѣлое поколѣніе новыхъ слугъ себѣ, землѣ и государству, рожденныхъ уже свободными, отъ раскрѣпощеннаго имъ народа..."

„Реформа 19 февраля, продолжалъ Аксаковъ, совершилась безноворотно: *крѣпостниковъ, т. е. людей, способныхъ мечтать о возстановленіи рабовладѣльчества въ Россіи нѣтъ,—не было и на другой день по изданіи манифеста.* А теперь уже подросли новыя поколѣнія дѣятелей въ жизни бытовой и гражданской. Двадцатилѣтнія дѣти бывшихъ рабовладѣльцевъ уже сносѣмъ чужды позорныхъ привычекъ и преданій крѣпостнаго права... Будто въ глубь дальнихъ временъ ушло отъ насъ наше недавнее прошлое. Такъ давно и такъ недавно!.. *Что такое 20-тилѣтіе для историческаго масштаба временн!..* Ликвидація прошлаго, совершающаяся въ *личномъ сознаніи*, разумѣется, обгоняетъ, не можетъ не обогнать медленный процессъ ликвидаціи самаго быта. Онъ и долженъ быть медленъ, потому что онъ не только разоряетъ двухвѣковой общественный строй, но и сводитъ ему счеты... Онъ не только разрушаетъ, но и созидаетъ; это не просто отмѣна или упраздненіе существующаго, но и перерожденіе. *Вотъ что мы постоянно упускаемъ изъ виду, при критической оцѣнкѣ текущаго времени.* Намъ безпрестанно кажется, что всѣ уже счеты съ прошлымъ покончены: но за уплатою нами одних долговъ, исторія предъявляетъ на насъ новые иски по другимъ долгамъ—старымъ, давнимъ, такъ вѣрно нами забытымъ! Не лучше-ли, не дожидаясь взысканій, стараться предупредить ихъ".

„Если крестьяне, скажутъ намъ, можетъ быть, нѣкоторые, пронѣли 19 февраля 1861 г., на радостяхъ, „забевеѣе двю вчерашнему", то „день грядущій" не оправдалъ ихъ привѣта... „Утро" дѣйствительно было „торжественно прекрасно", и на душѣ было „ясно и свѣтло", а потомъ?.. Что же потомъ? Всегда за утромъ, еще предшествующимъ труду, за этими первыми чудными мгновеніями возобладавшаго надъ тьмою свѣта... настаетъ трудовой рабочій день, который лучше, свѣтлѣе, но и мудренѣе утра и требуетъ отъ человѣка къ своему дѣлу приложенія всей его рабочей силы. Такъ и за утромъ 19 февраля насталъ для насъ рабочій, мудреный, долгій *историческій день.* Не будемъ только лѣнивы и *малодушны* въ работѣ".

Но мы именно и оказались, къ несчастію, лѣнивы и малодушны въ работѣ, оказались вмѣстѣ съ тѣмъ и неспособны *къ историческому терпѣнію*, какъ его понималъ Аксаковъ. Нѣсколько дней спустя, ему пришлось уже съ ужасомъ говорить о томъ днѣ, который останется вѣчнымъ позоромъ для земли Русской. Но весь ужасъ и весь позоръ 1-го марта—этого не только преступнѣйшаго, но и безумнѣйшаго изъ дней—не только не заставилъ Аксакова отшатнуться отъ величайшаго въ нашей исторіи дня (какъ многихъ въ настоящее время), но заставилъ его тѣмъ болѣе любоваться и отводить себѣ душу красотою 19-го февраля.

„Двѣ годовщины справила Россія, писалъ онъ 6-го марта 1882 г.—одна (1-го марта)—годовщина скорби и позора... Какъ живо воскресали въ памяти всѣ ужасающія подробности злодѣянія, осквернившаго нашу землю.. Въ этомъ мрачномъ окруженіи адскаго дѣла злобы, какъ лучезаренъ выдѣляется кроткій ликъ мученика-Царя въ неугасимомъ сіяніи его благотвореній... во всей славѣ его прекраснаго освободительнаго царствованія... Мученическая кончина Царя-Освободителя только освятила его память въ благодарной душѣ русскаго народа, освятила вмѣстѣ съ тѣмъ вообще въ народномъ сознаніи значеніе царскаго подвига на землѣ, еще живѣе и крѣпче упрочила союзъ народа съ самодержавною властью... Кстати—было бы вполнѣ желательно увѣковѣчить эти дорогія каждому русскому сердцу слова: *19-го февраля* (день освобожденія русскихъ и польскихъ крестьянъ, болгарскаго народа, многихъ иныхъ освободительныхъ дѣлъ) *внесеніемъ этого числа на вѣчныя времена въ роспись всенародныхъ праздниковъ и установленіемъ въ этотъ день общественнаго молитвеннаго служенія объ упокоеніи души раба Божія и Царя Россіи Александра II".*

Извѣстно, что когда, около года послѣ того, праздновалось у насъ столѣтіе со дня рожденія В. А. Жуковскаго, то торжество это обратилось въ чествованіе покойнаго государя. Такъ и понято оно было Аксаковымъ въ передовой статьѣ „Руси" 1-го февраля

1883 г. „Всѣ онѣ, писалъ тогда о Жуковскомъ Иванъ Сергѣевичъ, всѣмъ своимъ внутреннимъ духовнымъ существомъ, вылился, сказался въ знаменитыхъ, вдохновенныхъ, учительныхъ и пророческихъ строфахъ, которыми привѣтствовалъ день 17-го апрѣля 1818 г., т. е. рожденіе будущаго воспитанника своего, будущаго повелителя Россіи, будущаго освободителя,—Государя Александра II:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—*человѣкъ!*

„Этой русской поэзіи, вѣщей и вѣрующей въ святѣйшее изъ званій—человѣческое, не суждено было остаться только изящнымъ исповѣданіемъ высокой нравственной истины, преподаннымъ въ царскихъ чертогахъ вслухъ Царю и всему царственному сонму. Она, какъ сѣмя благое, пала въ душу воспитываемаго отрока и произростила величайшее и святѣйшее изъ міровыхъ историческихъ дѣлъ. Покойный Государь, возвращая 20 милліонамъ русскихъ крестьянъ даръ свободы, права человѣческія и гражданскія, благодарно вспоминалъ своего воспитателя и гласно свидѣтельствовалъ, что Жуковскому обязанъ онъ своимъ отвращеніемъ отъ крѣпостнаго рабства и тѣмъ, съ издѣтства, стремленіемъ сердца, которое выразилось, наконецъ, державною волею 19-го февраля 1861 г."

Извѣстно также, какое оскорбленіе нанесено самымъ завѣтнымъ чувствамъ русскаго общества, когда, слишкомъ годъ спустя, по поводу совершеннолѣтія Государя Наслѣдника, вліятельная московская газета, обозвавъ Жуковскаго „добродушнымъ поэтомъ-мечтателемъ", стала громко утверждать, будто основою царственнаго воспитанія вовсе не должно быть слово „человѣкъ". Этимъ уже подготовлялся тотъ новый вызовъ русскому чувству, чувству всего народа, тотъ еще болѣе смѣлый вызовъ, какимъ послужило въ недавно минувшую 25-лѣтнюю годовщину 19 февраля полное молчаніе той же московской газеты объ этомъ великомъ днѣ. Это было молчаніе, разсчитанное на то, чтобы властно подѣйствовать на другихъ—благо на вѣки смолкъ тотъ голосъ, который, конечно, особенно громко заговорилъ бы именно въ этотъ день. Но Аксаковъ уже лежалъ въ землѣ,—и мы почти не услышали въ день 19-го февраля даже голоса Церкви. Въ печати же раздались кое-какіе голоса, но все вѣдь такіе „умѣренные" да „аккуратные". Раздался зато въ Петербургѣ одинъ, совсѣмъ уже неумѣренный голосъ, раздался загѣмъ, чтобы громко поддержать внушительное молчаніе московской газеты. „Не только теперь, но и никогда, пока будетъ существовать Россія, увѣряетъ этотъ голосъ, никто изъ честныхъ людей не будетъ праздновать дня 19 февраля". И тутъ, разумѣется, былъ разсчетъ на то, что Аксаковъ въ землѣ и въ отвѣтъ на это не скажетъ: „да, мы дѣйствительно будемъ не честны, если не употребимъ всѣхъ усилій, не принесемъ всѣхъ жертвъ, чтобы додѣлать великое дѣло, чтобы увидѣть народъ не только свободнымъ, но и благоденствующимъ". Между тѣмъ, ради ужаснаго и позорнаго 1-го марта, нѣкіе публицисты доставляютъ особенное удовольствіе его безумнымъ виновникамъ, утверждая только полнѣйшую неудачу 19-го февраля, обзывая нечестнымъ всякаго, кто не повернется къ нему спиной. Ловкимъ подспорьемъ при этомъ служитъ извѣстный пріемъ поставленія 1-го марта въ непосредственную зависимость отъ великихъ дѣяній прошлаго царствованія. Пусть Аксаковъ до самаго конца жизни постоянно возставалъ противъ такого пріема, съ неумолимою логикою уличая всю его лживость и несостоятельность:—враги или и такъ называемые, „друзья", конечно, не вспомнятъ того, что онъ говорилъ, и не приведутъ его словъ въ улику недомысленникамъ или лицемѣрамъ; не вспомнятъ, хотя онъ говорилъ объ этомъ еще такъ недавно, доискиваясь настоящихъ корней тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя разрѣшились наконецъ 1-мъ марта, доискиваясь этихъ корней не въ преобразованіяхъ великаго государя, а въ норѣ, непосредственно имъ предшествовавшей.

„*Періодъ времени отъ 1825 до 1855 г.*, писалъ онъ 29-го мая 1882 г., періодъ блестящей мнимой силы и внутренняго безсилія власти, потому особенно и достоинъ изученія, что въ немъ разгадка многимъ, смущающимъ насъ теперь недоумѣніямъ. Никогда такъ ярко не высказывались притязанія упразднить всякую живую, органическую самодѣятельность, замѣнивъ ее усовершенствованною казенною машиною, прибрать въ казну все живое... оказенить душу, совѣсть, вѣру, мысль, науку, искусство, талантъ..."

„Что же, какъ не нигилистовъ, могло породить это упраздненіе Бога и личной совѣсти, выраженное въ печатной инструкціи военно-учебнымъ заведеніямъ, во внушеніи: „Государь есть верховная совѣсть". И рядомъ съ подобными притязаніями та же власть не признавала въ себѣ достаточной силы, чтобъ уничтожить крѣпостную зависимость крестьянъ, преобразовать рекрутчину или клятвенный исправный судъ,—что однако же все стало подъ силу Александру II"...

Когда, ни мало не смущаясь убійственною логикою Аксакова—потому что вѣдь есть люди, не смущающіеся ничѣмъ—нѣкоторые органы стали тѣмъ озлобленнѣе заявлять, что „печать слѣдуетъ заставить быть благонамѣренною", то это только напомнило Ивану Сергѣевичу Гоголевскаго Чичикова, признанаго губернаторомъ за благонамѣреннаго человѣка. „Благонамѣренность! замѣтилъ Аксаковъ въ статьѣ 2-го октября 1882 г. Слово печальной памяти. Жутко становится, когда его слышишь... Было время (съ 1825 по 1855 г.), когда самый воздухъ былъ напоенъ, повидимому, испареніями „благонамѣренности"... Ужасное зло нигилизма, растлѣвающее теперь русское общество и покрывшее скорбью и позоромъ русскую землю, откуда оно взялось?.. вдумайтесь пристально. Не окажется ли, пожалуй, что его настоящій, законный родитель—именно мертвечина казенщины, что

нигилистъ—это злая реакція казенному благонамѣренному человѣку. Не приходится ли намъ теперь только расплачиваться за старое?...“

Оставаясь вѣрнымъ своему взгляду, продолжая послѣ 1-го марта лишь съ большимъ благоговѣніемъ поминать державнаго виновника 19-го февраля, онъ бы вдохновенно его помянулъ и въ такъ незамѣтно теперь минувшую 25-лѣтнюю годовщину великаго дня, помянулъ бы, не боясь никакой опалы—опалы у нихъ, у безумныхъ виновниковъ 1 марта! Онъ зналъ, что заслужилъ ихъ опалу не со вчерашняго дня и состоялъ, по всей вѣроятности, въ спискѣ лицъ, обреченныхъ ими на казнь. Но онъ не боялся и ихъ, потому что онъ никого не боялся.

Тѣ уста, что не заставили
Люди силою молчать,
Только смерть молчать заставила,
Наложивъ на нихъ печать—

сказано было на могилѣ Аксакова однимъ изъ присутствующихъ. Но мнѣ не хотѣлось бы заключить стихами, хотя бы и относящимися къ нему, но все же не его собственными.

Заключу стихами, которые написалъ онъ самъ, послѣ своей рѣчи о Берлинскомъ конгрессѣ, когда, вслѣдствіе ея, проживалъ въ деревнѣ своей священицы:

Какъ будто вихремъ бури злой
Снесло мой домъ, и я—изгнанникъ!
Но дружба путь водила мой,
И вотъ я въ пристани... Я твой
Отнынѣ гость и сердцемъ данникъ.
Какъ тихо дни мои текутъ!
Какъ милъ, укроменъ твой пріютъ!
Какъ сердцу видъ его отраденъ,
Какъ нѣжитъ душу, тѣшитъ взоръ,
Какъ въ простотѣ своей наряденъ;
Какъ величавъ и безогляденъ
Предъ нимъ раскинулся просторъ!
Рѣки серебряный извивъ,
Блестящій въ муравѣ зеленой;
По зыбкимъ скатамъ желтыхъ нивъ
Бродящей тѣни переливъ.
И рощей сумракъ отдаленный...
Виднѣются села... Здѣсь и тамъ
Сверкаетъ крестъ, бѣлѣетъ храмъ....
Куда ты взоръ ни обратишь,
Какая ширь! какая тишь!
Но всюду въ ней снуетъ, безшумный,
Рабочей Руси трудъ святой...
О, чудный міръ земли родной.
Какъ полонъ правды ты разумной!
Великій міръ, родимый міръ!
Ты бодръ и мощенъ какъ стихія...
Твоей лишь правдою Россія
Преодолѣть возможетъ міръ
И свергнуть идолы чужіе!
Но часъ не близокъ. Злая мгла
Вершины Руси облегла.
Въ той безнародной вышинѣ
Родная мысль въ оковахъ плѣна;
Одни лишь властвуютъ вполнѣ
Тамъ лесть и ложь и буйство тѣна!
По вниметъ Богъ простымъ сердцамъ:
Сквозь смрадъ и чадъ всей этой плѣсни
Восходитъ съ долу онміамъ.
Несется звукъ побѣдной пѣсни,
Поющій славу небесамъ *).

Рѣчь эта была покрыта продолжительными рукоплесканіями.

Собраніе было закончено пѣніемъ гимна славянскимъ Первоучителямъ, соч. Д. Н. Соловьевымъ.

Въ этомъ же собраніи былъ избранъ въ пожизненные члены Общества князь П. Д. Гагаринъ.

IV.

23 НОЯБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный Вениаминъ, архіепископъ иркутскій, и преосвященный Германъ, бывшій епископъ кавказскій, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Общества и болѣе 1000 посторонихъ посѣтителей.

Почетное предсѣдательство въ этомъ собраніи было предложено г. предсѣдателемъ высокопреосвященному Вениамину, который и изъявилъ на это архипастырское согласіе, преподавъ присутствующимъ свое благословеніе.

Собраніе началось пѣніемъ хоромъ А. А. Архангельскаго гимна св. Кириллу и Меѳодію, соч. Д. Н. Соловьевымъ.

Послѣ этого, проф. В. И. Ламанскій прочиталъ свою рѣчь:

О положеніи болгарскихъ и славянскихъ дѣлъ съ точки зрѣнія историка и слависта.

Преосвященнѣйшіе архипастыри, милостивые государи и государыни.

Получивъ приглашеніе отъ нашего достоуважаемаго предсѣдателя сказать слово въ нынѣшнемъ торжественномъ собраніи Славянскаго Общества, я ни на минуту не колебался пасчетъ темы моей рѣчи. Тема дана захватывающими вниманіе всей Россіи событіями. У всѣхъ у васъ еще въ памяти полныя яда и вражды къ Россіи рѣчи главныхъ заправилъ европейской политики. Для борьбы съ ними русскій долженъ стоять на почвѣ же дипломатической. Они сговорились, какъ поступать далѣе и высказываются въ виду ближайшаго будущаго.

Моя точка зрѣнія и моя почва совершенно иная. Я не дипломатъ, не политикъ, не облеченъ никакой властью и далекъ отъ правительственныхъ сферъ. О томъ, что русская политика намѣрена и будетъ дѣлать, я знаю не болѣе, чѣмъ кто либо изъ васъ, ничего не знающихъ объ этихъ намѣреніяхъ. Меня, какъ и всѣхъ васъ, и какъ милліоны рус-

*) Сборникъ стихотвореній И. С. Аксакова, стр. 74—75. Помѣчено: 18 августа 1878. С. Варварино.

скихъ людей, одушевляетъ и ободряетъ лишь вѣра въ твердый характеръ нашего Царя и Его горячая любовь къ Россіи (*Восторженныя рукоплесканія*).

Я рѣшился говорить о новѣйшихъ болгарскихъ дѣлахъ и по ихъ поводу, хотя моя рѣчь лишена всякаго оффиціальнаго характера и не можетъ имѣть никакого практическаго значенія въ отношеніи политическомъ. Пусть дипломаты занимаются рѣшеніемъ текущихъ политическихъ вопросовъ. Я же принадлежу къ скромнымъ, безъизвѣстнымъ политическому ареопагу, труженикамъ. Мы заняты изученіемъ и разъясненіемъ прошлаго народовъ славянскихъ, ихъ старыхъ и живыхъ языковъ, ихъ письменности, ихъ современнаго быта и положенія. Если не считать 4-хъ лѣтъ моего ученья въ университетѣ, гдѣ съ перваго же года, т. е. съ 1850, я отдался изученію славянства, подъ руководствомъ незабвеннаго учителя, Срезневскаго, то. смѣло могу сказать, съ 1854 г. по настоящій день, въ теченіе, значитъ, слишкомъ 32-хъ лѣтъ, я не могу указать въ моей жизни ни одного мѣсяца, когда бы я не работалъ и не размышлялъ надъ славянщиной, не читалъ рукописей, документовъ, книгъ, журналовъ, газетъ славянскихъ или иноязычныхъ о славянахъ, не получалъ бы писемъ изъ того или другаго края славянскаго, самъ бы не писалъ туда или не видѣлся и не бесѣдовалъ бы съ кѣмъ нибудь изъ славянъ западныхъ. Въ 1862—1864 г. два года непрерывно я прожилъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи и въ Сербіи. Въ исходѣ 60-хъ годовъ, 70-хъ и въ 1884 г. я предпринималъ различныя поѣздки въ разныя славянскія земли. Въ эти же годы я посѣтилъ Грецію и Румынію.

Итакъ, хотя менѣе любаго столоначальника дипломатическихъ канцелярій и департаментовъ, посвященъ я въ текущій ходъ переговоровъ, я считаю себя, однако, призваннымъ имѣть свое сужденіе и публично высказывать свои мнѣнія о болгарскихъ и прочихъ славянскихъ дѣлахъ отнюдь не менѣе графовъ Салисбюри, Кальноки, Андраши и прочихъ ихъ товарищей (*Рукоплесканія*).

Если дипломатамъ и политикамъ позволительно вѣрить, что они управляютъ судьбами народовъ и располагаютъ ихъ будущимъ, то и нашему брату, кабинетнымъ труженикамъ, служителямъ науки, слова, идеи, позволительно, кажется, призывать и чаять *времена грядущія*.

„Когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся", или размышлять о вѣрности или невѣрности поставленнаго Пушкинымъ вопроса, или предугадывать и подготовлять его будущее разрѣшеніе:

„Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ,—вотъ вопросъ".

Если англичанамъ, нѣмцамъ, итальянцамъ, мадьярамъ, — публицистамъ и политикамъ— умѣстно и своевременно толковать о смыслѣ, задачахъ и предѣлахъ панславизма, то, кажется, можно и мнѣ заявить объ этомъ свое мнѣніе. Есть два капитальнѣйшихъ сочиненія, посвященныя уясненію задачъ панславизма. Кто ихъ не знаетъ, тотъ не въ правѣ судить и толковать о панславизмѣ. Разумѣю сочиненіе Людевита Штура „Славянство и міръ будущаго" и книгу Данилевскаго „Европа и Россія". Мнѣ выпало счастье впервые познакомить русскую и славянскую публику съ прекраснымъ трудомъ возвышеннаго, даровитаго Штура. Покойный же Данилевскій, дружелюбнымъ вниманіемъ котораго я сталъ пользоваться со времени нашего знакомства, съ половины 60-хъ годовъ, знакомилъ меня съ своимъ великолѣпнымъ произведеніемъ еще въ рукописи, когда оно у него обдумывалось и писалось. Съ покойными Гильфердингомъ, Данилевскимъ, генераломъ Одѣвымъ, Тютчевымъ, Аксаковымъ, которыхъ всѣхъ, и не безъ основанія, называли на Западѣ панславистами, я проводилъ бывало много часовъ въ бесѣдахъ о различныхъ вопросахъ славянскихъ и о разныхъ фазисахъ восточнаго вопроса. Во многихъ брошюрахъ и статьяхъ различныхъ славянскихъ, мадьярскихъ и нѣмецкихъ авторовъ, съ начала 60 годовъ по настоящее время, мнѣ случалось встрѣчать сочувственныя или враждебныя упоминанія моего имени, какъ одного изъ приверженцевъ и сѣятелей панславизма.

Итакъ, если на Западѣ хотятъ кричать и разглагольствовать о панславизмѣ, то вмѣсто того, чтобы судить о немъ вкривь и вкось, изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ, пусть узнаютъ его изъ первыхъ источниковъ. Люди германской расы любятъ обыкновенно хвалиться, что они изображаютъ собою въ исторіи элементъ мужественный, славяне же женственный. Но неужели англичане, нѣмцы поступаютъ мужественно, а не совершенно,—извините за выраженіе—по бабьему, когда громко требуютъ на словахъ и въ печати обузданія и памординковъ на русское и славянское устное и печатное слово, потому-де, что оно панславистическое. Если вы считаете панславизмъ противнымъ и враждебнымъ вамъ явленіемъ, то поступайте, какъ мужи: глядите ему прямо въ глаза, изучайте его со всѣхъ сторонъ, спокойно прислушивайтесь къ его голосу, а незакрывайте себѣ ушей, не кричите въ нетерпѣніи, какъ истерическая женщина: ой, не могу, не могу слышать этого. Вы не знаете многаго изъ того, что уже было сказано панславизмомъ, и всего того, что еще можете отъ него услышать.

Прося извиненія за длинное, но, мнѣ казалось, необходимое предисловіе, я прошу и снисходительнаго вниманія не столько къ моимъ соображеніямъ—они могутъ быть очень слабы—а къ вопросамъ, мною возбуждаемымъ. Я прошу этого не ради себя, а ради дѣла. Надвигаемый событіями вопросъ славянскій имѣетъ для Россіи величайшую важность, требуетъ всесторонняго и спокойнаго обсужденія. Онъ требуетъ разнообразныхъ освѣщеній и можетъ быть рѣшаемъ только постепенно, по извѣстнымъ стадіямъ, не одиночными усиліями отдѣльныхъ лицъ, а общимъ, совокупнымъ и непрерывнымъ трудомъ мно-

гихъ боль и умовъ, и не только государственно, но и общественно. Говоря это, я предполагаю у себя не только слушателей, но и читателей: моя рѣчь будетъ на двихъ же напечатана. И читателей я разумѣю не только въ публикѣ русской, но и западно-славянской. Славянская печать мени нѣсколько избаловала своимъ вниманіемъ: послѣднія мои рѣчи въ Славянскомъ Обществѣ переводились или сообщались въ извлеченіяхъ въ славянскихъ журналахъ, вызывали сочувственные или оживленные толки. Льщу себя надеждою, что хотя нѣкоторыя мои замѣтки найдутъ себѣ откликъ въ сердцахъ нашихъ братій въ Австро-Венгріи и на Балканскомъ полуостровѣ. Подходитъ время важное и чреватое событіями, для западнаго славянства еще, быть можетъ, болѣе важное, чѣмъ для самой Россіи. Вопросъ о будущей организаціи славянства имѣетъ для него еще болѣе важное значеніе, чѣмъ для самой Россіи. Вопросъ о будущей организаціи славянства, вопросъ славянскій вообще достигъ нынѣшняго своего фазиса благодаря лишь тому, что существуетъ Россія: не будь ея, не было бы въ Европѣ никакихъ серьезныхъ разговоровъ, помышленій и опасеній относительно славянства. Этотъ славянскій вопросъ подлежитъ обсужденію и разрѣшенію, хотя бы только въ сознаніи, не иначе какъ совокупными усиліями Россіи и всѣхъ западныхъ славянскихъ народностей. Почту себя счастливымъ, если по примѣру прежнихъ лѣтъ западно-славянская печать обратитъ свое вниманіе и на сегодняшнее мое слово, укажетъ, что въ немъ, быть можетъ, напрасно упущено изъ виду или развито слабо, и съ своей стороны сообщитъ новыя соображенія о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ народностей между собою и объ отношеніяхъ каждой изъ нихъ къ нашему отечеству. Наше время особенно нуждается въ разъясненіи именно этихъ отношеній.

Современный печальный болгарскій кризисъ обличилъ еще разъ, во очію нынѣшнихъ поколѣній, глубокую рознь воззрѣній, сочувствій и интересовъ, которая издавна раздѣляетъ романо-германскую Европу и Россію. Что съ 10-го августа по настоящій день насъ радовало и утѣшало, то печалило и возмущало Европу. Что насъ огорчало и оскорбляло, то ее веселило и восторгало. Одна Франція держалась въ сторонѣ. Она даже часто во всеуслышаніе подавала свой голосъ за насъ. Изъ Франціи генералъ Каульбарсъ получалъ въ Болгаріи письма, съ выраженіемъ сочувствія. Выскажемъ же Франціи наше большое, русское, спасибо, имѣть со всѣми славянами провозгласимъ ей славу. (*Продолжительныя рукоплесканія*).

Европа заявляетъ, сверхъ всякаго ожиданія, что она стоитъ за свободу, независимость и самобытность славянскихъ и другихъ восточныхъ народовъ, единовѣрцевъ Россіи, впрочемъ прибавляетъ: подъ единственнымъ лишь условіемъ, чтобъ они были заодно съ нею противъ Россіи. Спѣсивые, надменные, гордые своею породою и бѣлою костью князья, графы, бароны и лорды, забывъ свою опорность и свѣтскія свои приличія, скрѣпя сердце и для блага государства, умильно подмигиваютъ, посылаютъ безешки, жмутъ нѣжно руки и расточаютъ любезности нечесаннымъ, грубымъ и невѣжественнымъ болгарскимъ нигилистамъ, штепцамъ и выводкамъ нашихъ семинарій и нашей же безшабашной, разудалой, красной литературы, приказчикамъ прогорѣвшихъ въ Вѣнѣ лавокъ, недавнимъ бессарабскимъ маркерамъ, филиппопольскимъ ростовщикамъ и рушукскимъ содержателямъ дурныхъ заведеній. Такимъ людямъ, по словамъ органа Каравелова, хорошо знающаго своихъ болгаръ, досталось теперь въ руки управленіе несчастной страной. Все это съ помощью шайкаджіевъ и сопаджіевъ и такъ называемой въ Болгаріи сухопутной эскадры съ ея адмиралами, маіорами—Паниццею, Поповымъ и начальникомъ отдѣленія министерства юстиціи Пешевымъ, обратилось теперь, какъ выражается проническій тотъ же Каравеловъ, въ „брашпилитѣ на честьта и независимостьта на Болгария", въ поборниковъ чести и независимости Болгаріи. Эти люди поддерживаютъ ту „рѣшительната и не отстъпчевата политика", которая пріобрѣла этимъ болгарамъ столько симпатій въ Европѣ. Подобнаго, впрочемъ, сочувствія Европы къ славянамъ, къ этой презираемой ею расѣ, къ этимъ обѣдымъ ея неграмъ, не оберешься, начиная съ Карла Великаго, когда романо-германцы стали систематически покорять римскому папѣ и нѣмецкому императору разбитыя и разрозненныя племена славянскія. Водричамъ, измѣнявшимъ союзу полабскихъ славянъ противъ франковъ, чехамъ, измѣнившимъ Моравіи, лютичамъ, ненавидѣвшимъ поляковъ, поляками, подымавшимся на Россію съ XVI в. до новѣйшаго времени, сербамъ, недавно напавшимъ на Болгарію и болгарамъ, идущимъ теперь противъ Россіи, всегда было обезпечено сочувствіе Европы.

Но неужели собственные тяжкіе опыты, изученіе родной исторіи, начавшееся съ конца прошлаго столѣтія, развитіе общеславянскаго самосознанія у всѣхъ этихъ славянскихъ народовъ такъ-таки и не оставили никакихъ слѣдовъ и не имѣли на нихъ никакого вліянія? Какъ же относится теперь къ болгарскимъ дѣламъ огромное большинство западнаго, не русскаго славянскаго міра? Поляки, правда, какъ и можно было ожидать, — говорю объ интеллигенціи, — стоятъ вообще на сторонѣ враговъ Россіи. Впрочемъ, смѣшныя галицкія овація Баттенбергу вызывали строгое осужденіе у многихъ поляковъ. Вообще, сочувствуя нынѣшнему регентству, особенно въ началѣ, многіе поляки стали потомъ относиться къ этому дѣлу трезвѣе, послѣ того, кажется, какъ убѣдились въ великомъ сочувствіи нѣмцевъ къ болгарамъ и рѣшительной ихъ поддержкѣ нѣмцами. Мы, русскіе, напрасно, кажется, не замѣчаемъ медленнаго, правда, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго и отраднаго развитія въ части польскаго общества чувства и сознанія славянскаго. Многимъ полякамъ уже не льститъ честь въ дѣлѣ славянскомъ быть

одного лагеря съ нѣмцами и мадьярами. Извѣстная часть галицко-русской интеллигенціи глядитъ на насъ, русскихъ, на *москалей*, глазами чисто польскими. На нашъ взглядъ, она не можетъ, и не должна быть нами отдѣляема отъ поляковъ. Для насъ это, дѣйствительно, gente Rutheni, natione Poloni. Это поляки же, только русскаго происхожденія и восточнаго обряда. Есть же у насъ поляки, сами себя называющіе поляками православнаго исповѣданія. Вражда настоящихъ поляковъ къ Россіи объясняется неудачами и печальными результатами борьбы Польши съ Россіею за политическое преобладаніе на равнинѣ между Балтійскимъ и Чернымъ моремъ. Мы побѣдили и можемъ, безъ вражды и злобы, находить въ старой и новой Польшѣ все, что было и есть въ ней хорошаго. Вражда извѣстной галицко-русской партіи къ Россіи, отъ полнаго ея непониманія, объясняется пятисотлѣтнимъ почти господствомъ поляковъ въ этой захудалой, оторванной еще въ XIV в. отъ народнаго ядра, русской землѣ, продолжительнымъ въ ней хозяйничаньемъ евреевъ, іезуитовъ, австрійцевъ. Эта жалкая и приносящая вредъ только самой же захудалой, ополяченной русской интеллигенціи, вражда вызываетъ въ насъ не столько негодованіе, сколько требуетъ снисхожденія и извиненія. Надо еще удивляться и остается только радоваться и благодарить Бога, что въ русской Галичинѣ далеко не такова вся русская интеллигенція. Понятно, что эта полупольская галицкая интеллигенція о дѣлахъ болгарскихъ въ отзывахъ и отчетахъ своихъ органовъ (»Діло« и проч.) мало чѣмъ отличается отъ настоящихъ галицко-польскихъ органовъ.

Въ Чехіи, какъ извѣстно, давно существуютъ двѣ національныя партіи, старо-чешская и младо-чешская. Вторая упрекаетъ первую за то, что она слишкомъ уже далеко заходитъ въ своемъ ухаживаніи за чешскою аристократіею и высшимъ духовенствомъ, въ своихъ уступкахъ и услугахъ кабинету Таафе, слишкомъ уже дешево ихъ продавая ему. По смерти Палацкаго и Браунера, вождемъ этой партіи, но только по имени, сталъ Ригеръ. Слабѣя отъ старости и разныхъ непріятностей по хозяйству, Ригеръ въ послѣдніе годы подпадалъ все больше и больше вліянію своей жены, очень умной, образованной и энергической женщины, но отчаянной католички, и, наконецъ, совершенно очутился въ рукахъ одного изъ богатѣйшихъ чешскихъ аристократовъ, сильнаго ультрамонтана и настоящаго черножелтаго австріяка, графа Клама Мартиница. Подъ такимъ руководствомъ старо-чешская партія все болѣе утрачивала характеръ народный и славянскій, становясь все болѣе строго-австрійскою и католическою. Понятно, по болгарскому вопросу органы старо-чешской партіи стараются высказывать мнѣнія, угодныя Вѣнѣ, пріятныя Ватикану, по соображусь, по возможности, съ народнымъ настроеніемъ чеховъ. Этимъ они оказываютъ даже услугу Вѣнѣ. Въ случаѣ, если кривая мадьярская не вывезетъ и понадобится ударить отбой, можно будетъ сослаться на чеховъ, и тогда графъ Кальноки снова станетъ горячимъ руссофиломъ, каковымъ онъ и слылъ у добрыхъ людей до недавней своей рѣчи въ делегаціи о миссіи генерала Каульбарса. Значительное большинство чеховъ, которое, по преданіямъ, по старой привычкѣ и личнымъ соображеніямъ, продолжаютъ числиться старо-чехами, давно уже чуетъ, что дѣло у нихъ стоитъ неладно, и что Ригеръ въ вожди не годится, а Кламъ Мартинцъ уже слишкомъ антипатиченъ всякому доброму патріоту (властенцу) чеху. Особенно недовольны эти старо-чехи своими органами по вопросамъ славянскимъ. Всѣ же органы младо-чешской и чисто народной партіи какъ въ Чехіи, такъ и въ Моравіи, всѣ газеты сербскія въ Сербіи, Черной Горѣ, въ Славоніи, Хорватіи и Далмаціи, за исключеніемъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ органовъ правительства Милана въ Сербіи, и Каллая въ Босніи и Герцеговинѣ, всѣ народныя изданія хорватскія, славонскія, словенскія и русскія съ величайшимъ вниманіемъ слѣдятъ за болгарскими дѣлами и единодушно высказываются самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу Россіи, противъ нынѣшнихъ болгарскихъ правителей и противъ поддерживающей ихъ европейской политики. Они единогласно обвиняютъ ихъ въ низкой неблагодарности къ Освободительницѣ Болгаріи, объясняютъ ихъ невѣжествомъ и продажностью то, что они сдаются на подстрекательства и обнадеживанія нѣмцевъ и мадьяръ. Печать въ Австро-Венгріи, тѣмъ болѣе славянская, далеко не пользуется полною свободою. Судя по этимъ дружнымъ и энергическимъ заявленіямъ славянской печати въ Австро-Венгріи и судя по письменнымъ извѣстіямъ оттуда и по личнымъ наблюденіямъ пріѣзжихъ, можно засвидѣтельствовать, что такого возбужденія умовъ и русскихъ симпатій у славянъ въ Австро-Венгріи еще, быть можетъ, никогда не бывало. Нѣчто подобное, хотя не въ такой степени и не въ такихъ размѣрахъ, было прежняго австро-венгерскими и южными славянами два раза: въ 1867 г., во время славянскаго съѣзда въ Москвѣ, и въ 1876—79 г. во время сербско-черногорской и послѣдней восточной войны. Этимъ оживленіемъ, этимъ подъемомъ духа и общимъ взрывомъ горячихъ сочувствій къ намъ, мы преимущественно обязаны озлобленнымъ крикамъ мадьяръ, нѣмцевъ, англичанъ противъ Россіи. Читая отчеты австро-венгерской делегаціи, гдѣ такъ намъ грозили и насъ стращали, дерзко надъ нами глумились и нагло извращали прямой смыслъ несомнѣнныхъ фактовъ, и въ то же время прислушиваясь къ доходящимъ до насъ голосамъ изъ различныхъ славянскихъ краевъ Австро-Венгріи, отъ огромнаго большинства ея плательщиковъ, кормильцевъ, работниковъ и солдатъ, вы придете неизбѣжно къ спокойному, ясному выводу, что въ случаѣ, если бы угрожающая намъ война Австро-Венгріи съ Россіею состоялась, милліоны славянскихъ населеній Цис- и Транслейтаніи будутъ же-

лать и призывать побѣду русскому и пораженіе австро-венгерскому оружію. Оно, впрочемъ, понятно и иначе быть не можетъ. Одно предположеніе, одна мысль, что Россія будетъ ослаблена, сокращена, унижена, не могутъ не повергнуть каждаго добраго славянина въ трепетъ и отчаяніе. Одни славяне въ теченіе двухсотъ, другіе въ теченіе четырехсотъ лѣтъ слишкомъ смотрѣли на Россію какъ на надежду лучшихъ дней, какъ на грозу своихъ враговъ и угнетателей, какъ на будущую свою избавительницу. Въ тяжелыя минуты рабства и иноземнаго ига старики утѣшали юношей словами: „погодите, придетъ дядо Иванъ, придетъ чича, сѣверный стрицъ, сильный братъ русъ (дядя, такъ называютъ южные славяне нашего царя) и разорветъ оковы наши". Громъ побѣдъ Петра Великаго, Елизаветы и Екатерины II, подвиги Суворовскихъ богатырей, пожаръ Москвы и бѣгство Наполеона съ его арміею разбудили заснувшія силы славянъ, подняли ихъ на ноги, убѣдили ихъ, что они принадлежатъ къ великому племени, а не рождены для рабства азіатамъ и нѣмцамъ. Освобожденіе Молдавіи, Валахіи, Греціи, Сербіи, развитіе и усиленіе Черногоріи, наконецъ освобожденіе Болгаріи, аграрная реформа въ русской Польшѣ краснорѣчиво засвидѣтельствовали, что Россія ясно созваетъ свои историческія задачи. Развитіе и успѣхи русской литературы и науки согрѣвали чувство, будили славянскую мысль. Съ возрастаніемъ могущества Россіи, съ раскрытіемъ ея духа поднимались и распускались славянскія народности. Въ спокойныя времена овѣ нерѣдко забываютъ о Россіи, или даже побраниваютъ ее, говоря, что она-де ничего для славянъ не дѣлаетъ, что все-де что имѣемъ, добыли мы сами. Но какъ только Россіи или имъ самимъ грозитъ напасть, они мгновенно уразумѣваютъ, что такое для нихъ была и есть Россія, и во что они безъ нея опять обратятся. Имъ приходятъ тогда на память обидныя слова одного изъ ихъ враговъ, сказавшаго не особенно давно (въ 1867 году): славяне—пули, но приставленные къ единицѣ (Россіи), они составляютъ милліоны. Могутъ ли такимъ образомъ австро-венгерскіе славяне желать побѣдъ нѣмцамъ и мадьярамъ надъ Россіею? Надо прибавить, что простой польскій народъ въ Галиціи и Силезіи никакой вражды и ненависти къ москалю не питаетъ. Онъ знаетъ, что тамъ, за кордономъ, польскому хлопу живется хорошо. Православное и уніатское румынское населеніе Буковины, Трансильваніи и восточной Венгріи не меньше венгерскихъ славянъ ненавидитъ мадьярское насиліе и также искренно желаетъ всякихъ успѣховъ русскимъ, а не мадьярамъ. Да и самъ мадьярскій крестьянинъ, по своимъ экономическимъ и соціальнымъ понятіямъ и желаніямъ, конечно, гораздо ближе къ крестьянину румыну и славянину, чѣмъ къ своимъ, такъ называемымъ, представителямъ и патріотамъ, вродѣ графа Андраши, Тиссы, Вамбери и Фалька. Я слыхалъ отъ людей, близко знающихъ положеніе крестьянства въ Венгріи, что въ послѣдніе годы, особенно вслѣдствіе тяжелаго гнета и экономическаго разоренія, крестьяне мадьяры въ минуты ожесточенія привыкли говорить: „погодите, придетъ Москва, задастъ вамъ".

Проживая въ Австріи въ 60-хъ годахъ, я не разъ слыхалъ отъ людей самыхъ вѣрныхъ, что во время крымской войны, когда пошли слухи, что Австрія открыто станетъ противъ Россіи, одинъ изъ генераловъ ея арміи, и не православный серб, а католикъ чехъ, великій почитатель императора Николая, говорилъ прямо, что онъ переломитъ свою шпагу и ни за что не пойдетъ противъ русскихъ; сербскіе же граничарскіе полки открыто заявляли, что они никогда не поднимутъ руки противъ Бога и светога Николе, т. е. противъ православной вѣры. Очень возможно, что въ послѣднія новыя эры, послѣ Садовой и Кенигсгреца, введенія дуализма, общеобязательной воинской повинности и новѣйшихъ важныхъ военныхъ реформъ, современный духъ австро-венгерской арміи, офицеровъ и солдатъ отличается гораздо большимъ противъ прежняго австрійскимъ патріотизмомъ, что нынѣшніе славянскіе и румынскіе офицеры и солдаты уже совсѣмъ не одушевлены народнымъ и религіознымъ (православнымъ) чувствомъ и пламенѣютъ любовью къ нѣмцамъ и мадьярамъ, своимъ повелителямъ. Я человѣкъ не военный и судить объ этомъ не берусь. Говорю не про войско, а про милліоны не военныхъ славянъ и румынъ Австро-Венгріи. Но какая же намъ отъ нихъ польза? На схожій съ этимъ вопросъ, сдѣланный мною однажды больше въ видѣ замѣчанія, что славяне-де, положимъ, намъ сочувствуютъ, но вѣдь, въ случаѣ надобности, не помогутъ, одинъ высокозаслуженный въ своемъ народѣ дѣятель, изъ славянъ венгерскихъ, даровитый писатель и поэтъ, отвѣтилъ мнѣ кротко, но твердымъ голосомъ: „Мы слабы и помогать матеріально вамъ, сильнымъ русамъ, не можемъ, но мы будемъ за васъ молиться и молитвы вашихъ слабыхъ братьевъ, вѣрьте, дойдутъ до Бога". Не нужно быть особеннымъ мистикомъ, требуется лишь немного простаго здраваго смысла, извѣстнаго житейскаго опыта и историческаго пониманія, дабы догадаться, что милліоны согласно настроенныхъ и къ одной цѣли направленныхъ воль, милліоны несущихся отъ чистаго сердца пожеланій, составляютъ весьма почтенную реальную силу духа. Ранѣе или позже не премінетъ она проявиться въ цѣломъ рядѣ поступковъ и дѣяній въ одномъ смыслѣ и направленіи. Нынѣшнее настроеніе австро-венгерскихъ славянъ, возбужденное болгарскимъ кризисомъ и нѣмецко-мадьярскою агитаціею противъ Россіи, имѣло благотворное на нихъ вліяніе. Въ обыкновенное время слишкомъ легко забывая свои общеславянскіе интересы и задачи, часто впадая во взаимную вражду и пререканія, они только роняютъ всякое къ себѣ уваженіе своихъ противниковъ. Теперь же, выступая согласно и дружно, они доказываютъ своимъ врагамъ, что славянство въ Австро-Венгріи представляетъ собою внуши-

тельную силу, съ которою надобно считаться.

Мы видѣли, какъ относится славянская, австро-венгерская печать къ дѣламъ болгарскимъ. По отзывамъ австро-венгерскихъ славянъ, скажутъ мнѣ, вы не скроете того факта, которому такъ радуется Европа, что Болгарія, освобожденная Россіею, рѣшительно нынѣ возстаетъ противъ нея. Въ Европѣ говорятъ, потирая руки и указывая на Болгарію: теперь-де панславизму нанесенъ смертельный ударъ. Но правда-ли это?

Вы видѣли, что у славянъ Австро-Венгріи тѣ сочувствія и упованія славянскія, которыя у нѣмцевъ и мадьяръ принято считать панславизмомъ, достигли въ настоящее время сильной степени напряженія. Настроеніе славянскихъ умовъ въ бывшей римско-нѣмецкой имперіи, въ нынѣшнихъ Цислейтаніи и Транслейтаніи, никогда еще не пріобрѣтало такого панславистическаго характера, съ тѣхъ поръ, по крайности, какъ существуетъ слово панславизмъ. Хотѣли ли Кальноки, Тисса, Андраши, Смолка и Фалькъ громомъ своихъ воинственныхъ рѣчей въ делегаціяхъ заглушить сочувственные Россіи голоса австро-венгерскихъ славянъ? Или за общими соглашеніями и приготовленіями къ своимъ рѣчамъ о самобытности славянъ балканскихъ, они, въ самомъ дѣлѣ, могли не замѣтить, что творится у нихъ подъ носомъ, среди окружающихъ ихъ славянскихъ населеній. Большаго разногласія, меньшаго сочувствія между правящими классами и управляемыми населеніями не существуетъ нигдѣ въ такой степени, какъ въ Венгріи и въ нынѣшней Австріи.

Политическіе дѣятели Германіи, Англіи и Италіи, можно сказать смѣло, посвящены очень мало въ крайне запутанныя и сложныя отношенія народностей Австро-Венгріи. Объ ея внутреннихъ дѣлахъ судитъ Европа только по нѣмецкимъ газетамъ и рѣчамъ делегаціонныхъ и рейхсратскихъ ораторовъ, по разговорамъ корреспондентовъ съ министрами и разными парламентскими именитостями, но нѣмыя иногда народности, напримѣръ, въ Венгріи, не имѣютъ ни одного, такъ называемаго, представителя. Можно сказать, что ни одному европейцу, о нѣмцахъ я уже не говорю, ни одному англичанину, итальянцу, французу славяне и румыны австро-венгерскіе никогда не откроютъ всѣхъ своихъ задушевныхъ мечтаній и затаенныхъ надеждъ. Изо всѣхъ иностранцевъ только русскому, и то заслуживающему довѣрія, принадлежитъ ключъ къ этимъ тайникамъ души порабощенныхъ и покоренныхъ чужеродцами славянъ, румынъ. Въ этомъ-то и заключается величайшая сила и преимущество наше передъ Европою. Всѣ усилія и старанія ея поднять и направить славянъ противъ Россіи никогда не могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ и осуждены заранѣе неудачамъ. Европѣ удавалось и удается создавать въ интеллигенціи той или другой славянской земли различныя антирусскія партіи, которыя и имѣютъ временный успѣхъ. Но ядро народовъ остается недоступаемымъ европейской интригѣ. При этомъ еще всегда замѣчается слѣдующее явленіе. Какъ только какая нибудь анти-русская партія успѣетъ утвердиться въ той или другой славянской народности и начинаетъ въ ней господствовать, тотчасъ вся прочая оставшаяся не у дѣлъ или обиженная интеллигенція, частью подъ вліяніемъ личныхъ разсчетовъ, частью подъ давленіемъ общенароднаго чувства, возмущеннаго господствомъ въ странѣ иноплеменнаго анти-русскаго и слѣдовательно анти-славянскаго направленія, начинаетъ мало-по-малу переходить на народную почву и искать сближенія съ Россіею, усиленія ея вліянія въ своей странѣ. Такъ бывало уже много разъ и такъ всегда будетъ во всѣхъ славянскихъ и единовѣрныхъ намъ земляхъ, пока есть въ нихъ народъ, и пока Европа не перестанетъ пытаться заводить у нихъ свои партіи. Такъ бывало не разъ съ чехами, хорватами, сербами въ Австро-Венгріи и за Савою. Нынѣшнее господство австро-венгерской партіи Милана и Гарашанина воспитало и укрѣпило въ послѣднее время такія русскія сочувствія въ Сербіи, какія въ ней давно уже не бывали. То же совершается теперь и въ Румыніи, гдѣ нѣмецко-мадьярскія и католическія симпатіи Карла Гогенцоллерна, Братіано и Стурдзы развивающъ заглохшее было румынское національное самосознаніе, доказывая наглядно его интеллигенціи, къ чему приведетъ Румынію ея оторванность отъ стародавнихъ народныхъ симпатій, отъ родной Церкви, ея отчужденіе отъ Россіи.

Тотъ же смыслъ имѣютъ и нынѣшнія событія въ Болгаріи. Утвержденіе англо-нѣмецко-австрійскихъ вліяній въ Болгаріи при Баттенбергѣ послѣднихъ годовъ и при его послѣдѣ—нынѣшнемъ регентствѣ стало, наконецъ, поневолѣ раскрывать глаза лучшей болгарской интеллигенціи. Не велика была кучка людей, горячихъ болгарскихъ патріотовъ и крѣпкихъ друзей Россіи, лучшихъ болгарскихъ офицеровъ, рѣшившихся разомъ прекратить это отчужденіе Болгаріи отъ Россіи. Большинство болгарской интеллигенціи впадало не поддержало людей переворота. Оно просто еще не понимало, что на Болгарію уже закинута петля, связавшая по рукамъ и ногамъ сосѣднюю Сербію. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ господства анти-русской, англо-нѣмецкой партіи нынѣшняго регентства, какъ умнѣйшіе представители болгарской интеллигенціи поняли свое отчаянное положеніе и стали прямѣе и рѣшительнѣе высказываться за Россію. Несмотря на нынѣшній терроръ въ Болгаріи, какъ только явилась возможность издавать исправительственныя газеты, начали выходить въ Софіи три оппозиціонные органа—Славейкова „Истина“, Цанкова „Свѣтлина“ и Каравелова „Тырновска Конституція“.

Цанковъ сталъ дѣйствовать и писать въ нынѣшнемъ своемъ направленіи раньше всѣхъ. Его нынѣшній образъ мыслей извѣстенъ. Прежде онъ сближался иногда съ такъ называемыми консерваторами, но вообще дѣйствовалъ больше противъ нихъ, злобно съ либералами. Потомъ онъ разошелся съ Кара-

вековымъ. Дабы сохранить европейскія клички, можно сказать, что Цанковъ либералъ умѣренный, а Каравеловъ больше прогрессистъ или радикалъ. Въ настоящее время съ Цанковымъ идутъ заодно не только бывшіе либералы, разошедшіеся съ Каравеловымъ, такъ напр., Сукаровъ, но и разные прежніе консерваторы, давно или недавно разошедшіеся со Стоиловымъ, Грековымъ и Начевичемъ, напр., митрополитъ Климентъ, Бурмовъ, Балабановъ и пр.

„Тырновска Конституція“ уже выходитъ давно. Прошлою зимою она не разъ очень рѣзко выступала противъ Россіи, пока, наконецъ, изъ каравеловской партіи не выдѣлились люди совершенно анархическаго и революціоннаго направленія, воспитанники нашихъ швейцарскихъ выходцевъ нигилистовъ—Радославовъ, Стоиловъ и пр. Славейковъ обыкновенно шелъ всегда съ Каравеловымъ. Онъ его гораздо старше, менѣе образованъ, онъ просто самоучка; какъ чиновникъ, администраторъ, едва ли онъ могъ оказать странѣ какія нибудь услуги. Но Славейковъ—лучшій и дѣйствительно прекрасный болгарскій писатель. У него несомнѣнное литературное дарованіе; онъ превосходно знаетъ народъ, его бытъ, преданія, народную словесность, говоры и мастерски владѣетъ болгарскимъ языкомъ. Имена Цанкова, Каравелова могутъ быть потомъ забыты болгарами, но имя Славейкова, какъ даровитаго болгарскаго писателя, какъ замѣчательнаго стилиста и мастера еще слабо развитаго литературнаго болгарскаго языка, перейдетъ въ далекое потомство и будетъ съ благодарностью помнимо у всѣхъ славянскихъ дѣятелей, которые не могутъ не дорожить литературнымъ развитіемъ всѣхъ самыхъ даже малыхъ нарѣчій славянскихъ. Въ отдѣльныхъ брошюрахъ и на столбцахъ своего органа „Истина“, Славейковъ съ замѣчательною силою и жаромъ нападалъ въ послѣднее время на регентство и его министровъ. Онъ прямо — извините за выраженіе—клеймилъ словомъ *мерзавцы* тѣхъ болгаръ, которые насчетъ Болгаріи работаютъ надъ поддержаніемъ англійскаго вліянія въ Афганистанѣ и нѣмецко-мадьярскаго въ Босніи, Герцеговинѣ и Сербіи. Онъ перепечатывалъ самые рѣзкіе отзывы славянскихъ газетъ *о низости* и черной *неблагодарности* тѣхъ болгаръ, которые такъ постыдно выступаютъ противъ Россіи.

Славейковъ принадлежитъ безспорно къ самымъ популярнымъ и уважаемымъ въ народѣ представителямъ болгарской интеллигенціи. Никто лучше его не умѣетъ говорить съ народомъ такъ понятно и такъ дѣйствовать на его душу, какъ дядо Славейковъ. Во время турецкой войны Славейковъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ болгарскихъ проводниковъ и помощниковъ русской арміи при зимнемъ переходѣ черезъ Балканы.

Съ сентября мѣсяца „Тырновска Конституція“ все сильнѣе и рѣшительнѣе стала говорить противъ регентства, за необходимость принятія совѣтовъ генерала Каульбарса и устраненіе тѣхъ безобразій и безчинствъ, которыя творятся теперь въ Болгаріи. Вотъ что въ послѣднемъ, полученномъ мною въ пятницу вечеромъ, № пишетъ „Тырновска Конституція“, по поводу выѣзда изъ Болгаріи генерала Каульбарса со всѣми русскими представителями: „Радуются и торжествуютъ правительственные люди этому отъѣзду генерала, какъ будто они получатъ за это Богъ вѣсть какія блага, какъ будто они одержали вторую Сливницкую побѣду, чуть ли не славнѣе и не почетнѣе первой. Лицемѣрная, фарисейская радость. Посмотримъ, какъ отзовется народъ на это? какъ за то онъ поблагодаритъ? Пусть не обманывается правительство. Со скорбью и съ негодованіемъ встрѣтитъ народъ это извѣстіе. Это обстоятельство возмутитъ и опечалитъ его. Можетъ это непріятно нѣкоторымъ самозваннымъ патріотамъ, которые кичатся своимъ политическимъ шарлатанствомъ. Но это фактъ, хорошъ ли или дуренъ, но фактъ. Народъ любитъ Россію, привязанъ къ ней и хранитъ твердую и непоколебимую вѣру въ державу, которая воскресила его изъ тяжкаго и позорнаго пятивѣковаго турецкаго рабства. Это такъ явно и очевидно, какъ явно и очевидно ненавидитъ онъ неврожденныхъ и немилыхъ своихъ доброжелателей, которые отъ его имени и на его счетъ бросаютъ грязью въ его Освободительницу и разрываютъ послѣднюю его связь съ нею. Повторяемъ—съ негодованіемъ и съ глубокою скорбью взглянетъ народъ на его виновниковъ. Да и могло ли оно и можетъ ли быть иначе? Было бы нѣчто чудовищное и неестественное, еслибъ народъ, который молится и крестится на Россію, который изъ поколѣнія въ поколѣніе передавалъ въ наслѣдство любовь и уваженіе къ *дяду Ивану*, народъ, получившій нѣсколько лѣтъ тому назадъ свободу и независимость изъ рукъ своихъ братушекъ, еслибъ этотъ народъ вдругъ, какъ по какой-то магіи, совершенно преобразился и вмѣсто любви, вѣры и преданности, сталъ бы дышать злою ненавистью и враждою къ своей Освободительницѣ. Нѣтъ, этому никогда не бывать, вы обманываетесь. Любовь, вѣра и преданность, насажденныя въ теченіе столькихъ вѣковъ, не могутъ такъ легко и скоро быть искоренены и вытравлены. Россія есть у насъ могущественная и почти невреодолимая нравственная сила. Горько, тяжело въ этомъ признаться, но признаться должны эти люди, которые въ своей куриной слѣпотѣ и своими донкихотскими похожденіями думали сотворить чудо—заставить народъ мыслить и чувствовать по ихъ. Насколько знаемъ народъ, — говоримъ это открыто и явно,—мы не предвидимъ отъ этого никакихъ добрыхъ послѣдствій „въ будущемъ“.

Эти строки, вѣрно передавая воззрѣнія болгарскаго народа на Россію и его чувства къ ней, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ и живымъ свидѣтельствомъ, что стоитъ за Россію и не хотятъ слышать подстрекательствъ европейской дипломатіи не только весь болгарскій народъ, но и лучшіе, способнѣйшіе, заслуженнѣйшіе представители его интеллиген-

ціи, какъ Бендеревъ, Груевъ Дмитріенъ и проч. (около 80—100) офицеры, митрополитъ Климентъ, Цанковъ и ихъ друзья, замѣчательнѣйшій болгарскій писатель Славейковъ, способнѣйшій и наиболѣе, изъ всѣхъ бывшихъ въ Болгаріи за 7 лѣтъ министровъ, владѣвшій министерскимъ постомъ и имѣющій наибольшую партію, П. Каравеловъ.

Послѣ рѣчи В. И. Ламанскаго В. И. Аристовъ прочиталъ слѣдующее стихотвореніе И. Можайскаго:

„Ничего".

Когда графъ Бисмаркъ Отто
Посломъ въ Россіи жилъ,
То услаждать охотой
Досуги онъ любилъ.
Однажды, лишь настала
Порошѣ у насъ пора,
Рука его держала
Повѣстку отъ Двора.
Зовъ Царскій на облаву
Съ восторгомъ прочитавъ,
Потѣшиться на славу
Стрѣлой помчался графъ,
Но какъ-то заблудился
И—съ грустью на челѣ—
Нежданно очутился
Въ невѣдомомъ селѣ.
Дивуясь какъ на чудо,
Его со всѣхъ сторонъ
Съ вопросами: откуда
И кто такое онъ,
Крестьяне приглашаютъ
Въ тепло родимыхъ хатъ,
Въ ошибкѣ утѣшаютъ,
„Э, баринъ,—говорятъ,—
До мѣста, гдѣ охота,
Верстъ двадцать вѣдь всего,
Коль ѣхать чрезъ болото,—
Поспѣешь,—*ничего!*"
И не успѣлъ порядкомъ
Стрѣлокъ согрѣться нашъ,
Какъ предъ крылечкомъ шаткимъ
Ужъ поданъ экипажъ.
Положены охапки
Сѣнца поверхъ дровней,
А мелкія лошадки,
Какъ парочка мышей;
Веревочная сбруя;
Возницы сѣръ нарядъ...
Садится, горе чуя,
На дровни дипломатъ.
Несутся бойко мыши,
А графъ, судьбу кляня,
Твердитъ: „Вези потише:
Ты вывалишь меня!"
Возница-жъ, погоняя,
Посмотритъ на него,
Съ улыбкой увѣряя:
„Сидите, *ничего!*"
Вотъ пара доскакала
До частаго лѣска.
Дорога уже стала,
Сильнѣе бьетъ въ бока...
„Потише!" Но съ разбѣга
Ударясь о пенекъ,
Летитъ въ сугробы снѣга
Сіятельный стрѣлокъ.
Во взорѣ гнѣва искры,—
„Постой же ты, свинья!"
Желѣзный шомполъ быстро
Досталъ онъ изъ ружья,
Чтобъ имъ побить возницу.
Снѣжку спокойно тотъ
Загребши въ рукавицу,
Лѣчить его идетъ.
„Э, баринъ, у тебя вѣдь
Царапинка всего:
Вѣду легко поправить,
Вѣдь это *ничего!*"
И снѣгъ онъ нажимаетъ
На раненый високъ...
Свой шомполъ опускаетъ
Съ улыбкою стрѣлокъ.
„Вотъ люди,—графъ дивится:
Вѣдь все имъ ни по-чемъ!.."
На дровни вновь садится,
Свернувшись калачемъ.
Усѣлись, поскакали,
Ныряя по снѣгамъ,
И въ сборный пунктъ попали
Къ назначеннымъ часамъ.
Казалося такъ трудно,
А вышло такъ легко!
Всю удаль Руси чудной
Постигъ онъ глубоко;
И выдумалъ вещицу
На память графъ о ней,
Вернувшись за границу,—
Простую,—безъ затѣй:
Изъ шомпола колечко
Онъ сдѣлалъ своего,
Велѣлъ на немъ словечко
Нарѣзать: *ничего!*
И князя утѣшаетъ
Смыслъ русскаго словца,
Онъ съ пальца не снимаетъ
Желѣзнаго кольца.
И ежели сомнѣнье
Въ дѣлахъ его возьметъ,
То быстрый взоръ въ мгновенье
На перстень унадетъ—
И трудную задачу
Разсчета своего
Рѣшитъ онъ на удачу
Со словомъ—*ничего!*
Когда же слышитъ въ мнѣньяхъ
Придирчивыхъ натуръ,
Что съ Русью онъ въ сношеньяхъ
Уступчивъ черезъ-чуръ,
То будто для совѣта,
Надъ перстенькомъ склонясь,
Такой отвѣтъ на это
Даетъ желѣзный князь:
„Люблю страну родную,
Одинъ я въ ней таковъ,
Что бью на удалую,
А тамъ въ краю снѣговъ
Мильоновъ сто народу,—
И каждый изъ него
Пойдетъ въ огонь и въ воду
Со словомъ: *ничего!*"

—

Послѣ стихотворенія, хоромъ г. Архангельскаго была исполнена чешская колыбельная пѣсня.

Въ заключеніе перваго отдѣленія, проф. М. О. Ковалевичъ прочиталъ отрывокъ изъ описанія своего путешествія прошедшимъ лѣтомъ по западной Россіи, которое печатаетъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ". Чтенію этому М. О. предпослалъ заявленіе, что онъ проситъ слушателей, послѣ тѣхъ обширныхъ свѣдѣній и широкихъ воззрѣній на славянство, съ высшей научной точки славяновѣдѣнія и касающихся всего славянства, какія собраніе сейчасъ слышало отъ В. И. Ламанскаго, обратить вниманіе на небольшую русскую область и небольшой кругъ дѣлъ,— именно на часть Западной Россіи, которую объѣзжалъ прошедшимъ лѣтомъ М. О.; но въ сообщеніи объ этой небольшой странѣ и небольшомъ кругѣ ея дѣлъ, можетъ быть, сказалъ М. О. найдутся хотя нѣкоторые отвѣты на вопросы,—на славянскія радости и скорби, какія возбуждаетъ рѣчь В. И. Ламанскаго. М. О. за этимъ сообщилъ, что во всей той странѣ, которую онъ объѣзжалъ, живо помнится и глубоко чтится имя И. С. Аксакова, что тѣ русскія идеи и начала западно-русской жизни, которыя находили себѣ такое богатое разъясненіе въ изданіяхъ И. С. Аксакова,—въ его собственныхъ статьяхъ и многочисленныхъ сообщеніяхъ изъ Западной Россіи, живутъ тамъ и теперь и, можно даже сказать, обладаютъ поразительною живучестію. Все лучшее изъ русской тамошней среды держится ихъ и все прочное, что тамъ строится, такъ или иначе связывается съ этими идеями и началами, а строить приходится еще много.

Въ подтвержденіе этого М. О. Ковалевичъ прочиталъ отрывокъ изъ своихъ путевыхъ впечатлѣній, — очеркъ настроенія молодыхъ поколѣній простаго народа бѣлорусскаго племени. Изъ этого очерка видно, что эти поколѣнія сильно теперь развиваются,—выходятъ изъ патріархальнаго быта, подходятъ къ интеллигентной средѣ и приглядываются, какіе брать образцы изъ нея и откуда брать, —изъ русской или изъ польской среды. Сообразно съ этимъ одна часть беретъ русскіе образцы интеллигентной жизни, другая, особенно крестьяне латинскаго закона, беретъ польскіе образцы и полячится, такъ что есть уже новыя ополяченныя мѣстности.

Все это должно вызывать особенныя заботы русской интеллигенціи и дружную русскую работу, пока есть еще время, пока есть еще богатыя опоры для такой работы, въ лицѣ многочисленныхъ ревнителей русской вѣры и русской народности въ средѣ самихъ крестьянъ.

Въ заключеніе М. О. Ковалевичъ обрисовалъ два типа такихъ ревнителей,—одного христолюбца, самоотверженнаго строителя кладбищенской церкви въ его деревнѣ, и другаго,— церковнаго сторожа, твердо установившаго свои воззрѣнія на свое русское знаніе и свои отношенія къ евреямъ.

—

Послѣ небольшаго перерыва хоръ г. Архангельскаго исполнилъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію, соч. Чайковскаго, а проф. О. О. Миллеръ прочиталъ статью Н. Н. Страхова:

„О книгѣ: Россія и Европа", Н. Я. Данилевскаго".

„Память Н. Я. Данилевскаго драгоцѣнна для Славянскаго Общества не только какъ память полезнаго дѣятеля по государственному хозяйству, отличнаго русскаго натуралиста, пламеннаго патріота, человѣка явно и тайно дѣлавшаго приношенія на славянское дѣло изъ своего трудоваго имущества, но главное, и больше всего, какъ *учителя* тѣхъ идей, которыя лежатъ въ самой основѣ Общества, составляютъ его душу. Въ этомъ отношеніи заслуга Н. Я. Данилевскаго такъ велика, что размѣровъ ея мы теперь еще и опредѣлить не можемъ. Онъ написалъ книгу: *Россія и Европа*, которую можно назвать катихизисомъ или кодексомъ славянофильства; такъ полно, точно и ясно въ ней изложено ученіе о славянскомъ мірѣ и его отношеніи къ остальному человѣчеству". Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ этой книгѣ; постараемся указать ея особенности и высокія достоинства.

Есть явленія въ умственномъ мірѣ, которыя совмѣщаютъ въ себѣ и завершаютъ собою цѣлые періоды въ развитіи науки, литературы, изображаютъ собою смыслъ цѣлаго направленія духовной дѣятельности. Такъ, положимъ, стихи Пушкина представляютъ намъ всю ту поэзію, которая развилась у насъ послѣ Карамзинскаго переворота; множество поэтовъ, существовавшихъ передъ Пушкинымъ и въ одно время съ нимъ, такъ сказать, поглощены и сосредоточены въ произведеніяхъ нашего величайшаго поэта. Точно также, напримѣръ, Гегель совмѣщаетъ въ себѣ всю нѣмецкую философію послѣ Канта; онъ есть настоящій представитель всего этого періода, мыслитель, въ которомъ съ наибольшею силою и ясностію выразилось все тогдашнее направленіе философіи.

Въ другихъ, меньшихъ размѣрахъ, но подобное отношеніе существуетъ, очевидно, между книгою Н. Я. Данилевскаго и тѣмъ направленіемъ нашей литературы, которое извѣстно подъ именемъ славянофильства. Въ какой мѣрѣ эта книга завершаетъ и совмѣщаетъ въ себѣ славянофильскія ученія, это другой вопросъ; но что она имѣетъ такое завершающее и представительное значеніе— въ томъ невозможно сомнѣваться. Быть можетъ, со временемъ Н. Я. Данилевскій будетъ считаться славянофиломъ *по преимуществу*, кульминаціонной точкой въ развитіи этого направленія, писателемъ, сосредоточившимъ въ себѣ всю силу славянофильской идеи. Если имя Хомякова никогда не забудется въ исторіи русской мысли, то можетъ быть *то, что сказалъ Данилевскій*, будетъ болѣе памятно, сильнѣе и яснѣе отразится въ умахъ.

По, положимъ, даже не такъ; положимъ, Данилевскому не суждено стоять, не то что выше, а линь впереди предшествовавшихъ славянофиловъ; во всякомъ случаѣ „Россія и Европа" есть книга, по которой можно изучать славянофильство всякому, кто его желаетъ изучать. Съ появленіемъ этой книги

уже нельзя говорить, что мысли о способразіи славянскаго племени, о Европѣ, какъ о мірѣ намъ чуждомъ, о задачахъ и будущности Россіи, и т. д., что эти мысли существуютъ въ видѣ журнальныхъ толковъ, намековъ, мечтаній, фразъ, аллегорій: нѣтъ, славянофильство теперь существуетъ въ формѣ строгой, ясной, опредѣленной, въ такой точной и связной формѣ, въ какой едва ли существуетъ у насъ какое нибудь другое ученіе.

Тутъ намъ слѣдуетъ разсмотрѣть возраженіе, обыкновенно дѣлаемое противъ книгъ такого рода, какъ „Россія и Европа". Говорятъ, и уже успѣли сказать нѣсколько разъ, что въ этой книгѣ нѣтъ *ничего новаго*. Этотъ вопросъ *о новости* чрезвычайно труденъ, и этою трудностію всегда пользовались люди, недоброжелательствующіе самому дѣлу. Что новаго въ Пушкинѣ? Повидимому у него все то же, что у Жуковскаго, Батюшкова, Козлова и пр. Тотъ же языкъ, тѣ же формы произведеній, одинаковые литературные привычки и пріемы. Между тѣмъ, въ сущности, новость огромная: созданіе русской поэзіи, основаніе русской литературы. И такъ, уловить новое вовсе не легко. Иной скептикъ готовъ будетъ, пожалуй, сказать, что и великолѣпный домъ, который онъ видитъ въ первый разъ, не представляетъ ему ничего новаго, такъ какъ онъ уже давно видѣлъ кучи кирпичей, изъ которыхъ этотъ домъ построенъ.

Но въ настоящемъ случаѣ для читателя сколько нибудь внимательнаго и серьезнаго не можетъ быть, намъ кажется, никакого вопроса и сомнѣнія. Въ книгѣ Данилевскаго все вовое, отъ начала до конца; она не есть сводъ и повтореніе чужихъ мнѣній, ова содержитъ только одни собственныя мнѣнія автора, мысли, никѣмъ и никогда еще не сказанныя, почему онъ и почелъ за нужное ихъ высказать. „*Россія и Европа*" есть книга совершенно самобытная, отнюдь не порожденная славянофильствомъ въ тѣсномъ, литературно-историческомъ смыслѣ этого слова, не составляющая дальнѣйшаго развитія уже высказанныхъ началъ, а напротивъ полагающая новыя начала, употребляющая новые пріемы, и достигающая новыхъ, *болѣе общихъ* результатовъ, въ которыхъ славянофильскія положенія содержатся *какъ частный случай*. Когда мы, несмотря на то, называемъ ученіе „Россіи и Европы" славянофильствомъ, то мы разумѣемъ здѣсь славянство въ отвлеченномъ, общемъ, идеальномъ смыслѣ; собственно говоря, это вовсе не славянофильство, а особое ученіе Данилевскаго, такъ сказать „данилевщина". Данилевщина включаетъ въ себѣ славянофильство, но не наоборотъ.

Новыя явленія въ умственномъ мірѣ мы часто принимаемъ за старыя, давно намъ знакомыя: ошибка самая естественная. Новыя явленія часто заставляютъ насъ расширять и обобщать смыслъ прежнихъ понятій: такъ, съ появленіемъ „Россіи и Европы" мы должны расширить и обобщить смыслъ давно употребляемаго термина *славянофильство*. Оказалось, что есть славянофильское ученіе, вовсе не похожее на то, что мы привыкли называть этимъ именемъ.

Въ чемъ же сходство и въ чемъ различіе? Сходство, очевидно заключается въ *практическихъ выводахъ*. Понятно, что Н. Я. Данилевскій, говоря о потребностяхъ Россіи, о тѣхъ стремленіяхъ, которыхъ ей слѣдуетъ держаться, въ значительной мѣрѣ долженъ былъ совпадать съ прежними славянофилами. Люди, живо и глубоко чувствующіе интересы своей родины, любовно вникающіе въ ея историческую судьбу, конечно никогда не разойдутся далеко по вопросамъ, что слѣдуетъ любить, чего слѣдуетъ желать. Въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли на множествѣ примѣровъ, сердечная проницательность заставляетъ многихъ говорить и дѣйствовать даже вопреки своему образу мыслей, вопреки самымъ яснымъ началамъ, ими исповѣдуемымъ. Есть случаи, когда вся Россія, можно сказать, обращается въ славянофиловъ.

Но иное дѣло—стремиться, повинуясь какому то инстинкту, и иное дѣло—возвести эти стремленія въ сознательные взгляды, и согласовать ихъ съ нашими общими и высшими началами. И вотъ гдѣ существенное отличіе Н. Я. Данилевскаго. Если всякій мужикъ есть въ сущности славянофилъ, если самые ярые западники иногда говорятъ за одно съ мужиками, если, наконецъ, прежніе славянофилы вѣрно поняли не только интересы, но и самый духъ своего народа, то Данилевскій есть именно тотъ писатель, который представилъ наиболѣе строгую теорію для этихъ стремленій, который пашелъ для нихъ общія и высшія начала, начала новыя, до него никѣмъ не указанныя. Вотъ гдѣ главная оригинальность „Россіи и Европы".

Эта книга названа слишкомъ скромно. Она вовсе не ограничивается Россіею и Европою, или даже болѣе широкими предметами, міромъ славянскимъ и міромъ германо-романскимъ. Она содержитъ въ себѣ новый взглядъ на всю исторію человѣчества, новую теорію *Всеобщей Исторіи*. Это не публицистическое сочиненіе, котораго вся занимательность заимствуется отъ извѣстныхъ практическихъ интересовъ: это сочиненіе строго-научное, имѣющее цѣлью добыть истину относительно основныхъ началъ, на которыхъ должна строиться наука *исторіи*. Славянство и отношенія между Россіею и Европою суть не болѣе, какъ частный случай,—примѣръ, поясняющій общую теорію.

Главная мысль Данилевскаго чрезвычайно оригинальна, чрезвычайно интересна. Онъ далъ новую формулу для построенія исторіи, формулу *гораздо болѣе широкую*, чѣмъ прежнія, и потому, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе справедливую, болѣе научную, болѣе способную уловить дѣйствительность предмета, чѣмъ прежнія формулы. Именно, онъ отвергъ *единую нить* въ развитіи человѣчества, ту мысль, что исторія есть прогрессъ нѣкотораго общаго разума, нѣкоторой общей цивилизаціи. Такой цивилизаціи нѣтъ, говоритъ Данилевскій, а существуютъ только частныя цивили-

зацiи, существуетъ развитiе отдѣльныхъ *культурно-историческихъ типовъ*.

Очевидно, прежнiй взглядъ на исторiю былъ *искусственный*, насильственно подгоняющiй явленiя подъ формулу, взятую извнѣ, подчиняющiй ихъ произвольно придуманному порядку. Новый взглядъ Данилевскаго есть взглядъ *естественный*, не задающiйся заранѣе принятою мыслью, а опредѣляющiй формы и отношенiя предметовъ на основанiи опыта, наблюденiя, внимательнаго всматриванiя въ ихъ природу. Переворотъ, который „Россiя и Европа“ стремится внести въ науку исторiи, подобенъ *внесенiю естественной системы* въ науки, гдѣ господствовала система искусственная.

Изслѣдователь тутъ руководится нѣкоторымъ *смиренiемъ* передъ предметами. Ученые теоретики, особенно нѣмцы, часто ломаютъ по своему природу, подгоняютъ ее подъ извѣстныя идеи, готовы видѣть неправильность и уродство во всемъ, что несогласно съ ихъ разумомъ; но истинный натуралистъ отказывается отъ слѣпой вѣры въ свой разумъ, ищетъ откровенiй и указанiй не въ собственныхъ мысляхъ, а въ предметахъ. Тутъ есть вѣра въ то, что миръ и его явленiя гораздо глубже, богаче содержанiемъ, обильнѣе смысломъ, чѣмъ бѣдныя и сухiя построенiя нашего ума.

Для обыкновеннаго историка такое явленiе, какъ, напримѣръ, Китай, есть нѣчто неправильное и пустое, какая-то ненужная безсмыслица. Поэтому о Китаѣ и не говорятъ, его выкидываютъ за предѣлы исторiи. По системѣ Данилевскаго, Китай есть столь же законное и поучительное явленiе, какъ грекоримскiй миръ, или гордая Европа.

Итакъ, вотъ какую важность, какой высокiй предметъ и какую силу имѣетъ та новая, собственно Данилевскому принадлежащая исходная точка зрѣнiя, которая развита въ „Россiи и Европѣ“. Столь же оригинальна и та мастерская разработка, которой подвергнута исторiя съ этой точки зрѣнiя. Если многiе выводы получились славянофильскiе, то они такимъ образомъ пробрѣли совершенно новый видъ, получили новую доказательность, которой очевидно не могли имѣть, пока не существовали начала въ первый разъ указанныя въ этой книгѣ.

Авторъ „Россiи и Европы“ нигдѣ не опирается на славянофильскiя ученiя, какъ на что-нибудь уже добытое и познанное. Напротивъ, онъ исключительно развиваетъ свои собственныя мысли, и основываетъ ихъ на своихъ собственныхъ началахъ. Свое отношенiе къ славянофильству онъ отчасти указалъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Ученiе славянофиловъ было не чуждо отъ„тѣнка гуманитарности, что впрочемъ иначе „и не могло быть, потому что оно имѣло двоякiй источникъ: германскую философiю, къ „которой оно относилось только съ большимъ „пониманiемъ и большею свободою, чѣмъ его „противники, и ученiе началъ русской и „вообще славянской жизни—въ религiозномъ, „историческомъ, поэтическомъ и бытовомъ отношенiяхъ. Если оно напирало на необходимость самобытнаго национальнаго развитiя, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство славянскихъ началъ, а также видя успѣвшую уже выказаться, въ теченiе долговременнаго развитiя, односторонность и непримиримое противорѣчiе началъ европейскихъ, считало, будто-бы славянамъ „суждено разрѣшить общечеловѣческую задачу, чего не могли сдѣлать ихъ предшественники. Такой задачи, однакоже, вовсе „не существуетъ“ („Россiя и Европа“, стр. 120).

И такъ у Н. Я. Данилевскаго и источникъ другой, и главный выводъ не похожъ на славянофильскiй. Н. Я. Данилевскiй не держится германской философiи, не стоитъ къ ней даже и въ тѣхъ очень свободныхъ отношенiяхъ, въ которыхъ стоятъ славянофилы. Слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ, онъ самостоятельнѣе. Его философiю можно бы сблизить съ духомъ естественныхъ наукъ, напримѣръ со взглядами и примѣрами Кювье; но этотъ общiй научный духъ не можетъ быть считаемъ какимъ-то особымъ ученiемъ.

Главный выводъ „Россiи и Европы“ столь же самостоятеленъ и столь же поразителенъ своею простотою и трезвостiю, какъ и вся эта теорiя: славяне не предназначены обновить весь миръ, найти для всего человѣчества рѣшенiе исторической задачи; они суть только особый культурно-историческiй типъ, рядомъ съ которымъ можетъ имѣть мѣсто существованiе и развитiе другихъ типовъ. Вотъ рѣшенiе, разомъ устраняющее многiя затрудненiя, полагающее предѣлъ нашимъ несбыточнымъ мечтанiямъ и сводящее насъ на твердую почву дѣйствительности. Сверхъ того очевидно, что это рѣшенiе чисто славянское, представляющее тотъ характеръ терпимости, котораго вообще мы не находимъ во взглядахъ Европы, насильственной и властолюбивой не только на практикѣ, но и въ своихъ умственныхъ построенiяхъ. Да и вся теорiя Н. Я. Данилевскаго можетъ быть разсматриваема, какъ нѣкоторая попытка объяснить *положенiе славянскаго мiра въ исторiи*,—эту загадку, аномалiю, эпициклъ для всякаго европейскаго историка. Въ силу того исключительнаго положенiя среди другихъ народовъ, которому въ исторiи нѣтъ вполнѣ равнаго примѣра, славянамъ суждено измѣнить укоренившiеся въ Европѣ взгляды на науку исторiи, взгляды, подъ которые никакъ не можетъ подойти славянскiй миръ.

Таковы главныя черты книги Н. Я. Данилевскаго. Изъ нихъ видно *многообразное* характеръ этой книги; но снѣшимъ пробавить, что понятiе о ней будетъ еще далеко не полное. Богатство мыслей, обилiе дѣйствительнаго содержанiя такъ велико, что новыя стороны дѣла открываются на каждой страницѣ. Это сочиненiе удивительнымъ образомъ сочетало въ себѣ жаръ глубокаго чувства и холодную строгость науки: оно есть пламенное воззванiе и вмѣстѣ точная, глубокомысленно-соображенная теорiя.

Затѣмъ О. О. Миллеръ прочиталъ стихотвореніе О. И. Тютчева:

Гусъ на кострѣ.

Костеръ сооруженъ—и роковое
Готово вспыхнуть пламя. Все молчитъ
Лишь слышенъ легкій трескъ—и въ нижнемъ слоѣ
Костра огонь предательски сквозитъ,
Дымъ побѣжалъ. Народъ столпился гуще...
Вотъ всѣ они—весь этотъ темный міръ:
Тутъ и гнетомый людъ и людъ гнетущій,
Ложь и насилье, рыцарство и клиръ,
Тутъ вѣроломный кесарь, и князей
Имперскихъ и духовныхъ сонмъ верховный.
И самъ онъ, римскій іерархъ, въ своей
Непогрѣшимости грѣховной...
И на кострѣ, какъ жертва предъ закланьемъ,
Вамъ праведникъ великій предстоитъ:
Уже обвѣянъ огненнымъ сіяньемъ,
Онъ молится—и голосъ не дрожитъ...
Народа чешскаго святой учитель,
Безтрепетный свидѣтель о Христѣ
И римской лжи суровый обличитель,
Въ своей высокой простотѣ,
Не измѣнивъ ни Богу, ни народу,
Боролся онъ и былъ необоримъ—
За правду Божью, за ея свободу,
За все, за все, что бредомъ называлъ Римъ.
Онъ духомъ въ небѣ—братскою-жъ любовью
Еще онъ здѣсь, еще въ средѣ своихъ,
И свѣтелъ онъ—что собственною кровью
Христову кровь онъ отстоялъ для нихъ.
О, Чешскій край! О, родъ единокровный!
Не отвергай наслѣдья своего!
О, довершп же подвигъ свой духовный
И братскаго единства торжество!
И, пѣнь порвавъ съ юродствующимъ Римомъ,
Гнетущую тебя уже давно,
На Гусовомъ кострѣ неугасимомъ
Расплавь ея послѣднее звено!

Вслѣдъ за этимъ стихотвореніемъ О. Ѳ. Миллеръ прочиталъ слѣдующую статью:

Наше современное положеніе и завѣты нашихъ славныхъ покойниковъ.

Какихъ только испытаній не вынесла на своемъ тысячелѣтнемъ историческомъ поприщѣ многострадальная земля Русская! Но сдва ли и ей когда либо приходилось переживать такую томительную и все еще безъисходную пытку, какую мы выносимъ теперь. Дѣло, конечно, не въ такъ называемой неблагодарности искупленнаго нашею кровью болгарскаго народа. Дѣло и не въ его, болѣе или менѣе самозванныхъ, правителяхъ, напустившихъ на него туманъ, а въ той неслыханной смѣлости, съ какою ихъ постоянно настраиваютъ противъ насъ, да намъ же еще и читаютъ пріятельскія наставленія. Вотъ приближается пятидесятилѣтняя годовщина нашего великаго поэта;—и, точно дразня его тѣнь, дерзко пытаются доказать и славянамъ, и не славянамъ, что „Русскаго Царя уже безспльно слово".

А было время, когда, тяготясь и ропща, за насъ, однако, хватались и намъ безусловно повиновались—особенно въ германской части Европы. Но я обращаю вниманіе не на это время—не на то казовое величіе, которое обманывало насъ самихъ призракомъ мнимой самостоятельности, возникшей на чуждыхъ Россіи основахъ Вѣнскаго конгресса. Я обращаю вниманіе не на ту нашу роль въ священномъ союзѣ, во имя которой, настроенные консервативнымъ австрійскимъ министромъ, мы въ самомъ дѣлѣ воображали, что именно на поддержку европейскаго легитимизма и должна сводиться національная задача Россіи. Конецъ такому самообольщенію могъ бы наступить давно. Стоило намъ только вспомнить опять и о своихъ настоящихъ задачахъ,—какъ составился противъ насъ новый державный союзъ, съумѣвшій мастерски воспользоваться европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, настроеннымъ противъ насъ именно нашею службою священному союзу. За свою гегемонію въ Европѣ, надѣлившую и насъ самихъ всею косностью и неподвижностью status quo, мы расплатились геройскою обороною—и сдачею врагамъ Севастополя, а съ нимъ вмѣстѣ и нашего вліянія на востокѣ.

Я хочу говорить о другой порѣ—о томъ нашемъ внутреннемъ возрожденіи, о томъ поднятіи на ноги и выпрямленіи богатыря народнаго, которое такъ восторженно привѣтствовалось покойнымъ Аксаковымъ. Я хочу говорить о той порѣ, когда повѣяло тепломъ и волей, когда совершилось освобожденіе крестьянъ, когда зачался гласный судъ, когда открыты были земскія учрежденія, когда снимались оковы съ печатнаго слова, когда перестали прогонять сквозь строй, когда защита отечества стала общей священной обязанностью.

. . . . . .

Но вотъ стала опять разыгрываться гроза на востокѣ. Сами собой, безъ вызова или поощренія, но и безъ запрета двинулись туда русскіе добровольцы. Переживая душою все то, что тогда происходило въ Сербіи, ставшая давно вполнѣ русскою, вполнѣ православною, Государыня проливала горячія слезы при вѣсти о Джунпсскомъ погромѣ. Свѣжія турецкія силы готовились нахлынуть на Сербію. Русскій Государь произнесъ: ни съ мѣста! И турки не двинулись.

Гуманное сердце Государя не желало войны, но она сдѣлалась, наконецъ, неизбѣжною. Сознавая, что это война народная, онъ принялъ участіе въ походѣ, онъ непосредственно перенспыталъ всѣ предстоявшія намъ невзгоды. Но вотъ—Плевна, наконецъ, пала, за нею послѣдовалъ небывалый, казавшійся просто невозможнымъ зимній переходъ черезъ Балканы. „Dieser Koloss wird noch alles zerschmettern" говорили отсломленные нѣмцы. Мы дошли до воротъ Цареграда—и добровольно остановились у нихъ.

. . . . . .

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше измѣнялись роли—въ силу ловкой игры въ обстоятельства нашихъ коварныхъ друзей. Тѣ самые мадьяры, которые еще такъ недавно дѣлали овацін туркамъ, теперь распинаются за независимую Болгарію, гордясь своимъ благороднымъ починомъ въ признаніи ея соединенія

съ Румеліей—впрочемъ какъ-то такъ оставаясь на почвѣ того же самаго берлинскаго договора, который имъ раздѣлилъ. Не успѣли еще истлѣть кости Биконсфильда, еще, слава Богу, здравствуетъ Гладстонъ, обличавшій его за циническія отношенія къ болгарскимъ ужасамъ,—и этого самаго Биконсфильда выставляютъ камъ чуть не защитникомъ тѣхъ же болгаръ, заранѣе провидѣвшимъ ихъ будущихъ настоящихъ враговъ—въ лицѣ ихъ русскихъ освободителей, которые оросили въ Болгаріи каждую пядь земли своею искупительною кровью. Все это, видите, для того, чтобы подвергнуть ее игу, во сто разъ горчайшему, чѣмъ турецкое, чтобы оставить ее, наконецъ, и безъ конституціи — той самой, которую мы же вѣдь ей и дали.

И обо всемъ этомъ пишется, говорится съ трибунъ, — всему этому научаются вѣрить болгары, вѣрить уже потому, что новыхъ друзей сразу привалило такъ много, и всѣ они говорятъ такъ громко, мы же сравнительно съ ними тише воды, ниже травы. Мнѣ невольно при этомъ припоминается разсказъ покойнаго А. С. Хомякова о томъ крестьянинѣ, который горячился, отстаивая свое дѣло и которому спорившій съ нимъ замѣтилъ: „чего кричишь? точно баринъ", на что тотъ въ свою очередь отвѣчалъ: „коли правъ, такъ и баринъ". Все дѣло и заключается именно въ томъ, чтобы сознавать свою *правоту* и въ сознаніи своей правоты усматривать свою *силу*.

О правдѣ, какъ твердой опорѣ силы, постоянно говорилъ покойный И. С. Аксаковъ. И въ самыхъ послѣднихъ статьяхъ своей „Руси", писанныхъ, какъ и всегда, кровью и огнемъ незадолго уже до смерти, онъ упорно противопоставлялъ свою политику *внутренней правды* той политикѣ *реальныхъ интересовъ*, въ пользу которой пытались его настроить его новоявленные лжепослѣдователи. Въ сущности они опирались на старыя общія мѣста, что въ политикѣ *все позволено* и что верховное въ ней начало—*нажива*. Онъ же, опираясь на непосредственное чувство тѣхъ простыхъ русскихъ людей, которые такъ безкорыстно стремились на помощь братьямъ, видѣлъ въ этомъ самую *дѣйствительную* основу для будущаго духовнаго единенія, для великой міровой связи. И вотъ онъ-то, постоянно возстававшій противъ интереса въ его грубо реальномъ смыслѣ, и признанъ былъ послѣ смерти державнымъ голосомъ за настоящаго оберегателя русскихъ интересовъ.

Держась своей *правды*, онъ бы рѣшительнѣе всѣхъ сталъ изобличать ту *кривду*, ту вопіющую фальшь, которая скрывается въ каждой фразѣ иноземныхъ защитниковъ независимости болгаръ и неприкосновенности ихъ конституціи. Защищать ее, отвѣчалъ бы онъ имъ, не намъ, такъ ярко изобличающимъ ея слабыя стороны столь ловкимъ направленіемъ ихъ въ свою собственную пользу. Защищать ее, отвѣчалъ бы онъ имъ, не намъ, умудрившимся такъ поставить и нашу собственную конституцію, что народамъ, отъ васъ зависящимъ, слишкомъ мало отъ нея проку. Вспомнимъ сказанное надняхъ въ одной хорватской газетѣ: „болгарскіе патріоты завидуютъ намъ, нашей свободѣ, которою мы яко бы пользуемся въ Австріи. Ну, мы готовы безъ всякихъ околичностей и съ легкимъ сердцемъ продать имъ эту „свободу" за то, что называется „русской нагайкой".

Но, опираясь на свою правду, Аксаковъ могъ бы пойти и далѣе. Онъ могъ бы спросить, гдѣ, въ какой странѣ міра, не только конституціонной, но и республиканской, вполнѣ доволенъ своею судьбою народъ, гдѣ подъ фирмою такъ называемаго народовластія, мы находимъ въ самомъ дѣлѣ настоящее народное благосостояніе—какъ матерьяльное такъ и нравственное? Аксаковъ могъ бы объ этомъ спросить, опираясь на русскій народъ, столь далекій отъ всякихъ поползновеній на власть, видящій во власти не цѣль, а средство, признающій ее прикладною силой, силой обязанной достигать правды. Онъ могъ обращаться съ самыми убійственными вопросами во всѣ стороны, видя предъ собой міровой идеалъ, вездѣ еще столь далекій отъ осуществленія, а въ недавнемъ прошломъ находя для себя опору въ великомъ дѣлѣ 19-го февраля. *какъ точкѣ отправленія для дальнѣйшаго неустаннаго шествія по тому же нужному пути*. О, какъ заблуждаются тѣ публицисты, которые прямо наоборотъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы заставить насъ совсѣмъ позабыть день 19-го февраля, въ то же время настаиваютъ на рѣшительномъ голосѣ Россіи въ политикѣ внѣшней. Если они въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ, что это несовмѣстимо, то намъ ихъ жаль, хотя гораздо болѣе жаль Россію, которой они такъ врутъ своимъ лживымъ голосомъ. Если же они понимаютъ, но руководствуются посторонними цѣлями, то да будетъ имъ стыдно! хотя, конечно, Россіи не легче отъ ихъ стыда. Да, заблуждаются публицисты, рѣшившіеся вернуть насъ на путь, которымъ мы шли до крымской войны, и этимъ путемъ привести насъ къ побѣдѣ. Они забываютъ слова О. И. Тютчева: „всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленіе матерьяльныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ". Такіе ли наклонности и инстинкты должны составлять тотъ духовный елей, съ которымъ предстоитъ намъ выступить во срѣтеніе жениху,—а вѣдь онъ грядетъ! Великій историческій день уже передъ нами, онъ не даетъ отсрочки, не ждетъ,—но для того, чтобы намъ совладать съ его неотложной задачей и искренно, а не фарисейски молить „о побѣдѣ и одолѣніи", нужно крѣпко схватиться за знамя великой плодотворной идеи.

Аксаковъ постоянно говорилъ намъ про эту идею. Онъ видѣлъ ее въ постоянномъ, неуклончивомъ, ничѣмъ несмущающемся шествіи по пути, проложенному 19-го февраля. Онъ считалъ его нашимъ прямымъ историческимъ путемъ, потому что, какъ говорить онъ, „мы, русскіе, не рыцари, мы—самъ народъ, мы—*plebs*". Но онъ не менѣе хорошо понималъ, что плебсомъ является, за исклю-

ченіемъ Польши и отчасти Чехіи, и весь славянскій міръ—такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ сталъ и сталъ не со вчерашняго дня. Если гдѣ и были свои сословныя выси, то онѣ давно обвалились, потому что обезпародились. Вездѣ у славянъ народность сохранилась только внизу—въ плебсѣ, или самомъ народѣ. Снизу же возникаетъ и настоящая славянская интеллигенція. Новая интеллигенція, надо думать, будетъ мало по-малу возникать снизу и въ Польшѣ и придетъ на смѣну той, которая такъ долго не могла помириться съ крестьянскою реформою, проведенною тамъ по волѣ покойнаго Государя покойнымъ Н. А. Милютинымъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ. Если гулъ недовольства еще не заглохъ и теперь на польскихъ верхахъ общественныхъ (поддерживаемый, впрочемъ, нѣкоторыми ошибочными излишествами съ нашей стороны) то въ остальномъ славянствѣ дѣйствительно народолюбивая политика Россіи всегда будетъ привѣтствуема отъ всей души. Славянству только и надо увѣриться въ томъ, что такая политика стала у насъ устойчивою. А что если увѣриться въ томъ же самомъ только и надо и всему остальному европейскому человѣчеству? Не даромъ еще покойный кн. В. Ѳ. Одоевскій говорилъ въ своихъ „Русскихъ Ночахъ“: „не бойтесь, братья по человѣчеству! Нѣтъ разрушительныхъ стихій на славянскомъ востокѣ: узнайте его, и вы въ томъ увѣритесь. Вы найдете у насъ частію ваши же силы, сохраненныя и умноженныя, вы найдете и наши собственныя силы, вамъ неизвѣстныя и которыя не оскудѣютъ отъ раздѣла съ вами... Вы найдете вѣрованіе въ возможность счастія не одного большаго числа, но счастія всѣхъ и каждаго“. Вѣдь и на Западѣ большая часть человѣчества до сихъ поръ еще и не жила настоящею жизнію. И не даромъ же тамъ въ послѣднее время стали утолять свою духовную жажду нашею литературою. Въ ней такъ просто, такъ задушевно звучитъ живая нота христіанскаго братства, міровой все единящей любви! Вѣдь именно какъ глубоко огорченный свидѣтель общеевропейскихъ разочарованій, воскликнулъ нашъ Достоевскій: „не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, какъ рабомъ“. Вѣдь надо только, чтобы эта великая истина была усвоена Россіей и въ международныхъ ея отношеніяхъ. Тогда наше имя держалось бы честно и гордо во всей Европѣ. Никакія козни державъ не будутъ намъ страшны, если въ насъ будутъ твердо вѣрить сами народы не только славянскіе, но всѣ вообще.

Правда, прочно занять подобное положеніе не легко. Тутъ нужна настоящая зиждительная сила, тутъ нужно творчество. Тутъ недостаточно только подражать и заимствовать. Понятно, что первые шаги наши на этомъ самостоятельномъ поприщѣ оказались не вполнѣ вѣрными, что были колебанія, были ошибки. На это и указалъ покойный К. Д. Кавелинъ въ послѣдней своей рѣчи, произнесенной передъ оставшимися въ живыхъ участниками великаго дѣла 19-го февраля. Тутъ Кавелинъ, къ изумленію и радости многихъ, вполнѣ сошелся съ людьми, на борьбу съ которыми онъ потратилъ не мало силъ и золотаго времени. „Еще въ сороковыхъ годахъ, сказалъ онъ въ своей незабвенной рѣчи, покойный А. С. Хомяковъ охарактеризовалъ западную, латино-германскую Европу, какъ „міръ городовъ“, а славянскіе народы, какъ „міръ селъ и деревень“. Можетъ быть эпиграфъ къ Евгенію Онѣгину: „о Русь, о rus!“ было геніальнымъ предчувствіемъ той же мысли... Какъ только, продолжалъ Кавелинъ, стала выступать на первый планъ жизнь народныхъ массъ, она тотчасъ же сложилась въ Европѣ по типу горожанина, и этотъ типъ заслонилъ или пересоздалъ на свой ладъ другой типъ,—типъ мелкаго сельскаго хозяина, крестьянина“... Далѣе у Кавелина слѣдовали краснорѣчивыя цифры: „Сельскіе жители, мелкіе землевладѣльцы и хозяева составляютъ въ Англіи 17%, въ Германіи въ среднемъ выводѣ 40%, во Франціи 54% всего народонаселенія, тогда какъ въ Россіи въ наименѣе деревенскихъ ея частяхъ, именно Прибалтійскомъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, сельское населеніе доходитъ до 73%, а во всей Имперіи пребываетъ 86%, не считая войска и городскихъ сословій, въ значительнѣйшей долѣ принадлежащихъ къ тому же крестьянству“... Оттого-то, заключилъ Кавелинъ, устройство быта деревенскихъ массъ и является для насъ, русскихъ, самымъ жизненнымъ вопросомъ. „Но мы, говорилъ онъ, вынуждены разработать и разрѣшить его сами, такъ какъ никакихъ готовыхъ образцовъ намъ не откуда заимствовать.

Вотъ на этотъ-то путь нелегкаго, но зато плодоноснаго творчества и не хотѣли бы насъ пустить тѣ европейскіе наши пріятели, которые даютъ намъ теперь такія отеческія наставленія. Они понимаютъ, что, ставъ добросовѣстно и съ живымъ увлеченіемъ на этотъ путь, мы стали бы живою уликою ихъ самимъ, внушительною приманкою для того обездоленнаго процента европейскаго человѣчества, которому нѣтъ никакого дѣла до своего количественнаго отношенія къ остальной части населенія и который давно разувѣрился и во всякомъ оффиціальномъ представительствѣ, и во всякаго рода демагогахъ. Хорошо понимая все это, наши западные друзья и наставники постоянно выставляютъ тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые прямо и честно указываютъ на преобладающее значеніе сельской Россіи и на плебейскій характеръ славянскаго міра вообще, — какъ на тѣхъ-же будто бы нигилистовъ и революціонеровъ — только подъ фирмою славянофиловъ и панславистовъ. Давно подъзуясь въ дипломатическихъ рѣчахъ и газетныхъ статьяхъ этимъ пріемомъ запугиванья, намъ стараются опять навязать тотъ старый европейскій консерватизмъ, въ который мы когда то вѣрили и вѣримъ твердо, самою этою вѣрой въ него подавая тѣмъ же европейскимъ друзьямъ и союзникамъ поводъ настраивать противъ насъ подвластные имъ народы. Но не даромъ же покойный

Ю. О. Самаринъ постоянно указывалъ на этотъ европейскій консерватизмъ, коренящійся въ томъ, чего у насъ никогда не было,—въ преданіяхъ феодализма и такъ называемаго „рыцарства",—какъ на нѣчто воротящее съ корнемъ нашу народную жизнь, и мѣтко обзывалъ его „консерватизмомъ революціонныхъ". Онъ понималъ, какъ и всѣ, такъ называемые, славянофилы и панслависты, что вовсе не этимъ мнимымъ консерватизмомъ, а полнымъ отреченіемъ отъ него можемъ мы, наконецъ, одолѣть и домашнюю смуту, и всякія иноземныя козни.

Ихъ уже нѣтъ, нашихъ великихъ предшественниковъ и учителей. Да, они уже всѣ покойники, преждевременные покойники. Но если мы не даромъ учились у нихъ, то для насъ обязательна ихъ прямота и стойкость. Открыто и честно, какъ они, должны мы высказывать все до конца въ виду этой „близящейся грозы", на которую намъ указывали послѣднія напечатанныя слова И. С. Аксакова. Мы живемъ вѣдь въ такую пору, когда не только за каждое сфальшивленное, но и за каждое недосказанное слово приходится отвѣчать передъ Богомъ... Вѣдь передъ вами встаетъ роковой вопросъ: „быть, или не быть"; вѣдь положительное его рѣшеніе заключается въ томъ, чтобы вовремя направить свои взоры туда, гдѣ написано: „симъ побѣдиши".

Вспомнимъ обращеніе къ нашей звѣздѣ Ѳ. И. Тютчева:

Ты долго ль будешь за тумановъ
Скрываться, русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты обличишься навсегда?
Ужель на встрѣчу жадвымъ взорамъ,
Къ тебѣ стремящимся въ ночи,
Пустымъ и ложнымъ метеоромъ
Твои разсмѣются лучи?
Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все немилуемѣй бѣда:
Взгляни, чей флагъ тамъ гибнетъ въ морѣ,
Проснись теперь, или никогда...

Громкія рукоплесканія присутствующихъ неоднократно прерывали чтенія почтенныхъ ораторовъ.

Въ этомъ же собраніи были избравы въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

V.

21 ДЕКАБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

По открытіи засѣданія г. предсѣдатель доложилъ собранію составленный Совѣтомъ проектъ смѣты доходовъ и расходовъ Славянскаго Общества въ 1887 г.

Проектъ этотъ собраніе утвердило единогласно, безъ измѣненій.

Затѣмъ г. предсѣдатель, объяснивъ собранію, что въ послѣднее время прибывающіе въ Россію, безъ всякихъ средствъ, южные славяне, преимущественно изъ Болгаріи, обращаются съ многочисленными просьбами, о назначеніи имъ денежныхъ пособій, какъ въ Одесское, такъ и въ С.-Петербургское Славянскія Благотворительныя Общества и что первое, израсходовавъ на этотъ предметъ большую часть своихъ девежвыхъ средствъ, неоднократно обращалось въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества съ ходатайствами о воспособленіи, предложилъ собранію, согласно постановленію Совѣта, назначить изъ запаснаго капитала до 5.000 р. въ распоряженіе Совѣта, для выдачи пособій, по его усмотрѣнію, прибывающимъ въ Россію южнымъ славянамъ.

Предложеніе это собраніемъ было принято единогласно.

Послѣ этого г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія собранія, что товарищъ его М. А. Домонтовичъ, по множеству служебныхъ занятій, вынужденъ отказаться отъ дальнѣйшаго исполненія обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ товарища предсѣдателя, и по этому предложилъ выразить выбывающему изъ состава Совѣта М. А. Домонтовичу благодарность за его труды и приступить къ избранію въ замѣнъ его одного изъ членовъ Общества, если же избраніемъ будетъ удостоенъ кто либо изъ состава Совѣта, то въ такомъ случаѣ избрать на мѣсто выбывающаго еще одного члена Совѣта.

Послѣ продолжительныхъ рукоплесканій, обращенныхъ къ М. А. Домонтовичу, по баллотировкѣ (зависками) избранными, по большинству голосовъ, оказались: товарищемъ предсѣдателя—членъ Совѣта В. К. Саблеръ и членомъ Совѣта—редакторъ „Извѣстій" П. Г. Моравекъ.

Въ заключеніе были избраны въ члены Общества, предложенные Совѣтомъ кандидаты.

—

По окончаніи текущихъ дѣлъ, П. П. Дурново, доложивъ собранію, что Совѣтъ Славянскаго Общества, высоко цѣня заслуги своего секретаря, почетнаго члена Общества В. И. Аристова, по случаю исполнившагося въ текущемъ году 10-лѣтія его служенія Славянскому дѣлу въ этомъ званіи, въ одномъ изъ своихъ недавнихъ засѣданій постановилъ—поднести почтенному дѣятелю привѣтственный адресъ отъ имени Славянскаго Общества и что такіе же адресы, письма и телеграммы присланы въ Совѣтъ изъ разныхъ мѣстъ Славянскаго міра отъ многочисленныхъ почитателей В. И. Аристова, просилъ разрѣшенія приступить къ чтенію этихъ привѣтствій.

Послѣ продолжительныхъ, громкихъ рукоплесканій, послужившихъ отвѣтомъ на просьбу г. предсѣдателя, по его предложенію, были прочитаны почетнымъ членомъ Общества О. О. Миллеромъ слѣдующіе два адреса, покрытые многочисленными подписями.

1. Отъ членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества:

Дорогой и уважаемый
Василій Ивановичъ.

Въ настоящемъ году исполнилось десять лѣтъ служенія вашего Славянскому Обществу въ должности секретаря его Совѣта. Но еще задолго до избранія васъ въ секретари, на первыхъ же порахъ существованія нашего Общества, подъ именемъ Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета, вы, рядомъ прекрасно задуманныхъ и художественно выполненныхъ празднествъ, много содѣйствовали увеличенію средствъ юнаго Общества, безъ которыхъ оно не могло бы скоро окрѣпнуть и развернуть свою дѣятельность.

Когда въ приснопамятномъ 1875 г. доблестные ваши братья сперва въ Герцеговинѣ и Босніи, а потомъ и въ Сербіи взялись за оружіе противъ свопхъ угнетателей и передъ Обществомъ нашимъ неожиданно вредателя совершенно, казалось, непосильная для него задача—придти на помощь десяткамъ тысячъ разоренныхъ и осиротѣлыхъ славянскихъ семействъ,—вы настойчиво провели и осуществили мысль о церковномъ сборѣ въ пользу славянъ. Этотъ сборъ сослужилъ цѣлямъ Общества двойную службу: далъ ему обильныя средства и въ то же время былъ лучшимъ проводникомъ идеи славянства въ русское народное сознаніе. Когда же чуткіе сердцемъ русскіе люди захотѣли не только жертвовать своимъ достаткомъ въ пользу несчастныхъ братьевъ, во и лично стать въ ряды борцовъ за ихъ правое и святое дѣло, вы, совмѣстно съ незабвеннымъ Иваномъ Ивановичемъ Петровымъ, съумѣли ревностно послужить великодушному народному порыву,—принимая въ помѣщеніи вашего Общества и отправляя въ путь вольныхъ русскихъ ратниковъ, сестеръ милосердія и врачей. Вскорѣ потомъ пришлось вамъ встрѣчать ихъ, при возвращеніи домой, израненныхъ и обнищавшихъ, облегчать ихъ скорби и нужды и ходатайствовать о ихъ осиротѣлыхъ семействахъ. Какъ секретарь Общества, вы придали скорое и стройное теченіе его дѣламъ. Благодаря вашему почину, настоянію и труду собраны, приведены въ порядокъ и изданы протоколы общихъ собраній, излагающіе въ возможной полнотѣ дѣятельность нашего Общества за первыя 15 лѣтъ его существованія. Наконецъ, въ послѣднее время, при вашемъ дѣятельномъ участіи Славянское Общество достойно отпраздновало тысячелѣтіе блаженной памяти Первоучителя славянъ св. Меѳодія.

Высоко цѣня вашъ неустанный и безкорыстный на пользу нашего Общества трудъ, мы чувствуемъ потребность выразить вамъ за него, многоуважаемый Василій Ивановичъ, глубокую нашу признательность и горячее пожеланіе всегда видѣть васъ неутомимымъ труженикомъ на пользу славянскому дѣлу.

Будьте здравы тѣломъ и бодры духомъ на многія лѣта!

2. Отъ Галичанъ и Русскихъ изъ Львова:

Высокочтимый
Василій Ивановичъ.

Душевный привѣтъ и сердечное поздравленіе шлемъ мы вамъ за себя и многихъ.

Въ текущемъ году десять лѣтъ минуло вашей славной, усердной и полезнѣйшей дѣятельности на всеславянской нивѣ. Десять лѣтъ минуло и съ той славной минуты, когда общеславянское знамя заблестѣло лучезарнымъ свѣтомъ на весь славянскій міръ.

Кому изъ насъ, у кого бьется истинно русское сердце, не памятны великіе подвиги Славянскаго Общества въ серьезныя годины, пережитыя и переживаемыя нами? и кому же обязаны и мы тѣмъ могущественнымъ свѣтомъ, согрѣвающимъ всѣхъ насъ, если не тѣмъ славнымъ сподвижникамъ, стоящимъ на стражѣ у великаго свѣтильника и между которыми вы, высокопочитаемый мужъ, неусыпно занимали столь видное мѣсто! Ваша неусыпная, многотрудолюбивая, безупречная дѣятельность всѣмъ вамъ хорошо извѣстна и оцѣнивается всѣми нами съ глубокою признательностью, и да будетъ вамъ наградою и утѣшеніемъ то, что усердіе и горячая преданность ваша дѣлу уже принесли громадные плоды!

Мы вѣруемъ и твердо уповаемъ на то, что великая идея славянская непремѣнно восторжествуетъ; разсѣется мракъ; исчезнутъ враги и зажитъ Всеславянство во всемъ могуществѣ братской любви „ибо съ нами Богъ и покорятся всѣ языцы!“

Итакъ, примите наше горячее русское спасибо за всѣ ваши честные, неутомимые труды и за горячее и постоянное сердечное сочувствіе Славянскому дѣлу. Дай Богъ вамъ силы и бодрости на многія, премногія лѣта, на славу Россіи и всему Славянскому міру! Да здравствуетъ нашъ славный патріотъ и неутомимый борецъ за знамя славянское. Многія лѣта обожаемому другу нашему Василію Ивановичу—трехкратное ура!

Многія лѣта и всѣмъ вашимъ сотрудникамъ, собравшимся на славный пиръ признательности, сочувствія и непритворной благодарности неутомимому товарищу—юбиляру Василію Ивановичу. Слава вамъ всѣмъ и да согрѣваетъ насъ благодарное воспоминаніе с великихъ сподвижникахъ славянской идеи:—восноемъ и воспоемъ славу Хомякову, Аксакову, Погодину, Петрову, Фрейгангу и другимъ великимъ борцамъ за славянское знамя. Могучій духъ ихъ да осѣняетъ насъ всѣхъ!

Затѣмъ однимъ изъ стипендіатовъ Славянскаго Общества былъ прочитанъ слѣдующій адресъ:

Отъ учащейся въ С.-Петербургѣ сербской молодежи:

„Глубокоуважаемый Василій Ивановичъ.

Въ текущемъ году исполнилось десятилѣтіе служенія вашего Славянскому дѣлу въ качествѣ секретаря С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Срокъ не малый; служеніе многотрудное... Предо-

ставляя полную оцѣнку вашей дѣятельности вашимъ друзьямъ—почтеннымъ членамъ Славянскаго Общества, мы, учащаяся въ русской столицѣ сербская молодежь, пользуемся случаемъ, чтобы выразить вамъ сегодня наши чувства.

Благодаря братскому сочувствію Славянскаго Общества, мы, Сербы, прибывшіе въ Россію, получаемъ здѣсь образованіе и готовимся служить въ свое время общему славянскому дѣлу. Такое сочувствіе къ вамъ въ Славянскомъ Обществѣ вызывалось всегда при вашемъ содѣйствіи. Вы первый выслушивали насъ и помогали намъ въ нашихъ просьбахъ. А какъ часто Вы воодушевляли насъ, падавшихъ иногда духомъ, въ трудныя минуты жизни; какъ часто вы поощряли насъ въ работѣ и укрѣпляли въ надеждѣ достиженія нашей святой задачи—сдѣлаться умѣлыми и достойными служителями славянской идеи!

Вотъ за это-то истинно-братское участіе ваше и за ваше искреннее къ намъ расположеніе мы просимъ васъ принять нынѣ, въ знаменательный для васъ день, нашу сердечную благодарность и пожеланіе вамъ всякихъ благъ.

Да продлитъ Господь дни ваши и да поможетъ вамъ еще долго и долго служить матери Россіи и общему всѣмъ намъ славянскому дѣлу".

Вслѣдъ за адресами г. предсѣдателемъ было прочитано полученное отъ его высокопреосвященства Михаила, митрополита сербскаго, привѣтствіе слѣдующаго содержанія:

Многоуважаемый Василій Ивановичъ.

Десятилѣтнее служеніе ваше въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ секретаремъ сдѣлало васъ извѣстнымъ Славянству.

Всѣ событія въ жизни Славянъ во все это время были сопровождаемы теплымъ участіемъ Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Петроградѣ, коего рѣшенія исполняли вы горячо братскою любовію.

Чистая, русская, славянская душа ваша любитъ и всѣмъ внушаетъ любить братью, уча ихъ жить дружно и въ братскомъ согласіи.

Прошли десять лѣтъ служенія Славянскому Обществу къ чести его. Привѣтствую васъ съ симъ днемъ. Дай Богъ вамъ и впередъ украшаться довѣріемъ Общества и служить къ чести Общества, на славу Россіи и на пользу Славянскому міру, который находится въ броженіи, ища единенія, всегда, какъ и нынѣ, разрушаемаго врагами его.

Съ молитвою и благожеланіемъ привѣтствую васъ и благословляю иконою Кіевопечерской владычицы Богородицы, Которая да хранитъ васъ и помогаетъ вамъ творить дѣла угодныя Богу."

За тѣмъ П. П. Дурново были прочитаны привѣтственныя телеграммы:

1. Изъ С.-Петербурга—отъ почетнаго члена Славянскаго Общества, его высокопревосходительства г. министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянова.

2. Изъ Москвы—отъ почетнаго члена Славянскаго Общества М. Г. Черняева.

3. Изъ Вильны—отъ почетнаго члена Славянскаго Общества І. Г. Наумовича.

4. Изъ Вилейки—отъ почетнаго члена Славянскаго Общества В. М. Плошанскаго.

5. Изъ Москвы—отъ пожизненнаго члена Славянскаго Общества Г. А. Вульферта.

6. Изъ Бухареста—отъ проживающихъ тамъ Сербовъ.

7. Изъ Журжево—отъ Миленовича и попа Луки съ дружествомъ.

8. Изъ Бѣлграда—отъ К. С. Таушановича, Стояна Протича, Ивана Джая и Андра Николича.

9. Изъ Бѣлграда—черезъ Земунъ.

Глубоко тронутый этими привѣтствіями В. И. Аристовъ на каждое изъ нихъ отвѣчалъ, со слезами на глазахъ, нѣсколькими горячими словами глубочайшей благодарности за намять о немъ и лестное вниманіе къ его заслугамъ.

1887 ГОДЪ.

Въ 1887 г. состоялось 3 засѣданія, въ томъ числѣ два—14 февраля и 6 апрѣля—торжественныя. Въ этихъ засѣданіяхъ происходило слѣдующее:

I.

14 ФЕВРАЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Засѣданіе это удостоили своимъ присутствіемъ не мало высокопоставленныхъ лицъ, члены Общества и до 800 посторонніхъ посѣтителей.

Въ началѣ засѣданія хоромъ л.-гв.-гренадерскаго полка былъ пропѣтъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію (слова и музыка свящ. Старорусскаго).

Послѣ того, по установившемуся обычаю, г. секретарь Общества прочиталъ слѣдующій

краткій отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ 1886 г.

I. Составъ Общества.

Въ 1886 г. въ составѣ Общества состояло членовъ: почетныхъ 33, пожизненныхъ 55 и дѣйствительныхъ 246, всего 334 члена. Въ это число въ теченіе 1886 г. были избраны: въ почетные члены—И. И. Дурново, въ пожизненные члены: кн. П. Д. Гагаринъ и М. С. Толстой и въ дѣйствительные—47 предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ.

Изъ числа членовъ, состоявшихъ въ составѣ Общества въ 1886 г., 70 членовъ не уплатили еще своихъ членскихъ взносовъ.

Въ минувшемъ году Славянское Общество понесло незамѣнимыя утраты—почили почетные члены Общества: Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ—27 января, Петръ Алексѣевичъ Лавровскій—28 февраля и дѣйствительные члены: Елизавета Алексѣевна Кублицкая-Піоттухъ—5 января, кн. Николай Николаевичъ Хованскій—24 февраля и Сергѣй Тимоѳеевичъ Маршинцъ—22 сентября.

Вѣчная память почившимъ!

II. Составъ Совѣта Общества.

Въ составѣ Совѣта произошли слѣдующія перемѣны: за выбытіемъ изъ состава Совѣта товарища предсѣдателя, Михаила Алексѣевича Домонтовича, въ замѣнъ его, по большинству голосовъ, избранъ собраніемъ, состоявшимся 21 декабря, членъ Совѣта Владиміръ Карловичъ Саблеръ, а на его мѣсто въ члены Совѣта—въ томъ же собраніи — избранъ редакторъ „Извѣстій“ Павелъ Густавовичъ Моравекъ.

Занятія между членами Совѣта были распредѣлены такъ: обязанности секретаря исполнялъ В. И. Аристовъ, его помощникомъ былъ Н. И. Писаревскій; обязанности казначея были возложены на В. Г. Чубинскаго, его помощникомъ состоялъ П. П. Соколовъ; библіотекою завѣдывалъ А. А. Кирѣевъ, при содѣйствіи редактора „Извѣстій“ П. Г. Моравека, въ качествѣ его помощника.

III. Составъ Редакціи „Извѣстій Общества“.

Въ составѣ редакціи „Извѣстій Общества“ никакихъ перемѣнъ не произошло и редакторами „Извѣстій“ по прежнему состояли: К. П. Бестужевъ-Рюминъ и П. Г. Моравекъ.

IV. Комиссіи.

Въ 1886 г. при Совѣтѣ Общества состояли слѣдующія Комиссіи:

а) Издательская—для ознакомленія по возможности всѣхъ слоевъ русскаго общества съ міромъ славянскимъ и ознакомленія русскаго народа съ другими народами славянскаго племени, въ составѣ членовъ Совѣта: П. А. Васильчикова, А. А. Кирѣева и В. И. Ламанскаго, редактора „Извѣстій“ К. П. Бестужева-Рюмина и членовъ Общества: Е. Е. Замысловскаго, Ѳ. М. Истомина и А. Л. Петрова.

б) Владимірская — для обсужденія вопросовъ о чествованіи 900-лѣтія со дня крещенія русскаго народа, въ составѣ членовъ Совѣта: В. И. Аристова, В. К. Саблера и В. Г. Чубинскаго, — и

в) Ревизіонная — для провѣрки приходорасходныхъ книгъ Общества за 1886 г., въ составѣ членовъ Совѣта: В. К. Саблера, П. П. Соколова и Н. П. Писаревскаго.

Комиссія эта, провѣривъ приходорасходныя книги съ документами нашла, что отчетность была ведена совершенно правильно.

V. Общія собранія членовъ Общества.

Въ 1886 г. состоялось пять общихъ собраній, въ томъ числѣ три—14 февраля, 6 апрѣля и 23 ноября—торжественныя.

Въ торжественныхъ собраніяхъ были прочитаны статьи: К. Н. Бестужева-Рюмина (В. И. Аристовымъ), О. Ѳ. Миллера (авторомъ), К. Н. Бестужева-Рюмина (В. И. Аристовымъ), Н. Н. Страхова (О. Ѳ. Миллеромъ), М. О. Кояловича (авторомъ), В. И. Ламанскаго (авторомъ), П. А. Ровинскаго (авторомъ) и стихотворенія: М. П. Розенгейма (О. Ѳ. Миллеромъ)—„Памяти И. С. Аксакова“ и Можайскаго (В. И. Аристовымъ)—„Ничего“.

Распорядительныя собранія, состоявшіяся 23 марта и 21 декабря, были посвящены: первое—обсужденію доклада Владимірской Комиссіи о чествованіи 900-лѣтія со времени крещенія Руси, а послѣднее—разсмотрѣнію и утвержденію смѣты доходовъ и расходовъ на 1887 г. и рѣшенію текущихъ дѣлъ.

Въ послѣднемъ собраніи происходило чествованіе почетнаго члена Славянскаго Общества В. И. Аристова, по случаю исполнившагося въ 1886 г. десятилѣтія служенія его Обществу, въ званіи секретаря его Совѣта.

VI. Засѣданія Совѣта.

Засѣданій совѣта въ 1886 г. состоялось 21.

Всѣ они были посвящены обсужденію и разрѣшенію неотложныхъ текущихъ вопросовъ, разсмотрѣнію многочисленныхъ просьбъ о пособіяхъ: церквамъ и литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ, пріѣзжимъ славянамъ, добровольцамъ и ихъ вдовамъ, а также разсмотрѣнію ходатайствъ славянскихъ юношей, прибывшихъ въ Россію для образованія, о назначеніи имъ стипендій и пособій.

VII. Стипендіаты Общества.

Къ 1 января 1887 г. на попеченіи Совѣта Общества состояло 22 стипендіата: изъ нихъ 1—въ с.-петербургскомъ университетѣ, 6—въ военно-медицинской академіи, 3 — въ с.-петербургской духовной академіи, 2—въ кіевской духовной академіи, 2—въ с.-петербургской духовной семинаріи, 2—въ виленской духовной семинаріи, 1—въ с.-петербургской введенской гимназіи, 1 — въ училищѣ императорскаго человѣколюбиваго общества и 1 приготовляющаяся къ поступленію на педагогическіе курсы.

Изъ нихъ: 7 Болгаръ.
2 Буковинца.
12 Сербовъ—и
1 Лужичанинъ.

VIII. Собранія членовъ Общества по понедѣльникамъ.

Въ 1886 г. члены Общества по прежнему собирались въ помѣщеніи Совѣта Общества, по понедѣльникамъ, отъ 8 до 12 час. вечера, для чтенія славянскихъ газетъ и журналовъ и для взаимнаго обмѣна мыслей.

IX. Казначейскій отчетъ.

Приходъ и расходъ суммъ Общества.

I. ПРИХОДЪ.

	По смѣтѣ ожидалось.		Поступило.	
	РУБ.	К.	РУБ.	К.
По расходному капиталу	15.000	—	15.455	80
По основному капиталу	1.901	96	3.190	86
По запасному	—	—	1.203	49
По издательскому фонду	1.890	—	1.238	79
По спеціальвымъ капиталамъ	221	—	221	—
Всего	19.012	96	21.309	94

Увеличеніе прихода объясняется:

По расходному капиталу — увеличеніемъ церковнаго сбора.

По основному капиталу—поступленіемъ завѣщанныхъ Е. А. Кублицкою-Піотухъ 1.000 р. и поступленіемъ пожизненнаго членскаго взноса.

Кромѣ того поступило въ особо учрежденный Аксаковскій капиталъ 2.661 р. 75 к.

II. РАСХОДЪ.

	По смѣтѣ назначено.		Израсходовано.	
	РУБ.	К.	РУБ.	К.
1) Наемъ квартиры, содержаніе служащихъ; общія собранія и засѣданія Совѣта, разъѣзды, печать, церковныя службы и вообще веденіе дѣла	3.600	—	5.663	47
2) На пособіе церквамъ	1.500	—	1.502	11
3) На воспитаніе Славянъ въ Россіи	1.800	—	3.443	79
4) На пособіе добровольцамъ	1.500	—	2.072	74
5) На пересылку газетъ въ слав. земли и вып. славянскихъ газетъ .	600	—	358	70
6) На покупку русскихъ книгъ и пособіе литературнымъ предпріятіямъ	1.200	—	827	33
7) На пособіе пріѣзжимъ Славянамъ	1.200	—	1.317	—
8) На поддержаніе школъ въ слав. землѣ . . .	600	—	326	71
9) На уплату 5% въ госуд. сборъ съ дохода по бумагамъ, за храненіе бум. и страхованіе выигрышныхъ билет.	—	—	553	21
10) На изданіе „Извѣстій“	3.000	—	3.000	—
Итого	15.000	—	15.455	06

Увеличеніе расхода объясняется:

По 1 статьѣ, главнымъ образомъ, расходами на торжественныя церковныя службы по почившимъ славянскимъ дѣятелямъ И. С. Аксаковѣ, Н. Я. Данилевскомъ и П. А. Лавровскомъ, значительными расходами по обзаведенію и общимъ собраніямъ.

По 3 статьѣ большимъ напливомъ молодыхъ людей въ Россію для поступленія въ учебныя заведенія.

Кромѣ смѣтныхъ расходовъ, по опредѣленіямъ общихъ собраній 23 марта и 21 декабря 1886 г. израсходовано изъ запаснаго капитала:

Безвозвратно.

На пособіе южнымъ Славянамъ 3.563 р. 18 к.

Съ возвратомъ:

Выдано въ ссуду 1 слав. учрежденію и 2 слав. органамъ	4.805	„ 50 „
И, кромѣ того, отчислено въ учрежденный собраніемъ, состоявшимся 23 марта 1886 г. Аксаковскій капиталъ . . .	1.000	„ — „

За произведенными расходами къ 1 января 1887 г. остается:

Основного капитала . . .	68.740 р.	44¾ к.
Запаснаго.	125.856 „	15— „
Спеціальныхъ суммъ и болгарскаго братства пресвѣщенія	161 „	12— „
На преміи А. Ѳ. Гильфердинга	4.518 „	86½ „
Г. П. Алексѣева	421 „	52½ „
Аксаковскаго капитала . .	3.580 „	04— „
Передаточныхъ суммъ . .	136 „	62— „
Всего .	203.445 р.	6¾ к.

X. Заключеніе.

Въ заключеніе Совѣтъ Общества позволяетъ себѣ заявить, что Общество и въ минувшемъ году стремилось, какъ и въ былые годы, къ достиженію цѣлей, указанныхъ въ его уставѣ, и что дѣятельность Общества, можетъ быть и безшумная и невидная, была лишь продолженіемъ славной дѣятельности нашихъ предшественниковъ: М. П. Погодина, А. С Хомякова, Ю. Ѳ. Самарина, А. Ѳ. Гильфердинга, И. С. Аксакова и др.

Отчетъ этотъ собраніе утвердило единогласно.

Затѣмъ г. предсѣдатель, заявивъ, что весьма многіе изъ членовъ Общества въ благодарномъ воспоминаніи о незабвенныхъ славянскихъ дѣятеляхъ А. Ѳ. Гильфердингѣ и И. С. Аксаковѣ неоднократно выражали желаніе почтить вдовъ почившихъ—В. Ф. Гильфердингъ и А. Ѳ. Аксакову избраніемъ въ почетные члены, предложилъ, отъ имени Совѣта, избрать Варвару Францовну и Анну Ѳеодоровну въ почетные члены Общества.

Предложеніе это было принято собраніемъ единогласно при громкихъ рукоплесканіяхъ.

Въ томъ же собраніи избраны: въ пожизненные члены Общества—гр. Григорій Александровичъ Милорадовичъ и въ дѣйствительные члены — предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Послѣ того И. П. Филевичъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

И. С. Аксаковъ и польскій вопросъ.

Сочиненія Ивана Сергѣевича, выходящія томъ за томомъ съ рѣдкою у насъ быстротой, даютъ возможность обществу возобновлять въ памяти рѣчи того будителя русскаго самосознанія, къ голосу котораго, несмотря на свое разномысліе, внимательно прислушивалось все образованное русское общество.— Какъ бы часто ни обращаться къ этому источнику русской мысли и русскаго чувства, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что еще долго-долго онъ не изсякнетъ.

Въ настоящемъ случаѣ я обращусь къ нему по поводу того вопроса, который, собственно говоря, начинается на зарѣ нашей исторической жизни, красной нитью тянется черезъ все ея продолженіе, въ теченіе послѣдняго столѣтія все настоятельнѣе и настоятельнѣе требуетъ разрѣшенія, и все-таки до сихъ поръ не только не разрѣшенъ, но представляетъ пока мало надежды на болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе его въ близкомъ будущемъ—я имѣю въ виду вопросъ польскій.

Въ началѣ своей публицистической дѣятельности И. С. посвятилъ ему не мало времени.

Въ виду вооруженнаго польскаго возстанія, въ одномъ 63-мъ году имъ написано 33 статьи, непосредственно касающіяся злополучнаго вопроса. Прошло 22 года, и И. С., незадолго до своей смерти, въ письмѣ къ нынѣшнему редактору „Русскаго Дѣла" выражаетъ прямое желаніе снова приняться за тотъ же вопросъ, очевидно, нисколько неупраздненный значительнымъ промежуткомъ времени.

Въ 50-хъ гг. русскій поэтъ ясно и точно опредѣлилъ значеніе занимающаго насъ вопроса:

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ славянской міровой громадѣ
Строй вожделѣнный водворится,
Какъ съ Русью Польша примирится.

Черезъ 30 лѣтъ русскому журналисту пришлось услышать такое же мнѣніе отъ поляковъ: „пока вы не рѣшите польскаго вопроса, говорилъ въ 85 г. г. Шарапову одинъ польскій публицистъ („Русское Дѣло" 1886 г. № 33), славянскій вопросъ не дастся вамъ въ руки; польскій вопросъ будетъ вашъ кошмаръ, ваше историческое наказаніе".

Наконецъ, не дальше какъ 23 ноября минувшаго года, въ этихъ же стѣнахъ членъ нашего общества, проф. М. О. Кояловичъ, на основаніи собственныхъ впечатлѣній, свидѣтельствовалъ, что вопросъ этотъ существуетъ во всей силѣ и нынѣ, даже въ предѣлахъ сѣверо-западнаго края, что, такимъ образомъ, старая болѣзнь все еще продолжается.

Вопросъ, слѣдовательно, получаетъ значеніе не только исторической справки, но интересъ злобы дня и теперь, да и И. С. онъ доводится почти до послѣднихъ дней (до 15 мая 1884 года).

Если въ минуту опасности, угрожающей обществу, его сила опредѣляется силой выступающихъ на защиту его бордовъ, то въ русско-польской борьбѣ стоятелемъ и оберегателемъ русскаго общества явился настоящій богатырь въ полномъ смыслѣ этого слова. И, можно сказать, не было другаго человѣка, который бы столь счастливо совмѣстилъ въ себѣ всѣ нужныя для борьбы данныя. Коренной, чисто русскій человѣкъ, въ жилахъ котораго не было ни капли чуждой примѣсной крови, онъ былъ согрѣтъ самыми живыми симпатіями къ славянству и какъ разъ не задолго до возстанія освѣжилъ ихъ поѣздкой по славянскимъ землямъ. Старый споръ не могъ быть никѣмъ понятъ лучше и оцѣненъ справедливѣе, какъ именно тѣмъ, чье сердце страстно любило все истинно русское и имѣстъ съ тѣмъ горячо билось за все истинно славянское.

Вотъ почему, особенно въ обсужденіи польскаго вопроса, въ рѣчахъ Аксакова послышался голосъ настоящаго народнаго трибуна, звучавшій „какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой", вотъ почему эти рѣчи еще долгое время могутъ имѣть живое назидательное значеніе и навсегда останутся самымъ яркимъ доказательствомъ высокой гражданской доблести покойника и славнѣйшими страницами русской публицистики.

Мы постараемся коротенько прослѣдить ихъ. Русскій человѣкъ, проникнутый глубокой вѣрой въ неистощимыя силы своего народа-побѣдителя въ „домашнемъ старомъ спорѣ", и согрѣтый живыми славянскими симпатіями, Аксаковъ не могъ безъ глубокой грусти смотрѣть на братскій раздоръ двухъ племенъ, не могъ не желать горячо и страстно прекращенія истощающаго обѣ стороны спора. Въ 1861 г. гроза только еще надвигалась, и Аксаковъ всѣми силами старался предотвратить ее; онъ желалъ въ запутанномъ дѣлѣ добиться, наконецъ, правды, и хотя понималъ, что желанія страстныя, но неосознательныя рѣдко уступаютъ простому убѣжденію, тѣмъ не менѣе надѣялся достигнуть цѣли.—„Неужели, говоритъ онъ, ихъ (поляковъ) можетъ вразумить только событіе, и ни какіе другіе доводы разума имъ недоступны? Мы убѣждены, что рано или поздно послѣдуетъ тѣснѣйшее и полнѣйшее искреннее соединеніе славянской Польши съ славянской же Россіей, что къ тому ведетъ непреложный ходъ исторіи, но не лучше ли, въ виду такого неизбѣжнаго историческаго рѣшенія, предупредить все, что грозитъ намъ бѣдой, враждой и раздоромъ, и добровольно, сознательно, покаясь взаимно въ историческихъ грѣхахъ своихъ, соединиться вмѣстѣ братскимъ тѣснымъ союзомъ противъ общихъ враговъ—нашихъ и всего славянства?"

Онъ воодушевлялся въ этомъ случаѣ тѣми же чувствами, какія внушали Хомякову слѣдующія чудныя строфы:

Да будутъ прокляты сраженья,
Однополченниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безмысленный позоръ..
И взоръ поэта вдохновенный

Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ...
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной,
До свода сияго небесъ
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ дерзостнымъ крыломъ..
Ихъ твердъ союзъ, горитъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!

Это требованіе согласія и мира было требованіемъ не только чувства, но, такъ сказать, всего естества и слѣдовательно, сознательнаго убѣжденія Аксакова, съ какимъ бы ни было насиліемъ одинаково не могли мириться и чувство и умъ Аксакова: насиліе для него есть прежде всего неправда, и какъ всякая неправда искажаетъ нравственное достоинство человѣка, а по мнѣнію Аксакова „ошибочны всѣ соображенія государственной пользы, какъ скоро они основаны на извращеніи нравственнаго достоинства подданныхъ", (328), да Аксаковъ убѣжденъ, что и „у Россіи никогда не достанетъ той энергіи зла, той гармоніи злой воли и дѣла, которыя такъ необходимы въ дѣлѣ ненравственномъ и которыя такъ успѣшно проявляютъ Англія и Пруссія въ отношеніи къ Индіи и къ Познани" (26).

Вотъ почему *насильственная* совмѣстная жизнь Россіи и Польши, даже не вызывая тѣхъ кровавыхъ событій, которыя разыгрались въ 1863 г., не могла удовлетворить и успокоить Аксакова. Въ разгарѣ мятежа, въ іюлѣ 1863 г. онъ говоритъ: „мы признаемъ военную диктатуру совершенною необходимостью для избавленія страны отъ страшнаго террора, подавляющаго въ ней всякую свободу мысли и слова,—но лучше совсѣмъ отказаться отъ Польши, чѣмъ обращать военную диктатуру въ постоянную систему управленія Польшей. Лучше совсѣмъ исключить ее изъ славянской семьи, предоставивъ ее собственной ея участи въ борьбѣ съ германизмомъ, чѣмъ держать ее въ насильственномъ съ собою союзѣ" (118).

Таково было дѣйствительное убѣжденіе Аксакова, но можно думать, что въ концѣ концовъ онъ врядъ ли допускалъ столь печальный для славянства исходъ. Въ исторіи русско-польскихъ взаимоотношеній Аксаковъ видѣлъ не мало залоговъ для утвержденія мира и согласія. Великодушіемъ русскаго Императора сохранено было имя Польши въ 1815 г., и Аксаковъ съ справедливою гордостью приводитъ по этому поводу письмо къ кн. Ад. Чарторыжскому того поляка, который самъ, по преданію, провозгласилъ подъ Мацѣвицами: „finis Poloniae!" „Я сохраню до смерти справедливую признательность Императору Александру за то, что онъ воскресилъ имя польское", писалъ Костюшко послѣ прокламаціи Императора Александра къ полякамъ о присоединеніи Варшавскаго герцогства къ Россіи и о переименованіи его въ Царство Польское. „Воскресилъ имя польское", говоритъ отъ себя Аксаковъ. „Что же это значитъ? Развѣ не только самой Польши, но даже и имени ея не существовало, — оно исчезло, стерлось съ лица земли? Дѣйствительно, было такъ: послѣ трехъ раздѣловъ имени польскаго уже не встрѣчалось на географическихъ картахъ... и только названіе „польскихъ легіоновъ", помогавшихъ Наполеону I въ порабощеніи Европы, напоминало еще міру о несчастномъ имени польскомъ! Да, Польша, польское имя возстановлены самою Россіей; *ей* обязаны поляки своимъ политическимъ возрожденіемъ! Поляки не даромъ прозвали Александра I своимъ воскресителемъ. Если бы русскій Императоръ въ 1815 г. отказался вовсе отъ Варшавскаго герцогства, и оно осталось бы за саксонскимъ кородемъ, или, что всего вѣроятнѣе, было-бы подѣлено между Австріей и Пруссіей,—Костюшко, конечно, не имѣлъ бы повода благодарить русскаго Императора за *воскресеніе* Польши (80).

Аксаковъ искренно радовался, что среди орудій исторической кары надъ Польшей оказалась славянская Россія, предотвратившая смерть, угрожавшую отдѣльному славянскому типу, и реформы русскаго правительства въ Польшѣ послѣ 1863 г. внушали ему справедливую и благородную гордость, давали полное основаніе заявить, что „только въ русской Польшѣ сохранились живучесть, энергія, сила польской народности,—что Россія не обезнародила поляковъ въ Польшѣ, благодаря высокому нравственному достоинству своего неумѣнья, своей неспособности къ тому темному государственному искусству, которымъ такъ славятся нѣмцы и которое помогло Пруссіи обратить Познань въ нѣмецкую провинцію" (329).

Устройство быта польскихъ крестьянъ исполняло Аксакова самыми радостными надеждами. Однимъ актомъ Россія повернула всю исторію Польши на новый путь: развитіе польской націи можетъ идти теперь не только въ дренессну и литву, какъ было прежде, при самостоятельности шляхетской Польши, но въ кору и корни. Вытянувшійся и почти обнаженный польскій общественный стволъ можетъ теперь окрѣпнуть на оживленномъ русскимъ паремъ корнѣ и покрыться твердой корой. Но 19 февраля 61 года есть неизбѣжное послѣдствіе, такъ сказать, эманація 19 февраля 61 г., и какое высокое нравственное значеніе получаетъ оно въ этомъ смыслѣ, знаменуя свободу крестьянства въ Россіи и Польшѣ, свободу, истекающую изъ одного источника и опирающуюся на одинаковыя основы. Одинъ актъ, не даромъ пріуроченный къ однимъ и тѣмъ же числамъ, долженъ былъ, по мнѣнію Аксакова, открыть новую эру въ исторической жизни обоихъ народовъ, и Аксаковъ глубоко вѣрилъ въ наступленіе этой эры и горячился тѣмъ, что ее подготовляетъ Россія. „Странно слагаются историческія судьбы Польши! говоритъ И. С., странный жребій по отношенію къ ней выпалъ на долю, какъ намъ кажется, Россіи—благой и высокій жребій всяческаго освобожденія Польши отъ ея же собственной польской лжи и возвращеніе ея къ славянскимъ началамъ" (381).

Если прибавить къ этому, что Аксаковъ враждебно относился къ обрусенію Польши,

что онъ былъ противникъ какого бы ни было поглощенія ея Россіей, что онъ „не требовалъ отплаты за невинную, коварно пролитую кровь", вѣрилъ, что Россія, выражаясь прекрасными словами самарскаго адреса, „сбережетъ для лучшихъ временъ сознаніе своего племеннаго родства съ поляками и не обрадуетъ враговъ славянскаго міра—отреченіемъ отъ увѣренности, что рано или поздно благодушіе пособдитъ озлобленіе, улягутся предубѣжденія, и примиренные поляки подадутъ намъ братскую руку" (141), что, для окончательнаго опредѣленія отношеній польскаго народа къ Россіи, Аксаковъ нѣсколько разъ высказывалъ мысль о созваніи всенароднаго польскаго сейма—мысль, которая можетъ казаться непрактичной и даже неосновательной, которая недаромъ отвергалась Самаринымъ, но которая ярко обрисовываетъ идеально-безпристрастное отношеніе Аксакова къ дѣлу: если, повторяю, имѣть все это въ виду не въ той катехизической формѣ, къ какой въ данномъ случаѣ я по необходимости долженъ прибѣгнуть, а въ той формѣ, въ какой все это является у Аксакова, одинаково поражающаго и неотразимостью логики, и силой убѣжденія и чувства, то въ Аксаковѣ нельзя не признать и искренней любви къ Польшѣ, какъ представительницѣ отдѣльнаго славянскаго типа, и полнаго уваженія ея національныхъ правъ.

Въ разгарѣ борьбы, въ виду льющейся крови, распоряженій народоваго жонда и дѣйствій жандармовъ-вѣшателей, Аксаковъ не позволилъ увлечь себя минутному порыву страсти, всегда держался на высотѣ, указывая полякамъ, что именно подобныя дѣйствія, вызывая силу правительственную, „составляютъ главную помѣху для общественной мирной дѣятельности и для разрѣшенія вопроса на основаніяхъ нравственно-отвлеченной", т. е. самой чистой, самой справедливой правды, которой такъ жаждала его душа. Были обстоятельства, были моменты, на которые русское чувство Аксакова не могло отозваться ничѣмъ другимъ, кромѣ негодованія. О, какъ сильно прорывалось оно у него, какими перунами гремѣла тогда его рѣчь! Но эти перуны были направлены именно на тѣ посторонніе обстоятельства, которыя лишь мѣшали справедливому рѣшенію вопроса, вносили въ него фальшь и ложь, столь противныя натурѣ Аксакова и столь легко поэтому имъ уловляемыя! „Россія негодуетъ. Россія оскорблена"!—такъ начинался проектъ адреса, написанный Аксаковымъ, но просьбѣ дворянъ одной губерніи, вслѣдъ за прочтеніемъ первыхъ нотъ Англіи, Франціи и Австріи. „Европа не внала голосу русскаго народа, не признала адресовъ за выраженіе народнаго чувства! Слишкомъ ново и странно было для нея проявленіе русскаго народнаго участія въ дѣлахъ государства, Европа продолжаетъ отрицать въ дѣйствіяхъ русскаго правительства присутствіе русской народной мысли и воли, продолжаетъ считать русскій народъ безгласною массою, и въ слѣпомъ самообольщеніи смѣется и дразнитъ"... (121). Но въ виду могущества нашей *новой* народной силы Аксакову не страшны были европейскія ноты, одно лишь негодованіе, а не страхъ вызывали онѣ въ немъ. Аксакову не трудно было указать Европѣ тѣ бревна, которыхъ не замѣчала она въ своихъ глазахъ; не трудно было указать и ложную подкладку мнимолиберальнаго сочувствія къ возставшимъ. „Мы проснемъ, говоритъ Аксаковъ, всѣхъ увлекающихся сочувствіемъ къ полякамъ—подвергнуть свое сочувствіе строгой критикѣ, испытать прежде всего силу своихъ увѣщаній на самихъ же полякахъ и условиться съ ними въ пониманіи слова „народность". Тогда сочувствіе перейдетъ въ состраданіе къ бѣдствіямъ Польши, къ такой безмѣрной, напрасной тратѣ крови и духа—или ограничится очень малымъ объемомъ. Тогда демократы съ ужасомъ увидятъ, что „простой народъ", сочувствіе къ которому обязательно для „демократа"—въ понятіяхъ польскихъ героевъ есть только быдло, скотъ; космополиты убѣдятся, что они, симпатизируя польскому дѣлу, служатъ интересамъ исключительной узкой національности; соціалисты откроютъ, что поляки стремятся возстановить спеціальное неравенство въ самомъ отвратительномъ видѣ; ратоборцы своихъ народностей также узнаютъ, что они хлопочутъ объ утвержденіи тиранніи польской народности надъ другими,—однимъ словомъ, всѣмъ имъ достанется на долю не малый сюрпризъ увидать, что они говорили до сихъ поръ съ поляками на языкахъ совершенно разныхъ, и, не понимая другъ друга, воображали въ лирическомъ восторгѣ, что понимаютъ! Изъ этого выходитъ такое нравоученіе: во-первыхъ, что правда польскаго дѣла, какая есть, всего менѣе постигается и цѣнится самими поляками, и едва ли не болѣе всего способна быть оцѣнена въ *самой* Россіи, въ нашемъ народномъ сознаніи, особенно, когда это сознаніе будетъ освобождено отъ того раздраженія, вполнѣ законнаго, которымъ затемняютъ его сами поляки своими безумными притязаніями; во-вторыхъ, что прежде всего и паче всего должны поляки образумиться сами и отказаться отъ незаконныхъ, безнравственныхъ и несбыточныхъ надеждъ возстановить польское государство въ предѣлахъ 1772 г. Но образумятся ли поляки? Способны ли они хоть когда либо образумиться?.. (291).

Вотъ именно здѣсь Аксаковъ затрогивалъ самое ядро, самую сущность русско-польскаго спора, и насколько мягкимъ и уступчивымъ, старающимся не объ усмиреніи, а о примиреніи видѣли мы его до сихъ поръ, разсматривая польскій вопросъ въ собственномъ смыслѣ слова, настолько твердымъ и непреклоннымъ увидимъ мы его теперь въ той существеннѣйшей части вопроса, гдѣ немыслимы никакіе сдѣлки и компромиссы, гдѣ они не допускаются не только сознаніемъ народнаго достоинства, но и живымъ чувствомъ святой, непререкаемой исторической правды.

Далеко за этнографическими предѣлами польской народности, возставшей съ оружіемъ въ рукахъ для отвоеванія себѣ политической

независимости, далеко на востокъ—до Двины и Днѣпра на обширномъ пространствѣ тянется край, полный краснорѣчивыхъ памятниковъ русской старины, край, „гдѣ тлѣютъ праотцевъ останки драгоцѣнны", край, населенный русскимъ народомъ, родными братьями русскими въ теченіе долгаго времени забытымъ, двоюродными—поляками забитымъ и всѣми мѣрами эксплуатируемымъ.—Врядъли во всемірной исторіи можно найти край, равный по пространству и количеству населенія съ славными преданіями старины и еще въ сравнительно недавнемъ прошломъ представлявшій не мало доказательствъ живучести исконной русской народности, врядъли, повторяю, можно указать край, который бы постигла такая печально-странная участь. „На насъ, говоритъ Аксаковъ, лежитъ тяжкій грѣхъ относительно Западной Руси, на насъ лежитъ великая, святая обязанность—исправить нашу неправду, загладить наши вины, возвратить русскому народу въ русской землѣ права русской народности, угнетеніе которой мы такъ долго содѣйствовали... Не на памяти ли нашихъ отцовъ совершилось то чудовищное явленіе, что край, въ продолженіе вѣковъ, силою своихъ русскихъ элементовъ тяготѣвшій къ Россіи, по присоединеніи къ Россіи, ополячился такъ, какъ въ продолженіе вѣковъ не могли его ополячить поляки? что русскія дворянскія фамиліи, еще православныя, еще помнившія свое русское происхожденіе въ эпоху присоединенія, отступились отъ вѣры и отъ народности и стали крѣпчайшею опорою Польши уже подъ русской державой? Не въ 30-хъ ли только годахъ ввели мы обязательное преподаваніе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ нашего святаго Кіева, догадавшись, наконецъ, что Кіевъ не Польша? Не былъ-ли западно-русскій край для насъ, для нашего общества въ Россіи еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ страною невѣдомою, а русская въ ней народность какимъ-то нежданнымъ открытіемъ?.. Со стыда сгорѣть долженъ всякій русскій, если узнаетъ подробно всю исторію западно-русскаго края со дня присоединенія его къ Россіи до послѣдней поры... Да, на Россіи, на русскомъ правительствѣ, на русскомъ обществѣ лежитъ великій долгъ въ отношеніи къ западно-русскому краю. Время уплаты наступило"... (76).

На обширномъ пространствѣ западно-русскихъ земель разлагался и гнилъ, но, благодаря слабому развитію въ насъ національнаго единства, еще не разложился и не сгнилъ трупъ польской государственности, отравляя чистый воздухъ западной Россіи. Политика Великой Екатерины по отношенію къ этому краю стала забытымъ преданіемъ, и даже возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ скользнуло лишь по поверхности ихъ восточныхъ братьевъ, не ожививъ въ послѣднихъ чувства народнаго единства.

Въ 63-мъ году въ послѣдній разъ „въ какомъ то роковомъ ослѣпленіи, съ безумiемъ отчаянія" рѣшились поляки гальванизировать этотъ трупъ. Безумные и ослѣпленные, они рѣшились рѣзать по живому русскому тѣлу.

Крикъ боли и негодованія вырвался изъ груди Аксакова, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ полной силой выразилъ сознаніе непререкаемости правъ русскаго народа на злосчастный западно-русскій край: „скорѣе рѣки потекутъ вспять, и Висла, вмѣсто Балтійскаго, побѣжитъ въ Черное море, прежде чѣмъ хоть одна пядь земли въ русскихъ областяхъ будетъ отдана нами во власть не русской народности!", твердо сказалъ Аксаковъ въ отвѣтъ на дерзкія посягательства.

Съ тѣхъ поръ западно-русское дѣло, какъ дѣло, въ которомъ заключена вся сущность вопроса, пріобрѣло въ Аксаковѣ самаго горячаго поборника, а высказанные имъ при этомъ съ такою силой краснорѣчія и убѣжденія взгляды дѣлаютъ его имя, вмѣстѣ съ именемъ М. Н. Муравьева, дорогимъ—особенно для западной Россіи—символомъ органическаго развитія страны и подъема мѣстныхъ здоровыхъ элементовъ, т. е. символомъ единственно разумнаго и достойнаго Россіи отношенія къ западно-русскому краю.

Положеніе, занятое западно-русскимъ народомъ, при первомъ обнаруженіи бунта, сразу рѣшило дѣло, но не упразднило вопроса; напротивъ, тамъ именно, гдѣ многіе близорукіе усматривали его конецъ, тамъ Аксаковъ видѣлъ лишь его начало. Польскій вооруженный бунтъ смиренъ самимъ-же западно-русскимъ народомъ. Это вызывало живую радость въ сердцѣ Аксакова: первое пробужденіе народнаго самосознанія выразилось такъ ярко и отрадно, подавало такія прекрасныя надежды на будущее. Но въ замѣнъ прежняго трупа польской государственности, все таки оставался *полонизмъ*, та сила, та стихія, съ которой нельзя бороться штыками и элементарными силами массы, гдѣ „необходима высшая сознательная дѣятельность народнаго духа... „Область же этой дѣятельности, по словамъ Аксакова есть именно то, что называется *обществомъ*, т. е. среда, гдѣ личное просвѣщеніе народныхъ единицъ, переставшихъ быть однородною массою, образуетъ новое сознательное единство, новую силу общественности". А есть ли у насъ эта сила, есть ли у насъ это русское общество"? (233), съ горечью долженъ былъ задать себѣ вопросъ Аксаковъ.—Польскій вопросъ, поднявъ западно-русское дѣло, велъ такимъ образомъ въ самую глубь русскаго общественнаго вопроса. Всю силу своего слова, мысли и чувства употребилъ Аксаковъ для пробужденія дремавшаго русскаго общества, и здѣсь онъ дѣйствительно явился народнымъ трибуномъ, народнымъ земскимъ богатыремъ, возставшимъ во всей своей необъятной мощи на защиту интересовъ земли и народа. На долю Аксакова выпадали въ этомъ случаѣ сладостныя минуты, когда подъемъ народнаго духа въ обществѣ сказывался сильно. Съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ онъ тогда его проявленіе! „Живъ еще въ насъ духъ нашей старины"! восклицалъ онъ по поводу заявляемой отовсюду готовности къ жертвамъ.—Но обнаружившійся съ небывалой до тѣхъ

порь силой подъемъ народнаго духа не могъ всетаки вполнѣ удовлетворить Аксакова. Его чуткое сердце не могло не замѣтить въ немъ главнымъ образомъ той привычной готовности идти на алтарь отечества жизнь и достояніе, отстоять его отъ вражескихъ посягательствъ въ честномъ бою, или со славою лечь костьми, готовности, въ которой онъ никогда не сомнѣвался и которой въ данномъ случаѣ не требовалось. Жизни и достоянія было мало; требовались умъ, совѣсть, воля и тяжелый упорный трудъ для достиженія духовнаго перерожденія, для оживленія въ себѣ старыхъ, забытыхъ или смутно сознаваемыхъ преданій. Но въ этомъ отношеніи наше общество невольно приводило Аксакову на память состояніе нашего военнаго арсенала наканунѣ крымской войны. Отвошеніе нашего общества къ правительственной власти напоминало слова, которыя народная пословица влагаетъ въ уста женѣ про мужа: „запалюсь за него—не боюсь никого"! „Точно такъ, говоритъ Аксаковъ, думало и поступало русское общество, опираясь на правительственную власть, считая себя достаточно обезпеченнымъ, избавленнымъ отъ безпокойнаго труда мысли, отъ дѣятельности чувства" (151).

Мм. гг.! Я боюсь утомить ваше вниманіе подробнымъ указаніемъ, какъ въ хронологической послѣдовательности выражалось отношеніе Аксакова къ занимающему насъ вопросу. Скажу только, что въ теченіе 21 года оно въ существѣ своемъ не измѣнилось: Аксаковъ не отступалъ отъ тѣхъ основныхъ положеній, на которыя я обращалъ ваше вниманіе—въ дѣлѣ западно-русскомъ онъ не сходилъ съ почвы общерусской, въ вопросѣ польскомъ (въ тѣсномъ смыслѣ)—съ почвы славянской. Но продолжительный срокъ не обнаруживалъ, къ сожалѣнію, несоотвѣтственности опасеній, тревожившихъ Аксакова еще въ началѣ 60-хъ годовъ, а неизмѣняемость положенія дѣлъ не могла не породить въ Аксаковѣ нѣкотораго чувства раздраженія, какое дѣйствительно замѣтно въ отношеніи къ польскому вопросу въ послѣдніе годы жизни покойника.

А положеніе дѣлъ дѣйствительно не измѣнилось.

Образумились ли поляки? Отвѣтомъ можетъ послужить то обстоятельство, что въ 1881 г. Аксаковъ считалъ нужнымъ написать статью на чрезвычайно, повидимому, странную тему: „Польскій ли городъ Кіевъ?" И если вспомнить, что извѣстный романистъ Крашевскій на своемъ юбилеѣ въ Краковѣ торжественно заявилъ, что современныя поколѣнія поляковъ не имѣютъ права отрекаться за будущія поколѣнія отъ притязанія на западно-русскія земли, не имѣютъ права лишать такого достоянія своихъ дѣтей и потомковъ (561), то станетъ ясно, что странная тема вызывалась самой жизнью. Въ 1883 г. Аксакову пришлось говорить о тайной программѣ польскаго противодѣйствія Россіи законными средствами. „Документъ этотъ, по словамъ Аксакова, не возбуждаетъ ни къ открытому возстанію, ни къ тайному мятежному заговору, даже не ласкаетъ польскую фантазію мечтами о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772. Но тѣмъ сильнѣе производимое имъ впечатлѣніе, тѣмъ ярче выступаетъ наружу вражда внутренняя, сосредоточенная, та вражда, которая пренебрегаетъ праздными фразами, не пылитъ, не кипятится по пусту, а уже перекипѣла, охладилась, овладѣла собой и болѣе чѣмъ когда либо непримирима" (611). Отсутствіе прямаго заявленія притязаній на западно-русскія земли еще однако не свидѣтельствовало о прямомъ отказѣ отъ нихъ. „Напрасно, говоритъ Аксаковъ, искали мы въ программѣ хоть бы слѣдъ признанія правъ русской народности въ нашемъ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ, хоть бы намекъ на отреченіе отъ этихъ беззаконныхъ притязаній, хоть бы попытку новой постановки польскаго вопроса, именно въ этнографическихъ предѣлахъ польскаго племени... Ничего подобнаго и тѣни—ни въ программѣ, ни въ жизни... Какъ ни достойны сочувствія, говоритъ по этому же поводу Н. С., любовь къ своему отечеству, своей народности и вѣрность старымъ преданіямъ; но если это „отечество" зиждется на неправдѣ, на угнетеніи и порабощеніи другихъ племенъ, если эта „любовь" и „вѣрность"—синонимы ненависти и вѣроломства относительно равноправныхъ племенъ, если патріотическое знамя поляковъ есть знамя неволи и плѣна для милліоновъ русскаго народа, то *никто, какъ сами поляки вынуждаютъ насъ*, даже съ насиліемъ нашей нравственной природы держать ихъ въ уздѣ и *исполнять относительно нихъ тяжкую обязанность сдинственнаго жандарма*" (618).

Эта небольшая выдержка вполнѣ доказываетъ, что прекрасныя чаянія, которыя Аксаковъ такъ открыто и горячо выражалъ въ началѣ 60-хъ годовъ, черезъ 20 лѣтъ должны были совершенно разсѣяться. Славянское чувство Аксакова, такъ страстно желавшаго прежде не усиренія славянской Польши, а примиренія ея съ славянскою Россіей, такъ горячо вѣрившаго въ возможность этого примиренія, должно было испытать горькое разочарованіе, а безумныя притязанія, то подразумѣваемыя, то нерѣдко съ безпримѣрной наглостью выражаемыя во всеуслышаніе, не переставали до послѣднихъ дней оскорблять его русское національное достоинство.

Еще болѣе горькое разочарованіе постигло Аксакова въ его надеждахъ на возрожденіе русскаго общества.

Аксакову не пришлось увидѣть признаковъ того тѣснаго единенія восточной и западной Россіи въ сознаніи и чувствахъ всего русскаго общества, единенія, котораго онъ такъ жаждалъ и на которое возлагалъ такія богатыя надежды: пришлось, напротивъ, горькимъ опытомъ убѣдиться, что безлушіе, апатія, лѣнь мыслить и дѣйствовать въ одномъ направленіи, формализмъ и та особенно возмутительная „деликатность" и „гуманность", которыя, вовсе не проникая собой всей природы человѣка, являются лишь такъ, „для большихъ оказій", вродѣ раздушеннаго

носоваго платка, употребляемаго только при фракѣ и въ гостиной—что все это вовсе не исчезаетъ безслѣдно, что „новѣйшее фальшиво-либеральное и еще болѣе фальшиво-гуманное направленіе нашей интеллигенціи" мало подаютъ надежды на усиленіе русскаго національнаго чувства и самосознанія.

Въ 64-мъ году Аксакова томили особенно мрачныя думы. „Всякое великое общественное дѣло въ другихъ странахъ, говоритъ онъ, высылаетъ обыкновенно впередъ себя—молодую, горячую, одушевленную дружину, которой принадлежитъ начинаніе и за которой вслѣдъ идетъ уже болѣе спокойная и разсудительная сила зрѣлаго возраста... но у насъ, во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, волновавшихъ жизнь нашу въ послѣднее время, ни впереди, ни сзади насъ не было и нѣтъ этой смѣлой, отважной, благородной дружины, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣятелей. Кто въ этомъ виноватъ—это вопросъ особый—но во всякомъ случаѣ очень уже трудно дѣйствовать тому обществу, у котораго главный доспѣхъ—благородный энтузіазмъ молодежи—обрѣтается въ отсутствіи"... (357). Такъ было въ 64-мъ году.

Будемъ вѣрить и уповать, что четверть вѣка для насъ не прошла даромъ, что теперь, когда съ выходомъ въ свѣтъ сочиненій И. С., его слова пріобрѣтаютъ значеніе предсмертныхъ завѣтовъ русскому обществу и въ лицѣ представителей зрѣлаго возраста и молодежи, они не останутся лишь гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а найдутъ живой отголосокъ во всѣхъ сердцахъ!

Западная Русь по прежнему остается открытой ареной для всякаго рода дѣятельности. Пусть устремляется туда молодая Русь, пусть явитъ она тамъ доказательства гражданской доблести и зрѣлости, пусть подыметъ и оживитъ она мѣстныя молодыя силы и поставитъ ихъ рядомъ съ собой для дружной энергической работы, пусть опирается она, какъ на крѣпкій оплотъ, на чувство живаго національнаго самосознанія всего русскаго общества, пусть все сильнѣй и сильнѣй пробуждается въ этомъ обществѣ интересъ къ западной Руси, пусть выразится онъ основаніемъ *здѣсь*, въ *центрахъ*, изданій, спеціально посвященныхъ ея жизни, пусть дружно закипитъ работа, пусть въ душѣ русскаго общества непрестанно раздается призывъ славнаго сына Русской земли, обращенный къ ней въ трудную минуту ея жизни: „Выдвигайся же, русская земля, вызывай изъ глубины твоихъ нѣдръ всѣ твои потаенныя богатства, всѣ ключи живой цѣлебной воды, и не однихъ только богатырей

Изъ странъ далекихъ,
Отъ осьми твоихъ морей,
Со степей, равнинъ широкихъ

скликай ты, какъ 1812 г., не одинъ только внѣшнія и вещественныя силы, но силы русскаго духа, русской мысли и слова!"... и тогда польскій вопросъ упразднится, войдетъ въ рамки, опредѣленныя ему ходомъ исторіи, законами справедливости и перестанетъ навсегда оскорблять русское чувство, тревожить русскую совѣсть.

Послѣ небольшаго перерыва, О. Ѳ. Миллеръ прочиталъ телеграмму, полученную отъ высокопреосвященнѣйшаго Михаила, митрополита серѳскаго, слѣдующаго содержанія:

„Подвижникъ добра св. Кириллъ да поможетъ вамъ исполнять благое завѣщаніе его во славу Божію и на пользу народа".

Затѣмъ онъ же, О. Ѳ. Миллеръ, произнесъ рѣчь:

И. С. Аксаковъ и свобода слова.

Послѣдніе дни января навсегда останутся скорбными днями въ памяти русскаго народа. Двадцать седьмаго числа не стало въ прошломъ году И. С. Аксакова. Двадцать осьмаго скончался тому шесть лѣтъ Ѳ. М. Достоевскій. Двадцать девятаго палъ отъ руки того чужеземца, который „не понималъ, на что у него поднялась рука", нашъ великій народный поэтъ, только что помянутый нами въ 50-лѣтнюю скорбную его годовщину. Пушкина въ настоящее время никто уже не считаетъ представителемъ одного такъ называемаго чистаго искусства. Мы поняли, наконецъ, что при совершенствѣ художественной формы, онъ является также и представителемъ лучшихъ стремленій русскаго общества, поэтическимъ органомъ нашего народнаго самосознанія. Онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ подъ конецъ своей преждевременно-оборвавшейся жизни, что въ „свой жестокій вѣкъ онъ возславилъ свободу". Онъ понималъ ее въ широкомъ общечеловѣческомъ смыслѣ, понимая ее въ смыслѣ русскомъ и всеславянскомъ. Вѣчная слава Пушкину, что и при тогдашнемъ, томительномъ для добраго гражданина, внутреннемъ положеніи Россіи, онъ не разочаровался въ ея міровомъ призваніи и чутко понялъ, что именно съ нимъ то и связывается ненависть къ Россіи ея европейскихъ „клеветниковъ". Его знаменитое, противъ нихъ направленное стихотвореніе, такъ плохо многими понятое, не потеряло своего значенія и теперь, хотя многое въ немъ, разумѣется, при новѣйшихъ успѣхахъ нашего народнаго самосознанія, требуетъ поясненій, оговорокъ и даже поправокъ.—Не мало толковъ было въ свое время возбуждено и не разъ опять возбуждалось короткимъ и яснымъ положеніемъ Пушкина:

Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ
морѣ,
Оно ль изсякнетъ, вотъ вопросъ?

Всестороннимъ истолкователемъ этого положенія явился уже подъ конецъ своей жизни И. С. Аксаковъ. Приномнимъ слова его въ „Руси" 15 марта 1884 г.

...Стихъ сказанъ поэтомъ въ отвѣтъ на гремѣвшія тогда въ Европѣ польскія и французскія діатрибы о томъ, что Россію слѣдуетъ выключить изъ міра славянскаго, оттѣснить въ Азію, и такъ далѣе. Да и теперь не такія ли же раздаются подчасъ, за нашимъ рубежомъ рѣчи, съ тою разницею, что славянскіе ручьи хотятъ направить въ *австрійское море*, подъ видомъ федераціи съ

нѣмцемъ во главѣ, нѣмецкимъ объединяющимъ языкомъ и съ римскимъ папой—во главѣ Церкви!

Николаа Пушкинъ не имѣлъ въ виду уничтоженія славянскихъ племенныхъ индивидуальностей, а только совокупленіе ихъ силъ для міроваго значенія славянства—черезъ Россію. Мы подчеркиваемъ эти слова, видя въ нихъ исповѣданіе и самаго И. С. Аксакова и всего вообще славянофильства, и считая особенно нужнымъ налегать на это. Въ Черное море, напримѣръ, поэтически поясняетъ Аксаковъ, остававшійся истиннымъ поэтомъ и въ своемъ качествѣ публициста, впадаютъ рѣки—Дунай, Днѣстръ, Днѣпръ, Бугъ, Донъ, протекающія каждая свыше тысячи, а нѣкоторыя и по нѣсколько тысячъ верстъ. Уничтожается ли, чрезъ впаденіе въ море, ихъ рѣчная жизнь, самостоятельность и значеніе, со всѣмъ ихъ долгимъ, долгимъ побережьемъ? Не черезъ море ли напротивъ входятъ они въ общеніе со вселенной и достигаютъ міроваго значенія? Вотъ что, вѣроятно, представлялось поэту".

Слова Пушкина о „повергнутомъ нами въ бездну кумирѣ, тяготѣвшемъ надъ царствами", слова, которыя, пожалуй, смущали насъ менѣе, чѣмъ слова о „русскомъ морѣ", скорѣе должны теперь представляться „побѣжденною точкою зрѣнія". Война 12-го года, конечно ни на волосъ не приблизила насъ къ рѣшенію славянскаго вопроса, а скорѣе насъ отъ него удалила. „Кумиръ, тяготѣвшій надъ царствами" — т. е. по преимуществу надъ враждебными намъ и нашему историческому призванію, могъ бы не отяготѣть надъ нами самими, а только содѣйствовать намъ, если бы мы не отказывались отъ союза съ нимъ, ради того, что возникъ-то онъ не на основахъ такъ называемаго легитимизма. Погодинъ вѣдь не даромъ сказалъ: „условія, предложенныя Наполеономъ I, вѣрно были бы легче условій Наполеона III, подъ Севастополемъ. Если бы приняты были первыя, то судьбы европейскія были бы иныя. Севастополь вѣрно красовался бы на берегахъ Чернаго моря и двѣ страшныя войны не облили бы кровью Европы" *). Война 1812 г. окончательно сблизила насъ именно съ тѣми, кто всегда былъ, есть и будетъ главнѣйшимъ врагомъ славянства. Она насъ втянула въ тотъ „священный союзъ", результаты котораго, конечно, не представляются намъ теперь такими, чтобы можно было согласиться съ поэтомъ, будто бы мы явились послѣ 1812 года искупителями „европейской и вольности, чести и мира". Ни европейской, ни нашей собственной чести и вольности мы конечно тогда не стяжали, и стяжали развѣ такой миръ, который могъ бы послужить опроверженіемъ извѣстной пословицы о „худомъ мирѣ и доброй ссорѣ". Программой священнаго союза, какъ извѣстно, вскорѣ послужила та Меттерниховщина, которая ведетъ къ угнетенію народностей, оказывавшемуся, можетъ быть, и нужнымъ для тогдашней Австріи, но идущему въ разрѣзъ съ освободительнымъ призваніемъ Россіи въ славянскомъ мірѣ. Не даромъ противъ этой Меттерниховщины возставалъ еще въ свои юные годы Ѳ. М. Достоевскій, которому, по его собственному свидѣтельству, и вмѣнены были тогда въ вину его слова о томъ, что „Россія служитъ политикѣ Меттерниха". Но вѣдь ему въ то время, т. е. въ 1849 г., вмѣнялось въ вину и то, что онъ восторженно повторялъ призывъ Пушкина:

Увижу ли народъ неугнетенный,
И рабство падшее по манію Царя!

Сочувствуя и теперь сущности упрековъ Пушкина нашимъ „Клеветникамъ", мы не можемъ, однако же, повторить его словъ къ нимъ:

Вы сильны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ!

Мы успѣли уже услыхать не мало такихъ „словъ", которыя перешли за тѣмъ, да еще съ какою силою, въ дѣло; намъ пора, наконецъ, считаться и со *словами*, т. е. съ общественнымъ мнѣніемъ—чужимъ и своимъ домашнимъ. Изъ за „измаильскаго штыка", котораго, конечно, не приходится нашему богатырю сдавать въ арсеналъ, намъ видится въ настоящее время *идея* той великой борьбы, которая у насъ впереди. По прежнему сознавая, что значитъ поднимающаяся по одному мановенію руки надъ громаднымъ тѣломъ Россіи стальная щетина, мы, однако, должны, для предстоящей намъ великой борьбы, стремиться и къ тому единству духа, которое только и можетъ доставить окончательную побѣду въ такой борьбѣ. Намъ надо, чтобы на всемъ этомъ необъятномъ пространствѣ заговорило одно чувство, одно непоколебимое сознаніе своей народной идеи, одно стремленіе рѣшить свою міровую задачу. Не даромъ же Аксаковъ говорилъ еще въ „Днѣ" 12 декабря 1864 г.:

„Перечисляя своихъ сосѣдей, своихъ могучихъ союзниковъ или недруговъ, Россія, кромѣ 4-хъ великихъ державъ западной Европы... должна признавать по отношенію къ себѣ еще пятую великую державу *)—именно *общественное мнѣніе Европы*, державу могущественную и наиболѣе намъ враждебную... Но какъ бороться съ этимъ могуществомъ? Противъ него нельзя выслать ни конницы, ни пѣхоты, ни артиллеріи, его не достанешь ни штыками, ни ядрами; его не уловишь въ дипломатическія сѣти.—его не побѣдишь никакою государственною мощью, потому что область его дѣйствованія нисколько не государственная, и орудія его не вещественныя... Въ томъ и состоитъ особенность нашего времени, что враждующія между собою державы въ Европѣ выставляютъ теперь другъ противъ друга непремѣнно знамя какой-либо *идеи*... стараются цѣлить преимущественно не въ амбразуры или бреши каменныхъ твердынь, а въ *слабыя стороны соціальнаго устройства, народной нравственности и общественнаго развитія*". Аксаковъ постоянно и напоминалъ намъ о неотложныхъ вопросахъ внутреннихъ,

*) Русскій Архивъ—1871 г., стр. 1142.

*) Теперь бы пришлось сказать шестую.

о невозможности ихъ отдѣлять отъ вопросовъ внѣшнихъ, о томъ, что политическое могущество прочнымъ образомъ зиждется только на гражданскомъ преуспѣяніи. „Для отраженія враговъ, продолжалъ онъ, теперь уже недостаточны ни огромныя войска, ни неприступныя укрѣпленія, ни мониторы, ни стальныя ядра... Но необходимы въ особенности *куттія убѣжденія, свободно горящій и свободно творящій духъ жизни, щитъ нравственной идеи, орудія духовныя—мысль, слово, печать.*

Извѣстно, что онъ проводилъ въ своемъ „Днѣ" идею рѣшительнаго, разъ на всегда, освобожденія мысли и слова, освобожденія въ такихъ размѣрахъ, съ такой широтой, какихъ мы не видимъ нигдѣ, но которые представлялись ему вполнѣ соотвѣтствующими качествамъ и историческимъ отношеніямъ къ верховной власти русскаго народа, никогда не стремившагося забрать въ свои руки власть, но постоянно глядѣвшаго на нее, какъ на такое средство для достиженія общаго блага, которое вѣрно дѣйствуетъ только при помощи прямаго и откровеннаго народнаго голоса. Въ свободѣ мысли Аксаковъ видѣлъ не политическую привилегію, а Богомъ дарованное человѣку право.

„Мысль, слово! восклицаетъ онъ въ „Днѣ" 1863 г. Эта неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное. Безсмысленны и безсловесны только скоты,—и только разумъ, иначе—слово, уподобляетъ человѣка Богу... Если вы требуете отъ человѣка содѣйствія, помощи, услуги, разумной покорности и исполнительности, дайте ему прежде всего возможность быть человѣкомъ, т. е. право мыслить и говорить, а не превращайте его въ скотоподобное, безсловесное и бессмысленное существо... Стѣсненіе печати есть стѣсненіе жизни общественнаго разума,—оно парализуетъ всѣ духовныя отправленія общества, осуждаетъ всѣ его дѣйствія на безсиліе, удерживаетъ общество въ вѣчной незрѣлости... Государство не въ правѣ требовать отъ общества никакой гражданской доблести, никакой помощи и содѣйствія, если духовная жизнь общества поражена такимъ духовнымъ гнетомъ"...

Вспомнимъ, какъ своеобразно былъ олицетворенъ этотъ гнетъ въ исходѣ сороковыхъ годовъ старѣйшимъ представителемъ славянофильства, Хомяковымъ, въ образѣ Навуходоносора, который самъ наконецъ превращенъ былъ Богомъ въ безсловесную тварь за то, что

Онъ губилъ ожесточенно
Наши вѣчныя права:
Слово—Божій даръ священный,
Разумъ—лучъ отъ Божества!

Гнетъ надъ мыслію представлялся ужаснѣйшимъ святотатствомъ и современному намъ даровитому поэту съ русскимъ же складомъ духа, когда онъ воскликнулъ:

Вѣдь наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, кто властенъ вихрю въ степи
И солнцу въ небѣ запретить *).

*) Стихи графа А. А. Голенищева-Кутузова.

Всю свою жизнь стойко проводилъ свою завѣтную мысль о свободѣ словъ нашъ незамѣнимый Иванъ Сергѣевичъ, проводилъ и послѣ неоднократныхъ за то взысканій съ него, послѣ того удаленія изъ Москвы, которое было слѣдствіемъ его извѣстной рѣчи 1878 г. Получивъ, наконецъ, возможность издавать свою „Русь", онъ постоянно указывалъ въ ней на то, что именно въ пору послѣдовательныхъ съ него взысканій и развивалась и крѣпла подпольная пропаганда, сопровождавшаяся такими ужасными дѣйствіями. Тутъ же указывалъ онъ и на ея глубокій корень, скрывающійся въ томъ, что только таилось и озлобленно накоплялось у насъ за всю пору, предшествовавшую преобразованіямъ, пору, отличавшуюся полнѣйшимъ цензурнымъ терроромъ. Вспомнимъ, что говорилъ Аксаковъ въ „Руси" 4 сентября 1882 г.

„Цензура, да и вся система цѣлаго тридцатилѣтія усердствовала, вопреки слову Евангелія, въ искорененіи плевелъ ранѣе жатвы, и, разумѣется—исторгала, главнымъ образомъ, пшеницу, обрушивалась всѣмъ своимъ гнетомъ на людей, истинно просвѣщенныхъ и честныхъ: иначе и быть не могло. Это было ужасное время. Мы его помнимъ, мы его пережили. Не много, утверждалъ Аксаковъ, было молодаго преувеличенія въ слѣдующихъ стихахъ, относящихся къ 1850 г.:

И слово правды оробѣло,
И рѣже шепотъ честныхъ думъ!
И сердце въ насъ одебелѣло,
Порывовъ нѣтъ, въ забвеньи дѣло,
Спугнули мысль, сталъ праздникъ умъ!

Система, поясняетъ онъ, привела, наконецъ, къ севастопольскому разгрому и парижскому миру".

Особенно внушительно, казалось бы, было то, что говорилъ онъ въ „Москвѣ" 6 апрѣля 1868 г.

„Можно смотрѣть на печать, какъ на силу враждебную, отъ которой слѣдуетъ всячески отгораживаться и отчуряться. Можно ласкать себя надеждою, что достанетъ умѣнья и власти сдавить человѣческую мысль и выраженіе ея въ словѣ, закупорить ее какъ въ сосудѣ и выпускать какъ паръ, по мѣрѣ казенной надобности и черезъ штемпелеванные клапаны . . . . . .

Можно, напротивъ того, относиться къ печати, какъ къ силѣ союзной, какъ къ вѣрнѣйшему проводнику свободнаго общественнаго мнѣнія—какъ къ сокровищницѣ мысли и ума милліоновъ, восполняющей неизбѣжную скудость единичнаго ума и мысли въ правителяхъ. Можно признавать свободу слова не только не зломъ, хотя-бы необходимымъ, а величайшимъ вожделѣннымъ благомъ, безъ котораго также немыслимы жизнь и нормальное развитіе человѣческихъ обществъ, какъ немыслимы безъ воздуха жизнь духа и нормальное развитіе физической природы человѣка".

На печать, какъ на союзную силу, и въ самомъ дѣлѣ смотрѣли у насъ въ лучшую пору того, во вѣки незабвеннаго царствованія, которому обязаны мы, вмѣстѣ со столь-

кимъ другимъ, и извѣстнымъ просторомъ для нашей общественной мысли. Не печать-ли, во время польскаго возстанія 1863 г., сослужила государству такую внушительную для запада службу? Не она ли дружно поддерживала при самомъ различіи направленій, сущность великихъ преобразованій Александра II, измѣнившись только въ позднѣйшую пору въ лицѣ немногихъ своихъ представителей, такъ позорящихъ ее нынѣ своими безумными укорами той великой страдальческой тѣни, которая, казалось-бы, прежде всего должна бы была имъ внушать: да развѣ смѣли бы вы такъ относиться ко Мнѣ безъ Меня же вамъ и дарованнаго права слова?

На печать, какъ на благую силу, прямо указывало въ свое время и то вѣдомство, которому принадлежать непосредственныя сношенія съ иностранными державами: „не читали ли мы, говорилъ Аксаковъ, въ послѣднемъ № „Москвича" 1867 г., отзывъ канцлера имперіи въ депешѣ на имя генерала Игнатьева, обнародованный въ числѣ прочихъ, что въ Россіи можно свободно выражать мнѣніе о дѣйствіяхъ нашей политики и даже лично самаго князя Горчакова? *„Я предпочитаю нападки порабощенію мысли"*, говоритъ князь Горчаковъ—порабощенію, которое не соотвѣтствуетъ реформамъ, вводимымъ нашимъ августѣйшимъ монархомъ. Успѣхъ ихъ весьма много зависитъ отъ сознанія своего собственнаго достоинства тѣми, которые призваны привести указанныя реформы въ исполненіе, *но подобное сознаніе не можетъ возникнуть тамъ, гдѣ подавляется мысль"*.

Не грѣхъ бы было, повидимому, и въ наше время послѣдовать внушительному примѣру знаменитаго канцлера. Когда, послѣ какой нибудь газетной статьи или рѣчи, произнесенной въ собраніи какого нибудь общества, спѣшатъ куда слѣдуетъ со своими жалобами представители тѣхъ странъ, гдѣ преблагополучно печатаются всякія, въ пушкинскомъ смыслѣ, „клеветы" на Россію, то чего бы проще, казалось бы, отвѣчать имъ на такую смѣлость: „вѣдь общество пользуется и у насъ невозбраннымъ правомъ свободно выражать свою мысль". Съ такимъ открыто признаннымъ правомъ стали бы, разумѣется, считаться за моремъ,—и силы у Россіи, конечно, отъ того бы прибыло.

При полной свободѣ слова могла бы, наконецъ, выясниться передъ цѣлымъ міромъ и историческая наша *идея*—то, безъ чего никогда не можетъ намъ достаться окончательная побѣда. При свободѣ слова стало бы, наконецъ, ясно, какъ день, что наше историческое призваніе — въ вѣрномъ служеніи народу, *самому* народу, какъ выражался Аксаковъ, тому, кто составляетъ у насъ на Руси небывалое нигдѣ большинство, тому, кто и въ цѣломъ славянскомъ мірѣ рѣшительно долженъ преобладать на томъ уже простомъ основаніи, что все, стоящее въ этомъ мірѣ надъ самимъ народомъ, измѣнило завѣтамъ родной исторіи, въ томъ или другомъ смыслѣ увлечено чужбиной. И въ этомъ, должно быть, сказался особый историческій промыслъ. Не даромъ же говорилъ Хомяковъ: „если есть какая нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви и правды, и добра не призракъ, а сила живая и не умирающая, зародышъ будущей жизни міровой,—не германецъ, аристократъ и завоеватель, а славянинъ, труженикъ и разночинецъ, призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію" *).

Стоило бы намъ лишь открыто провозгласить себя живымъ органомъ того міроваго служенія, о которомъ говорилъ Хомяковъ, и мы разомъ бы выросли въ общественномъ мнѣніи Европы и стали бы неодолимо грозны для европейскихъ державъ. Умолкли бы всякія задорныя „клеветы",—и все бы преклонилось предъ нами, какъ настоящею, еще небывалою въ мірѣ силою.

Вѣдь намъ надобно только, какъ выражался Аксаковъ, перестать, наконецъ, *„трусить* свободы". Надо только понять, что отъ злоупотребленій свободы, сказывающихся оттого, что, дорвавшись, наконецъ, до нея послѣ долгаго гнета, люди теряютъ голову,—спасеніе въ той же свободѣ, въ широкомъ просторѣ для каждаго честнаго убѣжденія, для открытой борьбы со зломъ живыхъ общественныхъ силъ. Исторія вѣдь не ждетъ, она высылаетъ намъ на встрѣчу неотложныя, настоятельныя задачи, задачи, для которыхъ потребуются люди, живые люди съ горячей душой. Вѣдь съ однимъ умершимъ заживо далеко не уйдешь; вѣдь чтобы имъ встрепенуться, понадобится слово воскресенія,—но оно же опять есть и слово свободы!

Сознавая и въ самую темную нашу пору, что она—это „предѣлъ, его же не прейдеши", не унывавшій никогда Хомяковъ не даромъ же вѣдь и началъ и кончилъ свою пѣснь о Навуходоносорѣ живящимъ призывомъ:

Пойте, други, пѣснь побѣды,
Пойте! Свова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

Послѣ рѣчи О. Ѳ. Миллера, покрытой громкими рукоплесканіями, хоръ пѣвчихъ исполнилъ двѣ пѣсни великаго канона: а) „Утверди Господи" и б) „Услыша пророкъ".

Въ заключеніе г. секретарь прочиталъ слѣдующую статью проф. К. Н. Бестужева-Рюмина

И. С. Аксаковъ.

Кому не случалось въ послѣднее время и слышать и читать, будто нынѣ уже не нужны такіе выразители такъ называемыхъ славянофильскихъ воззрѣній, какія были еще недавно и послѣдняго изъ которыхъ мы еще такъ недавно лишились, — потому, говорятъ, они уже не нужны, что мысли ихъ сдѣлались общимъ достояніемъ. Въ этихъ словахъ есть нѣкоторая доля правды: въ нашемъ обществѣ почти уже не слышится такихъ грубыхъ насмѣшекъ надъ этими воззрѣніями, которыя такъ обычны были лѣтъ тридцать тому назадъ, того частію простодушнаго, частію намѣреннаго непониманія, которое можно

*) Соч. Хомякова, т. III, стр. 107—8.

найти на страницахъ старыхъ журналовъ; въ наше время привыкли говорить о великихъ дѣятеляхъ этого направленія съ нѣкоторымъ уваженіемъ: хотя нерѣдко пишущіе и говорящіе указываютъ или намекаютъ, что будто бы воззрѣнія эти нережитой уже моментъ развитія, будто бы принявшаго въ себя все, что было въ нихъ лучшаго и отвергшаго все то, что было въ нихъ преувеличеннаго. Если бы это и было въ дѣйствительности, и тогда нельзя было считать лишнимъ и неумѣстнымъ голосъ глубоко убѣжденнаго человѣка, который при всякомъ случаѣ призывалъ бы къ сознанію, который указывалъ бы обществу на его обязанности. Допустимъ хоть на минуту, что значеніе этихъ лицъ не болѣе значенія представителей всякихъ другихъ воззрѣній, и тогда грустно думать, что замолкли въ литературѣ всѣ до одного вліятельные голоса этого направленія, замолкли потому, что ихъ уже нѣтъ между нами; но направленіе это не можетъ идти въ ряду другихъ направленій: оно имѣетъ иное, высшее значеніе. Представители этого направленія не были ни исключительно учеными, ни исключительно публицистами. Для нихъ и наука и журналистика служили средствами: они искали духа жизни, стремились къ жизни духа; каждый изъ нихъ могъ бы повторить гордыя слова величайшаго нашего поэта:

„И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа".

Они сами искали духъ жизни и призывали къ этому исканію и общество, они сами стремились къ жизни духа и въ обществѣ будили то же стремленіе.

Возвышенна дѣятельность ученаго, который можетъ и съ каѳедры и въ писаніяхъ своихъ воспитывать цѣлыя поколѣнія, будить въ нихъ интересъ къ знанію, направлять на прямой путь, но цѣль ученаго все-таки наука; у него на пути лежитъ много препятствій, которыя онъ долженъ отстранить и самъ, и къ отстраненію которыхъ онъ долженъ направлять силы своихъ учениковъ: онъ посвящаетъ много времени и силъ изысканіямъ, которыя, хотя и служатъ къ разъясненію главной мысли, если мысль такая у него есть, но которыя не ведутъ преимущественно къ ея установленію. Велика роль публициста, но велика она только въ рукахъ людей убѣжденныхъ, считающихъ свое дѣло лишь средствомъ для проведенія идеи, думающихъ не о томъ, чтобы удовлетворить любопытство публики, а о томъ, чтобы прочнѣе укрѣпить въ сознаніи ея то, что ясно представляется ихъ сознанію. Такихъ публицистовъ мы имѣли въ великихъ представителяхъ славянофильскихъ воззрѣній, такими въ особенности былъ послѣдній изъ нихъ, горе объ утратѣ котораго еще такъ свѣжо въ насъ. Сегодня собрались мы снова приномнить высокую дѣятельность этого, такъ рано ушедшаго „крѣпкаго стоятеля за русскія начала". Начала эти Аксаковъ выражалъ не въ философскихъ трактатахъ, а въ журнальныхъ статьяхъ, преимущественно политическихъ, направленныхъ противъ разныхъ ученій, появившихся въ литературѣ и жизни во время его журнальной дѣятельности. Время, когда онъ выступилъ на поприщѣ журналистики, было, какъ всѣ еще помнятъ, время наиболѣе возбужденное, время, предшествовавшее великому акту 19 февраля и непосредственно за нимъ слѣдовавшее. Какихъ только ученій ни появлялось въ это время и въ печати и въ разговорахъ и наконецъ въ самой жизни. Слышалась то проповѣдь безграничнаго либерализма, то систематической бюрократіи, то раздавался голосъ „Вѣсти" съ ея олигархическими попытками, съ ея стремленіемъ связать все дворянство имперіи, несмотря на народность, въ нѣчто цѣлое, то навязывалось робко въ печати, но рѣшительнѣе въ разговорахъ, крайнее направленіе, горькіе плоды котораго мы увидали позднѣе. Всему этому противодѣйствовалъ Аксаковъ, на все онъ находилъ отвѣтъ, твердо стоя на цѣльномъ, не поддающемся никакимъ внушеніямъ, не знающемъ никакихъ уступокъ воззрѣніи. Перечитывая вышедшіе тома его сочиненій, и въ особенности второй, въ которомъ собраны руководящія статьи, имѣвшія цѣлью выразить и защитить главныя основныя его воззрѣнія, нельзя не удивляться связности этихъ воззрѣній. Позволю себѣ въ краткихъ словахъ остановиться на ихъ особенностяхъ. Нѣтъ нужды, конечно, говорить, что не лично принадлежали они И. С. Аксакову, что они выработаны общими трудами всѣхъ представителей того направленія, которое мы привыкли звать славянофильскимъ. Въ нашемъ Славянскомъ Обществѣ воззрѣнія эти живутъ, оно является той средой, которая приняла на себя ихъ храненіе и распространеніе, и потому для насъ они не составляютъ новости; но чѣмъ же лучше помянуть оставившаго насъ бойца мысли и слова, какъ не благоговѣйнымъ повтореніемъ того, что составляло главное содержаніе всей его жизни, осуществленіе чего было завѣтною цѣлью всѣхъ его надеждъ.

Когда прочтешь второй томъ Аксакова, то кажется, будто имъ сказанное есть только развитіе божественнаго слова: „Ищите же прежде всего царствія Божія и правды его и сія вся приложатся вамъ". Читая, вы на каждой страницѣ убѣждаетесь въ томъ, что внѣшнее, все, за чѣмъ такъ гонятся люди, есть только приложеніе, есть нѣчто несущественное, что только внутреннее духовное содержаніе даетъ смыслъ и значеніе внѣшнимъ дѣйствіямъ и отдѣльнаго человѣка и общества. Вотъ почему въ началѣ восточной войны, когда большая часть общества въ кичливомъ самомнѣніи гордилась внѣшнимъ могуществомъ, а другая ждала тоже внѣшнихъ обновленій отъ неудачъ, Хомяковъ взывалъ не къ патріотическому самодовольству, а къ покаянію, сознавая, что духовное очищеніе есть начало всякаго блага. Вотъ почему вопросъ религіозный былъ положенъ первыми славянофилами въ основу ихъ воззрѣній, вотъ почему и Кирѣевскій, и Хомяковъ, и Самаринъ такъ много углублялись въ богословскіе вопросы, обыкновенно столь чуж-

дые нашему обществу, вотъ почему и Достоевскій считалъ религіозное дѣятельное чувство основою общественнаго преуспѣянія.

Вотъ почему и Аксаковъ обращается къ личной совѣсти каждаго съ слѣдующими замѣчательными словами: „пусть каждый изъ насъ строго допроситъ себя и по совѣсти дастъ отвѣтъ. Пусть каждый въ общемъ грѣхѣ, въ общемъ недугѣ признаетъ за сообою свою долю вины; пора перестать, какъ это дѣлалось прежде, сваливать всю вину на одно правительство и отъ одного правительства чаять спасенія". Придавая такое значеніе личному сознанію, личной совѣсти, Аксаковъ не могъ, конечно, дорожить внѣшними учрежденіями и искать выхода изъ затрудненій въ такихъ или другихъ мѣрахъ: онъ ясно сознавалъ и не разъ повторялъ, что Англія возвысилась не по своимъ законамъ, а несмотря на нихъ; примѣръ Франціи краснорѣчиво говоритъ за то, что внѣшнія измѣненія не затрогиваютъ внутренней сущности: и въ республикѣ, какъ и при императорѣ или конституціонномъ королѣ, Франція оставалась сама собою. Внѣшняго патріотизма не мало у насъ: еще давно замѣчено, что русскіе люди умѣютъ умирать за Россію, но не умѣютъ жить для нея. Славянофилы ясно сознавали, что нашъ народъ чрезвычайно даровитъ, что въ немъ живы народныя основы; но не то замѣчается въ русскомъ образованномъ человѣкѣ. стало быть чего то недостаетъ, чего то слѣдуетъ добиваться и искать: вина всего заключается, по ихъ совершенно справедливому мнѣнію, въ безнародности нашего образованнаго общества. Обществу и его значенію Аксаковъ посвятилъ нѣсколько краснорѣчивыхъ статей въ „Днѣ". „Общество—по глубокомысленному его замѣчанію—есть та среда, въ которой совершается сознательная, умственная дѣятельность народа, которая создается всѣми духовными силами народа, разрабатывающими народное самосознаніе". Слѣдственно, тѣ начала, которыя безсознательно существуютъ въ народѣ, должны быть приведены въ сознаніе. Словомъ, долженъ совершиться тотъ же процессъ, который теперь уже совершился въ русской художественной литературѣ: двинутая мощною рукою Пушкина, она все глубже воспринимала въ себя народныя начала, все болѣе и болѣе проникалась народнымъ духомъ. Европа почуяла это и съ любопытствомъ и уваженіемъ взглянула на это новое и необычное явленіе: недавно еще Александръ Дюма, какъ разсказываетъ Аксаковъ, говорилъ Тургеневу, что онъ русскій писатель, ибо французскій языкъ такъ распространенъ въ Россіи, что по русски и писать перестанутъ. Возможно ли въ наши дни повтореніе этой нелѣпости, когда на всѣ лады твердятся стихъ Вольтера:

C'est du Nord au jourd'hui
Que nous vient la lumière".

Тоже должно совершаться и въ другихъ сферахъ: „постиженіе народной мысли личнымъ сознаніемъ, говоритъ Аксаковъ, есть уже новая ступень въ жизни народной,—народное *самосознаніе*. Это самосознаніе совершается въ обществѣ". Государственная форма создается въ самомъ началѣ народной жизни, когда общества еще нѣтъ: „не выражаетъ ли государство народнаго самосознанія,—продолжаетъ Аксаковъ—нѣтъ, оно есть внѣшнее опредѣленіе, данное себѣ народомъ; дѣятельность его, т. е. государства, и сфера его дѣятельности чисто внѣшнія". К. С. Аксаковъ сравнивалъ государство съ корою на деревѣ. При этомъ понятно, почему правы славянофилы, признающіе за государствомъ полноту внѣшней власти. а оставляющіе обществу сферу мнѣнія, почему наконецъ общество въ ихъ понятіи не есть политическая организація, почему они отрицаютъ необходимость антогонизма между обществомъ и государствомъ. Представляя собою цвѣтъ народа, его духовную силу, общество необходимо должно быть образовано, характеръ этого образованія такъ опредѣляетъ Аксаковъ: „оно принимается нами не въ смыслѣ извѣстнаго количества познаній, не въ смыслѣ одного умственнаго образованія, а въ значеніи личнаго духовнаго развитія. такого развитія, при которомъ личность, поглощаемая до сихъ поръ въ народѣ и несуществующая изъ немъ *сама по себѣ*—обрѣтаетъ себя вновь, ощущаетъ себя, какъ *единицу* народную, разрѣшаетъ плѣнъ непосредственнаго бытія (подобно тому, какъ пускаемый зерномъ ростокъ пробиваетъ поверхность зерна) и получаетъ возможность постиженія мысли народной личнымъ сознаніемъ". Обезнароденіе нашего общества, печальное послѣдствіе необходимаго историческаго процесса, болѣе всего озабочиваетъ Аксакова. Таковъ смыслъ всѣхъ его нападеній на петровскую реформу. Историкъ знаетъ, что эта реформа вызвана была необходимостью, что она совершилась при условіяхъ и средствами своего времени, историкъ знаетъ, что если бы вмѣсто Петра восторжествовала Софія и Голицынъ, реформа была бы тоже совершена, хотя можетъ быть нѣсколько иъ иномъ направленіи: вмѣсто примѣра протестантскихъ странъ, Россія могла быть увлечена примѣромъ католическихъ. Было ли бы лучше—это еще вопросъ. Рѣзкость реформъ объясняется и личнымъ характеромъ и состояніемъ общества и наконецъ получаетъ историческое оправданіе въ томъ внѣшнемъ могуществѣ, которое ими создалось; но своими послѣдствіями онѣ во многомъ тяготятъ насъ: имъ мы обязаны и излишествомъ бюрократизма и положеніемъ нашей Церкви, и обезнароденіемъ нашего общества, забывшаго ту высокую роль, которую указываютъ ему славянофилы и преимущественно Аксаковъ.

Тяжелый процессъ возвращенія къ народнымъ началамъ переживаемъ мы въ настоящее время: цѣль указана славянофилами; стремленіе къ этой цѣли должно быть нашею главнѣйшею заботою; а забота эта нерѣдко заслоняется отъ нашихъ глазъ разными побочными обстоятельствами: то затмѣвается наше народное начало внѣшнимъ патріотизмомъ, смѣшивается съ консерватизмомъ въ европейскомъ смыслѣ, то слышится восхва-

леніе нашихъ началъ, на сколько они смѣшиваются въ незрѣлыхъ умахъ съ передовыми ученіями запада. Такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ грозитъ опасность народному началу. Примѣръ великихъ учителей нашихъ обязываетъ насъ стоять на стражѣ, изучать и ихъ писанія, и исторію, и бытъ нашего народа. Широкое поприще открывается передъ русскимъ народомъ: наступитъ день, когда все славянство обратитъ на него свои очи и призоветъ его къ дѣятельному содѣйствію своему возрожденію и организаціи. День этотъ далекъ или близокъ—это извѣстно одному Богу; но что онъ долженъ наступить когда нибудь—это чувствуетъ каждый, въ комъ живо сознаніе своей народности, въ комъ не умерло историческое чутье и кто вѣритъ въ слова поэта:

„Но благъ Господь. Онъ знаетъ срокъ,
Онъ вышлетъ утро на востокъ".

II.

6 АПРѢЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный архіепископъ Павелъ, экзархъ Грузіи, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Общества и до 700 посторонніхъ посѣтителей.

Почетное предсѣдательство въ этомъ собраніи было предложено г. предсѣдателемъ высокопреосвященному Павлу, который и изъявилъ на это свое согласіе и преподалъ присутствующимъ благословеніе.

Въ началѣ собранія хоръ л.-гв. семеновскаго полка исполнилъ тропари: „Христосъ воскресе" и св. Кириллу и Меѳодію.

Затѣмъ проф. М. О. Коялоничъ прочиталъ слѣдующую статью:

Историческое разъясненіе вопроса: что дѣлать теперь Славянскому Благотворительному Обществу?

Мм. гг. Съ перваго нашего собранія прошедшею осенью и до настоящаго времени, во всѣхъ нашихъ засѣданіяхъ и бесѣдахъ, насъ занимаетъ и, можно сказать, давитъ, неотступный вопросъ: что дѣлать намъ, членамъ Славянскаго Общества и лицамъ, намъ сочувствующимъ, въ эти ужасныя времена славянской жизни?

Идея славянскаго единенія жестоко страдаетъ, и это доказываютъ не одни дѣла Болгаріи, Сербіи, дѣла нѣкоторыхъ чешскихъ партій и дѣла поляковъ всѣхъ государствъ, по которымъ они разбиты. Уже и славянскіе соколы знаменитой Черной Горы возлагаютъ благія упованія на Ватиканъ, и оттуда, безъ сомнѣнія, уже налетѣли къ нимъ черные вороны латинства—іезуиты, а что хорошаго могутъ дѣлать соколы вмѣстѣ съ воронами? Славянское ослѣпленіе идетъ дальше. Больше и больше утверждается мнѣніе, что австрійская Вѣна есть средоточіе славянства, и уже не одни подневольные, или слабой совѣсти славяне признаютъ это, а раздѣляютъ и утверждаютъ это ошибочное мнѣніе и нѣкоторые слависты, даже очень извѣстные и знакомые съ Россіей.

А что же дѣлается въ самой большей и дѣйствительно славянской странѣ, — Россіи? Въ Россіи?.. Россію весь неславянскій міръ подозрѣваетъ въ панславизмѣ, славянофильствѣ, потому что нельзя же не подозрѣвать бѣлокожаго въ бѣлизнѣ, а негра—въ чернотѣ; но на дѣлѣ, въ человѣческой жизни бѣлизна и чернота могутъ иначе встрѣчаться. Давно ли мы слышали шумное у насъ литературное препирательство о безполезности для Россіи всякаго участія въ славянскихъ дѣлахъ, при чемъ многіе русскіе, усвоившіе себѣ западно-европейскую черноту, заботливо и самоувѣренно хоронили уже и всякій панславизмъ и самое славянофильство и нѣли при этомъ хвалебные гимны узкимъ, черствымъ интересамъ жизни.

Словомъ, наша дѣятельность, какъ Славянскаго Общества, обставлена самыми неблагопріятными условіями и въ другихъ славянскихъ странахъ, и въ нашей собственной—русской странѣ, и я увѣренъ, что всѣмъ намъ, вообще славянамъ давно не приходилось взирать съ такимъ смущеніемъ, какъ теперь, на это наше общеславянское знамя (при этомъ указано на тутъ же стоявшую хоругвь, съ изображеніемъ св. Кирилла и Меѳодія) и на эти святые лики братьевъ славянскихъ апостоловъ,—этихъ древнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ насадителей славянскаго единовѣрія и единомыслія.

Но какъ бы ни было велико и сильно теперь славянское смущеніе, оно не должно быть безплоднымъ соболѣзнованіемъ, а должно возбуждать въ нашемъ славянскомъ сознаніи новые лучи, которые бы озаряли наше положеніе, наши задачи и направляли наши силы къ плодотворной дѣятельности. Содѣйствовать всему этому—долгъ каждаго изъ насъ,—членовъ Славянскаго Общества—и, позволительно надѣяться, долгъ вообще членовъ русскаго общества, сочувствующихъ намъ. Поэтому и я беру смѣлость предложить вашему, мм. гг., вниманію, если не рѣшеніе гнетущаго насъ вопроса: что намъ теперь дѣлать? то, по крайней мѣрѣ, уясненіе его.

Я обязанъ предупредить, что уясненіе это будетъ одностороннее и, можетъ быть, не совсѣмъ будетъ отвѣчать современнымъ вкусамъ.

Я послѣдую въ уясненіи этого вопроса примѣру хорошихъ, способныхъ къ прочной жизни семействъ, въ которыхъ, когда случится несчастіе, что между членами его произойдетъ раздоръ, то самый сильный и авторитетный членъ задается вопросомъ: правъ ли самъ онъ и не слѣдуетъ ли ему прежде всего задуматься надъ собственными дѣлами и отношеніями къ другимъ членамъ, т. е., я

берусь вынести, не виноваты ли и мы, русскіе, въ нынѣшнемъ печальномъ положеніи славянства? Но для рѣшенія этого вопроса я меньше всего буду обращаться къ нашей современности, потому что въ этой современности много явленій, неясныхъ для самыхъ проницательныхъ умовъ, и много воззрѣній, составляющихъ еще предметъ неоконченныхъ споровъ и неулегшихся разногласій. Я обращусь къ русской исторіи, даже весьма отдаленныхъ временъ, и постараюсь, насколько умѣю, указать и тѣ пути, по которымъ мы—русскіе—удалялись отъ славянства, и тѣ пути, по которымъ мы приближались къ нему, при чемъ самъ собою обозначится тотъ узелъ, который намъ и теперь нужно прежде всего развязать, если мы желаемъ стать въ близкое и не подлежащее никакому колебанію общеніе съ другими славянами.

И въ исторической литературѣ, и въ нашемъ живомъ сознаніи мы—русскіе—славимъ нашу восточно-русскую народную и государственную жизнь,—суздальскую, московскую—и славимъ справедливо. Тутъ на сѣверо-востокѣ Россіи сложилось самое многочисленное теперь и самое стойкое русское племя—великорусское—и происходило самое большое и прочное русское государственное строеніе, благами котораго и теперь живемъ мы—русскіе, и другія славяне не разъ жили и, безъ сомнѣнія, не разъ еще будутъ жить въ будущія времена. Тутъ самыя твердыя основы и благъ, еще болѣе высокихъ и обширныхъ въ смыслѣ общеславянскомъ и общечеловѣческомъ,—самыя твердыя основы нашей православной вѣры, нашей русской науки, русской литературы, русскихъ изящныхъ искусствъ.

Изъ всѣхъ литературныхъ мнѣній объ этой нашей старой восточно-русской государственности, какія мнѣ извѣстны, я признаю самымъ вѣрнымъ и сильнѣе всѣхъ другихъ бьющимъ въ глаза мнѣніе достойнаго преемника нашего талантливаго историка-профессора С. М. Соловьева, Вас. Алек. Ключевскаго, именно, ту прекрасную картину въ его сочиненіи—„Боярская дума древней Руси", гдѣ онъ показываетъ, что московская государственность была народнымъ русскимъ строеніемъ, при которомъ всѣ строители,—и московскіе государи, и окружавшіе ихъ престолъ сотрудники—чувствовали себя дѣйствительными властями русской земли *). Но и эта блестящая картина требуетъ значительныхъ поправокъ, какъ въ освѣщеніи, такъ и въ тѣняхъ ея.

Начну съ тѣней. Ихъ бросали и весьма щедро и очень многіе. Талантливѣе, сильнѣе всѣхъ бросалъ эти тѣни учитель профессора Ключевскаго—С. М. Соловьевъ,—тѣни, проходящія черезъ всю его многотомную исторію. Это—удаленіе русскаго народа на сѣверо-востокъ, какъ удаленіе отъ западно-европейской цивилизаціи. Но не въ томъ собственно была бѣда, что русскій народъ въ своемъ движеніи на сѣверо-востокъ удалялся отъ западно-европейской цивилизаціи, въ чемъ самъ Соловьевъ впослѣдствіи призналъ даже благо *), а въ томъ была бѣда, что въ этомъ движеніи на сѣверо-востокъ русскій народъ, т. е. собственно великорусское его племя—удалялось отъ Западной Россіи и отъ славянъ, не только физически, но и духовно.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое перенесеніе нашего государственнаго центра изъ Кіева въ Суздаль, Владиміръ на Клязьмѣ и въ Москву? Это было удаленіе отъ лучшаго климата въ худшій, отъ болѣе плодородной почвы въ менѣе плодородную и въ то же время удаленіе отъ Чернаго моря и Карпатъ и отъ богатырскихъ кіевскихъ замышленій въ область насущныхъ, черствыхъ интересовъ жизни. Великія замышленія ослѣпленнаго въ 1096 г. Василька Ростиславича смирить половцевъ и ляховъ, перетянуть къ себѣ дунайскихъ болгаръ, и всѣмъ этимъ возвеличить русскую землю были уже даже въ его собственномъ сознаніи предметомъ раскаянія, а вопли Мстислава Изяславича въ 1170 г., что половцы разносятъ русскую землю (уводятъ плѣнныхъ) и уже „изотымаютъ" всѣ пути къ Черному морю, и призывъ его къ князьямъ „пожаліться о русской землѣ", при всемъ видимомъ шумѣ и успѣхѣ, были въ дѣйствительности безплодными воплями и безплоднымъ призывомъ **). Русь ушла далеко и отъ этихъ путей и отъ этого пониманія стараго ихъ значенія. Она, уходя, даже разгромила (1169 г.) исходный пунктъ этихъ путей — славный и богатый Кіевъ.

Татарское иго и соединенныя съ нимъ другія бѣдствія еще дальше двинули эту Русь на сѣверъ и востокъ. Изъ плодороднѣйшихъ странъ юга Россіи,—изъ родины преподобнаго Осодосія,—Курска, изъ прославленнаго мѣста юныхъ и возрастныхъ подвиговъ Владиміра Мономаха,—Переяславля южнаго и изъ самаго Кіева татаринъ предъявлялъ самыя жестокія требованія своей власти, и южный лѣтописецъ безнадежно оплакивалъ рабское униженіе передъ нимъ знаменитѣйшаго южнаго князя Даніила Галицкаго. Въ то же время литвинъ язычникъ пробирался въ свои хищническихъ налетахъ даже въ дальнія тверскія страны; ганзейскіе нѣмецкіе купцы вытѣсняли новгородцевъ изъ Балтійскаго моря, а чванный, воодушевленный папой шведъ задумывалъ „укорить и поработить себѣ словенскій языкъ".

Великорусскій славянинъ сталъ еще больше жаться къ сѣверу и востоку и даже возлюбилъ больше всякаго юга эти пустынныя, непривѣтливыя страны. Онъ связалъ съ ними высшія проявленія иноческаго подвижничества, и здѣсь-то, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ, выработалось странное воззрѣніе,

*) Особенно ясно эта картина нарисована въ XII главѣ этого сочиненія.

*) См. соч. С. М. Соловьева: „Исторія паденія Польши", стр. 3.

**) Дѣло ограничилось собственно переполохомъ половцевъ и кончилось раздоромъ между князьями. Даже самъ Изяславъ ушелъ съ юга на сѣверо-западъ. Пвят. лѣт. по изд. 1871 г., стр. 368—371.

что зима лучше лѣта. Тутъ же выработалось еще болѣе странное выраженіе въ обращеніи простыхъ русскихъ къ властнымъ и сильнымъ людямъ: „мы, сироты твои"! Въ сѣверо-восточныхъ лѣсахъ, болотахъ и всякихъ иныхъ пустыняхъ, да еще среди инородцевъ восточно-русскій человѣкъ дѣйствительно былъ сирота и въ общеславянскомъ, и даже въ общерусскомъ смыслѣ.

Онъ, правда, съ благоговѣніемъ списывалъ и хранилъ драгоцѣнные разсказы перваго нашего русскаго лѣтописца и нашего перваго слависта, или пожалуй, даже панслависта, о славянскихъ племенахъ на Дунаѣ, Моравѣ, Вислѣ и о славныхъ русскихъ дѣлахъ на Днѣпрѣ и Черномъ морѣ; но до этихъ ли славянъ и до этихъ ли славныхъ западно-русскихъ дѣлъ ему тогда было?! Великій и въ православномъ, и въ гражданскомъ русскомъ мірѣ ратоборецъ за благо Россіи, Александръ Невскій, это солнце Россіи, какъ назвалъ его митрополитъ Кириллъ, солнце Россіи, лучи котораго чувствовались, по сказанію лѣтописи, и въ азіатской татарской юртѣ и въ европейскомъ папскомъ Римѣ, славный воитель на сѣверо-западѣ Россіи, громившій всѣхъ, а самъ незнавшій разгрома, склонялъ свое побѣдное чело передъ татариномъ, шелъ молить его о пощадѣ неразумно заволновавшемуся русскому народу и безмолвно, во тѣмъ сильнѣе завѣщалъ своимъ потомкамъ — московскимъ князьямъ, покоряться татарамъ, дружить съ ними, и этимъ путемъ вырабатывать будущую свободу Россіи. Какая великая сила русскаго христіанскаго богатырства нужна была этому славному ратоборцу за Русь, чтобы такъ смириться передъ грубымъ татариномъ, и какой ужасный путь нужно было проходить его преемникамъ къ свободѣ Россіи! Жестокостями этого пути отмѣчены самыя обыденныя дѣла восточно-русскаго человѣка. Онъ измѣрялъ чуть не тундры своими старыми линейными мѣрами,— сохами, обжами, вытями, и разсчислялъ, сколько съ нихъ получитъ добра и сколько его долженъ дать своему и чужому—татарскому правительству. Эти дѣловыя книги сѣверо-восточной Россіи, — писцовыя, переписныя, окладныя и тому подобныя суть краснорѣчивѣйшіе показатели суровости восточно-русской жизни и удаленія ея не только отъ всякихъ славянскихъ замышленій, но и отъ своихъ западно-русскихъ задачъ. И зналъ это злой татаринъ. Онъ назначалъ того же знаменитѣйшаго русскаго князя Александра Невскаго княземъ Кіевскимъ, т. е. безвреднымъ. Такъ уже въ половинѣ XIII вѣка былъ оторванъ югъ Россіи отъ сѣвера ея и обратно.

Тяжко и страшно было жить на юго-западѣ Россіи и лучше, привольнѣе на сѣверо-востокѣ! Это сдѣлалось печальнымъ убѣжденіемъ восточно-русскаго человѣка, и онъ шелъ дальше и дальше на сѣверо-востокъ и выработалъ еще болѣе печальное убѣжденіе: тяжко въ европейской Россіи, нужно стремиться въ азіатскую Россію или создавать тамъ Россію.

Не это-ли въ самомъ дѣлѣ дало главный толчекъ дѣятельности Строгоновыхъ по направленію къ Уралу и за Уралъ? Не это-ли двинуло въ Сибирь и знаменитаго Ермака? Въ европейской вѣдь Россіи даже и тогда (въ XVI в.) страшно трудно было жить. Коченѣла тогда эта Россія отъ тяжкихъ войнъ и еще больше отъ ужасовъ тиранства Іоанна IV, —коченѣла до такой степени, что даже необычайный по уму и развитію бѣглецъ изъ восточной Россіи въ Литву, князь Курбскій, поднималъ оружіе противъ собственной родины, хотя могъ этого не дѣлать.

Не тоже ли самое мы видимъ и послѣ самозванческихъ смутъ, когда русскій человѣкъ шелъ еще дальше на сѣверо-востокъ и отъ славянства, и отъ западной Россіи, и даже отъ восточной Россіи, и совершалъ чудеса подвиговъ у самаго края восточной Сибири и даже на водахъ Восточнаго океана. На Якутскихъ тундрахъ онъ нашелъ себѣ опору для самыхъ смѣлыхъ предпріятій. Отсюда ходилъ не понимавшій ни своей славы, ни того, что ее похититъ у него запоздалый иноземецъ,—отсюда ходилъ Дежневъ, открывшій Беринговъ проливъ задолго до Беринга. Отсюда вышелъ, дошелъ до Амура, ходилъ по нему и по Охотскому морю ужасный по силѣ энергіи и злыхъ дѣлъ Поярковъ, а послѣ него старый искатель земель, знаменитый Хабаровъ.

Сюда, на эти дальнія страны направлена была такая громадная сила даровитости восточно-русскаго человѣка, а въ эти времена изнывала подъ чужою властію и обливалась кровію Русь на старыхъ мѣстахъ русской государственности — Русь западная. Когда вспыхивали радостію потухавшіе въ неистовствахъ глаза Іоанна IV отъ торжественнаго извѣщенія сибирскихъ завоевателей о новыхъ царствахъ, покоренныхъ ими Россіи, глаза польскаго короля и побѣдителя Іоаннова Баторія радовались новому замышленію іезуитовъ оторвать отъ восточной Россіи Россію западную и духовно, — посредствомъ новой уніи церковной,—въ довершеніе гражданской ея уніи съ польскимъ государствомъ; а когда подготовлялись подвиги Дежнева, Пояркова и Хабарова, Русь западная поднимала послѣднія свои силы для борьбы съ Польшей, подкрѣпляла себя союзными силами злѣйшихъ враговъ своихъ,—крымскихъ татаръ, и подготовляла для торжественнаго рѣшенія передъ лицомъ всего славянскаго и неславянскаго міра такую альтернативу или также—тріативу, если можно такъ выразиться: подчиняться ли латинской Польшѣ, невѣрной ли Турціи, или православной восточной Россіи? Самая возможность такой трилеммы въ головѣ русскаго славянина есть печальнѣйшее свидѣтельство о запутанности тогдашнихъ славяно-русскихъ дѣлъ въ нашей собственной русской средѣ, а мы знаемъ, что эта чудовищная тріатива или трилемма не была лишь оригинальнымъ выраженіемъ краснорѣчія своеобразнаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго, а была выраженіемъ дѣйствительныхъ направленій западно-русскихъ умовъ и долго мутила миръ въ этой странѣ.

Но и объединенныя мечтанія Баторія и іезуитовъ, и смутотворная трилемма, высказанная Хмѣльницкимъ, были лишь плодами давнихъ и многихъ сорныхъ сѣмянъ восточно-русской жизни, и чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно приглядѣться къ важнѣйшимъ дѣламъ того же Іоанна IV. Тутъ мы со всею ясностію можемъ увидѣть послѣдствія восточно-русскаго уединенія, пагубныя и для западной Россіи, и для всего славянскаго міра, и для самой восточной Россіи

С. М. Соловьевъ потратилъ много таланта и знанія на доказательство того, что Іоаннъ IV разумно бросилъ завоеваніе Крыма и воевалъ Ливонію, Литву. За этимъ историкомъ пошли другіе и также потратили не мало силъ ва это. Но никакіе софизмы, хотя бы то и самые талантливые и сильные, не могутъ закрыть дѣйствительнаго историческаго промаха, а вромахъ тутъ несомнѣнно былъ, даже весьма ясный.

Въ лучшія времена Іоанна IV, при знаменитыхъ его руководителяхъ, Сильвестрѣ и Адашевѣ, слѣдовалъ цѣлый рядъ блистательныхъ русскихъ завоеваній въ татарскомъ мірѣ, обѣщавшій завершиться самымъ славнымъ дѣломъ,—завоеваніемъ Крыма. Казань, Астрахань падали передъ русскою силою и открывали русской предпріимчивости Каспійское море. Прикавказскія орды сами поддавались этой силѣ и сами протягивали цѣпь русскихъ завоеваній къ Азовскому морю и Черному, а русская жизнь давно уже прокладывала пути сюда же. Присоединеніе къ Москвѣ княже твъ Сѣверской области и области Рязанской, развитіе Донскаго казачества, большое уже тогда значеніе Днѣпровскаго казачества — все это были опоры для завоеванія Крыма, и вездѣ на этихъ пунктахъ русская народная сила чувствовала величіе приближающагося момента и ощущеніе это уже прорывало историческую перегородку между восточною и западною Россіей,—литовско-польскую государственную власть. Государственный литовскій правитель и вождь казаковъ, Каневскій староста Димитрій Вишневецкій уже разрушалъ эту перегородку и рвался къ Іоанну, а Литва, притягиваемая тогда къ сліянію съ Польшей, упиралась и оглядывалась на востокъ. Готовился и уже начинался взрывъ общерусскихъ доблестей. Лучшіе русскіе люди совѣтовали Іоанну идти на Крымъ и даже подвинули было его на это. Но тираны никогда не откликаются дѣйствительно на доблести, а погружаются въ омутъ черствыхъ интересовъ и жестокостей. Іоаннъ бросилъ крымское дѣло, требовавшее доблестнаго служенія общерусскому дѣлу, обѣщавшее приблизить разрѣшеніе русско-польскаго вопроса и закрѣпить наши связи съ славянствомъ, а кинулся на такія дѣла, которыя, казалось ему, можно дѣлать и легче, и выгоднѣе. Онъ „пригналъ", по сознанію самихъ поляковъ, Литовское княжество, т. е. западную Россію, къ сліянію съ Польшей на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 г. и безславно завязъ въ Ливонской войнѣ, которая, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ историковъ, доказываетъ не дальнозоркій умъ Іоанна, а слѣпое, рабское его повиновеніе ясно тогда обозначившемуся новому направленію московской государственности, требовавшему великой осторожности. Половцы и татары гнали восточно-русскаго человѣка отъ западной Россіи и славянства на сѣверо-востокъ. Съ XV и особенно съ XVI в., послѣ присоединенія къ Москвѣ Новгорода и Пскова, восточно-русскаго человѣка сталъ тянуть къ себѣ и тоже отъ западной Россіи и отъ славянства западноевропейскій міръ, черезъ Балтійское море. Съ тѣхъ поръ Балтійское море и Черное море стали для восточно-русскаго человѣка какъ бы показателями различныхъ его направленій,—къ западно-европейскому, особенно къ германскому міру, или къ славянскому. Стремиться къ Балтійскому морю—значило для него стремиться къ нѣмцамъ, къ западной Европѣ; стремиться къ Черному морю—значило стремиться къ славянамъ и создавать прежде всего собственную силу въ западвой Россіи.

Въ нашей исторіи есть много поучительныхъ примѣровъ движеній восточно русскаго человѣка въ ту, или другую сторону и великихъ его раздумій въ виду этихъ крайностей. Обращу ваше, мм. гг., вниманіе на одно изъ такихъ раздумій,—на раздуміе величайшаго нашего генія—Петра I.

Передъ полтавскимъ боемъ Петръ стоялъ даже физически на искусственномъ (въ смыслѣ народномъ) рубежѣ между восточною и западною Россіей, — у Днѣпра, стоялъ въ виду сильнаго врага, сначала въ величайшемъ уединеніи, брошенный всею западною Европой, съ которой такъ дружилъ и для которой такъ много работалъ, и въ тревогѣ за русскій народъ, волновавшійся и въ восточной и въ западной Россіи. Но русскій народъ понялъ величіе историческаго момента, величіе своего вождя—генія, сдвинулся около него изъ восточной и изъ западной Россіи и далъ ему славную полтавскую побѣду.

Окрыленный народнымъ оживленіемъ, Петръ съ свойственною ему смѣлостію перенесся черезъ Полтавскій бой отъ уединенія въ общеніе съ славянскимъ міромъ, и предпринялъ извѣстный Прутскій походъ, всколебавшій все славянство. Это было несомнѣнно увлеченіе Петра, увлеченіе злосчастное не по однимъ ближайшимъ послѣдствіямъ неудачи, но еще болѣе потому, что послѣ того Петръ бросилъ разрѣшеніе славянскаго вопроса, бросилъ Черное и даже Азовское море, и кинулся еще рѣшительнѣе къ Балтійскому морю и къ нѣмцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко бросилъ и западную Россію, даже приказывалъ ей повиноваться Польшѣ, хотя, несомнѣнно, геній Петра ясно видѣлъ и прежде полтавскаго боя и послѣ него, что западная Россія есть базисъ для широкихъ общерусскихъ дѣйствій, впрочемъ понималъ онъ ясно этотъ базисъ съ политическаго стороны, а не съ народной.

Западная Россія дѣйствительно и есть тотъ историческій узелъ, который русскимъ

людямъ предстоитъ прежде всего развязать, чтобы вступить на вѣрный и русскій, и славянскій путь.

И это не новая задача, выяснившаяся въ наши времена. Она также стара, какъ старо удаленіе восточно-русскаго человѣка отъ западной Россіи и славянства.

Безспорно, и въ восточной и въ западной Россіи были и теперь есть злые люди, которые портили и портятъ общерусское единство и плодили и плодятъ раздоры и разъединеніе; но были и есть и противоположныя явленія, то одиночныя, то многочисленныя, сливающіяся нерѣдко въ единое, общерусское стремленіе.

Можно сказать, что западная Россія, а за ней и другія славянскія страны назойливымъ образомъ мѣшали восточно-русскому человѣку уединяться отъ нихъ въ азіатскомъ ли сѣверо-востокѣ, въ европейскомъ ли сѣверо-западѣ.

Такъ, нельзя обходить въ русской исторіи перваго собирателя Руси послѣ татарскаго разгрома, и лучшаго цѣнителя Александра Невскаго, митрополита Кирилла II, а онъ былъ съ юго-запада Россіи.

Нельзя обходить въ русской исторіи митрополита Петра, который первый понялъ прочность московской государственности и, по преданію, предсказалъ будущее ея величіе, а онъ былъ тоже съ юго-запада Россіи.

Нельзя обходить въ русской исторіи могущественнаго и въ гражданской средѣ объединителя всей Руси подъ знаменемъ Москвы, митрополита Алексія, а онъ былъ по происхожденію тоже изъ странъ днѣпровскихъ, изъ Черниговской области.

Нельзя заслонить доблестнаго соратника Владиміру Андреевичу подъ знаменемъ Димитрія Донскаго на Куликовомъ полѣ—Димитрія Боброка, а онъ былъ волынецъ.

Нельзя устранить изъ русской исторіи и литвиновъ, служившихъ общерусскую службу: славнаго продолжителя дѣлъ Александра Невскаго на сѣверо-западѣ Россіи—Довмонта, видныхъ участниковъ въ куликовской битвѣ, Андрея и Димитрія Ольгердовичей, литовскаго князя Остея, защищавшаго Москву въ Тохтамышево нашествіе, и многихъ другихъ литвиновъ.

Или возьмемъ позднѣйшія времена.

Нельзя заслонить въ русской исторіи великаго общерусскаго служенія, во времена Елисаветы Петровны и Екатерины II, Герасія, епископа переяславскаго (южнаго Переяславля) и Георгія Конисскаго, которые владѣли умами всей западной Россіи сильнѣе государственныхъ силъ, и польскихъ, и русскихъ, и которымъ Россія обязана польскими раздѣлами гораздо больше, чѣмъ сдѣлками Екатерины съ Пруссіей и Австріей,—сдѣлкамъ, испортившимъ весь ходъ справедливаго разложенія русско-польскаго государства на русскую и польскую части.

Нельзя уничтожить изъ русской исторіи, на что покушаются иные пигмеи, западно-русскаго великана, митрополита Іосифа Сѣмашка, который возсоединеніемъ западно-русскихъ уніатовъ подкосилъ въ корнѣ двѣ польскихъ смуты, что признавалъ даже письменно (есть у меня документы) такой сильный русскій ратоборецъ и строитель западнорусскихъ дѣлъ, какъ графъ М. Н. Муравьевъ.

Были и въ восточной Россіи многочисленные представители яснаго пониманія общерусскихъ дѣлъ. Всѣмъ извѣстно, какъ ясно понималъ широкое общерусское государственное строеніе Іоанвъ III. Извѣстно, хотя и не столько, глубокое сердечное признаніе этнографическаго единства всего русскаго народа Алексѣемъ Михайловичемъ, который счелъ обязанностію высказать своему задушевному другу Ордину-Нащокину удивленіе и тяжкій укоръ, какъ онъ могъ допустить мысль, что возможно бросить Малороссію.

Еще болѣе замѣчательны дружныя дѣйствія восточной и западной Россіи, которыми украшены страницы нашей исторіи во всѣ важные моменты нашей жизни.

Вспомнимъ знаменитую смоленскую грамоту 1611 г., которая обошла всю Россію, двинула русскія силы на новую защиту государственности, и въ которой находится необыкновенно вѣрная оцѣнка разницы не только русскаго и польскаго склада жизни, но, можно сказать, и всего славянскаго и западно-европейскаго *).

Вспомнимъ яркій блескъ русской доблести малаго города смоленской области Бѣлаго въ 1633—1634 г., когда торжествующія польскія силы послѣ великаго посрамленія Россіи подъ Смоленскомъ ничего не могли сдѣлать у этого малаго города, и онъ сдался полякамъ только по приказу изъ Москвы.

Вспомнимъ еще болѣе славныя дружныя дѣла Донскихъ и Днѣпровскихъ казаковъ въ 1637 и 1641 гг. въ Азовѣ.

Давно до этихъ славныхъ дѣлъ лучшіе

*) Въ этой грамотѣ раскрывается съ поражающею силою страсть западно-европейскаго интеллигента порабощать себѣ простаго человѣка, и указывается такой контрастъ: въ Россіи Христовымъ именемъ собираются деньги на выкупъ родныхъ, уведенныхъ въ Польшу въ плѣнъ, а въ Польшѣ не только не освобождаютъ плѣнныхъ, обращенныхъ въ крѣпостныхъ, но еще подвергаютъ ограбленію и всякимъ инымъ беззаконіямъ пришедшихъ выкупать ихъ. „Пришли семя", говорится, между прочимъ, въ этой грамотѣ, „изъ своихъ разоренныхъ городовъ и изъ уѣздовъ къ королю (польскому—Сигизмунду III) въ обозъ, подъ Смоленскъ. и живемъ тутo не мало, иной больше году живетъ. иной мало не годъ, чтобъ намъ выкупить отъ плѣну изъ латынства и отъ горькія смертныя работы, бѣдныхъ своихъ матерей и женъ и дѣтей, и никто не смилуется. и никто не пощадитъ; а многіе изъ насъ ходили въ Литву, въ Польшу. для своихъ матерей и женъ, и дѣтей, и тѣ свои головы потеряли; и собрано было Христовымъ именемъ окупъ. и то все разграбили. и никто, ни одинъ человѣкъ отъ всѣхъ литовскихъ людей, надъ бѣдными. надъ плѣнными людьми, надъ православными крестьяны и беззлобивыми младенцы не смилуется. и всѣ порабощены смертною работою и въ латынство отдались"... Акт. Археог. Эксп.. т. 2, стр. 299.

днѣпровскіе казаки съ знаменитымъ своимъ вождемъ гетманомъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ каялись даже торжественно въ своемъ великомъ народномъ грѣхѣ,—участіи въ самозванческихъ смутахъ и польскихъ походахъ на Россію.

Давно уже подготовлялось и предупреждалось присоединеніе Малороссіи къ Россіи народными переселеніями изъ западной Россіи въ восточную и новымъ объединеніемъ днѣпровскаго и донскаго казачества.

Эти соединенныя русскія силы сильно занималъ старый историческій вопросъ—крымскій, этотъ старый грѣхъ Іоанна IV, тщетно исправляемый, какъ извѣстно, въ концѣ XVII вѣка царевной Софіей и Петромъ и исправленный лишь при Екатеринѣ II, то есть черезъ два вѣка отъ временъ Іоанна IV, въ теченіе которыхъ многія тысячи русскихъ проходили черезъ Крымъ въ рабство турецкое и даже западно-европейское, и много малороссійскаго чернозему дожидалось прикосновенія русскаго плуга.

Донскіе и днѣпровскіе казаки рѣшились прервать этотъ азіатскій полосъ, отрѣзывавшій свободное движеніе къ Черному морю и восточно, и западно-русскихъ силъ и въ 1637 г. дружнымъ натискомъ овладѣли важнѣйшимъ ключемъ къ Черному морю,—турецко-татарскою крѣпостію Азовомъ, а въ 1641 году побѣдоносно выдержали 24 приступа соединенныхъ громадныхъ силъ турецко-татарскихъ и по старому русскому обычаю предложили русскому царю принять это новое завоеваніе, закрѣпленное уже такою необычайною русскою доблестію.

Замѣчательно, что въ тогдашней русской жизни было два совершенно противоположныхъ теченія въ отношеніяхъ къ туркамъ и крымскимъ татарамъ. Народныя казацкія силы громили и крымскіе, и турецкіе берега Чернаго моря, а въ то же время, по этому же морю то и дѣло разѣзжали русскіе послы для мирныхъ сношеній съ Крымомъ и Турціей. Понятно, какъ съ тогдашней дипломатической точки зрѣнія было не во-время казацкое завоеваніе Азова и какъ трудно было ему получить надлежащее признаніе. Но русскій царь Михаилъ Феодоровичъ, первый русскій царь послѣ смутнаго времени, всенародный русскій избранникъ, сталъ выше этихъ затрудненій и послалъ азовскимъ завоевателямъ и крѣпкимъ имъ немъ сидѣльцамъ и деньги, и ласковое, ободряющее слово. Онъ счелъ нужнымъ признать и всю Россію, стать выше всякихъ затрудненій и съ этою цѣлью созвалъ въ 1642 г. земскій соборъ.

Западническое у насъ ослѣпленіе долго заслоняло дѣйствительный смыслъ земскаго рѣшенія по дѣлу Азова; но современныя изысканія, между прочимъ, въ сочиненіи г. Латкина „о земскихъ соборахъ", раскрываютъ этотъ смыслъ надлежащимъ образомъ.

На земскомъ соборѣ 1642 года не только не было воображаемаго всеобщаго непониманія, какъ важно было азовское дѣло, а напротивъ значеніе этого дѣла представлялось тогдашнему русскому сознанію во всей ясности, даже съ его послѣдствіями, *) и за него стояли лучшіе русскіе люди того времени, а не могли отстоять совсѣмъ по другимъ причинамъ.

Два рѣшенія этого дѣла были выработаны земскими людьми, одно,—прямо самому правительству взять Азовъ и стать лицомъ передъ восточнымъ вопросомъ, другое,—собрать и послать охочихъ людей на помощь засѣвшимъ въ Азовѣ казакамъ. И первое, и даже второе рѣшеніе чувствительнымъ образомъ затрогивали интересы владѣющихъ классовъ,—бояръ, высшихъ духовныхъ, приказныхъ, на которыхъ на соборѣ прямо указывали, какъ на лицъ, отбывающихъ отъ государственныхъ тягостей. Слѣдовательно, ради Азова, нужно было тронуть самую больную сторону тогдашней русской жизни,—ту сторону, что владѣющіе классы вынесли изъ смутнаго времени новое западно-европейское пониманіе цѣнности закрѣпощеннаго человѣка и соединеныхъ съ этимъ выгодъ. Не было уже тогда могущественнаго укротителя этихъ западно-европейскихъ похотей, патріарха Филарета, а уединенный и истомленный Михаилъ Феодоровичъ не рѣшился взять на себя за разъ двѣ тягости: борьбу съ Турціей и борьбу соціальную внутри Россіи.

Изъ-за этого-то и бросили азовское дѣло, о которомъ потомъ часто приходилось вспоминать съ грустію въ ближайшія же времена,—во времена малороссійской войны и особенно во времена бунта Разина, когда всѣмъ было ясно, что, будь Азовъ въ русскихъ рукахъ, бунтъ этотъ и на Дону не нашелъ бы себѣ поддержки и не имѣлъ бы такой силы ни въ Астраханѣ, ни внутри Россіи **).

Но несмотря на всѣ крайности и азіатскаго и западно-европейскаго направленія нашей восточно-русской жизни, и западно-русская тяга къ восточной Россіи, и славянскія упованія на нее не только не погибали,

*) Вотъ нѣкоторыя мысли изъ мнѣнія московскихъ дворянъ: Бекленишева и Желябужскаго (привожу текстъ по книгѣ г. Латкина): „Объявить ли войну туркамъ, это вполнѣ зависитъ отъ государя. Но послѣднему должно быть извѣстно, сколько зла причинили Московскому государству турецкій султанъ и крымскій царь! Сколько плѣнныхъ было взято въ Украинскихъ городахъ и продано въ Крыму. А что сдѣлали крымцы въ 1633—1634 г., когда Москва находилась въ войнѣ съ полеками. Они вторглись въ московскіе предѣлы и разорили ихъ вслѣдствіе чего много ратныхъ людей должны были удалиться изъ подъ Смоленска, и отъ этого учинилось въ полкахъ великое нарушеніе. За всѣ эти ихъ неправды наказалъ ихъ Богъ отнятіемъ Азова и съ тѣхъ поръ прекратились всякія войны, и украйнскіе города находились долгое время въ покоѣ.. Въ случаѣ удержанія Азова за собой, всѣ племена, живущія вблизи его, какъ-то ногайцы, горскіе черкесы и другіе будутъ служить государю, въ противномъ случаѣ, они будутъ находиться во власти Турокъ"... Земск. Соб. древн. Руси, соч. В. Латкина, стр. 188—189.

**) См. Ист. Росс. Соловьева, томъ II, стр. 123, 403, 404.

а напротивъ болѣе и болѣе укрѣплялись и давали о себѣ знать. Они укрылись подъ знамя православія, подъ знамя успенной Москвой миссіи втораго Рима, т. е. Царьграда, и находили себѣ здѣсь защиту и укрѣпленіе не только въ старыя времена, но, какъ извѣстно, даже въ наши времена,—въ послѣднюю восточную войну *).

Не приходится ли намъ, русскимъ, и теперь считаться съ нашимъ стремленіемъ въ Азію и съ нашимъ стремленіемъ въ западную Европу черезъ Петербургское окно, и при этомъ сознавать, что и теперь западная Россія есть тотъ же старый узелъ, распутавъ который надлежащимъ образомъ, мы умѣримъ сейчасъ и вышеоказанныя крайности и путемъ общерусскаго единенія пойдемъ примѣе и ровнѣе и къ общеславянскому единенію.

Я всегда былъ убѣжденъ, что это такъ; но особенно оснѣжалось во мнѣ это убѣжденіе, когда я странствовалъ прошлымъ лѣтомъ по западной Россіи. Надлежащаго единенія между восточной и западной Россіей нѣтъ тамъ, въ той самой средѣ, которая всегда должна бы быть единою по самому свойству своего развитія, именно, въ интеллигентной средѣ.

Интеллигентный великоруссъ въ дурныхъ своихъ представителяхъ расположенъ отрицать въ малороссѣ и бѣлоруссѣ самое право на русское существованіе, а интеллигентный малороссъ и бѣлоруссъ тоже въ дурныхъ своихъ представителяхъ расположены задумываться, не есть ли для нихъ великоруссъ такой-же врагъ, какъ ляхъ и жидъ. И замѣчательно, что изъ числа какъ восточно-русскихъ, такъ и западно-русскихъ больше всего расходятся, вздорятъ и роютъ другъ другу житейскія ямы люди такъ называемаго западническаго направленія, но, что еще важнѣе, этими раздорами и ямами они подготовляютъ богатую почву для польскихъ и латинскихъ завоеваній въ средѣ простаго народа западной Россіи. Между тѣмъ этотъ простой народъ и малорусскаго и бѣлорусскаго племени, въ подавляющемъ большинствѣ, сильно стремится къ общерусской грамотѣ, къ общерусскимъ идеаламъ и къ общерусской жизни. На этомъ пути ему, какъ радостные вѣстники, встрѣчаются тѣ интеллигентные русскіе, которые не разбираются въ племенныхъ своихъ особенностяхъ, а дѣйствуютъ за одно и предносятъ народу цѣльныя русскія воззрѣнія и правила жизни. Это тѣ русскіе люди всѣхъ русскихъ племенъ, которые стоятъ подъ знаменемъ такъ называемаго славянофильства. Вотъ гдѣ новое величіе той теоріи, которую мы, члены Славянскаго Общества, не даромъ такъ часто вспоминаемъ въ нашихъ собраніяхъ, чтобы освѣжать ея особенности въ нашемъ сознаніи въ эти трудныя славянскія времена. Могу свидѣтельствовать, какъ уже и свидѣтельствовалъ здѣсь, что особенностями этой же теоріи больше всего оживляется и западная Россія.

Но это не есть одна теорія, способная давать лишь благія упованія на ея послѣдствія въ будущемъ и слабые практическіе задатки въ современной жизни. Она уже не разъ оправдывалась въ весьма важныхъ явленіяхъ нашей общерусской жизни и, по моему убѣжденію, яснѣе всего и больше всего оправдалась въ той самой западной Россіи, которую мы такъ часто упоминаемъ. Кто можетъ оспорить, что совершавшееся въ той странѣ, въ послѣднюю польскую смуту, при Муравьевѣ, Безакѣ, Кауфманѣ строеніе крестьянское, церковное, училищное было въ основѣ чисто славянофильское? Фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, что Муравьевъ.—въ значительной степени бывшій западникъ и противникъ освобожденія крестьянъ, можно сказать, переродился на западно-русской землѣ, протянулъ дружескую руку несомнѣннымъ славянофиламъ—Милютину и Черкасскому, строившимъ такое же дѣло на польской землѣ, а по отношенію къ восточной Россіи неизмѣнно проводилъ чисто славянофильское воззрѣніе, что русская государственность и русская общественность не суть спорящія силы, выхватывающія одна у другой власть, какъ на западѣ Европы, а силы, хотя и весьма различныя, но согласныя и единодушныя въ служеніи единому благу Россіи. Позволительно думать, что и знаменитый общеславянскій съѣзд въ Москвѣ въ 1867 г. въ значительной степени былъ подготовленъ тѣмъ торжествомъ славянофильскихъ началъ на нашей западной окраинѣ, которое тогда было такъ ясно и такъ ощутительно всѣмъ славянамъ.

Не позволительно ли на основаніи этихъ прошедшихъ опытовъ гадать и о будущемъ? Не позволительно ли думать, что когда и въ настоящее время станутъ въ западной Россіи русскіе люди, откуда бы они ни были, подъ тѣмъ же знаменемъ славянофильства, т. е. чисто русскихъ воззрѣній и началъ жизни, то нестанетъ тамъ всякая русская рознь, истаютъ всякіе сепаратизмы, и западно-русскіе,

*) Замѣчательно, что прямое заявленіе о славянскомъ единствѣ дѣлалось въ восточно-русскимъ людямъ чаще всего, какъ насмѣшка надъ нами, или при крайне обидныхъ обстоятельствахъ. Такъ поляки заявляли объ этомъ при заключеніи невыгоднаго для Россіи Поляновскаго мира (1634 г.) и особенно широко распространялся о славянскомъ единеніи извѣстный Адамъ Кисель въ 1646 г., когда въ Малороссіи поднималась гроза войны Хмѣльницкаго. Понятно также, что попытка Юрія Крыжанича смягчить значеніе религіознаго разлада въ славянствѣ и поставить выше его народное славянское единство должна была подорвать значеніе всей его мысли. Наконецъ, замѣчательно и то, что первыя попытки въ московскія времена собрать свѣдѣнія о славянахъ выразились въ хронографахъ старыхъ изданій, т. е. обнимавшихъ только православный міръ, и что западные славяне, неправославные, вошли въ позднѣйшіе наши хронографы уже *смѣтно* съ другими, неславянскими народами западной Европы.—Все это въ одинаковой степени важно какъ для характеристики воззрѣній восточно-русскаго человѣка, такъ и для характеристики великаго въ славянской жизни культурнаго начала—вѣры.

и восточно-русскій, а съ ними вмѣстѣ и всякія латино-польскія мечтанія на западно-русской землѣ; тогда мы, русскіе, соединенными нашими силами твердо упремся... нельзя сказать—въ Карпаты; это будетъ политика; такъ скажемъ: твердо упремся въ предгорья Карпатъ; твердо станемъ русскими ногами на нашихъ берегахъ Чернаго моря, огласимъ это старое русское море сильными звуками русскаго слова; тогда даже русскій купецъ, очерствѣвшій въ азіатскихъ прибыляхъ, станетъ понимать и измѣрять большія русскія торговыя выгоды въ Болгаріи, Сербіи и другихъ славянскихъ странахъ; тогда даже нашъ бѣдовый польскій вопросъ умиротворится самъ собою, потому что неодолимо введенъ будетъ русскою народною силою въ свои этнографическія границы *), а тогда... тогда не зачѣмъ будетъ ломать голову надъ обсужденіемъ практическихъ средствъ къ славянскому общенію. Тысячи русскихъ людей на нашей западной окраинѣ будутъ ясно видѣть эти средства и укажутъ ихъ намъ. Тысячи славянъ будутъ также ясно видѣть ихъ и также указывать.

Но говоря все это, я хорошо понимаю, что высказываю хотя, можетъ быть, и сладостныя нашему славянскому сердцу мечтанія, но весьма трудно осуществимыя. Возьму изъ нихъ самое осуществимое для нашего Общества. Намъ, членамъ Славянскаго Общества, по моему мнѣнію, важнѣе всего теперь заняться выясненіемъ въ нашемъ и славянскомъ сознаніи и старыхъ, и новыхъ путей какъ нашего разъединенія, такъ и нашего единенія, т. е. въ дѣятельности нашего Славянскаго Общества, по моему мнѣнію, должна преобладать не благотворительная дѣятельность, весьма теперь трудная и малонадежная (о принятыхъ обязательствахъ и необычайныхъ нуждахъ не говорю здѣсь), а дѣятельность ученая и литературная, такъ какъ теперь особенно нужно выяснить въ общественномъ сознаніи положеніе и задачи славянства и ставить противовѣсъ тому умственному культурному завоеванію, какое даже теперь производитъ въ славянствѣ западная Европа.

Но, говоря и это, я понимаю, что вступаю въ такую область, которая ближе знакома и лучше можетъ быть опредѣлена не въ торжественныхъ нашихъ собраніяхъ и нашихъ рѣчахъ на нихъ, а въ дѣловыхъ совѣщаніяхъ Совѣта нашего Общества. Предполагая и на этомъ пути многочисленныя и мало поддающіяся нашей предусмотрительности затрудненія, я позволю себѣ въ заключеніе этой рѣчи вступить въ путь совсѣмъ иного рода, но путь, безспорно, и общедоступный и, можно надѣяться, сочувственный всѣмъ намъ.

Если бы мы въ эти тяжелыя времена даже ясно сознавали немощь нашихъ силъ, то и въ такомъ случаѣ намъ не слѣдовало бы отступать отъ этого нашего всеславянскаго знамени, а стоять при немъ, дѣлать, что можемъ, и вѣрить, что наши славянскіе апостолы благословятъ и слабые наши труды и возбудятъ въ насъ новыя силы для болѣе добрыхъ и успѣшныхъ дѣлъ на пользу славянства.

Послѣ этой рѣчи, А. Л. Петровъ сдѣлалъ сообщеніе о состоявшемся 19 Марта празднованіи 50-лѣтняго юбилея славянскаго дѣятеля и ученаго доктора І. М. Гурбана.

Послѣ небольшаго перерыва П. А. Васильчиковъ прочиталъ слѣдующую записку:

Объ иновѣрческой вровагандѣ въ Славянскихъ земляхъ.

Каждый разъ какъ возникаетъ одно изъ все учащающихся и обостряющихся осложненій политическаго положенія нашего на Балканскомъ полуостровѣ, общественное мнѣніе, сознательно или нѣтъ, ожидаетъ отъ Славянскаго Общества, чтобы оно высказалось по отношенію къ совершающемуся, чтобы оно разъяснило то смутное впечатлѣніе, которое производитъ на незнакомыхъ близко съ положеніемъ дѣлъ появляющіяся въ газетахъ депеши и корреспонденціи. Съ особенною силою возбудилъ требовательность въ этомъ отношеніи общественнаго мнѣнія рядъ непрекращающихся съ начала прошедшей осени прискорбныхъ для насъ событій въ Болгаріи. Общественное нетерпѣніе стало даже по этому поводу выражаться въ враждебно насмѣшливыхъ выходкахъ: являлись въ газетахъ вопросы о томъ: существуетъ ли Славянское Общество наше? объявлялись награды тому, кто укажетъ его адресъ. Но возможно ли было удовлетворить справедливое и вполнѣ понятное нетерпѣніе общественнаго мнѣнія?

*) По нашему глубокому убѣжденію, сложившемуся многолѣтнимъ изученіемъ исторіи и наблюденіями надъ поляками, польскій вопросъ тогда только и пойдетъ къ правильному, славянскому своему разрѣшенію, когда поляки исцѣлятся отъ своего давняго и тяжкаго порока—губить свою родную этнографически-польскую землю и своихъ родныхъ, чистыхъ поляковъ *ради* завладѣнія русской землей и ради завладѣнія русскими людьми. Порокъ этотъ такъ великъ, что послѣдовательный полякъ всегда готовъ погубить десять своихъ родныхъ братьевъ поляковъ, только бы поработить себѣ одного русскаго, и готовъ потерять цѣлую чисто польскую область, лишь бы стать съ польскимъ знаменемъ и, конечно, почваниться на клочкѣ русской земли. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, сказывается ужасающая скудость славянской жизни въ полякѣ, и славянское безсиліе его передъ западной, не славянской Европой, и тѣмъ печальнѣе эта скудость и это безсиліе, что папа и особенно іезуиты направили ихъ ради своихъ цѣлей, для еще большаго истощенія поляковъ, на пропаганду на востокѣ отъ Польши. Въ своей исторіи полякъ чаще всего обращался лицомъ къ западной Европѣ только для низкопоклонства и восприятія всякихъ увъ рабства, а для господства обращался на востокъ. И теперь можно нерѣдко встрѣтить поляка, который вамъ скажетъ: „Я сдѣлаюсь германскимъ, или австрійскимъ нѣмцемъ, но сохраню, по крайней мѣрѣ, человѣческое достоинство", котораго онъ не умѣетъ находить въ славянской средѣ. Въ этомъ-то, по нашему убѣжденію, дѣйствительный finis Poloniae, а не въ чемъ либо другомъ.

Можно ли было рѣшиться изложить послѣдовательный рядъ событій, въ которомъ роковымъ образомъ соединилось столько, большею частью нами же созданныхъ факторовъ, неизбѣжно долженствовавшихъ повести къ самымъ прискорбнымъ результатамъ?

Тѣмъ не менѣе С.-Петербургское Славянское Общество постаралось отвѣтить на требованіе общественнаго мнѣнія. Въ рѣчи своей, произнесенной въ торжественномъ собраніи, 23 ноября минувшаго года, В. И. Ламанскій представилъ не лишенную утѣшительности для всѣхъ тѣхъ, для которыхъ дорого славянское дѣло, картину того единодушія, съ которымъ весь славянскій міръ, за изъятіемъ, конечно, исключающихъ себя изъ онаго поляковъ, становится въ настоящихъ, вызванныхъ болгарскими событіями, усложненіяхъ на сторону Россіи.

Трудно мнѣ выступить отвѣтчикомъ тому же требованію общественнаго у насъ мнѣнія, послѣ краснорѣчиваго, глубже и ближе меня знакомаго съ положеніемъ славянскаго дѣла оратора; и если я рѣшаюсь все-таки это сдѣлать, то потому только, что имѣю въ виду затронуть другія стороны вопроса, указать на вытекающія изъ этихъ прискорбныхъ событій для Славянскаго Благотворительнаго Общества обязанности и реальныя цѣли.

Поддержка у насъ тѣхъ народныхъ основъ и духовныхъ началъ, которымъ мы обязаны нашимъ историческимъ ростомъ, основъ и началъ общихъ намъ и всѣмъ прочимъ частямъ великой славянской семьи, безъ которыхъ, по нашему убѣжденію, немыслима для нихъ самостоятельность, которыми опредѣляется и нхъ и наша роль въ исторіи, посильная помощь единоплеменникамъ нашимъ въ охраненіи и имя у себя этихъ же національныхъ задатковъ—вотъ та потребность, которая вызвала у насъ существованіе Славянскаго Общества. Обѣ стороны задачи: и охраненіе собственной самобытности, и помощь въ этомъ дѣлѣ единоплеменникамъ нашимъ неразрывно между собой связаны. Помимо естественныхъ илеменныхъ сочувствій, мы наравнѣ съ ними подлежимъ напору вѣковаго историческаго движенія, заливающагося уже за наши грани, проникшаго и внутрь къ намъ нравственнымъ своимъ вліяніемъ, благодаря послѣдствіямъ того мощнаго движенія впередъ, которымъ мы обязаны усвоенной нами культурѣ запада. Оно же уже обезнародивъ и поглотивъ такую значительную часть западнаго славянства, забирается теперь въ славянскія части Балканскаго полуострова, покрываетъ мало но малу сербскія и болгарскія земли сѣтью своего торговаго и промышленнаго вліянія, дѣйствуетъ тамъ и религіозною пропагандою, и приманкою своего государственнаго строя. Вотъ охраненію нашего нравственнаго достоянія, нашей національной личности отъ этого наступательнаго движенія, посильной помощи и поддержкѣ нашимъ зарубежнымъ единоплеменникамъ въ охраненіи ими ихъ національности, языка и вѣры; этому дѣлу жизненной для насъ, законной самообороны, не связанной ни съ какимъ на чужое достояніе или на чужое право посягательствомъ, и призвано служить наше Славянское Общество. Дѣло слишкомъ непосильное слабымъ средствамъ нашего Общества, и вмѣстѣ дѣло сложное и трудное. Сколько враждебныхъ славянской народности силъ, могущественныхъ своимъ культурнымъ вліяніемъ или опасныхъ безстрастичивостью своей энергіи, стремятся обезнародить западныхъ единоплеменниковъ нашихъ; а съ другой стороны если національныя стремленія послѣднихъ заслуживаютъ сочувствія и поощренія, то нужно помнить при этомъ, что Завадъ уже съумѣлъ подчинить себѣ многихъ изъ нихъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, и что, вслѣдствіе этого, представители ихъ способны при извѣстныхъ обстоятельствахъ, служить проводниками, піонерами западной пропаганды и нѣмецкаго вліянія между своими единоплеменниками. Вѣроисповѣдныя отношенія сблизили ихъ съ уже вполнѣ—благодаря этимъ же отношеніямъ — отпатнушимися отъ славянскаго дѣла поляками.—Болѣе простымъ и легкимъ представляется оказаніе поддержки этой тѣмъ частямъ разрозненнаго славянства, гдѣ народныя начала полнѣе и цѣлѣе сохранились подъ покровомъ православія.—Тутъ съ поддержкою національныхъ стремленій соединяется другая, еще болѣе высокая и обширная цѣль—поддержка и оборона у себя и въ чужѣ православія, ставшаго для насъ и для всѣхъ оставшихся ему вѣрными народовъ, высшимъ духовнымъ народнымъ началомъ, тѣмъ національнымъ оплотомъ, противъ котораго прежде всего направляютъ свои злоухищренія силы, стремящіяся обезнародить насъ и нашихъ единоплеменниковъ. разрушить наше съ ними духовное единеніе.—Еще задолго до поры перваго проблеска сознанія славянской взаимности, поддержка православія, какъ вообще у единовѣрцевъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ спеціально между тамошними славянскими нашими родичами, была одной изъ существенныхъ заботъ правительства нашего: во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ Далматинскаго побережья всѣ церковныя книги получались изъ Россіи, и притомъ въ особенности въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія; по крайней мѣрѣ большая часть находящихся тамъ книгъ — сунодальныя изданія, или изданія кіевской лаврской типографіи, царствованія Петра, особенно Елизаветы. Позднѣйшихъ подобныхъ признаковъ помощи со стороны Россіи встрѣчается въ этой мѣстности меньше; но затѣмъ въ половинѣ настоящаго столѣтія возобновилась щедрая помощь изъ Россіи, разливавшаяся по Болгаріи, Сербіи и выражавшаяся не только въ присылкѣ церковныхъ книгъ, утвари, и т. п.. но и въ возобновленіе и построеніи вновь церквей и монастырей. Несомнѣнно, помощь эта была въ высшей степени плодотворною; она способствовала поддержкѣ православія, поддержкѣ въ мѣстномъ населеніи православнаго и національнаго духа и закрѣпленію нравственныхъ узъ, связующихъ оное съ сопленною и единовѣрною Рос-

сію. Но размѣръ и видъ оказываемой помощи не шелъ въ уровень съ развитіемъ тѣхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ имѣлось въ виду. При начавшемся со времени освобожденія отъ турецкаго владычества сербскаго народа, а у болгаръ, съ начала 40 годовъ настоящаго столѣтія, быстромъ подъемѣ и развитіи народнаго сознанія и вмѣстѣ народнаго образованія, одной присылки утвари, ризъ, книгъ для церквей было уже недостаточно. Такого рода подержкою можно было ограничиться, пока Церковь была единственною школою для народа, пока онъ только непосредственно отъ нея, во время церковнаго богослуженія, получалъ духовную пищу свою. Еще менѣе существенною оказывалась подобная помощь въ послѣдніе года лихорадочнаго, но, къ сожалѣнію, неправильнаго роста гражданственности у юго-западныхъ славянъ. Этимъ и объясняется вновь наступившее оскудѣніе помощи этой. Я, впрочемъ, долженъ тутъ оговориться: не касаясь той существенной помощи, которую получаютъ отъ насъ южные славяне въ видѣ многочисленныхъ для нихъ стипендій въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, помощи, о которой и здѣсь не распространяюсь, я имѣю въ виду лишь ту, которая оказывается на мѣстѣ, за рубежемъ нашимъ; не однимъ церквамъ, но и учебнымъ учрежденіямъ края оказывалось и отчасти продолжаетъ оказываться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, пособіе нами. Выдавалось, если не ошибаюсь, пособіе двумъ или тремъ школамъ въ Албаніи и въ Старой Сербіи, оказывалось прекратившееся со времени австрійской оккупаціи, пособіе школамъ въ Мостарѣ и въ Сараевѣ, выдавалось денежное вознагражденіе русской начальницѣ сиротопитомища въ Филиппополѣ; наконецъ, оказывается довольно значительное пособіе семинаріи (теперь гимназіи) въ Цетиньѣ и содержится на счетъ Россіи тамъ женскій институтъ, который служитъ, или, вѣрнѣе сказать, служилъ, съ 1876 до 1879 г. наглядными примѣромъ того благодѣтельнаго значенія, которое можетъ имѣть подобная помощь. Въ теченіе этого времени институтъ этотъ пользовался громаднымъ обаяніемъ не только въ Черногоріи, но и на всемъ сосѣднемъ Далматинскомъ побережьи, и въ Сѣверной Албаніи: отовсюду наперерывъ просились туда воспитанницы, постоянно оправдывавшія потомъ въ жизни своей добрую славу того учрежденія, въ которомъ онѣ получили свое воспитаніе, и выносившія кромѣ того изъ онаго основательное знаніе русскаго языка и живую благодарность той Россіи, которой онѣ были обязаны своимъ воспитаніемъ.—Помощь школамъ дѣйствительно оказывалась, но оказывалась въ нѣкоторыхъ немногихъ только случаяхъ, скорѣе въ видѣ исключенія; и этого вида помощи коснулось тоже отчасти то оскудѣніе, о которомъ я только что говорилъ. Оскудѣніе это можетъ быть объясняется тѣмъ предположеніемъ, что вотъ народъ получилъ права, независимость, нечего уже пособлять огражденію его національности, его вѣрованій, отъ посторонняго посягательства; онъ самъ уже за себя постоитъ. Я ниже укажу на то, до какой степени и почему воззрѣніе это на дѣлѣ не оправдалось.

А между тѣмъ, въ то время, когда Россія то оставалась сравнительно равнодушною къ потребностямъ мѣстнаго православнаго населенія, то щедро одѣлила православные церкви и монастыри Балканскаго полуострова, начали дѣйствовать, чуть-ли не съ начала 40-хъ годовъ, другія пришлыя и издалека даже, силы; дѣйствовать постепенно, неустанно, систематически, мало по малу расширяя поле дѣйствій своихъ, избравъ орудіемъ своимъ, главнымъ образомъ, школу.—Врядъли существуютъ у насъ полныя историческія свѣдѣнія о дѣятельности латинскихъ пропагандистовъ въ Балканскомъ полуостровѣ; крайне интересныя отрывочныя указанія на дѣятельность ихъ въ адріанопольскомъ вилайетѣ между болгарами, изложены въ статьяхъ А. Френкеля (О славянскихъ земляхъ, и о школахъ змартвыхвстанцевъ въ Адріанополѣ), помѣщенныхъ въ сентябрьскомъ 1886 г. № „Извѣстій Славянскаго Общества", и въ извлеченіяхъ изъ книги Голубовича о Болгаріи, напечатанныхъ въ №№ 1 и 3 сентября „Новаго Времени" минувшаго года. Изъ этихъ и изъ другихъ данныхъ выясняется энергическій, строго-послѣдовательный характеръ дѣятельности этой пропаганды, находящей поддержку свою не въ одномъ Римѣ, но даже въ отдаленной Бельгіи, и главнымъ образомъ въ Австріи, у галицкихъ поляковъ, доставившихъ первый и главный контингентъ пропагандистовъ. Изъ Константинополя пропаганда проникаетъ въ Адріанополь, медленно, но неустанно пробирается во внутрь Болгаріи, въ Восточную Румелію и настоящее княжество, потомъ въ Македонію, строя церкви, основывая учебныя заведенія, неунывая передъ неудачами и ловко пользуясь для развитія своего дѣла прискорбными перипетіями греко-болгарской церковной распри. Сопоставленіе упомянутыхъ данныхъ съ тѣми, которыя мнѣ удалось собрать на мѣстѣ, показываетъ, что латинская пропаганда не только продолжаетъ успѣшно, хотя и медленно, свою дѣятельность, но что даже результаты войны 1877—1878 г. были особенно для нея благопріятны. Такъ, до 1879 г. въ Восточной Румеліи считалось до 7 католическихъ училищъ, съ тѣхъ поръ ихъ число увеличилось до 11. Въ 1879 г. основано въ Софіи училище для средняго и высшаго женскаго образованія, находящееся въ завѣдываніи католическихъ монахинь и имѣвшее въ 1881 г. до 170 воспитанницъ; оно было и остается не только лучшимъ, но единственнымъ въ этомъ городѣ учебнымъ заведеніемъ для средняго и высшаго женскаго образованія, и всѣ достаточные православные жители Софіи почти безъ исключенія отдаютъ туда на воспитаніе своихъ дочерей. Одновременно было открыто въ Софіи тоже католическими монахами мужское училище, имѣвшее въ 1881 г. 100 воспитанниковъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, которыя были вывезены мною изъ края въ 1881 г., въ Адріанополѣ существо-

вало—спеціально для болгаръ—два училища: главное уніатское мужское съ интернатомъ, основанное резуреціонистами, и женское, основанное на средства, данныя австрійскимъ правительствомъ, въ коемъ преподаваніе производилось исключительно по болгарски и по-нѣмецки; и кромѣ того, мужская и женская школа и пріютъ собственно для дѣтей мѣстной католической колоніи. Нынѣ, по согласнымъ свѣдѣніямъ Голубовича и Френкеля, тамъ учреждены собственно для болгаръ католическими пропагандистами духовная семинарія и гимвазія съ интернатами, независимо женскаго училища и учебныхъ заведеній, посѣщаемыхъ главнымъ образомъ дѣтьми не болгаръ. Въ настоящее время, въ краяхъ собственно болгарскихъ учреждены 4 римско-католическія епархіи: солунская для Македоніи, адріанопольская для вилайета того имени, никольско-рущукская и софійско-филиппопольская; въ нихъ, собственно въ епархіальныхъ средоточіяхъ, помимо сельскихъ школъ, количество которыхъ и опредѣлить довольно трудно, имѣется до 17 учебныхъ и воспитательныхъ учрежденій, содержимыхъ католиками, изъ нихъ 3 семинаріи, 1 гимназія и 2 учебныхъ заведенія для средняго и высшаго образованія дѣвицъ и затѣмъ еще не менѣе 3 училищъ среднихъ. Изъ исчисленныхъ 17 учебныхъ заведеній, 5 находятся въ Филиппополѣ: семинарія съ 44 воспитанниками, помѣщающаяся при архіепископскомъ подворьѣ подъ руководствомъ францисканскихъ монаховъ; вновь устроенное французскими монахами ассумціонистами среднее учебное заведеніе, съ обученіемъ ремесламъ, въ которомъ уже находится 17 воспитанниковъ; ими же руководимая школа на 100 приходящихъ мальчиковъ; два женскихъ сиротскихъ пріюта, одинъ—руководимый французскими сестрами ордена ассумціонистокъ, съ 25 воспитанницами, другой—болгарскими сестрами францисканскаго ордена, съ 15. Изъ этихъ заведеній семинарія и среднее учебное заведеніе съ ремесленнымъ образованіемъ, устроены самымъ капитальнымъ образомъ; при обѣихъ имѣются просторные храмы; въ семинарской церкви на архіепископскомъ подворьѣ пропопѣдуютъ по воскресеньямъ и праздникамъ по-болгарски; сиротскій пріютъ, находящійся подъ завѣдываніемъ болгарскихъ францисканокъ, представляетъ собой идеалъ изящной простоты и практичности. Кромѣ всѣхъ этихъ учрежденій филиппопольскіе францисканцы устроили помѣщающійся въ довольно просторномъ двухъ-этажномъ зданіи госпиталь, которымъ завѣдуютъ болгарскія францисканки, а французскіе ассумціонисты содержатъ типографію. Типографія имѣется и у адріанопольскихъ резуреціонистовъ. Архіепископскому подворью и семинаріи въ Филиппополѣ принадлежитъ въ сосѣдствѣ города чифтликъ, или имѣніе, служащее для лѣтняго пребыванія семинаристовъ и сиротокъ пріюта и приносящее до 1.000 турецкихъ лиръ (отъ 9.000 до 10.000 руб. сер.) чистаго годоваго дохода.

Остается для полноты картины упомянуть объ успѣхахъ католической пропаганды въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ дѣятельность эта находится понятнымъ образомъ въ исключительно благопріятныхъ для нея условіяхъ:—но Босніи и Герцеговина замкнуты для насъ стѣною, столь же непроницаемою какъ та, которою Японія ограждала себя еще въ сравнительно недавнее время отъ соприкосновенія съ иноземнымъ міромъ. Сквозь эту стѣну едва доходили даже до насъ слабые отголоски о тѣхъ невѣроятныхъ гоненіяхъ, которымъ подвергались тамъ въ теченіе первыхъ лѣтъ послѣдовавшихъ послѣ австрійскаго занятія, мѣстные ревнители народнаго тамъ дѣла, гоненіяхъ, часто напоминавшихъ собою худшія времена турецкаго ига. Знаемъ мы только, что мѣстная пропаганда пользуется полнымъ, хотя ловко скрываемымъ подъ личиною равноправнаго отношенія къ вѣроисповѣданіямъ, въ томъ числѣ конечно—и особенно—къ магометанскому, покровительствомъ правительства. Знаемъ, что, кромѣ того, пропаганда эта находится подъ спеціальнымъ покровительствомъ общества, спеціально учрежденнаго для распространенія католицизма въ Босніи и Герцеговинѣ, располагающаго весьма обширными средствами, считающаго въ числѣ своихъ членовъ первыхъ представителей австрійской и венгерской аристократіи.—Знаемъ тоже, что въ Боснію былъ назначенъ, и, по свидѣтельству посѣтившаго этп края въ 1883 г. Лавеле (Laveleye), исключительно съ цѣлью католической пропаганды, архіепископомъ іезуитъ Стадлеръ; что православный архіепископъ въ Сараевѣ — Савва Косановичъ, не поддававшійся всякимъ самаго даже неблаговиднаго свойства пронскамъ, пущеннымъ съ цѣлью склонить его къ переходу въ унію, вступившій затѣмъ въ открытый бой съ латинскою пропагандой, долженъ былъ въ концѣ концовъ отказаться отъ своего престола.—Знаемъ, наконецъ, что за послѣдовавшимъ вслѣдъ за занятіемъ края рядомъ гоненій на православныя школы и сербскихъ учителей, принята теперь система легальнаго искорененія первыхъ; система, заключающаяся въ опредѣленіи ряда обязательныхъ, отвосительно устройства школьныхъ зданій, выбора преподавателей и учебниковъ, условій, для большей части мѣстныхъ общинъ неосуществимыхъ; такъ что въ большей части случаевъ содержимыя общинами этими болѣе или менѣе убогія училища, въ которыхъ обучалъ дѣтей грамотѣ, за небольшую плату, мѣстный попъ, должны закрываться; а за отсутствіемъ ихъ православныя дѣти понуждаются къ посѣщенію такъ называемыхъ коммунальныхъ школъ, обязательно учреждаемыхъ на счетъ общинъ, гдѣ Закону Божію не учатъ, гдѣ католики и мусульмане обучаются имѣстѣ съ православными, но въ которыхъ обученіе идетъ по латинской азбукѣ и изъ которыхъ исключена кирилица и сербская азбука; такъ что получившія въ школахъ этихъ образованіе дѣти не знакомы съ тѣми письменами, которыми напечатаны церковныя православныя книги, заранѣе приготовляясь такимъ образомъ къ

отпаденію отъ своей вѣры, которая остается буквально закрытою для нихъ книгою.—Мы знаемъ изъ книги Лаведе, что въ Травникѣ существуетъ духовная 8 классная католическая семинарія, а въ Сараевѣ среднее учебное заведеніе для дѣвицъ, завѣдуемое католическими монахинями. — Наконецъ, упомянувъ отъ участіи Австріи въ дѣлѣ католической пропаганды, не слѣдуетъ выпустить изъ вида того содѣйствія, которое она оказываетъ католическимъ учрежденіямъ въ Болгарскихъ странахъ, между прочимъ въ Филиппополѣ, гдѣ мѣстный архіепископъ и завѣдуемыя францисканцами учрежденія находятся подъ непосредственнымъ покровительствомъ мѣстнаго австрійскаго консула, получая отъ представляемаго имъ правительства и матеріальную поддержку.

Хотя католическая пропаганда начала свою дѣятельность въ Болгаріи лишь въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія, тѣмъ не менѣе католическіе монахи и духовенство не представляются на Балканскомъ полуостровѣ чѣмъ-то новымъ, пришлымъ; они искони тамъ обитали и дѣйствовали; на Далматинскомъ побережьѣ испоконъ вѣка большинство жителей были католики; не мало было ихъ и въ Герцеговинѣ и Босніи, столько разъ обагрявшейся кровью побиваемыхъ католиками Богумиловъ. Между болгарами цѣлое мѣстное населеніе, извѣстное подъ названіемъ Павликіанъ, принадлежало еще въ средневѣковую эпоху къ латинской паствѣ. Еще въ XVII вѣкѣ іезуиты водворились въ Константинополѣ. Новымъ представляется тутъ лишь повсемѣстное систематическое усиленіе пропаганды.—Но вотъ въ сороковыхъ же годахъ настоящаго столѣтія являются совершенно новые на полуостровѣ пропагандисты, люди не имѣющіе въ краѣ ни единовѣрцевъ, ни единоплеменниковъ, ни мѣстныхъ политическихъ, ни даже почти торговыхъ интересовъ; люди, пришедшіе издали, изъ-за моря, изъ другаго даже полушарія.—Это американскіе методисты.—Ихъ не прислала сюда какая-нибудь центральная духовная власть, ихъ не привлекли ни торговыя предпріятія, ни политическіе интересы, ни племенное родство; они появились сначала въ одиночку, посланцами благочестивыхъ ассоціацій, радѣющихъ въ ихъ отечествѣ о распространеніи по всему міру Слова Божія; и, найдя себѣ благодарную почву въ мѣстномъ болгарскомъ населеніи, размножились среди онаго и неустанно ведутъ тамъ теперь свою проповѣдническую и воспитательную дѣятельность.—Исторія водворенія и развитія американскихъ методистскихъ миссій въ Балканскомъ полуостровѣ представляется во многихъ отношеніяхъ поучительною, какъ примѣръ послѣдовательнаго, неустаннаго, упорнаго преслѣдованія цѣли, разумной труженической, самозабвенной дѣятельности; какъ примѣръ того, что можно сдѣлать, чего можно достичь, при самыхъ небольшихъ, повидимому, сначала условіяхъ успѣха, и несмотря на борьбу съ значительными препятствіями.—Американскіе миссіонеры, посланные американскимъ миссіонерскимъ совѣтомъ (American Missionary Board), впервые явились въ Константинополь въ 1831 г.; первыми ихъ тамъ представителями были Вильямъ Гудель (William Goodell); послѣ доктора богословія: Дуайтъ (Dwight) и Шауфлеръ (Shauffler); лица эти посвятили себя всецѣло, какъ и преемники и сотрудники ихъ, миссіонерскому дѣлу и прожили въ Константинополѣ по 35 и по 40 лѣтъ. Первое вниманіе пропагандистовъ было обращено на армянъ; несмотря на сильный отпоръ со стороны армянскаго духовенства, поддержаннаго турецкимъ правительствомъ и русскимъ посольствомъ (многіе изъ ихъ прозелитовъ принадлежали къ русскимъ армянамъ), имъ удается основать между армянами евангелическій союзъ (Evangelical Union), который они распространяютъ въ сосѣднихъ Константинополю частяхъ Малой Азіи, основывая тамъ церкви и общины.—Успѣхи ихъ такъ значительны, что американскій миссіонерскій совѣтъ рѣшается въ 1837 г. открыть въ Константинополѣ семинарію. Для этого командируется изъ Америки спеціальный миссіонеръ, нѣкто Киръ Хамлинъ (Cyrus Hamlin), который открываетъ въ 1840 г. семинарію близъ Константинополя, на Босфорѣ, въ селеніи Бебекъ. Учебное заведеніе это занимаетъ въ первое время своего существованія лишь одинъ только этажъ мѣстнаго небольшаго дома. Директору семинаріи приходится бороться съ недостаткомъ средствъ; для пріобрѣтенія ихъ онъ занимается изготовленіемъ телеграфныхъ аппаратовъ, устраиваетъ при семинаріи паровую мельницу и пекарню, доходы съ которыхъ идутъ на содержаніе учебнаго заведенія.—Къ понятному недоброжелательству со стороны армянскаго духовенства присоединяется конкурренція іезуитовъ, которые тоже устраиваютъ въ Бебекѣ свою французскую коллегію. Но, несмотря на всѣ препятствія, миссіонеры продолжаютъ свое дѣло. — Первое знакомство миссіонеровъ собственно съ славянами и спеціально съ болгарами относится къ концу сороковыхъ и началу 50-хъ годовъ. Толпы приходящихъ на заработки въ Константинополь болгаръ, слышавшихъ у мѣстныхъ грековъ совершенныя дикаріями и невѣждами, обращаютъ на себя вниманіе миссіонеровъ. Одинъ изъ послѣднихъ, докторъ Ригсъ (Riggs), издаетъ болгарскій переводъ Новаго Завѣта.—Книга пользуется совершенно непредвидѣннымъ миссіонерами, крайне поразившимъ ихъ, успѣхомъ: она расходится массами. Это обращаетъ на себя вниманіе миссіонеровъ: они идутъ въ Македонію, въ Филиппополь, въ Софію, въ придунайскую Болгарію, изучаютъ край, поражены подъемомъ тамъ національнаго духа (это было время начала распри съ патріархатомъ). Въ 1856 г. американскій методистскій епископскій совѣтъ (Methodist Episcopal Board) на общемъ своемъ собраніи въ городѣ Пальмирѣ (въ Нью-Іоркскомъ штатѣ), рѣшаетъ основать особую миссію для дунайскихъ болгаръ. Одновременно американскій миссіонерскій совѣтъ (American Missionary Board), при помощи англійскаго общества помощи турецкимъ

миссіямъ (Turkish Missions Aid Society), посылаетъ миссіонеровъ въ Адріанополь и Румелію. Болгарскія брошюры духовно-нравственнаго содержанія (tracts) миссіонеровъ печатаются и расходятся въ 1857 г. массами, равно какъ и экземпляры болгарскаго перевода Новаго Завѣта. Миссіонерскія станціи съ полнымъ штатнымъ комплектомъ—непремѣнно семейныхъ—поставленныхъ миссіонеровъ (ordained missionaries) и помощниковъ (helpers), двѣнадцать посвятившихъ себя дѣлу женскаго воспитанія, мѣстныхъ пасторовъ (native pastors) патентованныхъ проповѣдниковъ (licensed preachers), послѣдніе два разряда для посылокъ по краю, всѣ американцы и американки (кромѣ мѣстныхъ пасторовъ)—учреждаются въ Старой Загорѣ, Рущукѣ, Филиппополѣ, Битолѣ (Монастирѣ); и болгаре являются съ этого времени излюбленною американскими миссіонерами средой, на которую они обращаютъ главную свою заботу. — Первыми училищными центрами являются Старая Загора и Пловдивъ, особенно первый пунктъ: въ обоихъ городахъ у нихъ до 500 учениковъ; но неудавшееся возстаніе, начавшееся было въ 1867—1868 г., повело за собою закрытіе школъ въ Старой Загорѣ и перенесеніе главной дѣятельности миссіонеровъ въ Самаковъ, пунктъ, дающій имъ возможность распространять свою проповѣдь одинаково какъ въ Македоніи, такъ и въ Восточной Румеліи и теперешнемъ болгарскомъ княжествѣ. Крайне интересны разсказы о проявлявшемся сначала со стороны болгаръ къ миссіонерамъ недовѣріи, о томъ, какъ мало по малу устранилось это недовѣріе сближеніемъ послѣднихъ съ болгарами помощью и содѣйствіемъ имъ въ практическихъ дѣлахъ. Не безынтересно тоже и то, что въ воспитательной дѣятельности миссіонеровъ произошла во второй половинѣ 50-хъ и въ началѣ 1860 гг. нѣкоторая остановка, условливавшаяся тѣмъ, что на собраніяхъ миссіонерскихъ обществъ и совѣтовъ (boards), происходившихъ въ то время въ Америкѣ, возобладало было мнѣніе, что миссіонерамъ слѣдуетъ дѣйствовать не школой, а, по примѣру апостоловъ, непосредственной проповѣдью; высказывалось на тѣхъ же собраніяхъ мнѣніе, что слѣдуетъ въ миссіонерскихъ школахъ обучать исключительно на мѣстномъ языкѣ. Эти воззрѣнія, однако, въ концѣ концовъ, не преобладали; школа осталась главнымъ орудіемъ пропаганды, не исключающимъ, конечно, проповѣди, и англійскій языкъ обязательнымъ предметомъ преподаванія, какъ наиболѣе распространенный, наиболѣе богатый, наиболѣе ведущій къ взаимному общенію. — Почти одновременно съ обсужденіемъ этихъ предполагавшихся въ миссіонерской дѣятельности преобразованій, именно въ началѣ 1856 г., Константинополь посѣтилъ богатый американецъ изъ Ньюіорка, Христофоръ Робертъ. Онъ пріѣхалъ досужимъ туристомъ, привлеченный интересомъ уже оканчивавшейся тогда крымской войны. Случайно катаясь въ каикѣ по Босфору, онъ наткнулся на баржу, везшую въ Константинополь на продажу хлѣбъ изъ пекарни бебекской миссіонерской семинаріи; это повело за собою посѣщеніе семинаріи, знакомство съ директоромъ оной и переписку съ нимъ, приведшую г. Роберта въ 1858 г., въ виду предположеній о закрытіи семинаріи, къ мысли устроить на собственныя деньги на мѣстѣ оной коллегію въ Бебекѣ. Въ исходѣ 1859 г. купленъ для этого участокъ земли на высотахъ Румеліи—Гиссара, неподалеку отъ Бебека, но затѣмъ задержала дѣло возникшая въ Соединенныхъ Штатахъ междоусобная война, а потомъ пришлось въ теченіе 7 лѣтъ домогаться разрѣшенія на устройство проектированной коллегіи; и только въ 1869 г. возможно было приступить къ закладкѣ зданія учебнаго заведенія, получившаго по имени лица, на средства котораго оно было устроено, названіе Robert College. Самое открытіе коллегіи послѣдовало въ іюнѣ 1870 г. Для насъ, неумѣющихъ ничего строить и устраивать дешево, поучительно то, что постройка этого монументальнаго и вмѣстѣ изящнаго зданія, грандіозно вѣнчающаго прибрежный Босфору холмъ, зданія, могущаго вмѣстить въ себѣ болѣе 250 пансіонеровъ и столько же приходящихъ воспитанниковъ, потребовала не болѣе 12.000 ф. ст., т. е. немного болѣе 120.000 р. по настоящему курсу (на 2.000 ф. с. дешевле разсчитанной въ обрѣзъ смѣты въ 14.000: у насъ бы оно навѣрное обошлось вдвое дороже смѣты); далѣе, что устройство его съ постройкой потребовало всего 20 т. ф. с. или около 200 т.; наконецъ, что весь расходъ г. Роберта на это учебное заведеніе вмѣстѣ съ капиталомъ, пожертвованнымъ имъ на обезпеченіе содержанія оваго, составилъ до 200 т. долларовъ, или 400 т. р. на наши деньги.— Robert College, какъ уже сказано, собственно учрежденіе частное: оно построено и существуетъ на частныя средства; оно замѣнило собою прежнюю бебекскую семинарію, но независитъ уже вовсе отъ американскихъ миссіонерскихъ обществъ, которымъ оно все-таки обязано своимъ происхожденіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, коллегія эта въ сущности остается неразрывно связанною съ дѣломъ американскихъ миссій; она нравственно неотъемлемая часть этого дѣла; кромѣ того, усп'ѣхомъ своимъ коллегія направила послѣдующую дѣятельность миссіонеровъ, рѣшила тѣ спорные ея этотъ счетъ вопросы, о которыхъ я упомянулъ выше. Успѣхъ этотъ повелъ за собою устройство миссіонерами учебныхъ учрежденій, по образцу Роберт-Колледжа, въ Сиріи и Малой Азіи: Бейрутѣ, Аинтабѣ и Харпутѣ; поэтому особенно интересна главная, выразившаяся въ устройствѣ коллегіи мысль и цѣль ея учредителей. Мысль и цѣль эта — объединеніе высшимъ образованіемъ представителей столь различествующихъ другъ отъ друга и по вѣроисповѣданію, и по національности принадлежащихъ Турціи народовъ. Воспитанники сначала проходятъ приготовительный курсъ, обучаясь при этомъ обязательно англійскому языку, на которомъ производится преподаваніе. Та-

кимъ образомъ, учебное учрежденіе имѣетъ цѣлью своею сліяніе входившихъ въ составъ Турецкой имперіи національностей на почвѣ протестантизма и англійскаго языка: британизацію, такъ сказать, мѣстной интеллигенціи. Понятно становится при этомъ неудовольствіе зачинателей этого дѣла поляною 1877—1878 г.; они смотрѣли на нее, какъ на бѣдствіе для самихъ освобождаемыхъ ею: она дѣйствительно разстраивала ихъ планы. Что касается собственно до религіозной пропаганды, то Законъ Божій, св. исторія и богословскія науки не входятъ въ учебную программу, но дается общедоступное всѣмъ мѣстнымъ вѣрованіямъ, иначе протестантское религіозное воспитаніе. Въ коллегіи еще въ 1876 г. перебывали уже юноши 18 различныхъ національностей, говорящихъ на 12 различныхъ языкахъ, и всѣхъ вѣроисповѣданій Востока. Но вскорѣ между ними стали преобладать болгаре, число которыхъ доходило въ 1881 г. до 85, оставляющіе за собою своими успѣхами воспитанниковъ другихъ народностей; въ одномъ только рисованіи признается преимущество передъ ними армянъ.

Присоединяю еще нѣкоторыя подробности насчетъ устройства, внутреннихъ распорядковъ и программы преподаванія въ Робертъ-Колледжѣ: онѣ интересны какъ характеристика учебнаго заведенія, доказавшаго тѣмъ значеніемъ, которое оно получило, цѣлесообразность своего устройства, и при томъ какъ относящіяся до цѣлаго ряда заведеній, образовавшихся по образцу онаго.—Воспитанники принимаются въ приготовительный классъ колледжа не моложе 10, а для поступленія слѣдующаго за приготовительнымъ курса нужно быть не моложе 14 лѣтъ. Пансіонеры платятъ по 44 золотыхъ турецкихъ лиры за содержаніе и ученіе, при чемъ они должны имѣть собственную кровать и постельныя принадлежности. Экстерны платятъ 10 лиръ въ годъ и добавочныя 6 лиръ за завтракъ. Какъ пансіонерамъ, такъ и экстернамъ отпускаются учебныя книги и классныя принадлежности за особую плату, варьирующую отъ 1 до 4 лиръ въ годъ. Допускается ограниченное количество стипендіатовъ и полустипендіатовъ, по усмотрѣнію управленія коллегіей. Кромѣ лѣтнихъ вакацій, продолжающихся отъ конца (3-го четверга) іюля до 15 сентября, воспитанникамъ дается въ концѣ каждаго мѣсяца 3 вакаціонныхъ дня, которые они могутъ проводить въ своей семьѣ. Пища воспитанниковъ простая, но обильная—утромъ кофе или чай съ молокомъ, хлѣбомъ, масломъ, яйцами, въ 12 часовъ завтракъ изъ 2-хъ, вечеромъ обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ; вина не дается. Директоръ, семья его и профессора ѣдятъ за общимъ съ воспитанниками столомъ. Директоръ—докторъ Уашборнъ (Washburn), получающій 80 лиръ (по настоящему курсу болѣе 800 руб.) содержанія въ мѣсяцъ и его помощникъ—докторъ Лонгъ (Long)—50 лиръ—оба американцы и миссіонеры. Большая часть профессоровъ той же національности. Библіотека коллегіи состоитъ изъ 6 т. томовъ. — Курсъ коллегіи раздѣляется на 6 годовыхъ классовъ, изъ которыхъ первый приготовительный. Преподаваніе производится по англійски. Классы носятъ своеобразныя, почти не переводимыя, усвоенныя въ кэмбриджскомъ университетѣ названія; такъ: 2 курсъ называется 2-nd Freshman, 3—1-st Freshman, 4— Sophomore, 5 — Junior, 6 — Senior. Каждый классъ раздѣленъ на три срока—terms. Въ 1 приготовительномъ классѣ преподаются: англійскій языкъ, умственная и коммерческая (commercial) ариѳметика, новые языки, географія, рисованіе, чистописаніе. Во 2 (2-nd Freshman)—англійскій, новые и мѣстные (vernacular) языки, алгебра, геометрія, зоологія и рисованіе. Въ 3-мъ англійская грамматика и англійское сочиненіе (english composition), латинскій и новые языки и кромѣ того, древне-армянскій, древне-греческій или церковнославянскій, смотря по національности воспитанника, древняя исторія, геометрія, высшая алгебра, тригонометрія, физика и бухгалтерія. Въ 4 курсѣ (Sophomore) — Шекспиръ (sic), реторика, латинскій и новые языки, древне-армянскій, древне-греческій или церковно-славянскій, новая исторія, аналитическая геометрія, химія органическая и неорганическая, физіологія, землемѣріе. Въ 5-мъ англійская литература, латинскій и новые языки и опять древне-армянскій, древне-греческій или церковно-славянскій, логика, политическая экономія, физическая географія, аналитическая химія, ботаника, минералогія, біологія и инженерное искусство (civil engineering) *). Наконецъ, въ 6 классѣ проходятся: древне-армянскій, древне-греческій или церковно-славянскій языки, исторія цивилизаціи, исторія философіи, философія исторіи, психологія, этика (ethics), международное право, торговое законодательство, геологія и астрономія. Какъ въ 4-мъ такъ и въ 6-мъ классѣ часть послѣдняго, 3-го, срока посвящается повторенію и экзаменамъ.

Какъ уже упомянуто было выше, главная воспитательная дѣятельность миссіонеровъ сосредоточилась съ 1868 г. въ служившемъ имъ уже прежде станціею городѣ Самоковѣ, находящемся въ самомъ средоточіи Болгаріи, на границѣ Восточной Румеліи, княжества Болгарскаго и Македоніи. Тамъ сгруппировалась цѣлая американская колонія, построена видная и даже изящная по наружной архитектурѣ церковь, гдѣ молитвословіе производится по-болгарски; тамъ же построены и содержатся ими: учебное заве-

*) Затѣмъ въ программѣ этого класса значится названіе одного предмета преподаванія, значеніе котораго я не могъ выяснить: Paley and Par. Law. Пэлей (Paley) англійскій ученый прошедшаго или начала настоящаго столѣтія, извѣстный между прочимъ сочиненіемъ о согласованіи библейскихъ сказаній съ новѣйшими научными воззрѣніями, особенно по части геологіи; можетъ быть тутъ разумѣется относящійся до этого предмета преподаванія, и можетъ быть Par. Law (первое слово, очевидно, сокращено) тоже названіе англійскаго или американскаго ученаго, характеризующее предметъ преподаванія.

деніе съ высшимъ богословскимъ курсомъ для приготовленія молодыхъ людей къ „учительской и проповѣдинческой дѣятельности", и женское училище съ особымъ приготовительнымъ отдѣленіемъ, имѣющее цѣлью приготовлять дѣвушекъ къ тому, чтобы онѣ „учительствомъ или другими путями способствовали дѣлу христіанскаго просвѣщенія и возвышенію нравственнаго уровня женщинъ въ краѣ". Наконецъ, въ Самаковѣ американскіе миссіонеры завѣдуютъ тоже школой для приходящихъ дѣвушекъ, содержимою на средства города. Въ 1886 г. было въ первомъ учебномъ заведеніи 35 воспитанниковъ, во второмъ 40 воспитанницъ, въ третьемъ 20 учениць. Въ общемъ итогѣ число учащихся не особенно велико, но училища Самаковскія важны по своему значенію для всего края, важны потому, что это средоточіе мѣстныхъ пропагандистовъ. Кромѣ того что устройство ихъ во многихъ отношеніяхъ интересно и своеобразно, оно примѣчательно тоже своею практичностью, и я считаю поэтому не лишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности по отношенію къ Самаковскимъ миссіонерскимъ учрежденіямъ, съ которыми мнѣ удалось, къ сожалѣнію весьма поверхностно, ознакомиться при проѣздѣ черезъ этотъ городъ въ краткую побывку свою въ Болгаріи прошедшимъ лѣтомъ. Мужское училище „американско-научно-богословское заведеніе"—какъ оно именуется и женское „американско-дѣвическое заведеніе"—помѣщаются въ двухъэтажныхъ довольно просторныхъ домахъ, построенныхъ, какъ и церковь но мѣстному, изъ забраннаго залѣпленнымъ глиною плетнемъ фахверка. Эта простота и практическая дешевизна зданій, при которой они выдаются среди прочихъ, правда, большею частью сколоченныхъ на живую нитку домовъ Самакова, своимъ прочнымъ, почти изящнымъ видомъ, и которая нисколько не вредитъ внутреннему удобству, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе. Воспитанники мужскаго училища живутъ въ школьномъ зданіи, хотя понятіе интерната въ точномъ смыслѣ пониманія этого термина у насъ, не сносимъ тутъ примѣнимо; экстерны допускаются въ видѣ особыхъ исключеній. — Въ женскомъ училищѣ есть и пансіонерки, и приходящія, но численно преобладаютъ первыя.—Въ 3-й школѣ для дѣвушекъ, содержимой городомъ, одни приходящія ученицы.—Воспитанники помѣщаются въ отдѣльныхъ комнатахъ, по одному, по два, въ болѣе просторныхъ и по трое вмѣстѣ; помѣщеніе вообще простое, но опрятное, не тѣсное и удобное.—Въ этихъ же зданіяхъ живутъ съ семьями своими главный директоръ Гаузъ (House), помощникъ его Кларъ (Clarke), учитель г. Слиперъ (Sleeper), главная наставница миссъ Мольтби (Moltby), состоящій при школахъ врачъ американецъ и, кажется, еще наставникъ и наставница. Всѣ жилыя комнаты, аудиторіи, просторны; меблировка и все вообще въ нихъ отличается простотой, практичностью, удобствомъ, опрятностью. Всѣ учебныя принадлежности: карты и картины для наглядиаго обученія, развѣшанныя по стѣнамъ, физическіе инструменты, зоологическія и минералогическія коллекціи—изъ Америки. — Воспитаніе не безплатное; точно также и въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ обученіе не вездѣ даровое; у французскихъ ассумціонистовъ въ Филиппополѣ плата за обученіе съ полнымъ содержаніемъ 22 лиры въ годъ, въ филиппопольской семинаріи обученіе и содержаніе безплатное; въ Адріанополѣ берется плата съ состоятельныхъ воспитанниковъ католической семинаріи и гимназіи, но большинство, особенно изъ Болгаръ, содержатся безплатно. Въ Самаковѣ допускается тоже много исключеній, т. е. не мало воспитанниковъ освобождается отъ платы; по общимъ правиламъ полагается за ученіе 3 лиры, за помѣщеніе одна лира, за столъ около 10 лиръ золотомъ (за 10 мѣсяцевъ). Воспитанники, живущіе въ училищѣ, завѣдуютъ сами столовымъ хозяйствомъ подъ надзоромъ училищнаго начальства, при чемъ отъ нихъ зависитъ удешевить столовый расходъ; объ освѣщеніи, отопленіи своихъ комнатъ и стиркѣ бѣлья, они должны заботиться сами, и на свой счетъ.—Въ теченіе вакаціоннаго времени, продолжающагося лѣтомъ 2 мѣсяца (іюль и августъ) и по 2 недѣли послѣ Рождества и Свѣтлаго Воскресенія, ученики предоставляются собственной о себѣ заботѣ; въ теченіе лѣтняго вакаціоннаго времени оба училища остаются закрытыми, и тогда, и ученицы тоже предоставляются собственному о себѣ попеченію.—Въ женскомъ училищѣ плата за воспитаніе съ помѣщеніемъ, освѣщеніемъ, отопленіемъ и столомъ 13 лиръ въ годъ; въ приготовительномъ классѣ—12 лиръ. Кромѣ того, воспитанницы должны имѣть полный положенный запасъ платья и бѣлья и внести особую плату за учебныя книги.—Приходящія платятъ по 2 лиры, въ приготовительномъ классѣ по 1 лирѣ въ годъ.

Курсъ ученія въ мужскомъ училищѣ шестилѣтній; собственно научный курсъ обнимаетъ первыя пять лѣтъ, шестой годъ посвященъ дополнительному богословскому курсу. Древнихъ языковъ не преподается вовсе, но обязательно обучаютъ кромѣ болгарскаго и церковно-славянскаго, французскому и преимущественно англійскому. Въ число предметовъ преподаванія входятъ: математика, до тригонометріи включительно, логика, реторика, исторія, физика, химія, астрономія, филологія, ботаника, геологія, минералогія, политическая экономія, педагогика (кратко), нравственная и умственная философія, діалектика (бухгалтерія). Законъ Божій и богословскія науки проходятся своеобразно: первый годъ—толкованіе евангелія отъ Матеея и христіанское ученіе, второй годъ—библейскія сказанія и пятикнижіе, третій годъ—житіе Спасителя и согласіе евангелій, четвертый годъ—житіе апостола Павла и нѣкоторыя изъ его посланій, пятый годъ — пророкъ Исаія, разныя части Ветхаго Завѣта, посланія къ римлянамъ и затѣмъ естественное богословіе, церковная исторія и доказательства христіанства; наконецъ 6-й годъ посвящается исклю-

чительно Закону Божію и богословію (посланіе къ евреямъ, евангеліе отъ Іоанна и разныя части Новаго Завѣта, догматическое богословіе, омилетика, пастырское богословіе, церковная исторія). Затѣмъ воспитанники упражняются въ сочиненіи, декламаціи, словопреніи, пѣніи и гимнастикѣ. Дипломы выдаются какъ окончившимъ успѣшно первый 5-ти-лѣтній, такъ и полный 6-ти-лѣтній курсы. Воспитанники принимаются не моложе 13 лѣтъ; отъ нихъ требуется для поступленія умѣть свободно читать по болгарски, каллиграфическое письмо, знаніе болгарской исторіи, общей и мѣстной географіи, грамматики своего языка до словосочиненія, и ариѳметики до отношеній.—Курсъ женскаго училища начинается въ приготовительномъ классѣ съ обученія чтенію и письму и продолжается, послѣ окончанія курса приготовительнаго отдѣленія, 5 лѣтъ, въ теченіе первыхъ 3-хъ, изъ которыхъ англійскій языкъ преподается наравнѣ съ болгарскимъ. Въ учебной программѣ обращаютъ на себя вниманіе: физіологія (во 2 году), алгебра, ботаника и нравственная философія (въ 3-мъ), физика и геометрія (въ 4-мъ), химія, астрономія, геологія, минералогія и умственная философія въ 5-мъ; кромѣ всего этого, географія, болгарская и всеобщая исторія, словесность. Религіозное преподаваніе также производится своеобразно; въ приготовительномъ отдѣленіи—толкованіе первыхъ 10 главъ евангелія отъ Матѳея; въ первомъ за тѣмъ году—продолженіе толкованія того-же евангелія; во 2 году—христіанское ученіе; въ 3-мъ—согласіе евангелій; въ 4-мъ естественное богословіе и доказательства христіанства; въ 5-мъ—Священное Писаніе.—Ученицы упражняются въ сочиненіи, рисованіи, шитьѣ, нотномъ пѣніи, гимнастикѣ; за добавочную плату 2 лиръ въ годъ обучаются музыкѣ, а 1½ лиръ—французскому языку; кромѣ того онѣ обязаны участвовать въ нѣкоторыхъ общихъ работахъ по училищу съ цѣлью приготовленія къ домашнимъ (хозяйственнымъ) обязанностямъ. — При Самаковскихъ училищахъ имѣется небольшая типографія, въ которой печатаются небольшія брошюры духовно-нравственнаго содержанія вродѣ англійскихъ подобнаго рода изданій, извѣстныхъ подъ названіемъ tracts, переводныя съ англійскаго или сочиненныя воспитанниками училища; тоже и мелкія стихотворенія духовнаго содержанія того же происхожденія.—Кромѣ Самаковскихъ, существуютъ хорошо устроенныя училища американскихъ методистовъ въ другихъ мѣстностяхъ княжества, Восточной Румеліи, Македоніи и адріанопольскаго вилайета, а именно: въ Ямболѣ, Филиппополѣ, Адріанополѣ, Систовѣ и въ селѣ Банскомъ; но перечисленіе это едва ли совершенно полно; кромѣ того, въ настоящемъ году предполагается открыть въ Софіи образцовое училище, для котораго уже нанятъ тамъ домъ.—Но дѣятельность методистовъ не ограничивается школами: они живутъ и дѣйствуютъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ Болгарскаго края, гдѣ нѣтъ училищъ, занимаясь тамъ, по ихъ выраженію, христіанскимъ дѣломъ (on Christian work). Въ бытность мою въ Самаковѣ главный директоръ училища г. Гаузъ былъ въ отлучкѣ по подобному дѣлу въ Македоніи, въ мѣстечкѣ Баньи. Страннымъ при этомъ кажется, можетъ быть отчасти и добросовѣстное увѣреніе мѣстныхъ Самаковскихъ американскихъ дѣятелей, будто цѣль ихъ не пропаганда, т. е. не совращеніе православныхъ, а лишь образованіе истинныхъ христіанъ. Впрочемъ я долженъ замѣтить тутъ, что и архіепископъ Меллинъ въ Филиппополѣ тоже увѣрялъ меня, что онъ заботится лишь о своей паствѣ, о сохраненіи цѣлости оной, а нисколько не имѣетъ и въ мысли обращенія православныхъ въ католичество.

Какъ-бы то ни было, но методистская проповѣдь достигла въ краяхъ, обитаемыхъ болгарами, не малыхъ успѣховъ. По достовѣрнымъ имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, кромѣ Самакова съ окрестностями, уже образовалось тамъ въ настоящее время не мало методистскихъ болгарскихъ общинъ, а именно въ Ямболѣ и сосѣднихъ съ этимъ городомъ селахъ, гдѣ болгаръ протестантовъ насчитывается до 500 человѣкъ, въ Филиппополѣ съ нѣкоторыми окрестными селеніями, въ Систовѣ, въ Тырновѣ, Ловчѣ, Троянѣ, Софіи, въ Папагюриштѣ (около 10 семействъ) въ Костенищѣ (15 дворовъ и болѣе 80 человѣкъ оглашенныхъ), въ Разлогскомъ округѣ въ Македоніи, до 200 домовъ, въ двухъ только селеніяхъ Баньи и Банскомъ, и въ Адріанополѣ. Кромѣ того, во всѣхъ почти городахъ болгарскихъ и во многихъ селеніяхъ найдется не мало болгаръ протестантовъ, не упускающихъ случая пропагандировать свое вѣроученіе. Особенно много протестантовъ между представителями высшей мѣстной интеллигенціи; изъ нихъ можно назвать: Іовчева, директора филиппопольскихъ музея и библіотеки, бывшаго министра князя Цанова, руководящаго теперь устройствомъ протестантской школы въ Софіи, Ивана Тонжерова, Томова, Бояджіева, Паламидова и другихъ.—Прискорбное явленіе распространенія протестанства въ Болгаріи не можетъ не озабочивать насъ между прочимъ съ той точки зрѣнія, что оно совпадаетъ съ аналогичными, хотя и болѣе недавними явленіями на родной почвѣ; нѣкоторая склонность болгарскаго простонародія къ протестантизму, давшая возможность американскимъ миссіонерамъ одержать тутъ въ дѣлѣ прозелитизма гораздо больше успѣховъ, чѣмъ латинскіе пропагандисты, однохарактерно съ штундистскимъ движеніемъ въ юго-западной Россіи; съ другой стороны проповѣдь лорда Рэдстока и его русскихъ сектаторовъ, имѣвшая столько успѣха въ высшемъ обществѣ нашемъ и проникнувшая несомнѣнно и въ народные слои, совершенно та-же, которою американскіе миссіонеры совращаютъ болгарскихъ интеллигентовъ: тутъ и догма, и способы дѣйствія, и увѣреніе, что дѣло идетъ не о прозелитизмѣ, а только о распространеніи истиннаго христіанства, все совершенно одинаково; однимъ словомъ, и тамъ и тутъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ одинъ и тотъ же

врагъ, однаковыми пріемами подкапывающійся подъ народную нравственную самобытность, подъ духовное историческое наслѣдіе, подъ родную святыню. — Я могу добавить, что болгарскіе протестанты очень интересуются успѣхами нашихъ Рэдстокистовъ.

Коснувшись для полноты картины дѣятельности иновѣрной пропаганды между славянами во всемъ Балканскомъ полуостровѣ, я ограничусь теперь тою частью ихъ, отношенія къ которымъ насъ въ настоящую минуту спеціально интересуютъ; цѣль моя уяснить то вліяніе, которое имѣли на настоящія событія въ Болгаріи школы, созданныя католическими резурекціонистами, ассумціонистами, лазаристами, пассіонистами, францисканцами, на средства, присылавшіяся и присылающіяся имъ изъ Франціи, Италіи, Австріи и отъ австро-венгерскаго правительства, и американскими методистами, причемъ я имѣю спеціально въ виду школы для средняго и высшаго образованія, и указать, какія вытекаютъ отсюда для нашего Общества задачи.—Изъ сдѣланнаго очерка видно, что въ настоящее время какъ въ оставшихся въ непосредственномъ подчиненіи Портѣ, такъ и въ получившихъ болѣе или менѣе полную независимость болгарскихъ земляхъ, находится 6 мужскихъ и не менѣе 2-хъ женскихъ учебныхъ заведеній для средняго и высшаго образованія, въ которыхъ воспитывается болгарская интеллигенція и большая часть которыхъ существовала уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Къ этимъ учебнымъ заведеніямъ слѣдуетъ присоединить еще среднія и высшія иновѣрныя учебныя заведенія въ Константинополѣ: школу братьевъ христіанскаго ученія (Frères de la doctrine chrétienne) въ Галатѣ, женское училище св. Викентія Павла, тамъ же, коллегію лазаристовъ въ Бебекѣ, большой французскій лицей, содержимый іезуитами въ Галатѣ—Серай и, наконецъ, Robert College; эти учебныя заведенія (и, вѣроятно, далеко не исчерпалъ перечня католическихъ и вообще иновѣрческихъ среднихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ Ковстантинополѣ)—открыты всѣ конечно и болгарамъ, преобладающимъ численностію своею въ послѣднемъ изъ поименованныхъ. Въ чемъ же выражалось содѣйствіе, въ виду всего этого, оказанное нами къ охраненію и поддержанію православія между болгарами, для противодѣйствія всѣмъ этимъ созданнымъ спеціально для совращенія православныхъ учрежденіямъ? Мы можемъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ указать лишь на денежное пособіе, отпускавшееся русской начальницѣ сиротоинталища въ Филиппополѣ. — Мы, конечно, содѣйствовали и содѣйствуемъ просвѣщенію какъ южныхъ славянъ вообще, такъ и болгаръ въ особенности, доставляя имъ средства воспитанія въ Россіи; но кромѣ нѣкоторыхъ особенныхъ причинъ, парализовавшихъ ту пользу, которую могло бы принести подобнаго рода содѣйствіе и которыхъ я коснусь ниже, нужно сказать вообще, что отъ воспитанія на чужбинѣ, хотя бы и единовѣрной и единоплеменной, далеко нельзя ожидать той пользы, которую можетъ принести учрежденіе учебныхъ заведеній на той почвѣ, въ той средѣ, гдѣ живутъ и возрасли воспитуемые, и гдѣ имъ предназначено жить и дѣйствовать. Иновѣрные миссіонеры хорошо сознали это; они не увозятъ юношей къ себѣ для ихъ просвѣщенія, они устраиваютъ школы въ самой той странѣ, къ обращенію которой они стремятся. Въ римской коллегіи пропаганды и въ другихъ высшихъ духовныхъ училищахъ Западной Европы воспитываются только сравнительно очень не многіе изъ лучшихъ воспитанниковъ мѣстныхъ училищъ, спеціально готовимые въ пропагандисты. Содержаніе стипендіатовъ и воспитаніе ихъ на чужбинѣ обходится въ концѣ концовъ, особенно если принять въ разсчетъ проѣздъ, дороже устройства и содержанія мѣстныхъ школъ; причемъ, весьма только незначительное меньшинство ищущихъ образованія, особенно изъ числа женщинъ, въ состояніи оставить семью и родину, чтобы воспитываться заграницей. Близкое знакомство съ дѣломъ указываетъ еще на вѣкоторыя другія спеціальныя неудобства, съ которыми сопряжено воспитаніе молодыхъ людей изъ южныхъ славянъ собственно у насъ въ Россіи: климатъ нашъ дѣйствуетъ часто гибельно на южные организмы; юноши, пріѣзжающіе къ намъ, очень скоро отвыкаютъ отъ своей родной обстановки, своихъ родныхъ привычекъ, пріучаются къ потребностямъ, удовлетвореніе которыхъ они не могутъ найти на родинѣ. Подъ вліяніемъ вывезенныхъ изъ Россіи представленій о сравнительно щедрыхъ окладахъ нашихъ, они не удовлетворяются размѣромъ того вознагражденія, которое они могутъ получить на родинѣ; очень многіе изъ нихъ не уживаются въ своемъ отечествѣ, идутъ искать счастія на чужбинѣ, весьма часто остаются на службѣ въ Россіи, п. такимъ образомъ, цѣль ихъ воспитанія у насъ не достигается. Нужно кромѣ всего этого замѣтить, что количество средствъ, имѣющихся у насъ для воспитанія южныхъ славянъ, не особенно велико, отчасти, благодаря закрытію Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Такъ, въ настоящее время при значительномъ наплывѣ къ намъ молодыхъ людей изъ Сербіи и Болгаріи, наплывѣ, знаменательнымъ образомъ совпадающимъ съ враждебностью къ намъ правительствъ этихъ странъ, въ наши университеты и особенно въ здѣшнюю военно-медицинскую академію, стипендіи въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ уже всѣ заняты, свободныхъ назначенныхъ для пособія стипендіатамъ денежныхъ средствъ уже нѣтъ; и приходится отказывать молодымъ людямъ, заявляющимъ о желаніи своемъ поступить въ число университетскихъ или академическихъ стипендіатовъ, и даже такимъ, которые съ этою цѣлью пріѣхали уже сюда.

Остается теперь обратиться къ одному, уже намѣченному выше вопросу: казалось бы, что славянскіе народы Балканскаго полуострова, поставленные на ноги, надѣленные свободными политическими учрежденіями, высвобожденные изъ-подъ магометанскаго ига, въ со-

стоящіи сами уже охранить и отстаивать свои народныя начала и свою вѣру отъ чужеземнаго и иновѣрнаго вторженія и посягательства. Казалось бы, этого слѣдовало ожидать въ особенности отъ болгаръ, въ виду того подъема національнаго духа, который выразился въ изумительно быстромъ развитіи у нихъ въ началѣ второй половины настоящаго столѣтія дѣла народнаго образованія. Къ сожалѣнію, результаты не оправдали этихъ ожиданій, и это объясняется именно воздѣйствіемъ одновременно вгнѣздившихся въ краѣ иновѣрныхъ учрежденій. Надобно прежде всего тутъ замѣтить, что, несмотря на указанные выше успѣхи пропаганды методистовъ, масса народа въ Болгаріи остается доселѣ вѣрна православію, числя въ себѣ еще гораздо менѣе латинскихъ, чѣмъ протестантскихъ прозелитовъ. Иновѣрная пропаганда оказываетъ вліяніе свое главнымъ образомъ на лица, получившія, благодаря ей, высшее образованіе—на мѣстную интеллигенцію, и при этомъ совращеніе это имѣетъ скорѣе отрицательный характеръ: учебныя заведенія протестантскія и католическія далеко не выпустили столько дѣйствительныхъ протестантовъ и католиковъ, сколько главнымъ образомъ людей національно и духовно обезличенныхъ, людей, въ которыхъ порвалась связь съ міросозерцаніемъ и вѣрованіями своего народа, людей, поставленныхъ къ народу отчасти въ то же положеніе, въ которомъ наша интеллигенція стоитъ къ нашему народу; я говорю отчасти, потому что болгарская интеллигенція фактически, благодаря мѣстнымъ бытовымъ и общественнымъ условіямъ, слишкомъ близко стоитъ къ народу, чтобы ей можно было очутиться въ той разрозненности съ онымъ, въ которую историческія условія поставили у насъ образованные классы; но зато въ отрицаніи народныхъ преданій и вѣрованій, въ презрѣніи къ нимъ, объевропеенные иновѣрческими школами болгары, несдержанные историческими задатками, воспитательными преданіями, пошли съ стремительностію и страстностію, свойственною южанамъ, еще гораздо дальше нашихъ самыхъ крайнихъ западниковъ. И въ этомъ отношеніи главный вредъ принесенъ протестантскими школами, несмотря на то, что онѣ малочисленнѣе католическихъ, несмотря на то, что въ нихъ меньше прилагается стараній къ извращенію съ предвзятою цѣлью, между прочимъ, возбужденія ненависти къ Россіи, самыхъ преподаваемыхъ предметовъ: протестантскія школы оказываютъ больше вліянія, благодаря превосходству и практичности своего устройства, вѣроятно и нравственному превосходству своихъ руководителей и наставниковъ. — Иновѣрцы и, преимущественно протестантскіе методисты, дѣйствуютъ въ краѣ и, притомъ, какъ на интеллигенцію, такъ и на народъ и другими, кромѣ непосредственной проповѣди и школы, средствами; орудіемъ имъ служитъ и печать. Всѣ книжныя лавченки въ Болгаріи переполнены дешевыми брошюрами, преимущественно духовно-нравственнаго содержанія, издаваемыми, главнымъ образомъ, американскими методистами въ Константинополѣ, и распространяемыми ими массами вмѣстѣ съ болгарскимъ переводомъ Библіи и Новаго Завѣта (и рядомъ съ этимъ почти ни одной русской книги, очень не много церковно-славянскихъ: хотя потребность въ тѣхъ и другихъ несомнѣнная, и ощущается всѣми). Уже много лѣтъ тоже издается тѣми же пропагандистами въ Константинополѣ газета „Зорница", на видъ невинѣйшій листокъ, содержащій въ себѣ преимущественно статейки духовно-нравственнаго содержанія, съ краткимъ перечнемъ современныхъ политическихъ событій. Среди быстро мѣняющихся и постоянно ругающихъ другъ друга скоротечныхъ болгарскихъ листковъ, служащихъ органами политическихъ партій, въ которыя болгарскій народъ извѣрился, „Зорница", по давности своего существованія, по постоянству и правильности своего появленія, по своей непартійности, получила исключительное положеніе. Благодаря сказаннымъ качествамъ своимъ и тоже своей крайней дешевизнѣ, она сдѣлалась самою распространенною, самою народною газетой въ Болгаріи; причемъ, значеніе ея еще усиливалось тѣмъ, что она единственная болгарская газета, допускаемая турецкимъ правительствомъ въ Македонію. Но подъ своею овечьей шкурой „Зорница" служила видамъ протестантскихъ пропагандистовъ, а въ болѣе недавнее время и англійскимъ политическимъ цѣлямъ; со времени румелійскаго переворота 1885 г., жиденькій политическій отдѣлъ газеты, удовлетворяющій вполнѣ потребностямъ не взыскательныхъ читателей, принялъ особую окраску: въ немъ событія стали представляться въ свѣтѣ постоянно враждебномъ Россіи и благопріятномъ князю Александру и его приверженцамъ; вредное вліяніе этой газетки не подлежитъ сомнѣнію, и при всемъ несочувствіи къ преслѣдованію печатнаго слова, нельзя не быть благодарнымъ тѣмъ вліяніямъ, которыя вызвали прошедшею осенью ея пріостановку.

И такъ, чтобы вернуться къ дѣлу, доселѣ значеніе иновѣрческой пропаганды въ Болгаріи выразилось, главнымъ образомъ, въ томъ вліяніи, которое она имѣла на воспитаніе современной мѣстной интеллигенціи; и въ этомъ отношеніи пропагандѣ этой должно быть отведено далеко не послѣднее мѣсто среди причинъ, способствовавшихъ возникновенію послѣднихъ прискорбныхъ усложненій въ отношеніяхъ нашихъ къ Болгаріи. Къ тому именно времени, когда дана была Болгаріи либеральнѣйшая конституція, иновѣрческія училища приготовили (и продолжаютъ конечно готовить) тѣхъ дѣятелей, которыхъ требовала эта конституція и которыхъ только что возникавшія собственно болгарскія школы дать не могли,—людей, спеціально даже, въ протестантскихъ школахъ, подготовленныхъ къ парламентской дѣятельности, притомъ рьяныхъ европейцевъ, враждебно настроенныхъ противъ Россіи; къ нимъ примкнули болгаре, обучавшіеся въ Вѣнѣ и въ Парижѣ, воспитанники константинопольской медицинской коллегіи; примкнуло тоже въ большей

или меньшей степени не мало лицъ и изъ той части немногочисленной мѣстной интеллигенціи, которая получила свое воспитаніе въ Россіи; и въ этомъ именно оказалась упомянутая выше особенная причина, парализовавшая въ значительной степени ту пользу, которую мы могли принести болгарамъ, воспитывая ихъ въ нашихъ учебныхъ—гражданскихъ и военныхъ—заведеніяхъ. Многіе изъ нихъ вышли оттуда ярыми радикалами, распустившими свои крылья съ пріобрѣтенною отъ насъ размашистостью на родной почвѣ, и привявшимися немедленно примѣнять на данномъ имъ для того приволѣ тѣ отрицательныя теоріи, которыми они заразились у насъ. Вотъ элементы, которымъ роковымъ рядомъ нашихъ собственныхъ ошибокъ, дана была возможность сплотиться, овладѣть кормиломъ правленія и, искусно пользуясь вліяніемъ, которое давала имъ конституція, терроризировать мирное и пассивное населеніе. Главная роль принадлежитъ тутъ воспитанникамъ иностранныхъ и мѣстныхъ иновѣрческихъ учебныхъ заведеній: не всѣ изъ послѣднихъ являются заклятыми врагами нашими; но и тѣ изъ питомцевъ Робертъ-Колледжа, которые не отличаются враждебностью своею къ Россіи, все же служатъ пособниками своимъ школьнымъ товарищамъ. Съ ними рядомъ идутъ взлелѣянные нами же западники и радикалы, нѣкоторые изъ которыхъ превзошли всѣхъ прочихъ въ агрессивности противъ правительства воспитавшей ихъ страны.

Съ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія начинается въ Болгаріи удивительный подъемъ народнаго образованія, подъемъ, принявшій естественно съ освобожденіемъ края еще большій размахъ. Въ 1881 г. считалось въ Восточной Румеліи и княжествѣ болгарскомъ до 1830 болгарскихъ православныхъ начальныхъ училищъ, съ 101.165 обоего пола учащимися. 10 мужскихъ и 2 женскихъ училища съ курсомъ выше начальныхъ училищъ, но ниже гимназическаго, 2 женскихъ гимназіи, 5 мужскихъ реальныхъ и 1 классическая гимназія; 1 духовная семинарія (въ Лесковѣ, возлѣ Тырнова) и 1 высшее военное училище въ Софіи. Развитіе неимовѣрное, если принять въ соображеніе краткость времени; если вспомнить, что до сороковыхъ годовъ едва признавались болгарская народность и болгарскій языкъ, что народное образованіе возникло и въ значительной степени развилось и окрѣпло подъ неограниченнымъ еще господствомъ турокъ, при враждебности мѣстнаго греческаго и эллинизированнаго населенія и значительной части высшаго духовенства, принадлежавшей тоже греческой народности. Особенно замѣчательно развитіе народнаго образованія въ Восточной Румеліи, гдѣ на 573.000 православнаго болгарскаго населенія, число посѣщавшихъ начальныя училища дѣтей составляло въ 1881 г. около 50.851. Любо было видѣть, какъ всюду тогда строились учебныя заведенія, какъ изъ пепла разоренныхъ во время войны городовъ первыми выростали школьныя зданія.—Казалось бы, что исчисленныя нами 10 среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, къ которымъ съ тѣхъ поръ присоединились и нѣкоторыя другія, напримѣръ, Садовская сельско-хозяйственная школа, или академія возлѣ Филипополя, могли служить серьезнымъ противовѣсомъ вышеисчисленнымъ католическимъ и протестантскимъ школамъ, семинаріямъ и коллегіямъ. Но, нужно помнить, что большая часть изъ послѣднихъ существовала уже до 1877 г. (во всякомъ случаѣ 7 изъ 10), что онѣ-то одни и могли имѣть вліяніе на образованіе болгарскихъ дѣятелей, что болгарскія школы (мы говоримъ тутъ про среднія и высшія) возникли большею частью лишь послѣ освобожденія болгаръ, а поэтому и не могли оказать тутъ своего вліянія. Наконецъ, и главное, эти учебныя заведенія попали сами подъ вліяніе возращенныхъ иновѣрцами и сгруппировавшихся у кормила правленія дѣятелей, приложившихъ и прикладывающихъ все свое стараніе къ тому, чтобы сбить дѣло народнаго образованія съ должнаго пути, чтобы обратить школу въ орудіе ихъ собственныхъ разрушительныхъ стремленій: и это имъ, въ особенности въ настоящее смутное время, вполнѣ удалось. Въ школахъ господствуетъ полная неурядица, учителя занимаются, главнымъ образомъ, политической агитаціей, воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній участвуютъ въ уличныхъ демонстраціяхъ. О томъ, какой царитъ сумбуръ въ дѣлѣ народнаго образованія, какой просторъ дается всякимъ лжеученіямъ, и до какой степени отсутствуетъ дисциплина въ учебныхъ заведеніяхъ, могутъ дать понятіе слѣдующіе немногіе факты: въ Видднѣ, въ казенной гимназіи преподаваніе Закона Божія было прошедшею весною поручено учителю еврею; въ Лесковѣ, возлѣ Тырнова, въ духовной семинаріи, находящейся, однако, въ вѣдѣніи не духовной власти, а министерства народнаго просвѣщенія княжества, мѣсто законоучителя занималъ тогда же католикъ-хорватъ. Въ началѣ іюля минувшаго года былъ торжественный актъ въ сельско-хозяйственномъ Садовскомъ училищѣ возлѣ Филипополя; были приглашены почетные жители Филипополя, иностранные консулы и т. п. Актъ начался съ обычною торжественностью; вдругъ, къ крайнему конфузу руководителей празднества выходитъ одинъ изъ учениковъ и произноситъ длинную рѣчь, въ которой онъ протестуетъ противъ тиранніи училищнаго начальства, жалуется на то, что за учениками не признается политической полноправности и т. д. Однимъ словомъ, въ Болгаріи (княжествѣ и Восточной Румеліи) происходитъ нѣкоторое подобіе того, что у насъ творилось немного лѣтъ тому назадъ, съ тою разницею, что у насъ все это происходило болѣе скрытно - подпольно: скандалы, такъ сказать, прорывались, обнаруживались изслѣдованіями: а тутъ это все дѣлается гласно, не только съ попущенія, но даже по распоряженію правительства. Это все происходило, вѣдь, еще при существованіи законной власти, и тяжелымъ обвиненіемъ на

прежнемъ князѣ остается не столько даже враждебность къ Россіи, сколько то, что онъ, для усиленія своей власти, изъ угожденья къ мѣстнымъ радикаламъ, допускалъ подобныя безобразія, окружалъ себя лицами, проводящими всякія разрушительныя направленія. Упомянемъ тутъ кстати о томъ, что въ день Рождества 1885 г., въ то время, когда всѣ мѣстныя газеты находились, по случаю войны и политическихъ волненій, подъ неумолимой цензурой, не пропускавшей ни малѣйшей несогласной съ видами правительства статьи, въ Софіи безпрепятственно распространялся дешевый народный листокъ съ самыми кощунственными противъ христіанства статейками, расходившійся въ тысячахъ экземпляровъ.—И нужно сказать, что дѣятельность болгарскихъ правителей принесла обильные плоды: посмотримъ хотя на одинъ этотъ результатъ. Во всемъ обитаемомъ православнымъ народомъ болгарскомъ краѣ 3 католическихъ семинаріи и 1 высшая богословская протестантская школа, всѣ прочно и превосходно обставленныя и обезпеченныя, и рядомъ всего на всего, во всемъ этомъ краѣ, одно только православное духовное учебное заведеніе (въ Самаковѣ, существовавшая въ Лесковѣ, возлѣ Тырнова, духовная семинарія закрыта минувшею осенью); и это въ то именно время, когда образованіе духовенства составляетъ вопіющую въ краѣ потребность.

Само собою разумѣется, что помимо пагубнаго вліянія на мѣстныя учебныя учрежденія, болгарскіе дѣятели не пренебрегали и не пренебрегаютъ и другими средствами для увеличенія числа своихъ единомышленниковъ и сторонниковъ въ краѣ; такъ, за исключеніемъ молодыхъ людей, готовящихся къ военной карьерѣ, образованіе которыхъ въ Россіи вызывалось русскимъ строемъ болгарскаго войска, большая часть молодежи, посылавшейся за-границу на счетъ правительства для дальнѣйшаго образованія, направлялась не въ Россію, а въ Австрію, Германію, Францію; можно даже сказать, что стипендіаты болгарскаго правительства въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства были рѣдкимъ исключеніемъ.—И такъ невозможно было разсчитывать на то, чтобы болгарскія среднія и высшія училища могли сдѣлаться оплотомъ національной и религіозной ея самостоятельности; они сами стали орудіемъ уже готовыхъ дѣятелей. Это circulus vitiosus, порожденный главнымъ образомъ нѣкоторою пропагандою, поддерживаемый ею, при полномъ отсутствіи какого бы то ни было противодѣйствія. И подобное пагубное и для края, и для насъ, и для всего православія, положеніе дѣлъ грозитъ постояннымъ прогрессивнымъ ухудшеніемъ. Ежегодно выпускаются и будутъ выпускаться, во вредъ намъ и на гибель болгарамъ, сотни и сотни новыхъ радикаловъ, матеріалистовъ и соціалистовъ.

Опасность, которая угрожаетъ съ этой стороны Болгаріи, сознавалась уже давно тамъ, хотя далеко не въ той степени и въ томъ значеніи, съ которымъ она теперь явилась. Сознавалась и у насъ тоже не многими необходимость того единственно возможнаго противодѣйствія злу, которое заключается въ нашемъ, хотя бы и запоздаломъ участіи въ дѣлѣ просвѣщенія въ Болгаріи.—Когда я былъ въ Софіи въ 1881 г. кружокъ вліятельныхъ мѣстныхъ жителей, съ которымъ я входилъ тогда въ сношенія, и который представлялъ собою здравое общественное мнѣніе края, на вопросъ мой: какой наиболѣе существенной потребностью страны могла бы удовлетворить въ то время Россія? — указалъ мнѣ на русскую гимназію, непремѣнно и обязательно съ русскими учителями, какъ на самую настоятельную потребность края. Помню, какъ удивило меня это, самымъ категорическимъ образомъ заявленное требованіе, въ виду обнаруживавшагося уже тогда общаго опасливаго, недовѣрчиваго недовольства слишкомъ назойливымъ вмѣшательствомъ нашимъ въ мѣстныя дѣла, какъ бы посягавшимъ на мѣстную независимость. Одновременно и мѣстное высшее духовенство было занято предположеніемъ объ устройствѣ при предполагавшейся къ постройкѣ русской церкви въ селеніи Шипкѣ, духовнаго училища съ русскими наставниками. На это дѣло предполагалось ассигновать до 1000 турецкихъ лиръ въ годъ изъ церковныхъ доходовъ края. Наконецъ, вотъ что писалъ мнѣ въ 1882 г. нашъ тогдашній оффиціальный представитель въ Софіи: „Католическая пропаганда въ Болгаріи за послѣдніе три года сдѣлала громадные успѣхи. Находя сильную поддержку со стороны Австріи, католическіе миссіонеры въ Болгаріи съ каждымъ годомъ расширяютъ кругъ своей дѣятельности, причемъ не жалѣютъ ни труда, ни денегъ на совращеніе болгаръ изъ православія. При этомъ католики обращаютъ свои усилія преимущественно на молодое поколѣніе, разсчитывая, что этимъ путемъ католическая пропаганда можетъ пустить болѣе глубокіе корни въ странѣ. До послѣдней войны, въ Софіи не было ни одной католической церкви, ни одной католической школы. Нынѣ у католическихъ миссіонеровъ имѣется и то, и другое; католическая школа для дѣвочекъ, основанная два года тому назадъ, имѣетъ уже 170 воспитанницъ, изъ коихъ болѣе половины православныя болгарки. Сверхъ того имѣется католическая школа для мальчиковъ, въ коей нынѣ уже 100 учениковъ. Этими учрежденіями завѣдуютъ монахи—капуцины и монахини-кармелитки, число коихъ въ Софіи съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Недавно мнѣ пришлось быть на актѣ католической школы. Больно было убѣдиться воочію, что въ числѣ воспитанницъ находятся дочери лучшихъ болгарскихъ семействъ, между прочими дочь болгарскаго министра Начевича. Дѣти православныхъ родителей, воспитывающіяся въ этой католической школѣ, обучаются тамъ Закону Божію у католическихъ патеровъ, поютъ на клиросѣ въ католической церкви, участвуютъ въ католическихъ церковныхъ процессіяхъ. Этимъ дѣтямъ, подъ страхомъ исключенія изъ школы, воспрещается ходить въ православную церковь, и родители ихъ подчиняются этимъ

условіямъ, подчиняются иные охотно, другіе—скрѣпя сердце. Дѣло въ томъ, что католическая женская школа въ Софіи есть единственное учебное заведеніе во всемъ городѣ, гдѣ возможно болгаркамъ получить европейское воспитаніе. „Мы принуждены посылать нашихъ дѣтей въ католическую школу, говорили мнѣ нѣкоторые изъ вліятельныхъ болгаръ, такъ какъ нѣтъ русской школы, гдѣ бы они могли получить воспитаніе. Будь только здѣсь русская школа,—мы конечно немедленно носылали бы туда нашихъ дѣтей". Мысль объ основаніи русской школы въ Софіи для противодѣйствія католической пропагандѣ встрѣтитъ, безъ сомнѣнія съ вашей стороны полное сочувствіе. Въ Софіи образовался кружокъ изъ русскихъ и болгаръ, сочувствующихъ этому предмету, и возникла мысль о безотлагательномъ основаніи такой школы, которую въ память безвременно погибшаго М. Д. Скобелева, предположено назвать „Скобелевскою". Россія, всегда отзывчивая ко всему, что касается цвтересовъ православія, безъ сомнѣнія, отзовется сочувственно къ этому дѣлу и дастъ необходимыя матеріальныя средства къ устройству русской школы въ Софіи. Времени намъ терять вечего: Австрійско-католическая пропаганда растетъ съ каждымъ днемъ, и чѣмъ дальше—тѣмъ труднѣе будетъ бороться съ нею".

Думать объ основаніи въ то время среднихъ учебныхъ заведеній, мужской гимназіи или женскаго института на средства Славянскаго Общества, было совершенно немыслимо. Наше Общество только что возрождалось отъ того общественнаго и правительственнаго загона, которому подвергли оное антиславянская реакція, послѣдовавшая послѣ войны 1877—1878 г. и главнымъ образомъ послѣ увѣнчавшаго оную берлинскаго трактата. Средствъ у него нехватало на покрытіе и самыхъ настоятельныхъ, обязательныхъ для него расходовъ. На основаніи всего этого нечего было думать и о полученіи извнѣ, путемъ сборовъ и добровольныхъ приношеній, необходимыхъ для такого значительнаго дѣла средствъ, которыхъ Славянское Общество и въ настоящую пору не имѣетъ и едва ли въ состояніи собрать. — Дѣло кончилось тщетными усиліями добиться ассигновки когда то разрѣшеннаго ежегоднаго расхода въ 15.000 р. сер. на содержаніе женскаго училища въ Софіи. Что касается до духовнаго училища при Шипкинской церкви, то главныя основанія устройства таковаго въ размѣрахъ, допускавшихся имѣвшимися въ виду средствами, были обсуждены мною совмѣстно съ почтеннымъ протоіереемъ Тилевымъ, татаръ—базарджикскимъ церковнымъ настоятелемъ, временно правившимъ тогда Филиппопольской митрополіей.—Но вслѣдъ за тѣмъ въ Софіи собравшіеся тамъ для совѣщаній по церковнымъ дѣламъ болгарскіе іерархи безусловно потребовали основанія при Шипкинской церкви духовной семинаріи по образцу нашихъ, съ полнымъ 6 или 7 лѣтнимъ курсомъ, что потребовало бы единовременныхъ и ежегодныхъ затратъ, значительно превосходящихъ наличныя и предполагавшіяся средства. — Обстоятельство это не дало возможности прійти тогда-же къ какому нибудь по сему дѣлу соглашенію; и затѣмъ, благодаря главнымъ образомъ козпямъ продолжающихъ и нынѣ свои враждебные противъ Россіи происки вліяній, самое дѣло о построеніи церкви въ Шипкѣ затянулось на нѣсколько лѣтъ, получивъ значеніе дипломатическаго вопроса, разрѣшеннаго уже впослѣдствіи, въ Константинополѣ.

Такимъ образомъ всѣ имѣвшіеся въ 1881 г. въ виду способы содѣйствія со стороны Россіи дѣлу просвѣщенія и православія въ Болгаріи оказались неосуществимыми. Увы, мнѣ тогда неудалось выполнить и гораздо болѣе скромную и, какъ мнѣ казалось, не требовавшую особыхъ усилій задачу: облегчить возможность сбыта въ Болгаріи русскихъ книгъ; и нынѣ какъ и въ 1881 г. болгарскія книжныя лавки изобилуютъ одними изданіями ковстантинопольскихъ методистовъ.

„Русское вліяніе не успѣло утвердиться и въ политой обильно русскою кровью Болгаріи, лишь потому, что мы, давъ болгарамъ русскихъ офицеровъ, русскія пушки, русскія суда, русское золото, не дали ни одной русской школы, не послали и десятка учителей".

Эти слова г. Елисѣева (см. ст. его „О русской школѣ въ Царьградѣ", помѣщенную въ № 3820 Новаго Времени отъ 17 октября минувшаго года) служатъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ всего вышесказаннаго.—Рядомъ съ указаніемъ того плачевнаго результата, въ которомъ равно повинны всѣ мы: и оффиціальная и неоффиціальная Россія—г. Елисѣевъ съ одинаковымъ краснорѣчіемъ описываетъ въ той же статьѣ неугомонную работу этихъ скромныхъ труженниковъ миссіонеровъ, не извѣстныхъ міру, но полныхъ удивительной энергіи и непоколебимаго мужества, съ полнымъ самоотреченіемъ отдавшихся своему дѣлу и мало-по-малу покрывающихъ и Балканскій полуостровъ и весь Востокъ французскими, нѣмецкими, большею частью англо-американскими учебными и благотворительными учрежденіями, и готовящихъ этимъ путемъ преобладаніе тамъ тѣхъ національностей и тѣхъ вѣроисповѣданій, которыхъ они являются представителями. И вспомнимъ при этомъ, что, если между дѣятелями латинской пропаганды могутъ быть лица, движимыя тутъ и политическими цѣлями, если подобными же цѣлями отчасти объясняется и та поддержка, которою пользуются католическіе миссіонеры и ихъ учрежденія, то наоборотъ большая часть протестантскихъ миссіонеровъ принадлежатъ странѣ, нешмѣющей на Востокѣ и особенно въ Балканскомъ полуостровѣ ни племенныхъ, ни политическихъ, ни даже почти торговыхъ интересовъ. Миссіонеры эти получаютъ всю свою поддержку, всѣ тѣ обильныя средства, которыми они орудуютъ, отъ обществъ и лицъ, движимыхъ одною лишь идеальною нравственною потребностью, однимъ своимъ христіанскимъ призваніемъ; и вотъ плодомъ трудовъ ихъ въ Болгаріи ши-

роко пользуется коварнѣйшій въ настоящее время врагъ нашъ.

Въ недавно прочитанномъ мною отрывкѣ рукописной записки о настоящемъ положеніи Болгаріи говорится, что 10 лѣтъ тому назадъ Болгарія представляла собой мягкую глину, которой можно было тогда давать любую, по усмотрѣнію, форму; но мы не съумѣли этого сдѣлать, и вотъ глина эта зачерствѣла и не поддается уже теперь нашимъ усиліямъ.— Сравненіе вѣрное только отчасти; еще далеко за 10 лѣтъ работали другіе надъ этой глиной.—Вѣрнѣе сказать, что мы забыли про необходимость для насъ, про обязанность нашу быть нравственными руководителями освобожденныхъ нами, и предоставили это дѣло другимъ, ограничиваясь лишь внѣшнимъ— такъ сказать—хозяйничаньемъ въ краѣ; и эти другіе—настоящіе руководители—и направили этихъ освобожденныхъ нами противъ насъ;—и, если нужно сравненіе, то болѣе вѣрнымъ будетъ слѣдующее: мы взорали поле, не думая про то, что взойдетъ на немъ, не подумавъ даже засѣять оное. Другіе были догадливѣе: они заранѣе забросили туда свои сѣмена, они поспѣшили, затѣмъ, обсѣменить поднятую нами новь, и обильный урожай плевелъ и терній возросъ для насъ на ней.

Но сѣтовать на наши неудачи, на нашу недальновидность и даже слѣпоту, на нашу непослѣдовательность, на невыдержанность и непостоянство нашихъ общественныхъ теченій, прорывающихся горячечными взрывами сочувствія къ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ, смѣняющихся полнымъ равнодушіемъ къ тѣмъ, которые наканунѣ были излюбленными братьями нашими, полнымъ о нихъ забвеніемъ—ни къ чему не ведетъ. Нужно подумать о томъ: какъ намъ теперь слѣдуетъ дѣйствовать? что намъ остается дѣлать...? Далѣе идти, какъ мы шли доселѣ, очевидно невозможно.

Обаяніе Россіи еще велико, и если бы наша уступчивость, отсутствіе твердости и послѣдовательности въ національной политикѣ нашей, если бы послѣдствія нашихъ собственныхъ политическихъ ошибокъ не пріучили, часто даже заставляли, нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ чаять себѣ спасенія съ Запада, оно бы стоило еще гораздо выше и тверже. Но не дѣло дипломатическихъ агентовъ заводить торговыя сношенія, открывать и содержать школы; этого нельзя бы отъ нихъ требовать, даже и въ такомъ случаѣ, если бы они сами были всѣ православные, проникнутые сознаніемъ своего призванія. Дипломатическіе представители могутъ только покровительствовать въ подобныхъ дѣлахъ своимъ соотчичамъ. Охранить народность и вѣрованіе единоплеменниковъ нашихъ, оградить ихъ отъ инославной пропаганды могутъ только наше общество, наши общественныя силы; и этого доселѣ мы не съумѣли сдѣлать, и за это дѣло мы доселѣ не принимались. Нечего намъ сваливать вину на нашу дипломатію, сидя безъ дѣла и палца не подымая для того, чтобы принять ту долю участія въ русскомъ зарубежномъ дѣлѣ, которая намъ однимъ и можетъ принадлежать. Нечего тоже намъ отзываться съ пренебреженіемъ о единоплеменникахъ нашихъ, корить ихъ неблагодарными братушками, за то что мы сами не съумѣли управиться съ ними, и за то особенно, что они получили отъ чужихъ ту необходимую для нихъ духовную пищу, которую мы не съумѣли дать имъ.

Но можемъ ли мы выполнить предстоящую намъ, такимъ образомъ, задачу? Можемъ ли мы оказать дѣйствительное содѣйствіе просвѣщенію нашихъ единоплеменниковъ? — Не сводится ли этотъ вопросъ къ тому: въ состояніи ли мы поддержать наше положеніе великой европейской державы, положеніе, основанное въ значительной степени на нашемъ вліяніи между зарубежными единоплеменниками, положеніе, для котораго это вліяніе служитъ, такъ сказать, пробнымъ камнемъ? Способны ли мы оградить самихъ себя отъ иноземнаго наплыва и вліянія? Способны ли мы оградить свою вѣру и единство православія?—

Что найдутся у насъ для этого и средства и дѣятели, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; вѣдь сохраненіе единоплеменныхъ православныхъ отъ отпаденія въ католичество или протестантство должно быть и ближе и дороже намъ обращенія въ православіе японцевъ, и не будетъ недостатка въ подражателяхъ тѣмъ доблестнымъ миссіонерамъ, которые такъ успѣшно насаждаютъ тамъ христіанство; и если за-атлантическіе протестанты шлютъ наставниковъ въ дальній и чуждый имъ край, строятъ и содержатъ тамъ училища, коллегіи, семинаріи, то неужели же у насъ не отыщется ревнителей для подобнаго же, но вдвойнѣ ближкаго, дорогаго, необходимаго для насъ дѣла?

Но представляется и другой еще вопросъ, на который мнѣ приходилось слышать отъ лицъ, глубоко сочувственно относившихся къ самому дѣлу, отрицательный отвѣтъ. Возможно ли приступить теперь къ этому дѣлу? И не упущено ли слишкомъ много для этого времени? На это нужно отвѣтить, что необходимость основанія русскихъ школъ и теперь сознается въ Болгаріи. Въ іюнѣ минувшаго года мнѣ случалось слышать, и при томъ отъ лицъ, не принадлежавшихъ ни къ приверженцамъ Россіи, ни даже къ особеннымъ ревнителямъ православія, мнѣніе о необходимости учрежденія въ Восточной Румеліи русской духовной семинаріи. Необходимость такого учебнаго заведенія для духовенства, которое находилось бы внѣ вѣдѣнія эфемерныхъ мѣстныхъ министерствъ, указывалась мнѣ тогда же вѣскими мѣстными дѣятелями. Времени упущено много; но мы должны помнить, что у насъ есть еще во всемъ балканскомъ славянствѣ два могущественныхъ союзника: православное духовенство и народъ, и что пока мы не съумѣемъ поставить себя въ такія отношенія къ Болгаріи, въ какихъ мы находимся теперь къ Босніи и Герцеговинѣ, куда намъ труднѣе проникнуть теперь, чѣмъ было еп-

ропейцамъ въ Японію до половины настоящаго столѣтія, до тѣхъ поръ мы всегда можемъ разсчитывать на поддержку этихъ мѣстныхъ элементовъ, при помощи которыхъ намъ не трудно будетъ вознаградить потерянное: съ этими рычагами для нашей дѣятельности намъ не нужно, подобно иновѣрнымъ миссіонерамъ, медленно идти впередъ, исподволь борясь съ безчисленными препятствіями, прокладывать себѣ путь въ край. И намъ необходимо, какъ скоро уладится хоть нѣсколько теперешняя неурядица, приступить къ дѣлу; надобно готовиться къ нему уже теперь, откладывать невозможно.

На первомъ планѣ должно быть удовлетвореніе наиболѣе насущнымъ, наиболѣе настоятельнымъ потребностямъ: учрежденіе духовной семинаріи, женскаго училища; мѣсто для перваго имѣется, а примѣръ дѣятельности г-жи Пацевичъ, бывшей начальницы женскаго института въ Цетиньѣ, примѣръ женской школы, открытой Палестинскимъ обществомъ въ Назаретѣ, доказываютъ пользу, приносимую женскимъ образованіемъ. Необходимость женской православной школы выясняется достаточно изъ приведеннаго выше письма представителя нашего въ Софіи; наконецъ упомянутые примѣры указываютъ на то, что въ способныхъ руководителяхъ и руководительницамъ недостатка не будетъ.

Только для того, чтобы дѣло шло съ успѣхомъ, нужно дружное, единодушное содѣйствіе въ ономъ всѣхъ нашихъ силъ. Учрежденіе и содержаніе учебныхъ заведеній должно быть дѣломъ частнымъ, общественнымъ; оффиціальность могла бы повредить дѣлу, она давала бы поводъ къ враждебнымъ къ оному отношеніямъ нашихъ европейскихъ недруговъ, она могла бы быть не согласна съ оффиціальными положеніемъ и отношеніями представителей нашего правительства заграницей; наконецъ, какъ доказывается столькими примѣрами, она бы служила тормазомъ и помѣхою успѣху. Нужно, чтобы дѣло это было живое, свободное отъ всякой излишней опеки. Но, необходимо тоже, чтобы оффиціальная Россія содѣйствовала оному.

Наконецъ и всего этого еще мало. Благодаря установившемуся строю общественной жизни нашей, мы слишкомъ мало способны къ самостоятельному общественному почину: мы можемъ подняться на великое дѣло лишь при воздѣйствіи внѣшняго потрясенія, по призыву къ оному свыше, или, по крайней мѣрѣ, при одобреніи онаго той высшей священной для насъ властью, мановенію которой мы привыкли слѣдовать. Пусть же будетъ высказано предстоящему необходимому дѣлу это одобреніе. Это наше самое искреннее, самое пламенное желаніе, это необходимый залогъ успѣха необходимаго дѣла.

Въ заключеніе профессоръ О. О. Миллеръ произнесъ слѣдующую рѣчь, посвященную памяти недавно скончавшагося старѣйшаго члена Славянскаго Общества, Михаила Павловича Розенгейма:

Въ память М. П. Розенгейма.

„Умомъ Россіи не понять.
Въ Россію можно только вѣрить!“

Такъ выразился когда-то Тютчевъ. И что-же? Чѣмъ дальше, тѣмъ, повидимому, болѣе должно бы оказываться признаковъ перехода подобной вѣры въ положительное, на осязаемыхъ данныхъ опирающееся убѣжденіе. А между тѣмъ все по прежнему или, можетъ быть, даже больше прежняго приходится вѣровать, только вѣровать, а подчасъ прямо изнемогая подъ гнетомъ сомнѣнія, восклицать: „вѣрую, родная, помоги моему невѣрію!“ Кто, казалось бы, тверже И. С. Аксакова вѣровалъ въ родную Русь, но вамъ пришлось читать письмо его, написанное наканунѣ смерти къ одному близкому лицу, въ которомъ онъ съ горечью выразился, что „лучшія силы духа гибнуть у насъ изморомъ“. А вслѣдъ за Аксаковымъ сколько хорошихъ людей умерло, подобно ему, отъ разрыва сердца, вслѣдствіе такого же убійственнаго разочарованія. И не мало еще, разумѣется, предстоитъ впереди подобныхъ внезапныхъ и тяжкихъ для насъ смертей. Недавно умеръ такою же внезапною смертью нашъ маститый поэтъ, М. П. Розенгеймъ, до послѣдней минуты казавшійся еще такимъ бодрымъ. Заглянуть къ нему въ душу, въ то, что происходило въ ней въ послѣднюю пору, дастъ намъ возможность его послѣднее, напечатанное въ „Звѣздѣ“, стихотвореніе:

Ревѣла грозно непогода,
Но вотъ промчалася она.
И успокоилась природа
И снова всюду тишина.
Уснуло море. Въ плескъ прибрежный
Не бьетъ ужъ пѣнистый прибой;
Когда же ты, мой духъ мятежный,
Когда же ты найдешь покой?
Покой?.. Но это вѣдь безстрастье,
Остуда сердцу и уму,
Могильный саванъ безучастья
И равнодушья ко всему.
Покой?.. Но это отчужденье
Отъ человѣческихъ скорбей...
Такой цѣной—успокоенья
Я не куплю душѣ моей.
Я человѣкъ, мнѣ люди—братья,
О нихъ душа моя болитъ,
И близко все мнѣ безъ изъятья,
Что ихъ волнуетъ и томитъ.
Пускай покой мнѣ дастъ могила;
Пока я живъ, пока людей
Моя душа не разлюбила,
Покоя быть не можетъ въ ней.

Многимъ, слишкомъ многимъ изъ насъ знакомо подобное настроеніе. Многимъ приходится жаждать этого холоднаго „покоя небытія“, завидовать тѣмъ, которые уже успокоились,—завидовать хотя бы этимъ недавно разстрѣляннымъ тамъ въ Болгаріи, при взглядѣ на которую сердце обливается кровью. Чтобы выйдти изъ подобнаго настроенія, чтобы снова себя ободрить, приходится припоминать тотъ вышній призывъ, который раздавался надъ головою Хомяковскаго „Труженика“.

Приходится припоминать и отвѣтъ на этотъ призывъ:

Господь зоветъ: иди! иди!
Ты куплень дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью куплевъ ты;—
Сгибайся жъ, пахарь, надъ браздою,
Борись, борецъ, до поздней тьмы!
Предъ словомъ грознаго воззванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А Ты лѣниваго роптанья
Не помяни въ судѣ своемъ.

А тяжело, какъ тяжело воздерживаться отъ такого ропотанья! Заглянемъ ли мы въ историческое наше прошлое,—и самымъ любящимъ сынамъ Россіи въ недобрый часъ невольно представится то, что когда-то представилось Розенгейму:

Книга... открываю:
„Бытопись россійская!"
Ну, тебя и знаю,
Знаю, степь Ливійская!
. . . . . .
Ширина основы,
Нищета развитія...
Мрачны и суровы
Люди и событія:
Княжескія брани,
Ляхи да татарщина,
Дани, вѣчно дани
И надъ всѣмъ боярщина.
Хитрые обманы,
Злостныя василія,
Грозные Ивавы,
Темные Василіи,
Наглые миньоны,
Гордо недоступные,
Всякіе Бироны,
Мелкіе и крупные;
Сумрачныя лица,
Темныя сказанія,
Рѣдко гдѣ страница
Свѣтлаго преданія...
Вѣчно духъ народа
Давитъ сила строгая,
А кругомъ природа
Бѣдная, убогая...
. . . . . .

Но не къ тому ли приходилъ порою и самъ И. С. Аксаковъ—напримѣръ въ той статьѣ, которая была имъ написана по поводу тысячелѣтія Россіи. Да, Аксаковъ былъ тогда настроенъ, несмотря на совпаденіе тогдашняго торжества съ началомъ великихъ реформъ Александра II, совсѣмъ ужъ не юбилейно, если могъ написать:

„Намъ нечѣмъ превозноситься и славиться. Итогъ нашего тысячелѣтія скуденъ благими дарѣніями человѣчеству; намъ не на что указать, въ чемъ бы благотворно проявилось наше историческое призваніе въ семьѣ народовъ. Мы слышимъ въ себѣ присутствіе силъ и талантовъ, но силы наши служили до сихъ поръ только внѣшнему сложенію государства, а на таланты наши, обильно отпущенные намъ отъ Бога, не принесли мы ни единаго таланта, и едва не зарыли ихъ въ землю. Съ уваженіемъ должны мы взглянуть на западные народы, которымъ дано едва ли не менѣе, чѣмъ намъ, непосредственныхъ даровъ духа, но которые врученные имъ таланты умножили сторицею, подвизаясь въ непрерывной работѣ. То, что составляетъ силу, крѣпость и упованіе Россіи—принадлежитъ къ такой области нравственной, которая не терпитъ ни похвалы, ни гордости, а требуетъ смиренія и непрестаннаго духовнаго подвига, „да не отнимется отъ нея и сія часть за наше нерадѣніе и грѣшную косность".

Такою прямотою и откровенностью въ отношеніи къ своему отечеству и должны отличаться дѣйствительно вѣрные сыны его. Они не могутъ пускать пыль въ глаза ни себѣ, ни своимъ кровнымъ братьямъ, не могутъ обольщаться и обольщать, или же имъ пришлось бы, подобно Екатеринѣ II въ ея возраженіяхъ аббату Шаппу, дойти до той знаменитой „курицы въ супѣ", которой желалъ Генрихъ IV для французскихъ крестьянъ и которая, будто бы, имѣется каждый день у русскаго крестьянина. Истинные сыны Россіи, понимающіе и то положеніе, какое ей подобаетъ въ славянскомъ мірѣ, не станутъ выставлять ее передъ нашими братьями въ томъ розовомъ свѣтѣ, который способенъ только сбить ихъ съ толку, подать имъ теперь же такія надежды, которыя пока еще слишкомъ далеки отъ осуществленія. Дѣло въ томъ, что истинные патріоты не въ состояніи морочить и самихъ себя, чтобы получить возможность втолковать себѣ, будто они имѣютъ право, удалившись въ какую нибудь Палестину, спокойно благодушествовать въ ней со своею семьею. Но, какъ бы ни было горько въ отечествѣ, къ нему такъ вѣдь и тянетъ всякаго порядочнаго человѣка, хотя бы въ недобрый часъ онъ и вздумалъ совершенно разстаться съ нимъ. Это чутко понялъ покойный Розенгеймъ, заставляя такъ говорить русскаго эмигранта;

И что въ ней?—сказать не берусь...
Полна неурядицъ, сурова, бѣдна;
Чѣмъ влечь къ себѣ можетъ она?...
Чѣмъ влечь къ себѣ можетъ?.. И все же влечетъ.

Чудной мы, знать, сами народъ!
А было, вѣдь, время,—прости меня Богъ!
Казалось, въ ней жить я не могъ,
Бѣжалъ изъ нея возмущенный и злой
На все, что ни есть въ ней, родной:
На складъ ея жизни, на нравы людей,
На гнетъ ея рабскихъ цѣпей.
Все дико отсталымъ я въ ней находилъ
И гордо въ застоѣ корилъ.
И думалось мнѣ, молодому тогда,
Что кончилъ я съ ней навсегда,
Что въ странахъ свободы и братства людей
Я скоро забуду о ней.
. . . . . .
Но, видно, насъ русскихъ, такъ создалъ ужъ Богъ:
Съ чужбиной я сжиться не смогъ;
Не въ силахъ я былъ разродниться и съ ней,
Съ далекою Русью моей.

Розенгейму пришлось въ молодости пережить ту тяжелую пору, когда и накопилось

все то, что повлекло за собою выселеніе многихъ очень умныхъ людей изъ отечества. Да, онъ пережилъ ту пору, когда такъ солоно приходилось и славянофиламъ съ Хомяковымъ во главѣ, со стихотвореніями котораго не даромъ и смѣшивались многими нѣкоторыя негодующія стихотворенія Розенгейма. Вспомнимъ, какъ характеризовалъ эту пору И. С. Аксаковъ:

„Не въ лицѣ-ли Государя Николая Павловича полнота власти достигла, казалось, своего апогея? Не онъ-ли нѣзыблемо вѣрилъ въ свое верховное призваніе; съ самозаовеніемъ служилъ своему идеалу власти всеобъемлющей, вездѣсущей,—служилъ до послѣдняго издыханія? Никогда власть не была, повидимому, *сильнѣе*... и что же? Не ему-ли суждена была Богомъ горькая участь узрѣть еще при жизни, въ результатѣ этого 30-лѣтняго правительственнаго служенія идеѣ *силы* —печальное, позорное *безсиліе*, полнѣйшую несостоятельность административнаго механизма"?

Вотъ къ этой-то порѣ и относятся извѣстные стихи Розенгейма: „На развалинахъ Севастополя". Но вотъ, съ новымъ царствованіемъ наступила и совершенно новая пора. Поэтъ горячо привѣтствовалъ ея наступленіе стихами:

Русь, проснися,—время, время!
Встань, мой край родной!—
Сбрось постыдной лѣни бремя,
Встань,—Господь съ тобой!
Часъ ударилъ пробужденья,—
Слышишь кличъ: впередъ!
Встань, на дѣло обновленья
Царь тебя зоветъ.
. . . . . .
Оглянись, мой край родимый!
Изъ конца въ конецъ—
Сколько средствъ необходимыхъ
Далъ тебѣ Творецъ!
Знаю, сонъ твой подневоленъ,—
Это сонъ тюрьмы.
Встань, трудись, и будешь воленъ
И уйдешь отъ тьмы.
Двинь, родной мой, силой цѣлой,
Оживи борьбой,
Поведи широко дѣло—
Въ уровень съ тобой;
Развернуться, чтобъ повадно
Стало бы умамъ;
Чтобы все въ тебѣ громадно
Было, какъ ты самъ.
Встань же, Русь! Привычекъ грязныхъ,
Грязной лжи во всемъ,
Всѣхъ неправдъ и козней разныхъ
Сбрось съ себя яремъ...
. . . . . .
И отъ сердца молви слово:
„Царь нашъ молодой!
На благое Русь готова
Всюду за тобой"!

Поэтъ нашъ остался вѣренъ своему сочувственному взгляду на эпоху нашего возрожденія и послѣ трагической смерти воспѣтаго имъ въ свое время „молодого Царя". Въ стихахъ на юбилей Жуковскаго, обратившійся, какъ извѣстно, въ чествованіе памяти покойнаго Государя. Розенгеймъ помянулъ ту „могучую волну всеобновленія", которая обдала насъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Онъ вполнѣ сходился съ И. С. Аксаковымъ въ отстаиваніи свѣтлой тѣни вѣнчаннаго мученика отъ тѣхъ публицистовъ, которые осмѣливаются обращать его великое имя въ какое-то опальное имя, а величайшій день его царствованія, 19 февраля, въ какой-то запретный, подлежащій забвенію, день.

Вспомнимъ, какими стихами привѣтствовалъ этотъ день Розенгеймъ:

Христосъ, Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!
Воспойте: живъ Господь и слава въ вышнихъ Богу!
И намъ свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ,—
Осанна! Вайями усыплемте дорогу.
Разбита рабства цѣпь!—Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазаря, изъ гроба вѣковаго,
Гдѣ вы родились, гдѣ отжили отцы;
Прощенье прошлому! Забвеніе былаго!
. . . . . .
Вы, чуждые досель сыны одной семьи
Средь рабства явнаго и тайнаго проклятья,
Взгляднтесь, наконецъ, другъ въ друга: вы свои,
Одной неволей лишь разрозненные братья!
. . . . . .
Пойдемъ! свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ,
Побѣду довершимъ при кликахъ всенародныхъ:
Христосъ, Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!
И станетъ наша Русь землей людей свободныхъ.

Въ пониманіи сокровеннаго смысла этого дня поэтъ нашъ опять сошелся съ нашимъ великимъ публицистомъ. Вспомнимъ, какъ толковалось значеніе этого дня И. С. Аксаковымъ въ „Руси" 18 іюня 1881 г.: „19 февраля 1861 г. началась новая историческая эра, полагающая, по нашимъ понятіямъ, совершенный конецъ петербургскому періоду нашей исторіи и придающая ему значеніе длиннаго *обходнаго* пути, возвращающаго насъ теперь на нашу историческую почву. Но въ томъ-то и горе, что ни правительство, ни даже общество не сознаютъ всего значенія совершившагося переворота. Теперь только, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, уничтожилась, если не *de jure*, то *de facto*, та искусственная, екатерининская, дворянская, цементомъ душевладѣльчества связанная *корпорація*, которою обособлялся отъ народа самый просвѣщенный его классъ. Теперь только стало возможно *земство*, т. е. союзъ сельской земщины съ просвѣщенными земскими же силами, въ гармоническомъ сочетаніи двухъ началъ: общиннаго и личнаго, и общихъ имѣстѣ—какъ *земства*—съ началомъ *государственнымъ*.

Такимъ образомъ, въ шестидесятыхъ годахъ появилась у насъ та „новизна, въ которой старина наша слышалась" (по выраженію старообрядческаго адреса Государю).

Не для прочнаго проведенія въ жизнь этой старины-новизны понадобились нравственныя силы, а онѣ, за немногими исключеніями, были подорваны гнетомъ и фальшью предшествующей поры. Поэту пришлось опять усомниться въ той родинѣ, въ которую такъ хотѣлось ему твердо вѣрить. Отсюда его стихи:

Какъ царевна въ сказкѣ, духомъ тьмы заклята,
Спишь ты, Русь святая, мертвымъ сномъ
объята.

Тщетно отголосковъ жизни ловитъ ухо,
Нѣтъ живаго звука, все мертво и глухо!
Вѣетъ отовсюду холодомъ могилы.
Гдѣ же люди вѣры, гдѣ же люди силы,
Люди убѣжденій, неподкупно-твердыхъ,
Подъ грозою крѣпкихъ, предъ подачкой гордыхъ?
. . . . . .
Старые знакомцы!—Счетъ ихъ намъ не трудевъ:
Тогъ же все Молчалинъ, Фамусовъ да Руднѣвъ.
Хлыщъ или Обломовъ—это все не ново!
Слово насъ заѣло, бойки мы на слово,
А кругомъ повсюду нищета стремленій,
Страхъ живаго дѣла, шаткость убѣжденій...
. . . . . .
Всюду покловенье, всюду генеральство,
Кумовство да сдѣлки, низость да нахальство.
. . . . . .
А была минута!.. Вѣрилось, казалось,
Будто въ самомъ дѣлѣ сила подымалась.
Будто, разрывая путы омертвѣнья,
Сонный пробуждался къ жизни и движенью.
Сердце трепетало въ сладостной надеждѣ—
Призракъ!.. Заблужденье!.. Все мертво, какъ
прежде!
. . . . . .

А тутъ-то какъ разъ, при такомъ недостаткѣ духовныхъ руководящихъ силъ, возстали передъ Россіею новыя великія задачи—или, лучше сказать, тѣ завѣтныя старыя, которыя представлялись уже во всей силѣ своего міроваго значенія Максиму Греку въ XVI вѣкѣ и Юрію Крижаничу въ XVII: задача освобожденья христіанскаго востока, задача освобожденья и духовнаго объединенія великаго міра славянскаго. Знамя возстанія, поднятое въ Герцеговинѣ, съ давно небывалымъ у насъ увлеченіемъ привѣтствовано было русскимъ обществомъ и русскимъ народомъ, но поэтъ нашъ въ исполненномъ недовѣрія печальномъ раздумьи спрашивалъ:

Ужель опять они обманутъ
Тебя, несчастная страна,
И вновь придутъ и вновь настанутъ
Былыя гнета времена?
Ужели даромъ кровь народа
Лилась и къ небу вопіетъ,
И съ боя взятая свобода
Въ тискахъ конвенцій пропадетъ?
. . . . . .
И, задушивъ, какъ не впервые,
Патріотическій разгаръ,
Враги славянства вѣковые—
Британецъ, нѣмецъ и мадьяръ,
Вновь отдадутъ тебя на муку,
На гнетъ, на рабство, на позоръ.
. . . . . .

Не даромъ изъ подъ пера нашего поэта вылились стихи:

Мы шли путемъ, завѣщаннымъ отцами,
И вѣрили, что онъ насъ доведетъ
До цѣли, чуть мелькавшей передъ нами,
И смѣло шли настойчиво впередъ.
Безъ счета жертвъ, безъ мѣры тяжкой страды
Мы приняли, стремясь къ цѣли той;
Не ради мзды иль суетной услады,
Насъ двигалъ долгъ завѣтный и святой.
И минулось намъ: до цѣли ужъ немного.
И вѣрилось, что это не обманъ...
И вдругъ—обрывъ! Унерлася дорога
Въ глухой пустырь, окутанный въ туманъ.
И стали мы въ раздумьи надъ обрывомъ,
Намъ кажется, что дальше нѣтъ пути;
И всталъ вопросъ въ сомнѣніи тоскливомъ:
Зачѣмъ мы шли, и стопло-ль идти?
Нѣтъ! Прочь отъ насъ постыдное сомнѣнье!
Пускай во тьмѣ не видно ничего,
Господь вручилъ намъ дѣло провидѣнья—
Отступимся-ль теперь мы отъ него?

Силу бороться съ сомнѣньемъ, силу все же надѣяться, все же вѣрить поэтъ почерпалъ въ той же отечественной старинѣ, которая представилась ему когда то столь безпросвѣтною. Онъ разгладѣлъ въ ней, въ самую смутную пору нашей исторіи, ту зарю возрожденія, которая занялась при призывныхъ грамотахъ Гермогена, обращенныхъ къ послѣднимъ, къ кореннымъ людямъ.—къ земскимъ силамъ оставшагося безъ царя царства русскаго. Поэтъ воспроизвелъ существенныя черты этой великой поры, въ которой и добросовѣстные иностранцы (вродѣ Манштейна) усматривали живое свидѣтельство о силѣ устоя въ народѣ русскомъ, онъ воспроизвелъ ея существенныя черты въ своей небольшой поэмѣ: „Смерть патріарха Гермогена". Онъ выставилъ въ ней и духовнаго дѣятеля болѣе ранней поры, религіознаго вдохновителя Руси на расправу съ татарщиной, Сергія Радонежскаго, который является тутъ въ видѣніи Гермогену.

„Миръ тебѣ, мой братъ о Богѣ!
Кротко молвилъ гость чудесный,—
Услыхалъ твою молитву
Сердцевѣдецъ, Царь небесный!
. . . . . .
Не погибнетъ Русь святая,
Врагъ надъ ней не вознесется.
Сила земская возстала—
Братъ мой, вѣруй—Русь спасется!
Эта сила Русь во вѣки
Не продастъ и не обманетъ;
Эта сила скоро, скоро
Подъ Москвою грозно ставетъ.
Грозно схватится съ врагами
И пробьетъ къ Москвѣ дорогу,
И въ Кремлѣ завѣтномъ скоро
Грянетъ: „слава въ вышнихъ Богу!"
. . . . . .
Будетъ время, средь народовъ
Русь высоко вознесется,
Но тяжелыми путями
Пробиваться ей придется.
. . . . . .
Устроять ей будутъ коны,

Зломъ иль завистью объяты,
И свои лихіе люди,
И чужіе супостаты.
. . . . . .
Но и въ черную годину,
Посреди борьбы неравной,
Не погибнетъ Русь святая
И народъ нашъ православный...
. . . . . .
И дождется и добьется
Онъ за всѣ свои невзгоды
Царства свѣта, царства правды,
Царства мира и свободы...

И тутъ опять покойный поэтъ вполнѣ сошелся во взглядѣ съ нашимъ великимъ покойнымъ публицистомъ, видѣвшимъ, подобно всѣмъ вообще славянофиламъ, настоящую силу Россіи въ ея земскомъ строѣ, окончательно расшатанномъ уже при Петрѣ Великомъ, но расшатанномъ до того, что какъ будто его и слѣдъ простылъ, такъ что долго не могла его доискаться и отечественная наука.

„Старый *земскій* типъ русскаго государства, говорилъ Аксаковъ, былъ при Петрѣ смятъ, скомканъ, и замѣненъ такъ называемымъ типомъ *полицейскаго* государства, господствовавшимъ тогда почти во всей континентальной западной Европѣ... Этотъ „полицейскій принципъ“ отождествился у насъ съ принципомъ опричины, введенной, ради пробы, на 8 лѣтъ Иваномъ IV... Опричина... это власть, сознавшая и поставившая себя *опричь*, внѣ земли, освободившаяся отъ всякаго на нее тяготѣнія земской стихіи, власть, существующая какъ бы для себя и для своихъ цѣлей... Разумѣется, Петръ имѣлъ въ жизни одну единственную цѣль — благо Россіи, но онъ понималъ его—*по своему*... Страна перестала жить *о себѣ*, по выраженію древнихъ грамотъ, а только *о начальствѣ*“... Наименѣе „казенный человѣкъ“ по своей личной природѣ, Петръ породилъ ту казенщину, которая глушила, глушитъ и до сихъ поръ все живое и которая достигла своего апогея въ царствованіи Императора Николая“ (С. А. V, 49—51). Кличъ: домой! домой! поясняетъ Аксаковъ своимъ противникамъ, есть призывъ къ возврату на родную историческую земскую почву (93).

Для такого возврата, по мнѣнію Аксакова, нужно „признать петербургскій періодъ законченнымъ и, обогатясь его добромъ, отбросивъ все, что далъ онъ злаго и лживаго, оправдавъ такимъ образомъ дѣло Петрово,— возвратиться къ такому строю, при которомъ единственно возможенъ искренній, безъ недоразумѣній, союзъ между верховною властью и народомъ, между государствомъ и землею... Только... земская Россія возвратитъ плодотворную, дѣйствительную, а не мнимую силу верховной власти, а всей русской жизни—цѣльность и творчество“... Желая болѣе разъяснить свою мысль, онъ вскорѣ затѣмъ замѣтилъ:

„Русскій царь не первый „аристократъ изъ аристократовъ“, какъ въ Англіи, не „первый дворянинъ“, какъ называли себя во время оно французскіе короли, а первый человѣкъ русской земли, облеченный на благо земли верховною государственною властью... Его интересы—интересы всего народа, и чѣмъ сильнѣе его власть, тѣмъ болѣе представляетъ она гарантій народнымъ массамъ,—бѣднымъ, сѣрымъ, беззащитнымъ—отъ преобладанія богатыхъ, знатныхъ, надѣленныхъ всяческими преимуществами, ближе стоящихъ къ престолу общественныхъ классовъ, но для того, чтобы эта власть получила настоящую силу, нужно, продолжалъ Аксаковъ, чтобъ не холодомъ вѣяло отъ нея, но чтобъ она свѣтила, живила и грѣла, являя себя вездѣ, всюду дѣятельно и благотворно, чтобъ неправдою, наконецъ, стала скорбная народная поговорка: „до Царя далеко“.

Вотъ въ этомъ-то смыслѣ и понимая „возвращеніе домой“, а не въ смыслѣ простаго перенесенія столицы обратно въ Москву, Аксаковъ привѣтствовалъ въ ней послѣ коронованія Государя Александра Александровича, говоря ему отъ всей полноты своей чистосердечной души:

„Совлеки съ Твоихъ слугъ, Государь, ветхаго—казеннаго человѣка, внѣдреннаго въ русскую жизнь петербургскимъ періодомъ нашей исторіи, и обнови въ нихъ подлиннаго человѣка земли въ честномъ званіи подданныхъ и слугъ твоей державы. Изжени ложь и лесть и всякое низкое угодничество или попросту подлость, такъ обильно разросшуюся въ нашей оффиціальной средѣ: да не молчитъ правда, но безбоязненно подъемлетъ свой голосъ и широкимъ царственнымъ путемъ идетъ въ чертоги царевы.—иначе, минуя ихъ, пробиваясь кривыми окольными тропами, исказится она въ самомъ существѣ своемъ, и, какъ запретный плодъ, обростетъ ложью и злобой“...

При столь постоянномъ единствѣ воззрѣній нашего поэта и нашего публициста, какъ же могъ первый не помянуть своимъ скорбносочувственнымъ словомъ внезапную смерть втораго. Мы и позволимъ себѣ заключить это номинальное слово, о нашемъ, столь же внезапно умершемъ поэтѣ, когда-то уже здѣсь прочитанными стихами его на смерть Аксакова. Сближая эту свѣжую утрату съ цѣлымъ рядомъ другихъ великихъ утратъ, поэтъ тогда говорилъ:

Меркнутъ и гаснутъ одна за другой
Свѣтлыя звѣзды, что въ пору иную,
Въ темную пору, когда-то былую,
Ярко горѣли надъ Русской землей,
Свѣтъ проливая средь почи глухой;
Сердцу внушали живую мольбу,
Свѣтлыя думы въ умахъ подымали,
Души надеждой и вѣрой питали,
Звали лежащихъ въ духовномъ гробу
Смѣло воспрянуть на трудъ и борьбу.
Быстро рѣдѣетъ дружина бойцовъ.
Множатся вѣщихъ пророковъ могилы:
Гдѣ же вы, свѣжія русскія силы?
Встаньте, явитесь на смѣну отцовъ,
Божіей правды левитовъ пѣвцовы!
Есть въ тебѣ силы тѣ, край мой родной,
Есть онѣ... Вѣрю я въ духъ нашъ народный!
Чуднаго творчества геній свободный

Съ вѣщимъ глаголомъ и пѣснью живой
Смолкъ, но не умеръ средь Руси святой.

Да, но чтобы ему очнуться и громко раздаться надъ нами, нужно побольше свѣта, побольше вольнаго воздуха. Не даромъ же вылилось изъ души у другаго поэта:

Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Дохнуть пошире, повольнѣй!
Докажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней!

Въ заключеніе собраніемъ были избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Собраніе было закончено пѣніемъ „Да воскреснетъ Богъ" и гимна св. Кириллу и Меѳодію, написаннаго М. П. Розенгеймомъ и положеннаго на музыку В. И. Главачемъ.

III.

20 ДЕКАБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново:

По открытіи засѣданія собраніе избрало въ члены Общества предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ.

За тѣмъ собраніе единогласно утвердило составленный Совѣтомъ проектъ смѣты доходовъ и расходовъ Славянскаго Общества въ 1888 г.

Въ заключеніе В. И. Ламанскій, по порученію Совѣта, предложилъ собранію избрать въ почетные члены Князя Николая Черногорскаго и епископа Штроссмайера, по случаю 300 лѣтняго юбилея славнаго пѣвца свободнаго Дубровника, поэта Гундулича.

Предложеніе это собраніе постановило единогласно: немедленно привести въ исполненіе.

Во исполненіе сего, Совѣтомъ были посланы слѣдующія письма и телеграммы:

1. Его Высочеству, Князю Черногорскому:

Ваше Высочество.

По случаю трехсотлѣтняго юбилея славнаго пѣвца свободнаго Дубровника, желая достойно почтить память нашего стародавняго славянскаго поэта, одинаково близкаго сербамъ и хорватамъ, Славянское Общество избрало Ваше Высочество въ свои почетные члены.

Благоволите, Ваше Высочество, принять это избраніе, какъ выраженіе не только нашего, но и всей Россіи высокаго уваженія къ особѣ Вашей, какъ первому и высшему представителю роднаго и единовѣрнаго намъ народа, мудрому правителю и свыше вдохновенному пѣвцу геройской Черногоріи, вѣрнѣйшей союзницы и любимицы русскаго народа.

2. Преосвященному епископу Штроссмайеру:

Ваше преосвященство.

По случаю трехсотлѣтняго юбилея славнаго пѣвца свободнаго Дубровника, желая достойно почтить память нашего стародавняго славянскаго поэта, одинаково близкаго сербамъ и хорватамъ, Славянское Общество избрало ваше преосвященство въ свои почетные члены.

Благоволите, ваше преосвященство, принять это избраніе за выраженіе высокаго нашего уваженія къ горячей и дѣятельной любви вашей къ своей славянской родинѣ, къ вашимъ блистательнымъ дарованіямъ, за доказательство нашего искренняго сочувствія къ особѣ вашей, какъ народному вождю и поборнику самостоятельности дорогихъ братьевъ нашихъ хорватовъ, какъ знакъ нашей душевной признательности возникшимъ, главнѣйше вашими просвѣщенными и любвеобильными усиліями, ученымъ учрежденіямъ, успѣвшимъ уже внести новую жизнь въ науку славянскую и оказать ей великія услуги,—какъ дань глубокаго нашего уваженія къ мужественной защитѣ вашимъ преосвященствомъ правъ епископата и славянскаго Кирилло-Меѳодіевскаго богослуженія въ лишенныхъ его западныхъ церквахъ Славянства.

3. Въ общество „Звонимиръ", въ Вѣну:

По случаю трехсотлѣтняго юбилея славнаго пѣвца свободнаго Дубровника, желая достойно почтить память нашего стародавняго славянскаго поэта, одинаково близкаго сербамъ и хорватамъ, Славянское Общество избрало въ почетные члены двухъ главныхъ представителей и высшихъ выразителей сербскаго и хорватскаго народнаго духа и лучшихъ его стремленій—Его Высочество, князя Николая Черногорскаго, и епископа Штроссмайера. Извѣщая объ этомъ, Славянское Общество считаетъ долгомъ выразить Обществу „Звонимиръ" свое искреннее пожеланіе дружескаго сожитія и согласнаго дѣйствія двухъ братскихъ народовъ на общей нивѣ славянской. Содержаніе этого привѣтствія благоволите передать по телеграфу въ Загребъ и Бѣлградъ.

Въ отвѣтъ на эти телеграммы были получены на имя г. предсѣдателя слѣдующія, печатаемыя ниже въ русскомъ переводѣ, письма:

а) Отъ Князя Черногорскаго:

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочиталъ сообщеніе вашего превосходительства, что Славянское Благотворительное Общество, по поводу 300-лѣтняго юбилея славнаго славянскаго поэта Гундулича, избрало меня своимъ почетнымъ членомъ.

Принимая столь лестную для меня честь, считаю особенно пріятною обязанностью выразить вамъ и всѣмъ членамъ Общества душевную мою признательность какъ за избраніе, коимъ меня почтили, такъ и за сердечныя чувства, выраженныя мнѣ и моему народу.

Чувствомъ братской любви и преданности къ великодушному и мощному народу русскому согрѣто сердце мое и всякаго моего подданнаго. Что же касается того, что меня избрало своимъ почетнымъ членомъ Общество,

посвятившее свои труды на благо и пользу славянства, то это для меня тѣмъ драгоцѣннѣе, что даетъ мнѣ возможность надѣяться на начало новой неразрывной связи любви и родства, соединяющей малую Червую Гору съ великой сестрой и покровительницей Россіей.

Примите, ваше превосходительство, выраженіе моей сердечной любви и преданности.

Князь Черногорскій Николай.

б) Отъ епископа Боснійскаго и Срѣмскаго:

Большая благодарвость славному благотворительному Обществу въ Петербургѣ за честь, которая выпала мнѣ на долю по поводу Гундуличева празднества. По справедливости горжусь, что мнѣ дозволено называться почетнымъ членомъ такого именитаго благотворительнаго Общества. Эта любовь и доброта ко мнѣ останутся вѣчною памятью о той любви, согласіи и братской взаимности, на которую призваны всѣ народы, особенно же мы, Славяне, о коихъ весь почти міръ исполненъ всякихъ предразсудковъ и ложныхъ мнѣній, исполненъ клеветъ, заподозриваній и сомнѣній. Въ виду всего этого, честный и непорочвый предъ Богомъ и своею совѣстью человѣкъ имѣетъ одно утѣшеніе въ братской любви и справедливости, которую ищетъ и находитъ. Подобный образъ дѣйствія по отношенію къ братьямъ вполнѣ согласевъ съ характеромъ и благородною задачею славнаго благотворительнаго Общества, а также и съ возвышенною мыслью и стремленіями нашего безсмертнаго поэта Гундулича, друга и замѣчательнаго защитника истиннаго просвѣщенія, свободы и славянскаго духа. Гундуличъ своею славною и незабвенною памятью и до-нынѣ возбуждаетъ васъ, Сербовъ и Хорватовъ, ко взаимной любви, согласію и единству, напоминая намъ, что хотя мы и носимъ два разныхъ историческихъ имени, одинаково почетныхъ, однако, по языку, просвѣщенію, главнымъ стремленіямъ, по вѣковой борьбѣ, храбрости и славѣ составляемъ одинъ и тотъ же народъ. Мы всѣ здѣсь такъ думаемъ и въ этой мысли насъ, благодаря Бога, поддерживаетъ доброта и мудрость славнаго благотворительнаго Общества въ Петербургѣ.

Да будетъ мнѣ дозволено къ этому прибавить, что мнѣ эта новая честь не только сама по себѣ мила и дорога, но и по особымъ соображеніямъ и обстоятельствамъ.

По соображеніямъ: славное благотворительное Общество отмѣчаетъ горячую и благотворительную любовь мою къ славянской моей родинѣ. Любовь къ родинѣ есть святое и всякой благородной душѣ прирожденное чувство, а истинный священникъ тѣмъ болѣе обязанъ уже самимъ священнымъ званіемъ своимъ любить свою родину и народъ. Я рано, и безъ особыхъ монхъ заслугъ въ священическомъ званіи, достигъ отличнаго положенія. Думая, что этимъ даромъ я болѣе всего обязанъ Богу и зная, что мы, слабые люди, не можемъ ничего прибавить къ безграничному бытію Божію, или отъ него убавить, я въ сердцѣ своемъ не отдѣлялъ любви къ Богу и званію своему отъ любви къ родинѣ и народу своему. Я думаю, что этимъ наиболѣе, по крайней мѣрѣ нѣсколько, я выполнилъ долгъ предъ Богомъ, который захотѣлъ Самъ быть на этомъ свѣтѣ нищимъ и рабомъ и принимаетъ все, что дается нами нищему и рабу, особенно же народу нашему, безъ собственной вины обѣднѣвшему и ослабѣвшему, такъ, какъ бы мы Ему Самому дали, въ два или въ три раза больше. Нашъ Хорватско-Сербскій народъ, съ испоконъ вѣка и почти до вчерашняго дня, выдерживая борьбу и проливая рѣки своей крови за честной крестъ и дорогую свободу, отсталъ нѣсколько въ образованіи и въ наукѣ, но, благодаря Бога, и взявъ особенно въ образецъ славный и незабвенный Дубровникъ, въ короткое время преуспѣлъ во всякомъ знаніи и умѣньи, такъ что вполнѣ заслужилъ честь и благодарность своихъ братьевъ. Эта честь и благодарность относятся теперь уже къ тѣмъ, которые стараются и заботятся о немъ и объ его просвѣщеніи.

Далѣе говоритъ славное благотворительное Общество, что оно избрало меня почетнымъ своимъ членомъ за мужественную защиту мою правъ епископата и славянскаго Кирилло-Меѳодіевскаго богослуженія, устраненнаго въ западной церкви славянской. Большое спасибо за это почетное признаніе. Я чрезвычайно чествую нашихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія и ихъ святое и славное богослуженіе, которое мы, Славяне, отъ нихъ приняли и которое удержалось, по истинѣ чудомъ Божіимъ, въ нѣкоторыхъ нашихъ странахъ до днесь и въ литургіи западной церкви. Я самъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ качествѣ Срѣмскаго епископа преемникъ св. Меѳодія въ той панноискій митрополіи, которая ему была дана, какъ залогъ самостоятельности и независимости отъ всякихъ противниковъ. Въ моей престольной церкви одинъ алтарь посвященъ святымъ Кириллу и Меѳодію; всякій разъ, какъ я приступаю въ этомъ алтарѣ къ святой трапезѣ, мнѣ приходятъ на умъ двѣ мысли: первая—эта святая жертва, источникъ всякой жизни и свѣта, всякой любви, согласія и единства, въ той и другой нашей церкви обращается къ вѣчному Отцу, дабы Онъ соединилъ насъ всѣхъ въ одно тѣло; второе, что мнѣ на мысль приходитъ: вся дѣятельность нашихъ святыхъ апостоловъ, особенно же это касается нашего языка, который они ввели въ ту и другую литургію, имѣетъ своею святою цѣлью—служить намъ, Славянамъ той и другой церкви, новою связью взаимной любви, согласія и единства. Обрядъ у насъ въ той и другой церкви чудный, истинный и живо выражающій тѣ святыя и безсмертныя истины, въ которыя мы вѣруемъ. Я не вижу, почему они не связать однимъ и тѣмъ же языкомъ, по примѣру нашихъ святыхъ апостоловъ, ту и другую церковь? Наши святые апостолы были не забыты Богомъ и поощрены священною римскою столицей, когда они въ особыхъ церквахъ славянскихъ ввели одинъ языкъ, чтобы весь народъ славянскій окрѣпъ и вырось въ вѣрѣ, любви и святомъ единеніи.

Объ этомъ же помышляю и я, во имя святой вѣры, любви и единства. Неудивительно, если, при взглядѣ на неурядицу, ссоры, сомнѣнія и протесты, я не достигну своей цѣли, такъ какъ и наши святые апостолы Кириллъ и Меѳодій ради ея должны были принять безчисленныя муки, упреки и гоненія. И вотъ я, взявъ замѣчательный примѣръ съ нашихъ святыхъ апостоловъ, остаюсь до гроба вѣренъ самому себѣ и святому званію своему. Многоуважаемое благотворительное Общество проститъ, надѣюсь, мнѣ подобныя рѣчи. Святая вѣра отъ альфы до омеги, съ начала и до конца, говоритъ о любви святой, любви чистой и благотворной, и славное благотворительное Общество истинно исполняетъ пресвятѣйшую и первѣйшую заповѣдь святой вѣры, какъ это показываетъ его имя и характеръ его дѣятельности.

Что же касается особыхъ обстоятельствъ, то мнѣ особенно дорого, что меня славное благотворительное Общество почтило, по поводу славной памяти нашего безсмертнаго поэта Гундулича. Нашъ хорватско-сербскій языкъ чистъ, обиленъ, языкъ, можно сказать, святой и религіозный; за такой, какой онъ дѣйствительно есть, мы единственно должны быть благодарны умному, доброму, чистому и многотерпѣливому народу нашему; онъ вложилъ въ него все благо и богатство остраго своего ума и благороднаго сердца; онъ его сберегъ, взлелѣялъ и развилъ въ темное и глухое время свѣтлымъ своимъ умомъ и добрымъ, живымъ сердцемъ, въ дивныхъ пѣсняхъ, прекрасныхъ сказкахъ и умныхъ пословицахъ, и мы его хранимъ теперь, какъ святое отцово наслѣдье. Наши незабвенные Дубровчане: Гундуличъ, Джорджичъ, Пальмотичъ и т. д. знали и умѣли, но истинѣ чуднымъ образомъ, сохранить и донести до совершенства прекрасный нашъ языкъ. Я бы отъ всей души, отъ всего сердца желалъ, чтобы наши молодые писатели слѣдовали этому замѣчательному примѣру. Къ тому же ихъ, благодаря Бога, побуждаетъ примѣръ и признаніе славнаго благотворительнаго Общества.

Мило мнѣ также, что славное благотворительное Общество, какъ слыхалъ, почтило вмѣстѣ со мною и славнаго нашего Черногорскаго Князя и храбраго героя нашего. Черногорскій Князь славный человѣкъ, достойный и заслуживающій всякой чести, довѣрія и Божьяго благословенія. Быть съ нимъ въ одномъ Обществѣ есть особенная почесть. Онъ, какъ извѣстно, отличный поэтъ и вѣрный наслѣдникъ нашихъ незабвенныхъ Дубровчанъ. Его пѣсни, какъ и пѣсни нашихъ старыхъ Дубровчанъ, поднимаютъ человѣка выше себя самого, за предѣлы этого свѣта, до райскихъ высотъ, и возбуждаютъ весь народъ къ святымъ идеаламъ, которые ему Божіимъ промысломъ суждено не сегодня—завтра исполнить. Я съ давнихъ уже поръ великій поклонникъ и вѣрный другъ славнаго Черногорскаго Князя; тѣмъ мнѣ дороже, что славное благотворительное Общество скромное мое соединило со славнымъ именемъ Князя, такъ, чтобы мы, единые по сердцу и стремленіямъ, были также едины и по почетному наименованію.

Итакъ, еще разъ: благодарю отъ всего сердца! Да благословитъ Богъ всѣхъ насъ и надѣлитъ всякимъ своимъ даромъ.

Славнаго благотворительнаго Общества покорнѣйшій слуга и почетный членъ

Іосифъ-Юрій Штроссмайеръ,
епископъ Боснійскій и Срѣмскій.

1888 ГОДЪ.

Въ 1888 г. состоялось 5 засѣданій, въ томъ числѣ три—11 мая, 15 іюля и 4 декабря—торжественныя. Въ этихъ засѣданіяхъ происходило слѣдующее:

I.

14 АПРѢЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. А. Васильчикова:

Г. секретарь прочиталъ слѣдующій краткій:

Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго Славянскаго Общества въ 1887 г.

8 мая 1888 г. исполнилось 20 лѣтъ со времени учрежденія въ Петербургѣ Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Предугадывая ваше общее желаніе обновить въ памяти все пережитое Славянскимъ Обществомъ въ этотъ періодъ времени, Совѣтъ Общества желалъ представить вамъ сегодня подробнѣйшій очеркъ дѣятельности Общества съ мая 1868 г. по май 1888 г. Къ сожалѣнію, но нѣкоторымъ, „независящимъ отъ Совѣта. обстоятельствамъ", такой очеркъ Совѣту составить не удалось.

Поэтому не откажите сегодня обратить ваше вниманіе только на цифры: онѣ „говорятъ".

Съ 8 мая 1868 по 1 мая 1877 г. наше Общество составляло Отдѣлъ Московскаго Славянскаго Общества, учрежденнаго въ 1857 г.

Задачи Московскаго Славянскаго Общества были задачами и Петербургскаго его Отдѣла·

Въ 1877 г. задачи эти были точно указаны въ особомъ, утвержденномъ правительствомъ, уставѣ.

Нижеслѣдующія цифры скажутъ вамъ, насколько умѣло Славянское Общество исполняло эти задачи въ теченіе 20 лѣтъ.

Въ этотъ періодъ времени Славянское Общество помогло получить образованіе въ Россіи 105 славянскимъ юношамъ и 16 славянскимъ дѣвицамъ въ слѣдующихъ учебныхъ заведеніяхъ: юношамъ: 32 — въ духовныхъ заведеніяхъ, 26—въ университетахъ, 16—въ военно-медицинской академіи, 15—въ техническихъ заведеніяхъ, 15 — въ южно-славянскомъ пансіонѣ О. Н. Миникова, 4—въ гимназіяхъ и 1—въ дѣтскомъ пріютѣ „Ясли“, и дѣвицамъ: 2—въ высшихъ женскихъ курсахъ, 2—въ педагогическихъ, 2—въ женскихъ врачебныхъ, 3—въ гимназіяхъ, 3—въ рисовальной школѣ, 2 — въ фельдшерской школѣ и 2—въ родовспомогательномъ заведеніи.

Въ числѣ славянъ и славянокъ, получившихъ при содѣйствіи нашего Славянскаго Общества образованіе въ Россіи, было: 58 Сербовъ и 6 Сербокъ, 35 Болгаръ и 7 Болгарокъ, 5 Чеховъ и 3 Чешки, 5 Галичанъ и 2 Словака.

Въ пособіе имъ выдано Славянскимъ Обществомъ въ теченіе 20 лѣтъ 7.1134 р. 80 к.

Помогая молодымъ славянамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію для полученія образованія, Общество въ то же время находило возможнымъ удѣлять изъ своихъ скудныхъ средствъ нѣкоторыя суммы и на школы въ земляхъ Славянскихъ. На этотъ предметъ Общество израсходовало 25.763 р. 23 к.

Озабочиваясь сближеніемъ съ славянами, наше Общество высылало въ славянскія матицы и отдѣльнымъ лицамъ и свои изданія, и иныя книги, а также русскія газеты, постоянно предоставляемыя, для этой цѣли, въ распоряженіе Совѣта Общества безплатно ихъ редакціями.

Покупка и пересылка такихъ книгъ, а также пересылка газетъ обошлись Обществу въ 12.695 р. 62 к.

Возникавшія мало по малу литературныя сношенія нашего Общества съ славянскимъ міромъ указали на необходимость помощи славянамъ въ ихъ собственныхъ литературныхъ предпріятіяхъ. На этотъ предметъ въ теченіе 20 лѣтъ израсходовано нашимъ Обществомъ 33.429 р. 13½ к.

На свою издательскую дѣятельность Общество израсходовало 41.471 р. 46 к. На эту сумму изданы: „Славянскій Сборникъ“ (3 тома), „Герцеговина“, „Чехія и Моравія“, „Исторія Пряшевской Епархіи“, „Германизація Балтійскихъ Славянъ“, „Первыя славянскія монархіи“, „Братская помочь“, „Два разсказа изъ Русской исторіи“—А. Н. Майкова, „Этнографическая карта славянскихъ народностей“—М. О. Миркевича (3 изданія), „Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ“, „Впечатлѣнія сербской войны“, „Первыя 15 лѣтъ существованія Славянскаго Общества“, „Житіе славянскаго Первоучителя св. Кирилла, на славянскомъ языкѣ“, „Житіе св. Кирилла и Меѳодія“ (130.000 экз.) и „Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра“, съ изображеніемъ его, исполненнымъ по рисунку проф. Н. А. Кошелева (300.000 экз.) На печатаніе житій славянскихъ Первоучителей съ ихъ изображеніями израсходовано 37.705 р. 60 к.

Кромѣ этихъ изданій, Общество съ октября 1883 г. издаетъ ежемѣсячный журналъ: „Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“.

Согласно устава, наше Общество неустанно оказывало, по мѣрѣ силъ и возможности, помощь нуждающимся славянамъ или въ неурожайные годы, или же во время военныхъ дѣйствій. Въ 20-лѣтній періодъ наше Общество израсходовало на этотъ предметъ 764.870 р. 63 к.

Въ памятные 1876, 1877 и 1878 гг. наше Общество снаряжало медицинскій персоналъ для пособія раненымъ въ сербо-турецкой войнѣ и отправило не мало добровольцевъ, пожелавшихъ послужить дѣлу славянской независимости. На это Общество затратило 479.265 р. 29 к.

Сюда же слѣдуетъ отнести пособія, которыя Общество съ 1876 г. выдаетъ семействамъ убитыхъ добровольцевъ и раненымъ добровольцамъ. Такихъ пособій по апрѣль 1888 г. выдано 39.286 р. 45 к.

На нужды православныхъ церквей въ славянскихъ земляхъ Общество израсходовало въ 20 лѣтъ 44.187 р. 72½ к.

Вообще Петербургское Славянское Общество въ теченіе 20 лѣтъ собрало 2.198.747 р. 53 к. и израсходовало 1.996.990 р. 46 к.

За симъ благоволите выслушать, мм. гг.,

Краткій отчетъ о дѣятельности Славянскаго Общества въ 1887 г.

I. Составъ Общества.

Въ 1887 г. въ составѣ Общества состояло членовъ: почетныхъ 37, пожизненныхъ—57 и дѣйствительныхъ—239. Въ минувшемъ году были избраны въ почетные члены: Его Высочество Черногорскій князь Николай, епископъ Боснійскій и Срѣмскій Іосифъ Штроссмайеръ, Анна Ѳеодоровна Аксакова и Варвара Францовна Гильфердингъ, въ пожизненные члены—графъ Г. А. Милорадовичъ и 29 лицъ, въ дѣйствительные члены.

Изъ числа членовъ, состоявшихъ въ составѣ Общества въ 1887 г., 56 членовъ не уплатили еще своихъ членскихъ взносовъ.

Въ минувшемъ году Славянское Общество лишилось почетнаго члена Ивана Стефановича Гавецкаго и старѣйшаго изъ членовъ Михаила Павловича Розенгейма. „Миръ праху ихъ“!

II. Составъ Совѣта Общества.

Въ составѣ Совѣта въ 1887 г. никакихъ перемѣнъ не произошло.

III. Составъ редакціи „Извѣстій Общества“.

Въ составѣ редакціи „Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“, въ сентябрѣ 1887 г. произошла слѣдующая перемѣна: за отказомъ К. Н. Бестужева-Рюмина и П. Г. Моравека отъ исполненія редакторскихъ обязанностей, обязан-

ности эти принялъ на себя, по просьбѣ Совѣта, почетный членъ Общества В. И. Ламанскій.

IV. Комиссіи.

Въ 1887 г. при Совѣтѣ Общества состояли слѣдующія комиссіи:

а) Издательская—для ознакомленія по возможности всѣхъ слоевъ русскаго общества съ міромъ славянскимъ и ознакомленія русскаго народа съ народами славянскаго племени, въ составѣ членовъ Совѣта: И. А. Васильчикова, А. А. Кирѣева, В. И. Ламанскаго и членовъ Общества: Е. Е. Замысловскаго, Ѳ. М. Истомина и А. Л. Петрова.

б) Владимірская—для обсужденія вопросовъ о чествованіи 900-лѣтія со дня крещенія Руси, въ составѣ членовъ Совѣта: В. Г. Чубинскаго, В. К. Саблера и В. И. Аристова, и

в) Ревизіонная—для провѣрки приходорасходныхъ книгъ Общества за 1887 г., въ составѣ членовъ Совѣта: П. Г. Моравека, Н. И. Писаревскаго и П. И. Соколова.

V. Общія собранія членовъ Общества.

Въ 1887 г. состоялось три общихъ собранія, въ томъ числѣ два торжественныхъ—14 февраля и 6 апрѣля.

Въ торжественныхъ собраніяхъ были прочитаны: В. И. Аристовымъ—статья проф. К. Н. Бестужева-Рюмина: „И. С. Аксаковъ", П. А. Васильчиковымъ—„Записка объ иновѣрной пропагандѣ на Балканскомъ полуостровѣ", М. О. Конловичемъ „Историческое разъясненіе вопроса: что дѣлать теперь Славянскому Благотворительному Обществу", О. Ѳ. Миллеромъ — „Въ память М. П. Розенгейма" и „И. С. Аксаковъ и свобода слова", И. И. Филевичемъ—„И. С. Аксаковъ и польскій вопросъ" и А. Л. Петровымъ сообщеніе о состоявшемся 19 марта 1887 г. празднованіи 50-лѣтняго юбилея славянскаго дѣятеля и ученаго І. М. Гурбана.

Распорядительное собраніе, состоявшееся 20 декабря, было посвящено разсмотрѣнію смѣты доходовъ и расходовъ Общества и выборамъ въ почетные члены Его Высочества князя Черногорскаго Николая и его преосвященства Іосифа Штроссмайера, епископа Боснійскаго и Срѣмскаго.

VI. Засѣданія Совѣта.

Засѣданій Совѣта въ 1887 г. состоялось 22, изъ нихъ 2 экстренныхъ.

Засѣданія эти были посвящены обсужденію и разрѣшенію текущихъ вопросовъ, разсмотрѣнію многочисленныхъ просьбъ о пособіяхъ церквамъ и литературнымъ предпріятіямъ въ Славянскихъ земляхъ, пріѣзжимъ Славянамъ, многочисленнымъ болгарскимъ эмигрантамъ и вдовамъ злодѣйски умерщвленныхъ болгарскихъ патріотовъ, а также разсмотрѣнію ходатайствъ славянскихъ юношей, прибывшихъ въ Россію для образованія, о назначеніи имъ пособій.

VII. Стипендіаты общества.

Къ 1 января 1888 г. на попеченіи Общества состояло 21 стипендіата: изъ нихъ 4—въ с.-петербургскомъ университетѣ, 6—въ военно-медицинской академіи, 2—въ с.-петербургской духовной академіи, 2—въ кіевской духовной академіи, 7 — въ духовныхъ семинаріяхъ, 1—въ 2-й московской гимназіи, 1—въ академіи художествъ и 1—въ маріинской женской гимназіи.

Въ числѣ нихъ было: 10 Болгаръ, 1 Буковинецъ, 12 Сербовъ и 1 Лужичанинъ.

VIII. Собраніе членовъ Общества по понедѣльникамъ.

Какъ въ предыдущіе годы, такъ и въ 1887 г. члены Общества по прежнему собирались въ помѣщеніи Совѣта по понедѣльникамъ, отъ 8 до 12 час. вечера, для чтенія Славянскихъ газетъ и журналовъ и для взаимнаго обмѣна мыслей.

IX. Казначейскій отчетъ.

I. ПРИХОДЪ.

	По смѣтѣ ожидалось. Рубли. К.	Поступило Рубли. К.
По расходному капиталу .	14.400 —	17.870 66
„ основному „ .	2.252 —	2.837 62
„ запасному „ .	— —	6.466 21
„ издательскому фонду .	5.490 —	5.723 3
Пожертвованій въ пользу болгарскихъ эмигрантовъ и вдовъ казненныхъ Болгарскихъ патріотовъ. . . .	— —	4.712 8
По спеціальнымъ капиталамъ.	378 53	952 82
Итого . . .	22.520 53	38.562 42

Увеличеніе прихода объясняется:

По расходному капиталу — возрастаніемъ церковнаго сбора.

По основному капиталу—поступленіемъ пожизненныхъ членскихъ взносовъ.

По спеціальнымъ капиталамъ — поступленіемъ пожертвованій въ издательскій капиталъ имени И. С. Аксакова—573 р. 29 к.

II. РАСХОДЪ.

	По смѣтѣ назначено. Рубли. К.	Израсходовано Рубли. К.
1) На наемъ квартиры, содержаніе служащихъ, общія собранія и засѣданія Совѣта, разъѣзды, печатаніе, церковныя службы и вообще веденіе дѣла.	3.600 —	4.528 88
2) На пособіе церквамъ .	1.500 —	1.495 95
3) На воспитаніе Славянъ.	2.400 —	4.772 02
4) На пособіе добровольц.	1.500 —	1.887 82
5) На пересылку газетъ въ славянскія земли и выписку славянскихъ газетъ.	1.200 —	790 33
6) На покупку и разсылку русскихъ книгъ и пособіе литературнымъ предпріятіямъ.	1.200 —	1.729 81
7) На пособіе пріѣзжимъ Славянамъ	1.800 —	2.009 12
8) На поддержаніе школъ въ славянскихъ земляхъ.	1.200 —	89 —
Итого . . .	14.400 —	17.213 23

Увеличеніе расхода объясняется:

По I статьѣ, главнымъ образомъ, издержками на торжественныя церковныя службы по почившимъ славянскимъ дѣятелямъ: Н. С. Аксаковѣ, Н. Я. Данилевскимъ, П. А. Лавровскомъ, М. П. Розенгеймѣ, П. С. Ганецкомъ и М. Н. Катковѣ и на принятіе мѣръ къ увеличенію доходовъ.

По III статьѣ—отъ увеличенія числа пособій молодымъ Славянамъ, прибывающимъ въ Россію для полученія образованія въ учебныхъ заведеніяхъ.

По VII статьѣ—отъ увеличенія годь отъ году пособій прибывающимъ въ Россію Славянамъ.

Независимо смѣтныхъ расходовъ, выдано пособій болгарскимъ эмигрантамъ и вдовамъ звѣрски умерщвленныхъ болгарскихъ патріотовъ:

а) изъ спеціально поступившихъ пожертвованій	4.712	р. —	к.
и б) изъ разрѣшеннаго общимъ собраніемъ 21 декабря 1886 г. кредита изъ запаснаго капитала. : .	4.980	„ 16	„
Кромѣ того употреблено изъ запаснаго же капитала:			
а) на печатаніе житія св. равноапостольнаго князя Владиміра	4.655	„ 86	„
б) на разсылку житія св. Кирилла и Меѳодія. .	286	„ 77	„
и в) на выдачу ссудъ .	2.393	„ 4	„
Изъ издательскаго фонда на изданіе „Извѣстій„ и на веденіе дѣла редакціи употреблено.	4.694	„ 68	„

За произведенными расходами къ 1 января 1888 . оставалось:

Основнаго капитала .	71.578	р	6¼ к.
Запаснаго капитала	120.006	„	53¼ „
Издательскаго — имени И. С. Аксакова . .	4.303	„	26 „
Болгарскаго братства просвѣщенія . . .	167	„	33 „
На премію А. Ѳ. Гильфердинга.	4.753	„	61½ „
На премію Г. П. Алексѣева	440	„	46½ „
Издательскаго фонда .	428	„	35 „
Передаточныхъ суммъ.	79	„	45 „
Всего . .	201.757	р.	7½ к.

Кончая краткій отчетъ, Совѣтъ Общества позволяетъ себѣ надѣяться, что приведенныя въ отчетѣ цифры краснорѣчивѣе всякихъ словъ объяснятъ какъ и насколько Славянское Общество съумѣло исполнить священные завѣты своихъ основателей и учителей.

Отчетъ этотъ собраніе утвердило безъ измѣненій.

Затѣмъ г. предсѣдательствующій довелъ до свѣдѣнія собранія, что Совѣтъ Общества, въ виду постигшаго Черногорію бѣдствія отъ прошлогодняго неурожая, распорядился отправленіемъ въ помощь бѣдствующимъ черногорцамъ 3.000 р. изъ запаснаго капитала, не ожидая разрѣшенія общаго собранія, и просилъ распоряженіе это утвердить, на что собраніе и изъявило полное согласіе.

Послѣ того, имъ же г. предсѣдательствующимъ былъ прочитанъ докладъ Издательской Комиссіи, объ увеличеніи состава ея, для болѣе успѣшнаго веденія работъ оной. По одобреніи этого доклада, собраніе постановило приступить къ выбору двухъ добавочныхъ членовъ въ Комиссію, послѣ выбора предсѣдателя, его товарищей и прочихъ должностныхъ лицъ Совѣта, прослужившихъ узаконенное 3-хъ-лѣтіе.

Передъ выборами предсѣдателя, на мѣсто отслужившаго два трехлѣтія въ этой должности П. И. Дурново, и за его отказомъ отъ дальнѣйшаго исполненія обязанностей предсѣдателя Общества, г. предсѣдательствующій доложилъ собранію подписанное многими членами Общества заявленіе о выборѣ въ предсѣдатели почетнаго члена Общества, графа П. П. Игнатьева и объ отправленіи къ П. И. Дурново депутаціи, для выраженія признательности членовъ Общества за его труды въ званіи предсѣдателя.

И то и другое предложеніе были приняты съ громкими рукоплесканіями.

Затѣмъ, по большинству голосовъ, избраны: товарищами предсѣдателя: П. А. Васильчиковъ и В. К. Саблеръ и въ члены Совѣта: В. И. Аристовъ, А. В. Васильевъ, А. А. Кирѣевъ, В. И. Ламанскій, прот. А. А. Лебедевъ, О. Ѳ. Миллеръ, М. Ѳ. Мирковичъ, Н. П. Писаревскій и В. Г. Чубинскій и добавочными членами въ Издательскую Комиссію: Г. М. Кязевъ и И. С. Пальмовъ.

Въ заключеніе собраніемъ были избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

II.

11 МАЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. А. Васильчикова:

Засѣданіе это удостоили своимъ присутствіемъ: преосвященный Антоній, епископъ Выборгскій, ректоръ с.-петербургской духовной академіи, члены Общества и болѣе 700 посторонникъ посѣтителей.

Послѣ обычной молитвы, исполненной хоромъ А. А. Архангельскаго, прот. А. А. Лебедевъ произнесъ слово объ историческихъ судьбахъ апостольскаго подвига св. Первоучителей.

За тѣмъ А. Н. Майковъ прочиталъ свое стихотвореніе: „Въ Айя Софіи", а прот. А. А.

Лебедевъ сдѣлалъ сообщеніе о религіозномъ состояніи Чеховъ, переселившихся въ Россію.

Послѣ небольшаго перерыва Ѳ. М. Истоминъ прочиталъ некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго.

Печатаемые ниже: слово прот. А. А. Лебедева, его сообщеніе о Чехахъ и некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго были выслушаны присутствовавшими съ особеннымъ вниманіемъ, при чемъ память почившаго Я. Ѳ. Головацкаго была почтена вставаніемъ, стихотвореніе же А. Н. Майкова покрыто было громкими продолжительными рукоплесканіями.

Въ заключеніе было сдѣлано сообщеніе о новой рукописи: „Петръ II Петровичъ Нѣгошъ — владыка Черногоріи", составленной П. А. Ровинскимъ и присланной имъ въ распоряженіе Славянскаго Общества.

Въ этомъ же собраніи были избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты и въ числѣ ихъ многіе изъ членовъ чешскаго вспомогательнаго Общества въ С.-Петербургѣ.

Слово, сказанное прот. А. Лебедевымъ.

Помянухъ судьбы Твоя отъ вѣка Господи, и утѣшихся.
Пс. 118, 52.

Св. Псалмопѣвецъ въ скорбяхъ своего времени находилъ для себя утѣшеніе въ воспоминаніи судебъ Божіихъ, явленныхъ въ исторіи народа Божія. Подобное сему можемъ дѣлать и мы.

Нынѣшній праздникъ въ честь св. равноапостольныхъ Просвѣтителей славянъ, Меѳодія и Кирилла, возводитъ нашу мысль къ началу нашей исторіи и даетъ намъ поводъ привести себѣ на память судьбы Божіи, явленныя и являемыя въ исторіи положеннаго ими дѣла—просвѣщенія славянъ свѣтомъ Христова благовѣствованія.

Исторія ихъ апостольской проповѣди славянамъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ ходомъ развитія растительности изъ сѣмени. Когда вышедшая изъ земли растительность даетъ вторые и третьи листки, первые желтѣютъ и опадаютъ, какъ сдѣлавшіе свое дѣло, какъ оказавшіеся неспособными служить дальнѣйшему развитію растенія. Подобное было и въ проповѣди славянскихъ Первоучителей. Какъ извѣстно, ихъ сѣяніе было въ средѣ славянскихъ племенъ, моравовъ и чеховъ; здѣсь показались и первые восходы ихъ сѣянія; но не здѣсь суждено было развиваться, разростаться и приносить плоды духовному ихъ сажденію. Послѣ смерти святителя Меѳодія, его дѣло было порушено, ученики его изгоняются, славянское богослуженіе подвергается запрещенію, славянскія письмена, изобрѣтенныя ими и введенныя въ употребленіе, замѣняются латинскими; православное ученіе, посѣянное св. Меѳодіемъ, затемняется западными лжеумствованіями, а чистый и совершенный Символъ вѣры искажается вставкою новаго ученія о новомъ догматѣ. Но отъ такого насилія сѣяніе св. Просвѣтителей не погибло. Просвѣщеніе, которому они положили начало, перенесено было къ южнымъ славянскимъ племенамъ, къ болгарамъ и сербамъ. Но и здѣсь оно не нашло себѣ вполнѣ благопріятныхъ условій. Для полнаго, широкаго и благополоднаго развитія, подобающую среду оно находитъ въ племенахъ, поселившихся на востокѣ нашей части свѣта и собранныхъ въ одно государство призванными для того изъ за моря вителями, отъ которыхъ это государство и получило названіе Русскаго. Все, что было сдѣлано для юго-западныхъ славянъ св. Просвѣтителями ихъ, то было сдѣлано для насъ. Мы оказались ихъ истинными чадами по Христову благовѣствованію, учениками по ихъ духовному просвѣщенію. Хотя они не намъ проповѣдывали, но мы ихъ истинное сажденіе; не у насъ они сѣяли, но мы—истинное прозябеніе отъ ихъ сѣянія. Не утѣшительно ли такое поученіе о насъ Божіе? Принявшіе слово Божіе отъ ихъ устъ не сохранили оное, хотя и не по своей винѣ, а мы, не слышавшіе ихъ слова, получили все приготовленное ими—и грамоту, и переводы, и богослужебныя книги. *Помянухъ судьбы Твоя отъ вѣка Господи, и утѣшихся.*

Всматриваясь глубже въ исторію апостольскаго служенія св. Первоучителей, мы усматриваемъ весьма знаменательное совпаденіе событій великой важности для судебъ всего человѣчества. Въ то время, какъ св. Первоучители полагали начала для нашего духовнаго просвѣщенія, въ то самое время совершается, съ одной стороны, отпаденіе отъ древа вселенской православной Церкви великой вѣтви—западнаго христіанства, а съ другой стороны, на Востокѣ зарождается наше государство, которое вскорѣ, какъ сучецъ дикой маслины, должно привиться къ древу Церкви и какъ бы замѣнить собою отпавшую вѣтвь. Православной русской Церкви, образовавшейся въ нѣдрахъ русскаго государства, суждено было Промысломъ Божіимъ быть хранительницей спасительнаго православія, затемненнаго на Западѣ и угнетаемаго бѣдствіями на Востокѣ. Не утѣшительно ли для насъ такое великое поученіе о насъ Божіе? *Помянухъ судьбы Твоя отъ вѣка Господи, и утѣшихся.*

Тысяча лѣтъ прошло съ того времени, какъ св. Братья положили начало нашему духовному просвѣщенію. За это время, какъ мы, чада русской Церкви, такъ и сонлеменные намъ братія по вѣрѣ, хотя пользовались плодами нашихъ Просвѣтителей, но недостаточно понимали все величіе ихъ дѣла, все значеніе ихъ апостольскаго подвига; и только въ концѣ этого тысячелѣтія, когда въ племенахъ славянъ стало зрѣть сознаніе ихъ единоплеменности и правъ на духовную самобытность въ царствѣ Божіемъ—только тогда, возводя свою мысль къ началу нашего просвѣщенія, мы начали понимать все величіе заслугъ нашихъ Просвѣтителей; въ ихъ просвѣщеніи, принесенномъ всецѣло съ Востока, мы увидѣли залогъ и основаніе нашего Христова братства и духовнаго единства; почему знамя съ изображеніями св. Братьевъ Кирилла и Меѳодія сдѣлалось нашимъ общимъ знаменемъ. Кто не ученикъ съ Брать-

евъ, тотъ не можетъ принадлежать св. братству славянъ, тотъ не можетъ войти въ духовное единство наше. Враги православія, сыны тѣхъ, которые нѣкогда гнали самихъ св. Братьевъ и уничтожали ихъ дѣло вездѣ, гдѣ только могли это сдѣлать, поняли всю привлекательную силу этого знамени для славянскихъ племенъ, и потому, чтобы ослабить его дѣйствіе, стали проповѣдывать, что св. Братья всегда были ихъ, всегда были единомысленны съ верховною властью Рима и всегда находились подъ ея непогрѣшимымъ покровительствомъ. Но спросите ихъ: гдѣ же у васъ ихъ дѣло? гдѣ ихъ грамота, именуемая кириллицей? гдѣ ихъ переводы? гдѣ ихъ неповрежденный символъ? гдѣ ихъ славянское богослуженіе? Одна только хитрая изворотливость, непріостойная въ дѣлѣ Божіемъ, можетъ откловять эти вопросы и не видѣть въ нихъ обличенія. Такъ неправда солгала сама предъ собою. *Помянухъ судьбы Твоя отъ вѣка Господи, и утѣшихся!*

Когда, такимъ образомъ, враги православія стали присвоять себѣ св. Первоучителей славянскихъ, они тѣмъ самымъ признали святость ихъ подвига, высокое достоинство ихъ переводовъ и настоятельную потребность введеннаго ими славянскаго богослуженія. Славянскія племена, у которыхъ было отнято право молиться Богу на своемъ родномъ языкѣ, потребовали теперь, что такъ какъ св. Кириллъ и Меѳодій признаются святыми и латинскою церковію, равно и богослуженіе, вводимое вѣкогда ими—дѣломъ Божіимъ, то да будетъ позволено и имъ, славянамъ, совершать богослуженіе на языкѣ св. Просвѣтителей. Такое требованіе поставило верховную власть Рима въ затрудненіе: разрѣшить католикамъ-славянамъ совершать богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ—это значило бы отказаться отъ своихъ стародавнихъ преданій, а не разрѣшать—это значитъ попускать славянамъ тяготѣть къ тому духовному братству и къ тому духовному единству, въ которомъ живетъ православное славянство. Такъ неправда наказываетъ сама себя! *Помянухъ судьбы Твоя отъ вѣка Господи, и утѣшихся!*

И такъ, православныя чада св. Первоучителей нашихъ Кирилла и Меѳодія, да будутъ для насъ источникомъ утѣшеній благопопечительныя о насъ судьбы Промысла Божія! Особенно въ настоящее время, когда бѣды угрожаютъ православію со всѣхъ сторонъ, когда враги православія напрягаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы подавить и искоренить его тамъ, гдѣ оно было насаждено и оставалось отъ временъ св. Первоучителей. Не страшитесь этихъ усилій,—если Богъ за насъ, то кто на ны? Все, что теперь замышляютъ противъ православія враги его, все это несомнѣнно Богъ обратитъ къ вящшему Его прославленію. Только, съ своей стороны, дорожите наслѣдіемъ славянскихъ апостоловъ, какъ залогомъ нашего благоденствія, долгоденствія и спасенія, учите дѣтей языку Церкви, пріучайте ихъ къ благолѣпному ея богослуженію, ревнуйте о православіи, проникайтесь его истиною и живите его силою, и Господь, невидимый Глава Своей св. Церкви, явитъ на насъ величіе Своей силы и прославитъ въ насъ—славянахъ—Свое святое и великолѣпое имя.

Стихотвореніе А. Н. Майкова:

„Въ Айя-Софіи".

Господи! Что тамъ за шумъ? Что за люди? Какое смятенье?
Храмъ весь, алтарь, оба клироса, хоры—все полно народомъ!
Крики... Стенанья... Волной непрерывной толпа прибываетъ...
Женщины, дѣти... лохмотья и бархать, расшитый орлами...
Въ затканной золотомъ тогѣ—старикъ—голова безъ покрова—
Очи на выкатъ—бѣжитъ, озираясь, и за руку тащитъ
Внука—малютку; другой ему крѣпко сжалъ шею... Вонъ—быстро
Слуги царицу въ носилкахъ пронесятъ... Вотъ ювоша-вонвъ:
Шлемъ опрокинутъ—густою волной изъ подъ шлема разсыпались кудри—
Взоры блуждаютъ—„Пустите" кричитъ онъ несущимъ, и кровью
Облиты латы, и кровь изъ-подъ нихъ такъ и льется на мраморъ...
Въ окна, въ раскрытыя двери весь храмъ наполняется дымомъ—
Свѣчъ предъ иконами тускнѣть сіянье — и крики и стоны—
Здѣсь и извнѣ—все слилось съ возрастающимъ грохотомъ пушекъ...
„Но ворвались! Ворвались!..Императоръ убитъ!" отдается
Въ пустечномъ гулѣ однимъ потрясающимъ зданіе визгомъ!
Кровью облитые воины въ храмъ отступаютъ, сражаясь:
„Двери закладывать! Турки за нами!.." Захлопнулись двери.
Въ двери тараны стучатъ: вся толпа на мгновенье стихаетъ,
Всѣ къ алтарю воздѣваютъ съ молитвеннымъ возгласомъ руки—
Тамъ же идетъ литургія: діаконъ, іерей сѣдовласый
Съ чашей выходитъ народъ причастить Святыхъ Таинъ... Мгновенье—
Рухнули двери—и въ бѣлыхъ чалмахъ янычары—ужъ всюду—
Рубятъ направо, налѣво, на хорахъ и валятся трупы
Съ хоръ, съ галерей, сюда внизъ, въ эту общую свалку... и горы
Труповъ ростутъ... „Сторонись! убирайте тѣла! очищайте дорогу—
Самъ падишахъ"! возглашаетъ проворно вбѣгающій евнухъ.
Спѣшно швыряютъ тѣла къ сторонамъ, очищая средину;
Мертвыхъ, живыхъ, умирающихъ вдругъ двѣ стѣны взгромоздились—
И на конѣ онъ въѣзжаетъ и радостный взоръ устремивши подъ куполъ—

Мечъ обнаженный въ рукѣ, а въ другой Магометово знамя—
„Слава Аллаху!“ гласитъ, пораженный величіемъ храма...
Старецъ-іерей между тѣмъ, продолжая служенье, подъемлетъ
Съ пѣньемъ Святые Дары—и идетъ—и предъ нимъ вдругъ разверзлась
Арка въ алтарной стѣнѣ и вошелъ онъ—и арка замкнулась...
Вотъ что мнѣ видѣлось въ Айя-Софіи... И правдой казалось
Дней тѣхъ преданье: въ тотъ мигъ какъ уже разрушенье свершилось
Въ храмѣ послѣднихъ святынь, и иконъ, и крестовъ, и покрылись
Известью лики святые на золотѣ стѣнной мусіи,—
Въ оную ночь въ окна купола, вдругъ, осѣтивши весь городъ,
Свѣтъ необычный взшелъ, и раскрылося небо и тихо
Свѣтъ сей пріявши, закрылось опять—и сей свѣтъ былъ Господня
Храму сему благодать, отошедшая паки на небо...
И но ся дни стоятъ голыя стѣны—чертогъ опустѣлый,
Гдѣ, за отбытьемъ владыки, вселился пришлые люди.
Гдѣ же владыка? Искалъ я глазами — гдѣ арка, въ которой
Скрылся съ Дарами іерей,—и когда же разверзнется, ждалъ я,
И—какъ предсказано было — онъ выйдетъ опять съ той же Чашей,
Прерванный чинъ литургіи окончитъ, при возгласахъ славы,
Свѣтлый, воскресный канонъ воспѣвая... и известь исчезнетъ,
И—уже тонко сквозящійся нынѣ—Спасителя обликъ
Купно со всѣми Святыми опять просіяетъ на златѣ
Вкругъ загорѣвшейся снова мусіи...

Сообщеніе прот. А. А. Лебедева:

„О религіозномъ состояніи Чеховъ, переселившихся въ Россію“.

Проѣздомъ изъ за границы, въ послѣднихъ числахъ сентября и въ началѣ октября 1887 г. я посѣтилъ Чеховъ, поселившихся на Волыни, съ цѣлію познакомиться съ ихъ религіознымъ состояніемъ и расположеніемъ къ православію.

Мѣстомъ посѣщенія я избралъ городъ Луцкъ, куда былъ приглашенъ генераломъ Дмитровымъ и соборнымъ протоіереемъ Брадовичемъ и откуда началъ объѣздъ чешскихъ поселеній Луцкаго уѣзда.

Но прежде чѣмъ явиться къ Чехамъ, я счелъ нужнымъ представиться кіевскому генералъ-губернатору, А. Р. Дрентельну и, затѣмъ, его высокопреосвященству, архіепископу Палладію. Со стороны сихъ властей того края мое намѣреніе было принято благосклонно. Высокопреосвященный Палладій, хотя не разрѣшилъ мнѣ совершать литургію для Чеховъ на чешскомъ языкѣ, такъ какъ чешскій переводъ литургіи еще не одобренъ Святѣйшимъ Сунодомъ, но позволилъ передать на чешскомъ языкѣ содержаніе заамвонной молитвы,—каковымъ позволеніемъ я воспользовался, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ,—какъ о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

За недѣлю до моего пріѣзда въ Луцкъ, о чемъ Чехи были извѣщены изъ Кіева Чехами же, чешскій старшина въ Люблянахъ, Иванъ Валента самъ объѣхалъ поселки Луцкаго уѣзда и предувѣдомилъ домохозяевъ о моемъ посѣщеніи.

Прибывъ въ Луцкъ наканунѣ 27 сентября, я получилъ приглашеніе отъ старшины Валенты посѣтить чешскіе поселки, для свиданія съ Чехами, которые, зная меня еще по Прагѣ, желали видѣться со мной и поговорить. Мы условились отправиться съ о. прот. Брадовичемъ, въ сопровожденіи названнаго старшины, который оказался ревнителемъ дѣла православія. Въ продолженіе почти недѣли мы объѣхали слѣдующія селенія Чеховъ: Княгинино (въ 6-ти верстахъ отъ города, по шоссе), Милуши (въ 5-ти верстахъ, по шоссе), Барятино (въ 5-ти верстахъ, по грунтовой дорогѣ), Метишино (въ 8 верстахъ, по той же дорогѣ), Губино (въ 30-ти верстахъ), Ниву (въ 33-хъ верстахъ), Конечь (въ 17-ти верстахъ, по шоссе) и Теремное (въ 5-ти верстахъ, по тому же шоссе). 3-го октября, въ субботу, состоялось свиданіе съ Чехами, живущими въ самомъ городѣ Луцкѣ. Въ понедѣльникъ, 5-го октября, на пути въ Петербургъ, я посѣтилъ селеніе Глинскъ, гдѣ внѣлся съ священникомъ Тарновскимъ, съ Саскою и съ Чехами: Шиолкомъ и его затемъ Оличемъ, извѣстнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ поселенія Чеховъ на Волыни. Дожди и худая дорога, а отчасти и конецъ моего отпуска не дозволили мнѣ предпринять путешествіе но другимъ уѣздамъ.

Чешскія селенія по своему внѣшнему виду замѣтно отличаются отъ нашихъ крестьянскихъ селеній, и мой глазъ, приглядѣвшійся къ нимъ за границей, безъ труда отличалъ ихъ отъ нашихъ. У Чеховъ избы выше и шире чѣмъ у нашихъ крестьянъ, надворныя строенія обширнѣе, домашній скотъ крупнѣе, живности при домѣ больше (напр. гусей), огороды, засаженные плодовыми деревьями благоустроеннѣе... Видно, что Чехи переносятъ съ собою на русскую землю свою культуру. Мнѣ бросилась въ глаза постройка домовъ изъ дровъ. На родинѣ, богатой камнемъ, Чехи строятъ дома изъ булыжника, не обточеннаго въ правильные четыреугольники; переселившись къ намъ, въ мѣстности, гдѣ совсѣмъ нѣтъ камня, они замѣнили его деревомъ. Напиливъ пяти — шести вершковыхъ кругляковъ, они складываютъ изъ нихъ стѣны, смазывая полѣнья глиной, по угламъ ставятъ клѣтки, въ срединѣ стѣнъ, гдѣ должны быть окна, вставляютъ закладныя рамы и, такимъ образомъ, воздвигаютъ дома, которые отличаются теплотой, сухостію и огнеупорностію строительнаго матеріала. Въ од-

ной корреспонденціи, помѣщенной въ чешской газетѣ „Народные Листы“, Чехи ставятъ себѣ въ заслугу изобрѣтеніе въ Россіи такого рода построекъ.

Прибывши въ поселокъ, мы остановились у старосты, гдѣ Чехи были уже въ сборѣ, или въ готовности собраться. Не было надобности много говорить о цѣли нашего прибытія, она имъ была уже извѣстна, хотя и не совсѣмъ вѣрно. Я объявлялъ, что мы пріѣхали узнать объ ихъ вѣрѣ и религіозномъ настроеніи,—узнать, насколько справедливы слухи, что Чехи наклонны принять православіе, или, по крайней мѣрѣ, дѣтей воспитывать въ православной вѣрѣ?

Въ первомъ мѣстѣ, какое мы посѣтили, въ Княгининѣ, мои вступительныя слова были встрѣчены вопросомъ: отъ кого пріѣхалъ? и будутъ ли ихъ слова извѣстны Государю Императору? На это я отвѣчалъ, что я пріѣхалъ приватнымъ образомъ, сколько по собственному своему желанію, такъ какъ я долго жилъ въ Прагѣ, среди Чеховъ, и живо интересуюсь ихъ расположеніемъ къ православію,—столько же и по желанію правительственныхъ лицъ, которыя близко стоятъ къ Высочайшей особѣ Государя и не преминутъ довести до свѣдѣнія Его ихъ желанія, если они окажутся заслуживающими того. Государь одинаково озабоченъ положеніемъ всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ и въ частности ихъ, Чеховъ, новыхъ поселенцевъ русской земли.

Послѣ сего Чехи стали высказывать свои жалобы на русское управленіе. „Мы Чехи, говорили они, пришли къ братскому народу, русскимъ, въ надеждѣ, что мы найдемъ здѣсь братскій пріемъ и охрану, будемъ въ состояніи спокойно работать и пользоваться трудами рукъ своихъ; но выходитъ не то,—и правительство, и народъ считаютъ насъ *нѣмцами* и наравнѣ съ ними ставятъ насъ; что Чехъ, что Нѣмецъ для Русскихъ это все одно. Поэтому насъ лишили права покупкою пріобрѣтать землю. Это намъ тяжкая обида! Многіе изъ насъ въ увѣренности, что всегда можно пріобрѣсти землю, закупили сперва малыя доли (есть владѣтели не свыше трехъ десятинъ), а потомъ, когда справились бы съ деньгами, прикупили бы еще, но теперь лишены этой возможности и принуждены оставаться съ тѣми малыми долями, при которыхъ засталъ ихъ запретительный законъ. Вслѣдствіе того, иные пришли въ такое состояніе, что хоть переселяйся въ Америку, или ворочайся назадъ“. Нѣкоторые при этомъ выражались очень рѣзко: „мы не хотимъ, говорили эти нѣкоторые, чтобы дѣти наши проклинали насъ за переселеніе сюда, чтобы говорили, что отцамъ нашимъ слѣдовало бы переломать ноги, когда они переступали границы русской земли“ (привожу буквальныя выраженія!) „Знай они, что ихъ примутъ за нѣмцевъ, и запретятъ имъ покупать землю, они бы лучше переселились въ Америку, гдѣ ихъ землякамъ живется и привольно и свободно“. Такія рѣчи раздавались въ особенности въ селеніи Княгининѣ, хотя можно было слышать и въ другихъ мѣстахъ, но не въ такой рѣзкой формѣ. Въ нихъ слышалось оскорбленное чувство національности и горечь разочарованія въ несбывшихся надеждахъ на увеличеніе землевладѣнія.

При этомъ Чехи жаловались на то, что они несутъ всѣ подати и государственныя повинности, тогда какъ нѣмецкіе колонисты (которыхъ насчитывается въ Волынской губерніи 120 тысячъ) освобождены отъ нихъ и пользуются многими привиллегіями, которыхъ не имѣли и не имѣютъ Чехи, — хотя нѣмцы остаются нѣмцами—врагами Россіи и не хотятъ сливаться съ русскими. (Это тоже было заявлено въ Княгининѣ). Не желая входить въ разсмотрѣніе этихъ жалобъ и не считая себя къ тому компетентными, мы старались свести разговоръ съ этого пункта на почву чисто религіозную.

Относительно православія многіе заявляли намъ, что вѣра православная есть первая вѣра,—вѣра славянскихъ учителей св. Кирилла и Меѳодія, латинская же вѣра есть вѣра позднѣйшая, навязанная славянамъ нѣмцами-папистами насильно,—но что держась ея такъ долго, они, Чехи, къ ней привыкли. Когда они переходили въ Россію, они желали, чтобы дѣти ихъ учились русской вѣрѣ, ходили къ исповѣди и причащенію, вѣнчались въ русскихъ церквахъ, а сами они были погребаемы на русскихъ кладбищахъ. Но когда они поселились здѣсь, власа (т. е. правительство) дало имъ священниковъ гуситской вѣры, которые насъ перессорили между собою и раздѣлили на партіи; мы теперь похожи на разсѣянныхъ овецъ, не имѣющихъ пастыря. Если бы съ самаго начала повели дѣло такъ, какъ хотятъ вести теперь, мы бы давно были православными и имѣли бы православныхъ священниковъ изъ Чеховъ.

На вопросъ: согласны ли они теперь присоединиться къ православной Церкви? въ большинствѣ они отвѣчали: „мы готовы, только дайте намъ священниковъ, которые бы учили насъ православной вѣрѣ, говорили намъ проповѣди и исповѣдывали насъ на нашемъ языкѣ“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заговаривали о чешскомъ богослуженіи, но сейчасъ же оговаривались, что этого они просятъ пока для себя, а когда дѣти ихъ подрастутъ, не будетъ надобности совершать богослуженіе на чешскомъ языкѣ: поэтому въ дѣлѣ образованія дѣтей просили помощи со стороны правительства.

Изъявляя готовность принять православіе, они въ тоже время заявляли и тѣ затрудненія, которыя удерживаютъ ихъ отъ вступленія въ православную Церковь. Первыми затрудненіями Чехи повсюду ставили русскіе посты и русскіе праздники. Поститься такъ, какъ постятся крестьяне, они не могутъ; такъ какъ гораздо больше ихъ работаютъ. „Мы, говорили они, встаемъ рано и въ одно утро сработаемъ столько, сколько не сдѣлаетъ крестьянинъ за цѣлый день; поэтому и ѣсть мы должны сыто и хорошо“. Подобное заявленіе дѣлалось и по поводу множества праздниковъ. „У русскихъ такъ много праздниковъ, что если всѣ праздновать, то были бы

большія упущенія по хозяйству; такъ какъ у многихъ поселенцевъ слишкомъ малые участки земли, отъ которыхъ они должны кормиться, то они недостатокъ земли должны восполнять качествами ея обработки". Не знаю, какъ у крестьянъ въ томъ краю, но у Чеховъ урожай пшеницы доходитъ до самъ—25, а самъ—18 и самъ—19 считается обыкновеннымъ.

Для успокоенія Чеховъ относительно постовъ, мы говорили о возможномъ снисхожденіи къ нимъ, а относительно праздниковъ мы указывали имъ на русскіе календари, которые они приносили съ собою, гдѣ обозначено: въ какіе праздники можно работать и въ какіе нельзя. Впрочемъ, Чеховъ пугаетъ не столько строгость церковныхъ правилъ, сколько опасеніе, что крестьяне будутъ на нихъ доносить священникамъ, исправникамъ, или даже архіерею и ихъ будутъ штрафовать за несоблюденіе церковныхъ правилъ православія. Опасенія эти, повидимому, оправдываются фактами. Ходитъ между Чехами слухъ, что какой то священникъ поставилъ, будто бы, одного православнаго Чеха на поклоны въ церкви, за то, что тотъ не только самъ не соблюдалъ великаго поста, но еще и русскаго крестьянина оскоромилъ. Священникъ, узнавъ о семъ на исповѣди отъ сего послѣдняго, призвалъ въ церковь Чеха и заставилъ его положить 200 поклоновъ. Всѣ эти обстоятельства—исповѣдь и публичное наказаніе произвели на Чеховъ устрашающее дѣйствіе.

Вмѣстѣ съ опасеніемъ доносовъ Чехи имѣютъ и другія опасенія. Такъ они думаютъ, что съ принятіемъ православія на нихъ будутъ возложены новые обязательства и налоги; ихъ заставятъ строить церкви и платить жалованье причту. Въ устраненіе этихъ опасеній, мы увѣряли, что у насъ нѣтъ примѣровъ, чтобы церкви Божіи строились по принужденію, но что съ ихъ стороны было бы грѣшно оставаться равнодушными къ такому святому дѣлу, какъ строеніе церкви, и все возлагать на правительство, что каждый изъ нихъ долженъ принесть посильную жертву, кто чѣмъ можетъ,—кто деньгами, кто матеріаломъ, а кто своимъ трудомъ. На это Чехи изъявляли безусловную готовность. Равнымъ образомъ была рѣчь и о содержаніи причта; имъ напомнили, что на родинѣ за исполненіе требъ они платили своимъ священникамъ; и что здѣсь, подобнымъ образомъ, они, конечно, не откажутся платить священникамъ, по принятіи православія. И на это они отвѣчали полною готовностью. „Безъ сомнѣнія, будемъ—говорили они,—и, конечно, гораздо больше, чѣмъ здѣшніе крестьяне платятъ своимъ батюшкамъ".

Нужно, впрочемъ, замѣтить: поводъ къ опасенію новыхъ налоговъ былъ поданъ постройкою каменной церкви въ Глинскѣ. Не смотря на то, что на эту постройку кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ испрошена была сумма въ 25 тысячъ, бывшая коммисія потребовала съ каждой души села Глинска по одному рабочему дню, а потомъ эти дни переложила на деньги и вышла довольно почтенная цифра—2.400 р., впослѣдствіи эта цифра была поднята на 4.000 р. слишкомъ. Понятно, какъ отнеслись крестьяне, которыхъ въ селеніи считается только 55 дворовъ, къ строенію такого дорогаго и тяжелаго для нихъ зданія; строеніе церкви вотъ уже 12 лѣтъ не поднимается выше фундамента.

Къ числу затрудненій относится также и дороговизна документовъ, которые необходимы для принятія православія. Одинъ губинскій Чехъ, принимающій православіе, говорилъ намъ, что на выправку документовъ онъ израсходовалъ 6 или 7 р. с., кромѣ потраченнаго на то времени. Выставляя это на видъ, Чехи просили облегчить для нихъ представленіе документовъ, когда они будутъ принимать православіе.

Кромѣ этихъ общихъ затрудненій, есть затрудненія частныя, мѣстнаго характера. Сюда нужно отнести неудовольствія Чеховъ на крестьянъ и на мѣстные причты. Крестьяне, сколько я могъ судить по случайнымъ разговорамъ, завидуютъ Чехамъ и въ претензіи на нихъ за то, что тѣ заняли господскія земли, которыя они разсчитывали пріобрѣсти сами. Поселившись рядомъ съ крестьянами и строго охраняя свою собственность, Чехи стѣсняютъ крестьянъ въ выгонѣ скота, не дозволяютъ имъ предаваться прежней безпечности и распущенности и заставляютъ быть осторожными и опасливыми относительно чужой собственности. Хотя этотъ антагонизмъ не повсюденъ и не настолько силенъ, чтобы къ устраненію его потребовались какія либо особыя мѣропріятія, но, тѣмъ не менѣе, нельзя оставлять его безъ вниманія, такъ какъ онъ затрудняетъ дли Чеховъ дѣло православія. Чехи не хотятъ ходить въ сельскія, ближайшія къ мѣсту ихъ жительства, церкви, ни приписываться къ сельскимъ приходамъ, заявляя, что на ихъ приходѣ въ церковь не совсѣмъ дружелюбно смотрятъ крестьяне, считая церкви своею собственностію, переданною имъ отъ ихъ отцовъ и дѣдовъ,—что, въ случаѣ наплыва Чеховъ въ сельскія церкви, по ихъ обращеніи въ православіе, неудовольствія крестьянъ могутъ возрасти до нежелательной степени и вредно повліять на новообращенныхъ. Поэтому, изъявляя готовность приступить къ православной Церкви, Чехи не пожелали войти въ составъ сельскихъ приходовъ, но одни просили приписать ихъ къ городскому собору, при которомъ есть приписная церковь, а другіе, въ виду многочисленности своей, желаютъ имѣть свою особую церковь. Желаніе приписаться къ собору изъявили домохозяева: Книгинина, Милушъ, Варятина, Мстишина, Конечь и Теремное; а домохозяева селеній Губина и Липы просили объ отдѣльной церкви. Губинскій старшина, хотя живетъ въ дружбѣ съ крестьянами, находилъ неудобнымъ приписаться къ Губинской церкви, въ виду именно чрезвычайной ревности крестьянъ къ своему храму.

Кромѣ неудовольствія на крестьянъ, было заявлено неудовольствіе и на сельскихъ свя-

щенниковъ. Про одного говорили, что такой то священникъ, хотя хорошо служитъ, но не общителенъ; про другаго—что молодъ, а про третьяго не хотѣли и говорить. Чехи въ Теремномъ съ особеннымъ огорченіемъ говорили о причтѣ своей деревни. Священникъ разъ въ церкви оскорбилъ ихъ, обозвавъ Чеховъ какимъ то обидньмъ словомъ, а псаломщикъ поставилъ домъ (изъ лѣса, даннаго Чехами) на той дорогѣ, по которой они ѣздили на свои поля и, такимъ образомъ, загородивъ имъ ближайшую дорогу, заставилъ ихъ кружить окольными путями. Чехи жаловались на это мировому посреднику, но ихъ жалоба осталась безъ послѣдствій. Мы не входили въ разсмотрѣніе этой жалобы Чеховъ, не имѣли времени видѣться съ священникомъ и говорить съ нимъ по этому предмету, только видѣли, что Чехи не могутъ спокойно говорить объ отношеніяхъ къ нимъ причта. Несмотря на то, и они изъявили свою готовность принять православіе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы принадлежать собору, а не къ сельской церкви.

Послѣ такихъ и подобныхъ объясненій Чехи составляли подписки въ видѣ приговора, но не для подачи прошенія, а для заявленія своей готовности принять православіе; предполагалось, что эти подписки будутъ храниться у старшины, гдѣ онѣ и остаются теперь. Ввроченъ подписки дѣлались не вездѣ; въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ не было общаго собранія по непогодѣ и староста говорилъ отъ лица всѣхъ сельчанъ, напр: въ Губинѣ, подписокъ не было, въ Барятивѣ мы удовольствовались общимъ заявленіемъ собравшихся Чеховъ, что они готовы приступить къ православной Церкви, если ихъ примишутъ къ собору, отказались приступить только Чехи-евангелики. Въ общемъ результатѣ оказалось, что Чехи селеній: Княгинина (12 изъ 10 домохозяевъ), Милуши, Барятина, Мстишина, Копечь и Теремное, въ числѣ 189 домохозяевъ, пожелали составить приходъ при соборѣ, а Чехи поселковъ: Губина, Нивы и сосѣднихъ съ ними поселковъ, въ количествѣ свыше 1.500 душъ обоего пола,—имѣть особую церковь въ центрѣ ихъ селеній.

4 октября, въ воскресенье, въ луцкомъ соборѣ я соборнѣ совершилъ божественную литургію, на которой присутствовали Чехи изъ деревень, разсчитывая услышать православное богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. Не имѣя на то дозволенія, я не могъ оправдать ихъ ожиданія, но съ другой стороны, не могъ и оставить ихъ безъ какого нибудь удовлетворенія; передать содержаніе заамвонной молитвы по чешски, какъ мнѣ было разрѣшено, и не находилъ удобнымъ, какъ для себя, такъ и для предстоящихъ православныхъ; мнѣ нужно бы было особо готовиться къ тому,—а бесѣдовать съ Чехами по чешски въ виду православныхъ, которымъ предстояло еще выслушать поученіе на русскомъ языкѣ, — было бы утомительно для нихъ.—Поэтому я рѣшилъ предположенную молитву, послѣ прочтенія ея по славянски, прочитать еще по чешски, о чемъ и предупредилъ православныхъ,—говоря, что мы это сдѣлаемъ съ тою цѣлію, чтобы дать понять Чехамъ, о чемъ и какъ мы молимся, ибо заамвонная молитва есть сокращеніе всѣхъ молитвъ утрени и литургіи. Чехи, какъ кажется, были удовлетворены этимъ чтеніемъ. Признаюсь, я и самъ не безъ душевнаго волненія провозглашалъ въ православномъ храмѣ первую православную молитву на чешскомъ языкѣ. Послѣ сего мною было произнесено слово о призвакахъ единой истинной и спасительной Церкви. Въ заключеніе я сдѣлалъ обращеніе къ православнымъ, говоря, что Чехи изъявляютъ съ своей стороны готовность вступить въ нѣдра нашей православной Церкви и потому просилъ православныхъ оказать имъ Христову любовь и братскій пріемъ.

Несмотря на то, что мое пребываніе среди Чеховъ было кратковременно, я нахожу возможнымъ засвидѣтельствовать, что у большинства Чеховъ есть дѣйствительно расположеніе къ православію, но не у всѣхъ въ одинаковой степени. Чехи католики ближе къ православію, а Чехи—евангелики, прикрывающіеся именемъ гусситовъ, не только далеки отъ него, но могутъ даже оказать ему и противодѣйствіе.

При этомъ, однакоже, надо имѣть въ виду:

1. Расположеніе Чеховъ къ православію хотя несомнѣнно,—но тѣмъ не менѣе требуетъ съ нашей стороны заботливаго ухода, развитія, проясненія и укрѣпленія. При всей ихъ искренности это расположеніе не имѣетъ характера яснаго и опредѣленваго. Пока Чехи внѣ православія, они могутъ желать православія и искренно тяготѣть къ нему,—но какъ скоро примутъ его, ихъ расположеніе легко можетъ перейти въ нерасположеніе. Не нужно забывать, что въ настоящее время они деморализованы, что въ дѣлѣ религіи и ея обязанностей они ничѣмъ не связаны и вольны держаться любаго исповѣданія и нести какія угодно обязанности,—имя гуситской вѣры можетъ прикрывать всякаго рода произволъ и своеволіе, какъ прикрывало доселѣ совершенный произволъ и своеволіе чешскихъ священниковъ Гордички и Кашпара. Съ принятіемъ же православія они будутъ закрѣплевы за исповѣданіемъ, которое имѣетъ очень опредѣленныя и довольно строгія установленія и правила, произволу и своеволію будетъ положенъ конецъ. Въ этомъ одномъ обстоятельствѣ можетъ открыться источникъ многихъ неудовольствій, ропота и даже сожалѣнія объ оставленной вѣрѣ.

2. Тѣ разности, которыя существуютъ между православіемъ и католичествомъ, но которыя до принятія православія не сознавались Чехами, съ принятіемъ ими православія незамѣтно обозначатся съ большею или меньшею ясностію, обострятся и придутъ во взаимное столкновеніе. Какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, явятся враждебные православію агитаторы, которые всѣми мѣрами будутъ стараться приводить въ смущеніе еще не утвердившіяся души нововѣрующихъ и отвлекать ихъ отъ православія;

очень возможно, что иные не устоятъ и воротятся къ оставленной вѣрѣ.

3. Чехи, вступивъ въ нѣдра православной Церкви, неизбѣжно внесутъ съ собою свои особенности, усвоенныя въ католичествѣ. Они по своему будутъ молиться, по своему преклонять колѣна, по своему поститься, проводить праздники и под. При существующемъ по мѣстамъ антагонизмѣ между Чехами и крестьянами, эти особенности Чеховъ могутъ со стороны крестьянъ вызвать попреки, насмѣшки, укоризны, а возможно даже и доносы,—что легко можетъ привести Чеховъ къ охлажденію ихъ къ православной вѣрѣ. Былъ случай, что Чехи обидѣлись на одного сельскаго священника за то, что тотъ не захотѣлъ, чтобы покойника провожали съ музыкой.

Всѣ такія и подобныя затрудненія должны быть предусмотрѣны и къ устраненію ихъ заблаговременно надлежитъ принять мѣры, чтобы впослѣдствіи времени не обвинять Чеховъ въ непостоянствѣ, а обратившихъ миссіонеровъ—въ увлеченіи и обманѣ.

Для возможно лучшаго подготовленія Чеховъ къ принятію православія,—по моему мнѣнію, надлежало бы принять слѣдующія мѣры:

1. Предпринятый переводъ русскихъ церковныхъ и нравственныхъ книгъ по возможности усилить. Катихизисы пространный и краткій уже изданы въ чешскомъ переводѣ,—акаѳисты Іисусу Сладчайшему и Пресвятой Богородицѣ—уже печатаются, молитвословъ—приготовляется къ печати, но этого мало; необходимы переводы еще книжекъ нравственно-религіознаго содержанія, и именно повѣствовательнаго (изъ житій святыхъ), полемическаго и литургическаго характера.

2. Но одними переводами невозможно воспитать религіозное чувство и дать ему правильное направленіе,—необходимо обратить усиленное вниманіе *на изученіе въ чешскихъ школахъ русскаго языка,—дети лучшіе пропагандисты въ семьѣ.* Въ видахъ распространенія между Чехами православныхъ понятій, слѣдовало бы разсылать по школамъ назидательныя книжки, съ тѣмъ, чтобы ими одаривать дѣтей, преуспѣвающихъ въ изученіи русскаго языка. Такая мѣра, какъ само собою понятно, предполагаетъ, что въ училищѣ будутъ состоять учителями не заядлые паписты,—а православные, или же, по крайней мѣрѣ, расположенные къ православію. Въ селеніи Ивы мы встрѣтили такой примѣръ: староста отдаетъ своихъ дѣтей не въ свою деревенскую школу, на которую собираются съ него деньги,—но въ сосѣднюю, за что долженъ платить другія деньги; онъ дѣлаетъ это потому, что недоволенъ учителемъ, который не знаетъ русскаго языка и не расположенъ къ православію.

3. Необходимо пригнать такихъ миссіонеровъ изъ самихъ же Чеховъ, которые бы, перешедши изъ католичества въ православіе, сами на себѣ переспытали переломъ религіознаго сознанія. Два миссіонера такого рода уже имѣются въ виду, но для 15-ти тысячъ Чеховъ, разсѣянныхъ на довольно значительномъ пространствѣ этого числа мало. Нужны еще люди...

4. Слѣдовало бы пойти на помощь къ тѣмъ Чехамъ, которые дѣйствительно имѣютъ нужду въ храмѣ и могутъ образовать большой приходъ. И прежде всего слѣдовало бы, начатый постройкою храмъ въ Глинскѣ продолжить, увеличивъ его объемъ,—тѣмъ болѣе, *что деньги, назначенныя на этотъ храмъ, еще не израсходованы* и усердіе Чеховъ готово къ пожертвованіямъ трудомъ и матеріаломъ,—но безъ обязательныхъ налоговъ. Прежде приходское попечительство не хотѣло брать этого дѣла на себя,—но теперь не прочь, какъ свидѣтельствуетъ свящ. М. Тарновскій. Если поручено будетъ попечительству, — дѣйствія его можно будетъ отдать подъ надзоръ священника села Здолбунова, *Мятельскаго*, который у себя выстроилъ красивую каменную церковь.

5. Кромѣ этихъ положительныхъ мѣръ, слѣдовало бы употребить и мѣры запретительныя: а) Произвести давленіе на священниковъ мнимо-гуситской вѣры, получающихъ отъ правительства жалованье, Гордличку и Кашпари, и потребовать отъ нихъ, чтобы они не отводили Чеховъ отъ православія, а, напротивъ, согласно ихъ обѣщаніямъ и увѣреніямъ, которыя они давали неоднократно начальству,—приближали ихъ къ православію; въ противномъ случаѣ, они, какъ не сдержавшіе своего обѣщанія, не выполнившіе возложенной на нихъ миссіи и, такимъ образомъ, оказавшіеся вредными русскому дѣлу, могутъ быть высланы изъ предѣловъ Россіи; б) *прекратить доступъ на Волынь полскому пастору Елену*, который, пропагандируя чистое реформатство, ополячиваетъ Чеховъ успѣшнѣе всѣхъ польскихъ ксендзовъ. Говорятъ, онъ уже устроилъ изъ своихъ послѣдователей цѣлый приходъ; в) *запретить доступъ на Волынь чешскимъ газетамъ реформатскаго исповѣданія*, напр. „Гласъ съ Сіона“ и под. Газеты эти поддерживаютъ духъ фанатизма въ Чехахъ, особенно только что названная. О запрещеніи „Гласа съ Сіона“ и под. просили меня Чехи въ Кіевѣ.

При всѣхъ упомянутыхъ мѣропріятіяхъ, взятыхъ въ своей совокупности, обращеніе Чеховъ къ православной Церкви пойдетъ путемъ мирнымъ, вѣрнымъ и благонадежнымъ.

Дѣломъ этимъ не слѣдуетъ торопиться, но и не слѣдуетъ медлить.

По моему мнѣнію, слѣдовало бы начать это дѣло съ нынѣшней же зимы и начать съ города Луцка. Прежде всего слѣдовало бы занятыя присоединеніемъ къ православію изъявившихъ желаніе Чеховъ, живущихъ въ городѣ, и для сего къ нимъ послать имѣющихся на лицо миссіонеровъ—а, затѣмъ, направить миссію въ ближайшія селенія: Милуши, Княгинино, Теремное, Варятино, Метятино и Конечь. Послѣ того заняться обращеніемъ Чеховъ: Губина, Ивы и сосѣднихъ имъ селеній.

Не нужно забывать, что присоединеніе Чеховъ на Волыни можетъ отразиться и на

Чехахъ австрійскихъ. которые и безъ того очень заинтересованы положеніемъ своихъ земляковъ въ Россіи и отношеніемъ къ нимъ русскихъ.

Живя въ Прагѣ 8 лѣтъ, я видѣлъ это и самъ былъ заинтересованъ въ чешскомъ вопросѣ на Волыни, почему и принимаю въ немъ такое живое участіе.

Некрологъ, прочитанный Θ. М. Истоминымъ:

„Я. Ѳ. Головацкій."

Преосвященнѣйшіе архипастыри,
милостивыя государыни и
милостивые государи.

Въ Славянскомъ Обществѣ издавна установился обычай поминать добрымъ словомъ опочившихъ заслуженныхъ дѣятелей на пользу Руси, на пользу Славянства. И на мою долю выпало ва этотъ разъ помянуть словомъ одного изъ такихъ высоковолезныхъ дѣятелей. Славянство и славяно-русская наука понесли на этотъ разъ тяжелую утрату въ лицѣ, скончавшагося 1-го мая, *Якова Ѳеодоровича Головацкаго.*

Въ самыхъ молодыхъ годахъ проявивъ свою полезную дѣятельность, покойный Яковъ Ѳеодоровичъ продолжалъ неустанно трудиться до послѣднихъ дней своей жизни, почти врасплохъ застигнутый смертью на 74-мъ году. Я позволю себѣ представить вашему вниманію самый краткій біографическій очеркъ покойнаго труженика.

Яковъ Ѳеодоровичъ Головацкій родился 17 октября 1814 г., въ Галичинѣ, въ селѣ Чепеляхъ, Золочевскаго повѣта, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. На 6-мъ году жизни былъ онъ отвезенъ во Львовъ въ такъ называемыя нормальныя школы. Однакоже, тяжелая болѣзнь, посѣтившая его въ скоромъ времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдность отца заставили его снова вернуться домой, гдѣ онъ и принужденъ былъ оставаться въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ 1825 г. поступилъ онъ въ такъ называемую „Доминиканскую" гимназію во Львовѣ, которую и окончилъ въ 1831 г. Уже въ это время, среди гимназическихъ занятій, зародилась у Якова Ѳеодоровича страсть записывать народныя пѣсни,—страсть, какъ извѣстно, давшая впослѣдствіи столь благотворные плоды. Школьные товарищи, часто навѣщавшіе молодаго Головацкаго, развлекались обыкновенно пѣніемъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Благодаря тогдашнимъ обстоятельствамъ, не великъ былъ запасъ народныхъ пѣсенъ молодыхъ любителей; онъ не превышалъ и десятка; эти-то пѣсни и были записаны Яковомъ Ѳеодоровичемъ, притомъ латинскою азбукой, такъ какъ иной шрифтъ для большинства въ ту пору мало былъ понятенъ. Въ это же время развилась въ Головацкомъ и страсть къ чтенію, которому посвящалъ онъ каждую свободную минуту, прочитывая всякую, попадавшуюся подъ руки, книгу, большинство которыхъ были польскія и нѣмецкія; случайно попались ему, однако, сочиненія Котляревскаго, Державина, Основьяненка, Карамзина и др. Эти-то книги зажгли въ немъ естественную любовь къ его родному слову и послужили первымъ толчкомъ къ тому, чтобы посвятить всю свою жизнь на пользу этого роднаго слова.

Послѣдніе два года гимназіи Яковъ Ѳеодоровичъ оканчивалъ на Угорщинѣ, въ Кошицахъ и въ Пештѣ, гдѣ познакомился со многими славянами: Сербами, Словаками и др. Во время вакацій онъ имѣлъ случай заняться палеографіей, пересматривая архивъ графа Тарновскаго, въ Диконѣ; въ то же время записывалъ и пѣсни народныя, странствуя пѣшкомъ по селамъ Галичины и Буковины.

Въ 1835 г. Головацкій поступилъ на богословскій факультетъ Львовскаго университета, который и окончилъ въ 1840 г. Въ это время столицу Галицкой Руси посѣтилъ М. П. Погодинъ, а затѣмъ и П. И. Срезневскій. Знакомство съ этими выдающимися лицами дало ему поводъ вступить въ переписку съ заграничными учеными, что не осталось безъ благотворнаго вліянія на дальнѣйшую его дѣятельность. Въ тотъ же періодъ жизни покойнаго Головацкаго, завязывается у него тѣсная дружба съ первыми дѣятелями на галицко-русской литературной нивѣ: Маркіаномъ Шашкевичемъ и Ив. Вагилевичемъ. Результатомъ этой дружбы явилась „Русалка Дністровая", начавшая собою эру возрожденія галицко-русскаго умственнаго движенія и причинившая много непріятностей ея сотрудникамъ и издателямъ.

Послѣ окончанія богословскихъ наукъ Головацкій былъ рукоположенъ и получилъ мѣсто администратора прихода Микитинцы, а вслѣдъ за тѣмъ и приходскаго священника въ Хмелевцѣ, чортковскаго повѣта. Въ сельской глуши Яковъ Ѳеодоровичъ усиленно занялся изученіемъ лингвистики и неустанно продолжалъ собирать этнографическіе матеріалы изъ жизни галицко-русскаго народа.

Между тѣмъ наступилъ 1848 г. когда на всѣ народы Австріи повѣяло духомъ свободы и равноправности; возвернулъ тогда и галицко-русскій народъ послѣ 500-лѣтняго тяжелаго сна, чтобы начать новую жизнь, чтобы подворить, какъ они говорили, „свою правду въ своей хатѣ". Въ числѣ благоволеній, которыми австрійское правительство осыпало тогда Галицкую Русь, было и открытіе каѳедры русской литературы во Львовскомъ университетѣ. Въ числѣ немногихъ кандидатовъ на эту каѳедру явился, конечно, и Яковъ Ѳеодоровичъ, и, какъ достойнѣйшій, занялъ ее 22 декабря 1848 г.

На этомъ своемъ новомъ посту Яковъ Ѳеодоровичъ сдѣлался истиннымъ средоточеніемъ галицко-русскаго литературнаго движенія. Каждая русская книга въ Галичинѣ и каждое періодическое изданіе находило въ немъ, если не сотрудника, то по крайней мѣрѣ совѣтника.

Въ началѣ своего университетскаго преподаванія онъ устанавливалъ и распространялъ идею литературной самостоятельности малорусскаго нарѣчія, но потомъ, основательно разбирая древніе русскіе историческіе памятники и обстоятельно ознакомившись съ рус-

скою исторіей подъ руководительствомъ тогдашняго галицкаго исторіографа Денисія Зубрицкаго, Яковъ Феодоровичъ пришелъ къ другому литературному убѣжденію, котораго и держался неизмѣнно до конца своей жизни. Тѣмъ же литературнымъ путемъ пошли и другіе его товарищи, именно: покойный Ник. Устіяновичъ, Антонъ Добрянскій, Дѣдицкій, І. Г. Наумовичъ, Гушалевичъ и др.

Въ 1867 г Яковъ Феодоровичъ Головацкій вмѣстѣ съ Евг. Ос. Павлевичемъ и редакторомъ перваго „Страхопуда" Іос. Ник. Лиѣчакомъ посѣтилъ славянскую этнографическую выставку въ Москвѣ, на ряду съ представителями другихъ славянскихъ народностей.

Съ этихъ поръ пребываніе Якова Феодоровича на родинѣ становится тяжелымъ. Тогдашній намѣстникъ Галиціи, гр. Голуховскій, началъ рядъ преслѣдованій, направленныхъ противъ Головацкаго, нѣсколько разъ производилъ онъ обыски въ квартирѣ покойнаго и довелъ дѣло до того, что Я. Ѳ. принужденъ былъ оставить университетскую каѳедру, покинуть родину и переселиться въ братскую Россію. Здѣсь онъ нашелъ не только пріютъ для себя и своей семьи, но и соотвѣтственное поприще для дальнѣйшей полезной своей дѣятельности, а равно матеріальныя средства и достойную оцѣнку своихъ трудовъ, въ вознагражденіе за всѣ лишенія, которымъ онъ ранѣе подвергался. По Высочайшему повелѣнію онъ занялъ постъ предсѣдателя виленской археографической комиссіи для разбора древнихъ актовъ, который и занималъ съ достоинствомъ и въ неустанныхъ трудахъ до самой своей кончины.

Но и въ этомъ своемъ новомъ положеніи онъ не переставалъ думать и заботиться о покинутой роднѣ, и издалека поддерживалъ онъ Галицкую Русь въ ея борьбѣ съ враждебными стихіями. Тщательно выписывалъ онъ изъ древнихъ актовъ все, имѣющее связь съ Галичиною, и сообщалъ на родину все, что могло послужить въ защиту и въ разоблаченіе невѣрныхъ толковъ. Каждый политическій и литературный успѣхъ Галичины былъ радостью покойнаго, которую и выражалъ на страницахъ журналовъ и газетъ въ Вильнѣ, Москвѣ, Петербургѣ или Кіевѣ; всѣми мѣрами неутомимаго пера содѣйствовалъ онъ ознакомленію нашему съ судьбами и положеніемъ своей галицкой родины и будилъ къ ней сочувствіе нашихъ патріотовъ и дѣятелей.

На археологическій съѣздъ въ Кіевѣ, въ 1874 г., онъ явился съ обширною рукописью, въ которой неоспоримыми данными доказывалъ, какъ съ теченіемъ времени русская Галичина постепенно отчуждалась отъ своей вѣры и народности. Галицкія періодическія изданія находили въ немъ постоянную поддержку не только въ качествѣ подписчика, но и постояннаго сотрудника; и еще въ текущемъ году не мало такихъ статей его появилось въ печати, многія ждутъ своей очереди, въ томъ числѣ въ редакціи „Червонной Руси" находится, къ сожалѣнію, неоконченная за смертью Я. Ѳ., рукопись его: „Обозрѣніе славяно-русской письменности и народнаго образованія въ Червонной Руси до занятія Галиціи и Лодомеріи австрійскимъ кордономъ".

Своимъ личнымъ характеромъ и неутомимыми трудами Яковъ Феодоровичъ успѣлъ снискать въ своемъ новомъ отечествѣ любовь и уваженіе всѣхъ окружающихъ; имя его съ уваженіемъ произносилось и далеко за предѣлами его непосредственной дѣятельности.

Своими высокополезными научными трудами Я. Ѳ. обратилъ на себя вниманіе ученыхъ обществъ; еще въ 1860 году избранный въ члены-корреспонденты чешскаго общества наукъ въ Прагѣ, онъ за періодъ позднѣйшей дѣятельности былъ удостоенъ званія почетнаго члена московскаго общества исторіи и древности россійскихъ, члена Императорскаго русскаго географическаго общества, которое присудило ему золотую медаль, и въ дѣятельности котораго онъ, между прочимъ, участвовалъ въ качествѣ члена-распорядителя комиссіи Юго-Западнаго отдѣленія общества въ Вильнѣ, дѣйствительнаго члена московскаго археологическаго общества, доктора новороссійскаго университета, члена общества любителей россійской словесности въ Москвѣ, непремѣннаго члена московскаго общества естествознанія, антропологіи и этнографіи. Удостоенъ золотой Уваровской медали и Уваровской преміи въ 500 р.

Не прерывая своей научной дѣятельности до послѣдняго времени Яковъ Феодоровичъ еще въ текущемъ году обогатилъ науку своими новыми трудами, каковы: „Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1885 и 1886 гг.", и послѣдній трудъ его: „О домашнемъ бытѣ русскихъ дворянъ на Подлящьѣ, т. е. въ нынѣшнихъ Сѣдлецкой и Гродненской губерніяхъ по актамъ XVI стол.", которымъ, между прочимъ, доказалъ, что нынѣшнее ополяченное Подлящье было русскою землею и имѣло русское дворянство.

Сверхъ своей не легкой служебной обязанности въ качествѣ предсѣдателя виленской археографической комиссіи, Я. Ѳ. соединялъ съ нею званіе предсѣдателя временной комиссіи по устройству виленской публичной библіотеки и члена попечительнаго совѣта при учебномъ округѣ. Своею ревностною службою Я. Ѳ. Головацкій снискалъ Всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора и награжденіе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденами св. Станислава и св. Анны 1 степеней. Сверхъ того и научная дѣятельность его удостоена особаго Монаршаго благоволенія; такъ, за поднесеніе Государю Императору капитальнаго труда своего: „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси" онъ удостоился Высочайшей благодарности, а за поднесеніе другаго своего труда: „Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ" удостоенъ Высочайшей награды золотымъ перстнемъ съ рубиномъ и бриллiантами.

Такъ оцѣнила достойныя заслуги покойна-

го Як. Ѳ. Голсвацкаго братская ему Россія. На его родинѣ въ закордонной Руси, смерть Я. Ѳ. вызвала глубокую скорбь во всемъ краѣ; каждый сознавалъ, что съ кончиною его пересталъ существовать непосредственный свидѣтель и участникъ народной и литературной жизни австрійской Руси въ теченіе послѣдняго полустолѣтія.

„Не умре—по спитъ"... говорятъ его земляки, пораженные горестною вѣстью: „да, не умре—пбо люди, посвятившіе свою жизнь на вѣрную и непоколебимую службу своему народу, управлявшіе въ потѣ лица и съ самоотверженіемъ, въ продолженіе болѣе полустолѣтія, запустѣлымъ кускомъ унаслѣдованной отъ отцовъ земли; люди, зажегшіе въ сердцахъ милліоновъ своихъ собратій святой огонь вѣры, любви и надежды, отъ котораго зарѣялся небосклонъ надъ головами этихъ милліоновъ свѣтомъ возрожденія, новой жизни; пбо люди, навшіе, какъ спартанскій герой, съ высоко поднятымъ знаменемъ истины, свѣта и идеи въ одной рукѣ, и съ оружіемъ, защищающимъ то знамя—въ другой, и истощившіе силы свои въ борьбѣ и трудахъ для блага своего отечества.—такіе люди не умираютъ, какъ не умираютъ руководившіе ими идеалы"...

„Блаженный упокой праху твоему и память твоя отъ рода въ роды!..." Такъ говорятъ земляки Я. Ѳ. Головацкаго.

„Вѣчная память достойному труженику на русско-славянской нивѣ"! скажемъ и мы.

III.

15 ІЮЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ А. А. Кирѣева:

Собраніе это состоялось въ память 900-лѣтія крещенія Руси при св. равноапостольномъ Великомъ Князѣ Владимірѣ въ большомъ залѣ с.-петербургскаго городскаго кредитнаго общества. Залъ по этому случаю имѣлъ чрезвычайно нарядный и красивый видъ, соотвѣтствующій торжеству: онъ былъ красиво убранъ гербами московской, кіевской, новгородской и херсонской губерній и славянскихъ земель; портретъ Государя Императора былъ изящно декорированъ растеніями; надъ эстрадою былъ устроенъ хрустальный осьмиконечный крестъ, утвержденный своимъ основаніемъ въ буквѣ Ц (900); передъ эстрадою была водружена, художественно исполненная, массивная хоругвь съ изображеніемъ св. Владиміра.

А. А. Кирѣевъ, предсѣдательствовавшій вмѣсто графа Н. П. Игнатьева, находившагося на празднествѣ въ г. Кіевѣ, открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

Высокоуважаемый іерархъ,
достопочтимые отцы,
милостивые государи и государыни.

За отсутствіемъ нашего уважаемаго предсѣдателя, графа Н. П. Игнатьева, я буду имѣть честь открыть сегодняшнее засѣданіе, созванное для чествованія девятивѣковой годовщины крещенія Россіи.

Въ одной статьѣ, написанной мною давно, но появившейся лишь недавно, я между прочимъ говорилъ слѣдующее:

„Девять столѣтій прошло со времени важнѣйшаго событія русской исторіи—со времени принятія равноапостольнымъ Княземъ Владиміромъ христіанства, и притомъ—отъ *Восточной* православной Церкви. Событіе это важно *вдвойнѣ*, не только потому, что сдѣлало насъ сопричастниками искупленія рода человѣческаго Христомъ Спасителемъ, но и потому еще, что перенесло центръ тяжести всей нашей политической и нравственной жизни—на Востокъ, въ область православной Церкви, подъ сѣнь св. Софіи". Слова эти кстати повторить и теперь, при настоящемъ торжествѣ, устроенномъ въ память именно этого событія.

Племя наше было связано съ православной Церковью и прежде, до Владиміра, преимущественно, конечно, проповѣдью святыхъ Кирилла и Меѳодія, хотя собственно нашего отечества эта проповѣдь непосредственно не коснулась; великая, прямая заслуга солунскихъ братьевъ и *относительно насъ* состоитъ преимущественно въ томъ, что они перевели слово Божіе на славянскій языкъ и этимъ не только сдѣлали его доступнымъ для каждаго православнаго христіанина, но еще дали и весьма важную точку опоры стремленію славянъ къ духовному единенію. Связь съ православною Церковью у насъ была и прежде; извѣстно, что и до Владиміра въ Кіевѣ была уже многочисленная христіанская община, удостоившаяся даже счастія имѣть своихъ мучениковъ, но связь эта была случайная, она не была установлена окончательно. Лишь со времени обращенія Владиміра и крещенія всего народа (замѣтимъ, кстати,—крещенія, не сопровождавшагося насиліемъ и кровопролитіемъ) и православной Церкви дается подобающее значеніе, само государство русское—дѣлается *государствомъ православнымъ*. Лишь съ этого времени „дается ему душа"; лишь съ этого времени Русь дѣлается „Святою Русью, т.-е. тѣмъ, чѣмъ она, для каждаго изъ насъ *есть*, чѣмъ *должна быть* и, Богъ дастъ, и *будетъ*! Выраженіе это: Святая Русь имѣетъ для насъ, для всего нашего народа, не метафорическое значеніе, годное для произведеній поэзіи, а совершенно точное, совершенно конкретное.

Я позволяю себѣ обратить на это обстоятельство особенное вниманіе почтеннаго собранія. Дѣло не въ томъ только, что 988 года большинство русскаго народа стало православнымъ, а въ томъ, что само государство, *какъ таковое*, соединилось *нерасторжимо* органи-

чески съ православною Церковью.—*Съ точки зрѣнія государственной* все дѣло въ этомъ. Въ этой органической связи Церкви и государства, въ сочетаніи жизни идеальной, нравственной нашего народа съ его жизнью политической, государственной, заключается счастіе Россіи, заключается залогъ ея преуспѣянія, ея *великой нравственной* силы! Пока связь эта будетъ существовать, не будетъ нарушена, до тѣхъ поръ будетъ существовать и *непреоборимая, ибо сильная духомъ, Россія*. Каждый изъ насъ чувствуетъ и сознаетъ себя не только сыномъ своего отечества, но еще (иногда даже и гораздо болѣе) сыномъ своей Церкви. Очевидно, стало быть, у насъ нѣтъ мѣста для антагонизма между Церковью и государствомъ, нѣтъ *возможности* борьбы между ними! Для Россіи не существуетъ вопроса (разумѣю, вопроса принципіальнаго) о враждебныхъ отношеніяхъ между Церковью и государствомъ, того вопроса, который волнуетъ западныя государства и неудержимо подтачиваетъ ихъ жизненныя, нравственныя силы, а стало быть, и самое ихъ существованіе.

Выборъ св. Владиміра имѣлъ, какъ уже сказано, рѣшающее *двойственное* вліяніе на всю нашу послѣдующую исторію, на все наше дальнѣйшее развитіе. Принятіе христіанства отъ Востока сдѣлало Россію тѣмъ, что она есть; оно опредѣлило ея призваніе, намѣтило ей цѣль и установило ея отношенія къ другимъ племенамъ и народамъ. Оно дало ей, правда, великія права, но вмѣстѣ съ тѣмъ возложило на нее и еще большія обязанности; а обязанности, милостивые государи, несравненно важнѣе, несравненно выше правъ, уже потому одному, что отъ правъ нашихъ—мы можемъ отказываться, отъ обязанностей же мы отказываться не можемъ, это не въ нашей волѣ, мы можемъ только ихъ плохо исполнить—*но этого, Богъ дастъ—не будетъ!..*

На эту тему можно сказать еще многое, но я опасаюсь, что на насъ снова посыпятся обвиненія въ томъ, что мы, будто, не довольно исключительно занимаемся дѣлами благотворительности, что мы выходимъ изъ рамокъ нашего устава, что мы говоримъ слишкомъ много и о политикѣ, о богословіи, вообще вдаемся въ „недоступныя для нашего пониманія сферы, требующія спеціальныхъ свѣдѣній и знаній, которыхъ, де, у насъ не имѣется". Всѣ подобныя обвиненія основаны лишь на недоразумѣніи, и вовѣрить имъ могутъ только лица, получающія свѣдѣнія о нашей дѣятельности *не* непосредственно, *не* изъ первыхъ рукъ, а изъ вторыхъ. Повторяю, мы не заслуживаемъ такихъ обвиненій, но, конечно, никто изъ насъ, поступая въ члены Славянскаго Благотворительнаго Общества, не давалъ обѣта или обязательства отречься отъ своихъ убѣжденій и чувствъ, отъ всего того, что составляетъ личность человѣка, его нравственный обликъ. Поступая въ Славянское Общество, никто конечно не думаетъ забывать, что онъ русскій, что онъ славянинъ; это была бы очень странная „contradictio in adjecto"! Наоборотъ: поступая въ Славянское Благотворительное Общество, не только никто не собирается обезличиваться, дѣлаться равнодушнымъ къ судьбѣ нашей вѣры и нашей земли, никто не думаетъ отказываться отъ своихъ идеаловъ; наоборотъ, каждый изъ насъ надѣется найти въ этой новой сферѣ возможность служить имъ еще лучше, еще успѣшнѣе, нежели прежде. *Такъ и будетъ!* Мы будемъ служить тѣмъ идеаламъ, надъ выясненіемъ, надъ опредѣленіемъ которыхъ работали наши предшественники, Хомяковы, Аксаковы, Самарины, Киреевскіе, Достоевскіе, Гильфердинги, Даниловскіе... тѣмъ идеаламъ, въ которые вѣритъ, которые угадываетъ, *понимаетъ сердцемъ русскій народъ*, и тѣ, которые насильственно отъ него не отнатываются! Да, мы желаемъ и будемъ служить нашей вѣрѣ, и нашему племени, мы хотимъ, чтобы наша вѣра, нашъ языкъ безпрепятственно распространялись и укрѣплялись въ той области, которую имъ отвела исторія, гдѣ они искони были у себя дома и откуда враги наши стараются ихъ теперь вытѣснить! Нужно-ли прибавлять, что и въ этой ожесточенной борьбѣ, *всякая мысль о насиліи* надъ чужой совѣстью, хотя бы и враждебной—отвергается нами съ негодованіемъ. Въ борьбѣ этой мы разсчитываемъ на силу истины, на силу убѣжденій и думаемъ, что чѣмъ лучше, чѣмъ ближе другіе народы, въ особенности народы намъ единоплеменные и единовѣрные, познакомятся съ нашими идеалами,—тѣмъ легче, тѣмъ скорѣе признаютъ они ихъ законность и справедливость, тѣмъ легче они усвоятъ ихъ со временемъ и сами!

Но, милостивые государи, для того, чтобы все это могло осуществиться, для того, чтобы идеалы наши могли получить право гражданства не только у насъ, но и за нашими политическими границами, необходимо, чтобы мы сами крѣпко въ нихъ вѣровали, сами оставались имъ неуклонно вѣрными. Только при этихъ условіяхъ дѣятельность наша можетъ быть плодотворна и достигнетъ желанныхъ нами и *не нами одними* желанныхъ—результатовъ!

Послѣ А. А. Киреева К. П. Живный, редакторъ газеты „Parlamentär", произнесъ слѣдующую рѣчь:

Высокоуважаемое собраніе.

Въ нынѣшній торжественный день славной памяти св. Владиміра, утвердителя православно-славянской Церкви въ восточно-русской части славянскаго народа, на славянахъ лежитъ обязанность прославить мысль, которая служитъ основою историческаго значенія св. Владиміра. Славянскій народъ цѣнитъ заслугу св. Владиміра, какъ укорителя великаго просвѣтительнаго подвига св. славянскихъ Первоучителей, Кирилла и Меѳодія; онъ прославляетъ св. Владиміра, съумѣвшаго дать широкое и прочное развитіе кирилло-меѳодіевскому дѣлу въ цѣломъ русскомъ племени.

Со временъ св. Владиміра и донынѣ твердо стоитъ среди русскаго племени православная

Церковь, та Церковь, которая передала преемственно нашему поколѣнію христіанство въ чисто-апостольскомъ видѣ, установила богослуженіе на классическомъ древне-славянскомъ языкѣ, какъ живой памятникъ христіанскаго убѣжденія въ славянскомъ народѣ, и въ союзѣ съ кириллицей, этимъ символомъ духовной самобытности, стала основою внутренней народной жизни славянства, основою самостоятельной славянской культуры и культурнаго единства славянъ.

И такъ, все славянство имѣетъ полное основаніе почитать св. Владиміра, почитать какъ исполнителя кирилло-меѳодіевскаго завѣта въ восточномъ славянствѣ.

Мы собрались сегодня не для того, чтобы бесѣдовать о вопросахъ политическихъ; ибо политика не входитъ въ кругъ дѣятельности высокоуважаемаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Настоящее торжественное собраніе имѣетъ цѣлью лишь засвидѣтельствовать ту историческую истину, что славянскій народъ благодаря дѣятельности св. славянскихъ Первоучителей, Кирилла и Меѳодія, и ихъ достославнаго преемника на апостольскомъ поприщѣ, св. Владиміра, пришелъ къ убѣжденію, что духовная просвѣтительная жизнь народа, основанная на истинной почвѣ народности, составляетъ идеалъ патріотовъ—идеалъ, котораго славянскій народъ никогда не промѣняетъ на политическія стремленія съ государственными цѣлями.

Не въ великомъ славянскомъ государствѣ народъ славянскій усматриваетъ ту цѣль, къ которой онъ призвавъ стремиться; нѣтъ—этотъ народъ остался вѣренъ мысли и чувству, господствующимъ въ свѣтломъ умѣ и непорочномъ сердцѣ человѣка, что передъ Богомъ духъ имѣетъ высшее значеніе, чѣмъ грубая сила, что христіанская любовь должна быть основою народной жизни и что каждый народъ, хотя бы призванный судьбою исполнять свои гражданскія обязанности въ различныхъ государствахъ, долженъ однако проявлять свои духовныя силы въ сознаніи общихъ произведеній искусства, науки и литературы; и для этой цѣли ему необходимы внѣшнія средства—языкъ и письмена,—и внутренняя связь—Церковь, возбуждающая въ массахъ народа сознаніе его общности, или единства.

За тысячу лѣтъ передъ нами, славянскій народъ былъ единымъ; онъ былъ объединенъ св. апостолами славянъ, Кирилломъ и Меѳодіемъ, какъ въ Церкви, такъ и въ отношеніи къ письменности и литературному языку, и это единство утверждено на востокѣ среди русскаго племени св. Владиміромъ. Всегда и вездѣ, гдѣ это единство было нарушено, славянство стремилось возстановить его, и притомъ не для политическихъ и государственныхъ цѣлей, но для мирнаго, просвѣтительнаго труда въ духѣ народномъ. Но, какъ за тысячу лѣтъ назадъ и затѣмъ въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія славянскій народъ встрѣчалъ противодѣйствіе этимъ стремленіямъ, такъ и въ наше время на этотъ народъ подымаются противники, прибѣгающіе къ такъ называемому панславизму, чтобы набросить недозрѣніе на законныя стремленія славянскаго народа и преслѣдовать ихъ различными мѣрами.

Во истину будетъ умѣстно здѣсь, въ торжественномъ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества, повести бесѣду о пресловутомъ панславизмѣ, тѣмъ болѣе что это же Общество въ Европѣ считается очагомъ панславянскихъ происковъ, источникомъ путешествующаго рубля; австрійскій славянинъ, держащійся кирилло-меѳодіевской программы, прославленъ какъ панславистскій агитаторъ, систематически подкапывающійся подъ основы австрійскаго государства, а въ послѣдніе дни какъ агитирующій въ С.-Петербургѣ славянскій анастолъ, которому недостаетъ лишь святости; прославленъ какъ состоящій на жалованьѣ у какой-то панславистской партіи въ Россіи, снабжающей его вознагражденіемъ въ кредитныхъ рублихъ; прославленъ еще какъ измѣнникъ отечеству, предпринимающій дѣйствія, могущія навлечь на Австрію внѣшнюю опасность или увеличить таковую, что составляетъ преступленіе государственной измѣны.

Прежде всего я обращусь къ вопросу объ опредѣленіи слова панславизмъ. Европа весьма хитро придумала для своихъ цѣлей слѣдующее опредѣленіе: „панславизмъ есть воплощенная идея народнаго, культурнаго и политическаго соединенія всѣхъ славянъ". Цѣль такого опредѣленія? Навлечь на славянъ подозрѣніе посредствомъ произвольнаго смѣшенія политическаго единства съ народнымъ, культурнымъ общеніемъ, право на которое признается за всѣми великими народами; точнѣе сказать: воспрепятствовать народному культурному единству славянскаго народа указаніемъ на мнимыя политическія послѣдствія, т.-е. на образованіе въ будущемъ какого-то великаго славянскаго государства подъ верховенствомъ Россіи. Не менѣе хитро придумано и употребленіе чуждаго для несмыслящей массы слова „панславизмъ", ибо чуждое слово даетъ возможность выставлять какъ „панславизмъ" всякій постунокъ славянина, такъ какъ народная масса вовсе не понимаетъ этого слова.

Было-бы безцѣльно требовать устраненія слова панславизмъ. Пусть оно остается и употребляется; но содержаніе этого понятія достаточно важно для того, чтобы подвергнуть оное разсмотрѣнію. Панславизмъ слово замѣчательное; оно состоитъ изъ греческаго πᾶς (все), основы слав и латинскаго окончанія ismus; значитъ славянская основа какъ-бы сдавлена между приставками греческою и латинскою, значеніе же всего этого слова—соединеніе всѣхъ славянъ.

Затѣмъ очевидно, что это соединеніе можетъ быть достигаемо въ различныхъ направленіяхъ и для разныхъ цѣлей, и такимъ образомъ панславизмъ можетъ проявляться въ различныхъ видахъ: 1) Политическій панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянъ въ одномъ государствѣ; 2) Литературный панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянъ въ области

письменнаго языка для достиженія общей литературы; 3) Религіозный панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянъ въ одной православной Церкви; 4) Культурный панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянъ въ области языка и Церкви, этихъ двухъ условій общей культуры; 5) Народный, или національный панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянскихъ народовъ въ одинъ народъ подъ названіемъ славянскаго.

Приступимъ теперь къ главному вопросу, который изъ перечисленныхъ нами видовъ панславизма долженъ служить цѣлію для славянъ и можетъ быть ими достигнутъ безъ уклоненія отъ законнаго пути.

Политическое соединеніе славянъ было бы безцѣльно, такъ какъ политическій долгъ каждаго гражданина, т. е. военная служба и денежныя подати всѣдѣ одинаковы; оно было бы и недостижимо, ибо славяне никогда не были соединены политически, и потому у нихъ нѣтъ общаго историко-политическаго сознанія, каковымъ обладаетъ народъ нѣмецкій; напротивъ того, у каждаго славянскаго племени политическая исторія протекала особнякомъ и нерѣдко даже между разными племенами возникали несогласія и раздоры. Наконецъ, политическое соединеніе было бы обусловлено революціонными движеніями, на которыя никогда не рѣшатся славяне, вѣрные монархическому принципу законности. И въ дѣйствительности славянскій народъ ни въ цѣломъ, ни въ какой-либо части или партіи его не стремится къ политическому соединенію; ни въ Австріи, ни на Балканскомъ полуостровѣ, ни въ Россіи не существуетъ политико-панславистской партіи, хотя могли и могутъ быть отдѣльныя лица съ убѣжденіями политическаго панславизма. А такъ какъ этотъ видъ панславизма на дѣлѣ не существуетъ, то онъ не представляетъ внѣшней опасности ни для нѣмецкой имперіи, гдѣ обитаютъ еще милліоны славянъ въ Силезіи, Лужицахъ и въ Познани, ни для австрійскаго государства.

Но славяне должны стремиться и дѣйствительно стремятся къ другаго рода единенію, къ другому виду панславизма: къ историческому панславизму св. славянскихъ Первоучителей Кирилла и Меѳодія, къ историческому панславизму ихъ достойнаго преемника св. Владиміра, т.-е. къ возстановленію кирилло-меѳодіевскаго просвѣтительнаго подвига, къ возстановленію народнаго и культурнаго единства.

Слѣдуетъ ли стремиться къ осуществленію такого историческаго поворота? Нѣмецкій историкъ профессоръ Ширинггеръ утверждаетъ, что полное и точное установленіе равноправности возможно только между народами одинаковаго достоинства, т.-е. стоящими на одинаковой степени культурнаго развитія и міроваго значенія; славянскія же племена не выдерживаютъ сравненія съ великимъ нѣмецкимъ народомъ. Дѣйствительно славянскимъ нарѣчіямъ отказывается въ равноправности съ нѣмецкимъ міровымъ и культурнымъ языкомъ. И такъ, если равноправность должна быть достигнута, то слѣдуетъ прежде достигнуть означенной равной степени культурнаго развитія и міроваго значенія. И славяне, подобно нѣмцамъ, должны быть однимъ народомъ, ибо отъ національнаго и культурнаго единства зависитъ могущество и сила народа, слѣдовательно культурное развитіе и міровое значеніе.

Славяне не только образуютъ единый историческій организмъ по физическому типу, но проявляютъ еще большее единство со стороны духовной, какъ напримѣръ въ нарѣчіяхъ, въ области пѣсенъ, музыки, поэзіи, орнаментахъ вышиванія и т. д. Но для достиженія высшей культуры и міроваго значенія славянамъ необходимо стать на историческую почву и возстановить наслѣдство св. славянскихъ Первоучителей Кирилла и Меѳодія. Благодаря подвигамъ св. Владиміра, русское племя осталось вѣрно этому преданію, этимъ основамъ народнаго и культурнаго единства славянскаго народа; оно осталось вѣрнымъ православной Церкви, кириллицѣ и древнеславянскому языку, изъ котораго развился міровой и литературный языкъ русскій. Сербамъ и Болгарамъ также удалось сохранить православную Церковь, одну изъ основъ славянскаго единства, а потому имъ не можетъ быть затруднительно принять міровой языкъ русскій, какъ литературный для высшей науки.

Что же касается западныхъ славянъ: Чеховъ, Словаковъ, Словенцевъ и Хорватовъ, то имъ придется возвратиться къ служенію на родномъ и искони присущемъ Церкви древнеславянскомъ языкѣ и такимъ образомъ возстановить дѣло св. славянскихъ Первоучителей, т.-е. возстановить историческую почву народнаго и культурнаго единства славянскаго народа. На самомъ дѣлѣ западные славяне стремятся къ этому народному и культурному единству всего славянскаго народа. Они знаютъ, что славянская Церковь есть ихъ первоначальное достояніе и что она составляетъ основу славянской народности, ибо поддерживаетъ народное сознаніе славянъ посредствомъ богослуженія на старославянскомъ языкѣ, способствуетъ народной жизни посредствомъ автономіи, предотвращаетъ притомъ возможность обезнародованія и обезпечиваетъ славянскій характеръ будущихъ поколѣній. Они знаютъ также, что литература каждаго отдѣльнаго племени, за недостаткомъ необходимаго для ея поддержки числа читателей, не можетъ развиться на столько, чтобъ удовлетворить научнымъ требованіямъ ученыхъ, принужденныхъ такимъ образомъ прибѣгать къ литературамъ чужднымъ, преимущественно нѣмецкой; не удивительно поэтому, что западные славяне предпочитаютъ языкъ русскій, единственный литературный языкъ славянскій, дабы воспользоваться русской литературой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поддержать свое племенное нарѣчіе. Русскій же языкъ одинъ только можетъ стать общеславянскимъ потому, что онъ развился изъ старославянскаго церковнаго, литературнаго языка, что онъ употребляется наибольшимъ по численности славянскимъ племенемъ,

признается нынѣ міровымъ языкомъ и имѣетъ большую литературу; даже нѣмецкій ученый Гельвальдъ утверждаетъ, что нельзя считаться общеобразованнымъ человѣкомъ безъ знакомства съ русскимъ литературнымъ и міровымъ языкомъ.

Возникаетъ вопросъ, могутъ ли западные славяне достигнуть своей цѣли — возстановить народное культурное единство славянскаго народа? Полагаю, что это удастся, благодаря австрійскому уставу, великодушно дарованному намъ августѣйшимъ монархомъ, его величествомъ императоромъ Францемъ Іосифомъ, юбилей котораго по случаю сорокалѣтняго его царствованія мы, австрійскіе славяне, будемъ праздновать 2-го декабря текущаго года, въ какой день торжественно проявится преданность и вѣрность подвластныхъ ему славянъ: ибо славянскій народъ, со включеніемъ русскаго племени—вотъ настоящій панславизмъ!—защищалъ императорскій тронъ Габсбурговъ отъ натиска революціонныхъ полчищъ въ 1848 и 49 годахъ.

Благодаря государственному уставу, т.-е. основному державному закону отъ 21 декабря 1876 г., изданному по образцу Кромѣржижскаго устава, выработаннаго геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ Бахомъ, западные славяне могутъ стремиться къ достиженію своей завѣтной цѣли, т.-е. къ созданію одной общей славянской образованности.

Положеніе славянъ въ настоящее время дало бы имъ возможность сбросить личину, или маску, какъ была названа ихъ вѣрность августѣйшему монарху, если бы они когда либо надѣвали личину, въ каковой они никогда не нуждались. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ презрѣніемъ австрійскіе славяне относятся къ навѣтамъ на ихъ преданность. Ни даже въ мысляхъ, которыя въ австрійскомъ уголовномъ законѣ положительно признаются свободными, австрійскіе славяне, какъ и вожди ихъ въ частности, не забывали своихъ вѣрноподданническихъ обязанностей—ихъ желаніе состоитъ въ томъ, чтобы жить спокойно и счастливо подъ кроткимъ скипетромъ славной династіи Габсбурговъ и подвизаться на поприщѣ литературныхъ и культурныхъ работъ путемъ народнаго и культурнаго объединенія съ нашими славянскими братьями на востокѣ и на югѣ.

Желаніе это не остается тщетнымъ. Австрійскій основный законъ государственный предоставляетъ славянамъ право осуществлять народное и культурное единство. Такъ какъ поддержащіи востановленія австрійскаго устава мало извѣстны, то я надѣюсь, что вы не посѣтуете на меня, если я ихъ изложу въ краткихъ словахъ.

Статья 14-я гласитъ: „Каждому обезпечивается полная свобода исповѣданія и совѣсти". Западные славяне посему имѣютъ право возвратиться къ православной Церкви, которая въ теченіе вѣковъ была отнята у нихъ. Въ дѣйствительности въ Австріи считается до 4 милліоновъ гражданъ, принадлежащихъ къ греко-восточной православной Церкви (Сербы въ Далмаціи, Хорватіи, Славоніи и Венгріи; Румыны въ Буковинѣ, Венгріи и Седмиградіи, и Русскіе въ Буковинѣ) и 4 милліона гражданъ, принадлежащихъ къ грекославянской Церкви, соединенной съ Римомъ (Русскіе въ Галичинѣ и Сѣверной Венгріи. Хорваты епископства Крижевецкаго и, въ извѣстномъ смыслѣ, всѣ Хорваты въ Далмаціи). И такъ австрійское государство признаетъ православную Церковь, и потому существуетъ возможность достигнуть религіознаго единства славянъ, какъ одной изъ основъ единства культурнаго.

Ст. 19-я гласитъ: „Всѣ племена въ государствѣ пользуются одинакими правами и каждое племя имѣетъ ненарушимое право сохранять и развивать свою народность и свой языкъ". Законъ здѣсь дѣлаетъ различіе между народностію и языкомъ. Что такое народность? Народность составляютъ слѣдующіе элементы въ ихъ совокупности: происхожденіе, религія, нравы и обычаи, общественные порядки (наприм. міръ, задруга), право, пѣсни, музыка, пляски, одежда, письмена, искусства и наука—однимъ словомъ, своеобразная жизнь народа. Каждое племя, значитъ и славянское, имѣетъ право ненарушимое, повторяю ненарушимое, самостоятельно защищать и развивать свою народность, а слѣдовательно и всѣ выше перечисленные ея элементы; и если какое племя придетъ къ убѣжденію, что одинъ или другой изъ этихъ элементовъ ему не свойственъ, а чуждъ, то оно имѣетъ ненарушимое право возвратить себѣ свойственный ему въ замѣнъ чуждаго, какъ наприм. религію, письмена и т. д., ибо оно имѣетъ призваніе защищать и развивать свою народность, а не чуждую. И такъ славяне имѣютъ возможность отказаться отъ чуждой церкви или чуждыхъ письменъ, и возвратить себѣ свою православную Церковь и свою кириллицу.

А что такое языкъ? Языкъ есть только орудіе духа, проявляющагося въ элементахъ народности. Каждое племя имѣетъ ненарушимое право защищать и развивать свой языкъ; если поэтому славянинъ не иначе можетъ защищать и развивать свое нарѣчіе, какъ поддерживая оное другимъ славянскимъ нарѣчіемъ, имѣющимъ значеніе языка, какъ русское, (которое употребляется даже въ предѣлахъ Австріи четырьми милліонами Русскихъ въ Галичинѣ, Буковинѣ и Венгріи), тогда, прибѣгая къ таковой поддержкѣ, этотъ славянинъ остается на законной почвѣ, тѣмъ болѣе, что другая статья того же государственнаго устава провозглашаетъ свободу науки, значитъ и филологіи.

Такъ какъ изложенная ст. 19 даетъ славянамъ право и развивать свой языкъ и свою народность, составляющіе культуру, то они имѣютъ возможность трудиться на литературномъ и культурномъ поприщѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ та же статья даетъ имъ возможность соединиться между собою и образовать одно племя, какъ часть славянскаго народа, ибо ст. 19-я не перечисляетъ племенъ, а съ другой стороны признаетъ, что въ Австріи живутъ только племена, части народовъ, какъ нѣмецкаго, такъ и славянскаго.

Наконецъ, та же ст. 19 гласитъ, что всѣ племена въ государствѣ пользуются одинаковыми правами, слѣдовательно австрійскіе славяне могутъ дѣлать все то же, что и нѣмцы австрійскіе, которые состоятъ въ народномъ и культурномъ единствѣ съ нѣмцами нѣмецкой имперіи, имѣютъ одинаковое названіе, тотъ же литературный языкъ и принадлежатъ къ тѣмъ же двумъ церквамъ—латинской и протестантской.

Изъ этой же равноправности славянъ съ нѣмцами вытекаетъ и возможность для славянъ въ нынѣшній торжественный день основать славянское школьное общество св. Владиміра по примѣру нѣмецкаго въ Берлинѣ или итальянскаго въ Римѣ.

Могло бы еще возникнуть сомнѣніе въ томъ, имѣетъ ли австрійскій государственный уставъ столько силы, чтобы стать твердою основой прочной народной и культурной жизни славянъ? Въ этомъ отношеніи позволю себѣ замѣтить, что основный законъ постановляетъ права различнаго рода: 1) Политическія права гражданъ (свобода печати, собраній и т. д.), которыя въ критическія времена и при международныхъ столкновеніяхъ, или, по словамъ закона, въ случаѣ войны или возстанія внутри страны, могутъ быть пріостанавливаемы временно или помѣстно, по распоряженію правительства, утвержденному императоромъ; 2) Права, относящіяся къ народности и языку, религіи и культурѣ (ст. 14 и 19), которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть пріостанавливаемы, развѣ только при упраздненіи всего государственнаго устава, чего нельзя предполагать, потому что его величество императоръ Францъ Іосифъ въ грамотѣ, изданной при введеніи того устава, далъ положительное обѣщаніе сохранить государственный уставъ ненарушимо и обязалъ въ томъ же и своихъ наслѣдниковъ на императорскомъ престолѣ.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ, что народное и культурное единство славянскаго народа необходимо, возможно и законно, а стремленіе къ этому единству—къ народному и культурному панславизму—честно, ибо оно идетъ историческимъ путемъ, предначертаннымъ такими дѣятелями, которые причислены къ лику святыхъ, какъ св. Владиміръ, и оба исполнила славянской исторіи, св. вел. Первоучители Кириллъ и Меѳодій. Русскій народъ всегда будетъ гордиться тѣмъ, что въ царствованіе Его Величества великаго Государя Императора Александра Александровича состоялись торжества 900-лѣтія памяти св. Владиміра и 1.000-лѣтія памяти св. Кирилла и Меѳодія.

За тѣмъ проф. О. О. Миллеръ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Великое и свѣтлое торжество соединило насъ нынѣ. Но торжество это призываетъ насъ къ самоуглубленію и самопознанію. Если покойный И. С. Аксаковъ во время празднованія тысячелѣтія государственной жизни Россіи допрашивалъ историческую совѣсть своего отечества, то тѣмъ болѣе это умѣстно теперь.

Въ теченіе десяти столѣтій нашей христіанской жизни—какъ воспользовались мы доставшимся намъ божественнымъ даромъ?

Вѣдь христіанство принять—это не форму новую завести, не одежду новую надѣть. Если тутъ и умѣстно слово *облечься*, то только въ томъ иносказательномъ смыслѣ, въ какомъ употребляется оно въ столь кстати здѣсь повторенной сегодня церковной пѣсни. („Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся").

Въ какой мѣрѣ мы христіане? вотъ въ чемъ вопросъ.—или, вѣрнѣе сказать, допросъ передъ судомъ высшей правды.

При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ началось у насъ христіанство. Оно распространялось постепенно—вѣдь уже и до крещенія св. Ольги были на Руси христіане — распространялось, надо думать, свободно, по убѣжденію. Слово Евангельское проникло къ намъ, благодаря великимъ славянскимъ Первоучителямъ, на языкѣ всѣмъ понятномъ, и святая простота этого общедоступнаго слова могла прямо проникать въ сердце каждаго. Если историческія свидѣтельства о всенародномъ нашемъ крещеніи при св. Владимірѣ и расходятся въ томъ, что одни указываютъ на полную добровольность крещенія, другіи же также и на желаніе угодить этимъ великому князю, то собственно принудительности крещенія мы все-таки не видимъ,—по крайней мѣрѣ сравнительно съ тѣмъ, какъ происходило оно у многихъ другихъ народовъ.

Да и на что бы было прибѣгать къ принужденію—при понятности у насъ Евангелія, столь привлекательно дѣйствующаго на человѣческое сердце. Если исторія вводителей христіанства у многихъ народовъ показываетъ намъ ихъ самихъ и послѣ крещенія тѣми же неисправимыми язычниками въ жизни, то не такимъ является въ нашей лѣтописи великій князь Владиміръ. Наша лѣтопись, быть можетъ, немного сгустивъ тѣни при описаніи его прежняго образа жизни, выставляетъ его за то вполнѣ перерожденнымъ по принятіи имъ христіанства. И взглядъ его на свою власть становится совершенно новымъ,—болѣе сообразнымъ съ христіанскою вѣрою, чѣмъ взглядъ византійскихъ императоровъ.

Авторъ той книжки о крещеніи Руси, которая была написана по порученію Славянскаго Общества, профессоръ Малышевскій, имѣлъ полное право сказать, что „князь Владиміръ... даровалъ свободу всякой христіанской душѣ, отпуская на волю своихъ, выкупая и отпуская на волю чужихъ рабовъ и плѣнныхъ... Онъ былъ первый нашъ государь освободитель". Но да будетъ позволено привести и свидѣтельство о томъ, какимъ сталъ онъ послѣ крещенія, изъ самой лѣтописи, привести на подлинномъ ея языкѣ, и теперь еще столь понятномъ:

„Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье и отъ скотницъ куными. Устрои-же и се рѣкъ: яко немощніи и больніи не могутъ долѣсти двора моего; повелѣ

пристроити кола и вскладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь различный, медъ въ боченкахъ и въ другихъ квасъ, возити по городу вопрошающимъ: кде больный и нищь и немогій ходити? Тѣмъ раздаваху на потребу".

Тутъ во всемъ блескѣ сказалась широкая христіанская благотворительность великаго князя, одинаково заботящагося о всѣхъ и о каждомъ. А то опасеніе пролитія крови, которое заставило св. Владиміра остановиться передъ казнью разбойниковъ? „Боюся грѣха", говорилъ онъ. Тотъ же чисто христіанскій страхъ передъ кровью, какъ и туже заботливость о бѣдныхъ и слабыхъ, передалъ равноапостольный князь и другому Владиміру—Мономаху, озарившему концемъ XI и начало XII в. своими золотыми словами: „Ни права, ни крива не убивайте и не повелѣвайте убити, аще будетъ и повинепъ смерти, душя-же не погубляйте никакоя-же христіаны" (прямое отрицаніе смертной казни); „вдову и сироту оправдите сами и не вдадите сильнымъ погубити человѣка".

Если свѣтская власть выказывала у насъ, подъ вліяніемъ христіанскимъ, человѣческую снисходительность къ самимъ преступникамъ, то и власть духовная отличалась такою же мягкостью относительно тѣхъ, которые считались во всемъ мірѣ преступниками противъ Церкви, такъ называемыхъ „колдуновъ" и еретиковъ. Такой мягкости мы не замѣчаемъ на западѣ. Извѣстно, что кровавое преслѣдованіе такъ называемаго „колдовства", найдя тамъ опору въ самой юридической наукѣ, только усиливалось изъ вѣка въ вѣкъ и ознаменовалось, наконецъ, состязаніемъ въ такомъ изувѣрствѣ между католиками и протестантами.

У насъ дѣло далеко не получило такого широкаго развитія, послѣ того, какъ еще въ XIII столѣтіи раздались предостерегающія слова владимірскаго святителя Серапіона: „пожигаете огнемъ неповинныя человѣки". Еще громче высказывалась наша Церковь противъ кровавой расправы съ еретиками—въ лицѣ пѣлой школы духовныхъ дѣятелей, послѣдователей прп. Нила Сорскаго.

Между тѣмъ какъ на западѣ развилась инквизиція, а мысль о свободѣ совѣсти возникла уже независимо отъ Церкви—на философской почвѣ съ ея религіознымъ индеферентизмомъ:—у насъ сама Церковь въ лицѣ упомянутой школы дѣятелей признавала въ дѣлахъ вѣры только духовный мечъ, вполнѣ отказываясь отъ меча вещественнаго, и обвиняла во внутреннемъ *субботствѣ* (т.-е. гнѣвномъ ветхо-завѣтномъ духѣ) тѣхъ противниковъ жидовствующей ереси, которые въ концѣ XV столѣтія соблазнились, кромѣ примѣра нѣкоторыхъ византійскихъ императоровъ, еще и примѣромъ „инаискаго царя" *).

Но мы не остались до конца вѣрными этимъ святымъ, чисто христіанскимъ началамъ. Наше законодательство свѣтское, подъ различными вліяніями, посторонними христіанству, становилось все болѣе и болѣе суровымъ,—и вотъ въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, скрѣпленномъ къ тому-же и земскими подписями, мы видимъ уже совершенно простывшимъ и маленькій слѣдъ того опасенія смертной казни, которое сказалось въ словахъ Владиміра равноапостольнаго и Владиміра Мономаха.

Въ то-же самое время водворилась у насъ и суровость относительно церковныхъ преступниковъ. Это произошло какъ разъ на рубежѣ той новой поры, когда прежнее увлеченіе Византіей стало понемногу смѣняться заимствованіями съ запада. Въ уставѣ учрежденной въ концѣ XVII стол. московской славяно-греко-латинской академіи оказывается уже нѣчто, обращающее ее въ своего рода инквизиціонный трибуналъ, и въ той-же академіи открываются лекціи „de contractibus diabolicis" (о союзѣ со злыми духами, т.-е. колдовствѣ и способахъ его преслѣдованія).

Мы, такимъ образомъ, мало по малу, растеряли на своемъ историческомъ пути свои лучшія позаимствованія изъ чистаго христіанскаго источника, все болѣе и болѣе допуская различныя вліянія посторонніе. Сохранялся еще, но крайней мѣрѣ въ *принципѣ*, тотъ христіанскій взглядъ на верховную власть, на основаніи котораго она представляется *службою* человѣчеству. Это не гордый языческій взглядъ, уцѣлѣвшій въ Византіи отъ древняго Рима—это христіанскій, *смиренный* взглядъ, не приписывающій человѣку божескихъ свойствъ всевѣдѣнія, вездѣсущія и всемогущества, заставляющій носителей власти, испрашивая себѣ помощь свыше, искать ея и внизу, у самой управляемой ими земли, прислушиваясь къ ея голосу, допрашивая ее объ ея нуждахъ.

При Петрѣ I-мъ произошло, такъ сказать, вторичное крещеніе Руси—въ европейскую цивилизацію, произошло уже не мирно и спокойно, какъ первое наше крещеніе при св. Владиміре, но прямо *огнемъ и мечемъ*. Преобразователь почему-то совсѣмъ не разсчитывалъ на сочувствіе со стороны народа. Раздавшійся, наконецъ, голосъ Посошкова долженъ былъ его убѣдить въ возможности такого сочувствія;—онъ дѣйствовалъ внѣшнею силою,—и съ этихъ собственно поръ власть стала обходиться безъ того „народосовѣтія", о которомъ еще говорилъ Посошковъ.

Крещеніе наше при св. Владиміре, отличное отъ крещенія *огнемъ и мечемъ*, замѣчаемаго въ столькихъ другихъ странахъ, отличалось обильными плодами, мало по малу только заглохшими подъ наплывомъ посторонніхъ вліяній.

Насильственное приведеніе насъ къ цивилизаціи долго не приносило настоящихъ плодовъ: французскіе кафтаны, въ которые мы одѣлись, не дѣлали насъ европейцами. Принято думать, что мы, наконецъ, ими сдѣлались при Екатеринѣ II. Мы дѣйствительно взяли тутъ на прокатъ и европейскія идеи—особенно то французское религіозное вольнодумство, которое послужило только новымъ поводомъ для баръ превознестись надъ народомъ. Время нашего напускнаго вольтері-

*) Т.-е. инквизиціею.

анства было вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ окончательнаго разцвѣта крѣпостнаго правл. Заведенное у насъ позже, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, только постепенно развиваясь съ XVI в., оно достигло своего апогея именно въ теченіе „просвѣтительнаго“, или „философскаго“ XVIII ст. и упорно держалось до той поры, когда, наконецъ, совершенъ былъ великій христіанскій подвигъ верховной власти—подвигъ покойнаго Государя. Какъ-бы напередкоръ Монтескье, котораго слова вошли въ „Наказъ“ Екатерины II („не слѣдуетъ вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“)—онъ однимъ почеркомъ пера освободилъ, при земельномъ надѣлѣ, все великое множество крѣпостныхъ въ Россіи. Примѣръ, поданный еще св. Владиміромъ, нашелъ себѣ великаго послѣдователя въ Александрѣ II-мъ!

Но всѣ-ли отозвались по христіански на христіанскій подвигъ своего Государя?.. Поняли ли владѣльцы христіанскихъ душъ, что съ собственной ихъ души снятъ ихъ тягчайшій наслѣдственный грѣхъ, что Онъ такимъ образомъ сталъ освободителемъ не только для народа, но и для нихъ же самихъ?

Нѣтъ, не благодарностью откликнулись мы на наше нравственное освобожденіе;—мы скорѣе ожесточились, а потомъ предались злорадству. Злорадство вызывалось у насъ тѣмъ, что великое дѣло не вполнѣ удалось, а не удалось оно именно потому, что мы отнеслись къ нему въ большинствѣ не только безучастно, но и враждебно. Мы стали смотрѣть на тотъ самый народъ, который такъ долго томился подъ нашею властью, какъ на какую-то воюющую сторону. Вмѣсто того, чтобы, заглаживая свою вину, братски протянуть народу руку на новую жизнь, мы стали предательски подставлять ему ногу,—или-же мы просто бѣжали отъ него, предоставляя его на жертву различнаго рода хищникамъ, часто возникавшимъ, къ несчастью, изъ его-же собственной среды.

Да, дѣло не вполнѣ удалось, такъ какъ, при новыхъ экономическихъ условіяхъ, народъ далеко не всегда можетъ оставаться только при своемъ спасительномъ „хлѣбномъ трудѣ“, свято выполняя первоначальный завѣтъ: „въ потѣ лица своего снѣси хлѣбъ твой“. Слишкомъ часто народъ оказывается вынужденнымъ искать себѣ и заработка въ городахъ, а это предоставляетъ его далеко еще не окрѣпшую волю всевозможнымъ городскимъ соблазнамъ. Но мы вѣдь дали соблазну проникнуть и въ самую деревню—обратили въ особую доходную статью систематическую потачку изданіемъ грѣху народному.

И при всемъ этомъ мы оставляемъ народъ безъ свѣта—я разумѣю не физическій свѣтъ, хотя и этотъ послѣдній, едва лишь сдѣлавшійся доступнымъ народу въ болѣе усовершенствованномъ видѣ, въ послѣднее время снова остается для него доступнымъ развѣ только въ донотопномъ видѣ лучины;—мы оставляемъ народъ безъ того духовнаго свѣта, который давалъ-бы ему возможность бороться съ соблазнами. Да, народъ всячески предоставленъ своимъ собственнымъ средствамъ, хотя далеко еще не сталъ на ноги.

Въ такомъ нравственномъ одиночествѣ никогда не оставляли его тѣ, которые однимъ изъ нашихъ современныхъ писателей справедливо названы старинною „народною интеллигенціею“. Эта интеллигенція состояла изъ тѣхъ угодниковъ Божіихъ, которые никогда не были угодниками сильныхъ міра.

Остановимся-ли мы, напр., на просвѣтителѣ вѣрою Христовою такого народа, какъ Зыряне,——мы встрѣтимъ съ его стороны въ XIV в. прямого послѣдователя великихъ славянскихъ Первоучителей. Да, св. Стефанъ пермскій пошелъ къ Зырянамъ и съ изобрѣтенною для нихъ азбукою, и съ переводомъ для нихъ Евангелія; этого мало; просвѣтивъ ихъ, онъ сталъ и ихъ стоятелемъ и оберегателемъ не только отъ старыхъ хищниковъ—ихъ же собственныхъ жрецовъ,—но и отъ того нескончаемаго хищничества, представителями котораго являлись различные приказные люди.

Обратимся-ли мы къ одному изъ тѣхъ, которые прославлены Церковью уже въ ближайшее къ намъ время—къ отдѣляемому отъ насъ не болѣе какъ однимъ столѣтіемъ св. Тихону Задонскому,—и мы встрѣтимся съ его готовностью отказаться отъ самой каѳедры архіерейской, чтобы только ближе стоять къ народу, съ его готовностью все продать—до кармашныхъ часовъ и перины—чтобы только чѣмъ нибудь помочь тому же народу, о которомъ постоянно болѣлъ онъ и въ своихъ простыхъ, задушевныхъ проповѣдяхъ, направленныхъ противъ всякихъ притѣсненій и всякаго хищничества.

Помнимъ-ли мы такихъ народныхъ подвижниковъ? Стараемся-ли мы хотя сколько-нибудь подражать имъ? Обливается ли у насъ сердце кровью—при видѣ той *тмсноты*, которую умудрились мы допустить среди нашего необъятнаго простора, при видѣ того малоземелья, которое, казалось бы, просто логически невозможно при завидномъ для всѣхъ странъ избыткѣ у насъ земли; того—увы! уже бодѣе, чѣмъ подобія не только городскаго, но и сельскаго пролетаріата, которымъ умудрились мы обзавестись при столь же завидной для многихъ за моремъ сельской общинѣ?

Мы такъ бы легко могли избѣгнуть, если бы насъ не завѣдала умственная лѣнь и общественное равнодушіе, того общаго европейскаго зла, которое должно бы было служить для насъ предостерегающимъ примѣромъ; а мы дали ему пустить и у насъ корни, мы точно будто бы радуемся нарожденію вмѣстѣ съ тѣмъ и у насъ такого сомнительнаго европейскаго „блага“, какъ такъ называемое *tiers-état*.

„Имѣемъ!“—не даромъ воскликнулъ о немъ одинъ изъ нашихъ современныхъ писателей, тотъ самый, которому принадлежатъ и слѣдующія убійственныя строки: „Можно-ли умирать кому-нибудь съ голода? Нѣтъ. Ну и надо дѣлать, чтобы не умирали. Хорошо-ли такое явленіе, какъ проституція? Нѣтъ. Стало быть не надо, чтобы она была. Нравится

вамъ типъ вора? Нѣтъ. Надо, чтобы его не было. А типъ убійцы, а типъ тонкаго хищника, а нечѣжество вольное и невольное? Нѣтъ. Надо идти туда, гдѣ кишитъ нужда въ тысячахъ вещахъ, идти туда и дѣлать то, что велитъ жизнь". (Успенскій).

А жизнь велитъ вамъ бороться,—она вызываетъ насъ на упорный бой со зломъ, постоянно напоминая намъ слова Христовы: „Я не миръ на землю принесъ, а мечъ"—тотъ духовный мечъ, который однако же такъ смущаетъ нашего геніальнаго писателя, сводящаго сущность Христовой вѣры на „непротивленіе злу", и не желающаго понять, что оно способно прямо перерождаться въ мірволенье злу. И такъ уже слишкомъ много такого мірволенья, слишкомъ мало у насъ борьбы, неустрашимой боевой стойкости. Потому то и процвѣтаетъ зло, отравляя своимъ присутствіемъ самыя чистыя, самыя духовныя наши радости.

Если одинъ изъ нашихъ геніевъ справедливо замѣтилъ, что вигдѣ въ цѣломъ мірѣ не празднуется такъ, какъ у насъ, свѣтлый праздникъ Христовъ,—то вѣдь несравненная радость этого дня должна отравляться печальнымъ сознаніемъ, что мы не достойны этой духовной радости. Великій праздникъ воскресенья слѣдуетъ вѣдь за днями страстей Христовыхъ,—а это должно бы намъ было напоминать, что мы „спогребаемся Христу крещеніемъ"—съ тѣмъ, чтобы и возстать вмѣстѣ съ Нимъ, возстать къ новой жизни еще здѣсь на землѣ, стать новыми людьми, уже не мирящимися со старымъ зломъ.

Но мы забываемъ объ этомъ, и вотъ почему одинъ изъ нашихъ юныхъ поэтовъ имѣлъ право сказать:

Когда-бъ Онъ былъ межъ насъ и видѣлъ,
Чего достигъ нашъ славный вѣкъ,
Какъ брата братъ возненавидѣлъ,
Какъ опозоренъ человѣкъ,
И если-бъ здѣсь, въ блестящемъ храмѣ,
„Христосъ воскресъ!" Онъ услыхалъ,
Какими-бъ горькими слезами
Передъ толпой Онъ зарыдалъ!
Пусть на землѣ не будетъ, братья,
Ни угнетенья, ни рабовъ,
Умолкнутъ стоны и проклятья,
И стукъ мечей, и звонъ оковъ,—
О, вотъ тогда, какъ гимнъ свободы,
Пусть загремитъ: „Христосъ воскресъ!"
И намъ отвѣтятъ всѣ народы:
„Христосъ воистину воскресъ!" *).

Мы не должны терять вѣры, что когда-нибудь оно будетъ такъ; мы должны повторить съ другимъ молодымъ, но уже покинувшимъ этотъ міръ, поэтомъ:

Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь:
Вѣрь,—настанетъ пора и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю Любовь! **).

Поэтъ, конечно, съ смысломъ указалъ, что она *вернется*. Да, она была уже на землѣ, она уже сказывалась и въ общественномъ строѣ—во времена апостольскія. Вспомнимъ то, о чемъ упоминается въ гл. „Дѣяній Апостольскихъ".

„У многочисленнаго общества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа и никто ничего изъ имѣній своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее, ибо всѣ владѣльцы помѣстьевъ или домовъ, продавая оные, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду".

Этотъ идеалъ уже *позади* насъ, но онъ долженъ быть у насъ *впереди*, онъ долженъ, подобно свѣтлому маяку, указывать намъ путь къ настоящему прогрессу—настоящему общественному усовершенствованію. Наше отечество, вслѣдствіе многихъ особыхъ условій своей природы и своей исторіи, могло бы успѣшнѣе многихъ подвигаться по этому пути, единственному прямому, единственному спасительному. Нашъ широкій просторъ, наше многоземелье, повидимому, упраздняютъ не только необходимость, но и возможность тягаться между собою, отнимать другъ у друга; ужъ намъ-то, казалось-бы, было-бы чѣмъ поддѣлиться по-братски, ничего бы не стоило „поверстать золотую гору", но выраженію народной духовной пѣсни, или, лучше сказать, не дать этой горѣ нагромоздиться въ какомъ-нибудь одномъ углу. И, при такихъ-то естественныхъ условіяхъ, слово Евангельское раздавалось у насъ на языкѣ, всѣмъ понятномъ, раздавалось, призывая къ подвигу, менѣе трудному у насъ, чѣмъ гдѣ-либо.

И мы въ самомъ дѣлѣ избѣгли въ старину того хищничества, которое называлось въ остальной Европѣ *феодализмомъ*, какъ избѣгли святой инквизиціи, религіозныхъ войнъ и многаго другаго. Но общій врагъ, какъ хитроумный оборотень, съумѣлъ проникнуть и къ намъ и все болѣе и болѣе крѣпнетъ у насъ на глазахъ, въ видѣ современнаго, утонченнаго хищничества. Но вѣдь, только совладавъ съ нимъ, только водворивъ наконецъ настоящую христіанскую правду въ нашемъ общественномъ строѣ,—мы въ самомъ дѣлѣ найдемъ и „побѣду и одоленіе" на враговъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ.

Екатерина II въ концѣ своего „Наказа" воскликнула: „Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства онымъ какой народъ больше справедливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю"! Придадимъ этому болѣе скромную форму и пожелаемъ уже вполнѣ искренно, чтобы наше отечество достигло такого благосостоянія, въ которомъ-бы дѣйствительно отражалась правда Христова. Пусть-же при видѣ тѣхъ плодовъ, которые она даетъ, при видѣ того, чѣмъ должна будетъ сдѣлаться жизнь, коль скоро правда Христова осуществится на самомъ дѣлѣ, всевозможные Юліаны отступники, которыми еще переполнены всякія страны, вынуждены будутъ въ одинъ голосъ воскликнуть: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!".

—

*) Мережковскій.
**) Надсонъ.

Послѣ того были прочитаны помѣщаемыя ниже: стихотвореніе И. П. Полонскаго и поздравительныя и привѣтственныя телеграммы, полученныя изъ разныхъ мѣстъ Россіи и славянскихъ земель.

Въ промежуткахъ между рѣчами хоромъ былъ исполненъ дважды, по требованію публики, гимнъ К. К. Случевскаго, положенный на ноты В. И. Главачемъ. Кромѣ того было исполнено величаніе св. Владиміру.

Изъ присутствовавшихъ, кромѣ членовъ Общества, былъ сербскій посланникъ, г. Симичъ, а изъ духовенства—Александръ, архіепископъ костромской, архимандритъ Тихонъ, настоятель лавры Иннокентій, и множество другихъ лицъ—духовныхъ и свѣтскихъ.

Въ одной изъ прилегающихъ къ залу комнатъ была устроена выставка книгъ и картинъ, имѣющихъ отношеніе къ воспоминаемому событію и выведшихъ ко дню торжества.

Стихотвореніе И. П. Полонскаго:

15 іюля 1888 года.

Жизнь безъ Христа—случайный сонъ!
Блаженъ, кому дано два слуха.—
Кто и церковный слышитъ звонъ
И слышитъ вѣщій голосъ Духа,
Тому лишь явны небеса,
Кто и въ наукѣ прозрѣваетъ
Невѣдомыя чудеса
И Бога въ нихъ подозрѣваетъ...
Какъ высочайшій идеалъ,
Какъ истинный залогъ спасенья—
Любовь и самоотверженье
Христосъ народамъ завѣщалъ.
Въ тотъ день, когда мы облечемся
Душой въ нетлѣніе Христа,
Отъ черныхъ дѣлъ мы содрогнемся
И, обновленные, очнемся,
И ложь не свяжетъ намъ уста.
Сегодня, въ первый день крещенья,
Быть можетъ, въ бѣдныя селенья,
Въ обители труда и слезъ,
Не въ нищемъ рубищѣ Христосъ
Сойдетъ, а съ нѣтвію оливы,
И скажетъ:—будьте всѣ счастливы!
Всѣ—пожелайте всѣмъ добра!..
Сегодня день, когда впервые
Владиміръ и Моя святые
Крестили Русь въ волнахъ Днѣпра!..
Князь кіевскій, когда-то гнѣвный,
Въ союзѣ съ греческой царевной
Въ златомъ вѣнцѣ и на своемъ
Великокняжескомъ престолѣ
Для пахаря въ далекомъ полѣ,
Для гусляра на вольной волѣ
И для дружинника съ конемъ—
Для всѣхъ сталъ другомъ и отцомъ
И краснымъ солнышкомъ желаннымъ...
Пришла Андреемъ первозваннымъ
Предвозвѣщенная пора:
Взыграли омуты Днѣпра,
Славянъ пугаютъ боги,
Разбились объ его пороги...
И дрогнули богатыри
И разбѣжались дикари...
О, какъ отъ утренней зари
Бѣгутъ, мятаясь, тѣни ночи
И солнце радуетъ намъ очи
И озаряетъ алтари.
Такъ въ день великаго крещенья
Сіяй намъ вѣра! Прочь сомнѣнья!
Русь не была бы никогда
Такой великою Россіей,
Когда бъ она была чужда
Любви, завѣщанной Мессіей.
Пусть охлажденные умы
Все отрицать готовы,—мы
Не даромъ приняли съ Востока
Святую вѣру,—видитъ око
И слышитъ ухо наше,—мы
Еще не оскудѣли сердцемъ;
Еще мы рады помогать
Разрозненнымъ единовѣрцамъ
И плѣнныхъ—братьями считать:—
Безъ насъ не встала бы Эллада,
Ей не помогъ бы римскій тронъ,
Не рухнулъ бы Наполеонъ
И грозныхъ войскъ его громада.
Подъ тяжкимъ игомъ мусульманъ
Безъ насъ забыли бы славянъ—
Мы жизнь несли на ихъ могилы...
Разшатывая вражьи силы.
Мы не считали нашихъ ранъ...
Мы за геройскія дѣянья
Не ждали злата и сребра...
За дѣло славы и добра
Мы не просили воздаянья...
И если перстъ Господній вновь
Намъ цѣль великую укажетъ—
Что дѣлать? сердце намъ подскажетъ
И христіанская любовь!..
Въ сей день торжественный и славный
Россія вѣру призови!..
Насъ бережетъ Отецъ Державный
Для новыхъ подвиговъ любви...

Телеграммы и привѣтствія, полученныя въ Славянскомъ Обществѣ 15 и 16 іюля, по случаю чествованія 900-лѣтія крещенія Руси:

I. Изъ Варшавы, отъ почетнаго члена, генералъ-лейтенанта В. Д. Дандевиля: „Примите радостное поздравленіе съ торжественнымъ, высокознаменательнымъ днемъ. Сердечный привѣтъ и пожеланіе Обществу дальнѣйшихъ успѣховъ. Глубоко признательный за память, скорблю о невозможности явиться по приглашенію. Духовно всегда неразлученъ съ вами".

II. Изъ Далмаціи-Кастельнуово, отъ доктора Лазаря Томановича: „Духомъ участвуя, чествую великій праздникъ".

III. Изъ Кіева, отъ предсѣдателя Славянскаго Общества О. М. Гарничъ-Гарницкаго и секретаря Общества И. А. Баженова: „Кіевское Славянское Благотворительное Общество и гости, собравшіеся въ Кіевѣ, изъ всѣхъ краевъ славянскихъ, привѣтствуютъ васъ въ великій день 900-лѣтія крещенія Руси, основанія русской гражданской жизни и славянскаго единенія".

IV. Изъ Угорскаго Градища, отъ доктора Выслужила и г. Цейнека: „Сердечное братское поздравленіе съ вашимъ торжествомъ съ родины Ростислава, отъ священнаго Велеграда".

V. Изъ Граца, отъ гг. Едранскаго, Ровинскаго, Подгорника и Друговила: „Память

900-лѣтія христіанскаго рожденія Россіи да будетъ началомъ общедуховнаго возрожденія всего славянства".

VI. Изъ Вѣны, отъ Игнатія Францевича Бѣлоглавка: „Первое чешское политическое общество (Ѣднота) въ Вѣнѣ поздравляетъ торжественное собраніе Славянскаго Благотворительнаго Общества въ честь Просвѣтители русскаго народа, святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Искренне желаю славянскому народу единодушія въ духѣ и вѣрѣ кирилло-меѳодіевской".

VII. Изъ Земницы, отъ г. Хитрово: „Въ Бѣградѣ, вопреки совершенному безучастію сербскаго правительства и высшаго духовенства въ русскомъ торжествѣ, народъ повсюду нутемъ печати, телеграммъ и адресовъ выражаетъ пламенныя благопожеланія и чувства братской любви къ русскому народу".

VIII. Изъ Кромѣржижа, отъ О. Я. Цейнека, „Редакція Кромѣржижскихъ новинъ", поздравляетъ торжественное собраніе славнаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ память Просвѣтителя русскаго народа св. равноапостольнаго князя Владиміра съ искреннѣйшимъ пожеланіемъ единства духа и вѣры кирилло-меѳодіевской въ мірѣ славянскомъ".

IX. Изъ Павлова, отъ П. Чандера: „Привѣтствую членовъ и гостей Петербургскаго Славянскаго Общества съ великимъ всеславянскимъ торжествомъ, съ пожеланіемъ, чтобы нынѣшнее общеславянское празднество послужило новымъ укрѣпленіемъ славянской взаимности на общую его пользу и славу его имени".

X. Изъ Самары, отъ городскаго головы П. В. Алабина: „Отъ имени самарскаго городскаго общества приношу поздравленіе съ великимъ всероссійскимъ и всеславянскимъ торжествомъ".

XI. Изъ Загреба, отъ профессора Ф. Целестина: „Очень жалѣю, что разныя обстоятельства не позволяютъ мнѣ лично присутствовать при столь торжественныхъ празднествахъ, которыми благодарная Россія празднуетъ 900-лѣтній юбилей принятія христіанской вѣры. Каждый истинный славянинъ убѣжденъ въ огромномъ значеніи, которое имѣетъ и въ настоящее время христіанство для всего славянства, и надѣется, что недалеко время, когда по крайней мѣрѣ славянскій міръ проникнетъ и освѣтитъ духъ христіанства болѣе, нежели проникаетъ его теперь, и что тогда кончится горестный терновый путь многихъ заблужденій и недоразумѣній, подъ тяжестью которыхъ славянство должно переносить столько жестокихъ испытаній. А русскій народъ, приломная теперь, откуда онъ получилъ благовѣстіе, знаетъ, что за предѣлами Россіи живутъ милліоны славянъ въ тяжелой борьбѣ за существованіе. Но мы уповаемъ на Бога, что славянство, проникнутое христіанствомъ, извлекутъ для всей своей семьи великую культурную истинно-христіанскую побѣду, которой ждутъ-недождутся народы. Въ такой свѣтлой надеждѣ позвольте присоединиться и мнѣ въ духѣ къ великимъ вашимъ празднествамъ, которыя не только ваши, но и наши".

XII. Изъ Загреба, отъ И. Гутеши: „Съ глубочайшимъ уважевіемъ и почтеніемъ и величайшею благодарностью получилъ я билетъ для входа въ залъ петроградскаго городскаго кредитнаго общества на торжественное собраніе гг. членовъ—15 іюля 1888 г. въ память 900-лѣтія крещенія Руси при св. равноапостольномъ великомъ князѣ Владимірѣ. Этотъ рѣдкій религіозный и культурный праздникъ всея Руси долженъ праздновать и привѣтствовать съ величайшею радостію и благодарить отъ всей души и величать за это Господа Бога каждый славянинъ, а въ особенности мы православные, такъ какъ православіе намъ сохранило нашу національную культуру и сохранило и спасло отъ чужаго ига и поглощенія и сохранитъ намъ въ лучшемъ будущемъ нашъ народный бытъ, славянское просвѣщеніе и наши взаимныя братскія узы и національныя связи и отношенія. Отъ всей души радуюсь этому христіанско-православному торжеству великой святой Руси, желая, чтобы она и впредь была крѣпкою защитницею православія, національной доблести и независимости Руси и—славянъ. Боже, храни Русь! Вмѣстѣ съ этимъ глубоко сожалѣю, что мнѣ не позволяетъ мое плохое здоровье пользоваться столь отличнымъ братскимъ приглашеніемъ".

XIII. Изъ Вильны, отъ В. М. Площанскаго: „Удостоившись приглашенія вашего къ участію въ рѣдкомъ торжествѣ православной Руси въ престольномъ ея городѣ 15 іюля, долгомъ своимъ считаю отъ души поблагодарить васъ за лестное ко мнѣ вниманіе, вмѣстѣ же извинить себя передъ вами, такъ какъ на сей разъ положеніе мое заставляетъ меня остаться въ г. Вильнѣ, гдѣ съ прибывшимъ изъ Львова семействомъ буду присутствовать обходу великаго дня.

За то честь имѣю отъ имени своего и виленской братіи поздравить многозаслуженный Совѣтъ и всѣхъ достойныхъ членовъ Общества съ присвоенатнымъ днемъ празднованія 900-лѣтія крещенія Руси и пожелать всего блага. Слава Богу! Слава памяти св. Владиміра! Слава Русскому Царю и русскому народу! Да утвердится христіанская истинноапостольская православная вѣра на всей земли! Да процвѣтаетъ православная унія, и да исчезнутъ всякіе расколы".

Въ С.-Петербургѣ чествованіе 900-лѣтія крещенія св. Руси при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ было особенно величественно.—15 іюля столица съ ранняго утра приняла праздничный видъ. Въ 7 ч. во всѣхъ церквахъ раздался торжественный благовѣстъ, призывавшій къ ранней литургіи. По улицамъ двинулись толпы народа по направленію къ православнымъ церквамъ. На большихъ улицахъ началось необычайное движеніе. По Невскому проспекту къ Александровской передъ зимнимъ дворцомъ площади, а по Большой Морской къ Исаакіевскому собору, потянулись тысячи богомольцевъ. Весь путь, по ко-

тором должен былъ проходить крестный ходъ, былъ буквально занруженъ народомъ. Невскій проспектъ былъ разукрашенъ на славу. Всѣ почти дома, гостиный дворъ и городская дума были роскошно декорированы коврами, краснымъ сукномъ съ горностаевыми обшивками и національными флагами. Во многихъ окнахъ красовались литографированныя изображенія св. князя Владиміра и картины крещенія Руси. Видъ на Неву съ Николаевскаго моста и съ набережныхъ былъ восхитителенъ: всѣ суда и пароходы были разцвѣчены безчисленными флагами. Мосты также пестрѣли флагами. Столбы подъѣздовъ были обвиты цвѣтными матеріями. По карнизамъ зданій были протянуты трехцвѣтныя полосы; на стѣнахъ были выставлены щиты и гербы. Дворцовая площадь съ изящно декорированнымъ вкругъ Александровской колонны высокимъ помостомъ представляла величественное зрѣлище въ особенности въ двѣнадцатомъ часу, когда стали подходить участвовавшія въ церемоніи войска съ музыкою. Въ окнахъ обрамляющихъ площадь полукругомъ казенныхъ зданій и по крышамъ ютились сотни зрителей. Толпы нарядnаго народа росли ежеминутно. Движеніе по пути крестнаго хода стало до того затруднительно, что каждый шагъ приходилось дѣлать чуть не съ бою. Сосѣднія улицы и переулки отъ Невскаго проспекта до Николаевскаго моста были также полны народными толпами; на самомъ мосту оставалась свободною только середина. Такія же густыя толпы стояли шпалерами и на первой линіи и набережной Васильевскаго острова и на Петербургской сторонѣ. Исаакіевскій соборъ сіялъ... Съ колоколень всѣхъ попутныхъ церквей неслся торжественный звонъ. Къ сожалѣнію, погода хмурилась и нѣсколько разъ накрапывалъ дождь. Солнце показывалось лишь изрѣдка, на минуты.

Торжество началось въ Князь-Владимірскомъ соборѣ, что на Петербургской сторонѣ, у Тучкова моста. По окончаніи ранней литургіи, къ 8 ч. утра въ этотъ соборъ были доставлены чудотворныя иконы: Спасителя (изъ домика Петра Великаго) духовенствомъ Петропавловскаго собора, Казанской Божіей Матери—изъ Казанскаго собора, Скорбящей Божіей Матери—изъ Скорбященской церкви, св. Бориса и Глѣба—изъ Борисо-Глѣбской церкви, св. Александра Невскаго—изъ Лавры, св. Николая Чудотворца—изъ Морскаго Богоявленскаго собора и Сергія Радонежскаго—изъ Сергіевскаго всей артиллеріи собора. Святыя иконы были доставлены въ соборъ въ каретахъ духовенствомъ мѣстныхъ церквей. По встрѣчѣ иконъ, онѣ были возложены на аналои предъ царскими вратами предѣловъ храма, икона же св. равноапостольнаго Князя Владиміра была возложена на особо устроенномъ возвышеніи, предъ главнымъ алтаремъ. Ровно въ 9 ч. начался торжественный благовѣстъ съ перезвономъ во всѣ колокола.

По прибытіи въ соборъ преосвященныхъ: Гермогена, епископа псковскаго и порховскаго, Владиміра, епископа нарвскаго, и Александра, епископа костромскаго и галичскаго, началось торжественное богослуженіе, при пѣніи двухъ хоровъ пѣвчихъ—исаакіевскаго и князь-владимірскаго. Кромѣ преосвященныхъ въ богослуженіи участвовали 4 архимандрита Александро-Невской лавры и 4 протоіерея изъ Петропавловскаго и Троицкаго соборовъ и Екатерининской и Владимірской церквей. Къ концу литургіи, въ началѣ 11 часа, прибыло въ соборъ многочисленное духовенство изъ приходскихъ, домовыхъ и военныхъ церквей столицы.

Въ соборъ, во избѣжаніе тѣсноты, пропускали только лицъ, имѣвшихъ приглашеніе отъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, членовъ церковныхъ братствъ, гласныхъ городской думы и представителей ремесленныхъ цеховъ, явившихся во главѣ со своимъ старшиною, съ цеховыми значками. Во все время богослуженія члены Славянскаго Благотворительнаго Общества раздавали окружавшему соборъ народу въ тысячахъ экземпляровъ „Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра“.

По окончаніи божественной литургіи на площадь передъ соборомъ начали выходить духовныя особы, въ блестящихъ праздничныхъ бѣлыхъ облаченіяхъ, съ множествомъ хоругвей, иконъ и крестовъ. Лишь только крестный ходъ былъ установленъ къ шествію, воздухъ огласился стройнымъ благоговѣйнымъ пѣніемъ хорами пѣвчихъ Александро-Невской лавры, Исаакіевскаго, Казанскаго, Сергіевскаго, Богоявленскаго, Владимірскаго и Преображенскаго соборовъ, а также Скорбященской, Благовѣщенской и другихъ церквей, псалмовъ и тропарей: Спасителю, Божіей Матери, св. Владиміру, св. Александру Невскому и другимъ святымъ. При пѣніи тропарей крестный ходъ двинулся къ часовнѣ, что у Тучкова моста, гдѣ, послѣ совершенія краткой молитвы, направился черезъ Тучковъ мостъ по 1-й линіи Васильевскаго острова, по набережной Невы, черезъ Николаевскій мостъ, по Англійской набережной къ Іордани, устроенной близъ Адмиралтейства, противъ Александровскаго сада. Число участвовавшихъ въ крестномъ ходѣ духовныхъ особъ: преосвященныхъ, архимандритовъ, протоіереевъ, священниковъ, діаконовъ и псаломщиковъ, было болѣе 600. Шествіе открывалъ діаконъ съ фонаремъ, затѣмъ шли псаломщики, діаконъ съ запрестольнымъ крестомъ, псаломщики съ хоругвями, протоіерей съ св. Евангеліемъ, пѣвчіе Князь-Владимірскаго собора, 6 священниковъ и 4 діакона съ кадилами. За ними несли икону св. равноапостольнаго князя Владиміра. Замыкалось шествіе преосвященнымъ Гермогеномъ, семью архимандритами и двумя хоругвями Славянскаго Благотворительнаго Общества, около которыхъ шли члены этого Общества. Позади крестнаго хода шли представители ремесленнаго сословія. Участвовавшимъ въ крестномъ ходѣ представилась грандіозная картина. Кругомъ волновалось море обнаженныхъ головъ... Въ окнахъ, на балконахъ, на крышахъ домовъ, всюдѣ были люди. Когда

крестный ходъ поравнялся съ Тучковымъ мостомъ, сдержать толпу не представлялось уже возможности. Часть ея прорвалась и, какъ бурный потокъ, хлынула въ слѣдъ за крестнымъ ходомъ. Полиція и конные жандармы безуспѣшно старались оттѣснить толпу...

По выходѣ изъ Владимірскаго собора, крестный ходъ остановился у соборной часовни, гдѣ, послѣ эктеніи, былъ пропѣтъ тропарь св. равноапостольному князю Владиміру.

Затѣмъ крестный ходъ останавливался у церкви св. Екатерины, гдѣ преосвященнаго Гермогена смѣнилъ преосвященный Александръ, подлѣ академіи художествъ, гдѣ въ процессію вошелъ преосвященный Антоній, и у часовни Николаевскаго моста, гдѣ совершена была краткая литія. Въ то время какъ голова процессіи находилась у Николаевской академіи генеральнаго штаба, послѣднія хоругви колыхались еще у часовни Николаевскаго моста. По всему протяженію, благоговѣйно обнаживъ головы, стоялъ народъ. По англійской набережной изъ оконъ домовъ были спущены ковры, а въ самыхъ окнахъ, на балконахъ, и на крышахъ видѣлась масса лицъ. Къ 1½ часа передніе ряды крестнаго хода поравнялись съ Сенатомъ. Въ это время изъ Исаакіевскаго собора двигался второй крестный ходъ, остановившійся у Іордани, устроенной противъ Александровскаго сада. У Александровскаго сада обѣ процессіи соединились. Преосвященные отошли къ Іордани, дабы принять участіе въ водосвященіи. Раздались звуки гимна: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ". То игралъ военный хоръ 8 флотскаго экипажа, расположившійся параллельно рѣшеткѣ Александровскаго сада фронтомъ къ Невѣ. Тутъ же подлѣ Іордани находились высшіе военные и гражданскіе чины въ полной парадной формѣ, въ ожиданіи прибытія Высочайшихъ Особъ. Въ исходѣ втораго часа со стороны Сената раздались крики „ура". Приближался Царственный кортежъ. Государь Императоръ изволилъ прибыть въ обще-генеральской формѣ съ Андреевской лентой черезъ плечо. Государыня Императрица, также съ Андреевской лентой, изволила быть въ бѣломъ платьѣ. За Ихъ Величествами шелъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и великіе князья въ Андреевскихъ лентахъ, а великія княгини въ лентахъ ордена св. Екатерины. Поздоровавшись съ флотскимъ экипажемъ и ротою дворцовыхъ гренадеръ, Государь Императоръ, Государыня Императрица и Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ сопровожденіи великихъ князей, княгинь и свиты изволили пройти на Іордань, въ роскошно устроенный и убранный живыми цвѣтами шатеръ, гдѣ высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Исидоромъ, въ сослуженіи съ высшимъ духовенствомъ и было совершено водосвященіе. Съ Петропавловской крѣпости въ это время раздавались пушечные выстрѣлы. Между тѣмъ, крестный ходъ чрезъ Александровскій садъ направился на дворцовую площадь. Здѣсь, у Александровской колонны, устроенъ былъ высокій помостъ, обитый коврами и глазетомъ и окруженный со всѣхъ сторонъ живыми растеніями и цвѣтами. Самая площадь была усыпана желтымъ пескомъ, а вокругъ помоста были сдѣланы трехцвѣтныя дорожки изъ опилокъ. Направо отъ мѣста, гдѣ совершалось богослуженіе, были поставлены три бѣлые шатра, убранные тропическими растеніями и цвѣтами. На площади развернутымъ фронтомъ, по обѣ стороны пути отъ воротъ сада до Александровской колонны, расположились находящіяся въ Петербургѣ войска съ хорами музыки, попеременно во время шествія игравшими гимнъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ". Всѣми войсками изволилъ командовать Его Императорское Высочество, великій князь Владиміръ Александровичъ. Въ самомъ началѣ третьяго часа къ Александровской колоннѣ начало подходить духовенство со св. иконами и хоругвями. Зрѣлище, какъ со стороны колонны, такъ и со стороны Александровскаго сада было поразительное по своей торжественности. На помостъ вошли высокопреосвященнѣйшій митрополитъ, преосвященные, архимандриты, протоіереи, священники, діаконы и псаломщики въ свѣтлыхъ ризахъ. Съ обѣихъ сторонъ массы военныхъ и гражданскихъ чиновъ въ полной парадной формѣ, далѣе стройные ряды войскъ и, наконецъ, еще дальше, многотысячная масса народа. Здавіе главнаго штаба, съ многочисленными зрителями въ окнахъ, разукрашенныхъ красными коврами съ горностаевой опушкой и флагами, все это представляло такую картину, какую никогда ни одному художнику не приходилось переводить на полотно. Но вотъ изъ воротъ Александровскаго сада показалась процессія. То шествовали въ сопровожденіи свиты Ихъ Императорскія Величества, Государь Наслѣдникъ и Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья и Княгини: Михаилъ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ, Марія Павловна, Алексѣй Александровичъ, Сергій Александровичъ, Елисавета Ѳеодоровна, Павелъ Александровичъ, Александра Іосифовна, Константинъ Константиновичъ, Елизавета Маврикіевна, Николай Николаевичъ Старшій, Николай Николаевичъ Младшій, Петръ Николаевичъ, Ольга Ѳеодоровна съ августѣйшими дѣтьми и прочія Высочайшія Особы. Раздалась команда: „на караулъ!" Августѣйшая Семья подошла къ помосту. Началось торжественное молебствіе. Протодіаконъ возгласилъ сугубую эктенію, и высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Исидоръ прочиталъ Евангеліе и молитву. Чудные хоры придворныхъ пѣвчихъ, пѣвчихъ Исаакіевскаго собора, Александро-Невской Лавры и другихъ церквей пропѣли: „Тебѣ Бога хвалимъ". Затѣмъ протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому. Послѣ многолѣтія Святѣйшему Синоду, высокопреосвященнѣйшему Исидору и всему освященному клиру, была возглашена „вѣчная память" олаговѣрнымъ и христолюбивымъ императорамъ и императрицамъ, князьямъ и княги-

намъ, подвизавшимся въ распространеніи православной вѣры и Церкви. Послѣ этого протодіакономъ было возглашено многолѣтіе благовѣрнымъ правительствующему синклиту, военачальникамъ, христолюбивому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Молебствіе кончилось. Ихъ Императорскія Величества и ихъ Высочества, приложившись къ св. Кресту, въ исходѣ третьяго часа изволили отбыть съ дворцовой площади, сопровождаемые восторженными криками „ура“ многотысячной толпы народа. Маститый архипастырь осѣнилъ Крестомъ войска и народъ, и крестный ходъ, раздѣлившись на двѣ части, двинулся обратно: одна—въ сопровожденіи архимандрита чрезъ дворцовый и тучковъ мосты въ Князь-Владимірскій соборъ, другая—съ преосвященными въ Исаакіевскій соборъ.

IV.

4 ДЕКАБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный Леонтій, архіепископъ варшавскій и холмскій, и преосвященные: Антоній, епископъ выборгскій, Алексій, епископъ литовскій, Владиміръ, епископъ нарвскій и Митрофанъ, епископъ ладожскій, члены Славянскаго Общества и многочисленные посторонніе посѣтители.

По открытіи собранія, г. предсѣдатель предложилъ архіепископу Леонтію принять почетное предсѣдательство, на что высокопреосвященный и изъявилъ свое согласіе.

Съ благословенія маститаго архипастыря, собраніе было открыто пѣніемъ тропаря св. Кириллу и Меѳодію хоромъ казанскаго собора.

По открытіи засѣданія, г. предсѣдатель произнесъ слѣдующую рѣчь:

Высокопреосвященный владыко,
милостивѣйшіе архипастыри,
милостивые государыни и государи.

Открывая собраніе,—впервые въ качествѣ предсѣдателя Славянскаго Общества, — считаю себя счастливымъ, что могу начать исполненіе возложенной на меня обязанности заявленіемъ собранію, что за послѣднее время наше Общество удостоилось получить двѣ Высочайшія благодарности.

Вамъ, конечно, извѣстно, что починъ въ дѣлѣ чествованія 900-лѣтія крещенія русскаго народа неоспоримо принадлежитъ Славянскому Обществу. Ради свѣтлаго воспоминанія этого историческаго событія Славянское Общество издало 350.000 экземпляровъ житія св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра и 350.000 его изображеній. Изъ числа изданныхъ брошюръ и изображеній Общество не мало разослало тѣхъ и другихъ не только по Россіи, но и въ славянскія земли. Затѣмъ наше Общество принимало непосредственное участіе въ торжественномъ чествованіи 900-лѣтія крещенія русскаго народа и въ Петербургѣ и, чрезъ своихъ представителей, въ древлепрестольномъ Кіевѣ.

Изданныя Обществомъ житія св. Владиміра были представлены Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ и Государю Наслѣднику Цесаревичу чрезъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго и послѣдовало слѣдующее увѣдомленіе:

„Управляющій кабинетомъ Его Императорскаго Величества, статсъ-секретарь Петровъ, увѣдомилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, что изъ числа сообщенныхъ трехъ экземпляровъ „Житія св. равноапостольнаго князя Владиміра“ два экземпляра поднесены Ихъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, и за это приношеніе Высочайше повелѣно объявить Совѣту Славянскаго Благотворительнаго Общества благодарность, а третій экземпляръ отосланъ къ генералъ-адъютанту Даниловичу, для поднесенія Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу“.

По случаю чудеснаго спасенія отъ грозной, по человѣчески, неминуемой опасности Ихъ Императорскихъ Величествъ и ихъ Августѣйшаго Семейства во время крушенія Царскаго поѣзда, съ проявленіемъ при этомъ страшномъ событіи неизреченной Божіей милости къ Россіи, отстранившей отъ нея ужасныя бѣдствія, Славянскимъ Обществомъ былъ поднесенъ, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйшій адресъ слѣдующаго содержанія:

„Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь!

Безпримѣрное въ лѣтописяхъ человѣчества несчастіе съ Твоимъ, Всемилостивѣйшій Государь, Царскимъ поѣздомъ и чудесное спасеніе Твое, добрый и могучій нашъ Царь, и всего Твоего, Государева, Семейства, явило міру милосердное промышленіе Божіе о судьбахъ Россіи, Тобою правимой. Члены Славянскаго Общества, вознося усердныя молитвы Всевышнему, благодарятъ Царя Царствующихъ за проявленную нашему отечеству и въ нему православному и славянскому міру неизреченную милость, и просятъ Господа, да даруетъ Онъ Тебѣ, любвеобильному Отцу и Царю православной мощной славянской державы, и всему Твоему Царскому Роду долгоденствіе на славу и счастье народа Твоего, беззавѣтно преданнаго Твоимъ великодушнымъ помысламъ о содѣланіи Русскаго Царства вполнѣ благополучнымъ и сильнымъ правдою и любовью“.

По этому случаю отъ министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовало слѣдующее увѣдомленіе:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣй-

шемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ заявленія отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ по случаю чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ отъ опасности во время крушенія Императорскаго поѣзда 17-го октября, Всемилостивѣйше соизволилъ собственноручно начертать: „искренно благодаримъ всѣхъ".

Всемилостивѣйшее Монаршее вниманіе къ намъ должно поощрять членовъ Славянскаго Общества къ ревностному продолженію нашей весьма скромной, частной, но не безполезной, благотворительной дѣятельности, одушевленной чувствами самого искренняго, возвышеннаго и самоотверженнаго патріотизма, безпредѣльной преданности Царю и вѣрности нашимъ народнымъ началамъ и историческимъ преданіямъ, составляющимъ силу, славу и величіе Россіи".

Сообщенія эти, встрѣченныя всеобщимъ восторгомъ, сопровождались троекратнымъ пѣніемъ гимна: „Боже, Царя храни".

Затѣмъ проф. М. О. Кояловичъ прочиталъ отрывки изъ слѣдующей своей статьи:

Главнѣйшія причины непрочнаго государственнаго строенія въ старой Польшѣ.

Въ польскомъ племени идетъ теперь большая работа. Пробивается и работаетъ польское сознаніе на разнообразнѣйшихъ путяхъ жизни и науки.

Не изъ нашего Общества можетъ раздаваться осужденіе, когда мы видимъ въ какомъ-либо изъ славянскихъ племенъ пробужденіе дѣйствительнаго народнаго сознанія, но совсѣмъ другое дѣло, когда это сознаніе затемняютъ свои же люди, когда выступаютъ впередъ старыя страсти и направляютъ народныя силы на такіе пути, на которыхъ могутъ лишь повториться въ обновленномъ видѣ старыя ошибки.

Тогда наше Общество, безъ сомнѣнія, обязано разъяснять все это.

Современныя идеи и стремленія польскихъ руководящихъ слоевъ теперь довольно легко изучать. Онѣ высказываются не въ одвѣхъ научныхъ книгахъ, мало доступныхъ, и не въ одиѣхъ газетныхъ статьяхъ, которыя можно считать мимолетными явленіями. Онѣ уже излагаются въ популярныхъ книгахъ весьма широкаго распространенія. Самымъ новымъ и пригоднымъ для такого изученія сочиненіемъ нужно признать популярную исторію Польши профессора краковскаго университета Бобржинскаго въ двухъ томахъ, которая выходитъ уже третьимъ изданіемъ и первый томъ которой изданъ и на русскомъ языкѣ.

Въ этомъ сочиненіи основныя положенія, если ихъ выразить въ нѣсколькихъ словахъ, таковы: Польша всегда брала и должна брать западно-европейскую цивилизацію и проводила ее и, конечно, должна проводить, на Востокъ, т.-е. прежде всего въ западную Россію, которая, такимъ образомъ, и нынѣшнимъ полякамъ представляется такою же главною опорою ихъ будущности, какою считали ее и ихъ предки.

Это сочиненіе вызвало меня написать цѣлый рядъ статей, отрывки изъ которыхъ я и представляю вашему вниманію. Въ нихъ разъясняются *главнѣйшія причины непрочнаго государственнаго строенія старой Польши.*

Во всемъ своемъ сочиненіи, отъ начала до конца, г. Бобржинскій заставляетъ Польшу заниматься *извозомъ* цивилизаціи съ Запада на Востокъ. Авторъ сильно идеализируетъ предметъ извоза и самый извозъ, и влагаетъ въ то и другое такое народное созданіе и послѣдовательность, какихъ на дѣлѣ не было; но сущность дѣла онъ правильно понялъ. Польша, дѣйствительно, въ свое историческое существованіе занималась этимъ *извозомъ*, нерѣдко даже съ совершеннымъ самозабвеніемъ, и въ этомъ главнѣйшая причина ея историческихъ бѣдствій и ея паденія. Предъявляли Польшѣ съ запада разнообразнѣйшіе виды, такъ-называемой, западно-европейской цивилизаціи; Польша забирала ихъ, не соображаясь съ ихъ качествомъ и своими потребностями, и затѣмъ безъ спросу тащила ихъ своими силами на востокъ.

Напоминать-ли намъ злосчастія этого извоза, совершавшіяся и даже теперь совершающіяся на глазахъ современныхъ намъ поколѣній? Напоминать-ли, какъ очевидно теперь краковскій остатокъ Польши собираетъ для этого извоза западно-европейскія блага Австріи, и въ видѣ ягеллоновскихъ идей, а болѣе реально въ видѣ хохломанства и іезуитской уніи, направляетъ ихъ своими силами на востокъ, не шевеля въ то же время пальцемъ для спасенія отъ онѣмеченія Познани и даже собственной краковской земли? Напоминать-ли, какъ въ этомъ извозѣ безжалостно говяли поляковъ на востокъ англичане временъ Пальмерстона, оба Наполеона того же и прежняго времени и пруссаки конца прошлаго вѣка, которымъ даже, по признанію г. Бобржинскаго, принадлежитъ самая мысль о раздѣлахъ Польши? (т. II, стр. 292—293).

Мы не желали бы ничего говорить объ этихъ, еще слишкомъ свѣжихъ ранахъ, и рады бы поскорѣе отойти въ область болѣе спокойную и научную, — въ область весьма давно прошедшаго; но, чтобы не оставалось никакого мѣста спору, мы вынуждены коснуться и этого болѣзненнаго времени. Возьмемъ, впрочемъ, изъ него одинъ лишь рядъ фактовъ, и поскорѣе отойдемъ подальше.

Во время прославленнаго, такъ называемаго, четырехъ-лѣтняго польскаго сейма (1788—92 гг.), поляки уже плѣнялись пресловутыми принципами великой французской революціи и, между прочимъ, провозглашеніемъ правъ человѣка-гражданина. Эти права полякамъ приходилось приложить у себя къ громадной массѣ хлоповъ; но большинство ихъ рѣшительно возстало противъ осуществленія этихъ правъ у себя, а вмѣсто того задумало пустить ихъ въ ходъ на востокъ, въ среду крѣпостнаго народа русскаго государства, и этимъ поднять снова пропавшее дѣло Пугачева, за

что и поплатились поляки отнятіемъ у Польши Россіею почти всего ея русскаго народа, т.-е. поплатились самымъ рѣшительнымъ изъ раздѣловъ, вторымъ раздѣломъ Польши. Та же аналогія, только въ еще болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, имѣла мѣсто въ самозванческія времена, и завершилась также войнами временъ Богдана Хмѣльницкаго и Алексѣя Михайловича, лишившими Польшу большаго пространства русской земли, а въ разгарѣ этихъ событій обозначалось ясно даже возстановленіе русской державы на западѣ во всѣхъ здѣсь этнографическихъ границахъ русскаго народа.

Въ виду такихъ фактовъ намъ нѣтъ нужды еще больше доказывать, что польскій извозъ цивилизаціи съ Запада на Востокъ былъ для нея пагубнымъ ремесломъ.

Когда мы еще только приглядывались къ трудамъ г. Бобржинскаго, а тѣмъ болѣе, когда вчитывались въ его популярную исторію Польши, насъ всегда занималъ жгучій вопросъ: неужели этотъ идеализаторъ западно-европейской цивилизаціи и польскихъ историческихъ задачъ не думаетъ о прямомъ реальномъ благѣ польскаго народа, и не показываетъ, гдѣ и въ чемъ это благо, какъ оно развивалось, какъ гибло, и отчего?

Мы обязаны заявить, что авторъ не разъ подходитъ къ этимъ вопросамъ, а однажды вналъ даже въ такую откровенность, которая противорѣчитъ всему строю его сочиненія и можетъ быть объяснена лишь минутами сильной меланхоліи славянина при размышленіи о печальной судьбѣ его отечества. Приводимъ это любопытнѣйшее и совершенно неожиданное признаніе г. Бобржинскаго.

„Остановимъ, говоритъ авторъ въ концѣ втораго тома своего „Очерка исторіи Польши",—наше вниманіе на XV-мъ столѣтіи. Нашъ народъ въ это время не имѣлъ силы удержаться самъ собою противъ грозваго германскаго написка и ухватился за литовско-русскую унію, какъ за якорь спасенія. На поляхъ Грюнвальдена врагъ (т.-е. нѣмцы) оттѣсненъ, но Польшѣ задана гигантская задача—цивилизовать и колонизировать неизмѣримыя литовскія и русскія пространства. Польша исполнила эту задачу съ честію (будто бы ?!), но эта задача поглотила самыя жизненныя наши силы и разбросала ихъ на отдаленный востокъ, вмѣсто того, чтобы эти силы, хотя и на меньшемъ пространствѣ, укрѣпились, объединились и пробудились къ болѣе глубокой и болѣе подвижной жизни. Представимъ себѣ на одно мгновеніе, что тѣ милліоны польскаго населенія, тотъ капиталъ и трудъ, какіе мы двинули на востокъ, остались бы въ нашихъ этнографическихъ границахъ: до какой степени инымъ путемъ пошло бы тогда наше внутреннее развитіе? Болѣе густое населеніе, не находя въ хлѣбопашествѣ достаточно средствъ къ жизни, вынуждено было бы устремиться къ промысламъ и торговлѣ, наполнить города и создать въ мѣщанской средѣ противовѣсъ шляхтѣ. Болѣе трудныя условія ежедневной жизни, болѣе трудная борьба за существованіе сдѣлали бы нашъ характеръ болѣе рѣзкимъ, возбудили бы страсти, создали бы энергію, и хотя придавили бы развитіе мысли, но подняли бы значеніе труда. Вызванные на домашнюю борьбу, хотя и опасную, но за то рѣшительную, мы вынесли бы изъ нея сильное правительство и ясное указаніе для дальнѣйшихъ стремленій и дальнѣйшаго труда. Безъ уніи мы не могли существовать, а унія изнурила насъ внутри нашей страны" (т. II, стр. 338).

Русскій, особенно изъ западной Россіи, можетъ по этой самой канвѣ нарисовать картину совсѣмъ иного рода, и не для минутнаго созерцанія, а для постояннаго соображенія, вызываемаго и минувшими судьбами западной Россіи, и современными явленіями жизни. По указаніямъ этой картины, литовско-русскому княжеству, вопреки увѣреніямъ г. Бобржинскаго, не было никакой надобности въ соединеніи съ Полыпею. Представимъ же себѣ, что было бы, если бы не совершилось это событіе, на половину случайное, на половину насильственное. Въ бывшемъ литовскомъ княжествѣ, нынѣ западной Россіи, не было бы ни единой латинской епископіи, и рѣдко, рѣдко гдѣ, въ большихъ городахъ, были бы костелы, да и то весьма поздняго времени и меньше всего для нуждъ туземцевъ. Зато православная Церковь обнимала бы все населеніе до самыхъ западныхъ предѣловъ литовскаго племени. Не было бы въ западной Россіи польскихъ пановъ и не возникало бы никакого вопроса о народности землевладѣльцевъ, потому что ими были бы такіе же русскіе бояре и служилые, какъ и въ восточной Россіи. Города западно-русскіе наполнены были бы туземнымъ мѣщанствомъ, и нетолько Кіевъ и Смоленскъ, но и Полоцкъ, Вильна, Гродно поражали бы цвѣтущею русскою торговлею, русскимъ богатствомъ и русскою вообще силою, которая была бы живымъ ключемъ и въ другихъ слояхъ населенія, потому что тогда не были бы затрачены въ Польшѣ и ради Польши милліоны западно-русскаго населенія, милліоны западно-русскаго капитала и неисчислимыя сокровища западно-русской народной силы, которыми только и жила Польша во время своего соединенія съ литовско-русскимъ княжествомъ. Наконецъ, вся исторія литовско-русскаго княжества была бы совсѣмъ иная. Западная Россія возвращалась бы въ единеніе съ восточною Россіею не въ теченіе трехъ столѣтій и не урывками, одинъ другаго болѣзненнѣе, а разомъ, до самыхъ западныхъ этнографическихъ предѣловъ русскаго племени съ Литвою включительно, и все это, вѣроятно, случилось бы во второй половинѣ XV вѣка, и во всякомъ случаѣ, не позже второй половины XVI.

Сама Польша много бы выиграла отъ такого поворота дѣлъ. Грюнвальденская (1410 г.) битва завершилась бы тогда не такимъ безславнымъ результатомъ, какой имѣлъ мѣсто, а напротивъ, прусскіе нѣмцы снесены были бы съ лица балтійскаго побережья. Затѣмъ Польша непремѣнно пристала бы къ гуситству и вмѣстѣ съ Чехіею составила бы

два передовыхъ славянскихъ полка для борьбы съ германизмомъ и латинствомъ, и вся сила восточно-русскихъ славянъ подкрѣпляла бы ихъ въ этомъ великомъ историческомъ служеніи славянству.

Безпристрастный читатель, надѣемся, признаетъ, что въ нашей картинѣ несравненно больше исторической и славянской правды, что намъ нѣтъ ни малѣйшаго повода представлять соединеніе литовско русскаго государства съ Польшею какимъ-то фатумомъ, съ которымъ нельзя было справиться и ненавѣстно, какъ теперь быть, а что, напротивъ, для всякаго русскаго, особенно изъ западной Россіи, совершенно ясно и безпокоротно то pium desiderium, къ которому направлялась вся исторія этой страны, именно—исправлять всѣми силами и до послѣдняго остатка зло соединенія западной Россіи съ Польшею.

Впрочемъ, и нашъ авторъ только на одно мгновеніе поддался силѣ историческаго фатума литовско-польской уніи и сталъ въ недоумѣніе: какъ быть съ этою злосчастною уніею? Онъ вообще бодро стоитъ за цивилизаціонную миссію Польши на востокѣ, и даже въ приведенномъ мрачномъ изображеніи уніоннаго фатума даетъ радужное освѣщеніе этой миссіи. Онъ и для нынѣшнихъ поляковъ строитъ помость къ счастливѣйшему разцвѣту этой миссіи въ Польшѣ въ XV вѣкѣ, и для потомства этого, разумѣется, должна служить и теперь лучшею опорою западная Россія.

Въ послѣднемъ насъ особенно убѣждаетъ слѣдующее соображеніе, изложенное въ концѣ втораго тома „Очерка исторіи“ (въ послѣднихъ шести главахъ), и еще менѣе ожиданное, чѣмъ скорбное—фатумъ уніи. Авторъ жалѣетъ и дѣлаетъ укоръ и полякамъ, и Екатеринѣ II, зачѣмъ не укрѣпился союзъ Польши съ Россіею, зачѣмъ не послѣдовало даже подчиненія русскому государству Польши, а Екатерина взяла себѣ только русскія его части, польскія же отдала нѣмцамъ. Сильно закрыты дѣйствительные мотивы такого мнѣнія, совсѣмъ неожиданнаго отъ польскаго политическаго писателя: но для всякаго зрячаго они ясно видны; тогда бы, вѣдь, при Польшѣ осталась главная опора для помоста къ разцвѣту польской миссіи на востокѣ, т.-е. западная Россія, а Екатерина II волею и неволею вырвала эту опору, да еще увѣковѣчила, что сознательно это сдѣлала, что она возвратила себѣ отторженное, какъ гласитъ медаль, выбитая въ память самаго важнаго раздѣла Польши—втораго. Полякамъ, чтобы поправить это, пришлось дѣлать необычайныя усилія—соединиться съ обиженными ими недавно передъ тѣмъ іезуитами, выдвинуть Адама Чарторыйскаго, провести черезъ него возсозданіе царства польскаго, и за невозможностью сразу, всѣми силами налечь на западно-русскую опору въ постройкѣ польскаго помоста къ славному будущему, укрѣплять эту опору незамѣтно направленною къ своимъ цѣлямъ системою образованія въ западной Россіи, и если эта опора рушилась ранѣше времени, то благодаря лишь тому, что поляки слишкомъ понадѣялись на ея прочность, безразсудно стали накладывать на нее явно свой помостъ и раньше времени объявлять, даже двукратнымъ возстаніемъ, что готово возсозданіе польскаго государства въ предѣлахъ 1772 г.

Эту-то западно-русскую опору для польскаго помоста несомнѣнно имѣетъ въ виду и г. Бобржинскій, но, конечно, проводитъ эту мысль совершенно мирнымъ путемъ, какъ существенную часть такъ называемыхъ ягеллоновскихъ идей.

На все это, т.-е. и на унылое размышленіе автора о безъисходномъ фатумѣ польско-литовской уніи, и на его смѣлое строеніе польскаго помоста на западно-русской опорѣ, мы скажемъ, что славянская судьба Польши и прежде не была и въ будущемъ не должна быть усматриваема ни въ томъ, ни въ другомъ.

Славянинъ-популяризаторъ польской исторіи совершенно напрасно погружается въ черствый современный реализмъ и совершенно напрасно вырывается изъ него въ область несбыточныхъ мечтаній. Если Польша не могла и не можетъ теперь сама собою защититься отъ грознаго германизма, то еще вѣрнѣе, чѣмъ прежде, погибнетъ она отъ покушеній ухватиться опять за литовско-русскую унію. Спасеніе Польши, какъ польскаго народа, и въ прошедшемъ лежало, и въ будущемъ лежитъ совсѣмъ въ иномъ.

Г. Бобржинскій не даетъ намъ чего-либо новаго въ томъ, что онъ говоритъ о Мазовіи, но совершенно справедливо обращаетъ на нее большое вниманіе, какъ на страну воинственную, и главное—цѣльную въ своемъ бытовомъ складѣ (т. I, стр. польск. изд. 180, русскаго 125), почему она и могла успѣшно проявлять ассимилирующую силу на литвиновъ. Это было безспорно здоровое, сильное зерно польской государственности. Что же, поняли это поляки другихъ областей великой и малой Польши?

Для большей ясности напомнимъ нѣкоторыя русскія дѣла, представляющія нѣчто анологическое.

Какъ сначала было не важно Суздальское княжество! Однако, какъ скоро русскій народъ понялъ будущую силу этого княжества и какъ устремился къ нему,—замѣтимъ, устремился даже изъ прекраснаго климата и черноземной почвы безнадежнаго тогда юга Россіи,—а наши лѣтописцы сейчасъ уловили существенную причину этого движенія, и главнѣйшему строителю суздальскаго княжества Всеволоду Юрьевичу воздали такую народную похвалу, что онъ творилъ правый судъ, не устрашаясь лица сильныхъ людей, т.-е. что онъ радѣлъ смѣло о благѣ простаго народа!

Или еще. Какъ сначала было мало, слабосильно и даже нравственно низменно Московское княжество, а какъ скоро и ясно поняли русскіе, что тутъ именно занимается заря богатой русской будущности, и какъ устремились сюда даже изъ западной Россіи, и опять наши лѣтописцы спѣшили осмыслить все это. Суровое время Іоанна Калиты

осмыслили тѣмъ, что при немъ русскіе люди „опочинуша отъ татарскія истомы", такое же время Симеона Гордаго—освѣтили надеждою свергнуть татарское иго объединенными силами, а едва юный Димитрій Іоанновичъ, будущій побѣдитель татаръ, справился съ княжескими смутами и укрѣпился въ Москвѣ, какъ лѣтописецъ заявилъ народную радость и сталъ призывать всѣхъ къ единенію, доказывая, что и князья, и бояре, и простые люди, всѣ—родъ Адамовъ, и во имя уже этого, а тѣмъ болѣе во имя христіанской любви, не должны раздорить между собою. И не безплодно было такое выраженіе народнаго русскаго мнѣнія.

Когда русскіе орлы услышали, что этотъ самый московскій князь Димитрій Іоанновичъ скликаетъ ихъ на Куликово поле на великій кровавый пиръ, долженствовавшій рѣшить историческій споръ между Азіею и Европою, какъ быстро слетались они на этотъ кличъ и изъ восточной, и изъ литовской, и изъ южной Руси, и одинъ изъ первѣйшихъ орловъ, бывшихъ на этомъ пиру, князь Боброкъ-Волынецъ, свидѣтельствовалъ своими славными дѣлами передъ всѣмъ русскимъ міромъ, что и въ отдаленной Волыни, даже въ вѣковомъ отчужденіи ея отъ Москвы, изъ рода въ родъ сберегались русскія доблести и устремились, когда пришло время, на общее-русское служеніе. Свидѣтельствовали силу русскаго обаянія и видные на томъ же пиру литвины Андрей и Димитрій Ольгердовичи. У великаго народа, хотя и задавленнаго татарами, было велико и увлекательно историческое чутье!

Подойдемъ ближе къ Мазовіи. И кіевскіе князья, начиная съ Ярослава стараго, и волынскіе, и галицкіе прекрасно понимали и цѣнили народную силу Мазовіи. Причина этого весьма важная и показываетъ то же великое русское историческое чутье. Князья эти хорошо знали, что къ этой чисто народной славянской странѣ съ двухъ боковъ примыкаютъ русскія населенія, съ сѣверо-запада—нынѣшняя занѣманская сѣлорусская вѣтвь, за старымъ (на западъ) русскимъ опорнымъ пунктомъ въ Гродно, и съ другой стороны забужская Русь—сѣверная часть Галицко-Волынской области, а въ серединѣ между этими русскими населеніями и Мазовіей клиномъ входило крайне неуживчивое литовское племя ятвяговъ, неизбѣжно подлежавшее славянскому воздѣйствію со всѣхъ этихъ трехъ сторонъ.

Всѣмъ этимъ, безъ сомнѣнія, и нужно главнымъ образомъ объяснять то, что и кіевскіе и галицко-волынскіе князья часто дружили и роднились съ мазовецкими князьями, у которыхъ распространялась и православная вѣра.

Но и помимо всякихъ русскихъ примѣровъ и указаній, полякамъ не трудно было понять значеніе Мазовіи даже въ самыя первыя времена ихъ государственности. Мазовецкое племя занимало среднее теченіе Вислы по обоимъ берегамъ ея, притомъ у слѣгенія важныхъ рѣчныхъ путей Вислы, западнаго Буга, Нарви. Это былъ хорошій ключъ ко входу въ Балтійское море по нижнему теченію Вислы. Правда, ключемъ этимъ нужно было пользоваться при содѣйствіи съ лѣвой стороны Вислы славянскихъ поморянъ, а съ правой—Литвы, но въ этомъ-то и была сила Мазовіи для успѣшной борьбы съ нѣмцами. При согласіи съ этими сосѣдями, вызываемомъ настоятельною нуждою ихъ обоихъ, эти страны были неодолимы для нѣмцевъ, почему нѣмцы и не покушались сами на обладаніе Вислою даже и послѣ того, какъ утвердились у устья Одры въ Бранденбургской маркѣ.

Что же, спрашиваемъ опять, поняли поляки великой и малой Польши значеніе Мазовіи и берегли, подкрѣпляли это свое народное зерно? Поняли, и даже столицу перенесли въ Мазовію (въ Варшаву), но только въ самомъ концѣ XVI столѣтія (1596 г.), когда и кругомъ Варшавы (кромѣ литовско-русскаго востока) все измѣнилось къ худшему, когда въ самой Мазовіи не многое уже осталось нетронутымъ разлагающею западно-европейскою цивилизаціею, когда даже глубокое, патріархальное благочестіе мазуровъ превращено было въ сильную опору для іезуитства.

Но это запоздалое польское вниманіе къ Мазовіи было лишь завершеніемъ старыхъ польскихъ историческихъ грѣховъ.

Принято сваливать историческую отвѣтственность на мазовецкихъ князей, особенно на Конрада II, за то, что они сами призвали рыцарскій орденъ на низовья Вислы и сами передали нѣмцамъ ключъ отъ этого послѣдняго польскаго выхода въ Балтійское море. И мы въ нашихъ сочиненіяхъ возлагали на Конрада эту отвѣтственность, разлагая ее однако и на двигателей латинской пропаганды. Но при ближайшемъ изслѣдованіи этого дѣла оказывается, что отвѣтственность эту нужно еще больше приподнять надъ Конрадомъ мазовецкимъ и разложить ее еще больше на западно-европейскихъ двигателей латинской пропаганды, а еще больше на польскихъ ея ревнителей. Оказывается, что поляки, двинувъ на сѣверъ Мазовіи латинскую пропаганду, раздражили литвиновъ, разрушили мирныя съ ними связи Мазовіи; оказалась нужда въ военной поддержкѣ латинской пропаганды, и поддержка эта явилась изъ западной Европы сначала даже помимо мазовецкаго Конрада. Крестъ Христовъ, понесенный къ древнимъ литовскимъ пруссамъ руками слугъ папы, возвѣстилъ имъ не новый миръ и любовь, а потребность меча, и меча нѣмецкаго, который и сталъ губить не только языческую Литву, но и христіанскія: Поморье, Мазовію и съ ними всю Польшу.

Мы добрались до корня польскаго историческаго зла, почему и раскапывали такъ долго событія лучшей части Польши—Мазовіи. Въ затишьѣ Польши и нужно искать главнѣйшей причины всего того западно-европейскаго ея разложенія, которое сдѣлало Польшу безсильною для защиты своего историческаго существованія отъ нѣмцевъ, и въ которомъ она еще больше загибла, когда западная Европа, съ папою во главѣ, погнала

ее цивилизовать литовско-русскій православный востокъ. Латинская пропаганда, это—самый сильный и самый капуительный для польскаго народа извозъ съ запада на востокъ, съ прямымъ-ли обозначеніемъ дѣйствительной кладп его, или подъ контрабандпымъ названіемъ: цивилизаціи западной Европы!

Мы не будемъ разсказывать этой печальнѣйшей стороны польской исторіи, а сдѣлаемъ самое простое дѣло,—пройдемъ по сочиненію г. Бобржинскаго, останавливаясь на болѣе крупныхъ фактахъ, въ немъ самомъ указанныхъ, и покажемъ, что съ ними дѣлаетъ нашъ авторъ и что долженъ бы сдѣлать всякій писатель, оцѣнивающій ихъ съ славянской точки зрѣнія и въ виду дѣйствительнаго блага польскаго народа.

Странное сравненіе дѣлаетъ г. Бобржинскій между православіемъ и латинствомъ. Нашъ равноапостольный князь Владимірь привилъ, по этому сравненію, вѣру отъ такой Церкви, которая будто бы пришла тогда уже въ упадокъ и могла лишь дать опору абсолютизму, между тѣмъ, какъ латинская церковь была будто бы въ цвѣтущемъ состояніи и будто бы проводила идею свободы. Дѣлая такое, чисто западническое сравненіе обоихъ вѣроисповѣданій, нашъ авторъ совершенно забылъ славянское значеніе нашей православной вѣры,—ту славянскую свободу и независимость, которыя ова обезпечиваетъ лучше и вѣрнѣе всякаго латинства, тогда какъ это послѣднее давитъ всегда, какъ извѣстно, всякую народную и личную свободу, и предоставляетъ, даже освящаетъ, одну лишь свободу,—свободу борьбы ради наны со всякимъ государственнымъ, общественнымъ и личнымъ благомъ.

Это странное сравненіе православія и латинства и непонятное забвеніе, насколько та и другая вѣра отвѣчаютъ историческому благу славянства, авторъ не много поправляетъ, когда говоритъ о трудахъ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія въ Моравіи. Онъ и здѣсь повторяетъ свое невѣрное мнѣніе, что Кирилло-Меѳодіевская Церковь не могла ссперинчать съ латинской церковью, и проводитъ ту невѣрную мысль, будто бы папы покровительствовали славянской независимости и будто бы сами славяне такъ признавали необходимость тѣсной связи съ Римомъ, что потребовали уніи съ нимъ своей Кирилло-Меѳодіевской Церкви. Подъ этою только „санкціею папы" авторъ признаетъ плодотворною у западныхъ славянъ восточную цивилизацію, и находитъ, что она пустила у нихъ глубокіе корни, перешла за Карпаты, т.е. въ сторону польскую, принесла спасительные плоды, слѣды которыхъ видны были даже спустя нѣсколько вѣковъ (т. I, стр. польск. изд. 94—95, русск.—49). Въ другомъ мѣстѣ авторъ признаетъ, что изъ Руси проходило въ Польшу византійское вліяніе, даже большее, чѣмъ до сихъ поръ думали (т. I, стр. польск. изд. 124, русск.—75).

Но почему же эта восточная или византійская цивилизація не удержалась у западныхъ славянъ и у поляковъ въ особенности? Авторъ мелькомъ указываетъ на варварскій разгромъ Моравіи венграми, на страхъ передъ ними Чехіи, вынудившій ее держаться поближе нѣмцевъ и ихъ латинской вѣры,—но что же мѣшало полякамъ удержать восточную цивилизацію, когда нашествіе венгровъ не губило ея у нихъ, а напротивъ, направляло къ нимъ еще больше, какъ изъ Моравіи, такъ и изъ Чехіи, да кромѣ того цивилизація эта сильно пробивалась въ Польшу и изъ Руси? На этотъ вопросъ авторъ долго не даетъ никакого отвѣта, и проходитъ спокойно мимо такихъ фактовъ, надъ которыми долженъ бы остановиться и задуматься всякій славянскій писатель. Первый сильный государь Польши Мечиславъ женится на чехинѣ Дубровкѣ и принимаетъ по ея убѣжденію христіанство, но не держится того славянскаго христіанства, какое еще было тогда въ Чехіи и какое принесла ему Дубровка, а усердно вводитъ въ свою страну латинское христіанство, несмотря на возстаніе народа противъ этой перемѣны, понятной ему лишь какъ новое вторженіе ненавистной нѣмеччины (т. I, § 11). Это—первое въ Польшѣ государственное непониманіе славянской Кирилло-Меѳодіевской Церкви, не останавливающее на себѣ вниманія и современнаго намъ польскаго писателя. Но затѣмъ слѣдовало въ тѣ старыя времена вторичное непониманіе, еще болѣе удивительное, потому что выказано великимъ польскимъ человѣкомъ Болеславомъ Храбрымъ.

Сказавъ объ устройствѣ этимъ государемъ церковныхъ дѣлъ въ Польшѣ, объ основаніи по областямъ новыхъ епископій и архіепископій въ Гнѣзнѣ, господинъ Бобржинскій какъ-бы мимоходомъ сообщаетъ, безъ всякой оцѣнки, фактъ величайшаго неразумія, допущенный лучшимъ польскимъ государемъ. „Этой новой латинской іерархіи, говоритъ онъ,—были подчинены и церкви *съ славянскимъ богослуженіемъ*, которое сохранилось въ южныхъ областяхъ (Польши) и пользовалось уваженіемъ наравнѣ съ латинскимъ" (т. I, стр. польск. изд. 125, русск.—76). Какимъ образомъ случилось, что великій польскій государь, такъ ясно понимавшій славянство на Вислѣ, Одрѣ и даже Лабѣ и такъ сильно ратовавшій за него, не понялъ славянскаго значенія существовавшей въ его государствѣ Кирилло-Меѳодіевской Церкви, и не организовалъ ея, по крайней мѣрѣ, въ особую епископію, а подчинилъ латинской іерархіи, т.-е. осудилъ на погибель, и польскій писатель нынѣшнихъ временъ нисколько не задумывается надъ этимъ поразительнымъ польскимъ неразумѣніемъ? Какимъ образомъ случилось, что великій польскій государь, поднимавшій такъ сильно оружіе на защиту балтійскаго славянства, не поднялъ и даже не пробовалъ поднимать на эту защиту еще болѣе сильнаго духовнаго оружія — славянскую Кирилло-Меѳодіевскую Церковь, которая сильнѣе всякихъ военныхъ мѣръ положила бы преграду нѣмецкой волнѣ, заполнявшей славянское балтійское побережье, и, безъ сомнѣнія, измѣнила бы положеніе и литовска-

го балтійскаго побережья? Мазовія тогда еще больше могла бы вліять на литвиновъ и работать для ихъ просвѣщенія, хотя съ другой стороны, по совершенно въ томъ же славянскомъ направленіи, въ какомъ русскіе работали съ востока. Почему же всего этого не понималъ великій польскій государь? И нельзя сказать, чтобы славянское пониманіе Кирилло-Меѳодіевской Церкви было для Болеслава Храбраго дѣломъ новымъ, изъ разряда такихъ новыхъ дѣлъ, которыхъ нельзя требовать даже отъ великихъ людей такихъ старыхъ временъ. Болеславъ, безъ сомнѣнія, зналъ о славянской силѣ Кирилло-Меѳодіевской Церкви въ Моравской державѣ временъ Ростислава и Святополка; видѣлъ самъ эту силу въ Чехіи во время своихъ походовъ туда; на его глазахъ, кромѣ того, совершался въ Россіи великій переворотъ во имя этой же Церкви, и онъ самъ видѣлъ богатые плоды его въ Кіевѣ; наконецъ, Болеславъ видѣлъ эту самую Церковь въ собственномъ государствѣ: почему же все это прошло мимо великаго славянскаго государя и не обращаетъ на себя вниманія даже современнаго польскаго писателя?

Авторъ какъ будто водходитъ къ рѣшенію этого вопроса, но затѣмъ сразу поворачиваетъ въ другую сторону, и тѣмъ еще яснѣе освѣщаетъ, да простятъ намъ читатели жесткое выраженіе, освѣщаетъ историческое польское недомысліе. Онъ ставитъ Болеславу Храброму въ великую заслугу то, что онъ старался поставить высшую польскую іерархію въ непосредственную зависимость отъ папы, т.-е. старался освободить ее отъ нѣмецкой зависимости (т. I, стр. польск. изд. 125, русск.—76); но въ такомъ случаѣ тѣмъ естественнѣе было Болеславу ратовать и хлопотать за славянскую Церковь, и вашъ авторъ тѣмъ болѣе былъ обязанъ войдти въ разсужденіе объ этомъ, что, по его же словамъ, папы будто бы покровительствовали Кирилло-Меѳодіевской Церкви, какъ пригодной и для нихъ защитѣ отъ нѣмецкаго преобладанія (т. I, стр. польск. изд. 94—95, русск.—19).

Но есть соображенія важнѣе всѣхъ подобныхъ догадокъ автора, которыя заставляютъ разъяснять и пониманіе даже Болеславомъ Храбрымъ великаго значенія для Польши Кирилло-Меѳодіевской Церкви, и должны были бы имѣть силу для г. Бобржинскаго даже при всемъ его извращенномъ пониманіи православія и латинства.

То уже самое, что поляки дали у себя рѣшительный перевѣсъ христіанству не въ славянскихъ формахъ, а въ латинскихъ, и даже съ сильною примѣсью нѣмецкихъ его особенностей, губило ихъ славянскія силы и дѣлало несостоятельными для образованія крѣпкаго государства. Сдѣлавшись такими христіанами, съ латинскимъ богослуженіемъ, съ нѣмецкимъ надолго духовенствомъ, поляки смѣшались съ нѣмцами не только въ глазахъ язычниковъ литвиновъ, но и въ глазахъ родныхъ имъ славянскихъ язычниковъ балтійскаго побережья, и для тѣхъ и другихъ язычниковъ стало уже безразлично, къ кому переходить въ христіанство, къ нѣмцамъ или къ полякамъ.

И такое смѣшеніе поляковъ съ нѣмцами простиралось въ глазахъ литовскихъ и славянскихъ язычниковъ не на одну религіозную область, но и на гражданскую, и не потому только, что язычники не могли ясно различать ихъ, а потому, что и на дѣлѣ объ эти области устраивались въ Польшѣ на нѣмецкій ладъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

Г. Бобржинскій, съ поразительнымъ забвеніемъ дѣйствительнаго славянскаго блага Польши, разсказываетъ намъ, какъ польскіе государи, начиная съ Мечислава, великіе и малые, ломали патріархальный польскій бытъ, заводили разные нѣмецкіе порядки, наполняли польскіе города нѣмцами, жидами, и разсказываетъ все это, какъ дѣла, достойныя похвалы и даже славы, потому что все это двигало впередъ польскую цивилизацію и подготовляло Польшѣ хорошее мѣсто въ средѣ западно-европейскихъ государствъ (т. I, §§ 11, 12 и многія другія; томъ II, стр. 351). Но на все это можно смотрѣть совсѣмъ иначе, и видѣть постепенное затемнѣніе въ Польшѣ славянскаго блага народа и подрывъ того и другаго. Польская исторія переполнена очевиднѣйшими доказательствами этого. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Г. Бобржинскій внимательно слѣдитъ, какъ польская іерархія дѣлалась народною, и нерѣдко прославляетъ ее за то, что она будто бы высоко и крѣпко держала знамя народнаго величія и славы (т. I, § 54); однако, вотъ два народныхъ польскихъ епископа на весьма большомъ разстояніи другъ отъ друга по времени и на двухъ отдаленныхъ рубежахъ новыхъ поворотовъ польской жизни,—первый краковскій епископъ—славянинъ Станиславъ, временъ Болеслава Смѣлаго, т.-е. половины XI вѣка, и первый польскій кардиналъ, тоже краковскій, но не епископъ, а архіепископъ и тоже славянинъ—Збигнѣвъ Олесницкій, самый видный дѣятель уніи при Ягайлѣ и Казимірѣ, т. е. въ XV вѣкѣ. Оба эти природные, выдающіеся поляки были губителями Кирилло-Меѳодіевской Церкви, оба были ненавистниками русскихъ, и въ довершеніе своихъ подвиговъ, оба бунтовали противъ своихъ государей,—одинъ противъ Болеслава Смѣлаго *), другой противъ Казиміра Ягайловича. Кажется довольно ясно, до какого славянскаго помраченія доводило латинство даже выдающихся поляковъ.

Но есть факты еще болѣе поражающіе. Почти одновременно съ тѣмъ, какъ Польша, ворвавшись въ западную Россію, задумала поставить въ ней, вмѣсто народной русской вѣры, вѣру латинскую, въ Чехіи раздались рѣчи доблестнаго славянина Гусса о возстановленіи славянства въ Церкви и о возвратѣ къ старымъ ея формамъ жизни. Гусситство стало сильно распространяться въ польскомъ народѣ и даже въ магнатствѣ (т. I, стр. польск.

*) Мы здѣсь разумѣемъ не обличенія Станиславомъ дурныхъ дѣлъ Болеслава, а предательскія сношенія этого епископа съ чешскимъ королемъ.

изд. 293, русск.—227). Извѣстно при томъ, что гусситство также сильно отразилось въ литовскомъ княжествѣ и грозило здѣсь гибелью недавнему латинству, и тѣмъ болѣе рѣшительною, что, какъ извѣстно, гусситы и здѣсь завязывали дружескія сношенія съ русскими. Наконецъ, извѣстно, что гусситы неспѣшили присоединить и свои военныя силы къ общеславянскому объединенію западно-русскихъ, литовскихъ и польскихъ силъ для пораженія нѣмцевъ у Грюнвальдева. Казалось, совершенно явственно завималась заря еще болѣе крѣпкаго объединенія всѣхъ этихъ силъ, къ которымъ легко могли пристать и восточно-русскія для еще болѣе рѣшительнаго оттѣсненія нѣмцевъ отъ всего балтійскаго побережья и для религіозной умиротворенія между всѣми этими славянскими странами—Чехіею, Польшею, Литвою и Восточною Россіею.

Какъ же отнеслись поляки къ гусситству этого лучшаго, чистаго, съ религіозной точки зрѣнія, его періода? Ихъ представители на Констанскомъ соборѣ, заодно съ другими западно-европейцами, сложили костеръ для Гусса и подожгли его!!!

Послѣдовалъ, какъ извѣстно, страшный взрывъ въ Чехіи, и чтители Гусса перевернули у себя вверхъ дномъ все нѣмецкое и достигли великаго могущества. Имъ нуженъ былъ государь и опора сосѣдней славянской страны—Польши, и они тутъ находили себѣ громадное сочувствіе въ Витовтѣ, Ягайлѣ, потомъ въ его сынѣ Казимірѣ и въ населеніи литовско-польскаго государства. Что же, поляки дали гусситамъ эту опору? Нѣтъ! Они поддались интригамъ кардинала Олесницкаго, который прилагалъ всевозможныя старанія, чтобы охранить Польшу отъ всякаго сближенія съ гусситами. Онъ даже сталъ во главѣ конфедераціи противъ польскихъ гусситовъ, велъ войну съ ними, и въ усиленномъ видѣ повторялъ злодѣяніе Констанскаго собора—сожигалъ на кострахъ гусситскихъ священниковъ (т. I, стр. польск. изд. 305—306, русск.—237—238).

Но оставимъ тѣ старыя времена и славянское неразумѣніе тогдашнихъ людей. Посмотримъ, что дѣлаетъ съ этими фактами славянскаго неразумія современный намъ славянинъ г. Бобржинскій.

Онъ не обращаетъ никакого вниманія на то, что и представители польской церкви участвовали въ страшномъ злодѣяніи западно-европейскаго міра—сожженіи Гусса. Онъ, напротивъ, занятъ ихъ прославленіемъ,—указываетъ на то, что они выдвинули заодно съ знаменитымъ Жерсономъ вопросъ о томъ, что соборъ выше папы, и главное—они доказали беззаконія прусскихъ рыцарей и добились признанія, что не слѣдуетъ силою меча обращать въ христіанство язычниковъ (т. I, стр. польск. изд. 288—289, русск. 222—223). Сожгли лучшаго и неповинѣйшаго изъ тогдашнихъ христіанъ славянина Гусса, и разиѣжничались по отношенію къ язычникамъ-литвинамъ!

Остановился нѣсколько нашъ авторъ надъ отношеніями поляковъ къ гусситамъ уже тѣхъ временъ, когда въ Чехіи раздавался не любвеобильный голосъ Гусса, а громъ побѣдоноснаго оружія въ рукахъ славянской дружины Юрія Подѣбрада. Г. Бобржинскій соображаетъ, что соединеніе поляковъ съ гусситами было бы вреднымъ для отношеній поляковъ къ западной Европѣ, для государственнаго и религіознаго ихъ строенія въ литовскомъ княжествѣ, и, въ виду всего этого, признаетъ гусситство не подходящимъ для Польши и образъ дѣйствій польско-латинской іерархіи по отношенію къ гусситамъ находитъ мудрымъ (т. I, стр. польск. изд. 295 и 306, русск.—228 и 238—239).

Заслуживаетъ большаго вниманія и можетъ вызывать удивленіе, что авторъ, такъ дурно оцѣнивающій и Кирилло-Меѳодіевскую Церковь и гусситство, совсѣмъ иначе смотритъ на протестантство. Онъ находитъ его очень пригоднымъ для Польши, и осуждаетъ поляковъ, что они не съумѣли воспользоваться имъ. Протестантство, по мнѣнію г. Бобржинскаго, дало бы Польшѣ возможность выработать сильную власть; но авторъ, очевидно, не принимаетъ въ соображеніе того, что протестантство, и при всемъ противодѣйствіи ему со стороны латинской польской іерархіи, подкрѣпленной іезуитствомъ, пустило все-таки глубокіе нѣмецкіе корни въ Польшѣ, и корни эти, какъ извѣстно, сильно шатали возросшее нѣмецкое дерево — прусское королевство.

Совершенно, напѣемся, ясно, что какъ въ старыя времена, такъ и въ настоящее, поляки, гоняясь за призраками, упускали изъ виду и теперь упускаютъ реальное славянское благо своего польскаго народа. Но если извинительно было въ старыя времена не знать или забывать объ этомъ благѣ и представлять себѣ польское государство какъ бы безъ народности, то теперь это уже непзвинительно. Часто и много говорится о польскомъ народѣ, даже объ одномъ, нѣльномъ (jednolity) польскомъ народѣ; но какъ только пойдутъ раскрывать историческіе горизонты этого народа, такъ вмѣсто польскаго народа и его прямаго, реальнаго славянскаго блага, оказываются народы полонянки Европы, съ жидами включительно, и міровыя задачи внѣ всякихъ дѣйствительныхъ задачъ польскаго народа. Приложите къ воззрѣніямъ г. Бобржинскаго славянскую мѣрку, и всѣ его многочисленныя и разнообразныя сооруженія по чертежу такъ называемыхъ ягеллоновскихъ идей, разсыплются и разнесутся по воздуху какъ пыль, и окажется необходимымъ строить иначе и польское прошедшее, и польское будущее. Представимъ примѣръ, убѣдительность котораго, смѣемъ думать, признаютъ и многіе поляки.

По историческимъ судьбамъ, въ которыхъ меньше всего имѣло мѣсто ясное славянское сознаніе съ русской и польской стороны, подъ властію Россіи оказалась та самая часть этнографической Польши, въ которой сильнѣе, чѣмъ въ другихъ ея частяхъ, была польская народность, дольше ихъ сберегалась отъ западно-европейскаго разложенія и

ближе другихъ была къ русскому народу по своему складу, т.-е. область Мазовіи, или нынѣшнее царство польское, и къ этой-то, нѣкогда лучшей части польскаго народа, Россія прилагаетъ теперь свои заботы, чтобы возсоздать въ ней славянскія начала жизни. Она дала народу этой страны (русской Польши) свободу по славянскимъ началамъ, т.-е. съ землею, даетъ славянское образованіе, ставитъ латинское духовенство въ предѣлы пастырства по славянскому пониманію ихъ, и въ своихъ православныхъ храмахъ, находящихся по разнымъ мѣстамъ, даже чисто польскимъ, даетъ полякамъ наглядный образецъ того, какъ чтутъ Бога на родномъ языкѣ и въ отчужденіи отъ страстей этого грѣшнаго міра.

Каковы плоды всего этого славяно-русскаго строенія въ бывшей Мазовіи, а нынѣ русской этнографической Польшѣ, теперь еще рано судить, но есть и теперь уже одинъ очевидный, осязательный результатъ. Въ этой, нѣкогда сильной, а потомъ загубленной части Польши, теперь, подъ властію Россіи, польскій народъ такъ оберегается и такъ возрастаетъ, какъ ни въ какой другой части польской этнографической земли.

Поляки, сознающіе все это, несомнѣнно есть, но если разумѣть не отдѣльныя лица, а польское общество, то невольно возникаютъ вопросы:

Когда настанетъ польское просвѣтленіе? Когда пробудится въ поликахъ всякой страны и всякаго развитія славянское чувство? Когда озарится славянскимъ свѣтомъ ихъ сознаніе настолько сильно, что они сами признаютъ, смѣло и открыто, нынѣшнее славянское благо даввей Мазовіи, станутъ скликать сюда поляковъ другихъ областей, и великой и малой Польши, а также непремѣнно и поляковъ, забравшихся въ западную Россію, и соединенными силами, подъ охраною славянской Россіи, развивать дальше это дѣйствительное благо польскаго народа и оберегать его, по крайней мѣрѣ, отъ нѣмецкой и жидовской пагубы?

Чтеніе М. О. Коялович было выслушано присутствовавшими въ собраніи съ особеннымъ вниманіемъ.

Въ концѣ перваго отдѣленія А. Н. Майковъ прочиталъ слѣдующее, написанное имъ, стихотвореніе:

„Не намъ".

„Не намъ:—что, наше вдохновенье!
Не намъ тутъ говорить, не намъ!
Что значитъ пташки малой пѣнье.
Необычнымъ вторящей громамъ!..
Тутъ—ураганы! Тутъ—стихіи!
Тутъ подняты, тутъ взмущены
Сердецъ народныхъ всей Россіи
Заповѣдныя глубины:
Предъ ней—предъ всею стомилліонной—
Одно изъ Божіихъ чудесъ:
Стремится, славой окруженный,
Сонмъ Божьихъ ангеловъ съ небесъ,
И средь крушенья массъ желѣзныхъ,
Хранитъ Царя, Его Семью,
И Самъ Господь съ высотъ надзвѣздныхъ
Простеръ надъ Ними длань Свою..:
И зримъ отъ хладной полуночи
До Гималаи образъ сей—
И упираются имъ очи,
И слезы льются изъ очей..."

Громкіе и единодушные рукоплесканія заставили А. Н. Майкова повторить это стихотвореніе. Всѣ присутствовавшіе въ собраніи, какъ одинъ человѣкъ, встали со своихъ мѣстъ и, стоя, выслушали пѣніе хоромъ Казанскаго собора: „Славься, славься, нашъ Русскій Царь".

Послѣ небольшаго перерыва г. предсѣдатель предложилъ къ избранію въ почетные члены Общества поэта Я. П. Полонскаго. Предложеніе это было встрѣчено грохомъ рукоплесканій, при чемъ растроганный поэтъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Съ глубочайшей признательностью услыхалъ я о моемъ избраніи въ почетные члены Славянскаго Общества. Не обладая даромъ говорить публичныя рѣчи, я, конечно, долженъ былъ бы все свое краснорѣчіе ограничить поклономъ или двумя тремя словами самой искренней благодарности; но могу-ли я быть искреннимъ только въ моей благодарности? Неожиданное для меня избраніе настолько же польстило мнѣ, насколько и заставило думать, достоинъ-ли я подобной чести и чѣмъ именно я заслужилъ ее.

Позвольте же мнѣ передать хоть сотую долю тѣхъ мыслей, которыя на этотъ разъ пришли мнѣ въ голову.

Было время — дѣятельность Славянскаго Благотворительнаго Общества была такъ широка и вліятельна, что была извѣстна всей Европѣ, и не могла не обращать на себя вниманія враговъ Россіи,—тогда Обществу были нужны люди дѣла—съ тактомъ и самоотверженіемъ, люди убѣжденные или такіе, которые не знали, куда употребить имъ свои средства и свою молодость.

Въ такой періодъ своей дѣятельности я, конечно, не могъ ничѣмъ обратить на себя вниманія Славянскаго Общества. Я не былъ ни славянофиломъ, ни человѣкомъ дѣла, ни юношей, одареннымъ какъ физическими силами, такъ и матеріальными средствами.

Но къ великому сожалѣнію, враги русской мысли и всякой русской доблести воспользовались нашимъ недомысліемъ—и Берлинскій трактатъ положилъ предѣлъ дѣятельности не только Славянскаго Общества, но и всей русской политикѣ.

Славянское Общество должно было или прекратить свое существованіе или настолько сократиться, что о его вліяніи стало не слышно ни у славянъ, ни на западѣ. Наступилъ періодъ, когда для Славянскаго Благотворительнаго Общества стали дороги не только люди дѣла, но и люди, заявляющіе или заявившіе ему свое сочувствіе: оно понимаетъ, что въ этомъ сочувствіи залогъ его будущности при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ.

И вотъ, думаю я, главная причина, почему мои сочувственные стихи по отношенію къ Сербіи и Болгаріи и, вообще, къ послѣдней восточной войнѣ и къ ея великимъ задачамъ

обратили на себя ваше вниманіе—и я очутился между вами, какъ членъ вашего Общества.

Есть люди, которые думаютъ, что между политикой и поэзіи нѣтъ ничего общаго. Но почему же, откликаясь на нравственныя потребности своего отечества, было время, когда не молчали такіе поэты, какъ Тютчевъ и Майковъ?

Замѣтьте, милостивые государи, я сказалъ: нравственныя потребности, любовь, братская помощь, сочувствіе къ страждущимъ, а не интересы государства. Интересы всегда были и будутъ чужды лирической поэзіи. Интересы эти могли оправдывать и интриги, и насилія, и несправедливости, часто неизбѣжныя и необходимыя—оправдывать, а не вдохновлять. Смѣло могу сказать вамъ, что во всей Австріи не находится ни единаго истиннаго поэта, который бы воспѣлъ порабощеніе Герцеговины и Босніи. Во всей Англіи не найдется поэта, который бы пришелъ въ умиленіе отъ бомбардировки Александріи, или отъ козней и казней въ Индіи. Во всей Германіи не отыщется такого стихотвлета, который восторженно воспѣлъ-бы разстрѣливаніе французскихъ крестьянъ за то только, что они, съ оружіемъ въ рукахъ, осмѣливались защищать свою родину.

Милостивые государи! Есть такіе подвиги, съ которыми у поэзіи нѣтъ, не было и не будетъ ничего общаго.

Освободительныя идеи послѣдней нашей войны, сочувствіи къ славянамъ, возбуждаемыя неслыханными звѣрствами башй-бузуковъ, нострекаемыхъ врагами славянства, братская любовь, братская помощь, которыя лежатъ на этотъ разъ въ основаніи вашей политики—вотъ что заставило меня откликнуться на всѣ эти событія. Я воспѣвалъ не побѣды, а человѣчность и безкорыстное самоотверженіе, воспѣвалъ не какъ славянофилъ, а просто, какъ человѣкъ впечатлительный и на все отзывчивый.

Поэзія всегда была сродни геніальности, въ чемъ бы она ни проявлялась, и только въ этомъ смыслѣ слова я былъ западникомъ, ни на одну минуту не переставая быть русскимъ. По развѣ наше славянофильство когда-нибудь относилось отрицательно къ великимъ представителямъ западной науки или искусства? Развѣ французъ перестанетъ быть французомъ только потому, что отдаетъ полную справедливость нашему Пушкину и преклоняется передъ творческою силою графа Льва Толстого?

Вотъ почему, милостивые государи, и мое западничество не помѣшало вамъ избрать меня. Вы поняли, что я всѣмъ сердцемъ и всею душою моей и всѣми моими помышленіями—русскій человѣкъ. и, несмотря на всю мою негодность къ практическому осуществленію вашихъ великодушныхъ идей и стремленій, вы все-таки меня избрали. Благодарю васъ.

Послѣ рѣчи Я. П. Полонскаго и исполненнаго хоромъ пѣвцовъ гимна св. Кириллу и Меѳодію, И. П. Филевичъ прочиталъ слѣдующій некрологъ:

Е. М. Крыжановскій.

† 26 іюля 1888 г.

Въ Кіевѣ, вскорѣ послѣ юбилейнаго торжества, скончался Ефимъ Михайловичъ Крыжановскій. Смерть его—тяжелая потеря не для однихъ лишь близкихъ къ нему лицъ. Безо всякаго преувеличенія можно сказать, что русское общество потеряло въ немъ одного изъ самыхъ умныхъ, честныхъ, благородныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей, глубоко понимавшихъ нужды родной земли, всѣмъ сердцемъ скорбѣвшихъ о ея болѣзняхъ, всю жизнь и силы посвятившихъ ихъ удовлетворенію и исцѣленію.

Жизнь его была — неустанный трудъ, по дѣйствительному своему значенію доступный оцѣнкѣ лишь немногихъ, не подогрѣваемый широкою популярностью, тѣмъ не менѣе постоянный, неослабный, ибо онъ согрѣвался и одушевлялся горячею любовью къ народу, неподдѣльнымъ патріотизмомъ и глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Эти основы духовной природы покойнаго были крѣпко заложены еще въ дѣтствѣ, укрѣплялись и развивались постепенно и въ своемъ прекрасномъ сочетаніи представили въ его лицѣ живой образъ православнаго христіанина-гражданина.

Родился Е. М. въ деревнѣ Кіевской губерніи, въ октябрѣ 1831 г. Что его собственному свидѣтельству („Украинская деревня по воспоминаніямъ дѣтства". N „Кіевск. Стар." 1882 г. сент., окт.), вся жизнь его до 25-лѣтняго возраста, т. е. до окончанія образованія, была постоянно связана съ деревней, „внушавшей ему смѣлые замыслы, завѣтныя стремленія, священные обѣты и любовь—любовь безъ конца ко всему страждущему и обремененному"... Онъ росъ и жилъ съ народомъ въ самую страшную пору его исторіи. когда польское панство, при содѣйствіи русскихъ становыхъ, вымещало на русскомъ народѣ неудачу своего возстанія, собирало силы для новаго бунта, и тѣмъ не менѣе, его сердце „гдѣ-то, въ незримыхъ для пана, жида, становаго сліяхъ, открывало самое нѣжное, здоровое и животворное дыханіе жизни, которое давало чувствовать себя на каждомъ шагу и которое, разъ испытавшъ—никогда не забудешь". И онъ дѣйствительно не забылъ. Его любовь къ деревнѣ, сначала безсознательная — естественный плодъ здоровой, неиспорченной натуры, стала потомъ сознательною, а потому еще болѣе глубокою. Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ о деревнѣ онъ говоритъ: „Мы любимъ ее за страданія, терпѣніе и вздохи, но имя любви къ роднымъ началамъ жизни, за крѣпкую вѣру въ спасительность этихъ началъ, за всѣ тѣ добрыя свойства, которыя выростали на почвѣ страданій, въ соединеніи съ такою любовью и вѣрою. И чѣмъ ближе приникаемъ мы ко времени нашего дѣтства, тѣмъ глубже и отчетливѣе сознаемъ мы въ себѣ біеніе народнаго пульса и необоримую силу гражданскую, тѣмъ полнѣе и живѣе становятся наши общественные и гражданскіе идеалы и наша вѣра въ Русь могущественную" („Укр. Дер." сент. 163).

Е. М. родился и выросъ подъ сѣнью сельской церкви—единственнаго мѣста, куда не проникала панская нагайка, единственнаго источника облегченія и утѣшенія тяжелой народной долѣ; здѣсь же видѣлъ онъ рано овдовѣвшаго отца, совершавшаго службу «рѣдко со слезами на глазахъ», и ни концентственныя бурсы, ни философскія теоріи не могли вытравить въ немъ глубокаго, живаго религіознаго чувства.

Вотъ откуда исходили основы духовной природы покойнаго. И въ мелкихъ чертахъ въ немъ всегда сказывался потомокъ казака (дѣдъ его — казакъ — только подъ старость сталъ священникомъ), сынъ народа, питомецъ Церкви: страстная, беззавѣтная преданность идеѣ, отвращеніе къ компромиссамъ и полумѣрамъ, удивительное терпѣніе и выносливость, полное пренебреженіе къ комфорту, удобствамъ и всевозможнымъ условностямъ, наконецъ его любовь къ церковному пѣнію—обличали это на каждомъ шагу.

Е. М. воспитывался въ трехъ бурсахъ, семинаріи и кіевской духовной академіи. Въ 1857 г. онъ кончилъ ее въ числѣ первыхъ и, пробывъ годъ въ деревнѣ для поправленія слабаго здоровья, поселился въ Кіевѣ. Здѣсь онъ преподавалъ въ семинаріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовился къ каѳедрѣ въ духовной академіи, совѣтомъ которой и былъ избранъ, въ 1862 г., въ бакалавры. Однако, быть профессоромъ ему не пришлось: страстность и отзывчивость натуры представляла, конечно, плохія данныя для тихой, ровной кабинетной работы. Его изслѣдованіе о «Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и Варлаамѣ Ванатовичѣ» (Труды кіевск. дух. акад., 1861 г., № 3), какъ равно и критическая оцѣнка статей преосв. Макарія—«Русская духовная литература въ періодъ монгольскій» (ib. 1862 г., № 12)—показываютъ, что онъ серьезно занимался наукой, но, надо думать, она не вполнѣ его удовлетворяла, по крайней мѣрѣ, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», а въ 1863 г. (Труды кіевск. дух. акад., № 6) появились его «Замѣтки», посвященныя текущимъ явленіямъ духовной жизни. Въ нихъ, между прочимъ, обсуждались и слѣдующіе вопросы: «польскій вопросъ съ религіозной стороны; взаимныя симпатіи полонизма и католичества въ польскомъ возстаніи; тождество ихъ цѣлей и притязаній на русскія области; что значатъ жалобы поляковъ на мнимое стѣсненіе ихъ религіозной свободы; послѣдія попытки поляковъ къ окатоличенію западно-русскаго народа, непріязнь ихъ къ православному духовенству, историческое призваніе западно-русскаго духовенства». Въ жизни покойнаго эти «Замѣтки» сыграли, вѣроятно, не малую роль. Онѣ появились какъ разъ въ то время, когда, по усмиреніи польской смуты, наступалъ новый періодъ для русской Польши и соединенныхъ съ нею въ административномъ отношеніи Холмщины и Подлящья. И. А. Милютинъ и кн. В. А. Черкасскій открыли забытую всѣми Холмскую Русь и рѣшились освободить ее отъ духовнаго гнета, пробудивъ просвѣщеніемъ ея дремлющее національное сознаніе. Они собирали тогда около себя лучшія силы, и статья молодаго профессора должна была указать имъ новаго сотрудника. Въ концѣ 1864 г. Е. М. завимаетъ уже должность начальника Сѣдлецкой учебной дирекціи и становится, такимъ образомъ, ближайшимъ исполнителемъ плановъ духовнаго возрожденія края, начертанныхъ кн. В. А. Черкасскимъ и А. Ѳ. Гильфердингомъ. 20-лѣтняя дѣятельность въ Холмщинѣ занимаетъ лучшую часть жизни покойнаго. Онъ началъ ее съ подробнаго ознакомленія съ краемъ, изъѣздилъ его изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, останавливался рѣшительно у всякаго уніатскаго священника, осматривалъ церкви, толковалъ съ народомъ. Впечатлѣніе онъ произвелъ на всѣхъ необыкновенное. Уніатскіе священники были изумлены его знаніемъ церковнаго устава, а его рѣчи оказывали на многихъ рѣшительно обновляющее и просвѣтляющее дѣйствіе, открывая передъ ними родной, но совершенно новый міръ. Крестьяне были поражены не менѣе: ласковый, внимательный, разсудительный, говорившій съ народомъ по народному, Е. М. совсѣмъ не подходилъ подъ обыкновенный типъ русскаго чиновника на окраинахъ: «то якійсь москаль, якъ люде», говорили про него крестьяне. Непосредственное знакомство съ народомъ имѣло для покойнаго громадное значеніе. Онъ не могъ въ немъ не узнать роднаго брата народа его родины, только еще болѣе забитаго, еще болѣе приниженнаго, не могъ, слѣдовательно, не полюбить его всѣмъ сердцемъ. Съ той поры онъ всецѣло предался дѣлу его возрожденія. Главный рычагъ этого возрожденія—народная школа—находился въ непосредственномъ его завѣдываніи, но чтобы съ пользой примѣнить его къ дѣлу, требовалось основательное изученіе почвы, на которую этотъ рычагъ устанавливался. Съ необыкновеннымъ усердіемъ покойный принялся за это изученіе и не прекращалъ его до послѣднихъ дней. Какъ результатъ своей первой поѣздки, онъ представилъ въ «комиссію просвѣщенія» записку съ подробнымъ изложеніемъ духовно-нравственнаго состоянія края и указаніемъ средствъ его возрожденія. Затѣмъ онъ приступаетъ къ изученію исторіи и состоянія прежнихъ школъ края. Въ журналѣ Мин. Нар. Просв. (1875 г., апрѣль и май) появляется его статья «О русскихъ школахъ и обученіи русскому языку въ Привислинскомъ краѣ до изданія указовъ 30 августа 1861 г.»; въ 1882 г. появляется новая статья: «Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ» («Кіевск. Ст.» 1882 г., № 2 и 3, и матеріалы № 5 и 6). Статья эта представляетъ, по отзыву редакціи, «глубоко задуманный, и съ точки зрѣнія высшаго взгляда освѣщенный очеркъ той системы общественнаго образованія и воспитанія, которая создана была въ Польшѣ въ эпоху ея политической агоніи, въ прямыхъ видахъ возрожденія отчизны, представляла собою первый въ Европѣ опытъ перехода народнаго образованія отъ вольной профессіи подъ опеку

государства и въ разрядъ его задачъ, была примѣнена на всемъ протяженіи польско-русскихъ областей, и вмѣстѣ съ ними перешла и къ намъ, и нами принята и поддержана".

По словамъ покойнаго, „школа—лучшій и наиболѣе надежный другъ семьи и общества, Церкви и государства, но она можетъ быть наиболѣе злымъ, наиболѣе опаснымъ врагомъ ихъ". Для устраненія послѣдней возможности покойный не жалѣлъ ни силъ, ни труда, а указанныя статьи лучше всего доказываютъ правильный и широкій взглядъ его на дѣло. Не оставлялись безъ вниманія, особенно во время ежегодныхъ объѣздовъ, преданія, обычаи, пѣсни и вообще бытъ народа. П. И. Чубинскій пашелъ въ покойномъ прекраснаго помощника и руководителя по Сѣдлецкой губерніи, а въ бумагахъ его долженъ бы храниться собственный его сборникъ Подлясскихъ пѣсенъ, объ изданіи котораго онъ подумывалъ въ послѣдніе годы. Еще болѣе серьезное вниманіе обратилъ Е. М. на прежнюю исторію края. Его статья „Нѣсколько документовъ, относящихся къ переходному состоянію Подляшья послѣ Брестскаго собора 1595 г." („Холмск. Гр.-Ун. Мѣсяц." 1870 г.), по мѣстнымъ источникамъ, рисуетъ тогдашнее, еще крѣпкое, православіе края, а въ 1885 г. покойный напечаталъ въ Петербургѣ изслѣдованіе „Забужная Русь", посвященное разъясненію вопроса о мѣстной этнографіи и коловизаціи. Въ смутное время уніатскихъ безпорядковъ Е. М. былъ ближайшимъ совѣтникомъ и руководителемъ покойнаго сѣдлецкаго губернатора С. С. Громеки (описаніе этихъ безпорядковъ помѣщено имъ же въ „Русск. Вѣст." 1868 г., апрѣль и май, и въ изложеніи въ „Холм. Гр.-Ун. Мѣсяц." за 1869 г.).

И въ Петербургѣ къ покойному постоянно обращались по дѣламъ бывшихъ уніатовъ, а въ нынѣшнемъ году академія наукъ поручила ему отзывъ о книгѣ, посвященной мѣстной старинѣ, который и былъ имъ представленъ.

До конца своей службы въ Польшѣ покойный оставался вѣренъ преданіямъ, завѣщаннымъ Милютинымъ и Черкасскимъ. Обзору дѣятельности послѣдняго онъ посвятилъ рядъ статей, печатанныхъ въ „Холм.-Варш. Еп. Вѣст." „Князь В. А. Черкасскій и Холмскіе греко-уніаты". (Отдѣльные оттиски: Варшава, ч. 1-я 1879 г., ч. 2-я 1882 г.) и въ послѣдніе годы жизни въ Варшавѣ онъ былъ чуть-ли не единственнымъ представителемъ этихъ преданій.

Въ 1883 г. покойный долженъ былъ оставить службу въ Варшавѣ. Онъ перебрался въ Петербургъ и получилъ мѣсто при свитѣшемъ Сѵнодѣ. Состоя членомъ учебнаго комитета и училищнаго совѣта, онъ принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи вопросовъ о церковно-приходскихъ школахъ. Имъ выработана для нихъ программа преподаванія русскаго языка. Но кромѣ этого покойный получалъ спеціальныя порученія. Чуть только возникало какое-нибудь дѣло, требующее участія и ума, и сердца, оно не обходилось безъ прямаго или косвеннаго участія покойнаго. Православіе въ Остзейскихъ губерніяхъ, дѣла Чеховъ на Волыни, наконецъ юбилейное торжество въ Кіевѣ—все это дѣла, въ которыхъ покойный игралъ роль души, оживляющей и украшающей. По дѣламъ остзейскимъ и чешскимъ имъ составлены обширныя записки, напечатанныя въ сѵнодальной типографіи; по поводу православнаго торжества, онъ велъ оживленную переписку съ Кіевлянами, а, вѣроятно, есть и другіе слѣды его участія въ устроеніи этого празднества. Говорятъ, волненія, испытанныя имъ въ дни торжествъ, и были причиной его смерти: сердце не выдержало; разрывъ пресѣкъ многотрудную и многополезную жизнь. Въ послѣдніе годы покойный иногда мечталъ о тихомъ сельскомъ уголкѣ на родинѣ. Судьба послала ему больше: онъ умеръ въ родномъ Кіевѣ, подъ сѣнью его историческихъ святынь, съ сладкимъ сознаніемъ завершенія трудовъ послѣднихъ дней своей жизни.

Сни мирнымъ сномъ вѣчнаго упокоенія, добрый сынъ русской Церкви и русской земли!

Въ заключеніе о. протоіерей І. Г. Паумовичъ прочиталъ слѣдующую свою статью:

Галицкая Русь.

Третій уже разъ я имѣю счастье присутствовать при торжественномъ собраніи Славянскаго Благотворительнаго Общества. Мнѣ приходилось изъ этого мѣста слышать дѣльныя рѣчи о судьбахъ славянскихъ племенъ вообще и отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ частности; лишь о моей родинѣ—Червонной Руси упало здѣсь только немного, хотя и глубоко прочувствованныхъ словъ. Мы же, червонноруссы, не только славяне, но плоть отъ плоти, и кость отъ костей вашихъ, и не должно быть русскаго человѣка на безпредѣльномъ пространствѣ Россіи, который не зналъ бы о насъ и не принималъ къ сердцу участи единоплеменнаго народа, отдѣленнаго отъ Россіи политической границей, но соединеннаго съ ней происхожденіемъ, вѣрою и любовью.

Не мѣсто здѣсь и не время утруждать высокопочтенное собраніе историческими данными, чтобы представить вамъ, какое вліяніе имѣлъ древній Галичъ на судьбу и другихъ областей Руси; довольно указать только на Ярослава Осмомысла, на Романа Мстиславича, прозваннаго современниками „самодержавцемъ всея Руси", на доблестнаго его сына Даніила Романовича. Довольно притомъ указать на устойчивость червонноруссскаго народа въ православіи и русской національности, когда послѣ смерти князя Юрія II Андреевича, съ которой прекратился родъ галицкихъ князей, онъ попалъ подъ власть Польши. Довольно указать на тотъ замѣчательный фактъ, что Галицкая Русь была послѣднею въ принятіи церковной уніи съ Римомъ, устоявъ въ православіи еще 104 года послѣ брестской уніи, и уступивши передъ насиліемъ только тогда, когда Польша совершенно прекратила ея связь съ царьградскимъ патріархомъ и, такимъ образомъ, палъ главный столпъ православія, львовское став-

рошигійское братство; довольно, наконецъ, указать на три съ половиною милліона народа, живущаго по сю и ту сторону Карпатъ, въ Галиціи, Венгріи и Буковинѣ, зовущаго и считающаго себя русскимъ, молящагося Богу по-русски, по греческому уставу, дорожащаго своею праотеческою Церковію, составляющею пять епархій, борющагося за свою вѣру, свой языкъ, и даже за свои славянскія письмена, за свое, оспариваемое у него, имя, и даже вынужденнаго бороться за древній свой осьмиконечный крестъ Христовъ.

Мм. гг.! Вамъ, конечно, не тайна, что на моей родинѣ и въ настоящее время продолжается жестокая борьба, обострившаяся съ 1848 года, когда въ Австріи сильнѣе подулъ духъ національности и призвалъ къ жизни забытые и заснувшіе народы. Тогда проснулся и нашъ, тяжелымъ сномъ заморенный, народъ къ мирной, національной жизни, не желая ни вражды, ни раздора, а только свѣта науки и равнаго права на своей праотеческой землѣ. Но, увы, его пробужденіе сочлось за преступленіе, за протестъ противъ воздушныхъ плановъ сосѣдей, и, вмѣстѣ братства, обновился не по нашей винѣ старый споръ, старая борьба. Это борьба двухъ культуръ и, такъ сказать, двухъ міровъ: восточнаго и западнаго, прикасающихся на рубежахъ русской и польской земли. Одинъ міръ, восточный—мирный, не простирающій рукъ своихъ на чужое достояніе, но доблестно защищающій свою церковно-національную святыню; другой міръ—наступательный, недовольный своими тѣсными этнографическими границами, по принципу, внушенному ему воинствующей церковію, опьяненный чадомъ свободы, забывъ печальные уроки прошедшихъ столѣтій, провозгласилъ роковое: Nieta Rusi! И вотъ почему обновился на нашей родинѣ споръ, сожалѣнія достойный, „споръ славянъ между собою, домашній, старый споръ; ужъ взвѣшенный судьбою вопросъ", котораго, по мысли великаго русскаго поэта, не разрѣшить западу. Это вопросъ для славянства самой первостепенной важности, пока еще не разрѣшенный и не легко разрѣшимый, который, какъ гордіевъ узелъ, ждетъ развѣ новаго александрова меча.

Но какъ ни прискорбенъ споръ славянъ между собою, какъ ни желательны миръ, братство и любовь въ славянской семьѣ, я, вопреки этимъ чувствамъ, какъ червонно-россъ, считаю себя счастливымъ, что могу вамъ еще говорить о борьбѣ. Хуже было бы, когда бы у насъ не было борьбы, значитъ, не было бы уже жизни въ одной спорящей сторонѣ.

Такой миръ желателенъ тѣмъ, у которыхъ осталась заѣтная идея строить свое царство на развалинахъ нашей Руси. Другой народъ въ нашемъ положеніи уже давно не былъ бы въ силахъ бороться; онъ не выдержалъ бы болѣе пятивѣковаго напора и тяжелаго гнета западнаго міра, который не брезгалъ средствами лицемѣрія, коварства, лжи и насилія, ведущими къ цѣли, и нашъ народъ, какъ вѣтвь, отъ ствола оторванная, погибъ бы для славянскаго востока и Руси, какъ погибли для славянства полабскіе и поморскіе славяне, какъ, къ сожалѣнію, погибаетъ въ наше время польское племя въ Познани, если бы не спасла насъ непонятная для запада и, къ сожалѣнію, непонятная еще и для западныхъ славянъ сила, святая православная Церковь, сохранившая намъ завѣщаніе святыхъ славянскихъ Первоучителей съ чудною простотою догматической истины и не менѣе чудною красотою нашей обрядности на родномъ священномъ языкѣ, понятномъ для народа. Если бы вы, мм. гг., имѣли случай прочесть акты нашего ставропигійскаго братства при Успенской церкви во Львовѣ изъ XVII и прошлаго столѣтій, вы удивились бы, какія жертвы нужны были, чтобы ими окупить разрѣшеніе молиться, звонить въ колокола, исполнять церковныя требы, какой удивительной силой духа обладали наши предки, отовсюду гонимые и презираемые, а устоявшіе въ вѣрѣ. И только такая вѣра спасла насъ отъ поглощевія западнымъ міромъ, и только Церковь нашу мы должны благодарить, что Русь наша Червонная пережила Польшу, и что 1848 г. засталъ насъ живыми, бодрыми и еще способными къ неизбѣжной борьбѣ.

Но не только на насъ явила наша православная Церковь свою животворящую силу. Мы имѣемъ утѣшеніе, смотря на другихъ славянъ, видѣть, что, когда, къ сожалѣнію, всѣ славяне католическаго вѣроисповѣданія и латинской обрядности или совершенно поглощены сильнѣйшими иноплеменными организмами, или потеряли свою независимость и свой политическій бытъ, а оставшіеся ихъ недобитки западной культуры живутъ полуславянами, кормящимися крупицами, ниспадающими со стола богатыхъ иноплеменниковъ: на камени православной восточной Церкви утвердилось всемірное русское государство, могуществу котораго обязаны своимъ существованіемъ и своими надеждами на будущее и другіе славянскіе народы. И видимъ мы въ наше время, что православные народы славянскаго юга, и другіе, какъ греки и румыны, страдавшіе подъ гнетомъ мусульманскаго ига, тоже не погибли, а дождались дней освобожденія и политическаго и государственнаго возрожденія.

Объ этомъ должны бы помнить всѣ славяне, и принять къ сердцамъ своимъ, и внушать своимъ дѣтямъ—какова сила православной Церкви. Они должны знать, что православная славянская Церковь *созидаетъ, а не разрушаетъ*. Она всегда исполнила и исполняетъ единовѣрнымъ братьямъ законъ любви, и всегда была готова на всякія жертвы. Она всѣмъ славянамъ своя, ея любовь, какъ родной матери, нелицемѣрная, не на словахъ только, а дѣлающаяся на дѣлѣ. Напротивъ, въ западной Церкви трудно найти славянину миръ и тихое пристанище. Она чужая, строгая, холодная, кромѣ себя ничего не видитъ. Она жгла славянскія богослужебныя

книги, писанныя Меѳодіемъ, она и теперь глуха и нѣма къ воплямъ славянъ о разрѣшеніи славянской литургіи. Она воинствующая, нелюбящая мира, продолжающая свою жизнь раздоромъ и ненавистью братьевъ, дѣтей одной матери. Посмотрите на Шокцевъ въ австрійской Сербіи, какъ они, совращенные въ латинство, стали холодны къ своей родинѣ—Сербіи. Она для нихъ уже не существуетъ, ея прошлое, ея чудный эпосъ и древнія преданія не растрогаютъ сердецъ, отступившихъ отъ родного православія. Да, и я слышалъ, какъ избранные депутаты польской народности изъ Галиціи хвастались предъ нѣмцами въ Вѣнѣ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго со славянами; но въ тоже время водушевлялись изъ-за турокъ.

„Въ православіи спасеніе славянства, внѣ—его гибель“. Такъ, только благодаря своей православной Церкви, не могла погибнуть для русскаго міра и паша Червонная Русь, потерявшая уже съ 1340 годомъ свою политическую независимость, выдержавшая мужественно въ пять съ половиной вѣковъ напоръ западной культуры и нашествія иноплеменниковъ, и оставшаяся все-таки Русью и, не смотря на временно навязанную ей унію съ Римомъ, православною Русью, но словамъ св. божественной литургіи, которой не дерзнула коснуться римская рука. И нынче, какъ въ старыя времена, молится въ Галиціи и Венгріи Церковь „за всѣхъ *православныхъ* христіанъ“.

Вамъ, мм. гг., конечно, извѣстно, что въ настоящее время страдаетъ моя родина отъ нашествія іезуитовъ, изгнанныхъ съ запада, изъ самыхъ католическихъ странъ. Съ большимъ жаромъ, чѣмъ когда либо, поднятъ теперь вопросъ объ уніи, которая, по выраженію одного высокаго сановника въ Римѣ, „in filo haeret“, т. е. виситъ на ниточкѣ. Въ Римѣ удивляются тому, но для насъ это совершенно естественно, и я не могу сказать, чтобы на моей родинѣ было много уніатовъ по убѣжденію. Виноватъ свѣтъ науки.

Проснувшаяся въ 1848 году Галицкая Русь раскрыла скрижали печальной исторіи своей церкви, сравнила свой настоящій церковный строй и обрядность съ древними, и замѣтила въ уніатской церкви много западныхъ примѣсей, вопреки условіямъ заключенной съ Римомъ уніи. Духовенство пожелало очищенія обрядности, чего испугались поляки и Римъ. Нашихъ архіереевъ вызвали въ Римъ, но изъ того ничего не вышло. Вмѣсто того, чтобы удовлетворить справедливыя желанія русскаго духовенства и народа, наши прислали разные юбилеи, а въ концѣ командировали армію іезуитовъ съ неограниченными полномочіями проповѣдывать по русскимъ церквамъ. Іезуиты не только устраивали миссіи, не имѣя къ тому никакого права, какъ чужіе намъ и ненавидимые нами за столько сдѣланнаго нашей Церкви зла въ прошлыхъ вѣкахъ, но они затребовали отъ сейма громадныхъ суммъ отъ крови и пота народа на устроеніе интернатовъ для русской молодежи. Изъ этого вышли Гилички и процессъ 1882 года и лишеніе митрополичьей каѳедры іерарха святой жизни, Іосифа, живущаго въ заточеніи въ Римѣ. Они распоряжаются у насъ, какъ въ своемъ собственномъ домѣ. Безъ ихъ разрѣшенія митрополитъ ничѣмъ не посмѣетъ распорядиться. Они хозяева, въ ихъ рукахъ власть. Ихъ проповѣди не подлежатъ никакому контролю епархіальной власти. Содержаніе такихъ проповѣдей поставило втупикъ добрый нашъ народъ. Въ церкви, въ Скалатѣ, проповѣдывалъ іезуитъ, что есть два Николая, одинъ святой чудотворецъ, *полякъ*, другой шизматицкій, съ такимъ прилагательнымъ, которое выразить здѣсь нельзя. Крестьянина Яременко, вызвавшаго другихъ, чтобы его выбросили изъ церкви, повели жандармы предъ судъ за возмущеніе народа. Когда, при миссіи, нѣкоторые исповѣдывались и пожелали пріобщенія, іезуитъ раздробилъ свой опрѣснокъ и безъ всякаго благословенія даже по своему обряду, поливши виномъ, пріобщалъ. А когда староста церковный изъявилъ свое удивленіе, онъ сказалъ ему: „намъ все свободно; мы такую власть имѣемъ отъ папы“. Разумѣется, что такого рода кощунства не только не утвердили унію, а привели къ діаметрально противоположнымъ результатамъ. Не мало было миссій, на которыхъ не очень-то много являлось народа. Паны задумали вырвать зло,—т.-е. природное влеченіе народа къ православію,—съ корнемъ, передавая не свою и не своей западной церкви собственность, — наши русскіе монастыри, учрежденные православными русскими князьями—іезуитамъ и вручая имъ воспитаніе русской молодежи, поступающей въ монашество. Римская курія запретила употребленіе осьмиконечнаго Креста, который чтили у насъ со временъ введенія христіанства. Стоящіе осьмиконечные Кресты приказано было удалять и сказано: „безъ соблазна“, но бывало и такъ, что были приказанія ихъ обрѣзывать, и бывали такія обрѣзыванія!..

Такія дѣла происходятъ въ XIX столѣтіи въ цивилизованной христіанской Европѣ, на глазахъ христіанскаго народа, въ конституціонной имперіи, гарантировавшей полнѣйшую свободу не только вѣроисповѣданій, а даже и безвѣрія (Confessionslosigkeit). Народъ смотритъ и удивляется. Удивляется и просвѣщенный міръ, какъ мирится конституціонная свобода съ властью іезуитовъ. Въ проповѣдяхъ іезуитовъ только одно содержаніе: „Папа намѣстникъ Христа! Болѣе ничего не нужно знать христіанину, развѣ еще нужно ругать православіе“. „Почему они“, спросилъ меня одинъ мужичекъ, „все одно и тоже доказываютъ, и доказываютъ безъ конца, что папа намѣстникъ Христа? Вѣрно. это дѣло нечисто, когда нуждаются въ столькихъ доказательствахъ. Если бы то все вѣрно было, зачѣмъ только о томъ и такъ много говорить, да сотнями лѣтъ говорить, что отъ одного города въ Италіи зависимо вѣчное спасеніе всѣхъ людей?“.

И напрасно жалуется римская курія на православную пропаганду, которой совершенно нѣтъ, которой быть не можетъ въ Австріи,

даже въ православной Буковинѣ. Ее и не нужно. Имѣть лучшихъ пропагандистовъ православія, чѣмъ іезуиты. Они открываютъ глаза народу, возбуждаютъ сомнѣнія, раздражаютъ его, и не удивительно, что народъ валитъ, несмотря на всякія препятствія, массами въ Почаевъ, и обращаетъ свои взоры на Кіевъ, колыбель русскаго православія, гдѣ нахальной римской пропагандѣ заграждена дорога.

По тѣмъ не менѣе настали теперь для Червонной нашей Руси серьезныя времена. Борьба безъ конца утомляетъ. Когда только одна Церковь была воспитательницей народа, народъ сохранялъ въ ней, какъ въ ковчегѣ Ноя во время потопа, свои православныя преданія и свою русскую народность; но теперь въ рукахъ западнаго міра школы и законъ объ обязательномъ ученіи. Въ чьихъ рукахъ школы, сказалъ въ львовскомъ сеймѣ графъ Адамъ Потоцкій, въ рукахъ того и будущее. И онъ правъ былъ. Будущее Галицкой Руси представляется въ мрачныхъ краскахъ. Что вѣками созидала и спасала Церковь, теперь разрушаетъ школа. Старая, справедливая для всѣхъ своихъ народовъ Австрія уже не существуетъ; новая сохраняетъ право за тѣмъ, у кого есть сила и нахальство взять себѣ его. Мы пришли послѣ раздѣла Польши подъ Австрію изъ-подъ польской неурядицы въ крайне бѣдственномъ положеніи, съ рабскимъ народомъ, безъ интеллигенціи, разоренные матеріально. Имена императрицы Маріи Терезіи и сына ея Іосифа II останутся всегда въ благодарной памяти нашего народа. Іосифъ II не только свялъ съ народа самое грубое крѣпостное право и обезпечилъ его человѣческія права и матеріальный бытъ, но и защитилъ и обезпечилъ нашу Церковь и просвѣтилъ духовенство, основавъ религіозный фондъ изъ закрытыхъ имъ во множествѣ католическихъ монастырей, исполнившихъ на русской землѣ, какъ „in partibus infidelium“ свою нахальную миссію. Іосифъ II освободилъ нашу Церковь отъ вмѣшательства даже самой куріи римской во внутреннія ея дѣла, установленіемъ „placetum regium“, т.-е. закономъ, что курія только посредствомъ правительства можно было переписываться съ епархіями. Поэтому римскій фанатизмъ не могъ у насъ вторгаться въ жизнь народа, какъ въ другихъ бывшихъ уніатскихъ странахъ. Императоръ Леопольдъ строго запретилъ псякую пропаганду латинства. Даже названіе „унія, уніатъ“ были нашему народу неизвѣстны до послѣдняго нашествія іезуитовъ и какъ себя народъ считаетъ русскимъ (не русинскимъ, какъ пишутъ непѣжды), такъ называетъ и Церковь свою не иначе, какъ только „русскою“.

Я сказалъ выше, что старая Австрія не существуетъ, Іосифовскія преданія пошли въ забвеніе.

Настоящая австрійская конституція превосходно служитъ народамъ, такъ называемымъ, „историческо-политическимъ индивидуальностямъ“, именно мадьярскому, нѣмецкому, польскому; но другіе народы, прежде порабощенные, только начавшіе отряхивать съ себя пыль забвенія, не въ силѣ бороться съ сильнѣйшими и имъ угрожаетъ теперь большая опасность при конституціи, чѣмъ когда-либо прежде ея. До конституціи, обновленной въ Венгріи, довольно свободно развивались словаки; свобода конституціонная, собственно самовольная мадьярская, безпощадно омадьяриваетъ все, и даже ограбила тотъ добрѣйшій народъ, отнявъ у него всѣ средства просвѣщенія, уничтоживъ ихъ „матицу“, ихъ гимназіи... О шестн стахъ тысячахъ русскихъ въ Венгріи уже и не упоминаю: болитъ душа... Не лучше и другимъ немадьярскимъ народамъ.

Школы у насъ считаются не просвѣтительными, а „вынародовляющими“ учрежденіями. За Карпатами русскій или словенскій ученикъ прежде всего учится мадьярскому языку, его и насыщаютъ мадьярскимъ духомъ; у насъ и тотъ Гуцулъ въ Коломыйскихъ горахъ, куда прежде рѣдко ступала польская нога, долженъ слушать, какъ его сынъ или дочь ломаютъ польскую рѣчь и поютъ польскія пѣсни, и видѣть, какъ они молчатъ въ церкви, не зная церковно-славянскаго языка, который изгнанъ изъ школъ, а ученіе обязательно; на не посылающихъ своихъ дѣтей въ школы налагаются строгіе штрафы, такъ какъ на всѣхъ парахъ нужно ополячить младшее поколѣніе... Всякіе меморіалы, протесты, всякія рѣчи депутатовъ въ сеймѣ и центральномъ парламентѣ въ Вѣнѣ пропадаютъ безслѣдно. Русская народность въ Галиціи предана въ рабство искусственнаго большинства депутатовъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ и обречена на гибель—по закону конституціонному, не признающему никакого права за меньшинствомъ. Русскому галичанину и угроруссу свободно только потихоньку молиться: „Господи, что бысть намъ! Призри и виждь укоризну нашу!“

И только на Господа наша надежда.

Какъ ни сложится наше будущее старшее поколѣніе, и что—лучшаго въ младшемъ,—стоитъ еще твердо „на колесницахъ“, стоитъ въ вѣрѣ, бодрствуетъ, мужается, утверждается, терпитъ и надѣется, держитъ преданія отцовъ, не ухранистуетъ, хотя дорожитъ и мѣстнымъ нарѣчіемъ для просвѣщенія младшаго брата селянина, такъ какъ литературному языку у насъ негдѣ учиться, во не думаетъ о раздорѣ, о сепаратизмѣ, котораго не знали и прапотцы, державшіеся всегда „единенія духа въ союзѣ мира“ и просвѣщавшіеся однимъ для всѣхъ общимъ книжнымъ языкомъ. Дастъ Богъ, не унадемъ. А если унадемъ, возстанемъ.

„Испытанья время строго:
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь“.

Онъ допустилъ на насъ многія испытанія въ наказаніе: неурядицу князей, монгольское иго, нашествіе Польши съ іезуитами, наше смутное время; Онъ далъ намъ пережить его и успокоилъ насъ въ старой Австріи. Онъ дастъ намъ силу при возобновленіи этого

смутнаго времени въ новой конституціонной дуалистической Австро-Венгріи устоять на нашихъ мѣстахъ, о чемъ мы молимъ Его словами нашей святой православной Церкви.

„Скоро предвари, прежде даже не поработимся врагомъ, хулящимъ насъ и претящимъ намъ, Христе Боже нашъ. погуби Крестомъ Твоимъ борющія ны да уразумѣютъ, како можетъ православныхъ вѣра. молитвами Богородицы. Жизнодавче, слава Теоѣ".

Въ концѣ засѣданія собраніемъ были избраны въ члены Общества, предложенные Совѣтомъ кандидаты.

V.

23 ДЕКАБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ В. К. Саблера:

За отсутствіемъ г. предсѣдателя, графа Н. П. Игнатьева, общее собраніе было открыто его товарищемъ, — Н. А. Васильчиковымъ, который, по причинѣ своего нездоровья передалъ право предсѣдательствованія второму товарищу предсѣдателя—В. К. Саблеру.

В. К. Саблеръ доложилъ общему собранію, что, за отказомъ г. редактора „Извѣстій Славянскаго Общества", проф. В. И. Ламанскаго продолжать редактированіе оныхъ въ 1889 г., Совѣтъ Общества, по соглашенію съ Издательскою Комиссіею, въ засѣданіи, состоявшемся 18 декабря, постановилъ: не прекращая въ 1889 г. изданія „Извѣстій", измѣнить ихъ названіе, сроки выпуска и подписную цѣну и пригласить дѣйствительнаго члена Славянскаго Общества, редактора газеты „Свѣтъ", Виссаріона Виссаріоновича Комарова взять на себя изданіе и редактированіе „Славянскихъ Извѣстій" при слѣдующихъ условіяхъ: Славянское Общество предоставляетъ В. В. Комарову право изданія „Извѣстій" въ теченіе 1889, 1890 и 1891 годовъ, еженедѣльно, съ увеличеніемъ подписной цѣны до 6 р. и съ уплатою ему, ежегодно, по 3.000 р. за 500 экземпляровъ, предназначаемыхъ для безплатной разсылки въ славянскія земли, и что, независимо сего, Совѣтъ Общества проситъ разрѣшенія общаго собранія на выдачу В. В. Комарову изъ запаснаго капитала, безвозвратно, 1.000 р. на усиленное печатаніе въ газетахъ объявленій о выходѣ „Славянскихъ Извѣстій" въ 1889 году.

По обсужденіи этого постановленія собраніе единогласно постановило поручить Совѣту привести оное въ исполненіе.

Затѣмъ г. предсѣдательствующій, заявивъ собранію сожалѣніе объ оставленіи В. И. Ламанскимъ редакціи „Извѣстій", предложилъ выразить ему отъ имени Славянскаго Общества глубочайшую признательность за его труды по редактированію „Извѣстій" съ октября 1887 г. по январь 1889 г. по.

Предложеніе это, принятое съ особеннымъ сочувствіемъ, было покрыто громкими рукоплесканіями присутствовавшихъ въ засѣданіи гг. членовъ Общества.

Г. казначей доложилъ собранію составленную имъ и одобренную Совѣтомъ смѣту доходовъ и расходовъ Славянскаго Общества въ 1889 г., которая собраніемъ и была утверждена безъ измѣненій.

Послѣ сего общее собраніе. выслушавъ заявленіе г. секретаря о томъ, что дѣйствительный членъ Общества Тимофей Саввичъ Морозовъ прислалъ въ пользу Общества 5.000 р., единогласно постановило поручить Совѣту выразить Т. С. Морозову, отъ имени Славянскаго Общества. глубочайшую благодарность за его пожертвованіе и избрало жертвователя въ пожизненные члены Общества.

Предложеніе г. предсѣдательствующаго объ учрежденіи особыхъ комиссій изъ членовъ Славянскаго Общества: 1) для разбора прошеній молодыхъ славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію для полученія образованія. и постояннаго наблюденія за ихъ успѣхами и поведеніемъ и 2) для разбора прошеній пріѣзжающихъ въ Россію славянъ, о выдачѣ имъ какихъ либо денежныхъ пособій, впредь до прінсканіи занятій, было встрѣчено собраніемъ весьма сочувственно, при чемъ собраніе постановило: слить эти комиссіи въ одну. При этомъ А. Л. Кекинъ предложилъ для пріѣзжающихъ неимущихъ славянъ давать на первыхъ порахъ помѣщеніе и содержаніе въ учрежденномъ имъ домѣ „общества временной помощи", находящемся въ Галерной гавани, по Малому пр., № 1, при чемъ. какъ онъ, А. Л. Кекинъ, такъ и члены Общества: А. А. Васильевъ, Н. Н. Дворянинъ, О. М. Истоминъ, А. А. Кирѣевъ В. И. Ламанскій, пр. А. А. Лебедевъ, П. С. Пальмовъ. А. А. Томашевскій, К. Н. Филевичъ и М. М. Янко изъявили готовность принимать постоянное дѣятельное участіе въ трудахъ этой комиссіи.

Въ заключеніе г. предсѣдательствующій просилъ собраніе разрѣшить Совѣту отчислить въ его распоряженіе, изъ запаснаго капитала 3.000 р., для выдачи неотложныхъ пособій. нуждающимся славянамъ. на что собраніе единогласно и изъявило свое согласіе.

1889 ГОДЪ.

Въ 1889 г. состоялось 4 засѣданія, въ томъ числѣ три—14 февраля, 11 мая и 10 декабря—торжественныя. Въ этихъ засѣданіяхъ происходило слѣдующее:

I.

14 ФЕВРАЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ П. А. Васильчикова:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій, члены Общества, не мало высокопоставленныхъ лицъ и до 500 посторонніхъ посѣтителей.

За отсутствіемъ г. предсѣдателя, собраніе было открыто его товарищемъ—П. А. Васильчиковымъ, предложившимъ высокопреосвященному Никанору принять почетное предсѣдательство, на что высокопреосвященный и изъявилъ свое согласіе.

Предъ началомъ засѣданія хоромъ А. А. Архангельскаго былъ пропѣтъ тропарь св. Кириллу и Меѳодію.

Затѣмъ г. секретарь прочиталъ слѣдующій краткій:

Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ 1888 г.

I. Составъ Общества.

Въ 1888 г. въ составѣ Общества состояло членовъ: почетныхъ 35, пожизненныхъ 56 и дѣйствительныхъ 232. Въ минувшемъ году были избраны: въ почетные члены—русскіе поэты А. Н. Майковъ и Я. П. Полонскій; въ пожизненные члены — высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій, А. Г. Кузнецовъ, П. А. Сиверсъ и Т. С. Морозовъ и въ дѣйствительные члены 111 предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ. Число членовъ, вновь поступившихъ въ составъ Славянскаго Общества, почти вчетверо болѣе противъ поступленія въ 1887 г. (29 ч.).

Такое увеличеніе членовъ Общества представляетъ явленіе въ высшей степени отрадное и показываетъ, что славянская идея ростетъ и растетъ.

Изъ числа членовъ, состоявшихъ въ составѣ Общества въ 1888 г., 50 членовъ не уплатили еще своихъ членскихъ взносовъ.

Въ минувшемъ году Славянское Общество понесло тяжелыя утраты. Почили: одинъ изъ старѣйшихъ почетныхъ членовъ Общества, А. Д. Башмаковъ, пожизненный членъ Общества Г. П. Галагановъ и дѣйствительные члены: Е. М. Крыжановскій и П. О. Щербатскій. Вѣчная память о почившихъ да сохранится навсегда въ нашемъ Славянскомъ Обществѣ. Миръ праху ихъ!

II. Составъ Совѣта Общества.

Въ 1888 г. кончился трехлѣтній срокъ, на который въ 1886 г. были избраны члены Совѣта Общества. За отказомъ П. П. Дурново продолжать исполненіе обязанностей предсѣдателя Общества, въ собраніи, состоявшемся 14 апрѣля 1888 г., по единодушному предложенію гг. членовъ, былъ избранъ въ предсѣдатели Общества, безъ баллотировки, почетный членъ Славянскаго Общества, графъ Н. П. Игнатьевъ и товарищами его, по большинству голосовъ, П. А. Васильчиковъ и В. К. Саблеръ, а членамъ Совѣта, по большинству же голосовъ: В. И. Аристовъ, А. В. Васильевъ, А. А. Кирѣевъ, В. И. Ламанскій, прот. А. А. Лебедевъ, О. Ѳ. Миллеръ, М. Ѳ. Мирковичъ, Н. П. Писаревскій и В. Г. Чубинскій.

Въ теченіе минувшаго года изъ состава Совѣта выбыли: А. В. Васильевъ, В. И. Ламанскій и О. Ѳ. Миллеръ.

III. Составъ редакціи „Извѣстій Славянскаго Общества".

Въ 1888 г. обязанности редактора „Извѣстій Славянскаго Общества" исполнялъ В. И. Ламанскій.

По случаю отказа В. И. Ламавскаго отъ продолженія редактированія „Извѣстій" въ 1889 г., собраніе, состоявшееся 23 декабря 1888 г., единогласно постановило: выразить В. И. Ламанскому, отъ имени Общества, глубочайшую признательность за его труды по редактированію „Извѣстій" съ октября 1887 г. по январь 1889 г.

IV. Комиссіи.

Въ 1888 г. при Совѣтѣ Общества состояли слѣдующія комиссіи:

а) *Издательская*—для ознакомленія, по возможности, всѣхъ слоевъ русскаго общества съ міромъ славянскимъ и славянскихъ племенъ съ русскимъ народомъ, въ составѣ: членовъ Совѣта: П. А. Васильчикова, А. А. Кирѣева и В. И. Ламанскаго и членовъ Общества: Е. Е. Замысловскаго, О. М. Истомина и А. Л. Петрова. Для усиленія комиссіи въ 1888 г. были избраны еще два члена: Г. М. Князевъ и П. С. Пальмовъ. Отчетъ Издательской комиссіи за 1888 г будетъ доложенъ въ одномъ изъ послѣдующихъ общихъ собраній.

б) *Владимірская* — для обсужденія вопросовъ о чествованіи 900-лѣтія со дня крещенія русскаго народа, въ составѣ членовъ Совѣта: В. Г. Чубинскаго, В. К. Саблера и В. И. Аристова.

О широкомъ празднованіи 900-лѣтія крещенія русскаго народа здѣсь не будемъ распространяться, такъ какъ это своевременно было уже обстоятельно описано въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ и журналахъ. Но необходимо показать результаты дѣятельности комиссіи, какъ по напечатанію 350.000 экземп. житія св. Владиміра и его изображенія, продажѣ и разсылкѣ ихъ, такъ и по устройству хоругви св. Владиміра и торжественнаго собранія 15 іюля.

	Руб.	Коп.
На эти предметы израсходовано	31.675	85
Выручено же по 1-ое января 1889 г., отъ продажи 280.000 экз.	38.758	64
Ожидается еще къ поступленію за проданные экземпляры . .	2.684	81
Роздано и разослано безплатно 10.354 экземпляра на	2.066	85
Осталось налицо 41.859 экз., на сумму	7.919	65

Изъ этого видно, что ассигнованные собраніемъ, состоявшемся 23 марта 1886 г., на изданіе житія и изображеній св. Владиміра 5.000 р. не были израсходованы, а, напротивъ, продажею житій покрыты всѣ расходы по ихъ изданію и по устройству хоругви и торжественнаго собранія 15 іюля и за всѣмъ тѣмъ остался не малый капиталъ, который предположено присоединить къ основному капиталу.

в) *Ревизіонная*—для провѣрки приходорасходныхъ книгъ Общества за 1888 г., въ составѣ членовъ Совѣта: П. А. Васильчикова, прот. А. А. Лебедева и Н. П. Писаревскаго. Отчетъ этой комиссіи будетъ доложенъ въ одномъ изъ слѣдующихъ общихъ собраній.

г) *Особая комиссія*—для разбора прошеній пріѣзжихъ славянъ объ опредѣленіи ихъ въ учебныя заведенія и для постояннаго наблюденія за ихъ успѣхами и поведеніемъ, а также и для пріисканія пріѣзжимъ славянамъ какихъ-либо занятій. Въ составѣ этой комиссіи состояли члены Общества: А. В. Васильевъ, Ѳ. М. Истоминъ, А. Л. Кекинъ, А. А. Кирѣевъ, В. И. Ламанскій, И. С. Пальмовъ, А. К. Томашевскій, И. П. Филевичъ и М. М. Янко.

Такъ какъ комиссія эта начала свое дѣло только 23 декабря 1888 г., то и отчета о своей дѣятельности она представить еще не могла.

V. Общія собранія и. членовъ Общества.

Въ 1888 г. состоялось пять общихъ собраній, въ томъ числѣ три торжественныхъ—11 мая, 15 іюля и 4 декабря.

Въ торжественныхъ собраніяхъ были прочитаны: В. И. Аристовымъ — стихотвореніе Я. П. Полонскаго: „15 іюля 1888 г." и гимнъ св. равноап. великому князю Владиміру, написанный К. К. Случевскимъ; докторомъ Живымъ—статья „О панславизмѣ"; М. О. Кояловичемъ—выдержки изъ его статей, помѣщенныхъ въ журналѣ „Правда", „О польскомъ вопросѣ"; Ѳ. Ѳ. Миллеромъ—„О значеніи 900-лѣтія крещенія Руси"; А. П. Майковымъ — стихотвореніе, написанное имъ по случаю чуднаго избавленія Императорскаго Семейства отъ угрожавшей опасности 17 октября, во время крушенія Царскаго поѣзда; прот. І. Г. Наумовичемъ—„О положеніи Галицкой Руси"; прот. А. А. Лебедевымъ—„О религіозномъ вопросѣ у чеховъ, переселившихся въ Россію"; Ѳ. М. Истоминымъ и Н. П. Филевичемъ некрологи—первымъ—Я. Ѳ. Головацкаго, а вторымъ—Е. М. Крыжановскаго. Торжественное собраніе, состоявшееся 15 іюля, въ свое время было описано подробно въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ и журналахъ и въ „Извѣстіяхъ Общества", №№ 6 и 7 прошлаго года.

Распорядительныя собранія 14 апрѣля и 23 декабря были посвящены: первое—выборамъ г. предсѣдателя, его товарищей и членовъ Совѣта, а второе—разсмотрѣнію и утвержденію смѣты доходовъ и расходовъ Общества въ 1889 г. и рѣшенію текущихъ дѣлъ.

VI. Засѣданія Совѣта.

Засѣданій Совѣта въ 1888 г. состоялось 21.

Засѣданія эти были посвящены разрѣшенію текущихъ вопросовъ, обсужденію многочисленныхъ просьбъ о пособіяхъ церквамъ и литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ и пріѣзжимъ славянамъ, а также разсмотрѣнію ходатайствъ славянскихъ юношей, прибывшихъ въ Россію для полученія образованія, о назначеніи имъ пособій. Всего разсмотрѣно и разрѣшено 137 вопросовъ.

VII. Стипендіаты Общества.

Въ теченіе 1888 г., на попеченіи Общества состояло 31 стипендіатъ, изъ нихъ 4—въ с.-петербургскомъ университетѣ, 7—въ военно-медицинской академіи, 2—въ с.-петербургской духовной академіи, 2—въ кіевской духовной академіи, 6—въ духовныхъ семинаріяхъ, 2—въ московскомъ университетѣ, 1—въ академіи художествъ, 1—во 2-ой с.-петербургской прогимназіи, 1—въ придворной капеллѣ и 2—въ пансіонѣ Ѳ. Н. Минкова, одна—въ Маріинской женской гимназіи и два стипендіата—за границею.

Изъ числа стипендіатовъ въ 1888 г. кончили курсъ: 1—въ вѣнскомъ и 1—въ с.-петербургскомъ университетахъ, 1—выбылъ до окончанія курса въ здѣшнемъ университетѣ, 1—кончилъ курсъ въ кіевской академіи, 1—въ виленской семинаріи и 2—переданы на попеченіе комиссіи по образованію въ Россіи южныхъ славянъ.

Къ 1 января на попеченіи Общества оставалось 23 стипендіата: 11 болгаръ, 5 сербовъ, 2 черногорца, 2 герцеговинца, 1 буковинецъ, 1 словакъ и 1 хорватъ.

VIII. Собранія членовъ Общества по понедѣльникамъ.

Какъ и въ предыдущіе годы, въ 1888 г. члены Общества собирались въ помѣщеніи Совѣта по понедѣльникамъ, отъ 8 до 12 час. вечера, для чтенія славянскихъ газетъ и журналовъ и для взаимнаго обмѣна мыслей.

IX. Казначейскій отчетъ.

I. Приходъ смѣтныхъ поступленій.

	По смѣтѣ ожидалось. Рубли. К.	Поступило. Рубли. К.
1. По расходн. капиталу	19.800 —	18.482 94
2. „ основному „	2.460 —	3.764 40
3. „ издательскому фонду	5.490 —	4.855 47
4. „ Аксаковскому капиталу	183 83	566 89
5. „ капиталу Болгарскаго Братства . .	6 5	6 5
6. „ На премію А. Ѳ. Гильфердинга. . .	211 9	211 9
7. „ На премію Г. П. Алексѣева	18 36	18 36
Итого . . .	28.169 33	27.905 20

II. Приходъ суммъ, не вошедшихъ въ смѣту.

а. По запасному капиталу	— —	2.889 84
б. Пожертвованій въ пользу черногорцевъ . . .	— —	1.791 30
в. Пожертвованіе А. Г. Кузнецова въ пособіе литературн. предпріятіямъ.	— —	2.000 —
г. Выручен. отъ продажи 280.000 экземпляровъ житія св. равноапостольнаго кн. Владиміра. .	— —	38.758 64
д. Оборотн. и передат. суммъ	— —	17.729 47
Итого .	— —	53.172 25
А всего . .	— —	81.077 45

Недоборъ по расходному капиталу совершенно случайный и произошелъ отъ отчисленія, по обычаю, въ основный капиталъ 2 членскихъ взносовъ (1.100 р.).

Увеличеніе же прихода по основному капиталу—поступленіемъ 2 пожизненныхъ членскихъ взносовъ (1.100 р.).

По Аксаковскому издательскому капиталу—поступленіемъ новыхъ пожертвованій.

Уменьшеніе по издательскому фонду произошло отъ уменьшенія числа подписчиковъ на „Извѣстія".

II. РАСХОДЪ.

I. Собственно по расходному капиталу.

	По смѣтѣ назначено. Рубли. К.	Израсходовано Рубли. К.
1) На наемъ квартиры, содержаніе служащихъ, общія собранія и засѣданія Совѣта, разъѣзды, печатаніе книгъ и бланковъ, церковныя службы и вообще веденіе дѣлъ	3.600 —	4.722 51
2) На пособіе церквамъ .	1.500 —	1.462 61
3) На воспитаніе славянъ.	4.200 —	5.708 52
4) На пособіе добровольцамъ	1.200 —	2.018 22
5) На пересылку русскихъ газетъ и книгъ въ славянскія земли	1.200 —	1.132 81
6) На пособіе литературнымъ предпріятіямъ. .	1.200 —	1.071 71
7) На пособіе пріѣзжимъ славянамъ	1.800 —	5.121 23
8) На изданіе „Извѣстій"	5.490 —	5.029 04
Итого	20.190 —	26.269 68

Болѣе противъ смѣты на 6.079 р. 68 к.

Увеличеніе расхода объясняется:

По 1 статьѣ, увеличеніемъ платы за квартиру и пріобрѣтеніемъ для библіотеки Общества книжныхъ шкафовъ и мебели.

По 3 статьѣ, отъ увеличенія числа пособій молодымъ славянамъ, прибывающимъ въ Россію для полученія образованія въ учебныхъ заведеніяхъ.

По 7 статьѣ—отъ увеличенія годъ отъ году пособій прибывающимъ въ Россію славянамъ.

II. Расходы суммъ, не вошедшихъ въ смѣту.

Независимо смѣтныхъ расходовъ, въ пособіе черногорцамъ, пострадавшимъ отъ неурожая въ 1887 г., выдано:

а) изъ разрѣшеннаго общимъ собраніемъ 14 апрѣля 1888 г. кредита изъ запаснаго капитала	3.000	—
б) изъ поступившихъ пожертвованій.	1.101	60
в) изъ оборотныхъ суммъ, на печатаніе 350.000 житій и изображеній св. Владиміра, разсылку ихъ и переплетъ; на устройство хоругвей св. равноап. кн. Владиміра и торжественнаго собранія 15 іюля; печатаніе тропаря св. Владиміру, соч. Львовскимъ и проч. . .	31.675	85

За произведенными расходами къ 1 января 1889 г.

Осталось:		Болѣе противъ 1888 г.
Основнаго капитала	75.342 46	3.764 39½
Запаснаго. „	118.472 71	1.271 37½
Аксаковскаго издательск. капитала	4.870 15	536 89
Болгарскаго Братства	173 38	6 5
На премію А. Ѳ. Гильфердинга . .	5.214 80½	461 19
На премію Г. П. Алексѣева.	458 82½	18 36
На пособіе нуждающимся черногорцамъ	689 70	— —
Выручки отъ продажи житій св. Владиміра *). . . .	3.708 59	— —
Передаточн. суммъ	63 25	— —
Итого	208.993 87	— —

*) Въ 1888 г. было выручено отъ продажи житій св. равн. кн. Владиміра 38.758 р. 64 к., изъ

Изъ этого числа состояло въ проц. бумагахъ—204.300 р., на текущемъ счетѣ учетно-ссуднаго банка—1.551 р. 80 к. и наличными—3.142 р. 7 к.

Оканчивая свой цифровой отчетъ, Совѣтъ не рѣшается прибавить къ нему ни полслова. Ваше, мм. гг., дѣло рѣшить—исполнялъ-ли Совѣтъ въ 1888 г. порученное ему вами святое дѣло достиженія цѣлей, указанныхъ дѣйствующимъ уставомъ Общества.

Отчетъ этотъ былъ утвержденъ собраніемъ единогласно, по выслушаніи доложеннаго Совѣтомъ акта ревизіонной комиссіи о томъ, что комиссія, свѣрявшая отчетъ съ приходо-расходными книгами и документами Общества за 1888 г., нашла, что всѣ приходо-расходныя книги были ведены въ 1888 г. правильно, и что записи въ книгахъ подтверждаются надлежащими оправдательными документами.

Послѣ отчета К. К. Случевскій прочиталъ печатаемую ниже статью: „Достоевскій“, а хоръ пѣвцовъ пропѣлъ гимнъ св. равноап. князю Владиміру.

Послѣ небольшаго перерыва, О. Ѳ. Миллеръ прочиталъ печатаемую ниже статью: „Внутренняя жизнь и ходъ развитія П. С. Аксакова по его письмамъ“.

Чтенія К. К. Случевскаго и О. Ѳ. Миллера были покрыты громкими и продолжительными рукоплесканіями.

Въ заключеніе собраніемъ были избраны въ члены Общества, предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Статья К. К. Случевскаго:

Достоевскій.

„Только обнесившіяся идеи очень понятны“.

Ѳ. Достоевскій.

„На дняхъ я читалъ „Мертвый Домъ“ и не знаю лучше книги изо всей новой литературы, включая Пушкина“.

Графъ Л. Н. Толстой.

„Достоевскій чувствовалъ мысли“.

Н. Страховъ.

Въ очертаніи личности и таланта Ѳеодора Михайловича Достоевскаго (1821 † 1881), перешедшаго, на шестьдесятъ первомъ году жизни, въ очень и очень далекую исторію, есть, несомнѣнно, нѣчто „героическое“, какъ это было замѣчено однимъ изъ лучшихъ друзей покойнаго Н. Страховымъ. Мысль эта чрезвычайно вѣрна, хотя и брошена вскользь; можетъ быть, было бы правильнѣе сказать не героическое, а „богатырское“, и этому имѣются нѣсколько весьма вѣскихъ, неосновримыхъ причинъ.

Великіе и внушительные лики умершихъ борцовъ двѣнадцатаго года—не героическимъ, по преимуществу, является только Кульневъ; еще виднѣются между нами недавніе предводители нашихъ войскъ за Балканы — не героическимъ перешелъ въ народъ одинъ только Скобелевъ. Крупны, очень крупны по размѣрамъ своимъ, однолѣтки нашей литературы, люди сороковыхъ годовъ—Гончаровъ, графъ Л. Толстой, Островскій, Тургеневъ, Писемскій, Григоровичъ, но именно богатырскимъ пошибомъ отличается только Достоевскій и, можетъ быть, но въ меньшей степени, графъ Л. Толстой.

Богатырь, какъ таковой, сложился въ сознаніи народа на нѣсколькихъ простыхъ, основныхъ, неизмѣнныхъ, очень схожихъ для всѣхъ богатырей міра, особенностяхъ. Богатырь обязательно служитъ всю свою жизнь одной какой-либо идеѣ; зарождаясь на почвѣ народной, будучи вполнѣ „кряжевымъ“, а не „наноснымъ“ человѣкомъ, онъ выходитъ въ путь раннимъ-рано, еще не зная именно куда направиться; но странной, необъяснимой, но постоянной случайности, больше чутьемъ, чѣмъ разсчетомъ, беретъ направленіе вѣрное; онъ совершаетъ свое дѣло цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ подвиговъ; движимый безкорыстнымъ, часто заносчивымъ самолюбіемъ, проистекающимъ изъ увѣренности въ „правотѣ“ своего дѣла и „необходимости“ совершить его, онъ дѣлаетъ ошибки, и самъ обусловливаетъ свои неудачи; фантастическое всегда окружаетъ богатыря, онъ постоянно движется въ чудесномъ, бѣсовскомъ, что не мѣшаетъ ему, однако, дѣтски-набожно вѣрить въ силу крестнаго знаменія; богатырь, всегда честный до глупости, тамъ гдѣ онъ проходитъ, непремѣнно оставляетъ за собою широкою полосою безконечные ряды искренвѣвшихъ благословеній и неистовыхъ проклятій, и если онъ изнемогаетъ, порою, въ борьбѣ, то только для того, чтобы, поднявшись, идти вновь по тому же направленію, опять-таки, отдѣльными порывами великой души и силою мысли, обладающей всѣми особенностями механической и физической силы, даже не властной сама въ себѣ.

Всѣхъ этихъ перечисленныхъ особенностей богатырства, если не считать другихъ, нѣтъ вовсе въ сотоварищахъ Достоевскаго по оружію, въ названныхъ выше представителяхъ нашей литературы. Всѣ они безспорно совершили свое, всѣ они, каждый самъ по себѣ, замѣчательные люди, всѣ они боролись, опять-таки каждый по своему, ошибались, изнемогали, или опять, но ихъ вело впередъ, прежде всего, художественное творчество, бывшее само по себѣ цѣлью. тогда какъ для Достоевскаго художественное творчество являлось всегда только средствомъ дѣйствительной, настоящей, богатырской борьбы. Если бы Достоевскій оставилъ въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ только то, что онъ оставилъ, то онъ, какъ художникъ, уступилъ бы первенство Л. Толстому, Гончарову и Тургеневу, взятая же въ совокупности дѣятельность Достоевскаго совершенно единственная,

---

нихъ, за покрытіемъ расходовъ по печатанію 350.000 экземпл. житій и изображеній св. Владиміра и по чествованію 900-лѣтія крещенія русскаго народа—31.675 р. 85 к.,—оставалось въ остаткѣ 7.082 р. 79 к., но по недостатку доходовъ по расходному капиталу на удовлетвореніе текущихъ расходовъ изъ нихъ употреблено 3.374 р. 20 к.

исключительная, и не только въ нашей, но и во всѣхъ другихъ литературахъ, онъ стоитъ особнякомъ. „Онъ", какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Н. Страховъ, „безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ".

Очень вѣрно замѣчено было О. Миллеромъ, что „судьба, захотѣвъ быть Достоевскому мачихой, на самомъ дѣлѣ воспитала его какъ строгая, но попечительная мать". Отъ этого, конечно, покойному было не легче, но мы-то пользуемся, и сами того не замѣчая, какъ вкусно и обильно, плодами этого жесткаго, часто жестокаго попечительства. Стоитъ, для уясненія этой мысли, припомнить только нѣкоторыя основныя черты жизни Достоевскаго, т. е., тѣ главныя краски, которыя накладывала она на него, и давала ему для передачи словомъ и дѣломъ, чтобы убѣдиться въ правотѣ сказаннаго нами.

Началась, зародилась эта исключительная особническая жизнь въ Москвѣ; это уже краска, и не изъ послѣднихъ. Москва — въ этомъ одномъ цѣлая палитра красокъ; жизнь на Божедомкѣ, — а кто не знаетъ, чѣмъ были въ страшные годы Іоанновской Руси—кроткіе милостивцы божедомы и божедомки; жизнь въ больницѣ для бѣдныхъ, гдѣ отецъ покойнаго служилъ врачемъ, — въ этомъ второе странное сопоставленіе съ основными чертами будущей дѣятельности Достоевскаго; божедомы и больница для бѣдныхъ—это цѣлыя гнѣзда страждущихъ умовъ и сердецъ. Затѣмъ, лѣтнія поѣздки въ Троицкую лавру, Марьина роща, няня Алена Фроловна, дурочка Аграфена, дѣтскія игры въ дикихъ, въ Робинзона, страхъ предъ темнотою, и, поверхъ всего этого—честная, работящая, любящая семья, истинно русская, набожная, въ которой тѣлеснаго наказанія не существовало и въ которой готовился къ жизни, за одно съ однимъ изъ братьевъ, почти однолѣткомъ, этотъ Богомъ намѣченный мальчикъ, „весь огонь", какъ говорили его почтенные родители.

Тамъ-же, на первыхъ порахъ, въ Москвѣ, какой-то не оставившій намъ своего имени учитель русскаго языка съумѣлъ вызвать въ братьяхъ Достоевскихъ любовь къ своему предмету, къ литературѣ, беззавѣтное, искреннѣйшее поклоненіе Пушкину и направлялъ, вѣроятно, постоянное чтеніе мальчиками Вальтеръ-Скотта, Квентина Дорварда, Ваверлея. Тамъ-же и тогда-же, въ самой ранней юности, видѣли братья Достоевскіе, въ шиллеровскихъ „Разбойникахъ", безсмертнаго Мочалова и слышали его огненную декламацію.

Но Москва была кратковременна; слѣдовалъ переѣздъ въ Петербургъ и поступленіе въ инженерное училище. Въ этомъ опять замѣтна благодать судьбы: не въ какое либо другое военное училище, а именно въ лучшее по духу изъ училищъ поступаетъ Достоевскій; онъ самъ, уже подъ конецъ своей жизни, перечислялъ виднѣйшихъ птенцовъ его, товарищей былаго времени, хорошо знакомыхъ по именамъ всѣмъ и каждому: Тотлебена, Кауфмана, Радецкаго, Леера, Сѣченова, Григоровича, Трутовскаго. Если-бы инженерное училище забивало людей — такое перечисленіе достойныхъ именъ было-бы немыслимо и не напрасно вспоминается въ исторіи училища о томъ, что, еще задолго до поступленія въ него Достоевскаго, по настоянію Великаго Князя Николая Павловича, впослѣдствіи могучаго Императора и подъ его отвѣтственностью, опредѣленъ былъ въ училище преподавателемъ профессоръ Арсеньевъ, удаленный изъ университета происками печальной памяти Рунича и Магницкаго. Это можетъ служить характернымъ признакомъ направленія, даннаго училищу, и то „проклятіе школѣ", которое заявляетъ одинъ изъ героевъ „Записокъ изъ подполья", послано было Достоевскимъ, конечно, не по адресу училища, о которомъ самъ онъ любилъ вспоминать. Но уже здѣсь, въ училищѣ, на зарѣ жизни, мальчикъ-юноша, „весь—огонь" ставшій одинокимъ, вѣчно удаляющійся отъ товарищей, вѣчно что-то пишущій, въ особенности по ночамъ, находится въ такомъ настроеніи духа, что сообщаетъ брату своему о томъ, что ему кажется, будто: „міръ нашъ—чистилище духовъ небесныхъ, отуманенныхъ грѣшною мыслью" и даже помышляетъ о самоубійствѣ. Толчекъ, данный юношескимъ стремленіямъ тѣмъ неизвѣстнымъ учителемъ русскаго языка, толчекъ, который обусловилъ раннее поклоненіе Пушкину и упорное чтеніе, продолжаетъ, однако, дѣйствовать и въ училищѣ, только В. Скотта смѣняютъ Гомеръ, Шиллеръ, Ж. Зандъ, Бальзакъ и любовь Достоевскаго къ поэзіи становится „страстною". Едва-ли справедливо мнѣніе Н. Булича, что именно инженерное училище, съ его, якобы, розгами и другими истязаніями, навѣяло на Достоевскаго первыя мрачныя картины, что, даже, семейныя воспоминанія мальчика-юноши не представляютъ ничего отраднаго, что на всей его позднѣйшей дѣятельности отразился недостатокъ серьезнаго образованія и что образованіе это было „жалко и поверхностно".

На 21 году жизни Достоевскій произведенъ въ инженеръ-прапорщики: цвѣтъ лица его уже болѣзненный, „земляной", слышались сухой кашель и хрипота. Слѣдуютъ кратковременныя увлеченія: рестораномъ Лерха, бильярдною игрою, знаменитымъ Листомъ, пѣніемъ Рубини и, рядомъ съ этимъ, опять-таки въ качествѣ благодѣтельной школы для будущей дѣятельности, сожительство съ врачемъ для бѣдныхъ, изученіе бѣдныхъ людей, пролетаріевъ столицы, знакомство съ какимъ-то мужскимъ приживалкою Келеромъ и его разсказы о темныхъ личностяхъ, поддонкахъ столицы, о людяхъ, послужившихъ позже прототипами многихъ дѣйствующихъ лицъ въ романахъ и повѣстяхъ Достоевскаго. Благодаря безконечной безшабашности въ денежныхъ расчетахъ, имѣетъ, наконецъ, мѣсто первое знакомство Достоевскаго съ ростовщикомъ! „Хлестаковъ", пишетъ Достоевскій въ 1844 г. своему брату, „соглашался идти въ тюрьму

только благородимъ образомъ. Ну, а если у меня штановъ не будетъ, будетъ-ли это благороднымъ образомъ?" Неизвѣстно, гдѣ теперь тогдашніе первые труды Достоевскаго за это смутное, неопредѣленное время его жизни, драмы „Марія Стюартъ" и „Борисъ Годуновъ", гдѣ переводъ „Донъ-Карлоса"? можетъ быть Достоевскій самъ забылъ о тѣхъ путяхъ, по которымъ направилъ рукописи, потому что онъ уже увлекся другимъ дѣломъ, потому что исподволь готовилась и созрѣвала первая самостоятельная работа его, поглощавшая и затмѣвавшая его для самого себя—готовились „Бѣдные люди".

Первый шагъ Достоевскаго въ литературу, сдѣланный „Бѣдными людьми", чрезвычайно характерный, красочный шагъ. Долго готовились „Бѣдные люди", можетъ быть еще въ училищѣ. Наконецъ, они готовы, но авторъ не хочетъ отдавать ихъ въ журналъ, потому что это значило бы, пишетъ онъ брату, „идти подъ ярмо не только главнаго maître d'hôtel'я, но даже всѣхъ чумичекъ и поваренковъ, гнѣздящихся въ гнѣздахъ, откуда распространяется просвѣщеніе". „Если", пишетъ онъ дальше, „мнѣ не удастся напечатать ихъ самому, я, можетъ быть, повѣшусь". Тѣмъ не менѣе приходится, однако, отдать работу въ „Отечественныя Записки" и ждать рѣшенія редакціи; если работы не примутъ, „такъ можетъ быть въ Неву!" И вотъ на этомъ-то темномъ состояніи его духа, мрачнаго невѣдѣнія и крайней нужды, неожиданно подстраивается судьбою замѣчательная, единственная сцена. Въ четыре часа утра вбѣгаютъ къ нему, къ ожидающему и обуреваемому мыслью о самоубійствѣ, вбѣгаютъ со слезами на глазахъ, Некрасовъ и Григоровичъ, вѣщая побѣду, и скоро вслѣдъ затѣмъ, при свиданіи съ Бѣлинскимъ, раздаются вѣскія слова всесильнаго тогда критика: „да вы понимаете-ли сами, что вы это написали! вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать!" „Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни", говорилъ позже Достоевскій. Литературное имя пріобрѣтено сразу, какъ бы по манію волшебнаго жезла, и генералы отъ литературы, ему, неизвѣстному юношѣ, низко поклонились. Развѣ это не краски, развѣ не всерѣшающій толчекъ?

Но вотъ и другая, слѣдующая вслѣдъ за этимъ, не менѣе самостоятельная картина молодой жизни. „Быть тебѣ подъ красной шапкой!" говаривалъ, бывало, сыну-огню покойный отецъ. Въ этомъ заключалось предсказаніе: слѣдовало участіе Достоевскаго въ обществѣ Петрашевскаго и ссылка въ Сибирь, на каторгу. Позже, когда ссылка эта отошла въ давно-прошедшее, покойный, въ отворъ людямъ, желавшимъ доказывать ему, что эта ссылка была грубымъ насиліемъ и несправедливостью, говорилъ: „соціалисты произошли отъ петрашевцевъ. Петрашевцы посѣяли много сѣмянъ", и на вопросъ о томъ: заслужена-ли была петрашевцами ссылка, отвѣчалъ: „справедливое дѣло была наша ссылка. Насъ бы осудилъ народъ".

23-го апрѣля 1849 г. послѣдовалъ арестъ; затѣмъ восемь мѣсяцевъ крѣпости и четыре года каторжныхъ работъ. Опять: сколько красокъ, какая страшная поучительность матери судьбы? признавалъ это и самъ Достоевскій, когда утверждалъ, что „если-бы не эта катастрофа—я сошелъ бы съ ума". Ссылка, кромѣ того, дала ему драгоцѣнѣйшее въ жизни — у него „явилась идея". Сила этой „идеи" была такъ непосредственно велика и ясна, что уже на Семеновской площади, на эшафотѣ, въ виду куполовъ Введенской церкви, готовясь умереть, Достоевскій сообщалъ стоявшему подлѣ него сотоварищу казни Момбелли о планѣ какой-то повѣсти. „Идея" жизни стала ему такъ ясна, что онъ, отъѣзжая въ каторгу и прощаясь съ А. Милюковымъ, тогда же завѣрялъ его, „что и въ каторгѣ не звѣри, а люди, можетъ еще лучше меня, можетъ достойнѣе меня... Въ эти мѣсяцы я много пережилъ.. а тамъ, впереди, то, что увижу и переживу, будетъ о чемъ писать". По пути къ мѣсту ссылки, въ Тобольскѣ, жены декабристовъ подарили ему Евангеліе, пролежавшее у него подъ подушкою во все время пребыванія въ каторгѣ! Это тоже краска и не изъ послѣднихъ, въ особенности для Достоевскаго.

Сибирь послужила временемъ сосредоточенія: въ каторгѣ пріялъ Достоевскій самаго себя. Толочь алебастръ, вертѣть точильное колесо, сгребать снѣгъ, носить кирпичи, разбирать барку на Иртышѣ, дневать и ночевать съ каторжниками и постичь, какъ и почему, идя къ причастію, всѣ они, эти убійцы и изверги, всѣ, единымъ духомъ, вслѣдъ за словами „но яко разбойника мя пріими", гремя кандалами, склонялись передъ открытою дверью алтаря—это было истиннымъ даромъ Господнимъ и указующей рукой всей будущей дѣятельности Достоевскаго. Неправду говорилъ Некрасовъ, изобразивъ въ своихъ „Несчастныхъ" подъ именемъ „крота" Достоевскаго; онъ представилъ его „учителемъ" каторжниковъ, тогда какъ, по собственнымъ словамъ Достоевскаго, онъ былъ ихъ „ученикомъ"... „Я до такой степени родня всему русскому, писалъ онъ А. Майкову въ 1856 г., что даже каторжные не испугали меня, это былъ русскій народъ, мои собратья по несчастью". Безконечно много правды въ этихъ словахъ и если, въ 1851 г., десять мѣсяцевъ спустя послѣ выхода изъ каторги, Достоевскій писалъ брату, что „тѣ четыре года считаю я за время, въ которое я былъ похороненъ живой и закрытъ въ гробу", то позже взглядъ его на эти четыре года измѣнился и Сибирь была Достоевскому—„милая".

Такою судьбы было, конечно, и то, что Достоевскій возвратился къ дѣятельности какъ разъ ко времени освобожденія крестьянъ. Объявленіе объ изданіи „Времени", написанное имъ, появилось въ самый годъ освобожденія, затѣмъ, съ быстротою изумительною, слѣдовали одни за другими: студенческія исторіи (1861), пожары (1862), польское возстаніе (1863) и все то мрачное и постыдное, что потянулось вслѣдъ за ними. Какъ

разъ съ наступленіемъ этого тяжелаго времени, началъ дѣйствовать Достоевскій и краски жизни сгущались передъ нимъ и ропались, образовывая подвижныя, свѣтовыя явленія, какъ и въ вертящихся кругахъ и звѣздахъ волшебныхъ фонарей. И Страховъ перечисляетъ тѣхъ, кто записаны на черныя доски: Розенгеймъ, И. Львовъ, Погодинъ, Случевскій, Кусковъ, позже, при обостреніи отношеній, Костомаровъ и Тургеневъ. Кто не помнитъ травли совершенно одинаковой на откупщика Утина съ одной стороны и на А. Майкова, Вс. Крестовскаго, А. Григорьева, О. Миллера, П. Лѣскова, В. Клюшникова, Ѳ. Берга, В. Авсѣенко, В. Маркевича, А. Милюкова, Д. Аверкіева, Эдельсона съ другой. Весь этотъ періодъ нашего развитія, т. е. развитія нашей интеллигенціи, а не народа, совершился на глазахъ Достоевскаго и нашелъ въ немъ, благодаря необычайному таланту и счастливой подготовкѣ предшествовавшими обстоятельствами жизни, самаго вѣрнаго истолкователя и проницателя.

Едва-ли вѣрно то, что Тургеневъ былъ первымъ подмѣтившимъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ", появившихся въ 1862 г., существенныя черты назрѣвавшаго тогда нигилизма: онъ прінскалъ только имя, кличку, слово, а самая суть была ярко обрисована во „Времени" Достоевскаго значительно раньше, такъ какъ уже въ февральской книжкѣ 1861 г. начата съ нигилизмомъ открытая борьба статьею Достоевскаго „—бовъ и вопросъ объ искусствѣ".

Литературная борьба эта пріобрѣла-бы, несомнѣнно, огромное значеніе, такъ какъ оба лагеря опредѣлились и стояли во всеоружіи одинъ противъ другаго, если-бы не совершенно неожиданное насильственное прекращеніе редактированнаго Достоевскимъ „Времени" и, начатой имъ вслѣдъ за этимъ, погибшей собственною слабостью—„Эпохи". „Время" просуществовало съ января 1861 по 1863—и вслѣдствіе одного изъ любопытнѣйшихъ „крупнѣйшихъ недоразумѣній", когда либо проявившихся въ исторіи нашей цензуры (принятіе статьи „Роковой вопросъ", направленной противъ поляковъ, за статью, якобы, сочувствовавшую имъ, ошибка повторенная и „Московскими Вѣдомостями"), закрыто. Успѣхъ „Времени" былъ очень большой; какъ вдругъ совершилось исчезновеніе журнала. Разрѣшенная Достоевскому, послѣ великихъ усилій, въ 1864 году „Эпоха"—не удалась и тогдато обусловилась для покойнаго тяжкая необходимость уѣхать за границу; пришлось удалиться отъ долговъ. Съ 1867 по 1871 годъ, жилъ Достоевскій, тогда уже женатый вторымъ бракомъ, за границею. Не свои долги, а долги брата по изданіямъ выплачивалъ онъ, и какъ выплачивалъ? Въ 1867 г., какіе нибудь 125 р. „рѣшительно спасаютъ" его и нарождающуюся семью, а въ 1869 г. приходится продать сюртукъ и, Богъ вѣсть, съ какимъ трудомъ „достать 2 талера". Не слѣдуетъ забывать, что эти классическіе два талера приходилось доставать автору уже отпечатаннаго тогда „Преступленія и наказанія"! Въ довершеніе тягости положенія по добровольной уплатѣ чужого, братняго долга, надъ Достоевскимъ тяготѣетъ, повидимому, полицейскій надзоръ, такъ какъ въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ онъ вынужденъ сказать: „какою же вынести человѣку чистому, патріоту, предавшемуся имъ до измѣны своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, обожающему Государя, какою вынести подозрѣніе въ какихъ нибудь сношеніяхъ съ какими-то полячишками или „Колоколомъ".

Но это были уже послѣдніе годы долготерпѣнія. Второй бракъ Достоевскаго, принесшій съ собою семью, денежную бережливость и порядочность хозяйства, а затѣмъ вершительное значеніе „Преступленія и наказанія", сдѣлали свое. Четыре года пребыванія за границею, временно удаливъ Достоевскаго изъ Россіи, положили между нимъ, художникомъ, и тѣмъ, что происходило въ Россіи, какъ объектомъ творчества, то разстояніе, которое совершенно необходимо для созерцанія крупнаго предмета и дали художнику-мыслителю то сосредоточеніе, которое должно лежать въ основѣ всякаго великаго творчества. Въ этомъ смыслѣ и тутъ, слѣдовательно, судьба сослужила покойному тяжкую, неоцѣненную службу. Достоевскій возвратился въ Россію въ іюлѣ 1871 г. и тутъ начало втораго, важнѣйшаго, славнѣйшаго періода его дѣятельности; вторая ссылка его—заграничная жизнь—кончилась.

Въ двадцатилѣтіе съ 1861 по 1881 годъ, Достоевскій неуклонно стоялъ лицомъ къ лицу со своими многочисленными, бывшими тогда въ силѣ, какъ въ правительствѣ, такъ и въ литературѣ, противниками. Въ теченіе этого страшнаго двадцатилѣтія кипучая, безустанная литературная дѣятельность его, не довольствуясь для изображенія того, что онъ мыслилъ и чувствовалъ, на встрѣчу развивавшимся съ быстротою изумительною событіямъ, мѣрною, эпическою поступью повѣстей и романовъ, нашла себѣ, помимо нихъ, другой, уже испытанный, болѣе подходящій, болѣе быстрый способъ выраженія—въ редактированіи журналовъ. „Журналъ—великое дѣло" писалъ онъ еще въ 1861 году; въ концѣ семидесятыхъ доказывалъ онъ это на дѣлѣ вторично. Всѣхъ опытовъ редактированія было у Достоевскаго—четыре. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ сказано—„Время" и „Эпоха", въ 1873 г.—„Гражданинъ" князя Мещерскаго, съ 1876 года „Дневникъ Писателя". Послѣдній умеръ „Дневника" совмѣстно со смертію автора, такъ что типографскія чернила подсыхали одновременно съ тѣмъ, какъ остывалъ Достоевскій. Въ свободные отъ редактированія годы этого двадцатилѣтія, мощно, почти безъ роздыха, выдвинулись одни за другими: „Преступленіе и наказаніе", „Идіотъ", „Бѣсы", „Подростокъ" и, наконецъ, одновременно съ „Дневникомъ Писателя" прозвучало долгимъ стономъ и теплою молитвою послѣднее слово Достоевскаго—„Братья Карамазовы".

Всѣ перечисленныя писательскія и редакторскія работы, несмотря на все ихъ разно-

образіе, помѣчены у Достоевскаго однимъ пошибомъ, служили одной идеѣ и вызывали, съ одной стороны, проклятія и скрежетъ зубовный, съ другой—неисчислимыя благословенія и благодарности. Сквозь тѣ и другія, личность Достоевскаго, становившаяся, мало-по-малу, великою силою, проростала все четче и ярче и обусловила, наконецъ, то, что сложилось неожиданно для всѣхъ на пушкинскомъ праздникѣ, въ Москвѣ, въ 1880 г.

Достоевскій отправился въ Москву на открытіе памятника Пушкину въ качествѣ депутата отъ Славянскаго Общества. Все, что имѣлось тогда въ наличности литературно-учено-художественной интеллигенціи, собралось въ нашу первопрестольную, чтобы присутствовать при открытіи памятника великому поэту, собирателю русской мысли, русскаго творчества, еще недавно подвергавшемуся самому площадному посмѣянію. Тутъ. движимые разными чувствами, имѣлись представители всѣхъ партій—тѣхъ, что смѣялись и тѣхъ, что благоговѣли; откликнулись на торжество и славянскія земли; былъ кое-кто и изъ Европы. Заранѣе приготовили свои рѣчи И. Аксаковъ и И. Тургеневъ, ѣздившій для этого даже въ деревню. Въ общественномъ сознаніи наступала тогда важная минута перелома и всѣ ташки перепутались.

Вотъ въ эти-то смутные дни полной растаптанности общественной мысли, сильнѣйшаго недовѣрія къ себѣ всѣхъ и каждаго, при совершенной безпомощности духа, народился пушкинскій праздникъ и никто рѣшительно не могъ знать и не предвидѣлъ, что именно будетъ онъ значить и есть ли достаточныя причины для того, чтобы ему быть? Здѣсь простое число мѣсяца и года, хронологія, годовщина, безтѣлесное воспоминаніе—явились могучими двигателями жизни и, такъ называемая, случайность сдѣлалась причиною одного изъ самыхъ типическихъ воплощеній судьбы.

Передъ лицемъ представителей всѣхъ оттѣнковъ мысли Достоевскій своею огненною рѣчью неожиданно далъ этому празднику душу, объяснилъ смыслъ и указалъ, такъ сказать, не одинъ, а множество якорей, на которыхъ расшатанный и обуреваемый духъ русскаго человѣка можетъ укрѣпиться и успокоиться. Дѣйствительнымъ откровеніемъ явилась эта рѣчь Достоевскаго и сдѣлала изъ праздника настоящее торжество, что и было тогда-же почувствовано всѣми. И. Аксаковъ, едва только смолкъ голосъ Достоевскаго, сказалъ немедленно: „я не могу говорить послѣ рѣчи Ѳеодора Михайловича; все, что я написалъ, только слабая варіація на нѣкоторыя темы этой геніальной рѣчи", и назвалъ ее тутъ-же „событіемъ"; болѣе осторожный И. Аненковъ, подчиняясь одушевленію тысячной толпы, замѣтилъ: „Вотъ что значитъ геніальная характеристика! Она разомъ порѣшила дѣло"! Что въ этой рѣчи имѣлось на лицо гораздо болѣе, чѣмъ „характеристика", сознавала и толпа, вынудивъ Достоевскаго снова взойти на каѳедру и увѣнчавъ его вѣнкомъ, не для него приготовленнымъ. Послѣ долгаго царства отрицанія и сомнѣній, историческая рѣчь Достоевскаго явилась первою, и въ тѣ мрачные дни единственною положительною, богатырскою силою, явилась, въ устахъ вѣчеваго человѣка, прочною почвою родной земли, вмѣсто болотистыхъ хлябей фантастики и далеко не безкорыстнаго служенія чуждымъ намъ порядкамъ и идеаламъ.

Упоминаніемъ о пушкинской рѣчи можно бы было кончить съ перечисленіемъ наиболѣе выдающихся чертъ жизнеописанія покойнаго, потому что тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, что оставалось ему жить, были потрачены имъ почти исключительно на объясненіе своей рѣчи, въ отворѣ ея лжетолкователямъ. Начавъ свое служеніе литературѣ въ Москвѣ, съ горячей, страстной любви къ Пушкину, Достоевскій и завершилъ его, послѣ долгаго скитанія, въ Москвѣ же и на памяти того-же Пушкина. Но для болѣе полнаго уясненія справедливости мысли о томъ, что не начихою, а почечительною матерью была Достоевскому жизнь, слѣдуетъ сказать еще немногое: одно, объ его семейной жизни, другое, на счетъ его болѣзни.

Объ основномъ бытѣ родительской семьи, въ раннемъ его дѣтствѣ, семьи, давшей такія хорошія основы и такія яркія краски на палитру Достоевскаго, уже упомянуто. Прямымъ продолженіемъ, такъ сказать, завѣтомъ отошедшихъ отца и матери, живою преемственностью этихъ хорошихъ, нервныхъ дней жизни, была глубочайшая дружба Ѳеодора Михайловича съ умершимъ ранѣе его братомъ Михаилемъ, дружба, свѣтившая обоимъ долгіе, долгіе годы. Эта дружба, сама по себѣ, служила богатѣйшимъ матеріаломъ, цѣлою музыкою для множества искреннѣйшихъ, лучезарнѣйшихъ страницъ произведеній Достоевскаго. Несомнѣнно, что изъ всѣхъ положительныхъ мотивовъ души человѣческой, въ противовѣсъ широко развѣтвляющимся въ работахъ Достоевскаго мотивамъ отрицательнымъ, именно чувство дружбы, ея сладкое, бальзамическое дѣйствіе, проступаетъ гораздо чаще и настоятельнѣе другихъ и что въ тѣхъ именно страницахъ, которыя трогаютъ читателя глубже другихъ, грѣютъ его и услащаютъ—добрымъ Самаритяниномъ является чувство дружбы и служенія другому человѣку до полнаго самозабвенія и творческаго самоотрицанія. Въ этихъ страницахъ свѣтится добрая память покойнаго брата.

Много дала Достоевскому судьба и при устройствѣ собственнаго очага. Хотя Ѳеодоръ Михайловичъ былъ къ женскому обществу вообще равнодушенъ, „имѣлъ къ нему даже какую то антипатію" и только изрѣдка, какъ это значится въ одномъ изъ писемъ его изъ за границы въ 1862 году, способенъ былъ „чего добраго приласкать молодую венеціанку въ гондолѣ", но тѣмъ не менѣе онъ былъ женатъ дважды. Первая жена его, вдова Исаева, умерла въ 1864 году; „она любила меня безпредѣльно", пишетъ Достоевскій, „я любилъ ее тоже безъ мѣры, но мы не жили съ ней счастливо". На второй женѣ, А. Г.

Сниткиной, женился онъ въ 1867 году. Насколько покойный не былъ счастливъ съ первою, насколько жизнь съ нею, при бездѣтности и глубокой нуждѣ, благодаря, прежде всего, сказочно-невѣроятной безпоридочности самого Осодора Михайловича въ веденіи денежныхъ дѣлъ, являлась тяжелѣйшимъ періодомъ его существованія, настолько вторая жена внесла съ собой въ небогатый рабочій домъ его—счастья, разсчетливости, и сдѣлала его не бездѣтнымъ. Только вслѣдъ за ея появленіемъ улыбнулась Достоевскому судьба и онъ вступилъ во второй, лучшій, но и послѣдній періодъ своего существованія. Двѣ яркія параллели двухъ браковъ, равно какъ дружба къ брату, тоже дали свое на широкую палитру покойнаго.

Наконецъ, перечисляя выразительнѣйшіе мотивы, изъ которыхъ сложилась жизнь Достоевскаго, одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ, если не важнѣйшее, и, во всякомъ случаѣ, далеко не въ той малой мѣрѣ, какъ это обыкновенно признается, должна занять извѣстная болѣзнь его—падучая. Самъ Достоевскій думалъ, и увѣренъ былъ въ томъ, что припадки ея открылись у него только въ Сибири. Воздѣйствіе ея на нравственное бытіе покойнаго, на работу мощнаго, остраго ума, должно было сказываться необыкновенно сильно. При вѣчномъ, безустанномъ наростаніи и движеніи мыслей его, иногда неожиданные, иногда предчувствуемые припадки болѣзни, приключавшіеся въ былые годы приблизительно разъ въ мѣсяцъ, а иногда и по два раза въ недѣлю, а въ послѣднее время не превышавшіе 7—8 разъ въ годъ, должны были рвать эти мысли въ клочки и придавать имъ, по окончаніи припадка, совсѣмъ особое освѣщеніе. Несомнѣнно, что именно въ этой болѣзни слѣдуетъ искать основной ноты множества мотивовъ его творчества, ихъ, отчасти, лунатическаго освѣщенія, непропорціональности фигуръ, и, если можно такъ выразиться, той скомканности дѣйствія, которая обусловливаетъ то, что иногда въ одинъ день скучивается въ его романахъ столько событій, что легко въ нихъ запутаться. Съ этой же точки зрѣнія очень справедливымъ оказывается замѣчаніе А. Милюкова, будто: „созданные Достоевскимъ образы и положенія представляются намъ не въ чисто объективномъ, можно сказать „бѣломъ свѣтѣ", какъ лица Гончарова или Тургенева, а въ какомъ-то особенномъ освѣщеніи, точно сквозь цвѣтное стекло". Но если болѣзнь обусловливала эти особенности, за то она же, какъ противоположеніе жизни, вызывала высокохудожественные контрасты въ творчествѣ, которые отмѣчаютъ очень многія главы и страницы печатью безсмертія.

Въ „Идіотѣ" имѣется подробное описаніе ощущеній болѣзни. Въ эпилептическомъ состояніи его (Мышкина), говоритъ авторъ: „была одна степень, почти передъ самымъ припадкомъ, когда вдругъ, среди грусти, душевнаго мрака, томленія, мгновеніями какъ бы воспламенялся мозгъ и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ его жизненныя силы. Ощущенія жизни, самосознанія, почти удесятерялись въ эти моменты, продолжавшіеся какъ молнія. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ: всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства, какъ бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое-то высшее спокойствіе, полное ясной гармонической радости и надежды, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти проблески были только предчувствіемъ той окончательной секунды (никогда не болѣе секунды), съ которой начинается самый припадокъ. Эта секунда была, конечно, невыносима"... „Мгновенья эти", продолжаетъ Достоевскій, „были только необыкновеннымъ усиленіемъ самосознанія, если бы надо выразить это состояніе однимъ словомъ—самосознанія самоощущенія самаго непосредственнаго... Минута ощущенія, припоминаемая и разсматриваемая уже въ здравомъ состояніи, оказывается въ высшей степени—гармоніей, красотой, даетъ неслыханное и неожиданное дотолѣ чувство полноты, мѣры, примиренія и восторженнаго молитвеннаго сліянія съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни... Въ этотъ моментъ становится понятнымъ необычайное слово о томъ, что времени больше не будетъ"!

Одинъ изъ важнѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ изслѣдователей работъ Достоевскаго, докторъ Чижъ, говоритъ, что это описаніе эпилептической ауры—войдетъ въ учебники психіатріи. Это много, конечно, но въ этомъ описаніи есть и нѣчто неизмѣримо большее: въ немъ, если можно такъ выразиться, какъ бы отражается литературно-художественная „аура" творчества самого Достоевскаго. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не придетъ на мысль сблизить и сопоставить этотъ „мгновенно воспламеняющійся мозгъ", это „удесятереніе ощущеній и самосознанія", это „разрѣшеніе всего мрака, всѣхъ безпокойствъ мгновеннымъ умиротвореніемъ въ гармонической радости, въ полномъ разумѣ и въ окончательной причинѣ", это „самоощущеніе въ высшей степени непосредственнее", и, наконецъ, смыслъ этого „неслыханнаго и негаданнаго примиренія и восторженнаго молитвеннаго сліянія съ самымъ высшимъ синтезомъ, жизни", при полномъ пониманіи того, что „времени больше не будетъ",—съ тѣмъ, что имѣется на лицо въ твореніяхъ Достоевскаго? И этотъ синтезъ, и это примиреніе, и это молитвенное сліяніе—составляютъ, дѣйствительно, заключительныя строки крупнѣйшихъ изъ его твореній и на нихъ теплится вѣчный, кроткій, неугасающій свѣтъ, какъ бы отъ того непостижимаго бытія, когда „времени больше не будетъ".

Чрезвычайно важныя критико-психіатрическія изслѣдованія работъ Достоевскаго докторомъ В. Чижомъ, заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, очень наглядный списокъ душевнобольныхъ разныхъ типовъ, выведенныхъ въ сочиненіяхъ Достоевскаго. Количество ихъ слѣдующее: въ „Братьяхъ Карамазовыхъ"—шесть, въ „Преступленіи и наказаніи" и „Бѣсахъ"—по четыре, въ „Идіотѣ", „Подросткѣ"

и „Хозяйкѣ"—по три, въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ"—два и, наконецъ, почти во всѣхъ, но одному. В. Чижъ считаетъ, что почти ¼ дѣйствующихъ лицъ—душевно-больные. Совершенно соглашаясь съ В. Чижомъ въ принципѣ, нельзя, однако, не заподозрить точности этой ¼ части: причисленіе къ психически-больнымъ Раскольникова и Алеши Карамазова, во всякомъ случаѣ, нѣкоторая натяжка и, по крайней мѣрѣ, подлежитъ оспариванію или значительной оговоркѣ.

Не легко жилось покойному подъ вѣчнымъ гнетомъ, въ постоянномъ ожиданіи припадковъ неизлѣчимой болѣзни; не легко было ему отъ вѣчной нужды и горя жизни, отъ каторги и отъ пребыванія за границей, отъ издателей и цѣнителей. Не легко было ему, но намъ-то приходится признать не только суровую благодатность для таланта Достоевскаго этихъ испытаній, но и пользоваться ихъ безцѣнными, исключительно сочными плодами.

Еще не успѣла во всѣхъ своихъ отголоскахъ любви и ненависти, по всей Россіи, замолкнуть пушкинская рѣчь; еще не пересохли типографскія чернила послѣдняго нумера „Дневника Писателя", какъ автора ихъ обоихъ — не стало. Онъ умеръ 28 января 1881 г., отъ разрыва сердца. Смерть и похороны Ѳеодора Михайловича далеко не лишены дѣйствительнаго, какъ бы легендарнаго, величія.

Въ тяжкія минуты жизни покойный имѣлъ обыкновеніе раскрывать наудачу то именно евангеліе, хранящееся въ его семьѣ, какъ святыня, которое подарили ему, по пути въ каторгу, жены декабристовъ, и которое, во всю четырехлѣтнюю ночь каторги, постоянно лежало у него подъ подушкою, и, раскрывъ его, читалъ открывавшуюся главу. На этотъ разъ, смертельно больной, онъ поручилъ это сдѣлать женѣ и обозначилось мѣсто: Матѳея глава III, ст. 15. — „Іоаннъ же удерживалъ его.. но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: не удерживай, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду".

— Ты слышишь, сказалъ умирающій женѣ, не удерживай! значитъ я умру!

Въ первый день болѣзни Ѳеодоръ Михайловичъ исповѣдался и причастился, на третій день въ 8 час. 40 мин. его не стало.

И тогда-то, на четвертый день послѣ смерти, унидѣлъ Петербургъ, а за нимъ и вся родная земля, нѣчто небывалое. Маленькая квартира покойнаго, на углу Ямской и Кузнечнаго переулка, въ которой жилъ онъ когда-то, еще юношей, о чемъ, въ силу какой-то непонятной случайности, онъ позабылъ, такъ жизненно, такъ безъ оглядки, такъ сердечно глядѣлъ онъ только впередъ, — маленькая квартира эта сдѣлалась, на краткій срокъ, психическимъ центромъ Россіи. Кто совершенно ясно, кто только чаяніемъ, кто съ молитвою, кто съ злорадствомъ, всѣ сознавали, что тутъ, съ разрывомъ одинокаго, маленькаго сердца, сразу порвалась большая многомилостивая, еще не все сотворившая сила. Какая-то пустота, сразу сказавшаяся въ общественномъ сознаніи, въ общественномъ сердцѣ, потянула, словно по возникшему отъ этого сквозняку, въ узкія улички несмѣтную толпу народа. Совершенно также безъ приготовленія, какъ сказана была Достоевскимъ пушкинская рѣчь, состоялись, безъ приготовленія, торжественнѣйшія похороны частнаго человѣка, когда либо видѣнныя не только въ Россіи, но, по внутреннему ихъ значенію, и во всемъ свѣтѣ. Пышнѣе, конечно, хоронила Америка Вашингтона, не совсѣмъ частнаго человѣка; ораторичнѣе высился подъ тріумфальною аркою звѣзды, пышный катафалкъ Виктора Гюго—но внутреннихъ слезъ покаянія, но мыслей, обращенныхъ въ себя, съ несомнѣннымъ характеромъ молчаливой, очистительной исповѣди, не было — въ такомъ количествѣ и правдѣ—нигдѣ и никогда. Сотни траурныхъ съ лентами вѣнковъ и депутацій, неумолчные многочисленные хоры, пѣвшіе духовныя пѣсни, тысячи народа потянулись медленно текущею рѣкою по Владимірской улицѣ и Невскому къ Александро-Невской лаврѣ. Всѣ эти, многочисленные, неизвѣстно откуда приходившіе ко гробу покойнаго, ночью и днемъ, таинственные читальщики и читальщицы псалтыря, какъ на дому, такъ и въ соборѣ; всѣ эти люди толпы въ небогатыхъ одѣяніяхъ, сопровождавшіе гробъ, вся эта, такъ наз. «вамая, интеллигенція, шествовавшая вмѣстѣ съ ними, и, наконецъ, оказавшаяся ко времени похоронъ несомнѣнною увѣренность въ томъ, что и Царь, тоже плоть и кровь своего народа, почтилъ оспротѣвшую семью, тогда еще очень нуждавшуюся, матеріальною помощью.—все это вмѣстѣ взятое, по пути въ православный храмъ, являлось какъ бы изображеніемъ въ каплѣ воды того солнечнаго блеска мирнаго и полнаго роднаго единенія, которое всегда мечталось почившему и становилось ему, иногда, такъ ясно, ясно „въ гармонической радости, въ полномъ разумѣ, въ окончательной прячинѣ, въ молитвенномъ сліяніи съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни, которому суждено насгущить тогда, „когда времени больше не будетъ..."

Тому чувству сиротства и пустоты, которыя мгновенно сказались въ русскихъ людяхъ со смертью Достоевскаго и обусловили возникновеніе его легендарныхъ, внушительныхъ похоронъ, имѣется очень хорошая обрисовка въ письмѣ графа Л. Толстого къ Н. Страхову, на предметъ этой смерти. „Какъ-бы я желалъ", пишетъ онъ, „умѣть сказать все, что я чувствую, о Достоевскомъ... И никогда не видалъ этого человѣка и никогда не имѣлъ прямыхъ отношеній съ нимъ; и вдругъ, когда онъ умеръ, я понялъ, что онъ былъ самый близкій, дорогой, нужный мнѣ человѣкъ... Все, что онъ дѣлалъ, было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ мнѣ лучше... И вдругъ читаю—умеръ. Опора какая-то отскочила отъ меня."

Вотъ эти-то послѣднія слова „опора какая-то отскочила отъ меня"—передаютъ, съ художественностью и образностью, присущими только графу Толстому, то состояніе духа, которое охватило Петербургъ, а, по телеграфу, и всю Россію послѣдовавшій по смерти

Достоевскаго день. Очень, очень много свободнаго мѣста осталось но выбытіи его изъ числа живыхъ, и это чувствовалось, потому что: „покойный безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ".

Статья О. Ѳ. Миллера:

Внутренняя жизнь и ходъ развитія И. С. Аксакова по его письмамъ.

Что же намъ и дѣлать, какъ не поминать, поминать и опять поминать? Когда все вокругъ такъ мертво, когда такъ жутко становится посреди живыхъ, то вѣдь такъ поневолѣ и тянетъ туда, на родное кладбище—съ этимъ рядомъ свѣжихъ еще могилъ, откуда только и можетъ повѣять на насъ духомъ жизни.

Не разъ уже приходилось намъ поминать въ этихъ самыхъ стѣнахъ И. С. Аксакова. Въ настоящее время поводомъ говорить о немъ являются его письма, изданныя въ концѣ прошедшаго года, и относящіяся пока къ его учебнымъ и служебнымъ годамъ (1839—1851). Намъ пріятно при этомъ сообщить нашимъ слушателямъ, что вдова Ивана Сергѣевича „Анна Ѳеодоровна Аксакова, передаетъ Славянскому Обществу всѣ его остальныя письма и бумаги. Совѣтъ Славянскаго Общества будетъ, конечно, смотрѣть на это дорогое наслѣдіе, какъ на святыню. Онъ, конечно, сочтетъ своимъ долгомъ издать повѣренное ему общерусское и общеславянское духовное достояніе въ неприкосновенномъ видѣ,—безъ малѣйшихъ пропусковъ, безъ малѣйшей утайки. Да и чья бы рука поднялась даже на какое-нибудь тутъ слово?

Читая письма Аксакова, мы отводили себѣ ими душу, мы оживали за ними. Наше намѣреніе сегодня—подѣлиться съ слушателями своими живыми впечатлѣніями, не столько говоря имъ объ И. С. Аксаковѣ, сколько давая имъ послушать его самого. Вѣдь въ этихъ письмахъ, какъ выражено въ одномъ сочувственномъ отзывѣ,—заключается само воспитаніе великой души.

Письма писались къ самымъ близкимъ лицамъ—къ отцу, къ брату Константину Сергѣевичу, къ сестрѣ, къ одному изъ товарищей по училищу (князю Оболенскому). Рядъ писемъ открывается тѣми, которыя писаны еще изъ училища Правовѣдѣнія (гдѣ, какъ извѣстно, Иванъ Сергѣевичъ получилъ образованіе). Уже и въ этихъ училищныхъ письмахъ нѣтъ ничего легковѣснаго, уже и въ нихъ ясно сказывается глубокая, занятая истиннымъ смысломъ жизни, душа писавшаго. „Желалъ бы я знать свое будущее, пишетъ юноша брату. Какъ-то повезетъ судьба? Впрочемъ, если самъ не дашь ей толчекъ въ какую-нибудь сторону, такъ она и не повезетъ" (I, 31).

Не менѣе замѣчательно и то, что писалъ онъ тогда сестрѣ: „Не люблю медленности, противна она моей натурѣ. Мнѣ совѣстно долго спать, мнѣ странно въ итогѣ жизни отмѣтить половину, прошедшую во снѣ! Я не понимаю также людей, желающихъ, чтобы время незамѣтно пролетѣло въ уносніе какого-нибудь блаженства или въ забытьи" (36).

Заведеніе, въ которомъ Аксаковъ получилъ образованіе, самою своею спеціальностью предназначало его къ государственной службѣ. Выборъ заведенія, надо думать, сдѣланъ былъ безъ его участія. Юношу брало раздумье, въ самомъ-ли дѣлѣ служба—его прямое призваніе? Рано пробудились въ немъ поэтическія наклонности. Къ 19-лѣтнему возрасту относится у него, какъ онъ выразился, мистерія,—„Жизнь чиновника"—въ которой вполнѣ отразилась происходившая въ немъ внутренняя борьба. Пьеса эта, какъ и всѣ вообще поэтическія произведенія Аксакова, присоединена въ видѣ приложенія къ изданію его писемъ. Это вполнѣ основательно. Стихи служатъ комментаріемъ къ письмамъ, письма—комментаріемъ къ стихамъ. Въ мистеріи выведенъ будущій чиновникъ, разсуждающій такимъ образомъ:

Служить или не служить? да, вотъ вопросъ!

Надъ нимъ витаютъ духи. Вотъ что внушаетъ ему Демонъ службы:

Будешь жить спокойно, кругло и счастливо;
Лучше лавра гордаго мирная олива!
И начальство высшее, дорожа тобой,
Грудь украситъ лентою, осѣнитъ звѣздой!
Не ища фортуны милости случайной,
Будешь ты дѣйствительный, будешь ты
и тайный!

Но въ то же самое время раздается надъ нимъ таинственный голосъ:

Прекраснаго въ тебѣ таится много:
Ты Божьей искрой свыше надѣленъ,
И жизни пошлой битая дорога
Не твой удѣлъ; къ иному ты сужденъ!
. . . . . .
На поприщѣ служебномъ для отчизны
Не будешь ты полезней и славнѣй.
Еще въ тебѣ такъ силы свѣжи, новы.
Ужель на нихъ надѣнешь ты оковы?

Эти оковы были, однако же, надѣты на него судьбою—т. е. родительскимъ предрѣшеньемъ его судьбы. По выходѣ изъ училища, онъ становится секретаремъ въ одномъ изъ департаментовъ сената въ Москвѣ. Къ счастью, или къ несчастью—тутъ назначена была сенаторская ревизія въ Астрахань, во главѣ которой стоялъ такой выдающійся государственный дѣятель, какъ кн. П. П. Гагаринъ. Въ составъ этой ревизіонной комиссіи вошелъ и 20-лѣтній Аксаковъ. Между тѣмъ, въ письмахъ его съ дороги въ Астрахань (1844 г.) громко звучитъ глубокочеловѣчная струна. Вотъ онъ описываетъ свой отдыхъ въ избѣ, и передъ нами такъ живо рисуется тутъ грустный образъ молодой крестьянской женщины, то и дѣло оправляющей лучину. „Мнѣ было и совѣстно, и тяжело, пишетъ Аксаковъ.—Это освѣщеніе въ долгіе зимніе вечера, эта женщина безъ всякой свѣтлой работы, проводящая рабочую

жизнь, и мы, столь чуждые имъ" (I, 44) *). Такъ же мало похожими на заурядныхъ чиновниковъ, хотя бы тѣхъ, которые выставлены у Г. И. Успенскаго, такъ высоко ставящими себя и свой „неустанно-полезный" трудъ, являются Аксаковъ и его молодой спутникъ (кн. Оболенскій), когда. застигнутые вьюгой въ степи, снимаютъ съ себя шубы и надѣваютъ ихъ на иззябшихъ и выбившихся изъ силъ ямщиковъ, и затѣмъ поминутно ихъ будятъ, чтобъ не дать имъ замерзнуть. (I, 49).

Но неизбѣжныя остановки среди продолжительнаго пути, остановки уже не въ деревняхъ, а въ городахъ, надѣлили ихъ всевозможными впечатлѣніями тогдашней провинціальной жизни. Вотъ что пишетъ Аксаковъ изъ Черваго Яра:

„Удивительно, право, какъ люди могутъ жить спокойно и счастливо въ такой глуши, безъ всякихъ интересовъ или съ такими мелкими интересами, въ такой грязной жизни, что жалко, просто жалко. И по крайней мѣрѣ ¾ человѣчества плещутся въ такой животной жизни!.. Вспомнишь Гоголя и посмѣешься. Но что хорошо въ мірѣ искусства—часто отвратительно въ жизни. Даже грустно. Сколько въ тебѣ дряни и гнильи, Россія!" (I, 58, 61).

Немедленно, по пріѣздѣ въ Астрахань, юный чиновникъ привимается за дѣло. Онъ очень доволенъ своимъ начальникомъ, его умомъ, его неутомимостью и способностями. Но вотъ, однакоже, что онъ пишетъ отцу: „Ревизія, какъ и все, вещь довольно безполезная, тѣмъ болѣе, что всякій ревизоръ дѣйствуетъ противъ своего убѣжденія, будучи обязанъ требовать исполненія такихъ законовъ, которые... Я думалъ убѣжать отъ канцелярскаго порядка, но свойство россійскаго дѣлопроизводства таково, что нѣтъ средствъ выбиться изъ этой колеи, нѣтъ средствъ не употреблять заученныхъ формъ въ бумагахъ и лгать безбожно, важно говоря то, чему ни самъ, ни другіе не вѣрятъ (69)" **).

При такомъ настроеніи, онъ тѣмъ болѣе жаждетъ извѣстій изъ дому—о дѣятельности брата Константина Сергѣевича, о близкихъ къ нему лицахъ—представителяхъ уже окончательно опредѣлившагося тогда славянофильскаго направленія. Самъ онъ въ ту пору, какъ видно по письмамъ, еще вовсе не установился. Онъ ни славянофилъ, ни западникъ, онъ только гуманная, жаждущая свободы, душа.

Вотъ что пишетъ онъ отцу по поводу присланныхъ ему стиховъ знаменитаго друга ихъ дома:

„Стихи Хомякова мнѣ очень нравятся. Не нося въ себѣ никакихъ твердыхъ убѣжденій, къ которымъ бы питалъ глубокое душевное участіе и которыя бы считалъ Божьею правдою, я могу только порадоваться, если есть такой человѣкъ съ такою свѣтлою, вѣрящею душою (129)" *).

Въ іюнѣ того же 1841 г. вотъ какимъ образомъ отзывается онъ о братѣ, объ его русскомъ платьѣ:

„И такъ, Константинъ снялъ съ себя дагеротипъ въ русскомъ костюмѣ: истый москвичъ съ татарскою фамиліею и норманскаго происхожденія, въ костюмѣ XVII столѣтія, сшитомъ французскимъ портнымъ, изобрѣтеніемъ западнымъ XIX в., передалъ черты лица и святославовской шеи на мѣдной доскѣ для пріятеля, свѣтскаго молодаго человѣка" (1,160).

Нѣсколько позже онъ пишетъ:

„Любопытно было бы мнѣ знать: какое впечатлѣніе на крестьянъ произвелъ костюмъ Кости. Я думалъ, что онъ тщетно старался увѣрить ихъ, что это костюмъ—когда-то русскій; впрочемъ, борода убѣдительна. (I, 173)".

„Пусть онъ... (совѣтуетъ И. С. въ другомъ письмѣ) изучитъ Россію не по одной Москвѣ, ибо помышляющій о благосостояніи ея долженъ узнать всѣ протоки, по которымъ оно должно пролиться.., Костя, точно наукъ, наткалъ около себя хитросплетенную паутину и цѣлый день цѣпляется по ней, такъ что не можетъ идти по простому и прямому пути, а долженъ дѣлать разные сложные поворотьі и уступы... (I, 169).

Въ октябрѣ того же 1841 г. онъ пишетъ: „Я никогда не надѣну шнуна прежде времени.. Къ чему я поднергнусь столькимъ хлопотамъ, баснямъ и общему говору?.. Надѣюсь обнять Костю русскимъ, въ европейскомъ костюмѣ, безъ бороды". (I, 218).

Ясно, что онъ не придаетъ никакого значенія внѣшности, что народность, если къ ней надо вернуться, должна сказаться извнутри. Связи съ остальными славянами не особенно занимали, какъ извѣстно, Константина Сергѣевича; о нихъ зато издавна уже думалъ А. С. Хомяковъ, какъ это видно и по его стихамъ. Восхищаясь ими, И. С., какъ мы видѣли, еще не былъ тогда крещенъ въ опредѣленную политическую вѣру. Вотъ что, однако, онъ пишетъ въ августѣ:

„Я хоть совсѣмъ не славянофилъ, но такъ, изъ шутки, собралъ нѣсколько денегъ для церквей Далмаціи и Герцеговины. Взялъ съ Бюлера 5 р., съ князя даже 10 р., и наконецъ, съ Оболенскаго 10 р. 50 к.". (I, 192).

Между тѣмъ ревизія окончилась. Иванъ Сергѣевичъ возвращается въ Москву на прежнюю свою должность въ Сенатъ. Тутъ онъ

*) Въ томъ же духѣ писалъ онъ въ 1845 г. изъ Калуги: «18 гр. мороза. Я каждый день топлю у себя всѣ три печи, но уже отъ одной мысли, что на дворѣ такъ холодно, что столькимъ другимъ такъ холодно, невольно зябнешь (307).

**) Въ 1845 г. еще писалъ изъ Калуги: Къ чему законъ, когда соблюденіе его есть высшее нравственное беззаконіе (259).

*) Въ январѣ 1847 г. онъ писалъ изъ Калуги: Познакомился съ Нарышкинымъ, бывшимъ 12 лѣтъ на каторгѣ. Человѣкъ этотъ... такъ проникнутъ вѣрою и любовью, что онъ хоть меня и не убѣдилъ (мы разсуждали о вѣрѣ), но мнѣ отрадно было на него смотрѣть. Не имѣя самъ много вѣры, я люблю смотрѣть на людей вѣрующихъ, но вѣрующихъ безъ ханжества. (414)

становится непосредственнымъ свидѣтелемъ той борьбы, которая происходила тогда между двумя направленіями. Къ этой порѣ относится его „Зимняя дорога"—licentia poetica, какъ озаглавилъ онъ это большое стихотвореніе. Тутъ выведены два спутника: Ящеринъ,—представитель западничества, и Архиновъ,—представитель того народолюбія, которое не вполнѣ одобрялось Иваномъ Сергѣевичемъ ради его угловатости въ Константинѣ Сергѣевичѣ, но на сторону котораго онъ становится уже въ этомъ стихотвореніи, указывая только народолюбію на необходимость сойти съ теоретическихъ высотъ на прикладную почву.

Вотъ что говоритъ тутъ Ящеринъ:

Я не съ одной хочу сочувствовать странною,—
Во мнѣ пространнѣе любовь!
Природой русскою и русскимъ человѣкомъ
Нельзя,—повѣрь, довольнымъ быть
Тому, кто вслѣдъ идетъ за просвѣщеннымъ вѣкомъ.

Но вотъ что съ другой стороны утверждаетъ Архиновъ:

Не по стопамъ чужимъ и узкимъ
Народъ въ развитіи своемъ
Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ,—
Самостоятельнымъ и русскимъ...

Остановка обоихъ спутниковъ въ крестьянской избѣ напоминаетъ тѣ впечатлѣнія, которыя вынесъ Иванъ Сергѣевичъ изъ подобныхъ остановокъ по пути въ Астрахань. Ящеринъ не замѣчаетъ народной нужды и горя, зато Архиновъ озадаченъ тѣмъ и другимъ. Не даромъ надъ нимъ раздавался голосъ:

Тотъ эгоистъ холодный и пустой,
Кто жизнь свою не посвятилъ народу.

Между тѣмъ способности молодого чиновника были замѣчены начальствомъ (чему, конечно, содѣйствовали и различнаго рода связи его отца). Нельзя сказать, чтобы этимъ не было пріятно затронуто въ немъ честолюбіе. Въ письмахъ своихъ, со свойственною ему рѣдкою откровенностью, онъ даже жалуется на свое тщеславіе, которое пытается онъ въ себѣ подавить, но которое снова въ немъ возникаетъ во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ *). Вскорѣ по окончаніи ревизіи, Иванъ Сергѣевичъ получаетъ новое и довольно видное назначеніе—на должность товарища предсѣдателя калужской уголовной палаты (1815). По письмамъ его изъ Калуги мы знакомимся съ тѣмъ, какъ часто ему приходилось, уступая своему гуманному чувству, прибѣгать къ обходу прямаго смысла закона. Въ этомъ отношеніи въ немъ вполнѣ уже сказывался славянофилъ: извѣстно, что въ славянофильскомъ ученіи правда внутренняя становится выше правды внѣшней.

Въ Калугѣ Иванъ Сергѣевичъ близко знакомится съ женою губернатора—тою самою А. О. Смирновою (урожденною Россетъ), которую хорошо зналъ Пушкинъ, и которая имѣла такое сильное вліяніе на Гоголя. Иванъ Сергѣевичъ сначала увлекся ея умомъ, но, затѣмъ, повидимому, въ ея обращеніи почуялось ему что-то непріятное для его самолюбія. Вотъ что онъ писалъ тогда брату, какъ бы поддакивая Смирновой:

„Во мнѣ нѣтъ молодаго человѣка, а что же во мнѣ есть?—ничего: творческихъ мыслей никакихъ, одинъ отголосокъ—и то недостойный,—чужихъ мыслей; дара слова—также нѣтъ, а говорю заученными, давно заранѣе придуманными выраженіями; изобрѣтательности нѣтъ, стихи мои... ....Я хорошій чиновникъ, еслибъ меня не сбили съ толку. ....Пожалуйста, не пиши мнѣ въ отвѣтъ никакихъ утѣшеній... но разбери мнѣ, что все это такое: раздраженное-ли тщеславіе и самолюбіе, которыхъ не могу, не могу еще убить въ себѣ, или внутренній голосъ сознанія, котораго слѣдовало бы послушаться?.. А тутъ является женщина, превосходство которой признаю совершенно и которая возбуждаетъ мое тщеславіе, оскорбляя его. Все это очень смѣшно, жалко, дѣтско, скажешь ты, но тѣмъ не менѣе, никому не желай такихъ ощущеній" (298). Возмнивъ себя только чиновникомъ, Аксаковъ, однако же, тяготится подобнаго рода призваніемъ.

„За неимѣніемъ другой живой дѣятельности, пишетъ онъ въ 1846 г., поневолѣ всѣ дѣятельныя силы устремляются на эту, а дѣятельность, хоть какая-нибудь, нужна человѣку. Дѣло въ томъ, что дѣятельность эта подлаго свойства, имѣетъ вліяніе на душу и умъ человѣка... А у насъ, въ Россіи, кромѣ этой дѣятельности, нѣтъ другой... Изданіе журнала почти невозможно, говорить—страшно, писать стихи—не дѣятельность, а занятіе случайное, временное... Сидячій трудъ, кабинетный, для потомства, какъ дѣлаютъ нѣмцы, работающіе по 20 лѣтъ надъ изысканіемъ смысла какихъ-нибудь крючковъ,—намъ невозможенъ; нужна болѣе живая общественная дѣятельность. Поэтому-то пугаетъ меня, привыкшаго къ дѣятельности служебной, хоть и подлой, при выходѣ въ отставку, отсутствіе всякой дѣятельности..." (I, 382).

Между тѣмъ, сперва подъ вліяніемъ Смирновой, предавшись усиленному анализированію самого себя и приведенный къ невыгодному о себѣ мнѣнію, Аксаковъ начинаетъ мало-по-малу анализировать и эту загадочную женщину—можетъ быть потому, что ея вліяніе на него стало просто его пугать. Чѣмъ болѣе вглядывается онъ въ нее, тѣмъ не выгоднѣе о ней думаетъ.

„Не даромъ прожила она 20 лѣтъ въ этомъ поповочемъ мѣстѣ (Петербургѣ), пишетъ онъ въ началѣ 1847 г. Я не вѣрю никакимъ клеветамъ на ея счетъ, но отъ нея иногда вѣетъ атмосферою разврата, посреди котораго она

*) То, что говоритъ И. С. о тщеславіи, довольно напоминаетъ характеристику этой извороткивой страсти у одного изъ нашихъ духовныхъ писателей XV—XVI ст. преп. Нила Сорскаго, съ которымъ Аксаковъ едва ли былъ тогда знакомъ. Это только любопытное въ психологическомъ смыслѣ совпаденіе.

жила. Она показывала мнѣ свой портфель, гдѣ лежатъ письма... почти всѣхъ извѣстностей... Есть такія письма, писанныя къ ней чуть ли не тогда, когда она была еще фрейлиной, которыя она даже посовѣстилась читать вслухъ... Много разсказывала она мнѣ про всѣхъ своихъ знакомыхъ... объ ихъ образѣ жизни и толковала про ихъ гнусный развратъ и подлую жизнь такимъ равнодушнымъ тономъ привычки, вовсе невозмущаясь этимъ. Признаюсь, я подъ конецъ вечера ругнулъ ея пріятелей довольно энергически" (I, 410). Къ этой-то порѣ относится въ стихотвореніяхъ И. С. „Неоконченное посланіе" къ А. О. Смирновой. Вотъ тутъ-то какъ разъ подоспѣла злополучная книга Гоголя: „Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями". Въ томъ, что И. С. сначала увлекся этою книгой, едва-ли не сказалось опять не вполнѣ побѣжденное вліяніе Смирновой. Впрочемъ И. С. могъ быть подкупленъ тѣми лирическими мѣстами у Гоголя о „душевномъ подвигѣ", которыя приняты были имъ сначала всѣ до единаго за чистую монету.

Вотъ что писалъ онъ брату въ томъ же январѣ 1847 г.:

„На какую неизмѣримую высоту возноситъ онъ (т. е. Гоголь) съ собою искусство и служителей искусства и какое благоговѣніе слышно у него всюду передъ нашей дивной душой, передъ святымъ призваніемъ поэта! Господи! Кажется всѣ блага міра отдалъ бы я, отъ всѣхъ радостей отказался бы, только чтобы подышать мнѣ хотя часъ воздухомъ этихъ горныхъ обителей искусства". (I, 121).

Въ письмахъ старика Сергѣя Тимоѳеевича выражается совершенно другой взглядъ. Его житейская опытность помогла ему распознать въ „перепискѣ съ друзьями" Гоголя—какое-то „помѣшательство и плутовство въ самомъ помѣшательствѣ". Отзывъ отца, ссылавшагося на столь же невыгодное для Гоголя мнѣніе Константина Сергѣевича, подѣйствовалъ, наконецъ, и на увлекавшагося Ивана Сергѣевича. Онъ начинаетъ иначе судить о „перепискѣ" Гоголя и вмѣстѣ съ тѣмъ, надо думать, окончательно освобождается и отъ вліянія Смирновой. Но вотъ разыгрались европейскія событія 1848 г. Подъ ихъ живымъ впечатлѣніемъ Иванъ Сергѣевичъ пишетъ кн. Оболенскому:

„Въ какое время живемъ мы! Во очію совершается исторія, ощупью слышишь великія судьбы міра!.. Теперь-то, когда весь западъ отрекается отъ всѣхъ началъ, которыми управлялся во всю свою исторію... Теперь-то выростаетъ огромное значеніе Россіи, и всякій поймете, что одно спасеніе намъ въ нашей самостоятельности... Великое время для насъ. Уничтожили они тамъ себѣ аристократовъ и вообще праздный богатый классъ, а теперь, я самъ читалъ въ одной газетѣ, взываютъ къ богатымъ, чтобы они продолжали свою роскошную, развратную жизнь, ибо иначе сотни тысячъ работниковъ останутся безъ хлѣба. Тамъ, при развитіи промышленности мануфактурной, нельзя иначе" (I, 339).

У насъ, по мнѣнію Ивана Сергѣевича, оно могло бы выйти не такъ. Россіи, странѣ не аристократической и не буржуазной, а земледѣльческой, можно бы было спастись отъ всѣхъ трудностей „рабочаго вопроса" и мирнымъ путемъ достигнуть осуществленія того соціальнаго идеала, который не дается Западной Европѣ, несмотря ни на какія кровавыя революціи. Но гдѣ у насъ пониманіе нашихъ прямыхъ государственныхъ задачъ—сознаніе того, что могло бы составить намъ прямо міровое значеніе, вмѣсто того стоянія за старый европейскій строй, которое служило очень ненадежной основой для нашего могущества. Что видѣлъ Аксаковъ вокругъ себя? Какіе люди его окружали? Вотъ что писалъ онъ въ іюнѣ 1848 г. съ Сѣрныхъ водъ (куда ѣздилъ лечиться):

„Каждый день пріѣзжаютъ новыя лица, помѣщики съ отчаянными фигурами, изъ мѣстъ, звучащихъ свирѣпо-татарскими названіями... Ни одной живой, умной человѣческой физіономіи!.. Вѣдь это все люди же, съ лушой человѣческой, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ же матеріаломъ, и въ этой пошлости, плоскости, грязи, повторяются тѣже законы человѣческой природы не въ одномъ физическомъ отношеніи" (I, 480).

„Сюда пріѣхалъ, продолжалъ онъ,—богатѣйшій помѣщикъ и тузъ самарскаго уѣзда... Носятся слухи, что онъ былъ подъ судомъ за то, что убилъ своего крѣпостнаго человѣка до смерти и оставленъ по этому предмету въ подозрѣніи; былъ подъ судомъ и за то, что въ молодости еще, собравъ всѣхъ горбатыхъ по уѣзду, пріискавъ имъ горбатыхъ невѣстъ, обвѣнчалъ ихъ въ церкви и потомъ сдѣлалъ имъ балъ. Теперь онъ — покровитель мелкопомѣстныхъ, предъ нимъ раболѣпствующихъ, отчаянный либералъ, тузъ и лихой баринъ; имѣетъ, сверхъ того, репутацію остроумнаго насмѣшника и злаго языка; пишетъ стишки". (I, 483).

Но вотъ пріѣзжаетъ на Сѣрныя воды авторъ столь извѣстнаго въ свое время „Тарантаса". Съ нимъ, повидимому, можно было бы Ивану Сергѣевичу отвести себѣ душу. Выходитъ не такъ.

„Пріѣхалъ Соллогубъ... пишетъ Аксаковъ. Онъ никакъ не можетъ совлечь съ себя аристократа и человѣка большаго свѣта... Божится и клянется, что онъ не подлецъ. Какъ мы думаемъ въ Москвѣ; а я ему доказывалъ, что въ петербургскомъ свѣтѣ камеръ-юнкеру, какъ ему, трудно обойтись безъ маленькой подлости, и указывалъ ему на нѣкоторыя его сочиненія и дѣйствія... Прочелъ мнѣ два акта своей драмы... Невѣрностей много, но онъ удачно выбралъ время: при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, когда бытъ боярскій гнилъ и былъ испорченъ до нельзя, весь проникнутый гордостью, кичливостью, и въ то же время принявшій нѣкоторые элементы уже чужіе. Дѣйствительно, гнусность этого боярскаго быта и принела переворотъ Петра" (I, 156).

Вскорѣ, по возвращеніи съ Сѣрныхъ водъ, Иванъ Сергѣевичъ становится ординарцъ-секретаремъ 2-го департамента правительствующаго

Сената. Но въ сентябрѣ того же года онъ не только оставляетъ это мѣсто, но и совсѣмъ прощается съ министерствомъ юстиціи—вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ вспоминалъ онъ, 38 лѣтъ спустя, въ своей „Руси", вспоминалъ такъ живо и горячо, точно будто-бы это только что случилось. Это и была та его громовая статья въ защиту новыхъ судовъ, которою онъ сослужилъ имъ службу противъ самоновѣйшихъ ихъ ненавистниковъ. „Старый судъ!—восклицалъ Аксаковъ 15 февраля 1884 г. При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ!.. Мы имѣемъ право такъ говорить. Пишущій эти строки посвятилъ служебной дѣятельности въ старомъ судѣ первые, лучшіе годы своей дѣятельности... Онъ извѣдалъ вдоль и поперекъ все тогдашнее уголовное правосудіе, въ провинціи и столицѣ, въ канцеляріяхъ и въ составѣ суда (въ послѣднемъ, какъ членъ по назначенію отъ правительства). Это была, воистину, мерзость запустѣнья на мѣстѣ святѣ. Со всѣмъ пыломъ юношескаго негодованія рванулся онъ, вмѣстѣ со своими товарищами по воспитанію, въ неравную борьбу съ судейской неправдой, и точно также, какъ иногда и теперь, встревоженная этимъ натискомъ стая кривосудовъ поднимала дикій вопль: „вольнодумцы, бунтовщики, революціонеры!" Помнимъ, какъ однажды молодой оберъ-секретарь Сената, опираясь на забытую и никогда не примѣняющуюся статью свода законовъ, отказался скрѣпить истинно неправедное постановленіе, благопріятствовавшее людямъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ—и съ какимъ шумомъ, съ какимъ гнѣвомъ, встрѣтили сановные старики такое необычайное дерзновеніе. Помнимъ, какъ рябой нахалъ съ знатнымъ именемъ подавалъ нашему товарищу для доклада присутствію свое письменное оправданіе (въ дѣлѣ столь грязномъ, прибавимъ мы, что о немъ нельзя и говорить публично), рекомендуясь, что „по милости царской — онъ сынъ барскій", и какъ никакими доводами нельзя было предотвратить пристрастнаго въ пользу „барскаго сына" рѣшенія, т. е. полнаго его оправданія, актъ о которомъ отказался скрѣпить своей подписью только одинъ И. С. Аксаковъ, такъ какъ онъ одинъ не держался гнуснаго правила, что „свой своему поневолѣ братъ". Понятно, что Аксакову пришлось послѣ этого просить увольненія отъ должности. Стойкость его, однако-же, не осталась безплодною. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ пересмотрѣть дѣло, и преступникъ подвергся заслуженной карѣ.

Удивительно, какъ даже такой подвигъ молодого оберъ-секретаря или, по крайней мѣрѣ, санкція, ему данная съ высоты престола, не удержали автора статьи объ аксаковскихъ письмахъ, появившейся въ одномъ изъ такъ называемыхъ „консервативныхъ" нашихъ періодическихъ изданій, отъ проходящаго красною нитью черезъ всю статью обвиненія Аксакова въ какихъ-то, не подобающихъ чиновнику, либеральныхъ шалостяхъ, въ какомъ-то неумѣстномъ съ его стороны озорничествѣ *).

Выйдя изъ министерства юстиціи, Аксаковъ поступилъ подъ начальство тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Л. А. Перовскаго, и отправился въ Бессарабію съ секретнымъ порученіемъ для изслѣдованія тамошняго раскола. Вотъ что писалъ онъ въ декабрѣ 1848 г. изъ Кишинева отцу по поводу извѣстій о братѣ:

„Какъ мнѣ досадно и грустно, что Константинъ хандритъ... онъ, которому столько дѣла... Эхъ, право, гдѣ же у человѣка воля?.. Странные люди! Развѣ можно ожидать отъ жизни счастья, развѣ можно на нее смотрѣть иначе, какъ на широкое горе, какъ на постоянную борьбу?.." (II, 72) **). Вскорѣ вспомнилась ему тутъ А. О. Смирнова и одно лицо, съ которымъ онъ у нея познакомился. „Т*. безспорно человѣкъ хорошій, съ мирной и свѣтлой душой, но не свѣтлымъ умомъ... пишетъ Аксаковъ. Нѣсколько времени его смущало крѣпостное состояніе (а онъ богатъ). Вдругъ вспомнилъ текстъ вмѣстѣ съ А. О.: „рабы повинуйтесь своимъ господамъ", и оба обрадовались и успокоились... Я объяснилъ ей, что они напрасно веселятся возможности удержать выгодное для нихъ крѣпостное состояніе, что если вообще предписано покорно сносить голодъ и всякую бѣду, такъ еще не значитъ, что можно не давать ѣсть... Какой человѣкъ, смягченный теплотою христіанскаго ученія, не почувствуетъ желанія воздать должное и во внѣшнемъ быту братьямъ своимъ о Господѣ! Тутъ надо только слушаться сердца... Свидѣтель Богъ, что у меня не будетъ крѣпостныхъ!" (73—74). Вернувшись въ Петербургъ, онъ писалъ оттуда отцу въ февралѣ 1849 г.:

„Я держусь того мнѣнія, что помѣщики непремѣнно должны понести правомѣрный убытокъ при эмансипаціи крестьянъ за то, что цѣлыя столѣтія пользовались безобразными правами надъ собственностью и лицомъ крестьянина". (II, 108).

Отдавая отчетъ отцу въ результатахъ возложеннаго на него порученія, Аксаковъ упоминаетъ о лицѣ, извѣстномъ на поприщѣ университетской науки съ одной стороны, журналистики съ другой, занимавшемся тогда, тоже по порученію министерства, раскольничьими дѣлами.

„Вечеромъ я отправился къ Надеждину, которому я разсказалъ все, что помѣщено въ запискѣ***). Что касается до мопхъ выводовъ и взглядовъ, то онъ меня очень удивилъ, сказавъ, что не только ихъ раздѣляетъ внол-

*) Удивительно, съ другой стороны, что на этотъ фактъ жизни Аксакова, упоминаемый въ началѣ 2-го т. изданія его писемъ, не обращено вниманія въ сочувственной ему вообще статьѣ К. К. Арсеньева. («Вѣстн. Европы" 1888, декабрь).

**) 4 февраля 1850 г. Аксаковъ писалъ изъ Ярославля: «ношу въ душѣ такое глубокое презрѣніе къ жизни и къ счастью человѣческому, что даже почти никогда и не говорю о томъ". II, 293*.

***) Т.-е. въ запискѣ Аксакова о расколѣ.

нѣ, но что это его давнишнія убѣжденія. „Отчего же вы дѣйствуете совершенно вопреки имъ?“ Онъ отвѣтилъ, что на это есть другая воля“. (II, 98). Ясно, что Надеждинъ сталъ такимъ истымъ чиновникомъ, какимъ никогда бы не могъ стать Аксаковъ.

Между тѣмъ, все кругомъ было печально. 17 февраля 1849 г. Иванъ Сергѣевичъ пишетъ: „Грустно и дома, грустно и тогда, когда оглядишь вокругъ и увидишь всю безтолковщину и подлость общества.. Затрудненъ пріемъ въ университеты лицъ низшаго состоянія, пр. Куторга посаженъ на 10 дней подъ арестъ... за то, что, будучи когда то цензоромъ, пропустилъ какіе - то нѣмецкіе стихи, о которыхъ никто и не помнитъ... Всякая чествая мысль клеймится названіемъ якобинства и торжество стараго порядка вещей въ Европѣ даетъ торжествовать и нашему гнилому обществу... Хоть бы убѣдилось правительство въ мирномъ характерѣ, въ благочестіи нашихъ убѣжденій и нашего направленія“ (II, 111), т.-е. славянофильскаго, которое онъ теперь прямо уже называетъ нашимъ.

При томъ же письмѣ онъ посылаетъ отцу одно изъ самыхъ сильныхъ своихъ стихотвореній — то самое, которое уже читано было когда-то въ этихъ стѣнахъ и мною и нашимъ многоуважаемымъ сочленомъ, В. И. Ламанскимъ.

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ направленъ былъ...
. . . . . .
Такъ сокрушись души гордыня!
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошнаго зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!..
. . . . . .
Ликуй же, Ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Клеймя прозваньемъ вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!
Слабѣйте-жь, силы—вы не нужны!
Усни ты, духъ! Давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Между тѣмъ высочайшій дворъ собирался въ Москву. Носились слухи о „народномъ“ настроеніи въ придворныхъ сферахъ, настроеніи, которое должно будто бы выразиться въ древней столицѣ наглядньмъ образомъ. Но это вовсе не радуетъ Аксакова, такъ мало цѣнившаго всякую внѣшность. Вотъ что писалъ онъ 1-го марта 1849 г.:

„Вѣроятно, будетъ много манифестацій руссицизма, много всякихъ эффектовъ... Все это пустится въ національность, которую оноплятъ до невыносимаго; если уже Закревскій своимъ маскарадомъ *) увлекъ всю Москву, такъ что уже будетъ теперь! И на днѣ Москвы, на осадкѣ, останется одинъ Константинъ, ибо и народъ поддастся обаянію... Все это такъ скверно, такъ грустно, чувствуется такое безсиліе, что мнѣ хочется онять въ даль, въ даль—подъ это чудное, южное темноснисе небо. ....Какъ мнѣ хотѣлось бы провести лѣто гдѣ-нибудь въ Малороссіи, на хуторѣ... (II, 115).

Вскорѣ, 6 марта, ему пришлось сообщить слѣдующее: „Дѣла идутъ плохо: нѣмцы торжествуютъ и Самаринъ сидитъ“ (118), т. е. въ крѣпости за свои „Рижскія письма“—и это какъ разъ въ періодъ оффиціальнаго народничанья! „Общество принимаетъ по своему довольно живое участіе, пишетъ Аксаковъ 14 марта, то есть такое, какъ е можетъ принять петербургское подлое общество...“ (119).

Писать такія письма въ то время было не особенно удобно. Ихъ, какъ и отвѣтныя письма отца и старшаго брата Аксакова, прочитали въ такомъ мѣстѣ, о которомъ II. С. не думалъ, когда ихъ писалъ. Слѣдствіемъ былъ допросъ ему, воспроизведенный имѣетъ съ его отвѣтами во 2 т. изданія его писемъ. У Аксакова, между прочимъ, допытывались: „изъ отвѣтовъ родителя и брата вашего Константина на письма ваши о Самаринѣ видно, что они вполнѣ раздѣляютъ негодованіе Самарина противъ нѣмцевъ въ Россіи“. Вотъ на это-то, а равно и на негодованіе отца и брата по поводу того „ругательства надъ русскимъ платьемъ“, какое усмотрѣли они въ маскарадѣ Закревскаго, и требовались у него объясненія. Приведу тѣ, которыя даны были Иваномъ Сергѣевичемъ, по поводу негодованія на нѣмцевъ изъ-за Самарина. „Я тоже, писалъ онъ, раздѣляю это негодованіе, ибо, какъ русскій, не могу быть равнодушенъ къ положенію русскихъ въ Остзейскомъ краѣ. Впрочемъ, также, какъ и мои родственники, я не люблю нѣмцевъ только какъ касту, дѣйствующую въ духѣ презрѣнія къ Россіи и ея народу, но въ частности уважаю и люблю ихъ, если они хорошіе люди“. (II, 158).

На другой вопросъ (3-й), посредствомъ котораго добивались до самой сущности направленія Аксакова, онъ, между прочимъ, отвѣчалъ: „люди всѣми силами, всѣми способностями души преданные Россіи, смиренно изучавшіе сокровища духовнаго народнаго богатства, свято чтущіе коренныя начала его быта, неразрывные съ православіемъ, люди эти, Богъ вѣсть почему, прозваны были славянофилами, хотя въ ихъ отношеніяхъ къ западнымъ славянамъ было только одно сердечное участіе къ положенію единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ собратій“. Это, какъ и нѣкоторыя другія мѣста въ показаніяхъ Аксакова, было подчеркнуто тою же рукою *), какою написаны были на поляхъ нѣкоторыя примѣчанія—напримѣръ, слѣдующее къ только что приведенному изумленію Аксакова, почему ихъ называютъ славянофилами: „Потому, что подъ видомъ участія къ мнимому утѣсненію славянскихъ племенъ таится преступная мысль о возстаніи противъ законной власти сосѣднихъ и отчасти союзныхъ государствъ и объ общемъ соединеніи, котораго ожидаютъ не отъ Божьяго произволенія, а отъ возмущенія, гибельнаго для Россіи“. Въ

*) Т. е. баломъ въ русскихъ костюмахъ.

*) Императора Николая Павловича.

отвѣтъ на вопросъ 7-й—о выраженной въ письмѣ Григорія Сергѣевича Аксакова надеждѣ на превращеніе Австріи изъ нѣмецкой державы въ славянскую, Иванъ Сергѣевичъ поясняетъ: „я также думалъ это, ибо нѣмецкіе элементы ея подгнили и она давно бы рухнулась, еслибъ не поддержали ее славяне. Поэтому и можно было предполагать, что Австрія сдѣлаетъ volte-face и обратится въ славянскую имперію... Впрочемъ... возникновеніе рядомъ съ Россіей самобытной сильной славянской монархіи привлекло бы къ ней всѣ тѣ южныя славянскія племена, которыя теперь мы отъ себя отталкиваемъ, и лишило бы Россію значенія: быть единственнымъ сосудомъ православія и славянскихъ началъ на землѣ"... Ко всему этому Аксаковъ присоединяетъ, однако же, оговорку. „Признаюсь, меня гораздо болѣе всѣхъ славянъ занимаетъ Русь, а брата моего Константина даже упрекаютъ въ совершенномъ шемъ равнодушіи ко всѣмъ славянамъ, кромѣ Россіи, и то даже не всей, а собственно Великороссіи". И къ этому мѣсту сдѣлана на поляхъ приписка тою же вышеупомянутою рукою: „И дѣльно, потому что все прочее мечта; одинъ Богъ можетъ опредѣлить, что готовится въ дальнемъ будущемъ; но ежели бы стеченія обстоятельствъ и привели къ этому соединенію, то оно будетъ на гибель Россіи".

Допросъ, выдержанный Иваномъ Сергѣевичемъ, очевидно, окончательно сблизилъ его съ московскимъ направленіемъ или такъ называемымъ славянофильскимъ. Конечно, и на русскую одежду онъ сталъ смотрѣть иначе, когда въ то же приблизительно время съ отца его и брата взяли подписку, что они не будутъ болѣе появляться въ ней. Запрещеніемъ той вѣтошности, которую такъ мало цѣнилъ Иванъ Сергѣевичъ, дѣлалось уже вторженіе въ область человѣческой свободы и этимъ заживо затрогивался внутренній міръ. Что касается отвѣтовъ И. С. на допросные пункты, то ими, конечно, далеко еще не выражался весь его взглядъ. „На лучшія стороны славянофильства, справедливо замѣтилъ К. К. Арсеньевъ, на уваженіе къ свободѣ совѣсти и мысли, къ народному голосу, къ поземельной общинѣ—здѣсь нѣтъ и намека" *). Между тѣмъ все это, разумѣется, было дорого И. С. уже тогда.

Допросъ благополучно окончился лаконическою инструкціею гр. Орлову, написанною тою же рукою, которою подчеркнуто было многое у Аксакова и написаны были на поляхъ примѣчанія: „призови, прочти, вразуми, отпусти".

Аксакову оказалось возможнымъ отправиться въ Ярославль, для продолженія возложеннаго на него особаго порученія по расскольничьимъ дѣламъ (при чемъ онъ, однако же, оставался подъ надзоромъ полиціи). Въ январѣ 1850 г. Аксаковъ писалъ изъ Ярославля объ одномъ званомъ вечерѣ, гдѣ читалъ онъ свою поэму: „Бродяга", о которой также былъ ему предложенъ въ Петербургѣ одинъ (самый послѣдній) допросный пунктъ. Публика на вечерѣ не удовлетворилась одной поэмой. „Меня, писалъ Иванъ Сергѣевичъ, стали просить прочесть что нибудь изъ мелкихъ стихотвореній.. Чувствуя сильную потребность выругаться, я объявилъ, что прочту стихотвореніе къ Петербургу и къ свѣтскимъ людямъ вообще.

Съ преступной гордостью обидныхъ,
Тупыхъ желаній и надеждъ,
Рѣчей безъ смысла, думъ постыдныхъ,
И остроумія невѣждъ;
Въ весельяхъ пагляхъ и безбожныхъ,
Средь возмутительныхъ забавъ,
Гніете вы—условій ложныхъ
Надменно вытвердя уставъ!
Блестящей свѣтской мишурою
Свою прикрывши нищету,
Ужель не видите порою
Вы вашихъ помысловъ тщету?
Того, что вамъ судьба готовитъ,
Еще ли страхъ васъ не проникъ?
Все также лжетъ и срамословитъ
И раболѣпствуетъ языкъ!
Не стыдно вамъ пустыхъ занятій,
Богатствъ и прихотей своихъ,
Вамъ ни почемъ страданья братій
И стоны праведные ихъ!
Господь, Господь! вонми моленью,
Да прогремитъ бѣдами громъ
Земли гнилому поколѣнью
И въ прахъ разсыплется Содомъ!

Ясно, что допросами не былъ осажденъ пылъ Аксакова, что „не укатали бурку крутыя горки". Но онъ сильно тоскуетъ среди того общества, которому подноситъ съ досады такіе стихи. Тѣмъ болѣе жаждетъ онъ подробныхъ писемъ изъ дому. Лаконичность Константина Сергѣевича его сердитъ. Вотъ что писалъ онъ про него изъ Углича, куда былъ вызванъ на время тѣми же раскольничьими дѣлами: „Самое большое письмо не составитъ и половины одного моего; собираясь писать и поговорить со мною, онъ сейчасъ своротитъ на скользкую дорожку, отопретъ свое негодованіе на Запада: „скверный Западъ, скотина Западъ",—и пойдетъ, и пойдетъ"!

Изъ этого видно, что онъ попрежнему недоволенъ крайностями брата. Вернувшись въ Ярославль, И. С. пишетъ (въ январѣ 1850 г.):

„Что за скоты здѣшніе дворяне! Недавно нѣкто Г., богатый здѣшній помѣщикъ, говоря про свое управленіе въ деревнѣ, съ самою добродушною наивностью объявилъ мнѣ, что у него такъ и заведено: сѣчь бурмистровъ въ кабинетѣ изъ собственныхъ рукъ... Кстати посылаю вамъ, прибавляетъ онъ въ томъ же письмѣ, свое маленькое стихотвореніе, переводъ съ санскритскаго, т. е не прямо, а съ переводовъ Коссовича, Бюрнуфа и Гольцмана:

Клеймо домашняго позора
Мы носимъ, славные извнѣ;
Въ могучемъ краѣ нѣтъ отпора,
Въ пространномъ царствѣ нѣтъ простора,
Въ родимой душно сторонѣ!
Ее, въ своемъ безумьи яромъ,

*) „Вѣстн. Евр." 1 88 г., т. XII, стр. 767.

Гнетутъ усердные рабы!
А мы гладимъ, слабѣемъ жаромъ,
И съ каждымъ днемъ сдаемся даромъ,
Въ безплодность вѣруя борьбы!
И слово правды оробѣло,
И рѣже шепотъ смѣлыхъ душъ;
И сердце въ насъ одебелѣло;
Порывовъ нѣтъ, въ забвеньи дѣло,
Снугнули мысль, сталъ праздникъ умъ!
(II, 278).

Своей неспособности забывать жизненное зло ради теоретическихъ высотъ Иванъ Сергѣевичъ противопоставляетъ настроеніе брата своего Константина Сергѣевича въ письмѣ, отправленномъ изъ Ярославля въ мартѣ 1850 г.

„Я не могу, подобно Константину, говорить онъ, утѣшаться такими фразами: „главное—принципъ, остальное—случайность", или что „русскій народъ ищетъ царствія Божія". Равнодушіе къ пользамъ общимъ, лѣнь, апатія и предпочитаніе собственныхъ выгодъ—признаются за исканіе царства Божія!.. Говорить голодному: „намажь хлѣбъ принципомъ вмѣсто масла, посыпай принципомъ, и вкусно: нужды нѣтъ, что сотни тысячъ умрутъ, другія сотни уйдутъ—это случайность". (II, 300).

Мы не касались до сихъ поръ отношеній Ивана Сергѣевича къ тѣмъ раскольничьимъ дѣламъ, съ которыми связано было возложенное на него порученіе. Сознаемся, что это самая слабая сторона въ его письмахъ. Тутъ у него сказывается какая-то неустановленность. Не долюбливая такъ-называемаго единовѣрія, онъ, конечно, далекъ отъ того, чтобы одобрять преслѣдованіе раскола, но въ иныхъ случаяхъ находитъ возможнымъ прибѣгнуть къ давленію, къ внѣшнему понужденію. Это, быть можетъ, дань, заплаченная даже такимъ человѣкомъ той бюрократической средѣ, въ которой онъ тогда вращался. И вотъ тутъ, съ другой стороны, приходится уже прямо пожалѣть, что, уже сопричисливъ себя къ славянофиламъ, онъ еще внутренно не вполнѣ проникся ихъ ученіемъ, однимъ изъ началъ котораго была полнѣйшая вѣротерпимость, впослѣдствіи такъ горячо защищавшаяся въ печати и имъ самимъ. Впрочемъ, впечатлѣнія, вынесенныя имъ тогда изъ столкновеній съ расколомъ и противною ему силою, навели его, наконецъ, на мысль, что эта сила одержитъ побѣду только тогда, когда вполнѣ перестанетъ быть внѣшнею, когда она проникнется текстомъ: „идѣ же духъ Господень, ту свобода" *). Вотъ его исполненныя гуманнаго чувства и глубокой грусти, строки, писанныя въ октябрѣ 1850 г. изъ Ярославля.

„Право, Россія скоро раздѣлится на двѣ половины: православіе будетъ на сторонѣ казны, правительства, невѣрующаго дворянства и отвращающаго отъ вѣры духовенства, а всѣ прочіе обратятся къ расколу. Берущіе взятку будутъ православные, дающіе взятку—раскольники. Въ здѣшней губерніи православный значитъ гулякъ, пьяница, табачникъ и невѣжда. Еслибъ вы знали, какъ иногда дѣлается страшно. Кора все больше и больше сдирается, и язва является вашимъ глазамъ во всемъ отвратительномъ могуществѣ. Причины язвы—въ крови. Всѣ соки испорчены, и едва-ли есть исцѣленіе. Кажется, намъ суждено только понять болѣзнь и созерцать, какъ она пожираетъ постепенно еще не вполнѣ зараженные члены" (II, 357).

Тутъ мы вполнѣ узнаемъ подлинное славянофильство, узнаемъ и Ивана Сергѣевича, его человѣчную и свободолюбивую душу. Между тѣмъ мысли его въ письмахъ возвращаются по временамъ къ послѣдствіямъ европейскихъ событій 1848 г. Имъ было посвящено стихотвореніе, не понравившееся Сергѣю Тимоѳеевичу—быть можетъ, не безъ вліянія на старика „страха іудейска". Вотъ нѣкоторыя строфы:

Пережита тяжелая година;
Была борьба и пролилася кровь.
Послѣднихъ грезъ рѣшалася судьбина;
Но дряхлый міръ не обновился вновь!..
. . . . . .
О, гордый умъ! Срель дерзостной надежды
Вдругъ старымъ словомъ вновь ты пораженъ,
Что вѣчно здѣсь тебѣ удѣлъ невѣжды
Невѣдомой судьбою обреченъ.
Среди побѣдъ надъ силами природы,
Среди чудесъ, что всюду ты воздвигъ,
Раскрылъ-ли намъ ты таинство свободы,
Какимъ путемъ блаженства ты достигъ?
. . . . . .
Гдѣ-жъ истина? . Безмолвствуетъ могила,
Вездѣ алтарь разрушенный стоитъ...
Какая-жъ міръ зиждительная сила
Для жизни вновь и вѣры оживитъ?
. . . . . .
Безмолвно всѣ.. Но если въ мірѣ этомъ
Есть истина, невѣдомая намъ,—
Блесни лучемъ, отвликнись мнѣ отвѣтомъ,—
На твой алтарь всего себя отдамъ!
Передъ собой усталъ я лицемѣрить!
Для дѣлъ твоихъ мнѣ силы сбереги...
О, если есть, чему я долженъ вѣрить,
Ты моему безвѣрью помоги!

Огорченный тѣмъ, что ближайшіе люди отнеслись къ этимъ стихамъ несочувственно, вотъ что писалъ Иванъ Сергѣевичъ въ январѣ 1851 года:

„Я бы желалъ, чтобы ихъ прочли Граповскому или вообще людямъ, у которыхъ болѣла душа отъ „48" г. Даже у Константина она не болѣла: онъ безо всякой внутренней душевной боли способенъ заключить проклятіемъ $^{9}/_{10}$ человѣчества и давно не считаетъ людьми обѣдные народы Запада, а чѣмъ-то вродѣ лошадныхъ породъ" (II, 375). Тутъ опять блистательно проявилась вся гуманная ширь воззрѣній Ивана Сергѣевича, вся прелесть его великой души, болѣе въ этомъ отношеніи сходившаяся съ Хомяковымъ, чѣмъ съ Константиномъ Сергѣевичемъ.

Между тѣмъ поэма „Бродяга", затронутая во время допроса и однако читанная имъ вслухъ въ Ярославлѣ, натворила ему еще новыхъ бѣдъ, или—если поглядѣть съ другой

*) 2 посл. къ Корине. глава III, ст. 17.

стороны,—сослужила ему добрую службу. Ему было дано знать отъ министра, что хотя онъ и оправдался въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ, но литературныя занятія вообще не могутъ не мѣшать его служебнымъ обязанностямъ.

Въ февралѣ 1851 г. онъ отвѣтилъ на это графу Перовскому:

„Не только нравомъ, но и обязанностью своею считаю объяснить В. С., что не служба терпитъ отъ моихъ литературныхъ занятій, а литературныя занятія, нравственное и умственное образованіе мое принесены въ жертву службѣ. Никто никогда не могъ и не можетъ упрекнуть меня въ лѣности или въ нерадивомъ исполненіи своего долга, потому что къ дѣятельному служенію побуждаюсь я отвѣтственностью—не передъ начальствомъ моимъ—а передъ моею собственною совѣстью". (II, 396).

А вотъ какія объясненія далъ онъ тогда отцу: „я отстаивалъ принципъ домашней, нравственной свободы служащаго, самостоятельность чиновника, служащаго не Перовскому и не правительству, а „самому дѣлу". (II, 388). Между тѣмъ онъ послалъ въ Петербургъ просьбу объ увольненіи отъ службы. Даже Ю. О. Самаринъ просилъ у него позволенія разорвать эту бумагу. Въ мартѣ Аксаковъ написалъ ему въ отвѣтъ:

„Я рѣшительно не согласенъ дозволить вамъ разорвать мой рапортъ и прислать мнѣ клочки въ конвертѣ... Все это вамъ покажется, можетъ быть, особенно среди петербургской атмосферы... смѣшно, дико, незрѣло... А со мною странное совершается: чѣмъ болѣе уходитъ моя молодость... чѣмъ зрѣлѣе становлюсь я, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе во мнѣ потребность говорить словомъ правды, тѣмъ живѣе чувствую я въ себѣ возможность неблагоразумныхъ, непрактическихъ, но честныхъ поступковъ". (II, 405—406).

Туже самую способность Аксаковъ въ сущности сохранилъ и до конца своей жизни—способность ставить выше всего свою человѣческую душу. На какомъ бы поприщѣ, думалъ онъ всегда, ни пришлось служить, надо прежде всего служить той верховной силѣ, глаголъ которой является совѣсть, и которая называется Богомъ!

О душѣ, объ ея нравственномъ подвигѣ, объ ея непарушимой свободѣ говоритъ онъ и во многихъ своихъ стихахъ, особенно тѣхъ, которые написаны были вскорѣ по прочтеніи книги Гоголя, т. е. многаго въ ней, понятаго Иваномъ Сергѣевичемъ по своему. Вотъ, по нашему мнѣнію, лучшіе изъ этихъ стиховъ.

Зачѣмъ душа твоя смирна?
Чѣмъ въ этомъ мірѣ ты утѣшенъ?
Твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ,
Душа призванью не вѣрна!
Вокругъ тебя кипятъ задачи,
Вокругъ тебя мольбы и плачи
И торжествующее зло,
А ты?.. Ужель, хотя однажды,
Ты боевой не свѣдалъ жажды,
Тебя въ борьбу не увлекло?
Ты возлюбилъ свое бездѣлье
И сна душевнаго недугъ.
Въ пустыхъ рѣчахъ, въ тупомъ весельѣ
Чредою гибнетъ твой досугъ.
На царство лжи глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего,
Съ уродствомъ всѣхъ его увѣчій,
Не разъяснивъ противорѣчій,
Не разрѣшая ничего!
Предъ Богомъ лѣнью не грѣши!
Стряхни ярмо благоразумья!
Люби ревниво до безумья
Всѣмъ нынѣмъ дерзостнымъ души!
Освободясь въ стремленьи новомъ
Отъ плѣна ложнаго стыда,
Позорь, греми укорнымъ словомъ,
Подъемля насъ всевластнымъ зовомъ
На тяжесть общаго труда.
Безумцемъ слынь тебѣ у всѣхъ!
Но предъ святыней убѣжденья
Ничтожны міра оскорбленья
И прелесть жизненныхъ утѣхъ!
О, въ этой душной нашей ночи,
Кому изъ насъ безстрашной мочи
Достанетъ правду возлюбить?
Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ?
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лучей ея добыть!

Аксаковъ всегда и оставался такимъ безумцемъ. Потому-то онъ и не держался подлой пословицы, что „одинъ въ полѣ не воинъ". И если бы мы постарались, каждый самъ по себѣ, хотя сколько нибудь слѣдовать его примѣру, не мало бы прибыло „воиновъ въ полѣ", твердыхъ и вѣрныхъ стоятелей за добро и за правду.

II.

11 МАЯ,

подъ предсѣдательствомъ В. К. Саблера:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященные Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій, и Алексѣй, архіепископъ литовскій и виленскій, преосвященные викаріи: Владиміръ, епископъ нарвскій, Митрофанъ, епископъ ладожскій, и Антоній, епископъ выборгскій, намѣстникъ Александро-Невской лавры, архимандритъ Иннокентій, другіе оо. архимандриты, многіе настоятели петербургскихъ соборовъ и церквей, не мало высокопоставленныхъ лицъ и до 100 посторонихъ посѣтителей.

За отсутствіемъ г. предсѣдателя, собраніе было открыто его товарищемъ—В. К. Саблеромъ, предложившимъ высокопреосвященному Никанору принять почетное предсѣдательство,

на что высокопреосвященный и изъявилъ свое согласіе.

Передъ началомъ засѣданія, съ благословенія высокопреосвященнаго Никанора, хоромъ Казанскаго собора были пропѣты: пасхальная пѣснь: „Христосъ воскресе“ и тропарь свв. Кириллу и Меѳодію, положенный на ноты г. Львовскимъ.

Затѣмъ, проф. М. О. Кояловичъ произнесъ рѣчь „о 50-лѣтіи возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ“. Послѣ рѣчи пр. М. О. Кояловича, г. секретарь, напомнивъ присутствующимъ о наступающемъ 500-лѣтіи Коссовской битвы, прочиталъ изъ „Лазарицы“ стихотвореніе: „Царь Лазарь и Милица“, въ талантливомъ переводѣ И. Берга, а хоръ пѣвцовъ исполнилъ сербскую пѣсню: „Что такъ печаленъ сербскій народъ“.

Послѣ небольшаго перерыва, хоръ пропѣлъ: „Да воскреснетъ Богъ“.

Затѣмъ, проф. И. С. Пальмовъ прочиталъ написанную имъ статью: „Славянство 1000 лѣтъ тому назадъ и теперь“, а проф. О. Ѳ. Миллеръ прочиталъ етихотвореніе одного молодаго поэта, подъ заглавіемъ „Великанъ“. И рѣчь М. О. Кояловича и стихотворенія, прочитанныя В. П. Аристовымъ и О. Ѳ. Миллеромъ и статья, прочитанная И. С. Пальмовымъ, печатаемыя ниже, сопровождались громкими рукоплесканіями присутствовавшихъ.

Въ заключеніе были прочитаны привѣтственныя телеграммы и избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Рѣчь проф. М. О. Кояловича:

Пятидесятилѣтіе возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 г. и историческое значеніе этого событія.

Въ настоящемъ году приходится пятидесятилѣтіе возсоединенія съ нашею православною Церковью западно-русскихъ уніатовъ, совершившееся въ 1839 г. Событіе это имѣетъ весьма важное значеніе и въ исторіи Кирилло-Меѳодіевской Церкви и вообще въ исторіи славянства. Слишкомъ полтора милліона русскихъ людей возвратились въ этомъ году изъ уніи къ своей родной истинной Кирилло-Меѳодіевской Церкви и съ пути къ ополяченію—къ полнотѣ своей родной русской народности. Даже важнѣйшіе моменты самаго возсоединенія, какъ оно происходило въ 1839 г., были въ дни, близкіе къ днямъ, празднуемымъ вами въ честь нашихъ славянскихъ апостоловъ и Первоучителей Кирилла и Меѳодія. Такъ, 12 февраля 1839 г., т. е., за два дня до чествованія памяти св. Кирилла, въ Полоцкѣ происходилъ соборъ, на которомъ рѣшено возсоединить уніатскую церковь съ православной и это рѣшеніе приняли всѣ тогдашніе уніатскіе епископы и многіе изъ болѣе видныхъ духовныхъ, лично присутствовавшіе на этомъ соборѣ, а отъ отсутствовавшихъ священниковъ епископы имѣли слишкомъ тысячу тристa письменныхъ заявленій, т. е., почти отъ всего духовенства тогдашней уніатской церкви.

Послѣ представленія государю Николаю Павловичу актовъ Полоцкаго собора, затѣмъ послѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла св. Синодомъ въ его дѣяніяхъ 6 и 13 марта и послѣ утвержденія Государемъ съ извѣстною надписью: „благодарю Бога и принимаю“, 30 марта, т. е., за шесть дней до воспоминанія святой памяти другаго славянскаго апостола—Меѳодія, первенствующій изъ уніатскихъ епископовъ, Іосифъ, въ первый разъ введенъ былъ въ св. Синодъ, получилъ извѣщеніе о состоявшемся возсоединеніи и синодальную грамоту объ этомъ, принялъ отъ членовъ св. Синода лобзаніе мира и любви и вмѣстѣ съ ними служилъ благодарственный молебенъ.

Затѣмъ съ 14 мая, т. е., черезъ три дня послѣ настоящаго нашего празднества въ честь обоихъ свв. братьевъ-славянскихъ апостоловъ и Первоучителей, началось общеніе вѣры и любви на мѣстахъ, въ Западной Россіи, и выразилось въ цѣломъ рядѣ торжественныхъ совмѣстныхъ церковныхъ служеній древне-православныхъ и возсоединенныхъ.

Такъ, 14 и 15 мая 1839 г., въ Витебскѣ служилъ покойный кіевскій митрополитъ Филаретъ и съ нимъ бывшій полоцкій епископъ, нынѣ здравствующій здѣшній владыка митрополитъ Исидоръ и возсоединенный Василій. 5 іюня въ Полоцкѣ служили: архіепископъ Іосифъ, епископъ Исидоръ и епископъ Василій. 10 іюня въ Минскѣ служили древне-православный архіепископъ Никаноръ и возсоединенный архіепископъ Іосифъ. Далѣе въ концѣ іюля и въ августѣ того же 1839 г. происходили неоднократныя служенія въ Жировицахъ и Бытенскомъ монастырѣ, и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ служеній тоже участвовалъ съ Іосифомъ и его викаріемъ Антоніемъ—епископъ Исидоръ. Наконецъ, къ началу сентября 1839 г., всѣ они прибыли въ Вильну, гдѣ 4 и 8 сентября происходили такія же торжественныя совмѣстныя служенія древне-православныхъ и возсоединенныхъ и на нихъ, между прочимъ, была одна частность, заслуживающая, безъ сомнѣнія, особеннаго вниманія нашего Общества. Тогда, въ числѣ другихъ, участвовали въ этихъ служеніяхъ бывшій профессоръ и инспекторъ с.-петербургской духовной академіи, нынѣ кіевскій митрополитъ Платонъ, назначенный тогда незадолго до этихъ событій настоятелемъ Виленскаго св. Духовскаго монастыря, и бывшій профессоръ виленской академіи и университета по священному писанію и славянскимъ нарѣчіямъ, а тогда уже православный протоіерей Михаилъ Бобровскій. Такимъ образомъ представитель высшей православной науки и представитель высшей латино-уніатской науки, просвѣтленный изученіемъ славянства, сошлись въ признаніи православной истины и вмѣстѣ, единодушно, славили за это Бога.

Возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ 1839 г. было жестоко усложненнымъ и запоздалымъ событіемъ, какъ еще болѣе запоздалымъ нужно признать возсоединеніе холмскихъ уніатовъ 1875 г. и еще болѣе запоздалымъ и, дай Богъ, чтобы не пришлось признать безнадежнымъ, давно ожидаемое

возсоединеніе послѣднихъ на русской этнографической землѣ уніатовъ, — галицкихъ уніатовъ. Между тѣмъ всѣ эти возсоединенія, какъ совершившіяся когда-либо, такъ и ожидаемое, составляли и составляютъ дорогіе завѣты и стремленія русскаго народа, стоятъ въ большомъ, твердо установившемся ряду однородныхъ событій и выражаютъ одну и ту же мысль, одну и ту же тягу русскаго народа западной и восточной половинъ—составлять единое цѣлое и въ гражданской и въ духовной жизни.

Объемъ и цѣли этой тяги или, говоря научно, программа ея съ самою большею ясностію обозначились въ половинѣ XVII вѣка, во времена борьбы съ Польшей малороссійскаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго, превратившейся вскорѣ въ общую борьбу съ ней русскаго народа подъ главенствомъ русскаго царя Алексѣя Михайловича. Тогда всѣмъ было ясно и убѣдительно, что борьба эта направляется къ двумъ главнымъ цѣлямъ: къ отторженію отъ Польши всего русскаго этнографическаго ея пространства и къ очищенію этого пространства отъ всѣхъ чужеядныхъ наростовъ. Первая половина этой программы разработана въ наукѣ и хорошо извѣстна,—извѣстно, именно, что и Богданъ Хмѣльницкій и Алексѣй Михайловичъ желали оторвать отъ Польши все русское этнографическое ея пространство и что войска Хмѣльницкаго и войска Алексѣя Михайловича доходили до самыхъ западныхъ границъ русскаго народа. бывшаго подъ властію Польши.

Хорошо извѣстно также и то, сколько было смутъ изъ-за того, что эта часть программы нарушалась, что даже не вся Малороссія, а только половина ея отстояла свое соединеніе съ Россіей.

Изъ второй части программы, т.-е. какъ очищалась западная Россія отъ чужеядныхъ наростовъ, хорошо было до сихъ поръ извѣстно, что Малороссія даже съ неистовствомъ очищала себя отъ польскихъ напоевъ, отъ всѣхъ видовъ латинства и отъ жидовства, и хотя дѣйствительно тяжело было бы видѣть на памятникѣ Богдану Хмѣльницкому, какъ предполагалось, печальныя эмблемы этого,—попержевныхъ и попранныхъ польскаго папа, ксендза и жида, но несомнѣнно также и то, что не нашептываніи злыхъ людей, а русское сердце талантливаго нашего художника Микѣшина подсказало ему, что эти печальныя эмблемы вѣрно выражаютъ тогдашнюю народную программу.

Что эта же программа, конечно, въ иныхъ формахъ, выражалась тоже въ дѣлахъ Алексѣя Михайловича, были основанія думать, но документально доказать это до послѣдняго времени было трудно. Но теперь это уже совершенно ясно и можетъ быть доказано документально. Прошедшей зимой здѣшняя археографическая комиссія издала XIV-й т. актовъ южной и западной Россіи, въ которомъ—начало систематическаго изданія памятниковъ войны Алексѣя Михайловича съ Польшей. Тутъ, между прочимъ, находятся многочисленныя просьбы къ Алексѣю Михайловичу завоевываемыхъ тогда западно-русскихъ областей и царскіе отвѣты на нихъ. Въ царскихъ отвѣтахъ. насколько они теперь извѣстны, неизмѣнно встрѣчаются и такіе: „костеламъ не быть, а нѣтъ въ домѣхъ; который изъ ксендзовъ до короля пана своего возвратится похочетъ, отпустить и проводить вдѣлѣ; унелтомъ не быть; жидамъ не быть и житія никакого не имѣти".

Извѣстно, что эта программа исполнена была даже съ большою строгостію въ присоединенной тогда къ Россіи части Малороссіи; исполнена была она также и въ другой присоединенной области—смоленской, правда, съ нѣкоторыми послабленіями для ксендзовъ, но никакъ не для уніатовъ и еще менѣе для жидовъ.

Такимъ образомъ, программа очищенія западной Россіи отъ чужеядныхъ наростовъ была одна и также какъ у Богдана Хмѣльницкаго, такъ и у русскаго царя Алексѣя Михайловича, только выполнялась ими въ весьма различныхъ формахъ: у казацкаго гетмана съ ужасами, у русскаго царя безъ ужасовъ. Ксендзовъ, остающихся на домашнемъ. такъ сказать, положеніи, не трогали, удалявшихся свободно отпускали и провожали въ цѣлости. Какъ обращались съ уніатами—не говорится, но потому, что уніатскій народъ съ радостію шелъ въ православныя церкви, а не желавшіе за нимъ идти уніатскіе священники удалялись въ Польшу подъ одной категоріей съ ксендзами. Даже жиды легко избѣгали разгрома. Они заблаговременно уходили и даже поступали весьма предусмотрительно,—заблаговременно занимали у христіанъ деньги и уходили. оставляя у нихъ свои дома, большею частію лачуги. Можно различно смотрѣть на эту программу, но необходимо признать, что это народная русская программа.

Западно-европейская наша цивилизація послѣдующихъ временъ быстро разрушала эту суровую, но несомнѣнно народную, русскую программу, и, казалось, отъ этой программы въ скоромъ времени не должно было остаться ни слѣда. Однако, въ дѣйствительности она обладала громадною жизненностію и нерѣдко покоряла себѣ даже страстныхъ поборниковъ у насъ началъ западно-европейской жизни. Такъ, Петръ Великій не могъ слышать о допущеніи въ Россію жидовъ, не терпѣлъ уніатовъ и подозрительно смотрѣлъ на всякихъ ксендзовъ латинскихъ. Такъ, даже Екатерина II, разрушившая, какъ сейчасъ увидимъ, всю эту старую русскую программу, оказалась вынужденною при второмъ раздѣлѣ Польши объявить унію не терпимою, сдвинула всю верхнюю уніатскую іерархію, кромѣ одного епископа въ Бѣлоруссіи. при ней поставленнаго. и открыла уніатамъ свободный входъ въ православіе, что сейчасъ же повело къ возсоединенію уніатовъ почти всей Малороссіи и большей части Бѣлоруссіи. Въ какихъ-нибудь два года присоединилось свыше трехъ милліоновъ уніатовъ. Мысль о томъ, что унія неестественное, вредное исповѣданіе, и должна

погибнуть—высказывалась тогда многими, и можно было бы доказать, что мысль эта не умирала до нашихъ дней, какъ это отчасти и увидимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣплялась въ нашей жизни и сила западно-европейскихъ началъ, при томъ еще освѣженная сочувствіемъ Екатерины и окружавшихъ ее людей къ ученію французскихъ энциклопедистовъ, постепенно брала свое и приносила свои плоды. Можно даже сказать, что рѣшительныя мѣры Екатерины при второмъ раздѣлѣ Польши составляли исключительное явленіе, а обычный образъ ея дѣйствій былъ совершенно иного рода. Это ясно обнаружилось еще при первомъ раздѣлѣ Польши (съ 1772 г.), противъ котораго вопіяли не одни поляки, но вопіяли и малороссы, хотя по другой причинѣ, именно, зачѣмъ ихъ оставили при Польшѣ и уніи.

Екатерина желала поразить и своихъ заграничныхъ друзей, славившихъ ея дѣла, и поляковъ, въ виду будущихъ раздѣловъ Польши, необыкновеннымъ благоустройствомъ присоединенной области и положила въ основу этого благоустройства, казалось, самыя глубокія государственныя соображенія и самыя гуманныя начала жизни. Польскимъ панамъ она дала громадныя права русскаго дворянства и русской службы и этимъ неизбѣжно усилила ихъ власть надъ крѣпостными, каковыми у нихъ были русскіе. Она дала имъ выработанную и широкую систему любимаго ими образованія, для чего и оставила въ Бѣлоруссіи іезуитовъ. Кромѣ того, Екатерина создала блистательное положеніе латинской церкви, возвысивъ значеніе перваго іерарха ея и сосредоточивъ подъ его властію всѣхъ латинянъ Россіи тогдашнихъ и имѣвшихся въ виду будущихъ латинянъ другихъ областей раздѣляемой Польши.

Понятно, что при такой заботливости о благоустройствѣ поляковъ, латинянъ и даже іезуитовъ, естественно было что нибудь сдѣлать и для уніатовъ. Имъ дано консисторское устройство съ ихъ архимандритомъ Ираклеемъ Лисовскимъ во главѣ, а въ 1785 г. этотъ архимандритъ возведенъ въ санъ епископа. Уніаты и стали возсоздавать свою церковь изъ развалинъ и заботиться объ ея благоустройствѣ. Но, что всего важнѣе, Екатерина издала новый законъ о вѣротерпимости въ Россіи, существенно измѣнившій старую русскую вѣротерпимость, потому что онъ далъ иновѣрію государственную равноправность съ православіемъ, чего прежде не было. Правда, онъ сохранилъ старое преимущество православной Церкви, — право распространенія, котораго, по старому порядку, лишались всѣ иновѣрныя исповѣданія. Но въ дѣйствительности это-то право православія на распространеніе и пострадало прежде всего отъ этого закона, а затѣмъ и на уніи оно такъ отразилось, что она весьма скоро пошла къ латинству и полонизму съ такою силою и быстротою, какихъ прежде никогда не знала, и ее до Іосифа Сѣмашки уже не могли надолго остановить на этомъ пути никакія усилія талантливѣйшихъ и благожелательнѣйшихъ къ Россіи уніатовъ.

Новый законъ вѣротерпимости не мѣшалъ единичнымъ переходамъ въ православіе, но массовыя обращенія, единственно возможныя въ средѣ крѣпостнаго народа, оказывались противными ему, а ложная политика ласкать поляковъ въ виду будущихъ раздѣловъ Польши повела къ запрещенію не только массовыхъ обращеній, но даже и единичныхъ. Отсюда вышло слѣдующее: десятки тысячъ православныхъ, насильно обращенныхъ въ унію въ послѣднія времена Польши и незнавшихъ, какъ дождаться перваго раздѣла ея, чтобы сейчасъ же возвратиться въ православіе, задержаны были въ уніи новымъ закономъ о вѣротерпимости, и знаменитый бѣлорусскій святитель, Георгій Конисскій, восемь лѣтъ стучалъ во всѣ русскія двери милосердія, умоляя снять узы совѣсти съ этихъ несчастныхъ узниковъ уніи, которые цѣлыми толпами приходили къ нему съ мольбой принять въ православіе и нѣкоторые за это уже сильно страдали отъ мучителей-пановъ, т.-е. были вновь многострадальными исповѣдниками православія подъ русскою властію.

Унія этимъ чудовищнымъ способомъ неожиданно была подкрѣплена и въ ней естественно возбудилось еще большее желаніе создать изъ себя самостоятельную уніатскую церковь. Но эта мечта, неоставлявшая видныхъ уніатовъ до самаго начала дѣятельности Іосифа Сѣмашки, оказалась и теперь, какъ въ старину, пустою мечтою, и уніаты, какъ ни кидались въ разныя стороны, приходили въ худшее и худшее положеніе. Плоды того, что въ уніи они насильно удержаны десятки тысячъ православныхъ, достались не имъ, а латинянамъ, и уніатамъ пришлось еще непрерывно прибавлять къ нимъ и плоды своихъ старыхъ заботъ.

И мрачные іезуиты со своими фантастическими друзьями и либеральный митрополитъ новой въ Россіи латинской церкви, Сестренцевичъ, съ гуманными поляками его пастыми—всѣ направляли свои удары на унію, такъ какъ теперь она только одна, а не православные, какъ было прежде, могла удовлетворить ихъ латино польскій фанатизмъ. Они съ одинаковымъ усердіемъ сокрушали въ латинство сотни и тысячи уніатовъ, а гдѣ этого нельзя было дѣлать, тамъ они поднимали на свое дѣло старую злую силу въ уніи—базиліанскій орденъ,—это поистинѣ іезуитское отдѣленіе въ уніи,—который съ удвоенною ревностью искажалъ въ уніатскомъ богослуженіи послѣдніе остатки греко-славянскаго чина и полячилъ уніатовъ не въ однихъ только своихъ монастыряхъ, но и въ многочисленныхъ уніатскихъ приходахъ, лучшіе изъ которыхъ онъ давно забралъ себѣ.

Весь этотъ порядокъ до такой степени представлялся естественнымъ даже многимъ русскимъ, что при императорѣ Павлѣ выработался совершенно новый взглядъ на уничтоженіе уніи, именно, что уніаты должны переходить или къ намъ (православнымъ), или къ нимъ (латинянамъ), и этотъ взглядъ былъ заявленъ даже въ оффиціальномъ актѣ.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи предста-

витель уніатовъ, епископъ Ираклій Лисовскій, сталъ вопіять къ папѣ о благоустройствѣ уніатской церкви по греко-славянскому чину, а когда увидѣлъ тщету этихъ воплей, то отправился въ Іерусалимъ, чтобы у гроба Господня повѣдать Богу муки уніи и получить вразумленіе, гдѣ истина? Онъ вернулся оттуда дѣйствительно съ облегченнымъ сердцемъ и съ просвѣтленнымъ умомъ, къ сожалѣнію, не вполнѣ, и пошелъ къ сближенію съ Россіей и съ православной Церковію, заявлялъ это прямо и правительству и своей паствѣ, и съ большою смѣлостію повелъ дѣйствительно по этому пути свою церковь, даже служилъ самъ и заставлялъ другихъ служить по нашему православному служебнику, а съ базиліанами велъ упорную и умную борьбу.

Бѣлое уніатское духовенство откликнулось сердечно на этотъ призывъ Лисовскаго къ русскому оживленію уніи и изъ среды этого духовенства выдвинулись помощники ему, во главѣ которыхъ сталъ ближайшій сотрудникъ и затѣмъ преемникъ Лисовскаго по полоцкой каѳедрѣ Іоаннъ Красовскій.

Греко-славянскій чинъ въ уніатской церкви, повидимому, сталъ прочно возстановляться и злая уніатская сила—базиліане—повидимому, падала. Но въ дѣйствительности все это было непрочно и не могло быть инымъ, потому что даже эти знаменитые преобразователи уніи—Лисовскій и Красовскій—не имѣли мысли о православіи и не разставались съ мечтою образовать въ Россіи самостоятельную уніатскую церковь, независимую и отъ латинской церкви и отъ православной. Поэтому и русское правительство не могло дать имъ твердой опоры и старые господа ихъ поляки-латиняне могли удержать ихъ подъ своей властью. Они даже сдвинули съ мѣста и загубили лучшаго двигателя русскаго направленія въ уніи, архіепископа Красовскаго, и тогда сейчасъ же, даже на глазахъ этого страдальца, стали падать всѣ преобразованія Лисовскаго и его самого, а всѣ враги этого направленія стали подниматься одни за другими, взялись работать дружно на погубу уніи въ пользу латинства и полонизма и опять пошли совращенія уніатовъ въ большемъ и большемъ количествѣ, такъ что ко времени Іосифа совращенныхъ въ латинство уніатовъ уже числилось сто тысячъ. Иначе едва ли и могло быть, потому что надъ уніей, лишившей себя православной защиты, еще во времена Лисовскаго нависла новая латино-польская бѣда, погубившая всѣхъ предшествовавшихъ бѣдъ.

Въ началѣ настоящаго столѣтія, извѣстный князь Адамъ Чарторыйскій сталъ раскидывать по всей западной Россіи коварную сѣть латино-польскаго образованія. Кромѣ высшихъ заведеній, какъ виленскій университетъ съ духовною академіей и кременецкій лицей, и кромѣ многихъ гимназій съ свѣтскимъ учебнымъ составомъ, Чарторыйскій обратилъ свое вниманіе на уніатскія учебныя силы, даже очень большое вниманіе, потому что главною его цѣлью было ополяченіе въ западной Россіи всего русскаго. Онъ сталъ пересоздавать базиліанскій орденъ изъ аскетическаго въ учебно-воспитательный т. е. въ чисто іезуитское учрежденіе съ польскою основою, тоже, что теперь въ Галиціи змартыхвстанцы, и завелъ при важнѣйшихъ уніатскихъ монастыряхъ свѣтскія школы средняго образованія. Онъ позаботился привлечь къ себѣ и бѣлое уніатское духовенство. Онъ открылъ лучшимъ его силамъ доступъ въ виленскую латинскую главную семинарію или академію, что естественно усилило старыя домогательства бѣлаго уніатскаго духовенства имѣть у себя и другія учебныя заведенія, семинаріи, низшія духовныя и приходскія училища, а такъ какъ этому противодѣйствовали базиліане, то лучшіе представители бѣлаго духовенства вступали въ жестокую борьбу съ этимъ орденомъ.

Въ этой борьбѣ Чарторыйскій—этотъ попечитель польскій акробатъ на русской землѣ, медвѣдь смѣло отъ русскаго столба, утвержденнаго въ русской средѣ, къ польскому столбу,—возстановленію Польши въ западной Россіи,—опытными руками склонялъ балансъ своихъ милостей то въ ту, то въ другую уніатскую сторону—въ базиліанскую и бѣлаго духовенства—и не безъ основанія разсчитывалъ, что когда онъ отойдетъ по своему канату на значительное разстояніе отъ русскаго столба, то обѣ части уніатскихъ зрителей—и базиліане и бѣлые священники сойдутся въ единодушныхъ ему рукоплесканіяхъ; а когда онъ дойдетъ до польскаго столба, то они его торжественно снимутъ съ каната и за одно съ поляками устроятъ ему пиръ въ честь мирнаго возстановленія Польши на русской землѣ, на русскія деньги и при содѣйствіи русскихъ людей.

Этого не случилось не по винѣ Чарторыйскаго. Даже въ царствованіе Александра I нѣкоторые русскіе прозрѣвали, что дѣлаетъ Чарторыйскій, пошатывали его русскій столбъ, и канатъ съ этой стороны трещалъ, а когда Чарторыйскій далеко уже ушелъ по своему канату, но не дошелъ еще до польскаго столба, настали времена виленскихъ университетскихъ мечтаній, настали затѣмъ времена чисто русскаго министра Шишкова и начало новаго царствованія Николая Павловича; тогда сильно зашатался русскій столбъ Чарторыйскаго, затрещалъ весь канатъ, и едва акробатъ успѣлъ счастливо соскочить, какъ оборвался канатъ съ обоихъ концовъ, потому что и польскій столбъ рухнулъ въ польской смутѣ 1830—1831 гг.

Вотъ положеніе уніатской церкви до Іосифа Сѣмашки и въ первые годы его общественнаго служенія. Кто изъ уніатовъ и какъ прозрѣвалъ это положеніе? Прозрѣвали нерѣдко и лучшіе изъ бѣлаго уніатскаго духовенства, но прозрѣвали собственно не зло учебной системы Чарторыйскаго, а то, что имъ погубно стоять заодно съ базиліанами.

Въ этомъ сознаніи они усердно раскрывали нашему правительству базиліанское зло, изъ чего русскіе государственные люди ураумѣвали и общій строй дѣлъ уніи. Съ осо-

бенною ясностію и силою эти болѣе видные уніатскіе дѣятели раскрывали и вопіяли, что латиняне больше и больше сокращаютъ уніатовъ въ латинство, особенно своихъ крѣпостныхъ. Но въ этихъ случаяхъ вопли и усилія этихъ дѣятелей предотвратить гибель уніи походили на то, какъ если бы кто, желая сберечь послѣдній запасъ свѣжей воды, сталъ лить ее въ рѣшето и затѣмъ вопіялъ бы, что она куда-то уходитъ. Безъ мысли о православіи, съ мечтою о самостоятельности уніатской церкви, при латино-польскихъ новшествахъ въ ней и при польскомъ образованіи, невозможно было спасти уніи отъ поглощенія ея латинствомъ *). Въ этомъ отношеніи всѣ видные уніаты того времени: Антоній Тупальскій, Антоній Сосновскій и даже славистъ Михаилъ Бобровскій стоятъ позади Лисовскаго и Красовскаго, которые, хотя также мечтали о самостоятельности уніатской церкви и не шли къ православію, но, по крайней мѣрѣ, твердо стояли на почвѣ церковно-славянскаго и русскаго направленія и не поддавались въ польскую сторону. Видные уніаты брестской капитулы, виленской консисторіи и виленской академіи поддавались этому польскому направленію, держались Чарторыйскаго и его учебной системы, а за русское направленіе стали приниматься лишь со временъ Шишкова, но до мысли о православіи и тогда не дошли, по крайней мѣрѣ, это до сихъ поръ неизвѣстно, а извѣстно лишь то, что ихъ донелъ до этой мысли Іосифъ Сѣмашко.

Изъ всѣхъ видныхъ уніатовъ того времени только Іосифъ Сѣмашко, а за нимъ сейчасъ Антоній Зубко, одни ясно увидѣли бездну, до края которой приблизилась въ ихъ время уніатская церковь, и первые они уразумѣли, что единственное средство спасти ее отъ поглощенія латинствомъ и полонизмомъ,—это русское православіе.

Почему имъ первымъ изъ всѣхъ видныхъ уніатовъ далось это ясное разумѣніе дѣлъ? Они были высоко образованные люди, но не выше всѣхъ; напротивъ, славистъ Бобровскій стоялъ гораздо выше ихъ въ научныхъ знаніяхъ, а Тупальскій и Сосновскій въ знаніи уніатскихъ дѣлъ. Сѣмашко и Зубко были поразительно даровиты, особенно Іосифъ, въ дѣлахъ котораго можно находить явственные признаки геніальности, и передъ ними останавливались въ изумленіи и проницательный М. И. Муравьевъ и желчный Вигель; но и даровитыхъ людей въ уніатской церкви тѣхъ временъ было много, а Лисовскій и Красовскій даже поражаютъ своею талантливостью. Почему же такое счастіе уразумѣть правильно дѣла уніатской церкви не давалось другимъ видимымъ уніатамъ, а далось Іосифу и за нимъ Антонію? Потому, что при всѣхъ другихъ счастливыхъ условіяхъ, въ душахъ Іосифа и Антонія вѣрнѣе хранились завѣты старой западно-русской жизни и ихъ сердца сильнѣе бились народными скорбями и радостями. Изъ числа всѣхъ видныхъ уніатовъ того времени Іосифъ Сѣмашко и Антоній Зубко были несомнѣнно болѣе чистыми выразителями,—одинъ народныхъ началъ малорусской жизни, а другой бѣлорусской, и потому оба они прежде другихъ и лучше другихъ видныхъ уніатовъ сошлись на признаніи, что русское и православное единеніе западной Россіи съ восточной—первѣйшая основа и задача жизни этихъ половинъ единаго русскаго народа.

Не такъ давно намъ случилось бесѣдовать съ двумя крестьянами, пріѣзжавшими въ Петербургъ изъ бѣльскаго уѣзда, гродненской губерніи, изъ деревни Черной Великой, недалеко отъ западнаго Буга и по сосѣдству съ мазурами, отъ которыхъ они приняли и нѣкоторыя особенности въ свою малорусскую рѣчь. Во время бесѣды объ ихъ дѣлахъ, о брестскомъ мученикѣ Аѳанасіѣ, глубоко ими чтимомъ, объ уніи и возсоединеніи, старшій изъ этихъ крестьянъ, старикъ около 70 лѣтъ, почти все молчалъ и только внимательно слушалъ. Вдругъ онъ сказалъ и даже какъ бы воскликнулъ: „колибъ не православіе, мы-бъ совсимъ сгинули“! и нѣсколько разъ повторялъ: „совсимъ сгинули-бы!“

Насъ несказанно поразило это ясное сознаніе простого православнаго, бывшаго до зрѣлыхъ лѣтъ уніатомъ,—сознаніе, совпадающее со всѣми научными изысканіями, какія мы могли производить въ нашу не малую уже жизнь. Это сознаніе было не въ одномъ простомъ народѣ. Если внимательно читать записки архіепископа Лужинскаго, особенно воспоминанія архіепископа Антонія Зубки и тѣмъ болѣе записки Іосифа съ ихъ приложеніями, то легко видѣть, что это же сознаніе заявляли многочисленные простые священники, когда узнавали, что теперь можно и удобно учить своихъ дѣтей даже на казенномъ содержаніи въ своихъ русскихъ училищахъ, когда возстановляли въ своихъ церквахъ греко-славянскій порядокъ, какъ было въ старину, и когда письменно заявляли свою готовность перейти въ православіе. Многимъ изъ такихъ уніатовъ даже правилась та, не всегда хорошая таинственность, съ какою подготовлялось возсоединеніе. Повидимому, оставалась унія, а въ дѣйствительности дѣло шло къ православію, и враги могли недоумѣвать, что это значитъ и какъ съ этимъ быть? Такой взглядъ раскрыть въ воспоминаніяхъ Антонія; имѣемъ и мы одинъ любопытный разсказъ въ томъ же духѣ—священника Андрея Кургановича. Когда послѣ собора 1831 г. Іосифъ, объѣзжая свою епархію, призывалъ тогда только самыхъ видныхъ уніатовъ идти за нимъ въ православіе, онъ прибылъ между прочимъ, въ Пружаны. Авторъ разсказываетъ, что всѣ знали, куда Іосифъ ведетъ ихъ, но почтительно молчали и по тону разсказа отца Андрея видно, что это всѣмъ нравилось и въ томъ числѣ самому автору. Не одна суетность заставляла этихъ уніатовъ радоваться такой

*) Просимъ читателей помнить, что все это, какъ и нижеслѣдующее во многихъ мѣстахъ, мы говоримъ только о видныхъ уніатахъ, стоявшихъ вверху, въ уніатскомъ управленіи. О простыхъ уніатскихъ священникахъ и о народѣ рѣчь будетъ иная.

таинственности въ ихъ дѣлахъ и недоумѣнію ихъ враговъ. Они смотрѣли на Іосифа, какъ на своего вождя, вѣрили въ него и берегли его отъ лишнихъ затрудненій *).

Вотъ въ этомъ то вѣрномъ храненіи старыхъ народныхъ западно-русскихъ завѣтовъ и въ умѣломъ, самоотверженномъ выполненіи ихъ и заключается разгадка силы и успѣха Іосифа Сѣмашки, и за это ему будетъ всегда неувядаемая слава. Безспорны также великая честь и слава русскому Царю Николаю I за то, что ясно понялъ величіе дѣлъ Іосифа, сталъ выше всѣхъ домашнихъ западническихъ и чужихъ западно-европейскихъ внушеній, предостереженій, опасеній, доблестно устоялъ въ ясномъ пониманіи историческихъ стремленій русскаго народа, и далъ Іосифу неизмѣнное довѣріе и неизмѣнную опору.

Возсоединеніе уніатовъ 1839 г. было бы гораздо шире и полнѣе, могло бы выступить далеко за предѣлы западной Россіи на юго-западъ,—въ холмскую область и въ Галицію, и даже сильно подѣйствовать на западныхъ славянъ, если бы наше русское общество больше тогда сознавало свои русскія и славянскія задачи и менѣе поддавалось иноземнымъ и польскимъ внушеніямъ, т. е. было болѣе развито.

Многое изъ того, что я имѣлъ честь разсказать здѣсь до сихъ поръ, находится въ большомъ разногласіи, если не сказать, противорѣчіи съ воззрѣніями, изложенными во многихъ книгахъ, даже учебныхъ, и вошедшими въ кругъ обычныхъ нашихъ понятій.

Объ этомъ разногласіи или даже противорѣчіи я скажу здѣсь лишь слѣдующее. Былъ въ нашей исторической жизни Петръ Великій; онъ разрушилъ нашу русскую замкнутость и дурную и хорошую, раскрылъ всѣ ворота Россіи для напливa всяческаго западно-европейства и всякихъ западно-европейцевъ, но не предвидѣлъ, что отъ всего этого у насъ воспитается много своихъ западно-европейцевъ, непомнящихъ ни своего русскаго родства, ни своихъ русскихъ завѣтовъ. Теперь, я думаю, естественно желать и пора желать, чтобы въ славянскомъ мірѣ явился новый Петръ Великій,—славянскій Петръ Великій, который бы съ такою же силою повернулъ славянскій міръ отъ разлагающаго вліянія западной Европы къ востоку,—не къ азіатству, не къ невѣжеству, а къ разработкѣ и охранѣ началъ славянской самобытности; а такъ какъ геніи являются не по нашему желанію и являются очень рѣдко, то намъ остается усиленно и согласно работать соединенными силами,—всѣмъ, въ комъ жива славянская душа и кто можетъ вмѣщать самоотверженіе для служенія славянству.

*) Впрочемъ, извѣстно, что многіе изъ уніатскаго народа и уніатскихъ священниковъ были болѣе нетерпѣливы, предпочитали прямой образъ дѣйствій и потому, не дожидаясь общаго возсоединенія 1839 г., шли сами прямо въ православіе, особенно тамъ, гдѣ по близости было православное населеніе и православное епархіальное управленіе, какъ въ губерніяхъ: могилевской, минской, волынской и (съ 1833 г.) витебской.

Стихотвореніе, прочитанное В. И. Аристовымъ.

Царь Лазарь и царица Милица.

Какъ за ужиномъ сидитъ царь Лазарь,
Съ нимъ сидитъ царица Милица.
Говоритъ царица Милица:
„Ты послушай, государь мой, Лазарь,
Золотая сербская корона!
Ты уходишь завтра на Косово.
Всеводъ и слугъ берешь съ собою,
Никого ты здѣсь не оставляешь,
Кто бы могъ къ тебѣ съ письмомъ отъѣхать
На Косово и назадъ вернуться.
Ты уводишь моихъ девять братьевъ,
Девять братьевъ, Югович красныхъ;
Хоть единаго изъ нихъ оставь мнѣ,
Чтобъ сестрѣ онъ былъ въ бѣдѣ защитой!“
Ей на это Лазарь отвѣчаетъ:
„Государыня моя, Милица!
Ты скажи, кого-жъ тебѣ оставить?“
—„Ты оставь мнѣ Югович Бошка!“
Отвѣчаетъ ей на это Лазарь:
„Государыня моя, Милица!
Завтра утромъ, какъ взойдетъ день бѣлый.
День взойдетъ и солнце просіяетъ
И врата отворятся градскія,
Ты ступай и стань подъ воротами,
Какъ пойдетъ рядами наше войско:
Передъ ними будетъ Югович Бошко,
Понесетъ онъ знамя войсковое;
Отъ меня скажи ему ты милость,
Царское мое благословенье,
Чтобъ отдалъ, кому захочетъ, знамя
И съ тобою въ теремѣ остался!“
Какъ на завтра утро засіяло,
Отперли ворота городскія,
Выходила госпожа царица
И въ воротахъ самыхъ становилась.
Вотъ идетъ дружина за дружиной,
Борзы кони подъ оружьемъ бранными;
Передъ ними Югович Бошко
На конѣ червонномъ, весь во златѣ,
И покрытъ онъ знаменемъ Христовымъ—
До коня покрылся до лихого;
А на знамени насаженъ яблокъ,
Золотымъ крестомъ пріосѣненный,
А съ креста висятъ златыя плети—
Надаютъ Юговичу на плечи.
Подошла къ Юговичу царица,
За узду коня остановила,
Обвила руками шею брату
И ему сказала тихо-тихо:
„Милый братъ мой, дорогой мой Бошко,
Царь тебѣ дастъ благословенье—
Не ходить съ полками на Косово,
А отдать, кому захочешь, знамя
И со мною въ городѣ остаться,
Быть сестрѣ защитой и помогой!“
Ей на это Бошко отвѣчаетъ:
„Воротися ты въ свой теремъ бѣлый!
Мнѣ не слѣдъ съ тобою оставаться,
Покидать святое наше знамя,
Хоть дари мнѣ, царь, свой градъ Крушевецъ!
Что тогда заговоритъ дружина:
Окаянный трусъ, измѣнникъ Бошко!

Онъ идти боится на Косово,
Кровь пролить за честный крестъ Господень,
Умереть за вѣру за святую!"
И съ конемъ промчался онъ въ ворота.
Вотъ и старый Югъ-Богданъ съ дружиной.
Семь за нимъ Юговичей позади;
Всѣхъ она проспла по порядку—
Ни одинъ и посмотрѣть не хочетъ.
Малое за тѣмъ проходитъ время,
Выѣзжаетъ и Юговичъ-Воинъ
Съ царскими ретивыми конями—
Были кони въ золотыхъ попонахъ—
И подъ нимъ она коня схватила,
Обвила руками шею брату
И ему сказала тихо-тихо:
„Милый братъ ты мой, Юговичъ-Воинъ,
Царь тебѣ даетъ благословенье—
Передать коней, кому желаешь,
И со мною въ городѣ остаться—
Быть сестрѣ защитой и помогой!"
Отвѣчаетъ ей Юговичъ-Воинъ:
„Воротись, сестра, въ свой теремъ бѣлый!
Мнѣ не слѣдъ съ тобою оставаться
И коней передавать царевыхъ,
Хоть бы зналъ, что лягу на Косовѣ!
Нѣтъ, я ѣду во чистое поле
Кровь пролить за честный крестъ Господень,
Умереть за вѣру за святую!"
И съ конемъ промчался онъ въ ворота.
Какъ царица это услыхала,
Она пала на холодный камень.
Она пала, память потеряла.
Вотъ и Лазарь славный проѣзжаетъ:
Онъ увидѣлъ госножу Милицу,
Какъ увидѣлъ онъ, заплакалъ горько,
Посмотрѣлъ на право и на лѣво,
Громко кличетъ слугу Голубана:
„Голубанъ, слуга мой вѣрный,
Ты покинь свою лошадь бѣлу,
Подними на руки царицу
И снеси ее въ высокъ теремъ,
А ужъ грѣхъ тебѣ Господь отпуститъ,
Что не будешь съ нами на Косовѣ!"
Какъ услышалъ Голубанъ тѣ рѣчи,
Залился онъ горькими слезами,
Лошадь бѣлу у воротъ покинулъ,
Взялъ царицу на бѣлыя руки
И отнесъ ее въ высокій теремъ,
Но не могъ онъ одолѣть сердца,
Не идти съ братьями на битву:
Воротился, ва кова прыгнулъ
И пустился прямо на Косово.
Какъ на завтра, зарей, ранымъ-рано,
Прилетѣли два черные врана,
Воронья съ Косова чиста поля
И на теремъ бѣлый опустились,
На высокій Лазаревъ ли теремъ.
Одинъ крикнулъ, а другой промолвилъ:
„Этоль будетъ бѣлый царскій теремъ?
Что то въ немъ да никого не видно!"
Знать, никто не слышалъ этой рѣчи—
Услыхала госножа царица,
Передъ теремъ вышла передъ бѣлый,
Тихо молвитъ воронымъ тѣмъ черными:
„Богъ вамъ въ помочь, черные два врана!
Вы откуда, два врана, такъ рано?
Не съ Косова ль поля боеваго?
Не видали-ль тамъ двухъ сильныхъ ратей?
Не видали-ль какъ онѣ сразились,
И какое войско побѣдило?"
Воронья царицѣ отвѣчаютъ:
„Госножа царица, ты, Милица,
Мы летимъ съ Косова чиста поля,
Видѣли двѣ рати на Косовѣ,
Межъ собой онѣ вчера сразились,
Два царя тамъ головы сложили,
Малость малая осталась турка,
А у серба, что хоть и осталось,
Все то раны, всѣ-то кровью пьяны"!
Какъ они съ царицей говорили,
Милутинъ къ воротамъ подъѣзжаетъ,
Держитъ руку правую да въ лѣвой;
У него семнадцать ранъ на тѣлѣ,
Да и конь его весь кровью облитъ.
Говоритъ царица Милутину:
„Что съ тобою, Милутинъ мой вѣрный?
Что лицомъ ты пасмуренъ, не веселъ?
Или выдалъ князя на Косовѣ?
Милутинъ царицѣ отвѣчаетъ:
„Госножа, спусти меня ты на земь
И умой холодною водою,
Да виномъ облей меня ты краснымъ:
Одолѣли меня тяжки раны"!
Тутъ съ коня сняла его Милица,
Чистою водой его умыла
И виномъ облила его краснымъ.
Какъ немного Милутинъ ожилъ,
Стала спрашивать его царица:
„Что, скажи мнѣ, было на Косовѣ?
Какъ погибъ тамъ славный царь нашъ Лазарь?
Какъ погибъ тамъ Югъ-Богданъ могучій?
Какъ его Юговичи погибли?
Какъ погибъ тамъ Милошъ воевода?
Какъ погибъ Вукъ Бранковичъ смѣлый?
Какъ погибъ Страхинья Бановичъ"?
Тутъ слуга разсказывать началъ:
„Всѣ остались на Косовомъ полѣ!
Гдѣ погибъ нашъ славный царь Лазарь,
Много тамъ поломано копьевъ.
И турецкихъ копьевъ, и сербскихъ,
Только сербскихъ больше, чѣмъ турецкихъ,
Какъ они царя оборонили,
Именитаго Лазаря князя.
Югъ-Богданъ погибъ еще сначала,
Въ самой первой схваткѣ съ бусурманомъ;
Тамъ и восемь Юговичей надо,
Ни одинъ изъ нихъ не выдалъ брата:
Всякій бился, сколько силъ хватило.
Уцѣлѣлъ одинъ Юговичъ-Бошко:
По Косову знаменемъ онъ вѣялъ,
Разогналъ и распугалъ онъ турокъ,
Словно соколъ голубей пугливыхъ.
Гдѣ въ крови бродили по колѣно.
Тамъ погибъ нашъ Бановичъ-Страхинья;
Милошъ палъ по край рѣки Ситницы.
Край Ситницы, край воды студеной;
Онъ убилъ у нихъ царя Мурата
И еще двѣнадцать тысячъ войска.
Да проститъ тому грѣхи Всевышній,
Кто родилъ намъ Милоша на свѣтѣ!
Но себѣ оставилъ онъ память,
Вѣкъ о немъ разсказывать будутъ,
Пока есть жива душа на свѣтѣ
И стоитъ Косово чисто поле!
А что спрашиваешь ты про Вука:

Будь онъ проклятъ и съ отцомъ будь проклятъ!
Проклятъ будь и родъ его и племя:
Онъ царя злодѣямъ выдалъ на Косовѣ
И увелъ съ собой двѣнадцать тысячъ,
Какъ и самъ, измѣнниковъ лютыхъ".

Статья проф. И. С. Палимова.

Славянство 1000 лѣтъ тому назадъ и теперь.

Обыкновенно торжественныя собранія Славянскаго Общества пріурочиваются къ днямъ памяти св. вашихъ Первоучителей Кирилла и Меѳодія. Основанія для этого понятны и извѣстны вѣроятно каждому изъ присутствующихъ здѣсь, такъ какъ съ именами св. Кирилла и Меѳодія нераздѣльно связана идея, которая служитъ для насъ—членовъ Славянскаго Общества и которая—кстати замѣтить—должна бы служить и для всякаго славянина одушевляющимъ и руководящимъ началомъ въ общей нашей славянской жизни и дѣятельности. Поэтому въ настоящій разъ, въ день *общей* памяти св. нашихъ Первоучителей (11 мая) не неумѣстно напомнить нѣкоторыя историческія особенности современной имъ эпохи, съ тѣмъ, чтобы указать на отношеніе къ ней (т. е. къ эпохѣ св. Первоучителей) и нашей славянской современности. Въ настоящее время и въ литературѣ, и въ обществѣ, даже въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ можно встрѣтить не мало скептиковъ, которые сомнѣваются въ осуществленіи той славянской идеи, которую заповѣдали намъ св. наши Первоучители: нѣтъ—говорятъ—заповѣданнаго ими единства славянъ, а наоборотъ—центробѣжныя силы въ славянствѣ, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ и доселѣ, съ такимъ успѣхомъ дѣйствовали и дѣйствуютъ, что самый вопросъ о единствѣ въ будущемъ можетъ быть поставленъ и рѣшенъ будто бы только въ смыслѣ отрицательномъ. Безъ сомнѣнія, и въ исторіи можно подъискивать фактическія доказательства для оправданія этого поспѣшнаго заключенія, но главныя причины однако не въ нихъ, а въ общемъ пессимистическомъ настроеніи, опредѣляющемся ближайшимъ образомъ наблюденіями и впечатлѣніями современной жизни и отношеній славянъ. Застарѣлые грѣхи нашего „европейничанья" въ разныхъ видахъ и формахъ еще замѣтны и сильны настолько, что мы нерѣдко свысока смотримъ на междуславянскія отношенія: не изучая ихъ, мы поспѣшно составляемъ тотъ или другой приговоръ на основаніи первыхъ, хотя бы иногда и немимолетныхъ, но все-таки односторонникъ наблюденій и т. под. Психологически понимаю и раздѣляю отчасти патріотическую скорбь истинно-русскихъ людей о нашихъ русскихъ неудачахъ на православномъ юго-востокѣ и въ славянскомъ мірѣ, которыя постигли насъ и все славянство послѣ Берлинскаго конгресса. Въ частности, не могутъ конечно внушать намъ ничего утѣшительнаго отношенія къ Россіи—къ счастію теперь можемъ сказать—уже печальной памяти сербскихъ напредняковъ съ ех-королемъ Миланомъ во главѣ, отношенія теперешнихъ болгарскихъ наличниковъ во главѣ съ Стамбуловымъ и Кобургомъ, отношенія сосѣдней Румыніи и болѣе отдаленной Греціи и т. д. Не будемъ однако въ настоящій разъ изслѣдовать причины этихъ прискорбныхъ недоразумѣній, часть которыхъ теперь начинаетъ проясняться, и есть уже основанія для лучшихъ дней и лучшихъ надеждъ славянства. Обратимъ только вниманіе на нѣкоторыя историческія обстоятельства, которыя могутъ внушить намъ болѣе правильную точку зрѣнія на славянскія отношенія. Для этого—какъ замѣчено—я избираю эпоху жизни и дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія. Не буду при этомъ оставаливаться на біографіи ихъ, всѣмъ вѣроятно извѣстной; но обращу вниманіе на современныя имъ взаимоотношенія славянъ. Точкою отправленія для насъ будутъ служить слова предсмертной молитвы св. Кирилла, съ которою по мысли сходно и содержаніе послѣдняго завѣщанія Меѳодія своимъ ученикамъ*). Въ обоихъ этихъ предсмертныхъ памятникахъ св. нашихъ Первоучителей заключаются какъ бы правила жизни и отношеній славянской ихъ паствы, завѣтъ ихъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ въ дальнѣйшей ихъ жизнедѣятельности. Завѣтъ этотъ имѣетъ отношеніе ко всей тогдашней, настоящей и будущей ихъ славянской паствѣ. Прежде всего, упомянутый предсмертный завѣтъ св. Кирилла изложенъ въ формѣ слезной его молитвы къ Богу (какъ замѣчаетъ о томъ его житіе: „и воздвигъ къ Богу руцѣ свои, сътвори молитву съ слезами"), въ которой онъ молится объ избавленіи всѣхъ (ближайшимъ образомъ своей паствы) отъ всякой безбожной и поганской злобы (т. е. отъ язычниковъ) и отъ всякаго многорѣчиваго и хульнаго еретическаго языка, богохульствующаго, молится о погубленіи трезычной ереси и о возвращеніи церкви, о единомысліи и единеніи всѣхъ въ истинной вѣрѣ Христовой и правомъ ея исповѣданіи, о насажденіи въ сердцахъ ихъ словесъ Христова ученія. Молится наконецъ объ ограженіи и укрѣпленіи ихъ подъ покровомъ всемогущей десницы Божіей: „Благословенъ Богъ нашъ, иже не дасть насъ въ лонитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но сѣть ихъ сокрушися и избави ны отъ истлѣнія ихъ" (Ж. К., гл. XVIII). Къ кому должны быть относимы слова этой молитвы,—понятно само собою. Понятно, что они выражаютъ собою смыслъ всей исторической обстановки жизнедѣятельности св. братьевъ, ближайшимъ образомъ среди славянъ. Тутъ прежде всего св. Кириллъ молится объ избавленіи отъ безбожной и поганской злобы и еретическаго языка, а равно и о погубленіи въ частности трезычной ереси, съ которой приходилось бороться св. братьямъ въ Моравіи, затѣмъ въ Венеціи (при первомъ путешествіи въ Римъ) и въ самомъ наконецъ Римѣ. Средствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлью этой борьбы со всѣмъ окружающимъ зломъ,

*) См. слова предсмертной молитвы св. Кирилла и завѣщанія св. Меѳодія выше—въ рѣчи 14 февр. 1885 г. «Объ историческомъ значеніи нынѣшняго Велеграда».

со всѣми препятствіями для успѣха и роста юнаго славянскаго христіанскаго общества, св. Кириллъ считаетъ единодушіе, любовь и единомысленное исповѣданіе истины й вѣры Христовой, словомъ полное духовное единеніе ближайшимъ образомъ бывшей въ то время его славянской паствы и затѣмъ всѣхъ остальныхъ славянъ, имѣющихъ войти въ составъ новоосновапной славянской церкви, начало которой положено трудами его (т. е. Кирилла) и брата его Меѳодія. Но прежде чѣмъ достигнуть полнаго духовнаго единенія всѣхъ славянъ, предстояло послѣднимъ пройти цѣлый рядъ испытаній, которыя пережилъ и наблюдалъ въ своей жизни св. Кириллъ и которыя онъ могъ предвидѣть и въ будущемъ послѣ своей кончины. Побѣдить и восторжествовать надъ всѣми этими испытаніями зависѣло отчасти отъ самихъ славянъ, и главное противъ того оружіе у нихъ заключается въ единодушіи и единомысліи. Но современная св. Кириллу жизнь и отношенія славянъ къ окружающимъ ихъ народамъ и государствамъ представляли слишкомъ много препятствій къ тому, чтобы завѣтъ его о единомысліи былъ сознанъ и проведенъ вполнѣ въ жизни славянскихъ народовъ. Спѣшимъ прибавить, что этотъ завѣтъ не осуществился и доселѣ, остается и до сихъ поръ только идеаломъ, предначертаннымъ всѣмъ намъ св. нашимъ Первоучителями. И въ настоящее время, какъ и во время жизни и въ самый наконецъ моментъ блаженной кончины св. Кирилла, славянство остается еще на пути, болѣе или менѣе тернистомъ, къ осуществленію завѣтовъ своихъ святыхъ Первоучителей. Пусть нѣкоторые даже и у насъ, не говоря уже объ открытыхъ врагахъ славянскаго единенія въ западной романо-германской Европѣ, сомнѣваются и пожалуй отрицаютъ возможность этого единенія. Исторія въ этомъ отношеніи способна разсѣять нѣкоторыя недоумѣнія и показать путь къ нелицепріятному разъясненію этихъ недоумѣній. Избираю для этого— повторяю — періодъ жизнедѣятельности святыхъ солунцевъ между славянами, въ особенности тотъ періодъ, который разумѣлъ на основаніи личнаго опыта св. Кириллъ, обобщая повидимому факты своего опыта въ высокознаменательныхъ и поучительныхъ словахъ своей предсмертной молитвы.

Въ какомъ положеніи находилось тогда славянство и какъ это положеніе отражалось въ умопредставленіи св. братьевъ и въ частности св. Кирилла? Вопросъ этотъ естественно вызываетъ нѣкоторыя историческія аналогіи, имѣющія отношеніе къ современной жизни славянства.

Ко времени отправленія св. солунскихъ братьевъ въ великоморавскую миссію къ славянамъ, въ самый моментъ отправленія и послѣдующей ихъ дѣятельности у зап. славянъ, слѣдующіе политическіе факторы обусловливали ихъ миссію. Начавшееся и проявившееся различіе и даже раздѣленіе между христіанскимъ востокомъ и западомъ ранѣе IX в., къ этому времени, благодаря столкновенію папы Николая I съ представителями восточной имперіи и церкви въ частности съ патр. Фотіемъ, приняло извѣстное опредѣленное направленіе, закончившееся актомъ т. н. раздѣленія церквей въ половинѣ XI в. (1054 г.). Интересы христіанскаго запада и въ частности интересы Рима противъ восточной имперіи защищали теперь западные государи. Между этими двумя враждующими политическими факторами находились славяне—одни, жившіе ближе и даже въ самыхъ владѣніяхъ восточной имперіи, а другіе—ставшіе въ ближайшее соприкосновеніе съ западомъ, который со времени Карла Великаго все сильнѣе и сильнѣе наступалъ на сосѣднюю восточную территорію, занятую славянами. Въ частности, ближайшіе къ восточной имперіи славяне южные (не говорю о восточной русской вѣтви)—одни, ѳракійскіе и македонскіе славяне, находились въ полной зависимости отъ имперіи и ея культурнаго вліянія; затѣмъ въ вассальныхъ политическихъ отношеніяхъ находились и предки нынѣшнихъ сербовъ королевства и другихъ частей сербской территоріи; западные сосѣди сербовъ, ихъ ближайшіе сородичи—хорваты, по прибытіи своемъ на занимаемую территорію въ VII в., оставались также въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Византіи, пока на время не были подчинены напиравшимъ съ запада франкамъ, отъ которыхъ однако имъ удалось освободиться въ началѣ второй четверти IX столѣтія, добиться слѣдовательно нѣкоторой независимости, но вѣроятно съ признаніемъ всетаки вассальныхъ отношеній къ Византіи. Но крайней мѣрѣ, въ началѣ послѣдней четверти IX столѣтія на хорватскій княжескій престолъ вступилъ нѣкто Седеславъ, вызвавшій изъ Византіи, при содѣйствіи императора Василія Македонянина, греческихъ священниковъ для крещенія своихъ подданныхъ, можетъ быть для крещенія тѣхъ изъ нихъ, которые не крестились ранѣе, т. е. въ VII вѣкѣ (при Иракліи), отъ римскихъ священниковъ. Также поступили въ это время и сербы. Сербы остались съ этихъ поръ и навсегда въ неразрывномъ союзѣ съ востокомъ, а хорваты черезъ годъ (въ 879 году), благодаря убійцѣ Седеслава Браниміру, вступивъ въ союзъ съ Римомъ, впослѣдствіи уже не въ состояніи были высвободиться изъ этого плѣна, не смотря на довольно продолжительное сопротивленіе ихъ всепоглощающему вліянію Рима. Что же касается славянъ, вошедшихъ въ составъ основаннаго пришельцами—болгарами царства, то судьба ихъ и политическая роль въ то время связаны были съ судьбою и вообще политическими отношеніями тогдашней Болгаріи. Еще до IX вѣка и въ началѣ этого послѣдняго, именно при Крумѣ, болгары съ завоеванными ими славянами постепенно отбирали у Византіи бывшія ея владѣнія на Дунаѣ, за Дунаемъ и Балканами

Въ началѣ второй половины IX вѣка, когда вступилъ на Болгарскій престолъ Борисъ, враждебныя отношенія Болгаріи къ Византіи не прекращались и при немъ, но крайней мѣрѣ до принятія имъ крещенія въ 861 или

въ началѣ 865 г., а нѣкоторыя колебанія въ политикѣ продолжались и послѣ, начались даже черезъ годъ послѣ его крещенія сношеніями съ Римомъ въ частности по вопросу о самостоятельномъ архіепископѣ - патріархѣ, на поставленіе котораго для Болгаріи на первыхъ порахъ не соглашались въ Царградѣ. Моментомъ враждебныхъ отношеній Болгаріи къ Византіи пытались воспользоваться и отчасти достигли этого нѣмцы, съ кородемъ которыхъ. Людовикомъ, сносился Борисъ еще до своего крещенія, сообщая ему между прочимъ о своемъ желаніи принять крещеніе. Папа съ своей стороны благословилъ союзъ Людовика съ язычникомъ Борисомъ, союзъ, направленный между прочимъ противъ моравскаго князя Ростислава. Нужно въ частности замѣтить, что и въ моментъ отправленія Константина и Меѳодія изъ Цареграда въ Моравію, Болгарія находилась въ немирныхъ отношеніяхъ къ Византіи и была на сторонѣ нѣмцевъ даже противъ сосѣднихъ славянъ. Только въ моментъ крещенія Бориса состоялось примиреніе его съ Византіею, отъ которой однако спустя годъ онъ опять обратился въ Римъ и сносился съ нѣмцами, пока на цареградскомъ соборѣ 869—870 г., послѣ неудачныхъ переговоровъ его съ Римомъ на счетъ самостоятельнаго архіепископа—патріарха, онъ опять не возвратился къ восточной церкви, и такимъ образомъ окончательно послѣ этого сблизилъ культурные интересы своей страны съ интересами христіанскаго востока. Такимъ образомъ до самой кончины св. Кирилла († 869) Болгарія находилась въ колебательномъ положеніи между двумя главными тогдашними культурно-политическими центрами, Римомъ и Византіей, склоняясь нерѣдко въ сторону перваго и его союзниковъ нѣмцевъ — враговъ православно-славянской миссіи св. нашихъ Первоучителей. Только послѣ кончины св. Кирилла она навсегда возсоединилась съ востокомъ и восприняла святое дѣло св. славянскихъ Первоучителей, въ особенности когда изгнанные изъ Моравіи ученики св. славянскихъ Первоучителей направились въ Болгарію, и съ радостію принятые здѣсь княземъ Борисомъ и его подданными, продолжали великую миссію своихъ равноапостольныхъ учителей для того, чтобы передать ея плоды и другимъ славянамъ. Въ такомъ положеніи находилась Болгарія во время жизни св. Кирилла и обоихъ братьевъ вмѣстѣ.

Что же касается западныхъ славянъ и главнымъ образомъ того центра, который началъ выростать въ могущественное государственное цѣлое политическаго велико-моравскаго союза, то общій смыслъ его исторіи въ вѣкъ св. братьевъ составилъ непзмѣнная и неустанная борьба съ западнымъ сосѣдомъ—нѣмцами. Начавшееся въ особенности съ Карла Великаго движеніе нѣмцевъ на востокъ по всей восточной линіи ихъ границъ съ славянами съ сѣвера на югъ и юго-западъ, захватившее въ сферу ихъ политическаго вліянія даже славянъ отчасти южныхъ (напр. хорватовъ и продковъ ныи. словенцевъ), послѣ Карла Великаго продолжало идти далѣе и обрушивалось всею своею тяжестію на ту часть западнаго славянства, которая можетъ быть подъ вліяніемъ нѣмецкаго Drang nach Osten и поспѣшила образовать болѣе или менѣе крѣпкое ядро будущаго велико-моравскаго союза. Первымъ объединителемъ разрозненнаго славянства въ это время былъ князь моравскій Моймиръ, вмѣсто котораго, насильственно низверженнаго, нѣмцы посадили Ростислава, также обманувшаго вполнѣ ихъ ожиданія и сдѣлавшагося виновникомъ вызова св. братьевъ въ Моравію около 862 г. Ростиславъ, умный политикъ, сторонникъ и защитникъ національно-самобытнаго развитія своей страны и народа, думавшій упрочить эту самобытность путемъ религіознаго и культурнаго сближенія съ востокомъ, всегда мужественно и энергически боролся противъ своихъ враговъ и притѣснителей, отстаивая независимость своей территоріи и защищая новое религіозно-просвѣтительное начало, принесенное св. братьями съ востока, начало, оспариваемое латино-нѣмецкимъ западомъ и въ частности ближайшими сосѣдями нѣмцами и латино-нѣмецкой іерархіей Зальцбурга и Пасавы. И Ростиславъ сталъ мученикомъ за эту идею мірской и духовной борьбы съ латино-нѣмецкимъ западомъ, будучи измѣнпически преданъ швабамъ и ослѣпленъ въ тюрьмѣ. А на престолъ его посаженъ былъ измѣнникъ Святополкъ въ 870 г. Итакъ въ моментъ пребыванія св. братьевъ въ Моравіи и затѣмъ въ Римѣ, до кончины св. Кирилла и въ годъ его кончины, моравскіе и сосѣдніе съ ними западные славяне вели отчаянную борьбу съ латино-нѣмецкимъ западомъ и можетъ быть успѣли бы и на этотъ разъ въ борьбѣ (какъ иногда до сихъ поръ Ростиславъ), еслибы не случилась измѣна со стороны мѣстнаго, именно нитранскаго князи Святополка, человѣка умнаго, но неспокойнаго, хорошаго полководца и дипломата, но не твердыхъ нравственныхъ принциповъ правителя, не понимавшаго сущности и значенія начатаго Ростиславомъ политическаго и церковнаго переустройства своей страны. Измѣною начавшееся его княженіе въ Моравіи, повидимому въ пользу нѣмцевъ и противъ своего дяди Ростислава, сопровождалось тотчасъ же измѣною ему со стороны его сюзереновъ. Святополкъ, заключенный по подозрѣнію въ тюрьму и освобожденный изъ нея, сталъ на сторону народнаго моравскаго дѣла, вступилъ было на путь своего предшественника дяди и продолжалъ упорно бороться съ нѣмцами, пока, наконецъ, не заключилъ выгоднаго для себя міра въ 874 г., обезпечивъ себѣ извѣстныя права на независимость, увеличивъ затѣмъ свою территорію новыми пріобрѣтеніями на счетъ сосѣднихъ славянъ (чеховъ, сербовъ—лужичанъ, поляковъ, словаковъ, а на югѣ частію, можетъ быть, серб-о-хорватовъ и словенцевъ и пр.) и водворяя вообще внутренній порядокъ въ странѣ. И въ это время борьбы Святополка съ нѣмцами

миссія Меѳодія, освобожденнаго изъ швабской тюрьмы подъ давленіемъ можетъ быть побѣдъ Святополка, при вынужденномъ содѣйствіи папы Іоанна VIII, имѣла значительный успѣхъ въ Моравіи и простирала благотворное свое вліяніе на сосѣднія славянскія земли. Въ это время крестился князь чешскій Боривой съ супругою своею Людмилою и другими подданными. Въ это время положено было начало христіанизаціи отчасти другихъ славянъ—славянъ полабскихъ, польскихъ (въ Краковской Польшѣ) и можетъ быть еще остальныхъ сосѣднихъ славянъ. Но не долго Святополкъ стоялъ въ сторонѣ отъ нѣмецкаго вліянія,—уже въ концѣ 70 годовъ IX столѣтія онъ снова подпалъ вліянію латино-нѣмецкой партіи при его дворѣ и нѣкоторое время оставался подъ этимъ вліяніемъ, хотя при этомъ онъ не рѣдко отстаивалъ политическую независимость своей страны отъ сосѣднихъ нѣмцевъ и даже расширялъ границы своей державы на счетъ сосѣдей. И замѣчательно, къ этому моменту правленія Святополка Моравіей относятся извѣстныя историческія затрудненія для Меѳодіева дѣла въ Моравіи. Меѳодій отправляется въ Римъ для оправданія предъ папою отъ обвиненій въ неправославіи и употребленіи славянскаго языка при богослуженіи. Возвратившись оправданнымъ въ Моравію, онъ испытываетъ опять прежнія затрудненія со стороны латино-нѣмецкой партіи, поддерживаемой Святополкомъ. Меѳодій ищетъ теперь (въ началѣ 80 годовъ того же IX ст.) защиты и покровительства въ Царградѣ, путешествуетъ туда и по возвращеніи въ Моравію снова предается своему великому дѣлу архипастырскаго служенія. Въ это время, не смотря на равнодушіе Святополка, онъ продолжаетъ даже неоконченный переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на языкъ славянскій. Не смотря на всѣ испытанія, онъ всею душею отдается своему великому служенію, вѣря въ побѣду и торжество своего праваго дѣла. Съ этою вѣрою онъ и умеръ 6 апрѣля 885 г., оставивъ въ наслѣдіе своихъ послѣдователямъ плоды своихъ апостольскихъ трудовъ и просвѣтительныхъ подвиговъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ положеніе славянства въ моментъ жизни и дѣятельности св. солунскихъ братьевъ! Вотъ при какихъ тяжелыхъ историческихъ испытаніяхъ приходилось дѣйствовать на пользу нашего рода св. нашимъ Первоучителямъ! И, несмотря на тяжелыя историческія испытанія, они однако не отступали отъ своего святаго намѣренія, съ вѣрою въ торжество великой религіозно-просвѣтительной идеи совершили свой подвигъ для организаціи славянской церкви, слѣдовательно, для культурнаго объединенія славянъ, для того, что нынѣ называютъ культурнымъ панславизмомъ, предлагая своимъ послѣдователямъ единодушіе, духовное единомысліе, какъ вѣрный залогъ торжества начатаго и оставленнаго ими въ наслѣдіе славянамъ великаго ихъ дѣла.

Не лучше, скажутъ, и нынѣшнее политическое положеніе славянства, разрозненнаго какъ и прежде, даже еще болѣе, на племенныя вѣтви, съ своими вѣроисповѣдными отличіями, съ взаимнымъ недовѣріемъ другъ къ другу, иногда съ враждебнымъ настроеніемъ и политическимъ соперничествомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и т. д. Не будемъ скрывать этихъ недостатковъ или можетъ быть нашихъ печальныхъ пороковъ, но мы должны сознать всѣ ихъ роковыя послѣдствія въ настоящее время. И въ настоящее время, какъ и въ вѣкъ св. Кирилла и Меѳодія, врагъ славянства одинъ и тотъ же въ лицѣ романо-германской Европы, въ частности теперь въ лицѣ пресловутой пройственной лиги мира, опирающейся между прочимъ и на религіозную пропаганду западныхъ миссіонеровъ среди славянъ и на православномъ юго-востокѣ, не смотря на различныя, иногда совершенно противоположныя, отношенія къ этому фактору у себя дома. Римъ и теперь, какъ прежде, играетъ въ этомъ отношеніи первостепенную роль. Теперешнее разновѣріе романо-германской Европы не мѣшаетъ ей дѣйствовать за-одно противъ греко-славянскаго міра, въ частности противъ славянъ. Пройственная лига мира—чрезъ одного своего сочлена—именно Австро-Угрію — давитъ и грозитъ дальнѣйшимъ давленіемъ на славянъ, входящихъ въ составъ этой монархіи и частію составлявшихъ нѣкогда великую Святополкову державу, а также и на другихъ славянъ—напр. южныхъ, которые въ особенности служатъ предметомъ ея своекорыстной эксплоатаціи. Увы! черножелтое знамя Австріи развѣвается уже въ Босніи и Герцеговинѣ, не смотря на неумолкаемый стонъ и вопли мѣстныхъ жителей, угнетаемыхъ теперь въ самыхъ святыхъ чувствахъ, въ самыхъ завѣтныхъ тайникахъ своей души, въ религіозной совѣсти, насилуемой іезуитами при усиленномъ содѣйствіи имъ швабско-мадьярскаго правительства. Къ сожалѣнію, нерѣдко сами славяне помогаютъ врагамъ разрушать свое славянское дѣло. Примѣровъ не мало въ современной жизни почти всѣхъ славянъ. А наиболѣе разительный примѣръ представляетъ современная Болгарія.

Но при всѣхъ, однако, тяжелыхъ испытаніяхъ для славянства надежды на лучшее его будущее не должны бы кажется исчезать, особенно при указаніи на аналогіи изъ исторіи второй половины IX вѣка.

Положеніе славянства, правда, все еще разрозненнаго, не можетъ быть названо худшимъ теперь, чѣмъ въ то отдаленное отъ насъ время. Есть даже признаки для лучшихъ надеждъ. Прежде всего, вмѣсто прежней восточно-христіанской имперіи Греческой незыблемо стоитъ и свѣтитъ своею свободою для всѣхъ славянъ покая восточно-христіанская имперія Славянская, одно уже существованіе которой служитъ залогомъ спасенія другихъ славянъ въ ихъ борьбѣ съ враждебными силами. Правда, на территоріи прежняго велико-моравскаго политическаго союза находятся теперь подневольныя, утратившія свою старую „кирилло-меѳодіевскую“ вѣру, славянскія народности, ослабляемыя врагами и другъ

другомъ, часто безправныя (въ особенности словаки и наши ближайшіе родичи—галицкіе и угорскіе русскіе). Но и здѣсь пробиваются новыя стремленія къ возвращенію старыхъ утраченныхъ началъ вѣры и жизни. Мы не можемъ не радоваться пробужденію у всѣхъ славянъ вообще національнаго чувства, стремленія и западныхъ славянъ къ возстановленію кирилло-меѳодіевскихъ завѣтовъ въ церкви, языкѣ и азбукѣ. Эти явленія извѣстны и нѣтъ нужды ихъ повторять. Замѣчается это не только у чеховъ, моравянъ и словаковъ, но обнаруживается и у словенцевъ, предки которыхъ въ прежнее время были также втянуты въ сферу латино-нѣмецкихъ интересовъ, но лишь при Коцелѣ непосредственно стали подъ вліяніе Кирилло - Меѳодіевской проповѣди. Извѣстны также стремленія и у хорватовъ, не говоря уже о православныхъ австро-угорскихъ сербахъ. Наконецъ, даже въ полусвободной Болгаріи, при всемъ несносномъ, царящемъ тамъ режимѣ, можно наблюдать тотъ отрадный фактъ, что православная кирилло - меѳодіевская церковь не только не уступаетъ тамъ передъ силою и злобою болгарскихъ палочниковъ, какъ бы желающихъ напомнить собой лютыхъ судей и мучителей Меѳодія (во время суда надъ нимъ латино-нѣмецкой іерархіи), но и выступаетъ противъ нихъ на духовную брань, въ лицѣ своихъ доблестнѣйшихъ іерарховъ, подвергшихся недавно насиліямъ и можетъ быть утѣшающихся теперь самою идеею страданія правды ради. Мы не можемъ не сочувствовать ихъ желанію возвратить своей измученной странѣ внутренній духовный міръ. Какой напримѣръ наступилъ вѣкогда въ Болгаріи въ царствованіе Бориса послѣ его возвращенія отъ Рима къ Цареграду и какой еще старались болѣе водворить потомъ пришедшіе сюда изгнанные изъ Моравіи ученики св. Первоучителей славянскихъ.

Но несравненно болѣе обрадовала весь славянскій міръ. Все жаждущее общаго блага славянство, извѣстная перемѣна политическихъ обстоятельствъ въ свободной Сербіи, которая, стряхнувъ съ себя иго „напрезвяковъ", обращается теперь за благословеніемъ для своей новой жизни и можетъ быть исторій къ единому законному представителю своей церкви и нашему недавнему дорогому гостю высокопреосвященнѣйшему митрополиту Михаилу. Вся православная Россія съ искреннимъ благопожеланіями провожаетъ своего любимаго гостя на любимую имъ и любящую его родину къ своему народу. Пусть же православіе его въ Сербію принесетъ этой странѣ дѣйствительное благословеніе и умиротвореніе, радость и счастье, которому отъ души будемъ радоваться мы и вмѣстѣ съ нами—разумѣется—всѣ искренніе славяне. При самомъ началѣ совершившейся государственной перемѣны въ Сербіи обнаружилось еще одно многознаменательное явленіе,—кромѣ чисто внутреннихъ улучшившихся измѣненій,—это фактъ, что неизмѣнно вѣрная началамъ православія и славянства, несокрушимо твердая въ охраненіи своихъ, завѣщанныхъ исторіею, народныхъ идеаловъ, вѣрная въ частности и преданіямъ сербства, юнацкая Червая Гора, въ лицѣ своего Верховнаго Вождя и теперь нашего дорогаго высокаго гостя князя Николая I, послала привѣтъ благопожеланія своей родной сестрѣ Сербіи. Вотъ начало къ давно желаемому единенію сербскаго племени, отъ котораго отдѣляла сербство политика печальной памяти сербскихъ напредняковъ! Вотъ кстати то доброе начало, которое должно бы одушевлять и приближающійся 500-лѣтній юбилей несчастной не для однихъ только сербовъ, но и для всѣхъ балканскихъ христіанъ Косовской битвы 15 іюня 1389 г. Здѣсь на Косовомъ полѣ (въ нын. старой Сербіи) сербы въ борьбѣ съ турками, по выраженію сербскихъ народныхъ пѣсенъ, „погубили царство и честитаго царя земальскаго". Здѣсь мученически палъ въ пѣшу у турокъ герой этой битвы кн. Лазарь Гребляновичъ съ своими храбрыми сподвижниками.

Не взѣшняя сила турокъ (у которыхъ войска было 300.000, а у сербовъ 60.000), не военное только ихъ искусство доставило имъ побѣду, за которой слѣдовали дальнѣйшія окончательныя завоеванія Балканскаго полуострова, а внутренняя слабость и рознь самихъ балканскихъ христіанъ, не только грековъ, болгаръ и сербовъ другъ съ другомъ, но и послѣднихъ, т. е. сербовъ, между собою. Извѣстно, что еще ранѣе, въ битвѣ съ турками на Марицѣ 1371 г., неудачи сербовъ произошли отъ ихъ безпечности, когда застигнутое врасплохъ сербское войско погибло почти все въ одну ночь. А въ битвѣ на Косовомъ полѣ кн. Лазарь окруженъ былъ измѣною со стороны нѣкоторыхъ своихъ бояръ — Марка Кралевича и даже своего зятя Вука Бранковича, проклинаемаго народнымъ преданіемъ за измѣну. Герой—мученикъ кн. Лазарь палъ жертвою измѣны, тою же жертвою измѣны и стало съ тѣхъ поръ сербское царство, вынужденное уже и въ это время (т. е. послѣ 1389 г.) платить туркамъ дань, доставлять имъ вспомогательное войско и др. Потому мы видимъ, что въ послѣдующей исторіи турецкихъ завоеваній на Балканскомъ полуостровѣ сербы уже являются на службѣ у турокъ. Такъ, сынъ Лазаря, Стефанъ, породнившись черезъ свою сестру съ Баязетомъ, помогалъ ему въ походахъ на Болгарію (1393 г.), Боснію, Валахію (1394 г.). Помогалъ Баязету и Марко Кралевичъ. Вотъ печальныя явленія прошлой жизни, которыя сопровождались извѣстной катастрофой турецкихъ завоеваній и многовѣковаго турецкаго ига надъ балканскими христіанами!

Но и въ этой катастрофѣ, кромѣ такъ сказать покаяннаго мотива, напѣваемаго сербскими народными пѣснями, есть другой мотивъ—вѣра въ торжество идеи православно-славянскаго „единенія" подъ защитою единаго православнаго царя славянскаго и постоянное стремленіе къ этому „единенію", которое проходитъ чрезъ всю исторію борьбы восточныхъ христіанъ противъ турецкаго на-

силія. Вотъ эта-то идея и должна одушевлять приближающійся 500-лѣтній юбилей Косовской битвы; она должна внушить и намъ болѣе горячее отношеніе къ этому празднику, празднику сознанной и отчасти достигнутой свободы сербства и желаннаго единенія цѣлаго славянства на почвѣ идей, одушевлявшихъ между прочимъ сербовъ послѣ Косовской катастрофы.

Поспѣшимъ же и мы къ своимъ братьямъ на праздникъ съ своимъ братскимъ привѣтомъ и благожеланіями, подобно тому, какъ и они во дни достопамятныхъ юбилейныхъ торжествъ 1885 г. и 1888 г. приходили къ намъ на праздникъ всеславянскаго духовнаго братства!

Заключу свою рѣчь обращеніемъ къ главному ея предмету или содержанію. Думается, что при данныхъ обстоятельствахъ нѣтъ нужды предаваться унынію. Настоящія черныя пятна во взаимныхъ отношеніяхъ славянъ были и въ вѣкъ св. Кирилла и Меѳодія, были и тогда большія испытанія для ихъ миссіи, предъ которыми однако они не отступали въ своей дѣятельности, оставляя этотъ примѣръ и намъ, если мы справедливо хотимъ считаться носителями ихъ идей, стремясь къ одной общей цѣли взаимнаго духовнаго единенія и на пути къ достиженію этой цѣли проникаясь силою ихъ убѣжденія въ правоту своего дѣла, оставленнаго намъ въ наслѣдіе. Только тогда мы можемъ воскликнуть, какъ нѣкогда пророчески—умирающій св. Кириллъ: „Благословенъ Богъ нашъ, иже не дасть насъ къ ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но сѣть ихъ сокрушися и избави ны отъ истлѣнія ихъ". Только тогда мы нелицемѣрно отпразднуемъ праздникъ всеславянскаго духовнаго единства, о которомъ вѣроятно и сербы на своемъ праздникѣ 15 іюня вмѣстѣ съ другими славянскими гостями будутъ говорить какъ о днѣ всѣми нами желанномъ. При этомъ нужно только помнить, что источникомъ вдохновенія для такого праздника должна служить всеславянская кирилло-меѳодіевская идея духовнаго и культурнаго единства, которая, конечно, скорѣе, чѣмъ какія-нибудь сложныя политическія комбинаціи, можетъ привести къ этому единству. Сербы сами въ своей исторіи могутъ легко найти эту развицу между эпохою собирателя сербскихъ земель при Стефанѣ Нѣмани трудами первосвятителя сербской церкви св. Саввы и эпохою эфемерной славы Душановой политики, за которою слѣдовала Косовская катастрофа. Тамъ (въ эпоху первыхъ Нѣманичей) въ началѣ плодотворное внутреннее духовное и культурное творчество, приводившее страну и къ политическому могуществу, а здѣсь (т. е. въ эпоху Душана) высокое политиканство, закончившееся Косовской катастрофой. Если, впрочемъ, и послѣдняя эпоха, по смыслу сербскихъ народныхъ пѣсенъ и вообще народнаго преданія, послужила началомъ возрожденія сербскаго народа и возстановленія его народной славы, то—путемъ только предварительнаго страданія и геройской борьбы народа за святыя начала кирилло-меѳодіевской идеи или—выражаясь словами сербскихъ народныхъ пѣсенъ—борьбы „за честный крестъ и золотую свободу".

Рѣчь проф. О. Ѳ. Миллера.

Богатырскій сонъ.

Намъ доставлено стихотвореніе молодаго поэта, впрочемъ, уже извѣстнаго публикѣ по своимъ переводамъ изъ славянскихъ поэтовъ, а также и по нѣкоторымъ оригинальнымъ стихотвореніямъ. То, съ которымъ мы желаемъ познакомить теперь, основывается на классическомъ сказаніи о спящемъ Геркулесѣ, одолѣваемомъ полчищемъ пигмеевъ, сказаніи, извѣстномъ и по скульптурнымъ произведеніямъ. Но у нашего поэта къ этому отчасти примѣшанъ и другой эпическій мотивъ,—тотъ, на которомъ основаны народныя сказанія объ очарованномъ снѣ. Естественный богатырскій сонъ всегда очень дологъ, потому что у богатырей, вѣдь, и все не такъ, какъ у обыкновенныхъ людей: и пища, и питье, и труды боевые—въ чрезвычайной степени; понятно, что и отдыхъ долженъ быть чрезвычайный. Что касается очарованнаго сна, то долгота его, еще большая, объясняется силою тѣхъ злыхъ чаръ, которыя его производятъ, и предѣлъ которой полагается иною силою, являющеюся въ видѣ благотворнаго существа—пробудителя. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, какъ бы ни былъ дологъ сонъ, за нимъ непремѣнно слѣдуетъ пробужденіе. Вотъ та эпическая основа, которою воспользовался поэтъ.

Замѣтимъ еще, предварительно, что въ своихъ стихахъ онъ то повѣствуетъ намъ о спящемъ великанѣ, то обращается къ нему во второмъ лицѣ.

Но вотъ и самое стихотвореніе:

Великанъ.

Въ сонъ волшебный погруженный, спитъ могучій великанъ—
Эта гордая опора и краса окрестныхъ странъ.
Спитъ давно, но снова встанетъ въ грозной славѣ, не рабомъ,
И раздавитъ подъ собою всѣхъ, кто тончется на немъ.
Отнадутъ тогда пигмеевъ неотвязные рои
И воскликнутъ: „нощади насъ! - слуги мы во вѣкъ твои!"

* * *

Солнце красное согрѣетъ твой холодный, блѣдный ликъ,—
Снова станешь ты, могучій, неприступенъ и великъ.
Подожди,—придетъ, заблещетъ благодатная пора
И широко разольется всенобѣдное „ура!"

* * *

Спитъ и слышитъ онъ, страдалецъ, всѣ мученія во снѣ,
Какъ по каплѣ кровь струится по израненной спинѣ.
А пигмеи, какъ букашки, осадили обѣдняка
Кровь высасываютъ, жалятъ, хохоча изподтишка.

Спитъ, по чуетъ,—больше, больше прибываетъ
снѣжныхъ силъ,
И—проснись объ—въ тожъ мгновенье всѣхъ
бы смялъ и раздавилъ!

***

Но оглохли, знать, нѣмцы и не видятъ ничего,
За безсильнаго считая великана своего,
И не чуютъ, что подъ ними снова зрѣетъ та
бѣда,
Что грозила имъ когда-то въ стародавніе года.
Дни за днями пролетаютъ, но грядущее темно
И свободы великану не сулитъ еще оно...

В. Умановъ-Каплуновскій.

Замѣтимъ въ заключеніе, что въ мірѣ эпическомъ извѣстенъ и еще одинъ совершенно особый видъ богатырскаго сна. Самая смерть величайшихъ народныхъ героевъ—собственно не смерть, а только замираніе, т. е. тотъ же продолжительный сонъ, сонъ на цѣлые вѣка, но все-таки имѣющій окончиться пробужденіемъ. Это видимъ мы, напримѣръ, въ западно-европейскихъ сказаніяхъ о Карлѣ Великомъ, о Фридрихѣ Барбароссѣ. Подобно имъ, не умеръ, а только спитъ гдѣ-то тамъ, въ пещерѣ, и юго-славянскій великій юнакъ, Королевичъ Марко, съ тѣмъ, чтобы снова выйти оттуда на свѣтъ Божій. Понятно, что та же основа эпическая должна была сказаться и въ нашемъ богатырскомъ наибольшемъ—Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ сынѣ, жизнь котораго, съ другой стороны, и началась продолжительнымъ сномъ, т.-е. усиленнымъ состояніемъ его силы. Только просидѣвъ сидемъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ, выступилъ нашъ Илья на подвиги богатырскіе. Затѣмъ, уже послѣ цѣлаго длиннаго ряда ихъ, одинажды измѣнила ему его богатырская сила. Онъ очутился уже подъ запесеннымъ надъ нимъ ударомъ врага, повергшаго его на землю,—но тутъ-то, отъ соприкосновенія съ матерью землей, вдвое у Ильи силы прибыло. Почувствовавъ въ своихъ членахъ этотъ новый избытокъ силы, исчерпнутой у родной земли, Илья сбросилъ съ себя врага и раздѣлался съ нимъ, какъ и со всякимъ другимъ врагомъ. Новый рядъ его подвиговъ на защиту Земли Русской завершился выходомъ Ильи за ея предѣлы для освобожденія цареградской земли отъ осилившаго ее злаго идолища, за что былъ ему человомъ до сырой земли царегрдскій князь, подобно тому, какъ прежде былъ ему человомъ, послѣ ссоры съ нимъ, и Владиміръ князь, умоляя его выручить Русь отъ татарщины. И вотъ, послѣ такого-то ряда подвиговъ, нашъ народный эпосъ далъ, наконецъ, Ильѣ успокоиться — въ пещерахъ кіевскихъ. Но тутъ сказалась уже и примѣсь легендарнаго элемента, такъ какъ богатырь, наконецъ, надѣленъ народомъ и святостью. Тутъ невольно припоминается намъ и духовный стихъ о святомъ богатырѣ, какимъ оказывается Димитрій Солунскій, встающій изъ своей гробницы на защиту родваго города отъ осадившихъ его враговъ. Если имѣть въ виду всеобщность эпическаго мотива объ оживаніи богатырей, то и нашъ Илья долженъ стать причастнымъ тому же чуду. Да, и онъ поднимется изъ своей гробницы на страхъ врагамъ, на спасеніе роднаго народа, родной земли...

Задастъ онъ имъ по-свойски пиръ,—
А тамъ,—и день не за горою,
Когда, съ повинной головою,
Къ нему на судъ предстанетъ міръ!

III.

5 НОЯБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

По открытіи засѣданія, графъ Н. П. Игнатьевъ, объявивъ программу занятій, предложилъ собранію избрать въ члены Общества предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ, на что и послѣдовало согласіе собранія.

Затѣмъ, приступлено было къ выбору въ Совѣтъ трехъ членовъ, взамѣнъ выбывшихъ: А. В. Васильева и В. И. Ламанскаго и почившаго почетнаго члена Славянскаго Благотворительнаго Общества, О. Ѳ. Миллера.

По большинству записокъ оказались избранными—въ члены Совѣта: Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинъ, Иванъ Саввичъ Пальмовъ и Николай Владимировичъ Стремоуховъ и — кандидатомъ въ члены Совѣта — Александръ Александровичъ Панковъ.

По окончаніи выборовъ, г. предсѣдатель сообщилъ собранію о томъ, что, по ходатайству Совѣта, г. министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ возможнымъ разрѣшить С.-Петербургскому Славянскому Обществу учредить въ Москвѣ „Попечительство“ для наблюденія за успѣхами и поведеніемъ обучающихся въ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ славянъ, получающихъ образованіе на средства Славянскаго Общества, съ тѣмъ, чтобы о личномъ составѣ Попечительства было сообщаемо министерству народнаго просвѣщенія.

При этомъ графъ Н. П. Игнатьевъ присовокупилъ, что объ учрежденіи московскаго Попечительства онъ уже вошелъ въ соглашеніе съ московскими членами Славянскаго Общества: княземъ П. П. Мещерскимъ и Д. Ѳ. Самаринымъ.

Затѣмъ г. предсѣдатель представилъ собранію ходатайство Совѣта, о покрытіи изъ запаснаго капитала, непредусмотрѣннаго смѣтою расхода, въ 755 р., на пріобрѣтеніе: 1) креста, поднесеннаго высокопреосвященнѣйшему Михаилу, митрополиту сербскому, по случаю возвращенія его въ Сербію; 2) складня съ изображеніями св. апостола Петра и св. Милицы, поднесеннаго Ихъ Императорскимъ Высочествамъ великому князю Петру Николаевичу и великой княгинѣ Милицѣ Николаевнѣ, по случаю ихъ бракосоче-

тавія—и 3) иконы во имя св. Георгія Побѣдоносца и св. Анастасіи Узорѣшительницы, поднесенной Ихъ Императорскимъ Высочествамъ князю Романовскому, герцогу Лейхтенбергскому, Георгію Максимиліановичу и супругѣ его княгинѣ Анастасіи Николаевнѣ, по случаю ихъ бракосочетанія.—Ходатайство это собраніемъ было уважено. Предложеніе г. предсѣдателя, о разрѣшеніи Совѣту позаимствовать 3.000 р. изъ капитала имени И. С. Аксакова, на изданіе „Русско-Славянскаго календаря на 1890 г." съ возвратомъ этой суммы изъ денегъ, которыя будутъ выручены отъ продажи календаря, и посвятить его „памяти почившихъ членовъ Славянскаго Общества", собраніе постановило привести въ исполненіе.

Послѣ того, по предложенію г. предсѣдателя, собраніе разрѣшило Совѣту отчислить изъ запаснаго капитала Общества 6.000 р., для раздачи, по его усмотрѣнію, нуждающимся, по случаю неурожая, черногорцамъ и галичанамъ пособій на покупку хлѣба, и, поставивъ открыть подписку между членами Общества для сбора пожертвованій съ той же цѣлью, уполномочило Совѣтъ ходатайствовать, въ установленномъ порядкѣ, о разрѣшеніи Обществу принимать пожертвованія для этой же цѣли, откуда бы таковыя пожертвованія ни поступали.

Предложенную г. предсѣдателемъ, предъ окончаніемъ засѣданія, подписку на сооруженіе памятника надъ могилою почившаго почетнаго члена Общества Ореста Ѳеодоровича Миллера, собраніе также разрѣшило Совѣту открыть между гг. членами Общества.

—

Въ заключеніе собраніе, по предложенію г. предсѣдателя, постановило принять къ свѣдѣнію доложенный Совѣтомъ актъ ревизіонной комиссіи, повѣрявшей приходорасходныя книги и документы Общества за 1888 г., о томъ, что всѣ приходорасходныя книги были ведены въ 1888 г. правильно, и что записи въ книгахъ подтверждены надлежащими оправдательными документами.

IV.

10 ДЕКАБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнаго Сергія, архіепископа Кишиневскаго:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ высокопреосвященные архіепископы: Сергій, кишиневскій, и Ѳеогностъ, владимірскій, преосвященные епископы: Модестъ, волынскій, Антоній, выборгскій, ректоръ с.-петербургской духовной академіи, и Владиміръ, парижскій, архимандриты: Тихонъ, Григорій, Арсеній, Паисій и другіе, сербскій посланникъ Г. С. Симичъ, извѣстный болгарскій дѣятель Д. К. Цанковъ, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Общества и до 600 посторонніхъ посѣтителей.

За болѣзнію г. предсѣдателя и его товарищей—В. К. Саблера и П. А. Васильчикова—почетное предсѣдательство въ собраніи, по просьбѣ гг. членовъ Совѣта, любезно согласился принять на себѣ высокопреосвященный Сергій, архіепископъ кишиневскій.

Съ благословенія маститаго архипастыря, собраніе было открыто пѣніемъ тропаря славянскимъ Первоучителямъ св. Кириллу и Меѳодію, исполненнымъ хоромъ Казанскаго собора.

Но окончаніи пѣнія, П. А. Шляпкинъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Памяти Ореста Ѳеодоровича Миллера († 1 іюня 1889 г.).

„Когда умираетъ какой нибудь великій общественный дѣятель, писалъ покойный профессоръ Миллеръ, то мы не можемъ лучшимъ образомъ почтить память его, какъ вспомнивъ тѣ выдающіяся черты, которыми отличался его нравственный образъ". Получивъ приглашеніе Совѣта нашего Общества прочесть воспоминанія о покойномъ профессорѣ О. Ѳ. Миллерѣ, и исполняя завѣтъ моего великаго учителя, я не могъ ничего лучше найти для почитанія его памяти, какъ вкратцѣ нарисовать этотъ образъ его собственными словами.

Оскаръ Миллеръ, сынъ таможеннаго чиновника Эстляндской губерніи Фридриха Миллера, родился 4 августа 1833 г. въ городѣ Гапсалѣ. Рожденіе Оскара стоило жизни его матери, а черезъ три года (19 іюля 1836 г.) скончался и отецъ его, происходившій отъ шведскихъ выходцевъ въ Эстляндіи. Круглый сирота былъ взятъ въ домъ дядей своимъ Иваномъ Петровичемъ Миллеромъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантомъ, а супруга его Екатерина Николаевна, урожденная Чирикова, сдѣлалась Оскару второю матерью. Тѣсная, горячая любовь привязывала покойнаго профессора къ его тетушкѣ или, какъ всегда называлъ онъ ее, „матушкѣ". Трогательно было видѣть впослѣдствіи, какъ немолодой уже профессоръ ухаживалъ за своею пріемною матерью, самъ наливалъ ей супъ, откладывалъ лучшіе куски старушкѣ, и безропотно выносилъ ея капризы вплоть до ея смерти.—Отчего вы не женитесь, Орестъ Ѳеодоровичъ?—спрашивали профессора близкіе люди.—Богъ знаетъ, какъ поладила бы моя жена съ матушкой.—говорилъ онъ доородушнымъ тономъ: да и вообще людямъ, посвятившимъ себя общественной дѣятельности, лучше не жениться: это еще и Хомяковъ говорилъ—семья связываетъ. По переѣздѣ изъ Вильны въ Варшаву, пятнадцати лѣтъ мальчикъ, уже давно объятый религіознымъ энтузіазмомъ, принялъ православіе въ 1848 г. и

получилъ имя Ореста. Это было сознательное, горячее увлеченіе православнымъ исповѣданіемъ. Чистый религіозный пламень охватилъ душу маленькаго Оскара еще въ Вильнѣ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Христосъ, разсуждалъ я тогда, пострадалъ, чтобъ искупить человѣческій родъ отъ внутреннихъ послѣдствій грѣхопаденія. По внѣшнія послѣдствія его болѣзни и бѣдствія, до сихъ поръ остаются неискупленными. Надо, представлялось мнѣ, чтобы опять кто нибудь одинъ принялъ на себя добровольно всѣ болѣзни и всѣ бѣдствія человѣчества. И вотъ, мнѣ страстно захотѣлось быть этимъ однимъ. Я сталъ молиться о томъ, чтобы меня постигли всевозможные недуги, всевозможные виды уродства и искалѣченья, чтобы я былъ всѣми заброшенъ, вслѣдствіе моей ужасающей отвратительности, чтобы при этомъ я былъ также вполнѣ лишенъ матеріальныхъ средствъ и жилъ въ такомъ состояніи долго, долго — только цѣною моихъ неимовѣрныхъ страданій куплено бы было прекращеніе всякихъ болѣзней и всякихъ бѣдствій на землѣ. Я не переставалъ молиться объ этомъ довольно долго и не повѣрялъ такого моего настроенія рѣшительно никому". Таковъ былъ религіозный пламень, охватившій его душу, приведшій его въ православіе и не остывшій въ немъ до самой смерти. Еще въ бытность въ Вильнѣ маленькій Миллеръ началъ учиться подъ руководствомъ одного воспитанника виленской гимназіи, издавалъ рукописный журналъ, писалъ драматическія сцены, учился музыкѣ и рисованію. Картины его того времени, исполненныя масляными красками, показывали весьма недюжинное дарованіе художника. Послѣ венгерской кампаніи, раненый дядя Миллера уѣхалъ за границу, а затѣмъ перешелъ на службу въ Петербургъ. Юноша Орестъ Ѳеодоровичъ переѣхалъ туда же, сначала порывался поступить въ военную службу, но затѣмъ, въ августѣ 1851 г., выдержалъ первымъ университетскій экзаменъ и поступилъ на историко-филологическій факультетъ. „Въ университетѣ занимали насъ, писалъ въ своемъ дневникѣ О. Ѳ., только наука и искусство, понимаемыя, пожалуй, слишкомъ отвлеченно, помимо непосредственной связи съ жизнью, но мы не знали ни кутежа, ни какихъ либо романическихъ приключеній". Изъ профессоровъ главное вліяніе на О. Ѳ. имѣлъ А. В. Никитенко, читавшій русскую словесность. Образъ этого профессора, нынѣ ярко рисующійся благодаря его дневнику, напечатанному въ „Русской Старинѣ", навсегда отнѣ атлѣся въ нравственной физіономіи Ореста Ѳеодоровича, сохранившаго и по смерти Александра Васильевича теплыя отношенія къ его семьѣ. Подъ вліяніемъ Никитенки были написаны Миллеромъ драма „Подвигъ матери" и трагедія „Конрадинъ". Подъ вліяніемъ его же была выбрана и тема для магистерской диссертаціи: „О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ".

Получивъ золотую медаль за сочиненіе о русской комедіи въ 1852 г. и окончивъ университетскій курсъ въ 1855 г., Орестъ Ѳеодоровичъ привился за магистерскую диссертацію, заглавіе которой мы только что привели, и написталъ ее въ 1858 г. О народничествѣ тогда покойный профессоръ еще и не думалъ. Вотъ какъ онъ самъ характеризовалъ свою диссертацію въ 1870 г.

Книга „О нравственной стихіи въ поэзіи" была построена такимъ образомъ, что въ ней не затрогивалась ни одна изъ славянскихъ литературъ. Тотъ отвлеченно-нравственный и художественный космополитизмъ, котораго я держался, довели меня до того, что и считалъ непозволительнымъ урывать время отъ чтенія первостепенныхъ западно-европейскихъ авторовъ"... для изученія славянскихъ нарѣчій и „знакомства съ какими нибудь бѣдными литературами народовъ, обреченныхъ по тогдашнему моему пониманію на вѣчное заимствованіе у Европы" *).

Самая постройка книги страдаетъ большими недостатками, туманностью и распыленностью. Разсмотрѣвъ литературу индійскую въ ея идеалахъ самоотверженія и греческую, какъ выставившую начало личной самостоятельности и отдавъ преимущество первой, авторъ указываетъ на высоту христіанской идеи самопожертвованія и отказа отъ своей воли, не понятую въ средневѣковой романтической поэзіи и достигшую своего полнаго выраженія у Шекспира. „Начало частной жизни и низкаго быта въ новеллахъ и Донъ-Кихотѣ слилось гармонически съ началомъ свободной воли у Шекспира. Поэзія Шекспира, говоритъ онъ, возсоздаетъ жизнь такъ, какъ она есть, но самыми недостатками своихъ героевъ указываетъ на нравственный идеалъ общечеловѣческою высотой и полнотой своей превышающій всѣ отдѣльно-народные идеалы". На эту туманность и неопредѣленность, на странную широты тему и напалъ тогда извѣстный ученый Котляревскій, сдѣлавшійся впослѣдствіи близкимъ другомъ автора. Но это не все: будучи живымъ человѣкомъ, Миллеръ не остался на почвѣ умозрѣній, а кольнулъ и тогдашнее направленіе литературы, литературы 60-хъ годовъ.

„Странное и тягостное чувство овладѣваетъ душою, когда, проходя весь кругъ нашей современной литературы, находишь въ ней только одни и тѣ же постоянные типы современной намъ жизни съ ихъ ограниченнымъ добромъ, съ избыткомъ зла или пустоты... Не выпускаютъ насъ изъ тѣснаго, очерченнаго около насъ, круга и не является у насъ поэта, который мощною рукою сорвалъ бы всѣ запоры и вывелъ насъ на вольный свѣтъ Божій, далъ бы подышать намъ всѣмъ, что есть въ немъ прекраснаго и живительнаго для него..." (294).

Этихъ словъ, соединенныхъ съ проповѣдью отреченія отъ своей воли для высшаго нравственнаго совершенства, было достаточно для Добролюбова. Смѣшавъ молодаго ученаго

*) Миллеръ. Илья Муромецъ. Спб., 1869. Предисловіе II.

съ ненавистною для него партіею обскурантизма, туманныя отвлеченныя понятія Миллера съ филистерствомъ и прекраснодушіемъ, онъ обрушился на молодаго ученаго со всѣмъ жаромъ своей кипучей натуры. „Не вѣрьте, писалъ Добролюбовъ, что нравственность состоитъ въ отреченіи отъ своей воли и ума, какъ силится увѣрить г. Орестъ Миллеръ, и знайте, что, напротивъ, всякій, кто поступаетъ противъ внутренняго своего убѣжденія, поступаетъ безчестно и подло, всякій, потерявшій силу свободнаго самостоятельнаго дѣйствія, есть жалкая дрянь и тряпка и только напрасно позоритъ свое существованіе". (Соч. Добролюбова, II, изд. 2-е, стр. 380).

Молодой авторъ былъ придавленъ такимъ отзывомъ, онъ хотѣлъ отвѣчать, объяснить, что его передергиваютъ, что его не поняли—напрасно: имя его было ошельмовано, ни одна редакція не соглашалась напечатать его отвѣта, многіе изъ представителей литературы отъ него отворачивались. Но все проходитъ въ этомъ мірѣ... Лекціи о Шиллерѣ, читанныя въ 1860 г., имѣли успѣхъ среди публики, несмотря на то, что основныя идеи лектора остались тѣ же, что и въ „Нравственной стихіи въ поэзіи", но на этотъ разъ строже формулированныя. Въ Шиллерѣ всего выше стоитъ его идеализмъ, а „идеализмъ этотъ, по словамъ Миллера, не уживаясь вообще съ дѣйствительностью, какъ она есть, не уживается и съ дѣйствительностью отдѣльныхъ личностей, предписываетъ упорный трудъ надъ самимъ собою, внутреннюю переработку себя по идеальному образцу. Вотъ этого-то труда мы не любимъ: намъ хотѣлось бы двигать общество къ лучшему, не исправляя отдѣльныхъ личностей, потому что къ этимъ личностямъ принадлежимъ и мы сами; намъ хотѣлось бы быть прогрессистами, по дешевымъ образомъ—безъ подвиговъ и борьбы съ собой, безъ самоотверженія и самогосподства" (Шиллеръ и его время. Спб. 1861. 113). Слѣдующій затѣмъ періодъ жизни О. Ѳ. носитъ чисто педагогическій и ученый характеръ. Онъ сотрудничаетъ въ журналѣ „Учитель", даетъ уроки въ смольномъ институтѣ во времена инспектора Ушинскаго, затѣмъ уѣзжаетъ за границу. Народная словесность, наконецъ, привлекаетъ его вниманіе.

„Покойный дядя мой, пишетъ О. Ѳ., положилъ на рабочій мой столъ, вскорѣ по ихъ появленіи въ свѣтъ, первые выпуски пѣсенъ Кирѣевскаго... Я въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ даже не раскрывалъ этихъ завѣтныхъ книжекъ, продолжая усердно учиться „гражданству вселенной" у Шиллера или отвлеченно наслаждаться Шекспиромъ и вовсе не воображая, что вскорѣ придется отъ нихъ перейти къ безграмотнымъ Ильямъ Муромцамъ" *)

Во время пребыванія своего за границей, гдѣ онъ слушалъ, хотя и недолго, Гримма, Миллеръ занялся народною словесностью, а въ Прагѣ познакомился воочію со славянствомъ. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что его особыя симпатіи вызывалъ къ себѣ тотъ славянскій народъ, который по высотѣ своего развитія стоитъ наравнѣ съ романо-германскимъ западомъ. Вотъ какъ горячо говорилъ о немъ и впослѣдствіи О. Ѳ. „Между западными нашими братьями есть народъ, на знамени котораго написано имя, ярко сіяющее въ воспоминаніяхъ славянства наряду съ именами Солунскихъ братьевъ. Когда папство, не удовольствовавшись запретомъ на народный языкъ, запретило народу и доступъ къ Христовой чашѣ, святотатственно обративъ ее, страшно сказать, въ монополію одного духовенства, тогда смѣло возсталъ за Христовы слова: „пійте отъ нея всѣ!" какъ и за благодатный даръ Духа Святаго, даръ языковъ, тотъ, для всѣхъ великій славянскій мученикъ, о грѣшномъ судѣ надъ которымъ, конечно, не могли позабыть, да и не позабыли чехи... Мы вѣримъ, что отъ непотухшаго еще въ сознаніи славянства костра чешскаго мученика рано или поздно разнесены будутъ искры во всѣ концы римско-католическаго славянства—и воспламененное ими, оно окажется, наконецъ, въ одномъ съ нами стадѣ. („Послѣ великаго дня" рѣчь. „Извѣстія Слав. Бл. Общ." 1885 г., № 4).

По возвращеніи изъ-за границы Миллеръ начинаетъ свои лекціи въ спб. университетѣ, осенью 1863 г.; къ этому времени онъ—уже убѣжденный народникъ и славянофилъ—сотрудникъ „Дня" Аксакова. Вотъ что говоритъ объ этомъ поворотѣ самъ покойный. „Въ 1862 г. попались мнѣ и первые листы „Дня" И. С. Аксакова, и, уже подготовленный народными пѣснями, я почуялъ и въ этихъ листахъ что-то свѣжее, новое и такое, съ чѣмъ, казалось, давно бы надобно согласиться... Если самъ я... оставался до той поры незатронутымъ чувствомъ русской народности, то только вслѣдствіе односторонняго направленія въ ходѣ развитія нашей образованности... Могучее чувство народности... вдругъ меня охватило и въ силу его и съ тѣхъ поръ посвятилъ свою жизнь изученію народности и родной старины" *).

Въ 1867 г. О. Ѳ. былъ членомъ славянскаго съѣзда и лично познакомился со многими представителями славянства. Научная его дѣятельность за этотъ періодъ главнымъ образомъ была посвящена изученію народной психологіи вообще и русской народной поэзіи въ связи съ славянскими пѣснями въ частности. Ему пришлось изучить для этой работы почти всѣ славянскія нарѣчія и перебрать все, что написано о славянской народной поэзіи.

Плодомъ этихъ занятій явилась объемистая, въ 1.000 стр., книга его „Илья Муромецъ и богатырство кіевское". Книга эта, доставившая автору докторскій дипломъ, представляетъ поистинѣ гигантскую работу по всему русскому эпосу. Вотъ ея главныя по-

*) Миллеръ. Илья Муромецъ. Спб., 1869 г., посвященіе, стр. I.

*) Миллеръ. Илья Муромецъ. Спб., 1869 г. посвященіе, стр. II.

ложенія, въ которыхъ слышится тотъ же непоколебимый ревнитель нравственной стихіи въ поэзіи. „Какъ Владиміръ Кіевскій служитъ въ эпосѣ средоточіемъ внѣшнимъ, такъ средоточіемъ внутреннимъ, душой эпоса является у насъ крестьянскій сынъ Илья Муромецъ. Онъ является представителемъ заботы о ненарушимости свободныхъ порядковъ, сохраненныхъ отъ древней вѣчевой поры, и хранителемъ объединенной Руси и земщины отъ всякихъ внѣшнихъ враговъ. Рядомъ съ этимъ, Илья Муромецъ представляетъ такой выработавшійся вѣками, совершенно живой, вполнѣ удавшійся идеалъ народный, которому ничего соотвѣтственнаго не можетъ представить наша литература, до сихъ поръ отличающаяся замѣчательными созданіями преимущественно въ отрицательномъ родѣ, съ другой же стороны скорѣе вооружающая противъ всего идеальнаго неудачностью своихъ, по большей части заоблачныхъ, безпочвенныхъ идеаловъ".

Съ тѣхъ поръ идеальный образъ Ильи Муромца явился для О. Ѳ. живымъ образомъ, живымъ воплощеніемъ народнаго идеала.

Вотъ какими чертами нарисовалъ его Миллеръ въ одномъ изъ своихъ неизданныхъ стихотвореній:

Илья Муромецъ.

Передо мной, ты съ плотью, съ кровью,
Возсталъ нашъ богатырь Илья,
И съ изумленьемъ и съ любовью
Въ тебя сталъ всматриваться я:
Ты не берешь сребра, иль злата,
Не падокъ ты на славу, власть,
Ты обуздать умѣешь страсть,—
За то душа твоя богата
Любовью къ вдовамъ, сиротамъ...
Не ради князя и княгини,
Не ради райской благостыни,
Ты ради Руси страхъ врагамъ!
Не дашь ты стольному забыться,
Ты поприжмешь князей, бояръ,
Замѣсто недруговъ татаръ.
Пойдешь съ Владиміромъ мириться,
Лишь настрѣлявъ златыхъ верховъ
Для угощенья бѣдняковъ,—
Лишь съ тѣмъ, чтобъ всѣхъ ихъ за собою
Вести на княженецкій пиръ...
Я вѣрю: день не за горою,
Когда съ повинной головою
Къ тебѣ на судъ придетъ весь міръ...

Этотъ образъ непосредственно вытекаетъ изъ книги Ореста Ѳеодоровича.

Мы не будемъ подымать изъ пыли тѣ полемическіе пріемы, которыми была встрѣчена эта книга. Досталось порядочно О. Ѳ., „этому отчаянному любителю первоначальнаго общеарійскаго сродства древнихъ литературныхъ произведеній; этому бѣдному, близорукому человѣку, вынужденному говорить о томъ, что ему по плечу; этому писателю такого же достоинства и полета, какъ Менцель, уморительному своимъ лжелиберальничаньемъ и лжедемократизмомъ, мелочному и кропотливому кроту, который весь свой вѣкъ ковыряетъ и роется и ничего въ цѣлый вѣкъ не выроетъ, кромѣ гнѣзда себѣ по вкусу". Но вопреки ожиданіямъ ни публика, ни ученые не отвернулись отъ книги Миллера. Она легла въ основу нашихъ учебниковъ, трактующихъ о народной поэзіи, и давно уже сдѣлалась библіографическою рѣдкостью. Изъ нея и доселѣ черпаютъ и будутъ еще долго черпать богатый матеріалъ для новыхъ обобщеній изслѣдователи нашей народной литературы.

Въ слѣдующую затѣмъ эпоху жизни О. Ѳ. снова начинается выясненіе положительныхъ идеаловъ русскаго народа, но на этотъ разъ уже не въ народной словесности, а въ литературѣ. Ни постоянныя отрицательныя тенденціи литературы, ни эстетическая критика не были по душѣ покойному. Онъ прямо и неоднократно заявлялъ: „Разбирая писателя, я не говорю о самомъ писателѣ, о его міросозерцаніи или о пріемахъ его творчества и о степени присущей ему силы; я разбираю тѣ явленія общественной нашей среды, которыя отразились въ его главнѣйшихъ типахъ". Разбираетъ онъ эти явленія съ однимъ критеріемъ въ рукахъ, съ критеріемъ нравственности.

Отмѣчая въ своихъ публичныхъ лекціяхъ о Тургеневѣ и Толстомъ, читанныхъ въ 1874 г., при 1.300 слушателяхъ, отличительныя черты героевъ этихъ романистовъ, онъ объясняетъ ихъ постоянную точку, ихъ прерывистое увлеченіе то тѣмъ, то другимъ идеаломъ именно оторванностью отъ почвы, отъ простаго народа, народа той земли, которую „въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ, благословляя".

И вотъ, наступила новая пора, когда проснулся этотъ простой русскій народъ, когда охватило его великое смутное сознаніе себя, какъ народа славянскаго и православнаго. Это была пора... но мы опишемъ ее словами самаго Ореста Ѳеодоровича.

„Это была пора страстнаго порыванія русскихъ людей на выручку къ сербамъ, возставшимъ за славянскую независимость, пора всенароднаго трепетнаго расхватыванія телеграммъ съ вѣстями о ходѣ неравной борьбы, о новыхъ турецкихъ жестокостяхъ, новыхъ многочисленныхъ жертвахъ, принесенныхъ добровольцами, но за то порой и о новыхъ, богатырски неимовѣрныхъ черногорскихъ побѣдахъ. Это была пора, когда становилось такъ трудно отдаться своимъ обычнымъ житейскимъ занятіямъ, потому что такъ постоянно и сильно щемило сердце и совсѣмъ невозможнымъ становился покой, но когда ощущался за то такой могучій подъемъ во всемъ нашемъ существѣ отъ живаго участія въ великомъ общенародномъ движеніи".

Не остался безучастнымъ и О. Ѳ. Горячо взялся онъ за дѣло помощи нуждающимся славянамъ. Онъ содѣйствовалъ и обширною своею перепискою съ нашими и иностранными дѣятелями за границей и на Востокѣ *), онъ писалъ горячія статьи въ русскихъ и

*) Такова, переданная намъ покойнымъ, переписка съ митрополитомъ сербскимъ Михаиломъ, П. А. Кулаковскимъ, А. П. Хитрово, П. А. Ровинскимъ, Фарлеемъ, Рамбо и мн. другими.

иностранныхъ журналахъ, онъ составилъ текстъ воззванія о помощи Славянскимъ Комитетомъ, онъ читалъ публичныя лекціи о славянахъ, посылалъ деньги и книги въ славянскія земли, участвовалъ во всѣхъ собраніяхъ Славянскаго Комитета, хлопоталъ объ отправкѣ добровольцевъ, однимъ словомъ, работалъ изъ всѣхъ силъ и считалъ эту пору, о чемъ не разъ и высказывался, лучшей порою своей жизни.

Но нѣтъ дѣла, въ которомъ не нашлось бы ни сучка, ни задоринки, и въ эти свѣтлыя минуты приходилось иногда очень и очень горько покойному, какъ это видно изъ его переписки, которую еще очень рано и рано обнародывать.

Но вотъ кончилась славянская война, наступилъ тяжелый берлинскій конгрессъ, пора разочарованій для многихъ, сослужившихъ свою службу славянскому дѣлу. Но не отвернулся покойный отъ славянскаго вопроса, и хотя и оставилъ его, но оставилъ лишь на время. Плодомъ этого служенія славянскимъ идеямъ осталась его книга „Славянство и Европа“ 1865—1877 г.г., къ которой мы и отсылаемъ лицъ, желающихъ изучить воззрѣнія О. Ѳ. на славянскій вопросъ за это время. Замѣтимъ, что онъ дорожилъ именно славянствомъ, потому что въ немъ, въ этомъ славянствѣ, „сложилось и выработалось начало общины и, несмотря на вѣковыя страданія, это начало, затоптанное, униженное, тѣмъ не менѣе кроется въ природѣ этого племени, тогда какъ Западъ развилъ одну свободу личности во всей ея исключительности“. Окончилась славянская война, наступили мрачные восьмидесятые годы и, вотъ, среди общей смуты, снова началась горячая проповѣдь Ореста Ѳеодоровича о томъ вѣковомъ народномъ идеалѣ, который воплотился для него въ образѣ Ильи Муромца. Но надо было искать идеаловъ въ современной жизни. Покойный искалъ указаній на него въ новой литературѣ, и поиски его увѣнчались блестящимъ успѣхомъ.

Въ эти страшные годы, въ эти мрачныя времена, времена безпрестанныхъ взрывовъ, подкоповъ и выстрѣловъ, среди общей спутанности и недоумѣнія, выступилъ среди насъ „пророкъ“ нашего времени, незабвенный Ѳ. М. Достоевскій. Чутко отозвались на его призывъ ряды молодежи, почуяли его силу и въ обществѣ. Разъяснителемъ значенія произведеній Достоевскаго, указавшимъ сходство идеаловъ Достоевскаго съ идеалами народа русскаго, и явился покойный профессоръ. Въ этомъ великомъ, излюбленномъ для него писателѣ, О. Ѳ. нашелъ представителя своихъ же прежнихъ идей, выраженныхъ въ живыхъ художественно-вѣрныхъ типахъ. Эпоха отрицательныхъ идеаловъ литературы кончилась; задушевное желаніе найти живой народный идеалъ въ литературѣ, оторванной отъ народа, исполнялось („Русскіе писатели послѣ Гоголя“ т. I, стр. 141—149). Достоевскій прямо говорилъ: „Поймите меня, самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ не принужденное самоножертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ—есть, по моему, признакъ высочайшаго могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли“ (149), А это и былъ идеалъ, который излагалъ Миллеръ и въ своей „Нравственной стихіи въ поэзіи“, и въ „Ильѣ Муромцѣ“. Но въ томъ же Достоевскомъ Миллеръ отмѣтилъ и другую черту: какъ христіанство, проповѣдываемое огнемъ и мечомъ, не оказалось настоящимъ христіанствомъ; какъ цивилизація, насажденная у насъ петровскимъ терроромъ, не оказалась настоящей цивилизаціей, такъ и рай земной, насаждаемый тѣмъ же терроромъ—выстрѣлами и взрывами, никогда не окажется настоящимъ раемъ (176). Цѣль никогда и ничтѣ не оправдываетъ средствъ. Идея, какая бы она ни была, никогда не должна быть навязываема силою, она есть результатъ убѣжденія, а убѣжденіе возможно только при полной свободѣ слова. Это убѣжденія покойный О. Ѳ. проводилъ и на лекціяхъ среди университетской молодежи, и въ своей біографіи Достоевскаго, и въ своей книгѣ „Русскіе писатели послѣ Гоголя“, книгѣ, написанной съ той же исключительно соціально-нравственной точки зрѣнія. Книга эта была послѣднимъ большимъ трудомъ О. Ѳ. Оконченная незадолго до смерти, книжка объ Г. П. Успенскомъ, представляетъ въ сущности лишь дополненіе къ ней. Но съ тѣмъ большимъ жаромъ отдался профессоръ возможно болѣе широкому распространенію своихъ, теперь уже разъ навсегда твердо установленныхъ идей, до этого лишь логически развивавшихся во все время его научной и литературной дѣятельности. Надо, чтобы эти идеи вошли въ плоть и въ кровь всякаго русскаго человѣка. Книгу прочтетъ не всякій, книга убита газетой, и вотъ покойный, съ свойственнымъ ему горячимъ, чисто юношескимъ пыломъ, отдается публицистикѣ, ради тѣхъ же высокихъ идей, которыя составляли исповѣданіе всей его жизни. Тутъ ему, конечно, пришлось уже трактовать не только объ отвлеченныхъ идеалахъ каждаго отдѣльнаго человѣка или цѣлаго общества, не только отыскивать эти идеи въ русской исторіи, но коснуться и ихъ практическаго осуществленія въ современной государственной жизни, начавшагося со временъ Царя Освободителя и мученика Александра II, память котораго была особенно дорога и священна покойному профессору.

„Славянофильское направленіе“, писалъ онъ, дорогое уму моему и сердцу, не должно быть смѣшиваемо съ другими направленіями... которыя безразлично называются исповѣданіемъ du vieux partie russe, der altrussischen Partei. Я, какъ убѣжденный послѣдователь Хомякова, Самарина и Аксаковыхъ, всегда возставалъ противъ такого смѣшенія. Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковы утверждали, что государство почерпаетъ свою настоящую силу въ постоянномъ общеніи съ землею, въ узнаваніи отъ нея же самой ея нуждъ и стремленій, возможномъ только при свободѣ голоса земли“... „Народосовѣтіе, совѣтъ всенародныхъ людей“, по пониманію покойнаго

профессора, представляютъ „не право, а обязанность свободно заявлять свою нужду, святую обязанность оказывать верховной власти ту помощь, безъ которой она безсильна на то, къ чему ее призываетъ Церковь—на вѣрное служеніе человѣчеству. На этой вовсе не политической почвѣ вполнѣ сходятся потомокъ удѣльныхъ князей—Курбскій и мезинный человѣкъ, или простецъ, какъ называлъ себя Носошковъ. Они сходятся на пей, не какъ аристократъ съ демократомъ, которымъ никогда и нигдѣ не сойтись, а какъ сыны той единой Христовой Церкви, въ лонѣ которой всѣ братья и только братья". Это то русское понятіе, какое исповѣдывалъ передъ Петромъ Великимъ Носошковъ, голосъ котораго, вполнѣ сочувственный просвѣтительной реформѣ, но не сочувственный проведенію ея безъ всякаго спроса у земли, такъ и заглохъ у насъ, пока не раздался снова въ ученіи славянофиловъ. Нашъ типъ государства—это не тотъ старый, по преимуществу нѣмецкій, типъ полицейскаго государства, усвоенный было нами вмѣстѣ съ петровской реформой. Это и не тотъ византійскій государственный типъ, который является для насъ политическимъ соблазномъ въ ту древнюю пору, когда, по мѣткому выраженію покойнаго митрополита Макарія, греки играли у насъ роль, впослѣдствіи перешедшую къ нѣмцамъ. Правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія. Но это народосовѣтіе, этотъ голосъ земли—ни сословная привилегія, ни демократизмъ". „Гдѣ демократизмъ, тамъ и любоначаліе, т.-е. любоначаліе народной массы, котораго, какъ и всякаго дурнаго любоначалія, не благословляетъ и не можетъ благословить Церковь.

„Нѣтъ, не грѣшными гарантіями правъ и удобствъ одной части народа... соблазниться намъ, не ими увѣнчивать зданіе, краеугольнымъ камнемъ котораго, если мы вѣрны духу нашихъ Первоучителей, долженъ оставаться Христосъ, призывающій всѣхъ насъ стать другъ для друга братьями и нескончаемо повторять, во имя братской любви, великое чудо умноженія хлѣбовъ... Выйти, наконецъ, на широкій для всѣхъ просторъ, добровольно отдать свои руки для дружной работы на всенародной почвѣ, объ урожаѣ которой, физическомъ и нравственномъ, вдохновенно молится поэтъ—можетъ ли быть задача, болѣе достойная настоящихъ учениковъ великихъ славянскихъ Первоучителей".

Нѣкоторая рѣзкость въ выраженіяхъ при наложеніи дорогой сердцу доктрины вытекала изъ воззрѣній профессора на слово и его употребленіе. Вотъ его мысли на этотъ счетъ: „Мы живемъ въ такую пору, когда не только за всякое сфальшивленное, но и за всякое недосказанное слово приходится отвѣчать передъ Богомъ *).

*) Эти слова написалъ онъ и въ альбомъ М. И. Семевскому, и не разъ повторялъ въ своихъ рѣчахъ, и хотѣлъ помѣстить ихъ на своемъ портретѣ. Автографъ былъ выставленъ во время рѣчи, въ залѣ городской думы.

„Вообще я, какъ извѣстно, говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ, руководствуюсь всегда и вездѣ тѣмъ понятіемъ о свободѣ слова, которое является краеугольнымъ камнемъ такъ называемаго славянофильства. По этому понятію, свобода слова представляется не только правомъ, но и обязанностію каждаго гражданина. Свобода слова, по такому понятію, не есть что-либо даруемое и отнимаемое по человѣческому велѣнію, она есть прирожденный даръ Божій...

„Да, наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ стени
И солнцу въ небѣ запретить"...

„И я, но мѣрѣ силъ моихъ, останусь вѣренъ такому взгляду до послѣдняго моего издыханія" („Русск. Курьеръ" 1887 г., № 267).

Вотъ мысли, за которыя приходилось ратовать О. Ѳ., и онъ съ беззавѣтной горячностью принесъ имъ въ жертву все, что только могъ принести.

А жизнь, между тѣмъ, текла своимъ чередомъ. Въ 1884 г. скончалась тетушка О. Ѳ. Въ 1886 г. справляли его юбилей, вызвавшій взрывъ единодушнаго къ нему сочувствія его учениковъ и почитателей. Въ 1888 г. онъ долженъ былъ оставить горячо любимый имъ университетъ.

Единственною тихою отрадою за это время былъ для него юноша, его родственникъ, который составлялъ для него всю семью. И горячо полюбилъ профессоръ молодаго спутника своей одинокой, тихой жизни. Весь пылъ души, всю потребность любить кого нибудь онъ перенесъ на своего, какъ онъ въ шутку называлъ его, Алешу Карамазова.

Ему онъ посвятилъ слѣдующее стихотвореніе:

Юному спутнику.

Въ мою пустынную обитель,
Какъ изъ-за мглы нависшихъ тучъ
Вдругъ проглянувшій теплый лучъ,
Явился ты, нежданный житель,
Мой юный другъ и направитель
Опять къ труду, опять къ борьбѣ!
Любуясь непочатой новью
Твоей души, съ какой любовью
Я отдаюсь теперь мольбѣ,
Мольбѣ о томъ, чтобъ свѣтлый геній
Напитьемъ чистыхъ вдохновеній
Твой юный разумъ осѣнилъ,
И ты въ душѣ нелицемѣрной
Для службы Руси, службы вѣрной,
Сберегъ запасъ могучихъ силъ.
А я, съ тобою молодѣя,
На быстромъ склонѣ трудныхъ дней
Мечту, попрежнему, лелѣя,—
Тебѣ, дитя души моей,
Могъ завѣщать осуществленье
Той неотвязчивой мечты,—
И дѣлъ великихъ совершенья
Ужъ безъ меня дождался-бъ ты!
Чтобъ вслѣдъ за страшною борьбою,
Которой намъ не миновать,
Съ иною, лучшею порою
Настала тишь, да благодать,
Когда Россія всѣ народы

На мирный подвигъ призоветъ
И знамя братства и свободы
Надъ Божьимъ міромъ развернетъ.
8 мая, 1887 г.

Но, несмотря на эту надежду, тяжело жилось послѣдніе годы покойному и не даромъ писалъ онъ:

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума,
Не дай и оскудѣть трудами
И не достаться мнѣ съ годами
Недужной старости тюрьма!
За то, что юности кипучей
Соблазновъ сладкихъ я не зналъ,
Молю, чтобъ сердца пылъ могучій
Во мнѣ по гробъ не остывалъ;
Чтобъ, какъ боецъ на полѣ брани,
Межъ тѣмъ какъ напираетъ врагъ,
Изъ неколеблющейся длани
Не выпускаетъ бранный стягъ,
Но подъ его завѣтнымъ кровомъ
Слагаетъ голову свою,—
И я бы такъ, въ иномъ бою,
Бою съ неправдою суровой,
Столномъ стоялъ врагу на страхъ,
Съ неодолимо-сильнымъ словомъ
На молкающихъ устахъ,
И смертью на людяхъ мгновенной
Заковчилъ путь свой дерзновенный...

А она благодатная, милостивая и неотразимая, стояла уже за его плечами и пріосѣняла прохладнымъ крыломъ своимъ.

1 іюня, О. Ѳ. Миллеръ почувствовалъ себя дурно, упалъ на улицѣ недалеко отъ своего дома, пришелъ домой и оправился. Подписавъ нѣсколько бланковъ для выдачи вспомоществованія бѣднымъ студентамъ отъ общества вспомоществованія студентамъ, онъ почувствовалъ себя снова дурно и, 5 минутъ спустя, скончался въ креслѣ у своего письменнаго стола.

Наша задача не была бы кончена, если бы мы не коснулись въ предѣлахъ возможности частной жизни О. Ѳ. У него убѣжденія или всегда рядомъ съ жизнію. Онъ не зналъ враговъ, кромѣ враговъ по убѣжденіямъ. Жизнь его нонстинѣ была не жизнью, а житіемъ. Въ полномъ смыслѣ слова онъ былъ инокомъ въ мірѣ. Сколько широкихъ дѣлъ благотворенія совершилось благодаря его неутомимой настойчивости въ литературномъ фондѣ, въ обществѣ вспомоществованія студентамъ, въ нашемъ благотворительномъ Обществѣ. Сколько бѣдняковъ благословляетъ его имя, имя человѣка, который буквально роздалъ все свое имущество неимущимъ. Воистину, это былъ одинъ изъ тѣхъ праведниковъ, безъ которыхъ городъ не стоитъ, и недаромъ лица, знавшія его близко, называли евангельскимъ, святымъ человѣкомъ.

Не мое дѣло судить, обрисовалъ-ли я въ моей рѣчи нравственный, величественный образъ этого честнаго, горячаго, искренняго русскаго человѣка, патріота, образъ, поражающій въ наше время всевозможныхъ раздвоеній необыкновенною цѣлостностью впечатлѣнія, образъ человѣка, у котораго слова никогда, нигдѣ, ни при какихъ условіяхъ, не разшились съ дѣломъ.

„Въ мірѣ былъ, и міръ его не позналъ, и не принялъ".

Почтимъ же память этого великаго человѣка, мы,—не умѣвшіе цѣнить его при жизни!

Чтеніе этой рѣчи было выслушано съ особеннымъ вниманіемъ и сопровождалось дружными рукоплесканіями присутствующихъ.

Передъ перерывомъ собранія были избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Въ началѣ втораго отдѣленія проф. И. С. Пальмовъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Современный судъ надъ Іоанномъ Гусомъ въ чешскомъ сеймѣ.

Преосвященнѣйшіе архипастыри,

милостивые государи и государыни!

Кому изъ васъ неизвѣстны тѣ бурныя пренія, которыя недавно происходили въ засѣданіи чешскаго сейма 13 (25) ноября по поводу заявленія младочешскаго депутата д-ра Шиля о томъ, что „въ числѣ 69 знаменитыхъ чешскихъ ученыхъ и народныхъ дѣятелей, имена которыхъ будутъ украшать лицевую сторону новаго зданія чешскаго народнаго музея въ Прагѣ, вѣтъ имени Іоанна Гуса"? Вѣроятно, что подробности объ этихъ преніяхъ извѣстны *); извѣстны, конечно, и группировка партій, и отношеніе каждой изъ нихъ къ возбужденному на сеймѣ вопросу и въ частности къ личности Іоанна Гуса. Извѣстно, напр., что д-ръ Шиль и другіе его единомышленники изъ младочеховъ, во главѣ съ Эд. Грегромъ, указывали, главнымъ образомъ, на заслуги І. Гуса какъ народнаго чешскаго дѣятеля. Въ рѣчахъ и возраженіяхъ этихъ ораторовъ Гусъ представляется борцемъ за народную чешскую свободу, выставляется примѣромъ искренности убѣжденій, твердости характера и беззавѣтнаго самоотверженнаго служенія ясно сознанной имъ великой народной идеѣ, одушевлявшей великаго народнаго чешскаго дѣятеля и реформатора. Къ сожалѣнію, послѣдняя, т. е. религіозно-реформаторская дѣятельность Гуса, повидимому, не представляется для ораторовъ многозначущею въ исторіи чешскаго народа, по крайней мѣрѣ, значеніе ея ясно не опредѣляется, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ даже игнорируется. Говоря противъ существующаго у чешско-латинскаго духовенства и аристократіи воззрѣнія на Гуса какъ на „еретика" (конечно, формально осужденнаго только римскою церковью), д-ръ Шиль предлагалъ смотрѣть на Гуса съ той же точки зрѣнія, съ какой, напр., французы смотрятъ на Жанну д'Аркъ, сожженную также на кострѣ какъ еретичку. Очевидно, ораторъ хотѣлъ этимъ рельефнѣе изобразить значеніе Гуса какъ народнаго дѣятеля, религіозно-реформаторская сторона дѣятельности котораго—какъ давь будто-бы только своему времени — не имѣетъ особеннаго значенія для чеховъ въ настоящее время (какъ вообще съ нѣкоторымъ тщеславіемъ высказывается из-

*) Напечатаны, напр., въ «Слав. Извѣстіяхъ» 1889 г., №№ 48 и 49.

вѣстная часть чешской интеллигенціи!). Мало того, одинъ изъ младочешскихъ ораторовъ (самъ Грегръ), послѣ рѣчей горячихъ противниковъ Гуса—духовныхъ лицъ, заявилъ, что его мало интересуютъ вопросы догматическіе и потому не хочетъ входить въ препирательство (объ антикатолической дѣятельности Гуса) съ клерикалами, сознался даже, „что если бы Іоаннъ Гусъ воскресъ, то онъ счелъ бы меня, замѣтилъ г. Грегръ, болѣе опаснымъ еретикомъ, чѣмъ его самого считали на констанцскомъ соборѣ". Ораторъ при этомъ указалъ на другія черты дѣятельности Гуса, на болѣе важное (будто бы) значеніе его „не какъ религіознаго реформатора, а какъ реформатора литературы, языка и науки". Затѣмъ, при одобреніи сказанныхъ словъ единомышленниками, онъ продолжалъ: „Въ немъ (т.-е. Гусѣ) мы видимъ патріота самыхъ высокихъ побужденій, любящаго искренно и безкорыстно свою родину, свой народъ, всегда проповѣдывавшаго и наблюдавшаго чистоту нравовъ, гражданина рѣдкихъ качествъ, наконецъ, онъ является передъ нами неутомимымъ искателемъ правды, и когда ему удалось, по его убѣжденію, найти эту правду, то онъ не только не побоялся проповѣдывать ее открыто, предъ цѣлымъ міромъ, но защищалъ ее и умеръ за нее".

Вотъ въ чемъ — по мнѣнію младочешскихъ ораторовъ—заключается значеніе Гуса: Гусъ—народный чешскій дѣятель, который, „благодаря высоконравственной" своей „жизни, неутомимой дѣятельности и наконецъ мученической смерти", способствовалъ пробужденію чешскаго народнаго самосознанія и освобожденію Чехіи отъ нѣмецкаго элемента и „давленія". Правда, одинъ изъ ораторовъ (самъ Грегръ) какъ бы признаетъ односторонность своего воззрѣнія на Гуса, когда говоритъ: „хотя имъ (т.-е. Гусомъ) руководила не національная идея, а прежде всего религіозная, но въ тѣ времена иначе и не могло быть, такъ какъ тогда борьба за религію стояла выше борьбы за народность". Однако, это признаніе не мѣшаетъ оратору далѣе развивать и объяснять значеніе Гуса какъ народнаго дѣятеля.

Къ младочешскимъ ораторамъ и депутатамъ примкнули и нѣкоторые старочешскіе, хотя, конечно, не всѣ или не вполнѣ соглашаясь со всѣми взглядами и практическими выводами своихъ партійныхъ соперниковъ. Такъ, напр., извѣстный профессоръ пражскаго университета и ученый авторъ, между прочимъ, уже многотомнаго соч. „Исторія города Праги *), г. Томекъ, готовъ былъ бы присоединиться къ предложенію д-ра Шиля, если бы основаніемъ для этого служило въ данномъ случаѣ желаніе признать литературныя заслуги І. Гуса — безъ признаковъ антикатолической демонстраціи, для которой, можетъ быть, и самъ ученый ораторъ далъ лишній поводъ, назвавъ времена Гуса и, слѣдовательно, гуситской эпохи временами раздора и пагубнаго истощенія народныхъ силъ для проведенія требуемой и необходимой тогда (по его же мнѣнію) реформы церкви. Ораторъ жалѣетъ, что предпринятая гуситами реформа церкви сопровождалась бѣлогорскою катастрофою, послѣ которой, однако, возвращеніе чеховъ въ католицизмъ, объединивъ ихъ религіозно, помогло имъ будто бы пережить цѣлый рядъ испытаній и выйти на путь народнаго возрожденія. Очевидно, ораторъ, не отрицая заслугъ Гуса, скорбитъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыми сопровождалась гуситская реформа въ Чехіи,—выводъ во всякомъ случаѣ не въ пользу предложенія Шиля и потому возбудилъ не мало удивленія въ однихъ (младочехахъ), поддержанный за то другими—старочехами. Старочехи отвергли антикатолическую демонстрацію, усмотрѣнную ими въ предложеніи младочеховъ, но готовы были признать, повидимому, только литературныя заслуги Гуса и еще кое что не противорѣчащее, можетъ быть, ихъ (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ) имени „добрыхъ католиковъ".

Заключительная рѣчь Ригера опредѣленнѣе ставитъ точку зрѣнія старочеховъ. Ригеръ замѣтилъ, что „о богословскомъ значеніи Гуса онъ никогда ничего не говорилъ, кромѣ замѣчанія, что смертью Гусъ доказалъ свое величіе. Если бы всѣ сыны нашего народа держались такъ крѣпко своихъ взглядовъ и были такъ высоконравственны, какъ Іоаннъ Гусъ, то нечего было бы бояться, что чешскій народъ погибнетъ... Его (т.-е. Гуса) высоконравственный обликъ, сказалъ Ригеръ, служитъ намъ (указывая на младочеховъ) только средствомъ для достиженія политическихъ цѣлей". Ораторъ осуждаетъ въ младочехахъ ихъ злоупотребленіе именемъ Гуса съ политическими цѣлями. Но не повинны-ли съ другой стороны въ своемъ молчаніи на счетъ убѣжденій Гуса и старочехи? Ригеръ не рѣшился говорить объ этомъ; на этотъ счетъ не хотѣлъ быть опредѣленнымъ, по крайней мѣрѣ, въ засѣданіи сейма, и профессоръ Томекъ. Не политика-ли заставила ихъ молчать, или, по крайней мѣрѣ, не говорить ничего непріятнаго (хотя и справедливаго) духовенству и аристократіи? Такой-ли примѣръ для подражанія Гусъ могъ оставить чешскому народу и его будущимъ вождямъ? Такъ-ли онъ поступалъ?.. Я полагаю, что примѣръ Гуса обязывалъ и старочеховъ быть твердыми, искренними и неустрашимо исповѣдать то, что нѣкоторые изъ нихъ не рѣшились говорить явно въ защиту имени Гуса.

Зато сколько смѣлой рѣшительности, чтобы не сказать дерзости, обнаружили представители чешско-латинскаго духовенства и аристократіи! Профессоръ и докторъ богословія Боровый и каноникъ Лепцъ явились обвинителями Гуса, чтобы осудить или, точнѣе, подтвердить прежній судъ надъ Гусомъ какъ нарушителемъ—по ихъ мнѣнію—церковнаго и общественнаго спокойствія, какъ надъ еретикомъ, виновникомъ возмущенія церкви и соблазна народа, причинившимъ такой неисчислимый, будто бы, вредъ чешскому народу.

*) Dějepis města Prahy.

Молодой князь Карлъ Шварценбергъ, отъ лица аристократіи, съ неудержимою запальчивостію выступилъ противъ младочеховъ, поддерживая точку зрѣнія представителей римско-католическаго духовенства на личность и значеніе Гуса,—онъ осуждалъ Гуса главнымъ образомъ за тѣ послѣдствія его дѣятельности, которыя обнаружились послѣ его смерти у его послѣдователей—гуситовъ, проповѣдывавшихъ идеи коммунизма XV вѣка, которыхъ ораторъ называетъ даже „грабителями и поджигателями".

Результатъ всѣхъ бурныхъ преній о Гусѣ былъ тотъ, что предложеніе д-ра Шиля передано было въ комиссію, а среди защитниковъ Гуса возникла еще мысль о постановкѣ ему памятника, на который уже собрано нѣсколько тысячъ гульденовъ.

Знакомясь съ подробностями нынѣшнихъ сеймовыхъ преній о Гусѣ, невольно приходится вспоминать другія историческія подробности суда надъ Гусомъ. Поэтому, получивъ отъ Совѣта нашего Общества приглашеніе сказать нѣсколько словъ по поводу нынѣшнихъ сеймовыхъ въ Прагѣ преній о Гусѣ, я рѣшился озаглавить свою рѣчь: „современный судъ надъ Іоанномъ Гусомъ въ чешскомъ сеймѣ". Думаю, что для такой постановки вопроса есть основанія въ самомъ содержаніи и характерѣ рѣчей различныхъ ораторовъ; но и въ рѣчахъ даже защитниковъ Гуса я не нахожу того, что служило бы къ истинному оправданію Гуса отъ новаго суда и слѣдствія надъ нимъ, т. е. правильной всесторонней оцѣнки Гуса. Однимъ словомъ, снова произведенъ былъ судъ надъ Гусомъ, судъ безъ надлежащаго оправданія и достойной памяти Гуса защиты.

Правда, это уже не тотъ судъ, который беззаконно произведенъ былъ надъ Гусомъ въ Констанцѣ, судъ, закончившійся сожженіемъ его на кострѣ и поднявшій противъ виновниковъ его осужденія и сожженія весь чешскій народъ, всѣхъ искреннихъ послѣдователей чешскаго мученика за правду „закона Божьяго" и національную свободу. Но если позволительно пользоваться историческими аналогіями, то и въ данномъ случаѣ можно ихъ найти и сопоставить съ ними подробности нынѣшнихъ сеймовыхъ преній о Гусѣ не въ Констанцѣ, а уже въ Прагѣ. Прежде всего, стоитъ вспомнить обстоятельства, предшествовавшія и способствовавшія развитію Гусовой реформы, и въ числѣ ихъ въ частности факты недовольства чеховъ тогдашнею латинскою церковію и желаніе чешскихъ реформаторовъ и народа возвратиться къ идеальному нравственному состоянію апостольскаго времени, а также фактъ пробужденія чешскаго народнаго самосознанія, выразившійся между прочимъ въ университетскихъ спорахъ чеховъ съ нѣмцами и побѣдѣ первыхъ надъ послѣдними при нравственной поддержкѣ и соучастіи Гуса. Мы видимъ и теперь довольно замѣтно пробудившееся народное самосознаніе чешскаго народа, совсѣмъ было погребеннаго подъ развалинами страшной бѣлогорской катастрофы, мы видимъ и теперь фактъ, аналогичный освобожденію пражскаго университета отъ подавляющаго нѣмецкаго вліянія, фактъ существованія даже особаго чешскаго университета (рядомъ однако съ нѣмецкимъ и безъ языковыхъ привиллегій послѣдняго). Мы видимъ, наконецъ, и стремленіе лучшей части чешскаго народа и его болѣе образованныхъ представителей изъ интеллигенціи и даже духовенства (большею частію нисшаго) возвратиться къ кирилло-меѳодіевскому наслѣдію славянъ православно восточныхъ. Есть, конечно, въ этихъ и другихъ аналогичныхъ съ гуситскими временами фактахъ современной чешской жизни особенности, зависящія отъ условій времени, исторической обстановки тѣхъ или другихъ событій и пр. Но зато много общаго въ характерѣ отношеній къ Гусу со стороны главнымъ образомъ представителей чешскаго духовенства и аристократіи, а затѣмъ отчасти и со стороны чешскихъ партій, не только—по моему мнѣнію—не защитившихъ Гуса отъ оскорбленій, нанесенныхъ ему клерикалами и аристократами на сеймѣ, но и одностороннимъ указаніемъ заслугъ Гуса какъ народнаго дѣятеля, подавшихъ своимъ противникамъ лишній поводъ къ оскорбленіямъ его памяти, такъ что самъ даже Ригеръ вынужденъ былъ публично упрекнуть своихъ молодыхъ соперниковъ въ эксплуатаціи имени Гуса для политическихъ цѣлей.

Неудивительно, что теперешнее чешское духовенство (въ особенности высшее) относится къ Гусу такъ же, какъ относилось оно и прежде—въ моментъ жизни и дѣятельности Гуса, въ частности во время констанцскаго суда надъ нимъ и затѣмъ далѣе—въ продолженіи цѣлыхъ почти пяти столѣтій постояннаго враждебнаго къ нему отношенія. Примѣровъ этого слишкомъ много и потому едва ли можно и нужно указывать на нихъ въ частности; но нельзя не указать хотя бы на одинъ — два примѣра, которые отчасти служатъ разъясненіемъ указанной нами аналогіи между констанцскимъ судомъ и нынѣшними преніями о Гусѣ въ пражскомъ сеймѣ. Вѣдь извѣстно, что на констанцскомъ соборѣ былъ главнымъ обвинителемъ Гуса епископъ литомышльскій Іоаннъ и другіе чехи „nabadači s kopltolú Pražskú i Wyšehradskú, od nichž pošlo jest pohaněnie prawdy božie a našie zeme českej", какъ писалъ самъ Гусъ своимъ друзьямъ-чехамъ (отъ 26 іюня 1415 г.) *);

*) Palacký, Documenta mag. Joannis Hus (Pragae, 1869), p. 138. Ср. русскій переводъ у Бильбасова въ соч. „Янъ Гусъ изъ Гусинца" (Спб. 1869 г.); прил., письмо 3-е. Ср. у Клеванова „Очеркъ исторіи чешскаго вѣроисповѣднаго движенія" (Москва 1876 г.), стр 776 и слѣд. Есть другія историческія указанія на враждебное отношеніе къ Гусу со стороны чеховъ-католиковъ, о чемъ неоднократно упоминаетъ самъ Гусъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ съ пути въ Констанцъ и изъ Констанца; см. напр. у Палацкаго въ „Documenta" p. 77 (ep. 39) 78 (ep. 41), p. 88 (ep. 48), 92 (ep. 51), p. 105 (ep. 63), p. 116 (ep. 71), и др.

а теперь на пражскомъ сеймѣ д-ръ богословія Боровый и каноникъ Леницъ приняли на себя задачу обвинителей, причемъ послѣдній уже ранѣе обнародовалъ свои обвиненія Гуса въ ереси, изложивъ ихъ въ книгѣ „Ученіе магистра Іоанна Гуса“ *).

Изъ констанцскаго заключенія Гусъ не разъ писалъ, что „ни одинъ чехъ не посѣщаетъ его темницы“ **). Конечно, этотъ отзывъ, какъ и нѣкоторые другіе подобные указываютъ только на временное одиночество Гуса, когда несвободно пропускали къ нему даже его личныхъ друзей. Однако, это обстоятельство въ данномъ случаѣ характерно и невольно обращаетъ мысль къ недавнему поведенію на пражскомъ сеймѣ старочеховъ, которые съ трепетомъ предъ аристократіей и духовенствомъ отказались не только защитить память Гуса въ виду дерзкихъ обвинителей, но и оправдать свой приговоръ (въ устахъ Ригера) относительно искренности и твердости убѣжденій Гуса. Упрекъ Гуса, обращенный къ чехамъ, не падаетъ-ли въ данномъ случаѣ на чешскихъ политическихъ оппортунистовъ?

Впрочемъ, всего этого можно было ожидать и со стороны духовенства и аристократіи, и нынѣшнихъ чешскихъ политическихъ оппортунистовъ. Но болѣе удивительно то, что представители народа, торжественно говорившіе на сеймѣ—„мы гуситы“ произносили это имя, кажется, всуе, такъ что, можетъ быть, и недаромъ Ригеръ обличилъ ихъ въ эксплуатаціи имени Гуса для политическихъ цѣлей. Они говорили, что Гусъ—высоконравственный примѣръ, примѣръ искренности и твердости убѣжденій, олицетвореніе чешской науки, чешской свободы, мысли и совѣсти. Не отрицая значенія Гуса, какъ народнаго дѣятеля, искренно любившаго свой народъ, защищавшаго его честь и достоинство, дорожившаго въ частности цѣлостію государства, принимавшаго дѣятельное участіе въ освобожденіи чешской націи отъ подавлявшей ее нѣмецкой стихіи (напр., въ университетѣ и др.), заботившагося о чистотѣ чешскаго языка и проч., не отрицая значенія этихъ фактовъ и мн. друг., гдѣ Гусъ являлся истиннымъ выразителемъ народныхъ чешскихъ нуждъ въ сферѣ общественной и отчасти политической, нужно, однако, во имя правды замѣтить, что Гусъ былъ по преимуществу религіознымъ реформаторомъ и для религіозныхъ цѣлей жертвовалъ иногда даже мелкими національными интересами. Онъ неоднократно, напр., говорилъ, что для него милѣе добрый нѣмецъ, чѣмъ злой чехъ. И онъ поступалъ такъ не потому только, что это было въ духѣ того времени (какъ объясняетъ г. Грегоръ преимущественно—религіозный характеръ дѣятельности Гуса), но по болѣе глубокимъ основаніямъ своей горячо - вѣрующей христіанской души. Будучи самъ вполнѣ искреннимъ религіознымъ и высоконравственнымъ человѣкомъ, онъ и другихъ, въ частности свой народъ, хотѣлъ возвратить къ состоянію христіанской добродѣтельной жизни апостольскаго времени. Противорѣчія видимой дѣйствительности страшно возмущали его вѣрующую душу и вызывали его на безпощадную критику современнаго ему состоянія римско-католической церкви, духовенства и общества, такъ что, подъ вліяніемъ своего нравственнаго негодованія, онъ нерѣдко порицалъ и догматическія заблужденія Рима. Это направленіе въ жизни и дѣятельности Гуса, проходящее по всѣмъ его сочиненіямъ, выразилось во всей своей исключительности главнымъ образомъ въ его письмахъ изъ Констанца къ пражскимъ друзьямъ. Гусъ постоянно убѣждаетъ ихъ держаться евангелія, жить по закону Христову и не уклоняться отъ его предписаній. Такое направленіе было жизненнымъ и у его послѣдователей различныхъ партій: чашниковъ (утраквистовъ), таборитовъ, а впослѣдствіи „братьевъ“, пока не появились у нихъ крайности или отступленія отъ реформаторской программы Гуса и въ религіозномъ настроеніи, и въ общественно - политической жизни, отступленія, приведшія однихъ (большею частію чашниковъ) къ сближенію съ Римомъ, другихъ (таборитовъ) къ исчезновенію или сліянію нѣкоторой ихъ части съ „братьями“, уклонившимися также въ протестантскія отрицанія, которыя не заключались въ памфреніяхъ Гуса. Нѣтъ нужды въ частностяхъ разъяснять эту отличительную особенность гуситской реформы, въ другомъ мѣстѣ приходилось говорить объ этомъ подробнѣе *). А въ данномъ случаѣ, въ виду односторонняго пониманія Гуса младочешскими ораторами съ одной стороны, а съ другой, въ виду высказывавшихся на сеймѣ духовенствомъ и аристократіей обвиненій Гуса въ нарушеніи имъ спокойствія и, вообще, порядка жизни церковной и общественной, считаю нелишнимъ привести хоть одно мѣсто его письма (писаннаго почти наканунѣ смерти) изъ констанцской темницы ко „всѣмъ вѣрующимъ въ Чехіи, которые любятъ Господа“.

„Васъ, начальствующихъ надъ другими, надъ богатыми и бѣдными, возлюбленныхъ о Господѣ и вѣрныхъ, я прошу и умоляю, пишетъ Гусъ, чтобы вы были послушны Господу, слушали бы охотно Его слово и доказывали бы то дѣлами своими. Я прошу васъ прилѣпиться къ истинѣ Божіей, о которой я писалъ, и которую я проповѣдывалъ, взявъ ее изъ священнаго писанія и изъ поученій святыхъ отцовъ. Я прошу васъ также, чтобы всякій, кто слышалъ отъ меня, въ публичной ли проповѣди, или въ частномъ разговорѣ, или же прочелъ въ сочиненіяхъ что-либо противное истинѣ Господа, не слѣдовалъ бы тому, хотя я и не сознаю, чтобъ я что-нибудь подобное когда-либо сказалъ или написалъ.

„Я прошу также, чтобы всякій, кто замѣтилъ легкомысліе въ моихъ словахъ или со-

*) Učení mistra Jana Husi (V Praze 1875).

**) Palacký, Documenta etc. p. 91 (ер. 50), p. 87 (ер. 47), p. 99 (ер. 57).

*) См. наше соч. „Гуситское движеніе. Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи“ (СПБ., 1881); ср. особ. III гл. сочиненія.

чиненіяхъ, не слѣдовалъ бы въ этомъ отношеніи за мною, но молилъ бы Бога за меня, чтобы Господь отпустилъ мнѣ грѣхъ такого легкомыслія. Я прошу васъ любить набожныхъ, благочестивыхъ священниковъ и почитать ихъ преимущественно предъ другими, особенно же тѣхъ, которые трудятся по слову Божію...

„Я прошу государей, чтобы они разумно обходились со своими подчиненными и справедливо управляли бы ими.

„Я прошу гражданъ, чтобы они добросовѣстно поступали въ своемъ сословіи.

„Я прошу ремесленниковъ, чтобы они старательно занимались своимъ ремесломъ и доходы его потребляли бы со страхомъ Божіимъ.

„Я прошу слугъ, чтобы они вѣрно служили господамъ своимъ.

„Я прошу магистровъ, чтобы они вели себя благопристойно и наставляли бы своихъ учениковъ хорошо и добросовѣстно; чтобы они учили ихъ прежде всего бояться Бога, затѣмъ, изучить свободныя искусства по славу и къ чести Господа, на пользу міра и для ихъ собственнаго спасенія, а не для корысти или земнаго великолѣпія.

„Я прошу студентовъ, воспитанниковъ высшей школы, и всѣхъ другихъ учениковъ, чтобы они во всѣхъ честныхъ дѣлахъ были послушны своимъ магистрамъ, слѣдовали бы ихъ примѣру и учились бы какъ можно прилежнѣе, чтобы такимъ образомъ были людьми полезными, и тѣмъ прославили бы честь Господа и спасли бы самихъ себя и другихъ.

„Я прошу васъ также, чтобы вы молились за римскаго короля, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть теперь и вашъ король, и за его супругу, вашу королеву..."

Затѣмъ, нѣсколько ниже, говоря и о заточеніи своего друга Іеронима, Гусъ замѣчаетъ, что и онъ „долженъ ожидать смерти, равнымъ образомъ какъ и я, и все ради вѣры, которую онъ старательно открывалъ чехамъ. Но нѣкоторые чехи, наши злѣйшіе враги, предали насъ во власть другихъ враговъ и въ темницу. Я прошу васъ молиться за нихъ" *).

Въ этомъ письмѣ ясно высказывается религіозное, нравственно-практическое направленіе реформаторской дѣятельности Гуса, а затѣмъ, вмѣстѣ съ любовью его къ народу, обнаруживается и уваженіе къ порядкамъ общественной и государственной жизни Чехіи,—Гусъ, между прочимъ, увѣщеваетъ, чтобы его друзья молились за римскаго короля (въ тоже время и чешскаго), т.-е. Сигизмунда, который, обѣщавши безопасность Гусу на пути въ Констанцъ и въ самомъ Констанцѣ, не сдержалъ своего слова и даже косвенно способствовалъ ускоренію суда надъ нимъ. Какое незлобіе, христіанское всепрощеніе, свойственное только людямъ, всецѣло проникнутымъ глубокою вѣрою въ міродержавную „правду" закона Христова, согрѣтымъ христіанскою любовію даже къ врагамъ! А таковъ и былъ Гусъ въ своей жизни: вся жизнь его была, такъ сказать, воплощеніемъ христіанскихъ идеаловъ или исполненіемъ заповѣди христіанской любви. Эта любовь была для него руководящимъ началомъ во всей его жизни и дѣятельности: она побуждала его быть истиннымъ патріотомъ, любящимъ свою родину и народъ до самоножертвованія, вызывала его въ частности на защиту историческихъ основъ чешской народной жизни и пр., но при этомъ не могла, конечно, внушать ему или отобрять въ другихъ узкія національныя страсти вражды. Христіанская любовь была зиждущимъ началомъ и въ его религіозно-реформаторской дѣятельности, — особенность, отличавшая чешскую реформу Гуса отъ другихъ предшествовавшихъ и современныхъ ей религіозно-реформаторскихъ движеній на тогдашнемъ западѣ.

Въ виду неисправности и злоупотребленій латинской церкви, въ которой Гусъ былъ воспитанъ и былъ даже священникомъ, всецѣло одушевлявшая его любовь обращала мысленный его взоръ къ взаимной любви вѣрующихъ апостольскаго времени. По образцу этому онъ хотѣлъ преобразовать современную ему церковь; поэтому, онъ искалъ свободы отъ внѣшняго авторитета нравственно - испорченнаго папства, но онъ искалъ свободы въ гармоніи ея проявленій, онъ, слѣдовательно, искалъ и единства, основаннаго не на рабскомъ подчиненіи внѣшнему авторитету, но на взаимной любви вѣрующихъ, онъ искалъ церкви во взаимной любви вѣрующихъ, которой ввѣрено храненіе истины. А гдѣ была для Гуса эта церковь—хранительница истины? Идеалъ ея онъ видѣлъ во временахъ апостольскихъ, а конкретно, можетъ быть, онъ представлялъ ее въ видѣ древняго кирилло-меѳодіевскаго православія, память о которомъ могла сохраняться въ чешскомъ народѣ и подъ вліяніемъ котораго—можетъ быть—чешская гуситская реформа приняла особое, отличное отъ другихъ западно-европейскихъ движеній, направленіе. Тутъ естественно, мм. гг., я долженъ обратить ваше вниманіе на одну особенность, имѣвшую вліяніе на происхожденіе и направленіе гуситской реформы, на которую—къ сожалѣнію—мало вниманія обращаютъ чешскіе ученые, хотя еще Палацкій въ своемъ чешскомъ изданіи „Исторіи чешскаго народа" *), а теперь снова, главнымъ образомъ нѣкоторые публицисты указываютъ на значеніе кирилло-меѳодіевской проповѣди въ историческихъ судьбахъ Чехіи. Не буду здѣсь ссылаться на постановку и раскрытіе этого вопроса въ нашей русской литературѣ **), гдѣ

*) Palacky, Documenta, p. 115—6 (ср. 71). Русскій переводъ у Бильбасова въ цит. соч., прил. стр. 11—19. Ср. нѣкоторыя особенности въ переводѣ у Клеванова въ цит. соч., стр. 774—6.

*) Dějiny národu českého w Čechách a w Moravě. I—V т.).

**) Напр. Елагинымъ въ ст. „Объ исторіи Чехіи Франца Палацкаго" (въ „Чтеніяхъ Импер. Общ. исторіи и древн. Рос. 1848, № 7, стр. 1—44); Новиковымъ въ ст. «Православіе у чеховъ» (въ «Чтен. Импер. Общ. ист. и древн. Рос.», 1848, № 9, стр. 1 — 94) и въ соч. «Гусъ и Лютеръ» (Москва 1859) I—II т.; Гильфердингомъ гл. обр.

онъ рѣшается большею частію въ смыслѣ положительномъ, но не могу не привести здѣсь мнѣніе одного даже нѣмецкаго ученаго, Крумме́ля, который говоритъ, что принятіе чехами христіанства съ востока—отъ „византійскихъ миссіонеровъ", „великихъ славянскихъ апостоловъ Кирилла Меѳодія", „имѣло вноследствіи для всего развитія чешской церкви величайшую важность и должно быть строго замѣчаемо тѣмъ, кто хочетъ понять возникновеніе въ Чехіи такого могучаго реформаціоннаго движенія, каково было гуситское". Говоря далѣе о благодѣтельныхъ плодахъ кирилло-меѳодіевской проповѣди въ Чехіи, Крумме́ль затѣмъ спрашиваетъ: „И гдѣ бы нашелся такой народъ, который бы не умѣлъ оцѣнить такого дорогого дара? познавъ однажды вѣру ему, не сталъ бы охранять его противъ всѣхъ нападеній, и, утративъ его подъ гнетомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не стремился бы его воспріобрѣсти себѣ!" *). Конечно, ученый нѣмецкій протестантъ понимаетъ воспріобрѣтеніе гуситами „этого дорогого дара" въ смыслѣ протестантскомъ. Но такъ-ли это было въ дѣйствительности,—видно отчасти и изъ предъидущихъ указаній на нравственно-практическое направленіе чешской реформы, въ частности реформы Гуса, который заботился только о нравственномъ обновленіи латинской церкви или—ближайшимъ образомъ—чешскаго общества, не пытаясь диспровергать догматы вселенской церкви, и, если касался догматовъ, то изобличалъ только нѣкоторыя догматическія заблужденія латинской церкви и—опять съ точки зрѣнія нравственной ихъ несостоятельности. Говоря, напримѣръ, противъ папства, Гусъ рѣзко выражался противъ него при видѣ несоотвѣтствія его съ требованіями нравственнаго евангельскаго закона, но признавалъ значеніе апостольскаго, только не папскаго, Рима. Такъ смотрѣли на это и многіе послѣдователи Гуса—гуситы, не разрывавшіе своей связи съ церковнымъ преданіемъ, но для возстановленія у себя іерархическаго пресмства поддерживавшіе сношенія то даже съ ненавистнымъ имъ папскимъ Римомъ, то отчасти съ Цареградомъ,—они, слѣдовательно, искали авторитета или опоры для своей вѣры, религіозной мысли и, можетъ быть, для самостоятельнаго церковно-каноническаго устройства своей церкви. Не приводя различныхъ историческихъ свидѣтельствъ или указаній относительно сношеній чеховъ-гуситовъ съ восточною церковію, я напомню здѣсь только одинъ весьма замѣчательный историческій фактъ сношеній чеховъ-гуситовъ съ Цареградомъ почти наканунѣ завоеванія послѣдняго турками въ 1453 г. Любопытныя подробности этого факта теперь разъясняются все больше и полнѣе, а сущность его заключается въ слѣдующемъ. Дѣло въ томъ, что въ самомъ началѣ второй половины XV в. (точно неизвѣстно—въ какомъ именно году) чехи-гуситы послали въ Царьградъ своего посла, іерея Константина Ангелика или Англика, для переговоровъ о сближеніи съ восточною церковью. Константинъ изложилъ здѣсь свое исповѣданіе вѣры, которое константинопольская Церковь назвала „здравымъ и удоприемлемымъ", преподала ему надлежащее наставленіе въ вѣрѣ и отправила съ нимъ посланіе къ чехамъ, нѣкоторыя части котораго считаю нужнымъ привести здѣсь.

Выражая свою радость по поводу обращенія чеховъ отъ Рима къ востоку, константинопольская церковь писала, между прочимъ, въ своемъ посланіи слѣдующее: „Итакъ, когда не безъ величайшей радости... мы извѣстились (т. е. чрезъ Константина Ангелика или Англика) яснѣе, что вы не придерживаетесь нововведеній, отъ нѣкихъ въ церкви Христовой происшедшихъ, но стоите твердо на основаніи вѣры, преданной намъ отъ Господа и Его учениковъ,—то сія святая церковь признала за благо писать вамъ и призвать къ единенію съ собою... Съ недавняго времени мы удостовѣрились, что вы, такъ сказать, возрождаетесь и приступаете къ общему христіанскому ученію и истинному благочестію, что вы не только не покидаете матери (церкви), но томитесь, сжигаемые вожделѣніемъ истинной матери, которой вы еще ищите. Это яснѣе открылось намъ чрезъ присутствіе вышеназваннаго благочестиваго іерея (т. е. Константина Ангелика), который, какъ сказано, изложилъ намъ все, что васъ касается, въ подробности и представилъ намъ свое собственное исповѣданіе вѣры, признанное святою матерію здравымъ и удоприемлемымъ, а съ своей стороны принялъ данное ему отъ нея наставленіе въ истинной вѣрѣ, въ коей должны согласоваться всѣ хотящіе спастись, каковое наставленіе онъ и сообщитъ вашей любви.

„И такъ, вожделѣнные братія и сыны, если дѣло таково, какъ мы слышимъ и надѣемся, поспѣшите единеніемъ съ нами... Ибо уповаемъ о Богѣ, что вы во всемъ будете согласны съ нами, и затѣмъ мы съ величайшимъ тщаніемъ и любовію озаботимся о снабженіи васъ духовными пастырями и попечителями душъ вашихъ, которые будутъ пасти васъ словомъ истины и примѣромъ жизни не нанесутъ вамъ скорби. Относительно же обычаевъ вашей церкви, мы хотимъ, по апостолу, благомысленно сдѣлать намъ снисхожденіе въ тѣхъ предметахъ, которые исходятъ изъ благаго основанія и самаго чистаго намѣренія и одобреніе коихъ послужитъ къ вашему назиданію и не будетъ противно чести сей святой матери и нашему

въ соч. «Русь. Его отношеніе къ православной церкви» (Спб. 1871); В. И. Ламанскимъ гл. обр. въ ст. „Видные дѣятели" (въ „Слав. Сборникѣ" I т., изд. С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1875 г.) и нѣкоторыми другими—А. С. Будиловичемъ, Вильбасовымъ, отчасти Кловановымъ и пр. См. объ этомъ также нашу статью „Къ вопросу о сношеніяхъ чеховъ-гуситовъ съ восточною церковію въ половинѣ XV вѣка" (въ „Христіанскомъ Чтеніи" №№ 1—2 за 1885—9 гг.), изд. отдѣльной брошюрой (Спб. 1889 г.).

*) Geschichte der böhmischen Reformation im XV Jahrhundert (Gotha 1866), S. 7. 9–10.

истинному о ней общенію и послушанію. Ибо, что касается таковыхъ различій въ обычаяхъ, то мы не затрудняемся благонамѣренно и разсудительно сдѣлать безвредныя уступки...

„Да дастъ же Вседержитель Господь,—заключаетъ свое посланіе константинопольская церковь,—чтобы и вы были таковыми, какъ мы о васъ недавно узнали, и чтобы, подобно вамъ, многіе другіе *) восприяли духъ истинной жизни, во умноженіе и приращеніе присныхъ чадъ истинной матери, и да сотворитъ Онъ, чтобы вы съ нами, въ единомъ домѣ церкви, содержа одни и тѣ же догматы и обычаи едиными устами и сердцемъ восхваляли Его во вѣки вѣковъ. Аминь".

Какъ бы въ отвѣтъ на это любовеобильное посланіе константинопольской церкви администраторы пражской гуситской консисторіи снова отправили свое посланіе и просили сдѣлать то, „что послужитъ къ славѣ, чести и возрастанію каѳолической христіанской вѣры". Но этимъ пока и закончились сношенія чеховъ съ константинопольскою церковію,—безъ ожидаемыхъ результатовъ. И это неудивительно, такъ какъ былъ уже почти канунъ паденія Цареграда въ 1453 г. Паденіе Цареграда и слабость другихъ центровъ православія лишили чеховъ послѣдней опоры: „XV-й вѣкъ, по замѣчанію А. Ѳ. Гильфердинга, былъ временемъ крайняго затмѣнія православнаго востока. За Дунаемъ православные славяне и греки погибали; Москва была только незначительное княжество, закрытое отъ Европы татарщиною. Литва, сильная своими православными областями, уже подчинялась оффиціально католицизму. Нигдѣ православная церковь не имѣла внѣшнихъ средствъ для поддержанія связей, заводимыхъ съ нею чехами" **). А затѣмъ, внутри самой Чехіи борьба партій, необыкновенныя усилія Рима склонить чеховъ при помощи ничтожныхъ уступокъ опять на свою сторону и тщетныя надежды извѣстной партіи гуситовъ получить іерархическое преимущество отъ Рима при внутренней самостоятельности,—все это, конечно, не могло поддерживать сношеній чеховъ съ востокомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно, содѣйствовало только торжеству въ Чехіи вліянія латинства и германизма, разрѣшившихся несчастною для чеховъ Бѣлогорскою битвою и ея печальными, до сихъ поръ ощущаемыми послѣдствіями. Вотъ конецъ неудавшихся сношеній чеховъ съ востокомъ, послѣдствія которыхъ—по словамъ Палацкаго—были бы неисчислимы ***). Правда, имъ не удалось осуществиться; но уроки исторіи не могутъ проходить даромъ...

Новидимому, нынѣшній моментъ представляетъ болѣе благопріятные признаки сближенія чеховъ съ остальнымъ славянствомъ. Конечно, это—правда. Но я думаю, что нынѣшнія сеймовыя у чеховъ пренія о Гусѣ и послѣдовавшій вслѣдъ затѣмъ успѣшный денежный сборъ на памятникъ Гусу не вполнѣ доказываютъ то, о чемъ должны бы напоминать чехамъ Гусъ и его истинные послѣдователи—гуситы. Можно сочувствовать идеѣ постановки Гусу памятника—какъ выраженію признательности чеховъ своему великому народному дѣятелю и реформатору. Но не могу здѣсь не указать, что этотъ памятникъ будетъ служить укоромъ чешскому духовенству (но крайней мѣрѣ, нѣкоторой его части, поршавшей Гуса) и аристократіи за ихъ проклятія и враждебное отношеніе къ Гусу, укоромъ и поведенію на нынѣшнемъ сеймѣ старочеховъ, показавшихъ свое малодушіе при глупыхъ оскорбленіяхъ клерикалами и аристократіей Гуса,—этого примѣра искренности убѣжденій и твердости характера; этотъ памятникъ будетъ напоминать и объ односторонности сужденій младочеховъ о Гусѣ, сужденій, вызвавшихъ замѣчаніе Ригера объ эксплуатаціи имени Гуса для политическихъ цѣлей. Чтобы исправить и предупредить отчасти высказанныя на сеймѣ сужденія о Гусѣ, необходимо—кажется—чехамъ создать еще другой памятникъ Гусу, т. е. критически переиздать его сочиненія и издать сочиненія другихъ чешскихъ его предшественниковъ и послѣдователей. Къ сожалѣнію, эта мысль, возникшая было среди молодыхъ чешскихъ ученыхъ по иниціативѣ профессора Масарыка, не только не получила дальнѣйшаго движенія, но была отвергнута по недоразумѣніямъ, не имѣвшимъ, кажется, ничего общаго съ интересами науки и чешской народной жизни. А это изданіе, къ которому—полагаю—не можетъ иначе отнестись какъ только съ полнымъ сочувствіемъ и наше общество,—будетъ въ частности полезно и для болѣе правильнаго пониманія личности Гуса и его значенія въ чешской исторіи. Если когда, то именно теперь, при пробудившемся интересѣ къ личности Гуса, умѣстно вспомнить объ этомъ. А кто можетъ сказать, что это не важно въ особенности въ настоящій моментъ, моментъ—смѣю думать—назрѣвающей развязки вѣковой борьбы чешскаго и, пожалуй, общеславянскаго славизма съ сосѣднимъ германизмомъ? Думаю, что для успѣшной борьбы нужна, конечно, и внѣшняя сила (хотя незначительные сравнительно по числу гуситы разбивали нѣкогда и цѣлыя крестоносныя полчища). Но кто будетъ спорить, что правильное при этомъ пониманіе историческихъ судебъ народа, и желаніе его слѣдовать завѣту своихъ отдаленныхъ предковъ можетъ привлечь къ чехамъ больше сочувствія и со стороны остальныхъ народныхъ славянскихъ массъ? Не будетъ ли уже и это побѣдою, которая можетъ побѣдить враждебный славянству міръ, міръ внѣшняго и—еще болѣе убивающаго народное славянское самосознаніе—духовнаго насилія, противъ котораго, однако, безсильны внѣшнія средства борьбы, выдвинутыя защитниками Гуса на пражскомъ сеймѣ? Для этого послѣдняго нужны еще

*) Объ нихъ между прочимъ упоминалъ Константинъ предъ соборомъ константинопольской церкви. См. нашу цит. брошюру, стр. 62—63.

**) Собраніе соч. (1868), т. I, стр. 365.

***) Lib. cit. IV, I, стр. 237, (1-е чешское изд.).

другія средства, которыми отчасти располагали Гусъ и его послѣдователи—гуситы и о которыхъ завистники ихъ забыли упомянуть на сеймѣ... Скажемъ откровенно: нужна еще рѣшимость подражанъ (т. е. жителей слов. Подграц), которые, хотя и малы числомъ, стоятъ (по крайней мѣрѣ, стояли до сихъ поръ) твердо на своемъ рѣшеніи (т.-е. перейти въ православіе), несмотря ни на угрозы и увѣщанія іезуитскаго римско-католическаго духовенства, ни на нравственныя пытки со стороны австрійскихъ прокуроровъ и судебныхъ властей, ни на терроръ, можетъ быть, со стороны австрійской полиціи и пр. Чѣмъ же вызвана вся эта система преслѣдованій и притомъ за дозволенную законами страны свободу перехода въ другую вѣру? Не тѣ же ли причины и тутъ руководятъ гонителями, что еще сравнительно такъ недавно заставили ихъ терроризовать галицко-русскихъ галичанъ, а потомъ возбудить всѣмъ памятный (отъ 1882 г.) процессъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ всѣхъ лучшихъ галицко-русскихъ дѣятелей и патріотовъ? Въ обоихъ случаяхъ опасенія и даже прямыя обвиненія въ „панславизмѣ" ясно указывали на причины гоненій. Эти примѣры, несомнѣнно, если бы славяне поняли ихъ такъ, какъ понимаютъ ихъ наши враги, способны были бы измѣнить и вынѣшній судъ надъ Гусомъ въ смыслѣ не порицанія его или односторонняго пониманія его дѣятельности, а усвоенія одушевлявшихъ его идеаловъ, которые могли бы въ концѣ концовъ привести и къ пониманію истиннаго смысла слова „панславизмъ" и реализаціи его не на словахъ только, часто громкихъ и безсодержательныхъ, но въ глубинѣ чешскаго народнаго духа, всегда дорожившаго своими вѣковыми преданіями и до сихъ поръ еще не утратившаго завѣтовъ своей прошлой исторіи. „И гдѣ бы нашелся такой народъ.—спросимъ мы въ заключеніе словами нѣмца Круммеля.—который бы не умѣлъ оцѣнить такого (т. е. полученнаго имъ отъ свв. Кирилла и Меѳодія) дорогаго дара? познавъ однажды цѣну ему, не сталъ бы охранять его противъ всѣхъ нападеній и, утративъ его подъ гнетомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не стремился бы его возвратить себѣ!" И этотъ народъ остается жить и до сихъ поръ: *„мертвъ онъ*, (былъ даже, повидимому, навсегда погребенъ врагами подъ развалинами страшной бѣлогорской катастрофы) *и ожилъ, и изшелъ онъ, и обратился"*. Онъ уже пробудился отъ искусственнаго его усыпленія, какъ бы воскресъ для новой жизни во взаимообщеніи съ славянствомъ и, безъ сомнѣнія, способенъ жить и достоинъ нашего братскаго вниманія и горячаго сочувствія.

Рѣчь П. С. Пальмова вызвала продолжительныя рукоплесканія.

—

Въ заключеніе, за болѣзнію прот. І. Г. Наумовича, приготовленная имъ статья: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь" была прочитана В. И. Аристовымъ и также вызвала громкія, продолжительныя рукоплесканія.

Вотъ эта статья:

„Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь".

Высокочтимое собраніе.

При самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ мы собрались, въ настоящемъ году, съ намѣреніемъ послужить доброму дѣлу всеславянской взаимности.

Едва ли положеніе славянъ, за предѣлами Русскаго государства, было когда либо хуже нынѣшняго. Куда ни посмотримъ—на западѣ или на югѣ славянскій—вездѣ простирается предъ нашими глазами грустная картина. Вездѣ „нашествіе иноплеменныхъ", вездѣ междоусобица, вездѣ послѣдствія враждебныхъ махинацій—„divide et impera". Насъ всѣхъ, порожителей славянскихъ земель, на западѣ и югѣ, болѣе или менѣе одолѣли чужеземцы,—надъ всѣми нами отяготѣло иноплеменное иго. Идея всеславянскаго братства и взаимности, основанная на святомъ ученіи Христа Спасителя, на естественномъ законѣ однородности, считается въ другихъ державахъ измѣной: тамъ—ея мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ или въ тюремномъ заточеніи.

Россія составляетъ сама по себѣ цѣлый міръ: она могла бы забыть о постороннихъ славянахъ; но, въ мѣру своего міроваго развитія и самопознанія, слѣдовательно, и въ мѣру болѣе глубокаго проникновенія безпредѣльнымъ и вѣчнымъ закономъ Христовой любви и милосердія, русское общество восприяло эту идею, какъ долгъ предъ человѣчествомъ, какъ крестъ, который обязана нести Россія,—который возложилъ на себя и на нее Царь ея, Александръ-Освободитель.

И что же?

Эта святая идея, стоившая уже Россіи несмѣтныхъ жертвъ крови и имущества, считается самими славянами неосуществимой утопіей; у многихъ она не ясна даже въ теоріи, а что еще хуже—послѣ послѣдней войны за освобожденіе погибавшихъ болгаръ, эта идея чуть не скомпрометтирована въ глазахъ всего міра!.. Но развѣ можетъ что либо измѣнять и колебать то, что вѣрно законамъ природы и истинно по закону Христа Спасителя?—Нѣтъ! „и врата адовы не одолѣютъ истины". Всѣ усилія ада напрасны. Злобы и бѣды, испытываемыя славянами, сомнѣнія и колебанія ихъ самихъ,—все это лишь временныя попущенія благодѣющаго Провидѣнія,—не болѣе!

Провидѣніе желаетъ образумить славянъ, нетвердыхъ и невѣрныхъ истинѣ; оно желаетъ внушить имъ, что нынѣ, больше чѣмъ когда-нибудь, необходимо единеніе и братство, въ которомъ каждое племя только и можетъ найти поруку мирнаго христіанскаго своего развитія и благоденствія.

Вспомнимъ, сколько отъ такихъ бѣдъ и злобы выстрадала Сербія! Но, выстрадавъ, она достигла настоящаго своего благоустройства и сочувствія всѣхъ славянъ! И недаромъ прикована Болгарія, опозорившая себя неблагодарностью, къ колесницѣ самозванца,—недаромъ переживаетъ она свое „смутное время"; она уже получила важный урокъ, стоющій ей громадныхъ суммъ,—кто былъ и будетъ ей братомъ, а кто—врагомъ. Этакіе уроки нужны и другимъ славянамъ, именно

теперь, въ виду повисшей надъ нимъ, постоянно собиравшейся и—видно—неминуемой грозы, чтобы она не застала ихъ врасплохъ, неприготовленными.

Все, что въ настоящее время происходитъ въ разныхъ славянскихъ земляхъ (согласитесь) имѣетъ видъ вызывающій. Болгарія на всѣхъ парахъ вооружается и готовится къ войнѣ—рука объ руку съ потомками Арнаута! Противъ кого же? Конечно, не противъ враговъ славянства, не противъ своихъ кровопійцъ (она имъ повинуется), а противъ братьевъ, противъ славянъ же, быть можетъ, даже—противъ своихъ освободителей!

Посмотримъ дальше... Чехамъ приказано, именно теперь, съ высоты духовной каѳедры, хулить Яна Гуса—достойнѣйшаго и величайшаго народнаго своего учителя, защитника и мученика! Сколько насилія въ этомъ безнравственномъ требованіи вражды и неблагодарности къ благожелателю! Но такое нехристіанское дѣло опасно: это мечъ обоюдуострый... Чешскій народъ весь грамотенъ и развитъ: онъ знаетъ исторію. Предъ глазами его духа горитъ еще костницкій костеръ, на которомъ великій подвижникъ правды и славянства предалъ душу свою Богу... Этотъ священный костеръ можетъ возгорѣться и распространить свое пламя на все славянство и жестоко обжечь самый Римъ, измѣнившій завѣту мудраго папы, Николая, оказавшаго защиту славянской проповѣди и славянскому языку противъ іезуитовъ IX вѣка.—Сербія, только что поднявшейся на свои собственныя ноги, угрожаютъ разгромомъ за непокорность іезуитско-жидовскимъ банкамъ, которые, недавно еще, чуть не задавили ее въ своихъ сѣтяхъ. Въ Червонной Руси, въ изнывающей, многострадальной Руси, продолжается, по имя, будто бы, цивилизація, искаженіе русской народности и экономическое ея разореніе, съ достойной лучшаго дѣла послѣдовательностью іезуитско-польскихъ вачальниковъ. Тамъ уже дѣло дошло до того, что горцы западныхъ окраинъ русской земли, какъ извѣстно, чрезвычайно, органически, привязавные къ своимъ роднымъ просторнымъ горамъ, оставляютъ ихъ цѣлыми громадами, выселяясь въ Америку, гдѣ имъ вольно не видѣть іезуитовъ, вольно говорить по-своему и работать на себя. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ сѣверо-американской Пенсильваніи поселилось уже 18.000 русскихъ душъ! Тамъ они уже устроились, имѣютъ свои церкви съ 5-ю священниками, свою типографію, свою газету „Америка"; тамъ они имѣютъ хорошіе заработки въ рудникахъ, и многіе уже съ значительными капиталами возвращаются на родину—покупая землю въ Галичинѣ и Угріи, откуда желали бы переселиться въ Россію. Удивительно, что въ каждой мѣстности, гдѣ они поселились (въ Шенандорѣ, Скрентонѣ, Фриландѣ, Плимавтѣ, Олифантѣ, Джерменѣ, Кингстонѣ), возлѣ основали они братства св. Николая, св. Кирилла и Меѳодія, св. Іоанна Крестителя. Тамъ же они съумѣли устроить и свою народную торговлю. Но еще болѣе удивительно для меня слѣдующее: въ нынѣшнемъ году я сообщилъ въ одинъ общераспространенный журналъ свою мысль, чтобы такой дѣльный и трудолюбивый, трезвый и благочестивый русскій народъ могъ переселиться въ Россію, но не нашелъ въ журналѣ отголоска... Слава Богу, что хоть „американцы" охотно ихъ принимаютъ и довольны ими!

Такія-то нерадостныя явленія въ славянскомъ мірѣ невольно наводятъ на вопросъ: не пора-ли всей славянской семьѣ подумать о томъ, какъ бы собраться снова воедино разрозненнымъ ея членамъ, хотя бы духовно? Какъ сблизиться для взаимной помощи и защиты отъ враговъ, которымъ должны были служить нѣкоторыя племена только потому, что не находили поддержки у своихъ братьевъ? Не пора-ли намъ посчитаться—сколько насъ всѣхъ на Божьемъ свѣтѣ? Не пора-ли намъ измѣрить Богомъ данныя намъ моральныя, матеріальныя и физическія силы, чтобы мы не боялись страха, „идѣже нѣсть страхъ", чтобы одинокое отдѣльное племя не отчаивалось и не отдавалось добровольно въ руки враговъ при всякихъ, постигающихъ его, бѣдствіяхъ?

Да послужитъ поводомъ къ размышленію голодъ, которымъ пораженъ два братскихъ племени: черногорцы и червоноруссы.

Взглянемъ сперва на Червую Гору—эту доблестную, всегда вѣрную и непобѣдимую твердыню православнаго славянства. — Она, всегда готовая на всякія жертвы союзница Россіи, а въ настоящее время связанная съ нею и узами крови обожаемыхъ Владѣтелей, и вотъ—эта героиня славянства стоитъ нынче надъ пропастью голодной смерти!!.

Честь и слава святѣйшему правительствующему всероссійскому Суноду, пославшему теплый христіанскій призывъ къ великому русскому православному міру: исполнить евангельскій долгъ: „накормить алчущихъ"!

Взглянемъ теперь на единокровную Черновинную Русь и на православную Буковину. Тамъ тоже увидимъ другую „Черногору", не менѣе вѣрныхъ завѣтамъ отцовъ своихъ, не менѣе закаленныхъ героевъ, хотя и не въ кровавой—преходящей—борьбѣ, но въ борьбѣ народной, съ чуждыми сильными противниками, въ которой тоже, нерѣдко, сердце народа обливается кровью! Между обоими героями славянства — какое удивительное сходство! И у насъ, въ прелестной Коломыщинѣ, есть гора, которая зовется „Черногорой", а у подножья ея живутъ наши доблестные гуцулы, еще недавно славившіеся богатствомъ, а теперь—заполоненные жидами, но все-таки и теперь—мужествомъ, и духомъ, и одеждою—похожіе на черногорцевъ—сербовъ, потомковъ тѣхъ славянъ, которые еще въ VI вѣкѣ спустились отъ нашихъ карпатскихъ горъ на придунайскія долины...

Никакая сила не сдвинетъ галицкой „Черногоры" съ ея царственнаго мѣста среди „верховъ" Карпатъ,—и никакая сила не поколеблетъ червонно-русскій народъ въ его преданности православной Церкви и народности!.. Въ настоящее время навелили полки іезуитовъ, съ всякими ихъ драбантами, нашу Черновину Русь, понося нашу святыню; но

мановенію ихъ, арестуютъ галицко-русскихъ крестьянъ за ихъ паломничество въ Почаевъ, арестуютъ и мучатъ въ тюрьмахъ русскихъ путешественниковъ, имѣющихъ неосторожность поѣхать въ Карпаты—подышать ихъ здоровымъ воздухомъ;—іезуиты распоряжаются нашей церковью, какъ своей рабыней, грабятъ наше священное имущество, отнимая наши монастыри; іезуиты забрали въ свои руки даже воспитаніе молодежи и надѣются оттолкнуть насъ отъ „Востока"—и загнать въ свою кабалу; но тщетно „мянутся языцы",—эти возродившіеся язычники въ христіанской шкурѣ. Въ Львовскомъ сеймѣ, изъ устъ депутата Михаила Короля, отъ имени всей Червонной Руси, имъ пришлось на-дняхъ услышать, что напрасны всѣ ихъ усилія, что Червонная Русь отвращается отъ нихъ, какъ отъ злѣйшихъ своихъ враговъ и протестуетъ противъ ихъ наглости. И нѣтъ сомнѣнія, ихъ козни только сильнѣе утверждаютъ Червонную Русь въ восточномъ православіи; она постоянно взираетъ на Востокъ, откуда озарилъ ее свѣтъ Христовъ при равноапостольномъ князѣ Владимірѣ. Но и въ Червонной Руси поставленъ вопросъ: быть или не быть? Бѣдная! Она тоже стоитъ надъ бездной голодной смерти, вслѣдствіе небывалаго въ ея лѣтописяхъ неурожая. Галичина и Буковина представляютъ теперь видъ ужасный: но полямъ лежатъ безчисленные трупы павшаго отъ безкормицы скота, заражающіе воздухъ; у большей части крестьянъ нѣтъ хлѣба, нѣтъ топлива, нѣтъ заработка, а все-таки не прекращаются экзекуціи за подати! Имъ, галичанамъ и буковинцамъ, питающимся уже суррогатами хлѣба, отказано въ соли, источники которой у подножія Карпатъ искусственно забиваютъ и тщательно карауляютъ финансовые стражники, а готовой соли не на что купить при значительной ея дороговизнѣ.

Послушаемъ, какъ представлена крайняя нужда галицкихъ крестьянъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ газеты „Червонная Русь": „Изъ Гусятина. Трудно описать бѣдствія, постигшія нашъ уѣздъ. У владѣльцевъ нѣсколькихъ морговъ (полудесятинъ) земли,—пусты „оборы и коморы", т.-е. нѣтъ ни скота, ни зерна. Отчаяніе смотрѣть на нужду, при невозможности помочь! За деньги, полученныя крестьянами отъ продажи скота, едва хватитъ хлѣба къ новому году. Изъ пособій для голодающихъ назначено на нашъ уѣздъ 8.000 гульденовъ — безвозвратныхъ и 25.000 безпроцентнаго займа. Первые опредѣляются за работу по постройкѣ дороги изъ Гусятина въ Товстe; но, вѣдь, зимою никто не станетъ строить дорогу. да, притомъ, и дорога слишкомъ маленькая для работы 50 сслъ здѣшняго уѣзда... Въ такомъ же отчаянномъ состояніи находятся 66 галицкихъ уѣздовъ! Убиваніе лошадей не прекращается; въ калушскомъ уѣздѣ убито 800 штукъ, въ кольбушовскомъ 1.500 „въ нисскомъ 2.500". Вообще надо уже около 100.000 конскихъ головъ! Какая же будетъ весна безъ рабочаго скота?.. Командующій войсками въ Галиціи обратилъ вниманіе военныхъ сферъ въ Вѣнѣ, что послѣ такой гибели скота мобилизація будетъ невозможна и затребовалъ соотвѣтственныхъ мѣръ.

Таково положеніе Червонной Руси уже теперь—и не дай Богъ, чтобы она превратилась въ широкое кладбище. Обездоленная земли попадетъ тогда въ нечестивыя руки и только увеличитъ число враговъ Россіи. Мнѣ (говоритъ отецъ Наумовичъ) писали галицкіе крестьяне: „умремъ, а не продадимъ земли нашей"! Дай Богъ, чтобы не дошло до такой крайности, и чтобы стаи коршуновъ, жадныхъ къ русской крови, не нашли для себя здѣсь добычи. Но можно ли надѣяться на это? Галиція, доставляющая въ пошлинѣ и податяхъ австрійской государственной казнѣ 18 милліоновъ гульденовъ ежегодно, получала въ возвратъ, на производительныя цѣли, всего только 3 милліона:—неудивительно, что неурожай одного лѣта угрожаетъ ей катастрофой.

Австрійское правительство предприняло нѣкоторыя мѣры противъ голода, но еще далеко не всѣ. Императоръ Францъ Іосифъ назначилъ изъ державныхъ фондовъ въ пособіе 900.000 гульденовъ, частью за работу, частью въ качествѣ безпроцентной ссуды,—за что галиційскія сердца преисполнены къ нему благодарности. Но вся эта сумма, съ добавкою 300.000 гульденовъ изъ мѣстныхъ фондовъ, будетъ далеко недостаточна для спасенія народа отъ голодной смерти, не говоря уже о совершеномъ экономическомъ разореніи на многіе годы.

Здѣсь именно мѣсто упомянуть о славянской взаимности. Это дѣло не только славянское, но и общехристіанское. Кто усомнится, что зовъ голодающихъ о помощи не будетъ голосомъ вопіющимъ въ пустынѣ, и что рука дающихъ русскихъ братьевъ не оскудѣетъ?!

Приемлетъ грозящее бѣдствіе за указаніе Божьяго Промысла: тѣснѣе связать узы всеславянскаго братолюбія и взаимности!

Какъ ни мрачна картина славянскихъ земель и нашей заграничной Руси въ особенности, все-таки не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе. Славяне вообще и наша Русь по преимуществу испытывали уже и большія бѣдствія, но духомъ не падали. И въ настоящее время замѣчается у всѣхъ славянъ „духъ бодръ", всѣхъ исполняетъ надежда лучшихъ дней, у всѣхъ замѣтна наклонность къ примиренію партій и къ объединенію. Воскресаютъ изъ мертвыхъ свѣтлые геніи славянства. Кирилло-меѳодіевская Церковь овладѣла сердцемъ и умомъ лишенныхъ ея западныхъ славянъ...

Благодѣтельный огонь народной пользы и правды постоянно тлѣетъ подъ пепломъ: историческій вѣтеръ только раздуетъ, но не задуетъ его. Никакая сила не остановитъ хода всемірной исторіи. Пройдутъ страданья, какъ грозныя тучи, и, повѣрьте, правъ Шиллеръ: „внутренній голосъ не обманываетъ чающую душу". Придетъ, придетъ желанный день: тогда всѣ мы, всѣ дружно скажемъ словами незабвеннаго Ивана Сергѣевича Аксакова:

„Дню вчерашнему забвенье,
„Дню грядущему—привѣтъ!"

1890 ГОДЪ.

Въ 1890 г. состоялось 5 засѣданій, въ томъ числѣ четыре — 25 февраля, 6 апрѣля, 11 мая и 25 ноября — торжественныя. Въ этихъ засѣданіяхъ происходило слѣдующее:

I.

28 ЯНВАРЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Въ началѣ засѣданія собраніе утвердило доложенную, по предложенію г. предсѣдателя, г. казначеемъ составленную имъ и одобренную Совѣтомъ смѣту доходовъ и расходовъ Общества въ 1890 г.

При обсужденіи смѣты, П. А. Васильчиковымъ былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи въ Константинополѣ русской школы, въ которой могли бы воспитываться, и даже проживать, и другіе славяне. Вопросъ этотъ оставленъ собраніемъ открытымъ до болѣе благопріятнаго времени и ближайшаго изученія Совѣтомъ способовъ и средствъ для осуществленія этого давнишняго предположенія.

Затѣмъ, по предложенію г. предсѣдателя, въ уваженіе къ представленнымъ имъ соображеніямъ, собраніе постановило: а) увеличить кредитъ на изданіе въ 1890 г. „Славянскихъ Извѣстій“ вмѣсто 3.000 р., до 5.000 р.; б) поручить Совѣту приступить къ печатанію „Русско-словенскаго словаря“, составленіе котораго принялъ на себя дѣйствительный членъ Общества А. М. Мичатекъ; в) озаботиться скорѣйшимъ изданіемъ „Русско-славянской хрестоматіи“,—и г) принять мѣры къ своевременному составленію „Русско-славянскаго календаря на 1891 г.“.

Въ концѣ засѣданія, собраніемъ были избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

II.

25 ФЕВРАЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященные: Леонтій, архіепископъ холмскій и варшавскій, и Геогностъ, архіепископъ владимірскій и суздальскій, и преосвященный Германъ, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и болѣе 500 посторонніхъ посѣтителей.

Собраніе было открыто г. предсѣдателемъ, причемъ гр. Н. П. Игнатьевъ предложилъ почетное предсѣдательство высокопреосвященному Леонтію, на что и послѣдовало согласіе маститаго архимандрита.

Предъ началомъ засѣданія, хоромъ А. А. Архангельскаго былъ пропѣтъ тропарь св. Кириллу и Меѳодію.

Затѣмъ, по предложенію г. предсѣдателя, А. А. Панковъ прочиталъ слѣдующій

Отчетъ о дѣятельности Славянскаго Общества въ 1889 г.

I. Составъ Общества.

Въ 1889 г. въ Обществѣ состояло членовъ: почетныхъ—37, пожизненныхъ — 60 и дѣйствительныхъ—378.

Въ отчетномъ году были избраны: въ пожизненные члены—Г. А. Де-Волланъ и Г. А. Силяновскій и въ дѣйствительные члены—73—предложенные Совѣтомъ кандидата.

Изъ числа членовъ, состоявшихъ въ составѣ Общества въ 1889 г., 12 члена не уплатили еще своихъ членскихъ взносовъ.

Въ 1889 г. Славянское Общество понесло тяжелыя утраты. Изъ числа его членовъ почили: почетные члены: А. О. Аксакова и О. О. Миллеръ; пожизненные—А. М. Байковъ, П. И. Глазуновъ, А. А. Краевскій и Т. С. Морозовъ, и дѣйствительный членъ—С. В. Чурсинъ.

Да сохранится навсегда въ Славянскомъ Обществѣ память о почившихъ!

II. Составъ Совѣта Общества.

За смертію О. О. Миллера и выходомъ изъ Совѣта В. П. Ламанскаго и А. В. Васильева, на мѣсто ихъ, въ собраніи, состоявшемся 5 ноября, избраны въ члены Совѣта: П. С. Пальмовъ, А. Д. Столыпинъ и Н. В. Стремоуховъ и кандидатомъ А. А. Панковъ.

III. Московское Попечительство.

По иниціативѣ графа Н. П. Игнатьева и по ходатайству Совѣта Общества, г. министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ учредить въ Москвѣ „особое попечительство“ изъ проживающихъ тамъ членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества, для наблюденія за успѣхами и поведеніемъ молодыхъ славянъ,

воспитывающихся на счетъ Общества въ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Попечительство это было открыто 31 декабря 1889 г., причемъ въ его Правленіе избраны: предсѣдателемъ—князь П. П. Мещерскій, членами Правленія: прот. А. М. Ивановъ-Платоновъ, Д. О. Самаринъ, Д. И. Иловайскій, князь А. М. Голицынъ, казначеемъ—П. П. Загоскинъ и секретаремъ—А. Г. Тепловъ.

IV. Комиссіи.

Въ 1889 г., при Совѣтѣ Общества состояли слѣдующія Комиссіи:

а) *Издательская*—для ознакомленія, по возможности, всѣхъ слоевъ русскаго общества съ міромъ славянскимъ и славянскихъ племенъ съ русскимъ народомъ, въ составѣ: И. А. Васильчикова, Е. Е. Замысловскаго, О. М. Истомина, А. А. Кирѣева, Г. М. Князева, В. И. Ламанскаго, И. С. Пальмова и А. Л. Петрова.

Въ 1889 г., Комиссіею изданы: переводъ замѣчательныхъ историческихъ монографій д-ра Томека „Янъ Жижка“ и И. А. Ровинскаго „Петръ II (Раде) Петровичъ Нѣгошъ“.

Отчетъ о дѣятельности Издательской Комиссіи въ 1889 г. будетъ доложенъ въ одномъ изъ слѣдующихъ собраній.

б) *Ревизіонная*—для провѣрки приходо-расходныхъ книгъ Общества за 1888 г. въ составѣ: П. А. Васильчикова, прот. А. А. Лебедева и И. П. Писаревскаго.

Отчетъ этой Комиссіи былъ уже доложенъ въ собраніи гг. членовъ Общества, состоявшемся 5 ноября 1889 г.

в) *Особая Комиссія*, учрежденная 23 декабря 1888 г. для разбора прошеній приѣзжающихъ въ Россію славянъ, объ опредѣленіи ихъ въ учебныя заведенія и для наблюденія за ихъ успѣхами и поведеніемъ, а также и для пріисканія для нихъ занятій. Въ составѣ этой Комиссіи состояли: А. В. Васильевъ, О. М. Истоминъ, А. Л. Кекинъ, А. А. Кирѣевъ, В. И. Ламанскій, И. С. Пальмовъ, А. К. Томашевскій, И. П. Филевичъ и М. М. Янко.

Въ минувшемъ году существеннѣйшую пользу неимущимъ пріѣзжимъ славянамъ оказывалъ членъ названной Комиссіи А. Л. Кекинъ, давая имъ, на первыхъ порахъ, помѣщеніе и содержаніе въ учрежденномъ имъ „Домѣ Общества временной помощи“.

Благодаря великодушному содѣйствію А. Л. Кекина, при незначительныхъ пособіяхъ со стороны Совѣта Общества, нѣсколько пріѣзжихъ славянъ успѣли подготовиться къ экзаменамъ въ учебныхъ заведеніяхъ, куда и поступили, или же пріискать себѣ подходящія занятія.

V. Общія собранія и членовъ Общества.

Въ 1889 г. состоялось четыре собранія, въ томъ числѣ три торжественныя—14 февраля, 11 мая и 10 декабря.

Въ торжественныхъ собраніяхъ были прочитаны: В. П. Аристовымъ — стихотвореніе „Царь Лазарь и Милица“ и „отчетъ о дѣятельности Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Общества въ 1888 г.“, покойнымъ О. О. Миллеромъ — статьи: „Внутренняя жизнь и ходъ развитія И. С. Аксакова, по его письмамъ“, „Богатырскій сонъ“ и стихотвореніе В. Уманова-Каплуновскаго „Великанъ“; М. О. Кояловичемъ—статья: „Пятидесятилѣтіе возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ, въ 1839 г. и историческое значеніе этого событія“; протоіереемъ І. Г. Наумовичемъ—статья: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“; П. С. Пальмовымъ—статья: „Славянство 1000 лѣтъ тому назадъ и теперь“ и „Современный судъ надъ Іоанномъ Гусомъ въ чешскомъ сеймѣ“; К. К. Случевскимъ — статья: „Ѳ. М. Достоевскій“ и П. А. Шляпкинымъ — статья, посвященная „памяти О. О. Миллера“.

Распорядительное Собраніе 5 ноября было посвящено выборамъ членовъ Совѣта на мѣсто выбывшихъ О. О. Миллера, А. В. Васильева и В. И. Ламанскаго. Въ этомъ же собраніи было рѣшено издать „Русско-Славянскій календарь“ на 1890 г., по программѣ, одобренной Совѣтомъ, подъ редакціею В. М. Бѣлозерскаго, и открыть сборъ пожертвованій: а) на памятникъ О. Ѳ. Миллеру“ и б) „въ пользу голодающихъ Черногорцевъ и другихъ славянъ, нуждающихся по случаю неурожая“.

Предпринятыя Совѣтомъ ходатайства о разрѣшеніи повсемѣстнаго сбора пожертвованій въ православныхъ церквахъ „въ пользу голодающихъ Черногорцевъ“ и объ открытіи сбора пожертвованій съ тою же цѣлію при С.-Петербургскомъ Славянскомъ Обществѣ, были уважены: святѣйшій Синодъ, 3 ноября, сдѣлалъ распоряженіе о повсемѣстномъ, въ православныхъ церквахъ, сборѣ пожертвованій „въ пользу голодающихъ Черногорцевъ“, а по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, въ 7 день декабря, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе при Совѣтѣ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества повсемѣстнаго по имперіи сбора пожертвованій „въ пользу голодающихъ Черногорцевъ и другихъ славянъ, нуждающихся по случаю неурожая“, и на сосредоточеніе сбора этихъ пожертвованій въ Совѣтѣ Общества.

Въ минувшемъ году значительнѣйшія пожертвованія „въ пользу голодающихъ Черногорцевъ и другихъ Славянъ, нуждающихся по случаю неурожая“ поступили отъ слѣдующихъ лицъ: графъ П. П. Игнатьевъ пожертвовалъ 1.000 пудовъ пшеницы, коммерціи совѣтникъ П. М. Плѣшановъ доставилъ въ Общество 610 пудовъ пшеницы же, П. П. и В. П. Фонъ-Дервизъ пожертвовали по 500 р., Е. С. Кузнецова—300 р., А. А. Іолшинъ—200 р., Московская ремесленная управа—102 р., семейство Лебедевыхъ—100 р., преосвященный Гермогенъ—126 р., директоръ орловской гимназіи И. Бѣлоруссовъ—250 р., торговый домъ К. Н. Поповъ и К° въ Адатырѣ—115 р. 95 к., А. И. Гельшертъ и Л. А. Линская 318 р. 33 к.

Къ 1 января 1890 г., пожертвованій „въ пользу голодающихъ Черногорцевъ и другихъ Славянъ, нуждающихся по случаю неурожая“, поступило въ кассу Общества 3.718 р.

Къ 22 февраля въ Общество пожертвованій, съ означенною цѣлью, поступило всего 35.567 р. 16 к.

Для распредѣленія сбираемыхъ въ Россіи пожертвованій учреждены особые комитеты: въ Цетиньѣ—подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнѣйшаго Митрофана, митрополита черногорскаго, въ составѣ членовъ:—русскаго дипломатическаго агента, П. Д. Вурцеля, священника Видака, І. Пишера, І. Лѣпавы, и архидіакона Ф. Радичевича; въ Бѣлградѣ—подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнѣйшаго Михаила, митрополита сербскаго, и въ Кіевѣ—подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Кіевскаго Славянскаго Общества Н. И. Рахманинова, въ составѣ членовъ: прот. І. Г. Наумовича, П. В. Прѣснухина и А. П. Бородина.

VI. Засѣданія Совѣта.

Засѣданій Совѣта въ 1889 г. состоялось 23.

Засѣданія эти были посвящены разрѣшенію текущихъ дѣлъ, обсужденію многочисленныхъ просьбъ о пособіяхъ церквамъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ и славянскимъ юношамъ, прибывающимъ въ Россію для образованія.

Несвоевременное прибытіе молодыхъ славянъ въ Россію, для поступленія въ учебныя заведенія, вынудило Совѣтъ Общества сдѣлать заявленіе въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“ слѣдующаго содержанія:

„Въ Россію весьма часто пріѣзжаютъ для полученія образованія молодые славяне, вовсе непригото̀вленные къ слушанію лекцій въ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, мало знакомые съ русскимъ языкомъ и къ тому же не къ началу курсовъ, въ августѣ мѣсяцѣ, а среди учебнаго года, почему и не могутъ быть въ оныя принимаемы. Всѣ они, не имѣя никакихъ средствъ, обращаются съ просьбами въ Славянское Общество о выдачѣ имъ ежемѣсячныхъ пособій на содержаніе ихъ въ Петербургѣ до наступленія новаго учебнаго года, или же на возвращеніе на родину, каковыя просьбы не всегда, однакоже, могутъ быть удовлетворяемы. Это вынуждаетъ Совѣтъ Славянскаго Общества объявить, что оно не обязано и не имѣетъ средствъ назначать пособія *всѣмъ* славянамъ, пріѣзжающимъ въ Россію для образованія, а выдаетъ таковыя, по мѣрѣ возможности, только тѣмъ изъ нихъ, которые, прибывъ въ Россію къ началу курсовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, выдержатъ установленные экзамены и будутъ приняты въ число студентовъ, а не вольнослушателями“.

Въ засѣданіяхъ же Совѣта была рѣшена посылка адресовъ: высокопреосвященному Алексію, архіепископу литовскому, по случаю пятидесятилѣтія возсоединенія уніатовъ; высокопреосвященнѣйшему Михаилу, митрополиту сербскому, и Его Высочеству Князю Николаю Черногорскому—въ день 500-лѣтія Косовскаго побоища, и привѣтственной телеграммы, по случаю муропомазанія Сербскаго Короля Александра, совершеннаго 20 іюня.

Составленіе адресовъ любезно приняли на себя первое—проф. М. О. Коялович, а второе—проф. П. С. Пальмовъ.

Память о сербскихъ герояхъ, погибшихъ въ Косовской битвѣ, а также о борцахъ за славянскую независимость, павшихъ на поляхъ Сербіи въ 1876 г., и о всѣхъ почившихъ дѣятеляхъ, служившихъ славянскому дѣлу, была почтена торжественною заупокойною литургіею и панихидою, 15 іюля, въ Казанскомъ соборѣ, причемъ молящимся было роздано, безплатно, въ тысячахъ экземпляровъ, описаніе Косовской битвы.

Въ день священнаго муропомазанія Сербскаго Короля Александра, въ томъ же соборѣ, была совершена божественная литургія и торжественный молебенъ.

На этихъ торжествахъ, кромѣ массы молившихся и членовъ Славянскаго Общества, присутствовали находившіеся въ Петербургѣ славяне: Сербы, Болгары, Словаки, Чехи, Хорваты, Галичане и Поляки.

При возвращеніи высокопреосвященнѣйшаго Михаила, митрополита сербскаго, изъ добровольнаго изгнанія на родину, Совѣтъ Общества счелъ для себя священною обязанностью почтить высокаго подвижника знакомъ своего глубокаго уваженія къ нему и поднесъ именитому іерарху, заказанный для этой цѣли, драгоцѣнный крестъ.

По случаю бракосочетаній: Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича съ дочерью доблестнаго Черногорскаго Князя Николая—княжною Милицею Николаевною и Его Императорскаго Высочества Георгія Максимиліановича съ другою дочерью Его Высочества—княжною Анастасіею Николаевною, Совѣтъ Общества, въ ознаменованіе этого новаго, двойнаго, родственнаго, славянскаго союза, поднесъ высокосановобрачнымъ, художественно исполненныя, святыя иконы.

VII. Стипендіаты Общества.

Въ теченіе 1889 г., на попеченіи Общества состояло 36 стипендіатовъ и 4 стипендіатки; изъ первыхъ: 1—въ заграничномъ университетѣ, 4—въ московскомъ и 2—въ с.-петербургскомъ университетахъ, 6—въ военно-медицинской академіи, 1—въ технологическомъ институтѣ, 1—въ императорской академіи художествъ, 1—въ императорской придворной капеллѣ, 1—въ нарвскомъ мореходномъ классѣ Петра Великаго, 4—въ с.-петербургской духовной академіи, 1—въ виленской духовной семинаріи, 9—въ с.-петербургской духовной семинаріи, 1—въ таврической духовной семинаріи, 1—во 2-й с.-петербургской прогимназіи, 2—въ южно-славянскомъ пансіонѣ О. Н. Минкова и—изъ стипендіатокъ: 1—въ маріинской женской гимназіи въ Петербургѣ, 2—въ ярославской женской гимназіи и 1—въ новивальномъ институтѣ.

1 стипендіатка, болгарка, окончила образованіе и уѣхала на родину, 1 стипендіатъ, студентъ с.-петербургскаго университета, сербъ, по болѣзни, по совѣту докторовъ, возвратился на родину, 1 болгаринъ, воспитанникъ семинаріи, по вызову родныхъ, уѣхалъ въ Болгарію, 1 болгаринъ, стипендіатъ, принятъ на попеченіе „Комиссіи по образованію въ Россіи южныхъ славянъ“, 5 болгаръ—на

изданіе святѣйшаго Синода, 1 болгаринъ и 1 сербъ—переданы на попеченіе московскаго попечительства и 1 стипендіатъ—словакъ, уѣхавшій на родину, скончался.

Къ 1 января 1890 г., на попеченіи Общества оставалось 26 стипендіатовъ и 3 стипендіатки: 1 буковинецъ, 3 герцеговинца, 11 болгаръ, 3 болгарки, 8 сербовъ, 2 черногорца и 1 хорватъ.

VIII. Собранія членовъ Общества по понедѣльникамъ.

Въ этихъ собраніяхъ, осенью 1889 г., членомъ Совѣта, прот. А. А. Лебедевымъ, былъ сдѣланъ ночинъ „чтеній".

Дай Богъ, чтобы примѣръ отца прот. А. А. Лебедева—ввести чтенія въ собраніяхъ по понедѣльникамъ—нашелъ подражателей.

IX. Изданіе „Славянскихъ Извѣстій" въ 1889 г.

Еще 23 декабря 1888 г., Совѣтомъ Общества было доложено собранію членовъ Общества, что изданіе „Славянскихъ Извѣстій" приняль на себя членъ Общества В. В. Комаровъ.

Въ минувшемъ году В. В. Комаровымъ издано 52 нумера „Славянскихъ Извѣстій".

Нельзя не пожелать, чтобы члены Общества приняли болѣе горячее участіе въ подпискѣ и распространеніи этого журнала въ текущемъ году.

X. Казначейскій отчетъ.

I. Приходъ смѣтныхъ поступленій.

№		По смѣтѣ ожидалось: Рубли. К.	Поступило: Рубли. К.
1.	По расходн. капиталу	19.800 —	23.631 06
2.	„ основному „	2.250 04	12.431 93
3.	„ Аксаковскому капиталу	203 58	214 68
4.	„ капиталу болгарскаго братства просвѣщенія	6 14	6 14
5.	На премію А. Ѳ. Гильфердинга	220 54	220 54
6.	„ премію Г. П. Алексѣева	19.75	19 75
	Итого	22.500 05	36.524 10

II. Приходъ суммъ, не вошедшихъ въ смѣту.

а.	По запасному капиталу	— —	3.029 10
б.	Пожертвованій въ пользу черногорцевъ и другихъ славянъ	— —	3.718 72
в.	Пожертвованіе А. Г. Кузнецова въ пособіе литературн. предпріятіямъ и возвратъ суммъ, выданныхъ въ ссуду	— —	7.000 —
г.	На памятникъ О. О. Миллеру	— —	185 50
д.	Оборотн. и передат. суммъ	— —	9.718 49
	Итого	— —	23.672 81
	А всего	— —	60.196 91

Увеличеніе прихода по расходному капиталу объясняется развитіемъ церковнаго кружечнаго сбора, увеличеніемъ поступленія членскихъ взносовъ и единовременныхъ пожертвованій въ распоряженіе Общества.

Увеличеніе прихода по основному капиталу объясняется поступленіемъ отъ Т. С. Морозова пожертвованія въ 5.000 р., пожизненныхъ членскихъ взносовъ—600 р., выручкою, въ 4.206 р., полученною отъ продажи нѣсколькихъ тысячъ „Житія св. равноапостольнаго князя Владиміра" и увеличеніемъ на 2.525 р.,—10% отчисленій изъ расходнаго капитала, сообразно поступленіямъ въ этотъ капиталъ.

II. РАСХОДЪ.

I. Собственно по расходному капиталу.

	По смѣтѣ назначено: Рубли. К.	Израсходовано: Рубли. К.
1) На наемъ квартиры, содержаніе служащихъ, общія собранія, засѣданія Совѣта, разъѣзды, печатаніе, церковныя службы и вообще веденіе дѣла	4.200 —	5.571 77
2) На пособіе церквамъ	1.500 —	1.248 36
3) На воспитаніе славянъ	4.700 —	5.712 56
4) На пособіе добровольцамъ и ихъ семействамъ	1.700 —	2.164 81
5) На пересылку газетъ и книгъ въ славянскія земли	500 —	784 82
6) На пособіе пріѣзжимъ славянамъ	2.800 —	3.072 18
7) На пособіе школамъ	250 —	251 13
8) Въ пособіе на изданіе „Славянскихъ Извѣстій" въ 1889 г.	3.000 —	3.000 —
9) На печатаніе 11 и 12 №№ „Извѣстій Славянскаго Общества" 1888 г., и книгъ: „Янъ Жижка" и „Петръ II Негошъ", а также на разсылку „Извѣстій" и гонораръ сотрудникамъ по этимъ изданіямъ	1.150 —	1.737 90
Итого	19.800 —	23.543 47

Болѣе противъ смѣты на 3.771 р. 42 к.

Увеличеніе расхода объясняется:

По 1 статьѣ—увеличеніемъ издержекъ на заграничную корреспонденцію и на книжныя посылки, непредвидѣнными смѣтою расхода, по устройству библіотеки и заготовленіемъ нѣкоторыхъ книгъ для казначейской части и канцеляріи на нѣсколько лѣтъ и другими экстренными случаями.

По 3 статьѣ—увеличеніемъ числа пособій молодымъ славянамъ, прибывающимъ въ Россію для образованія.

По 4 статьѣ—увеличеніемъ числа семействъ добровольцевъ, впавшихъ по обстоятельствамъ въ крайность и нуждающихся въ пособіяхъ.

По 6 статьѣ—увеличеніемъ числа славянъ,

прибывающихъ въ Россію, и вообще славянскихъ эмигрантовъ.

По 9 статьѣ—печатаніемъ изданій, не предусмотрѣнныхъ смѣтою.

Изъ основнаго капитала и 3 спеціальныхъ капиталовъ расхода не было.

2. Расходы суммъ, не вошедшихъ въ смѣту.

Въ пособіе черногорцамъ и другимъ славянамъ, нуждающимся по случаю неурожая, изъ собранныхъ пожертвованій	4.368 р.	39 к.
По постановленіямъ собраній 23 декабря 1888 г. и 5 ноября 1889 г., израсходовано изъ запаснаго капитала на неотложныя нужды славянъ	6.580 „	93 „
Изъ капитала А. Г. Кузнецова выдано безвозвратно 1.000 р. и съ возвратомъ 2.000 р. на литературныя предпріятія . .	3.000 „	— „
Изъ Аксаковскаго капитала, по постановленію собранія 5 ноября 1889 г., позаимствовано на составленіе „Русско-Славянскаго Календаря на 1890 годъ“.	2.847 „	01 „
За произведенными расходами къ 1 января 1890 г. оставалось:		
Расходнаго капитала .	87 „	69 „
Основнаго	91.482 „	98 „
Запаснаго	114.952 „	01 „
Капитала А. Г. Кузнецова	4.000 „	— „
Аксаковскаго издательскаго капитала	2.237 „	82½ „
На памятникъ О. Ѳ. Миллеру.	185 „	50 „
Болгарскаго братства просвѣщенія	179 „	52 „
На премію А. Ѳ. Гильфердинга	5.435 „	31½ „
На премію Г. И. Алексѣева	478 „	57½ „
Передаточныхъ и оборотныхъ суммъ	162 „	25 „
Итого	219.201 р.	69½ к.

Итого къ 1 января 1890 г., противъ остатка къ 1 января 1889 г., осталось болѣе на 10.207 р. 82½ к.

Капиталъ Общества заключается:

въ процентныхъ бумагахъ на 212.100 р.		
на текущ. счетѣ учетно-ссуднаго банка . . .	2.967 р.	41 к.
и въ наличныхъ . . .	3.831 „	21½ „

Въ заключеніе отчета Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества считаетъ священнымъ долгомъ обратиться къ вамъ, гг. члены Общества, съ покорнѣйшею просьбою:—помогите Совѣту, по мѣрѣ силъ и возможности, въ достиженіи цѣлей, завѣщанныхъ Обществу его основателями и славными дѣятелями.

Только при общемъ нашемъ содѣйствіи Совѣтъ будетъ въ силахъ выполнять ихъ завѣты.

Отчетъ этотъ, выслушанный присутствовавшими съ особеннымъ вниманіемъ, былъ утвержденъ безъ измѣненій.

Послѣ утвержденія отчета, графъ Н. П. Игнатьевъ, сообщивъ, что въ собраніе прибылъ предсѣдатель сербской скупштины и руководитель народной партіи, бѣлградскій городской голова, Н. П. Пашичъ, и, обратясь къ нему съ краткою привѣтственною рѣчью, заключилъ ее словами: „Добро пожаловать, Николай Петровичъ, въ нашу братскую и сочувственную вамъ среду!“

На это привѣтствіе Н. П. Пашичъ отвѣчалъ слѣдующими словами: „Мм. Гг.! Считаю священнѣйшею обязанностію благодарить Славянское Общество за лестный пріемъ. Я радуюсь, имѣя возможность благодарить весь русскій народъ за святую, пролитую имъ за освобожденіе славянъ, кровь. Связь сербскаго и русскаго народовъ—святая, кровная и духовная. Сербскій народъ былъ, есть и будетъ вѣрнымъ другомъ русскаго народа. Ихъ разлучить никто не можетъ. Да здравствуетъ Россія, да здравствуетъ русскій народъ!“

И привѣтствіе графа Н. П. Игнатьева и отвѣтъ Н. П. Пашича были покрыты живѣйшими рукоплесканіями и кликами „ура“ и „живіо“.

Вслѣдъ за этимъ, хоръ исполнилъ сербскій и, по требованію присутствовавшихъ, русскій—народные гимны, сопровождавшіеся восторженными возгласами: „живіо“, „ура“ и рукоплесканіями.

По приглашенію графа Н. П. Игнатьева, маститый поэтъ А. Н. Майковъ прочиталъ слѣдующую свою поэму:

Въ Городцѣ въ 1263 году.

Ночь на дворѣ и морозъ.
Мѣсяцъ—два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца
вкругъ него...
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ жъ игуменской зрѣлище скорби и
слезъ...
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоятъ по угламъ;
Тихъ и недвижимъ лежитъ, головой къ об-
разамъ.
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждутъ: нѣтъ надежды,
ужъ нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго
бредъ.
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣль-
ность глядитъ...
Сонъ ли проходитъ предъ нимъ, иль видѣній
таинственныхъ цѣпь,—
Видитъ онъ—степь, безпредѣльная, бурая
степь..
Войлокъ разосланъ на выжженой солнцемъ
землѣ.
Видитъ—отецъ! Смертный потъ на челѣ.
Весь изможденъ онъ, и блѣденъ, и слабъ...
Шелъ изъ орды онъ, какъ данникъ, какъ
рабъ...

Въ сердцѣ, знать, силъ не хватило обиду стерпѣть...
И простопалъ Александръ: „такъ и мнѣ умереть"...
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Видитъ—шатеръ, дорогой, златоткканный шатеръ...
Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ...
Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...
Князь Михаилъ передъ ставкой стоитъ у дверей...
Подняты копья надъ книжеской свѣтлой главой...
Молятъ бояре горячей мольбой...
„Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ" онъ твердитъ...
Мигъ—и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...
Топчутъ погами и копьями колютъ его...
Ханъ, изумленный, глядитъ изъ шатра своего...
Князь отвернулся со стономъ и, очи закрывъ,—
„Я жъ",—говоритъ, поклонился болванамъ, чрезъ огонь я прошелъ.
„Жизнь я святому вѣнцу предпочелъ...
„Но на Спасителя взоръ устремивъ:
„Боже! Ты знаешь—не ради себя—
„Многострадальный народъ свой лишь паче души возлюбя"!..
Слышатъ бояре и шепчутъ, крестясь:
„Грѣхъ твой, кормилецъ, на насъ"!..
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Снится ему Ярославовъ въ Новгородѣ дворъ...
Въ шумной толпѣ и мятежъ, и раздоръ...
Всѣ собрались концы и шумятъ...
„Всѣ постоимъ за святую Софію"—вопятъ—
„Дань ей несутъ отъ Угорской земли до Гапзы...
„Нѣмцамъ и Шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...
„Самъ ты водилъ насъ, и—Биргеръ твое
„Помнитъ досель на лицѣ, чай, копье!..
„Рыцари,—памятенъ имъ подтаявшій ледъ!..
„Конница словно какъ въ морѣ летитъ кровяномъ!..
„Бейте, колите, берите живьемъ
„Лживый, коварный, пришельческій родъ!..
„Намъ ли баскаковъ пустить
„Грабить казну, на правежъ насъ водить?
„Злата и серебра горы у насъ въ погребахъ,—
„Намъ ли валяться у хана въ ногахъ!
„Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ, татаръ"!..
И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...
Князь приподнялся на ложѣ своемъ;
Очи сверкнули огнемъ,
Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души—
Крикнулъ: „эй вы торгани!"
„Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
„Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
„Ломятся тьмами ордынцы на Русь—я себя не щажу—
„Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу!
„Время пести,—такъ всѣмъ міромъ пестн!
„Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, расти;
„Вѣруя въ чаянье лучшихъ временъ,—
„Все лишь въ конецъ претерпѣвый—спасенъ"!..
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Тьма, что завѣса, раздвинулась вдругъ передъ нимъ...
Видитъ онъ: облитый словно лучомъ золотымъ,
Берегъ Невы, гдѣ разилъ онъ врага...
Вдругъ возникаетъ тамъ городъ... народомъ кишатъ берега...
Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
Громъ раздается; корабль показался вдали...
Правитъ имъ кормчій съ открытымъ высокимъ челомъ...
Кормчаго всѣ называютъ Царемъ...
Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
Крышу открыли... Царь что-то толпѣ говоритъ...
Вотъ—передъ гробомъ земные поклоны творитъ...
Слѣдомъ всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ...
Въ гробѣ жъ—князь видитъ—онъ самъ...
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой—
Чудной лицо озарилось красой—
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело—
И, зарыдавъ, возгласилъ: „наше солнце зашло!"

Затѣмъ В. И. Аристовъ, въ дополненіе къ выслушанному уже отчету, доложилъ собранію нижеслѣдующія свѣдѣнія о сборѣ и распредѣленіи пожертвованій „въ пользу черногорцевъ и другихъ славянъ, нуждающихся по случаю неурожая":

Изъ выслушаннаго вами, мм. гг., отчета о дѣятельности Славянскаго Общества въ 1889 г., вы изволили усмотрѣть, что Совѣтъ Общества принималъ въ отчетномъ году всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ возможному облегченію положенія голодающихъ черногорцевъ и другихъ славянъ, нуждающихся по случаю неурожая. По его ходатайству, св. Сунодомъ было сдѣлано распоряженіе о повсемѣстномъ въ православныхъ церквахъ сборѣ пожертвованій въ пользу голодающихъ черногорцевъ и съ Всемилостивѣйшаго соизволенія былъ открытъ сборъ пожертвованій при Совѣтѣ Славянскаго Благотворительнаго Общества. Всѣхъ пожертвованій и въ св. Сунодъ и въ Славянское Общество поступило по 25 февраля, какъ вамъ было доложено, до 200.000 р. Болѣе 160.000 уже отправлено по назначенію.

Для распредѣленія поступившихъ и имѣющихъ поступать пожертвованій, по соглашенію съ Совѣтомъ нашего Общества, учреждены особые комитеты: въ Цетиньѣ, Бѣлградѣ и Кіевѣ. Имѣющіяся въ Совѣтѣ свѣдѣнія о дѣятельности этихъ комитетовъ въ высшей степени интересны. Позвольте-же привлечь

къ нимъ ваше вниманіе. Въ Цетиньѣ, съ соизволенія Его Высочества Князя Николая, учрежденъ, въ началѣ декабря, для оказанія помощи голодающимъ черногорцамъ: „Одборъ за раздаваньe помочи пострадавшем од неродице". Въ составъ этого комитета вошли: предсѣдателемъ — высокопреосвященнѣйшій Митрофанъ, митрополитъ черногорскій, подпредсѣдателемъ секретарь россійской Императорской миссіи, П. Д. Вурцель, членами—священникъ Видакъ, профессоръ гимназіи Лѣпава и цетиньскій торговецъ Пиперъ, секретаремъ и казначеемъ комитета—протодіаконъ и секретарь митрополіи—Ф. Радочевичъ.

Вотъ что было доложено этимъ комитетомъ въ началѣ текущаго мѣсяца Его Высочеству Князю Николаю:

Ваше Высочество,
Всемилостивѣйшій Государь!

Установленный Вашимъ Высочествомъ въ Цетиньѣ „Комитетъ для оказанія помощи голодающимъ", желая ближе ознакомиться съ размѣрами народнаго бѣдствія, дабы изыскать наиболѣе цѣлесообразныя и дѣйствительныя мѣры для распредѣленія между страдающими пожертвованій изъ Россіи, — отправилъ внутрь страны, изъ своей среды, двухъ членовъ, которые, возвратясь въ Цетиньe, представили нѣкоторыя соображенія, на основаніи коихъ Комитетъ рѣшилъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ и нынѣ повергаетъ на усмотрѣніе Вашего Высочества нижеслѣдующій отчетъ.

По всѣмъ даннымъ, наибольшее количество пришлыхъ, нуждающихся черногорцевъ сосредоточено въ долинѣ Бѣлопавличей, или, точнѣе, отъ Подгорицы до Планиницы. Ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи:

1) имѣвшіе выселиться въ Сербію, но оставшіеся на родинѣ, по независимымъ отъ нихъ обстоятельствамъ, и

2) народъ пришлый временно изо всѣхъ частей княжества, преимущественно-же изъ Васоевичей, Пивы, Дробняка, Ваяинъ и пр.

Народъ прибылъ со своими семействами и поселенъ въ окрестныхъ селахъ, а также въ городахъ: Подгорицѣ, Спужѣ, Даниловградѣ и, отчасти, въ Никшичѣ.

Правительство Вашего Высочества, съ цѣлью дать всему этому народу средства къ существованію, открыло работы по постройкѣ дорогъ и тѣмъ предоставило возможность всѣмъ способнымъ къ труду зарабатывать насущный хлѣбъ. Притомъ пришлые 1-й категоріи (около 1.500 душъ),—въ виду ихъ особенно бѣдственнаго положенія въ настоящемъ и слабыхъ надеждъ на лучшее будущее,—получаютъ отъ казны, кромѣ заработка хлѣбомъ, еще и тайникъ (ежедневное провитаніе) на всѣхъ членовъ семьи. Во 2-й категоріи семьи получаютъ столько хлѣба, сколько въ состояніи заработать, на постройкѣ дороги, члены ея, способные къ труду; число таковыхъ приблизительно 3.500, а вмѣстѣ съ семьями около 7.000 человѣкъ. Такъ что, въ итогѣ—пришлаго, крайне нуждающагося населенія въ Бѣлопавличахъ сосредоточено всего около 8.500 душъ.

Мѣстные поселяне пріютили большинство въ своихъ домахъ и великодушно снабжаютъ ихъ на свой счетъ дровами.

Появившаяся среди мѣстнаго населенія эпидемія инфлуэнцы въ сильной степени усугубила бѣдственное положеніе и въ послѣднее время приняла злокачественный характеръ. Есть достаточно случаевъ заболѣванія грудными болѣзнями, плевритомъ, бронхитомъ, а также упишми болѣзнями. Смертность значительно возвысилась.

Въ виду вышесказаннаго, а также принимая въ соображеніе, что, кромѣ бѣдняковъ, собранныхъ въ Бѣлопавличахъ, есть весьма значительное число пострадавшихъ отъ неурожая и въ остальныхъ частяхъ княжества, Комитетъ, независимо отъ мѣръ помощи, принятыхъ правительствомъ Вашего Высочества, полагалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ распорядиться находящимися въ его распоряженіи денежными средствами слѣдующимъ образомъ:

1) Для оказанія помощи въ Бѣлопавличахъ, работающимъ на постройкѣ дорогъ, Комитетъ рѣшилъ пріобрѣсти, правительству принадлежащій хлѣбъ въ Даниловградѣ, какъ пунктѣ, наиболѣе центральномъ, на сумму 25.000 рублей, имѣющую быть вскорѣ полученной изъ С.-Петербурга. Хлѣбъ этотъ будетъ купленъ Комитетомъ по той-же пониженной цѣнѣ, по коей онъ продается въ странѣ, и будетъ выдаваться на пособіе наиболѣе нуждающимся, предпочтительно-же семействамъ рабочихъ, по спеціальнымъ билетамъ „Благотворнаго Одбора". Настоятельность подобныхъ пособій сдѣлалась-бы особенно ощутительной, если бы, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, какъ, напримѣръ, невогоды, работы пріостанавливались; правительство Вашего Высочества сдѣлало ва этотъ случай распоряженіе о выдачѣ рабочимъ хлѣба занмообразно, въ счетъ будущихъ ихъ заработковъ.

2) Для оказанія помощи больнымъ устроена нынѣ въ Оріалукѣ (близъ Даниловграда), въ домѣ, пожертвованномъ Вашимъ Высочествомъ на эту цѣль, больница на 64 кровати. Такъ какъ число больныхъ весьма значительно, то Комитетъ рѣшилъ устроить при больницѣ аптеку и кухню, имѣющія снабжать лѣкарствами и пищей тѣхъ больныхъ, которые будутъ прибывать въ Оріалуку, но не могутъ быть принимаемы въ больницу за недостаткомъ помѣщенія. Больница эта уже открыта, вполнѣ устроена, и вмѣщаетъ весь комплектъ больныхъ.

Подобная-же больница учреждается Комитетомъ и въ Подгорицѣ на 35 кроватей. Все необходимое для устройства ея, также какъ это было сдѣлано для больницы въ Оріалукѣ, выписано частью изъ Трiеста, частью заказано на мѣстѣ. При больницѣ въ Подгорицѣ нанятъ домъ для помѣщенія больныхъ и слабыхъ, до 50-ти человѣкъ, коихъ больница не сможетъ помѣстить. Въ этомъ домѣ устроенъ родъ ночлежнаго пріюта, гдѣ больнымъ будутъ выдаваться пища, лѣкарства, а также оказываться временная медицинская помощь.

Для больницы въ Оріалукѣ Комитетъ рѣ-

шилъ, — впредь до пріѣзда въ Черногорію г-на Новицы Ковачевича, нынѣ окончившаго курсъ наукъ въ военно-медицинской-хирургической академіи въ С.-Петербургѣ,—пригласить особаго врача, при коемъ долженъ состоять одинъ помощникъ. Больница въ Подгорицѣ находится въ вѣдѣніи мѣстнаго городоваго врача.

3) Для оказанія помощи семействамъ и лицамъ, пострадавшимъ отъ голода и не находящимся на работахъ въ Бѣлопавличахъ, Комитетъ рѣшилъ выдавать въ пособіе или деньги или хлѣбъ изъ запаса, купленнаго въ Даниловградѣ. Для каждаго отдѣльнаго случая Комитетъ наводитъ о просителѣ самыя точныя справки, и помощь выдается нуждающимся только тогда, когда существуетъ увѣренность, что проситель, по уважительнымъ причинамъ, не въ состояніи отправиться на заработки въ Бѣлопавличи.

Вообще, Комитетъ въ этомъ отношеніи строго держится того правила, чтобы пособія, неоплаченныя трудомъ, выдавались съ крайней осторожностью, дабы не пріучать народъ къ даровой помощи и къ попрошайничеству.

1) Одна изъ главнѣйшихъ заботъ Комитета состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить семьи, временно поселившіяся для заработковъ въ Бѣлопавличахъ, самыми необходимыми средствами къ жизни и оказать имъ возможную помощь въ ту минуту, когда они должны будутъ вернуться къ своимъ очагамъ для начатія полевыхъ работъ. Къ этому времени, то-есть къ серединѣ марта и началу апрѣля мѣсяца, Комитетъ рѣшилъ снабдить эти, окончательно разорившіяся и крайне бѣдствующія семьи хлѣбомъ, деньгами на руки, необходимѣйшими инструментами, какъ, напр., лопатами, кирками и пр., а въ крайнихъ случаяхъ даже и скотомъ. Но приведеніе въ исполненіе этой мѣры въ той степени, въ какой она дѣйствительно является безусловно настоятельной и единственно-способной хоть сколько нибудь—снова поставить на ноги народъ, столь жестоко страдающій отъ послѣдствій голода и въ концѣ разорившійся. — должно неизбѣжно зависѣть отъ средствъ, коими Комитетъ будетъ къ тому времени располагать.

Доблестный Князь геройской Черногоріи, по полученіи свѣдѣній о первыхъ пожертвованіяхъ, присланныхъ изъ Россіи, по заявленію высокопреосвященнѣйшаго Митрофана, митрополита черногорскаго, былъ глубоко тронутъ горячимъ участіемъ святѣйшаго Синода и С.-Петербургскаго Славянскаго Общества къ судьбѣ Его народа. Такимъ же чувствомъ горячей благодарности воодушевлены и всѣ Черногорцы. Но къ этому чувству примѣшивается, по заявленію высокопреосвященнѣйшаго Митрофана, другое тяжелое чувство—сознанія, что испытанія, обрушившіяся на Черногорію, ложатся бременемъ на родственный и столь близкій Черногорцамъ по святой православной вѣрѣ, горячо любимый ими, благочестивый народъ русскій. Проявленное нынѣ столь горячее и великодушное участіе Россіи къ судьбѣ бѣдствующихъ братьевъ въ Черногоріи служитъ всѣмъ Черногорцамъ новымъ и драгоцѣннымъ доказательствомъ прочности и неразрывности узъ дружбы и родства съ могучей Россіей и навсегда запечатлѣетъ въ сердцѣ каждаго Черногорца чувство глубокой и искренней благодарности къ ней.

Таково положеніе дѣла вспомоществованія голодающимъ въ Черногоріи.

Въ Бѣлградѣ также учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнѣйшаго Михаила, митрополита сербскаго, особый Комитетъ для оказанія помощи голодающимъ Черногорцамъ, переселившимся въ Сербію. Считаю долгомъ привести подлинныя слова высокопреосвященнѣйшаго Михаила изъ его писемъ.

Въ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ:

„У насъ теперь большая забота—дать возможность пріѣхавшимъ Черногорцамъ, нашимъ братьямъ, прожить здѣсь зиму и весну. Они, бѣдные, оставили свою родину, прибывъ къ намъ безъ всякихъ средствъ. Мы дѣлаемъ все, что можемъ. Сербское правительство и народъ съ большимъ участіемъ принимаютъ къ сердцу тяжкую судьбу голодающихъ братьевъ. Но надо много, чтобы обуть, одѣть, помѣстить и прокормить 9.000 душъ; нашихъ же средствъ не достаетъ".

Въ другомъ письмѣ высокопреосвященнѣйшій Михаилъ сообщаетъ: „Тѣ Черногорцы, которые раньше пріѣхали, мало болѣли, а тѣ, которые пріѣхали зимою, страдали и умирали больше; теперь и у нихъ меньше смертныхъ жертвъ. Для нихъ учреждены больницы, даны доктора съ аптеками и пища улучшена, одѣты теплѣе, а ва первыхъ порахъ выстрадали эти бѣдные люди и умирало ихъ больше, чѣмъ въ другихъ группахъ. И министерства наши, и частныя общества, и наша Комиссія стараются всѣми способами помогать имъ. Все, что получали, мы посылали или деньгами, или здѣсь покупали бѣлье и одежду и тотчасъ высылали туда. Со стороны правительства часто посылаются комиссары для контроля надъ мѣстными властями, — какъ поступаютъ и все ли точно раздаютъ всѣмъ нуждающимся; наша Комиссія высылаетъ своихъ членовъ для лучшаго дознанія — какъ живутъ и въ чемъ нуждаются.

„Прокормить ихъ надѣемся, но обзавести ихъ хозяйственными средствами на первыхъ порахъ затруднямся. Министерство наше потратило на нихъ до сихъ поръ болѣе ста тысячъ франковъ, и что получали въ натурѣ или деньгами, около 50.000 франковъ тоже израсходовали; немного еще остается для одежды. Посему ваша помощь будетъ очень полезна для бѣдныхъ братьевъ, которые пріѣхали съ голыми руками. Большое спасибо всѣмъ вамъ за помощь, оказываемую братскимъ народомъ Русскимъ.

Призываю Божіе благословеніе на васъ и всѣхъ членовъ благодѣтельнаго Общества".

Кіевское Славянское Общество, по приглашенію Совѣта нашего Общества, выдѣлило изъ своей среды, для цѣлей помощи, особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ профессора П. П. Рахманинова и открыло сборъ пожертвованій для голодающихъ, между Кіевлянами.

Въ заключеніе, позволяю себѣ остановить особое ваше, мм. гг., вниманіе на Галичинѣ. Тамъ, въ этой исконно-русской землѣ, бѣдствія голодающаго населенія не только не ослаблены скудной помощью правительства, но прогрессируютъ и дѣлаются нестерпимыми. „Съ Рождества (пишутъ въ львовскихъ газетахъ — не только русскихъ, но и польскихъ) по деревнямъ восточной Галиціи, гдѣ бѣдствіе въ особенности велико, крестьяне не видятъ въ своихъ хатахъ хлѣба, питаются однимъ картофелемъ, который покупаютъ у помѣщиковъ на деньги, занимаемыя за ростовщическіе проценты подъ залогъ сколько-нибудь цѣнной домашней рухляди, послѣдняго полушубка и даже земли. Отапливать хаты тоже нечѣмъ, потому что наиболѣе голодающія мѣстности—сплошь безлѣсныя, гдѣ топливомъ для крестьянъ служитъ солома, которой въ нынѣшнемъ году нѣтъ и на кормъ скотинѣ. Скотъ и лошади еще съ осени распроданы за безцѣнокъ и просто „на шкуру", въ пустыхъ и холодныхъ деревняхъ голодный, исхудалый народъ бродитъ, какъ тѣни. Чтобы какъ-нибудь согрѣться, крестьяне бросаютъ свои хаты, по нѣсколько семействъ собираются въ одну, которая потеплѣе, и такъ живутъ. Отъ этой тѣсноты, голода и холода мужики болѣютъ и мрутъ, а нивыя отчаянныя головы бросаются на грабежъ церквей. Такова нынѣ ужасная картина голодающей Галиціи, — повторяемъ: преимущественно восточной, т.-е. по населенію — русской".

Послѣ долгихъ ожиданій и колебаній, австрійское правительство разрѣшило своимъ подданнымъ образовать во Львовѣ „Русскій Комитетъ для голодающихъ въ восточной Галичинѣ" въ составѣ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя извѣстнаго патріота и писателя Богдана Дѣдицкаго, подпредсѣдателя Михаила Малиновскаго и доктора Ивана Добрянскаго и членовъ: Ор. Авдыковскаго, В. Боролевича, Айоалы Билинкевича, Д. Вѣнцковскаго, Дм. Глинскаго, Алекс. Гутковскаго, І. Делокевича, Сев. Держко, С. Дуды, Ю. Илевича, Ю. Кмицикевича, Мих. Клемертовича, И. Костецкаго и другихъ.

Комитетъ этотъ на-дняхъ издалъ слѣдующее воззваніе на галицко-русскомъ языкѣ. Я прочитаю его въ точномъ переводѣ:

„Божіимъ попущеніемъ, нашу родную землю посѣтило великое горе — бѣдствіе неурожая—и страшный, безпощадный гость—голодъ уже загляпулъ подъ „куриныя стрѣхи" (закопченныя кровли), простирая туда свои цѣпкія руки. „Гроза несчастья" достигла всюду (въ восточной Галичинѣ) крайнихъ предѣловъ; отовсюду слышится одна и таже унылая пѣсня о голодѣ, о холодѣ... Наши крестьяне и мѣщане—земледѣльцы—этотъ живой источникъ и корень народной силы—находятся почти на краю гибели. Страждущихъ—съ каждымъ днемъ все больше и больше; размѣры бѣдствія—съ каждымъ днемъ ужаснѣе; насущнаго хлѣба не достаетъ для людей,— и нѣтъ корма для скота. Помощь отъ Галицкаго края и отъ правительства (австрійскаго)—какъ-бы велика она ни была—оказывается недостаточной. Пришлось обратиться къ чувствамъ человѣколюбія и общественнаго милосердія: — необходимо подать руку помощи народу, чтобы избавить его отъ голодной смерти!

„Въ виду такого мрачнаго образа недоли нашего брата-земледѣльца, кружокъ благожелательныхъ русскихъ людей, по Львовѣ, образовался въ Комитетъ для вспомоществованія голодающимъ въ восточной Галичинѣ и, получивъ разрѣшеніе вѣнскаго министерства на собираніе пожертвованій въ краѣ и другихъ коронныхъ областяхъ Австріи, и благословеніе отъ высокопреосвященнаго митрополита Галицкой Руси, приступаетъ съ Богомъ къ своему дѣлу.

„Мы (продолжаетъ Комитетъ) обращаемся, прежде всего, къ сострадательнымъ землякамъ—жителямъ нашего края. Кто скорбитъ о горѣ голоднаго люда, кто внемлетъ его страдальческимъ воплямъ и не желаетъ допустить его до упадка и даже гибели,—въ чьей груди не замерли человѣчныя чувства,— кто—вѣрный сынъ своей родины,—тотъ поспѣшитъ съ лептою по своимъ силамъ и возможности, — тотъ проявитъ сочувствіе къ страждущимъ и обремененнымъ своимъ соплеменникамъ!

„Земляки! Сирый, голодающій народъ— земледѣлъ—ожидаетъ вашей помощи какъ спасенія—и будетъ, въ благодарности, возносить за васъ горячія молитвы. Милосердіе— исконная добластная черта русскаго племени. На народныя пожертвованія мы построили свой русскій „народный домъ", воздвигли сотни церквей, основали школы и бурсы:— неможемъ же своими грошами сельской братіи!—У насъ нѣтъ своихъ вельможъ, нѣтъ капиталистовъ; но—когда дѣло идетъ о благѣ народа—есть теплое отчизнолюбивое сердце, есть братолюбіе и единодушіе!—Зажиточный и малоимущій, образованный и простой человѣкъ, священникъ, чиновникъ и учитель, купецъ и ремесленникъ—всѣ принесите хотябы малѣйшую лепту на жертвенникъ отечества, помня евангельское слово: „имѣешь мало—дай мало", помня старое, какъ міръ изреченіе: „вдвое даетъ — кто скоро даетъ". Если мы и не отвратимъ бѣдствія вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, ослабимъ силу голода, страшныя проявленія его и послѣдствія!— Надѣемся, что нашъ голосъ, раздающійся въ пользу бѣдствующихъ братій, найдетъ сочувственный откликъ въ сердцѣ милліоновъ и результатъ засвидѣтельствуетъ о несокрушимой силѣ родства, соединяющей русскій народъ какъ въ дни радости, такъ и въ дни горя"!

Вслѣдъ за этимъ воззваніемъ „къ землякамъ", Комитетъ восточной Галичины обратился съ воззваніемъ и „къ братьямъ славянамъ", и оно появилось уже въ сочувственныхъ газетахъ другихъ славянскихъ народовъ. Здѣсь встрѣчаются слѣдующія памятныя слова:

„Братья-славяне! Мы, червонороссы, доднинѣ не обращались къ вамъ ни съ какой просьбой, и потому не сомнѣваемся, что на

нашъ стонъ отзовется вся вообще славянская семья: непостыдный славянинъ подастъ руку помощи своему несчастному голодающему соплеменнику! Славянинъ исполнитъ свой долгъ не только по евангельскому слову: „накорми голоднаго", но и докажетъ свою славянскую взаимность и братскую любовь къ намъ.

„Имена жертвователей будутъ опубликованы въ русскихъ газетахъ. Пожертвованія слѣдуетъ посылать на имя Комитета, въ „народномъ домѣ", во Львовѣ, или въ редакціи галицко-русскихъ газетъ".

Вы, мм. гг., слышали скорбное воззваніе о помощи, написанное кровавыми слезами русскихъ людей. Мы—русскій большой народъ—единородны съ малымъ червонорусскимъ народомъ; мы и по чувству и по долгу отвѣтимъ братски на ихъ призывъ! Намъ ли отставать отъ другихъ славянъ въ дѣлѣ братской помощи!?

Докладъ этотъ былъ выслушанъ присутствовавшими съ полнѣйшимъ вниманіемъ и покрытъ громкими рукоплесканіями.

Вслѣдъ за докладомъ, хоръ исполнилъ „Киріе елейсонъ".

Послѣ небольшаго перерыва, по предложенію г. предсѣдателя, Н. П. Пашичъ былъ единогласно, при громкихъ рукоплесканіяхъ, избранъ въ пожизненные члены Славянскаго Общества.

Затѣмъ, собраніемъ были избраны въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Въ составъ Издательской Комиссіи, по предложенію г. предсѣдателя, избранъ дѣйствительный членъ Общества П. С. Толстой.

По случаю болѣзни Я. П. Полонскаго, стихотвореніе его: „Черногорскій ключъ", вызвавшее громкія рукоплесканія, прочиталъ В. И. Аристовъ.

Вотъ это стихотвореніе:

Черногорскій ключъ.

Теки, славянскій ключъ,—теки! Уже не много
Такихъ не тронутыхъ ключей,
Въ которыхъ бы ни галлъ, ни хитрый швабъ, ни турокъ,
Не напоилъ своихъ коней.

***

Горами, какъ щитомъ, прикрытый Всемогущимъ
Отъ жадныхъ, вражескихъ очей,
Ліясь, ты омывалъ зіяющія раны
Тобой вспоенныхъ сыновей.

***

Къ родному очагу любовью закаляя
Сердца ихъ наканунѣ битвъ,
Невѣстъ ихъ, матерей и вдовъ ты видѣлъ слезы
И слышалъ шепотъ ихъ молитвъ.

***

Когда-то, въ дни борьбы, врагамъ иноплеменнымъ,
Разбитымъ, сдавшимся въ бою,
Ты, гордый, предлагалъ, какъ бы изъ состраданья,
Свою цѣлебную струю.

***

Теперь, ты странника поишь, когда идетъ онъ,
Какъ другъ славянъ, къ твоимъ сынамъ,
Идетъ, чтобъ обновить и бодрость и надежду,
Припавъ къ живымъ твоимъ струямъ.

***

Кто жажду утолилъ въ твоихъ струяхъ, ни разу
Еще измѣной не дышалъ.
Не даромъ бережетъ и князь твой вѣнценосный
Истокъ твой, чистый какъ кристалъ.

***

Теки, со всѣхъ сторонъ охваченный врагами,
Загородившими твой путь:
Они грозой тебя пугаютъ, но—могуча
Грозой насыщенная грудь...

***

Ты разольешься, какъ рѣка въ грозу и въ ливень,
И потечешь съ безплодныхъ горъ,
Чтобъ смыть, сломать, разбить наносную преграду
И къ морю выйдти на просторъ.

По прочтеніи этого стихотворенія хоръ пропѣлъ чешскую пѣснь: „Кде домув муй?"

Въ заключеніе, Ѳ. М. Истоминъ прочиталъ слѣдующую составленную имъ статью:

О религіозномъ состояніи обитателей Печорскаго края.

Ознакомленіе съ различными бытовыми проявленіями православныхъ людей, заселившихъ отдаленныя и малодоступныя окраины обширнаго нашего отечества, полагаю, не лишено интереса для многихъ; вотъ почему я позволяю себѣ подѣлиться здѣсь нѣкоторыми изъ наблюденій и впечатлѣній, вынесенныхъ изъ путешествія моего въ Печорскій край, который я посѣтилъ прошлымъ лѣтомъ, имѣя командировку Императорскаго русскаго географическаго общества, съ цѣлью этнографическихъ изысканій въ этомъ краѣ. Постараюсь представить эти наблюденія мои надъ бытомъ мѣстнаго населенія,—со стороны его религіознаго состоянія. Разумѣется, большая часть, свѣдѣній, мною здѣсь сообщаемыхъ, не представляютъ собою плода солидныхъ изысканій, спеціально посвященныхъ этому вопросу,—онѣ являются лишь какъ рядъ попутныхъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ моихъ съ печорскими обитателями, во время путешествія по этому обширному краю способомъ первобытнымъ, почти исключительно на лодкѣ.

Печорскій край, начинаясь въ предѣлахъ пермской губерніи, въ сѣверной части крайняго чердынскаго уѣзда ея, гдѣ, близь Урала, беретъ начало одна изъ длиннѣйшихъ рѣкъ нашихъ—Печора—пролегаетъ по бассейну этой рѣки вплоть до океана, занимая такимъ образомъ сѣверо-восточный уголъ Россіи, между ледовитымъ океаномъ и уральскимъ хребтомъ и включая въ предѣлы свои, вслѣдъ за пермскою, восточную часть усть-

сысольскаго уѣзда вологодской губерніи, и восточную половину обширнаго мезенскаго уѣзда архангельской губерніи. Населеніе въ этомъ краѣ расположено исключительно по берегамъ рѣки Печоры и главнѣйшихъ притоковъ ея. Составъ населенія сложный: здѣсь мы встрѣтимъ отдѣльныя, сплоченныя группы русскихъ людей,—въ верховьяхъ и въ низовьяхъ Печоры, тутъ же найдемъ зырянъ—сысольскихъ и ижемскихъ, занявшихъ все среднее теченіе Печоры и южный притокъ ея—Ижму; въ томъ же краѣ обитаютъ и самоѣды, кочующіе по сѣвернымъ тундрамъ и осѣдло поселившіеся въ низовьяхъ рѣки Усы, крупнаго притока, берущаго начало въ уральскихъ предгоріяхъ и впадающаго въ сѣверную Печору въ предѣлахъ архангельской губерніи.

Независимо отъ племеннаго различія, мы наталкиваемся здѣсь на различіе въ религіозномъ состояніи всѣхъ этихъ народностей. Какъ между русскими обитателями мы видимъ отдѣльныя группы православныхъ и пребывающихъ въ расколѣ, такъ же точно и въ зырянскомъ населеніи рѣзко различаются такія же группы—зыряне православные и зыряне раскольники. Кромѣ незначительной уже части язычествующихъ самоѣдовъ, остальные обращены въ православіе и среди нихъ не замѣтно уклоненія въ расколъ.

Всѣ эти группы я и желалъ бы здѣсь посильно охарактеризовать, исключая язычествующихъ самоѣдовъ, которые во время пребыванія моего въ краѣ кочевали въ отдаленнѣйшихъ пріокеанскихъ тундрахъ и остались недоступными моимъ наблюденіямъ.

Чтобы проникнуть въ южные предѣлы печорскаго края, какъ бы отрѣзаннаго отъ остальной Россіи трудными путями, нельзя миновать Чердыни, этого крайняго на сѣверо-востокѣ стариннаго русскаго города, въ свое время сослужившаго не малую службу въ качествѣ оплота русской православной колонизаціи на отдаленномъ и дикомъ нѣкогда востокѣ. Обиліе древнихъ православныхъ храмовъ, при незначительной городской территоріи и при малочисленности его жителей, указываетъ на значеніе, которое имѣлъ этотъ городъ въ отдаленномъ прошломъ. Вверхъ по теченію рѣки Колвы, на возвышенномъ берегу которой расположенъ городъ Чердынь, тянется рядъ селеній, украшенныхъ православными храмами и не лишенныхъ воспоминаній объ историческомъ прошломъ: таковы села: Покча, Вильгортъ, Ярскоръ, Ныробъ.

Это послѣднее селеніе пользуется особенною извѣстностью во всемъ чердынскомъ и пермскомъ краѣ. Въ небольшомъ, относительно, селеніи имѣется двѣ церкви и часовня. Въ одной изъ церквей, во имя святаго Николая чудотворца, находится явленная икона этого святителя; она привлекаетъ множество православныхъ, стекающихся сюда преимущественно въ великомъ посту для говѣнія. Приливъ богомольцевъ вызвалъ потребность въ особомъ пріютѣ, и вотъ въ настоящее время устроена близъ церкви небольшая безплатная гостинница съ нѣсколькими отдѣльными номерами и общей кухней. Въ этой гостинницѣ остановился и я, чтобы ознакомиться съ достопримѣчательностями селенія, хранящаго въ себѣ и другой предметъ почитанія стекающихся сюда русскихъ людей. Ныробъ—это то историческое село, гдѣ, послѣ тяжкихъ страданій въ подземельѣ, принялъ кончину заточенный Годуновымъ бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ. Въ церкви Николая чудотворца помѣщается гробница боярина, около которой на особой доскѣ имѣется слѣдующая надпись:

„Присланіе боларина Михаила Никитича Романова въ Ныробъ въ 7109 году. Присланъ былъ изъ Москвы царемъ Борисомъ Годуновымъ, за стражею Романомъ Тушинымъ съ командою въ лѣтнее время, въ глухой кибиткѣ, окованъ желѣзами, въ Пермь великую, въ чердынскій уѣздъ, въ погостъ Ныробъ, въ заточеніе, блаженныя памяти боларинъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, а по родству блаженныя памяти Государю. Царю и великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи Самодержцу, былъ дядя родной, а святѣйшему патріарху Филарету Никитичу братъ родной; въ погостѣ Ныробѣ въ заточеніи, въ земляной темницѣ сидѣлъ годъ и преставися. Въ 7110 году на той темницѣ построена часовня деревянная и погребенъ былъ у церкви Николая чудотворца, подлѣ алтаря на сѣверной сторонѣ, и гдѣ тѣло его лежало построена была церковь и въ ней гробница покрыта сукномъ и крестъ вышитъ и повелѣніемъ Государя Царя и великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи Самодержца, тѣло его по преставленіи въ пятое лѣто изъ земли взято, ни чѣмъ не предимо, только отъ руки отъ перста нѣкоторой членъ земля взяла, и свезено къ Москвѣ и положено въ монастырѣ у Спаса на Новомъ, и гдѣ прежде тѣло лежало то гробница и все строеніе отъ пожару сгорѣло, и послѣ, по указу преосвященнаго Іоны, архіепископа вятскаго и великопермскаго, такожде часовня, въ ней гробница построена, покрыта сукномъ краснымъ и крестъ вышитъ, а въ 7237 году деревянная церковь и часовни грѣхъ ради нашихъ Божіимъ попущеніемъ паки сгорѣла, а нынѣ на томъ мѣстѣ построена каменная церковь и въ ней гробница покрыта сукномъ зеленымъ и крестъ вышитъ; также и на семъ мѣстѣ построена сія каменная часовня единственно въ воспоминаніе здѣ преставльшагося страдальца боларина Михаила Никитича Романова. На семъ невинномъ страдальцѣ были желѣза 1 пуд. 39 фун., ручныя желѣза 12 фун., кандалы или ножныя желѣза 19 фун., замокъ 10 фун., всего 3 пуда".

Тутъ же, около гробницы, въ особомъ ящикѣ помѣщаются и желѣзные оковы страдальца, непомѣрной тяжести и крупныхъ размѣровъ, свидѣтельствующихъ о мощной натурѣ боярина; на внутреннихъ частяхъ ручныхъ желѣзъ и ножныхъ кандаловъ видны еще слѣды ихъ годичнаго ношенія: части эти какъ-то особенно блестятъ, словно вылощенные, но не искусственно, и тѣмъ отличаются отъ потемнѣвшихъ тяжелонѣсныхъ цѣпей,

связывающихъ между собой эти страшныя орудія.

Есть слухи о томъ, будто бы подлинныя оковы страдальца кѣмъ то похищены и замѣнены поддѣльными, которые теперь и показываются народу. Личный мой тщательный осмотръ этихъ оковъ не оставилъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ дѣйствительной подлинности; мнѣ казалось, что такая искусная поддѣлка едва-ли можетъ быть по плечу и новѣйшимъ усовершенствованнымъ способамъ изготовленія подобныхъ работъ; въ особенности за это говорятъ несомнѣнные слѣды ихъ ношенія.

Съ мрачными мыслями вышелъ я изъ храма, но еще болѣе тяжелое чувство пришлось мнѣ испытать при посѣщеніи небольшой деревянной часовни, построенной надъ темницею боярина. Въ лѣвомъ заднемъ углу этой часовни, въ полу, видно отверстіе, величиной въ одну плиту; съ зажженной восковой свѣчей спустившись въ это отверстіе по нѣсколькимъ неправильнымъ каменнымъ ступенямъ, я очутился въ мрачномъ, сыромъ и холодномъ подземельѣ, земляной полъ котораго, не болѣе 2 квадратныхъ саженъ, плотно утоптанъ, а стѣны, каменныя въ основаніи, выведены кирпичнымъ сводомъ, высотою не болѣе 2½ аршинъ; вверху свода, въ лѣвомъ углу, виднѣется маленькое отверстіе для свѣта, а въ одну изъ стѣнъ ввинчено тяжеловѣсное желѣзное кольцо, къ которому прикованъ былъ несчастный узникъ. Отсутствіе свѣта, сырой и спертый воздухъ дѣлали тяжкимъ и минутное пребываніе въ этомъ подземельѣ, послужившемъ нѣкогда мѣстомъ жизни страдальца въ теченіе цѣлаго года, въ осеннюю и зимнюю пору.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ осмотрѣнныхъ достопримѣчательностей я перебхалъ въ ближайшую деревню Ветланъ, гдѣ ознакомился съ знаменитой Дивьей пещерой, при чемъ впродолженіе часа находился подъ землей и углубился въ эту пещеру на разстояніе до 200 саженъ. Въ этой же деревнѣ я долженъ былъ сѣсть въ небольшую лодку и плыть вверхъ по Колвѣ, по направленію къ Уралу, чтобы съ верховьевъ этой рѣки переваливъ въ бассейнъ Печоры въ ея верхнемъ теченіи.

Покидая селеніе Ыробъ, я надолго разставался съ видимыми признаками православія, съ его храмами; чѣмъ больше углублялся я къ сѣверо-востоку, тѣмъ слабѣе обнаруживались признаки принадлежности населенія къ православной вѣрѣ; добрый, радушный и гостепріимный стародавній русскій народъ, обитающій въ деревняхъ, все рѣже и рѣже встрѣчавшихся на пути, какъ бы утрачивалъ постепенно характерные признаки типа русскаго православнаго селянина. Въ то же время все чаще и чаще приходилось слышать указаніе на то, что тамъ дальше мнѣ предстоитъ имѣть дѣло съ раскольниками и долго не приведется встрѣтить православныхъ людей въ моемъ далекомъ путешествіи.

Въ деревнѣ Коренино, отстоящей отъ Ыроба около 100 верстъ, мнѣ еще удалось услышать сочувственное отношеніе къ православной Церкви: тутъ предполагалась постройка новаго храма, взамѣнъ стараго, уже давно сгорѣвшаго. Далѣе я уже сталъ наталкиваться на несомнѣнные признаки силонаго раскола. Подъѣзжая къ одной изъ послѣдующихъ деревень въ будній, рабочій день, я съ удивленіемъ увидѣлъ праздничный гуляющій народъ. На вопросъ: что за праздникъ? я получилъ поясненіе гребца: „Какато пятница у нихъ, не работаютъ: старовѣры“. При ближайшемъ разспросѣ у самихъ праздноующихъ, что за „пятница“, я однако не добился толковаго объясненія; вывелъ лишь заключеніе, что пятницъ этихъ у нихъ великое множество; сами они потеряли въ нихъ счетъ и толкъ, оставляя лишь за собою право и обязанность—праздновать. При дальнѣйшемъ движеніи мнѣ пришлось испытать, единственный впрочемъ разъ, недоброжелательное отношеніе раскольниковъ къ православнымъ, кто бы они ни были. Проѣзжая верхомъ съ монми проводниками мимо одной раскольничьей деревни, въ жаркій день, мы вопросили напиться у женщины, высунувшейся въ окно; получивъ странный отказъ, что женщина не здѣшняя и не знаетъ, гдѣ въ избѣ вода, мы обратились къ сосѣдкѣ, которая, не сразу и неохотно удалившись въ избу, чрезъ довольно продолжительное время вынесла намъ грязную деревянную чашку, наполненную мутной, теплой водой, на поверхности которой плавали какія-то мелкія бѣлыя животныя... За все время дальнѣйшаго плаванія по Колвѣ и Печорѣ, ворою приходилось забывать, что имѣешь дѣло съ раскольниками: гостепріимные, радушные, услужливые и подчасъ словоохотливые русскіе обитатели здѣшняго края невольно возбуждали къ себѣ симпатію. Отсутствіе православія напоминалось лишь при посѣщеніи крестьянскихъ избъ, гдѣ непріятно поражала необычная для православнаго человѣка пустота въ большомъ углу; въ нѣкоторыхъ деревняхъ, однако, и этотъ признакъ скрадывался: православная икона была на своемъ мѣстѣ, но очевидно предназначалась она лишь для посторонихъ; если опытность подсказывала улучить минуту и заглянуть въ отдаленный и по возможности скрытый уголъ той же избы, то тамъ непремѣнно оказывался на особой полочкѣ маленькій мѣдный складень или полурастрескавшаяся старая икона и вблизи ей мѣдная кадильница. При всемъ радушіи и гостепріимствѣ, однакоже, нужно было помнить, что куреніе табаку въ избѣ наносило оскорбленіе радушному хозяину и оскверняло гостепріимную избу. Вникая глубже во внутренній бытъ здѣшнихъ русскихъ обитателей и прислушиваясь къ откровеннымъ подчасъ разсказамъ самихъ же раскольниковъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ этого быта, невольно проникаешься чувствомъ жалости къ этимъ добрымъ людямъ, духовныя очи которыхъ закрыты для истиннаго свѣта; погруженные во мракъ, ложь принимаютъ они за величайшую истину, унаслѣдованную отъ предковъ, слѣпо вѣрятъ въ нее, какъ въ священное наслѣдіе,

ненарушимо охранять и оберегать которое—ихъ величайшая обязанность и безконечная заслуга передъ Богомъ, а малѣйшее отступленіе—вѣчная погибель.

Къ великому прискорбію, нерѣдко приходилось слышать здѣсь отъ раскольниковъ, что общеніе съ Церковію якобы смертный и незамолимый у Бога грѣхъ; уклоненіе и противодѣйствіе этому общенію всѣми мѣрами считается величайшею заслугою и главнѣйшей обязанностію ихъ, какъ вѣрныхъ и истинныхъ чтителей Божіихъ. Но къ великой также радости нельзя не замѣтить, что тяжкое заблужденіе это значительно уже поколеблено среди поколѣній молодыхъ. Всѣ печорскіе раскольники приписаны къ православнымъ церковнымъ приходамъ. Съ великими трудностями однако же связана борьба пастырей Церкви въ печорскомъ краѣ съ тамошнимъ расколомъ, особенно при тѣхъ огромныхъ разстояніяхъ, на какія раскинулись приходы и при трудности и подчасъ невозможности путей сообщенія съ отдаленными ихъ окраинами. Далеко не часто удается посѣщать священникамъ эти окраины, а между тѣмъ требы не ждутъ; при періодическихъ посѣщеніяхъ духовенства, многія изъ накопившихся требъ въ отдаленныхъ окраинахъ совершаются единовременно; такъ приходится крестить младенцевъ самаго разнообразнаго возраста, а въ силу возможныхъ уклоненій со стороны раскольниковъ—приходится разыскивать такъ или иначе укрывшихся въ прежнее время, и въ такихъ случаяхъ нерѣдки крещенія даже 16-лѣтнихъ юношей. Вотъ какъ поразительно жалко и ничтожно совершается раскольничій свадебный обрядъ въ мѣстахъ наиболѣе удаленныхъ отъ церкви: беретъ парень крестнаго отца, выбираетъ дружку, подойдетъ еще кое-кто и направляются къ невѣстиной матери; если та даетъ свое согласіе, тогда же Богу молятся, тутъ же и дѣвичникъ у невѣсты справляется; черезъ три дня у жениха вино пьютъ; въ это время невѣста собираетъ подругъ и родню, при помощи ихъ обшивается и свадебные подарки готовитъ; еще чрезъ три дня женихъ приводитъ въ свой домъ невѣсту и съ этихъ поръ они—молодые; опять чрезъ три дня—пиръ у молодыхъ. Молодая первые три дня не исполняетъ обычныхъ крестьянскихъ работъ, а шьетъ на себя, вторые три дня шьетъ на молодаго и затѣмъ уже вступаетъ въ обычное отправленіе обязанностей и работъ, въ качествѣ хозяйки дома. Для пріданія большей силы такому ничѣмъ не освященному обряду, по словамъ разсказчика, существуетъ особая брачная книга; бракъ, записанный въ эту книгу, считается въ ихъ средѣ скрѣпленнымъ. Если вѣрить разсказчику, то заблужденія иныхъ раскольниковъ, къ счастію единичныхъ примѣровъ, идутъ слишкомъ далеко: по его словамъ, гдѣ-то далеко подъ Ураломъ, въ промысловой избушкѣ, поселился одинъ раскольникъ, только ужъ больно неладно живетъ онъ—признался даже и самъ разсказчикъ. Это, какъ я узналъ впослѣдствіи отъ одного изъ псаломщиковъ печорскихъ, особая секта *окошниковъ*, которые молятся исключительно открытому небесному своду, для чего продѣлываютъ въ стѣнѣ избы сквозное отверстіе, которому и поклоняются съ полнымъ благоговѣніемъ.

Съ вступленіемъ Печоры въ предѣлы вологодской губерніи, начинаются поселенія зырянъ, которые по типу своему нѣсколько отличаются отъ русскихъ, заселившихъ верховья Печоры, въ предѣлахъ пермской губерніи. Въ значительной части своей—раскольники, зыряне эти представляются болѣе угрюмыми, апатичными и вялыми, но при всемъ томъ народъ добрый, смирный, добросовѣстный и радушный. Въ глухихъ деревушкахъ ихъ нерѣдко можно натолкнуться еще на одинъ предметъ ихъ неодобренія и даже гоненія, это—*чай*, который они ставятъ въ совершенно одинаковыя условія съ табакомъ, считая грѣхомъ его употребленіе; взамѣнъ его они, какъ мнѣ удалось замѣтить, пьютъ горячій настой изъ какой-то травы, названіе которой узнать мнѣ не пришлось. Въ глухихъ раскольничьихъ деревняхъ среди темнаго населенія, особенно на окраинахъ, въ силу особыхъ условій первичнаго заселенія ихъ малочисленными отдѣльными группами, трудно, конечно, ожидать прочно установленнаго нравственнаго кодекса; многое является извращеннымъ, многое допускается, чего не допускаютъ раскольники другихъ болѣе центральныхъ мѣстностей, поселившіеся и живущіе при совершенно иныхъ условіяхъ. Нравственность въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ печорскаго края, если вѣрить многочисленнымъ разсказамъ мѣстныхъ наблюдателей,—очень невысока.

Бѣдными, сѣрыми и непригляднымъ является большая часть деревень верхней и средней Печоры; безотрадное и тоскливое впечатлѣніе производитъ на русскаго путешественника отсутствіе на дальнихъ разстояніяхъ сельскихъ православныхъ храмовъ. Первую церковь, послѣ ныробскаго селенія, я встрѣтилъ лишь, проѣхавъ около 500 верстъ—въ одномъ изъ крупнѣйшихъ на Печорѣ Троицкомъ или Печорскомъ селеніи, вологодской губерніи. Храмъ довольно благоустроенный, хранящій въ себѣ немало старинныхъ больнаго размѣра иконъ, перешедшихъ сюда изъ упраздненнаго коряжемскаго монастыря, куда онѣ были ставлены Александромъ Яковлевичемъ Строгановымъ, какъ это видно изъ надписи на оборотѣ старинныхъ иконъ. Вмѣстѣ съ храмомъ встрѣчаешь и православное населеніе, въ этомъ погостѣ довольно многочисленное и сгруппированное около церкви; часть того же селенія, расположившаяся на другомъ берегу рѣки, представляетъ уже группу раскольниковъ. Вторая церковь на Печорѣ расположена въ слѣдующемъ волостномъ пунктѣ—въ Савиноборскомъ селеніи, отстоящемъ отъ Троицкаго на 32 версты. Церковь эта, какъ и двѣ послѣдующія, древнечатой постройки, выстроена правительствомъ кажется лѣтъ 30 тому назадъ.

И здѣсь, въ Савиномъ Борѣ, около церкви сгруппировались православные: довольно многочисленны однакоже и раскольники. Не

легка борьба съ ними, по словамъ почтеннаго 70-ти лѣтняго, но еще бодраго священника, чуть не полвѣка подвизающагося здѣсь въ служеніи. Добрый народъ охотно собирается въ избу, гдѣ случится бесѣдовать пастырю о вопросахъ нравственныхъ, но только лишь заведетъ онъ рѣчь о Церкви, сейчасъ же упрашиваютъ его не говорить, потому что это безполезно, они слушать не могутъ и не будутъ; предпочтутъ всѣ уйти изъ избы, что и приводилось въ исполненіе, если пастырь продолжалъ настаивать на убѣжденіи. Въ заботливомъ попеченіи своемъ о просвѣщеніи, высшія власти открыли здѣсь церковно-приходскую школу для раскольниковъ; большихъ трудовъ и усилій, однако, стоитъ мѣстному причту достигнуть какихъ либо результатовъ; нерѣдко удавалось привлекать въ школу довольно многочисленныхъ учениковъ, но лишь дѣло начинало налаживаться, какъ являлись родители и съ плачемъ умоляли вернуть имъ ихъ дѣтей и не отнимать ихъ для Церкви... Третья церковь находится въ Щугорскомъ селеніи, въ 145 верстахъ отъ предыдущей. Четвертая уже въ предѣлахъ архангельской губерніи, въ селѣ Кожвѣ, въ 147 верстахъ отъ третьей.

Долгое время эта церковь состояла въ Ижемскомъ приходѣ, центръ котораго отстоялъ на огромное пространство, не позволявшее священнику пріѣзжать сюда болѣе одного раза въ годъ; года четыре тому назадъ она сдѣлана приходскою и года три назадъ явился священникъ, который нашелъ и церковь, и паству въ крайне неутѣшительномъ положеніи; почти полное отсутствіе церковной утвари и почти поголовный расколъ свидѣтельствовали о дѣйствительной необходимости здѣсь появленія пастыря. Благодаря попеченіямъ его, содѣйствію Ижемскаго священника и щедрости нѣкоторыхъ благотворителей, необходимая утварь явилась, но все же нужды этой церкви ждутъ помощи со стороны всѣхъ тѣхъ, кому дороги успѣхи православія въ этомъ отдаленномъ и бѣдномъ краѣ; нуждъ этихъ много, не говоря уже о томъ, что при церкви нѣтъ особаго дома для причта и священникъ съ семьей помѣщается на отводимой ему старовѣрскимъ населеніемъ квартирѣ—въ крестьянской жалкой полуизбѣ, состоящей изъ одной небольшой комнаты... Нечего говорить о церковныхъ доходахъ, о свѣчномъ сборѣ и прочемъ, ибо доходовъ этихъ почти нѣтъ; свѣчи беретъ лишь причтъ, да мѣстный волостной писарь съ помощникомъ и урядникъ. Доходъ священническій въ большіе праздники, при обходѣ 53 дворовъ села, доходитъ до 72 коп!.. Для пастыя нужно желать еще многаго; долгое отсутствіе священника, повидимому, сильно сказалось въ этой мѣстности: изъ среды мѣстнаго населенія, довольно многочисленнаго (53 двора), почти нѣтъ истинныхъ прихожанъ, которые бы относились къ церкви съ должнымъ почтеніемъ; мнѣ пришлось быть въ этомъ храмѣ за всенощной наканунѣ престольнаго праздника (Петра и Павла) и насчитать въ немъ всего семь человѣкъ молящихся имѣстѣ со мной, въ числѣ коихъ только одинъ мѣстный крестьянинъ—и тотъ зюнаръ. Тѣмъ не менѣе, церковь уже начинаетъ повидимому, оказывать свое вліяніе; по крайней мѣрѣ, требы совершаются по обряду христіанскому. 60-верстное разстояніе не служитъ препятствіемъ къ тому, чтобы обрядъ вѣнчанія совершить въ церкви. Я лично присутствовалъ при совершеніи въ этой церкви вѣнчанія, которое привлекло въ церковь многочисленныхъ прихожанъ; совершенный съ возможнымъ благолѣпіемъ, чинъ этотъ, надо думать, не останется безъ вліянія хотя на немногихъ изъ молодыхъ. Молодое поколѣніе въ этомъ случаѣ предпочитаетъ церковный обрядъ всякому другому, сравнительно легко относясь къ этому уклоненію отъ раскола и признавая за нимъ силу неразрывной крѣпости, хотя закоренѣлые и пожилые, неизбѣжно посѣтившіе при такомъ случаѣ храмъ, какъ говорятъ, считаютъ нужнымъ послѣ этого налагать на себя особый постъ.

Въ общемъ нельзя не замѣтить среди печорскаго раскола разницы въ отношеніи къ нему со стороны стараго поколѣнія и молодаго. Если старые являются закоренѣлыми и непреклонными, то въ молодыхъ уже не видно этой закоренѣлости и упорства; болѣе конечно увлекаются предметами соблазнительными, какъ куреніе табаку и употребленіе чая, но открывается доступъ и къ воспріятію истинныхъ понятій въ существенныхъ вопросахъ духовнаго и нравственнаго свойства; конечно, не мало придется еще потрудиться представителямъ православной Церкви въ этомъ краѣ, потребовавшемъ уже много усилій и борьбы, которыя и не трудно объяснить, если принять въ соображеніе, что значительная часть населенія печорскаго края обязана своимъ происхожденіемъ закоренѣлымъ раскольникамъ, укрывшимся здѣсь еще во времена патріарха Никона и долгое время существовавшимъ безъ всякихъ постороннихъ вліяній. Успѣху въ борьбѣ съ расколомъ, надо надѣяться, немало будетъ содѣйствовать и учрежденіе свѣтскихъ правительственныхъ школъ, какую въ ближайшемъ будущемъ предположено уже открыть въ Кожвинскомъ селеніи.

Архангельскіе зыряне, довольно рѣзко отличаясь отъ вологодскихъ, за исключеніемъ четырехъ прилегающихъ къ границѣ деревень, составляютъ особый ижемскій типъ, живой, подвижный, предпріимчивый и энергичный. Раскольниковъ между ними немного; въ деревнѣ Лыжѣ, отстоящей отъ Кожвы на 60 верстъ, расколъ оканчивается, остальное огромное пространство до низовьевъ Печоры и по Ижмѣ заселено православными зырянами, которые, въ противоположность раскольникамъ, являются самыми ревностными почитателями Церкви. Почти въ каждой деревнѣ этихъ зырянъ имѣется своя церковь, усердно посѣщаемая и поддерживаемая прихожанами и потому благоустроенная. Нѣкоторыя села, какъ Ижма, Мохча, Бакурино, поистинѣ могутъ гордиться своими храмами; каменные, съ красивой архитектурой, съ дорогими иконостаса-

ми и богатѣйшими ризницами, храмы ихъ далеко превосходятъ своимъ благолѣпіемъ многіе изъ уѣздныхъ городскихъ церквей.

Ежедневныя службы въ ижемской церкви посѣщаются многочисленными богомольцами; каждый ижемскій крестьянинъ, даже не говорящій во русски, отлично знаетъ всѣ церковныя пѣснопѣнія и участвуетъ въ церковномъ хорѣ. Пожертвованія на нужды церкви щедрою рукою раздаются мѣстными богачами.

Несмотря на обиліе церквей, много новыхъ предполагается къ постройкѣ въ различныхъ мѣстностяхъ этого обширнаго ижемскаго района, въ томъ числѣ въ отдаленнѣйшемъ поселеніи, близъ Урала,—въ деревнѣ Енѣ.

Не берусь судить, насколько глубока и искренна вѣра этихъ зырянъ, но внѣшніе знаки религіозности ихъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о любви къ православію и неколебимой въ немъ твердости.

Низовья Печоры заселены двумя многолюдными русскими волостями: Усть-Цылемской, составъ которой въ значительной части раскольничій, и Пустозерской—православной. Не сообщаю о нихъ болѣе подробно, ибо онѣ остались мною непослѣдованными, вслѣдствіе необходимости прекратить дальнѣйшее путешествіе за наступившимъ позднимъ временемъ.

Въ заключеніе, скажу нѣсколько словъ о самоѣдскомъ осѣдломъ православномъ населеніи, живущемъ въ самоѣдской деревнѣ Колвѣ, которая пріютилась на пустынномъ берегу незначительной рѣчки Колвы, впадающей въ Усу,—большой уральскій притокъ Сѣверной Печоры, въ предѣлахъ архангельской губерніи. Несмотря на начинающуюся непосредственно за околицей деревни пустынную тундру, простирающуюся затѣмъ къ сѣверу и востоку вплоть до Океана и Урала, деревня эта производитъ отрадное впечатлѣніе, благодаря образцовой чистотѣ и помѣстительнымъ, нерѣдко обшитымъ тесомъ домамъ, въ большинствѣ 2-хъ-этажнымъ и съ мезониномъ; улица или, скорѣе, обширная площадь представляетъ собою лугъ, а передъ домами значительныя пространства, тщательно обнесенныя изгородью, заняты хлѣбными полями. Видъ зеленаго луга и желтѣющей нивы передъ хорошими домами съ трудомъ заставляетъ вѣрить, что единственные обитатели этой деревни—бывшіе кочующіе инородцы-самоѣды, не знавшіе другаго жилища, кромѣ чума, другаго занятія, кромѣ охоты и перекочевки съ мѣста на мѣсто со своими оленьими стадами. На краю села красуется большая и благоустроенная, обнесенная оградою церковь, а близъ нея два дома для церковнаго причта, состоящаго изъ двухъ священниковъ и діакона. Внутренность просторнаго храма пріятно поражаетъ своей чистотой и относительнымъ богатствомъ иконостаса; ризница полна предметовъ утвари и церковныхъ одеждъ. Во всемъ видно довольство и усердіе прихожанъ, изъ коихъ, по словамъ причта, многіе сдѣлали значительные вклады.

Немногимъ путешественникамъ удается завернуть въ этотъ крайній и весьма отдаленный уголокъ православной Россіи; рады заѣзжимъ гостямъ мѣстные жители и причтъ предлагаетъ рѣдкимъ посѣтителямъ занести свое имя въ церковную лѣтопись; это предложено было и мнѣ; записавъ о посѣщеніи моемъ Большеземельской Самоѣдской Николаевской церкви, я долженъ былъ сдѣлать слѣдующую приписку: „по счастливому стеченію обстоятельствъ пришлось побывать здѣсь внуку упоминаемаго на первомъ листѣ лѣтописи сей *священника Ѳеодора Истомина*"..., а первый листъ содержитъ въ себѣ начало слѣдующаго повѣствованія объ обращеніи въ христіанскую вѣру самоѣдовъ Большеземельской тундры: „По промыслу Всевышняго небольшая часть Большеземельскихъ самоѣдовъ, наиболѣе Ижемскаго вѣдомства, еще до учрежденія духовной самоѣдской миссіи, приняла христіанскую вѣру. Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ Павловичъ, желая просвѣтить самоѣдовъ свѣтомъ Евангелія, повелѣлъ поручить архангельскому епархіальному архіерею изыскать къ тому удобнѣйшія мѣры. Преосвященнѣйшій Неофитъ, епископъ архангельскій и холмогорскій, въ 1823-мъ году отправилъ въ кочевья большеземельскихъ самоѣдовъ ижемскаго прихода священника Ѳеодора Истомина, дабы начать первый опытъ обращенія самоѣдовъ въ христіанскую вѣру. Хотя съ священникомъ обращена была небольшая часть изъ кочевыхъ обитателей сей, такъ называемой, *больной земли*, но удачный сей опытъ удостовѣрилъ, что можно приступить къ обращенію всего самоѣдскаго народа. Посему его преосвященствомъ составлено начертаніе правилъ объ обращеніи сего народа въ христіанскую вѣру и представлено святѣйшему правительствующему Синоду на разсмотрѣніе. Святѣйшій Синодъ, разсмотрѣвъ и одобривъ сіе начертаніе, поднесъ оное Государю Императору при своемъ докладѣ. Сей докладъ съ изложенными въ немъ правилами объ обращеніи самоѣдовъ въ христіанскую вѣру, 5-го августа 1824 года Высочайше конфирмованъ. Вслѣдствіе чего назначена была самоѣдская духовная миссія для обращенія оныхъ идолопоклонниковъ въ христіанскую вѣру. Миссію составляли управляющій оною миссіею второклассный сійскаго монастыря архимандритъ Веніаминъ, мезенскаго уѣзда ижемскаго прихода священникъ Ѳеодоръ Истоминъ, того же прихода дьячекъ Яковъ Истоминъ, въ званіи другаго причетника толмачь, кашинскаго берега новокрещенный самоѣдинъ Василій Двойниковъ и находившійся чрезъ годичное время чиновникъ по разнымъ порученіямъ титулярный совѣтникъ Алексѣй Ѳедоровъ"...

Я не буду излагать здѣсь не лишенное интереса повѣствованіе о трудахъ миссіи; скажу лишь, что она, начавъ свою дѣятельность въ 1825 году, окончила ее въ маѣ 1830 года, обративъ въ христіанство 3303 человѣка; некрещенныхъ самоѣдовъ во всѣхъ тундрахъ оставалось тогда около 680 человѣкъ. Къ тому же году относится построеніе колвинской церкви и начало прихода, который образовался вслѣдствіе притока сюда право-

славныхъ самоѣдовъ сначала временно, а потомъ на постоянное жительство; населеніе постепенно возросло, благодаря тому, что здѣсь находили пріютъ нѣкоторые изъ крещеныхъ самоѣдовъ, обѣднѣвшихъ вслѣдствіе потери оленей и безъ нихъ не имѣвшихъ пристанища въ тундрѣ.

Одинъ изъ священниковъ и по настоящее время совершаетъ поѣздки въ отдаленныя части тундры и обращаетъ въ православіе еще остающихся въ язычествѣ самоѣдовъ. Живущіе же въ Колвѣ представляютъ уже не первое поколѣніе истинныхъ сыновъ православной Церкви, все болѣе и болѣе утверждающихся въ ея правилахъ, благодаря, между прочимъ, хорошо поставленной церковно-приходской школѣ, дающей прекрасные результаты; самоѣдскія дѣти исполняютъ обязанности церковныхъ прислужниковъ, изъ нихъ же организованъ прекрасный церковный хоръ. Жители Колвы всѣ отлично говорятъ порусски, большинство изъ нихъ прошли школу и потому грамотны.

Такимъ образомъ, эта христіанская община является представительницей православія и русской культуры на отдаленнѣйшей окраинѣ не только русской державы, но и всего многомилліоннаго славянства; православный крестъ, здѣсь водруженный, долго будетъ сіять въ этой нѣкогда дикой пустынѣ и освѣщать дальнѣйшіе успѣхи и власы, возросшіе на тундрѣ отъ горсти бровеничныхъ въ нее сѣмянъ православной русской вѣры.

Статья эта была выслушана присутствующими съ особеннымъ вниманіемъ.

III.

6 АПРѢЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный Геогностъ, архіепископъ владимірскій и суздальскій, преосвященные: Антоній, епископъ выборгскій, и Владиміръ, епископъ нарвскій, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и болѣе 400 посторонннихъ посѣтителей.

Почетное предсѣдательство въ этомъ собраніи, по предложенію г. предсѣдателя, принялъ на себя высокопреосвященный Геогностъ.

Послѣ исполненныхъ хоромъ А. А. Архангельскаго: пасхальной пѣсни: „Христосъ воскресе“ и тропаря св. Кириллу и Меѳодію, графъ Н. П. Игнатьевъ, съ благословенія высокопреосвященнаго Геогноста, объявивъ засѣданіе открытымъ, изложилъ его программу.

Согласно объявленной г. предсѣдателемъ программѣ, проф. И. С. Пальмовъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

День блаженной кончины св. Меѳодія и послѣдніе годы такъ называемой Великой Моравіи въ современномъ славянскомъ сознаніи.

Естественно, что въ настоящій день, день блаженной кончины св. Меѳодія, мысль невольно обращается къ послѣднему моменту его жизнедѣятельности и къ послѣдней судьбѣ того политическаго центра, въ которомъ положены были первые начатки истинно-славянской культуры христіанско-просвѣтительною дѣятельностію св. славянскихъ Первоучителей,—къ судьбѣ, такъ называемой, Великой Моравіи. Конечно, историческія обстоятельства даннаго момента извѣстны можетъ быть многимъ присутствующимъ здѣсь, и нѣтъ нужды воспроизводить ихъ подробности. Но, однако, не неумѣстно и здѣсь напомнить нѣкоторыя изъ этихъ подробностей, представляющихъ не мало поучительныхъ указаній и для настоящаго времени.

Еще въ прошломъ (1889) году, на торжественномъ собраніи нашего Общества 11 мая, мнѣ приходилось, хотя и кратко, почти, такъ сказать, схематически, разъяснять нѣкоторыя историческія аналогіи между положеніемъ славянства тысячу лѣтъ тому назадъ и теперь. Я пользовался тогда историческими аналогіями для того, чтобы въ виду господствующаго въ одной части нашего русскаго общества унынія и безотчетнаго (иногда) скептицизма въ другой, относительно славянской идеи, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ событій послѣднихъ годовъ на Балканскомъ полуостровѣ, указать на болѣе неопредѣленный (въ смыслѣ благопріятныхъ видовъ на будущее), даже болѣе тяжелый условія существованія славянъ IX вѣка и, слѣдовательно, на болѣе серьезныя препятствія къ осуществленію культурно-славянской идеи, ясно выраженной въ апостольскихъ трудахъ св. славянскихъ Первоучителей. Но, при всемъ томъ, послѣдніе (т. е. Кириллъ и Меѳодій) не отказывались, однако, отъ своей великой идеи—служить ей беззавѣтно; они вѣрили въ святость этой идеи и съ самоотверженіемъ служили ей до конца своей жизни, и—несомнѣнно—вѣра ихъ не посрамила...

Теперь я обращусь къ послѣднему моменту жизни св. Меѳодія и къ непосредственно слѣдовавшему за его кончиною историческому теченію судебъ, такъ называемой, Великой Моравіи, чтобы представить, по возможности, наиболѣе вѣроятныя и дѣйствительныя причины быстраго ея паденія, равно какъ и причины неудачи Меѳодіева дѣла и его учениковъ въ Моравіи Святополка и его ближайшихъ, послѣднихъ на Моравскомъ престолѣ преемниковъ-сыновей, а эти историческіе выводы имѣютъ свою поучительную важность и для настоящаго времени.

Тысяча пять лѣтъ тому назадъ, въ этотъ именно самый день, 6 апрѣля, рано утромъ, умеръ святитель Меѳодій, окруженный своими учениками, и на ихъ рукахъ, ..на рукахъ

іерейскихъ", онъ скончался послѣ своихъ многосложныхъ святыхъ трудовъ и подвиговъ, въ полномъ сознаніи правоты своей дѣятельности, оставаясь непреклонно твердымъ исповѣдникомъ Христовой вѣры, несмотря на многочисленныя испытанія со стороны противниковъ православно-славянской его миссіи. Простой, но умилительный разсказъ объ этомъ въ житіи (пространномъ или такъ называемомъ паннонскомъ) представляетъ между прочимъ одну картину, столь же умилительную и полную жизненной назидательной правды, картину погребенія возлюбленнаго „учителя и пастыря" любящими „учениками" и благодарною паствою—разнаго общественнаго положенія и званія, разныхъ возрастовъ и состояній и проч. „Людии, же, повѣствуетъ житіе, бещисльнъ народъ, събьравъся провожаахоу съ свѣщами, плачющеся добра учителя и пастыря, моужьскъ полъ и женьскъ, малии и велиции, и богавии и оубозии, свободьнии и раби, въдовиця и сироты, страньнии и тоземьци, недоужьнии и съдравии, вьси бывъшааго вьсячьско вьсѣмъ, дабы вься приобрѣлъ" *). Такова картина обнаружившихся въ моментъ погребенія Меѳодія отношеній къ нему со стороны любящей его паствы и вообще „безчисленнаго народа" не только изъ Моравіи, но и изъ другихъ, вѣроятно, сосѣднихъ славянскихъ странъ (иностранцевъ). Вотъ то умилительное настроеніе, съ которымъ провожали теперь своего „учителя-пастыря" благодарные ученики и другіе „безчисленные" его почитатели и которое, несомнѣнно, служило только выраженіемъ общей славянской радости, съ какою встрѣчено было ранѣе великое дѣло кирилло-меѳодіевской проповѣди славянами вообще и моравaнами въ частности. Нужно думать, что это сочувствіе, эта славянская радость могли служить не малымъ утѣшеніемъ и ободреніемъ для св. Первоучителей нашихъ въ ихъ тяжелыхъ трудахъ апостольской проповѣди и вообще культурно-просвѣтительной дѣятельности. Эта же радость, думаю, не могла не предноситься имъ и въ моментъ ихъ земнаго разставанія съ „учениками", внушая имъ также чувства взаимной любви къ своей паствѣ и вѣры въ незыблемость культурныхъ началъ проповѣданной ими истины. Не даромъ же св. Кириллъ, предъ своею кончиною вознося молитвы къ Богу объ избавленіи ввѣреннаго ему „стада" отъ „безбожныа и поганскыа злобы и отъ всякого многорѣчиваго и хульнаго еретичьскаго языка" (треязычной ереси), объ умноженіи и о единеніи всѣхъ вѣрующихъ, произнесъ, полный также вѣры въ силу Божественной любви и ея дѣйствіе въ жизни новооснованной славянской церкви, слѣдующее: „Благословенъ Богъ нашь, иже не дасть насъ въ ловитвоу зоубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но сѣть ихъ съкроушися и избави ны отъ истлѣніа ихъ" *). Та же вѣра, поддерживаемая общимъ сочувствіемъ „безчисленныхъ" учениковъ и послѣдователей, не оставляла и Меѳодія до самыхъ послѣднихъ минутъ его жизни **).

Но, съ другой стороны, какимъ диссонансомъ, въ моментъ кончины Меѳодія, звучали его слова вѣры и упованія въ виду тѣхъ политико-государственныхъ отношеній, въ какихъ находилась тогда Моравія, предназначенная было служить въ то время центромъ распространенія и утвержденія среди другихъ окружающихъ ее славянъ просвѣтительныхъ началъ кирилло-меѳодіевской проповѣди. Правда, это было время, когда моравскій князь Святополкъ, нѣкогда купившій княжескій престолъ цѣною измѣны своему дядѣ Ростиславу, при помощи сосѣднихъ нѣмцевъ (ок. 870 г.), и потомъ скоро измѣнившій послѣднимъ (ставши защитникомъ Моравской свободы), достигъ теперь, повидимому, высшаго политическаго могущества своей страны, восторжествовалъ надъ нѣмцами и, по Кенигштеттинскому миру (884 г.) получивъ

*) Житіе Меѳодія, XVII гл. (по изд. „Fontes rerum Bohemicarum" t. I, p. 52). Русское изд. этого житія см. у Бильбасова въ соч. „Кириллъ и Меѳодій" ч. II, стр. 272 и 339—340.

*) Житіе Константина (Кирилла) философа, XVIII гл. (по изд. „Fontes rerum Bohemicarum" t. I, p. 37). Русское изд. того же житія напечатано, между прочимъ, Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Рос." 1863 г. кн. II и 1864 г. кн. II.

**) Ясно выражено это, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ предсмертнаго также наставленія Меѳодія ученикамъ (которое, не смотря на болѣе позднее, сравнительно съ пространнымъ житіемъ Меѳодія, происхожденіе содержащей его легенды или простр. греч. житія св. Климента, согласно, однако, съ характеромъ цѣлаго жизненнаго апостольскаго подвига св. Меѳодія). „Возлюбленныя мои дѣти, говорилъ Меѳодій, вы знаете силу еретиковъ въ злобѣ и какъ они, искажая слово Божіе, всячески стараются напоить ближнихъ ученіемъ нечистымъ, принимая и употребляя для этого два средства, убѣжденіе и жестокость, одно для простыхъ, а другое для боязливыхъ; я же надѣюсь, что вы сохраните свои души неповинными ни въ томъ, ни въ другомъ, и молюсь, да не увлечетесь ни убѣдительностію словъ, ни пустою лестію не соблазнитесь, ибо вы утверждены на камнѣ апостольскаго исповѣданія и ученія, на которомъ основана и церковь, которой не одолѣютъ и врата адовы .. Смотрите, осторожно ходите, не какъ разумные, но какъ мудрые и со всею бдительностію старайтесь охранять сердца ваши и братьевъ вашихъ; ибо вы будете ходить среди сѣтей и будете всходить на вершины городовъ; ибо послѣ моей кончины придутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада, чтобы увлечь за собою народъ: имъ противустойте вы, твердые въ вѣрѣ, какъ завѣщаетъ вамъ чрезъ меня св. Ап. Павелъ. Всемогущій Богъ и Отецъ и отъ Него предвѣчно рожденный Сынъ и Св. Духъ, Который отъ Отца исходитъ, научитъ васъ всякой истинѣ и къ радости моей представитъ васъ непорочными въ день Христа". Русскій переводъ греческаго подлинника вышеприведеннаго мѣста см. также у Бильбасова въ цит. соч. „Кириллъ и Меѳодій", ч. II, стр. 347—8 (переводъ), ср. 282—3 (греч. подл.).

отъ послѣднихъ нѣсколько территоріальныхъ пріобрѣтеній, между прочимъ и Паннонію, распространилъ свою власть, кажется, и на другихъ сосѣднихъ славянъ (полабскихъ и иныхъ. Лужицахъ и проч., чешскихъ и, вѣроятно, еще другихъ, съ разныхъ сторонъ окружавшихъ могущественную теперь его державу). Однимъ словомъ, только теперь, въ княженіе Святополка, собралась въ собственномъ смыслѣ т. н. Великая Моравія, которая при славянскомъ направленіи политики ея государя могла бы остаться и на будущее время центромъ распространенія кирилло-меѳодіевской идеи въ сосѣднія славянскія земли. Но личность и политика Святополка, какъ отчасти и его преемниковъ-сыновей, были не таковы, чтобы поддерживать начатое св. славянскими Первоучителями дѣло. Это можно было видѣть еще при жизни Меѳодія. Вѣдь, Святополкъ еще ранѣе, передъ первымъ возвращеніемъ Меѳодія изъ Рима ок. 870 г., помогъ нѣмцамъ одержать верхъ надъ Ростиславомъ и уже тогда обнаружилъ ясное непониманіе всей важности какъ въ религіозно-культурномъ, такъ и національно-политическомъ отношеніяхъ—просвѣтительной миссіи св. солунцевъ; но, подъ вліяніемъ новыхъ интригъ и побѣдъ нѣмцевъ, опасныхъ для Моравіи, ставши-было на сторону моравскаго народнаго дѣла, или, по крайней мѣрѣ, не сопротивлялись распространенію кирилло-меѳодіевской проповѣди между своими подданными и сосѣдними, въ частности паннонскими славянами, онъ скоро опять сталъ относиться къ нему съ прежнею невнимательностію, такъ что допустилъ даже и, можетъ быть, самъ косвенно участвовалъ (ок. 871 г.) въ извѣстномъ неимовѣрно-наглomъ и беззастѣнчиво-жестокомъ судѣ и осужденіи Меѳодія латино-нѣмецкою іерархіею на трехлѣтнее почти заключеніе его въ швабской тюрьмѣ. Правда, новыя политическія интриги нѣмцевъ, предшествовавшія и непосредственно слѣдовавшія за Форхгеймскимъ миромъ 874 г., заставили Святополка принять Меѳодія изъ Паннонія въ Моравію, оказывать больше вниманія и его просвѣтительной миссіи, плоды которой замѣтно отражались и на расширеніи территоріальныхъ границъ Моравіи *), но въ концѣ 70-хъ годовъ того же IX столѣтія (ок. 879 г.) Святополкъ опять колеблется, съ своими недоумѣніями даже обращается къ папѣ (Іоанну VIII). создастъ, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ другими интриганами и недоброжелателями Меѳодіева дѣла, цѣлый процессъ суда и слѣдствія надъ Меѳодіемъ въ Римѣ, и только, можетъ быть, благодаря тогдашнимъ стѣснительнымъ политическимъ обстоятельствамъ для папства Меѳодій, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ томительнаго пребыванія въ Римѣ, отправленъ былъ назадъ (въ 880 г.), оправданный въ своемъ „правовѣріи", какъ полновластный архіепископъ моравскій, но вынужденный, однако, принять къ себѣ въ викаріи (сн. интрискаго)—вѣроятно съ-вѣдома Святополка—извѣстнаго интригана Викинга, отъ котораго начались новыя усиленныя интриги противъ Меѳодія и его дѣла, интриги, закончившіяся изгнаніемъ учениковъ Меѳодія изъ Моравіи, ослабленіемъ мѣстной славянской церкви и велико-моравской державы и, наконецъ, паденіемъ послѣдней подъ вліяніемъ сложной исторической обстановки совершавшихся тогда и имѣвшихъ еще быть на среднемъ Дунаѣ событій.

Правда, черезъ два года послѣ третьяго возвращенія (въ 880 г.) Меѳодія изъ Рима, Святополкъ снова вступаетъ въ борьбу съ сосѣдними нѣмцами (герцогомъ баварскимъ Арнульфомъ и союзниками его—другими нѣмецкими графами), одерживаетъ надъ ними верхъ и по Кенигштеттинскому миру 884 года получаетъ извѣстныя политическія выгоды съ значительными территоріальными пріобрѣтеніями. Въ годъ кончины св. Меѳодія съ условіями этого мира согласился и побѣжденный Арнульфъ, послѣ нѣкотораго, однако, промежутка сопротивленія или замедленія. Теперь онъ не только согласился на эти условія, но и сталъ на время опять въ пріязненныя отношенія къ Святополку, продолжавшіяся между ними, кажется, до 892 года, когда временная дружба разрѣшилась снова военными дѣйствіями, исходъ которыхъ не опредѣлился еще при жизни Святополка († 894). Одновременно съ возобновленіемъ дружественныхъ отношеній между Арнульфомъ и Святополкомъ начинаются снова затрудненія для дѣятельности учениковъ св. Меѳодія въ Моравіи, затрудненія, кончившіяся изгнаніемъ ихъ изъ этой страны (вѣроятно въ 886 г.), хотя еще и не окончательнымъ ослабленіемъ кирилло - меѳодіевскихъ преданій, оставшихся здѣсь и впослѣдствіи.

Какъ только Святополкъ снова (въ 885 г.) вступилъ въ дружественныя отношенія съ Арнульфомъ, то при его дворѣ, естественно, должна была получить первенствующее мѣсто опять нѣмецкая партія, руководимая извѣстнымъ интриганомъ Викингомъ. На сторонѣ нѣмцевъ стоялъ теперь (съ авг. 885 г.) папа Стефанъ V (VI), не похожій даже на папу-дипломата Іоанна VIII, защищавшаго Меѳодія въ 873 и 879—880 гг., конечно по разнымъ политическимъ соображеніямъ въ интересахъ римскаго престола, но своею рѣзкостію и рѣшительностію дѣйствій напоминавшій собою не совсѣмъ отдаленнаго изъ своихъ предшественниковъ Николая I. Очевидно, все это условія, не благопріятствовавшія для широкой дѣятельности учениковъ св. Меѳодія въ предѣлахъ обширной его архіепископіи. Папа Стефанъ V (VI), вскорѣ послѣ кончины Меѳодія, прислалъ Святополку пространное посланіе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Мы весьма удивлены, услышавъ, что Ме-

*) „Отъ того же дѣне" (т. е. послѣ освобожденія Меѳодія изъ швабской тюрьмы) „вельми начатъ расти ученіе Божіе, и стражьници множится въ вьсѣхъ градѣхъ, и погания вѣровати въ истиньныи Богъ, своихъ блядии отмѣтающеся, тольми паче и Моравьска область пространити начатъ вьса страны, и врагы своя побѣжати и съ непогрѣшеніемъ, яко и сами повѣдаютъ присно". Житіе Меѳодія, X гл.

ѳодій преданъ лжеученію, а не назиданію, враждѣ, а не миру; и если это такъ, какъ мы слышали, то мы совершенно отвергаемъ его лжеучевіе. Анаѳема же за презрѣніе каѳолической вѣры падетъ на главу того, кто объявилъ ее. Ты же и народъ твой, по суду Св. Духа, будете содержать вѣру, которую проповѣдуетъ римская церковь. А божественныя службы, и святыя таинства, и священнодѣйствія литургіи, которыя тотъ же Меѳодій дерзнулъ совершать на языкѣ славянскомъ . . . никто впредь да не дерзаетъ никоимъ образомъ совершать . . . Ибо Божіею и нашею апостольскою властію мы запрещаемъ это подъ страхомъ узъ проклятія . . . А упорныхъ и непослушныхъ, производящихъ вражду и соблазнъ, если не исправится послѣ перваго и втораго увѣщанія, мы приказываемъ извергать изъ нѣдръ церкви, какъ сѣятелей плевелъ, и чтобы одна овца больная не заразила всего стада, мы предписываемъ обуздывать нашею властію и далеко изгонять изъ вашихъ предѣловъ» *).

Поэтому неудивительно, что вскорѣ послѣ кончины Меѳодія начались гоненія противъ его учениковъ. Главными дѣятелями въ этихъ гоненіяхъ были нѣмцы, во главѣ съ Викингомъ, а главная причина гоненій, указываемая въ источникахъ,—вопросъ объ исхожденіи Св. Духа и другія отступленія отъ ученія и практики римской церкви, напр., относительно постовъ и въ частности поста въ субботу, затѣмъ славянское богослуженіе **) и неразрывно связанный съ этимъ вопросъ о церковной юрисдикціи сосѣдней нѣмецкой іерархіи надъ Моравіей. Однимъ словомъ, причина гоненій (со стороны нѣмцевъ) таже, что при Меѳодіи и противъ Меѳодія. Пособникомъ нѣмцевъ было опять папство, стремившееся такъ же, какъ и прежде, извлечь для себя нѣкоторыя выгоды изъ этой борьбы, желая сохранить и крѣпче упрочить свою непосредственную власть надъ моравско-паннонскимъ діоцезомъ Меѳодія. Что же касается Святополка, то, вслѣдствіе своей индиферентности къ церковнымъ вопросамъ, онъ предоставилъ полную свободу развиваться интригѣ, направленной противъ Меѳодіева дѣла. Онъ, по свидѣтельству источниковъ, почти не участвуетъ въ этомъ дѣятельно; интрига развивается и гоненія противъ учениковъ Меѳодія совершаются даже въ его отсутствіе. Но вина его въ томъ, что своимъ поведеніемъ онъ далъ возможность развиться интригѣ и не противодѣйствовалъ ей, не понимая глубокаго значенія совершавшихся событій, роковой исходъ которыхъ былъ несомнѣнно извѣстенъ его противникамъ. Этотъ исходъ не замедлилъ обнаружиться вскорѣ послѣ смерти Святополка, при его преемникахъ сыновьяхъ.

Оставшіеся послѣ него сыновья (по однимъ источникамъ—трое, а по другимъ—двое: Моймиръ II и Святополкъ II) не могли уже исправить ошибки своего отца, а иногда даже, своими взаимными распрями, еще болѣе обезсиливали страну, окруженную уже почти со всѣхъ сторонъ хищными врагами. По праву старшинства, моравскій престолъ занялъ старшій сынъ Святополка, Моймиръ II, а другіе младшіе его братья или одинъ младшій его братъ, Святополкъ II, долженъ былъ владѣть удѣломъ въ зависимости отъ старшаго. Они вступили во владѣніе государственнымъ наслѣдіемъ отъ своего отца въ то время, когда еще не была окончена начатая послѣднимъ (ок. 892 г.) война съ нѣмцами и когда угры или мадьяры, уже разъ ворвавшись въ Паннонію съ востока и опустошивъ ее еще при Святополкѣ, охотно предпринимали набѣги на западъ, подготовляя такимъ образомъ окончательную гибель велико-моравской державы и цѣлый рядъ бѣдствій для всей западной Европы. Общая опасность отъ новой дикой мадьярской орды давала иногда поводъ обѣимъ сторонамъ временно сближаться, во, кажется, не для единства дѣйствій... Состоявшійся между нѣмцами (Арнульфомъ) и славянами въ 894 г. (уже послѣ смерти Святополка) миръ былъ, вѣроятно, не выгоденъ для Моравіи. По крайней мѣрѣ, невыгодное вліяніе его на окружающіе славянскіе народы начало обнаруживаться тотчасъ же, уже въ 895 г. Въ этомъ году (въ іюлѣ) прибыли къ Арнульфу въ Регенсбургъ чешскіе князья и бодричи, бывшіе подъ властію Святополка, и присягнули ему въ вѣрности. А чрезъ два года (897) снюсятся съ Арнульфомъ и отпадаютъ отъ Моравіи бывшіе также вассалы Святополка лужицкіе сербы. Дѣло въ этомъ году дошло до того, что чехи приглашаютъ противъ враговъ своихъ—моравянъ самого Арнульфа. Конечно, это—результатъ не одного только невыгоднаго для моравянъ мира 894 г. Тутъ въ значительной, даже въ большей степени, имѣла значеніе славянская рознь, равно и политическія интриги Арвульфа и вообще сосѣднихъ нѣмцевъ, у которыхъ было для этого не мало средствъ, умѣнья и рѣшимости. Въ этихъ интригахъ главную роль игралъ извѣстный бывшій интрагскій епископъ, а потомъ даже архіепископъ моравскій (послѣ изгнанія учениковъ Меѳодія) Викингъ, прогнанный еще Святополкомъ около 893 г. изъ предѣловъ своей державы и принятый тогда Арнульфомъ. Эти же интриги нѣмцевъ, склонившія противъ моравянъ также угровъ, пущены были въ ходъ и внутри самой, теперь достаточно уже обезсиленной, Моравіи.

Именно: политика сыновей Святополка—Моймира II и Святополка II, представля-

*) Латинскій подлинникъ посланія см., напр., у Бильбасова въ цит. соч. «Кирилъ и Меѳодій» ч. I. стр. 137—143.

**) Ср. объ этомъ выше цит. посланіе папы Стефана V (VI) на имя Святополка, равно и папскую «инструкцію», данную легатамъ, отправлявшимся къ славянамъ, для приведенія въ исполненіе извѣстныхъ папскихъ распоряженій въ Моравіи—о Filioque, о постѣ въ субботу и о запрещеніи славянскаго богослуженія подъ страхомъ проклятія и даже изгнанія нарушителей изъ предѣловъ Моравіи, равно и объ утвержденіи іерархическаго авторитета Викинга «для управленія вѣрепною ему отъ Бога церковію».

ла два политическихъ теченія, изъ которыхъ послѣднее, представляемое Святополкомъ II, шло въ разрѣзъ съ національнымъ направленіемъ Моймира, и потому нѣмцы умѣло воспользовались имъ, чтобы поддерживать въ Моравіи внутреннюю смуту и обезпечить себѣ такимъ образомъ окончательное торжество надъ своими, до сихъ поръ все-таки достаточно сильными, врагами. Нѣмцы, дѣйствительно, усиленно добивались этого и даже въ промежутокъ 894 — 900 гг., когда уже свирѣпствовали угры, они неоднократно врывались въ Моравію, а въ 900 г. баварцы, въ союзѣ даже съ чехами, предпринимали походъ на Моравію и безпощадно грабили ее. При такихъ тяжелыхъ для Моравіи обстоятельствахъ и самъ Моймиръ обращался за помощью къ мадьярамъ противъ своихъ враговъ; для обезпеченія самостоятельности своей страны онъ рѣшилъ даже обратиться (ок. 899—900 г.) къ папѣ Іоанну IX съ цѣлью, хотя бы при посредствѣ римскаго престола, обезпечить независимость моравской церкви отъ притязаній сосѣдняго латино-нѣмецкаго духовенства. Папа Іоаннъ IX, бывшій въ это время на сторонѣ итальянскихъ графовъ, противниковъ Арнульфа, и въ интересахъ несомнѣнно своей каѳедры, посмотрѣлъ благосклонно на просьбу Моймира и, кажется, немедленно исполнилъ эту просьбу, отправивъ въ Моравію (899 г.) трехъ легатовъ: архіепископа Іоанна, епископовъ—Бенедикта и Даніила, — для устройства моравской церкви. Послѣдніе, въ свою очередь, исполнили возложенное на нихъ порученіе, поступивъ сообразно съ данною имъ инструкціею *). Естественно, что поведеніе папы и легатовъ ихъ въ разрѣзъ съ политикою сосѣднихъ нѣмцевъ и въ частности сосѣдней баварской латино-нѣмецкой іерархіи,—заставило послѣднюю сплотиться и заодно дѣйствовать противъ непріятныхъ для нея распоряженій папы. Приглашенъ былъ къ соучастію и на помощь майнцскій архіепископъ Гаттовъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ еще при Арнульфѣ и, послѣ его смерти, при сынѣ его Людовикѣ. Гаттовъ, съ согласія своихъ епископовъ — суффрагановъ, послалъ къ папѣ письмо; съ своей стороны и баварскіе епископы написали папѣ особое письмо, ясно выражая свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Моравіи. Подробности содержанія этихъ документовъ проливаютъ вообще свѣтъ на тогдашнія отношенія между моравскими славянами и сосѣдними нѣмцами, равно и на отношенія ихъ обоихъ къ новой ордѣ пришельцевъ—мадьяръ. Въ краткой рѣчи нѣтъ возможности познакомиться со всѣми любопытными подробностями упомянутыхъ документовъ **); но нельзя не указать въ ихъ содержаніи на характерныя особенности, касающіяся отношеній нѣмцевъ къ моравскимъ славянамъ. Вообще цѣль упомянутыхъ посланій латино-нѣмецкаго духовенства состояла въ томъ, чтобы заставить папу отмѣнить недавнія распоряженія его о возстановленіи самостоятельной моравской іерархіи *) и, можетъ быть, формально утвердить за нѣмцами власть надъ бывшимъ моравско-паннонскимъ діоцезомъ Меѳодія. Для достиженія этой цѣли служатъ всѣ подробности посланій—какъ тѣ, которыя представляютъ положительную ихъ сторону, именно доказательства политическихъ и церковныхъ правъ (?) Баваріи надъ моравскими славянами, такъ и тѣ, которыя, отрицательнымъ путемъ, чрезъ оправданіе нѣмцевъ отъ взводимыхъ на нихъ моравянами обвиненій—приводятъ къ той же завѣтной цѣли латино-нѣмецкой іерархіи. И эти подробности, приводимыя передко въ извращенномъ видѣ, свидѣтельствуютъ о той степени раздраженія и негодованія нѣмцевъ по поводу стремленія моравянъ къ политической и церковной независимости (отъ нѣмцевъ), какая, казалось, снова послѣ кончины Меѳодія сильно обнаружилась у нихъ. Нѣмцы думали, что дни политической и въ особенности церковной свободы моравянъ послѣ кончины Меѳодія уже сочтены; потому въ посланіи (баварскихъ епископовъ) они называютъ Паннонію своею „провинціею“ (maxima nostra provincia). Многолѣтнія и даже вѣковыя усилія ихъ для германизаціи и латинизаціи моравскихъ славянъ увѣнчались, повидимому, желаннымъ для нихъ успѣхомъ. А тутъ вдругъ самъ папа покровительствуетъ желанію моравянъ оставаться независимыми отъ нѣмцевъ. Папа покровительствовалъ эмансипаціи моравянъ въ тѣхъ же дипломатическихъ видахъ, какъ ранѣе Меѳодію, т.-е. въ специальныхъ интересахъ римской каѳедры. Но баварскіе епископы, служа одной и той же цѣли латинизаціи славянъ, хотѣли, однако, удержать ихъ подъ своею непосредственною властію—церковною и, вѣроятно, политическою. Въ этомъ стремленіи они такъ далеко зашли, что самоувѣренно писали папѣ, что славяне „во всякомъ случаѣ (хотятъ-ли, или не хотятъ), будутъ подвластны нашему государству“. „Поэтому, внушаютъ они папѣ, вамъ слѣдуетъ быть осмотрительными и предпочитать дѣйствовать въ духѣ умѣренности, чтобы худшая сторона не усиливалась и лучшая не ослабѣвала“. „Ибо, продолжали они, предки нашего свѣтлѣйшаго господина, т.-е. императора Людовика, короли, произошли отъ христіанѣйшаго народа франковъ, славяне же Моймировы (др. сп. моравяне)—отъ поганыхъ язычниковъ. Тѣ посредствомъ императорской власти способствовали возвышенію римской республики, эти вредили ей; тѣ ободряли

*) Для „Моравіи поставлены были однимъ архіепископъ и три епископа.

**) Напечатаны, между прочимъ, у Бильбасова въ цит. соч. „Кириллъ и Меѳодій“ ч. I, стр. 143—151, съ переводомъ нѣкоторыхъ частей ихъ содержанія на стр. 101—2; ср. еще переводъ у К. Я. Грота въ соч. „Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X в.“ (Спб. 1881), стр. 362—7; ср. также нѣкоторыя части перевода у И. И. Малышевскаго въ соч. „Св. Кириллъ и Меѳодій, Первоучители славянскіе“ (Кіевъ 1886 г.), стр. 423 и слѣд.

*) Эта цѣль ясно выражена въ обоихъ документахъ.

христіанское царство, эти огорчали (буквально—ослабляли); тѣ прославлялись на весь міръ, эти прятались въ скрытыхъ мѣстахъ и городахъ; совѣтомъ тѣхъ былъ сиенъ апостольскій престолъ, отъ нападеній этихъ страдало христіанство. Во всемъ этомъ нашъ молодой король, не уступающій никому изъ своихъ предшественниковъ, желаетъ, сообразно данной ему отъ Бога доблести, со всѣми князьями своего государства, быть энергическимъ заступникомъ святой римской церкви и вамъ, высшему церковному первосвященнику, ибо употреблять данную ему власть на служеніе Богу,—этого онъ (Людовикъ) только и желаетъ, къ этому только и стремится. Вслѣдствіе того онъ такъ и дорожитъ миромъ и согласіемъ, и находитъ отраду прибѣгать къ вамъ, какъ къ своему отцу". Но было-ли оказано со стороны папы какое-либо заступничество нѣмцамъ въ распряхъ ихъ съ славянами,—неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что наступившія послѣ 900 г. для моравянъ и нѣмцевъ событія заставили тѣхъ и другихъ думать объ иномъ. Въ 901 г. заключенъ былъ въ Регенсбургѣ между ними миръ съ цѣлію оградить себя отъ новыхъ опустошительныхъ набѣговъ и завоеваній мадьяръ. Послѣ же 901 г. нападенія мадьяръ на сосѣднія владѣнія нѣмцевъ и славянъ становились все чаще и рѣшительнѣе, такъ что въ 906 г. рѣшена была участь Моравіи, а въ 907 г. очередь дошла до нѣмцевъ, которые неизвѣстно въ какомъ мѣстѣ своей восточной пограничной линіи потерпѣли страшное пораженіе, произведшее панику на всю тогдашнюю западную Европу. Нѣмцы отброшены были теперь за р. Энсу; а мадьяры, утвердившись на развалинахъ велико-моравской державы, долго еще свирѣпствовали, выступая за предѣлы занятой позиціи... Вотъ конецъ тѣмъ политическимъ отношеніямъ, которыя, между прочимъ, послѣ кончины Меѳодія, развивались на территоріи, доставшейся теперь мадьярамъ!

Мадьярскій погромъ, обрушившійся на Моравію,—событіе чрезвычайной исторической важности какъ вообще въ историческихъ судьбахъ Европы, такъ и въ частности въ судьбахъ славянства. Дикая мадьярская орда, ворвавшись въ самое сердце западнаго славянства, по словамъ Палацкаго, „истребила это сердце", „члены великаго тѣла (велико-моравскаго союза), еще не успѣвшіе срости, распались сами, ибо чужая стихія насильно внѣдрилась между ними. Стоя одиноко, не зная никакихъ общихъ цѣлей, каждый членъ съ тѣхъ поръ заботился единственно о себѣ самомъ, тратилъ свои силы въ пустошныхъ стычкахъ съ сосѣдями и никогда уже не былъ въ состояніи твердо противостать иноземцамъ, соединеннымъ крѣпкою сосредоточенностію, основанною на общихъ ихъ выгодахъ"... *) Указавъ общую оцѣнку мадьярскаго погрома (словами Палацкаго), мы не имѣемъ въ виду входить въ подробности по вопросу о значеніи этого погрома для славянства; укажемъ только, что существуютъ двѣ различныхъ, хотя и не противоположныхъ, точки зрѣнія на этотъ предметъ; одна *), — считающая мадьярское нашествіе величайшимъ несчастіемъ для славянства разбитаго и разрозненнаго теперь „врѣзавшимся въ него клиномъ", а другая, ослабляющая рѣзкости выводовъ первой, — „состоитъ въ томъ, что если мадьяры своимъ вторженіемъ въ дунайскую равнину и поселеніемъ въ ней и нанесли глубокую рану славянамъ и стали для нихъ причиной многихъ бѣдствій и въ прошедшемъ и въ настоящемъ, зато своимъ своевременнымъ вмѣшательствомъ въ жестокую борьбу нѣмецкой народности съ дунайскими славянами и неизмѣримымъ вредомъ, нанесеннымъ Германіи и всему западу, они, въ концѣ концовъ, дали благопріятный оборотъ славянскому дѣлу на Дунаѣ въ IX вѣкѣ и надолго остановили дальнѣйшій ростъ политическаго, культурнаго и всякаго вообще преобладанія нѣмцевъ на среднемъ Дунаѣ, принимавшаго тогда уже весьма значительные размѣры и грозившаго дѣйствительно великимъ и роковымъ для всего западнаго славянства несчастіемъ" **).

Для насъ важнѣе сейчасъ обратить вниманіе на причины паденія Моравіи, чтобы понять историческій и настоящій смыслъ этого факта при современномъ воспоминаніи о немъ—въ день нашего торжества, съ которымъ обыкновенно связывается у насъ особое представленіе о разныхъ славянскихъ отношеніяхъ и пр.

Несомнѣнно, что причины паденія Моравіи такъ же сложны, какъ и причины всякаго другаго, тѣмъ болѣе, важнаго историческаго событія, и невозможно, конечно, выяснить ихъ подробно въ настоящей краткой рѣчи. Обыкновенно, нашествіе мадьярское ставятъ на первомъ планѣ, какъ болѣе очевидное, прямо бросающееся въ глаза историческое событіе, подавшее ближайшій поводъ къ паденію Моравіи и обнаруживавшее не только ясные признаки предсмертной ея агоніи, но и ускорившее ея смерть. Причины внѣшнія, разрѣдавшія моравскій государственный организмъ уже издавна, были и другія,—заключались онѣ въ непрерывномъ систематическомъ нѣмецкомъ Drang nach Osten, въ томъ движеніи нѣмцевъ на востокъ, начало которому успѣшно положено было еще Карломъ В. и которое, не останавливаясь даже при его слабыхъ преемникахъ, постепенно шло далѣе, пока не достигло бы своего крайняго предѣла, не намѣченнаго, однако, въ разсматриваемую намиэпоху по случаю мадьярскаго погрома. Конечно, германизаторскія стремленія нѣмцевъ вмѣстѣ съ латинизаторскими усиліями Рима и латино-нѣмецкаго духовенства, направленныя противъ сосѣдней славянской территоріи,

*) Palacky, Dějiny národu českého (3-е изд. 1876 г.), I, 1, стр. 223—224 (перев. у Гильфердинга въ „Собраніи соч." т. II, стр. 124).

*) Панр. Палацкаго, Гильфердинга и др. См. вообще указаніе и разборъ мнѣній по этому вопросу въ цитуемомъ ниже соч. К. Я. Грота „Моравія и Мадьяры" (въ предисловіи).

**) К. Я. Гротъ, Моравія и Мадьяры, стр. 422—423.

занятой въ частности велико-моравскою державою, извнѣ сильнѣе и во всякомъ случаѣ успѣшнѣе — чѣмъ мадьярское нашествіе — подтачивали самобытность Моравіи. Но внутренняя слабость велико-моравскаго союза — кажется — еще болѣе служила причиною неминуемой гибели Моравіи. Ростиславъ понималъ значеніе кирилло-меоодіевской проповѣди не только какъ важнѣйшаго фактора или условія независимой религіозной и культурной жизни ближайшимъ образомъ своихъ подданныхъ славянъ, но и какъ условія также для огражденія своей страны отъ сосѣднихъ нѣмцевъ и для утвержденія политическаго ея могущества. Святополкъ не хотѣлъ понять всей важности начатаго Ростиславомъ политическаго плана и религіозно-культурныхъ его стремленій; только иногда, подъ вліяніемъ своихъ неудачъ или столкновеній съ нѣмцами, онъ временно становился на сторону плана своего предшественника и, благодаря своей энергіи, достигалъ тогда замѣчательныхъ политическихъ успѣховъ. Поэтому не даромъ авторъ простр. житія Меоодія замѣчаетъ, что съ успѣхомъ кирилло-меоодіевской проповѣди (послѣ 874 г.) „и моравьска область простравити начать вьса страны, и врагы своя побѣжати“ *). Но какъ скоро онъ забывалъ или сознательно уклонялся въ сторону другихъ политическихъ комбинацій—въ пользу сближенія съ нѣмцами, успѣхъ его политическихъ предпріятій, правда, временно, иногда возрасталъ; но зато вслѣдъ за эфемернымъ величіемъ обнаруживались въ странѣ признаки разложенія: сближеніе съ нѣмцами не могло, конечно, не отразиться прежде всего въ напылѣ въ Моравію иноземцевъ (нѣмцевъ) и всего вообще иноземнаго, что замѣтно было не только при одномъ княжескомъ дворѣ, но, вѣроятно, и по всей странѣ, а невниманіе къ Меоодію и его дѣлу давало широкій просторъ иноземной интригѣ подавлять это дѣло въ Моравіи, лишать ее, слѣдовательно, самаго важнаго условія независимаго ея культурнаго и политическаго бытія. Святополкъ, повидимому, не придавалъ значенія религіозно-просвѣтительному вліянію восточной церкви (хорошо понятому Ростиславомъ и радостно встрѣченному моравянами), можетъ быть потому, что не замѣчалъ еще послѣдствій своей недальновидности, но уже одинъ изъ его сыновей, не менѣе, кажется, храбрый и не менѣе, можетъ быть, энергичный, хотя и менѣе хитрый дипломатъ, Моймиръ II, долженъ былъ понять ошибки своего отца и пытался было утвердить самостоятельность моравской церкви. Было уже поздно; внутреннее разложеніе политическаго организма, не скрѣпленнаго твердо единымъ культурнымъ началомъ кирилло-меоодіевской проповѣди, должно было разрѣшиться катастрофою—откуда бы она ни пришла—съ востока-ли отъ мадьяръ, или съ запада отъ нѣмцевъ. Слѣдовательно, все несчастіе Моравіи и состояло въ томъ, что кирилло-меоодіевская проповѣдь, принятая было съ радостію народомъ, не могла утвердиться здѣсь такъ, какъ она, напримѣръ, утвердилась впослѣдствіи въ южнославянскихъ земляхъ (у болгаръ и сербовъ) и у славянъ восточныхъ (русскихъ). Тогда и мадьярскій погромъ не раздробилъ бы славянство, по крайней мѣрѣ, въ культурномъ отношеніи, равно и отъ послѣдующихъ прибоевъ волнъ сосѣдняго нѣмецкаго моря не подмывались бы скалы и даже менѣе твердые берега сосѣднихъ земель западнаго славянства...

*) Житіе Меоодія, X гл.

Мм. Гг.! Если позволительно пользоваться историческими аналогіями, то разсматриваемый эпизодъ изъ исторіи Моравіи представляетъ не мало поучительнаго и для современнаго славянскаго сознанія. Я не буду слѣдить за тѣмъ, какъ историческія воспоминанія разсматриваемаго эпизода отражаются теперь въ сознаніи и практической жизни каждой вѣтви славянскаго племени; замѣчу только, что преподанный исторіею урокъ не можетъ оставаться безъ вліянія не только на развитіе между славянами славянскаго самосознанія и (хотя понимаемой иногда своеобразно) славянской взаимности, но и на пониманіе общихъ культурныхъ задачъ и стремленій къ культурному единству. Мы видимъ, что теперь все больше и больше темами публицистическихъ обсужденій почти у всѣхъ вѣтвей славянскаго племени служитъ вопросъ о важности и необходимости для всѣхъ славянъ кирилло-меоодіевской церкви, важности и необходимости изученія славянами языка многомилліоннаго славянскаго (русскаго) народа, выражаются, слѣдовательно, потребности литературнаго славянскаго сближенія и, можетъ быть, объединенія, высказываются мнѣнія и объ удобствахъ славянамъ имѣть одну общую славянскую азбуку. Однимъ словомъ, все больше и больше разъясняются начала культурнаго объединенія славянъ, положенныя въ основу историческаго ихъ бытія и развитія св. нашими Первоучителями. Трудно съ опредѣленностію указать степень успѣха высокихъ началъ славянской культуры у той или другой вѣтви славянскаго племени; но внѣ сомнѣнія—общій фактъ этого успѣха почти у всѣхъ славянскихъ народовъ, не смотря на появляющіяся временемъ черныя пятна во внутренней жизни и взаимоотношеніяхъ славянъ. Нужно только заботиться о томъ, чтобы эти черныя пятна не дѣлались органическимъ порокомъ, смертельно заражающимъ болѣе или менѣе значительныя части того или другаго славянскаго народнаго организма. Но какъ это сдѣлать,—въ томъ-то и весь вопросъ, который по своему рѣшаютъ представители или сторонники тѣхъ или другихъ направленій — политическихъ взглядовъ и убѣжденій, философскихъ воззрѣній въ частности на славянскую культуру и пр. Мы не задаемся цѣлію предлагать свою программу, какъ напасцею отъ всѣхъ золъ, время отъ времени появляющихся въ славянствѣ,—мы отклоняемъ отъ себя трудную, выходящую изъ сферы нашей компетентности, задачу заниматься тѣми или дру-

гими политическими комбинаціями, отъ которыхъ, однако, мало иногда зависитъ „истинное" благо славянскихъ народовъ. Но какъ членъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, преслѣдующаго и культурныя цѣли славянства, я, при настоящихъ нашихъ историческихъ воспоминаніяхъ, не могу все-таки не извлечь изъ нихъ нѣкоторыхъ поучительныхъ указаній въ интересахъ „истиннаго" блага славянства. Примѣръ гибельнаго для моравскихъ и даже другихъ сосѣднихъ западныхъ славянъ направленія Святополка, отсутствіе съ его стороны должнаго вниманія къ созидающей и укрѣпляющей славянскій народный организмъ культурной силѣ кирилло-меѳодіевской проповѣди, отсутствіе, имѣвшее столь печальныя послѣдствія не только для одной его страны, но и цѣлаго западнаго славянства, — эти въ частности воспоминанія развѣ не обращаютъ нашего особеннаго вниманія къ великой исторической роли презрѣнной Святополкомъ и поганной тогдашнимъ латино-нѣмецкимъ западомъ въ Моравіи кирилло-меѳодіевской идеи? А эта идея не есть простое, только историческое воспоминаніе, хотя бы иногда и благоговѣйное, но безъ опредѣленно-точнаго и живаго содержанія, не есть только національно-политическое знамя, которымъ могутъ нѣкоторые пользоваться для какихъ-нибудь посторонникъ для нея политическихъ цѣлей, но эта исторически живая идея — славянско-христіанская идея, и прежде всего христіанская, которой подчиняются всѣ другія жизненныя выраженія ея содержанія (національно-объединительныя—въ языкѣ, азбукѣ и пр.); она состоитъ главнымъ образомъ въ цѣлостномъ усвоеніи того ученія, которое проповѣдано было св. Кирилломъ и Меѳодіемъ славянамъ и которая только одна можетъ быть незыблемою основою славянскаго братства. Объ усвоеніи этой идеи, въ которой примиряются всѣ славянскія разногласія, должны заботиться всѣ славяне и въ частности наше русское общество, какъ общество многомилліоннаго славянскаго народа, призваннаго быть нравственнымъ примѣромъ и руководителемъ для всѣхъ другихъ славянъ. Напрасно нѣкоторые, игнорируя или не понимая всей важности этой идеи, иногда придаютъ болѣе существенное значеніе другимъ, правда важнымъ также, факторамъ народно-культурной жизни, которые, однако, не только не отрицаютъ высоты и значенія этой идеи, но безъ нея и не достигаютъ своихъ благотворныхъ результатовъ. Поясникъ свою мысль примѣрами.

Довольно замѣтны въ послѣднее время успѣхи русской литературы за границей вообще и среди славянъ въ особенности. Несомнѣнно, это пріятное для насъ явленіе, которому отъ души желаемъ дальнѣйшаго успѣха, а удовлетворенію нуждъ въ русскихъ книгахъ въ частности среди славянъ старается содѣйствовать по мѣрѣ своихъ средствъ и наше (Славянское Благотворительное) Общество. Но думаю, что въ интересахъ истиннаго славянскаго просвѣщенія и культуры совсѣмъ не безразлично, какое содержаніе на русскомъ языкѣ предлагается, между прочимъ, нашимъ меньшимъ братьямъ. Конечно, новѣйшія идеи извѣстнаго „поборника вселенской правды" и мысли „о непротивленіи злу" и пр., при всѣхъ видимыхъ внѣшнихъ художественныхъ достоинствахъ содержащихъ эти идеи произведеній, не составляютъ еще того содержанія нашего культурнаго развитія, которое бы все тѣснѣе и тѣснѣе вводило другіе родственные намъ народы въ кругъ нашего общаго истинно-славянскаго бытія и развитія. Для насъ, думаю, было бы не безразлично, если бы съ содержаніемъ нашего умственнаго и нравственнаго развитія родственные намъ народы знакомились не русскимъ сочиненіямъ, содержащимъ идеи, отрицающія, напр., традиціи нашей исторической жизни и извращенно представляющія дѣятельность тѣхъ истинно-русскихъ людей, которые отдавали всю свою жизнь на служеніе русско-славянской идеѣ *). А можемъ-ли мы быть равнодушны, напр., къ тому факту пропаганды русскаго языка среди славянъ, когда, но только-что полученнымъ свѣдѣніямъ, одинъ женевскій издатель русскихъ книгъ, пользуясь, можетъ быть, косностію нашего книгопродавческаго дѣла, на 1.000 франк. препровождаетъ книгъ собственнаго изданія въ Софію—книгопродавцу Касарову на комиссію.— и неужели въ интересахъ распространенія русскаго языка?... Этотъ фактъ ясно ставитъ различіе между степенью важности русскаго языка и преимущественнымъ значеніемъ идей, передаваемыхъ на этомъ языкѣ, въ дѣлѣ нашихъ русско-славянскихъ отношеній. Насъ долженъ интересовать слѣдовательно не одинъ успѣхъ русскаго языка, какъ органа проведенія извѣстнаго рода идей; насъ болѣе должны интересовать характеръ и сущность идей, которыя выражаются на извѣстномъ языкѣ (въ данномъ случаѣ русскомъ). Поэтому, въ отношеніи къ особенности къ славянамъ, намъ нужно обращать вниманіе, какія идеи проникаютъ къ нимъ чрезъ русскія книги и насколько эти послѣднія могутъ способствовать нашему взаимному сближенію, нравственному оздоровленію и пр. Это далеко не праздный вопросъ, если вспомнить, что отрывочно взятое и односторонне-усвоенное содержаніе нашей литературы нѣкоторыми заграничными славянами послужило причиной многихъ „шатаній" и несчастій для ихъ родины, не безразличныхъ для насъ и не безвредныхъ вообще для цѣлаго славянства.

Итакъ, для успѣха нашей славянской миссіи у себя дома и среди славянъ, необходимо, чтобы, при накопленіи своего умственнаго труда во всѣхъ отраслихъ теоретическихъ и прикладныхъ знаній, мы обращали болѣе вниманія на высокія просвѣтительныя идеи

*) См., между прочимъ, весьма интересныя разоблаченія по этому поводу въ критическихъ статьяхъ Д. О. Самарина (подъ заглавіемъ «Поборникъ вселенской правды», т. е. В. С. Соловьевъ) въ „Новомъ Времени" за 1890 г. въ №№ 5015, 5021, 5029 и 5035.

кирилло-меѳодіевской проповѣди, и тогда мы дѣйствовали бы несравненно успѣшнѣе на пользу славянской идеи,—тогда эта послѣдняя не казалась бы намъ столь идеально-недостижимою, что, по недоразумѣнію, нѣкоторые дерзаютъ называть ее даже „фантазіею". Конечно, не мѣсто теперь защищать историко-культурное значеніе этой идеи и практическую ея важность, между прочимъ, для Россіи. Но не излишне въ заключеніе спросить: насколько мы, или, говоря вообще, наше русское общество подготовлено усвоить нѣлостно эту идею и дѣйствовать ради нея? О будущей нашей готовности въ этомъ отношеніи судить, конечно, трудно, но о настоящей нашей недостаточной къ ней подготовленности или слабости ея пониманія утверждать съ нѣкоторымъ основаніемъ, кажется, возможно. Увы! Горячая проповѣдь нашихъ славянофиловъ противъ „европейничанья" нашего (отчасти въ старыхъ и отчасти въ новыхъ формахъ) не можетъ считаться анахронизмомъ и теперь. Пусть любопытные прочтутъ хотя нѣкоторыя страницы замѣчательнаго сочиненія Н. Я. Данилевскаго „Россія и Европа", и въ этомъ зеркалѣ увидятъ отраженіе современныхъ грѣховъ „европейничанья" нашего общества.

Перечисляя и поясняя примѣрами разные виды европейничанья—а) искаженіе быта, б) заимствованіе чужеземныхъ учрежденій и в) взглядъ на внутреннія и внѣшнія дѣла съ европейской точки зрѣнія), Н. Я. Данилевскій говоритъ въ заключеніе, что „всѣ перечисленные и поясненные примѣрами виды европейничанья суть, конечно, только симптомы болѣзни, которую можно назвать слабостью и немощью народнаго духа въ высшихъ образованныхъ слояхъ русскаго общества. Но, будучи симптомами болѣзни, они составляютъ вмѣстѣ и родотворную причину болѣзни, отъ которой она ведетъ свое происхожденіе, и которая безпрестанно ее поддерживаетъ. Болѣзнь эта, въ цѣломъ, препятствуетъ осуществленію великихъ судебъ русскаго народа и можетъ, наконецъ (несмотря на все видимое государственное могущество), изсушивъ самобытный родникъ народнаго духа, лишить историческую жизнь русскаго народа внутренней зиждительной силы, а слѣдовательно, сдѣлать безполезнымъ, излишнимъ самое его существованіе—ибо все, лишеніе внутренняго содержанія, составляетъ лишь историческій хламъ, который собирается и въ огонь вмѣстится въ день историческаго суда. Какая же сила излечитъ насъ отъ постигшаго насъ недуга, и, упразднивъ въ немъ все искажающее нашъ народный обликъ, обратитъ и эту болѣзнь къ росту, какъ обратила уже татарское данничество и закрѣпощеніе народа? И прямое дѣйствіе власти, и сила слова кажутся намъ для сего недостаточными. Оскудѣніе духа можетъ излечиться только поднятіемъ и возбужденіемъ духа, которое заставило бы встрепенуться всѣ слои русскаго общества, привело бы ихъ въ живое общеніе, воспомнило бы недостатокъ духа тамъ, гдѣ онъ изсякаетъ въ подражательности и слѣпомъ благоговѣніи предъ чужими идеалами, воспомнило изъ того сокрытаго родника, откуда онъ не разъ билъ полноводнымъ ключемъ, какъ во дни Минина, и начиналъ биться въ болѣе близкія къ намъ годины испытаній 1812 и 1863 (и 1876 и 1877) гг. Для избавленія отъ духовнаго плѣна и рабства, надобенъ тѣсный союзъ со всѣми плѣненными и порабощенными братьями,—необходима борьба, которая, сорвавъ всѣ личины, поставила бы враговъ лицомъ къ лицу, и заставила бы возненавидѣть идолослуженіе и поклоненіе своимъ, открыто объявленнымъ, врагамъ и противникамъ. Совершить это въ силѣ только суровая школа событій, только грозный опытъ исторіи. Эти цѣлительныя событія, отъ которыхъ пригнется (хотимъ-ли, или не хотимъ) принять спасительные уроки, уже восходятъ на историческомъ горизонтѣ и зовутся: *Восточнымъ вопросомъ*" *). Къ этимъ глубокопоучительнымъ словамъ Н. Я. Данилевскаго прибавимъ отъ себя заключеніе, которое было и его глубокимъ убѣжденіемъ, что главный „родникъ", источникъ исцѣленій нашихъ общественныхъ недуговъ, нравственнаго оздоровленія, какъ существенное условіе для успѣшнѣйшаго разрѣшенія восточнаго вопроса и для полнаго установленія славянскаго братства, это—та идея, на которую указываетъ возвышающаяся здѣсь **) хоругвь св. Кирилла и Меѳодія.

Чтеніе И. С. Пальмова, вызвавшее громкія рукоплесканія присутствовавшихъ, сопровождалось нѣніемъ хоромъ г. Архангельскаго стихиры: „Да воскреснетъ Богъ".

Затѣмъ, К. К. Случевскій прочиталъ, покрытое громкими рукоплесканіями присутствовавшихъ, слѣдующее свое стихотвореніе:

Два царя.

Два царя, друзья отъ дѣтства,
Разъ бесѣдой завлялись
И нѣнить свои наслѣдства
Другъ предъ другомъ принялись.

—

— У меня въ моемъ владѣньѣ,—
Говорилъ изъ нихъ одинъ,—
Вся природа—паслажденье
И не счесть ея картинъ!

***

Дышатъ вѣчною весною
Виды горныхъ панорамъ,
Море лентой голубою
Льется къ теплымъ берегамъ.

***

Стройнымъ пальмъ глядятъ вершины
Съ высоты своихъ стволовъ.
Гнутся кактусы въ долины
Краснымъ пламенемъ цвѣтовъ;

***

*) Н. Я. Данилевскій, Россія и Европа (Спб. 1889), изд. 4-е, стр. 323—324.

**) Съ правой стороны отъ каѳедры, во время торжественныхъ собраній Славянскаго Общества, въ залѣ Городской Думы, ставится хоругвь съ изображеніемъ св. Кирилла и Меѳодія.

Персикъ бархатомъ играетъ,
Теменъ пурпурный гранатъ,
Солнце блескомъ наливаетъ
Ананасъ и виноградъ.

—

— У меня лишь съ края горы,
Остальное все—просторъ.
Гдѣ вступаютъ вихри въ споры
И безбрежень кругозоръ;

***

Всѣ моря мои сердиты,
Ребра скалъ изможденны,
Въ устьяхъ рѣкъ пески намыты,
Нѣдра волнъ морскихъ черны;

***

Зимы—долги, вёсны—кратки,
Есть мѣста—не знаютъ дня,
Снѣгу столько—что на святки
Царство въ царствѣ у меня;

***

Хвои—темны, дебри—дики,
И по нимъ изъ года въ годъ
Гдѣ морошки, гдѣ бруснички,
Нескончаемый налетъ.

—

— У меня въ красѣ привычной,
При сіяніи луны,
Вторитъ пѣсенкѣ обычной
Рокотаніе струны;

***

Въ пѣсняхъ славятся турниры,
Дальній звонъ былой гульбы;
Змѣи, грифы и вампиры
Помѣстились на гербы;

***

Храбро бьются паладины
Въ одѣяніяхъ стальныхъ;
Повторяютъ пѣснь руины,
Глядя ласково на нихъ;

***

Наши пажити богаты
И по нимъ вездѣ кругомъ
Дремлютъ пѣшныя палаты
Въ облаченьѣ вѣковомъ;

***

Нѣтъ богатствамъ нашимъ мѣры,
И вдоль всей моей страны
Воплощаются химеры,
Проступаютъ правдой сны;

***

И безъ малаго до Ноя
Можно выслѣдить назадъ
Отъ героя до героя
Славныхъ жизней длинный рядъ;

***

И политика здѣсь чудо:
Отъ древнѣйшихъ, отъ временъ,
Такъ иль нѣтъ, добро иль худо—
Я союзами силенъ;

***

Между ними выбираю,
Гдѣ ласкаюсь, гдѣ сержусь,
И порой, я это знаю,
Надъ собой и самъ смѣюсь.

—

— У меня все больше бревна
И лубки по деревнямъ.
Но, сказать неголословно,
Былъ чередъ богатырямъ.

***

Горы оползни давали
Подъ стопами ихъ трещa;
Вились ловко—хоть не знали
Ни хитона, ни плаща.

***

Прежней жизни не водилось
Въ той странѣ, гдѣ мы живемъ:
Какъ отъ Бога народилась
Такъ и шла особнякомъ.

***

И куда ужъ намъ до Ноя!
Нашъ архивъ, гдѣ вкривь, гдѣ вкось,
Близкій къ правдамъ Домостроя
Составлялся на авось!

***

Хоть живутъ и безъ архивовъ
Отъ невѣдомыхъ временъ,—
Много памятныхъ порывовъ
И возлюбленныхъ именъ!

***

Что до пѣсенъ—пѣсни тоже
Мы имѣемъ на-лицо!
Есть у насъ, да въ гербъ не гоже,
Наше крѣпкое словцо;

***

Съ нимъ въ тяжелую минуту,
Съ краткимъ кличемъ: эхъ! да ну!
Не одну мы рвали путу
Обвивавшую страну!

***

Рвали вовсе безъ союзовъ!
Не носить-же, въ трудный часъ,
Для союзовъ лишнихъ грузовъ—
Всѣ союзы противъ насъ.

—

— Въ областяхъ моей короны,
Всѣмъ извѣстны, на показъ,
Наши дѣвушки и жены;
Строенъ станъ ихъ, ярокъ глазъ!

***

Къ родовику-ль пойдетъ съ кувшиномъ,
Или вѣеръ пуститъ въ ходъ,—
Въ пору только паладинамъ
Этотъ женскій нашъ народъ.

***

Въ нихъ красина даже ревность;
Воли ихъ не превозмочь;
Воспѣвала женщинъ древность,
Воспѣвать и мы не прочь!

***

Край богатъ, легки работы;
Всюду, всюду благодать!
Только намъ и есть заботы—
Чтобы жить, не умирать!

***

Страшно думать, что у гроба,
Въ срокъ мучительныхъ минутъ,
Всѣмъ, но каждому особо,
De profundis запоютъ...

—

— Надъ моей святой державой,—
Не для насъ такой законъ,—
Могутъ женщины со славой
Восходить на самый тронъ.

***

Не для нихъ одежды новинки,
По не прочь онѣ ничуть
Душегрѣйки и косынки
Гдѣ прикрыть, гдѣ распахнуть!

* * *

Ихъ просторны сарафаны,
И ростутъ у нихъ груди
Краснощекіе буяны
Съ трудной жизнью впереди!

* * *

Чтобы легче сбыть земное,
Наша вѣра учитъ насъ,
Что не пугало чудное
Заповѣдный смертный часъ;

* * *

Здѣсь несемъ мы трудъ, заботу;
Гдѣ-жъ награды ожидать?
И по ясному разсчету—
Намъ не трудно умирать!

—

Слышавъ то, властитель юга
Ничего не отвѣчалъ,
Зорко онъ глядѣлъ на друга
И внушительно молчалъ...

—

Въ заключеніе перваго отдѣленія собранія, г. предсѣдатель, сообщивъ о ходѣ сбора пожертвованій „въ пользу червогорцевъ и другихъ славянъ, нуждающихся по случаю неурожая", поясвилъ, что пожертвованія съ означенною цѣлью продолжаютъ изобильно поступать въ Общество, благодаря благосклонному содѣйствію св. Синода и горячему сочувствію всего православнаго духовенства, и что изъ 232.000 р. поступившихъ пожертвованій переслано уже червогорскому митрополиту Митрофану 160.000 р., сербскому митрополиту Михаилу 49.000 р. и „другимъ славянамъ, нуждающимся по случаю неурожая", около 21.000 р. Столь щедрыя пожертвованія составляютъ въ наше время, когда преобладаютъ,—прибавилъ графъ Н. П. Игнатьевъ,—эгоистическіе и матеріальные интересы, весьма утѣшительное явленіе.

Кромѣ того, графъ Н. П. Игнатьевъ сообщилъ собранію, что вдова пожизненнаго члена Общества и благотворителя Т. С. Морозова, М. Ѳ. Морозова, вѣрная завѣтамъ своего почившаго супруга, прислала, наканунѣ свѣтлаго праздника, 5.000 р., для передачи въ основный капиталъ Общества. Доводя до свѣдѣнія собранія о такомъ щедромъ пожертвованіи М. Ѳ. Морозовой, г. предсѣдатель просилъ разрѣшенія присутствующихъ благодарить жертвовательницу, отъ имени Славянскаго Общества, за ея даръ и избрать ее въ пожизненные члены Общества.

Предложеніе это, привѣтствованное рукоплесканіями, было единогласно принято.

Затѣмъ графъ Н. П. Игнатьевъ сообщилъ, что пожизненный членъ Общества С. Е. Егоровъ, желая ознаменовать сегодняшній день—день памяти св. Меѳодія, просвѣтителя славянъ,—только что передалъ ему 1.000 р., съ просьбою обратить эту сумму въ вспоможеніе просвѣтительной дѣятельности Славянскаго Общества, на покрытіе расходовъ по изданію русско-славянскихъ: календарей, хрестоматій и словарей.

Даръ С. Е. Егорова, прибавилъ г. предсѣдатель, особенно заслуживаетъ сочувствія по той цѣли, съ какою онъ привесенъ, причемъ предложилъ собранію благодарить присутствовавшаго въ собраніи жертвователя, отъ имени Славянскаго Общества, за его даръ. И это предложеніе, при громкихъ рукоплесканіяхъ, также единогласно было принято.

Въ заключеніе перваго отдѣленія хоромъ г. Архангельскаго была пропѣта пѣсня: „Что такъ печаленъ сербскій народъ"...

Послѣ перерыва собраніемъ были приняты въ члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

При этомъ, графъ Н. П. Игнатьевъ, выражая удовольствіе по поводу увеличенія членовъ Общества и замѣтивъ, что оно происходитъ преимущественно на счетъ москвичей, высказалъ надежду, что и петербургская среда впредь не отстанетъ отъ московской.

Чтеніе статьи А. Д. Погодина „Настоящее и прошлое червонорусовъ", за позднимъ временемъ, было отложено.

IV.

11 МАЯ,

подъ предсѣдательствомъ В. К. Саблера:

Собраніе это удостоили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященнѣйшій Платонъ, митрополитъ кіевскій и галицкій, высокопреосвященный Ѳеогностъ, архіепископъ владимірскій и суздальскій, преосвященный Владиміръ, епископъ парижскій, нѣсколько оо. архимандритовъ и протоіереевъ, не мало высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и до 400 посторонніихъ посѣтителей.

За отсутствіемъ г. предсѣдателя Общества, гр. И. П. Игнатьева, по предложенію товарища предсѣдателя В. К. Саблера, почетное предсѣдательство принялъ на себя высокопреосвященнѣйшій Платонъ, митрополитъ кіевскій.

Съ благословенія маститаго іерарха, собраніе было открыто нѣніемъ хоромъ А. Архангельскаго тропаря св. Кириллу и Меѳодію, муз. Львовскаго, и гимна св. славянскимъ Первоучителямъ, соч. Д. П. Соловьевымъ.

За симъ П. П. Филевичемъ была произнесена печатаемая ниже, составленная имъ статья: „Подъ хоругвію св. Кирилла и Меѳодія", выслушанная присутствовавшими въ собраніи съ особеннымъ вниманіемъ и покрытая громкими рукоплесканіями.

Вслѣдъ за чтеніемъ И. П. Филевича, г. секретарь доложилъ собранію:

1) что изъ Вильны, отъ В. М. Площанскаго, получена телеграмма слѣдующаго содержанія: „Поздравляю съ праздникомъ и успѣхами Общество, осѣненное знаменами славянскихъ апостоловъ и великаго хозяина русской земли. Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ. Бодро Славянское Общество въ покровителяхъ своихъ"

2) что въ торжественныхъ собраніяхъ гг. членовъ Славянскаго Общества, состоявшихся 13 мая 1885 г. и 11 февраля 1887 г., были объявлены конкурсы на соисканіе премій за лучшія сочиненія: первый—въ память славянскихъ Первоучителей, по случаю исполнившагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, въ 2.000 р. (1500—500), на тему: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? и второй—въ память А. Ѳ. Гильфердинга въ 1.000 р. (700—300), на тему: географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи; что сроки на представленіе сочиненій были назначены: для перваго—11 мая 1888 г., продолженный до 11 мая 1890 г., и для второго—тоже 11 мая 1890 г., и что на соисканіе премій въ Совѣтъ Общества поступили слѣдующія сочиненія:

первой—а) „Образованіе общихъ языковъ древней и новой Европы, въ связи съ вопросомъ о языкѣ общеславянскомъ", съ девизомъ: Ὁ λόγος τῶν πραγμάτων εἰκών ..

б) „Возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? съ девизомъ: „Ничто во всемъ и все ни въ чемъ" и—

в) „Программа для созданія общеславянскаго языка", съ № 888, вмѣсто девиза—и

второй 1) „Македонія" съ девизомъ: „Мы, русскіе, не имѣемъ никакого повода возбуждать раздоръ и недоразумѣніе между Балканскими народами: всѣ они намъ одинаково близки и милы. На Балканскомъ полуостровѣ Россія не ищетъ для себя ничего: ни народы, ни земли ей не нужны. Намъ было бы всего пріятнѣе, чтобы Балканскіе народы входили сами между собою въ соглашеніе и дѣйствовали дружно: въ насъ они всегда могутъ найти только друзей и никогда враговъ". Графъ Н. П. Игнатьевъ. „Велика Србија", № 5, 28 января. 1890 г.

2) Заявленіе изъ старой Загоры, отъ г. Шишачева, о томъ, что онъ оканчиваетъ свое сочиненіе „О Македоніи", которое и доставитъ въ Совѣтъ, на разсмотрѣніе—и, 3) доставленный въ Совѣтъ уже во время засѣданія запечатанный конвертъ съ надписью: На соисканіе преміи въ память А. Ѳ. Гильфердинга, и что о результатахъ разсмотрѣнія названныхъ сочиненій Совѣтъ представитъ свой докладъ въ торжественномъ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества, имѣющемъ быть въ февралѣ 1891 г.

3) что Ревизіонная Комиссія, по разсмотрѣніи приходо-расходныхъ книгъ Славянскаго Общества за 1889 г., нашла, что книги эти были ведены вполнѣ правильно, согласно протокольнымъ постановленіямъ Совѣта Общества и что всѣ цифры прихода и расхода подтверждаются оправдательными документами, и постановила—составить актъ, который нынѣ и предоставляется собранію на утвержденіе—и

4) что Совѣтъ Славянскаго Общества предлагаетъ собранію принять въ свою среду слѣдующихъ кандидатовъ: Гишіусъ, Анну Стефановну, Духинова, Ивана Ѳеодоровича, Коніара, Всеволода Евгеніевича, Конопова, свящ. Андрея Сумеоновича, Лебединцева, Александра Арсеньевича, Мещерскаго, князя Александра Николаевича, Пескова, Николая Александровича и прот. Смирнова, Петра Алексѣевича.

Телеграмма, полученная отъ В. М. Площанскаго, присутствующими была сочувственно выслушана, заявленіе В. Н. Аристова о сочиненіяхъ, поступившихъ на соисканіе объявленныхъ Славянскимъ Обществомъ премій, принято къ свѣдѣнію, актъ Ревизіонной Комиссіи утвержденъ безъ измѣненій, предложенные же Совѣтомъ кандидаты, избраны, единогласно, въ члены Славянскаго Общества.

Въ заключеніе перваго отдѣленія хоръ г. Архангельскаго исполнилъ двѣ славянскія пѣсни: Сербскую—„Бойна труба" и черногорскую, соч. княземъ Николаемъ. „Овамо, овамо". Пѣніе этихъ пѣсенъ вызвало долго несмолкавшія рукоплесканія.

Послѣ небольшаго перерыва хоръ г. Архангельскаго исполнилъ концертъ: „Съ нами Богъ", соч. Борща, а А. Д. Погодинъ прочиталъ печатаемую ниже написанную имъ статью.

За симъ хоръ г. Архангельскаго исполнилъ гуситскую пѣсню: „Близокъ, братья, день желанный".

Въ заключеніе товарищъ предсѣдателя В. К. Саблеръ обратился къ высокопреосвященнѣйшему Платову, митрополиту Кіевскому, съ горячими словами глубочайшей благодарности за постоянно оказываемое имъ С.-Петербургскому Славянскому Обществу сочувствіе и закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ здравствовать маститому старцу еще „многая лѣта". Хоръ г. Архангельскаго пропѣлъ „многолѣтіе", высокопреосвященнѣйшій же митрополитъ сказалъ въ отвѣтъ на привѣтствіе В. К. Саблера нѣсколько теплыхъ, сердечныхъ, проникнутыхъ истинно-христіанскою любовію, словъ о любви къ нашимъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ братьямъ и о ихъ нуждахъ...

Присутствующіе какъ бы застыли на нѣсколько секундъ послѣ того, какъ кіевскій святитель кончилъ свою рѣчь и, потомъ, неудержимымъ потокомъ поспѣшили принять его благословеніе и, цѣлуя руки маститаго старца, проводили его до самаго выхода изъ залы. Въ это время хоромъ г. Архангельскаго было пропѣто величаніе св. Меѳодію и Кириллу.

Статья И. П. Филевича:

Подъ хоругвію св. Первоучителей Кирилла и Меѳодія.

Въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ" за прошлый и нынѣшній (1889—90) года помѣщенъ рядъ статей г. Велицына о нѣмецкой коло-

низаціи на нашемъ югѣ. Эти прекрасныя и богатыя содержаніемъ статьи сразу обратили на себя общее вниманіе и послужили предметомъ живыхъ и разносторонніихъ обсужденій. Обнаружилось, что вопросъ, затронутый г. Велицынымъ, представляетъ самую животрепещущую злобу дня, обнаружилось далѣе, что въ отношеніи къ этому вопросу въ русскомъ обществѣ почти нѣтъ разногласій, по крайней мѣрѣ въ признаніи его важности и значенія. Такое единодушіе въ нашемъ довольно таки разногласномъ обществѣ представляетъ весьма утѣшительный признакъ, но отмѣчая его, нельзя не указать и на другую не столь отрадную сторону: до сихъ поръ вопросъ не выходитъ изъ рамокъ современности, до сихъ поръ онъ стоитъ на узкомъ и зыбкомъ фундаментѣ минутной злобы дня, и вслѣдствіе этого до сихъ поръ онъ не представляется въ надлежащемъ объемѣ и полнотѣ.

Г. Велицынъ изображаетъ намъ современное состояніе нѣмецкихъ колоній, касаясь по возможности всѣхъ сторонъ, обращающихъ на себя вниманіе. Приложенная имъ картограмма нѣмецкаго разселенія производитъ столь удручающее впечатлѣніе, что его положительно нельзя выразить словами: эти красныя черты и линіи, представляющія графически густоту нѣмецкаго разселенія—это не чернила, не краски—это наша кровь, на которой всходятъ и пышно расцвѣтаютъ чужеземныя сѣмена, а рисуемыя г. Велицынымъ картины поразительнаго матеріальнаго благосостоянія колонистовъ, естественно вызываютъ знакомые образы родныхъ нашихъ деревень и невольно кажется, что гдѣ больше этихъ кровяныхъ пятенъ, гдѣ гуще и ярче они, гдѣ, однимъ словомъ, пышнѣе расцвѣли чужеземныя сѣмена, тѣмъ блѣдиѣе и безкровнѣе лица номинальныхъ хозяевъ и господъ русской земли. Понятна поэтому горечь, понятна возбужденность, въ которой признается самъ г. Велицынъ. Къ безстрастнымъ изслѣдователямъ онъ себя не причисляетъ, ибо не находитъ возможности оставаться таковымъ, какъ человѣкъ съ сердцемъ и чувствомъ. „Есть вопросы, говоритъ онъ, которые рѣшаются не умомъ, а сердцемъ, не логикой, а чувствомъ, и къ числу ихъ относится и вопросъ національный" (Р. В. 1890. II, 257).

Привожу эти слова какъ доказательство той односторонности, къ которой неизбѣжно долженъ былъ привести указанный мною характеръ исключительной постановки вопроса на почвѣ современности. Что и говорить: и сердце больно сжимается и чувство глубоко возмущено, но было бы уже совсѣмъ грустно, если бы вопросъ обсуждался, а тѣмъ болѣе рѣшался, безъ участія ума и логики.

Твердое и спокойное къ нему отношеніе должно явиться уже въ виду важности самаго вопроса, но дать эту твердость и это спокойствіе можетъ только правильная историческая его постановка.

Нѣмецкій вопросъ на славянской почвѣ болѣе тѣмъ тысячелѣтній. Племенная борьба не на жизнь, а на смерть между нѣмцами и славянами продолжается безъ перерыва съ перваго историческаго столкновенія обоихъ племенъ на пограничной межѣ, которая пролегала нѣкогда по прямой линіи отъ устьевъ Лабы до Адріатики. Въ настоящее время все пространство отъ этого рубежа на востокъ до линіи отъ устьевъ Вислы до поворота Дуная на югъ представляетъ почти сплошную славянскую могилу, на которой горделиво расположились главнѣйшія столицы торжествующихъ побѣдителей. Фактъ на лицо, и излишне объяснять, какими средствами онъ могъ быть достигнутъ, но вотъ картина нѣмецкой тризны на славянской могилѣ: 17 октября 955 г. въ долинѣ между Пѣной и Ракотицею, т. е. въ сѣверо-восточномъ углу нынѣшняго Мекленбурга, происходило слѣдующее: была выставлена голова славянскаго князя Тага, а вокругъ лежало 700 труповъ и между ними одинъ съ выколотыми глазами и вырваннымъ языкомъ. Въ тоже время изъ Капуи императоръ Оттонъ писалъ маркграфамъ вендскихъ марокъ, Герману и Дитрихъ: „мы хотимъ, чтобы Ратари (славянское племя), если справедливъ слухъ, что они потерпѣли пораженіе, не имѣли отъ васъ пощады, ибо знаете, какъ часто они были вѣроломны, сколько бѣдъ нанесли намъ. Настойте всѣми силами, чтобы уничтоженіемъ ихъ покончить все дѣло. Мы сами, если будетъ нужно, придемъ къ вамъ на помощь".

Мм. гг.! вы скажете: это было такъ давно и такъ далеко отъ насъ.

Но вотъ другая картина, пятью вѣками позже, на территоріи гораздо менѣе отъ насъ отдаленной. Въ 1131 г. рыцари нѣмецкаго ордена выступили противъ Польши, пользуясь политическими осложненіями на юго-востокѣ и полнымъ отсутствіемъ польскаго войска на орденской границѣ. Почти мѣсяцъ хозяйничали нѣмцы въ земляхъ Добржинской и Куявской; 24 города и 1.000 селъ были сравнены съ землей, масса народа уведена въ плѣнъ, причемъ рыцари гнали передъ собою толпы голыхъ женщинъ и сконили мужчинъ, „чтобы истребить польское племя".

Время оказалось безсильнымъ, ненависть и звѣрство нѣмцевъ остались по отношенію къ славянамъ такими же, какъ и въ вѣка грубаго варварства.

Не только, впрочемъ, западные славяне должны были вести борьбу съ нѣмцами; нѣмецкая волна понемногу стала надвигаться и на Русь, и въ XIII в. достигла ея береговъ. Въ началѣ этого вѣка на берегахъ Двины былъ основанъ духовно-рыцарскій орденъ меченосцевъ. „Божіе дворяне", какъ называютъ рыцарей наши лѣтописи, столкнулись съ подвинскими русскими князьями. Храбро боролись эти князья съ нѣмцами, но разрозненность русскихъ силъ вынуждала ихъ бороться по одиночкѣ и вслѣдствіе этого терпѣть пораженіе. Въ 1207 г. одинъ изъ такихъ князей, Вячко, доведенный до отчаянія, сжегъ свой городъ и ушелъ къ новгородцамъ, которые дали ему Юрьевъ. Здѣсь и погибъ доблестный Вячко въ 1224 г. при взятіи города нѣмцами. Та же судьба постигла и дру-

гого подвинскаго князя Всеволода. Нѣмцы подвинулись къ Пскову, т. е. стали угрожать землѣ господина великаго Новгорода, куда, какъ мы видѣли, скрывались русскіе князья, не имѣвшіе возможности выдержать нѣмецкій напоръ, Новгородъ принялъ на себя борьбу. 5 апрѣля 1241 г. произошло кровавое столкновеніе на льду Чудскаго озера; „и бысть сѣча ту велика... Богъ же и святая Софья и святою мученику Бориса и Глѣба, ею же ради Новгородци кровь свою прольяша, тѣхъ святыхъ великими молитвами пособи Богъ князю Александру, а нѣмци ту падоша". „Того же лѣта, продолжаетъ лѣтописецъ, нѣмци прислаша съ поклономъ: что есмы зашли Водъ, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу мечемъ, то ся всего отступаемъ, а что есмы изъимали мужіи вашихъ, и тѣми ся размѣнимъ, мы ваши пустимъ, а вы наши пустите". Такъ кончилось столкновеніе нѣмцевъ съ Русью сѣверо-восточной. Героемъ борьбы оказался тотъ же сѣверный русскій князь, который годомъ раньше остановилъ на Невѣ германскій напоръ со стороны Швеціи. Нѣмцы поклонились господину великому Новгороду. Но мы сдѣлали бы весьма существенный пропускъ, еслибы не сообщили эпизода, который слѣдуетъ считать въ данномъ случаѣ заключительнымъ. Въ 1248 г. папа Иннокентій прислалъ къ Александру пословъ съ слѣдующими словами: „слышахомъ тя князя честна и дивна, и земля твоя велика, сего ради прислахомъ къ тебѣ отъ двоюнадесять кардиналу два хытрѣйша... да послушаеши ученія ихъ". И вотъ, что отвѣтилъ папѣ герой чудскаго побоища: „князь же, здумавъ съ мудрецы своими, вписа къ нему и рече: отъ Адама до потопа, отъ потопа до раздѣленія языкъ, начала Авраамля и проитія Израиля сквозѣ море, до умертвія Давида царя; отъ начала царства Соломона до Августа и до Христова Рождества, страсти, воскресенія, на небеса восшествія и царства Константинова,— отъ начала онаго до перваго збора (собора) и седьмаго—си вся добрѣ вѣдаемъ, а отъ васъ ученія не пріемлемъ".

Такъ кончились отношенія древней Руси къ нѣмцамъ на сѣверо-западной русской границѣ. Говорю—кончились, потому что дальнѣйшее не представляетъ уже ничего новаго. Силѣ противопоставлена была сила и что, пожалуй, еще важнѣе—идеаламъ противопоставлены были идеалы. Передъ ними безсильно отступилъ представитель католическаго запада, не встрѣчавшій нигдѣ ни отпора, ни сопротивленія. Также точно отступалъ онъ и потомъ, а при измѣнившихся обстоятельствахъ сама Русь перешла къ наступленію и добилась, наконецъ, тѣхъ береговъ, которые сосѣди думали сдѣлать для нея недоступными.

Перейдемъ теперь къ юго-западу. Здѣсь ходъ обстоятельствъ былъ нѣсколько иной. Кіевская Русь, понимая подъ этимъ терминомъ всю Русь въ древнѣйшую эпоху,—являетъ намъ такую свѣжесть и полноту силъ, которыя теперь лишь отчасти открываются передъ нами, благодаря напряженнымъ трудамъ ученыхъ изслѣдователей. Этой полнотѣ жизни соотвѣтствовало и матерьяльное довольство. Кіевъ, по словамъ иностранныхъ путешественниковъ, соперничалъ съ Цареградомъ. Владиміръ Волынскій поразилъ въ 1231 г. угорскаго короля Андрея: „такого города, замѣтилъ король, нѣтъ и въ нѣмецкихъ земляхъ". А вотъ и еще картина западно-русской жизни того же времени. Я позволю себѣ изобразить ее словами лѣтописи. Въ 1252 г. угорскій король просилъ помощи у Даніила галицкаго; „Данила же приде къ нему, исполчи вся люди своѣ. Нѣмци же дивящеся оружью татарскому: бѣша бо кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ и людье во ярыцѣхъ и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. Самъ же (т. е. Даніилъ) ѣха подлѣ короля по обычаю руску; бѣ бо конь его дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жьжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оловира грѣцкою и круживы златыми плоскими ошитъ и сапози зеленаго хъза шити золотомъ. Нѣмцемъ же зрящимъ много дивящимся, рече ему король: „не взялъ быхъ тысяще серебра за то, оже еси пришелъ обычаемъ рускимъ отцевъ своихъ". Такъ нѣкогда смотрѣли на насъ иноземцы. Съ татарскимъ разореніемъ картина перемѣнилась: „да кто, отцы и братья, и дѣти, видѣвши Божіе попущеніе по всей землѣ русской, не плачется?" говоритъ лѣтописецъ. Благодатный югъ запустѣлъ, нѣкогда великолѣпный Кіевъ сталъ жалкимъ городомъ, самостоятельная русская жизнь должна была поникнуть. Почти одновременно съ этимъ произошли два весьма важныя событія: на балтійскомъ побережьѣ выросли и достигли важнаго торговаго значенія ганзейскіе города. Не говоря о старыхъ городахъ къ этому времени получаютъ важное значеніе Ростокъ, Рига, Стральзундъ, Ревель, Кульмъ, Торнъ, Маріенвердеръ, Данцигъ, Эльбингъ, Висмаръ, Грейфсвальдъ, Мемель, Перновъ и Кенигсбергъ.

Съ другой стороны пала латинская имперія на востокѣ. И если и прежде, а особенно со времени крестовыхъ походовъ, основу тогдашней міровой торговли составлялъ обмѣнъ продуктовъ востока и запада, то въ этомъ обмѣнѣ вслѣдствіе двухъ указанныхъ обстоятельствъ должна была произойти существенная перемѣна. — Не стану утомлять ваше вниманіе подробностями. Достаточно сказать, что торговлю съ востокомъ распредѣлили между собою почти поровну двѣ могучія итальянскія республики—венеціанская и генуэзская. Первая держала въ своихъ рукахъ морскую торговлю, исходнымъ пунктомъ которой былъ Египетъ, вторая, обосновавшись въ Крыму, долгое время не безуспѣшно соперничала съ Венеціей. При этомъ черноморскіе и такъ называемые „татарскіе пути" играли весьма немаловажную роль. Посредничавшіе въ этой торговлѣ армяне встрѣчались съ ганзейскими комиссіонерами во Владимірѣ и Львовѣ. Дѣйствительно въ 1287 г. мы видимъ, что нѣмцы играютъ значительную роль въ Владимірѣ (Пп. 596), а един-

ственныя извѣстія, дошедшія до насъ о послѣднихъ галицкихъ Даніиловичахъ принадлежатъ кенигсбергскому и торнскому архивамъ. Вотъ когда положены были основы нѣмецкаго торговаго господства на нашемъ юго-западѣ.

Основы эти полагались, повидимому, незыблемо. Дѣло въ томъ, что къ концу XIII в. польша представляла какъ бы нѣмецкую провинцію мирно, по почти вполнѣ завоеванную. Съ сѣвера ее сильно тѣснилъ орденъ, Силезія давно стала областью вполнѣ нѣмецкой, великую Польшу тѣснили бранденбуржцы, въ самой столицѣ малой Польши, въ Краковѣ только вавельскій кремль свидѣтельствовалъ, что это еще Польша, но въ самомъ городѣ нольскій языкъ былъ языкомъ непонятнымъ, чужимъ; нѣмцы властвовали здѣсь почти неограниченно. Вездѣ господствовало нѣмецкое право, а къ концу XIV в. оно было возведено въ общій государственный законъ.—Въ XIV же вѣкѣ юго-западная окраина русскаго міра—галицкая земля была оторвана Польшей отъ своего цѣлаго. Польское правительство наиболѣе надежной опорой своего владычества въ русской землѣ считало нѣмецкихъ поселенцевъ, которыхъ усердно призывало, предоставляя имъ полное сохраненіе ихъ нѣмецкихъ правъ и обычаевъ. Львовъ съ этого времени сталъ надолго Ламбургомъ, а одинъ изъ онѣмеченныхъ польскихъ правителей Галицкой Руси обращался къ населенію, т.-е. конечно, къ нѣмецкимъ поселенцамъ, съ нѣмецкимъ манифестомъ.— Въ концѣ XIV в. произошло соединеніе Литвы—Руси съ Польшей и первымъ актомъ новаго польскаго государя, по прибытіи изъ Польши на родину, было учрежденіе въ Вильнѣ магдебургіи, т. е. нѣмецкихъ правовыхъ порядковъ. Магдебургіи потомъ мало по малу распространились и по другимъ русскимъ городамъ. Гдѣ не ступила нога нѣмецкаго колониста—туда проникло нѣмецкое право, заведенное литовско-русскими государями-отступниками.

И все таки на русской почвѣ тевтонизмъ, пышно расцвѣтавшій въ Чехіи и Польшѣ, какъ будто таялъ, какъ будто терялъ свою силу: Goldberghof становится Кульнарковымъ, Sommersteinhof—Замартыновымъ, Cremnecz—Кременицей, Nawedorph—Новой Весью, Schonenvalt—Сопиной. Это все факты, которые весьма легко подтвердить документами. Мало того, только русскія силы могли подвинуть Польшу на тотъ подвигъ, славу котораго поляки такъ несправедливо узурпировали исключительно себѣ. Я разумѣю грюнвальдскую побѣду, окончательно сломившую силы ордена.

Съ какимъ моментомъ польской жизни, во всѣхъ отношеніяхъ подавляемой нѣмцами втеченіе вѣковъ, можетъ быть связана грюнвальдская побѣда? — Историческое преданіе въ отношеніи къ нѣмецкому западу заключалось въ подчиненіи и безсильномъ отступленія передъ его напоромъ! Слава грюнвальдской побѣды безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ русскому міру, объ который расшиблись тевтоны, и эта слава неразрывно вяжется съ славой побѣдъ на Невѣ и Чудскомъ озерѣ.

Благодаря Польшѣ, захватившей руководство въ западной Руси, не такъ ярко сказались тѣ особенности русской почвы, какія мы видѣли въ Новгородѣ, но онѣ все таки сказались. Онѣ обнаружились не сразу, но это потому, что здѣсь пришлось дѣлать двойную работу: бороться съ нѣмцами и спасать славянство не совсѣмъ еще онѣмеченной Польши.

Что же давало Руси эту несокрушимую крѣпость?

Мм. гг.! Я указалъ вамъ вначалѣ на обширное славянское кладбище, какъ на очевидное доказательство того, какъ велась борьба и къ какимъ результатамъ она приводила. Но какъ бы ни велики были звѣрства и грубость человѣческія, никогда дѣйствія цѣлаго племени втеченіе ряда вѣковъ не могутъ основываться исключительно на звѣрскихъ инстинктахъ. Вѣковая борьба племенъ и народовъ вытекаетъ не изъ противоположности ихъ матеріальныхъ интересовъ, такъ какъ для нихъ всегда могутъ найтись извѣстныя комбинаціи, а изъ непримиримости міровоззрѣній и идеаловъ, и только такая борьба бываетъ непримиримой и безпощадной.

Въ борьбѣ съ славянами нѣмцы высоко и грозно держали не свое узко-національное знамя, нѣтъ—это знамя было знаменемъ всего запада, его несъ въ рукѣ свѣтскій представитель западнаго христіанства—императоръ, благословлялъ на дѣла духовный представитель—папа.

На этомъ знамени написано: смерть и истребленіе, и все оно пропитано кровью. Побѣдой шумѣло оно и должно было шумѣть побѣдой до тѣхъ поръ, пока не встрѣтило другаго знамени, болѣе сильнаго, болѣе властнаго.

Что могли противопоставить сему западные славяне? Духовно они примкнули къ западу, защищались они отъ него, слѣдовательно, лишь во имя своей племенной особности, языка и матеріальныхъ интересовъ. Но какую же цѣну имѣютъ эти данныя въ борьбѣ идей высшаго мірового порядка? Только передъ знаменемъ *жизни и любви* могло и должно было склониться западное знамя смерти и истребленія, и оно дѣйствительно склонилось и пало, какъ только встрѣтилось съ нимъ.

Это знамя жизни и любви передали намъ наши Первоучители. Славянскій западъ отступилъ отъ него и склонился къ ногамъ нѣмцевъ. Держась крѣпко этого знамени, представители древней Руси могли отвѣчать западу съ спокойной самоувѣренностью: „Не надо намъ папскаго меча!“ „Не пріемлемъ вашего ученія“.

Тогда нѣмцы прислали къ намъ съ поклономъ, тогда сѣмена германизма не могли пышно расцвѣтать на нашей почвѣ.. Теперь, говорятъ намъ—они расцвѣтаютъ. Почему? Отвѣчу вопросомъ же. Такъ ли высоко и твердо держимъ мы теперь наше знамя? Такъ ли глубоко вѣримъ, что въ немъ, *единственно*

въ немъ, залогъ нашего здоровья, нашей силы а, слѣдовательно, и нашей побѣды?

Статья А. Д. Погодина:

Настоящее и прошлое червоноруссовъ.

Въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ", въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, печатался разсказъ, подъ заглавіемъ: „Какъ живется червонно-руссамъ". Разсказъ этотъ не представляетъ собой ничего выдающагося въ литературномъ отношеніи: въ немъ нѣтъ ни законченныхъ типовъ, ни интересной завязки, ни мѣткой характеристики нравовъ, нѣтъ даже полной картины быта и жизни червоноруссовъ,—однимъ словомъ, въ немъ нѣтъ ничего того, что мы привыкли видѣть въ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Но, за всѣмъ тѣмъ, въ этомъ простомъ разсказѣ есть одно, что сторицею искупаетъ всѣ литературные недочеты—это—голосъ правды, вырвавшійся изъ честной груди угнетеннаго и оскорбленнаго русскаго галичанина, о той тяжелой жизни, которую приходится теперь переживать нашимъ кровнымъ братьямъ червоноруссамъ.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что жизнь славянъ, подвластныхъ Австріи, это—постоянная борьба за свой языкъ, за вѣру, за тѣ самыя права, которыя, якобы, имъ предоставлены пресловутой австрійскою конституціей...

Червоноруссамъ тяжелѣе живется, чѣмъ другимъ славянамъ, такъ какъ Австрія не можетъ имъ простить того, что они нѣкогда жили одною государственною жизнью съ остальною Русью, а ихъ языкъ, ихъ вѣра, и теперь въ сущности одинаковы съ нашею.

Червоноруссы намъ гораздо ближе всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ: они кровные наши братья, оторванная вѣтвь отъ могущественнаго древа русскаго народа. Ихъ города—Червень, Перемышль, Звенигородъ, завоеванные въ 981 г. великимъ княземъ Владиміромъ, находились въ теперешней Галиціи и Буковинѣ.

Червонная Русь, съ ея *трехъ-милліоннымъ* населеніемъ, это—маленькій *русскій* міръ, отдѣленный въ силу политическихъ обстоятельствъ цѣлыми пятью столѣтіями отъ общей русской жизни, позабытый уголокъ широкой матушки-Руси, совершенно обособившійся въ своей своеобразной жизни, которая, конечно, для насъ, русскихъ, не можетъ быть не интересна.

Прошедшее Червонной Руси богато историческими воспоминаніями. Здѣсь прославились имена знаменитыхъ русскихъ князей—Володаря, Володимірка и Василька; здѣсь было главное поприще дѣятельности Романа, Даніила и Льва. Здѣсь, въ Галицкомъ замкѣ, высоко сидѣлъ Ярославъ Осмомыслъ на своемъ златокованномъ столѣ, подпершись своими желѣзными полками горы угорскія; отсюда онъ затворялъ врата Дунаю, суда рядилъ до Дуная и стрѣлялъ съ отня злата стола салтаны за Землю. Такъ говоритъ лѣтописецъ. Отсюда, наконецъ, выплывало вдоль по Днѣстру, на тысячѣ ладьяхъ, русское воинство, столь храбро сражавшееся вмѣстѣ съ своимъ юнымъ княземъ, Даніиломъ Романовичемъ, въ несчастной битвѣ при Калкѣ;—словомъ, здѣсь уже въ XII вѣкѣ русская жизнь била полнымъ ключемъ. Живая органическая связь этого русскаго края съ остальною Русью поддерживалась и скрѣплялась не только единствомъ княжескаго рода, но и единствомъ церкви и языка.

Татарскій погромъ и плѣненіе Восточной Руси порвали эту живую связь и, вскорѣ послѣ того, родъ Галицкихъ князей пресѣкся и престоломъ завладѣлъ, подъ предлогомъ родства, Казиміръ, король польскій.

Такимъ образомъ, Галицкая Русь, уже въ 1340 г., утратила свою самостоятельность, и съ этой поры подпала подъ тяжелое польское иго, продолжающееся, несмотря на паденіе и раздѣлъ Польши, и по днесь.

Польскіе короли, католическое духовенство и шляхта завладѣли Червонной Русью и стали принимать всевозможныя мѣры, чтобы подавить русскую народность и православную вѣру. Они стали переселять сюда нѣмцевъ, евреевъ, заводили насильственно, въ Русской землѣ, чужіе обычаи, чужіе законы, чужой языкъ.

Этимъ тяжелымъ игомъ раздавлено было прежде всего червоннорусское боярство. Одни изъ князей и бояръ, спасая свои права, свое высокое положеніе, свою власть и имущество, льстясь на права и вольности польской шляхты, измѣнили своей вѣрѣ, своему народу, полатинились и слились съ польскою шляхтою; другіе—обѣднѣли и были постепенно низведены поляками до состоянія крѣпостныхъ людей. За боярствомъ измѣнила своему долгу, и приняла чужой обликъ, и высшая русская іерархія. Только черное духовенство и крестьянство сберегло свои языкъ, свой русскій бытъ и свои родныя преданія.

Новое, австрійское, правительство, при кажущейся терпимости, давало во всемъ преимущество полякамъ и католикамъ. Правда, оно не стало прибѣгать ни къ какимъ репрессивнымъ мѣрамъ относительно червоннорусовъ (какъ это дѣлали поляки по наущенію іезуитовъ):—нѣтъ.—Австрія избрала другія средства, менѣе на видъ суровыя, но зато болѣе лукавыя и дѣйствительныя: она рѣшила сначала ослабить и порвать нравственныя и духовныя узы, соединявшія Червонную Русь съ остальною Россіей, и затѣмъ уже приложить всѣ старанія, чтобы онѣмечить весь этотъ край. И вотъ появились въ Галичинѣ нѣмецкіе порядки, а съ ними и нѣмецкія школы; на пустыряхъ и пепелищахъ, послѣ минувшихъ смутъ, стали основываться нѣмецкія колоніи для того, будто, чтобы пріучить галичанъ къ національному хозяйству; а вмѣстѣ съ тѣмъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, имъ внушалось: „Вы не русскіе: вы русины, рутенцы, русняки; ваша земля не русская, а просто—„Галиція", и несчастные галичане, испытывая на себѣ тяжелый гнетъ польскаго ига, не имѣли еще силы противостоять стремленіямъ австрійцевъ — ихъ обезличить.

По всему бываетъ конецъ! И этотъ пяти-

сотлѣтній летаргическій сонъ трехъ-милліоннаго русскаго народа, оторваннаго отъ общей родины и позабытаго цѣлымъ свѣтомъ,— кончился. Въ 1848 г. грянула гроза надъ державой Габсбурговъ: почти всѣ народы, входящіе въ составъ австрійской имперіи, возстали противъ правительства. Польская шляхта на Червонной Руси задумала тоже присоединиться къ возстанію; но имъ нужна была поддержка, и вотъ они не задумались обратиться съ воззваніями къ „любезнымъ, дорогимъ братьямъ русинамъ".

Но австрійское правительство тоже приняло свои мѣры. Посыпались изъ Вѣны, въ первый разъ—по-русски, манифесты, прокламаціи, универсалы къ „любезному, дорогому, неполебимому и храброму галицко-русскому народу"; ихъ призывали къ защитѣ габсбургской короны, а за это обѣщали возстановить всѣ права независимыхъ гражданъ и полную свободу духовной и политической жизни. Червонноруссій народъ отказалъ полякамъ во всякой помощи въ предпринимавшемся возстаніи, тѣмъ болѣе, что всѣмъ стало извѣстно намѣреніе Русскаго Царя помочь Австріи. А развѣ могъ червонноруссій народъ идти противъ Русскаго Царя? Червонноруссы не жалѣли ни жертвъ, ни крови, защищая Австрію; но чѣмъ же она ихъ за это отблагодарила? и честно ли сдержала свои обѣщанія? Правда, тотчасъ по укрощеніи возстанія, червонноруссы получили нѣкоторую свободу и принялись съ лихорадочною поспѣшностью открывать школы и другія полезныя учрежденія. Основаны были разныя общества, какъ то: литературное, земледѣльческое, политическое; появились и русскія газеты и періодическія народныя изданія. Молодежь переполнила учебныя заведенія; русское образованное общество съ каждымъ годомъ стало увеличиваться; словомъ, народъ воскресъ и началъ жить новою жизнью, обѣщавшею многое въ будущемъ.

Но наступилъ 1863 г. Поляки снова стали бунтовать, преимущественно противъ Россіи. Они и теперь не забыли про Червонную Русь и прислали ей свой манифестъ, прося присоединиться къ нимъ. Однако ихъ попытка привлечь червонноруссовъ и на этотъ разъ не удалась.

Вотъ этого-то двойного отказа поляки никогда не могли простить червонноруссамъ, и послѣ усмиренія мятежа постарались возстановить противъ нихъ австрійское правительство. Они говорили: „Развѣ вы не видите, что происходитъ въ Галиціи? что задумываютъ эти русины? къ чему всѣ эти школы, газеты и журналы? Ихъ языкъ—московскій, а сами они—настоящіе москали, и не нынче, такъ завтра, они навѣрно взбунтуются противъ васъ въ пользу Россіи".—И что же? Австрійское правительство, въ душѣ никогда не довѣрявшее своимъ русскимъ подданнымъ, позабывъ всѣ недавнія услуги червонноруссовъ, позабывъ жертвы и пролитую кровь, отдало ихъ снова заклятому врагу—польской шляхтѣ и іезуитамъ, съ правомъ распоряжаться русскими какъ угодно!..

Поляки торжествовали; но имъ этого было все-таки еще мало, и они обратились въ папѣ, стали ему указывать на то, что галичане не исполняютъ его приказаній, что они настоящіе схизматики,—и любезно предложили свои услуги — наставить ихъ на путь истинный. Папа, благосклонно принявъ предложеніе и заручившись согласіемъ австрійскаго правительства, предоставилъ полякамъ управленіе русскою церковью въ Галиціи при помощи іезуитовъ. Получивъ это двойное полномочіе, поляки стали душить Червонную Русь, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи.

Прежде всего—они отняли у крестьянъ безвозмездно, хотя при помощи законовъ, сервитутные лѣса и пастбища. Этимъ однимъ уже нанесенъ народу громадный ударъ, такъ-какъ червонноруссы занимаются почти исключительно скотоводствомъ. Всѣ они очутились безъ куска хлѣба и были пущены по міру. Также прикрываясь законами конституціи, была произведена оцѣнка польскихъ имѣній въ Галиціи на 64 проц. дешевле, чѣмъ для русскихъ галичанъ; а такъ какъ сообразно съ поземельною податью распредѣлялись и другія государственныя повинности, то всѣ онѣ легли далеко не равнымъ бременемъ. Публичныя работы и подати, собираемыя натурою, цѣликомъ пали на крестьянъ, что дало поводъ къ открытому бунту.

Вотъ средства, которыми австрійцы и поляки воспользовались, чтобы произвести поголовное обѣдненіе русскаго народа и, при помощи этой нищеты, сдѣлать изъ нихъ слѣпыхъ рабовъ польской шляхты.

Еще болѣе ужасныя мѣры были приняты для подавленія зарождавшагося нравственнаго самосознанія.

У народа были отняты школы и всякое вліяніе на воспитаніе молодежи, которая и подчинена польской дисциплинѣ. Появились цѣлыя полчища іезуитовъ, змартвыхвстанцевъ (воскресенцевъ) и другихъ представителей разныхъ орденовъ римско-католическаго монашества, которые самовластно завладѣли всѣмъ имуществомъ русскаго духовенства, достигавшимъ нѣсколькихъ милліоновъ. Русскіе монастыри отданы въ управленіе іезуитовъ, и монахи подчинены имъ; настоятели русскихъ церквей устранены и замѣнены ставленниками іезуитовъ. Русскіе приходы подчинены польскимъ патріотамъ—помѣщикамъ, экономамъ, лѣсничимъ, писарямъ и даже евреямъ, которые должны были наблюдать, чтобы священникъ въ церкви не служилъ „по-схизматицки". Постепенно стали устраняться въ церквахъ обряды и обычаи Восточной Церкви, и водворялись латинскіе, какъ-то: органы, колокольчики, скамейки и проч.

Послышалась съ амвона ругань ксендзовъ и іезуитовъ на миссіяхъ и въ частныхъ собраніяхъ, направленная на все, что имѣетъ что-либо общаго съ Восточною Церковью и ея обрядами. Послѣдовало запрещеніе паны кланяться православному осьмиконечному кресту, котораго не смѣла коснуться даже старая Польша!

Одновременно и въ школѣ шли важныя реформы. Іезуиты и змартвыхвстанцы учреждаютъ свои интернаты, куда принимается на воспитаніе исключительно русская молодежь. Такъ-называемая „рада школьна краева“ съ первой минуты своего существованія быстро принялась преобразовывать на польскій ладъ всѣ среднія и народныя учебныя заведенія. Русскихъ учителей или просто прогнали, или перевели въ Краковскую (польскую) область, а на ихъ мѣсто опредѣлили бунтовщиковъ и эмигрантовъ изъ поляковъ. Чисто-русскія народныя школы получили учителей, которые буквально ни читать, ни писать, даже говорить, по-русски не умѣли.

И въ гражданской жизни совершилось тоже нѣчто подобное. Всѣ правительственныя учрежденія переполнились поляками, — бывшими бунтовщиками и бродягами. Появились на русскомъ языкѣ газеты и книжки, издаваемыя на средства австрійскаго правительства, гдѣ на Россію сыпались незаслуженныя клеветы и внушалось червонноруссамъ, что они не имѣютъ ничего общаго съ русскимъ народомъ и составляютъ совершенно отдѣльное отъ него—самостоятельное племя. И—нечего тянть правду—появились между учителями и чиновниками русской національности предатели, измѣнники и фарисеи, которые, изъ-за куска хлѣба, протекціи или отличій, измѣнили своей родинѣ. Несчастная Русь должна была опять прятаться подъ соломенную крышу крестьянина и тамъ укрѣплять свой духъ къ защитѣ того, что еще возможно было защищать.

Такова неутѣшительная картина теперешней жизни червонноруссовъ. Галичане долго спали, погруженные какъ бы въ летаргическій сонъ; но тяжелый кошмаръ уже прошелъ и твердое намѣреніе бороться за свои права охватило весь народъ. Они теперь не хотятъ переносить спокойно обычныя притѣсненія и громко требуютъ справедливости со стороны правительства. Такъ, 12-го апрѣля, русскій депутатъ отъ Галиціи, священникъ Озаркевичъ, произнесъ въ австрійскомъ рейхсратѣ рѣчь, которая обратила на себя всеобщее вниманіе.

Эта рѣчь есть вопіющій къ небу и людямъ обвинительный актъ, направленный уже не противъ беззаконій и насилій мелкаго областнаго чиновничества и польскихъ автономическихъ властей, а противъ того силошнаго вѣроломства, той гнусной іезуитской системы, которой постоянно и неуклонно держится, въ отношеніи червонорусскаго народа, сама центральная австрійская государственная власть,—всѣ эти „высокія министерства“ и „верховные трибуналы“. Австрійское правительство какъ будто впередъ уже рѣшило — оставлять безъ всякаго послѣдствія и вниманія самыя справедливыя и законныя требованія и просьбы русскаго населенія, и не давать русскимъ учрежденій и людямъ никогда и ни въ чемъ справедливаго удовлетворенія и управы. Всѣ тѣ случаи кривдъ и правонарушеній, на которыя сослался посолъ Озаркевичъ, были въ свое время засвидѣтельствованы и мѣстною печатью, и надлежащимъ образомъ составленными актами, петиціями и жалобами, принесенными отдѣльными лицами и цѣлыми корпораціями намѣстничеству и министерству, судамъ и самому императору Францу Іосифу; и надо отличаться особенною беззастѣнчивостью завзятыхъ австрополькихъ политиковъ, чтобы рѣшиться утверждать, какъ сдѣлалъ посолъ Струшкевичъ въ рейхсратѣ, что обвиненія и жалобы русскаго посла бездоказательны!..

Мы позволимъ себѣ повторить здѣсь характеристику теперешняго положенія въ Галиціи, сдѣланную посломъ Озаркевичемъ:

„Русское племя — (сказалъ онъ) — притѣсняется все сильнѣе и сильнѣе, до такой степени, что подобный порядокъ даже при крайнемъ абсолютизмѣ не долженъ бы имѣть мѣста. Русскіе въ Галиціи не находятъ никакой защиты; ихъ самостоятельная жизнь въ національно-политической и культурной области не уважается, а законы о публичной безопасности, которые должны служить руководствомъ, — вѣдь не только для гражданъ державы, но и для правительства,—истолковываются, къ сожалѣнію, въ ущербъ русскаго народа и сильно нарушаются. Господство силы поставлено тѣми органами безопасности именно „противъ русскаго народа“, а терроризмъ органовъ со стороны правительства въ отношеніи нашего народа переходитъ всякія границы законовъ справедливости и гуманности.

„Русскій народъ знаютъ лишь тогда, когда онъ жертвуетъ австрійской державѣ свое имѣніе и свою кровь; значитъ: народъ этотъ необходимъ лишь для уплаты податей и для войсковой службы; когда же онъ стремится къ защитѣ и охранѣ своихъ правъ, то въ вознагражденіе за свою вѣрность и жертволюбіе испытываетъ лишь пренебреженіе и притѣсненія. Все это свидѣтельствуетъ не о здоровой политикѣ, а о „системѣ преслѣдованія русскаго народа“.

„Находясь при концѣ моихъ выводовъ,—(такъ закончилъ свою рѣчь Озаркевичъ)—я выражаю тутъ, отъ имени всего русскаго народа, публичный протестъ противъ тѣхъ кривдъ, которыя стѣсняютъ его національность и церковь; а такъ-какъ вѣрность и лояльность названнаго народа не находятъ со стороны австрійскаго правительства никакого признанія,—то ставлю это тяжело испытанное русское племя въ Галичинѣ передъ ареопагъ Европы. Стоя на почвѣ законности, да произнесетъ онъ о немъ свободный судъ и рѣшеніе и, одновременно, да охранитъ этотъ трехмилліонный несчастный народъ отъ политической смерти!“

Вотъ при какихъ тяжелыхъ условіяхъ приходится жить и бороться червонноруссамъ, и вотъ почему мы должны относиться съ особеннымъ вниманіемъ къ тѣмъ, кто твердо и неуклонно защищаетъ право своего народа. Къ такимъ людямъ принадлежитъ и О. К. Вѣлецкій, „претерпѣнія“ котораго послужили темой для упомянутаго выше разсказа. Будучи простымъ сельскимъ учителемъ, онъ

возбудилъ къ себѣ ненависть въ іезуитахъ и полякахъ тѣмъ только, что всегда твердо и громко отстаивалъ интересы своей родины. Испытавъ все, что такъ или иначе могло бы заставить Бѣлецкаго отказаться отъ своего языка и измѣнить своей православной вѣрѣ, іезуиты рѣшили, во что-бы то ни стало, избавиться отъ такого опаснаго человѣка, вліяніе котораго среди мѣстныхъ крестьянъ мѣшало успѣху ихъ пропаганды.

Конечно, борьба съ такимъ сильнымъ врагомъ, при поддержкѣ мѣстной администраціи, не могла продолжаться долго, и Бѣлецкій, послѣ цѣлаго ряда ложныхъ доносовъ, былъ всетаки преданъ суду за свою, якобы, антиправительственную пропаганду, угрожавшую единству австрійскаго государства!... Не смотря на то, что подобнаго рода обвиненіе не имѣло за собой никакихъ фактическихъ данныхъ, Бѣлецкій былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ пятимѣсячному тюремному заключенію.

Громкій процессъ Бѣлецкаго въ свое время обратилъ всеобщее вниманіе: даже австрійскія газеты находили несообразность и бездоказательность обвиненій, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезмѣрную строгость приговора.

Стойкость, неуступчивость, страха ради іудейска, и самоотверженіе, выказанныя Бѣлецкимъ въ этой борьбѣ съ іезуитами, достойны не только удивленія, но глубокаго почтенія. Бѣлецкій, не на однихъ словахъ, но на дѣлѣ доказалъ, насколько онъ любитъ свою родину и Россію. За всегдашнюю отзывчивость къ горю и нуждамъ своихъ односельчанъ, онъ пользовался въ Галиціи всеобщимъ уваженіемъ: въ немъ крестьяне видѣли нравственную опору и рѣдкій примѣръ стойкости.

Такіе люди всегда имѣли и будутъ имѣть сильное вліяніе на окружающую ихъ среду.

Бѣлецкій, также какъ Головацкій, Наумовичъ и Площанскій, имена которыхъ всѣмъ намъ памятны, пострадалъ за свою вѣру и народность.

Преслѣдуемый въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, неправосудно обвиненный, перенесшій не только много моральныхъ, но и матеріальныхъ невзгодъ, лишенный семьи и крова, онъ всетаки не ропщетъ, а надѣется на помощь Божію и Россіи.

Продолжать жить у себя дома, послѣ такого вопіющаго приговора и при такомъ озлобленіи со стороны іезуитовъ, значило—подвергать свою жизнь и жизнь семьи серьезной опасности.

Вотъ почему Бѣлецкій рѣшился бѣжать отъ тюрьмы и искать пріюта среди тѣхъ, къ которымъ всегда влекло его сердце.

По счастію, его побѣгъ удался; онъ поселился въ одной изъ нашихъ южныхъ губерній и съ благодарностью вспоминаетъ теперь, что русскіе приняли участіе въ его судьбѣ и доставили ему возможность—успокоиться отъ всѣхъ невзгодъ и треволненій.

Такая устойчивость, закалившая червонноруссовъ въ далеко-неравной борьбѣ, продолжавшейся цѣлыя столѣтія, служитъ утѣшительнымъ свидѣтельствомъ, что народъ твердъ, крѣпокъ и готовъ продолжать эту борьбу съ постоянною силой и энергіею, отстаивая свой языкъ, свою вѣру и свою національность.

Всѣ наслія, всѣ происки австрійцевъ и поляковъ, направленные къ тому, чтобы заставить червонноруссовъ позабыть ихъ славное историческое прошлое и порвать существующую и до сихъ поръ нравственную связь съ Россіею, остаются пока тщетными, такъ какъ несчастныхъ нашихъ русскихъ братьевъ не перестаетъ поддерживать надежда, что придетъ время, когда они опять вернутся въ лоно великаго русскаго царства. Не надо, однако, и намъ забывать, что червонноруссы, какъ и всѣ другіе славяне, смотрятъ на Россію какъ на своего старшаго брата, отъ котораго ждутъ добраго совѣта и помощи. На насъ лежитъ нравственный долгъ поддерживать въ червонноруссахъ надежду на болѣе свѣтлое будущее и не давать ей гаснуть. Условія ихъ жизни до того тяжелы, что наша помощь, хотя бы только нравственная, необходима. Каждое слово ободренія, каждый знакъ нашего вниманія къ ихъ судьбѣ, даже одно желаніе знакомиться съ ихъ бытомъ, нравами и литературой—все это замѣчается и принимается ими съ большею благодарностью, нежели мы можемъ себѣ это представить. Это вниманіе съ нашей стороны служитъ имъ и утѣшеніемъ въ настоящихъ невзгодахъ, и залогомъ болѣе свѣтлаго будущаго.

Въ заключеніе нашего сообщенія, мы не можемъ не указать на то странное и упорное нежеланіе Австріи понять, что червонноруссы, всегда оставшіеся ей самыми вѣрными подданными, никогда не принимавшіе участія ни въ какихъ возстаніяхъ и всегда покорно переносившіе тяжелое іезуитско-польское иго, могли бы быть самымъ благонадежнымъ элементомъ, еслибы только ихъ перестали такъ угнетать и дали возможность развитію національныхъ стремленій.

Австрія, своимъ безтактнымъ поведеніемъ, сама наталкиваетъ ихъ на мысль—искать защиты внѣ своего государства.

Наглядньмъ подтвержденіемъ справедливости этихъ словъ можетъ служить слѣдующій возмутительный фактъ изъ современной жизни.

Всѣмъ извѣстно, что въ Галиціи свирѣпствуетъ страшный голодъ. Еще прошлымъ лѣтомъ галицкія газеты указывали на это ужасное бѣдствіе, которое неминуемо должно постигнуть весь край, вслѣдствіе повсемѣстнаго неурожая.

Депутаты отъ Галиціи долго и напрасно взывали въ рейхсратѣ о своевременной помощи со стороны правительства. Не помочь совсѣмъ—было невозможно. И, вотъ, покорясь необходимости, правительство бросило, въ видѣ подачки, сперва 900 тысячъ гульденовъ, а потомъ еще 700, причемъ только ½ была выдана безповоротно, а остальное простой ссудой. Мы не можемъ эту помощь назвать иначе, какъ подачкой, такъ какъ эти не-

счастные полтора милліона съ небольшимъ надо раздѣлить на три милліона голодающихъ! Выходитъ, что на прокормленіе одного человѣка, въ теченіе всего года, приходится по 50 крейцеровъ или около 35 копѣекъ.

Не правда-ли, какая существенная и значительная помощь?!

Находясь въ такомъ ужасномъ положеніи, русскіе галичане просили разрѣшенія учредить комитетъ для сбора доброхотныхъ пожертвованій въ пользу голодающихъ. Послѣ долгихъ колебаній послѣдовало наконецъ разрѣшеніе; во Львовѣ образовался русскій, такъ называемый,—„голодовій" комитетъ, но тотчасъ рядомъ съ нимъ правительство организовало и польскій комитетъ. Наше Славянское Благотворительное Общество, движимое единственно чувствомъ сострадавія къ бѣднымъ голодающимъ славянамъ, предприняло тоже сборы въ ихъ пользу. И что-же? вмѣсто того, чтобы быть благодарной за чужую помощь въ бѣдствіи своего же народа, Австрія задерживаетъ хлѣбъ, отправленный изъ Россіи голодающимъ галичанамъ. Она требуетъ уплаты пошлинъ ни больше ни меньше какъ по 180 гул. съ вагона ржи и по 200 гул. за пшеницу. Дѣйствительно, это что-то невѣроятное, безчеловѣчное, возмутительное, но, къ сожалѣнію, не выдумка, а совершившійся фактъ. И что еще болѣе возмутительно,—это то, что хлѣбъ, адресованный на имя польскаго, а не русскаго комитета, совершенно избавленъ отъ пошлинъ! Идти дальше по пути ненависти къ Россіи нельзя.

„Мы не хотимъ сами оказать дѣйствительной помощи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не желаемъ и не позволимъ, чтобы русскіе помогли кровнымъ своимъ братьямъ"—вотъ формула разсужденій Австріи.

Спрашивается—гдѣ же человѣчность, гдѣ—состраданіе? У голодающаго отрываютъ кусокъ хлѣба только потому, что онъ дается чужой рукой! Голодъ, казалось бы, долженъ устранять всякую политику, о ней слѣдуетъ забыть во имя одного христіанскаго человѣколюбія.

А когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, постигло мадьяръ, такихъ же австрійскихъ подданныхъ, какъ и червонноруссы, страшное бѣдствіе—наводненіе Сегедина, то австрійское правительство щедрой рукой помогло имъ и съ благодарностью принимало пожертвованія отъ всей Европы. Въ Россіи тоже устраивались концерты и вечера въ пользу пострадавшихъ и десятки тысячъ рублей перешли къ мадьярамъ. Тогда Россію, конечно, ни въ чемъ не обвиняли, а только благодарили; теперь же, когда мы протянули руку помощи болѣе близкимъ нашему сердцу,—ее дерзко оттолкнули.

Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, такая отзывчивость правительства къ бѣдствію однихъ и жестокость къ другимъ? Развѣ и тѣ и другіе не должны были бы пользоваться одинаковыми правами? И гдѣ же это происходитъ?.. въ свободномъ конституціонномъ государствѣ! Кто же послѣ этого виноватъ, что червонноруссы не могутъ быть довольны своимъ теперешнимъ положеніемъ и обращаютъ страдальческіе взоры къ Россіи?

Конечно, въ такомъ положеніи имъ оставаться долго нельзя и мы увѣрены, что длинный рядъ страданій, подвиговъ,—слезы и ропотъ голодающихъ, найдутъ свое возмездіе; а пока, родные и кровные братья, бодрствуйте, терпите, надѣйтесь и продолжайте твердо держаться преданій отцовъ вашихъ, не переставая вѣровать, что политическая жизнь ваша впереди и что Россія васъ никогда не забудетъ.

V.

25 НОЯБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ харьковскій и ахтырскій, оо. архимандриты Неофитъ, настоятель греческой церкви, Григорій, Арсеній и др., не мало высокопоставленныхъ лицъ, члены Общества и до 500 посторонихъ посѣтителей.

Послѣ обычной молитвы (тропарь свв. Кириллу и Меѳодію), исполненной хоромъ А. А. Архангельскаго, г. предсѣдатель обратился къ высокопреосвященному Амвросію съ просьбою принять почетное предсѣдательство въ собраніи, на что его высокопреосвященство и изъявилъ свое согласіе, преподавъ, при этомъ, присутствующимъ архипастырское благословеніе.

Съ благословенія маститаго іерарха, гр. Н. П. Игнатьевъ, объявивъ собраніе открытымъ, первымъ вопросомъ, подлежащимъ рѣшенію собранія, поставилъ вопросъ о присужденіи Кирилло-Меѳодіевской преміи и объяснилъ, что по случаю исполнившагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, въ торжественномъ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества, состоявшемся 13 мая 1885 г., было учреждено въ память славянскихъ Первоучителей состязаніе съ двумя преміями, одной—въ 1.500 р. и другой—въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему:

„Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италіковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка у словаковъ и поляковъ; польскаго въ Западной Руси: у

малороссовъ и бѣлороссовъ; сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить по возможности со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя появлявшіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предъидущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, не исчезнувшей и не прервавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ".

Срокомъ для доставленія сочиненій на эту тему въ Совѣтъ Общества было назначено 11 мая 1888 г. Къ этому сроку сочиненій на заданную тему въ Совѣтъ доставлено не было; почему срокъ на представленіе сочиненій Совѣтомъ былъ продолженъ до 11 мая 1890 г., при слѣдующихъ условіяхъ: означеніе имени автора должно было заключаться въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, съ № или девизомъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя слѣдовало выдать соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами въ одномъ изъ общихъ собраній.

Сочиненія могли быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ извѣстнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если С.-Петербургское Славянское Общество признало бы нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ премированное сочиненіе, то ему было оставлено право печатать его только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и не русскій.

При присужденіи премій имѣлись главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

Къ 11 мая 1890 г. въ Совѣтъ Общества поступили слѣдующія сочиненія:

1) „Программа для созданія общеславянскаго языка", съ девизомъ: № 888.

2) „Возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ" съ надписью: Ничто по всемъ и все въ ничемъ—и

3) „Объ образованіи общихъ языковъ древней и новой Европы съ эпиграфомъ: «Ὁ λογος τῶν πραγμάτων εἰκών».

Сочиненія эти Совѣтъ своевременно передалъ почетному члену Славянскаго Общества Владиміру Ивановичу Ламанскому, на его разсмотрѣніе.

Почтенный профессоръ представилъ въ Совѣтъ Общества слѣдующее заключеніе:

„На соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи за сочиненіе на тему по программѣ 1885 г. представлены три сочиненія.

Первое, № 888, подъ заглавіемъ: „Программа для созданія общеславянскаго языка".—Оно очень слабо. Авторъ не только не имѣетъ научныхъ познаній по славянской филологіи, но вообще мало образованъ и пишетъ довольно безграмотно.

Второе сочиненіе — небольшая тетрадка, впрочемъ мелко исписанная, представляетъ нѣкоторый интересъ, хотя и мало отвѣчаетъ программѣ. Авторъ—человѣкъ образованный, даже ученый, богословъ по спеціальности, Русскій по рожденію и, какъ видно, любящій Россію, русскій языкъ и литературу, и ламенный римскій католикъ по исповѣданію. Авторъ преисполненъ упованія и надежды, что Россія признаетъ, наконецъ, верховную власть папы и тогда-де, только тогда, возможно будетъ столь необходимое литературное единство славянъ.

Авторъ не коснулся вовсе указанныхъ въ программѣ вопросовъ объ образованіи литературныхъ языковъ у грековъ, римлянъ, у народовъ романскихъ и германскихъ, ничего не говоритъ ни о судьбахъ церковно-славянскаго языка въ различныхъ земляхъ славянскихъ, ни о развитіи сербо-хорватскаго, чешскаго, польскаго и русскаго литературныхъ языковъ, ни о разныхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ въ прошлыхъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ о литературной славянской взаимности и объ общемъ литературномъ языкѣ. Онъ разсматриваетъ только одинъ вопросъ—возможно ли въ будущемъ литературное единство и желательно ли оно?

Ставя разрѣшеніе этого вопроса лишь подъ условіе вѣроисповѣднаго единства, авторъ забылъ, что исторія и современная дѣйствительность представляетъ намъ примѣры великихъ національностей: нѣмецкой, французской, англо-саксонской—въ Великобританіи и Сѣверной Америкѣ, обладающихъ литературнымъ единствомъ и лишенныхъ единства вѣроисповѣднаго. Нѣмецкій же народъ, собственно только послѣ своего великаго раскола и даже благодари ему, объединился литературно. Лютера, по всей справедливости, нѣмцы считаютъ отцомъ своего литературнаго языка. И ни одинъ мыслящій и образованный нѣмецкій католикъ никогда не пожелаетъ бросить этотъ языкъ. Вѣрить въ вѣроисповѣдное единство всего славянства вполнѣ естественно всѣмъ вѣрующимъ славянамъ, православнымъ, разнымъ нашимъ раскольникамъ, уніатамъ, католикамъ, протестантамъ, мусульманамъ (Босняку или Помаку), но этотъ вопросъ чувства и сердца не имѣетъ ничего общаго съ предложенными задачею вопросами историко-филологическаго характера. Къ сожалѣнію, на эту сторону дѣла авторъ не

обратилъ никакого вниманія. Когда еще не только цѣлое племя, но и отдѣльныя народности достигнутъ вѣроисповѣднаго единства, тѣмъ болѣе признаютъ верховную власть папы? Но мы ужъ видимъ, что и среди славянскихъ разновидностей, гдѣ нѣтъ единства религіознаго, есть уже единство литературное. Таковы сербы и хорваты, словаки католики и протестанты, на нашихъ почти глазахъ, образовали себѣ общій литературный языкъ. Даже наши великіе и крупные писатели съ Ломоносова и Новикова до Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Достоевскаго и Л. Толстого отличались, какъ извѣстно, большимъ разногласіемъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, однако, оно не помѣшало имъ установить, развить и обогатить русскую литературную рѣчь.

Это сочиненіе съ эпиграфомъ „Ничто во всемъ и все въ ничемъ" не можетъ подлежать конкурсу, какъ совершенно не отвѣчающее программѣ задачи.

Третье сочиненіе съ эпиграфомъ: „Ὁ λόγος τῶν πραγμάτων εἰκών" состоитъ изъ 2-хъ частей и заключается въ 3-хъ большихъ тетрадяхъ въ листъ, каждая въ нѣсколько сотъ страницъ, всего-же имѣетъ 950 страницъ довольно сжатаго письма.

Этотъ почтенный трудъ вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ программы. Первая часть (стр. 5—520) состоитъ изъ введенія (стр. 1—5), 7 главъ и общаго заключенія. Эти семь главъ посвящены историческому обзору образованія общихъ литературныхъ языковъ—греческаго (5—47), латинскаго (49—99), итальянскаго (101—178), испанскаго (179—246), французскаго (247—316), англійскаго (317—416), нѣмецкаго (417—509).

Отъ автора, спеціалиста-слависта, нельзя было ожидать, да и программою не требовалось самостоятельныхъ изслѣдованій данныхъ вопросовъ въ областяхъ классической, романской и германской филологіи. Но всѣ эти вопросы разсмотрѣны и изложены авторомъ съ достаточною обстоятельностью, на основаніи наилучшихъ старыхъ и новѣйшихъ трудовъ замѣчательнѣйшихъ эллинистовъ, латинистовъ, романистовъ и германистовъ. За исключеніемъ отдѣльныхъ частностей, эта работа автора, хотя и не самостоятельный научный трудъ, обнаруживаетъ въ немъ вообще отличное образованіе, большія знанія, замѣчательный тактъ и умѣнье въ пользованіи пособіями и въ изложеніи главныхъ явленій и общаго хода въ образованіи семи великихъ литературныхъ языковъ. По устраненіи нѣкоторыхъ описокъ, повтореній, сравненій, но исправленіи кое-какихъ мѣстъ, эта первая часть но изданіи въ свѣтъ явится, смѣю думать, полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу, гдѣ еще не было ни одного труда, посвященнаго этимъ важнымъ вопросамъ. Появленіе этой первой части въ свѣтъ можетъ оказать и отечественной наукѣ великую пользу, возбужденіемъ нашихъ классиковъ, германистовъ и романистовъ внимательно разобрать, исправить и пополнить этотъ трудъ, вновь пересмотрѣть эти вопросы и предложить съ своей стороны самостоятельныя но нимъ изысканія.

Вторая часть состоитъ изъ предварительныхъ замѣчаній (521—522), пяти главъ (522—932) и послѣсловія (934—949).

Въ первой главѣ авторъ излагаетъ діалектическія отношенія славянъ (522—545) и указываетъ на древность главныхъ нарѣчій. Тутъ какъ при рѣчи о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ (на стр. 528 и 529), такъ и о древности ихъ отличительныхъ признаковъ (541), были бы желательны болѣе подробныя фактическія указанія и свѣдѣнія. Во второй главѣ—„Образованіе и судьбы общаго церковно-славянскаго языка" (546—705)—авторъ подробно слѣдитъ за судьбами церковно-славянскаго языка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и славянскаго обряда, при чемъ представлены нѣкоторыя любопытныя данныя и соображенія. Глава третья излагаетъ „распространеніе сербскаго, чешскаго и польскаго языковъ на площади смежныхъ славянскихъ нарѣчій", четвертая—„вступленіе русскаго языка въ роли общаго на славянскомъ востокѣ", пятая говоритъ „о теоретической разработкѣ вопроса объ общеславянскомъ языкѣ".

Вторая часть представляетъ гораздо болѣе самостоятельнаго, чѣмъ первая, и заслуживаетъ большаго вниманія.

Въ языкѣ и изложеніи какъ первой, такъ и второй части можно пожелать кое-гдѣ нобольше полноты, точности и осторожности, нобольше простоты, поменѣе сравненій и риторическихъ фигуръ, покороче періоды, поменьше иностранныхъ и искусственныхъ русскихъ словъ и пр.

Несмотря на указанные недостатки, сочиненіе это является почтеннымъ, добросовѣстнымъ трудомъ, отвѣчающимъ на всѣ вопросы программы. Въ виду продолжительныхъ предварительныхъ работъ, необходимыхъ для такого обширнаго труда, и во вниманіе къ его большимъ достоинствамъ, которыя затмятъ всѣ недостатки, тѣмъ болѣе, что значительная часть ихъ легко можетъ быть устранена во время печатанія, и когда четвертая глава второй части вновь переработанная лишится нѣкоторыхъ слѣдовъ поспѣшности въ изложеніи и заключеніяхъ,—я считаю сочиненіе съ эпиграфомъ: «Ὁ λόγος τῶν πραγμάτων εἰκών» заслуживающимъ полной награды".

По разсмотрѣніи заключенія В. И. Ламанскаго, Совѣтъ Общества, въ засѣданіи, состоявшемся 22 ноября, единогласно постановилъ: признать лучшимъ изъ числа представленныхъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи сочиненій—сочиненіе подъ заглавіемъ: „Объ образованіи общихъ языковъ древней и новой Европы съ эпиграфомъ: «Ὁ λόγος τῶν πραγμάτων εἰκών...»; выдать автору этого сочиненія первую премію въ 1.500 р., вторую же премію оставить безъ назначенія авторамъ другихъ представленныхъ сочиненій, въ виду не соотвѣтствія ихъ задачамъ программы.

Постановленіе это, по предложенію г. пред-

сѣдателя, собраніемъ было утверждено единогласно при громкихъ продолжительныхъ рукоплесканіяхъ.

Во вскрытомъ затѣмъ конвертѣ съ греческимъ эпиграфомъ, авторомъ премированнаго сочиненія оказался профессоръ варшавскаго университета Антонъ Семеновичъ Будиловичъ, что подало поводъ къ новымъ восторженнымъ рукоплесканіямъ.

Послѣдовало, затѣмъ, заявленіе г. предсѣдателя о томъ, что разборъ сочиненій, представленныхъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи, всецѣло лежалъ на нашемъ почетномъ членѣ Владимірѣ Ивановичѣ Ламанскомъ; поэтому предложено было за его нелегкій трудъ и основательный разборъ означенныхъ сочиненій отъ имени Славянскаго Общества благодарить его, что также было привѣтствовано рукоплесканіями и дружными восклицаніями: спасибо!

Затѣмъ, по предложенію г. предсѣдателя, В. И. Аристовъ прочиталъ нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія г. Будиловича, выслушанныхъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Послѣ долгихъ восторженныхъ рукоплесканій, сопровождавшихъ это чтеніе, графъ Н. П. Игнатьевъ заявилъ, что недавно друзья и почитатели двухъ нашихъ достойнѣйшихъ сочленовъ А. Ѳ. Бычкова и М. О. Кояловича чествовали юбилеи ихъ служенія русской наукѣ—перваго 50-лѣтній и послѣдняго—35 лѣтній, и что Совѣтъ Общества, въ засѣданіи, состоявшемся 1 ноября, постановилъ: предложить въ первое же собраніе избрать ихъ въ почетные члены Общества. И тотъ и другой съ основанія Общества неустанно служили славянскому дѣлу, трудясь въ Совѣтѣ Общества и его издательской коммиссіи, и послѣдній, кромѣ того, дарилъ насъ въ собраніяхъ своими, всѣмъ памятными, прекрасными чтеніями.

И это предложеніе встрѣчено было долго несмолкаемыми рукоплесканіями.

Затѣмъ собраніемъ избраны въ пожизненные члены Общества—Амвросій, архіепископъ харьковскій и ахтырскій, и въ дѣйствительные В. И. Базилевскій и 9 предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ.

Въ это же время, представленный графомъ Н. П. Игнатьевымъ Стоянъ Бошковичъ, восторженно привѣтствованный собраніемъ, въ прочувствованной рѣчи на сербскомъ языкѣ, заявивъ отъ имени всего сербскаго народа глубочайшую признательность за заботливость и попеченіе о судьбѣ балканскихъ славянъ, заключилъ свою рѣчь возгласомъ: „Слава Русскому Царю Александру III! Слава братскому народу Русскому! Слава объединителямъ Славянъ!“

По окончаніи рѣчи г. Бошковича хоромъ г. Архангельскаго была исполнена сербская пѣсня „Боjна трубa“.

Послѣ того г. предсѣдатель доложилъ собранію о ходѣ сбора пожертвованій „въ пользу черногорцевъ и другихъ славянъ, нуждающихся по случаю неурожая“ и ихъ распредѣленіи.

Съ открытія сбора пожертвованій, по ноябрь поступило:

Изъ снятѣйшаго Синода . .	26.000	р. — к.
Изъ Московскаго Попечительства	6.035	„ 50 „
Изъ Одесскаго Славянскаго Общества	2.150	„ 21 „
Отъ М. Ѳ. Морозовой. . . .	1.000	„ — „
Отъ гг. Фонъ-Дервизъ . . .	1.000	„ — „
Отъ Нижегородск. всесословнаго клуба	1.049	„ 10 „
и отъ разныхъ лицъ и учрежденій.	22.893	„ 81 „
Всего. .	60.428	„ 62 „

Изъ этой суммы употреблено на пособія голодающимъ 59.414 р. 55 к.

Изъ полученныхъ Совѣтомъ Общества свѣдѣній отъ высокопреосвященныхъ митрополитовъ: Митрофана, черногорскаго, и Михаила, сербскаго, а также изъ Червонной Руси, можно заключить, что нужда въ Черногоріи и Галичинѣ уже, слава Богу, миновала, въ Сербіи же черногорскіе выходцы будутъ еще нуждаться въ насущномъ хлѣбѣ въ нынѣшнюю зиму 1890—1891 г.

При этомъ г. предсѣдателемъ были сообщены отрывки изъ благодарственныхъ писемъ за посланную помощь. Его высокопреосвященство черногорскій митрополитъ Митрофанъ въ своемъ письмѣ на имя графа Н. П. Игнатьева, между прочимъ, пишетъ: „Теплое участіе, которое, какъ ваше сіятельство, такъ и предсѣдательствуемое вами С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество, оказывали постоянно и при всѣхъ обстоятельствахъ моимъ соотечественникамъ, чувствуется каждымъ черногорцемъ, а также и ваша великодушная инціатива объ оказаніи помощи пострадавшимъ отъ неурожая черногорцамъ. Черногорскій народъ всегда получалъ щедрую денежную помощь отъ братскаго единовѣрнаго и единоплеменнаго ему народа“.

Изъ Галичины, въ свой чередъ, пишутъ: „Благодаря Всевышнему, сего лѣта вновь довольно одолотворившему нашу землю, благодаря и вашей искренно братской щедрой помощи, наши русскіе въ Галиціи не только спасены отъ угрожавшаго голода, но и приведены, слава Богу—въ такое состояніе, что со времени сего годичной жатвы, отъ голодающихъ поступаютъ уже рѣдкія прошенія о помощи“.

Послѣ небольшаго перерыва, хоромъ г. Архангельскаго былъ исполненъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію, музыка Старорусскаго.

Послѣ гимна, проф. И. С. Пальмовъ прочиталъ печатаемую ниже статью: „О патріархѣ Фотіѣ“, по поводу его 1000-лѣтняго юбилея. Статья эта была выслушана съ полнымъ вниманіемъ и вызвала громкія рукоплесканія.

Послѣ чтенія И. С. Пальмова хоръ пропѣлъ: „Киріе элейсонъ“.

Въ заключеніе И. П. Хрущовъ прочиталъ слѣдующее, написанное имъ, стихотвореніе:

ПѢСНЯ О СТАРОДАВНЕЙ ПОРѢ.

Степь и море.

Было время и приволье
Стародавняя пора;
Широко степей раздолье,
Непроѣздные бора.

—

Много рѣкъ тогда струилось
По зеленымъ по доламъ,
И чего-то не водилось
По безлюднымъ берегамъ:

—

Векши, соболи, лисицы,
Горностаи и куницы;
Предъ закатомъ клёкотъ орлиный,
Ночью щекотъ соловьиный,
Волчья стада завыванье
И сороки стрекотанье.

—

А на ловахъ, по лѣсамъ,
Туръ виднѣлся здѣсь и тамъ.
Съ вепремъ, съ дикими конями
Приходилось въ бой вступать;
Непроѣздными мѣстами
Путь на сѣверъ пролагать.

—

Гладь зеркальную зыбей
Величаво колебало
Стадо бѣлыхъ лебедей;
Быстро воздухъ разсѣкало
Ясна сокола крыло.
Эхо въ даль степей несло
Черна ворона вѣщанье.

—

О родной землѣ сказанье
Пѣснь Боянова вела;
Вѣщихъ гуслей рокотанье
Пѣсня въ звукахъ берегла.

—

И былины русской звуки
Къ морю-синему текли,
Какъ въ ладьяхъ Дажьбога внуки
Славу въ даль свою несли;

—

Какъ Олегъ съ дружиной славной
Сине-море бороздилъ,
И на „Новый Римъ“ державный
Страхъ и трепетъ наводилъ.

Лысая гора.

Мѣсяцъ въ небѣ показался,
Звалъ на игрище людей.
Съ дуба темнаго вѣтвей
Лѣшій спрыгнулъ и помчался;
Свистъ и гамъ въ лѣсу раздался.

—

Вотъ за лѣсомъ и поляной
Берегъ высится песчаной.
Дружно тамъ костры зажглися,
Хороводы заплелися;
„Ой, Дидъ Ладо!“ повторяли
И вокругъ огней плясали.

—

А русалки-то гурьбой
По волнамъ Днѣпра мелькаютъ
И хохочутъ, и рыдаютъ;
Попадись-ка имъ хмѣльной—
Мигомъ стащутъ въ омутъ свой.

Плясокъ парней, молодицъ,
Пѣньемъ жалобнымъ дѣвицъ
Злобно тѣшатся онѣ.

—

На своемъ глубокомъ днѣ
Старый дѣдъ не успѣлъ;
Завизжалъ онъ, загудѣлъ,
Высоко плеснулъ волной,
Показался надъ рѣкой;
Но лишь мѣсяцъ появился
Изъ-за тучекъ—какъ сробѣлъ,
Задрожалъ и потемнѣлъ
И вдоль берега разлился
Серебристою струей
Старый дѣда—Водяной.

Богатыри.

Гридня княжая большая,
Никогда не запертая,
Ипромъ славилась честнымъ—
Княземъ ласковымъ своимъ.

—

Тамъ на гусляхъ яровчатыхъ
Скоморошина игралъ,
И на камкахъ, на хрущатыхъ,
Князь съ княгиней возсѣдалъ.

—

А вокругъ стола сидѣли—
Пили крѣпко, жирно ѣли—
Земли Русской сыновья:
И Добрыня, и Илья,
И Чурило молодой,
Дюкъ—пришлецъ земли чужой,
Ставръ Годиновичъ съ женой;
И Хотёнушка шальной;
Гость торговый Соловей,
И Алёша лиходѣй.

—

Но славнѣе, и сильнѣй
Русскихъ всѣхъ богатырей
Сынъ крестьянскій удалой,
Зло врагамъ, своимъ святой—
Карачаровскій Илья.

—

Онъ злодѣя—Соловья
(Что проѣзду не давалъ,
Шишомъ—посвистомъ стращалъ)
Съ бою взялъ живьемъ, скрутилъ,
Князю плѣнника дарилъ.

—

Подивившись, князь велѣлъ,
Чтобъ разбойникъ посвистѣлъ.
И лишь свиснулъ Соловей:
Двери дрогнули сѣней,
Князь съ княгинею дрожатъ,
Сколько замертво лежатъ:
Гости, отроки, князья...
Ухмыляется Илья!

Вѣче и князь.

И на вѣче людъ стекался
Дѣло видѣть и судить.
Князь съ дружиной совѣщался,
Какъ порядки заводить.

—

Князь вершилъ суды людскіе,
Споры ладилъ городскіе;

То на ловы отправлялся,
То въ походы снаряжался.

—

Зналъ за столъ отцовскій спорить,
Дань собрать, въ союзъ вступить,
Двухъ сосѣдей пересорить,
Свой удѣлъ распространить.

—

Въ стольномъ градѣ за побѣду
Храмъ умѣлъ соорудить
И на зло врагу-сосѣду
Городокъ въ глуши срубить.

—

На невѣрныхъ съ ополченьемъ
Братьевъ всѣхъ идти сзывалъ,
И съ молитвой, псалмопѣньемъ
Въ степь безбрежную вступалъ.

—

На угадъ шелъ встрѣтить хана,
Ихъ ставицу разносилъ,
Бралъ Бедюза, Шаракана *)—
Люто плѣнниковъ казнилъ.

—

А княгиня молодая,
Ладу съ поля поджидая,
Какъ кукушка куковала
Къ солнцу красному взывала.

—

Съ вѣтромъ буйнымъ и суровымъ
Ей хотѣлось въ даль летѣть,
Рукавомъ своимъ бобровымъ
Раны князю отереть.

Нашествіе татаръ.

Степь покрылася полками:
Врагъ невѣдомый грядетъ—
И съ верблюдами, конями,
Какъ потокъ, на Русь течетъ.

—

Отъ калёныхъ стрѣлъ стемнѣло;
Въ гулъ ужасный все слилось,
И стонало, и ревѣло:
Ржанье, клики, скрипъ колёсъ.

—

Нѣтъ защиты; нѣтъ спасенья!
Рати всѣ истреблены;
Пали грады и селенья—
Жены въ плѣнъ отведены!

Заключеніе.

Сила темная, степная
Славу Руси погребла;
Но въ терпѣньѣ Русь родная
Духа жизни обрѣла.

—

Новыхъ подвиговъ святынѣ
Съ упованьемъ отдалась;
Годы шли—какъ кринъ въ пустынѣ—
Расцвѣла и разрослась.

—

Властелиномъ надъ морями,
Надъ высокими горами
Стала Русь—и новой славой
Озарилась—небывалой:

Отъ Невы и до Дуная
До Батума, до Алая *)—

—

Гдѣ долина Зарявшана
„Раемъ на землѣ" зовется;
Гдѣ вода съ хребта Тянь-шана
Серебристой лентой вьется,
Гдѣ чинаръ и шелковица,
Рисъ, хлопчатникъ и пшеница...

—

Тамъ зардѣлась надъ степями,
Надъ заснувшими землями
Славы сѣверной заря!
Имя Бѣлаго царя
Ужъ возносится ордами—
Блещетъ благости дѣлами.

—

Древній плѣнъ свой забывая,
Свѣтитъ нынѣ Русь святая
Степи, прежде рокопой,
Путеводною звѣздой.

*) Бедюзъ и Шаракань—имена половецкихъ хановъ, современныхъ Владиміру Мономаху.

*) Алайское предгорье—отрасль хребта Тянь-шана, образуетъ чудную долину Зарявшана, называемую туземцами земнымъ раемъ. Рѣки, орошающія эту долину, берутъ начало въ ледникахъ Тянь-шана—хребта, отдѣляющаго Туркестанъ отъ Китайской Имперіи.

Статья проф. П. С. Нальмова:

Цареградскій патріархъ Фотій и его отношеніе къ современному ему славянству.

Думаю, что главный предметъ настоящей рѣчи не будетъ представлять какой-либо неожиданной темы для многихъ присутствующихъ членовъ собранія, такъ какъ въ печати, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея органахъ, было уже заявлено, что 6 февраля будущаго (1891) года **) исполнится тысячелѣ-

**) Напр. въ журналѣ „Вѣра и Разумъ" за 1890 г., № 19, въ статьѣ Т. Стоянова: „Тысячелѣтняя годовщина со времени блаженной кончины константинопольскаго патріарха Фотія", стр. 413—12. Годъ кончины патріарха Фотія, какъ и годъ его рожденія (который предполагаютъ нѣсколько ранѣе 827 г., въ которомъ родился Константинъ философъ, другъ и ученикъ Фотія—въ молодые еще его годы) съ точностію не опредѣляются учеными, спеціально занимавшимися изученіемъ этихъ вопросовъ. Но—какъ болѣе вѣроятный, на основаніи нѣкоторыхъ древнихъ извѣстій (ср. нижеуказыв. соч. Гергенретера „Photius etc.", Bd. II, S. 713 и сл.)—годъ кончины Фотія принимаютъ 891-й (6 февр.).—Происходя изъ знатной и благочестивой фамиліи, близкой и даже родственной имп. Михаилу III, Фотій, благодаря своему природному таланту и образованію, достигъ скоро высшихъ государственныхъ должностей (напр. протасекрита, т. е. перваго государственнаго секретаря), будучи сначала учителемъ въ высшей придворной школѣ во дворцѣ „Магнавра", и за свое унаслѣдованное отъ родителей благочестіе, широкое богословское образованіе и проч. онъ естественно могъ считаться подготовленнымъ къ прохожденію патріаршаго служенія на

тіе со времени кончины знаменитѣйшаго цареградскаго патріарха Фотія, учителя, ближайшаго друга и руководителя св. нашихъ Первоучителей—Константина (въ монашествѣ Кирилла) философа и Меѳодія, въ ихъ жизненныхъ апостольскихъ трудахъ и подвигахъ. Поэтому, въ виду одного уже этого факта, факта тѣснаго общенія между св. славянскими Первоучителями съ одной стороны и патріархомъ Фотіемъ съ другой, не говоря о другихъ заслугахъ послѣдняго въ церкви, не неумѣстно и здѣсь, въ настоящемъ собраніи, привести на память и указать нѣкоторыя стороны изъ его отношеній къ современному ему славянству, чтобы уяснить отчасти значеніе приближающагося тысячелѣтія и для живой славянской современности.

Къ сожалѣнію, имя Фотія, одного изъ величайшихъ борцевъ и защитниковъ чистоты православной церкви, ея правъ и независимости отъ проявлявшихся въ его время уже достаточно рѣзко притязаній Рима, гораздо болѣе повидимому извѣстно его врагамъ, чѣмъ чтителямъ безсмертной его памяти. Даже въ практической жизни—тамъ, гдѣ особенно рѣзко проявляется борьба между православными и латинянами, послѣдніе, нерѣдко для униженія и какъ бы въ упрекъ первымъ, называютъ православныхъ фотіанами, доказывая тѣмъ, во всякомъ случаѣ, свое несомнѣнное, хотя и превратное, знакомство съ личностію и дѣятельностію своего историческаго противника. Къ сожалѣнію, эти упреки приходится нерѣдко слышать напр. славянину православному изъ устъ славянина же католика, какъ напр. чаще православному русскому отъ поляка, православному сербу отъ хорвата и пр. Но, въ дѣйствительности, эти упреки, при болѣе безпристрастномъ пониманіи главнаго предмета пререканій, не должны бы имѣть мѣста въ особенности во взаимныхъ междуславянскихъ отношеніяхъ. Это не потому, что славяне были какъ бы въ сторонѣ отъ начала развитія взаимныхъ церковныхъ пренирательствъ между Римомъ и Цареградомъ, въ центрѣ которыхъ въ IX в. стояли съ одной стороны патр. Фотій, а съ другой папа Николай I, не потому также, что Фотій защищалъ истину церковнаго преданія и свободу церкви отъ единовластія папскаго авторитета, папской plenitudo potestatis, но ближайшимъ образомъ потому, что отношенія Фотія къ славянамъ могли бы и—скажемъ болѣе—должны бы внушать имъ, даже и тѣмъ, которые втянуты въ водоворотъ западной культуры, другія чувства, другія воспоминанія. Нѣтъ времени говорить здѣсь о его заслугахъ въ церкви, его изумительной богословской учености, его энергіи и христіанскомъ мужествѣ въ защитѣ ученія и правъ восточной церкви отъ посягательствъ Рима и пр., это предметъ, достойный самаго тщательнаго и внимательнаго изученія *). Намъ

константинопольской каѳедрѣ, которую онъ и занялъ 25 декабря 857 г., послѣ низверженія Игнатія; но выпущенныя впослѣдствіи, по политическимъ соображеніямъ своего правительства и самого имв. Василія (Македонянина), уступить каѳедру въ 867 г. опять Игнатію, онъ снова, занялъ ее въ 877—8 г. и оставался на ней до 886 г., до вступленія на византійскій престолъ Льва VI Мудраго, когда, между прочимъ, занималъ папскій престолъ папа Стефанъ V (VI), предавшій анаѳемѣ Меѳодія и запретившій славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи, откуда и пришли въ Болгарію для проповѣди изгнанные ученики св. Первоучителей славянскихъ (свв. Климентъ, Гораздъ, Наумъ, Ангеларій, Савва и—вѣроятно—еще другіе).

*) Между тѣмъ какъ въ западно-европейской литературѣ есть нѣсколько спеціальныхъ, хотя нерѣдко и односторонніхъ, пристрастныхъ къ Фотію и при этомъ небезпристрастныхъ къ Риму, сочиненій о патр. Фотіи и его времени (во главѣ которыхъ, безъ сомнѣнія, нужно поставить большое, трехтомное сочиненіе недавно скончавшагося кардинала Гергенретера, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Photius, Patriarch von Constantinopel. Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma, nach handschriftlichen und gedruckten Quellen von Dr. J. Hergenröther. Regensburg. (1867—9. Bd. I—III), у насъ въ Россіи, какъ и вообще на православномъ востокѣ, нѣтъ полнаго и обстоятельнаго изслѣдованія ни о патр. Фотіи, ни о той эпохѣ, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ и на которую падаетъ первый эпизодъ въ исторіи, такъ называемаго, раздѣленія церквей. Въ 1887 г. кіевская духовная академія предложила для конкурса на Макарьевскую премію тему для сочиненія „Фотій патріархъ константинопольскій" (см. объявленіе въ „Трудъ. кіевской дух. акад.", 1887 г., ноябрь), во до сихъ поръ еще этого сочиненія не появлялось и потому, въ виду приближающагося тысячелѣтія со времени кончины патр. Фотія, не излишне все-таки указать на имѣющіяся уже сочиненія и болѣе или менѣе заслуживающія вниманія въ отношеніи научномъ статьи. Таковы, напр., почти единственныя, но и то неполныя біографіи патр. Фотія, изъ которыхъ одна написана проф. А. Зерчиныхъ и напечатана въ „Чтен. въ Имп. Общ. исторіи и древностей Рос." за 1858, кн. III, подъ заглавіемъ: „Очеркъ жизни константинопольскаго патріарха Фотія"; а другая безъ имени автора напечатана въ „прибавленіяхъ къ Твор. св. отцевъ" за 1854 г., XIII кн., подъ заглавіемъ: „Фотій до вступленія на патріаршій престолъ въ Константинополѣ". Затѣмъ, послѣ появленія въ иностранной литературѣ ученыхъ трудовъ о Фотіи, какъ напр. Гергенретера, а также еще ранѣе—Яжера (Historie de Photius, Patriarche de Constantinople, auteur du schisme des Grecs, par M. l'Abbé Jager etc. Paris. 1854) и по исторіи церковнаго раздѣленія между востокомъ и западомъ труда Пихлера (Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident von den ersten Anfängen bis zur jüngsten Gegenwart von Dr. A. Pichler. München. 1864—5. Bd. I—II), въ русской литературѣ явилось спеціальное изслѣдованіе іером.

достаточно, въ данномъ случаѣ привести на память только тѣ историческія указанія, которыя характеризуютъ спеціально его отношенія къ современному ему славянству.

Выше было указано на фактъ близкаго общенія между Фотіемъ съ одной стороны и св. славянскими Первоучителями съ другой. Это общеніе между ними началось еще съ юныхъ лѣтъ Константина (въ монашествѣ Кирилла) философа, когда послѣдній послѣ смерти своего отца Льва былъ вызванъ логоѳетомъ (Ѳеоктистомъ) изъ Солуня въ Царьградъ, „да ся би съ царемъ училъ“ *). „Егда же пріиде къ Царюграду, разсказываетъ пространное (т. н. Паннонское) его (т. е. Константина философа) житіе, вѣдаша и учителемъ, да ся учитъ, и въ ѓ мѣсяци навыкъ вѣсю грамотикію, и по прочаа ся ятъ ученіа. Научи же ся Омиру, и геомитри, и у Лъва **) у Фотѣ діялексицѣ, и всѣмъ философскымъ ученіемъ, къ сим же и риторикіи и аріомитикіи, и астрономіи, и мусикіи, и всѣмъ прочимъ еллиньскымъ ученіемъ (или по др. сп.: художьствомъ). Такоже и навыче вѣси, якоже ни единъ отъ нихъ навыче...“ *). Такимъ

*) Ж. К., IV гл. Въ приведенномъ мѣстѣ житія, очевидно, указывается на то, что Константинъ философъ изучилъ въ тогдашней придворной школѣ у Льва и Фотія всѣ такъ называемыя семь свободныхъ наукъ, составлявшихъ тогда полный курсъ высшаго свѣтскаго и духовнаго образованія, а именно: грамматику, риторику, ариѳметику, геометрію, музыку, астрономію и наконецъ—какъ завершеніе всего—философію или діалектику, которая по Іоанну Дамаскину раздѣлялась на спекулятивную (богословіе, предметомъ которой служилъ прежде всего вопросъ о Богѣ, ангелахъ и душѣ, физіологію, трактующую о предметахъ матеріальныхъ—о животныхъ, растеніяхъ, камняхъ и пр.,—математику, имѣющую своимъ предметомъ „хотя и безтѣлесное, но въ тѣлахъ созерцаемое“) и практическую (этику, трактующую о добродѣтеляхъ и нормахъ жизни для отдѣльныхъ личностей,—экономію, предлагающую тѣже уроки для цѣлаго общества и политику, содержащую подобныя же ученія для городовъ и странъ). Діалектика Фотія (Cp. Quaestiones ad Amphilochium. Migne, Patrol. curs. complet. S. G., t. 101) представляетъ большое сходство по содержанію съ діалектикою Іоанна Дамаскина. См. объ этомъ, какъ и другія подробности о числѣ предметовъ тогдашняго школьнаго образованія, объ учебникахъ, программахъ и методахъ преподаванія, въ спеціальномъ соч. В. Хр. Преображенскаго „Восточныя и западныя школы во времена Карла Великаго, ихъ отношеніе между собою, къ классическимъ и древне-христіанскимъ и постановка въ нихъ богословія“ (Спб. 1881 г.), стр. 123—176.

Для насъ важно при этомъ также отмѣтить, что вышеприведенное мѣсто Константинова житія, какъ вообще многія подробности сказаній т. н. Паннонскихъ житій К. и М., выясняется другими положительными историческими данными о состояніи школьнаго образованія въ тогдашнее время (IX в.). Кромѣ того, въ частности, оно заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя достовѣрныя свѣдѣнія о Фотіи, подтверждающіяся другими историческими о немъ свидѣтельствами и аналогіями. По словамъ даже противника Никиты Пафлагонскаго (въ Vita S. Ignat. Mansi XVI, 229), Фотій былъ свѣдущъ въ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи, медицинѣ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ, такъ что не только—казалось—превосходилъ почти всѣхъ современниковъ, но и можетъ состязаться съ древними. Особенно же источники говорятъ о богословской учености Фотія, знаніи имъ діалектики и пр. Въ этомъ отношеніи и житіе К. вѣрно отмѣчаетъ факты вліянія Фотія на Константина философа,—не даромъ отличается фактъ обученія К. у Фотія діалектикѣ и затѣмъ уже всѣмъ „философскимъ ученіемъ“ и т. д. Въ частности, объ этомъ вліяніи го-

---

Герасима Яреда, нынѣ митр. селевкійскаго (въ Антіохійскомъ патріархатѣ)—подъ заглавіемъ: „Отзывы о св. Фотіи, патріархѣ константинопольскомъ, его современникахъ—въ связи съ исторіей политическихъ партій византійской имперіи“. Спб. 1874 (изъ „Христ. Чт.“ за 1872 и 1873 гг.). Въ этомъ сочиненіи правда спеціальномъ, изслѣдующемъ, главнымъ образомъ вопросъ объ источникахъ для исторіи патр. Фотія и его времени, есть много возраженій и противъ положеній или результатовъ изслѣдованія Гергенретера и др. западныхъ ученыхъ. По поводу сочиненія Гергенретера и др. печатались полемическія статьи напр. г. Лебедева въ „Чтеніяхъ общ. любителей дух. просв. въ Москвѣ“, а также въ др. журналахъ — духовныхъ и свѣтскихъ (напр: въ „Вѣстн. Европы“ за 1868 г., т. I). О времени Фотія и его дѣятельности можно читать еще въ соч. проф. А. П. Лебедева. „Исторія константинопольскихъ соборовъ IX вѣка (861—880)“. Москва. 1888 г. (изъ журн. „Душеполезное Чтеніе“). Кромѣ того, по исторіи такъ называемаго раздѣленія церквей, въ полемическомъ отношеніи, не лишено значенія въ русской литературѣ и соч. А. П. Муравьева „Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патріаршихъ каѳедрахъ“. Спб. 1849.

*) Ж. К., III гл.—Пространныя (такъ наз. Паннонскія) житія Константина и Меѳодія, см. наприм. въ пражскомъ изд. „Fontes rerum Bohemicarum“ т. I. Русскія изданія пространнаго житія Константина напечатаны наприм. въ „Чтен. въ Импер. Общ. ист. и древн. Рос.“ за 1863, кн. II и 1864, кн. II. и пр., а—простр. житія Меѳодія въ тѣхъ же „Чтеніяхъ“ за 1865 г., кн. I.

**) Это — Левъ философъ, въ 839—42 г. иконоборческій солунскій митрополитъ, а послѣ возстановленія иконопочитанія въ 842 г., лишившись митрополичьей каѳедры, переселился въ Константинополь и здѣсь, примирившись вѣроятно съ православными, занимался обученіемъ юношества. См. Hergenröther, I, 323.

образомъ Константинъ философъ въ совершенствѣ изучилъ всѣ семь тогдашнихъ т. н. свободныхъ наукъ и однимъ изъ главныхъ учителей у него въ этихъ наукахъ былъ Фотій, „свѣдущій въ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ“, знакомый даже съ правовѣдѣніемъ, медициною и исторіею и въ особенности съ любовію изучавшій философію, богословіе и отеческую письменность *). Въ томъ же пространномъ (Паннонскомъ) житіи Константина говорится о немъ: „Болѣ же ученіа тихыи образъ на себѣ являя, с тѣми бесѣдоваше, съ ними же бѣяше полезнѣе, укланяяся отъ укланяющихся въ стропъты, како бы земными небеснаа премѣньшу, излѣтѣти исъ телеси сего и съ Богомъ жити“ **). При такомъ, естественно, настроеніи, Константину желательно было сойтись съ Фотіемъ, который вообще умѣлъ привлекать и любилъ бесѣдовать съ своими учениками по разнымъ вопросамъ науки и жизни не только въ школѣ, но и у себя дома ***). Вѣроятно, во время

воритъ между прочимъ слѣдующее опредѣленіе философіи, данное Константиномъ философомъ логоѳету Ѳеоктисту. „И въпроси (логоѳетъ Ѳ.) его (т. е. К. философа) единою, глаголя: Философе, хотѣлъ быхъ увѣдѣти, что есть философія? Онъ же хытрымъ умомъ рече тогда: Божіамъ и чловѣчямъ вещемъ разумъ, елико можетъ чловѣкъ приближитися Бозѣ, яко дѣтелію учить чловѣка по образу и по подобію быти сътворшему его“. Ж. К. IV гл. Слѣдуетъ сравнить съ этимъ объемъ содержанія философіи, какой предлагаетъ Фотій напр. въ Quaestiones ad Amphilochium q. 64 на (Еккл.) 10, 9. 10. (Ὁ Ἐκκλησιαστὴς τὸ παρὸν βιβλίον ὥσπερ τὰ Ἄσματα τῶν ἀσμάτων προηγούμενον ἔχει σκοπὸν τὴν τῶν νοητῶν καὶ ὑπὲρ τὴν αἴσθησιν θεωρίαν, καὶ αἱ παροιμίαι τὰ τῶν ἀνθρώπων ἤθη ῥυθμιζειν. οὕτω καὶ οὗτος περὶ τῶν φυσικῶν ἐπιβάλλει διαλαμβάνειν, ὑπόθεσιν προστησάμενος τοὺς ἀκροατὰς πρὸς τὴν τῆς φύσεως χειραγωγεῖν κατανόησιν. Οὐ μὲν οὐδεμία τῶν τριῶν πραγματειῶν τῆς τῶν ἄλλων φιλοσοφίας διόλου ἀπήλλακται· ἀλλ' ἔστιν εὑρεῖν κὰν τοῖς ἠθικοῖς ἐπ' ἔλαττον μὲν ὅμως καὶ φυσικῶν καὶ θειοτέρων θεωρημάτων παράδοσιν· ὡσαύτως δὲ κὰν τῇ περὶ τῶν θειοτέρων φιλοσοφίᾳ ἠθῶν τε διακόσμησιν εὑρεῖν ἔνεστι κατεσπαρμένην καὶ δὴ καὶ φύσεως κατανόησιν· ἀλλά γε δὴ καὶ ᾧ τῆς φύσεως, ἔστιν ἀναθεωρεῖν τὴν ἀκολουθίαν καὶ τὸ ἐναρμόνιον οὐκ ὀλίγα λαβεῖν ἔστι τῶν διὰ τῆς παραινέσεως τὴν ἀναγωγίαν τοῦ ἤθους ἀνορθουμένων), и значеніе религіи въ научномъ образованіи, о чемъ онъ говоритъ между прочимъ въ тѣхъ же Quaestiones ad Amphilochium—напр. q. 149. Ср. патр. Германа соч. «Περὶ ὅρου ζωῆς». Въ этомъ сочиненіи, какъ и у Фотія въ указанномъ письмѣ къ Амфилохію, говорится между прочимъ о „мудрости“, которая предлагаетъ непреходящія сокровища и познаніе которой научаетъ распознавать добро и зло. Ἡ πρώτη σοφία—ἡ κατ' εὐσέβειαν,—говорится далѣе въ томъ же сочиненіи. Migne, S. G., t. 98, col. 89—92. Ср. Hergenröther. I. 325—6. Очевидно, что нѣтъ нужды въ комментаріяхъ, для того, чтобы видѣть связь между понятіями о философіи у Фотія съ одной стороны и у Константина философа съ другой. Ту же связь можно находить и въ другихъ мѣстахъ извѣстныхъ памятниковъ литературной дѣятельности съ одной стороны Фотія, а съ другой Константина философа.

*) Ср. также Hergenröther, I. 324 и сл.

**) Ж. К., IV гл.

***) Объ этомъ говоритъ самъ Фотій въ отвѣтномъ письмѣ къ папѣ Николаю по поводу вступленія своего на патріаршій престолъ. Говоря о „насиліи“, съ какимъ дѣйствовали относительно его избранія и возведенія на патріаршій престолъ, Фотій вспоминаетъ при этомъ удобства своей прежней жизни и говоритъ между прочимъ: „Усердіе, съ какимъ мои друзья собирались около меня, привлекало ко мнѣ и другихъ, прежде мнѣ вовсе неизвѣстныхъ лицъ, внушало имъ неземную жизнь и связывало ихъ узами дружбы; вѣроятно, они съ чистою совѣстію будутъ добромъ поминать меня и послѣ. Могу ли я безъ слезъ вспомнить объ этомъ? Когда я былъ дома, то съ величайшимъ наслажденіемъ смотрѣлъ, съ какою ревностью учились окружавшіе меня; съ какимъ вниманіемъ спрашивали меня; какъ упражнялись въ разговорахъ, съ помощію которыхъ пріобрѣтается навыкъ и правильнѣе выражается мысль. Радостно было для меня видѣть, какъ одни изощряли свой умъ математическими выкладками; какъ другіе изслѣдовали истину съ помощью философскихъ методъ; а третьи, изучая Священное Писаніе, устремляли свой умъ къ благочестію, этому вѣнцу всѣхъ прочихъ знаній (...Τῶν τοῖς θείοις λογίοις ἰθυνομένων τὸν νοῦν πρὸς εὐσέβειαν ὃ τῶν ἄλλων ἁπάντων ὑπάρχει πόνων ὁ καρπός). Такова была сфера, въ которой я постоянно обращался. Бывало пойду я во дворецъ, ученики мои провожаютъ меня до самаго входа и просятъ, чтобы я скорѣе вернулся. Считая подобную привязанность высшею и невыразимою наградою для себя, я старался оставаться во дворцѣ не болѣе, какъ того требовали дѣла. Когда я возвращался домой, то мое ученое общество ожидало уже меня у дверей. Тѣ изъ моихъ учениковъ, которые своими превосходными качествами пріобрѣли нѣкоторое право на короткое со мною обращеніе, замѣчали мнѣ, что я замедлилъ; другіе привѣтствовали меня; были и такіе, которые довольствовались тѣмъ, что я видѣлъ ихъ усердіе. Все это дѣлалось явно; отношеній моихъ не нарушали козни, не разстраивала ихъ зависть, не омрачала ихъ небрежность. Кто привыкъ къ такой жизни, можетъ

этихъ бесѣдъ онъ и сблизился съ Фотіемъ, такъ что отсюда начинается между ними та дружба, для опредѣленія которой характерно выраженіе, употребленное современникомъ Анастасіемъ Библіотекаремъ, называвшимъ Константина философа „fortissimus amicus" Фотія *). Отсюда, конечно, нужно предполагать и то вліяніе, которое могъ имѣть одинъ на другого—каждый въ послѣдующей своей жизни и дѣятельности. Естественно, что подобная же связь могла начаться и позже между Фотіемъ и Меѳодіемъ **), при посредствѣ можетъ быть Константина, одушевленнаго одною и тою же идеею дѣятельности вмѣстѣ съ своимъ братомъ—Меѳодіемъ.

Правда, нѣкоторые, исключительно западно-католическіе, ученые и писатели стараются представить св. солунцевъ, предъ отправленіемъ ихъ въ велико-моравскую миссію къ славянамъ, въ разрывѣ съ патріархомъ Фотіемъ и указываютъ новидимому на факты, которые будто бы подтверждаютъ эту мысль. Но эти факты, заимствуемые ими изъ не вполнѣ надежныхъ источниковъ и представляющіе большею частію только произвольныя толкованія съ предвзятою цѣлію, достаточно вѣрно оцѣнены въ нашей русской литературѣ ***) и едва-ли могутъ вызывать

ли тотъ желать перемѣны и безъ слезъ перенести ее? Всего этого я теперь лишенъ и оплакиваю такое лишеніе". Подлинникъ письма напечатанъ между прочимъ у Миня въ Patrolog. S. G., t. 102, col. 593 etc., также въ изданіи писемъ Фотія ὑπὸ I. N. Βαλέττα, 146 и слѣд. Ср. русскій переводъ Зернина, въ „Чтеніяхъ", стр. 25 и слѣд.

*) Anastas. Bibl. Praef. in conc. Const. 869 у Mansi, t. XVI. p. 6 (Qui, т. е. Фотій, quum a Constantino Philosopho, magnae sanctitatis viro fortissimo ejus amico, increpatus fuisset, dicente: cur tantum errorem in populum spargens, tot animas interfecisti?).

**) Т. е. послѣ того, какъ Меѳодій оставилъ свое „словѣнское княженіе" или „воеводство" и отправился на Олимпъ (малоазійскій) для иноческихъ подвиговъ, въ особенности же когда отправлялся въ велико-моравскую миссію, откуда даже, около 882—4 гг., предпринималъ нарочитое путешествіе въ Цареградъ, гдѣ съ великою честію и радостью былъ принятъ царемъ (Василіемъ Македонянимомъ) и патріархомъ (въ то время Фотіемъ). „Яко отъче чьстьныи, писалъ императоръ Меѳодію, вельми тебе желаю видѣти, то добро сътворн, потрудися до насъ, да тя видимъ, дондеже еси на семь свѣтѣ, и молитву твою приимемъ. Абие же шьдъшю ему тамо, принятъ и съ чьстью цьсарь великою и радостью, и ученіе его похвалн, удрьжа отъ ученикъ его попа и дьякона съ книгами. Вьсю же волю его сътвори, елико хотѣ, и не ослушавъ ни о чьсомь же, облюбнъ и одарь вельми, проводи и пакы славьно до своего стола. Тако же и патриархъ". Ж. М., XIII гл.

***) См. напр. въ соч. И. А. Лавровскаго „Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ" (Харьковъ, 1863 г.), стр. 184—215. Ср. также въ соч. И. И. Малышевскаго „Святые Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе" (Кіевъ 1886 г.), стр. 66 и слѣд.

какія-нибудь еще новыя возраженія. Фактъ внѣ сомнѣнія тотъ, что Константинъ философъ былъ вѣрнѣйшимъ другомъ Фотія, его „fortissimus amicus" (какъ выражается Анастасій Библіотекарь въ своемъ предисловіи къ Константинопольскому собору 869—70 г.), до самой своей кончины: иначе Анастасій Библіотекарь, переживній Константина философа, не могъ бы назвать его „fortissimus amicus" Фотія, послѣ 869 г., когда писалъ свое „предисловіе" и когда уже скончался св. Кириллъ. Ясно, что близкая связь между ними не прекращалась до самой кончины св. Кирилла, не прерывалась она вѣроятно у Фотія и съ Меѳодіемъ, до кончины послѣдняго, какъ объ этомъ можно предполагать на основаніи напр. пространнаго его житія, гдѣ, какъ мы видѣли, говорится о путешествіи его въ Цареградъ (между 882—4 гг.) и о благосклонномъ его пріемѣ царемъ (Василіемъ Македонянимомъ) и патріархомъ (Фотіемъ).

Впрочемъ, вся дѣятельность Меѳодія, какъ и его блаженно-почившаго брата, представляетъ собою ясное выраженіе тѣхъ идей, которымъ не только сочувствовалъ, но и дѣятельно помогалъ въ ихъ осуществленіи патр. Фотій. Извѣстно, что главная, заимѣтная идея, одушевлявшая св. солунцевъ, была идея въ широкомъ смыслѣ христіанско-просвѣтительная, а ей служилъ несомнѣнно и патр. Фотій. Было бы слишкомъ трудно исчислить всѣ факты въ подтвержденіе этой мысли, но не неумѣстно напомнить такіе, съ которыми въ близкой аналогіи и м. б. связи стоятъ примѣры изъ жизни и дѣятельности св. Первоучителей славянскихъ. Такъ, напр., извѣстно, что Фотій, какъ до своего патріаршества, такъ и послѣ, принималъ на себя правительственныя порученія и поддерживалъ свои личныя сношенія съ разными центрами на магометанскомъ востокѣ *), куда (къ сарацин-

*) Фотій въ письмѣ къ брату Тарасію самъ о себѣ говоритъ, что онъ былъ назначенъ въ посольство къ „Ассиріанамъ" (подданнымъ калифа) — т. е. или ко двору самого калифа въ Багдадъ, или къ одному изъ арабскихъ эмировъ. Hergenröther. I, 313. Апокрисіаріи іерусалимскій Илія на соборѣ константинопольскомъ 879 г. говорилъ о сношеніяхъ Фотія съ восточными эмирами, изъ писемъ которыхъ, предъявленныхъ на соборѣ, видно было вліяніе на нихъ христіанской проповѣди. См. тамъ же I, 313; ср. II, 598. Фотій сносился и съ арабскими эмирами на о. Критѣ. Тамъ же. Гергенретеръ, говоря объ этихъ сношеніяхъ, въ заключеніи замѣчаетъ, что сношенія затрогивали преимущественно интересы языческой литературы, что Фотій, слѣдовательно, интересовался ими больше какъ ученый, чѣмъ патріархъ, хотя въ тоже время,

намъ)—по желанію византійскаго двора—въ интересахъ религіозной миссіи былъ отправленъ Константинъ философъ, можетъ быть не безъ вліянія Фотія, бывшаго тогда государственнымъ секретаремъ *). Фотій, вѣроятно не безразлично, можетъ быть и съ полнымъ участіемъ относился къ козарской миссіи (къ козарамъ на юго-востокѣ нынѣ европ. Россіи) св. братьевъ, гдѣ происходили у нихъ диспуты по разнымъ религіознымъ вопросамъ съ іудеями, сарацинами и проч. А съ ними вообще интересовался поддерживать свои сношенія и самъ патр. Фотій **). Онъ заботился также объ охраненіи чистоты церковнаго преданія въ борьбѣ съ заблужденіями, новшествами и проч.,—еще съ юности подвергался гоненію и авваемъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и дядей отъ иконоборцевъ, велъ съ ними борьбу и вызывалъ на нее своихъ учениковъ; а съ однимъ изъ главныхъ представителей иконоборцевъ, бывшимъ патр. Аннѣемъ, велъ пренія и Константинъ философъ ***). Фотій пытался возсоединить армянъ—монофизитовъ съ православною церковію ****), защищалъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ одного Отца *****) противъ „іонаторской ереси", противъ которой такъ сильно и мужественно возставалъ Меѳодій особенно въ Панноніи и Моравіи******), осуждалъ также „трезычную ересь" *), которую энергично опровергали, защищая славянское богослуженіе, св. солунцы не только въ Моравіи и Панноніи, но и въ Венеціи и въ самомъ Римѣ **). Вообще фактовъ, сближающихъ дѣятельность св. солунцевъ съ дѣятельностью Фотія, можно находить не мало, и въ нихъ ясно выражается мысль не только о солидарности идей, но нерѣдко и дѣйствій ***), даже въ той именно сферѣ, которая была главнѣйшимъ объектомъ христіанско-просвѣтительной дѣятельности св. солунцевъ. Я разумѣю христіанизацію славянъ.

Несомнѣнно, что Фотій съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнесся къ этому вопросу. Трудно, конечно, за неимѣніемъ подробныхъ извѣстій, провѣрить документально то сообщеніе пространнаго житія Константина философа, по которому тогдашнее византійское правительство представляется инціаторомъ возбужденія вопроса о славянской азбукѣ ****). Но несомнѣнно, что слова моравскаго посольства, обращенныя къ царю Михаилу: „Отъ васъ бо на вся страны въсегда добрыи законъ исходитъ", а также слова царя въ отвѣтъ на вопросъ Константина философа („рядъ иду тамо, аще имуть, т. е. моравяне, буквы въ языкъ свои"): „Дѣдъ мои, и отецъ мои, и инии мнози, искавше того не обрѣли суть",—всѣ эти слова указываютъ по крайней мѣрѣ на возможность существованія въ тогдашней Византіи мысли о богослуженіи на народныхъ языкахъ, что уже постепенно забывала западная церковь и что даже порицала и преслѣдовала она напримѣръ среди славянъ въ вѣкъ св. Кирилла и Меѳодія и далѣе *****). Эта воз-

въ виду несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ о присутствіи религіозныхъ мотивовъ въ сношеніяхъ сарацинъ съ Византіею, допускаетъ, что сношенія „могли привосить пользу также христіанскимъ интересамъ".

*) Ж. К., VI гл. (о миссіи К. къ сарацинамъ. Годъ сарацинской миссіи К., посредствомъ исчисленія, получается 851). Ж. К. VIII—XI гл. (о козарской миссіи. Годъ козарской миссіи 860—61, когда Фотій былъ уже патріархомъ).

**) Hergenröther, I, 320: ср. еще 476 и сл.

***) Ж. К., V гл. (о пренія К. съ бывшимъ иконоборческимъ патріархомъ Аннѣемъ или Іоанномъ Грамматикомъ).

****) Hergenröther, I. 478 и сл.

*****) Начиная съ окружнаго посланія къ восточнымъ отъ 867 г. (Ἐγκύκλιος ἐπιστολή πρὸς τοὺς τῆς Ἀνατολῆς ἀρχιερατικοὺς θρόνους. Migne, S. G. t. 102, col. 721 и сл.) и кончая соч. Δόγος περὶ τῆς τοῦ Ἁγίου Πνεύματος μυσταγωγίας». Напечатано тамъ же, col. 280 и сл.)

******) Ж. М., XII гл. Ср. панскія письма Іоанна VIII (дек. 872—дек. 882) къ Меѳодію и ки. Святополку (отъ 879 и 880 гг.), особ. найденныя въ 1879 г. въ Британскомъ музеѣ и напечатанныя напр. въ хорв. „Starine" XII кн., также посланіе Стефана V (VI) къ Святополку въ годъ кончины Меѳодія и панскую инструкцію легатамъ, отправлявшимся въ то время въ Моравію, напечатанныя также въ „Starine". Подлинники нѣкоторыхъ писемъ—съ русскимъ переводомъ другихъ упомянутыхъ здѣсь документовъ см. напр. у Вильбасова „Кириллъ и Меѳодій", ч. I (Спб. 1862 г.). Обстоятельный разборъ ихъ см. напр. у Малышевскаго „Св. Кириллъ и Меѳодій" (Кіевъ 1886).

*) Въ соч. „Opusculum contra Francos" (напеч. Hergenröther, Monumenta graeca ad Photium. Ratisbonae, 1869). Въ § 19 осуждаетъ Фотій франковъ между прочимъ за то, что они „Δέγουσιν, μὴ δεῖν ἄλλαις γλώσσαις τὸ θεῖον γεραίρεσθαι, εἰ μὴ ταῖς τρισὶ ταύταις διαλέκτοις ἑβραϊστι, ἑλληνιστι, ῥωμαϊστί".

**) Ж. К., XV, XVI, XVII и XVIII гл.; Ж. М., гл. VI и др.; ср. также вышеупомянутыя панскія письма и др.

***) Цѣлый рядъ мѣткихъ сближеній изъ жизни и дѣятельности св. солунцевъ съ одной стороны и патр. Фотія съ другой см. наприм. въ ст. А. С. Будиловича „Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія". (въ Варш. „Меѳодіевскомъ Сборникѣ" 1885 г., и отдѣльно стр. 33—47).

****) Ж. К., XIV гл.; ср. Ж. М., V гл.

*****) Не безъинтересно съ этимъ сопоставить, кромѣ вышеприведеннаго осужденія Фотіемъ „трезычной ереси" франковъ, еще слѣдующія слова пространнаго житія К. Послѣ того, какъ Константинъ „сложилъ письмена" и съ своими „списѣпиниками" совершилъ переводъ евангельскихъ чтеній начиная съ Ев. Іоанна, „возвесели же ся царь по разъказу житія, и Бога прослави съ своими совѣтники, и посла и съ дары многы, написавъ к Ростиславу епистолью сице: Богъ, иже велитъ вся-

можность доказывается самымъ фактомъ появленія въ Византіи и воспитанія при тогдашней обстановкѣ такихъ вдохновенныхъ миссіонеровъ, какими были св. солунцы,—во всякомъ случаѣ съ востока, а не съ запада принесли они къ славянамъ благовѣстіе Христово на родномъ имъ языкѣ и въ особой славянской письменности. Это уже фактъ, который одинъ способенъ ослабить всѣ возраженія противъ „изсякновенія миссіонерскаго духа" въ тогдашней Византіи (можно пожалуй говорить объ ослабленіи миссіонерскаго духа, а не объ „изсякновеніи"). Но вопросъ все-таки не въ той или другой степени живости и ясности сознанія въ тогдашней Византіи необходимости миссіонерскаго дѣла, а въ томъ, что тогдашнее византійское правительство—и гражданское и церковное—интересовалось тѣмъ вопросомъ, который возбудили мораване своимъ посольствомъ, и отозвалось на просьбу моравянъ посылкою къ нимъ миссіонеровъ, между тѣмъ какъ Римъ въ лицѣ папы Адріана II (въ „епистоліи" къ Ростиславу, Святополку и Коцелу около 870—1 гг.) долженъ былъ откровенно заявить, что царь Михаилъ „посъла вамъ блажьнаго философа Костянтина и съ братъмь, дондеже мы не доспѣхомъ" *). Ясно такимъ образомъ различіе въ поведеніи Цареграда и Рима: оно было не случайно, а обусловлено характеромъ и направленіемъ той и другой церкви въ данную эпоху, обусловлено было въ частности и направленіемъ тѣхъ лицъ, которыя стояли во главѣ общегосударственнаго и церковнаго управленія. А мы знаемъ, что въ моментъ моравскаго посольства патр. Фотій занималъ выдающееся положеніе въ государствѣ и церкви и имѣлъ на ихъ дѣла большое вліяніе. Правда, въ пространныхъ житіяхъ (Паннонскихъ) Кирилла и Меѳодія руководственная роль приписывается царю Михаилу, но, зная его невоздержную жизнь и поведеніе, естественнѣе предполагать руководящее участіе Фотія и въ велико-моравской миссіи св. братьевъ, тѣмъ болѣе, что есть факты, указывающіе не только на связь его идей и дѣятвій съ идеями св. солунцевъ, но и на живой интересъ, съ какимъ онъ относился къ вопросу о христіанизаціи славянъ, бывшихъ—какъ извѣстно — предметомъ особой христіанской любви и настырской заботливости св. солунскихъ братьевъ.

Такимъ образомъ въ фактахъ участія патр. Фотія въ никольной жизни юнаго Константина и въ послѣдующей его дѣятельности, равно и въ дѣятельности Меѳодія, въ частности по вопросу ихъ велико-моравской миссіи къ славянамъ ясно выразилось сочувствіе его христіанизаціи славянъ. Но есть и другіе специальные факты, свидѣтельствующіе объ этомъ. Начнемъ, прежде всего, съ славянъ, ближайшихъ къ Византійской имперіи—славянъ болгарскихъ.

Извѣстно, что при нѣкоторомъ участіи Фотія вѣроятно совершилось крещеніе болгарскаго князя Бориса, или обращеніе его къ христіанству *). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Фотій принималъ живѣйшее участіе въ начальномъ моментѣ новой духовной жизни новокрещеннаго князя Бориса и его подданныхъ. Доказательствомъ служитъ его посланіе къ Борису. Содержаніе посланія настолько любопытно для разъясненія даннаго вопроса, что необходимо остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ его содержанія.

Въ своемъ посланіи къ Борису Фотій подробно излагаетъ сущность христіанской вѣры и нравственности, равно и практическія правила жизни всякаго человѣка-христіанина, въ особенности же государи **). При этомъ

кому, да бы въ разумъ истиньныи пришелъ, и на большии ся чинъ подвизалъ, видѣвъ вѣру твою и подвигъ, сътвори и нынѣ в наша лѣта, явль буквы въ ваш языкъ, его же не бѣ дано было, токмо въ первая лѣта, да и вы причтетеся великѣхъ язык҃ѣхъ, иже славять Бога своимъ языкомъ. И то ти послахомъ того, сму же и Богъ яви мужа честна и благовѣрна, книжна зѣло и философа. И се приимъ даръ болии, честнѣйши паче всего злата и сребра, каменья драгаго и богатьства преходящаго, и вонди с нимъ спѣшно утвердити рѣчь и всѣмъ срьдцемъ взискати Бога и обьщаго спасенія не отрини, но вся подвигни не лѣнитися, но ятися по истиньныи путь, да и ты приведъ я подвигомъ своимъ въ Божіи разумъ приимеши мзду свою в того мѣсто въ сии вѣкъ и в будущіи; за вся ты душа, хотящая вѣровати въ Христосъ Богъ нашь, отъ нынѣ и до кончины, и память свою оставляя прочимъ родомъ, подобно Костянтину царю великому". Письмо это, приписываемое въ житіи царю Михаилу, конечно въ томъ смыслѣ, что оно было послано отъ его имени Ростиславу, составлено м. б. самимъ Фотіемъ (ср. ниже одно подобное же изреченіе въ посланіи Фотія къ Борису), или м. б. при его участіи, когда онъ, будучи патріархомъ, присутствовалъ, вѣроятно, и на соборѣ по вопросу о велико-моравской миссіи св. братьевъ (ок. 862).

*) Ж. М., VIII гл.

*) Нѣкоторые думаютъ, что Борисъ принялъ крещеніе отъ самого патр. Фотія. См. напримѣръ Голубинскаго „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей—болгарской, сербской и румынской" (Москва 1871) стр. 26, ср. 211. Но единственное основаніе для этого отыскивается въ посланіи патр. Фотія къ Борису; другія же мѣста посланія, ниже приводимыя и у насъ въ текстѣ, не содержатъ опредѣленныхъ фактическихъ указаній на это, а характеризуютъ только архипастырскую заботливость Фотія о духовномъ преуспѣяніи Бориса, крещеннаго около 864—5 г. посланнымъ изъ Константинополя архіереемъ, вѣроятно при духовномъ участіи и самого Фотія.

**) Все посланіе раздѣляется на двѣ главныхъ части—вѣроучительную (1—26 гл.) и нравоучительную съ практическими наставленіями для всякаго человѣка христіанина и въ особенности государя (съ 27 по 118 гл. по однимъ, а по другимъ—по 114 гл.). Въ первой части Фотій излагаетъ Борису сущность

не лишне отмѣтить нѣкоторыя выдающіяся мѣста посланія, ясно свидѣтельствующія объ архипастырской заботливости Фотія, его ревности и широкой христіанской любви къ просвѣщенію и укрѣпленію въ вѣрѣ новообращеннаго князя Бориса и его подданныхъ. Такъ напр., убѣждая Бориса твердо держаться изложеннаго ему ученія христіанской вѣры, Фотій пишетъ: „Не дай намъ обмануться въ тѣхъ надеждахъ, которыя возбудила въ насъ твоя наклонность къ добру и твоя благопокорливость. Не сдѣлай тщетными нашихъ трудовъ и подвиговъ, которые мы съ радостью христіанской вѣры, затѣмъ—краткую исторію вселенскихъ соборовъ, какъ „учителей и защитниковъ благочестія, утверждающихъ чистое преданное древностію пониманіе православія", при самомъ изложеніи ихъ исторіи отмѣчаетъ время ихъ созванія, новодъ къ созванію, говоритъ о главныхъ дѣятеляхъ на этихъ соборахъ, приводитъ соборныя опредѣленія, направленныя противъ осужденныхъ ересей, сущность которыхъ онъ кратко излагаетъ. При этомъ Фотій убѣждаетъ князя, принадлежащаго—какъ онъ выражается—къ „вашей части благочестія", твердо держаться изложеннаго ученія.—Во второй части Фотій даетъ нравственно-практическія наставленія Борису, рисуя предъ нимъ идеалъ просвѣщеннаго человѣка и государя. Любовь къ Богу и ближнимъ—вотъ сущность христіанскаго закона. Отсюда Фотій совѣтуетъ избѣгать кровопролитія, убійствъ, хищничества, разстройства чужихъ браковъ, ложной клятвы. Эти обязанности требуются отъ всѣхъ людей, какого бы положенія въ обществѣ они ни были, „ибо безъ исполненія ихъ никакъ нельзя ни принадлежать къ части вѣрныхъ и любящихъ Бога, ни удостоиться небеснаго царствія". Далѣе Фотій говоритъ „о томъ, что особенно служитъ къ назиданію начальствующихъ, что съ особенною точностію должно ему самому соблюдать, какъ начальнику, и что увеличитъ его опытность и во (всемъ) прочемъ". „Начальствующій долженъ прензыточествовать совершенствами и благоправіемъ... Будь не только слушателемъ, пишетъ далѣе Борису Фотій, но и исполнителемъ прекрасныхъ и досточудныхъ дѣяній. Начемъ и здѣсь съ божественнаго. Молитва соединяетъ и сближаетъ насъ съ Богомъ... И такъ постоянно молись Богу наединѣ; молись и явно вмѣстѣ съ народомъ... Устрояй, по церковнымъ законоположеніямъ, храмы во имя Бога и святыхъ Его, и пріучай народъ собираться въ нихъ, чтобы, въ общемъ собраніи умилостивляя Бога и принося Ему общее славословіе, онъ сильнѣе возбуждался къ общему единодушію, и плодоносилъ общее спасеніе и пользу. Жертвоприношеніе нашей святой вѣры есть дѣло священниковъ. Если ты усердно будешь оказывать имъ содѣйствіе и помощь, то получишь отъ этого великое благодѣяніе и великую благодать. Вирочемъ и ты, если только захочешь, можешь принести Богу прекраснѣйшую и вожделѣннѣйшую жертву,—посвященіе Ему чистой жизни и праваго ума". подъяли для твоего спасенія. Да не будетъ того, чтобы ты, съ усердіемъ начавши принимать слова божественной проповѣди, премѣнилъ свое усердіе на безпечность. Но пусть видятъ и говорятъ, что конецъ соотвѣтствуетъ началу, что жизнь согласна съ вѣрою, что твоя власть равно благодѣтельна и для рода и для отечества твоего. Сохрани такимъ образомъ неизгладимую радость и веселіе мое о тебѣ". Ту же мысль онъ повторяетъ въ самомъ заключеніи вѣроучительной части посланія, гдѣ, убѣждая князя держаться принятой вѣры, высказываетъ, между прочимъ,

Фотій говоритъ вслѣдъ за этимъ о важности „въ дѣлѣ общественнаго управленія" ума, который нужно упражнять чрезъ размышленіе, воспоминаніе о прежде совершенныхъ дѣлахъ, собесѣдованіе и общеніе „съ людями мудрыми и опытными въ жизни". Совѣтуетъ не пренебрегать „какъ чѣмъ-то маловажнымъ, жестами, видомъ и движеніями тѣла".—„соблюдать приличіе и важность и въ выраженіи лица и въ убранствѣ волосъ и въ нарядахъ, не доходя, съ одной стороны, до изнѣженности и мелочной заботливости о нихъ, но и не впадая, съ другой стороны, въ небрежность, выходящую изъ границъ", и „въ походкѣ... соблюдать благочиніе, такъ чтобы движеніе не было обезображиваемо женственностію и разслабленіемъ и не отличалось суетливостію, безпорядочностію и неровностію". Совѣтуетъ также „остерегаться посѣщности въ словахъ", хранить „и слухъ и языкъ" „отъ всякаго сквернословія", въ частности „хранить языкъ отъ пректновенія", имѣть „слухъ отверзтымъ для терпящихъ обиды" и закрытымъ „для навѣтовъ и наговоровъ обидчиковъ", „отвращаться устъ льстивыхъ и клеветъ", „не заключать посѣщно дружбы", но „заключивши ее, всѣми способами сохранять ея узы неразрывными, неся всѣ тяготы ближняго, если только не влечетъ это опасности для души"; „отъ друзей слушать не то, что пріятно, а что истинно"; „отличать друзей отъ ласкателей" и вообще „предпочитать людей доброжелательныхъ ласкателямъ".—„Такимъ образомъ, продолжаетъ Фотій, ограждивши себя дружбою, будь непреклонно строгъ въ отношеніи къ преступникамъ противъ гражданъ и противъ общества, но къ виновнымъ противъ тебя будь сострадателенъ", ибо „долгъ царя и законной власти—преступленія „совершаемыя противъ нихъ, переносить человѣколюбиво, а преступленія противъ общества и гражданъ—разбирать и рѣшать со всею справедливостію"... „Чѣмъ больше кто имѣетъ власти, тѣмъ болѣе онъ долженъ прензыточествовать добродѣтелію". Совѣтуетъ „управлять подчиненными такъ, чтобы не на свое самовластіе, а на благорасположенность подданныхъ полагаться, ибо благорасположенность—лучшая и болѣе прочная опора власти, чѣмъ страхъ. Она пріобрѣтается стяжаніемъ добродѣтелей, трудами и заботами о подчиненныхъ". такъ что „и самъ будешь жить истинно по-царски и въ радости, и имъ устроишь жизнь свободную отъ навѣ-

достойный замѣчанія свой взглядъ на значеніе крещенія Бориса и ту заботливость, которую онъ проявлялъ въ отношеніи къ новообращенному князю. „И такъ ты, пишетъ Борису Фотій, какимъ именемъ назвать тебя, чтобы вполнѣ выразить любовь мою къ тебѣ?—послѣ того, какъ душа твоя озарилась свѣтомъ Божественнаго Духа, послѣ того, какъ ты приведенъ къ свѣту благочестія и совершилъ такое дѣло, чрезъ которое возвысился до дѣянія великаго Константина,—слѣдуй своей первоначальной мысли, намѣренію и благоразумію: стой твердо на камнѣ

та и беззаконныхъ притѣсненій, и на всѣ времена оставишь присноламятную о себѣ славу". Изъ законовъ слѣдуетъ „одобрять и вводить въ употребленіе отличающіеся особенною точностію"; „должно управлять съ твердостію, не наказывая, но представляясь взыскательнымъ". „Нѣкоторые, пишетъ Фотій, полагали достоинство правителя въ томъ, чтобы изъ малаго государства образовать большое, а я охотнѣе сказалъ бы: изъ дурнаго образовать прекрасное", а это послѣднее возможно „не иначе, какъ чрезъ прекраснаго правителя", вокругъ котораго стоящія „дурныя лица" „навлекаютъ подозрѣніе на его поведеніе". Не слѣдуетъ одобрять „ни въ комъ противозаконной жизни". „Образъ жизни правителей дѣлается закономъ для подданныхъ. Посему пороки народа ставятся въ вину правителю"... „Чего не сдѣлали руки многихъ и многократно, то совершилъ совѣтъ одинъ и въ одинъ разъ. Потому хорошій совѣтъ предпочитай множеству рукъ"... „Зависть—великій недугъ, для каждой души, а особенно въ лицахъ, облеченныхъ властію, она есть величайшій недугъ", но „нужно стараться быть предметомъ зависти", особенно правителю, который долженъ „отражаться стрѣлы не уменьшеніемъ добродѣтели, а смиреномудріемъ и отложеніемъ или ограниченіемъ великолѣпія и богатства только необходимыми предметами".—Фотій указываетъ далѣе особенности и признаки „прекраснаго судьи", а затѣмъ качества начальниковъ, правителей и князя. Совѣтуетъ князю „никогда скоро и безъ явной причины не измѣнять своего расположенія къ единоплеменникамъ". „Ибо, продолжаетъ онъ, хотя неизвѣстныя имъ причины и будутъ оправдывать твою перемѣну въ отношеніи къ нимъ, но не знающіе этихъ причинъ не ихъ будутъ обвинять въ твоемъ отчужденіи отъ нихъ, а станутъ винить слабость и легкомысліе твоей души". Совѣтуетъ „поставлять начальниками богатыхъ всякими добродѣтелями", „справедливѣйшихъ". Совѣтуя нравственное самоусовершенствованіе государю, Фотій говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Государю нужно разными способами выпѣдывать мнѣнія подданныхъ, и такимъ образомъ судить о своихъ дружескихъ связяхъ, управленіи и распоряженіяхъ: во-первыхъ касательно управленія своимъ домомъ; во-вторыхъ, касательно отношеній къ супругѣ, дѣтямъ и слугамъ, въ-третьихъ, касательно обращенія вѣры, на которомъ ты твердо назданъ Господомъ. Назидай на правой своей вѣрѣ благія дѣла и святую жизнь... Такъ мы тебя убѣждаемъ и тебѣ внушаемъ украшать вѣру добродѣтелями и добродѣтель освѣщать вѣрою". „Желалъ бы я самъ, пишетъ Фотій, быть съ тобою и наблюдать за твоими дѣйствіями, дабы непосредственно, лично узнавая о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, могъ больше утѣшаться и радоваться; если бы случилась какая нибудь ошибка, удобно безъ отлагательства могъ бы тебя склонить и сдѣлать способнымъ къ исправленію. Но такъ какъ

съ друзьями; въ-четвертыхъ, касательно отношеній къ сосѣдямъ, и въ-пятыхъ, касательно того, какъ онъ встрѣчаетъ и отражаетъ вражду, и, съ другой стороны, какъ оставляетъ вражду и примиряется". Совѣтуя также правителю заботиться обо всѣхъ подданныхъ безъ исключенія, „соблюдать неизмѣнимое единодушіе между подданными", дѣйствовать на подданныхъ „наказаніемъ, порицаніемъ, похвалою и, если угодно, благотвореніемъ", Фотій высказываетъ между прочимъ слѣдующее: „Какъ постыдно и унизительно вести себя слишкомъ фамильярно съ толпою, такъ же вредно и опасно постоянно вести себя гордо и казаться высокомѣрнымъ". Осуждаетъ „божбу" „какъ знакъ нетвердаго характера и неблагородной души", совѣтуетъ помнить полученное благодѣяніе и забывать оказанное самимъ, осуждаетъ „насмѣшки надъ благодѣяніями и несчастіями", обманъ въ отношеніи даже „къ врагамъ и непріятелямъ, нисколько не предвидѣвшимъ его", къ тому же „если они сами довѣряютъ", совѣтуетъ избѣгать соблазна „золотомъ", не нарушать „обѣщаній, сдѣланныхъ другимъ", „воздерживаться отъ успѣшныхъ обѣщаній", которыя „къ тому же свойственны тѣмъ, кому не очень довѣряютъ", „не дарить ничего противузаконно даже друзьямъ", не отсрочивать времени для оказанія милостей и не считать „милостями" „милости въ половину", не оставлять „въ пренебреженіи" тѣхъ, которымъ оказываемо было благодѣяніе. „Посему, говоритъ Фотій, для государя въ управленіи гораздо полезнѣе награждать своихъ подданныхъ по частямъ и въ продолженіи всей жизни, нежели вдругъ и въ одинъ разъ". Совѣтуетъ обуздывать въ себѣ гнѣвъ и „никогда никого даже справедливо не наказывать во гнѣвѣ". „Управляющему и повелѣвающему мужами, пишетъ Фотій, стыдно подчиняться женамъ и быть рабомъ похотей. Но кто живетъ съ тою, которую по закону пріобрѣлъ помощницей жизни,—тотъ не согрѣшаетъ. Безбрачіе—дѣло божественное, превышающее природу и выше гражданской доблести и исправности. Единоженство существуетъ въ человѣческомъ родѣ для продолженія рода, какъ узелъ общественной и человѣколюбивой жизни и благоустроеннаго государства. Многоженство же срамно и гнусно, и свойственно необузданности и нечистотѣ безсловесныхъ". Совѣтуетъ князю „на пьянство и роскошь правителей смотрѣть какъ на ко-

мое желаніе безсильно и многія преграды задерживаютъ мое стремленіе, то попытаюсь, какъ и обѣщалъ въ началѣ, письменно изложить свои наставленія, что и возможно для меня". Фотій при этомъ убѣждаетъ Бориса заботиться о томъ, чтобы и подданные его содержали то же вѣроученіе: „Должно тебѣ не только самому такъ мыслить и разумѣть, но и подчиненныхъ своихъ руководить къ такому же разумѣнію истины, совершенствовать въ той же вѣрѣ и всему предпочитать это стараніе и попеченіе. Воистину, долгъ государя заботиться не объ одномъ только собственномъ спасеніи, но имѣть заботу и о ввѣренномъ ему народѣ и руководить и вести его къ тому же самому совершенству въ богопознаніи".

Вышеприведенныя выдержки изъ посланія, какъ и вообще все его содержаніе, ясно свидѣтельствуютъ объ архипастырской заботливости Фотія о духовныхъ нуждахъ новопросвѣщеннаго болгарскаго князя и его народа. Замѣчательно, что въ посланіи не видно даже стремленія Фотія проводить какіе-либо политическіе взгляды своей имперіи; напротивъ, всѣ совѣты и убѣжденія его направлены къ тому, чтобы сообщить князю руководственныя правила дѣятельности для самостоятельнаго управленія и внутренняго процвѣтанія управляемой имъ страны. И все это писано было въ тотъ моментъ, когда только что пріостановлены были почти безпрерывныя военныя дѣйствія болгаръ противъ Византіи и когда вслѣдствіе соприкосновенія ихъ границъ и столкновенія разнаго рода интересовъ опять могли они снова возобновиться *). Правда, этими опасеніями и желаніемъ укротить воинственный пылъ враговъ Византіи, а также желаніемъ втянуть Болгарію въ сферу вліянія и интересовъ

раблекрушеніе для подданныхъ", „никого изъ людей, даже самыхъ простыхъ, никогда не доводить до отчаянія", „не погрѣшать и не отступать отъ праваго мнѣнія"; находить полезною „рачительность и заботливость въ невольныхъ трудахъ", „избѣгать грѣха не только отъ стыда предъ народомъ, но и отъ стыда предъ самимъ собою", „остерегаться остроумія, потому что оно неприлично, и дѣлаетъ насъ болѣе презрѣнными, нежели пріятными". Затѣмъ, касаясь опять отношеній правителя къ подданнымъ, Фотій совѣтуетъ „благодѣтельствовать подданнымъ и охранять ихъ какъ нервы государства и какъ члены свои собственные; ибо если между ними пропойдутъ разрывы, то вмѣстѣ съ тѣмъ и власть будетъ въ опасности разрушенія". „Если замышляются, продолжаетъ Фотій, возстанія, которыя не легко погасить, то гораздо лучше, подъ видомъ незнанія, предавать ихъ забвенію, нежели торжественно преслѣдовать". „Правитель и тогда, когда дѣла его идутъ хорошо и успѣшно, долженъ безпокоиться и заботиться о нихъ, какъ во время опасности. А когда они впадаютъ въ замѣшательство и безпорядокъ,—онъ долженъ заботиться и стараться о возстановленіи и исправленіи ихъ". Затѣмъ даетъ наставленіе „не надмѣваться во время успѣховъ, но смиреномудріемъ украшать достоинство успѣха и укрощать пламень въ завистникахъ", быть осторожнымъ при начинаніи какихъ-либо новыхъ „распоряженій". „Когда же будетъ настоятельная нужда, пишетъ Фотій, и когда для правителя необходимо будетъ нововведеніе, и если общество обрѣтаетъ великую пользу и радость отъ этого, тогда безъ всякаго колебанія и опасенія нужно совершать оное". Совѣтуетъ считать „благорасположеніе подданныхъ сильнѣе и надежнѣе оружія, мужества и войска". А „благополучіе подвластныхъ свидѣтельствуетъ о высокой мудрости и справедливости власти". Заканчивая свое посланіе, Фотій убѣждаетъ Бориса признавать „Виновникомъ своего благополучія въ частной и общественной жизни Бога"—„ского рѣшнаго Помощника".

Въ заключеніе Фотій кратко перечисляетъ общее содержаніе вышеизложенныхъ наставленій: „Вотъ, благородное и законное чадо моихъ духовныхъ болѣзней, предлагаю тебѣ изъ многаго немногое, какъ бы нѣкіе божественные знаки моей любви и отеческаго отношенія къ тебѣ и какъ бы первообразныя скрижали добродѣтели. Взирая на нихъ, сообразуясь и согласуясь съ ними, ты безъ труда будешь видѣть, какія изъ дѣйствій содѣлываютъ душевную красоту цвѣтущею, и какія изъ нихъ, подобно пятнамъ и морщинамъ, обезображиваютъ и искажаютъ ее. Одни изъ нихъ изглаживая, а другія начертывая, ты содѣлаешь себя не истинѣ живымъ и прекраснымъ украшеніемъ боголюбезнаго общества и для меня пріятнѣйшимъ и для всѣхъ благочестивыхъ предметомъ удивленія и бесѣды. Посему, воздѣвая руки къ небесамъ и принося Богу вмѣсто жертвы мою любовь и трудъ относительно тебя, и происходящую отсюда славу Божію, умоляю тебя пребыть точнымъ исполнителемъ и вѣрнымъ хранителемъ моихъ надеждъ и внушеній". Кратко затѣмъ исчисливъ, такъ сказать схематически, вышеприведенныя наставленія, Фотій заключаетъ посланіе слѣдующимъ общимъ обращеніемъ къ Борису: „Не только для своихъ подданныхъ будь образцемъ и примѣромъ всякой добродѣтели и благочестія, но и для всего послѣдующаго рода человѣческаго будь добрымъ и великимъ назиданіемъ, производящимъ доброе и великое"...

Мы изложили по возможности содержаніе всего посланія, не входя, однако, въ нѣкоторыя весьма любопытныя и замѣчательныя по психологическому анализу подробности его. Въ греческомъ подлинникѣ посланіе напечатано, напримѣръ, у Migne, S. G., t. 102, col. 627—696, у Valetta, 200—48. Русскій переводъ посланія см. въ „Духовной Бесѣдѣ за 1859 г., №№ 5 (125—34), 7 (204—218), 11 (333—44), 12 (363—71) и 13 (391—98).

*) Ср. безпристрастную оцѣнку отношеній патріарха Фотія къ Борису въ соч. М. П. Соколова „Изъ древней исторіи болгаръ" (Спб. 1879).

Имперіи подсказаны были можетъ быть ея правительству вообще примирительные планы по отношенію къ Болгаріи; но, однако, самый тонъ посланія Фотія, какъ и всѣ его подробности предполагаютъ въ немъ присутствіе другихъ мотивовъ, вызываемыхъ христіанско-архипастырскою ревностію Фотія о благѣ и духовныхъ нуждахъ новоприбрѣтенныхъ чадъ церкви. Объ этомъ также свидѣтельствуетъ и та духовная радость Фотія, съ какою онъ извѣщаетъ восточныхъ патріарховъ въ извѣстномъ своемъ окружномъ посланіи (отъ 867 г.), что и „варварскій народъ болгаръ" приступилъ къ вѣрѣ Христовой (букв. христіанъ) *). Это онъ пишетъ даже послѣ того, какъ Болгарія, вслѣдствіе обращенія князя Бориса въ 866 г. къ Риму, была, такъ сказать, наводнена латинскими священниками, которые изгоняли отсюда греческое духовенство и вводили догматическія особенности, церковные обряды и обычаи римской церкви. Въ томъ же окружномъ посланіи къ восточнымъ патріархъ Фотій высказываетъ твердую надежду, что „новообращенные ко Христу и озаренные свѣтомъ крещенія болгары возвратятся къ возвѣщенной (букв. переданной) имъ вѣрѣ" **). Далѣе Фотій пишетъ, что „не только этотъ народъ (болгары) перемѣнилъ свое прежнее нечестіе на вѣру Христову, но даже прославленные многими и въ жестокости и кровожадности оставляющіе за собою всѣхъ, такъ называемые Россы (τὸ Ῥῶς), которые, поработивъ себѣ вокругъ находящихся и потому чрезмѣрно возмнивъ о себѣ, подняли руки и противъ Римской державы,—въ настоящее время даже и они перемѣнили прежнее нечестивое еллинское (т. е. языческое) пенѣріе на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію ставъ въ чинѣ послушныхъ намъ и нашихъ друзей, вмѣсто недавняго грабежа и великой дерзости противъ насъ. И до такой степени возгорѣлось въ нихъ желаніе и ревность вѣры (о чемъ вмѣстѣ съ Павломъ я сказалъ бы: Благословенъ Богъ во вѣки), что приняли и епископа и пастыря и съ великимъ стараніемъ и любовію усвояютъ (букв. привѣтствуютъ) вѣрованія христіанъ" ***).

Слѣдовательно, и Русь или „россы"—по греческому подлиннику посланія Фотія—обязаны были ему своимъ просвѣщеніемъ; во всякомъ случаѣ Фотій, вѣроятно, отправилъ къ нимъ епископа, утверждавшаго ихъ въ вѣрѣ Христовой. Вопросъ только въ томъ: кого нужно разумѣть подъ „россами" Фотіева посланія,—варяго-руссовъ ли кіевскихъ съ князьями и Аскольдомъ и Диромъ, какъ утверждаютъ одни ****), или черноморскихъ русскихъ, напримѣръ въ Тамани, какъ доказываютъ другіе? *).

Конечно, для насъ, или точнѣе—для нашихъ выводовъ не безразлично то или другое ученое мнѣніе. Въ случаѣ предпочтенія правильности перваго мнѣнія можно скорѣе и легче понять степень участія Фотія въ христіанизаціи славянъ, входившихъ въ составъ кіевскихъ варяго-русскихъ дружинъ. А при второмъ предположеніи участіе Фотія въ христіанизаціи нашихъ предковъ представляется менѣе яснымъ, такъ какъ присутствіе славянской стихіи въ Тамани, или точнѣе—близъ нея, основывается болѣе всего на предположеніяхъ. Во всякомъ случаѣ нужно признать, что Фотій имѣлъ архипастырское попеченіе о той странѣ и народѣ, который оставилъ свое наслѣдіе на нимъ предкамъ-русскимъ славянамъ. Можно также предполагать, что и современные Фотію славяне-русскіе могли быть свидѣтелями его просвѣтительной дѣятельности, направленной на „дальнесѣверный" народъ, тотъ народъ, который подступалъ къ Константинополю въ 861 г. (или по др. 864—865 г.) **), и отступилъ отъ осады при видѣ чуда спасенія византійцевъ, слушавшихъ проповѣдь Фотія, раскаявшихся и вмѣстѣ съ нимъ молитвенно участвовавшихъ при освобожденіи столицы отъ „варваровъ" ***). Не слышали-ли проповѣди Фотія во

*) Посланіе напечатано наприм. у Migne, S. G. t. 102, col. 721—42 (ср. Βαλέττα, 165—181), 3 гл.

**) Тамъ же. 35 гл.

***) Тамъ же.

****) См. наприм. подробную аргументацію въ этомъ направленіи у преосвященнаго Макарія „Исторіи христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра" (2-е изд. Спб. 1868 г.), стр. 209—237. Ср. „Четыре бесѣды Фотія" (Спб. 1864 г.) архимандрита (впосл. ен.) Порфирія Успенскаго, стр. 62 и слѣд.

*) См. наприм. у Е. Е. Голубинскаго „Исторія русской церкви" (Москва 1880 г.), т. I (1-я пол.), стр. 16—33.

**) Относительно года нападенія „россовъ" на Константинополь существуетъ также разногласіе, какъ и по вопросу о мѣстѣ, откуда прибыли нападающіе „россы". Цифры въ скобкахъ указываютъ годъ, принимаемый большинствомъ ученыхъ (см. у преосв. Макарія), а внѣ скобокъ стоитъ вѣроятный, указываемый наприм. Голубинскимъ, годъ нападенія „Россовъ" на Константинополь.

***) „Что это? (такъ начинаетъ Фотій свою первую бесѣду по случаю нашествія Россовъ). Что за пораженіе столь пагубное? Что за гнѣвъ столь тяжкій? Откуда упалъ на насъ этотъ дальносѣверный и страшный неруинъ? Какія сгущенныя тучи страданій! И какія судьбы крѣпкимъ трепіемъ взаимнымъ воспламенили на насъ эту зіяющую молнію? Откуда нахлынуло это варварское, сгущенное и грозное море... самихъ людей губящее жалостно и весь родъ нашъ истребляющее горестно?" Затѣмъ, указывая на грѣхи, которые „уменьшаютъ племена", Фотій между прочимъ говоритъ: „И какъ не терпѣть намъ страшныхъ бѣдъ, когда мы убійственно разсчитались съ тѣми (т. е. съ русскими, живущими въ Константинополѣ), которые должны были намъ что-то малое, ничтожное?" См. „Четыре бесѣды Фотія" архимандрита Порфирія Успенскаго (Спб. 1864 г.), 1 гл., стр. 1—2. Во второй бесѣдѣ (по случаю нашествія россовъ), разъясняя ту же мысль о ниспосла-

время осады оставшіеся можетъ быть въ городѣ славяне или—всего вѣроятнѣе—не поняли-ли они силы этой проповѣди послѣ чуда спасенія, приведшаго ихъ собственно къ вѣрѣ Христовой, послѣ того, какъ они обратились за этимъ въ Константинополь? А въ проповѣди Фотія и въ другихъ его устныхъ наставленіяхъ они могли слышать и видѣть силу того христіанскаго одушевленія, которое онъ обнаружилъ въ частности и въ моментъ нападенія „россовъ" на столицу. Не невѣроятно, что въ числѣ слышавшихъ были и славяне, которые позже получили отъ своихъ объединителей и вождей имя русскихъ. Во всякомъ случаѣ, изъ окружнаго посланія Фотія къ восточнымъ извѣстно также и то

нін „бѣды" за грѣхи, Фотій говоритъ между прочимъ: „Она (т. е. бѣда) совершенно непохожа на другія нападенія варваровъ; напротивъ, и нечаянность нашествія, и чрезвычайная быстрота его, и безчеловѣчность варварскаго народа и жестокость его дѣйствій, и свирѣпость права, доказываютъ, что пораженіе, какъ громовая стрѣла, было ниспослано съ неба" (1 гл., стр. 15). Но „варвары", какъ ниже опять замѣчаетъ Фотій, „справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе сонлеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары, равной злодѣянію" (II гл., стр. 17). Затѣмъ, изображая далѣе картину разоренія, грабежа и убійствъ, совершенныхъ нападавшими, Фотій говоритъ (въ III гл.) о нихъ наприм. слѣдующее: „Народъ, ничѣмъ не заявившій себя, народъ непочетный, народъ, считаемый наравнѣ съ рабами, не именитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, незначительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несмѣтное, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ, не имѣющій стражи (внутренней), неукорізненный, безъ военнаго искусства, такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши, и какъ вепрь истребилъ живущихъ здѣсь, словно траву, или тросникъ, или носѣвъ", и т. д. (стр. 18—19). Но послѣ раскаянія во грѣхахъ послѣдовало спасеніе, которое Фотій изображаетъ слѣдующими словами: „Когда же мы перемѣнились, когда совѣсть свою поставили неподкупнымъ судіей грѣховъ своихъ и, ослабленную, признали ее побѣдительницею, совершивъ отступленіе внутрь себя самихъ, когда умоляли Бога литіями и пѣснопѣніями, когда съ сокрушеніемъ сердца приносили покаяніе, когда во всю ночь, поднявъ руки къ Богу, просили у него помилованія, возложивъ на него всѣ надежды свои; тогда избавились отъ несчастія, тогда сподобились отмѣны постигшихъ насъ золъ, тогда узрѣли разсѣяніе грозы и уклоненіе отъ насъ гнѣва Господня, увидѣли удаленіе враговъ нашихъ и освобожденіе города, которому угрожало расхищеніе и разореніе тогда... Когда это? когда мы, лишенные всякой помощи и не имѣющіе никакой

что „россы" (ранѣе 867 г.) приняли къ себѣ и епископа *). Не ясно-ли теперь, что Фотій имѣлъ непосредственное пастырское отношеніе и къ тому „дальносѣверному" народу, который впослѣдствіи, при св. князѣ Владимірѣ, принялъ христіанство изъ той же Византіи, не только болѣе или менѣе значительными группами, но цѣлыми массами и скоро почти въ цѣлой совокупности?

Наконецъ, нельзя не отмѣтить также того факта, что и сербы съ хорватами, частью уже христіане со временъ Ираклія (со второй четверти VII в.) и, послѣ вѣроятно слѣдовавшаго за этимъ отпаденія ихъ (или можетъ быть нѣкоторой ихъ части), снова принявшіе христіанство изъ Византіи при императорѣ Василіи Македонянинѣ (867—886), были можетъ быть также свидѣтелями тѣхъ архипастырскихъ заботъ Фотія, какія проявлялъ онъ въ защитѣ правъ церковной юрисдикціи цареградскаго патріархата въ Далмаціи и другія занятыя сербо-хорватами земли, защищая независимость мѣстной церкви отъ притязаній Рима **). Правда, борьба здѣсь кончилась со временемъ не въ пользу тѣхъ желаній, какими одушевленъ былъ Фотій, но такой исходъ борьбы былъ и не въ пользу народнаго, именно хорватскаго дѣла, сопровождаясь

помоги отъ людей, воодушевлялись надеждами на одну Матерь Слова и Бога нашего, Ее просили умолить Сына и умилостивить за грѣхи наши, Ея дерзновеніе призывали во спасеніе, Ее умоляли покрыть насъ покровомъ своимъ какъ стѣною нерушимою и сдержать дерзость варваровъ, смирить ихъ гордость, защитить отчаянный народъ и побороть за собственную паству ея, когда Ея ризу носили всѣ до одного вмѣстѣ со мною для отраженія осаждающихъ и защиты осажденныхъ и усердно совершали прилежныя моленія и литіи: тогда по неизреченному человѣколюбію, при Матеремъ дерзновеннѣмъ ходатайствѣ, и Божество преклонилось, и гнѣвъ Его утихъ, и помиловалъ Господь достояніе свое. По истинѣ, эта досточтимая одежда есть риза Богоматери. Постлала она вокругъ этихъ стѣнъ: и непріятели непостижимо какъ обращали свой тылъ. Покрывала она городъ: и насынь ихъ разсыпалась, какъ по данному знаку. Пріосѣняла она осажденныхъ: и осада непріятелей не удавалась сверхъ чаянія, которымъ они окрылялись. Ибо, какъ только двственная риза эта обнесена была по оной стѣнѣ, и варвары спали осаду города, и мы избавились отъ ожидаемаго плѣна, и сподобились нечаяннаго спасенія". (VI гл., стр. 23—24).

*) См. выше слова окружнаго посланія. Гдѣ находилась учрежденная при Фотіи епископская каѳедра у россовъ,—см. мнѣніе по этому вопросу у преосвященнаго Макарія и у г. Голубинскаго въ цит. выше соч.

**) См. напримѣръ письмо Фотія къ архіепископу-митрополиту аквилейскому Вальперту. Migne, S. G. t. 102, col. 794—822. Ср. Hergenröther, II, 633—650.

усиленіемъ латинизаціи *) и постепеннымъ ослабленіемъ славянской церкви въ Далмаціи **) и пр. Послѣдующая исторія хорватовъ, невольно можетъ быть связавшихъ свою судьбу съ Римомъ и западно-европейскою культурою и вслѣдствіе этого потерявшихъ свою духовную независимость, должна естественно вызывать у всѣхъ славянъ сожалѣніе, но въ тоже время и благодарное воспоминаніе объ усиліяхъ Фотія отстоять права своего патріархата на западныя окраины Балканскаго полуострова. Не будь этихъ усилій, можетъ быть та же участь постигла бы и тѣсно съ хорватами и ихъ ближайшихъ сородичей—сербовъ, а затѣмъ и болгаръ. Не даромъ же паны въ свое время, а въ новѣйшее время ихъ ученые защитники увѣряютъ, что Далмація нужна была также и для того, чтобы чрезъ нее ближе связать съ Римомъ Болгарію ***). Къ счастію, однако, это не удалось, и сербы съ болгарами, несмотря на всевозможныя усилія Рима склонить ихъ къ западу, окончательно примкнули къ востоку. А кто можетъ отрицать, что въ борьбѣ за духовную независимость Балканскаго полуострова отъ притязаній Рима Фотій принималъ живѣйшее участіе и своимъ участіемъ въ этомъ отношеніи содѣйствовалъ, хотя бы и косвенно (т. е. защищая права цареградскаго патріархата), направленію этого вопроса въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ является достояніемъ послѣдующей исторіи и современности?

Такимъ образомъ Фотій, какъ видно изъ указанныхъ фактовъ и нѣкоторыхъ историческихъ соображеній, имѣлъ ближайшее отношеніе къ судьбамъ современнаго ему славянства. Характеръ его отношеній къ славянству былъ таковъ, что съ его именемъ и дѣятельностію связывается начальный историческій моментъ духовной свободы и независимости значительной части славянъ, съ любовью и радостью покорившихся христіанской проповѣди св. славянскихъ Первоучителей Меѳодія и Кирилла, изъ которыхъ послѣдній—какъ положительно извѣстно—оставался до самой своей кончины вѣрнѣйшимъ другомъ Фотія (fortissimus amicus). Если мы—славяне, прославляя своихъ св. Первоучителей, въ частности торжественно отпраздновали въ 1862 г. тысячелѣтіе со времени изобрѣтенія славянской азбуки и прибытія ихъ къ моравскимъ славянамъ на проповѣдь, а особенно въ 1885 г. —тысячелѣтіе со времени блаженной кончины св. Меѳодія, то не слѣдуетъ-ли намъ благоговѣйно вспомнить и учителя нашихъ св. Просвѣтителей, достойно почтить его тысячелѣтнюю память и при этомъ оживить тѣ историческія воспоминанія, какія въ насъ невольно возбуждаютъ факты отношеній Фотія въ частности къ славянству. Можетъ быть, эти факты вызонутъ и нѣкоторыя размышленія при видѣ настоящихъ аномалій въ отношеніяхъ между греками съ одной стороны и славянами съ другой.

Стоитъ, однако, нѣсколько остановиться на этомъ и указать на возможность нѣкоторыхъ практическихъ выводовъ по этому вопросу, т. е. по вопросу объ отношеніи между греками и славянами, имѣя въ виду примѣръ Фотія и его отношеніе къ славянству.

Кому неизвѣстно, что антагонизмъ напр. между греками и болгарами достигъ такого напряженнаго состоянія, которое по крайней мѣрѣ не соотвѣтствуетъ историческимъ представленіямъ объ общности культурныхъ интересовъ греко-славянскаго міра. Національная борьба, по поводу церковнаго вопроса, между греками и болгарами, разрѣшившаяся провозглашеніемъ въ 1872 г. „схизмы“ и политическимъ освобожденіемъ Болгаріи благодаря только самоотверженію Россіи, теперне только не утихаетъ, но продолжается иногда съ не меньшимъ чѣмъ прежде напряженіемъ и вызываетъ послѣдствія, которыя во всякомъ случаѣ не обѣщаютъ благъ мира, но крайней мѣрѣ отодвигаютъ все далѣе желательный моментъ примиренія. Правда, возникали иногда частныя попытки къ примиренію, но онѣ разбивались о твердыню сопротивленія, исходящаго главнымъ образомъ отъ руководящихъ вождей и предстателей той и другой стороны.

Нѣкоторыя надежды на примиреніе подавали, напримѣръ, сами греки, когда, съ „вопаревшемъ“ въ Болгаріи „палочниковъ“ во главѣ со Стамболовымъ, процессія слухъ о федераціи балканскихъ государствъ. Къ этой федераціи привлекали и Грецію, а вмѣстѣ съ этимъ конечно предносился планъ и о примиреніи, безъ котораго не могла бы осуществиться и мысль о федераціи. Но дѣло само собою разстроилось вслѣдствіе эфемерности самой мысли и неестественности всѣхъ этихъ затѣй, сочиненныхъ кажется только пылкою фантазіею мѣстныхъ публицистовъ или болѣзненныхъ патріотовъ-дипломатовъ съ цѣлью запугать Россію. А дальнѣйшія событія показывали и показываютъ, что моментъ примиренія еще не наступилъ и—къ сожалѣнію—искусственно оттягивается. Стоило только болгарамъ добиться у Порты бератовъ для

*) Т. е. уже послѣ убійства хорватскаго князя Седеслава Браниміромъ (около 879 г.), который завязалъ съ Римомъ сношенія, прерванныя было при Седеславѣ, поддерживавшемъ политическія и церковныя связи съ Цареградомъ. При Седеславѣ состоялось историчное крещеніе хорватовъ священниками, присланными изъ Цареграда. Не для этихъ-ли славянъ, или ихъ ближайшихъ сородичей-сербовъ императоръ Василій оставилъ славянскія книги, принесенныя Меѳодіемъ изъ Моравіи (около 882—884 гг.) въ Цареградъ?

**) Ср. дѣянія сплѣтскихъ соборовъ при папѣ Іоаннѣ X (914—928) и Александрѣ II (1061—1072), направленныя между прочимъ противъ славянскаго языка въ богослуженіи. Разборъ этихъ дѣяній см. напримѣръ у Лавровскаго „Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ“ (Харьковъ 1863 г.), стр. 499 и слѣд., а также въ моей статьѣ „Кирилло-Меѳодіевскія преданія у юго-западныхъ славянъ латинскаго обряда“ въ „Христ. Чт.“ за 1885 г., № 3—4.

***) Hergenröther, II, 608 и слѣд.

двухъ митрополитовъ въ Македоніи (въ Скопье и Охриду), тотчасъ возгорѣлась между противниками полемика, которая напоминаетъ печальныя времена обострѣнія греко-болгарской распри. И замѣчательно, что теперь, въ тяжелые дни испытаній для константинопольской патріархіи, когда турецкое правительство опять подняло вопросъ объ ограниченіи нѣкоторыхъ привилегій, данныхъ еще завоевателемъ Константинополя Магометомъ II-мъ, печать греческая, да и самъ патріархъ, рядомъ съ оцѣнкою новѣйшихъ мѣропріятій турецкаго правительства, протестуютъ противъ выдачи бератовъ болгарскимъ епископамъ въ Македоніи, и на этомъ протестѣ, какъ видно, сосредоточиваютъ теперь значительную долю своего вниманія. Отсюда, между прочимъ, ясно, какъ еще мало расположена та и другая сторона къ примиренію: одна (болгарская), основываясь на провозглашенномъ въ Турціи (по Гатти-гумайюну 18 февраля 1856 г.) принципѣ свободы исповѣданія, на султанскомъ фирманѣ (1870 г.) объ учрежденіи болгарскаго экзархата, въ частности на законномъ правѣ свободнаго отправленія богослуженія на славянскомъ языкѣ и стремленіи къ охраненію своей народности отъ эллинизаціи,—не соглашается на уступки разъ пріобрѣтенныхъ правъ, а другая (греческая), имѣя въ виду примѣры церковной практики и каноновъ церковныхъ, относительно соотвѣтствія между политическими границами народовъ и церковно-административнымъ ихъ устройствомъ (т. е. въ политическихъ границахъ государства можетъ быть и самостоятельная православная церковь), также—хотя и силою или при посредствѣ дипломатической ловкости патр. Самуила I—присвоенныя права исторической давности власти патріарха въ предѣлахъ славянскаго населенія Македоніи и пр. *), главное же, преслѣдуя при этомъ интересы эллинизма въ Македоніи, не желаетъ входить въ компромиссы, но, настаивая на этомъ, сама не замѣчаетъ, что впадаетъ въ противорѣчіе, когда протестуетъ на почвѣ „каноновъ“ противъ признаваемыхъ ею „схизматиковъ“—болгаръ. Вѣдь что-нибудь одно: или нѣтъ „схизмы“ (тогда протестъ имѣетъ нѣкоторую силу), или если провозглашенная „схизма“ остается въ силѣ, тогда протестъ предполагаетъ другіе мотивы—съ политической и національной подкладкой. А на этой почвѣ бываетъ нерѣдко такъ, что конецъ спорамъ полагаетъ иногда успѣхъ того или другого оружія. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, настоящія отношенія между греками и болгарами представляютъ на нашъ взглядъ аномалію, одинъ изъ печальныхъ симптомовъ болѣзни въ отношеніяхъ греко-славянскихъ...

Если мы обратимся теперь отъ болгаръ къ сербамъ, то въ ихъ настоящихъ отношеніяхъ къ грекамъ замѣчаемъ больше миролюбія, а можетъ быть и общности извѣстнаго рода интересовъ. Не разъ въ печати носились слухи, что сербы и греки заключаютъ союзъ для общности дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, въ частности, напримѣръ, для размежеванія сферъ вліянія и дѣйствій въ Македоніи. Трудно, конечно, судить о томъ, сколько тутъ дѣйствительной правды и гдѣ границы между сенсаціонными политическими слухами и реальною дѣйствительностію. Во всякомъ случаѣ, фактъ болѣе мирныхъ отношеній между сербами и греками не подлежитъ сомнѣнію. А стоитъ, напримѣръ, сербамъ настойчиво возбудить недавно поднятый въ ихъ прессѣ вопросъ о возстановленіи границъ сербской (печской или ипекской) патріархіи, и отношенія къ нимъ грековъ примутъ тотъ же характеръ, что и къ болгарамъ,—основанія протеста будутъ выставлены тѣ-же, что и въ греко-болгарской распрѣ. Слѣдовательно и отъ новѣйшей смѣлой мысли нѣкоторыхъ сербовъ въ пользу возстановленія границъ печской патріархіи можно ожидать теперь только усложненій, безпѣльныхъ по идеѣ и вредныхъ по своимъ послѣдствіямъ для православнаго міра.

Во всякомъ случаѣ, какъ ни непріятно, слѣдуетъ, однако, констатировать фактъ продолжающагося антагонизма между греками и славянами Балканскаго полуострова. Можно безъ труда видѣть, что и причины его основываются не на различіи культурныхъ задачъ, а на спорныхъ историческихъ правахъ, предъявляемыхъ тою или другою народностію (т. е. и греками, и болгарами, и сербами), на политико-государственныхъ ихъ идеалахъ и пр. Слѣдовательно, причины антагонизма зависятъ въ извѣстной степени и отъ недоразумѣній, невѣрныхъ историческихъ познаній, обычныхъ человѣческихъ страстей—эгоизма тѣхъ или другихъ дѣятелей, даже политическихъ интересовъ партій, и пр. Очевидно, что все это имѣетъ мѣсто въ отношеніяхъ греко-славянскихъ...

Какъ поэтому пріятно и поучительно вспомнить, что было время, когда этого не было, или, по крайней мѣрѣ, когда это не такъ было замѣтно, несмотря на столкновенія, или—когда тѣ или другіе болѣзненные симптомы въ этихъ отношеніяхъ препобѣждались силою другихъ дѣйствующихъ факторовъ или вліяній. Въ этомъ отношеніи примѣръ Фотія представляетъ не мало поучительнаго. Несмотря на то, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ враждебныхъ отношеній болгаръ къ Византіи (при самомъ же Борисѣ, который принялъ изъ Византіи крещеніе тотчасъ послѣ войны съ греками, при патр. Фотіи), несмотря на то, что онъ, какъ вообще ученый, былъ хорошо знакомъ съ исторіей предшествующихъ нападеній болгаръ и вообще балканскихъ и другихъ сѣверныхъ славянъ на области имперіи и даже ея столицу (какъ напримѣръ при Крумѣ съ 802—7 до 815 г.), онъ, однако, старался освободиться отъ этихъ тяжелыхъ воспоминаній, когда заходила рѣчь о христіанскомъ просвѣщеніи „варваровъ“, проявлялъ особую заботливость и попеченіе о спасеніи новопріобрѣтенныхъ чадъ церкви и пр. Про-

*) Т. е. послѣ уничтоженія автокефальныхъ архіепископій—печской (1766 г.) и охридской (1767 г.).

тивники Фотія и защитники папства обвиняютъ его въ честолюбивыхъ замыслахъ, сказавшихся будто бы и въ заботливости его о Болгаріи. Но кто можетъ отрицать тотъ общеизвѣстный фактъ исторіи, что изъ Цареграда славяне приняли къ себѣ проповѣдниковъ Евангелія на своемъ родномъ языкѣ, положившихъ начало образованію самостоятельныхъ славянскихъ церквей „дондеже Римъ не доспѣ". Изъ Цареграда же болгаре получили перваго самостоятельнаго архіепископа (хотя и въ церковной зависимости отъ цареградскаго патріарха) на соборѣ 869—70 гг., между тѣмъ какъ Римъ въ продолженіе 866—69 гг. отклонялъ моментъ обѣщаннаго удовлетворенія просьбы Бориса на счетъ самостоятельнаго архіепископа-патріарха и такимъ образомъ приведенъ былъ къ извѣстному рѣшенію болгарскаго церковнаго вопроса на соборѣ 869—70 г. Такимъ образомъ Фотій умѣлъ и желалъ стать выше національныхъ предубѣжденій, выступилъ на встрѣчу примиренію даже съ заклятыми доселѣ врагами имперіи, и его ревность въ этомъ отношеніи, поддержанная высшими государственно-церковными соображеніями правительства, встрѣтила откликъ и въ душѣ Бориса, съ котораго собственно и начинается исторія духовнаго и культурнаго единенія болгаръ съ греками, несмотря на послѣдующій политическій ихъ антагонизмъ въ исторіи и національныя пререканія даже въ настоящее время.

Послѣ всего сказаннаго позволительно спросить: не вызоветъ-ли примѣръ Фотія, хотя бы въ моментъ тысячелѣтія со времени его кончины, подражателей—въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ дѣйствовалъ въ частности для примиренія двухъ враждующихъ народностей (т. е. грековъ и болгаръ)? Не найдутся, можетъ быть, люди такого широкаго, всеобъемлющаго ума, образованія и энергіи, но естественно пожелать, чтобы явились люди съ тѣмъ же духомъ христіанской любви, съ тою же широтой христіанскаго разумѣнія аномалій, которыя выразились, напримѣръ, въ пресловутой „схизмѣ", съ сознаніемъ необходимости уступокъ, которыя, вытекая изъ христіанской любви, могли въ свое время привести и Бориса къ взаимнымъ уступкамъ. Съ другой стороны, въ годовщину тысячелѣтія со времени кончины патр. Фотія и чрезъ тысячу слишкомъ лѣтъ послѣ свободнаго отреченія отъ болгарскаго престола Бориса (въ 888 г.) *), естественно также пожелать, чтобы и среди болгаръ мужественно и открыто выступили лица, подобныя въ нѣкоторомъ отношеніи Борису, напоминающія его, напримѣръ, по силѣ христіанскихъ убѣжденій, истиннымъ одушевленіемъ идеею духовнаго просвѣщенія своей страны и народа, исканіемъ христіанскихъ идеаловъ конечно не въ политическихъ авантюрахъ. . **)

*) Послѣдніе дни своей жизни († 2 мая 907 г.) Борисъ окончилъ въ монастырскомъ уединеніи и послѣ кончины былъ впослѣдствіи прославленъ святымъ.

**) Нужно замѣтить, что Борисъ, сдѣлавшись христіаниномъ, отказался отъ политики завоеваній своихъ предшественниковъ (напр. Крума и др.). Въ этомъ отношеніи ему не всегда слѣдовали отчасти неумѣренные въ преслѣдованіи цѣлей расширенія границъ своего государства его преемники, даже столь прославленный въ болгарской исторіи сынъ его Симеонъ, извѣстный своимъ покровительствомъ духовному просвѣщенію въ Болгаріи и вообще своимъ содѣйствіемъ политическому и нравственному возвышенію страны, но не менѣе извѣстный также и своими нерѣдко безцѣльными военными дѣйствіями и завоеваніями. Борисъ же, принявъ христіанство, всецѣло стремился—по возможности—проникнуться его духомъ и требованіями, помня, вѣроятно, наставленія, преподанныя ему, между прочимъ, и патр. Фотіемъ.

Къ царствованію Бориса, какъ извѣстно, относится начало христіанско-просвѣтительной миссіи въ Болгаріи учениковъ св. Кирилла и Меѳодія, изгнанныхъ послѣ кончины послѣдняго изъ Моравіи и нашедшихъ себѣ благосклонный и радостный пріемъ у князя Бориса *)

*) Для характеристики отношеній Бориса къ ученикамъ св. Кирилла и Меѳодія, прибывшимъ въ Болгарію (вѣроятно въ 886 г.), не излишне напомнить напр. слѣдующія слова такъ называемой Болгарской легенды или пространнаго греческаго житія (пис., вѣроятно, архіеп. болгарскимъ Ѳеофилактомъ въ концѣ XI и нач. XII в.) св. Климента, одного изъ учениковъ св. Первоучителей славянскихъ.—Разсказавъ объ обстоятельствахъ изгнанія изъ Моравіи учениковъ св. Кирилла и Меѳодія и о прибытіи ихъ въ Бѣлградъ къ Боритикану—воеводѣ Бориса, авторъ продолжаетъ: „Такъ какъ Боритиканъ, выслушавъ разсказъ (ихъ), получилъ объ нихъ понятіе какъ о мужахъ великихъ и приближенныхъ къ Богу, то и счелъ необходимымъ отправить чужестранцевъ сихъ къ болгарскому князю Борису, у котораго онъ служилъ воеводою; ибо онъ зналъ, что Борисъ жаждетъ таковыхъ людей. И такъ, давши имъ успокоиться отъ дальняго пути, онъ послалъ князю этотъ многоцѣнный даръ, объяснивъ ему, что это именно такіе люди, которыхъ онъ съ великимъ усердіемъ ищетъ. Когда они пришли къ Борису и были приняты съ почестію, подобающею людямъ, всякаго уваженія и почитанія достойнымъ, князь разспрашивалъ объ ихъ приключеніяхъ; и они разсказали ему о всемъ съ начала до конца, не опустивши ничего. Князь, выслушавши это, усердно благодарилъ Бога, пославшаго таковыхъ служителей своихъ какъ благодѣтелей Болгаріи, даровавшаго учителей и насадителей вѣры, людей, не какихъ-нибудь обыкновенныхъ, но исповѣдниковъ и мучениковъ. Давши имъ священническія одежды и оказавши всякую почесть, приказалъ опредѣлить жилища, назначенныя для первыхъ изъ его друзей, и предоставилъ имъ во всемъ изобиліи пользоваться всѣмъ необходимымъ, вполнѣ понимая, что развлеченіе мысли заботою о какой-нибудь маловажной потреб-

Ковчно среди правящей теперь въ Болгаріи шайки „палочниковъ" трудно искать людей, одушевленныхъ завѣтами св. князя Бориса-Михаила. Но не къ этимъ узурпаторамъ власти и ихъ самозванному князю, минимому наслѣднику царственныхъ традицій болгарской исторіи, можетъ быть сдѣлано обращеніе, а къ живымъ, ясно сознающимъ смыслъ своего культурнаго бытія и развитія болгарамъ, которые лучше помнятъ завѣты отдаленнаго начинателя своей христіанской жизни и культуры и потому способнѣе разрѣшить свою національно-церковную распрю съ греками. Слѣдуетъ при этомъ только помнить, что ни идея панболгаризма, ни идея панэллинизма не должны быть руководящими на пути къ высшему духовному примиренію. Къ сожалѣнію, въ томъ и другомъ повинны обѣ стороны, и нерѣдко больше даже сторона, стоящая на стражѣ интересовъ „вселенскаго престола, которые, однако, среди тѣхъ же болгаръ охранялъ нѣсколько иначе, тысячу слишкомъ лѣтъ тому назадъ, знаменитый патріархъ Фотій, а потомъ и нѣкоторые другіе его преемники, даже почти на нашихъ глазахъ приснопамятный патріархъ Григорій VI.

1891 ГОДЪ.

Въ 1891 г. состоялось 8 засѣданій, въ томъ числѣ пять — 6 и 26 февраля, 7 апрѣля, 12 мая и 1 декабря — торжественныхъ. Въ этихъ засѣданіяхъ происходило слѣдующее:

I.

27 ЯНВАРЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Объявивъ засѣданіе открытымъ, г. предсѣдатель объяснилъ, что болѣзнь помѣшала ему собрать своевременно собраніе для утвержденія смѣты прихода и расхода суммъ Общества въ 1891 г. и для рѣшенія текущихъ дѣлъ, и что нынѣ онъ проситъ гг. членовъ, прибывшихъ въ собраніе, выслушать и утвердить означенную смѣту на 1891 г. и постановить рѣшеніе по текущимъ дѣламъ.

Доложенная, затѣмъ, смѣта прихода и расхода суммъ Общества въ 1891 г., собраніемъ утверждена единогласно, безъ измѣненій.

За симъ г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія собранія, что по случаю бывшаго въ 1890 г. необыкновеннаго наводненія въ Чехіи и, въ особенности, въ Прагѣ, наше Общество не осталось равнодушнымъ къ потерпѣвшимъ отъ наводненія Чехамъ и поспѣшило послать имъ въ пособіе 1.000 р. изъ остатка отъ суммъ, поступившихъ въ Общество „въ пользу черногорцевъ и другихъ славянъ, нуждавшихся по случаю неурожая". Совѣтъ, присовокупилъ графъ Н. П. Игнатьевъ, позволяетъ себѣ надѣяться, что собраніе одобритъ такое его распоряженіе и утвердитъ этотъ расходъ.

Собраніе утвердило это распоряженіе Совѣта и избрало въ дѣйствительные члены предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ.

Послѣ того г. предсѣдатель объяснилъ собранію, что на изданіе русско-славянскаго календаря на 1890 г. было израсходовано до 4.600 р., съ позаимствованіемъ онаго изъ издательскаго капитала имени П. С. Аксакова, и что къ 25 января капитала этого состоитъ на лицо всего 997 р.; на изданіе-же славянскаго календаря на 1891 г. потребуетъ-

---

ности тѣлесной весьма много отнимаетъ отъ занятій, посвященныхъ Богу; а имъ самимъ овладѣло сильное желаніе каждый день бесѣдовать съ ними, узнавать отъ нихъ древнія повѣствованія и житія святыхъ и уставы ихъ перечитывать то, что находится въ писаніяхъ"... Затѣмъ, говорится далѣе о другихъ проявленіяхъ вниманія, христіанской любви и расположенія Бориса и его сына Симеона къ христіанско-просвѣтительной миссіи въ Болгаріи учениковъ св. Кирилла и Меѳодія. Греческій текстъ житія съ русскимъ переводомъ см., напр., у Бильбасова „Кириллъ и Меѳодій" ч. II (Спб. 1871), стр. 291 и слѣд. ср. 358 и слѣд. (16 гл.).—Однимъ словомъ, лучшею во внутреннемъ, христіанско-куль-

турномъ отношеніи порою для Болгаріи было время царствованія Бориса, подготовившаго и „золотой вѣкъ" Симеонова царствованія, за которымъ, однако, несмотря на умъ и энергію Симеона († 927), скоро послѣдовало распаденіе Болгаріи при его преемникѣ-сынѣ Петрѣ († 969) и вслѣдъ затѣмъ первое ея паденіе (971 г.). Несомнѣнно, что чрезмѣрныя стремленія Симеона къ завоеваніямъ, достаточно не обезпеченнымъ со стороны сосѣдей-враговъ и не связаннымъ крѣпко съ центромъ державы, рядомъ съ другими факторами паденія, причинили также не малый вредъ мирному развитію и дальнѣйшему политическому существованію Симеоновой державы послѣ Петра.

ся до 1.000 р. Чтобы сохранить капиталъ имени Аксакова, ради дорогой для насъ памяти Ивана Сергѣевича, Совѣтъ призналъ неудобнымъ расходовать его на календарь 1891 г. и предположилъ—позаимствовать необходимую на его изданіе сумму до 4.000 р. изъ запаснаго капитала, съ возвратомъ въ оный всѣхъ поступленій отъ продажи календаря. Такъ какъ для разрѣшенія вопроса о позаимствованіяхъ изъ запаснаго капитала, требуется согласіе собранія, при условіи большинства ¾ голосовъ присутствующихъ членовъ, то Совѣтъ и проситъ дать таковое согласіе.

Собраніе, обсудивъ всесторонне это предложеніе Совѣта, постановило: предоставить Совѣту позаимствовать изъ запаснаго капитала требуемую на изданіе календаря на 1891 г. сумму 4.000 р., съ возвратомъ оной изъ вырученныхъ отъ продажи календаря денегъ, и. вмѣстѣ съ тѣмъ, поручило Совѣту обсудить вопросъ о дальнѣйшемъ изданіи календарей и доложить собранію свое по оному заключеніе.

Вслѣдъ за симъ, предсѣдатель Издательской Комиссіи довелъ до свѣдѣнія собранія, что съ 1887 г. существуетъ въ Петербургѣ русско-славянскій книжный складъ, основанный хорватомъ К. Ю. Геруцемъ для развитія книжныхъ торговыхъ сношеній съ славянскимъ міромъ, о чемъ Славянское Общество постоянно, съ самаго своего основанія, не переставало заботиться, но всѣ его попытки въ этомъ родѣ не имѣли до сего времени успѣха, что благодаря ночину и энергіи г. Геруца, при небольшихъ сравнительно средствахъ и оказаннаго нашимъ Обществомъ пособія, книжный складъ его изъ года въ годъ выростаетъ въ своихъ операціяхъ, въ чемъ имѣется удостовѣреніе особой комиссіи, осмотрѣвшей этотъ складъ и его торговыя книги и документы, и что въ настоящее время, г. Геруцъ проситъ временной помощи, въ видѣ ссуды, до 2.000 р., для того, чтобы складъ свой превратить въ приличный книжный магазинъ. Издательская Комиссія, съ своей стороны находя необходимымъ поддержать просьбу г. Геруца, полагала бы выдать ему, занмообразно, 2.000 р.

Вопросъ о выдачѣ г. Геруцу ссуды въ 2.000 р., по всестороннемъ его обсужденіи, рѣшенъ собраніемъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Въ заключеніе, г. предсѣдатель сдѣлалъ собранію докладъ о томъ, что въ торжественномъ собраніи, 25 ноября 1890 г., была присуждена первая Кирилло-Меѳодіевская премія въ 1.500 р. проф. А. С. Будиловичу за представленное имъ на соисканіе преміи сочиненіе: „Объ единствѣ славянскаго литературнаго языка“ Въ объявленіи о конкурсѣ на соисканіе преміи не было указано источника, изъ котораго слѣдовало-бы выдать эту премію.

Въ виду того, что всѣ суммы отъ продажи жизнеописанія св. Кирилла и Меѳодія поступаютъ въ запасный капиталъ, Совѣтъ и позволилъ себѣ позаимствовать 1.500 р., впредь до рѣшенія собранія, изъ запаснаго капитала. Нынѣ Совѣтъ проситъ утвердить его распоряженіе по большинству ¾ голосовъ присутствующихъ въ собраніи гг. членовъ.

По одобреніи и утвержденіи этого расхода, г. предсѣдатель продолжалъ: Издательская Комиссія признала необходимымъ издать премированное сочиненіе А. С. Будиловича, за счетъ Общества, на что потребуется около 1.500 р., съ выдачею ему гонорара по 30 р., за листъ или по приблизительному разсчету тоже 1.500 р., Совѣтъ, раздѣливъ мнѣніе Комиссіи о необходимости изданія этого сочиненія, въ засѣданіи, 11 января 1891 г., постановилъ: представить на благоусмотрѣніе собранія два предположенія: 1) или предложить Антону Семеновичу издать его сочиненіе на счетъ Общества и предоставить въ его распоряженіе всѣ печатные экземпляры, за исключеніемъ 50 экз., которые должны остаться въ распоряженіи Общества, или 2) пріобрѣсти у г. Будиловича право на первое изданіе его сочиненія за 1.500 р., и, затѣмъ, напечатать это сочиненіе за счетъ Общества, что составитъ новый расходъ приблизительно до 3.200 р. Доводя о всемъ этомъ до свѣдѣнія собранія, Совѣтъ проситъ разрѣшить вопросъ: какъ поступить въ данномъ случаѣ: выдать-ли А. С. Будиловичу въ видѣ гонорара 1.500 р. и, затѣмъ, напечатать его сочиненіе за счетъ Общества, т. е. истратить около 3.200 р., или же только напечатать его сочиненіе за счетъ Общества и, за тѣмъ, всѣ экземпляры, за исключеніемъ 50, передать въ его распоряженіе, т. е., истратить 1.500 р., съ отнесеніемъ въ обоихъ случаяхъ всѣхъ расходовъ на запасной капиталъ Общества.

По выслушаніи этого доклада, собраніе постановило принять второе предложеніе Совѣта о пріобрѣтеніи отъ г. Будиловича права на первое изданіе названнаго сочиненія и напечатать его за счетъ Общества, съ позаимствованіемъ на обѣ эти издержки до 3.200 р. изъ запаснаго капитала.

II.

6 ФЕВРАЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Залитый электрическимъ свѣтомъ Александровскій залъ городской Думы былъ украшенъ по хорамъ множествомъ орифламъ съ гербами славянскихъ странъ. На эстрадѣ была установлена, по обычаю, хоругвь св. равноапостольныхъ Меѳодія и Кирилла, Просвѣтителей славянъ.

Торжественное собраніе почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященные—Леонтій, архіепископъ холмскій и варшавскій и

Сергій, архіепископъ херсонскій и одесскій, преосвященные епископы: Германъ, членъ св. Синода, Владиміръ, самарскій и ставропольскій, Антоній, выборгскій, ректоръ с.-петербургской духовной академіи, и Григорій, ковенскій, высокопреподобные архимандриты: Иосифъ, настоятель здѣшней греческой церкви, Герасимъ, трапезундскій, и Арсеній, казначей александро-невской лавры, знатное столичное духовенство, государственный контролеръ Т. Н. Филипповъ, членъ государственнаго совѣта А. Ѳ. Бычковъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ П. Н. Батюшковъ, М. Г. Черняевъ, М. И. Семевскій, М. А. Хитрово, Д. К. Цанковъ, не мало членовъ болгарской и сербской колоній въ Петербургѣ, члены Славянскаго Общества и до 700 посторонникъ посѣтителей.

Почетное предсѣдательство въ собраніи, по просьбѣ графа Н. П. Игнатьева, благоволилъ принять на себя высокопреосвященный Леонтій.

Послѣ исполненія хоромъ г. Архангельскаго священной пѣсни: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра-", съ благословенія маститаго іерарха, собраніе было открыто графомъ Н. П. Игнатьевымъ слѣдующею рѣчью:

„Ваше высокопреосвященство,
милостивѣйшіе архипастыри и отцы,
милостивые государыни и государи.

Мы, члены Славянскаго Общества, собрались сегодня воздать подобающую честь приснопамятному Фотію, святѣйшему патріарху константинопольскому, по случаю исполнившагося 1000-лѣтія его блаженной кончины.

Не мало трудовъ стоило ученымъ опредѣлить годъ смерти патріарха Фотія. Теперь, впрочемъ, почти всѣ на востокѣ и на западѣ согласны въ томъ, что кончина константинопольскаго святителя падаетъ на 891 годъ. Что касается дня памяти его, то, къ счастію, сохранился до насъ одинъ весьма древній синаксарь греческаго происхожденія, гдѣ, подъ 6 числомъ февраля, написано: „память св. Варсонуфія и св. отца нашего архіепископа константинопольскаго Фотія".

Итакъ, нынѣ исполнилось ровно 1.000 лѣтъ со дня кончины великаго патріарха. Говоримъ: великаго. Да, славенъ и великъ Фотій святитель не для грековъ только, родныхъ ему, а и для всего православнаго міра. Онъ принималъ самое живое участіе во всемірно-историческихъ церковныхъ событіяхъ своего времени; онъ искусивше и рѣшительнѣе всѣхъ современныхъ ему іерарховъ востока и запада отклонялъ честолюбивыя притязанія папъ римскихъ на неограниченную власть надъ всею Церковію и съ успѣхомъ отстоялъ православіе греческой Церкви отъ напора нововведеній римскихъ; его дѣятельность имѣла громадное вліяніе на славянскіе народы вообще, и на русскій народъ въ частности.

Поэтому мы, русскіе, не можемъ остаться безучастными къ памяти константинопольскаго патріарха Фотія. Для насъ, членовъ Славянскаго Общества, есть и особенный долгъ въ прославленіи имени его: святитель Фотій былъ учителемъ и другомъ нашихъ Первоучителей, просвѣтителей славянъ Меѳодія и Кирилла. Онъ благословилъ ихъ на этотъ апостольскій подвигъ. Онъ разрѣшилъ и употребленіе славянскаго языка для книгъ священнаго писанія и богослуженія, дозволивъ славянамъ, въ противоположность запада, „славить Бога своимъ языкомъ", по выраженію соборной грамоты. Уже одно это дало поводъ нашему Славянскому Обществу, еще въ прошломъ году, возбудить вопросъ о чествованіи памяти великаго іерарха, для чего сегодня мы и собрались.

Велика честь, выпавшая на долю нашего Общества, отпраздновавшаго уже два историческихъ тысячелѣтія: 1-е—въ 1869 г.—кончины Кирилла-философа — и 2-е—въ 1885 г.— кончины св. Меѳодія, равноапостольныхъ Просвѣтителей славянскихъ.

Между дѣятельностію патріарха Фотія и славянскихъ Первоучителей—съ одной стороны, и началомъ исторической христіанской жизни Руси и прочихъ славянъ—съ другой, существуетъ самая тѣсная связь. Въ силу этой связи сегодняшній юбилей является прямымъ воспослѣдованіемъ предшествовавшихъ славянскихъ торжествъ. Въ послѣдующихъ чтеніяхъ о. Преображенскаго и проф. Пономарева, которыя будутъ предложены вашему вниманію, высказанныя мною мысли будутъ развиты подробнѣе.

Въ концѣ засѣданія, если позволитъ время, будетъ сдѣлано сообщеніе еще о другомъ юбилеѣ—100-лѣтія старопечатной кириллицы.

Заключаю обращеніе мое къ вамъ слѣдующими словами: Слава Фотію, святѣйшему патріарху константинопольскому. Великому борцу за православіе—слава!

Послѣ пѣнія, по гречески: „Господи помилуй" свящ. В. Х. Преображенскій прочиталъ рѣчь, посвященную памяти святителя Фотія.

Послѣ небольшаго перерыва, собраніемъ избраны въ дѣйствительные члены общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

За симъ, послѣ исполненнаго хоромъ г. Архангельскаго: „Тебѣ Бога хвалимъ", проф. А. И. Пономаревъ прочиталъ рѣчь объ отношеніяхъ между западною и восточною церквами въ IX вѣкѣ и въ частности объ отношеніяхъ между патріархомъ константинопольскимъ Фотіемъ и папою римскимъ Николаемъ I.

Объ рѣчи, печатаемыя ниже, выслушанныя присутствующими съ живѣйшимъ вниманіемъ, были покрыты восторженными рукоплесканіями.

Во время собранія была получена телеграмма изъ Харькова, отъ профессора Безсонова, слѣдующаго содержанія:

„Въ память блаженнѣйшаго Фотія желаемъ, чтобы выполненіе задачъ народной жизни соединялось у славянъ съ греческою твердостію православнаго христіанства".

За недостаткомъ времени, чтеніе статьи: „100-лѣтіе старопечатной кириллицы", было отложено.

Въ заключеніе хоръ г. Архангельскаго исполнилъ нѣсколько славянскихъ пѣсенъ и гимнъ свв. Кириллу и Меѳодію.

1) Рѣчь о. В. Х. Преображенскаго:

Святѣйшій Фотій, цареградскій патріархъ.

(† 891 г. 6 февраля).

Помнинайте наставники ваша, учитъ великій апостолъ Церкви святой. Нынѣ исполнилось ровно тысяча лѣтъ со дня блаженной кончины приснопамятнаго наставника, первосвятителя цареградскаго Фотія. Нынѣ поэтому болѣе благовременно, чѣмъ когда либо, вспомнить объ этомъ великомъ учителѣ и святителѣ Церкви православной, да взирающе на скончаніе жительства его, будемъ имѣть твердое основаніе подражать вѣрѣ его.

Какъ у отдѣльныхъ личностей, такъ и у цѣлыхъ племенъ и народовъ бываютъ свои благодѣтели. Эти послѣдніе имѣютъ всѣ права на благодарную признательность къ нимъ грядущихъ поколѣній. Безъ сомнѣнія, горячее и искреннее желаніе вспомнить и почтить намять великаго цареградскаго святителя Фотія собрало и насъ сюда. А это и дастъ намъ поводъ, хотя кратко, изложить жизнь, труды и подвиги этого по истинѣ великаго іерарха, красу и славу Церкви православной.

Фотій родился въ Царьградѣ въ первой четверти IX вѣка. Родители его, Сергій и Ирина, принадлежали къ знатной греческой фамиліи. Но краше всего было ихъ благочестіе. Неизмѣнно пребывали они вѣрными завѣтамъ Церкви православной, несмотря на стѣсненія, лишенія и злострадапія. Тяжелое тогда переживалось время въ Византіи. Шла горячая и запальчивая борьба партій. Боролись тогда междоусобно греки за почитаніе честныхъ иконъ. Византійское императорское правительство стало на сторону иконоборцевъ. Въ духѣ того времени оно стало тѣснить иконопочитателей. „Соборъ еретическій, воспоминалъ Фотій, сонмище иконоборцевъ анаѳематствовали насъ, и не насъ только, но и отца и дѣда нашего (патріарха Тарасія), исповѣдниковъ Христовыхъ, украшеніе архіереевъ". Съ церковной почвы гоненія переносились и въ общественную среду. Мѣры насилія тутъ были совсѣмъ не рѣдкостію. Конечно, при такихъ условіяхъ жизни, не мало нужно было имѣть мужества, твердости и преданности Церкви святой, чтобы безъ ропота выносить злострадапія. Таковыми душевными качествами славились и родители Фотія. Понятно, какое вліяніе они оказывали на малютку сына. Этотъ послѣдній съ благодарнымъ чувствомъ вспоминаетъ, что „прежде всего призывали его къ добродѣтели отецъ, который для православной и истинной вѣры, отказавшись отъ богатства и почестей, согласился все терпѣть и скончался мученически въ изгнаніи, и матерь боголюбивая, привязанная къ добродѣтели и ревностная, ни въ чемъ не отставшая отъ своего супруга".

На помощь родителямъ въ воспитаніи и обученіи сына пришла и тогдашняя школа. Правда, въ низшей гражданской школѣ того времени какъ будто замѣтны были уже новыя вѣянія. Традиціонный букварь и начатки вѣры православной вытѣснялись изъ школы. „Дѣти у насъ воспитываются въ нечестивомъ ученіи, но выданной учителямъ книгѣ", жаловался современникъ отроческихъ лѣтъ Фотія, преп. Ѳеодоръ Студитъ. Ясно, что онъ разумѣлъ иконоборческія вѣянія. Но крѣпкіе устои неизмѣннаго церковнаго духа и направленія представляли изъ себя школы монастырскія не только низшія, но и высшія. Тутъ, напримѣръ, въ школѣ студійской обители, „слово Божіе преуспѣвало и общество учениковъ улучшалось". Это прекрасное мѣсто, пишетъ современникъ почти Фотія, но истинѣ было подобно разнообразному и цвѣтущему саду, содержащему въ себѣ всякаго рода разумныя растенія, на которыхъ съ пользою красовались всякаго рода познанія, какъ бы зрѣлые плоды, ибо вмѣстѣ съ высокимъ общежительнымъ благочестіемъ и надлежащимъ дѣятельнымъ любомудріемъ, ученики не оставались несвѣдущими и въ словесныхъ наукахъ, но занимались изученіемъ грамматики, также философскими упражненіями и заучиваніемъ наизусть отеческихъ мыслей, при помощи которыхъ они могли опровергать пустословныя нелѣпости всякой ереси, составляя истинныя сужденія и умозаключенія". Въ монастырской школѣ учились не иноки только, но и міряне. Эти послѣдніе выходили въ міръ и несли съ собою пріобрѣтенныя знанія. Часто они и сами становились частными учителями и преподавателями наукъ. Нѣтъ словъ, наука греческая во времена иконоборцевъ пришла къ упадку. Но любитель знанія еще могъ найти себѣ учителя и внѣ монастырской школы.

Неизвѣстно, у кого и гдѣ учился Фотій. Одно ясно, прошелъ онъ курсъ обученія въ духѣ православной партіи. Это значитъ, онъ изучилъ по установившимся программамъ семь свободныхъ искусствъ и закончилъ школьное образованіе богословіемъ. Многіе сотоварищи Фотія проходили такой же курсъ наукъ; но ни одинъ не прошелъ его съ такимъ успѣхомъ. Фотій отъ природы надѣленъ былъ блестящими способностями. Къ этому присоединилъ онъ необычайное прилежаніе. Въ этомъ отношеніи и недруги Фотія отдаютъ ему полную справедливость, заявляя, что онъ цѣлыя ночи проводилъ за чтеніемъ книгъ. Самообразованіе дополнило запасъ знаній Фотія. Онъ изучилъ юридическія науки и медицину. Такимъ образомъ Фотій явился ученѣйшимъ мужемъ своего времени, такъ что не только „превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ, но и могъ соперничать съ древнѣйшими знаменитостями".

Окончилъ Фотій курсъ образованія. Что же теперь предстояло молодому и столь блестяще образованному человѣку? Наука не потемнила въ душѣ Фотія той благочестивой настроенности, которую пріобрѣлъ онъ съ юныхъ лѣтъ. Онъ мечтаетъ о монашествѣ. Предносятся предъ нимъ образы великихъ подвижниковъ, которые покидали міръ ради Бога и во спасеніе души. Какъ блаженны они! По міръ предъявляетъ свои требованія. Открылся большой спросъ на ученыхъ людей. Кесарь Варда устроилъ высшую школу во дворцѣ. Собраны были ученики, приглашены и учителя, да

мало ихъ нока. Фотія просятъ взять на себя преподаваніе какого-либо предмета въ высшей школѣ. Онъ не отказывается. По отъ чтенія лекцій остаются свободные часы. Собираются ученики къ молодому учителю на квартиру. Тутъ открывается доволнительный курсъ образованія. Скоро квартира Фотія превращается какъ бы въ академію. Онъ преподаетъ уже теперь полный курсъ наукъ высшей школы. Высшею мудростію для Фотія остается „та, которая предметомъ своимъ дѣлаетъ религію. Она почерпается изъ Свящ. Писанія". „Большая часть людей, говоритъ Фотій, стремится къ богатству и земнымъ благамъ, къ блеску земной славы... а благородныя души стремятся прежде всего къ мудрости, которая предлагаетъ не преходящія сокровища". Соотвѣтственнотакомувоззрѣнію, высшимъ предметомъ преподаванія Фотія является богословіе. Это вѣнецъ школьнаго образованія и вся краса его. Но на ряду съ нимъ въ школѣ отводится широкое мѣсто и для курса свѣтскихъ наукъ. Для Фотія человѣкъ незнакомый съ ними являлся полуобразованнымъ. „Когда я былъ дома, вспоминаетъ онъ, то съ величайшимъ наслажденіемъ смотрѣлъ, съ какою ревностію учились окружавшіе меня; съ какимъ вниманіемъ спрашивали меня; какъ упражнялись въ разговорахъ, съ помощію которыхъ пріобрѣтаетси навыкъ и правильнѣе выражается мысль. Радостно было для меня видѣть, какъ одни площряли свой умъ математическими выкладками; какъ другіе изслѣдовали истину съ помощію философскихъ методъ; а третьи, изучая Свящ. Писаніе, устремляли свой умъ къ благочестію, этому вѣнцу всѣхъ прочихъ знаній". Ученики необыкновенно привязывались къ своему учителю и дорожили каждою минутою. „Когда я, бывало, продолжаетъ вспоминать Фотій, пойду во дворецъ, ученики мои провожаютъ меня до самаго входа и просятъ, чтобы я скорѣе возвратился. Считая подобную привязанность высшею и невыразимою наградою для себя, я старался оставаться во дворцѣ не болѣе, какъ того требовали дѣла. Когда я возвращался домой, то мое ученое общество ожидало уже меня у дверей. Тѣ изъ монхъ учениковъ, которые своими превосходными качествами пріобрѣли нѣкоторое право на короткое со мною обращеніе, замѣчали мнѣ, что я замедлилъ; другіе привѣтствовали меня; были и такіе, которые довольствовались тѣмъ, что я видѣлъ ихъ усердіе". Среди учениковъ Фотія былъ и нашъ словенскій Первоучитель Константинъ, въ иночествѣ Кириллъ.

Вотъ Фотій говоритъ, что но дѣламъ службы онъ долженъ былъ ходить во дворецъ. Да, на ученаго мужа скоро обратили вниманіе правители. Варда счелъ нужнымъ сблизиться съ Фотіемъ. Фотію даютъ почетный титулъ протоспаѳарія и возлагаютъ съ этимъ вмѣстѣ отправленіе должности перваго государственнаго секретаря. Ему поручаютъ временно далекую миссію къ калифу багдадскому. Ясно, что положеніе Фотія въ государствѣ было видное. При этомъ онъ пользовался любовію всѣхъ. Но слава его разнеслась даже далеко за предѣлы Византіи. Съ принятіемъ сана патріарха, пишетъ Фотій, „я лишился жизни тихой и спокойной; я потерялъ мою славу, я потерялъ мои дорогіе досуги, мои отношенія столь чистыя и столь пріятныя съ моими друзьями, тѣ отношенія, среди которыхъ были изгнаны печаль, хитрость и упреки, никто не питалъ ко мнѣ ненависти; и я никого не осуждалъ, ни къ кому не относился враждебно, ни къ иностранцамъ, ни къ бѣднымъ; я не имѣлъ ничего противъ тѣхъ, которые находились въ менѣе близкихъ спошеніяхъ со мною, а тѣмъ болѣе противъ моихъ друзей. Я никогда ни-кому не причинялъ огорченій, которыя вызывали бы въ отношеніи ко мнѣ оскорбленія, за исключеніемъ тѣхъ опасныхъ случаевъ, когда я спѣшилъ на защиту вѣры. Никто также не оскорблялъ меня до такой степени, чтобы я вынужденъ былъ искать въ несправедливость къ своему оскорбителю. Все было хорошо въ монхъ глазахъ. Что же касается моего поведенія, то я долженъ умолчать о немъ, но каждый можетъ сказать громко, каково оно было. Мои друзья любили меня больше, чѣмъ своихъ родителей". Подлинно, счастливъ и доволенъ былъ своимъ положеніемъ Фотій. А позднѣйшіе недруги его усиленно стараются доказать, что онъ интриговалъ, и противъ кого же? Противъ мужа святаго, строгаго подвижника, патріарха Игнатія, котораго онъ уважалъ и по адресу котораго никогда не сказалъ ни одного даже оскорбительнаго слова. Обвинять Фотія въ интригахъ, это значитъ уже не знать мѣры въ клеветѣ. Нѣтъ словъ, при дворѣ шла горячая борьба за власть. Да Фотій то въ ней не принималъ ни малѣйшаго участія. До того ли было человѣку, который не зналъ себѣ покоя среди занятій науками и службой, который къ тому же имѣлъ слишкомъ много благородства, чтобы оттачивать стрѣлы для безцѣльной и грѣховной вражды. Нѣтъ, безъ участія Фотія завязалась борьба при дворѣ, безъ его участія велась она и, къ великой печали его, окончилась неблагополучно для св. Игнатія. Патріарха принесли въ жертву политическимъ интересамъ. Въ ночь на 23-е ноября 857 г. его, какъ неблагонадежнаго для государства, административнымъ порядкомъ сослали съ каѳедры въ ссылку. Но сами виновники беззаконія какъ бы испугались своего дѣянія и поспѣшили перенести дѣло на церковную почву. Составленъ былъ соборъ епископовъ. Добыли или нѣтъ отреченіе у патріарха Игнатія, съ точностію неизвѣстно. Только соборъ объявилъ патріаршую каѳедру Царьграда праздною. Приступили къ избранію новаго патріарха. Представлено было три кандидата. Изъ нихъ одинъ рекомендованъ былъ правительствомъ. Это былъ Фотій. Не трудно отгадать, почему скоро всѣ подали голосъ за него. Фотій былъ человѣкъ не партійный. Онъ скорѣе другихъ могъ бы послужить дѣлу примиренія партій. Но Фотій былъ мірянинъ. Въ этомъ одномъ не усмотрѣли препятствія къ избранію его. Въ Ви-

зантіи совсѣмъ были не рѣдки случаи возведенія мірянъ въ епископскій санъ. Давно ли съ такою славою занимали патріаршій престолъ столицы столь славные первосвятители, какъ Тарасій и Никифоръ,—а они возведены были на каѳедру прямо изъ мірянъ. Жизнь и поведеніе Фотія были безупречны. Съ этой стороны и нельзя было указать какого-либо препятствія. Но Фотій рѣшительно отказался отъ предложенной ему чести. Его стали усиленно просить. Отцы собора съ императоромъ во главѣ лично явились къ Фотію и вынудили согласіе его. „Мы, пишетъ Фотій, вынуждены были силою, вопреки нашему желанію, какъ это извѣстно Единому Богу, Который знаетъ дѣла самыя сокровенныя; мы были подъ надзоромъ, окружены шпіонами, какъ преступники; вопреки нашему желанію насъ подвергли голосованію, насъ сдѣлали епископомъ, несмотря на наши слезы, мольбы, тоску и паше отчаяніе. Весь міръ знаетъ это".

На праздникъ Рождества Христова Фотія посвятили въ санъ епископа и патріарха. Теперь для него открылся новый кругъ дѣлъ и обязанностей. Положеніе цареградскаго патріарха въ то время было особенно тяжелымъ. Онъ одинъ на всемъ востокѣ оставался въ независимомъ христіанскомъ государствѣ. Остальные восточные патріархи томились подъ игомъ магометанъ. Волею неволею, взоръ ихъ обращался на цареградскаго первосвятителя. Къ голосу его считали нужнымъ прислушиваться. Это уже раздражало западнаго патріарха. Изъ Рима спѣшили показать преимущественное, властное значеніе этой каѳедры. Да и внутри константинопольскаго патріархата не все обстояло въ желаніемъ благополучіи. Было еще много сектантовъ разныхъ родовъ. А въ общественной гражданской жизни шла борьба между партіями кесаря Варды и императрицы Ѳеодоры. Наконецъ, патріарху приходилось и опредѣлить свои отношенія ко двору.

Патріархъ Фотій выступилъ рѣшительнымъ поборникомъ мира. На знамени его дѣятельности написано было примиреніе всѣхъ во имя братской любви. Но жаль, что не всѣ желали тогда мира. Первыми нарушили миръ друзья патріарха Игнатія. Увидѣли они, что новый патріархъ не станетъ на сторону ихъ, и порвали съ нимъ общеніе. Да изъ Рима скоро пришла вѣсть, что папа Николай I не соблаговолилъ признать Фотія патріархомъ. Въ отвѣтъ на обычное посланіе новопоставленнаго патріарха съ исповѣданіемъ вѣры, папа прислалъ письма на имя императора и „благоразумнѣйшаго мужа Фотія". Папа выставляетъ себя преемникомъ ап. Петра и наслѣдникомъ мнимыхъ прерогативъ его власти. „Посему,—пишетъ онъ, мы желаемъ, чтобы Игнатій предсталъ предъ нашими послами для объясненія того, почему онъ оставилъ свой народъ... Все должно быть перенесено предъ нашу высочайшую власть, дабы мы опредѣлили апостольскимъ авторитетомъ то, что надобно сдѣлать". Фотія папа упрекаетъ въ томъ, что онъ изъ мірянъ возведенъ въ санъ патріарха, да при томъ еще при жизни Игнатія, законнаго первосвятителя. А тутъ, на бѣду Фотія, кесарь Варда поднялъ гоненіе на приверженцевъ императрицы Ѳеодоры. Св. Игнатія держали подъ крѣпкою стражею, стѣсняли въ пищѣ и питіи и даже причиняли побои. Многіе изъ игнатіанъ подверглись ссылкамъ. Одному священнику Власію урѣзанъ былъ языкъ. Безъ всякихъ основаній, виновникомъ своихъ злостраданій игнатіане выставляли Фотія. „Насъ, несправедливо страждущихъ, обвиняютъ, какъ совершителей неправды, писалъ Фотій. Мы будто занимаемся крамолами. И это на насъ пишутъ тѣ, которые ежедневно противъ насъ клевещутъ". Да, много клеветъ передали они и потомкамъ. Къ удивленію, недругамъ Фотія и доселѣ хочется вѣрить этимъ клеветамъ о жестокостяхъ его. А между тѣмъ, онъ не только не способенъ былъ на жестокости, но и являлся рѣшительнымъ защитникомъ гонимыхъ. Вотъ что писалъ Фотій Вардѣ: „Еще не испытавъ, я уже чувствовалъ себя недостойнымъ сана и степени архіерейской и обязанности пастырской... Нынѣ паучаетъ меня самый опытъ, обличая довольно мое недостоинство... Когда вижу священниковъ гонимыхъ, когда вижу, что ихъ бьютъ, сковываютъ и даже рѣжутъ имъ языки, не долженъ-ли я думать, что тѣ, которые померли, счастливѣе меня? Не имѣю ли я права смотрѣть на бремя, возложенное на меня вопреки моему желанію, какъ на наказаніе за мои грѣхи? Вотъ человѣкъ бѣдный, безъ покровителей, не пользующійся даже полнымъ разумомъ,—а такого рода люди болѣе заслуживаютъ состраданія, чѣмъ гнѣва,—претерпѣлъ столько обдъ. Его продаютъ, какъ раба, его бьютъ розгами, его заключаютъ въ тюрьму, ему рѣжутъ языкъ, и этотъ человѣкъ священникъ! Много разъ я вступался за него, но я встрѣчалъ только равнодушіе и безчувствіе. Это знаютъ всѣ видѣвшіе; а если они забыли, не забылъ того Богъ... Какъ стану ходатайствовать за грѣхи твои и народа и чѣмъ искуплю ихъ, когда, умоляя тебя за одного человѣка, я до такой степени былъ обманутъ".

Какъ и слѣдовало ожидать, мѣры гоненій не принесли пользы для ослабленія партіи игнатіанъ. Правительство не справилось съ ними своими средствами. И вотъ является мысль перенести дѣло на почву церковную. Извѣстно было, какимъ уваженіемъ пользуются въ обществѣ христіанъ вселенскіе соборы. Вотъ, думали, если бы большой соборъ осудилъ игнатіанъ, тогда они папёрпое потеряли бы довѣріе въ народѣ. Предлогъ для созванія собора нашелся. Въ имперіи еще много было иконоборцевъ. Блеснула мысль подвергнуть ихъ новому осужденію. Въ этомъ смыслѣ отъ лица императора разосланы были на востокъ и западъ къ патріархамъ и епископамъ пригласительныя грамоты.

Въ 861 году состоялся большой соборъ въ столицѣ имперіи. На немъ присутствовали послы отъ папы, уполномоченные отъ восточныхъ патріарховъ и большое число епископовъ. Всѣхъ отцовъ собора насчитывалось до

318. Какъ и слѣдовало ожидать, инкоборчествомъ на соборѣ занимались мало и единогласно произнесли на него осужденіе. Продолжительнѣе разсматривалось дѣло патріарховъ. Игнатій объявленъ былъ низложеннымъ, а Фотій признанъ законнымъ патріархомъ Царьграда.

Послѣ собора Фотій почувствовалъ себя прочно утвердившимся на каѳедрѣ патріарха. Теперь-то и развернулась во всю ширь многосторонняя и плодотворная дѣятельность святителя. Онъ хорошо понималъ, что много зла и нестроенія терпятъ Церковь и государство отъ упадка образованія! Фотій самъ продолжаетъ усиленно трудиться надъ распространеніемъ просвѣщенія. Онъ ведетъ обширную переписку съ своими бывшими учениками по научнымъ вопросамъ, разбираетъ присылаемыя ему на просмотръ сочиненія, дѣлаетъ замѣчанія и даетъ совѣты. Квартира его открыта для ученыхъ. Но, по пословицѣ, одинъ въ полѣ не воинъ. Фотій разсылаетъ своихъ учениковъ на каѳедры епископовъ и настоятелями монастырей. Всюду несутъ съ собою ученики патріарха свѣтъ знанія. Скоро проявились и плоды усиленныхъ трудовъ Фотія. Расцвѣтъ греческаго образованія былъ обезпеченъ.

Но на Фотіѣ теперь уже лежали прямыя обязанности епископскаго служенія. Онъ священнодѣйствуетъ и учитъ, учитъ ревностно, безъ лести передъ сильными и знатными. „Часто и увѣщевалъ васъ", говоритъ Фотій въ одномъ церковномъ поученіи, „и говорилъ вамъ даже грозно. Часто и вопіялъ, поражалъ васъ, угрожалъ Божіимъ словомъ... и красными словами не возбуждалъ театральныхъ рукоплесканій, потому что и образъ жизни и санъ священный не позволяютъ мнѣ заниматься этимъ". Это значитъ, что Фотій былъ строгъ въ своихъ поученіяхъ и требователенъ. Быть можетъ, нѣкоторымъ лицамъ это и не нравилось; но на многихъ производило прекрасное дѣйствіе. Своимъ властно-учительнымъ словомъ. Фотій рѣшительно поставилъ на путь исправленія императора Михаила. Недруги патріарха имѣли и имѣютъ свой интересъ представлять императора чуть не чудовищемъ въ нравственномъ отношеніи. И Фотій не отрицаетъ, что много нехорошаго и грѣховнаго совершено было Михаиломъ во дни его юности; но онъ уже прямо заявляетъ, что „славны подвиги царя нашего на браняхъ, его побѣды и трофеи, безъ которыхъ ни одинъ годъ не прошелъ безъ того, какъ онъ присмотрѣлся къ своему царству... Я уже не говорю ни о разсудительности его, ни о сильной волѣ его, коя многократно обнаруживалъ онъ во многихъ обстоятельствахъ, особенно въ дѣлахъ запутанныхъ. Свидѣтель всему сама истина". Да, это истина, которую подтверждаютъ невзначай вырвавшимися замѣтками историки изъ враждебной императору партіи.

Патріархъ своими поученіями прекрасно вліялъ и на общество византійское. Особенно видно проявился поворотъ къ лучшему въ нравственной жизни общества въ годину бѣдствія, постигшаго Царьградъ. Въ 861 году на столицу имперіи неожиданно напалъ „народъ дальносѣверный, ничѣмъ не заявившій себя, народъ не почетный, не именитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ... и такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши и какъ дикій вихрь истребилъ жившихъ здѣсь, не щадя ни человѣка, ни скота, не жалѣя женскаго безсилія, не милуя нѣжныхъ младенцевъ и не уважая сѣдинъ старцевъ". Народъ этотъ—русскіе славяне. Мстили они грекамъ за своихъ избѣенныхъ соплеменниковъ. Греки были въ отчаяніи. „Вы плачете, говорилъ съ церковной каѳедры патріархъ Фотій. И меня объяло горе и прерываетъ мою рѣчь. Но почто вы вопіете ко мнѣ? Почто рыдаете? Послушайте меня: пріостановите на часъ ваши слезы и дайте свободу словамъ моимъ. И я плачу съ вами. Но малыя капли не угашаютъ пламени, разженнаго давно. Что я говорю? Напротивъ, еще болѣе разжигаютъ его. Да, теперь я не вижу пользы отъ слезъ. Не теперь бы надлежало плакать намъ, возлюбленные, а гораздо прежде бы слѣдовало ненавидѣть грѣхи". Патріархъ призываетъ всѣхъ къ покаянію. „Исправьте пути ваши и дѣла наши, и прекратитъ Господь злое. Послушали люди гласъ своего учительнаго архипастыря и вознесли ко Господу усердныя молитвы. И Господь услышалъ покаянный вопль рабовъ своихъ. „Когда же это?" продолжаетъ бесѣдовать патріархъ, „когда мы, лишенные всякой помощи, воодушевлялись надеждами на одну Матерь Слова и Бога нашего, Ее просили умолить Сына и умилостивить за грѣхи наша, Ея дерзновеніе призывали во спасеніе... когда ризу Ея носили всѣ до одного вмѣстѣ со мною для отраженія осаждающихъ и защиты осажденныхъ, и усердно совершали прилежныя моленія и литіи: тогда по неизрѣченному человѣколюбію, при Материнѣ дерзновенномъ ходатайствѣ, помиловалъ Господь достояніе Свое". Византійцы торжествовали. Всѣ прославляли богомудраго первосвятителя. Даже одинъ изъ недруговъ Фотія, испестрившій жизнеописаніе его нелѣпыми легендами, проговорился, заявивъ, что „по молитвамъ Фотія патріарха Константинополь избавленъ былъ отъ нападенія россовъ".

А великому святителю приготовлялась уже новая неожиданная радость. Въ 866 году въ Царьградѣ поставлена была колонна въ честь императора Михаила и кесаря Василія. Надпись на ней гласила, что колонна поставлена въ память присоединенія всѣхъ еретиковъ въ имперіи къ православной Церкви. Патріархъ по этому случаю произнесъ блестящую рѣчь. Онъ превозноситъ похвалами дѣятельность императоровъ. Но великому своему смиренію, онъ даже не упоминаетъ о своихъ трудахъ. Но для всѣхъ было ясно, что торжество Церкви надъ ересями подготовлено было Фотіемъ и его учениками.

До патріаршества Фотія, чудный храмъ св. Софіи, по выраженію его, „угрюмъ былъ, потому что не получилъ еще права возстановленія иконъ". Фотій внесъ честныя иконы какъ въ этотъ, такъ и въ другіе храмы. И

по этому случаю онъ съ восторгомъ говорилъ: „Теперь невѣста Христова радостная, веселая, весело слышитъ громкій голосъ жениха своего, говорящаго „вся хороша ближняя моя и недостатка въ ней нѣтъ". Хороша ближняя моя! Она живописно расцвѣтила истины правой вѣры и такимъ образомъ придала себѣ священное благолѣпіе... Вся хороша ближняя моя. Отъ пораженій укрылась, отъ язвъ исцѣлилась, прахъ отрясла, ругателей низринула въ тартаръ, нѣмцовъ превознесла до неба. Недостатка нѣтъ въ ней. Она лучше стала послѣ того, какъ иноплеменная и скверная рука изъязвила все тѣло ея. Раны ея зажили; старинно убранство на ней, какъ на невѣстѣ... Это благолѣпіе ея, это царственное убранство ея описалъ свыше вдохновенный Давидъ, когда Владыкѣ и Царю всѣхъ пѣлъ пѣснь: „предстала царица съ правой стороны твоей, облечевная въ одежду позлащенную и испещренную".

Наконецъ, патріархъ Фотій имѣлъ утѣшеніе видѣть вновь насажденныя по его заботѣ благотворительныя учрежденія, гдѣ сироты бездомные и безродные нашли себѣ кровъ, столъ и уходъ. По вліянію Фотія возстановлено было при храмахъ право убѣжища. Такова была дѣятельность патріарха Фотія на пользу Константинопольской паствы.

Но взоры великаго святителя обращены были и на отщепенцевъ заграничныхъ и на народы, не вѣдавшіе христіанской вѣры. Съ арминами—монофизитами Фотій завязываетъ дѣловую переписку по религіознымъ вопросамъ. Искренно, или нѣтъ, но армянскіе епископы осудили Евтихія и Діоскора и выразили одобреніе вѣроопредѣленію халкидонскаго, четвертаго вселенскаго, собора. Поэтому Фотій могъ открыто заявить, что „жители Арменіи, преданные яковитской ереси со времени халкидонскаго собора, нынѣ, по взаимнымъ нашимъ молитвамъ, рѣшились отвергнуть это старое заблужденіе". Сколько по политическимъ, столько же и религіознымъ побужденіямъ Фотій переписывался и съ восточными магометанскими властелинами, послалъ миссію къ хозарамъ, куда ходили наши Первоучители, братья святые, Меѳодій и Кириллъ.

Но вотъ и сосѣдніе язычники болгары прислали просить у Фотія святаго крещенія. Самъ ли патріархъ, или чрезъ уполномоченнаго архіерея крститъ князя Бориса, бояръ его и посылаетъ въ Болгарію миссіонеровъ благоустроить церковь. Спустя немного, святитель отправляетъ князю обширное посланіе, въ которомъ учитъ его вѣрѣ и благочестію.

Скоро за крещеніемъ болгаръ, пришли въ Царьградъ послы изъ Панноніи отъ мѣстныхъ князей съ просьбою прислать проповѣдниковъ вѣры. „Отъ васъ во всѣ страны добрый законъ исходитъ", говорили послы. И точно, съ востока—свѣтъ. Мудрый святитель Фотій благословилъ братьевъ святыхъ Меѳодія и Кирилла на тяжелый подвигъ апостольства. Этого мало,—онъ разрѣшилъ имъ не только проповѣдь на славянскомъ языкѣ, но и переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Вотъ истинное благодѣяніе для славянъ! Славянскую религіозную мысль хотѣли держать въ нѣмецко-латинскомъ папскомъ плѣну. Вдругъ теперь, по благословенію мудраго царградскаго первосвятителя Фотія, возвѣщается духовная свобода, указываются и даются средства къ самобытному развитію славянъ. Отселѣ уже миновала для нихъ опасность потеряться и безслѣдно исчезнуть подъ напоромъ чуждаго по духу и языку образованія.

И тотъ народъ, о которомъ „многіе многое разсказываютъ и который въ жестокости и кровопролитіи всѣ народы превосходитъ, глаголемый Россь... нынѣ перемѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую христіанскую вѣру и вмѣсто недавняго враждебнаго на насъ нашествія и великаго насилія, съ любовію и покорностію вступилъ въ союзъ съ нами. И столько воспламенили его ревность и любовь къ вѣрѣ (благословенъ Богъ во вѣки! взываю я съ Павломъ), что и епископа, и пастыря, и христіанское богослуженіе съ великимъ усердіемъ приняль". Это уже у насъ на Руси родной загоралась заря христіанскаго свѣта. Фотій приснопамятный послѣлъ и сюда съ свосю широкою миссіонерскою дѣятельностію. Не даромъ же и наши предки приписывали ему крещеніе св. Ольги и крещеніе равноапостольнаго Владиміра. Велика, значитъ, была слава Фотія и у насъ на родной Руси. И такъ, слава, честь и благодарность патріарху Фотію отъ славянскихъ племенъ!

Какъ жаль, что не вся славянская великая семья рѣшится теперь воздать должное святителю. Тѣ изъ славянъ, которые сбились съ праваго пути православной вѣры на дорогу западнаго, латинскаго исповѣдавія, не добромъ помнятъ великаго Фотія. Въ этомъ случаѣ они поютъ въ унисонъ съ латинскими народностями, да и паучены этимъ послѣднимъ.

Еще во дни святительства Фотія опредѣлились враждебныя къ нему отношенія западно-латинскаго міра. Папа увидѣлъ въ лицѣ царградскаго первосвятителя опаснаго противника своимъ замысламъ, противника сильнаго знаніемъ, твердостію и преданностію интересамъ вселенской Церкви. И вотъ въ Римѣ затѣвается беззаконное дѣло—судъ надъ патріархомъ Фотіемъ. Папа имѣлъ, конечно, право не входить въ общеніе съ нимъ; но судить Фотія и осуждать, это значило уже ставить себя въ положеніе единоличнаго судьи во вселенской Церкви. Какъ бы то ни было, Фотія въ Римѣ осудили и предали анаѳемѣ. Объ этомъ извѣстили его. Первосвятитель спокойно выслушалъ вѣсть о своемъ осужденіи и хранилъ глубокое молчаніе въ отношеніи къ Риму.

Въ 865 году въ Болгарію, по просьбѣ князя Бориса, прибыли отъ папы миссіонеры во главѣ съ двумя епископами. Стали они водворять латинскіе обряды въ болгарской церкви, при чемъ проявили усердіе не по разуму, дозволяя себѣ вытѣснять совсѣмъ греческіе обряды и даже перекрещивать. Послы дѣйствовали отъ имени папы и превозносили

авторитетъ римской каѳедры, намѣренно унижая цареградскую.

Скоро дошла вѣсть и до Фотія о дѣятельности въ Болгаріи западныхъ миссіонеровъ. Теперь ясно стало, что дѣло касается уже не личностей, а интересовъ всей Церкви. Папа явно показалъ, что практика римской церкви должна быть единственно обязательною для всѣхъ. Рядомъ и подлѣ нея существованіе другой не допускается. Но если таково значеніе обрядовъ, то естественно спросить, какіе изъ нихъ должны предпочтительнѣе соблюдаться: обряды ли вселенской Церкви, или номѣстной, хотя и древней? Да къ тому же латинскіе миссіонеры дозволили себѣ измѣнить символъ вѣры въ ученіи о Духѣ Святомъ. Они внесли прибавку, что Святый Духъ исходитъ и отъ Сына. Кто уполномочилъ ихъ на эту прибавку? Послы пришли отъ папы. Можно было подумать, что и въ Римѣ держатся этого новаго нецраваго ученія.

Долгомъ почелъ великій Фотій оповѣстить восточную Церковь о западныхъ новшествахъ. Въ 866 г., онъ разослалъ къ восточнымъ патріархамъ свое окружное посланіе. Въ немъ патріархъ указываетъ поводъ къ написанію посланія: „болгарскій народъ грубый и христоненавистный склонился къ кротости и богопозванію... Но не прошло еще двухъ лѣтъ со времени принятія имъ правой христіанской вѣры, какъ порожденія западной страны устремились на народъ новонасажденный въ благочестіи. Они всячески ухищряются этихъ новопросвѣщенныхъ развратить и отторгнуть отъ праваго и чистаго ученія непорочной христіанской вѣры". Далѣе Фотій указываетъ на четыре разности римской практики, осуждая ихъ. „Впрочемъ, не здѣсь конецъ ихъ отступленію отъ законовъ, продолжаетъ онъ. Кромѣ этихъ непристойностей, они съ крайнею дерзостію отважились повредить чуждыми измышленіями священный и святый символъ, который непоколебимо утвержденъ опредѣленіями всѣхъ вселенскихъ соборовъ. О, ухищренія лукаваго, посѣвающаго новый раздоръ между единовѣрными! Вздумали говорить, что Духъ Святый не отъ Отца только, но и отъ Сына исходитъ. Кто изъ освященныхъ христіанъ можетъ снести, когда во Святую Троицу вводятся два начала: одно для Сына, а другое для Святаго Духа, т. е. Сынъ, и такимъ образомъ единоначаліе раздѣляется на двоебожіе и возобновляется миѳологія. Для чего Святому Духу исходить отъ Сына, когда исхожденіе отъ Отца вполнѣ совершенно? Святый Духъ, говоритъ, исходитъ и отъ Сына. Отъ кого ты слышалъ объ этомъ? Отъ какихъ евангелистовъ заимствовалъ это слово? Какого собора это изреченіе? Господь и Богъ нашъ говоритъ: Духъ, иже отъ Отца исходитъ, а породившіе сей новый соблазнъ учатъ: Духъ, иже и отъ Сына исходитъ. Кто не заградитъ слуха отъ сего дерзновеннаго мнѣнія?" Фотій приглашаетъ восточныхъ первосвятителей на соборъ въ Царьградъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 867 г. предположенный соборъ состоялся. Западныя новшества были осуждены. Папа Николай I объявленъ былъ низложеннымъ. О рѣшеніяхъ собора положили сообщить въ Римъ и Людовику императору.

Едва ли послы успѣли выполнить порученіе объ извѣщеніи, какъ въ Царьградѣ произошли перемѣны на императорскомъ тронѣ. Кесарь Василій Македонянинъ, чрезъ трупъ своего благодѣтеля, императора Михаила, вступилъ на престолъ византійскихъ государей. По своимъ видамъ онъ рѣшился искать опоры на тронѣ въ партіи игнатіанъ. Не задумываясь, императоръ пожертвовалъ своимъ другомъ, патріархомъ Фотіемъ. Старецъ Игнатій снова занялъ патріаршую каѳедру. Но дѣло нужно было провести чрезъ соборъ. Вотъ и завязались теперь сношенія съ Римомъ. Вызваны были легаты, составленъ соборъ въ 869 г. Фотія не судили, а объявили осужденнымъ уже давно въ Римѣ. Великій патріархъ былъ изгнанъ, заточенъ и лишенъ всякихъ удобствъ жизни, даже книгъ. Но и тутъ, при всѣхъ неудобствахъ, великій человѣкъ нашелъ себѣ дѣло, достойное благодарности потомковъ. Онъ написалъ два большихъ сочиненія („Quaestiones ad Amphilochium" и „Противъ манихеевъ" четыре книги). Однако и въ столицѣ скоро почувствовалась нужда въ Фотіѣ. Дѣла церковныя пришли въ разстройство. Императоръ понялъ, что только Фотій съ своими друзьями можетъ привести ихъ въ порядокъ. И вотъ ссыльный узникъ, послѣ семилѣтняго заточенія, снова появляется при дворѣ. Снова принимается онъ за любимое свое дѣло—преподаваніе наукъ. Теперь и дѣти императора учатся у Фотія. По старанію его теперь устроилось и примиреніе съ святителемъ Игнатіемъ. „Доколѣ живъ былъ Игнатій,—говорилъ Фотій на соборѣ 879 г.,—я не могъ и думать, чтобы занять мою каѳедру, хотя къ этому многіе увѣщевали меня и даже хотѣли понудить... Однако, мы ничего не хотѣли предпринимать, какъ знаютъ это всѣ присутствующіе. Я сдѣлалъ все, чтобы достигнуть мира съ Игнатіемъ, и этотъ миръ былъ заключенъ между нами. Когда онъ пришелъ во дворецъ, мы пали другъ другу въ ноги и просили взаимнаго прощенія, если въ чемъ согрѣшили мы противъ другъ друга. Когда онъ сдѣлался болѣнъ, я навѣщалъ его много разъ, согласно его желанію, утѣшалъ и ободрялъ его, сколько могъ и настолько пріобрѣлъ у него довѣріе, что онъ просилъ меня, по его смерти, оказать попеченіе о лицахъ, къ нему приближенныхъ, и я исполнилъ это".

Въ 877 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ мирно скончался святитель Игнатій. На каѳедрѣ патріаршей снова явился Фотій. Не слышно было ропота недовольства. Это вѣрный знакъ, что всѣ того ожидали. Къ удивленію, скоро появляется на востокѣ и посланіе папы Іоанна VIII. Папа не только признаетъ теперь Фотія законнымъ патріархомъ и братомъ своимъ, но и грозитъ отлученіемъ всякому, кто не вступитъ въ общеніе съ нимъ. Этого мало. Въ Царьградъ прибыли послы отъ папы, пред-

ставители восточныхъ патріарховъ и многое множество епископовъ. Открылся большой соборъ изъ 383 іерарховъ въ 879 г. Всѣ отцы воодушевлены были желаніемъ прославить и возвеличить Фотія и тѣмъ воздать ему за временныя злострадавія. „Богъ прославилъ патріарха Фотія, а потому имя его будетъ прославляться на небѣ и на землѣ изъ рода въ родъ", заявляли на соборѣ. И всѣ съ этимъ согласились. Даже римскіе послы увлеклись общимъ потокомъ славословій и все время соборныхъ засѣданій были въ полномъ согласіи съ восточными епископами. Всѣ, не исключая пословъ папы, подписали Никео-Цареградскій символъ съ прещеніями на тѣхъ, которые вздумали бы измѣнять его въ чемъ-либо. Наконецъ, всѣ согласились подписать слѣдующее весьма важное правило: „въ преимуществахъ, принадлежащихъ святѣйшему престолу римской церкви и ея предсѣдателю, совершено да не будетъ никакого нововведенія, ни теперь, ни впредь". Ясно, что отцы собора желали положить предѣлъ притязаніямъ папъ. Такъ окончился большой соборъ 879 г. Патріархъ Фотій былъ возвеличенъ. Все, прежде сдѣланное противъ него, было отмѣнено, православный символъ утвержденъ безъ измѣненія, единеніе и братскій миръ были возстановлены со всѣми патріаршими каѳедрами. Теперь уже спокойно можно было цареградскому первосвятителю заняться учеными трудами и дѣлами управленія. Не молодъ уже первосвятитель, но Господь хранилъ его въ добромъ здравіи и крѣпости душевныхъ силъ. И вотъ патріархъ пишетъ и издаетъ одно за другимъ свои высокоученые труды (Письмо къ аквилейскому митрополиту „Объ исхожденіи Святаго Духа", „Тайноводственное ученіе объ исхожденіи Святаго Духа", „Синтагму" и „Номоканонъ").

Казалось бы, теперь въ мирѣ и покоѣ долженъ былъ Фотій и окончить дни своей многотрудной жизни на каѳедрѣ цареградскихъ первосвятителей. Но Господь опредѣлилъ ему иное. Въ 886 году скончался императоръ Василій Македонянинъ. Престолъ занялъ сынъ его, Левъ VI Мудрый. Онъ былъ ученикомъ Фотія и обязанъ былъ ему спасеніемъ своей жизни. Несмотря на это, новый императоръ рѣшился, по какому-то непонятному капризу, пожертвовать своимъ учителемъ и благодѣтелемъ. Патріарха Фотія въ 886 году вторично изгнали изъ столицы. На этотъ разъ поселили его въ отдаленномъ монастырѣ на границахъ Арменіи. Тутъ въ тиши и полномъ одиночествѣ проживалъ пятилѣтній остатокъ жизни своей великій святитель константинопольской церкви. Никто не зналъ, чѣмъ занимался онъ на склонѣ лѣтъ. Забыли было годъ и день смерти его, забыли и могилу. Но не забылъ Господь своего великаго святителя. Константинопольская церковь причислила Фотія къ лику святыхъ. Нынѣ въ Царьградѣ величали его въ богодѣйныхъ пѣсняхъ и прославляли Господа Бога, даровавшаго Церкви Своей во благо время столь великаго и славнаго іерарха.

Но и намъ, славянамъ православнымъ, нѣтъ причинъ уклониться отъ прославленія святѣйшаго патріарха Фотія. Велики и неоцѣненны заслуги его для Церкви православной. Онъ отстоялъ чистоту и неповрежденность вѣры правой и законовъ церковныхъ отъ привнесенія въ нихъ частныхъ мнѣній. Онъ защитилъ и охранилъ свободу Церкви отъ тяжелаго римскаго ига, и горячо ратовалъ за равенство и братство во Христѣ самостоятельныхъ національныхъ церквей. Далѣе, патріархъ Фотій училъ вѣрѣ Христовой славянскіе народы. Онъ указалъ имъ на востокѣ свѣтъ вѣры правой, вѣры чистой, „безъ пятна и морщины". И устремились славянскія племена къ источнику этого свѣта и перенесли его къ себѣ въ родную землю. И мы, русскіе славяне, пріобщились этого спасительнаго свѣта, вѣры христіанской. Для насажденія ея у насъ великій Фотій присылалъ на Русь „епископа и пастыря". Наконецъ, святѣйшій патріархъ Фотій съ свѣтомъ вѣры всюду привносилъ и свѣтъ знанія. Самъ онъ написалъ много книгъ. Нѣкоторыя изъ нихъ переводились на славянскій языкъ. И славянскіе „вѣрніи людье" пользовались ими „наслаждающеся божественнаго ученья". Ясно, почему и у насъ отъ лѣтъ древнихъ такъ хорошо помнилось имя великаго первоіерарха цареградской церкви Фотія. Такъ и мы, во слѣдъ нашихъ предковъ, скажемъ нынѣ: Слава, честь и память вѣчная святѣйшему патріарху Фотію и отъ православныхъ сыновъ великой и святой Руси.

Рѣчь проф. А. П. Пономарева:

„Ваше высокопреосвященство,
преосвященнѣйшіе архипастыри,
милостивые государи и государыни.

Тысячу лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ скончался святѣйшій патріархъ Фотій... Имя патріарха Фотія это—знамя, подъ которымъ жилъ и продолжаетъ жить православный греко-славянскій востокъ; его имя для славянъ начальный моментъ ихъ дѣйствительной культурной исторіи и той высокой миссіи, которую они приняли на себя, вступивъ въ семью другихъ культурныхъ христіанскихъ народовъ. Такъ какъ „его заботами, его стараніями распространилась у славянъ вѣра Христова и славянская грамота, и св. Первоучитель славянъ, Кириллъ философъ, не только былъ ученикъ, но и близкій, искреннѣйшій другъ его" (Забѣлинъ), учившій его духу, трудившійся но его мысли, по его указаніямъ,—то же можно сказать и о св. Меѳодіѣ, Первоучителѣ славянъ: оба они ученики патріарха Фотія. Въ частности, для насъ русскихъ имя патріарха Фотія открываетъ собою первую, несомнѣнно подлинную и краснорѣчивѣйшую страницу нашей исторіи, нашей исторически-былевой великой эпопеи... „Кто эти россы?" вопрошалъ онъ жителей Царьграда, по случаю нашествія и разгрома гордой и величавой столицы Византійской имперіи русскими,—и отвѣчалъ въ

своихъ бесѣдахъ: „Народъ, ничѣмъ не заявившій себя, народъ не почетный... не именитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, незначительный, но получивший значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несмѣтное, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ" (Порфирій, Четыре бес. патр. Фотія, 19)... Такъ живописалъ онъ нашихъ предковъ въ 864 году, и дѣйствительно мы можемъ и должны сказать о патріархѣ Фотіѣ словами одного изъ нашихъ почтеннѣйшихъ ученыхъ, что „онъ нашъ первый историкъ, первый витія, первый другъ, любившій неукоризненность нашу, оправдавшій нападеніе наше на Константинополь". „Первобытные эллины, продолжаетъ этотъ ученый, взявшіе Трою, имѣли своего дивнаго пѣвца, Омира: первобытные россы, осаждавшіе Царьградъ, имѣли своего чуднаго витію Фотія" (Порфирій, тамъ же, стр. 67)... Это фактъ... Но вмѣстѣ съ тѣмъ, къ прискорбію, приходится признать также какъ несомнѣнный и для всѣхъ очевидный фактъ, что настоящій день—день тысячелѣтія памяти нашего „перваго друга" на православномъ востокѣ, день памяти великаго стоятеля за непогрѣшимую истину вселенскаго православія и свободы востока,—застаетъ насъ неподготовленными, не только достойнѣйшимъ образомъ почтить его память—воспроизвести, разобраться и оцѣнить многосложнѣйшія направленія и стороны того всемірно-историческаго дѣла, во главѣ котораго онъ стоялъ и поставленъ исторіей и которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наша исторія, но и воспользоваться настоящимъ моментомъ въ интересахъ этого же самаго дѣла—въ интересахъ настоящаго и будущаго. А настоящее, переживаемое нами, несмотря на то, что минуло уже тысячу лѣтъ, прямо и опредѣленно ставитъ тѣ же основные и капитальнѣйшіе вопросы, на которыхъ прошла вся исторія жизни и дѣятельности патріарха Фотія и во имя которыхъ на западѣ намъ, какъ христіанамъ, нѣтъ иного названія, иного имени какъ „фотіане", какъ „схизматики", т. е. отколовшіеся, отторгшіеся отъ вселенской Церкви, отъ истиннаго вселенскаго православія. Я понятно, кто и гдѣ указываютъ намъ это православіе... Никто иной, конечно, какъ—высокомѣрно-гордый всегда, какъ и теперь, папскій Римъ считалъ и считаетъ его у себя—тамъ, въ сѣняхъ нѣкогда дѣйствительно всемірнаго, для нѣкоторыхъ вѣковъ, дѣйствительно, „вѣчнаго города". Мало того, среди насъ, въ кругу нашей собственной передовой интеллигенціи, къ тому же молодой и даровитой, къ немалому и истинному прискорбію, находятся люди, дерзающіе во всеуслышаніе призывать насъ именно туда—въ отсталый Римъ, открывая тамъ, въ лицѣ папы-цезаря, „чудодѣйственную икону вселенскаго христіанства",—„icone miraculeuse", по словамъ одного изъ нихъ (В. С. Соловьева). И это послѣ тысячи лѣтъ жизни, послѣ тысячелѣтія культурно-историческаго существованія, краснорѣчивѣйшія страницы котораго закрыты развѣ только для тѣхъ, которые не умѣютъ или не хотятъ читать въ нихъ поражающей и неподкупной правды, осуждающей всякія подобныя химерическія и безчестныя зазыванія!.. Настоящій моментъ представляетъ рѣдкій и удобный случай, точнѣе—обязываетъ насъ открыто, твердо и опредѣленно, устами самого же святѣйшаго патріарха Фотія, заявить отъ имени востока, отъ имени славянъ и православно-славянской Россіи, что—да,—дѣло Фотія—правое, по истинѣ правое и святое дѣло, и что если онъ не пошелъ въ Римъ на судъ папы Николая и не цѣловалъ его туфли, то свершилъ великій подвигъ, за который нужно благоговѣйно чтить его память и благодаря которому сдѣлалось невозможнымъ духовное порабощеніе востока язычески-христіанскимъ цезаризмомъ запада...

Яркимъ, поразительно яркимъ свѣтомъ освѣщается личность патріарха Фотія и задачи его высокой культурно-историческій миссіи процессомъ его отношеній къ Риму—его сношеніями и перепиской съ папою Николаемъ I...

Еще Григорій Великій, живши за три вѣка до Фотія и Николая I, принимая, вопреки своему желанію и постоянному подвижнически-созерцательному настроенію, отвѣтственную каѳедру римскаго епископа, пророчески предугадывалъ, что угрожаетъ истинному христіански-архипастырскому призванію и назначенію этой каѳедры, и съ грустью произнесъ достопамятныя слова, подтверждающія все, что отчасти было прежде и стало потомъ: „епископство мое въ Римѣ—скорѣе должность земнаго государя, сказалъ онъ, а не пастыря душъ" (Прот. А. А. Лебедевъ, о Главенствѣ рим. папы, стр. 300). Это, дѣйствительно, былъ архипастырь, котораго на западѣ справедливо называли основоположникомъ папскаго величія и могущества... Силою историческихъ обстоятельствъ, поставленный въ положеніе единоличнаго умиротворителя и устроителя судебъ Италіи, въ самую печальную и страшную для нея эпоху, въ виду повсюдныхъ развалинъ и опустошеній, — онъ съумѣлъ величіемъ своего полигически-административнаго генія прочно поставить власть и нравственное обаяніе римскаго первосвященника на западѣ, хотя былъ всецѣло чуждъ какихъ-бы то ни было притязаній на мірское властительство, а тѣмъ болѣе—на присвоеніе себѣ верховенства въ ряду другихъ христ. епископовъ, такъ какъ вообще былъ самымъ почтительнѣйшимъ подданнымъ своихъ византійскихъ государей и всѣмъ внушалъ такую же покорность и послушаніе ихъ власти. Но его преемники на римской каѳедрѣ не удержались на этомъ пути. Но мѣрѣ того, какъ христіанство распространялось на западѣ и новые народы боролись и устроялись культурно и политически, а христіанскій востокъ жилъ своей жизнью, вынося на себѣ тяжесть борьбы за догматы вѣры и истины христ. ученія,—хри-

стіанскій Римъ, съ его первосвященниками, предоставленными самимъ себѣ и своей миссіи, все больше и больше укрѣплялъ за собою права духовнаго и мірскаго властительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ больше и больше направлялися по тому наклону, относительно котораго высказывалъ свои опасенія св. Григорій Великій. Грандіозная мысль импер. Карла Вел. представить въ своемъ лицѣ, въ лицѣ христіан. государя — вѣнчаннаго папами — объединителя всего западнаго міра, съ верховными правами и могуществомъ римскихъ цезарей, нѣкогда повелителей всей вселенной, равно какъ и его старанія воскресить классическую старину,— рушились вслѣдъ за его смертью, при его слабыхъ, малоспособныхъ или нравственно испорченныхъ наслѣдникахъ, но его идеи крѣпко удержались въ сознаніи римскихъ папъ, привяты были и проведены ими за свой счетъ и своими средствами. И тщетно потомъ лучшіе средневѣковые богословы и мыслители, до Ѳомы Аквината и Данта включительно, старались разъяснить и доказать несовмѣстимость свѣтской верховной власти съ высокимъ духовнымъ призваніемъ папъ, скромныхъ служителей Церкви, — паны продолжали идти по указанному наклону, пока не возвели въ догматъ свое свѣтское и духовное верховенство на землѣ и не кончили тѣмъ, что, окруживъ себя цѣлой и страшной арміей монашескихъ орденовъ, стали во главѣ всѣхъ государей Европы, какъ прямые наслѣдники власти св. апостола Петра, съ одной стороны, и языческихъ цезарей Рима—„imperium romanum" — съ другой. Языческій Римъ тогда дѣйствительно воскресъ во всемъ своемъ блескѣ и во всемъ своемъ растлѣвающемъ нравственномъ развращеніи, и политическая мечта Карла Вел. осуществилась, но это вмѣстѣ было и началомъ конца просвѣтительной миссіи христіанскаго Рима въ западной Европѣ: эпоха возрожденія, язвительнымъ котораго такъ упивались нѣкоторые изъ римскихъ папъ-цезарей, а затѣмъ въ связи съ возрожденіемъ и реформація, предоставили папамъ самоуслаждаться ихъ собственнымъ величіемъ и властительствомъ, но жизнь Европы, развитіе и просвѣщеніе не признали уже и не признаютъ болѣе ихъ власти — ибо открылись новые пути, новыя независимыя начала жизни и развитія, не допускающія этой власти.

И вотъ, въ IX в., когда окончательно уже совершилось раздѣленіе востока и запада въ культурно-историч. и политическомъ отношеніяхъ, — въ лицѣ папы Николая I является предъ нами одинъ изъ тѣхъ папъ, въ церковно-политической дѣятельности которыхъ уже можно было предугадывать будущихъ Григорія VII и Иннокентія III-го. Настойчиво энергичный и дѣятельный, искусный политикъ и отличный администраторъ, онъ смотрѣлъ на свою власть и свое призваніе въ духѣ лженсидоровскихъ декретарій, тогда только что появившихся на Западѣ и, опираясь на нихъ, предъявлялъ ко всѣмъ, отъ имени римской каѳедры св. Петра, широкія требованія. И несомнѣнно такъ властно онъ ставилъ себя на западѣ, что приказывалъ и повелѣвалъ западнымъ государямъ и послѣдніе безмолвно внимали его угрозамъ и покорно подчинялись его приговору. Тѣмъ болѣе, разумѣется, высоко ставилъ онъ свою власть въ сферѣ церковныхъ дѣлъ и отношеній въ Италіи, какъ и въ другихъ западныхъ странахъ, повелѣвалъ и распоряжался какъ полновластный властелинъ, какъ папа-principat, не щадилъ противниковъ его плановъ, стремился и успѣлъ уничтожить сопротивленіе нѣкоторыхъ помѣстныхъ національныхъ церквей запада, отнявъ у нихъ права на независимость и какую нибудь долю самоуправленія, подчинивъ ихъ прямой юрисдикціи и волѣ Рима, во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ, ихъ существованія и управленія. Словомъ, это былъ во всѣхъ отношеніяхъ сильный, достойный противникъ патріарха Фотія. Ходъ дѣла и сношеній папы Николая съ патріархомъ Фотіемъ извѣстенъ. Въ 857 г. Игнатій былъ низложенъ, отправленъ въ заточеніе и немедленно въ томъ же году, 21 декабря, Фотій явился уже предъ народомъ патріархомъ, прямо изъ мірянъ, быстро, въ теченіе 6 дней пройдя всѣ церковныя степени, до епископа включительно. Какъ въ низложеніи прежняго патріарха, такъ и въ поставленіи новаго, волею императора, безъ всякихъ сношеній съ патріархами другихъ церквей, ничего необыкновеннаго или несогласнаго съ канонически-гражданскими постановленіями и воззрѣніями Византіи не было, такъ какъ со времени Константина Вел., византійскіе государи свою единоличную волю ставили выше всякаго церковнаго авторитета на землѣ и почти всегда, въ подлежащихъ случаяхъ, являлись абсолютными вершителями всякихъ церковныхъ дѣлъ, по своему личному усмотрѣнію и по своему желанію, а иногда и произволу, слѣдуя тому воззрѣнію, формулированному Оптатомъ Милевійскимъ, что „не государство пребываетъ въ церкви, а церковь въ государствѣ" и что „выше императора одинъ только Богъ"... Это воззрѣніе раздѣлялось и на западѣ, въ предѣлахъ римской патріархіи, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока послѣдняя находилась въ болѣе или менѣе прочной гражданской зависимости отъ византійскихъ императоровъ, но теперь, въ IX в., видимо уже здѣсь точка зрѣнія была иная—точка зрѣнія, проведенная въ указанной знаменитой юридически-канонической фальсификаціи этого вѣка—въ псидоровскихъ декреталіяхъ. Въ нихъ, а также въ другихъ подобныхъ фальсификаціяхъ, тогда распространившихся на западѣ, за папою, епископомъ Рима, узаконяется широкая и единственная въ своемъ родѣ власть примата въ вопросахъ духовныхъ и свѣтскихъ, ставящая его на землѣ выше императора и выше всѣхъ представителей другихъ церквей востока и запада. Въ дѣлѣ патр. Фотія папа Николай I и выступилъ именно съ этой точкой зрѣнія, уклонясь дѣлать прямыя ссылки на декреталіи, но и видимо постоянно опираясь на нихъ, въ полномъ сознаніи ихъ высокаго

церковно - каноническаго значенія. Отсюда этотъ высокомѣрный тонъ, эти властныя притязанія, характеризующія все его поведеніе въ отношеніяхъ къ патр. Фотію и импер. Михаилу,—въ каждой строкѣ его писемъ, посланій и оффиціальныхъ актовъ слышится именно этотъ тонъ высокомѣрія... Императоръ Михаилъ, по обычаю, извѣстилъ его о поставленіи новаго патріарха, а затѣмъ и патр. Фотій, также по установленному и вѣками освященному обычаю, отправилъ ему, какъ и другимъ патріархамъ посланіе, въ которомъ изложилъ и свое исповѣданіе вѣры,—и вотъ, грозный папа заговорилъ въ тонѣ властнаго и вепогрѣшимаго velo...

Письма папы Николая, по словамъ одного изъ его новѣйшихъ западныхъ біографовъ—„яркое зеркало его души",—письма Фотія, по характеристикѣ его западныхъ хулителей—„исполнены лжи, притворства, напускной риторики", якобы исключительно свойственныхъ византійцамъ. Такъ ли это и кто правъ? Если письма папы Николая дѣйствительно—„яркое зеркало его души", то что мы видимъ въ этой душѣ? Читая и вчитываясь въ нихъ, безъ всякаго предубѣжденія, безъ всякаго желанія уронить нравственное достоинство этого папы или умалить его историческое значеніе,—мы ничего однако же не найдемъ въ его письмахъ, кромѣ высокомѣрія, стремленія къ властолюбію, незаконныхъ притязаній и яростнаго озлобленія, вырывающагося наружу въ подборѣ всевозможныхъ бранныхъ эпитетовъ и именованій, анаѳемъ и проклятій... И откуда, во имя чего все это?!... На извѣщеніе императора Михаила и патріарха Фотія о посвященіи его, — папа Николай, передъ этимъ бывшій простымъ діакономъ и самъ только что вступившій на папскій престолъ въ 858 г., отвѣчаетъ: „Творецъ всѣхъ вещей установилъ главенство божественной власти, которую сей же Творецъ всѣхъ вещей сообщилъ своимъ избраннымъ апостоламъ; онъ учредилъ солидарность ихъ на твердой вѣрѣ князя апостоловъ, т. е. на Петрѣ, которому даровалъ по преимуществу первый престолъ. Ибо ему онъ сказалъ со властію Господа: Ты „еси Петръ и на семъ камнѣ созижду церковь мою"... Петръ, названный этимъ именемъ по причинѣ твердости камня, который есть Христосъ, не перестаетъ устроять своими молитвами пескорушимое зданіе вселенской церкви" и пр., и пр., словомъ, прямо уже излагаетъ хорошо извѣстное католическое ученіе о главенствѣ папъ. И затѣмъ, почти въ каждомъ письмѣ папа Николай возвращается къ этому ученію, выставляетъ его на видъ, настаиваетъ на немъ, называетъ римскую церковь „главою всѣхъ церквей—„omnium ecclesiarum caput". „первой и царственной на землѣ—prima et magistra ecclesiarum", безъ вѣдома которой не должна ни одна церковь предпринимать или допустить что-либо важное въ своемъ строѣ, возвѣщаетъ анаѳему всѣмъ, кто не согласится съ нимъ, постоянно ударяетъ на слова—„мы желаемъ, мы требуемъ, мы повелѣваемъ". Нигдѣ, ни въ единой строкѣ его писемъ не слышно голоса христіанской любви и братскаго общенія, такъ что повидимому онъ какъ бы забываетъ даже о томъ, что выступалъ защитою невинно-угнетеннаго патр. Игнатія,—онъ уже не его защищаетъ—нѣтъ, отстаиваетъ лишь всецѣло свои властолюбивыя права и притязанія, стараясь всѣми доводами писаній, преданій и разсудочной казуистики настоять на ихъ признаніи. Объ отношеніяхъ его къ патр. Фотію, понятно, нечего уже и говорить—онъ не можетъ слышать покойно его имени и не знаетъ другихъ названій для него, какъ—adulterus, praevaricator, pervasor,—бунтовщикъ, узурпаторъ, Іуда предатель и пр. Это ли христіанское смиреніе и любовь, во имя которой онъ якобы призывалъ къ послушанію ученію и установленіямъ церкви?! Но не къ одному Фотію,—и къ другимъ патріархамъ, какъ и къ самому императору Михаилу онъ относился съ тѣмъ же властительнымъ высокомѣріемъ и пренебреженіемъ, съ тѣми же требованіями и внушеніями, а когда импер. Михаилъ далъ ему понять неделикатность его поведенія и позволилъ себѣ насмѣшливо усумниться въ основательности его притязаній и требованій, онъ отвѣтилъ длиннымъ письмомъ, переполненнымъ цитатами изъ св. Писанія, отцовъ церкви и соборныхъ постановленій, въ которомъ выставляетъ себя новымъ Давидомъ, неповинно гонимымъ Сауломъ, гонимымъ и непризнаваемымъ, но твердо стоящимъ „за права св. матери всѣхъ церквей—церкви римской"... Говорятъ, что его стремленія во всей этой подемикѣ были возвышенны и благородны, что онъ выступалъ противникомъ „движимый высокими помыслами о благѣ христіанства и всего человѣчества" *) — выступалъ противъ безграничнаго произвола и злоупотребленій свѣтской власти въ дѣлахъ церковныхъ... Но откуда же видны эти его идеально-возвышенныя стремленія?.. То правда, что папа Николай смирялъ западныхъ королей и одинъ изъ нихъ, Людвигъ II, свое послушаніе ему простиралъ до того, что водилъ его лошадь за уздцы и самъ лично прислуживалъ ему за пиршествомъ. Не этого ли хотѣлъ онъ и отъ византійскихъ государей? Но въ такомъ случаѣ своевластіе и произволъ однихъ, въ результатѣ, замѣнился бы не менѣе безграничнымъ произволомъ и своевластіемъ другихъ, что и доказала послѣдующая исторія папства, — своевластіемъ тѣхъ, въ положеніи и высокомъ духовномъ призваніи которыхъ мірское своевластіе еще менѣе допустимо, чѣмъ въ государяхъ свѣтскихъ. Это ли возвышенныя стремленія?! Нѣтъ, духовное, а затѣмъ и свѣтское порабощеніе Востока — вотъ что предносилось, правда, можетъ быть пока еще не ясно, въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ,—предъ мыслію папы Николая I. и вотъ что открываютъ его письма—это „зеркало его души", по словамъ его почитателей...

*) Костомаровъ, Вѣстн. Евр. 1868 г., февр. стр. 635.

Иное совсѣмъ отвѣтныя письма и посланія патріарха Фотія... Но прежде всего, поразительный фактъ: на западѣ, какъ отчасти и у насъ, геніи патр. Фотія изумляются, превозносятъ его умъ, громадныя энциклопедическія познанія, широту его общественной и политической дѣятельности: „этотъ изумительный человѣкъ,—говоритъ Крумбахеръ, авторъ только что появившейся исторіи византійской литературы,—положительно стоитъ впереди и выше своего вѣка, какъ вершина величавой горы, гордо высится онъ надъ пустынной равниной востока и запада, загадочный въ своемъ величіи, неустанно и плодотворно дѣятельный въ области литературнаго творчества и въ сферѣ практической, а въ послѣдней, можетъ быть, и еще больше, чѣмъ въ первой, человѣкъ, внутреннее существо котораго, однако же, упорно не поддается точному опредѣленію"... Такъ смотрятъ на патріарха Фотія на западѣ, по крайней мѣрѣ историки-протестанты, такъ отчасти и у насъ, и въ то же время рѣшительно отказываютъ ему въ какомъ-либо нравственномъ величіи, напротивъ, упрекаютъ его въ безнравственности, считаютъ слѣпымъ орудіемъ придворныхъ интригъ, жалкимъ честолюбцемъ и интриганомъ и пр. и пр. Но именно письма патріарха Фотія, которымъ не хотятъ давать никакой вѣры, эти письма для всѣхъ неослѣпленныхъ конфессіональнымъ раздраженіемъ и фанатизмомъ, представляютъ совершенно противное, въ яркомъ свѣтѣ показываютъ его нравственное величіе, твердость и благородство духа, высокую христіанскую настроенность и пламенную ревность по вѣрѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ являютъ въ немъ, какъ въ представителѣ восточной церкви, совершенную противоположность тому, съ чѣмъ выступалъ представитель церковнаго запада, папа Николай I...

Патріархъ Фотій не искалъ и не желалъ искать патріаршаго престола, сознавая высокость этого сана, великую отвѣтственность предъ Богомъ, налагаемую имъ, и свое недостоинство,—его заставили, силою принудили сдѣлаться патріархомъ. И онъ чистосердечно, искренно разсказываетъ объ этомъ папѣ, жалуется и оплакиваетъ свое тяжелое, подневольное и дѣйствительно въ тогдашнихъ условіяхъ страшно отвѣтственное за себя и за другихъ, положеніе, проситъ его молитвъ, помощи, совѣта, какъ равный у равнаго, какъ братъ у брата. При всемъ томъ, онъ не сомнѣвается, что его поставленіе законно, ничѣмъ не нарушаетъ каноновъ церковныхъ и вполнѣ согласно съ существовавшими примѣрами. Папа же, ничему не внемля, посылаетъ ему увѣщанія, угрозы, проклятія... Фотій отвѣчаетъ напоминаніемъ о любви христіанской: „Но истинѣ нѣтъ ничего на свѣтѣ прекраснѣе и драгоцѣннѣе любви, —пишетъ онъ папѣ Николаю, — это признано всѣми и подтверждается словами св. Писанія. Любовь возстановляетъ согласіе тамъ, гдѣ господствовала распря, и примиряетъ вражду. Она скрѣпляетъ узы домашнія, устраняя разладъ и зависть. Ей несвойственно думать о злѣ; она все любитъ, все терпитъ и, по слову св. Павла, она никогда не оскудѣваетъ... Эта-то христіанская любовь побуждаетъ и наше смиреніе переносить упреки, которыми ваша отеческая святость поражаетъ насъ, какъ стрѣлами; ибо любовь заставляетъ насъ думать, что вами руководитъ не волненіе страсти, или увлеченіе гнѣвомъ, но истинное желаніе добра и горячая ревность къ сохраненію церковнаго порядка. И такъ какъ ничто не препятствуетъ братьямъ между собою, равно и родителямъ относительно дѣтей, говорить чистую правду (ибо истина всего дороже), то да позволено будетъ и намъ говорить предъ вами съ полною истиною..." И говоритъ по истинѣ о себѣ—о своемъ поставленіи и объ общемъ положеніи церковныхъ дѣлъ... Но папа снова ничему не внемлетъ,—выше всякой истины и любви ставитъ онъ лишь свои права и признанія... Фотій снова скромно напоминаетъ ему о смиреніи, о необходимости уважать права помѣстныхъ церквей, о сохраненіи цѣлости и чистоты православія устраненіемъ повшествъ и лжеученій, допущенныхъ въ латинской Церкви, и все это излагаетъ серьезно и основательно, но покойно, съ благородствомъ и почтительностью, не выходя изъ себя, не теряя равновѣсія, не употребляя ни одного изъ тѣхъ бранныхъ наименованій и эпитетовъ, которыя такъ щедрятъ письма папы Николая... Ясно, послѣ этого, на чьей сторонѣ больше нравственнаго величія и кто писалъ и дѣйствовалъ какъ истинный учитель Церкви—папа-ли Николай, съ его приматствомъ, или патр. Фотій, оберегавшій вселенское православіе. Тоже самое съ очевидностью сказалось и въ знаменитыхъ посланіяхъ того и другаго къ болгарскому князю Борису: одинъ назидаетъ истинамъ вѣры и христіанской жизни новообращеннаго князя, и ничему больше,—другой вноситъ всѣхъ внушеній и назиданій ставитъ приматство римскаго папы и церковно-іерархическую зависимость отъ Рима, обѣщая „и на будущее время внимательно ухаживать за новообращеннымъ народомъ"... Да, теперь мы понимаемъ, и не должны удивляться, что патр. Фотій въ своихъ бесѣдахъ, по случаю нашествія Россовъ, не пощадилъ даже и своихъ соотечественниковъ, и что первый—первый изъ всѣхъ византійцевъ открыто и прямо похвалилъ „неукоризненность нашу", признавъ въ нападеніи нашихъ предковъ и при разгромѣ ими Константинополя—правое дѣло и достойную кару за злодѣянія византійцевъ по отношенію къ русскимъ, имѣвшимъ съ ними сношенія. И такого человѣка упрекаютъ въ недостаткѣ характера, въ низкой лести, въ коварствѣ и интригахъ! Нѣтъ, этого не могло быть, и дай Богъ въ наступившее новое тысячелѣтіе освободиться намъ навсегда отъ всякихъ ученыхъ и неученыхъ предубѣжденій относительно этого достойнѣйшаго и великаго человѣка, а теперь по эллински и по русски возгласимъ ему—Αἰωνία ἡ μνήμη —вѣчная память.

III.

26 ФЕВРАЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: преосвященный Никандръ, епископъ нарвскій, архимандритъ Пименъ, бывшій ректоръ казанской семинаріи, назначаемый епископомъ чебоксарскимъ, представители столичнаго духовенства, сербскій посланникъ М. А. Петроневичъ, члены Славянскаго Общества и болѣе 500 посторонникъ посѣтителей.

Послѣ обычной молитвы св. Кириллу и Меѳодію, съ благословенія преосвященнаго Никандра, собраніе было открыто г. предсѣдателемъ слѣдующею рѣчью:

Ваше преосвященство,
милостивые государыни и государи.

Съ благословенія преосвященнаго Никандра, объявляю сегодняшнее собраніе открытымъ.

Обыкновенно, ежегодно мы собираемся 14 февраля для того, чтобы почтить день памяти одного изъ вашихъ Первоучителей—св. Кирилла, блаженная кончина котораго чествуется именно въ этотъ день.

Въ текущемъ году, по случаю разныхъ обстоятельствъ, отодвинувшихъ день предполагаемаго нами чествованія, только сегодня пришлось осуществить обычное наше собраніе, пріуроченное къ 14 февраля.

Поэтому вамъ сегодня предложено будетъ то, что, по обычаю, предлагалось и ранѣе на подобныхъ собраніяхъ: прочитанъ будетъ краткій отчетъ о дѣятельности Славянскаго Общества въ 1890 г., а, затѣмъ, будетъ прочитана статья, присланная нашимъ почетнымъ членомъ, прот. І. Наумовичемъ, посвященная воспоминаніямъ, связаннымъ съ 14 февраля, и имѣющая извѣстное отношеніе къ исторической судьбѣ и современной жизни червонноруссовъ.'

Чтеніе этой статьи послужитъ какъ бы нѣкоторымъ отдавіемъ къ великому празднику, отпразднованному нами недавно въ воспоминаніе тысячедѣтія со дня кончины патріарха Фотія, отданіемъ, которое вызываетъ на дальнѣйшія благодарныя воспоминанія тѣхъ, которые сознали въ греко-славянскомъ мірѣ культурную цѣльность и особность отъ латино-германскаго запада. Нынѣшнее наше собраніе имѣетъ цѣлію почтить память св. Кирилла, а это въ свою очередь даетъ особый поводъ и къ воспоминаніямъ о патріархѣ Фотіѣ. 14 февраля 869 года—день кончины „вѣрнѣйшаго друга" патріарха Фотія, когда послѣдній, по политическимъ соображеніямъ своего правительства, уступивши патріаршую каѳедру Игнатію, былъ какъ бы въ немилости и терпѣлъ естественныя невзгоды своего одиночества. И въ это-то время „вѣрнѣйшій другъ" Фотій, умирающій Кириллъ, въ словахъ своей предсмертной молитвы какъ бы посылаетъ послѣднее утѣшеніе своему „другу", молится объ избавленіи ввѣреннаго ему стада Христова „отъ поганскія злобы", „о погубленіи тріязычной ереси", противъ которой писалъ и Фотій, о возрастаніи Церкви и единодушіи и проч. и, прозрѣвая побѣду началъ христіанской любви, одушевлявшихъ и Фотія въ борьбѣ за независимость восточной Церкви, торжественно возглашаетъ: „Благословенъ Богъ нашъ, иже не дасть васъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ враговъ нашихъ, но сѣть ихъ сокрушися и избави ны отъ истлѣнія ихъ". Эти слова могутъ служить ободреніемъ и современному потомству тогдашняго греко-славянскаго міра, ведущему брань съ одними и тѣми-же враждебными западно-европейскими вліяніями, которыя унаслѣдованы западомъ въ отношеніи къ славянству еще отъ традиціи почти современной Фотію монархіи Карла Великаго.

Въ частности слова эти примѣнимы къ родной намъ многострадальной Червонной Руси, по поводу новѣйшихъ въ ней галицко-русскихъ отношеній.

Этому и будетъ посвящена рѣчь о. протоіерея І. Г. Наумовича.

Во второмъ отдѣленіи будутъ прочитаны: статья нашего сочлена М. П. Городецкаго: „Русскія симпатіи въ польской поэзіи" и два небольшихъ стихотворенія кн. П. Н. Цертелева.

Позвольте заключить обращеніе мое къ вамъ напоминаніемъ о томъ, что сегодня вся святая Русь празднуетъ день рожденія своего Государя Императора Александра III. Угадывая ваше сердечное желаніе слиться въ одной общей молитвѣ за Царя, прошу хоръ исполнить нашъ народный гимнъ: Боже, Царя храни!

Исполненный хоромъ г. Архангельскаго народный гимнъ, повторенный по требованію присутствующихъ, сопровождался восторженными рукоплесканіями.

За симъ А. А. Панковъ прочиталъ слѣдующій, составленный Совѣтомъ Общества,

Отчетъ о дѣятельности Славянскаго Общества въ 1890 г.

I. Составъ Общества.

Въ 1890 г. въ Обществѣ состояло членовъ: почетныхъ 35, пожизненныхъ—68 и дѣйствительныхъ—350.

Въ отчетномъ году были избраны въ почетные члены: Аѳанасій Ѳеодоровичъ Бычковъ и Михаилъ Іосифовичъ Коялоничъ, въ пожизненные члены: высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ харьковскій и ахтырскій, Левъ Ѳеодоровичъ Абатуровъ, Викторъ Ивановичъ Базилевскій, князь Алексѣй Николаевичъ Долгоруковъ, Григорій Александровичъ

Крестовниковъ, Николай Константиновичъ Крестовниковъ, Михаилъ Іосифовичъ Микѣшинъ, Николай Петровичъ Пашичъ, графъ Адамъ Максимовичъ Стенбокъ и Иванъ Тихоновичъ Тихоновъ и въ дѣйствительные члены — 62, предложенные Совѣтомъ кандидата.

Изъ числа членовъ, состоявшихъ въ составѣ Общества въ 1890 г., 53 члена не уплатили еще своихъ членскихъ взносовъ.

Въ минувшемъ году Славянское Общество понесло особенно тяжелыя утраты. Почили: почетный членъ Общества Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Радецкій, пожизненные члены: Григорій Петровичъ Данилевскій и высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ херсонскій и дѣйствительные члены: Василій Димитріевичъ Аксеновъ, Димитрій Станиславовичъ Нагловскій, Андрей Михайловичъ Сѣверовъ и Петръ Спиридоновичъ Поликовъ.

Да останутся навсегда незабвенными въ Славянскомъ Обществѣ имена почившихъ.

Вѣчная имъ память!

II. Составъ Совѣта Общества.

Въ составѣ Совѣта Общества въ отчетномъ году перемѣнъ не произошло.

III. Попечительство надъ учащимися славянами въ Москвѣ.

Московское Попечительство было открыто 31 декабря 1889 г., причемъ въ его правленіе были избраны: предсѣдателемъ—князь Николай Петровичъ Мещерскій, членами: протоіереи Алексѣй Михайловичъ Иванцовъ-Платоновъ, Димитрій Ѳеодоровичъ Самаринъ, Димитрій Ивановичъ Пловайскій, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, казначеемъ—Николай Николаевичъ Загоскинъ и секретаремъ—Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ.

Крупныя пожертвованія, поступившія въ Попечительство въ 1890 г., дали ему возможность не только начать свою дѣятельность, правда, въ размѣрахъ еще очень скромныхъ, далеко не соотвѣтствующихъ дѣйствительной потребности, но и закончить первый годъ съ значительнымъ остаткомъ. Изъ этихъ пожертвованій слѣдуетъ въ особенности съ благодарностью упомянуть: о 1.000 р., поступившихъ отъ пожизненнаго члена С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества М. Ѳ. Морозовой; о 1.500 р., поступившихъ отъ дѣйствительнаго члена Общества О. И. Плевако, какъ душеприкащика по духовному завѣщанію Медынцевой, и о 700 р., собранныхъ по подпискѣ дѣйствительнымъ членомъ П. И. Харитоненко.

Сверхъ того, почетный членъ Общества В. О. Гильфердингъ пожертвовала 200 томовъ сочиненій своего незабвеннаго супруга, А. Ѳ. Гильфердинга, частью для раздачи учащимся въ Москвѣ славянамъ, частью для продажи въ пользу Попечительства и для отсылки въ славянскія земли.

Поступившія въ Московское Попечительство пожертвованія въ общей сложности составили 3.600 р., не считая пожертвованныхъ В. О. Гильфердингъ книгъ, стоимостью свыше 600 р. и членскихъ взносовъ—1.095 р.

Благодаря этимъ средствамъ, Попечительство имѣло возможность выдавать въ теченіе всего 1890 г. 12 студентамъ изъ славянъ, обучающимся въ московскомъ университетѣ, ежемѣсячныя пособія въ размѣрѣ 15 р. въ мѣсяцъ, помѣстить двухъ болгарокъ въ женскія учебныя заведенія и оказывать единовременныя пособія учащимся еще славянамъ и окончившимъ уже ученіе, но не имѣвшимъ средствъ возвратиться на родину.

Несомнѣнно, что размѣръ ежемѣсячныхъ пособій выдаваемыхъ Московскимъ Попечительствомъ, недостаточенъ, а число получавшихъ пособія было ниже дѣйствительнаго числа нуждавшихся: приходилось отказывать въ пособіяхъ значительному числу молодыхъ славянъ, дѣйствительно нуждавшихся въ оныхъ.

Кромѣ молодыхъ славянъ, получавшихъ пособія отъ Попечительства, изъ числа славянъ, воспитывающихся въ московскомъ университетѣ, ежемѣсячныя пособія получали: 11—отъ нашего правительства, 5—отъ болгарскаго правительства и 2—отъ университета (стипендіи П. С. Аксакова и Денкогло). Съ увеличеніемъ средствъ, на которыя Попечительство разсчитываетъ въ будущемъ, имѣется въ виду учредить въ Москвѣ для молодыхъ славянъ общежитіе, что дастъ возможность Попечительству оказать нѣкоторое воздѣйствіе и на ихъ духовно-нравственное развитіе.

IV. Комиссіи.

Въ 1890 г. при Совѣтѣ состояли слѣдующія комиссіи:

а) Издательская, въ составѣ членовъ: П. А. Васильчикова, А. А. Кирѣева, прот. А. А. Лебедева, П. С. Пальмова, О. М. Истомина, П. С. Толстаго, и приглашенныхъ къ участію въ трудахъ Комиссіи В. П. Аристова и А. А. Панкова.

Въ 1890 г. Комиссіею издана на русскомъ языкѣ сербская грамматика Новаковича и Русско-славянскій календарь на 1890 г., составленный В. М. Бѣлозерскимъ.

Отчетъ о дѣятельности издательской Комиссіи въ 1890 г. будетъ доложенъ въ одномъ изъ послѣдующихъ собраній.

Ревизіонная—для провѣрки приходо-расходныхъ книгъ Общества, въ составѣ членовъ Совѣта: прот. А. А. Лебедева, Н. В. Стремоухова и А. А. Панкова.

Докладъ этой Комиссіи объ обревизованіи книгъ и документовъ за 1889 г. былъ уже доложенъ собранію 25 февраля 1890 г.

б) Особая Комиссія, учрежденная 28 декабря 1888 г., для разбора прошеній прибывающихъ въ Россію славянъ, объ опредѣленіи ихъ въ учебныя заведенія и для наблюденія за ихъ успѣхами и поведеніемъ, а также и для пріисканія для нихъ занятій. Въ Комиссіи этой состояли: А. В. Васильевъ, О. М. Истоминъ, А. Л. Кекинъ, А. А. Кирѣевъ, В. П. Ламанскій, П. С. Пальмовъ, А. К. Томашевскій и М. М. Янко.

Какъ въ 1889 г., такъ и въ 1890 г. существенѣйшую пользу неимущимъ пріѣзжимъ славянамъ оказывалъ членъ, названной Ко-

миссіи А. Л. Кекинъ, давая имъ помѣщеніе и содержаніе въ учрежденномъ имъ „домѣ временной помощи".

Благодаря великодушному содѣйствію Алексѣя Леонтьевича, при незначительныхъ пособіяхъ со стороны Совѣта Общества, нѣсколько пріѣзжихъ славянъ успѣли подготовиться къ экзаменамъ въ учебныхъ заведеніяхъ, куда они и поступили, или же успѣли пріискать себѣ подходящія занятія.

V. Общія собранія гг. членовъ Общества.

Въ 1890 г. состоялось пять общихъ собраній, въ томъ числѣ четыре торжественныя—25 февраля, 6 августа, 11 мая и 25 ноября.

Въ торжественныхъ собраніяхъ были прочитаны: графомъ Н. П. Игнатьевымъ—сдѣланный почетнымъ членомъ В. И. Ламанскимъ, разборъ сочиненій, представленныхъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи, В. И. Аристовымъ—стихотвореніе почетнаго члена Общества Я. П. Полонскаго: „Черногорскій Ключъ", и выдержки изъ премированнаго сочиненія профессора варшавскаго университета А. С. Будиловича: „Объ единствѣ славянскаго литературнаго языка", профессоромъ И. С. Пальмовымъ—статьи: „День блаженной кончины св. Меѳодія и послѣдніе годы т. н. Великой Моравіи въ современномъ славянскомъ созданіи" и „о константинопольскомъ патріархѣ Фотіѣ". А. А. Пашковымъ—отчетъ, составленный Совѣтомъ о его дѣятельности въ 1889 г.; А. Д. Погодинымъ—„Прошедшее и настоящее червонопруссовъ;" К. К. Случевскимъ—стихотвореніе: „Два царя" и П. П. Филевичемъ—статья „Подъ хоругвію св. Кирилла и Меѳодія".

Въ послѣднемъ торжественномъ собраніи, 25 ноября 1890 г., была присуждена А. С. Будиловичу первая премія въ 1.500 р. за его сочиненіе, представленное имъ на тему: „Объ единствѣ славянскаго литературнаго языка".

Распорядительное собраніе, 28 января, было посвящено разсмотрѣнію смѣты доходовъ и расходовъ Общества въ 1890 г. и обсужденію вопросовъ объ изданіи славянскаго календаря на 1891 г., русско-словенскаго словаря и славянской христоматіи.

Въ этихъ же собраніяхъ г. предсѣдателемъ, графомъ Н. П. Игнатьевымъ, было сообщаемо о ходѣ сбора пожертвованій „въ пользу черногорцевъ и другихъ славянъ, нуждавшихся по случаю неурожая".

VI. Засѣданія Совѣта.

Засѣданій Совѣта въ 1890 г. состоялось—20.

Засѣданія эти были посвящены разрѣшенію текущихъ вопросовъ, обсужденію просьбъ о пособіяхъ церквамъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ и славянскимъ юношамъ, прибывавшимъ въ Россію для образованія.

Въ этихъ же засѣданіяхъ, между прочимъ, обсуждались и вопросы о посылкѣ телеграммъ: въ Кіевъ—высокопреосвященнѣйшему Платону, митрополиту кіевскому и галицкому, по случаю 60-лѣтняго служенія его въ священномъ санѣ, въ Макарска—комитету по сооруженію памятника извѣстному славянскому дѣятелю Качичу Міошичу, и въ Бѣлградъ—П. П. Пашичу, о возложеніи вѣнка отъ имени Славянскаго Общества на гробъ почившаго редактора газеты „Велика Сербіа" Стефана Качанскаго.

VII. Воспитаніе славянъ.

Въ теченіе 1890 г. на попеченіи Славянскаго Общества состояло 33 стипендіата и 3 стипендіатки, 1—въ заграничномъ университетѣ, 1—въ с.-петербургскомъ университетѣ, 11—въ военно-медицинской академіи, 1—въ императорской академіи художествъ, 4—въ с.-петербургской духовной академіи, 1—въ виѳанской духовной семинаріи, 3—въ с.-петербургской духовной семинаріи, 1—въ таврической духовной семинаріи, 1—въ технологическомъ институтѣ, 1—въ придворной капеллѣ, 1—во 2-й с.-петербургской прогимназіи, 1—въ наровскомъ мореходномъ классѣ Петра Великаго, 1—въ мореходныхъ классахъ с.-петербургскаго яхтъ-клуба, 2—въ южно-славянскомъ пансіонѣ Ѳ. Н. Минкова, 2—въ бѣлградской великой школѣ, 2—стипендіатки въ ярославской женской гимназіи и 1—стипендіатка въ патріотической школѣ въ Петербургѣ. По національностямъ въ числѣ стипендіатовъ были: 1—хорватъ, 1—словакъ, 3—герцеговинца, 8—сербовъ, 15—болгаръ, 3—болгарки, 4—черногорца и 1—буковинецъ. Одинъ изъ нихъ кончилъ курсъ въ спб. духовной академіи, а другой—студентъ 4 курса военно-медицинской академіи, отправившись по совѣту докторовъ на родину въ Призрѣнъ, скончался.

Кромѣ вышепомянутыхъ стипендіатовъ, 15 учащихся славянскихъ юношей получили пособіе на уплату за слушаніе лекцій въ с.-петербургскомъ университетѣ, въ военно-медицинской академіи и въ спб. духовной семинаріи.

VIII. Собранія гг. членовъ Общества по понедѣльникамъ.

Въ этихъ собраніяхъ были сдѣланы сообщенія по нѣкоторымъ славянскимъ вопросамъ.

IX. Собранія стипендіатовъ Общества.

Въ концѣ прошлаго года въ помѣщеніи Совѣта два раза въ мѣсяцъ, по субботамъ, собиралась болгарская учащаяся молодежь, а по воскресеньямъ, тоже два раза въ мѣсяцъ, сербская молодежь.

Въ этихъ собраніяхъ читались рефераты по научнымъ вопросамъ, самыя же собранія происходили въ присутствіи членовъ Совѣта.

Желательно, чтобы эти собранія упрочились и были посѣщаемы членами Общества, дабы болѣе и болѣе развивалась нравственная связь между славянской молодежью и членами Общества, что несомнѣнно принесло-бы добрые плоды.

X. Изданіе „Славянскихъ Извѣстій" въ 1890 г.

Въ минувшемъ году В. В. Комаровымъ издано 52 №№ „Славянскихъ Извѣстій". Недьзя не пожелать, чтобы члены Общества приняли болѣе горячее участіе въ подпискѣ на „Славянскія Извѣстія" и въ распространеніи этого журнала.

XI. Казначейскій отчетъ.

I. Приходъ смѣтныхъ поступленій.

	По смѣтѣ ожидалось:	Поступило:
	Рубли. К.	Рубли. К.
1. По расходн. капиталу	21.317 —	25.913 85
2. „ основному „ .	2.368 —	8.816 18
3. „ издательск. капиталу П. С. Аксакова .	76 95	344 14
4. Болгарскаго Братства просвѣщенія	6 74	6 74
5. На премію А. Ѳ. Гильфердинга.	238 15	238 15
6. „ премію Г. П. Алексѣева	19 79	19 79
	24.026 63	35.338 85

II. Приходъ суммъ, не вошедшихъ въ смѣту.

а) По запасному капиталу	— —	89 58
б) Пожертвованій въ пользу черногорцевъ и другихъ славянъ	— —	48.596 33
в) Пожертвованіе С. Е. Егорова въ пособіе литературнымъ предпріятіямъ	— —	1.070 —
г) На памятникъ О. Ѳ. Миллеру	— —	69 —
д) Оборотн. и передат. суммъ.	— —	19.333 32
А всего . .	— —	104.497 8

Увеличеніе прихода по расходному капиталу объясняется развитіемъ церковнаго кружечнаго сбора, болѣе противъ 1889 г. на 4.081 р. 18 к., увеличеніемъ поступленія членскихъ взносовъ, болѣе 1889 г. на 683 р. и единовременныхъ пожертвованій въ распоряженіе Общества.

Увеличеніе прихода по основному капиталу объясняется поступленіемъ отъ Маріи Ософоровны Морозовой пожертвованія въ 5.000 р., 6 пожизненныхъ членскихъ взносовъ (600 р.), выручкою, полученною отъ продажи „Житія св. равноапостольнаго князя Владиміра" (311 р.) и увеличеніемъ отчисленій изъ расходнаго капитала, сообразно поступленіямъ въ этотъ капиталъ.

III. РАСХОДЪ.

А) Собственно по расходному капиталу.

	По смѣтѣ назначено:	Израсходовано:
	Рубли. К.	Рубли. К.
1) На наемъ квартиры, содержаніе служащихъ, общія собранія, засѣданія Совѣта, разъѣзды, печатаніе, церковныя службы и вообще веденіе дѣла	4.200 —	5.298 94
2) На пособіе церквамъ .	1.500 —	1.251 18
3) На воспитаніе славянъ.	4.600 —	6.893 71
4) На пособіе добровольцамъ и ихъ семействамъ	1.600 —	2.118 75
5) На пересылку газетъ и книгъ въ славянскія земли	700 —	851 86
6) На пособіе пріѣзжимъ славянамъ	2.600 —	2.297 97
7) На пособіе школамъ. .	150 —	79 68
8) Въ пособіе на изданіе „Славянскихъ Извѣстій"	5.000 —	5.000 —
9) На изданіе Сербск. грамматики Новаковича, въ количествѣ 1.000 экз., гонораръ сотрудникамъ, газетныя объявленія о книгахъ и т. п. . . .	1.067 —	1.481 27
	21.317 —	25.306 66

Болѣе противъ смѣты на 3.989 р. 66 к.

Увеличеніе расхода объясняется:

По 1 статьѣ—увеличеніемъ издержекъ на заграничную корреспонденцію и на книжныя посылки и новыми расходами по собраніямъ болгарской и сербской молодежи, а также экстренными работами по составленію календаря на 1891 г.

По 3 статьѣ—увеличеніемъ числа пособій молодымъ славянамъ, прибывавшимъ въ Россію для образованія.

По 4 статьѣ—увеличеніемъ числа семействъ добровольцевъ, впавшихъ по обстоятельствамъ въ крайность и нуждающихся въ пособіяхъ.

По 9 статьѣ—печатаніемъ изданій, не предусмотрѣнныхъ смѣтою.

Изъ основнаго капитала и капитала на премію Г. П. Алексѣева былъ произведенъ расходъ на покупку процентныхъ бумагъ на пожертвованные М. Ѳ. Морозовою 5.000 р. и для втораго—взамѣнъ вышедшаго въ тиражъ закладнаго листа херсонскаго земскаго банка въ 100 р.

Б) Расходъ суммъ, не вошедшихъ въ смѣту.

Въ пособіе черногорцамъ и другимъ славянамъ, нуждающимся по случаю неурожая, а также чехамъ, потерпѣвшимъ отъ наводненія, изъ собранныхъ пожертвованій отправлено .	18.596 р.	33 к.
Изъ капитала А. Г. Кузнецова выдано пособій безвозвратно 1.679 р. 55 к. и съ возвратомъ 1.000 р. .	2.659 „	55 „
Изъ капитала Семена Евфимовича Егорова выдано за составленіе „Славянской христоматіи" . .	500 „	— „
Изъ „Издательскаго капитала имени Ивана Сергѣевича Аксакова, по постановленію собранія 5 ноября 1889 г., израсходовано на изданіе „русско-славянскаго календаря на 1890 годъ"	1.761 „	8 „
Изъ запаснаго капитала 1890 г. выдана 1-я премія проф. варшавскаго университета А. С. Будиловичу за представленное имъ сочиненіе: „Объ единствѣ славянскаго литературнаго языка	1.500 „	— „

и позаимствовано на изданіе „славянскаго календаря на 1891 г.“ . . . 2.651 р. 45 к.

Расходы эти разрѣшены Совѣту собраніемъ, состоявшимся 27 января 1891 г.

За произведенными расходами къ 1 января 1891 г. оставалось:

Расходнаго капитала .	694 р.	88 к.
Основнаго	100.272 „	16 „
Запаснаго	112.381 „	86 „
Капитала А. Г. Кузнецова	1.340 „	45 „
Капитала имени С. Е. Егорова	570 „	— „
Издательскаго капитала имени П. С. Аксакова . .	820 „	88 „
Болгарскаго братства просвѣщенія	186 „	26 „
На премію А. Ѳ. Гильфердинга	5.673 „	49½ „
На премію Г. П. Алексѣева	495 „	96 „
Передаточныхъ суммъ .	215 „	28 „
Итого	222.684 р.	57½ к.

Къ 1 января 1891 г. капиталы Общества противъ остатка къ 1 января 1890 г., не смотря на значительныя издержки, оказались болѣе на 3.483 р. 88 к. Основной же капиталъ возросъ съ 91.482 р. 98 к. до 100.272 р. 16 к.

Капиталы Общества заключаются въ процентныхъ бумагахъ—на 219.400 р., на текущемъ счетѣ учетно-ссуднаго банка—2.388 р. и въ наличіи 896 р. 57½ к.

Представляя отчетъ о своей дѣятельности, Совѣтъ Общества, въ заключеніе, считаетъ долгомъ привести глубочайшую благодарность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, оказавшимъ словомъ и дѣломъ посильную помощь святому славянскому дѣлу и проситъ—не отказать и на будущее время въ сочувствіи и помощи, столь необходимыхъ для выполненія благихъ цѣлей, завѣщанныхъ незабвенными основателями Общества.

Отчетъ этотъ, выслушанный съ особеннымъ вниманіемъ, по предложенію г. предсѣдателя, былъ утвержденъ общимъ собраніемъ единогласно.

Послѣ исполненной хоромъ г. Архангельскаго гуситской пѣсни „Гдѣ домовъ мой“, В. П. Аристовъ прочиталъ печатаемую ниже статью почетнаго члена Славянскаго Общества прот. І. Г. Паумовича: „Къ тысячелѣтію патріарха Фотія“, вызвавшую громкія рукоплесканія.

Въ заключеніе перваго отдѣленія хоръ г. Архангельскаго исполнилъ пѣснію: „Слава на небѣ солнцу красному, Государю нашему слава!“, повторенную по требованію присутствовавшихъ.

Послѣ небольшаго перерыва, хоръ г. Архангельскаго пропѣлъ гимнъ св. равноапостольному князю Владиміру.

Вслѣдъ за гимномъ, по предложенію г. предсѣдателя, собраніемъ избраны въ дѣйствительные члены Общества предложенные Совѣтомъ кандидаты.

Послѣ выборовъ, М. П. Городецкій прочиталъ составленную имъ статью: „О польскомъ поэтѣ Антоніѣ-Эдуардѣ Одынцѣ“, слѣдующаго (въ сокращеніи) содержанія:

Въ засѣданіяхъ Славянскаго Общества чрезвычайно рѣдко возвышается голосъ въ пользу привислянскихъ славянъ.

Непріязненныя отношенія польскаго общества и польской прессы ко всему русскому всѣмъ извѣстны. Утративъ свою политическую самостоятельность, главнымъ образомъ, вслѣдствіе разлада между собой, примкнувъ къ западной цивилизаціи до потери многихъ особенностей славянской расы, Поляки сдѣлались солидарными и единомыслеными между собой лишь въ одномъ: въ ненависти къ Россіи, ко всему русскому. Нельзя поэтому удивляться, что плодотворная и многополезная дѣятельность Славянскаго Благотворительнаго общества не распространяется на поляковъ, сосредоточиваясь на тѣхъ изъ славянъ, которые дорожатъ своею принадлежностью къ общей славянской семьѣ, которые не разорвали братскихъ узъ, тѣсно связующихъ ихъ съ великимъ народомъ русскимъ.

Но, несмотря на полную почти отчужденность отъ насъ поляковъ, изъ среды польскаго общества являются иногда, какъ рѣдкое исключеніе, люди благомыслящіе, проявляющіе симпатіи къ русскому народу.

Такимъ исключеніемъ былъ польскій поэтъ и публицистъ Антоній-Эдуардъ Одынецъ, озаривній блескомъ своего поэтическаго творчества неестественныя отношенія поляковъ къ русскимъ.

Одынецъ родился въ деревнѣ Гейстуны, виленской губерніи, 25 января 1804 г. Отецъ его, Тадеушъ Одынецъ, былъ помѣщикомъ этого имѣнія; мать, Тереза, происходила изъ дворянскаго рода Гнотовскихъ. Оба они были римско-католическаго исповѣданія, но сына своего, когда онъ достигъ 10-лѣтняго возраста, отдали для первоначальнаго образованія въ борунскій греко-уніатскій монастырь. Въ 1820 году, 17 лѣтъ отъ роду, Антоній-Эдуардъ Одынецъ поступилъ въ виленскій университетъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ Мицкевичемъ и здѣсь же проявились у него первые проблески поэтическаго творчества, выразившіеся въ переводѣ „Ифигеніи“ Расина, а вслѣдъ затѣмъ явилось и оригинальное произведеніе его—„Страхи“. По выходѣ въ 1825 году изъ университета, Одынецъ принялъ на себя редактированіе выходившаго тогда въ Вильнѣ изданія „Дѣла благотворительности“, но изданію этому не посчастливилось, и Одынецъ, прожившъ нѣсколько времени въ своей родной деревнѣ, переселился въ 1826 году въ Варшаву для того, чтобы посвятить свои силы и знанія литературѣ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Варшавѣ, Одынецъ пріѣхалъ въ Петроградъ и, встрѣтясь здѣсь съ Мицкевичемъ, отправился съ нимъ въ августѣ 1829 г. путешествовать по Европѣ; оба поэта объѣхали Германію, посѣтили Швейцарію, Италію и другія страны. Затѣмъ Одынецъ, покинувъ своего спутника, побывалъ въ Парижѣ и Лондонѣ и, наконецъ, поселился въ Дрезденѣ.

Здѣсь онъ пробылъ шесть лѣтъ и за это время перевелъ на польскій языкъ: Шекспира, Байрона, Шиллера, Мура и проч. и написалъ нѣсколько оригинальныхъ произведеній. По возвращеніи въ Вильну, поэтъ принялъ на себя завѣдываніе изданіемъ „всеобщей энциклопедіи", а потомъ редактировалъ „виленскій курьеръ". Въ то же время онъ написалъ драму „Фелицита", двѣ трагедіи „Варвара Радзивиллъ" и „Юрій Любомірскій" и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Въ 1865 г. Одынецъ снова переселился въ Варшаву, редактировалъ здѣсь „курьеръ варшавскій", и написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ особенно цѣнятся „письма изъ путешествія", помѣщенныя въ польскомъ журналѣ „Семейная Хроника". Съ тѣхъ поръ Одынецъ не оставлялъ уже Варшавы.

Удрученный преклонными годами и страдая серьезною болѣзнью сердца, поэтъ скончался 3 января 1885 г. въ домѣ дочери своей, Терезы Хоментовской.

Какъ литераторъ и публицистъ, Одынецъ занималъ въ обществѣ независимое положеніе. Онъ любилъ свою родину и былъ преданъ католической вѣрѣ. Это не помѣшало ему относиться къ русскимъ не только безъ фанатическаго предубѣжденія, которымъ заражены его соотечественники, но даже съ полнымъ расположеніемъ и любовью, и эти рѣдкія чувства свои выразилъ въ нѣсколькихъ поэтическихъ произведеніяхъ.

Такихъ произведеній Одынца четыре.

Первое изъ нихъ, озаглавленное: „Przyjdz krolestwo, Boze"! (Да пріидетъ царствіе Твое), составляетъ привѣтствіе русскому Императору Александру II. Когда вышелъ рескриптъ Царя-Освободителя отъ 20 ноября 1857 г. на имя виленскаго генералъ-губернатора о составленіи проектовъ устройства и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, — рескриптъ, принятый не совсѣмъ охотно польскими помѣщиками сѣверо-западнаго края, поэтъ Одынецъ пришелъ въ восторгъ отъ этого перваго шага великой реформы освобожденія народа и, ко времени пріѣзда Александра II въ Вильну, въ 1858 году, написалъ ему привѣтствіе, вошедшее въ небольшой сборникъ, наскоро отпечатанный *). Въ этомъ привѣтствіи, восхваляя Царя, какъ народнаго избавителя, подателя мира, правды и счастья, поэтъ высказываетъ надежду на сближеніе людей, отвращеніе козней и всякаго раздора, надежду на торжество любви среди племенъ отъ Волги и Лены до Вислы и Нѣмана и въ заключеніе взываетъ къ тѣнямъ славныхъ Ягеллоновъ, чтобы они возрадовались, увидѣвъ тронъ свой занятымъ царемъ, отнюдь безправнаго народа, освободителемъ милліоновъ, и молились Творцу Всеблагому, чтобы царствованіе его было началомъ Божьяго царства на землѣ.

Второе произведеніе Одынца составляетъ привѣтствіе супругѣ одного изъ русскихъ дѣятелей въ Вильнѣ. Въ домѣ этого дѣятеля, русскаго патріота, поэтъ былъ принятъ и обласканъ. Какъ выраженіе своей пріязни, Одынецъ и поднесъ хозяйкѣ дома свое поэтическое привѣтствіе.

Третье произведеніе есть переводъ на польскій языкъ молитвы Ефрема Сирина: „Господи, Владыко живота моего". Какъ извѣстно изъ біографіи Одынца, первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ греко-уніатскомъ монастырѣ. Въ это время, надо полагать, въ немъ явилась любовь къ восточному обряду богослуженія; но крайней мѣрѣ онъ съ восторгомъ отзывался о церковно-славянскихъ пѣснопѣніяхъ. Глубоко трогательная молитва сирійскаго діакона-пѣснопѣвца такъ нравилась польскому поэту, что онъ переложилъ ее польскими стихами. Переводъ сдѣланъ весьма удачно и выразительно.

Наконецъ, четвертое произведеніе составляетъ переводъ извѣстной пѣсни Жуковскаго: „Минувшихъ дней очарованье". Г. Городецкій привелъ нѣкоторыя комментаріи къ „пѣснѣ" Жуковскаго и объяснилъ, что она есть не что иное, какъ посланіе нашего поэта къ Екатеринѣ Осодоровнѣ Вадковской, урожденной Плещеевой, (о чемъ не упоминается ни въ одномъ изъ изданныхъ его сочиненій). Василій Андреевичъ восторгался умомъ и необычайной красотой ея тетки, Анны Ивановны Плещеевой, урожденной графини Чернышевой; а когда, много лѣтъ спустя послѣ смерти Анны Ивановны, Жуковскій встрѣтилъ ея племянницу, Екатерину Осодоровну Вадковскую, то поразился сходствомъ ея съ прежнимъ предметомъ своего влеченія. И вотъ поэтъ выражаетъ свои чувства и воспоминанія въ прелестномъ посланіи „Минувшихъ дней очарованье". Поэтъ Одынецъ любилъ русскую поэзію и всегда восторгался произведеніями Пушкина, Жуковскаго и др., и этимъ объясняется появленіе перевода его посланія къ Вадковской.

Изъ упомянутыхъ четырехъ произведеній Одынца послѣднія три нигдѣ не были напечатаны и вѣроятно остаются неизвѣстными для польскаго общества. Первое же произведеніе, привѣтствіе Александру II-му, не прошло незамѣченнымъ для поляковъ и вызвало съ ихъ стороны бурю негодованія противъ поэта. Долгіе годы польское общество оставляло Одынца въ забвеніи и небреженіи за его вѣрно-подданническое и благожелательное привѣтствіе русскаго Императора и лишь за нѣсколько лѣтъ передъ смертію поэта измѣнило свои къ нему отношенія, убѣдившись, что онъ не превратился въ русскаго и остался полякомъ и католикомъ.

Г. Городецкій прочиталъ произведенія Одынца по-польски и по-русски и въ заключеніе пояснилъ, что поэтъ Одынецъ—единственный польскій литераторъ, который, не утрачивая собственныхъ національныхъ и религіозныхъ чувствъ и убѣжденій, выказалъ полное без-

*) Сборникъ озаглавленъ такъ: „Въ память пребыванія Государя Императора Александра II въ Вильнѣ 6 и 7 сентября 1858 г." Изданіе виленской археологической комиссіи. Сборникъ былъ отпечатанъ въ самомъ маломъ числѣ экземпляровъ, которые въ продажу выпущены не были и теперь составляютъ библіографическую рѣдкость.

пристрастіе и любовь къ русскимъ. Даже Мицкевичъ, имя котораго болѣе извѣстно русскому обществу, который былъ обласканъ въ Россіи и получилъ однажды отъ Москвы серебряный кубокъ,—даже онъ не подарилъ русскимъ ни одной строфы изъ своего поэтическаго творчества и, если писалъ что либо о Россіи и русскихъ, то это было не въ нашу пользу, не во славу нашего отечества. За свои къ намъ симпатіи Одынецъ понесъ возмездіе отъ неразумныхъ патріотовъ-земляковъ; но этими симпатіями онъ не умалилъ своихъ національныхъ чувствъ и ужъ, конечно, сдѣлался черезъ то лучшимъ славяниномъ. Если бы побольше было такихъ поляковъ, какъ Одынецъ, не существовало бы въ польскомъ обществѣ предубѣжденій противъ русскихъ и чаще бы тогда раздавался въ собраніяхъ Славянскаго Общества голосъ за привислинскихъ славянъ.

Присутствующіе выслушали эту статью съ полнымъ одобреніемъ.

Въ заключеніе хоръ г. Архангельскаго исполнилъ дважды прекрасную сербскую пѣсню: „Бойна труба".

Засѣданіе было закончено двумя стихотвореніями князя В. Н. Чертелева: „Изъ прошлаго" и „Два всадника", прочитанными съ большимъ воодушевленіемъ самимъ авторомъ, и народнымъ гимномъ, исполненнымъ, по требованію присутствующихъ, хоромъ г. Архангельскаго.

Статья прот. І. Г. Наумовича:

Къ тысячелѣтію патріарха Фотія.

Судьба народовъ не различается ничѣмъ отъ судьбы отдѣльныхъ личностей. Какъ послѣднія имѣютъ свой дѣтскій возрастъ, послѣ котораго, полныя юношеской силы, вступаютъ въ жизнь, чтобы двинуть впередъ дѣло, начатое ихъ предшественниками, а составившись и изживши свои силы уступаютъ мѣсто новымъ дѣятелямъ, такъ точно и народы являются на аренѣ міра и подвизаются на историческомъ пути болѣе или менѣе замѣчательно, пока не истощатъ своихъ жизненныхъ силъ и не будутъ замѣнены другими. Древняя Грепія, мать спекулятивной философіи и изящныхъ искусствъ, уступила свое первенствующее мѣсто Риму, творцу прочнаго общественнаго и государственнаго строя; а этотъ, въ свою очередь, долженъ былъ покориться германской матеріальной силѣ, которая въ продолженіе многихъ столѣтій рѣшала судьбу цивилизованнаго міра.

Достигшая зенита своего могущества, Германія пойдетъ ли вообще далѣе—трудно предсказать; тѣмъ труднѣе, что на политическую арену Европы выступаетъ новый факторъ, юноша народъ: славяне. Это послѣднее явленіе обратило на себя вниманіе науки и разрабатывается ею, а отдѣльныя славянскія племена не только сознали свое историческое призваніе, но уже готовятся къ достойному исполненію предстоящей имъ роли. Стремясь къ духовному единенію всего славянскаго міра, они укрѣпляютъ свои силы, разрозненныя смутами и невзгодами, раскрывая забытыя картины свѣтлаго прошлаго и, отдавая должную честь памяти видныхъ дѣятелей, предъявляютъ доказательства своей жизненности.

Такое значеніе имѣли недавно отпразднованные нами юбилеи св. Первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, такое же значеніе имѣетъ и два дняхъ совершившееся чествованіе тысячелѣтія памяти патріарха Фотія.

Въ исторіи Европы вообще, славянства въ особенности, врядъ ли найдется герой слова и дѣла, заслуги и значеніе котораго ждали бы столько вѣковъ достойной оцѣнки и благодарной памяти потомства. Да, 1.000 лѣтъ прошло со дня смерти великаго патріарха, а православный славянскій міръ вообще, какъ дѣлое, до сихъ поръ не успѣлъ окружить его личность достойнымъ его ореоломъ славы и величія!

А между тѣмъ, не будь патріарха Фотія, тотъ же самый славянскій міръ не имѣлъ бы главной крѣпости, о которую разбиваются стрѣлы исконныхъ его враговъ. Лишенный народной церкви, онъ находился бы давно въ хищныхъ объятіяхъ Рима, какъ обезоруженная жертва германской стихіи.

Защищая вселенскій принципъ передъ самодержавными ухищреніями римскаго епископа, Фотій первый принялся съ апостольской неусыпностью за святое дѣло распространенія правой вѣры между языческимъ славянствомъ. Его заботами кіевская Русь Аскольда и Дира получила первое крещеніе и перваго епископа, за 100 слишкомъ лѣтъ до равноапостольнаго князя Владиміра. Онъ водворилъ и упрочилъ Христову вѣру въ Болгаріи при князѣ Борисѣ (крестившемся около 864 г.)—подъ его руководствомъ ученикъ его и самый большой другъ—fortissimus amicus—св. Кириллъ, а также братъ и сподвижникъ послѣдняго св. Меѳодій озарили свѣтомъ божественной науки Чехо-Моравію, Польшу и западные рубежи русской земли.

Стремящаяся къ верховной власти римская церковь смотрѣла съ завистью на широкіе, блистательные подвиги цареградскаго патріарха, и со своей стороны прилагала всѣ усилія, чтобы покорить себѣ славянскія племена. Но какая громадная разница между хищной, подпольной работой римскаго папства, и кроткой, полной самоотверженія дѣятельностью цареградскаго патріарха! Система римской пропаганды Христовой вѣры въ славянскихъ земляхъ общеизвѣстна: лесть и обманъ, мечъ и огонь дѣйствовали вездѣ и главнымъ образомъ. Извѣстны и плоды римской пропаганды. Обезличенные, порабощенные славяне-католики или тонули безслѣдно въ германскомъ морѣ, или же позорили свое имя, проливая братскую славянскую кровь, въ защитѣ чуждыхъ идеаловъ и чуждыхъ интересовъ. Какое противорѣчіе съ дѣятельностію Фотія и ея результатами!

Вѣрный сынъ и первый архипастырь византійской имперіи Фотій просвѣтилъ свѣтомъ Христовой вѣры самыхъ опасныхъ враговъ своего отечества: болгаръ и русскихъ, угрожавшихъ неоднократно Цареграду полнымъ разореніемъ. Какъ естественнымъ явилось бы тутъ стремленіе покорить и сдѣлать безопаснымъ враждебные элементы, посредствомъ

распространенія новой вѣры—средствомъ, которое употреблялось сплошь и рядомъ римскою церковью. Но тутъ-то именно и предстаетъ личность патріарха Фотія въ полномъ величіи христіанскаго архипастыря.

Говоря о походѣ русскихъ на Цареградъ, онъ возлагаетъ отвѣтственность за несчастіе родины исключительно на своихъ соотчичей, которые не относились къ варварамъ (нашимъ предкамъ) съ христіанской любовью ближняго, въ письмахъ и поученіяхъ къ болгарскому князю Борису онъ не намекаетъ ни однимъ словомъ о подчиненіи Болгаріи византійскому вліянію, а напротивъ, даетъ этому правителю искренніе, отеческіе совѣты, какъ онъ можетъ упрочить благосостояніе и могущество ввѣреннаго ему народа. Такой черты характера искали бы мы напрасно у котораго-нибудь изъ римскихъ первосвященниковъ. Такой святитель могъ воспитаться только подъ любвеобильнымъ вліяніемъ православной вселенской Церкви!

Если память патріарха Фотія должна свято храниться въ цѣломъ православномъ мірѣ, который обязанъ ему сохраненіемъ завѣщаннаго апостолами вселенскаго принципа, если она должна переходить изъ рода въ родъ у всѣхъ славянскихъ племенъ, которымъ онъ завѣщалъ чрезъ самыхъ преданнѣйшихъ учениковъ и друзей—нашихъ св. Первоучителей—народную церковь, родной книжный языкъ и безпредѣльную любовь къ отечеству,—начала, на которыхъ цѣло славянское прошлое величіе, которыя образовали надежный щитъ во дни смутъ и невзгодъ, и на которыхъ покоятся всѣ надежды возрожденія къ новой жизни,—то тѣмъ съ большею благодарностью должны вспоминать великаго мужа мы, русскіе. Разбитая внутренними невзгодами и нашествіемъ азіатскихъ ордъ, Русь представляла жалкій видъ безсилія и почти вѣрную добычу неславянскаго запада. Но у нея остался еще якорь спасенія. Духъ Фотія и св. Первоучителей, т. е. духъ православія, призвалъ ее къ новой жизни. Завѣщанными ими начала создали московское государство, вокругъ котораго происходило „собираніе русской земли". Они вызвали въ южной Руси кровавый протестъ казачества противъ польско-католическаго порабощенія, окончившійся возсоединеніемъ Малороссіи. Они, наконецъ, спасли западныя окраины русской земли отъ окончательнаго окатоличенія и ополяченія.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ неистощимой силы, заключающейся въ этихъ началахъ, можетъ послужить новѣйшая исторія единственнаго неискупленнаго угла русской земли, который приговоренъ до сихъ поръ искуплять ошибки нашего прошлаго — Червонной Руси.

Слѣдя за ходомъ современныхъ событій въ этомъ краѣ, нельзя не призадуматься надъ однимъ многознаменательнымъ явленіемъ. Какъ разъ въ моментъ, когда благодарное православное славянство чествуетъ память великаго Фотія въ 1.000-лѣтнюю годовщину его кончины, память этого мужа отзывается внятнымъ эхомъ и у лютѣйшихъ враговъ его — правителей римской церкви. Вспомнивъ отдаленныя времена цареградскаго патріарха, который десять столѣтій тому назадъ рѣшилъ борьбу вселенскаго принципа съ посягательствами римскихъ епископовъ и спасъ православный востокъ отъ угрожавшаго ему папскаго ига,—сознавая, что проносящійся нынѣ по славянскимъ землямъ духъ великаго борца за правду собираетъ снова разрозненныя силы защитниковъ правой вѣры, Римъ, въ страхѣ за свою будущность, рѣшилъ искоренить слѣды православія вездѣ, гдѣ только простирается его хищная рука, и гдѣ онъ ворваться можетъ какъ тать, прелазя инудѣ, но не проходя дверьми .На рубежахъ, гдѣ сталкиваются обѣ стихіи, восточная съ западной, возникла снова ожесточенная борьба. Какъ Балканскій полуостровъ, такъ и Червонная Русь стонутъ подъ удвоеннымъ напоромъ несмѣтнаго числа папской гвардіи—іезуитовъ, подъ разными видами. Но, несмотря на неравныя силы, можно предсказать навѣрное, что борьба кончится торжествомъ угнетенныхъ и осѣнитъ новымъ блескомъ свѣтлую личность Фотія. Червонная Русь не падаетъ духомъ, она вѣритъ свято въ окончательную побѣду правды, тѣмъ болѣе, что ей не впервые приходится переносить такого рода испытанія. Составляя интегральную часть польской короны, находясь въ продолженіе пяти столѣтій подъ тяжелымъ польско-іезуитскимъ гнетомъ, Червонная Русь спасла изъ прошлаго величія только славянскій богослужебный языкъ и обезображенные унѣей остатки восточнаго церковнаго строя. Все прочее приняло народно-польскій характеръ. Единокровная Россія невольно забыла, что тамъ, у склоновъ Карпатъ, бьются милліоны искреннихъ русскихъ сердецъ: Галичію она считала какъ будто совсѣмъ потерянной для русскаго дѣла.

А между тѣмъ, искра древнихъ преданій—славянскій церковный строй — засыпанная пепломъ, но не потухшая, разгорѣлась широкимъ пламенемъ. Благодаря остаткамъ вѣры отцевъ и подъ вліяніемъ пробудившагося у всѣхъ славянъ стремленія къ національному возрожденію, Червонная Русь собственными силами дошла до того, что сегодня хочетъ жить однимъ духомъ, одною жизнью съ остальнымъ закордоннымъ русскимъ міромъ. Напрасно іезуиты и рабски послушные имъ ополяки, какъ стадо хищныхъ звѣрей, бросились на беззащитную жертву. Не потушить имъ священнаго огня!..

Въ послѣднее время гонители русскаго элемента въ Галиціи пустили въ ходъ испытанный уже прежде способъ — дѣйствовать посредствомъ измѣны—(puścić Rusina na Rusina— пустить русскаго на русскаго) въ рядахъ противниковъ. Первая половина затѣяннаго дѣла удалась какъ нельзя лучше. Какъ нѣкогда ранѣе все червонно-русское дворянство, прельщенное личными выгодами, бросало родныя знамена и поступало въ ряды враговъ, чтобы отличаться въ ихъ средѣ безпредѣльной ненавистью ко всему, что русское, такъ и теперь нашлись измѣнники древнимъ русскимъ началамъ, отдающіе честь и права родины

за ничтожныя, обѣщанныя имъ, блюда чечевицы. Какъ оказывается, явленіе это не ново, измѣнилась только обстановка. Тогда выступали могучіе вельможи, теперь жалкіе пигмеи, не отличающіеся и серьезными знаніями. Тогда Поцѣи и Терлецкіе, обольщенные римскими ласками, принимая догматъ папскаго главенства, предлагаютъ со своей стороны твердыя условія, здѣсь именемъ церкви сдаются на милость и немилость папы темные невѣжды по церковному дѣлу, а никакъ не званные и никѣмъ не уполномоченные самозванцы; тогда, при Поцѣяхъ и Терлецкихъ, народъ былъ быдломъ, стоналъ въ тяжелыхъ оковахъ крѣпостнаго рабства, теперь онъ полонъ чувства національнаго достоинства и самосознанія.

Эти жалкіе герои постыднаго дѣла нашлись въ средѣ русскихъ депутатовъ львовскаго сейма въ его прошлогоднемъ засѣданіи. Послѣ переговоровъ верховодящей польско-іезуитской партіи, они провозгласили устами депутата Романчука, состоящаго учителемъ гимназіи, программу, заключающуюся въ сущности въ слѣдующемъ: непримиримая вражда къ православію и Россіи, вѣчная дружба съ Польшей и рабская преданность папству. Несмотря на то, что цѣлое дѣло предательства подготовлялось въ строжайшей тайнѣ, и программа была провозглашена совсѣмъ неожиданно, авторамъ ея не долго пришлось ждать отвѣта, достойнаго обиженной тысячелѣтней исторіи. Въ томъ же сеймѣ не медля вознесла она громкій голосъ протеста устами вѣрнаго сына Червонной Руси, д-ра Николая Антоневича. Онъ разоблачилъ ту подпольную работу, а независимыя червонно-русскія газеты были сразу завалены протестами всѣхъ сословій со всѣхъ сторонъ края противъ неожиданной постыдной сдѣлки. Хватаясь за послѣднюю соломенку спасенія, зачинщики „новой эры“ подъ защитою австрійской власти обратились къ простому народу въ надеждѣ, что чувство чести и достоинства у галицкихъ крестьянъ будетъ побѣждено боязнью попасть въ немилость правительства, надеждой на его расположеніе и мнимыми выгодами. Но и тутъ постигло ихъ ужасное разочарованіе. На созванномъ въ окружномъ городѣ Бережаны народномъ вѣчѣ, несмотря на присутствующихъ въ залѣ жандармовъ, слѣдившихъ за каждымъ движеніемъ и каждымъ словомъ собравшихся крестьянъ, не внимая ни угрозамъ начальника уѣзда, ни умилительнымъ рѣчамъ поборниковъ „новой эры“, народъ удостоилъ послѣднихъ только неумолкаемаго восклицанія: „измѣнники! предатели!“ Состоявшееся въ городѣ Калушѣ собраніе избирателей всѣхъ сословій, которымъ депутатъ Романчукъ ужъ обязанъ своимъ депутатскимъ уполномоченіемъ, выразило ему почти единогласно недовѣріе и потребовало сложенія полномочій депутата.

Такъ разоблачена была на мѣстѣ предательская политика червонно-русскихъ Мазепъ, во славу и честь русскому имени—и къ стыду предателей.

Но кончилась-ли эта политика?—Нѣтъ, братоубійственная политика червонно-русскихъ Мазепъ еще продолжаетъ сказываться результатами, болѣе повидимому рѣшительными и вредными для національнаго русскаго дѣла въ Австріи: недавнія извѣстія о побѣдѣ на новыхъ выборахъ въ рейхсратъ, одержанной надъ старо-русской партіей украйноманскими глашатаями „новой эры“, конечно при помощи своихъ — всесильныхъ теперь въ Австріи—покровителей поляковъ, еще болѣе, повидимому, предсказываютъ бѣдъ народному русскому дѣлу въ Галичинѣ. Можно предвидѣть, что терроръ и интриги въ злополучной Червонной Руси сдѣлаютъ все возможное,—что начнутъ дѣйствовать суды и тюрьмы, что измѣнники будутъ вознесены, въ школы войдетъ настоящая украйноманская фразеологія съ фонетическимъ правописаніемъ, что падутъ многія жертвы, и печальное несчастнаго народа еще продлится; но тѣмъ не менѣе, рано или поздно истина восторжествуетъ, какъ скоро духъ чествуемыхъ нынѣ св. Первоучителей славянскихъ и патріарха Фотія глубже проникнетъ въ народное сознаніе. И мы въ это вѣруемъ, ибо все болѣе и болѣе поднимающійся въ народѣ этомъ духъ незабвенныхъ его просвѣтителей не разъ уже отзывался благодатнымъ образомъ въ жизни червонноруссовъ и даже въ самое недавнее время открыто, между прочимъ, сказался въ томъ недовѣріи народа, которое онъ обнаружилъ къ глашатаямъ пресловутой „новой эры“ польско-русскаго соглашенія. А пока, воспоминая теперь великое значеніе патріарха Фотія для славянства, въ частности и для Червонной Руси, мы не можемъ въ заключеніе не повторить тѣхъ словъ истиннаго утѣшенія, которыя произнесъ ученикъ и „вѣрнѣйшій другъ“ Фотія, умирающій Кириллъ, въ своей предсмертной молитвѣ: „Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ въ добычу зубомъ невидимыхъ враговъ нашихъ, но сѣть ихъ сокрушися и избави мы отъ истлѣнія ихъ“. (Ж. К., гл. XVIII).

IV.

7 АПРѢЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: преосвященные: Антоній, епископъ выборгскій, и Никандръ, епископъ нарвскій, оо. архимандриты: Неофитъ, Михаилъ и Арсеній, не мало высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и до 600 посторонніхъ посѣтителей.

Послѣ молитвы (тропарь свв. Кириллу и

Меѳодію), исполненной хоромъ А. А. Архангельскаго, г. предсѣдатель обратился къ преосвященному Антонію съ просьбою принять почетное предсѣдательство въ засѣданіи, на что его преосвященство и изъявилъ свое согласіе.

Съ благословенія преосвященнаго, графъ Н. Н. Игнатьевъ, объявивъ собраніе открытымъ, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Милостивѣйшіе архипастыри и отцы, милостивые государыни и государи.

Сегодня, 7 апрѣля, мы собрались для того, чтобы почтить память святаго Меѳодія, блаженная кончина котораго приходится собственно на 6-е апрѣля. Понятно, почему мы не могли собраться вчера, въ самый день нашего православно-славянскаго праздника; но зато теперь мы исполняемъ не простой только нашъ обычай, но свою нравственную обязанность, съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ тѣхъ вопстину великихъ благодѣяній, которыя всѣ мы—славяне восприяли въ незабвенныхъ трудахъ и подвигахъ святыхъ нашихъ Первоучителей и просвѣтителей.

Прошло 1.006 лѣтъ со времени блаженной кончины одного изъ нашихъ Первоучителей, святаго Меѳодія, и шесть лѣтъ прошло со времени знаменательнаго и памятнаго всѣмъ намъ торжественнаго празднованія его тысячелѣтія. Ежегодно мы чтимъ день этой памяти и въ своихъ собраніяхъ стараемся оживлять въ себѣ глубокопоучительныя воспоминанія, касающіяся духовнаго существа всего славянства. Потому и сегодня предложены будутъ вашему просвѣщенному вниманію чтенія, имѣющія тѣсную связь съ тѣми высокими мыслями, которыя внушаетъ праздникъ 6-го апрѣля.

Такъ, первое чтеніе проф. о. С. А. Соллертинскаго будетъ посвящено вопросу „о православіи", истину котораго съ великимъ христіанскимъ мужествомъ защищали святые наши Первоучители и отъ язычниковъ, и отъ мусульмавъ, и отъ іудеевъ, и отъ еретиковъ-христіанъ и, наконецъ,—отъ тризычниковъ-латинянъ.

Второе чтеніе—магистра П. А. Шлякпкина—посвящается приближающемуся 500-лѣтію со времени блаженной кончины преподобнаго Сергія Радонежскаго, этого великаго печальника земли русской, святаго молитвенника о ея несокрушимой мощи и заступника ея вѣрныхъ сыновъ въ борьбѣ съ враждебными силами, которыхъ покорялп силою своей христіанской любви и молитвъ и св. наши Первоучители какъ на магометанскомъ востокѣ, такъ и на культурномъ западѣ при столкновеніи съ враждебнымъ греко-славянскому міру міромъ латино-германскимъ.

Далѣе прочитано будетъ стихотвореніе покойнаго нашего сочлена М. П. Розенгейма, посвященное 1.000-лѣтію блаженной кончины св. Меѳодія. Стихотвореніе это, написанное еще въ 1885 году нашимъ глубоко вѣровавшимъ въ святость кирилло-меѳодіевской идеи Михаиломъ Павловичемъ, прочитано было тогда же столь же глубоко вѣровавшимъ въ ту же идею покойнымъ О. О. Миллеромъ.

Да будетъ имъ вѣчная память, а намъ да послужатъ они примѣромъ нерушимой вѣры и глубокой преданности славянской идеѣ.

Во второмъ отдѣленіи будетъ представленъ докладъ Совѣта о сочиненіяхъ, предъявленныхъ на соисканіе премій имени незабвеннаго А. О. Гильфердинга, а также будутъ произведены выборы кандидатовъ въ члены Славянскаго Общества, а затѣмъ, предложена будетъ статья Н. П. Аксакова объ Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ, этомъ славномъ поповѣдникѣ кирилло-меѳодіевской идеи, глашатаѣ незыблемой ея силы — какъ основѣ великой будущности Россіи и вообще жизни славянства. Наконецъ, въ заключеніе, будетъ прочитано стихотвореніе „Янъ Жижка", въ переводѣ съ чешскаго, самимъ переводчикомъ П. П. Вейнбергомъ. Герой Янъ Жижка—это мужественный борецъ за славянскую идею отъ притязаній германизма, это неустрашимый и храбрый мститель врагамъ своего народа и это, наконецъ, искатель правды Божіей въ тѣхъ преданіяхъ чешской исторіи, которыя принесены были его предкамъ чехоморавапамъ святыми славянскими Первоучителями Кирилломъ и Меѳодіемъ и которыя поколеблены были у нихъ въ годъ кончины Меѳодія и нынѣ снова воскресаютъ тамъ черезъ 1.000 лѣтъ послѣ этой кончины.

Затѣмъ, проф. о. С. А. Соллертинскій прочиталъ составленную имъ рѣчь „о православіи".

Послѣ этой рѣчи, выслушанной съ глубочайшимъ вниманіемъ и покрытой восторженными рукоплесканіями, былъ исполненъ хоромъ г. Архангельскаго русскій народный гимнъ.

Вслѣдъ за симъ магистръ П. А. Шляпкинъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти преп. Сергія Радонежскаго, по поводу приближающагося 500-лѣтія со дня его блаженной кончины, которое исполнится 25 сентября текущаго года.

Послѣ рѣчи г. Шляпкина, покрытой рукоплесканіями, В. И. Аристовъ прочиталъ стихотвореніе покойнаго М. П. Розенгейма, написанное имъ ко дню чествованія 1.000-лѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, Просвѣтителя славянъ.

Первое отдѣленіе собранія было закончено пѣніемъ хоромъ г. Архангельскаго гимна свв. Кириллу и Меѳодію.

Послѣ небольшаго перерыва, во время котораго присутствующимъ были безплатно раздаваемы книги и брошюры, посвященныя памяти св. Кирилла и Меѳодія и др., для начала втораго отдѣленія хоръ г. Архангельскаго исполнилъ „Славу", были избраны собраніемъ въ члены Славянскаго Общества: а) въ почетные: Марія Ѳеодоровна Морозова, неоднократно дѣлавшая значительныя пожертвованія, какъ въ Славянское Общество, такъ и въ Московское Попечительство; б) въ пожизненные: Николай Алексѣевичъ Протопоповъ и в) въ дѣйствительные: 13—предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ и въ числѣ ихъ—консулъ Соединенныхъ Штатовъ П. М. Крауфордъ, который, по заявленію г. пред-

сѣдателя, будучи возмущенъ непрестанными клеветами на Россію и Славянское Общество пожелалъ узнать правду и съ этою цѣлію прибылъ въ Россію для безпристрастнаго изученія нашей родины.

Заявленіе это вызвало взрывъ рукоплесканій, которыя долго не умолкали и возобновились, когда введенный на эстраду г. Крауфордъ благодарилъ собраніе за пріемъ его въ среду членовъ Общества.

За симъ, графъ Н. П. Игнатьевъ прочиталъ слѣдующій докладъ Совѣта о сочиненіяхъ, представленныхъ на соисканіе преміи А. Ѳ. Гильфердинга, на объявленную Совѣтомъ тему: „о Македоніи".

„Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества, состоявшемся 6 апрѣля 1887 г., былъ объявленъ конкурсъ на соисканіе преміи имени покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга на тему: „Представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, при чемъ въ особенности остановиться на характеристикѣ говоровъ ея славянскаго населенія; изложить на основаніи источниковъ историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ византійской и славянской старины за указанное время".

Срокомъ для доставленія сочиненій на эту тему было назначено 11 мая 1890 г.

За сочиненіе, удовлетворяющее всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, автору предположено было выдать полную премію въ 1.000 р.

Эта премія могла быть раздѣлена на двѣ—въ 700 и 300 р.

Авторы сочиненій, неудовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, могли быть награждены премією въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 700 или 300 р., смотря по достоинствамъ сочиненія.

Къ опредѣленному сроку (11 мая 1890 г.) были доставлены въ Совѣтъ Общества три сочиненія:

1) съ девизомъ: „мы, русскіе, не имѣемъ никакого повода возбуждать раздоръ и недоразумѣніе между балканскими народами: всѣ они одинаково близки и милы. На Балканскомъ полуостровѣ Россія не имѣетъ для себя ничего: ни народы, ни земли ей не нужны. Намъ было бы всего пріятнѣе, чтобы балканскіе народы входили сами между собою въ соглашеніе и дѣйствовали дружно. Въ насъ они всегда могутъ найти только друзей и никогда враговъ. Графъ Н. П. Игнатьевъ. „Велика Србија" № 5, 28 января 1890 г."

2) Заявленіе изъ Старой Загоры, отъ г. Шевачева, о томъ, что онъ оканчиваетъ свое сочиненіе „о Македоніи", которое и доставитъ въ Совѣтъ Славянскаго Общества на разсмотрѣніе—и

3) доставленный въ Совѣтъ Общества уже во время засѣданія 11 мая 1890 г. запечатанный конвертъ.

Объявивъ въ собраніи 11 мая 1890 г. о поступившихъ сочиненіяхъ и заявленіи, Совѣтъ Общества предложилъ присужденіе премій, по разсмотрѣніи представленныхъ сочиненій, объявить въ торжественномъ собраніи 14 февраля 1891 г.

Но такъ какъ къ этому времени сочиненія эти не были еще разсмотрѣны и только на дняхъ получены отзывы о нихъ отъ компетентныхъ лицъ, то Совѣтъ въ настоящемъ собраніи и имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. присутствующихъ, что ни одно изъ представленныхъ сочиненій, по заключенію Издательской Комиссіи, вполнѣ раздѣляемому и Совѣтомъ, не признано заслуживающимъ выдачи преміи ни въ полномъ, ни въ уменьшенномъ размѣрѣ, такъ какъ ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ требованіямъ объявленной программы".

Докладъ этотъ собраніе утвердило единогласно.

Въ заключеніе Н. И. Вейнбергъ мастерски прочиталъ печатаемое ниже, переведенное имъ, стихотвореніе Ленау: „Янъ Жижка".

Послѣ исполненныхъ хоромъ г. Архангельскаго гуситской и сербской пѣсенъ и стиховъ: „За насъ понесъ Онъ всѣ скорби", графъ Н. П. Игнатьевъ, заявивъ, что чтеніе статьи Н. П. Аксакова „объ И. С. Аксаковѣ", по недостатку времени, отлагается до слѣдующаго собранія, объявилъ собраніе закрытымъ.

Рѣчь проф. о. С. А. Соллертинскаго:

Памяти равноапостольнаго святителя Меѳодія.

Преосвященнѣйшіе архипастыри,
мм. государыни и государи!

Благодаря предваряющей рѣчи достославнаго предсѣдателя Славянскаго Благотворительнаго Общества, графа Н. П. Игнатьева, для васъ совершенно выяснились, наряду съ другимъ, и тѣ причины, изъ которыхъ возникла моя рѣшимость изложить предъ вами свои мысли о православіи. Поэтому отъ меня требуется только обратить ваше вниманіе съ одной стороны на послѣднее завѣщаніе святителя Меѳодія,—берегчься силы и злобы еретиковъ и твердо держаться „апостольскаго исповѣданія и ученія", которое можетъ быть не подлиннымъ лишь въ томъ отношеніи, что именно предъ кончиною своей онъ не заповѣдывалъ беречься инославнаго запада, а вовсе не въ томъ, чтобы онъ постоянно не заповѣдывалъ этого же самаго; съ другой стороны на дѣйствительную наличность славянъ—изъ коихъ одни православные, другіе католики, третьи лютеране. Судя по всему, оба эти обстоятельства заставляютъ говорить о православіи сравнительно, — обязываютъ выразить, краткое, популярное, хотя и провѣренное, сужденіе о всѣхъ характерныхъ исповѣданіяхъ Христовой вѣры.

Извѣстно, что лютеранское вѣроученіе имѣетъ два главныхъ принципа; и обыкновенно, за первый и основной изъ нихъ считается тотъ, что человѣкъ спасается собственно и только чрезъ вѣру свою въ искупительныя заслуги Господа Христа Спасителя. Обстоятельное изслѣдованіе должно и можетъ показать, что, напротивъ, существенныя подроб-

ности лютеранства и непринужденно вытекаютъ, и дружественно единятся между собою лишь въ томъ случаѣ, когда въ основѣ протестантства будетъ положенъ другой догматъ его, который дастъ полныя права разуму человѣка и ограничиваетъ его лишь Св. Писаніемъ *). Но взамѣнъ этого длиннаго пути къ тому же самому можно придти путемъ, для котораго требуется лишь самое общее знакомство съ вѣроисповѣданіемъ евангеликовъ словаковъ и нѣкоторыхъ чеховъ. Чѣмъ болѣе я проникаюсь мыслью, что спасаетъ меня Христосъ по моей вѣрѣ, что мои собственныя дѣла ничто, тѣмъ болѣе во мнѣ укореняется и живетъ смиреніе, тѣмъ болѣе я отнимаю у себя права на какую либо гордедивность. А кому неизвѣстно, что и Лютеръ весьма свободно относился къ божественнымъ книгамъ, несогласнымъ съ его воззрѣніями, и въ послѣдующемъ лютерантствѣ,—до сихъ поръ чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—вмѣсто смиренія является на лицо именно горделивость, и благоговѣнія къ Богу не проведено даже въ панумѣреннѣйшихъ изслѣдованіяхъ протестантскихъ ученыхъ. Значитъ, одно изъ двухъ: или они не умѣютъ сводить концы съ концами и потому собственно начинаютъ смиреніемъ, а кончаютъ гордыней; или же и въ началѣ у нихъ тоже, что въ концѣ. А такъ какъ первое невозможно, поэтому очевидно у нихъ и въ концѣ и въ началѣ, и въ развитіи и въ основномъ зернѣ лежитъ не смиреніе предъ Богомъ, но преклоненіе предъ разумомъ; и протестантство есть жизнь не чувствомъ Бога, а разумомъ; не вѣра, а изслѣдованіе вѣры, не вѣроисповѣданіе, а вѣровоззрѣніе. И по существу и по историческому своему происхожденію оно примыкаетъ, но только примыкаетъ, ко второму періоду въ исторической жизни христіанской Церкви, когда т. е. наступило время понять христіанство умомъ и на основаніи Св. Писанія выразить его языкомъ понятій—въ символѣ и вѣроопредѣленіяхъ. Съ этимъ разуму открывались честь и мѣсто. Но съ этимъ же для него открылась опасность вспомнить свои языческія подкладки, въ которыхъ не было Бога даже въ наиболѣе чуткой къ этому области нравственной, воспользоваться языческой своей выправкой, какъ вооруженіемъ не только наилучшимъ, но и привычнымъ, наконецъ увлечься тѣмъ престижемъ, по которому въ дохристіанскомъ язычествѣ онъ безспорно былъ единственнымъ просвѣтомъ въ царствѣ мрака. И въ то время, какъ на востокѣ, которому безспорно принадлежитъ починъ въ призывѣ разума къ Христову дѣлу,—эту опасность соображали; что умъ долженъ быть христіанизованъ—помнили, а потому при пользованіи имъ обрѣли благодатную помощь Св. Духа, и—кто будетъ спорить?—были главными творцами вселенскихъ постановленій Церкви; *) въ это время на западѣ разуму безспорно удалось сполна превратить то предубѣжденіе противъ него, которое здѣсь сначала не хотѣло видѣть въ немъ ничего, кромѣ зла, и не только не давало ему никакого другаго мѣста, кромѣ мѣста прислуги богослобію, но прямо бросало ему вызовъ въ извѣстномъ: „вѣрую потому, что нелѣпо". Мало по малу и дѣйствуя уже со всей своей дохристіанской выправкой и опытностію, онъ направился на всѣ области знанія и отрасли практической жизни, вездѣ сказался могучей силой; а, зарекомендовавъ себя такимъ образомъ, ко времени д-ра Мартина Лютера затребовалъ своего безапелляціоннаго господства и въ области вѣры. Въ протестѣ католичеству онъ отвергъ право религіи считать себя неподсудной ему. А чтобы закрѣпить господственное свое положеніе, онъ заставляетъ лютеризмъ допустить повидимому вопіющую непослѣдовательность, по которой говорится о полномъ изглажденіи образа Божія у человѣка чрезъ грѣхопаденіе, но разумъ выдѣляется изъ этой бездны мрака; и такимъ образомъ пусть до Христа Спасителя онъ былъ неисенъ, не вполнѣ образованъ, но погрѣшать онъ никогда не погрѣшалъ, слѣдовательно отказываться ему отъ чего либо своего не приходится. Религія, какъ чувство Бога, этимъ не уничтожена, и Христосъ есть Мессія. Но во что и какъ вѣровать христіанину—это еще вопросъ. Какъ бы возникаетъ неотложная задача посмотрѣть на откровенное и преданное содержаніе религіи, какъ на сырой матеріалъ, какъ на предварительную черновую работу, и вырабатывать на основаніи этого матеріала представленіе о христіанствѣ „раціональное", т. е. согласное съ той небылью, съ той фикціей, которую представляетъ якобы никогда не грѣшившій, не зараженный грѣхомъ, но въ дѣйствительности не желающій отречься отъ своей языческой выправки и потому склонный къ положительному безвѣрію разумъ. А такъ какъ эта задача представляется ему насущною, поэтому кто участвуетъ въ ея разрѣшеніи, тотъ чрезъ это самое уже спасенъ; и не дѣла христіанскія **), а занятіе вѣроизслѣдованіемъ оправдываетъ лютеранина. Таковъ лютеризмъ. Какъ ученый пріемъ въ изслѣдованіи онъ подлежитъ особому сужденію, и, если хотите, онъ далъ

*) Такъ изъ оправданія вѣрою безъ натяжекъ нельзя вывести напр., ни отрицанія св. преданія, ни смиренія Церкви земной, которое безспорно получается чрезъ лютеранское ученіе о церкви невидимой.

*) Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, можно соглашаться съ Хомяковымъ, что католичество есть протестантизмъ. Но крайней мѣрѣ это твореніе новыхъ «догматовъ» наиболѣе безобидным для католицизма образомъ объяснилось бы именно стремленіемъ римскаго запада внести свой (неудавшійся) вкладъ въ сокровищницу Хр. вѣры.

**) Но твкже и не вѣра въ І. Христа. Мнѣ конечно не безизвѣстенъ расколъ въ протестантствѣ, по которому желающіе удержаться на „догматикѣ XVI вѣка", принимали бы догматъ объ оправданіи вѣрою такъ, какъ его хотѣлъ понимать д-ръ Мартинъ-Лютеръ. Но вѣдь это чистая непослѣдовательность. Побужденія для нея видны; но резоновъ для нея нѣтъ и нѣтъ.

много хорошаго. Но онъ хочетъ быть вѣроисповѣданіемъ. И ему безспорно не придется отрекаться отъ своего оправданія исключительно одной вѣрою безъ дѣлъ; но потому что вѣроизслѣдованіе его будетъ продолжаться безъ конца: и ровно до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ мысли о первоначальной непогрѣшимости разума, до тѣхъ поръ ему не придется *) сказать себѣ: ну, вотъ мы теперь отыскали раціональное христіанство, неужели намъ по прежнему не требовать, чтобы сообразно съ нимъ дѣйствовали—чтобы оправдывались не только вѣрою, а и дѣлами? Равнымъ образомъ ему не придется отказываться отъ этого догмата спасенія одной вѣрой и въ виду того, что вѣдь многіе изъ лютеранъ не имѣютъ ни досуга, ни средствъ заниматься спасающимъ вѣроизслѣдованіемъ (лишены возможности пріобрѣтать то обще-нравственное настроеніе, тотъ аристократизмъ души, который даетъ занятіе умственнымъ трудомъ) и слѣд. находятся въ тѣмъ болѣе страшной опасности остаться безъ спасенія, что христіанскія дѣла вѣдь не имѣютъ оправдательной силы—такъ говоритъ ихъ вѣроисповѣданіе. Опасность давно сознана, но открылась возможность устранить ее, не дѣлая поправки догмата, не внося въ него православнаго призыва къ дѣламъ. Каждый протестантъ есть не только человѣкъ вѣры, но и человѣкъ государства; а для послѣдняго нравственный уровень его членовъ представляетъ весьма большой интересъ; оно слѣдовательно и будетъ смотрѣть за этимъ; и это совсѣмъ не рѣзкій примѣръ того, какъ государство поправляетъ недостатки своего вѣроисповѣданія, если повѣдать о такихъ лютеранскихъ учебникахъ по Закону Божію, въ которыхъ прекраснымъ разъясненіемъ нравственныхъ требованій считаются соотвѣтственныя выдержки изъ кодекса уголовныхъ законовъ. Не упускаемъ изъ виду пастырскаго вліянія, не можемъ не догадываться, что для требуемаго закономъ извнѣ оно залагаетъ основаніе во внутреннемъ—въ душѣ своихъ пасомыхъ; не можемъ не признать того наконецъ, что въ большей части случаевъ лютеранская проповѣдь ищетъ прежде всего религіознаго чувства своихъ пасомыхъ и въ немъ именно старается сѣять свои сѣмена. Но если за несущественными поправками она часто можетъ быть произнесена съ каѳедры иного вѣроисповѣданія, то послѣ этого, кажется, остается только видѣть, что на большинство лютеранскихъ проповѣдниковъ руководительно и могущественно вліяютъ прежде и больше всего сами пасомые, съ потребностями и духомъ которыхъ они сообразуются. Остается только догадываться, что на этихъ послѣднихъ, кромѣ вѣроисповѣданія, дѣйствуетъ жизнь. А если она такова, что непосредственнѣе, прямѣе и живѣе связываетъ съ Богомъ, если, напр., она полна разнаго рода испытаній—пусть даже на такихъ, какими со всѣхъ сторонъ обступлены единокровные намъ словаки *); то оффиціально, по укладу и по преданіямъ они, конечно, лютеране; во въ сущности и взачастую имъ не легко отличить себя отъ православнаго. Настолько трудно, что едва ли не каждому приходскому священнику Петербурга приходится встрѣчать отъ лютеранъ предложенія помолиться, напр., Николаю Угоднику о болящемъ NN лютеранинѣ **), отслужить панихиду по другомъ ***), помянуть за здравіе, помянуть за упокой. Во всякомъ случаѣ отсюда—изъ этого источника некосвенно возникаетъ новое теченіе въ протестантствѣ, которое называетъ себя пангнтизмомъ, что значитъ „все въ Богѣ". Гордыня разума остается и здѣсь: моленье и богослуженіе церковное не нужны; это Ветхій Завѣтъ. Но что добрыя дѣла не имѣютъ никакого религіознаго значенія, это отвергается какъ нельзя болѣе рѣшительно. Напротивъ, торгуетъ ли, учитъ ли, судитъ ли человѣкъ, вездѣ, на каждомъ поприщѣ своей, такъ сказать, мірской жизни онъ ежечасно долженъ служить Богу. Благоволите сообразить: какая строгость и нравственная чистота выступаютъ съ этимъ, и вамъ будетъ видно, что въ протестантскомъ мірѣ нельзя указать ни одного теченія, которое бы имѣло такія непризрачныя права на живучесть, какъ это противопротестантское теченіе, которое въ дальнѣйшей своей жизни само собою должно разрѣшиться въ православіе. Ибо если человѣкъ не захочетъ самъ, то окрѣпшій въ немъ нравственный залатокъ поимно его воли затребуетъ смириться—всецѣло покориться Богу. А засимъ затребуетъ необходимо и Церкви, и таинствъ, и храмовъ, и богослуженія ****).

*) Сознавая это, послѣдовательные и вмѣстѣ дальновидные протестанты начали говорить о Werden'ѣ—о темъ, что хотя разумъ, при всѣхъ данныхъ ему полномочіяхъ, и не можетъ достигнуть безусловной истины; но взамѣнъ этого онъ будетъ показывать: какъ христіанство понималось людьми даннаго времени въ отличіе отъ предшествующихъ и будущихъ поколѣній; т. е. значитъ вмѣсто вѣры будетъ давать вѣропониманіе—моменты вѣросознанія, также смѣняющіеся одинъ другимъ, какъ въ философіи одно міровоззрѣніе смѣняется (безъ конца) другимъ.

*) Прочитайте «Слав. Изв.». напр., 1887, 179 стр.

**) Вѣдь и за блестящей полемикой протестантизма съ католиками, здравый смыслъ не проглядываетъ, что если святой всю земную жизнь свою жилъ любовью, то какъ Богъ пошлетъ ему наказаніе не жить ею по разлученіи съ тѣломъ?!

***) Если законъ Христовъ и лучшее въ душѣ моей требуютъ отъ меня любви къ живому, то съ какой стороны оказдается возрастаніе во мнѣ христіанственности отъ того, что вопреки лучшимъ своимъ желаніямъ я не буду молиться за него, когда онъ ушелъ на Божью ниву. Или можетъ быть хотятъ принудить, принасилить его жить хорошо страхомъ, что по смерти ни на чью молитвенную помощь ему разсчитывать нельзя?

****) Штундисты можетъ быть и желали бы, но не вправѣ примыкать сюда. Насколько позволяетъ судить ихъ катихизисъ, они суть послѣдователи той якобы „чистой" нравственности, которая воспользовалась тѣмъ, что нажилъ въ своей душѣ

Какую видимость представляетъ католичество? „Христіанамъ нѣтъ права хромать на оба колѣна—прилѣпляясь къ небесному помышлять и о земномъ; намъ возможно, слѣдовательно должно смотрѣть на себя исключительно—сплошь, какъ на духовныхъ. Мірскому нѣтъ мѣста. Христово царство есть чистая теократія—теократія и по внутреннему настроенію, и по дѣламъ, и даже по внѣшнему положенію каждаго изъ его членовъ христіанъ". Такъ говорится, и какъ будто находитъ себѣ подтвержденіе въ широкомъ развитіи миссіонерства, которое идолопоклонника обращаетъ въ христіанскую вѣру, въ широкомъ развитіи исповѣди, которая по своей идеѣ задается полнымъ обращеніемъ вошедшаго въ лоно христіанства; наконецъ, подтверждается широкимъ развитіемъ церковности, которая даже и мірянина представляетъ чиномъ, низшимъ чиномъ вѣчнаго Христова учрежденія. Но достаточно припомнить какой нибудь одинъ фактъ изъ дѣйствительной исторіи католицизма, и все разрѣшается въ миражъ, всѣ подробности католичества—начиная съ ученія о Св. Духѣ и кончая миссіонерствомъ въ Африкѣ, сводятся на безнощадное омрщеніе. Послѣ разъясненій этого, сдѣланныхъ и у насъ въ Россіи преосвященными Анатоліемъ (Авдіемъ Востоковымъ) и Никаноромъ, Алексѣемъ Степановичемъ Хомяковымъ, въ послѣднее время протоіереемъ А. А. Лебедевымъ и друг., я бы избралъ для себя скромную долю коснуться только положенія „учимыхъ" въ католической церкви и посмотрѣть на него при свѣтѣ тѣхъ данныхъ, которыми долженъ располагать, благодаря долговременнымъ своимъ занятіямъ наукой объ ученіи. Здѣсь тоже есть учимые; и безспорно, что здѣсь образовался и укоренился чрезвычайно отрицательный, мизантропическій взглядъ на нихъ,—взглядъ къ сожалѣнію перенятый чуть-ли не большинствомъ нашихъ педагоговъ. Какъ говорится—по всей линіи проведена та лженстина, будто ученикъ косенъ, глупъ, и глупъ не въ томъ добродушномъ смыслѣ, въ коемъ называетъ ребевка мужикъ, знающій, однако, что баловство, играньс, но вмѣстѣ и безкорыстное созерцаніе, есть „должность" дѣтей, и помнящій, что это—Божіе, равноангельское созданіе, а въ томъ смыслѣ, что мнѣ, учителю, они не помощники, отъ нихъ идутъ только помѣхи и препятствія, весь успѣхъ зависитъ отъ меня, и потому я могу что угодно съ ними дѣлать. А справки показываютъ, что мы здѣсь имѣемъ не примѣръ только поясняющій, но масштабъ, благодаря которому по нарисованному на полпстѣ бумаги съ точностію опредѣляются и представляются разстоянія тысячеверстныя. Иностранные педагоги до послѣдняго зависитъ отъ Амоса Коменскаго. Но изъ этой достонамятности они душу выкинули, а взяли только тѣло—матеріальныя подробности, въ которыхъ этотъ, тоже православный лютеранинъ, въ свою очередь слишкомъ много зависѣлъ отъ послѣдовательныхъ католиковъ, называемыхъ іезуитами. Поэтому и вышло, что указанное воззрѣніе педагогики есть точная копія въ миніатюрѣ католическаго взгляда на учимое сословіе въ церкви. На лицо и провѣрочныя доказательства. Что значитъ отвитіе Библіи у мірянъ, какъ не папическій страхъ, причина котораго, конечно, не можетъ быть въ Библіи? Что значитъ причащеніе мірянъ подъ однимъ видомъ прѣснаго хлѣба и отнятіе Чаши, въ которомъ Хомяковъ справедливо усмотрѣлъ (за практическими побужденіями) уничиженіе „учимыхъ". Что значитъ церковная музыка, какъ не боязнь, что заскучаютъ—религіознаго чувства не хватитъ, а потому надо присоединить другія нерелигіозныя возбужденія? А способы миссіонерства? А пресловутый принципъ „цѣль оправдываетъ средства"?

—

Можно ли указать въ православіи такой пункъ, въ которомъ бы, какъ въ зернѣ, замѣчалась вся его сущность, и пусть мы не знаемъ и не видимъ всѣхъ его подробностей; все же его отличіе отъ другихъ вѣроисповѣданій остается яснымъ и точнымъ? Думается, что такой основной пунктъ есть, и не должно смущаться, что онъ принятъ и въ другихъ вѣроисповѣданіяхъ, не должно смущаться уже потому, что вѣдь всѣ вѣроисповѣданія суть христіанскія, слѣдовательно, ихъ разность не въ принципѣ, а въ проведеніи принципа—въ подкладкахъ, благодаря которымъ изъ одного и того же получается нѣчто до нельзя различное. Если не ошибаюсь, основою православія всегда была и есть вѣра въ возрожденіе людей чрезъ Богочеловѣка Іисуса Христа. Только надо замѣтить, что въ нѣдрахъ православія эта вѣра не умаляется ни съ какой возможной здѣсь стороны; и потому есть: непризрачная и до конца доведенная вѣра въ дѣйствительное и полное возрожденіе созданнаго по образу и подобію Божію, по всецѣло и безвозвратно согрѣшившаго человѣка, чрезъ воплотившагося Сына Божія, который снялъ съ насъ грѣхъ и списклалъ намъ любовь Бога Отца и причастіе Св. Духа въ таинствахъ. Говоря психологически, основою православія служитъ то, что есть въ религіи наиболѣе радостнаго и возвышающаго насъ. А что въ основѣ истинной религіи непремѣнно долженъ лежать именно оптимизмъ, это

человѣкъ благодаря долговременному вліянію на него христіанства, необразила, что этотъ плодъ Хр. вѣры есть неваимствованная, безраздѣльная собственность самого человѣка; а потому нравственности нолѣпо не отрицаетъ, не замѣняетъ ея (но только до времени) напр., эгоизмомъ, напротивъ, дорожитъ ею; но дорожитъ для того, чтобы человѣка поставить высшимъ членомъ всего существующаго, и есть не пантентизмъ, но антропотеизмъ. Для пантентизма, Богъ есть и благодать есть (см. Krause, которому принадлежитъ и названіе пантентизма). Поэтому-то сліяніе его съ православіемъ по логическому разсужденію не встрѣчаетъ существенныхъ препятствій; тогда какъ штундизмъ есть не отрицаніе только храма, иконъ, и всего церковнаго уклада, но замаскированное (и для себя самого можетъ быть) безвѣріе.

угадали еще наши предки. Вглядитесь пристальнѣе, на какихъ основаніяхъ св. равноапостольный Владиміръ отвергалъ предлагавшіяся ему вѣры; и вы увидите, что во всѣхъ этихъ разныхъ отговоркахъ его одинъ духъ—одно сейчасъ высказанное соображеніе. Поэтому мое дѣло только показать тотъ оптимизмъ правильный и послѣдовательный, который данъ въ православіи. Итакъ: если чрезъ возрожденіе я снова пріобрѣтаю дарованный мнѣ при твореніи совершенный образъ Божій, то значитъ я могу усвоить себѣ все высокое и святое, къ чему призываетъ меня христіанство. Опасаться, что христіанство мнѣ непосильно, нѣтъ основаній, ибо оно мнѣ сродно. А если оно мнѣ сродно, то есть ли на свѣтѣ какіе нибудь дѣльные разсчеты, по которымъ бы я по праву, а не по внушеніямъ своей лѣности, промѣнялъ то безспорно высокое, что есть во мнѣ самомъ и чему жить во мнѣ помогаетъ Божественная благодать, на то, для обольщенія чѣмъ я долженъ во всякомъ случаѣ забыть о своей неумирающей жизни за гробомъ. Но этого мало. Если христіанство мнѣ сродно, то какъ я могу довольствоваться однимъ умственнымъ, академическимъ признаніемъ его. Вѣдь сказать, что „вотъ я увѣровалъ въ то, что Господь освободилъ меня отъ роковой наклонности къ грѣху и съ этимъ самымъ во мнѣ водворился Христосъ, я оправданъ, я нова тварь“; не значитъ-ли заниматься собственно словами. При такой вѣрѣ я могу быть не нова тварь, а прежній ветхій человѣкъ. Христосъ меня оправдалъ, а я долженъ доказать, что принимаю это оправданіе, и доказать всѣмъ существомъ своимъ—и сердцемъ, чувствующимъ дарованное благо, и волей, выражающей дѣйствительную жизнь во мнѣ этого блага. Я былъ-бы дерзокъ, если-бы своими дѣлами разсчитывалъ прибавить что либо къ безмѣрной силѣ Христова оправданія. Но я бы отвергалъ самое это оправданіе, если бы не провелъ христіанственности во всемъ своемъ поведеніи: я бы тогда свидѣтельствовалъ своимъ примѣромъ, что Оно не вполнѣ дѣйствительно—не даетъ мнѣ ни желанія, ни силъ къ соотвѣтственнымъ христіанству дѣламъ. Да притомъ безспорно какъ то, что мои внутреннія тяготѣнія къ христіанству охладѣютъ безъ проведенія ихъ въ дѣятельности; такъ и то, что напротивъ дѣлаемое по Божью оживляетъ мою вѣру, будитъ къ большей христіанской ревности и даетъ хорошую подпору въ борьбѣ съ соблазномъ. И видно такимъ образомъ, что при томъ свѣтломъ взглядѣ возрожденнаго человѣка на себя, который дается православіемъ, полная совершенпѣйшая христіанственность есть прямой долгъ, правда, долгъ не только обязательный, но и посильный, не только посильный, но и естественно сродный. Обратитесь за симъ къ другой сторонѣ, и спросите себя: если вѣра моя въ основѣ своей есть оптимизмъ, то какой законъ долженъ управлять мною въ отношеніяхъ, столкновеніяхъ, вліяніяхъ, встрѣчахъ—словомъ, въ моихъ отношеніяхъ къ другимъ. Какой тутъ подходитъ иной законъ, кромѣ оптимистическаго же? А какой есть оптимистическій законъ, кромѣ закона любви. Злоба по существу своему всегда есть пессимизмъ, оптимизмъ же есть жалостливость къ однимъ, милосердіе къ другимъ, исправленіе инымъ, воспитаніе другихъ, словомъ, та любовь, которая не находится въ опасности разойтись съ правдой, потому что она есть любовь не страсти, всегда односторонней и горячечной, а тихая любовь благожеланія, которое видитъ людей чрезъ всеправеднаго Христа, давшаго возможность возрожденія всѣмъ безъ исключеній. Возьмите наконецъ самую главную — религіозную сторону — отношенія православнаго къ Богу. До какой высочайшей святости не можетъ дойти христіанинъ? Какой конецъ вы можете положить совершенству христіанскаго человѣчества? Всѣ эти утопіи о полномъ уничтоженіи грубыхъ преступленій съ лица христіанской земли, о всеобщемъ братствѣ народовъ, о жизни на землѣ живыхъ только благого—все это не есть ли вопросъ времени, пусть отдаленнѣйшаго, до нерваго приступа къ которому сколько еще нужно работать и наукѣ, и жизни, и государствамъ, но все-таки вопросъ времени. Что же послѣ этого думать человѣку о себѣ? Православіе—вѣра въ возрожденіе наше Христомъ—видитъ, что все это совершеннѣйшее является возможнымъ только благодаря величайшему факту возрожденія. Какъ калики премудро отъяли у Муромца половину силы, оно отрѣзаетъ насъ отъ грѣха гордости и съ возвышеннымъ взглядомъ человѣка на себя прекрасно совмѣщаетъ смиреніе. И это такъ, что смиреніе не есть скудоуміе, а мудрость—трезвая память о томъ, что къ счастію не самъ человѣкъ основалъ свое совершенство, а Богъ основалъ оное. Поэтому благоговѣніе прежде всего, и чѣмъ большаго мы можемъ достигнуть въ своей отданности христіанству, чѣмъ болѣе возвышающія отрадныя мысли о самихъ себѣ мы почерпаемъ изъ своего правильнаго отношенія ко всѣмъ остальнымъ, тѣмъ лишь безраздѣльнѣе мы должны жить благоговѣніемъ. Поэтому, прежде всего мы должны рѣшительно обезопасить главный пунктъ, связующій насъ чрезъ божественное со всѣмъ высочайшимъ отъ какого-либо, хотя самаго малозамѣтнаго неблагоговѣнія. Весь путь совершеннаго Спасителемъ возрожденія мы должны облечь въ таковую ограду противъ соблазновъ самолюбиваго разума. Ап. Іаковъ создалъ для этого литургію, а мы вѣрующимъ своимъ участіемъ въ ней увѣковѣчиваемъ святость для насъ дѣла возрожденія. Засимъ все благодатно-церковное освященіе нашей жизни, начиная съ перваго ея момента, вся наша молитва—все это есть разно лишь выражающееся наше благоговѣніе — признаніе, что безъ Бога, безъ благодати Св. Духа, которое даруется возрожденнымъ чрезъ Христа, мы ничто. Засимъ и вся наша жизнь безспорно должна быть правильною, но будучи правильною, она, строго говоря, есть не нравственная, а религіозная, ибо хотя она и свойственна намъ, но лишь чрезъ Бога, чрезъ возрожденіе. Наконецъ и всякое наше раз-

мышленіе о божественномъ можетъ быть и средственнымъ и умнымъ и ученымъ, но прежде всего оно должно быть проникнуто благоговѣніемъ. Такъ что о чемъ бы ни говорили, ни писали, ко всему этому мы православные успѣшно прилагаемъ одну и ту же мѣрку: выражено-ли, подразумѣвается-ли благоговѣніе возрожденнаго чрезъ Христа. Если выражено—подразумѣвается, да не на словахъ, а на дѣлѣ; тогда, но только тогда, годно, а не мертворожденно.

Насколько эта основа православія не чужда русскимъ славянамъ? Въ какомъ бы положеніи вы ни взяли русскаго человѣка, оптимизмъ у него такъ или иначе, а непремѣнно скажется. А кто бы сталъ объяснять его молодостію народа, тотъ позабылъ бы, что онъ обыкновенно сопровождается съ одной стороны поразительно здравымъ трезвымъ смысломъ, съ другой—той чинностію, степенностію и респектабельностію, которую долженъ былъ признать и англичанинъ (Коллесъ). А кто бы такъ обставленный, очевидно значитъ не юный, не наивный оптимизмъ сталъ объяснять только выносливостію русскаго человѣка, тотъ позабылъ бы эту поразительную твердую вѣру его въ Бога, про которую давно говорили, что при всѣхъ невзгодахъ онъ отстоялъ своего Бога, эту глубокую разницу, которая по нему должна лежать между крещеннымъ и некрещеннымъ, эту настолько твердую надежду его на загробное свое существованіе, что смерть для него есть простой переходъ изъ одного положенія въ другое; эту пока непрерывно живущую въ немъ заботу по крайней мѣрѣ въ храмѣ, дома—предъ иконой удержать въ чистомъ видѣ свою религіозность; наконецъ, эту строгость въ соблюденіи всѣхъ церковныхъ уставовъ и требованій, какъ бы въ то же самое время жизнь не соблазняла его въ торговлѣ быть купцомъ и т. д. Православіе есть не политическое знамя славянофильства, но такая святыня, которая по всему паиболѣе широко можетъ раскрыть свою глубину именно въ средѣ русскаго народа. И поэтому именно оно у насъ пока есть и должно быть правовѣрнымъ. Это намъ ставить въ вину на западѣ и обыкновенно считаютъ себя вправѣ игнорировать православіе, какъ вѣру, на томъ именно основаніи, что оно-де закаменѣло до омертвѣнія, разрѣшилось въ обрядность, а въ сужденіи о разныхъ вопросахъ вѣры только и дѣлаетъ, что справляется съ тѣмъ, какъ объ этомъ сказано и значится въ преданіи, сквозь призму котораго разсматривается и само Писаніе. Пусть будетъ такъ; только почему не видятъ глубокаго смысла, который скрывается въ этомъ правовѣріи. И онъ далеко не въ томъ лишь, что вѣдь къ преданію отеческому и соборовъ трудно относиться не по православному, ибо оно принадлежитъ мудрости такихъ мужей, которые всецѣло жили Христомъ, для которыхъ забота о вѣчномъ была натуральнѣй заботы о земномъ. Посмотрите на дѣло, какъ на него смотрѣли первые христіане. Блага возрожденія имъ были настолько ощутительны, что въ страданіяхъ своихъ за Христа они видѣли великую радость и прямую для себя пользу (Іак. 1, 2—4). Но имъ также было видно, что эти блага Спасителемъ даны, а христіанами могутъ быть не усвоены. Имъ было видно, что для совершеннаго усвоенія ихъ требуется надлежащая подкладка—всецѣло нравственная чистота души, что умъ можетъ быть острымъ, вдумчивымъ и пытливымъ, но разъ не освящено и не проникнуто христіанствомъ сердце, которое есть всегдашній господинъ разума, ничего христіанскаго не выйдетъ. Поэтому они положили и богодухновенно—въ Соборныхъ посланіяхъ выразили, что всѣ свои усилія христіане должны сосредоточить прежде всего на христіанскомъ образованіи внутреннихъ своихъ настроеній и стремленій. Положили такъ и на томъ основаніи, что чистые сердцемъ Богъ узритъ, что какъ скоро нравственное войдетъ въ душу, она послѣ этого смѣло и многоплодно можетъ, да и захочетъ, заниматься богословствованіемъ. И вотъ сохранія этотъ богодухновенный завѣтъ, русское православіе, прежде чѣмъ двигаться впередъ, справляется съ преданіемъ, т. е. спрашиваетъ: достигла-ли душа до такой высоты нравственнаго своего развитія, при которой она безбоязненно, безъ худыхъ послѣдствій можетъ пуститься въ разслѣдованіе великихъ вопросовъ христіанской религіи. Едва-ли это не глубоко осмотрительно. Едва-ли къ такой осторожности не пазойливо побуждаютъ примѣры Запада. Едва-ли не крѣпче будетъ укрѣпить напередъ въ себѣ нравственный задатокъ, а потомъ уже и призвать къ дѣйствію разумъ.

Такимъ образомъ носимая нами святыня православія въ настоящее время требуетъ отъ насъ нравственной выработанности; и само собою является вопросъ: посильно ли намъ это? Національныя преданія наши (въ духовныхъ стихахъ и былинахъ) съ полною рѣшительностію говорятъ свое „да". Почему одни лучшіе представители Руси—старые богатыри замѣняются новыми? Причина этого заключается въ принятіи христіанства, и, сдавая въ архивъ старыхъ богатырей, Русь отказывается отъ прежняго своего язычества, заявляетъ полную готовность отдаться религіи любви и правды. Въ лицѣ перваго своего человѣка—Ильи Муромца, этотъ новый рядъ богатырей получаетъ свое посвященіе, а также и свою силу отъ каликъ. А калики—это русскіе апостолы. Выдумывается небывалая исторія. Предъ Вознесеніемъ своимъ Господь предлагаетъ апостоламъ на выборъ блага земной жизни. А Іоаннъ Богословъ отказывается отъ нихъ, и на томъ основаніи, что все это непрочно. А дай Ты имъ лучше, говоритъ, Слово Свое святое, и будутъ они чрезъ это Слово и сыты и пьяны. Благо Божьяго слова дано и передается богатырямъ. Они обрекаютъ себя на неумытную чистоту и святость, и настолько рѣшительно, что сами принимаютъ образъ каликъ; и если нашелся человѣкъ, который угадалъ этотъ святой подлогъ, то называя каликъ именемъ богатырей,

онъ не ошибся, но онъ не понялъ, насколько правды и силы въ этой рѣшимости жить идеалами христіанскими. Объ основномъ законѣ нравственности не говорю. Тотъ корень въ нашей душѣ, изъ котораго взамѣнъ эгоистической возникаетъ и складывается душа христіанская, настолько присущъ русской національности, что его достаточно для той любви, которая не только любитъ, но и умѣетъ любить—умѣетъ угадать и ту правду, безъ которой любовь приноситъ вредъ. А залогъ высшей правды лежитъ въ безспорной религіозности, и, если Богъ дастъ намъ дойти до высокой степени нравственной чистоты, мы не находимся въ опасности ослѣпнуть отъ этой высоты и впасть въ самообоготвореніе. И трудно, конечно, не помнить того, что одно дѣло прекрасные задатки, и совсѣмъ другое воспользовались-ли ими. Поэтому-то нравственный вопросъ есть для насъ насерьезнѣйшій вопросъ. Только во всякомъ случаѣ есть невыдуманныя данныя для оптимизма и здѣсь. Что бы ни представляла дѣйствительность, но и теперь у насъ есть истинные подвижники, для которыхъ жить значитъ жить правдой Божьей; и не только есть они, но есть Божіе посѣщеніе, ибо есть ничѣмъ неоспоримыя чудеса, у насъ на глазахъ дѣйствительно чудотворныя иконы. Заснемъ, что бы о насъ ни говорили и какъ бы намъ самимъ иногда ни думалось, только это вѣрно, что какъ могучее, но нисколько не дѣланное возбужденіе Руси въ послѣднюю войну, такъ и вся наша дѣятельность въ пользу славянъ безусловно не замѣшана на эгоизмѣ. Наконецъ у насъ именно нашла для себя возможность явиться та великая программа царствованія, которая посмотрѣла на всѣ другія соблазнительныя, какъ на межуточныя, и поставила своимъ закономъ великій законъ Спасителя, призывающій къ правдѣ Евангелія. И чѣмъ настойчивѣе будетъ проведена эта программа, чѣмъ сосредоточеннѣе мы будемъ въ послушаніи ей, тѣмъ болѣе мы будемъ равны себѣ, тѣмъ болѣе для остальныхъ славянъ наша сила будетъ оцѣниться не нашей только многочисленностію; тѣмъ болѣе, наконецъ, эти великія слова „Православіе, самодержавіе и народность", наперекоръ прибывшимъ въ Каноссу изъ Россіи *), будутъ взаимо проникающими другъ друга лучами, будутъ и силой, и счастіемъ, и спасеніемъ.

Рѣчь И. А. Шляпкина:

Историческія заслуги преподобнаго Сергія Радонежскаго **).

Въ 1224 г. на Русь „но грѣхамъ нашимъ",—говоритъ лѣтописецъ: „пріидоша языци незнаеми при Мстиславѣ князѣ Романовичѣ, въ 10 лѣто княженія его въ Кіевѣ, и пріиде неслыханная рать, безбожные Моавитяне, рекоміи Татарове, ихъ же добрѣ никтоже вѣсть ясно кто суть и отколѣ пріидоша... и бысть побѣда на всѣ князи русскіи, акиже не бывала отъ начала русской земли никогда же. Въ 1240 г. пріиде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ многомъ множьствомъ силы своей и окружи градъ во обдержаньи велицѣ, и не бѣ слышати отъ гласа скрыпанія телѣтъ его, множьства ревенія верьблудъ его и ржанія отъ гласа стадъ коньего... и стрѣлы омрачиша свѣтъ нооѣженнымъ".

„Приде на насъ, говоритъ еп. Серапіонъ Владимірскій, языкъ немилостивый, языкъ лютъ, языкъ не щадящь красы юной, немощи старець, младости дѣтій. Разрушены Божественныя церкви; осквернени сосуди священнии, потоптана святая; святители мечу въ ядь (добычу) быша; плоти преподобныхъ монаховъ птицамъ на съѣденіе повержени быша, кровь отецъ и братьи нашея аки вода многа землю напои. Князей нашихъ и воеводъ крѣпость исчезла, храбрыи наши страха напольшеся бѣжаша. Братія и чада въ плѣнъ уведени. Села наша травою поростоша и смирися величіе наше, погыбе красота наша".

И вотъ, среди этого разоренія, продолжаетъ лѣтописецъ: „почаша зліи ходити по улицамъ градовъ, ищуще домы христіанскіе и накладающе дани и отъ того велику вагубу людемъ творяхуть. Вѣже видѣти стыдно и вельми страшно поруганіе отъ окаянныхъ православному христіанству и хлѣбъ во уста ве вдяше отъ страха." Но и подъ татарскимъ игомъ не исправились князья и продолжали свою „котору", говоря про малое „се великое", и про чужее—„се мое, а се мое же" и доноса другъ на друга татарскимъ ханамъ, стараясь наскочить престолъ великокняжескій. Продолжается и прежнее дробленіе удѣловъ. Исторія Руси распадается на два отдѣла: на исторію Руси сѣверо-восточной и исторію Руси юго-западной. Первой суждено было приготовить начала твердой государственности, сгруппировать и объединить въ себѣ всѣ отставшія части единой Руси св. Владиміра Равноапостольнаго. Роль этого цемента пала на долю ничтожнаго въ началѣ удѣльнаго княжества Московскаго. Кромѣ выгоднаго географическаго положенія и цѣлаго ряда выдержанныхъ политиковъ на московскомъ тронѣ, громадное значеніе въ этомъ вопросѣ имѣло духовенство.

Проникнутое понятіями о византійской царской власти, власти получаемой отъ Бога и независящей ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей. Вотъ почему, когда московскіе князьи начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали съ стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ противъ удѣльныхъ князей, къ счастію всей Руси, постоянно былъ направленъ мечъ духовный.

Мы видимъ митрополита кіевскаго и всея Руси Петра, уроженца Волыни, который, объѣзжая русскіе города, не поселился ни въ старой своей митрополіи Кіевѣ, ни въ новой Владимірѣ, а въ маленькомъ удѣльномъ городѣ Москвѣ у князя Іоанна Калиты, князя

*) См. Хомяковъ II, 139. Изд. 3.

**) Главныя пособія—Исторія Россіи Иловайскаго т. II. М. 1884 и Житіе пр. Сергія Епифанія мниха, Спб. 1885.

знаменитаго своимъ нищелюбіемъ и любовью къ духовенству. Предъ смертью св. Петръ уговаривалъ Калиту выстроить каменный соборъ Успенія Богоматери въ Москвѣ: „Если сыне послушаешь меня, то самъ прославишься наче всѣхъ князей и весь родъ твой и градъ сей возвеличится надъ всѣми русскими городами; святители будутъ обитать въ немъ и руки его изыдутъ на плеща враговъ его; также и мои кости будутъ положены въ немъ". Такимъ образомъ св. Петръ началъ собою рядъ великихъ угодниковъ—іерарховъ московскихъ, столь много содѣйствовавшихъ прославленію Москвы у православнаго Русскаго народа. Вѣрнымъ союзникомъ московскаго князя и примирителемъ давнихъ распрей съ князьями тверскими, суздальскими, ростовскими, ярославскими, новгородскими былъ и преемникъ св. Петра—святитель Ѳеогностъ, грекъ родомъ. Преемникомъ Ѳеогноста явился св. митрополитъ Алексій, въ мірѣ Елевферій изъ боярскаго рода Плещеевыхъ, крестникъ князя московскаго Іоанна Калиты. На двадцатомъ году Елевферій принялъ иночество въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ особенно подружился съ нѣкіимъ Стефаномъ, братомъ знаменитаго впослѣдствіи подвижника преп. Сергія Радовежскаго. Стефанъ скоро сдѣлался игуменомъ Богоявленскаго монастыря и духовникомъ князя московскаго Симеона Іоанновича Гордаго, а 40-лѣтній Алексій былъ возведенъ въ санъ митрополичьяго намѣстника по судебнымъ дѣламъ, а потомъ посвященъ и во епископа владимірскаго. Когда скончался Ѳеогностъ, епископъ Алексій былъ поставленъ митрополитомъ, какъ тогда говорили, кіевскимъ и всея Руси. Святитель Алексій былъ руководителемъ и въ духовной и въ политической жизни, какъ мягкаго характеромъ, брата Симеонова Іоанна II Іоанновича Краснаго, такъ и сына послѣдняго, Дмитрія Іоанновича, знаменитаго впослѣдствіи Донскаго. При немъ Москва дошла до того новогорнаго пункта, откуда уже начинается ея величіе. Мы видѣли, какъ тяжело приходилось простымъ русскимъ людямъ отъ татарскаго ига. Не лучше было и почетнымъ людямъ: „злѣе зла честь татарская". Невольное чутье указало имъ на выходъ изъ этого унизительнаго рабскаго положенія: изъ московскаго княжества, изъ семьи Даніила Александровича московскаго, сына св. Александра Невскаго и отца Іоанна Калиты, изъ этой семьи собирателей земли русской сверкнулъ лучъ освобожденія среди непроглядной тьмы монгольскаго рабства.

Колебались нѣкоторое время между Тверью и Москвою, благодаря личнымъ симпатичнымъ характерамъ князей св. Михаила Ярославича Тверскаго и его сына Александра Михайловича, но когда умные московскіе политики съумѣли привлечь на свою сторону и татаръ, не подозрѣвавшихъ будущаго значенія московскихъ князей, русскіе люди душою предались московскому князю. Бояре получали тамъ болѣе почетныя мѣста; простонародье пользовалось большимъ сравнительно спокойствіемъ и безопасностью и отъ татаръ, и отъ Литвы, и отъ нѣмцевъ; Москва въ тоже время сдѣлалась разсадникомъ духовенства и монастырей, центромъ нашего стараго просвѣщенія за все время съ XIV по XVII вѣкъ, подобно тому, какъ Кіевъ былъ имъ для всей Руси съ XI по XIII и впослѣдствіи въ XVI и XVII вѣкахъ для Руси юго-западной. Помимо своей высокой задачи личнаго служенія Господу, монастыри являются и колонизаціонными центрами. Приходилъ благочестивый пустынникъ въ тихую мѣстность, строилъ тамъ келью и предавался суровой подвижнической жизни, посвященной борьбѣ съ самимъ собою и съ окружающей природой. Слава о его жизни, какъ ни старался онъ отъ нея уклониться, привлекала къ нему учениковъ. Строились новыя кельи, воздвигалась церковь, ограда. Проводилась дорога отъ ближайшаго селенія. Крестьяне селились возлѣ монастыря, выбирая удобное мѣсто, возникало селеніе—монастырскій посадъ. Благочестивые люди отказывали сосѣднія съ монастыремъ земли на поминъ душъ. Монастырь увеличивался и обогащался и дѣлался центромъ умственнаго и нравственнаго просвѣщенія окружающихъ. Иноки созерцательнаго направленія уходили изъ этого, ставшаго для нихъ слишкомъ люднаго, монастыря, снова искали пустыни и снова повторялось тоже самое. Особенно это явленіе сильно было въ XIV и XV столѣтіи какъ въ Московскомъ княжествѣ, такъ и на финскихъ окраинахъ тогдашней удѣльной Руси.

И вотъ матерью монашескаго *общежитія* на сѣверѣ, митрополіей общежительныхъ монастырей, является монастырь, основанный преподобнымъ Сергіемъ и носящій теперь названіе Троице-Сергіевой Лавры. То, что для южной Руси составлялъ и составляетъ Кіевопечерскій монастырь, колыбель христіанства для русскихъ, то для Московскаго государства была и есть Троицкая Лавра—святыня Россіи, ея палладіумъ, якорь спасенія нашего въ бурю смутнаго времени. Св. Сергій, въ мірѣ Варооломей, родился около 1319 г. въ семьѣ обѣдѣвшаго ростовскаго боярина Кирилла и былъ среднимъ его сыномъ. Когда княжество Ростовское перешло во владѣніе князя московскаго Іоанна Калиты, Кириллъ съ семьей, родными, избѣгая притѣсненій московскихъ чиновниковъ, уѣхалъ въ Радонежъ, въ 12 в. отъ нынѣшней лавры, удѣльный городокъ младшаго сына Калиты, пользовавшійся нѣкоторыми льготами для поселенцевъ. Родители скоро умерли, старшій братъ Варооломея—Стефанъ, потерявъ жену, принялъ монашество и вмѣстѣ съ Варооломеемъ удалился въ пустыню и построилъ церковь во имя св. Троицы. По просьбѣ Стефана митрополитъ Ѳеогностъ прислалъ священника освятить церковь. Стефанъ вскорѣ недолго оставался въ пустынѣ. Онъ уѣхалъ въ Москву, поступилъ въ Богоявленскій монастырь и, какъ мы видѣли, подружился съ иноком Алексіемъ, будущимъ святителемъ московскимъ. Варооломей на 23 году принялъ монашество отъ игумена Сергія и поселился одинъ въ глухой своей пустынѣ. Извѣстенъ трогатель-

ный разсказъ, какъ отшельникъ дѣлилъ свой укругъ хлѣба съ медвѣдемъ, и оба иногда голодали вслѣдствіи недостатка хлѣба, причемъ Сергій и послѣдній кусокъ хлѣба отдавалъ голодному звѣрю. Но не укроется свѣтильникъ, стоящій вверху горы благочестія:—сошлась братія, выбрали игумномъ св. Сергія, грозя разойтись, если онъ не согласится на это избраніе, и упросили переяславскаго епископа Аѳанасія рукоположить преподобнаго въ священники и утвердить въ санѣ игумена. До насъ сохранились тѣ крашенинныя ризы, въ коихъ служилъ литургію преподобный въ своей бѣдной пустынѣ. Богослуженіе отправлялось при свѣтѣ березовой лучины, а иногда литургія и вовсе не совершалась по недостатку вина. Самъ Сергій, подобно преподобному Ѳеодосію, пекъ хлѣбы, шилъ обувь, носилъ воду, рубилъ дрова, питался хлѣбомъ и водою и строго запрещалъ братіи просить что либо у мірянъ.

Слава св. Сергія широко распространялась и среди бояръ, и среди простыхъ людей. Слышалъ о ней московскій князь Дмитрій Іоанновичъ и отъ близкихъ, и отъ своего духовника Стефана, и друга послѣдняго — святителя Алексія. Впрочемъ Стефанъ, какъ это видно изъ житія преподобнаго, относился къ св. Сергію свысока и послѣднему разъ даже пришлось уйти отъ брата на рѣку Киржачъ, гдѣ онъ и основалъ Благовѣщенскій монастырь (Покров. уѣзда, Влад. губ.). Но все это уладилось и св. Алексій упросилъ смиреннаго Сергія вернуться въ Троицкую обитель. Кромѣ Благовѣщенскаго святитель основалъ въ Москвѣ монастырь сп. Андроньевъ и въ окрести Ростова въ 15 в. отъ города на р. Устьи—Борисоглѣбскій, на Клязьмѣ въ Горохов. уѣздѣ, Влад. губ. Георгіевскій, на Серпуховѣ, Зачатейскій на р. Нарѣ, Дубенскій на Строменѣ въ 30 в. отъ лавры, въ Коломнѣ Богоявленскій Голутвинскій, и въ память Куликовской битвы Дубенскій же Успенскій въ 40 в. отъ лавры. Ученики его продолжали эту важную колонизаціонную дѣятельность не только въ ближайшихъ вотчинахъ московскаго княжества, но и на отдаленныхъ окраинахъ всей удѣльной Руси. Препод. Павелъ основалъ на р. Нурмѣ (Вологодской губ.) Обнорскій монастырь. Авраамій—четыре монастыря близъ Галича-Костромскаго. Меѳодій—Николаевскій Пѣсношскій, въ 15 верстахъ отъ Дмитрова. Савва, одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ, основалъ монастырь на горѣ Сторожѣ, близъ Звенигорода. Наконецъ, пр. Ѳеранонтъ колонизовалъ дальныя окраины Новгородской области и преп. Кириллъ Бѣлозерскій окрестности Бѣлоозера. Изъ послѣдняго монастыря опять вышли новые угодники и основатели монастырей. Діонисій Глушицкій и Корнилій Комельскій. Наконецъ преподобный Сергій былъ наставникомъ св. Димитріи Прилуцкаго и собесѣдникомъ св. Стефана, просвѣтители Пермской земли. Таковы заслуги великаго подвижника въ колонизаціи русскаго сѣвера монастырями, единственными носителями умственнаго и нравственнаго просвѣщенія въ былое время, въ тяжелыя годины старой русской жизни. Сама Троицкая лавра представляла громадный умственный центръ во все время XV, XVI и XVII ст. Въ ея стѣнахъ накоплялось со временъ преподобнаго богатѣйшее собраніе книгъ, тамъ жили ученые писатели житій, какъ Епифаній и Пахомій-сербъ, историки, какъ Авраамій Палицынъ, путешественники, какъ Іона Малый, переводчики и переписчики. Въ ней же упокоился и прен. Максимъ Грекъ. Но есть еще одна сторона въ жизни преподобнаго Сергія и его монастыря, это сторона политическая: это его отношенія къ московскому князю въ трехъ случаяхъ: во время борьбы Москвы съ Нижнимъ Новгородомъ, во время Куликовской битвы, и въ составленіи духовнаго завѣщанія в. к. Димитрія Іоанновича Донскаго, вскорѣ послѣ коего, около 1392 г., скончался и самъ великій свѣтильникъ земли русской. Въ 1364 г. на Руси былъ моръ, напомнившій бывшую за 10 лѣтъ предъ тѣмъ Черную смерть, и унесшій нѣкоторыхъ нижегородскихъ князей. Два изъ уцѣлѣвшихъ—Димитрій Суздальскій, покорившійся московскому князю, и его младшій братъ Борисъ Городецкій, опиравшійся на своего тестя. в. к. литовскаго Ольгерда, спорили изъ-за первенства въ Нижнемъ-Новгородѣ. Чтобъ примирить двухъ родныхъ братьевъ, по совѣту митрополита Алексія, Димитрій послалъ препод. Сергія звать Бориса на судъ въ Москву. Борисъ отказался. Тогда Сергій, имѣя полномочіе отъ митрополита, прекратилъ богослуженіе въ нижегородскихъ церквахъ. Борисъ упорствовалъ, но когда Димитрій двинулъ московскую рать, онъ смирился и отдалъ Нижній Димитрію Суздальскому. На дочери послѣдняго 15-лѣтній Димитрій женился въ слѣдующемъ 1366 году. Таковъ фактъ, который прямо свидѣтельствуетъ, что преподобный съ великою мудростью предвидѣлъ будущее значеніе московскаго государства и служилъ идеѣ единодержавія, отложивъ областной патріотизмъ и горькія воспоминанія дѣтства о притѣсненіяхъ Москвы въ Ростовѣ. Еще важнѣе участіе св. Сергія въ рѣшеніи вопроса о Куликовской битвѣ, этой нашей національной гордости, этой нашей славѣ. Вотъ какъ говоритъ нашъ ученый историкъ Иловайскій, уподобляющій между прочимъ дѣятельность прен. Сергія дѣятельности знаменитаго поборника французскаго монархизма въ средніе вѣка, аббата Сугеріо. „Въ настоящее время, при нашемъ могуществѣ и неизмѣримой территоріи, намъ не легко представить себѣ, какихъ трудовъ и усилій стоило пятьсотъ лѣтъ назадъ московскому великому князю собрать, вооружить и вывести въ поле 150.000 человѣкъ. И не только собрать ихъ, но и сплотить довольно разнообразныя части этого ополченія въ одно цѣльное воинство, одушевленное однимъ духомъ, одною идеею. Слава куликовской побѣды ярко озарила московскихъ собирателей Руси, усилила народное къ нимъ сочувствіе, а слѣдовательно не мало способствовала дѣлу государственнаго объединенія". Съ внѣшней стороны она указала на постепенное ослабѣваніе татаръ, на возможность побѣдить ихъ и сбросить нена-

вистное иго. Митрополита Алексія уже не было въ живыхъ († 1378 г.) 18 августа 1380 г. пріѣхалъ въ Троицкій монастырь в. к. Димитрій, дабы „живоначальной Троицѣ помолиться и благословиться у игумена Сергія. Отстоявъ обѣдню и принявъ благословеніе, князь хотѣлъ уѣхать, но преподобный упросилъ его раздѣлить скромную монастырскую трапезу: „Се ти замедленіе сугубо поспѣшливо будетъ". За трапезой Сергій сказалъ великому князю: Почти дарами и воздай честь нечестивому Мамаю, да видѣвъ твое смиреніе, Господь Богъ вознесетъ имя, а его неукротимую ярость и гордость изложитъ. Я уже сіе сотворилъ, отче, отвѣчалъ Димитрій: но онъ напаче съ великою гордостію возносится. Если такъ, молвилъ преподобный, то его ждетъ конечное погубленіе и запустѣніе, а тебѣ отъ Господа Бога и пречистыя его Матере и святыхъ его будетъ помощь и милость, и слава. Благословивъ князя, Сергій по просьбѣ его далъ ему двухъ иноковъ—Пересвѣта - Александра изъ бояръ брянскихъ и Ослабя, и благословилъ ихъ на смертный бой схимою, т. е. куколемъ съ напитымъ крестомъ. „Се ти оружницы, а твои излюбленици" сказалъ онъ князю и, обращаясь къ нимъ, произнесъ: Миръ вамъ, братія моя возлюбленная о Христѣ, пострадите яко добріи воины Христовы; понеже пришло ваше время. Провожая князя преподобный Сергій осѣнилъ крестомъ и окропилъ св. водою князя и его спутниковъ, пророчески сказавъ: Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ: Онъ побѣдитъ и низложитъ твоихъ супостатовъ и прославитъ тебя. Около 6 сентября князь Димитрій уже близъ Дона чрезъ гонца получилъ грамоту Сергія и просфору. Грамота гласила: Чтобъ еси господине таки пошелъ. А поможетъ ти Богъ и Пречистая Богородица.

8 сентября 1380 г. въ субботу, насытившись только просфорою преподобнаго, въ одеждѣ простаго воина вступилъ Димитрій на судъ Божій, битву съ татарами и одержалъ полную побѣду.

Возвратившись въ Москву, Димитрій съѣздилъ къ Троицѣ, чтобы и тамъ поблагодарить Господа. Отче твоими святыми молитвами и побѣдилъ невѣрныхъ, говорилъ Димитрій, твой послушникъ инокъ Пересвѣтъ убилъ богатыря татарскаго. По Божьимъ попущеніемъ за многіе грѣхи наши избито великое множество воинства христіанскаго: отслужи, отче, обѣдню и пой панихиду по всѣмъ избіеннымъ. Послѣ панихиды князь щедро одарилъ братію и переночевалъ въ монастырѣ. Еще девять лѣтъ среди разныхъ смутъ жилъ герой Мамаева побоища. Почувствовавъ себя дурно, весною 1389 г. онъ поспѣшилъ написать духовную, свидѣтелемъ коей на первомъ мѣстѣ былъ игуменъ Сергій. Своею подписью преподобный скрѣпилъ актъ, отъ котораго можно считать начало единодержавія Россіи: Димитрій *прямо*, не спрашивая хана, не обращая вниманія на удѣльныхъ князей и младшихъ своихъ сыновей, благословилъ старшаго сына Василія своею отчиною великимъ княженіемъ Владимірскимъ и Московскимъ. Около 1392 г. почилъ и преподобный игуменъ Сергій, но осталась Троицкая обитель, соблюдаемая молитвами преподобнаго. Въ княженіи великаго собирателя Руси Іоанна III-го, въ царствованіе Іоанна Грознаго, обитель Троицкая сдѣлалась моленною московскихъ государей, а св. Сергій заступникомъ, помощникомъ и кормителемъ всѣхъ россійскихъ царей. Говорить ли о смутномъ времени, о томъ тяжкомъ моментѣ, когда въ стѣнахъ Троицкой Лавры сосредоточилось все, что уцѣлѣло изъ русскаго царства, откуда какъ изъ послѣдней твердыни русскаго православія полетѣли во всѣ концы былаго московскаго государства посланія Гермогена, Діонисія и Авраамія Палицына, и ими спасена была „Россія"? Кому какъ не молитвамъ преподобнаго Сергія и его заступничеству, его чудесной помощи обязаны мы цѣлостью русской земли и возведеніемъ на престолъ дома Романовыхъ, давшаго намъ Петра I-го и Александра II-го:

Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

Стихотвореніе М. П. Розенгейма:

6 апрѣля 885—1885.

Сегодня, братья, день великой годовщины
Тысячелѣтія апостоловъ славянъ,
День преподобнаго Меѳодія кончины,
День приснопамятный для всѣхъ славянскихъ странъ.
Когда средь западныхъ славянъ, во время оно,
Христовымъ именемъ прикрывъ насилья гнетъ,
Тяжелая рука враждебнаго тевтона *)
Духовно придушить пыталась тамъ народъ,—
Тогда въ страну славянъ, по изволенью Божью,
Явился онъ, апостолы креста,
И имъ повѣдали, еще латинской ложью
Неискаженное, ученіе Христа.
И не чужой языкъ, а нашъ глаголъ славянскій
Служилъ апостоламъ для проповѣди той,
И, чтобы тотъ завѣтъ хранился между нами
И въ той же чистотѣ прошелъ сквозь тьму временъ,
Онъ былъ славянскими начертанъ письменами,
На связь духовную для нашихъ всѣхъ племенъ.
Но не съумѣлъ народъ сберечь свое единство:
Въ среду славянскую, какъ тать почной порой,
Ворвался гордый Римъ. Лукавое латинство
Внесло въ нее разладъ съ духовною враждой.—
И раздѣлилося славянство на два стана,
И на вѣкъ Римъ сковалъ отпавшихъ племена!..
И съ вѣрой ихъ отцовъ, не устыдясь обмана,
Онъ подмѣнилъ языкъ и выкралъ письмена.
И огласилися славянскіе амвоны
Тамъ словомъ Божіимъ на языкѣ чужомъ.
И въ храмахъ раздались латинскіе каноны,
И вторить пѣнью сталъ органовъ звучный громъ.

*) Тевтонъ—нѣмецъ.

И вотъ, въ день памяти Меѳодья и Кирилла,
Имъ нечѣмъ помянуть учителей своихъ.
Какъ сгибла между нихъ Меѳодія могила,
Такъ и завѣты всѣ апостоловъ святыхъ.
Явленье скорбное! На праздникъ примиренья,
На свѣтлый праздникъ нашъ легла разлада тѣнь...
Печалитъ насъ она, но камень осужденья
Мы въ братьевъ западныхъ не бросимъ въ этотъ день.
У нихъ исторія, у насъ была — другая:
Тамъ церковь бранная, воинствующій клиръ,—
Для власти ни предъ чѣмъ онѣ не отступая,
Стремятся покорить подъ эту власть весь міръ;
У насъ же Церковь—мать, твердыня православья,
Христовой правдою и кротостью сильна,
Не знаетъ похотей земнаго суеславья
И властолюбія не вѣдаетъ она.
У насъ святители, душою безграничво
Съ народомъ слитые, печальники о немъ,
Смиренные въ своемъ величіи владычномъ,—
Великіе въ святомъ смиреніи своемъ,—
Они и самый санъ свой въ водвигъ обращали
Служенья страднаго землѣ своей родной,—
Въ годины грозныя, въ дни скорби и печали
Ей путеводною являлися звѣздой.
Мы, чада Церкви той, мы, сербы и болгары,
Какъ любящую мать, ее мы берегли,
Ни сила мусульманъ, ни паиства злыя чары
Насъ съ нею разлучить донынѣ не смогли.
И Церковь та средь насъ спасла и сохранила,
Во всѣ невзгодныя былыя времена,
Наслѣдіе святыхъ Меѳодья и Кирилла:
Ихъ вѣру нравую, языкъ и письмена.
Та Церковь нашъ народъ могучій воспитала,
Который все за Русь и вынесъ и стерпѣлъ;
Та Церковь въ немъ жила, та Церковь съ нимъ страдала,
И съ нею только онъ въ семьѣ славянъ съумѣлъ
Держать славянскій стягъ и честно и высоко,
Повсюду и всегда, подъ шумомъ бурь и грозъ,
И имя въ языкъ славянскіе далеко
По свѣту Божьему побѣдами разнесъ
Отъ моря ледистаго до грани Гималая,
И отъ Карпатскихъ горъ до тѣхъ далекихъ странъ,
Гдѣ берегъ, бурными волнами омывая,
Широко охватилъ Восточный океанъ.
И вотъ, сегодня, въ день великой годовщины
Тысячелѣтія апостоловъ славянъ,
Въ день преподобнаго Меѳодія кончины,
Въ день вриснопамятный для всѣхъ славянскихъ странъ,—
Вся эта даль и ширь громаднаго пространства.
Гдѣ только русскій есть, гдѣ рѣчь его слышна,
Повсюду чествуютъ апостоловъ славянства
И славословятъ ихъ святыя имена.
Зачѣмъ же въ этотъ день не все славянство въ сборѣ?
Здѣсь сербъ, болгаринъ, чехъ... Зачѣмъ же нѣтъ другихъ,
Чтобъ въ мирѣ и любви, въ единомъ братскомъ хорѣ,
Достойно помянуть учителей своихъ?..
Мы нетерпимости не знаемъ исповѣдной,—
И въ этотъ свѣтлый день на нашъ духовный пиръ
Зовемъ мы всѣхъ славянъ съ любовью беззавѣтной,
Да будетъ онъ, нашъ пиръ, на весь славянскій міръ!..

Стихотвореніе Ленау въ переводѣ П. И. Вейнберга:

Иванъ Жижка *).

I.

Вечеръ. Лѣсъ Трочновскій **) полонъ
Безмятежной тишины.
Вѣтви гордыя деревьевъ
Точно въ сонъ погружены.
Вотъ, задумавшись глубоко,
Ѣдетъ всадникъ. Конь его
Тихо, бережно качаетъ
Господина своего.
Вдругъ, какъ будто вробудившись,
Всадникъ лошадь осадилъ,
Слѣзъ съ нея и, ставъ подъ дубомъ,
Грозно мечъ свой обнажилъ
И сказалъ: „Подъ этимъ дубомъ
Божій свѣтъ увидѣлъ я;
Здѣсь стонала въ ночь и бурю
Мать несчастная моя.
„Только лѣсъ тѣ стоны слышалъ,
Только бури дикій вой
Несся пѣснью колыбельной
Надъ моею головой.
„Въ этотъ часъ, подъ блескомъ молній,
Загорѣлась кровь моя,
И теперь, вскормленный бурей,
Выхожу на бурю я.
„Русь! Клянусь подъ этимъ дубомъ
Отомстить за смерть твою!
Русь! Твоихъ злодѣевъ кровью
Скоро землю напою!
„Русь! Клянусь изъ жвлъ преступныхъ
Столько крови наточить,
Что костеръ твой могъ бы ею
Я стократно потушить.
„Русь! Огню ихъ замки, церкви
Я безжалостно предамъ...
Горе извергамъ—монахамъ!
Горе гусовымъ врагамъ!
„Закончу огнемъ пожара
Сводъ небесный, оттого,
Что великое злодѣйство
Свершено въ виду его.
„Въ грудь мою влетѣла искра
Отъ священнаго костра
И горитъ неугасимо...
Русь! Я мстить иду!.. Пора!
„Мужъ свободы, правды, свѣта,
Жертва гнета, тьмы и лжи...
О, мой мечъ!.. Теперь, товарищъ,

*) Жижка—знаменитый и первый по времени предводитель гусситскихъ войскъ (таборитовъ). До вступленія на поприще предводителя народной партіи онъ жилъ при дворѣ короля (чешскаго) Венцеля. Жижка былъ одноглазый, а втораго глаза лишился въ сраженіи, и умеръ отъ болѣзни, похожей на чуму.

**) Жижка былъ родомъ изъ Трочнова.

Ты мнѣ службу сослужи!
„О, какъ тихи лѣсъ и воздухъ
Милой родины моей!
Какъ она внимаетъ клятвѣ
Одного изъ сыновей!
„Слушай клятву роковую,
Слушай, родина моя!
До послѣдней капли крови
Буду мстить за Гуса я!"

II.

На пути своемъ, свободой
Жижка свято вдохновленъ;
Это имя врѣзать саблей
Въ тѣло міра хочетъ онъ.
Онъ избралъ ее невѣстой,
И теперь вѣнчаться съ ней
Ѣдетъ витязь, окруженный
Сонмомъ воиновъ—друзей...

III.

Неустанно раздувая
Пламя гнѣва своего,
Дни и ночи бьется Жижка.
Дико-страшенъ путь его.
Груды труповъ, рѣки крови,
Стоны гибнущихъ враговъ,
Разрушеніе, пожары
Башень, замковъ и дворцовъ—
Вотъ что въ брачный даръ свободѣ
Онъ, женихъ ея, несетъ.
День и ночь не умолкая,
Серенады ей даетъ:
На фанатикахъ монахахъ,
На прислужникахъ князей
Цѣпи страшныя играетъ
Въ честь возлюбленной своей!

IV.

. . . . . .

V.

. . . . . За битвой
Битва слѣдуетъ. И вновь,
Подъ гусситскими мечами
Льется вражеская кровь.
Но и врагъ не дремлетъ: мѣтко
Полетѣвшая стрѣла
У начальника гусситовъ
Глазъ послѣдній отняла.
О, теперь печаль по Гусѣ
Стапетъ жечь еще сильнѣй
Сердце Жижки... О, отнынѣ
Безпощаднѣе, страшнѣй
Будетъ онъ мечомъ кровавымъ,
Всюду ужасъ наводя,
Мстить за мученика—Гуса,
За учителя—вождя!

VI.

Бой кипитъ. Гусситы мчатся
Разъяренною толпой;
Направляетъ ихъ движенья
Предводитель ихъ слѣпой.
Грозно онъ стоитъ въ тедѣгѣ,
Въ центрѣ войска своего;
Справа, слѣва—два гусснта,
Два помощника его.
Мѣстность битвы, войскъ нѣмецкихъ
Положенье и число—
Все они рисуютъ Жижкѣ...
И понятно, и свѣтло
Все слѣпцу. Въ былое время,
Въ дни, когда еще стрѣла
У вождя гусситовъ зрѣнья
Навсегда не отняла,—
Онъ въ лицо отчизны милой
Съ нѣжной жадностью смотрѣлъ
И въ душѣ своей глубоко
Всѣ черты запечатлѣлъ.
Каждый лѣсъ ея, долину,
Гору, озеро, ручей—
Все спѣшилъ суровый мститель
Врѣзать въ памяти своей.
И теперь, на этомъ полѣ,
Окруженный темнотой,
Взоръ души смѣется гордо
Надъ тѣлесной слѣпотой.
Освѣщаетъ духу мщенья
Онъ дорогу,—и на ней—
Всѣ мѣста, гдѣ сѣять трупы
Можно лучше и вѣрнѣй.
Жижка голосомъ громовымъ,
Мановеніемъ руки
Грозно двигаетъ гусситовъ
На нѣмецкіе полки.
И летятъ его гусситы
Разъяренною толпой...
О, какъ жадно, чутко внемлетъ
Шуму битвы вождь слѣпой!
О, какой гармоньей дикой
Слуху мстителя звучатъ
Стоны, вопли и проклятья
Погибающихъ солдатъ!
О, какъ страшно эти звуки
Тѣшатъ сердце Жижки! Онъ
Узнаетъ привычнымъ ухомъ
Каждый голосъ, каждый стонъ;—
Узнаетъ по этимъ звукамъ,
Что сегодня, какъ всегда,
Не померкнетъ для гусситовъ
Ихъ побѣдная звѣзда.
Лучезарнымъ взоромъ сердца
Всѣ подробности борьбы
Видитъ Жижка... Вотъ несутся
Сигизмундовы рабы,
Вотъ венгерскіе гусары,
Вотъ саксонскіе стрѣлки...
Налетаютъ другъ на друга
Опьянѣвшіе полки,
Топчутъ, рѣжутъ, бьютъ другъ друга;
Брата братъ не узнаетъ...
У, какую жатву нынче
Вождь гусситовъ соберетъ!
Безконечна, безпощадна
Злоба Жижки... О, когда,
Весь измученный пасльемъ,
Полный боли и стыда,
Человѣкъ бѣжитъ къ свободѣ,—
Дикъ и страшенъ путь его!
Все ломая, онъ ломаетъ
Кротость сердца своего.

VII.

Дни пропосятся за днями...
Въ темномъ лѣсѣ вижу я
Одинокаго гусснта
У шумящаго ручья.
Туча гнѣва и печали
На лицѣ его лежитъ
И, въ ручьѣ оружье мо́я,
Такъ ручью онъ говоритъ:

„О, смѣни свой тихій ропотъ
На печальный, злобный вой!
Горе, горе! Умираетъ
Жижка, доблестный герой!
„Но не смертнаго рукою
Славный витязь пораженъ!
Нѣтъ, такой могучій смертный
Въ мірѣ еще не сотворенъ.
„О, не разъ враги толпами
Налетали на него;
Но на полѣ битвы Жижка
Не боялся никого.
„Смерть, которая съ другими
Въ бой идетъ лицомъ къ лицу,
Подползла трусливо, съ тылу
Къ Жижкѣ, страшному бойцу.
„Вой, ручей, ревите, вѣтры,
Свѣтъ, смѣняйся темнотой!
Горе! Чехія родная
Остается сиротой!"
Между тѣмъ, въ предсмертныхъ мукахъ,
На землѣ герой лежитъ,
И товарищамъ печальнымъ
Вдохновенно говоритъ:
„Братья, я умру сегодня.
Человѣка смерть возьметъ,
Но его святое дѣло
Долго, долго проживетъ.
„Часъ наступитъ. Наши братья
По страдавьямъ и борьбѣ
Соберутъ съ могилъ гусситскихъ
Жатву пышную себѣ,—
„Жатву свѣтлыхъ утѣшеній,
Свѣжей крѣпости... О, да!
Сѣмя, кровью политое,
Не погибнетъ безъ плода.
„Перестаньте-жъ сокрушаться
Смертью Жижки... Развѣ я
Васъ не выучилъ—умершихъ
Не оплакивать, друзья?
„Вотъ приказъ, приказъ послѣдній
Полководца: мой конецъ
Встрѣтьте бодро, какъ встрѣчаетъ
Гибель истинный боецъ.
„Здѣсь, въ шатрѣ идетъ вѣнчанье:
Въ жены мнѣ чума дана.
Страшенъ былъ для міра Жижка
И страшна его жена.
„Для того, чтобъ послѣ смерти
Былъ я съ вами, какъ живой,
Обтяните кожей Жижки
Барабанъ вашъ боевой...
„Врагъ бѣжитъ... Впередъ гусситы!
У, какъ страшны для него
Эти звуки, этотъ грохотъ
Завѣщанья моего!"
И вскочилъ на смертномъ ложѣ,
Весь въ горячечномъ огнѣ,
Грозный вождь. Себя онъ видитъ
Передъ войскомъ на конѣ;
Въ новой сѣчѣ убиваетъ
Всѣхъ, убитыхъ имъ, враговъ;
Всѣхъ, давно похороненныхъ,
Вызываетъ изъ гробовъ.
Выходите, выходите,
Вы, нѣмецкія войска!
Разгулялася у Жижки
Смертоносная рука!
Бредъ блаженный уничтожилъ
Слѣпоту его очей...
Всѣхъ фанатиковъ—монаховъ,
Всю холопщину князей
Ясно видитъ онъ,—и жарче,
Жарче кровь клокочетъ въ немъ,
И прозрѣвшій взоръ пылаетъ
Сокрушительвымъ огнемъ.
Такъ онъ грезитъ, такъ онъ бьется...
Но пробилъ послѣдній часъ,
И герой непобѣдимый
Покорился и угасъ.

V.

28 АПРѢЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

По открытіи засѣданія, г. предсѣдатель сообщилъ присутствующимъ, что во время недавняго посѣщенія Петербурга Княземъ Черногорскимъ Николаемъ, онъ, предсѣдатель, удостоенъ былъ Его Высочествомъ продолжительнымъ разговоромъ, при чемъ Князь неодвократно выражалъ глубокую благодарность Славянскому Обществу за помощь, оказанную черногорцамъ во время прошлогодняго голода.

За симъ, графъ Н. П. Игнатьевъ сообщилъ собранію, что 6 апрѣля, по случаю исполнившагося 50-лѣтія служенія преосвященнаго Діонисія, епископа уфимскаго и мензелинскаго, въ священномъ санѣ, Совѣтъ Общества не преминулъ послать юбиляру поздравительную телеграмму, слѣдующаго содержанія: „Благоговѣйно празднуя нынѣ память апостола славянъ, св. Меѳодія, Совѣтъ Славянскаго Общества вспоминаетъ при этомъ и апостольскіе труды вашего преосвященства, пятидесятилѣтіе которымъ истекаетъ сегодня. Привѣтствуемъ васъ съ этимъ знаменательнымъ 50-лѣтіемъ и молимъ Бога, да укрѣпляетъ васъ въ томъ же благодатномъ духѣ св. Меѳодія, который и ранѣе одушевлялъ васъ въ служеніи Церкви Божіей",—и что на эту телеграмму отъ преосвященнаго Діонисія было получено письмо, въ которомъ онъ проситъ „принять его глубокую и искреннѣйшую благодарность за оказанное ему вниманіе, доставившее ему пріятнѣйшее утѣшеніе".

Послѣ того, г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія гг. присутствующихъ, что, согласно 9 и 11 §§ дѣйствующаго устава Славянскаго Общества, въ открывшемся засѣданіи предстоитъ избрать: предсѣдателя, двухъ товарищей предсѣдателя и девять членовъ Совѣта, при чемъ присовокупилъ, что избраніе должностныхъ лицъ: секретаря, казначея, ихъ по-

мощниковъ и библіотекаря въ прежнее время, обыкновенно, предоставлялось производить самому Совѣту изъ его среды. За симъ, г. предсѣдатель предложилъ приступить къ избранію записками, сначала предсѣдателя, затѣмъ двухъ его товарищей и 9 членовъ Совѣта.

Общее собраніе, не приступая къ баллотировкѣ, единогласно постановило: считать избранными на слѣдующее трехлѣтіе весь прежній составъ Совѣта, а именно: предсѣдателемъ—графа П. П. Игнатьева, его товарищами: П. А. Васильчикова и В. К. Саблера и членами Совѣта: В. П. Аристова, А. А. Кирѣева, прот. А. А. Лебедева, П. С. Пальмова, П. П. Писаревскаго, А. Д. Столыпина, Н. В. Стремоухова, В. Г. Чубинскаго и В. Д. Дандевиля, въ замѣнъ почившаго М. Ѳ. Мирковича, и кандидатомъ А. А. Панкова.

Въ заключеніе, по порученію г. предсѣдателя, А. А. Панковъ ознакомилъ собраніе съ составленною имъ программою „славянскаго календаря на 1892 г.", которую собраніе и предоставило Совѣту Общества разсмотрѣть подробно.

VI.

12 МАЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный Леонтій, архіепископъ холмскій и варшавскій, преосвященный Никандръ, епископъ нарвскій, оо. архимандриты: Неофитъ, Арсеній и Поликарпъ, не мало представителей столичнаго духовенства, члены государственнаго совѣта: Н. И. Стояновскій и А. Ѳ. Бычковъ, графъ Д. А. Каминстъ, греческій посолъ М. П. Папоригопуло, члены Славянскаго Общества, представители сербской и болгарской колоній и до 600 посторонникъ посѣтителей.

По установившемуся обычаю, графъ Н. П. Игнатьевъ просилъ высокопреосвященнаго Леонтія принять почетное предсѣдательство въ собраніи, на что его высокопреосвященство и изъявилъ свое согласіе.

За симъ, послѣ исполненной хоромъ А. А. Архангельскаго молитвы („Христосъ Воскресе" и „тропарь св. Кириллу и Меѳодію"), съ благословенія его высокопреосвященства, графъ Н. П. Игнатьевъ открылъ собраніе слѣдующею рѣчью:

„Ваше высокопреосвященство,
милостивые государыни и государи.

Сегодня мы посвящаемъ свое собраніе вчерашнему празднику св. Первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія.

Дѣятельность св. Первоучителей славянскихъ настолько всеобъемлюща, идеи ихъ апостольскаго служенія на пользу славянскому роду настолько высока и содержательна, что необходимо разъяснять и утверждать ихъ значеніе въ нашемъ Обществѣ какъ можно чаще и настоятельнѣе. Вотъ почему и сегодня вамъ будутъ предложены чтенія, клонящіяся къ оживленію нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ этою дѣятельностію или имѣющихъ къ ней то или другое отношеніе. Въ первомъ отдѣленіи нашимъ сочленомъ А. В. Васильевымъ будетъ прочитана составленная П. П. Аксаковымъ статья: „Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ". Въ ней предъ вами предстанетъ образъ незабвеннаго Ивана Сергѣевича, всю жизнь свою посвятившаго служенію идеѣ всеславянскаго единства. Во второмъ отдѣленіи А. А. Кирѣевъ посвятилъ свое чтеніе славянофильскимъ идеаламъ.

За симъ, считаю священнымъ долгомъ сообщить вамъ о ниже-слѣдующемъ:

Вамъ извѣстно уже, что драгоцѣнная жизнь Государя Наслѣдника Цесаревича подверглась опасности отъ злодѣйскаго покушенія въ Японіи.

Богъ сохранилъ возлюбленнаго нашего Цесаревича вторично.

Рука небеснаго Промыслителя почіетъ на немъ и видимо его охраняетъ.

По полученіи извѣстія о благополучномъ исходѣ этого печальнаго событія, мы собрались въ Казанскомъ соборѣ, 3 мая, и молитвенно благодарили Всемогущаго, испрашивая у Царя Небеснаго возвращенія Его Высочества Наслѣдника Цесаревича цѣла, здрава и невредима. Послѣ молебна была послана телеграмма Царю нашему слѣдующаго содержанія:

„Славянское Благотворительное Общество, отслуживъ въ Казанскомъ соборѣ благодарственный молебенъ и вознеся горячія молитвы Всемогущему о благополучномъ возвращеніи Наслѣдника Цесаревича здравымъ и невредимымъ, повергаетъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и Государыни Императрицы выраженія своей радости, безграничной любви и вѣрноподданнической преданности".

Государь Императоръ, по прочтеніи этой телеграммы съ выраженіемъ радости, безграничной любви и вѣрноподданнической преданности Славянскаго Благотворительнаго Общества, по случаю избавленія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича отъ грозившей, 29 минувшаго апрѣля, опасности, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: благодарить Общество, о чемъ мнѣ и было сообщено г. министромъ внутреннихъ дѣлъ въ письмѣ отъ 6 мая, № 318".

Сообщеніе это вызвало восторженныя рукоплесканія присутствовавшихъ въ собраніи и сопровождалось пѣніемъ народнаго гимна: „Боже, Царя храни!"

Затѣмъ, графъ П. П. Игнатьевъ продолжалъ:

„Дерзкое покушеніе на жизнь Цесаревича

потрясло въ глубинѣ души всю Русь, а съ нею пришелъ въ тяжелое смущеніе и единый съ нами духовно греко-славянскій міръ. Но наши мольбы исполнились! Вчера, въ день св. Кирилла и Меѳодія, Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ благополучно къ отечественнымъ берегамъ, омываемымъ Тихимъ Океаномъ, и вступилъ на родную землю сегодня. Теперь уже онъ дома, среди любящаго своего народа, на окраинѣ, пріобрѣтенной Россіею тридцать лѣтъ тому назадъ. Совѣтъ Славянскаго Благотворительнаго Общества предлагаетъ вамъ привѣтствовать счастливое возвращеніе Государя Наслѣдника Цесаревича телеграммою слѣдующаго содержанія:

„Славянское Благотворительное Общество молитвенно благодарило въ Казанскомъ соборѣ Всевышняго за сохраненіе драгоцѣнной жизни Вашего Императорскаго Высочества, проси даровать Россіи возвращеніе Ваше въ вожделѣнномъ здравіи. Чествуя нынѣ, въ торжественномъ собраніи, день славянскихъ Первоучителей св. Кирилла и Меѳодія, совпавшій съ счастливымъ окончаніемъ заграничнаго путешествія и вступленіемъ Вашимъ на русскую землю, радостно привѣтствуемъ Ваше Императорское Высочество и усердно молимъ Бога, да сохранитъ возлюбленнаго Цесаревича невредимымъ на многія лѣта, на счастіе глубоко преданной Россіи и всего православнаго востока".

Привѣтствованная громовыми рукоплесканіями присутствовавшихъ, телеграмма эта тотчасъ же была отправлена отъ имени Славянскаго Общества его предсѣдателемъ, графомъ Н. П. Игнатьевымъ, въ Владивостокъ, Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу *), хоромъ же г. Архангельскаго была пропѣта пѣснь: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы..."

Послѣ этого, графъ Н. П. Игнатьевъ сообщилъ собранію: 1) что въ очередное собраніе гг. членовъ Общества, состоявшееся 28 апрѣля, были единогласно избраны на новое трехлѣтіе: предсѣдателемъ—графъ Н. П. Игнатьевъ и его товарищами: П. А. Васильчиковъ и В. К. Саблеръ и прежніе члены Совѣта, при чемъ на мѣсто покойнаго М. О. Мирковича былъ избранъ В. Д. Данденвиль,—и 2) что по случаю празднованія памяти св. славянскихъ Первоучителей получены поздравительныя телеграммы: а) отъ преосвященнаго Григорія, епископа ковенскаго: „Поздравляю со всеславянскимъ праздникомъ и молю Бога о духовномъ единеніи всѣхъ славянъ" и б) отъ В. М. Площанскаго, изъ Вильны: „Виленцы славятъ память великаго патріарха, сохранившаго за Востокомъ и Русью чистоту вѣры христіанской и спасшаго ихъ отъ ужасовъ инквизиціи ad majorem Romae gloriam,—славятъ память

*) Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ удостоилъ предсѣдателя Славянскаго Общества слѣдующею отвѣтною телеграммою, полученною 14 мая изъ Владивостока:

„Сердечно благодарю членовъ Общества за выраженныя чувства".

„НИКОЛАЙ".

учениковъ его, равноапостольныхъ просвѣтителей славянства, поздравляютъ съ празднованіемъ ихъ дня Славянское Благотворительное Общество и желаютъ послѣднему дальнѣйшаго громаднаго успѣха въ дѣятельности его на славу Руси и всего славянскаго міра".

Въ заключеніе своей рѣчи графъ Н. П. Игнатьевъ сообщилъ собранію, что 3 мая открыта въ Прагѣ чешская юбилейная выставка, пріуроченная къ исполнившемуся столѣтію первой выставки, устроенной въ той же „Златой Прагѣ" въ 1791 г., по случаю коронованія Леопольда II короною св. Вячеслава. Несмотря на множество препятствій со стороны нѣмцевъ, проживавшихъ въ Чехіи, выставка эта удалась вполнѣ и по истинѣ можетъ быть названа великимъ дѣломъ славянскаго ума, славянской энергіи и славянской культуры. Она самымъ наглядньимъ образомъ доказала, что въ талантахъ, въ трудолюбіи и въ культурѣ вообще въ Австріи первое мѣсто принадлежитъ славянамъ и именно чехамъ. На выставку, въ гости къ чехамъ, сбираются ѣхать изъ всѣхъ славянскихъ земель многочисленныя депутаціи. Вѣроятно явятся туда и желающіе полюбоваться успѣхами братьевъ.

Кромѣ чеховъ устраиваютъ нынѣшнимъ лѣтомъ свою выставку и—хорваты въ Загребѣ. Загребская выставка откроется въ началѣ августа.

Пожелаемъ-же отъ души, чтобы и эта выставка удалась, подобно чешской, чтобы и она также свидѣтельствовала объ успѣхахъ экономической и общественной жизни нашихъ южныхъ братьевъ-хорватовъ.

Вслѣдъ за рѣчью графа Н. П. Игнатьева, А. В. Васильевъ прочиталъ составленную Н. П. Аксаковымъ статью: „Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ" и свое стихотвореніе: „Порабощеннымъ славянамъ".

Чтеніе А. В. Васильева, привѣтствованное громкими рукоплесканіями, сопровождалось пѣніемъ „Славы".

Во второмъ отдѣленіи А. А. Кирѣевъ, послѣ исполненнаго хоромъ г. Архангельскаго: „Господи помилуй", прочиталъ свою статью „О славянофильскихъ идеалахъ", покрытую громкими рукоплесканіями.

Въ заключеніе собранія, хоръ г. Архангельскаго пропѣлъ двѣ сербскія пѣсни и закончилъ молитвами: „Ангелъ вопіяше" и „Свѣтися, свѣтися".

Въ этомъ же собраніи избраны въ дѣйствительные члены Общества 9 предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ.

Вотъ прочитанныя въ собраніи статьи и стихотвореніе:

Статья Н. П. Аксакова:

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Написать біографію Ивана Сергѣевича Аксакова значитъ написать вторую, третью и четвертую часть „Семейной хроники"—этой живой лѣтописи трехъ поколѣній русской жизни, отъ которыхъ Иванъ Сергѣевичъ заимствовалъ основныя, типическія черты своего могучаго характера: отъ отца, извѣстна-

го всѣмъ Сергѣя Тимофеевича—художественную чуткость и художественную простоту; убѣжденность вѣры и вѣчный энтузіазмъ—отъ брата своего Константина; непреклонную, гранитную твердость и цѣлостность духа—отъ дѣда-Степана Михайловича „Семейной хроники". Прослѣдить въ Иванѣ Сергѣевичѣ сочетаніе всѣхъ этихъ типовъ—великая, благодарная задача для художника.

Написать біографію Ивана Сергѣевича Аксакова—то же, что написать исторію литературы послѣ-пушкинскаго періода. Тутъ все есть въ этой богатой литературной жизни: и переживаніе пушкинскаго наслѣдства, и увлеченіе, и борьба съ байронизмомъ, и нѣмецкій романтизмъ и его критика, и выступленіе русскаго Гоголя, и появленіе новыхъ силъ и новыхъ идеаловъ, и борьба съ одними идеалами, и отстаиваніе другихъ. Вся литература послѣ-пушкинскаго періода такъ или иначе находила себѣ откликъ въ душѣ Ивана Сергѣевича, положительно или отрицательно вліяла на него, вызывала его на бой или находила въ немъ заступника.

Біографія Ивана Сергѣевича Аксакова обнимаетъ собою почти полстолѣтія внутренней политики Россіи со всѣми свѣтлыми днями ея и невзгодами и болѣе четверти вѣка политики внѣшней. Въ этой послѣдней является онъ уже не пассивнымъ, но только активнымъ участникомъ, ибо слово его было уже дѣломъ, ибо самъ по себѣ являлся онъ уже своего рода политической силой. Такъ, покрайней мѣрѣ, смотрѣли на него по временамъ внѣшніе враги и недруги Россіи, въ тревожномъ воображеніи которыхъ онъ являлся будто бы окруженнымъ неисчислимою ратью такихъ же какъ онъ панславистовъ.

Но прежде всего біографія Ивана Сергѣевича Аксакова есть исторія цѣльнаго человѣческаго духа, цѣльной и цѣлостной души человѣческой.

На этой-то внутренней, духовной исторіи и остановимъ мы въ настоящее время вниманіе нашихъ читателей.

„Обыкновенныя натуры, говоритъ германскій поэтъ, приносятъ пользу тѣмъ, что онѣ даютъ; высшія тѣмъ, что онѣ суть".

Gemeine Naturen
Nützen mit dem, was sie thun,
Edle mit dem, was sie sind.

Главная заслуга Ивана Сергѣевича передъ Россіею и русскою жизнью заключается въ томъ, что онъ выковалъ изъ себя личность, и притомъ крупную личность, съ которой приходится и приходилось считаться всякимъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ и недругамъ Россіи, какъ приходится считаться со всякимъ богатыремъ, хотя бы и богатыремъ не по плоти, а богатыремъ нравственнаго и духовнаго міра. „Что скажетъ Аксаковъ"? Такой вопросъ имѣлъ великое значеніе и въ частной, и въ общественной жизни, ибо всѣ знали, что онъ скажетъ правду и притомъ свою правду, правду, въ которой онъ убѣжденъ, которою онъ живетъ и руководствуется, а не произноситъ только какъ прописную мораль, какъ сочетаніе мертвыхъ буквъ. Правда же, какъ извѣстно, колетъ глаза, а потому естественно является могучей силой. Но только личность и притомъ цѣльная личность можетъ и способна говорить правду. Не даромъ же и самъ Аксаковъ въ вдохновенныхъ статьяхъ „Дня" проповѣдывалъ „право правды", а равно и свободу слова и совѣсти, составляющую непреложное основаніе этого права, гранитъ, на который она опирается. Только, будучи духовно, внутренно свободнымъ, Аксаковъ могъ говорить эту правду, вѣрить въ безусловную мощь ея и силу. „Право правды" было основнымъ девизомъ всей его проповѣди. Свобода совѣсти и свобода слова не имѣли никогда лучшаго чѣмъ онъ апологета; онъ желалъ, чтобы безбоязненно и искренно, т. е. свободно во всѣхъ отношеніяхъ говорила и высказывалась вся Россія для того, чтобы правда являлася торжествующей и владычествующей. Не бояться же правды можетъ только тотъ, кто вѣруетъ безусловно и непосредственно, а безусловно и непосредственно вѣровать можетъ только тотъ, кто весь, такъ сказать, выковался изъ одного куска.

Какъ же выработался И. С. Аксаковъ такимъ, какимъ мы его знаемъ, такимъ, какимъ въ концѣ концовъ застаемъ мы его на поприщѣ служенія русской жизни и русскому слову?

Сынъ художественно-чуткаго Сергѣя Тимофеевича Аксакова, братъ пламеннаго по духу историкопублициста и мыслителя Константина,—Иванъ Сергѣевичъ съ самаго ранняго дѣтства вращался, такъ сказать, въ самомъ горнилѣ кипучей литературной дѣятельности послѣ-пушкинскаго періода, жилъ всѣми скорбями и радостями великой и дружной тогда литературной семьи. Едва сойдя съ ученической скамьи школы правовѣдѣнія, онъ уже примкнулъ къ литературнымъ кружкамъ, къ которымъ принадлежали отецъ и братъ его, дышалъ воспоминаніями о Пушкинѣ, слушалъ Жуковскаго, привѣтствовалъ Гоголя... Рано почувствовалъ онъ въ себѣ поэтическое призваніе, но не скоро и не вдругъ выступилъ открыто съ поэтическими своими произведеніями. Первые плоды энергической музы его обнаруживаютъ въ немъ уже готоваго и рѣзко и характеристично опредѣлившагося человѣка. Внутренняя духовная работа очевидно предшествовала задолго попыткамъ внѣшняго выраженія. Въ этомъ отношеніи онъ исполнилъ только великій завѣтъ другаго близкаго ему по духу и отношеніямъ, хотя и старѣйшаго его годами поэта. И. М. Языкова.

Когда въ тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный виденъ даръ,—
Могучей рѣчи снѣгъ и жаръ
И огнедышащее слово,—
Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ поэта!

Такъ выступилъ на поэтическое служеніе Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. У него все было уже подготовлено къ подвигу и переполненная душа не могла уже болѣе молчать. Суровымъ паѳосомъ звучали пѣсни его музы, потому-что выражавшееся словомъ было пред-

варительно прочувствовано, выстрадано, пережито самимъ пѣвцомъ, а жить приходилось ему въ тяжелое, суровое время. Юношеской энергіей и прямолинейностью сурового стоицизма дышатъ первыя его стихотворенія.

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня, какъ
мечъ тяжелый,
Твой жесткій, непривѣтный стихъ,
Съ глубокой скорбью я внимаю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Такъ писалъ когда-то къ молодому еще И. С. Аксакову другой русскій поэтъ Яковъ Петровичъ Полонскій. Почти не иначе характеризуетъ истинную цѣль своего поэтическаго, а въ то же самое время и человѣчески-гражданскаго служенія и самъ И. С. Аксаковъ.

И всѣхъ тщеславныхъ обольщеній
Мятежъ корыстный усмиривъ,
Да будетъ святъ тебѣ призывъ
Одинъ лишь строгихъ побужденій!
Чтобъ, трезвымъ мужествомъ дыша,
Ты не робѣлъ судьбы безславной,
Чтобъ шелъ ты честно въ бой неравный,
Чтобъ ненавидѣла душа,—
Гдѣ-бъ ни былъ ты, въ глуши-ль невидной,
Иль на опасной высотѣ,—
При бодрыхъ силахъ совъ обидный,
Съ неправдой міра миръ постыдный,
Потворство лжи и суетѣ!

На такой суровый подвигъ, на такое ревностное служеніе призывалъ И. С. Аксаковъ и свою музу и самого себя. Поэзіи посвящены были первыя силы будущаго публициста, который прежде, чѣмъ стать „славянофиломъ", глубоко изучилъ богатую литературу запада. Зналъ наизустъ Гете и Шиллера и нѣшкомъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ поэтомъ Боденштедтомъ (авторомъ Мирза-Шафи и вноследствіи переводчикомъ Пушкина) обошелъ значительную часть Германіи. Иванъ Сергѣевичъ любилъ разсказывать, какъ (если не ошибаемся, въ Дюссельдорфѣ) причисленъ онъ былъ къ кружку молодыхъ нѣмецкихъ поэтовъ, носившему почему-то названіе „Саламандры", и засѣдалъ за столомъ, гдѣ въ серединѣ красовалось громадное деревянное изображеніе этого загадочнаго животнаго.

Но блужданіе по нѣмецкимъ землямъ не повліяло на чисто народный характеръ. Долгіе годы послѣ того застаемъ мы его пишущимъ огромную поэму „Бродяга", которая и и до сего еще времени осталась неоконченною и отъ которой только отрывки сдѣлались извѣстны русскому обществу. Всесильный въ тѣ времена гр. Закревскій тоже былъ заинтересованъ судьбами медленно подвигающейся поэмы. Вызванный къ нему Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ долженъ былъ выслушать внушительный выговоръ за то, что дерзнулъ сдѣлать „безпаспортнаго человѣка" героемъ поэмы. Въ этомъ и заключался великій преступокъ. Въ оправданіе сурового администратора мы должны прибавить, что первые стихи „Бродяги" написаны были гораздо раньше всѣхъ Некрасовскихъ опытовъ того же рода и, если не ошибаемся, раньше даже „Рыбаковъ" Григоровича, положившихъ начало тому, что называютъ въ настоящее время народническою литературой. Многія мѣста поэмы дышатъ положительною художественною красотою и этимъ отличаются отъ „Кому на Руси жить хорошо" Некрасова, по временамъ напоминающимъ складъ „Бродяги". Если не ошибаемся, гр. Закревскій внушительно воспретилъ молодому поэту продолжать свое опасное произведеніе. Отрывки поэмы продолжали бродить по рукамъ и послѣ этого внушенія. Впрочемъ, чего не могла сдѣлать всесильная воля администратора, то сдѣлало время. Поэма такъ и осталась недоконченною. Блеснувшая заря новой жизни, уничтоженіе крѣпостнаго права уничтожили существенную часть гражданской скорби, бывшей истинною вдохновительницею поэта. Съ уничтоженіемъ тяжелаго времени муза Ивана Сергѣевича замолкла, если и не умерла. „Моей музой былъ суровый строй всего времени, — говорилъ Иванъ Сергѣевичъ,—и эта муза умерла".

Но мы забѣгаемъ впередъ. Припомнимъ характеристику тяжелаго сурового времени, какъ ее дѣливалъ нерѣдко самъ И. С. Аксаковъ. Никогда не любившій Некрасова, И. С. съ уваженіемъ вспоминалъ всегда сдѣланную имъ характеристику эпохи,—

Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо,

и находилъ характеристику эту глубоко вѣрною и вполнѣ соотвѣтствующею дѣйствительности. Впрочемъ, по мнѣнію его, это трудное, тяжелое время имѣло и свое хорошее значеніе, играло и свою полезную роль. „Жизнь,— говорилъ онъ — искусственно вогнана была внутрь. Лишенныя возможности внѣшняго выраженія силы должны были крѣпнуть и развиваться внутреннею духовной работой". никогда, по мнѣнію И. С., не велись такія оживленныя бесѣды, такіе бурные споры и все по существеннымъ, хотя и отвлеченнымъ отъ непосредственной злобы дня вопросамъ, какъ имено въ это время. Въ этой-то внутренней работѣ и воспитались и выковывались тѣ крупныя силы, тѣ сильныя личности, которыхъ потомъ застала уже готовыми эпоха пробужденія. Понятно, что въ этомъ броженіи молодыхъ еще тогда силъ, не находившихъ себѣ примѣненія и простора, естественно долженъ былъ сказываться нѣкоего рода расколъ по отношенію къ той эпохѣ, которую приходилось переживать. Для однихъ единственнымъ исходомъ представлялось безусловное отчужденіе отъ строя текущей жизни, сохраненіе своей духовной чистоты упорнымъ отстраненіемъ себя отъ совершающейся дѣйствительности, посвященіе себя исключительно ожиданію. Такіе люди, подобно байроновскимъ героямъ, пушкинскому Алеко и гоголевскому Тентетникову, спасались бѣгствомъ для соблюденія гражданской своей чистоты, тратили время въ безплодной тоскѣ или искали возможности крупныхъ эффектныхъ подвиговъ, которые однако имъ не давались или которые пропадали безслѣдно. Ихъ девизъ выразилъ, въ сущности, Некрасовъ въ своихъ прекрасныхъ стихахъ:

И горды тѣмъ, что не вредимъ,
Мы ждемъ, авось поможетъ время.

Все это было остаткомъ байронизма на русской почвѣ. И этотъ-то байронизмъ былъ до невозможности противенъ душѣ Ивана Сергѣевича Аксакова, хотя, какъ видно изъ стихотвореній, байронизмъ этотъ, на русской почвѣ весьма легко переходящій въ тепетниковщину, постепенно закрадывался и къ нему въ душу и призывалъ его къ борьбѣ.

А впрочемъ мы, дворянской лѣнью
Врачуя совѣсти недугъ,
Святому истины служенью
Свой барскій жертвуемъ досугъ.
Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль къ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ.

Но и внѣшнія благороднѣйшія проявленія байронизма на русской почвѣ были ненавистны душѣ великаго публициста-гражданина. Мы помнимъ, съ какимъ восторгомъ Иванъ Сергѣевичъ слушалъ блестящую рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ съ его воззваніемъ: „Смирись, гордый человѣкъ“, съ его упоминаніями о любующихся собой и отдѣляющихся отъ общаго цѣлаго русскихъ байронистахъ, съ разъясненіемъ, или точнѣе, разоблаченіемъ пушкинскаго Алеко, уходящаго къ цыганамъ, чтобы освободиться отъ ненашстнаго строя, можетъ быть, „съ оброкомъ крѣпостныхъ мужиковъ въ карманѣ“. Мы помнимъ, какъ подъ силою впечатлѣнія Иванъ Сергѣевичъ отказывался произнести даже и собственную готовую уже рѣчь, теперь представлявшуюся ему блѣдной, и какъ только неумолкаемыя требованія публики заставили его прочесть ее уже на слѣдующій день... Можетъ быть, въ душѣ его рисовалась въ минуты эти картина того времени, когда онъ самъ стоялъ еще на распутьи двухъ дорогъ, когда онъ самъ въ раздумьи выбиралъ еще между „блестящимъ подвигомъ“ и „долгимъ трудомъ глухой борьбы“. Припомнимъ его стихотвореніе:

Въ былые дни поэта чаровалъ
Блаженства сонъ, эдемъ въ зеленой дали,
Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ,
И были намъ смѣшны его печали.
И, осмѣявъ его безсильный плачъ,
Я въ жизнь вступилъ путемъ иныхъ мечтаній:
Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній
Всѣ помыслы, всю силу, всю любовь
Направилъ я—и громъ далекій слышалъ...
Лгала и ты, о молодая кровь!
Исчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ.

И такъ, вотъ уже два пути оставлены въ сторонѣ суровымъ и трезвымъ раздумьемъ гражданина: — путь „безсильнаго плача“ и путь „блестящаго подвига“, „лукавыхъ порывовъ юности“, на которые мощно зоветъ обманчивый голосъ клокочущей молодой крови.

И понялъ я, что спитъ желанный громъ,
Что вмѣсто битвъ, нерѣдко съ враждебными духомъ,
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухою гоняемся съ обухомъ.
И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла, и намъ взамѣну ихъ
Борьбы глухой достался подвигъ скучный.
Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни,
И юности лукавые порывы
Опасны намъ затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы.

А черезъ эту отрицательную критику,—критику, доставшуюся долгою внутреннею работою, душевною борьбою, обрисовался и новый, еще покрытый терніями и не представляющій внѣшней заманчивости, путь.

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка,
Сгораетъ въ немъ восторга скорый пламень:
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка;
Онъ точитъ дубъ, долбитъ и капля камень.

По этому-то пути и пошелъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ и, благодаря этому-то именно пути, имъ избранному, и былъ онъ именно тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, т. е. могучею личностью, крупнымъ богатыремъ, который дѣйствуетъ и оказываетъ вліяніе уже и тѣмъ однимъ, что существуетъ,—богатыремъ, которому не легко далась его вѣра.

Онъ переспилъ въ себѣ плачъ, которому суждено было на вѣкъ остаться безсильнымъ и который потому уже казался ему смѣшнымъ, онъ пережилъ и переработалъ въ себѣ голосъ „молодой крови“, манившей на подвигъ блестящій и эффектный, познавалъ его „лукавство“, въ томъ именно и заключавшееся, что оно прельщаетъ созерцавіемъ себя въ качествѣ героя, побуждаетъ такъ или иначе любоваться собою, созерцать самого себя. Онъ осуждалъ „лукавые порывы“ юности именно потому, что всѣ они—

„Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы,“
а жизнь требуетъ не художественнаго наслажденія, быстро задуманными, воспрянными и исполняемыми рѣшеніями, а медлительной, упорной энергіи. Какъ твердый боренъ, какъ неустанный работникъ выступилъ онъ

На долгій трудъ, на подвигъ червяка,
проникнувшись твердою и горячею вѣрою, что
„Онъ точитъ дубъ, долбитъ и капля камень.“

Не плакать только о народѣ намѣревался Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, не мечтать о рядѣ такихъ идущихъ сверху преобразованій, которые, начавшись сверху, затронули бы, въ концѣ концовъ, въ общемъ переворотѣ и низшіе страдающіе слои; нѣтъ, онъ хотѣлъ войти такъ или иначе въ сѣрую, неприглядную жизнь этого страдающаго, закрѣпощеннаго, всѣми позабываемаго русскаго народа, чтобы раздѣлить по крайней мѣрѣ нравственно его страданія и нравственныя, и физическія. Такъ приступилъ онъ „въ глушь невидной“ къ пенсенію тяжелыхъ, неэффектныхъ и неприглядныхъ въ то время обязанностей гражданина. Гдѣ же совершались эти подвиги или, точнѣе, этотъ постоянный, этотъ непрерывный подвигъ гражданскаго муже-

ства? — Въ уголовной палатѣ. Иванъ Сергѣевичъ опредѣлился на службу въ уголовную палату для того, чтобы, какъ говорится теперь, идти въ народъ, для того, чтобы раздѣлить его страданія и его скорбь, для того, чтобы прочитывать до конца рѣдко кѣмъ прочитываемые акты, по которымъ онъ судился и былъ наказуемъ, для того, чтобы быть честнымъ тамъ, гдѣ не всѣ были честны, гуманнымъ тамъ, гдѣ не многіе были гуманны. Но каплямъ, понемногу приходилось облегчать страданія русскаго народа, ничтожными зернами приходилось сѣять вѣру въ правду и справедливость суда. Знавшіе Ивана Сергѣевича въ эту пору его дѣятельности, знаютъ, какъ томилась и мучилась молодая еще тогда душа его въ эту суровую эпоху и какъ онъ побороль въ себѣ чувство личнаго отвращенія, чтобы нести эту тяжелую службу, зная, что несеніемъ этого креста ему удается все-таки уменьшать количество обильно расточаемыхъ въ то время плетей, пролагать хотя ничтожный просторъ правдѣ и справедливости. Извѣстная литературному міру Авдотья Петровна Елагина послала ему въ этотъ періодъ его добровольнаго отчужденія отъ Москвы мраморное распятіе, на которомъ ликъ облеченнаго терновымъ вѣнцомъ Спасителя представлялся ей особенно хорошо выражающимъ глубь нравственнаго страданія. Въ письмѣ, которымъ сопровождалась эта посылка, Авдотья Петровна писала, что взирая на этотъ ликъ представителя высшаго страданія на землѣ, она всегда вспоминала о тѣхъ внутреннихъ мукахъ, о той нравственной пыткѣ, которую приходится переживать Ивану Сергѣевичу на поприщѣ добровольнаго его служенія. Прочувствованнымъ стихотвореніемъ отвѣчалъ ей Аксаковъ на это посланіе *).

*) А. П. Елагиной.

Душевныхъ тайнъ не прозрѣвая,
Ея не вѣдая путей,
Не разъ одинъ хвала людская
Взмутила глубь души моей.
Больнѣй хулы, больнѣй упрека
Знучитъ, увы, мнѣ съ давнихъ поръ
Обидной колкостью намека
Хвалебный каждый приговоръ!
Мнѣ вѣдомъ міръ, никѣмъ не зримый
Души и сердца моего,
Весь этотъ трудъ и поднигъ мнимый,
Весь этотъ дризгъ неуловимый
Со всѣми тайнами его...
Съ какимъ же страхомъ и волненьемъ
Я даръ завѣтный увидалъ
И предъ святымъ изображеньемъ,
Какъ передъ грознымъ обличеньемъ,
Съ главой поникшею стоялъ!
Но я съ болѣзненной тоскою,
Съ сознаньемъ немощей земныхъ,
Я не горюсь за чистотою
Всѣхъ тайныхъ помысловъ монхъ!
Стыжусь бодрить примѣромъ Бога
Себя, бродящаго во мглѣ!
Пусть приведетъ меня дорога
Ходъ до ничтожнаго итога
Случайной пользы на землѣ.

За два года тому назадъ до своей кончины онъ самъ вспомнилъ еще разъ это трудное время въ превосходной статьѣ о старомъ и новомъ судѣ въ Россіи—статьѣ, представляющей одинъ изъ самыхъ сильнѣйшихъ аргументовъ въ упорной политикѣ о правѣ на существованіе современнаго суда.

Но не легко было жить, служить, дѣйствовать и быть гражданиномъ въ это тяжелое время. Казалось, всякая энергія должна была ослабнуть при относительной безплодности всякихъ усилій; всякая вѣра въ полезность и животворность труда должна изсякнуть и прекратиться и уступить мѣсто тоскѣ и чувству внутренняго неудовлетворенія. Тоска дѣйствительно начинаетъ закрадываться въ душу труженика, но онъ еще борется съ нею, еще осуждаетъ ее и силится прискать ей объясненіе.

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ...
Необъяснять бездѣйствіемъ постылнымъ
Мою тоску. Какъ труженикъ, умѣлъ
Бороться я...

И онъ дѣйствительно боролся и черпалъ въ вѣрѣ своей все новыя и новыя силы. Ему казалось, что энергія слабѣетъ только по его собственной волѣ, что онъ виноватъ самъ, что онъ причастникъ общаго зла, царящаго наружи. Скорбь наболѣвшей души, принимая характеръ самоосужденія, выливалась въ стихахъ вродѣ напр. слѣдующихъ:

Все то, что жарко ненавидѣлъ,
Всю власть общественнаго зла,
Въ себѣ самомъ я съ дѣтства видѣлъ,
Во мнѣ самомъ она жила *).

*) Отвѣтъ.

Я знаю,—въ часъ тоски тревожной
Мой жесткій стихъ тебя смутилъ,
И ты хвалой неосторожной
Мои стремленья оскорбилъ.
Ты міръ души не видишь тайный,
Ты за вседневный принялъ строй
Восторга мигъ необычайный,
Порывъ поэзіи живой.
Нѣтъ! Пусть дары ея высоки,
Но даже лучшіе жрецы
Во храмѣ—вѣщіе пророки,
Внѣ храма—жалкіе слѣпцы!
Пускай поэтъ—небесъ избранникъ,
Но, къ долу спидя съ высоты,
Онъ снова узникъ, рабъ и данникъ
Страстей и мелкой суеты.
Все то, что жарко ненавидѣлъ,
Всю власть общественнаго зла
Въ себѣ самомъ я съ дѣтства видѣлъ—
Во мнѣ самомъ она жила!—

Но осуждая себя, поэтъ такъ говоритъ о своей бодрой и сильной музѣ

Но никогда на гибель брата,
Неправдѣ въ честь, во славу зла,
Она наперсницей разврата
Въ моемъ паденьи не была;
Порока темное жилище
Не огласилъ веселый стихъ...
Ее хвали: умнѣй и чище
Она и дѣлъ и чувствъ монхъ!

Но иногда наступаютъ и минуты полнаго отчаянія, минуты, когда сомнѣнія въ полезности продолженія борьбы всецѣло овладѣваютъ душою утомленнаго борца. Въ одну изъ такихъ минутъ—когда именно и въ силу какихъ обстоятельствъ наступила и получила осуществленіе свое эта минута, мы рѣшить не беремся — борецъ уже, казалось, готовъ былъ оставить борьбу, выпустить изъ рукъ свое оружіе, сдѣлать свое отступленіе даже и всеобщимъ лозунгомъ для тѣхъ немногочисленныхъ людей, которые подобно ему „долгимъ трудомъ“ „въ глуши невидной“ старались споспѣшествовать великому дѣлу и, быть можетъ, стать предтечами общаго обновленія. Въ рѣшительныхъ, энергическихъ стихахъ выражается эта горестная рѣшимость.

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ.
Слабѣйте силы,—вы не нужны,
Засни ты, духъ,—давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра.
Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней,
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!
Такъ сокрушись души гордыня,
Въ борьбѣ неравной ты падешь,
Сплошнаго зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!..
Ликуй же ложь и насъ безумцевъ
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!
Слабѣйте-жъ силы, вы не нужны!
Засни ты, духъ,—давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Но истинная сила надолго ослабѣвать не можетъ. Аксаковъ работаетъ въ Бессарабіи надъ устройствомъ крестьянъ, Аксаковъ по порученію правительства собираетъ свѣдѣнія о старообрядцахъ и изготовляетъ большую, тщательно разработанную и, какъ мы слыхали, въ высшей степени художественно изложенную докладную записку о расколѣ. Черновая этой записки была, насколько намъ извѣстно, затеряна Иваномъ Сергѣевичемъ и только отрывокъ изъ нея былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатавъ въ Русскомъ Архивѣ,—именно „о бродяжничествѣ“. Въ это же самое время Иванъ Сергѣевичъ, по порученію географическаго общества, объѣзжаетъ южную Россію и изготовляетъ трудъ „о ярмаркахъ въ Малороссіи“, удостоенный золотой медали. Объ этомъ-то трудѣ или, точнѣе, о художественномъ предисловіи къ нему недавно вспоминалъ одинъ изъ близкихъ къ Ивану Сергѣевичу людей, знавшій его еще съ измолоду, Н. П. Гиляронъ-Платоновъ. Приводимъ цѣликомъ это характеристическое воспоминаніе.

„Припоминается и еще вечеръ,—нѣтъ, это было днемъ,—когда изслѣдователь, окончивъ предисловіе къ своему статистическому труду, читалъ его въ кругу близкихъ, а вѣчно-памятный родитель его, Сергѣй Тимофеевичъ, бывшій въ числѣ слушателей, вѣчно-юный, несмотря на свои семидесятые года, всегда отзывчивый, восторженный, отозвалъ пишущаго эти строки, среди самаго чтенія, въ другую комнату. „Вы запомните это слово, запомните—сказалъ онъ,—Иванъ будетъ великимъ писателемъ, великимъ!“ Старца поразила основательность и глубина изслѣдованія; поразило въ особенности мастерство, съ какимъ поэтъ (а только поэтомъ числился пока его сынъ въ литературѣ) справился съ сухимъ предметомъ, съ данными, состоявшими изъ мертвыхъ цифръ, и умѣлъ освѣтить ихъ не только точно, но и художественно.

Но вотъ тяжелая година наступила для Россіи; всеобщая скорбь была новымъ призывомъ для Аксакова. Севастопольская война увидала Ивана Сергѣевича въ числѣ первыхъ ополченцевъ. Но не театральныя наслажденія битвы прельщали его. Иванъ Сергѣевичъ является казначеемъ московской дружины и изумляетъ міръ или по крайней мѣрѣ Россію мужествомъ честности. Вездѣ и во всемъ у него остаются и сберегаются суммы при полномъ, разумѣется, небываломъ удовлетвореніи ополченцевъ, за которыхъ дивный казначей готовъ, кажется, положить свою душу. Командующій московскимъ ополченіемъ даже не рѣшился подписать отчетъ, представленный изумительнымъ казначеемъ, ибо отчетъ этотъ былъ въ силу экономіи и великихъ сбереженій почти обвинительнымъ актомъ для многихъ другихъ. Такъ этотъ отчетъ и остался неподписаннымъ и не возымѣвшимъ движенія, несмотря на упорныя настоянія Аксакова. При черномъ извѣстіи о мирѣ Иванъ Сергѣевичъ оставилъ дружину и воротился въ Москву, но въ маѣ того же года былъ приглашенъ княземъ Викторомъ Илларіоновичемъ Васильчиковымъ принять участіе въ слѣдственной комиссіи, назначенной по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны, для чего и отправился въ Крымъ; однакожъ, не дождавшись конца комиссіи, возвратился въ декабрѣ 1856 г. въ Москву.

Очистительные севастопольскіе громы начали оказывать свое вліяніе на внутренней жизни Россіи. Россія вздохнула свободнѣе. Началась заря новой жизни. Кто же энергичнѣе и восторженнѣе Ивана Сергѣевича привѣтствовалъ появленіе этого свѣта? Припомнимъ его мощные стихи:

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни шепотъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ дышетъ день.

Такъ могъ говорить и писать только тотъ, кто въ свое время испыталъ всю тягость мрака и не бѣжалъ отъ него, не старался спрятаться отъ него и укрыться, не удовле-

творился выраженіемъ ему своей ненависти и презрѣнія, но жилъ въ немъ и дѣйствовалъ, и сохранялъ, и увеличивалъ въ немъ свои силы.

Съ этого-то времени начинается собственно литературная и публицистическая дѣятельность Ивана Сергѣевича Аксакова. До сихъ поръ онъ былъ еще только случайнымъ поэтомъ, слагавшимъ стихи тогда, когда не могъ молчать подъ наплывомъ мыслей, ищущихъ выраженія. Теперь всякая другая дѣятельность, всякое другое служеніе уже всецѣло имъ оставляются. Онъ дѣлается исключительно служителемъ слова, такъ какъ ожидающее уже освобожденія своего слово становится въ глазахъ его порогомъ къ дѣлу, если и не самымъ еще дѣломъ вообще.

Впервые застаемъ мы Ивана Сергѣевича сотрудникомъ и совѣтникомъ „Русской Бесѣды", негласнымъ редакторомъ ея во время двоекратнаго отъѣзда Ал. Ив. Кошелева. Въ 1858 г. онъ получаетъ дозволеніе издавать газету „Парусъ", но судьба не хотѣла продолжить существованіе энергическаго этого органа; „Парусъ" долженъ былъ прекратиться съ появленіемъ втораго нумера. Съ редакціонной дѣятельностью пришлось на время проститься. Дѣятельность въ „Русской Бесѣдѣ" и основаніе „Паруса" сблизили, однако, Ивана Сергѣевича съ жизнью и представителями славянскаго міра. Весь 1860 г. посвященъ разъѣздамъ по славянскимъ землямъ. Богатый запасъ этнографическаго и всякаго другаго матеріала привозитъ въ Москву неутомимый работникъ. Онъ изучилъ славянство точно такъ же, какъ изучилъ въ свое время, разъѣзжая по малороссійскимъ ярмаркамъ, совокупность торговыхъ интересовъ Россіи, какъ изучилъ расколъ, составляя докладную о немъ записку, какъ изучилъ скорбный листъ тяжелыхъ невзгодъ и страданій русскаго народа по свѣдѣніямъ о его судимости.

Вернувшись изъ заграницы, И. С. Аксаковъ началъ издавать (1861—1863) „День", въ которомъ пришлось ему привѣтствовать всѣ свѣтлыя реформы прошлаго царствованія въ самомъ первичномъ ихъ возникновеніи или завершеніи. За „Днемъ" слѣдовала „Москва", въ которой выразилась вся широкая натура Аксакова и вмѣстѣ съ тѣмъ вся многосторонность его свѣдѣній о Россіи, о ея нуждахъ и потребностяхъ. Во время пріостановокъ „Москвы" вышелъ „Москвичъ". Наконецъ „Москва" совершенно прекратилась.

Съ этого времени тяжело было положеніе обреченнаго на бездѣйствіе или, говоря словами поэта, „казненнаго мученіемъ покоя" Ивана Сергѣевича. Его тяготили, какъ Илью Муромца, его еще бодрыя, не имѣющія возможности быть примѣненными силы. Онъ пытался продолжить и закончить своего „Бродягу", но чувствовалъ, что приходится искусственно подогрѣвать прежнее чувство. Были, кажется, попытки возобновить литературную дѣятельность и на другомъ поприщѣ, но онѣ оказались не болѣе успѣшными. Оставалось только исподволь приводить въ порядокъ и отчасти дѣлать общественнымъ достояніемъ богатое наслѣдство—богатый архивъ литературной семьи Аксаковыхъ. Впрочемъ, за этотъ періодъ насильнаго молчальничества, Иванъ Сергѣевичъ два раза брался за перо: одинъ разъ для того, чтобы написать открытое письмо къ главѣ старокатолическаго движенія въ Германіи, знаменитому богослову Деллингеру, другой—чтобы обогатить русскую литературу необыкновенно художественной монографіей своего тестя Ѳ. И. Тютчева.

Смерть М. П. Погодина сдѣлала Ивана Сергѣевича предсѣдателемъ московскаго славянскаго комитета, впослѣдствіи обратившагося въ Славянское Благотворительное Общество, въ 1878 г. прекратившаго свое существованіе. Новое поле дѣятельности исподволь открылось для утомленнаго долгимъ бездѣйствіемъ Ивана Сергѣевича. Событія въ Босніи и Герцеговинѣ, сербское заступничество, а затѣмъ и русско-турецкая война еще болѣе выдвинули и расширили дѣятельность неутомимаго работника-публициста. Въ первый разъ пришлось ему встрѣтиться лицомъ къ лицу съ своею Россіей и опознаться съ ней и получить отъ нея силу и благословеніе. Ему пришлось увидать на дѣлѣ, какъ онъ и высказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что тѣ интересы и симпатіи, которые представлялись когда-то симпатіями и интересами одного тѣснаго кружка, надъ которыми смѣялись, которыми пренебрегали, являются симпатіями и интересами всей Россіи, находятъ себѣ отголоски въ далекихъ степяхъ и окраинахъ, на Дону, за Волгою, за Ураломъ, составляютъ выраженіе одного общаго народнаго чувства,—выраженіе, въ которомъ узнаетъ себя вся Россія. Могучимъ народнымъ трибуномъ заговорилъ съ того времени И. С. Аксаковъ...

Но Славянское Благотворительное Общество покончило свое существованіе. Снова тяжелый ударъ для И. С., снова обреченіе на томительное бездѣйствіе, на мучительный покой.

Но мучительному покою на этотъ разъ не суждено было быть продолжительнымъ; томительное молчальничество продолжалось недолго. „Аксаковъ снова издаетъ журналъ",—заговорили повсюду друзья и недруги, и Аксаковъ выступилъ съ „Русью"—„личнымъ его органомъ", какъ гласило самое объявленіе. По широтѣ своихъ воззрѣній „Русь" была уже „Москвы", когда-то произведшей такое громадное вліяніе; огорченность заставляла редактора ея слишкомъ полемически относиться къ многимъ проявленіямъ текущей общественной жизни; на смѣну Юрія Самарина, Бабста, Чупрова и многихъ другихъ явились другія силы, другіе работники, къ сожалѣнію не способные замѣнить ихъ. Но голосъ самого Ивана Сергѣевича звучалъ все съ тою же силою, искренностью и задушевностью, какимъ привыкли его слышать читатели „Дня" и „Москвы", какимъ узнали его случайно обладатели двухъ единственныхъ нумеровъ „Паруса"; перо его выпало надъ недописанною статьею „Руси" такимъ

же смѣлымъ, энергичнымъ, чистымъ и благороднымъ, какимъ писало оно первыя юношескія его стихотворенія.

Миръ праху твоему, честный борецъ за „право правды“, за свободу совѣсти и слова, за чистоту и самостоятельность народнаго сознанія, за все, чѣмъ сложился, выросъ, окрѣпъ и долгіе еще годы будетъ расти и крѣпнуть русскій народъ! Вѣчная тебѣ память, неутомимый и неустанный труженикъ, истинный гражданинъ родной страны, преданнѣйшій сынъ Россіи! Миръ твоему праху, богатырь русской земли, предтеча будущихъ ея подвижниковъ.

Стихотвореніе А. Ѳ. Васильева:

Порабощеннымъ Славянамъ.

Мужайтесь, братья, въ дни невзгоды
И ждите съ вѣрою живой,
Что солнце правды и свободы
Взойдетъ надъ вашей головой!

***

Пока гнететъ, какъ смрадъ ненастья,
Славянства грудь пришельцевъ власть,—
Нѣтъ выше славянину счастья,
Какъ—въ снорѣ съ ними—грозно пасть.

***

Холопы нѣмцевъ, слуги злата,
Въ земляхъ славянскихъ править миръ;
Но царству лести и разврата
Идетъ на смѣну новый міръ!

***

Пахальной власти иноземцевъ
Въ славянствѣ близится конецъ:
Орду непстовую нѣмцевъ
Сломить поможетъ намъ Творецъ.

***

Онъ зритъ, Благой, нашъ плѣнъ и муки...
Да расточитъ Онъ царство тьмы!
Да укрѣпитъ нашъ духъ и руки,
Да вражью цѣпь расторгнемъ мы!

***

Нашъ красный Галичъ и Карпаты
Да внидутъ вновь подъ русскій кровъ!
Да міръ славянскій, въ цѣломъ взятый,
Живетъ безъ розни и оковъ!

***

Мужайтесь, братья, въ дни невзгоды,
За насъ Господь земли родной:
Какъ воскъ, растопитъ огнь свободы
Ярмо неволи роковой!

Статья А. А. Кирѣева:

О славянофильскихъ идеалахъ.

Одна изъ главныхъ задачъ нашего Общества состоитъ въ изученіи славянскаго міра, и въ опредѣленіи тѣхъ условій, при которыхъ, между нами, русскими, и остальными славянами можетъ произойти давно желанное, давно ожидаемое сближеніе, можетъ быть установлено единство стремленій и дѣйствій, направленныхъ къ достиженію тождественныхъ, общихъ цѣлей. Но во имя чего будемъ мы дѣйствовать, работать? Какіе наши принципы? Въ чемъ состоятъ тѣ идеалы, передъ которыми, имѣетъ со всѣмъ народомъ нашимъ, мы преклоняемся, которымъ мы служимъ? Это, мм. гг.,—не праздный теоретическій вопросъ, а, напротивъ, вопросъ весьма существенный, отъ рѣшенія котораго зависитъ вся наша дѣятельность. Чѣмъ яснѣе будемъ мы видѣть наши идеалы, чѣмъ глубже и полнѣе будемъ мы сознавать ихъ истину—тѣмъ лучше будемъ мы имъ служить, и тѣмъ съ большимъ правомъ будемъ мы на нихъ указывать нашимъ друзьямъ и единоплеменникамъ. На этихъ идеалахъ я позволю себѣ остановить ваше вниманіе, ограничивая нашу сегодняшнюю бесѣду собственно ихъ опредѣленіемъ, указаніемъ на нихъ. а равно и указаніемъ на неосновательность и несправедливость нѣкоторыхъ, направленныхъ противъ насъ, нареканій. Предварительно, однако, я считаю необходимымъ сдѣлать двѣ важныя оговорки. Мы, члены Славянскаго Благотворительнаго Общества, твердо вѣримъ въ наши идеалы и крѣпко держимся ученія нашей школы. При этомъ мы, конечно, не можемъ не желать, чтобы наши идеалы и взгляды на ихъ осуществленіе были приняты и другими славянскими народами, но мы отнюдь не желаемъ, чтобы они были имъ навязаны насильно; это было высказано нами не разъ, но намъ приходится повторять это, въ виду возводимыхъ на насъ обвиненій. Конечно, мы вѣримъ, что истинность нашихъ идеаловъ, „правда“ нашего исповѣданія будутъ когда нибудь признаны и всѣми остальными славянами, но мы надѣемся, что это признаніе будетъ совершенно добровольное. Мы конечно желаемъ духовнаго соединенія съ остальными славянами, но лишь соединенія совершенно свободнаго, ибо знаемъ, что насиліе, не говоря уже о его безнравственности, никогда не можетъ имѣть благихъ результатовъ.

Вторая моя оговорка относится къ самому характеру нашей бесѣды. Этотъ характеръ преимущественно принципіальный, теоретическій, зависящій, вирочемъ, и отъ характера нашего Общества, которое—есть преимущественно общество благотворительное и ученое. Конечно и самые принципы могутъ осуществляться лишь въ жизни; мнѣ придется поэтому коснуться и этой стороны вопроса, но лишь настолько, насколько это будетъ необходимо для подтвержденія, для освѣщенія нашихъ теорій.

Что же мы видимъ? Что представляетъ намъ жизнь?

Для человѣка, который не закрываетъ намѣренно глаза, который не старается не видѣть того, что около него происходитъ, очевидны два факта: на западѣ Европы совершается многознаменательный переворотъ, который едва ли не важнѣе пережитаго Европой въ концѣ минувшаго столѣтія: глубочайшія основы западнаго общества, и политическія, и общественныя, и нравственныя, поколеблены и распадаются, этика христіанства и этика спиритуалистической философіи замѣняются этикой невѣрія и матеріализма. Современная конституціонная монархія, эта мнимая панацея противу всѣхъ золъ — еле жива; она изнесилась, почва уходитъ изъ подъ ея ногъ, и она нехотя уступаетъ мѣсто новому порядку вещей, при которомъ властво-

вать будетъ уже не „сытый буржуа", а „голодающій рабочій"—представитель четвертаго сословія. Какой будетъ этотъ порядокъ или безпорядокъ (вѣроятно монархическая маска, уже и теперь сильно истертая, будетъ отброшена окончательно), какимъ образомъ дойдутъ до этого новаго порядка, путемъ ли крови и насилій со стороны четвертаго сословія, или путемъ добровольной уступки, со стороны третьяго — въ особенности, какимъ законамъ будетъ тогда подчинена собственность—сказать трудно; но что самый фактъ страшнаго переворота и соціальнаго и экономическаго неминуемъ—это ясно́е дня: переворотъ этотъ уже въ ходу.

Наше Славянское Благотворительное Общество не занимается политикой, поэтому я и не буду входить въ разсмотрѣніе затронутаго мною вопроса о будущности пролетаріата и собственности въ Западной Европѣ, и о невозможности, какъ надѣются на западѣ, устранить надвигающуюся бѣду экономическими мѣропріятіями. Я ограничусь лишь слѣдующимъ: отъ насъ, отъ Россіи экономическія затрудненія въ виду нашей громадной территоріи еще очень далеки, и мы можемъ на досугѣ подумать о средствахъ борьбы съ ними.

Кризисъ нравственный, переживаемый западомъ, менѣе замѣтный для поверхностнаго наблюдателя, въ сущности еще гораздо опаснѣе кризиса экономическаго. Онъ состоитъ въ томъ, какъ я уже замѣтилъ, что старая христіанская этика, которой руководствовалось и жило западное общество до послѣдняго времени, замѣняется новой, псевдо-этикой матеріализма. За недостаткомъ времени я не могу остановиться на этомъ, крайне интересномъ и крайне важномъ вопросѣ, и ограничусь лишь замѣчаніемъ, что, какъ нѣтъ и не можетъ быть матеріалистической философіи (ибо матеріализмъ есть не что иное, какъ отрицаніе всякой философіи) такъ и еще болѣе, нѣтъ и не можетъ быть матеріалистической этики. Вѣрующіе христіане, и между лютеранами и между католиками, стараются бороться противу усиливающагося на западѣ зла, но побѣда все болѣе и болѣе склоняется на сторону безвѣрія. Одна изъ главныхъ причинъ такого положенія дѣлъ—разъединеніе, окончательный разрывъ между государствомъ и Церковью, когда то соединенными. Правда, западное общество двигается еще, по инерціи, по той дорогѣ, на которую оно было поставлено Церковью, но разладъ уже наступилъ полный. Въ прогрессѣ разрушенія религіозныхъ идеаловъ бываютъ, правда, пріостановки; мужественные, убѣжденные голоса раздаются еще въ защиту вѣры, но они не могутъ удержать натиска разрушительныхъ теорій. Таково положеніе дѣлъ на западѣ.

Благодаря Богу, и эта болѣе опасная гроза намъ не страшна. У насъ нѣтъ не только вражды, но нѣтъ пока и разлада между государствомъ и Церковью. Наше государство и наша Церковь соединены между собою органически, неразрывно; будемъ надѣяться—вѣчно. Каждый изъ насъ чувствуетъ себя не только сыномъ своего отечества, но еще, и даже „первѣе", сыномъ своей Церкви; ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и борьбы между Церковью и государствомъ, вѣдь это была бы борьба съ самимъ собою, т. е. безсмыслица, и пока эта связь между ними останется неприкосновенною, крѣпкою, намъ нечего опасаться тѣхъ бѣдъ, которыя угрожаютъ западному обществу.

И такъ, мм. гг., то, что происходитъ на западѣ, насъ не касается, или касается лишь очень посредственно, но не таково наше отношеніе къ другому важному явленію, тоже происходящему у насъ передъ глазами, разумѣю—вступленіе славянскаго вопроса въ его окончательный фазисъ; онъ на очереди, онъ требуетъ рѣшенія. Какая же можетъ быть при этомъ наша роль, роль нашего Общества, не призваннаго заниматься политикою? Всмотримся поближе въ то, что происходитъ въ славянскомъ мірѣ, за нашими границами. Не проходитъ дня, чтобы мы не получали свѣдѣній о томъ, что міръ этотъ пробуждается, что онъ приходитъ къ самосознанію! Оживаютъ, послѣ вѣковой дремоты, послѣ тяжелаго вѣковаго сна, даже и самые темные, тихіе его закоулки. Пробуждается и чехъ, и сербъ, и хорватъ, и словакъ и червонно-руссъ; но пробуждается не только какъ чехъ, сербъ или русскій, а еще и какъ славянинъ, какъ членъ великой славянской семьи! Вотъ что особенно важно, особенно характерно въ этомъ движеніи! Да оно и понятно, только въ ясномъ сознаніи своей принадлежности къ этой великой семьѣ, ко всеславянству и можетъ каждый изъ насъ членовъ найти и нравственныя и матеріальныя силы для охраненія и развитія своей индивидуальности. Но мыслимо-ли, чтобы всѣ эти отдѣльныя части славянства достигли своихъ цѣлей внѣ нравственной связи съ Россіею, внѣ ея нравственной поддержки, въ особенности преслѣдуя различныя съ нею цѣли, преклоняясь передъ инными идеалами, враждебными нашимъ? Конечно нѣтъ! И чувство этой солидарности, этой необходимости тождественныхъ идеаловъ постепенно крѣпнетъ, постепенно выясняется и сознается даже тѣми, которые когда-то относились къ нему съ недовѣріемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того какъ усиливается это чувство солидарности славянскихъ племенъ, растетъ и ненависть къ нему, увеличиваются и преслѣдованія и гоненія со стороны общихъ нашихъ враговъ! И отовсюду, и отъ друзей нашихъ и отъ враговъ устремляются взоры на стоящаго въ раздумьѣ могучаго сѣвернаго брата, взоры любви и надежды, или страха и ненависти. Мм. гг.! всмотритесь въ эту картину, и скажите: можемъ-ли мы, согласно-ли съ нашимъ достоинствомъ, съ нашими нравственными обязанностями оставаться безучастными ко всему происходящему передъ нашими глазами!

Итакъ, еще разъ, „что же намъ дѣлать", намъ, членамъ скромнаго благотворительнаго ученаго общества? Въ чемъ, въ настоящее время, должна состоять наша дѣятельность?

Она должна главнѣйше состоять въ выясненіи, въ защитѣ нашихъ идеаловъ. Такая дѣятельность можетъ казаться нѣкоторымъ еще юнымъ или неопытнымъ людямъ слишкомъ незначительною, слишкомъ безцвѣтною. Это невѣрно, господа: ясное сознаніе своихъ идеаловъ—великая сила! Не они-ли служатъ основаніемъ всякой плодотворной дѣятельности, не они ли служатъ ей и исходною точкой и указателями ея пути? Не идеалами-ли держался и двигался весь міръ?! Держимся и двигаемся ими и мы! Тѣмъ-то, мм. гг., мы, русскіе, и сильны, что мы еще вѣруемъ въ идеалы, что мы не ограничиваемъ нашихъ стремленій одною „пользою", что мы еще знаемъ и памятуемъ, что „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ!"

Въ чемъ же состоятъ наши идеалы? Именно теперь и своевременно этотъ вопросъ и необходимо отвѣтить на него, необходимо и для насъ самихъ и для остальныхъ славянъ. Съ одной стороны—наша собственная дѣятельность требуетъ точныхъ и твердыхъ ясно формулированныхъ руководящихъ правилъ, съ другой ихъ требуютъ и остальные славяне, которыхъ мы призываемъ къ совокупной съ нами дѣятельности.

При самомъ основаніи нашего органа въ первомъ же № „Слав. Изв." (октябрь 1883 г.) нами было напечатано наше исповѣданіе вѣры; на эту „professio fidei" намъ приходилось указывать не разъ, но мѣрѣ того, какъ на нее появлялись критики, здѣсь или заграницей. Мы не считали себя вправѣ отмалчиваться и, кажется, не оставались въ этомъ отношеніи въ долгу у нашихъ оппонентовъ. Позволю себѣ снова остановиться на тѣхъ обвиненіяхъ, которыя повторялись наиболѣе часто, или которыя наиболѣе серьезны. Часто насъ обвиняли въ слишкомъ сдержанномъ тонѣ нашей программы и нашей полемики. Отсутствіе риторическихъ фигуръ, увлеченія и крѣпкихъ словъ принимается часто за отсутствіе и крѣпкихъ убѣжденій; но вѣдь тамъ, мм. гг., гдѣ приходится говорить объ основаніяхъ цѣлой сложной системы, должно говорить строго обдуманно, взвѣшивая каждое слово и отдавая себѣ отчетъ въ каждомъ выраженіи; тутъ нѣтъ мѣста для страстныхъ гиперболъ и метафоръ. Ежели-бы ваши критики попробовали сдѣлать строгій выводъ изъ нашей исповѣди 1883 года, подвести итогъ тому, что въ ней сказано, они увидѣли-бы, что нами не опущено ни одного слова изъ завѣщанія нашихъ предшественниковъ!

Перехожу къ болѣе серьезнымъ обвиненіямъ. Они распадаются на двѣ категоріи. Одни изъ нашихъ критиковъ говорятъ, что мы отвергаемъ всякій прогрессъ, что мы, какъ фарисеи, застыли, замерзли въ созерцаніи своихъ собственныхъ мнимыхъ достоинствъ и отсутствующихъ добродѣтелей, что мы не хотимъ никого ни знать, ни слушать; что мы не думаемъ о томъ, чтобы сдѣлаться лучшими, что у насъ не идеалы, а идолы, что мы сами именно и сдѣлались для себя этими идолами и на всѣ доводы о необходимости дальнѣйшаго развитія самодовольно отвѣчаемъ—„не нужно! мы и такъ хороши, мы и такъ лучше всѣхъ". Да, мм. гг., ежели-бы это обвиненіе было справедливо—оно было бы очень тяжко: къ счастію—оно лишено всякаго основанія. Именно это обвиненіе наименѣе нами заслужено. Источника его приходится искать въ томъ, что сами обвинители наши отыскали себѣ идола, и враждебно относятся ко всѣмъ тѣмъ, которые (какъ мы, напримѣръ), не желаютъ преклонять колѣна предъ ихъ заморскимъ или вѣрнѣе загорнымъ, ультрамонтанскимъ идоломъ. Изъ всѣхъ народовъ именно смиренный русскій народъ менѣе всѣхъ можетъ быть обвиненъ въ такомъ самовозношеніи, а въ средѣ русскаго народа менѣе всего заслуживаемъ это обвиненіе именно мы, славянофилы! Никогда не говорили мы, что „мы и такъ хороши, что мы и такъ лучше всѣхъ"; мы говорили совсѣмъ не то, а именно, что наши идеалы лучше всѣхъ другихъ идеаловъ, это вѣрно, это мы знаемъ, и въ это крѣпко вѣруемъ. Это мы и говорили всегда, и говоримъ, и думаемъ; а сами мы совсѣмъ не такъ хороши, какъ должны быть, и знаемъ, что именно для того, чтобы стать „лучше всѣхъ", чтобы стать въ уровень съ собственными нашими идеалами, намъ предстоитъ еще много, много поработать надъ самими собою, многому поучиться у другихъ народовъ, прошедшихъ тысячелѣтнюю строгую школу, поучиться хотя бы и у нашихъ враговъ. Наконецъ, мы никогда, и во снѣ не думали отказываться отъ пріобрѣтеній всечеловѣческой культуры и умѣемъ уважать ее не хуже кого бы то ни было! Гдѣ же тутъ самовосхваленіе?! Правда, мы при этомъ не забываемъ, что у насъ есть свое культурное начало—Православіе, что духовныя пріобрѣтенія другихъ народовъ не должны быть принимаемы нами безъ критики, и—такъ сказать—механически, какъ перенимаютъ обезьяны, но развѣ мы въ этомъ не правы? и гдѣ же тутъ самовосхваленіе? гдѣ же тутъ—„мы и такъ хороши! мы и такъ лучше всѣхъ!"

Но, мм. гг., не слѣдуетъ тоже и унижать настоящія свои достоинства, достоинства своего народа. Въ одномъ мы дѣйствительно „и такъ хороши", и дай Богъ, чтобы мы, въ этомъ отношеніи, таковыми и остались, именно въ томъ, что въ насъ еще крѣпка вѣра, на столько крѣпка, что мы еще способны на крестовые походы! Да, мм. гг., не далѣе какъ послѣдняя наша война—была для народа нашего именно крестовымъ походомъ—а на это ни одинъ изъ современныхъ европейскихъ народовъ не способенъ. До такой степени не способенъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ даже понять, не можетъ повѣрить, что изъ-за одного желанія спасти единовѣрцевъ и послужить Христу, въ концѣ XIX столѣтія, можетъ двинуться въ бой стомилліонный народъ, не можетъ повѣрить, что мы, что вся Россія готова стать крѣпкой стѣною и нести тяжелыя жертвы за дѣло, по мнѣнію заната, столь безполезное и столь фантастическое!

Да! въ этомъ отношеніи мы „и такъ хороши"! Пускай надъ нами смѣются разумные эгоисты запада, растерявшіе всѣ свои „безполезные"

идеалы и поклоняющіеся теперь лишь своему собственному я!

Главными, наиболѣе серьезными нашими критиками являются тѣ, которые, преклоняясь передъ тѣми же идеалами какъ и мы, утверждаютъ, что мы ихъ искажаемъ, вводя въ нихъ, противоположные имъ, и разрушающіе ихъ дополнительные элементы. Съ однимъ изъ нихъ я недавно обмѣнялся двумя полемическими статьями, которыя извѣстны читателямъ „Извѣстій Слав. Общества". Послѣдній мой отвѣтъ, по нѣкоторымъ причинамъ, не могъ еще появиться въ печати, но затронутый въ немъ вопросъ прямо входитъ въ область настоящей нашей бесѣды и я позволю себѣ сообщить вамъ, мм. гг., нѣсколько выдержекъ изъ моего отвѣта. Не сомнѣваюсь, что останусь при этомъ въ единомысліи съ Совѣтомъ нашего Общества.

Я говорилъ *): религіозныя и политическія основанія, идеалы, которыхъ мы оба придерживаемся, совершенно тождественны; они выражаются тремя словами: „Православіе", „Самодержавіе", „Народность". Тоже самое сказано и въ „изложеніи нашихъ принциповъ" окт. 1883. Идеалы наши: Православіе, заключающее въ себѣ наши этическіе взгляды, самодержавіе, выражающее наши взгляды политическіе, и то и другое неразрывно связанное съ русскою народностію, которая служитъ имъ сферою дѣйствія, и которымъ они служатъ высочайшимъ выраженіемъ. Такова неизмѣнная, исконная формула славянофильскаго ученія. Она живетъ, хотя въ неясныхъ очертаніяхъ, какъ скрытая великая сила, какъ „vis latens" въ сердцѣ русскаго народа, по крайней мѣрѣ въ сердцѣ всѣхъ тѣхъ, которые не порвали нравственной связи съ своей родиной, не позабыли ея исторіи и остались вѣрными ея священнымъ преданіямъ; однимъ словомъ, для тѣхъ, для которыхъ Россія—все еще „Святая Русь",—а такіе составляютъ, слава Богу, громаднѣйшее, подавляющее большинство среди нашего народа. Осуществленія этой формулы русскій народъ ожидаетъ отъ своего Державнаго Вождя; по этому пути онъ готовъ слѣдовать за Нимъ на край свѣта; для достиженія цѣлей, намѣченныхъ этой формулой, онъ готовъ радостно жертвовать Царю своему и своею кровью и своимъ достояніемъ.

Съ такой постановкой вопроса согласенъ и мой оппонентъ; но онъ идетъ далѣе: онъ настолько объективенъ, что признаетъ за славянофилами еще ихъ великую заслугу „въ томъ, что они выразили формулу русской православной Церкви и указали на нее, какъ на наше культурное начало, въ противуположность протестантизму и католичеству; это и было

*) Тѣмъ, которые не читали моихъ первыхъ статей о славянофильскихъ идеалахъ, и незнакомы съ началомъ нашей полемики, я считаю нужнымъ представить краткій выводъ изъ моихъ возраженій моему оппоненту, относящихся до вопросовъ о православіи и о народности. Въ этихъ статьяхъ я утверждалъ, что ни идея православія, ни идея племеннаго родства не могутъ останавливаться на полъ-дорогѣ, останавливаться передъ политическими границами государства, что онѣ должны ихъ переступить, ибо иначе онѣ не достигаютъ своего логическаго развитія, не могутъ осуществиться, не только вообще, но и у насъ дома.

О Церкви я говорилъ: И мой оппонентъ, и я признаемъ, что православная Россія должна охранять интересы православной Церкви. Но гдѣ православная Церковь? Она всюду, гдѣ живутъ православные. Одинъ изъ ея отличительныхъ признаковъ—ея вселенскость, ея каѳоличность! Какимъ же образомъ могли бы мы охранить интересы православной нашей Церкви, отрѣшившись отъ солидарности съ православнымъ Востокомъ, съ православнымъ славянствомъ?! Вѣдь мы связаны съ нимъ органически, мы съ нимъ едино!.. ...Именно въ православіи и заключается залогъ самобытнаго духовнаго значенія Россіи, ея вселенско-историческаго призванія... жизненность Церкви зависитъ отъ взаимодѣйствія ея составныхъ частей другъ на друга, при полной ихъ солидарности. Можемъ-ли мы отдѣлиться отъ этой вселенской Церкви, выдѣлиться изъ общей ея жизни, не нарушая ея основнаго начала?!... Можемъ-ли мы оставаться равнодушными зрителями отчаянной борьбы за существованіе, нашей же, хотя и заграничной, православной Церкви, въ Босніи, въ Болгаріи, въ Червонной Руси и всюду, гдѣ ее притѣсняютъ, гонятъ?... Нѣтъ! Не можемъ, и не должны!

Сущность того, что я говорилъ о народности и о солидарности нашихъ интересовъ съ интересами нашихъ единоплеменниковъ, сводится къ слѣдующему: солидарность между членами славянскаго міра есть фактъ, котораго нельзя отрицать, мы чувствуемъ и сознаемъ нашу племенную общность. Мой оппонентъ говоритъ: намъ нечего спрашивать: „ce qu'en pensent les slaves"; нѣтъ, возражаю я, намъ очень не худо знать „ce qu'ils pensent" и „ce qu'ils font" и совершенно необходимо знать „ce qu'on en fait"—а—„on en fait des ennemis de la Russie". Да! изъ нихъ стараются выковать намъ враговъ. Вотъ этого мы и не должны допускать!.. міровыя событія не ждутъ: мѣсто руководителя судьбами христіанскаго Востока не занятымъ не останется; если его не займетъ Россія и ея Державный Вождь, настоящій „добрый пастырь"—то его займутъ пастыри самозванные, которые его обезличатъ, и поведутъ не по пути истины, а по пути погибели, и въ концѣ концовъ поведутъ противъ насъ! Востокъ не можетъ оставаться нейтральнымъ, онъ не можетъ идти самостоятельно, и если его не поведемъ мы, то его поведутъ и его и наши враги! Кто будетъ этотъ врагъ, этотъ самозванный вождь? это безразлично, но вѣрно то, что онъ найдется, и тогда намъ придется извлекать мечъ уже для самозащиты!

Въ особенности я наставилъ на томъ, что при всѣхъ этихъ „комбинаціяхъ" Россія не должна насиловать совѣсти и мнѣній другихъ народовъ, не должна навязывать имъ ни своихъ жандармовъ, ни своихъ Landerbank'овъ, въ особенности не должна и помышлять о какихъ бы то ни было „порабощеніяхъ", „аннексаціяхъ", и т. п. Наконецъ я доказывалъ, что всего этого можно достигнуть не втягивая наше отечество въ войну и лишь твердо и неуклонно преслѣдуя намѣченныя цѣли. Таково было начало нашей полемики.

исходною точкою нашего національнаго обновленія". Но, продолжаетъ онъ, оставалось найти формулу для русскаго православнаго государства—и славянофилы ее не нашли. Меня же собственно мой оппонентъ обвиняетъ въ томъ, что я, принявъ совершенно вѣрную исходную формулу, исказилъ ее въ дальнѣйшемъ ея развитіи, введя въ нее элементы, ей самой противорѣчащіе. Постараюсь на это отвѣтить, но прежде я долженъ сдѣлать одно замѣчаніе. Заслуга славянофильской школы неоспорима, мнѣ кажется, еще и въ другомъ отношеніи: никто сильнѣе насъ не выдвигалъ идеи національности, не выставлялъ такъ опредѣленно правъ народности, никто такъ убѣжденно не указывалъ на нее, какъ на краеугольный камень нашей внутренней и внѣшней политики. Я нисколько не намѣренъ умалять заслугъ, въ этомъ отношеніи, отдѣльныхъ личностей, не прямо принадлежащихъ къ нашимъ единомышленникамъ, но—какъ школа, именно школа славянофильская должна считаться представительницею идеи народности; а вѣдь эта идея выросла теперь настолько, что признается руководящею въ рѣшеніи международныхъ вопросовъ, даже тѣми, которые относятся, или еще очень недавно относились къ ней совершенно отрицательно и даже враждебно. Да, еще очень недавно „народничество" считалось чѣмъ-то темнымъ, ненозволительнымъ, даже смѣшнымъ! Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ салонахъ и теперь еще смѣются надъ „ces Narodniks", но теперь ужъ лишь въ тѣхъ, въ которыхъ думаютъ, что венгры—православные славяне, а румыны—католики. Намъ же, славянофиламъ, принадлежитъ починъ и въ другомъ дѣлѣ. Наша школа первая обратила вниманіе на то, что Западная Европа стоитъ надъ пропастію, что западъ „гнилъ". Надъ этимъ выраженіемъ („гнилой западъ") много смѣялись, увлекаясь внѣшнимъ могуществомъ запада, блестящей стороной его культуры. Но когда и на самомъ западѣ начали раздаваться голоса, повторяющіе ту же мысль, притомъ голоса авторитетные именно на западѣ (назову для примѣра Прудона или Ренана), начали одумываться и у насъ.

Перехожу къ моему 3-му отвѣту.

На наши соціальныя теоріи нападаютъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ; уже одно это обстоятельство говоритъ въ ихъ пользу, не даромъ гласитъ поговорка „Veritas in medio sta"—правда находится посреди (двухъ крайностей). На насъ нападаютъ съ одной стороны представители западнаго абсолютизма, выразившагося такъ ярко и характерно въ знаменитомъ отвѣтѣ молодаго Людовика XIV, которому напомнили о пользахъ государства: „L'Etat?—воскликнулъ онъ,—L'Etat—c'est moi" съ другой, и еще яростнѣе, поборники парламентаризма (конституціонализма). Мы же думаемъ, что эти крайнія политическія теоріи для насъ не пригодны, что даже и на западѣ онѣ уже осуждены, что ни та, ни другая изъ этихъ политическихъ системъ не выдержала строгаго и неумолимаго экзамена исторіи.

Абсолютная западная монархія, въ лицѣ своего послѣдняго представителя графа Шамбора, сошла въ могилу, съ чувствомъ безпомощной правоты (недавно отъ нея отрекся даже и Папа). Монархія конституціонная, парламентарная — неудержимо клонится къ республикѣ. И такъ, ни самодержавіе, не желающее знать народа, ни народо-державіе, не желающее знать монарха, не правы, по крайней мѣрѣ, у насъ, на Руси. У парламентаризма есть еще однако и за границей и у насъ, въ нѣкоторой части нашей „интеллигенціи", многочисленные представители, но и въ ихъ средѣ, особенно на западѣ, начинаютъ чувствовать непрочность настоящаго положенія, и тамъ уже ищутъ опоры отъ угрожающей опасности, но ищутъ именно тамъ, гдѣ найдутъ свою конечную погибель—въ дальнѣйшей демократизаціи и атомизаціи общества, именно въ объятіяхъ четвертаго сословія, которое стремится совсѣмъ не къ теоретическому равенству и платонической свободѣ, а къ весьма практической власти! Какъ „буржуазный" парламентаризмъ съѣлъ абсолютную монархію типа Людовика XIV, такъ и демократическая республика начинаетъ уже заѣдать и съѣстъ окончательно парламентаризмъ и временно связанную съ нимъ конституціонную монархію.

Разные фазисы этой борьбы, начавшейся очень давно, сопровождаются временными компромиссами между побѣжденными и побѣдителями; но всѣ эти компромиссы, выражающіеся въ конституціонныхъ хартіяхъ,—только временныя сдѣлки, не отвращающія, а лишь временно пріостанавливающія превращеніе монархіи въ демократическую республику. Наша исторія не представляетъ ничего подобнаго; она текла по собственному руслу, не имѣющему ничего общаго съ тѣмъ, по которому текла историческая жизнь запада; понятно, стало быть, что и перенесенныя къ намъ съ запада государственныя устройства, не имѣющія ничего общаго съ нашимъ прошлымъ, къ намъ не примѣнимы. У насъ монархія не была, какъ на западѣ, слѣдствіемъ завоеванія, стало быть у насъ нѣтъ и повода къ борьбѣ, нѣтъ стало быть и поводовъ къ компромиссамъ, премиріямъ, „хартіямъ". Въ подтвержденіе всему сказанному мною о парламентаризмѣ, я могу указать на современное положеніе Англіи, гдѣ вожди партій вынуждены искать успѣховъ и поддержки уже не въ стѣнахъ парламента и не у просвѣщенныхъ, высоко-культурныхъ представителей англійскаго народа, а на улицѣ, на митингахъ и у полуграмотной толпы; при этомъ, даже въ Англіи, гдѣ все же еще очень живы традиціи политической и общественной порядочности, гдѣ еще держится типъ настоящаго gentleman'a, посвящающаго свою жизнь парламентарной дѣятельности, даже въ этой консервативной и, скажу, чопорной Англіи на митингахъ происходятъ часто не только комическія, но и довольно гадкія сцены; конечно непріятно, жалко и смѣшно видѣть, какъ люди, признанные и по своему положенію и по своему

образованію, держаться независимо и честно, пресмыкаются передъ какимъ-нибудь другимъ лицомъ, отъ котораго ждутъ подачки разныхъ „благъ мірскихъ"; но еще непріятнѣе и грустнѣе видѣть такія же пресмыканія народныхъ вожаковъ передъ невѣжественной толпой, ими же обманываемой, презираемой и подкупаемой несбыточными, большею частію, обѣщаніями!

Для того, чтобы выяснить собственно нашъ славянофильскій взглядъ на этотъ вопросъ, я приведу, такъ сказать, оффиціальные документы нашего Общества. Вотъ что Славянское Общество писало въ своемъ адресѣ въ Бозѣ почившему Государю Александру Николаевичу *).

„Мы твердо вѣруемъ, что вопросъ славянскаго общенія, равно какъ и всего востока, въ конечныхъ цѣляхъ своихъ, есть вопросъ и высшаго объединенія духовнаго, есть вопросъ православія и великихъ судебъ его уже во всемъ человѣчествѣ. Ибо мы, вмѣстѣ съ великимъ народомъ нашимъ, вѣруемъ и въ то, что православіе, объединяясь въ народахъ его исповѣдающихъ, явитъ, и въ силахъ явитъ, въ концѣ концовъ, истинный и уже неискаженный ликъ Христовъ, даже всему остальному человѣчеству, измученному невѣріемъ и духовнымъ распаденіемъ своимъ. Вотъ хотя еще и отдаленное упованіе наше, но все же такое, которое мы исповѣдуемъ неразрывно съ народомъ нашимъ. Мы, наше Славянское Благотворительное Общество, стоимъ убѣжденно за самостоятельность русской мысли и національной силы нашей. А вмѣстѣ съ тѣмъ вѣруемъ и въ древнюю правду, искони проникшую въ душу русскаго народа: что Царь его есть и Отецъ его, что дѣти всегда придутъ къ отцу своему безбоязненно, чтобы выслушать отъ нихъ съ любовью о нуждахъ ихъ и о желаніяхъ ихъ, что дѣти любятъ отца своего, а отецъ вѣритъ любви ихъ, и что отношенія русскаго народа къ Царю-Отцу своему лишь любовно свободны и безбоязненны, а не мертвенно формальны и договорны. Мы познали, что восхотѣлъ народъ нашъ еще искони, и что въ этомъ образѣ отца и дѣтей заключенъ и весь смыслъ исторической связи русской земли съ ея монархомъ въ продолженіе уже столькихъ вѣковъ. А потому вѣруемъ и въ то, что на этой лишь связи, какъ на основаніи незыблемомъ, и можетъ быть восполненъ и законченъ строй всякихъ будущихъ преобразованій государства нашего, но мѣрѣ того, сколько будутъ они признаваемы необходимыми, ибо основаніе это есть живое и дѣйствительное, живущее въ сердцѣ народа, а не мечтательное и придуманное, не заимствованное изъ жизни чужихъ народовъ и съ чужаго голоса. Мы вѣримъ въ свободу истинную и полную, живую, а не формально договорную, свободу дѣтей въ семьѣ отца любящаго и любви дѣтей вѣрящаго, свободу, безъ которой истинно русскій человѣкъ не можетъ себя и вообразить..." Адресъ этотъ былъ принятъ въ Бозѣ почившемъ Государемъ благосклонно, съ выраженіемъ благодарности за высказанныя нами мысли и чувства.

Подобныя же мысли выражались нами и въ адресѣ, представленномъ нынѣ благополучно царствующему Государю, напримѣръ: „Мы твердо убѣждены, что лишь въ любовномъ единеніи Царя съ народомъ заключается наше спасеніе, а не въ какихъ-либо измышленныхъ и изчужа взятыхъ договорно-конституціонныхъ формахъ... Мы вѣруемъ, что истинные сыны Россіи стануть душею и сердцемъ на отеческія преданія..."

Наконецъ, въ 1-мъ № „Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества" (окт. 1883 г.), въ нашей религіозно политической „исповѣди" сказано слѣдующее:

„По нашему глубокому убѣжденію, самодержавіе, твердо вѣрящее въ себя, не боящееся лежащей на немъ тяжелой отвѣтственности, угадывающее стремленія и нравственныя потребности своего народа и ведущее его къ тѣмъ идеаламъ, которымъ онъ вѣритъ, конечно лучшая изъ всѣхъ формъ правительства (но крайней мѣрѣ для Россіи).

„Мы не только не желали бы видѣть умаленія самодержавной власти, а напротивъ, желали бы ея усиленія, въ особенности въ отношеніи ея способности узнавать дѣйствительныя нужды и желанія народа, а для сего, мы желали бы, чтобы она искала усиленія и дѣйствительно бы усиливалась отъ непосредственнаго соприкосновенія съ „землею", съ русскимъ народомъ. Однако, если бы, при какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствахъ, самодержавная власть сочла умѣстнымъ посовѣтываться съ своимъ народомъ (это бывало не разъ), мы бы желали, чтобы, прибѣгая къ такому средству, она не сочла нужнымъ поступиться при этомъ своими правами и обязанностями въ пользу какихъ-либо сословій или партій; такое самовольное отреченіе было бы преступленіемъ гораздо болѣе тяжкимъ, нежели принятіе ею самыхъ деспотическихъ мѣръ. Русскій народъ не ищетъ и не желаетъ никакого иного государственнаго устройства, онъ желаетъ лишь одного, чтобы Царю его были извѣстны его нужды и желанія, чтобы онъ имѣлъ возможность доводить о нихъ до свѣдѣнія своего Государя-Отца. Право или возможность такого обращенія къ верховной власти вытекаетъ изъ самаго взгляда русскаго народа на своего Царя; оно столь же священно, какъ и права дѣтей обращаться безъ страха и съ вѣрою къ ихъ родному отцу, безъ этого права, безъ такихъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ пониманіи и взаимной любви—и семейство и самодержавіе превращаются въ жесточайшую деспотію.

Въ какой мѣрѣ можно въ дѣйствительности приблизиться къ такому идеалу самодержавія на практикѣ, конечно, опредѣлить не легко. Здѣсь вопросъ ставится только принципіально.

Три вышеприведенныя справки указываютъ, кажется, съ достаточной ясностію въ чемъ, въ сущности, состоитъ pium desiderium сла-

*) Редакція предложенная Достоевскимъ и принятая Обществомъ.

вянофильства. Это desiderium есть—единство Царя и народа. Оно не состоитъ въ какомъ-либо формальномъ укладѣ, въ какихъ-либо хартіяхъ, и т. п., въ томъ, чѣмъ такъ страстно и едва-ли разумно дорожатъ въ Европѣ.

По недостатку времени и согласно указанію Совѣта Общества, я остановлюсь на вышесказанномъ, что касается собственно до славянскаго вопроса, то я повторяю, что онъ не ждетъ; онъ быстро надвигается, онъ ростетъ, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ! Будемъ надѣяться, что когда онъ остановится передъ нами и потребуетъ отъ насъ отвѣта—мы встрѣтимъ его во всеоружіи, съ горящими, а не погасшими лампадами!

Позвольте мнѣ, мм. гг., остановить еще на нѣсколько мгновеній ваше благосклонное вниманіе.

За границей составляютъ себѣ очень неясное, преувеличенное и ненѣрное понятіе о нашихъ Славянскихъ Обществахъ. Тайнымъ нашимъ агентамъ — нѣсть числа, разсыпаемому нами золоту—нѣтъ мѣры, вліянію нашему—нѣтъ предѣловъ: вамъ всѣмъ, мм. гг., извѣстно, на сколько все это лишено основанія, невѣрно, насколько все это преувеличено! И тѣмъ не менѣе, мы, въ извѣстномъ отношеніи, дѣйствительно могущественны! Въ чемъ же состоитъ эта несомнѣнная наша сила? Въ томъ, мм. гг., что мы, малочисленные, бѣдные и слабые служимъ представителями могущественной идеи, что мы служимъ представителями чувства, способнаго вызвать живой откликъ въ сердцѣ стомилліоннаго народа! Вотъ наша сила, про которую дѣйствительно можно сказать, что она не въ силѣ,— а въ правдѣ!

Будемте же, каждый по мѣрѣ своихъ средствъ, служить этой правдѣ; въ служеніи этомъ—нашъ долгъ и относительно престола, и относительно славянства, и относительно неразрывно связанной съ нимъ дорогой намъ Россіи!

VII.

24 НОЯБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Въ началѣ засѣданія собраніемъ былъ утвержденъ безъ измѣненій, доложенный г. предсѣдателемъ проектъ смѣты доходовъ и расходовъ Общества въ 1892 г.

При докладѣ этого проекта, графъ Н. П. Игнатьевъ объяснилъ, что, по случаю неурожая нынѣшняго года во многихъ губерніяхъ, Славянское Общество не можетъ разсчитывать на значительные доходы въ 1892 г., большую часть которыхъ составляетъ церковный кружечный сборъ, и что въ виду этого ожидаемый доходъ опредѣленъ лишь въ 20.906 р.

Послѣ этого, графъ Н. П. Игнатьевъ, напомнивъ собранію, что въ пунктѣ г. § 1 Устава Славянскаго Общества, между прочимъ, значится, что Общество имѣетъ цѣлію подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ, разоренія какой нибудь мѣстности или края и т. п., сообщилъ, что Совѣтъ Общества, несмотря на недостаточность своихъ денежныхъ средствъ, не могъ остаться безучастнымъ къ потерпѣвшимъ отъ неурожая и полагалъ бы отчислить изъ запаснаго капитала 5.000 р. и открыть, независимо сего, между членами Славянскаго Общества подписку для сбора пожертвованій спеціально „для снабженія теплою пищею дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая.

Собраніе, одобривъ эти предположенія Совѣта, постановило: поручить Совѣту привести оныя въ исполненіе, отчисленныя же изъ запаснаго капитала 5.000 р. и имѣющія быть собранными по подпискѣ деньги представить Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу чрезъ особую депутацію отъ Славянскаго Общества.

Затѣмъ, г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія собранія, что издатель-редакторъ „Славянскихъ Извѣстій", В. В. Комаровъ, обратился въ Совѣтъ Общества съ просьбою освободить его, съ 1 января 1892 г., отъ возложенныхъ на него обязанностей по изданію „Извѣстій" и что Совѣтъ, въ уваженіе этой просьбы, въ засѣданіи, состоявшемся 19 ноября, постановилъ: 1) освободить В. В. Комарова съ 1 января 1892 г. отъ исполненія обязанностей издателя и отвѣтственнаго редактора журнала „Славянскія Извѣстія", пригласить для дальнѣйшаго изданія и редактированія оныхъ проф. варшавскаго университета, А. С. Будиловича, ходатайствовать о переименованіи названнаго журнала въ „Славянское Обозрѣніе", измѣнить срокъ выхода книжекъ журнала вмѣсто еженедѣльнаго на ежемѣсячный—во второй половинѣ каждаго мѣсяца, назначить подписную цѣну на журналъ вмѣсто шести по семи (7) рублей въ годъ, съ пересылкою же по восьми (8) рублей, и просить главное управленіе по дѣламъ печати о разрѣшеніи печатать названный журналъ, по представленной А. С. Будиловичемъ программѣ, по прежнему, безъ предварительной цензуры, и помѣщать въ немъ портреты извѣстнѣйшихъ славянскихъ дѣятелей и частныя объявленія.

Въ пособіе на изданіе журнала „Славянское Обозрѣніе" Совѣтъ полагалъ бы выдавать издателю, по прежнему, по 5.000 р въ годъ, и, кромѣ того, до 1.000 р., единовременно, на постановку дѣла редакціи и объявленія, отчисливъ послѣднюю сумму (до 1.000 р.) изъ запаснаго капитала.

Собраніе, одобривъ всѣ эти предположенія Совѣта, единогласно постановило: предоставить Совѣту привести оныя въ исполненіе.

VIII.

1 ДЕКАБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ преосвященные: Антоній, епископъ выборгскій, Никандръ, епископъ нарвскій, Николай, епископъ алеутскій и аляскинскій, оо. архимандриты: Неофитъ, настоятель греческой церкви, Арсеній, казначей Александро-Невской лавры, Питиримъ, ректоръ спб. духовной семинаріи, оо. настоятели соборовъ: И. А. Смирновъ—исаакіевскаго, А. А. Лебедевъ—казанскаго и Д. П. Поповицкій—адмиралтейскаго, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и многочисленные посторонніе посѣтители.

Послѣ обычной молитвы—тропаря св. Кириллу и Меѳодію, исполненной хоромъ А. А. Архангельскаго, графъ Н. П. Игнатьевъ, открывая собраніе, предложилъ почетное предсѣдательство епископу Антонію, на что преосвященный и изъявилъ свое согласіе, осѣнивъ присутствующихъ своимъ благословеніемъ.

Затѣмъ, графъ Н. П. Игнатьевъ обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

Преосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшіе архипастыри, милостивые государыни и государи.

Открывая сегодняшнее собраніе, прежде всего считаю долгомъ объявить вамъ о полученной Славянскимъ Обществомъ Высочайшей благодарности.

Въ мое отсутствіе изъ Петербурга товарищемъ моимъ Петромъ Алексѣевичемъ Васильчиковымъ была получена 29 октября, изъ Ливадіи, отъ министра Императорскаго Двора телеграмма слѣдующаго содержанія: „Ихъ Императорскія Величества повелѣли мнѣ благодарить Славянское Благотворительное Общество за вѣрноподданническія чувства и пожеланія по случаю исполнившагося 25-лѣтія бракосочетанія Ихъ Величествъ".

Телеграмма эта была отвѣтомъ на телеграмму, посланную въ Ливадію, по желанію членовъ Славянскаго Общества, съ слѣдующимъ выраженіемъ ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ:

„Съ глубокою радостію и молитвами благодаренія С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество встрѣчаетъ завершившееся двадцатипятилѣтіе супружескаго союза Царственной Четы, въ которомъ заключена могучая сила господствующаго дѣйствія благаго самодержавія на подданныхъ путемъ живаго личнаго примѣра въ великомъ дѣлѣ полнаго и твердаго усвоенія ими доброй семейственности, которая и требуется православіемъ и есть исконная черта русской народности".

Телеграммы эти были выслушаны съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и покрыты восторженными рукоплесканіями, причемъ хоръ г. Архангельскаго исполнилъ народный гимнъ: „Боже, Царя храни!"

Послѣ гимна, графъ Н. П. Игнатьевъ довелъ до свѣдѣнія присутствующихъ, что 23 ноября въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" былъ напечатанъ Высочайшій рескриптъ, данный на имя Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, о назначеніи его предсѣдателемъ Особаго Комитета для помощи нуждающимся въ неурожайныхъ мѣстностяхъ; что Комитетъ этотъ имѣетъ назначеніемъ обезпечить частной въ пользу сихъ мѣстностей благотворительности соотвѣтственное направленіе и необходимое единство дѣйствій—и присовокупилъ при этомъ, что въ уставѣ Славянскаго Общества въ пунктѣ г. § 1, значится, что Общество имѣетъ, между прочимъ, цѣлью: подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ, разоренія какой-нибудь мѣстности или края и т. п.

„Мы не можемъ себя, т. е. русскихъ, не признавать „славянами" по преимуществу,— сказалъ графъ Игнатьевъ. — Неестественно оставаться Славянскому Благотворительному Обществу безучастнымъ при общемъ нашемъ народномъ горѣ и общественной невзгодѣ. Правда, что при настоящемъ состояніи нашихъ денежныхъ средствъ (наличность нашего запаснаго капитала, на проценты котораго мы удовлетворяемъ текущія нужды Славянскаго Благотворительнаго Общества, не превышаетъ 110 т. р.) мы, конечно, находимся, къ сожалѣнію, въ невозможности оказать помощь существенную, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нашихъ членовъ уже принесли и продолжаютъ нести жертвы для уменьшенія народнаго бѣдствія каждый въ сферѣ своего личнаго воздѣйствія и имущества, но каждый изъ насъ, какъ членъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, готовъ принести свою лепту въ общемъ русскомъ дѣлѣ.

Поэтому на другой же день по обнародованіи Высочайшаго рескрипта, 24 ноября, въ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества, по докладу Совѣта, было постановлено отчислить изъ запаснаго капитала 5.000 р. и открыть между членами Общества подписку для сбора пожертвованій съ спеціальною цѣлью, которая, вѣроятно, признается сочувственною всѣми присутствующими: на снабженіе теплою пищею дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая. Голодныя дѣти не могутъ приходить въ школу, тѣмъ болѣе, что, по деревенскому обычаю, родители сдаютъ ихъ учителю на цѣлый день, а школьное начальство не имѣетъ никакихъ средствъ накормить учениковъ.

Собранныя деньги собраніе постановило представить Его Императорскому Высочеству черезъ особую депутацію отъ Славянскаго Общества.

Я не сомнѣваюсь,—заключилъ г. предсѣдатель свое сообщеніе,—что въ сегодняшнемъ собраніи рѣшеніе это будетъ вами привѣтствуемо и подписной листъ будетъ покрытъ подписями.

Кромѣ того для сбора пожертвованій наши дамы-благотворительницы обойдутъ присутствующихъ съ тарелкою".

Послѣ сего, хоръ г. Архангельскаго исполнилъ „Господи помилуй"—40 разъ, а г. предсѣдатель произнесъ: „Къ числу симпатичнѣйшихъ преданій въ дѣятельности Славянскаго Общества принадлежатъ торжественныя поминки на нашихъ собраніяхъ тѣхъ изъ почившихъ русскихъ людей, заслуги коихъ относятся къ высшимъ областямъ духа и дѣятельность коихъ, зачастую вовсе неоцѣненная при ихъ жизни русскимъ обществомъ, послужила такъ или иначе на пользу или къ торжеству православнаго русскаго и славянскаго дѣла.

Сегодня мы поминаемъ почившихъ въ 1891 году членовъ нашего Общества: почетныхъ—Мирковича, Михаила Ѳеодоровича; протоіерея Наумовича, Іоанна Григорьевича; проф. Кояловича, Михаила Іосифовича; высокопреосвященнѣйшаго Платона, митрополита кіевскаго и галицкаго; Нечаева, Василія Ильича, и дѣйствительныхъ—Теляковскаго, Аркадія Захаровича; Вильмсъ, Гавріила Ивановича; Вильмсъ Зинаиду Гавріиловну; Кривцова, Александра Александровича и Жукова, Ивана Александровича.

Памяти высокопреосвященнѣйшаго Платона, митрополита кіевскаго, прот. Іоанна Григорьевича Наумовича, проф. Михаила Іосифовича Кояловича и Александра Александровича Кривцова будутъ посвящены особыя чтенія.

Съ своей стороны считаю долгомъ помянуть:

1) Михаила Ѳеодоровича Мирковича. Онъ былъ нашимъ почетнымъ членомъ съ 16 декабря 1873 г. и членомъ Совѣта въ послѣдніе годы своей жизни до дня кончины и принималъ всегда сердечное участіе въ дѣлахъ, касающихся нашихъ закордонныхъ братьевъ. Главнѣйшею его заслугою для Славянскаго Общества было составленіе, впервые на русскомъ языкѣ, „Этнографической карты славянскихъ народностей", выдержавшей три изданія.

2) Василія Ильича Нечаева, исполнявшаго обязанности казначея нашего Общества съ 12 декабря 1871 г. по 18 апрѣля 1876 г. Обязанности далеко не легкія.

3) Аркадія Захаровича Теляковскаго, нашего сочлена съ 22 марта 1881 г. По курсу фортификаціи, имъ составленной, училось не одно поколѣніе молодыхъ воиновъ.

4) Зинаиду Гавріиловну Вильмсъ, написавшую въ 1885 г., на заданную Славянскимъ Обществомъ къ 1000-лѣтію блаженной кончины Просвѣтителя славянъ св. Меѳодія тему, брошюру: „Святые Кириллъ и Меѳодій, апостолы славянскіе", удостоенную преміи Славянскаго Общества, отпечатанную и проданную въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

5) Ивана Александровича Жукова, лично извѣстнаго мнѣ за русскаго человѣка, служившаго по мѣрѣ своихъ силъ и знаній русскому дѣлу—сперва редакторомъ „Рыбинскаго Листка", а въ послѣдніе годы редакторомъ „Нижегородскаго Биржеваго Листка".

Вѣчная память почившимъ!

Приглашаю присутствующихъ почтить память почившихъ вставаніемъ".

Присутствующіе, стоя, выслушали пропѣтую хоромъ: „Вѣчная память".

„Поколѣнія проходятъ,—сказалъ послѣ сего графъ Игнатьевъ,—смѣняются, но мысли и духъ, одушевлявшіе нашихъ Первоучителей и тѣхъ русскихъ людей, которые впервые высказали въ Москвѣ народныя, патріотическія убѣжденія, должны существовать непоколебимо и развиваться послѣдовательно, для преуспѣянія и славы нашей родины, для крѣпости духовнаго и нравственнаго строя Россіи и для блага всего славянскаго міра. Надо надѣяться, что хотя смерть и уноситъ, къ сожалѣнію, нашихъ старѣйшихъ, лучшихъ дѣятелей, нашихъ современниковъ, но потеря эта, какъ она ни горька и ни чувствительна, должна вознаградиться приливомъ новыхъ силъ, которыя позволятъ намъ сомкнуть свои ряды и неуклонно продолжать труды предшественниковъ, стремясь неизмѣнно къ возвышенной цѣли нашего Славянскаго Общества.

Совѣтъ Общества предлагаетъ вамъ принять въ среду Славянскаго Общества слѣдующихъ кандидатовъ:

Въ пожизненные члены: кронштадтскаго протоіерея Іоанна Ильича Сергіева и Василія Ивановича и Людмилу Андреевну Семеновыхъ, и въ дѣйствительные—18 предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ.

Позволяю себѣ выразить увѣренность, что новые члены съ такимъ же усердіемъ будутъ служить нашему общему славяно-русскому дѣлу, какъ и почившіе дѣятели".

Всѣхъ предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ собраніе съ рукоплесканіями приняло въ свою среду.

Послѣ выборовъ новыхъ членовъ, графомъ Н. П. Игнатьевымъ была прочитана телеграмма изъ Бѣлграда, полученная отъ высокопреосвященнѣйшаго Михаила, митрополита сербскаго, слѣдующаго содержанія:

„Помянувъ здѣсь упокоенныхъ дѣятелей, сердечно осчастливленъ Вашею о нихъ молитвою".

Чтеніе этой телеграммы было покрыто восторженными рукоплесканіями.

Произнесенная, затѣмъ, В. В. Комаровымъ рѣчь „памяти высокопреосвященнѣйшаго Платона" и прочитанное А. В. Васильевымъ стихотвореніе М. П. Розенгейма: „Раскольникъ", вызвали громкія рукоплесканія.

Послѣ небольшаго перерыва прочитали: И. С. Пальмовъ приготовленную имъ рѣчь „о М. І. Коялович", М. П. Городецкій статью А. С. Будиловича „о прот. Наумович", а В. И. Аристовъ статью С. Ѳ. Шарапова „объ А. А. Кривцов".

Между чтеніями хоръ г. Архангельскаго исполнилъ:

1) „Блаженни, яже избралъ".
2) „За насъ понесъ Онъ всѣ скорби".
3) „Киріе элейсонъ".
4) а) „Гдѣ домувъ муй".
   б) „Бойна труба".

Въ заключеніе хоръ пропѣлъ величаніе св. Кириллу и Меѳодію.

Вотъ прочитанныя въ собраніи рѣчи, статьи и стихотвореніе.

Рѣчь В. В. Комарова:

Памяти высокопреосвященнѣйшаго Платона, митрополита кіевскаго.

2 октября, въ древлепрестольномъ Кіевѣ, усыпальницѣ русскихъ праведниковъ, въ Бозѣ почилъ маститый и доблестный іерархъ нашей Церкви—митрополитъ Платонъ, одинъ изъ старѣйшихъ почетныхъ членовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Словно живой воскресаетъ предъ нами образъ святого старца: величественный станомъ, съ высокимъ просвѣтленнымъ челомъ, съ чертами лица ясными, съ взоромъ, въ которомъ свѣтится безпредѣльная христіанская любовь. Въ общемъ твердость мысли и необыкновенная, высокотрогательная душевная доброта, покорявшая себѣ съ перваго взгляда всякаго, кто приближался къ святому старцу, былъ ли то государственный человѣкъ или простолюдинъ, дама ли высшаго круга, или скромная труженица деревни. Этотъ образъ маститаго старца, достигшаго девяностолѣтняго возраста и сохранившаго при этомъ всѣ силы души своей и всю свѣжесть сердца, останется на вѣки неувядаемымъ въ далекомъ грядущемъ потомствѣ.

Послѣ митрополита московскаго Филарета, митрополитъ Платонъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ и популярнѣйшихъ іерарховъ въ Россіи. Это былъ не только просвѣщенный и одухотворенный пастырь, но и русскій человѣкъ въ лучшемъ значеніи этого слова, истый государственный дѣятель. На ряду съ подвижникомъ иноческимъ, освѣтлявшемъ его душу и очищавшемъ его сердце, онъ самой жизнью своею, не рисуясь и не выставляясь, выдвигался въ первые ряды нашихъ государственныхъ силъ и былъ въ числѣ немногихъ свѣточей, охранявшихъ православное теченіе нашей народной жизни.

Въ Бозѣ почившій митрополитъ Платонъ родился въ 1803 г., въ посадѣ Погорѣломъ-Городищѣ, тверской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Дѣтство и юношество его были полны крайней бѣдности, нужды и тяжкой заботы.

Школьная жизнь его была искусомъ. Но бѣдность на Руси не мѣшаетъ величію.

Многіе великіе русскіе люди знали тяжелую, безысходную нужду въ молодости. Многіе, подобно митрополиту Платону, родились въ низшихъ слояхъ нашего народа. Но такъ какъ нашъ народъ самъ по себѣ есть истинный родникъ и истинный носитель государственной жизни и государственныхъ началъ, то всѣ государственные дѣятели, выходящіе непосредственно изъ народа или изъ недалекихъ отъ него слоевъ, отличались особенной ясностью въ пониманіи государственныхъ задачъ.

Митрополитъ Платонъ быстрымъ и сильнымъ умомъ охватилъ обширный кругъ знаній. Окончивъ въ 1827 г. с.-петербургскую духовную академію, Платонъ былъ послѣдовательно учителемъ семинаріи, профессоромъ академіи, библіотекаремъ и преподавалъ самые разносторонніе предметы.

Въ 1830 г. онъ принялъ монашество, съ именемъ Платона. Среди неустанной педагогической и проповѣдничской дѣятельности, Платонъ быстро возвышался въ общемъ мнѣніи.

Въ 1839 г., въ важную минуту возсоединенія уніатовъ съ православною Церковью, Платонъ былъ перемѣщенъ въ Вильну, настоятелемъ Свято-Духова монастыря. Въ Вильнѣ явился мужъ силы, ратоборецъ и защититель православнаго дѣла. Онъ сразу сдѣлался правою рукою знаменитаго Іосифа Сѣнашко, который и рукоположилъ его 8 сентября 1843 г. въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ во епископа ковенскаго. Платонъ отличался необыкновеннымъ умомъ и тактомъ. Достигая важныхъ государственныхъ результатовъ съ твердостью и настойчивостью, онъ въ то же время видѣлъ въ полякахъ и римско-католикахъ, не исключительныхъ враговъ нашихъ, а только враговъ случайныхъ, увлеченныхъ временемъ, исторіею и предразсудками. Находясь въ центрѣ борьбы съ польщизною и римскимъ католичествомъ, онъ заслужилъ уваженіе и любовь и отъ поляковъ, и отъ римско-католиковъ.

Если политическая мудрость и тактъ поставили высоко Платона, какъ дѣятеля въ эпоху возсоединенія уніатовъ, то чистая и высокая вѣра его поставила его еще выше въ общемъ мнѣніи—какъ святителя.

Виленско-литовскій періодъ дѣятельности Платона далъ ему славу. О немъ заговорили всюду, какъ о святителѣ благоствомъ и выдающемся администраторѣ.

Въ 1848 г. епископу Платону поручается трудное дѣло защиты православія и борьбы за него въ прибалтійскомъ краѣ, сначала, какъ викарію псковской епархіи, а съ 1850 г., съ образованіемъ рижской епархіи, какъ архіепископу рижскому. Тутъ, въ Ригѣ, архіепископъ Платонъ явился во всемъ своемъ величіи въ борьбѣ за православно-русское дѣло, бодро отталкивая и уничтожая тайную и явную интригу нѣмецкой партіи въ Россіи.

Любопытна и поучительна борьба бѣднаго одиноко стоящаго православнаго архіепископа съ большими нѣмецкими барами, гнавшими новоприсоединенныхъ въ православіе эстовъ и латышей съ жестокостью изумительною. Принявшихъ православіе латышей нѣмецкіе бароны сгоняли съ земли, призывали къ тяжкимъ повинностямъ, подъ предлогомъ аграрнаго движенія прогоняли сквозь строй, ссылали въ Сибирь и чинили имъ жесточайшія и несправедливыя расправы, съ цѣлью оторвать ихъ отъ православія. Противоборствующая православію сторона не стѣснялась въ

средствахъ, пуская въ ходъ клевету, ложь, лесть, подкупъ.

По свидѣтельству Ю. Ѳ. Самарина, жестокими дѣйствіями нѣмецкой партіи въ 1849 г. вопросъ о православіи въ прибалтійскомъ краѣ слѣдовало считать покончепнымъ и навѣки загубленнымъ. Въ эту то именно минуту Провидѣніе послало въ эту русскую окраину преосвященнаго Платона.

Защищая православныхъ и не находя себѣ опоры въ тогдашнемъ правительствѣ, Платонъ обращался неоднократно къ лицу Самого Государя и Высочайшая милость нисходила на православныхъ.

Въ правительствѣ Платонъ старался возбудить ясный взглядъ на задачи русскаго государства. Въ письмѣ къ одному изъ министровъ онъ говоритъ: „Если вы и другія правительственныя лица будете равнодушны къ православію въ краѣ и допустите, изъ угожденія къ нѣмцамъ, чтобы оно слабѣло и даже вовсе истребилось въ немъ, то на васъ будетъ лежать тяжкій грѣхъ предъ Богомъ и великая отвѣтственность предъ Россіей. Я говорю это въ полномъ сознаніи, что мои слова помянутся на судѣ Божіемъ". Въ этой борьбѣ имя Платона стало громкимъ по всей Россіи.

Въ 1867 г. архіепископъ Платонъ былъ перемѣщенъ въ донскую епархію. Когда это состоялось, тогдашній рижскій губернаторъ Эттингенъ, нѣмецъ и мѣстный уроженецъ, выразился такъ: „одинъ русскій былъ на мѣстѣ—архіепископъ Платонъ, и того русскіе прогнали".

Лучшей и высокой оцѣнкой трудовъ архипастыря въ Ригѣ служатъ полученныя имъ за этотъ періодъ его дѣятельности высочайшія награды, рескрипты и личное вниманіе Государей русскихъ. Принявъ каѳедру безъ пасомыхъ, Платонъ, къ концу своего пребыванія въ Ригѣ, считалъ уже болѣе 100.000 православныхъ, имѣлъ 107 приходскихъ школъ, 252 начальныхъ училища и 4.500 учащихся.

Можно сказать, что если наше время и близкое будущее вырветъ изъ рукъ лютеранъ прибалтійскую окраину, то начало этому дѣлу положено митрополитомъ Платономъ.

Съ 1867 по 1877 г. Платонъ былъ архіепископомъ донскимъ. Съ 1877 по 1882 г. архіепископомъ херсонскимъ и одесскимъ и съ 1882 г., по день кончины, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ.

Въ бытность митрополита Платона архіепископомъ донскимъ началась великая славянская борьба 1876 г. Маленькая Сербія объявила войну Турціи и осталась одинокою въ борьбѣ. 350.000 турецкая армія окружила Сербію. Погибель ея казалась неизбѣжною. Вздрогнуло великое русское сердце. Начался добровольческое движеніе. Тогда то митрополитъ Платонъ своею молитвою, благословеніями, воззваніями и рѣчами содѣйствовалъ добровольческому движенію. Донцы выставили нѣсколько сотъ человѣкъ и конные казачьи отряды появились на Сербской Моравѣ. Платонъ, этотъ мужъ разума и сердца, благословилъ Христовыхъ воиновъ на борьбу съ врагами славянства.

Во время бытія Платона митрополитомъ кіевскимъ совершилось памятное и надолго знаменательное событіе въ м. Коростышевѣ, важное по своему значенію при будущихъ столкновеніяхъ славянъ западныхъ съ восточными.

Обозрѣвая церкви своей епархіи, высокопреосвященный Платонъ прибылъ 14 іюня 1884 г. въ м. Коростышевъ, родомысльскаго уѣзда. Все населеніе бросилось на встрѣчу іерарху. Онъ въѣхалъ въ мѣстечко встрѣченный духовенствомъ въ полномъ облаченіи и при звонѣ колоколовъ не только православныхъ церквей, но и римско-католическаго костела.

Ксендзъ Моравичъ стоялъ у входной двери костела въ церковномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ; митрополитъ Платонъ приложился къ кресту и вошелъ въ костелъ. Увидѣвъ въ немъ много православныхъ, которые мирно стояли съ католиками, Платонъ сказалъ глубоко знаменательную рѣчь:

„Господь нашъ Іисусъ Христосъ, приходившій на землю ради нашего спасенія и водворевія мира на землѣ, внушаетъ намъ чрезъ Своихъ апостоловъ, чтобы мы христіане были единодушны и единомудренны, жили между собою въ любви и согласіи, не имѣли вражды и раздоровъ. Таковы въ началѣ и были христіане, у которыхъ тогда, по выраженію священнаго писателя „Дѣяній Апостольскихъ", было одно сердце и одна душа. Врагъ человѣкъ сталъ сѣять плевелы на нивѣ Христовой и Церковь Христова раздѣлилась на двѣ: западно-католическую и восточную. Это—двѣ родныя сестры, которыя, исповѣдуя въ сущности одно ученіе Христово въ главныхъ его догматахъ, не согласуются между собою въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ. Всѣ истинные христіане, воодушевленные миролюбивымъ духомъ Христовымъ, желаютъ, чтобы онѣ примирились; но когда родные поссорятся, то они трудно примиряются; поэтому западная и восточная Церкви доселѣ находятся въ раздѣленіи. Доколѣ продлится ихъ раздѣленіе—одному Богу извѣстно; но мы, братія и сестры—католики и православные, несмотря на раздѣленіе Церквей нашихъ, должны хранить, по заповѣди апостольской, единеніе духа въ союзѣ мира, не должны враждовать между собою, а, напротивъ, обязаны жить въ любви и согласіи, потому что взаимная любовь заповѣдана намъ Самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, составляетъ главный признакъ истинныхъ учениковъ Его и есть такая добродѣтель, безъ которой и самая вѣра, по словамъ апостола Павла, ничто".

Эта рѣчь мира, дружбы и любви во имя одной братской будущности произвела потрясающее впечатлѣніе въ Россіи и въ Европѣ. Впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что на эту рѣчь мира и любви—мѣстное римско-католическое духовенство отвѣтило самою возмутительною нетерпимостію. Но въ мірѣ всегда боролись „правда" съ „неправдою", „свѣтъ" съ „тьмою". Тѣмъ ярче свѣтитъ свѣтъ—чѣмъ глубже тьма. Рѣчь митрополита Платона—это великій завѣтъ и въ то же

время пророчество для будущаго. Въ Коростышевѣ указана митрополитомъ Платономъ программа, которой слѣдуетъ держаться славянамъ восточнымъ, при столкновеніи съ славянами западными; какъ быть міру славяно-греческому при столкновеніи съ міромъ славяно-латинскимъ.

Если мы посмотримъ теперь на характеръ дѣятельности митрополита Платона при столкновеніи его съ лютеранами и римско-католиками, то увидимъ два рода дѣйствій, рѣзко отличающихся одинъ отъ другаго. Первый родъ дѣйствій съ врагами славянства иноплеменными; второй родъ дѣйствій — среди своей собственной домашней славянской неслоги.

Тамъ, гдѣ приходится дѣйствовать съ врагами славянства иноплеменными, тамъ должна быть — неутомимая борьба, неустанная дѣятельность, призывъ своихъ къ бодрствованію, обращеніе къ высшей власти, блюстительницѣ и пособницѣ русскаго начала. Тутъ—среди своей собственной славянской неслоги нужно—спокойное, дружеское, родительское отношеніе. Ибо высшее спокойствіе и милость возродятъ и укрѣпятъ увѣренность, что, рано или поздно, славянская неслога смѣнится естественною дружбою, преслѣдованіемъ и разрѣшеніемъ однѣхъ и тѣхъ же задачъ.

Вѣчная память да будетъ митрополиту Платону въ сердцахъ дѣятелей Славянскаго Благотворительнаго Общества. *Вѣчная память* ему среди русскаго народа. *Вѣчная память* ему среди многомилліоннаго славянства.

Стихотвореніе М. П. Розенгейма:

Раскольникъ.

(Посвящено высокопреосвященнѣйшему Платону, митрополиту кіевскому и галицкому)

Въ далекую пустынь былъ сосланъ старикъ,
Раскола поборникъ упорный.
Согбенный подъ гнетомъ тяжелыхъ вериг,
Покрытый одеждою черной,
Съ челомъ обнаженнымъ, высокій, худой,
Бывало, бродилъ онъ, какъ духъ гробовой.

Не разъ всю Россію въ конецъ изъ конца,
Отъ Витки до устьевъ Дуная,
Прошелъ онъ, враждой къ никоніянамъ сердца
Своихъ одновѣрцевъ питая;
По селамъ и скитамъ являлся, и всюду
Взывалъ онъ къ народу: „Покайтесь, быть худу!"

Была краснорѣчіемъ дикимъ полна
Суровая рѣчь изувѣра;
Простые умы увлекала она
Могуществомъ словъ и примѣра,—
Умѣлъ ужасать онъ и трогать до слезъ
Словами укора, мольбы и угрозъ.

Онъ дерзко въ среду православныхъ входилъ.
Ихъ къ древлему звалъ благочестью,
Вездѣ и повсюду открыто твердилъ,
Что посланъ онъ съ страшною вѣстью:
Что жатва готова, грядетъ уже Жнецъ,
Что близокъ растлѣнному міру конецъ.

Отважный фанатикъ, онъ кары властей
Искалъ, какъ грѣховъ отпущенья,
Онъ видѣлъ вѣнецъ мученическій въ ней,
И жаждалъ за вѣру гоненья.
Желаніе старца исполнилось: онъ
Былъ гдѣ-то задержанъ, предъ власть приведенъ

И сосланъ въ обитель. Онъ годъ ужъ въ ней жилъ,
И постъ, и труды послушанья
Съ безмолвнымъ терпѣньемъ покорно сносилъ,
Но братьямъ, на всѣ увѣщанья.
Насмѣшкою дерзкой старикъ отвѣчалъ
Иль съ гордымъ презрѣньемъ упорно молчалъ.

Эпархіи этой въ то время главой
Былъ истый Христовъ благовѣстникъ.
Любви и смиренья подвижникъ святой,
Прощенья и милости вѣстникъ.
Какъ истинный пастырь, о стадѣ своемъ
Болѣзно радѣлъ онъ и пекся о немъ.

Разъ, паству свою объѣзжая, вступилъ
Онъ въ дальнюю эту обитель,
Припомнилъ о старцѣ, о немъ вопросилъ,
И съ горестью кроткій святитель
О мрачномъ упорствѣ его услыхалъ,
И ссыльнаго видѣть онъ самъ пожелалъ.

И въ кельѣ убогой сошлися одни,
Сошлися во имя Христово,
Два старца сѣдые. Господь да они,
Вопли Божьяго слова.
Угрюмо глядѣлъ непреклонный старикъ,
Былъ грустенъ, но кротокъ святителя ликъ.

И началъ онъ: „Сынъ мой, иди со Христомъ!
Ты воленъ отъ узъ заключенья,
Насиловать совѣсть считаю грѣхомъ,
Прости намъ свое заточенье;
Пріятенъ для Бога даръ вольный сердецъ,
Но жертвъ принужденныхъ не хочетъ Творецъ..."

Съ нѣмымъ удивленьемъ воспрянулъ старикъ,
Глядѣлъ недовѣрчивымъ окомъ.
Его недовѣрье святитель проникъ,
И молвилъ онъ съ грустью глубокой:
„Иди, братъ мой, съ миромъ, нашъ грѣхъ извини,
Но, ежели можешь, послушай меня.

„Не бойся, я спорить не буду съ тобой,
Не стану въ словахъ пререкаться;
Но, братъ мой, уйдешь ты исполненъ вражды.—
Не такъ бы хотѣлъ я разстаться!
Намъ старцамъ, немного осталось ужъ дней,—
Что Господу скажемъ о встрѣчѣ своей?

„Ученье Христово такъ просто, свѣтло,
Мы къ правдѣ стремимся оба,
Такъ какъ-же оно раздѣлить насъ могло?
За что мы враждуемъ до гроба?..
Тутъ есть заблужденье, не правда-ль, мой сынъ?
Подумаемъ вмѣстѣ, поищемъ причинъ"...

Ихъ тайной бесѣды никто не слыхалъ.
Косивъ въ слѣзномъ озлобленьи,
Упорнымъ молчаньемъ сперва отвѣчалъ
Раскольникъ на зовъ примиренья,
Но мало-по-малу, какъ пластъ ледяной
Лучъ яркаго солнца пронзаетъ весной,—
Въ строптивую душу лучъ свѣта проникъ;
Словами любви и смиренья

Глубоко былъ тронутъ суровый старикъ,
И началъ съ владыкой онъ яренье,
И жарко онъ вѣру свою защищалъ;
Но кротко святитель его обличалъ.
То не были рѣчи грозы и суда,
Не праздное словъ претыканье,
Была та бесѣда—живая вода,
О духѣ Христова посланья,
О чудномъ завѣтѣ любить и прощать.
Внимая ей, старецъ забылъ возражать,
И первый разъ въ жизни ночувалъ старикъ
Сомнѣнье въ душѣ потрясенной
Во всемъ, чему вѣрить онъ съ дѣтства привык,
Что правдой считалъ довременной,
За что подвизался, страдалъ для чего,
Что было задачей всей жизни его.
И ужасъ душою его овладѣлъ.
Растерянный, блѣдный, убитый,
Онъ снова владыку окорить хотѣлъ,
Но слокъ не вашелъ для защиты,—
Для битвы и съ нимъ, и съ душою своей...
А рѣчь благодати гремѣла сильнѣй.
„Довольно, довольно! воскликнулъ старикъ,—
Отыдь отъ меня, соблазнитель!
Лукавый твой голосъ мнѣ въ душу вроникъ!..
Помилуй! Помилуй, святитель!
Я вѣрю, ты правъ... Но, учитель Христовъ,
Оставь умереть меня въ вѣрѣ отцовъ.
„Я старъ, погляди, я въ могилу гляжу,
Мнѣ поздно назадъ возвращаться;
Смотри!—Я у ногъ твоихъ, отче, лежу,—
Дозволь мнѣ, какъ былъ я, остаться.
Могу-ли я, братій наставникъ монхъ,
Отступникомъ вѣры явиться средь нихъ?
„Могу-ли?..“ Но не далъ окончить святой,
И самъ до земли преклонился...
„На Божіе дѣло, въ Христовъ вертоградъ,
Когда-бъ ни пришелъ ты, — не поздно, мой брать!
„Господь твою душу изъ мрака воззвалъ;
Но демонъ гордыни лукавой
Еще въ ней гнѣздится, еще не упалъ,
И сердце смущаетъ отравой.
О, сынъ мой! О, братъ мой! Отвергнешь-ли ты
Зовъ Бога для духа земной суеты?
„Помолимся вмѣстѣ, стань рядомъ со мной;
Смиренную старцевъ молитву
Услышитъ Создатель, и съ славой земной
Пошлетъ намъ побѣдную битву.
Еще лишь усилье, еще одинъ шагъ,—
И будетъ поверженъ послѣдній нашъ врагъ“.
И рядомъ съ владыкой человъ до земли
Раскольникъ смиренно склонился,
И слезы по блѣднымъ ланитамъ текли,
И жарко онъ, жарко молился;
И подлѣ святитель молился о немъ,
И ангелы Божьи летали кругомъ;—
Затѣмъ, что до Бога изъ міра борьбы,
Изъ міра, гдѣ властвуетъ сила,
Не часто доходятъ такія мольбы,
Гдѣ-бъ только любовь говорила...
И всталъ примиреннымъ раскольникъ сѣдой,
И робко онъ молвилъ: „Владыко святой!
„Ты истинной Церкви открылъ мнѣ врата.—
Но смѣю-ли къ ней пріобщиться?
Поборникъ раздора во имя Христа—
Достоинъ-ли съ Нимъ примириться?
Отецъ мой! Господь милосердъ безъ конца;
Но дай заслужить мнѣ прощенье Творца.
„Я грѣшникъ великій, разлада пророкъ,
Я сѣятель былъ озлобленья,
И многихъ, о, многихъ во тьму я увлекъ
Въ безумномъ своемъ ослѣпленьи.
Пусти меня къ братьямъ заблудшимъ монмъ,
Да Божіе дѣло повѣдаю нмъ.
„Скажу имъ: простите, я васъ обманулъ,
Во тьмѣ пресмыкаясь кромѣшной,
Во тьму эту, братья, и васъ я втянулъ,—
Простите мнѣ, каюсь я, грѣшный!
Дозволь-же, святитель, дозволь, я пойду
И чающихъ свѣта къ тебѣ приведу,—
„Къ тебѣ, исцѣлитель и врачъ слѣпоты,
Къ тебѣ, благовѣстникъ прощенья!
О, еслибъ намъ всѣ говорили, какъ ты,—
Безъ гнѣва, вражды и презрѣнья,—
Давно-бъ на Руси, о святитель, давно
Одинъ былъ-бы настырь и стадо одно!“

Рѣчь проф. И. С. Пальмова:

Памяти Михаила Іосифовича Кояловича.

(† 23 августа 1891 года).

23-го августа текущаго года скончался почетный членъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, заслуженный ординарный профессоръ с.-петербургской духовной академіи Михаилъ Іосифовичъ Кояловичъ, бывшій профессоромъ академіи свыше 35 лѣтъ и состоявшій членомъ Славянскаго Общества непрерывно едва не цѣлыхъ 25 лѣтъ (съ 23-го мая 1868 г.). Слѣд. почти четверть столѣтія имя и дѣятельность Михаила Іосифовича связаны съ жизнію нашего Общества, связаны почти съ зарожденіемъ этого Общества въ С.-Петербургѣ сперва (съ 1867 до 1877 г.) въ качествѣ Отдѣла Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета, а потомъ съ 1877 года—самостоятельнаго Славянскаго Общества. И за это время покойный Михаилъ Іосифовичъ былъ не только членомъ, всегда искренно сочувствовавшимъ цѣлямъ и задачамъ нашего Общества,—не только участвовалъ въ его дѣятельности своими обычными денежными взносами и пр., но и горячо содѣйствовалъ выполненію высокихъ его цѣлей братской помощи и культурнаго нашего взаимообщенія съ заграничнымъ славянствомъ. Поэтому, когда въ прошлогоднемъ ноябрьскомъ торжественномъ собраніи Славянскаго Общества (25 ноября 1890 г.) предсѣдатель нашъ гр. Николай Павловичъ Игнатьевъ, отъ имени Совѣта Общества, предложилъ собранію Михаила Іосифовича вмѣстѣ съ другимъ „достойнѣйшимъ нашимъ сочленомъ А. Ѳ. Бычковымъ“ въ почетные члены, какъ „неустанно служившихъ славянскому дѣлу съ самаго основанія Общества“, „трудившихся въ Совѣтѣ Общества и его издательской комиссіи“ (а о Михаилѣ Іосифовичѣ кромѣ того было сказано, что онъ „дарилъ насъ въ собраніяхъ своими всѣмъ памятными, прекрасными чтеніями“) [1], „то предложеніе это встрѣ-

[1] См. протоколъ торжественнаго собранія Славянскаго Общества 25 ноября 1890 г. въ

чено было долго несмолкаемыми рукоплесканіями". И такъ, годъ тому назадъ мы съ радостію и полнымъ единодушіемъ привѣтствовали своего почетнаго члена Михаила Іосифовича, котораго теперь—увы!—нѣтъ уже въ живыхъ. Если наше Общество съ благодарностію принимаетъ всякій посильный трудъ и нравственное участіе въ исполненіи своей задачи отъ каждаго изъ своихъ членовъ, то оно конечно съ большею признательностію имѣетъ право и обязано относиться къ дѣятельности тѣхъ своихъ членовъ, которые „неустанно служили" его цѣлямъ, съ мужествомъ выступали на защиту славянскаго знамени, кирилло - меѳодіевскихъ преданій и завѣтовъ нашихъ славныхъ учителей-предшественниковъ, горячихъ и вдохновенныхъ поборниковъ кирилло-меѳодіевской идеи. Поэтому, да позволено будетъ мнѣ сказать въ этомъ собраніи нѣсколько словъ о дѣятельности одного изъ такихъ безкорыстныхъ борцовъ за славянскую идею — о дѣятельности незабвеннаго Михаила Іосифовича. Я коснусь только той стороны его дѣятельности, которая имѣла непосредственное отношеніе къ жизни Славянскаго Общества, хотя—нужно замѣтить—всѣ стороны его жизнедѣятельности такъ тѣсно связаны одна съ другой, что почти невозможно ихъ отдѣлять, или разсматривать ихъ внѣ связи съ общимъ ходомъ развитія его направленія. Поэтому приходится въ данномъ случаѣ коснуться и такихъ сторонъ, которыя уже были затронуты въ различныхъ некрологахъ его послѣ кончины [2]), но которыя, конечно, ждутъ еще въ будущемъ своего спеціальнаго біографа. Матеріаломъ же для его біографіи могутъ служить не только многочисленные печатные труды Михаила Іосифовича, но и оставшаяся послѣ него весьма любопытная переписка его съ разными общественными, литературными дѣятелями и людьми науки (особенно обращаетъ на себя вниманіе его переписка съ различными дѣятелями въ западно-русскомъ краѣ, начиная главнымъ образомъ со времени польской смуты 1863 г. и до послѣднихъ дней жизни). Я пользуюсь въ частности любезно предоставленною мнѣ наслѣдниками-сыновьями покойнаго Михаила Іосифовича перепискою его съ И. С. Аксаковымъ, въ изданіяхъ котораго—кстати замѣтимъ—принималъ дѣятельное участіе покойный Михаилъ Іосифовичъ (особ. въ газ. „День" и др.).

М. І. Кояловичъ родился въ мѣстечкѣ Кузницѣ, гродненской губерніи, въ 1828 году. Отецъ его—священникъ, почти товарищъ по виленской академіи (моложе курсомъ) приснопамятнаго митрополита литовскаго Іосифа Сѣмашко. Время и мѣсто, гдѣ онъ родился, среда, въ которой онъ началъ свое сознательное дѣтство,—все это налагало особый отпечатокъ на его воспріимчивую душу: подавленіе русскаго элемента въ краѣ польскимъ, шляхетско-панскимъ съ одной стороны, а съ другой и начавшееся возбужденіе и подъемъ русскаго народнаго духа чрезъ

„Слав. Извѣстіяхъ" 1891 г., № 12, стр. 204. Упоминая о „чтеніяхъ" М. І—ча въ Слав. Обществѣ, предсѣдатель разумѣлъ главнымъ образомъ слѣдующія его сообщенія и рѣчи, произнесенныя въ собраніяхъ членовъ Славянскаго Общества: 1) Разборъ соч. Ѳ. М. Уманца „Вырожденіе Польши" (14 февр. 1872 г.); 2) „Экзодъ изъ исторіи западно-русской церковной уніи начала нынѣшняго столѣтія" (11 мая 1874 г.): 3) „По поводу кончины Ю. Ѳ. Самарина" (28 марта 1876 г.); 4) „Въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II" (22 марта 1881 г.); 5) „Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности" (23 января 1883 г.); 6) „О положеніи русскихъ галичанъ" (23 апрѣля 1883 г.). Всѣ эти сообщенія и рѣчи напечатаны между прочимъ въ сборникѣ „Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества съ 1868—1883 гг." Спб. 1883 г. (стр. 197—200—270—1; 371—8; 669—71; 746—55; 774—7), нѣкоторыя же (какъ напр. 3, 5 и 6 отдѣльными брошюрами. 7) „Объ апелляціи къ папѣ галицкаго уніатскаго священника Іоанна Наумовича, отлученнаго отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ, и о значеніи этого памятника съ русской и общеславянской точки зрѣнія" (17 ноября 1883 г.; напеч. въ „Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества", 1883 года, № 3, декабрь); 8) „О Грюнвальденской битвѣ 1410 года" (14 февраля 1885 г.; тамъ же, № 3); 9) „Нѣсколько данныхъ изъ литературной исторіи Паннонскихъ житій св. Кирилла и Меѳодія и церковно-славянской грамоты" (7 апрѣля 1885 г.; тамъ же, 1885 г. № 4, апрѣль), 10) „Историческое разъясненіе вопроса: что дѣлать теперь нашему Славянскому Благотворительному Обществу" (6 апрѣля 1887 г.; тамъ же, 1887 г., № 5—6, май—іюнь); „Рѣчь посланная въ Кіевъ по случаю празднованія въ 1888 году 900-лѣтія со времени крещенія Руси" (тамъ же 1888 г., № 6—7, іюнь—іюль); 12) „Пятидесятилѣтіе возсоединенія уніатовъ въ 1839 году и историческое значеніе этого событія" (11 мая 1889 г., напеч. въ „Слав. Извѣстіяхъ" 1889 г., № 22) и нѣкоторыя другія.

[2]) См. напр. некрологъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ" 1891 г. № 35 (29 авг.). Ср. съ этимъ некрологомъ біографическія свѣдѣнія о М. І. Кояловичѣ, по случаю празднованія 35-лѣтія его службы въ прошломъ (1890) году 6 ноября, въ „Церк. Вѣстн." за 1890 г., № 45 (8 ноября). Въ № 35 „Церк. Вѣстн." за текущій годъ, вмѣстѣ съ некрологомъ М. І-ча, помѣщены и надгробныя рѣчи, сказанныя его сослуживцами, слушателями и почитателями, прекрасно характеризующія его какъ профессора, общественнаго дѣятеля и человѣка (см. напр. рѣчь преосв. Антонія, ректора академіи, и др.). См. также тщательно написанный г. Бершадскимъ некрологъ М. І. Коялевича въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1891 г., октябрь; въ „Варшавскомъ Дневникѣ" № 190 (отъ 27 авг. 1891 г.) статью проф. И. И. Филевича, и др.

возсоединеніе уніатовъ и др.,—все это отражалось на его впечатлительной душѣ и опредѣляло отчасти дальнѣйшее направленіе его жизнедѣятельности. Начавъ свое образованіе съ духовнаго училища (въ 1841 году), продолживъ его въ духовной семинаріи (1845—51 гг.) и завершивъ въ С.-Петербургской духовной академіи въ 1855 г., онъ послѣ этого выступаетъ опредѣленно съ тѣми идеалами, которые постепенно уяснялись у него въ періодѣ его школьнаго образованія и практическое осуществленіе которыхъ обусловливалось теперь степенью ихъ научнаго обоснованія и сознаніемъ нравственной ихъ цѣлесообразности. Такъ, чрезъ годъ по окончаніи курса въ академіи, Михаилъ Іосифовичъ пишетъ къ одному изъ своихъ дальнихъ родственниковъ [3]) между прочимъ слѣдующее воспоминаніе о своемъ студенчествѣ: „Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что студенты академій нашихъ въ послѣднемъ году своего образованія, т. е. въ четвертомъ, пишутъ курсовыя сочиненія на степени. Обращаю ваше вниманіе на это потому, что избранная мною тема для этого сочиненія рѣшила мою участь, кажется, окончательно, навсегда. Писалъ я, именно, о давно задуманномъ, близкомъ и родномъ моему сердцу—какъ литовца,—писалъ исторію уніи въ Литвѣ. Громадность этого предмета, живѣйшій интересъ и совершенная неразработка его ни въ Россіи, ни въ Польшѣ, пробудили во мнѣ всю энергію къ трудамъ, къ какой только я былъ способенъ. Ближайшее знакомство съ предметомъ, открытые новые факты и взгляды при помощи богатѣйшихъ, никѣмъ не тронутыхъ источниковъ, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ, приводили меня въ паѳосъ. Я думалъ весь этотъ годъ только объ уніи, дышалъ ею и грезилъ объ ней во снѣ. Она стала для меня любимѣйшимъ занятіемъ, лучшею пищею ума и тогда-то я рѣшилъ окончательно посвятить лучшіе годы своей жизни этому труду и для этого во что бы то ни стало остаться на службѣ въ Петербургѣ вблизи ко всѣмъ ученымъ средствамъ... Жизнь ученая, при какой бы то ни было обстановкѣ и въ какой бы то ни было оболочкѣ, если такъ выразиться, представлялась мнѣ въ самыхъ радужныхъ цвѣтахъ и въ ней-то сосредоточивались всѣ мои стремленія". Такъ писалъ Михаилъ Іосифовичъ въ 1856 году, когда уже намѣчался, или точнѣе, намѣченъ былъ для него путь ученой карьеры [4]). По еще ранѣе, непосредственно по окончаніи академическаго курса, послѣ нѣкоторыхъ испытанныхъ имъ неудачъ при отысканіи себѣ соотвѣтствующихъ занятій [5]), онъ писалъ между прочимъ: „какъ трудно разгадать свою участь, какъ трудно развязать этотъ гордіевъ узелъ! Тысячи мыслей, плановъ переплетаются между собою въ какой-то хаосъ, въ которомъ изрѣдка блеснетъ свѣтлый лучъ, вливающій отраду въ душу. Куда кинуться среди этихъ запутанныхъ обстоятельствъ, гдѣ путь моей жизни, путь къ счастливому будущему, къ тому состоянію, которое бы принесло мнѣ радостное сознаніе, что я стою на видной, благородной ступени въ общественной жизни и живу и тружусь не напрасно, сообразно съ настроеніемъ, требованіями души и обязанностями?! Какъ добиться рѣшенія тѣхъ задачъ жизни, которыя я соблюлъ въ душѣ своей, какъ завѣтную святыню, какъ лучшую разработку моихъ мыслей, и рѣшился беречь, проводить невредимо сквозь всѣ затрудненія и преграды! Задушевные, взлелѣянные такъ заботливо мысли и планы! Васъ ожидаетъ пробный камень и конечно не одинъ! Странныя обстоятельства, странна жизнь человѣка! Вотъ человѣкъ составитъ себѣ тѣ или другія затѣи. Думаетъ, ломаетъ голову, какъ привести ихъ въ исполненіе. Летитъ прочь покой, развлеченіе и сладкій сонъ! Думаетъ, соображаетъ, и нѣтъ конца безконечной нити соображеній, предположеній, заключеній, рѣшеній и надеждъ! Вдругъ одно неожиданное обстоятельство, и вся головоломная работа упрощается, какъ Богъ вѣсть что. Дивный урокъ самоувѣренной душѣ! Промыслъ Всевышній, кажется, такъ и говоритъ ей: не хлопочи слишкомъ, не бери на себя больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ, сама не рѣшишь своей участи собственными силами, стараясь и трудясь надъ собою сама, предоставь съ покорностью Богу для рѣшенія долю въ твоей участи, въ твоемъ будущемъ! Онъ лучше тебя знаетъ, что тебѣ нужно и какая доля слѣдуетъ тебѣ! Испыталъ я надъ собою этотъ урокъ самымъ ощутительнымъ образомъ. Вотъ оканчивалъ я курсъ наукъ. Жизнь души моей составляли три идеи: отблагодарить родину за жизнь и воспитаніе учеными трудами въ исторіи уніи, быть опорою матери и искать семейнаго счастія... Для осуществленія этихъ цѣлей необходимо остаться въ Петербургѣ. Въ другомъ мѣстѣ—гробъ для той, другой или третьей идеи. Богъ видитъ мою душу, что это не фантазія, не пустое пристрастіе къ столичному шуму и разнообразію жизни, а серьезныя причины, золотыя, благородныя узы, которыя привлекаютъ меня къ Петербургу. Но куда дѣться съ этими идеями, какъ подладить къ нимъ обстоятельства, гдѣ найти для нихъ уютный уголокъ,

[3]) Это—нѣкто Ярославъ Михайловичъ Онацевичъ, „умный и хорошій человѣкъ", замѣчаетъ М. І-чъ на копіи своего письма, „не отставшій однако отъ полонизма". Копія этого письма (безъ конца) также любезно предоставлена мнѣ наслѣдниками-сыновьями покойнаго М. І-ча.

[4]) Ибо въ копіи имѣющагося у меня письма къ Онацевичу М. І-чъ упоминаетъ уже о предложеніи ему со стороны ректора академіи академической каѳедры.

[5]) Въ томъ же письмѣ къ Онацевичу М. І-чъ указываетъ, напр., на неудачу переговоровъ съ оберъ-гофмаршаломъ двора Его Императорскаго Величества Олсуфьевымъ относительно поступленія въ преподаватели и гувернеры къ 12-лѣтнему его сыну, и о другихъ неудачахъ.

гдѣ бы можно было ихъ пригрѣть и пр.?“ [6]). Вотъ, слѣдовательно, съ какихъ поръ ясно опредѣлился тотъ планъ жизнедѣятельности Михаила Іосифовича, который намѣчался и впечатлѣніями его дѣтства, и природными дарованіями, и школьнымъ образованіемъ—въ особенности въ высшемъ духовно-учебномъ заведеніи—въ духовной академіи. Но, однако, не сразу по окончаніи курса ему пришлось приступить къ осуществленію своего плана: назначенный сперва въ преподаватели духовной семинаріи въ Ригу, скоро переведенный на ту же должность въ Петербургъ, онъ, естественно, не могъ пока сосредоточить всѣхъ своихъ заботъ и вниманія вокругъ завѣтныхъ своихъ идей; только со времени своего поступленія на службу при академіи сперва на каѳедру сравнительнаго богословія и русскаго раскола, а затѣмъ вскорѣ—на каѳедру русской исторіи (гражданской и церковной) [7]), начинается та пора въ жизни М. І-ча, къ которой ранѣе стремилась полная энергіи, силъ и благородныхъ порывовъ его душа. Отсюда начинается его профессорская дѣятельность, съ которою неразрывно связаны его многочисленные ученые труды и занятія, а также и его общественная дѣятельность, тѣсно соприкасавшаяся въ частности съ жизнію, существованіемъ нашего Общества, и направленная непрѣдко къ выясненію его задачъ и дѣйствій въ тѣ или другіе моменты его существованія.

Не моя задача характеризовать здѣсь профессорскую дѣятельность М. І—ча [8]); нѣтъ

[6]) Заимствовано изъ собственноручной записи М. І-ча, писанной имъ 15 августа 1855 г. и представляющей какъ бы жизненный завѣтъ самому себѣ при вступленіи въ общественную жизнь и на службу.

[7]) До 1869 г. М. І-чъ преподавалъ въ академіи обѣ половины русской исторіи, т. е. русскую церковную исторію и гражданскую; а съ 1869 г., вслѣдствіе раздѣленія этихъ двухъ половинъ и пріуроченія каждой изъ нихъ къ особой самостоятельной каѳедрѣ, занималъ каѳедру русской гражданской исторіи вплоть до самой кончины.

[8]) Въ этомъ отношеніи не лишенъ интереса по искренности и правдивости чувства адресъ студентовъ-слушателей М. І—ча, поднесенный ему въ день исполнившагося 35-лѣтія его службы 6 ноября 1890 г. „Ваши лекціи,—писали между прочимъ студенты, обращаясь къ М. І—чу,—заставляли насъ съ живымъ интересомъ вникать въ событія родной исторіи, видѣть поражающую мощь и доблесть русскаго народа и его замѣчательныя зиждительно государственныя способности и тѣмъ научили насъ сознавать себя русскими людьми, обязанными цѣнить все хорошее русское, относясь вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастно и къ плодамъ европейской цивилизаціи. Представляя въ дѣлахъ лучшихъ русскихъ людей живую исторію русскаго народнаго самосознанія, вы стремились образовать въ насъ просвѣщенный взглядъ на историческія судьбы родной земли, чтобы тѣмъ

времени подробно исчислять его многочисленные ученые труды. Укажу только главнѣйшіе, для наглядкаго представленія о тѣхъ научныхъ интересахъ М. І—ча, которые, безспорно, имѣли важное жизненное значеніе и по отношенію къ нашему Обществу. Ибо не разъ самъ М. І—чъ высказывалъ, что приведеніе въ порядокъ нашихъ западно-русскихъ дѣлъ и вообще отношеній на нашей юго-западной окраинѣ, служившихъ—кстати—главнѣйшимъ предметомъ его изученія, должно отразиться благотворнымъ образомъ и на дѣлахъ и взаимоотношеніяхъ общеславянскихъ, составляющихъ существенный предметъ вниманія и попеченія нашего Общества.

Такъ, въ 1859 г. М. І—чъ напечаталъ первый томъ своей магистерской диссертаціи „Литовская церковная унія“, а въ 1862 г.—второй томъ того же сочиненія. Въ томъ же 1862 г. напечаталъ „Лекціи о западно-русскихъ братствахъ“, печатавшіяся въ изд. И. С. Аксакова „День“. Въ 1864 г. онъ напечаталъ „Лекціи по исторіи западной Россіи“, перепечатанныя потомъ въ 1883–1884 гг. 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ изданіями съ приложеніемъ этнографической карты. Въ 1865 г., по порученію археографической комиссіи, изданы имъ „Документы, объясняющіе исторію западной Россіи и ея отношенія къ восточной Россіи и къ Польшѣ“—съ переводомъ на французскій языкъ. Въ 1867 г., по порученію академіи наукъ, издана имъ „Лѣтопись осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ“. Черезъ два года, въ 1869 г., по порученію археографической комиссіи, изданъ „Дневникъ люблинскаго сейма 1569 г.“ съ переводомъ на русскій языкъ. Въ 1872 г., по порученію той же комиссіи, изданъ имъ 1-й томъ „Русской исторической библіотеки“—съ переводомъ заключающихся здѣсь дневниковъ смутнаго времени на русскій языкъ. А въ 1873 г. онъ напечаталъ свое докторское сочиненіе „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ (до 1800 г.)“. Въ слѣдующемъ 1874 г., по порученію археографической комиссіи, имъ издана была вторая половина выпуска Марьевскихъ четьихъ-миней (октябрь съ 4 по 19 число), а въ 1880 г. изданъ конецъ октября съ 19 по 31 число, съ необходимыми сличеніями текста съ греческими и латинскими подлинниками и съ болѣе древними русскими рукописями библіотеки с.-петербургской духовной академіи. Въ томъ же 1880 г. онъ напечаталъ свою актовую (произнесенную на годичномъ актѣ въ духовной академіи) рѣчь „Три подъема русскаго

побудить сознательно проводить въ жизнь народныя начала и отстаивать русское дѣло. И въ этомъ отношеніи вы дали намъ превосходный образецъ: и въ профессорѣ-теоретикѣ и въ практическомъ дѣятелѣ въ насъ былъ всегда виденъ одинъ и тотъ же истинно русскій человѣкъ, неуклонно проводящій и твердо отстаивающій основные принципы русской исторической жизни—православіе и народность“. Полный текстъ адреса напечатанъ въ „Церк. Вѣстн.“ 1890 г., № 45.

народнаго духа для спасенія русской государственности въ смутныя времена" (въ Христ. Чт. за этотъ годъ и отд. изд.). А черезъ четыре года, именно въ 1884 г., Михаилъ Іосифовичъ издаетъ свой обширный (часть своего курса по русской исторіи) трудъ „Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ" (IX и 592 стр.), который составляетъ какъ бы завершительное слово многолѣтней профессорской дѣятельности и полнаго научнаго міросозерцанія, какое проводилъ покойный и въ своихъ ученыхъ трудахъ, и въ публицистическихъ статьяхъ, а также и въ рѣчахъ, говоренныхъ имъ неоднократно при различныхъ случаяхъ въ нашихъ общихъ и торжественныхъ собраніяхъ. Въ предисловіи къ своему труду, Михаилъ Іосифовичъ, опредѣляя направленіе, которому онъ слѣдовалъ и слѣдуетъ въ своей научной дѣятельности, говоритъ между прочимъ, что, такъ какъ „въ исторіи область объективныхъ истинъ весьма не велика, а все остальное субъективно и неизбѣжно субъективно, нерѣдко даже въ области простѣйшихъ голыхъ фактовъ...", то онъ слѣдовалъ такому субъективизму, который больше всѣхъ другихъ „обнимаетъ фактическую часть русской исторіи и лучше другихъ освѣщаетъ дѣйствительныя и существенныя ея стороны. Такой русскій субъективизмъ я находилъ и нахожу въ сочиненіяхъ такъ называемыхъ славянофиловъ. Онъ лучше другихъ, и въ народномъ, и въ научномъ смыслѣ, и даже въ смыслѣ возможно правильнаго пониманія и усвоенія общечеловѣческой цивилизаціи. Сказавъ это о субъективизмѣ такъ называемыхъ славянофиловъ, я этимъ самымъ обозначаю и свой собственный субъективизмъ" (стр. IX), къ которому пришелъ—говоря его же словами—„не только по указанію русскаго чувства, но и по научнымъ требованіямъ" (стр. VI). Съ точки зрѣнія этого „субъективизма", научно обоснованнаго, онъ и предъ своими слушателями въ аудиторіи блестяще излагалъ курсъ чтеній по русской исторіи [9]), и въ своихъ печатныхъ трудахъ научно освѣщалъ вопросы науки, служившіе предметомъ его изслѣдованій и многочисленныхъ статей, а также безбоязненно и смѣло высказывалъ его въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, и пр. Въ данномъ случаѣ, конечно, нѣтъ возможности доказывать все это подробными выписками изъ различныхъ его сочиненій и статей; но нельзя однако не привести хоть нѣкоторыхъ сужденій и тѣхъ данныхъ, которыя освѣщаютъ характеръ научно-литературной дѣятельности М. І—ча и въ частности—отношеніе его къ цѣли и задачамъ Славянскаго Общества.

Какъ видно изъ перечня главнѣйшихъ ученыхъ трудовъ М. І—ча, вниманіе его по преимуществу обращено было на изученіе исторіи западно-русскаго края, и въ этомъ отношеніи его самостоятельныя ученыя работы и изданія прояснили въ первый разъ такія стороны въ исторической жизни края, которыя до того времени не были такъ полно и ясно освѣщены. Въ своихъ работахъ о „Литовской церковной уніи", въ лекціяхъ о „западно-русскихъ братствахъ" и „по исторіи западной Россіи" онъ показалъ между прочимъ паденіе въ высшихъ преимущественно слояхъ западно-русскаго общества, а въ извѣстной части народа—живучесть тѣхъ началъ жизни, противъ которыхъ неустанно боролась сосѣдняя и потомъ господствовавшая здѣсь нѣкогда Польша, постоянно стремившаяся къ осуществленію своихъ притязаній на этнографическую часть Русской земли, а въ упомянутыхъ изданіяхъ по исторіи западной Россіи („Документы, объясняющіе исторію западной Россіи и ея отношеніе къ восточной Россіи и къ Польшѣ", „Лѣтопись осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ", „Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г.") онъ нашелъ ясное подтвержденіе и разъясненіе той мысли, что, не смотря на провозглашенное соединеніе Литвы и Польши 1386 г. Ягайломъ и несмотря даже на Люблинскую политическую унію 1569 г., это соединеніе не могло проникнуть въ глубь мѣстной русско-народной жизни [10]). Правда, Брестская церковная унія (1596 г.), сопровождавшаяся отторженіемъ отъ православной вѣры высшихъ классовъ литовско-русскаго общества и даже значительной части народа, говоритъ объ успѣхахъ этого соединенія. Въ своемъ трудѣ о „Литовской церковной уніи" Михаилъ Іосифовичъ и показываетъ процессъ латинизаціи и полонизаціи края; но въ другомъ своемъ ученомъ трудѣ „Исторія возсоединенія западно русскихъ уніатовъ старыхъ временъ" онъ представляетъ какъ бы процессъ возрожденія подавленнаго старо-русскаго начала, возстановленія попранныхъ правъ, что однако еще полнѣе выразилось уже въ настоящемъ столѣтіи послѣ возсоединенія уніатовъ въ 1839 г. Но начатый трудъ по исторіи возсоединенія уніатовъ не доведенъ до этого времени, хотя отдѣльныя эпизодическія работы въ этомъ отношеніи продолжены и отчасти напечатаны, какъ напримѣръ: „Разборъ соч. П. І. Бобровскаго „Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра І. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ и указаніе на основаніи архивныхъ документовъ иной постановки всѣхъ главныхъ уніатскихъ вопросовъ того времени" (Спб., 1890 г.) и нѣкоторыя другія [11]). Какъ бы продолженіемъ ученыхъ и издательскихъ трудовъ М. І—ча по исторіи латинизаторскихъ усилій запада на русской территоріи служатъ печатаемыя имъ (по порученію археографической комиссіи) тайныя письма іезуитовъ, бывшихъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ, но за смертію еще не вышедшія въ свѣтъ. Михаилъ Іосифовичъ извѣстенъ не только какъ

[9]) Для подтвержденія этого можно опять сослаться на адресъ слушателей—студентовъ, поднесенный ему въ день исполнившагося 35-лѣтія его службы.

[10]) „Ж. М. Н. Просв.". 1891 г., окт.

[11]) См. ниже указатель разныхъ его статей въ прим. 12—19.

профессоръ, ученый, обогатившій науку своими научными вкладами, но онъ извѣстенъ и какъ писатель-публицистъ, дѣлившійся съ обществомъ богатствомъ своего научнаго содержанія. Ту и другую дѣятельность онъ совмѣщалъ безъ ущерба для какой-нибудь одной изъ нихъ, или точнѣе—онъ выступалъ на публицистическую дѣятельность тогда именно, когда вызывали его къ тому или настоятельныя нужды того края, который составлялъ главнѣйшій предметъ его изученія, или столь же настоятельные интересы популяризаціи своихъ научныхъ свѣдѣній для исправленія господствующихъ въ обществѣ и печати недоразумѣній, или просто—когда находилъ досугъ и свободное отъ научныхъ занятій время и въ тоже время горѣлъ желаніемъ подѣлиться своими благородными думами съ обществомъ, которое нуждалось въ его словѣ. Поэтому М. І—чъ, будучи кабинетнымъ ученымъ по призванію, выступалъ не рѣдко и на общественно-публицистическую дѣятельность. Онъ сотрудничалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ: въ „Церковномъ Вѣстникѣ" и „Христіанскомъ Чтеніи" [1]) (изд. при Спб. духовной академіи).

[1]) Указывая въ этомъ и другихъ слѣдующихъ примѣчаніяхъ рядъ статей М. І—ча, напечатанныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, мы конечно не претендуемъ на полноту своего списка, который можетъ быть пополненъ еще другими статьями, почему либо не вошедшими въ настоящій списокъ. Въ „Церковномъ Вѣстникѣ", изд. съ 1875 г., М. І—чъ былъ постояннымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ до самой своей кончины. Въ періодъ съ 1875 г. до 1891 г. тамъ были напечатаны имъ напр. слѣдующія статьи: въ 1875 г.—„Возсоединеніе съ православною церковію холмскихъ уніатовъ" (№№ 16, 18, и 20), „Новые взгляды на православныя западнорусскія братства" (№ 40); въ 1876 г.—„Новѣйшія извѣстія о дѣлахъ въ холмско-варшавской епархіи" (№ 17); въ 1877 г.—„По поводу извѣстія изъ Праги о принятіи православія Сладковскимъ"; въ 1879 г.—„О почившемъ архіепископѣ Василіи Лужинскомъ" (№ 5), „О покойномъ русскомъ историкѣ С. М. Соловьевѣ" (№ 41), „Вопросъ о примиреніи съ поляками" (№ 48); въ 1880 г.—„Измѣна Варлаама Шишацкаго, архіепископа могилевскаго" (№ 24), „Куликовская битва и ея значеніе въ исторіи русской государственности и русской церкви" (№ 39). „Глумленіе надъ русскимъ и православнымъ дѣломъ въ западной Россіи" (№ 45), „Свислочная смута" (№№ 47 и 48); въ 1881 г.—„Вѣроисповѣдныя обращенія и совращенія въ западной Россіи" (№ 12), „Виленскія раскопки у Пречистенскаго собора по документамъ" (№ 19), „Значеніе латинскаго прославленія нашихъ славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія" (№ 30), „Какъ возстаетъ наше русское общество изъ своего нравственнаго паденія" (№№ 46, 47, 48 и 50); въ 1882 г.—„Воспоминаніе о 19 февраля 1861 г. на лекціи по русской исторіи въ Спб. духовной академіи" („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" (№ 9), „Идеальныя религіозныя требованія и русская религіозная дѣйствительность" (№№ 11—13), „Прежніе взгляды Кулиша на Россію и Польшу, на православіе, унію и латинство" (№№ 21—23). „Разъясненіе папскихъ замысловъ касательно русскаго народа" (№№ 27 и 29), „Церковныя перемѣны въ Галиціи и ихъ значеніе для насъ" (№№ 38 и 39), „Состояніе православнаго духовенства на западной окраинѣ Россіи въ связи съ нѣкоторыми вопросами, касающимися всего русскаго духовенства" (№№ 42—44), „Недуги нашего времени и общественное сознаніе ихъ" (№ 50); въ 1883 г.—„Наши русскія историческія знамена вѣры и народности" (№№ 8, 9, 11, 13 и 14), „Оцѣнка дѣятельности въ западной Россіи гр. М. Н. Муравьева" (№ 22), „Новое положеніе латинскаго духовенства въ Россіи" (№№ 29 и 30), „Наша русская общественность и ея воспитательное вліяніе" (№№ 37, 38 и 39), „Соединеніе церквей восточной и западной въ дѣйствительной жизни уніатовъ" (№№ 43, 45, 47 и 50); въ 1884 г.—„Современные вопросы русской наукѣ, особенно духовной" (№№ 10 и 11), „По поводу посѣщенія м. Платономъ латинскаго костела въ м. Коростышевѣ" (№ 32), „Предстоящее (въ 1885 г.) тысячелѣтіе кончины слав. апостола Меѳодія" (№ 49); въ 1885 г.—„Еще о празднованіи тысячелѣтія св. Меѳодія" (№ 5), „Латинопольская ловля русскаго человѣка въ Холмской Руси" (№ 18), „Папское умиротвореніе смущенной совѣсти вѣрующаго" (№ 23); въ 1886 г.—„Нѣсколько словъ объ И. С. Аксаковѣ" (№ 5), „Поѣздка въ западную Россію" (№№ 15—51—2); въ 1887 г.—Продолженіе описанія путешествія (№№ 3—6, 8, 10 и 11). „Современное папство и наше сильное оружіе противъ него въ западной Россіи" (№ 36), „Польскій отзывъ о церковно-славянскомъ богослуженіи въ костелахъ западной Россіи" (№ 38), „Новыя задачи и новыя трудности нашему русскому духовенству" (№ 40). „Естественныя ожиданія отъ папы въ дни его юбилея" (№ 46), „Судьбы русскаго просвѣщенія и русской религіозной жизни на окраинахъ Россіи" (№№ 49 и 50); въ 1888 г.—„Разгадка современнаго кризиса въ папствѣ" (№ 11), „Старое и новое русское пониманіе латинства и отношеній къ нему Россіи" (№№ 16, 19 и 20), „По поводу предстоящаго соглашенія съ Римомъ" (№ 23). „Сила вліянія нашего равноапостольнаго Владиміра на латинскій міръ" (№№ 36—38); въ 1889 г.—„Къ предстоящему пятидесятилѣтію возсоединенія западно русскихъ уніатовъ 1839 г." (№№ 9—13). „Замѣтка М. І. Коялевича объ отвѣтѣ ему И. І. Бобровскаго по вопросу о возсоединеніи уніатовъ" (№ 19), „Историческое значеніе возсоединенія съ православною церковью западнорусскихъ уніатовъ въ 1839 г. и естественныя особенности празднованія его 50-лѣтія" (№№ 20—22). „Новый вопль изъ Галиціи" (№ 33). „Новый папскій призывъ къ религіозной враждѣ" (№№ 36, 37 и 45), „Исторія проектовъ объ учрежденіи въ Вильнѣ духовной академіи

свѣщенія» [13]), въ газетѣ «День» [14]) и др. из-

и современная нужда въ ней» (№№ 47—49); въ 1890 г. — «Замѣтка по поводу проекта г. Струнникова о новой академіи» (№ 1), «Проектъ прав. дух. академіи въ Вильнѣ м. Макарія» (№ 2), «Новыя усилія развѣчнать присно-памятнаго митр. Іосифа Сѣмашку въ славѣ и чести» (№№ 11—12), «Призывалъ-ли императоръ Николай I Іосифа Сѣмашку въ православной вѣрѣ» (№ 21) и др.—Въ «Христ. Чтеніи» были напечатаны между прочимъ слѣдующія статьи: «Замѣчанія объ источникахъ для исторіи литовской церковной уніи» (1858 г., ч. II), «Разборъ соч. Вердье о началѣ католичества въ Россіи» (1858 г., ч. I); «Объ отношеніяхъ западно русскихъ православныхъ къ литовско-польскимъ протестантамъ во времена уніи» (1860 г., ч. II); «Борьба уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя съ литовско-русскими православными въ 1599—1613 г.» (1860 г., ч. II); Двѣ критико-библіографическія статьи (1861 г., ч. II); «О почившемъ митрополитѣ литовскомъ Іосифѣ» (1868 г., ч. II, 1869 г., ч. I); «Церковно-историческій памятникъ изъ временъ перваго раздѣла Польши, съ предисловіемъ М. І. К.» (1872 г., ч. II); «Дѣятельность Георгія Конисскаго послѣ перваго раздѣла Польши» (1873 г., ч. I); «Три подъема русскаго народнаго духа для спасенія нашей государственности во времена самозванческихъ смутъ» (1880 г., ч. I); «Разборъ критики К. Н. Бестужева-Рюмина на соч. М. І. К-ча «Исторія русскаго самосознанія» (1885 г., ч. I).

[13]) Въ «Журн. М. Н. Просв.» напечатаны между прочимъ слѣдующія статьи: Рецензія по поводу 3 тома «Археографическаго сборника документовъ, относящимся къ исторіи сѣверо-западной Руси» (1868 г., ч. 139); «О заслугахъ покойнаго митрополита литовскаго Іосифа въ дѣлѣ русскаго образованія въ западной Россіи» (1868 г., ч. 140); «Трехсотлѣтняя годовщина Люблинской уніи» (1869 г., ч. 143); Рец. на ст. Трачевскаго «Польское безкоролевье и румынская неурядица во 2-й половинѣ XVI в.» (1869 г., ч. 146); рец. на ст. М. Смирнова «Ягелло-Яковъ-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею» (1869 г., ч. 146); по поводу «Книги кагала. Матеріалы для изученія еврейскаго быта» и «Описаніе дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго ген.-губ.» (1870 г., ч. 152); «О раздѣлахъ Польши» (1871 г., ч. 158); рец. по поводу изданія «Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ губ. впл., гродн., минск. и ков. и пр. (1872 г., ч. 164); «Просьба жителей западной Малороссіи о принятіи въ русское подданство 1773 г.» (1872 г., ч. 163); «Яковъ Смогоржевскій, полоцкій уніатскій архіепископъ, виослѣдствіи уніатскій митрополитъ» (1873 г., ч. 165); «Прежнія воззрѣнія польскаго писателя Крашевскаго на бывшее литовское княжество, т. е. зап. Россію» (1883 г., ч. 225); рец. «Записки Іосифа митрополита литовскаго» (1884 г., ч. 231); разборъ соч. П. І. Бобровскаго «Русская греко-уніатская Церковь въ царствованіе императора Александра I» (1890 г., іюнь).

[14]) Въ газ. (И. С. Аксакова) «День» съ

даніяхъ покойнаго И. С. Аксакова, въ «Русскомъ Инвалидѣ» [15]), въ «Гражданинѣ» (прежней редакціи 1872 г.) [16]), въ «Правдѣ» (изд.

1861—2 г. напечатаны, напр., слѣдующія статьи: въ 1861—2 г.—«Нѣсколько словъ по поводу болгарскаго вопроса. Письмо къ редактору» (№ 6), «Люблинская унія Литвы съ Польшею» (№№ 10—12), «Замѣтки о проектѣ ксендза-іезуита» (№ 20); «Своекоштные студенты и вольнослушатели Спб. духовной академіи» (№ 21), «О западно-русскихъ церковныхъ братствахъ» (№№ 36, 37, 38, 39, 40, 41 и 42), «Свѣдѣнія о современномъ состояніи западно-русскихъ братствъ» (№№ 44 и 45), «Извѣстія изъ Бѣлоруссіи» (№ 46); въ 1863 г.—«Письмо къ редактору о братствахъ» (№ 3), «Давайте книги для западно-русскаго народа или бросьте всѣ заботы объ открытіи для него школъ» (№ 6), «Что нужно западной Россіи?» (№ 10), «По поводу указа Сенату 31 марта о дарованіи амнистіи поднявшимъ оружіе противъ правительства въ западныхъ губерніяхъ» (№ 15), «Народное движеніе въ зап. Россіи» (перепеч. изъ «Русскаго Инвалида» № 91), «О разселеніи племенъ западнаго края Россіи» (№ 20), «Встрѣча народности въ западной Россіи съ русскою государственностью и велико-русскою народностью» (№ 23, перепеч. изъ «Русскаго Инвалида» № 117). «Споръ уніатовъ съ латинянами». Историческій документъ (№ 26). «Объ отношеніи русскаго общества къ западной Россіи» (№ 27), «Пора собраться домой» (№ 28), «Три мученическія кончины» (№ 29), «Гдѣ наши силы?» (№ 31), «Вѣрноподданническое полякокъ» (№ 39), «Приглашеніе записываться въ церк. братства зап. Россіи» (№ 46), «О церк. братствахъ» (№ 52); въ 1864 г.—«О разныхъ недоумѣніяхъ и страшныхъ сужденіяхъ по поводу западно-русскихъ братствъ» (№ 8), «Нѣсколько словъ о гр. Д. Н. Блудовѣ: западной Россіи на память» (№ 9), «Лекціи по исторіи западной Россіи» (съ 14 № по 29 № включительно). «Желаютъ быть русскими и православными» (№ 36), «Нужны промыслы, нужны ремесла въ западно-русскомъ народѣ» (№ 46). «О холмскихъ уніатахъ» (№ 48), «Замѣтка о матеріалахъ для этнографіи Царства Польскаго» (№ 50); въ 1865 г.—«Настало-ли время мириться съ поляками?» (№ 1), Разборъ соч. Д. А. Толстого о католицизмѣ въ Россіи (№№ 2, 6 и 18). «Новыя свѣдѣнія о почитаніи новаго латинскаго мученика Андрея Боболи» (№ 3), По поводу вновь изд. іезуитомъ о. Мартыновымъ соч. Якова Суши о жизни и подвигахъ Іосафата Кунцевича (№ 14), «Какъ устроить нормальное положеніе въ зап. Россіи» (№ 20), газетѣ «Голосъ» отвѣтъ по поводу критики «Лекцій по исторіи зап. Россіи» (№ 41), Разъясненіе «Голосу» (№ 19) и др.

[15]) «Русскій Инвалидъ» 1863 года (№№ 91, 117). См. въ предыдущемъ примѣчаніи.

[16]) Въ «Гражданинѣ» 1872 г. помѣщены напр. слѣд. статьи: «Историческія письма. До татарская Русь» (№№ 1, 3, 6, 13, 14, 18). «По поводу столѣтія со времени перваго раздѣла

1888—89 года [17]), въ „Новомъ Времени“ [18]), въ „Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества [19]) и др. Почти не было болѣе или менѣе важнаго событія или вопроса въ общественно-религіозной жизни нашего юго-западнаго края, котораго бы не касался Михаилъ Іосифовичъ въ своихъ разнообразныхъ статьяхъ. Онъ чутко прислушивался и къ движеніямъ общерусской жизни, всегда внимательно относился и къ явленіямъ общеславянской исторіи и современности. Вездѣ онъ, воспитавшись самъ средь борьбы и страданій своей родины отъ латино-польскихъ притязаній на западно-русскій край, указывалъ смыслъ этой борьбы —какъ борьбы за православно-русское, православно-славянское или иначе—греко-славянское культурное начало противъ завоевательныхъ притязаній латинства и германизма (вторгавшагося черезъ Польшу), слѣдовательно противъ латино-германскихъ началъ западно-европейской жизни. Понявъ это, онъ бодро, даже ревниво стоялъ на стражѣ русско-славянскихъ народныхъ интересовъ въ особенности тамъ, гдѣ они были обуреваемы прибоемъ волнъ иноземнаго враждебнаго вліянія. Поэтому неудивительно, что и въ публицистическихъ статьяхъ, какъ въ ученыхъ трудахъ, главное вниманіе свое онъ обращалъ на западно-русскія дѣла, гдѣ опасность иноземнаго вліянія сказывалась сильнѣе и замѣтнѣе... Но, при этомъ, онъ не останавливался только на провинціальныхъ интересахъ края: дорожа нѣкоторыми его особенностями, онъ тѣсно связывалъ ихъ съ ходомъ общерусской жизни; онъ былъ горячимъ и убѣжденнымъ воборникомъ единства русской земли и ея духовныхъ культурныхъ связей съ родственнымъ заграничнымъ славянствомъ.

Такъ, когда въ 1861 г. на приглашеніе И. С. Аксакова [20]) сотрудничать въ его газ. „День“ Михаилъ Іосифовичъ отвѣтилъ согласіемъ, И. С—чъ (отъ 22 сентября 1861 г.) писалъ ему между прочимъ: „Вотъ ужъ для одного этого стоитъ издавать газету, чтобы дать въ ней мѣсто свободному голосу двухъ-трехъ людей, какъ вы! Мнѣ некогда очень много писать, но мнѣ хотѣлось только выразить ту

Польши“ (№ 18), „Новая политика польской эмиграціи“ (№ 23), „Старокатоличество въ польскомъ мірѣ“ (№№ 25 и 27) и др.

[17]) Въ „Правдѣ“ за 1888—9 гг. М. І—чъ напечаталъ множество статей, изъ которыхъ мы укажемъ напр. слѣдующія: въ 1888 г.— „Къ западной Россіи“, статьи по еврейскому вопросу (№№ 2. 36), „Русскіе историки вровинились“, по поводу изслѣдованія іезуита Пирлинга о бракѣ Іоанна III съ Софіею Палеологъ (№№ 3—8), „О XIV томѣ актовъ виленской археографической комиссіи“ (№№ 9—10), „Чего хочетъ отъ насъ западная Европа“ (№ 22), „Объ изд. И. Н. Батюшкова „Волынь“ (№№ 23—24), „Владиміровы дни“ (№ 28), „Въ защиту славяноФиловъ“ (№№ 29—31), объ „Исторіи Польши“ М. Бобржинскаго въ русскомъ переводѣ (№№ 32—33, №№ 40—48); въ 1889 г.—„Новогодняя замѣтки“ (№ 1), „Русскій народъ, его инородцы и наплывъ иноземцевъ“ (№№ 5—9), „Къ пятидесятилѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ 1839 года“ (№ 12), и мн. др.

[18]) Нѣсколько статей напечатано въ „Новомъ Времени“, напр.: „Новыя явленія въ русско-польскомъ вопросѣ“ (1880, № 1725 и 1755) и мн. др.

[19]) См. выше прим. І.

[20]) Это приглашеніе было сдѣлано въ письмѣ отъ 13 сент. 1861 г. Въ виду важности и общаго интереса этого письма для характеристики того литературнаго направленія, съ которымъ приходилось теперь ближе стать покойному М. І—чу, мы позволимъ себѣ привести въ цѣломъ письмо къ нему И. С. Аксакова. „М. Г. М. І—чъ! В. И. Ламанскій подалъ мнѣ,—писалъ И. С—чъ,—пріятную надежду имѣть васъ сотрудникомъ. Не будучи знакомъ съ вами лично, хотя и коротко знакомъ съ вашими сочиненіями, я не рѣшался обратиться къ вамъ прямо съ предложеніемъ принять участіе въ моемъ изданіи, тѣмъ болѣе, что настоящая программа моя, гдѣ объяснялось направленіе газеты, осталась не напечатанною. Тѣмъ болѣе радъ я обязательному посредничеству Ламанскаго, давшему мнѣ возможность стать съ вами въ прямыя отношенія. Я нисколько не намѣренъ стѣснять васъ въ выборѣ предмета, но желаю однако же откровенно объяснить, какой именно помощи жду я отъ васъ въ настоящую минуту,—или, вѣрнѣе, какой именно темный вопросъ требуетъ если не разрѣшенія, то освѣщенія отъ вашихъ знаній и дарованій.—Для насъ теперь всего важнѣе вопросъ польскій, и именно вопросъ о границахъ польскихъ. Я уже давно, года три тому назадъ, хотѣлъ поднять этотъ вопросъ въ литературѣ, съ тѣмъ, чтобы полюбовно размежеваться съ поляками (въ области литературы), но тогда мнѣ это не удалось. Думаю, что теперь удастся. Отношеніе Литвы и Бѣлоруссіи къ Польшѣ можетъ быть настоящимъ образомъ опредѣлено только помощью историческихъ, статистическихъ и этнографическихъ данныхъ. Русская такъ называемая образованная публика отличается совершеннымъ невѣжествомъ во всемъ, что не заключается въ учебникахъ историческихъ Вебера или въ географіи Бальби и Риттера, слѣдовательно во всемъ, что касается исторіи и географіи Польши, Литвы, Бѣлой и Червоной Руси и всѣхъ славянскихъ племенъ. А какъ моя газета, со всею искренностію, серьезностію и строгостью убѣжденія, посвящена дѣлу нашего народнаго самосознанія, то содѣйствіе такихъ людей, какъ вы, для нея драгоцѣнно. Вы, можетъ быть, по слухамъ, составили себѣ ложное понятіе о моемъ патріотизмѣ и о славянофильствѣ вообще. Смѣю васъ увѣрить, что мы умѣемъ сочетать любовь и вѣру въ народъ русскій—съ строгимъ и безпристрастнымъ судомъ надъ древнею и современною Русью и способны глядѣть въ лицо истинѣ безъ страха, а потому въ этомъ отношеніи вамъ нечего опасаться“.

истинную душевную отраду, которую мнѣ доставило ваше горячее письмо, и передать вамъ, что я вполнѣ и всѣмъ сердцемъ вамъ сочувствую. Вы увидите, что подъ знаменемъ истинной Москвы, какъ представительницы всея Руси, могутъ стать въ братскомъ союзѣ и Великая, и Малая, и Бѣлая, и Червонная, и Черная Русь, и Литва и проч. Вспомните стихи Хомякова къ Россіи:

„ .... и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіяньемъ вѣры имъ пролей!"

Если въ этомъ письмѣ И. С—чъ разъясняетъ свой взглядъ по поводу высказанныхъ вѣроятно нѣкоторыхъ недоумѣній М. І—ча, взглядъ на отношенія „истинной Москвы „къ тѣмъ кореннымъ „особенностямъ „Литвы", которыя даютъ ей только „внутреннюю самобытную силу", то въ слѣдующихъ затѣмъ письмахъ онъ уже не имѣетъ повода касаться этихъ вопросовъ, будучи знакомъ съ его основными воззрѣніями изъ его сочиненій, печатавшихся въ „Днѣ" его статей и изъ частной ихъ переписки, которая содержитъ въ себѣ разныя подробности относительно присылаемыхъ М. І—чемъ статей и ихъ значенія для тогдашней русской общественной мысли, относительно вообще того широкаго и горячаго участія, какое принимали въ тогдашнемъ положеніи западно-русскаго края М. І—чъ съ одной стороны и И. С—чъ съ другой, и многіе др. Такъ еще въ 1861 г. (отъ 4 ноября), получивъ отъ М. І—ча статью [21]), И. С.—чъ пишетъ ему: „Не смущайтесь ничѣмъ, дорогой сотрудникъ! Пусть шипитъ злоба и клепета! Пусть вооружается противъ насъ петербургскій псевдолиберализмъ: такъ и быть должно! Плохо бы было, еслибы мы его не задѣли за живое! Въ теперешнее хаотическое время нужнѣе, чѣмъ когда-либо, неуклонная вѣрность своему нравственному путеводному началу и безбоязненное ему служеніе. На насъ вскипятъ злобой тысячи человѣкъ, но если вы одинаго отъ малыхъ сихъ спасли и обратили, такъ вы уже совершили цѣлый подвигъ. Вспомните, что вы можете оживить и поднять, возродить духовно цѣлый край! Нѣтъ, крѣпче соединимся вмѣстѣ, во имя всея Россіи, всего русскаго народа..." Вообще И. С-чъ дорожилъ сотрудничествомъ М. І-ча въ своей газетѣ. Такъ, когда въ 1863 году М. І-чъ печаталъ свои статьи въ „Русскомъ Инвалидѣ" [22]) и посылалъ нѣкоторыя въ „Московскія Вѣдомости", то И. С-чъ (отъ 5 декабря 1863 г.) писалъ ему между прочимъ: „Ваша ревность къ западному краю заставляетъ васъ метаться во всѣ стороны и это, подрывая нѣсколько вашъ авторитетъ, нарушая стройность системы, порождая путаницу понятій, отзовется вредомъ и самому краю. Больше было бы пользы, еслибъ огонь вашей баттареи былъ сосредоточеннѣе, сдержаннѣе, а не разсыпался во всѣ стороны". Поэтому онъ настойчиво проситъ М. І-ча посылать ему статьи, и, печатая ихъ, неоднократно имѣлъ случай восторгаться тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онѣ производили въ свое время на общественное мнѣніе въ отношеніи къ западно-русскому краю. Такъ, еще въ 1861 г. (отъ 22 октября) И. С-чъ писалъ М. І-чу: „Статья ваша [23]) имѣла успѣхъ блистательный и разомъ освѣтила для публики неясный для нея вопросъ отношеній Литвы къ Польшѣ. Рѣшительно всѣ отъ нея въ восхищеніи. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать новой статьи вашей, по прочтеніи вами памятниковъ, изданныхъ Дзялынскимъ" [24]). Также и въ 1863 г. (отъ 22 апрѣля) И. С-чъ пишетъ М. І-чу, что „статья ваша въ 15 № („Дня") произвела большой эффектъ" [25]). Начавшееся при посредствѣ В. И. Ламанскаго знакомство М. І-ча съ И. С. Аксаковымъ продолжалось потомъ во все послѣдующее время, продолжалась между ними и переписка до самой кончины Аксакова [26]).

Знакомство съ Аксаковымъ и сочувствіе издательской дѣятельности послѣдняго, сочувствіе одушевлявшимъ его идеямъ, сблизило М. І-ча и съ другими выдающимися представителями того же направленія (Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. Ѳ. Гильфердингомъ и многими

[21]) Не разумѣется-ли здѣсь начало тѣхъ статей („Люблинская унія Литвы съ Польшею"), которыя помѣщались въ газ. „День" (1861—2 гг.) не съ № 7, какъ обѣщалъ И. С—чъ въ своемъ письмѣ, а съ № 10?

[22]) См. въ прим. 12 и 13.

[23]) Не разумѣется-ли здѣсь критическая статья, напечатанная въ 1 № „Дня" (за 15 октября 1861 г.) подъ заглавіемъ: „Кіевская комиссія для изданія древнихъ грамотъ и актовъ юго-западной Россіи и польскіе патріоты. Нѣмецко-австрійскія тенденціи?"

[24]) „Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г.".

[25]) „По поводу указа Сенату 31 марта о дарованіи амнистіи поднявшимъ оружіе противъ правительства въ западныхъ губерніяхъ". „День" 1863 г., № 15 (15 апрѣля).

[26]) Сохранившаяся переписка обнимаетъ главнымъ образомъ періодъ времени отъ 1861 по 1865 г. Сохранилось впрочемъ одно письмо отъ 1884 г., въ которомъ И. С-чъ благодаритъ за присланную ему въ даръ М. І-чемъ книгу „Исторія русскаго самосознанія" („это превосходнѣйшій и крайне полезный трудъ"— писалъ И. С-чъ) и сообщаетъ о своемъ намѣреніи пріостановить на время изданіе газеты „Русь", а потомъ возобновить ее въ „преображенномъ и усиленномъ видѣ" (т. е. въ видѣ еженедѣльнаго изданія). Послѣднее письмо (изъ имѣющихся у меня—по крайней мѣрѣ— въ рукахъ) И. С-ча къ М. І-чу писано 15 апрѣля 1885 г. (изъ Ялты) по поводу совершившагося чествованія тысячелѣтія со времени блаженной кончины св. Меѳодія 6 апрѣля 1885 г., причемъ И. С-чъ писалъ М. І-чу: „Читаю всѣ ваши рѣчи, и всегда читаю ихъ съ искреннимъ удовольствіемъ и умиленіемъ: такъ неослабно горитъ ваше священное пламя любви къ Руси и къ родинѣ: никакія личныя несчастія и испытанія, никакіе недуги и жестокіе удары судьбы не ослабили вашей энергіи".

друг.), возбудило въ немъ живое стремленіе къ научному уясненію этого направленія. Впрочемъ, это стремленіе сознательно выросло и развивалось у него подъ вліяніемъ тѣхъ научныхъ разысканій, которыя составляли его призваніе, завѣтную мечту съ самой студенческой скамьи. Изученіе историческихъ судебъ западно-русскаго края выдвигало предъ нимъ вопросы и рѣшенія ихъ въ такой постановкѣ, въ какой они соотвѣтствовали „научнымъ требованіямъ", а также указаніямъ истинно-русскаго чувства и истинно-русскихъ и общеславянскихъ интересовъ. М. І-чъ неоднократно указывалъ на эту связь въ дѣятельности нашихъ славянофиловъ въ западномъ краѣ. Такъ напр., въ рѣчи своей, посвященной памяти Ю. Ѳ. Самарина [27]), М. І-чъ говорилъ между прочимъ: „Позволю себѣ напомнить дѣла, повидимому совершенно забытыя, русско-польскія, и указать взглядъ Ю. Ѳ-ча съ точки зрѣнія одной изъ этихъ окраинъ, которой принадлежу по моему происхожденію и спеціальнымъ моимъ занятіямъ. Не могу забыть того времени, когда я въ первый разъ увидѣлъ нашу знаменитую тріаду—Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина и кн. Черкасскаго, и когда я увидѣлъ ее у покойнаго гр. Блудова и когда, затѣмъ, мы отправились въ домъ одного изъ ближайшихъ друзей Ю. Ѳ-ча—князя Оболенскаго... На меня, тогда только что выступавшаго на поприще общественной дѣятельности, эта славная тріада произвела могущественное, неизгладимое впечатлѣніе. Живо помню и другое время, когда я видѣлъ Ю. Ѳ-ча здѣсь же въ Петербургѣ, послѣ возвращенія его изъ Польши, гдѣ онъ изучалъ, съ Н. А. Милютинымъ и княземъ Черкасскимъ, крестьянское дѣло и собиралъ матеріалы для составленія положенія о польскихъ крестьянахъ. Когда я началъ съ нимъ бесѣду о разныхъ западно-русскихъ неудачахъ и недостаточности тамъ русской поддержки, Ю. Ѳ-чъ почти съ жестокостію сказалъ мнѣ, что сами западно-руссы виноваты: сами бы они должны были работать и поправлять свои дѣла. Я былъ пораженъ этими словами и готовъ былъ думать, что ему мало извѣстны или даже чужды дѣла западно-русскія; но вскорѣ мнѣ стало ясно, что Ю. Ѳ-чу не чужды были эти дѣла, а напротивъ, очень близки... онъ возмущался безжизненностью русскихъ силъ въ западной Россіи; но когда въ этой странѣ оживали эти силы и сказывались въ дѣлахъ, тотъ же Ю. Ѳ-чъ самъ шелъ къ нимъ на встрѣчу, самъ спѣшилъ ближе ознакомиться съ ними и заѣзжалъ, между прочимъ, ко мнѣ".

При оцѣнкѣ значенія дѣятельности Ю. Ѳ-ча на окраинахъ, М. І-чъ „обращался между прочимъ къ тому общему, не разъ высказанному и подробно выясненному имъ взгляду, что направленіе, къ которому принадлежалъ Ю. Ѳ-чъ, т. е. „славянофильство", давая „жизненное, русское содержаніе, способное привлечь къ себѣ людей", имѣло „самое могущественное и благотворное вліяніе въ западной Россіи". Поэтому неудивительно, что подъ это знамя стекались всѣ лучшія западно-русскія силы, что подъ него сталъ и М. І-чъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей литературной дѣятельности. Стоя подъ этимъ знаменемъ, вооруженный историческими знаніями и вообще наукою, онъ освѣщалъ прошлую и современную жизнь не одного только западно-русскаго края, но и всей русской земли и даже цѣлаго славянства. Къ сожалѣнію, теперь нѣтъ возможности выяснить это подробно, хотя бы изъ того, такъ сказать, свода научныхъ воззрѣній М. І-ча въ области изучаемой имъ спеціальности, который представляетъ его обширный трудъ: „Исторія русскаго самосознанія". Но мнѣ хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, остановить вниманіе собранія на тѣхъ „рѣчахъ" покойнаго Михаила Іосифовича, которыя онъ произносилъ въ собраніяхъ Славянскаго Общества и которыя, служа выраженіемъ его славянофильскаго міровоззрѣнія, представляютъ данныя для подтвержденія высказанныхъ мыслей (о взглядахъ М. І-ча на движенія общерусской жизни и отношеній общеславянскія). Для этого я остановлюсь на нѣкоторыхъ только рѣчахъ и комментаріяхъ къ нимъ изъ другихъ мѣстъ его статей и сочиненій.

Прежде всего, я остановлюсь на его рѣчи „Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности", сказанной въ засѣданіи Славянскаго Общества 23 января 1883 г. [28]).

Въ началѣ своей рѣчи М. І-чъ говорилъ: „Въ безконечномъ спорѣ между т. н. у насъ западниками, или поборниками правоваго порядка, съ одной стороны, и народниками, самобытниками съ другой, постоянно поднимается вопросъ: что самобытно-культурнаго выработало наше русское прошедшее, каковы самобытные идеалы Россіи? и, если судить по той нашей текущей литературѣ, какая больше всего обращается въ массѣ русскихъ читателей, то придется признать, что съ самою большею смѣлостью и самоувѣренностью вопросъ этотъ рѣшается отрицательно (это и легко дѣлать, не нужно для этого большихъ знаній), а положительное рѣшеніе его дается съ недостаточною ясностью или полнотою, по самому свойству предмета, требующаго большихъ русскихъ знаній и мало удобнаго для легкаго изложенія". М. І-чъ и старается раскрыть въ своей рѣчи „положительное, богатое культурное содержаніе нашего русскаго прошедшаго", указывая „выдающіеся факты объ исторической живучести русскаго народа,

[27]) Рѣчь эта произнесена была въ собраніи членовъ С.-Петербургскаго Отдѣла Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета 28 марта 1876 г., ср. выше прим. Напечатана между прочимъ въ брошюрѣ „Въ память Юрія Ѳедоровича Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу его кончины". С.-Петербургъ 1876 г. (изданіе Славянскаго Общества).

[28]) Рѣчь эта напечатана (см. выше прим. 1), также и отдѣльною брошюрой (28 стр.) Спб. 1883.

какъ одномъ изъ главнѣйшихъ условій прочной культурности", причемъ раскрываетъ „степень даровитости народа" и „самыя культурныя явленія и силы нашего прошедшаго".

„Всѣмъ извѣстно, продолжаетъ М. І-чъ, какъ громадно наше отечество по своему пространству и народонаселенію. На пространствѣ слишкомъ четырехъ сотъ тысячъ квадратныхъ миль русскаго государства живетъ по однимъ счисленіямъ около ста милліоновъ, а по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, будто бы, даже свыше ста милліоновъ жителей. Всякому очевидно, что только сильный, исторически живучій народъ могъ образовать такія громадныя величины", этотъ „великій историческій трудъ могъ совершить народъ не только исторически живучій, но и даровитый, тѣмъ болѣе, что это не былъ какой-либо азіатскій трудъ, какъ лава быстро и опустошительно разливающаяся и скоро потухающая. Это былъ европейскій трудъ — медленный, упорный и крайне тяжелый..." (стр. 5—6). „Распространяясь на сѣверо-востокъ по нынѣшней Россіи, русскій народъ съ древнѣйшихъ временъ шелъ въ эти огромныя и невѣдомыя тогда для него страны съ своимъ народнымъ, а потомъ и съ христіанскимъ сознаніемъ, что такъ прекрасно для стараго времени и такъ укоризненно для нашего выражено на первыхъ страницахъ нашей древнѣйшей лѣтописи. Лѣтописецъ великолѣпно знаетъ вообще славянскія племена, съ заботливостію замѣчаетъ, что и то и другое изъ русскихъ племенъ славяне же, и даетъ точный списокъ славянскихъ и не славянскихъ племенъ русской земли, прибавляя, что первые уже христіане, крещенные во едино крещеніе"... (стр. 7). „Подъ этими-то двумя знаменами — сперва народнымъ, а потомъ и христіанскимъ, соединившимися затѣмъ въ единое знамя святой Руси, русскій народъ сохранилъ себя какъ народъ, и развивалъ свои славянскія способности и наклонности" (тамъ же). Затѣмъ М. І—чъ отмѣчаетъ слѣдующія особенныя явленія въ исторической жизни русскаго народа. Это—прежде всего—„любовь его къ земледѣлію и настойчивое стремленіе къ обладанію лучшей землей,—къ обладанію обоими нашими черноземными бассейнами—юго-западнымъ и юго-восточнымъ", и въ этомъ стремленіи „русскій народъ развивалъ культурную форму жизни — земельную общину со сходкой, или русскимъ міромъ,—общину, которая является у него тоже съ древнѣйшихъ временъ и коренилась не на первобытныхъ родственныхъ отношеніяхъ,—родовомъ бытѣ, а на началѣ полюбовнаго соглашенія" (стр. 8). „Вмѣстѣ съ любовью къ земледѣлію, продолжаетъ М. І-чъ, русскій народъ тоже съ древнѣйшихъ временъ обнаруживалъ любовь и способность къ промышленности, торговлѣ, показывалъ замѣчательное умѣнье овладѣвать рѣчными и водными путями и берегами прилегавшихъ къ его землѣ морей (какъ напримѣръ русская тмутараканская колонія у Керченскаго пролива, походы русскихъ къ Каспійскому морю въ концѣ IX и въ началѣ X в., новгородская торговля по Балтійскому морю, и мн. др.). И въ торговой жизни, подобно общинѣ въ земледѣльческой, русскій народъ развивалъ туже культурную форму — вѣчевую форму общественной своей жизни, а при передвиженіяхъ съ одного мѣста на другое онъ вырабатывалъ разнаго рода дружины: военныя, торговыя, промышленныя, сохранившіяся отчасти въ нашей теперешней артели (стр. 8—9). „Наконецъ, говоритъ М. І-чъ, развивая свою земскую жизнь въ селахъ и городахъ, русскій народъ въ весьма раннее время созналъ необходимость государственнаго стремленія, государственной объединяющей власти", выразившейся въ московскомъ единодержавіи „съ земскими соборами и съ земскимъ всенароднымъ царемъ во главѣ" (стр. 9). Этотъ многовѣковой настойчивый, можно даже сказать подвижническій трудъ русскаго народа, обнаруживший въ немъ столько крѣпкихъ силъ и выработавшій столько хорошихъ качествъ (терпѣніе въ строительной государственной работѣ, несмотря на затрудненія, несмотря на жестокости І. Грознаго и „потрясенія", т. е. „преобразованія петровскія",—человѣчность въ отношеніи къ другимъ)—ручательство за будущіе успѣхи Россіи" (стр. 11). Этому росту основнаго русскаго этнографическаго зерна Россіи не могутъ мѣшать другія вошедшія въ него этнографическія группы.—Приступая къ разъясненію этого вопроса, М. І—чъ прежде всего спрашиваетъ: „каковы же отношенія къ нимъ (т. е. инородческимъ этнографическимъ группамъ) русской этнографической массы, чѣмъ она ихъ держитъ и въ чемъ историческое, т. е. культурное, оправданіе власти надъ ними этой массы?" Разъясняя эти вопросы, признавая культурныя начала воздѣйствія Россіи на инородцевъ, М. І—чъ выражается между прочимъ: „На всѣхъ важнѣйшихъ нашихъ окраинахъ самою исторіей поставлена русскому народу счастливѣйшая и благороднѣйшая задача—охранять исконное, туземное населеніе отъ пришельцевъ и нерѣдко насильниковъ, и возстановлять въ ихъ отношеніяхъ нравственную правду (напримѣръ въ Финляндіи охранять туземцевъ финновъ отъ пришельцевъ шведовъ; въ балт. областяхъ—эстовъ и латышей—отъ нѣмцевъ, въ Польшѣ—„простой польскій народъ отъ сдѣлавшихся ему во многомъ чужими польскихъ пановъ и ксендзовъ" и т. д.) (стр. 21). „Не одна историческая случайность дала Россіи такую счастливую и благородную постановку ея отношеній къ инородцамъ—отношеній человѣчнаго уваженія къ законнымъ нуждамъ и благамъ меньшихъ людей, отношеній истиннаго христіанскаго братства" (стр. 22), лежащихъ въ основѣ русской исторической жизни. „Тѣ же начала сказались въ лучшихъ типахъ русской земельной общины, выразились въ освобожденіи нашихъ крестьянъ съ землею, въ послѣдней нашей восточной войнѣ—въ защитѣ южныхъ славянъ отъ насильниковъ-турокъ, „безъ всякихъ видовъ на корыстную награду". Причемъ „наша русская вѣра осиящаетъ наши искреннія русскія начала и въ этомъ совпа-

денія величайшее наше историческое счастіе и благо" (стр. 23). Все это, естественно, даваи внутреннюю силу самой Россіи, привязываетъ къ ней и ея инородцевъ, пріобщая ихъ къ внутреннимъ, основнымъ началамъ русской жизни (стр. 26). Выше приведенными выдержками изъ прекрасной и поучительной рѣчи М. І—ча (рекомендуемъ ее читать!) не исчерпывается конечно все ея богатое содержаніе; но и изъ приведенныхъ краткихъ извлеченій можно видѣть характеръ того направленія, подъ знаменемъ котораго стоялъ М. І—чъ, глубоко вѣрившій въ „историческую живучесть русскаго народа", несмотря ни на какія временныя испытанія. Причемъ онъ неустанно проповѣдывалъ также о роли цѣлаго славянства, объединеннаго кирилло-меѳодіевскою идеею, несмотря ни на какія вѣянія въ обществѣ и направленія въ политикѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи необходимо, однако, указать нѣкоторыя данныя. Еще, въ началѣ 60-хъ годовъ, въ изд. П. С. Аксакова „День" (1861—1862 г., № 6), по поводу возгорѣвшейся тогда греко-болгарской распри, М. І—чъ писалъ редактору: „Ваше сердце сжималось, когда вы читали и печатали въ № 3 (за 22 окт. 1861 г.) вашей газеты письмо г. Жинзифова о невѣжествѣ русскихъ по отношенію къ Болгаріи. Сжималось отъ него сердце и у многихъ изъ вашихъ читателей... Нельзя въ самомъ дѣлѣ не почувствовать всей горечи отъ этого неумѣстнаго, непростительнаго невѣжества... И чтобы сколько-нибудь ослабить эту несправедливость, уменьшить это невѣжество, мнѣ кажется, необходимо теперь раскапывать, раскрывать всѣ ихъ проявленія, какъ бы это ни было непріятнымъ намъ, русскимъ, и самимъ болгарамъ". Эту мысль о необходимости знанія различныхъ частей славянскаго міра М. І—чъ постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, высказывалъ и доказывалъ примѣрами, фактами не только племеннаго родства, но и практической важности славянскаго взаимообщенія. Даже въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ въ Славянскомъ Обществѣ 6 апрѣля 1887 г. [29]), подъ вліяніемъ продолжавшейся тогда австрофильской политики Милана въ Сербіи, начавшагося стамболовскаго террора въ Болгаріи и другихъ неурядицъ въразныхъ частяхъ славянскаго міра, М. І—чъ указывалъ на большую цѣлесообразность въ данный моментъ литературнаго изученія славянства, чѣмъ на благотворительную дѣятельность: „Намъ, членамъ Славянскаго Общества, говорилъ М. І—чъ, по моему мнѣнію, важнѣе всего теперь заняться выясненіемъ въ нашемъ и славянскомъ сознаніи и старыхъ и новыхъ путей какъ нашего разъединенія, такъ и нашего единенія, т. е. въ дѣятельности нашего Славянскаго Общества, по моему мнѣнію, должна преобладать не благотворительная дѣятельность, весьма теперь трудная и малонадежная (о принятыхъ обязательствахъ и необычайныхъ нуждахъ не говорю здѣсь), а дѣятельность ученая и литературная, такъ какъ теперь особенно нужно выяснить въ общественномъ сознаніи положеніе и задачи славянства и ставить противовѣсъ тому умственному культурному завоеванію, какое даже теперь производитъ въ славянствѣ западная Европа". Но, указывая на предпочтительную важность теоретическаго изученія славянства, особенно въ давный (т. е. въ 1887 г.) неудобный для развитія практическаго славянскаго взаимообщенія моментъ, М. І—чъ связывалъ вообще интересы того и другаго сближенія, указывалъ на практическую важность теоретическаго изученія и напоминалъ не разъ о необходимости болѣе живыхъ славянскихъ связей и даже тѣснаго славянскаго единенія. Объ этомъ единеніи онъ говорилъ обыкновенно съ точки зрѣнія культурной, не вмѣшиваясь въ область политики, онъ говорилъ объ единеніи славянъ подъ знаменемъ кирилло-меѳодіевской идеи. Такъ, напр., въ достопамятный день 6 апрѣля 1885 г. М. І—чъ начиналъ свою рѣчь [30]) въ торжественномъ собраніи Славянскаго Общества слѣдующими словами: „Сказывается во всемъ величіи тысячелѣтняя сила подвиговъ вашихъ славянскихъ апостоловъ. Воскресаютъ въ славянскихъ сердцахъ лучшіе завѣты прожитой тысячелѣтней исторіи и съ ними связываются лучшія задачи нашей современности". При другихъ случаяхъ онъ ближе и частнѣе опредѣляетъ эти „лучшіе завѣты прожитой тысячелѣтней исторіи и лучшія задачи нашей современности". Такъ напр., по поводу извѣстной апелляціи теперь также уже покойнаго о. І. Г. Наумовича къ папѣ Льву XIII [31]) и подъ вліяніемъ извѣстнаго галицко-русскаго судебнаго процесса (1882 г.) по обвиненію лучшихъ галицко-русскихъ дѣятелей въ государственной измѣнѣ, М. І—чъ въ собраніи Славянскаго Общества (17 ноября 1883 г.) говорилъ между прочимъ [32]): „Мы не можемъ не заботиться объ охраненіи славянства отъ разрушительныхъ вліяній и не обдумывать средствъ къ возстановленію и поддержанію внутренняго единства между славянами. Чего же намъ желать и чего ждать въ виду такихъ явленій (т. е. въ виду ближайшимъ образомъ галицко-русскихъ дѣлъ)? Желать и ждать, чтобы всѣ славяне сдѣлались православными? Да, желать и ждать этого, несмотря ни на что, что бы ни говорили о насъ. Но необходимо признать, что эта перемѣна въ жизни славянъ не можетъ совершиться ни скоро, ни легко; необходимо даже думать, что это крайне трудно осуществимо, а между тѣмъ единеніе славянъ крайне и настоятельно нужно" [33]).

[29]) См. выше прим. 1.

[30]) См. выше прим. 1.

[31]) „Апелляція къ папѣ Льву XIII русскаго уніатскаго священника мѣстечка Скалать (львовской митрополіи въ Галиціи) Іоанна Наумовича противъ великаго отлученія его отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ" (въ переводѣ съ латинскаго подлинника) 1883 г. Ср. выше прим. 1.

[32]) См. выше прим. 1.

[33]) Въ дѣлѣ духовнаго объединенія сла

Однако, М. І—чъ не смущался этими трудностями, вѣрилъ въ святость дѣла и, не колеблясь въ этой вѣрѣ, неизмѣнно призывалъ къ ней, призывалъ къ необходимой для этого неустанной дѣятельности. Такъ напр., когда постигла неудача нашихъ добровольцевъ въ Сербіи и обрушились противъ нихъ и Славянскаго Общества различныя обвиненія со стороны нашей либеральной печати, то М. І—чъ въ одной изъ своихъ статей (хотя и по другому случаю—„по поводу извѣстія изъ Праги о принятіи православія Сладковскимъ") писалъ между прочимъ: *„у насъ сдѣлали не вошло въ обычай указывать лишь на дурныя стороны славянскаго оживленія* [34]), причемъ творятся часто волею и неволею весьма нехристіанскія дѣла, позорятся смерть и страданія русскихъ людей, погибшихъ за славянское дѣло, позорятся доблести лучшихъ русскихъ людей, неповинныхъ вовсе въ дурныхъ дѣлахъ своихъ собратовъ, позорятся лучшія проявленія сердца—сочувствіе и помощь несчастнымъ" [35]). Затѣмъ, когда, подъ вліяніемъ начавшагося въ Болгаріи стамболовскаго террора, а также и другихъ печальныхъ явленій въ славянскомъ мірѣ, извѣстная часть нашего общества впала въ уныніе и даже разочарованіе въ великихъ недавно еще совершенныхъ подвигахъ нашего славянскаго братства, М. І—чъ говорилъ опять въ Славянскомъ Обществѣ [36]): „Идея славянскаго единенія жестоко страдаетъ (какъ это доказываютъ не одни дѣла Болгаріи, Сербіи, дѣла нѣкоторыхъ чешскихъ партій и дѣла поляковъ всѣхъ государствъ, но которымъ они разбиты)... Наша дѣятельность, какъ Славянскаго Общества, обставлена самыми неблагопріятными условіями и въ другихъ славянскихъ странахъ, и въ нашей собственной—русской странѣ, и я увѣренъ, что всѣмъ намъ, вообще славянамъ, давно не приходилось взирать съ такимъ смущеніемъ, какъ теперь, на это наше обще-славянское знамя (причемъ указано было на хоругвь съ изображеніемъ св. Кирилла и Меѳодія) и на эти святые лики братьевъ-славянскихъ апостоловъ,—этихъ древнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ насадителей славянскаго единовѣрія и единомыслія. Но какъ бы ни было велико и сильно теперь славянское смущеніе, *оно не должно быть безплоднымъ сокрушеніемъ, а должно возбуждать въ нашемъ славянскомъ сознаніи новые лучи, которые бы озаряли наше положеніе, наши задачи и направляли наши силы къ плодотворной дѣятельности* [37]). Содѣйствовать всему этому—долгъ каждаго изъ насъ—членовъ Славянскаго Общества и, позволительно надѣяться, долгъ вообще членовъ русскаго общества, сочувствующихъ намъ". И Михаилъ Іосифовичъ не только не отказывался служить этому дѣлу всѣми возможными и зависящими отъ него средствами, но и горячо призывалъ къ нему другихъ, не смущаясь ни нападками лжелиберализма нашихъ „европейцевъ", ни равнодушіемъ даже русскаго общества, увлекающагося обыкновенно порывами и удивительно—скоро разочаровывающагося при какихъ-либо, даже временныхъ, нашихъ неудачахъ. Его вдохновляла и освѣщала ему путь та великая кирилло-меѳодіевская идея, лучшія проявленія которой въ славянской исторіи и современности разрѣшали его недоумѣнія и, не давая мѣста колебаніямъ, питали въ немъ надежду, вѣру въ ея жизненность и несомнѣнную нравственную побѣду, потому онъ и горѣлъ пламеннымъ желаніемъ видѣть ея осуществленіе въ цѣломъ славянствѣ. Да будетъ же ему наша нелицемѣрная благодарная память и да возгорается пламень его вѣры и любви къ славянскому дѣлу во всѣхъ славянскихъ сердцахъ; пусть продолжаетъ горѣть и не гаснетъ онъ въ частности въ сердцахъ бывшихъ его многочисленныхъ слушателей въ нашихъ собраніяхъ, которые нѣкогда и неоднократно привѣтствовали восторженно его горячее, убѣжденное славянское слово съ этой каѳедры.

Статья А. С. Будиловича:

На поминкахъ по отцѣ Іоаннѣ Наумовичѣ.

(род. 11 янв. 1826 г. † 4 авг. 1891 г.).

Печальны были условія, при которыхъ приходилось, да и теперь еще приходится получать образованіе, а затѣмъ жить и дѣйствовать русскимъ галичанамъ. Но тѣмъ большаго удивленія заслуживаютъ люди, которые, какъ незабвенный о. І. Наумовичъ, побѣдили своимъ талантомъ и энергіей всѣ

вянъ М. І—чъ возлагалъ твердыя упованія на наше духовенство, ссылаясь напр. на его незабвенныя пастырскія заслуги и дѣла христіанской любви во время прошлой русско-турецкой войны. Говоря о значеніи православія, „того великаго живительнаго славянскаго начала, которое такъ высоко подняло духъ нашего народа въ настоящія времена" (т. е. во время русско-турецкой войны), М. І—чъ писалъ между прочимъ: „нельзя при этомъ не указать, какъ на великое знаменіе времени, на то положеніе, какое занимаетъ наше духовенство въ дѣлѣ... объединенія всѣхъ славянъ. Когда у насъ началось народное движеніе на помощь южнымъ славянамъ, то наше духовенство поняло своимъ историческимъ чувствомъ, подобно народу, и своимъ разумѣніемъ дѣйствительнаго пастырства, что настало великое время православной славянской дѣятельности, и никѣмъ не понуждаемое, заговорило о милосердіи и любви къ ближнему. Всѣ уже теперь знаютъ, что религіозная сторона сильнѣе всего въ отношеніяхъ нашего народа къ южнымъ славянамъ: кто же теперь можетъ сказать, что наше духовенство не поняло своего дѣла? Оно, очевидно, поняло его лучше другихъ, а со временемъ можетъ быть откроется, что его пониманіе привлечетъ къ намъ и западныхъ славянъ". См. „Церк. Вѣст." 1877 г. № 4.

[34]) Курсивъ принадлежитъ лектору.

[35]) „Церк. Вѣстн." 1877 г., № 1.

[36]) Ср. выше прим. 1 и 29.

[37]) Курсивъ принадлежитъ лектору.

препятствія, лежавшія на ихъ жизненномъ пути!

Сынъ бѣднаго сельскаго учителя восточной Галичины, Іоаннъ Григорьевичъ уже съ ранняго 10-лѣтняго возраста принужденъ былъ зарабатывать себѣ пропитаніе на чужихъ людяхъ, сначала въ средѣ домашней прислуги одной польской графини (Мѣръ), а затѣмъ на какой-то мельницѣ. Добившись наконецъ поступленія въ львовскую гимназію, а потомъ и въ тамошній университетъ, на богословскій факультетъ, во время господства въ этихъ заведеніяхъ польскихъ и нѣмецкихъ іезуитовъ, впечатлительный юноша совершенно всасывается въ окружающую среду, надѣваетъ на себя въ 1848 году конфедератку и поступаетъ въ отрядъ польскихъ косиньеровъ. Къ счастью, скоро наступило отрезвленіе, вызванное событіями той бурной эпохи и вліяніемъ деревенской жизни, со времени поступленія Іоанна Григорьевича въ сельскіе священники львовской епархіи. Но и въ условіяхъ этой жизни, зависимой и отъ пана-патрона, и отъ польско-нѣмецкой администраціи, отъ сосѣдняго латинскаго ксендза и отъ жида-шинкаря или арендатора,—о. Іоаннъ, перемѣнившій въ немногіе годы до 5 приходовъ, не могъ не испытывать на каждомъ шагу безчисленныхъ огорченій и униженій.

Да и въ дальнѣйшій періодъ его жизни, когда о. Іоаннъ состоялъ депутатомъ львовскаго сейма, а затѣмъ и вѣнскаго рейхсрата, мало приходилось ему видѣть кругомъ себя ободряющаго и утѣшительнаго. Всѣ усилія и польскаго большинства въ сеймѣ, и нѣмецкаго въ имперской думѣ направлены были тогда, какъ и теперь, на отторженіе русскихъ депутатовъ отъ ихъ народности и церкви и на превращеніе ихъ въ слѣпое орудіе, то областнаго, то центральнаго правительства.

Затѣмъ наступили тяжелые годы львовскаго политическаго процесса, окрещеннаго именемъ Ольги Грабарь, полугодичное томленіе о. Іоанна въ предварительномъ заключеніи (въ 1882 г.), а затѣмъ—еще восьмимѣсячное сидѣніе въ тюрьмѣ, по приговору польско-еврейскаго судилища якобы за государственную измѣну!

Наконецъ, ко всѣмъ этимъ бѣдамъ присоединилась еще папская анаѳема за расположеніе къ „схизмѣ", лишеніе прихода и, слѣдовательно, всѣхъ средствъ существованія съ довольно многочисленной семьей...

Лишь въ послѣднія 6—7 лѣтъ, со времени перехода о. Іоанна въ православіе (въ 1885 г.) и переселенія въ Россію, нѣсколько прояснился сумрачный горизонтъ его прежней жизни. Но это произошло уже въ такіе годы, когда способность приноравливаться къ условіямъ новой среды въ человѣкѣ ослабѣваетъ, когда слѣдов. о. Іоанну уже трудно было воспользоваться всѣми преимуществами новаго положенія. Онъ не могъ найти прочнаго удовлетворенія ни въ должности кіевскаго миссіонера, ни въ приходѣ въ Барщаговкѣ, ни въ открывшемся передъ нимъ просторѣ писанія для всей святорусской земли. Въ его головѣ возникали все новые и новые проекты; его манили къ себѣ новые горизонты особенно благодатнаго юга, снился Крымъ, грезились галицкія колоніи подъ Кавказомъ и еще многое другое, отрадное и для Галича, и для Россіи и для всего славянства, пока смерть не разогнала поэтическихъ грезъ мечтательнаго старца.

Казалось бы, что при столь тяжелыхъ условіяхъ и воспитаніи, и образованіи, и общественнаго служенія о. Іоанна Григорьевича трудно ему было выработать въ себѣ твердую волю, сильное чувство и ясную мысль. А, между тѣмъ, онъ былъ въ высшей степени настойчивъ въ трудѣ, пылокъ въ любви къ своему народу, послѣдователенъ въ разработкѣ своихъ мыслей и плановъ. Только нужно помнить, что онъ былъ въ душѣ поэтъ, слѣдовательно не ученый, не политикъ, даже не общественный дѣятель, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Ему приписывается, правда, ученый латинскій трактатъ, озаглавленный: „Апелляція къ папѣ Льву XIII, по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ церквей западной и восточной"; но самъ о. Іоаннъ не скрывалъ, что трактатъ этотъ написанъ собственно не имъ, а другимъ червонорусскимъ дѣятелемъ, имя котораго столь тѣсно связано съ именемъ о. Іоанна въ періодѣ львовскаго процесса. Въ званіи депутата о. Іоаннъ также не игралъ самостоятельной роли въ клубѣ русскихъ депутатовъ, гдѣ первенство принадлежало Павликову, Геровскому, адвокату Добрянскому. И въ общественныхъ дѣлахъ о. Іоаннъ уступалъ многимъ, напр. Дѣдицкому, Геровскому, Шараневичу. Но зато, о. Іоаннъ возвышался надъ всѣми своими земляками по размѣрамъ своего литературнаго таланта и своей писательской дѣятельности.

Уже въ 1850 годахъ о. Іоаннъ началъ помѣщать въ тогдашнихъ галицко-русскихъ журналахъ и издавать отдѣльныя брошюры, причемъ онъ сразу и безошибочно отыскивалъ для себя область дидактической бедлетристики, предназначенной для низшихъ слоевъ русской Галичины. Съ теченіемъ времени легкость и искусство составленія имъ подобнаго рода статей и книжекъ все возрастали, такъ что въ началѣ 70-хъ годовъ (1871 г.) онъ могъ уже основать особый журналъ для простонародія, подъ заглавіемъ: „Наука", который онъ издавалъ съ удивительнымъ постоянствомъ и талантомъ въ теченіе 20-ти почти лѣтъ. Онъ содѣйствовалъ также учрежденію въ 1871 г. коломыйской простонародно-политической газетки „Русская Рада", а вслѣдъ затѣмъ (въ 1873 г.) и знаменитаго общества имени Михаила Качковскаго, соотвѣтствующаго нашему обществу грамотности и распространившаго въ 18 лѣтъ не одну сотню тысячъ экземпляровъ книгъ для простонародія. Но въ дѣятельности „Русской Рады" и общества Качковскаго принимали участіе и многіе другіе галицко-русскіе писатели, тогда какъ „Наука" за первыя 12—15 лѣтъ почти вся наполнена статьями о. Іоанна. Статьи эти столь замѣчательны

по языку, тону и содержанію, что и въ большихъ европейскихъ литературахъ можно указать лишь немного подобныхъ произведеній, равной литературно-педагогической цѣны.

Задача о. Іоанна въ данномъ случаѣ была тѣмъ труднѣе, что онъ не имѣлъ въ Галичинѣ предшественниковъ, слѣдовательно долженъ былъ самъ создать этотъ видъ галицко-русской литературы.

Въ высшей степени замѣчателенъ языкъ этихъ сочиненій: это и не нашъ общерусскій книжный языкъ, и не одинъ изъ говоровъ Галичины, а особый искусственный діалектъ, составленный изъ элементовъ перваго и послѣднихъ и объединенный рѣдкимъ художественнымъ чутьемъ автора. Вотъ почему онъ такъ доступенъ русскимъ галичанамъ, но вмѣстѣ и намъ онъ понятенъ несравненно больше діалекта другихъ южнорусскихъ писателей, которые примѣшиваютъ къ своимъ просторѣчіямъ слишкомъ много терминовъ и фразъ польскаго происхожденія.

Не менѣе замѣчателенъ тонъ простонародныхъ повѣстей, разсказовъ, сельскохозяйственныхъ и другихъ статей о. Іоанна, представляющихъ рѣдкое сочетаніе общепонятности, серьезности и юмора и вовсе лишенныхъ того оскорбительнаго для простонародія снисхожденія къ пониманію грубыхъ массъ, которое столь обычно въ простонародныхъ произведеніяхъ менѣе даровитыхъ и менѣе искреннихъ писателей.

Наконецъ, въ разнообразіи содержанія простонародныхъ сочиненій о. Іоанна, посвященныхъ и толкованію библіи, житіямъ святыхъ, и темамъ историческаго, географическаго, сельскохозяйственнаго, даже политическаго характера, при общемъ господствѣ художественнаго созерцанія и изображенія,— мы видимъ широкій взглядъ автора на потребности народной мысли и на задачи простонародной литературы.

Даже мѣстный колоритъ повѣстей о. Іоанна, немало терпящій при самой умѣлой даже передачѣ на общерусскій языкъ, представляетъ весьма благопріятное условіе для дѣйствія на народныя массы. Онъ доставляетъ автору возможность незамѣтно для читателя расширять горизонтъ его мысли, переводя отъ знакомаго къ незнакомому, отъ близкаго и роднаго къ отдаленному и чуждому. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ способъ художественнаго воспроизведенія дѣйствительности учитъ читателя открывать поэтическія стороны въ явленіяхъ и его будничной жизни, просвѣтляя ея сѣрый фонъ возвышающей струей идеальнаго.

Вообще слѣдуетъ признать, что о. Іоаннъ имѣлъ даръ великаго художника, преобладательно такой, какой отражается въ поэтическомъ тонѣ древней галицко-волынской лѣтописи, въ которой мы можемъ видѣть какъ бы отдаленныхъ предковъ нашего бытописателя галицко-русской жизни. При другихъ условіяхъ изъ о. Іоанна, вѣроятно, выработался бы беллетристъ высокаго пошиба. Но мы не станемъ сожалѣть, что этого не случилось. Литература простонародная также имѣетъ свои права на существованіе и развитіе. Кругъ ея дѣйствія еще шире, вліяніе на народъ еще глубже, особенно если дѣло идетъ о такомъ крупномъ художникѣ мысли и слова, какимъ безспорно былъ о. Іоаннъ Наумовичъ.

Зато и оцѣнилъ его по заслугамъ галицко-русскій народъ. Изъ повѣстей о. Іоанна онъ научился не только читать, но и любить книгу, обращаться къ ней и для развлеченія, и для поученія. Въ доказательство сошлемся на тысячи подписчиковъ «Науки» въ средѣ простонародія; на тысячи сельскихъ читаленъ, наполненныхъ изданіями о. Іоанна и общества Качковскаго; на возникшія изъ этого же духовнаго сѣмени общества трезвости, сельскія ссудосберегательныя кассы, зародыши народной торговой конкуренціи съ евреями и т. п. На частыхъ въ Галичинѣ народныхъ собраніяхъ или вѣчахъ все чаще и чаще изъ среды крестьянъ выступаютъ ораторы по разнымъ вопросамъ и политической, и церковной, и экономической жизни. Кому же обязаны они своимъ духовнымъ пробужденіемъ? Все тому же о. Іоанну Наумовичу.

Это расширеніе и углубленіе основъ галицко-русской народной жизни тѣмъ благовременнѣе и спасительнѣе, что оно совпадаетъ съ постепеннымъ обмелѣніемъ галицко-русской интеллигенціи, пониженіемъ уровня ея знаній, и характера, подъ вліяніемъ польскихъ школъ. Русское дѣло переходитъ въ руки простонародія, какъ это было нѣкогда и въ Турціи, и въ польской Украйнѣ, и въ другихъ лишенныхъ народной интеллигенціи странахъ. Какой же глубокой благодарности заслуживаетъ человѣкъ, который создалъ для этого простонародія литературу и такимъ образомъ на многіе годы укрѣпилъ въ немъ преданность своему языку, своей Церкви, вѣрность своему преемнику и вѣру въ народное будущее!

Дай Богъ, чтобы и въ Галичинѣ, и у насъ нашлись ученики и продолжатели Наумовича, которые, подобно ему, дѣйствовали бы на народъ не мертвою буквою ученія, а живымъ его духомъ, теплотою личнаго чувства, просвѣтлѣніемъ историческихъ идеаловъ Россіи и славянства.

Статья С. Ѳ. Шарапова:

† А. А. Кривцовъ.

Скончавшійся 12 октября нынѣшняго года въ Одессѣ членъ Славянскаго Общества Александръ Александровичъ Кривцовъ принадлежалъ къ числу дѣятельныхъ поборниковъ славянской идеи. Его дѣятельность, хотя и не яркая по внѣшности, но глубоко плодотворная, носила настолько скромный характеръ, что кромѣ тѣснаго кружка друзей покойнаго, знавшихъ и высоко цѣнившихъ подъятый на себя Кривцовымъ трудъ, русское общество о немъ почти ничего не знало. А между тѣмъ, почившій, работая на южной нашей окраинѣ, всѣ свои лучшіе силы и помыслы и все свое время и скудныя средства отдавалъ на служеніе дорогому дѣлу. Онъ являлся защитникомъ и помощникомъ въ бѣдѣ для спасавшихся отъ иноземнаго и ино-

вѣрнаго преслѣдованія славянъ, онъ велъ обширную переписку съ выдающимися славянскими дѣятелями, стараясь примирить враждующихъ и объединить разномыслящихъ.

Отдавшись весь служенію славянской идеѣ, почившій Кривцовъ стоялъ все время не на почвѣ отвлеченныхъ мечтаній, а въ области непосредственнаго практическаго дѣла.

Другою стороною дѣятельности покойнаго были стремленія къ мирному культурному объединенію славянскаго міра. Это объединеніе въ духѣ истины и любви должно было начаться прежде всего съ устраненія литературной розни, разрѣзающей славянство на два лагеря и мѣшающей его взаимному разумѣнію и близости. Кривцовъ хлопоталъ о всеславянскомъ съѣздѣ, долженствовавшемъ провозгласить кирилицу общеславянскимъ алфавитомъ. Это былъ бы первый серьезный шагъ къ славянскому сближенію, ибо введеніе кирилицы у славянъ, употребляющихъ латинскую азбуку, чрезвычайно приблизило бы ихъ къ славянству восточно-православному, открыло бы болѣе широкій доступъ въ ихъ среду для русской литературы, облегчило бы изученіе русскаго языка и само-собою поставило бы рядъ дальнѣйшихъ духовныхъ вопросовъ.

Кривцовъ вѣрилъ, что въ святыхъ письменахъ славянскихъ Первоучителей лежитъ великая объединяющая сила.

Среди кипучей дѣятельности, еще бодраго тѣломъ и духомъ, Кривцова неожиданно застигла смерть. Онъ умеръ, какъ воинъ на своемъ посту, не выпуская изъ рукъ знамени. Довольно рѣдки у насъ подобные Кривцову люди, не богаты мы скромными работниками, умирающими въ безвѣстности, не рисуясь и не выставляясь на поклоненіе толпы, не требуя лично для себя ничего и находя удовлетвореніе въ одномъ лишь сознаніи исполненнаго долга.

Къ характеристикѣ Кривцова слѣдуетъ прибавить, что во время сербскаго движенія онъ продалъ свое имѣніе въ Новгородской губерніи и вырученныя деньги употребилъ на отправку изъ Одессы добровольцевъ въ Сербію. Объ этомъ подвигѣ, на который способны у насъ столь немногіе, Кривцовъ не говорилъ никому и не любилъ, когда ему это припоминали.

Весь свой заработокъ покойный отдавалъ на любимое дѣло—всегда. Никакіе личные или семейные разсчеты не могли его остановить, если предстояла жертва, по его убѣжденію, необходимая. Онъ отдавалъ все, часто входя даже въ долгъ, заставлявшій его трудиться еще упорнѣе и больше.

Этотъ непрерывный и тяжелый трудъ, это пламенное, не знавшее минуты покоя, вѣчно любящее дѣло и идею и вѣчно бодрствующее сердце и свели Кривцова въ могилу. Онъ скончался отъ нервнаго истощенія въ томъ возрастѣ, когда у его сверстниковъ только что наступаетъ полный расцвѣтъ силъ.

Вспомнимъ же съ признательностью этого благороднаго скромнаго труженика, такъ хорошо исполнившаго Божію заповѣдь о высшей любви, полагающей жизнь „за други своя", и пусть его жизнь служитъ яркимъ примѣромъ для будущихъ борцовъ за славянскую и православную идею. А почившему да ниспошлетъ Богъ такъ заслуженное имъ вѣчное успокоеніе!

1892 ГОДЪ.

Въ 1892 г. состоялось 4 засѣданія, въ томъ числѣ три — 14 февраля, 11 мая и 15 ноября — торжественныя. Въ этихъ засѣданіяхъ происходило слѣдующее:

I.

14 ФЕВРАЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Засѣданіе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный Еѳогностъ, архіепископъ владимірскій и суздальскій, преосвященный Антоній, епископъ выборгскій, оо. архимандриты: Михаилъ, инспекторъ спб. духовной академіи, Питиримъ, ректоръ спб. духовной семинаріи, Борисъ, ректоръ кіевской духовной семинаріи, Арсеній, экономъ александро-невской лавры и Тимоѳей, изъ Тразезунда, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и до 700 посторонніхъ посѣтителей.

Послѣ обычной молитвы—тропаря св. Кириллу и Меѳодію, исполненной хоромъ А. А. Архангельскаго, гр. Н. П. Игнатьевъ предложилъ почетное предсѣдательство архіепископу Еѳогносту, на что высокопреосвященный и изъявилъ свое согласіе, осѣнивъ присутствующихъ своимъ благословеніемъ.

Затѣмъ, гр. Н. П. Игнатьевъ обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

Милостивѣйшіе архипастыри,
мм. государыни и государи.

Свято хранія прекрасный обычай, ежегодно соблюдаемый нашимъ Обществомъ, мы посвятимъ сегодняшній день—день памяти славян-

скаго Первоучителя св. Кирилла, поминкамъ по почившимъ въ минувшемъ году членамъ Общества, представимъ вамъ краткое извлеченіе изъ отчета о дѣятельности Общества въ 1891 г. и выслушаемъ: а) рѣчь проф. С. А. Соллертинскаго, посвященную „злобѣ дня"; извлеченіе изъ статьи: „О нынѣшнемъ положеніи греко-славянскаго міра", напечатанной въ „Славянскомъ Обозрѣніи", нѣсколько словъ Д. Л. Мордовцева о безвременно почившемъ сочленѣ нашемъ І. І. Первольфѣ и статью проф. А. С. Будиловича, по случаю истекающаго 300-лѣтія со дня рожденія знаменитаго славянскаго писателя и дѣятеля Іоанна Амоса Коменскаго.

Я начну чтеніемъ краткаго извлеченія изъ отчета.

Отчетъ о дѣятельности Славянскаго Общества въ 1891 г.

I. Составъ Общества.

Въ 1891 г. въ Обществѣ состояло членовъ: почетныхъ—36, пожизненныхъ—66 и дѣйствительныхъ—367, всего—469.

Въ отчетномъ году были избраны: въ почетные члены—М. Ѳ. Морозова, въ пожизненные члены: кронштадтскій протоіерей І. П. Сергіевъ, Н. А. Протопоповъ, В. И. Семеновъ и Л. А. Семенова, и въ дѣйствительные члены—63 предложенные Совѣтомъ кандидата.

Отъ всего сердца привѣтствуя увеличеніе числа членовъ нашего Общества, мы не можемъ не скорбѣть о тяжелыхъ утратахъ, понесенныхъ Обществомъ въ 1891 г.

Утраты эти велики и едва-ли вознаградимы.

Въ минувшемъ году почили: незабвенные почетные члены Славянскаго Общества: М. Ѳ. Мирковичъ, прот. І. Г. Наумовичъ, проф. М. О. Кояловичъ, высокопреосвященнѣйшій Платонъ, митрополитъ кіевскій и галицкій, и В. И. Печаевъ, и дѣйствительные члены: Г. П. Вильмсъ, З. Г. Вильмсъ, А. А. Кривцовъ, Н. А. Жуковъ. А. З. Теляковскій, Н. А. Поповъ и І. І. Первольфъ.

Поминки по нѣкоторымъ изъ почившихъ мы уже справили въ торжественномъ собраніи 1 декабря. Сегодня мы помянемъ только двухъ—Н. А. Попова и І. І. Первольфа.

I.

Нилъ Александровичъ скончался 21 декабря. Это былъ истинно-русскій человѣкъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ московскихъ славянофиловъ, одинъ изъ основателей Московскаго Славянскаго Комитета. Онъ ревностно проповѣдывалъ вмѣстѣ съ Самаринымъ и Аксаковыми не объ одной только славянской взаимности, но о необходимости, о долгѣ помощи славянамъ, лежащемъ на русскихъ.

Кромѣ прекрасныхъ рѣчей на эту тему П. А. Поповъ издалъ замѣчательное сочиненіе: „Сербія и Россія" и „Сербія послѣ парижскаго трактата, брошюру" „Наша благотворительность на востокѣ и среди славянъ" и „Исторію Славянскаго Комитета въ Москвѣ".

II.

О другомъ почившемъ сочленѣ нашемъ, проф. варшавскаго университета І. І. Первольфѣ скажетъ сегодня нѣсколько словъ Д. Л. Мордовцевъ.

І. І. Первольфъ, родомъ чехъ, посвятилъ всю свою жизнь изученію славянства и взаимныхъ отношеній славянъ между собою. Одно изъ его сочиненій, „Германизація балтійскихъ славянъ", было напечатано Славянскимъ Обществомъ въ 1876 г. Кромѣ профессорской дѣятельности Іосифъ Іосифовичъ 20 лѣтъ работалъ надъ уясненіемъ взаимныхъ отношеній славянъ между собою. Труды его изданы въ 3-хъ томахъ, но, къ сожалѣнію, остались не законченными, въ рукописяхъ, прерванные его внезапною кончиною, послѣдовавшею 23 декабря.

II. Составъ Совѣта Общества.

Въ 1891 г. кончился 3-хъ лѣтній срокъ службы должностныхъ лицъ Совѣта. Не приступая къ новымъ выборамъ, собраніе гг. членовъ Общества, состоявшееся 28 апрѣля, единогласно просило выбывающихъ: предсѣдателя, его товарищей и членовъ Совѣта остаться и на новое трехлѣтіе въ томъ же составѣ и въ тѣхъ же должностяхъ.

III. Попечительство надъ славянами, учащимися въ Москвѣ.

Попечительство это было открыто 31 декабря 1890 г. За болѣзнію предсѣдателя Попечительства, кн. Н. П. Мещерскаго, на его мѣсто въ 1891 г. былъ избранъ Д. Ѳ. Самаринъ.

Въ 1890 г. Попечительство выдавало ежемѣсячныя пособія 9 славянамъ, а въ 1891 г. число ихъ увеличилось до 15. Всѣ они воспитывались въ московскомъ университетѣ, за исключеніемъ 2-хъ, изъ коихъ одинъ учился въ московской консерваторіи, а другой сначала въ московской школѣ живописи и ваянія, а потомъ въ иконописной мастерской И. В. Бѣлоусова, въ слободѣ Палихѣ, Владимірской губерніи.

Независимо содержанія этихъ славянъ Попечительство въ 1891 г. выдало въ пособіе 11 молодымъ славянамъ — 322 р. и 4 славянамъ, на возвращеніе на родину—200 р., а также уплатило за воспитаніе 1 болгарки—205 р.

Всего Попечительство израсходовало въ 1891 г.—2.967 р.

Въ остаткѣ къ 1 января 1892 г. въ Попечительствѣ состояло—2.946 р. 17 к.

Въ настоящее время Попечительство имѣетъ полное основаніе надѣяться на улучшеніе въ ближайшемъ будущемъ своихъ финансовыхъ средствъ и на то, что эти средства дадутъ ему возможность приступить къ устройству общежитія для его стипендіатовъ.

IV. Комиссіи.

Въ 1891 г. при совѣтѣ Общества состояли комиссіи:

1. Издательская, которой были изданы: „Славянскій календарь на 1891 г.", и премированное Славянскимъ Обществомъ въ 1890 г. сочиненіе проф. А. С. Будиловича: „Общеславянскій языкъ, въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы", въ 2 томахъ, въ количествѣ 1.200 экз.

Кромѣ того, въ св. Т. Мартиніѣ, подъ руководствомъ А. М. Мичатка, печатается русско-словенскій словарь и приступлено къ перепечаткѣ изданій А. Ѳ. Гильфердинга: „Русъ и его отношеніе къ православной Церкви“ и „Общеславянская азбука“.

2. Ревизіонная—для провѣрки приходорасходныхъ книгъ и суммъ Славянскаго Общества.

По тщательной провѣркѣ книгъ, документовъ и суммъ Общества комиссія эта нашла и суммы, и книги и документы въ надлежащемъ порядкѣ, о чемъ и составила протоколъ. Включенныя въ протоколъ указанія ревизіонной комиссіи приняты Совѣтомъ къ руководству.

3. Особая комиссія, учрежденная 28 декабря 1888 г., для наблюденія за успѣхами и поведеніемъ учащихся въ Петербургѣ славянъ, а также и для пріисканія пріѣзжимъ славянамъ занятій.

Какъ въ 1889, 1890 такъ и въ 1891 г., благодаря великодушному содѣйствію нашего сочлена А. Л. Кекина, при незначительныхъ пособіяхъ со стороны Совѣта, нѣсколько пріѣзжихъ славянъ успѣли подготовиться къ экзаменамъ въ учебныя заведенія, другіе же поступили на службу.

V. Общія собранія.

Въ 1891 г. состоялось 8 собраній, въ томъ числѣ 5 торжественныхъ:—6 февраля, въ день 1000-лѣтія блаженной кончины святѣйшаго цареградскаго патріарха Фотія, 26 февраля, 7 апрѣля и 11 мая, въ память славянскихъ Первоучителей св. Кирилла и Меѳодія, и 1 декабря, въ память почившихъ въ 1891 г. членовъ Общества.

Въ торжественныхъ собраніяхъ были произнесены рѣчи: г. предсѣдателемъ—а) о значеніи святѣйшаго Фотія, патріарха цареградскаго, въ дѣлѣ защиты православія отъ иновѣрныхъ посягательствъ; б) по поводу чествованія 14 февраля, дня памяти св. Кирилла, вѣрнѣйшаго друга Фотія, и в) объ апостольскомъ служеніи св. Кирилла и Меѳодія. Кромѣ того гр. Н. П. Игнатьевымъ были прочитаны: телеграммы, посланныя Ихъ Императорскимъ Величествамъ отъ имени Общества: по случаю избавленія Наслѣдника Цесаревича отъ злодѣйскаго покушенія въ Японіи и по случаю 25-лѣтія бракосочетанія Ихъ Величествъ, и Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу при возвращеніи его изъ далекаго путешествія на русскую землю, докладъ Совѣта о сочиненіяхъ „О Македоніи“, представленныхъ на соисканіе премій А. Ѳ. Гильфердинга, въ 1.000 р., и воззваніе о пожертвованіяхъ „для снабженія теплою пищею дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая“.

За тѣмъ были прочитаны: о. В. Х. Преображенскимъ—статья: „Святѣйшій Фотій, цареградскій патріархъ“, проф. А. И. Пономаревымъ—статья: „Объ отношеніяхъ между западною и восточною Церквами въ IX вѣкѣ и въ частности между патріархомъ Фотіемъ и папою римскимъ Николаемъ I“; М. И. Городецкимъ—статья: „Русскія симпатіи въ польской поэзіи“ и статья проф. А. С. Будиловича; „На поминкахъ по отцѣ І. Г. Наумовичѣ“; проф. П. С Пальмовымъ—статья, посвященная „Памяти М. Ѳ. Кояловича“; В. П. Аристовымъ—статья прот. І. Г. Паумовича: „Къ тысячелѣтію патріарха Фотія“, стихотвореніе М. П. Розенгейма — „6 апрѣля 885—1885 г.“ и статья С. Ѳ. Шарапова: „А. А. Кривцовъ“, кн. П. Н. Цертелевымъ два стихотворенія его: „Изъ прошлаго“ и „Два Всадника“; проф. С. А. Соллертинскимъ—статья: „О православіи“; П. И Вейнбергомъ переведенное имъ стихотвореніе Ленау: „Янъ Жижка“; А. В. Васильевымъ—написанное имъ стихотвореніе: „Порабощеннымъ славянамъ“, стихотвореніе М. П. Розенгейма: „Раскольникъ“ и статья, написанная Н. П. Аксаковымъ: „П. С. Аксаковъ“; П. А. Шляпкинымъ—статья, посвященная памяти преподобнаго Сергія Радонежскаго; А. А. Кирѣевымъ—статья „О славянофильскихъ идеалахъ“ и В. В. Комаровымъ—статья, посвященная „Памяти высокопреосвященнѣйшаго Платона, митрополита кіевскаго“.

Распорядительныя собранія 27 января, 28 апрѣля и 24 ноября были посвящены—первое и третье разсмотрѣнію смѣтъ доходовъ и расходовъ Общества въ 1890 и 1891 гг., разрѣшенію Совѣту кредитовъ на печатаніе книги А. С. Будиловича: „Общеславянскій языкъ“ и на изданіе „Славянскаго Обозрѣнія“, разрѣшенію доклада Совѣта объ отчисленіи изъ запаснаго капитала 5.000 р., для представленія въ Высочайше учрежденный подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника Цесаревича, Особый Комитетъ „на снабженіе теплою пищею дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая и на открытіе для этой же цѣли подписки на сборъ пожертвованій“.

VI. Засѣданія Совѣта.

Засѣданій совѣта въ 1891 г. состоялось 18.

Засѣданія эти были посвящены разрѣшенію текущихъ вопросовъ, обсужденію просьбъ о пособіяхъ церквамъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ и славянскимъ юношамъ, прибывающимъ въ Россію для образованія, а также обсужденію вопросовъ по изданіямъ Общества: „Славянскаго календаря на 1891 г.“ и „Славянскаго Обозрѣнія“, взамѣнъ „Славянскихъ Извѣстій“, въ виду отказа В. В. Комарова отъ продолженія ихъ изданія вслѣдствіе понесенныхъ имъ убытковъ.

VII. Воспитаніе славянъ.

Втеченіе 1891 г. на попеченіи Общества состояло: 39 стипендіатовъ и 6 стипендіатокъ —6—въ заграничныхъ университетахъ, 1—въ кіевскомъ и 1—въ с.-петербургскомъ университетахъ, 1 — въ бѣлградской великой школѣ, 11—въ военно-медицинской академіи, 1 — въ лѣсномъ институтѣ, 1—въ академіи художествъ, 1—въ с.-петербургской духовной академіи, 1 — въ придворной пѣвческой капеллѣ, 1—въ 5-й с.-петербургской гимназіи, 1—во 2-й с.-петербургской прогимназіи, 1—въ парижскомъ мореходномъ классѣ Петра Ве-

ликаго, 1 — въ мореходныхъ классахъ спб. яхтъ-клуба, 1 — въ тверскомъ юнкерскомъ училищѣ, 2—въ южнославянскомъ пансіонѣ О. Н. Минкова, 1 — въ училищѣ садоводства и винодѣлія при императорскомъ никитскомъ садѣ, 1—въ виленской духовной семинаріи, 1—въ таврической духовной семинаріи, и стипендіатокъ: 1 — на высшихъ женскихъ курсахъ. 2—въ ярославской женской гимназіи, 1—въ школѣ сельскихъ повивальныхъ бабокъ и 1—въ еленинскомъ родовспомогательномъ заведеніи.

По національностямъ въ числѣ стипендіатовъ были: 2 хорвата, 5 словаковъ, 6 болгарокъ, 14 болгаръ, 1 галичанинъ, 4 черногорца, 12 сербовъ и 1 чехъ.

Изъ числа стипендіатовъ: 1 окончилъ курсъ въ мореходномъ классѣ Петра Великаго и 6 стипендіатовъ перешли на попеченіе комиссіи по образованію въ Россіи южныхъ славянъ.

Кромѣ стипендіатовъ, 11 учащихся славянскихъ юношей получили воспособленія, частію на уплату за слушаніе лекцій въ спб. университетѣ и въ военно-медицинской академіи, частію на ихъ содержаніе и на покупку книгъ.

VIII. Собранія г. членовъ Общества по понедѣльникамъ.

Въ этихъ собраніяхъ происходилъ обмѣнъ мыслей между присутствующими и сдѣланы были нѣкоторыя сообщенія по славянскимъ вопросамъ.

IX. Собранія стипендіатовъ Общества.

Высказанныя нами въ 1890 г. пожеланія объ упроченіи собраній учащейся молодежи оправдались.

Собранія эти съ конца 1890 г., въ помѣщеніи Общества, велись правильно, по 2 раза въ мѣсяцъ. По субботамъ собиралась болгарская молодежь, а по воскресеньямъ, тоже 2 раза въ мѣсяцъ, сербская молодежь.

Въ болгарскихъ собраніяхъ сбиралось отъ 20 до 30 человѣкъ. На этихъ собраніяхъ обсуждались вопросы объ устройствѣ болгарской библіотеки и были прочитаны рефераты: „О современной теоріи теплоты", „Очерки изъ исторіи искусствъ", разборъ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній болгарскаго поэта Вазова, „Дѣятельность и заслуги С. Верковича" и „Обычное право въ Болгаріи".

Въ собраніяхъ сербской молодежи бывало также отъ 15 до 30 человѣкъ.

Въ этихъ собраніяхъ были прочитаны рефераты „О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ", „О состояніи русской литературы послѣ 60 годовъ"; по поводу статьи проф. Фойницкаго: „Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ общественное служеніе"; „Македонія въ топографическомъ отношеніи", „Критическій взглядъ на происхожденіе человѣка по естественнымъ наукамъ", „Конкурсный процессъ по римскому праву", „О значеніи сербской дубровацкой литературы" и чтеніе пьесы черногорскаго князя Николая „Балканска Царица".

Пожелаемъ трудящейся болгарской и сербской молодежи дальнѣйшихъ успѣховъ и да хранитъ ее Богъ отъ всякихъ сторонніхъ увлеченій.

X. Изданіе „Славянскихъ Извѣстій".

Въ минувшемъ году В. В. Комаровъ, издавъ 52 №№ „Славянскихъ Извѣстій", отказался, за множествомъ своихъ издательскихъ работъ, отъ дальнѣйшаго редактированія „Извѣстій".

Совѣтъ Общества считаетъ непремѣннымъ долгомъ предложить вамъ, милостивые государыни и государи, выразить Виссаріону Виссаріоновичу отъ имени Общества глубочайшую благодарность за его готовность служить, по мѣрѣ силъ, „славянскому дѣлу".

Предложеніе графа Н. П. Игнатьева было принято собраніемъ единогласно, при громкихъ рукоплесканіяхъ.

Цифровой отчетъ.

Не желая утомлять вашего вниманія чтеніемъ цифроваго отчета, который будетъ напечатанъ въ „Славянскомъ Обозрѣніи", я позволяю себѣ обратить вниманіе ваше только на „итоги":

По *смѣтѣ* на 1891 г. ожидалось всѣхъ поступленій	25.735 р.
Въ *дѣйствительности* поступило	30.077 „
Кромѣ того *сверхсмѣтныхъ* поступленій было	14.054 „
Да отчислено изъ *запаснаго* капитала	4.709 „
Всего же въ 1891 г. въ приходѣ смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ поступленій и отчисленій было	48.840 „
Изъ этой суммы были покрыты *смѣтныя* назначенія на	22.803 „
передержка по смѣтѣ въ . . .	642 „
и *сверхсмѣтные* расходы въ . .	22.909 „
Такимъ образомъ, за исключеніемъ изъ общей суммы поступленій расходовъ	48.840 „ 46.354 „
въ кассѣ Общества къ 1 января 1892 г. осталось	2.486 „
а всего, съ суммами прежнихъ лѣтъ	220.678 „
Капиталъ этотъ заключается въ % бумагахъ на	214.900 „
на текущемъ счетѣ учетно-ссуднаго банка	807 „
и въ наличныхъ	4.971 „

Оканчивая краткое извлеченіе изъ составленнаго Совѣтомъ подробнаго отчета о дѣятельности нашего Общества въ минувшемъ году, я позволяю себѣ прибавить нѣсколько словъ отъ себя.

Мы надѣемся, что русскіе люди, сознавъ всесмиренное значеніе „славянской идеи", въ нашей исторической жизни, будутъ пополнять наши немногочисленные ряды и вмѣстѣ съ нами неустанно служить на пользу Россіи среди славянъ, знакомя ихъ съ ея идеалами и ободряя въ тяжкой борьбѣ за сохраненіе народности.

Въ минувшемъ году для славянъ, среди немалаго числа черныхъ—ненастныхъ дней, были и свѣтлые дни.

Къ послѣднимъ слѣдуетъ причислить: посѣщеніе Россіи юнымъ королемъ сербскимъ Александромъ I, чешскую выставку—въ Прагѣ, и хорватскую выставку—въ Загребѣ.

Навистія надъ Россіею грозныя тучи неурожая, Богъ дастъ, скоро разсѣются.

Но и теперь, какъ ни тяжело переживаемое нами время, мы, мм. гг., обязаны сослужить Россіи свою спеціальную службу по отношенію къ нашимъ родичамъ славянамъ: ихъ нужды, ихъ народныя стремленія налагаютъ на насъ нравственную обязанность заботиться о привлеченіи большаго и большаго числа членовъ въ нашу среду, о приращеніи нашихъ средствъ, о пріисканіи тѣхъ или другихъ источниковъ доходовъ, чтобы мы просящему не могли отказать, чтобы у насъ всегда имѣлись подъ руками средства удовлетворить заявляемыя предъ нами потребности и всякаго дѣйствительно нуждающагося ободрить своею помощью. Намъ, старшимъ среди славянъ братьямъ, подобаетъ и большая забота и большія жертвы, къ которымъ, какъ къ нашему долгу, призывали насъ и Хомяковъ, и Самаринъ, и Аксаковы. И мы призываемъ васъ, во имя ихъ, къ новымъ жертвамъ для осуществленія задачъ, преслѣдуемыхъ нашимъ Обществомъ.

Слава Богу, славянское самосознаніе ростетъ и развивается. Но безъ вашихъ жертвъ намъ трудно облегчать послѣдствія тяжелыхъ ударовъ, постоянно и систематически направляемыхъ на нашихъ братьевъ съ завѣдомою цѣлью заглушить въ нихъ народное чувство.

Общество наше имѣетъ еще особый долгъ: обезпечивать участь раненыхъ и увѣчныхъ добровольцевъ 1876 г. Нѣкоторые изъ нихъ достигли старости, другіе вышли, вслѣдствіе ранъ, въ продолжительныя болѣзни, иные умерли, оставя послѣ себя семейства, ничѣмъ необезпеченныя, кромѣ скудныхъ единовременныхъ пособій отъ Славянскаго Общества. Такимъ образомъ, къ обычнымъ текущимъ заботамъ Общества, наиболѣе настоятельною оказывается помощь добровольцамъ, а мы изъ своего бюджета можемъ удѣлять ежегодно только 1.600 р. на удовлетвореніе нуждъ болѣе 80 человѣкъ добровольцевъ, ихъ вдовъ и сиротъ. Это наше больное мѣсто и безъ особой помощи вашей, мм. гг., мы не въ состояніи увеличить кредитъ по этому предмету.

Сознавая съ одной стороны недостатокъ средствъ по этой статьѣ (помощь добровольцамъ), съ другой стороны мы не можемъ не прилагать особыхъ стараній о возможно большемъ сборѣ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Отчисленные, по вашему распоряженію, изъ запаснаго капитала Общества и собранные вами въ средѣ вашей 10.000 р., согласно рѣшеніямъ собраній, состоявшихся 24 ноября и 1 декабря, были представлены мною Его Императорскому Высочеству, Наслѣднику Цесаревичу, 18 декабря, „на снабженіе теплою пищею дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая“ и состоящимъ подъ предсѣдательствомъ Его Высочества Особымъ Комитетомъ переданы, чрезъ г. оберъ-прокурора святѣйшаго Сунода, въ хозяйственное при св. Сунодѣ управленіе, которымъ и отправлены въ епархіальные училищные совѣты, для употребленія по назначенію.

Святѣйшій Сунодъ, во вниманіе къ особливой попечительности С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества о нуждахъ учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, выразившейся въ пожертвованіи 10 000 р. „на снабженіе учащихся теплою пищею“,—но ходатайству училищнаго при св. Сунодѣ совѣта, опредѣленіемъ своимъ отъ 29 января—5 февраля сего года, за № 258, постановилъ: „преподать С.-Петербургскому Славянскому Благотворительному Обществу благословеніе, съ выдачею установленной грамоты“.

Выступая открыто съ этими заявленіями, я, отъ имени Совѣта, прошу васъ помочь ему въ его добрыхъ намѣреніяхъ, памятуя, что „рука дающаго не оскудѣваетъ“.

Произнесенныя гр. Н. П. Игнатьевымъ слова встрѣчены были громкими рукоплесканіями, прочитанный же имъ отчетъ, по его предложенію, собраніемъ утвержденъ безъ возраженій.

Хоръ г. Архангельскаго исполнилъ: „Слава на небѣ“.

Затѣмъ проф. С. А. Соллертинскій произнесъ, выслушанную съ особеннымъ вниманіемъ, слѣдующую рѣчь:

Нѣсколько словъ о злобѣ дня.

Изумительно широкая апостольская дѣятельность великаго учителя словенскія земли, равноапостольнаго Кирилла философа вмѣщала въ себѣ не только великую ревность въ проповѣданіи христіанской вѣры, но и настойчивое проповѣданіе христіанской жизни. Святитель Христовъ не только пріобщаетъ ко Христу единоплеменныхъ намъ братій и даетъ все нужное для того, чтобы они укрѣпились въ вѣрѣ, но и заботится о семейной жизни послѣднихъ, объ образованіи ихъ дѣтей и т. д. Обращая вниманіе на эту практическую сторону апостольской его дѣятельности, мы видимъ, что наше воспоминаніе его, надающее на нынѣшній день, можетъ быть праведнымъ и вполнѣ угоднымъ ему какъ въ томъ случаѣ, когда мы переносимся въ его время и стараемся полно и живо представить, что онъ сдѣлалъ; такъ и въ томъ случаѣ, когда мы будемъ какъ бы продолжать его дѣло, подражать ему—видѣть и вѣдать въ современныхъ обстоятельствахъ славянскаго міра то, на что былъ бы направленъ умственный взоръ, устремлялись бы заботы, печалованія его самого, еслибы онъ жилъ въ наше время, среди насъ. И кто будетъ спорить, что такая злоба дня есть, имѣетъ мѣсто у насъ—славянъ русскихъ. Кто будетъ разногласить съ общимъ русскимъ самосознаніемъ въ разсужденіи того: какая именно сторона въ нашей жизни наиболѣе приковываетъ а должна приковывать наше вниманіе къ себѣ, именно какъ злоба дня?

Разногласіе начинается лишь со слѣдующаго пункта, касаясь вопроса о томъ: какъ правильно представить себѣ завязавшуюся у

насъ болячку? И здѣсь, минуя два представленія, которыя я бы считалъ эмпирическими *), остановлюсь на томъ, которое болѣе гармонируетъ съ настоящимъ празднованіемъ и по которому испытываемое нами горе есть посѣщеніе, попущеніе Божіе. Такъ мы слышимъ въ храмахъ, которые прославляютъ Бога, провозвѣщеннаго славянской расѣ равноапостольными братьями. Такъ намъ говорится здѣсь на томъ языкѣ, съ которымъ имѣлъ дѣло отецъ славянской азбуки—кириллицы. Такъ намъ сказываетъ то учрежденіе, которому ближе всего неусыпная забота о подворенiи Христа въ русской жизни, отличавшая св. Кирилла отъ современнаго ему инославнаго духовенства. А общая всѣмъ намъ вѣра въ Бога, съ которой необходимо и неизбѣжно связывается вѣра въ промышленіе Божіе о людяхъ, не только ручается за справедливость такого понятія о злобѣ дня, не только увѣряетъ насъ въ томъ, что послѣднія дѣйствительно есть прежде всего воля Божественнаго Промысла; но и, какъ хорошій кормчій, открываетъ предъ нашими глазами великія блага такого воззрѣнія. Каждый изъ насъ по своему личному опыту знаетъ: что происходитъ въ человѣкѣ въ томъ случаѣ, когда ему выпадаетъ на долю несчастіе, горе; и выпадаетъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ прежде не выпадало его, засимъ не случается его съ другими, несмотря на то, что и они находятся въ такихъ же точно условіяхъ. Несчастіе въ такихъ случаяхъ не только давитъ силою зла, приносимаго имъ нашему благополучію, горечью понесенной неудачи; но и является какъ будто неправильнымъ, не заслуженнымъ, несправедливостью. Если оно справедливо, то почему-же его не случалось прежде при тѣхъ же условіяхъ; почему его не случается съ тѣми, которые находятся приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ? И стоитъ только дать волю этому теченію; въ душѣ возникаетъ и складывается мизантропизмъ, который въ лучшемъ случаѣ, какъ ржавчина, разъѣдаетъ и ослабляетъ духъ. Напротивъ, когда въ нашу душу заходитъ мысль, что это Богъ посѣтилъ меня въ несчастіи, и живетъ въ ней эта мысль такъ полно, какъ того она заслуживаетъ; тогда мы на прямомъ пути къ тому, чтобы спрашивать себя: нѣтъ-ли причины несчастія во мнѣ самомъ. На первый планъ тогда выступаютъ воспоминанія и размышленіе о нашихъ собственныхъ недостаткахъ, нетвердой христіанственности. Это совсѣмъ не такъ случайно, или неопятно, если во времена разныхъ несчастій—голода, эпидемій, язвъ и т. д. всѣ рѣшительно проповѣдники, начиная съ пророковъ Ветхаго Завѣта, со св. отцовъ Новаго Завѣта, всегда больше всего говорили о грѣховности тѣхъ, которыхъ, судя по всему, скорѣе слѣдовало бы не обличать, а утѣшать. Не утѣшеній, а обличеній ждутъ сами тѣ, къ которымъ обращены слова обличенія. Равнымъ образомъ поэтому собственно несчастія и бѣды, которыя суть во всякомъ случаѣ зло, весьма часто приносятъ однако не зло, но добро—становятся какъ-бы толчками, поднимающими умъ и дѣятельность человѣка, на котораго онѣ обрушились и являются причинами—ближайшими причинами выростанія, прогресса послѣднихъ. Сами по себѣ онѣ зло; но мысль, что неправедно зло Богомъ не посылается, а посылается оно заслуженно, сламываетъ, подавляетъ желаніе обидѣться на это зло, и обращаетъ его въ наученіе, въ урокъ, въ призывъ воспрянуть, исправиться. Этого мало: хотя побужденіе къ совершенствованію пришло ко мнѣ извнѣ, не я самъ додумался до необходимости предпринять его, а страшная бѣда пробудила меня; все-таки все хорошее, до чего я дошелъ благодаря этому, есть не вынужденное, не принаспленное, а мое собственное, корень его во мнѣ—въ моей рѣшимости двинуться впередъ. Этого мало: если я не поддался лѣности и вмѣсто того, чтобы употребить усилія, не испугалъ себя—не пришелъ къ отчаянію; вѣра моя въ благость наказующаго Бога подкрѣпляетъ меня въ трудѣ самоусовершенствованія: я знаю, что изъ моихъ усилій выйдетъ безспорно хорошее и мнѣ не придется жалѣть, что я предпринялъ, всегда не легкій, подвигъ исправленія, прогресса.

Словомъ сказать, взглядъ на несчастія, какъ на посѣщеніе Божіе, спасаетъ несущаго несчастіе отъ всякаго мизантропизма; и человѣкъ, несмотря на облегающее его горе, вполнѣ успѣваетъ создать и сохранить въ своей душѣ миръ и покой. Къ великому счастью есть кажется всѣ основанія увѣренно заявить, что все сказанное мною—не философія только, но достовѣрная повѣсть о нашихъ соотечественникахъ, застигнутыхъ скорбною участью, о которой мы говоримъ. Съ трехъ совершенно различныхъ сторонъ идутъ и записаны свидѣтельства очевидцевъ *) о томъ, что въ этихъ нашихъ соотечественникахъ поразительно крѣпко живетъ, а я бы прибавилъ: спасаетъ ихъ именно эта мысль, что ихъ горе—есть посѣщеніе Божіе. Правда, свидѣтельство это получаетъ разныя окраски, благодаря которымъ смыслъ его не является непосредственно яснымъ. Если одинъ изъ нихъ по званію своему—какъ священнослужитель передаетъ дѣло, какъ оно есть, и говоритъ, что терпящіе скорбь принимаютъ ее съ глубокимъ смиреніемъ и вѣрою въ Бога; то другой удивляется, пораженъ этой выносливостью, по которой люди, мѣсяцы плохо ѣвшіе и даже опухшіе отъ недостатка въ пищѣ, спокойно и, такъ сказать, съ эпическимъ безстрастіемъ разсказываютъ о своихъ злоключе-

*) Изъ нихъ первое односторонне сосредоточивается на дѣйствительной наличности факта, второе пытается указать ближайшія, но только лишь ближайшія, причины факта.

*) Одинъ, искони живущій въ мѣстности застигнутой неурожаемъ, въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ»; другой, воспользовавшійся досугомъ и уѣхавшій познакомиться на мѣстѣ съ постигшимъ несчастіемъ, въ «Вѣстникѣ Европы»; третій, временно водворившійся среди алчущихъ для помощи имъ, въ «Недѣлѣ».

ніяхъ, какъ будто-бы дѣло идетъ не объ нихъ. А человѣкъ, который раньше смѣшивалъ христіанское незлобіе съ буддистскимъ непротивленіемъ злу, раньше проповѣдывалъ, что Господь учитъ насъ совсѣмъ не противиться злу, что при встрѣчѣ со зломъ—напримѣръ съ дикаремъ, желающимъ убить мое дитя, я долженъ не пренятствовать ему, этотъ человѣкъ теперь просто недоумѣваетъ предъ героическимъ стоицизмомъ алчущихъ крестьянъ и можетъ объяснить себѣ подобное равнодушіе, т. е. собственно величіе души только тѣмъ, что они не понимаютъ всего ужаса своего положенія, а отчасти можетъ быть надѣются на помощь отъ другихъ. Передачи, версіи, какъ видите, различныя. Но далеко не одно уваженіе къ сану священнослужителя обязываетъ сказать, что его разсказъ по праву можетъ быть признанъ наиболѣе достовѣрнымъ. Съ давнихъ временъ эти алчущіе въ лицѣ своихъ предковъ остановились на земледѣліи, какъ на главномъ своемъ занятіи и прокормленіи. Но точно также съ давнихъ временъ ежедневный опытъ показывалъ имъ, что и тотъ скромный успѣхъ, котораго они хотѣли бы добиваться отъ земледѣлія, не зависитъ исключительно отъ нихъ самихъ, отъ ихъ труда, заботы и умѣнья. Засуха, дожди во время жатвы, безснѣжье во время зимы и т. д. все это безспорно имѣетъ вліяніе даже роковое и все это внѣ ихъ средствъ, не въ ихъ распоряженіи. И, конечно, въ принципѣ никому не преграждена возможность объяснять эти явленія естественными законами самой же природы. Но если не говорить точно, опасаясь упрековъ въ излишнемъ идеализированіи, скажемъ такъ, что тотъ самый, прирожденный ему, оптимизмъ, о которомъ я имѣлъ честь раньше говорить съ этой же каѳедры, представлялъ ему до смѣшнаго невѣроятнымъ, чтобъ онъ былъ рабомъ бездушной природы. Опять этотъ завзятый противникъ капризовъ безусловно не могъ допустить, чтобы засуха въ одинъ годъ и благораствореніе воздуховъ въ другой, засуха въ одномъ мѣстѣ и плодотворный дождь въ сосѣднемъ селеніи были простою случайностію, капризомъ природы. Наконецъ для него, всегда внимательнаго къ жизни своего духа, воображать, что физическіе законы суть конечные законы значило бы забывать требованія здраваго смысла. Поэтому въ язычествѣ онъ можетъ не понималъ, что его русская душа ищетъ законовъ высшихъ, нравственныхъ,—тѣхъ законовъ, которые свой корень имѣютъ въ премудрыхъ опредѣленіяхъ Божественной воли. Но принявши христіанство, онъ уяснился для самого себя; и это вѣрно, что одна изъ самыхъ сильныхъ причинъ безповоротной привязанности его къ христіанству заключается въ томъ, что здѣсь чаянія его души подтверждены, и не слѣпая природа надъ нимъ, но Богъ, Богъ милующій и Богъ наказующій его, Богъ милующій и наказующій по мѣрѣ его причастія правдѣ. А ставши на эту почву, онъ угадалъ, какія требованія онъ долженъ въ такомъ случаѣ выполнить. Онъ не отказывается отъ изслѣдованія естественныхъ законовъ и условій своего дѣла, напротивъ усердно и внимательно наблюдаетъ ихъ—примѣчаетъ, какое время посѣва требуется *его* мѣстностію, чего запрашиваетъ его поле для того, чтобы выразить всю свою производительную силу, чего требуетъ оно отъ него, чтобы эта производительная сила его не истощалась, гдѣ лежатъ близкія и отдаленныя указанія на то, чего ожидать отъ него въ данное время; примѣчаетъ все это и, передавая наблюденія своимъ потомкамъ, запрашиваетъ отъ нихъ, кромѣ тверлаго усвоенія найденнаго, замѣчанія и открытія новыхъ данныхъ. Но въ то же самое время онъ знаетъ и вѣритъ, что все это условно и не главное. Онъ разъ на всегда предрѣшилъ и до непоколебимости твердо держится того, что какъ бы ни было велико человѣческое знаніе; пусть напр. оно дозрѣло до умѣнья вызывать искусственный дождь; а все конецъ дѣла не въ немъ, но въ рукахъ Божіихъ. Богъ же судитъ не по чему другому—напр., не по мѣрѣ моего умѣнья добиваться своихъ выгодъ, но именно по нравственной стоимости человѣка. Отсюда, видящій за природой и ея законами Бога непремѣнно долженъ принять на себя нравственныя обязательства, не принявъ ихъ, онъ этимъ самымъ сказывалъ бы, что но его мнѣнію нѣтъ той высшей причинности, которая такъ дорога ему—спасаетъ его отъ нелѣпаго на его взглядъ подчиненія слѣпой природѣ. Онъ и принимаетъ на себя эти обязательства, принимаетъ безспорно. Это можетъ быть несовсѣмъ видно, потому что не бросается въ глаза, потому что нравственный законъ онъ исполняетъ въ томъ дѣлѣ, которымъ занимается, а здѣсь вся его маета, весь его дѣйствительно—безъустанный трудъ весьма легко объясняются его личными житейскими выгодами: онъ не нравственному служитъ, а просто старается получить какъ можно больше прибыли отъ жатвъ и посѣвовъ. Пусть; однако это вѣдь не вправѣ заслонять отъ насъ той *истины*, что если мы возьмемъ и будемъ оцѣнивать его какъ дѣятеля, какъ должностное лицо, на опекѣ котораго лежитъ забота о землѣ; онъ безспорно является ревностно исполняющимъ свой долгъ: онъ безспорно исполняетъ предписанныя христіанской вѣрой нравственныя обязанности по отношенію ко внѣшней природѣ. Но этого мало. Владѣя хорошимъ здравымъ смысломъ, онъ хорошо видитъ, что совсѣмъ ненатурально представлять изъ себя двухъ человѣкъ—одного, когда онъ берется какъ дѣятель, какъ земледѣлецъ, и другаго, какъ онъ есть въ своей внѣдѣловой жизни. Онъ долженъ быть равнымъ себѣ, и какъ вообще, такъ и въ частности для того, чтобы заслуженно получать благополучіе отъ своего земледѣлія, онъ долженъ быть не только нравственно правымъ въ земледѣліи, но и правымъ предъ Богомъ по своимъ внутреннимъ расположеніямъ, по своимъ стремленіямъ, по своимъ остальнымъ отношеніямъ, напр. къ семьѣ и т. д. А такъ какъ грѣхъ его обуялъ, и ему это ясно, потому что у

него много побужденій къ самонаблюденію и много досуга для этой работы, много, наконецъ, наслѣдственной охоты къ этому; такъ какъ говорю, ему видно, что грѣхъ обуялъ его; поэтому въ лучшихъ исходахъ земледѣльческаго своего труда онъ благодаритъ Бога, выражая этимъ, что полученное не имъ заслужено, но даровано по благости Божіей. А въ худшихъ случаяхъ онъ призваетъ, что ему некого винить, кромѣ себя. Поэтому онъ долженъ безропотно нести всѣ послѣдствія своего грѣха. И отсюда именно то героическое терпѣніе, которое замѣчаютъ въ бѣдствующихъ, а вовсе не оттого, чтобы человѣкъ не понималъ тягостей своего положенія. Трудно ему не понимать своего положенія. Онъ, конечно, понимаетъ и видитъ. Но онъ то же видитъ, что долженъ потерпѣть за свою неправду, и готовно терпитъ, и когда даровую столовую онъ называетъ призрѣніемъ, то этимъ выражаетъ, что его надежды на милосердую помощь другихъ оправдываются; а когда онъ прибавляетъ опредѣленіе и говоритъ о призрѣніи *сиротскомъ*, то этимъ онъ безспорно отказываетъ себѣ въ правѣ пользоваться даровой пищей по причинѣ своей чувствуемой имъ отвѣтственности за грѣхъ. Дѣло только въ томъ, что одного терпѣнія,— на которое онъ напередъ обрекаетъ себя, и потому во дни несчастія духа нисколько не теряетъ; поэтому хотя нужда его теперь доходитъ до остроты и суровости голода, голода всетаки для него нѣтъ, потому что духъ есть и онъ бодрый,—одного терпѣнія, говорю, мало. Къ отрицательному онъ долженъ присовокупить положительное—къ терпѣнію исправленіе. Выносимое горе должно быть сѣменемъ развитія, призывомъ къ совершенствованію. И уклоняться онъ, пожалуй, не прочь; но понимать онъ это понимаетъ, онъ и это понимаетъ. По крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи это твердо заявилось: мы знаемъ о стремленіи алчущихъ преоборотъ свою слабость къ одуряющимъ возліяніямъ. А заснимъ и вообще они теперь представляютъ угодную почву къ тому, чтобы благое самодержавіе, для котораго нравственное оздоровленіе народа главная задача Его могущественныхъ заботъ, внесло въ него черты наибольшей христіанственности, которыя усвоются тѣмъ крѣпче, что естественная близость ихъ русской душѣ теперь отъ несчастія становится ясною какъ день. Не по предположенію или общимъ соображеніямъ говорится и объ этой тонкой чуткости къ запросамъ неисправственнаго христіанства. Всѣ читали, что органу благаго самодержавія удалось по теоретическимъ соображеніямъ невозможное—удалось вызвать въ крестьянахъ сознаніе, что широкая масляница есть учрежденіе языческое и приговоромъ закрѣпить свою твердую рѣшимость перевести всѣ обычныя излишества этой недѣли въ область исторіи, прошедшаго.

Теперь, если взглядъ на дневную нашу злобу, какъ на посѣщеніе Божіе (кромѣ своей вѣрности) исповѣдуется нуждающимися съ такой пользою для нихъ, то не менѣе благотворенъ онъ и для остальныхъ членовъ Россійскаго государства. Постановка грустнаго факта на религіозно-нравственную почву прямо указываетъ и для насъ, не нуждающихся, что правое наше отношеніе къ этому факту опредѣляется ни гдѣ нибудь, а именно христіанствомъ. А христіанство даетъ въ этомъ случаѣ одинъ опредѣленный законъ, одинъ призывъ—призывъ къ сострадательности. Не разъ приходилось встрѣчать мысль, будто законъ сострадательности открытъ весьма недавно и такой-то вотъ ученый (Адамъ Смитъ) замѣтилъ, что человѣкъ долженъ быть нравственнымъ, а нравственнымъ онъ становится тогда только, когда основнымъ зерномъ душевной его жизни становится симпатія — сострадательность. Подобныя сказанія могутъ быть справедливы развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что великія истины, давно проповѣданныя, прочно входятъ въ сознаніе людей лишь тысячи лѣтъ спустя послѣ того, какъ они проповѣданы. Христосъ Спаситель—Онъ возвѣстилъ намъ о такомъ великомъ значеніи сострадавія. И не только возвѣстилъ, но и даровалъ намъ всѣ возможности къ тому, чтобы мы поняли это. Я хочу сказать прежде всего, что Его ученіе о блаженствахъ не только учитъ закону христіанственности, но и расположено такъ, что представляетъ послѣдовательный рядъ ступеней, восходя по которымъ, мы съ непринужденной естественностью все глубже и больше вживаемся въ христіанственность, овладѣваемъ ея несравненной высотой. И по этому порядку образованія правильнаго человѣка, во первыхъ, долженъ выработать въ себѣ полную готовность слушать слово Христа и встрѣчать его лицомъ къ лицу—душой не омрачаемой какими-либо привязанностями къ земному. Доросши до этого, человѣкъ естественно чувствуетъ, что слово Христа всецѣло понимается и привѣтствуется его душой. Поэтому въ немъ легко можетъ возникнуть пренебреженіе къ скудоумію тѣхъ, душа которыхъ уразумѣть этого не въ силахъ, и гордость, происходящая оттого, что высоту христіанства онъ переноситъ на самаго себя, забывая, что христіанство-то высоко, но самъ онъ представляетъ совсѣмъ другую величину. Поэтому онъ долженъ познакомиться съ собою, наблюдать себя и видѣть истинную мѣру своей стопмости. А виикая въ себя онъ легко усматриваетъ въ себѣ то буйство „напрасиаго гнѣва“, которое пудитъ его показывать свою силу, создаетъ разрушительныя стремленія и само по себѣ есть вѣчный источникъ противохристіанственности. Поэтому человѣкъ долженъ сломать, укротить себя, преоборотъ бушующее въ немъ и всегда своекорыстное ὀργή. И только послѣ того, какъ онъ прожилъ подвиги духовныя нищеты, плача и кротости, лишь послѣ этого Спаситель открываетъ ему правду Царствія Божія, для наученія которой Онъ пришелъ на землю, для воздвиженія и укорененія которой въ людяхъ Онъ пострадалъ на Крестѣ. А чѣмъ и съ чего начинается теперь уже посильное человѣку наученіе положительной христіанственности? Оно начинается именно съ со-

страданія, съ „Блаженны милостивые". Это есть основа, корень. Это есть уже чисто христіанская жизнь. И вмѣстѣ зерно *полной* христіанственности. Живя въ человѣкѣ при тѣхъ условіяхъ, которыя создаются напередъ прожитыми имъ подвигами, милосердіе само внушаетъ ему, что съ наступленіемъ періода мужской зрѣлости—жизни умомъ оно, какъ чувство, находится въ опасности заглохнуть вмѣстѣ со всѣми другими чувствами; тѣмъ болѣе, что человѣкъ самъ терпитъ и выноситъ въ жизни много несчастій, а притерпливаясь къ нимъ—теряя чувствительность къ себѣ, естественно теряетъ съ этимъ и жалостливость къ другимъ. Поэтому, состраданіе должно пріобрѣсти для себя какую либо опору, для того, чтобы не умереть, но жить. А изъ всѣхъ возможныхъ опоръ единственно надежная, правильная и вдобавокъ естественная есть чувство Бога. Опираясь на него, оно есть уже милосердіе къ другимъ ради Бога—потому, что Богъ есть любовь. А тогда оно есть не милосердіе только, но то благожеланіе, та ни чѣмъ неограничиваемая *) и ни въ чемъ для живости своей не нуждающаяся забота о спасеніи другихъ; то отраженіе во внѣ царящаго въ душѣ человѣка добра, достигши которыхъ христіанинъ, по слову Спасителя, есть истинный благодатный сынъ Божій, которому остается только не опьянѣть отъ своего величія—не допустить гордыни Богоравенства.

Внимая Божественному ученію первоначальные христіане сплошь жили милосердіемъ и не смотря на всѣ затрудненія, на всѣ опасности ревностно готовили себѣ помилованіе чрезъ дѣла милости; наконецъ считали первымъ долгомъ начертать по возможности полнѣйшее руководство къ тому: гдѣ и какъ открываются случаи для приложенія своей сострадательности христіанамъ дальнѣйшихъ временъ. И что касается до русскихъ, то завѣтъ св. отцевъ имъ удалось усвоить легко и прочно. Другая изъ причинъ живой любви къ христіанской вѣрѣ заключалась именно здѣсь. Еще въ язычествѣ они **) готовно искали случаевъ помочь такъ или иначе неимущимъ. Принявши христіанство, они прежде всего поняли *это* слово Христа, болѣе всего учиться любили ***) именно дѣламъ милости, въ *нихъ* видѣли высшую добродѣтель, безъ которой человѣка не спасутъ ни постъ, ни полное отрицаніе земныхъ благъ, ни даже молитва; съ наибольшею расположенностію слушали нѣніе каликъ именно о герояхъ христіанскаго милосердія, и наконецъ, богача, который остался жестокимъ къ бѣдному Лазарю, осудили какъ человѣка, который не помогъ *родному* своему брату. Точно также и въ дальнѣйшей жизни эта добродѣтель никогда не изсякала и наша исторія можетъ представить въ доказательство не однихъ только святителей и подвижниковъ, о которыхъ можно сказать, что милосердіе было ихъ должностью; не однихъ только Осорьиныхъ и Ртищевыхъ, которыхъ недавно и умѣстно помянулъ добрымъ словомъ Московскій профессоръ *) и о которыхъ можно сказать, что они жили милосердіемъ, какъ исключительные случаи и потому, что они были такъ сказать, геніями милосердія, коими родятся, а не бываютъ. Во все продолженіе нашей исторической жизни это есть дѣло, дошедшее до силы узаконившагося обычая,—до круговой поруки, по которой крестьянинъ, встрѣчая въ лѣсу другаго, совсѣмъ ему неизвѣстнаго, безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей останавливается и помогаетъ ему въ случившейся на дорогѣ бѣдѣ. Не величайшее ли счастіе, что это дошло, послѣдовательно дошло и до насъ, противилось вплоть до бѣды, постигшей цѣлые милліоны нашихъ соотечественниковъ? Мы переживаемъ время, которое будутъ помнить не только какъ время горя—злосчастія, но и какъ время великаго подъема чистой христіанственности. И правительство и частные люди—всѣ соединились во единый ликъ, дабы нести святой подвигъ вспомоществованія неимущимъ. Такая грандіозная помощь на первыхъ порахъ, какую могло оказать только благое Самодержавіе, дальнѣйшія пожертвованія всѣхъ, начиная съ Государя, кончая послѣднимъ бѣднякомъ, и всѣмъ чѣмъ можно; мѣры къ тому, чтобы обойтись собственными средствами, несмотря на великость недорода; нарственно-властный надзоръ за тѣмъ, чтобы жертвуемое доходило по назначенію, приходило во время, засимъ, какъ вспомоществованіе, назначалось по справедливой размежевкѣ; заботы о томъ, чтобы алчущіе не лишались труда, безъ котораго для нихъ нѣтъ должной жизни и бодрости духа; разбросанныя по всѣмъ уголкамъ бѣдствующей полосы частныя, благотворительныя учрежденія, сколько компетентныя, столько и объединенныя въ высшемъ центрѣ и вмѣстѣ столько-же благодѣтельныя; спеціальная помощь дѣтямъ неимущихъ, сиротскія призрѣнія, благо которыхъ оправдалось на опытѣ, наконецъ, прекрасное исполненіе заповѣди: „блаженъ, иже и безсловесныя милуетъ"—все это въ цѣломъ есть не разговоръ только или не установившаяся попытка милосердія, во великій и сложный міръ милости, водворяющій миръ въ душѣ тѣхъ, которые объяты нуждою. И эта сила христіанскаго сострадания навѣрное дойдетъ до самаго конца—до послѣднихъ дней безпомощности алчущихъ. Они-же стоятъ того. Если мнѣ хоть немного удалось въ проясненіи своей мысли, то вы, можетъ быть, согласитесь, что эти алчущіе готовно и твердо несутъ не нужду только въ кускѣ хлѣба, но великій нравственный искусъ, конецъ котораго есть благо всей Россіи.

Во время нѣнія хоромъ г. Архангельскаго „Руситкой пѣсни" графини Е. П. Игнатьева обошла присутствующихъ съ блюдомъ для

*) Ни родными, ни знакомыми и т. д.

**) См. Карамзина I т., Изд. «Сѣвера».

***) См. актовую рѣчь проф. Пономарева въ „Хр. Чт." за 1890 г.

*) Ключевскій въ „Богословскомъ Вѣстникѣ", № 1.

сбора пожертвованій въ пользу нуждающихся въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ.

На блюдо было собрано 330 р., о чемъ гр. Н. П. Игнатьевымъ и было заявлено собранію. При этомъ его сіятельствомъ было предложено передать означенную сумму въ Особый Комитетъ, на что и послѣдовало согласіе собранія.

Послѣ сего Д. Л. Мордовцевъ ознакомилъ собраніе съ личностью и учеными трудами почившаго І. І. Перфольфа, въ слѣдующей рѣчи:

„Ваши высокопреосвященства!..
Милостивыя государыни и господа!

21 декабря минувшаго года скоропостижно скончался въ Варшавѣ ординарный проф. варшавскаго университета, докторъ славянской филологіи, Іосифъ Іосифовичъ Перволфъ.

Внезапная смерть постигла ученаго слависта за окончаніемъ его послѣдняго капитальнаго труда—„*Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи*",—вырвавъ этого неутомимаго труженика науки изъ тѣсной, дружной, но малочисленной колонны мужественныхъ борцовъ за славянскую идею, и притомъ въ самомъ расцвѣтѣ его силъ и въ самомъ высокомъ подъемѣ энергіи. Перволфъ умеръ, можно сказать, какъ воинъ, съ боевымъ кличемъ на устахъ: — нежданный смертельный ударъ поразилъ его въ мирной бесѣдѣ съ товарищами-профессорами о гуситскомъ движеніи и о значеніи этого историческаго момента для славянской идеи.

На служеніе этой великой идеѣ, какъ на алтарь славянства, Перволфъ принесъ все, что есть самаго дорогаго въ жизни человѣка—свою родину;—онъ добровольно оставилъ ее, свою родную Чехію, заключенную въ тѣсныя рамки иноплеменнаго давленія, — для страны съ болѣе широкими горизонтами—для Россіи. Только здѣсь, въ Россіи, онъ могъ найти обширное поле для своей дѣятельности, для воплощенія въ жизни славянской идеи подъ сильною рукою старшей, самой многочисленной и самой могущественной славянской семьи. И онъ достойно выполнилъ взятую на себя трудную миссію въ предѣлахъ слишкомъ ограниченнаго числа лѣтъ, отнущенныхъ ему Провидѣніемъ, не достигнувъ того возраста, который признано считать склоняющимся къ старости:—смерть постигла его на 51-мъ году жизни.

Что только здѣсь, въ Россіи, покойный чаялъ воплощенія идеи, на служеніе которой онъ отдалъ всю свою энергію, весь жаръ своего сердца,—можно видѣть во всѣхъ его многочисленныхъ трудахъ, которыхъ я не перечисляю здѣсь и чрезъ которые это чаяніе проходитъ господствующею нотою; но всего ярче и компактнѣе сказалось оно въ сочиненіи его, изданномъ на средства почтеннаго общества, къ которому я имѣю честь обращаться теперь съ моимъ скромнымъ словомъ,—въ сочиненіи „*Германизація балтійскихъ славянъ*". Изложивъ въ этомъ замѣчательномъ трудѣ своемъ многовѣковую кровавую борьбу балтійскихъ славянъ съ ногловавшими ихъ болѣе сильными западными сосѣдями, желѣзомъ и кровью изгонявшими изъ нихъ и славянскій духъ, и славянскую рѣчь, — Перволфъ заключаетъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами:—„такимъ образомъ ляшское племя—кашубы, поморяне, мазуры, поляне, слензане — предоставлены вѣковому давленію нѣмецкому; ихъ вожди и представители, изнемогая въ неравной борьбѣ, озираются все болѣе и болѣе *на востокъ на великое славянское государство*, — и намъ кажется, будто мы слышимъ извѣстное въ древне-римскомъ циркѣ восклицаніе идущихъ на смерть гладіаторовъ: „Ave, caesar, morituri te salutant!".

Эти „morituri", эти какъ-бы обреченные, въ силу своей малочисленности, на смерть роковымъ ходомъ исторіи гладіаторы, младшіе братья „великаго славянскаго государства"; и составляли кровную заботу всей ученой, къ сожалѣнію недолговѣчной, жизни покойнаго слависта.

Но помимо ученыхъ работъ, въ основѣ которыхъ всегда и неизмѣнно лежала идея духовнаго объединенія разрозненныхъ единицъ великой славянской семьи, Перволфъ и практически старался проводить эту идею въ жизнь, провозглашать жизненность и спасительность ея, такъ-сказать, urbi et orbi:— каждое лѣто, впродолженіи каникулярнаго времени, работа въ архивахъ, библіотекахъ и другихъ квартирахъ Вѣны, Праги, Загреба, Кракова и иныхъ городовъ, гдѣ болѣе или менѣе сосредоточиваются интересы славянства, Перволфъ лично, живымъ словомъ знакомилъ славянъ съ Россіей, съ ея общественнымъ строемъ и славянскими стремленіями русскаго интеллигентнаго общества, приглашалъ интересующихся судьбами Россіи лично знакомиться съ этой страной, настойчиво укрѣплялъ въ умахъ западныхъ и южныхъ славянъ сознаніе и увѣренность въ томъ, что именно Россіи предназначена Провидѣніемъ гегемонія въ славянскомъ мірѣ, что историческая миссія ея — примирить и сплотить разрозненные члены великаго славянскаго тѣла, а равно примирить и сплотить разнородные, не всегда солидарные между собою интересы разныхъ славянскихъ народностей, которыя, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ географическихъ, такъ сказать, или территоріальныхъ и экономическихъ давленій со стороны ихъ иноплеменныхъ сосѣдей, недостаточно окрѣпли въ сознаніи своего племеннаго и духовнаго единства и недостаточно тяготѣютъ къ своему естественному, органическому центру.

Эти несомнѣнныя заслуги Перволфа предъ славянскимъ міромъ единодушно засвидѣтельствованы надъ свѣжей еще могилой его какъ въ превосходномъ, глубоко-задушевномъ словѣ проф. Н. Н. Созоновича, такъ и въ горячихъ откликахъ скорби объ усопшемъ со стороны всей славянской печати, признавшей за покойнымъ заслуги исторической важности.

„Для насъ—говорилъ недавно, 15-го февраля, проф. Я. К. Гротъ въ своей блестящей лекціи въ аудиторіи варшавскаго университ-

тета,—для насъ—сказалъ онъ — въ воззрѣніяхъ Первольфа на славянскій вопросъ особенно важно его правильное, вполнѣ объективное пониманіе внутреннихъ, такъ сказать, семейныхъ отношеній славянства. Онъ признавалъ, что послѣднее можетъ стать дѣйствительно сильнымъ и имѣть свѣтлое историческое будущее лишь при условіи солидарности славянскихъ народовъ на дѣлѣ, при установленіи между ними прочнаго, мирнаго сожительства и притомъ—при естественномъ тяготѣніи всѣхъ менѣе сильныхъ и малочисленныхъ славянскихъ племенъ къ главному и самому могущественному стволу,—опираясь на который они могли-бы успѣшнѣе бороться противъ внѣшнихъ опасностей, и который, защищая ихъ народность и индивидуальные интересы, вмѣстѣ съ тѣмъ, игралъ бы великую объединительную роль.

„И Первольфъ,—говоритъ далѣе почтенный профессоръ,—имѣлъ, дѣйствительно, право проповѣдывать славянскую взаимность и согласіе потому, во-1-хъ, что никто лучше его не изучилъ трагически-суровыхъ уроковъ славянской исторіи, и во-2 хъ, что онъ лично въ своей жизни и отношеніяхъ, на своемъ посту былъ воплощеніемъ этой взаимности, одинаково любилъ и симпатизировалъ всѣмъ народностямъ славянскимъ, желалъ всѣмъ имъ добра и преуспѣянія, глубоко сокрушался при видѣ славянской розни и вражды,—что, наконецъ, онъ, выдающійся славистъ и приверженецъ идеи славянской взаимности, является въ наши дни однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ порожденій этой идеи и въ наукѣ, и въ жизни, и дай Богъ, чтобы эта идея создавала себѣ повсюду въ славянствѣ, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, все больше и больше такихъ достойныхъ представителей, и только тогда можно будетъ съ большимъ правомъ говорить о возможности желаннаго осуществленія ея въ реальной жизни". („Варшав. Дневн.", 1892 г.).

Въ заключеніе всего, пусть тотъ, чествованіемъ достойной памяти котораго мнѣ позволено было нынѣ занять на нѣсколько минутъ вниманіе высокопочтеннаго собранія,—пусть онъ самъ, такъ сказать, подастъ намъ пророческій голосъ изъ своей, теперь уже исторической, могилы. Давая намъ характеристику главныхъ носителей и глашатаевъ славянской идеи, Первольфъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что „они ее—эту идею, часто отовсюду изгоняемую, преслѣдуемую, осмѣянную, поруганную, берегли въ своихъ книгахъ, передавая ее, какъ священное достояніе, отъ поколѣнія къ поколѣнію, то въ формѣ научной, то пламенными стихами и рѣчами"; что, „не взирая ни на какія препятствія, эти воодушевленные пророки и мученики славянской идеи не переставали взывать къ своимъ изнемогающимъ народамъ: „Не унывайте! Этимъ знаменемъ побѣдите!"—что „ихъ гласъ не былъ гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ"; что, „благодаря ихъ неустрашимому геройству и самоотверженію, славяне второй половины XIX вѣка сходятъ на все готовые, проникнутые сознаніемъ солидарности интересовъ"; что, наконецъ, „они только ждутъ своего пророка Іезекіиля, который ихъ поднимете къ новой жизни, какъ тотъ великій пророкъ, съ помощію Божіею, совокупилъ разбросанныя на полѣ сухія кости, обвелъ ихъ жилами, плотью и кожей, и, наконецъ, сказалъ: „Огь четырехъ вѣтровъ приди, душе, и вдуни на мертвыя сія, и да оживутъ!—И вниде въ ня духъ жизни, и ожиша, и сташа на ногахъ своихъ—соборъ многъ зѣло!"...

Это говоритъ Первольфъ гласомъ пророка. Да сбудется его пророчество!".

Въ заключеніе перваго отдѣленія, гр. Н. П. Игнатьевъ, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ: „Для тѣхъ, кто сомнѣвается въ братскихъ чувствахъ славянскихъ народовъ, осѣняемыхъ хоругвіею св. Кирилла и Меѳодія, мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочитаемъ только что полученную телеграмму отъ черногорскаго митрополита Митрофана: „Духомъ съ вами! Поздравляю славное Общество. Молю святаго славянскаго апостола, да ходатайствуетъ внѣкъ предъ Всевышнимъ о благословеніи вашего Общества на пользу и славу великой Россіи со всѣмъ славянствомъ".

Чтеніе этой телеграммы покрыто было громкими рукоплесканіями.

Послѣ небольшого перерыва гр. Н. П. Игнатьевъ предложилъ собранію принять въ число членовъ Общества предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ, на что и послѣдовало согласіе собранія.

Для ознакомленія собранія съ духомъ и направленіемъ новаго журнала „Славянское Обозрѣніе", проф. И. С. Пальмовъ прочиталъ выдержки изъ слѣдующей передовой статьи январьской книжки журнала: „О нынѣшнемъ положеніи греко-славянскаго міра", написанной А. С. Будиловичемъ:

I.

Съ тѣхъ поръ какъ прекратилась публицистическая дѣятельность И. С. Аксакова, соединявшаго несокрушимую вѣру въ Россію и славянство съ дѣятельнымъ сознаніемъ опасности ихъ нынѣшняго положенія, въ нашей печати, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ изданій національнаго направленія, постепенно установился довольно оптимистическій взглядъ на современный ходъ славянскихъ дѣлъ.

Если бы оптимизмъ этотъ ограничивался лишь словами, то мы могли бы не придавать ему важнаго значенія. Вѣдь есть народы, даже столь великіе, какъ французскій и китайскій, которые искони привыкли къ подобнаго рода самовозвышенію: оно не подорвало однако міровой роли этихъ народовъ на протяженіи многихъ вѣковъ ихъ исторической жизни. Но мы—народъ болѣе искренній, прямолинейный, не привыкшій строго отдѣлять словъ отъ дѣлъ. Если мы успокоили себѣ взглядъ, что находимся въ хорошемъ, чуть не нормальномъ положеніи, то не станемъ и заботиться объ его улучшеніи. Но что, если мы при этомъ ошибаемся, если вѣрнѣе понималъ нынѣшнее положеніе Россіи и славянъ И. С. Аксаковъ, умершій, какъ извѣстно, отъ боли сердца и

съ грустнымъ предсказаніемъ: „а гроза близится“... Тогда нашъ оптимизмъ окажется не теоретической лишь ошибкой, но и тяжкимъ преступленіемъ передъ исторіей и грѣхомъ противъ своего народа, которому придется расплачиваться за нашу слѣпую безпечность.

Въ такомъ случаѣ, при невозможности всегда умѣтить въ „золотую середину“, не предпочтительнѣе ли держаться противоположнаго, строгаго, требовательнаго по отношенію къ себѣ, пожалуй пессимистическаго воззрѣнія, которое все же толкаетъ къ труду, къ осторожности, къ самоусовершенствованію. Вѣдь это то міровоззрѣніе соотвѣтствуетъ и истинному духу христіанства, а не фарисейское самовозвышеніе оптимистовъ.

II.

Присматриваясь въ этихъ видахъ и съ этими оговорками къ нынѣшнему положенію грекославянскаго міра, мы вовсе не находимъ въ немъ основаній для оптимизма. Наоборотъ, положеніе это представляется вамъ крайне неопредѣленнымъ, шаткимъ, а иногда прямо опаснымъ для нашей народной и культурной будущности.

Россія, напримѣръ, при всемъ величіи своей государственной области, даровитости и мощи своего стомилліонnаго населенія и крѣпости своего политическаго строя, все таки не занимаетъ теперь такого господствующаго международнаго положенія, какъ при Николаѣ I, Александрѣ I, быть можетъ и при Екатеринѣ II, особенно на Балканскомъ полуостровѣ. Она вынуждена была въ послѣднее время уступить тамъ многія важныя позиціи Австро-Угріи и ея союзникамъ, напр. Боснію, Герцеговину, Болгарію. Даже Румынія явственно наклоняется теперь къ антирусской лигѣ, которая изъ тройственной могла бы, при нашемъ бездѣйствіи, вновь разрости до „два десяти языкъ“. Правда, русско-французская контрлига значительно улучшила наше международное положеніе; но и это улучшеніе могло бы быть вновь парализовано расширеніемъ среднеевропейской лиги на оставшіяся еще въ сторонѣ отъ нея государства. Это отчасти и сдѣлано уже привлеченіемъ Швейцаріи и Бельгіи къ среднеевропейскому торговому союзу, который существенно дополняетъ и расширяетъ прежній союзъ политическій. Наконецъ, нынѣшнее равновѣсіе коализованныхъ европейскихъ силъ каждую минуту можетъ быть нарушено вмѣшательствомъ Великобританіи, которая существенно и теперь принадлежитъ нравственно, если не формально, къ лигѣ австро-итало-германской.

Но все-же въ отношеніи политическомъ Россія занимаетъ безспорно высшее мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ, чѣмъ въ отношеніяхъ общественномъ и экономическомъ. Въ сравненіи съ любымъ западно-европейскимъ обществомъ, русское осталось далеко позади по неумѣнію организоваться, слабости личнаго и общественнаго почина, по застарѣлой привычкѣ все сваливать на плечи государства. Сословныя притязанія не имѣютъ конечно у насъ той исторической почвы, слѣдовательно и силы, какъ на западѣ; но тѣмъ произвольнѣе и вреднѣе они въ своихъ проявленіяхъ, особенно въ областяхъ окраинныхъ, со смѣшаннымъ населеніемъ. Шаткость нашего экономическаго благосостоянія доказывается какъ возрастающею задолженностью, такъ и голодовками, въ родѣ нынѣшней печальнѣйшей, которая объясняется не однѣми вѣдь метеорологическими причинами. Это подтверждается и широкимъ и до недавняго времени безпрепятственнымъ распространеніемъ въ Россіи еврейства, которое уже само по себѣ служитъ указаніемъ на ненормальность общественно-экономическихъ условій русской жизни.

Мы по справедливости гордимся вѣрностью русскаго народа не только духу, но и формамъ соборнаго христіанства, религіозными завѣтамъ славянскихъ Первоучителей, вѣковымъ преданіямъ русско-славянской Церкви. Но не видимъ ли одновременно и такихъ явленій, какъ штунда въ народѣ, а пашковство, рэдстокизмъ, даже чуть-чуть не будизмъ въ воззрѣніяхъ образованныхъ классовъ русскаго общества?

Мы благополучно вышли, кажется, изъ періода продолжительной борьбы за классицизмъ и реализмъ. Но можемъ ли сказать, что успѣли установить лучшій типъ или типы русско-славянской высшей, средней и низшей школы, въ ея отношеніяхъ къ государству и обществу, Церкви и семьѣ?

Въ области научно-литературной по многимъ ли предметамъ знанія и родамъ творчества успѣла Россія занять подобающее себѣ мѣсто въ ряду другихъ великихъ народовъ и государствъ? Не представляется ли и теперь еще русскій языкъ какъ бы подчиненнымъ діалектомъ нѣмецкаго въ изданіяхъ нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ обществъ и въ преподаваніи нѣкоторыхъ балтійскихъ школъ?

III.

При всемъ томъ по условіямъ своего развитія Россія занимаетъ теперь безспорно самое лучшее положеніе изъ всѣхъ греко-славянскихъ народовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ ней стало утверждаться народное направленіе во внѣшней и внутренней политикѣ.

Гораздо неблагопріятнѣе поставлены въ этомъ отношеніи заграничные славяне. Возьмемъ напр. нашихъ червонно-русскихъ братьевъ. Раздѣленные въ политическомъ отношеніи между Галичиною, Буковиною и Угріею, они осуждены вслѣдствіе того развиваться подъ чуждыми вліяніями, а именно: первые—подъ давленіемъ поляковъ, вторые—нѣмцевъ и румыновъ, третьи же—мадьяръ. Лишь въ лонѣ славянской Церкви червонноруссы могли бы найти опору для своихъ народныхъ стремленій. Но и тутъ они весьма ослаблены вторженіемъ въ ихъ храмы и монастыри то польскихъ іезуитовъ и воскресенцевъ, то румынскихъ пропагандистовъ, то мадьярскихъ чиновниковъ, при почти полной зависимости червонно-русскаго духовенства отъ иновѣрнаго и иноплеменнаго правительства и патроновъ-помѣщиковъ, не говоря уже про собственныхъ іерарховъ, которые назначаются по указа-

ніямъ изъ Рима, Вѣны, Кракова, а не въ духѣ народныхъ желаній и требованій. Доказательствомъ тому можетъ служить недавній львовскій церковно-областной синодъ, столь живо напоминающій по своему духу и пріемамъ печальной памяти соборы брестскій и замостскій, казалось бы, давно отошедшіе въ область историческихъ воспоминаній, наравнѣ съ павшей республикой. Столь же печально положеніе червонорусскихъ школъ, служащихъ не дѣлу русской народности и человѣчности, а наоборотъ—полонизаціи русской молодежи въ Галичинѣ, да онѣмечиванію или орумыниванію въ Буковинѣ и безпощадной мадьяризаціи въ Угріи. Если прибавить къ этому крайнее обѣдненіе червонорусскаго населенія, вслѣдствіе высокаго обложенія, плохой администраціи и высасыванія евреями, то мы поймемъ причины постепеннаго вырожденія этого населенія, особенно въ Галичинѣ, какъ это доказано на цифрахъ польскимъ экономистомъ Щепановскимъ въ сочиненіи: Nędza Galicyi.

Скудная червонорусская литература, раздѣленная вдобавокъ на три части по областямъ и на множество разновидностей по произволу писателей, конечно не можетъ выдержать состязанія даже съ литературами польскою, румынскою и мадьярскою, не говоря уже про возвышающуюся надъ всѣми ими литературу общенѣмецкую. Лучшія силы червонорусскаго общества, весь подростъ его учащейся молодежи должны постепенно отрываться отъ своихъ семейныхъ, народныхъ и церковныхъ преданій и усиливать собою ряды противниковъ Руси.

IV.

Весьма неблагопріятно и нынѣшнее положеніе югославянскихъ народовъ: болгарскаго, сербохорватскаго и словинскаго, изъ которыхъ первый раздѣленъ въ политическомъ отношеніи на три части, между Болгаріей, Румыніей и Турціей, второй на шесть, между Сербіей, Черногоріей, Турціей, Новоавстріей (Боснія съ Герцеговиной), Цислейтаніей и Транслейтаніей, а третій на три, между двумя послѣдними и Италіей. Но еще важнѣе то, что всѣ эти народности охвачены теперь въ большей или меньшей степени культурнымъ воздѣйствіемъ латино-нѣмецкаго запада, которому давно уже подчинились области словинскія, на половину сербохорватскія, а въ новѣйшее время стали склоняться и болгарскія. Это внесло рознь въ среду юго-славянъ, возбудивъ хорватовъ противъ сербовъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ поляковъ противъ русскихъ. Если прибавить къ этому старый антагонизмъ болгаръ съ сербами, искусственно подогрѣваемый теперь изъ Вѣны и Буданешта ожесточеннымъ сномъ изъ-за Македоніи, который былъ однимъ изъ мотивовъ и злополучной войны 1885 г., то легко видѣть, какъ глубоко расколоть теперь славянскій югъ и какъ легко пользоваться этимъ расколомъ западу.

Для нынѣшней исторіи юго-славянъ, особенно сербской при Миланѣ и болгарской при Баттенбергѣ и Кобургѣ, можно бы найти много аналогій въ исторіи онѣмеченія прибалтійскихъ и полабскихъ славянъ саксами, франками и другими наступательными нѣмцами. Дай Богъ, чтобы окончательный исходъ борьбы за земли подбалканскія и поддпнарскія не былъ столь-же гибелевъ для славянъ, какъ на Лабѣ, Одрѣ и нижней Вислѣ.

V.

Крайне тяжело и опасно нынѣшнее положеніе сѣверо-западныхъ славянъ, особенно словаковъ. Со времени введенія дуализма они постепенно утратили всякое активное участіе въ политической жизни, такъ что не имѣютъ теперь въ угорскомъ парламентѣ ни одного депутата, который хотя бы заявлялъ объ ихъ существованіи. Завимая самыя бѣдныя, горныя части Угріи, словаки и въ экономическомъ отношеніи совершенно обезсилены вымогательствами фискальными, такъ что лишь коробейничество да эмиграція въ Америку еще поддерживаютъ ихъ отъ полнаго обѣдненія. И церковь не оказываетъ существенной поддержки этому въ большинствѣ католическому, а въ меньшинствѣ протестантскому народу, ибо черезъ епископовъ и высшій клиръ правительство наложило руку и на церковную автономію словаковъ, сдѣлавъ такимъ образомъ церковь однимъ изъ орудій мадьяризаціи. Со времени насильственнаго закрытія трехъ частныхъ словенскихъ гимназій, у словаковъ не осталось ни одной средней школы. Въ послѣднее же время и сельскія училища, даже пріюты для малолѣтковъ превращены въ органы все того же насильственнаго мадьяризма.

Одна литература еще поддерживаетъ народное сознаніе словаковъ; но при всей даровитости и самоотверженности словенскихъ поэтовъ и публицистовъ, все-таки борьба съ литературою мадьярскою, для которой работаетъ и множество омадьяренныхъ словаковъ, въ концѣ концовъ должна будетъ оказаться неравною.

VI.

Не особенно блестящимъ представляется и современное положеніе чехоморавянъ. Раздѣленные административно на три части (Чехія, Моравія, Слезія), они не могутъ дѣйствовать совмѣстно въ тяжелой борьбѣ съ окружающими ихъ отовсюду нѣмцами. Мы не удивляемся поэтому, что въ недавней парламентской рѣчи депутатъ Грегръ назвалъ нынѣшнее положеніе чеховъ „вавилонскимъ плѣномъ“ и сравнилъ его съ положеніемъ жертвы „въ пасти вампира“.

Лучше соціально-экономическое положеніе чеховъ, какъ это видно и изъ блестящаго успѣха недавней юбилейной выставки въ Прагѣ. Народъ этотъ дѣйствительно занимаетъ очень высокое мѣсто по способности къ организаціи, по энергіи и умѣлости труда, по бережливости и относительному благосостоянію. Но все это не можетъ охранить и чеховъ отъ постепеннаго обѣдненія, если и впредь эта все же небольшая страна принуждена будетъ ежегодно выдѣлять изъ своихъ заработковъ свыше 120 мил. (по расчету депутата Грегра) на Австрію. Уже и теперь

въ Чехіи много бѣднаго, безземельнаго, фабричнаго населенія, которое изливается широкимъ эмиграціоннымъ потокомъ то въ Вѣну и другія части Австріи, то даже въ Америку и отчасти въ Россію.

Въ церковномъ отношеніи чехоморавне не имѣютъ самостоятельной организаціи, входя въ составъ латино-нѣмецкой церкви, которая донынѣ не можетъ простить чехамъ гуситства и потому всегда становится на сторону нѣмцевъ въ борьбѣ съ чехоморавскими славянами.

Въ дѣлѣ учебномъ послѣдніе поставлены гораздо лучше и словенцевъ, и словаковъ и австрорусовъ, ибо имѣютъ не только низшія и среднія, но и высшія школы съ народнымъ языкомъ. Это обстоятельство и поддерживаетъ чехизмъ въ его трудной борьбѣ съ нѣмцами, при содѣйствіи очень живой публицистики и серьезной научной дѣятельности. Но если принять во вниманіе, что чехи ведутъ ее своими одиночными силами, австрійскіе же нѣмцы опираются на языкъ и литературу всего нѣмецкаго племени, то нельзя не убѣдиться, что въ концѣ концовъ и тутъ должны будутъ побѣдить нѣмцы, если не подоспѣютъ на выручку чеховъ прочія вѣтви славянства.

VII.

Нельзя назвать вполнѣ безопаснымъ и нынѣшняго положенія поляковъ. Уже самый фактъ ихъ дробленія между тремя, столь различными по строю государствами, какъ Австрія, Германія и Россія, не представляется благопріятнымъ для сохраненія и развитія этой народности, какъ одного культурнаго цѣлаго. Наоборотъ, изъ нея должны постепенно выработаться три народа: австропольскій, германопольскій и русскопольскій, съ особыми бытовыми условіями, вкусами, идеалами, особымъ міровоззрѣніемъ. Латинская церковь является какъ бы общею головою этого разсѣченнаго политически тѣла, причемъ ея вліяніе еще усиливается старымъ полугосократическимъ устройствомъ польскаго общества. Но космополитическій, во всякомъ же случаѣ не славянскій и не польскій, а латинскій характеръ этой церкви дѣлаетъ ее ненадежною опорою какой бы то ни было народности, слѣдовательно и польской. Особенно замѣтно это въ Германіи, гдѣ процессъ онѣмеченія поляковъ вовсе не сдерживается ихъ католицизмомъ, какъ нѣкогда это случилось и съ прибалтійскими славянами, принадлежавшими главнымъ образомъ къ той же ляшской вѣтви славянства. Нѣсколько лучше національное положеніе поляковъ въ Австріи; но оно привело ихъ къ другой опасности: полной изолированности между славянами и, какъ они думаютъ, необходимости соединяться съ его врагами, нѣмцами, евреями, мадьярами. Лишь въ Россіи поляки не подвергаются ни тѣмъ опасностямъ, какъ въ Германіи, ни тѣмъ соблазнамъ, какъ въ Австріи, потому что входятъ въ составъ государства славянскаго и притомъ громаднаго по пространству, слѣдовательно вовсе не нуждающагося въ примѣненіи нѣмецкихъ способовъ вытѣсненія коренного населенія изъ польскаго края. Въ этомъ смыслѣ народную будущность русскихъ поляковъ слѣдуетъ признать упроченною въ гораздо большей степени, чѣмъ въ онѣмечиваемой Познани или въ юдаизуемой Галиціи. Что же касается дальнѣйшаго развитія польской народности и польской образованности, то мы думаемъ, что оно могло бы совершаться подъ русскимъ скипетромъ лишь въ томъ случаѣ, если бы эта образованность стала наконецъ развиваться параллельно съ русскою и прочими чисто-славянскими, а не въ противоположномъ, какъ довынѣ, направленіи. Только въ союзѣ съ прочими славянскими языками и литературами можетъ и польскій языкъ устоять въ неравной борьбѣ съ нѣмецкимъ, который уже теперь господствуетъ въ Познани, Слезіи, Пруссахъ и который въ самомъ сердцѣ Польши имѣетъ свои форпосты въ видѣ нѣмецкихъ колонистовъ да онѣмеченныхъ по разговорной рѣчи евреевъ.

VIII.

Остается еще упомянуть о крошечномъ полутораста-тысячномъ народцѣ — лужицкихъ сербахъ. Какъ ни удивительна упорная живучесть этого консервативнаго народца, напоминающаго пиренейскихъ басковъ или британскихъ кельтовъ, слѣдуетъ однако сознаться, что положеніе этого народа крайне опасно. Ни песчаные боры верхнихъ Лужицъ, ни болотистые спревскіе лѣса нижнихъ не обезопачиваютъ тѣхъ и другихъ отъ натиска нѣмцевъ. Если все-таки народъ этотъ, раздѣленный вдобавокъ надвое и въ политическомъ, и въ церковномъ и въ діалектическомъ отношеніяхъ, устоитъ въ неравной борьбѣ, то это будетъ чудомъ, вродѣ открытаго недавно въ горахъ Паропамиза остатка (точно-ли?) греческихъ колонистовъ эпохи Александра Македонскаго!

Такимъ образомъ, славянство похоже теперь на связаннаго по рукамъ и ногамъ человѣка, на котораго насѣли враги, открыли жилы и выпускаютъ изъ нихъ кровь, переливая ее, такъ сказать, въ себя, для обновленія и укрѣпленія своихъ жизненныхъ силъ.

IX.

Но разсуждая о современномъ славянствѣ, въ его отношеніяхъ къ западу, мы не можемъ, не должны забывать и тѣхъ неславянскихъ народовъ, которые связаны съ нашимъ племенемъ то по географической смежности, то по близости этнографической, по историческимъ преданіямъ, связямъ государственнымъ, общественнымъ, экономическимъ, церковнымъ,—вообще по принадлежности къ общему грекославянскому культурному типу. Между народами этими особеннаго вниманія заслуживаютъ: лѣтскій и мадьярскій на западѣ, румынскій, греческій и турецкій на югѣ.

Видная въ условіяхъ нынѣшняго положенія этихъ исторически-связанныхъ съ славянствомъ народовъ, мы замѣчаемъ, что и они переживаютъ теперь критическую эпоху въ своей исторіи.

Такъ племя балтійское или лѣтское (латышско-литонское), расколотое въ государственномъ отношеніи на двѣ части, герман-

скую и русскую, въ обѣихъ подвергается онѣмеченію, хотя и въ неравной мѣрѣ. Быстрѣе совершается оно въ Пруссахъ, которые изъ коренного края лѣтскаго стали форпостомъ германизма на востокѣ. Слабою опорою для лѣтской народности служитъ латинская церковь. Наоборотъ, изъ исторіи извѣстно, что она то именно и была сильнѣйшимъ поборникомъ германизаціи въ земляхъ тевтонскаго и ливонскаго орденовъ. Важнѣе въ этомъ отношеніи для будущности лѣтизма зародыши литературной дѣятельности на балтійскихъ діалектахъ, особенно южнолитовскомъ и латышскомъ. Но доселѣ не выяснились еще вполнѣ даже основныя черты и стремленія этой литературы, такъ что нельзя пока судить о томъ, станетъ ли она одною изъ діалектическихъ литературъ нѣмецкой или русской язычной сферы, а слѣдовательно явится-ли она соратникомъ восточной или западной образованности въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи.

X.

Нѣкоторыя аналогіи съ народностью лѣтскою представляютъ и мадьяры, которые по вѣроисповѣданію тоже относятся теперь къ западу, но по племенному типу, историческимъ преданіямъ и международному положенію не отличаются существенно отъ смежныхъ славянскихъ народностей. Въ отношеніи политическомъ мадьяры поставлены гораздо выгоднѣе и лѣтовъ, и большинства западныхъ славянъ, ибо всѣ входятъ въ составъ одного и притомъ довольно автономнаго государства, Угріи. Имѣя въ своихъ рукахъ и законодательство, и администрацію этой страны, ея суды, финансы, школы, мадьярскій народъ повидимому могъ бы съ полнымъ успѣхомъ развивать теперь всѣ лучшія стороны и основы своего бытія. Къ сожалѣнію, мы этого не видимъ. Вся дѣятельность мадьярской интеллигенціи направлена въ другую сторону: на насильственное утвержденіе мадьяризма на развалинахъ всѣхъ прочихъ народностей Угріи, причемъ и мысли нѣтъ о приданіи этому мадьяризму какого нибудь высшаго культурнаго или вообще духовнаго значенія. Это путь крайне опасный для народности столь малой и слабой, слѣдовательно столь зависимой отъ сосѣдей, какъ мадьярская. Вызвавъ противъ себя единодушный ропотъ всѣхъ подавляемыхъ народностей, мадьяры рискуютъ въ одинъ день потерять плоды своихъ многолѣтнихъ усилій, какъ это предсказалъ недавно самъ Кошутъ, при обсужденіи шансовъ войны, въ которую могла бы быть вовлечена и Угрія. Что это предсказаніе можетъ исполниться, доказываетъ исторія 1848—49 гг., когда мадьяризмъ потерпѣлъ полное крушеніе, вслѣдствіе враждебнаго къ нему отношенія большинства угорскихъ народовъ. Кому досталось бы въ такомъ случаѣ наслѣдіе Арпадовичей, нѣмцамъ или славянамъ, это вопросъ особый, очень трудный для рѣшенія. Но въ обоихъ случаяхъ очевидно, что мадьяры ставятъ теперь на карту все свое народное будущее.

Въ случаѣ государственнаго кризиса положеніе мадьяризма было бы тѣмъ опаснѣе, что онъ не имѣетъ собственно никакой внутренней опоры, ибо ни латинская, ни даже кальвинская церковь не можетъ быть признана народно-мадьярскою. Что касается экономическихъ силъ мадьярства, то онѣ подрыты уже теперь еврейскимъ землевладѣніемъ, промышленностью, капиталами, подобно тому какъ это замѣчается и въ Галичинѣ. Экономическій упадокъ Угріи отражается и на возрастающемъ множествѣ эмигрантовъ, которые переносятъ въ Новый Свѣтъ рабочія силы, не находящія производительнаго примѣненія на роднѣ.

Мадьярская наука и литература, питаемыя соками главнымъ образомъ омадьяренныхъ славянъ, нѣмцевъ, румыновъ, евреевъ, въ отношеніи количественномъ очень значительны, быть можетъ превосходятъ любую изъ западнославянскихъ литературъ. Но такъ какъ мадьярская литература поддерживается главнымъ образомъ ренегатами другихъ народностей, то она не можетъ конечно имѣть высокаго идеальнаго содержанія и характера. Съ другой стороны, по направленію она все же находится въ сильнѣйшей зависимости отъ нѣмецкой, такъ что можетъ даже разсматриваться какъ одна изъ діалектическихъ подлитературъ нѣмецкаго язычнаго круга, занимающая въ ихъ средѣ быть можетъ первое мѣсто. Какія отсюда проистекаютъ опасности для дальнѣйшихъ судебъ мадьяризма, для хода и исхода его многовѣковой борьбы съ германизмомъ, при замѣчаемомъ разрывѣ мадьяръ со славянствомъ, это легко видѣть изъ вышесказаннаго.

XI.

На критическомъ распутіи стоитъ теперь и румынская народность, благодаря главнымъ образомъ государственному ея раздѣленію на двѣ части, молдовалашскую и австроугорскую. Первая могла бы съ успѣхомъ развиваться въ традиціонномъ восточно-христіанскомъ направленіи, если бы черезъ Угрію, Семиградье, Буковину не проникали въ нее теоріи и стремленія совершенно противоположнаго, латино-нѣмецкаго происхожденія. Въ прежнее время стремленія эти были до нѣкоторой степени поддерживаемы и панроманскими идеями, проникавшими изъ Франціи, Испаніи, Италіи. Теперь настроеніе романскихъ странъ, особенно Франціи, существенно измѣнилось. Зато интересы заняла нашли себѣ въ Румыніи вѣрнаго поборника въ лицѣ короля Карла Гогенцоллернскаго, который считаетъ себя какъ бы новымъ гросмейстеромъ тевтонскаго ордена на нижнемъ Дунаѣ.

Не менѣе вредитъ румынамъ ихъ раздѣленіе на двѣ церкви, православную и уніатскую, изъ которыхъ послѣдняя довольно сильна въ угро-румынскихъ областяхъ и служитъ какъ бы мостомъ для вторженія западныхъ идей и въ собственную Румынію. Этимъ главнѣйше путемъ вытѣснены изъ послѣдней кирилловскія буквы, а съ ними многія славяно-румынскія слова, обороты, наконецъ, и старый полуславянскій духъ румынскаго общества и народа.

Утвержденіе въ Семиградьѣ и прочихъ угро-румынскихъ областяхъ мадьярскихъ школъ съ колошварскимъ университетомъ, а въ Буковинѣ—школъ нѣмецкихъ, съ черновицкимъ нѣмецкимъ университетомъ во главѣ, является не менѣе важнымъ факторомъ постепеннаго обезнароживанія румыновъ въ пользу то мадьяризма, то германизма. Это ослабляетъ конечно и значеніе румынской литературы, низводя ее постепенно до роли служебной въ отношеніи не только къ языку нѣмецкому но и мадьярскому.

XII.

Переходя затѣмъ къ грекамъ, мы видимъ, что интересы эллинизма въ греческомъ королевствѣ охраняются конечно лучше, чѣмъ народныя стремленія большинства западныхъ и южныхъ славянъ, лишенныхъ политической независимости. Но съ другой стороны не нужно забывать, что королевство это не имѣетъ еще ни національнаго, ни географическаго единства, слѣд. необходимой полноты и цѣльности государственнаго организма. Особенно тягостно для новогрековъ господство Турціи на о. Кандіи, которое является вслѣдствіе того самымъ больнымъ мѣстомъ и Греціи и Турціи. Въ нѣкоторой мѣрѣ то же относится и къ другимъ турецкимъ островамъ Архипелага, который какъ древле, такъ и теперь долженъ считаться какъ бы національной территоріей грековъ. Не мѣшаетъ отмѣтить и то обстоятельство, что въ средѣ населеній ново-греческаго королевства довольно силенъ элементъ инородческій, особенно албанскій. Онъ открываетъ, правда, Греціи какъ бы этнографическое право на Албанію, но съ другой стороны ослабляетъ чистоту и цѣльность ново-греческаго племеннаго типа.

Въ отношеніи экономическомъ греки пользуются преимуществами народа мореходно-торговаго. Но преимущества эти значительно ослабляются торговой конкурренціей „франковъ", особенно итальянцевъ, австрійцевъ и англичанъ, которые постепенно захватываютъ рынки Леванта, чтобы эксплоатировать ихъ подобно своимъ колоніямъ на материкахъ черномъ, желтомъ и красномъ.

Въ религіозномъ отношеніи всѣ почти греки принадлежатъ къ одной и при томъ своей древней національной Церкви. Но въ отношеніи іерархическомъ они распадаются между нѣсколькими автокефальными церквами, взаимныя отношенія которыхъ нерѣдко вызываютъ столкновеніе грековъ то съ болгарами, то съ арабами и другими христіанскими народами востока. Эти столкновенія еще болѣе обостряются замѣтнымъ несоотвѣтствіемъ великихъ историческихъ воспоминаній эллинизма съ его нынѣшнею скромною ролью на водахъ и побережьяхъ Леванта. Это несоотвѣтствіе придаетъ нѣсколько трагическій характеръ пан-эллинской программѣ, окрещенной именемъ „великой идеи".

Въ отношеніи научно-литературномъ трудно ожидать для новогрековъ того значенія, какое принадлежало нѣкогда ихъ отдаленнымъ предкамъ въ Іоніи, Аттикѣ, Великой Греціи. Но было бы желательно, чтобы ихъ знаменитый языкъ не былъ задавленъ на Востокѣ языками итальянскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ, которые замѣтно укрѣпляются въ исконныхъ гнѣздахъ древнегреческой и среднегреческой образованности.

XIII.

Весьма тяжелый кризисъ переживается теперь и турецкимъ народомъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ онъ былъ носителемъ государства, обнимавшаго лучшія части Стараго Свѣта и сыгравшаго важную роль въ исторіи средневѣковой и новой Европы. Но государство до такой степени поглощало вниманіе и силы этого народа, что ихъ уже не хватило для развитія прочихъ сторонъ образованности. Этимъ обусловлено было постепенное паденіе Турціи и ея неспособность возродиться на новыхъ началахъ. Въ этомъ и заключается главная причина ея болѣзней, которыя вызвали цѣлый рядъ хирургическихъ операцій и довели ее теперь до роли одной изъ второстепенныхъ державъ, поддерживаемой главнѣйше взаимными антагонизмами и завистью между сосѣдями. Дальнѣйшая судьба Турціи зависитъ отъ того, сумѣетъ-ли она произвести добровольно размежеваніе своихъ областей съ другими народами востока, или будетъ дожидаться вмѣшательства англичанъ и другихъ франковъ, чтобы уплатить потомъ за него чѣмъ нибудь вродѣ Босніи, Кипра, Египта.

XIV.

Но если столь тяжело и даже опасно нынѣшнее положеніе славянскихъ народностей и самой Россіи, со включеніемъ неславянскихъ народовъ нашего культурнаго круга, то въ чемъ заключаются причины этого положенія: въ недостаткѣ ли ихъ силъ? въ перевѣсѣ ли силъ противника? Едва ли въ этомъ. Общая сумма всѣхъ этихъ народовъ достигаетъ, безъ сомнѣнія, полутораста милліоновъ человѣкъ, которые въ смыслѣ физическомъ смѣло могли бы помѣриться силами хотя бы съ половиною Европы. Да и въ духовномъ отношеніи племя, имѣющее столь прочный политическій базисъ, какъ Россія, скрѣпленная вѣками и обезпеченная несокрушимою твердостію нравственныхъ связей Царя и народа, племя, воспитанное въ лонѣ грекославянской Церкви, усвоившее себѣ ея идеалы, проникнутое ея духомъ, связанное общими кирилло-меѳодіевскими преданіями и славѣтами, къ тому-же племя молодое и даровитое, имѣющее столь богатый и сильный языкъ, произведшее изъ своей среды не одного уже генія въ области научно-литературной и художественной,—не должно быть, кажется, бояться культурнаго сонерничества болѣе зрѣлыхъ, но и утомленныхъ уже жизнью народовъ запада.

Почему же на дѣлѣ видимъ противное, именно постепенное расширеніе западныхъ народовъ и ихъ образованности на территоріи и въ средѣ народовъ христіанскаго востока?

По нашему убѣжденію, причина этого явленія заключается главнымъ образомъ въ преимуществахъ западноевропейской организаціи силъ, при полномъ ихъ разстройствѣ и разсѣяніи въ средѣ грекославянской.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя нашъ культурный міръ и не лишенъ нравственнаго средоточія и тяготѣнія къ нему, опредѣляемаго выдающимся положеніемъ въ его системѣ русскаго народа, государства, общества, Церкви, языка, однако степень этого тяготѣнія еще не велика, по причинѣ господства силъ центробѣжныхъ надъ центростремительными въ психическомъ строѣ грекославянскихъ народовъ. Этимъ же объясняется слабость и взаимныхъ связей между отдѣльными тѣлами нашей племенной и культурной системы, а слѣдовательно почти полное отсутствіе ихъ внутренней организаціи.

При этомъ мы имѣемъ въ виду не столько политическую, сколько духовную организацію, ибо и на западѣ безспорное культурное единство народовъ романогерманскихъ лишь въ немногіе историческіе моменты (Карлъ Великій, Наполеонъ I) достигало и государственнаго объединенія соотвѣтственныхъ народовъ. Славянъ раздѣляютъ не столько политическія грани, сколько антагонизмы другаго, болѣе внутренняго характера, напр. между славянами православными и католическими, которые гораздо сильнѣе вѣроисповѣдной розни между католиками и протестантами на западѣ, или между суннитами и шіитами на востокѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣроисповѣдная рознь нѣмцевъ не мѣшаетъ имъ издавна чувствовать себя однимъ народомъ, съ общимъ языкомъ, наукою, литературою, общими національными и культурными задачами, чего нельзя сказать про взаимныя отношенія, напр. русскихъ къ полякамъ, или даже сербовъ къ хорватамъ. Вся Германія, со включеніемъ нѣмецкой Австріи, покрыта теперь безчисленными общенѣмецкими національными союзами: гимнастическими, пѣвческими, школьными, научными, литературными, вообще культурными, которые имѣютъ правильную организацію, общіе съѣзды, центральныя изданія,—словомъ, служатъ выраженіемъ и развитіемъ идей національнаго единства нѣмцевъ.

Ничего подобнаго не видимъ мы между славянами, даже въ группахъ болѣе тѣсныхъ, напр. въ западно-славянской, въ южно-славянской и т. п.

Всѣ нѣмцы объединены теперь и въ экономическомъ отношеніи новозаключеннымъ торговымъ договоромъ. Когда дуждутся чего нибудь подобнаго и народы грекославянской системы?

А какой громадный перевѣсъ передъ послѣдними имѣютъ нѣмцы, французы, англичане и др. крупные западные народы въ фактѣ язычнаго ихъ объединенія! Правда, Россія имѣетъ съ прошлаго вѣка одинъ общій языкъ; но за предѣлами ея все еще господствуетъ такое смѣшеніе языковъ, какое было на Западѣ развѣ въ средніе вѣка, до Лютера. Кальвина, Тиндаля. При такихъ условіяхъ не возможенъ между народами нашей системы плодотворный обмѣнъ произведеніями народной мысли и слова, а слѣдовательно и ихъ духовная солидарность, подобная существующей въ широкихъ размѣрахъ на Западѣ.

XV.

Безъ такого же обмѣна мыслей, безъ духовной взаимности греко-славяне не могутъ даже приблизиться къ рѣшенію многихъ основныхъ вопросовъ своей національной и культурной области. Таковы напр.: вопросъ русско-польскій и примыкающій къ нему малорусскій или „русинскій"; вопросы чешско-словенскій, македонскій, боснійскій, греко-болгарскій, цареградскій, румынскій, мадьярскій и т. д., и т. д.

Но надъ всѣми этими частными вопросами возвышаются и требуютъ настоятельно разъясненія многіе болѣе общіе вопросы нашего культурнаго міра, напр. о способахъ установленія равновѣсія между центростремительными и центробѣжными силами въ жизни народовъ нашего круга; объ отношеніяхъ народности къ культурѣ и задачъ племенныхъ къ общечеловѣческимъ; объ идеальныхъ основахъ и практическихъ путяхъ религіознаго ихъ сближенія; о лучшемъ типѣ грекославянской общественной организаціи; объ идеалахъ нашей науки, литературы, искусства и средствахъ приближенія къ нимъ; о примиреніи преданій вашего прошлаго съ условіями настоящаго и потребностями будущаго.

Всѣ эти и многіе другіе теоретическіе и практическіе вопросы имѣютъ, такъ сказать, международный характеръ въ средѣ грекославянской. Они могутъ быть разрѣшены не иначе, какъ путемъ взаимнаго и добровольнаго соглашенія, цѣлаго ряда компромиссовъ между противорѣчивыми стремленіями и интересами отдѣльныхъ славянскихъ и несславянскихъ народовъ нашей исторической системы.

XVI.

Но какъ, гдѣ, чѣмъ достигнуть этого соглашенія? Путемъ ли общихъ съѣздовъ? обществъ? учрежденій?

Конечно, и эти средства очень важны и желательны. Въ доказательство сошлемся на московскій славянскій съѣздъ 1867 г., который оставилъ столь глубокій слѣдъ, если не въ жизни, то по крайней мѣрѣ въ воспоминаніяхъ всѣхъ славянскихъ народовъ. Хорошо бы повторять подобные съѣзды каждые 3—4 г., какъ это водилось у древнихъ грековъ на олимпійскихъ и другихъ играхъ, служившихъ даже эрою для греческаго лѣтосчисленія.

Нечего и говорить, что учрежденіе обществъ такого типа, какъ Gustav-Adolf Verein, Allgemeiner deutscher Schulverein и т. п. также много содѣйствовало бы духовному сближенію и сплоченію частей нашего племени.

Но осуществленіе подобныхъ съѣздовъ, учрежденіе подобныхъ обществъ нерѣдко бываетъ соединено съ такими препятствіями, которыя возможно устранить лишь послѣ долгой и упорной борьбы съ затрудненіями то личными, то общественными, политическими, экономическими и т. д.

XVII.

А между тѣмъ рядомъ со всѣми этими способами племенной и культурной организаціи есть еще одинъ, который, не уступая прочимъ въ дѣйствительности, въ то же время гораздо легче можетъ быть примѣняемъ къ дѣлу: это путь литературнаго обмѣна мыслей между братьями и культурными сподвижниками, въ особенности же на страницахъ общаго періодическаго изданія.

Этотъ способъ служенія словомъ дѣлу ихъ нравственной организаціи имѣетъ то преимущество передъ прочими, что слово, какъ извѣстно, является наиболѣе естественнымъ посредникомъ между чувствами и мыслями, рѣшеніями и дѣйствіями. Еслибы при разработкѣ подобнаго рода сложныхъ вопросовъ мы избрали противоположный путь, т. е. отъ дѣла перешли бы къ рѣшенію, а отъ послѣдняго къ выражаемому словомъ понятію и наконецъ чувству, то поступили бы менѣе согласно съ законами и психологіи, и исторіи. Не потому ли между прочимъ и высокіе подвиги русскихъ людей въ 1812, 1819 и 1877—78 гг. не принесли ожидаемыхъ и заслуженныхъ результатовъ, что они предприняты были безъ исторической подготовки, предварительнаго обсужденія всѣхъ сторонъ дѣла и всѣхъ подробностей предпріятія?

XVIII.

Но для того, чтобы еще темное поле русско-славянскаго сознанія было освѣщено съ точекъ зрѣнія и исторіи, и дѣйствительности, необходимо снести въ одинъ фокусъ лучи самыхъ различныхъ воззрѣній, взаимно провѣряемыхъ и дополняемыхъ общими силами и усиліями.

Въ этихъ то видахъ, предпринявъ при содѣйствіи единомышленниковъ изданіе „Славянскаго Обозрѣнія“, мы намѣрены открыть его страницы писателямъ всѣхъ славянскихъ, или точнѣе—всѣхъ греко-славянскихъ народностей, притомъ различныхъ направленій, подъ условіемъ искренняго желанія содѣйствовать печатнымъ словомъ уясненію того или другого вопроса, въ общихъ интересахъ восточно-христіанской образованности. Только статьи, враждебныя славянству, его историческимъ преданіямъ, стремленіямъ, идеаламъ, или направленныя къ усиленію не любви и согласія, а вражды и раздоровъ между членами нашего культурнаго міра, не найдутъ конечно мѣста въ нашемъ изданіи. Его девизомъ будетъ литургическій возгласъ: *„Возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы“... Любовь* къ братіямъ (по крови, вѣрѣ и судьбамъ), какъ основа *единомыслія; единомыслiе*, какъ нравственная опора личности въ *исповѣданіи* своихъ убѣжденій; *исповѣданіе* ихъ, начало *осуществленія*: вотъ программа, по которой человѣкъ и христіанинъ долженъ возвышаться отъ чувства къ познанію, а отъ мысли къ дѣятельности, въ служеніи своимъ просвѣтительнымъ идеямъ и идеаламъ. Въ вѣрномъ примѣненіи и развитіи славянами этой программы заключается, по нашему убѣжденію, единственный выходъ и изъ тѣхъ безчисленныхъ затрудненій въ ихъ нынѣшнемъ положеніи, которыя накопились вѣками и лишь незначительная часть коихъ намѣчена въ настоящемъ очеркѣ.

Тѣмъ же началамъ служили, тою же программою руководились лучшіе изъ писателей и дѣятелей такъ называемаго славянофильскаго направленія, а между ними нынѣ наиболѣе еще памятный издатель „Дня“, „Москвы“, „Москвича“ и „Руси“, И. С. Аксаковъ. Но располагая не истинѣ богатырскими силами, Аксаковъ слишкомъ кажется довѣрялъ имъ, принимая на свои плечи чуть не всю тягость изданія. Мы въ этомъ отношеніи и не можемъ, и не желаемъ слѣдовать за нимъ, а наоборотъ, предполагаемъ раздѣлить эту тягость между возможно большимъ числомъ сотрудниковъ. Нашей главной обязанностью, какъ редактора, будетъ привлеченіе на общій трудъ греко-славянскихъ писательскихъ силъ и, въ нужномъ случаѣ, примирительное между ними посредничество, чтобы такимъ образомъ содѣйствовать своевременному уясненію выдвигаемыхъ жизнію вопросовъ и разрѣшенію ихъ въ духѣ основныхъ началъ восточно-христіанской образованности, на благую пользу всѣхъ ея участниковъ и дѣятелей.

Послѣ чтенія И. С. Пальмова, вызвавшаго громкія рукоплесканія, хоръ г. Архангельскаго исполнилъ сербскую пѣсню „Бойна труба“.

Въ заключеніе, г. секретарь прочиталъ выдержку изъ слѣдующей статьи проф. А. С. Будиловича:

Іоаннъ Амосъ Коменскій.

(1592—1670 гг.)

18 (28-го) марта этого года исполнится 300-лѣтіе со дня рожденія великаго чешско-славянскаго писателя и дѣятеля Іоанна Амоса Коменскаго. Предполагая посвятить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Славянскаго Обозрѣнія“ особую статью оцѣнкѣ его заслугъ въ исторіи славянскаго, да и вообще европейскаго просвѣщенія, мы на этотъ разъ ограничимся біографическимъ очеркомъ его трудовой жизни и плодотворной дѣятельности.

I. А. Коменскій родился 18 (28) марта 1592 г. въ подкарпатскомъ посадѣ Нивницы, въ Моравіи, близъ угорской границы, гдѣ отецъ его, происходившій изъ сосѣдняго селенія Комна (отсюда Коменскій), былъ мельникомъ. Онъ принадлежалъ къ знаменитой тогда „общинѣ братьевъ“, которыхъ называли то моравскими, то чешскими братьями, а нерѣдко „пикардами“, вслѣдствіе тенденціознаго смѣшенія ихъ съ этими французскими (вальденскими) еретиками. Слѣдуя обычаю „братьевъ“, отецъ нашего Іоанна Коменскаго далъ еще ему библейское имя Амоса, откуда и вышло извѣстное всей Европѣ въ нѣсколько латинизованной формѣ названіе: Iohannes Amos Comenius.

Потерявъ въ раннемъ возрастѣ родителей, I. А. Коменскій не могъ получить съ дѣтства хорошаго образованія, но, благодаря своему трудолюбію и выдающимся способностямъ, успѣлъ впослѣдствіи сначала въ г. Преревѣ,

и потомъ въ Германіи восполнить этотъ пробѣлъ. Высшее богословское, да и вообще гуманитарное образованіе онъ получилъ въ протестантскихъ школахъ Германіи, именно въ нассауской герборнской (Herborn) коллегіи „Johannea" (1611—1613 г.) и въ гейдельбергскомъ университетѣ (1613—1614 г.).

Сверхъ богословскихъ наукъ, которыя составляли главную спеціальность для учениковъ изъ „общины братьевъ", Коменскій занимался также философскими, отчасти и физикоматематическими науками, такъ что получилъ до извѣстной степени энциклопедическое образованіе. Изъ преподавателей наибольшее впечатлѣніе произвелъ на Коменскаго герборнскій богословъ Альштедъ, который принадлежалъ къ мистической школѣ „хиліастовъ", ожидавшихъ вскорѣ, по исполненіи временъ, втораго пришествія Мессіи. Быть можетъ его уроки отразились на настроеніи и нашего І. А. Коменскаго, хотя мистицизмъ лежитъ въ основѣ и міросозерцанія чехо-моравскихъ „братьевъ", особенно XVII вѣка. Вообще слѣдуетъ признать, что нѣмецкая школа не онѣмечила Коменскаго, такъ что даже въ литературномъ пользованіи нѣмецкимъ языкомъ онъ встрѣчалъ затрудненія, о которыхъ нерѣдко самъ упоминаетъ въ перепискѣ съ друзьями. Изъ этой же переписки мы узнаемъ, что и въ періодъ своего ученія въ Германіи І. А. Коменскій мечталъ о писательствѣ не нѣмецкомъ или латинскомъ, а чешскомъ, вслѣдствіе чего уже тогда, въ 1612 г. началъ онъ собирать матеріалы для чешско-латинскаго словаря, надъ которымъ работалъ болѣе 40 лѣтъ, главнѣйше въ видахъ основательнаго изученія отечественнаго языка.

По возвращеніи изъ Гейдельберга въ 1614 г. Коменскій принялъ въ завѣдываніе „братскую" школу въ моравскомъ г. Пржеровѣ, а года два спустя рукоположенъ въ священники „общины братьевъ", съ перемѣщеніемъ въ г. Фульнекъ, въ с. в. Моравіи, гдѣ ему ввѣренъ былъ и надзоръ за „братской" школой *). Это были лучшіе годы его частной и семейной **) жизни.

Но вскорѣ послѣдовало возстаніе чехоморавянъ противъ династіи габсбургской, призваніе на чешскій престолъ Фридриха V пфальцскаго, злополучная бѣлогорская битва (8 ноября 1620 г.) и время тяжелой реакціи. Она превратила Чехо-Моравію въ пустыню, наполнила ее трупами и заставила всѣхъ диссидентовъ спасаться бѣгствомъ, сначала въ глуши чехо-моравскихъ горъ и лѣсовъ, а вскорѣ за предѣлами отечества, въ Польшѣ, Угріи, Саксоніи, Бранденбургѣ, Скавдинавіи, Англіи, Голландіи, Швейцаріи. Такъ какъ во главѣ этой реакціи стояли іезуиты, то преслѣдованіе имѣло болѣе религіозный, чѣмъ политическій характеръ и всего тяжелѣе отразилось на духовенствѣ диссидентовъ, особенно же самой ненавистной для Рима— „братской общины".

Въ эту тяжелую пору пришлось и Коменскому искать спасенія въ бѣгствѣ. Испанскіе солдаты Фердинанда II сожгли въ 1621 г. гор. Фульнекъ, причемъ погибла въ пламени библіотека и многія рукописи Коменскаго, а самъ онъ вынужденъ былъ бѣжать черезъ горы въ Чехію, гдѣ нашелъ временный пріютъ въ имѣніи гр. Жеротина, въ г. Брандысѣ надъ Орлицей (1622—1625). Здѣсь-то составилъ онъ свою знаменитую въ чешской литературѣ сатирико-аллегорическую поэму „Labyrint", написанную на тему: „суета суетствій и всяческая суета". Міръ странствующему по немъ автору представляется въ видѣ колеса, которое въ своемъ вращеніи сегодня низвергаетъ того, кого вчера подняло. Но въ этомъ коловращеніи жизни есть-де неподвижный центръ и вѣчная опора: ее составляетъ Божья воля. Въ подчиненіи ей и заключается-де искомый „рай" человѣческаго „сердца".

Поэма эта (издана въ 1631 г.) въ такой мѣрѣ соотвѣтствовала тогдашнему настроенію не только Коменскаго, но и всѣхъ настоящихъ чеховъ, особенно же членовъ „братской общины", что наряду съ Кралицкою библіею она сдѣлалась драгоцѣннымъ ихъ наслѣдіемъ въ изгнаніи и была какъ бы вторымъ молитвенникомъ каждаго чехоморавскаго эмигранта.

Вскорѣ и г. Брандысъ надъ Орлицей пересталъ быть надежнымъ убѣжищемъ Коменскаго и другихъ „братьевъ". Въ концѣ 1624 г. вышелъ императорскій указъ объ изгнаніи навсегда изъ земель чешскаго королевства всѣхъ некатолическихъ священниковъ, подъ страхомъ смерти. Нѣкоторое время Коменскій скрывался еще у покровителей „общины" въ восточной Чехіи. Но въ 1627 г. онъ вынужденъ былъ съ семействомъ *) переселиться въ великопольскій городъ Лѣшно, гдѣ онъ прожилъ на этотъ разъ 13 л. (1628 — 1641). Главнымъ его занятіемъ было преподаваніе въ знаменитой кальвинской, а потомъ „братской" школѣ (родъ гимназіи) этого города. Въ 1636 г. онъ былъ избранъ въ сеніоры „общины" и съ тѣхъ поръ завѣдывалъ не только этой школой, но и вообще учебными дѣлами „братьевъ".

Къ этому времени относится составленіе Коменскимъ чешской „Дидактики", первое упоминаніе о которой встрѣчается въ 1627 г. и которая была въ основныхъ чертахъ окончена уже къ 1632 г. Хотя при составленіи этого труда Коменскій широко воспользовался дидактическими опытами многихъ нѣмецкихъ ученыхъ, особенно же Ф. Ратихія, Іог. Андрея и Э. Бодина, а затѣмъ Ренія, Гельвига, Ст. Риттера, Глаума, Гольстенія и др., тѣмъ не менѣе „Великая Дидактика" Коменскаго является однимъ изъ важнѣйшихъ явленій педагогической литературы всѣхъ вѣковъ и народовъ. Правда, окончательный свой видъ

*) Въ обоихъ этихъ городахъ Коменскому воздвигнуты въ 1870 годахъ памятники.

**) Первая его жена была словенка. Она умерла въ 1622 г.

*) Въ Брандысѣ, по смерти первой жены, словенки, онъ женился на дочери чешскаго сеніора «общины братьевъ».

она получила нѣсколько позже, при латинской передѣлкѣ, которая издана впервые въ 1657 г. въ Амстердамѣ въ I т. его „Opera didactica omnia"; но суть ея была готова уже въ 1630 г., какъ видно изъ чешскаго текста Дидактики, изданнаго въ 1849 г.

Основныя понятія этой „Великой Дидактики" заключаются въ слѣдующемъ. Такъ какъ человѣкъ есть совершеннѣйшее изъ твореній и призванъ къ вѣчному блаженству, то земная жизнь, какъ приготовленіе къ вѣчной, должна быть посвящена развитію въ немъ мудрости, добронравія и религіозности. Зародыши этихъ свойствъ положены въ человѣка природою, но для развитія ихъ необходимо образованіе, которое всего успѣшнѣе совершается въ молодости, притомъ не отдѣльно, а совмѣстно съ другими, въ школѣ. Единство предназначенія всѣхъ людей предполагаетъ общую имъ всѣмъ потребность въ школѣ, безъ различія въ этомъ отношеніи званій и состояній, занятій и половъ.

Молодежь должна быть обучаема *вся всему*, чтобы каждый въ жизни могъ быть не зрителемъ только, но и дѣятелемъ. Школы должны быть мастерскими человѣчности.

Но онѣ могутъ быть такими лишь въ томъ случаѣ, если всѣ будутъ посѣщать ихъ въ молодомъ возрастѣ, обучаясь тамъ безъ насилія и принужденія, по методу серьезному, вѣрному и легкому.

Главное условіе хорошихъ школъ—правильное распредѣленіе времени, предметовъ и способовъ обученія, примѣнительно къ природѣ дѣтей и цѣлямъ образованія.

Школьный возрастъ распадается-де на четыре періода: 1) материнская школа, до 6 л.; 2) народная школа, съ 6 до 12 л.; 3) латинская школа или гимназія, съ 13 по 18 л.; 4) академія и путешествія, съ 19 по 24 годъ.

Для успѣховъ преподаванія необходимы-де хорошіе учебники и другія школьныя пособія.

Въ этихъ общихъ рамкахъ Коменскій гораздо раньше Песталоцци и вѣрнѣе его начерталъ не только естественную теорію воспитанія и образованія, но и подробности ея примѣненія въ школахъ материнской, начальной, средней и высшей, не впадая при этомъ въ тѣ крайности то мистицизма, то піэтизма, то сантиментальности, практицизма, раціонализма, субъективизма, которыми характеризуются дидактическія системы позднѣйшихъ ученыхъ, вплоть до нашихъ дней.

Въ этомъ отношеніи „Дидактика" Коменскаго является не только образцомъ для позднѣйшихъ сочиненій этого рода, но и коррективомъ для нихъ, не исключая самоновѣйшихъ.

Но Коменскій былъ не теоретикъ лишь школьнаго дѣла, а еще болѣе практическій въ немъ руководитель. Вслѣдствіе того, онъ не остановился на своей „Великой Дидактикѣ", но продолжалъ съ рѣдкою настойчивостью разрабатывать общія ея положенія въ подробностяхъ, чтобы примѣнить теорію къ практикѣ. Въ разсматриваемый періодъ времени, который можно назвать тридцатыми годами XVII в., онъ составлялъ отдѣльныя брошюры и книги для руководства: во 1) въ *материнской* школѣ, „*Informatorium školy materské*", гдѣ излагаются правила физическаго и нравственнаго воспитанія дѣтей до шестилѣтняго возраста: отсюда между прочимъ взялъ Фребель идею своихъ дѣтскихъ садиковъ; 2) шесть чешскихъ книжекъ для начальной *общественной* школы (1628), и 3) „*Ianua linguarum reserrata*", т. е. „Отверстыя врата языковъ" *), для *гимназическихъ* школъ.

Первоначальное изданіе этого знаменитаго метода для изученія языковъ относится къ 1631 г. Потомъ оно было нѣсколько разъ передѣлываемо авторомъ, пока не установилось въ той формѣ, какъ оно напечатано въ 1657 г. въ „Opera didactica omnia", т. III. Суть примѣненнаго въ этихъ „Вратахъ" метода заключается въ томъ, что языкъ изучается не на грамматикѣ и даже не на чтеніи авторовъ, а на заучиваніи извѣстнаго числа (до 1000) предложеній, сгруппированныхъ по содержанію (до 100 главъ) и представляющихъ постепенное восхожденіе отъ нагляднаго къ абстрактному и отъ простаго къ сложному. Ученикъ, осилившій втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или года этотъ матеріалъ, располагаетъ уже достаточнымъ запасомъ словъ (до 8000) и оборотовъ для самостоятельнаго чтенія и даже устной бесѣды на изучаемомъ языкѣ. Уже при жизни Коменскаго учебникъ этотъ былъ переведенъ на всѣ главные европейскіе языки. Онъ всего болѣе содѣйствовалъ широкой извѣстности чешскаго педагога въ западной Европѣ.

Ianua была серединнымъ учебникомъ для изученія латыни; но рядомъ съ нею задуманы были и постепенно выполнены еще два подобные же курса: низшій, подъ названіемъ: „*Преддверіе*" (*Vestibulum*) и высшій „*Хоромы*" (*Atrium, Palatium*), которыхъ самое полное изданіе находится въ „Opera didactica omnia".

Что касается четвертаго, высшаго курса: *Сокровищница*, (*Thesaurum*), то онъ остался недоконченнымъ.

Широту дидактическихъ воззрѣній Коменскаго и его смѣлость въ проведеніи ихъ въ жизнь особенно доказываетъ то, что онъ предполагалъ возможнымъ выработать и цѣлую энциклопедію школьныхъ знаній, построенную на одномъ общемъ началѣ, по одной системѣ и одному методу.

Энциклопедію эту Коменскій называлъ пансофіею. Первый ея набросокъ или общій конспектъ вышелъ въ 1637 г. въ Оксфордѣ, подъ заглавіемъ: *Conatuum Comenianorum praeludia*, а затѣмъ въ 1639 г. въ Лондонѣ: „*Pansophiae prodromus*" и „*Pansophiae diatyposis*". Скоро однако Коменскій замѣтилъ, что составленіе подобной энциклопедіи, обнимающей и естественныя, и математическія, и историческія, и филологическія и наконецъ философско-богословскія науки, не подъ силу одному человѣку. Это сознаніе вызвало въ немъ желаніе

*) Названіе Ianua заимствовано Коменскимъ изъ подобнаго учебника испанскихъ іезуитовъ; но методъ послѣднихъ лишь въ отдаленной степени похожъ на методъ Коменскаго.

рѣшить задачу совмѣстнымъ трудомъ многихъ ученыхъ, собранныхъ ad hoc въ особой пансофической коллегіи. О такой коллегіи мечталъ уже Бэконъ Веруламскій; ей сочувствовали многіе изъ друзей и почитателей Коменскаго въ Англіи, которые и уговорили его прибыть въ Лондонъ для переговоровъ объ основаніи подъ его предсѣдательствомъ этого рода ученаго общества или академіи наукъ.

Въ сентябрѣ 1641 г. Комевскій, послѣ труднаго и бурнаго переѣзда, прибылъ съ этою цѣлью въ Лондонъ и былъ тамъ принятъ съ большимъ почетомъ, предварнемый славою великаго философа-педагога и много вытерпѣвшаго за евангелическія убѣжденія человѣка.

Даже парламентъ былъ повидимому расположенъ воспользоваться идеею Коменскаго. Но вскорѣ затѣмъ вспыхнуло возстаніе въ Ирландіи, сопровождавшееся смутами въ самой Англіи, приведшими къ разрыву народа съ королемъ и казни послѣдняго. При такихъ условіяхъ Коменскій не дождался утвержденія проектированной имъ пансофической коллегіи и уѣхалъ въ маѣ 1642 г. изъ Англіи, написавъ въ ней нѣсколько мистическій трактатъ: „Via lucis“. Въ трактатѣ этомъ авторъ указываетъ на современное помраченіе человѣческой мысли и совѣсти и на возможность освѣтить ихъ универсальными сочиненіями, школами, пансофическою коллегіей и всеобщимъ языкомъ. Сочиненіе это впрочемъ напечатано гораздо позже, въ 1688 г.. въ Амстердамѣ.

Разочаровавшись въ Англіи, Коменскій искалъ теперь поддержки въ Швеціи, которую онъ посѣтилъ на обратномъ пути черезъ Голландію въ сентябрѣ 1642 г., по вызову богатаго шведскаго (изъ голландцевъ) негоціанта, Людовика Ванъ-Геера. При этомъ случаѣ Коменскій имѣлъ совѣщаніе и со шведскимъ канцлеромъ Акселемъ Оксенштерномъ, по вопросу о преобразованіи системы обученія. Знаменитый „Орелъ сѣвера“ довольно холодно отнесся къ планамъ пансофіи, которою такъ увлекались въ Англіи, отчасти и въ Голландіи. Зато Оксенштернъ вполнѣ оцѣнилъ важность дидактической методы Коменскаго и примѣненія ея къ школамъ, путемъ новыхъ учебниковъ. Такъ же взглянули на дѣло и нѣкоторые другіе авторитетные люди Швеціи: воспитатель королевы Христины д-ръ Матіэ, канцлеръ упсальскаго университета Іог. Скитге, наконецъ и вышеназванный негоціантъ Гееръ, обезпечившій Коменскому на нѣсколько лѣтъ средства жизни, подъ условіемъ составленія учебниковъ по новому дидактическому методу.

По возвращеніи изъ Швеціи осенью 1642 г., Коменскій поселился уже не въ Лѣшнѣ или другомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ континента, а въ глухомъ нѣмецкомъ городкѣ Эльблонгѣ (Elbing), въ западныхъ Пруссахъ. Выборъ этого города обусловленъ былъ желаніемъ шведскихъ меценатовъ, особенно Ванъ-Геера, поставить Коменскаго въ наиболѣе благопріятныя для сосредоточенныхъ занятій условія. Коменскій расчитывалъ сверхъ того имѣть тутъ болѣе легкую возможность содержать насчетъ шведской субсидіи нѣсколькихъ помощниковъ, необходимыхъ при составленіи учебниковъ по разнымъ предметамъ, примѣнительно къ его пансофической системѣ. Къ сожалѣнію, шведскій негоціантъ оказался очень тугъ на удовлетвореніе подобнаго рода научныхъ потребностей Коменскаго, которыя казались ему прихотями.

Это и было главною причиною медленнаго хода задуманныхъ дидактическихъ и пансофическихъ работъ, такъ что лишь къ 1646 г., послѣ усиленныхъ четырехъ-лѣтнихъ трудовъ Коменскаго, съ его случайными помощниками, постепенно были подготовлены: 1) „Новѣйшій методъ изученія языковъ“ *); 2) „Предверіе изученія предметовъ и языковъ“ **); 3) „Врата къ изученію предметовъ и языковъ“ ***); 4) „Хоромы для изученія предметовъ и языковъ“ ****).

Наибольшее значеніе имѣетъ первое изъ этихъ сочиненій, въ которомъ Коменскій разсмотрѣлъ: теоретическіе вопросы о существѣ, происхожденіи, различіи, сходствѣ, преимуществахъ и недостаткахъ языковъ; историческій ходъ изученія языковъ, особенно латыни; необходимость примѣненія къ этому изученію новаго дидактическаго метода, расчленяемаго на четыре ступени: Vestibulum. Ianua. Atrium и Thesaurum; преимущества этого метода при изученіи и латыни и народныхъ языковъ, притомъ не въ школахъ только, но и въ жизни.

Что касается основъ этой методы, то онѣ состоятъ: во 1-хъ, въ параллелизмѣ между предметами и словами, во 2-хъ, въ строгой послѣдовательности изученія и въ 3-хъ, въ практической основѣ этого изученія.

Одновременно съ этими формально-дидактическими работами подвигалъ Коменскій и свою пансофическую систему, которую онъ включилъ теперь въ болѣе общее сочиненіе: „Объ исправленіи человѣческихъ дѣлъ“ *****), которое не было впрочемъ напечатано въ этотъ эльблонгскій періодъ жизни Коменскаго, а потомъ кажется сгорѣло въ дѣпненскомъ пожарѣ 1656 г.. такъ что отъ этого труда, которому Коменскій придавалъ наибольшее значеніе, лишь часть уцѣлѣла въ амстердамскомъ изданіи 1657 г , подъ заглавіями: „Panegersis“ и „Panaugia“. Собственная „Pansophia“ должна была занимать лишь седьмую часть этого большаго труда: „Объ исправленіи человѣческихъ дѣлъ“. Есть основаніе утверждать, что это сочиненіе Коменскаго легло въ основу правилъ лондонской большой массонской ложи (1717), слѣдовательно и вообще отражается въ дѣятельности нынѣшнихъ ложъ „вольныхъ каменщиковъ“.

*) Methodus linguarum novissima. Lissa, 1648.

**) Vestibulum rerum et linguarum. Ib. 1649.

***) Ianua rerum et linguarum. Op. did. omnia. 1657. III.

****) Atrium rerum et linguarum. Ib.

*****) De rerum humanarum emendatione.

По мѣрѣ того, какъ распространялось въ Европѣ знакомство съ дидактическими и философскими трудами великаго чеха, усиливалось желаніе разныхъ правительствъ и народовъ привлечь его въ свою среду для преобразованія мѣстныхъ школъ. Въ 1643 г. его пригласилъ для этого въ свои владѣнія семигradскій князь Юрій Ракоци (Раковскій). Въ слѣдующемъ, 1641 г., подобное предложеніе было сдѣлано Коменскому литовскимъ княземъ Радзивилломъ *). По Коменскій предпочиталъ тогда меценатство шведскаго купца Ванъ-Геера, тѣмъ болѣе, что надежды „общины братьевъ" на возвращеніе въ Чехію и Моравію все еще сосредоточены были на шведскомъ покровительствѣ протестантамъ.

Обстоятельства измѣнились однако къ 1648 г. Во-первыхъ, Коменскій изгнанъ былъ тогда въ епископы „общины братьевъ", слѣдовательно сталъ оффиціальнымъ ея представителемъ и защитникомъ; во-вторыхъ, въ томъ же году закончилась наконецъ 30-лѣтняя война постыдными для чеховъ вестфальскимъ миромъ, гдѣ они совсѣмъ были забыты шведскими уполномоченными.

Это былъ тяжелый ударъ, особенно для „братьевъ", отъ имени которыхъ горько жаловался на измѣну шведовъ Коменскій въ письмѣ къ Оксеншерну, отъ 11 окт. 1648 г. „Братья" считали теперь себя заклято похороненными. Это ихъ чувство раздѣлялъ кажется и Коменскій, написавшій въ 1650 г. какъ бы послѣднюю волю или завѣщаніе умирающей „общины братьевъ", своимъ осиротѣлымъ дѣтямъ **). Если же въ средѣ послѣднихъ еще сохранялись какія-нибудь упованія на лучшее будущее, то они были обращены теперь не на Данію и Швецію, а скорѣе на Угрію, даже Турцію..

При такихъ условіяхъ Коменскій согласился въ 1650 г. переселиться во владѣнія вдовы Юрія Раковскаго († 1648 г.) Сузанны и его сына Сигизмунда. Черезъ г. Пряшевъ Коменскій прослѣдовалъ въ Шаришскій-Потокъ, гдѣ и поселился осенью 1650 г. для преобразованія мѣстной школы въ образцовое заведеніе, примѣнительно къ основамъ его прославленной „Дидактики". Школа эта (родъ гимназіи) должна была состоять изъ шести классовъ; но разныя непредвидѣнныя обстоятельства: лѣнь учениковъ, косность учителей, равнодушіе общества, особенно же скорая смерть кн. Сигизмунда Раковскаго (4 февр. 1652 г.) не дозволили Коменскому развернуть всего своего плана средней школы, а заставили ограничиться тремя первыми классами. Многочисленныя зданія, принадлежащія Коменскимъ въ Шаришскомъ-Потокѣ, главнымъ образомъ педагогическаго содержанія, для мѣстной школы, свидѣтельствуютъ о серьезномъ его отношеніи къ послѣдней. Особенно благопріятными слѣдствіями сопровождалось введеніе въ школу драматическихъ представленій на латинскомъ языкѣ. Сверхъ того пребываніе Коменскаго въ Ш.-Потокѣ памятно составленіемъ знаменитаго въ исторіи педагогики учебника „Свѣтъ въ картинахъ" (Orbis pictus). Вышла эта книжка впервые въ Нюрнбергѣ въ 1657 г. Скоро она переведена была почти на всѣ европейскіе языки и послужила основою такъ называемаго наглядnаго обученія, которое составляетъ одну изъ главныхъ особенностей дидактическаго метода Коменскаго. Еще въ концѣ XVIII в. Гэте былъ столь высокаго мнѣнія о книгѣ „Свѣтъ въ картинахъ", что называлъ аналогичную книжку Басседова: „Elementarwerk mit Kupfern" (1773 г.) „испорченнымъ Orbis pictus".

Въ 1656 г. мы опять встрѣчаемъ Коменскаго въ великопольскомъ Лѣшнѣ, куда онъ былъ вѣроятно вызванъ обязанностями своего сана въ общинѣ. Быть можетъ, новое усиленіе Шведіи при Карлѣ X Густавѣ оживило надежды „братьевъ" и ихъ епископа, который написалъ даже панегирикъ этому государю (изд. въ Лейденѣ въ 1657 г.). Предчувствія обманули однако его и на этотъ разъ, притомъ самымъ плачевнымъ образомъ. Лѣшно было взято во время этой войны сначала шведскими войсками, которыя пощадили городъ, а затѣмъ отнято войсками польскими, предавшими его огню и разграбленію. Въ этой горестной катастрофѣ, 29 апрѣля 1656 г., Коменскій потерялъ, какъ нѣкогда въ Фульнекѣ, все свое имущество, библіотеку, рукописи, между которыми находились: Sylva pansophiae, проповѣди Коменскаго, его чешско-латинскій словарь, чешская реальная энциклопедія и наконецъ большая часть его обширной корреспонденціи ученаго и политическаго содержанія. Описаніе этого разгрома посвящена его брошюра: „Excidium Lesnense, anno 1656 factum" (Амстердамъ, 1656 г.).

Бездомный старецъ принужденъ былъ теперь окончательно отрясти прахъ отъ ногъ своихъ на обезумичиваемую Польшу и переселиться въ Амстердамъ, гдѣ прожилъ еще 14 лѣтъ (1656—1670) въ относительномъ спокойствіи и довольствѣ. Меценатомъ Коменскаго сталъ теперь сынъ вышеупомянутаго шведскаго купца Людовика Ванъ-Геера, Лаврентій Гееръ.

При его содѣйствіи отпечаталъ Коменскій въ 1657 г. полное собраніе своихъ дидактическихъ сочиненій (Opera didactica omnia), въ четырехъ томахъ, изъ коихъ послѣдній заключаетъ и нѣкоторые (именно 8) новые труды по дидактикѣ, написанные въ Амстердамѣ въ 1657 г. Это изданіе является главнымъ пособіемъ при изученіи дидактическихъ сочиненій Коменскаго, въ ихъ постепенномъ развитіи и усовершенствованіи.

Послѣдніе годы жизни Коменскаго были нѣсколько омрачены споромъ по поводу изданныхъ имъ мистическихъ книгъ: „Свѣтъ во тьмѣ" (Lux in tenebris, 1657 г.) и „Свѣтъ изъ тьмы" (Lux e tenebris novis radiis aucta, 1665 г.).

*) Отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что Коменскому пришлось кажется побывать и въ западной Руси, именно въ 1634 г. въ г. Володавѣ надъ Зап. Бугомъ, на синодѣ «братьевъ». Кажется онъ былъ и въ г. Острогѣ на Волыни.

**) Kšaft umirajici matky, Jednoty bratrské, Lešno, 1650.

Въ книгахъ этихъ Коменскій собралъ и издалъ пророчества, сообщенныя ему тремя ясновидящими: слезцемъ Христофоромъ Коттеромъ (въ 1625 и слѣд. гг.), полькою Христиною Понятовскою (1627 и слѣд. гг.) и моравскимъ родичемъ Коменскаго Драбикомъ († 1671 г.). Въ пророчествахъ этихъ дѣло шло главнымъ образомъ о времени и условіяхъ, выражаясь языкомъ Коменскаго, „паденія Вавилона и возстановленія Сіона". Подъ Вавилономъ диссиденты и „пророки" разумѣли папство и габсбурговъ, подъ Сіономъ же—разогнанныхъ послѣдними диссидентовъ, особенно „общину братьевъ". Въ предсказаніяхъ этихъ мстителемъ за „Сіонъ" представлялся прежде Фридрихъ V Пфальцскій, потомъ короли шведскій или датскій, впослѣдствіи же, у Драбика, на сцену выводятся князья Семигродья (Ракоци) и даже султанъ.

Сочувствуя содержанію „видѣній", Коменскій считалъ кажется излишнимъ относиться скептически къ добросовѣстности ясновидящихъ, а тѣмъ болѣе отвергать ихъ изъ принципа. Въ этомъ случаѣ онъ подчинялся общимъ вѣрованіямъ своего вѣка, подобно тому какъ и въ наши дни многіе точные ученые (вспомнимъ Бутлерова!) вѣрили въ спиритизмъ и нѣкоторыя другія психопатическія состоянія, довольно близкія къ ясновидѣнію.

Но и въ вѣкъ Коменскаго многіе считали хиліазмъ и визіонерство предразсудками, извинительными для толпы, но непростительными для нередовыхъ людей своего времени. Нѣкоторые изъ такихъ скептиковъ, напримѣръ, профф. Арнольдъ и С. Маренъ, выступили съ особыми брошюрами противъ Коменскаго, вызвавшими его отвѣты: Admonitio fraterna и Vindicatio famae. Этотъ споръ былъ главною причиною насмѣшливаго взгляда на Коменскаго со стороны Пьера Бейля въ его „Dictionnaire historique et critique" (1696 г.), а также Аделунга въ его „Исторіи человѣческой глупости".

Замѣчательно, что и въ этотъ поздній періодъ своей жизни Коменскій не забывалъ чешскаго языка и съ любовью обращался къ нему въ изданіяхъ для „братьевъ". Такъ въ 1659 г. онъ издалъ въ Амстердамѣ чешскій „Канціоналъ", а годъ спустя—пастырское посланіе къ своему разсѣянному стаду*), „братскій катихизисъ**), „Катоновы поученія" въ метрическомъ переложеніи (1662 г.) и наконецъ, „Прощаніе съ міромъ" (1663 г.). Къ этому же кругу изданій Коменскаго принадлежитъ его сочиненіе но исторіи „общины братьевъ": Ratio disciplinae ordinisque ecclesiastici in Unitate fratrum Bohemorum (Амстерд. 1660). Оно является какъ бы дополненіемъ къ его старому „Очерку преслѣдованій чешской церкви" ***), который начинается съ Боривоя и доводитъ до 1630 г. Послѣдними сочиненіями Коменскаго были Angelus pacis (1668) посланіе къ англійскимъ и голландскимъ дипломатамъ о прекращеніи войны и объ установленіи „Христова царства на землѣ", и наконецъ родъ философскаго завѣщанія: „Unum necessarium" (Единое на потребу 1668), съ нѣкоторыми автобіографическими замѣтками.

Всего тяжелѣе было Коменскому примириться съ невозможностію довести до конца панософическія работы. Еще незадолго до своей смерти Коменскій заключалъ своего сына, Даніила, привести въ порядокъ и издать впослѣдствіи панософическіе труды отца. Въ 1681 г. дѣйствительно издана была часть ихъ, именно „Панософическая метафизика". Но никто не могъ уже возстановить сгорѣвшей въ Лѣшнѣ въ 1656 г. „Sylva Pansophiae", гдѣ авторъ помѣстилъ опредѣленіе всѣхъ вещей, т. е. ключъ ко всей системѣ, которой и самъ онъ не въ состояніи уже былъ возстановить при постепенномъ увадкѣ здоровья и силъ.

Смерть Коменскаго слѣдуетъ относить не къ 1671 г., какъ думали прежде, а къ 1670 г., ибо теперь дознано, что онъ похороненъ 22 ноября 1670 г. въ Наарденѣ, въ бывшей французской церкви *).

Замѣчательно, что судьба, преслѣдовавшая Коменскаго при жизни, не сразу примирилась съ нимъ и по смерти.

Его великіе труды на пользу человѣчества не были оцѣнены по достоинству не только ближайшими, но и болѣе отдаленными потомками. Даже теперь многіе расположены считать Песталоцци основателемъ новоевропейской педагогики, забывая, что уже за 200 л. до него всѣ основныя положенія этой педагогики были не только высказаны, но и доказаны, развиты, примѣнены къ дѣлу Коменскимъ. Такъ Коменскій провозгласилъ принципъ воспитанія, сообразнаго съ природою, который считается теперь высшимъ въ педагогикѣ; цѣлью образованія онъ поставилъ гармоническое развитіе всѣхъ сторонъ духа, всѣхъ силъ ума, воли и чувства; средствомъ къ тому онъ предложилъ правильную организацію школъ: материнской, низшей, средней и высшей, признавъ образованіе общимъ правомъ и долгомъ всѣхъ, безъ различія пола, званія и состоянія; въ основу дидактическаго метода онъ положилъ идею самостоятельности и постепеннаго восхожденія отъ извѣстнаго, близкаго, роднаго къ неизвѣстному, отдаленному, чужому, отъ нагляднаго къ отвлеченному, отъ предметовъ къ словамъ, отъ чувствъ къ понятію и осуществленію. И національнымъ элементъ школы нашелъ у Коменскаго должное признаніе, въ силу уже одного дидактическаго требованія

*) Smutný hlas... k rozplašenému stádu. Амстердамъ, 1660 г.

**) Confessio, počet z virv. Ib. 1662 г.

***) Hist. persecutionum ecclesiae Bohemicae. 1647.

*) Изъ сохранившихся изображеній Коменскаго лучшими считаются двѣ лондонскія гравюры: 1642 г., когда ему было 50 л., и 10 лѣтъ спустя. Гравюры эти, довольно похожія одна на другую, принадлежатъ, кажется, рѣзцу извѣстнаго чешско-англійскаго (изъ эмигрантовъ) гравера того времени, Гаддера.

изучать неизвѣстное по извѣстному, слѣдовательно напр. чужіе языки по материнскому, который вообще признается основою всего дальнѣйшаго, особенно филологическаго образованія.

Нужно ли упоминать, что и религіозныя стихіи не были забыты Коменскимъ при установленіи основъ христіанской школы, въ которой онъ отводилъ евангелію гораздо больше мѣста, чѣмъ Цицерону, Виргилію или даже Аристотелю. Высшею же задачею школы Коменскій считаетъ дѣланіе человѣка человѣкомъ. Въ этомъ онъ видѣлъ вѣрнѣйшее средство къ улучшенію условій и общественной и личной жизни людей.

Много ли прибавила новаго къ этой системѣ позднѣйшая педагогика, вплоть до нашихъ дней?

Почему же однако его великіе вклады въ педагогику такъ долго не были оцѣнены по достоинству? Кажется, въ этомъ забвеніи заслугъ Коменскаго отражается отчасти и нерасположеніе къ нему западныхъ, особенно нѣмецкихъ ученыхъ за его славянское происхожденіе. Лишь въ послѣднее время, когда чехи и другіе славяне громко заявили свои права на этого великаго человѣка, начали нѣмцы и другіе народы запада внимательнѣе изучать его сочиненія, даже признавать его нѣмцемъ.

Теперь возникаетъ въ Германіи и особое общество имени Коменскаго, для разработки его идей, подобно тому какъ существуютъ аналогичныя общества Данта, Шекспира, Мольера, Гэте и другихъ великихъ писателей Европы. Это не освобождаетъ однако и насъ, славянъ, отъ обязанности еще усерднѣе нѣмцевъ, англичанъ, американцевъ изучать труды и подвиги нашего великаго соплеменника, котораго справедливо называютъ Колумбомъ или Коперникомъ новоевропейской педагогики.

Наша обязанность заключается преимущественно въ томъ, чтобы въ дѣятельности Коменскаго, а равно въ научномъ и литературномъ его наслѣдіи выдѣлить вліянія и черты западно-европейскія отъ славянскихъ, которыми мы могли бы воспользоваться и для установленія, примѣнительно къ идеямъ Коменскаго, національной школы русско-славянской.

Чтеніе этой статьи было покрыто рукоплесканіями.

—

Собраніе было закончено нѣніемъ гимна славянскимъ Первоучителямъ.

II.

11 МАЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ преосвященные: Антоній, епископъ выборгскій, ректоръ с.-петербургской духовной академіи, Никандръ, епископъ нарвскій, о. прот. І. П. Сергіевъ,—представители столичнаго духовенства, не мало высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и до 700 посторонихъ посѣтителей.

Послѣ обычныхъ молитвъ, исполненныхъ хоромъ А. А. Архангельскаго, гр. Н. П. Игнатьевъ предложилъ почетное предсѣдательство преосвященному Антонію, на что преосвященный и изъявилъ свое согласіе, осѣнивъ присутствующихъ своимъ благословеніемъ.

Затѣмъ, гр. Н. П. Игнатьевъ обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

„Милостивѣйшіе архипастыри и отцы, милостивые государыни и государи.

Съ благословенія его преосвященства, объявляю засѣданіе открытымъ.

Сегодня на всей святой Руси и въ нашемъ Славянскомъ Обществѣ сугубый праздникъ: прославленіе памяти св. Кирилла и Меѳодія, Просвѣтителей славянскихъ, и чествованіе 900-лѣтія учрежденія епископской каѳедры на Волыни.

Вѣрные завѣтамъ нашихъ предшественниковъ, сегодня утромъ собрались мы для общей молитвы свв. Первоучителямъ славянскимъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Божественную литургію совершилъ высокопреосвященный Ѳеогностъ, архіепископъ владимірскій, въ сослуженіи съ о. о. архимандритами: Арсеніемъ и Варсонофіемъ и мѣстнымъ духовенствомъ; слово было произнесено о. пр. А. Соколовымъ. Молебенъ св. Кириллу и Меѳодію служило высшее духовенство съ высокопреосвященнымъ Сергіемъ, архіеп. херсонскимъ, во главѣ.

Вечеръ мы посвятимъ главнымъ образомъ чествованію 900-лѣтія со времени утвержденія православной епископской каѳедры при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ на Волыни.

Впродолженіе этихъ девяти вѣковъ Волынская область, этотъ древле-русскій и древле-православный край, переживший тяжкую борьбу съ инородческими нашествіями и порабощеніемъ, іезуитизмомъ и польщизной, прославленный духовными подвигами и гражданскими доблестями св. Ѳеодора и Константина—князей Острожскихъ, испытала на себѣ много чудныхъ дѣйствій Божественнаго Промысла и нынѣ, послѣ долгихъ лѣтъ испытанія, по милости Божіей, вмѣстѣ съ Холмщиной и Подоліей торжественно празднуетъ воспоминаемое нынѣ событіе.

По случаю совершившагося 900-лѣтія существованія православія въ области Волынской, Совѣтъ Славянскаго Общества послалъ, отъ имени Общества, слѣдующія двѣ телеграммы: 1) Во Владиміръ-Волынскій—преосвященному Модесту: „Съ чувствомъ благоговѣнія и общерусской радости переносясь мысленно на мѣсто

сегодняшняго торжества, вспоминаемъ прошлыя историческія судьбы многострадальной православной Волыни. Да укрѣпляется здѣсь святая Русь и да разливается свѣтъ православія въ родственныхъ придѣлахъ". 2) Въ Кіевъ—въ Кіевское Славянское Общество: „Ославъ привѣтствіе съ сегодняшнимъ торжествомъ на Волынь. Славянское Общество шлетъ свой поклонъ матери городовъ русскихъ Кіеву, откуда при св. Владимірѣ возсіялъ свѣтъ православія по всей русской землѣ, озаривъ и Волынь и Галичъ".

Сегодня получены нами слѣдующія телеграммы и привѣтствія:

1) Изъ Кіева—отъ Кіевскаго Славянскаго Общества: „Общее собраніе Кіевскаго Славянскаго Общества, празднуя память св. Кирилла и Меѳодія, привѣтствуетъ Петербургское Славянское Общество, желаетъ полнаго успѣха общему единенію славянъ".

2) Изъ Бѣлграда—отъ высокопреосвященнѣйшаго Михаила, митрополита сербскаго: „Поздравляю Славянское Общество съ 900-лѣтіемъ торжествующаго православія, которое любовію объединило народъ, возвышая дорогую Россію".

3) Изъ Цетинья — отъ высокопреосвященнѣйшаго Митрофана, митрополита черногорскаго: „Изъ глубины души сожалѣя, что не могу быть счастливъ, чтобы принять лично участіе въ великомъ религіозномъ торжествѣ празднованія, осмѣливаюсь выразить славному собранію членовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества мое самое горячее соучастіе, какъ къ самому торжеству, такъ и къ цѣлой святой Россіи. Изъ отдаленныхъ краевъ Адріатики приношу Славянскому Обществу и въ лицѣ его цѣлому братскому нашъ русскому народу мое самое искреннее поздравленіе съ праздникомъ славянскихъ апостоловъ и многознаменательнаго торжества на Волыни, отъ всей души моля Преблагаго Господа, да ниспошлетъ свою благодать православной русской Церкви и благословитъ православнаго русскаго Государя, а нашего мощнаго Покровителя, Императора Александра III съ Его Свѣтлымъ Домомъ и вѣрнымъ Ему народомъ. Дай, Боже, чтобы подъ щитомъ и покровительствомъ русскаго Царя раздѣленное до сихъ поръ славянство побѣдило всѣхъ своихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ на прославленіе и возвеличеніе святой православной Церкви, да постигнетъ она въ этомъ духовномъ союзѣ свою высокую и Богомъ предопредѣленную ей цѣль".

4) Изъ Бѣлграда—отъ Н. П. Пашича: „Привѣтствую съ торжествомъ православія, которое искони служило и вѣчно будетъ служить щитомъ славянской самобытности; сорадуюсь братьямъ русскимъ, празднующимъ нынѣ знаменитый день 900-лѣтія утвержденія среди нихъ православія. Вѣчная слава и хвала св. равноапостольнымъ братьямъ — Просвѣтителямъ славянства".

5) Изъ Лондона. Отъ прот. лондонской православной церкви Е. Соловьева. „Уже самъ по себѣ славный и великопраздничный для каждаго славянина, а православнаго въ особенности, день 11 мая ознаменуется нынѣ еще и чрезвычайнымъ торжествомъ,—въ память девятисотлѣтія утвержденія Христовой вѣры, проповѣданной св. братьями—апостолами славянъ и дарованной русскому народу славнодержавнымъ, равноапостольнымъ Владиміромъ,—утвержденія ея въ Волынской землѣ чрезъ учрежденіе тамъ собственной ея каѳедры. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всегда и неизмѣнно столь доблестно отзывчивое на все въ славянствѣ—елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика прелюбезна, елика добропохвальна.—Славянское Благотворительное Общество сѣверной столицы русскаго царства не преминетъ достойно отпраздновать столь знаменательную и достославную годовщину.

Въ предощущеніи того священнаго трепета и умиленія, которыми предстоящая торжественная служба церковная не можетъ не переполнить русскую душу, гдѣ бы ни привелось ей справлять этотъ день, прошу позволенія почтительнѣйше принести высокочтимому Славянскому Обществу и мой усердно-поздравительный привѣтъ".

Въ нашемъ сегодняшнемъ собраніи совершившемуся 900-лѣтію православія на Волыни будетъ посвящена статья, написанная по этому поводу для журнала „Славянское Обозрѣніе" Александромъ Семеновичемъ Будиловичемъ. Ее прочитаетъ уважаемый сочленъ нашъ прот. А. А. Лебедевъ.

Считаю не лишнимъ напомнить вамъ еще объ одномъ предстоящемъ торжествѣ.

Въ будущемъ сентябрѣ православная Церковь готовится торжественно чествовать память великаго подвижника земли русской, преподобнаго Сергія, чудотворца Радонежскаго. Троицко-Сергіевская Лавра имѣетъ съ московскою духовною академіею, по мысли высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, митрополита московскаго и коломенскаго, приняли на себя трудъ издать къ 25 сентября подробное жизнеописаніе преподобнаго Сергія, при участіи ректора духовной академіи архим. Антонія и проф. той же академіи Е. Е. Голубинскаго, для раздачи же народу—краткое жизнеописаніе Радонежскаго чудотворца подъ заглавіемъ: „Преподобный Сергій Радонежскій, его ученики и собесѣдники".

Наше Общество чествованію 500-лѣтія со дня кончины св. Сергія предполагаетъ посвятить первое торжественное осеннее собраніе.

Ваше сегодняшнее праздничное настроеніе я, къ моему прискорбію, вынужденъ омрачить печалію. Въ мартѣ текущаго года мы понесли новыя невознаградимыя потери. Скончались: 9 марта—М. И. Семевскій и 20 марта—П. И. Батюшковъ. Оба почившіе сочлены наши были истинно русскіе люди!

Михаилъ Ивановичъ еще юношей отличался своими сочиненіями по исторіи русской литературы и статистикѣ настолько успѣшно, что обратилъ на себя вниманіе Я. И. Ростовцова, который и не преминулъ рекомендовать его извѣстному литератору и знатоку русской исторіи Гадахову, а этотъ послѣдній ввелъ

М. И. въ московскій литературный кружокъ и въ среду московскихъ профессоровъ. Въ Петербургѣ съ 1870 г. М. П. началъ издавать всѣмъ вамъ извѣстный журналъ „Русская Старина". Журналъ этотъ несомнѣнно способствовалъ возбужденію въ русскомъ обществѣ интереса къ недавнему прошлому нашего великаго отечества. Немало времени посвятилъ М. П. и общественной дѣятельности: онъ служилъ по выборамъ мировымъ судьею, гласнымъ петербургской городской думы, товарищемъ с.-петербургскаго головы и членомъ училищной думской комиссіи. Заслуги его по достоинству были оцѣнены городскою думою. Въ дѣятельности нашего Славянскаго Общества, М. П., особенно въ послѣднее время, принималъ живѣйшее участіе и немало помогалъ Совѣту Общества своими опытными совѣтами и указаніями въ дѣлѣ изданія „Славянскихъ Извѣстій" и „Календарей".

Помнѣй Николаевичъ оставилъ по себѣ память и какъ ковенскій вице-губернаторъ и потомъ какъ попечитель виленскаго учебнаго округа. Всюду, стойко отстаивая интересы русской народности и русскаго образованія, П. П. положилъ основаніе образцовому высшему женскому институту въ Вильнѣ. По переселеніи въ Москву, П. Н. принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ дѣлахъ бывшаго Московскаго Славянскаго Комитета, особенно въ должности его вице-президента. Въ то же время онъ занимался изданіями: „Атласа народонаселенія западно-русскаго края по исповѣданіямъ", „Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ", а съ переходомъ на службу въ Петербургъ издалъ: „Холмскую Русь", „Волынь", „Бѣлоруссію и Литву", „Подолію" и подготовлялъ къ печати, но не успѣлъ издать „Бессарабію". Всѣ эти почтенные и патріотическіе труды П. П. составляютъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу, неоцѣнимую заслугу передъ отечествомъ.

Миръ праху почившихъ рабовъ Божіихъ Михаила и Помнѣй!

Приглашаю почтить ихъ память общимъ вставаніемъ.

Кромѣ объявленнаго вамъ мною чтенія о 900-лѣтіи православія на Волыни, въ сегодняшнемъ собраніи будутъ прочитаны слѣдующія статьи и письма:

1. Письмо свящ. Товта изъ Миннеаполиса. „О современномъ состояніи православной Церкви въ Америкѣ",—прочитаетъ А. В. Васильевъ.

2. Статья: „Воинствующій германизмъ,—прочитаетъ авторъ—А. А. Панковъ.

3. Статья: „Объ иновѣрной пропагандѣ въ Болгаріи",—прочитаетъ авторъ—А. К. Людскановъ.

4. Статья „Алексѣй Степановичъ Хомяковъ", написанная для напечатанія въ „Славянскомъ Обозрѣніи" доцентомъ кіевской духовной академіи В. З. Завитневичемъ,—прочитаетъ О. М. Истоминъ и, если позволитъ время,—некрологъ незабвеннаго сочлена нашего П. И. Батюшкова—прочитаетъ составитель некролога—М. И. Городецкій.

Въ заключеніе моего вступленія, позвольте просить васъ принять въ вашу среду предлагаемыхъ Совѣтомъ къ избранію въ члены Общества кандидатовъ, которые собраніемъ и были единогласно избраны.

Гр. Н. П. Игнатьевъ, поздравляя новоизбранныхъ членовъ, просилъ ихъ помогать успѣшно въ общемъ дѣлѣ и заключилъ свою рѣчь словами: и да поможетъ всѣмъ намъ Богъ!

Хоръ г. Архангельскаго исполнилъ послѣ того концертъ „Съ нами Богъ!"

Вступительная рѣчь гр. П. П. Игнатьева и прочитанныя прот. А. А. Лебедевымъ, А. В. Васильевымъ, А. А. Панковымъ и О. М. Истоминымъ статьи, печатаемыя ниже, были выслушаны съ необыкновеннымъ вниманіемъ и покрыты рукоплесканіями.

Между чтеніями были исполнены хоромъ г. Архангельскаго нѣсколько пѣснопѣній.

Чтеніе некролога П. И. Батюшкова за позднимъ временемъ было отложено до перваго осенняго собранія.

Собраніе было закончено величаніемъ св. Кирилла и Меѳодія, исполненнымъ хоромъ г. Архангельскаго.

Статья Александра Семеновича Будилевича:

900-лѣтіе волынской епархіи.

> «Въ лѣто 6500... постави Леонтъ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, Червигову епископа Неофита, а въ Ростовѣ постави епископа Ѳеодора, а въ Володимерѣ Стефана, а въ Бѣлградѣ Никиту.. И радовахуся людіе, и сіяше православіе, и прославляшеся имя Христово, и слово Божіе растяше и множашеся" (П. С. Р. Л., IX. 64, 65).

I.

Въ волынской епархіи идутъ большія приготовленія къ празднованію 900-лѣтія ея существованія. Въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" печатается воззваніе мѣстнаго архіерея къ своей паствѣ для заблаговременнаго прочтенія народу во всѣхъ церквахъ обширной Волыни. Во многихъ тысячахъ экземпляровъ приготовляются народныя изданія по исторіи православія и русской народности въ той же Волыни и металлическіе образки съ изображеніями на лицевой сторонѣ почаевской Богоматери, а на оборотной—васильевскаго владиміро-волынскаго храма, а надъ нимъ вел. кн. Владиміра св. и перваго епископа Стефана, съ зимнической иконой Божіей Матери посреди ихъ. Научное разъясненіе церковно-историческаго прошлаго волынской епархіи и нынѣшняго ея состоянія предложено будетъ въ особомъ сборникѣ: „Девятисотлѣтіе православія на Волыни", который выйдетъ изъ печати къ 1-му мая. Въ память того же 900-лѣтія сооружается во Владиміръ-Волынскомъ часовня на средства мѣстнаго православнаго братства. Къ богослужебному участію въ предстоящій праздникъ приглашены архіереи сопредѣльныхъ епархій: мп-

трополитъ кіевскій и епископы холмско-варшавскій и подольскій; сдѣлано сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ объ освобожденіи отъ занятій учениковъ учебныхъ заведеній и войскъ, расположенныхъ въ волынской губерніи, для принятія тѣми и другими участія въ торжествахъ; получено заявленіе отъ волынскаго губернскаго предводителя дворянства, что „многіе изъ дворянъ волынской губерніи, во главѣ съ нимъ, почтутъ за особое счастіе принять дѣятельное участіе въ предполагаемомъ духовномъ празднествѣ“.

За неизвѣстностью дня и мѣсяца учрежденія и открытія „володимерской“ на Волыни епархіи, юбилейный праздникъ ея пріуроченъ ко дню памяти „словенскихъ странъ учителей, Кирилла и Меѳодія богомудрыхъ“, такъ какъ первыя сѣмена христіанства проникли туда изъ Великой Моравіи, восточная граница которой простиралась, какъ полагаютъ, до Стыря и Буга. Главнымъ мѣстомъ волынскихъ торжествъ будетъ г. Владиміръ-Волынскій, и продолжаться они будутъ въ немъ съ 10 до 12 мая. Кромѣ совершенія во всѣ три дня торжественнаго богослуженія, 10-го числа имѣетъ быть публичное собраніе, въ которомъ будутъ произнесены соотвѣтствующія событію рѣчи, а 12-го—торжественное засѣданіе владиміро-волынскаго братства. Въ остальныхъ городахъ и въ селахъ волынской епархіи, сверхъ поученій за литургіей, раздачи народу брошюръ, образковъ и крестиковъ, по окончаніи ея, и „собесѣдованій“ духовенства съ прихожанами послѣ вечерни, предположено ознаменовать 11-ое мая, по возможности въ каждомъ приходѣ, „или возобновленіемъ древнихъ церковныхъ братствъ, или учрежденіемъ церковно-приходскихъ школъ, или заведеніемъ обществъ трезвости“, сообразно съ мѣстными нуждами и условіями.

Изъ сказаннаго видно, что предстоящія волынскія празднества будутъ совершенно отвѣчать духу и значенію тѣхъ церковно-народныхъ событій, которыя переживала Волынь втеченіе 900 лѣтъ.

II.

Въ первыя три съ половиною столѣтія отъ начала существованія владиміро-волынской епархіи, Волынь находилась подъ властію русскихъ князей изъ рода св. Владиміра. Они много содѣйствовали утвержденію своихъ подданныхъ въ православной вѣрѣ и распространенію между ними просвѣщенія. До нашего времени сохранилось нѣсколько извѣстій и преданій объ усердіи волынскихъ князей къ сооруженію и благолѣпію церквей. Мстиславъ Владиміровичъ украсилъ ими въ первой половинѣ XII в. г. Луцкъ, а Мстиславъ Изяславичъ построилъ въ 1160 г. великолѣпный успенскій соборъ во Владимірѣ-Волынскомъ, грандіозныя развалины котораго существуютъ и понынѣ. О Даніилѣ Романовичѣ († 1264 г.) изъ лѣтописи извѣстно, что онъ „созда городы многи, и церкви постави, и украси ѣ различными красотами“. Не менѣе славенъ сооруженіемъ церквей и особенно благолѣпнымъ украшеніемъ ихъ племянникъ его, Владиміръ Васильковичъ. Съ каждымъ столѣтіемъ на Волыни прибывало церквей и монастырей.

Успѣшно шло тогда на Волыни и просвѣщеніе въ духѣ той же православной вѣры. Уже въ XI в. была тамъ цѣлая сѣть училищъ: ради смотрѣнія ихъ и наставленія учителей пріѣзжалъ изъ Кіева во Владиміръ-Волынскій іерей Василій, упоминающій объ этомъ подъ 1097 годомъ. Въ XII в. галицко-волынскій князь Ярославъ Осмомыслъ самъ былъ „изученный многимъ языкамъ и наукамъ“ и вмѣнялъ инокамъ въ обязанность обучать дѣтей грамотѣ, притомъ на монастырскія средства. Изъ XIII в. можно указать на кн. Владиміра Васильковича, прозваннаго за свою начитанность философомъ, который усердно заботился о просвѣщеніи своихъ подданныхъ: пріобрѣталъ книги, даже собственноручно списывалъ ихъ и жертвовалъ въ монастыри и церкви. Памятникомъ просвѣщенія и самостоятельной письменности на Волыни въ XI в. служитъ для насъ описаніе нѣкоторыхъ волынскихъ происшествій іереемъ Василіемъ, который около 1098 г. посланъ былъ во Владиміръ-Волынскій къ ослѣпленному князю Васильку Ростиславичу, описалъ свой разговоръ съ нимъ и самыя обстоятельства ослѣпленія. Отъ XIII в. сохранились до нашего времени посланія или поученія волынскаго игумена Петра, впослѣдствіи московскаго митрополита. Но особенно цѣннымъ и краснорѣчивымъ памятникомъ древняго просвѣщенія на Волыни служитъ волынская лѣтопись, лучшій списокъ которой извѣстенъ подъ именемъ Ипатьевскаго.

О высотѣ христіанской жизни на Волыни за то же время свидѣтельствуетъ рядъ святыхъ подвижниковъ изъ князей, святителей и иноковъ. Для примѣра укажемъ на князей: владиміро-волынскаго—Ярополка Изяславича († 1086) и луцкаго—Святослава Давидовича, извѣстнаго подъ именемъ Николы Святоши; на волынскихъ епископовъ — Стефана II († 1094) и Амфилохія († 1122) и на св. Петра, б. игумена ратненскаго († 1326).

Просвѣщеніе въ православной вѣрѣ и христіанской жизни сопровождалось благотворными послѣдствіями въ политическомъ отношеніи. Населявшія Волынь племена: древляне, волыняне, часть полянъ и дреговичей, объединенныя въ одно цѣлое внѣшнею силою, путемъ завоеванія,—подъ вліяніемъ духовенства, церквей и училищъ объединяются внутренно, единствомъ вѣры. При тогдашнихъ удѣльныхъ смутахъ стремленіе лучшихъ князей къ объединенію Руси часто истекало изъ понятій о государственной власти, перенесенныхъ съ православною вѣрою изъ Византіи.

Вслѣдствіе географическаго положенія Волыни очень рано стало проникать туда западное вліяніе. Особенно это нужно сказать о галицко-волынскихъ князьяхъ, которые нерѣдко вступали въ родственныя связи съ западно-европейскими дворами, а иногда получали при нихъ и образованіе, напримѣръ въ Польшѣ и Угріи. Но православная Церковь стояла на стражѣ, чтобы вліянія запада не

коснулись существенныхъ сторонъ жизни. Вспомнимъ исполненный достоинства отвѣтъ кн. Романа Мстиславича посламъ папы Иннокентія III и полную неудачу папы Иннокентія IV привлечь на сторону уніи „короля“ Даніила Романовича.

Паства владиміро-волынскихъ епископовъ за это время возросла въ такой степени, что изъ волынской епископіи выдѣлились пять новыхъ самостоятельныхъ епархій, именно: въ началѣ XI в.—туровская и холмская (временно), въ XII в.—перемышльская (въ 1120 г.) и галицкая (1557 г.), къ которой отошло и западное Понизье, затѣмъ въ XIII в.—холмская (окончательно) и луцкая. Однимъ словомъ, православіе на Волыни, пока оно находилось подъ властію русскихъ князей, сдѣлалось вѣроисповѣданіемъ всѣхъ ея жителей; а какъ велика была сила и стойкость ихъ православныхъ убѣжденій, это проявилось въ эпоху литовскаго и особенно польскаго владычества надъ Волынью.

III.

Православіе на Волыни во времена литовскаго владычества надъ нею (съ 1324—62 по 1569 г.) продолжало быть вѣроисповѣданіемъ всего русскаго народонаселенія, несмотря на посягательства короля Казимира Вел. (1319—70) и на правительственныя ограниченія православныхъ, начавшіяся съ 1386 года. Втеченіе всего литовскаго періода исторіи Волыни непрерывно продолжается преемственное служеніе православныхъ епископовъ во Владиміръ-Волынскомъ и Луцкѣ, умножаются православные монастыри и церкви. Особенно много воздвигнуто ихъ первымъ княземъ изъ литовцевъ, Любартомъ Гедиминовичемъ, и князьями Острожскими, въ обширныхъ владѣніяхъ которыхъ насчитывалось въ XVI в. болѣе 600 православныхъ церквей и до 10 монастырей. Усердными создателями и благотворителями тѣхъ же учрежденій были князья Ѳеодоръ Чарторыйскій (XV в.), Богушъ Корецкій и В. М. Сапѣгушко. Въ 1491 году владимірскій епископъ Вассіанъ на свои средства возобновилъ успенскій мстиславовъ соборъ и между прочимъ пожертвовалъ икону Божіей Матери греческаго письма, которая прекрасно сохранилась до нашего времени. Сохранилось на Волыни много и другихъ древнихъ иконъ, рукописныхъ евангелій, апостоловъ отъ XIV—XVI вѣковъ. Въ Дубенскомъ евангеліи 1539—62 гг. вписанъ списокъ монастырскихъ книгъ того времени, много напоминающій своимъ содержаніемъ книгохранилища нашихъ монастырей на сѣверѣ Россіи. О томъ же свидѣтельствуютъ остатки библіотекъ отъ XVI вѣка монастырей дермańскаго, мѣлецкаго, загоровскаго, тригорскаго и почаевской лавры.

Христіанская жизнь православныхъ волынянъ продолжала и въ этомъ періодѣ выражаться въ высокихъ подвигахъ благочестія. Кромѣ многихъ новыхъ обителей, о такихъ подвигахъ свидѣтельствуютъ прославленные церковью преподобный Ѳеодоръ, изъ князей Острожскихъ († 1430), и блаженная Іуліанія, княжна Ольшанская. О стойкости волынянъ въ православной вѣрѣ можно судить по тѣмъ неудачамъ, какія терпѣла учрежденная для Волыни съ пропагандистскими цѣлями р.-католическая епархія. Открытая въ 1364 г. во Владиміръ-Волынскомъ, она существуетъ на этотъ разъ только до 1370 года, затѣмъ возстановляется въ 1375 году и черезъ 52 года переносится въ Луцкъ. О дѣятельности владиміро-волынскихъ епископовъ и ихъ каѳедральнаго духовенства даже польскіе историки ограничиваются лишь фактомъ открытія доминиканскаго монастыря въ Луцкѣ (1393 г.); а объ епископахъ луцкихъ по тѣмъ же источникамъ извѣстно, что до конца XV в. появилось всего только пять костеловъ на всю обширную Волынь, и то одинъ изъ нихъ (въ Острогѣ) достовѣрности очень сомнительной. Дѣйствительныя чувства волынянъ къ р. католичеству весьма энергично проявились въ 1431 году, во время войны вел. князя Свидригайла съ королемъ Ягайломъ. Выразителемъ сознательной приверженности волынянъ къ православію былъ владимірскій епископъ Даніилъ, когда вмѣстѣ съ другими западно-русскими іерархами призналъ „легата отъ ребра апостольскаго“ Исидора латинскимъ еретикомъ, а святителя Іову—единственнымъ законнымъ первосвятителемъ всей русской Церкви. Что въ данномъ случаѣ единомышленниками епископа Даніила были волынскіе бояре и дворяне, это видно изъ посланія къ нимъ того же первосвятителя Іоны: „Слышаніе наше, сынове,—читаемъ въ немъ—что, по великой вашей вѣрѣ къ Богу и Церкви Божіей, къ нашему смиренію имѣете великую вѣру; такожъ и о всемъ пашемъ великомъ православіи коликое попеченіе имѣете и стоите за христіанство, слышимъ“. Правда, что вскорѣ послѣ этого послѣдовало отдѣленіе западно-русской митрополіи отъ сѣверо-восточной, но это было дѣломъ иновѣрнаго правительства; а всѣ попытки его ввести тогда же флорентинскую унію потерпѣли полную неудачу.

Подобными же явленіями, свидѣтельствующими о нравственной силѣ православія и слабости р. католичества на Волыни, характеризуется и XVI столѣтіе, до самой люблинской уніи. Въ луцкой р. католической епархіи прибавилось за это время всего только пять костеловъ, да и самое католичество волынское по духу еще не было польскимъ. О луцкомъ р. католическомъ епископѣ Викторѣ Вербицкомъ хорошо извѣстно, что онъ былъ русскій человѣкъ: даже письма къ королю писалъ по-русски, а не по-польски и не по-латыни. Онъ же былъ въ числѣ тѣхъ волынскихъ пословъ, которые поспѣшили выѣхать изъ Люблина, чтобы не учинить рукоприкладства на соединеніе Волыни съ Польшею, и которые потомъ отказались исполнить королевскій универсалъ 12 марта 1569 г. на томъ основаніи, что къ нему была приложена не литовская, а польская печать. Передъ вынужденной 24 мая того же года присягой въ Люблинѣ на политическую унію съ Польшей, князь Константинъ Вишневец-

кій отъ имени волынянъ просилъ короля: „мы, люди греческой вѣры, просимъ, чтобы насъ не унижали и чтобы никого не принуждали къ другой вѣрѣ". Какъ много дворянъ „греческой вѣры" было въ 1569 г. на Волыни, можно судить въ нѣкоторой степени по тому, что королевскіе чиновники, посланные для приведенія къ присягѣ на эту унію дворянъ и обывателей волынскихъ на мѣстахъ жительства ихъ, въ одномъ луцкомъ повѣтѣ привели къ присягѣ до 226 дворянъ и во владимірскомъ до 109 лицъ изъ высшаго же класса народонаселенія, и всѣ эти 335 человѣкъ, за немногими исключеніями, были православные. Поляки соглашались было на люблинскомъ сеймѣ оставить Кіевъ за Литвою, въ виду его отдаленности отъ собственной Польши и трудности защищать отъ татарскихъ набѣговъ и московскихъ притязаній; но волынскіе послы настояли на присоединеніи этого религіознаго центра ихъ къ Польшѣ, чтобы и впредь находиться съ нимъ въ тѣснѣйшей связи. Эта связь въ ближайшемъ же будущемъ очень понадобилась и была весьма спасительна для западной Волыни, составлявшей съ того времени волынское воеводство. Но она была не выгодна для восточной Волыни, именно для повѣтовъ житомірскаго и овручскаго, входившихъ до того времени въ составъ Кіевской земли, которой вмѣстѣ съ Кіевомъ благополучнѣе (по крайней мѣрѣ нѣкоторое время) жилось бы „за Литвою", потому что огражденныя актомъ люблинской уніи права православной вѣры и русскаго языка въ соединенныхъ съ Польшею „земляхъ" остались лишь на бумагѣ.

IV.

Не будемъ касаться страшнаго мартиролога православныхъ волынянъ въ періодъ полнаго польскаго владычества въ Волыни (съ 1569 по 1793—95 гг.). Отмѣтимъ лишь важнѣйшіе факты самозащиты и стойкости ихъ въ своей вѣрѣ, чтобы видны были нравственныя права на предстоящее юбилейное торжество, а не одни лишь хронологическія основанія для него.

Велика заслуга въ этомъ отношеніи прежде всего волынскихъ вельможъ и вообще дворянъ. Благодаря ихъ содѣйствію, а часто и по личному начинанію, на Волыни появилось много церквей и монастырей, такъ называемыхъ „общежительныхъ", и преобразованы многія изъ прежнихъ обителей по тому же „чиноположенію св. Василія Великаго". Упомянемъ здѣсь знаменитаго наставника монашескаго общежитія на Волыни, схимонаха Іова Княгинивскаго († 1621 г.) и подвижника въ этомъ общежитіи преподобнаго Іова Желѣзо, мощи котораго почиваютъ съ 1659 г. въ почаевской лаврѣ. Волынскіе же вельможи того времени заводили школы, типографіи, издавали книги, учреждали братства. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи дѣятельность князя К. К. Острожскаго. Изъ дѣлъ его отмѣтимъ въ частности изданіе въ 1581 г. „Острожской библіи", а изъ другихъ дѣятелей упомянемъ имена Даніила и Христины Малинскихъ, князей Четвертинскихъ, Семена Гулевича-Воютинскаго, Ирины Ярмолинской, Ирины Соломерецкой, Адама Киселя.

Объявленное на брестскомъ „соборѣ" 1596 г. присоединеніе къ уніи епархій владиміро-волынской и луцкой было личнымъ дѣломъ измѣнившихъ православію и своимъ наставникъ епископовъ, Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго. Волынскіе „послы" горячо ратуютъ на сеймѣ 1607 г. объ уничтоженіи уніи, о дозволеніи избрать новыхъ іерарховъ, о возвращеніи православнымъ насильно отнятыхъ монастырей и церковныхъ имѣній, объ учрежденіи семинарій для образованія православнаго духовенства и проч. Голоса волынскаго дворянства въ защиту православія раздаются на польскихъ сеймахъ до 1699 г. Вспомнимъ въ частности сеймовую рѣчь знаменитаго чашника волынской земли Лаврентія Древинскаго, сказанную имъ въ 1620 г., и наказы волынскимъ „посламъ" въ 1632 и 1645 гг.

Сначала въ подмогу, а потомъ на смѣну дворянству, ряды котораго во второй половинѣ XVII в. все болѣе и болѣе рѣдѣютъ, выступили на защиту православной вѣры церковныя братства. Особенно замѣчательнымъ было луцкое крестовоздвиженское братство, а послѣ него болѣе извѣстны кремепецкое богоявленское и владиміро-волынское. Уполномоченные луцкаго братства: князь Вячеславъ Четвертинскій, Даніилъ Братковскій и Андрей Гулевичъ, прибывши на люблинскій съѣздъ 1680 г., рѣшительно заявили самому королю отъ имени православныхъ братствъ, что безъ сношенія съ восточными патріархами и безъ участія ихъ никакія унионныя сдѣлки въ дѣлахъ вѣры невозможны; тогда же на собраніи всѣхъ представителей православныхъ братствъ повторено было обязательство стоять за православіе до конца.

Изъ исторіи православной волынской іерархіи того времени вспомнимъ прежде всего такъ называемое „возстановленіе" ея въ 1620 г., съ посвященіемъ въ епископы владимірскіе и брестскіе Іезекіила Курцевича, изъ князей Коріатовичей, а на епископію луцкую и острожскую—Исаакія Борисковича. Оба они присутствовали въ 1621 г. на „совѣтованіи о благочестіи" въ Кіевѣ и участвовали въ составленіи замѣчательнаго постановленія его: „не гнѣваться на младшихъ и низшихъ степенью, если бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что-либо напоминали или отъ чего предостерегали; напротивъ, позволять имъ это дѣлать и не считать стыдомъ слушать меньшихъ и отъ нихъ научаться; не слѣдовать безбожному нашему правилу, по которому, хотя бы папа тьму людей влекъ за собою въ адъ, никто не долженъ сказать ему: „стой, что ты дѣлаешь" Ни Курцевичъ, ни Борисковичъ не имѣли никакой возможности утвердиться на своихъ каѳедрахъ, занятыхъ уніатскими епископами... Послѣ епископа Курцевича во Владимірѣ-Волынскомъ не было болѣе православныхъ епископовъ.

Но уніатскія дѣла того времени, несмотря на все содѣйствіе польскаго правительства, были на Волыни далеко не въ блестящемъ

положеніи. Въ томъ же 1621 г. о состояніи обѣихъ волынскихъ уніатскихъ епархій папскій нунцій въ Польшѣ (Торресъ) писалъ, что владимірское епископство приноситъ дохода 4000 злотыхъ польскихъ и имѣетъ одинъ только монастырь, базиліанскій въ Кременцѣ, а луцкое имѣетъ дохода 8000 злотыхъ и тоже единственный монастырь, въ Жидичинѣ. „Королевскіе комиссары", производившіе (на основаніи постановленія сейма 1635 г.) разверстку монастырей и церквей между православными и уніатами, въ 1636 г. еле-еле набрали для уніатовъ луцкой епархіи 7 монастырей и 100 церквей. Сколько при этой разверсткѣ было несправедливости, нѣкоторымъ указаніемъ можетъ служить фактъ, что тѣ же комиссары и въ томъ же 1636 г. присудили въ Кременцѣ православнымъ три церкви и одинъ монастырь и ровно столько же уніатамъ, между тѣмъ какъ въ городѣ они не нашли почти ни одного уніата, кромѣ протопопа Ѳеодора Турскаго, а православныхъ было очень много. Малочисленные количественно, еще ничтожнѣе были уніатскіе монастыри и приходы въ нравственномъ отношеніи. „Посмотри на свою братію-уніатовъ (писалъ митрополитъ Петръ Могила отступнику Кассіану Саковичу, архимандриту дубенскаго монастыря), что они дѣлаютъ съ монастырями и церквами, которые надѣлены были имѣніями!.. Не говорю о другихъ, меньшихъ монастыряхъ, которые вашею уніею до основанія ниспровергнуты. Пойди только на Волынь: посмотри, что дѣлается въ древнемъ монастырѣ жидичинскомъ, и скажи намъ, сколько тамъ монаховъ и какой чинъ содержится? Посмотри на древній монастырь дорогобужскій! Не найдешь ли тамъ только архимандрита съ послушникомъ? Посмотри и на мірскія церкви, до чего доведены со времени управленія вашихъ уніатовъ. Но съ другой стороны, посмотри на наши убогіе православные монастыри, угнетаемые различными бѣдствіями: посмотри на общежительный монастырь тригорскій (житомірскаго уѣзда), и тамъ увидишь по крайней мѣрѣ 80 иноковъ, въ великомъ смиреніи проходящихъ тѣсный путь евангельскій. Взгляни еще на братства виленское, кіевское, луцкое и многія др. какъ они, по благодати Божіей, процвѣтаютъ въ строгомъ благочестіи! И согласись, что какъ было во времена апостоловъ, среди бѣдствій, нуждъ и всякихъ утѣсненій, такъ и у насъ, православныхъ русскихъ, по слову Божію, сила Божія въ немощи совершается".

Послѣ возстановленія луцкой православной епархіи въ 1632 г., на основаніи „Статей для успокоенія народа русскаго", она обнимала всю Волынь, и непрерывное служеніе луцкихъ православныхъ епископовъ продолжалось до 1685 г. Изъ нихъ особенно замѣчательны Аѳанасій Пузына (съ 1633 г.) и Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій (съ 1659 г.). Первый ежегодно созывалъ епархіальное духовенство на „синоды" въ Луцкъ, увеличилъ число общежительныхъ монастырей, вообще благоустроилъ вполнѣ свою епархію; а второй стоялъ неуклонно на стражѣ православія на Волыни втеченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ—и въ такое ужасное для православныхъ время! Послѣдними православными епископами луцкой епархіи были Діонисій Жабокрицкій (съ 1695 г.) и Кириллъ Шумлявскій (съ 1709 г.). При избраніи того и другого въ епископы еще участвовали и православные дворяне Волыни; слѣдовательно, не все еще волынское дворянство къ тому времени окатоличилось, но это были уже „послѣдніе изъ могиканъ". Кто не знаетъ печальной судьбы епископа Жабокрицкаго, избраннаго на епископскую каѳедру за свою ревность къ православію, начитанность и ученость, потомъ (въ 1702 г.) въ страшно безвыходномъ положеніи принявшаго унію, наконецъ захваченнаго православными дворянами, въ ихъ числѣ ближайшими родственниками, и умершаго въ ссылкѣ! Не удержался на луцкой каѳедрѣ и Кириллъ Шумлянскій: среди всевозможныхъ гоненій отъ польскаго правительства, уніатскаго и римско-католическаго духовенства и ополячившихся дворянъ, онъ не выдержалъ, но уніи не принялъ, а бѣжалъ въ Кіевъ и скончался епископомъ переяславской епархіи, до самой смерти своей († 1726 г.) оказывая посильное содѣйствіе гонимымъ въ Польшѣ православнымъ.

V.

Послѣ Кирилла Шумлянскаго на Волыни не было болѣе православныхъ архіереевъ за все остальное время существованія Польши. Сверхъ того, въ началѣ XVIII в. осѣла въ Житомірѣ давно эмигрировавшая изъ Кіева римско-католическая каѳедра съ бискупомъ, капитуломъ и т. д. Православные волыняне, оставшіеся совсѣмъ безпомощными и беззащитными, были во множествѣ перетянуты въ унію: въ западной Волыни втеченіе первой половины XVIII в., а въ восточной—во второй половинѣ. Но какъ бѣлое греко-уніатское духовенство, такъ и простой народъ свято хранили православныя преданія. Достаточно было въ 1771 году, по жалобамъ православныхъ украинцевъ, засадить въ бердичевскую крѣпость нѣсколько десятковъ уніатскихъ священниковъ и польскихъ чиновниковъ, захваченныхъ русскими войсками въ западной Украйнѣ при усмиреніи гайдамацкаго возстанія, чтобы произвести между уніатами не только Украйны, но и Волыни сильнѣйшее движеніе къ православію, такъ какъ—думали они—уже насталъ конецъ и уніи, и польской власти. Къ концу этого года оказалось на Волыни 254 православныхъ церквей съ духовенствомъ и прихожанами: 55 въ протопопіи житомірской, 52 въ чудновской, 50 въ любарской, 42 въ овручской и 55 въ бердичевской (тоже волынской, какъ по географическому положенію, такъ и по историческимъ основаніямъ). Вспомнимъ затѣмъ то народное движеніе въ пользу православія, которое обнаружилось на Волыни по случаю учрежденія въ 1785 году православной епархіи въ Польшѣ (переяславской и бориспольской), особенно когда епископъ Викторъ Садковскій предпринялъ въ 1788 г. объ-

ѣздъ и обозрѣніе подвѣдомственныхъ ему приходовъ. Оно охватило даже западную Волынь и потушено было страшными казнями и истязаніями въ Кременцѣ, Житомірѣ, Махновкѣ, Владимірѣ-Волынскомъ... Въ 1795 году, не взирая на самыя разнообразныя интриги польскихъ ксендзовъ, пановъ и на митежъ 1794 года, число возсоединенныхъ приходскихъ церквей въ предѣлахъ Волынской губерніи (безъ нынѣшнихъ ея уѣздовъ дубенскаго и кременецкаго) возросло до 815, да приписныхъ съ одною кладбищенскою было 32. Даже два базиліанскихъ монастыря, загаецкій и четвертинскій, стали православными. Уніатскихъ приходовъ было уже такъ мало, что въ томъ же году окончательно закрыта епархія владиміро-брестская, какъ ненужная; на Волыни оставалась до 1828 года одна луцкая епархія, съ причисленіемъ къ ней уніатовъ губерній кіевской и подольской. Насколько далеки были волынскіе уніаты начала вынѣшняго столѣтія отъ р.-католичества, это показываетъ фактъ, что на нихъ почти не отразились новыя религіозно-политическія „вѣянія" въ Россіи того времени: около 1803 года въ Бѣлоруссіи совращено въ католицизмъ 22 уніатскихъ прихода съ ихъ священниками и всего отъ 80 до 100 тысячъ уніатовъ, а въ луцкой епархіи совратилось только одно село Орденичи, кромѣ случаевъ одиночныхъ отпаденій.

Послѣдними владыками этой епархіи были Григорій Кохановичъ († 1814 г.), съ 1810 г. въ санѣ митрополита, и Іоаннъ Красовскій († 1827 г.). Первый изъ нихъ—большой ревнитель чистоты восточнаго обряда, а второй—мученикъ за стремленіе совершенно отдѣлить унію отъ р.-католичества. При Кохановичѣ къ луцкой епархіи причисленъ былъ временно принадлежавшій Россіи тернопольскій округъ, съ 328 приходскими церквами и однимъ монастыремъ, пока не отчислили его къ Австріи. Луцкая епархія въ управленіе Красовскаго состояла изъ 192 приходовъ (на три губерніи) и въ нихъ въ 1832 году числилось всего только 120 т. душъ. Вслѣдствіе такой малочисленности она была закрыта въ 1828 году, съ распредѣленіемъ принадлежавшихъ къ ней уніатовъ между епархіями бѣлорусскою и литовскою. Наконецъ, 1839 годъ ознаменъ и въ исторіи Волыни возсоединеніемъ съ православною церковью послѣднихъ волынскихъ уніатовъ.

VI.

Съ 13 апрѣля 1793 года православные приходы восточной Волыни вошли въ составъ минской епархіи, которою тогда управлялъ страдалецъ за православіе, архіепископъ Викторъ Садовскій, только что освобожденный изъ польскаго заключенія. Съ послѣдовавшимъ затѣмъ увеличеніемъ православныхъ приходовъ на Волыни, для нихъ учреждено было въ 1795 году (12 апрѣля) житомірское викаріатство, и, наконецъ, 16 октября 1799 года послѣдовало возстановленіе самостоятельной волынской епархіи. Въ царствованіе императора Александра I она состояла изъ 1580 приходскихъ церквей, а въ 1841 году къ ней перечислены изъ литовской епархіи всѣ волынскіе приходы, возсоединенные отъ уніи въ 1839 году.

Очень многими перемѣнами къ лучшему отмѣчено послѣднее пятидесятилѣтіе церковной жизни Волыни, особенно со второй половины 60-хъ годовъ. Духовныя учебныя заведенія, особенно мужскія, постепенно благоустроились зданіями и въ учебно-воспитательной части. Вмѣсто прежнихъ ветхихъ, нерѣдко непохожихъ на „домы Божіи" церквей, воздвигнуты изъ развалинъ или вновь сооружены многочисленные православные храмы и въ числѣ ихъ великолѣпный житомірскій каѳедральный соборъ. Освобожденное отъ крѣпостной зависимости русское населеніе Волыни просвѣщается въ народныхъ училищахъ, церковно-приходскихъ школахъ и въ школахъ грамоты. Съ каждымъ годомъ увеличивается число православныхъ братствъ и расширяется ихъ благотворная дѣятельность; изъ нихъ особеннаго упоминанія заслуживаютъ: яполотское, ранивловское александро-невское, старо-константиновское крестовоздвиженское, дубенское преображенское, луцкое крестовоздвиженское, житомірское, а преимущественно—владиміро-волынское съ древле-хранилищемъ и библіотекой, острожское кирилло-меѳодіевское и почаевское „просвѣтительное братство". Особенно въ послѣдніе годы обращено вниманіе на приведеніе въ извѣстность, сохраненіе, поддержаніе и возстановленіе древнихъ памятниковъ православія во Владимірѣ-Волынскомъ, Луцкѣ, Острогѣ и др. Наконецъ, въ прошломъ году открыто новое викаріатство во Владимірѣ-Волынскомъ.

По статистическимъ даннымъ за 1886 годъ („Волынь", стр. 286), все народонаселеніе волынской губерніи, кромѣ войскъ, простиралось до 2.221.634 душъ обоего пола, въ томъ числѣ: православныхъ 1.622.241, старообрядцевъ 5.753, р.-католиковъ 179.446, евреевъ и караимовъ 300.862, магометанъ 418, нѣмцевъ 98.201 и чеховъ 14.680. Слѣдовательно, православные на Волыни составляютъ 73% всего ея народонаселенія. Въ волынской епархіи состоитъ въ настоящее время 11 монастырей (изъ нихъ 3 женскихъ), 1821 церковь и 183 часовни.

Въ виду этихъ историческихъ и статистическихъ данныхъ, какъ не назвать предстоящій праздникъ 900-лѣтія отъ учрежденія православной епархіи во Владимірѣ-Волынскомъ торжествомъ православія на Волыни за истекшее девятисотлѣтіе!

Письмо свящ. Тоота изъ Миннеаполиса.

Русскіе поселенцы и успѣхъ православія въ С. Америкѣ.

Какъ ни широки предѣлы нашего великаго Русскаго Царства, но они не охватываютъ собою ни всей русской земли, ни всего русскаго народа, ни наконецъ всей православной русской помѣстной Церкви.

На дальнемъ отъ насъ востокѣ, за Великимъ Океаномъ, есть русская епархія, каѳед-

ра которой находится въ г. Санъ-Франциско, въ Калифорніи.

За западнымъ нашимъ рубежемъ, по сю и по ту сторону Карпатъ лежитъ русская земля и живетъ русскій народъ: Львовъ, Перемышль, Галичъ, Ярославъ, Черновицы, Прящевъ,—не надо быть большимъ языковѣдомъ, чтобы сразу по этимъ именамъ узнать, какой народъ воздвигъ эти города! Народъ этотъ живъ и цѣлъ и до сихъ поръ. Галичина, Буковина, Закарпатская или Угорская Русь вмѣщаютъ въ себѣ до 3½ мил. людей, носящихъ русское имя, говорящихъ русскимъ языкомъ, употребляющихъ русское кирилловское письмо, хранящихъ русскій церковный обычай и славославящихъ Господа на общемъ съ нами кирилло-меодіевскомъ церковнославянскомъ священномъ языкѣ!

Не весь, однакоже, этотъ 3½ милліонный русскій народъ остался въ церковномъ съ нами единствѣ. Только малая часть зарубежныхъ русскихъ — буковинцы—остаются православными, что же касается остальныхъ, то

„Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ!"

Однако же, и въ отношеніи несчастныхъ нашихъ зарубежныхъ братій не мимо идетъ слово Евангельское, что „за чужимъ пастыремъ овцы не идутъ, но бѣгутъ отъ него, ибо не знаютъ чужаго голоса". Разрывъ съ православіемъ и унія съ Римомъ западнорусскихъ—насильственны, внѣшни и,—мы не только надѣемся, но непоколебимо этому вѣримъ,—лишь временны! Справедливость этой вѣры свидѣтельствуется, между прочимъ, такими историческими событіями, какъ возвращеніе въ православіе бѣлорусскихъ, и затѣмъ холмскихъ уніатовъ, какъ внезапная рѣшимость въ 1881 г. въ самой Галичинѣ цѣлаго селенія въ 1800 душъ вернуться къ вѣрѣ отцовъ, и, наконецъ,—тѣмъ событіемъ, которое совершилось въ прошломъ году на совершенно противоположной отъ насъ сторонѣ земнаго шара, въ самомъ сердцѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ г. Миннеаполисѣ. Объ этомъ радостномъ для русскихъ людей и для всей Православной Церкви событіи Совѣтъ Славянскаго Общества поручилъ мнѣ сдѣлать сообщеніе въ настоящемъ нашемъ торжественномъ собраніи.

Годъ тому назадъ немногочисленная православная паства Алеутско-Аляскинской русской епархіи, каѳедра которой находится въ Калифорніи, въ г. Санъ-Франциско, увеличилась присоединеніемъ къ ней нѣсколькихъ сотъ уніатовъ, угорусовъ и отчасти галичанъ, живущихъ въ штатѣ Миннесотѣ въ Сѣверной Америкѣ. Вслѣдствіе напечатанной мною въ „Благовѣстѣ" (вып. 33 въ февралѣ этого года) краткой замѣтки объ этомъ событіи, одна добрая русская душа изъ Москвы прислала пожертвованіе въ 200 руб. на нужды вновь образовавшейся въ Америкѣ русской церковной общины. Посылая эти деньги священнику угорусу Алексію Георгіевичу Товту, которому эта община и обязана своимъ возникновеніемъ и устройствомъ, я просилъ его сообщить мнѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о положеніи русскихъ поселенцевъ въ Америкѣ и начатаго имъ святого дѣла. чреватаго, быть можетъ, великими— не съ одной только русской точки зрѣнія— послѣдствіями. Вотъ вкратцѣ свѣдѣнія, полученныя мною на дняхъ отъ отца Алексія Товта.

Русскіе изъ Австро-Угріи (Угріи и Галичины) стали переселяться въ Америку съ 1879 года. Причинами переселенія были нужда, непосильные налоги, недостатокъ земли, голодовки и невыносимыя притѣсненія въ Галиціи отъ поляковъ, а въ Угріи отъ мадьяръ. Первые переселенцы по большей части селились въ штатѣ Пенсильваніи; потомъ, когда число ихъ, возросло стали селиться въ штатахъ: Нью-Іоркъ, Огаіо (Ohio), Нью-Жерзи, Иллинойсъ (Illinois), Миннесота, Вайомингъ (Wyoming), Колорадо (Colorado). Значительнѣйшее число русскихъ поселеній находится теперь въ штатахъ: Пенсильваніи: 1. Wilkes Barre (Вилькесбери); 2. Кингстонъ (Kingston); 3. Разлетонъ; 4. Фриландъ (Freeland); 5. Шенандоа (Shenandoah); 6. Магони-Сити (Mahonoy City); 7. Дукенъ (Duquesne); 8. Питсбургъ; 9. Аллегени (Allegheny); 10. Лейзенрингъ № 1; 11. Осцеола-Миллсъ; 12. Олифантъ; 13. Скрантонъ (Scrantown); 14. Трентонъ; 15. Ландсфордъ; 16. Юингстовнъ (Jounstown); Шамокинъ (Shamokin); въ штатѣ Нью-Жерзи: 17. Жерзи-Сити; 18. Пассейкъ (Passaic); 19. Юнкерсъ (Jonnkers); въ штатѣ Нью-Іоркъ: 20 Нью-Іоркъ Сити и 21. Бруклинъ (Brooklyn); въ штатѣ Огаіо (Ohio): 22. Кливлендъ (Clevelend); 23. Марблегедъ (Marblehead) 24. Келли-Ейландъ (Kelly-Iesland) — это островъ на озерѣ Ири (Erie); въ штатѣ Иллинойсъ (Illinois): 25. Чикаго; 26. Штритеръ (Streator); 27. Кевгли (Keangly); 28. Вейтингъ (Whitinh); 29. Жаліетъ (Joliet). Въ штатѣ Миннесота: 30. Сенъ-Поль (S.-Paul); 31. Миннеаполисъ; въ штатѣ Колорадо: 32. Пуебло (Pueblo); 33. Данверъ; въ штатѣ Айове (Iova): Осколуза (Oscaelvosa) и Ексцельсіоръ (Excelcior); въ штатахъ Вайомингъ (Wyoming), далѣе въ Канзасѣ (Kansas) и въ Калифорніи живетъ также не мало русскихъ. Вообще можно сказать, что нѣтъ города или значительнаго мѣстечка въ С. Америкѣ, гдѣ бы теперь не нашлось русскаго или какого-нибудь другого славянина.

Можно сказать безъ преувеличенія, что русскихъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ болѣе 120.000 и до 150.000 душъ; если же присоединить къ нимъ словаковъ, словинцевъ и хорватовъ, сербовъ и болгаръ, то число славянъ въ С. Америкѣ составитъ до ½ милліона, не считая поляковъ, которыхъ въ Америкѣ болѣе, нежели другихъ славянъ, но которые и тамъ держатся особнякомъ.

Русскіе переселенцы. занимающіеся на родинѣ исключительно земледѣліемъ, въ Аме-

рикѣ, за немногими исключеніями работаютъ въ каменно-угольныхъ коняхъ, на желѣзныхъ дорогахъ или на лѣсопильныхъ и др. заводахъ. Торговля и промыслы доступны только немногимъ единицамъ, большинство которыхъ кабатчики. Какъ вообще всѣ малороссы, это народъ тихаго и добраго нрава, болѣе склонный къ добру, нежели ко злу; онъ любитъ церковь, свое богослуженіе, свои церковные обряды и т. п. Однако, въ Америкѣ онъ обнаруживаетъ нѣкоторую особенность: прибывъ въ свободную Америку изъ страны, гдѣ вся окружающая его среда оказываетъ на него враждебное давленіе: правительство непомѣрными налогами и повинностями, суды всякими проволоками и кривдами, школа, которую онъ самъ долженъ выстроить и содержать вмѣстѣ съ учителемъ, безумнымъ мадьяреніемъ и поличеньемъ, по природѣ добрый русскій народъ, зачастую сбивается съ правильнаго пути на свободной американской почвѣ, понимая эту свободу такъ, что теперь ему все свободно. Не находясь болѣе въ непосредственной зависимости отъ бдительныхъ родителей, женъ, родственниковъ, общественнаго мнѣнія и точнаго исполненія церковныхъ обрядовъ, постовъ и общенародныхъ молитвословій,—онъ при своей христіанской неразвитости подчиняется всякимъ вреднымъ вліяніямъ разнузданной заводско-промышленной жизни американцевъ. Легкомысліе, расточительность, буйность, пьянство, внѣбрачная жизнь, своеволіе и т. п. пороки подтачиваютъ нравственныя и тѣлесныя силы воспріимчивой природы русскаго переселенца. Лучшіе люди изъ этихъ переселенцевъ, видя гибельныя послѣдствія такого образа жизни, начали обдумывать, какимъ способомъ можно было бы спасти заблуждающихся, и пришли къ тому убѣжденію, что оградить ихъ всѣхъ отъ народной гибели можетъ отеческая русская Церковь. Эти соображенія и желаніе удовлетворить своимъ духовнымъ потребностямъ сближали и соединяли русскихъ людей, разсѣянныхъ по мѣстечкамъ, городамъ и штатамъ, въ свои общины. Этимъ общинамъ потребовались священники. Одна изъ русскихъ общинъ еще въ 1881 г. обратилась къ угро-русскому епископу въ Пряшевѣ съ просьбой прислать въ Америку русскаго священника; но это прошеніе осталось безъ отвѣта. Таже угрорусская община ходатайствовала о томъ же у Мукачевскаго епископа, нынѣ покойнаго Пастелія, и опять безъ успѣха. Разочаровавшись такимъ образомъ въ своихъ епископахъ, угрорусы соединились съ галицко-русскими переселенцами и подали купно прошеніе Львовскому митрополиту Сембратовичу о присылкѣ имъ русскаго священника. Митрополитъ-уніатъ снесся по этому дѣлу съ „Congregatio de propaganda fide“ въ Римѣ, откуда и послѣдовало разрѣшеніе дать русскимъ переселенцамъ въ Америкѣ уніатскаго священника. Такимъ образомъ русская община въ Шенандоа (Shenandoah), въ Пенсильваніи, получила уніатскаго священника—отца Іоанна Волянскаго. За пенмѣніемъ церкви, онъ сначала долженъ былъ служить въ частномъ домѣ, но вскорѣ приступилъ къ постройкѣ церкви и приходскаго дома. Но польскіе ксендзы, узнавъ о прибытіи въ Америку русскаго священника, подняли бурю противъ него и стали прибѣгать ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы разорвать тѣ узы, которыя такъ крѣпко соединяютъ русскаго человѣка съ его Церковью и истинными духовными руководителями. Съ цѣлью огражденія русскаго народа отъ ослѣпленныхъ поползновеній и вражескихъ навѣтовъ польскихъ ксендзовъ, отецъ Волянскій началъ издавать русскую газетку „Америка“, на галицкомъ простонародномъ нарѣчіи. Отецъ Волянскій своею открытою борьбою съ польско-латинскимъ духовенствомъ, сознательною защитою естественныхъ правъ русскаго народа много содѣйствовалъ подъему русскаго духа въ Америкѣ. Не успѣвъ еще кончить начатыя постройки въ Шенандоа, онъ заложилъ другой храмъ въ Кингстонѣ (Kingston), потомъ въ Хазлетонѣ, Фриландѣ и Вилькесбарѣ. Въ помощники себѣ онъ вызвалъ изъ Галиціи отца Ляховича, который назначенъ былъ приходскимъ священникомъ въ Кингстонъ. За свою ревность къ русскому церковному обряду и свой русскій патріотизмъ отецъ Ляховичъ, по всей вѣроятности, сдѣлался жертвою іезуитскаго изувѣрства, потому что его нашли мертвымъ въ гостинницѣ „Косціюшко“ въ Вилькесбаррахъ, куда онъ прибылъ накануне здоровымъ. Чтобы болѣе успѣть въ своей подпольной работѣ противъ руководителей русскаго народа, ксендзы такъ настроили филадельфійскаго католическаго епископа, что онъ разослалъ окружное посланіе католическому духовенству съ наказомъ, читать его пароду въ каждомъ костелѣ съ каѳедры. Въ этомъ посланіи епископъ, между прочимъ призываетъ всѣхъ католиковъ, чтобы они молились Богу, дабы Онъ разрушилъ всѣ воззвигнутыя и созидаемыя „каппца русиновъ и москалей-схизматиковъ“ и разсыпаетъ свои проклятія надъ русскими священниками, которые-де не имѣютъ права священнодѣйствовать, совершать мироиомазаніе и причащать подъ обоими видами, вслѣдствіе того, что они женатые.

Но о. Волянскій не испугался всѣхъ этихъ безумныхъ выходокъ и нападокъ: онъ не только свой приходъ привелъ въ цвѣтущее состояніе, но положилъ начало цѣлой сѣти хорошо устроенныхъ русскихъ церковныхъ общинъ-приходовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ этой своей неусыпной заботливости о благоустройствѣ русскихъ общинъ и церквей онъ впрочемъ сдѣлалъ одну важную ошибку. Дѣло въ томъ, что, по постановленію мѣстнаго епископскаго собора въ Балтиморѣ, всѣ церкви, приходскіе дома и земли, школы и монастыри съ ихъ имуществами должны быть записываемы на имя мѣстнаго епископа. О. Волянскій, не желая закрѣпостить русскій народъ враждебному ему латинскому духовенству, записывалъ церковныя зданія и приходскіе дома не на имя церковныхъ общинъ, а на свое имя. Быть можетъ это былъ еди-

ственный выходъ изъ печальнаго положенія духовно-народныхъ дѣлъ, и пока онъ жилъ въ Америкѣ, все было хорошо. Въ это время послѣ смерти о. Ляховича въ Кингстонъ пріѣхалъ угрорусъ о. Н. Зубрицкій, безъ соизволенія пряшевскаго епископа и потому, спустя нѣкоторое время, долженъ былъ воротиться назадъ. На его мѣсто былъ назначенъ тѣмъ же епископомъ о. Іоаннъ Запотоцкій, хорошій въ душѣ угрорусскій дѣятель; онъ успѣшно подвизался въ Америкѣ съ 1889 по 1891 г., когда по болѣзни вынужденъ былъ возвратиться на родину. Вслѣдъ за нимъ прибыли: о. Александръ Дзюбай въ Вилькесбарръ, и о. Ник. Стецовичъ въ Газлетонъ—оба изъ Мукачевской епархіи и наконецъ въ 1889 г. о. Алексѣй Товтъ въ Миннеаполисъ изъ Пряшевской епархіи.

Между тѣмъ о. Волянскій въ 1889 г. оставилъ свой приходъ въ Шенандоа, передавъ его галичанину, священнику Константину Андруховичу, а самъ отправился въ Галицію. Андруховичъ,—человѣкъ слабой нравственности, украйвофилъ и іезуитъ, задумалъ играть роль духовнаго диктатора. Онъ въ качествѣ преемника о. Волянскаго заявлялъ свои права на все имущество церквей и приходовъ и смотрѣлъ на другихъ русскихъ, увіатскихъ священниковъ, не какъ на самостоятельныхъ пастырей, а какъ на своихъ капелановъ. Кромѣ того въ газетѣ „Америка“ онъ сталъ нападать разными клеветами на недовольныхъ имъ угрорусскихъ священниковъ, называя ихъ еретиками, московскими шпіонами и т. п., возмущалъ противъ нихъ народъ, даже въ одинъ большой праздникъ закрылъ русскую церковь въ Газлетонѣ. Вслѣдствіе этого священникъ этой церкви о. Стецовичъ, не желая бороться съ галицкимъ іезуитомъ, оставилъ Америку, уступивъ свое мѣсто о. Евгенію Волкан (нынѣ кормчій „Американскаго Русскаго Вѣстника“, единственнаго русскаго изданія, выходящаго на письменномъ русскомъ, хотя и не всегда правильномъ языкѣ). Кромѣ поименованныхъ, въ Сѣв. Америку прибыли еще слѣдующіе священники изъ Угорской Руси: о. Гавріилъ Вислоцкій въ Олифантъ, о. Стеф. Яцковичъ въ Дукенъ, а изъ Галиціи—о. Феофилъ Обушкевичъ въ Шамокинъ и о. Григорій Грушка въ Жерзи-Сити. Между тѣмъ, безпорядки и пререканія между русскимъ духовенствомъ, вызываемые происками Андруховича, игравшаго въ руку оо. іезуитамъ,—не прекращались. Приверженцы іезуитовъ ночью ограбили даже русскую церковь въ Газлетонѣ, а приходскій домъ былъ Андруховичемъ просто проданъ съ публичнаго торга.

Видя столь печальное положеніе церковно-народныхъ дѣлъ, о. Алексій Товтъ обратился съ позваніемъ ко всѣмъ русскимъ священникамъ въ С. Америкѣ, въ которомъ, указывая на гибельныя послѣдствія этой междоусобной борьбы русскихъ, какъ въ Америкѣ, такъ и на родинѣ, приглашалъ ихъ въ срединочный городъ русскихъ поселеній, Вилькесбарръ, для братскаго совѣщанія о средствахъ и способахъ, которыми можно бы спасти и оградить отъ хищныхъ полковъ свою народную святыню—отеческую русскую Церковь, а съ нею и народъ.

На это предложеніе о. Товта всѣ русскіе священники дали свое согласіе и въ условленный день—въ октябрѣ 1890 г. съѣхались въ Вилькесбарръ, въ городъ ближайшій для всѣхъ, кромѣ о. Товта, которому пришлось проѣхать 1800 англ. миль. Только Андруховичъ и его сторонникъ Гуловичъ, не смотря на личныя просьбы всѣхъ собравшихся священниковъ, особенно о. Товта, съ этою цѣлью навѣстившаго ихъ въ гостиницѣ, не приняли участія въ общихъ совѣщаніяхъ русскаго духовенства, и сослались даже на незаконность подобнаго собранія, какъ состоявшагося безъ разрѣшенія католическаго епископа, которому они, какъ увіаты, должны-де безпрекословно повиноваться во всемъ! Не обращая вниманія на этихъ русскихъ отщепенцевъ, собравшіеся отцы избрали единодушно въ предсѣдатели о. Товта и открыли свои совѣщанія и пришли къ слѣдующимъ постановленіямъ: 1) просить львовскаго митрополита, пряшовскаго и мукачевскаго епископовъ назначить имъ и всѣмъ русскимъ въ Америкѣ особаго русскаго епископа-викарія, 2) объединить всѣ русскія общины и братства въ одно братство, жить между собою въ мирѣ и любви и помогать другъ другу во всякихъ духовныхъ и житейскихъ нуждахъ и 3) имѣть свое русское еженедѣльное изданіе для того, чтобы вліять на народъ въ русскомъ церковномъ духѣ. Объ этомъ составлены были три протокола и посланы епископамъ во Львовъ, Пряшевъ и Ужгородъ (Унгваръ). Уже въ началѣ 1891 г. можно было угадать, чѣмъ кончится это ходатайство русскихъ священниковъ, не только по частнымъ письмамъ съ родины, но и по нападкамъ папистскихъ газетъ въ Америкѣ,—нѣмецкихъ, англійскихъ и особенно польскихъ,—которыя всѣ злобно обрушились на о. Алексія Товта, какъ главнаго врага увіи съ Римомъ, бунтовщика и „московскаго шпіона“, словомъ стали изображать его самымъ опаснымъ человѣкомъ для увіи и католичества. А чтобы лучше подѣйствовать на русскій народъ и разъединять его съ его руководителями, общіе враги воспользовались безхарактерною личностью свящ. Андруховича, который въ своей іезуитско-украинофильской газеткѣ „Руське Слово“ также началъ чернить всѣхъ русскихъ патріотовъ, въ особенности о. Алексія, распространяя ту ложь, что онъ вовсе даже не былъ священникомъ на родинѣ, но дѣйствуетъ въ Америкѣ, какъ самозванецъ и „московскій шпіонъ“.

— „Трудно было мое положеніе, пишетъ о. А. Товтъ.—Сен-польскій (S.Paul) архіепископъ Ейерлендъ (Ireland), живущій вблизи Миннеаполиса, грозилъ мнѣ закрыть церковь, меня самого выслать въ Европу, а мой приходъ передать словацкому ксендзу. Я понять посредствомъ печати воззвалъ къ русскому народу, прося всѣхъ и каждаго соединиться въ одно духовно-народное тѣло и образовать тѣсный союзъ всѣхъ существующихъ русскихъ

братствъ. Поляки, узнавъ объ этомъ, снова подняли вопль, что я въ Америкѣ хочу заложить вторую „Москву“.

„Пришедъ такимъ образомъ въ непримиримое столкновеніе и вражду съ польско-латинскимъ духовенствомъ изъ-за моихъ чистыхъ побужденій и стремленій удовлетворить духовнымъ потребностямъ обездоленнаго русскаго народа, изъ среды котораго вышелъ мой родъ, я здѣсь окончательно прозрѣлъ духовно, убѣдившись во вредѣ для русскаго народа уніи съ Римомъ. Но какъ же мнѣ куцно съ прихожанами разорвать эти іезуитскіе оковы Рима? Сознаюсь откровенно, я терзался душою, не зная выхода изъ этой духовной темницы. По разсказамъ я зналъ, что есть въ Америкѣ, въ Ситхѣ (Аляскѣ) православный епископъ въ разстояніи 4-хъ недѣль ѣзды отъ Миннеаполиса, но слухи ходили, что будто бы эта каѳедра не занята.

„Случайно зашелъ ко мнѣ одинъ русскій увіатъ, пріѣхавшій изъ Калифорніи, и передалъ мнѣ, что православный епископъ живетъ въ Санъ-Франциско. Руководствуясь этимъ указаніемъ, я обратился съ запросомъ къ русскому консулу въ С.-Франциско и, спустя двѣ недѣли, получилъ отвѣтъ отъ г. Парфенова, чиновника при консульствѣ, что русскій православный епископъ Владиміръ находится въ Санъ-Франциско и живетъ тамъ-то. И такъ путь былъ указанъ. Но какъ теперь воодушевить и вразумить своихъ прихожанъ для сознательнаго перехода въ лоно православной Церкви, когда они изъ разныхъ концовъ Угорской и Галицкой Руси и съ уніатскими привычками? Къ тому еще до моего пріѣзда всѣ они посѣщали польскій костелъ, тамъ крестили своихъ дѣтей, вѣнчались, и не разъ слышали съ каѳедры, что „греко-католикъ (уніатъ) и римскій католикъ „то вышстко едно“ (все равно), съ прибавленіемъ, что быть римско-католикомъ, это—еще спасительнѣе и лучше“! Вдобавокъ моему воображенію представлялись мрачныя картины упорнаго противодѣйствія холмскихъ уніатовъ русскому православію. Однако я рѣшился на совершеніе святаго дѣла въ томъ убѣжденіи, что правда должна побѣдить. По воскресеньямъ въ церкви началъ объяснять моимъ прихожанамъ: что такое унія, какъ она началась, какой вредъ нанесла она русскому народу, и какъ страдали наши праотцы за православіе въ Польшѣ, Галиціи и въ Угріи, какъ русскіе въ Бѣлой Руси опять соединились съ православною Церковью, кто это папа, что такое католическая и православная Церковь... Народъ съ изумленіемъ слушалъ эти мои поученія, потому что на родинѣ еще никогда не приходилось ему въ церкви узнать отъ своихъ священниковъ судьбу своихъ предковъ и Церкви, ибо если бы посмѣлъ кто-нибудь заговорить о подобныхъ вещахъ, тогъ навѣрное сейчасъ же очутился бы за желѣзною рѣшеткой. Вѣдь въ Австро-Угріи быть православнымъ, а тѣмъ болѣе принять Православіе, значитъ быть „москалемъ“ и измѣнникомъ государству. Послѣ этого я нарочно выслалъ одного сборщика пожертвованій на храмъ, Ивана Млинаря (родомъ изъ Стебника въ окрестности г. Бардіова, на Угорской Руси) въ Санъ-Франциско, поручивъ ему собрать свѣдѣнія о русскомъ епископѣ. Когда онъ воротился назадъ, то онъ не находилъ словъ для передачи намъ тѣхъ впечатлѣній восторга, которыя онъ вынесъ изъ русскаго храма во время торжественнаго и величаваго архіерейскаго богослуженія. Мои прихожане, восхищенные этими разсказами, пришли ко мнѣ съ просьбой призвать православнаго епископа и подчиниться ему! Видя эту искреннюю готовность моихъ уніатовъ и горячо желая осуществить свою завѣтную мысль, я съ довѣреннымъ отъ общины лицомъ отправился самъ въ Санъ-Франциско (6 дней ѣзды по ж. д.), и просилъ преосвященнаго Владиміра прибыть въ нашу общину и пріобщить ее и всѣхъ, чающихъ соединенія, къ православной русской Церкви. Въ первый разъ въ жизни я увидѣлъ настоящее архіерейское богослуженіе и, сознаюсь откровенно, я былъ тронутъ до слезъ наглядными свидѣтельствомъ того, что отняла у насъ унія съ Римомъ! Я невольно мысленно перенесся въ Москву, Кіевъ... гдѣ еще великолѣпнѣе совершается богослуженіе.

„И такъ по нашему зову преосвященный Владиміръ 24 марта 1891 г. пріѣхалъ въ Миннеаполисъ и всѣ мои прихожане предъ нимъ исповѣдали Никео-Цареградскій Символъ вѣры, отреклись отъ римскаго папы и всѣхъ заблужденій католической церкви и подчинились св. правительствующему всероссійскому Суноду. Тогда въ первый разъ раздалось въ нашей убогой церкви имя Благочестивѣйшаго Великаго Государя Александра III, какъ единственнаго защитника православія, а также вознесены были имена 4-хъ патріарховъ и св. правительствующаго Сунода!

Словомъ, я вмѣстѣ съ прихожанами, числомъ 365 душъ, торжественно возвратился къ истинной православной Церкви нашихъ предковъ.

Но съ этого дня начались для меня дни еще болѣе тяжелыхъ испытаній. Только что оставилъ насъ преосвященный, на насъ обрушились всѣ враждебныя стихіи католической церкви. Въ польскомъ костелѣ, находящемся противъ нашей церкви черезъ улицу, равно какъ въ нѣмецкомъ и ирландскомъ, съ каѳедры посылались на насъ озлобленныя проклятія, особенно на меня,—что я продалъ за деньги души вѣрныхъ католиковъ „москалямъ-язычникамъ“ и т. п. Архіепископъ Ейерландъ нарочно пріѣхалъ сюда, позвалъ къ себѣ моихъ людей и самъ уговаривалъ ихъ не слушаться моихъ „дьяволъскихъ“ наущеній, но свято соблюдать новелѣнія папы и ученіе „единственной спасительной, католической церкви“! Мнѣ же погрозилъ закрыть церковь, если я не вразумлюсь! На это я письменно отвѣтилъ ему, что если онъ не дорожитъ своей свободой и спокойствіемъ, то за подобный самовольный поступокъ въ Америкѣ есть спасительныя тюрьмы. Послѣ этого онъ утихъ, но начались тайныя подстрекательства и интриги противъ меня. Осо-

бенно польское духовенство пользовалось всѣми средствами, чтобы унизить меня предъ народомъ и тѣмъ повредить и задушить начатое дѣло. Андруховичъ въ газетѣ „Руське Слово“ старался еще перещеголять нашихъ враговъ своими пошлыми клеветами, взводимыми на меня.

„Но откуда—изъ убѣжденія ли или по другимъ какимъ-либо расчетамъ, спрашивается, поднялась вся эта буря и озлобленіе враговъ православія? Нѣтъ, не по догматическому убѣжденію, отвѣчаю я, а просто изъ-за расчета—изъ нежеланія потерять свои доходы отъ русскихъ уніатовъ, не различавшихъ прежде, а даже иногда и предпочитавшихъ костелъ своей церкви; къ этому въ польскомъ духовенствѣ присоединялось сознаніе, что русскіе, сдѣлавшись православными, будутъ скрѣплены неразрывными узами съ православною Русью и всѣмъ православно-греко-славянскимъ восточнымъ міромъ, слѣдовательно поляки при „отбудованіи своей ойчизны“ не будутъ имѣть въ нихъ своихъ союзниковъ. Вотъ, гдѣ корень всего зла и борьбы. Высшая же католическая іерархія въ Америкѣ состоитъ почти исключительно изъ ирландцевъ (на 7 милліоновъ католиковъ есть 91 епископъ, изъ которыхъ только 3 француза, 4 нѣмца и 2 испанца, остальные—ирландцы).—людей по большей части грубыхъ и невѣжественныхъ, но при томъ ярыхъ фанатиковъ-папистовъ.

„Когда я прибылъ въ Миннеаполисъ въ 1889 г., 27 ноября, по новелѣнію пріяневскаго епископа, я долженъ былъ явиться у здѣшняго архіепископа Ейерланда, живущаго въ г. С.-Паулѣ, который по распоряженію „Congregatio de propaganda fide“ въ Римѣ назначался моимъ начальникомъ. Когда я вручилъ ему свою священническую грамоту, писанную по латынѣ, онъ сейчасъ спросилъ меня: женатъ ли я, или нѣтъ? Я—вдовецъ, сказалъ я ему. Тутъ глаза его засверкали, щеки зарумянились и онъ съ гнѣвомъ сказалъ мнѣ: я уже писалъ въ Римъ, чтобы мнѣ не присылали сюда такихъ людей; я ни тебя, ни твоего епископа, не признаю католиками... пошелъ прочь!—Это соблазнъ... убирайся, я никогда не позволю тебѣ дѣйствовать здѣсь.

„Удостоившись такого неожиданнаго пріема у новаго архипастыря я, конечно, сейчасъ понялъ и предвидѣлъ, что это было послѣднее посѣщеніе мною своего епископа. Въ слѣдующее воскресенье польскій ксендзъ въ костелѣ прочиталъ народу, гдѣ много было и русскихъ, архипастырское посланіе, извѣщавшее народъ о прибытіи въ его среду самозванца, который-де не былъ никогда священникомъ на родинѣ, и какъ не католикъ къ тому, не имѣетъ права священнодѣйствовать, и поэтому оповѣщается каждый вѣрный католикъ, чтобы остерегался его. Таково дѣйствительное положеніе уніатской духовенства, хотя папскими буллами за уніатскою церковью и русскимъ церковнымъ обрядомъ признана равноправность съ католическими.

„Польскимъ іезуитамъ не трудно было возбудить въ этомъ папистскомъ лагерѣ вражду, ненависть и озлобленіе противъ православія въ Америкѣ. Начиная съ Миннеаполиса и кончая Римомъ, всѣ составныя части механизма, именуемаго католическою церковью, пришли въ движеніе, чтобы убить въ самомъ зародышѣ великое дѣло. Не обращая вниманія на все это, я шелъ своимъ путемъ, устроилъ другую православную общину въ Чикаго, сблизилъ между собою православныхъ арабовъ, грековъ и славянъ, незнавшихъ до сихъ поръ другъ о другѣ, воссоединилъ нѣсколько русскихъ уніатовъ галичанъ съ православною Церковью, затѣмъ то же сдѣлалъ въ Клевеландѣ. Потомъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ уніатскихъ священниковъ, большинство которыхъ высказывало единодушное желаніе вмѣстѣ со своими прихожанами принять православіе. Но вдругъ въ это время приходитъ нѣсть, что въ Санъ-Франциско происходятъ смуты изъ-за нашего дѣла. Враги православія стали строить ковы противъ преосвященнаго Владиміра, русская нигилистская газета въ Нью-Іоркѣ „Прогрессъ“ въ своихъ статьяхъ: „Дѣянія св. апостоловъ“ начала черпать русскаго епископа, взводя на него и на наше дѣло всяческія клеветы. Полякъ Русель и жидъ Левинъ изощряли всю свою наглость въ этомъ дѣлѣ и выпуски „Прогресса“ съ клеветническими статьями разсылались безплатно во множествѣ въ русскіе приходы. Въ довершеніе бѣды Св. Сунодъ отозвалъ въ Россію преосв. Владиміра. Съ другой стороны, пріяневскій епископъ, Вальи, прислалъ моимъ прихожанамъ увѣщательное письмо, въ которомъ приглашаетъ ихъ прогнать меня, какъ вора, самозванца, и, пока онъ не пришлетъ имъ новаго священника, указываетъ имъ посѣщать польскій костелъ. Вскорѣ появился хитрый іезуитъ, который переодѣтый ходилъ по домамъ и кабакамъ, гдѣ увѣщаніемъ, гдѣ водкой буквально недоумѣвающій народъ противъ меня, показывалъ и читалъ имъ газеты, въ которыхъ нагло писалось, что я за 30.000 руб. продалъ ихъ души, и грозилъ имъ вѣчными муками на томъ свѣтѣ! Между тѣмъ, откровенно скажу, что я не имѣлъ насущнаго хлѣба! Однако, уповая на Бога, я стоялъ непоколебимо въ своихъ убѣжденіяхъ и среди этихъ общихъ невзгодъ еще увеличилъ число своихъ православныхъ прихожанъ до 500.

„Большимъ для насъ несчастіемъ было то, что на мѣсто преосвященнаго Владиміра не былъ сейчасъ же назначенъ его преемникъ. Этотъ промежутокъ времени прошелъ не безъ огромнаго вреда для нашего православно-народнаго дѣла. Всѣ уніатскіе священники, заявившіе было уже свое желаніе принять православіе, подъ вліяніемъ описанныхъ событій, какъ люди съ семьями, не рѣшались теперь осуществить свои желанія, опасаясь остаться безъ высшей церковной власти, а вмѣстѣ и безъ приходовъ и средствъ къ жизни.

„Не будь такъ долго незанятой епископ-

ская каѳедра въ Санъ-Франциско, число православныхъ изъ русскихъ уніатовъ сегодня превышало бы 50.000 душъ! Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что Св. Сунодъ, по причинѣ возникшихъ недоразумѣній и смутъ, отозвалъ преосвященнаго Владиміра, всѣ наши враги, предводительствуемые поляками, и нигилистическая газета „Прогрессъ“ въ одинъ голосъ заговорили такимъ языкомъ, что мои товарищи и сподвижники въ большомъ смущеніи ожидали печальныхъ послѣдствій и для меня самого, въ случаѣ разстройства затѣяннаго дѣла, послѣ чего мнѣ уже нельзя будетъ воротиться на родину, какъ отступнику отъ „неногрѣшимаго“ папы и слѣдовательно измѣнику Австро-Угорскому государству.

„Оставленный такимъ образомъ самому себѣ, я, уповая на Бога, сосредоточивалъ свои заботы надъ приведеніемъ въ болѣе надежное положеніе своего прихода и церкви. Когда я прибылъ въ Миннеаполисъ, церковь была уже выстроена самимъ народомъ и снаружи выглядѣла не плохо, но внутри вмѣсто иконостаса на стѣнахъ я нашелъ польскіе образа: „Сердце Іисусово“, „Сердце Маріино“, „Св. Антонія“ съ бритой головой, на престолѣ простенькіе подсвѣчники, но ни священныхъ одеждъ, ни литургикона, ни книгъ. Къ тому еще на этой церкви лежало долгу 2.800 долларовъ. О приходскомъ домѣ нѣтъ и помину. Прежде всего мнѣ надо было пріобрѣсти священническое облаченіе, книги, чашу, колокола, подсвѣчники, хоругви, плащаницу и пр. и пр., при этомъ же надо было и жить и еще квартиру нанимать и церковный долгъ платить. Въ такомъ плачевномъ положеніи, что могъ я дѣлать? Пришлось собирать лично милостыню, какъ среди русскихъ переселевцевъ, такъ и у иновѣрцевъ. Съ помощью Божіей мнѣ и еще другому сборщику удалось собрать 4.000 долларовъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Мои прихожане въ это время пожертвовали на свои нужды болѣе 3.000 долларовъ. Словомъ, я израсходовалъ уже болѣе 7.000 долларовъ для устройства нашей общины. Однако на общинѣ лежитъ еще долгъ въ 1.920 долларовъ, а кладбища и училища и до сихъ поръ еще нѣтъ.

„Всѣхъ русскихъ, пока уніатскихъ, церквей въ Соединенныхъ Штатахъ — 15, а новыхъ строится шесть, куда еще прибудутъ съ родины новые священники. Какъ при этихъ церквахъ, такъ и тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, русскіе переселенцы учреждаютъ для себя братства въ русско-православномъ духѣ съ цѣлью поддерживать вѣру и церковь, и оказывать помощь своимъ членамъ во время безработицы и на случай какого-нибудь несчастія. Всѣ эти русскія братства, по моему предложенію, соединились въ одинъ общій союзъ въ нынѣшнемъ году.

„Молодые переселенцы, за рѣдкими исключеніями, пріѣзжаютъ сюда грамотными, пожилые же въ свободное время съ помощью грамотныхъ товарищей упражняются въ чтеніи и писаніи. Поэтому дѣйствовать среди народа, грамотнаго и воспріимчиваго ко всему доброму при доброй волѣ, обходительности, благоразуміи и выдержанности священника, подъ начальствомъ и руководствомъ православнаго русскаго владыки, какъ единственнаго представителя и защитника русской православной Церкви—дѣло не трудное. И благодареніе Всемогущему: насъ увѣдомили изъ вѣрнаго источника, что вскорѣ къ намъ прибудетъ вновь назначенный въ Америку епископъ, Николай! Мы всѣ русскіе переселенцы ожидаемъ его какъ древніе евреи Спасителя. Да благословитъ Господь Богъ „вхожденіе его!“ Благословенъ грядый во имя Господне!

„Богъ приведетъ его какъ нельзя болѣе кстати. Среди русскихъ уніатовъ не кончились еще, опять возобновились съ новою силою смуты. Священникъ Андруховичъ пролалъ русскую церковь въ Шенандоа и съ деньгами ночью уѣхалъ. Прійскій (Erie) епископъ прогналъ русскаго священника отца Корнилія Лаврышина изъ Осцеола-Миллсъ, то же сдѣлалъ и нью-іоркскій епископъ съ русскимъ священникомъ Пассейскимъ, отцемъ Никифоромъ Ханатомъ, для вящей славы уніи! Іезуитъ-монахъ Гуловичъ бунтуетъ русскій людъ противъ полезной дѣятельности моего товарища отца Евгенія Волкан, кормчаго нашей единственной русской газеты: „Американскій Русскій Вѣстникъ“, которая должна будетъ пріостановиться, если народъ матеріально не поддержитъ ея. Вотъ плоды нашей долгой уніи съ Римомъ! Мы же, православные, съ радостью ожидаемъ нашего владыку, преосвященнаго епископа Николая въ Миннеаполисъ на недѣлю Мироносицъ. Богъ да приведетъ его къ намъ! Настанетъ и для насъ день радости послѣ столькихъ бурь и смутъ! Съ нами Богъ!“

„...Наконецъ-то мы дождались владыки и торжественно встрѣтили его преосвященство. Братство въ полномъ составѣ, въ формѣ, съ музыкой ожидало его на концѣ нашей 5-й улицы, гдѣ собралось много разнаго народа, узнавшаго объ этомъ событіи и желавшаго увидѣть „russian Bishop“ (русскаго епископа). Какъ только показалась карета съ преосвященнымъ въ сопровожденіи отца Николая Гринкевича, музыка грянула, колокола загудѣли, хоругви и знамена заколыхались и весь народъ направился къ церкви, гдѣ я ожидалъ его съ крестомъ. Церковь въ минуту была переполнена народомъ. Отслужена была обѣдня съ проповѣдью, но окончаніи водосвященіемъ и благословеніемъ братской хоругви. Послѣ этого какъ мои прихожане, такъ и прочіе христіане, подходили къ преосвященному, который при цѣлованіи св. креста христосовался со всѣми мужчинами! При выходѣ изъ церкви братство живою изгородью открыло дорогу преосвященному въ приходскій домъ, куда онъ направился въ мантіи и митрѣ, благословляя по обѣ стороны столпившійся народъ. Погода была самая благопріятная. Все это и рѣдкая снисходительность, вниманіе и любезность владыки произвели какъ на всѣхъ насъ, такъ и на иновѣрцевъ, неподдѣльный восторгъ и поощу-

шеніе. Этимъ положеніемъ консцъ всѣмъ польско-іезуитскимъ кознямъ. Преосвященный любезно говорилъ со многими прихожанами, освѣдомляясь о ихъ бытѣ, между прочимъ спросилъ церковнаго старосту, Василія Сада, не намѣренъ-ли онъ теперь воротиться на родину. „Зачѣмъ, отвѣчалъ онъ, когда насъ тамъ преслѣдуютъ и гнетутъ! Если ужъ оставить Америку, то поѣдемъ въ Россію!"

„Каждый христіанинъ, подходившій къ нему, получалъ крестикъ или образокъ и русскій молитвенникъ.

„Его преосвященство потомъ посѣтилъ нѣсколько домовъ монхъ прихожанъ и вездѣ нашелъ чистоту и порядокъ, что ему очень понравилось. Про нашу церковь онъ сказалъ, что она „чиста, какъ если бы монашки жили при ней"... Мнѣ очень понравился его преосвященство... Пробывъ у насъ 25—26 апрѣля (7—8 мая) онъ отправился въ Гринъ-Бай и Чикаго. Въ послѣднемъ городѣ онъ поставилъ православнаго священника отца Амвросія Врету".

„Надняхъ, добавляетъ отецъ Алексѣй, я получилъ отъ Св. Сунода книги, образки и поучительные листки, которые сейчасъ же были мною розданы народу. Кромѣ того къ намъ приходитъ „Русская Правда" Купчанки изъ Вѣны и „Листокъ" отца Евг. Фенцика изъ Угорской Руси, а также „Благовѣстъ" и „Русскій Паломникъ". По воскресеньямъ и праздникамъ народъ посѣщаетъ церковь и дома съ любовью читаетъ русскія изданія и просвѣщается. Великая потребность въ русскихъ хорошихъ книгахъ историческаго, церковно-историческаго и вообще духовно-нравственнаго содержанія".

Статья А. К. Людсканова:

Очеркъ католической пропаганды въ Болгаріи.

Предназначая Балканскій полуостровъ отечествомъ Болгарскаго народа, Провидѣніе отвело послѣднему очень трудную роль въ исторіи. Находясь на границахъ Азіи и Европы, Болгарія служила живымъ оплотомъ и противъ набѣговъ дикихъ племенъ съ сѣвера и противъ походовъ крестоносцевъ съ запада и противъ нашествія турокъ съ востока. Находясь на рубежѣ двухъ культуръ, болгарамъ пришлось одновременно считаться съ хитроумною политикою византійскихъ императоровъ и патріарховъ и съ тонкими дипломатическими интригами латинскихъ королей и римскихъ первосвященниковъ.

Слѣдствіемъ всего этого было то, что Болгарія сдѣлалась яблокомъ раздора между востокомъ и западомъ. При самомъ вступленіи въ ряду христіанскихъ народовъ, новообращенная Болгарія служила чуть-ли не рѣшающимъ поводомъ къ раздѣленію церквей. Теперь же, новоосвобожденная Болгарія угрожаетъ, повидимому, сдѣлаться причиною самаго ужаснаго столкновенія державъ. И если, по словамъ одной французской газеты, „въ средніе вѣка болгары производили на воображеніе западныхъ народовъ дѣйствіе какого-то пугала", а теперь, по словамъ другой, русской газеты, изъ „enfants gatés" они превратились въ „enfants terribles", это не простая случайность, а логическое послѣдствіе однихъ и тѣхъ же причинъ, проявленіе одного и того же вопроса, смотря по времевамъ и обстоятельствамъ, то въ сферѣ духовной, то политической.

Въ виду тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ жили христіанскіе народы на востокѣ, религіозное начало, одно, само по себѣ не играло той исключительно религіозной роли, какъ на западѣ. Зато оно получило болѣе общее, культурное значеніе. На востокѣ—не только многія свѣтскія, но и духовныя лица смотрѣли и смотрятъ на вѣру не только, какъ на религіозное самодовлѣющее начало, но и какъ на народное знамя. Тамъ „Религія и народность, по вѣрному замѣчанію одной нѣмецкой газеты, почти совпадаютъ и часто первая опредѣляетъ и послѣднюю". Вотъ почему, не въ одной только Болгаріи, но и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ и движеніяхъ надо всегда искать и политической подкладки.

Это такой фундаментальный принципъ восточной политики, при помощи котораго только станутъ понятны для насъ самыя крупныя историческія событія.

Крещеніе болгарскаго царя Бориса и народа относятъ къ 864—865 г. Борисъ хотѣлъ было принять христіанство черезъ посредство Людовика нѣмецкаго, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Но, по разнымъ причинамъ, онъ обратился къ грекамъ и отъ нихъ принялъ православіе. Византіи улыбнулась надежда посредствомъ церковной зависимости новообращенной страны возстановить утраченную свою власть надъ нею. Посланное въ Болгарію византійское духовенство являлось орудіемъ этихъ стремленій. По этому о самостоятельной болгарской іерархіи и не могло быть рѣчи. Даже больше того: Византія отказала дать болгарамъ не только особаго митрополита, но даже и епископовъ.

Въ виду всего этого и поощряемый своимъ другомъ Людовикомъ нѣмецкимъ, а также разсчитывая на готовность папы удовлетворить его требованіямъ, на второй годъ своего крещенія Борисъ обратился къ римскому первосвященнику. Къ такому шагу его настраивали и агенты Курія. Ссылаясь на хаотическое положеніе болгарской церкви, гдѣ развивали свою дѣятельность масса миссіонеровъ разныхъ сектъ и вѣрованій и на раздоры между приверженцами Фотія и Игнатія, которые раздирали Константинопольскую церковь, панскіе агенты указывали на превосходство римской церкви, гдѣ будто бы вѣра сохранилась чистою.

Посольство, которое состояло изъ многихъ бояръ во главѣ съ сыномъ Бориса, прибыло въ Римъ въ августѣ 866 г. и было принято съ большимъ почетомъ и восторгомъ. Вмѣстѣ съ богатыми дарами оно привезло вопросы болгарскаго царя римскому первосвященнику. Въ нихъ Борисъ выставляетъ какъ цѣлью

къ этому обращенію прекращенія путаницы и смуты, которыя производили въ умѣ новообращеннаго народа миссіонеры разныхъ вѣроученій. Но такъ какъ Борисъ уже имѣлъ посланіе царьградскаго патріарха Фотія, въ которомъ подробно излагается сущность христіанской вѣры и нравственности, равно и практическія правила жизни всякаго человѣка-христіанина, въ особенности же государя, то главное его побужденіе надо искать въ вопросѣ о патріархахъ, оканчивающемся просьбою о дарованіи болгарской церкви патріарха.

Чтобы привлечь ихъ на свою сторону, папа далъ болгарамъ епископа, обѣщая, по донесеніи его легатовъ о состояніи христіанства въ Болгаріи, дать имъ впослѣдствіи если не патріарха, то архіепископа или митрополита.

Въ ноябрѣ 866 г., легаты Куріи, епископы Павелъ и Формозъ, принесли Борису отвѣты папы и занялись перемѣною іерархіи—замѣщая греческое духовенство латинскимъ.

Обращеніе болгаръ къ Риму сильно взволновало Византію. Въ своемъ окружномъ посланіи отъ 867 г. Фотій извѣщаетъ восточныхъ патріарховъ, что и „варварскій народъ болгаръ" уже приступилъ къ вѣрѣ христовой.

Хотя окончательнаго раздѣленія церквей въ то время еще не было, но ихъ различіе въ ученіи и стремленіяхъ уже давно возникло и развивалось. Оно ясно обнаружилось наконецъ въ спорѣ между папою Николаемъ I и патріархомъ Фотіемъ.

Обращеніе болгаръ къ Риму совсѣмъ ухудшило отношеніе между обѣими церквами.

Приблизивъ къ латинскому престолу новообращенную Болгарію, римскій первосвященникъ сталъ уклоняться отъ исполненія своихъ обѣщаній—дать болгарамъ самостоятельнаго архіепископа-патріарха. Посланныя для этой цѣли въ Римъ въ концѣ 867 и во второй половинѣ 869 гг. Борисомъ посольства не привели къ желанному результату.

Къ тому же и политическія обстоятельства совсѣмъ измѣнились. На византійскомъ престолѣ возсѣдалъ умный и дѣятельный Василій македонянинъ, сближеніе съ которымъ представлялось Борису выгоднымъ тѣмъ болѣе, что отношенія болгарскаго царя съ Людовикомъ нѣмецкимъ были въ то время натянутыми. Наконецъ, Бориса стала пугать опека римскихъ первосвященниковъ, которые начали было уже энергически вмѣшиваться во внутреннія дѣла государствъ.

Вслѣдствіе всего этого, болгарскій царь рѣшилъ вернуться къ Византіи. Не разрывая открыто связи съ Римомъ, Борисъ, по наущенію вѣроятно Константинополя, прибѣгнулъ къ слѣдующей дипломатической хитрости. Совершенно неожиданно для папы, онъ послалъ своихъ пословъ на Константинопольскій соборъ (869—870), гдѣ произошло примиреніе между восточной и западной Церквами. На засѣданіи 28 февраля 870 г. болгарскіе послы предложили собору слѣдующій вопросъ: „Которой изъ двухъ церквей, римской или константинопольской, отнынѣ должна быть подчинена церковь болгарская?" И при этомъ они обѣщали подчиниться рѣшенію собора. Вопросъ этотъ послужилъ предметомъ оживленныхъ преній между представителями обѣихъ церквей, которые, не ограничиваясь одними каноническими основаніями, ссылались на историческія и иныя права для подчиненія себѣ болгарской церкви. Вопросъ принялъ характеръ болѣе политическій нежели религіозный и былъ рѣшенъ въ пользу Византіи. Несмотря на протесты папскихъ легатовъ, патріархъ Игнатій, восторжествовавъ надъ фотіянами, поспѣшилъ привести въ исполненіе рѣшеніе собора. Наученая опытомъ, Византія оказалась на этотъ разъ уступчивою. Указанное Борисомъ лицо было назначено архіепископомъ Болгаріи.

Такимъ образомъ, 3 марта 870 г. Болгарія возсоединилась съ греческою церковью и вошла въ сферу не только церковнаго, но и политическаго и вообще культурнаго вліянія востока.

„Такъ кончилось, говоритъ проф. Голубинскій, это непродолжительное господство въ Болгаріи латинянъ, которое, нѣтъ сомнѣнія, и вовсе не имѣло бы мѣста, если бы не до такой степени неразумія были своекорыстны разсчеты византійской политики" *).

***

Во время втораго болгарскаго царства была новая попытка Рима подчинить себѣ Болгарію. Въ это время раздѣленіе церквей было уже совершившимся фактомъ.

Въ XII в. болгары свергнули греческое иго. Новой династіи нужна была новая опора, чтобы ея сосѣди не смотрѣли на Колояна какъ на простого бунтовщика. Однако-жъ, получить санкцію отъ Византіи, съ которою болгары порвали всякую церковную связь, не представлялось никакой возможности. Въ Римѣ же царилъ другой раздаватель власти и титуловъ, другой творитель законныхъ государей, всесильный творецъ Альбигойскихъ войнъ—папа Иннокентій III. Отъ него Колоянъ могъ получить признаніе и благословеніе, а также и посредничество въ его сношеніяхъ съ мадьярами. Съ своей стороны, папа Иннокентій III, съ цѣлью подчинить Болгарію римскому престолу, предупредилъ желаніе Колояна, отправляя къ нему, въ Тырново, въ 1200 г., своего посла съ грамотой. Ловко воспользовавшись титуломъ Колояна „Imperator Bulgarorum et Blacorum" **), глава римской церкви обратился къ болгарскому правителю какъ бы въ виду его римскаго происхожденія: „Еще прежде вознамѣрились навѣстить тебя нашими грамотами и послами. Но развлекаемые разными заботами о церкви, доселѣ не могли исполнить нашего намѣренія".

Колоянъ принялъ недовѣрчиво папскаго легата Доминика, такъ какъ послѣдній былъ по происхожденію грекъ. Болгарскій царь

*) Краткій очеркъ Исторіи Православныхъ Церквей стр. 31.

**) Roi de Blaquie et de Boulgrie (Вильгардуенъ).

долго колебался и только въ ноябрѣ 1202 отвѣтилъ папѣ, причемъ въ заключеніе своего посланія просилъ о царской коронѣ.

Между тѣмъ, Иннокентій III, не дождавшись отвѣта, отправилъ Колояну второе посланіе, въ которомъ увѣщевалъ: „для твоей земной славы и ради вѣчнаго спасенія полезно, чтобы ты, *будучи римлянином* по происхожденію, сталъ таковымъ и по образу жизни и чтобы твой народъ, доказывающій, что въ жилахъ его течетъ *римская* кровь, слѣдовалъ институтамъ римской церкви и въ самомъ божественномъ культѣ давалъ бы обонять отеческіе обычаи".

Въ такомъ смыслѣ глава латинской Церкви писалъ и тырновскому архіепископу.

30 апрѣля 1203 г. Колоянъ отвѣтилъ Иннокентію III, что какъ скоро узнали объ этихъ переговорахъ „греки послали ко мнѣ своего патріарха съ такимъ предложеніемъ: иди къ намъ, мы вѣнчаемъ тебя въ императоры и дадимъ тебѣ патріарха, ибо безъ патріарха не бываетъ имперіи. Но я не согласился на такое предложеніе, а прибѣгаю къ твоей святости, ибо хочу быть рабомъ св. Петра". Колоянъ повторяетъ свою просьбу короновать его въ императоры и назначить въ Болгаріи патріарха

Въ августѣ 1203 года легатъ капеллань Іоаннъ, привезя Колояну отвѣтъ папы и палліумомъ для архіепископа Василія—короны императорской не привезъ.

Въ концѣ того же 1203 года, болгарскій посолъ повезъ въ Римъ отвѣтную грамоту Колояна и письма архіепископа Василія и всѣхъ епископовъ болгарскихъ, которыми настоятельно испрашивались: патріаршескій жезлъ для тырновскаго архіепископа и скипетръ для болгарскаго царя. О своемъ коронованіи Колоянъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Прошу у святости твоей, да повелишь въ царство мое кардинала отъ престола апостольскаго и да дашь ему діадему и скипетръ, и да пошлешь утвержденную грамоту съ золотою печатію для приснаго храненія ея въ храмѣ тырновскомъ; да вручатъ все сіе царству моему, и да посвятитъ и вѣнчаетъ царскимъ вѣнцомъ царство мое".

„Если все сіе будетъ исполнено, то я съ потомствомъ моимъ и со всѣми грядущими поколѣніями болгаръ и валаховъ буду считать себя возлюбленнымъ сыномъ святой римской Церкви".

Наконецъ, въ половинѣ октября 1204 года въ Тырново прибылъ кардиналъ-пресвитеръ Левъ съ папскимъ посланіемъ слѣдующаго содержанія: „посылаемъ тебѣ скипетръ и царскій вѣнецъ... Ты же съ своей стороны дашь клятвенную запись, что останешься преданнымъ и послушнымъ святой римской Церкви и сохранишь всѣ земли и народы, подчиненные твоей имперіи. По просьбѣ епископа браничевскаго Власія, твоего посла, разрѣшаемъ тебѣ чеканить монету съ твоимъ изображеніемъ. Достоночтенному брату нашему, архіепископу тырновскому, жалуемъ привилегію приматія надъ всѣми землями твоей державы. Онъ и его преемники нашею апостольскою властію будутъ короновать твоихъ преемниковъ".

7 ноября 1204 г. архіепископъ Василій былъ посвященъ въ примасы, а 8-го Колоянъ былъ торжественно вѣнчанъ на царство.

Черезъ недѣлю (15 ноября) кардиналъ Левъ оставилъ болгарскую столицу съ благодарственнымъ письмомъ Колояна къ папѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что болгарская унія съ латинскимъ престоломъ ограничивалась лишь признаніемъ главенства папы.

Переговоры между Римомъ и Тырновомъ длились цѣлыхъ 5 лѣтъ, потому что имъ не доставало искренности: обѣ стороны старались перехитрить другъ друга. Такъ, Колоянъ требовалъ признанія въ санѣ царя (императора), а папа, притворяясь, что ему даетъ просимое, его утвердилъ въ санѣ короля; однако это не мѣшаетъ Колояну назвать себя царемъ въ своихъ грамотахъ папѣ. Иннокентій III умышленно считаетъ болгарскаго государя римляниномъ; Колоянъ, притворяясь, старается воспользоваться всѣми выгодами своего мнимаго латинскаго происхожденія. Требовалось возведеніе тырновскаго архіепископа въ патріархи, а папа его возвелъ только въ приматы; архіепископъ Василій тѣмъ не менѣе благодаритъ за пожалованную ему „всю полноту патріаршаго достоинства".

Сношенія Колояна съ Римомъ не представляютъ собою ничего исключительнаго въ исторіи православныхъ государей Балканскаго полуострова. Многіе изъ нихъ, и раньше и позже Колояна, искали во временномъ сближеніи съ Римомъ противовѣсъ притязаніямъ Цареграда. Политическія обстоятельства заставили Колояна искать сближенія съ Римомъ. Какъ только эти обстоятельства измѣнились вслѣдствіе завоеванія крестоносцами Константинополя (1204 г.), болгарскій государь прерываетъ общеніе съ Римомъ, выступаетъ защитникомъ православія отъ латинянъ и домогается оживить византійское императорство въ качествѣ „царя всѣхъ болгаръ и грековъ" *).

Не много спустя, въ 1234 г., пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ Византіи, искавшей союза болгаръ противъ латинянъ, болгарскій царь Іоаннъ Асѣнъ II заключилъ съ никейскимъ императоромъ Іоанномъ Ватацомъ союзъ, въ силу котораго тырновскій архіепископъ былъ сдѣланъ автокефальнымъ и провозглашенъ патріархомъ.

Съ этого времени вплоть до турецкаго нашествія болгары больше не вступали въ сношеніе съ Римомъ, хотя въ 1245 году папа Иннокентій IV, а въ 1291 папа Николай IV, изъявляли готовность собрать для устроенія дѣла вселенскій соборъ.

***

Послѣ этихъ неудачъ втянуть Болгарію въ лоно католической церкви посредствомъ ея государей, Римъ попробовалъ воздѣйствовать прямо на народъ съ помощью римско-

*) Оедоръ Успенскій. Образованіе второго Болгарскаго царства, стр. 219.

католическаго духовенства, которое явилось на Балканскій полуостровъ вмѣстѣ съ поборниками освобожденія гроба Господня, такъ что начало католической пропаганды въ Болгаріи слѣдуетъ отнести ко времени крестовыхъ походовъ. Въ 1299 г. папа Бонифацій VIII отправилъ въ Болгарію францисканскихъ миссіонеровъ. Хотя точныхъ свѣдѣній объ этихъ попыткахъ не имѣется, надо, однако, полагать, что онѣ оказались безуспѣшными. Извѣстно лишь, что наканунѣ паденія болгарскаго царства, въ 1365 г., Людовикъ анжуйскій, захвативъ Видинскую область, успѣлъ силою обратить въ католичество около 1/3 населенія этой области.

Слѣдуетъ замѣтить, что у однихъ только богомиловъ — павликіанъ выписанные изъ Рима латинскіе миссіонеры встрѣтили болѣе или менѣе добровольную готовность принять католичество.

***

Послѣ утвержденія турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, представители Рима стали эксплоатировать въ свою пользу бѣдственное положеніе *раій*. Пропаганда начала свои происки съ богомиловъ-павликіанъ.

Какъ извѣстно, въ VII вѣкѣ павликіанство широко распространилось въ Малой Азіи, особенно въ Арменіи и Сиріи. Съ цѣлью ослабить эту ересь, а въ тоже самое время устроить живой оплотъ противъ нашествія болгаръ, византійскій императоръ Константинъ Копронимъ съ половины VIII вѣка сталъ переселять этихъ сектантовъ массами во Ѳракію, преимущественно въ окрестности Филиппополя. Отсюда эта ересь распространилась не только въ Болгаріи, но и въ Македоніи, и стала извѣстна впослѣдствіи подъ названіемъ богомильской ереси. Богомилы-павликіане и послѣ паденія болгарскаго царства остались въ своихъ еретическихъ вѣрованіяхъ и вели строгую замкнутую жизнь по отношенію къ православнымъ христіанамъ; что, само собою разумѣется, давало благодарную почву для католической пропаганды.

Въ 1581 г. былъ посланъ къ нимъ миссіонеръ Фра Патеръ изъ Тузлы (Босніи), который позднѣе былъ назначенъ папою Климентомъ VIII епископомъ софійскимъ, съ резиденціей въ Чипровцахъ, горномъ мѣстечкѣ въ Балканахъ, старинной латинской общинѣ.

Въ первыхъ годахъ XVII столѣтія этотъ миссіонеръ велъ особенно успѣшно свою проповѣдь въ Никопольскомъ округѣ и съ меньшимъ успѣхомъ въ филиппопольскомъ, такъ какъ по свидѣтельству графа де Марсильи, посѣтившаго эти страны въ концѣ XVII вѣка, здѣсь жили павликіане-богомилы—еретики. Въ католичество же они обратились только въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія. Въ 1830 г. они просили филиппопольскаго греческаго митрополита принять ихъ въ нѣдра православной Церкви, но онъ имъ въ этомъ отказалъ. Тогда они обратились къ римской куріи, которая не замедлила прислать имъ своихъ патеровъ.

Съ переходомъ Чипровцовъ въ турецкія руки, въ 1688 г., дѣло пропаганды затормозилось. Многія общины, лишившись своихъ патеровъ, не отвратились однако отъ латинской церкви и находились подъ покровительствомъ Франціи.

Въ 1727 г. большая часть болгаръ-католиковъ Никопольскаго округа переселилась въ окрестности Темешвара, въ Банатъ, гдѣ ихъ потомки и до сихъ поръ говорятъ по болгарски и называютъ себя павликіанами. На родинѣ остались только 4 деревни (Бѣлени, Ореши, Лыжени и Трынчевица). Послѣ освобожденія Болгаріи отъ турецкаго ига нѣсколько семействъ банатскихъ павликіанъ возвратились въ княжество и поселились въ Плевненскомъ (селеніе Мртвица), Раховскомъ (селеніе Бардирскій Бунаръ) и Систовскомъ округахъ.

Въ настоящее время *) изъ 18.539 человѣкъ католиковъ, населяющихъ сѣверную и южную Болгарію, одни павликіане, называющіе себя *болгарами-католиками*, насчитываютъ около 13.906. Изъ нихъ одна треть живетъ въ Никопольскомъ и Систовскомъ округахъ, а остальныя двѣ трети—въ Филиппопольскомъ округѣ. Нарѣчіе послѣднихъ отличается только своимъ особымъ удареніемъ. Ихъ типъ различенъ отъ живущихъ вмѣстѣ съ нимъ болгаръ и грековъ. Всѣ они брюнеты, маленькаго роста, имѣютъ узкое лицо, большой носъ, напоминающія черты ихъ предковъ армянъ, переселенныхъ изъ Малой Азіи въ VIII столѣтіи византійскими императорами.

По преданіямъ, послѣ паденія болгарскаго царства, павликіане, населяющіе нынѣшнія деревни Давиджово, Хамбарліи и Дуванліи (Филиппопольск. округа) пріѣхали изъ окрестностей Софіи—ихъ нарѣчіе и по сихъ поръ шопское; павликіане же деревень Калычліи, Балтаджіи и Геренъ были переселены изъ окрестностей Никополя.

Въ Сливенскомъ округѣ есть также одна павликіанская деревня (Топузлари), но она населена послѣ крымской войны переселенцами изъ Филиппополя, которые постепенно переходили въ православіе, такъ что остались теперь только 5 семействъ болгаро-католическихъ.

***

Съ нашествіемъ турокъ въ Европу, Магометъ II, не будучи въ состояніи, согласно постановленіямъ Корана, стереть съ лица земли поголовно всѣ не-мусульманскія населенія, покоренныя имъ, былъ вынужденъ силою вещей сдѣлать христіанамъ нѣкоторыя уступки. Онъ призналъ нѣсколько церковныхъ общинъ, во главѣ которыхъ поставилъ духовныхъ начальниковъ, облеченныхъ не только духовной, но судебной и административной властью. Эти начальники націи, „миллетъ-баши", являлись оффиціальными представителями своихъ общинъ не только передъ Портою, но и передъ внѣшнимъ міромъ. Такимъ образомъ, христіанскіе народы Балканскаго полуострова до начала нынѣшняго

*) България въ църковно отношеніе. Отъ А. Шопова. Пловдивъ. 1889 г.

столѣтія группировались по исповѣданіямъ; ими обусловливалась ихъ гражданская жизнь, съ ними отождествлялась ихъ народность.

Съ наступленіемъ текущаго вѣка, прозваннаго вѣкомъ національностей, все это стало измѣняться. Христіанскіе народы Балканскаго полуострова начали возрождаться и обособляться. Сербы, греки, болгары стали сознавать свое единство. Послѣдовали: сербская борьба за независимость, греческая гетерія, русско-турецкая война 1829 года. Въ 1833 елинская церковь отпала отъ константинопольскаго вселенскаго патріарха, провозглашая себя независимою.

Католическая пропаганда, давно загнѣздившаяся въ Турціи, устремила свои взоры на возрождающіеся эти народы. Она водворилась въ 1833 г. въ Греціи, а въ сороковыхъ годахъ лазаристы открыли въ Константинополѣ миссіонерскую станцію, предназначавшуюся главнымъ образомъ для болгаръ. Школы, печатное слово и благотворительность были главными орудіями миссіонеровъ. Въ 1848 г. Пій IX окружнымъ посланіемъ—literae ad orientalis—приглашалъ восточныхъ православныхъ христіанъ войти въ общеніе съ римскою церковію и признать главенство папы.

Наступающая волна національностей хлынула и на болгарскія земли. Главнымъ ея проводникомъ явилось болгарское духовенство, которое имѣетъ громадныя заслуги въ дѣлѣ духовнаго пробужденія нашего народа.

Въ самыя тяжелыя времена турецкаго владычества, когда болгаринъ забывалъ свой языкъ, свою народность, духовенство молилось, читало и писало на родномъ языкѣ и свято сохраняло наше историческое достояніе—нашу національную индивидуальность. Самыми видными болгарскими дѣятелями въ прошломъ столѣтіи были святогорскій монахъ Паисій и епископъ Софроній; отцомъ же возрожденія болгарской райи считается монахъ Неофитъ Возвели, который въ 30-хъ годахъ своими патріотическими посланіями и научно-литературными произведеніями возбудилъ въ ней идею освобожденія отъ политическаго ига и духовнаго рабства *).

Константинопольскіе болгары стали хлопотать объ учрежденіи своей духовной іерархіи, а жители города Тырнова осмѣлились просить султана Абдулъ-Азиза, во время его путешествій по Болгаріи, о назначеніи имъ въ архипастыри самаго Возвели. Когда Порта настояла передъ вселенскимъ патріархомъ объ исполненіи этой просьбы, послѣдній назначилъ на тырновскую каѳедру епископа Неофита, фанаріота, а Возвели былъ ему данъ въ качествѣ протосингела. Однако-жъ, вслѣдствіе преслѣдованія со стороны грековъ, Возвели пришлось недолго оставаться въ старой болгарской столицѣ, даже въ этомъ второстепенномъ санѣ. Вскорѣ онъ долженъ былъ возвратиться въ Константинополь. Здѣсь онъ, съ цѣлью огражденія сородичей отъ притѣсненій фанаріотовъ, вмѣстѣ съ товарищемъ Иларіономъ Макаріопольскимъ вступили въ переговоры съ лазаристами. Переговоры эти, считающіеся началомъ болгаро-уніатскаго движенія, скоро были прерваны, вслѣдствіе того, что патріархомъ были сосланы на Аѳонъ какъ Возвели такъ и Макаріопольскій. Возвели здѣсь и скончался.

Въ 1818 г. болгары успѣли исходатайствовать предъ Портой разрѣшеніе на сооруженіе себѣ храма въ Константинополѣ.

Въ 1853 г. они обращались къ чрезвычайному императорскому русскому послу, князю Меньшикову, съ прошеніемъ о дозволеніи отправлять богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ и объ огражденіи ихъ отъ притѣсненій, чинимыхъ имъ греческими епископами.

Наступила эпоха Крымской компаніи. Война эта окончательно пробудила національный духъ всѣхъ христіанскихъ народностей балканскаго полуострова, тогда какъ парижскій трактатъ лишилъ великую защитницу православныхъ на востокѣ права исключительнаго покровительства имъ.

Гатти-Хумаюномъ, 18 февраля 1856 года, Турція обязалась провести разныя реформы, а главное принципъ свободы исповѣданія. Однако, всѣ торжественныя обѣщанія Порты остались мертвой буквой. Болгарская райя извивала подъ тяжкимъ бременемъ турецкаго ига, а еще больше подъ несноснымъ гнетомъ иноземнаго духовенства.

И въ тяжелыя эти времена главной защитницей райи явились агенты Курія, выступившіе самыми горячими поборниками правъ болгаръ, самыми неутомимыми защитниками ихъ народности. Они усердно и настоятельно старались убѣдить обездоленную райю, что напрасны всѣ ея просьбы къ вселенскому патріарху, который никогда ничего ей не уступитъ и что единственное для нее спасеніе заключается въ признаніи власти престола св. Петра, чѣмъ она пріобрѣтетъ благорасположеніе и покровительство западныхъ католическихъ державъ *).

Греки какъ будто нарочно дѣлали все, чтобы вполнѣ засвидѣтельствовать правдивость этихъ увѣреній. Въ своемъ рвеніи потушить духовное пробужденіе болгаръ, они отвергали самыя законныя ихъ желанія, а осмѣлившихся жаловаться жестоко преслѣдовали. По увѣреніямъ г. Теплова, самъ константинопольскій патріархъ объявилъ, что „готовъ скорѣе допустить переходъ всѣхъ болгаръ въ католицизмъ, нежели уступить что либо изъ преданій великой Церкви“ **).

Со всѣхъ концовъ Европейской Турціи, гдѣ жили болгары, стали раздаваться горькія

*) Въ 1888 г. число православныхъ священнослужителей сѣверной и южной Болгаріи достигало 2.350. Изъ нихъ насчитывали 1.951 священниковъ. 1.012 изъ этихъ послѣднихъ состояли учителями раньше чѣмъ они были посвящены въ духовное званіе.

*) Голубинскій, стр. 115.

**) Греко-Болгарскій церковный вопросъ, по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе В. Теплова. Спб. 1889, стр. 49.

жалобы противъ чрезмѣрныхъ поборовъ и притѣсненій фанаріотскаго духовенства.

Въ 1857 адріанопольскіе болгары намѣревались отдѣлиться отъ патріархіи, и не случилось это только благодаря вліянію русскаго консула.

Въ 1858 году видднискіе болгары обратились къ Портѣ и вселенскому патріарху съ прошеніемъ о назначеніи жалованія архіереямъ и о дозволеніи имъ имѣть священнослужителей изъ болгаръ. За такую попытку они поплатились тюремнымъ заключеніемъ.

Вслѣдъ за этимъ, болгарскія депутаціи собрались въ Константинополѣ и подали Турецкому правительству коллективное прошеніе о томъ же, о чемъ просили видднцы. Послѣдовалъ категорическій отказъ патріарха, а вслѣдъ за симъ жители города Шумлы изгнали своего епископа, фанаріота.

Въ 1859 г. кукушскіе болгары просили константинопольскаго патріарха смѣнить ихъ архіерея Мелетія, фанаріота, показавшагося чрезмѣрно корыстолюбивымъ и жестокимъ. Просьба ихъ не была уважена, вслѣдствіе чего они подписали актъ уніи съ папой. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ осложненій патріархъ перевелъ Мелетія въ другую епархію, давъ ему, однако, первоклассную и историческую охридскую каѳедру, а полянскимъ епископомъ, въ вѣденіи котораго находился и Кукушъ, назначилъ болгарина Парѳенія и затѣмъ актъ уніи съ папою былъ уничтоженъ.

Турецкое правительство, съ своей стороны, всячески толкало болгаръ къ уніи, вѣрно разсчитывая, что по отпаденіи болгаръ въ католицизмъ, они выйдутъ изъ сферы вліянія Россіи. Въ 60-хъ годахъ министръ народнаго просвѣщенія, Едхемъ-Паша, путешествуя по провинціи, открыто совѣтовалъ болгарамъ принять католицизмъ.

Наконецъ и государства Западной Европы не преминули эксплоатировать въ свою пользу болгаро-греческій споръ. Какъ и всегда, самою жадною оказалась Австрія. Она стала всячески домогаться присоединенія болгаръ къ православному карловицкому патріархату. Остальныя же государства явились жаркими защитниками болгарскихъ вождей съ цѣлью вытѣснить вліяніе Россіи и замѣстить его своимъ собственнымъ.

Въ эти роковыя времена, когда великая защитница православія и славянства „se recueillait“ по знаменитому выраженію князя Горчакова, на политическомъ горизонтѣ востока возсіяло въ полномъ блескѣ солнце исконной покровительницы католицизма на востокѣ — Франціи. Къ ея защитѣ думали обратиться болгары, какъ это сдѣлали раньше ихъ другіе православные подданые султана, провозгласивъ въ Константинополѣ 18 декабря 1860 года уніи съ Римомъ.

Провозглашеніе это облегчалось тѣмъ, что въ Римѣ довольствовались простымъ подчиненіемъ себѣ болгарской церкви, оставляя ея ученія, обряды, устройство, управленіе,— однимъ словомъ—весь ея внутренній строй и порядки неприкосновенными. Взамѣнъ признанія только главенства папы болгарской райи гарантировались защита и покровительство противъ ея жестокихъ мірскихъ и духовныхъ притѣснителей. „Когда въ 1860 году я пріѣхалъ въ Константинополь, пишетъ Іосифъ Сокольскій, первый болгаро-уніатскій патріархъ, въ своемъ посланіи къ болгарамъ, я увидѣлъ себя окруженнымъ людьми, которыхъ считалъ сочувствующими нашему народу; они говорили мнѣ, что принявъ унію мы освободимся отъ епископовъ греческихъ и что мы вступимъ въ сношенія съ цивилизованнымъ міромъ запада и въ особенности съ Франціей“...

Ближайшей причиной къ провозглашенію уніи послужилъ арестъ въ патріаршеской тюрьмѣ варненскаго священника, болгарина Димитрія Гаврилова и его бѣгство къ лазаристамъ въ Галату. Во главѣ движенія, по указанію и настоянію самого его начинателя, Пларіона Макаріопольскаго, сталъ архимандритъ Іосифъ Сокольскій.

Порта, вообще очень неподвижная насчетъ реформъ, особенно же когда онѣ касаются христіанской райи, поторопилась признать болгаро-уніатовъ какъ особый „миллетъ“, отдѣльную церковно-національную единицу.

8 апрѣля 1861 г. архимандритъ Сокольскій былъ торжественно посвященъ въ Римѣ папою Піемъ IX въ архіепископы всѣхъ болгаръ.

По настоянію французскаго посла, Сокольскій, по возвращеніи изъ Рима, былъ признанъ Портою болгаро-уніатскимъ патріархомъ. По послѣдній скоро (8 іюня 1861 г.) бѣжалъ въ Россію, гдѣ возвратился въ православіе.

Изъ Константинополя унія распространилась въ Адріанопольскомъ вилайетѣ и въ Македоніи, гдѣ положеніе болгаръ было самое несносное. Жители многихъ и весьма значительныхъ мѣстечекъ въ Адріановольской и Визійской епархіяхъ и Каваклійской околіи отпали въ унію. Переходъ въ унію трехъ деревень (Соуджакъ, Гаджилово и Мурсаклій) послѣдней околіи представляетъ собою довольно оригинальную исторію.

Пѣкій Петко изъ деревни Соуджакъ, вслѣдствіе неудачи въ любви, покинулъ родину, поѣхалъ въ Ѳессалію, постригся въ монахи, принимая имя Пантелеймона, и велъ самую строгую затворническую жизнь. Нѣсколько лѣтъ спустя, Пантелеймонъ построилъ свой собственный монастырь на островѣ Ѳассосѣ, собралъ братство и прослылъ чудотворцемъ. Многочисленные поклонники съ богатыми подарками начали стекаться къ нему. Удаленный за это въ 1864 году, по распоряженію патріархіи, изъ о. Ѳассоса, Пантелеймонъ возвратился на родину, купилъ турецкое имѣніе, превратилъ его въ монастырь и сталъ пропонѣдывать населенію, что только въ монашествѣ можно найти спасеніе. Почти все населеніе деревни Соуджакъ, отказавшись отъ семейной жизни, приняло монашество, а имущества свои отдало монастырю. По представленію патріарха, вскорѣ изъ Константинополя послѣдовало распоряженіе выслать Пантелеймона, но онъ принялъ унію и покровительство папы его спасло. По увѣщанію

Пантелеймона населеніе трехъ названныхъ деревень отпало въ унію.

Уніатское движеніе представляетъ собою дѣло чисто политическаго характера.

Тогдашній представитель Россіи въ Константинополѣ, графъ Н. П. Игнатьевъ, имѣя самое вѣрное понятіе о дѣлахъ востока, сразу понялъ всю суть какъ греко-болгарской распри, такъ и ея логическаго послѣдствія—уніатскаго движенія. Для прекращенія первой и искорененія второго Императорскій русскій посолъ находилъ только лишь одно средство: учрежденіемъ экзархіи удовлетворить законныя и естественныя требованія болгаръ, которые, не нарушая никакихъ церковныхъ каноновъ или догматовъ, могли развѣ противорѣчить лишь эллинской „*Μεγαλη ιδεα*". „Вся политическая будущность Греціи, говорилъ тогдашній представитель Эллады въ Константинополѣ маститому русскому дипломату, зависитъ отъ разрѣшенія этого вопроса; борьба отнынѣ идетъ между славянствомъ и эллинизмомъ, и Греція слѣдуетъ показать въ ней всю свою силу и непоколебимость" *).

И дѣйствительно, греки показали всю свою силу и непоколебимость, а въ тоже самое время и воюющую несправедливость. Какъ извѣстно, втеченіе восьми столѣтій, съ 930 г. по 1767 г. болгарскіе киріархи были автокефальные; самостоятельная болгарская архіепископія, какъ особый церковный округъ, существовала въ сосѣдствѣ съ округами константинопольской патріархіи, и не только тогда, когда эта архіепископія находилась въ предѣлахъ болгарскаго самостоятельнаго государства, но и тогда, когда она находилась во власти грековъ и турокъ. Церковныя права болгаръ были отняты только во вторую половину прошлаго столѣтія, когда патріархъ Самуилъ Гуничтожилъ печскую патріархію въ 1766 г. и Охридскую архіепископію въ 1767 г.

Основываясь на этомъ, болгары могли требовать возстановленія автокефальности своей церкви во всю ея полноту, тогда какъ они оказались гораздо скромнѣе: признавая главенство вселенской патріархіи, болгары просили только дозволенія совершать богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ и имѣть священнослужителей своей національности.

Своею неуступчивостью греки не только толкнули болгаръ къ крайностямъ, но и вызвали вмѣшательства мусульманскихъ властей въ домашнія дѣла православныхъ.

Султанскимъ фирманомъ 28 февраля 1870 г. былъ учрежденъ болгарскій экзархатъ съ экзархомъ во главѣ, назначаемымъ султанскимъ берато̀мъ и коему вмѣнялось въ обязанность поминать, при отправленіи богослуженія, имя вселенскаго патріарха и получать отъ него святое муро.

Учрежденіе болгарской экзархіи имѣло важное значеніе: во-первыхъ, оно заключало въ себѣ зародышъ будущей независимости болгарской раіи, а во вторыхъ оно нанесло смертельный ударъ уніи—самый видный начинатель движенія изъ мірянъ сдѣлался членомъ экзархійскаго совѣта, тогда какъ всѣ его сподвижники изъ духовныхъ лицъ возвратились въ православіе. Вездѣ, гдѣ только султанскій фирманъ получилъ свое приспособленіе, тамъ унія совсѣмъ исчезла, теряя raison d'être; гдѣ въ добавокъ исчезло и иноземное турецкое владычество какъ въ княжествѣ и бывшей восточной Румеліи, тамъ не только объ уніи больше и помину нѣтъ, но и переселяющіеся туда уніаты возвращаются въ лоно православной Церкви. Такъ изъ 80 семействъ одного болгаро-уніатскаго селенія адріанопольскаго вилайета, переселившихся послѣ освободительной войны въ селеніе Добруклје, въ сливненскомъ округѣ, въ настоящее время только 13 семействъ остались вѣрны уніи.

Напротивъ, въ тѣхъ мѣстахъ турецкой имперіи, гдѣ болгарская іерархія не была введена, унія пользуется успѣхомъ и по сіе время.

Бѣгство Іосифа Сокольскаго въ Россію сильно поколебало надежды папы втянуть въ лоно римо-католической церкви весь болгарскій народъ. Свое неудовольствіе онъ показалъ тѣмъ, что долгое время оставилъ вакантною болгаро-уніатскую каѳедру безъ замѣстителя. За все это время болгаро-уніатскою общиною завѣдывали настоятели-священники. Наконецъ Рафаилъ Поповъ былъ посвященъ въ епископы. Послѣ смерти послѣдняго въ преемники ему былъ назначенъ Пилъ Извоpовъ, возведенный впослѣдствіи, въ 1883 г., въ архіепископы съ резиденціею въ Константинополѣ. Въ тоже самое время были открыты два намѣстничества: одно въ Адріанополѣ съ викаріемъ—Михаилъ Петковъ, для Ѳракіи, которая насчитывала около 30.000 человѣкъ болгаро-уніатовъ; и второе въ Салоникахъ съ викаріемъ—Л. Младеновъ, для Македоніи, гдѣ ихъ число достигаетъ 35.000 человѣкъ.

На фирманъ объ учрежденіи болгарскаго экзархата Фанаръ отвѣтилъ провозглашеніемъ схизмы. Не имѣя никакого историческаго, каноническаго или догматическаго основанія, соборнымъ опредѣленіемъ отъ 16 сентября 1872 г., греки отлучили отъ церкви цѣлый болгарскій народъ, обвиняя его въ филетизмѣ, обзывая болгаръ народолюбенниками, племенистами.

Крайняя эта мѣра не имѣла тѣхъ результатовъ, на которые Фанаръ разсчитывалъ. Группа православныхъ церквей заняла выжидательное положеніе; Порта, несмотря на всѣ усилія грековъ, не рѣшилась измѣнить фирманъ 1870 г. и назвать болгаръ схизматиками; послѣдніе же категорически отвергли заочно взводимое на нихъ обвиненіе въ филетизмѣ.

Тогда константинопольскій патріархъ сталъ требовать измѣненія одѣянія болгарскаго духовенства. Митхатъ паша сильно настаивалъ передъ экзархомъ объ осуществленіи этой реформы, видя въ ней залогъ успѣха западныхъ пропагандъ, а слѣдовательно и отдаленія болгаръ отъ Россіи. Однако онъ встрѣ-

*) Тепловъ. Греко-болгарскій церковный вопросъ. Стр. 57.

тилъ самый рѣшительный отпоръ со стороны начальника болгарской церкви. Блаженнѣйшій Анѳимъ заявилъ даже, что болгары примутъ одежду русскихъ священниковъ въ случаѣ рѣшенія Порты заставить ихъ измѣнить одѣяніе своего духовенства, что конечно никакъ не могло нравиться турецкому диктатору.

Также безрезультатными оказались и обѣщанія Халила Шерифа паши, министра иностранныхъ дѣлъ, дать болгарамъ патріархатъ взамѣнъ осуществленія этой реформы.

Послѣ освободительной войны, по настоянію вселенскаго патріарха, Джевдетъ паша, министръ юстиціи и исповѣданій, сталъ требовать не только перемѣны одѣянія, а также чтобы болгарскій киріерархъ пересталъ носить титулъ экзарха.

Требованія эти, какъ и предыдущія, остались безъ послѣдствія. Ни угрозы, ни увѣщанія не могли поколебать духовное начальство болгаръ.

Съ своей стороны и Турція, вѣрная своей привычкѣ брать одной рукой то, что даетъ другой, постаралась, чтобы большинство распоряженій фирмана 1870 г. осталось мертвою буквою. Не только послѣ измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ, но и раньше освободительной войны, Порта не разрѣшала экзарху отправить болгарскихъ епископовъ въ Македонію.

***

Съ освобожденіемъ Болгаріи иновѣрнымъ пропагандамъ улыбнулась надежда. Новое національное управленіе, завербовавъ интеллигентныя силы страны, нанесло очень чувствительный ударъ какъ народообразовательному дѣлу, также и духовному званію. При томъ въ княжествѣ были введены самыя либеральныя учрежденія.

Какъ извѣстно, по предложенію нѣраго французскаго уполномоченнаго Ваддингтона, въ засѣданіи берлинскаго конгресса отъ 24 іюня 1878 г. (Protocole № 5) былъ принятъ принципъ о свободѣ вѣроисповѣданія. 5-я статья берлинскаго трактата, положивъ этотъ принципъ въ основѣ государственнаго права княжества, въ болгарскую конституцію вошла слѣдующая статья (10-я): „христіане неправославнаго исповѣданія и иновѣрцы, какъ природные подданные болгарскаго княжества, такъ и въ подданство принятые, а также иностранцы, постоянно или временно въ Болгаріи пребывающіе, пользуются свободою вѣроисповѣданія, но съ тѣмъ, чтобы исполненіе обрядовъ не нарушало существующихъ законовъ".

Придавъ этому принципу самое широкое толкованіе, всякимъ проходимцамъ-миссіонерамъ былъ открытъ самый широкій просторъ дѣятельности, которые и стали пользоваться всѣми средствами, даже подкупами, дабы распространить свое ученіе и ратовати противъ господствующаго въ княжествѣ вѣроисповѣданія.

Въ Болгаріи, гдѣ общественный организмъ еще не окрѣпъ, эти миссіонеры имѣютъ на населеніе тлѣтворное вліяніе. Они развиваютъ космополитизмъ въ политическомъ отношеніи и индифферентизмъ—въ религіозномъ. Прозелитъ теряетъ свое національное чувство. Его мысли, чувства устремлевы къ Риму, Англіи или Америкѣ, о которыхъ ему разсказываютъ какъ о земляхъ обѣтованныхъ. Намъ даже приходилось лично наблюдать, какъ нѣкоторые изъ непообращенныхъ въ протестантство болгаръ, по подражанію своихъ англо-американскихъ духовныхъ наставниковъ, стараются говорить на родномъ языкѣ чужимъ акцентомъ.

Миссіонеры иноземныхъ и иновѣрныхъ пропагандъ развили лихорадочную дѣятельность въ молодомъ болгарскомъ княжествѣ. Они стали воздвигать костелы, основывать благотворительныя учрежденія, раздавать денежную помощь, открывать образцовыя школы, находящія себѣ питомцевъ изъ болгарскихъ семей, искавшихъ въ нихъ знанія иностранныхъ языковъ. Однако-жъ, успѣхъ пропаганды оказался болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. Изъ обнародованныхъ секретаремъ болгарской экзархіи въ 1889 г. статистическихъ свѣдѣній *) видно, что за исключеніемъ филипопольскаго, никопольскаго и систовскаго округовъ, гдѣ, какъ извѣстно, живутъ павликіане, число католиковъ въ Болгаріи очень незначительно. Напримѣръ, въ Варнѣ насчитывается 20 католическихъ семей, въ Рущукѣ 25, въ Видинѣ 60 и въ Софіи 84 и состоятъ почти исключительно изъ иностранцевъ. Во всей же Болгаріи—сѣверной и южной — насчитываютъ 2.536 семействъ или 18.539 человѣкъ—въ этомъ числѣ включены 13.906 павликіанъ—17 костеловъ, 53 монаха и проповѣдника, 87 монахинь и 2 архіерея: 1) Сардикскій (Софійскій) съ резиденціей въ Филипополѣ,—коему подчинена столица княжества, и 2) Никопольскій съ резиденціей въ Рущукѣ, вѣдомство коего обнимаетъ всю придунайскую Болгарію.

Результаты эти надо признать совсѣмъ незначительными въ сравненіи съ тѣми громадными средствами и силами, израсходованными католической пропагандой.

То же самое мы видимъ и по отношенію другой пропаганды—протестантской. Ея миссіонеры малочисленнѣе, гетерогеннѣе и менѣе дисциплинированы чѣмъ агенты Куріи; при томъ они посягаютъ на радикальную передѣлку ученія, устройства и управленія болгарской церкви. Тѣмъ не менѣе, протестантская пропаганда находится въ обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ католическая, потому что: во-первыхъ, она пользуется симпатіей извѣстной части болгарской интеллигенціи, считающей протестантство религіею вѣка и цивилизаціи; а во-вторыхъ, ея миссіонеры вербуются изъ мѣстныхъ элементовъ и достигаютъ нижины крестьянина. Однако, не смотря на то, что эти агенты миссіонерствуютъ но обѣимъ сторонамъ Балканъ еще со времени крымской войны, въ Болгаріи въ 1889 г. насчитывалось 466 протестантскихъ семей, 15

*) България въ църковно отношение. Отъ А. Шоповъ. Пловдивъ. 1889 г.

кпрокъ, 16 училищъ съ 302 учениками и 24 проповѣдника.

***

Агенты Куріи почти что убѣдились было въ томъ, что Болгарія представляетъ собою почву довольно неблагодарную для прозелитическихъ цѣлей, когда на сцену выступилъ кобургскій князь. Водвореніе въ Болгаріи князя западнаго исповѣданія дало новый толчекъ пропагандѣ. „При нынѣшнемъ католическомъ князѣ Фердинандѣ, говорится въ органѣ Куріи *Die Katolische Bewegung* (1888 г. ст. 154), есть болѣе надежды для успѣха религіозныхъ пропагандъ. чѣмъ при его предшественникѣ".

Изъ брошюры „Bulgarische Politik" вышедшей въ 1891 г. въ Дрезденѣ видно, что надежды, возлагаемыя на австрійскаго ставленника, оправдались. Разсказывая о недовѣріи извѣстной части болгарскаго общества, возбуждаемомъ въ немъ какъ выборомъ такъ и политикой князя Фердинанда, авторъ брошюры говоритъ, что (стр. 12 и 13) „недовѣріе это находитъ новую пищу въ его личномъ благочестіи, а также и въ строго-католическихъ традиціяхъ его фамиліи. Неблагоразумное поведеніе поселившихся въ странѣ римско-католическихъ духовныхъ лицъ не мало усиливаетъ это недовѣріе. Ихъ учрежденія. имѣющія цѣлью, какъ всѣмъ извѣстно, распространеніе католицизма, тотчасъ же по прибытіи князя увеличили свой персоналъ, воздвигли новые костелы, возобновили старые и нашли въ лицѣ архіепископа Роберта Менини, далматинца по происхожденію, покровителя, имѣющаго доступъ въ княжескій дворецъ, какъ въ собственный домъ. Менини увѣрялъ меня, что онъ ежедневно получаетъ до ста прошеній о ходатайствѣ передъ княземъ или его матерью, и что онъ усердно печется о своихъ единовѣрцахъ".

Тѣмъ не менѣе едва ли это высокое покровительство много поможетъ пропагандѣ. Болгары отлично понимаютъ, что благодаря только своей вѣрѣ они сохранили въ теченіе пятивѣковаго рабства свою національность; они хорошо знаютъ, что, благодаря только своей врародительской вѣрѣ, Россія вызвала ихъ къ новой жизни.

Слѣдующія статистическія данныя лучше всего подтверждаютъ сказанное нами и краснорѣчивѣе всѣхъ аргументовъ говорятъ противъ всѣхъ иновѣрныхъ пропагандъ въ странѣ. Въ настоящее время, но сю и по ту сторону Балканъ, въ сѣверной и южной Болгаріи слово Божіе читается православнымъ въ 1821 церкви, часовнѣ и молитвенныхъ домахъ. Изъ нихъ до 1860 г. насчитывали только 678 церквей, а съ 1860 по 1888 годъ были построены 1.143, т. е. вдвое больше. Изъ этихъ послѣднихъ съ 1860 по 1870 г. были воздвигнуты 290 церквей; съ 1870 по 1880—329; а съ 1880 по 1888—524. Слѣдуетъ еще прибавить, что всѣ онѣ были воздвигнуты по почину самого болгарскаго народа и на его собственныя средства.

Эти факты имѣютъ особенно важное значеніе въ виду крайняго нерасположенія нынѣшнихъ правителей Болгаріи къ національной церкви, доходящаго до арестовъ и заточенія самыхъ высшихъ и видныхъ ея представителей *).

На основаніе вышеизложеннаго можно смѣло утверждать, что несмотря на всѣ вліянія и вѣянія, на всѣ сотрясенія и перемѣны, охватившія нашу родину, болгарскій народъ остается вѣрнымъ своей праотцовской вѣрѣ, благодаря которой онъ сохранилъ свою органическую связь съ неосвобожденными еще сородичами и свое духовное единеніе съ великой славянской семьей.

***

Новымъ протекторамъ Болгаріи и мнимымъ ея доброжелателямъ все это, конечно, хорошо извѣстно. Кромѣ того, они знаютъ, что положеніе, созданное ими въ Софіи, непрочно; что однимъ только незаконнымъ княземъ вмѣстѣ съ нѣсколькими отчаянными псевдо-политиками не удастся окончательно сбить Болгарію съ историческаго пути ея развитія; что для этого необходимо отдалить ее отъ православной Церкви и этимъ порвать всякое духовное общеніе между освободительницей и освобожденной, между схизматической Болгаріей и всей грунной православныхъ государствъ на востокѣ.

Для достиженія этой цѣли дипломатамъ тройственнаго союза и Англіи оказалась весьма кстати давно лелѣянная мысль греческихъ логоѳетовъ и турецкихъ министровъ— признаніе со стороны самыхъ болгаръ себя схизматиками и измѣненіе одѣянія болгарскаго духовенства.

Въ Софіи ее приняли съ распростертыми объятіями, такъ какъ она вполнѣ согласовалась съ политикою теперешнихъ управителей княжества. Оставалось только склонить экзарха, и это было возложено на цареградскихъ пословъ Великобританіи и Австро-Венгріи, на покойнаго Sir William White и барона Каличе. Эти дипломаты рѣшили воспользоваться плачевнымъ положеніемъ духовныхъ дѣлъ экзархіи въ Македоніи.

Вслѣдствіе политическихъ и иныхъ причинъ, большая часть статей султанскаго фирмана 1870 года объ устройствѣ болгарской іерархіи, какъ мы раньше видѣли, осталась мертвою буквою, и что важнѣе всего, Турція не соглашалась на назначеніе болгарскихъ епископовъ въ Македонію. Только въ 1885 г. Порта обѣщала дать бераты тремъ болгарскимъ архіереямъ. Но въ это время случился филиппопольскій переворотъ и Порта отложила исполненіе своего обѣщанія. Тщетно старался экзархъ предъ Портой, указывая ей, что церкви лишены священниковъ, прихожане таинствъ. Порта оставалась неумолимой. Въ эти трудныя времена White и Каличе представили экзарху, что они берутся

*) Въ 1888 г. Софійскіе управители разогнали болгарскій сунодъ, засѣдавшій въ то время въ столицѣ княжества, и членовъ его сослали съ жандармами: Митрополита Климента въ Тырново, митрополита Симеона въ Шумлу и высокопреосвященнаго Константина въ Врацу.

доставить епископскія каѳедры въ Македоніи болгарскимъ архіереямъ, если онъ только согласенъ идти по намѣченному выше пути.

Экзархъ, не входя въ разсмотрѣніе предложенія по существу, ограничился отвѣтомъ, что онъ не вѣритъ въ возможность получить беараты отъ Порты.

Отвѣтъ этотъ дипломаты тройственнаго союза и Англіи приняли за молчаливое согласіе и, какъ извѣстно, два года тому назадъ успѣли достигнуть того, что Порта дала свое согласіе на назначеніе епископа Синесія на охридскую каѳедру, и епископа Ѳеодосія—на скопскую.

Вслѣдъ за симъ, сказанные ходатаи стали хлопотать передъ экзархомъ о приведеніи въ исполненіе ихъ замысла. Они домогались на первыхъ порахъ только о перемѣнѣ содѣянія болгарскаго духовенства, вѣрно разсчитывая, что этотъ актъ повлечетъ за собою не только признаніе со стороны самыхъ болгаръ себя схизматиками, но и совершенное ихъ отдаленіе отъ восточной Церкви. Но болгарскій іерархъ на отрѣзъ отказался послѣдовать ихъ совѣтамъ. Съ цѣлью его убѣдить, посланы были къ нему изъ Софіи министръ иностранныхъ дѣлъ и исповѣданія Грековъ и министръ финансовъ Начовичъ. Но и ихъ увѣщанія, равно какъ и совѣты болгарскаго дипломатическаго агента въ Константинополѣ, покойнаго д-ра Вулковича, остались безуспѣшными. Тогда софійскіе управители стали требовать созванія въ Константинополѣ сунода и смѣшаннаго экзархійскаго совѣта всей болгарской церковной области, которые перестали собираться со временъ освободительной войны, вслѣдствіе происшедшихъ политическихъ измѣненій. Экзархъ категорически отклонилъ и это предложеніе. Его органъ „Новини“ на основаніи экзархійска о устава, отвѣтилъ, что въ виду измѣнившихся политическихъ условій созвать вышеупомянутыхъ учрежденій теперь сталъ невозможнымъ. Въ своемъ раздраженіи софійскіе оффиціозы обвинили его блаженство въ народной измѣнѣ противъ Болгаріи и, даже, въ государственной противъ Турціи.

Съ цѣлью скрыть свою неудачу и заблудить общественное мнѣніе Европы, правительство кобургскаго князя напечатало въ оффиціозной вѣнской „Correspondance de l'Est“ отъ 6 января 1892 г., слѣдующее сообщеніе:

„Мы узнали изъ вѣрнаго источника, что болгарскій экзархъ въ Константинополѣ рѣшился сдѣлать заявленіе предъ Портой о необходимости устройства при константинопольскомъ экзархатѣ сунода и смѣшаннаго совѣта. Противъ этихъ заявленій, несомнѣнно, возстанутъ греческій патріархатъ, эллинское правительство и русскій посолъ“.

Вотъ какой кризисъ очень недавно пережила болгарская церковь. Болгаріи, по нашему крайнему уразумѣнію, угрожаетъ не совращеніе снизу посредствомъ католической или иныхъ пропагандъ, а *отложеніе сверху* посредствомъ незаконнаго князя, агента тройственнаго союза и его сподвижниковъ.

Статья А. А. Папкова:

Воинствующій германизмъ.
(Общенѣмецкій школьный союзъ).

Прототипомъ „общенѣмецкаго школьнаго союза“ былъ,—основанный въ 1880 г. въ Вѣнѣ „нѣмецкій школьный союзъ“, насчитывающій теперь до 120.000 человѣкъ и расходующій на цѣли германизма свыше 250.000 гульденокъ въ годъ *). Задачи вѣнскаго кружка нашли себѣ сочувствіе въ Германіи, вслѣдствіе чего въ Берлинѣ было учреждено въ 1881 г. самостоятельное общество, подъ названіемъ „Всеобщаго нѣмецкаго школьнаго союза“ (Allgemeiner deutscher Schulverein), съ цѣлью поддержки нѣмецкой народности за предѣлами Германіи. Въ печатныхъ воззваніяхъ къ нѣмецкому народу представители „всеобщаго союза“ заявляютъ, что первоначальнымъ поводомъ къ учрежденію ихъ общества послужила та „угрожающая опасность (drohende Gefahr), которой съ 1866 г. подвергаются нѣмцы въ Австріи; но такъ какъ и въ другихъ странахъ Европы и прочихъ частяхъ свѣта нѣмцы нерѣдко страдаютъ отъ гнета инородцевъ, то общество принуждено расширить свои задачи и нынѣ посвящаетъ свои заботы поддержанію нѣмецкой народности на всемъ земномъ шарѣ.

Въ §§ 1 и 2 устава „всеобщаго союза“ цѣль его опредѣлена слѣдующими словами: „всеобщій нѣмецкій школьный союзъ ставитъ себѣ цѣлью: охранять нѣмецкую народность внѣ предѣловъ германской имперіи и, по мѣрѣ силъ, оказывать нѣмцамъ помощь въ ихъ стремленіи оставаться нѣмцами или снова стать ими. Свою цѣль союзъ осуществляетъ поддержаніемъ и учрежденіемъ нѣмецкихъ школъ и библіотекъ, снабженіемъ ихъ нѣмецкими книгами, распространеніемъ подходящихъ сочиненій, выдачею пособій нѣмецкимъ учителямъ и другими подобными средствами. Съ тѣхъ поръ, какъ возникла нѣмецкая имперія, ни одинъ нѣмецъ, живущій на чужбинѣ, да не будетъ въ правѣ сказать, что онъ презрительно забытъ и покинутъ братьями“...

Рядомъ съ этимъ стремленіемъ собрать воедино нѣмецкій народъ и провозглашеніемъ новыхъ политическихъ принциповъ, идущихъ въ разрѣзъ съ общепринятыми нынѣ понятіями о національныхъ и территоріальныхъ устояхъ каждаго европейскаго государства, въ уставѣ (въ томъ же § 1) и въ воззваніи заявляется, что „всеобщій школьный союзъ“ не есть общество политическое, что онъ сто-

*) По отчету этого союза за 1891 г. видимъ, что это общество располагало къ концу года капиталомъ въ 461.588 гульд. и содержало на свои средства 18 школъ въ Чехіи, 7 въ Моравіи, 6 въ Силезіи, съ 74 основными классами и 77 параллельными отдѣленіями; сверхъ того общество содержало 53 дѣтскихъ сада, изъ коихъ 31 въ Чехіи, 13 промышленныхъ заведеній, 10 дополнительныхъ курсовъ, 5 музыкальныхъ школъ, 27 библіотекъ, 132 учителя были награждены обществомъ.

итъ далеко отъ всякаго рода „партійныхъ стремленій и вожделѣній", наконецъ, что онъ не составляетъ и педагогическаго кружка, ибо вовсе не занимается педагогическими вопросами.

Въ настоящее время этотъ сильный союзъ считаетъ въ своей средѣ до 30.000 членовъ, которые уплачиваютъ членскій взносъ по 3 марки въ годъ, или же единовременно 60 марокъ. Вся эта армія, подобно евангелическому союзу имени Густава-Адольфа, раздѣляется на самостоятельныя мѣстныя группы (Ortsgruppen), со своимъ представительствомъ. а эти мѣстныя группы въ свою очередь соединяются по провинціямъ и германскимъ странамъ въ болѣе обширныя общества (Verbände); совокупность же всѣхъ мѣстныхъ группъ и провинціальныхъ обществъ составляетъ союзъ (Verein), который избираетъ свое главное представительство (Haupt-Vorstand), состоящее по уставу изъ трехъ лицъ и трехъ замѣстителей къ нимъ. Это главное представительство, находящееся въ тѣсной связи съ вѣнскимъ обществомъ, въ настоящее время въ дѣйствительности состоитъ изъ 36 членовъ. Мѣстопребываніемъ главнѣйшихъ членовъ назначенъ Берлинъ. Предсѣдательское мѣсто въ управленіи занимаетъ тайн. сов., проф. др. Беккъ (Bëckh); его же помощникомъ состоитъ штабный врачъ др. Фалькенштейнъ. Въ дальнѣйшихъ подробностяхъ своей строго-обдуманной и цѣлесообразной организаціи, этотъ союзъ очень сходенъ съ пангерманскимъ союзомъ „Густава-Адольфа". Управляясь своими берлинскими главнокомандующими, „всеобщій школьный союзъ", кромѣ собраній мѣстныхъ и провинціальныхъ, имѣетъ ежегодно два общія собранія: 1) закрытое собраніе уполномоченныхъ отъ мѣстныхъ и провинціальныхъ обществъ и членовъ главнаго представительства—на первой недѣлѣ послѣ Пасхи (Vertretertag) и 2) публичное собраніе, куда доступъ имѣютъ не только всѣ члены союза, но и гости, и которое открывается тотчасъ же послѣ закрытія собранія уполномоченныхъ. Мѣсто съѣзда уполномоченныхъ и публичнаго общаго собранія опредѣляется за годъ ранѣе, на собраніи уполномоченныхъ. Обыкновенно избирается для съѣзда одинъ изъ большихъ городовъ Германіи, гдѣ по этому поводу устраивается празднество въ чисто нѣмецкомъ вкусѣ, съ музыкой, пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ, экскурсіями in's Grüne и т. п.

Къ началу 1890 г. въ разныхъ странахъ и провинціяхъ Германіи числилось 362 мѣстныхъ общества всеобщаго школьнаго союза, а именно:

Въ Бранденбургѣ	48
„ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лауенбургѣ	6
„ Гессенъ-Нассау	17
„ провинціи Саксоніи	29
„ Силезіи	21
„ Рейнскихъ странахъ	13
„ Восточной Пруссіи	12
„ Западной Пруссіи	9
„ Познани	6
„ Помераніи	7
„ Ганноверѣ	7
„ Вестфаліи	1
„ Баденѣ	14
„ Тюрингіи-Ангальтъ	25
„ королевствѣ Саксоніи	75
„ Вюртембергѣ	26
„ Баваріи (Пфальцъ)	31
„ Мекленбургѣ	7
„ Гессенъ-Дармштатѣ	5
„ Эльзасъ-Лотарингіи	4

Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще 11 самостоятельныхъ школьныхъ обществъ, присоединившихся къ союзу, и 67 обществъ гимнастическихъ, пѣвческихъ, студенческихъ, ученыхъ, благотворительныхъ, купеческихъ, учительскихъ, которыя въ числѣ своихъ 5 тысячъ сочленовъ примкнули in corpore къ союзу.

Ввѣ Германіи мѣстныхъ обществъ шульферейна числилось 19, а именно: 9 въ Европѣ: (Софіи, Константинополѣ, Солуни, Барн, Палермо, Букарестѣ, Базелѣ, Цюрихѣ и Лондонѣ; 7 въ Америкѣ: Чикаго, Монтреалѣ (Канада), Порто-Аллегре (Бразилія), Монтевидео, Нуова-Гельвеція (Уругвай), два въ Пуэрте-Монтъ (Чили); 2 въ Азіи: Токіо (Японія) и Амазія (М. Азія); 1 въ Австраліи: Сидней.

„Не-школьная" дѣятельность союза весьма рельефно, между прочимъ, характеризуется тѣмъ, что къ составу его примкнуло существующее въ Палермо „Общество нѣмецкой имперской пивной" (deutsche Reichs Kneipe)!

Какого же непріятеля имѣютъ въ виду эти двѣ арміи: одна въ 120.000 человѣкъ, расположенная въ Австріи, и другая въ 30.000 человѣкъ—въ Германіи? Гдѣ же нѣмцевъ притѣсняютъ, чѣмъ они удручены, и что понимаетъ союзъ подъ словами своего воззванія „грозящая опасность"?

Двѣ страны въ Европѣ признаются союзомъ самыми опасными для нѣмцевъ—Австрія и Россія, т. е. два государства, заселенныя преимущественно славянскими племенами.

Итакъ, главный врагъ, противъ котораго направлены дѣйствія грозныхъ нѣмецкихъ полчищъ,—это славяне, съ которыми нѣмцы ведутъ ожесточенную тысячелѣтнюю борьбу, и которыхъ они постепенно уничтожали огнемъ и мечемъ сначала на Лабѣ и Одрѣ, а теперь вытрапляютъ на Дунаѣ. Не даромъ же на своихъ „школьныхъ" собраніяхъ нѣмцы сопоставляютъ Рейнъ и Дунай: „подайте другъ другу руки, германцы имперіи и Австріи; вспомните, что пѣснь о Нибелунгахъ упоминаетъ одновременно о Рейнѣ и Дунаѣ, а потому называйте же и вы Дунай своею матерью, а Рейнъ—отцомъ".

Какія же происшествія въ Австріи и Россіи могли якобы обезпокоить самоуправствующихъ въ Европѣ нѣмцевъ?

Въ печатномъ воззваніи о вступленіи въ члены „Всеобщаго союза" повѣствуется, что до 1866 г. Австрія была въ сущности совершенно нѣмецкимъ государствомъ; нѣмцы господствовали тогда не только въ Вѣнѣ, но и въ Прагѣ, Пильзнѣ и т. д. Старый культурный перевѣсъ обезпечивалъ за ними безу-

словное господство надъ чехами, словенцами и прочими народами Австріи. По наступилъ 1866 г. и нанесъ австрійскимъ нѣмцамъ сильный ударъ: порвалась ихъ политическая связь съ Германіей, затруднились взаимныя сношенія,—словомъ, австрійскіе нѣмцы были оторваны отъ „фатерланда". Пользуясь послабленіями австрійскаго правительства, славяне подняли голову. Соединившись на почвѣ общей ненависти къ нѣмцамъ, они ринулись, какъ распущенная свора, на своихъ прежнихъ господъ и съ того времени угрожаютъ не только сѣсть нѣмцамъ на шею, но даже уничтожить ихъ.

Въ чемъ же выражаются эти притѣсненія? А вотъ въ чемъ: „Въ Богеміи (такъ говорится далѣе въ этой книжкѣ), гдѣ 2½ милліона нѣмцевъ живутъ рядомъ съ 3½ милліонами чеховъ, послѣдніе хотятъ насильно ославянить первыхъ; въ городахъ, гдѣ еще такъ недавно господствовали нѣмцы, напр. въ Прагѣ, Пильзнѣ, Іозефштадтѣ и др., чехи основываютъ свои школы, а для нѣмецкихъ нѣтъ помѣщеній: ихъ нельзя ни купить, ни нанять; захотятъ нѣмцы строить зданія на свои средства, имъ кладутъ на пути всякаго рода препятствія и затрудненія, даже... выбиваютъ въ помѣщеніяхъ окна. Каждый чиновникъ, который захотѣлъ бы привять сторону нѣмцевъ, рискуетъ навлечь на себя ненависть и вызываетъ противъ себя пасквили и ябеды. Нѣмцевъ вытѣсняютъ изъ всѣхъ сельскихъ должностей, устраняютъ отъ завѣдыванія ссудо-сберегательными кассами и отъ управленія разными общественными учрежденіями. Подобнаго рода притѣсненія повторяются въ Моравіи, Австрійской Силезіи, Крайнѣ".

Лишь полная пристрастность можетъ подобнымъ образомъ извращать факты. Если въ Австріи издаются богохульные указы объ удаленіи изъ народныхъ школъ священныхъ изображеній св. славянскихъ Первоучителей, Кирилла и Меѳодія,—то о какихъ притѣсненіяхъ могутъ говорить послѣ того противники славянъ и кого они хотятъ одурачить? Изъ всѣхъ нѣмецкихъ нареканій на славянъ имѣетъ смыслъ лишь одно: жалобы на чеховъ за ихъ рѣшимость открывать свои частныя школы! Da liegt der Hund begraben.

Еще возмутительнѣе по своему содержанію тѣ рѣчи, какія произносятся на собраніяхъ шульферейна. Большинство ихъ проникнуты чувствомъ ненависти и презрѣнія къ славянамъ и ихъ правамъ, причемъ ораторы, въ порывѣ болѣзненнаго самомнѣнія, видя въ объединенной Германіи какъ бы новый, богоизбранный народъ, комментируютъ на всѣ лады извѣстную горделивую фразу Бисмарка: „мы, нѣмцы, боимся Бога и никого больше на свѣтѣ". Одинъ же изъ делегатовъ съѣзда, фонъ-Пернерстоферъ, провозглашаетъ слѣдующую фразу: „Для всѣхъ нѣмцевъ было всегда идеаломъ стремленіе къ солидарности взаимныхъ интересовъ; въ этомъ отношеніи мы опередили всѣ народы и заставили ихъ слѣдовать за нами, а потому и въ будущемъ задача наша—служить примѣромъ для всѣхъ народовъ, населяющихъ шаръ земной!"

Чтобы еще болѣе убѣдить читателя, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ опасными шовинистами, которые занимаются болѣе политикою, чѣмъ школою, мы сдѣлаемъ двѣ ссылки.

Во-первыхъ, укажемъ на предложеніе, сдѣланное 26 мая 1888 г. на засѣданіи общества въ Кобургѣ отъ имени г. Мерзебурга. Уполномоченные этого города предложили: перемѣнить названіе союза и именовать его впредь: „Союзомъ для поддержанія германизма заграницей". Названіе „Школьнаго союза", говорится въ предложеніи, даетъ поводъ къ ложнымъ толкованіямъ; многіе полагаютъ, что имѣется въ виду содѣйствовать „школамъ", но подобное заблужденіе слѣдуетъ рѣшительно опровергнуть; названіе союза, безъ сомнѣнія, имѣетъ важное значеніе, дабы каждый могъ сразу понять, въ чемъ тутъ дѣло. И д-ръ Эттингенъ (Oettingen) въ своей берлинской рѣчи въ началѣ 1892 г. прямо заявилъ, что шульферейнъ не занимается политикою, однако дѣятельность его имѣетъ несомнѣнно политическое значеніе. Въ приложеніи же къ вовому органу союза: Für das Deutschthum im Auslande (съ ноября 1891 г. въ Берлинѣ) доказывается, что Германія лишь тогда можетъ полагаться на Австрію въ борьбѣ со славянствомъ, если школьному союзу удастся въ ней ослабить славянскій элементъ утвержденіемъ нѣмецкаго языка. Конечно, честнѣе снять маску и заявить, что союзъ избралъ „школу" лишь вывѣской для политической пропаганды. Это „школа" sui generis!

Во-вторыхъ, мы укажемъ на одно чрезвычайно характерное признаніе, помѣщенное въ вышеупомянутомъ печатномъ воззваніи. „Для нѣкоторыхъ (говорится на стр. 42 этой книжки) политическія движенія въ Австро-Венгріи могутъ казаться далеко отстоящими отъ германскихъ интересовъ и мало ихъ касающимися; но эти люди будутъ неправы, ибо при постоянно возростающемъ политическомъ значеніи странъ на европейскомъ востокѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя признать, съ практической точки зрѣнія, безразличнымъ, будемъ-ли мы имѣть въ нѣмецкой Австріи защищенную позицію на большой дорогѣ къ Черному морю или же этотъ этапъ будетъ уничтоженъ и нѣмецкое населеніе здѣсь будетъ ослаблено". Эти „особые" германскіе интересы по дорогѣ къ Черному морю были отлично поняты нѣмцами; указанія представителей союза не остались безплодными!..

Въ доказательство приведемъ цифры. Предъ нами лежитъ бюджетъ „всеобщаго союза" на 1889 г. и проектъ на 1890 г. (помѣщенные въ № 4 Mittheilungen или сообщеній союза за 1890—1891 гг.). Приходъ составлялъ за 1889 г. сумму 32.831 мар. 14 пф.; расходъ показанъ въ той же суммѣ, при чемъ на распространеніе идей шульферейна (Agitation) ассигновано 1.625 м. Главной статьей расхода являются конечно пособія, опредѣленныя въ размѣрѣ 15.791 мар. 15 пф., изъ которыхъ въ Венгрію, Чехію, Моравію, Хорутанію, Штирію, Крайну, Боснію и Галицію отослано 13.120 мар. 13 пф., въ другія же европейскія

страны 1.554 м. 35 пф. При болѣе детальномъ знакомствѣ съ бюджетомъ оказывается, что 1.093 марки отосланы въ Болгарію, гдѣ въ нынѣшнемъ году шульферейнъ открылъ свои отдѣленія (кромѣ Софіи) въ Филиппополѣ, Рущукѣ и Варнѣ *).

Слѣдя за дѣятельностью союза, мы обращали главное вниманіе на отношенія его къ Россіи. Посылаются ли пособія въ Россію? Разсматривая подробные отчеты шульферейна, мы не нашли въ нихъ свѣдѣній о томъ, въ какія мѣстности Россіи и въ какомъ количествѣ посылаются пособія; но самый фактъ такихъ пособій на поддержаніе германизма въ Россіи не подлежитъ сомнѣнію **). Это было даже предметомъ особаго обсужденія на собраніи уполномоченныхъ въ Кобургѣ, 26 мая 1888 г. Какимъ образомъ союзъ осуществляетъ свои германскія цѣли въ устройствѣ форпостовъ въ Россіи, по пути къ Черному морю,—мы не знаемъ, но зато изъ произнесенной въ г. Нюренбергѣ на общемъ собраніи 3 августа 1890 г. рѣчи г. Зейдлица изъ Кенигсберга, выясняются съ достаточною опредѣленностью тѣ политическія стремленія и вожделѣнія, которыя союзъ преслѣдуетъ въ нашихъ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Зейдлицъ всю историческую часть своей рѣчи строитъ на слѣдующихъ ложныхъ, но зато излюбленныхъ полуобразованными нѣмцами, положеніяхъ: нѣмцы спокони вѣка были носителями культуры среди варварскаго населенія Европы, а врагами постоянными ихъ, равно и культуры, были: гунны, турки, татары и другія монгольскія и славянскія племена. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Европы, гдѣ появлялись нѣмцы, тотчасъ же возникалъ свѣтъ, водворялась тишина и начиналась работа. Но волны варварства часто заливали культурныя нѣмецкія поля. Такъ было и въ остзейскомъ краѣ. Подъ владычествомъ нѣмцевъ возникли тамъ три цвѣтущія герцогства: Курляндія, Лифляндія и Эстляндія. Въ этихъ странахъ нѣмцы долго отбивались отъ дикихъ варваровъ русскихъ, которые своими вторженіями вносили въ край разбои, убійства, поджоги—всѣ бѣды земныя. Русскіе наконецъ одолѣли. Всѣмъ извѣстенъ гордый отвѣтъ фельдмаршала Шереметева Петру Великому, на его приказаніе опустошить весь остзейскій край: „Ваше Величество, больше ничего не осталось для опустошенія". Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ глубокаго горя и нужды все понрежнему возстановилось въ этомъ краѣ: нѣмцы были снова тутъ. На основаніи договора съ царемъ, нѣмецкое населеніе получило полную автономію и самоуправленіе и нѣмецкая культура засіяла еще въ большемъ блескѣ. Эсты и латыши—эти первоначальные обитатели края—не могли жаловаться на нѣмцевъ: за полстолѣтіе раньше чѣмъ въ Россіи мѣстное населеніе было но собственной инціативѣ нѣмецкаго дворянства освобождено отъ крѣпостной зависимости и, пройдя чрезъ барщину, оно сдѣлалось свободнымъ; во время барщины эсты и латыши были зажиточными арендаторами, теперь большинство изъ нихъ—богатые собственники. Никогда ни одинъ эстонецъ или латышъ не былъ насильственно германизованъ; насильственная германизація не лежитъ въ характерѣ нѣмцевъ, и единственно допустимой является та, которая снисходительно одаряетъ пріобщающагося нѣмецкой культурѣ нѣмецкимъ языкомъ и образованіемъ. Отношенія между нѣмцами и эстами а также латышами были наилучшія, и послѣдніе съ гордостью дозволяли своимъ дѣтямъ превращаться въ „саксонцевъ" (такую кличку восили нѣмцы на языкѣ эстонцевъ). Укрѣпившись въ своемъ краѣ, нѣмцы стали благотворить Россіи и просвѣщать ее. Было время, и это время не было худшимъ въ Россіи, когда почти всѣ высшіе посты министровъ, всѣ военноначальники, всѣ профессорскія каѳедры были заняты нѣмцами. Отличаясь всѣми возможными хорошими качествами: классическимъ образованіемъ, безпримѣрною въ Россіи любовью къ работѣ и абсолютною честностью, нѣмцы такимъ образомъ сдѣлались посредниками между цивилизованной Европой и непросвѣщенною Россіей. Все, что въ Россіи отзывается образованіемъ,—все это покоится на основахъ положенныхъ нѣмцами. Словомъ, балтійская страна—это перлъ русскаго царства (die baltischen Länder die Perle des russischen Reiches). Но варварская русская волна снова нахлынула на этотъ край. Нигилистическая и панславистическая партіи полуобразованныхъ русскихъ взяли въ послѣднее время верхъ надъ истинно-образованными русскими кружками, которые еще и до сихъ поръ благодарны нѣмцамъ за нихъ благодѣянія. Нѣмецъ объявленъ природнымъ врагомъ русскихъ, и всѣ усилія этой страшной, противонѣмецкой партіи направлены къ его уничтоженію, если не открытымъ способомъ, посредствомъ насилій и убійства, то разными подвохами. Всякія средства пускаются въ ходъ противъ честнаго нѣмца: ложные доносы, несправедливыя обвиненія, высылка административнымъ путемъ, отказъ отъ мѣстъ и уничтоженіе всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій нѣмецкой культуры. Между нѣмцами и мѣстнымъ населеніемъ бросается зажженный факелъ, отношенія обостряются и въ краѣ обнаруживаются аграрныя убійства и поджоги. Нѣмцы, напримѣръ, отличаются своимъ отвращеніемъ отъ нигилизма: русская партія, эта „камарилья", обманывающая высшее правительство, нарочно посылаетъ въ дерптскій университетъ русскихъ студентовъ-нигилистовъ и такимъ образомъ вводитъ въ край анархію. Ихъ цѣль—снова произнести гордый Шереметевскій отвѣтъ:

*) Общій капиталъ этихъ отдѣленій достигаетъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, 200.000 марокъ. Балансъ расходовъ союза въ 1891 г. опредѣляется въ 84 000 мар., изъ коихъ 54.000 израсходованы мѣстными отдѣлами.

**) На гельсингфорскую нѣмецкую школу ассигнуется ежегодно изъ суммъ шульферейна 300 мар. Есть указанія и на его заботы о нѣмецкихъ школахъ въ балтійскихъ губерніяхъ.

„больше нечего опустошать". Нѣмцы разсчитываютъ только на способность къ культурѣ и выносливость: въ этомъ одномъ ихъ спасеніе въ будущемъ. Если мы, германцы, хотимъ имъ помочь, быть для нихъ факеломъ будущаго, то мы должны постоянно обращать наши взоры между прочимъ и на Остзейскій край: тамъ герои и мученики германства"! *).

Такъ пишется нѣмецкая исторія! А между тѣмъ кому неизвѣстно, что нѣмцы были такими же насильниками въ Ливоніи и Эстоніи, какъ и въ областяхъ западнаго славянства; что подъ плащомъ миссіонера и культуртрегера въ этихъ рыцаряхъ тевтонизма скрывались инстинкты самаго грубаго эксплоататора; что и до сихъ поръ области прибалтійскія, въ лицѣ громаднаго большинства своего латышскаго и эстонскаго населенія, страдаютъ еще отъ послѣдствій этого феодально-крестоноснаго захвата! Во всякомъ случаѣ, не видно ли изъ приведенной выдержки, что шульферейвъ—по существу общество политическое, направленное главнымъ образомъ противъ славянъ и Россіи и работающее подъ знаменемъ Гогенцоллерновъ? Но если это такъ, если общество это разжигаетъ расовую ненависть и подготовляетъ для Германіи дороги то къ Финскому заливу, то къ Черному морю, то возникаетъ вопросъ: можетъ ли оно быть терпимо съ точки зрѣнія установившихся международныхъ отношеній?

Во всякомъ же случаѣ, германизаторская дѣятельность обществъ, подобныхъ союзамъ Густава-Адольфа и Школьному, должна бы и со стороны славянъ вызвать соотвѣтственную организацію для обороны своего народнаго достоянія и существованія. Въ этихъ видахъ чехи учредили уже школьную Матицу и Общество Коменскаго. Но для успѣшной борьбы съ подобными общенѣмецкими союзами необходимо учрежденіе аналогичныхъ союзовъ общеславянскихъ.

Статья В. Завитневича:

Алексѣй Стефановичъ Хомяковъ.

А. С. Хомяковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, на которыхъ, по мѣткому выраженію М. П. Погодина, „отдыхаетъ взоръ, о которыхъ сладко бываетъ думать, которые одвимъ имѣемъ своимъ доставляютъ утѣшеніе". Дѣйствительно, по силѣ природныхъ дарованій, по глубинѣ и всесторонности ихъ развитія, наконецъ по характеру нравственной личности, Хомяковъ представляетъ явленіе исключительное, во многихъ отношеніяхъ феноменальное.

По единогласному свидѣтельству современниковъ, Хомяковъ надѣленъ былъ отъ природы прежде всего изумительною памятью. Что разъ коснулось его созданія, то навсегда напечатлѣвалось въ его памяти почти съ стенографическою точностью. А. Н. Кошелевъ разсказываетъ, что однажды, въ богословскомъ спорѣ съ И. В. Кирѣевскимъ, Хомяковъ сослался на одно мѣсто въ твореніяхъ св. Кирилла Іерусалимскаго, которыя онъ читалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ библіотекѣ Троицкой лавры и которыя только тамъ и имѣлись. Кирѣевскій усомнился въ вѣрности цитаты и сказалъ Хомякову въ шутку: „Ты любишь ссылаться на такія книги, по которымъ тебя нельзя провѣрить". Хомяковъ указалъ почти страницу, 11 или 13, и мѣсто на той страницѣ (въ серединѣ), гдѣ находился сдѣланный имъ цитатъ. По наведенной справкѣ, ссылка его оказалась совершенно вѣрною. При такой памяти Хомяковъ обладалъ способностью въ непродолжительный срокъ овладѣвать самымъ сложнымъ предметомъ. Однажды онъ увидѣлъ у Кошелева на столѣ три-четыре книги, только что купленныя, и взялъ ихъ на одну ночь. На слѣдующее утро книги были возвращены; и когда послѣ, мѣсяцъ спустя, „п, говоритъ Кошелевъ, ихъ прочелъ и вздумалъ экзаменовать моего скорочтеца, то убѣдился, что онъ въ одну ночь внимательнѣе ихъ прочелъ, чѣмъ я втеченіе цѣлаго мѣсяца".

У людей, владѣющихъ большою памятью, часто слабо бываетъ развита способность къ тонкостямъ априорическаго мышленія. У Хомякова было наоборотъ: глубина анализа, высота и широта полета априорической мысли давали себя чувствовать и въ его сочиненіяхъ и особенно въ его устныхъ разговорахъ и спорахъ, гдѣ его блестящая діалектика не встрѣчала ничего себѣ равнаго. „Для А. С. Хомякова, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, разговаривать значило вести диспутъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ неукротимый боецъ". „Споръ, замѣчаетъ Погодинъ,—это была стихія Хомякова: въ спорѣ, чѣмъ онъ былъ смѣлѣе, опаснѣе, тѣмъ болѣе возбуждалась его творческая сила, и слѣдовать за нимъ, особенно когда онъ былъ, что называется, въ ударѣ, было высокое психологическое наслажденіе". Герценъ, самъ обладавшій блестящими діалектическими способностями, послѣ одного спора съ Хомяковымъ по философіи, занесъ въ свой дневникъ слѣдующую замѣтку: „Удивительный даръ логической фастинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ, вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту arrière pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность!" Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Герценъ, сравнивая Хомякова съ Ильей Муромцемъ, замѣчаетъ: „Боецъ безъ устали и отдыха, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя было,—словомъ, кого за убѣжденіе—убѣжденіе прочь, кого за логику—логика прочь". Особенно сильное впечатлѣніе производилъ Хомяковъ на слушателей, когда онъ говорилъ о предметѣ близкомъ его сердцу. „Когда, свидѣтельствуетъ Кошелевъ, онъ говорилъ о Христѣ и его ученіи, о различныхъ вѣроисповѣданіяхъ и церквахъ, и о судьбѣ христіанства

*) 25 апр. 1892 г. читалъ подобную статью „О вліяніи нѣмцевъ на русскую образованность" др. Мангеймеръ въ Ольденбургѣ. Всего забавнѣе, что этотъ нѣмецъ—раввинъ.

въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ,— тогда въ словахъ его была какая-то сила необычайная, возбуждавшая въ слушателяхъ понятіе о дѣятельности апостольской". Самъ Хомяковъ хорошо сознавалъ силу своего слова: „Изустное слово, замѣчаетъ онъ, плодотворнѣе писаннаго; оно живитъ слушающаго и еще болѣе говорящаго; чувствую, что въ разговорѣ съ людьми я и умнѣе, и сильнѣе, чѣмъ за столомъ и съ перомъ въ рукахъ. Слова, произнесенныя и слышанныя, корепистѣе словъ писанныхъ и читанныхъ.

Блестящія природныя дарованія, при сильно-развитой любознательности, дали возможность Хомякову достигнуть, какъ выражается Герценъ, „страшной эрудиціи". Важнымъ подспорьемъ ему въ этомъ случаѣ послужило превосходное знаніе языковъ. Онъ вполнѣ владѣлъ тремя новыми языками, причемъ по-англійски писалъ и говорилъ какъ настоящій англичанинъ; очень рано овладѣлъ классическими языками, такъ что, еще будучи четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, переведъ Тацитову Германію. Хомяковъ былъ также замѣчательнымъ знатокомъ санскритскаго языка, и еще въ 30-хъ г., какъ самъ сознавался А. Ѳ. Гильфердингу, онъ „читалъ и свободно изъяснялъ Ригъ-Веду, одну изъ труднѣйшихъ книгъ древнихъ индусовъ". Нашъ извѣстный санскритологъ, К. А. Коссовичъ, основаніями своего ученаго образованія считалъ себя обязаннымъ Хомякову. Мало того. Хомяковъ, скажемъ словами Гильфердинга, „независимо отъ изученія санскритскаго языка и другихъ арійскихъ вѣтвей, усвоилъ себѣ главныя основанія еврейскаго; онъ изучилъ остатки финикійскаго языка; многія страницы его великаго историческаго творенія (такъ называемой „Семирамиды") свидѣтельствуютъ, что онъ старался вникнуть въ сущность даже отдаленныхъ языковъ Азіи и Африки". Результатомъ спеціально лингвистическихъ занятій Хомякова было его „Сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими", напечатанное въ IV т. Извѣстій II Отд. Акад. Наукъ. Но это сочиненіе, по увѣренію Гильфердинга, есть лишь „малая частица того огромнаго лингвистическаго матеріала, который онъ переработалъ. Матеріалъ этотъ такъ великъ, такъ разнообразенъ, что на переработку его потребовался бы для другого человѣка усидчивый трудъ цѣлой жизни, спеціально посвященный филологическимъ изысканіямъ. У Хомякова такая работа совмѣщалась съ самою разносторонпею дѣятельностью по множеству другихъ наукъ, и грузъ лингвистическаго матеріала не водавлялъ въ этомъ дивномъ человѣкѣ живости художественнаго творчества, не заглушалъ въ немъ чуткости къ современнымъ вопросамъ общества и человѣчества... У Хомякова лингвистика была знаніемъ живымъ; онъ сознавалъ живую сторону лингвистики въ то время, когда эта наука едва начинала терять въ Европѣ характеръ пустой ученой игрушки; она тотчасъ заняла въ его созерцаніи то мѣсто, которое принадлежитъ ей въ живой связи человѣческихъ знаній; свѣтъ общей мысли животворилъ всѣ эти тысячи корней и звуковыхъ видоизмѣненій изъ всевозможныхъ языковъ, хранившіяся въ его памяти, и потому такой громадный лингвистическій матеріалъ былъ легкимъ бременемъ для его ума". Погодинъ съ восторгомъ вспоминаетъ тѣ минуты, когда Хомяковъ, одушевленный живою бесѣдою, пускался въ тонкости филологическихъ изысканій. „Слушая изслѣдованія Хомякова о происхожденіи словъ, путешествуя съ его корнями изъ глубины санскрита въ готскую Библію Ульфилы и къ славянымъ памятникамъ Кирилла и Меѳодія, преслѣдуя съ нимъ развитіе грамматическихъ формъ, перерожденіе звуковъ, по всѣмъ языкамъ индо-европейскимъ и семитическимъ, не знаешь, бывало, чему удивляться больше: проницательности ли его умственнаго взора, силѣ ли его славянской догадки, или его вдохновенному, поэтическому чутью. Онъ былъ рожденъ, казалось мнѣ тогда, замѣчаетъ Погодинъ, для филологіи, не той нищенской, что у насъ въ модѣ, а филологіи высшей, которая соприкасается съ одной стороны философіи, а съ другой— исторіи".

Благодаря такой филологической подготовкѣ, Хомяковъ имѣлъ доступъ къ плодамъ человѣческой мысли всѣхъ временъ и народовъ, а феноменальная память обусловливала легкое усвоеніе ихъ; этимъ объясняется та универсальность знаній, которую единогласно признаютъ въ немъ всѣ близко знавшіе его современники. „Хомяковъ, говоритъ Кошелевъ, интересовался всѣмъ, имѣлъ обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ человѣческаго знанія, и не было предмета, который былъ бы ему чуждъ или въ которомъ бы онъ не принималъ участія". „Во всѣхъ отрасляхъ знанія, подтверждаетъ Коссовичъ, начиная съ философіи и оканчивая механикой, въ исторіи народовъ и въ исторіи религій, въ эстетикѣ и политикѣ, въ опредѣленіи сущности христіанскихъ церквей и въ опредѣленіи сущности индо-европейскихъ языковъ, въ археологіи и юриспруденціи, но всемъ онъ совмѣщалъ полное знакомство съ выработаннымъ досель матеріаломъ, и въ то же время съ совершенною самобытностью взгляда". Погодинъ, указавъ на обширность познаній Хомякова въ области богословія, философіи, исторіи, филологіи, миѳологіи и другихъ отраслей знанія, продолжаетъ: „И въ тоже время Хомяковъ писалъ проекты объ освобожденіи крестьянъ за много лѣтъ до состоявшихся рескриптовъ, предлагалъ плавы земскихъ банковъ, или, по поводу газетныхъ извѣстій, на ту пору полученныхъ, распредѣлялъ границы американскихъ республикъ, указывалъ дорогу судамъ, искавшимъ Франклина, анализировалъ до малѣйшей подробности сраженія Наполеоновы, читалъ наизусть по цѣлымъ страницамъ изъ Шекспира, Гете или Байрона, излагалъ ученіе Эдды и буддійскую космогонію. И въ то же время Хомяковъ изобрѣтаетъ какую-то машину съ двойнымъ давленіемъ, которую посылаетъ на англійскую всемірную выставку и беретъ привиллегію; сочиняетъ какое-то ружье, которое хватаетъ дальше

всѣхъ, предлагаетъ новые способы винокуренія и сахароваренія, лѣчитъ гомеопатіей всѣ болѣзни на нѣсколько верстъ въ окружности. скачетъ по полямъ съ борзыми собаками зимней порошею за зайцами и описываетъ всѣ достоинства и недостатки собакъ и лошадей, какъ самый опытный охотникъ, получаетъ первый призъ въ обществѣ стрѣлянья въ цѣль. а ввечеру является къ намъ съ сочиненными имъ тогда же анекдотами о какомъ-то дикомъ прелатѣ, пойманномъ въ костромскихъ лѣсахъ, о ревности какого-то пермскаго исправника въ распространеніи христіанской вѣры, за которое былъ онъ представленъ къ св. Владиміру, но не могъ получить его, потому, что оказался мусульманиномъ. А извѣстія, слышанныя имъ у любезныхъ сосѣдей и сосѣдокъ .. Явился Хомяковъ, и все собраніе заливается единодушнымъ хохотомъ, у самыхъ угрюмыхъ посѣтителей разглаживаются всѣ морщины, всѣ заботы позабываются и, съ первыхъ словъ начинается споръ, споръ горячій о предметахъ первостепенной важности, или, все равно, о предметахъ самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ. Любопытнѣе всего то, что самъ Хомяковъ считалъ себя рожденнымъ для живописи, много работалъ въ этомъ направленіи и успѣлъ настолько, что въ Парижѣ получилъ заказъ написать икону для одной изъ католическихъ церквей. Онъ былъ также тонкимъ знатокомъ архитектурнаго искусства. Разсказываютъ, что одинъ, незнавшій Хомякова архитекторъ, послѣ случайной бесѣды съ нимъ, призналъ въ немъ спеціалиста въ области своей профессіи. Разносторонность эрудиціи Хомякова была настолько велика, что онъ часто обнаруживалъ спеціальныя знанія въ такихъ областяхъ, которыя, какъ казалось даже близко знавшимъ его людямъ, должны были быть ему совершенно неизвѣстны. Однажды Хомяковъ приглашенъ былъ на вечеръ къ Свербеевымъ для бесѣды съ лицомъ, только что возвратившимся съ Алеутскихъ острововъ. „Ну, другъ Хомяковъ, шутилъ надъ нимъ по пути Кошелевъ, придется тебѣ нынче послушать и помолчать". Въ началѣ вечера, дѣйствительно, Хомяковъ долго слушалъ этого заѣзжаго русскаго, распрашивалъ его подробно насчетъ Алеутскихъ острововъ, но подъ конецъ высказалъ ему по этому предмету такія свѣдѣнія и соображенія, что путешественнику, по словамъ того же Кошелева, „почти приходилось обратить оглобли и ѣхать откуда пріѣхалъ, для окончательнаго ознакомленія съ мѣстами, гдѣ онъ пробылъ уже нѣсколько лѣтъ".

Люди, измѣрявшіе способности Хомякова шаблоннымъ аршиномъ, находили невозможнымъ, чтобы въ одной головѣ совмѣщалась такая универсальность научно-обоснованнаго спеціальнаго знанія и поэтому называли его диллетантомъ. Противъ такого отзыва возсталъ еще Гильфердингъ. Дѣйствительно, Хомяковъ и диллетантизмъ—понятія несовмѣстимыя. Диллетантами въ наукѣ обыкновенно называются люди, которые, не имѣя ничему нибудь доступа къ первоисточникамъ, получаютъ свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ и поэтому вынуждены бываютъ принимать многое на вѣру. Ничего подобнаго нельзя сказать о Хомяковѣ. Человѣкъ, изучавшій руковиси, читавшій въ подлинникѣ Ригъ-Веду, переводившій Тацитову Германію, дѣлавшій открытія и усовершенствованія въ области физики и механики, анализировавшій до мельчайшихъ подробностей логику Гегеля и поразившій ее въ самомъ ея основаніи,—такой человѣкъ не могъ быть диллетантомъ. Диллетантизмъ просто противенъ былъ натурѣ Хомякова, глубокой, самобытно-оригинальной, все подвергавшей изслѣдованію и принимавшей лишь то, что въ состояніи было устоять противъ его всесокрушающей критики, что оправдывалось его строгой, неумолимой логикой. Требуя, чтобы всякое положеніе утверждалось на достаточномъ основаніи, Хомяковъ, во имя истины, не щадилъ ни враговъ, ни друзей, что для людей, привыкшихъ къ узкой партійности, казалось противорѣчіемъ. Для такого рода людей было совершенно непонятно, какимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ вчера поражать противниковъ извѣстнаго положенія, а сегодня съ тою же энергіей поражать его защитниковъ. Въ дѣйствительности же, поражая защитниковъ Хомяковъ направлялъ свои удары не противъ защищаемаго ими положенія, а противъ ихъ логики, которую онъ признавалъ несостоятельною. Его чистый какъ алмазъ умъ, его честная натура, не мирились съ ложью, въ какой бы формѣ она ни проявлялась. Былъ у Хомякова одинъ діалектическій пріемъ, который озадачивалъ даже хорошо знавшихъ его людей. Когда Хомяковъ встрѣчался съ какимъ нибудь ограниченнымъ собесѣдникомъ, противъ тупости котораго оказывались безсильными всѣ обычные пріемы его діалектики, онъ вдругъ поражалъ его какимъ нибудь замысловатымъ софизмомъ или нежиданнымъ нарадоксомъ, выраженнымъ обыкновенно въ формѣ лаконическаго афоризма. Ошеломленный противникъ раскрывалъ глаза, усиливалъ вниманіе, а между тѣмъ Хомяковъ, пользуясь минутой, открывалъ канонаду съ другой стороны и такъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока или заставлялъ своего противника согласиться съ нимъ, или приводилъ его въ полное изнеможеніе умственное и физическое. Когда однажды Кошелевъ упрекнулъ Хомякова въ томъ, что онъ прибѣгаетъ къ подобнымъ пріемамъ, Хомяковъ отвѣтилъ: „Наше общество такъ апатично, такъ сонливо и понятія его покоятся подъ такою толстою корою, что необходимо ошеломлять людей и молотомъ пробивать кору ихъ умственнаго бездѣйствія и безсмыслія".

Указанная разбросанность дѣятельности Хомякова не мѣшала ему однакожъ оказывать нѣкоторымъ наукамъ особенное вниманіе. Къ такимъ наукамъ, кромѣ филологіи, относились исторія и науки философско-богословскія.

Плодомъ его историческихъ занятій, кромѣ отдѣльныхъ статей по русской исторіи явил-

ся огромный трудъ по исторіи всеобщей, содержащій въ нынѣшнемъ изданіи свыше 1.500 страницъ и обнимающій исторію съ ея древнѣйшихъ временъ до половины среднихъ вѣковъ. Любопытны условія, при которыхъ этотъ трудъ получилъ свое начало. Хомяковъ, никогда не занимавшій профессорской каѳедры, не лишенъ былъ однакожъ слушателей, которымъ позавидовалъ бы любой профессоръ: это былъ цвѣтъ тогдашней московской интеллигенціи, собиравшейся по преимуществу у него самого, у Елагиной, Кирѣевскихъ, Свербѣевыхъ, Кошелевыхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ домахъ. Въ числѣ посѣтителей этихъ собраній было нѣсколько молодыхъ людей, которые, восторгаясь глубиною и оригинальностью взглядовъ Хомякова, постоянно преслѣдовали его просьбою записывать то, что онъ говорилъ на вечерахъ. Но Хомяковъ былъ неумолимъ, отговариваясь обыкновенно тѣмъ, что для сколько нибудь систематической работы у него не готовъ матеріалъ. Тогда эти гонители и мучители, какъ называлъ Хомяковъ своихъ почитателей, составили противъ него настоящій заговоръ, во главѣ котораго сталъ его племянникъ по женѣ, извѣстный Д. А. Валуевъ, и къ которому примкнула и сама жена Хомякова. Юный Валуевъ, несмотря на значительную разницу въ лѣтахъ, пользовался горячею привязанностью Хомякова и имѣлъ на своего старшаго друга большое вліяніе. Пользуясь этимъ вліяніемъ, Валуевъ взялъ съ него честное слово, что онъ каждый день будетъ употреблять одинъ часъ на записываніе того, что вчера говорилось имъ по исторіи или что онъ еще будетъ говорить сегодня. А чтобы положить дѣлу начало, Валуевъ приготовилъ ему тетрадь, сшилъ ее, припасъ перья и въ шутку заперъ его на ключъ въ его же собственномъ кабинетѣ на условленное время, а ключъ унесъ съ собою. Подобный пріемъ потомъ не разъ приходилось повторять Валуеву, пока наконецъ Хомяковъ не втянулся въ эту работу. Хомяковъ писалъ, но что именно онъ писалъ, это почти никому не было извѣстно. Однажды Гоголь, заставъ его за письменнымъ столомъ и заглянувъ въ тетрадку почтовой бумаги, которую другъ его покрывалъ своимъ мельчайшимъ бисернымъ почеркомъ, прочелъ тутъ имя Семирамиды. „Алексѣй Стефановичъ Семирамиду пишетъ" сказалъ онъ кому-то, и съ того времени это никому неизвѣстное сочиненіе среди друзей стало называться Семирамидой. „Семирамида" Хомякова увидѣла свѣтъ только послѣ его смерти и издана была его ученикомъ и другомъ, Гильфердингомъ, предпославшимъ самому сочиненію краткое, но цѣнное предисловіе. По своему характеру этотъ трудъ Хомякова не похожъ на тѣ исторіи, которыя обыкновенно писались раньше: это подробная схема, имѣющая цѣлью показать, „какимъ образомъ всемірная исторія должна быть написана, чтобы, во-первыхъ, жизнь всѣхъ племенъ земнаго шара была поставлена въ надлежащее соотношеніе; чтобы, во-вторыхъ, славянскому племени (которое до этого времени оставалось въ тѣни) возвращено было подобающее ему мѣсто, и чтобы, въ-третьихъ, видно было дѣйствіе тѣхъ внутреннихъ силъ, которыми обусловливался ходъ историческаго развитія разныхъ народовъ, и въ особенности главнѣйшей изъ этихъ силъ—религіи" (Гильфердингъ). Такимъ образомъ „Семирамида" Хомякова, не подходя подъ типъ обычныхъ сочиненій по исторіи, по всей справедливости можетъ быть названа философіей всемірной исторіи. Между оставленными Хомяковымъ сочиненіями настоящее служитъ лучшимъ показателемъ той громадной эрудиціи, которою обладалъ его авторъ. Къ сожалѣнію, „Семирамида" не снабжена авторомъ обычными учеными цитатами, что объясняется тѣмъ, что Хомяковъ, при чтеніи книгъ, никакихъ выписокъ и замѣтокъ не дѣлалъ, полагаясь единственно на свою феноменальную память, которая дѣйствительно почти никогда ни въ чемъ не измѣняла ему. При такомъ способѣ висанія, этотъ трудъ Хомякова, по совершенно вѣрному замѣчанію Гильфердинга, долженъ быть признанъ „чудомъ человѣческой памяти". Разбираемое сочиненіе не лишено многихъ недостатковъ, которые объясняются частію состояніемъ историческихъ наукъ въ то время, частію недостаточностью объективности и увлеченіемъ нѣкоторыми соблазнительными теоріями, бывшими въ ходу въ 30-ыхъ и 40-ыхъ годахъ. Эти недостатки не помѣшали однакожъ Гильфердингу произнести объ этомъ сочиненіи Хомякова слѣдующее сужденіе: „Книга эта, говоритъ онъ, не покажется безпристрастному читателю нынѣшняго времени устарѣлою при всемъ томъ, что ова принадлежитъ уровню науки 30-хъ и 40-хъ годовъ; ибо въ ней онъ увидитъ нѣчто такое, что навсегда остается поучительнымъ: попытку великаго ума обнять не только внѣшній ходъ, но и внутренній смыслъ развитія всего человѣчества въ его совокупности!" Любопытны требованія, предъявляемыя Хомяковымъ по отношенію къ методу историческаго изслѣдованія. Онъ одинаково осуждаетъ и чистыхъ апріористовъ, которые, увлекаясь односторонними системами и относясь съ презрѣніемъ къ фактамъ, пытаются возсоздать весь міръ изъ логическаго развитія какой-нибудь произвольной догадки,—и чистыхъ фактистовъ, которые, въ противоположность первымъ, до того боятся даже тѣни апріоризма, что едва рѣшаются сказать дважды два четыре, не повѣривъ счета своего по пальцамъ. Признавая фактъ основою историческаго знанія, требуя отъ изслѣдователя строго-критической оцѣнки факта, Хомяковъ въ то же время отстаиваетъ права мысли на свободу творчества: историкъ, по его мнѣнію, не рудокопъ, а зодчій.

Но то, въ чемъ Хомяковъ истинно великъ, это область его философско-богословскихъ изслѣдованій. Великая роль, которую взялъ на себя въ данномъ случаѣ Хомяковъ, обусловилась тѣмъ положеніемъ, въ какомъ оказалась наша старая богословская школа, въ виду требованій, предъявленныхъ новой германской философіей. Богословская наука смот-

рѣла на свою задачу такимъ образомъ. Истины христіанства, какъ религіи богооткровенной, даны въ божественномъ откровеніи. Выходя изъ этого положенія, богословы отдѣльныя положенія христіанскаго вѣроученія основывали на данныхъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія, отцовъ и учителей Церкви, постановленій вселенскихъ соборовъ и церковной практики. Что же касается разума, то въ дѣлѣ рѣшенія вопросовъ вѣры онъ признавался безсильнымъ, а поэтому ему отводилось лишь третьестепенное мѣсто. Если не имѣть въ виду случаевъ полемики, то къ услугамъ разума почти исключительно обращались только для обоснованія доказательствъ бытія Божія и безсмертія души. Но такъ какъ эти доказательства, построенныя по пріемамъ средневѣковыхъ схоластиковъ, переполнены были софизмами и паралогизмами, то отсюда естественно должно было выработаться убѣжденіе, что напр. истина бытія Божія недоказуема и что вѣрующая душа должна принимать на вѣру то, что дано въ откровеніи. Сообразно съ этимъ, философіи, ставящей своею задачею рѣшеніе общихъ вопросовъ міровой жизни, отказывалось въ самостоятельномъ значеніи: она, вслѣдъ за средневѣковыми схоластиками, трактовалась какъ ancilla theologiae. Но такое положеніе дѣлъ могло казаться нормальнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока не вторникла къ намъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ новая германская философія. Заманчивыя системы славныхъ тогда нѣмецкихъ мыслителей, возникшія на расчищенной Кантомъ почвѣ, прорвались къ намъ съ такою неудержимою силою, что въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ овладѣли всѣмъ, что только было серьезно мыслящаго въ нашемъ тогдашнемъ обществѣ, серьезно готовившемся къ реформамъ Александра II. Въ системахъ Шеллинга и Гегеля было столько видимой силы и смѣлой оригинальности, что отводить имъ служебную роль въ отношеніи къ какой бы то ни было другой системѣ казалось дерзостью. Новая философія изъ „служанки“ вдругъ стала барыней и притомъ барыней прихотливой, несговорчивой: объ названныя системы были пантеистическія, т. е. отрицавшія существованіе личнаго Бога; а съ отрицаніемъ личнаго Бога неизбѣжно отрицалась и вся христіанская система. Наша богословская наука, застигнутая врасплохъ, оказалась въ крайне затруднительномъ положеніи. Чувствовалась потребность вести борьбу на почвѣ разума, а между тѣмъ бороться при помощи старыхъ схоластическихъ пріемовъ было невозможно, потому что пріемы эти погребены были вмѣстѣ съ самой схоластикой.

Вотъ въ эту-то критическую минуту на борьбу съ героями нѣмецкой мысли и выступилъ русскій богатырь. Пріемы критики Хомякова удивительно просты и въ то же время могущественно неотразимы; они такъ не сложны, что ихъ можно изложить въ нѣсколькихъ словахъ. Кантъ, выходя изъ своего ученія о категоріяхъ, утверждалъ, что объективный міръ явленій непознаваемъ для человѣка; Фихте обличилъ своего учителя въ непослѣдовательности и категорически заявилъ, что объективный міръ явленій не только не познаваемъ, но что онъ и не существуетъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого вывода было то, что нѣмецкіе раціоналисты область своего изслѣдованія сократили на половину и предметомъ философскаго анализа поставили лишь субъективный міръ явленій, т. е. область человѣческаго духа. По этимъ дѣло не ограничилось. Вслѣдъ за этою односторонностью допущена была другая: въ самомъ субъективномъ мірѣ явленій они, вопреки Канту, взяли не всю полноту силъ духа, а лишь одинъ разсудокъ; дѣятельность же разсудка состоитъ въ томъ, что онъ орудуетъ лишь логическими понятіями, которыя суть не что иное, какъ схемы предметовъ и явленій, указывающія законы ихъ отношеній, а не самые предметы и явленія. Неудивительно послѣ этого, что когда Гегель, придерживаясь этого направленія мысли, поднялся до абсолютнаго, то это абсолютное оказалось не реально сущимъ, а лишь логическимъ понятіемъ, идеей, вывести изъ которой реальный міръ явленій не было никакой возможности. Указавъ ошибку нѣмецкаго раціонализма, Хомяковъ тутъ же указываетъ путь, которымъ ошибка эта можетъ быть исправлена. Кромѣ разсудка, человѣческому духу еще принадлежитъ воля, неоцѣненная по достоинству нѣмецкими раціоналистами. Значеніе воли, какъ познавательной способности, состоитъ между прочимъ въ слѣдующемъ. Содержаніе нашего сознанія мы обыкновенно дѣлимъ на двѣ категоріи: относительно одной изъ нихъ мы знаемъ, что она зародилась въ нашей душѣ и представляетъ не что иное, какъ различныя состоянія нашего духа; относительно другой части нашего сознанія мы знаемъ, что оно попало къ намъ извнѣ и есть не что иное, какъ отраженіе міра явленій, существующаго внѣ насъ. Воля и есть та способность духа, которая полагаетъ границу между этими двоякаго порядка явленіями, не позволяя имъ слиться въ одинъ образъ, въ одинъ фантазмъ, какъ это бываетъ у людей душевно-больныхъ. Словомъ, одну часть нашего сознанія воля опредѣляетъ какъ я и отъ меня, а другую какъ я, но не отъ меня, чѣмъ доказывается существованіе двоякаго источника, изъ котораго проистекаетъ содержаніе нашего я, или что то же – доказывается, что кромѣ субъективнаго міра явленій есть еще и міръ объективный, внѣ насъ находящійся, который имѣетъ такое же право на изслѣдованіе философствующей мысли, какъ и первый. Поставивъ такимъ образомъ философскую мысль на правильную дорогу, Хомяковъ, путемъ анализа субъективнаго и объективнаго міра явленій, поднимается до первопричины всего сущаго, которая существенно отличается отъ абсолютнаго Гегеля и которая у него называется волящій разумъ или разумная воля. Первопричину всего сущаго, какъ ее понимаетъ Хомяковъ, можно опредѣлить такимъ образомъ. Сущее есть дѣйствительное бытіе, т. е. оно не есть только отвлеченная идея,

существующая въ частномъ пониманіи, какъ продуктъ его творческой дѣятельности: сущее есть такая же реальная дѣйствительность, какъ и наше личное я, какъ и объективный міръ явленій, по отношенію къ которымъ оно является первопричиною. Сущее едино. Едино оно потому, что оно все. Сущее есть воля, т. е. оно есть начало вѣчно живое, вѣчно дѣятельное, оно есть сама жизнь, сама дѣятельность. Но воля сущаго или вѣрнѣе — сущее какъ воля не есть начало темное, стихійное; его жизнь, его дѣятельность, словомъ, всѣ его малѣйшія движенія освѣщаются внутреннимъ сознаніемъ; въ этомъ смыслѣ сущее есть сознаніе. Если же сущее есть начало единое, дѣйствующее и сознающее, то оно есть личность; но это есть личность не частная, единичная, а личность міровая, абсолютная. Сущее есть личность разумная, т. е. формы проявленія его не случайны, а носятъ на себѣ слѣды извѣстныхъ нормъ, которыя, имѣя свое основаніе въ природѣ сущаго, не могутъ стѣснять его свободы; вотъ почему сущее, будучи закономѣрно въ своихъ проявленіяхъ, въ то же время свободно.

Такъ рѣшена Хомяковымъ эта величайшая изъ философскихъ проблеммъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить громадность заслуги Хомякова въ данномъ случаѣ, необходимо сопоставить его воззрѣніе съ аналогичными воззрѣніями нѣмецкихъ философовъ. Когда критикой выяснено было, что система Гегеля есть не что иное, какъ упражненіе въ логическомъ мышленіи, что ей не достаетъ главнаго,—реальнаго субстрата, нѣмецкая философія немедленно же пустилась разыскивать такой субстратъ. И вотъ Фейербахъ наприм. объявилъ такимъ субстратомъ матерію. Но люди съ менѣе „тучными мозгами" и съ болѣе глубокою философскою мыслію требовали субстрата, который хоть сколько нибудь удовлетворялъ бы требованіямъ строго-логической критики. Удовлетворить этому требованію взялся Шопенгауеръ, объявившій началомъ всего сущаго волю. Но изъ слѣпой, неразумной воли Шопенгауера также нельзя было вывести міръ явленій, какъ и изъ логической идеи Гегеля: если послѣдней не достаетъ реальнаго субстрата, то первой не достаетъ представленій, посредствомъ которыхъ слѣпая стихійная сила могла бы перейти въ опредѣленный міръ явленій. Чтобы помочь бѣдѣ, Шопенгауеръ выдвинулъ ученіе объ идеяхъ; но это его ученіе не вытекаетъ логически изъ понятія о слѣпой волѣ и можетъ быть разсматриваемо какъ плохая заплата къ неудачно сшитому платью. На выручку своихъ земляковъ, оказавшихся не въ состояніи справиться съ столь трудною задачей, выступилъ Гартманъ. Въ своей „Философіи безсознательнаго", которая, сказать кстати, появилась десять лѣтъ спустя послѣ смерти Хомякова, Гартманъ чисто-механически соединилъ оба предшествующіе взгляда и совершенно произвольно надѣлилъ безсознательную волю представленіями. Не трудно понять, что волю, лишенную сознанія и субъективности, мы съ такимъ же правомъ можемъ надѣлить представленіями, съ какимъ о существѣ немыслящемъ можемъ говорить, что оно мыслитъ.

Изъ сказаннаго видно, какъ высоко стоитъ Хомяковъ надъ этими, несомнѣнно лучшими, германскими мыслителями.

Нужно замѣтить, что надѣленіе Хомяковымъ сущаго началами сознанія и субъективности—это не есть простой компромиссъ съ христіанскимъ ученіемъ о Богѣ: это его ученіе съ логическою принудительностію вытекаетъ изъ анализа міра явленій. Онъ въ этомъ случаѣ выходитъ изъ слѣдующаго совершенно вѣрнаго положенія. Въ первопричинѣ всего сущаго должно быть все то, что въ мірѣ явленій не можетъ быть разложимо авализомъ мысли. Сознаніе же и есть то именно простѣйшее начало, котораго и разложить нельзя на простѣйшіе элементы, и вывести нельзя изъ какого-нибудь другаго начала, вывести конечно строго-логически, а не такъ, какъ это дѣлаютъ матеріалисты, принимающіе пустыя слова за мысль и доказывающіе свои положенія путемъ аналогій, неимѣющихъ часто въ себѣ ничего аналогичнаго. Это же слѣдуетъ сказать и о субъективномъ началѣ въ сущемъ. Нѣмцы находили невозможнымъ признать абсолютное начало личнымъ потому, что субъектъ необходимо предполагаетъ существованіе объекта; если же мы признаемъ абсолютное начало въ своей первоосновѣ личнымъ, то необходимо будто бы должны будемъ признать и существованіе наряду съ нимъ и независимо отъ него, объекта; а это поведетъ къ дуализму. Нетрудно, однакожъ, понять, что этотъ выводъ страдаетъ недомысліемъ. Объектомъ для субъекта можетъ служить самъ же субъектъ, т.-е. его внутреннее содержаніе, въ чемъ каждый изъ насъ можетъ убѣдиться изъ акта самосознанія. Самосознаніе есть первичный и изначальный актъ проявленія сущаго и въ немъ заключается внутренняя жизнь послѣдняго. Мысль эта чутьемъ угадана была еще Шеллингомъ; не даромъ же Хомяковъ относился съ благоговѣніемъ именно къ этому могучему мыслителю. Однако, у Шеллинга не хватило силы воспользоваться ею, и онъ бросился въ мистицизмъ. Но то, что оказалось не подъ силу германскому великану, съ тѣмъ справился русскій богатырь. Вотъ почему, когда наши присяжные философы предлагаютъ намъ теперь возвратиться къ Шеллингу, то невольно хочется предложить вопросъ: „почему же не къ Хомякову?"

Поднявшись путемъ анализа до первопричины всего сущаго, Хомяковъ приступилъ къ уясненію его отношенія къ міру явленій. Понимая всю важность предстоящей задачи, онъ принимался за дѣло съ большою осторожностію: „иду далѣе,—пишетъ онъ,—но иду не безъ страха, зная, какъ легко, даже при кажущейся вѣрности логической, впасть въ своего рода логическій мистицизмъ, принимающій слово за мысль"... Но лишь только онъ взялся за работу, перо выпало изъ его рукъ и безпощадная смерть прекратила эту

дорогую жизнь, не позволивъ даже дописать до конца начатаго предисловія: послѣднимъ написаннымъ имъ словомъ былъ предлогъ „въ". Если принять во вниманіе, что Хомяковъ умеръ на 56-мъ году жизни, что его философская мысль находилась тогда въ апогеѣ своего расцвѣта, что Кантъ свои послѣднія философскія сочиненія выпустилъ въ свѣтъ на 69-мъ году жизни, то и безъ поясненій легко будетъ понять весь смыслъ этого печальнаго факта.

При изученіи философскихъ отрывковъ Хомякова невольно напрашивается сравненіе его мыслительнаго процесса съ такимъ же процессомъ нѣмецкихъ философовъ. Въ наукѣ вообще нѣмцы, какъ извѣстно, заявили себя способностью къ тонкой, но часто крайне узкой спеціализаціи. „Добросовѣстный юноша, пронизируетъ Хомяковъ, вступая на поприще ученаго творчества, выбираетъ или уголокъ головы человѣческой, или краюшекъ земли, или кусочекъ нарѣчія, и съ тѣхъ поръ уже читаетъ, слышитъ, видитъ только то, что прямо и непосредственно касается его предмета. Это его домашній божокъ, и бѣдный поклонникъ умираетъ, не только не понявъ человѣка, земли или языка вообще, но не понявъ и той маленькой частицы, для которой онъ пожертвовалъ всею жизнію". Нѣчто аналогичное представляютъ нѣмцы и въ области апріорическаго мышленія. Увлекшись какою-нибудь заманчивою, многообѣщающею мыслію, нѣмецъ проводитъ ее съ замѣчательною послѣдовательностью и нерѣдко доводитъ ее до поразительной глубины; но все это онъ продѣлываетъ съ удивительною односторонностію, такъ что въ концѣ концовъ онъ легко можетъ придти къ выводамъ, противорѣчащимъ самымъ элементарнымъ требованіямъ здраваго смысла. Совершенно другое явленіе представляетъ Хомяковъ. Какъ въ области науки вообще онъ не мирится съ узкою спеціализаціей, такъ и въ сферѣ апріорическаго мышленія въ частности онъ свободенъ отъ узкой односторонности. Его философская мысль течетъ широкою струею. Двигаясь впередъ, онъ постоянно осматривается по сторонамъ, опасаясь, какъ бы чего нибудь не упустить изъ виду, какъ бы, выражаясь его словами, не впасть въ мистицизмъ, не принять слова за мысль. Слѣдствіемъ такой широты и осторожности является трезвость сужденій. Это качество его мышленія особенно отчетливо выступаетъ въ его сужденіяхъ о познаніи. Указывая, напримѣръ, на то, что нашему разсудку въ явленіяхъ доступны лишь ихъ законы, онъ въ то же время утверждаетъ, что и сами явленія, разсматриваемыя съ ихъ жизненной стороны, не недоступны для нашего познанія: они познаются, но только не разсудкомъ, а полнотой силъ духа, т. е. разумомъ. Для доказательства этого положенія онъ предлагаетъ напримѣръ сравнить то знаніе свѣта, какое существуетъ у слѣпаго, съ тѣмъ знаніемъ, какое существуетъ у зрячаго: и слѣпой не лишенъ совершенно возможности заниматься изученіемъ свѣта; но въ явленіяхъ свѣта онъ, при чужой помощи, можетъ постигнуть лишь ихъ законы, тогда какъ зрячему доступно еще нѣчто другое, что недоступно для слѣпаго, именно: ему доступна самая жизненная дѣйствительность свѣта.

Философская система Хомякова незамѣтно должна была перейти въ богословскую. Установивъ отношеніе сущаго къ міру явленій, Хомяковъ долженъ былъ заняться рѣшеніемъ вопроса о появленіи въ этомъ мірѣ частной воли (человѣка) и объ отношеніи ея къ волѣ абсолютной. Тутъ естественно возникалъ вопросъ о грѣхопаденіи, объ искупленіи и объ основаніи Церкви, какъ учрежденія предназначеннаго служить дѣлу воспитанія частной воли, въ духѣ единенія съ волею абсолютною. Для рѣшенія всѣхъ этихъ существенно важныхъ вопросовъ христіанской метафизики въ сочиненіяхъ Хомякова нельзя отыскать достаточнаго количества прямыхъ указаній: всѣ эти вопросы должны были получить свое рѣшеніе въ его недоконченной системѣ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи попадающихся у него случайныхъ замѣчаній, можно получить приблизительно вѣрное представленіе о той постановкѣ, какую онъ далъ бы этимъ вопросамъ при ихъ рѣшеніи. На отношеніе Бога къ человѣку Хомяковъ смотрѣлъ какъ на тяжбу воли абсолютной съ волею частною, тяжбу, которая и составляетъ основу исторіи домостроительства Божія на землѣ. Фактически эта исторія дана въ Откровеніи и жизни Церкви; понять и уяснить ея логику—это задача философствующаго богослова. Но то, что у Хомякова получило блестящее развитіе, это его взглядъ на Церковь. Движущая сила Церкви—это любовь. Общеніе любви есть не только необходимое условіе нравственнаго совершенствованія, но и могущественное условіе познанія высшей истины: что недоступно для отдѣльной личности, то доступно для совокупности мышленій, соединенныхъ любовію. Общеніе любви создаетъ, такъ сказать, извѣстную нравственную атмосферу, которая поднимаетъ личность до такой высоты, до которой она, предоставленная самой себѣ, не въ состояніи подняться. Отсюда становится понятнымъ, почему базисомъ своего ученія о Церкви Хомяковъ поставилъ вопросъ о ея единствѣ. Церковь едина, во первыхъ, потому, что она есть единство божественной благодати, во вторыхъ—потому, что она есть единство совѣстей, соединенныхъ любовью. Такъ какъ единство Церкви покоится на основѣ чисто-нравственной, то понятно, что имъ не уничтожается свобода личности: гдѣ царитъ любовь, тамъ нѣтъ мѣста рабству, тамъ живетъ одна свобода. Отпаденіе одной или многихъ личностей отъ тѣла Церкви есть дѣло произвола, свидѣтельствующаго о недостаткѣ любви. Самый крупный историческій фактъ въ этомъ родѣ есть фактъ отпаденія отъ Церкви Рима. Сущность и смыслъ этого факта заключается не столько въ допущеніяхъ Римомъ новшествахъ, сколько въ самой возможности ихъ появленія. Возможность появленія важнѣйшихъ изъ этихъ новшествъ показываетъ, что Римъ уже давно пересталъ жить

единою жизнію съ Церковью; поэтому актъ окончательнаго разрыва съ нею есть лишь внѣшнее обнаруженіе гораздо раньше совершившагося внутренняго факта. Оторванный отъ средоточія нравственной силы, т. е. отъ Церкви, Римъ посѣшилъ замѣнить эту силу авторитетомъ произвольно выдѣленной изъ Церкви личности папы, которую надѣлилъ формально юридическими прерогативами, противными смыслу и духу Церкви. Такъ формально-юридическое начало стараго языческаго Рима, временно подавленное началомъ христіанскимъ, теперь опять восторжествовало надъ послѣднимъ; западная церковь, перестала быть институтомъ нравственнымъ, организовалась на началахъ чисто-юридическихъ и вступила въ борьбу съ государствомъ, какъ съ учрежденіемъ по духу себѣ равнымъ. Начало, выдвинутое католическою церковію, получило широкое развитіе въ протестантствѣ, гдѣ церковныя права папы перенесены на каждаго члена общины. Поставивше произволъ личности на мѣсто Церкви, протестантство авторитетъ папы замѣнило авторитетомъ буквы Свящ. Писанія. Такимъ образомъ церковное начало, или что то же—начало соборности, принципіально нарушенное въ католичествѣ, совершенно изсякло въ протестантствѣ, и послѣднее, лишившись объединяющей силы этого начала, естественно распалось на множество отдѣльныхъ сектъ. Такъ одинъ изъ крупнѣйшихъ членовъ вселенской Церкви, отдѣлившись отъ нея, лишился ея животворящей силы и разложился на свои составные элементы.

Будучи вынуждены ограничиться лишь этой краткой замѣткой о богословскомъ міровоззрѣніи Хомякова, въ заключеніе оттѣнимъ слѣдующія положенія. Хомяковъ со свойственною ему глубиною мысли понялъ, какая тѣсная, неразрывная связь существуетъ между нравственнымъ и догматическимъ ученіемъ христіанской Церкви; во вторыхъ, онъ съ очевидною наглядностью разъяснилъ смыслъ и значеніе соборности, какъ специфической особенности въ ученіи православія о Церкви; въ третьихъ онъ замѣчательно рельефно нарисовалъ намъ самый образъ Церкви, какъ нравственно-воспитательнаго учрежденія, которое, будучи правильно понято, можетъ повести личность по пути безконечнаго нравственнаго совершенствованія; наконецъ, онъ на дѣлѣ показалъ, какимъ образомъ свобода мнѣнія въ вопросахъ вѣры можетъ быть совмѣстима съ выдвинутымъ имъ же самимъ положеніемъ: „не суди Церкви, но повинуйся ей“.

Есть много людей, которые, охотно предписывая правила для другихъ, считаютъ ихъ необязательными для себя. Для Хомякова повиновеніе Церкви было дѣломъ всей его жизни. Вотъ что засвидѣтельствовалъ объ этомъ между прочимъ Кошелевъ. „Обряды церковные, и въ особенности посты, онъ (Хомяковъ) соблюдалъ строго, никогда при томъ не осуждая тѣхъ, которые въ этомъ отношеніи дѣйствовали иначе. Даже въ Парижѣ, гдѣ въ первый разъ Хомяковъ былъ въ ранней молодости, онъ сумѣлъ во весь великій постъ ни разу не оскоромиться. Онъ говорилъ, что содержитъ посты потому, что Церковь ихъ установила, что несчитаетъ себя вправѣ становиться выше ея и что дорожитъ этою связью съ народомъ. Въ церковь онъ ходилъ очень прилежно, и хотя имѣлъ привычку вставать по утрамъ поздно, часу въ 12-мъ, однако по праздникамъ не пропускалъ обѣдни и часто ходилъ даже къ заутрени. Молился онъ много и усердно, но старался этого не показывать и даже это скрывалъ. Никто и никогда не могъ упрекнуть его въ святошествѣ. Для Хомякова вѣра Христова была не доктриною и не какимъ либо установленіемъ; для него она была жизнію, всецѣло охватывавшею все его существо“.

Изъ всего сказаннаго видно, что Хомяковъ былъ мыслитель глубоко-оригинальный; эта его оригинальность обусловливалась тѣмъ, что въ рѣшеніи каждаго вопроса, подлежащаго изслѣдованію человѣческой мысли, онъ никогда ничего не хотѣлъ принимать на вѣру, а всегда и вездѣ старался доканываться до самой первоосновы знанія. Отсюда понятнымъ становится, почему Хомяковъ сталъ главою славянофильской школы: примкнуть къ направленію тогдашняго общества, раболѣпно преклонявшагося передъ авторитетомъ запада, онъ не могъ потому, что всякое рабство противно было его свободной, самобытной натурѣ. Хомяковъ презиралъ не „западъ и его гніющую цивилизацію“, какъ это въ свое время старался доказать извѣстный Боткинъ; къ западу Хомяковъ относился съ полнымъ уваженіемъ и отдавалъ, скажемъ его же словами, „вполнѣ справедливую дань удивленія его великимъ явленіямъ историческимъ, и художественнымъ, и научнымъ“ и признавалъ за нимъ право на „слово правдиваго уваженія, неомраченнаго ни осужденіемъ, ни упрекомъ“. Хомяковъ презиралъ не западъ, а раболѣпіе предъ западомъ, развивавшее легкомысліе и верхоглядство, которыя противны были его глубокой природѣ.

На вопросъ, когда Хомяковъ проникся славянофильскими убѣжденіями, приходится отвѣтить, что онъ родился славянофиломъ. Дѣйствительно, къ самой ранней порѣ его дѣтства относится нѣсколько фактовъ, служащихъ прямымъ подтвержденіемъ этого положенія. Такъ, натолкнувшись въ одной книгѣ на папскую буллу и подмѣтивъ въ ней опечатку, острый мальчикъ осаждаетъ своего учителя латинскаго языка, аббата Боанена, вопросомъ, какъ можетъ онъ признавать папу непогрѣшимымъ, когда этотъ святой отецъ дѣлаетъ ошибки правописанія. Будучи 11-ти лѣтъ, онъ скорбитъ о томъ, что не можетъ драться съ разбитымъ при Ватерлоо Наполеономъ и утѣшаетъ себя тѣмъ, что станетъ „бунтовать славянъ“. Семнадцатилѣтній Хомяковъ, воспламененный филеллинскими идеями, бѣжитъ изъ родительскаго дома съ тѣмъ, чтобы драться за грековъ и бунтовать славянъ. Возвращенный подъ родительскій кровъ, благодаря бдительности стараго дядьки, Артемія, онъ осуществляетъ эту свою мечту во время русско-турецкой войны 1828—29 гг.,

когда, служа въ бѣлорусскомъ гусарскомъ полку, отличается „холодною, блестящею храбростью“. Обнаруживая такую пылкость въ проявленіи симпатій къ угнетеннымъ единовѣрнымъ и единокровнымъ братьямъ, юный Хомяковъ совершенно иначе относится къ затѣямъ декабристовъ. Горячо доказывая, что изъ всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная, онъ въ то же время приводитъ въ бѣшенство одного изъ декабристовъ, увѣряя его, что онъ (декабристъ) „вовсе не либералъ, а предпочитаетъ только единодержавію тиранство вооруженнаго меньшинства“. И въ то же время Хомяковъ цѣлыя ночи проводитъ въ спорѣ по разнаго рода богословско-философскимъ вопросамъ и, любивая выводы нѣмецкой философіи, горячо отстаиваетъ христіанство въ его православной формѣ. А между тѣмъ пробуждающіяся силы начинаютъ зарождать въ немъ жажду дѣятельности, которая, сообразно съ богатствомъ природныхъ дарованій, ищетъ широкаго простора для своего проявленія:

Я не рожденъ быть утлою ладьею,
Забытой въ пристани, незнающей морей,
И праздной истлѣвать кормою,
Добычей гнили и червей.
Но я хочу летать надъ бурными волнами
Могучимъ кораблемъ съ дружиной боевой,
Подъ солнцемъ тропика, межъ сѣверными
льдами,
Бороться съ бездвою и дикою грозой...

Скоро эти страстные, широкіе порывы начинаютъ принимать опредѣленное направленіе и его „боевая дружина“ получаетъ опредѣленное назначеніе:

Я видѣлъ сонъ, что будто я нѣвецъ,
И подъ перомъ моимъ дышали струны,
И звуки ихъ гремѣли, какъ перуны,
Стрѣлой вонзалися во глубину сердецъ.

Такъ писалъ Хомяковъ въ 1828 году; а въ началѣ 30-хъ годовъ, онъ, появляясь въ вышеназванныхъ кружковыхъ собраніяхъ, выступаетъ уже вдохновеннымъ проповѣдникомъ тѣхъ идей, которыя легли въ основаніе ученія славянофиловъ. „Многіе изъ насъ,—говоритъ одинъ изъ членовъ этихъ собраній,—въ началѣ были ярыми западниками, и Хомяковъ почти одинъ отстаивалъ необходимость для каждаго народа самобытнаго развитія, значеніе вѣры въ человѣческомъ душевномъ и нравственномъ быту и превосходство нашей Церкви надъ ученіями католичества и протестантства“. Какъ глава и организаторъ славянофильскаго кружка, Хомяковъ буквально былъ незамѣнимъ. Однихъ нужно было поддерживать въ разъ принятомъ направленіи; въ другихъ нужно было ослаблять крайности направленія; по отношенью къ третьимъ нужно было устранять возникшія недоразумѣнія и т. д. И въ то же время необходимо было „отписываться“ по случаю возникавшихъ съ оффиціальными властями недоразумѣній и защищать эту „небольшую дружину“ отъ злостныхъ нападковъ западниковъ, никакъ не хотѣвшихъ примириться съ тою ролью, какую взяла на себя эта небольшая горсть людей. Никто не въ состояніи былъ выполнить съ такимъ успѣхомъ эту многотрудную задачу, какъ Хомяковъ. Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ качествъ, онъ нѣкоторымъ отличался еще замѣчательно кроткимъ, благодушнымъ и миролюбивымъ характеромъ. „Простота его обхожденія была очаровательна. Онъ себя цѣнилъ очень невысоко, даже черезчуръ невысоко, никогда и никому не давалъ почувствовать свое надъ нимъ превосходство и ко всѣмъ относился какъ къ существамъ вполнѣ себѣ равнымъ“. Когда кружку почему-нибудь приходилось особенно трудно, Хомяковъ ни самъ не унывалъ, ни друзьямъ своимъ не позволялъ приходить въ отчаяніе. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи его письма къ друзьямъ. Вотъ любопытныя строки изъ его письма къ Ю. О. Самарину, писанныя послѣ публичныхъ лекцій Шевырева и Грановскаго (1844 г.): „Ряды нашихъ друзей оказались необычайно рѣдкими и дружина ничтожною. Весь университетъ или почти весь (это все равно) держится другой стороны. Публика не держится покуда никого, но колыхается и должна пристать куда-нибудь. Покуда большинство глядитъ къ западу. Но это ничего не значитъ: правы будутъ тѣ, которые сильнѣе, прямѣе и постояннѣе станутъ ее пробуждать отъ ея умственной анатіи. Надобно только сохранять вполнѣ нравственное достоинство и безусловную, безстрастную чистоту во всѣхъ дѣйствіяхъ и тогда нападенія Давыдова (деканъ словесваго отдѣленія), который теперь уже сталъ насъ называть гнусными, Новосильцева (московскій вице-губернаторъ), который объявляетъ себя другомъ просвѣщенія и порядка и врагомъ славянъ и безпорядка, и даже Краевскаго, который подводитъ насъ подъ первые два пункта, обратятся намъ же въ пользу. Мы же должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы, и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и молотьи есть дѣло не только русское, но и всемірное. Эта мысль одна только можетъ дать силу и постоянство“. Въ другомъ письмѣ къ тому же Самарину онъ пишетъ: „Мнѣ кажется, намъ всѣмъ надобно быть довольно близко другъ отъ друга. Насъ слишкомъ мало, чтобы намъ расходиться по бѣлу свѣту. Еще нуженъ намъ фокусъ, въ которомъ сосредоточивалась бы наша мысль, согрѣвая взаимно другъ друга, укрѣпляя наши личныя силы и устремляя ихъ къ одному направленію. Лучинки разрозненныя горятъ да и гаснутъ: вмѣстѣ связанныя онѣ передаютъ огонь цѣлому костру“. Вообще, въ кружкѣ славянофиловъ Хомяковъ былъ, съ одной стороны, компасомъ, указывавшимъ путь этой маленькой боевой эскадрѣ, съ другой стороны—кормчимъ, спасавшимъ ее отъ бурь, скалъ и подводныхъ камней. Въ такой именно роли онъ выступаетъ какъ сотрудникъ „Русской Бесѣды“, гдѣ онъ не только сотрудничалъ въ точномъ смыслѣ слова, но и отписывался за редактора въ трудныхъ и щекотливыхъ случаяхъ и „умиротворялъ возникавшія въ средѣ ея сотрудниковъ разно-

гласія". Этою конечно видною ролью объясняется то, что стрѣлы, предназначенныя для славянофиловъ, направлялись обыкновенно по адресу Хомякова, относившагося въ большинствѣ случаевъ къ выходкамъ своихъ враговъ вполнѣ благодушно. „Глинко-контевская фаланга, пишетъ онъ Самаринну, меня такъ огласила безбожникомъ, что одна дѣвица, встрѣтившая меня случайно на вечерѣ, говорила, уходя, хозяйкѣ: „Но онъ не сказалъ ничего такого страшнаго!". Она воображала меня апокалиптическимъ драковомъ, разѣвающимъ пасть только для хулы. Въ Тулѣ я прослылъ развратникомъ. Удивительное счастье на репутацію домашнюю! Зато заграницею меня утѣшаютъ лестными эпитетами, какъ напримѣръ: „жалкій и наводящій тошноту", что вмѣстѣ взятое составляетъ довольно пріятное сочетаніе разныхъ славъ". Любопытно, что въ то время какъ интеллигенція извѣстнаго направленія надѣляла Хомякова эпитетами „безбожника" и „развратника", простой народъ, слушая его бесѣды съ раскольниками, которыя онъ велъ на всякой Святой недѣлѣ на паперти Успенскаго собора, находилъ, „чтобъ этому барину архіереемъ быть". Впрочемъ, и заграницею серьезные ученые относились къ Хомякову съ уваженіемъ. Извѣстно, что когда во время своего втораго заграничнаго путешествія онъ посѣтилъ Оксфордъ, тамошніе ученые сдѣлали ему торжественную встрѣчу и дали ему почетный обѣдъ. Причиною такого рѣдкаго вниманія гордыхъ сыновъ Альбіона къ Хомякову были конечно его брошюры о западныхъ исповѣданіяхъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ о Хомяковѣ, какъ поэтѣ. Философія и поэзія обыкновенно признаются несовмѣстимыми въ одномъ и томъ же лицѣ. Этотъ удивительный человѣкъ и въ данномъ случаѣ составляетъ счастливое исключеніе. Какъ синтезъ вѣры свободно уживался въ немъ съ анализомъ науки, такъ точно „въ немъ поэтъ не мѣшалъ философу и философъ не смущалъ поэта". И это можно сказать не въ томъ только смыслѣ, что Хомяковъ въ одно и то же время могъ и заниматься философіей и писать поэтическія произведенія; а и въ томъ, что его поэтическія произведенія, заключая въ себѣ прелесть поэзіи, въ то же время облачаютъ въ авторѣ глубокаго мыслителя. Его стихотворенія, напоминая своею силою могучій стихъ Лермонтова, а граціей—несравненную прелесть стиха Пушкина, всегда содержатъ въ себѣ какую нибудь глубокую философскую мысль. Такія напр. стихотворенія, какъ: Клинокъ, Орелъ, Ключъ, Островъ, Кіевъ, Мы родъ избранный, Не гордись передъ Бѣлградомъ, Россіи, Раскаявшейся Россіи и нѣкоторыя другія могутъ быть названы классическими въ своемъ родѣ. Почти всѣ его поэтическія произведенія представляютъ не что иное, какъ выраженіе въ поэтическихъ образахъ тѣхъ его завѣтныхъ думъ, которыя онъ всю жизнь свою проповѣдывалъ и въ устныхъ бесѣдахъ, и въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ.

Уже изъ этого бѣглаго очерка, который не претендуетъ ни на полноту, ни на особую выпуклость характеристики, видно, какая эта была оригинальная, всесторонняя, глубокая, по истинѣ великая личность. Самымъ фактомъ своего существованія Хомяковъ свидѣтельствуетъ, что народъ, способный въ важнѣйшіе моменты своего историческаго бытія выдвигать на арену жизни такихъ великановъ, хранитъ въ глубинѣ своего духа силы необъятныя и что если онъ этими силами сумѣетъ разумно воспользоваться, то смѣло можетъ разсчитывать на великое будущее.

III.

15 НОЯБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Собраніе это, посвященное чествованію 500-лѣтія со дня преставленія препод. Сергія Радонежскаго чудотворца, почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященнѣйшіе митрополиты: Іоанникій, кіевскій и галицкій и Леонтій, московскій и коломенскій, высокопреосвященный Антоній, архіепископъ финляндскій и выборгскій и преосвященный Никандръ, епископъ нарвскій, оо. архимандриты: Борисъ, ректоръ спб. духовной академіи, Питиримъ, ректоръ спб. духовной семинаріи, Арсеній, казначей Александро-Невской лавры, Прокопій, настоятель греческой церкви, сербскій посланникъ А. Васильевичъ, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и болѣе 700 посторонннихъ посѣтителей.

Предъ началомъ засѣданія хоромъ А. А. Архангельскаго былъ пропѣтъ тропарь препод. Сергію.

За тѣмъ, г. предсѣдатель, предоставивъ почетное предсѣдательство высокопреосвященнѣйшему Іоаннікію, митрополиту кіевскому, съ благословенія маститаго архимандрита, обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

„Съ благословенія его высокопреосвященства, высокопреосвященнѣйшаго Іоаннікія, объявляю собраніе открытымъ.

Милостивѣйшіе архипастыри и отцы,
милостивые государыни и государи.

На моей обязанности лежитъ выяснить, почему члены Славянскаго Общества только сегодня собрались чествовать 500-лѣтіе со дня блаженной кончины препод. Сергія, тогда какъ еще въ концѣ сентября мѣсяца происходило чествованіе памяти радонежскаго чудотворца многознаменательными торжествами и въ первопрестольной Москвѣ и въ историческихъ стѣнахъ Троицкой лавры, и здѣсь

въ Петербургѣ, и вездѣ, по всему широкому простору земли русской.

Въ Москвѣ и въ Сергіевой лаврѣ торжества эти были необыкновенно величавы и внушительны, въ особенности же крестопосное шествіе изъ кремлевскихъ соборовъ къ гробу преподобнаго.

Отчего же, спросите вы, наше Общество не принимало непосредственнаго участія въ сентябрьскихъ торжествахъ?

Чествовало же Общество и 1000-лѣтіе со дня блаженной кончины св. Меѳодія, Просвѣтителя славянъ, и 900-лѣтіе крещенія Руси при св. Владимірѣ.

На этотъ вопросъ я отвѣчу вамъ небольшою справкою:

Еще въ мартѣ 1890 г. Совѣтъ нашего Общества, въ виду приближавшагося 500-лѣтія со дня кончины великаго русскаго подвижника, въ одномъ изъ своихъ засѣданій постановилъ: принять самое дѣятельное участіе въ чествованіи 500-лѣтней годовщины преставленія св. Сергія и для сего предполагалъ ходатайствовать: I) о повсемѣстномъ празднованіи русскою Церковью 500-лѣтія со дня его кончины: наканунѣ 25 сентября—всенощнымъ бдѣніемъ, а въ самый день чествованія—божественною литургіею и торжественнымъ молебномъ, съ совершеніемъ крестныхъ ходовъ, II) о томъ, чтобы празднованіе 500-лѣтія со дня кончины св. Сергія было пріурочено къ 25 сентября и III) о разрѣшеніи, ради обновленія въ сознаніи русскаго народа памяти о святыхъ подвигахъ Радонежскаго чудотворца, изданія общедоступнаго жизнеописанія св. Сергія, какъ для безплатной раздачи православному народу, такъ и для продажи по возможно дешевой цѣнѣ.

Своевременнаго разрѣшенія на приведеніе этихъ предположеній Совѣта въ исполненіе, однако, не послѣдовало и только пастырское посланіе высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, митрополита московскаго, удостоившаго наше собраніе своимъ посѣщеніемъ, положило конецъ колебаніямъ.

Между тѣмъ времени достойно приготовиться къ празднованію оставалось недостаточно, да и члены Общества въ концѣ лѣта почти всѣ находились въ отсутствіи, а потому Совѣтъ и постановилъ посвятить чествованію памяти св. Сергія первое осеннее общее собраніе.

Вотъ почему, глубоко чтя церковные и народные подвиги великаго подвижника земли русской, мы собрались здѣсь, въ своей семьѣ, для чествованія прошедшаго праздника.

Пусть же чествованіе наше будетъ хотя бы самымъ слабымъ отголоскомъ торжественныхъ празднествъ московскихъ.

Въ сегодняшнемъ собраніи памяти св. Сергія будутъ посвящены слѣдующія рѣчи:

1) Отецъ Философъ Орнатскій произнесетъ рѣчь: „О воспитательномъ значеніи преподобнаго Сергія“.

2) Отецъ Сергій Соллертинскій разскажетъ намъ: „О значеніи св. Сергія въ исторической жизни русскаго народа“.

За тѣмъ, послѣ небольшого перерыва, намъ сочлевъ Ѳ. М. Истоминъ прочитаетъ прекраснѣйшую рѣчь московскаго проф. В. І. Ключевскаго, произнесенную имъ 26 сентября, въ память преподобнаго, на торжественномъ актѣ московской духовной академіи“.

Послѣ этого заявленія о. Ф. Орнатскій произнесъ слѣдующую рѣчь:

Воспитательное значеніе преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Славянское Общество, являясь выразителемъ братства русскаго народа со всѣми славянскими народами, кромѣ своей благотворительности братьямъ-славянамъ, имѣетъ еще своею цѣлію, такъ сказать, будить сознаніе славянъ въ духѣ идеи кирилло-меѳодіевской,—въ духѣ братства и единенія по крови, языку и вѣрѣ славянскихъ народовъ, имѣя въ виду конечную цѣль всеславянскаго духовно-нравственнаго единенія, такъ прекрасно выраженную нашимъ поэтомъ въ словахъ: чтобы славянскіе ручьи слились въ одномъ славянскомъ морѣ. Праздники кирилло-меѳодіевскіе, торжество свято-владимірское по поводу 900-лѣтія крещенія Руси, чествованіе славянскихъ дѣятелей, все это—торжественныя заявленія Славянскаго Общества о цѣляхъ и задачахъ славянства, его радостяхъ и страданіяхъ, его подвижникахъ и герояхъ въ интересахъ пробужденія славянскаго самосознанія и самобытности. Къ числу этихъ торжествъ надо отнести и нынѣшній праздникъ въ честь и память св. преподобнаго отца нашего Сергія, игумена радонежскаго и всея Россіи чудотворца. Если свв. Кириллъ и Меѳодій суть Просвѣтители общеславянскіе, а св. Владиміръ крестилъ Русь, то св. Сергій представляетъ собою на нивѣ христіанства славяно-русскаго, православнаго столь прекрасный, пышный и благоухающій цвѣтокъ, что помнить и напоминать о немъ важно и въ интересахъ Славянскаго Общества. Смотрите, братья славяне, какіе люди выростаютъ подъ сѣнію св. Церкви на почвѣ христіанства православнаго, свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ завѣщаннаго всѣмъ славянамъ, а св. Владиміромъ—Россіи. Св. Сергій—великій образецъ славянина, русскаго человѣка—христіанина, ибо въ немъ отражаются, насколько возможно для человѣка, совершенства души Того, о комъ сказано: „се, человѣкъ“,—истиннаго Сына человѣческаго. Чтобы обратить вниманіе достопочтеннаго собранія на высоко-воспитательное значеніе св. Сергія, мы и приглашены сюда сегодня.

Св. Сергій – русскій православный человѣкъ и, прежде всего, родинѣ служитъ онъ молитвою, ходатайствомъ предъ Богомъ, урокомъ и примѣромъ. Чему же можемъ мы поучиться у него при условіяхъ современной жизни? Мы переживаемъ несомнѣнно важный моментъ въ исторіи нашей родины,—моментъ пробужденія самосознанія и самоуваженія, моментъ возврата къ истиннымъ сокровищамъ, таящимся въ нѣдрахъ русскаго народа: въ его вѣрѣ православной, въ воспитаніи подъ живительнымъ воздѣйствіемъ Церкви, въ родномъ языкѣ, наукѣ и искусствѣ и всемъ ин-

рокомъ и разнообразіемъ народнымъ геніе. Когда русскій народъ живе́е сталъ сознавать свое могучее „я", при живомъ отреченіи отъ себя, по смыслу завѣта Христова—„отвергнись себя", тогда стало просыпаться и самосознаніе другихъ славянскихъ народовъ, породившее изъ себя вотъ эту идею „всеславянскаго духовно-нравственнаго" единенія, которой служитъ Славянское Общество. Внутри Россіи оживилась дѣятельность миссіонерская какъ внутренняя, такъ и внѣшняя.— школа поставлена въ болѣе тѣсную связь съ Церковью, идея трезвости завоевываетъ все большія симпатіи, принимаются мѣры къ упорядоченію народной жизни на началахъ церковныхъ. Но въ школѣ нашей, не говоря о другихъ родахъ дѣятельности, все еще замѣтны колебанія и разногласія о томъ, учить ли, или воспитывать, какъ и чему учить, какъ поставить современное хилое въ нравственномъ отношеніи, слабовольное, нервное дитя въ такія условія въ семьѣ и школѣ, чтобы воспитывать изъ него человѣка вѣрующаго, православнаго, русскаго, самоотверженнаго слугу Царю и родинѣ. На этотъ вопросъ, отъ твердаго и правильнаго разрѣшенія котораго зависитъ воспитаніе новаго поколѣнія русскихъ людей, отвѣчаетъ намъ не словомъ, а всѣмъ примѣромъ своей жизни св. Сергій.

Въ благочестивой семьѣ бояръ ростовскихъ XIV в. Кирилла и Маріи намъ, жителямъ конца XIX в., есть чему поучиться еще до появленія на свѣтъ Божій великаго сына ихъ, во св. крещеніи Варѳоломея. По сказанію житія св. угодника Божія, его благочестивая мать, до рожденія его предувѣдомленная о сынѣ, что онъ будетъ служителемъ св. Троицы, сдѣлалась всобыкновенно внимательною къ своему состоянію. Ожидая въ сынѣ своемъ будущаго подвижника благочестія и воздержанія, она и сама тщательно сохраняла свою душу и тѣло въ чистотѣ; всегда усердная молитвенница, она особенно возлюбила теперь молитву. О Богомладенцѣ Іисусѣ Христѣ св. Лука повѣствуетъ кратко, что благодать Божія была на Немъ. Понимала и мать Сергіева значеніе благодати Божіей для своего дитяти и привлекала на него сію благодать и своею чистотою, и воздержаніемъ, и молитвою. И точно—сына благодати Божіей родила она. По сказанію жизнеописателя, младенецъ Варѳоломей не вкушалъ молока матери, когда она пресыщалась, и вовсе оставался безъ пищи по средамъ и пятницамъ; также и молока чужой матери не бралъ въ ротъ. Какой урокъ облагодатствованнаго младенца, хотя и не разумѣющаго еще и не говорящаго, и его матери, и матерямъ послѣдующаго времени! Соблюдать чистоту духа и тѣла, воздержаніе и постъ съ молитвою, какъ въ періодъ чревоношенія, такъ и кормленія ребенка, и отнюдь не освобождать себя отъ естественной обязанности кормить свое дитя, — вотъ уроки матерямъ изъ младенческаго періода жизни благодатнаго Варѳоломея, будущаго великаго Сергія.

Возрастъ отроческій есть время пробужденія сознанія въ ребенкѣ и вмѣстѣ — время для начала ученія книжнаго. И Варѳоломей семи лѣтъ началъ учиться, но грамота не давалась ему: мальчикъ былъ не способенъ къ ученію, подвергался наказаніямъ, отставалъ отъ другихъ и скорбѣлъ душею самъ о своихъ неуспѣхахъ. Помощь пришла благодатному отроку оттуда, откуда исходитъ всякое даяніе благо. Извѣстно всѣмъ трогательное свиданіе Варѳоломея съ невѣдомымъ старцемъ, который, по просьбѣ отрока, сначала помолился о немъ, потомъ благословилъ его и отдѣлилъ частію просфоры, предсказавъ ему быстрый успѣхъ въ ученьи. Эта трогательная исторія, въ которой юный Варѳоломей сопричастъ качествами своего сердца съ дивнымъ незнакомцемъ, ибо, тронутый его любовію, зоветъ его въ домъ свой, говоря: „такихъ, какъ ты, отче, любятъ мои родители", — должна быть извѣстна всѣмъ родителямъ и дѣтямъ. Здѣсь и способныя и неспособныя дѣти могутъ видѣть, гдѣ искать имъ успѣха въ занятіяхъ: въ благодати Божіей, которая пріобрѣтается довѣріемъ къ священнику и молитвеннымъ общеніемъ съ нимъ, благодатною помощью его молитвы и благословенія. И до перемѣны, происшедшей послѣ сего съ Варѳоломеемъ, отличался онъ благочестіемъ: но теперь участіе въ богослуженіи, чтеніе священнаго Писанія и душеспасительныхъ книгъ, казалось, изнурительный постъ—сдѣлались излюбленными его занятіями. И ни опасеніе за свое здоровье, ни предостереженія и просьбы чадолюбивой матери не могли заставить его измѣнить свой образъ жизни въ Богѣ и для Бога. Какъ бы поучительно и нашимъ нынѣшнимъ не въ мѣру чадолюбивымъ матерямъ, иногда излишне унитывающимъ своихъ дѣтей, прочитывать отвѣты Сергія своей матери, скорбѣвшей по поводу строгаго воздержанія, какъ казалось, вреднаго для здоровья сына!

Объ Іисусѣ Христѣ сказано въ Евангеліи отъ Луки, что послѣ возвращенія Іисуса изъ Іерусалима, когда Ему было 12 лѣтъ, Онъ былъ въ повиновеніи у нихъ. Послушаніе родителямъ и вообще старшимъ есть лучшее украшеніе бурной, мятежной юности. Отрокъ Варѳоломей, въ дѣтствѣ отданъ свое сердце водительству благодати Божіей, рано обезпечилъ себя отъ соблазновъ, престкновеній и паденій юности. Игры отроческія и юношескія не занимали его, ибо сердце его постоянно занято было богомысліемъ и молитвою; общества товарищей и сверстниковъ онъ избѣгалъ ради излюбленнаго имъ уединенія, а удовольствія юности не могли замѣнить ему сухоленія. Но часто и добрые порывы юности приводятъ къ недоброму концу. Былъ и у Варѳоломея такой преждевременный порывъ къ принятію сана иноческаго. Не разъ просилъ онъ родителей своихъ, чтобы позволили ему отъ невраздъ и насилій людскихъ уйти въ монастырь; но не презрѣлъ онъ воли родителей, удерживавшихъ его отъ сего рѣшительнаго шага до ихъ смерти, повиновался имъ. Только послѣ смерти ихъ, на 21 году, юноша Варѳоломей принимаетъ иночество и

такимъ образомъ полагаетъ начало величію и славѣ Сергія.

Итакъ, св. Сергій—монахъ. Излюбленное и пламенное желаніе его переходитъ въ дѣло. Шумный міръ мѣняется на пустыню, воля отсѣкается, постъ добровольный дѣлается обѣтомъ званія, вся жизнь обращается въ одинъ продолжительный, непрестанный подвигъ молитвы. „Я“ Сергіево похоронено, остался Богъ, прославляемый въ людяхъ и чрезъ людей: Сергій весь въ Богѣ и для Бога. Но онъ—монахъ. Въ глазахъ людей вѣка сего это умаляетъ его достоинства. Монашество—исключительное состояніе, это-де эгоизмъ во имя Бога, признаніе своей немощи покорить міръ, оставаясь въ мірѣ. Вотъ, если бы онъ оставался въ мірѣ и поспѣлъ на высоту христіанскихъ добродѣтелей, онъ былъ бы образцомъ для мірянъ, своимъ для всѣхъ человѣкомъ. Въ такихъ приблизительно словахъ говорятъ люди вѣка сего противъ монашества, даже Сергіева, того самоотверженнаго и подвижническаго пустынножитія, какимъ оно было въ пустынѣ и обители радонежской. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробный разборъ и опроверженіе мнѣній противъ монашества. Онѣ сами себя опровергаютъ въ жизни Сергія. Вѣдь монашество не заключается только въ клобукѣ, черной рясѣ и перемѣнѣ имени, оно не есть исключительно затворъ въ монастырѣ и отреченіе отъ мірскихъ дѣлъ и занятій... Это—только внѣшность жизни и поведенія монашескаго. Существо же и, такъ сказать, душу монашества составляетъ полное осуществленіе общехристіанскихъ началъ, проповѣданныхъ Законоположникомъ нашей вѣры. Это, прежде всего, та вѣра живая и крѣпкая, предъ которою все исчезаетъ, какъ маловажное, остается только Богъ всемогущій и всевѣдущій и Его благая и святая воля, какъ единое на потребу, какъ исчерпывающее собою все, что человѣку—христіанину надо знать и исполнять. Отсюда-то вытекаютъ прочія добродѣтели иночества: отреченіе отъ всего, что въ мірѣ связываетъ и стѣсняетъ человѣка и отъ самой семьи; презрѣніе къ тлѣнному и скоропреходящему—для простора и возвышенія духовнаго; упорная и ожесточенная борьба со страстями и жизнь, вся, по сознанію долга христіанскаго, отданная на служеніе меньшей братіи во Христѣ. Если мы и въ школѣ и въ жизни изыскиваемъ обстоятельства, при которыхъ бы человѣкъ могъ наилучше исполнить свой долгъ, то монашество не только не должно быть нами хулимо и отрицаемо, но всячески поддерживаемо и возвышаемо. Ибо въ православіи оно никогда не переживетъ себя, но и въ ближайшемъ будущемъ, какъ и всегда, должно принести міру истинныя сокровища вѣры, молитвы, самоотверженія, плоды духа,—сокровища, которыми стоитъ міръ. Впрочемъ, отъ общихъ разсужденій обратимся къ доблестямъ монаха Сергія,—къ доблестямъ не единичнымъ, но типичнымъ для истиннаго монашества.

Итакъ, кто, не монахъ, способенъ, какъ онъ, оставить людей, покой и безпечность мірскую, чтобы пойти въ пустыню, своими руками рубить лѣсъ, строить церквицу, келлію, подвергаться и мразу и зною, голоду и худости въ одеждѣ, всѣмъ страхамъ и ужасамъ—видимымъ и невидимымъ? Кто, какъ онъ, истинный представитель монашества, можетъ и во дни изобилія во всемъ воздерживаться и въ нищѣ и въ питьѣ, и такъ усердно работать на другихъ, какъ бы былъ самый послѣдній нищій? Кто изъ начальниковъ въ мірѣ способенъ, какъ Сергій, за кусокъ гнилаго хлѣба сработать своему подчиненному сѣни, лишь бы не просить хлѣба даромъ и не измѣнить слову апостольскому: „нуждамъ моимъ и братіи послужили руки мои сіи“... Кто, какъ онъ, основатель и любовію и руками своими обители радонежской, способенъ оставить дѣло рукъ своихъ изъ-за одного неправаго слова недовольства брата его Стефана противъ него и уйти изъ обители, впрочемъ, по милости Божіей, для того чтобы неожиданно для самого себя положить начало новой обители на Киржачѣ? Кто, какъ Сергій, въ мірѣ показываетъ свое превосходство и первенство не превозношеніемъ и всѣми внѣшними признаками своего величія и могущества, а тѣмъ, что является послѣднимъ и въ трудѣ, и въ обращеніи съ другими? Только Сергій, по сознанію своего смиренія, можетъ отказываться отъ начальствованія въ своей обители, отъ золотого креста, дара любви святительской, отъ высокаго служенія въ санѣ митрополита всероссійскаго, и это тогда, когда онъ былъ уже другомъ святителей, совѣтникомъ князей, на коего народъ взиралъ какъ на своего заступника и ходатая предъ Богомъ и людьми.

Но, скажутъ, всѣ эти доблести смиренія и самоотреченія суть доблести исключительнаго званія и положенія. Жизненный примѣръ св. Сергія не безмолвенъ и на это слово. Шумный и бурный міръ цѣнитъ только, какъ говорятъ, кипучую дѣятельность. Скромный самъ по себѣ трудъ иноческій, чередуемый молитвою, не обращаетъ на себя общественнаго вниманія. По отъ этого молитва иноческая, обнимающая собою весь міръ съ его бурями, страстями и волненіями, не теряетъ ни цѣны, ни достоинства. Часто и кипучая дѣятельность даетъ отрицательные результаты, а молитва святыхъ, ихъ авторитетъ и вліяніе то незамѣтно, то явно порождаютъ цѣлыя событія. Это и понятно: кипучая дѣятельность можетъ ставить себѣ ложную цѣль и употреблять незаконныя средства, а молитва святыхъ доходитъ до Бога, послушающаго вѣрныхъ своихъ, и совершающаго по молитвѣ ихъ. Сергій—монахъ, да! Но онъ и общественный дѣятель, государственный человѣкъ. Такимъ онъ является во дни самаго тяжелаго положенія нашей родины, но блестящаго развитія его благодатныхъ силъ.

Извѣстно положеніе нашей родины въ XIV в., получившей свой титулъ „многострадальной“ именно изъ того времени. Полуторавѣковое рабство дикой ордѣ татарской наложило мрачную печать на свѣтлый нравственный обликъ народа русскаго. Хитрость, обманъ,

коварство, отсутствіе довѣрія другъ къ другу, дикіе обычаи, при поголовномъ невѣжествѣ и широкомъ распространеніи суевѣрій—все это было естественнымъ плодомъ постоянныхъ опасеній со стороны нашихъ предковъ за свою жизнь и благосостояніе. Вставала великая задача предъ глазами духовной и свѣтской власти—перевоспитать народъ, вложить въ него новый духъ и новое сердце, дать народной жизни иное направленіе, болѣе согласное съ требованіями христіанской православной религіи. Но можно ли было сознательно, широко и твердо ставить эту задачу руководителямъ жизнію того времени, при современномъ тяжеломъ политическомъ состояніи? Правда, уже прочно завязанъ былъ узелъ той исторической верви, которою Русь должна была быть стянута къ ея центру—Москвѣ. Но единодержавіе московскаго князя не было ни признано всѣми, ни упрочено. Напротивъ, то смуты, причиняемыя нашествіемъ татаръ, то надежды на помощь ихъ и литовцевъ побуждали удѣльныхъ князей возставать противъ московскаго князя, отстаивая свою независимость. Сама собою обозначалась нужда времени—сплотить князей русскихъ воедино, возглавить ихъ московскимъ княземъ и дружно грянуть на постылаго вѣковаго врага—татарина. Всякому русскому, интересующемуся судьбами отечества, извѣстно участіе во всѣхъ этихъ событіяхъ молитвенника русской земли, игумена радонежскаго. Другъ св. и великаго святителя московскаго Алексія, по его порученію, св. Сергій ходилъ въ Нижній-Новгородъ, чтобы смирить князя Бориса Константиновича, не признававшаго власти князя московскаго; онъ же умиротворилъ Олега рязанскаго съ вел. кн. Димитріемъ. Помогая объединенію и миру князей, св. Сергій молилъ Бога и о спасеніи родной земли отъ ига татарскаго. Кто не знаетъ трогательнаго напутствія, которымъ св. Сергій сопровождалъ героя донского на бой съ Мамаемъ,—двухъ иноковъ его обители, данныхъ Димитрію въ ручательство побѣды,—его молитвенной поддержки православнаго воинства и его предводителя въ рѣшительный часъ предъ сраженіемъ. Чтобы знать, сколь сильное дѣйствіе производило на народъ благословеніе Сергіево, надо вспомнить, какъ испугался Олегъ рязанскій,—не принявшій участія въ Куликовомъ побоищѣ, когда узналъ, что вел. князь получилъ благословеніе на бой съ Мамаемъ отъ игумена радонежскаго. Побѣда на Куликовомъ полѣ была началомъ освобожденія русскихъ отъ ига татарскаго, и это начало положено съ благословенія св. Сергія. Съ его благословенія и утвержденія положено также начало новому порядку русскаго престолонаслѣдія, и доселѣ существующему въ качествѣ основнаго закона русской имперіи, ибо Сергіевою подписью скрѣплено завѣщаніе Димитрія Донского о томъ, между прочимъ, чтобы престолъ велико-княжескій наслѣдовалъ послѣ отца не старшій въ родѣ, а старшій сынъ. Такъ смиренный инокъ, искатель пустыни и уединенія, разнообразно навсегда запечалъ свое имя на скрижаляхъ ея исторіи, какъ великій общественный дѣятель: примиритель князей, стоятель за московское единодержавіе, скрѣпившій русское самодержавіе, страхъ и гроза враговъ отечества..

Тому же дѣлу упроченія московскаго единодержавія преподобный Сергій помогалъ и другими, составлявшими задачу всей его жизни, средствами. Основавъ славную обитель близъ Москвы, чрезъ нее онъ привлекалъ общія симпатіи и къ сердцу Россіи; а равнымъ образомъ ученики его разносили эти симпатіи къ Москвѣ далеко за предѣлы великаго княжества. Въ этихъ то обителяхъ духа и вѣры Сергіевыхъ стало осуществляться дѣло перевоспитанія русскаго народа въ царствіе Божіе. Образцомъ для всѣхъ ихъ служила обитель Сергіева. Великій подвижникъ, въ себѣ самомъ познавшій слабости и достоинства человѣка, былъ истиннымъ аввою своимъ ученикамъ, учителемъ и примѣромъ—для всѣхъ, приходившихъ въ его обитель, мѣсто селенія славы Божіей, небо—на землѣ. Св. пророкъ Исаія, изображая царствіе Божіе, говорилъ словами Господа: „волкъ и агненокъ будутъ пастись вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому: они не будутъ причинять зла и вреда на всей св. горѣ Моей" (Ис. LXV, 25). Нѣчто подобное видимъ въ пустынѣ Сергіевой: дикій страшный медвѣдь смирно лежитъ у ногъ Сергія, принимая пищу изъ его рукъ; Сергій пророчествуетъ, прозираетъ въ будущее, творитъ чудеса; Сама Пресвятая Богородица, въ сопровожденіи апостоловъ Петра и Іоанна, посѣщаетъ его; враги спасенія—демоны страшатся пустынножителя и повинуются ему. Но какъ и свв. апостоламъ, и Сергію сказалъ бы Господь: не радуйся, что бѣсы тебѣ повинуются, напаче радуйся, что имя твое написано на небесахъ. Да, крупными, золотыми буквами написано имя св. Сергія на небеси, а оттуда переписано на чтимыхъ народомъ иконахъ игумена радонежскаго, въ многочисленныхъ храмахъ во имя его, въ сердцахъ многочисленныхъ поколѣній русскихъ людей. И идутъ они изъ года въ годъ тысячами, а во дни нарочитыхъ чествованій великаго угодника, какъ было нынѣ, десятками тысячъ, къ Сергію, чтобы помолиться у гроба его, напитаться духомъ его, поучиться кротости, смиренію, воздержанію, любви къ Церкви Божіей и святой родинѣ. И удивляются всѣ бывающіе у Сергія, какъ это тамъ, гдѣ была пустыня, образовалась великая обитель,—гдѣ горѣла лучина, теплятся тысячи лампадъ и свѣчей,—гдѣ служили въ крашенинныхъ ризахъ, тамъ церковныя ризы золотой парчи,—гдѣ было вообще, по словамъ очевидца, худество и нищетно и сиротинско, тамъ во всемъ обиліе и богатство. И вспоминаютъ Бога всемогущаго, Иже рече и бысть, повелѣ и создашася. И славятъ Единаго Бога во святой Троицѣ, дивнаго во святыхъ Своихъ. А къ угоднику Божію взываютъ, восклицая сердцемъ и устами: „преподобне отче Сергіе, моли Бога о насъ.."

Рѣчь о. Ф. Орнатскаго была покрыта громкими рукоплесканіями.

Послѣ рѣчи, хоръ А. А. Архангельскаго исполнилъ концертъ Бортнянскаго: „Блажени людіе".

Вслѣдъ за симъ, проф. о. С. А. Соллертинскій произнесъ слѣдующую рѣчь:

Памяти препод. Сергія Радонежскаго.

Высоконреосвященнѣйшіе и преосвященнѣйшіе архипастыри, мм. государи и государыни!

Не только Славянское Общество, а и родникъ его—славянофильское воззрѣніе существуютъ недавно. Но тѣ великія идеи, которыя даютъ тому и другому основу, отличіе и точное руководительство, можно сказать, на каждомъ шагу—эти великія идеи православія, самодержавія и народности оживотворяли и плѣняли русскую душу съ едва запамятной древности. И одинъ изъ неподражаемо полныхъ служителей ихъ есть святитель Сергій Радонежскій—подвижникъ и чудотворецъ. Что онъ служилъ православію, за это говоритъ вся его жизнь, и несмотря на свою почти 80-лѣтнюю продолжительность, несмотря на свое разнообразное содержаніе, съ этой точки зрѣнія она представляетъ собою какъ бы одинъ только фактъ. Что касается до самодержавія, то это можетъ быть единственное юридическое дѣло, готовность къ которому обнаружилъ пустынникъ-аскетъ, закрѣпивши своимъ подписомъ первый закладной камень того строенія, которое окончилось народнымъ призваніемъ Михаила Ѳеодоровича, чтобы засимъ быть вѣковѣчной формой и силой всероссійскаго государства. Наконецъ, для того, чтобы полно представить себѣ, какъ глубоко онъ жилъ интересами роднаго ему народа, достаточно войти въ то состояніе, по которому онъ стоитъ въ своемъ монастырѣ предъ Богомъ и весь—молитва; но въ тоже самое время онъ какъ бы на Куликовомъ полѣ; онъ скорбно тревожится, напрягаетъ свое оружіе съ Мамаемъ—молитву до послѣдняго посильнаго напряженія; и затѣмъ, когда *тамъ* переломъ совершился, въ этотъ моментъ и онъ успокояется и благодаритъ Бога за дарованную побѣду, какъ будто получилъ нарочитое удостовѣреніе, или извѣщеніе объ этомъ *).

Когда эти великія идеи представляются уму нашему, именно какъ идеи, тогда наша задача заключается въ томъ, чтобы безъошибочно понять каждую изъ нихъ порознь, за симъ совмѣстить ихъ такъ, чтобы они непринужденно уживались между собою и помогали другъ другу взаимно. Когда же уму нашему они представляются въ готовомъ воплощеніи, въ живомъ образѣ историческаго лица, въ которомъ они жили и полно, и согласно, и плодотворно, тогда мы спрашиваемъ и опредѣляемъ: что же собственно они сдѣлали, чего достигли въ этомъ славномъ своемъ служителѣ. И такъ какъ нѣтъ ни одного человѣка, ни одного пустынника, на котораго бы совсѣмъ не вліяли историческія обстоятельства и условія его времени; поэтому безспорно, что дѣло, совершенное преподобнымъ Сергіемъ, непремѣнно стоитъ въ такой или другой связи съ тѣмъ бѣдствіемъ монгольскаго нашествія, которое охватило всю Русь его времени. Истребляя и разрушая все, что встрѣчалось имъ на пути, татары въ конецъ разрушили и ту колыбель, въ которой Русь приняла христіанство и получила основы государственности. Ни Кіева, какъ великокняжескаго города, ни церквей, ни святынь Кіевопечерскаго монастыря, собственно говоря, не стало. А съ этимъ самымъ не стало и центра для южно-русскаго, кіевскаго періода, который переживала Русь въ то время. Возникъ вопросъ: должно-ли возозндаться ему заново, или уступить мѣсто другому періоду, другому центру россійскаго государства, а его слѣдуетъ считать за такой, который не требуется настойчиво и безотложно природными особенностями и призваніемъ русскаго народа, поэтому не только безъ ущерба замѣняется другимъ, но сегодня или завтра, по случаю татарскаго нашествія, или по какому-нибудь другому, а все долженъ будетъ отойти въ область исторіи. Само собою разумѣется, что рѣшеніе этого вопроса въ ту или другую сторону должно было создать неисчислимыя послѣдствія, значеніе которыхъ затрогивало бы будущее нашего отечества неизмѣримо больше, чѣмъ само татарское иго. Удаленные отъ того времени цѣлымъ рядомъ столѣтій, мы все-таки можемъ представлять себѣ дѣло. Мы еще не успѣли забыть момента, когда московскій періодъ замѣнялся періодомъ петербургскимъ. И какъ бы ни сглаживались особенности того и другаго періода, но все-таки строй жизни въ нихъ представляется существенно разнымъ; какъ бы ни видѣлось, что реформы Петра во многихъ случаяхъ оказываются далеко не безъ основы для себя въ предшествующемъ періодѣ нашей исторіи; но все-таки Петръ 1-й былъ и остается безспорно крупнымъ *преобразователемъ*. По этому примѣру легко видѣть, какую дѣйствительно серьезную важность имѣлъ вопросъ о кіевскомъ періодѣ, такъ рѣзко обострившійся для нашихъ предковъ благодаря татарской бѣдѣ. И если судить предположительно, то кажется нельзя не придти къ тому соображенію, что для представителей и водителей православія, болѣе, чѣмъ для кого-нибудь, были не только прямыя, но и глубокія основанія желать, чтобы Кіевъ по прежнему оставался центромъ Руси. Чрезъ Кіевъ проникло христіанство въ Русь языческую; тамъ было крещеніе; тамъ выразилась сила первыхъ, всегда беззавѣтно горячаго и всегда поучительнаго для будущихъ временъ христіанскаго одушевленія; и выразилась она какъ въ подвигахъ мученичества, такъ и въ подвигахъ самоотреченія; тамъ были гробы и мощи святыхъ; тамъ сіяло просвѣщеніе *), тамъ наконецъ было привычное уже мѣ-

*) Житіе пр. Сергія, іером. Никона. Москва, 1885, стр. 154.

*) Объ этомъ см. напр. Забѣлинъ, Исторія русской жизни. Москва 1876, 190. дал., и другихъ историковъ.

сто для митрополіи. И несмотря на все это послушаемъ людей, которые не только были одарены высокими дарованіями, не только проявляли силу и умѣнье на высокихъ и сложныхъ поприщахъ общественнаго служенія, не только видѣли всѣ обстоятельства, связующія съ Кіевомъ, но, такъ сказать, по крови своей должны бы быть защитниками южнорусскаго центра. Одинъ изъ нихъ волынецъ—митрополитъ Петръ—прямо благословляетъ московскую Русь, и когда онъ завѣдомо ясно для себя полагаетъ основаніе тому, чтобы всѣ послѣдующіе первосвятители Руси безраздѣльно обратили всю громадную силу своего вліянія на укрѣпленіе новаго сѣвернаго центра; то никто изъ насъ не позволитъ себѣ сказать ни того, чтобы онъ это дѣлалъ только потому, что Москва ему понравилась, „полюбилась“, ни того, чтобы ему не были дороги кіевскія святыни, ни того, чтобы его влекла на сѣверъ невозможность возстановить ихъ, ни даже того, чтобы въ великомъ своемъ предпріятіи онъ стоялъ безъ всякихъ предшественниковъ *). А другой черниговецъ—митрополитъ Алексій—не просто подражаетъ примѣру митрополита Петра и слѣдующаго за симъ м. Ѳеогноста, не только есть кіевскій митрополитъ, живущій въ Москвѣ и этимъ навлекающій на себя нареканія за (мнимое) пренебреженіе къ юго-западу Россіи, но и вездѣ—у монголовъ и въ боярской думѣ и въ совѣтахъ московскихъ князей, и въ нихъ столкновеніяхъ съ другими—послѣдовательно, настойчиво и успѣшно закрѣпляетъ за Москвой то значеніе, которое она затѣмъ получила. Было бы просто наивно объяснять такое отношеніе практическими причинами, при которыхъ выходило бы, что, избирая иное средоточіе для Руси, а чрезъ это дѣлая его не только государственно политическимъ, но и религіознымъ, наконецъ дѣятельно заботясь о наибольшемъ закрѣпленіи его, какъ государственнаго средоточія, духовные владыки, собственно говоря, обмѣнивались взаимными услугами съ князьями Москвы **). Предъ нами на лицо совсѣмъ иныя причины—болѣе глубокія, совсѣмъ несословныя, и даже совсѣмъ не временныя, потому что они идутъ дальше татарской бѣды. Оставляя въ сторонѣ другія, остановимся на самой выпуклой и рѣзительной. Самое мѣстоположеніе первоначальнаго центра Руси ясно показываетъ намъ, что при немъ не только позади—въ заволжской сторонѣ стояла бы не обрусившаяся противоправославная и противорусская сила, но и самъ онъ — этотъ центръ былъ слишкомъ открытъ для такихъ вліяній, вредоносность которыхъ для неокрѣпшей еще въ христіанствѣ Руси не можетъ равняться по своей силѣ съ тѣмъ вредомъ, какой они производятъ теперь, напр., посылая къ намъ штунду. И чтобы это видѣлось ясно и безъ всякаго труда сошлюсь на автора житія прен. Стефана, для котораго время 1320 г., когда Кіевомъ владѣли язычники, представляется, какъ такое время, когда Кіевомъ уже овладѣли богомерзкіе латиняне, и стали они утѣснять и насиловать православныхъ, и будто поэтому прен. Стефанъ оставилъ Кіевъ. Авторъ настолько увѣренъ въ неизбѣжности зла, что оно представляется ему, какъ дѣйствительно существующій фактъ. Отсюда для всякаго, кто дорожилъ тогда сокровищами христіанской вѣры, стало быть для всѣхъ благоразумныхъ и дальновидныхъ людей тогдашняго времени требовалось иное средоточіе Руси, которое было бы гораздо болѣе удалено отъ опасныхъ вліяній и которое давало бы возможность русскому народу безмятежно, безъ колеблющихъ и расшатывающихъ воздѣйствій прожить младенческій періодъ своего религіознаго, а также и государственнаго существованія. И надо видѣть, что это какъ нельзя болѣе согласовалось съ коренными особенностями истово русской натуры. Начавшійся во времена монгольскаго ига отливъ съ юга на сѣверъ далеко не случайность, и едва ли есть только слѣдствіе временнаго испуга. Точно также далеко не случайность и извѣстная славянофильская мысль о западѣ, смѣло высказанная людьми, которые знали прекрасныя стороны послѣдняго, дорожили и пользовались ими, но также знали, что мысль эта можетъ высказывать отрицательное отношеніе къ западу, а можетъ высказывать и надежду, что русскіе въ силахъ выработать свою цивилизацію, и опасеніе за успѣхъ ихъ въ этомъ дѣлѣ въ случаѣ подчиненія западно-европейскимъ вліяніямъ. Когда человѣкъ, а также и народъ чувствуетъ въ себѣ богатый запасъ силъ, который даетъ ему необманчивую возможность имѣть свое собственное призваніе и выполнить его, тогда по инстинкту онъ понимаетъ, что ему сперва надо замкнуться въ себя самого *), уладить и укрѣпить свое въ себѣ самомъ, не тратить ни малѣйшей части своей силы на борьбу съ противоположными вѣяніями, высвободить себѣ такое положеніе, при которомъ бы въ немъ безпрепятственно могъ выработаться свой собственный устой. А это какъ разъ именно и подучалось для русскаго народа въ томъ случаѣ, когда стягиваясь и располагаясь около твердаго пункта, какимъ очевидно стремилась стать и стала развившаяся въ центръ самодержавія Москва, онъ жилъ и зрѣлъ у себя дома. И пусть это передвиженіе центра представляло ущербъ съ точки зрѣнія физическихъ удобствъ, пусть онъ требовалъ большаго труда, большой выносливости и закаленности. Но важно то, что есть твердая точка опоры, есть возможность спокойнаго развитія,—развитія такъ сказать по прямой линіи, развитія положимъ умедленнаго, положимъ даже полнаго ошибокъ, но

*) Судя по всему, митрополитъ Петръ собственно указалъ на Москву, какъ на центръ самодержавія, но необходимость послѣдняго ясно сознавали представители православія на Руси и раньше.

**) Напр. В. Милютинъ, въ Чтен. Импер. общ. ист. и древн. 1861 г., I, 398.

*) Было бы совершенно непонятно, еслибы этого не значилось въ русскомъ эпосѣ—въ долговременной самозамкнутости Ильи Муромца.

такого, которое не сбивается ничѣмъ приходящимъ отъ вне, а имѣетъ возможность создать и мало по малу создаетъ свое собственное, постоянно расширяющееся преданіе. А что касается до прибавки въ трудѣ и лишеніяхъ, то они собственно говоря не пропадутъ, а выиграютъ. Сильное отъ нихъ только еще болѣе усиливается. Къ этому необходимо прибавить, что поскольку Москвою ясно намѣчалось иное — единодержавное—состояніе Руси, постольку здѣсь новая рѣшительная связь нашихъ предковъ съ зачинающимся періодомъ. Уже Забѣлинъ прекрасно разъясняетъ, что народъ по чутью (справедливо) угадывалъ въ удѣльномъ періодѣ отрицаніе родной его душѣ общины и положительное признаніе ея въ самодержавіи, которое не знаетъ различія между разными слоями своихъ подданныхъ *).

Такимъ образомъ и въ русской исторіи разсказывалась священная исторія объ Іосифѣ, проданномъ злыми братьями въ Египетъ. Іосифъ—Русь. Злые братья—монголы и другіе враги. Они сбили Русь въ междурѣчье Оки и верхней Волги и оставили открытымъ одинъ путь на сѣверъ и сѣверо-востокъ за Волгу. Но какъ Іосифъ въ Египтѣ нашелъ благо, такъ и нашимъ предкамъ удалось найти твердый и благопріятный центръ для своего историческаго существованія и начать новый періодъ Руси московской. Удалось ли бы имъ это безъ того подвижника, чествовать котораго осмѣливается мое, какъ ризы его, бѣдное слово, объ этомъ благоволитъ судить каждый. Всѣ мы знаемъ, что русскій человѣкъ вовсе не нуждался въ татарскихъ погромахъ, оскорбленіяхъ, въ морѣ крови, въ ежеминутной боязни за свою семью, за свою жизнь, для того чтобы дорожить вѣрою, которая была такъ близка его душѣ, потому близка, что возвѣщаетъ хорошее, небесное, есть сила не подавляющая, но возвышающая. И безспорно, что эта вѣра не бросалась, а напротивъ принималась съ безпримѣснымъ благоговѣніемъ во вновь зачавшемся зернѣ россійскаго государства. Также безспорно, что сюда водворилось, какъ въ лучшій свой пріютъ, и то сословіе, на рукахъ котораго лежала прямая и славно веденная забота о молитвѣ, богослуженіи, церковныхъ порядкахъ, словомъ сказать о всемъ томъ, чего требуетъ вѣра для того, чтобы ей жить въ народѣ дѣйствительно и чтобы народъ могъ надѣяться какъ на воспріятіе благодатной помощи Божіей, такъ и на поучительныя указанія законовъ христіанской жизни. Но и при всемъ этомъ все-таки съ переходомъ въ московскій періодъ Русь сама по себѣ терпѣла то, отъ чего, благодаря своей привязанности къ вѣрѣ, она не могла отказаться ни въ какомъ случаѣ. Не забудемъ, что тамъ—въ кіевскомъ періодѣ, въ Кіевѣ остались святыни; пусть разоренныя и полупотребленныя, но отъ того нисколько не менѣе живыя и самыя драгоцѣннѣйшія святыни, притомъ настолько драгоцѣнныя, что до сихъ поръ народъ ходитъ туда, и—благодареніе Богу,—будетъ ходить и впредь. А между тѣмъ эти святыни взять съ собою въ Москву было нельзя. Въ тоже время чего либо полноряднаго имъ не было ни во Владимірѣ, ни въ Москвѣ, ни въ какомъ либо другомъ мѣстѣ. Этого мало. Та площадь, которую представляетъ волжско-двинскій водораздѣлъ, которую съ наступленіемъ московскаго періода предстояло, необходимо было и можно было населять, эта площадь по прямому указанію *) свидѣтеля того времени никакъ не могла быть названа даже вообще христіанскою, крещеною. И пусть въ виду всего этого я не имѣю права утверждать, что дѣйствительное заступленіе кіевскаго періода московскимъ, при всей его необходимости, при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ и при всей коренной расположенности къ нему русскаго народа, не могло все-таки состояться, разъ въ сокровища Москвы не было внесено такого вклада, который бы соотвѣтствовалъ кіевскимъ святынямъ. Но я имѣю всѣ права утверждать, что если бы этого драгоцѣннаго вклада не было кѣмъ либо внесено, мы бы не могли понять той непринужденности, той легкости, съ какими случилось наступленіе и развитіе московскаго періода въ дѣйствительной исторіи. А въ чемъ долженъ состоять этотъ требуемый вкладъ, понять не трудно. Сдѣлать такъ, какъ сдѣлалъ основатель петербургскаго періода, который—даже и онъ—видѣлъ необходимость перенести мощи св. Александра Невскаго, было нельзя. Достаточно сказать, что Петръ Великій вносилъ въ Петербургъ святыню, которая принадлежала созданной имъ столицѣ по праву **). Также не представлялось возможнымъ и повторить Владимірово крещеніе Руси. Фактъ, повторившій его въ рязанской области, проходитъ въ нашей исторіи совсѣмъ малопримѣтнымъ. Наконецъ новыя запечатлѣнія вѣры мученическимъ подвигомъ не имѣли силы мученичества кіевскихъ первомучениковъ Іоанна и Ѳеодора уже въ виду безчисленныхъ потоковъ крови, пролитыхъ татарами не столько изъ-за вѣры, сколько изъ-за земного. Одно только могло возмѣстить христіанское величіе Кіева—это святость. Но святость неумытная, святость, воспоминающая первыя золотыя времена христіанской Церкви, святость, не просто смолна покрывающая неизбѣжныя злобы собиранія Руси, но святость, дающая воочію зрѣть Бога въ московской землѣ.

И на такую сколько высокую, столько же

*) Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. Москва, 1873 г., ч. 2, стр. 39—47.

*) См. юбилейную рѣчь проф. Ключевскаго, напечатанную ниже.

**) Такъ какъ я не имѣлъ ни случая, ни возможности входить въ спеціальное изученіе отечественной исторіи, поэтому не считаю себя въ правѣ разсуждать: насколько справедлива мысль, что кіевскія святыни служатъ залогомъ будущаго возвращенія русскихъ къ первоначальному центру, гдѣ они получили вѣру, право и государственное единство.

и невыразимо тягостную службу Господь избралъ святителя Сергія, потому что онъ былъ сосудомъ сплошь чистой святости. Правда, это была изумительная сила не только духовная, но и физическая, и она прежде всего хотѣла жить въ немъ своей жизнію, хотѣла подчинить его своему закону и заправлять имъ безраздѣльно. Поэтому именно съ нимъ было то, что въ такихъ случаяхъ бываетъ и теперь, то, что, несмотря на громадныя духовныя дарованія, несмотря на громадныя усилія его самого, несмотря на рѣзкія возбужденія со стороны его руководителей, ему все не удавалось прорубить то вѣрное окно для жизни духомъ, которымъ всегда служило и служитъ образованіе. Но съ помощію Божіей это препятствіе преодолѣно, духовное получило въ немъ свое должное первое мѣсто, а что прежде мѣшало ему, то теперь стало скорѣе служить, чѣмъ вредить ему, доставляя, противъ своей воли, выносливость въ лишеніяхъ, страхахъ и трудахъ, особенно послѣ того, какъ всѣ попытки искусить подвижника разсыпались въ прахъ предъ желѣзной его волей. А разъ высвободился просторъ для жизни духомъ, этотъ духъ, потому что онъ былъ незауряднымъ, но великій, могъ помириться лишь на такое жизненное положеніе, которое давало бы возможность выразиться ему во всей свойственной ему ширѣ, притомъ на такое жизненное положеніе, при которомъ само собою и на весь вѣкъ законодателемъ для человѣка становилось бы то, что есть первое и высшее въ природѣ духа—чувство Бога. Это могущественно потянуло въ пустыню и сдѣлало аскетизмъ твердымъ призваніемъ, просто на просто должностію, притомъ единственно возможною должностію, которую могъ исправлять и нести св. отецъ, оставаясь самимъ собою. Пустынная, ни предъ чѣмъ не останавливавшаяся работа надъ собою съ корнемъ вырвала изъ души подвижника всякую злобу, какое бы незамѣтное и благоприличное выраженіе ея мы ни взяли, создала тотъ покой незлобивой души, для выраженія котораго Епифавій не умѣетъ даже подыскать соотвѣтственно сильныхъ словъ и только на постоянное повтореніе о его благоувѣтливости и тихости надѣется, что потомки не забудутъ объ этомъ *) А другое показаніе современника, который видѣлъ, что въ минуты высшаго благотворенія отъ благотворящей руки подвижника истекалъ огонь**), даетъ наглядно видѣть: какое глубокое и неистощимое богатство *положительнаго* добра таилось и открылось здѣсь. И наконецъ оно жило въ душѣ, не только не обезсиливаясь противоположными стремленіями, которыя были искоренены, но и укрѣпляясь чрезъ непрестанную молитвенность и неумолкающую жизнь въ Богѣ, которыя сообщаютъ добру твердую, безграничную опору, какими бы возвышенными стремленіями оно ни задалось. Отсюда сама собою прямо и опредѣленно памѣтилась для угодника та цѣль дѣятельности, уже которой ему прото и нельзя было избрать для себя. Что это за совершенство... отказъ отъ земныхъ благъ? Можно ли даже и заикаться объ этомъ; не убавляетъ ли скорѣе, чѣмъ прибавляетъ къ его похвалѣ, еслибы кто нибудь вздумалъ упоминать... не говоримъ: о его нестяжаніи и проч., но объ отсутствіи въ немъ какого бы то ни было честолюбія. Какъ бы тамъ ни казалось, но эти искусительныя цѣлв сошли со счету вѣроятно еще въ раннее время труднаго искуса, который подвижникъ возложилъ на себя *). Однако и личное спасеніе едва ли могло быть конечнымъ предѣломъ стремленій того, которому развѣ лишь не приходилось, если только еще не приходилось, какъ Моисею, просить объ изглажденіи его изъ книги жизни для блага другихъ. Не себя, не себя только одного хотѣлъ онъ спасти. Святость есть ни съ чѣмъ несравнимая сила, великость которой особенно живо чувствуется владѣющимъ ею. А если она такова, тогда не только можно, но и прямо надо, чтобы благотворное ея дѣйствіе проливалось и на другихъ,—по возможности на всѣхъ. Вотъ это цѣль *дѣйствительно* исчерпывающая все богатство накопленнаго въ душѣ подвижника добра.

И мы такимъ образомъ видимъ, что личныя потребности его прямо совпали съ потребностію переходнаго времени, въ которое онъ жилъ. Само дѣло показало, что это такъ. Пустынническій подвигъ св. Сергія привлекаетъ къ нему готовыхъ идти при его содѣйствіи на такой же подвигъ. Онъ принимаетъ ихъ, воспитываетъ и воспитываетъ съ такимъ рвеніемъ и умѣніемъ, какія доступны только религіозному генію, ищущему воплотить свое въ другихъ и знающему всѣ препятствія къ этому въ душѣ каждаго. Поэтому цѣль достигнута, и Свято-Троицкій монастырь прямо идетъ къ тому, чтобы стать святыней непризрачной. А прозорливый, глубоко христіанскій и глубоко патріотическій умъ митрополита Алексія ясно прокидитъ здѣсь мощную силу, и поэтому святитель не только поддерживаетъ тѣснѣйшее нравственное общеніе съ праведникомъ, не только связуетъ его съ новозданнымъ мѣстомъ митрополіи чрезъ присныхъ ему, управляющихъ здѣсь монастырями, не только призываетъ его на умиреніе князей съ Москвою, не только ищетъ въ немъ достойнѣйшаго преемника себѣ; но самъ съ прекраснымъ успѣхомъ употребляетъ усилія къ тому, чтобы насажденная св. Сергіемъ святыня пришла въ мѣру полнаго первохристіанскаго совершенства **). А мірской

*) См. Епифанія, изданнаго архимандритомъ Леонидомъ (Спб. 1885 г.), въ похвальномъ словѣ, стр. 148 и ср. проф. Голубинскій, преподобный Сергій Радонежскій. Серг. посадъ 1892 г. стр. 29 слѣд.

**) Изд. арх. Леонида, стр. 113—14.

*) Поэтому и Димитрію Донскому сначала онъ предлагаетъ пожертвовать имуществомъ и честію, и благословляетъ на войну съ Мамаемъ лишь послѣ того, какъ оказывается, что требуемое имъ уже отдано въ жертву, но все напрасно. Никон. лѣтоп. у Гором. Нивона, стр. 148.

**) Едва ли найдутся правильныя основанія оспаривать проф. Голубинскаго, по которому (стр. 22—

человѣкъ, приходя сюда, не только видитъ здѣсь набожность, воздержаніе, занятіе суровымъ трудомъ, перерывающимся лишь для молитвы и богомыслія, полное равнодушіе къ земнымъ удобствамъ; но и встрѣчаетъ братскую помощь бѣдному, неоцѣнимые совѣты, исцѣленія, то наконецъ, что было въ раю, когда хищныя животныя не вредили человѣку. Такимъ образомъ все даетъ живо чувствовать, что здѣсь особенное присутствіе Божественной силы, здѣсь Богъ и благодать Божія. Святыня не только возникла, но и сдѣлалась таковою для всѣхъ слоевъ русскаго народа. Всѣхъ потянула къ ней могучая сила религіознаго умованія. И всѣ захотѣли, чтобы къ бывшей непроходимой дебри была проведена прямая дорога. А послѣ этого Москва и Св.-Троицкій монастырь мыслятся уже какъ одно, да и на самомъ дѣлѣ становятся въ такое неразрывное единеніе для всѣхъ. Но этого мало. Наученные примѣромъ и руководствомъ св. игумена своего, религіозные подвижники идутъ на новый подвигъ—въ новыя непроходимыя дебри заволжской Руси, становятся основателями новыхъ строгихъ, какъ Троицкій *), общежительныхъ монастырей. А съ этимъ и то нерасположеніе Руси, которое требовалось московскимъ періодомъ, становится дѣйствительнымъ фактомъ. Потому что за основателями новыхъ монастырей потянулся народъ и сталъ населять заволжскую Русь. Но не потому только потянулся и сталъ населять, что монастырь научалъ его вести хозяйство **); и не потому опять, что если подвижники могутъ существовать, въ этой вотъ дебри, значитъ и я, мірской, могу здѣсь существовать. Всякій знаетъ древнѣйшее воззрѣніе русскаго народа, закрѣпившее себя въ пословицу, по которой „пусто мѣсто“ не бываетъ только и именно *святое*. По этому указателю зависимость переселеній, колонизаціи отъ монастырей прежде всего должна быть объясняема изъ того, что данное мѣсто съ воздвиженіемъ въ немъ монастыря снимало съ себя для вѣрующаго народа свою прежнюю нечистоту и давало послѣднему твердое успокоеніе относительно того, что здѣсь онъ не останется безъ молитвенниковъ. Отсюда если сообразить, что изъ множества монастырей, устроенныхъ въ XIV вѣкѣ, громадное большинство устроено учениками, друзьями и послѣдователями св. Сергія, то, кажется, не будетъ ни малѣйшаго преувеличенія, если мы скажемъ, что онъ не только создалъ равносильную кіевской святыню, которой не доставало Москвѣ, но и освятилъ для народа всѣ тѣ пункты, послѣ населенія которыхъ дѣйствительное наступленіе московскаго періода стало зависѣть только отъ мудраго искусства собирателей Руси. Въ этомъ, полагаю, его великая служба для Руси, кромѣ той безспорной, о которой вы услышите въ рѣчи *) достопочтеннаго профессора Ключевскаго. Великость указываемой мною исторической заслуги св. Сергія точно измѣряется великостью московскаго періода, другими словами великимъ значеніемъ того, что мы образовались въ крѣпко сплоченное и могучее, единодержавное цѣлое.

Отдавая этому надлежащую цѣну, мы обязаны прибавить, что и самое освященіе долголѣ маловѣрныхъ уголковъ заволжской Руси, которое безспорно производили монастыри, находится далеко не въ посредственной связи съ личностію св. Сергія, какъ это кажется съ перваго раза. Не просто эти монастыри были устрояемы въ большинствѣ случаевъ его учениками, но тутъ жила и осуществилась мысль *самого* ихъ учителя, *его* собственное завѣдомое стремленіе и желаніе. Правда, слово явившейся ему Богоматери о томъ, что его молитва услышана, по Епифанію должно быть понимаемо только примѣнительно къ его завѣтнымъ и тревожнымъ думамъ о томъ дѣтищѣ, въ которомъ онъ подвизался и изъ котораго онъ создалъ первую по общецерковной важности великорусскую святыню. Но я уже не спрашиваю: чѣмъ другимъ онъ могъ сломить предное упорство рязанскаго Олега, кромѣ указанія ему того, что въ московскомъ собираніи лежитъ высшій интересъ, въ разсужденіи котораго ни о какихъ спорахъ между князьями за преобладаніе не можетъ быть и рѣчи,—лежитъ твердый залогъ успѣшнаго христіанскаго просвѣщенія всей Руси, съ чѣмъ какъ нельзя болѣе согласуется и то преданіе, что въ память о посѣщеніи св. Сергія тотчасъ же былъ заложенъ рязанскій Троицкій монастырь—средство именно христіанскаго просвѣщенія, а не чего другого. Также не спрашиваю: чѣмъ иначе можно объяснить то ясновидѣніе, по которому св. Сергій обмѣнивается благожеланіями съ юбиляромъ 1494 года, преп. Стефаномъ пермскимъ, который былъ отъ него въ 10-ти верстномъ разстояніи,—чѣмъ объяснить, какъ не тѣмъ, что и въ немъ жила забота о распространеніи христіанскаго свѣта на всю Русь. Едва-ли не прямымъ доказательствомъ служитъ другое видѣніе, котораго удостоился св. Сергій **). Онъ видѣлъ

23, стр. 91.) мысль объ учрежденіи общежитія принадлежала вовсе не патр. Филоѳею, но преп. Сергію, который однако только при добромъ посредствѣ митрополита Алексія могъ осуществить ее такъ, чтобы она была принята иноками монастыря безъ колебаній и возраженій.

*) Въ торжественной своей рѣчи („Богосл. Вѣстникъ“ за ноябрь) профессоръ Голубинскій устанавливаетъ ту заслугу св. Сергія, что онъ собственно снялъ съ русскихъ монастырей то византійское вліяніе, оставаясь подъ коимъ, они не могли подражать идеальной жизни первыхъ послѣдователей Христа Спасителя.

**) Такъ авторъ „Исторіи россійской іерархіи“.

*) Эта рѣчь отмѣнна отнюдь не по одному только „изяществу стили“, но еще болѣе потому, что въ подкладкѣ ея лежитъ *импонирующее* ученое и психологическое образованіе.

**) Правда въ „Житіи“ и здѣсь тоже, что въ явленіи пр. Богородицы; но тутъ, кажется, самый modus видѣнія даетъ разглядѣть, что Епифаній слишкомъ сросся съ Св.-Троицкой лаврой, и ему было до невозможности трудно представить что-либо внѣ интересовъ и славы послѣдней.

необычайный свѣтъ, так. обр. значитъ свѣтъ христіанства. Онъ видѣлъ необычайное множество прекрасныхъ птицъ—так. обр. тѣхъ, которые разносили свѣтъ христіанства по всему лицу земли русской. И онъ не только это видѣлъ, но, несмотря на свое смиреніе, желалъ, чтобы были свидѣтели этого чудеснаго видѣнія. А если первыхъ было множество, тогда надо думать, что не однимъ только ближайшимъ ученикамъ внушалъ онъ апостольство христіанской святости, но поставилъ его, какъ непремѣнную задачу и для будущаго—для всѣхъ тѣхъ, которые приглашаются къ нему вѣрою и упованіями. И принята-ли, насколько усвоена была эта задача въ дальнѣйшемъ, о томъ говорить не мое дѣло. Но кажется я вправѣ указать, что въ настоящее время мы обращены къ ней лицомъ къ лицу болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Кто не видитъ, что теперь у насъ возникаетъ и есть цѣлый рядъ особыхъ необычныхъ торжествъ, и мы готовно чествовали 900-лѣтній юбилей крещенія Руси, свидѣтельствуя этимъ, что вѣра христіанская для Руси есть та сила, на которой зиждется всякое - религіозное и государственное наше благосуществованіе; недавно мы чествовали девятивѣковой юбилей волынской епископіи; и совсѣмъ недавно съ такимъ единодушіемъ, съ такою радостію и вдобавокъ съ такимъ безвримѣрнымъ торжествомъ чествовали юбилей св. подвижника Сергія. Кому не слышенъ былъ достойный вѣчной и ежеминутной памяти высокій призывъ Самодержавца къ заботамъ о нравственно-христіанскомъ оздоровленіи русскаго народа? Гдѣ, въ какихъ уголкахъ Руси не идутъ дѣятельныя усилія, сводящіяся къ тому, чтобы, кромѣ той поддержки религіознаго чувству, которую даютъ каждому обстоятельства и горькіе опыты его личной жизни, полножизненность этого чувства закрѣплялась также и чрезъ разумъ—чрезъ правое и ясное пониманіе христіанской вѣры, ея исторіи и всѣхъ ея требованій? Наконецъ кому незамѣтны эти дѣятельныя и достойныя усилія связать два далеко разошедшіяся другъ отъ друга слоя—народъ и слой интеллигентный—чрезъ религію и христіанскую церковность? Все это по отношенію къ тому свѣту, который преподобный Сергій видѣлъ еще только въ видѣніи, есть свѣтъ дѣйствительный. Все это есть *должное* усвоеніе предъявленной имъ задачи, а съ этимъ и достойная память о немъ, и добрый починъ блестящему оправданію задушевной вѣры, которую снятый подвижникъ питалъ суди по себѣ самому,—вѣры въ то, что на поприщѣ религіозно нравственнаго совершенства русская душа по природѣ своей способна подняться до поразительно высокой идеальной ступени.

—

Послѣ этой рѣчи, вызвавшей громкія рукоплесканія, хоромъ г. Архангельскаго было исполнено величаніе преподобному Сергію

Послѣ небольшаго перерыва, графъ Н. П. Игнатьевъ, представивъ собранію сербскаго посланника Алимпія Васильевича, привѣтствовалъ его, какъ почетнаго члена Славянскаго Общества, русскаго воспитанника и вѣрнаго друга Россіи.

На привѣтствіе это А. Васильевичъ отвѣчалъ, что онъ безконечно счастливъ присутствовать въ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества и глубоко цѣнитъ вниманіе къ нему присутствующихъ, что онъ, какъ представитель сербскаго народа и весь сербскій народъ никогда не забудутъ братской помощи, оказанной Славянскимъ Обществомъ въ тяжелую годину.

Привѣтствіе графа Н. П. Игнатьева и отвѣтъ А. Васильевича, принятые присутствующими восторженно, были покрыты громкими рукоплесканіями и завершены сербскою пѣснью, исполненною хоромъ г. Архангельскаго.

Вслѣдъ засимъ, графъ Н. П. Игнатьевъ довелъ до свѣдѣнія собранія, что городское управленіе Петербурга въ память 500-лѣтія со дня преставленія преподоб. Сергія учредило 10 городскихъ училищъ въ увѣковѣченіе этого событія и что многія изъ учительницъ этихъ училищъ присутствуютъ въ этомъ собраніи, пожелалъ имъ съ успѣхомъ продолжать ихъ дѣятельность подъ благословеніемъ препод. Сергія.

Въ заключеніе Ѳ. М. Истоминъ прочиталъ съ нѣкоторыми исключеніями слѣдующую рѣчь В. І. Ключевскаго, произнесенную имъ въ торжественномъ собраніи московской духовной академіи 26 сентября 1892 г. въ память преп. Сергія:

Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства.

Когда вмѣстѣ съ разнообразной набожно крестящейся народной волной вступаешь въ ворота Сергіевой лавры, иногда думаешь, почему въ этой обители пѣтъ и не было особаго наблюдателя, подобнаго древнерусскому лѣтописцу, который спокойнымъ неизмѣннымъ взглядомъ наблюдалъ и ровной безстрастной рукой записывалъ, „еже содѣася въ русской землѣ", и дѣлалъ это одинаково изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, какъ будто это былъ одинъ и тотъ же человѣкъ, не умиравшій цѣлыя столѣтія. Такой безсмѣнный и неумирающій наблюдатель разсказалъ бы, какіе люди приходили въ теченіе 500 лѣтъ поклониться гробу преподобнаго Сергія и съ какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во всѣ концы русской земли. Между прочимъ онъ объяснилъ бы намъ, какъ это случилось, что составъ общества, непрерывною волной притекавшаго ко гробу преподобнаго, въ теченіе пяти вѣковъ оставался неизмѣннымъ. Еще при жизни преподобнаго, какъ разсказываетъ его жизнеописатель современникъ,—многое множество приходило къ нему изъ различныхъ странъ и городовъ и въ числѣ приходившихъ были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, „на селѣ живущіе". И въ наши дни люди всѣхъ классовъ русскаго общества притекаютъ ко гробу преподобнаго съ своими думами, мольбами и упованіями, государственные дѣятели приходятъ въ трудные переломы народной жизни, простые люди въ печальныя или радостныя минуты своего

частнаго существованія. И этотъ притокъ не измѣнялся въ теченіе вѣковъ, несмотря на неоднократныя и глубокія перемѣны въ строѣ и настроеніи русскаго общества: старыя понятія изсякали, новыя пробивались или наплывали, а чувства и вѣрованія, которыя влекли сюда людей со всѣхъ концовъ русской земли, бьютъ до сихъ поръ тѣмъ же свѣжимъ ключемъ, какъ били въ XIV в. Если бы возможно было воспроизвести писаніемъ все, что соединилось съ памятью преподобнаго, что въ эти 500 лѣтъ было молчаливо передумано и перечувствовано передъ его гробомъ милліонами умовъ и сердецъ, это писаніе было бы полной глубокаго содержанія исторіей нашей всенародной политической и нравственной жизни.

Впрочемъ, если прен. Сергій доселѣ остается для приходящихъ къ нему тѣмъ же, чѣмъ былъ для нихъ при своей жизни, то и теперь на ихъ лицахъ можно прочитать то же, что прочиталъ бы монастырскій наблюдатель на лицахъ своихъ современниковъ 400 или 500 лѣтъ назадъ. Достаточно взглянуть на первыя встрѣчныя лица изъ многаго множества, въ эти дни здѣсь тѣснящагося, чтобы понять, во имя чего поднялись съ своихъ мѣстъ эти десятки тысячъ, а сотни другихъ мысленно слѣдовали за ними. Да и каждый изъ насъ въ своей собственной душѣ найдетъ то же общее чувство, стоя у гробницы преподобнаго. У этого чувства уже нѣтъ исторіи, какъ для того, что покоится въ этой гробницѣ, давно остановилось движеніе времени. Это чувство вотъ уже пять столѣтій одинаково загорается въ душѣ молящагося у этой гробницы, какъ солнечный лучъ вродолженіе тысячелѣтій одинаково свѣтится въ каплѣ чистой воды. Спросите любаго изъ этихъ простыхъ людей, съ посохомъ и котомкой пришедшихъ сюда издалека, когда жилъ прен. Сергій и что сдѣлалъ для Руси XIV в., чѣмъ онъ *былъ* для своего времени, и рѣдкій изъ нихъ дастъ вамъ удовлетворительный отвѣтъ; но на вопросъ, что онъ *есть* для нихъ, далекихъ потомковъ людей XIV вѣка, и зачѣмъ они теперь пришли къ нему, каждый отвѣтитъ твердо и вразумительно.

Есть имена, которыя носили историческіе люди, жившіе въ извѣстное время, дѣлавшіе исторически-извѣстное жизненное дѣло, но имена, которыя уже утратили хронологическое значеніе, выступили изъ границъ времени, когда жили ихъ носители. Это потому, что дѣло, сдѣланное такимъ человѣкомъ, по своему значенію такъ далеко выходило за предѣлы своего вѣка, своимъ благотворнымъ дѣйствіемъ такъ глубоко захватило жизнь дальнѣйшихъ поколѣній, что съ лица его сдѣлавшаго, въ сознаніи этихъ поколѣній постепенно спадало все временное и мѣстное и оно изъ историческаго дѣятеля превратилось въ народную идею, а самое дѣло его изъ историческаго факта стало практической заповѣдью, завѣтомъ, тѣмъ, что мы привыкли называть идеаломъ. Такіе люди становятся для грядущихъ поколѣній не просто великими покойниками, а вѣчными ихъ спутниками, даже путеводителями, и цѣлые вѣка благоговѣйно тверлятъ ихъ дорогія имена не столько для того, чтобы благодарно почтить ихъ память, сколько для того, чтобы самимъ не забыть правила, ими завѣщаннаго. Таково имя прен. Сергія: это не только назидательная, отрадная страница нашей исторіи, но и свѣтлая черта нашего нравственнаго народнаго содержанія.

Какой подвигъ такъ освятилъ это имя? Надобно припомнить время, когда подвизался преподобный. Онъ родился, когда вымирали послѣдніе старики, увидѣвшіе свѣтъ около времени татарскаго разгрома Русской земли и когда уже трудно было найти людей, которые бы этотъ разгромъ помнили. Но во всѣхъ русскихъ нервахъ еще до боли живо было впечатлѣніе ужаса, произведеннаго этимъ всенароднымъ бѣдствіемъ и постоянно подновлявшагося многократными мѣстными нашествіями татаръ. Это было одно изъ тѣхъ народныхъ бѣдствій, которыя приносятъ не только матеріальное, но и нравственное разореніе, надолго повергая народъ въ нравственное мертвенное оцѣпенѣніе. Люди безпомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положенію, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасомъ отцовъ, пережившихъ бурю, заражались дѣти, родившіяся послѣ нея. Мать пугала непокойнаго ребенка лихимъ татариномъ; услышавъ это злое слово, взрослые растерянно бросались объжать, сами не зная куда. Внѣшняя случайная бѣда грозила превратиться во внутренній хронической недугъ; панический ужасъ одного поколѣнія могъ развиться въ народную робость, въ черту національнаго характера, и въ исторіи человѣчества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повѣствующая о томъ, какъ нападеніе азіатскаго монгола поведо къ паденію великаго европейскаго народа.

Могла ли однако прибавиться такая страница? Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ великаго народа служитъ его способность подниматься на ноги послѣ паденія. Какъ бы ни было тяжко его униженіе, но пробьетъ урочный часъ, онъ соберетъ свои растерянныя нравственныя силы и воплотитъ ихъ въ одномъ великомъ человѣкѣ или въ нѣсколькихъ великихъ людяхъ, которые и выведутъ его на покинутую имъ временно прямую историческую дорогу.

Русскіе люди, сражавшіеся и уцѣлѣвшіе въ бою на Сити, сошли въ могилу съ своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокругъ, не займется ли гдѣ заря освобожденія. За ними послѣдовали ихъ дѣти, тревожно наблюдавшія, какъ многочисленные русскіе князья холопствовали передъ татарами и дрались другъ съ другомъ. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислушиваться къ необычнымъ дѣламъ въ Русской землѣ. Въ то время какъ всѣ русскія окраины страдали отъ внѣшнихъ враговъ, маленькое срединное Московское княжество оставалось безопас-

нымъ, и со всѣхъ краевъ русской земли потянулись туда бояре и простые люди. Въ то же время московскіе князьки, братья Юрій и этотъ самый Иванъ Калита смѣло, безъ оглядки и раздумья, пуская противъ враговъ всѣ доступныя средства, ставя въ игру все, что могли поставить, вступили въ борьбу съ старшими и сильнѣйшими князьями за первенство, за старшее Владимірское княженіе, и при содѣйствіи самой Орды отбили его у соперниковъ. Тогда же устроилось такъ, что и русскій митрополитъ, жившій во Владимірѣ, сталъ жить въ Москвѣ, придавъ этому городку значеніе церковной столицы русской земли. И какъ только случилось все это, всѣ почуствовали, что татарскія опустошенія прекратились и наступила давно неиспытанная тишина въ Русской землѣ. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княженіе, когда ей впервые въ сто лѣтъ рабства удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Такъ въ половинѣ XIV в. подросло поколѣніе, выросшее подъ впечатлѣніемъ этой тишины, начавшее отвыкать отъ страха ордынскаго, отъ нервной дрожи отцовъ при мысли о татаринѣ. Недаромъ представителю этого поколѣнія, сыну великаго князя Ивана Калиты Симеону современники дали прозваніе Гордаго. Это поколѣніе и почувствовало ободренное, что скоро забрезжетъ свѣтъ. Въ это именно время, въ началѣ сороковыхъ годовъ XIV в. совершились три знаменательныя событія: изъ московскаго Богоявленскаго монастыря вызванъ былъ на церковно-административное поприще скрывавшійся тамъ скромный 40-лѣтній инокъ Алексій; тогда же одинъ 20-лѣтній искатель пустыни, будущій преподобный Сергій въ дремучемъ лѣсу—вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ—поставилъ маленькую деревянную келлію съ такой же церковью, а въ Устюгѣ у бѣднаго соборнаго причетника родился сынъ, будущій просвѣтитель Пермской земли св. Стефанъ. Ни одного изъ этихъ именъ нельзя произнести, не вспомнивъ двухъ остальныхъ. Эта присноблаженная тріада яркимъ созвѣздіемъ блещетъ въ нашемъ XIV в., дѣлая его зарей политическаго и нравственнаго возрожденія Русской земли. Тѣсная дружба и взаимное уваженіе соединяли ихъ другъ съ другомъ. Митрополитъ Алексій навѣщалъ Сергія въ его обители и совѣтовался съ нимъ, желалъ имѣть его своимъ преемникомъ. Припомнимъ задушевный разсказъ въ житіи преподобнаго Сергія о проѣздѣ св. Стефана Пермскаго мимо Сергіева монастыря, когда оба друга на разстояніи 10 слишкомъ верстъ обмѣнялись братскими поклонами.

Всѣ три пастыря, подвизаясь каждый на своемъ поприщѣ, дѣлали одно общее дѣло, которое простиралось далеко за предѣлы церковной жизни и широко захватывало политическое положеніе всего народа. Это дѣло—укрѣпленіе русскаго государства, надъ созиданіемъ котораго трудились московскіе князья XIV в. Это дѣло было исполненіемъ завѣта, даннаго русской церковной іерархіи величайшимъ святителемъ древней Руси митрополитомъ Петромъ. Еще въ мрачное время татарскаго ига, когда ни откуда не проступалъ лучъ надежды, онъ по преданію пророчески благословилъ бѣдный тогда городокъ Москву, какъ будущую церковную и государственную столицу Русской земли. Духовными силами трехъ нашихъ пастырей XIV в., воспринявшихъ этотъ завѣтъ святителя, Русская земля и пришла поработать надъ предвозвѣщенной судьбой этого города. Ни одинъ изъ нихъ не былъ кореннымъ москвичемъ. Но въ ихъ лицѣ сошлись для общаго дѣла три основныя части Русской земли: Алексій, сынъ черниговскаго боярина переселенца, представлялъ старый кіевскій югъ; Стефанъ—новый финско-русскій сѣверъ, а Сергій, сынъ ростовскаго боярина переселенца, великорусскую средину. Они приложили къ дѣлу могущественныя духовныя силы. Это были образованнѣйшіе русскіе люди своего вѣка: о нихъ древніе жизнеописатели замѣчаютъ, что одинъ „всю грамоту добрѣ умѣя", другой „научися всей грамотичнѣй хитрости и книжной силѣ", третій „всяко писаніе ветхаго и новаго завѣта пройде". Потому вѣдь и удалось московскимъ князьямъ такъ успѣшно собрать въ своихъ рукахъ матеріальныя, политическія силы русскаго народа, что имъ дружно содѣйствовали добровольно соединившіяся духовныя его силы.

Но въ общемъ дѣлѣ каждый изъ трехъ дѣятелей избралъ себѣ свою особую часть. Происходя изъ родовитаго боярства, искони привыкшаго дѣлить съ князьями труды обороны и управленія страны, митрополитъ Алексій шелъ боевымъ политическимъ путемъ, былъ преимущественно главнымъ совѣтникомъ трехъ великихъ князей московскихъ, руководилъ ихъ боярской думой, ѣздилъ въ Орду улаживать хановъ, отмаливая ихъ отъ злыхъ замысловъ противъ Руси, воинствовалъ съ недругами Москвы всѣми средствами своего сана, карая церковнымъ отлученіемъ русскихъ князей, непослушныхъ московскому государю, поддерживая его гегемонію, съ неослабной энергіей отстаивая значеніе Москвы, какъ единственнаго церковнаго средоточія всей политически разбитой Русской земли. Уроженецъ г. Устюга, въ краю котораго новгородская и ростовская колонизація, сливаясь и вовлекая въ свой потокъ туземную Чудь, создавала изъ нея новую Русь, св. Стефанъ пошелъ съ христіанской проповѣдью въ Пермскую землю продолжать это дѣло обрусѣнія и просвѣщенія заволжскихъ инородцевъ. Такъ церковная іерархія благословила своимъ починомъ двѣ народныя цѣли, достиженіе которыхъ послужило основаніемъ самостоятельнаго политическаго существованія нашего народа: это — сосредоточеніе династически раздробленной государственной власти въ московскомъ княжескомъ домѣ и пріобщеніе восточно-европейскихъ и азіатскихъ инородцевъ къ русской Церкви и народности посредствомъ христіанской проповѣди.

Но чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и внести

дикихъ инородцевъ въ ограду христіанской Церкви, для этого самому русскому обществу должно было стать въ уровень столь высокихъ задачъ, приподнять и укрѣпить свои нравственныя силы, приниженныя вѣковымъ порабощеніемъ и унынiемъ. Этому третьему дѣлу, нравственному воспитанію народа, и посвятилъ свою жизнь преп. Сергій. То была внутренняя миссія, долженствовавшая служить подготовкой и обезпеченіемъ успѣховъ миссіи внѣшней, начатой пермскимъ просвѣтителемъ; преп. Сергій и вышелъ на свое дѣло значительно раньше св. Стефана. Разумѣется, онъ могъ примѣнять къ дѣлу средства нравственной дисциплины, ему доступныя и понятныя тому вѣку, а въ числѣ такихъ средствъ самымъ сильнымъ былъ живой примѣръ, наглядное осуществленіе нравственнаго правила. Онъ началъ съ самого себя и продолжительнымъ уединеніемъ, исполненнымъ трудовъ и лишеній среди дремучаго лѣса, приготовился быть руководителемъ другихъ пустынножителей. Жизнеописатель, самъ живший въ братствѣ, воспитанномъ Сергіемъ, живыми чертами описываетъ, какъ оно воспитывалось, съ какой постепенностью и любовью къ человѣку, съ какимъ терпѣніемъ и знаніемъ души человѣческой. Мы всѣ читали и перечитывали эти страницы древняго житія, повѣствующія о томъ, какъ Сергій, начавъ править собиравшейся къ нему братіей, былъ для нея поваромъ, пекаремъ, мельникомъ, дровоколомъ, портнымъ, плотникомъ, какимъ угодно трудникомъ служилъ ей, какъ рабъ купленный, по выраженію житія, ни на одинъ часъ не складывалъ рукъ для отдыха, какъ потомъ, ставъ настоятелемъ обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, онъ принималъ искавшихъ у него постриженія, не спускалъ глазъ съ каждаго новика, возводя его со степени на степень иноческаго искуса, указывалъ дѣло всякому по силамъ, ночью дозоромъ ходилъ мимо келлій, легкимъ стукомъ въ дверь или окно напоминалъ празднословившимъ, что у монаха есть лучшіе способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснѣть, „тихой и кроткой рѣчью“ вызывалъ въ нихъ раскаяніе безъ досады. Читая эти разсказы, видишь передъ собою практическую школу благонравія, въ которой сверхъ религіозно-иноческаго воспитанія главными житейскими науками были умѣнье отдавать всего себя на общее дѣло, навыкъ къ усиленному труду и привычка къ строгому порядку въ занятіяхъ, помыслахъ и чувствахъ. Наставникъ велъ ежедневную дробную терпѣливую работу надъ каждымъ отдѣльнымъ братомъ, надъ отдѣльными особенностями каждаго брата, приспособляя ихъ къ цѣлямъ всего братства. Но послѣдующей самостоятельной дѣятельности учениковъ преп. Сергія видно, что подъ его воспитательнымъ руководствомъ лица не обезличивались, личныя свойства не стирались, каждый оставался самъ собой и, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ сложнаго и стройнаго цѣлаго, какъ въ мозаической иконѣ различные по величинѣ и цвѣту камешки укладываются подъ рукой мастера въ гармоническое выразительное изображеніе. Наблюденіе и любовь къ людямъ дали умѣнье тихо и кротко настраивать душу человѣка и извлекать изъ нея, какъ изъ хорошаго инструмента, лучшія ея чувства, — то умѣнье, передъ которымъ не устоялъ самый упрямый русскій человѣкъ XIV вѣка кн. Олегъ Ивановичъ Рязанскій, котораго по порученію вел. кн. московскаго Димитрія Ивановича преп. Сергій отговорилъ отъ войны съ Москвой тихими и кроткими словами, по свидѣтельству лѣтописца.

Такъ воспиталось дружное братство, производившее по современнымъ свидѣтельствамъ глубокое назидательное впечатлѣніе на міръ. Міръ приходилъ къ монастырю съ пытливымъ взглядомъ, какимъ онъ привыкъ смотрѣть на монашество, и если его не встрѣчали здѣсь словами *приди и виждь*, то потому, что такой зазывъ былъ противенъ Сергіевой дисциплинѣ. Міръ смотрѣлъ на чинъ жизни въ монастырѣ преп. Сергія, и то, что онъ видѣлъ, быть и обстановка пустынnаго братства, поучали его самымъ простымъ правиламъ, которыми крѣпко людское христіанское общежитіе. Въ монастырѣ все было бѣдно и скудно, или, какъ выразился разочарованно одинъ мужичекъ, пришедшій въ обитель преп. Сергія повидать прославленнаго, величественнаго игумена, „все худостно, все нищетно, все спротинско“; въ самой оградѣ монастыря первобытный лѣсъ шумѣлъ надъ самыми кельями и осенью обсыпалъ ихъ кровли палыми листьями и иглами; вокругъ церкви торчали свѣжіе пни и валялись неубранные стволы срубленныхъ деревьевъ; въ деревянной церковкѣ за недостаткомъ свѣчъ нахло лучиной; въ обиходѣ братіи столько же недостатковъ, сколько заплатъ на сермяжной рясѣ игумена; чего ни хватись, всего нѣтъ, по выраженію жизнеописателя; случалось, вся братія по цѣлымъ днямъ сидѣла чуть не безъ куска хлѣба. Но всѣ дружны между собою и привѣтливы къ пришельцамъ, во всемъ слѣды порядка и размышленія, каждый дѣлаетъ свое дѣло, каждый работаетъ съ молитвой и всѣ молятся послѣ работы; во всѣхъ чуялся скрытый огонь, который безъ искръ и вспышекъ обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякаго, кто вступалъ въ эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Міръ видѣлъ все это и уходилъ ободренный и освѣженный, подобно тому, какъ мутная волна, прибивая къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную въ неопрятномъ мѣстѣ, и бѣжитъ далѣе свѣтлой и прозрачной струей. Надобно припомнить людей XIV вѣка, ихъ бытъ и обстановку, запасъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ средствъ, чтобы понять впечатлѣніе этого зрѣлища на набожныхъ наблюдателей. Намъ, страдающимъ избыткомъ нравственныхъ возбужденій и недостаткомъ нравственной воспріимчивости, трудно уже воспроизвести слагавшееся изъ этихъ наблюденій на тресніе нравственной

сосредоточенности и общественнаго братства, какое разносили по своимъ угламъ изъ этой пустыни побывавшіе въ ней люди XIV в. Такихъ людей была капля въ морѣ православнаго русскаго населенія. Но вѣдь и въ тѣсто немного нужно вещества, вызывающаго въ немъ живительное броженіе. Нравственное вліяніе дѣйствуетъ не механически, а органически. На это указалъ самъ Христосъ, сказавъ: *„Царство Божіе подобно закваскѣ“*. Украдкой западая въ массы, это вліяніе вызывало броженіе и незамѣтно измѣняло направленіе умовъ, перестроивало весь нравственный строй души русскаго человѣка XIV в. Отъ вѣковыхъ бѣдствій этотъ человѣкъ такъ оскудѣлъ нравственно, что не могъ не замѣчать въ своей жизни недостатка этихъ первыхъ основъ христіанскаго общежитія, но еще не настолько очерствѣлъ отъ этой скудости, чтобы не чувствовать потребности въ нихъ.

Пробужденіе этой потребности и было началомъ нравственнаго, а потомъ и политическаго возрожденія русскаго народа. Пятьдесятъ лѣтъ дѣлалъ свое тихое дѣло преп. Сергій въ Радонежской пустынѣ; цѣлые полвѣка приходившіе къ нему вмѣстѣ съ водой изъ его источника черпали въ его пустынѣ утѣшеніе и ободреніе и, воротясь въ свой кругъ, но каплямъ дѣлились имъ съ другими. Никто тогда не считалъ гостей пустынника и тѣхъ, кого они дѣлали причастниками приносимой ими благодатной росы,—никто не думалъ считать этого, какъ человѣкъ, пробуждающійся съ ощущеніемъ здоровья, не думаетъ о своемъ пульсѣ. Но къ концу жизни Сергія едвали вырывался изъ какой-либо православной груди на Руси скорбный вздохъ, который бы не облегчался молитвеннымъ призывомъ имени св. старца. Этими каплями нравственнаго вліянія и вырощены были два факта, которые легли среди другихъ основъ нашего государственнаго и общественнаго зданія и которые оба связаны съ именемъ преп. Сергія. Одинъ изъ этихъ фактовъ—великое событіе, совершившееся при жизни Сергія, а другой—цѣлый сложный и продолжительный историческій процессъ, только начавшійся при его жизни.

Событіе состояло въ томъ, что народъ, сто лѣтъ привыкшій дрожать при одномъ имени татарина, собрался наконецъ съ духомъ, всталъ на ноработителей и не только нашелъ въ себѣ мужество встать, но и пошелъ искать татарскихъ полчищъ въ открытой степи и тамъ поналился на враговъ несокрушимой стѣной, похоронивъ ихъ подъ своими многотысячными костями. Какъ могло это случиться? Откуда взялись, какъ воспитались люди, отважившіеся на такое дѣло, о которомъ боялись и подумать ихъ дѣды? Глазъ историческаго знанія уже не въ состояніи разглядѣть хода этой подготовки великихъ борцовъ 1380 г.; знаемъ только, что преп. Сергій благословилъ на этотъ подвигъ главнаго вождя русскаго ополченія, сказавъ: „иди на безбожниковъ смѣло, безъ колебанія, и побѣдишь“—и этотъ молодой вождь былъ человѣкъ поколѣнія, возмужавшаго на глазахъ преп. Сергія и вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ Донскимъ бившагося на Куликовомъ полѣ.

Чувство нравственной бодрости, духовной крѣпости, которое преп. Сергій вдохнулъ въ русское общество, еще живѣе и полнѣе воспринималось русскимъ монашествомъ. Въ жизни русскихъ монастырей со времени Сергія начался замѣчательный переломъ: замѣтно оживилось стремленіе къ иночеству. Въ бѣдственный первый вѣкъ пга это стремленіе было очень слабо: въ сто лѣтъ 1240—1340 гг. возникло всего какихъ-нибудь десятка 3 новыхъ монастырей. За то въ слѣдующее столѣтіе 1340—1440 гг., когда Русь начала отдыхать отъ внѣшнихъ бѣдствій и приходить въ себя, изъ куликовскаго поколѣнія и его ближайшихъ потомковъ вышли основатели до 150 новыхъ монастырей. Такимъ образомъ древнерусское монашество было точнымъ показателемъ нравственнаго состоянія своего мірскаго общества: стремленіе покидать міръ усиливалось не оттого, что въ міру сколялись бѣдствія, а по мѣрѣ того, какъ въ немъ возвышались нравственныя силы. Это значитъ, что русское монашество было отреченіемъ отъ міра во имя идеаловъ, ему непосильныхъ, а не отрицаніемъ міра во имя началъ, ему враждебныхъ. Впрочемъ, историческіе факты здѣсь говорятъ не болѣе того, что подсказываетъ самая идея православнаго иночества. Эта связь русскаго монастыря съ міромъ обнаружилась и въ другомъ признакѣ перелома, въ перемѣнѣ самаго направленія монастырской жизни со времени преп. Сергія. До половины XIV в. почти всѣ монастыри на Руси возникали въ городахъ или подъ ихъ стѣнами; съ этого времени рѣшительный численный перевѣсъ получаютъ монастыри, возникавшіе вдали отъ городовъ, въ лѣсной глухой пустынѣ, ждавшей топора и сохи. Такъ къ основной цѣли монашества, къ борьбѣ съ недостатками духовной природы человѣка, присоединилась новая, борьба съ неудобствами внѣшней природы; лучше сказать, эта вторая цѣль стала новымъ средствомъ для достиженія первой.

Прен. Сергій съ своею обителью и своими учениками былъ образцомъ и начинателемъ въ этомъ оживленіи монастырской жизни. Колоніи Сергіевой обители, монастыри, основанные учениками преподобнаго или учениками его учениковъ, считались десятками, составляли ночти четвертую часть всего числа новыхъ монастырей во второмъ вѣкѣ татарскаго пга, и ночти всѣ эти колоніи были пустынные монастыри подобно своей митрополіи. Но убѣгая отъ соблазновъ міра, основатели этихъ монастырей служили его насущнымъ нуждамъ. До половины XIV в. масса русскаго населенія, сбитая врагами въ междурѣчье Оки и верхней Волги, робко жалась здѣсь по немногимъ расчищеннымъ среди лѣса и болотъ полосамъ удобной земли. Татары и Литва запирали выходъ изъ этого треугольника на западъ, югъ и юговостокъ. Оставался открытымъ путь на сѣверъ и сѣверо-востокъ за Волгу; но то былъ глухой

непроходимый край, кой-гдѣ занятый дикарями финнами; русскому крестьянину съ семьей и бѣднымъ инвентаремъ страшно было пуститься въ эти бездорожныя дебри. „Мало было тогда крещеныхъ людей за Волгой", говоритъ старая лѣтопись одного заволжскаго монастыря о временахъ до Сергія. Монахъ пустынникъ и пошелъ туда смѣлымъ развѣдчикомъ. Огромное большинство новыхъ монастырей съ половины XIV до конца XV в. возникло среди лѣсовъ костромскаго, ярославскаго и вологодскаго Заволжья: этотъ волжско-двинскій водораздѣлъ сталъ сѣверной Ѳиваидой православнаго востока. Старинные памятники исторіи русской Церкви разсказываютъ, сколько силы духа проявлено было русскимъ монашествомъ въ этомъ мирномъ завоеваніи финскаго языческаго заволжья для христіанской Церкви и русской народности. Многочисленные лѣсные монастыри становились здѣсь опорными пунктами крестьянской колонизаціи: монастырь служилъ для переселенца—хлѣбопашца и хозяйственнымъ руководителемъ, и ссудной кассой, и приходской церковью, и наконецъ пріютомъ подъ старость. Вокругъ монастырей осѣдало бродячее населеніе, какъ корнями деревьевъ сцѣпляется зыбучая песчаная почва. Ради спасенія души монахъ бѣжалъ изъ міра въ заволжскій лѣсъ, а міряннинъ цѣплялся за него и съ его помощью заводилъ въ этомъ лѣсу новый русскій міръ. Такъ создавалась верхне-волжская Великороссія дружными усиліями монаха и крестьянина, воспитанныхъ духомъ, какой вдохнулъ въ русское общество преп. Сергій.

Напутствуемые благословеніемъ старца, шли борцы, одни на югъ за Оку на татаръ, другіе на сѣверъ за Волгу на борьбу съ лѣсомъ и болотомъ.

Время давно свѣяло эти дѣла съ народной памяти, какъ оно же глубоко заметало вѣковой пылью кости куликовскихъ бойцовъ. Но память святаго пустынножителя доселѣ паритъ въ народномъ сознаніи, какъ гробъ съ его нетлѣющими останками невредимо стоитъ на поверхности земли. Чѣмъ дорога народу эта память, что она говоритъ ему, его уму и сердцу? Современнымъ, засохшимъ въ абстракціяхъ и схемахъ, языкомъ трудно изобразить живыя, глубоко сокрытыя движенія вѣрующей народной души. Въ эту душу глубоко запало какое-то сильное и свѣтлое впечатлѣніе, произведенное когда-то однимъ человѣкомъ и произведенное неуловимыми, безшумными нравственными средствами, про которыя не знаешь, что и разсказать, какъ не находишь словъ для передачи иного свѣтлаго и ободряющаго, хотя молчаливаго взгляда. Виновникъ впечатлѣнія давно ушелъ, исчезла и обстановка его дѣятельности, оставивъ скудные остатки въ монастырской ризницѣ да источникъ, изведенный его молитвою, а впечатлѣніе все живетъ, переливаясь свѣжей струею изъ поколѣнія въ поколѣніе, и ни народныя бѣдствія, ни нравственные переломы въ обществѣ доселѣ не могли сгладить его. Первое смутное ощущеніе нравственнаго мужества, первый проблескъ духовнаго пробужденія—вотъ въ чемъ состояло это впечатлѣніе. Примѣромъ своей жизни, высотой своего духа преп. Сергій поднялъ упавшій духъ роднаго народа, пробудилъ въ немъ довѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, вдохнулъ вѣру въ свое будущее. Онъ вышелъ изъ насъ, былъ плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь изъ нашихъ была доступна. Такъ думали тогда всѣ на Руси и это мнѣніе раздѣлялъ православный востокъ, подобно тому царградскому епископу, который, по разсказу Сергіева жизнеописателя, пріѣхавъ въ Москву и слыша всюду толки о великомъ русскомъ подвижникѣ, съ удивленіемъ восклицалъ: *како можетъ въ сихъ странахъ такоѣ свѣтильникъ явитися?* Преп. Сергій своей жизнью, самой возможностью такой жизни далъ почувствовать заскорбѣвшему народу, что въ немъ еще не все доброе погасло и замерло; своимъ появленіемъ среди соотечественниковъ, сидѣвшихъ *во тьмѣ и сѣни смертнѣй*, онъ открылъ имъ глаза на самихъ себя, помогъ имъ заглянуть въ свой собственный внутренній мракъ и разглядѣть тамъ еще тлѣвшія искры того-же огня, которымъ горѣлъ озарившій ихъ свѣточъ. Русскіе люди XIV вѣка признали это дѣйствіе чудомъ, потому что оживить и привести въ движеніе нравственное чувство народа, поднять его духъ выше его привычнаго уровня—такое проявленіе духовнаго вліянія всегда признавалось чудеснымъ, творческимъ актомъ; таково оно и есть по своему существу и происхожденію, потому что его источникъ—вѣра. Человѣкъ, разъ вдохнувшій въ общество такую вѣру, давшій ему живо ощутить въ себѣ присутствіе нравственныхъ силъ, которыхъ оно въ себѣ не чаило, становится для него носителемъ чудодѣйственной искры, способной зажечь и вызвать къ дѣйствію эти силы всегда, когда онѣ понадобятся, когда окажутся недостаточными наличныя обиходныя средства народной жизни. Впечатлѣніе людей XIV в. становилось вѣрованіемъ поколѣній, за ними слѣдовавшихъ. Отцы передавали воспринятое ими одушевленіе дѣтямъ, а они возводили его къ тому же источнику, изъ котораго впервые почерпнули его современники. Такъ духовное вліяніе преп. Сергія пережило его земное бытіе и перелилось въ его имя, которое изъ историческаго воспоминанія сдѣлалось вѣчно дѣятельнымъ нравственнымъ двигателемъ и вошло въ составъ духовнаго богатства народа. Это имя сохранило силу непосредственнаго личнаго впечатлѣнія, какое производилъ преподобный на современниковъ; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнѣть историческое воспоминаніе, замѣняясь церковною *памятью*, которая превращала это впечатлѣніе въ привычное, поднимающее духъ, настроеніе. Такъ теплота ощущается долго послѣ того, какъ погаснетъ ея источникъ. Этимъ настроеніемъ народъ жилъ цѣлые вѣка; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить го-

сударственный порядокъ. При имени преп. Сергія народъ вспоминаетъ свое нравственное возрожденіе, сдѣлавшее возможнымъ и возрожденіе политическое, и затверживаетъ правило, что политическая крѣпость прочна только тогда, когда держится на силѣ нравственной. Это возрожденіе и это правило—самые драгоцѣнные вклады преп. Сергія, не архивные или теоретическіе, а положенные въ живую душу народа, въ его нравственное содержаніе. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками дѣяній на общее благо, памятями дѣятелей, внесшихъ наибольшее количество добра въ свое общество. Съ этими памятниками и памятями срастается нравственное чувство народа; они—его питательная почва; въ нихъ его корни; оторвите его отъ нихъ—оно завянетъ, какъ скошенная трава. Они питаютъ не народное самомнѣніе, а мысль объ отвѣтственности потомковъ передъ великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память преп. Сергія, мы провѣряемъ самихъ себя, пересматриваемъ свой нравственный запасъ, завѣщанный намъ великими строителями нашего нравственнаго порядка, обновляемъ его, пополняя произведенныя въ немъ траты. Ворота лавры преп. Сергія затворятся и лампады надъ его гробницей погаснутъ только тогда, когда мы растратимъ этотъ запасъ безъ остатка, не пополняя его.

—

Въ заключеніе были избраны въ члены Общества: въ пожизненные — князь Александръ Сергіевичъ Оболенскій и въ дѣйствительные—12 предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ.

Передъ выборами и послѣ ихъ хоромъ г. Архангельскаго были исполнены нѣсколько сербскихъ и хорватскихъ пѣсенъ.

IV.

20 ДЕКАБРЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

I. По утвержденіи предложенной г. предсѣдателемъ программы засѣданія, собраніе единогласно опредѣлило: привести въ исполненіе постановленіе Совѣта Общества о передачѣ въ Попечительство надъ учащимися въ Москвѣ славянами завѣщаннаго инженеръ-поручикомъ Рудомазинымъ бывшему московскому славянскому обществу, на нужды балканскихъ славянъ—болгаръ и черногорцевъ, капитала, поступившаго, по ходатайству Совѣта, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніе Общества, съ нарослими на капиталъ процентами, всего 8.513 р. 32 к., за исключеніемъ изъ этой суммы, на точномъ основаніи постановленій собраній 23 марта 1869 г. и 19 апрѣля 1870 г. 10%, въ количествѣ 851 р. 32 к., для присоединенія къ основному капиталу Общества, при чемъ собраніе поручило Совѣту пригласить Правленіе Попечительства расходовать капиталъ нынѣ передаваемый, согласно волѣ завѣщателя и независимо сего, покорнѣйше просить принять мѣры къ привлеченію въ составъ Попечительства бывшихъ членовъ московскаго славянскаго общества и другихъ лицъ, сочувствующихъ славянамъ, а также озаботиться болѣе успѣшнымъ сборомъ членскихъ взносовъ за минувшіе два года.

II. Собраніемъ единогласно утвержденъ докладъ Совѣта о судьбѣ органа Славянскаго Общества „Славянское Обозрѣніе", при чемъ собраніе постановило: не прекращая въ 1893 г. журнала „Славянское Обозрѣніе", за отказомъ А. С. Будиловича отъ его редактированія, издавать подъ этимъ названіемъ повременные сборники, по мѣрѣ накопленія статей, и просить проф. И. С. Пальмова организовать ихъ редакцію, а на расходы по печатанію сборниковъ въ 1893 г. внести въ смѣту на этотъ годъ 2.000 р.

Что касается протоколовъ общихъ собраній и засѣданій Совѣта, то печатать таковые въ 1893 г. въ одномъ изъ распространенныхъ журналовъ, или же въ какой либо ежедневной газетѣ, по выбору Совѣта, съ ассигнованіемъ на это по смѣтѣ на 1893 г. 1.200 р., причемъ собраніе, согласно съ предложеніемъ одного изъ членовъ, предоставило Совѣту пополнить излишніе противъ ассигнованія расходы на печатаніе „сборниковъ" изъ суммы, назначенной на печатаніе „протоколовъ" и обратно.

III. Собраніемъ единогласно утверждена составленная Совѣтомъ смѣта прихода и расхода суммъ Славянскаго Общества въ 1893 г.

По этой смѣтѣ ожидается на приходъ 20.618 р., каковая сумма и назначена полностію на текущіе расходы 1893 г.

IV. Собраніемъ единогласно утверждены слѣдующія, одобренныя Совѣтомъ предположенія особой, выдѣленной изъ его состава, комиссіи для разработки вопроса о празднованіи 25-лѣтія существованія Славянскаго Общества:

а) собрать и напечатать, за счетъ Общества, протоколы собраній, состоявшихся въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ дѣятельности Общества, такъ какъ изданіе такой лѣтописи было бы продолженіемъ изданія протоколовъ собраній, состоявшихся въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ. Собраніе и изданіе этихъ протоколовъ просить взять на себя почетнаго члена Общества, секретаря Совѣта В. И. Аристова; потребную же на это сумму, не выше израсходованной въ 1883 г. на изданіе сборника: „Первыя 15 лѣтъ", покрыть частію изъ могущихъ образоваться въ 1892—1893 гг. остатковъ отъ расходнаго капитала, а частію изъ запаснаго капитала, позаимствованія изъ котораго и погашать поступленіями отъ продажи „Сборника".

б) составить и издать къ весне 1893 г. краткій очеркъ дѣятельности Общества въ первыя 25 лѣтъ его существованія. Составленіе этого очерка поручить члену Общества Ѳ. М. Истомину, расходъ же на изданіе покрыть также, какъ и расходъ на изданіе „Сборника протоколовъ“ частію изъ остатковъ отъ расходнаго капитала въ 1892—1893 гг., частію изъ запаснаго капитала, позаимствованія изъ котораго и погашать поступленіями отъ продажи „Очерка“.

в) напечатать къ весне 1893 г., составленную уже „Христоматію“, вслучаѣ, если она будетъ одобрена Совѣтомъ, по пересмотру ея Издательскою Комиссіею.

г) объявить къ тому же времени тему на соисканіе преміи въ память А. Ѳ. Гильфердинга, разработку которой, а также опредѣленіе размѣра преміи и срока представленія конкурсныхъ сочиненій возложить на Издательскую Комиссію, съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ доложилъ въ одномъ изъ слѣдующихъ собраній о результатахъ ея трудовъ по этому предмету.

д) поручить Совѣту озаботиться устройствомъ торжественнаго собранія по случаю 25-лѣтія Общества, которое и пріурочить къ 11 мая 1893 г., дню памяти славянскихъ Первоучителей св. Кирилла и Меѳодія.

Необходимыя для приведенія въ исполненіе этихъ предположеній суммы покрыть: а) на печатаніе „Христоматіи“—частію изъ остатковъ отъ расходнаго капитала въ 1892—1893 гг., частію же изъ капитала С. Е. Егорова, а уплату премій за лучшее сочиненіе въ память А. Ѳ. Гильфердинга и расходъ на печатаніе онаго отнести на капиталъ его имени.

За невозможностію опредѣлить нынѣ же всѣ расходы, необходимые на приведеніе предположеній Комиссіи въ исполненіе, общее собраніе уполномочило Совѣтъ отнести таковые на остатки отъ расходнаго капитала въ 1892—1893 гг. и на позаимствованія необходимыхъ суммъ изъ запаснаго капитала, не свыше 3.500 р.

Послѣдовавшія, затѣмъ, предложенія нѣкоторыхъ членовъ Общества: а) объ изданіи къ 25-лѣтію портретовъ должностныхъ лицъ и нѣкоторыхъ членовъ, особенно потрудившихся для Славянскаго Общества, а также б) объ изготовленіи жетоновъ—собраніе одобрило въ принципѣ и предоставило Совѣту право осуществить эти предположенія, если онѣ не вызовутъ крупныхъ расходовъ и будутъ признаны удобоисполнимыми.

Въ заключеніе, собраніе избрало особую Комиссію, въ составѣ членовъ Совѣта: В. И. Аристова и А. А. Панкова и членовъ Общества: А. В. Васильева и И. П. Домонтовича, для разработки предложенія сего послѣдняго о постановкѣ въ Александровскомъ саду, по соглашенію съ городскимъ управленіемъ, памятника кому либо изъ русскихъ писателей, особенно дорогихъ для Славянскаго Общества и всего славянскаго міра.

По поводу другаго предложенія И. П. Домонтовича о дополненіи § 3 дѣйствующаго устава Общества словами: членовъ—соревнователей—собраніе уполномочило Совѣтъ Общества, въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія, войти съ представленіемъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи такого дополненія.

Въ томъ же собраніи избраны: въ пожизненные члены Общества: Егорова, Пелагія Стефановна, и въ дѣйствительные—4 предложенныхъ Совѣтомъ кандидата.

1893 ГОДЪ.

Послѣднимъ въ первое 25-лѣтіе общимъ собраніемъ было собраніе

14 ФЕВРАЛЯ,

подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева:

Въ собраніи присутствовали: преосвященные: Арсеній, епископъ рижскій и митавскій, и Никандръ, епископъ нарвскій, протопресвитеры: Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ и Александръ Алексѣевичъ Желобовскій, сербскій посланникъ Алимпій Васильевичъ, много высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и до 800 постороннихъ посѣтителей.

Послѣ обычной молитвы—тропаря славянскимъ Первоучителямъ, исполненной хоромъ А. А. Архангельскаго, г. предсѣдатель обратился къ преосвященному Арсенію съ просьбою принять почетное предсѣдательство, на что преосвященный и изъявилъ свое согласіе, преподавъ присутствующимъ архипастырское благословеніе.

Затѣмъ г. предсѣдатель Общества обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

Ваше преосвященство,
милостивые архипастыри и отцы,
мм. государыни и государи.

И въ этотъ разъ собрались мы подъ хоругвію св. Кирилла и Меѳодія чествовать ихъ святую память и помянуть, по установившемуся обычаю, почившихъ сочленовъ нашихъ, а также представить вамъ отчетъ о дѣятельности Общества въ 1892 г.

Я начну съ чтенія отчета. Послѣ отчета,

мы выслушаемъ рѣчи: о. прот. Петра Алексѣевича Смирнова: „О православіи вообще и въ частности по отношенію къ славянскимъ народамъ", А. А. Папкова „О церковныхъ братствахъ" и некрологъ П. Н. Батюшкова, написанный М. И. Городецкимъ.

Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ 1892 г.

I. Составъ Общества.

Въ 1892 г. въ Обществѣ состояло членовъ:

почетныхъ	32
пожизненныхъ	70
и дѣйствительныхъ . . .	392
Всего	494

Въ отчетномъ году избраны: въ пожизненные члены—Пелагія Стефановна Егорова, князь Александръ Сергѣевичъ Ооболенскій, Павелъ Александровичъ Перелешинъ и Николай Ѳеодоровичъ Фанъ-деръ-Флитъ и въ дѣйствительные—35 предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ.

Тяжелый для Россіи 1892 г. унесъ изъ среды нашей не мало дорогихъ сочленовъ.

Въ теченіе прошлаго года почили: почетный членъ нашего Общества, высокопреосвященнѣйшій Исидоръ, митрополитъ петербургскій, пожизненные члены: М. И. Семевскій, П. М. Шевцовъ, А. К. Гейнсъ и дѣйствительные члены: П. Н. Батюшковъ, А. Д. Сатинъ, С. М. Третьяковъ, П. А. Лишинъ и Н. Н. Вельяминовъ.

Нѣкоторыхъ изъ почившихъ (М. И. Семевскаго и П. Н. Батюшкова) мы уже помянули въ торжественномъ собраніи 11 мая.

Сегодня мы посвятимъ по нѣскольку словъ памяти въ Бозѣ почившихъ: высокопреосвященнѣйшаго Исидора, Гейнса, Шевцова, Сатина, Третьякова, Лишина и Вельяминова.

Высокопреосвященнѣйшій Исидоръ, умершій 7 сентября, на исходѣ 93 г. жизни, былъ ученикомъ и ближайшимъ помощникомъ незабвеннаго митрополита Филарета. Старѣйшій и заслуженнѣйшій изъ всѣхъ іерарховъ Россійской Церкви, 67 лѣтъ состоялъ онъ въ монашествѣ, въ томъ числѣ—58 въ санѣ архіерейскомъ, 36 въ санѣ митрополита и 32 года первенствующимъ членомъ св. Сунода. Почившій былъ дѣятельнѣйшимъ участникомъ въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православною Церковію и въ переводѣ библіи на русскій языкъ. Онъ рукоположилъ болѣе ста епископовъ и совершилъ мурропомазаніе царствующаго Государя Императора. Въ звавіи почетнаго члена нашего Общества почившій принималъ самое живое участіе во всѣхъ его начинаніяхъ.

Долголѣтніе труды высокопреосвященнѣйшаго Исидора въ Церкви Божіей подлежатъ оцѣнкѣ безпристрастной исторіи... Мы же вознесемъ теплыя молитвы о упокоеніи души почившаго святителя въ селеніяхъ праведныхъ.

Генералъ-маіоръ Иванъ Андреевичъ Лишинъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ бывшей Комиссіи по сбору пожертвованій для помощи балканскимъ славянамъ и снаряженія добровольцевъ въ Сербію, гдѣ и самъ принималъ участіе въ битвахъ съ турками и затѣмъ участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. Выйдя въ отставку, онъ былъ виднымъ самарскимъ земскимъ дѣятелемъ, твердо стоявшимъ за земскія нужды. Всегда бодрый, отзывчивый на все доброе, Иванъ Андреевичъ пользовался общею любовью и уваженіемъ всѣхъ его знавшихъ.

Генералъ отъ инфантеріи Николай Николаевичъ Вельяминовъ участвовалъ въ венгерскомъ походѣ, въ крымской войнѣ, въ усмиреніи польскихъ мятежниковъ и въ послѣдней русско-турецкой войнѣ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ помощниковъ генерала Гурко при переходѣ русскихъ войскъ черезъ Балканы. За свои боевыя заслуги, распорядительность и отличія покойный имѣлъ множество наградъ. Въ послѣднее время онъ состоялъ директоромъ николаевской измайловской военной богадѣльни и членомъ александровскаго комитета о раненыхъ.

Генералъ-лейтенантъ Александръ Константиновичъ Гейвсъ участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, въ походахъ противъ бухарцевъ и взятіи Самарканда и послѣдовательно занималъ должности туркестанскаго губернатора, одесскаго градоначальника и казанскаго губернатора.

Отставной морякъ Аркадій Димитріевичъ Сатинъ, участникъ синопскаго боя, былъ однимъ изъ немногихъ остающихся въ живыхъ защитниковъ Севастополя.

Генералъ-маіоръ Николай Михайловичъ Шевцовъ, образованнѣйшій военный инженеръ, строитель ковенской крѣпости, оставилъ по себѣ самую лучшую память...

Сергій Михайловичъ Третьяковъ, бывшій московскій городской голова, извѣстный благотворитель и любитель искусствъ, останется навсегда памятнымъ для Москвы, какъ принесшій ей въ даръ собранную имъ замѣчательную картинную галлерею.

Да сохранится же во вѣки память о почившихъ и въ нашемъ Обществѣ.

II. Комиссіи.

Въ 1892 г. при Совѣтѣ Общества состояли слѣдующія комиссіи:

1. Издательская, которою напечатаны: вторымъ изданіемъ—Славянская азбука, составленная А. Ѳ. Гильфердингомъ, и первымъ изданіемъ—русско-словенскій словарь, составленный А. М. Мичаткомъ. Теперь комиссія оканчиваетъ печатаніе, вторымъ изданіемъ, сочиненія А. Ѳ. Гильфердинга: „Гусъ и его отношеніе къ православной Церкви".

2. Ревизіонная—для провѣрки приходорасходныхъ книгъ и суммъ Славянскаго Общества въ 1892 г. По тщательной провѣркѣ книгъ, документовъ и суммъ, комиссія эта нашла и суммы, и книги, и документы въ надлежащемъ порядкѣ, о чемъ и составила протоколъ. Включенныя въ протоколъ указанія Совѣтъ Общества принялъ къ руководству и сдѣлалъ, согласно замѣчаній комиссіи, надлежащія въ книгахъ исправленія.

3. Комиссія для разработки вопроса о празднованіи истекающаго 25-лѣтія существова-

нія Славянскаго Общества,—нѣкоторыя предположенія которой уже одобрены общимъ собраніемъ 20 декабря.

4. Комиссія для разработки предложенія И. И. Домонтовича, о сооруженіи въ Петербургѣ на средства членовъ Славянскаго общества памятника Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову и его двумъ сыновьямъ—Константину и Ивану.

Заключенія этой послѣдней комиссіи будутъ доложены въ одномъ изъ слѣдующихъ распорядительныхъ собраній.

III. Общія собранія.

Въ 1892 г. состоялось 4 собранія, въ томъ числѣ три—14 февраля, 11 мая и 15 ноября—торжественныя.

Въ торжественныхъ собраніяхъ были произнесены и прочитаны памятныя вамъ рѣчи и статьи: а) предсѣдателемъ: отчетъ о дѣятельности Славянскаго Общества въ 1891 г., некрологи почившихъ членовъ: М. П. Семевскаго и П. Н. Батюшкова, рѣчь: „по поводу 900-лѣтія со времени утвержденія православной Церкви на Волыни", „о чествованіи 500-лѣтія со дня кончины прен. Сергія" и доклады Совѣта Общества по текущимъ дѣламъ и вопросамъ; б) прот. А. А. Лебедевымъ—статья А. С. Будиловича „о православіи на Волыни"; в) А. В. Васильевымъ—статья „Успѣхи православія въ Сѣверной Америкѣ", по сообщеніямъ свящ. Алексѣя Товта, изъ Миннеаполиса; г) А. А. Паиковымъ составленная имъ статья: „Воинствующій германизмъ"; д) А. К. Людскановымъ—его статья: „Объ иновѣрной пропагандѣ въ Болгаріи"; е) Ѳ. М. Истоминымъ—статья проф. Завитневича: „Алексѣй Стефановичъ Хомяковъ" и В. І. Ключевскаго, рѣчь—произнесенная имъ 26 сентября на торжественномъ актѣ московской духовной академіи: „св. Сергій"; ж) Д. Л. Мордовцевымъ—некрологъ І. І. Первольфа; з) В. П. Аристовымъ—статья А. С. Будиловича: „Іоаннъ-Амосъ Коменскій"; и) проф. И. С. Пальмовымъ—статья: „О нынѣшнемъ положеніи греко-славянскаго міра"; і) проф. С. А. Соллертинскимъ, написанныя имъ статьи: 1) „О злобѣ дня" и 2) „О значеніи св. Сергія въ исторической жизни русскаго народа" и к) священникомъ Ф. Н. Орватскимъ—его статья: „О воспитательномъ значеніи прен. Сергія".

Распорядительное собраніе, состоявшееся 20 декабря, было посвящено разсмотрѣнію смѣты доходовъ и расходовъ Общества въ 1893 г. и разрѣшенію докладовъ Совѣта по текущимъ дѣламъ: о передачѣ капитала инженеръ-поручика Рудомазина, завѣщаннаго имъ московскому славянскому обществу, въ Московское Попечительство; объ отказѣ А. С. Будиловича отъ редактированія „Славянскаго Обозрѣнія" въ 1893 г. и объ изданіи Обществомъ вмѣсто этого журнала повременныхъ сборниковъ подъ тѣмъ же названіемъ, по мѣрѣ накопленія статей, и о мѣропріятіяхъ Совѣта, относящихся къ празднованію 25-лѣтія существованія Славянскаго Общества.

IV. Засѣданія Совѣта.

Засѣданій Совѣта въ 1892 г. состоялось 15. Засѣданія эти были посвящены разрѣшенію текущихъ дѣлъ, разсмотрѣнію просьбъ о пособіяхъ церквамъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ и славянскимъ юношамъ, прибывающимъ въ Россію для образованія, а также обсужденію вопросовъ о продолженіи изданія въ 1893 г. журнала: „Славянское Обозрѣніе" и о празднованіи 25-лѣтія существованія Общества.

V. Воспитаніе славянъ.

Въ теченіе 1892 г. на попеченіи Славянскаго Общества состояло: 28 стипендіатовъ и 7 стипендіатокъ: 4—въ с.-петербургскомъ университетѣ, 8—въ военно-медицинской академіи, 1—въ императорской академіи художествъ, 3—въ технологическомъ институтѣ, 1—въ лѣсномъ институтѣ, 1—въ придворной капеллѣ, 1—во 2-й с.-петербургской гимназіи, 1—въ морехолныхъ классахъ петербургскаго яхтъ-клуба, 2—въ пансіонѣ Ѳ. Н. Минкова, 3—въ с.-петербургской духовной академіи, 1—въ виленской семинаріи, 1—въ училищѣ садоводства и винодѣлія при императорскомъ никитскомъ садѣ, 1—въ тверскомъ кавалерійскомъ училищѣ, 1—на высшихъ курсахъ, 1—на педагогическихъ курсахъ, 2—на надежднскихъ повивальныхъ курсахъ, 1—въ школѣ с.-петербургскаго патріотическаго общества и 2—въ ярославской женской гимназіи.

По народностямъ въ числѣ стипендіатовъ были: 15 болгаръ, 2 герцеговинца, 6 сербовъ, 3 черногорца, 2 чеха, 6 болгарокъ и 1 черногорка.

Изъ числа стипендіатовъ: 1 болгаринъ окончилъ курсъ въ придворной капеллѣ и уѣхалъ на родину, 2 болгарина и 1 сербъ поступили на попеченіе комиссіи по образованію въ Россіи южныхъ славянъ, 1 болгарка оставила высшіе курсы, 1 сербъ, какъ два года остающійся на одномъ и томъ же курсѣ, лишенъ стипендіи и 2 болгарина поступили въ кадетскій корпусъ.

VI. Собранія членовъ Общества по понедѣльникамъ.

Въ этихъ собраніяхъ происходилъ обмѣнъ мыслей между присутствующими и сдѣланы были нѣкоторыя сообщенія по славянскимъ вопросамъ.

VII. Собранія стипендіатовъ.

Болгарская молодежь охотно посѣщала свои собранія и занималась чтеніемъ и обсужденіемъ сообщеній по научнымъ вопросамъ.

Собранія сербской молодежи, къ сожалѣнію, были рѣдки и малочисленны, такъ какъ сербы, большею частью студенты медики, бывъ призваны для борьбы съ холерою, по возвращеніи, должны были усиленно готовиться къ выпускнымъ испытаніямъ и, потому, не могли удѣлять достаточно времени для своихъ собраній.

VIII. Изданія „Славянскаго Общества".

Редакторъ „Славянскаго Обозрѣнія" проф. А. С. Будиловичъ, съ назначеніемъ его на отвѣтственную должность ректора юрьевскаго университета, вынужденъ былъ отказаться отъ редактированія названнаго изданія. Такъ какъ никто изъ лицъ, къ которымъ Совѣтъ обращался съ просьбою принять на себя ве-

деніе этого журнала, не изъявилъ на то согласія, то Совѣтъ постановилъ: не прекращая изданія „Обозрѣнія“, издавать въ 1893 г. непремѣнные сборники подъ названіемъ „Славянское Обозрѣніе“, по мѣрѣ накопленія статей, каковое постановленіе и одобрено уже собраніемъ 20 декабря.

Цифровой отчетъ.

По смѣтѣ 1892 г. ожидалось всѣхъ доходовъ. .	23.572 р.	38 к.
въ дѣйствительности же поступило.	33.216 „	43 „
Изъ этой суммы были покрыты:		
а) смѣтн. назначенія на	20.926 „	— „
б) расходы по постановленіямъ собраній: 1) 28 января 1890 г. на составленіе и печатаніе русско-словенскаго словаря, всего	1.878 „	74 „
(въ томъ числѣ 1.308 р. 74 коп. изъ суммъ Общества и 570 р. пожертвованные С. Е. Егоровымъ), 2) 20 декабря 1892 г. за бумагу для сборника протоколовъ собраній, состоявшихся въ послѣднія 10 лѣтъ .	288 „	50 „
в) расходы, не предусмотрѣнные смѣтою, на	7.135 „	20 „

въ томъ числѣ 1.000 р., посланные высокопреосвященному Модесту, архіепископу волынскому для пособія галичанамъ переселенцамъ на Волыни, 330 р. отправленные въ Особый Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, на теплую пищу для дѣтей церковноприходскихъ школъ, въ дополненіе къ 10.000 р., представленнымъ въ тотъ же Комитетъ въ 1891 г., 6.105 р. 20 к. на пособіе нуждающимся славянамъ и на воспособленіе стипендіатамъ и добровольцамъ и др. необходимые расходы въ большемъ противу смѣты размѣрѣ, по дѣйствительной надобности.

За симъ въ распоряженіи Общества къ 1 января 1893 г. оставалось 223.365 р. 89½ к. (болѣе противу остатка къ 1892 г. на 2.687 р. 99 к.), которые и заключаются:

а) въ процентныхъ бумагахъ на.	217.100 р.	— к.
б) на текущемъ счетѣ.	3.383 „	10 „
и в) въ наличныхъ . .	2.882 „	79½ „

Соразмѣряя предлежавшія по поступавшимъ прошеніямъ выдачи пособій съ ростомъ доходовъ, Совѣтъ Общества не считалъ себя вправѣ отказывать такимъ, напримѣръ, добровольцамъ, которые ни разу не обращались до послѣдняго года съ просьбами о пособіи, а такопыхъ въ послѣднее время было немало: они просили о пособіяхъ на леченіе, или же на воспитаніе дѣтей, о чемъ просили также и безпомощныя, оспротѣлыя семьи, оставшіяся послѣ умершихъ добровольцевъ.

Вотъ почему Совѣтъ, вмѣсто назначенныхъ по смѣтѣ на пособіе добровольцамъ—1.600 р., израсходовалъ 2.677 р. 91 к., каковую сумму тѣмъ не менѣе нельзя не признать крайне скудною въ сравненіи съ числомъ просителей (80 чел.).

За тѣмъ, Совѣтъ вынужденъ былъ во многихъ случаяхъ отказывать въ пособіяхъ многимъ молодымъ славянамъ, прибывшимъ въ Россію для образованія, и все-таки расходъ на воспитаніе въ Россіи славянъ въ 1892 г. вмѣсто 4.700 р., назначенныхъ по смѣтѣ, достигъ 6.043 р.

Кромѣ этого Совѣтомъ практиковался еще особый родъ помощи—выдача пріѣзжимъ славянамъ временныхъ пособій, чтобы дать имъ возможность на первыхъ порахъ по пріѣздѣ въ Россію до поступленія въ учебныя заведенія, или же до пріисканія какихъ-либо занятій—бороться съ нуждою. Такого рода расходы, конечно, никакими смѣтами предвидѣны быть не могутъ и зависятъ отъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ то или другое время въ виду Совѣта.

Вотъ условія, вслѣдствіе которыхъ Совѣту невозможно было стѣснить свою дѣятельность въ опредѣленныя смѣтою рамки, и Совѣтъ,—когда были поступленія сверхсмѣтныя—осмотрительно выдавалъ изъ нихъ пособія, а не было таковыхъ—отказывалъ просителямъ въ помощи, указывая однакоже имъ путь, гдѣ они таковую могли получить.

Обо всемъ этомъ уже не разъ было докладываемо вамъ, м. г., не съ цѣлію удовлетворить только любопытство ваше, а съ цѣлію вызвать въ средѣ вашей готовность удвоить старанія къ умноженію доходовъ Общества и къ привлеченію въ его составъ возможно большаго числа новыхъ членовъ. Нарастающія потребности и увеличивающаяся дѣятельность Общества требуютъ все большихъ и большихъ денежныхъ средствъ, Общество же получило членскихъ взносовъ въ 1890 г.—2.425 р., въ 1891 г.—2.795 р. и въ 1892 г.—2.775 р. Считаемъ долгомъ заявить, что если бы не сердечное содѣйствіе православнаго духовенства въ дѣлѣ церковныхъ сборовъ, наше Общество не могло бы дѣйствовать и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ теперь оно ведетъ свою дѣятельность.

Поэтому еще и еще прошу васъ: удвойте ваши старанія о привлеченіи въ наше Общество новыхъ членовъ, дабы съ новыми силами мы успѣшнѣе могли дѣлать святое дѣло благотворенія, завѣщанное нашими предшественниками.

Окончивъ чтеніе отчета, графъ Н. П. Игнатьевъ предложилъ утвердить этотъ отчетъ, на что и послѣдовало согласіе собранія.

Послѣ исполненнаго хоромъ А. А. Архангельскаго пѣсмоса: „Утвержденіе на Тя надѣющихся“ г. предсѣдатель добавилъ:

Вслѣдствіе сдѣланныхъ мнѣ замѣчаній объ утомительности нашихъ отчетовъ, докладываемыхъ собранію, которые могли бы разсматриваться келейно, я прошу позволенія сказать нѣсколько словъ. Сообщеніе въ собраніяхъ отчета нашего—какъ то ни кажется скучнымъ нашимъ слушателямъ, необходимо по слѣдующимъ двумъ причинамъ: по 1-хъ, потому, что, по нашему убѣжденію, каждая

пожертвованная намъ на извѣстный предметъ или вообще общественная копѣйка должна быть охраняема строгою и, по возможности, гласною отчетностью; и во 2-хъ, при постоянномъ желаніи нашихъ недруговъ, угнетателей славянъ и даже мнимыхъ пріятелей, воображать или притворяться видящими вездѣ катящіеся по славянскимъ землямъ русскіе рубли и объяснять этимъ пробужденіе и возрожденіе славянскаго самосознанія, а равно и неудачу разныхъ ухищреній и политическихъ фокусовъ, клонящихся неизмѣнно ко вреду славянскихъ населеній и къ отдаленію ихъ отъ Россіи,—не худо, чтобы количество тѣхъ рублей, которыми располагаетъ Славянское Благотворительное Общество и даже самое употребленіе ихъ не оставались неизвѣстными. Мы свѣта не избѣгаемъ и правды, посрамляющей клевету, происки, извѣты и сплетни,—не боимся, а, напротивъ, ищемъ свѣта и правды. Осѣняемые хоругвію св. Кирилла и Меѳодія, мы не творимъ зла, а стараемся дѣлать добро и благо, какъ подобаетъ Славянскому Благотворительному Обществу.

Слова эти были привѣтствованы громкими рукоплесканіями.

Въ заключеніе перваго отдѣленія засѣданія, о. прот. П. А. Смирновъ прочиталъ написанную имъ, печатаемую ниже статью „о православіи", прослушанную съ глубочайшимъ вниманіемъ.

Послѣ небольшого перерыва, второе отдѣленіе начато было пѣніемъ хорома: „Слава на небѣ" и чтеніемъ А. А. Панковымъ написанной имъ статьи: „О церковныхъ братствахъ" и заключено чтеніемъ написаннаго М. И. Городецкимъ некролога П. Н. Батюшкова.

Оба эти чтенія, печатаемыя ниже, были покрыты громкими рукоплесканіями.

Во второмъ отдѣленіи хоромъ были исполнены славянскія пѣсни: „Вечеръ на Савѣ", „Ой Хорвати!" („Гей, Славяне") и „Ночнія стражари".

Въ собраніи были избраны въ пожизненные члены Общества: Валентина, игумевія Воскресенскаго новодѣвичьяго монастыря, Соловьевъ, прот., Евгеній Васильевичъ и въ дѣйствительные—12, предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ.

Собраніе было закончено пѣніемъ величанія св. Кириллу и Меѳодію и закрыто въ 11 ч. вечера.

Рѣчь о. прот. П. А. Смирнова:

О православіи вообще и въ частности по отношенію къ славянскимъ народамъ.

Нынѣшній день Церковь совершаетъ торжество православія. Предъ глазами возникаетъ длинная, восьмисотлѣтняя, великая борьба сперва за самую святую вѣру, а затѣмъ за правое ея исповѣданіе. Наконецъ, помощію Божіею, кровію мучениковъ и исповѣдниковъ, трудами и страданіями до крови святителей и учителей Церкви, достигнута славная побѣда, въ память которой и установленъ сей праздникъ.

Нынѣ же воспоминается въ Церкви блаженная кончина святаго Кирилла, Первоучителя славянскаго. Проповѣдь православія, борьба за православіе, скорби и страданія за православіе—вотъ исторія всей его жизни, и на смертномъ одрѣ онъ молился, чтобы Господь сохранилъ собранное имъ стадо въ единомысліи и правомъ исповѣданіи вѣры.

Столь знаменательное совпаденіе церковныхъ воспоминаній указуетъ предметъ бесѣды о православіи и въ особенности по отношенію къ великой паствѣ святаго Кирилла—народамъ славянскимъ. Съ этой каѳедры уже не разъ говорилось на эту тему. Заявлялось и утверждалось, какъ нѣчто несомнѣнное, что православіе всегда имѣло самое благодѣтельное вліяніе на жизнь славянскихъ народовъ, что только подъ условіемъ православія она быстро и стройно развивалась, при чемъ проявлялись богатыя дарованія славянской природы, сохранялась самобытность славянскихъ племенъ и поддерживалось общевіе ихъ съ другими родственными племенами. Гдѣ же славяне измѣняли православію, тамъ чувствовался и чувствуется какой-то гнетъ на жизни народной, она задерживалась въ проявленіи своихъ силъ, даже совсѣмъ заглушалась, и вмѣсто единенія, свойственнаго дѣтямъ единой великой семьи славянской, возникали между родственными племенами гибельныя для нихъ распри, нестроенія, даже вражда. Но что такое православіе и почему оно имѣетъ такое благодѣтельное вліяніе на развитіе въ особенности славянскихъ народовъ, эти вопросы, кажется, еще не затрогивались. Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на эти вопросы я рѣшаюсь предложить теперь вашему благосклонному вниманію.

Что такое православіе? Какая трудная и обширная тема! Можно ли исчернать содержаніе этого премудрено богатаго слова? Если хотя бѣглымъ взоромъ окинуть, — это область безпредѣльная.

Православіе—это не только правое исповѣданіе вѣры, но и правая жизнь. Съ точки зрѣнія православія иначе ставятся коренные вопросы жизни, чѣмъ подъ угломъ зрѣнія иныхъ, хотя бы также христіанскихъ, исповѣданій. Православіе, напримѣръ, отвергаетъ возникшее на почвѣ католичества ученіе о добродѣтели, какъ нѣкоей заслугѣ предъ Богомъ, которая въ спасеніи человѣка какъ бы только оплачивается, равно какъ и ученіе о сверхдолжныхъ дѣлахъ у святыхъ, которыя якобы можетъ совершить человѣкъ сверхъ того, что онъ долженъ сдѣлать ради своего спасенія, и которыя затѣмъ поступаютъ въ сокровищницу Церкви для успоенія другими нетрудившимися; отвергаетъ и протестантское ученіе объ оправданіи одною вѣрою, которое послѣ долгихъ перетолкованій на западѣ, принесъ сюда въ Петербургъ лордъ, незваный апостолъ, и предложилъ въ поправившейся столь многимъ формѣ: „живи какъ хочешь, только вѣруй, и все тебѣ будетъ прощено", какъ будто чистый елей вѣры можетъ свѣтло горѣть въ переполненномъ нечистотами сосудѣ. Православіе не даетъ никакого послабленія грѣху и стра-

сти, твердо и настойчиво требуетъ выраженія вѣры въ любви и добрыхъ дѣлахъ, прямо и ясно ставитъ вопросъ о добродѣтели, какъ долгѣ передъ Богомъ, котораго никогда человѣкъ не можетъ совершенно выполнить. Посему сколько бы ни подвизался праведникъ въ дѣланіи добра, онъ почитаетъ себя, по слову Господню, рабомъ неключимымъ и, падая ницъ предъ Чашею жизни, искреннѣйше сознаетъ и называетъ себя первымъ изъ грѣшниковъ.

Православіе не только правая вѣра и жизнь, но и правильное, подобающее величію Бога, служеніе Ему. Иная обстановка православнаго храма, чѣмъ костела и кирхи, иные обряды, иное въ богослуженіи. Не будемъ входить въ подробности, укажемъ наиболѣе видимое и слышимое. Предъ нами исполненные, какъ должно, образцы византійской иконописи; сравните ихъ съ самыми лучшими итальянскими, испанскими и другими образцами—увидите разницу. Скажете о сихъ послѣднихъ: это восхитительно, прекрасно, а правда здѣсь: это какъ-то болѣе идетъ къ святынѣ храма, сообразнѣе съ духомъ молитвы. Посему изъ множества великихъ произведеній запада православіемъ усвоены лишь весьма немногія, куда не приразилась земная страсть. Въ православныхъ храмахъ наиболѣе встрѣчаются, напримѣръ, изображеніе Богоматери (Сикстинская Мадонна) Рафаэля, или Тайной Вечери Леовардо-да-Винчи, немногія другія,—и вадобно сознаться, что это въ произведеніяхъ церковной живописи запада самое лучшее. Слышите величественные звуки органа, дивные переливы голосовъ въ хорѣ, чудныя музыкальныя произведенія нѣспѣннаго искусства и услышите древнимъ напѣвомъ исполненный догматикъ, наприм., „Всемірную славу", или „Кто Тебѣ не удивится, Пресвятая Дѣво", или прмосы, напр., „Глубины открылъ есть дно", или „Волною морскою", или, какъ сейчасъ слышали, „Помощникъ и Покровитель", и онять почувствуете разницу. Тамъ искусство все сдѣлало, что могло, и даетъ намъ минуты восторга, душа подъемлется, уносится куда-то далеко, далеко, уносится, и забываетъ человѣкъ, зачѣмъ пришелъ въ этотъ храмъ, и молитвы въ душѣ уже не стало: здѣсь умиляемся, потрясаемся до глубины души, падаемъ ницъ предъ Господомъ и молимся. Есть службы, подобныхъ которымъ нѣтъ въ другихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, на которыхъ однакоже сами иновѣрцы чувствуютъ соприкосновеніе земли и неба: укажу для примѣра дивную пасхальную службу.

Православіе не только правое служеніе Богу и вѣрою, и жизнію, и обрядомъ, но и строгая соразмѣрность въ проявленіяхъ всѣхъ силъ души, въ стремленіи помысловъ и желаній, во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ. Это срединный золотой путь жизни, гдѣ чуднымъ образомъ сочетаваются и вѣра и разумъ, и страхъ и любовь, и послушаніе и свобода, гдѣ не по страху, а отъ сердца и свободно повинуются предержащимъ властямъ, гдѣ тяжкое бѣдствіе, попущенное Богомъ, переносится съ смиреніемъ и упованіемъ вѣры, гдѣ истинное геройство духа, ознаменованное побѣдами, умѣетъ искренно смириться предъ властію притѣснителя - иноземца, нисколько не роняя при томъ своего достоинства, напротивъ, возбуждая къ себѣ даже въ необузданныхъ дикаряхъ невольную дань уваженія, какъ это видимъ въ жизни благовѣрнаго князя Александра Невскаго, гдѣ, совершенно отрѣшившіеся отъ міра иноки, не оставляя пустыни, пріемлютъ самое живое участіе въ судьбахъ родной страны и дѣйственнѣе военачальниковъ помогаютъ ей въ борьбѣ съ врагами, какъ это видимъ въ исторіи преподобнаго Сергія, гдѣ искреннѣйшая любовь и почтеніе къ Царю, Помазаннику Божію, соединяется съ безбоязненнымъ дерзновеніемъ сказать ему слово правды и даже суда духовнаго, какъ это видимъ въ жизни святаго митрополита Филиппа. Въ истинно-православномъ царствѣ не мыслимо ни гордо презрѣлое преобладаніе высшихъ, ни приспособленный мрачной злобы пролетаріатъ. Читая теперь, что творилось и творится на западѣ, до чего дошла наука въ своихъ отрицаніяхъ, искусство въ своихъ низменныхъ стремленіяхъ, до чего унала и какъ развратилась самая власть, народомъ поставленная и извлекающая изъ него всѣ жизненные соки, невольно думается, что если бы эти народы, владѣющіе такими богатыми средствами и природы, и науки, и искусства, жили и развивались въ духѣ православія? Увы! Отдаленная, т. е. основная, причина всѣхъ золъ, разъѣдающихъ западъ, коренится въ отступленіи отъ православія!

Что же? Не рисую ли я жизни идеальной? Какъ можно не только одному человѣку, но и цѣлому обществу идти прямою стезею, не уклоняясь въ сторону, когда въ жизни человѣческой столько бываетъ неотразимыхъ постороннихъ вліяній, столкновеній, соблазновъ, искушеній, напастей, и всякъ человѣкъ, въ частности, ложь есть (Пс. 115, 2)? Да, православіе—идеалъ жизни. Идея православія—это звѣзда, сіяющая намъ съ высоты небесъ и освѣщающая путь жизни отъ колыбели до могилы и даже за могилой. Строгія требованія православія всегда возвышаются надъ жизнію, какъ нѣчто вполнѣ и всегда въ равной мѣрѣ недостижимое. Но, какъ ни строги сіи требованія, при помощи всесильной благодати Господней, насколько возможно при настоящемъ грѣховномъ состояніи, хотя не во всей должной мѣрѣ и не всегда одинаково, они выполняются не только въ жизни отдѣльныхъ людей, но и обществъ, и цѣлыхъ народовъ, какъ это видно уже изъ указанныхъ сейчасъ примѣровъ. Со стороны каждаго человѣка въ отдѣльности требуется постоянное и неослабное наблюденіе, точно ли онъ идетъ путемъ Господнимъ, неуклонное пользованіе тѣми благодатными средствами, которыя даны намъ для спасенія по великой милости Искупителя міра. Вотъ нѣкоторыя изъ правилъ для жизни желающаго сохранить себя въ православіи. Смотрите, берегитесь закваски фарисейской

и саддукейской (Мѳ. 16, 6). Берегитесь лжепророковъ (Мѳ. 17, 1). Не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они (Іоан. 4, 1). Все испытывайте, хорошаго держитесь (Іоан. 5, 21). Входите тѣсными вратами, потому что широки врата и пространенъ путь, ведущіе къ погибели (ст. 13). Кто думаетъ, что онъ стоитъ, берегись, чтобъ не упасть (1 Кор. 10, 12). Наблюдать, какимъ путемъ движется жизнь семейная и общественная—долгъ тѣхъ, кому Господь ввѣрилъ паченіе Своихъ овецъ и управленіе народомъ. При постоянномъ бодрствованіи, при усиліяхъ къ исполненію закона Господня на всѣхъ путяхъ жизни, многіе не только соблюли себя въ православіи, но и заслужили почетнѣйшее въ Церкви наименованіе столповъ вѣры и Церкви. Что и цѣлые народы, при помощи Господа, могли и могутъ идти срединнымъ золотымъ путемъ православія, это показываютъ тѣ формы и типы жизни народной, въ которыхъ выразилась идея православія, и въ которыхъ человѣку, ревнующему о соблюденіи себя на пути правомъ, чувствуется такъ легко, удобно и пріятно. Ошибки и уклоненія неизбѣжны въ жизни человѣческой, но они исправляются покаяніемъ и обращеніемъ на путь правый, при непрестанномъ и ближайшемъ руководительствѣ свыше. Невозможная у человѣковъ возможна суть отъ Бога (Лук. 18, 28).

Такъ какъ идеалъ православія неизмѣримо высокъ и въ расворяженіи Верховнаго Главы Церкви—вся силы, яже къ животу и благочестію, то православіе не есть что либо остывшее въ своихъ формахъ, мертвенное, какъ любятъ говорить о немъ враги его, а непрестанно движущееся впередъ, вырабатывающее все новыя и новыя формы для своего выраженія: но движущееся съ удивительною мѣрностію и стройностію, усвоющее себѣ изъ встрѣчающагося на пути матеріала (какъ мы замѣтили выше) лишь не многое, и при томъ самое лучшее. Ему не свойственны тѣ отчаянные прыжки, какіе напримѣръ, сдѣлала на нашихъ глазахъ философія, превратившись изъ идеалистической въ матеріалистическую, отсюда въ пессимистическую, отсюда въ погибельнѣйшій нигилизмъ, отсюда ударившаяся въ туманный мистицизмъ и едва не кончающая оборотвореніемъ Будды. Нѣтъ: великая ладія Церкви православной хотя и обуреваемая волнами, хотя по временамъ и наклоняемая въ ту или въ другую сторону взвемогающими въ силахъ и не всегда можетъ быть искусными гребцами, идетъ прямо и разсѣкаетъ страшныя волны, подъ управленіемъ своего Божественнаго Кормчаго. Жизнь православной Церкви не блеститъ открытіями и изобрѣтеніями, но что она вырабатываетъ на своемъ пути, остается жизненнымъ навсегда; а самое главное, несмотря ни на какія препятствія и невзгоды, Церковь неуклонно и неизмѣнно воспитываетъ чадъ своихъ въ вѣрѣ и благочестіи—къ наслѣдію царства небеснаго. Укажу нѣсколько примѣровъ. Борьба православія съ латинствомъ на западѣ создала новую форму защиты его—братства, и эта форма такъ проникласъ духомъ православія, что сдѣлалась, какъ мы будемъ имѣть удовольствіе сейчасъ услышать, однимъ изъ важныхъ пріобрѣтеній Церкви на всѣ времена. Преизобильно богата теперь православная Церковь богослужебными средствами—канонами и молебствіями, но и наше время внесло въ эту богатую сокровищницу не малое. Для примѣра укажу на замѣчательно глубокое по своему содержанію и удивительно стройное по своему составу и расположенію, молебствіе, совершаемое послѣ литургіи въ день Рождества Христова. Скажу еще: нашъ вѣкъ будущій историкъ Церкви, можетъ быть, назоветъ, какъ это обычно было въ старинныхъ учебникахъ по церковной исторіи, несчастнымъ, или тяжкимъ, или смутнымъ. Но въ этотъ несчастный и смутный вѣкъ православіе воспитало и за симъ навсегда имѣетъ предъ собою такого столпа вѣры и благочестія, какого приравнивать можно развѣ только къ великимъ святителямъ IV вѣка, называемаго по всей правдѣ свѣтоноснымъ,—разумѣю Московскаго святителя Филарета, или такого ревностнаго борца за вѣру и правду, какимъ былъ живописамятный и дорогой настоящему собранію святитель Никанорь, въ которомъ чрезвычайно смѣлые полеты мысли и воображенія уживались съ духомъ строгаго православія, и который скончаніемъ своего жительства, этою мужественною въ глазахъ всей Россіи борьбою съ смертію, показалъ, какою обладалъ онъ твердынею духа.

Въ православіи соединяются двѣ силы, чрезвычайно—т. е. высшею небесною помощію — благопріятствующія развитію силъ каждаго-ли человѣка въ особенности или цѣлаго племени и народа: первая — это сила освобождающая отъ разныхъ временныхъ и мѣстныхъ стѣсненій, вторая - сила сдерживающая, не позволяющая нашимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ разбрасываться и ведущая ихъ прямымъ путемъ къ достиженію предназначенныхъ цѣлей. Объясню свою мысль примѣромъ: предъ нами блещущій роскошью католическій храмъ въ Италіи или Испаніи: такое разнообразіе цвѣтовъ и красокъ, столько великолѣпныхъ статуй, ласкающихъ, восхищающихъ взоръ, но вмѣстѣ видишь здѣсь и такъ много излишняго, ненужнаго для храма. Говорятъ: это могла произвести только роскошная фантазія юга. Входите въ величавый но размѣрамъ храмъ протестантскій: тамъ голыя стѣны, храмъ—точно классная аудиторія, сухо, скучно, тяжело... Здѣсь, говорятъ, высказался холодъ сѣвера. Въ Германіи даже можно провести черту, гдѣ кончается царство воображенія въ католичествѣ и начинается соотвѣтствующая природѣ сѣвера разсудочность протестантства. Что-же значитъ столь сильное вліяніе на духъ человѣческій мѣстной природы? Не стоитъ-ли здѣсь въ зависимости свобода духа отъ плоти и крови? Въ комъ горячѣе кровь, выражается такъ служеніе Богу, въ комъ медленнѣе она вращается,—иначе. Православ-

віе освобождаетъ духъ отъ этого своего рода гнета природы. Въ одной священнической молитвѣ о вѣрныхъ говорится: „Самъ Владыко съ небесе призри на подклонніи Тебѣ главы своя; не бо подклониша плоти и крови, но Тебѣ страшному Богу". Какъ ясно и живо въ этихъ словахъ выразилась идея православія! „Нѣтъ, какъ-бы такъ говорить іерей, у нихъ никакихъ земныхъ ни надеждъ, ни расчетовъ, ни увлеченій, ни пристрастій: всею силою души они желаютъ служить Тебѣ, единому Богу".—Православіе—правило жизни: оно не даетъ ей уклониться въ сторону, такъ чтобы, напримѣръ, чувство и воображеніе взяли верхъ надъ разсудкомъ, или разсудочность подавила воображеніе и чувство. Въ народахъ единовѣрныхъ могутъ и должны быть мѣстныя особенности, въ которыхъ проявляется богатство природныхъ ихъ силъ и дарованій, но при этомъ никакъ не нарушается стройность цѣлаго, и эти особенности никогда не проступятъ до той рѣзкой противоположности, какую видимъ въ католичествѣ и протестантствѣ. Александрія, Константинополь, Кіевъ много южнѣе Москвы, Вологды, Архангельска и Соловковъ, но и тамъ и здѣсь едина вѣра и одинаково служеніе Богу.

До сихъ поръ мы описывали только проявленія и дѣйствія православія. Намъ виднѣлись только прекрасные листья и плоды дерева: гдѣ же корень дерева? Основа и доброй нравственности, и преизобильно богатаго молитвеннымъ духомъ богослуженія, и всѣхъ добрыхъ, и личныхъ, и семейныхъ, и общественныхъ, и общенародныхъ отношеній, это—чистая и правая вѣра: здѣсь корень всему. Такъ и должно быть: свѣтильникъ тѣлу есть око. Прежде всего должны быть просвѣщены истинною святою вѣрою очи ума и сердца: тогда человѣкъ будетъ и жить право, и какъ подобаетъ служить Богу, и установится правильно всѣ жизненныя отношенія. Въ правой же вѣрѣ первое мѣсто и самое высшее значеніе принадлежитъ догмату.

Что же такое догматъ? Это прежде всего истина, Богомъ откровенная, до которой никогда не могли бы домыслиться люди, каковы, напримѣръ, истины откровенія о внутренней жизни Божества и отношеніяхъ Бога къ людямъ—тайна Пресвятыя Троицы, искупленія, воплощенія, Евхаристіи и др. Догматъ затѣмъ есть опредѣленіе Церкви, которой Самимъ Господомъ предано собрать изъ сокровищницъ откровенія писанія и преданія драгоцѣнныя жемчужины этихъ великихъ истинъ, уяснить, насколько возможно, опредѣлить ихъ, что-бы онѣ на всѣ времена и для всѣхъ людей были свѣточемъ вѣры и благочестія.

Въ этомъ то по преимуществу и состояла сила всемірной борьбы, увѣнчанной нынѣ празднуемою побѣдою православія. На эту борьбу вышло все, что было самаго лучшаго въ Церкви. Многочисленныя писанія отцовъ и учителей Церкви, изъ коихъ не всѣ еще и дошли до насъ, покалываютъ, съ какою настойчивостью, при какихъ богатыхъ средствахъ ума и науки, разсматривались, уяснялись эти основныя истины вѣры. Никогда міръ не ставилъ вопросовъ болѣе живыхъ и глубокихъ. Всѣ они соединялись въ главнѣйшемъ вопросѣ: кто былъ сей дивный мужъ, который явилъ намъ свѣтъ истины и далъ правила жизни: Богъ, или высшій ангелъ, или только совершеннѣйшій человѣкъ? Если Богъ, то какъ же Онъ вмѣстился въ человѣчествѣ, какъ могли существовать и дѣйствовать совмѣстно и Божеское всесовершенство, и человѣческая немощь? Всѣ слои христіанскаго общества были втянуты въ эту великую борьбу мысли и жизни, вся Церковь, если можно такъ выразиться, думала подъ невидимымъ осѣненіемъ Святаго Животворящаго Духа, а развивали, уясняли и возвѣщали правое ученіе пастыри Церкви. Наконецъ, послѣ долгой, напряженной, жгучей борьбы выяснилось истинное ученіе, которое въ краткихъ, ясныхъ, точныхъ словахъ и опредѣлялось на вселенскихъ соборахъ. Вселенскіе соборы полагали своего рода санкцію на уясненное многими и многими трудами и твердо обоснованное ученіе истины, послѣ чего догматъ получалъ въ Церкви значеніе закона, строго обязательнаго для вѣры и жизни. Ещѣ же церковь кто преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь (Матѳ. 18, 17). Не новое что-либо возвѣщалось Церковію, но тоже апостольское, древне-отеческое ученіе, только выясненное, опредѣленное и утвержденное навсегда. Послѣдняя борьба за иконы ставила на уясненіе и рѣшеніе важный вопросъ объ отношеніи внутренняго и внѣшняго богопочтенія въ самомъ человѣкѣ.

Вотъ эти то основы вѣры Церковь въ особенности и старается укоренить и утвердить въ умахъ и сердцахъ чадъ своихъ въ нынѣшній свой день. Съ истиннымъ великимъ торжествомъ она возглашаетъ Символъ вѣры, опредѣленный на первыхъ двухъ вселенскихъ соборахъ. Здѣсь все необходимое для вѣры. Послѣдующіе соборы, въ виду возникавшихъ ересей, только еще яснѣе и опредѣленнѣе выражали ученіе, уже содержавшееся въ этомъ Символѣ. Затѣмъ она оглашаетъ своими отступниками не тѣхъ, кто переступаетъ правила нравственныя или каноны церковные,—къ этимъ она долготерпитъ до послѣдней возможности, въ надеждѣ на ихъ раскаяніе и исправленіе,—но тѣхъ, кто отрицаетъ бытіе и промыслъ, духовность существа Божія и свойства Его, равносущіе и равночестность Сына Божія и Духа Святаго Богу Отцу, кто отвергаетъ необходимость пришествія на землю, страданій и смерти Сына Божія для спасенія людей, кто не пріемлетъ благодати искупленія, кто отвергаетъ Приснодѣвство Богоматери, кто не вѣруетъ, что Духъ Святый дѣйствовалъ чрезъ пророковъ и апостоловъ и нынѣ пребываетъ въ сердцахъ христіанъ и наставляетъ ихъ на всякую истину, кто отрицаетъ безсмертіе души, кончину вѣка, судъ и вѣчное воздаяніе по дѣламъ, кто отмѣтаетъ таинства, отвергаетъ соборы и ихъ преданія, наконецъ, кто отмѣтаетъ и хулитъ святыя иконы. Все это находится въ области догмата. Отверже-

ніе этихъ догматовъ представляетъ въ отступникахъ Церкви сознательное и намѣренное противоборство внутреннимъ жизненнымъ ея началамъ; при чемъ сами собою разрываются и всѣ связи съ нею. Впрочемъ, и этимъ отступникамъ вѣры она не окончательно закрываетъ свои двери; она матерински вооитъ къ нимъ о раскаяніи и обращеніи; только смерть кладетъ предѣлъ раскаянію. Достойна всякаго вниманія, примѣчанія и памятованія эта настойчивость Церкви именно на соблюденіи нами правой вѣры и въ особенности ея догматовъ.

При мысли о значеніи собственно вѣры въ дѣлѣ православія и въ частности вѣры въ основные догматы христіанства, припоминается назидательный разсказъ изъ жизни одного подвижника. „Мы слышали", спрашиваютъ его, „что ты блудникъ и гордецъ". „Да, это правда", отвѣчаетъ онъ. „Ты пустословъ и клеветникъ". „Я", опять смиренно онъ отвѣтствуетъ. „Ты еретикъ".— „Нѣтъ, я не еретикъ. Быть еретикомъ значитъ быть въ отлученіи отъ Бога; но быть отлученнымъ отъ Бога я не хочу". Припоминается и еще изъ житія пресвященнаго Филарета, митрополита кіевскаго, что онъ имѣлъ обыкновеніе весьма часто провѣрять себя по символическимъ книгамъ, не уклонилась ли мысль его въ чемъ-либо отъ православія. Вотъ какъ заботились о сохраненіи себя въ правой вѣрѣ сами свѣтильники Церкви. Апостолъ отъ всѣхъ съ особою настойчивостію требуетъ: „испытывайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы; самихъ себя изслѣдывайте" (2 Кор. 13, 5).

Итакъ, православіе въ основѣ своей есть, во-первыхъ, повиновеніе Богу, когда человѣкъ смиряетъ свой разумъ предъ Высшимъ Откровеніемъ и пріемлетъ его вѣрою. Послушаніе сіе руководится мыслію: Господь Самъ сказалъ, что же я тутъ могу отъ себя прибавить? Въ словахъ Господнихъ не можетъ быть ни ошибки, ни недомолвки; если чего ясно не открыто, намъ, по всякомъ случаѣ, не распознать. Послушаніе вѣры преисполнено чувствъ искреннѣйшаго благоговѣнія къ словамъ Господнимъ. Сказалъ Господь о Святомъ Духѣ: иже отъ Отца исходитъ (Іоан. 15, 26), мы и исповѣдуемъ вмѣстѣ съ Церковію: вѣрую и въ Духа Святаго.., иже отъ Отца исходящаго. Сказалъ Господь о Своей крови: пійти отъ нея вси (Мѳ. 26, 28). Чаша жизни и преподастся всѣмъ и не только взрослымъ, но и младенцамъ. Во вторыхъ, православіе есть послушаніе Церкви, когда мы не полагаемся на разумъ свой или другихъ людей въ истолкованіи богооткровеннаго ученія, а слушаемся ея гласа и ученія и всѣмъ сердцемъ ввѣряемъ себя ея водительству. Вмѣстѣ съ симъ и по сему самому православіе есть вѣрность ученію апостоловъ и отцевъ Церкви, согласіе со всею древнею Церковію и единеніе съ нынѣ преосвящающею и духовно-царствующею въ мірѣ Церковію вселенскою. Посему, провозгласивъ вселенскій Символъ вѣры, Церковь торжественно восклицаетъ: „Сія вѣра апостольская, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди".

Возникаетъ рядъ вопросовъ, на которые, по необходимости, я ограничусь лишь краткими отвѣтами: какимъ образомъ высокая, непостижимая уму, повидимому столь отвлеченная отъ жизни, богословская истина можетъ имѣть такое преобладающее на жизнь вліяніе? Какъ съ этимъ, повидимому, узкими рамками, въ какихъ опредѣляется, напримѣръ, ученіе о двухъ естествахъ и двухъ воляхъ въ Лицѣ Богочеловѣка, можетъ уживаться свободный полетъ богословствующей мысли? Какимъ образомъ вѣрою въ высшія богословскія истины можетъ быть управляема жизнь такихъ людей, которые ихъ почти не знаютъ, всю жизнь пребываютъ въ совершенномъ невѣдѣніи объ этихъ схемахъ догматическаго ученія, а такихъ людей несмѣтное число? Многіе ли изъ самихъ образованныхъ людей, такъ называемой интеллигенціи, знаютъ и понимаютъ эти схемы?

Отвѣчаю на первый вопросъ. И въ обыкновенной жизни все зависитъ отъ установленія отношеній; скажемъ: это мой отецъ, это моя сестра, и уже сейчасъ и мнѣ, и всѣмъ понятно, въ какихъ я долженъ быть къ нимъ отношеніяхъ. И въ нравственно-религіозной жизни все направленіе ея зависитъ отъ уясненія въ нашей сердечной сферѣ мыслей, кто есть намъ Творецъ и Искупитель. Догматическія истины лежатъ въ основѣ нравственнаго богословія, выразились въ жизни христіанской и составляютъ глубочайшее содержаніе церковнаго богослуженія. Если низвести, или, вѣрнѣе сказать, возвести все ученіе вѣры и благочестія къ коренным ихъ основамъ, таковыми будутъ богооткровенныя истины, или, иначе, догматы.

Отвѣтъ на второй вопросъ. Краткія и ясныя схемы догматическихъ опредѣленій никакъ не препятствуютъ свободѣ богословствующей мысли; напротивъ, эта свобода только тогда и возможна, когда эти основы вѣры будутъ твердо и незыблемо поставлены. Выше было замѣчено, что въ великой умственной борьбѣ, когда уяснялись и опредѣлялись коренные вопросы вѣры, принимала участіе вся Церковь. Тогда присутствовавшіе въ храмахъ никакъ не бѣжали отъ проповѣди пастырей, напротивъ, съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ выслушивали двухъ или трехъ часовую бесѣду на глубокіе богословскіе вопросы. Это—добрая сторона дѣла, но оно имѣло и обратную сторону. Отцы жалуются на споры, препирательства, бывшіе въ ихъ время. „Если ты попросишь размѣнять себѣ драхму", говоритъ святый Григорій Нисскій, „тебѣ отвѣчаютъ, что Сынъ отличается отъ Отца, потому что Онъ не рожденъ. Если спросишь о хлѣбѣ, тебѣ скажутъ: Отецъ больше, чѣмъ Сынъ. Если пожелаешь узнать, достаточно ли тепла баня, долженъ удовлетвориться увѣреніемъ, что Сынъ произошелъ изъ ничего. Во всѣхъ заурядныхъ мѣстахъ собраній—на рынкахъ, въ театрахъ, на пиршествахъ, даже въ мѣстахъ кутежа и распутства раздавались неумѣстныя рѣчи

этихъ самозванныхъ догматистовъ" (Бесѣда о Божествѣ Сына и Святаго Духа). Ужели всегда должно быть такое время? И Церковь, и все человѣчество пріобрѣли великое успокоеніе въ томъ, что эти нѣкогда жгучіе вопросы рѣшены разъ навсегда. Много другихъ задачъ у Церкви. Опираясь на этихъ богооткровенныхъ, ясно и твердо опредѣленныхъ Церковію истинахъ, какъ растеніе на твердой и благопріятной почвѣ, богословская мысль свободно движется въ своей безпредѣльной области. И вотъ мы видимъ: только что стала приходить къ концу великая борьба Церкви за православіе, какъ уже является первый опытъ системы догматическаго богословія въ великомъ трудѣ святаго Іоанна Дамаскина. Глубоко-богословское ученіе о двухъ естествахъ, воляхъ и дѣйствіяхъ въ лицѣ Богочеловѣка, о великомъ достоинствѣ и приснодѣвствѣ Богоматери воплотилось въ разныхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя такъ и называются—догматиками. Въ это же время явился дивный канонъ пасхальной утрени и много другихъ, изысканы и опредѣлены восемь гласовъ для церковнаго пѣнія. Работа богословской мысли неутомимо продолжается доселѣ. Только при твердомъ, непоступномъ охраненіи главныхъ истинъ вѣры, съ другой стороны, возможно и единеніе церквей какъ съ древнею, такъ и современныхъ между собою. На западѣ только одно слово прибавлено къ Символу; но уже вѣра нарушена, связь съ Церковію вселенскою порвалась, открылась широкая дорога къ новымъ и новымъ прибавленіямъ и искаженіямъ, и дѣло на нашихъ глазахъ кончается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ совсѣмъ отвергаютъ вѣру и выносятъ изъ иконы.

Отвѣтъ на третій вопросъ. Весьма полезно всѣмъ православнымъ христіанамъ знаніе вѣры. Необходимо, чтобы это знаніе возвышалось по мѣрѣ общаго образованія. Православная Церковь никого изъ своихъ членовъ не лишаетъ права читать Библію для назиданія и утѣшенія, съ другой стороны никого не оставляетъ безпомощнымъ въ разумѣніи словесъ жизни, какъ, напр., въ протестантствѣ: разумѣй-де какъ хочешь, или вотъ предъ тобою сотня ученыхъ комментаріевъ на трудное библейское мѣсто, выбирай, какое больше нравится. Въ ученіи святыхъ отцовъ и ученіи современныхъ пастырей, вполнѣ согласномъ съ ученіемъ древней Церкви,—замѣтимъ мимоходомъ, поразительно это согласіе въ ученіи отцовъ разныхъ мѣстъ и временъ и ничтожное сравнительно количество, такъ называемыхъ, частныхъ мнѣній,—православная Церковь предлагаетъ надежное руководство въ пользованіи этимъ первымъ источникомъ вѣры, и не ея вина, если ея чада побрегутъ о своемъ просвѣщеніи. Невѣдѣніе истинной вѣры, безъ всякаго сомнѣнія, худо, но зло еще непоправимо, если эти невѣдущіе сознаютъ свой недостатокъ и въ жизни своей водятся послушаніемъ Церкви имѣютъ съ младенцами вѣры. Въ Церкви есть разные способы спасительнаго воздѣйствія на души. Одинъ изъ таковыхъ: богослуженіе. Полное глубокаго богословскаго содержанія, совершаемое на языкѣ понятномъ и вмѣстѣ возвышенномъ надъ обыкновенною житейскою рѣчью народа, оно всегда было живою, дѣйственною, неумолкающею и повсемѣстною проповѣдію и восполняло для большинства вѣрующихъ недостатокъ богословскаго образованія. „Ничто же тако творитъ обрадованну душу и жизнь, якоже въ церкви красованіе", пишетъ одинъ изъ нашихъ отечественныхъ іерарховъ. Въ Церкви красованіе—какое прекрасное выраженіе! „Въ Церкви нечальнымъ веселіе, труждающимся успокоеніе, насыщаемымъ отдохновеніе; Церковь брани разруши, рати утоли, бури утиши, бѣсы отгна, болѣзни уврачева, напасти отрази, небесныя двери отверзе, узы смертныя пресѣче, и яже свыше напосимыя язвы и пже отъ человѣкъ напѣты, вся объятъ и покой дарова" *). Итакъ въ оградѣ Церкви можно и цѣлый вѣкъ прожить, и спасеніе получить, лишь бы только сохранить послушаніе ей.

Возвращаемся къ прежде высказанному положенію: главное въ православіи—правая вѣра, главное въ вѣрѣ—догматъ, при этомъ—единеніе съ древнею и нынѣ пребывающею вселенскою Церковію. Все это отлично понимали приснопамятные святители и князья нашей русской земли. Надобно удивляться той ясности умственнаго взора и той твердости и постоянству, съ какими они умѣли высоко держать знамя православія. При всѣхъ искушеніяхъ и напастяхъ со стороны иновѣрія, а таковыя были и отъ римскаго папы, и отъ польскихъ королей, и отъ ливонскихъ рыцарей, и отъ Сорбонны, и отъ англиканъ, они прежде всего заботились о томъ, чтобы неизмѣнно сохранить единеніе съ древними восточными Церквами и въ особенности константинопольскою, отъ которой приняли мы святую вѣру. Шведскій король Магнусъ предложилъ новгородскому владыкѣ Василію состязаніе о вѣрѣ. Святитель отказался спорить и указалъ совопроснику обратиться въ Константинополь къ патріарху. „Мы отъ грековъ", отвѣтилъ онъ Магнусу, „приняли вѣру: желаемъ быть и всегда съ ними едино". Желаніе всячески сохранить единеніе съ православною греческою Церковію лежало въ основѣ великаго дѣла исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, совершеннаго патріархомъ Никономъ.

Если когда-либо приходилось святителямъ нашимъ самимъ распутывать лжесплетенія еретическія, то они не пользовались, но выраженію князя Курбскаго, „силлогизмами и софизматы поганскыми" **), въ чемъ онъ упрекаетъ папистовъ, а прибѣгали къ писаніямъ святыхъ отцовъ и учителей Церкви ***). По

*) Посл. моск. патр. Іосифа, см. Акты Арх. Экси. т. III, стр. 403. См. сочиненіе протоіерея І. К. Яхонтова. «О православіи Россійской Церкви» Собраніе духовно-литературныхъ трудовъ, т. II., стр. 28.

**) Заимствованными изъ языческой (paganus) философіи.

***) Сказаній ч. 2, стр. 179—у Яхонтова стр. 16.

словамъ патріарха Іоакима, „не только писать или печатать что-либо несогласное съ ученіемъ святыхъ отцовъ гибельно, но и мыслить объ этомъ странно и восточныя Церкви чуждо“ *).

Что касается догматовъ, опредѣленныхъ на вселенскихъ соборахъ, то наши князья и святители хранили ихъ, какъ зѣницу ока, какъ неприкосновенную святыню, и не позволяли измѣнить въ нихъ ни одной іоты или черты. Слишкомъ хорошо извѣстна исторія измѣнника православія на Флорентійскомъ соборѣ, митрополита Исидора. „Аще пойдеши и имаши паки возвратитися къ намъ“, строго наказывалъ ему великій князь Василій Васильевичъ, „то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру, юже пріяхомъ отъ прародителей нашего великаго Владиміра, юже держитъ великая соборная и апостольская Церковь греческая, а ино странно и ново и чуже отъ тые соборныи Церкви не приношай къ намъ, новеже аще и принесеши что ново, то не пріятно будетъ намъ то“. И какъ скоро на Москвѣ сдѣлалась извѣстна измѣна Исидора, то соборъ іерарховъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, „возсрѣвше въ божественныя и священныя правила святыхъ апостоловъ и богоносныхъ отцовъ“ и сличивши съ ними ученіе и поступки Исидора, свергъ его съ престола **). Были и въ древней русской Церкви самозванные учители, отъ которыхъ такъ страждемъ мы нынѣ. Наши іерархи спрашивали ихъ: „какими дверьми вошли вы на ступень проповѣданія? Какими вратами вступили на амвонъ учительства? Какъ возможно быть со Христомъ, когда не покоряетесь архіереямъ Его, о которыхъ Христосъ сказалъ то же, что и о апостолахъ: „слушаяй васъ Мене слушаетъ; отметаяйся отъ васъ Мене отметается“ ***). Слова патріарха Іоакима.

И такимъ образомъ, опираясь, по характерному выраженію князя Курбскаго, на семистолвныхъ догматахъ, никоимъ образомъ не приставая, по его же выраженію, къ полувѣрію и къ новомысленной и хромой теологіи ****), Церковь Россійская сохранила и сохраняетъ единство съ Вселенскою Церковію, и воспитала народъ русскій въ православіи, провела его чрезъ всѣ испытанія и напасти непоколебленнымъ въ вѣрѣ, такъ что слово православный стало какъ бы его собственнымъ именемъ. Ни на холодно-вѣжливое „господа,“ ни на республиканское „граждане“, ни даже на слово „русскіе“ не откликается народъ нашъ; скажете: православные христіане, и сейчасъ готовы вамъ его и слухъ, и вниманіе, и посильная жертва, и помощь доброму дѣлу, точно встаетъ предъ нимъ вся прожитая или, вѣрнѣе сказать, выстраданная Русью исторія.

Итакъ, православіе, при другихъ достоинствахъ и преимуществахъ, есть еще завѣтъ нашихъ предковъ, дорогое отъ нихъ наслѣдіе, которое мы должны сохранить и передать нашимъ дѣтямъ и потомкамъ.

Этого мало: православіе есть наше священное обязательство предъ Богомъ и Церковію. Блага искупленія и православія, по милости Господней, общее достояніе всѣхъ право вѣрующихъ, но есть у народовъ особыя миссіи и призванія. Такіе имѣющіе особыя призванія народы надѣляются и соотвѣтственными симъ призваніямъ дарованіями. Такимъ народомъ, особо избраннымъ, были евреи, удержавшіе вѣру среди всеобщаго идолопоклонства, сохранившіе вѣрвенныя имъ словеса Божіи и давшіе Искупителю, среди нихъ явившемуся, первыхъ учениковъ и провозвѣстниковъ спасительнаго ученія. Такова былъ народъ греческій, подготовившій почву для воспріятія Евангелія и возвѣщенія его всему міру, гибкій, философски обработанный языкъ котораго такъ много послужилъ, между прочимъ, и къ точному и ясному опредѣленію догматовъ вѣры на вселенскихъ соборахъ. Особенное назначеніе славянъ въ Церкви открывается изъ того, что, 1) они призваны со всемірнаго торжища въ ограду Церкви именно тогда, когда православіе восторжествовало надъ своими врагами. Славяне приняли это сокровище, когда оно блистало всею своею красотою, украшенное лаврами недавней побѣды. Это чувство красоты православія прекрасно выражено нашими предками въ словахъ о богослуженіи въ храмѣ святой Софіи: „мы не знали, гдѣ стояли—на небѣ или на землѣ“. Эта струя жизни церковной—любовь къ красотѣ церковной—припомните выраженіе: ничто же такъ творитъ душу обрадовану, якоже въ церкви красованіе—влилась въ жизнь славянскую и составляетъ ея естественную стихію. 2) Особенное назначеніе славянъ видно изъ того, что они призваны въ Церковь именно тогда, когда началось отпаденіе запада. Такимъ образомъ неизмѣнное сохраненіе православія для высшихъ цѣлей Провидѣнія, во отношенію, можетъ быть, и къ самому страждущему въ иновѣріи западу, есть всемірно-историческое призваніе славянства, и неисполненіе сего призванія заказывается печатію отверженія. Если славяне не хранятъ вѣреннаго имъ сокровища православія, то они не только лишаются этого сокровища, но ихъ видимо, въ назиданіе другихъ, постигаютъ судъ и наказаніе, какъ будто слышатся къ нимъ слова Господни безплодной смоковницѣ: да не будетъ же впредь отъ тебя плода во вѣкъ. Изумительна эта скорость обезличенія и вырожденія измѣнниковъ православія въ славянствѣ, будетъ-ли то частный человѣкъ, или цѣлое племя и даже народъ. Другая характеристическая черта измѣны славянства православію: ожесточенная ненависть къ православнымъ родичамъ. Славяне никакъ не могутъ, при измѣнѣ православію, удержаться въ безразличныхъ отношеніяхъ къ другимъ, вѣрнымъ православію, славянамъ. Нѣтъ: они непремѣнно являются ихъ врагами и мстителями. О вырожденіи славянства внѣ право-

*) Увѣтъ, листъ. 257—тамъ же, стр. 17.

**) Акты Археограф. Комисс. т. I, стр. 73, у Яхонтова, т. II, стр. 15.

***) Увѣтъ, ст. 270—у Яхонтова стр. 21.

****) Яхонт. стр. 10.

славія вотъ что пишетъ святитель Никаноръ въ извѣстномъ воззваніи къ славянамъ: „Посмотрите на этихъ славянъ итальянскихъ, они истарь приняли латинство, а гдѣ они теперь? И слѣдъ ихъ простылъ. Посмотрите на славянъ старо-германскихъ... Остались только славянскія наименованія урочищъ: „Померанія, Одеръ или Одра, Садовая, Кроленецъ". А вотъ и другая сторона. „Посмотрите на эту злосчастную Польшу—сколько она пролила славянской крови? Посмотрите на этихъ турецкихъ янычаръ, на албанскихъ, босанскихъ, герцеговинскихъ беговъ. Потурченные славяне, сколько зла сдѣлали они славянству?" Эту печать отверженія въ изъявникахъ православія, къ прискорбію, мы сами можемъ видѣть, напримѣръ, на тѣхъ природныхъ русскихъ крестьянахъ, которые совращены въ пашковскую секту: совсѣмъ другое обличье въ нихъ, и поступь, и манеры, скоро и одежду мѣняютъ, а въ душѣ они къ намъ, какъ говоритъ русская пословица, хуже злого татарина. Оттого-то—такой жгучій, такой страшный вопросъ о штундистахъ на югѣ Россіи! Въ двухъ-трехъ поколѣніяхъ они совсѣмъ могутъ выродиться, и югъ нашъ можетъ быть тѣмъ, что нынѣ Померанія, бывшее славянское поморье. Расколъ старообрядческій — зло и великое зло; но онъ не влечетъ вырожденія. Отчего? Вѣра не тронута. Отцы 1667 г. вѣрно охарактеризовали его: простота и невѣжество, а не презорство и противленіе догмату.

Посему нельзя отнестись иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія, къ тѣмъ доблестнымъ пастырямъ славянства, которые охраняютъ его въ оградѣ православія.

Честь и хвала храброй Черногоріи, съумѣвшей въ теченіе вѣковъ сохранить во всей неприкосновенности отъ враговъ, обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ, и православіе, и славянство; и доблестному Князю страны героевъ воздана по достоинству высокая честь въ глубокознаменательномъ наименованіи его отъ нашего великаго Монарха единственнымъ другомъ Россіи.

Дань глубочайшаго уваженія и искреннѣйшій привѣтъ тебѣ, доблестный первосвятитель Сербіи, исповѣдникъ, изгнанникъ и страдалецъ за дѣло православія! Послѣ стольких горькихъ испытаній, Господь даетъ тебѣ видѣть и свѣтлые дни возрожденія страны, вѣрренной твоему душепастырству. Да подастъ Господь тебѣ крѣпость и силу охранить отъ всѣхъ навѣтовъ вражіихъ юнаго властителя Сербіи, какъ нѣкогда дано было это Промыслomъ нашему святителю Алексію по отношенію къ герою Донскому!

Помоги Богъ вамъ, доблестные іерархи болгарскіе, въ той самоотверженной борьбѣ, которую поздвигаете противъ враговъ православія и славянства, такъ жестоко терзающихъ несчастную страну вашу, и да прострется и надъ вами и надъ нашею паствою, какъ простирается на всѣхъ единовѣрныхъ славянъ, миръ и благословеніе общей родной нашей матери, Церкви греческой!

Наконецъ, да позволено будетъ сказать нѣчто и изъ личныхъ воспоминаній, общихъ, впрочемъ, и намъ, досточтимые слушатели. Да помянетъ Господь трудъ и болѣзнь, скорби и страданія знаменитаго сочлена нашего, такъ недавно говорившаго съ этой самой каѳедры, отца прот. Іоанна Григорьевича Наумовича, о которомъ такъ горько плачетъ теперь Русь Галицкая, и да воздастъ ему и всѣмъ ревнителямъ правой вѣры въ славянствѣ—тамъ, въ странѣ живыхъ,—Своею великою и богатою милостію!

Вознеся къ престолу Всевышняго послѣднюю свою о насъ молитву, святый Кириллъ сказалъ: „Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ враговъ нашихъ, но сѣть ихъ сокрушися и избави ны отъ истлѣнія ихъ" и, тотчасъ-же послѣ словъ сихъ, предалъ духъ свой Господу. Это нѣчто свыше вдохновенное и пророчественное... Да исполнятся же надъ всѣми нами слова вѣры и упованія нашего святаго Первоучителя, да сохранитъ Господь великодержавное Славянство, молитвами его, въ Православіи на вѣки, и да сокрушитъ зубы всѣхъ враговъ Славянства видимыхъ и невидимыхъ! Буди сіе, буди!

Статья А. А. Папкова:

Церковныя братства въ Россіи.

Празднуя сегодня „побѣду православія" и совершая особенное торжественное молебствіе, наша Церковь возглашаетъ всѣмъ истинно православнымъ „многая лѣта" и поощряетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ православія къ твердости въ вѣрѣ и благочестію. Въ чемъ-же иномъ можемъ мы, міряне, проявить эту твердость въ вѣрѣ и это благочестіе, какъ не въ дѣлахъ милосердія и просвѣщенія, въ духѣ нашей святой Церкви и ей на пользу. Папа Церковь всегда предоставляла вѣрующимъ и преданнымъ православію мірянамъ самое широкое участіе въ дѣлахъ вѣры и это участіе было особенно полезно въ тѣ смутныя времена, когда все православное общество должно было напрягать всѣ силы для защиты своей вѣры и Церкви.

Вотъ объ этомъ-то участіи мірянъ въ дѣлахъ нашей вѣры и Церкви, выражающимся, главнымъ образомъ въ учрежденіи церковныхъ братствъ,—я считаю умѣстнымъ сдѣлать сегодня краткое сообщеніе.

Самымъ наглядным доказательствомъ той пользы, которую принесло православію участіе мірянъ въ дѣлахъ вѣры и Церкви всей западной части Руси, служитъ въ высшей степени поучительная и любопытная исторія нашихъ церковныхъ братствъ въ этомъ обширномъ краѣ.

Изъ этой исторіи я и хочу привести только немногія, болѣе или менѣе извѣстныя данныя. Западно-русскія братства—эти православные „крестоносные" союзы духовенства и мірянъ разнаго званія и состоянія, стали возникать съ благословенія восточныхъ патріарховъ и на основаніи королевскихъ грамотъ, въ XV и въ особенности въ XVI вѣкѣ. Они учреждались при монастыряхъ и Церквахъ сначала въ большихъ городахъ Литвы,

Бѣлоруссіи, Малороссіи и Галичины, гдѣ сосредоточивалась развитая промышленная жизнь и гдѣ ютилось православное ремесленное сословіе.

Изъ этихъ братствъ мы укажемъ на старѣйшія и знаменитѣйшія: Львовское—Успенія Божіей Матери и Виленское—Св. Троицкое, а затѣмъ и на другія братства, какъ-то: въ Кіевѣ, Луцкѣ, Могилевѣ, Оршѣ, Минскѣ, Пинскѣ, Бѣльскѣ, Брестѣ, Кобринѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ и множество другихъ, оставившихъ замѣтные слѣды въ церковной и гражданской исторіи западно-русскаго края.

Просвѣтительная и благотворительная дѣятельность братствъ и въ особенности заступничество ихъ за своихъ притѣсняемыхъ собратій на сеймахъ, предъ королями и польскими присутственными мѣстами, возбудила къ себѣ всеобщее сочувствіе среди православныхъ, особенно изъ низшихъ сословій, сознававшихъ болѣе другихъ свою отчужденность отъ окружавшаго ихъ латино-польскаго міра.

Православные западно-русскіе вельможи, понявъ важное значеніе братскаго дѣла, скоро примкнули къ братствамъ и стали вписываться въ составъ ихъ, не рѣдко дѣлая крупныя пожертвованія братской казнѣ. Кромѣ князей и вельможъ, въ составъ братствъ входили и члены высшей и низшей іерархіи и высокопоставленные чиновники; но, главнымъ образомъ, братства пополнялись горожанами: мѣщанами и простыми ремесленниками, которые входили въ составъ братствъ нерѣдко цѣлыми корпораціями. Въ малороссійскіе братскіе каталоги „со всеусердіемъ" вписывали имена свои запорожскіе казаки.

По примѣру городскихъ братствъ, въ селахъ и деревняхъ стали возникать братства сельскія и деревенскія, которыя всему этому движенію придали значеніе „общенароднаго дѣла"; братства, постепенно организовавшись и окрѣпнувъ, явились такимъ образомъ представителями всего западно-русскаго народа и вступили въ непосредственное и тѣсное общеніе другъ съ другомъ.

Всѣ братства имѣли свое внутреннее управленіе, свои обычаи, свои уставы, но большинство изъ нихъ было однако, по устройству, сходно между собой, ибо взяло за образецъ уставъ старѣйшаго — львовскаго братства.

Располагая довольно большими средствами, православныя братства строили храмы, учреждали братскія школы, печатни, богадѣльни, странноприимные дома.

Пріѣздъ въ Россію, въ концѣ XV в., двухъ восточныхъ патріарховъ: антіохійскаго Іоакима (въ 1586 г.) и константинопольскаго Іеремія (въ 1588 г.) способствовалъ упроченію и оживленію братскаго дѣла на нашемъ западѣ. Патріархъ Іоакимъ окончательно устроилъ львовское братство, а патріархъ Іеремія освятилъ своею властью участіе міранъ въ дѣлахъ западно-русской Церкви и два братства виленское и львовское сдѣлалъ ставропигіальными, т. е. зависящими непосредственно отъ него, причемъ виленскому братству далъ особенное право наблюдать за всѣми дѣлами западно-русской Церкви и устроить ихъ своимъ участіемъ.

Узкія рамки нашего чтенія не дозволяютъ намъ распространиться о томъ глубокомъ благочестіи и порядкѣ, которые наблюдались во внутренней братской жизни, о той отеческой охранѣ чистоты жизни православныхъ, о той помощи духовной и вещественной, которую братства оказывали всѣмъ страждущимъ и немущимъ.

„Достаточно упомянуть, что братскія сходки не были посвящаемы исключительно только братскимъ дѣламъ; братчики научались закону Божію, читали священныя книги, бесѣдовали о предметахъ нравственныхъ. Въ одной изъ патріаршихъ грамотъ могилевское братство прямо названо „всеобщимъ учащимъ божественнаго и священнаго писанія, а о братствѣ львовскомъ даже враги отзывались, что оно благочестіемъ сіяло на цѣлый край россійскій".

Особенное значеніе въ дѣлѣ защиты православія братства пріобрѣли въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.

Литва съ присоединеніемъ къ Польшѣ потеряла свою внутреннюю самостоятельность и во всей западной Россіи усилилась пропаганда римско-католическая, при мощномъ пособіи со стороны іезуитовъ. Начались насильственныя обращенія въ унію. Позвольте мнѣ, вмѣсто перечисленія всѣхъ злыхъ дѣлъ того времени, привести выдержку изъ обличительной рѣчи, которую смѣлый староста виленскаго братства Лаврентій Древинскій держалъ въ 1620 г. предъ королемъ Сигизмундомъ III, въ присутствіи сената: „Какое распространеніе славы Божіей помощію сея новопзобрѣтенныя увіи является? Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, скотъ запирають. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатаны, священники разогнаны; въ Пинскѣ то же учиняво; монастырь Лещинскаго въ питейный домъ превращенъ; вслѣдствіе этихъ поступковъ дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ вывозятъ; народъ безъ благословенія враковъ въ непотребствѣ живетъ; безъ исповѣди, безъ пріобщенія святыхъ Таинъ умираетъ. Неужели сіе не самому Богу обида? Неужели за то отмщевать не будетъ Богъ?"

Въ эту темную пору преслѣдованія всего русскаго и православнаго, когда слабые люди изъ православныхъ стали даже измѣнять своей вѣрѣ и народности, православныя братства оказались на высотѣ своего призванія. Между братствами началась учащенная переписка и сношенія; они поощряли и утѣшали другъ друга въ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, давая совѣты и наставленія. Эта взаимная переписка дышетъ истинно-христіанскимъ смиреніемъ и любовію. Я не могу удержаться, чтобы не привести еще небольшую выдержку изъ посланія отъ 21 января

1619 г. виленскаго братства къ львовскому, помѣщенваго въ актахъ, относящихся къ исторіи юго-западной Россіи.

Выдержку эту я дѣлаю въ переводѣ извѣстнаго историка профессора Кояловича.

„По благости Божіей у васъ, (говоритъ виленское братство львовскому), нѣтъ большаго попеченія, какъ о томъ, чтобы ходить по евангельскимъ законамъ Господа Бога нашего, и нѣтъ у васъ болѣе усерднаго прилежанія, какъ сохранять ненарушимо цѣлость догматовъ и преданій пречистой матери нашей святой восточной Церкви. Въ этихъ двухъ предметахъ вы поучаетесь днемъ и ночью. Ради этихъ двухъ вещей вы, будучи гонимы, терпите, хулимые—утѣшаетесь, укоряемые—благословляете. Отъ этихъ двухъ вещей васъ, по Апостолу, не можетъ отлучить ни мечъ, ни огонь, ни настоящее, ни будущее. Вотъ въ эти то двѣ вещи, т. е. въ евангельскія заповѣди Христа Бога нашего и въ догматы и преданія святой Его Церкви,—въ это иго Христово намъ съ вами нужно, ставъ вдвоемъ рядомъ, вложить свои выи и безотлагательно и съ радостью тянуть дарованными отъ Бога силами—находящійся позади насъ и хорошо управляемый плугъ на нивѣ, (которая есть святая Его Церковь), и хоть въ изнеможеніи углублять ея борозды бѣдами, досажденіями и тѣснотами во имя Христово".

Да, благородныя усилія виленскаго братства—отстоять на Литвѣ святое и правое дѣло—навсегда останутся памятными!

Вильна, въ то время, была центромъ польской власти на Литвѣ; въ ней въ эту пору господствовали іезуиты, и здѣсь же была каѳедра уніатскаго митрополита. Поэтому въ Вильнѣ и произошли наиболѣе крупныя и жестокія нападенія латино-польской силы на православныхъ, въ защиту которыхъ и поднялось виленское братство.—Оно разсылало по Литвѣ, къ разнымъ другимъ братствамъ и прочимъ ревнителямъ православія, посланія, въ которыхъ просило помощи и содѣйствія, завязывало сношенія съ казаками, созывало въ Вильну съѣзды православныхъ, заставляло братскихъ проповѣдниковъ публично защищать правоту дѣла, добилось возстановленія высшей іерархіи для западнаго края, издавало сочиненія въ защиту своихъ правъ—однимъ словомъ, явилось главной опорой православія и могущественнымъ двигателемъ исторической западно-русской жизни. Въ этомъ же духѣ дѣйствовали братства: могилевское, минское, пинское, луцкое, кіевское...

Наступили другія времена. Малороссія отошла къ Россіи „подъ Царя восточнаго, православнаго". Польша, съ конца XVII вѣка, стала постепенно идти къ упадку.

Въ XVIII вѣкѣ и весь западный край присоединенъ къ Россіи. Наряду съ этими событіями въ западно-русскомъ народѣ все болѣе и болѣе пробуждалось національное чувство и, когда явилась мощная помощь единовѣрной Россіи, православная вѣра въ западномъ краѣ стала подъ защиту русскаго государства. Весьма естественно, что въ XVIII вѣкѣ дѣятельность братствъ, сослужившихъ великую службу православію, стала ослабѣвать. Братства въ большихъ городахъ мало по малу исчезаютъ. Львовское братство, какъ братство православное, прекращаетъ свою дѣятельность въ началѣ XVIII вѣка, виленское и луцкое въ концѣ того же столѣтія. Только братства сельскія и деревенскія, пустивъ глубокіе корни въ сознаніи и нравахъ народныхъ, пережили вѣка и сохраняются во множествѣ до настоящихъ дней. Лѣтомъ 1862 г. упомянутый мною профессоръ Кояловичъ предпринялъ поѣздку по западному краю съ цѣлью познакомиться съ положеніемъ православныхъ братствъ. Свои путевыя замѣтки онъ помѣстилъ въ Аксаковскомъ „Днѣ" за 1862 г.; изъ нихъ мы узнаемъ, что къ тому времени во всей западной Россіи (сѣверной и южной) всѣхъ братствъ оказалось больше тысячи. Большая часть этихъ остатковъ братствъ,—замѣчаетъ профессоръ Кояловичъ,—живутъ только обрядовой стороной и, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваются заботами о сохраненіи и поддержаніи мѣстной церкви.

Сдѣлавъ эти сообщенія, профессоръ Кояловичъ между прочимъ замѣтилъ, что, при неослабѣвшемъ, крайнемъ фанатизмѣ западнорусскаго латинства, начала и въ то время свова пробуждаться въ братствахъ мысль о борьбѣ. Не прошло и года послѣ этихъ сообщеній, какъ этотъ фанатизмъ далъ себя почувствовать.

Въ началѣ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда латино-польская пропаганда вновь временно и искусственно воспріяла силу въ нѣкоихъ русскихъ западныхъ губерніяхъ, церковныя братства, въ центрахъ края, начали возобновлять свою дѣятельность. Явилось также желаніе учредить такія братства въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Это законное желаніе было удовлетворено. Наше правительство поспѣшило обнародовать въ 1864 г. „основныя правила для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ".

Къ чему-же нынѣ призываются братства?

Нынѣ православныя братства призываются охранять православную вѣру, чистоту нравовъ и русскую народность не столько отъ явныхъ иновѣрныхъ враговъ, сколько отъ внутреннихъ и домашнихъ, дѣйствующихъ ко вреду православной Церкви и русскаго государства и подтачивающихъ хитростью и прельщеніемъ русскій народный организмъ, особенно на югѣ и западѣ.

Законъ 1864 г. несомнѣнно содѣйствовалъ возстановленію нѣкоторыхъ древнихъ братствъ и учрежденію новыхъ. Не говоря о тѣхъ остаткахъ древнихъ братствъ, которыхъ число осталось съ 1862 г. вѣроятно безъ измѣненія (о нихъ мы не могли собрать точныхъ свѣдѣній), т. е. болѣе 1000—общее количество братствъ въ Россіи, устроившихся на началахъ закона 1864 г., можно опредѣлить въ настоящее время свыше 150-ти.

Эти 150 братствъ, по мѣсту ихъ нахожденія распредѣляются: въ Европейской Россіи

около 140; въ Азіатской Россіи 6; на Кавказѣ 3; за границей 1. Эти братства обладаютъ капиталомъ свыше 1½ милліона рублей и годовой оборотъ выражается въ цифрахъ: около 860 тысячъ прихода и свыше ½ милліона расхода.

Прежде чѣмъ перейти къ краткому обозрѣнію братской дѣятельности, скажемъ нѣсколько словъ о составѣ и организаціи нынѣшнихъ братствъ.

По составу своихъ членовъ современныя братства, какъ и древнія, являются учрежденіями всесословными. Въ братскихъ спискахъ мы находимъ имена членовъ высшей іерархіи, лицъ высокопоставленныхъ по службѣ гражданской, членовъ низшей іерархіи, военныхъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Женщины принимаютъ живѣйшее участіе въ братской дѣятельности; одно имя графини Блудовой (нынѣ покойной), посвятившей много заботъ на устройство братскихъ учрежденій въ г. Острогѣ, служитъ тому лучшимъ подтвержденіемъ. Дѣятельность братская на столько является привлекательной, что даже раскольники и иновѣрцы входятъ въ составъ нѣкоторыхъ братствъ. Число всѣхъ братчиковъ далеко превышаетъ цифру 37.000.

Нѣкоторыя братства имѣютъ счастіе состоять подъ высочайшимъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ, именно костромское, александровское, московское св. Николая, холмское—Св. Богородицкое, кишиневское — Покрово-Богородичное, прибалтійское—Христа-Спасителя.

Организація братства несложна. Во главѣ каждаго братства для завѣдыванія братскими дѣлами стоитъ совѣтъ изъ лицъ, выбранныхъ на общемъ собраніи братчиковъ, которое контролируетъ всю финансовую часть братскаго дѣла. Братства имѣютъ свои иконы, хоругви, сунодики, въ которые для поминовенія вписываются имена живыхъ и умершихъ братьевъ. Всѣ братства въ опредѣленные дни въ году торжественно справляютъ братскіе праздники, сначала службой въ церкви, а затѣмъ въ торжественномъ собраніи, гдѣ читается отчетъ о годичной дѣятельности, поются духовныя пѣснопѣнія, произносятся рѣчи религіозно-нравственнаго содержанія.

Въ общей совокупности вся дѣятельность братствъ, согласно началамъ, положеннымъ въ законѣ, распадается на четыре вида: 1) религіозно-просвѣтительная, 2) миссіонерская, 3) благотворительная и 4) церковно-благоустроительная.

Мы здѣсь скажемъ о каждой изъ этихъ задачъ нѣсколько словъ:

I. Въ основу религіозно-просвѣтительной дѣятельности братства полагаютъ заботу о распространеніи духовнаго просвѣщенія въ народѣ и поднятіи такимъ образомъ его нравственнаго и умственнаго уровня.

Задаваясь такими широкими цѣлями, братства, весьма естественно, на первомъ мѣстѣ ставятъ заботу о правильной организаціи религіозно-нравственнаго воспитанія „подростающаго поколѣнія".

Въ уставѣ нашихъ церковныхъ школъ проводится благотворная мысль, что дѣтямъ народа прежде всего необходимо воспитаніе въ духѣ нашей Церкви. Эта мысль была усвоена многими братствами, и они горячо приняли къ сердцу дѣло насажденія церковной школы на Руси, понимая, что изъ этой школы постепенно вырабатывается настоящій образецъ народной школы.

Изъ 18.000 слишкомъ церковныхъ школъ, числившихся къ Россіи къ началу 1891 г. (нынѣ ихъ больше), почти ⅓ принята братствами на свое попеченіе и нажденіе. Въ 17-ти епархіяхъ признано полезнымъ возложить на братскіе совѣты обязанности епархіальнаго училищнаго совѣта, завѣдующаго церковными школами въ епархіи.

Въ особенности, въ этомъ отношеніи, обращаетъ на себя вниманіе дѣятельность владимірскаго,—Александро-Невскаго братства и петербургскаго—Пресвятыя Богородицы. Это послѣднее братство, какъ дѣйствующее въ предѣлахъ Петербургской епархіи, должно быть намъ особенно близко къ сердцу. Мы упоминаемъ только, что оно имѣетъ на своемъ попеченіи до 150-ти церковно-приходскихъ школъ, причемъ всѣ свои заботы направляетъ на постепенное улучшеніе этихъ школъ какъ въ воспитательномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи; но почину этого братства въ недавнее время выработанъ образецъ зданія для церковно-приходскихъ школъ, подъ названіемъ „церкви-школы", которое, съ одной стороны, служитъ для цѣлей школы, а съ другой—даетъ возможность собираться православнымъ христіанамъ для общественной молитвы. Проектъ этотъ нынѣ приводится въ исполненіе повсемѣстно въ Россіи.

Озабочиваясь правильной организаціей церковныхъ школъ, учреждая также школы ремесленныя, сельско-хозяйственныя, иконописи, пчеловодства, братства не забываютъ и о просвѣщеніи „взрослыхъ".

Въ настоящее время вводится повсемѣстно на Руси „новоустановленный" церковный обычай: веденіе въ храмахъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій пастыря съ пасомыми при торжественной обстановкѣ, состоящей въ чтеніи акаѳистовъ, пѣніи предъ и послѣ бесѣды духовныхъ пѣснопѣній и безплатной раздачѣ народу разныхъ листовъ и книжекъ духовно-нравственнаго содержанія. Внѣбогослужебныя собесѣдованія, а также публичныя религіозно-нравственныя чтенія внѣ храмовъ признаются нынѣ всѣми самымъ лучшимъ средствомъ для возвышенія нравственнаго и умственнаго уровня русскаго народа, и наши братства проникнись вполнѣ этою мыслію. Перечислять здѣсь всѣ мѣропріятія братствъ для повсемѣстнаго распространенія этого церковнаго обычая нѣтъ возможности. Упомянемъ лишь, что братскіе совѣты напрягаютъ всѣ усилія, что бы эти собесѣдованія велись во всѣхъ приходахъ епархіи, и посылаютъ священникамъ въ пособіе множество книжекъ самаго разнообразнаго религіозно-нравственнаго содержанія. Руководя этимъ дѣломъ, братства вмѣстѣ съ тѣмъ

должны были обратить особое вниманіе на распространеніе среди народа разныхъ полезныхъ для него книгъ, изображеній и листковъ, какъ собственнаго изданія, такъ и изданныхъ другими братствами и учрежденіями. Для болѣе успѣшнаго распространенія книгъ, братства устраиваютъ въ центральныхъ мѣстностяхъ епархіи склады книгъ а также иконъ, крестиковъ и другихъ предметовъ религіознаго чествованія. Насколько успѣшно идетъ это дѣло, можно видѣть изъ того, что въ настоящее время 80 братствъ устроили такихъ центральныхъ складовъ, а также отдѣленій ихъ въ разныхъ мѣстахъ епархій—485, причемъ 58 братствъ распродали и роздали безплатно въ 1890—91 году свыше 1.150.000 экземпляровъ! Усилія братствъ не пропадаютъ даромъ: безспорно, подъ вліяніемъ собесѣдованій и чтенія полученныхъ книгъ, среди русскаго народа замѣчается стремленіе ослабить пагубный порокъ—пьянство. Всѣмъ извѣстно, что въ послѣдніе годы, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи учреждаются общества трезвости, и это движеніе, слава Богу, все усиливается и усиливается. Въ одной, напр., Тамбов. епархіи съ 1891 года по апрѣль 1892 открыто 347 обществъ трезвости.

II. Мирная борьба съ расколомъ и сектантствомъ и просвѣщеніе Евангельскимъ свѣтомъ полуязыческихъ инородцевъ, населяющихъ нашъ востокъ, составляютъ для братствъ первостепенную заботу, а для нѣкоторыхъ—исключительную.

Въ нашемъ сжатомъ очеркѣ мы не можемъ дать даже самаго слабаго понятія о тѣхъ трудахъ, которые несутъ въ этомъ дѣлѣ братства. Мы назовемъ только выдающіеся: Владимірское, Витское, Калужское, Нижегородское, Пензенское, Пермское, Рязанское, Саратовское, Тульское, Херсонское, Ярославское, Тобольское. Эти братства по мѣрѣ средствъ и силъ всячески стараются помогать епархіальному начальству въ его неустанной борьбѣ съ расколомъ; такъ они учреждаютъ особыя противораскольническія школы, гдѣ ученики знакомятся съ исторіей и сущностью раскола и учатся обличенію онаго (укажемъ на школы Вятскаго братства—Св. Николая) организуютъ правильныя противораскольническія и противосектантскія миссіи, учреждаютъ должности братскихъ миссіонеровъ, ведущихъ постоянныя собесѣдованія съ раскольниками и сектантами, устраиваютъ миссіонерскія библіотеки, распространяютъ и издаютъ книги и статьи, направленныя къ опроверженію лжеученія раскола и сектантства; въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе дѣятельность Московскаго братства Петра Митрополита; это братство въ 1892 году напечатало 120.000 экземпляровъ разныхъ сочиненій, направленныхъ противъ раскола; изъ книжныхъ запасовъ братства продано въ теченіе года книгъ, кромѣ розданныхъ безмездно, 26.289 экземпляровъ.

Въ числѣ братствъ, посвящающихъ свои заботы просвѣщенію инородцевъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе Казанское братство Св. Гурія. Дѣятельность его направлена къ учрежденію школъ среди татаръ, черемисъ, мордвы, вотяковъ и др. инородцевъ, во множествѣ населяющихъ нашъ востокъ и соприкасающихся въ своихъ полуязыческихъ вѣрованіяхъ, а также и въ изданіи богослужебныхъ и иныхъ религіозно-нравственныхъ книгъ на этихъ инородческихъ языкахъ.

III. Братская благотворительность не ограничивается только частной милостивей, но выражается также устройствомъ разнаго рода богоугодныхъ заведеній.

Мы ограничимся здѣсь цифрами; такъ изъ послѣднихъ отчетовъ узнаемъ что 29 братствъ устроили: богадѣленъ—11, больницъ—10; дѣтскихъ пріютовъ 20; безплатныхъ столовыхъ—7, странноприимныхъ домовъ 2.

Затѣмъ мы выдѣлимъ особо тѣ братства, которыя поставили себѣ цѣлью оказывать вспомоществованіе бѣднымъ ученикамъ нашихъ высшихъ и низшихъ духовныхъ училищъ. Такихъ братствъ насчитывается 14-ть, и во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить Московское братство Св. Николая, уже свыше 25 лѣтъ помогающее бѣднымъ ученикамъ московскихъ училищъ.

IV. Церковно-благотворительная братская дѣятельность, помимо тѣхъ заботъ о сооруженіи новыхъ храмовъ, возстановленіи старыхъ, матеріальной помощи причту, снабженіи церквей необходимыми вещами, устройствѣ кладбищъ и проч.—направлены въ настоящее время къ учрежденію особыхъ курсовъ церковнаго пѣнія и чтенія, откуда могли бы выходить опытные регенты и образованные псаломщики. Потребность стройнаго и выразительнаго пѣснопѣнія и чтенія во время Богослуженія очень сильна въ русскомъ народѣ, и братскія усилія, направленныя къ удовлетворенію этой потребности, заслуживаютъ особенной благодарности. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе дѣятельность Петербургскаго братства Пресвятыя Богородицы, Владимірскаго Александра Невскаго, Пермскаго Св. Стефана, Тульскаго Іоанна Предтечи и др.

Заслуживаетъ также упоминанія учрежденіе нѣкоторыми братствами особыхъ древлехранилищъ, куда собираются памятники церковной древности и разныя старопечатныя книги, служащія къ обличенію раскола. Особенно богатое древлехранилище устроило у себя Владимірское братство. Древлехранилища, учреждаемыя нѣкоторыми западными братствами (напр. Волынскими), особенно важны въ томъ отношеніи, что ихъ собранія древнихъ церковныхъ памятниковъ наглядѣе всего доказываютъ глубокую древность православія у насъ на западѣ.

Этими краткими свѣдѣніями о дѣятельности нашихъ братствъ на Руси, мы и ограничиваемся на сей разъ. Задача наша была очень скромна: мы желали лишь привлечь къ нимъ вниманіе той части русскаго общества, которая почему либо мало знакома съ дѣятельностью нашихъ православныхъ братствъ. А имъ несомнѣнно предстоитъ громадная будущность въ дѣлѣ просвѣщенія и поднятія

нравственнаго уровня русскаго народа. „Братское общеніе“ для дѣлъ христіанской милости и просвѣщенія является формой не „узкомыслennой“, не „искусственно-созданной“; напротивъ того, она „выношена“ историческими событіями нашего далекаго прошлаго, поэтому-то братская дѣятельность такъ глубоко и пустила корни въ здоровой русской почвѣ и, какъ мы видѣли, лишь только наступаютъ благопріятныя условія, она снова процвѣтаетъ на благо нашей дорогой родинѣ. Кто знаетъ, можетъ быть „братскіе союзы“, разростаясь и укрѣпляясь, входя между собой въ тѣсное общеніе, будутъ когда нибудь настолько сильны, что сплотятъ понемногу всѣхъ лучшихъ, добрыхъ людей и помогутъ провести въ жизнь высокіе христіанскіе завѣты. И это—не мечта. Основываясь на историческомъ прошломъ нашихъ братствъ, на той устойчивости и прочности этого учрежденія, его способности, благодаря тѣмъ началамъ, которыя въ него вложены, къ безконечному развитію и совершенству, невольно думается, что и теперь мы можемъ предвидѣть зарю „новой церковной жизни“, когда человѣку будетъ легче, теплѣе жить на свѣтѣ. Даже и въ нашемъ краткомъ чтеніи (мнѣ кажется) ярко выступаетъ „общій“ характеръ нашей братской дѣятельности: вся она направлена къ защитѣ-и только къ защитѣ—вѣры, Церкви и народности.

Въ этомъ отношеніи позвольте мнѣ сдѣлать одно небольшое сравненіе. Оно напрашивается, какъ бы само собой, и этимъ сравненіемъ мы и закончимъ наше чтеніе.

Въ своихъ послѣднихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Славянскомъ Обозрѣніи“ за минувшій годъ и посвященныхъ дѣятельности двухъ могущественныхъ обществъ Германіи, именно, Евангелическаго союза „Густава-Адольфа“ и „общенѣмецкаго школьнаго союза“, я старался выяснить, что дѣятельность этихъ обществъ только на словахъ направлена къ высокимъ филантропическимъ цѣлямъ, на дѣлѣ-же, напримѣръ, союзъ „Густава-Адольфа“ преслѣдуетъ узкія задачи „нѣмецкаго“ протестантизма, притомъ не столько въ оборонительномъ, сколько въ наступательномъ видѣ, особенно въ славянскихъ земляхъ, гдѣ, по собственному признанію этого религіознаго союза, онъ устанавливаетъ передовые посты германизма.

Какъ-же опредѣлена въ уставѣ этого союза цѣль его дѣятельности? Въ § 1 сего устава сказано: „всѣми силами облегчать нужды только приспыхъ по вѣрѣ (нѣмецкихъ протестантовъ) внутри и внѣ Германіи. Въ дѣйствительности цѣль эта гораздо спеціальнѣе: оказывать помощь не „угнетеннымъ“ протестантамъ вообще, какой бы народности, языка и политическаго направленія они ни были, а только тѣмъ, которые служатъ исключительно германскимъ интересамъ, которые помогаютъ расширенію и укрѣпленію германской гегемоніи!

Наши братства политикой не занимаются; они не стремятся насильственнымъ образомъ захватывать „въ свои мрежи чужія души“. Вся ихъ дѣятельность на виду. Весьма естественно, что по слову Апостола, они помогаютъ преимущественно „своимъ по вѣрѣ“,—но, однако, не исключительно.

Не говоря уже о древнихъ братствахъ, которыя благодѣтельствовали не только „вписнымъ“ своимъ членамъ, не только приспымъ по вѣрѣ, но и иновѣрцамъ по скольку могли (см. уставы львовскаго, могилевскаго, берестейскаго и др. братствъ); возьмемъ для примѣра уставъ недавно учрежденнаго въ Берлинѣ (29 марта 1890 г.) братства св. Владиміра. Въ этомъ уставѣ цѣль братства опредѣлена такъ: „оказаніе помощи нуждающимся и больнымъ русскимъ подданнымъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, а также лицамъ православнаго исповѣданія всѣхъ національностей“. Въ этихъ словахъ устава выражена широта взгляда—безпримѣрная въ лѣтописяхъ инославныхъ исповѣданій. Такою широкою постановкою своей первой и главной задачи—благотворенія, братство обязано почившему недавно первоіерарху нашей церкви митрополиту Исидору, который, въ отвѣтъ на ходатайство братства о разрѣшеніи оказывать вспомоществованіе нуждающимся русскимъ подданнымъ всѣхъ вообще христіанскихъ исповѣданій, высказалъ слѣдующія знаменательныя слова: „нужда уравниваетъ всѣ исповѣданія—помогайте, насколько можете, всѣмъ“. И дѣйствительно, владимірское братство (какъ видно изъ послѣдняго отчета) помогало и прусскимъ подданнымъ, исповѣдующимъ православную религію, и возвратившимся обратно изъ Бразиліи выселенцамъ изъ нашихъ привислянскихъ губерній, которые были въ такой нуждѣ, что безъ братской помощи не могли бы возвратиться на родину и погибли бы на чужбинѣ отъ голодной смерти.

Такое человѣчное отношеніе—безъ всякой скрытой мысли и цѣли—даже къ человѣку иной вѣры, иной національности, если только онъ именемъ Христа протягиваетъ къ намъ руку за помощью, если онъ немощенъ, сиръ и нагъ, не можетъ не дѣйствовать обаятельно на всѣхъ непредубѣжденныхъ людей, даже изъ враждебнаго намъ стана. Велика сила любви въ православномъ обществѣ, хранящемъ лучшіе завѣты старины; многихъ чужихъ и сначала враждебныхъ истинно притянула она въ его среду, много побѣдъ одержитъ и въ будущемъ, ибо это единственная сила на землѣ, противъ которой ничто не устоитъ.

Наши братства являются также выразителями этой силы любви и, несомнѣнно, въ общемъ строѣ православныхъ учрежденій они также, но мѣрѣ силъ, созидаютъ и содѣйствуютъ истинному торжеству православія.

Статья М. П. Городецкаго:

Памяти Помпея Николаевича Батюшкова.

Въ минувшемъ году скончался одинъ изъ членовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества извѣстный русскій дѣятель и патріотъ Помпей Николаевичъ Батюшковъ.

Какъ ближайшій сотрудникъ почившаго

по историческимъ изданіямъ его, считаю долгомъ почтить память его посильнымъ своимъ словомъ.

Имя Батюшковыхъ извѣстно всему русскому образованному обществу. Пять лѣтъ тому назадъ, именно 8 мая 1887 г., въ торжественномъ собраніи Императорской академіи наукъ праздновалось столѣтіе со дня рожденія Константина Николаевича Батюшкова. Это былъ ближайшій предшественникъ и, такъ сказать, подготовитель Пушкина, развившій своими поэтическими произведеніями литературный вкусъ не одного поколѣнія русскихъ людей. Младшій братъ поэта отъ другой матери, Помпей Николаевичъ Батюшковъ получилъ извѣстность какъ русскій патріотъ и дѣятель на поприщѣ государственной службы и исторической науки.

По роду своей службы въ пятидесятыхъ и 60-хъ годахъ въ должностяхъ вице-директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, ковенскаго вице-губернатора, помощника попечителя виленскаго учебнаго округа и наконецъ попечителя того же округа, Помпей Николаевичъ изучилъ польскій вопросъ и своею высоко патріотическою дѣятельностью принесъ, можно сказать, неизмѣримую пользу нашимъ западнымъ окраинамъ, подвергшимся вліянію польщизны и католичества и, къ сожалѣнію, еще доселѣ не освободившимся вполнѣ отъ этого вреднаго вліянія. Польская политика въ отношеніи сѣверо- и юго-западныхъ русскихъ областей достаточно намъ извѣстна. Гордясь своею мнимою цивилизаціею, обвиняя Россію въ неправильномъ будто бы присвоеніи себѣ древнихъ русскихъ областей, поляки стремились къ тому, чтобы ополячить православное населеніе этихъ областей и искоренить тамъ православіе. Если искусственно созданная унія 1596 г. не достигла своей цѣли, не совратила весь русскій народъ нашихъ западныхъ окраинъ въ папскую вѣру, то послѣ упраздненія уніи народъ все же оставался подъ вліяніемъ польщизны и католичества. Польскіе помѣщики владѣли русскими православными крестьянами и съ безпримѣрною жестокостью угнетали ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, состоя попечителями надъ православными приходами, польскіе паны принимали всѣ мѣры для того, чтобы унизить православіе и возвеличить католичество. Когда православныя церкви въ ихъ имѣніяхъ приходили въ ветхость, они оставляли ихъ безъ обновленія.

Небольшой деревянный срубъ, крытый соломой, съ маленькими окошками и едва замѣтнымъ крестомъ на крышѣ, покачнувшаяся на бокъ колокольня съ двумя-тремя небольшими колоколами,—вотъ обычный видъ православнаго храма въ деревняхъ Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи. А наряду съ такимъ убожествомъ возвышался на видномъ мѣстѣ величественный каменный костелъ съ громогласнымъ органомъ.

Многіе изъ памятниковъ такого церковнаго убожества сохранились до позднѣйшаго времени какъ бы въ подкрѣпленіе историческихъ сказаній о претерпѣнномъ православнымъ народомъ угнетеніи. Но этому угнетенію, наконецъ, былъ положенъ рѣшительный предѣлъ. Въ 1858 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ образованъ церковно-строительный отдѣлъ, ввѣренный П. Н. Батюшкову. Въ томъ же году, по начертанію Батюшкова, установлены слѣдующія мѣры: а) полное отстраненіе помѣщиковъ отъ участія въ устройствѣ православныхъ церквей; б) назначеніе правительственныхъ суммъ на сооруженіе новыхъ и обновленіе обветшалыхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и в) приглашеніе русскаго общества къ добровольнымъ пожертвованіямъ на это дѣло. Примѣненіе такихъ мѣръ дало чрезвычайно полезные плоды. Правительствомъ были назначаемы ежегодно средства на постройку церквей въ девяти западныхъ губерніяхъ. Средствъ этихъ за время 1858—1887 гг. было отпущено 9.860.549 рублей, что дало возможность произвести до 1.700 церковныхъ сооруженій. Независимо отъ сего много было сдѣлано пожертвованій—деньгами и вещами отъ августѣйшихъ особъ Царствующаго Дома, іерарховъ русской Церкви и частныхъ лицъ.

Не меньшее значеніе имѣла гражданско-просвѣтительная дѣятельность П. Н. Батюшкова въ дѣлѣ оздоровленія учебной части въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ пору, предшествовавшую польскому возстанію, весь виленскій край былъ покрытъ польскими учебными заведеніями различныхъ разрядовъ и наименованій. Это были организованные разсадники польщизны и католичества среди населенія русскаго, бѣлорусскаго и литовскаго. Здѣсь въ умы молодого поколѣнія вселялась ненависть къ Россіи, искажалась русская исторія, порицалась вѣра православная; но зато здѣсь же прославлялось величіе Польши и необычайно превозносилась римско-католическая вѣра. Первое начало измѣненію этого неестественнаго положенія учебнаго дѣла было положено попечителями виленскаго учебнаго округа княземъ Шпинскимъ-Шахматовымъ и Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ, но дальнѣйшее развитіе дѣла и окончательное водвореніе въ школу русскихъ началъ принадлежитъ П. Н. Батюшкову.

Онъ исходатайствовалъ усиленіе состава инспекторовъ народныхъ училищъ; положилъ основаніе высшему образцовому шестикласснному женскому институту въ Вильнѣ; закрылъ частные женскіе пансіоны, служившіе проводниками въ русскую среду польско-католическихъ идей; привлекъ къ занятію учительскихъ мѣстъ лучшія русскія силы и т. п.

Какъ на одно изъ выдающихся распоряженій Помпея Николаевича по управленію виленскимъ учебнымъ округомъ слѣдуетъ указать на переводъ католическихъ молитвенниковъ на русскій языкъ.

Въ числѣ воспитанниковъ въ школахъ виленскаго учебнаго округа находились дѣти родителей, исповѣдывавшихъ католическую вѣру, но не принадлежавшихъ къ польской народности; одни изъ такихъ родителей считали себя, вопреки дѣйствительности, поляками, другіе—не желали измѣнять своему литов-

скому или бѣлорусскому происхожденію. Дѣтямъ такихъ родителей, наравнѣ съ дѣтьми коренныхъ поляковъ, преподавался законъ Божій на польскомъ языкѣ. Съ такимъ положеніемъ дѣла преподаванія закона Божія католическаго исповѣданія П. И. Батюшковъ никакъ не могъ помириться. Онъ не могъ допустить, чтобы правительственная школа, путемъ искусственнаго привитія въ ней дѣтямъ не польскаго происхожденія чужлаго имъ языка, обратилась въ разсадникъ польщизны, а потому сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ на русскій языкъ, бывшій въ употребленіи бѣлоруссовъ, катехизиса и молитвенниковъ; переводы эти были, затѣмъ, разсмотрѣны и одобрены духовными властями римско-католическаго исповѣданія и повсемѣстно введены въ учебныя заведенія округа. Мѣра эта была встрѣчена весьма сочувственно не только со стороны учениковъ-бѣлоруссовъ и ихъ родителей католиковъ, но даже и со стороны нѣкоторыхъ ксендзовъ, изъ числа которыхъ многіе начали преподавать но этимъ переводамъ законъ Божій. Впослѣдствіи переводы молитвенниковъ послужили основаніемъ ко введенію русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи въ костелахъ.

Но въ то время, когда Батюшковъ вводилъ въ учебное дѣло строго русскія начала, высшая мѣстная администрація въ краѣ держалась другого направленія. Это разномысліе привело къ тому, что Батюшковъ вынужденъ былъ оставить Вильну.

Поселившись въ Москвѣ, Батюшковъ, при открытіи миссіонерскаго общества былъ единогласно избранъ помощникомъ предсѣдателя этого общества и вице-предсѣдателемъ Славянскаго Комитета. То было время возрожденія въ сознаніи русскаго общества общеславянскихъ идей, время развитія общественной дѣятельности. Кружокъ такихъ патріотовъ, какъ Катковъ, Самаринъ, Аксаковъ, Погодинъ, такъ сказать сосредоточилъ въ себѣ русскія идеи, которыя воспринимались всею мыслящею Россіею. Къ этому кружку примкнулъ и Батюшковъ. Когда же на балканскомъ полуостровѣ возгорѣлась борьба за независимость, когда русскія молодыя силы двинулись въ защиту братьевъ-славянъ, когда со всей Россіи посылались пожертвованія въ пользу Босніи, Герцеговины, Сербіи и Болгаріи,—П. И. Батюшковъ сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Славянскаго Комитета. Вмѣстѣ съ Аксаковымъ, онъ занялся пріемомъ и разсылкою вещей и денегъ, пожертвованныхъ русскими въ пользу славянъ, собиралъ свѣдѣнія о мѣстахъ назначеніи пожертвованій, разсылалъ ихъ по назначеннымъ мѣстамъ и т. п., и все это дѣлалъ съ необычайною любовью и тою ревностью, какою отличалась вся его дѣятельность.

Ко времени пребыванія Батюшкова въ Москвѣ относятся и труды его по окончанію сооруженія храма Спасителя. Назначенный вице-предсѣдателемъ комиссіи по постройкѣ этого величественнаго храма, онъ оживилъ ходъ работъ и тѣмъ ускорилъ окончаніе постройки.

Наибольшую извѣстность П. И. Батюшковъ пріобрѣлъ какъ предприниматель и издатель сочиненій, относящихся къ исторіи и этнографіи русскихъ областей, нѣкогда находившихся подъ тяжелымъ игомъ польскаго владычества. Когда на него было возложено церковно-строительное дѣло, Батюшковъ призналъ нужнымъ подвергнуть православные приходы въ западныхъ окраинахъ предварительному осмотру съ приведеніемъ въ извѣстность числа прихожанъ. Осмотръ этотъ былъ произведенъ офицерами генеральнаго штаба, которые вмѣстѣ съ тѣмъ собрали статистическія свѣдѣнія о народонаселеніи. На основаніи этихъ свѣдѣній Батюшковъ издалъ въ 1862 г. „Атласъ народонаселенія западно-русскаго края по исповѣданіямъ", выдержавшій два изданія и нынѣ составляющій библіографическую рѣдкость. Одновременно съ тѣмъ Батюшковъ издалъ при содѣйствіи академика Солнцева, также почившаго въ минувшемъ году, альбомъ подъ названіемъ: „Собраніе проектовъ на постройку православныхъ церквей въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ".

Затѣмъ съ 1865 г. Батюшковъ началъ выпускать въ свѣтъ роскошное по внѣшности и многоцѣнное по внутреннему содержанію изданіе „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ". Въ этомъ научно-художественномъ изданіи воспроизведены многочисленныя русскія достопримѣчательности Волынской области, Подоліи, Виленскаго края, Холмщины и Подляшья, оставшіяся въ забвеніи или подвергавшіяся вліянію времени и варварскому уничтоженію. Въ томъ же изданіи нашли себѣ мѣсто и тѣ убогія церкви въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ, о которыхъ мною было сказано раньше. Выпуски этого изданія, состоящаго изъ 8 альбомовъ рисунковъ и 4 большихъ томовъ историческихъ статей, составленныхъ русскими учеными, не могли однако имѣть широкаго распространенія въ обществѣ по ограниченности отпечатанныхъ образцовъ и по своей сравнительно высокой цѣнѣ. Между тѣмъ, высказывалась мысль о необходимости распространенія изданныхъ Батюшковымъ научныхъ изслѣдованій въ видѣ отдѣльныхъ сжатыхъ и недорогихъ сборниковъ, которые могли бы служить пособіемъ для преподавателей въ школахъ и вообще для лицъ, близко стоящихъ къ народу. Удовлетворяя этой потребности, Батюшковъ съ 1887 г. началъ издавать иллюстрированные историческіе сборники: „Холмская Русь", „Волынь", „Бѣлоруссія и Литва" и наконецъ „Подолія". Встрѣченные сочувственно обществомъ и ученымъ вѣдомствомъ, сборники эти разошлись въ нѣсколькихъ тысячахъ книжекъ каждый. Въ 1891 г. Батюшковъ приступилъ къ изданію сборника „Бессарабія". Книга эта должна была завершить рядъ описаній нашихъ сѣверо- и юго-западныхъ окраинъ; но издателю не пришлось окончить книгу и дожить до выхода ея въ свѣтъ. Занятый мыслью объ этомъ изданіи въ теченіе своей болѣзни, онъ на смертномъ одрѣ завѣщалъ одному изъ

жайшему своему сотруднику окончить составленіе и печатаніе сборника и выпустить его въ свѣтъ, какъ посмертное изданіе его, что и исполнено въ сентябрѣ минувшаго года.

Слишкомъ было бы недостаточно ограничить хотя бы краткое воспоминаніе о П. Н. Батюшковѣ указаніемъ на его дѣятельность служебную и научно-патріотическую. Личность его была бы слаба и блѣдна, если бы не было упомянуто о его внутреннемъ мірѣ, о его любвеобильной душѣ. Русскій поубѣжденіямъ, неизмѣнно преданный православной вѣрѣ, онъ отличался необычайно мягкимъ нравомъ и сердечною отзывчивостью ко всему доброму и полезному. Къ нему обращались съ просьбами со всѣхъ сторонъ и въ особенности изъ нашихъ западныхъ окраинъ, обращались и лица, и учрежденія,—и никому изъ нихъ не было отказа: за всѣхъ онъ хлопоталъ и всегда радовался когда приходилось исполнить просьбу. Особенное утѣшеніе ему доставляло оказаніе той или другой помощи по предметамъ, относящимся къ наукѣ, народному просвѣщенію и церковному управленію. Зато онъ пользовался необычайною любовью, въ особенности въ виленскомъ краѣ. Послѣ его кончины, вдова покойнаго получила множество писемъ и телеграммъ съ выраженіемъ скорби объ утратѣ почившаго дѣятеля. Изъ ряда посланій этого рода обращаетъ на себя вниманіе письмо виленскаго попечителя Н. А. Сергіевскаго.

„Ковчина вашего дорогого супруга,—пишетъ Николай Александровичъ,—и незамѣнимаго русскаго дѣятеля Помпея Николаевича составляетъ для васъ великое, безутѣшное горе. Тяжелая вѣсть объ этомъ глубоко поразила и всѣхъ насъ, всю учебную семью виленскаго округа. Покойный Помпей Николаевичъ всею душою принадлежалъ намъ, всѣ свои труды, всѣ силы посвящалъ западной Россіи. Онъ безмѣрно ее любилъ, лелѣялъ, охранялъ, устроялъ... Его ученыя изданія трудовъ по исторіи западной Россіи послужатъ несокрушимымъ для него памятникомъ и будутъ содѣйствовать образованію особой школы русскихъ дѣятелей. Еще болѣе несокрушимымъ памятникомъ дѣятельности Помпея Николаевича являются многочисленные храмы, созданные при его участіи въ различныхъ мѣстахъ западной Россіи, въ которыхъ возносилось и будетъ восноситься имя Помпея Николаевича. Виленскій учебный округъ живо сохраняетъ память и о томъ тяжеломъ времени для западнаго края, когда на него снова начали надвигаться враждебныя тучи, разогнанныя было гр. М. Н. Муравьевымъ. Покойный Помпей Николаевичъ всею силою своей русской души возсталъ противъ такого направленія. Его борьба съ этимъ направленіемъ, которое потомъ само должно было отступить, составляетъ великій подвигъ въ его жизни. Теперь, послѣ всѣхъ трудовъ, Помпей Николаевичъ почилъ вѣчнымъ сномъ. Но Виленскій учебный округъ никогда не забудетъ бывшаго своего дорогого попечителя, такъ много для него потрудившагося"...

За свою патріотическую дѣятельность, за свой свѣтлый обликъ, покойный П. Н. Батюшковъ заслужилъ довѣріе и вниманіе Особъ Августѣйшаго Дома, а также любовь и уваженіе со стороны многихъ іерарховъ русской Церкви. Многіе изъ научныхъ и благотворительныхъ учрежденій считали его въ числѣ своихъ членовъ, а въ томъ числѣ и наше Славянское Благотворительное Общество. Имя его съ уваженіемъ произносилось и за границей, гдѣ онъ имѣлъ друзей и почитателей, въ особенности среди славянъ.

Всю жизнь свою Помпей Николаевичъ трудился на пользу нашего дорогого отечества, во славу Россіи. Трудился съ юношескою силою, трудился, несмотря на преклонный возрастъ (онъ скончался 82 лѣтъ!). Онъ переселился въ лучшую жизнь съ спокойною совѣстью, съ убѣжденіемъ, что не зарылъ въ землю свой талантъ. Умирая, онъ смѣло могъ бы сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

Я не сомкнулъ очей въ дремотѣ,
Я не ослабнулъ предъ борьбой,
Не бросилъ плуга, рабъ лѣнивый,
Не отошелъ я отъ него,
Покуда не прорѣзалъ нивы,
Господы для сѣва Твоего.

СПИСОКЪ

ПОЧЕТНЫХЪ, ПОЖИЗНЕННЫХЪ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА, ИЗБРАННЫХЪ ВЪ 1883—1893 ГГ.

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ:

Аксакова, Анна Ѳеодоровна . . 14 Февр. 87.
Бычковъ, Аѳанасій Ѳеодоровичъ 23 Февр 69.
5 Нояб. 90.
Гильфердингъ, Варвара Францовна 12 Дек. 71.
14 Февр. 87.
Давидовскій, Николай Іаковлевичъ 30 Мар. 68.
8 Мая 84.
Деляновъ, Иванъ Давидовичъ. . 5 Мая 85.
Дурново, Петръ Павловичъ . . . 11 Мая 81.
14 Февр. 86.
Бояловичъ, Михаилъ Іосифовичъ 23 Мая 68.
25 Нояб. 90.
Іманскій, Владиміръ Ивановичъ 29 Февр. 68.
18 Дек. 83.
Леонтій, митропол. московскій* 5 Мая 85.
Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ 19 Янв. 69.
11 Мая 88.
Миллеръ, Орестъ Ѳеодоровичъ. . 3 Нояб. 68.
22 Дек. 85.
Морозова, Марія Ѳеодоровна * . 6 Апр. 90.
7 Апр. 91.
Паумовичъ, св., Іоаннъ Григорьев. 20 Янв. 85.
НИКОЛАЙ, князь черногорскій. 21 Дек. 87.
Площанскій, Венедиктъ Михаил. 20 Янв. 85.
Побѣдоносцевъ, Констант. Петров. 5 Мая 85.
Полонскій, Іаковъ Петровичъ. . 4 Дек. 88.
Смоляръ, Иванъ Ивановичъ . . 18 Дек. 83.
Штроссмайеръ, Іосифъ, епископъ боснійскій и срѣмскій. . . . 21 Дек. 87.

ПОЖИЗНЕННЫЕ ЧЛЕНЫ:

Абатуровъ, Ленъ Ѳеодоровичъ . 22 Мар. 81.
28 Янв. 90.
Амвросій, архіеп. харьковскій и ахтырскій . . . . . 25 Нояб. 90.
6 Апр. 90.
Вавилевскій, Викторъ Ивановичъ 25 Нояб. 90.
Валентина, игуменья Воскресенскаго монастыря . . . . . 14 Февр. 93.
4 Нояб. 76.
Гагаринъ, князь, Петръ Димитріев. 6 Апр. 86.
Галаганъ, Григорій Павловичъ . 15 Мар. 70.
8 Мая 84.
Гервасій, епископъ левкійскій . . 15 Нояб. 84.
Де-Воланъ, Григорій Александров. 14 Мар. 71.
11 Мая 89.
Долгоруковъ, князь, Алексѣй Николаевичъ. . . . . 28 Янв. 90.
Егорова, Пелагія Стефановна . . 20 Дек. 92.
Егоровъ, Симеонъ Евпмѣевичъ . 28 Янв. 90.
4 Окт. 70.
Журавлевъ, Аркадій Аркадіевичъ 7 Апр. 85.
Ивановъ, Максимъ Ивановичъ* . 14 Февр. 85.
Кладищевъ, Димитрій Петровичъ 27 Окт. 85.
Крестовниковъ, Григор Алексан.* 28 Янв. 90.
Крестовниконъ, Николай Констан.* 28 Янв. 90
Кузнецовъ, Александ. Григорьев.* 4 Дек. 88.
Макарій, архіеп. донской и новочеркасскій . . . . . 15 Нояб. 84
Мижѣшинъ, Михаилъ Іосифовичъ. 17 Сен. 68.
28 Янв. 90.
Милорадовичъ, графъ, Григор. Александровичъ. . . . . 14 Фев. 87.
Морозовъ, Тимоѳей Саввичъ* . . 23 Дек. 88.
Морозова, Марія Ѳеодоровна* . . 6 Апр. 90.
Неустроевъ, Александръ Николаев. 27 Окт. 85.
Никандръ, архіеп. тульскій и бѣлевскій . . . . . 15 Нояб. 84.
Никаноръ, архіеп. херсонскій и одесскій. . . . . 27 Мар. 88.
Оболенскій, князь, Александръ Сергіевичъ . . . . . 15 Нояб. 92.
Орловъ-Давыдовъ, графъ, Сергій Владиміровичъ* . . . . . 20 Янв. 85
Пашичъ, Николай Петровичъ. . 25 Фев. 90.
Перелешивъ, Павелъ Александров. 20 Дек. 92.
Писаревскій, Николай Петровичъ 3 Фев. 80.
15 Янв. 84.
Протопоповъ, Никол. Александр.* 7 Апр. 91.
Ратьковъ - Рожновъ, Владиміръ Александровичъ . . . . . 7 Апр. 85.
Самаринъ, Димитрій Ѳеодоров.* 4 Дек. 88.
Семеновъ, Людмила Андреевна . 1 Дек. 91.
Семеновъ, Василій Ивановичъ . 1 Дек. 91.
Сергіевъ, протоіерей, Іоаннъ Ильичъ . . . . . 1 Дек. 91.
Спиерсъ, Петръ Александровичъ. 4 Дек. 88.
Силяновскій, Георгій Абрамовичъ. 11 Мая 89.
7 Апр. 85.
Соловьевъ, прот. Евген. Васильев. 14 Февр. 93.
Стенбокъ, графъ, Адамъ Максимов. 25 Февр. 90
5 Мая 85.
Тихоновъ, Иванъ Тихоновичъ. . 28 Янв. 90.
Толстой, Михаилъ Сергіевичъ . 23 Нояб. 86.
Фанъ-деръ-Флитъ, Николай Ѳеодоровичъ . . . . . 15 Іюля 88.
11 Февр. 92.
Ѳеогностъ, архіеп. владимірскій и суздальскій (нынѣ новгород.) 7 Апр. 85.

Члены Общества, означенные *, проживаютъ въ Москвѣ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ:

Агаповъ, Михаилъ Михаиловичъ. 14 Февр. 89.
Агреневa-Славянская, Ольга Христофоровна . . . . . 5 Мая 85.
Агреневъ - Славянскій, Димитрій Александровичъ . . . . . 5 Мая 85.
Аладуровъ, Иванъ Евграфовичъ* 25 Февр. 90.
Адельфинскій, Владим. Васильев. 14 Апр. 88.
Аккерманъ, Александ. Ѳеодоров. 5 Нояб. 89
Аксеновъ, Василій Димитріевичъ 4 Дек. 88.
Алафузовъ, Антонъ Николаев.* 6 Апр. 90.
Александръ, еписк. костромской и галичскій . . . . . 15 Дек. 84.
Александръ, еписк. дмитровскій, викарій московскій * . . . 25 Февр. 90.
Александровскій, Никол. Васильев. 14 Апр. 88.
Алексѣевъ, Николай Александр.* 10 Дек. 89
Анатолій, архимандритъ . . . . 15 Іюля 88.
Андреевъ, Василій Андреевичъ . 23 Нояб. 86.
Андреевъ, Семеонъ Ивановичъ . 11 Мая 92.
Анисимова, Пелагія Васильевна . 15 Янв. 84.
Анисимовъ, Павелъ Тимоѳеевичъ* 6 Апр. 90.
Аничковъ, Юрій Сергіевичъ . . 11 Мая 92.
Анке, Николай Николаевичъ.* . 10 Дек. 89.
Антоній, архиман., ректоръ моск. дух. акад. . . . . 11 Мая 92.
Антоній, архіепис. финляндскій. 21 Нояб. 85.
Антоновичъ, Аѳиногенъ Іаковлев. 15 Іюля 88.
Апучинъ, Димитрій Николаевичъ* 11 Мая 92.
Апучинъ, Павелъ Николаевичъ . 14 Февр. 93.
Анцута, Всеволодъ Ивановичъ 28 Янв. 90.
Араповъ, Александръ Александр. 7 Апр. 85.
Аргиропуло, Кимонъ Мануиловичъ 25 Нояб. 90.
Аргутинскій - Долгоруковъ, князь, Константинъ Моисеевичъ. . 15 Нояб. 92.
Арнольди, Ольга Евгеніева . . . 5 Мая 85.
Арсеній, епископъ рижскій и митавскій . . . . . 9 Дек. 84.
Арсеньевскій, Андрей Васильевичъ 1 Дек. 91.
Архангельскій, Григорій Иванов. 9 Дек. 84.
Архаровъ, Павелъ Ивановичъ . 12 Мая 91.
Архиповъ, Иванъ Григорьевичъ. 6 Апр. 87.
Архиповъ, Николай Павловичъ* 6 Апр. 90.
Ашиновъ, Николай Ивановичъ . 23 Нояб. 86.
Аѳанасьевъ, Алексѣй Ивановичъ 11 Мая 89.
Бажеовъ, Иванъ Александров. 15 Іюля 88.
Байчевскій, Петръ Владимировичъ 14 Апр. 88.
Баклановъ, Иванъ Кузмичъ.* . . 10 Дек. 89.
Бальцарь, Владиславъ Іосифовичъ 11 Мая 88.
Бархаткинъ, Михаилъ Ивановичъ 15 Нояб. 92.
Барышниковъ, Герасимъ Алексѣев. 23 Нояб. 86.
Батюшковъ, Ѳеодоръ Дмитріев. 8 Мая 84.
Бахметева, Александра Николаев * 11 Мая 89.
Бахметевъ, Петръ Владиміровичъ* 11 Мая 89.
Башкировъ, Никол. Емельяновичъ 6 Апр. 90.
Безладновъ, Василій Львовичъ.* 4 Дек. 88.
Бертье - Делагардъ, Александръ Львовичъ. . . . . 15 Янв. 84.
Бехтѣевъ, Сергій Сергіевичъ. 12 Мая 91.
Бибиевъ, Михаилъ Петровичъ. . 6 Апр. 90.
Билибинъ, Иванъ Ивановичъ.* . 10 Дек. 89.
Блажина, Марія Павловна . . . 14 Февр. 93.
Блиновъ, Аристархъ Андреевичъ 4 Дек. 88
Блоковъ, Андріанъ Михаиловичъ 6 Апр. 87.
Богдановская, Вѣра Евстафіевна 14 Февр. 86.
Болотовъ, Владиславъ Васильев.* 4 Дек. 88.
Болотовъ, Митроф. Николаевичъ 14 Февр. 87.
Борисъ, архим., ректоръ СПБ. духовной академіи . . . . . 15 Нояб. 92.
Боровковъ, Павелъ Алексѣевичъ 26 Февр. 91.
Бороздинъ, Алексан. Корниловичъ 6 Апр. 87.
Берщъ, прот., Дамианъ Амвросіев. 14 Февр. 86.
Боткинъ, Петръ Петровичъ* . . 4 Дек. 88.
Боткинъ, Сергій Сергіевичъ. . 6 Апр. 87.
Бочаговъ, Павелъ Стефановичъ 26 Февр. 91.
Вошковичъ, Стоянъ . . . . . 25 Нояб. 90.
Брылкина, Наталія Владиміровна 22 Дек. 85.
Бугаевъ, Николай Васильевичъ* 27 Янв. 91.
Бугровъ, Николай Александров. 4 Дек. 88.
Будо, Александра Николаевна. . 5 Мая 85.
Бумагинъ, Михаилъ Іаковлевичъ. 1 Дек. 91.
Бурцевъ, Александръ Евгеніевичъ 25 Нояб. 90.
Бухаринъ, Михаилъ Николаевичъ 4 Дек. 88.
Бухтѣевъ, Михаилъ Андреевичъ. 4 Дек. 88.
Бѣлавенецъ, Анна Платоновна . 7 Апр. 85.
Бѣлиновъ, Иванъ Ивановичъ . . 20 Янв. 85.
Бѣдоростовъ, прот., Николай Даніиловичъ. . . . . 15 Іюля 88.
Васильевъ, Павелъ Дмитріевичъ 31 Окт. 82.
Васильевъ, Андрей Васильевичъ. 7 Апр. 85.
Вацлинъ, Вячеславъ Андреевичъ 11 Мая 88.
Вейнгартенъ, Николай Александр. 1 Дек. 91.
Величко, Марія Александровна. 7 Апр. 85.
Вельяминовъ, Алексан. Сергіев.* 5 Нояб. 89.
Вельяминовъ, Никол. Николаев. 22 Дек. 85.
Вельцъ, Антонъ Августиновичъ 11 Мая 88.
Вельцъ, Иванъ Августиновичъ . 11 Мая 88.
Вельцъ, Францъ Августиновичъ . 11 Мая 88.
Верховскій, свящ., Константинъ Тимоѳеевичъ . . . . . 21 Нояб. 85.
Вильмсъ, Гавріилъ Ивановичъ . 20 Янв. 85.
Вильмсъ, Зинаида Гавріиловна . 20 Янв. 85.
Виноградовъ, Павелъ Максимов. 25 Февр. 90.
Виссаріонъ, еписк. дмитровскій, викарій московскій . . . . 25 Февр. 90.
Вишняковъ, Алексѣй Семеонов.* 26 Февр. 91.
Вишняковъ, Владим. Семеонов.* 11 Мая 92.
Владиміровъ, Петръ Владиміровичъ 14 Апр. 88.
Владиміровъ, Алексан. Евѳиміев.* 4 Дек. 88.
Владиміръ, епископъ сумскій . . 11 Мая 89.
Воейковъ, Димитрій Ивановичъ* 7 Апр. 91.
Волковъ, Владиміръ Сергіевичъ* 4 Дек 88.
Волковъ, Алексѣй Стефановичъ 11 Мая 89.
Волваровъ, Димитрій Стефановичъ 14 Февр. 84.
Ворбсъ, Иванъ Іосифовичъ . . . 11 Мая 88.
Воровцовъ-Вельяминовъ, Николай Павловичъ . . . . . 14 Февр. 93.
Вороновъ, Никол. Михаиловичъ* 4 Дек. 88.
Вороновъ, Павелъ Николаевичъ 6 Февр. 91.
Восковъ, Иванъ Петровичъ . . . 7 Апр. 85.
Врангель, баронесса, Вѣра Георгіев. 14 Февр. 89.
Выборный, Владим. Вячеславов.* 15 Нояб. 92.
Вырубовъ, Александр. Петровичъ* 7 Апр. 91.
Вѣкшинъ, Алексѣй Львовичъ . . 6 Февр. 91.
Гагаринъ, князь, Александ. Петров. 17 Нояб. 83.
Гагаринъ, князь, Ѳеофилъ Евгеніев. 4 Дек. 88.
Галлатъ, Вячеславъ Вячеславовичъ 1 Дек. 91.
Гарничъ-Гарвицкій, Ѳеод. Мипичъ 15 Іюля 88.
Гарнинъ, Евгеній Михаиловичъ 6 Апр. 87.
Гастевъ, Владиміръ Павловичъ . 7 Апр. 85.
Гвоздевичъ, Антоній Михаилов.* 25 Нояб. 90.

Гейденъ, графъ, Никол. Ѳеодоров. 7 Апр. 85.
Гейнцъ, Викентій Антоновичъ . 5 Нояб. 89.
Гервасій, епископъ левкійскій . 15 Нояб. 84.
Германъ, еписк., члевъ Св. Сунода 14 Февр. 86.
Гервгросъ, Вѣра Григорьевна . 6 Февр. 91.
Гервгросъ, Евгеній Александров. 6 Февр. 91.
Геруцъ, Крунославъ Юрьевичъ 14 Февр. 89.
Гиппіусъ, Анна Стефановна . . 11 Мая 90.
Гласовъ, Александръ Алексѣевичъ 7 Апр. 85.
Глинскій, Борисъ Борисовичъ . 6 Апр. 87.
Голицынъ, князь. Александръ Михайловичъ* . . . . . 11 Мая 89.
Головацкій, Яковъ Ѳеодоровичъ 14 Февр. 87.
Головинъ, Сергій Сергіевичъ . 20 Дек. 87.
Голубевъ, Викторъ Ѳеодоровичъ 4 Дек. 88
Голубцевъ, Михаилъ Викторовичъ 20 Дек. 88.
Гольманъ, Владиміръ Владиміров. 11 Мая 92.
Гонсіоровскій, Іосифъ Іосифовичъ 21 Дек. 86.
Городецкій, Митрофанъ Ивановичъ 25 Нояб 90.
Горчаковъ, Андрей Николаевичъ 14 Февр. 86.
Гостевъ, Владиміръ Павловичъ . 5 Мая 85.
Гофмейстеръ, Алекс. Александров. 27 Окт. 85.
Греве, Александръ Адольфовичъ 14 Февр. 87.
Гржимайло, Иванъ Войтѣховичъ.* 7 Апр. 91.
Грибскій, Констант. Николаевичъ.* 4 Дек. 88.
Григорій, епископъ ковенскій . . 10 Дек. 89.
Григоровъ, Алексан. Петровичъ* 6 Апр. 90.
Гриневецкій, Димитрій Іосифовичъ 27 Янв. 91.
Грицевичъ, Димитрій Ивановичъ . 14 Февр. 87.
Гроссъ, И. . . . . 7 Апр. 85.
Гроссъ, Фердинандъ Францевичъ . 20 Дек 87.
Грушевицкій, Владиміръ Мартин. 21 Дек. 86.
Губскій, Михаилъ Ѳеодоровичъ . 6 Апр. 87.
Гурновъ, прот., Лаврент. Васильев. 14 Февр. 86.
Дабижа, князь, Василій Димитріев. 7 Апр. 85.
Деклеронъ, Эрастъ Павловичъ . 21 Іюня 83.
Дементьевъ, Александръ Иванов. 15 Іюля 88.
Денисенко, Павелъ Александров. 12 Мая 91.
Де-Скроховскій, Констант. Іосиф. 23 Нояб. 86.
Дилекторскій, Владим. Викентьев. 6 Апр. 87.
Димитріевъ, Радко Димитріевичъ 8 Мая 84.
Добровъ, Сергій Васильевичъ* . 10 Дек. 89.
Добролюбовъ, Владим. Александр.* 6 Апр. 90.
Добрянская, Юлія Іосифовна . . 11 Мая 89.
Долговъ, Иванъ Ивановичъ . . 7 Апр. 85.
Донатъ, епископъ рижскій и митавскій . . . . . 15 Нояб. 84.
Достоевская, Анна Григорьевна 17 Нояб. 84.
Дошенъ, Маркъ Даніловичъ . . 5 Нояб. 89.
Дроздовъ, Иванъ Алексѣевичъ. 22 Дек. 85.
Дукмасовъ, Ивавъ Архиповичъ* 14 Февр. 86.
Дунаевъ, Николай Ивановичъ . . 1 Дек. 91.
Духиновъ, Иванъ Ѳеодоровичъ. 11 Мая 90.
Духовской, Сергій Михаиловичъ* 10 Дек 89.
Дѣтиновъ, Агаѳій Андреевичъ.* . 4 Дек. 88.
Дѣтиновъ, Ѳеодоръ Андреевичъ . 4 Дек. 88.
Евгеній, епископъ астраханскій и енотаевскій . . . . . 5 Мая 85.
Евгеній, архимандритъ . . . . . 23 Нояб. 86.
Евдокимовъ, Евгеній Антоновичъ 21 Іюня 83.
Екимовъ, Арсеній Сергіевичъ . . 14 Февр. 92.
Емавуель, Юлія Георгіевна. . . 15 Іюля 88.
Еремчукъ, Иванъ Іаковлевичъ. . 26 Февр. 91.
Ефимовъ, Сергій Ѳеодоровичъ . 11 Мая 73.
Желобовскій, протопресв., Александръ Алексѣевичъ . . . . 11 Мая 92.
Жеребковъ, Владиміръ Алексѣев. 25 Февр. 90.
Жуковскій, Павелъ Васильевичъ* 6 Февр 91.
Жуковъ, Иванъ Александровичъ. 4 Дек. 88.
Журавлевъ, Василій Васильевичъ 11 Мая 89.
Журавлевъ, Николай Аріадіевичъ* 6 Апр. 90.
Заварыкинъ, Ѳеодоръ Николаев. 23 Нояб. 86.
Загоскинъ, Николай Николаевичъ* 10 Дек. 89.
Заикинъ, Даніилъ Васильевичъ . 5 Нояб. 89.
Засимовскій, Іосифъ Іосифовичъ 4 Дек. 88.
Захаровъ, Алексѣй Петровичъ. . 14 Февр. 93.
Захаровъ, Николай Петровичъ . 14 Февр. 93.
Зеландъ, Алексѣй Оскаровичъ . . 7 Апр. 85.
Зубаревъ, Иванъ Ѳеодоровичъ* . 5 Нояб. 89.
Ивановъ, Владиміръ Михаилов.* 25 Февр. 90.
Ивановъ, Гавріилъ Аѳанасьевичъ* 11 Мая 89.
Ивановъ-Платоновъ, прот., Александръ Михаиловичъ* . . . 25 Февр. 90.
Игнатьева, граф., Екатерина Никол. 28 Янв. 90.
Игнатьева, граф., Марія Николаев. 28 Янв. 90.
Игнатьевъ, Александръ Иванов. 27 Окт. 85.
Игнатьевъ, Иванъ Игнатьевичъ . 21 Нояб. 85.
Игнатьевъ, графъ, Леонидъ Никол.* 28 Янв. 90.
Игнатьевъ, графъ, Николай Никол. 1 Дек. 91.
Игнатьевъ, Петръ Александровичъ 14 Февр. 92.
Изергинъ, Василій Михаиловичъ 22 Дек. 85.
Икскуль, бар., Варвара Ивановна. 28 Янв. 90.
Иловайская, Наталія Николаевна. 6 Апр. 90.
Иловайскій, Димитрій Ивановичъ* 4 Дек. 88.
Иловайскій, Сергій Ивановичъ . 7 Апр. 85.
Индра, Антонъ Десидеріевичъ . . 11 Мая 88.
Иннокентій, архимандритъ. . . . 17 Нояб. 83.
Исаія, архимандритъ. . . . . 1 Дек. 91.
Исѣевъ, Михаилъ Григоріевичъ . 25 Февр. 90.
Іежишекъ, Стефанъ Ивановичъ.* 15 Нояб. 92.
Іежишекъ, Ѳеодоръ Ивановичъ.* 14 Февр. 89.
Іонаѳавъ, архіепископъ ярославскій и ростовскій. . . . . 9 Дек. 84.
Іоаземъ-Бекъ, Марія Львовна . . 4 Дек 88.
Калинковъ, Петръ Ивановичъ. . 11 Мая 89.
Каватова, Анва Петровна. . . . 7 Апр. 85.
Калачовъ, Иванъ Аркадьевичъ . 14 Февр. 93.
Караджовъ, Дечко Христовъ. . . 8 Мая 84.
Кардашевъ, Сергій Матѣевичъ* 4 Дек. 88.
Каретниковъ, Николай Николаев. 4 Дек 88.
Катеринчъ, Петръ Петровичъ . 20 Дек. 92.
Катуричъ, Лазарь Дороѳеевичъ . 4 Дек. 88.
Кедровъ, Василій Ивановичъ . . 13 Мая 84.
Кекинъ, Алексѣй Леонтьевичъ. . 23 Нояб. 86.
Келдышъ, Николай Ѳомичъ . . . 6 Апр. 90.
Кирьяновъ, Василій Николаевичъ 1 Дек. 91.
Клембовскій, Владисл. Ипполеон. 4 Дек. 88.
Клоръ, Марія Алексѣевна. . . . 14 Февр. 89.
Клочковскій, Юрій Евгеніевичъ . 6 Апр. 90.
Клюевъ, Михаилъ Павловичъ . . 14 Февр. 86.
Кноррингъ, Владиміръ Романов. . 6 Февр. 91.
Кияевъ. Гавріилъ Михаиловичъ. 8 Мая 84.
Кобылянскій, Петръ Петровичъ . 6 Апр. 87.
Кожевниковъ, Василій Ивановичъ 15 Нояб. 81.
Казачевко, Павелъ Ивановичъ . 7 Апр. 85.
Козикъ, Софія Аѳанасьевна . . 6 Апр. 90.
Комаровъ, Виссаріонъ Виссаріон. 8 Мая 84.
Комаровъ, Мервурій Еленаровъ. 7 Апр. 85.
Кондоиди, Владиміръ Григорьев. 11 Февр. 84.
Кондратовичъ, Кирріянъ Автопов.* 14 Февр. 87.
Кондратьевъ, Алексѣй Алексѣев. 6 Апр. 87.
Копіаръ, Всеволодъ Евгеніевичъ 11 Мая 90.
Кононовицынъ, графъ, Петръ Ивановичъ* . . . . . 25 Февр 10.
Косоновъ, свящ., Андрей Семеоновичъ . . . . . 11 Мая 90.

Константиновъ, Владиміръ Ивановъ. 14 Февр. 92.
Коншинъ, Николай Николаевъ.* 27 Янв. 91.
Кораннинъ, Михаилъ Кондратьевъ. 1 Дек. 91.
Костенецкій, Іаковъ Ѳеодоровичъ 7 Апр. 85.
Костромитиновъ, Александръ Николаевичъ . . . . . 15 Нояб. 92.
Котляревскій, Иванъ Андреевичъ 5 Нояб. 89.
Котляревскій, Иванъ Ивановичъ 15 іюля 88.
Крауфордъ, Иванъ Мартиновичъ 7 Апр. 91.
Крейнертъ, Григорій Николаевичъ 15 Нояб. 92.
Крвицкій, Иванъ Николаевичъ 11 Мая 89.
Кривцовъ, Александръ Александр. 6 Апр. 87.
Кристи, Григорій Ивановичъ . . 15 Нояб. 92.
Кротковъ, Валерій Сумеоновичъ 14 Февр. 92.
Кужба, Николай Ильичъ . . . . 7 Апр. 85.
Кузнецова, Екатерина Сумеоновна 28 Янв. 90.
Кулаковскій, Платовъ Андреевичъ 6 Апр. 87.
Куроѣдовъ, Николай Васильевичъ* 5 Нояб. 89.
Кутузовъ, Александръ Николаев. 11 Мая 84.
Ланге, Константинъ Леопольдов. 14 Февр. 87.
Ланинъ, Николай Петровичъ* . . 4 Дек. 88.
Ларіоновъ, Алексѣй Никифоров. 23 Нояб. 86.
Лебединскій, Іосифъ Игнатьевичъ. 25 Февр. 90.
Лебединцевъ, Александръ Арсен. 11 Мая 90.
Левенталь, Николай Александр.* 5 Нояб. 89.
Лентовскій, Сергій Александров. 26 Февр. 91.
Леонтьевъ, Александръ Ивановъ.* 4 Дек. 88.
Леонтьевъ, Сергій Іаковлевичъ. 4 Дек. 88.
Лещовъ, Александръ Никитичъ. 14 Февр. 86.
Линденбаумъ, Евгеній Павловичъ. 8 Мая 84.
Литвиновъ, Николай Павловичъ* 25 Февр. 90.
Лишинъ, Константинъ Николаев. 6 Февр. 91.
Лобковскій, Александръ Михайлов. 20 Дек. 87.
Ловцовъ, Сергій Петровичъ* . 4 Дек. 88.
Лодыженская, Александра Никол. 4 Дек. 88.
Лось-Рошковскій, Юлій Серафим. 11 Мая 89.
Лучичъ-Далматонъ, Василій Павтелеймоновичъ . . . . . 11 Мая 92.
Лыкошинъ, Александръ Ивановъ. 6 Апр. 87.
Любимовъ, Иванъ Стефановичъ. 8 Нояб. 84.
Лямпнъ, Иванъ Артемьевичъ* . . 4 Дек. 88.
Максимовъ, Иванъ Максимовичъ. 7 Апр. 85.
Макушенъ, Владиміръ Владимір. 1 Дек. 91.
Малиновъ, Александръ Иванов. 21 Дек. 86.
Мальгинъ, Всеволодъ Александров. 11 Мая 89.
Мансветовъ, Петръ Ермолаевичъ. 14 Февр. 85.
Мавыкинъ - Невструевъ, Александръ Ивановичъ . . . . 4 Дек. 88.
Масловъ, Николай Алексѣевичъ . 6 Апр. 87.
Маремъ, Іосифъ Ѳеодоровичъ . 7 Апр. 85.
Маринъ, Димитрій Павловичъ . . 15 Нояб. 92.
Мартыновъ, Сергій Іосифовичъ 27 Окт. 85.
Матвѣевскій, прот., Павелъ Алексѣевичъ . . . . . 21 Іюня 83.
Машковъ, Викторъ Ѳедоровичъ. 6 Апр. 90.
Медвѣдевъ, Александръ Павлов. 26 Февр. 91.
Мейендорфъ, баронесса, Елена Павловна . . . . . 26 Февр. 91.
Мейничекъ, Эдуардъ Матѳѣевичъ. 26 Февр. 91.
Мелетій, игуменъ . . . . . 7 Апр. 85.
Меняевъ, Константинъ Сумеонов. 27 Окт. 85.
Мешетѣловъ, Димитрій Григорьев. 20 Янв. 85.
Мещерскій, кн., Александръ Никол. 11 Мая 90.
Мещерскій, кн., Николай Петров.* 11 Мая 89.
Миклашевскій, Стефанъ Ивапов. 25 Нояб. 90.
Милицынъ, Лука Ѳеодоровичъ . . 7 Апр. 85.
Митропольскій, Александръ Иван. 14 Февр. 89.
Митрофанъ, епископъ ладожскій. 11 Мая 89.
Михаловъ, Филиппъ Михаилов. 7 Апр. 85.
Михалевскій, Николай Іосифовичъ. 21 Дек. 87.
Михѣевъ, Василій Михаиловичъ.* 11 Мая 89.
Мичатекъ, Александръ Матѳѣев. 14 Февр. 86.
Монастырскій, Несторъ Дмитріев. 7 Апр. 85.
Моревъ, Николай Николаевичъ . 6 Апр. 87.
Морозовъ, Арсеній Ивановичъ* . 4 Дек. 88.
Морозовъ, Давидъ Ивановичъ* . 14 Апр. 88.
Морозовъ, Евстафій Васильевичъ.* 4 Дек. 88.
Морозовъ, Иванъ Макаріевичъ.* 4 Дек. 88.
Морозовъ, Константинъ Васильев.* 4 Дек. 88.
Морозовъ, Николай Давидовичъ.* 4 Дек. 88.
Морововъ, Савва Тимоѳеевичъ.* 11 Мая 89.
Мороквнъ, Александръ Ѳеодоров. 14 Апр. 88.
Муравевичъ, свящ., Кипріянъ Герасимовичъ . . . . . 14 Апр. 88.
Мѣшковъ, Александръ Александр. 14 Апр. 88.
Мясоѣдовъ, Николай Александров. 12 Мая 91.
Навиновъ, Александръ Ивановичъ. 15 Нояб. 84.
Найденовъ, Александръ Александ.* 6 Апр. 90.
Найденовъ, Николай Александр.* 10 Дек. 89.
Нарышкина, Елисавета Алексѣев. 27 Янв. 91.
Нарышкинъ, Кириллъ Анатоліев. 27 Янв. 91.
Неклюдовъ, Петръ Васильевичъ . 4 Дек. 88.
Неофитъ, еписк. туркестанскій и ташкентскій . . . . . 8 Мая 84.
Несвадба, Іосифъ . . . . . 23 Мар. 86.
Неустроевъ, Александръ Никол. 7 Апр. 85.
Нечаевъ, свящ., Іоаннъ Стефанов. 5 Мая 85.
Нечаевъ, Николай Александров. 22 Дек. 85.
Никандръ, епископъ нарвскій . 26 Февр. 91.
Никаноръ, епископъ чебоксарскій. 7 Апр. 91.
Николаевъ, Николай Геннадіев.* 4 Дек. 88.
Никоновъ, Николай Никитичъ . 14 Февр. 93.
Никольскій, прот., Константинъ Тимоѳеевичъ . . . . . 14 Февр. 86.
Никольскій, Димитрій Петровичъ, 7 Апр. 85.
Новиковъ, Иванъ Алексѣевичъ.* 15 Нояб. 92.
Новогребельскій, Станиславъ Станиславовичъ* . . . . . 4 Дек. 88.
Новотвый, Вячеславъ Ивановичъ. 11 Мая 88.
Новочадовъ, Василій Алексѣевичъ. 11 Мая 88.
Нывльтъ, Станиславъ Ивановичъ. 11 Мая 88.
Нѣженскій, Александръ Сумеонов. 8 Мая 84.
Нѣмечекъ, Владиміръ Іосифовичъ. 14 Февр. 89.
Нѣмечекъ, Іосифъ Вячеславовичъ. 11 Мая 88.
Нѣчичиновъ, Гавріилъ Павловичъ.* 7 Апр. 91.
Обоевъ, Иванъ Маркеловичъ . . 1 Дек. 91.
Оболонскій, Николай Николаев * 25 Февр. 90.
Обухова, Надежда Львовна . . . 23 Мар. 86.
Одинцовъ, Иванъ Стефановичъ . 11 Мая 92.
Ольхинъ, Николай Александров . 21 Нояб. 85.
Ордынская, Надежда Николаевна. 14 Февр. 86.
Островскій, Сергій Геннадіевичъ.* 6 Апр. 90.
Офросимовъ, Василій Никандров. 4 Дек. 88.
Павловскій, Алексѣй Андреевичъ. 8 Мая 84.
Павелъ, архіеп. казанскій и свіяжскій . . . . . 14 Февр. 87.
Павловъ, Николай Михаиловичъ.* 10 Дек. 89.
Палладій, архіеп. каван. и свіяж., нынѣ митр. с.-петербургскій. 15 Нояб. 84.
Пальмовъ, Иванъ Саввичъ . . . 20 Янв. 85.
Пальчиковъ, Николай Васильев.* 11 Мая 92.
Павзэтъ, Янъ* . . . . . 14 Февр. 93.
Панковъ, Александръ Александр. 14 Февр. 89.
Пастуховъ, Николай Ивановичъ.*. 4 Дек. 88.
Пашевъ, Францъ Карловичъ . . 21 Дек. 86.
Перетерскій, свящ., Василій Иван. 11 Мая 92.

Петровъ, Александръ Ивановичъ. 11 Мая 88.
Петровъ, Алексѣй Леонидовичъ . 8 Мая 84.
Петровъ, прот., Леонидъ Петров. 7 Янв. 85.
Петровскій, Анатолій Викторов. 12 Мая 91.
Петровскій, Михаилъ Михайлов. 12 Мая 91.
Песковъ, Николай Александров. 11 Мая 90.
Платоновичъ, Василій Александр. 7 Апр. 85.
Плевако, Ѳедоръ Никифоровичъ.* 14 Февр. 89.
Плетневъ. Иванъ Тимоѳеевичъ. 25 Нояб. 90.
Погодинъ, Александръ Дмитріев. 14 Апр. 88.
Подлигайловъ, Павелъ Никитичъ. 14 Февр. 89.
Половинкинъ, Архіархъ Никол. 11 Мая 89.
Полѣзова, Олимпіада Ивановна . 14 Апр. 88.
Поляковъ, Петръ Спиридоновичъ. 20 Дек. 87.
Помазкинъ, Димитрій Аѳанасьев.* 4 Дек. 88.
Поповъ, Владиміръ Николаевичъ. 11 Мая 88.
Поповъ, Павелъ Петровичъ . . 14 Февр. 92.
Поповицкій, Александръ Иванов. 4 Дек. 88.
Поповицкій, прот., Доримедонтъ Петровичъ . . . . . 14 Февр. 89.
Пороховщиковъ, Александръ Александровичъ . . . . . 6 Апр 90.
Постниковъ, Ѳеодоръ Дмитріев. . 1 Дек. 91.
Потворовскій, Петръ Григорьев. . 20 Дек. 92.
Потѣхинъ, Павелъ Борисовичъ . 14 Февр. 93.
Праксинъ, Иванъ Александровичъ 18 Дек. 83.
Прженлавскій, Антоній Іосифов. 15 Нояб. 92.
Приселковъ, прот., Дмитрій Александровичъ . . . . . 11 Мая 92.
Пурышевъ, Аркадій Константин. 11 Мая 89.
Пѣтуховъ, Григорій Николаевичъ 1 Дек. 91.
Пятницкій, Константинъ Андреев. 4 Дек. 88.
Рагозинъ, Сергій Сергіевичъ . . 14 Февр. 93.
Радзивиллъ, кн., Екатерина Адам. 11 Мая 88.
Ратборъ-Уличный, Ярославъ Ченековичъ . . . . . 8 Мая 84.
Рафальская, Екатерина Франц.* 6 Апр. 90.
Рашеевъ, Александръ Васильев. 4 Дек. 88.
Рашеевъ, Василій Николаевичъ . 4 Дек. 88.
Регель, Василій Эдуардовичъ . . 8 Мая 84.
Ровинскій, Павелъ Аполлоновичъ 23 Нояб. 86.
Рождественскій, прот., Василій Гавріиловичъ . . . . . 5 Мая 84.
Розенгеймъ, Вѣра Ивановна . . 6 Апр. 87.
Романова, Александра Николаевна 11 Мая 89.
Романовъ, Михаилъ Романовичъ 11 Мая 89.
Рославлевъ, Василій Павловичъ . 20 Янв. 85.
Росляковъ, свящ., Павелъ Александровичъ . . . . . 14 Февр. 93.
Россинскій, Петръ Ивайловичъ . 20 Дек. 87.
Рудановскій, Констант. Васильев. 15 Іюля 88.
Рукавишниковъ, Иванъ Васильев. 27 Окт. 86.
Рукавишниковъ, Конст. Васильев.* 11 Мая 92.
Рыба, Іосифъ Вячеславовичъ* . . 7 Апр. 91.
Рязановъ, Димитрій Ѳеодоровичъ 20 Янв. 85.
Савиновъ, Илья Кирилловичъ . 6 Февр. 91.
Садковъ, Константинъ Иванов.* 11 Мая 89.
Самарина, Варвара Петровна* . . 25 Февр. 90.
Самаринъ, Димитрій Ѳеодоровичъ* 4 Дек. 88.
Самаринъ, Александръ Димитр.* 27 Янв. 91.
Санинъ, Петръ Ивановичъ* . . . 6 Апр. 90.
Сапожниковъ, Владиміръ Григор.* 7 Апр. 91.
Сатинъ, Аркадій Димитріевичъ . 25 Нояб. 90.
Сафоновъ, Василій Ильичъ . . . 14 Февр. 84.
Сверѣевъ, Михаилъ Димитріев.* 6 Апр. 90.
Свиридовъ, Николай Ивановичъ* 7 Апр. 91.
Свѣбода, Леопольдъ Августовичъ 11 Мая 88.
Святополкъ-Мирскій, князь, Петръ Димитріевичъ* . . . . . 4 Дек. 88.
Семеновъ, Петръ Николаевичъ . 17 Нояб. 83.
Семеновъ, Іаковъ Петровичъ . . 14 Февр. 86.
Семеновъ, Викторъ Александров. 14 Февр. 86.
Семеновъ, Петръ Петровичъ . . 14 Февр. 87.
Сементовскій, Констант. Максим. 7 Апр. 85.
Серафимъ, епископъ . . . . . 14 Февр. 86.
Сергій, епископъ выборгскій . . 21 Іюня 83.
Сиротининъ, Василій Николаевичъ 11 Мая 89.
Скаржинскій, Іосифъ Петровичъ 4 Дек. 88.
Скоробогатый, Иванъ Феликсов. 23 Нояб. 86.
Скрипанъ, Андрей Андреевичъ . 14 Февр. 89.
Смирновъ, прот., Петръ Алексѣев. 11 Мая 90.
Смирновъ-Платоновъ, прот., Григорій Петровичъ* . . . . . 10 Дек. 89.
Смуровъ, Сергій Александровичъ 4 Дек. 88.
Снегиревъ, Иванъ Александров. 7 Апр. 85.
Соболевъ, свящ., Алексѣй Александровичъ . . . . . 20 Апр. 85.
Соболевъ, Леонидъ Николаевичъ 23 Нояб. 86.
Соколовъ, Аполлонъ Николаевичъ 10 Дек. 89.
Соллертинскій, свящ., Сергій Александровичъ . . . . . 12 Мая 91.
Соловьевъ, Иванъ Ивановичъ* . 7 Апр. 91.
Соловьевъ, Ѳеоктистъ Ѳомичъ . 1 Дек. 91.
Соловьевъ, Павелъ Николаевичъ 21 Дек. 86.
Соломко, Иванъ Аѳанасіевичъ . 14 Февр. 93.
Соломко, Сергій Аѳанасіевичъ . 6 Апр. 90.
Спиридоновъ, Никол. Владиміров. 3 Дек. 78.
Станчо-Дмитри, Анастасія Петров. 10 Окт. 77.
Старицкій, Александръ Иванов. 6 Апр. 87.
Стаховичъ, Алексѣй Александров. 6 Апр. 87.
Стаховичъ, Александръ Александр. 14 Февр. 86.
Стаховичъ, Михаилъ Александр. 14 Февр. 86.
Стаховичъ, Павелъ Александров. 11 Мая 88.
Стефановичъ Милавъ Ивановичъ 7 Апр. 85.
Стефановичъ, протоіерей, Константинъ Петровичъ . . . . 1 Дек. 91.
Степановъ, Владиміръ Александр. 26 Февр. 91.
Степанова, Марія Александровна 26 февр. 91.
Стратилатовъ, Александръ Петр. 21 Дек. 86.
Стремоуховъ, Николай Владимір. 17 Нояб. 83.
Стуленковъ, Козьма Ивановичъ . 9 Дек. 84.
Суворовъ, Петръ Павловичъ* . . 11 Мая 89.
Сукачевъ, Александръ Григорьев. 27 Окт. 85.
Супиничичъ, Гугонъ Сумеоновичъ 4 Дек. 88.
Супруновъ, Михаилъ Николаев. 17 Нояб. 83.
Сырку, Полихроній Агаѳіевичъ . 5 Апр. 85.
Сытовъ, Василій Васильевичъ . 6 Апр. 90.
Сѣдовъ, Андрей Ковминчъ . . 25 Февр. 90.
Табулевичъ, Владиміръ Викентьев. 27 Окт. 85.
Талама, Димитрій Михайловичъ 11 Мая 88.
Танѣевъ, Надежда Ипполитовна 14 Февр. 92.
Теодорици, Филиппъ Ѳеологовичъ 15 Нояб. 92.
Тепловъ, Алексѣй Григорьевичъ* 10 Дек. 89.
Терехонъ, Александръ Аникитов.* 11 Мая 89.
Тиль, Андрей Іосифовичъ* . . . 5 Нояб. 89.
Тимоѳѣевъ, Стефанъ Аверьяновъ.* 4 Дек. 88.
Тихоновъ, Иванъ Тихоновичъ . 5 Мая 85.
Томачинскій, Василій Никитичъ 27 Янв. 91.
Томашевскій, Анатолій Констан. 14 Апр. 88.
Томпико, Антонъ Іосифовичъ . 7 Апр. 85.
Трассакъ, Густавъ Іосифовичъ . 4 Дек. 88.
Третьяковъ, Алексѣй Антоновичъ* 26 Февр. 91.
Третьяковъ, Павелъ Михайлов.* 4 Дек. 88.
Третьяковъ, Сергій Михайловичъ* 10 Дек. 89.

Трофимовъ, Николай Трофимов. 27 Окт. 85.
Тухолка, Левъ Ѳеодоровичъ . . 9 Дек. 84.
Тютчевъ, Иванъ Ѳеодоровичъ* . 6 Февр. 91.
Тявковъ, Асень Тевьчевъ . . . 14 Февр. 84.
Тургимовъ, Иванъ Александров.* 25 Февр. 90.
Урусовъ, князь. Николай Павлов. 6 Апр. 87.
Успенскій, свящ.. Михаилъ Мих. 15 Іюля 88.
Ухачъ-Огоровичъ, Николай Ант.* 4 Дек. 88.
Фанъ-деръ-Флитъ, Николай Ѳеод. 15 Іюля 88.
Фаринкъ, Іосифъ Вячеславовичъ 11 Мая 89.
Фелевичъ, Иванъ Порфирьевичъ 8 Мая 84.
Филипповъ, Михаилъ Михайлов. 11 Мая 89.
Фишеръ, Максимиліанъ Іосифов.* 7 Апр. 91.
Флегъ, Всеволодъ Николаевичъ . 12 Мая 91.
Фойтикъ, Францъ Іосифовичъ . 4 Дек. 88.
Фустовъ, Сергій Николаевичъ . 7 Апр. 91.
Хвыковъ, Марія Николаевна . 7 Апр. 85.
Хвыковъ, Михаилъ Петровичъ 21 Дек. 86.
Харвтовенко, Павелъ Ивановичъ 25 Февр. 90.
Харувинъ, Михаилъ Николаевичъ 7 Апр. 85.
Холщевниковъ, Иванъ Васильев.* 4 Дек. 88
Хомяковъ, Димитрій Алексѣев.* 10 Дек 89
Хомяковъ, Стефанъ Васильевичъ* 27 Янв. 91.
Хохловъ, Павелъ Ивановичъ . . 25 Февр. 90.
Хрущовъ, Павелъ Михайловичъ 8 Мая 84.
Цандеръ, Иванъ Львовичъ . . . 23 Нояб. 86.
Целибѣевъ, Гавріилъ Николаев. . 27 Окт. 85.
Целибѣевъ, Николай Николаевичъ 27 Окт. 85.
Целибѣевъ, Петръ Николаевичъ 27 Окт. 85.
Целибѣевъ, Ѳеодоръ Николаевичъ 27 Окт. 85.
Чайковскій. свящ., Евгеній Михайловичъ . . . . . 8 Мая 84.
Челищевъ, Григорій Ѳеодоровичъ 23 Нояб. 86.
Челищевъ, Сергій Михайловичъ 14 Апр. 88.
Чепежный, Андрей Корниліевичъ 15 Янв. 84.
Черемисиновъ, Петръ Нетровичъ 6 Апр. 87.
Черемухинъ, Михаилъ Никифор. 14 Апр. 88.
Чернявскій, Ѳеодоръ Михайлов. 14 Апр. 88.
Шаворскій, Михаилъ Павловичъ 25 Февр. 90.
Шапошниковъ, Карлъ Кондрат.* 25 Февр. 90.
Шарвиовъ, Сергій Ѳеодоровичъ 14 Февр. 86.
Шведовъ, Николай Константиновъ. 11 Мая 89.
Шевцовъ, Гордѣй Михайловичъ . 6 Апр. 87.
Шебаевъ, Иванъ Ивановичъ* . . 11 Мая 89.
Шевченко, Антонъ Андреевичъ 14 Апр. 88.
Шильдеръ, Николай Карловичъ 14 Апр. 88.
Шишкина, Вѣра Ивановна . . . 20 Дек. 92.
Шимко, Константинъ Касперов. 17 Нояб. 83.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ 8 Мая 84.
Шувалевъ, Александръ Николаев. 12 Мая 91.
Шувалова, Александра Михайлов. 13 Мая 85.
Шуваловъ, Андрей Андреевичъ . 13 Мая 85.
Шуваловъ, Иванъ Васильевичъ . 9 Февр. 69.
Шумейко, Александръ Павловичъ 6 Апр. 87.
Щеглова, Александра Ивановна 23 Нояб. 86.
Щербаковъ, Михаилъ Егоровичъ 21 Дек. 86.
Щипаловъ, Георгій Авраамовичъ 1 Дек. 91.
Эвальдъ, Николай Константиновъ. 11 Мая 92.
Энгельгардъ. Василій Павловичъ 7 Апр. 85.
Эрделя, Николай Владиміровичъ 9 Дек. 84.
Юргеръ, Леонидъ Александров. 14 Апр. 88.
Юрасъ, Маринъ Ивановичъ . . 27 Янв. 91.
Якушинъ, Владиміръ Васильевичъ 4 Дек. 88.
Якувчиковъ, Василій Ивановичъ* 4 Дек. 88.
Яковскій, Иванъ Ивановичъ . 14 Февр. 85
Ѳедосѣевъ, Ѳеодоръ Іаковлевичъ 6 Февр. 91.
Ѳеоктистъ, архіепископ. рязанскій и зарайскій . . . . . 15 Окт. 84.

СПИСОКЪ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ.

Предѣдатели:

Дурново, И. П.—
съ 27 Марта 1883 г. по 14 Апрѣля 1888 г.
Игнатьевъ, графъ, Н. П. —
съ 14 Апрѣля 1888 г.

Товарищи предѣдатели:

Васильчиковъ, П. А.— съ 9 Февраля 1882 г.
Домонтовичъ, М. А.—
съ 27 Марта 1883 г. по 14 Апрѣля 1888 г.
Саблеръ, В. К.— съ 14 Апрѣля 1888 г.

Секретарь:

Аристовъ, В. И.— съ 1 Мая 1877 г.

Казначей:

Чубинскій, В. Г.— съ 1 Марта 1882 г.

Члены Совѣта:

Боголюбовъ, А. А.—
съ 9 Февраля 1882 г. по 27 Марта 1883 г.
Васильевъ, А. В.—
съ 14 Апрѣля 1888 г. по 5 Ноября 1888 г.
Галагановъ, Г. П.—
съ 5 Мая 1885 г. по † 25 Сентября 1888 г.
Дандевиль, В. Д.— съ 28 Апрѣля 1891 г.
Келлеръ, графъ, Ѳ. Э.—
съ 27 Марта 1883 г. по 5 Мая 1885 г.
Кирѣевъ, А. А.— съ 9 Февраля 1882. г.
Ламанскій, В. И.—
съ 5 Мая 1885 г. по 5 Ноября 1888 г.
Лебедевъ, прот., А. А.—
съ 14 Апрѣля 1888 г.
Миллеръ, О. Ѳ.—
съ 9 Февраля 1882 г. по († 1 Іюня 1889 г.
Мирковичъ, М. Ѳ.—
съ 5 Мая 1885 г. по († 4 Марта 1891 г.
Пальмовъ, И. С.— съ 5 Ноября 1888 г.
Папковъ, А. А., канд.— съ 5 Ноября 1888 г.
Писаревскій, Н. П.— съ 27 Марта 1883 г.
Саблеръ, В. К.—
съ 9 Февраля 1882 г. по 14 Апрѣля 1888 г.
Соколовъ, И. И.—
съ 5 Мая 1885 г. по 14 Апрѣля 1888 г.
Страховъ, Н. И.—
съ 9 Февраля 1882 г. по 14 Апрѣля 1888 г.
Стремоуховъ, Н. В. —
съ 5 Ноября 1888 г. по 28 Апрѣля 1891 г.
Столыпинъ, А. Д.— съ 5 Ноября 1888 г.

Члены издательской комиссіи:

Добавочные— съ 14 Апрѣля 1888 г.:
Кизеветъ, Г. М. и Пальмовъ, И. С.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ отчетовъ о дѣятельности Славянскаго Общества въ теченіе перваго двадцатипяти-лѣтія его существованія (1868—1893 гг.).

Первое Славянское Благотворительное Общество въ Россіи было учреждено въ 1857 г., въ Москвѣ.

Наше Петербургское Общество, возникшее 8 мая 1868 г., составляло по 1 мая 1877 г. Отдѣлъ Московскаго Общества.

Задачи Московскаго Общества были задачами и Петербургскаго его Отдѣла.

Въ 1877 г. задачи эти были точно указаны въ особомъ утвержденномъ правительствомъ уставѣ.

Петербургское Славянское Общество помогло получить образованіе въ Россіи 169 славянскимъ юношамъ и 26 славянскимъ дѣвицамъ—юношамъ: 42—въ духовныхъ заведеніяхъ, 46 — въ университетахъ, 28—въ медицинской академіи, 28—въ техническихъ заведеніяхъ, 18—въ пансіонѣ Ѳ. Н. Минкова и 7—въ гимназіяхъ, и дѣвицамъ: 3—въ высшихъ женскихъ курсахъ, 2—въ женскихъ врачебныхъ курсахъ, 3—въ рисовальной школѣ, 1—въ фельдшерской школѣ, 7—въ гимназіяхъ, 2—въ школахъ патріотическаго общества и 5—въ родовспомогательномъ заведеніи. Въ числѣ получившихъ при содѣйствіи Общества образованіе въ Россіи были: 62 Болгарина и 16 Болгарокъ, 8 Галичанъ, 6 Словаковъ, 9 Чеховъ и 3 Чешки, 84 Серба и 7 Сербокъ. Въ пособіе имъ выдано въ теченіе 25 лѣтъ 102.915 р. 68½ к.

Въ тоже время Общество не оставляло безъ пособій и школъ въ славянскихъ земляхъ. На этотъ предметъ израсходовано 25.395 р. 5 к.

Озабочиваясь сближеніемъ съ славянами, Общество высылало въ славянскія матицы и академическія общества свои изданія и иныя русскія книги и газеты, безплатно предоставляемые для этой цѣли въ распоряженіе Общества ихъ редакціями. Покупка и пересылка книгъ, а также пересылка газетъ обошлись Обществу въ 18.931 р. 57 к.

Возникшія литературныя сношенія Общества съ заграничными славянами, для ознакомленія ихъ съ Россіею, ея исторіею и литературою, указали на необходимость помощи славянамъ въ ихъ литературныхъ предпріятіяхъ. На это въ теченіе 25 лѣтъ употреблено 39.691 р. 12½ к.

Для ознакомленія русскаго общества съ славянами, Славянское Общество учредило нѣсколько премій: въ память І. Гуса, Кирилло-Меѳодіевскую и въ память А. Ѳ. Гильфердинга—за лучшія сочиненія по славяновѣдѣнію. Такихъ премій выдано 3.765 р. 29 к.

Въ тѣхъ же видахъ Общество предприняло рядъ изданій, именно: „Славянскіе сборники“ (3 тома), „Герцеговина“, „Чехія и Моравія“, „Первыя славянскія монархіи“, „Германизація балтійскихъ славянъ“, „Братская помочь“, „Исторія пряшевской епархіи“, „Два разсказа изъ русской исторіи“—А. Н. Майкова, „Этнографическая карта славянскихъ народностей“—М. Ѳ. Мирковича (3 изданія), „Болгарскіе ужасы и восточ-

ный вопросъ", „Впечатлѣнія сербской войны", „Общеславянская азбука" (2 изданія), „Гусъ и его отношеніе къ православной Церкви", русско-сербскій и русско-славянскій словари, „Первыя 15 лѣтъ", „Сербская грамматика", „Какъ возникъ и развивался восточный вопросъ", „Въ память Ю. Ѳ. Самарина", „Янъ Жижка", „Петръ II Нѣгошъ, владыка черногорскій", „Общеславянскій языкъ", „Календари на 1890 и 1891 гг.". „Житіе славянскаго Первоучителя св. Кирилла", на славянскомъ языкѣ, „Житіе св. Кирилла и Меѳодія" и „Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра".

Кромѣ этихъ изданій, Общество издавало — съ октября 1883 г. ежемѣсячный журналъ: «Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества", съ 1889 г., еженедѣльно, „Славянскія Извѣстія", а въ 1892 г., ежемѣсячно, „Славянское Обозрѣніе". На эти изданія израсходовано 156.339 р. 65 к.

Согласно своимъ цѣлямъ, Общество оказывало, по мѣрѣ силъ и возможности, помощь нуждающимся славянамъ и въ неурожайные годы и во время военныхъ бѣдствій.

Въ 25 лѣтъ Общество израсходовало на этотъ предметъ 842.601 р. 6 к.

Во время славянской борьбы за независимость въ 1876, 1877 и 1878 г. Общество снарядило медицинскій персоналъ для пособія раненымъ въ сербо-турецкой войнѣ и отправило не мало добровольцевъ, пожелавшихъ послужить дѣлу славянской независимости. На это было употреблено 479.265 р. 29 к.

Сюда же относятся и пособія, которыя Общество съ 1876 г. выдаетъ семействамъ убитыхъ добровольцевъ и раненымъ добровольцамъ. Такихъ пособій по 28 февраля 1893 г. выдано 50.716 р. 5 к.

На нужды православныхъ церквей въ славянскихъ земляхъ израсходовано въ 25 лѣтъ 51.252 р. 27 к.

Въ пособіе пріѣзжимъ въ Петербургъ славянамъ выдано въ теченіе 25 лѣтъ 34.333 р. 69 к.

За это же время произведено оборотныхъ расходовъ: на выдачу въ 1876 г. ссуды сербскому правительству — 130.000 р., воспитанникамъ князя Черногорскаго — 9.169 р. 32 к., нѣкоторымъ славянскимъ писателямъ — 23.164 р. 43 к., на покупку процентныхъ бумагъ — 162.295 р., по конверсіи нѣкоторыхъ бумагъ — 143.844 р. 17 к., и передано по назначенію жертвователей — 26.867 р. 10 к., всего 495.338 р. 12 к.

На наемъ. содержаніе, освѣщеніе и обстановку помѣщенія Общества, устройство библіотеки и книжнаго склада, почтовыя издержки, печатаніе бланокъ, объявленій, повѣстокъ и билетовъ на общія собранія, ежегодныхъ отчетовъ о церковныхъ кружечныхъ сборахъ, на переплетъ документовъ и книгъ и на администрацію израсходовано — 102.834 р. 46 к.

Вообще Петербургское Славянское Общество въ теченіе 25 лѣтъ собрало 2.629.247 р. 73½ к. и израсходовало 2.403.379 р. 31 к.

Не смотря на столь крупные расходы, Общество успѣло образовать основный капиталъ въ 108.695 р. 36 к. и запасный — въ 104.165 р. 76 к.

Всѣхъ суммъ со спеціальными капиталами въ кассѣ Общества къ 28 февраля 1893 г. оставалось 225.868 р. 42½ к.

ВѢДОМОСТЬ

о движеніи и состояніи суммъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ послѣднія 10 лѣтъ его существованія (1883—1893 г.).

	Съ 29 Февраля 1868 г. по 7 Мая 1883 г.		Съ 7 Мая по 31 Декабря 1883 г.		1884 г.		1885 г.		1886 г.		1887 г.		1888 г.		1889 г.		1890 г.		1891 г.		1892 г.		Съ 1 Января по 28 Февраля 1893 г.		ВСЕГО.	
Поступило:																										
I. Въ расходный капиталъ	163.762	86½	5.781	38	13.179	48½	13.017	86½	17.593	66	17.870	66	18.482	91	23.631	06	25.913	85	27.588	31	21.108	—	5.866	30	357.095	80½
II. „ основный „	56.143	88½	739	66	2.276	61½	6.389	42	3.190	83	2.837	62	7.473	—	12.431	93	8.789	17	4.166	12	3.180	28	776	80	108.695	36
III. „ спеціальные капиталы:																										
а) на разсылку Евангелій въ русскія села	930	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	930	75
б) издательскаго фонда	21.021	26½	29	02	73	64	3.192	73	3.168	90	3.780	20	3.600	—	—	—	1.070	—	—	—	—	—	—	—	35.936	75½
в) на церкви въ славянскихъ земляхъ	22.508	41½	2.177	61	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24.686	02½
г) на преміи: Кирилло-Меѳодіевскую	1.108	41½	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1.108	41½
д) „ „ А. Ѳ. Гильфердинга	3.871	29½	92	25	188	91	209	51	196	87	204	75	211	09	220	54	238	15	599	68	477	60	—	—	6.510	67½
е) „ „ Г. П. Алексѣева	362	24	7	43	16	74	17	35	18	37	18	94	18	36	19	75	19	79	24	50	23	70	—	—	547	17
ж) болгарскаго братства просвѣщенія	142	—	2	25	5	69	5	72	5	76	5	91	6	05	6	14	6	74	5	80	6	64	—	—	198	70
з) на помощь бѣдствующимъ славянамъ	1.583.117	62¼	413	50	—	—	1.286	68	173	87	1.712	08	3.791	30	10.718	72	18.596	33	3.150	—	500	—	—	—	1.606.163	10¼
и) на пособіе раненымъ добровольцамъ и ихъ семействамъ	57.193	12	1.137	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	58.330	12
і) издательскій, имени И. С. Аксакова	—	—	—	—	—	—	—	—	2.661	75	723	22	566	89	214	68	344	14	116	60	29	68	—	—	4.659	96
к) на теплую пищу для дѣтей церковно-приходскихъ школъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4.666	25	330	—	—	—	1.996	25
л) отъ подписчиковъ на „Извѣстія Славянскаго Общества“	—	—	500	04	729	68	1.634	98	1.207	53	1.983	83	1.255	47	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6.711	53
IV. Запасный капиталъ	113.235	60	2.395	46	717	—	22.024	45	1.203	40	6.466	21	2.889	84	3.020	10	89	58	6.238	09	3.826	62	32	88	162.139	32
V. Оборотныхъ суммъ	18.177	32½	1.000	31	17.449	46½	26.951	89	7.148	91	9.650	67	52.779	51	9.933	99	19.129	31	36.953	16	19.518	21	1.242	66	250.235	77
Итого	1.991.577	82¾	14.275	94	34.937	22½	74.730	62½	36.572	37	47.651	09	91.077	15	60.196	91	104.197	06	83.808	84	82.000	76	7.918	61	2.629.247	73¾

Расходъ.	Съ 29 Февраля 1868 г. по 7 Мая 1883 г. за 15 лѣтъ.		Съ 7 Мая по 31 Декабря 1883 г.		1884 г.		1885 г.		1886 г.		1887 г.		1888 г.		1889 г		1890 г.		1891 г.		1892 г.		Съ 1 Января по 28 Февраля 1893 г.		Всего	
На наемъ, содержаніе, освѣщеніе и обстановку помѣщенія, устройство библіотеки и книжнаго склада, почтовыя издержки, печатаніе, общія собранія и плату служащимъ	55.207	88	2.313	23	1.075	02	4.188	68	5.063	47	4.528	88	1.722	51	5.571	77	5.298	94	5.063	39	5.502	33	868	36	102.354	[illegible]
„ пособіе церквамъ въ славянскихъ земляхъ	37.500	71½	706	—	1.393	75	1.679	20	1.502	11	1.105	95	1.462	64	1.248	36	1.251	18	1.181	45	1.307	30	613	32	51.252	[illegible]
„ воспитаніе славянъ	57.236	03½	1.700	—	2.653	—	1.229	96	3.113	79	4.772	02	5.708	52	5.712	50	6.893	71	6.325	72	6.013	95	1.196	42	102.915	[illegible]
„ пособіе школамъ въ славянскихъ земляхъ	23.847	52	—	—	500	—	—	—	326	71	89	—	—	—	251	13	79	68	301	01	—	—	—	—	25.295	[illegible]
„ разсылку книгъ и газетъ въ славянскія земли	8.796	19	153	15	866	46	778	94	576	32	1.624	26	1.132	81	784	82	851	86	915	59	1.180	16	339	66	18.009	[illegible]
„ поощреніе литературной дѣятельности въ славянскихъ земляхъ	20.133	04	—	—	—	—	5.190	50	609	71	895	88	3.071	71	1.000	—	1.059	50	530	78	—	—	—	—	32.691	[illegible]
„ пособіе пріѣзжимъ въ Россію славянамъ	11.595	70	315	—	649	—	1.715	60	1.317	—	2.009	42	5.124	23	3.072	18	2.297	97	1.688	50	1.330	90	188	19	31.295	[illegible]
„ покупку и разсылку Евангелій въ русскія села	930	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	930	[illegible]
„ изданія Общества и печатаніе житій свв. Кирилла и Меѳодія и св. равноапостольнаго князя Владимира	19.384	38	3.801	43½	7.362	86	31.523	87½	5.488	68	9.350	54	39.790	24	9.026	63	12.097	—	10.723	16	7.552	95	237	90	156.330	[illegible]
„ выдачу премій въ память І. Гуса и свв. Кирилла и Меѳодія	1.665	29	—	—	—	—	600	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1.500	—	—	—	—	—	—	—	3.765	[illegible]
„ печатаніе и разсылку въ 1875, 1876, 1877 и 1878 гг. воззваній о пожертвованіяхъ и подписныхъ листовъ	12.344	42	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12.344	[illegible]
„ помощь славянамъ во время военныхъ бѣдствій и голода	741.764	70	1.000	—	2.800	—	6.050	60	3.563	18	9.692	15	5.528	23	7.123	39	48.596	33	3.185	17	2.967	28	—	—	832.271	[illegible]
„ медицинскую помощь въ Сербіи въ 1876, 1877 и 1878 гг.	17.837	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17.837	[illegible]
„ отправку въ славянскія земли въ 1876, 1877 и 1878 гг. холста, платья и пр. вещей	13.652	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13.652	[illegible]
„ отправленіе и возвращеніе добровольцевъ въ 1876 и 1877 гг.	150.817	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150.817	[illegible]
„ снабженіе добровольцевъ одеждою	65.906	56	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	65.906	[illegible]
„ содержаніе добровольцевъ въ Сербіи	218.709	51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	218.709	[illegible]
„ пособіе раненымъ добровольцамъ и ихъ семействамъ	29.621	31	1.067	15	2.405	60	2.231	80	2.072	74	1.887	82	2.018	22	2.164	81	2.148	75	2.265	34	2.677	94	154	54	50.716	[illegible]
„ теплую пищу дѣтямъ церковно-приходскихъ школъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10.000	—	330	—	—	—	10.330	—
Суммъ, переданныхъ по назначенію жертвователей	8.850	02	—	—	3.190	—	1.880	97	1.231	18	—	—	—	—	1.302	82	—	—	432	44	9.620	28	359	39	26.867	[illegible]
Суммъ, подлежавшихъ и подлежащихъ возврату	131.593	—	1.092	—	2.751	—	5.820	40	4.805	50	2.393	04	2.100	—	4.827	93	1.000	—	6.306	44	1.462	21	—	—	164.151	[illegible]
Оборотныхъ суммъ по покупкѣ и по конверсіи % бумагъ	126.027	31	3.830	57½	14.543	07	23.384	88	8.255	31	10.693	13	14.181	52	7.902	75	17.338	96	36.896	52	39.337	17	1.328	27	304.319	[illegible]
Итого	1.763.319	19½	16.008	81	43.189	76	86.875	40½	38.255	70	49.312	09	84.840	66	49.989	09	101.011	18	85.815	51	79.312	77	5.416	11	2.403[illegible]	1

Къ 28 Февраля 1893 года оставалось:

Расходнаго капитала	3.631 р. 69 к.	Премія въ память А. О. Гильфердинга	6.510 р. 67¾ к.
Основнаго	108.695 „ 36 „	Премія Г. П. Алексѣева по исторіи Червонной и Угорской Руси	547 „ 17 „
Запаснаго	101.165 „ 76 „	Передаточныхъ суммъ	1.148 „ 89 „
Болгарскаго братства просвѣщенія	198 „ 79 „		
Издательскаго капитала имени И. С. Аксакова	967 „ 18 „	Итого . .	225.868 р. 42¾ к.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Адресы:

Полученные Обществомъ:

По случаю празднованія 1000-лѣтія памяти свв. Кирилла и Меѳодія:
Отъ Львовской учащейся молодежи. 1885, III, 93.
Отъ Галицкихъ русскихъ изъ Львова. 1885, III, 94.
Отъ Платонова, бывшаго профессора, ввъ Харькова. 1885, III, 102.

Поднесенные Обществомъ:

Всеподданнѣйшій—Его Императорскому Величеству Государю Императору, по случаю чуднаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшаго Семейства во время крушенія Царскаго поѣзда. 1888, IV, 258.
Аристову, В. П., по случаю 10-лѣтія служенія его секретаремъ Общества. 1886, V, 188.
Раевскому, М. Ѳ., настоятелю посольской церкви въ Вѣнѣ. 1884, III, 46.

Б.

Благодарности:

Выраженныя Обществу:

Высочайшія:

За поднесеніе Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ и Наслѣднику Цесаревичу изданнаго Обществомъ житія св. Владиміра. 1888, IV, 258.
За поднесеніе Всеподданѣйшаго адреса, по случаю чуднаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшаго Семейства во время крушенія Царскаго поѣзда. 1888, IV, 258.
За выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, по случаю чуднаго избавленія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича отъ грозившей Ему 29 апрѣля 1891 г. опасности въ Японіи. 1891, VI, 414.

Разными лицами:

За избраніе въ почетные члены Общества:

Ламанскимъ, В. И. 1884, I, 25.
Его Высочествомъ НИКОЛАЕМЪ, Княземъ Черногорскимъ. 1887, III, 231.
Штроссмайеромъ, епископомъ босвійскимъ и срѣмскимъ. 1887, III, 230—и
Михаиломъ, митроп. сербскимъ и А. Д. Башмаковымъ, за присылку имъ сборника: «Первыя 15 лѣтъ». 1884, I, 26.
Его Высочествомъ НИКОЛАЕМЪ, Княземъ черногорскимъ, за помощь, оказанную черногорцамъ, нуждавшимся по случаю неурожая. 1891, V, 413.

Выраженныя отъ имени Общества:

Пальмову, И. С., за труды его по разсмотрѣнію живнеописавій свв. Кирилла и Меѳодія. 1884, VI, 69.
Лицамъ и учрежденіямъ, привѣтствовавшимъ Общество по случаю чествованія 1000-лѣтія памяти св. Меѳодія. 1885, III, 104.

Членамъ Меѳодіевской комиссіи за ихъ труды. 1885, IV, 120.
Стрѣхову Н. П., Соколову П. И., Ламанскому В. И., предсѣдателю и членамъ издательской комиссіи за труды по изданію и редакціированію «Извѣстій», Бестужеву-Рюмину, К. Н. и Моравеку, П. Г., за принятіе на себя редактированія оныхъ. 1885, VI, 125; 1886, II, 152; 1888, V, 273.
Домонтовичу, М. А., за его труды въ должности товарища предсѣдателя. 1886, V, 187.
Морозову, Т. С. и Егорову, С. Е., за ихъ пожертвованія. 1888, V, 273; 1890, III, 348.
Ламанскому, В. И., за разборъ сочиненій, представленныхъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи. 1890, V, 360.

Благословеніе —
Св. Синода, за пожертвованіе 10.000 р. «на снабженіе теплою пищею дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая». 1892, I, 453.

В.

Воззванія:
«Къ Галичанамъ» русскаго во Львовѣ комитета для голодающихъ въ восточной Галичинѣ, о необходимости скорой помощи бѣдствующему отъ неурожая населенію. 1890, II, 331.
«Къ братьямъ славянамъ» по тому же случаю. 1890, II, 331 и 332.

Выборы:
Въ члены Совѣта:
1885, IV, 121; 1886, V, 187; 1888, I, 235; 1889, III, 306; 1891, V, 414.
Въ члены издательской комиссіи:
1884, I, 27; 1886, II, 152; 1890, II, 332.
Въ члены Общества:
Почетные: 1883, III, 23; 1884, III, 47; 1885, I, 70, IV, 121, VIII, 139; 1886, I, 152; 1887, I, 191, III, 230; 1888, IV, 266; 1890, V, 360; 1891. IV, 400.
Пожизненные: 1884, I, 26; 1887, I, 191; 1888, III, 173; 1890, II, 332, III, 348, V, 360; 1891, IV, 400, VIII, 430; 1892, III, 524, IV, 525, 1893, I, 529.

Д.

Депутація —
для выраженія П. П. Дурново признательности Общества за его труды въ званіи предсѣдателя въ теченіе двухъ трехлѣтій. 1888, I, 235.

Докладъ —
комитета въ Цетиньѣ о положеніи, въ которомъ находится дѣло помощи голодающимъ въ Черногоріи. 1890, II, 329.

И.

Изданія Общества:
«Русско-славянскіе календари» на 1890 и 1891 гг. 1889, III, 307; 1890, I, 323; 1891, I, 378.
«Русско-словенскій словарь», 1890, I, 323.
«Русско-славянская христоматія». 1890, I, 323.
«Объ единствѣ славянскаго языка. А. С. Будиловича». 1891, I, 378.
Объ изданіи въ 1893 г. вмѣсто «Славянскаго Обозрѣнія» повременныхъ сборниковъ подъ тѣмъ-же названіемъ. 1892, IV, 524.
О печатаніи протоколовъ общихъ собраній Общества въ какомъ либо журналѣ, или же газетѣ. 1892. IV, 524.

К.

Капиталы:
Аксаковскій. 1886, I, 143, II, 153.
Рудомавинскій. 1892, IV, 524.

Комиссіи:
«Издательская». 1883, III, 24.
«Меѳодіевская». 1884, VI, 69; 1885, I, 70.
«Владимірская». 1885, VI, 125; 1886, II, 152.
«Для разбора прошеній славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію для полученія образованія». 1888, V, 273.
«Для разработки вопроса о постановкѣ въ Александровскомъ саду памятника С. Т. Аксакову и его сыновьямъ Ивану и Константину». 1892, IV, 525.

Конкурсы на соисканіе премій:
«Владимірской». 1886, II, 152.
«Меѳодіевской». 1884 VI, 69; 1885, I, 70; 1885, V, 121; 1890, IV, 349.
«Въ память 1000-лѣтія кончины св. Меѳодія и въ память А. Ѳ. Гильфердинга». 1884, II, 30; 1890. IV, 349; 1891, IV, 401.

О.

Отчеты о дѣятельности Славянскаго Общества:
въ 1883 г.—1884, II, 27; 1884—1885, II, 70; 1885—1886, I, 139; 1886—1887, I, 190; 1887—1888, I, 232; 1888—1889, I, 274; 1889—1890, II, 323; 1890—1891, III, 391; 1891—1892, I, 450; 1892—1893, I, 526.

П.

Письма:
Михаила, митрополита сербскаго—
Въ отвѣтъ на посланное ему поздравленіе съ днемъ тезоименитства. 1884, V, 57.
По случаю 10-лѣтія служенія В. И. Аристова секретаремъ Общества. 1886, V, 189.
О положеніи червогорцевъ, прибывшихъ въ Сербію по случаю голода въ Черногоріи. 1890, II, 330.
Подношенія:
Креста, Михаилу, митрополиту сербскому.
Складня съ ликами ап. Петра и св. Милицы, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великому Князю Петру Николаевичу и Великой Княгинѣ Милицѣ Николаевнѣ.
Иконы съ ликами св. Георгія Побѣдоносца и св. Анастасіи Узорѣшительницы, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Князю Романовскому, Герцогу Лейхтенбергскому, Георгію Максимиліановичу и супругѣ Его Княгинѣ Анастасіи Николаевнѣ. 1889, III, 307.
Житія св. Владиміра Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ и Государю Наслѣднику Цесаревичу. 1888, IV, 258.
Подписки:
На сооруженіе памятника на могилѣ О. Ѳ. Миллера. 1889, III, 307.
Для сбора пожертвованій «для снабженія теплою пищею дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая». 1891, VII, 428, VIII, 429.
Пожертвованія:
Въ пользу галичанъ. 1884, II, 30, 31.
Въ пользу червогорцевъ и другихъ славянъ, нуждающихся по случаю неурожая. 1890, II, 324, 329, III, 348, V, 360.
Егорова, С. Е., на покрытіе расходовъ по изданію русско-славянскихъ; календарей, хрпстоматій и словарей. 1890, III, 348.
Морозовой, М. Ѳ., въ основный капиталъ Общества. 1890, III, 348.
Помники по почившимъ членамъ Общества:
1884, III, 47; 1891, VIII, 430; 1892, II, 473.
Попечительство для наблюденія за успѣхами и поведеніемъ славянъ, обучающихся въ Московскихъ учебныхъ заведеніяхъ на счетъ Славянскаго Общества. 1889, III, 306.
Пособія:
Нуждающимся славянамъ. 1885, VI, 125; 1886, V, 187; 1886, II, 153; 1888, V, 273.
Черногорцамъ, бѣдствующимъ по случаю неурожая. 1888, I, 235,
Черногорцамъ и галичанамъ, бѣдствующимъ по случаю неурожая. 1889, III, 307.
Въ пользу пострадавшихъ въ 1890 г. въ Чехіи отъ наводненія. 1891, I. 377.
«На снабженіе теплою пищею дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ нѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая». 1892, I, 453.
Одному славянскому литературному обществу. 1885, VI, 125.
Комарову, В. В., на успѣшное печатаніе въ газетахъ объявленій о выходѣ «Славянскихъ Извѣстій» въ 1889 г. 1888, V, 273.
Будиловичу, А. С., на изданіе въ 1892 г. «Славянскаго Обозрѣнія». 1891, VII, 428.
Премія:
Кирилло-Меѳодіевская—въ 1.500 р., А. С. Будиловичу, за сочиненіе: «Объ единствѣ славянскаго литературнаго языка. 1890, V, 357.
Привѣтствія, сказанныя предсѣдательствовавшими на собраніяхъ Общества нѣкоторымъ лицамъ по случаю посѣщенія ими собраній:
Графомъ Игнатьевымъ, II. II.—Пашичу, Н. П. 1890, II, 327; Васильевичу, А. В. 1892, III, 518.
Саблеромъ, В. К.—высокопреосвященнѣйшему Платону, митрополиту Кіевскому. 1890. IV, 349.

Р.

Рѣчи, статьи и стихотворенія, прочитанные въ общихъ собраніяхъ:
Аксакова, И. С.: «Пусть сгибнетъ все». 1886, III, 167.
Аксакова, Н. П.: «Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ». 1891, VI, 415.
Барсова, Н. И.: «Черты изъ жизни Иннокентія, архіепископа тавпческаго и нѣсколько замѣчаній о его отношеніи къ славянству». 1883, II, 7.

Берга, Н.: «Царь Лазарь и царица Милица», переводъ съ сербскаго. 1889, II, 298.
Бестужева-Рюмина, К. Н.: Письма: 1) «По случаю избранія его въ почетные члены Общества» и 2) о сборникѣ: «Первыя 15 лѣтъ». 1884, I, 26.
«По поводу тысячелѣтняго чествованія памяти св. Меѳодія». 1884, V, 56.
«По случаю празднованія 1000-лѣтія памяти св. Меѳодія». 1885, III, 105.
«Духа не угашайте», 1885, VIII, VI, 126.
«Памяти И. С. Аксакова и И. Я. Даниловскаго». 1886, I, 144.
«Двухсотлѣтнія поминки по В. Н. Татищевѣ». 1886, III, 167.
«И. С. Аксаковъ». 1887, I, 200.
Будиловича, Антона С.: «На поминкахъ по отцѣ Іоаннѣ Наумовичѣ». 1891, VIII, 446.
Будиловича, Александра С.: «900-лѣтіе Волынской епархіи». 1892. II, 474.
«О нынѣшнемъ положеніи греко-славянскаго міра» 1892, I, 459.
«Іоаннъ Амосъ Коменскій» (1592—1670 г.). 1892, I, 466.
Васильева, А. В.: «Порабощеннымъ славянамъ». 1891, VI, 422.
Васильчикова, П. А.: «Объ иновѣрческой пропагандѣ въ славянскихъ земляхъ. 1887, II, 210.
Вейнберга, П. И.: «Иванъ Жижка», переводъ изъ Ленау. 1891, IV, 411.
Городецкаго, М. И.: «О польскомъ поэтѣ Антонѣ - Эдуардѣ Одынцѣ». (Напечатано въ сокращеніи). 1891, III. 395.
«Памяти Помпея Николаевича Батюшкова». 1893, I, 541.
Дурново, П. П.: Привѣтствіе представителямъ славянскихъ народовъ на собраніи 7 апрѣля 1885 г. 1885, III, 92.
«Объ открытіи подписки въ пользу жертвъ сербско-болгарской войны и о пожертвованіи въ пользу ихъ 10.000 франковъ изъ запаснаго капитала Общества и пр.»
Живнаго, К. И.: «900-лѣтіе крещенія Руси». 1888, III, 246.
Завитневича, В. З.: «Алексѣй Стефановичъ Хомяковъ». 1892, II, 499.
При открытіи собраній:
Игнатьева, графа Н. П.:
4 декабря 88 г.—1888, IV, 258; 25 ноября 90 г.—1890, V, 357; 6 февраля 91 г.—1891, II, 379; 26 февраля 91 г.—1891, III, 391; 7 апрѣля 91 г.—1891, IV, 400; 12 мая 91 г.—1891, VI, 414; 1 декабря 91 г.—1891, VIII, 429; 14 февраля 92 г.—1892, I, 449; 11 мая 92 г.—1892, II, 472; 15 ноября 92 г.—1892, III, 508 и 14 февраля 93 г.—1893, I, 525.
Истомина, Ѳ. М.: «Я. Ѳ. Головацкій». 1888, II, 243.
«О религіозномъ состояніи обитателей Печорскаго края». 1890, II, 332.
Кирѣева, А. А.: При открытіи собранія 15 іюля 1888 г. 1888, III, 245.
«О славянофильскихъ идеалахъ». 1891, VI, 422.
Ключевскаго, В. І.: «Значеніе преподобнаго Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства». 1892, III, 518.
Комарова, В. В.: «Памяти высокопреосвященнѣйшаго Платона». 1891, VIII, 431.
Кояловича, М. І.: «Объ апелляціи къ папѣ галицкаго-увіатскаго свящ. І. Наумовича, отлученнаго отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ». 1883, II, 1.
«О тайной перепискѣ іезуитовъ при Петрѣ І». 1884, V, 69.
«О Грюнвальденской битвѣ». 1885, II, 74.
«Нѣсколько данныхъ изъ литературной исторіи Паннонскихъ житій свв. Кирилла и Меѳодія и церковно-славянской грамоты». 1885, III, 113.
«О путешествіи по Западной Россіи». 1886, IV, 181.
«Историческое разъясненіе вопроса: что дѣлать теперь Славянскому Обществу?» 1887, II, 203.
«Главнѣйшія причины непрочнаго государственнаго строенія въ старой Польшѣ». 1888, IV, 259.
«Пятидесятилѣтіе возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 г.». 1889, II, 293.
Кояловича, М. М.: «У памятника Достоевскому». 1883, II, 4.
Ламанскаго, В. И.: «Западно-славянскіе вопросы занимательны для насъ и въ мирное время». 1884, II, 31.
«Памяти прот. М. Ѳ. Раевскаго». 1884, IV, 55.
«Чего намъ особенно желать и что намъ нужнѣе дѣлать въ западно-славянскихъ земляхъ». 1884, V, 57.
«Кирилло-Меѳодіевская идея». 1885, III. 108.
«Памяти И. С. Аксакова». (Напечатано въ извлеченіи). 1886, I, 142.
«О положеніи болгарскихъ и славянскихъ дѣлъ съ точки врѣнія историка и слависта». 1886, IV, 173.
Лебедева прот, А. А.: «Объ апостольскомъ служеніи свв. Кирилла и Меѳодія» 1888 г.» II, 236.
«О религіозномъ состояніи чеховъ, переселившихся въ Россію». 1888, II, 238.
Людсканова, А. К.: «Очеркъ католической пропаганды въ Болгаріи». 1892, II, 486.
Майкова, А. Н.: «Въ Айя Софіи». 1888, II, 237.
«Не намъ». 1888, IV, 266.
«Въ Городцѣ въ 1263 году». 1890, II, 327

Миллера, О. Ѳ.: «Въ память И. П. Петрова». 1883, П, 4.
«Памяти А. И. Кошелева и Р. А. Фадѣева». (Не была прочитана). 1884, П, 39.
«По прочтеніи статьи Янко-Краля». 1884, IV, 54.
«Предъ великимъ днемъ» 1885, П, 87.
«Послѣ великаго дня». 1885, Ш, 115.
«Рѣчь, посвященная разсмотрѣнію нѣкоторыхъ взглядовъ на дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія. 1885, V, 122.
«Старая розвь». 1885, VII, 134.
«Памяти И. С. Аксакова». 1886, I, 145.
«И. С. Аксаковъ и 19 февраля 1861 г.». 1886, Ш, 170.
«Наше современное положеніе и завѣты нашихъ славныхъ покойниковъ». 1886, IV, 184.
«И. С. Аксаковъ и свобода слова». 1887, I, 197.
«Въ память М. П. Ровенгейма». 1887, П, 225.
«900-лѣтіе крещенія Руси». 1888. Ш, 250.
«Внутренняя жизнь в ходъ развитія И. С. Аксакова по его письмамъ». 1889, I, 284.
«Богатырскій сонъ». 1889, П, 305.
Можайскаго, И.: «Ничего». 1886, IV, 180.
Мордовцева, Д. Л.: «О личности и ученыхъ трудахъ І. І. Первольфа». 1892, I, 458.
Наумовича, прот., І. Г.: «Галицкая Русь». 1888, IV, 269.
«Хлѣбъ нашъ насущный, даждь намъ днесь». 1889, IV, 320.
«Къ тысячелѣтію патріарха Фотія». 1891, Ш, 397.
Неизвѣстныхъ авторовъ: «Не знаетъ міръ какое племя». 1884, П, 31.
«Изобрѣтеніе славянскихъ письменъ» и «Памяти св. Меѳодія». 1885, V, 123.
«Давно-ль славянскій міръ». 1885, VII, 128.
Орнатскаго свящ., Ф.: «Воспитательное значеніе преп. Сергія Радонежскаго». 1892, Ш, 509.
Пальмова, И. С.: «Объ историческомъ значеніи нынѣшняго Велеграда». 1885, П, 78.
«Славянство 1000 лѣтъ тому назадъ и теперь». 1889, П, 300.
«Современный судъ надъ Іоанномъ Гусомъ въ чешскомъ сеймѣ». 1889, IV, 313.
«День блаженной кончины св. Меѳодія и послѣдніе годы такъ называемой Великой Моравіи въ современномъ славянскомъ сознаніи». 1890, Ш, 338.
«Цареградскій патріархъ Фотій и его отношенія къ современному ему славянству». 1890, V, 362.
«Памяти Михаила Іосифовича Кояловича». 1891, VIII, 434.
Папкова, А. А.: «Воинствующій германизмъ». 1892, П, 495.
«Церковныя братства въ Россіи». 1893, I, 536.
Петрова, А. Л.: «Среди словаковъ». 1885, VII, 128.
Погодина, А. Д.: «Настоящее и прошлое червонноруссовъ». 1890, IV, 353.
Полонскаго, І. П.: «15 іюля 1888 г.». 1888, Ш, 254.
«По случаю избранія его почетнымъ членомъ Общества». 1888, IV, 266.
«Черногорскій ключъ». 1890, П, 332.
Пономарева проф., А. И.: «1000-лѣтіе блаженной кончины Фотія, патріарха цареградскаго». 1891, П, 386.
Преображенскаго, свящ., В. Х.: «Святѣйшій Фотій, цареградскій патріархъ». 1891, П, 380
Ристича, Іована: «О величіи Россіи». 1885, Ш, 92.
Ровинскаго, П. А.: «Значеніе правленія владыкъ въ Черногоріи». 1886, Ш, 153.
Розенгейма, М. П.: «Въ годы скорбные». 1884, П, 31.
«6 апрѣля 885—1885г.». 1885, Ш, 118 и 1891, IV, 410.
«Мы шли путемъ». 1885, VII, 128.
«Памяти И. С. Аксакова». 1886, Ш, 167.
«Раскольникъ». 1891, VIII, 433.
Саблера, В. К.: «Въ собраніи Общества 15 ноября 1884 г.». 1884, V, 55.
Случевскаго, К. К.: «Тысячелѣтіе—885—1885 гг.» «св. Кириллъ и Меѳодій». 1885, Ш, 119.
«Достоевскій». 1889, I, 277.
«Два царя». 1890, Ш, 346.
Смирнова, прот., П. А.: «О православіи вообще и въ частности по отношенію къ славянскимъ народамъ». 1893, I, 529.
Соллертинскаго, проф, С. А.: «Памяти равноапостольнаго святителя Меѳодія». 1891, IV, 401.
«Нѣсколько словъ о злобѣ дня». 1892, I, 543.
«Памяти препод. Сергія Радонежскаго». 1892, Ш, 513.
Страхова, Н. Н.: «О книгѣ Россія и Европа» Н. Я. Данилевскаго. 1886, IV, 181.
Товта, свящ.: «Русскіе поселенцы и успѣхъ православія въ Сѣверной Америкѣ». 1892, П, 479.
Тютчева, Ѳ. И.: «Гусъ на кострѣ». 1886, IV, 184.
Уманова-Каллуновскаго, В.: «Великанъ». 1889, П, 305.
Филевича, И. П.: «И. С. Аксаковъ и польскій вопросъ». 1887, I, 192.
«Е. М. Крыжановскій». 1888, IV, 267.
«Подъ хоругвію свв. первоучителей Кирилла и Меѳодія». 1890, IV, 349.

Хрущова, И. П.: «Пѣсня о стародавней порѣ». 1889, V, 361.
Шарапова, С. Ѳ.: «А. А. Кривцовъ». 1891, VIII, 448.
Шляпкина, И. А.: «Памяти О. Ѳ. Миллера». 1889, IV, 307.
«Историческія заслуги препод. Сергія Радонежскаго». 1891, IV, 407.
Янко-Краля, (псевд.): «Панславистъ Людевитъ Штуръ и его ученіе». 1884 IV, 47.

С.

Сборы:
Повсемѣстный въ Имперіи, по Высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію, въ пользу голодающихъ черногорцевъ и другихъ славянъ, нуждающихся по случаю неурожая. 1890, II, 324.
Въ пользу нуждающихся въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ. 1892, I, 458.
Сѣсды:
Сербо-Лужицкой Матицѣ въ Будышинѣ. 1884, III, 47, VI, 69; 1885, I, 70.
Герцу. К. Ю., на устройство въ Петербургѣ русско-славянскаго книжнаго магазина. 1891, I, 378.
Стипендіи, присвоенные:
Имени почившихъ: П. П. Петрова и прот. М. Ѳ. Раевскаго—двумъ изъ постоянныхъ пособій, выдаемыхъ Обществомъ славянамъ, получающимъ въ Россіи образованіе. 1883, III, 24; 1884, III, 47.

Т.

Телеграммы:
Полученныя Обществомъ:
Высочайшія:
Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, изъ Владивостока въ отвѣтъ на телеграмму, посланную Его Высочеству Обществомъ въ Владивостокъ 12 мая 1891 г., по случаю чуднаго избавленія отъ злодѣйскаго покушенія въ Японіи на Его драгоцѣнную жизнь. 1891. VI, 415.
Отъ Министра Императорскаго Двора, изъ Ливадіи, на поздравительную телеграмму отъ Общества Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, въ 25-лѣтіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. 1891, VIII, 429.
Отъ разныхъ лицъ и мѣстъ:
1884, II, 46· 1885, III, 94, 95, 96, 97, 98, 99. 100. 101, 102, 1886, I, 142; 1886, V, 189, 1887, I, 197; 1888, III, 254, 255: 1890, IV, 349; 1891, II, 379, VI, 415, VIII, 430; 1892, I.459, 1892, II, 473.
Посланныя Обществомъ:
Высочайшимъ Особамъ:
Его Императорскому Величеству Государю Императору, по случаю чуднаго избавленія Наслѣдника Цесаревича отъ злодѣйскаго покушенія въ Японіи на Его драгоцѣнную жизнь. 1891, VI, 414.
Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, во Владивостокъ, по случаю возвращенія Его Высочества въ Россію изъ за граничнаго путешествія. 1891, VI, 415.
Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ по случаю 25-лѣтія бракосочетанія Ихъ Величествъ. 1891, VIII, 249.
Его Высочеству НИКОЛАЮ, Князю Черногорскому, по случаю 300-лѣтняго юбилея поэта Гувдулича. 1887, III, 230.
Разнымъ лицамъ и мѣстамъ:
1884. II, 46; 1887, III, 230; 1891, V, 413; 1892, II, 472, 473.

Ч.

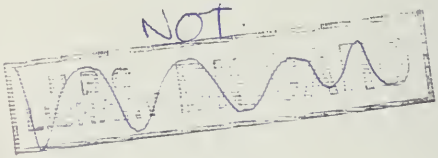
Чествованія:
1000-лѣтія памяти св. Меѳодія. 1885, III, 91, 104 и 105.
900-лѣтія крещенія Руси. 1888 III, 525—258.
1000-лѣтія кончины Фотія патріарха Константинопольскаго. 1891, II, 378.
500-лѣтія со дня преставленія прп. Сергія Радонежскаго. 1892, II, 473, III, 508.
Предположенія о празднованіи 25-лѣтія существованія Славянскаго Общества. 1892. IV, 524.

Ш.

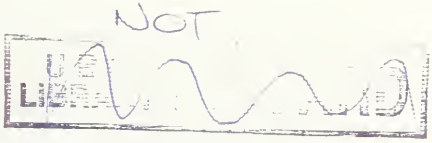
Школа русская въ Константинополѣ. 1890, I. 323.

University of British Columbia Library
DUE DATE

ET-6 BP 74-453



UNIVERSITY OF B.C. LIBRARY
3 9424 02016 2373



THE UNIVERSITY OF
BRITISH COLUMBIA
LIBRARY